

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXVII.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ LXXVII

1899

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1899

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ

ЮЛЬ, 1899

СОДЕРЖАНІЕ.

ЮЛЬ, 1899 г.

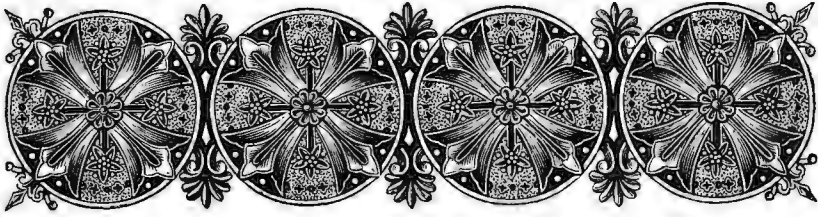
	СТРАН.
I. Владимірскіе Мономахи. Романъ въ четырехъ частяхъ. Четъ третья. I—VIII. Графа Е. А. Саласа. (Продолженіе)	5
II. Записки графини В. Н. Головиной (1766—1820). XV—XVII. (Продолженіе)	39
III. Карты. (Эпизодъ изъ польскаго возстанія 1863 года). Н. М. Васильева	71
IV. Русское знамя въ Средней Азіи. X—XI. (Продолженіе). Г. К.	81
V. Архіерейская ревизія. (Изъ монахъ воспоминаній). М. И. Сацердотова	100
VI. Фридрихъ Сиверсъ. (Изъ исторіи крестьянской реформы въ Лифляндіи). М. Н. С.	127
VII. Въ Святыхъ Горахъ и Псковѣ 26—29 мая. А. И. Фаресова	147
Иллюстраціи: 1) Святія Горы. — 2) Наружная сторона флгеля, гдѣ жилъ Пушкинъ въ с. Михайловскомъ. — 3) Боковая сторона флгеля, въ которомъ жилъ Пушкинъ въ с. Михайловскомъ.	
VIII. Академическій Пушкинъ. Б. В. Никольскаго	178
IX. Дидеро и Екатерина II. В. А. Тимирязева	219
Иллюстраціи: 1) Императрица Екатерина II. — 2) Дидеро.	
X. Монаршее милосердіе. В. Е. Рудакова	236
XI. Шопка, польскій вертепъ. (Историко-этнографическій этюдъ). Г. А. Воробьева	248
Иллюстраціи: 1) Польская шопка. Сцена и персонажи. — 2) Польская шопка. Смерть жида.	
XII. Юбилейная литература о Пушкинѣ. Е. Еленина	264
XIII. Бисмаркъ въ своихъ и чужихъ воспоминаніяхъ. IV—V. (Окончаніе). В. Т.	283
XIV. Критика и библиографія	304

1) Востокъ христіанскій. Александрійская патриархія. Сборникъ матеріаловъ, наслѣдованій и записокъ, относящихся до исторіи Александрійской патриархія. Томъ I. Составленъ епископомъ Порфиріемъ Успенскимъ. Изданіе императорской академіи наукъ подъ редакціей Хр. М. Лопарева. Спб. 1898. г. — 2) А. А. Сидоровъ. Русскіе и русская жизнь въ Варшавѣ (1815—1895 г.). Историческій очеркъ. (Со снимками картинъ, портретовъ и медалей). Вып. I. Варшава. 1899. к. X. — 3) А. Лазаревскій. Очерки, замѣтки и документы по исторіи Малороссіи. Вып. V. Кіевъ. 1899. в. P—ва. — 4) А. В. Смирновъ. Уроженцы и дѣятели Владимірской губерніи, получившіе извѣстность на различныхъ поприщахъ общественной пользы. (Материалы для био-библиографическаго словаря). Вып. 8-й. Владимиръ. 1899. п. Е. щ—ва. — 5) Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ за 1898. Москва. 1899. ан. Ф—а. — 6) Вольтеръ. По Кодлинъ, Ваньеру, Штраусу и др. Изданіе товарищества «Знаніе». Спб. 1899. к. — 7) Сборникъ Археологическаго Института. Книга VI. 1898. Вѣстникъ Археологіи и Исторіи, издаваемый Археологическомъ Институтомъ. Выпускъ XI. Спб. 1899. в. Б—ва. — 8) Иностранные университеты. В. I. Университеты Англии и годы студенчества ея знаменитыхъ людей. Составлено подъ редакціей Л. А. Богдановича. Изданіе Общества распространія полезныхъ книгъ. М. 1899. а. м—на. — 9) Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга XI. М. 1899. в. P—ва.

Варлаамъ, архієпископъ Пензенскій и Саранскій, впоследствии
Тобольскій и Сибирскій.

Дозв. ценз. 26 июля 1899 г. спб.

ВЛАДИМІРСКІЕ МОНОМАХИ¹⁾.

Романъ въ четырехъ частяхъ.

(Посвящается Сергѣю Николаевичу Шубинскому).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

НОГО воды утекло съ того дня, что пораженная и взволнованная Высокса молилась въ церкви почти одновременно на свадьбѣ молодой барышни и на похоронахъ стараго барина.

Если въ дѣйствительности прошло только нѣсколько годовъ, то наоборотъ, по всему судя, казалось, что прошло десятка два, три лѣтъ.

Было часовъ шесть... Послѣ душнаго іюльскаго дня, когда жара уже начала спадать, въ большомъ домѣ-дворцѣ, на улицѣ кругомъ дома и главнаго подъѣзда—всюду была шумливая и веселая суетня, хлопоты, сборы...

Только самъ молодой баринъ Дмитрій Андреевичъ Басманъ-Басановъ сидѣлъ спокойно въ своей спальнѣ, отдѣльно отъ жены и дѣтей, съ прозвищемъ «холостая». Сидя въ креслѣ, у отвореннаго

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», 1899 г., т. LXXVI, стр. 801.

окна, онъ равнодушно, какъ-то лѣнливо и сонно глядѣлъ на улицу, гдѣ кишѣлъ и гудѣлъ народъ, но не сѣрый людъ, а ярко пестрый, нарядный...

На площадкѣ, отдѣлявшей домъ отъ коллегіи, былъ цѣлый людской муравейникъ. Направо тѣснилась цѣлая куча экипажей: коляски, берлины, брички, телѣжки, фуры и даже съ поддюжины простыхъ бѣговыхъ дрожекъ. Всѣ упряжныя лошади были на подборъ статныя, цѣнныя и всевозможныхъ мастей. Налѣво стояла «охота» въ красивыхъ разноцвѣтныхъ кафтанахъ съ позументами: дюжины двѣ верховыхъ съ борзыми на сворахъ и дюжина пѣшихъ съ гончими...

По двумъ сторонамъ подъѣзда выстроилась двумя рядами полусотня диковинныхъ, блестящихъ золотомъ и серебромъ, всадниковъ. Это былъ конвой барина, при его выѣздахъ, въ гусарскихъ красныхъ венгеркахъ, въ причудливыхъ киверахъ и съ волчьими шкурами за плечами на золотыхъ шнурахъ и золотистой подкладкѣ. Нарядъ былъ, конечно, подражаніемъ обмундировкѣ лейбъ-гусарскаго эскадрона гвардіи.

Въ большомъ залѣ, гдѣ попрежнему висѣлъ огромный портретъ императора Петра, тоже было шумно, гулливо... Гости изъ губерніи и даже изъ обѣихъ столицъ, жившіе въ Высокскѣ, приживальщики дворяне и равно главныя охотники изъ крѣпостныхъ—ожидали выхода барина.

Дмитрій Андреевичъ собирался на охоту верстъ за десять отъ Высоксы, гдѣ были самыя лучшія мѣста по изобилію всякой дичи, гдѣ можно было охотиться на зайцевъ и лисицъ, но гдѣ равно начинались необозримыя болота.

Когда солнце было уже на закатѣ и пунцовымъ шаромъ опускалось за озеромъ и лѣсными берегами, утопая въ густой пеленѣ, казавшейся не то пылью, не то дымомъ, вокругъ дома, гдѣ кишѣлъ народъ,—все оживилось еще сильнѣе. Баринъ съ гостями показался на крыльцѣ.

Дмитрій Андреевичъ сѣлъ первымъ въ поданный экипажъ, новую берлину, выписанную изъ Петербурга, и посадилъ съ собой, какъ бывало зачастую, своего любимца и наперсника, грека Михалиса. Послѣ него размѣстились гости по разнымъ экипажамъ, а затѣмъ охотники, свои крѣпостные и чужіе, по всѣмъ телѣжкамъ, бричкамъ и дрожкамъ. И огромный длинный поѣздъ, предшествуемый и сопровождаемый гусарами, двинулся отъ подъѣзда. Въ то же время молодая барыня Дарья Аникитишна была на балконѣ, вновь выстроенномъ надъ подъѣздомъ, и стояла съ двумя маленькими мальчиками и съ своей нянюшкой Матвѣвной. Она проводила мужа, кивая головой, но лицо ея было не оживленное, не веселое, а какое-то безжизненное, не выражавшее ничего, ни печали, ни радости.

Сусанна Юрьевна тоже провожала охотниковъ изъ окна своихъ

комнатъ въ верхнемъ этажѣ... Одинъ изъ гостей, надняхъ пріѣхавшій изъ Москвы, садясь въ экипажъ и отъѣзжая, не спускалъ глазъ съ красивой попрежнему «барышни».

Не прошло получаса послѣ отъѣзда барина, какъ огромный домъ принялъ тотъ видъ, который напоминалъ прежніе годы. Всюду стало тихо... А этого теперь никогда уже не бывало. Только въ прихожей у лѣстницы слышались голоса дежурной дюжины, которая болтала смѣло и бойко.. не такъ, какъ бывало при покойномъ баринѣ... Видъ у дюжины былъ другой, такъ какъ она, на время дежурства, одѣвалась гайдуками въ кафтаны, выписанные изъ Варшавы.

Проводивъ мужа и гостей, Дарья Аникитишна вернулась въ свои апартаменты въ центральной части дома, гдѣ когда-то были гостиныя и за ними комнаты Сусанны Юрьевны... И если всюду водворилась тишина, то здѣсь долго раздавался дѣтскій капризный вой... Старшій сынъ, Олимпій, не хотѣлъ ложиться спать и поужинавъ требовалъ отъ матери тоже ѣхать сейчасъ верхомъ на «лосадкѣ» вслѣдъ за отцемъ. Это былъ любимецъ матери и поэтому сильно избалованный и упрямый ребенокъ. Младшій сынъ, Аркадій, тихій и кроткій мальчикъ пяти лѣтъ, плакалъ только тогда, когда старшій семилѣтній принимался драться съ нимъ и билъ его. А это случалось часто... Уложивъ обоихъ сыновей спать, Дарья Аникитишна вышла въ свою гостиную, гдѣ ее ожидали гости, часто проводившіе у нея вечера.

Тутъ была старуха Бобрищева, молоденькая Лукерья Ильева, майоръ Константиновъ, не измѣнившійся нисколько, и князь Давыдъ Никаевъ съ сестрой Екатериной, красивой брюнеткой... Князю, сильно возмущавшему, казалось теперь за тридцать лѣтъ. Тотчасъ же всѣ усѣлись за карты, и началась игра на орѣхи—въ мельники, въ поддавки и въ «зѣвашки» любимую игру молодой барыни, заставляющую ее много смѣяться, такъ какъ старые Бобрищева и Константиновъ постоянно «прозѣвывали» свои взятки.

Около девяти часовъ гости уже поднялись и простились съ барыней.

— Небось сейчасъ же крѣпко уснете? — сказалъ ей князь Давыдъ, прощаясь.

— Нѣтъ... Я еще обожду ложиться, — какъ-то странно отозвалась Дарья Аникитишна, потупляясь и какъ бы смущаясь. Даже голосъ ея звучалъ какъ-то виновато.

Когда гости вышли отъ хозяйки и разошлись по дому, каждый въ свою сторону, князь Давыдъ отпустилъ сестру одну на ихъ половину въ правое крыло дома, а самъ вызвался проводить хорошенькую Лушу Ильеву въ ея квартиру въ нижнемъ этажѣ дома.

Давыдъ сильно ухаживалъ за дѣвушкой съ тѣхъ поръ, что снова вернулся въ Высоксу послѣ долгаго отсутствія, и всѣ обыва-

тели ждали новой свадьбы. Одна Луша не ждала ничего и совершенно не могла понять поведенія съ ней князя... При всѣхъ князь не отходилъ отъ нея и любезничалъ, вель сладкія рѣчи, а наединѣ былъ сдержанъ, говорилъ, что никого, никогда не полюбитъ и, конечно, никогда не женится...

Когда Давыдъ довель дѣвушку до дверей ея квартиры и простился, Луша молвила ему вслѣдъ...

— Смотрите, Давыдъ Анатольевичъ... Одни теперь пойдете чрезъ залу... Вѣдь все пусто... На охотѣ всѣ...

— Такъ что же? — спросилъ князь, притворяясь удивленнымъ, такъ какъ понималъ намекъ дѣвушки.

— Не боитесь?.. Знаете вѣдь, что тамъ ночью приключается зачастую.

— Все это враки, Лукерья Васильевна. Выдумки людскія... и даже грѣшныя выдумки,—сурово отвѣтилъ Давыдъ.

— Всѣ такъ-то сказываютъ, — извинилась дѣвушка. — И много кто видѣлъ.

— Мертвые ходить не могутъ. А если ходятъ, — вдругъ усмѣхнулся князь, — тѣмъ лучше для насъ.

— Какъ такъ?!

— Стало быть, и мы тоже, померевъ, будемъ гулять на свѣтѣ... Чѣмъ мы съ вами хуже другихъ, помершихъ?..

И князь Никаевъ, ухмыляясь, двинулся снова...

Въ то же время, когда весь домъ погружался въ тьму, на верхнемъ этажѣ, въ комнатѣ, гдѣ когда-то происходилъ приемъ просителей старикомъ Басановымъ, былъ еще яркій свѣтъ. Здѣсь теперь была большая богато отдѣланная спальня. Сусанна Юрьевна по своей давнишней и неизмѣнной привычкѣ лежала на полу на мягкомъ персидскомъ коврѣ, а около нея сидѣлъ тоже на полу молодой и красивый малый лѣтъ двадцати съ небольшимъ. Это былъ Бобрищевъ, новый обыватель Высоксы, родственникъ старухи, давнишней приживальщицы въ домѣ.

Молодая женщина была въ легкомъ желтомъ шлафрокѣ изъ тонкой шелковистой и золотистой матеріи, эффектно отгѣнявшей ея матовый цвѣтъ лица, большіе черные глаза и густыя косы, разсыпанныя по плечамъ и по красной шелковой подушкѣ... Она лежала на спинѣ, закинувъ руки подъ голову и задумавшись.

Бобрищевъ уже нѣсколько разъ заговаривалъ, но Сусанна не слыхала и не отвѣчала.

— Что же?! Скажите прямо! — вдругъ рѣзко и громко выговорилъ молодой человекъ. — Скажите, что надоѣлъ вамъ... И конецъ!

— Ахъ, отстань, пожалуйста... — едва слышно и равнодушно отовзвалась Сусанна.

И снова наступило молчаніе.

Въ это же время Дарья Аникитишна сидѣла у себя одна и по-

нурясь думала свою думу, тяжелую, давнишнюю, все ту же... Она вспоминала прошлое, невозвратимое и одинъ свой роковой шагъ повліявшій на все ея существованіе...

Зачѣмъ когда-то не стала она противиться? Когда отецъ былъ въ гробу, она оказалась полной и единственной владѣлицей всего состоянія и могла устроить свою судьбу по-своему... выбрать въ мужья того же князя Давыда. А она, по одному слову Сусанны Юрьевны, собственно дальней родственницы, поѣхала покорно въ церковь и обвѣчалась съ Басановымъ.

Теперь она уяснила себѣ очень многое и поняла, что была игрушкой.

Около полуночи весь домъ былъ темень и спалъ глубокимъ сномъ. Только два края дома были по заведенному обычаю освѣщены: прихожая, гдѣ дежурила дюжина, и большой залъ съ портретомъ великаго императора... Среди тишины ночи и тьмы, кто-то тихо двигался изъ праваго крыла дома и, появясь въ дверяхъ залы, остановился, осторожно озираясь и прислушиваясь.

Это былъ старикъ, гладко остриженный подъ гребенку съ сильной сѣдиной. Онъ былъ въ длинномъ черномъ кафтанѣ, въ мягкихъ бархатныхъ сапожкахъ, беззвучно скользившихъ по паркету, и съ большимъ костьюлемъ въ правой рукѣ.

Не узнать было бы трудно! Ночной посѣтитель былъ самъ, въявь, именно онъ—Аникита Ильичъ—суровый и грозный старикъ, страшно погибшій отъ руки убійцы...

II.

Прошло около восьми лѣтъ со смерти Аникиты Ильича... И не только теперь, но и за самое первое время, когда стараго барина замѣнилъ молодой, Высокса сразу измѣнилась настолько, что ничего узнать было нельзя. Казалось, въ ней стало люднѣе, потому что было вольнѣе и веселѣе, всѣмъ дышалось легче. Хотя стараго барина и любили, считая его добрымъ и справедливымъ, но теперь будто поняли, что у Аникиты Ильича рука была во истину тяжелая.

Разумѣется, Дмитрія Андреевича обожали, за то нисколько не боялись и даже не слушались. Единственная личность, которая внушала еще нѣкоторый страхъ, и которой всѣ повиновались, была Сусанна Юрьевна. Съ того самаго дня, что молодые господа, повѣнчавшись въ церкви,—покуда старый баринъ былъ еще на столѣ,—пріѣхали въ домъ, а Сусанна Юрьевна хозяйкой приняла ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ принимала поздравленія всѣхъ, а затѣмъ тотчасъ же занялась похоронами дяди,—съ этого дня всѣ почувяли, что не молодой баринъ Дмитрій Андреевичъ, а она—барышня Сусанна Юрьевна, будетъ властнымъ лицомъ въ Высоксѣ.

И теперь, черезъ восемь лѣтъ, предположенія оправдались... Если Высокса, перейдя отъ грознаго Аникиты Ильича въ руки добродушнаго Дмитрія Андреевича, не распаталась совсѣмъ, то, конечно, благодаря «барышнѣ». Всякое утро молодой Басановъ принималъ всѣхъ — и докладчиковъ, и просителей, какъ, бывало, старикъ, но, конечно, все это по мѣрѣ возможности старался сократить. И занятія дѣлами по заводамъ никогда не продолжались болѣе часу. Объѣздовъ всѣхъ заводовъ молодой Басановъ, конечно, совсѣмъ не дѣлалъ. И всѣ въ Высоксѣ — отъ главныхъ заправиль до послѣдняго заводскаго крестьянина — знали, что отъ молодого барина зависятъ пустяки, мелочи, во всякомъ же важномъ дѣлѣ онъ идетъ за совѣтомъ къ барышнѣ.

Равно всѣ знали, что когда пріѣдетъ кто въ Высоксу по важному дѣлу или съ большимъ казеннымъ заказомъ, даже если пріѣдетъ купецъ изъ Нижняго, то для виду всѣ толкуютъ съ баринномъ. Но отвѣта Дмитрій Андреевичъ никогда тотчасъ не даетъ — просить обождать. Только на утро дастъ онъ отвѣтъ, который идетъ, конечно, отъ барышни.

И дѣйствительно, Сусанна въ первый же годъ поняла, что оставлять молодого Басанова управлять всѣмъ поведетъ къ бѣдѣ. И лѣнь его, и добродушіе, и легкомысліе, — если ему дать волю, — приведетъ все въ полный беспорядокъ. Наконецъ, кромѣ того, Дмитрій Андреевичъ начиналъ все болѣе тратить деньги. Году не прошло, что онъ женился, какъ уже началъ швырять червонцами, какъ копейками. И чѣмъ далѣе, то болѣе...

Послѣ смерти Аникиты Ильича оказались капиталы. Теперь ихъ не было! Разныя затѣи молодого барина и двѣ поѣздки въ Петербургъ, о которыхъ даже въ Невской столицѣ заговорили, стоили громаднхъ суммъ. Сусанна видѣла теперь, къ чему идетъ дѣло.

Дымъ коромысломъ! Охота, вино, карты, всякія затѣи, масса гостей, чередовавшихся въ домѣ и не только жившихъ на счетъ Басанова, но и занимавшихъ у него деньги, — все это, ежегодно усиливающееся, могло наконецъ привести путаницу въ дѣлахъ, а заводы въ упадокъ.

Сусанна всячески сдерживала Дмитрія Андреевича, насколько могла, и сначала онъ слушался ее, даже какъ будто побаивался, но за послѣднее время, по выраженію Анны Фавстовны, началъ «отбиваться отъ рукъ». Разговоры, совѣты и убѣжденія уже не вели ни къ чему.

Сусанна часто смущалась, но теперь кончила разсужденіемъ, что какое же ей собственно дѣло, если все начнетъ разваливаться? Впрочемъ, послѣ тяжелой, скучной жизни подъ гнетомъ старика-дяди она сама рада была вздохнуть свободнѣе, перестать стѣсняться въ своихъ прихотяхъ. Ей тоже были сначала по сердцу гости, пиры и всякія затѣи. Но она знала предѣлъ новому образу жизни въ Высоксѣ,

тогда какъ Дмитрій Андреевичъ этого предѣла даже не чуялъ. Онъ не понималъ или не хотѣлъ понять, что если дѣла заводовъ запутаются, явятся долги, то эту страшно-сложную машину, которая распатается, мудрено будетъ справить. И, конечно, не ему подь силу!

Машина эта могла удивительно дѣйствовать въ рукахъ Аникиты Ильича, встававшаго съ разсвѣтомъ и до разсвѣта и входившаго во всякую мелочь. Теперь же только что либо очень важное доходило до Сусанны Юрьевны и вершилось по ея совѣту. Масса мелочей не доходила даже до Дмитрія Андреевича и рѣшалась разными способами.

Разумѣется, такія личности, какъ Барабановъ, Пастуховъ и другіе, вновь попрежнему занимавшіе свои должности, были уже не тѣ, что при старомъ баринѣ. Они и жили иначе. Всѣ веселились такъ же, какъ баринъ, всякій на свой ладъ и, конечно, гораздо менѣе занимались дѣлами. Въ коллегіи бывали постоянно серьезные, важные недосмотры и оплошности, а отъ нихъ путаница, отзывавшаяся даже иногда на производствѣ и сбытѣ. Года съ два назадъ крупный казенный заказъ въ Москву запоздалъ и, не будучи поставленъ въ срокъ, заставилъ заводское управленіе заплатить казнѣ около ста тысячъ неустойки. Сусанна ахнула. Дмитрій Андреевичъ отнесся къ дѣлу ребячески. На требованіе ея—тотчасъ смѣстить Барабанова, онъ согласился. Коллежскій правитель вслѣдствіе своей безопасности былъ главнымъ виновникомъ и кругомъ виноватъ. Была прямая связь между уплатой неустойки казнѣ и его двухнедѣльнымъ пированіемъ по поводу свадьбы дочери. Но затѣмъ вслѣдствіе слезныхъ моленій всей семьи Барабановыхъ онъ оставилъ виновнаго попрежнему коллежскимъ правителемъ. И все пошло по-старому...

Но главное, что смущало Сусанну, были двѣ вновь пріобрѣтенныя Басановымъ привычки: вино и карты. Онъ пилъ все больше. Ужины уже не бывали, какъ прежде, общіе со всѣми приживальщиками въ большой залѣ. Въ домѣ бывало два ужина: одинъ по-прежнему, на которомъ предсѣдательствовала Дарья Аникитишна, а съ ней и «барышня», другой же въ отдѣльныхъ апартаментахъ барина, который длился ежедневно до полуночи и былъ собственно кутежомъ и попойкой.

Когда-то за полночь большой домъ-дворецъ бывалъ темень, все въ немъ давно спало, а кто и не спалъ, тотъ велъ себя тихо, зная, что грозный баринъ уже давно почиваетъ. Теперь же случилось, что въ часъ и въ два ночи въ домѣ еще былъ гулъ. Послѣ ужина и вина гудѣли дикіе голоса, начинались карты. Разумѣется, въ числѣ гостей, губернскихъ и столичныхъ, бывали личности сомнительныя. Не было въ Россіи ни одного знаменитаго картежника или шулера, который бы не заглянулъ въ Высоксу попользоваться отъ щедротъ богача и добряка Басманъ-Басанова.

Нѣсколько разъ Дмитрію Андреевичу случилось проиграть очень

крупные куши, и въ этомъ отношеніи Сусанна добилась только одного: Басановъ далъ ей слово и держалъ его покуда—за одинъ вечеръ дальше десяти тысячъ рублей не ходить и отыгрываться только на другой день.

Этотъ образъ жизни уже нѣсколько дѣйствовалъ на молодого Басанова. За восемь лѣтъ онъ сильно пополнѣлъ и обрюзгъ. Ему можно было дать подъ сорокъ лѣтъ. Казалось, что попойки, гдѣ выпивалось большое количество венгерскаго вина, дѣйствовали на него сильнѣе, чѣмъ на кого либо. Иарѣдка, раза три въ году, онъ начиналъ хворать, валался въ постели по недѣлѣ, и два домашнихъ доктора, замѣнившихъ прежняго Веніуса, прямо объясняли его хвораніе невоздержной жизнью и въ особенности виномъ.

Если все измѣнилось въ Высоксѣ, и всѣ обитатели тоже измѣнились, то было одно существо, которое оставалось попрежнему то же: тихое, кроткое, будто забитое, вѣрнѣе, незамѣчаемое никѣмъ. Это была молодая барыня Дарья Аникитишна, истинная владѣлица всего. Но Высокса какъ-то забыла объ этомъ. Всѣмъ казалось, что заводы какъ будто всегда принадлежали барину Дмитрію Андреевичу.

И только главные заправилы знали, помнили и иногда объясняли другимъ, что по закону Дарья Аникитишна—настоящая владѣлица, и что въ важныхъ случаяхъ безъ ея подписи даже ничего подѣлать нельзя. Будь она другая женщина и завтра пожелае все забрать въ руки, то, конечно, всѣ по ея дудкѣ плясать пойдутъ.

Въ жизни прежней Дарьюшки была, однако, огромная перемѣна. При ней было двое дѣтей—два сына. Мать была постоянно съ ними, отъ зари до зари возилась съ мальчиками, балуя ихъ страшно.

Отношенія ея къ мужу были странныя. Первое время послѣ брака она много плакала, но затѣмъ если не примирилась съ своей долей, то просто привыкла.

И только года съ полтора тому въ ея душѣ снова возникъ разладъ...

Человѣкъ, котораго она когда-то тихо и кротко, но по-своему пылко, любила,—послѣ долгаго отсутствія снова появился въ Высоксѣ—князь Давыдъ Никаевъ...

III.

Если «барышня» въ глазахъ обитателей Высоксы замѣнила въ нѣкоторомъ смыслѣ стараго барина, то на это съ самаго начала повлияла и маленькая подробность. Спустя мѣсяца два послѣ смерти Аникиты Ильича, молодые супруги пожелае переселиться изъ праваго крыла дома въ центральную часть его, слѣдовательно, занять и комнаты Сусанны.

Дмитрій Андреевичъ предложилъ ей въ свою очередь занять комнаты старика-дяди. Сначала Сусанна отказалась наотрѣзъ. Она не

могла себѣ представить, какъ рѣшится она помѣститься въ этихъ комнатахъ, гдѣ погибъ старикъ по ея милости... Вѣдь она дала согласие! Отъ нея Змглодъ потребовалъ одного слова или хотя бы только молчанія.

И поэтому, конечно, суевѣрный страхъ, если не угрызенія совѣсти, останавливали ее. Однако не даромъ умная женщина была, по выраженію Анны Фавстовны, «отчаянная». Она подумала и согласилась.

Разумѣется, въ этомъ верху все отдѣлали заново, а главное совершенно передѣлали двѣ комнаты—спальню и уборную. Одна стѣна была выломана и именно такъ выломана, что многіе не понимали, что за странная прихоть у барышни. А прихоть была простая: Сусаннѣ хотѣлось, чтобы то мѣсто у стѣны, гдѣ стояла кровать дяди, на которой погибъ онъ отъ руки Змглода, очутилось бы среди большой комнаты. Однимъ словомъ, чтобы ничто не напоминало прежней спальни старика, чтобы она исчезла.

Наконецъ, Сусанна перемѣнила расположеніе комнатъ настолько, что спальня ея приходилась въ той самой комнатѣ, гдѣ былъ приемъ просителей, и гдѣ много лѣтъ тому назадъ она сама сидѣла въ ожиданіи... какъ приметъ ее дядя, страшный богачъ, и останется ли она въ Высокѣ властвовать. И именно на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ когда-то сидѣла она, двадцатилѣтняя замѣчательная красавица, и ждала рѣшенія своей участи, теперь поставила она свою постель. Выходъ въ коридоръ былъ уничтоженъ, стѣна замурована, а въ другомъ мѣстѣ пробита для новой двери прямо въ кабинетъ.

Когда Дмитрій Андреевичъ затѣялъ перенести отъ апартаментовъ старика дяди на противоположный уголъ дома пресловутую «винтушку», то Сусанна однако воспротивилась. Она заявила, что лѣстница, какъ свой отдѣльный выходъ на улицу, ей будетъ удобна. Дмитрій Андреевичъ молча и пытливо глянулъ ей въ лицо. Сусанна встрѣтила его взглядъ упорнымъ, но лукавымъ взглядомъ, и онъ первый опустилъ глаза.

— Вѣдь ты женатъ,—сказала она.—Стало быть, теперь я все одно, что вдова!

И чугунная лѣстница осталась на своемъ мѣстѣ.

Разумѣется, первое время въ этомъ помѣщеніи, гдѣ все-таки кое-что напоминало грознаго основателя и повелителя Высокы, женщинѣ было, конечно, жутко. «Владимірскій Мономахъ» былъ такая своеобразная и крупная личность, что не могъ не отпечатлѣться надолго въ умахъ всѣхъ его знавшихъ.

Странная внезапная смерть суроваго старика прибавила тоже что-то особенное къ его облику. Вслѣдствіе этого, вскорѣ же послѣ его смерти въ большомъ домѣ создалось повѣрье. Старый баринъ ходилъ по дому, и многіе его видѣли! По крайней мѣрѣ, раза два-три въ годъ видѣли Аникиту Ильича, или идущаго по анфиладѣ

парадныхъ гостинныхъ, или сидящаго гдѣ либо, или спускающагося по лѣстницѣ, какъ бывало на прогулку.

Каждый разъ, что появлялись эти розказни, Сусанна требовала отъ Дмитрія Андреевича строжайшаго наказанія болтуновъ. Она, конечно, не вѣрила въ возможность подобнаго, но тѣмъ не менѣе помѣщаться именно въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ онъ жилъ, ей стало еще непріятнѣе.

Всѣ эти розказни были не вполнѣ выдумкой. Извѣстнымъ образомъ настроенное воображеніе всѣхъ обитателей заставляло ихъ видѣть стараго барина и вѣрить въ свое видѣніе.

Не одна лишь прислуга, но кое-кто изъ приживальщиковъ тоже видѣлъ покойнаго барина. Константиновъ, самый степенный изъ всѣхъ нахлѣбниковъ, божился, что однажды ввечеру, когда онъ, напившись чаю, собирался ложиться спать, къ нему въ маленькую комнату, освѣщенную лишь одной лампадкой у кіота, вдругъ вошелъ Аникита Ильичъ.

— Можетъ, и такъ, зря показалось,—объяснялъ Константиновъ.— Но только, Богомъ божусь, не лгу. Отъ страха я чуть не хлопнулся замертво.

Затѣмъ явилось одно обстоятельство, которое замѣтили не сразу, но когда всѣ убѣдились въ немъ, то оно прибавило загадочности, возбудило и нѣкоторое смущеніе. Умный человѣкъ, пожалуй, самый умный въ Высокѣ и ужъ, конечно, не трусъ, Денисъ Ивановичъ Змглюдъ, пересталъ бывать въ домѣ съ той минуты, что зажигались огни.

И если жизнь въ Высокѣ шла веселѣе и съ каждымъ годомъ все шумнѣе и шире, то все-таки повѣрье о старомъ баринѣ, ходящемъ по ночамъ по своему большому дому, нѣсколько отравляло существованіе всѣхъ. Отъ самого Дмитрія Андреевича и до послѣдняго мальчишки въ дворнѣ никто не любилъ въ ночное время проходить безконечную вереницу апартаментовъ и комнатъ.

Только два существа относились къ повѣрью отрицательно. Первая была Дарья Аникитишна.

— Грѣхъ такъ сказывать про батюшку родителя,—говорила она всѣмъ укоризненно и даже обижаясь.—Онъ былъ добрый, справедливый, только строгій. Грѣха на немъ почти не было, и душенька его могла въ рай пойти...

И дѣйствительно, Дарьюшка не боялась проходить одна, хотя бы и въ полночь, по всему дому и не вѣрила совершенно, чтобы душа ея отца «мытарствовалала».

Другая была Сусанна, которая просто не вѣрила въ возможность привидѣній. Иногда, чувствуя необъяснимый трепеть, въ особенности когда она оставалась ночью одна въ этихъ его собственныхъ комнатахъ, она вдругъ возмущалась сама на себя, и страхъ мгновенно переходилъ въ гнѣвъ.

— Ну, увижу!..—воскликнула «отчаянная» вслухъ, гнѣвно озираясь кругомъ себя.—Что-жь?! Я виновата лишь тѣмъ, что промолчала...

И она увѣряла себя, что была поставлена въ безвыходное положеніе. Могла ли она, отдавъ старику всю свою молодость, тоскливо, даже тяжело проживъ столько лѣтъ подъ его указкой, вдругъ примириться съ изгнаніемъ, идти на всѣ четыре стороны, нищей, по міру, съ сумой?..

— Конечно. Только промолчала!—утѣшалась Сусанна.—А Змглодь пошелъ на это для себя же самого. Ради Аллы...

Однако, перейдя въ комнаты Аникиты Ильича, она въ отвѣтъ на вздохи и нытье Угрюмовой объяснила ей кратко и строго:

— Если когда здѣсь въ комнатахъ привидится вамъ дядюшка, то знайте, Анна Фавстовна... На другой же день вы выйдете съ Высоксы! Въ этомъ боюсь вамъ передъ Богомъ!..

Сусанна знала, что дѣлала. Анна Фавстовна не могла уразумѣть, какимъ образомъ можно наказать человѣка за то, что онъ мертвеца съ того свѣта увидалъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ женщина, поселившись въ этихъ страшныхъ комнатахъ, боялась теперь увидать Аникиту Ильича не потому, что онъ — мертвецъ, а потому, что ее прогонять съ Высоксы. И она рѣшила:

«Лучше помру отъ страха. Ротъ кулакомъ заткну, а кричать не стану!»...

И однажды, чрезъ полгода послѣ перехода на верхъ, Сусанна нашла Анну Фавстовну вечеромъ въ гостиной на креслѣ въ странномъ видѣ. На тревожный вопросъ ея: что случилось? Угрюмова, полумертвая отъ страха, отвѣчала, что ей нездоровится.

Въ дѣйствительности женщина видѣла... «Да вѣдь какъ? Воочію!» Видѣла, какъ отворилась дверь, и вошелъ Аникита Ильичъ... Она задохнулась, крѣпко зажмурила глаза и заткнула себѣ ротъ пальцами, чтобы не кричать.

Сусанна догадалась и насупилась.

— Надо что нибудь придумать!—рѣшила она.

Чрезъ недѣлю, въ сумерки, страшный переполохъ въ квартирѣ дѣвицъ Тотолминыхъ, поднялъ весь домъ на ноги. Старыя дѣвицы были пріятельницы Угрюмовой и проводили цѣлые дни вмѣстѣ. И обѣ онѣ ежедневно бесѣдуя съ Анной Фавстовной о «наважденіи», съ ней приключившемся, разумѣется, вскорѣ же и сами увидѣли покойника. Случай этотъ окончательно смутилъ всю Высоксу и тѣмъ паче, что старыя дѣвицы обѣ, да еще одновременно, заразы увидали Аникиту Ильича, какъ живого, у себя въ комнатахъ, а не въ залѣ.

И тогда Сусанна Юрьевна круто взялась за дѣло. Переговоривъ съ Басановымъ, призвавъ на совѣтъ Змглода и еще двухъ-трехъ лицъ, она уговорила добродушнаго Дмитрія Андреевича дать всѣмъ на Высоксѣ «острастку». Двѣ старыя дѣвицы получили четыре

тысячи и были тотчасъ изгнаны изъ дома и изъ вотчины. Тотол мины, обливаясь слезами, несмотря на подарокъ, выѣхали... и съ горя сознавались, что имъ эдакое, можетъ, и почудилось зря...

Затѣмъ Сусанна Юрьевна настояла на томъ, чтобы былъ объявленъ изъ канцеляріи строжайшій указъ всѣмъ обитателямъ дома. Онъ былъ слѣдующаго содержанія:

«Дабы праздные языки и блазни не смущали людей и не оскорбляли вѣчной и блаженной памяти стараго барина, то первый, кто не ложно, искренно, но изъ глупаго страха, увидитъ что либо памяти Аникиты Ильича обидное, или тѣмъ паче будетъ таковое измышлять ради грѣшнаго и кощунственнаго соблазна и потѣшничества, то онъ, если приживальщикъ, будетъ немедленно удаленъ съ Высоксы, а если онъ свой человѣкъ—дворовый или крестьянинъ, то будетъ нещадно наказанъ розгами или сданъ въ солдаты».

Сусанна знала, что дѣлала, но все-таки сознавалась сама себѣ, что у нея полной увѣренности въ успѣхъ нѣтъ, а что это только проба. Прошло съ приказа только два мѣсяца... Всѣ подняли голову и глядѣли веселѣе...

Угроза подѣйствовала... А чрезъ годъ или два и самое повѣрье было забыто. И такъ прошло семь лѣтъ.

Но вдругъ, съ годъ тому назадъ, Богъ вѣсть почему, неожиданно, непонятно... Аникита Ильичъ сталъ снова «ходить». И уже не такъ, какъ прежде! Теперь видали его очень часто, но почти всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ, въ большомъ залѣ, около портрета великаго императора. Видали его дежурные и рунты и всегда около полуночи. Повторялось это раза два въ мѣсяць. При этомъ самые степенные люди, самые умные, тоже видали. Наказаніе слѣдовало за наказаніемъ. Каждый разъ кто нибудь изгонялся изъ дому, изгонялся совсѣмъ съ Высоксы, наказывался розгами, сдавался въ солдаты, ссылался на поселеніе... Сусанна упорно боролась и тщетно.

Старый баринъ все-таки «ходилъ»!..

Наконецъ, всѣми уважаемый дворовый, прежній буфетчикъ, Спиридонъчъ, семидесятилѣтній богобоязненный и богомольный старикъ, тоже однажды, переходя большую залу около полуночи, хлопнулъ на паркетъ безъ чувствъ. Когда кто-то изъ дежурной дюжины нашелъ его и привелъ въ чувство, старикъ, плача и крестясь и не боясь кары, заявилъ, что онъ видѣлъ барина Аникиту Ильича въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя и самъ будетъ просить господъ удалить его изъ дому и дозволить послѣ такого страшнаго дѣла поступить въ монастырь.

И всѣ обитатели, не только дворня, не только рунты, не только нахлѣбники, но и сами господа, еще недавно изрѣдка подшучивавшіе надъ прежнимъ хожденіемъ Аникиты Ильича, теперь вдругъ были очевидно тоже сильно смущены. Шутить никто не отваживался. Сусанна же задумывалась и тайно обумывала предлогъ,

чтобы переселиться изъ своихъ «его» комнатъ въ другую часть дома.

Однако умная женщина все-таки дивилась несказанно и недоумѣвала: Почему же теперь часто видятъ? Почему всегда въ залѣ, внизу? Тамъ онъ проходилъ только во времена оны къ его сыну Алексѣю, когда тотъ умиралъ, или проходилъ на свою ежедневную прогулку. Почему же здѣсь, гдѣ онъ провелъ всю свою жизньъ, въ этихъ самыхъ комнатахъ его никогда никто не видалъ? Анна Фавстовна была не примѣръ. Когда она, тому уже болѣе семи лѣтъ, обмерла и закричала, то ея горничная, уже годъ спустя, совналась Сусаннѣ Юрьевнѣ, что подобное случилось изъ-за ея спалости. Она Угрюмову цѣлый вечеръ «науськивала», все повторяла ей: «увидите, да увидите». А затѣмъ, надѣвъ кафтанъ и «сдѣлавъ рожу», явилась къ ней въ комнату и стала мычать... Въ чемъ именно нашла Угрюмова сходство между нею и старымъ бариномъ, было неизвѣстно. И мало ли тогда, семь лѣтъ тому назадъ, могло быть подобныхъ шалунновъ, пугавшихъ народъ.

Теперь было не то... Теперь происходило что-то дѣйствительно загадочное, когда даже строжайшее наказаніе не дѣйствовало на самыхъ степенныхъ людей.

— Что же это?—часто думала и говорила себѣ Сусанна.

Дмитрій Андреевичъ относился къ дѣлу особенно, тоже какъ-то безопасно. Иногда онъ подшучивалъ:

— Намъ что же бояться? Вѣдь дядюшку видають больше холопы. Намъ онъ не является. Стало быть, онъ самъ насъ боится.

IV.

На другой день послѣ отъѣзда Басанова на охоту, Сусанна Юрьевна рано утромъ приняла по дѣламъ заводскихъ, нѣсколько человекъ. Такъ бывало всегда, когда Дмитрій Андреевичъ находился въ отсутствіи. Затѣмъ она собралась на прогулку въ садъ, но Анна Фавстовна доложила ей объ Змглодѣ. Сусанна нѣсколько удивилась, такъ какъ Змглодь, бывая у нея изрѣдка, всегда приходилъ передъ обѣдомъ, причемъ всегда приглашался ею къ столу, чего никогда не бывало при старикѣ Басановѣ.

Змглодь вошелъ и былъ на видъ угрюмъ. Видно было, что онъ пришелъ не запросто...

— Здравствуй, Денисъ Ивановичъ!— встрѣтила его Сусанна.— Что такъ рано?

— Дѣло, барышня...

— Дѣло?..— удивилась она.— Что пожелаешь? Тебѣ, знаешь, отказа не бываетъ и быть не можетъ.

— Дѣло не мое, а ваше, барышня! Я не просить пришелъ, а предупредить.

— Вотъ какъ!.. — еще болѣе удивилась Сусанна и, посадивъ Змглода, сѣла противъ него, съ удивленіемъ глядя на его суровое и угрюмое лицо.

— Дѣло важное... важнѣющее, Сусанна Юрьевна! И прежде всего скажу, не робѣйте!

— Я не изъ робкихъ!—усмѣхнулась она.

— Знаю! Ну, а все-таки можете оробѣть.

— Бѣда что ли какая случилась?

— И бѣда, и не бѣда! Все дѣло въ томъ, чтобы дѣло взять въ руки. Нѣкій человѣкъ, Сусанна Юрьевна, явленъ опять въ Высокѣ...

— Кто?! Какъ?!

— Да проявился! Видѣли его уже два раза и, по старой привычкѣ, пришли прямо ко мнѣ съ докладомъ. Хотя я уже больше порядками и не заправляю, но вашъ новый оберъ-рунтъ плоховать, больше кутить да пьянствуетъ. Когда что важное, то ко мнѣ идутъ люди. Вотъ и теперь пришли. Мнѣ вчера донесли, а я къ вамъ! Вы гулять собирались въ садъ, да еще, пожалуй, въ самые дальніе края сада. Ну, вотъ и хорошо, что во время я подоспѣлъ... Гулять-то эдакъ, одни, теперь отложите!

— Что ты, Денисъ Ивановичъ?!—изумилась Сусанна.

— Такъ, барышня! Неужто вы до сихъ поръ не смекнули, кто таковъ проявился въ Высокѣ?

— И ума не приложу, про кого сказываешь.

— А кого вамъ на семь свѣтѣ слѣдъ опасаться? Слава Богу, такихъ только одинъ.

Сусанна молча глядѣла въ лицо Змглода и вдругъ, широко раскрывъ глаза, вымолвила чуть слышно:

— Неужто онъ?..

— Онъ самый, барышня!

Наступило молчаніе.

— Анька?..—вымолвила она наконецъ.

— Да-съ! Кого же другого опасаться. Спасибо, кромѣ него, никто злобы на васъ не имѣетъ.

— Зачѣмъ онъ явился, Денисъ Ивановичъ? Зачѣмъ?

— Не на доброе дѣло!

— Что же дѣлать? Научи. Подумай.

— Думалъ я объ этомъ, барышня, всю ночь. И ничего не надумалъ... Вѣдь законъ-то теперь противъ насъ.

— Какъ такъ?

— Да вѣдь онъ вольный! Его тогда Аникита Ильичъ не только на волю отпустилъ, а еще далъ денегъ, чтобы онъ въ купцы приписался. Теперь только властямъ можно взять и судить его за

что либо учиненное. А мы за старое дѣло его взять сами не можемъ. Онъ купецъ.

— Ну, это пустое, Денисъ Ивановичъ! Такъ ли, сякъ ли, а намѣстникъ да и весь верхній и нижній судъ у насъ въ рукахъ.

— Вѣрно-то, вѣрно, Сусанна Юрьевна. Самъ знаю. Но все же таки дѣло это мудреное. Мало ли что мы могли завсегда и теперь можемъ съ намѣстническимъ правленьемъ творить. Все, конечно, можно въ обходъ закону или противъ закона. Да не въ этомъ дѣло. А въ томъ, что прежде Гончій нашъ холопъ былъ. Сами могли съ нимъ сдѣлать, что угодно. А теперь проси начальство его ловить. А оно упустишь.

— Какъ же быть, Денисъ Ивановичъ? Нельзя же такъ оставлять. Научи. Возьмись самъ. Вся надежда на тебя.

— И я не отказываюсь, барышня! Ужъ коли противъ закона рѣшится дѣйствовать, такъ розыскать и схватить его самимъ намъ.

— Ну-да. Конечно! Но ты возьмись! На Ильева плохая надежда!

— Возьмусь, говорю. Но вотъ что скажите; ну, словимъ мы его. А словивши, что будемъ мы съ нимъ дѣлать?

Сусанна молчала и вопросительно глядѣла на Змглода.

— Мы сами съ нимъ распорядиться не можемъ. Да и какъ распорядиться? Кто теперь захочетъ грѣшныя дѣла на душу брать, какія я бралъ при Аникитѣ Ильичѣ?

— Сдадимъ въ городъ!—отвѣтила Сусанна.—А я напишу намѣстнику, расскажу, объясню всё его прежнее злодѣйство, буду просить, чтобы отправили въ Сибирь.

— Да-съ. Но вотъ тутъ-то вся и загвоздка!—вымолвилъ Змглодъ рѣшительно.

— Какъ?! Да развѣ онъ не злодѣй? Если я осталась жива, такъ вѣдь совсѣмъ неожиданно. Онъ тотъ же убійца!

— Такъ-то такъ, барышня, но, изволите видѣть, Анька Гончій не таковъ человекъ, какъ другіе! Будутъ его судить и засудятъ, и сошлютъ невѣдомо въ какіе сибирскіе предѣлы. А черезъ годъ онъ опять появится въ Высокеѣ. И будетъ еще хуже. За то время, что я правилъ полицейскими дѣлами, несмотря на всѣ наши строгости, сколько людей, сосланныхъ Аникитой Ильичемъ, все-таки снова изъ Сибири у насъ проявлялись. А теперь не тѣ времена! Теперь ни Дмитрія Андреевича, ни васъ никто не боится. Тутъ все распустилось. Вотъ на счетъ Гончаго я и говорю: будетъ хуже! Теперь онъ проявился и шатается здѣсь невѣдомо зачѣмъ, такъ какъ противъ васъ злоба у него должна быть меньшая... Онъ отплатилъ—вы чуть не померли. А какъ мы его схватимъ, велимъ засудить, да въ Сибирь угнать, онъ вернется оттуда второй разъ съ вами квитаться.

— Да что же это, Денисъ Ивановичъ, такъ я всю жизнь и буду жить подъ страхомъ отъ этого звѣря?

Змглодъ развелъ руками.

— Неужели нѣтъ никакого способа? Ты умный человѣкъ, и быть не можетъ, чтобы не могъ надумать!

— Есть барышня!—глухо выговорилъ Змглодъ.

— Какой же?

— Сами можете догадаться...

— Похѣрить его? На это Дмитрій Андреевичъ не пойдетъ, а я сама по себѣ не могу.

— Да вы меня не поняли! Вы думаете, я про павлиній павильонъ говорю? Такъ его подвалы, вамъ вѣдомо, завалены, а тѣ, кто тамъ померъ, какъ бы погребены теперь. А сажать туда, такъ прежде надо всѣ подвалы очистить. А рабочій народъ ахнетъ! Заваливать землей въ темнотѣ было легко, а разрывать подвалы да находить человѣчьи кости—какой шумъ поднимется! Нѣтъ, хѣрить человѣка такъ, какъ бывало при Аникитѣ Ильичѣ, теперь нельзя!..

— Такъ что же ты хочешь сказать, Денисъ Ивановичъ?

— А то, что надо Гончаго похѣрить иначе! Дайте денегъ, а я подыщу человѣка, который его просто пристрѣлитъ. Тогда конецъ! А судъ да Сибирь—это все сызнова начинать. Эта Сибирь можетъ вамъ дорого обойтись, когда онъ изъ нея опять сюда нагрянеть. Второй разъ онъ не промахнется!

— А гдѣ такой человѣкъ?

— Найду.

— Болтуна, который потомъ станетъ рассказывать, что я его наняла человѣка убить.

— Не опасайтесь. Это уже я на себя беру...

— Ты? Самъ?!—вскрикнула Сусанна.

— Что вы, барышня! Богъ съ вами!—сурово и глухо отозвался Змглодъ.—Нѣтъ! Съ меня довольно и прошлаго всего...

Послѣ долгаго молчанія, Сусанна, лицо которой стало такъ же темно и грозно, какъ бывало у старика Басанова, вымолвила холодно и рѣшительно:

— Дай мнѣ, Денисъ Иванычъ, подумать... У меня что-то на сердцѣ чудное творится... Я будто чую силу въ себѣ самой этого изувѣра своими руками покончить... Дай подумать, что намъ съ нимъ учинить... Судьямъ отдавать нельзя. Правда твоя, ушлютъ въ Сибирь, а онъ чрезъ годъ вернется и зарѣжетъ меня. Нѣтъ, я чтонибудь иное надумаю. Съ Дмитріемъ Андреевичемъ перетолкую...

Змглодъ едва замѣтно усмѣхнулся при упоминаніи о молодомъ баринѣ и молча вышелъ.

V.

Прошло дня два. Сусанна Юрьевна не выходила изъ дому, хотя любила всякій день одна гулять въ саду и даже на самыхъ глухихъ дорожкахъ... Она была задумчива и почти ни съ кѣмъ не говорила.

Гончій не выходилъ у нея изъ головы. Восемь лѣтъ не видала она его, а онъ, какъ живой, стоялъ предъ ней. Она даже будто чувствовала на себѣ его блестящій, яркій и упорный взглядъ, слышала ясно его голосъ...

Много прошло съ тѣхъ поръ, что она приблизила къ себѣ этого простого писаря и полюбила его... И любила до появленія гусара Дмитрія Басанова... Да, этого самаго Дмитрія Андреевича, теперь брюаглаго, всячески опустившагося... Тогда онъ былъ красивъ, изященъ... Но стоитъ ли онъ Гончаго? Съ тѣхъ поръ послѣ Басанова былъ ея любимцемъ тотъ же пѣвчій Тарасъ, но не долго... Она вскорѣ же удалила его съ Высоксы на родину. Затѣмъ появился изъ Москвы морякъ, мичманъ Корсаковъ, и два года безвыѣдно гостилъ въ Высоксѣ, а она даже собиралась за него замужъ... Ему на смѣну явился чиновникъ намѣстничества. Одновременно были еще двѣ прихоти... Наконецъ, явился два года тому назадъ Бобрищевъ. И только теперь охладѣла она и къ нему... Но всѣ они, эти любимцы, стоили ли они Аньки Гончаго?

Этого Бобрищева, однако, она горячо любила, но какъ-то странно. Это была любимая, дорогая игрушка. Онъ былъ чрезвычайно красивъ, но неизмѣримо ниже ея и умомъ и воспитаньемъ. А между тѣмъ она не знала, что сама служитъ игрушкой въ рукахъ юнаго честолюбца. Бобрищевъ, хитрый и лукавый, гораздо болѣе пролазъ, нежели другіе нахлѣбники, явился въ Высоксу къ своей родственницѣ такъ же, какъ и многіе другіе, какъ мухи летятъ на медъ, но съ тѣмъ, чтобы выйти въ люди.

Поселившись съ названной теткой въ качествѣ новаго приживальщика въ домѣ Басанова, Павелъ Бобрищевъ быстро освоился, быстро сообразилъ, какъ дѣйствовать, чтобы укрѣпиться въ Высоксѣ и даже сдѣлаться вліятельнымъ лицомъ. Въ первое время онъ поступилъ въ коллегію, мечталъ сдѣлаться помощникомъ Барбанова, а современемъ какъ нибудь вытѣснить его и занять его мѣсто. За это время и бывали въ коллегіи разные недосмотры и беспорядки, въ которыхъ, однако, Барбановъ видѣлъ чей-то умыселъ, а не случайность.

Но затѣмъ, вскорѣ, онъ бросилъ занятія въ коллегіи, и нѣчто совершенно неожиданно перемѣнило его планы. У красавицы барышни, если не владѣлицы, то полной хозяйки въ Высоксѣ, былъ любимецъ уже года за два до приѣзда Бобрищева, а именно морякъ

Корсаковъ. Говорили, что связь эта кончится бракомъ, но вдругъ неожиданно, къ удивленію всѣхъ, барышня отвернулась отъ него и замѣнила другимъ.

Пріѣхалъ въ Высокъ молодой чиновникъ, присланный намѣстническимъ управленіемъ за какой-то справкой по поводу казеннаго заказа. Пробывъ нѣсколько времени, онъ съѣздилъ во Владиміръ и тотчасъ же вернулся обратно уже въ отставку и на житье.

Хитрый Бобрицевъ былъ озадаченъ. Если барышня такъ легко и быстро перемѣнила «женуха» Корсакова, красиваго и умнаго, на невзрачнаго чиновника, но почему же и ему, Бобрицеву, не попробовать счастья. Это будетъ почище мѣста въ коллегіи... Стоитъ только понравиться барышнѣ. А между тѣмъ Бобрицеву было это не трудно. Онъ пріѣхалъ совѣтъ юношей, но теперь возмужалъ и уже обращалъ на себя вниманіе мужчинъ и женщинъ, причемъ мужчины находили его очень красивымъ, а женщины—или писаннымъ красавцемъ или совѣтъ противнымъ. Онъ казался красивой блондинкой, одѣтой въ мужской костюмъ: совершенно свѣтлые волосы цвѣта льна, небольшіе темно-голубые глаза, но глядящіе весело лукаво исподлобья, малый ростъ, нѣжное сложеніе, и поразительно маленькія ноги и маленькія ручки, какъ у барышни, наконецъ мягкій дѣвичій голосъ и такія же совѣтъ не мужскія движенія, потому что въ нихъ было слишкомъ много изящества. Однимъ словомъ, Бобрицевъ смахивалъ на прелестную куколку, и въ него сразу еще при его появленіи безумно влюбилась четырнадцатилѣтняя княжна Екатерина Никаева. Разумѣется, Сусанна Юрьевна могла тоже равно прельститься этой куколкой, но наоборотъ, лишь потому, что начинала старѣть.

Старѣть не вѣшностью, а годами.

Высокская «барышня», о которой молва уже давно достигла и до обѣихъ столицъ, была попрежнему безспорно, на глаза всѣхъ, красавица. И не мало удивляло всѣхъ въ Высокѣ, что она съ годами почти не мѣнялась ни капли. Тѣ, кто давно зналъ Сусанну Юрьевну, находили, что она только пополнѣла немного... Тѣ же правильныя черты и тотъ же чистый цвѣтъ лица, та же стройность и пышность стана и, наконецъ, та же вѣчная усталость или вѣчная лѣнь, которая такъ очаровывала всѣхъ, очаровала когда-то и Дмитрія Басанова.

Послѣ покушенія Гончаго и раны, отъ которой она хотя болѣла и недолго, но которая повліяла на нее нравственно, она сильно похудѣла... Послѣ внезапной смерти старика-дяди, которая страшно поразила ее, хотя настоящая причина этого была никому невѣдома, она замѣтно измѣнилась и, пожалуй, даже постарѣла года на два.

Но началась въ Высокѣ новая жизнь. Гнета старика-дяди не было. Условія его смерти были позабыты, и Сусанна быстро оправилась снова и снова расцвѣла.

Сначала Сусанна не обратила на Бобрицева никакого вниманія. Онъ былъ слишкомъ юнъ, казался мальчикомъ. Но когда она замѣтила вдругъ странное отношеніе къ себѣ этого возмужавшаго красавца, то, разумѣется, тотчасъ же увлеклась имъ. Но если со стороны Сусанны вскорѣ явилось искреннее увлеченіе и чувство, то со стороны молодого человѣка было одно лукавство, одинъ расчетъ честолюбца. Это былъ первый любимецъ красавицы, который нисколько не былъ увлеченъ ею, а лишь притворялся. Но теперь, спустя два года, отношенія были уже не тѣ. Судьба наказывала Бобрицева, такъ какъ красавица начинала иногда чувствовать къ нему даже отвращеніе.

Между тѣмъ за всѣ эти восемь лѣтъ Сусанна, вспоминая свое прошлое, давнишнее и недавнее, мысленно признавалась себѣ, что какъ оно ни странно, а между тѣмъ изъ всѣхъ ея любимцевъ, за исключеніемъ одного блестящаго графа Мамонина, она все-таки, Богъ вѣсть почему, всего сильнѣе любила Аньку. Связь эта была сравнительно краткая, но бурная и оставила глубокіе слѣды.

Злота, явившаяся на смѣну любви, послѣ его злодѣйскаго покушенія, будто не уничтожила въ сердцѣ слѣдовъ какого-то необъяснимаго чувства.

Сусаннѣ самой казалось страннымъ, что она всѣхъ своихъ любимцевъ до Аньки и подлѣ него сравнивала съ нимъ, простымъ писаремъ изъ холоповъ. И въ ея представленіи Анька стоялъ головой выше всѣхъ. Отчего это произошло, сама не знала. Потому ли, что этотъ простой писарь былъ умнѣе всѣхъ другихъ, энергичнѣе, или потому, что тѣ всѣ любили ее, а этотъ боготворилъ?.. Когда Сусаннѣ теперь случалось вспоминать ночную сцену на балконѣ, какъ Анька бросился на нее и въ изступленіи наносилъ удары ножомъ,—это воспоминаніе не возбуждало въ ней злобы или ненависти... Въ отвѣтъ на эти мысли и ощущенія она отвѣчала однимъ словомъ: — Колдовство!..

Чаще же всего, вспоминая объ Анькѣ, она говорила себѣ:

— Вотъ этотъ любилъ! А эти всѣ и не умѣютъ любить! Какіе-то кисляи... Онъ мною владѣлъ, будто баринъ холопкой! А эти всѣ медкота, собаченки... Ни ума, ни воли, ни силы.

И иногда у Сусанны являлось желаніе повидать этого злодѣя, который лишь случайно не убилъ ея на мѣстѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, страхъ и боязнь этого человѣка оставались попрежнему. Убѣжденная твердо въ томъ, что такой человѣкъ, какъ Гончій, долженъ непремѣнно продолжать ее любить, она всегда опасалась, что онъ явится въ Высоксу снова. А если явится, то, конечно, снова съ злымъ умысломъ изъ ревности и съ отчаянія.

Поэтому вѣсть, принесенная Змглодомъ, страшно поразила ее... Но чувство, связывавшее ее съ этимъ прежнимъ любимцемъ, было именно «колдовство», ибо Сусанна, долго размышляя, теперь рѣшила

не просто отдѣлаться отъ этого пугала ея жизни, а отомстить за его два злобныхъ дѣянія. И отомстить примѣрно. Потѣшиться!..

Цѣлыхъ двѣ ночи при совершенной безсонницѣ Сусанна думала объ Анькѣ, что онъ въ Высокоѣ, что, можетъ быть, онъ среди ночи бродить по ближайшимъ къ дому аллеямъ или у самаго дома, можетъ быть, даже около дверей винтѹшки. И не будь тамъ рунта на часахъ, то она бы, конечно, могла бояться того же, что случилось съ Аникитой Ильичемъ. Долго ли подняться по лѣстницѣ, взломать дверь въ спальнѣ и зарѣзать ее точно такъ же, какъ Змглюдь задушилъ старика.

Иногда ей ясно представлялось, что Анька среди ночи однимъ ударомъ зарѣжетъ рунта, поднимется по лѣстницѣ и явится предъ нею. Но она обезоружитъ его лаской, въ объятіяхъ, горячими поцѣлуями!.. И это будетъ не притворство. Да, не притворство, не обманъ... Что же это? Развѣ это не колдовство! И вмѣстѣ съ тѣмъ, обдумывая, какимъ образомъ, поймавъ Аньку, отомстить ему, Сусанна обдумывала свою месть съ какимъ-то наслажденіемъ изувѣрки. Она мечтала о казни Аньки, какъ мечтаютъ о свиданіи съ любовникомъ. Она мечтала и придумывала, какъ велитъ истерзать его, извести. И при этомъ млѣла, какъ если бы мечтала о томъ, какъ будетъ обнимать и цѣловать его.

И кончилось тѣмъ, что одна надумала своему бывшему любимцу такую казнь, какую не придумалъ бы никогда самъ строгій и грозный Аникита Ильичъ.

Впрочемъ, онъ всегда говорилъ:

— Людей наказывать должно — это ученіе. А терзать людей — грѣхъ!..

Сусаннѣ же теперь именно страстно хотѣлось не наказать, не чувство мести утолить, какъ жажду, а утолить какое-то другое чувство, безыменное и ей непонятное. А утолить его можно только однимъ терзаніемъ этого человѣка, и если возможно, то на глазахъ.

На третій день, когда Сусанна объяснила Аннѣ Фавстовнѣ, что она надумала, то женщина изумленно поглядѣла на барышню, разинувъ ротъ.

— Что же это будетъ?— сказала она.— Вѣдь это, пожалуй, дойдетъ не только до намѣстника, но и до столицы. И какъ бы вамъ неприятностей не нажить. Помните, была помѣщица Салтычиха. Ее по приказу государыни въ подвалъ подъ колокольню Ивана Великаго заперли и, какъ звѣря, народу показывали. А вѣдь она этакое, что вы надумали, врядъ ли дѣлала когда. Ужъ лучше, право, прикажите тайно застрѣлить, какъ Денисъ Ивановичъ сказываетъ.

— Нѣтъ! Я хочу, чтобы онъ живъ былъ!— рѣзко отвѣтила Сусанна.

— Зачѣмъ? Чтобы мучить?

— Да. Именно чтобы мучить. Знать вотъ, сидя тутъ, что онъ терзаемъ.

— Не знала я за вами такого,—удивилась Угрюмова наивно.—Я думала, вы добрая...

— И я не злая, Анна Фавстовна. Ни съ кѣмъ я никакого мучительства творить не стала бы. Хоть бы даже собаку простую, и ту не стала бы терзать. А онъ, Григорій, другое дѣло. Я желала бы на своихъ глазахъ, даже своими руками его... его... Не знаю, какъ и сказать... Вѣкъ бы желала терзать и была бы счастлива.

— Грѣхъ это. Только грѣхъ.

— Нѣтъ! Не грѣхъ, а колдовство!—вдругъ вырвалось у Сусанны.

— Колдовство?—изумилась Угрюмова.

— Да... Вы не поймете... Нечего вамъ и объяснять... Да я и сама хорошо не понимаю... Но чувствую, да и какъ еще чувствую... Двѣ ночи не спала я, почти глазъ не смыкала... И о чемъ думала, что мнѣ хотѣлось, что мерещилось?.. Еслибъ вамъ сказать, вы бы меня за умалишенную сочли... Да. Это безумствованіе... Что-жъ? Можетъ быть, я когда нибудь и впрямь съ ума сойду. Оно у насъ въ роду. Прабабка моя да дядя троюродный умерли сумасшедшими. Но только одно знаю! Гончаго истерзала бы я по ниточкѣ.

— Ну, ужъ застряла у васъ къ нему злоба,—качнула головой Угрюмова.

— Застряла. Вѣрно. Да только злоба ли?

— Неистовство прозывается это...

Сусанна удивилась слову, задумалась, а потомъ шепнула будто себѣ самой:—Да, неистовство!

VI.

Когда на четвертый день Дмитрій Андреевичъ вернулся съ охоты, и Сусанна передала ему вѣсть, принесенную Змглодомъ, онъ по-своему отнесся къ ней.

— Пустяки. Просто захотѣлось Высоксу повидать, а, можетъ, и насъ. А чтобы онъ чрезъ восемь лѣтъ все отчаивался отъ любви, да злобствовалъ, да сталъ смертоубійствовать,—это ужъ Змглюдь сдуру надумалъ.

— Судите вы по себѣ,—отозвалась Сусанна презрительно.

— Какъ по себѣ?—удивился Басановъ.

Но Сусанна не отвѣтила, а чрезъ мгновеніе заговорила сурово и глухо:

— Я хочу его непременно словить и примѣрно наказать. Даже потѣшиться надъ нимъ.

— Какъ знаете. Мнѣ все равно... ваше дѣло.

Сусанна вызвала къ себѣ Змглода и дала ему отъ имени барина порученіе выслѣдить и схватить Аньку.

— Не убивать. Живьемъ доставить?—спросилъ Змглюдь угрюмо.

— Да. Живьемъ. Сначала надо запереть въ домъ рунтовъ. А потомъ я увижу. Надумаю, что съ нимъ творить.

— Слушаю-съ,—отозвался Змглодь.

И съ этого дня бывший оберъ-рунтъ взялся за дѣло. Для него оно было и не мудрено. Давно бросивъ все касавшееся до полиціи, онъ тѣмъ не менѣе все-таки продолжалъ знаться и сноситься съ людьми, которые когда-то тайно служили ему сыщиками.

Теперь онъ уже зналъ, гдѣ именно искать и накрыть Гончаго. По всѣмъ свѣдѣніямъ Змглодь зналъ, что этотъ скрывается на Проволочномъ заводѣ. Будь это прежде, онъ бы сейчасъ самъ и одинъ пошелъ бы арестовать смѣлаго молодца. Но теперь бывшая гроза Высоксы былъ уже совершенно другой человѣкъ. Смерть стараго барина будто надломилъ его и быстро состарѣла. Первое время послѣ этой смерти онъ былъ совершенно спокоенъ, по временамъ даже крайне веселъ и счастливъ. Радостная мысль, что Алла принадлежитъ ему и избавлена отъ старика, должна была заглушить всякое иное чувство.

Змглодь однако долго откладывалъ свою свадьбу. Ему казалось, что Высокса сопоставитъ вмѣстѣ два факта: кончину стараго барина и его бракъ, а выводя отсюда заключеніе, придетъ къ подозрѣнію. Многіе и многіе знали, что между Денисомъ Ивановичемъ и Аллой Васильвной что-то есть, называй, какъ хочешь, хоть дружбой. Равно многіе знали, что Аникита Ильичъ обратилъ вдругъ свое вниманіе на хорошенькую дочь Ильева. И вдругъ баринъ внезапно кончается, не болѣвши, а затѣмъ тотчасъ же Денисъ Ивановичъ женится на той же Аллѣ. Если прибавить къ этому темные слухи и соображенія, то явятся какъ будто улика...

Однако, вслѣдствіе суевѣрнаго повода, Змглодь прождалъ только сорокъ дней, но послѣ поминокъ барина Высокса узнала о предстоящей свадьбѣ. А вмѣстѣ съ тѣмъ узнала и личное желаніе его уйти на покой.

Должность оберъ-рунта была временно сдана другому, а Змглодь, получивъ въ награду большія деньги за свою службу при старомъ баринѣ, выстроилъ себѣ домикъ около церкви. Награда, полученная имъ, смутила многихъ. Обитатели Высоксы никакъ не могли понять, за что Денисъ Ивановичъ получилъ такіа «страшнѣющія» деньги—десять тысячъ рублей.

Сусанна убѣдила Дмитрія Андреевича дать эти деньги, чтобы обязать Змглода, сдѣлать изъ него вѣрнаго человѣка. Зачѣмъ это понадобилось, она Басанову не объяснила, но общала въ случаѣ необходимости многое разсказать и объяснить.

Змглодь, женившись и заживъ хозяиномъ въ отдѣльномъ домикѣ, устроенномъ на барскую ногу, какъ если бы онъ былъ не приживальщикъ, разумѣется, былъ вполне счастливъ. Алла, переставшая плакать отъ зари до зари, вскорѣ же за какихъ нибудь два мѣсяца

поправилаь и стала вдвое красивѣе, чѣмъ когда либо была. Всѣ въ Высокѣ ахали, глядя на нее, и повторяли:

— Вотъ вамъ и Алла Васильевна! Какова стала? Писанная красавица! Это все, видно, любовь творить! Должно быть, она всегда любила нашего турку... Шутили вотъ все — чортъ съ младенцемъ связался! А они вонъ что?!

И дѣйствительно, Змглодъ и Змглодиа, какъ стали звать Аллу, были счастливы и благоденствовали. Но когда всѣ чувства, волновавшія бурную натуру Змглода, были удовлетворены и улеглись, поверхъ всего всплыло новое чувство, до сихъ поръ незнакомое... Местъ была удовлетворена, ярый гнѣвъ остылъ, звѣриная злоба, схватившая его за горло при мысли, что Алла мучится со старикомъ, стихла. Все это должно было исчезнуть съ исчезновеніемъ виновника. Въ огненной, страстной, но мягкой и доброй натурѣ явилось другое быстро усиливающееся и, наконецъ, уже преобладающее чувство. Заговорила совѣсть, угрызенія ея и, наконецъ, нѣчто похожее на горькое раскаяніе въ содѣянномъ.

Когда-то, только что отомстивъ, онъ чуть не съ наслажденіемъ вспоминалъ тѣ минуты, когда подъ его сильными руками дергался въ судорогахъ старикъ, стараясь сорваться съ кровати... Теперь же это было страшнымъ воспоминаніемъ... И чѣмъ дальше, тѣмъ ярче вспоминалось все, будто судьба такъ хотѣла или Божій гнѣвъ послалъ это терзаніе. Возникъ вдругъ вопросъ на глубинѣ совѣсти: не ждать ли кары за содѣянное? А вслѣдъ за этимъ и новое чувство, которое не бывало прежде, — боязнь за свое счастье.

Когда-то счастья не было. Змглодъ не боялся никого и ничего, не боялся и смерти. Теперь же, обладая сокровищемъ — Аллой, онъ боялся, что карающій Господь отниметъ ее у него.

Разумѣется, понемногу все болѣе и болѣе размышляющій и задумывающійся Змглодъ сталъ снова также угрюмъ и суровъ, какъ былъ за послѣднее время жизни стараго барина. И всѣ въ Высокѣ дивились, что за чудной человѣкъ турка? То прыгаетъ радостно, то темнѣе ночи ходитъ, то опять радостный, то опять звѣремъ смотритъ. И невѣдомо почему?

Спустя именно около полугода со смерти стараго барина и брака Змглода, онъ вдругъ сразу сталъ еще угрюмѣе, сидѣлъ дома почти безвыходно, ни съ кѣмъ не говорилъ и даже, наконецъ, сталъ смущать и веселую Аллу. Она стала приставать къ мужу, что съ нимъ творится. Слѣдовало бы имъ радоваться, такъ какъ они должны ждать ребенка, а онъ будто несчастливъ.

Причина внезапной перемѣны къ худшему была простая, но, конечно, въ Высокѣ никто не могъ догадаться, какая она была. Случилось это въ тѣ дни, когда кто-то въ барскомъ домѣ впервые заоралъ, бросился бѣжать по апартаментамъ и заявилъ, что видѣлъ стараго барина. Не прошло нѣсколькихъ дней, какъ, разумѣется, подъ

вліяніемъ страха и толковъ другой какой-то дворовый тоже видѣлъ Аникиту Ильича.

Прошелъ мѣсяць, и вся Высокса была уже убѣждена, что старый баринъ ходитъ. Если подобное открытіе поразило всѣхъ, то было, конечно, громовымъ ударомъ для умнаго, но суевѣрнаго челоуѣка восточнаго происхожденія.

Если «онъ» ходитъ, то кому же больше всѣхъ надо его бояться?

Съ этихъ же дней Дениса Ивановича уже никогда не видали въ домѣ при свѣчахъ. Едва только наступали сумерки, какъ онъ, будучи у барышни Сусанны Юрьевны или у Дмитрія Андреевича, спѣшилъ уйти изъ дому. Сначала этого не замѣчали, но затѣмъ всѣ замѣтили и дивились.

Понятно, что если бы Змглоду предложили теперь провести ночь въ домѣ, то онъ, много разъ въ живни доказавшій свою смѣлость и отвагу въ какомъ иномъ дѣлѣ, ни за что бы на это не согласился. Если бы ему даже предложили къ большому домѣ цѣлое барское помѣщеніе, то онъ изъ своего домика не переселился бы ни за какія сокровища.

Единственное его утѣшеніе именно и заключалось въ томъ, что если «онъ» ходитъ, то по своимъ мѣстамъ и по старымъ слѣдамъ, и что «онъ» не можетъ прійти въ домикъ, выстроенный уже послѣ его смерти.

Если суевѣріе нелѣпо и безсмысленно, то средства, дѣйствительныя противъ него, тоже нелѣпы и тоже безсмысленны. Въ своемъ домикѣ Денисъ Ивановичъ среди ночи бывалъ спокоенъ. «Баринъ здѣсь при жизни не бывалъ!—думалось ему.—Всѣ эти стѣны, полы, двери, бревна и доски были при его жизни деревьями въ лѣсу... Будь я въ какомъ старомъ домѣ или въ избѣ, куда онъ за свою жизнь, можетъ быть, когда и заглянулъ, то, пожалуй бы, теперь по старымъ слѣдамъ и пришелъ. А куда не можетъ»...

Впрочемъ, къ концу года со дня смерти стараго барина, Денисъ Ивановичъ сталъ снова спокойнѣе, бодрѣе, а иногда и веселѣе. На это повліяло то обстоятельство, что въ домикѣ его раздавался крикъ ребенка-сына, котораго отецъ, конечно, обожалъ. Ребенокъ былъ совсѣмъ турка, онъ былъ и чернѣе отца съ большущими черными глазами, курчавый, съ волосами черными, какъ смола, и съ какой-то тѣнью на верхней губѣ.

— Усы! Усы!—закричала однажды Алла:—ей-Богу, усы!

Дѣйствительно, у младенца на верхней губкѣ при извѣстномъ освѣщеніи ложилась какая-то тѣнь, а обитатели Высоксы, конечно, не преминули шутить, что у турки родился младенецъ съ усами и бородой.

Но еще до появленія дѣтскаго крика въ домикѣ, который будто преобразилъ весь домикъ, на Змглода ободрающе подѣйствовало нѣчто иное.

Сразу прекратилось въ Высокѣ то, что смущало его, отравляло жизнь.

Когда въ домѣ хожденія стараго барина зачастили, и когда то и дѣло кто нибудь изъ людей и изъ нахлѣбниковъ видали его и когда, наконецъ, однажды случился страшный переполохъ въ квартирѣ барышень, Тотодминыхъ, немедленно изгнанныхъ съ Высоксы, — былъ объявленъ строгій приказъ изъ канцеляріи.

И угроза барина сразу подѣйствовала! Старый баринъ началъ рѣже являться. Затѣмъ наказаніе, обѣщанное заранѣе и неуклонно приводимое въ исполненіе каждый разъ, окончательно возымѣло отрезвляющее дѣйствіе... Никто, никогда и нигдѣ больше не видалъ покойнаго барина. И если Высокса избавилась отъ гнета суевѣрнаго страха, лежавшаго на всѣхъ, и если всѣ вздохнули свободнѣе, то Змглодь, конечно, сталъ вполнѣ счастливъ.

У «Турки» было уже пятеро дѣтей и въ томъ числѣ дѣвочка, такая же свѣтловолосая и свѣтлоглазая, какъ ея мать, по имени, и совсѣмъ уже не похожая на своего старшаго братца, котораго прозвали «арапченкомъ». Когда доброму Змглоду случилось задумываться о своемъ дѣяніи, и когда его сильнѣе схватывалъ за сердце приступъ раскаянія, то онъ тотчасъ же начиналъ увѣрять себя, что всѣ вотъ эти дѣти нѣчто собою свидѣтельствуютъ.

Ихъ существованіе доказываетъ, что имъ Богомъ самимъ суждено было явиться на свѣтъ... А они не могли бы явиться, если бѣ живъ былъ старикъ, имъ умерщвленный.

Теперь, когда чрезъ семь-восемь лѣтъ снова появился Аникита Ильичъ, Змглодь отнесся къ дѣлу совершенно иначе... Оно казалось ему не страшнымъ, а только крайне загадочнымъ. Если тогда все вдругъ прекратилось изъ-за строгихъ каръ, то и теперь все можно превратить, только нужно еще круче взяться за дѣло. Очевидно просто шалить кто-то въ домѣ. Но кто и зачѣмъ?

Однако, этотъ же умный и энергичный, но суевѣрный человѣкъ былъ смѣлъ и здраво рассуждалъ, только сидя у себя въ домикѣ. Если бы барышня предложила ему заняться этимъ дѣломъ лично, проводить ночи въ домѣ и хитро выслѣдить, что собственно такое творится, то у него не хватило бы духу...

— Все-таки Богъ вѣдаетъ—что это? А ну, вдругъ!.. думалъ и говорилъ женѣ Змглодь.

Иное дѣло было теперешнее порученіе барышни выслѣдить, схватить и доставить живьемъ Гончаго. Смѣлый головорѣзъ, который, конечно, дешево въ руки не дастся, страшилъ Змглода менѣе, нежели та странная, да еще и сомнительная тѣнь, которая гуляла и теперь снова гуляетъ въ барскомъ домѣ по ночамъ.

Денисъ Ивановичъ охотно, даже весело, взялся за поиски бродячаго въ Высокѣ Гончаго. Живя давно на покоѣ, онъ былъ будто радъ тряхнуть стариной, показать оберъ-рунгу Егору Ильеву, какъ надо дѣйствовать...

VII.

Басановъ, вернувшись съ охоты со всей своей свитой только на четвертый день, заявилъ, что онъ хочетъ «праздновать».

Празднованіе чего бы то ни было, дней роженій и именинъ членовъ семьи и самыхъ большихъ праздниковъ происходило всегда на одинъ ладъ. Бывалъ большой обѣдъ, длившійся очень долго, послѣ котораго слѣдовала иллюминація дома и коллегіи, а затѣмъ дорогой фейерверкъ, пускаемый надъ озеромъ съ плотовъ и лодокъ, нарочно для этого придуманныхъ еще самимъ Аникитою Ильичемъ, который особенно любилъ всякіе потѣшные огни.

На этотъ разъ новаго было только то, что Басановъ пожелалъ иллюминировать фонариками, шкаликами и большими смоляными бочками большую часть огромнаго сада. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ приостановить работу на сутки во всѣхъ заводахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать угощеніе всѣмъ рабочимъ на площадкѣ передъ домомъ.

Это распоряженіе разсердило Сусанну Юрьевну, хорошо знавшую, къ чему вели и приостановка и угощеніе. Это всегда приводило къ застою и беспорядкамъ въ дѣлахъ. Послѣ такого пированія пропадала цѣлая недѣля, такъ какъ все напивалось пьяно и продолжало опохмеляться безъ конца!.. Если при Аникитѣ Ильичѣ никогда не бывало пьяныхъ на улицѣ, то теперь послѣ этихъ празднествъ повсюду цѣлыми днями валялись мертво пьяные, при чемъ бывали буйство, драки, цѣлыя битвы «стѣнка на стѣнку» заводскихъ рабочихъ и, разумѣется, смертоубійства.

Узнавъ о распоряженіи Дмитрія Андреевича, Сусанна стала уговаривать его не мѣшать заводскому производству всякими прихотями, такъ какъ и безъ того дѣла идутъ неважно.

— Кончите вы тѣмъ, что разорите заводы и пустите по міру двухъ сыновей!— сказала она гнѣвно.

— Михалисъ меня очень проситъ,— смѣясь отозвался Басановъ.— Онъ собрался жениться... Ну... хочетъ праздновать. На праздникѣ объявить, кого выбралъ...

— Этотъ безродный проходимецъ долженъ бы быть счастливымъ себя почитать, что живетъ здѣсь на хлѣбахъ!— рѣзко отозвалась Сусанна.— А на то, чтобы еще прихотничать... Будетъ Высокса праздновать еще его затѣи?!.. Потѣха! Что бы сказалъ дядюшка, если-бъ живъ былъ...

— Кабы дядюшка былъ живъ, — холодно, но рѣзко вдругъ отозвался Басановъ,— то мы бы, и вы и я, теперь съ сумой ходили бы и были бы много похуже и пониже Михалиса. Вы зазнались...

— Я? Я зазналась?— вспыхнула Сусанна.

— Не гнѣвайтесь! Вы все корите, что Михалисъ — проходимецъ.

Ну, вотъ я и сказываю, что мы тоже съ вами чуть не попали, тому восемь лѣтъ, въ такіе же проходимцы.

— За то теперь царей за поясъ заткнуть желаемъ! — выговорила Сусанна.

— Надоѣли мнѣ эти попреки! — проворчалъ Басановъ.

Сусанна не отвѣтила и вышла изъ комнаты.

Дѣйствительно, Басановъ, явившійся въ Высоксу бѣднымъ гвардейскимъ офицеромъ, быстро, даже слишкомъ скоро, привыкъ къ своему новому положенію. Всѣ замашки важныхъ вельможъ его времени тотчасъ явились и у него.

При какойнибудь прихоти или затѣѣ, которая должна была обойтись сумасшедшія деньги, Сусанна всегда рѣшалась противорѣчить ему, напоминать тѣ времена, когда онъ разсчитывалъ каждый рубль. Въ крайнемъ случаѣ она напоминала, что состояніе принадлежитъ собственно его женѣ. Конечно, Басанову эти напоминанія не нравились, онъ морщился, но по добродушію соглашался бросить иногда чрезчуръ дорогую затѣю.

Главное, однако, что было всегда между ними яблокомъ раздора, это происходившія по милости гостей въ Высокѣ пиршества, вѣрнѣе, попойки и азартныя игры.

Въ особенности же часто спорили и ссорились они изъ-за двухъ любимцевъ Дмитрія Андреевича, которыхъ Сусанна почему-то сильно недолюбливала.

Одинъ изъ нихъ былъ прежній обитатель Высоксы, другой — вновь явившійся. Первый былъ князь Давыдъ Никаевъ, теперь характерный брונетъ съ яркимъ грузинскимъ типомъ, но возмужавшій за эти восемь лѣтъ настолько, что ему, казалось, можно было дать за тридцать лѣтъ. Другой, случайно попавшій въ Высоксу года три тому назадъ, былъ такой же чернобровый, какъ и князь, но черномазый, при этомъ некрасивый, крючконосый и лѣтъ на десять старше. Это былъ грекъ Михались.

Съ его-то именно появленіемъ и явились въ Высоксу карты. Если за это время азартныя игры были какъ бы повѣтріемъ, переходившимъ часто кое-гдѣ въ повальную болѣзнь, то именно благодаря появленію въ Россіи такихъ личностей, какъ Михались.

Пріѣхавъ въ Россію еще двадцатилѣтнимъ, безродный грекъ при покровительствѣ какого-то важнаго вельможи ухитрился поступить въ гвардію, но достигъ только чина сержанта и вышелъ въ отставку. Уже на третій годъ своей службы въ Петербургѣ онъ избралъ своей специальностью картежную игру. И вскорѣ у него завелись средства. Игралъ ли онъ честно или былъ шулеромъ — было неизвѣстно въ Петербургѣ, а равно было неизвѣстно и теперь въ Высокѣ.

Онъ постоянно выигрывалъ, обыгрывая и самого хозяина, обыгрывая и всѣхъ его гостей, но, несмотря на то, что въ числѣ этихъ

картежниковъ-гостей были тоже своего рода специалисты, Михалиса ни разу не только никто не поймалъ въ шулерствѣ, но даже и не заподозрѣлъ. Иногда греку случалось проигрывать большія суммы, но замѣчательно то, что онъ всегда отыгрывалъ ихъ назадъ. И это всѣ знали. Когда онъ приходилъ въ отчаяніе, то всѣ утѣшали его, что въ слѣдующій же разъ онъ все вернетъ и еще выиграетъ вновь кушъ.

Приѣхавъ однажды въ Высоксу на нѣсколько дней якобы съ какимъ-то порученіемъ къ Басманъ-Басанову отъ его товарища по полку, Михалисъ остался, прожилъ мѣсяць два и такъ сумѣлъ понравиться Дмитрію Андреевичу, что онъ попросилъ грека вернуться и прожить все лѣто.

Разумѣется, Михалисъ явился, прожилъ лѣто, но осенью и не помышлялъ уѣзжать, имѣя уже квартиру въ три комнаты и ежемѣсячное жалованіе якобы за то, что завѣдывалъ пирами, обѣдами и ужинами. Умный, хитрый, алчный и завистливый Михалисъ сумѣлъ поладить со всѣми, но добился только того, что его терпѣли, ибо никто въ Высоксѣ не былъ съ нимъ друженъ. Какъ будто чутье говорило всякому, что грекъ — человѣкъ злой и искусный притворщикъ. Но главное, чего Михалисъ никогда достигнуть не могъ, какъ ни выбивался изъ силъ, было расположеніе къ нему самой «барышни». Несмотря на всѣ его усилія войти въ довѣріе къ ней и сдѣлаться равно и ея наперсникомъ, Сусанна съ трудомъ выносила его. Разумѣется, главное, въ чемъ она его упрекала, — было появленіе картежной игры.

Точно также не любила Сусанна Юрьевна и князя Никаева, хотя не могла вполне отдать себѣ отчетъ, что руководило ею въ этой неприязни. Вѣроятно, чутье подсказывало Сусаннѣ, что князь Давыдъ не можетъ быть тѣмъ, чѣмъ притворяется. Будучи когда-то, хотя и недолго, соперникомъ, онъ не могъ, по соображенію Сусанны, сдѣлаться теперь первымъ другомъ того, кто отнялъ у него и любимую дѣвушку и огромное состояніе.

Сусанна лучше другихъ знала, какъ все приключилось... Если бы не внезапная смерть Аникиты Ильича, то, конечно, теперь Высокса и всѣ заводы принадлежали бы княгинѣ Никаевой. Ту роль, которую играетъ Дмитрій Андреевичъ, игралъ бы теперь князь Давыдъ Анатольевичъ. Если она сама помнитъ это живо и всѣ въ Высоксѣ помнятъ, то неужели же самъ князь Давыдъ забылъ это?.. Сусаннѣ казалось, что если Михалисъ лукавъ и хитеръ, то его все-таки можетъ за поясъ заткнуть Никаевъ. Она часто спрашивала себя: любить ли Давыдъ попрежнему Дарьюшку? Иногда она даже приглядывалась, подсылала другихъ подглядывать, но никогда ничего подозрительнаго не оказывалось.

«По всей вѣроятности, — рѣшила она мысленно, — Давыдъ былъ сильно влюбленъ не въ Дарьюшку, а въ ея огромное состояніе. И

если онъ теперь злобствуетъ тайно и ревнуетъ Басанова, то, конечно, не къ Дарьюшкѣ, а къ Высокѣ»...

Во всякомъ случаѣ тѣсная дружба его съ Басановымъ казалась Сусаннѣ неестественною.

Князь Никаевъ, долго отлучавшійся въ Москву, вернулся вновь въ Высоксу только года съ полтора тому назадъ, но тотчасъ сравнялся съ Михалисомъ и даже сталъ ближе къ Басанову. И если Михалиса всѣ терпѣли, то князя Давыда всѣ равно любили: и нахлѣбники, и гости, и дворня. Одна Сусанна Юрьевна равно ненавидѣла обоихъ, и если бы ея воля, то, конечно, она тотчасъ же изгнала бы обоихъ съ Высоксы.

И часто она гнѣвно толковала объ этихъ двухъ людяхъ съ тремя своими приближенными: съ Угрюмовой, Змглодомъ и новымъ любимцемъ Бобрищевымъ. Всѣ трое равно не любили ни князя, ни грека. Умный Змглодъ тоже считалъ Никаева «не въ примѣръ ехиднѣ» Михалиса.

Празднество, противъ котораго возстала Сусанна Юрьевна, все-таки состоялось.

Большой обѣдъ на семьдесятъ человѣкъ, шумный, гулкій, «непорядливый», по мнѣнію и барышни и даже кроткой барыни, длился съ пяти часовъ до сумерекъ. Вина было много больше, чѣмъ блюдъ. Двухъ московскихъ гостей взяли подъ руки лакеи и увели изъ-за стола... Денисъ Ивановичъ, тоже приглашенный вмѣстѣ съ женой, полусурово, полунасмѣшливо переглядывался съ Сусанной Юрьевной и изрѣдка качалъ головой, осуждая все, что творится и о чемъ и не грезилось при старомъ баринѣ. Послѣ обѣда гости сильно навеселѣ разбрелись по саду. Когда стемнѣло, всѣ снова собрались въ домъ смотрѣть потѣшные огни на озерѣ.

Ракеты, колеса, стрѣлы, бураки и пыжи слѣдовали безъ конца... Внизу, подъ окнами барскаго дома, на площадкѣ чернѣла и ревѣла сильно, чрезъ край, угощенная толпа заводскихъ крестьянъ...

Всюду въ этомъ веселѣ чувствовался разбродъ, отсутствіе правящей руки...

— Доживемъ мы скоро до бѣды, — сказалъ Змглодъ, встрѣтивъ Сусанну Юрьевну въ залѣ, среди толпы гостей, совершенно безцеремонно толкавшейя вокругъ нея и вокругъ барыни Дарьи Аникитишны.

— До какой?—сурово спросила Сусанна.—До разоренья или до чего другого?

— Разориться мудрено, — отвѣтилъ Змглодъ. — Два года степенства покроютъ десять лѣтъ баловничества. Доходы велики—страсть! А я боюсь иной бѣды.

— Какой?

— Самъ не знаю, Сусанна Юрьевна. Ужъ очень все распустилось... И Аникита Ильичъ опять ходить началъ.

«истор. вѣстн.», июнь, 1899 г., т. LXXVII.

- Поймай его!—какъ-то злобно отозвалась она.
- Нѣтъ. Не мое это дѣло. Я своимъ былъ занятъ и поважнѣе. Тоже ловилъ... За то и словилъ!—самодовольно вымолвилъ онъ.
- Что ты говоришь, Денисъ Иванычъ?
- Говорю: ловилъ... Ну, и словилъ.
- Кого?
- Сами знаете. Что же спрашивать.
- Аньку?
- Его самага.
- Когда?
- Сейчасъ... Да-съ. Сейчасъ въ толпѣ накрыли мои двое молодцовъ.
- Правда ли, Денисъ Иванычъ?—выговорила Сусанна взволнованно.
- Уже сидитъ, барышня. Сидитъ, запертъ въ полицейскомъ домѣ. Взять, какъ вы приказывали,—живьемъ!
- Сусанна провела рукой по лицу и тяжело вздохнула...

VIII.

Онисимъ Гончій дѣйствительно былъ во время праздника выслѣженъ и схваченъ около дома въ толпѣ.

Восемь лѣтъ не легко прошли для Аньки, и теперь, будучи не многимъ больше тридцати лѣтъ, онъ имѣлъ съ виду всѣ сорокъ. Существованіе его было душевною пыткой. Анька, прислушиваясь къ русскимъ пѣснямъ, гдѣ говорится, какъ «дѣвица-краса погубила молодца», понимала, что это не зря поется. Онъ былъ живымъ призмѣромъ самъ. Онъ сознавалъ и чувствовалъ, что загубленъ Сусанной Юрьевой, и что, по-настоящему, ему остается только одно—наложитъ на себя руки.

Когда-то въ порывѣ злобной ревности онъ рѣшился ее зарѣзать и долго жалѣлъ, что это не удалось отъ пустой случайности. Затѣмъ послѣ безумной вспышки явилось глубокое и болѣе тихое чувство къ «злодѣйкѣ», какъ называлъ онъ Сусанну. И онъ былъ радъ, что его покушеніе не удалось, что она жива и выздоравливаетъ. Но если онъ мысленно соглашался, чтобы она оставалась въ живыхъ, то въ немъ явилось все-таки желаніе лишить ее всего, чѣмъ она пользуется, а вмѣстѣ съ тѣмъ отомстить и сопернику.

Твердо рѣшивъ это, Анька безстрашно пошелъ къ Аникитѣ Ильичу... И все вышло такъ, какъ онъ хотѣлъ и предполагалъ. Но только... на нѣсколько дней! Награжденный за доносъ деньгами и получивъ вмѣстѣ съ отцомъ отпускную, Анька замедлил свой отъѣздъ, чтобы насладиться видомъ барышни и офицера, изгоняемыхъ

бариномъ съ Высоксы. Но однажды утромъ въ домикъ старика Абрама прибѣжалъ кто-то и объявилъ вѣсть:

— Старый баринъ за ночь скончался...

И Анька въ первое же мгновеніе чутьемъ догадался и вскрикнулъ:

— Они его ухостили!..

Разумѣется, узнавъ затѣмъ, что всѣмъ теперь заправлявшая Сусанна Юрьевна уже повѣнчала своего любовника съ молоденькой барышней, онъ понялъ, что его могутъ тотчасъ же схватить вмѣстѣ съ отцомъ, отнять вольный листъ и сдѣлать снова крѣпостными. И оба—отецъ и сынъ, тотчасъ же тайно уѣхали въ Муромъ, а отътуда въ Нижній Новгородъ.

Деньги, которыя получилъ Анька, тысяча рублей, были большими деньгами для человѣка въ его положеніи. Онъ вмѣстѣ съ отцомъ тотчасъ же занялся торговлей — открылъ желѣзную лавку, а при энергіи и смѣлкѣ сразу дѣла его пошли настолько хорошо, что черезъ три года онъ уже записался въ купцы. Абрамъ былъ бы совершенно счастливъ, если бы не мѣшалъ этому единственный и обожаемый имъ сынъ... А Анька былъ въ такомъ положеніи, что даже посторонніе замѣчали и говорили, что у этого человѣка есть что-то особливо худое въ жизни. А было неизлѣчимое чувство къ злодѣйкѣ.

Анька былъ подъ страшнымъ ярмомъ своей любви. Ему казалось, что эта любовь—цѣлая гора, навалившаяся на плечи, которая давить его и, конечно, рано ли, поздно ли раздавить. Старикъ Абрамъ сначала старался убѣдить сына жениться, зажить цѣлой семьей, но затѣмъ вскорѣ не рѣшался даже и упоминать о такого рода мечтахъ.

Старикъ рѣшилъ, что такіе люди, какъ его сынъ Анька, видно, и живутъ не такъ, какъ другіе, и чувствуютъ иначе. Да и трудно было простому писарю изъ крѣпостныхъ холоповъ позабыть, какъ любила его и страстно ласкала красавица-женщина, притомъ барышня-дворянка и племянница грознаго высокского барина. Какъ же послѣ нея, да полюбить дочь сосѣда-сапожника, или сестру кабатчика, или дочь просвирни—этихъ миловидныхъ и глуповатыхъ дѣвушекъ, которыхъ старикъ прочилъ и сваталъ сыну.

Разумѣется, на предложенія отца Анька грустно трясъ головой и отвѣчалъ:

— Покуда я живъ, батюшка, по тѣхъ поръ у меня и въ головѣ, и въ сердцѣ только и будетъ, что Сусанна Юрьевна. А что такое у меня на душѣ къ ней,—я и самъ не знаю! Можетъ, ученые люди-дворяне такое дѣло распутать могутъ, а мнѣ не подъ силу. Знаю я вотъ хорошо, что я безъ нея жить не могу, а подвернись она мнѣ подъ руку теперь, я бы тотчасъ зарѣзалъ ее, а за ней и себя самого! Сдается мнѣ, надо намъ жить вмѣстѣ или обоимъ вмѣстѣ на тотъ свѣтъ уходить.

Абраму оставалось только одно утѣшеніе — ждать, что современемъ понемногу сынъ излѣчится отъ своего чувства. Анька надѣялся на это тоже, а между тѣмъ жилъ только вѣстями съ Высоксы и раза три рѣшился тайкомъ навѣдаться, чтобы хотя издали видѣть Сусанну. Разумѣется, каждый разъ онъ возвращался еще несчастнѣе. Видъ Сусанны только подливалъ масла въ огонь. При этомъ чрезъ друзей Анька хорошо зналъ, что у барышни, которая теперь стала совсѣмъ независима и не имѣетъ нужды стѣсняться, чередуются любимцы. И во второй разъ, когда онъ навѣдался въ Высоксу, едва вновь не приключилось страшное дѣло. Новое покушеніе или же убійство...

У барышни завелся новый обычай — ѣздить въ лѣсъ за грибами. Анька зналъ черезъ пріятелей, въ какой день и гдѣ будетъ барышня съ гостями, приживальщиками, горничными и сѣнными дѣвушками по грибы. И съ ночи былъ онъ уже на назначенномъ мѣстѣ. Ему на этотъ разъ хотѣлось видѣть Сусанну еще ближе, быть можетъ, даже подойти къ ней, перепугать ее на смерть, но обнять, расцѣловать и убѣжать... Не только въ Нижній, но хоть и на край свѣта.

Передъ полуднемъ дѣйствительно куча всякихъ экипажей пріѣхали на мѣсто, и всѣ пріѣзжіе разсыпались по лѣсу. Анька искусно держался въ чащѣ, избѣгая тѣхъ, кто его зналъ въ лицо, и надѣясь, что можно будетъ на одинъ мигъ подойти или, вѣрнѣе, подбѣжать къ Сусаннѣ... И онъ, дѣйствительно, среди чащи вдругъ увидѣлъ ее. Но около нея шагала какой-то очень молодой баринъ... И гончій увидѣлъ, понялъ, что это «теперешній». Онъ шелъ, обнявъ Сусанну и изрѣдка цѣлуя... Анька вскрикнулъ, схватилъ себя за волосы, а затѣмъ сталъ себя обшаривать... Но на немъ ничего не было... Будь хоть небольшой ножикъ, онъ сумѣлъ бы въ лѣсу похѣрить ихъ обоихъ! И онъ бросился бѣжать прочь... Конечно, вернулся онъ домой въ Нижній еще болѣе несчастный.

Теперь Гончій снова въ четвертый разъ явился въ Высоксу, но снова не зная зачѣмъ...

— Только глянуть на нее! — думалъ и повторялъ онъ.

Иногда же онъ спокойно рассуждалъ:

— Или ужъ похѣрить ее? Будетъ на томъ свѣтѣ, мнѣ станетъ легче жить на свѣтѣ. А нѣтъ, тогда и себя тотчасъ ухожу. А этакъ жить нельзя!.. Въ аду кромѣшномъ легче...

Давно всѣ рассужденія, все мученіе изъ года въ годъ сводились къ одному чувству и опредѣленію: «этакъ жить нельзя!»...

Первые разы, когда Анька навѣдывался въ Высоксу и укрывался каждый разъ также на Проволочномъ заводѣ, — присутствіе его не было извѣстно. Но порядки были уже не тѣ. Съ тѣхъ поръ, когда Змглотъ ушелъ на покой, а полиціей завѣдывалъ братъ Аллы, Егоръ Васильевичъ Ильевъ, Анька могъ бы появиться даже въ самой Вы-

соксъ и все-таки не былъ бы замѣченъ. Однако на этотъ разъ онъ велъ себя особенно неосторожно и почти не укрывался. Почему-то больше, чѣмъ прежде, надѣялся онъ на то, что его тронуть нельзя. Онъ—нижегородскій купецъ, а не крѣпостной холопъ Басманъ-Басанова. А прежнее дѣло его рукъ было прощено покойнымъ бариномъ. Неужели же его можно теперь опять схватить и судить?...

Гончій разсуждалъ такъ же, какъ и Змглюдь, съ той разницей, что онъ не зналъ о возможности быть судимымъ и теперь за когда-то совершенное преступленіе. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не могъ знать, какъ именно относится къ нему теперь Сусанна. Въ немъ было тоже глубокое чувство, переходившее отъ мимолетной злобы къ обожанію, а она, можетъ быть, давно простила его, ибо давно и думать забыла объ немъ.

Онъ зналъ когда-то, какъ сильно возненавидѣла она его за то, что едва не умерла отъ его руки, а затѣмъ эта ненависть,—сказывали ему,—еще болѣе усилилась, когда изъ-за него же она чуть не пошла по міру, позорно прогнанная. Теперь онъ былъ убѣжденъ, что она за эти восемь лѣтъ врядъ ли вспомнила объ немъ хоть разъ гадая, гдѣ и что онъ, и небось думаетъ, что онъ давно забылъ ее. Сусаннѣ же почему-то представлялось именно то, что было въ дѣйствительности. Что-то подсказывало ей, что Анька попрежнему любить ее, несмотря на то, что рѣшился было зарѣзать. А любя попрежнему, онъ легко рѣшится погубить ее и теперь на тотъ же ладъ.

И увѣренный, что объ немъ и думать забыли, Анька, являсь въ Высоксу, почти не скрывался. Узнавъ о празднествѣ и потѣшныхъ огняхъ, онъ смѣло явился вечеромъ къ самому дому... Не огни его привлекали, не веселье... Онъ надѣялся увидѣть вблизи ее, злодѣйку свою. Говорили, что баринъ съ барыней и съ барышней выйдутъ къ народу... И Анька ждалъ въ толпѣ увидѣть Сусанну въ двухъ шагахъ... Но вмѣсто этого вдругъ неожиданно на него бросились четыре рунта, связали его по рукамъ и увели въ полицію.

Гончій былъ болѣе озадаченъ, нежели озлобленъ. Онъ зналъ, что, какъ вольноотпущенный, да еще вдобавокъ «торговый человекъ», онъ не можетъ зависѣть отъ произвола помѣщиковъ Высоксы. Его могутъ лишь сдать въ городъ, властямъ.

Но возникалъ другой вопросъ. Вопросъ, который часто и давно задавалъ себѣ Гончій, но рѣшить никогда не могъ... Подьячіе и приказные, къ которымъ ему случалось обращаться въ Нижнемъ Новгородѣ, рѣшали дѣло на разные противорѣчивые лады. Гончій хотѣлъ знать: достаточно ли прощенія его злодѣйскаго поступка со стороны его бывшего барина, или онъ попрежнему можетъ еще отвѣчать за покушеніе на убійство. Сначала онъ опасался нѣсколько и рассчитывалъ только на то, что въ Высокѣ не знаютъ его мѣсто-быванія. Но затѣмъ шли годъ за годомъ... Два-три пріятели его,

знавшіе, гдѣ онъ живетъ, съ его же разрѣшенія рассказали въ Высокѣ, что онъ, Онисимъ Гончій, купецъ и торгуетъ въ Нижнемъ... Но это не повело ни къ чему... Его не тронули. Стало быть, объ немъ и думать забыли.

Между тѣмъ Анька не зналъ того простого обстоятельства, что свѣдѣнія объ немъ дошли только до Дмитрія Андреевича... А онъ по лѣни и безопасности ни слова не сказалъ объ этомъ Сусаннѣ.

«Узнаетъ она, думалось Басанову, захочетъ, пожалуй, мстить, ловить, судить... А стоитъ ли того? Дѣло давнишнее!»...

Такъ прошли года... На пятый годъ Анька впервые побывалъ въ Высокѣ, чтобы видѣть Сусанну...

Теперь минули и всѣ восемь лѣтъ. И онъ смѣло, не опасаясь ничего, явился снова въ Высоксу и, живя на Проволочномъ заводѣ, явился и на празднество. И вдругъ онъ схваченъ и запертъ въ домѣ рунтовъ... Очевидно, за старое злодѣйское дѣяніе, которое простилъ ему покойный Аникита Ильичъ, но за которое можно его еще судить въ намѣстничествѣ... Но можно ли? Одни приказные увѣряли, что можно, другіе—что нельзя.

Во всякомъ случаѣ самъ баринъ Дмитрій Андреевичъ, какъ бы ни желалъ, не имѣетъ власти надъ нимъ. Впрочемъ, онъ завѣдомо добрый, извѣстный теперь на всю округу, какъ добрѣйшій баринъ изъ всѣхъ добрыхъ. Конечно, не онъ затѣйникъ этого ареста. Затѣяла она, Сусанна Юрьевна... Стало быть, она не забыла ничего!

Графъ Салиасъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ ГРАФИНИ В. Н. ГОЛОВИНОЙ¹⁾

XV.

Поѣздка императора Павла въ Москву.—Дѣвица Лопухина.—Отношенія великаго князя Александра и великой княгини Елисаветы къ княгинѣ Таранть.—Лордъ Витвортъ и графиня Толстая.—Возвращеніе государя изъ путешествія.—Празднество въ Павловскѣ.—Переѣздъ двора въ Петергофъ.—Союзъ Россіи съ Австріей.—Немилость государя къ императрицѣ и Нелидовой.—Графъ Николай Румянцевъ.—Пребываніе двора въ Гатчинѣ и переѣздъ его въ Петербургъ.—Переѣзны при дворѣ.—Начало войны съ Франціей.—Суворовъ.—Характеристика Лопухиной.—Великая княгиня Анна Теодоровна и отъѣздъ ея изъ Россіи.—Отношенія къ ней великой княгини Елисаветы.

В ПОЛОВИНѢ апрѣля 1798 г. дворъ переселился въ Павловскъ, а въ началѣ мая императоръ и великіе князья Александръ и Константинъ поѣхали въ Москву, куда стягивались войска для маневровъ. Великіе князья должны были отправиться, вмѣстѣ съ императоромъ, еще далѣе, до Казани. Императоръ провелъ въ Москвѣ дней пять-шесть. Стеченіе публики на маневрахъ было громадное, тѣмъ болѣе, что этому благопріятствовала погода. Всѣ спѣшили праздновать пребываніе его величества балами и другими увеселеніями. М-ле Лопухина²⁾, привлекая вниманіе императора еще въ прошломъ году на коронаціи, обратила опять на себя его взоры своей

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXVI, стр. 848.

²⁾ Анна Петровна.

вполнѣ расцвѣтшей красотой. Кутайсовъ поддерживалъ какъ нельзя болѣе впечатлѣніе, производимое ею на государя, который выѣхалъ изъ Москвы безумно влюбленный и съ твердымъ намѣреніемъ привлечь въ Петербургъ предметъ своей страсти.

Я не должна забывать здѣсь случая, важнаго для госпожи Тарантъ и происшедшаго именно въ то время. Мужъ мой расположилъ великаго князя Александра и великую княгиню Елисавету въ пользу принцессы Тарантъ, желая помочь ей въ ея затруднительномъ положеніи. Они были настолько добры, что пришли ей на помощь и дали принцессѣ двѣнадцать тысячъ рублей, требуя отъ нея только, чтобы она не разглашала объ этомъ благодѣяніи, которое чрезвычайно осчастливило ее, давая ей возможность быть полезной своей сестрѣ и семейству. Ея слезы признательности привели меня въ восторгъ. Нѣсколько дней спустя, она присутствовала на придворномъ обѣдѣ въ Таврическомъ дворцѣ. Случайно пришлось ей сидѣть противъ великой княгини Елисаветы, которая часто и съ большимъ участіемъ посматривала на нее: мы съ удовольствіемъ видимъ тѣхъ, кому доставляемъ счастье. Благосклонность великой княгини Елисаветы поразила Плещеева, сидѣвшаго рядомъ съ принцессой; онъ сказалъ о томъ принцессѣ де-Тарантъ, и она съ трудомъ могла скрыть признательность, наполнявшую ея душу. Она привезла мнѣ цвѣтокъ отъ великой княгини.

Лѣто 1798 г. проводила я въ деревнѣ по Петергофской дорогѣ съ графиней Толстой и принцессой Тарантъ. Чѣмъ болѣе я узнавала послѣднюю, тѣмъ болѣе къ ней привязывалась. Эта прекрасная и пылкая душа способна цѣнить дружбу. Я подмѣчала ежедневно ея увеличивающееся расположеніе ко мнѣ. Ея характеръ, гордый и твердый, дѣйствуетъ успокоительно, въ силу той нравственной опоры, которую онъ представляетъ. Лордъ Витвортъ, англійскій посланникъ¹⁾, жилъ по сосѣдству съ нами. Разсказъ о немъ долженъ войти въ число самыхъ тяжелыхъ моихъ воспоминаній. Давно уже питалъ онъ къ графинѣ Толстой воображаемую страсть, то-есть, желалъ ее погубить, но скрывалъ свои намѣренія подъ личиной самой привлекательной для честной женщины. Никогда не говорилъ онъ ни одного слова, способнаго возмутить ея достоинство, обращался съ ней всегда съ полнымъ уваженіемъ и вниманіемъ. Это притворство продолжалось нѣсколько лѣтъ. Наконецъ она замѣтила внушаемое ею чувство, но недоувѣріе къ себѣ и дружба, занимавшая тогда первое мѣсто въ ея сердцѣ, помогали ей легко избѣгать опасности. Однако сосѣдство это мнѣ не нравилось: я никогда не могла выносить нѣж-

¹⁾ Англійскій посланникъ въ Петербургѣ съ 1788 г., человекъ искательный, но умный и необыкновенно ловкій, по отзыву Наполеона. Род. 1760 г., ум. 1825 г. Знакомство съ Толстыми сближало Витворта съ дворомъ великаго князя Александра Павловича, что было необходимо для Витворта для достиженія его политическихъ цѣлей.

ныхъ чувствъ мужчины къ замужней женщинѣ; я нахожу ихъ даже преступными, въ особенности у челоѣка подъ пятьдесятъ лѣтъ. Въ это время, хотя поведеніе лорда Витворта не было еще предосудительно, но легко можно было замѣтить, что онъ становился все менѣе и менѣе сдержаннымъ. Я остерегалась обратить на то вниманіе графини Толстой: было бы жестоко смутить ея спокойствіе, но послѣдствія вполнѣ оправдали мое безпокойство.

Императоръ вернулся въ концѣ іюня. Императрица и m-lle Нелидова выѣхали къ нему на встрѣчу до Тихвина. Обѣ онѣ были поражены его переменѣю относительно ихъ. Ихъ величества вмѣстѣ вернулись въ Павловскъ, гдѣ императрица приготовила празднество по случаю возвращенія императора. На этомъ праздникѣ въ первый разъ появилась m-me Шевалье, актриса, которая играла вполнѣ такую важную роль въ Петербургѣ. Въ части сада, называемой Сильвией, гдѣ нѣсколько аллей сходятся, образуя огороженную площадку, играли различныя сцены у входа въ каждую аллею. Въ одной шла сцена изъ комедіи, въ другой — изъ балета, въ третьей — изъ оперы и т. д. Обойдя кругомъ всѣ аллеи, приходили къ послѣдней, къ концѣ которой находилась хижина, вокругъ которой выросъ Павловскъ, вслѣдствіе этого сохранявшаяся въ полной неприкосновенности. При входѣ въ эту послѣднюю аллею графъ Вельгорскій, въ костюмѣ отшельника, вышелъ на встрѣчу императору и пригласилъ его войти въ Эрмитажъ, предварительно сказавъ ему нѣсколько привѣтствій. Императоръ послѣдовалъ за нимъ. Позади означеннаго домика онъ увидаль оркестръ, акомпанировавшій хоръ Люсиль: «Гдѣ можетъ быть намъ лучше, чѣмъ у домашняго очага!». Исполнительницами были всѣ великія княгини и княжны. При другихъ условіяхъ это было бы, безъ сомнѣнія, кстати, но не въ данное время, потому что никогда государь не возвращался домой съ чувствами, такъ мало приличествующими отцу семейства. Ужинъ въ садикѣ императрицы, сопровождаемый музыкой, закончилъ это празднество. Погода была дивная, и праздникъ долженъ былъ казаться прелестнымъ тѣмъ, кому это возвращеніе обѣщало только счастливыя минуты, но тотъ, ради котораго онъ давался, хотя и присутствовалъ на немъ, но чувствовалъ крайнюю неловкость, и императрица ожидала неминуемую бурю.

Іюнь мѣсяцъ подходилъ къ концу, и императоръ выказывалъ сильное нетерпѣніе уѣхать въ Петергофъ. Больше или меньше удовольствіе, испытываемое государемъ отъ пребыванія въ Павловскѣ, всегда служило мѣриломъ для придворныхъ, по которому узнавали благосклонность императора къ своей августѣйшей супругѣ. Къ несчастію, императрица заболѣла трехдневной лихорадкой почти въ ту минуту, какъ дворъ долженъ былъ отправиться въ Петергофъ. Эта помѣха очень раздражила императора, и въ досадѣ онъ подумалъ, что государыня притворяется больной, желая пойти ему наперекоръ. Онъ не потру-

дился скрыть отъ нея свое дурное расположеніе духа, и это послужило для императрицы источникомъ дѣлаго ряда неприятностей.

Къ этому времени пріѣхали въ Петербургъ два принца Виртембергскіе¹⁾, братья государыни, бывшіе въ австрійской службѣ. Австрія, объявивъ войну Франціи, предлагала императрицѣ, черезъ братьевъ ея, уговорить его величество присоединиться къ ней. Императрица, въ восторгѣ, что можетъ играть роль, поспѣшно взялась за дѣло и расположила въ его пользу князя Безбородко, который изъ вѣжливости подерживалъ ея домогательство, но государь отвѣчалъ имъ, что, прежде чѣмъ вмѣшиваться въ дѣла своихъ сосѣдей, онъ желаетъ упрочить счастье своей имперіи. Этотъ мудрый отвѣтъ не удовлетворилъ ихъ. Князь Безбородко воспользовался склонностію императора къ церемоніямъ и предложилъ ему сдѣлаться протекторомъ мальтійскаго ордена, а потомъ провозгласить себя его гроссмейстеромъ. Императоръ съ энтузіазмомъ принялъ эту мысль, а это поставило его въ необходимость отстаивать интересы Австріи. Послѣдствіемъ этого союза была блестящая кампанія слѣдующаго года, когда фельдмаршалъ Суворовъ завоевалъ Италію, а также просьба со стороны австрійскаго двора руки великой княжны Александры для эрцъ-герцога Іосифа, венгерскаго палатина.

Какъ только императрица поправилась, дворъ поѣхалъ въ Петергофъ, и тамъ произошли большія перемѣны: удалены были тѣ, которыхъ поддерживала государыня, и которые, въ свою очередь, платили ей тѣмъ же. М-лле Нелидова оставила дворъ и удалилась въ Смольный. Другъ ея, которому она покровительствовала, Буксгевденъ²⁾, военный губернаторъ Петербурга, лишился мѣста и вскорѣ былъ сосланъ въ свое имѣніе въ Ливоніи³⁾. М-лле Нелидова, будучи очень дружна съ его женой⁴⁾, послѣдовала за ними въ ссылку. Графъ Николай Румянцевъ⁵⁾, въ то время церемоніймейстеръ двора, впоследствии канцлеръ, на котораго императоръ смотрѣлъ, какъ на приверженца государыни, ожидалъ съ минуты на минуту высылки, но, по заступничеству великаго князя Александра, указъ о немъ былъ отмѣненъ, хотя только временно: нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ былъ приведенъ въ исполненіе. Это былъ тотъ самый графъ Николай Румянцевъ, который въ то время, когда былъ посланникомъ Россіи во Франкфуртѣ, былъ уполномоченъ императрицей Екатериной вести

¹⁾ Принцы Фердинандъ и Александръ Виртембергскіе.

²⁾ Графъ Федоръ Федоровичъ Буксгевденъ, генераль-отъ-инфантеріи (род. 1750, ум. 1811 г.).

³⁾ Замокъ Лоде, въ Эстляндской губерніи.

⁴⁾ Графиня Наталія Александровна Буксгевденъ, воспитанница Смольнаго монастыря. По преданію, она была дочерью князя Гр. Гр. Орлова, у котораго Буксгевденъ былъ адъютантомъ.

⁵⁾ Графъ Николай Петровичъ (род. 1754, ум. 1826), впоследствии канцлеръ, известный меценатъ.

переговоры о супружествѣ великаго князя Александра съ принцессой Луизой Баденской.

Въ тотъ день, когда императоръ подвергъ его опалѣ, великій князь Александръ подошелъ къ великой княгинѣ Елисаветѣ въ ту минуту, когда спускались съ лѣстницы для вечерней прогулки, и поспѣшно сказалъ ей: «поблагодари отца моего, когда поравняешься съ нимъ: изъ уваженія къ тебѣ онъ отмѣнилъ ссылку графа Румянцева; болѣе не могу сказать тебѣ теперь». Великая княгиня, не вѣшавшаяся ни въ какія интриги и узнававшая о нихъ только при гласно совершившихся фактахъ, была очень удивлена, однако исполнила порученіе своего супруга. Императоръ благосклонно выслушалъ ея признательность и сказалъ ей много любезнаго по этому поводу. У Монплезира вышли изъ экипажа, и пока прогуливались по террасѣ, императрица отвела въ сторону великую княгиню Елисавету и спросила ее: «гдѣ графъ Румянцевъ? говорятъ, онъ со сланъ, такъ ли?» Великая княгиня Елисавета сказала ей простодушно все, что знала. Въ ту минуту подходилъ великій князь Александръ, которому хотѣлось бы избавить мать свою отъ огорченія узнать, что императоръ недоволенъ графомъ Румянцевымъ. Услыхавъ, въ чемъ дѣло, онъ сдѣлалъ серьезное замѣчаніе великой княгинѣ, зачѣмъ она говорила о томъ императрицѣ. Ея величество живо возразила: «теперь, когда всѣ меня оставляютъ, неужели и ты недоволенъ, что только жена твоя откровенна со мной?» Упрекъ былъ несправедливъ, но этотъ отзывъ глубоко тронулъ великую княгиню, желавшую тѣмъ болѣе утѣшить императрицу, что со времени несчастія государыни обращеніе ея съ великой княгиней утратило уже все прежнее высокоомѣріе.

Въ этомъ году дворъ прожилъ въ Петергофѣ до начала августа. Я отправилась туда на праздникъ съ моими двумя подругами и съ племянницей барона Бломъ, датскаго посланника. Великая княгиня Елисавета позволила мнѣ прійти къ ней утромъ въ англійскій паркъ, куда она прибыла съ великой княгиней Анной, а я съ своимъ обществомъ. Великая княгиня Елисавета поговорила со мной въ сторонѣ отъ другихъ, что напомнило мнѣ прежнія, счастливыя времена, но эта аудіенція была послѣдняя въ такомъ родѣ. Дворъ прожилъ еще двѣ недѣли въ Павловскѣ, а оттуда переѣхалъ въ Гатчину. Несмотря на предпочтеніе государя къ этому загородному мѣсту, гдѣ онъ всегда затягивалъ свое пребываніе до поздней осени, на этотъ разъ онъ оставилъ его черезъ шесть недѣль въ виду приближавшагося пріѣзда m-ле Лопухиной. Экзальтированное состояніе его духа внушило ему, вѣроятно, мысль придать своему возвращенію въ городъ болѣе торжественности, чѣмъ обыкновенно. Государь оставилъ Гатчину во главѣ гвардейскихъ и другихъ полковъ, всегда собиравшихся тамъ осенью для маневровъ. Этотъ переходъ сдѣланъ былъ ими и дворомъ въ продолженіе двухъ дней. Ночь провели въ Красномъ Селѣ. Полки расположились лагеремъ, а дворъ занялъ

старинный деревянный дворецъ. Погода была прекрасная, и избранная на этотъ разъ дорога, пролегая по болѣе красивой мѣстности, чѣмъ обыкновенная изъ Гатчины въ Петербургъ, придавала всему шествию праздничный видъ. Великая княгиня Елисавета очень страдала въ первое время своей беременности, тѣмъ болѣе, что дурная дорога внушала ей опасенія, которыя ей приходилось скрывать, потому что она считала объявленіе своего состоянія преждевременнымъ. Она даже боялась одно время какого нибудь осложненія своей болѣзни, но все сошло благополучно, и вечеромъ, въ день приѣзда въ Петербургъ, въ Эрмитажѣ состоялся спектакль.

Недѣли двѣ спустя по возвращеніи въ городъ, приѣхало семейство Лопухиныхъ. Отецъ тотчасъ же былъ назначенъ генераль-прокуроромъ на мѣсто князя Алексѣя Куракина, жена его была возведена въ статсъ-дамы, а дочь Анна во фрейлины. Ничему болѣе не удивлялись уже, въ противномъ же случаѣ возведеніе г-жи Лопухиной въ званіе статсъ-дамы вызвало бы справедливое недовольство ¹⁾. Роду она была незнатнаго, и манеры ея доказывали полное отсутствіе воспитанія; къ тому же извѣстно было, что прошлое ея далеко небезукоризненно. Она была махихой m-lle Лопухиной, которая, вмѣстѣ съ своими двумя младшими сестрами, лишилась еще въ дѣтствѣ своей родной матери. Изъ этихъ двухъ сестеръ одна была замужемъ за г. Демидовымъ. Такая же хорошенькая, какъ m-lle Анна Лопухина, она появилась при дворѣ со всѣмъ семействомъ и даже друзьями и притворялась, будто она страстно влюблена въ великаго князя Александра. Великій князь тщательно избѣгалъ ея, тогда какъ она искала съ нимъ встрѣчи. Императоръ придавалъ выраженію своей склонности рыцарскій характеръ, что могло отчасти облагородить ее, если бы къ ней не примѣшивались разныя причуды. Государь только что сталъ во главѣ гроссмейстерства, роздалъ ордена его членамъ своего семейства; сохранивъ за собой достоинство гроссмейстера ордена, онъ учредилъ въ немъ новыя должности и командорства и, сообразно съ этимъ, увеличилъ число официальныхъ торжествъ при дворѣ. M-lle Лопухина получила Мальтійскій крестъ; она была единственная женщина, которой даровано было это отличіе, за исключеніемъ членовъ императорскаго семейства и графини Скавронской, вышедшей замужъ за графа Литта ²⁾, бывшаго посланникомъ гроссмейстера при русскомъ дворѣ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и являвшагося главнымъ виновникомъ перехода Мальтійскаго ордена подъ покровительство императора.

Имя Анны, которому приписывали мистическій смыслъ божественной благодати, стало девизомъ государя. Онъ поставилъ его

¹⁾ Екатерина Николаевна Лопухина, вторая жена Петра Вас. Лопухина, урожд. Шетнева, махиха Анны Петровны.

²⁾ Графъ Юлій Помпеевичъ.

на знаменахъ своего перваго гвардейскаго полка. Красный цвѣтъ, любимый *m-lle* Лопухиной, сталъ любимымъ цвѣтомъ и императора Павла; слѣдовательно и дворъ отдавалъ ему предпочтеніе. Офицеры и всѣ придворные, за исключеніемъ прислуги, носили этотъ цвѣтъ. Императоръ подарилъ прекрасный домъ *m-lle* Лопухиной на Дворцовой набережной. Онъ ежедневно ѣздилъ къ ней въ каретѣ, запряженной парой лошадей, съ Мальтійскимъ гербомъ и въ сопровожденіи лакея въ красной ливреѣ. Государь полагалъ, что ѣдетъ инкогнито въ этомъ экипажѣ, но въ дѣйствительности его узнавали и при этомъ случаѣ, точно такъ же, какъ тогда, когда онъ ѣздилъ въ обыкновенной своей каретѣ. Можно представить себѣ, какое впечатлѣніе производили на петербургскую публику всѣ эти комедіи! Народъ былъ пораженъ, что государь его болѣе высоко цѣнить честь быть гротескостеромъ Мальтійскаго ордена, чѣмъ русскимъ самодержцемъ. Этотъ орденъ, присоединенный къ государственнымъ регаліямъ, возбуждалъ общія насмѣшки, наравнѣ съ почти театральными сценами выполненія всѣхъ обрядовъ ордена. Нравственный безпорядокъ водворился при дворѣ въ замѣнъ той строгости нравовъ, которую до сихъ поръ самъ императоръ старался установить повсюду. Государь подавалъ теперь примѣръ забвенія своихъ обязанностей, поощряя къ этому и своихъ сыновей. Несмотря на эту распущенность, строгость ко всему, относившемуся къ службѣ, была доведена до высочайшей степени, и нетрудно было предвидѣть возможность произойти отъ того послѣдствія.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, великая княгиня Елисавета объявила о своемъ положеніи. Императоръ, повидимому, былъ тѣмъ очень доволенъ такъ же, какъ и всѣ. Замужество двухъ старшихъ великихъ княженъ Александры и Елены улаживалось. Ожидали пріѣзда въ Петербургъ эрцъ-герцога Иосифа, палатина венгерскаго, который былъ женихомъ первой, и наслѣднаго принца Мекленбургъ-Шверинскаго, искавшаго руки второй. Оба принца пріѣхали, наконецъ, и ихъ пребываніе подало поводъ къ многочисленнымъ баламъ и праздникамъ при дворѣ и въ обществѣ. Балы и безъ того давались часто, чтобы удовлетворить страсть къ танцамъ *m-lle* Лопухиной. Она любила вальсъ, и этотъ танецъ, въ сущности невинный, хотя прежде запрещенный при дворѣ, благодаря ей, былъ снова введенъ при дворѣ. Обычный придворный костюмъ стѣснялъ *m-lle* Лопухину въ танцахъ: она находила его недостаточно элегантнымъ, вслѣдствіе чего вышло повелѣніе, отмѣнившее его, и этому повелѣнію вся молодежь, не исключая и великихъ княгинь, подчинилась съ большой радостью и замѣчательнымъ стараніемъ, которое, однако, огорчило императрицу. Въ виду того, что до тѣхъ поръ она относилась строго къ туалету и даже какъ бы преслѣдовала уклоненія отъ правилъ, что причиняло немало огорченія молодымъ особамъ, нѣкоторыя изъ нихъ торжествовали теперь, когда ея величество вынуждена была, наравнѣ съ

другими, подчиниться нововведенію. Однако, въ виду того, что причина этой перемены могла серьезно огорчить ея величество, многіе дѣйствительно сожалѣли ея.

Эрцъ-герцогъ не могъ надолго продлить свое пребываніе, а потому обрученіе состоялось въ январѣ 1799 г., послѣ чего онъ вскорѣ уѣхалъ.

Въ то же время готовилась война противъ французскихъ революціонеровъ. Императоръ послалъ на помощь Австріи 12.000 войска подъ командой генерала Розенберга, но скупость и мелочность австрійцевъ вывели его изъ терпѣнія, такъ что онъ далъ приказъ вернуть полки къ границѣ. Принцъ Фердинандъ Виртембергскій былъ тогда посланъ вѣнскимъ кабинетомъ къ императору съ просьбой отмѣнить этотъ приказъ. Наконецъ все устроилось согласно желанію австрійскаго двора. Русскій отрядъ былъ подкрѣпленъ 24.000 человекъ, 30.000 посланы были въ Швейцарію, подъ командой генерала Корсакова, 12 линейныхъ кораблей и 24 фрегата ушли въ Голландію. Императоръ вызвалъ изъ ссылки фельдмаршала Суворова и назначилъ его главнокомандующимъ. Суворовъ отправился въ походъ противъ Франціи во главѣ 60.000 человекъ, предназначенныхъ Екатериной II для той же цѣли.

Прежде чѣмъ присоединиться къ арміи, фельдмаршалъ Суворовъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ былъ принятъ императоромъ съ большими почестями, согласно своимъ заслугамъ, и вынужденъ былъ присутствовать на частыхъ празднествахъ, устраиваемыхъ въ то время. Ничто не представляло болѣе сильнаго контраста, какъ присутствіе этого суроваго солдата, одно имя котораго внушало довѣріе въ арміи и уваженіе въ Европѣ, среди безумства и слабостей, рѣзко характеризовавшихъ дворъ. Странно было видѣть среди бальнаго шума Суворова, убѣленнаго сѣдинами, съ худощавымъ лицомъ, которое, повидимому, носило еще слѣды только что испытанной тяжелой ссылки, а также императора, любезно разговаривавшаго то съ нимъ, то съ молодой дѣвушкой, вовсе ничѣмъ особенно не выдающейся, личико которой едва даже было бы замѣчено, если бы оно не обратило на себя вниманія императора. Лопухина имѣла красивую голову, но была невысокаго роста, дурно сложена и безъ граціи въ манерахъ; красивые глаза, черныя брови и волосы того же цвѣта, прекрасные зубы и пріятный ротъ были ея единственными прелестями; небольшой вздернутый носъ не придавалъ изящества ея фигурѣ. Выраженіе лица было мягкое и доброе, и дѣйствительно Лопухина была добра и неспособна ни желать, ни дѣлать чего либо злого, но въ то же время она была недалекаго ума и не получила должнаго воспитанія. Ея вліяніе проявлялось только въ раздачѣ милостей; у нея не было данныхъ, чтобы распространить его на дѣла, хотя любовь государя и низость людей давали ей возможность вмѣшиваться во все. Часто она спрашивала про-

щеніе невинныхъ, съ которыми императоръ поступалъ очень строго въ минуты гнѣва: тогда она плакала или дулась и такимъ образомъ достигала желаемого. Императрица относилась къ ней всегда очень хорошо, чтобы угодить своему супругу. Великія княжны, дочери императора, заискивали въ ней черезчуръ, выказывая ей свое вниманіе; однѣ только великія княгини Елисавета и Анна были съ ней любезны, не переступая границъ должнаго, и то только послѣ приказанія императора, который обратилъ вниманіе на то, что на первомъ балу онѣ не говорили съ m-lle Лопухиной; вообще онѣ болѣе избѣгали, чѣмъ искали ея общества. Примѣры низости людской, которые великая княгиня Елисавета видѣла кругомъ себя, увеличили только гордость ея, и одна мысль дать подумать, что она заискиваетъ въ фавориткѣ, возмущала ее до того, что она готова была поступать наперекоръ; можно было иногда справедливо обвинить ее въ нелюбезности. Великая княгиня Анна, имѣвшая въ то время безграничное довѣріе къ невѣсткѣ, держала себя съ ней одинаково и по той же причинѣ.

Къ дурному обращенію, которое великая княгиня Анна должна была выносить отъ великаго князя Константина съ перваго дня замужества, примѣшивалась еще его невѣрность и своеволіе. Не страшась болѣе гнѣва своего отца, онъ имѣлъ связи, недостойныя его сана, и задавалъ ужины въ своихъ апартаментяхъ актерамъ и актрисамъ. Доктора объявили, что великая княгиня Анна не можетъ вполне выздороветь если она не поѣдетъ на воды въ Богемію. Рѣшено было, что она предприметъ это путешествіе въ мартѣ мѣсяцѣ. Къ тому времени великій князь Константинъ уѣхалъ въ Вѣну, откуда отправился къ русской арміи въ Италію. Справедливость требуетъ сказать, что когда великій князь Константинъ узналъ о состояніи здоровья своей жены, то очень сожалѣлъ о томъ и всѣми силами старался заставить забыть о своемъ поведеніи, но великая княгиня Анна, справедливо раздраженная поступками своего супруга и знавшая, какъ мало можно было полагаться на его характеръ, рѣшила развестись съ нимъ, считая, что предпринимаемое ею путешествіе будетъ удобнымъ случаемъ для приведенія этого плана въ исполненіе. Она мечтала свидѣться съ своимъ семействомъ и легко получить его на то согласіе. Устроиться такимъ образомъ съ великимъ княземъ, думалось ей, было тѣмъ легче, что его не будетъ въ Россіи, и въ концѣ концовъ она объявитъ ихъ величествамъ, что никакая сила человѣческая не заставитъ ее вернуться въ Россію. Этотъ планъ, начертанный 17-ти лѣтней головкой и основанный единственно только на сильномъ желаніи успѣха, былъ сообщенъ великой княгинѣ Елисаветѣ, которая, хотя и предвидѣла болѣе затрудненій, чѣмъ предполагала ея подруга, но все же старалась увѣрить себя въ возможности успѣха, потому что та, которую она любила съ нѣжностію сестры, считала, будто счастье ея

зависитъ только отъ успѣха этого плана. Великому князю Александру, питавшему тѣ же чувства къ своей невѣсткѣ, тяжело было видѣть ее жертвой поведенія своего брата. Онъ вошелъ въ ея положеніе, совѣтовалъ, помогалъ, ободрялъ, и это дѣло, такое серьезное само по себѣ, было рѣшено въ принципѣ безъ всякихъ колебаній, съ легкомысліемъ двухъ великихъ княгинь 17 и 19 лѣтъ и великаго князя 20 лѣтъ. Великая княгиня Анна уѣхала 15-го марта въ сопровожденіи m-me де-Ренне, своей статсъ-дамы, г. Тутолмина и своихъ двухъ фрейлинъ: m-lle Ренне и графини Екатерины Воронцовой¹⁾, молодой особы, чрезвычайно вѣтренной и безразсудной.

Разлука обѣихъ великихъ княгинь была очень трогательна. Въ виду задуманнаго ими плана разлука эта должна была быть долговременной и, можетъ быть, вѣчной; но тѣ, которые присутствовали при ихъ разставаніи и знали, что великой княгинѣ Аннѣ назначено вернуться осенью, приписывали горе обѣихъ великихъ княгинь безпокойству, внушаемому положеніемъ великой княгини Елисаветы, которая ожидала наступленія первыхъ родовъ. Между тѣмъ беременность великой княгини Елисаветы шла прежнимъ, нормальнымъ, обычнымъ путемъ. Я получала свѣдѣнія о великой княгинѣ отъ моего мужа, который имѣлъ честь видать ее часто. Я встрѣтила ее какъ-то весною въ Лѣтнемъ саду, гдѣ мы гуляли съ графиней Толстой и принцессой Тарантъ. Великую княгиню сопровождала княжна Волконская, одна изъ ея фрейлинъ. Я осмѣливалась говорить съ великой княгиней объ ужасномъ предчувствіи, наполнявшемъ мое сердце, и просила ее передать мнѣ обратно всѣ бумаги, полученныя ею отъ меня. Великая княгиня сказала, что уже сожгла ихъ, и приказала мнѣ возвратитъ также и ея бумаги. Я отказалась исполнитъ ея требованіе, прибавивъ, что всѣ ея бумаги будутъ ей навѣрное возвращены послѣ моей смерти.

Строжайшій приказъ отданъ былъ на почтѣ Ростовчинымъ не отправлять нескрытымъ ни одного изъ писемъ великихъ княгинь, которыя онѣ могутъ писать другъ другу. За нѣсколько времени до отъѣзда великой княгини Анны, чиновникъ, котораго великая княгиня знала только по фамиліи, нашель средство дать имъ знать о томъ, прибавивъ, что онъ умоляетъ ихъ не употреблять ни симпатическихъ чернилъ и никакихъ другихъ средствъ, принятыхъ во избѣжаніе почтоваго контроля: всѣ эти средства были извѣстны, и противъ нихъ принимались мѣры. Обѣ великія княгини, тронутыя поступкомъ чиновника и признательныя за это предупрежденіе, тѣмъ болѣе, что онѣ надѣялись вести откровенную переписку условнымъ порядкомъ, ограничились самой незначительной корреспонденціей.

Великая княгиня Елисавета огорчена была разлукой, которая не должна была, повидимому, продолжаться болѣе семи мѣсяцевъ, но ко-

¹⁾ Графиня Екатерина Артемьевна Воронцова, дѣвица, р. 1780 г., † 1836 г.

торую она въ душѣ считала, быть можетъ, вѣчной; она съ большимъ основаніемъ могла бы сокрушаться о горестяхъ, ожидавшихъ ее самое въ продолженіе этого короткаго времени, еслибъ она имѣла возможность ихъ предвидѣть.

XVI.

Удаленіе отъ двора друзей великаго князя Александра.—Князь Голицынъ.—Обрученіе великой княжны Елены Павловны и рожденіе великой княжны Маріи Александровны.—Увольненіе графа Головина отъ двора.—Неудовольствіе на Головиныхъ великаго князя Александра и великой княгини Елисаветы.—Князь Адамъ Чарторижскій.—Помолвка княжны Лоцухиной съ кн. Гагаринымъ.—Тягостное положеніе Головиной.—Шутка Огара.—Пріѣздъ въ Россію великой княгини Анны Оеодоровны.—Бракосочетаніе великихъ княженъ Елены Павловны и Александры Павловны.—Отѣздъ великой княжны Александры Павловны въ Австрію.

Князь Безбородко умеръ въ апрѣлѣ мѣсѣцѣ, и вслѣдъ затѣмъ графъ Ростовчинъ получилъ портфель министра иностранныхъ дѣлъ. Уже управляя почтою, графъ занималъ важныя должности и пользовался полнымъ довѣріемъ императора. По волѣ судьбы, именно въ это время всѣ лица, которымъ великій князь Александръ выказывалъ дружбу и довѣріе, были одинъ за другимъ удалены отъ него. Я приписываю этотъ фактъ судьбѣ, потому что графъ Ростовчинъ оправдался впоследствии, что не онъ былъ виновникомъ этого, но въ то время всѣ приближенные великаго князя старались увѣрить его, что графъ не ограждалъ его или даже старался ему повредить. Нельзя потому удивляться, что все, вмѣстѣ взятое, должно было заставить великаго князя убѣдиться въ томъ, что онъ справедливо могъ обвинять графа, какъ виновника его горя, вызваннаго удаленіемъ отъ него всѣхъ его друзей. Князь Александръ Голицынъ первый подвергся этой участи. Онъ былъ внезапно высланъ изъ Петербурга съ приказаніемъ отправиться въ Москву и съ запрещеніемъ губернатору этого города дозволить ему выѣздъ оттуда. Было также предписано держать подъ строжайшимъ надзоромъ князя Голицына, а также слѣдить за всѣмъ тѣмъ, что имѣетъ къ нему отношеніе.

Князь Александръ Голицынъ былъ камеръ-пажемъ въ царствованіе императрицы Екатерины. Она всегда была къ нему очень благосклонна, потому что у него былъ салонный умъ, а онъ выказывалъ ей безграничную привязанность, можно сказать, боготворилъ ее. Вскорѣ по выходѣ изъ пажей, императрица Екатерина сдѣлала его камеръ-юнкеромъ при дворѣ великаго князя Александра. Умъ Голицына и качества пріятнаго собесѣдника пріобрѣли ему въ скоромъ времени особенную благосклонность и даже довѣріе великаго князя. Такъ какъ Голицынъ былъ небольшого роста, то его обыкновенно

называли: «*petit Galitzin*». Характера очень веселаго, склада ума сатирическаго, но вовсе не склоннаго къ интригамъ, онъ, какъ и все общество того времени, не вмѣшивался въ дѣла. Желая объяснить строгость, съ какою императоръ поступилъ съ княземъ Голицынымъ, распространили слухъ, будто онъ содѣйствовалъ интригѣ между великимъ княземъ и г-жею Шевалье. Эта актриса, фаворитка Кутайсова, чрезвычайно ухаживала за великимъ княземъ, такъ что онъ, прельщенный ея красотой и граціей, склонялся ко взаимности. Предполагали, будто князю Голицыну поручено было вести эту интригу, и что Кутайсовъ, изъ ревности, будучи не въ состояніи отмстить самому великому князю, отплатилъ за все его комиссіонеру. Какъ бы то ни было, но великій князь былъ очень огорченъ строгостью, проявленной по отношенію къ князю Голицыну, и его удаленіемъ.

Въ первыхъ числахъ мая дворъ переѣхалъ въ Павловскъ, и обрученіе великой княжны Елены было тамъ торжественно отпраздновано¹⁾. 18-го мая, у великой княгини Елисаветы родилась дочь²⁾. Императоръ, повидимому, былъ очень доволенъ рожденіемъ великой княжны, о чемъ ему было доложено въ ту самую минуту, когда курьеръ изъ армии привезъ ему непріятельскія знамена и извѣстіе о побѣдѣ, одержанной Суворовымъ въ Италіи³⁾. Государю пріятно было сопоставлять эти оба случая, и онъ, шутя, объявилъ себя покровителемъ новорожденной, появленіе на свѣтъ которой никого не радуешь, потому что она не мальчикъ.

Рожденіе маленькой великой княжны очень обрадовало меня. Я поѣхала въ Павловскъ на крестины⁴⁾. Утромъ того дня императоръ позволилъ великому князю Александру просить у него какой угодно милости для чиновъ его двора. Великій князь испросилъ орденъ св. Александра Невскаго для графа Толстого, орденъ св. Анны для г. Ададурова, своего камергера, и орденъ св. Екатерины I-го класса для графини Шуваловой. Какъ скоро указы о томъ были подписаны и дошли до свѣдѣнія графа Ростопчина, онъ поѣхалъ сказать императору, что несправедливо было бы съ его стороны не дать ордена св. Александра и моему мужу, который былъ гофмейстеромъ при дворѣ его сына и служилъ ему всегда вѣрой и правдой. Императоръ уступилъ представленіямъ Ростопчина и приказалъ напомнить ему про орденъ послѣ церемоніи крещенія. Мы ничего про то не знали. Я провела ночь въ Царскомъ Селѣ и прибыла въ Павловскъ, какъ разъ къ выходу двора въ церковь. Церемонія крещенія очень тронула меня, особенно въ ту минуту,

¹⁾ Обрученіе великой княжны Елены Павловны съ наслѣднымъ принцемъ Мекленбургъ-Шверинскимъ совершено было 5 мая 1799 г.

²⁾ Великая княжна Марія Александровна, † 27 іюля 1800 г.

³⁾ О пораженіи французовъ на рѣкѣ Аддѣ.

⁴⁾ 29 мая 1799 г.

когда императоръ самъ поднесъ дитя къ причастію. Онъ сдѣлалъ это съ чувствомъ, не ускользнувшимъ отъ общаго вниманія. Когда я вернулась въ гостиную, въ ожиданіи обѣда, мужъ мой подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Толстому дадутъ сейчасъ орденъ св. Александра по желанію великой княгини. Если у тебя спросятъ, долженъ ли и я его получить,—отвѣчай, что тебѣ это неизвѣстно».

Императоръ, войдя въ свой кабинетъ, позвалъ Кутайсова и сказалъ ему: «Ростопчинъ говорилъ мнѣ сегодня утромъ о чемъ-то, что я долженъ сдѣлать, а я забылъ о чемъ. А, помню! Позовите ко мнѣ Головина и принесите орденъ св. Александра». Какъ только мужъ мой вошелъ въ кабинетъ, какъ императоръ пошелъ ему на встрѣчу. «Я едва было не сдѣлалъ самой большой несправедливости,—сказалъ онъ ему,—спѣшу загладить разсѣянность моего сына: никто болѣе васъ не заслуживаетъ его участія и благосклонности». Его величество приказываетъ Кутайсову скорѣе сообщить великому князю, что онъ только что вручилъ орденъ св. Александра лицу, наиболѣе достойному получить этотъ знакъ отличія. Въ ту минуту вошла въ кабинетъ императрица Марія. Императоръ сдѣлалъ знакъ моему мужу, чтобы онъ не благодарилъ ея. Она была поражена аудіенціей, которою удостоенъ былъ мой мужъ, а въ особенности орденскою лентой, которую она увидала на немъ. Насъ увѣряли, будто она тому противилась. По выходѣ ея изъ кабинета, императоръ сказалъ моему мужу: «Я вамъ сдѣлалъ знакъ не благодарить ее. Увѣряю васъ, что не за что». Мужъ мой былъ затѣмъ у великаго князя, который принялъ его съ замѣшательствомъ. Мужъ мой высказалъ, какъ ему тяжело было не имѣть возможности приписать полученіе этого ордена участію его высочества: великій князь достаточно зналъ его, говорилъ онъ, и могъ быть увѣренъ, что онъ цѣнилъ не орденъ, а его мнѣніе. Затѣмъ, увлекшись живостью своего характера, онъ позволилъ себѣ высказать ему суровую истину, чего подданный не долженъ допускать, разговаривая съ своимъ государемъ, изъ какого бы чистаго источника ни происходило его намѣреніе; въ концѣ концовъ, онъ попросилъ у великаго князя позволенія оставить его дворъ. Великій князь хотя и противился этому намѣренію, но слабо. Прямо отъ великаго князя мужъ мой пошелъ благодарить великую княгиню Елисавету. Она вовсе не догадывалась о происшедшемъ и поручила ему передать мнѣ, чтобы я навѣстила ее. Я застала ее лежащей на кушеткѣ. Княжна Четвертинская сидѣла возлѣ нея. Визитъ мой былъ кратокъ: я стѣснялась присутствіемъ княжны. Простившись съ великой княгиней, я пошла въ апартаменты графини Толстой. Мужъ мой скорѣе пришелъ туда и рассказалъ мнѣ все, только что переданное мною. Я очень этимъ огорчилась. Мужъ мой признался, что ему труднѣе всего было скрыть все, происходившее въ его сердцѣ, во время своего посѣщенія великой княгини, вниманіемъ которой

онъ болѣе всего дорожилъ. Онъ прибавилъ, что все, готовившееся противъ нея въ средѣ окружавшихъ великаго князя, было одною изъ главныхъ причинъ, побуждавшихъ его оставить дворъ, такъ какъ онъ не сомнѣвался въ невозможности помочь горю. Сначала онъ просилъ даже уволить его въ отставку, однако императоръ позволилъ ему оставить дворъ, но не службу. Его величество положительно требовалъ, чтобы онъ принялъ какое либо мѣсто. Мужъ мой, не желая ослушаться, рѣшилъ просить себѣ мѣсто президента почтоваго департамента, главнымъ директоромъ котораго былъ графъ Ростопчинъ. Императоръ согласился и заставилъ его, кромѣ того, принять мѣсто сенатора¹⁾.

Я не могу выразить, насколько эта перемѣна въ моемъ положеніи была для меня тягостна. Она подала поводъ къ тысячѣ предположеній, одно другого обиднѣе. Враги наши съ гнуснымъ злорадствомъ имѣли теперь возможность вести свои интриги, прикрывая свою клевету кажущимся видомъ истины. Удаленіе моего мужа отъ двора великаго князя былъ первымъ предметомъ ихъ недоброжелательныхъ толковъ. Вотъ какъ они представили его великой княгинѣ. Всѣ эти подробности узнала я, много времени спустя.

На другой день послѣ крестинъ своей дочери великій князь Александръ сообщилъ своей супругѣ, что императоръ предоставилъ на его усмотрѣніе дать орденъ Александра Невскаго или моему мужу, гофмейстеру его двора, или графу Толстому—гофмаршалу. Такъ какъ графъ Толстой всегда находился при немъ, дѣятельно и неутомимо исполняя самыя тяжелыя обязанности своей должности, то онъ считалъ вполнѣ справедливымъ представить къ ордену графа Толстого, а не мужа моего, который удалялся отъ великаго князя; но графъ Говинъ обидѣлся этимъ предпочтеніемъ и тотчасъ же испросилъ свое увольненіе, промѣнявъ свое положеніе при дворѣ великаго князя на президентство почты въ вѣдѣніи графа Ростопчина. Великій князь въ свою очередь, казалось, былъ очень оскорбленъ поведеніемъ моего мужа и, въ особенности, этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ. Переходя поспѣшно въ департаментъ, зависящій отъ графа Ростопчина, тогда перваго министра и, повидимому, всемогущаго, мужъ мой какъ бы пренебрегалъ вниманіемъ великаго князя и дѣйствовалъ по заранѣе подготовленному плану. Такъ смотрѣлъ на дѣло великій князь. Онъ повторялъ съ большимъ сожалѣніемъ: «Могъ ли я когданибудь думать, что Головинъ, котораго я считалъ истинно мнѣ преданнымъ, оставить меня подъ предлогомъ обиды изъ-за ордена! Его соблазняетъ фаворъ. Онъ справедливо полагаетъ, что ему

¹⁾ Графъ Ростопчинъ назначенъ былъ главнымъ директоромъ почтоваго правленія 31 мая 1799 года; вслѣдъ затѣмъ 6-го іюня того же года гофмейстеръ двора великаго князя Александра Павловича графъ Головинъ назначенъ былъ президентомъ почтоваго департамента и присутствующимъ въ первомъ департаментѣ сената.

будеть лучше быть подъ начальствомъ Ростопчина: такимъ образомъ онъ укрывается отъ всякихъ случайностей; но я не ожидалъ отъ него такого поступка». Великій князь, судившій только по приведеннымъ мною фактамъ, съ той же точки зрѣнія представилъ это дѣло и великой княгинѣ. Всѣ, кому ихъ высочества говорили о немъ, судили въ томъ же духѣ, и великая княгиня горячо раздѣляла неудовольствіе великаго князя противъ моего мужа. Она не обвиняла меня, будучи увѣрена, что я страдаю отъ всего происшедшаго: она жалѣла меня и вѣрила еще въ мою неизмѣнную преданность. Однако старались и меня очернить въ ея глазахъ; притомъ печально сложившіяся обстоятельства ввели ее въ заблужденіе на мой счетъ. Возвратимся теперь къ болѣе отдаленному прошлому, подготовившему событія, о которыхъ теперь будетъ идти рѣчь.

Съ начала прошлой зимы (1798 г.) великій князь Александръ заставилъ князя Адама Чарторижскаго оставить военную службу. Бывшій адъютантъ великаго князя сталъ гофмейстеромъ двора великой княгини Елены Павловны. У князя Чарторижскаго не было ни расположенія, ни влеченія къ мелочамъ службы, а между тѣмъ, въ глазахъ императора, онъ и вмѣнялись въ наибольшую заслугу каждому. Его величество поговаривалъ, не дать ли ему команды надъ баталіономъ или даже полкомъ, но великій князь, содрогаясь при мысли, что государь можетъ открыть неспособность князя къ капальной службѣ, предупредилъ немилость, которой онъ бы, навѣрное, подвергся въ такомъ случаѣ, и предоставилъ ему мѣсто, о которомъ я говорила. Эта перемѣна, въ сущности, не измѣнила ничего. Великій князь сохранялъ ту же привычку къ князю и то же фамиллярное съ нимъ обращеніе. Новая должность требовала присутствія Чарторижскаго при дворѣ, за которымъ онъ слѣдовалъ всюду, и, кромѣ того, императоръ предоставилъ ему должность по Мальтійскому ордену. Несмотря на это, великій князь и самъ князь Чарторижскій были тайно убѣждены, что этотъ послѣдній вскорѣ упадетъ въ немилость у императора. Неспособный по своему характеру ко всѣмъ придворнымъ интригамъ, къ низости и заискиванію, свойственному обыкновеннымъ придворнымъ (таково было мнѣніе, которое онъ сумѣлъ въ то время внушить о себѣ ихъ императорскимъ высочествамъ), онъ дѣйствительно дорожилъ только великимъ княземъ, не имѣлъ и не думалъ искать никакой другой опоры. Однако ея одной недостаточно было въ то бурное и перемѣнчивое время. Великій князь заранѣе предвидѣлъ катастрофу, которая должна была удалить его отъ друга, и уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ предложилъ князю Чарторижскому оставить у него бумаги, которыя опасно было бы князю держать при себѣ ¹⁾.

¹⁾ Князь Адамъ Чарторижскій удаленъ былъ отъ великаго князя Александра и 12-го августа назначенъ министромъ къ королю Сардинскому.

Немедленно по выздоровлении великой княгини Елисаветы дворъ отправился въ Петергофъ. Я проводила лѣто противъ Каменнаго острова, въ деревнѣ, принадлежавшей моей свекрови ¹⁾. Эта уважаемая женщина съ годъ уже какъ умерла. Графиня Толстая жила со мной. Мы нѣсколько разъ ѣздили въ Петергофъ на благодарственные молебны, по случаю побѣдъ нашей арміи.

Суворовъ покрылъ себя безсмертными лаврами. Имя его возбуждало благоговѣніе и уваженіе. Императоръ далъ ему титулъ генералиссимуса и пожелалъ, чтобы его поминали на эктени за общедней наравнѣ съ императорскою фамиліей.

Въ Петергофѣ произошло, между тѣмъ, довольно интересное событіе. Императоръ былъ однажды у м-ле Лопухиной и получилъ при ней извѣстіе изъ арміи о новой побѣдѣ. Въ донесеніи Суворовъ прибавлялъ, что въ скоромъ времени отправить полковника князя Гагарина съ непріятельскими знаменами и съ болѣе точными подробностями объ этой побѣдѣ. Это извѣстіе произвело на м-ле Лопухину сильное впечатлѣніе, которое она напрасно старалась скрыть отъ императора. Не будучи въ состояніи устоять противъ его просьбъ и, наконецъ, противъ его повелѣнія, она бросилась на колѣна передъ нимъ и призналась, что знала князя Гагарина въ Москвѣ, что онъ былъ влюбленъ въ нее, и что изъ всѣхъ ухаживателей онъ одинъ заинтересовалъ ее. Она прибавила, что не могла оставаться равнодушною къ извѣстію о предстоявшемъ свиданіи съ нимъ, и что она полагается на великодушіе императора относительно ихъ обоихъ. Императоръ съ большимъ волненіемъ выслушалъ это признаніе и съ внезапнымъ порывомъ принялъ рѣшеніе устроить замужество м-ле Лопухиной съ княземъ Гагаринымъ, который пріѣхалъ нѣсколько дней спустя ²⁾. Онъ былъ прекрасно принятъ императоромъ, опредѣленъ въ 1-й гвардейскій полкъ, и въ скоромъ времени объявлена была женитьба и назначеніе генераль-адъютантомъ его величества ³⁾.

Возвращаюсь къ тому, что происходило вокругъ меня. Не могу пройти молчаніемъ нѣкоторыхъ событій, послужившихъ подготовле-

¹⁾ Головинская дача, у Черной рѣчки, нынѣ принадлежащая Воспитательному Дому.

²⁾ 7-го іюля 1799 года при дворѣ было молебствіе по случаю побѣды Суворова надъ французами при рѣкѣ Треббін. Извѣстіе о ней привезъ наканунѣ, какъ курьеръ отъ Суворова, майоръ, князь Павелъ Гавриловичъ Гагаринъ, который тотчасъ же пожалованъ былъ командорскимъ крестомъ ордена свит. Іоанна Іерусалимскаго.

³⁾ Князь П. Г. Гагаринъ, майоръ и адъютантъ Суворова, 19 іюля 1799 года пожалованъ былъ въ полковники, съ опредѣленіемъ въ лейбъ-гвардію Преображенскій полкъ, въ баталіонъ его величества. 11-го января 1800 года княжна Анна Петровна Лопухина благодарила императрицу за дозволеніе вступить въ бракъ съ Гагаринымъ, которому уже было пожаловано званіе генераль-адъютанта, а 8-го февраля совершено было ихъ бракосочетаніе.

ніемъ къ моимъ горестямъ. Я чрезвычайно была убита кончиной графини Шёнбургъ, послѣдовавшей около того времени. Принцесса Тарантъ была въ этомъ случаѣ моимъ ангеломъ хранителемъ, вслѣдствіе глубокаго участія, съ которымъ она раздѣляла мое горе. Графиня Толстая часто оставляла меня и уѣзжала въ Петергофъ. Мужъ ея сбросилъ маску, втерся въ милость у императора и императрицы и началъ разыгрывать роль ревниваго мужа. Лордъ Витвортъ все болѣе и болѣе ухаживалъ за его женой. Графъ Толстой готовъ былъ очернить меня, приписывая мнѣ такую роль, которую я не только исполнить, но и понять не могла. Съ невыразимой горестью видѣла я, что графиня Толстая удаляется отъ меня. Я указывала ей на опасность, которой она, повидимому, подвергалась, но голосъ мой не доходилъ болѣе до ея сердца, которое становилось слабымъ и ненормальнымъ. Она сошлась съ m-me де-Бломъ, которая сопровождала ее въ поѣздкахъ и прогулкахъ. Это была очень хорошая дѣвушка, но слабая и уступчивая, тогда какъ надо было сдерживать нѣкоторыя неосторожныя дѣйствія графини. Приближался петергофскій праздникъ, и я думала, что мнѣ слѣдуетъ поѣхать на него изъ приличія, хотя я къ тому вовсе не была расположена, но прежде чѣмъ рѣшиться на это, я написала великой княгинѣ, спрашивая, не будетъ ли ей непріятно мое присутствіе, и могу ли я еще рассчитывать на ея расположеніе ко мнѣ. Я высказала ей, что все происходившее дѣлаетъ меня очень несчастной, что я не виновата во всѣхъ этихъ перемѣнахъ, и умоляла ее отвѣтить мнѣ совершенно искренно. Графиня Толстая взялась передать мое письмо. Великая княгиня отвѣтила мнѣ ласково и успокоительно. Я поѣхала на балъ. Съ безпокойствомъ ловила я взглядъ великой княгини. Видъ ея, холодный и равнодушный, очень огорчилъ меня, и я съ трудомъ удержалась отъ слезъ. Принцесса Тарантъ была почти такъ же огорчена, какъ и я, и не оставляла меня: ей легче другихъ было судить о моихъ чувствахъ. На другое утро я отправилась гулять въ Монплеизръ, гдѣ я надѣялась встрѣтить великую княгиню Елисавету. Дѣйствительно, она была тамъ. Я умоляла ее объяснить мнѣ причину ея холодности со мной. Я сказала ей, что если бы могла это предвидѣть, то ни за что на свѣтѣ не пріѣхала бы на этотъ праздникъ, что строки ея, дышавшія добротой, какъ и она сама, заставили меня принять это рѣшеніе. Великая княгиня сдѣлала все возможное, чтобы избѣжать объясненія, и я ясно видѣла, что ея ангельская душа страдала отъ огорченія, которое она мнѣ причиняла. Я замолчала. Мы разстались, и я дала себѣ слово молча страдать и никогда не жаловаться. Однако сердечное горе разстроило мое здоровье. Я чувствовала, что жизнь моя зависѣла отъ той, которая теперь отталкивала меня. Опасныя и тяжелыя чувства, наполнявшія сердце графини Толстой, усиливали мое горе. Болѣе чѣмъ когда либо я оцѣнила дружбу принцессы Тарантъ; она стала моимъ утѣ-

шеніемъ, моею силой и опорой. Жалѣю тѣхъ, которые незнакомы съ этимъ чувствомъ, посланнымъ Провидѣніемъ: оно, какъ чистый источникъ, смягчаетъ черствость души. Несмотря на печаль, въ которую я была погружена, бывали минуты, когда невозможно было не раздѣлить любезнаго и веселаго настроенія духа, характеризовавшаго хорошаго знакомаго нашего, шевалье д'Огарь.

При дочери графини Толстой была англичанка, до страсти любившая рѣчныя купанья. Мы устроили плавучую купальню, и она въ нее часто ходила. Мужъ мой велѣлъ пустить туда пискарей, наловленныхъ въ пруду, чтобы ихъ очистить. М-ле Эмри, ничего не подозрѣвая, спокойно вошла въ купальню и была тамъ вся покрыта рыбой. Удивленіе ея было чрезвычайно, и это приключеніе подало поводъ къ разнаго рода шуткамъ. Шевалье д'Огарь, жившій тогда у насъ, написалъ пародію на проклятіе Камиллы. Въ этихъ стихахъ онъ заставлялъ ее говорить противъ моего мужа. Вотъ эта невинная шутка, которая можетъ быть вездѣ помѣщена:

Golovin, fier objet de mon juste dédain,
 Toi qui détruis ma joie en salissant ton bain,
 Golovin, que je hais parce que l'on t'adore,
 Toi, que je veux blâmer parce que l'on t'honore.
 Puissent tous les voisins ensemble conjnrés
 Sapper de Nicolsky ¹⁾ les murs mal assurés!
 Et si ce n'est assez de toute ton Ingrie
 Que l'ouest au midi et au nord se rallie!
 Que cent hommes venus des champs de Sabakine
 Entraînent Stroganof, Zagriaski, Narichkine!
 Que ton château sur toi renverse ses murailles
 Puisses-tu, Président, Sénateur des enfers
 Y rôtir sur un tas de fagots toujours verts!
 Puissent tes vieux moulins te broyer sous leurs meules,
 Ton fumier t'étouffer et te pommer la gueulle,
 Que tes ruisseaux, desséchés à ma voix
 Deviennent des étangs de bitume et d'empois.
 Puisse je de mes yeux dans un champs toujours maigre
 Voir croître des chardons et pleuvoir du vinaigre,
 A mon dernier repas voir ton dernier saumon,
 Le manger et mourir d'une indigestion ²⁾.

¹⁾ Никольское, названіе нашего имѣнія противъ Каменнаго острова. Примѣчаніе графини Головиной. — Нынѣ Головинская дача Воспитательнаго Дома у Черной рѣчки.

²⁾ Головинъ, ты который уничтожаешь мое удовольствіе, засоряя свою купальню, Головинъ, котораго я ненавижу, потому что всѣ тебя обожаютъ, ты, котораго я одна хочу осудить, потому что всѣ тебя почитаютъ, пускай всѣ твои сосѣди, сговорившись вмѣстѣ, подведутъ подкопы подъ некрѣпкія стѣны Никольскаго и, если недостаточно всей твоей Ингрии, пускай западъ присоединится къ югу и къ сѣверу на подмогу. Пускай сотня людей, пришедшихъ съ полей Собавина, увлекутъ въ плѣнъ Строганова, Загряжскаго, Нарышкина! Пускай ты, президентъ, сенаторъ ада, могъ бы жариться тамъ на грудѣ всегда свѣжаго хворосту! Пускай твои старыя мельницы сотрутъ тебя подъ своими жерновами! Пу-

Въ началѣ августа дворъ вернулся въ Павловскъ. Здѣсь я сдѣлалась предметомъ самой гнусной интриги... Я искренно принимала къ сердцу горести великой княгини и была далека отъ мысли, что меня обвиняли въ какихъ бы то ни было интригахъ. Ея высочество считала, между тѣмъ, несомнѣннымъ, что я была причиной испытываемыхъ ею непріятностей. Въ ранней молодости всѣ крайнія мнѣнія кажутся наиболѣе правдоподобными. Легко вѣрится тогда самымъ увлекательнымъ добродѣтелямъ, но когда бывають случайно вынуждены видѣть дурную сторону человѣческаго сердца, скорѣе повѣряютъ самому гнусному преступленію, чѣмъ тонко веденной интригѣ. Первая ошибка въ жизни великой княгини относилась къ предметамъ, имѣвшимъ большія послѣдствія и слишкомъ близкимъ къ ея сердцу; оттого ошибка эта и причинила ей сильное горе. Она полагала, что ей самымъ ужаснымъ образомъ измѣнила та, которую она нѣжно любила, и привязанность которой считала неизмѣнною. Вскорѣ, однако, ея негодованіе придало ей достаточно силы и рѣшимости не выказывать тѣмъ, которые ее огорчали (кто бы то ни были), что они въ томъ успѣли. Это поведеніе возвратило ей ея достоинство въ свѣтѣ и дома. Великая княгиня старалась, однако, отогнать отъ себя мысль о моемъ мужѣ и обо мнѣ. Съ тѣхъ поръ она смотрѣла на насъ, какъ на своихъ открытыхъ враговъ.

За нѣсколько дней до отъѣзда двора изъ Гатчины императрица изъявила желаніе устроить праздникъ для императора по случаю приближавшихся свадебъ великихъ княженъ Александры и Елены, въ послѣдній разъ покидавшихъ Павловскъ. Императрица высказала великой княгинѣ Елисаветѣ свое желаніе, чтобы она приняла участіе въ прощальной кантатѣ, которую молодыя великія княгини должны были пропѣть императору. Великая княгиня Елисавета, оскорбленная подобнымъ предложеніемъ при обстоятельствахъ, въ которыхъ она находилась, испросила объясненія у императрицы по этому поводу и почтительно объявила, что ей невозможно обращаться къ императору съ нѣжными и любезными фразами въ то время, какъ онъ глубоко огорчилъ великаго князя и обращается съ нею съ обиднымъ пренебреженіемъ. Императрица притворилась удивленной и увѣряла, будто ничего и не слыхала подобнаго. Однако она ничего не возразила, когда великая княгиня категорически высказала, что не возьметъ на себя никакой роли въ приготовляемомъ празднествѣ.

Въ то время, какъ дворъ ожидалъ въ Гатчинѣ приѣзда эрцгерцога палатина и двухъ свадебъ—великихъ княженъ Александры и

скай твоя грязь задушить тебя, а ручки твои съ дурнымъ запахомъ, засохшіе при звукѣ моего голоса, стануть прудами съ горной смолой и иломъ! Ахъ, еслибъ на твоемъ всегда тощемъ полѣ я могла видѣть, какъ растутъ терніи, и льется укусъ подобно дождю! Еслибъ я могла за моимъ послѣднимъ обѣдомъ видѣть вою послѣднюю семгу, затѣмъ съѣсть ее и умереть отъ несваренія желудка!

Елены, великая княгиня Елисавета получила от великой княгини Анны извѣстіе о ея скоромъ возвращеніи безъ всякихъ подробностей. Наканунѣ дня свадьбы великой княжны Елены, въ началѣ октября, императоръ самъ привезъ великую княгиню Анну въ ея апартаменты, смежные съ комнатами великой княгини Елисаветы. Обѣ обѣ выказали радость при свиданіи, въ присутствіи его величества, и въ ту минуту государь сказалъ нѣсколько словъ великой княгинѣ Елисаветѣ, забывъ, повидимому, свою строгость относительно ея¹⁾.

— «Вотъ и она!—сказалъ его величество очень довольнымъ тономъ, представляя великую княгиню Анну великой княгинѣ Елисаветѣ.—Все-таки она къ намъ вернулась,—прибавилъ онъ,—и съ очень добрымъ лицомъ»...

Но съ слѣдующаго же дня государь опять упорно не обращалъ ни слова къ великой княгинѣ Елисаветѣ въ продолженіе шести недѣль. Какъ только великія княгини остались однѣ, великая княгиня Елисавета высказала своей невѣсткѣ удивленіе по случаю ея внезапнаго, неожиданнаго приѣзда и спросила, что стало съ ея планами, составленными передъ отъѣздомъ. Тогда она узнала отъ великой княгини Анны, что императоръ былъ, вѣроятно, увѣдомленъ о ея намѣреніи, потому что ранѣе, чѣмъ она успѣла приготовить все для его исполненія, г. Ростопчинъ написалъ г. Тутолмину, сопровождавшему великую княгиню, самыя угрожающія письма, предвидя возможность, что великая княгиня будетъ просить у императора позволенія продлить свое пребываніе въ Германіи. Письма эти повторились, и наконецъ пришло письмо, назначавшее безотлагательно возвращеніе великой княгини къ предполагавшимся свадьбамъ. Испуганная угрозами Ростопчина и страшась навлечь весь гнѣвъ императора на сопровождавшихъ ее особъ, она рѣшилась поинноваться²⁾.

Свадьба великой княгини Елены съ наслѣднымъ принцемъ Мекленбургъ-Шверинскимъ была отпразднована 6-го октября³⁾. Свадьба великой княгини Александры съ эрцгерцогомъ-палатиномъ состоялась 8 или 10 дней спустя⁴⁾. Государю было угодно, чтобы послѣдующіе праздники, церемоніи и представленія состоялись со всей приличествующей помпой и великолѣпіемъ, но гатчинскій дворецъ былъ для того неудобенъ: онъ былъ слишкомъ малъ и не могъ достойнымъ образомъ вмѣстить въ своихъ стѣнахъ все петербургское

¹⁾ Великая княгиня Анна Феодоровна возвратилась въ Гатчину изъ-за границы 11 октября 1799 г.

²⁾ Эти извѣстія графини Головиной съ изумительною точностію подтверждаются дневникомъ гр. Ростопчина.

³⁾ Вѣнчаніе великой княжны Елены Павловны съ наслѣднымъ принцемъ Мекленбургъ-Шверинскимъ происходило 12 октября 1799 г.

⁴⁾ 21 октября.

общество, такъ что особы, которыя, по положенію и по рангу, должны были непремѣнно присутствовать на этихъ церемоніяхъ, едва могли размѣститься въ Гатчинѣ. Отдѣльное помѣщеніе во дворцѣ, гдѣ давались домашніе спектакли, крайне мизерныя квартиры первыхъ чиновъ двора и лицъ, принадлежавшихъ къ высшему петербургскому обществу, грязь и осеннее небо, покрытое туманами, придавали этому торжеству печальный видъ для жертвъ, обреченныхъ жить въ этихъ квартирахъ, и смѣшной—для актеровъ и зрителей, поставленныхъ въ самое лучшее положеніе. Я не прочь причислить къ числу жертвъ наслѣдника престола съ его супругой, вспоминая, что изъ повиновенія къ волѣ императора, желавшаго, чтобы великимъ княземъ устроенъ былъ балъ, пришлось выселить маленькую великую княжну, для которой не было другого убѣжища, кромѣ комнаты ея матери. Праздники продолжались до ноября. Они непрерывно возобновлялись и должны были получать главный интересъ вслѣдствіе благопріятныхъ извѣстій изъ арміи. Суворову пожалованъ былъ титулъ князя италійскаго, а великій князь Константинъ, бывшій зрителемъ побѣдъ Суворова, получилъ титулъ цесаревича, до того времени исключительно принадлежавшій наслѣднику престола. Императоръ объявилъ, что проведетъ всю зиму въ Гатчинѣ. Всѣ чувствовали невозможность осуществить это рѣшеніе, такъ какъ Гатчина была неудобна для помѣщенія такого большого двора въ продолженіе суровой зимы. Но государь не привыкъ слушать возраженія, всѣ молчали, и его величество полагалъ, что всѣ затрудненія имъ устранены.

Великая княгиня Александра, сдѣлавшись эрцгерцогиней, уѣхала съ супругомъ въ концѣ ноября¹⁾. Императоръ разстался съ ней съ чрезвычайнымъ волненіемъ. Прощаніе было очень трогательно. Онъ безпрестанно повторялъ, что не увидитъ ея болѣе, что ее приносятъ въ жертву. Мысли эти приписывали тому, что, будучи съ тѣхъ поръ справедливо недоволенъ политикой Австріи относительно себя, государь полагалъ, что вручаетъ дочь своимъ врагамъ. Впослѣдствіи часто вспоминали это прощаніе и приписывали его предчувствію.

¹⁾ 21 ноября императрица провожала новобрачныхъ до Ропши, первой станціи отъ Петербурга по варшавской дорогѣ.

XVII.

Кружокъ лицъ, собиравшихся у графини Головиной. — Увольненіе графини Шуваловой. — Графиня Паленъ. — Переѣздъ двора изъ Гатчины въ Петербургъ. — Отъѣздъ изъ Россіи великой княгини Елены Павловны. — Разладъ съ Австріей. — Опала Суворова и смерть его. — Жизнь великаго князя Константина въ Царскомъ Селѣ. — Великій князь Александръ Павловичъ. — Графиня Толстая и лордъ Витвортъ. — Графъ де-Крюссоль. — Отношенія великой княгини Елисаветы къ графинѣ Паленъ, къ княжнѣ Шаховской и къ графинѣ Геловиной. — Странныя распоряженія императора Павла. — Нелады его съ императрицей. — Кончина великой княжны Маріи Александровны.

Всю эту зиму (1799 — 1800 года) я прожила очень уединенно. Мой маленькій кружокъ состоялъ изъ барона Блома, датскаго министра, любезнаго и почтеннаго старца, его племянника, племянницы, двухъ моихъ подругъ, командора Мезоннёвъ ¹⁾, человѣка хорошаго общества, достойнаго кавалера д'Огаръ ²⁾, князя Барятинскаго ³⁾, брата графини Толстой, и графа Ростопчина, который приходилъ къ намъ ежедневно и сообщалъ намъ о всѣхъ текущихъ событіяхъ. Я старалась развлечься, пока имѣла достаточно силъ. Посѣщенія лорда Витворта нарушали это однообразіе, которое я всегда искала и предпочитала. Въ это время графиня Шувалова, которой поручено было когда-то привезти изъ Германіи великую княгиню Елисавету и которая съ того времени всегда занимала при ней должность гофмейстерины, была устранена, и графиня Паленъ замѣнила ее. Эта перемѣна, которую нельзя было приписать никакой видимой причинѣ, казалось, происходила отъ рѣшимости удалить отъ ихъ императорскихъ высочествъ всѣхъ, къ кому они могли бы привязаться по привычкѣ или по влеченію. Великій князь Александръ и его супруга никогда не выказывали ни довѣрія, ни дружбы графинѣ Шуваловой, но она была замѣнена совершенно чуждой имъ особой, которой, какъ полагали, поручено было наблюдать и отдавать отчетъ во всемъ, происходившемъ у нихъ, которая поэтому внушала недовѣріе, тѣмъ болѣе, что она была женою петербургскаго военнаго губернатора, пользовавшагося, повидимому, большимъ довѣріемъ у императора ⁴⁾. У графини Паленъ видъ былъ

¹⁾ Изъ французскихъ эмигрантовъ.

²⁾ Извѣстный дѣятель по іезуитской пропагандѣ въ Петербургѣ. Служилъ при Императорской публичной библиотекѣ подъ начальствомъ графа Шуазель-Гуфье и способствовалъ ея расхищенію въ то время.

³⁾ Князь Иванъ Ивановичъ, тайный совѣтникъ, агрономъ, былъ впоследствии посланникомъ въ Мюнхенъ. Одинъ изъ сыновей его — фельдмаршалъ князь Александръ Ивановичъ Барятинскій. Князь Иванъ Ивановичъ умеръ въ 1830 г.

⁴⁾ Графиня Юліана Ивановна фонъ-деръ-Паленъ, урожденная фонъ-Шеппингъ, жена генералъ-отъ-кавалеріи гр. Петра Алексѣевича фонъ-деръ-Падена, р. 1753 г. † 1814 г. Въ статсъ-дамы была пожалована 17 апрѣля 1799 года.

холодный, строгій и не очень привѣтливый. Несмотря на свои новыя обязанности, она получила порученіе сопровождать эрцъ-герцогиню въ Вѣну, и такимъ образомъ великая княгиня избавлена была отъ неприятности видѣть около себя особу, которая ей не нравилась.

Начало зимы было очень сурово, и въ декабрѣ въ Гатчинѣ и въ Петербургѣ появился гриппъ,—болѣзнь катаррального и эпидемическаго характера, имѣвшая обыкновенно опасныя послѣдствія. Почти весь дворъ переболѣлъ ею. Наконецъ и императоръ схватилъ ее, и тогда только онъ замѣтилъ, что въ апартаментѣхъ царскихъ не было комнаты, гдѣ бы онъ могъ быть защищенъ отъ холода. Вынужденный оставаться въ постели, государь долженъ былъ велѣть поставить ее въ маленькой комнаткѣ безъ оконъ, единственной сохранявшей тепло отъ топки печей. Это усиливало дурное настроеніе духа государя, тѣмъ болѣе, что виновникомъ неприятнаго положенія, въ которомъ находился, былъ онъ самъ. Тотчасъ же отдано было повелѣніе, чтобы весь дворъ отправился въ Петербургъ, и самъ императоръ, какъ только поправился, оставилъ Гатчину со всѣмъ своимъ августѣйшимъ семействомъ.

Около того же времени наслѣдный принцъ Мекленбургъ-Шверинскій выѣхалъ изъ Россіи съ своею супругой, и вскорѣ великій князь Константинъ возвратился изъ арміи. Быстрое и побѣдоносное шествіе нашихъ войскъ, повидимому, достигало своей цѣли и предуготовляло спасеніе Европы, но вѣнскій кабинетъ парализовалъ послѣдствія этого славнаго похода. Австрійская армія, подъ предводительствомъ эрцгерцога Карла, не присоединилась къ генералиссимусу князю Суворову, согласно установленному плану военныхъ дѣйствій. Императоръ не могъ перенести этого уклоненія отъ принятыхъ обязательствъ и велѣлъ нашей арміи возвратиться къ русской границѣ. Князь Суворовъ заболѣлъ на обратномъ походѣ и, благодаря несчастному характеру императора, подвергся его немилости. Суворовъ привезенъ былъ въ Петербургъ и, согласно приказанію, помѣстился въ самой отдаленной части города, а не въ приготовленныхъ для него апартаментѣхъ во дворцѣ. Гнѣвъ императора усилилъ болѣзнь Суворова и свелъ его въ могилу. Онъ умеръ весной 1800 г. и былъ погребенъ въ Невской лаврѣ со всѣми воинскими почестями. Погребальное шествіе прошло мимо моего дома. Никогда зрѣлище не было для меня болѣе трогательно. На лицахъ всѣхъ военныхъ запечатлѣно было выраженіе самой глубокой горести. По тротуарамъ улицъ толпились люди всѣхъ слоевъ общества, и многіе изъ нихъ становились на колѣна. Императоръ слѣдовалъ за церемоніей въ продолженіе нѣкотораго времени. По окончаніи обычныхъ молитвъ надо было нести гробъ въ церковь, куда вела очень узкая лѣстница. Придумывали, какъ бы устранить это неудобство. Тогда гренадеры, служившіе подъ командой Суворова,

подняли гробъ, поставили его себѣ на головы и, при возгласѣ: «Суворовъ долженъ вездѣ пройти!» снесли его до мѣста назначенія.

Въ январѣ того же 1800 года, мужъ мой представилъ смѣту почтовыхъ доходовъ. Императоръ былъ имъ очень доволенъ и пожаловалъ его чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, соотвѣтствовавшимъ чину генераль-аншефа ¹⁾. Этотъ чинъ мужа открывалъ мнѣ двери Эрмитажа. Я бывала почти на каждомъ спектаклѣ, для того только, чтобы, хотя издали, видѣть великую княгиню Елисавету; правда, что, при видѣ ея, я чувствовала себя еще болѣе несчастной; но такова слабость человѣческая: сердце теряетъ бодрость, когда ему слѣдуетъ вырвать оживляющее его чувство, какимъ бы отравленнымъ оно ни представлялось. Самолюбіе и тщеславіе, властныя страсти, одни только могутъ потушить наши оскорбленныя чувства, но я ихъ никогда не знала. Я хотѣла приблизиться къ здоровому смыслу, но и онъ былъ заодно съ моимъ сердцемъ. Итакъ, надо было страдать и покоряться.

Великій князь Константинъ не долго оставался въ Петербургѣ. Императоръ прогнѣвался на конно-гвардейскій полкъ, сослалъ его въ Царское Село и, чтобы увеличить наказаніе, поручилъ обучать его великому князю Константину. Его высочество поселился тамъ съ великой княгиней Анной, своей супругой, которая послѣдовала за нимъ.

Образъ жизни его высочества, въ которомъ и великая княгиня должна была принимать участіе, совершенно не согласовался съ достоинствомъ, присущимъ его сану. Желая сдѣлать удовольствіе своему супругу, обращеніе котораго съ ней во всемъ остальномъ измѣнилось къ лучшему, великая княгиня ѣздила въ манежъ присутствовать на происходившихъ тамъ военныхъ упражненіяхъ. Великій князь, безразлично и во всякое время, приводилъ въ апартаменты великой княгини офицеровъ вѣреннаго ему полка. Танцовали подъ звуки рояля, и въ обществѣ ихъ высочествъ царица фамиллярная непринужденность, предосудительная даже и на болѣе низкихъ ступеняхъ общества. Въ мартѣ великая княгиня Анна опасно заболѣла и была перевезена въ Петербургъ для болѣе удобнаго за ней ухода въ продолженіе медленнаго выздоровленія.

Между тѣмъ зимній сезонъ при дворѣ прошелъ безъ особыхъ событій и даже безъ удовольствій. Тамъ еще, повидимому, не отдохнули отъ свадебныхъ празднествъ. Императоръ, который особенно старался поставить на видъ, что расположеніе его къ м-лле Лопухиной не переходитъ границъ чистаго, возвышеннаго чувства, продолжалъ за ней ухаживать, хотя она была объявлена невѣстой князя Гагарина, котораго онъ осыпалъ милостями. Императрица, конечно,

¹⁾ Именной указъ сенату о пожалованіи гр. Головина чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника данъ былъ 26 декабря 1799 года.

волновалась во всѣхъ отношеніяхъ, но по поводу такихъ мелочей и до такой степени безуспѣшно, что изъ этого не выходило ничего достойнаго упоминанія. Великій князь Александръ, исполняя съ пунктуальною точностію возложенныя на него тяжелыя служебныя обязанности, угождалъ своему отцу, но въ то же время съ каждымъ днемъ пріобрѣтала все болѣе и болѣе любовь общества. Въ качествѣ командира полка и петербургскаго генераль-губернатора, онъ могъ часто спасать несчастныхъ или, по крайней мѣрѣ, облегчать ихъ участь. Доброта и снисходительность его характера составляли слишкомъ большой контрастъ съ характеромъ императора, такъ что великій князь Александръ расположилъ въ свою пользу всѣ сердца, и чѣмъ болѣе чувствовали себя несчастными въ царствованіе императора, тѣмъ болѣе увеличивалась надежда относительно будущаго, и тайно желали, чтобы оно скорѣе настало.

Видя изъ приведенныхъ нами примѣровъ, въ особенности на молодомъ графѣ Строгановѣ¹⁾, къ которому онъ благоволилъ болѣе, чѣмъ къ другимъ придворнымъ, а императоръ осыпалъ неприятностями и униженіями, что благосклонность его къ тѣмъ или другимъ лицамъ ничего не значить въ глазахъ императора, великій князь имѣлъ намѣреніе принимать только необходимыхъ по службѣ особъ. Онъ не допускалъ даже къ себѣ лицъ собственнаго двора, боясь скомпрометировать ихъ, и это поведеніе, настоящую причину котораго знали всѣ, служило только къ увеличенію внушаемаго имъ уже довѣрія. Только одинъ графъ Толстой, хотя и находился постоянно при дворѣ великаго князя и выказывалъ ему привязанность, удержался однако и при дворѣ, и въ фаворѣ у императора. Великая княгиня Елисавета жила только для своего ребенка: огорченія, перенесенныя ею недавно, заставляли ее считать за особое преимущество уединеніе, въ которомъ она жила. Она видѣла только лицъ, оставленныхъ при великомъ князѣ Александрѣ, и нѣсколько фрейлинъ.

Графиня Толстая все болѣе и болѣе предавалась своему увлеченію. Я перестала гулять съ нею утромъ, не желая присутствовать при встрѣчахъ ея съ Витвортомъ²⁾. Я говорила ей, что мнѣ невозможно одобрять ея слабость. Она плакала, ничего мнѣ не возражала,

¹⁾ Графъ Павелъ Александровичъ, воспитанный республиканцемъ Роммомъ и находившійся во время террора въ Парижѣ, гдѣ онъ носилъ тогда красную, яacobинскую шапочку. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ обьевропеившихся русскихъ аристократовъ, которые умѣли какъ-то связывать въ своемъ умѣ теоретическіе принципы равенства и свободы со стремленіями къ политическому преобладанію высшаго дворянства. По восшествіи на престолъ Александра онъ былъ однимъ изъ членовъ знаменитаго тріумвирата, составлявшаго тайный совѣтъ императора, и получилъ затѣмъ чинъ генераль-лейтенанта и званіе генераль-адъютанта. Род. въ 1774 г., ум. въ 1817 г.

²⁾ Въ этой кажущейся любви своей къ гр. Толстой англійскій дипломатъ преслѣдовалъ особыя цѣли, ведя тонко задуманную политическую интригу. Для успѣха ея Витвортъ считалъ всѣ средства дозволенными.

но мои замѣчанія возбуждали только нервныя припадки. Въ домѣ ея была французенка, бывшая бонной ея умершей дочери. Это была настоящая мегера, къ которой графъ Толстой питалъ особенное уваженіе и расположеніе. Эта отвратительная женщина дѣлала постоянныя сцены графинѣ Толстой, которая часто на то жаловалась мужу, но онъ никогда не обращалъ вниманія на слова жены. Наконецъ, выйдя изъ терпѣнія, она объявила, что рѣшилась оставить домъ, если онъ не прогонитъ Терезу. Графъ всплилъ до того, что схватилъ ножъ, лежавшій на столѣ за завтракомъ, и побѣждалъ за ней. Десятилѣтняя дочь ихъ, присутствовавшая при этой тяжелой сценѣ, бросилась на колѣна и удержала отца за ноги. Вздволнованная графиня позвонила и сдѣлала лакея свидѣтелемъ этой драмы. Потомъ она прибѣжала ко мнѣ. Я была въ уборной. Ея лицо блѣдное, растерянное, чрезвычайно напугало меня. Она сказала мнѣ о своемъ намѣреніи ѣхать къ матери своей, въ Берлинъ, и прибавила, что никакая сила не можетъ заставить ее жить подъ одной кровлей съ своимъ мужемъ. Я успокоила ее, насколько могла, умоляла ее не слишкомъ торопиться, потому что всякое рѣшеніе, принятое ею спорахъ, какъ бы невинно оно ни было, неминуемо отразится на ней. Я уговаривала ее все перенести, тѣмъ болѣе, что ей самой было ясно все, происходившее въ ея сердцѣ. Она осталась у меня. Графъ пріѣхалъ къ обѣду. Онъ былъ мраченъ и смущенъ. Я притворилась, будто ничего не замѣчаю, и не измѣнила своего обращенія съ нимъ.

Я заболѣла. Графиня Толстая, принцесса де-Тарантъ и м-ше де-Бломъ были около меня. Графиня Толстая предложила прочитать намъ новый романъ. Мы согласились. При чтеніи первой чувствительной сцены она разрыдалась и бѣжала въ смежную комнату. М-ше де-Бломъ послѣдовала за ней. Видя, что онѣ не возвращаются, я пошла къ нимъ узнать, въ чемъ дѣло. Я застала м-ше де-Бломъ умолявшею графиню Толстую со сложенными руками сознаться мнѣ во всемъ. Она взяла меня за руку: «я приду завтра рано утромъ», — сказала она мнѣ. Я пожала ей руку отъ чистаго сердца. Дѣйствительно, на другой день, въ десять часовъ утра, она вошла въ мою комнату и заперла дверь на ключъ; затѣмъ бросилась на колѣна передо мной, проливая горячія слезы, и призналась мнѣ въ тяжеломъ чувствѣ, съ которымъ не могла болѣе бороться: къ тому же поведеніе ея мужа, повидимому, служило для нея извиненіемъ: «Вы, вѣроятно, меня осудите», прибавила она: «я заслуживаю вашихъ упрековъ, потому что не была откровенна съ вами и не обращала вниманія на ваши совѣты». Обнявъ отъ души свою подругу, я умоляла вырвать изъ своего сердца источникъ безчисленныхъ горестей и страданій въ будущемъ. Я поставила ей на видъ, что, какъ бы ни было возмутительно поведеніе ея мужа, оно не должно было вліять на ея чувство собственнаго достоинства. Она успокоилась, и довольная улыбка освѣтила ея прекрасное лицо. Никогда не забуду этой минуты ея

побѣды надъ собственнымъ ея сердцемъ. Я же съ трудомъ могла сдерживать чистую и искреннюю радость. Я просила у нея позволенія написать Витворту, сказать ему, что она мнѣ только что призналась въ своихъ чувствахъ, что я считала его за самаго виновнаго человѣка и не могла болѣе ни уважать, ни принимать его у себя. Онъ отвѣтилъ мнѣ такъ пошло, что сама графиня Толстая не могла удержаться отъ смѣха. Въ скоромъ времени послѣ того графъ Толстой пересталъ бывать у насъ, потому что мужъ мой оставилъ дворъ; но, чтобы скрыть низость своего поступка, онъ выставилъ меня причиной его охлажденія, рассказывая вездѣ, что я поддерживаю страсть его жены и хотѣла ее у него похитить. Графиня Толстая получила согласіе своей матери, у которой она просила позволенія поѣхать къ ней. Она просила меня повліять на Ростопчина и испросить ей согласіе императора на эту поѣздку. Я отказалась отъ этого порученія, не желая вмѣшиваться въ подобное дѣло. Тогда она обратилась къ своему брату и къ племяннику барона Бломъ. Этотъ послѣдній былъ хорошо знакомъ съ фавориткой Кутайсова, актрисой Шевалье, о которой я уже говорила. Князь Барятинскій выпросилъ отъ опекуна своей матери брильянтовое кольцо, стоимостью въ 6-ть тысячъ для поднесенія m-lle Шевалье, съ цѣлю заинтересовать ее въ пользу графини Толстой. Къ моему искреннему сожалѣнію, все устроилось согласно ея желанію. Полученное ею разрѣшеніе на отъѣздъ свой доставило графу Толстому новыя основанія къ жалобамъ на меня. Я могла только молчать: слишкомъ унижительно оправдываться, тѣмъ болѣе, когда не въ чемъ упрекнуть себя. Я не могла говорить, не выдавъ чувствъ графини Толстой: одна эта мысль должна была заставить меня молчать. Время ея отъѣзда уже приближалось, когда лордъ Витвортъ былъ отозванъ своимъ дворомъ изъ Петербурга ¹⁾. Это извѣстіе очень огорчило меня. Я умоляла графиню отмѣнить путешествіе, имѣвшее видъ, будто они сговорились между собой, отложить, по крайней мѣрѣ, поѣздку на нѣсколько мѣсяцевъ. Ничто не могло поколебать ея рѣшенія: она, повидимому, дорожила имъ болѣе, чѣмъ жизнію, и уѣхала въ апрѣлѣ.

Принцесса Тарантъ гостила у меня. Она вышла изъ Англіи графа де-Крюссоль, младшаго сына своей сестры. Императоръ приблизилъ его къ своей особѣ въ качествѣ адъютанта и всегда обращался съ нимъ кротко и обходительно, чего не всегда можно было ожидать отъ этого государя. Графъ Крюссоль, находясь въ Гатчинѣ съ его величествомъ, заболѣлъ отъ нарыва въ груди. Бѣдная тетка его вызвала племянника въ городъ для болѣе удобнаго за нимъ ухода и уступила ему свое помѣщеніе.

¹⁾ Лордъ Витвортъ, по требованію императора Павла, долженъ былъ оставить Россію 27 мая 1800 г.

Великая княгиня Елисавета принимала иногда у себя графиню Шувалову поздно вечеромъ, скорѣе изъ уваженія къ ней, чѣмъ для собственнаго удовольствія. Въ скоромъ времени она имѣла случай оцѣнить въ новой своей гофмейстеринѣ госпожѣ Паленъ характеръ, вызывавшій уваженіе, а также замѣтить въ ней привязанность къ себѣ, на которую она отвѣчала тѣмъ же чувствомъ. Исполнивъ возложенное на нее порученіе отвезти въ Австрію эрцгерцогиню, великую княгиню Александру Павловну, графиня Паленъ успѣшила возвратиться въ Петербургъ и опять вступила при великой княгинѣ Елисаветѣ въ исправленіе своей должности, обязанности которой она едва имѣла время себѣ усвоить.

Къ веснѣ великому князю Михаилу, младшему сыну императора, привили оспу. Принято было въ подобныхъ случаяхъ удалять изъ дворца царскихъ дѣтей, не имѣвшихъ еще оспы; поэтому объявлено было великой княгинѣ Елисаветѣ, что она должна на время разстаться съ дочерью, которую на шесть недѣль желали перевезти на жительство въ Мраморный дворецъ. Великой княгинѣ казалось невозможнымъ подчиниться этому рѣшенію. Отнять у нея дитя значило отнять у нея все ея счастье. Она высказала свое горе въ присутствіи графини Паленъ, которая, будучи сама матерью, и къ тому нѣжною матерью многочисленнаго семейства, приняла въ ней, повидимому, живѣйшее участіе. «Почему бы вамъ», говорила она великой княгинѣ, «не переѣхать самой съ вашей дочкой въ Мраморный дворецъ? Я объявила бы на вашемъ мѣстѣ, что ничто не можетъ разлучить меня съ ней, и испросила бы у императора позволеніе поселиться въ Мраморномъ дворцѣ». Великая княгиня, зная непреклонность императрицы относительно всего, касавшагося этикета, и не разсчитывая никогда слишкомъ на снисхожденіе къ ея желаніямъ, не рѣшалась переговорить съ ней о случаѣ, небываломъ въ лѣтописяхъ двора. Однако, ободренная графиней Паленъ и чувствуя въ ней поддержку, она рискнула высказать свою мысль, которую дѣйствительно сочли за сумасбродство. Императрица долго не соглашалась, но наконецъ уступила доводамъ и настоятельнымъ просьбамъ графини Паленъ, говорившей съ ней съ бѣльшей смѣлостью, чѣмъ могла это сдѣлать великая княгиня, и общала переговоры о томъ съ императоромъ, «который, вѣроятно», сказала она, «откажетъ мнѣ въ моей безразсудной просьбѣ». Несмотря на это, императоръ очень охотно согласился на эту просьбу. Графиня Паленъ торжествовала и радовалась счастью великой княгини, которая съ этой минуты привязалась къ ней и сохранила неизгладимое воспоминаніе объ оказанной ею услугѣ.

Въ продолженіе шестинедѣльнаго пребыванія великой княгини въ Мраморномъ дворцѣ кружокъ ея приближенныхъ ограничивался графиней Паленъ, фрейлиной ея высочества княжной Шаховской и графомъ Толстымъ, который бывалъ и при дворѣ, и у великой

княгини и, повидимому, выказывалъ ей безграничную преданность и довѣріе. Онъ рассказывалъ ея высочеству, сколько горя причиняла ему его жена, и все это приписывалъ только мнѣ, такъ какъ я, будто бы, изъ ненависти и мщенія ему, хотѣла удалить отъ него графиню и устроила ея отъѣздъ въ Берлинъ. Онъ такъ трогательно и правдоподобно описывалъ свои домашнія горести великой княгинѣ, и безъ того уже сильно противъ меня предубѣжденной, что она стала смотрѣть на меня не иначе, какъ на самую вѣроломную и лукавую женщину, и оплакивала дружбу и довѣріе, которыя такъ долго оказывала мнѣ. Великій князь Александръ и великая княгиня Анна были единственныя лица при дворѣ, которыхъ великая княгиня Елисавета видѣла въ Мраморномъ дворцѣ и дѣйствительно имѣла желаніе видѣть. Именно въ это время возникла ея дружба съ княжной Шаховской¹⁾. Эта молодая дѣвушка, только что разстроившая свою предстоявшую свадьбу, не ожидая найти счастья въ этомъ бракѣ, на который дала слишкомъ поспѣшное согласіе, была рада удалиться на нѣкоторое время отъ двора, чтобы избѣжать непріятной для себя огласки, которой всегда подвергается молодая дѣвушка въ подобномъ случаѣ. Потому она испросила у великой княгини позволеніе послѣдовать за ней. Княжна была хорошая музыкантша, а великая княгиня любила музыку и сама занималась ею. Такъ какъ у нея было много свободнаго времени, то ей пришла въ голову мысль употребить съ пользой талантъ княжны Шаховской. Она пѣла съ ней почти ежедневно, и такимъ образомъ возникла дружба, продолжавшаяся до преждевременной смерти княжны Шаховской, впоследствии вышедшей замужъ за князя Голицына. Каждый разъ, когда мнѣ приходилось встрѣчать великую княгиню, я пріобрѣтала новое доказательство ея перемѣны ко мнѣ. Случилось какъ-то весной, что я гуляла въ придворномъ саду съ моей маленькой четырехлѣтней дочкой и съ графомъ Алексѣемъ Разумовскимъ²⁾. Увидавъ великую княгиню, мы любовались ея походкой, и графъ сказалъ мнѣ: «Боже мой, какой у нея трогательный видъ!» Онъ подошелъ къ ней. Великая княгиня нѣкоторое время поговорила съ графомъ, а я оставалась во все продолженіе разговора въ почтительномъ разстояніи. Дочка моя, привыкшая слышать свое имя, подбѣжала къ ея высочеству съ дѣтскимъ довѣріемъ. Великая княгиня тихо отстранила ее и поспѣшила къ своей каретѣ. Это движеніе очень огорчило меня: глаза мои наполнились слезами, которыя я не разъ глотала ради нея.

Лѣто это такъ же, какъ и предшествовавшее, провела я на своей

¹⁾ Фрейлина княжна Наталья Федоровна Шаховская, род. 25 ноября 1779 г., † 9 августа 1807 г.

²⁾ Графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій, впоследствии министръ народного просвѣщенія, членъ государственнаго совѣта, р. 1748 г., † 1822 г.

дачѣ на Каменномъ островѣ. Сосѣдки мои обращались со мною, сообразуясь съ барометромъ двора, за исключеніемъ одной госпожи Свѣчиной¹⁾, дружба которой ко мнѣ была всегда неизмѣнна.

Дворъ былъ, по обыкновенію, въ Павловскѣ, затѣмъ въ Петергофѣ. Характеръ императора становился все болѣе и болѣе вспылчивымъ, а его поведеніе—болѣе деспотическимъ и причудливымъ. Какъ-то весной (это было до отъѣзда на дачу, послѣ обѣда его величества, въ 1 часъ по полудни), онъ гулялъ въ Эрмитажѣ и остановился на одномъ изъ балконовъ, выходящихъ на набережную. Государь услышалъ въ это время ударъ колокола, только не церковнаго, и велѣлъ справиться, въ чемъ дѣло. Ему доложили, что это звонили къ обѣду графини Строгановой, жившей вондѣ Эрмитажа. Его величество очень прогнѣвался, что графиня Строганова обѣдала только въ три часа, и тотчасъ же послалъ къ ней полицейскаго чиновника съ повелѣніемъ ей обѣдать впередъ въ 1 часъ дня. У нея были гости, когда доложили о полицейскомъ чиновникѣ. Всѣ перемѣнились въ лицѣ при докладѣ о его приходѣ; но когда полицейскій исполнилъ свое порученіе съ большимъ замѣшательствомъ, съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха, удивленіе и страхъ хозяйки помѣшали всему обществу предаться порыву веселости по поводу этого своеобразнаго приказа. Этотъ анекдотъ разнесся вскорѣ по городу. Подобнаго рода случаи подавали недоброжелателямъ предлогъ обвинить императора въ умственномъ разстройствѣ, и въ то же время свойственная ему тиранія въ домашнихъ распорядкахъ cadaго возстановляла всѣхъ противъ него.

Велѣвъ отобрать у книгопродавцевъ произведенія Вольтера и Руссо, императоръ Павелъ запретилъ ввозъ всѣхъ книгъ безъ исключенія. Точность, съ которою исполнили это приказаніе, дала поводъ къ очень неловкой сценѣ, происшедшей въ Павловскѣ. Великіе князья, великія княгини и весь дворъ ожидали вечеромъ ихъ величествъ въ собственномъ саду императрицы, откуда отправлялись обыкновенно на прогулку верхомъ, бывшую въ большомъ употребленіи при дворѣ въ этомъ и въ предыдущемъ году. Всѣ собрались подъ окнами перваго этажа, гдѣ находились апартаменты ихъ величествъ. Слышно было, какъ императоръ прошелъ изъ своихъ апартаментовъ къ императрицѣ, и вскорѣ голоса ихъ возвысились. Императрица говорила со слезами, въ тонѣ ея слышался упрекъ; императоръ сухо отвѣчалъ ей. Интонація слышалась ясно, но словъ разобрать было нельзя. Сцена эта продолжалась. Присут-

¹⁾ Свѣчина, Софья Петровна (р. 1782 г., † 1857 г.), урожденная Соймонова, жена генерала-отъ-инфантеріи Н. С. Свѣчина. Въ обществѣ Головиной Свѣчина постоянно встрѣчалась съ католическими патерами, иезуитами и французскими эмигрантами и совращена была затѣмъ въ католичество. Извѣстна, какъ писательница. Подобно Головиной, она въ Александровское время жила большею частію за границей и умерла въ Парижѣ.

ствовавшіе въ садикѣ погружены были въ глубокое молчаніе. Всѣ какъ-то сконфуженно смотрѣли другъ на друга, не зная, что будетъ дальше, какъ вдругъ вышелъ императоръ очень не въ духѣ и сказалъ великимъ княгинямъ и остальной свитѣ: «пойдемте, mes-dames, лошади готовы». Надо было дожидаться императрицы, которая, минуто спустя, вышла съ заплаканными глазами и послѣдовала за императоромъ съ печальнымъ видомъ. На другой день извѣстна была причина этой сцены.

Императрица выписала себѣ книги. Таможня, не получивъ предписанія объ исключеніи ея величества изъ общаго правила, задержала книги, адресованныя на ея имя. Императрица это узнала и увидѣла въ этомъ обиду для себя. Она выбрала для жалобы какъ разъ то время, когда императоръ вошелъ къ ней, высказывая ему, что съ ней поступаютъ неуважительно, и что государь, повидимому, одобряетъ такой образъ дѣйствій. Хотя жалобы императрицы надѣли императору и выводили его изъ себя, все же онъ отдалъ приказъ исправить эту ошибку. Справедливо удивляются, что съ своимъ вспыльчивымъ и гнѣвнымъ характеромъ Павелъ такъ долго переносилъ мелочность императрицы и ея частое забвеніе такта и мѣры.

Послѣ пребыванія въ Петергофѣ дворъ провелъ въ Царскомъ Селѣ, вмѣсто Павловска, конецъ іюля и начало августа. Въ Царскомъ Селѣ великая княгиня Елисавета лишилась дочери¹⁾. Императоръ, повидимому, былъ огорченъ этой смертью и испуганъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ сильнымъ горемъ на великую княгиню Елисавету: она почти не плакала, что очень обезпokoило императора. Государь выказалъ при этомъ случаѣ теплое участіе къ своей невѣсткѣ.

Кончина маленькой великой княжны произвела на меня ужасное впечатлѣніе: сердце мое было растерзано и отъ испытываемой мною горести и отъ необходимости скрывать мои чувства. Графиня Строганова²⁾ застала меня однажды всю въ слезахъ. Она не могла прійти въ себя отъ удивленія при видѣ моего горя, зная, что великая княгиня Елисавета совершенно удалила меня отъ себя и вычеркнула изъ своего сердца. Тѣло малютки было затѣмъ набальзамировано и перевезено въ Невскій монастырь. Я предложила принцессѣ Тарантъ поѣхать поклониться усопшей. Она согласилась. Пріѣхавъ въ монастырь, мы вошли въ придѣлъ, въ которомъ стоялъ гробъ, сплошь обтянутый чернымъ. Паникадила горѣли вокругъ маленькаго ан-

¹⁾ Великая княжна Марія Александровна скончалась 27 іюля 1800 г.

²⁾ Софья Владиміровна, урожд. княжна Голицына, дочь кн. Владиміра Борисовича и знаменитой Натальи Петровны, дочери гр. Петра Гр. Чернышева, извѣстной подъ именемъ *princesse-moustache*. Графиня Софья Владиміровна (р. 1774 г., † 1845 г.) пользовалась особымъ расположеніемъ великой княгини, впоследствии императрицы, Елисаветы Алексѣевны, отличалась своими нравственными качествами и разностороннимъ образованіемъ.

гела. Я подошла подѣловать ея руку, но едва только дотронулась до нея губами, какъ рыданія начали душить меня. Моя глубокая привязанность къ великой княгинѣ дала себя почувствовать съ такою силой, что я сама себя не помнила. Она забыла меня, бросила, отнеслась несправедливо, всѣ эти горькія истины разрывали мое сердце, какъ вдругъ новое чувство успокоило его. Я говорила себѣ: «она больше не любить тебя, но въ эту минуту сердце ея заодно съ твоимъ: и то, и другое движимы однимъ и тѣмъ же чувствомъ». Мысли ли мои прояснились, но горестная отрада послѣдовала послѣ тяжелаго смѣшенія моихъ чувствъ и ощущеній. Графъ Толстой, бывшій тамъ для наблюденій за погребальной церемоніей, подошелъ покропить спиртомъ тѣло малютки. Онъ поглядѣлъ на меня съ торжествующей улыбкой: вѣроятно, графъ наслаждался мыслию, что погубилъ меня во мнѣніи ихъ высочествъ. Сознаюсь, что видъ и выраженіе его лица влили новую отраву въ мое сердце.

Графиня В. Головина.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

КАРТЫ.

(Эпизодъ изъ польскаго возстанія 1863 года) ¹⁾.

ВЪ ОЖИДАНИИ самовара и ужина мы всѣ усѣлись вокругъ большого дубоваго стола, съ любезнымъ хозяиномъ во главѣ, и приготовились слушать разсказъ стараго ветеринарнаго врача Б., на всѣхъ нашихъ охотничьихъ привалахъ, ужинахъ и завтракахъ угощавшаго насъ какимъ либо эпизодомъ изъ своихъ воспоминаній, которыхъ у него, кстати сказать, было превеликое множество

Случай, о которомъ я хочу вамъ разсказать, господа, — началъ Б., окутывая себя клубами дыма изъ коротенькой трубки, — случай этотъ дѣйствительно произошелъ со мною не болѣе 35 лѣтъ тому назадъ, когда еще половина изъ васъ едва начинала ходить...

Возстаніе 1863 года близилось ужъ къ концу. Разсѣянные шайки скитались по лѣсамъ, изрѣдка налетая отсюда на одиночныхъ солдатъ, часто даже на своихъ соотечественниковъ прохожихъ и проѣзжихъ — и опять скрывались отъ зоркихъ глазъ «пржеклетныхъ москалей».

Все чаще и чаще крестьяне приводили къ русскимъ задержаннымъ повстанцевъ, пытавшихся, но неудачно, пропагандой поддерживать тлѣющій и почти потухшій огонь возстанія. Русскія вой-

¹⁾ Этотъ разсказъ записанъ со словъ дѣйствующаго въ немъ лица.

ска все тѣснѣе желѣзнымъ кольцомъ связывали возставшихъ, постепенно разъединяя и ослабляя и безъ того уже слабыя силы противника. Еще двѣ-три вспышки, и пламя должно было бесслѣдно исчезнуть...

Отрядъ генерала N., состоявшій изъ казачьяго полка, трехъ баталіоновъ пѣхоты, двухъ эскадроновъ уланъ и при трехъ полевыхъ орудіяхъ, расположился бивуакомъ около небольшого городка Новоминска, ожидая дальнѣйшаго распоряженія для движенія къ Варшавѣ. При этомъ отрядѣ находился и я въ качествѣ правительственнаго ветеринара. Нельзя сказать, чтобы должность моя была легкой: помимо чисто личныхъ отношеній ко мнѣ служащихъ въ отрядѣ, видѣвшихъ во мнѣ скрытаго повстанца, мнѣ грозила еще на каждомъ шагѣ опасность отъ моихъ же соотечественниковъ — поляковъ, каравшихъ, какъ извѣстно, смертью каждаго непатріота. Между тѣмъ, весь мой непатріотизмъ заключался въ томъ, что я не сочувствовалъ возстанію, видя его полную несостоятельность. Родину свою я любилъ тогда, какъ люблю ее и теперь, и поэтому то не желалъ бы ея гибели. Что же, какъ не гибель, Польшѣ сулила ея неравная борьба съ могучимъ противникомъ? Неравной же эта борьба была, не только благодаря качественному и количественному превосходству русскихъ войскъ надъ польскими, но и въ виду того внутренняго разлада, царившаго, какъ въ самомъ «жондѣ народовомъ», такъ и въ отдѣльныхъ шайкахъ, составлявшихъ польское войско. Нѣтъ, не я и не мнѣ подобные были плохими патріотами, не тѣ, кто боялся и не хотѣлъ возстанія, а тѣ, кто раздулъ пламя, кто былъ причиной гибели лучшей и большей части нашей молодежи, увлекшейся идеей освобожденія «ойчизны» отъ «ига москалей».

Тѣмъ не менѣе, положеніе мое отъ этого ничуть не дѣлалось лучше. Я знаю, что былъ занесенъ народовымъ жондомъ въ списокъ лицъ, обреченныхъ на смерть отъ руки жандармовъ-вѣшателей или кинжальщиковъ, готовыхъ проливать кровь при первомъ удобномъ случаѣ. Правда, при мнѣ всегда хранился паспортъ, добытый для меня однимъ изъ моихъ пріятелей отъ жонда, но на его защиту не всегда можно было надѣяться...

Разъ ночью, лишь успѣлъ я сладко уснуть, закутавшись съ головой въ теплую бурку, какъ Яцекъ — мой камердинеръ, кучеръ, поваръ и проч., принялся трясти меня за плечи и заставилъ подняться на ноги, невзирая на градъ отборныхъ ругательствъ, которыми, каюсь, я осыпалъ его. Нисколько не смутясь моими пріѣтствіями, Яцекъ хладнокровно стащилъ съ меня бурку, подаль сапоги, теплую куртку и коротко произнесъ: къ генералу! — Зачѣмъ? — Не знаю. Только-что казака присылалъ.—Дѣлать было нечего. Я одѣлся и, предчувствуя непріятность, отправился къ генералу, шлепая въ темнотѣ и грязи и поминутно натыкаясь на часовыхъ.

Генераль занималъ небольшую хату, почти у самаго лѣса, и мнѣ пришлось проблуждать не менѣе пятнадцати минутъ, прежде чѣмъ удалось добраться до казачьяго пикета, расположеннаго вокругъ генеральской квартиры. Въ хатѣ свѣтился огонекъ. Генераль, какъ сообщилъ мнѣ ожидавшій меня казакъ, еще не ложился и чѣмъ-то былъ сильно занятъ. На дворѣ хаты я замѣтилъ, при свѣтѣ фонаря, казачью лошадь, накрытую попоной и, повидимому, совершившую только-что порядочный путь; возлѣ лошади—казака, меланхолически прислонившагося къ сѣдлу и курившаго отвратительную крученку. Казакъ-вѣстовой впустилъ меня въ хату. Генераль сидѣлъ за столомъ, заваленнымъ бумагами, и углубленъ былъ въ чтеніе какого-то донесенія или предписанія, доставленнаго, какъ мнѣ почему-то казалось, видѣннымъ мною на дворѣ казакомъ.

При звукѣ моихъ шаговъ генераль поднялъ голову.

— А, это вы! Садитесь!—радостно привѣтствовалъ онъ меня, указывая рукою на ближайшій табуретъ.—Садитесь и потолкуемъ, но немного, потому что вамъ времени терять нельзя.

Положительно, предчувствіе мое начинало оправдываться. Мнѣ грозило что-то непріятное, въ чемъ мнѣ легко было убѣдиться, слыша ласковый голосъ генерала: ласковость эта всегда предвѣщала какое нибудь неотложное и сопряженное съ опасностью порученіе.

— Только-что,—продолжалъ генераль, — я получилъ извѣстіе, что около Отвоцка было нѣсколько случаевъ падежа скота. Боюсь, что тамъ чума. Прошу немедленно съѣздить туда, принять необходимыя мѣры и, насколько возможно, успокоить населеніе. Я надѣюсь на васъ!—прибавилъ генераль, пожимая мнѣ руку. — Досвиданья. Вотъ вамъ отъ меня охранный листъ и предписаніе: наши пикеты васъ всюду пропустятъ.

Предчувствіе сбылось! Ъхать мнѣ въ Отводкъ значило броситься головой въ львиную пасть. Около Отвоцка, по свѣдѣніямъ, собраннымъ лазутчиками, въ лѣсахъ находилась банда одного изъ самыхъ опасныхъ «довудцевъ»—пана Казимира Кржечковскаго, не разъ ускользавшаго изъ рукъ казаковъ. Но ѣхать было необходимо. Приказъ генерала былъ ясенъ и не допускалъ никакихъ возраженій. Поклонившись и спрятавъ въ карманъ охранный листъ, я вышелъ изъ хаты, посылая тысячи проклятій чумѣ, возстанію и всѣмъ тѣмъ, кто съ кровати насильно поднялъ меня и заставилъ скакать сломя голову, въ глухую ночь и куда?—къ врагу.

Яцекъ спалъ, храпя, какъ дюжина жидовъ, когда я эвергичнымъ пинкомъ заставилъ его вскочить съ лавки, служившей ему постелью.

— Вставай, дурень, въ дорогу!—крикнулъ я ему, съ безпричинной ненавистью глядя на его румяное и спросонья глупо ухмыляющееся лицо.

— Въ дорогу? Слушаю-съ!— и Яцекъ, окончательно стяхнувъ съ себя сонъ, бодро принялся за приготовленія. Положительно, это

животное конфузило меня своимъ хладнокровіемъ, достойнымъ англійскаго лорда. Мнѣ стало совѣстно своей вспышки, и я ласково прибавилъ: ну, ну! собирайся, Ясю! Сейчасъ поѣдемъ въ Отвоцкъ.

— Въ Отвоцкъ — такъ въ Отвоцкъ, — не смущаясь отвѣтилъ Яцекъ. — Сейчасъ пойду запрягать.

Сборы мои были недолги. Черезъ полъ-часа я вышелъ на дворъ, не забывъ надѣть сапогъ, въ подошвѣ одного изъ которыхъ хранился, въ секретѣ отъ русскихъ, паспортъ отъ жонда народоваго. Бричка, запряженная парой крѣпкихъ коней, стояла уже у хаты, и Яцекъ, облачившись въ кожаную, гордо сидѣлъ на козлахъ.

— Боишься, Ясь? — спросилъ я его, карабкаясь въ бричку и путаясь ногами въ бурку.

— А чего же бояться? — отвѣтилъ онъ, съ трудомъ сдерживая горячившуюся правую лошадь.

— Какъ чего? а если повстанцы насъ поймаютъ?..

— Повстанцы?! ну, нѣтъ, гдѣ имъ насъ поймать! — и Яцекъ убѣжденно замоталъ головой. И мнѣ стало легче послѣ отвѣта простодушнаго парня. Чего въ самомъ дѣлѣ бояться? Пропускъ отъ генерала есть, паспортъ повстанскій тоже. Чего же больше? Что меня смущало, такъ это моя форменная фуражка съ кокардой; а впрочемъ — ветеринаръ человекъ не военный, какое дѣло повстанцамъ до его головнаго убора... Я окончательно пріободрился и велѣлъ Яцеку тронуть. Добрыя лошади быстро вынесли бричку изъ непролазной грязи деревенской улицы и выбрались на широкую дорогу къ Отвоцку. Надо было проѣхать верстъ тридцать съ небольшимъ, и мы съ Яцекомъ рассчитывали прибыть въ Отвоцкъ черезъ два часа, самое большое три, принимая во вниманіе различныя случайности, которыя могли бы намъ встрѣтиться. Стало значительно свѣтлѣе.

Поднявшійся вѣтеръ быстро разогналъ тучи. Мѣсяцъ нѣжно освѣтилъ дорогу и прилегающій къ ней лѣсъ. Веселѣе стало на душѣ. Мѣрный топотъ лошадей и потряхиванье брички убаюкали меня, и я задремалъ... Должно быть, я проспалъ добрыхъ два часа, потому что, когда Яцекъ разбудилъ меня, крича мнѣ что-то прямо въ ухо, мѣсяцъ былъ очень высоко, и усилившійся вѣтеръ указывалъ на скорое наступленіе утра.

— Пане, а пане! — кричалъ Яцекъ, лѣвой рукой захвативъ возжи, а правой теребя меня за плечо. Я проснулся. Бричка наша стала на перекресткѣ двухъ дорогъ. Огромныя сосны шумѣли вокругъ, нарушая торжественную тишину.

— По какой дорогѣ ѣхать, пане? — вопрошалъ между тѣмъ Яцекъ, указывая кнутомъ на двѣ лежащія предъ нами дороги. — Одна идетъ прямо на Отвоцкъ, другая — въ деревню Свидеръ.

Я оглядѣлся. Мѣстность была мнѣ знакома. Одна дорога, — продолженіе той, по которой ѣхали мы, шла дѣйствительно на Отвоцкъ,

другая подъ угломъ заворачивала къ деревнѣ, о которой упомянулъ Яцекъ. Раздумывать было надъ чѣмъ. Ъхать въ Отвоцкъ значитъ сразу попасть къ мятежникамъ (я былъ, по крайней мѣрѣ, убѣжденъ въ этомъ); въ деревнѣ Свидеръ можно было собрать кое-какія свѣдѣнія и избѣжать непріятной встрѣчи. Я остановился на послѣдней дорогѣ. Яцекъ повернулъ лошадей, и мы въѣхали въ вѣковой боръ, тянувшійся тогда еще до самаго Ковеля десятки верстъ. Проѣхавъ версты три, мы очутились около рѣчки Свидеръ (рукавъ р. Вислы), которую, за неимѣніемъ моста, приходилось переѣзжать въ бродъ. Выбравъ отлогое мѣсто, Яцекъ направилъ къ нему бричку, какъ вдругъ громкій окрикъ «кто ѣде?» заставилъ его подтянуть вожжи. Въ туманѣ, разстилавшемся надъ рѣчкой, выросли вдругъ двѣ фигуры конныхъ, приближавшихся къ намъ. Не было никакихъ сомнѣній: передъ нами были повстанцы. Присутствіемъ духа я всегда отличался, но тутъ, въ виду явной опасности, мое хладнокровіе не уступило хладнокровію Яцека. Спрятать генеральскіе пропуски и предписаніе въ шапку за подкладку (они лежали у меня въ карманѣ), достать изъ подошвы сапога народовой паспортъ — было дѣломъ одного мгновенія. Я спокойно поджидалъ незнакомцевъ... У брички вдругъ выросли двѣ конскія морды, храпящія и покрытыя пѣной: я былъ сжатъ непріателемъ съ двухъ сторонъ, и бѣгство было бы для меня невысказаннымъ.

— Кто ѣде?—переспросилъ одинъ изъ незнакомцевъ, нагибаясь ко мнѣ и подозрительно оглядывая мою форменную фуражку.

— Ветеринажъ, панове ¹⁾!—непринужденно отвѣчалъ я.

— А пашпортъ есть?

— Есть!

— Покажъ, панъ ²⁾!

Я подаль паспортъ незнакомцу, въ которомъ легко призналъ повстанца, одѣтаго въ живописный польскій костюмъ и вооруженнаго до самыхъ зубовъ. При свѣтѣ фонарика, услужливо поданнаго спутникомъ, повстанецъ внимательно осмотрѣлъ мой паспортъ и, повидимому, остался имъ доволенъ, а, слѣдовательно, и мною.

— Добрже! свѣтне ³⁾!—воскликнулъ онъ, хлопнувъ меня по плечу.— А я южъ мыслялемъ, же панъ есть москаль ⁴⁾!—смѣясь продолжать онъ, указывая на мою фуражку.

Въ отвѣтъ я только весело улыбнулся, но, признаюсь, на сердцѣ кошки заскребли: сорви вѣтеръ фуражку, и вмѣстѣ съ нею слѣтѣла бы и моя голова.

— А куда панъ ѣдетъ?—продолжалъ допрашивать меня веселый повстанецъ.

¹⁾ Ветеринаръ, господа.

²⁾ Покажи, панъ.

³⁾ Хорошо, прекрасно.

⁴⁾ А я было думалъ, что вы москаль.

— Къ вамъ! — совралъ я съ рѣшимостью отчаянія. — Въ краѣ появилась среди скота чума, и я, какъ ветеринаръ, разѣзжаю по деревнямъ и бандамъ, чтобы спасти лошадей и вообще скотъ; и мужику, и воину одинаково скверно приходится безъ лошади.

— Правда, дали Бугъ, правда! — похвалили меня повстанецъ. — Воинъ безъ коня, что птица безъ крыльевъ. Дай только Боже, чтобы побольше коней подошло у москалей. Ну, а теперь поѣдемъ. Мнѣ надоѣло безъ конца торчать на холодѣ и въ сырости. Пора смѣниться. Надо согрѣться, да и въ карты перекинуться. У насъ вѣдь весело! — пояснилъ онъ. — Много насъ! И вина много, и карты...

Переправившись въ бродъ черезъ рѣчку и едва замочивъ колеса, я со своимъ конвоемъ подѣхалъ къ небольшому дому, расположенному посреди двора: повидимому, то была помѣщичья усадьба. Окна дома были ярко освѣщены, и веселый говоръ, крики и пѣніе доносились сквозь пріотворенную входную дверь.

— Слѣзай, панъ! — пригласилъ меня мой спутникъ.

Пришлось мнѣ повиноваться, посылая въ преисподнюю и повстанца и судьбу, заведшую меня въ этотъ вертепъ.

Въ сѣняхъ, куда я послѣдовалъ за своимъ спутникомъ, меня оглушилъ крикъ, доносившійся изъ сосѣдней комнаты. Атмосфера была переполнена винными парами: повстанцы, видимо, не теряли времени даромъ.

Шапка, въ которой запрятанъ былъ пропускной листъ отъ генерала, все еще была у меня на головѣ: спрятать опасную бумагу у меня не было ни малѣйшей возможности. Признаюсь, у меня бывали въ жизни непріятныя минуты. Разъ, на охотѣ кабанъ-одинецъ клыкомъ распоролъ мнѣ ногу и чуть было не растопталъ меня, но никогда я такъ не боялся, какъ въ ту минуту, когда мой спутникъ отворилъ дверь въ комнату, гдѣ находилась бражничавшая компанія, и я очутился одинъ, безъ защиты и съ предательскимъ документомъ на головѣ, — передъ цѣлой бандой полупьяныхъ повстанцевъ.

При видѣ насъ шумъ смолкъ. Десятки глазъ съ любопытствомъ и удивленіемъ уставились на меня и особенно на мою проклятую форменную фуражку, которой я отъ души желалъ пристать навсегда къ моей головѣ или обратиться, вмѣстѣ съ волосами, въ пепель.

— Что то значи? — обратился къ моему спутнику толстый, небольшого роста повстанецъ, указывая безцеремонно на меня пальцемъ.

— Полякъ и докторъ, пане пулковнику, — откомендовалъ меня вопрошаемый.

— А скондъ та чапка? — продолжалъ «панъ пулковникъ», грозно сверкнувъ глазами на злосчастную фуражку.

Надо было спасти себя, не теряя ни минуты, и предупредить отвѣтъ моего спутника, который, повидимому, былъ крайне изумленъ тѣмъ, что не догадался задать мнѣ такого простаго вопроса...

— Шацунекъ, панове ¹⁾!—началь я, развязно выступивъ на средину комнаты.—Я, какъ правильно сказалъ мой новый пріятель (чортъ бы его побралъ!), дѣйствительно полякъ, и добрый полякъ!— и докторъ. Какъ попала ко мнѣ эта дурацкая шапка? (я рукой указалъ на фуражку, но не снялъ ея)—о! очень просто: въ лѣсу, часа два тому назадъ, я встрѣтилъ москаля-чиновника и... понимаете, панове?—подмигнулъ я, щелкнувъ языкомъ и дѣлая рукой жестъ кверху... Го-го-го!—раздался громкій хохотъ въ отвѣтъ на мой фантастическій рассказъ.—Ха-ха-ха-го-го! О-то добрый полякъ! о-то зухъ ²⁾!—повторяли повстанцы, одинъ за другимъ заключая меня въ свои пьяныя объятія и обдавая меня запахомъ перегорѣвшаго спирта. Садись, панъ!... Къ намъ... Вотъ венгржина, вотъ колбаса, сыръ... Послѣ работы надо подкрѣпиться,—подливая добавилъ полковникъ, повидимому, болѣе всѣхъ нагруженный виномъ. Хороша, впрочемъ, была и остальная компанія. И это было мнѣ на-руку: едва ли трезвый человѣкъ повѣрилъ бы моей сказкѣ... Перецѣловавшись со всѣми, я сѣлъ къ столу и, несмотря на страхъ, значительно подкрѣпилъ свои силы колбасой и сыромъ, запивая превосходнымъ венгерскимъ виномъ. Насытившись всласть, я собрался было присѣсть къ другому краю стола, гдѣ, среди толпы любопытныхъ, нѣсколько азартныхъ игроковъ играли въ штоссъ, какъ вдругъ мысль о Яцекѣ, ничего не знавшемъ о моей выдумкѣ, заставила меня вздрогнуть, какъ отъ удара хлыстомъ. Надо было во что бы то ни стало повидаться съ Яцекомъ и предупредить его.—Пане пулковникъ,—обратился я къ начальнику, — я вамъ сейчасъ принесу бутылку рому изъ брички, который не хуже этой венгржины.—Рому?—полковникъ пріятно осклабился,—давай панъ! И отъ рому я не откажусь. Проводите его!—приказалъ онъ молодому повстанцу, стоявшему у дверей.—Знаете, гдѣ ваша бричка? — спросилъ меня мой провожатый, когда мы вышли на крыльцо,—вотъ, подъ навѣсомъ, направо. Идите, я подожду, мнѣ холодно...

Сѣрѣло... Подъ навѣсомъ, во дворѣ я, дѣйствительно, нашель Яцека около лошадей, которыхъ онъ угощалъ захваченнымъ изъ дому сѣномъ. Я подошелъ къ нему.—Яцекъ!—овликнулъ я его.—А! пане! — радостно воскликнулъ онъ.—А ужъ я думалъ, что васъ... того — загубили; на меня тутъ набросились съ разспросами, да я маху не далъ, ругался только: пускай, думаю, панъ съ ними разговорится...—Нѣтъ, нѣтъ, — успокоилъ я догадливаго малаго, — я, какъ видишь, цѣлъ. Но слушай меня, чтобы не попасть намъ обоимъ въ бѣду... И я подробно повторилъ Яцеку свою выдумку, крѣпко наказавъ ему не провратъся передъ повстанцами. Не слушая восторженныхъ возгласовъ Яцека и запрятавъ подальше пропускной листъ,

¹⁾ Мое почтенье, господа.

²⁾ Вотъ хорошій полякъ, вотъ молодець.

вынувъ его изъ фуражки, я поспѣшилъ вернуться въ домъ съ бутылкой, къ счастью, захваченной изъ дому.

— Вотъ и ромъ!—обратился я къ пану пулковнику, ставя передъ нимъ на столъ бутылку,—теперь я попытаю счастье, — добавилъ я, подходя къ игрокамъ.—Можно къ вамъ присосѣдиться?—спросилъ я банкомета и понтеровъ.

— Еще бы! съ удовольствіемъ!—отвѣтилъ за всѣхъ банкометъ, очищая около себя мѣсто.—Каждый человѣкъ съ деньгами можетъ принять участіе въ нашей игрѣ, — выразительно посмотрѣвъ на меня, прибавилъ онъ.

Я понялъ намекъ, вынулъ кошелекъ изъ кармана, небрежно положилъ его на столъ и сѣлъ на опрокинутую вверхъ дномъ бочку, изображавшую кресло. При видѣ кошелька, довольно туго набитаго, глаза банкомета и прочихъ игроковъ жадно засверкали. Игра началась.

Мнѣ часто приходилось играть въ азартныя игры и до и послѣ описываемаго случая, но никогда не шла ко мнѣ карта съ такимъ счастьемъ, какъ въ ту сырую ночь, вѣрнѣе, въ это раннее утро, среди незнакомыхъ и опасныхъ для меня лицъ. Изъ всѣхъ моихъ картъ почти ни одна не была бита... Черезъ полъ-часа съ небольшимъ предо мною лежала грудa золотыхъ монетъ. Боже мой! какихъ только тутъ не было: и польскія, и русскія, и французскія (этихъ особенно много), и австрійскія, и проч., и проч. Партнеры мои только хмурились и грозно сверкали глазами, но за каждой картой терпѣли поражение, увеличивая мой выигрышъ новыми ставками. Всѣ «панове ротмистржи» и прочіе чины (кстати, въ бандѣ, какъ я могъ замѣтить, не было ни одного офицера чиномъ ниже ротмистра) удивлялись моему счастью и сочувствовали несчастью товарищей. Различные возгласы сопровождали каждую данную мнѣ карту. Завистливые взоры слѣдили за моей рукой, собиравшей выигрыши...

— Якъ-же панъ гра?¹⁾—раздался вдругъ возлѣ меня голосъ полковника, успѣвшаго уже опорожнить мою бутылку.—Эге!—воскликнулъ онъ, увидѣвъ предо мною грудy золота,—счастье, видно, на сторонѣ доктора! Ну, ничего! панъ докторъ останется съ нами, значить, и деньги его въ бандѣ останутся! Такъ-то лучше будетъ!

Вотъ тебѣ, бабушка, и юрьевъ день!—подумалъ я, услыхавъ это поистинѣ мудрое и выгодное для банды рѣшеніе.—Что подумаетъ, однако, обо мнѣ генераль? Что будетъ дальше со мной?

— Пане пулковнику,—обратился я къ начальнику,—я ветеринарный врачъ и хотѣлъ бы осмотрѣть въ сосѣднихъ деревняхъ скотъ: говорятъ, чума появилась и...

— А!—весело прервалъ онъ меня,—такъ панъ—докторъ, который

¹⁾ Какъ панъ играть?

на своихъ пациентахъ ѣздить? И отлично! у насъ ихъ много, будетъ кого лѣчить...

Возражать было бы опасно, и я смолчалъ, твердо рѣшивъ убѣжать при первой же возможности. Между тѣмъ, счастье продолжало мнѣ благопріятствовать, и груда золота все росла и росла... Впрочемъ, къ чему было это счастье, если деньги должны обратно поступить въ казну повстанцевъ? Оставалось только попытаться отравить хоть нѣкоторую часть выигрыша въ мои карманы, но какъ сдѣлать это, не возбуждая вниманія партнеровъ? Тѣмъ не менѣе, я рѣшился и, стараясь дѣлать это какъ можно незамѣтно, набиралъ по нѣсколько монетъ въ рукавъ и изъ рукава опускалъ въ карманъ. Не знаю, право, какую сумму могъ я выиграть тогда, но, судя по грудѣ золота, полагаю, что было не менѣе пяти или семи тысячъ рублей на русскія деньги. Для меня, бѣднаго ветеринара, это было бы цѣлымъ состояніемъ, но судьбѣ, видно, угодно было подарить мнѣ только часть этихъ денегъ. Было уже совсѣмъ свѣтло, когда банкометъ предложилъ сдѣлать маленькую передышку, на что охотно согласились всѣ, не исключая и меня. Не зная, что дѣлать съ золотомъ, опустить ли его къ себѣ въ карманъ, оставить ли на столѣ, я принялся было считать его, какъ вдругъ на дворѣ послышались крики, вопли, и кто-то, съ трескомъ отворивъ дверь, закричалъ отчаяннымъ голосомъ: панове! казаки близко! — Господи! что тутъ произошло! Сначала, услышавъ грозную вѣсть, всѣ «ротмистржи» остолбенѣли, но затѣмъ, съ криками, давя и толкая другъ друга, выбѣжали во дворъ. Толстый полковникъ первымъ очутился верхомъ на прекрасномъ скакунѣ и, размахивая саблей и грозно сверкая глазами, вылетѣлъ за ворота, крича что-то своимъ товарищамъ. За нимъ вслѣдъ помчалась вся банда, и въ домѣ остались лишь — на дворѣ Яцекъ, въ комнатѣ — я. Тѣмъ лучше! — мелькнуло у меня въ головѣ, — соберу деньги, запрячу народовой паспортъ — и навстрѣчу къ казакамъ, благо, что есть охранный листъ отъ генерала. Каково же было мое разочарованіе, когда я подошелъ къ столу, на которомъ, минуту тому назадъ, я считалъ деньги! — отъ золота не осталось и слѣда: какъ ни напуганы были повстанцы, но все же успѣли захватить съ собою мой выигрышъ. Но горевать было некогда. Запрягать и ѣхать — вотъ все, что мнѣ оставалось дѣлать. Надѣвши бурку (хорошо, что ее не унесли!), я выбѣжалъ на дворъ и столкнулся съ Яцекомъ, который, держа въ поводу двухъ рослыхъ, но сильно хромавшихъ коней, направлялся къ крыльцу. На лицѣ вѣрнаго малаго написанъ былъ гнѣвъ и досада. — Вотъ разбойники! — вскричалъ онъ, увидѣвъ меня, — увели нашихъ лошадей, а оставили двухъ этихъ никуда негодныхъ клячъ. Твой баринъ, говорятъ, ветеринаръ, такъ пусть ихъ и вылѣчить. Разбойники! — и Яцекъ, сердито сплюнувъ, погрозилъ кулакомъ въ ворота. Признаюсь, я былъ изумленъ ловкостью повстанцевъ. Увести двухъ лошадей,

стащить со стола столько золота—и это въ одинъ мигъ!—безспорно, это было очень ловко и крайне неприятно для меня. Лошади, оставленные мнѣ повстанцами, были безспорно хороши, но сильно хромали, и ѣхать на нихъ не представлялось никакой возможности. Успокоивъ кое-какъ Яцека, я приказалъ ему отвести лошадей подъ навѣсъ, а самъ вышелъ за ворота поджидать казаковъ. Паспортъ жонда народоваго я заботливо припряталъ и взялъ въ руку охранный листъ генерала N. Вѣсти, полученные повстанцами, были дѣйствительно вѣрныя; не прождалъ я и пяти минутъ, какъ изъ опушки лѣса, съ гиканіемъ и свистомъ, держа пики наперевѣсъ, вылетѣлъ отрядъ казаковъ, предполагая захватить въ домѣ повстанцевъ. Не желая попасть на одну изъ пикъ, острія которыхъ зловѣще блестя подъ лучами взопедшаго солнца, я поднялъ лѣвую руку съ развѣвающимся въ ней листомъ, а правой, сжатой въ кулакъ, энергично сталъ грозить казакамъ, посылая имъ навстрѣчу градъ самыхъ отборныхъ ругательствъ, которыя, какъ я не разъ могъ убѣдиться, всегда оказывали должное дѣйствіе. По всей вѣроятности, меня спасла та же фуражка, которая чуть не погубила передъ повстанцами... Казаки окружили меня и отвели къ начальнику отряда—полковнику Z., которому я и рассказалъ о случившемся, посоветовавъ, какъ можно скорѣе, послать за шайкой погоню. За всѣ мои волненія я получилъ вознагражденіе. Въ карманъ мой, какъ оказалось, я успѣлъ спустить, при помощи рукава, до 1.300 рублей... Пару оставленныхъ мнѣ лошадей я вылѣчилъ и продалъ ихъ за 500 рублей. Кромѣ того, генералъ N. выхлопоталъ мнѣ отъ казны вознагражденіе за моихъ пропавшихъ лошадей, придравшись къ тому, что я потерпѣлъ при исполненіи «казеннаго» порученія. Такимъ образомъ, судьба вознаградила меня сторицей, но, клянусь, я не хотѣлъ бы пережить еще разъ то, что пережилъ тогда.

Н. Васильевъ.

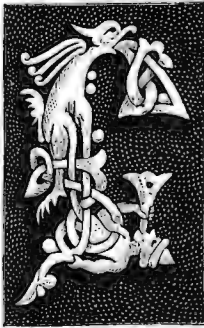

РУССКОЕ ЗНАМЯ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗИИ ¹⁾.

Х.

Дѣло подь Зерабулакомъ.

РОКЪ нашему перемирію оканчивался 1-го іюня. По всѣмъ признакамъ, непріятель долженъ былъ въ большихъ силахъ занимать позицію не вдалекѣ отъ Катты-Кургана; такъ говорили и лазутчики. Въ два часа ночи на 2-е число, войска выступили изъ Катты-Кургана. Въ авангардъ назначенъ былъ полковникъ Пистолькорсъ съ четырьмя сотнями казаковъ, четырьмя ротами 3-го линейнаго и двумя стрѣлковаго баталіоновъ, при 4 орудіяхъ коннооблегченной казачьей батареи и 6 ракетныхъ станковъ (280 шапекъ и 790 штыковъ). Главныя силы, подь начальствомъ полковника Абрамова, состояли изъ 4 ротъ 4-го баталіона, 3-хъ ротъ 5-го баталіона, роты авганцевъ, дивизіона батарейной и дивизіона нарѣзной батареи; всего съ авганцами 750 штыковъ и 8 орудій. Затѣмъ, въ арьергардъ, составлявшемъ прикрытіе довольно длиннаго обоза, заключавшаго въ себѣ на 10 дней провіанта и запасъ артиллерійскихъ принадлежностей, слѣдовалъ майоръ Тихменевъ съ 4 ротами 9-го ба-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXVI, стр. 895.
«истор. вѣстн.», июль, 1899 г., т. LXXVII.

таліона, взводомъ батареіной батареи и сотней казаковъ, всего 420 штыковъ и 60 пашекъ. Дорога тянулась вдоль лѣваго берега большаго арыка Нурпоя.

Войска вытянулись и двинулись по дорогѣ передъ разсвѣтомъ. Когда разсвѣло, влѣво отъ дороги и параллельно ей обнаружилась непріятельская кавалерія, рассыпанная на протяженіи около 8—10 верстъ по длинѣ дороги до возвышенностей на горизонтѣ и въ глубину около полуверсты. Всадники эти гарцовали на дальній отъ насъ выстрѣлъ и кричали, возбуждая другъ друга, «уръ, уръ». Крикъ этотъ разливался по всему предстоявшему намъ пути и опять возвращался и снова удалялся. Стрѣлять по этимъ всадникамъ было не велѣно; войска шли по дорогѣ походнымъ порядкомъ. Какъ въ послѣдствіи оказалось, всадниковъ было до 20 тысячъ, подъ начальствомъ извѣстнаго Садыка. Когда авангардъ приблизился къ возвышеніямъ, онъ увидѣлъ непріятельскую армію влѣво отъ дороги, построенную въ порядкѣ. Полковникъ Пистолькорсъ прискакалъ къ генералу Кауфману, который ѣхалъ впереди колонны Абрамова, и поздравилъ его со встрѣчею съ главными силами эмира. Сарбазы въ красныхъ мундирахъ, числомъ, по словамъ самого эмира, до шести тысячъ человекъ, представляли длинный фронтъ у подошвы горы, тыломъ къ ней, почти параллельно нашей дорогѣ, шагахъ въ 500 отъ нея, съ тупымъ переломомъ по срединѣ. Надъ ними, позади, на крутомъ обрывѣ горы, стояло 14 орудій, которыя не замедлили открыть навѣсный и почти безвредный огонь. По осмотрѣ непріятельской дороги, рѣшено было атаковать непріятеля двумя готовыми колоннами: Пистолькорсу, немедленно съ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ,—лѣвую половину сарбазовъ; Абрамову, обстрѣлявъ непріятельскую позицію батареіными и нарѣзными 4-хъ фунтовыми орудіями, двинуться въ атаку только тогда, когда данъ будетъ сигналъ отъ главнаго начальства. Сигналъ этотъ командующій войсками рѣшилъ дать послѣ движенія въ атаку Пистолькорса. Это было сдѣлано съ тѣмъ расчетомъ, чтобы не торопить отступление непріятеля, а, напротивъ, заставить его принять бой на этой позиціи. Необходимо было, во что бы то ни стало, здѣсь разбить непріятеля на голову, дабы онъ не отвлекъ насъ далеко отъ Самарканда. Отступление же, подобное тому бѣгству, въ которое непріятель обратился, при атакѣ нашей самаркандскихъ высотъ 1-го мая, затянуло бы кампанію и связало бы руки главному начальнику; между тѣмъ, присутствіе его съ войсками въ Самаркандѣ, какъ видно будетъ ниже, было необходимо.

Дивизионъ Оренбургской казачьей батареи, подъ командою есаула Топорнина, выскочилъ, по приказанію Пистолькорса, на позицію, снялся съ передковъ въ 300 шагахъ отъ фронта сарбазовъ и, выпустивъ гранаты, коими были заряжены его орудія, обстрѣлялъ фронтъ картечью, стрѣляя по огню. Топорнинъ сдѣлалъ восемь

очередей картечью; сарбазы отвѣчали неумолкаемымъ живымъ огнемъ, не трогаясь съ мѣста; послѣ ужасной потери въ людяхъ, заднія шеренги сарбазовъ стали стрѣлять прямо вверхъ вертикально. Это было вѣрнымъ признакомъ паники, и потому времени терять было нечего. Данъ былъ сигналъ къ атакѣ колоннѣ Абрамова, къ правому флангу которой присоединился самъ генераль Кауфманъ со свитою и сборною сотнею казаковъ. Роты авангарда стрѣлковаго баталіона и 3-го линейнаго, подъ командою полковниковъ Пищечука и Баранова, лежавшія у орудій подъ огнемъ сарбазовъ, вскочили на ноги и съ крикомъ «ура» бросились на непріятеля; двинуты были также и казаки; артиллерія, сдѣлавъ свое дѣло, взяла на передки. Главныя силы—5-й и 4-й баталіонъ и дивизіоны батарейный и нарѣзной, съ генераломъ Головачевымъ и полковникомъ Абрамовымъ во главѣ, двинулись на правую половину сарбазовъ. Пятый баталіонъ, составлявшій нашъ лѣвый флангъ, былъ атакованъ бухарскою кавалеріею, которая въ то же время бросилась на раненыхъ, тянувшихъ къ перевязочному пункту; нѣсколько человекъ было порублено. Майоръ Гриппенбергъ, перемѣнивъ быстро фронтъ, огнемъ и штыкомъ отбилъ конницу, а затѣмъ снова повернулъ впередъ. Не разъ, однако, пришлось 5 баталіону мѣнять фронтъ. Атаки неутомной конницы останавливали баталіонъ; между тѣмъ сарбазы уже отступали. Непріятельская артиллерія, при первомъ нашемъ движеніи впередъ, снялась съ позиціи. Дивизіонъ батарейныхъ орудій, подъ начальствомъ полковника Михаловскаго, немало помогъ 5 баталіону отдѣлаться отъ конницы; тѣмъ не менѣе уронъ этого баталіона оказался въ 17 раненыхъ, изъ коихъ 12 холоднымъ оружіемъ.

Опрокинувъ сарбазовъ, стоявшихъ передъ 4 баталіономъ, генераль Головачевъ и полковникъ Абрамовъ двинулись за ними прямо впередъ. Остальные сарбазы, большая часть правой половины ихъ фронта, направились направо назадъ; за этою частью Кауфманъ повелъ лично 5 баталіонъ и дивизіонъ батарейный и нарѣзной. Ожесточенное преслѣдованіе со всѣхъ сторонъ продолжалось верстъ на восемь. Страшная масса труповъ покрыла поля на значительное разстояніе. Вся степь впереди пестрѣла красными куртками лежавшихъ сарбазовъ; кое-гдѣ мелькали значки одурѣвшей отъ неудачи непріятельской конницы.

Много значковъ было подобрано казаками; найдено также на дорогѣ брошенное бухарцами орудіе, и захваченъ артиллерійскій транспортъ въ 40 вьючныхъ ящиковъ съ зарядами.

Дѣло было сдѣлано—разбитый непріятель отброшенъ отъ Нурпая и потянулся въ безводную степь. Преслѣдованіе было остановлено, и войска двинулись къ мосту черезъ Нурпай у Казы-Кишлака, куда еще раньше генераль Головачевъ послалъ пѣхоту авангарда. Осмотрѣвъ поле сраженіе и забравъ съ собою бухарскіе значки,

генераль Кауфманъ поѣхалъ назадъ къ аррьергарду, прикрывавшему обозъ. Еще до начала дѣла, толпы бухарской конницы, двигавшіяся параллельно съ нами, пытались овладѣть обозомъ, но майоръ Тихменевъ, командовавшій аррьергардомъ, воспользовался высокимъ курганомъ влѣво отъ дороги, послалъ туда роту пѣхоты, которая, покрывъ всю горку застрѣльщиками, удержала непріятеля на разстояніи дальности ружейнаго выстрѣла. Но зоркость Тихменевскихъ стрѣлковъ едва не вовлекла ихъ и въ бѣду. По окончаніи боя, видя приближеніе конной партіи съ множествомъ разноцвѣтныхъ значковъ, рота за пылью приняла ее за непріятельскую, открыла огонь и осыпала пулями свиту генераль-губернатора.

Только когда полковникъ Абрамовъ и нѣкоторые изъ офицеровъ пустились вскачь по направленію къ стрѣлявшей ротѣ, послѣдняя замѣтила свою ошибку и прекратила огонь. При этомъ произошелъ забавный эпизодъ.

Генераль Кауфманъ, подѣхавъ къ ротѣ, поблагодарилъ ее за мѣткую стрѣльбу: «Спасибо, братцы, славно стрѣляете, чуть, чуть меня не подстрѣлили». «Рады стараться, ваше пр-ство!» — гаркнули молодцы, отвѣчая, конечно, на первую половину словъ своего любимаго начальника.

Инцидентъ этотъ былъ исчерпанъ замѣчаніемъ ротному за открытыя стрѣльбы на слишкомъ далекое разстояніе.

Къ десяти часамъ утра непріятеля не было видно нигдѣ.

Впослѣдствіи стало извѣстно, какимъ лишеніямъ подверглись отступавшіе: воды въ колодцахъ Кара-Кудукъ, куда бросились бухарцы, оказалось мало, да и ту выпили, обогнавшіе пѣшихъ, конные, а смертельная жара, въ связи съ истомленіемъ отъ скорого движенія и множествомъ раненыхъ, возбуждала неистовую жажду. Много легло здѣсь несчастныхъ бухарскихъ солдатъ—вся степь у колодца бѣдѣла костями! Не говоря о потеряхъ непріятельской конницы, одни сарбазы, по словамъ самого эмира, потеряли 4.900 человекъ въ этотъ страшный для нихъ день. Сила Бухары была сломлена, ей не съ чѣмъ было продолжать войну. Эмиръ, получивъ извѣстіе о Зерабулакскомъ побоищѣ, прислалъ просить мира и повергалъ свое царство къ ногамъ великаго государя. Приношеніе не принято, но миръ заключенъ въ Самаркандѣ 23-го іюня 1868 г. Самаркандъ и Катты-Курганъ съ ихъ районами остались за нами; эмиръ приложилъ наконецъ печать къ знаменитымъ «условіямъ», надѣлавшимъ ему столько бѣдъ, и обязался уплатить 500 т. р. контрибуціи, покрывшей всѣ расходы наши на веденіе войны съ Бухарою съ 1866 года.

На другой день послѣ боя, т. е. 3-го іюня, предпринята была рекогносцировка высотъ Зератау. Непріятеля не было видно съ высотъ этихъ на 30 верстъ во всѣ стороны. Вечеромъ того же дня получено первое извѣстіе о какихъ-то безпорядкахъ въ Самаркандѣ

и о прибытіи шахрисябцевъ. Такъ какъ отъ коменданта не было получено ни одного донесенія, то явилось предположеніе, что слухъ, сообщенный лазутчикомъ, ложенъ. 4-го іюня, отрядъ перешелъ въ Катты-Курганъ; 5-го, устроенъ гарнизонъ Катты-Курганскій, для чего оставленъ тамъ 5-ый баталіонъ весьма слабаго состава, не болѣе 300 человѣкъ здоровыхъ и два орудія. 6-го, войска выступили къ Самарканду и только 7-го числа на привалѣ, въ 18 верстахъ отъ Самарканда, получено было первое донесеніе коменданта о критическомъ положеніи цитадели. Отрядъ остановился на ночлегъ въ 6-ти верстахъ отъ города и на разсвѣтѣ 8-го числа двинулся на выручку храбраго гарнизона самаркандской цитадели.

Съ выступленіемъ 30-го мая генераль-губернатора къ Катты-Кургану, мусульманское духовенство начало волновать народъ и разослало прокламаціи о сборѣ всѣхъ вѣрныхъ къ Самарканду. Черезъ два дня здѣсь было уже до 65.000 всякаго сброду. Въ цитадели оставалось только 4 роты 6-го баталіона, рота саперъ, два батареинныхъ орудія и лабораторная команда. Всей пѣхоты съ нестроевыми 9-го баталіона и слабыми изъ лазарета можно было набрать 658 птыковъ. Комендантомъ былъ назначенъ командиръ 6-го баталіона майоръ фонъ-Штемпель, управленіе мѣстнымъ населеніемъ возложено на войскового старшину Сѣрова, инженерныя работы поручены были штабсъ-капитану Богаевскому, артиллерійская часть — капитану Михневичу. Кромѣ этихъ лицъ, непосредственное участіе въ оборонѣ принимали еще: командиръ 9-го баталіона полковникъ Назаровъ (оставшійся въ Самаркандѣ за болѣзнію) и художникъ прапорщикъ Верещагинъ.

Хотя въ цитадели имѣлось 24 бухарскихъ орудія, годными оказалось только 4. Патроновъ имѣлось 200.000, не считая комплекта на рукахъ. Пороху 90 пудъ; боевыхъ ракетъ 95. Снаряжено было 150 бухарскихъ полупудовыхъ гранатъ, замѣнявшихъ ручныя при оборонѣ стѣнъ. Муки и крупы имѣлось на 2 мѣсяца. Мясa по обложеніи цитадели достало на два дня. Вода получалась изъ городского водопровода и изъ родника у сѣверной стѣны. Обширная самаркандская цитадель была, конечно, слишкомъ велика для такого гарнизона; хотя стѣны ея и построены на крутомъ уступѣ горы, въ большей части своей длины не приступны, но и эти мѣста требовали охраны, а доступныхъ, разрушенныхъ и полуразрушенныхъ стѣнъ все же было много для слабаго гарнизона, въ особенности при многочисленномъ непріятелѣ, который, смѣняясь, атакował его въ теченіе 7 дней непрерывно день и ночь и со всѣхъ сторонъ.

XI.

Защита Самаркандской цитадели.

Чтобы вполне оцѣнить то положеніе, въ какомъ находился самаркандскій гарнизонъ во время этого столь доблестнаго для нашего оружія эпизода, необходимо познакомиться съ тѣмъ жалкимъ состояніемъ, въ какомъ находилась цитадель до обороны и во время оной.

Городская стѣна, отдѣляющая самый городъ отъ предмѣстій и садовъ, сложена еще въ древнѣйшія времена изъ большихъ комковъ глины и достигаетъ въ вышину отъ 3 до 4 сажень, окружая неправильнымъ многоугольникомъ весь городъ. Простоявъ цѣлые вѣка безъ ремонта, полуразвалившаяся отъ времени, стѣна эта могла служить развѣ только ширмою, а никакъ не оградою. Къ сѣверо-западной стѣнѣ города примкнута цитадель, съ такою же, находящеюся также въ весьма ветхомъ состояніи стѣною. Въ цитадель ведутъ двое воротъ: Бухарскія по дорогѣ въ Бухару и Самаркандскія (акъ-дерваза) къ базарамъ города. Кромѣ того, на сѣверѣ имѣлась калитка, выходившая къ роднику.

Цитадель стоитъ на бугрѣ, которымъ, впрочемъ, командуютъ всѣ высокія зданія города, такъ что съ крышъ мечетей, медресе и нѣкоторыхъ домовъ, стоящихъ также на буграхъ,—внутренность цитадели видна была, какъ на ладони, чему, въ особенности, способствовало и то, что часть стѣны, обращенной къ городу (у Самаркандскихъ воротъ), спустившись къ оврагу, обнажила почти весь бугоръ цитадели. Цитадельная стѣна не имѣла рва, роль котораго игралъ глубокій оврагъ, окружавшій цитадель со всѣхъ сторонъ, за исключеніемъ нѣкоторой части южной стѣны. Оврагъ не вездѣ подходилъ вплоть къ стѣнѣ, и здѣсь оставалась широкая берма, на которой размѣстились кое-гдѣ лавчонки бѣдняковъ.

Судя по начертанію въ планѣ, можно было бы предполагать, что цитадельная стѣна, если не во всѣхъ, то въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, имѣла кое-какую фланговую оборону; на самомъ же дѣлѣ, это было совершенно немыслимо, такъ какъ во фланкирующихъ частяхъ стѣны не только не было присыпано барбетовъ для орудій, но даже не было банкета, не было пробито и бойницъ для ружейной стрѣльбы. Сакли и лавки, примыкавшія къ самой стѣнѣ (въ промежуткѣ между Бухарскими и Самаркандскими воротами) и представлявшія неприятелю готовую галерею для дѣланія проломовъ, а крышами своими—готовую ступень для влѣзанія на стѣну, также не были уничтожены. Если прибавить къ этому, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стѣна имѣла трещины и обвалы, то можно считать картину состоянія цитадели достаточно обрисованною. Исправить всѣ

эти недостатки и привести верки цитадели въ надлежащій видъ не было въ то время никакой возможности: во-первыхъ, вслѣдствіе несоразмѣрности работъ съ силами, коими можно было для этого располагать; во-вторыхъ, въ это время шли непрерывные дожди, при которыхъ всякая глиняная и земляная работа невозможна, а жженого кирпича, известки и камня не было; кромѣ того, въ войскахъ въ это время свирѣпствовала возвратная горячка, было много больныхъ, а между тѣмъ необходимо было сберечь силы людей для предстоящихъ дѣйствій. Несоразмѣрность длины линіи огня (2¹/₂ версты) съ численностью гарнизона также немало затрудняла оброну. Но больше войскъ нельзя было отдѣлить для этого отъ дѣйствующаго отряда. Несмотря, однако, на такія тяжелыя условія, защита Самарканда даже отъ многочисленнаго непріятеля не была невозможна, и потому 30-го мая приступлено было къ работамъ по исправленію верковъ; начато съ обрѣтія эскарповой отлогости оврага около кладбища, лѣвѣе Самаркандскихъ воротъ, гдѣ иначе представлялась полная возможность для эскалады; затѣмъ на кладбищѣ насыпаны были два барбета, для обстрѣливанія длинныхъ фасовъ стѣнъ и входа въ Самаркандскія ворота. Въ продолженіе дня отлогость оврага была обрѣта на нѣсколько сажень и одинъ барбетъ насыпанъ до половины высоты.

На другой день къ этимъ работамъ присоединилась расчистка родника и арыковъ въ цитадели для проведенія воды во всѣ пруды ея. Но въ тотъ же день между жителями города уже стало замѣтно волненіе. Евреи, жившіе въ городѣ, развѣдали коварные замыслы населенія и къ вечеру заявили о заговорѣ, прося позволенія перейти въ цитадель, въ случаѣ нападенія.

Рано утромъ, 1-го іюня, войска опять были выведены на работы, но уже съ ружьями. Вскорѣ затѣмъ, аскакалы сообщили коменданту, что купцы затворяютъ лавки, а жители удаляются изъ города изъ опасенія шахрисабцевъ, подступившихъ уже въ большомъ числѣ со стороны Хаджи-арарскихъ воротъ. Посланный туда майоръ Альбедиль, съ ротою пѣхоты, нашелъ ворота отпертыми, а жители увѣряли его, что шахрисабцевъ здѣсь никакихъ нѣтъ и не было. Часовъ въ 10 утра можно было замѣтить, что и съ противоположной этимъ воротамъ стороны, на горѣ Чапанъ-ата, начали появляться пѣшія и конныя скопища. Число ихъ быстро увеличилось, и въ полдень весь видимый изъ цитадели скатъ горы былъ покрытъ непріателемъ. Видно было также, что цѣлыя семейства горожанъ удалялись со всѣмъ своимъ имуществомъ и скотомъ изъ города. Что происходило съ другихъ сторонъ цитадели, рассмотреть было трудно за окружающими ее садами и городскими стѣнами, но сомнѣваться болѣе въ грозившемъ нападеніи было нельзя. Въ этотъ же день, вечеромъ, множество евреевъ явились къ коменданту и убѣдительно просили его дать имъ мѣсто въ цитадели.

Получивъ согласіе, они перевезли въ цитадель своихъ женъ, дѣтей и имущество.

Со 2-го числа работъ уже не производилось: опасность была близка, и слѣдовало поберечь силы гарнизона. Гарнизонъ успѣлъ только насыпать два барбета около кладбища, начать барбетъ въ исходящемъ углу за сарбазскимъ дворомъ и обрѣчь оврагъ отъ кладбища до родника. Все прочее должно было остаться въ прежнемъ положеніи. Вечеромъ 1-го числа, за вечерней зарей, пущена была, по распоряженію коменданта, ракета и произведенъ пушечный выстрѣлъ со снарядами: цитадель салютовала неприятелю и вызвала его на бой.

Съ разсвѣтомъ 2-го іюня, аксакалы города явились къ коменданту съ донесеніемъ, что шахрисябцы подошли къ Хаджи-арарскимъ воротамъ города и хотятъ ворваться въ него, но что жители просятъ выслать часть войска для ихъ защиты. Майоръ Штемпель, взявъ съ собою роту саперъ, роту линейнаго баталіона и одно батарейное орудіе, выступилъ тотчасъ же изъ цитадели къ названнымъ воротамъ, за которыми онъ былъ встрѣченъ выстрѣлами. Наша цѣпь также открыла огонь, но весьма рѣдкій, такъ какъ за деревьями садовъ и на пересѣченной оврагомъ мѣстности трудно было разсмотрѣть неприятеля. Замѣтно было, однако, что большая часть скопищъ находится вправо отъ воротъ, а между тѣмъ аксакалы просили не стрѣлять именно вправо, увѣряя, что въ этой сторонѣ находятся самаркандцы, не принимающіе участія въ дѣлѣ. Было очевидно, что сами аксакалы насъ обманываютъ: ибо по этому-то направленію и двигались главныя массы неприятеля, имѣвшія цѣлю отрѣзать выступившій за ворота нашъ отрядъ. Штемпель поспѣшилъ возвратиться въ цитадель и заперъ за собою ворота. На улицахъ замѣтны были уже вооруженные сарты, а при входѣ въ цитадельныя ворота надъ головами солдатъ пролетѣло нѣсколько каменьевъ. Въ то же время, неприятель, со всѣхъ сторонъ, ворвался въ городъ и быстро распространился по улицамъ съ дикими криками, барабаннымъ боемъ и ревомъ длинныхъ трубъ.

Толпы неприятеля, вошедшаго въ городъ, совмѣстно съ жителями, приближались со всѣхъ сторонъ къ цитадели, съ явнымъ намѣреніемъ въ нее ворваться.

Караулъ въ цитадели, въ это время, занимала стрѣлковая рота 6-го баталіона. По тревогѣ, войска заняли указанныя имъ заранѣе мѣста, а именно: 1-я рота выслала часть людей на подкрѣпленіе къ воротамъ, слабые 5-го баталіона и взводъ 3-й роты заняли кладбище у мечети, лѣвѣе Самаркандскихъ воротъ; 2-я рота за сарбазскимъ дворомъ, держа взводъ въ резервѣ у калитки; саперная рота на исходящемъ углу между Бухарскими и Самаркандскими воротами; обозные (фурштаты) и другіе нестроевые съ нѣсколькими конными казаками заняли западную часть стѣны, какъ менѣе доступную.

Загѣмъ остальная часть первой роты, взводъ 3-й роты и слабые 9-го батальона стали въ резервѣ у госпиталя. Одно батарейное орудіе расположено на кладбищѣ у муллушки, а другое отправлено къ Бухарскимъ воротамъ.

Прежде всего, непріятель рѣшился атаковать часть стѣны, прилегавшей къ кладбищу, открывъ предварительно сильную стрѣльбу изъ ружей. Поставленное здѣсь батарейное орудіе осыпало толпы нападавшихъ картечью, какъ только они выходили изъ улицы на берегъ оврага. Слабый огонь нашъ не въ силахъ былъ, однако, остановить непріятеля, и онъ, перебравшись черезъ оврагъ огромною толпою, съ неистовыми гиками, бросился штурмовать стѣну, цѣпляясь за нее желѣзными копками ¹⁾ и ружьями.

Другая часть непріятеля покровительствовала штурму огнемъ съ противоположнаго берега оврага черезъ бойницы, продѣланныя въ глиняныхъ стѣнахъ сакель. На кладбищѣ стояло два бухарскихъ орудія и одна батарейная пушка; здѣсь командовалъ подпоручикъ Лепехинъ. Огонь изъ орудій и ружей, а также и круто обрытый берегъ оврага помѣшали успѣху штурма; сарты бросились тогда къ Самаркандскимъ воротамъ, но, отброшенные и здѣсь, засѣли въ сакли, осыпая батарею и войска градомъ пуль. Прислуга у орудій и стрѣлки стали убывать; огонь нашъ ослабѣлъ. Тогда новыя толпы отчаянныхъ опять двинулись къ кладбищу. Нѣкоторые смѣльчаки взобрались уже на верхъ. Храбрый Лепехинъ самъ сталъ заряжать орудія и ободрялъ солдатъ, стоя подъ убійственнымъ огнемъ. Благодаря его энергіи и распорядительности, а также мужеству другихъ офицеровъ и солдатъ, штурмъ былъ отбитъ; но это обошлось намъ не дешево: подпоручикъ Лепехинъ былъ убитъ, прапорщикъ Адорацкій тяжело раненъ, интендантскій чиновникъ Ивановъ убитъ, приказчикъ Самаринъ, поступившій волонтеромъ, и нѣсколько нижнихъ чиновъ получили также тяжелыя раны. Легкія раны за все время осады были вообще рѣдкостью: непріятель могъ попадать только въ голову и грудь, когда человекъ показывался между зубцами. Это обстоятельство (т. е. раны преимущественно головныя) дало нѣкоторымъ поводъ восхвалять мѣткость шахрисябскихъ стрѣлковъ. Но если принять въ соображеніе, что въ каждаго русскаго, показавшагося между зубцами, тотчасъ летѣли сотни пуль и еще съ разстоянія въ нѣсколько шаговъ (изъ ближайшихъ сакель), и что, кромѣ лба, не во что было попасть, то мѣткость непріятельской стрѣльбы дѣлается понятною.

Въ то время, когда часть непріятеля штурмовала цитадель около кладбища, остальные массы непріятеля успѣли уже распространиться по всему городу и стать подъ самой стѣной цитадели. Чтобы защи-

¹⁾ Лапы съ когтями, которыя привязываются къ рукамъ и ногамъ. Съ такимъ приспособленіемъ легко взбираться по глинянымъ стѣнамъ, гдѣ всегда есть трещины.

тить хотя важнѣйшіе пункты ея, при бухарскихъ и самаркандскихъ воротахъ, было расположено почти по двѣ роты; на каждый же изъ остальныхъ проломовъ въ стѣнахъ пришлось назначить только по 10-ти или 15-ти человекъ.

Самаркандскія ворота были атакованы, какъ сказано, почти одновременно съ кладбищемъ. Правѣе воротъ сакли примыкали къ самой цитадельной стѣнѣ и немедленно были заняты непріателемъ, который, воспользовавшись ими, скрытно приблизился къ самымъ воротамъ и часу во второмъ поджегъ ихъ пуками соломы и нѣсколькими мѣшками съ порохомъ. Но здѣсь караулили 30 человекъ 6-го батальона, подъ начальствомъ прапорщика Мамина. Отстрѣливаясь черезъ бойницы и затѣмъ сбѣгая внизъ, чтобы штыками встрѣчать врывавшихся черезъ горѣвшія ворота враговъ, люди, конечно, едва успѣвали. Тутъ кстати прибѣжалъ прапорщикъ Сидоровъ со вводомъ 3-й роты; онъ помогъ отбить штурмъ и затѣмъ бросился бѣгомъ къ другимъ воротамъ—Бухарскимъ. Непритель послѣ этого не рѣшился даже подходить къ воротамъ для уборки своихъ убитыхъ и тяжело раненыхъ. Скоро, въ подкрѣпленіе къ Мамину, прибылъ капитанъ Шеметилло съ резервомъ 1-й роты и остался тутъ до самаго конца защиты цитадели. Къ вечеру сюда привезено было батарейное орудіе, снятое съ барбета на кладбищѣ, и поставлено противъ затушенныхъ уже воротъ. Едва были окончены эти передвиженія, какъ непритель возобновилъ свои нападенія на этотъ пунктъ. Приступъ слѣдовалъ за приступомъ; но, благодаря удачному дѣйствию картечи привезеннаго орудія, непрительскія толпы видимо рѣдѣли и теряли охоту повторять приступы. Ночь прошла спокойно; непритель ограничился одною перестрѣлкой и тѣмъ далъ возможность хоть сколько нибудь отдохнуть донельзя истомившемуся гарнизону.

Калитки за сарбазскимъ дворомъ къ роднику и вся сѣверная часть стѣны были заняты второю ротою 6-го батальона, подъ начальствомъ поручика Хруцова; атаки непрителя и здѣсь не имѣли успѣха, благодаря въ особенности мортирѣ и ручнымъ гранатамъ. Исходящій уголь ограды, между бухарскими и самаркандскими воротами, гдѣ также былъ провалъ, оберегался ротою саперъ. Стѣна въ этомъ мѣстѣ достигала 5 сажень высоты, и потому, не имѣя возможности взобраться на стѣну, непритель рѣшился обрушить ее, подкопавъ снизу. Едва наши саперы появлялись на стѣнѣ, куда съ трудомъ взбирались для стрѣльбы по работавшимъ внизу сартамъ, какъ уже валились оттуда убитые наповалъ или смертельно раненые, но это не останавливало нашихъ удалцовъ, и, такимъ образомъ, потери наши все росли.

Около полудня на этотъ пунктъ прибыло подкрѣпленіе изъ слабыхъ 9-го батальона, подъ командою подполковника Назарова.

Между тѣмъ, непрительскіе рабочіе, углубляясь въ стѣну галерей, совершенно закрылись отъ боковыхъ выстрѣловъ. Какъ ни

усердно работаль однако непріятель, но въ этотъ день ему не удалось достигнуть здѣсь никакихъ рѣшительныхъ результатовъ.

Къ вечеру рота саперъ и люди 9-го батальона перешли къ Бухарскимъ воротамъ, гдѣ въ нихъ настояла крайняя необходимость. Тамъ стояло 66 человѣкъ съ прапорщиками Аничковымъ и Топчевскимъ, при нихъ былъ одинъ артиллеристъ съ гранатами. Оборонюю завѣдывалъ майоръ Альбедиль.

Ворота эти были тотчасъ же затворены, какъ только майоръ Штемпель успѣлъ вернуться въ цитадель, послѣ предпринятой имъ рекогносцировки; слѣдомъ за нимъ, подошли къ этому пункту и шахри-сябцы. Громадная толпа съ криками «уръ, уръ!» яростно бросилась на ворота и начала ломать ихъ. Другая толпа пыталась перелѣзть черезъ стѣну, взбираясь на нее по саклямъ. Это удалось непріятелю съ перваго же разу: значки его застрѣли на стѣнахъ цитадели, и градъ пуль осыпалъ горсть нашихъ защитниковъ; но они отвѣтили дружнымъ и мѣткимъ залпомъ, свалившимъ со стѣны многихъ смѣльчаковъ, побросавшихъ и свои значки. Испытавъ такую же неудачу и въ послѣдующихъ нападеніяхъ, непріятель рѣшился, наконецъ, зажечь Бухарскія ворота: нѣсколько брошенныхъ мѣшковъ съ порохомъ подъ полотна воротъ безъ труда зажгли ихъ. Приближалась рѣшительная минута. Мы уже потеряли здѣсь значительное число людей; между прочими, былъ тяжело раненъ и майоръ Альбедиль; старшимъ остался прапорщикъ Аничковъ, къ которому на помощь присланъ былъ прапорщикъ Сидоровъ, со своимъ взводомъ, только что участвовавшимъ въ дѣлѣ у самаркандскихъ воротъ. При такой критической обстановкѣ трудно было вполнѣ положиться на опытность молодого офицера, а потому къ вечеру того же дня на этотъ пунктъ были передвинуты саперы и слабые 9-го батальона, подъ начальствомъ Назарова. Тогда же прибыло сюда и батарейное орудіе.

Назаровъ засталъ Бухарскія ворота въ полномъ огнѣ. Пламя захватило уже потолокъ, а горячіе уголья, передетая на камышевые крыши саклей цитадели, угрожали пожаромъ. Вода была далеко, да и приносить ее было не въ чемъ и некому. Чтобы ввести въ дѣло привезенное орудіе, Назаровъ велѣлъ сдѣлать первый выстрѣлъ съвозъ горѣвшихъ воротъ, чѣмъ и высадилъ всю середину ихъ, но такъ какъ остатки продолжали горѣть и мѣшали устроить здѣсь загражденіе, то человѣка четыре саперъ вызвались снять полотна воротъ съ петель. Нельзя было не дивиться этому по истинѣ молодецкому подвигу; осыпанные градомъ пуль, охваченные пламенемъ, охотники все-таки успѣли снять ворота и бросить ихъ на землю, гдѣ уже легко было бы затушить огонь землею, но пламя, намъ уже неопасное, удерживало непріятеля отъ попытокъ ворваться въ ворота, и потому тушить огонь намъ не было расчета. Для орудія открылась, такимъ образомъ, широкая амбразура, но оказалось, что изъ орудія можно было стрѣлять только прямо противъ

воротъ, и что непріятель могъ безнаказанно собираться въ обѣихъ боковыхъ улицахъ. Между тѣмъ, съ часу на часъ, огонь непріятеля становился все сильнѣе и убійственнѣе; люди валились одинъ за другимъ... Тогда саперный поручикъ Черкасовъ предложилъ устроить въ воротахъ заваль, чтобы прикрыть оставшихся еще защитниковъ и дать возможность подвести орудіе ближе въ передней части воротъ и такимъ образомъ, хотя немного, увеличить уголъ обстрѣла. Изъ провіантскаго склада были принесены для этого большіе мѣшки; землю же пришлось брать изъ сакель, разрывая земляные полы, которые легче поддавались киркѣ, чѣмъ сухая и твердая, какъ камень, глина улицъ.

Черкасовъ, окруженный нѣсколькими саперами, вышелъ почти за ворота и, указавъ мѣсто, къ которому нужно было подносить мѣшки, оставался тамъ до тѣхъ поръ, пока заваль не была окончена.

Западная часть стѣны по трудной доступности ея вовсе не подвергалась въ этотъ день нападеніямъ.

Такъ прошелъ первый день осады, стоившій намъ большихъ потерь: убито 2 офицера и 20 нижнихъ чиновъ, ранены штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 3, нижнихъ чиновъ 54. Всего 80 человекъ.

Ночь со 2-го на 3-е іюня прошла спокойно; въ продолженіе ночи собраны были арбаши (возчики) и авганцы, которые и перевезли весь артиллерійскій паркъ изъ сарбазскаго двора въ ханскій дворецъ.

Съ разсвѣтомъ, 3 іюня, снова раздалась раздражающая музыка барабановъ, трубъ и неистовые крики — знакъ, что непріятель началъ готовиться къ новому штурму. Для дальнѣйшей обороны угрожаемые пункты были распредѣлены между офицерами гарнизона слѣдующимъ образомъ: Бухарскія ворота поручены саперной ротѣ, слабымъ 9-го баталіона и пѣшимъ казакамъ при одномъ единорогѣ, въ вѣдѣніи подполковника Назарова. Исходящій уголъ между Бухарскими и Самаркандскими воротами и двѣ, по сторонамъ его, бреши — стрѣлковой ротѣ 6-го баталіона, подъ командою прапорщика Мамина. Самаркандскія ворота и брешь правѣе ихъ — 1-й ротѣ 6-го баталіона при батарейной пушкѣ, подъ командою капитана Шеметилло; кладбище у самаркандскихъ воротъ — 3-й ротѣ 6-го баталіона, подъ командою подпоручика Симакова; сарбазскій дворъ и калитка — 2-й ротѣ 6-го баталіона подъ командою подпоручика Хрущева; западная часть стѣны занята была отдѣльными постами фуражировъ, со слабыми разныхъ баталіоновъ; при нихъ конные казаки для передачи извѣстій.

Услыжавъ, что непріятель снова собирается произвести нападеніе, евреи, укрывавшіеся во дворцѣ эмира, совершенно упали духомъ и подыали страшный вой. Комендантъ, видя критическое положеніе

гарнизона, рѣшился немедленно извѣстить объ этомъ командующаго войсками; посланъ былъ одинъ изъ джигитовъ, переодѣтый нищимъ. Это подняло нѣсколько духъ гарнизона; явилась надежда на скорую выручку. Между тѣмъ, непріятель намѣревался атаковать и западную часть цитадели, гдѣ у насъ почти не было войскъ. Чтобы хоть сколько нибудь усилить защиту этой части цитадели, рѣшено было немедленно приступить къ насыпкѣ здѣсь барбета на одно орудіе. Для этой работы были употреблены арестанты, такъ какъ отъ войскъ нельзя было удѣлить ни одного солдата.

Когда совершенно разсвѣло, непріятель снова ринулся на всѣ тѣ пункты, на которые нападалъ наканунѣ. Около десяти часовъ утра къ коменданту прискакалъ казакъ съ западной стороны цитадели съ извѣстіемъ, что собравшійся тамъ непріятель разбираетъ стѣну за провіантскимъ складомъ. До 25 человекъ больныхъ бросились туда изъ лазарета. Непріятель, сдѣлавъ проломъ, ворвался, въ числѣ около 30 человекъ, въ цитадель; но въ это время подоспѣли больные и резервъ 2-й роты съ поручикомъ Хрущевымъ; человекъ 5 сартовъ было убито, а остальные бросились обратно черезъ проломъ. Дальнѣйшая защита этого пункта возложена была на поручика Бородаевского со слабыми 5-го баталіона, слесарями, больными и легко ранеными; къ ночи сюда было прислано одно бухарское орудіе и ручныя гранаты, а больные смѣнены 15-ю здоровыми изъ 3-й роты.

Лѣвѣе Бухарскихъ воротъ у исходящаго угла шло также горячее дѣло: не дожидаясь окончанія начатой галлерей, непріятель, съ 5 часовъ утра, нѣсколько разъ покушался овладѣть стѣною открытою силою. Незначительное число охранявшихъ этотъ пунктъ защитниковъ не могло воспрепятствовать осаждавшимъ занять гребень стѣны, но сюда подоспѣлъ капитанъ Михневичъ, привезшій полупудовую мортиру и нѣсколько ручныхъ гранатъ, которыя онъ потомъ и бросалъ собственноручно, когда нападавшіе были сбиты со стѣны и можно было взобраться до ея зубцовъ.

У Самаркандскихъ воротъ рано утромъ, въ 4 часа, началась живая перестрѣлка, а спустя полчаса толпа непріятеля бросилась къ воротамъ съ мѣшками пороху и головнями и подожгла ворота. Штабсъ-капитанъ Ногаевскій устроилъ тотчасъ заваль изъ мѣшковъ съ землею и за нимъ поставилъ батарейную пушку. Когда полотна воротъ догорѣли, непріятель еще разъ бросился на приступъ, но наткнулся на картечь и былъ отбитъ.

Чувствительный вредъ, наносимый непріятельскими стрѣлками, засѣвшими въ сакляхъ близъ воротъ, заставилъ коменданта озаботиться ихъ разрушеніемъ. Капитану Шеметилло приказано было поэтому сдѣлать вылазку и сжечь сакли, что и было исполнено безпрепятственно въ сумерки. Ночью перестрѣлка значительно уменьшилась.

Труднѣе всего въ этотъ день приходилось защитникамъ Бухарскихъ воротъ. Самыя дерзкія и рѣшительныя попытки ворваться въ цитадель были произведены именно здѣсь толпами шахрисябцевъ. Въ 8 часовъ утра началась атака. Открывъ сильный огонь, толпы бросились къ воротамъ; нѣсколько человѣкъ вскарабкались на стѣну, другіе кидали черезъ нее большіе кирпичи и камни, остальная масса дружно кинулась на заваль въ воротахъ. Встрѣченные картечью, они все-таки кинулись раскидывать мѣшки и влѣзли на заваль. Наши успѣли, однако, повторить картечный выстрѣлъ и затѣмъ кинулись въ штыки. Непріятель былъ отброшенъ, а наши кинулись за нимъ въ городъ; саперы воспользовались этимъ и поправили заваль.

Въ этотъ приступъ убитъ былъ артиллеріи поручикъ Служенко. Падая смертельно раненый съ лошади, онъ еще ободрялъ солдатъ крикомъ: «ура, братцы!»

Но дѣло тѣмъ не кончилось; штурмы продолжались одинъ за другимъ до трехъ часовъ дня. Тщетны, однако, были усилія врага: слабые, больные и раненые оказались могучими богатырями!

Въ промежуткахъ штурмовъ заваль былъ передвинутъ еще впередъ, по приказанію Штемпеля, навѣстившаго защитниковъ и замѣтившаго, что для дѣйствія картечью орудіе не имѣетъ достаточнаго простора. Затѣмъ сюда подвезена была еще бухарская пушка.

Въ три часа по полудни, непріятель повсюду прекратилъ нападеніе и потянулся изъ города на Чапанъ-ата. Шахрисябцы отступили черезъ Хаджи-арарскія ворота по дорогѣ въ Ургучъ. Трудно себѣ представить радость гарнизона. Желая убѣдиться въ отступленіи непріятели, многіе выходили за ворота и дѣйствительно не встрѣчали ни одного человѣка на ближайшихъ улицахъ. Солдатамъ принесенъ былъ обѣдъ и розданъ казенный спиртъ, а послѣ обѣда купечество угощало ихъ краснымъ виномъ и сигарами.

Къ общему удивленію, около пяти часовъ по полудни, толпы, удалившіяся было на Чапанъ-ата, снова вернулись въ городъ и стали подъ стѣнами цитадели. Опять началась перестрѣлка и штурмы, но уже съ меньшею рѣшительностью. Тѣмъ не менѣе, число защитниковъ убывало. Видя изъ вечернихъ донесеній, что убыль въ гарнизонѣ за два дня простиралась до 150 человѣкъ, и не имѣя причины предполагать, что такой же убыли не произойдетъ и въ слѣдующіе дни, комендатъ рѣшилъ, въ случаѣ если бы непріятель окончательно ворвался гдѣ нибудь, собрать всѣ войска во дворецъ и обороняться здѣсь до послѣдней крайности, а если выручка не подоспѣетъ вовремя и непріятель ворвется и сюда, то взорвать порохъ и снаряды. Поэтому, въ теченіе дня 3-го іюня, лазаретъ былъ перенесенъ въ ханскій дворецъ. Ночью, съ 3-го на 4-е, приступлено было, съ помощью арбачей, авганцевъ и джигитовъ къ уничтоженію сакель кругомъ эмирскаго дворца, для образованія эспланады; самый дво-

рець начали также приводить въ оборонительное положеніе. Въ то же время, оканчивался барбетъ на одно орудіе за сарбазскимъ дворомъ.

4-го іюня, съ самаго утра, начались новые штурмы на разные пункты цитадельной стѣны, но утомленный непріятель, потерявшій надежду на успѣхъ съ уходомъ шахрисябцевъ, дѣйствовалъ уже гораздо слабѣе.

Послѣ обѣда, когда непріятельскіе крики около Бухарскихъ воротъ нѣсколько утихли, Назаровъ рѣшился сдѣлать вылазку, съ цѣлью сжечь сакли, прилегавшія къ стѣнѣ цитадели, и образовать здѣсь эспланаду. Солдаты весело собирались на вылазку. Еще не успѣло стемнѣть, какъ часть саперъ и людей 9-го баталіона, снабженные почти каждый коробкою спичекъ и захвативъ разныя удобовоспламеняемыя вещества: плетенки, камышъ и куски сухого дерева отъ дверей и оконъ,—выступили за ворота вдоль улицы, огибавшей стѣну цитадели. Вылазка продолжалась не болѣе часа и удалась, какъ нельзя лучше: не потерявъ ни одного человѣка, наши успѣли зажечь много крышъ по близости Бухарскихъ воротъ.

Въ этотъ день посланы были комендантомъ другіе джигиты къ генералу фонъ-Кауфману, съ донесеніемъ объ опасномъ положеніи цитадели, но посланные, вѣроятно, попадали въ руки непріятеля, а, можетъ быть, и перебѣжали къ нему, и потому изъ семи донесеній, только одно, послѣднее, дошло по назначенію. Ночью къ стѣнѣ за провіантскимъ складомъ подкрался преданный намъ иранецъ и сообщилъ, что бухарцы разбиты за Катты-Курганомъ, и что поэтому-то шахрисябцы и рѣшились отступить.

5-го числа, передъ свѣтомъ, опять произведена была вылазка Назаровымъ, дошедшимъ до большого базара, въ 200-саженяхъ отъ воротъ; зажжены были богатые лавки жителей, и отрядъ безъ малѣйшаго урона вернулся въ крѣпость.

Другую вылазку Назаровъ сдѣлалъ уже изъ Самаркандскихъ воротъ вмѣстѣ съ Шеметилло, истребивъ по дорогѣ огнемъ всѣ сакли.

Положеніе наше было все-таки весьма затруднительное. Не говоря уже о томъ, что никто изъ защитниковъ почти не спалъ въ теченіе пяти сутокъ, имъ пришлось голодать, такъ какъ мясо все было израсходовано, а достать его было не откуда. Въ свѣжей водѣ давно ощущался недостатокъ. Большая часть прудовъ заключала въ себѣ застоявшуюся мутную воду, изобиловавшую разными насѣкомыми. Въ эти-то трудныя минуты, утромъ 6-го іюня, отъ иранскаго аксакала присланы были два иранца съ заявленіемъ сочувствія гарнизону и предложеніемъ доставить гарнизону нѣсколько барановъ и молока. Затѣмъ не замедлил явиться и самъ аксакалъ, обѣщавшій, возвратясь къ себѣ, тотчасъ послать донесеніе коменданта въ нашъ передовой отрядъ и доставить отвѣтъ. Онъ же сообщилъ, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ прошелъ, непріятеля нѣтъ по

близости, а между тѣмъ сейчасъ же близъ садовъ есть поля, засѣянные клеверомъ. Эти указанія для насъ были весьма важны, и потому Назаровъ тотчасъ предпринялъ вылазку для фуражировки.

7-го іюня, въ 5 часовъ по полудни, гарнизонъ былъ порадованъ запискою, привезенною иранскимъ аксакаломъ отъ генерала Кауфмана, который сообщилъ, что отрядъ находится уже близко и съ разсвѣтомъ будетъ въ Самаркандѣ. Комендантъ съ этою запискою обошелъ всѣ войска гарнизона, всѣмъ читалъ ее, благодарилъ защитниковъ за ихъ труды и поздравлялъ заранѣе съ окончаніемъ геройской защиты цитадели. Громкое «ура» было вездѣ отвѣтомъ. Трудно представить себѣ радость храбрыхъ защитниковъ. Нѣкоторые читали вслухъ молитвы, другіе крестились и цѣловались, поздравляя другъ друга...

Услыхавъ шумъ въ гарнизонѣ, непріятель усилилъ огонь, а барабанный бой, шумъ и крики дали поводъ предполагать, что непріятель снова собирается большими скопищами; ночь, однако, прошла спокойно.

8-го числа, часовъ въ шесть утра, непріятель прекратилъ пальбу. Въ это время генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ подходилъ уже къ самаркандскимъ садамъ.

Съ разсвѣтомъ 8-го числа, главный отрядъ выступилъ съ послѣдняго своего ночлега, въ шести верстахъ отъ цитадели, и скоро втянулся въ пригородныя деревни иранцевъ, встрѣтившихъ войска съ хлѣбомъ-солью (на этотъ разъ лепешки, яйца, абрикосы и персики). Въ предположеніи, что жители города запрутъ ворота, и что намъ придется лѣзть черезъ стѣны, — сдѣланы были распоряженія для штурма, при чемъ гарнизонъ цитадели долженъ былъ сдѣлать вылазку. Посланная рекогносцировка показала, что городскія ворота открыты, и что непріятели на этомъ мѣстѣ уже не было.

Распоряженія къ штурму были отмѣнены, но колонна полковника Абрамова все-таки была двинута влѣво вокругъ города, чтобы отрѣзать путь отступавшему къ чапанъ-атинскимъ высотамъ непріятелю; колоннѣ подполковника Баранова назначено было пройти въ Бухарскія ворота и двинуться черезъ городъ, мимо Тамерлановой мечети, къ медресе, съ фронта которыхъ и съ минаретовъ мятежники продолжали еще стрѣлять по цитадели. Абрамовъ, встрѣтивъ по дорогѣ разныя препятствія (къ сѣверу отъ города мѣстность изрѣзана оврагами), долженъ былъ медленно подвигаться впередъ, не успѣлъ отрѣзать толпы бѣжавшихъ и, пославъ имъ въ догонку нѣсколько гранатъ, возвратился въ городъ.

Вѣхавъ въ городскія ворота, командующій войсками долженъ былъ остановиться, пока саперы разбирали брустверъ, сооруженный ими въ воротахъ цитадели изъ огромныхъ мѣшковъ съ землею.

Несмотря на развалины кругомъ, постъ у воротъ имѣлъ довольно внушительный видъ: высокая баррикада съ амбразурой, чрезъ

которую зловѣще выглядывала пушка, двѣ башни по бокамъ, стрѣлки между зубцами... За то передъ воротами все свидѣтельствовало объ отчаянной схваткѣ: совершенно разрушенные дома, обгорѣвшіе трупы, обглоданные собаками и кошками, которые тутъ же лакомились своими бывшими хозяевами!.. Тяжелый смрадъ отъ разлагавшихся труповъ, запахъ гари, все это громко говорило о той страшной драмѣ, которая на этомъ мѣстѣ разыгралась. Лошади фыркали и, наступивъ въ тѣсотѣ на хрустѣвшаго подъ ногами обгорѣлаго сарта, взвивались на дыбы. Наконецъ, одинъ уголъ баррикады былъ расчищенъ, и генераль-губернаторъ вѣхалъ въ цитадель. Блѣдные и худые, но принарядившіеся защитники возбуждали къ себѣ невольное участіе и уваженіе — это были больные и слабые 9-го батальона. Тутъ же былъ и всегда веселый Назаровъ; стоялъ также невозмутимо спокойный баронъ Штемпель. Генераль остановился въ воротахъ и долго говорилъ съ героями славной обороны, которые, казалось, и не подозрѣвали, что они совершили дѣйствительно геройскій подвигъ.

Съ крыши ханскаго дворца, гдѣ раскинута была цѣпь стрѣлковъ, видно было, по дыму выстрѣловъ, какъ подвигался Барановъ, видно было также, что съ крышъ мечетей и медресе сарты направляютъ огонь уже и въ его сторону. Для содѣйствія Баранову посланъ былъ изъ цитадели, на перерѣзъ, Назаровъ съ двумя ротами и взводомъ батарейной батареи; ему приказано было выгнать мятежниковъ изъ мечети; слѣдомъ за нимъ двинуть былъ и Шеметилло съ ротой, охранявшей Самаркандскія ворота. Кромѣ того, аррьергардъ былъ направленъ въ цитадель; одна рота пѣхоты и одна рота авганцевъ при двухъ орудіяхъ были размѣщены у бухарскихъ воротъ. По разставленіи цѣпи стрѣлковъ у крайнихъ развалинъ и поставленіи орудія по направленію двухъ улицъ, авганцы были выведены за городъ и размѣстились на крышахъ ближайшихъ сакель для обстрѣливанія доступа изъ садовъ. Затѣмъ рота пѣхоты подъ командою ротмистра Терентьева заняла постъ у Самаркандскихъ воротъ, откуда только что ушелъ въ городъ Шеметилло, и выходы изъ ближайшихъ улицъ, раскинувъ цѣпь стрѣлковъ по крышамъ крайнихъ домовъ. Отсюда была видна внутренность дворовъ, и потому тотчасъ были открыты отдѣльныя группы мятежниковъ, притаившихся по угламъ; выстрѣлы, загремѣвшіе съ крышъ, заставили сартовъ спастись изъ двора во дворъ, но 16 изъ нихъ остались на мѣстѣ; сакли были зажжены.

Назарову, для исполненія возложеннаго на него порученія, слѣдовало пройти черезъ базаръ, занятый мятежниками, производившими пальбу изъ-за cadaго закрытія.

Не желая подвергать людей ненужной потерѣ, Назаровъ зажегъ базаръ, а капитана Шеметилло послалъ къ мечети, которая послѣ упорнаго сопротивленія была взята, и мятежники большею частію переколоты.

Къ двѣнадцати часамъ всѣ колонны обошли городъ по главнѣйшимъ улицамъ и очистили ихъ отъ мятежниковъ. Пальба затѣмъ утихла.

Такъ окончился семидневный бой малочисленнаго гарнизона съ неприятелемъ, болѣе чѣмъ въ сто разъ его сильнѣйшимъ! Потеря наша простиралась до 180 человекъ убитыми и ранеными. Цифра, сама по себѣ, не большая, но она составляла четвертую часть всего гарнизона!

Больныхъ было до 450 человекъ, лазаретной прислуги было такъ мало, что некому было не только подавать лѣкарства, но и приносить пищу. Ханскій дворецъ, несмотря на большое число покоевъ, не вмѣщалъ въ себѣ всѣхъ больныхъ и раненыхъ, часть которыхъ лежала на мощеномъ полу дворовъ подъ открытымъ небомъ.

Кауфманъ — опытный боевой генералъ — понималъ истинное значеніе подвига самаркандскаго гарнизона и цѣну выказанной имъ стойкости. Приказомъ по войскамъ дѣйствовавшаго отряда Константинъ Петровичъ горячо благодарилъ мужественныхъ защитниковъ Самарканда слѣдующими словами:

«Храбрыя войска гарнизона Самаркандской цитадели!

«По выступленіи моемъ въ Катгы-курганъ для пораженія тамъ эмировыхъ войскъ, собравшихся для враждебныхъ противъ насъ дѣйствій, вы были осаждены.

«Шахрисябскія войска и массы вооруженныхъ городскихъ и окрестныхъ жителей, увлеченныхъ возмутителями, возымѣли дерзкую мысль уничтожить васъ.

«Они ошиблись и наказаны. Вами руководили долгъ, присяга и честное русское имя.

«Больные и раненые, могущіе стрѣлять и колоть, всѣ были въ строю, на стѣнахъ и въ вылазкахъ. Распорядительный храбрый комендантъ и всѣ господа штабъ- и оберъ-офицеры были съ вами всегда, руководили вами и раздѣляли ваши опасности.

«Ихъ распорядительность, а ваша храбрость и стойкость, сдѣлали ничтожными всѣ попытки неприятеля. Вы не уступили ему ничего. Вы бились семь дней, и когда на восьмой я пришелъ къ вамъ, — всѣ были такъ бодры и веселы, что нельзя было мнѣ не любоваться, не гордиться вами!

«Помяните доброй и вѣчной памятью павшихъ во время этой славной семидневной обороны цитадели. А вамъ, молодцамъ, спасибо за службу».

8-го же числа явились аксакалы съ повинной. Часть пойманныхъ съ оружіемъ въ рукахъ было приказано разстрѣлять.

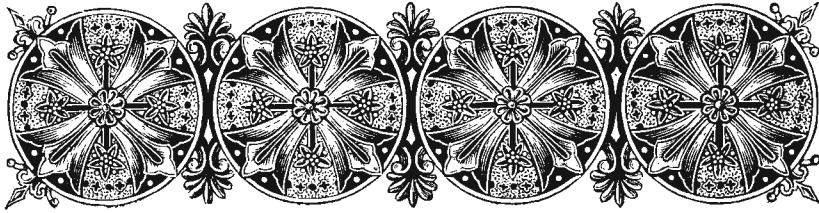
Всѣ эти событія надломили энергію эмира; онъ согласился на всѣ условія, обаялся уплатить 500.000 рублей контрибуціи и просилъ принять его капитуляцію со всѣми войсками, но послѣднее было отклонено. 23-го іюня, произошелъ обмѣнъ ратификацій, завер-

шившійся торжествомъ. Теперь уже ничто не мѣшало поѣздкѣ генераль-губернатора въ Петербургъ. Въ концѣ іюля онъ выѣхалъ, а генераль Абрамовъ, назначенный начальникомъ вновь образованнаго Зеравшанскаго округа, тотчасъ предпринялъ рядъ рекогносцировокъ въ виду волненій въ Бухарѣ, по поводу возстанія старшаго сына эмира Катты-Тюря. Чтобы оказать эмиру содѣйствіе, Абрамовъ занялъ 21-го октября городъ Карши и передалъ его чиновникамъ эмира. Катты-Тюря бѣжалъ сначала въ Хиву, а затѣмъ въ Авганистанъ и Кашгаръ.

П. М. К.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

АРХІЕРЕЙСКАЯ РЕВИЗІЯ.

(Изъ моихъ воспоминаній).

I.

В ПЕРВЫХЪ числахъ іюля 1860 года, мой отецъ, въ то время священникъ соборной церкви заштатнаго города Верхняго Ломова, Іоаннъ Іоанновичъ Сапердотовъ, теперь уже умершій, получилъ отъ своего «благопріятеля» и дальняго родственника, повытчика Пензенской духовной консисторіи, по фамиліи Черноморева, «посланіе чрезвычайной важности» (въ данномъ случаѣ удерживаю собственное выраженіе моего родителя). Повытчиково «посланіе» гласило: «Получивъ вѣрнѣйшее свѣдѣніе о томъ, что его высокопреосвященство намѣревается въ самомъ непродолжительномъ времени предпринять путешествіе по епархіи и посѣтить Нижне-Ломовскій уѣздъ, въ томъ числѣ и вашъ городъ, для обозрѣнія церквей, слѣшу почтеннѣйше о семъ васъ увѣдомить, дабы прибытіе къ вамъ владыки не было для васъ внезапнымъ, и дабы вы заблаговременно могли приготовиться къ предстоящей архіерейской ревизіи... По-благопріятельски и по-родственному, совѣтоваль бы вамъ, съ своей стороны, потщиться сочинить привѣтственную рѣчь владыкѣ ко времени его прибытія въ вашъ городъ,—тѣмъ паче, что вы извѣстный сихъ дѣлъ мастеръ ¹⁾, и не токмо предъ владыкой, какъ говорится,

¹⁾ Повытчикъ, вѣроятно, потому былъ такого дестнаго мнѣнія объ отцѣ, что послѣдній многія изъ своихъ проповѣдей помѣщалъ въ духовныхъ журналахъ.

лицомъ себя въ грязь не ударите, но даже и особенное вниманіе его высокопреосвященства заслужить можете»... Письмо доброжелательнаго, хотя, можетъ быть, и не безкорыстно-доброжелательнаго (по крайней мѣрѣ, мнѣ извѣстно, что отецъ аккуратно дважды въ году платилъ нѣкую дань Черномореву), повытчика заканчивалось пожеланіемъ благополучно встрѣтить и проводить владыку.

Подъ его высокопреосвященствомъ-владыкой Черноморевъ разумѣлъ архіепископа Варлаама Успенскаго, управлявшаго Пензенской епархіей съ января 1854 года по октябрь 1862-го, впоследствии архіепископа тобольскаго и сибирскаго ¹⁾.

Варлаамъ слылъ между духовенствомъ за весьма строгаго владыку. Въ моей памяти (я былъ въ то время уже довольно взрослымъ мальчикомъ, ученикомъ духовнаго училища) хорошо сохранилось, какъ духовные, бывавшіе въ родительскомъ домѣ, говорили про Варлаама: «ну, и суроваго же владыку намъ, за наши великія прегрѣшенія, послалъ Господь! По всему видно, что нашъ владыка не напрасно держитъ въ рукахъ свой архипастырскій жезлъ».

При этомъ духовные обыкновенно сообщали другъ другу, кого архіерей «отрѣшилъ отъ мѣста», кого «упекъ подъ судъ», кого «упряталъ въ монастырь»; рассказывали также, что Варлаамъ «произвелъ разгромъ» въ духовной семинаріи, исключивъ изъ нея болѣе 100 воспитанниковъ ²⁾. Судя по разговорамъ духовной братіи, этотъ владыка опасенъ былъ даже для такихъ могущественныхъ лицъ, какъ секретари консисторіи.

— Ужъ нашъ бывшій секретарь,—разсуждалъ о. Наумъ, одинъ изъ самыхъ частыхъ посѣтителей родительскаго дома и общепризнанный знатокъ епархіальныхъ порядковъ: — ужъ нашъ, говорю, Михаилъ Алексѣевичъ Пѣтовъ не властный ли человекъ? Вѣдь, можно сказать, держалъ въ своемъ плѣненіи всю епархію! Не точію,—почему-то полушопотомъ продолжалъ о. Наумъ:—нашъ братъ-попъ, а и

¹⁾ Въ 1872 году, послѣ десятилѣтняго управленія Тобольской епархіей, Варлаамъ удалился на покой въ Бѣлгородскій монастырь, Курской епархіи, гдѣ и скончался 21 марта 1876 года, на 76 году отъ рожденія.

²⁾ Дѣйствительно такой случай былъ. По свидѣтельству духовныхъ, учившихся въ семинаріи «въ Варлаамовскія времена», весь сыръ-боръ загорѣлся изъ-за того, что нѣсколько воспитанниковъ, желая выразить свое недовольство семинарскимъ начальствомъ, перебили окна—сначала въ квартирѣ ректора, архимандрита Евсихія, а потомъ въ квартирѣ инспектора І. П. Бурлудскаго. Виновики не были обнаружены. Тогда Варлаамъ въ видахъ восстановленія лорядка въ семинаріи исключилъ изъ класса около трети учениковъ, худшихъ по успѣхамъ. Выбѣсъ съ тѣмъ, Варлаамъ далъ совѣтъ и Евсихію оставить службу при семинаріи и удалиться на покой въ Нижне-Ломовскій Казанскій монастырь, что ректоръ и исполнилъ. По этому поводу одинъ поэтъ изъ семинаристовъ написалъ довольно остроумное стихотвореніе, начинающееся словами:

«Радуйся, Ломове тихій!
Къ тебѣ летитъ Евсихій!»

самъ покойный владыка-то нашъ (разумѣлся Амвросій Моревъ, предшественникъ Варлаама по управленію Пензенской епархіей), зная о благорасположеніи синодскаго оберъ-прокурора къ секретарю, смирялся предъ Михаиломъ Алексѣвичемъ... Ну, мы и поладили, что нашъ Пѣтовъ—сила непобѣдимая, стѣна несокрушимая; а оказалось, что владыка сломилъ эту силу. Рассказываютъ, что онъ уловилъ Михаила Алексѣвича два—три раза въ мздоимствѣ (а въ этомъ, вѣдь, нашего Михаила Алексѣвича уловить не больно трудно, ибо рука его всегда была отвергата на взятіе), да, ничтоже сумняся, пустилъ къ оберъ-прокурору отношеніе въ таковой силѣ, что де съ секретаремъ-мздоимцемъ управлять епархіей не могу. Противъ представленныхъ владыкой уликъ мудро было идти,—ну, волей-неволей и пришлось дать секретарю отставку, и не стало нашего всемогущаго Михаила Алексѣвича!.. *Sic transit gloria mundi!*—прибавилъ о. Наумъ, любившій кстати и не кстати приправлять свою рѣчь латинскими фразами.

— И благо,—замѣтилъ мой отецъ:—владыка сотворилъ, освободивъ епархію отъ Пѣтова!

— Всеконечно, — подтвердилъ о. Наумъ, придавая своему лицу задумчивое выраженіе:—владыка благо сотворилъ и хорошій урокъ, можно сказать, далъ новому секретарю. Однако, должно признаться, поступокъ владыки съ Михаиломъ Алексѣвичемъ можетъ и нашу духовную братію наводить на неутѣшительныя размышленія. Надо полагать, что если высокопресвященный съ такой персоной, какъ секретарь консисторіи, не поцеремонился, то нашему брату, буде проштрафишься (а, вѣдь, единъ Богъ безъ грѣха!), и совсѣмъ придется, да ужъ кое-кому и пришлось, плохо!

И къ такимъ зловѣщимъ предсказаніямъ духовные, за исключеніемъ немногихъ оптимистовъ, относились съ полнымъ довѣріемъ.

Помимо всего этого, духовную братію, особенно малоученое духовенство, смущали «архіерейскіе экзамены»¹⁾.

— Совсѣмъ этотъ владыка, — жаловался моему отцу о. Петръ, старикъ-священникъ изъ малоученыхъ (доходилъ только до риторики), и потому боявшійся экзаменовъ, по собственному его выраженію, «аки огня геенскаго»:—совсѣмъ сокрушитъ нашу духовную братію своими экзаменами! Вѣдь, нынѣ и шагу тебѣ нельзя ступить безъ экзамена: ни мѣста ни получишь, ни прихода хорошаго не добьешься... Да что говорить о мѣстахъ и приходахъ? Иной священникъ явится къ владыкѣ не по своему дѣлу, а по церковному, насчетъ, примѣрно, возобновленія храма. Какое касательство къ сему имѣеть экзаменъ? А владыка и тутъ не выпуститъ тебя безъ

¹⁾ Надо замѣтить, что Варлаамъ былъ большимъ ревнителемъ просвѣщенія и много заботился о томъ, чтобы поднять невысокій уровень просвѣщенія тогдашняго пензенскаго духовенства. Въ этихъ видахъ, онъ при каждомъ удобномъ случаѣ самолично подвергалъ духовныхъ лицъ экзаменамъ.

экзамена! Покойный владыка хоть насъ, стариковъ, освобождалъ отъ экзаменовъ, а теперь и къ старикамъ нѣтъ никакого снисхожденія. А какой, къ примѣру сказать, я отвѣтчикъ? Учился я во времена оны, въ ученіи и въ свое-то время, признаться, не больно былъ благоуспѣшенъ и познаній большихъ не имѣлъ, а теперь они ужъ и совсѣмъ у меня умалились до зѣла... Ну, и боишься предстать предъ владычныя очи. Вотъ теперь у меня храмъ обветшалъ, даже, можно сказать, совсѣмъ въ разрушеніе приходитъ. Значить, больно необходимо быть у владыки; а боюсь, потому—экзаменъ... Нѣтъ,—отчаянно махнувъ рукой, говорилъ о. Петръ:—ужъ лучше пусть храмъ въ разрушеніе придетъ, а предъ лицо владыки не явлюсь!

— Не прогадайте, о. Петръ! — совѣтовалъ мой родитель. — Отъ экзамена вы, все равно, не отдѣляетесь, потому что владыка, при обзорѣннй епархіи, дастъ вамъ экзаменъ да еще, буде не отвѣтите, впишетъ въ «книгу живота» (подъ такимъ именемъ у духовныхъ извѣстны были «путевые журналы», которые Варлаамъ вель при обзорѣннй епархіи, и въ которыхъ отмѣчалъ, какъ результаты экзаменовъ, такъ и наблюденія свои надъ духовенствомъ): «священникъ-де малоученъ и прихожанами руководить не можетъ, почему и увольняется отъ должности приходскаго священника»... Вѣдь, знаете, какъ поступлено съ о. Макаріемъ ¹⁾? Пожалуй, владыка въ вину вамъ поставитъ и то, что своевременно не озаботились возобновленіемъ вашего храма.

— Будь, что будетъ! — упорствовалъ о. Петръ. — Но самъ я не стану налагать на себя рукъ да подводить себя подъ экзаменъ!

Мой отецъ, въ то время сравнительно молодой священникъ (ему было 34 года), съ успѣхомъ окончившій семинарію и по выходѣ изъ нея не бросавшій книжки, кажется, не особенно трусилъ «архіерейскихъ экзаменовъ» (онъ даже высказывалъ, что чрезъ экзамены можно и выиграть во мнѣннй архіерея); но всеобщая молва о строгости и суровости архіерея смущала и моего родителя. Поэтому, онъ былъ весьма взволнованъ полученнымъ отъ попытчика письмомъ.

— Ну, матушка, — со вздохомъ повѣдалъ онъ своей супругѣ: — Господь посылаетъ намъ высокаго гостя!

— Не архіерея ли? — спросила моя догадливая мать.

— А вотъ это посланіе, посланіе, можно сказать, чрезвычайной важности, все тебѣ объяснить.

И, вмѣсто отвѣта, отецъ цѣликомъ прочиталъ полученное письмо.

¹⁾ Это былъ священникъ Мокшанскаго уѣзда, получившій въ «книгѣ живота» такую аттестацію: «священникъ въ семинаріи не учился и по образованію малымъ чѣмъ превосходитъ своихъ прихожанъ-престолюдиновъ; вдовъ и бездѣтенъ. Какъ неспособный руководить прихожанами, отрѣшается отъ должности приходскаго священника, съ назначеніемъ ему мѣстопребыванія въ Нижне-Ломовскомъ Казанскомъ монастырѣ».

— Ну, хлопоть не мало вамъ будетъ!—прослушавъ письмо, сказала мать.

— Что и говорить! Ревизія архіерейская при нашемъ владыкѣ—нешуточное дѣло: не съ одной, такъ съ другой стороны окажешься неисправнымъ. Я же—новичекъ въ этомъ случаѣ, и никогда подъ ревизіей архіерейской не бывалъ (глухое село, гдѣ раньше служилъ отецъ, не удостоивалось архіерейскихъ посѣщеній).

Отецъ въ волненіи зашагалъ по комнатѣ.

— И что это за манера у архіереевъ развѣзжать въ страдную пору?—сѣтовала моя хозяйственная мать. — Сѣно еще не убрано, хлѣба поспѣли...

— До хлѣбовъ ли теперь, матушка?—оборвалъ отецъ.—Архіерей ѣдетъ—вотъ задача-го! .

II.

Разумѣется, ожидаемый пріѣздъ архіерея надѣлалъ немало хлопоть духовной братіи. Низшіе члены соборнаго причта, возложивъ всѣ «жителейскія попеченія» на своихъ «благовѣрныхъ», энергично принялись, какъ я помню, за уборку храма: обметали своды и стѣны, вытирали отъ пыли и паутины иконы и позолоту на иконостасахъ, чистили паникадила, лампы и подсвѣчники. Для мытья половъ церковныхъ, которые въ обычное время подметались лишь метлой, неоднократно приглашались богомолки. А чтобы онѣ относились къ порученному имъ дѣлу съ должнымъ вниманіемъ, дьячекъ Вѣнковъ, умѣвшій поговорить «отъ божественнаго», и потому слывшій у причта за «сладкоглаголиваго», неустанно внушалъ имъ: «потрудитесь, потрудитесь, богомолушки, для храма Божія, памятуя, что сей трудъ наипаче благоугоденъ Господу»... Такая же суета, помню, была и въ прочихъ верхне-ломовскихъ церквахъ. На этотъ разъ не было обращено ни малѣйшаго вниманія только на кладбищенскую церковь, именовавшуюся верхнеломовцами «убогимъ домомъ» и стоящую въ отдаленіи (въ полуверстѣ) отъ города, такъ какъ ни одинъ владыка отъ самаго созданія этой церкви не заглядывалъ въ нее (все-таки она, какъ и увидимъ ниже, дождалась владыки, который полюбопытствовалъ, на бѣду нѣкоторыхъ лицъ изъ мѣстнаго духовенства, взглянуть на нее).

У высшаго верхне-ломовскаго духовенства, т. е. у протоіерея и священниковъ, были свои заботы. Протоіерей, состоявшій благочиннымъ 11 округа въ уѣздѣ, поспѣшно собрался и уѣхалъ въ свой округъ, съ цѣлію предварительно осмотрѣть подвѣдомственные церкви да напомнить кое-кому изъ подвѣдомственнаго духовенства объ осторожности. Ильинскій священникъ о. Платонъ, недавно возведенный въ должность благочиннаго 10 округа, тоже ускакалъ въ свой округъ. Сверхъ того, о. Платонъ, думавшій пригласить архіерея въ свой домъ

и желавшій явить себя гостепріимнымъ хозяиномъ, ужасно, какъ помню, озабоченъ былъ пріемомъ «высокаго гостя».

Что касается моего отца, то онъ принялъ на себя обязанность привести въ порядокъ метрическія книги и прочіе церковныя документы, а также составить привѣтственную рѣчь владыкѣ. Съ первою задачею отецъ, повидимому, справился легко; но рѣчь... я и не запомню, чтобы какое нибудь произведеніе родительскаго пера (а отецъ, кромѣ проповѣдей, пописывалъ статейки и въ «Современность», и въ мѣстныя «Епарх. Вѣдомости», почему и слылъ въ своемъ районѣ за «попа-писаку») такъ болѣзненно рождалось на свѣтъ, какъ эта рѣчь. Иные дни онъ цѣликомъ убивалъ на составленіе рѣчи, но въ концѣ концовъ съ досадою бросалъ перо и безпощадно разрывалъ написанное. И матери онъ не разъ жаловался:

— Нѣтъ, матушка, не дается мнѣ эта злополучная рѣчь!

— Отчего же она у тебя не ладится?—допытывалась мать.— Вѣдь, проповѣди-то ты хорошо сочиняешь; значить, и рѣчь тебѣ легко бы сочинить.

— Одно отъ другого, матушка, далече, далече отстоятъ! Проповѣдь-то я пишу съ вольнымъ духомъ, зная, что буду имѣть дѣло съ слушателями, незнакомыми со всѣми тонкостями духовнаго краснорѣчія; а тутъ—пойми ты это!—приходится ораторствовать предъ лицомъ владыки, отъ опытнаго и тонкаго слуха котораго не можетъ ускользнуть ни одинъ промахъ. Вотъ и рождается у тебя масса всякихъ опасеній и сомнѣній: то боишься, какъ бы не угостить владыку сухою, вялою, безжизненною рѣчью, то опасаясь утомить вниманіе владыки многоглаголаніемъ, котораго, признаться, и самъ я въ подобныхъ рѣчахъ не терплю; то думаешь, какъ бы не воскурить слишкомъ много оиміама и не показаться льстецомъ; думаешь и о томъ, какъ бы гдѣ не промахнуться словомъ... ну, вотъ на каждомъ шагу встрѣчаются сомнѣнія да опасенія!.. Да и какъ не опасаться? Прими во вниманіе, что на этой рѣчи виждется моя репутація и, можетъ быть, даже благосостояніе!

— Ты, видно, затѣялъ ужъ больно хорошую рѣчь написать?..

— А какъ бы ты думала?—недовольнымъ тономъ скавалъ отецъ.— Плохой рѣчи-то мнѣ и не надо; въ такомъ случаѣ въ тысячу кратъ удобнѣе есть молчаніе!

Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ дней усидчиваго и кропотливаго труда, мой родитель, повидимому, справился съ дѣломъ, о чемъ не замедлилъ возвѣстить матери.

— Кажется,—съ довольнымъ видомъ сказалъ онъ:—у меня теперь получилась довольно дѣльная рѣчь... Впрочемъ, посмотримъ, что цензоръ намъ скажетъ.

«Цензоромъ» отецъ именовалъ свою супругу, на судъ которой обыкновенно повергалъ произведенія своего пера, и въ критическія способности которой очень вѣрилъ.

— Ну, цензоръ,— съ улыбкой обратился отецъ къ женѣ:— садись, выслушай и изреки свое правдивое слово!

— Ты на мои слова-то не больно полагайся,— заявила она:— вѣдь, я въ семинаріи не была и сочинять рѣчи не училась.

Тѣмъ не менѣе, она сѣла на указанное ей мѣсто; а отецъ, ставъ передъ ней въ такой позѣ, какъ бы предстоять предъ лицомъ са-мого архіерея, велегласно произнесъ свою рѣчь.

— Ну, ты уловила теченіе моихъ мыслей?

И, не дожидаясь отвѣта, родитель началъ излагать résumé сво-его произведенія.

— Сначала,— говоритъ онъ:— я выражаю отъ лица мѣстнаго ду-ховенства и горожанъ радость по случаю прибытія владыки. Въ ар-хипастырскомъ посѣщеніи такихъ скромныхъ уголковъ, какъ Верх-ній Ломовъ, я усматриваю заботливость владыки о его паствѣ и желаніе его собственнымъ окомъ видѣть всѣ нужды епархіи, а также и дѣятельность духовенства. Далѣе я веду рѣчь о томъ, что само-личное ознакомленіе владыки съ нуждами епархіи успѣло уже при-нести многообильные плоды: убогія, полуразрушенныя церкви, го-ворю, обновлены или замѣнены новыми благолѣпными храмами; цер-ковное проповѣдничество, подъ вліяніемъ мудрыхъ архипастырскихъ мѣръ, оживилось; отторгшіеся отъ единенія съ церковью, подъ влія-ніемъ архипастырскихъ увѣщаній и убѣжденій, начали возвращаться въ лоно церкви; образованіе духовнаго юношества и самого духо-венства стало подниматься на надлежащую высоту. Тутъ я особенно останавливаюсь на томъ, что высокопреосвященный впервые обра-тилъ вниманіе на заброшенное до него образованіе дѣвиць духо-внаго званія ¹⁾. Въ заключеніе я говорю, что мы, духовные, вмѣстѣ съ нашими прихожанами, видимъ и цѣнимъ такую многоцѣнную дѣятельность владыки и желаемъ, чтобы онъ, ко благу нашей епар-хіи, надолго оставался на пензенской кафедрѣ. Ну, какъ все это находишь?— устремляя пытливый взглядъ на своего «цензора», до-прашивалъ отецъ.

— А можно въ такихъ рѣчахъ говорить неправду? — въ свою очередь спросила мать.

Отецъ, не ожидавшій, замѣтно, такого вопроса, нѣсколько замаялся.

— Какъ бы... тебѣ сказать?.. Да, по совѣсти-то сказать, въ та-кихъ рѣчахъ не особенно гоняются за правдой. Еще въ семинаріи одинъ изъ моихъ однокашниковъ говорилъ про эти рѣчи: «въ нихъ одно изъясняется, а другое подразумѣвается»... А ты, значить, на-ходишь, что у меня не по правдѣ написано?

— Не все по правдѣ. Вотъ ты говоришь, что вы, духовные, съ радостію встрѣчаете архіерея, а какая тутъ радость? Только хло-

¹⁾ Здѣсь отецъ разумѣлъ учрежденіе въ Пензѣ (въ январѣ 1860 года), по хо-датайству Варлаама, училища дѣвиць духовнаго званія.

поты, суета, остановка въ хозяйствѣ, да еще, пожалуй, кому нибудь изъ васъ нагоняй будетъ. Вонъ дьяконъ-то и теперь ужъ еле живъ отъ страха...

— Все это я, матушка, соображаю, да про себя. Вѣдь, иной разъ гостю и не радъ бываешь, а изобразишь пріятную улыбочку на лицѣ да скажешь: «очень, очень радъ васъ видѣть». Такъ-то и тутъ... Ну, еще что у меня неправды написано?

— Вотъ ты говоришь, что вы, духовные, молитесь Бога, чтобы Онъ не разлучалъ васъ съ вашимъ владыкой; а сами, какъ соберетесь, только и трубите, что у васъ архіерей строгій, выскательный, да высказываете желаніе, чтобы его взяли отъ васъ въ другую епархію...

— Заочно-то,—возразилъ отецъ,—я могу сказать: «отыди отъ насъ», а въ глаза-то долженъ сказать: «приди къ намъ». На то и привѣтственные рѣчи, чтобы въ нихъ говорить одно пріятное; тутъ aut bene, aut nihil, т.е. либо пріятное, либо молчи!

— Если по-вашему, по-ученому, такъ полагается, то у тебя хорошо сочинено,—рѣшилъ «цензоръ».

— Такъ ты находишь, что хорошо? — спросилъ еще отецъ съ признакомъ удовольствія на лицѣ, какъ человѣкъ, дождавшійся, наконецъ, давно желаннаго слова.

— По-моему, хорошо и складно; только, ты говорю, не больно полагайся на мой-то слова...

— И по-моему,—высказалъ отецъ:—долженъ бы владыка удовлетвориться этой рѣчью... Ну, ваше высокопреосвященство,—шутливо добавилъ мой родитель:—можете жаловать; рѣчь вамъ готова... А пока пусть побудетъ подъ спудомъ!

При этомъ онъ положилъ листъ, на которомъ написана была рѣчь, въ ящикъ письменнаго стола и заперъ, сильно щелкнувъ внутреннимъ замкомъ ящика.

Мать была очень довольна, что ея мужъ развязался наконецъ съ рѣчью, потому что, будучи занятъ сочинительствомъ, онъ совершенно устранялся отъ хозяйственныхъ дѣлъ и все бремя хозяйственныхъ заботъ возлагалъ на мать, отъ чего ей иногда приходилось тяжелечко. Даже и мы, дѣти (а насъ въ то время у отца было четверо), заинтересованы были въ успѣхѣ этого дѣла, потому что, пока «папаша сочинялъ», намъ доставалось за малѣйшее даже нарушеніе тишины въ домѣ... Но оказалось, что мы преждевременно возрадовались, такъ какъ на другой же день папаша извлекъ изъ-подъ «спуда» свою рѣчь и, прочитавъ ее неоднократно, съ самымъ грустнымъ выраженіемъ лица объявилъ матери:

— А, вѣдь, рѣчь-то, матушка, въ этомъ видѣ не годится!

— Какъ такъ?!—изумилась мать. — Не ты ли вчера остался ею доволенъ?

— А нынѣ, прочитавъ ее съ свѣжей головой, я нахожу ее недостаточно-прочувствованной и недостаточно-одушевленной.

— И опять засядешь писать?

— И опять писать!—самымъ печальнымъ тономъ отвѣтилъ отецъ.

— Да этакъ ты не только къ приѣзду архіерейскому, а и до самаго свѣтопреставленія не напишешь!

— Что дѣлать! Вѣдь, кажется, весь свой умъ напрягаю, всѣ способности и все стараніе прилагаю къ дѣлу, а вотъ не выходитъ и не выходитъ!—съ какимъ-то отчаяніемъ повторялъ отецъ.

— Да у тебя складно написано...

— Вѣрю въ этомъ тебѣ; но все написанное отзывается искусственностію и не походитъ на слово, излившееся отъ души. Мнѣ такъ и думается, что архіерей, выслушавъ мою рѣчь, про себя скажетъ: «лукавишь, братъ»... Да, вѣдь, и ты подмѣтила фальшивыя струны въ моей рѣчи.

Мать, конечно, искренно пожалѣла, что не безусловно одобрила рѣчь.

Послѣ этого разговора бѣдный мой папаша снова вооружился перомъ. Удалось ли ему хоть на этотъ разъ внести въ свою рѣчь потребную дозу чувства и одушевленія,—для меня осталось неизвѣстнымъ.

III.

Дни проходили за днями. О. Платонъ узналъ «изъ достовѣрныхъ источниковъ» (у него тоже имѣлись въ консисторіи «благопріятели»), что владыка «выѣхалъ въ епархію»; но ни въ Нижній Ломовъ, ни въ Верхній (одинъ отъ другого отстоятъ въ 10 верстахъ) онъ все не являлся. Священно-церковно-служители, не привыкшіе подолгу пребывать въ напряженномъ состояніи, ужасно тяготились ожиданіемъ и говорили: «совсѣмъ истомилъ насъ владыка; словно гора крутая на плечахъ лежитъ!»

Наконецъ, спустя около полумѣсяца со времени полученія моимъ отцомъ вышеприведеннаго повѣстичкова «посланія», верхнеломовскому духовенству сдѣлалось извѣстнымъ, что высокопреосвященный прибылъ въ Нижній Ломовъ и остановился въ Казанскомъ мужскомъ монастырѣ. Протоіерей Европеевъ и священникъ Овновъ, какъ начальственныя лица (благочинные), послѣдили предъявиться къ архіерею, «для принятія архиастырскаго благословенія и выслушанія владычныхъ распоряженій», и привезли извѣстіе, что архіерей въ ближайшій воскресный день прибудетъ въ Верхній Ломовъ, прямо въ соборъ, гдѣ и отслужитъ обѣдню, а во вторникъ, на Ильинъ день, по случаю престольнаго праздника, будетъ служить въ Ильинской церкви. Въ то же время сдѣлалось извѣстнымъ, что высокопреосвященный, по приѣздѣ въ Верхній Ломовъ, будетъ имѣть мѣстопробываніе въ домѣ о. Платона, гдѣ въ воскресенье же, въ вечернее

время, и произведетъ экзаменъ какъ верхнеломовскому духовенству, такъ и причтамъ ближайшихъ къ городу селъ.

Любившій, замѣтно, обставлять свое богослуженіе пышностію и торжественностію, Варлаамъ возилъ съ собою по епархіи многочисленную свиту (по выраженію духовенства, «длинный хвостъ»). Поэтому, въ день архіерейскаго прибытія въ Верхній Ломовъ, сюда съ самаго ранняго утра стали съѣзжаться разныя лица: тутъ, какъ я помню, были протопопы въ шелковыхъ рясахъ, украшенные наперсными крестами и, по большей части, ветхіе деньми, монахи Казанскаго монастыря въ своихъ клобукахъ и черныхъ длинныхъ рясахъ, тяжеловѣсный протодіаконъ, поддіаконы, многочисленный хоръ пѣвчихъ. Протопопъ Европейцевъ на этотъ разъ въ полномъ смыслѣ превратился въ квартирмейстера: однихъ изъ съѣхавшихся лицъ онъ размѣстилъ по купеческимъ домамъ, другихъ—по домамъ мѣстнаго духовенства (но родительскій домъ на этотъ разъ оказался почему-то свободнымъ отъ постоя).

Наконецъ, въ 9 часовъ утра, при колокольномъ звонѣ четырехъ верхнеломовскихъ церквей, въ громоздкой дорожной каретѣ, запряженной шестеркой сытыхъ лошадей, подъѣхалъ къ собору самъ архіерей съ архимандритомъ Евсихіемъ (бывшимъ ректоромъ семинаріи).

Такъ какъ мнѣ никогда раньше не приводилось видѣть архіереевъ (въ захолустное село, гдѣ отецъ служилъ до перемѣщенія въ Верхній Ломовъ, архіереи, какъ и выше сказано, не заглядывали), то меня, помню, ужасно занималъ вопросъ: «что это за грозные такіе люди, которыхъ такъ трепещетъ духовная братія?» Разумѣется, я не упустилъ представившагося случая видѣть одного изъ сихъ «грозныхъ людей».

Варлаамъ, помню, вошелъ въ соборъ медленной и важной походкой, въ сопровожденіи архимандрита и другихъ духовныхъ лицъ. Это былъ высокій, довольно полный, убѣленный сѣдинами, величественнаго вида и бодрый старецъ. Глаза его, смотрѣвшіе нѣсколько исподлобья, придавали суровое выраженіе его лицу, впрочемъ, насколько помню, я не нашелъ архіерея особенно грознымъ. Когда облачили Варлаама и надѣли на него митру, онъ показался мнѣ весьма похожимъ на первосвященника Аарона, изображеннаго на одной изъ стѣнъ верхнеломовскаго собора.

При входѣ въ храмъ, архіерей привѣтствованъ былъ отъ моего отца рѣчью. Какъ я ни заинтересованъ былъ въ это время личностію архіерея, однако меня немало занимало и то, какъ папаша произнесетъ свою рѣчь (еще наканунѣ онъ выразилъ опасеніе, какъ бы не растеряться и «не закатить столба»). «Нарѣжется или не нарѣжется?»—мысленно спрашивалъ я себя, придерживаясь школьныхъ выраженій. Оказалось, что самообладаніе не покинуло моего родителя: онъ произнесъ свою рѣчь громко и отчетливо, не заглядывая

въ тетрадку, которую, на всякій случай, держаль въ рукахъ. Архіерей, какъ мнѣ показалось, внимательно прослушалъ рѣчь отъ начала до конца.

Варлаамъ не напрасно возилъ съ собою многочисленную свиту: богослуженіе, совершенное имъ въ верхнеломовскомъ соборѣ, при участіи архимандрита, многихъ протоіереевъ и іереевъ, а также— протодіакона, гремѣвшаго на весь соборъ и напомнившаго мнѣ своимъ голосомъ о трубныхъ звукахъ, коими сопровождалось паденіе стѣнъ іерихонскихъ, съ прекраснымъ хоромъ пѣвчихъ (по увѣренію знатоковъ пѣнія, архіерейскій хоръ при Варлаамѣ славился прекраснымъ подборомъ голосовъ), при множествѣ молящихся, вышло весьма торжественнымъ. Самъ архіерей, какъ мнѣ показалось, «служилъ хорошо»: возгласы произносилъ внятно и раздѣльно, немного въ нось; всѣ его движенія отличались плавностію, важностію и торжественностію. Въ свое время онъ произнесъ экспромтомъ, держа въ рукахъ посохъ, поученіе о любви къ Богу и ближнимъ. Говорилъ онъ, замѣтно, безъ приготовленія, потому что дѣлалъ очень длинныя паузы. За то онъ излагалъ свои мысли такъ просто и вразумительно, что я, при всей тогдашней своей незрѣлости, понималъ все поученіе и даже многое изъ поученія впоследствии воспроизводилъ съ буквальною точностію, при чемъ, какъ говорили мнѣ, въ произношеніи удачно подражалъ архіерею.

Разумѣется, день приѣзда архіерея былъ однимъ изъ самыхъ хлопотливыхъ и суетливыхъ въ жизни верхнеломовскаго духовенства. Мой отецъ, напримѣръ, во весь этотъ день былъ только минутнымъ гостемъ въ своемъ домѣ. Пришедши домой послѣ обѣдни, онъ успѣлъ только выпить стаканъ чая и побѣждалъ зачѣмъ-то опять въ соборъ. Возвратившись оттуда, онъ попросилъ «перекусить чегонибудь»; но, не окончивъ и перваго блюда, скорымъ шагомъ направился къ протопопу, послѣ чего и не являлся домой до поздняго вечера.

Домой онъ возвратился усталымъ, истомленнымъ, но въ самомъ благодушномъ настроеніи и съ улыбкою на устахъ.

— Благополучно ли?.. — спросила мать, съ нетерпѣніемъ ожидавшая мужа. — Впрочемъ, — добавила она, бросивъ пытливый взглядъ на его сіяющую фізіономію: — по лицу вижу, что благополучно.

— Угадала, угадала, матушка! — подтвердилъ онъ.

— Ну, расскажи-на, какъ у васъ тамъ экзамень шель...

— Да ты хоть чуточку дай духъ перевести!.. Ухъ, и усталъ же! — добавилъ отецъ.

При этомъ онъ съ наслажденіемъ опустился на первый попавшійся стулъ. Мать подала ему стаканъ чая.

— Ну, рассказывай же, — продолжала тормошить моя любопытная, вѣроятно, не менѣ своей праматери Евы, мамаша.

Отецъ въ добромъ расположеніи и самъ любилъ излить свою душу; а потому, несмотря на крайнюю усталость, онъ не отказался

удовлетворить любопытству супруги. О себѣ онъ сообщилъ, что «не посрамиль своей доброй репутаціи» и за свои отвѣты удостоился даже одобренія владыки. Но болѣе всего отецъ доволенъ былъ тѣмъ, что архіерей похвалиль его рѣчь, сказавъ: «произнесенная тобою рѣчь очень дѣльная». Отъ себя отецъ перешелъ и къ другимъ. Между прочимъ, онъ разсказалъ, какъ одинъ изъ мѣстныхъ священниковъ (Николаевской церкви) разгнѣвалъ архіерея своими отвѣтами (по большей части, на предлагаемые архіереемъ богословскіе вопросы священникъ отвѣтствовалъ: «судьбы Божіи неисповѣдимы»), и какъ сурово Варлаамъ обошелся съ о. Сергіемъ, цензоромъ проповѣдей по 11-му благочинническому округу, за неисправности по цензорской должности... Но занимательнѣе всего мнѣ показался (я тоже съ любопытствомъ слушалъ родителя) разсказъ о томъ, какъ держалъ экзаменъ священникъ (изъ сельскихъ) Савва, глубокой старецъ, учившійся въ семинаріи еще въ то блаженное время, когда она раздѣлялась на классы: инфиму, фану, синтаксиму, пѣтику, риторику, философію и богословіе, т. е. въ первой четверти текущаго столѣтія, и доходившій, кажется, до пѣтики.

— Щадя,—разсказывалъ отецъ:— старость Саввы и принимая во вниманіе неважное его образованіе, владыка обратился къ нему съ словами: «тебя, старецъ, я не буду утруждать мудреными вопросами, а вотъ скажи-ка хоть объ этомъ: одинаковую ли важность имѣютъ священное писаніе и священное преданіе?» Низко-пренизко поклонился старецъ и чистосердечно отвѣтилъ: «отродясь, владыко святыи, такихъ премудрыхъ вопросовъ не слыхивалъ». При всей своей серьезности архіерей улыбнулся и далъ другой вопросъ. Савва снова отвѣсилъ низайшій поклонъ и сказалъ: «гдѣ ужъ мнѣ, старику, отвѣчать на твои, владыко святыи, велемудрыя словеса? Вѣдь, твоими устами, владыко, сама премудрость глаголетъ!» На этотъ разъ архіерей наморщилъ чело и сурово обратился къ Саввѣ: «да что же послѣ того ты, старецъ, знаешь? Чему же ты можешь научить своихъ прихожанъ? какого же имъ слова назиданія ожидать отъ тебя?.. Пора, старецъ, на покой!»—закончилъ Варлаамъ.

— Истину святую, владыко, изволишь говорить, — подтвердилъ съ обычнымъ своимъ поклономъ Савва:—пора моей старости, больно пора на покой, да внуковъ сиротъ-то кормить некому... Ну, и думаю: «пусть хоть при моей жизни не терпятъ глада, потружусь, молъ, для сиротушекъ. Можетъ быть, и долготѣіе-то Господь мнѣ даровалъ ради нихъ, сиротушекъ». Выслушавъ это, владыка посмотрѣлъ на Савву такъ ласково, какъ можно только ожидать отъ нашего суроваго владыки, и говоритъ: «правъ ты, старецъ! Отправляйся съ миромъ восвояси да служи, пока самъ Богъ тебя не уволить!» А по удаленіи Саввы владыка такъ отозвался о немъ: «этотъ старецъ не ученъ, но уменъ»...

Подъемъ духа у моего отца, послѣ благополучнаго экзамена,

былъ такъ силенъ, что онъ, отецъ, кажется, совсѣмъ забылъ и о своей усталости, и чуть не до полуночи рассказывалъ о событіяхъ протекшаго дня. Въ заключеніе мой родитель, помнится, польстился себя надеждою, что, вѣроятно, его удачная рѣчь и благополучный экзамень не останутся безъ благопріятныхъ для него, родителя, послѣдствій.

IV.

На другой день (въ поведѣльникъ), въ девятомъ часу утра, высокопресвященный, при колокольномъ звонѣ всѣхъ городскихъ церквей, выѣзжалъ для осмотра церквей—Николаевской и Покровской, а потомъ, возвратившись въ домъ о. Платона, неожиданно потребовалъ къ себѣ моего отца.

Черезъ часъ отецъ вернулся «съ архіерейской аудіенціи» въ самомъ радужномъ настроеніи.

— Поздравь меня,—торжественно объявилъ онъ матери:—съ новой должностію!

— Въ самомъ дѣлѣ?—радостно спросила мать:—съ какой же?

— Съ должностію цензора 11 благочинническаго округа... Теперь мы съ тобой равны по должности,—шутливымъ тономъ прибавилъ отецъ.

— Значить, вмѣсто Сергія опредѣленъ?

— Вмѣсто него.

— А жалованье за эту должность полагается?—полюбопытствовала мать.

— Жалованья-то не полагается, но должность эта по нашему вѣдомству очень почетная.

Лицо матери, предпочитавшей, очевидно, доходныя должности, омрачилось.

— Въ такомъ случаѣ,—сказала она:—лучше было бы, если бы архіерей сдѣлалъ тебя благочиннымъ, а меня—благочинницей.

— Да, кажется, и это отъ насъ не уйдетъ... Знаешь ли, что владыка соблаговолилъ мнѣ сказать? «Исполни, —говоритъ,—новую обязанность добросовѣстно, а не такъ, какъ твой предшественникъ по цензорской должности, и отъ меня не будешь забытъ: дамъ тебѣ и болѣе высокое назначеніе». Такъ и сказалъ, —повторилъ мой родитель:—«дамъ тебѣ и болѣе высокое назначеніе». Значить, есть чего ждать, матушка!

Мать повеселѣла.

— А это что за бумаги у тебя? —спросила она, замѣтивъ въ рукахъ отца свернутыя въ трубку тетрадки.

— Да это злосчастныя проповѣди священника Велизаріева, изъ за которыхъ потерпѣлъ крушеніе о. Сергій. Владыка на нихъ положилъ свои резолюціи и, какъ новому цензору, вручилъ мнѣ...

Да-а,—протянулъ отецъ, приходя послѣ радостныхъ своихъ изліяній въ раздумье: — при нашемъ владыкѣ, оказывается, держи ухо вострѣ, потому что онъ до всего любитъ доходить самъ. Вотъ Сергій-то надѣялся, что архіерей не станетъ читать проповѣдей Велизаріева, да и самъ ихъ не прочиталъ (въ этомъ онъ и сознался владыкѣ). Между тѣмъ, по-родственному, аттестовалъ Велизаріева, какъ одного изъ самыхъ ревностныхъ и дѣльныхъ проповѣдниковъ. Владыка взялъ цензорскую аттестацію подъ сомнѣніе,—тѣмъ паче, что Велизаріевъ не вкушалъ богословскихъ наукъ,—да и вытребовалъ восхваленныя проповѣди. Если бы онѣ истребованы были отъ цензора, все, конечно, обошлось бы благополучно: Сергій хоть самъ написалъ бы Велизаріеву 10 проповѣдей, а ужъ поддержалъ бы свою аттестацію. Но владыка истребовалъ ихъ чрезъ благочиннаго,—ну, бѣдный Сергій и прогорѣлъ! У расхваленнаго проповѣдника всего оказалось двѣ проповѣди, да и тѣ ничего не стоящія... Да,—повторилъ отецъ,—приходится ухо вострѣ держать!

«Злосчастныя» проповѣди о Велизаріева навсегда остались у отца и неоднократно бывали въ моихъ рукахъ, почему я и имѣю возможность сообщить нѣкоторыя небезынтересныя подробности о нихъ. Однѣ изъ этихъ проповѣдей озаглавливались такъ: «Слово въ Великій Пятокъ Страстныхъ седмицы». О достоинствѣ этого «слова» можно судить уже по началу его, а начиналось оно такъ: «Плачьте, плачьте, рыдайте, православные христіане, Христа зряще, во гробѣ лежаща!.. Обаче удержитесь отъ проліянія слезъ!» Внизу, послѣ слова «аминь», цензоръ, не читая, какъ объяснилось, размахисто написалъ: «Слово сіе назидательно». Но Варлаамъ оказался совершенно противоположнаго мнѣнія и на первой страницѣ, выше заглавія, своимъ гіероглифоподобнымъ почеркомъ начерталъ: «Не только не назидательно, но даже несравненно лучше было бы, если бы сіе невразумительное и преисполненное противорѣчій слово малокнижнаго проповѣдника совсѣмъ осталось произнесеннымъ... Стыдъ и срамъ цензору, одобряющему таковыя проповѣди и рекомендующему подобныхъ проповѣдниковъ вниманію епархіальнаго начальства!» Другая проповѣдь еще болѣе возмутила архіерея. Въ ней проповѣдникъ хотѣлъ выяснитъ своимъ слушателямъ, что праведнымъ людямъ Богъ посылаетъ кончину безболѣзненную, непостыдную, мирную; но у Велизаріева, вопреки, кажется, собственному его желанію, вышло, что скоропостижная кончина есть самая приличная для праведника. При этомъ «малокнижный» и недалекій проповѣдникъ привелъ въ примѣръ своего покойнаго родителя, яко бы извѣстнаго своего добродѣтельною жизнію. По словамъ Велизаріева, почтенный и праведный его родитель и вздоха испустить не успѣлъ, какъ Господь отозвалъ его «изъ сей юдоли плачевной» туда, идѣже вси праведницы упокоются. Противъ этого, на поляхъ, архіерей написалъ: «слѣдовательно, не спо-

добился и напутствоваться Св. Тайнами? И такова, по мнѣнію проповѣдника, должна быть смерть праведника?!.. И тактично ли со стороны проповѣдника приводитъ въ примѣръ собственнаго родителя и причислять его къ сонму праведниковъ?» Цензоръ написалъ: «Слово сіе согласно съ ученіемъ св. православной церкви»; но архіерей на этомъ словѣ положилъ слѣдующую суровую резолюцію: «Одно изъ двухъ: или цензоръ не читалъ сего слова, или такъ же мало знакомъ съ ученіемъ св. православной церкви, какъ и проповѣдникъ. Въ обоихъ случаяхъ онъ подлежитъ увольненію отъ должности цензора (и увольняется отъ оной); что же касается священника Велizarіева, то ему отнынѣ воспрещается произношеніе проповѣдей собственнаго сочиненія, и дозволяется токмо произносить проповѣди, напечатанныя и одобренныя духовною цензурою, о чемъ консисторія и дастъ знать имъ, бывшему цензору Архистратигову и священнику Велizarіеву, чрезъ благочиннаго, указомъ, съ прописаніемъ сей моей резолюціи. Преемника Архистратигову по должности цензора имѣю избрать самолично, при обзорѣніи церковей Нижне-Ломовскаго уѣзда. Проповѣди Велizarіева, по минованіи въ нихъ надобности, консисторія имѣетъ возвратить мнѣ».

Къ вѣщшему несчастію о. Сергія, архіерей, въ ту же поѣздку по епархіи, нашель у него какія-то неважныя неисправности по церкви. Слѣдствіемъ этого было перемѣщеніе Сергія въ одинъ изъ бѣднѣйшихъ и самыхъ захолустныхъ приходоу епархіи, о чемъ отъ души пожалѣло окружное духовенство, любившее бывшаго цензора за его добродушіе и гостепріимство.

V.

Уже и одного намека архіерейскаго касательно «болѣе высокаго назначенія» достаточно было, чтобы мой родитель возымѣлъ надежду на повышеніе по службѣ; но дальнѣйшія обстоятельства еще болѣе утвердили его въ таковой надеждѣ. Дѣло въ слѣдующемъ.

Въ обѣденную пору въ родительскій домъ приѣхали братья матери, ниже-ломовскіе священники Александръ и Петръ Дмитріевичи, по фамилии Соколовскіе, съ цѣлію «провѣдать, что подѣлываетъ въ Верхнемъ Ломовѣ владыка». Отецъ, конечно, удовлетворилъ любопытствующихъ родственниковъ, при чемъ сообщилъ имъ и о своихъ собственныхъ удачахъ, въ томъ числѣ и о «милостивомъ обѣщаніи владыки» (конечно, касательно «болѣе высокаго назначенія»).

— Ну, братъ, ты теперь пойдешь въ гору!—выслушавъ отца, сказалъ младшій изъ «братцевъ» матери, о. Петръ.

— Безъ всякаго сомнѣнія, — подтвердилъ другой «братецъ»:—и не увидишь, какъ въ штатные протоіереи влетишь!

— Ну, это еще Богъ вѣсть!—скромничаль папаша, а самъ сіяль отъ удовольствія.

— Если не въ штатные протоіереи, то въ губернскіе священники, съ членствомъ въ консисторіи,—пророчествовалъ Петръ Дмитріевичъ, всегда, по своему обыкновенію, хватавшій черезъ край.— А это поавантажиѣ, главное же—подходянѣ будетъ штатнаго протоіерейства: живо набьешь кармашки-то приношеніями духовной братіи!

— Ну, братъ, ты тонко понимаешь обязанности члена консисторіи!—не безъ ироніи замѣтилъ отецъ.

— Еще бы мнѣ-то не понимать! Самъ,—съ обычною своею откровенностію объяснилъ мой почтенный дядюшка:—самъ былъ благочиннымъ—и бралъ, понеже всѣ благочинные берутъ; присутствующимъ въ духовномъ правленіи былъ—и бралъ, понеже всѣ присутствующіе берутъ. Членомъ консисторіи не былъ и по этой должности не бралъ, но за то многократно давалъ членамъ консисторіи; igitur, и они берутъ, да берутъ-то не по-нашему, а ужъ основательно!.. Теперь я, конечно, не беру, потому что не даютъ: «ты,—говорятъ,—не благочинный и не присутствующій; твоя лафа отошла». А угоди я опять въ благочинные или въ консисторію (вѣдь, никогда нельзя терять надежды на благодать Божію), я, всеконечно, опять буду братъ. Не я угожу въ консисторію, а ты (къ тому, вижу, и дѣло клонится), ну, ты будешь братъ, а я пощелкивать зубами; только братъ-то ктонибудь станетъ!.. Да и какой бы ты былъ членъ консисторіи, если бы не бралъ? Изъ-за чего бы ты и служить-то тамъ сталъ ¹⁾? Да развѣ ты не сынъ святорусской земли, въ которой искони заведено братъ и не гнушаться мзды?.. Наконецъ, отвергая мзду, ты ровно никакимъ значеніемъ не пользовался бы въ консисторіи и былъ бы самымъ бесполезнымъ ея членомъ, такъ какъ ни одинъ проситель и не подумалъ бы къ тебѣ обратиться по своему дѣлу, а обратился бы къ тому, кто беретъ, въ надеждѣ, что взявшій дѣло сдѣлаетъ... Извини, братъ! Хоть тебѣ и повезло, а вижу, что ты еще молодецъ для членства въ консисторіи. Коль ты противъ мзды, такъ, очевидно, молодецъ!.. Такъ, вѣдь, сестра?—обратился онъ къ матери, похлопывая ее по плечу своею широкою и мясистою дланью.

— Я вашихъ духовныхъ порядковъ не знаю,—сухо и уклончиво отвѣтила мать, не жаловавшая Петра Дмитріевича за его рѣзкости и дурную привычку стучать по плечу тѣхъ, съ кѣмъ онъ разговаривалъ.

— Ты думаешь, что я въ защиту мзды все сказалъ? — снова обратился къ отцу мой неугомонный дядюшка.—Нѣтъ, далеко еще

¹⁾ Въ то время членамъ консисторіи, равно и благочиннымъ, жалованья не полагалось.

не все! Я тебѣ еще долженъ сказать, что въ иномъ случаѣ не взять съ просителя значить повергнуть его въ великую скорбь и крайнее уныніе...

— Ну, ужь это я совсѣмъ отказываюсь понимать! — прервалъ отецъ.

— А чтобы тебѣ понятно было, слушай, что скажетъ тебѣ опытнѣйшій изъ опытныхъ людей (разумѣю, конечно, свою собственную персону)! Случай, о коемъ имѣю разсказать, былъ въ то время, когда я состоялъ присутствующимъ духовнаго, теперь, къ сожалѣнію, упраздненнаго правленія. Въ одно прекрасное время возвращаюсь изъ своего правленія домой. Жена встрѣчаетъ меня словами: «а намъ Господь лошадку послалъ». — «Какую, — спрашиваю, — лошадку?» — «Дьячекъ, — отвѣчаетъ, — какой-то привелъ въ подарокъ тебѣ, а фамиліи своей не назвалъ; сказалъ только: «его высокоблагословеніе самъ знаетъ». Впрочемъ, общался денька черезъ два побывать у тебя. Тутъ я вспомнилъ, что мнѣ поручено произвести слѣдствіе надъ дьячкомъ села Карги, Ягодкинымъ, и рѣшилъ въ своемъ умѣ: «непремѣнно лошадь привелъ этотъ Ягодкинъ, чтобы задобрить меня предъ слѣдствіемъ». Хоть, по пословицѣ, «даровому коню въ зубы не смотреть», но я произвелъ-таки основательный осмотръ приведенному коню. Оказалось, что конь отиѣнный: молодой, рослый, статный, да вдобавокъ любимой мной вороной масти. Приказалъ заложить его въ дроги и проѣхался до ближайшаго лѣсу. И тутъ никакого изъяна въ конѣ не оказалось: выѣзженъ отлично, рысисто и сидень... словомъ, такой конь, на которомъ не стыдно было бы и самому его высокопреосвященству проѣхать. «Что-то этотъ Ягодкинъ, — думаю, — больно щедрымъ себя заявляетъ; должно быть, дѣло его скверное» (а я еще не успѣлъ въ то время ознакомиться съ этимъ дѣломъ). Возвращаясь домой, заѣхалъ въ правленіе, взять дѣло о Ягодкинѣ къ себѣ и приступилъ къ разсмотрѣнію его. Оказалось, что я не ошибся въ своемъ предположеніи: Ягодкинъ разъ обвинялся въ нѣсколькихъ крупныхъ проступкахъ, которые, взятые въ совокупности, въ случаѣ доказанности ихъ, могли привести дьячка къ исключенію въ родъ жизни. Между прочимъ, дьячекъ обвинялся въ томъ, что въ пьяномъ видѣ, въ храмѣ, во время богослуженія, при всемъ честномъ народѣ, нанесъ своему священнику оскорбленіе... хоть не дѣйствіемъ, но весьма грубое. Я — строгій сторонникъ субординаціи и свой причтъ люблю держать въ стрункѣ. Понятно, какъ возмутилъ меня такой поступокъ дьячка. «Такой-то, — думаю, — ты гусь! Хоть конь твой и хорошъ, да я его не приму и дѣло по существу разберу». Черезъ два дня Ягодкинъ является ко мнѣ. Вижу: и весель, и спокоенъ, точно и не онъ состоитъ подъ судомъ. «Угодилъ ли я, — спрашиваетъ, — вашему высокоблагословенію лошадкой?» — «Лошадка-то, — говорю, — хороша, да веди ее домой». Тутъ дьячекъ мгновенно опустилъ голову и повѣ-

силъ нось. «Ну,—говорить,—вижу, что дѣло мое совсѣмъ пропащее. Припаду,—говорить,—къ стопамъ владыки, чтобы онъ уволилъ меня въ заштатъ, пока я не уволенъ, по суду, въ родъ жизни». — «А чѣмъ кормиться будешь?» — спрашиваю. — «Полагаю, скитаться по чужимъ дворамъ придется». — «А ты семейный?» — «Жену,—отвѣтствуетъ,— и троихъ дѣтей-малолѣтокъ имѣю». — «Ну, ты будешь скитаться по чужимъ дворамъ, а что станется съ твоимъ семействомъ?» — «На волю,—говорить,—Господню оставить должонъ». Заговорило во мнѣ чувство жалости—не къ дьячку-канальѣ, конечно, а къ его женѣ да малолѣткамъ. — «Погоди,—говорю,—дуракъ, просить объ увольненіи; можетъ быть, я пощажу тебя—не думай, ради тебя самого, а ради семьи твоей. А лошадь, говорю, веди домой. Она не меньше сотни стоитъ, а это для тебя—цѣлое состояніе». — «Нѣтъ, ужъ сдѣлайте Божескую милость, обнадѣжьте меня, ваше высокоблагословеніе!» — «И такъ тебя обнадѣживаю и общаю тебѣ возможное снисхожденіе»... — «Какая же,—говорить,—тутъ надежда есть, коли лошадку не благоволите отъ меня принять?» — «Говорю тебѣ, что и безъ лошадки твоей сдѣлаю тебѣ возможное снисхожденіе!» — «Нѣтъ, ужъ обнадѣжьте»... И до тѣхъ поръ дьячекъ умолялъ «обнадѣжить» его, пока я не сказалъ: «ну, дуракъ, поѣзжай на кнутѣ домой, а я буду ѣздить на твоей лошади»...

— А слѣдствіе какъ произведеть?—поинтересовался отецъ.

— Какой еще ты, какъ вижу, простота!.. Понятно, если лошадь съ дьячка взять, такъ дьячка обѣлить.

— И, вѣроятно, вопреки всякой справедливости?

— Кромѣ справедливости, еще милость хвалится на судѣ,—отвѣтилъ не лаявшій въ карманъ за словомъ почтенный дядюшка.

Во время этой откровенной бесѣды собравшихся вкупѣ родственниковъ явился къ отцу посланный отъ ильинскаго священника Платона съ запиской. Записка была слѣдующаго содержанія: «сейчасъ я докладывалъ владыкѣ, не соблаговолитъ ли онъ кого нибудь изъ мѣстныхъ іереевъ назначить для служенія всенощнаго бдѣнія и литургіи въ моей церкви, по случаю престольнаго праздника. Владыка сказалъ: «новаго цензора», и ни на кого больше не указалъ... Извѣщая васъ почтеннѣйше о семъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, покорнѣйше прошу васъ завтра, послѣ литургіи, къ себѣ откушать, по русскому обычаю, хлѣба-соли».

Вѣроятно, архіерей назначилъ отца къ служенію въ Ильинской церкви, какъ свободнаго отъ службы въ своей церкви (въ соборѣ на Ильинъ день служить приходилось протоіерею); но мои дяди взглянули на это архіерейское распоряженіе, какъ на «многозначительное».

— Ну, братъ,—сказалъ отцу Петръ Дмитріевичъ: — тебя можно поздравить съ полнѣйшимъ благоволеніемъ владыки! Онъ не другого кого назначилъ служить съ собой, а именно тебя. Изъ сего ура-

зумѣвай, что онъ цѣнить тебя паче всѣхъ здѣшнихъ духовныхъ, не исключая и протоіерея.

— И сомнѣнія въ семь не можетъ быть, — вторилъ брату Александръ Дмитріевичъ.

— Можетъ быть, владыка руководился тутъ иными... — началъ было отецъ.

Но «братцы» не дали ему и договорить, они въ два голоса, чуть не клятвенно, увѣряли, что распоряженіе архіерея объясняется единственно владычнымъ благоволеніемъ къ отцу. Замѣтно, эти увѣренія, какъ выражались въ старину, «возымѣли свое дѣйствіе», и мой родитель, кажется, про себя подумывалъ, что онъ на самомъ дѣлѣ близокъ если не къ членству въ консисторіи, то къ штатному протоіерейству.

VI.

Разумѣется, отецъ, согласно архіерейскому распоряженію, служилъ въ Ильинской церкви и всеобщее бдѣніе, и объѣдню, а послѣ объѣдни сытно пообѣдалъ «съ самимъ владыкой» въ домѣ радушнаго о. Платона, при чемъ «удостоился бесѣдовать съ владыкой». Все это, вмѣстѣ взятое, имѣло самое благотворное вліяніе на душевное состояніе моего родителя, такъ что онъ вернулся домой въ самомъ елейномъ настроеніи и со всѣми мелкими подробностями повѣдалъ матери о своей бесѣдѣ съ архіереемъ (бесѣда касалась Архангельской епархіи, гдѣ раньше служилъ Варлаамъ)... Кажется, отецъ не позабылъ упомянуть и о томъ, какія яства были за столомъ отца Платона.

— А выпилъ ли ты при архіереѣ-то? — поинтересовалась увнать мать.

— Едину пропустилъ, а другой, признаться, не дернулъ!

— Нынѣ что ли архіерей уѣзжаетъ?

— Да, въ 7 часовъ вечера отбудетъ отъ насъ, въ сопровожденіи обоихъ благочинныхъ. А что касается до насъ, прочихъ духовныхъ, то мы, можно сказать, распростились съ владыкой и теперь можемъ опочить на лаврахъ!

Отецъ настолько почувствовалъ себя свободнымъ и спокойнымъ, что рѣшился и соснуть до вечера.

— На душѣ теперь легко, спокойно! — объяснилъ онъ. — Ну, какъ теперь не соснуть?

Кто бы послѣ того могъ предположить, что архіерейская ревизія будетъ неблагопріятна для отца? А, между тѣмъ, вышло именно такъ.

Еще отецъ спалъ сномъ праведника, какъ отъ отца Платона получила слѣдующая лаконическая записка: «Владыка требуетъ васъ, многоуважаемый Іоаннъ Іоанновичъ, немедленно къ себѣ».

Не ожидавшій ничего подобнаго, мой папаша сначала опѣшилъ.

— Какъ же это случилось?.. Что же это такое?.. Да зачѣмъ же я теперь понадобился владыкѣ?—растерянно спрашивалъ онъ, поднимаясь съ постели.

Впрочемъ, онъ скоро оправился отъ своего смущенія и объяснилъ дѣло въ самомъ благопріятномъ для себя смыслѣ.

— Должно быть,—высказалъ онъ матери,—владыка желаетъ, чтобы и я его проводилъ, вмѣстѣ съ благочинными; иначе не могу себѣ и представить, зачѣмъ я понадобился...

И успокоенный подобнымъ предположеніемъ, отецъ «веселыми стопами» направился въ домъ о. Платона, но за то въ какомъ состояніи онъ возвратился! Мой бѣдный родитель былъ мрачнѣе темной ночи, на лицѣ—ни кровинки, на лбу выступилъ холодный потъ.

Мать такъ и ахнула, увидѣвъ своего супруга въ такомъ положеніи.

— Что это съ тобой?!—всплеснувъ руками, спросила она.

Но разговорчивый, сообщительный и весьма пріятный собесѣдникъ въ добромъ расположеніи духа, отецъ «въ минуту душевной невзгоды» дѣлался неузнаваемъ: онъ на самые прямые вопросы не давалъ ясныхъ отвѣтовъ и отдѣлывался или общими, ничего не объясняющими фразами, или восклицаніями. Такимъ онъ явилъ себя и на этотъ разъ. Вмѣсто отвѣта на поставленный матерью вопросъ онъ началъ восклицать:

— Боже мой, Боже мой! надо же было такому несчастію случиться!

— Да не мучь же меня ради Бога! Скажи: что случилось?—спросила растревоженная мать.

— Дѣло мое плохо — вотъ что! — съ полнымъ отчаяніемъ сказалъ отецъ.

— Жалоба что ли на тебя какая подана?

— Хуже!—отрѣзалъ мой родитель.

— Подъ судъ что ли угодилъ?

— Хуже, хуже!—съ какимъ-то ожесточеніемъ повторялъ отецъ, какъ бы находя удовольствіе казнить себя подобными словами.

— Что же можетъ быть хуже суда?—разсуждала мать, ужъ не обращаясь къ отцу. — Отрѣшеніе отъ должности?.. Видно, такъ и есть,—рѣшила она:—должно быть, отрѣшенъ!

При этомъ мамаша прослезилась.

Между тѣмъ, папаша скорыми шагами расхаживалъ по всему дому и вслухъ разсуждалъ съ собою.

— За что Ты, Господи, наслалъ на меня такое несчастіе?..—слышалось изъ устъ отца. — И зачѣмъ это понадобилось владыкѣ быть тамъ, гдѣ никогда не ступала нога архіерейская?.. Нѣтъ, ужъ это видимая немилость Божія ко мнѣ, многогрѣшному!.. И какъ эту проклятую птицу угораздило повѣситься тамъ? Вѣдь, не повѣси-

лась же въ другомъ мѣстѣ, а именно тамъ, точно мѣтила проклятая на то, чтобы мнѣ пакость учинить!..

Мать начала прислушиваться къ словамъ отца и прислушивалась долго, но въ толкъ ничего не могла себѣ взять.

— Архіерея,—сообщала она намъ, дѣтямъ:—укоряетъ за то, что онъ былъ гдѣ-то... какую-то проклятую птицу поминаетъ... Говорить, что она повѣсилась не на своемъ мѣстѣ... Нѣтъ, ничего не пойму!—рѣшительно объявила она.

— Ужъ здоровъ ли онъ?—пришла матери мысль.—Говорить что-то непонятное, проклятую какую-то птицу поминаетъ... Тутъ что-то неладно!

При такомъ предположеніи мамаша снова источила слезы.

Наконецъ, она рѣшила, для выясненія дѣла, съѣздить къ отцу Платону, а утромъ, буде ея мужъ не перестанетъ говорить какихъ-то непонятныхъ словъ, съѣздить въ Нижній Ломовъ за лѣкаремъ.

Къ несчастію, отца Платона не оказалось у себя: онъ уѣхалъ провожать архіерея. А съ отцомъ къ ночи открылась нервная лихорадка, соединенная съ зубною болью. Онъ всю ночь охалъ, стоналъ, дрожалъ, сѣтовалъ за что-то на архіерея и неоднократно упоминалъ о «проклятой птицѣ».

Несмотря на свое болѣзненное состояніе, онъ всталъ въ свое время и, вопреки убѣжденіямъ матери, пошелъ служить утреню и раннюю обѣдню. Мать пошла также въ церковь, съ намѣреніемъ прослѣдить, не будетъ ли ея мужъ «заговариваться», но возвратилась съ радостнымъ извѣстіемъ, что «не заговаривается, а служитъ какъ будто по-настоящему».

Вскорѣ возвратился изъ церкви и отецъ. Взоры всѣхъ семейныхъ устремились на него. Онъ выглядывалъ до крайности блѣднымъ и изможденнымъ, глаза у него были красные, голова и руки нѣсколько дрожали, но сравнительно онъ находился въ спокойномъ состояніи. И только теперь онъ счелъ нужнымъ повѣдать о случившемся съ нимъ несчастіи. Но повѣдалъ онъ далеко не все, да и самъ не зналъ всего; ужъ впоследствии отецъ Платонъ, вскорѣ посѣтившій родительскій домъ, дополнилъ сообщенное отцомъ. Со словъ Платона и частью отца я и передаю о крушеніи, которое потерпѣлъ послѣдній.

Послѣ обѣда, на которомъ былъ и отецъ, архіерей находился въ добромъ расположеніи духа. О. Платонъ предложилъ ему отдохнуть.

— Спать,—сказалъ Варлаамъ:— не буду, а полежу немного на диванѣ.

Платонъ принесъ подушекъ и положилъ на диванъ, а потомъ обратился къ архіерею съ вопросомъ:

— Никакихъ приказаній отъ вашего высокопреосвященства не будетъ?

— Повидимому, никакихъ; совѣтую отдохнуть и тебѣ. Ты, вѣроятно, привыкъ къ послѣобѣденному отдыху.

По полученіи такого отвѣта, Платонъ поклонился и, ушедши въ свой кабинетикъ, хотѣлъ послѣдовать архіерейскому совѣту. Но едва Платонъ раздѣлся и легъ, раздался голосъ Варлаама:

— Поди-ка сюда, хозяинъ!

Тотъ, разумѣется, не замедлилъ явиться на зовъ. Владыка стоялъ у окна и внимательно смотрѣлъ вдаль.

— Скажи-ка ты мнѣ,—обратился архіерей къ хозяину:—что это виднѣется?

При этомъ Варлаамъ указалъ на едва виднѣвшуюся за крестьянскими избами и гумнами главу кладбищенской церкви.

— Это—убогій домъ, ваше высокопреосвященство!

— Какой домъ?—переспросилъ архіерей.

— Это—кладбищенская церковь, которая въ Верхнемъ Ломовѣ зовется «убогимъ домомъ»,—разъяснилъ Платонъ.

— Странное названіе и совсѣмъ неприличествующее храму!.. А почему же дано такое названіе этому храму?

— Должно быть, по ветхости и бѣдности его.

— Почему же, когда я обозрѣвалъ ваши церкви—Николаевскую и Покровскую,—протоіерей, сопутствовавшій мнѣ, не доложилъ, что у васъ есть еще кладбищенская церковь?

— Не могу этого знать, ваше высокопреосвященство!

— А въ чьемъ завѣдываніи находится эта церковь?

— Приписана къ собору.

— Третій день я здѣсь пребываю и, оказывается, не осмотрѣлъ всѣхъ здѣшнихъ церквей, —недовольнымъ тономъ замѣтилъ Варлаамъ.—Пошли,—обратился онъ затѣмъ къ Платону:—когонибудь къ соборному протоіерею и дай ему знать, чтобы онъ немедленно явился сюда, такъ-какъ я хочу вмѣстѣ съ нимъ и, пожалуй, съ тобой, если не полѣнишься, осмотрѣть кладбищенскую церковь... Да прикажи сейчасъ же заложить лошадей!

Какъ только протоіерей явился, Варлаамъ сѣлъ съ нимъ и Платономъ въ карету и направился къ кладбищенской церкви.

Эта церковь (я ее хорошо помню) была маленькая, деревянная, съ тоненькой колокольней, напоминавшей минареты мечетей (по преданію, эта церковь и была когда-то татарской мечетью, а потомъ обращена была въ православный храмъ). Все въ этой церкви напоминало о ея глубокой древности: окна перекосились и не имѣли многихъ стеколъ, полы покоробились, тесовая кровля сгнила и дала такія щели, что сквозь нихъ по мѣстамъ виденъ былъ небесный сводъ. Вся обстановка храма, всѣ принадлежности церковныя бросались въ глаза своимъ убожествомъ: сосуды были оловянные, антиминсъ холстинный, ризы изношенныя и большею частію изодранныя (обыкновенно негодныя, за ветхостію, для собора ризы отсылались или, по выраженію церковниковъ, «ссылались» въ кладбищенскую церковь), иконы, потемнѣвшія до невозможности разобрать,

что на нихъ изображено, или облѣзшія и растреснувшіяся. Вслѣдствіе неисправности оконныхъ рамъ и множества щелей въ кровлѣ, птицы небесныя свободно влетали въ храмъ и вылетали изъ него, и даже поселялись здѣсь на постоянное жительство: вили здѣсь гнѣзда, несли яйца, выводили птенцовъ. Особенно, какъ я помню, птицамъ полюбилось мѣсто на хорахъ, которые были устроены надъ папертью. Пернатые, овладѣвъ храмомъ, чувствовали себя въ немъ полными хозяевами и даже во время богослуженія (и оно отправлялось въ этой церкви не болѣе 10 разъ въ годъ: въ день Алексія, Божія человѣка, въ честь котораго и освященъ былъ храмъ, да въ разное время, по просьбѣ кого нибудь изъ прихожанъ) безбоязненно летали по церкви и заглушали своимъ крикомъ чтецовъ и пѣвцовъ. За неимѣніемъ сторожа при этой церкви чистота въ ней плохо поддерживалась; только, кажется, единственный разъ въ году, предъ храмовымъ праздникомъ, крестьянинъ Миропкинъ, числившійся ктиторомъ церкви, подметалъ ее метлою. Тѣмъ болѣе не обращалось никакого вниманія на плачевное состояніе этой церкви, что ее рѣшено было сломать и замѣнить новымъ храмомъ.

Достаточно было бы предъ прїѣздомъ архіерейскимъ вынести изъ кладбищенской церкви всѣ принадлежности церковныя и объявить ее закрытою, за ветхостію; но и этого никто не догадался сдѣлать. Очевидно, соборяне и думать позабыли, что при соборѣ имѣется приписная кладбищенская церковь...

Едва отверзались двери описаннаго храма, птицы, потревоженныя неожиданными посѣтителеми, начали летать и огласили храмъ громкимъ крикомъ. Архіерей былъ изумленъ.

— Да здѣсь настоящее царство пернатыхъ!—сказалъ онъ.

— Да, ваше высокопреосвященство, — подтвердилъ протоіерей Европейцевъ:—всякой птицы здѣсь довольно, потому что въ окнахъ многихъ звенъ нѣтъ, а въ стѣнахъ и кровлѣ вездѣ щели.

— Ну, такихъ храмовъ я не видывалъ даже въ самыхъ сѣверныхъ селеніяхъ Архангельской епархіи!—замѣтилъ Варлаамъ.

Посмотрѣлъ архіерей на иконостасъ, стѣны, окна, полъ—вездѣ виденъ былъ птичій пометъ, свидѣтельствовавшій, что «здѣсь всякой птицы довольно». Двери въ алтарѣ были затворены, тѣмъ не менѣе птицы проникали и туда и оставили тамъ слѣды своего пребыванія. На покровахъ, которыми были закрыты престолъ и жертвенникъ, оказался толстый слой пыли и паутины. На полу въ безпорядкѣ лежали разодранныя ризы.

— Да это поправіе святыни!—сказалъ владыка, указывая на существовавшій въ алтарѣ хаосъ.

— Нѣтъ возможности, — объявилъ протоіерей: — поддерживать чистоту и порядокъ, потому что храмъ-то больно ветхъ, да онъ и предназначенъ ужъ къ сломкѣ.

— Почему же ты не прекратилъ въ немъ богослуженія? А разъ

богослуженіе отправляется въ храмѣ, въ немъ должны соблюдаться чистота и опрятность, приличествующія храму Божію.

Протопопъ, какъ онъ впослѣдствіи объяснялъ отцу, имѣлъ поползновеніе сказать, что богослуженіе и прекращено, но во время остановился, сообразивъ, что сосуды, крестъ, евангеліе и прочія церковныя принадлежности выдали бы его.

— Это что такое?—спросилъ онъ, указывая на церковный куполь.

Оба благочинные устремили свои очи вверхъ и увидѣли, что подъ самымъ куполомъ висѣла, распростерши крылья, какая-то крупная птица.

— Это что такое?—повторилъ владыка.

— Это—сова, ваше высокопреосвященство! — объяснилъ протопопъ, хорошій знатокъ птичьихъ породъ.

— А зачѣмъ вы ее сюда повѣсили?

— Она, надо полагать,—докладывалъ о. протопопъ, — влетѣла въ окно, что виднѣется въ куполѣ, да запуталась въ проволоку и повѣсилась.

— Ужъ это, наконецъ, не пограніе святости, а больше: это какое-то поруганіе надъ святыней!—сказалъ разгнѣванный владыка.— Тамъ, гдѣ обыкновенно изображаютъ Св. Духа въ видѣ голубинѣ, у нихъ подвѣшена сова!... И ты, убѣленный сѣдинами старецъ, — бросился архіерей къ протопопу:—допустилъ это? И не грѣхъ тебѣ?.. И можешь ли ты послѣ того имѣть въ своемъ смотрѣніи тридцать церквей, когда ты и свой храмъ, въ которомъ служишь, который у тебя постоянно на виду, доведъ до такого состоянія?

Протоіерей струсиль не на шутку: по меньшей мѣрѣ, ему грозидо увольненіе отъ должности благочиннаго.

— Долженъ, — оправдывался онъ, — долженъ доложить вашему высокопреосвященству, что я ужъ близъ года и не служилъ въ этой церкви, по случаю крайней ея ветхости, и предоставилъ ее въ завѣдываніе моему товарищу, соборному священнику (разумѣется, конечно, мой родитель), который раза два-три въ году и служилъ въ ней.

Поручалъ ли на самомъ дѣлѣ протоіерей кладбищинскую церковь завѣдыванію моего отца,—мнѣ неизвѣстно; но онъ, протоіерей, совершенно справедливо сказалъ, что близъ года не служилъ въ ней, именно съ того времени, какъ съ иконостаса упала икона на протоіерейскую голову.

— Такъ это соборный священникъ, новый цензоръ, — сказалъ Варлаамъ:—столь исправно завѣдываетъ церковью? Нечего сказать, исправно завѣдываетъ!.. Но, — прибавилъ архіерей, обращаясь къ протопопу,—твое объясненіе только умаляетъ твою вину, а не оправдываетъ тебя; какъ благочинный, ты самъ обязанъ смотрѣть за всѣми ввѣренными тебѣ церквами.

— Да дѣлать-то, владыка, у cadaго благочиннаго больно много!

Поэтому я и счелъ себя въ правѣ хоть этотъ предназначенный къ сломкѣ храмъ поручить завѣдыванію священника...

— А вотъ онъ, священникъ-то, тебя и выдалъ!

И разгнѣванный владыка скорыми шагами вышелъ изъ церкви; но теперь, послѣ приведеннаго объясненія, онъ гнѣвался не столько на протопопа, сколько на моего отца, котораго, какъ и выше сказано, потребовалъ къ себѣ.

Явившійся отецъ, учинивъ обычный въ то время земной поклонъ архіерею¹⁾, подошелъ было къ нему принять благословеніе; но разгнѣванный владыка не хотѣлъ даже и преподать своего благословенія.

— Какъ ты могъ,—прямо началъ Варлаамъ:—допустить кладбищенскую церковь до такого состоянія, что въ ней вездѣ, даже въ самомъ алтарѣ, виднѣется птичій пометъ, а подъ самымъ куполомъ, гдѣ обыкновенно изображается Духъ Святыи въ видѣ голубя, оказалась повѣсившаяся сова? Какъ ты совершалъ, при такой обстановкѣ, богослуженіе? Какъ ты не стѣснялся, при такой нечистотѣ и неопрятности, пріобщаться св. таинъ?..

Отецъ, какъ онъ впослѣдствіи рассказывалъ, настолько растерялся, что не могъ вдругъ собраться съ мыслями и сказать что либо въ свое оправданіе. Только послѣ продолжительнаго молчанія онъ отверзъ уста свои и въ свое оправданіе сказалъ, что храмъ весьма ветхъ, предназначенъ къ сломкѣ... однимъ словомъ, все то, что уже и объяснилъ архіерею протопопъ.

— Все это я слышалъ, да и самъ видалъ!—оборвалъ отца Варлаамъ.—Тѣмъ не менѣе, послѣ осмотра кладбищенской церкви я совсѣмъ перемѣнилъ мое мнѣніе о тебѣ и мои намѣренія касательно

¹⁾ Не лишнимъ считаю сказать, что Варлаамъ, смотрѣвшій на архіерейство, какъ на высокой санъ, самъ требовалъ отъ подчиненнаго духовенства земныхъ поклоновъ. Одинъ и доселѣ здравствующій священникъ, явившійся къ Варлааму, хотѣлъ было отдѣлаться пояснымъ поклономъ; но архіерей строго ему замѣтилъ: «порядка не знаешь; ты долженъ поклониться архіерею въ ноги, какъ это сдѣлалъ Корнилій сотникъ при встрѣчѣ апостола Петра. Лично мнѣ твой поклонъ не нуженъ, но того требуетъ мой архіерейскій санъ». Вскорѣ послѣ этого въ «Сынѣ Отечества» появилась корреспонденція изъ Пензы такого содержания: «дѣйствительно, Корнилій, при встрѣчѣ апостола Петра, падъ на ногу его, поклонился; но не надо упускать изъ виду и того, какъ въ данномъ случаѣ поступилъ апостоль Петръ. А онъ сказалъ Корнилию: возстани, и азъ самъ человекъ есмь (Дѣян. X, 26)». Рассказываютъ, что Варлаамъ прочиталъ эту корреспонденцію, но она нисколько не смутила его. Онъ, будто бы, по этому поводу сказалъ: «апостоль Петръ въ правѣ былъ принять или отвергнуть поклонъ Корнилию; но послѣдній былъ бы вполнѣ неправъ, если бы не сдѣлалъ земного поклона апостолу Пётру»... Впрочемъ, вообще говоря, пензенское духовенство не особенно тяготилось такимъ требованіемъ своего владыки. «Намъ,—разсуждали духовные,—приходится гнуть выю да за десять сажень снимать шапку предъ какимъ нибудь помѣщикомъ, который только потѣшается да насмѣхается надъ нашею духовною братією; а своему-то владыкѣ тѣмъ паче подобаетъ поклониться пониже».

тебя, хотѣлъ назначить тебя на начальственную должность, но теперь воочію убѣдился, что ты не годишься для этого... Да и здѣсь я не могу тебя оставить,—рѣшилъ высокопреосвященный:—готовься къ перемѣщенію въ село Котель, на вторую священническую вакансію!

Конечно, отцу очень нелегко было спуститься съ высоты своихъ мечтаній въ какой-то Котель. Онъ сталъ просить, какъ милости, оставленія на настоящемъ мѣстѣ и просилъ долго, но добился только того, что архіерей сказалъ:

— Подумаю, какъ поступить съ тобою.

Разумѣется, эти слова не особенно успокоительными показались отцу; а потому онъ, по отъѣздѣ владыки, то-и-дѣло справлялся у благочиннаго, не получено ли послѣднимъ указа о перемѣщеніи его, отца, въ Котель. Родитель лишь тогда успокоился за свою судьбу, когда консисторскій его «благопріятель», Черноморевъ, написалъ ему, что въ названное село назначено другое лицо. вмѣстѣ съ тѣмъ, повѣтчикъ сообщилъ отцу, что о немъ архіерей въ своемъ путевомъ журналѣ, сданномъ въ консисторію, сдѣлалъ сравнительно хорошій отзывъ, а именно: «С—въ священникъ дѣльный и образованный, въ богословскихъ предметахъ весьма свѣдущій, хорошій проповѣдникъ, почему и назначается цензоромъ проповѣдей по 11-му благочинническому округу, вмѣсто Архистратигова». Потомъ рукою архіерея сверху была сдѣлана приписка: «замѣтно, нераспорядительный». Черноморевъ сообщилъ также архіерейскіе отзывы о Саввѣ, Василии (священникъ Николаевской церкви) и о дьяконѣ Мравіевѣ: о первомъ «священникъ изъ малоученыхъ, но не безъ смысла», о второмъ «отличается кичливостію и самомнѣніемъ, а, между тѣмъ, свѣдѣніями обладаетъ скудными; пригоденъ больше для села» (въ скоромъ времени Василій и былъ перемѣщенъ въ село), о третьемъ «не по собору, но многосеменъ». Вѣроятно, многосемейность и спасла дьякона: онъ остался на своемъ мѣстѣ.

Хотя моему отцу и удалось удержаться въ соборѣ, но послѣ этой архіерейской ревизіи онъ во все время пребыванія Варлаама на каедрѣ пензенской оставался въ тѣни и не удостоился даже получить слѣдовавшей ему по очереди награды.

Въ заключеніе слова два о совѣ, нашедшей себѣ смерть подъ куполомъ кладбищенской церкви. На другой или на третій день по отъѣздѣ архіерея, отецъ далъ порученіе сторожу Ананьичу и своему работнику Михайлѣ снять эту птицу. Сторожъ съ работникомъ долго совѣщались касательно даннаго имъ порученія и рѣшили ѣхать въ кладбищенскую церковь, заложивши лошадь въ длинныя дроги и захвативши съ собою длинную лѣстницу.

Такъ какъ въ родительскомъ домѣ въ послѣдніе дни немало было говору о «проклятой птицѣ», то все молодое поколѣніе названнаго дома (разумѣю себя и своихъ сестренокъ) ужасно было заинтересовано этой птицей, пожалуй, ничуть не меньше, чѣмъ ка-

кою нибудь сказочною жаръ-птицею. Отсюда простекало общее желаніе видѣть ее.

— Привези, Ананьичъ, проклятую птицу,—упрашивала сестренка Маша:—я сроду не видала такихъ птицъ.

— Привези, Михайла!—въ свою очередь пицала не выговаривавшая еще словъ Саша.—Я тебѣ за это сляденькій пляничекъ дамъ...

Что касается меня «большака», то я примостился было съ Ананьичемъ и работникомъ на дроги, чтобы самолично участвовать въ снятіи птицы изъ-подъ купола; но мать, къ моему крайнему огорченію, не пустила меня. Ананьичъ и Михайла уѣхали одни, а я съ сестрами остался у воротъ ждать ихъ возвращенія.

Наконецъ, птица была въ нашихъ рукахъ; мы выхватили ее у Михайлы, не давъ даже подѣхать ему къ воротамъ родительскаго дома. Овладевъ птицей, мы принесли ее на дворъ и принялись тщательно разсматривать. Отъ нея, помнится, немного пахло, но сохранилась она еще довольно хорошо: сѣроватая съ черными пятнами перья, голова съ крючковатымъ клювомъ, хвостъ, все было въ цѣлости. Замѣтно, покойница повѣсилась незадолго до прибытія архіерея или даже во время пребыванія его въ Верхнемъ Ломовѣ, какъ будто нарочно, съ цѣлю сыграть злую шутку съ моимъ родителемъ.

Когда мы тормошили привезенную птицу, вдругъ послышался около насъ грозный голосъ отца:

— Прочь!.. Бросьте эту проклятую птицу!

Мы моментально отступили. Но самъ папаша все-таки поинтересовался взглянуть на предательницу сову и не утерпѣлъ, чтобы не сорвать на ней своего горя.

— Поддѣла, проклятая!—стиснувъ зубы, процѣдилъ онъ.

При этомъ папаша самъ весьма ловко носкомъ своего сапога поддѣлъ злодѣйку сову и отбросилъ ее на нѣсколько сажень.

М. Сацедотовъ.

ФРИДРИХЪ СИБЕРСЪ.

(Изъ исторіи крестьянской реформы въ Лифляндіи).

СТОРИЯ крѣпостного права въ Прибалтійскомъ краѣ представляетъ одну изъ самыхъ мрачныхъ страницъ новѣйшей исторіи Европы. Явившіеся въ Ливонію въ началѣ XIII в., съ проповѣдью евангелія мира и любви, нѣмецкіе крестоносцы огнемъ и мечемъ наложили на предковъ нынѣшнихъ латышей и эстовъ «иго христіанства», которое скоро превратилось въ безпримѣрное въ исторіи Европы рабство.

Основываясь на показаніяхъ юридическихъ актовъ и свидѣтельствахъ современниковъ¹⁾, историки Прибалтійскаго края самыхъ противоположныхъ направленій и взглядовъ сходятся въ томъ, что положеніе крѣпостныхъ въ эпоху самостоя-

¹⁾ «Бѣдный крестьянинъ,—говоритъ Балтазаръ Рюссовъ († 1600 г.),—не имѣлъ никакого другого права кромѣ того, которое предоставлялъ ему помѣщикъ или фогтъ. Бѣдный человѣкъ не смѣлъ жаловаться никакой высшей власти на какое бы то ни было насиліе и несправедливость. Если умирали крестьянинъ и его жена, оставивъ дѣтей, то опека надъ дѣтьми учреждалась такая, что господа брали къ себѣ все, что оставалось послѣ родителей, а дѣти должны были находиться нагія и босыя у очага помѣщика, или же побираться милостыней по городамъ. Все, чѣмъ владѣлъ бѣдный крестьянинъ, принадлежало не ему, а господамъ... Бывали многіе и такіе дворяне, которые обмѣнивали и вымѣнивали своихъ крестьянъ и подвластныхъ на собакъ и гончихъ». Въ «Космографіи» Себастіана Мюнстера (XVI в.) въ главѣ «о Лифляндіи» говорится о прибалтійскомъ крестьянствѣ между прочимъ слѣдующее: «Такого жалкаго и несчастнаго народа не сыскать нигдѣ подъ солнцемъ... Если у бѣднаго крестьянина имѣется хорошая лошадь,

тельнаго существованія Ливоніи не поддается описанію. Рутенбергъ говоритъ, что уже съ конца XIV в. латыши и эсты жили въ самой глубокой нищетѣ, что они прошли всѣ степени несчастья и спустились до состоянія бѣлыхъ негровъ; что помѣщики видѣли въ туземцахъ особую породу людей, созданную для рабства и страданій; что помѣщики, духовенство и орденъ, въ лицѣ своихъ чиновниковъ, потеряли всякое представленіе о своей власти и смотрѣли на крестьянъ, какъ на движимое имущество, которое можно продавать, дарить и обмѣнивать, разлучая мужей, женъ и дѣтей. «Размѣры крестьянскихъ повинностей и свирѣпость крѣпостной дисциплины,—говоритъ Юліусъ Эккартъ,—низвели крестьянство до положенія, мало чѣмъ отличающагося отъ положенія дикихъ звѣрей».

Съ распаденіемъ владѣній Ливонскаго ордена и переходомъ Лифляндіи подъ власть Польши положеніе крѣпостныхъ нисколько не улучшилось. Сигизмундъ II Августъ въ 1561 г. санкціонировалъ всѣ тѣ права и привилегіи, которыя дворянство пріобрѣло въ предшествовавшіе вѣка. Попытка Стефана Баторія улучшить положеніе лифляндскихъ крестьянъ кончилась неудачей.

Болѣе счастливыя времена настали для закрѣпощенныхъ латышей и эстовъ только послѣ перехода Лифляндіи подъ власть Швеціи. Густавъ-Адольфъ разрѣшилъ допускать крестьянскихъ дѣтей въ школы и предоставилъ латышамъ и эстамъ право жаловаться на помѣщиковъ прямо въ верховный судъ. На ландтагѣ въ 1681 г. въ Ригѣ отъ имени Карла XI было сдѣлано дворянству предложеніе уничтожить «злосчастное рабство и крѣпостное состояніе». Предложеніе короля было категорически отвергнуто и при томъ во имя того же самаго принципа, на который ссылался и король,—во имя народнаго блага. Король не отступилъ передъ дворянской оппозиціей и въ 1687 году произвелъ знаменитую «редукцію», результатомъ которой было то обстоятельство, что помѣщики въ качествѣ полной и неограниченной собственности удержали только одну пятую часть всей обрабатываемой почвы Лифляндіи. Вся остальная территория съ населяющими ее крестьянами поступила въ распоряженіе шведскаго правительства, которое и не замедлило произвести рядъ въ высшей степени благодѣтельныхъ для крѣпостнаго населенія реформъ. На основаніи строгаго изслѣдованія экономическаго положенія крестьянъ, ихъ повинности въ пользу помѣщиковъ, сохранившихъ редуцированныя земли на правѣ вѣчно-наслѣдственной аренды, были приведены въ соразмѣрность съ пла-

добрый быкъ или корова, господа имуть предлога, какъ придратъся къ крестьянину и отнять у него ихъ. Если крестьянинъ сбѣжитъ,—а это онъ вынужденъ дѣлать отъ голода, мученій и нищеты,—и будетъ пойманъ, ему отсѣкаютъ ногу, чтобы онъ не могъ больше бѣгать. Ъдятъ крестьяне грубый хлѣбъ и грубую пищу, какихъ у насъ не стали бы давать свиньямъ... И такъ-то живетъ себѣ бѣдный народъ, и содержать его, какъ скотъ, безъ всякаго познанія о Богѣ».

тежными средствами. Для этой цѣли были составлены такъ называемые вакенбухи, книги, въ которыхъ точно обозначался размѣръ крестьянскихъ надѣловъ и размѣръ повинностей въ пользу помѣщика. Помѣщики безъ разрѣшенія королевскаго штатгалтера не могли не только согнать крестьянина съ земли, но даже перевести его съ одного надѣла на другой. Обезпечивъ матеріальный бытъ крѣпостныхъ, Карлъ XI позаботился и о личныхъ правахъ крестьянъ. Онъ требовалъ, чтобы съ латышами и эстами обращались, «не какъ съ крѣпостными и рабами, а какъ съ шведскими крестьянами». Крестьянамъ представлено было широкое право жаловаться на притѣсненія со стороны помѣщиковъ. Въ 1694 г. запрещено было помѣщикамъ подвергать своихъ крестьянъ тѣлеснымъ наказаніямъ.

Смерть (въ 1697 г.) помѣшала Карлу XI привести въ исполненіе свою завѣтную мечту—уничтожить крѣпостное право въ Лифляндіи. Вскорѣ послѣ его смерти, великая сѣверная война не только разрушила замѣтно поднявшееся экономическое благосостояніе лифляндскихъ крестьянъ, но и лишила ихъ почти всѣхъ правъ, приобретенныхъ въ эпоху шведскаго владычества. Петръ Великій возвратилъ лифляндскому дворянству ихъ права, нарушенныя «редукціей», и помѣщики не замедлили уничтожить почти все, что было сдѣлано въ пользу крестьянъ шведскими королями. Произошло все это вти, хомолку, безъ вѣдома русскаго правительства, которое, къ сожалѣнію въ теченіе почти всего XVIII в. не имѣло представленія о реформахъ Карла XI. Дворянство же уничтожило сдѣланныя шведскимъ правительствомъ ограниченія съ вполне спокойной совѣстью, такъ какъ видѣло въ нихъ только нарушеніе своихъ исконныхъ правъ.

Легко себѣ представить, какъ жилось крѣпостнымъ послѣ перехода Лифляндіи подъ власть Россіи. Положеніе крестьянъ было до того отчаянное, что даже правительство императрицы Анны, несмотря на близость къ ея престолу прибалтійскихъ нѣмцевъ, въ официальныхъ указахъ засвидѣтельствовало и «о несносныхъ насильствахъ и утѣсненіяхъ», которымъ подвергали крестьянъ помѣщики, и о томъ, что вслѣдствіе такихъ «утѣсненій» крестьяне «въ крайнѣйшей мизеріи, безъ жилища и по міру шатаются». Но никакихъ общихъ мѣръ въ пользу лифляндскихъ крестьянъ не было предпринято не только въ правленіе Бирона, но и въ царствованіе императрицы Елисаветы. Впервые русское правительство обратило серьезное вниманіе на крестьянскій вопросъ въ Лифляндіи только при императрицѣ Екатерианѣ II. Великая государыня уже въ іюлѣ 1761 г. писала рижскому генераль-губернатору Броуну, что «во многихъ мызахъ арендаторы и помѣщики не по-человѣчески съ крестьянами обходятся». Въ 1764 г. во время путешествія по Прибалтійскому краю императрица, несмотря на торжественную обстановку встрѣчъ, успѣла убѣдиться въ невыносимомъ положеніи крѣпостныхъ, и въ январѣ слѣ-

дующаго года на лифляндскомъ ландтагѣ Броунъ заявилъ дворянству, «что ея императорское величество изъ жалобъ, ей принесенныхъ, съ неудовольствіемъ узнала, а при проѣздѣ отчасти и сама замѣтила, въ какомъ великомъ угнетеніи живутъ лифляндскіе крестьяне, и рѣшила оказать имъ помощь и особенно положить границы тиранской жестокости и необузданному деспотизму». Для улучшенія быта крѣпостныхъ Броунъ предложилъ дворянству признать за крестьянами право собственности на движимое имущество, урегулировать ихъ повинности и ограничить произволъ домашней расправы¹⁾.

Сдѣланныя Броуномъ предложенія привели лифляндское дворянство въ страшное раздраженіе. Рассказываютъ, что когда на томъ же ландтагѣ баронъ Шульцъ обратился къ дворянству съ предложеніемъ облегчить участь крестьянъ и закончилъ свою рѣчь словами: «давно пора уничтожить право обращать человѣка въ рабочую скотину»,—то оратора едва не выбросили изъ окна. Только благодаря давленію со стороны правительства, ландтагъ выработалъ постановленія, которыми признавалось за крестьянами право собственности на движимое имущество, запрещалось увеличивать крестьянскія повинности и предоставлялось крестьянамъ право жаловаться на незаконные платежи. Кромѣ того, было ограничено право домашней расправы и былъ назначенъ штрафъ за продажу людей на рынокъ (!) и за разлученіе при продажѣ мужа и жены.

Указанныя постановленія на практикѣ не внесли почти никакихъ улучшеній въ положеніе лифляндскихъ крестьянъ, да и не могли этого сдѣлать по самому своему характеру. Въ самомъ дѣлѣ,

¹⁾ Насколько было необходимо указанное ограниченіе дворянскаго произвола, можно судить по слѣдующимъ свидѣтельствамъ современниковъ, близко знакомыхъ съ крестьянскимъ вопросомъ въ Лифляндіи. Въ упомянутомъ предложеніи генералъ-губернатора Броуна, по преданію составленномъ барономъ Шульцемъ, между прочимъ было сказано: «за лифляндскими крестьянами не признается рѣшительно никакой собственности, даже въ томъ, что они зарабатываютъ себѣ потомъ и кровію. Въ пользованіи землею и имъ самимъ выстроеннымъ жильемъ крестьянинъ столь же мало обезпеченъ, какъ и птицы на крышѣ, а относительно скудной своей движимости онъ обезпеченъ еще менѣе. Понравится ли господину крестьянская лошадь, скотина, подушка, или что бы то ни было, онъ преспокойно забираетъ себѣ за цѣну, назначаемую имъ по своему усмотрѣнію, а иногда и безъ всякаго вознагражденія». Относительно злоупотребленій правомъ домашней расправы пасторъ Эйзенъ-фонъ-Шварценбергъ въ своемъ правдивомъ «Описаніи крѣпостного права въ Лифляндіи» (1764 г.) говоритъ слѣдующее: «Хотя законы предписываютъ извѣстную мѣру наказанія, однако землевладѣльцу дано настолько свободы, что, если онъ прикажетъ строго наказать крестьянина, хотя бы и въ определенныхъ закономъ границахъ, то наказанный можетъ лишиться жизни. Винованаго привязываютъ къ столбу и двумя тонкими палками, въ родѣ русскихъ батоговъ, бьютъ его по голой спинѣ до тѣхъ поръ, пока палки не расщепятся. Это называется дать нару розогъ. Крестьянинъ можетъ жаловаться на помѣщика въ судъ, но при мѣровѣ этому мало: страхъ подвергнуться въ другой разъ еще болѣе суровому наказанію не дозволяетъ приносить жалобу».

за крестьяниномъ было признано право распоряжаться своимъ имуществомъ, но только въ томъ случаѣ, когда исправлены все повинности въ пользу помѣщика; повинности же эти были неопредѣленны. Дальнѣйшее увеличеніе крестьянскихъ повинностей было запрещено, но опредѣленіе существующаго размѣра повинностей было предоставлено помѣщикамъ, и нѣкоторые изъ нихъ воспользовались благопріятнымъ случаемъ для того, чтобы еще болѣе увеличить крестьянскіе платежи. Крѣпостнымъ предоставлено было право жаловаться на незаконное увеличеніе повинностей, но эти жалобы должны были подаваться въ мѣстные суды, находившіеся въ рукахъ помѣщиковъ, и за «ложныя» жалобы было положено наказаніе розгами. Ограничили произволъ домашней расправы, но все-таки помѣщикъ сохранилъ право наказывать крестьянъ плетью и розгами, даже за такія крайне растяжимыя преступленія, какъ, на примѣръ, непослушаніе. Было запрещено продавать крестьянъ на рынкахъ, но это не мѣшало публиковать о продажѣ людей въ газетахъ и обмѣнивать крѣпостныхъ на лошадей. Нельзя было продавать мужа отдѣльно отъ жены, за то ихъ сыновья продавались толпами въ рекруты¹⁾.

До какого ужаснаго состоянія были доведены лифляндскіе крестьяне въ концѣ XVIII столѣтія, можно видѣть изъ вышедшей сто лѣтъ тому назадъ книги Меркеля: «Die Letten vorzüglich in Liefland am Ende des philosophischen Jahrhunderts». Книга Меркеля, написанная необыкновенно страстнымъ языкомъ, но вполне правдиво²⁾, съ указаніемъ на общезвѣстные въ краѣ примѣры крайней жестокости помѣщиковъ, при своемъ появленіи произвела въ Германіи сенсацию и особенно сильно повліяла на учившуюся въ то время молодежь, изъ среды которой вышли впоследствии дѣятели по освобожденію латышей и эстовъ отъ крѣпостной зависимости. Но еще прежде, чѣмъ это молодое поколѣніе получило вліяніе на дѣла страны, русское правительство, къ мудрости котораго взывалъ также и Меркель, сдѣлало попытку облегчить участь лифляндскихъ крестьянъ, вернуть имъ права, дарованныя шведскимъ правительствомъ. Съ исторіей этой попытки, приведшей къ изданію положенія 1804 года, неразрывно связано имя Фридриха фонъ-Сиверса, который является наиболѣе свѣтлою точкой на мрачномъ фонѣ исторіи крѣпостного права въ Лифляндіи. На слѣдующихъ страницахъ, въ связи съ исторіей изданія и введенія въ дѣйствіе положенія о лифляндскихъ крестьянахъ 1804 г., мы постараемся возстановить передъ читателемъ образъ этого благороднаго и самоотверженнаго че-

¹⁾ Офицеры, набравшіе рекрутъ, отпускали за деньги русскихъ новобранцевъ и на ихъ мѣсто покупали у лифляндскихъ помѣщиковъ латышей и эстонцевъ.

²⁾ «Er sprach mit Leidenschaft, aber mit Wahrheit». Такой отзывъ о Меркелѣ сдѣлалъ въ 1837 г. Самсонъ фонъ-Гиммельстернъ, наиболѣе видный дѣятель по безземельному освобожденію лифляндскихъ крестьянъ въ 1819 году.

ловѣка, подвергшаго свое имя самымъ безчестнымъ и оскорбительнымъ обвиненіямъ ради блага «униженныхъ и оскорбленныхъ»¹⁾).

Фридрихъ Сиверсъ, однофамилецъ извѣстнаго екатерининскаго администратора, графа Якова Сиверса, родился въ 1748 г. и до 38-лѣтняго возраста служилъ въ русской арміи, обращая на себя вниманіе холодною неустрашимостью. Про него рассказывали, на примѣръ, что въ самыхъ жаркихъ схваткахъ онъ никогда не обнажалъ шпаги и не проливалъ крови. Въ чинѣ полковника Сиверсъ вышелъ въ отставку и посвятилъ себя на служеніе своему родному дворянству. Лифляндское дворянство не замедлило опѣнить умъ и способности своего собрата, и въ 1789 г. Сиверса выбрали предводителемъ дворянства въ двухъ уѣздахъ, Вольмарскомъ и Валкскомъ. По истеченіи перваго трехлѣтія онъ опять былъ выбранъ въ обоихъ уѣздахъ единогласно. Въ 1792 г. Сиверсъ былъ выбранъ большинствомъ 89 голосовъ противъ 20 въ губернскіе предводители дворянства, а въ 1795 г. его выбрали на ту же должность уже большинствомъ 137 голосовъ противъ 9. Когда же, вслѣдствіе столкновенія съ генералъ-губернаторомъ княземъ Репнинымъ, Сиверсъ отказался отъ должности ландмаршала, его единогласно выбрали въ члены ландратской коллегіи. Такая завидная для молодого, сравнительно, человѣка карьера несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что Сиверсъ пользовался полнымъ расположеніемъ дворянства.

Но очень скоро это расположеніе смѣнилось страшною злобою и ненавистью. Въ качествѣ губернскаго предводителя лифляндскаго дворянства Сиверсъ представлялся императрицѣ Екатеринѣ II и при этомъ не задумался «измѣнить» своему сословію и нарисовать передъ императрицей правдивую картину невыносимаго положенія лифляндскихъ крестьянъ, несмотря на вынужденныя тридцать лѣтъ тому назадъ постановленія ландтага. Императрица одобрительно отнеслась къ его взглядамъ на крестьянскій вопросъ, и, ободренный государыней, Сиверсъ на ландтагѣ 1795 г. предложилъ дворянству выработать точныя и опредѣленныя правила въ руководство комиссіямъ, предназначавшимся для разбора жалобъ крестьянъ на помѣщиковъ по поводу обремененія излишними повинностями. Предложеніе это, конечно, не могло понравиться помѣщикамъ, потому что посягало на ихъ доходы; не могло оно не подорвать и престижа Сиверса въ средѣ дворянства. Но благородный адвокатъ крестьянскихъ интересовъ не смутился и, разъ выступивъ на тернистый путь служенія «труждающимся и обремененнымъ», рѣшился уже не

¹⁾ Исторія изданія и введенія въ дѣйствіе положенія 1804 г. подробно изложена въ VI выпускѣ «Окраинъ Россіи» Ю. О. Самарина (см. X т. полнаго собранія его сочиненій) на основаніи подлинныхъ документовъ, хранящихся въ архивѣ министерства юстиціи. Между прочимъ въ распоряженіи Самарина были и частныя письма Сиверса.

отступать назадъ и не уклоняться въ сторону. Лифляндское дворянство еще въ 1796 г. составило проектъ новаго положенія о крестьянахъ, конечно, въ духѣ сохраненія существующаго порядка вещей. Проектъ этотъ нѣсколько разъ путешествовалъ изъ Риги въ Петербургъ и обратно, подвергаясь измѣненіямъ и дополненіямъ. Наконецъ, къ концу правленія императора Павла I вопросъ объ улучшеніи положенія лифляндскихъ крестьянъ заглохъ. Но Сиверсъ не забывалъ его и хотя ясно видѣлъ и понималъ всю неудовлетворительность и недостаточность этого проекта¹⁾, по восшествіи на престолъ императора Александра I предложилъ дворянству снова поднести проектъ на высочайшее утвержденіе. Дворянство, не предполагая никакихъ заднихъ мыслей у своего ландрата, поручило Сиверсу представить упомянутый проектъ на благоусмотрѣніе государя. Сиверсъ вмѣстѣ съ проектомъ представилъ и письмо на высочайшее имя, въ которомъ, ссылаясь на свой опытъ, увѣрялъ, что дворянство сдѣлаетъ еще больше уступокъ, чѣмъ указано въ проектѣ, и даже откажется отъ «посрамляющаго человѣчество» права дарить крестьянъ и продавать ихъ безъ земли. Въ отвѣтъ на представленіе послѣдовалъ 30 декабря 1802 г. высочайшій рескриптъ на имя Сиверса, очень лестный и для него лично и для лифляндскаго дворянства, но не лестный для представленнаго проекта. Ободренный рескриптомъ, Сиверсъ пошелъ дальше по намѣченному пути и черезъ министра внутреннихъ дѣлъ, графа Кочубея, находившагося съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ, представилъ Александру I подробную записку о необходимыхъ улучшеніяхъ въ положеніи прибалтійскихъ крестьянъ. Предложенія Сиверса, понятно, шли гораздо дальше тѣхъ уступокъ, на которыя соглашалось дворянство въ проектѣ 1796 года. Онъ находилъ нужнымъ, чтобы помѣщики не имѣли права дарить крѣпостныхъ, какъ вещи, не вмѣшивались въ назначеніе рекрутовъ и въ брачныя дѣла крестьянъ, не сгоняли самовольно хозяевъ съ земли. Далѣе, Сиверсъ предлагалъ, чтобы всѣ повинности крестьянъ безъ исключенія были приведены въ соразмѣрность съ отведенной имъ землей по шведской таксѣ и точно опредѣлены; чтобы женатые батраки вознаграждались не деньгами, а участками земли для обработки; чтобы были учреждены особые суды для разбирательства споровъ между крестьянами и помѣщиками, и чтобы въ этихъ судахъ засѣдали выборные отъ тѣхъ и другихъ въ равномъ числѣ. Императоръ Александръ I одобрилъ приведенныя предложенія и въ рескриптѣ на имя Сиверса отъ 30 января 1803 г. призналъ ихъ «во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтственными великодушнымъ намѣреніямъ рыцарства», то-есть, лифляндскаго дворянства.

Вполнѣ понятно, что предложенія Сиверса, признанныя «соотвѣт-

¹⁾ Въ немъ сохранялось, напримѣръ, право дарить крестьянъ и продавать ихъ безъ земли.

ствующими великодушнымъ намѣреніямъ рыцарства», не могли поправиться дворянству, которое вполне основательно нашло, что выбранный имъ ландтагъ отъ своего имени дѣлаетъ высшему правительству предложенія, не соответствующія выгодамъ помѣщиковъ. Раздраженіе лифляндскаго дворянства было настолько сильнымъ, что даже графъ Яковъ Сиверсъ, занимающій почетное мѣсто въ исторіи крестьянскаго вопроса въ Россіи, въ частной перепискѣ выразилъ чувства «омерзѣнія» и «отвращенія» къ одному имени своего однофамильца. Раздраженіе дворянства не замедлило обнаружиться на ландтагѣ 1803 г., гдѣ противъ Сиверса выступили вожаки тогдашнихъ крѣпостниковъ съ самыми ожесточенными и несправедливыми нападками, хотя и не по вопросу объ улучшеніи быта крестьянъ. Сиверсъ отлично понималъ причину нападокъ и въ отвѣтъ на нихъ произнесъ горячую рѣчь, навсегда оставшуюся въ памяти тѣхъ, кто ее слышалъ. «Почему не рѣшаются,—говорилъ между прочимъ Сиверсъ,—высказать громко передъ всѣми подозрѣній, такъ усердно распространяемыхъ вкрадчивымъ шепотомъ? Эта глухая молва, рѣчь г. фонъ-Левенштерна, здѣсь имъ произнесенная, толки, ходившіе въ нѣкоторыхъ кружкахъ во время моей отлучки въ Петербургъ, все это требуетъ выясненія моихъ отношеній къ теперешнему собранію, ибо вы сочли бы меня безчувственнымъ или крайне слабымъ въ знаніи людей, еслибъ я не относилъ лично къ себѣ этого сдерживаемаго ропота и этихъ бродящихъ подозрѣній. Въ чемъ же заключается мой проступокъ? Не въ утруженіи ли государя императора просьбою объ утвержденіи опредѣленій ландтага 1798 года? Но я исполнилъ только порученіе, возложенное на меня самимъ собраніемъ. Не твердая ли увѣренность, съ которою я ссылался на хорошо мнѣ извѣстныя благородныя чувства и справедливость вашу? Въ такомъ случаѣ, господа, простите мнѣ эту увѣренность: въ это время я находился еще подъ впечатлѣніемъ собраній 1795, 1796 и 1798 годовъ и имѣлъ передъ собою ихъ опредѣленія. Не порученіе ли, данное мнѣ его императорскимъ величествомъ, соизволившимъ черезъ меня вызвать въ васъ просвѣщенное и человѣколюбивое намѣреніе возратить крестьянамъ вашимъ права, единственно злоупотребленіемъ власти у нихъ отнятыя, благодаря послабленію со стороны правительства, права, которыхъ восстановленія требуютъ какъ провинціальныя наши законы, такъ и справедливость? Не нѣкоторые ли приговоры, постановленные по жалобамъ крестьянъ? Такъ прочтите же, умоляю васъ, подлинныя акты въ этихъ дѣлахъ, прежде чѣмъ вы произнесете осужденіе, и я увѣренъ, что человѣческое чувство ваше глубоко возмутится происходившими неистовствами»...

Договоривъ свою рѣчь дрожащимъ отъ волненія голосомъ съ едва сдерживаемыми слезами, Сиверсъ покинулъ засѣданіе ландтага и немедленно уѣхалъ въ Петербургъ, а вслѣдъ за нимъ туда же от-

правился Левенштернъ для предупрежденія новыхъ «козней» неутомимаго ландрата. Главныя старанія дворянскихъ уполномоченныхъ въ Петербургѣ направлены были къ тому, чтобы избавиться отъ обсужденія предложеній Сиверса, одобренныхъ высочайшимъ рескриптомъ 30 января 1803 г. Дворянству не трудно было привлечь на свою сторону лифляндскаго генераль-губернатора князя Голицына, яраго крѣпостника, запретившаго обнародованіе и переводъ на латышскій и эстонскій языки указа о вольныхъ хлѣбопашцахъ. Но министръ внутреннихъ дѣлъ остался вѣренъ либеральной программѣ первыхъ годовъ царствованія Александра I и настоялъ на томъ, чтобы ландтагъ подвергъ обсужденію предложенія Сиверса. Воля государя была исполнена, и ландтагъ выработалъ новый проектъ положенія о крестьянахъ, при чемъ предложенія Сиверса, несмотря на всѣ его краснорѣчивые доводы, подверглись существеннымъ ограниченіямъ. Независимо отъ этой неудачи Сиверса ожидалъ и другой ударъ. Для разсмотрѣнія дворянскаго проекта въ Петербургѣ былъ учрежденъ особый комитетъ, въ составъ котораго, кромѣ графа Кочубея, сенатора Козодавлева и графа Строганова, должны были войти два ландрата по выбору государя изъ четырехъ кандидатовъ, назначенныхъ ландратской коллегіей. Когда ландратская коллегія въ число кандидатовъ помѣстила и Сиверса, лифляндское дворянство пришло въ ужасъ и употребило всѣ средства для того, чтобы Сиверсъ не попалъ въ члены комитета. Посыпались представленія и доносы, въ которыхъ благородный ландратъ выставлялся обманщикомъ, предателемъ дворянства, опаснымъ интриганомъ, челоуѣкомъ, недостойнымъ никакого довѣрія, и т. п. Ненависть противъ Сиверса была такъ велика, что императоръ Александръ I, цѣнившій его «энтузіазмъ», не рѣшился назначить его членомъ лифляндскаго комитета.

«Со стороны правительства,—говоритъ Самаринъ,—это была не только несправедливость, но и капитальная ошибка. Въ лицѣ Сиверса, оно добровольно лишало свой комитетъ содѣйствія челоуѣка, который одинъ изъ всѣхъ людей того времени, близко знакомыхъ съ положеніемъ дѣлъ въ Лифляндіи, не только могъ бы, но и готовъ былъ раскрыть передъ нимъ всю правду, не смущаясь негодованіемъ своихъ земляковъ, и тѣмъ самымъ предостерегъ бы его отъ тѣхъ промаховъ, слишкомъ поздно обнаружившихся, въ которые комитетъ былъ вовлеченъ фальшивыми показаніями другихъ лифляндскихъ своихъ совѣтниковъ, пользовавшихся въ то время слишкомъ неограниченнымъ его довѣріемъ. Само правительство настолько сознавало незамѣнимость Сиверса въ этомъ дѣлѣ, что, и по открытіи комитета, графъ Кочубей не только не прервалъ своихъ сношеній съ нимъ, но иногда прибѣгалъ къ нему за совѣтами, даже сообщалъ ему частнымъ образомъ, на предварительное его заключеніе, журналы комитета и разныя къ нимъ приложенія, къ сожа-

лѣнію, впрочемъ, не всѣ. Это дѣлалось, конечно, не безъ вѣдома и одобренія самого государя». И Сиверсъ, несмотря на указанную по отношенію къ нему несправедливость, не отказывалъ комитету ни въ совѣтахъ, ни въ указаніяхъ: благо угнетенныхъ массъ для него было выше расчетовъ личнаго самолюбія. Но и устраненный путемъ интригъ отъ непосредственнаго участія въ засѣданіяхъ комитета Сиверсъ оказался опаснымъ дворянству и подвергся новымъ обвиненіямъ.

Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи лифляндскаго крестьянскаго комитета было объявлено во всеобщее свѣдѣніе и возбудило броженіе среди прибалтійскаго крестьянства. За разрѣшеніемъ возникшихъ сомнѣній и подтвержденіемъ возбужденныхъ слухами надеждъ крестьяне стали обращаться къ Сиверсу, жившему въ своемъ лифляндскомъ имѣніи. Сиверсъ не отказывалъ крестьянамъ въ добромъ участіи и полезномъ совѣтѣ, и это обстоятельство дало поводъ выставить его виновникомъ народныхъ волненій, возбужденныхъ нетерпѣливыми ожиданіями облегченія невыносимаго положенія. Генераль-губернаторъ не задумался повѣрить ожесточеннымъ крѣпостникамъ и донести государю, что крестьяне отказываются отъ отбыванія повинностей помѣщикамъ и сопротивляются властямъ, ссылаясь на авторитетъ Сиверса. Конечно, Сиверсъ оправдался во взведенныхъ на него обвиненіяхъ и даже своимъ вліяніемъ на крестьянъ помогъ правительству мирными средствами прекратить возникшія волненія, о чемъ принужденъ былъ засвидѣтельствовать и князь Голицынъ во всеподданнѣйшемъ рапортѣ.

Между тѣмъ въ Петербургѣ спѣшно выработывалось новое положеніе о лифляндскихъ крестьянахъ. Русскіе члены лифляндскаго комитета были воодушевлены самыми лучшими намѣреніями, въ то время какъ представители лифляндскаго дворянства въ комитетѣ, Буденброкъ и Анрепъ, заботились о возможно меньшихъ потеряхъ для помѣщиковъ. Къ сожалѣнію, русскіе члены комитета были почти совершенно незнакомы съ крестьянскимъ вопросомъ въ Лифляндіи и волей-неволей принуждены были во многомъ довѣрять представителямъ лифляндскаго дворянства. Благодаря ихъ усиліямъ, въ положеніи 1804 г., въ общемъ, очень благоприятномъ для крѣпостныхъ, оказалось много лазеекъ, такъ что «законъ этотъ — по выраженію Самарина — походилъ на ларчикъ съ двойнымъ потаеннымъ дномъ», — такъ, на примѣръ, положеніемъ было установлено, что на помѣщика крестьяне работаютъ не болѣе двухъ дней въ недѣлю. «Но двухдневная барщина, — говоритъ В. И. Семевскій, — была совершенной фикціей. Дѣло въ томъ, что крестьяне-хозяева обыкновенно вовсе не ходили на барщину, а несчастные батраки работали сплошь всю недѣлю или на помѣщика за своего хозяина».

Капитальнѣйшимъ недостаткомъ новаго положенія было то об-

стоятельство, что оно обезпечивало матеріальныя права только одной десятой части лифляндскихъ крестьянъ, а именно: крестьянъ-хозяевъ; что же касается остальныхъ девяти десятыхъ населенія, составлявшихъ массу безземельныхъ батраковъ, то они были совсѣмъ забыты. «Теперь улучшилось значительно состояніе крестьянъ-хозяевъ — 25 тыс., но безконечно ухудшилась горькая участь 250 тыс. батраковъ». Такъ писалъ графъ Яковъ Сиверсъ графу Кочубею послѣ изданія новаго положенія. Буденброкъ и Анрепъ изъ корыстныхъ расчетовъ скрыли отъ комитета истинное положеніе лифляндскихъ батраковъ, а между тѣмъ ихъ положеніе было ужасное. «Они (батраки) отданы хозяевамъ (т. е. такимъ же крестьянамъ, только надѣленнымъ землей) въ кабалу и круглый годъ работаютъ на нихъ или на помѣщика. Они плѣнники, невольники невольниковъ и рабы рабовъ... Батракъ приходитъ на барщину въ воскресенье съ вечера или въ понедѣльникъ рано утромъ и отходить въ субботу послѣ обѣда... Онъ не имѣетъ не токмо одежды, но даже едва мякиннаго кусокъ хлѣба, едва доскутъ на свою одежду. Жена, дѣти хозяйскія непрестанно его мучатъ или посылками, или работою, или побоями; онъ только слышитъ брань и попреки, ничему противиться не можетъ; блѣдность, отчаяніе на лицѣ его, истощеніе въ тѣлѣ... На барскомъ дворѣ увидишь иногда человѣкъ до ста, до двухъ-сотъ и больше разнаго возраста и пола людей, оборванныхъ, запачканныхъ, испитыхъ, бродящихъ, какъ цыганы безъ жилья и покрова, укрывающихся отъ непогоды въ ригахъ, ибо для нихъ нѣтъ уготованнаго помѣщенія. Для свиней, коровъ, барановъ построены жилища каменные, для лошадей палаты, а для кнехтовъ!..» Такъ изображалъ безотрадное положеніе батраковъ Арсеневъ, предсѣдатель рижской ревизіонной комиссіи, учрежденной для приведенія въ исполненіе закона 1804 года. На основаніи ближайшаго ознакомленія съ крестьянскимъ вопросомъ на мѣстѣ, Арсеневъ пришелъ къ заключенію, что «положеніе, сдѣланное о крестьянахъ съ самымъ благороднѣйшимъ намѣреніемъ, не достигло цѣли, даже обратилось имъ во вредъ».

Никто лучше Сиверса не понималъ недостатковъ новаго крестьянскаго положенія, но онъ не ограничился только критикой новаго закона. Ему пришлось и практически поработать на благо народа при введеніи въ дѣйствіе новаго положенія. Какъ уѣздный церковный попечитель (Oberkirchenvorsteher), онъ вошелъ въ составъ венденской ревизіонной комиссіи и явился горячимъ защитникомъ латышей отъ ихъ корыстолюбивыхъ господъ. Такой опытный защитникъ былъ какъ нельзя болѣе кстати, потому что представители лифляндскаго дворянства, не ограничившись лазейками, оставленными въ положеніи 1804 года, не остановились передъ извращеніемъ новаго закона и даже передъ подлогомъ. Такъ, напримѣръ, въ докладѣ комитета государю говорилось, что сѣнокосы и огороды

оцѣнены по таксѣ 1688 года, а въ приложенной къ положенію таксѣ оцѣнка сѣнокосовъ, а слѣдовательно и размѣръ повинностей, были возвышены въ полтора раза ¹⁾. Ратуя за интересы крестьянъ, Сиверсъ мужественно разоблачалъ всѣ ухищренія и извороты помѣщиковъ при толкованіи положенія; не останавливался онъ, конечно, и передъ разоблаченіемъ замѣченныхъ имъ подлоговъ. Легко понять, какую ожесточенную вражду возбуждалъ онъ среди дворянъ, которые пользовались всякимъ случаемъ, чтобы набросить на его дѣятельность неблаговидную тѣнь и поколебать его авторитетъ въ глазахъ государя и графа Кочубея.

Случай подобнаго рода не замедлилъ представиться. Лифляндскіе крестьяне нетерпѣливо ожидали новаго положенія, въ то время какъ помѣщики всячески тормозили дѣйствія ревизіонныхъ комиссій. Народъ кричалъ, что его обманываютъ, что отъ него скрываютъ волю государя. Броженіе сопровождалось оскорбленіями пасторовъ и чиновниковъ, и губернское начальство требовало, для обезпеченія спокойствія, солдатъ и казаковъ. Сиверсъ отлично понималъ, что крестьянскія волненія являются страшнымъ орудіемъ въ рукахъ крѣпостниковъ, и употреблялъ всѣ усилія для успокоенія крестьянъ. Онъ безъ устали разъѣзжалъ по Венденскому уѣзду, гдѣ онъ былъ церковнымъ попечителемъ, и толковалъ крестьянамъ истинный смыслъ новаго положенія, чтобы прекратить излишніе толки. Враги Сиверса воспользовались этимъ обстоятельствомъ для взведенія на него новыхъ обвиненій. Генераль-губернаторъ графъ Буксгевденъ въ донесеніи министру внутреннихъ дѣлъ обвинялъ Сиверса въ томъ, что онъ, толкуя положеніе крестьянамъ, позволяетъ себѣ критиковать его въ присутствіи простого народа, отчего, конечно, нельзя ждать добрыхъ послѣдствій. Но какъ разъ вопреки ожиданіямъ враговъ Сиверса, благодаря его дѣятельности, волненія въ Венденскомъ уѣздѣ улеглись раньше, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ.

Еще характернѣе для Сиверса и его враговъ исторія разоблаченія упомянутаго подлога. Замѣтивъ несоотвѣтствіе положенія и приложенной къ нему таксы, Сиверсъ немедленно же обратилъ на него вниманіе комитета и государя и до разъясненія этого вопроса отказался подписывать вакенбухи, книги, гдѣ перечислялись повинности крестьянъ. «Я самъ вслѣдствіе такой интерпретаціи выгадалъ бы болѣе чѣмъ на 600 талеровъ повинностей ежегодно, но я скорѣе оставлю отечество, чѣмъ подпишу хотя одинъ вакенбухъ, составленный на такихъ основаніяхъ». Такъ писалъ Сиверсъ Дружинину, дѣлопроизводителю лифляндскаго комитета. Въ письмѣ къ императору было сказано, что извращеніе закона поведетъ къ тому, что

¹⁾ Другимъ не менѣе вопіющимъ подлогомъ было изданное въ Ригѣ новое положеніе съ такими извращеніями, что послѣдовало высочайшее повелѣніе отобрать напечатанные экземпляры чрезъ полицію.

положеніе большой части крестьянъ сдѣлается еще хуже, чѣмъ оно было раньше. «Ради Бога, государь,—заканчивалъ свое письмо Сиверсъ,—не позволяйте извращать святой законъ, изданный для блага полумилліона вашихъ подданныхъ, которые, благодаря вамъ, уже видятъ разверстымъ то небо, которое для нихъ было закрыто десять вѣковъ». Нетерпѣніе Сиверса и его боязнь за крестьянскіе интересы были такъ велики, что онъ, не испросивъ отпуска, самъ отправился въ Петербургъ ходатайствовать за крестьянъ. Отказываясь подписывать вакенбухи и самовольно оставляя должность, Сиверсъ отлично понималъ, что совершаетъ дисциплинарные проступки, къ которымъ не замедлятъ придратъся его враги, но служебныя несприятности онъ ставилъ неизмѣримо ниже интересовъ крестьянства. Вслѣдъ за Сиверсомъ посыпались доносы и обвиненія, въ которыхъ его самовольная отлучка выставлялась такимъ ужаснымъ преступленіемъ, за которое онъ долженъ быть лишень званія ландрата и церковнаго попечителя. Но всѣ усилія крѣпостниковъ оказались тщетными. Сиверсъ добился своей пѣли: шведская такса была восстановлена именнымъ указомъ 2-го декабря 1804 года.

Ожесточеніе враговъ Сиверса послѣ обнаруженія этого подлога достигло крайнихъ предѣловъ. Его дѣятельность въ качествѣ члена венденской ревизіонной комиссіи переполнила чашу дворянскаго терпѣнія. Независимо отъ жалобъ на комиссію министру внутреннихъ дѣлъ по поводу «разорительнаго» для помѣщиковъ толкованія отдѣльных статей положенія, венденское дворянство выбрало особаго повѣреннаго для предъявленія обвиненій противъ одного Сиверса. Повѣренный дворянства, фонъ-Клебекъ, обвинялъ гуманнаго ландрата въ самовольныхъ распоряженіяхъ отъ лица ревизіонной комиссіи и даже, въ противность ея заключеніямъ, въ превратномъ и разорительномъ толкованіи положенія, въ возбужденіи среди крестьянъ духа неповиновенія, вслѣдствіе чего дворяне «трепещутъ не только за свою собственность, но и за свою жизнь». Между прочимъ у повѣреннаго дворянства хватило наглости для того, чтобы сдѣлать министру внутреннихъ дѣлъ и такое заявленіе: «Сиверсъ, какъ человѣкъ, для котораго нѣтъ на свѣтѣ ничего святого, способенъ на все». Неутомимое венденское рыцарство явилось со своими обвиненіями противъ Сиверса и на чрезвычайный ландтагъ, открывшійся въ іюнѣ 1806 года. Враги Сиверса сплотились и подвергли рѣзкой и придирчивой критикѣ всю его дѣятельность, и какъ ландрата, и какъ церковнаго попечителя, завѣдывавшаго въ то же время и почтовою частью. Послѣ дерзкихъ и оскорбительныхъ рѣчей по адресу Сиверса, ландтагъ объявилъ его утратившимъ довѣріе дворянства и уволилъ отъ должности церковнаго попечителя, чтобы тѣмъ самымъ устранить его отъ участія въ работахъ ревизіонной комиссіи. Это противозаконное постановленіе было встрѣ-

чено неистовыми криками «браво». Сторону раздраженнаго дворянства принялъ и генераль-губернаторъ графъ Буксгевденъ. Онъ настаивалъ на устраненіи Сиверса изъ ревизіонной комиссіи и передавалъ графу Кочубею разнаго рода сплетни и инсинуаціи, поставляемые крѣпостниками. «Сиверса, — говоритъ Самаринъ, — графъ Буксгевденъ во многихъ бумагахъ аттестовалъ неблагонамѣреннымъ, вреднымъ, бунтующимъ крестьянъ и пристрастнымъ».

Къ счастью, соединенныя усилія дворянства и генераль-губернатора, несмотря даже на поддержку остзейцевъ, бывшихъ при дворѣ, и на этотъ разъ не увѣнчались успѣхомъ. Александръ I выразилъ свое неудовольствіе по поводу засѣданій ландтага и призналъ его дѣйствія незаконными. Сиверсъ еще по жалобамъ венденскаго дворянства требовалъ у министра назначенія формальнаго обслѣдованія дѣйствій ревизіонной комиссіи и, не получивъ отвѣта, обратился съ тою же просьбою къ императору Александру I. Въ отвѣтъ на эту просьбу Сиверсъ получилъ отъ графа Кочубея слѣдующее письмо: «Государь императоръ, получа письмо ваше, милостивѣйшій государь, отъ 9-го сего іюля, высочайше указать мнѣ изволилъ, въ отвѣтъ на оное, сообщить вамъ, что онъ съ особливимъ сожалѣніемъ увѣдомился о тѣхъ огорченіяхъ, кои вы, по случаю собранія въ Ригѣ ландтага, имѣли; что его величество всегда отдавалъ полную справедливость усердію и стараніямъ вашимъ о истинныхъ пользахъ Лифляндіи, и особенно дворянства, и что, не сомнѣваясь въ правости вашей и бывъ всегда расположенъ изъявлять монаршее свое благоволеніе, онъ ожидаетъ только, дабы дѣла, нынѣ встрѣтившіяся, и ревизія были окончены, чтобы дать вамъ новые опыты высочайшаго благорасположенія»... Этимъ новымъ «опытомъ» монаршаго благорасположенія было высочайшее повелѣніе о возстановленіи Сиверса въ должности церковнаго попечителя. Такимъ образомъ, благодаря только личному покровительству со стороны императора, Сиверсъ оказался счастливѣе и Арсеньева, который за свои проекты въ пользу лифляндскихъ батраковъ, путемъ придворныхъ интригъ, помимо министра внутреннихъ дѣлъ, былъ удаленъ изъ Риги, и своего горячаго почитателя, графа Мелина, который за сочувствіе къ крестьянамъ на ландтагѣ былъ объявленъ лишеннымъ довѣрія дворянства и принужденъ былъ сложить съ себя званіе ландрата и выйти изъ состава лифляндскаго крестьянскаго комитета.

Послѣ неудачнаго исхода интриги, направленной непосредственно противъ Сиверса, жалобы и нападки на венденскую ревизіонную комиссію, гдѣ дѣйствовалъ Сиверсъ, не прекратились, при чемъ тенденціозность этихъ обвиненій доходила до нелѣпостей. Такъ, лифляндскій губернаторъ Рихтеръ писалъ министру, что венденская комиссія, самопроизвольно крестьянъ обвиняетъ, а помѣщиковъ ищетъ лишить собственности и разорить. Не менѣе характеренъ и отзывъ Рихтера о Сиверсѣ. Въ дѣйствіяхъ гуманнаго ландрата гу-

бернаторъ видѣлъ «только отчасти брюзжаніе, отчасти личину, чтобъ, съ одной стороны, удовлетворять тщеславію своему, быть восхваляемому дѣла незнающими журналистами и попами, яко другъ чело-вѣчества и даже покровитель высочайшаго положенія, а съ другой, чтобъ испускать зависть и вражду свою на людей, которые, присту-пая къ дѣлу невздорливо, лучше живутъ». На всѣ жалобы вен-денская комиссія представила въ петербургскій лифляндскій коми-тетъ подробныя объясненія, при чемъ Сиверсъ отъ своего имени представилъ записку, являющуюся крайне любопытнымъ докумен-томъ для исторіи крестьянскаго вопроса въ Лифляндіи. «Полумил-ліонное населеніе,—говорится въ этой запискѣ,—долго стонало подъ тяжелымъ бременемъ, вваленнымъ на него произволомъ нѣсколь-кихъ вотчинниковъ и жестокосердыхъ фермеровъ. Многіе изъ этихъ страдальцевъ доведены были безчеловѣчнымъ съ ними обращеніемъ до самоубійства, другіе были замучены или засѣчены, какъ доказы-ваютъ слѣдственные производства по многимъ дѣламъ. Тысячи ба-траковъ, почти всѣ батраки, съ женами и дѣтьми, черезъ всю жизнь едва пропитывались такимъ хлѣбомъ, котораго не ѣстъ собака, при-выкшая къ сытному корму, и, во избѣжаніе голодной смерти, при-бѣгали къ бардѣ—все это можетъ быть засвидѣтельствовано актами и хорошо извѣстно обоимъ господамъ ландратамъ, засѣдающимъ въ комитетѣ. Даже тѣ изъ крестьянъ, съ которыми обращались лучше, не могли рассчитывать на прочность своего сравнительно-сноснаго быта, ибо ихъ положеніе зависѣло отъ личныхъ свойствъ помѣщика, и они всегда могли подпасть общей участи, вслѣдствіе случайной переменны, смерти владѣльца или продажи имѣнія. Иначе и не могло быть въ такой землѣ, гдѣ ставились ни во что права крестьянъ, предоставленныя имъ въ силу земскихъ законовъ, вторично и тор-жественно за ними признанныя самимъ дворянствомъ, мѣстною властью, именемъ государя утвержденныя, печатно обнародованныя и гарантированныя. Даже сенатскіе и именныя указы, издаваемые въ пользу крестьянъ, не исполнялись и не уважались»... Далѣе при-водятся факты «обычнаго у насъ пренебреженія къ закону». «Уди-вляться ли тому,—продолжаетъ Сиверсъ, переходя къ исторіи вве-денія положенія 1804 года,—что нѣкоторые помѣщики посмѣли пред-ставить комиссіи планы своимъ имѣніямъ, отъ которыхъ отодраны были прежнія описанія съ расцѣнкою земель и взаимнъ подшиты составленныя вновь; что ландратъ Пистолькорсъ позволилъ себѣ въ высочайше утвержденномъ журналѣ комитета переименовать въ ущербъ крестьянамъ цифру, опредѣлявшую цѣнность участковъ... Мудрено ли также, что многіе не хотятъ понимать Положенія и извращаютъ каждый параграфъ и самыя ясныя толкованія комитета, лишь бы достигнуть своей цѣли—остаться при прежнихъ, сверхзаконныхъ повинностяхъ? По ихъ толкованіямъ, узаконилось бы, въ силу но-ваго положенія, все доселѣ считавшееся незаконнымъ, и это поло-

женіе сдѣлалось бы для крестьянъ второе тягостнѣе прежняго произвола... Въ заключеніе своей записки Сиверсъ объясняетъ комитету и причину той злобы, которую онъ возбуждалъ среди своихъ собратьевъ: «На меня естественно должна была пасть вся тяжесть обвиненія, ибо я огласилъ злоупотребленія прежняго времени».

Комитетъ, получивъ объясненія венденской ревизіонной комиссіи и записку Сиверса, имѣлъ безтактность вызвать и его самого въ Петербургъ для объясненій. Такимъ образомъ, благородному поборнику крестьянскихъ правъ пришлось оправдываться въ присутствіи Буденброка, незадолго передъ тѣмъ уличеннаго имъ въ подлогъ. Но здѣсь произошло нѣчто непонятное. Сначала Сиверсъ заявилъ, что онъ считаетъ Буденброка въ данномъ случаѣ пристрастнымъ судьей, и указалъ даже на новый подлогъ, совершенный при перепечаткѣ положенія 1804 года въ Ригѣ; но потомъ графу Кочубею удалось помирить и даже сблизить враждебныхъ ландратовъ настолько, что они въ толкованіи положенія пришли къ соглашенію, при чемъ Сиверсъ сдѣлалъ значительныя уступки въ ущербъ крестьянамъ. «Что могло побудить Сиверса,—говоритъ Самаринъ,—сдѣлать эти уступки, остается необъяснимымъ. Ни акты, ни письма не содержатъ въ себѣ не только положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, но даже намекъ для его разрѣшенія. Личный характеръ Сиверса, достаточно описавшійся во всей его дѣятельности, и все прошедшее его не допускаютъ предположенія, чтобъ онъ могъ поддаться на какія либо соблазнительныя для его честолюбія обѣщанія, или подчиниться чьему либо личному вліянію, или ослабѣть въ борьбѣ и отказаться отъ своихъ убѣжденій, съ отчаянія когда либо ихъ провести; но еще удивительнѣе то, что, подписывая эту записку, онъ, повидимому, и не думалъ отъ нихъ отказываться и какъ будто не понималъ силы скрѣпленнаго имъ соглашенія. Остается предположить, что новому его сотруднику удалось заманить и его въ какую нибудь ловко замаскированную редакціонную ловушку».

Сиверсъ скоро понялъ свою ошибку и, не боясь упрековъ въ противорѣччіи самому себѣ, опять явился смѣлымъ и самоотверженнымъ адвокатомъ народныхъ правъ вездѣ, гдѣ только онъ могъ. Оправданный во всѣхъ введеныхъ на него венденскимъ дворянствомъ обвиненіяхъ, восстановленный въ званіи церковнаго попечителя, онъ продолжалъ пользоваться довѣріемъ Александра I. Государь приказалъ лифляндскому комитету приглашать Сиверса «во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ коихъ присутствіе его признаваемо будетъ нужнымъ». Въ 1811 году, онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ особой конференціи, образованной для ревизіи вакенбуховъ, составляемыхъ на мѣстѣ и присылаемыхъ въ Петербургъ на утвержденіе. Кромѣ того, онъ былъ назначенъ членомъ конференціи, учрежденной для выработки крестьянскаго уложенія и устава судопроизводства въ лифляндскихъ крестьянскихъ судахъ. На засѣданіяхъ этой конференціи Сиверсъ, между прочимъ, горячо возсталъ противъ сохра-

ненія домашней вотчинной расправы. «Знайте напередъ,—говорилъ онъ,—что пока она существуетъ, крестьянинъ не почувствуетъ себя облегченнымъ въ личномъ своемъ правѣ и во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ будетъ видѣть себя подверженнымъ произволу».

Трудно было, конечно, одному Сиверсу сопротивляться почти всеобщей оппозиціи лифляндскаго дворянства при введеніи въ дѣйствіе положенія 1804 года, особенно при неблагопріятно измѣняющемся настроеніи высшихъ правительственныхъ сферъ, но онъ старался все-таки насколько было возможно охранять имущественные и правовые интересы крестьянъ отъ алчности и корыстолюбія своихъ собратій. Уже одно присутствіе въ конференціи человѣка, настроеннаго въ пользу крестьянъ и проникнутаго непреклоннымъ чувствомъ законности, много значило въ то время, когда «рыцарство» изъ личныхъ интересовъ не останавливалось передъ подлогами и извращеніемъ высочайшей воли. Объ одномъ изъ такихъ извращеній закона Сиверсъ довелъ до свѣдѣнія правительства въ 1811 г. Это была замаскированная торговля рекрутами и крестьянами, вопреки положенію 1804 года.

Участіе Сиверса въ занятіяхъ лифляндскаго комитета продолжалось почти до изданія въ 1819 г. новаго положенія, которое лишило крестьянъ земельной собственности и взамѣнъ ея предоставило имъ личную свободу. Какъ отнесся Сиверсъ къ этой «выгодной аферѣ» лифляндскаго дворянства, подъ шумъ громкихъ фразъ даровавшаго латышамъ и эстамъ «вольчю свободу»,—мы не знаемъ. Посвятивъ вторую половину своей жизни улучшенію юридическаго и экономическаго положенія лифляндскихъ крестьянъ, Сиверсъ стремился только къ огражденію личности крестьянина отъ помѣщичьяго произвола и точному опредѣленію его повинностей соразмѣрно его рабочимъ силамъ. Не только полнаго освобожденія крѣпостныхъ, но даже замѣны барщины оброкомъ онъ никогда не предлагалъ, считая такія перемѣны, по всей вѣроятности, еще преждевременными. Хорошо зная настроеніе лифляндскаго дворянства, Сиверсъ едва ли радовался тому обстоятельству, что лично свободный крестьянинъ дѣлался совершенно зависимымъ отъ помѣщика въ экономическомъ отношеніи. Корыстолюбіе и эгоизмъ «рыцарства» и неспособность его на какія бы то ни было добровольныя матеріальныя жертвы были извѣстны Сиверсу, какъ нельзя лучше, и при томъ не только по отношенію къ закрѣпощеннымъ массамъ латышей и эстовъ, но и по отношенію къ тому правительству, которое своими штыками поддерживало господство нѣмецкихъ помѣщиковъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Въ послѣднемъ отношеніи очень характеренъ одинъ эпизодъ, относящійся къ 1812 году, когда Сиверсъ былъ курляндскимъ губернаторомъ. Эпизодъ этотъ не менѣе характеренъ и для Сиверса ¹⁾.

¹⁾ См. сообщеніе А. Н. Петрова: «Лифляндское дворянство въ 1812 году»—въ I томѣ «Русской Старины» (1870 г.).

Удалившись изъ Митавы наканунѣ вступленія туда французовъ, Сиверсъ составилъ провозглашеніе къ лифляндскому дворянству о вооруженіи ополченія. Преисполненный юношескимъ жаромъ, 65-ти-лѣтній старикъ приглашалъ своихъ «благородныхъ собратій» къ посильнымъ жертвамъ на защиту отечества. «Составимъ конницу,—писалъ онъ,—вооружимъ 25-го человѣка (т.е. одного изъ 25); соединясь съ казаками, нападёмъ на непріятеля съ тылу и посредствомъ сей диверсіи отрѣжемъ ему путь къ ретирадѣ, когда наша армія поражать будетъ съ переды... Да воодушевить насъ духъ славныхъ предковъ нашихъ, оныхъ рыцарей, которые въ Венденѣ сами себя взорвали въ воздухъ съ величайшимъ хладнокровіемъ... Собратья! Возстаньте! спѣшите ко мнѣ! Соединясь съ вами рука въ руку, содѣлаемся достойными предковъ нашихъ и примѣромъ для нашихъ потомковъ! Умремъ или побѣдимъ!»

Къ сожалѣнію, призывъ Сиверса не встрѣтилъ надлежащаго отклика въ сердцахъ его собратій. Ландтагъ постановилъ выставить одного ратника со ста душъ и тысячу съ небольшимъ лошадей, но и такую сравнительно ничтожную жертву дворянство постаралось сократить до послѣдней степени. Когда Сиверсъ, назначенный начальникомъ лифляндскаго ополченія, увидѣлъ выставленныхъ дворянствомъ ратниковъ и лошадей, то оказалось, что многіе ратники, несмотря на осеннее время, были одѣты по-лѣтнему, а нѣкоторые изъ нихъ были совершенно неспособны къ военной службѣ; точно также и большая часть выставленныхъ дворянствомъ лошадей оказалась совершенно негодною. Сиверсъ потребовалъ обмѣна негодныхъ ратниковъ и лошадей, но ландратская коллегія отвѣчала, что и люди и лошади сданы были въ самомъ удовлетворительномъ видѣ, но пришли въ негодность вслѣдствіе четырехнедѣльнаго пребыванія безъ должнаго привѣрнія. Привыкшій ко всякаго рода неожиданностямъ, Сиверсъ былъ до глубины души возмущенъ этимъ заявленіемъ. «Неспособность людей, — писалъ онъ рижскому военному губернатору, — состоитъ въ пятидесяти и шестидесяти-лѣтнемъ возрастѣ, въ килахъ, струпьяхъ, слабости силъ и въ маломъ ростѣ, такъ что сіи люди едва ли были ростомъ въ два аршина; неспособность лошадей состоитъ въ томъ, что онѣ имѣютъ пятнадцать, двадцать и болѣе лѣтъ... И всѣ сіи недостатки, по утверженію ландратской коллегіи, произошли отъ тринадцати-дневнаго (а не четырехнедѣльнаго) пребыванія въ Ранценѣ» (имѣніи Сиверса). Цѣлую зиму 1812—1813 гг. пришлось бороться Сиверсу съ корыстолюбивымъ дворянствомъ. Ратники умирали отъ холода и голода или разбѣгались въ разныя стороны, и всѣ просьбы и жалобы Сиверса оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. «Люди ополченія не имѣютъ ни шубъ, ни порядочнаго мужичьяго кафтана, ни шапокъ и сапогъ, ни рукавицъ», писалъ онъ маркизу Паулуччи 4 ноября 1812 г. Когда изъ лифляндскаго ополченія былъ сформированъ лиф-

ляндскій казачій полкъ въ 800 человекъ, то Сиверсъ, назначенный его шефомъ, опять принужденъ былъ жаловаться, что нижніе чины не имѣютъ «ничего предположеннаго отъ дворянства». Последняя жалоба Сиверса о томъ, что люди его полка не имѣютъ «рубахъ, рукавицъ, шинелей и проч.», относится къ 11 февраля 1813 г. Слѣдовательно, всю зиму лифляндское ополченіе страдало отъ недостатка теплой одежды, и если не сдѣлалось жертвой голода, то благодаря тому только, что гуманный Сиверсъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ «содержалъ весь полкъ на собственномъ своемъ иждивеніи», обременивъ себя значительными долгами.

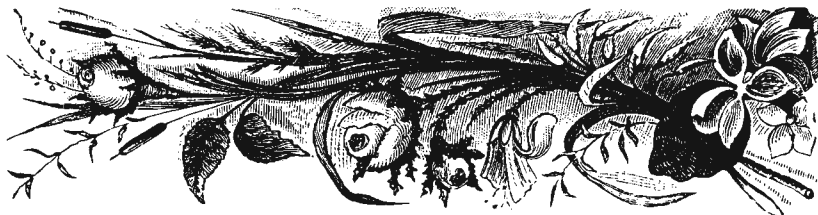
Назначеніе Сиверса послѣ Отечественной войны сенаторомъ было для него вполне достойной наградой за ту непреклонную ревность, съ которой онъ возставалъ противъ всякаго нарушенія закона, особенно, если оно совершалось въ ущербъ малымъ симъ. И въ званіи сенатора, несмотря на свой преклонный возрастъ, Сиверсъ отличался прежнею неутомимостью въ преслѣдованіи нарушителей закона и обнаруженіи всякаго рода злоупотребленій. Ревизіи строгаго и неподкупнаго сенатора наводили ужасъ на чиновниковъ. Рассказываютъ, со словъ самого Сиверса, что въ одной губерніи ему подсыпали яду, который и ускорилъ кончину этого благороднаго адвоката лифляндскихъ крестьянъ.

Въ теченіе всего XIX вѣка у прибалтійскаго крестьянства не было такого гуманнаго, убѣжденнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ вліятельнаго защитника, какъ Сиверсъ, и благодаря этому обстоятельству, положеніе массы сельскаго населенія нигдѣ въ Россіи не является такимъ плачевнымъ, какъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Правительство скоро поняло, что личная свобода, предоставленная латышамъ и эстамъ, не избавила ихъ отъ экономическаго рабства. Уже императоръ Николай I въ своей рѣчи, произнесенной въ засѣданіи государственнаго совѣта 30 марта 1842 г., заявилъ, что безземельное освобожденіе довело остзейскихъ крестьянъ «до самаго жалкаго состоянія». Императоръ Александръ II въ самый критическій моментъ крестьянской реформы въ Россіи, въ засѣданіи государственнаго совѣта 28 января 1861 года, указалъ, что «безземельное освобожденіе крестьянъ въ остзейскихъ губерніяхъ сдѣлало изъ тамошнихъ крестьянъ населеніе весьма жалкое». Но сколько нибудь рѣшительныхъ мѣръ для улучшенія матеріальнаго быта прибалтійскаго крестьянства не было предпринято ни въ царствованіи императоровъ Николая I и Александра II, когда прибалтійскіе нѣмцы были въ большей силѣ, ни даже въ царствованіе императора Александра III, когда реформа полиціи, судовъ и школы значительно ослабила юридическую и нравственную зависимость мѣстнаго населенія отъ помѣщиковъ. Тщетно латыши и эстонцы въ сороковыхъ годахъ де-

сятками тысячъ переходили въ православіе, надѣясь на улучшение своей участи, тщетно умоляли они въ шестидесятыхъ годахъ даровать имъ положеніе 19 февраля 1861 года, имѣя на своей сторонѣ все общественное мнѣніе Россіи; тщетно въ восьмидесятыхъ годахъ они просили о выкупѣ усадебъ по казенной таксѣ, а не по взаимному соглашенію съ помѣщиками, какъ это практикуется со времени безземельнаго освобожденія крестьянъ; — разрѣшеніе крестьянскаго вопроса въ Прибалтійскомъ краѣ — дѣло будущаго и, можетъ быть, очень отдаленнаго будущаго. А между тѣмъ было бы въ высшей степени грустно думать, что этотъ насущнѣйшій вопросъ «окончательно испорченъ», и что никогда не раскроется для латышей и эстовъ то небо, которое, по выраженію Сиверса, начало раскрываться для нихъ послѣ изданія положенія 1804 года. Поразительная преступность, наблюдаемая въ Прибалтійскомъ краѣ, особенно по сравненію съ внутренней Россіей, остановившійся ростъ сельскаго населенія и его стремленіе къ выселенію за предѣлы края — все это симптомы крайне ненормальнаго положенія, при которомъ безземельные батраки составляютъ большинство населенія и находятся въ экономической зависимости не только отъ помѣщиковъ, но и отъ крестьянъ-собственниковъ.

М. Н. С.

ВЪ СВЯТЫХЪ ГОРАХЪ И ПСКОВЪ 26—29 МАЯ.

I.

ПСКОВСКАЯ губернія—«сѣрая», «немытая», какъ о ней говорятъ мѣстные крестьяне. Земли (подзолъ-бѣлуга, хверщъ, дубовина, кобылье болото и безконечные мхи съ лѣсами) даютъ плохіе урожанъ ржи и истощены льнами: дороги «земляныя», а не шоссейныя; образованіе въ крестьянской средѣ насаждалъ набатчикъ, а мѣстный дворянинъ строилъ въ своемъ имѣніи винокуренные заводы, а не школы и библіотеки... Но въ этой неприглядной губерніи находится мѣстность, въ которой покоится русская литературная святыня—А. С. Пушкинъ и самый монастырь, гдѣ находится его могила, носитъ названіе Святогорскаго, при слободѣ Таболовѣ, Опочецкаго уѣзда. Онъ построенъ на горѣ, называвшейся ранѣе Синичей, по причинѣ множества жившихъ вблизи синицъ; но, вслѣдствіе видѣній религиозно настроеннымъ людямъ и чудесъ надъ больными, былъ построенъ здѣсь монастырь, и гора стала называться святой. Прежнее названіе слободы числится въ официальныхъ бумагахъ, а въ живой рѣчи она именуется Святыми Горами. О святогорской мѣстности въ «Живописной Россіи» говорится слѣдующее:

«Цѣлая цѣпь высокихъ холмовъ стягивается здѣсь въ группу, и въ самомъ центрѣ на самой высокой горѣ устроилась Успенская церковь скромной и небогатой обители, господствующая верстъ на 20 въ окрестностяхъ. Отъ подошвы монастырской горы, гдѣ стоитъ Ни-

кольская церковь, идетъ вверхъ широкими ступенями изъ дикаго камня высокая лѣстница подъ каменными старинными сводами. Она приводитъ въ верхній храмъ; прямо противъ алтаря ея стоитъ бѣлая мраморная пирамида памятника. Пирамида эта означаетъ мѣсто могилы нашего великаго поэта А. С. Пушкина. Отъ могилы его открывается во всѣ стороны поэтической разнообразный и очаровательный видъ на горную дѣль, гдѣ хвойные лѣса чередуются съ березовыми; изъ-за нихъ вырѣзается на трехъ горахъ село Тригорское, воспѣтое и любимое поэтомъ, и обозначается въ отдаленіи родовое имѣніе Пушкиныхъ—Михайловское. У подошвы монастырской горы сверкаетъ, какъ зеркало, свѣтлое озеро въ оправѣ веселой зелени лиственныхъ деревьевъ. Всякій встрѣчный считаетъ обязанностію спросить: «поправились ли Святая Горы?»—И всякому приходилось искренно отвѣчать одно и то же: «рѣдкія мѣста, мало такихъ». Впечатлѣніе становится особенно рельефнымъ и памятнымъ, когда дорога, въ контрастъ видимому, покидаетъ горы и тянется по низменности, мѣстами даже мокрой и болотистой, и на ней разсыпается маленькій городокъ Новоржевъ».

Самый монастырь основанъ псковскимъ намѣстникомъ Юр. Токмаковымъ, по приказанію Іоанна Грознаго въ 1569 году. Въ соборномъ храмѣ его находятся двѣ чудотворныя иконы Божіей Матери: Одигитрія и Умиленія, привлекающія на крестные ходы въ монастырь массы простаго народа.

Въ маѣ, 26-го числа, минуло ровно сто лѣтъ со дня рожденія А. С. Пушкина и, при невѣжествѣ мѣстнаго населенія, естественно, что одно псковское дворянство могло почтить достойнымъ образомъ въ этотъ день память гениальнаго писателя, проведшаго многіе дни въ этой губерніи за созданіемъ величайшихъ въ русской литературѣ произведеній и здѣсь же навѣки почившаго... Дѣйствительно, псковскій комитетъ изъ дворянъ, во главѣ съ предводителемъ дворянства Н. И. Новосильцевымъ, обратился къ представителямъ петербургской печати для совмѣстной выработки программы чествованія А. С. Пушкина, и въ помощь ему образовалась въ Петербургѣ комиссія по организаціи помянутаго чествованія. Отъ имени псковскаго комитета и петербургской комиссіи, на «пушкинскіе дни» въ Святая Горы было приглашено множество писателей изъ столицъ и университетскихъ городовъ. Поѣхали изъ нихъ, однако, очень немногіе, и, кажется мнѣ, тѣ, которые не отозвались на приглашеніе, ничего не потеряли... Точно они предчувствовали, что всякое литературное торжество пройдетъ болѣе или менѣе прилично только тогда, когда въ немъ на первомъ планѣ стоятъ интересы литературы и народа—чего не было въ Св. Горахъ.

Не буду распространяться о томъ, какъ по приѣздѣ на первую станцію, Островъ, писатели и артисты не были встрѣчены никѣмъ изъ членовъ комитета и, какъ переплативъ за вольно-наемныхъ лошадей вдесятеро

Святая Горы.

дороже, они добрались до Святыхъ Гортъ, гдѣ также должны были ночью розыскивать, безъ провожатаго, отведенную имъ избу и, при этомъ, вести въ конторѣ съ предсѣдателемъ губернской управы, г. Горбуновымъ, слѣдующіе разговоры:

— Какъ же я найду свою квартиру?

— Идите въ волостное правленіе.

— А гдѣ это волостное правленіе?

— На самой высокой горѣ...

— А гдѣ эта самая высокая гора?

— Ну, тамъ спросите!—сердито перебываетъ Горбуновъ.—Такъ вы безъ конца будете разговаривать!

Нужно сказать, что въ печатныхъ приглашеніяхъ было сказано, что гостямъ обезпечены лошади для проѣзда и помѣщеніе въ мѣстахъ празднествъ. Неудивительно, что нѣкоторые пріѣзжіе писатели недоумѣвали, какимъ образомъ они превратились изъ почетныхъ гостей въ просителей.

Размѣстившись по разнымъ избамъ, писатели и исполнители на сценѣ отправились утромъ, 26 мая, подъ проливнымъ дождемъ къ обѣднѣ въ монастырь, куда гостей пускали по билетамъ во избѣжаніе давки. Графъ Гейденъ руководилъ порядкомъ, но неволью приходилось жалѣть лицъ, которыя забыли билетъ на квартирѣ и должны были идти за нимъ обратно по невозможной грязи, подъ дождемъ; чего, конечно, не случилось бы, если бы эти лица изъ писателей и исполнителей на сценѣ были ранѣе въ Островѣ или потомъ въ Святыхъ Горахъ представлены организаторамъ правднства, какъ ихъ почетные гости, а не просто пріѣзжіе; если бы въ Святыхъ Горахъ или окрестностяхъ позаботились нанять для представителей прессы общее помѣщеніе, гдѣ съ ними перезнакомились бы распорядители торжества, и гдѣ мы сами могли бы сговориться о чествованіи Пушкина, о многихъ недостаткахъ въ программѣ и необходимыхъ къ ней дополненіяхъ, о поѣздкахъ въ Тригорское, Михайловское и не беспокоиться о какихъ-то проходныхъ билетахъ, безъ которыхъ всѣмъ приходилось выслушивать назидательные или грубые отвѣты распорядителей. Несмотря на проливной дождь и холодъ, храмъ 26-го мая былъ переполненъ людьми. Первое мѣсто занимали сыновья поэта Александръ и Григорій Александровичи и племянникъ его Л. Павлицевъ; рядомъ съ ними товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ баронъ Иксуль-фонъ-Гильденбрандтъ, псковскій губернаторъ Пашенко, губернский предводитель Новосильцовъ, члены псковскаго юбилейнаго комитета, дворянство, представители губернской и уѣздной власти, дамы. На правомъ клиросѣ помѣщались архіерейскіе пѣвчіе; на лѣвомъ—хоръ Архангельскаго. Съ пѣніемъ тропарей, подъ проливнымъ дождемъ, двинулось духовенство и всѣ собравшіеся на могилу для первой торжественной панихиды. Фотографы пытались снять происходившую передъ ними

перемонію; но, кромѣ раскрытыхъ зонтиковъ, врядь ли что попало въ фотографическій объективъ. Что сдѣлалось съ мундирами депутатовъ, съ туалетами дамъ—трудно и вообразить, особенно, если вспомнить, что нѣкоторыя дамы не захватили съ собою изъ Питера ни галошъ, ни зонтиковъ, въ надеждѣ на хорошую погоду. Толпа наполнила мостки вокругъ могилы Пушкина. Надъ нею развѣвались хоругви, рѣшетка была убрана цвѣтами, бѣлая мраморная пирамида могилы поэта возвышалась среди лавровыхъ деревьевъ. Убранство было красивое. За установку этихъ растений и за убранство могилы цвѣтами царскосельскій садоводъ Ремпенъ запросилъ 8.000 рублей. Одинъ изъ членовъ комитета ѣздилъ въ Ригу и устроилъ все за 600 рублей, при чемъ всѣ растенія остались въ полномъ владѣніи комитета и могутъ имъ быть утилизированы.

На могилу Пушкина были возложены вѣнки многими депутациями, и памятникъ совершенно потонулъ среди нихъ. Тѣмъ не мене, главное торжество готовилось быть въ закрытомъ театрѣ, куда къ двумъ часамъ дня стала стекаться чистая публика, а простой народъ былъ отгѣсненъ конными урядниками для свободнаго проѣзда и прохода господъ въ павильонъ. Послѣдній выстроенъ противъ монастыря, также на высокой горѣ, и окрашенъ въ какой-то малиновый и яркій цвѣтъ. Фасадъ изукрашенъ картинами художника Изенберга, взятыми изъ произведеній Пушкина. Окруженный сзади и съ боковъ сосновымъ лѣсомъ, павильонъ производилъ пріятное впечатлѣніе, но только не во время дождя. Онъ строился для хорошей погоды: для господъ «во фракахъ съ бѣлыми галстуками» и для дамъ—«въ бѣлыхъ платьяхъ», какъ было опубликовано въ газетахъ къ руководству «гостей». Крышу зданія, вмѣсто толя, покрыли на живую руку картономъ и дранью, изукрасивъ ее кумачемъ, линючими ситцами и грязными мѣшками. Можно себѣ представить, какіе цвѣтные потоки потекли отъ дождя на публику сквозь такую крышу! Не только публикѣ, но и участникамъ на сценѣ не было спасенія отъ дождя и сквозняковъ въ этомъ картонномъ балаганѣ, разукрашенномъ «панно» изъ Пушкина, лирою на куполѣ и т. д. Конечно, говорятъ, художникъ-архитекторъ г. Изенбергъ не виноватъ, что не могъ придать театру солидной прочности. Псковское дворянство ассигновало ему для театра всего 600 р. и даже лѣсъ на постройку данъ на прокатъ съ условіемъ не рубить досокъ и бревенъ. Пришлось распланировать театръ примѣнительно къ матеріалу и замаскировать постройку на куриныхъ ножкахъ внѣшнимъ образомъ яркими красками на фонѣ зеленой сельской природы. Всевозможные депутаты и депутатки, исполнители на сценѣ во фракахъ и исполнительницы въ декольте, рисковали здоровьемъ болѣе, чѣмъ даже остальная публика. При свистѣ вѣтра и потокахъ дождя губернскій предводитель дворянства, Н. И. Новосильцевъ, объявилъ пушкинское торжество открытымъ. На сценѣ мундиры преобладали

надъ фраками; съ лѣваго бока въ ложѣ помѣщались члены псковскаго комитета, съ правой—представители прессы, а противъ сцены семья Пушкина и аристократическая публика. Народъ отсутствовалъ даже въ заднихъ рядахъ театра. Послѣ кантаты на слова Полонскаго о Пушкинѣ, исполненной подъ музыку Н. Александрова хоромъ Архангельскаго, на сцену вышелъ К. К. Случевскій и произнесъ рѣчь слѣдующаго содержанія:

«О чествованіи столѣтія рожденія А. С. Пушкина можно говорить, какъ о событіи, уже совершившемся и вошедшемъ въ исторію. Значеніе его выразилось въ единеніи церкви, школы и общества во славу Пушкина повсемѣстно. Не только здѣсь у могилы великаго поэта, но и на корабляхъ отдаленныхъ морей и океановъ въ этотъ день и часъ русскіе люди чтутъ своего величайшаго писателя. На островѣ Сахалинѣ, въ Асхабадѣ, въ Хабаровскѣ проносятся имя Пушкина, и нѣтъ того угла земли Русской, гдѣ бы Пушкинъ не былъ въ этотъ день извѣстенъ. Было время, когда говорили, что Пушкинъ поэтъ для интеллигенціи, что въ народъ онъ не проникъ. Но я заявляю здѣсь громко, что это неправда. Имѣется специальное изслѣдованіе по Ярославской губерніи, между прочимъ, и о томъ, насколько читается тамъ Пушкинъ; кто и что читаетъ въ немъ. Всѣ отвѣты сводятся къ тому, что Пушкинъ нравится народу. Я это смѣю утверждать! Да, Пушкинъ проникъ въ народъ!.. Въ деревняхъ читается «Борисъ Годуновъ», поется «Черная шаль» и т. д. Не однѣ качели уже интересуютъ крестьянъ и въ здѣшнихъ мѣстностяхъ. Народъ ходитъ на могилу Пушкина и говоритъ о немъ, и читаетъ его. При оцѣнкѣ Пушкина невольно напрашивается параллель его съ Петромъ Великимъ. Ни одинъ царь въ мірѣ не былъ такъ разнообразенъ, какъ Петръ Великій:

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Кто всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ...

«Петръ въ 53 года жизни сдѣлалъ гораздо больше, чѣмъ 80-лѣтніе владыки, какъ, напримѣръ, цезарь Августъ или Фридрихъ Великій. Въ другихъ странахъ крупныя вѣнценосцы выдѣлялись въ томъ или другомъ направленіи: администратора, законодателя, военачальника. Въ Петрѣ было это все, и онъ кончилъ тѣмъ, чѣмъ не началъ никто, спасая своихъ русскихъ людей отъ смерти. Пушкинъ былъ такимъ же. Восьмидесятилѣтніе корифеи литературы: Еврипидъ, Гете, Гюго были сильны въ томъ или другомъ родѣ—въ драмѣ, лирикѣ, эпосѣ. Пушкинъ далъ подобные же образцы по всѣмъ родамъ и кончилъ 37 лѣтъ отъ роду. Нынѣшнее чествованіе, начавшееся по слову государя, прекрасно оцѣниваемаго значеніе предстоящаго юбилея, приняло тоже размѣры небывалые, которыхъ не достигало недавнее чествованіе Данте въ Италіи, Колумба въ Испаніи.

«Такимъ образомъ, по количеству дѣятельности въ короткій срокъ жизни, Пушкинъ опередилъ великановъ поэзіи всего міра и всѣхъ временъ. Рѣчь о немъ всего лучше закончить словами Тютчева:

«Тебя, какъ первую любовь,
«Россіи сердце не забудетъ»...

Наружная сторона флигеля, гдѣ жилъ Пушкинъ въ с. Михайловскомъ.

Рѣчь К. К. Случевского были покрыта рукоплесканіями, какъ и рѣчь проф. Ключевского въ Москвѣ о той же параллели царя съ поэтомъ; но, разумѣется, сравненіе великихъ людей изъ разныхъ сферъ представляетъ собой лишь ораторскій приемъ и, кромѣ того, очень мало говоритъ собственно о Пушкинѣ, а факты совершенно не подтверждаютъ того, что «Пушкинъ проникъ въ народъ».

Вторымъ ораторомъ былъ г. Арабажинъ, назвавшій свою длиннѣйшую рѣчь такъ: «Русскіе писатели объ А. С. Пушкинѣ». Она состояла изъ холодныхъ цитатъ о Пушкинѣ изъ Гоголя, Бѣлинскаго, Григорьева, Достоевскаго, Плещеева, Майкова, Полонскаго и закончилась отзывами, по словамъ Арабажина, изъ «странныхъ статей польскаго писателя, пишущаго порусски—г. Спасовича» и «замѣчательнаго писателя Мережковскаго, какъ лучшаго истолкователя философской стороны Пушкинской поэзіи». Пушкинъ рѣшительно всѣмъ направленіямъ отвѣчаетъ, закончилъ г. Арабажинъ: и славянофилъ Григорьевъ, и нитченіанецъ Мережковскій одинаково покорены его дарованіемъ... Нужно ли говорить, что простой народъ изъ этой рѣчи ни одного слова не понялъ, а интеллигенція сама читала книги и статьи о Пушкинѣ и несомнѣнно гораздо правильнѣе думаетъ о немъ, чѣмъ г. Льдовъ о религіозныхъ воззрѣніяхъ Пушкина, или г. Мережковскій о «сверхчеловѣкѣ» въ Пушкинѣ. Г. Льдовъ также произнесъ рѣчь о нашемъ поэтѣ столь же банальную, какъ и рѣчь г. Арабажина. Между тѣмъ, имѣя передъ собою взрослую интеллигентную публику, нельзя обременять ея вниманія повтореніемъ всевозможныхъ сравненій, ученическихъ уроковъ и стиховъ въ родѣ «Пророка» или «Птички Божіей». Тутъ требуется отъ оратора что нибудь новое и оригинальное, но ничего этого не было въ произнесенныхъ рѣчахъ въ закрытомъ театрѣ 26-го мая въ Святыхъ Горахъ, и корреспондентъ «Новаго Времени» (№ 8532) совершенно вѣрно замѣтилъ:

«Отмѣчу только, что выдающимися моментами являлись не столько рѣчи депутатовъ—иногда очень краткія, иногда выразительныя,—сколько тѣ моменты, которые давали поводъ публикѣ выразить любовь и уваженіе къ поэту въ лицѣ членовъ его семьи. Общій восторгъ выразился бурно, когда, на примѣръ, г. Ковалевскій передалъ А. А. Пушкину дипломъ отъ Румянцевскаго музея на званіе его почетнаго члена, или при объявленіи подачи вѣнка отъ имени семьи, — вѣнка, кстати, прямо художественнаго. Рукоплесканія не умолкали, и оба сына поэта, вмѣстѣ съ остальными родными его, должны были долго оставаться на ногахъ, раскланиваясь съ публикою, не хотѣвшею успокоиться. Присутствіе сыновей поэта, изъ которыхъ Григорій Александровичъ чертами лица живо напоминаетъ своего знаменитаго отца, удовлетворило всѣхъ».

Послѣ вѣнчанія бюста Пушкина вѣнками, г-жа Яворская прочла стихотвореніе Лермонтова: «На смерть Пушкина», а присутствовавшіе поэты: Мазуркевичъ, Льдовъ, Щепкина-Куперникъ, Порфировъ и Лухманова, произнесли свои стихотворенія, и «господское» торжество было закончено національнымъ гимномъ. Въ то время, какъ въ утренніе часы въ закрытомъ театрѣ г-жа Яворская и г. Арабажинъ чествовали память Пушкина, въ значительномъ отдаленіи отъ нихъ устроено было такъ называемое «народное празднество». Съ грустью говорить о немъ корреспондентъ «Сына Отечества»:

«Безъ всякой надобности, но съ обидною подозрительностью, мѣста для увеселенія «черни» откинуты далеко отъ мѣста, предназначеннаго для увеселенія господъ, и по невѣроятной грязи гг. исполнители и исполнительницы должны были перебираться съ одной эстрады на другую. Мимо ихъ мчались тройки, четверки и пары, ѣздили господа въ закрытыхъ экипажахъ, но подобныя удобства предоставлялись или по чинамъ, или по личному знакомству. Даже одѣваться артисты должны были въ подзельѣ, или бѣжать по грязи въ волостное правленіе. Въ концѣ концовъ, когда молодые артисты-исполнители успѣли простудиться, а исполнительницы наплакаться до истерики, г-жа Билибина, завѣдывавшая постановкою спектакля для народа, потребовала лошадей для своей труппы. Послѣ немалыхъ переговоровъ и обѣщаній лошадей все-таки не прислали, и выручалъ артистовъ все тотъ же всеильный урядникъ».

Съ неменьшимъ сожалѣніемъ о томъ, что въ Святыхъ Горахъ все дѣлалось для господъ и по билетамъ, а для народа очень мало, отзывается и корреспондентъ «Русскаго Труда», замѣчая, что ему «больше всего обидно за народный праздникъ. Сначала о немъ во все забыли, потомъ, послѣ газетныхъ упрековъ, рѣшили его организовать, но въ то же время отставили его на задній планъ, и онъ все время находится въ какой-то опалѣ. Нѣкоторые лица никакъ не могутъ примириться съ такой перспективой, что «гдѣ гуляютъ господа, тамъ ползеть и борода».

Г. Кремлеву надлежало открыть здѣсь праздникъ рѣчью къ народу о значеніи Пушкина, и вотъ что онъ говоритъ: «Когда я пріѣхалъ къ открытой сценѣ (закрытаго театра «народъ» до сихъ поръ считается недостойнымъ), я ужаснулся: сцена еще не декорирована, каеэдра и зонть надъ ней ничѣмъ не обиты, самая каеэдра сдѣлана отвратительно. Немедленно собственной властью я принялъ мѣры, чтобы привести все въ надлежащій видъ. Это было сдѣлано ровно къ 2 часамъ. Передъ моею рѣчью долженъ былъ оркестръ сыграть увертюру къ оперѣ «Русланъ и Людмила». Оркестръ опоздалъ и явился только тогда, когда за нимъ отправленъ былъ специальный посолъ. Въ это время, къ счастью, явились сюда командированные по моей просьбѣ распорядители. Сначала полиція для чего-то раздвигала народъ въ обѣ стороны, оставляя неизвѣстно почему средину площади пустою. Я потребовалъ, чтобы народу дали мѣсто».

Идея торжества выразилась здѣсь въ примитивныхъ качеляхъ для крестьянъ, столбахъ для лазанья по нимъ деревенскихъ парней и краткой рѣчи г. Кремлева о Пушкинѣ. Но мы сомнѣваемся, чтобы и эта рѣчь была для простого народа простою рѣчью о жизни и значеніи для него А. С. Пушкина. Кромѣ того, о Пушкинѣ читалъ г. Льдовъ, совершенно уже непригодный лекторъ для простого народа.

А между тѣмъ псковскій комитетъ могъ бы задолго до праздника распространить въ народѣ черезъ волостныя правленія и земскія управы краткую и толково составленную біографію Пушкина и познакомить съ краткимъ содержаніемъ хотя бы тѣхъ его произведеній, которыя готовились быть поставленными на сценѣ. Иначе народу трудно было понять выхваченные изъ цѣлаго отдѣльные акты «Скупого рыцаря», «Каменнаго гостя», «Бориса Годунова» и даже «Русалки». Предварительное знакомство съ сущностью того, что читаютъ или играютъ на сценѣ, было необходимо, безъ чего многіе зрители, восторгаясь «Русалкой», не знали, что это произведеніе Пушкина, и полагали, что «Русалка» есть измышленіе дѣйствующихъ на сценѣ лицъ. Думается, что безъ устныхъ комментаріевъ или популярныхъ брошюръ народъ ничего не потерялъ, если изъ-за дождя и грязи не видѣлъ «живыхъ картинъ» изъ Пушкина и «шествія пушкинскихъ типовъ». Народъ никогда не читалъ Пушкина, вопреки мнѣнію г. Случевского; сельскіе учителя и священники едва ли сами знакомы съ «типами» Пушкина и, разумѣется, не могли быть проводниками свѣдѣній о нихъ. Безусловно ничего не сдѣлано предварительнаго для ознакомленія мѣстнаго населенія съ Пушкинымъ, несмотря на то, что въ Святыхъ Горахъ покоится его прахъ, и нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на средства Таболенскаго сельскаго общества, построена здѣсь богадѣльня и читальня имени Пушкина. Но искалѣченнымъ старцамъ и старицамъ, конечно, не до пропаганды о Пушкинѣ, а въ читальнѣ такъ мало пушкинской литературы, что и ссылаться на нее нѣтъ надобности. Между тѣмъ, ни сынъ Пушкина, жившій все время по сосѣдству съ Святими Горами, въ селѣ Михайловскомъ, ни монастырскій причтъ, ни тригорскіе помѣщики никогда ничего не дѣлали къ прославленію А. С. Пушкина ни публичными лекціями о немъ, ни изданіемъ дешевыхъ или даровыхъ о немъ брошюръ для мѣстнаго населенія, ни устройствомъ народнаго театра, гдѣ могли бы по временамъ идти пушкинскія произведенія и т. д. Восполнить этотъ недостатокъ до нѣкоторой степени долженъ былъ бы псковскій комитетъ, равно и петербургская комиссія, привявшіе на себя организацію чествованія Пушкина, если только идея торжества заключается въ болѣе или менѣе сознательномъ пониманіи мѣстнымъ населеніемъ того, чье имя они будутъ слышать и въ церкви, и въ театрѣ, и на площади. Нельзя же предполагать, чтобы это чествованіе заключалось въ апплодисментахъ г-жѣ Яворской, г. Арабажину, г. Льдову и земскому начальнику г. Карпову.

Между тѣмъ, другаго чествованія я не видѣлъ, и его не было. Послѣ окончанія утреннихъ, 26-го мая, торжествъ можно было полагать, по программѣ, что комитетъ предложить писателямъ собраться въ Тригорское или Михайловское и, между прочимъ, обсудить совмѣстно съ нимъ вопросы объ упроченіи пушкинскаго вліянія на массы, хотя

бы сборомъ денегъ среди присутствующей публики до 5—6 тыс. человекъ или открытiемъ подписки въ газетахъ и журналахъ на постоянный народный театръ, на болѣе обширную библиотеку, на даровое изданiе книгъ о Пушкинѣ, на организацію публичныхъ лекцій о немъ и т. д. Оказалось, что и въ Тригорскомъ были опять-таки чувствуемы

Боковая сторона флигеля, въ которомъ жилъ Пушкинъ въ с. Михайловскомъ.

«гастролеры», да лично знакомые г. Новосильцева. Остальные представители прессы не были туда приглашены и чувствовали, что тамъ собрались частные люди къ землевладѣльцу въ гости, а не представители прессы для торжества имени Пушкина. Поэтому многимъ было очень удивительно читать въ газетахъ слѣдующiя строки: «Вечеромъ группа поэтовъ и писателей собралась у К. К. Случев-

скаго. Всѣмъ хотѣлось обмѣняться пережитыми впечатлѣніями и поговорить на свободѣ. Много говорили о торжествахъ и о Пушкинѣ, о значеніи чествованій его памяти. Всѣ перебивали въ Михайловскомъ и Тригорскомъ, гдѣ сохранился домъ и вся обстановка со времени поэта. Въ Тригорскомъ у остановившагося г. Новосильцева, предводителя дворянства, былъ обѣдъ, на которомъ присутствовали только приглашенные».

Разумѣется, удивительнымъ тутъ кажется не то, что г. Новосильцевъ позволилъ себѣ при данныхъ условіяхъ сортировать представителей прессы на приглашенныхъ и неприглашенныхъ, а то, какъ сами писатели могли остаться въ Тригорскомъ, узнавъ, что часть ихъ товарищей забыта по небрежности и неуваженію къ ихъ званію, а вовсе не потому, что въ селѣ Тригорскомъ не хватило бы лишняго стула для новыхъ гостей.

II.

Второй день торжества, 27-го мая, сопровождался ясною погодой, и многіе писатели, съ большимъ трудомъ и за дорогую плату доставая лошадей, ѣздили изъ Святыхъ Горъ въ село Михайловское. Путь лежалъ черезъ живописную мѣстность, и самое Михайловское окружено величественнымъ сосновымъ лѣсомъ впереди, а сзади открытымъ видомъ на рѣку Сыротъ и холмы. Еще 25-го мая здѣсь встрѣчалъ пріѣзжихъ самъ Гр. Алекс. Пушкинъ и любезно показывалъ сохранившійся отъ временъ его отца маленькій флигелекъ слѣва отъ большого дома; два озера, «лазурныя равнины», о которыхъ упоминаетъ Пушкинъ въ своемъ стихотвореніи 1835 г. Вопросъ о покупкѣ его имѣнія казной рѣшенъ въ принципѣ, и, по слухамъ, тѣ части его, которыя имѣютъ историческое значеніе по отношенію къ нимъ Пушкина, будутъ признаны національной собственностью, остальную же часть имѣнія государь императоръ жалуетъ крестьянамъ въ воспоминаніе о Пушкинѣ. Таковъ слухъ въ народѣ о землѣ. Во время нашего пріѣзда въ Михайловское, 27-го мая, тамъ никого уже не было. И домъ, и флигель оказались отремонтированными, съ новыми обоями и крашенными полами. Свѣдѣній о Михайловскомъ намъ никто не могъ дать, а между тѣмъ новые гости пріѣзжали сюда, 27-го мая, въ огромномъ количествѣ. Комитетъ не позаботился оставить здѣсь кого либо изъ своихъ членовъ или просто наемнаго человѣка, хорошо подготовленнаго въ путеводители для посѣтителей. Я прекрасно понимаю негодованіе г-жи Лухмановой, редакторши журнала «Возрожденіе» (№ 13), которая пишетъ: «Въ Михайловское мы попали только на третій день и тамъ не застали никого, кто могъ бы хоть сколько нибудь посвятить насъ въ то, гдѣ здѣсь жилъ, гдѣ гулялъ, гдѣ проводилъ время поэтъ. Домъ, изъ котораго выѣхали сыновья Пушкина, былъ уныло,

скверно пусть, съ полами, вымытыми квасомъ, и съ однимъ слугою, который отвѣчалъ на все: «Не могу знать-съ, не при мнѣ все это было». А можно было предвидѣть, что сюда направится всеобщее паломничество. Сыновья Пушкина, которыхъ мы чествовали, какъ лучшую живую память незабвеннаго поэта, ничего не сохранили въ Михайловскомъ, что говорило бы, что тутъ жилъ, страдалъ, мечталъ и работалъ ихъ великій отецъ. Все скрыто, сглажено, и наше собственное воображеніе населяло и лѣсъ, и рощу, и сады образами и стихами поэта. Стыдно и больно подумать — нигдѣ, ничего!.. Ни одной ступени, ни одной скамьи, ни одного дерева, гдѣ висѣла бы надпись: тутъ отдыхалъ или тутъ работалъ Пушкинъ! Очевидно, сыновья тоже взяты врасплохъ, они не предугадали, что такъ зовется сердце русскаго интеллигента на память объ ихъ отцѣ».

Я, напримѣръ, черпаю свѣдѣнія о достопримѣчательностяхъ Михайловскаго, по преимуществу изъ письма К. Тимоѣева, напечатаннаго въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, за 1859 г., когда г. Тимоѣевъ ѣздилъ на могилу Пушкина и осматривалъ Михайловское. Въ то время въ усадьбѣ жилъ старикъ Петръ, служившій кучеромъ у Пушкина.

— «Ну, покажи намъ, Петръ, — сказалъ Тимоѣевъ, — гдѣ тутъ больше проводилъ время твой покойный баринъ,

«Гдѣ почивалъ онъ, кофе кушалъ,
Приказчика доклады слушалъ?»

— «Э, батюшка, нашъ Александръ Сергѣевичъ никогда этимъ не занимался: всѣмъ староста завѣдывалъ; а ему, бывало, все равно, хошь мужикъ спи, хошь пей: онъ въ эти дѣла не входилъ. А жилъ онъ вотъ тутъ; пожалуйте.

«Мы вошли въ прихожую, отворяемъ дверь въ залъ... Нѣтъ, лучше бы туда и не заглядывать! Къ чему въ нашемъ суровомъ, всеразрушающемъ климатѣ романтическія желанія — побывать въ той самой комнатѣ, отдохнуть на томъ самомъ креслѣ, гдѣ сживалъ Пушкинъ, гдѣ шла оживленная бесѣда его съ друзьями, гдѣ онъ слушивалъ сказки своей няни. Мы не въ Англии, Пушкинъ — не Борнсъ, чтобы его кресло хранилось, какъ святыня, чтобы то оконное стекло, на которомъ нацарапано имъ четверостишіе, пѣнилось сотнями фунтовъ стерлинговъ и все-таки изъ поколѣнія въ поколѣніе оставалось собственностью домовладѣльца. Мы слишкомъ благовоспитаны, чтобы дорожить подобными пустяками; въ нашей натурѣ, кромѣ лѣни, есть еще и практичность: мебель намъ нужна въ городѣ, въ жиломъ домѣ, а не въ пустырь, куда никто не заглядываетъ; бревна нужны на мельницу, лѣсъ на дрова, а вовсе не на то, чтобы во время чинить историческую крышу. И вотъ черезъ 22 года послѣ смерти поэта крыша провалилась, балки перегнили, потолокъ обрушился, подъ стропилами, на перекресткѣ двухъ жердей, въ углу

сидитъ сова, эмблема мудрости, единственная поэтическая принадлежность, которую мы нашли въ жилищѣ поэта.

— «Гдѣ же тутъ кабинетъ Александра Сергѣевича?

— «А вотъ тутъ все у него было: и кабинетъ, и спальня, и столовая, и гостиная.

«Смотримъ: комната въ одно окно, сажени въ три, квадратная.

— «Тутъ у него столикъ былъ подъ окномъ. Коли дома, такъ все онъ тутъ бывало книги читалъ, и по ночамъ читалъ: спитъ, спитъ, да и вскочить, сядетъ писать; огонь у него тутъ безпереводно горѣлъ.

— «Такъ ты его, старикъ, хорошо помнишь?

— «Какъ не помнить; я здѣсь у него кучеромъ служилъ, я его и въ Михайловское-то привезъ со станціи, какъ онъ сюда изъ Одессы былъ вытребованъ.

— «А няню его помнишь? Правда ли, что онъ ее очень любилъ?

— «Арину-то Родіоновну? Какъ же еще любилъ-то, она у него вотъ тутъ и жила. И онъ все съ ней, коли дома. Чуть встанетъ утромъ, ужъ и бѣжить глядѣть: «здорова ли, мама?»— онъ ее все мама называлъ. А она ему, бывало, эдакъ нараспѣвъ (она вѣдь изъ-за Гатчины была у нихъ взята, съ Суйды, тамъ эдакъ всѣ пѣвкомъ говорятъ): «батюшка ты, за что все мамой зовешь, какая я тебѣ мать».

— «Разумѣется, ты мнѣ мать: не та мать, что родила, а та, что своимъ молокомъ вскормила.—И уже чуть старуха занеможетъ тамъ что ли, онъ ужъ все за ней.

«Изъ развалинъ дома мы перешли въ уцѣлѣвшую баню, при которой есть чистая комната съ мебелью».

Принимая во вниманіе позднѣйшіе комментаріи, надо думать, что, когда большой домъ развалился въ такой степени, что въ немъ жить нельзя было, А. С. Пушкинъ перешелъ жить въ «уцѣлѣвшую» баню, при которой была «чистая комната съ мебелью», и которую теперь отремонтировали и придали ей видъ флигеля. Въ этомъ флигелѣ, прямо за дверью крыльца, тянется коридоръ въ 6—7 шаговъ длины, въ концѣ котораго устроена маленькая печь съ плитой и черный выходъ; по бокамъ коридора расположены двѣ узенькія и низенькія комнаты: одна, гдѣ жилъ поэтъ, а другая, гдѣ жила его няня, Арина Родіоновна. Грустное впечатлѣніе производитъ внутренность этого флигеля въ двѣ комнаты для одиночно заключенныхъ! Тяжело видѣть эти камеры, гдѣ поэтъ въ уныніи часто помышлялъ о юности своей,

Утраченной въ безплодныхъ испытаньяхъ,
О строгости заслуженныхъ упрековъ,
О дружбѣ, заплатившей мнѣ обидой,
За жаръ души, довѣрчивой и нѣжной...

Въ компаніи нѣсколькихъ писателей мы обошли жилище Пушкина и его Михайловскія рощи, но въ Тригорское не поѣхали...

— Чего добраго, и тамъ пусто, и никто не встрѣтитъ прїѣзжихъ,— сказали многіе изъ насъ.

— А еще хуже,—произнесла одна изъ дамъ-писательницъ,—что тамъ прїютились гг. артисты и знакомые г. Новосильцева, а мы внесемъ въ ихъ домашнее торжество напоминаніе, что при данныхъ условіяхъ въ «Пушкинскіе дни» и всѣ прочіе представители прессы хотятъ быть за одно со всѣми общественными силами для возданія чести Пушкину, а не порознь всякъ у себя въ мужицкой избѣ.

Эта же дама писала:

«Въ Тригорскомъ много есть цѣнныхъ, вещественныхъ воспоминаній о Пушкинѣ, но туда никто не подумалъ пригласить представителей прессы, а ихъ, право, было немного—безъ главарей, которые были всюду почетными гостями, человѣкъ десять не больше. Въ Тригорскомъ не поняли, что мы были бы не гостями и не собирались пользоваться гостепрїимствомъ, но мы были паломники, полные лучшаго человѣческаго чувства, и что передъ нами заперли входъ въ святыню. Человѣка три истратились на лошадей, ѣздили въ Тригорское по два, три раза, и не видали ничего—у господъ были гости, и они уѣхали обратно, не рѣшившись беспокоить хозяевъ и ихъ гостей (тѣхъ же прїѣзжихъ, но почему-то записавшихся въ распорядители и ставшихъ на привилегированное положеніе). Стыдно, что этого лишили прессу, что искреннее желаніе прїобщиться какъ можно ближе къ жизни великаго поэта перевели на этикетъ и на личныя отношенія. Разъ въ сто лѣтъ устроила Россія праздникъ духа, и на него попали только по знакомству и протекціи!».

Мы не поѣхали въ Тригорское, а вернулись въ Святые Горы къ началу литературно-художественнаго отдѣла, открывшагося пѣніемъ разныхъ увертюръ и сценами изъ «Каменнаго гостя». Замѣчательно, что и въ этотъ разъ весь театръ былъ занятъ господами, а простой народъ отодвигали отъ него конные полицейскіе и никого не пустили внутрь. Нѣкоторые изъ простонародья проникли хитростью. Сцены изъ «Каменнаго гостя», гдѣ Донъ-Жуанъ соблазняетъ Донну-Анну, не нравились простымъ людямъ, благодаря тому, что играли отрывокъ, а не всего «Каменнаго гостя». Они не поняли пикантности вдовствующаго цѣломудрія Анны и артистичности, съ которой Донъ-Жуанъ склоняетъ вдову командора на грѣхъ; но поняли все это грубѣе...

— У господъ это такъ всегда,—иронически произнесъ по купечески одѣтый старикъ.—Монахомъ переодѣлся, а свое дѣло около бабъ твердо знаетъ.

— Хоть бы не около храма увивался... А то на могилѣ мужа!—брезгливо поддакнула ему супруга.

Съ боку совсѣмъ сѣрый мужикъ рѣзко замѣтилъ:

— Просто! Готово дѣло!

Вечеромъ, однако, въ 8 часовъ, шло представленіе «Русалки», и сверхъ ожиданія я видѣлъ въ театрѣ уже множество лицъ изъ простаго народа. Многіе господа къ этому времени уѣхали, и въ театрѣ оказалось просторно. Здѣсь вновь мнѣ пришлось убѣдиться въ благотворной роли театра въ народной жизни и вспомнить знаменитое изреченіе Симеона Полоцкаго о драмѣ на сценѣ:

Не тако слово въ памяти держится,
Яко же аще что дѣломъ явится.

Крестьяне внимательно слѣдили за представленіемъ «Русалки», и на глазахъ у нѣкоторыхъ были слезы... Къ сожалѣнію, никто изъ нихъ не зналъ, что эта пьеса — произведеніе Пушкина, и что именно въ этотъ день воздавали честь творцу дивныхъ его твореній, а не «свитскому генералу» и не мощамъ новаго святаго.

— Кто написалъ «Русалку»? — спросилъ я одного восторженнаго зрителя.

Онъ прежде всего не понялъ возможности «написать Русалку», и все твердилъ о томъ, что она принадлежитъ тѣмъ, кто говорить на сценѣ. Отдѣлить писателя отъ актера онъ не могъ такъ же, какъ и другіе мужики. Даже мораль мельника о томъ, чтобы дочь его брала деньги съ князя за свои ласки, — не казалась ему предосудительною. Зрители восторгались жизненностью картинъ въ «Русалкѣ», ихъ сходствомъ съ дѣйствительностью, но нравственный смыслъ ихъ былъ для многихъ скрытъ. Мельникъ-отецъ, готовый торговать дочерью, производилъ не одинаковое впечатлѣніе. А виноваты въ этомъ тѣ мѣстные интеллигенты, которые жили много лѣтъ бокъ о бокъ съ этимъ народомъ и ничего не сдѣлали для вразумленія его самымъ элементарнымъ истинамъ. Корреспондентъ «Сына Отечества» винить частью въ этомъ и псковскій комитетъ, замѣчая: «Дорого стоимшія постройки, трехцвѣтные ковры, ненужныя лѣстницы и т. п. похитили такъ много денегъ, что для народнаго удовольствія, для просвѣщенія массы, о которомъ только говорилось, очевидно, уже не хватило средствъ. «Все для господъ! Все по билетамъ! А насъ никуда не пускаютъ!» Вотъ что слышалось со всѣхъ сторонъ, а если пріѣхавшіе гг. корреспонденты слышали иныя рѣчи, — завидую имъ!»

По окончаніи торжествъ въ Святыхъ Горахъ, съ величайшимъ трудомъ мы доѣхали до Пскова, гдѣ 29-го мая торжество въ память А. С. Пушкина было буквальнымъ повтореніемъ того же, что было и въ Святыхъ Горахъ. Совершенно вѣрно сказано въ газетахъ объ этомъ:

«Послѣ театра народнаго, въ который не пропустили никого изъ народа, отправились обѣдать къ предводителю дворянства, но не всѣ не только изъ прессы, но даже и изъ исполнителей на сценѣ. Тутъ ужъ невниманіе дошло до того, что туда попали или

лично знакомые г. Новосильцеву, или тѣ, которые попались на глаза. Словомъ, до конца сумбуръ и личныя отношенія, а въ такомъ дѣлѣ, какъ общее торжество, надо было бы быть очень, очень осмотрительнымъ, а для прессы, какъ представителей, собравшихся отъ лица литературы чествовать память русскаго литератора и писателя, слѣдовало бы сдѣлать все, что возможно, чтобы она все видѣла, все слышала, что касается памяти великаго поэта, и могла бы потомъ передать это читателю, но объ этомъ не подумалъ никто. Еще меньше думали объ интересахъ народа...

Самое отсутствіе свѣдѣній о Пушкинѣ въ народѣ и его безграмотность многіе считаютъ оправданіемъ тому, что пушкинскіе дни въ Святыхъ Горахъ прошли бесслѣдно въ народномъ пониманіи о великомъ поэтѣ, а предполагаемое мною собраніе пріѣзжихъ гостей съ хозяевами праздника и обсужденіе цѣлаго ряда намѣченныхъ соображеній мѣръ къ популяризаціи Пушкина въ народѣ считаютъ праздной «болтовней»! Эту безграмотность народа они аттестуютъ не побудительнымъ мотивомъ къ проектируемымъ мѣрамъ, а тормазомъ и законнымъ поводомъ удовольствоваться амурными сценами изъ «Каменнаго гостя» для народа и монологами Татьяны на французскомъ языкѣ. Мое недовольство подобной стороною литературно-художественнаго чествованія Пушкина нѣкоторые газетчики старались иронически приписать тому, что въ моемъ лицѣ не почтили должнымъ образомъ литературу въ Святыхъ Горахъ и что я «не въ силахъ обойти священныхъ завѣтовъ канцелярской рутины», по которой, уже такъ заведено, «если рѣчь идетъ о писателѣ, то надлежитъ, прежде всего, установить фактъ непроникновенія писателя въ народъ, а засимъ изложить свои желанія относительно открытія народной бібліотеки, раздачи народу сочиненій даннаго писателя и проч. въ этомъ родѣ. Ежели коснуться могилы писателя, то, конечно, упомянуть, что она, неизбѣжно, находится въ заустѣннѣи и т. д.»

Полагаю, что многія обстоятельства создаются не чиновничествомъ въ литературѣ, а горькой дѣйствительностью... Такъ это очевидно и такъ трудно угодить нашимъ оригинальнымъ публицистамъ, искажающимъ мои мысли объ идеѣ пушкинскихъ торжествъ!

Напишешь о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ, укоряютъ въ томъ, что все это уже переизвѣстно и слишкомъ шаблонно, по чиновнически; не напишешь — посыплются укоры въ незнаніи самой простой очевидности. Это очень легкая и ремесленная критика. Но, разумѣется, когда я писалъ въ газетахъ о томъ, что на празднествѣ памяти А. С. Пушкина въ Святыхъ Горахъ не было достаточнаго вниманія къ представителямъ литературы и, вслѣдствіе этого, они были предоставлены каждый самому себѣ и не могли нигдѣ сойтись вмѣстѣ съ мѣстными дѣятелями, являющимися на празднествѣ «хозяевами», чтобы помянуть Пушкина живой любовью и намѣтить совмѣстно рядъ осуществимыхъ мѣръ къ тому, чтобы

Пушкинъ, хотя бы на мѣствъ вѣчнаго успокоенія, былъ до нѣкоторой степени извѣстенъ мѣстному населенію, и чтобы на будущее время усилить его здѣсь популярность сооружеиіемъ, положимъ, народной аудиторіи, театра, хорошей библіотеки или даже дешевымъ изданіемъ произведеній Пушкина и т. д.—я, конечно, имѣлъ въ виду идею торжества, а не свою собственную личность, какъ выразителя литературныхъ требованій. Между тѣмъ меня, именно въ этомъ личномъ смыслѣ упрекали нѣкоторыя газеты самымъ произвольнымъ образомъ. Я даже думаю: если бы никого не было въ Святыхъ Горахъ изъ литературнаго міра, то и тогда члены псковскаго комитета должны были бы вмѣстѣ съ приглашенными гостями, послѣ аплодисментовъ г-жѣ Яворской и г. Арабажину, посвятить нѣсколько часовъ специально размышленію о Пушкинѣ для ознакомленія съ нимъ мѣстнаго населенія, хотя бы на будущее время. Я не могу назвать это намѣреніе на юбилей великаго писателя «болтовней» о томъ, «чтобы росли во рту грибы», «рутиной» и «канцеляризмомъ въ формулярѣ писателя». Пусть читатель самъ разсудитъ, кто изъ насъ правъ по вопросу всѣмъ интересному: какъ должны чествовать память А. С. Пушкина или другого великаго генія его почитатели? Довольно ли однихъ вѣнковъ, панихиды и обѣдовъ съ концертными нумерами и шампанскимъ, или подобныя чествованія обязательно должны, сверхъ того, сопровождаться мѣрами къ популяризаціи великаго генія въ массѣ?

Въ Святыхъ Горахъ и г. Псковѣ на чествованіи А. С. Пушкина было отъ 6—7 тысячъ человѣкъ, если не болѣе, и стоило кому нибудь изъ распорядителей догадаться предложить сдѣлать сборъ денегъ во имя Пушкина, то набралось бы нѣсколько тысячъ рублей, съ которыми не только можно «болтать о грибахъ во рту», но и сдѣлать именемъ Пушкина много добраго въ интересахъ народа и лучшаго выразителя его національнаго генія. Тѣмъ не менѣе, эти совершенно простыя и здравыя сужденія о юбилей Пушкина подверглись глумленію со стороны корреспондентовъ и фельетонистовъ, утратившихъ, ради «краснаго словца» честность мысли и искренность.

III.

Юбилейное торжество Пушкина въ Святыхъ Горахъ застигло провинцію враспыхъ, и она даже не подозрѣвала, въ чемъ состоитъ дѣйствительная идея торжества. Достаточно, если пріѣзжіе съ трудомъ доставали лошадей на станціи Островъ и не возвращались со встрѣчнымъ поѣздомъ Варшавской желѣзной дороги обратно въ Петербургъ; хорошо, если послѣ долгихъ поисковъ въ Святыхъ Горахъ квартиры, все-таки таковая находилась въ волостномъ правленіи и, наконецъ, совершенно довольно, если литературно-художественная сторона торжества заключалась въ нѣкоторыхъ актахъ на сценѣ изъ

«Каменнаго гостя» или «Скупого рыцаря». Изъ представителей прессы въ Святыхъ Горахъ нашлись такіе, которые были вполне удовлетворены подобною программой чествованія А. С. Пушкина, о чемъ они и заявили печати, когда я съ своей стороны писалъ о личныхъ неудобствахъ въ дорогѣ многихъ изъ насъ и объ утратѣ идейной стороны литературнаго праздника. Если идея торжества заключалась въ выработкѣ мѣръ псковскимъ комитетомъ для ознакомленія народа съ именемъ чествуемаго писателя и въ обсужденіи съ пріѣзжими представителями печати подобныхъ же мѣръ на будущее время, то эта идея была упущена и возмѣщена исключительно аплодисментами г-жѣ Яворской и г. Арабажину. Съ такимъ олицетвореніемъ «пушкинскихъ дней» трудно помириться. Всякій юбилей крупнаго человѣка есть наше общеніе съ его гениемъ, и именно въ этомъ отношеніи ничего не было сдѣлано для Пушкина въ Святыхъ Горахъ, чтобы загладить прошлое пренебреженіе къ нему. Съ самаго момента его смерти въ 1837 г. не только распространеніе его произведеній въ мѣстномъ населеніи, но даже имя его систематически замалчивалось, а въ лучшіе дни русской исторіи никто не позаботился о литературной святынѣ въ Святыхъ Горахъ для сознательнаго почитанія ея мѣстнымъ населеніемъ. Въ книгѣ г. Василева, составленной по неизданнымъ документамъ: «Слѣды пребыванія А. С. Пушкина въ Псковской губерніи», имѣются любопытныя указанія на то, что способствовало забвенію Пушкина въ Псковской губерніи, и какъ теперь трудно проложить къ нему «народную тропу». При переѣздѣ Пушкина въ 1824 г. изъ Одессы въ село Михайловское, псковскій губернаторъ фонъ-Адеркасъ получилъ официальную бумагу отъ графа Воронцова слѣдующаго содержанія:

«Коллежскій секретарь Александръ Пушкинъ, къ несчастію, не только не перемѣнилъ поведенія и дурныхъ правилъ, кои ознаменовали первые шаги общественной его жизни, но даже распространяетъ въ письмахъ своихъ предосудительныя и вредныя мнѣнія; посему, по высочайшему повелѣнію, онъ исключенъ изъ списка чиновниковъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, дабы отвратить, по возможности, отъ молодого человѣка всю строгость законовъ, коей онъ, оставаясь въ совершенной независимости, могъ легко подвергнуться по принадлежности своего поведенія. Государь императоръ изъявилъ свою волю, дабы онъ немедленно былъ отправленъ на жительство Псковской губерніи въ помѣстье родителей своихъ, гдѣ будетъ состоять подъ наблюденіемъ мѣстнаго начальства».

Съ этой рекомендаціей поднадзорный поэтъ претерпѣлъ множество непріятностей прежде всего отъ своего собственнаго отца и монаха Святогорскаго монастыря, наблюденію которыхъ онъ былъ порученъ.

Г. Василевъ совершенно правъ, замѣчая: «частію образовательный уровень интеллигенціи, а главнымъ образомъ состояніе

внутренней полигикки того времени, видѣвшей въ Пушкинѣ не знаменитаго поэта—славу русскаго народа, а смотрѣвшей на него, какъ на чиновника X класса, были причиною, по смерти поэта, особенно въ первые годы, все, что напоминало пребываніе его, игнорировалось, и населеніе старалось какъ бы замести слѣды всего, что имѣло отношеніе здѣсь къ жизни и дѣятельности поэта. Изъ документовъ, относящихся къ перевозу тѣла Пушкина изъ Петербурга въ Святыя Горы, видно, что, послѣ отпѣванія въ Петербургѣ, гробъ съ тѣломъ Пушкина, заключенный въ смоляной ящикъ, былъ переданъ ящикамъ для доставленія его въ Псковскую губернію, и вмѣстѣ съ симъ сдѣлано распоряженіе: 1) губернатору отъ министра внутреннихъ дѣлъ данъ приказъ распорядиться о приѣмѣ тѣла (т.-е. смоляного ящика) полиціею, 2) письмо Клейнмихеля о томъ же, 3) письмо оберъ-прокурора святѣйшаго синода мѣстному преосвященному о преданіи землѣ камеръ-юнкера Пушкина безъ особыхъ встрѣчъ и оказанія какихъ либо почестей. Усердное начальство не потрудилося само выѣхать навстрѣчу дорогого праха, а островскій уѣздный исправникъ, которому приказано было встрѣчать и провожать тѣло до вѣчнаго мѣста упокоенія, не рискнулъ самъ отправиться для встрѣчи тѣла поэта, а командировалъ для сего одного изъ своихъ послѣднихъ канцелярскихъ чиновниковъ, который одинъ и могъ засвидѣтельствовать, что прибывшій рано утромъ въ Святыя Горы осмоленный ящикъ зарытъ въ землѣ или, точнѣе, въ снѣгу у одного изъ алгарей обитатели. Что же въ дѣйствительности заключалось въ этомъ ящикѣ—свидѣтелей никого не было, такъ какъ ящики тоже ничего не знали и не видѣли, сопровождавшіе два жандарма—тоже, и, можетъ быть, единственнымъ свидѣтелемъ погребенія гроба съ тѣломъ Александра Сергѣевича былъ Ал. Ив. Тургеневъ, слѣдовавшій за тѣломъ отъ Петербурга до Святыхъ Горъ. При такомъ положеніи дѣла не удивительно, что имя Пушкина произносилось съ осторожностью; о немъ еще носились слухи, что онъ былъ, какъ пріятель декабристовъ, участникомъ извѣстнаго бунта 1825 г. При такихъ обстоятельствахъ, естественно, что память о Пушкинѣ начала проясняться лишь тогда, когда малу-по-малу забывались обстоятельства, окружавшія незавидную одинокую его жизнь въ Михайловскихъ дубравахъ».

Долгое время могила Пушкина никѣмъ не была посѣщаема, и памятникъ на ней никого не озабочивалъ. «Какъ смерть поэта и его погребеніе были окружены таинственностью, такъ и памятникъ ему подвергся той же участи, говоритъ Василевъ. Вслѣдствіе сего о памятникѣ, какъ предметѣ, по происхожденію неизвѣстномъ, позволялось все говорить, что могла изобрѣсти досужая фантазія, кромѣ дѣйствительныхъ свѣдѣній. Нужно было кого нибудь обличить въ небрежномъ содержаніи памятника—и находились люди, кричавшіе, что памяти поэта грозитъ участь небывалая; памятникъ разру-

шается и паденіемъ своимъ повредить прахъ поэта. Нужно было, чтобы гора осѣдала, а деревья, окружающія ее, вырывались, — и стоустая молва уже переходила съ мѣста на мѣсто. Ни у кого только не хватало смѣлости, чтобы официально доказать это. Всѣ власти псковскія, какъ духовныя, такъ и гражданскія, а равно и частныя лица, несмотря на носившійся сильный слухъ объ опасностяхъ, окружающихъ могилу Пушкина, до сего времени никакихъ вопросовъ, на которое можно бы требовать и отвѣтовъ, не возбуждали. Вообще отношенія общества къ могилѣ поэта наводятъ на самыя грустныя размышленія. Былъ одинъ такой періодъ, въ который этотъ памятникъ могъ исчезнуть совсѣмъ, если бы не существовала статья закона о неприкосновенности фамильныхъ могилъ при жизни родственниковъ умершаго. До сего времени, напримѣръ, нѣтъ точныхъ документальныхъ свѣдѣній: когда и на чьи средства онъ устроенъ».

Плохо чтили современники своего поэта и при жизни, и послѣ его смерти. До сихъ поръ ничего не сдѣлано для ознакомленія народа не только съ произведеніями его творчества, но съ простыми о немъ свѣдѣніями. Правда, народъ до сихъ поръ безграмотенъ, но это-то и доказываетъ, какъ мало старались поклонники Пушкина о томъ, чтобы и простой народъ вмѣстѣ съ нимъ чтить великаго поэта и къ столѣтней годовщинѣ его рожденія былъ бы правоспособенъ. Но вмѣстѣ съ безграмотностью мѣстное населеніе также чуждо и устныхъ, болѣе или менѣе достовѣрныхъ преданій о Пушкинѣ. Я уже лѣтъ пятнадцать ежегодно ѣзжу въ Новоржевскій уѣздъ, мимо памятника Пушкина въ Святыхъ Горахъ, и отлично помню, что до недавняго учрежденія въ Святыхъ Горахъ богадѣльни и читальни имени Пушкина, крестьяне не подозрѣвали и существованія великаго памятника въ ихъ монастырѣ.

Проѣзжая мимо памятника, ни одинъ ящикъ не могъ мнѣ сказать даже фамиліи поэта, когда я спрашивалъ о немъ. Посѣщали памятникъ пріѣзжіе помѣщики и влюбленныя парочки, всегда оставлявшія на немъ карандашемъ увѣренія о томъ, что они поклялись другъ другу именемъ поэта въ неизмѣнной любви, а иногда признававшіяся и въ болѣе интимныхъ обстоятельствахъ того же чувства.

— Кто-жъ его знаетъ, кто тутъ похороненъ,—лѣниво отвѣчали и крестьяне.

Однажды, я сказалъ, что здѣсь погребенъ писатель...

— У насъ много теперь писателей,—отвѣтилъ сопутствовавшій мнѣ крестьянинъ.—Мой сынъ тоже писатель... Имѣетъ свидѣтельство объ окончаніи народной школы.

Такое представленіе о писателѣ остается до сихъ поръ въ мѣстномъ населеніи.

Послѣ того, какъ въ 1885 году великій князь Владиміръ Але-

ксандровичъ, путешествуя по Псковской губерніи, посѣтилъ памятникъ Пушкина и на его могилѣ служилъ панихиду, все населеніе вдругъ заговорило, что здѣсь похороненъ «святскій» генераль Пушкинъ, бывший крестнымъ отцомъ великаго князя. Прошло нѣсколько лѣтъ, и крестьяне слободы Таболенца выстроили здѣсь богадѣльню и читальню имени Пушкина, но это мало помогло уясненію ими значенія пушкинскихъ идеаловъ и вѣрнаго о немъ самомъ представленія. За мѣсяць до пушкинскихъ торжествъ я нарочно поѣхалъ въ Псковскую губернію для ознакомленія съ настроеніемъ народа, вызваннымъ приготовленіемъ къ чествованію памяти поэта, и мнѣ пришлось отъ 9 мая писать въ «Недѣлю» слѣдующее:

— Что-то будетъ!— удивленно замѣчалъ ямщикъ, погоняя почтовыхъ лошадей.

Я молчалъ.

— Ломка такая—не приведи Богъ!—разговариваетъ онъ самъ съ собою, пока, наконецъ, я не спросилъ его:

— О какой ломкѣ ты говоришь?

— Да 26 мая-то... слыхали?..

— А ты что слыхалъ?

— Всѣ говорятъ разное, а что будетъ—никто не знаетъ,—растерянно отвѣтилъ онъ. — Съѣздъ господъ въ Святыхъ Горахъ... Лошадей заготавливаютъ по станціямъ. Великій князь поѣдетъ въ штатскомъ платьѣ... Сказываютъ такъ.

Черезъ минуту онъ опять повернулся ко мнѣ лицомъ и, не обращая вниманія на привычныхъ къ почтовому тракту лошадей, произнесъ:

— Именитыя лица со всего свѣта съѣдутся—солдаты нужны будутъ... Въ Новоржевскомъ уѣздѣ въ волостныхъ правленіяхъ земскіе начальники читали волостнымъ старшинамъ бумагу.

— О чемъ?

— Чтобы, значить, билетные солдаты никуда не отлучались изъ деревень, а чтобы каждую минуту имѣли бы при себѣ пару смѣннаго бѣлья. Когда позовутъ ихъ въ Святые Горы охранять именитыхъ лицъ,—чтобы задержки не было.

Меня заинтересовало это сообщеніе, но проѣздомъ по Новинской волости, Новоржевскаго уѣзда, я былъ уже самъ опрошенъ многими крестьянами по этому обстоятельству, которое они истолковали въ томъ смыслѣ, что Россія готовится скоро къ войнѣ съ Китаемъ.

— На войну готовятъ ихъ,—увѣренно твердили они.—Мы теперь все лень будемъ сѣять въ этому году... Когда война, всегда требуется въ казну лень.

Мое замѣчаніе о неосновательности ихъ хозяйственныхъ расчетовъ и что солдаты могутъ понадобится для мѣстной повѣрки ихъ подвижности и исполнительности къ военному дѣлу—они встрѣчали

съ неудовольствіемъ и предпочитали войну съ Китаемъ ради высокихъ цѣнъ на ленъ.

Итакъ, Пушкинскія торжества и солдатскіе приказы крестьяне принимаютъ за войну съ Китаемъ, думалъ я, подѣзжая къ погосту Дубровы въ 15-ти верстахъ отъ Святыхъ Горъ, въ мѣстную школу, гдѣ засталъ учителя за урокомъ о Пушкинѣ для дѣтей младшаго отдѣленія.

Учитель приступилъ къ своему дѣлу издалека. Зная отлично, что народу часто незнакомы наши общеупотребительныя слова, онъ постепенно началъ пріучать учениковъ къ сознательному пониманію исторіи происхожденія на свѣтъ всякой книги и самаго понятія о писателѣ. Ознакомивъ ихъ кратко съ процессомъ рукописной работы и передачею ея въ типографію для набора, онъ показалъ экземпляръ книги и спросилъ:

— Какъ назвать человѣка, который написалъ эту книгу?

Среди цѣлаго класса поднялась кверху рука одного мальчика.

— Ну, скажи.

— Царь!—храбро отвѣтилъ онъ.

Поднялась другая рука.

— Богъ!

Я видѣлъ, что и дѣвочки подняли руки.

— Ну, скажи ты, Люба...

— Недобрикъ!—крикнула она и обернулась къ мальчикамъ побѣдоносно.—Нечистикъ!

— Вотъ и учи ихъ,—замѣтилъ я, смѣясь,—никакихъ дѣйствующихъ силъ они не признаютъ, кромѣ царя, Бога и чорта.

Учитель заново принялся толковать о томъ, что лица, которыя пишутъ книги, гдѣ описывается ими наша жизнь и дается наставленіе для отличія въ ней добра и зла, — называется писателями и что такимъ писателемъ былъ А. С. Пушкинъ, на могилѣ котораго въ Святыхъ Горахъ 26 мая будутъ чествовать столѣтіе его рожденія.

Но прежде, чѣмъ они усвоили это представленіе о писателѣ, было нѣсколько курьезовъ. Я попросилъ вызвать къ доскѣ ту же дѣвочку Любу и продиктовалъ ей нѣсколько строкъ.

— Вотъ ты написала ихъ на доскѣ, а писательница ли ты?—спросилъ учитель.

— Да... Я писательница.

Нѣсколько рукъ поднялось къ верху, и одинъ изъ мальчиковъ старшаго отдѣленія пояснилъ, что писатель пишетъ по-своему, а не по-чужому, и такимъ писателемъ былъ Пушкинъ.

— Ну, принеси мнѣ его... У меня на столѣ въ моей комнатѣ увидишь его книгу.

Мальчикъ вернулся съ книгой маленькаго формата, но Люба сердито остановила его:

— Большую книгу принеси!—закричала она. — Это маленькая книга, а учитель говоритъ, что Пушкинъ большой писатель.

Она сама побѣжала помогать ему, но не нашла «большой книги», и учитель объяснилъ ей, что мысли писателя мѣряются не количествомъ страницъ, а качествомъ.

— Со смѣху можно умереть, — сказалъ онъ мнѣ: — если послушать, какъ они перевираютъ слова и понятія. Что такое художникъ? — спрашиваю. «Самый что ни на есть худой человѣкъ», отвѣчаютъ. Что такое чиновникъ? «Который все, что ни на есть, починаетъ». Послалъ мальчика къ доктору попросить прислать мнѣ хины, а онъ требуетъ прислать мнѣ Оеньку и т. д. Вѣдь сто разъ растолкуешь, объяснишь и, кажется, всѣ поняли, а черезъ полчаса спросишь: кто написалъ эту книгу? «Недобрикъ!» Такъ непривычно для нихъ новое мышленіе съ новыми словами. Легко предлагать учителямъ познакомить дѣтей съ біографіей Пушкина, но выполнить это въ короткій срокъ очень трудно. Самыя понятія о книгѣ, о писателѣ или о стихахъ для нихъ цѣлая наука.

Съ своей стороны и я самъ скоро убѣдился, что не только дѣти, но и взрослые люди весьма мало знакомы здѣсь съ именемъ и значеніемъ Пушкина.

— Что же это, святой, что ли, новый? — спрашивали меня постоянно крестьяне. — Почему назначенъ къ нему на могилу господскій съѣздъ?

— Это писатель...

— А... въ родѣ Балакирева? — допытывались болѣе образованные.

По приѣздѣ въ Петербургъ, я записалъ свои впечатлѣнія и закончилъ ихъ слѣдующими словами: «Я всю дорогу думалъ о томъ, что съѣздъ писателей на могилѣ Пушкина 26 мая несомнѣнно возбудитъ въ мѣстномъ населеніи болѣе правильное представленіе о великомъ поэтѣ, но было бы желательно установить болѣе тѣсную связь литературнаго міра при помощи земскихъ управъ, учителей, врачей и просвѣщенныхъ землевладѣльцевъ. Дѣятельная память о Пушкинѣ должны бы длиться въ данной мѣстности и по окончаніи «господскаго съѣзда», какъ отзываются теперь о немъ крестьяне, совершенно чуждые до сихъ поръ поэзіи и мыслямъ А. С. Пушкина».

Когда наступили «Пушкинскіе» дни, и я вновь былъ въ Святыхъ Горахъ, то мои мечты о съѣздѣ писателей на могилу Пушкина и обмѣнѣ мыслями съ мѣстными дѣятелями о мѣрахъ къ усиленію популярности Пушкина въ народѣ оказались невыполнимыми, вслѣдствіе полной недогадливости объ этомъ провинціальныхъ силъ и совершенной неспособности къ практической дѣятельности литераторовъ. Народъ одинаково невѣжественно толковалъ о Пушкинѣ, какъ и до юбилейнаго праздника. Невѣжество это тѣмъ болѣе характерно, что его держится населеніе у самаго очага торжествъ, гдѣ рядомъ родовое имѣніе Пушкиныхъ, и гдѣ долго жилъ сынъ покойнаго поэта; гдѣ идутъ приготовленія къ чествованію, строятся и возводятся новыя зданія, и никто не потрудился предварительно, какъ слѣдуетъ, объяснить народу, для кого же все это строится и чѣмъ Пушкинъ заслужилъ такія приготовленія?

IV.

Находясь на юбилеѣ Пушкина въ кругу крестьянъ, я былъ пораженъ ихъ разговоромъ о Пушкинѣ.

— Большая радость господамъ! — насмѣшливо замѣтила молодой парень. — Народъ съ хлѣбомъ-солью встрѣчаетъ ихъ... Теперь каждый годъ служить будутъ обѣдню и панихиду объ эту пору въ Святыхъ Горахъ.

— Царя ждали, — отвѣтила ему молодуха, и сконфузилась за себя.

— Чистоту производятъ такую вездѣ, — что Боже мой! — крикнулъ онъ ей веселымъ и довольнымъ тономъ. — Для святого все!...

— Кто-жъ это святой?

— Пучкинъ прозывался... Какъ же не святой, если винныя лавки закрыли, чтобы было потише?

— Это точно! — согласились старики. — Грѣхъ пить сегодня.

— Грѣха нѣтъ, а господъ стыдно, — крикнулъ голосъ въ толпѣ.

— Какъ же онъ не святой, — продолжалъ тотъ же парень: — если онъ зналъ, что умретъ на этой самой стрѣльбѣ, а если-бъ онъ захотѣлъ, то былъ бы живъ... А вотъ не захотѣлъ идти противъ судьбы и воли Божіей... За это и почетъ ему черезъ сто лѣтъ. Горькія слезы онъ лилъ передъ кончиной, когда пошелъ стрѣляться на счастье... Его убивали, а жена въ гостяхъ была... Ну, онъ и заплакалъ... Съ досады!..

— Откуда ты это знаешь? — спросилъ я красная.

— Въ господахъ слыхалъ... Разговоръ былъ.

— Ты грамотный или нѣтъ? Читалъ книги о Пушкинѣ?

— Въ приходахъ учили по-печатному читать, а книгъ мы не знаемъ. Старики сказываютъ, что Пучкинъ святой, а намъ онъ не извѣстенъ. Можетъ, хорошій былъ господинъ, а, можетъ, и дурной...

— Эгого ты не говори, — перебилъ его пожилой торговецъ. — Баринъ былъ онъ и жилъ въ селѣ Зуевѣ... Нищенка тутъ старая пляется и говоритъ, что баринъ былъ добрый. Ребятишки бѣгали за нимъ и дразнили его: Пушкинъ! Пушкинъ! А онъ палочкой поигрываетъ, да съ нищими разговоры водить и дѣвкамъ пѣсни пѣлъ въ хороводѣ. Добрый господинъ!

— Надо думать, — поддакнулъ я ему. — А правду ли говорятъ у васъ, будто сегодня будутъ разрывать его?

— Сказываютъ! Нетлѣнная голова!

— Почему такъ?

Мой торговецъ не умѣлъ объяснить, но пріѣзжіи откуда-то крестьянинъ, необыкновенно смирнаго вида, подвинулся ко мнѣ ближе и почти шепотомъ сталъ говорить:

— Пушкинъ заспорилъ съ однимъ графомъ, что черезъ сто лѣтъ разроютъ его могилу и найдутъ его голову цѣлой. Сегодня эту нетлѣнную голову и будутъ разрывать. Самъ священникъ изъ Кронштадга пріѣдетъ... Вотъ народъ изъ деревень ѣдетъ и идетъ встрѣчать батюшку. Хочется поглядѣть, какъ онъ будетъ вскрывать нетлѣнныя мощи Пушкина.

— Ты такъ объясняешь себѣ этотъ съѣздъ господъ на могилу Пушкина?

— Я пріѣхалъ священника посмотрѣть,—отвѣтилъ онъ мнѣ.— Другіе по-своему толкуютъ... Всѣ разно. Вчера не было отца Ивана... Дождемъ смочило... Мощей и не вскрывали безъ него.

— А если онъ совсѣмъ не пріѣдетъ? Безъ него не будутъ вскрывать могилу?

— Безъ него никакъ нельзя...

— Это все больше бабенки толкуютъ,—перебилъ насъ другой мужикъ.—Вотъ доподлинно знаю, что Пушкинъ наспиртованъ, потому и цѣлъ до сихъ поръ въ могилѣ, а теперь его хотятъ изъ Святыхъ Горъ перенести въ Зуево—село Михайловское. Вынуть тѣло, переспиртуютъ и перенесутъ памятникъ.

— Денегъ большихъ все это стоитъ, — перебилъ энергично паренъ:—лучше бы на эти деньги построить постоянный мостъ черезъ рѣку Великую въ Селиховѣ. А то казенную весну мостъ водою сносить, и надо наводить паромъ. Съ насъ все взыщутъ, что израсходовано на господъ.

— Эти деньги дворянскія,—поправилъ я его.—Много тысячъ пошло на празднество Пушкина, но сами дворяне обложили другъ друга и на свои денешки принимаютъ гостей. А не земство...

— Все съ насъ же возьмутъ!—увѣренно протестовалъ онъ.—Начальство теперь себя выхвалять хочетъ, вотъ и украшаетъ наши горы и зданія строить... А уѣдутъ—пойдутъ всѣ эти украшения на сломъ! Что денегъ брошено... Лучше бы намъ на рожь!

— А ты не дери глотку-то! Не дери! Чего гамкаешь, не разузнавъ дѣло?—напали на него вдругъ разомъ нѣсколько крестьянъ.—Пушкинъ святой человекъ... какъ же не святой, если говорятъ... можетъ, тоже зря болтаютъ!—что онъ раньше всѣхъ господъ своихъ крестьянъ пустилъ на волю. Какъ же этому не вѣрить? Онъ святой!.. Вотъ господа съѣдутся, можетъ, посоветуются между собой и землицы намъ прибавятъ...

— Землицы не прибавятъ, а съ насъ взыщутъ все, что израсходовано! Да еще прочія державы пріѣдутъ сюда, разсмотрятъ все въ Россіи и завоюютъ насъ... Вотъ тебѣ и земляца!

— Что съ тобой языкъ чесать!—отвѣтили ему съ неудовольствіемъ тѣ, которые ждали прибавки землицы.

Слухъ объ этой «прибавкѣ» возникъ изъ того, что правительство купило имѣніе Михайловское и не рѣшило до сихъ поръ, какъ

имъ распорядиться. Глазъ народа тотчасъ же создалъ на этотъ счетъ свои предположенія, коренящіяся на тайныхъ симпатіяхъ массъ къ господской землѣ. Можетъ быть, однако, народныя ожиданія относительно пушкинской земли до нѣкоторой степени и оправдаются. «Лучшее въ Пушкинскихъ торжествахъ—(пишутъ въ «Сынѣ Отечества», № 144)—это извѣстіе, что часть имѣнія предположено отдать крестьянамъ. Земля, нынѣ принадлежащая имѣнію Пушкиныхъ, узкою лентой протянулась среди крестьянскихъ надѣловъ, и крестьянамъ нѣтъ никакой возможности обойтись безъ этой земли. Заслышавъ, что имѣніе перейдетъ изъ рукъ Гр. Ал. Пушкина (всегда сдававшего крестьянамъ землю по дешевой цѣнѣ) въ собственность псковскаго дворянства, крестьяне чрезвычайно взволновались и буквально засыпали Григорія Александровича многочисленными письмами и просьбами не продавать имѣнія и не лишать ихъ куска хлѣба. Но само собой разумѣется, что Григорій Александровичъ собственными усиліями ничего не могъ подѣлать, тѣмъ болѣе, что доходы съ имѣнія послѣ продажи его предполагалось обратить на устройство и содержаніе литературной богадѣльни въ Михайловскомъ. Обсуждался этотъ вопросъ и въ Союзѣ писателей, такъ какъ, естественно, каждый русскій литераторъ не хотѣлъ бы, чтобы бремя содержанія богадѣльни ложилось на крестьянскія плечи. Но нынѣ этотъ вопросъ разрѣшается въ самомъ лучшемъ смыслѣ». Если газеты могутъ утверждать со словъ о «самомъ лучшемъ смыслѣ» по адресу пушкинской земли, то простому народу простительно мечтать о ней.

Пока мы разговаривали между собой, мимо насъ, въ толпѣ пробивался совсѣмъ старый крестьянинъ.

— Куда ты, старый хрѣнъ?—кричали ему, но онъ, не обращая ни на кого вниманія, подвигался впередъ.

Наконецъ, замѣтивъ меня и указывая рукой на гору, гдѣ стоялъ павильонъ, онъ задыхаясь произнесъ:

— Что тамъ такое—баринъ?! Правда, что цареву ручку цѣлуютъ?

— Правда, но тебя не пустятъ... посмѣядся я.

— Что такъ?! Бабъ пускаютъ, а мужику нельзя... Врешь ты!

Онъ полѣзъ далѣе, но съ боку меня вскорѣ послышался еще болѣе интересный голосъ.

— Иди, братъ, книжку братъ на сигарки... Сказываютъ, раздають какія-то книжки.

Оба мужика спустились съ горы и пошли по направленію къ волостному правленію.

Неужели народъ такъ чествуетъ Пушкина?—подумалъ я. Неужели ни Псковскій комитетъ, ни С.-Петербургская комиссія по организаціи чествованія величайшаго генія въ русской литературѣ ничего не предприняли для ознакомленія народа съ великимъ именемъ и удовольствовались приглашеніемъ плохихъ актеровъ и поэтовъ для прочтенія на сценѣ мало назидательныхъ для народа цитатъ

изъ любовныхъ объясненій Донъ-Жуана съ донной Анной или Димитрія Самозванца съ Мариной Мнишекъ у фонтана? Неужели литературно-художественная сторона торжествъ не нашла болѣе широкаго выраженія во имя Пушкина?

— Стихотворецъ онъ былъ,—слышу я разговоръ въ новой толпѣ мужиковъ.

— Что же это такое?—спрашиваю.—Стихи творилъ, значить?

— Должно такъ...

— Это вещи, что ли? Самые стихи-то? Ты видалъ ихъ когда нибудь?

— А Господь вѣдаетъ,—отвѣчаетъ крестьянинъ.—Говорятъ, что былъ стихотворецъ.

— Въ родѣ купца, что ли?

— Воинъ, думать надо,—глубокомысленно отвѣтилъ тотъ.—Именитый воинъ...

— Красноцвѣць!—перебилъ его молодой крестьянинъ и сталъ разъяснять мнѣ, что стихи—это складныя пѣсни. Красныя пѣсни—что дѣвки хорошия.

— Царство ему небесное,—пожелала ему одна изъ такихъ.

— Вотъ до чего дошелъ,—со смѣхомъ подхватили другія:—краснопѣвцемъ былъ и мужичкамъ нашимъ въ это время заработокъ дать черезъ сто лѣтъ.

Мужики похвалили дѣвокъ и степенно сказали:

— Мѣру православному потрудились славно эти дни... Столбики вбивали, плотничью работу справляли, землю ровняли... Поденщики у насъ стоятъ 15 коп., и то не надо! А теперь и восемь, и девять гривенъ получали отъ господъ, и лошадки наши заработали себѣ на кормъ. Спасибо красноцвѣцу... Правильный человекъ!

Я начиналъ уже уставать въ этой разноголосой толпѣ и хотѣлъ выйти изъ нея на дорогу къ дому. Но прилично одѣтый мужикъ остановилъ меня за руку и вновь собралъ вокругъ меня народъ.

— Ты самъ знаешь больше нашего, баринъ, а все разспрашиваешь... Я давно гляжу за тобой, а вотъ никто тебѣ не скажетъ того, что я скажу про господскій съѣздъ.

— Сдѣлай милость... Буду радъ.

— Чтó тебѣ про Пушкина говорятъ, то въ одно ухо впускай, а въ другое выпускай,—продолжалъ онъ.—Мы по торговой части, дуемаемъ, что господа прѣхали за барышами, а не къ Пушкину.

Я ничего не понималъ, но купецъ былъ совершенно трезвымъ и глядѣлъ умнымъ челомъкомъ.

— Между Тригорскимъ и Михайловскимъ,—продолжалъ онъ:—находится погостъ Вороничъ, а прежде здѣсь былъ городъ, да Литва его разрушила... Вотъ у насъ на купеческомъ положеніи и сказываютъ, что господа съѣзжаются въ Святые Горы будто для Пушкина, а сами, на самомъ дѣлѣ, сперва въ Тригорскомъ, а потомъ во Псковѣ

стануть совѣтоваться, какъ опять построить городъ на мѣстѣ, гдѣ былъ Вороничъ, до самыхъ Святыхъ Горъ. Уже двѣсти купцовъ изъ Москвы подписали бумагу въ томъ, что будутъ строить здѣсь лавки и торговать; да еще два полка солдатъ пригоняютъ.

— Тоже бабы—толкуютъ!—возразилъ ему другой булыня (скупщикъ льна).—Въ нашей мѣстности все бабы... Такіе языки! Пока мужикъ съ лавки валится на полъ, баба семь думъ обдумаетъ, да еще такого, чего и не было... Такіе языки! Такіе языки!

— Чего тебѣ онѣ сдѣлали? Бабы, какъ бабы... Всякій народъ есть и среди нихъ.

— Это правда, что всякія есть,—согласился женовненавистникъ.— Есть и праведныя женщины, такъ тѣ глупости не говорятъ.

— А какія глупости? Что онѣ говорятъ? — перебилъ я споръ купцовъ.

— Видишь ли,—вмѣшался въ разговоръ какой-то полунищій:— между городомъ Вороничъ и рѣкою Сыротъ была давно уже большая битва... съ литвою или французомъ—не знаю. Городъ они разрушили, но ихъ богатырь въ этихъ горахъ шапку свою потерялъ, а безъ шапки онъ не хотѣлъ возвращаться въ свою страну и остался здѣсь... Такъ бабы наши толкуютъ, а станешь смѣяться, такъ онѣ скажутъ, что сами видѣли этого богатыря здѣсь и встрѣчались съ нимъ. Вотъ теперь, какъ понаѣхали сюда господа, наши бабы и льютъ колокола о томъ, что за этой богатырской шапкой опять придутъ народы воевать насъ. Господа съѣхались, чтобы защитить себя... Тайный совѣтъ у нихъ здѣсь. Бабы все плетутъ... Что сороки въ кустахъ!

— Это и не бабы, а и мы слышали отъ своихъ стариковъ про богатыря-то,—сказали мужики.— Тутъ онъ и оставленъ. Когда придутъ народы за нимъ, онъ имъ укажетъ, гдѣ отыскать его шапку; а безъ нея у него нѣтъ такой силы... Неизвѣстно только когда придутъ искать его шапку. Господа понаѣхали сюда, бабы и вспомнили про шапку... Кто что: иной—городъ строятъотъ самага Воронича до Святыхъ Горъ, а другой войны ждетъ изъ-за богатыря. А Пушкинъ, какъ былъ добрый баринъ, и больше ничего...

— А гдѣ же этотъ богатырь скрывается?

— Да и богатыря, можетъ, нѣтъ, — съ досадою отвѣтилъ скептически настроенный купецъ.

— Какъ же такъ нѣтъ?

— А такъ нѣтъ и просто!

— Всякій тебѣ скажетъ,—перебили насъ голоса:— гдѣ скрывается богатырь... На высокой горѣ въ Вороничѣ, гдѣ церковь Егорья. На пасху, въ Свѣтлое Воскресенье, между утренней и обѣдной, счастливымъ людямъ богатырь показывается. Явится на горѣ и ведетъ коня внизъ на водопой къ рѣкѣ. Богатырище... страхъ беретъ глядѣть на него. Можетъ, господа помолятся на могилѣ Пушкина, да и поймаютъ богатыря... А то быть войнѣ изъ-за него.

Таковы представленія народа о Пушкинѣ у подножья его могилы! Правда, святогорскіе крестьяне могутъ утѣшиться всеобщимъ невѣжествомъ о Пушкинѣ. Въ Житомирѣ даже дворянство чтило не поэта Пушкина, а дворянина, возложивъ на его памятникъ вѣнокъ съ надписью: «Дворянину Пушкину». «Одинъ этотъ эпизодъ,— замѣчаетъ газета «Новое Время»,—свидѣтельствуется лучше всякихъ разъясненій о томъ, что волынское дворянство обнаружило меньшее пониманіе Пушкина, нежели псковскіе крестьяне. Если послѣдніе распространили слухи о «негнѣной головѣ» поэта, бессознательно оказавшіеся вѣрными и справедливыми, то дворяне обратили вниманіе на такую сторону, въ подтвержденіе которой нельзя подыскать въ сочиненіяхъ Пушкина ни одной черты. Пушкинъ—дворянинъ!.. Думаемъ, что Пушкинъ, всю жизнь проповѣдывавшій свободу отъ всякаго рода предрасудковъ и условныхъ путъ, съ негодованіемъ сбросилъ бы этотъ вѣнокъ со скромнаго житомирскаго памятника. Если поискать, то такихъ фактовъ наберется немало, и объясняется это тѣмъ, что у насъ очень мало, даже удивительно мало сдѣлано для изученія Пушкина». А юбилей? Содѣйствовалъ ли онъ пониманію и извѣстности Пушкина? Заставили ли «Пушкинскіе дни», напримѣръ, въ Святыхъ Горахъ, произнести народъ имя Пушкина съ благоговѣніемъ и задуматься о немъ? Довольно ли было для этого одного произнесенія его имени и одного праздничнаго шума съ разнаго рода пушкинскими обѣдами, ужинами, конфектами, этикетками, перьями и мылами съ портретами Пушкина и куплетами? Достаточно ли для чествованія національнаго поэта «господскаго съѣзда» въ Святыхъ Горахъ, чтобы смотрѣть игру г-жи Яворской въ «Каменномъ гостѣ» или слушать стихи г. Льдова?

Кажется, что этого недостаточно, и, съ своей стороны, я находилъ въ Святыхъ Горахъ полное забвеніе псковскимъ комитетомъ и с.-петербургской комиссіей по организаціи чествованія А. С. Пушкина идеи торжества, заключавшейся, разумѣется, не въ одной церковной обрядности на могилѣ поэта и не въ апплодисментахъ второстепеннымъ актерамъ и актрисамъ, но въ общемъ стремленіи комитета и комиссіи содѣйствовать популярности Пушкина въ данной мѣстности не только заранѣе обдуманнми мѣрами, но и въ общихъ собраніяхъ, съ пріѣзжими представителями печати и мѣстными дѣятелями, цѣлымъ рядомъ новыхъ проектовъ о той же самой популяризаціи Пушкина въ народѣ и объ усиленіи его вліянія на массу. Я полагаю, именно, въ этомъ, главнымъ образомъ, идею пушкинскаго торжества и пораженъ тѣмъ, что всюду она проявилась по преимуществу пѣніемъ пѣвчими г. Архангельскаго всевозможныхъ кантатъ, плохую игрою любовныхъ объясненій Донъ-Жуана съ женщинами, банальными рѣчами ораторовъ на ученическія темы о Пушкинѣ и повсемѣстнымъ чревоугодничествомъ, подъ знаменемъ пушкинскаго на насъ вліянія. Съ этой точки зрѣнія, я находилъ,

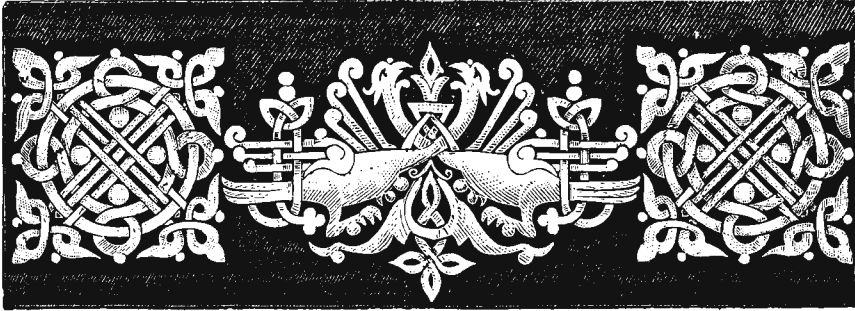
что въ Святыхъ Горахъ торжество Пушкина прошло изъ рукъ вонъ плохо, и гг. представители прессы, не говоря уже о личныхъ неудовольствіяхъ, ничего не могли измѣнить въ программѣ торжествъ и предложить на будущее время—хотя бы подписку среди 7—8 тысячъ собравшихся лицъ въ Святыхъ Горахъ и г. Псковѣ, для изданія даровыхъ о Пушкинѣ брошюръ, для организаціи цѣлаго ряда публичныхъ о немъ лекцій въ разныхъ концахъ Россіи, для сооруженія въ Святыхъ Горахъ народнаго театра, спеціально пушкинской библиотеки съ плеядою его послѣдователей, а не той, которая прикрывается его именемъ въ Святыхъ Горахъ для профанаціи и т. д.

Конечно, всѣ наши юбилейныя торжества большею частью неудачны по существу, и мое недовольство «пушкинскими днями» ничего не имѣетъ общаго съ личными обстоятельствами. Пора обратить вниманіе на то, чтобы въ будущемъ народъ не былъ захваченъ совершенно неподготовленнымъ къ пониманію среди него чествованій великихъ людей. Къ Пушкинскому юбилею готовились долго, и, разумѣется, можно было многое сдѣлать для ознакомленія съ Пушкинымъ мѣстнаго населенія въ Святыхъ Горахъ. Этотъ смыслъ юбилейныхъ торжествъ во имя Пушкина или иного впереди генія будетъ несомнѣнно осуществимъ, если во главѣ юбилейныхъ торжествъ, вмѣстѣ съ мѣстными дѣятелями, будутъ работать выдающіяся въ литературѣ имена, преслѣдующія преимущественно идейную сторону торжествъ. Разумѣется, нравственный энтузіазмъ и идеалы крупныхъ юбиляровъ проникаютъ въ массу тысячелѣтнимъ путемъ, но каждое національное торжество должно содѣйствовать имъ. Между тѣмъ празднество Пушкина въ Святыхъ Горахъ вызвало рядъ вымысловъ въ мѣстномъ населеніи, а съѣздъ господъ и литераторовъ ничѣмъ достойнымъ имени Пушкина не упрочилъ дѣйствительныя представленія о великомъ покойникѣ и знакомство съ его твореніями. Одинъ изъ поэтовъ былъ совершенно правъ, сказавъ въ Псковѣ, во время чествованія Пушкина, слѣдующіе свои стихи:

Я видѣлъ ихъ, Святныя Горы...
Тамъ ароматенъ яблонь цвѣтъ,
И соловьевъ тамъ звучны хоры...
Тамъ жилъ великій нашъ поэтъ.

—
Но все тамъ дышитъ грустью сонной.
Тамъ темень умъ, мертвы сердца,
И нашъ народъ непросвѣщенный
Не знаетъ русскаго пѣвца!

А. Фаресовъ.

АКАДЕМИЧЕСКІЙ ПУШКИНЪ.

I.

ДЛАВНѢЙШИМЪ эпизодомъ только что отпразднованнаго Россією пушкинскаго юбилея безспорно должно считать появленіе перваго тома академическаго изданія сочиненій Пупкина. Этому изданія ждали уже нѣсколько лѣтъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ. На него возлагались огромныя надежды, его готовились встрѣтить самыми взыскательными требованіями. Въ печать проникали разрозненныя свѣдѣнія о подготовительныхъ работахъ редактора, въ журналахъ появлялись разные матеріалы біографическаго и историко-литературнаго свойства и отдѣльныя изслѣдованія, подтверждавшія извѣстія о непрерывномъ движеніи дѣла. Въ началѣ текущаго года стало достовѣрно извѣстно, что первый томъ, обнимающій лицейскія стихотворенія Пушкина, выйдетъ къ 26-му мая, и вотъ наконецъ, съ небольшимъ опозданіемъ противъ этого срока, передъ нами увѣсистый томъ съ академически-внѣшительною внѣшностью, въ XX + 296 + 421 (всего почти 750) страницъ крупнѣйшаго in 8°, съ приложеніемъ портретовъ, рисунковъ, снимковъ съ рукописей, — первый изъ двѣнадцати предполагаемыхъ томовъ «Сочиненій Пушкина». Обширныя примѣчанія редактора, академика Л. Н. Майкова, усиливаютъ интересъ къ изданію и съ

напряженнымъ ожиданіемъ, разрѣзая книгу, встрѣчаете вы какъ новинку давно знакомыя, давно милыя, родныя воображенію и памяти, строки. Интересъ и вниманіе возбуждены въ высочайшей степени. Огромную книгу вы поглощаете, не отрываясь, страница за страницю, тамъ встрѣчая неожиданное слово, возстановленное по рукописи, тамъ новый стихъ, до сихъ поръ пропускавшійся издателями, тамъ цѣлый рядъ незнакомыхъ строкъ изъ какого нибудь новаго манускрипта, тамъ цѣлую новую пьесу,

То ѣдкой шутки соль,
То странность риемы новой,
Неслыханной дотоль ¹⁾.

Но вотъ стихи кончились,—идутъ примѣчанія. И здѣсь, наряду съ извѣстнымъ, даже знатокъ поминутно встрѣчаетъ новыя данныя, новыя соображенія, богатый подборъ матеріаловъ, поправокъ, сближеній, поясненій. Время и трудъ потрачены не даромъ: книга дѣлаетъ намъ Пушкина много ближе, понятнѣе, доступнѣе, раскрываетъ съ новою глубиною тайны его юношескаго творчества. Читателю ясно, что новое изданіе, каковы бы ни были его особенности, достоинства, недостатки, является во всякомъ случаѣ прочнымъ, вѣскимъ и надежнымъ основаніемъ всему дальнѣйшему изученію великаго поэта. Выработанное долготнми трудами, опирающееся само на богатые результаты предшествующихъ изслѣдователей, оно завершаетъ собою почти столѣтній періодъ русской критической и историко-литературной мысли и является преддверіемъ ко всей дальнѣйшей работѣ будущихъ поколѣній.

II.

Во всякомъ изданіи можно ясно различить и обособить вопросы о текстѣ отъ вопросовъ о толкованіи. Займемся сначала первыми. Цѣлью критическаго издателя должна быть, какъ давно извѣстно и въ частности много разъ повторено относительно Пушкина, полнота и точность. Полнота изданія выражается какъ въ полнотѣ подбора пьесъ, такъ и въ полнотѣ каждой пьесы въ отдѣльности. Академическое изданіе имѣло въ виду достичь и той, и другой, и несомнѣнно превзошло въ обоихъ отношеніяхъ всѣ ему предшествующія, поскольку рѣчь идетъ о неумышленныхъ или независящихъ отъ издателей пробѣлахъ; если же ставить вопросъ о безотносительной полнотѣ, то слѣдуетъ помнить, что изъ новаго изданія сознательно

¹⁾ I, 244. На протяженіи всей статьи Пушкинь цитируется по изданію литературнаго фонда, 7 т. т., Спб., 1887, съ указаніемъ римскою цифрою тома и арабскою страницы. Ссылки на академическое изданіе снабжены буквою А и томъ обозначены арабскою цифрою.

устранены цѣликомъ эпиграммы и стихотворенія, имѣющія излишне эротическій, циничный или кощунственный характеръ по слогу или содержанію. Противъ такого исключенія, разумѣется, ничего нельзя возразить по существу; но зато съ другой стороны полное молчаніе объ исключенныхъ пьесахъ едва ли цѣлесообразно въ критическомъ изданіи. Если не оговорить подробно, что именно исключено, то читатель, не находящій въ новомъ изданіи иныхъ несомнѣнно пушкинскихъ палостей, остается въ неизвѣстности также и касательно множества другихъ приписываемыхъ Пушкину пьесъ,—а вѣдь извѣстно, до какой степени многочисленны и грязны послѣднія. Слишкомъ достаточно для памяти Пушкина и тѣхъ грѣховъ юности, въ которыхъ онъ самъ позже такъ горько и болѣзненно упрекалъ себя, чтобы мы не считали своимъ долгомъ защитить его память отъ чужихъ незаслуженныхъ упрековъ и нареканій по поводу произведеній, въ которыхъ онъ вовсе неповиненъ. Цѣлью критическаго изданія и должно быть выясненіе съ полною достовѣрностью и съ приведеніемъ всѣхъ доказательствъ, что именно Пушкину принадлежитъ и что не принадлежитъ; а безмолвный пропускъ ничего не говоритъ и ничего не доказываетъ. Съ этой же точки зрѣнія, исключая ту или другую пьесу, нельзя гѣмъ самымъ предрѣшать и вопросъ о примѣчаніи къ ней. Нерѣдко пьеса, неудобная къ печати, по своимъ частностямъ вполне удобна къ толкованію, которое къ тому же часто прямо необходимо для пониманія, характеристики и біографіи автора. Знатоки по заглавію и намекамъ безъ труда поймутъ, о чемъ идетъ рѣчь —

И Пушкина стихи въ печати не бывали:

Что нужды? Ихъ и такъ иные прочитали! (I, 347)—

а массы читателей будутъ примѣчаніями, облегчающими болѣе полное знакомство съ поэтомъ, вполне вознаграждены за пропуски непечатныхъ текстовъ. Точно также опроверженіе, обстоятельное и достовѣрное, принадлежности той или другой пьесы Пушкину, представляя огромный самостоятельный интересъ, положительно необходимо въ критическомъ изданіи и всего необходимѣе именно тамъ, гдѣ самая пьеса почему либо къ печати неудобна. Затѣмъ, въ-третьихъ, исключая пьесу изъ текста, нѣтъ никакого повода не помѣстить въ примѣчаніи всего того, что, не нарушая благопристойности и безъ утраты всякой связи въ изложеніи, можетъ быть допущено въ печать; пьесы же, которыя цензурны хоть на половину, едва ли позволительно исключать изъ текста въ пристойной части. Такъ, напримѣръ, не говоря ужъ о такихъ невинныхъ или двусмысленныхъ и потому сохраняющихъ внѣшнюю пристойность вещахъ, какъ «Молитва лейбъ-гусарскихъ офицеровъ», «Ты хочешь знать, моя драгая», «Съ позволенія сказать», «Гауеншильдъ и Энгельгартъ» и др., возьмите двѣ пьесы лицейскаго періода пушкин-

скаго творчества, также пропущенныя въ новомъ изданіи,—«Вишню» (I, 60 сл.) и «Отъ всеоночной вечеръ идя домой» (VII, I, дополнительное примѣчаніе, — ср. Л. Н. Майковъ, «Пушкинъ», стр. 60). Въ первой изъ нихъ безусловно неприличны лишь нѣкоторые куплеты въ окончаніи, а во второй только двѣ послѣднія строки, вѣрнѣе даже одно только слово въ предпослѣдней строкѣ, за пропускомъ котораго пьеса и напечатана цѣликомъ въ указанномъ примѣчаніи фондовскаго изданія, тогда какъ въ остальномъ эти стихотворенія ничуть не «вольнѣе» многихъ мѣстъ хотя бы, напримѣръ, въ «Русланъ и Людмилъ» и даже въ лирическихъ пьесахъ въ родѣ «Леды» или «Фавна и Пастушки», цѣликомъ напечатанныхъ въ новомъ изданіи. Болѣе того, вступительныя строки «Вишни» попали даже въ школьныя хрестоматіи, и я лично помню, какъ еще въ первомъ или второмъ классѣ гимназіи намъ приходилось заучивать наизусть «Румяной зарею покрылся востокъ» и т. д.; эти же строфы положены на музыку (есть романсъ Направника), и во многихъ школахъ дѣти разучиваютъ ихъ на урокахъ хорового пѣнія; спрашивается, за что же изгнаны эти отрывки? Академическая стыдливость тутъ слишкомъ щепетильна. Всякій соблазнъ могъ бы быть устраненъ, если бы, отвѣчая всеобщимъ желаніямъ и надеждамъ, академія выпустила сочиненія Пушкина въ двухъ изданіяхъ,—дорогомъ и полномъ, за пропускомъ лишь особенно рѣзкихъ кощунственныхъ выходовъ и замѣной отдѣльныхъ словъ начальными буквами,—и дешевомъ общедоступномъ, редактированномъ съ большею строгостью. Впрочемъ, даже не мѣняя плана теперешняго изданія, можно достигнуть безъ труда надлежащей полноты, присоединивъ къ послѣднему тому лирическихъ стихотвореній дополненіе, въ которомъ были бы 1, перечислены всѣ пропущенныя достоверно-пушкинскія пьесы и приведены всѣ позволительныя въ печати отрывки изъ нихъ; 2, помѣщены примѣчанія ко всѣмъ этимъ пьесамъ и отрывкамъ, даже къ совершенно непечатнымъ, и 3, были бы перечислены, а по мѣрѣ надобности и перепечатаны, и снабжены опроверженіями и примѣчаніями, всѣ непушкинскія, но приписывавшіяся Пушкину, пьесы. Въ остальномъ, повторяемъ, по полнотѣ подбора академическое изданіе достигло, повидимому, исчерпывающей полноты, такъ какъ теперь уже трудно надѣяться на открытіе какихъ нибудь новыхъ рукописей. То же надо сказать и относительно внутренней полноты отдѣльныхъ пьесъ, такъ какъ матеріалъ рукописей уже вошелъ либо въ текстъ, либо въ примѣчанія. Единственное пожеланіе, которое можно высказать, состоитъ въ томъ, что лирическія пьесы, входяція въ составъ писемъ, дневниковъ, прозаическихъ работъ и даже поэмъ, слѣдовало бы печатать по два раза: одинъ разъ—въ контекстѣ, а другой—среди лирическихъ пьесъ на принадлежащемъ имъ хронологически мѣстѣ. Отъ этихъ повтореній никто ничего не потерялъ бы, а изданіе значительно выиграло бы въ удобствѣ

пользованія. Такъ, въ первомъ томѣ слѣдовало бы перепечатать отрывокъ «Блаженъ, кто въ шумѣ городскомъ» изъ письма къ кн. Вяземскому (VII, 1—2), полупрозаическое-полустихотворное письмо В. Л. Пушкину «Тебѣ, о Несторъ Арзамаса» (I, 156 сл.), пѣсню волшебныхъ дѣвъ «Ложится въ полѣ мракъ ночной» изъ «Руслана и Людмилы» (II, 244), эпиграмму на Шихматова, Шаховскаго и Шишкова изъ дневника и другой отрывокъ оттуда же—«Итакъ, я счастливъ былъ! Итакъ, я наслаждался!», все равно перепечатанный въ примѣчаніяхъ къ академическому изданію, стр. 272, да еще съ полнымъ контекстомъ, и пр.

III.

Еще болѣе, чѣмъ вопросъ о полнотѣ, важенъ вопросъ о точности текста. Тутъ задачи редактора въ высшей степени сложны и отвѣтственны. Установить подлинный пушкинскій текстъ порою чрезвычайно трудно. Искаженія въ него вносили подчасъ самъ авторъ въ угоду цензурнымъ требованіямъ; иногда то же дѣлали его пріятели, родные и сами цензоры; приходилось гдѣ замѣнять слово, гдѣ стихъ, гдѣ заглавіе, выкидывать гдѣ строку, гдѣ двѣ, гдѣ десять и по мѣрѣ возможности спаивать разорванное изложеніе; случилось, что его стихи появлялись въ печати безъ его вѣдома въ черновомъ, необработанномъ видѣ; не говоримъ ужъ объ опечаткахъ и прочихъ типографскихъ погрѣшностяхъ. Если такъ обстояло дѣло съ тѣмъ, что было напечатано самимъ Пушкинымъ или при его жизни, то еще плачевнѣе оказалась судьба того, что попало въ печать послѣ его смерти съ рукописей. Тутъ уже къ цензурному произволу и небрежностямъ издателей, помимо невѣрнаго и невнимательнаго чтенія неразборчивыхъ, а часто и вполне разборчивыхъ, рукописей, присоединился произволъ редакторовъ, ошибки переписчиковъ, искаженія стиховъ, сохранившихся на память и пр. Особенно возмутительная и вредная сторона этихъ редакторскихъ пропусковъ, помарокъ и поправокъ, состоитъ въ сквозящемъ въ нихъ какомъ-то бессмысленномъ страхѣ за репутацію Пушкина. Эти господа все его передъ кѣмъ-то спасали, все прикрывали своими скопческими уловками гениальную наготу пушкинскаго творчества,— причеъ каждый спасалъ по-своему, со своей точки зрѣнія, внося этимъ невообразимую путаницу и нелѣпыя противорѣчія. Всего же хуже было то, что нигдѣ не оговаривались и ничѣмъ не отмѣчались эти дикія искаженія, и, такимъ образомъ, читатели оставались въ увѣренности, будто Пушкину принадлежать замысловатая изобрѣтенія разныхъ литературныхъ добровольцевъ. Наконецъ, не безъ слѣда остались и корректурныя погрѣшности, нерѣдко самаго грубаго свойства. Вмѣсто урѣзаннаго, измѣненнаго, искаженнаго и

перевераннаго такимъ образомъ текста лишь постепенно, благодаря трудамъ позднѣйшихъ издателей и изслѣдователей, возстановлялся въ печати подлинный пушкинскій текстъ и

Созданья генія предъ нами
Вставали съ прежней красотой (I, 208).

Въ этомъ отношеніи опять-таки первымъ и единственнымъ вполнѣ достовѣрнымъ изданіемъ является новое академическое. Въ немъ впервые съ исчерпывающею полнотою привлечены къ дѣлу рукописи и прижизненные печатныя изданія Пушкина. Въ немъ заполнены пробѣлы, возстановлены изуродованныя цензурой и издателями подлинныя пушкинскія выраженія,—словомъ, стерты весь «безсмысленно» начертанный «соннымъ» перомъ «варваровъ» издателей «беззаконный рисунокъ» искажателей Пушкина. Въ немъ собраны также рукописные и печатные варианты, такъ что даже для тѣхъ, кто оказался бы не согласенъ съ академическимъ издателемъ въ выборѣ окончательной редакціи, данъ обильный матеріалъ для собственной работы и провѣрки. Словомъ, въ отношеніи документальной, дипломатической точности новое изданіе оставляетъ желать немного лучшаго. Замѣтимъ здѣсь только, что Л. Н. Майковъ въ примѣчаніяхъ ограничивается простымъ указаніемъ той рукописи, списка или изданія, которыми онъ самъ руководился, лишь иногда вдаваясь въ ихъ общее описаніе. Такимъ образомъ академическое изданіе не ставитъ своею цѣлью удовлетворить всеобщую потребность въ подробномъ описаніи всего рукописнаго пушкинскаго матеріала по образцу якушкинскихъ описаній. Считаемо поэтому умѣстнымъ тутъ же высказать отъ лица очень многихъ почитателей Пушкина пожеланіе, чтобы г. Якушкинъ выпустилъ отдѣльнымъ изданіемъ, со всѣми возможными исправленіями и дополненіями, свое замѣчательное описаніе рукописей Пушкина.

Всякое критическое, т.-е. научное, изданіе пользуется двумя основными пріемами для достиженія точности текста: сличеніемъ подлинниковъ и такъ называемою конъектуральною (догадочною) критикою. Дѣло въ томъ, что авторитетъ всякаго подлинника обязателенъ, лишь поскольку послѣдній самъ не встрѣчаетъ достаточныхъ опроверженій. Выражаясь коротко, идеальное критическое изданіе должно на основаніи текста достовѣрныхъ подлинниковъ воспроизвести вѣроятный подлинный текстъ автора. Оцѣнивая съ точки зрѣнія этого научнаго идеала новое изданіе, мы должны помнить, что оно во всякомъ случаѣ является не единоличнымъ, а коллегіальнымъ предпріятіемъ, такъ какъ составлено по предварительно выработанной программѣ, предопредѣлившей множество частныхъ подробностей работы. Соглашаясь или не соглашаясь съ редакторомъ въ той или другой особенности, необходимо отличать, гдѣ мы споримъ лично съ нимъ, а гдѣ съ академическою программою. И тутъ спра-

ведливость требуетъ опять-таки сказать, что Л. Н. Майковъ сдѣлалъ рѣшительно все, отъ него зависѣвшее, для выполненія по выработанной академіею программѣ порученнаго ему дѣла. Но зато самая программа, принятая вторымъ отдѣленіемъ императорской академіи наукъ, заключаетъ въ себѣ предначертанія, крайне стѣснительныя для редактора по части конъектуральной критики. «Въ академическомъ изданіи», гласитъ эта программа, «всѣ произведенія поэта, выпедшія въ свѣтъ при его жизни, будутъ напечатаны въ томъ именно видѣ, въ какомъ они появились въ печати на его глазахъ, притомъ въ послѣдній разъ. Исключеніе въ этомъ отношеніи будетъ допущено только для тѣхъ случаевъ, когда достоверно извѣстно, что подлинный пушкинскій текстъ былъ измѣненъ рукой цензора или другого посторонняго поправителя. Что касается произведеній Пушкина, напечатанныхъ послѣ его кончины, текстъ ихъ будетъ воспроизводимъ въ точности по его собственнымъ рукописямъ, а за отсутствіемъ таковыхъ—по копіямъ, наиболѣе заслуживающимъ довѣрія» (А.1, стр. VII—VIII). Изъ этого уже ясно, что академія совершенно устранила конъектуральную критику и задалась цѣлью выработать не столько критическое, сколько дипломатическое изданіе Пушкина. Критическимъ оно можетъ быть названо лишь относительно другихъ изданій, ему предшествовавшихъ, но не относительно тѣхъ подлинниковъ, на которыхъ основано. Въ отношеніи къ послѣднимъ рамки изданія не оставляютъ вовсе мѣста личному усмотрѣнію редактора—и нельзя не пожалѣть, что столь авторитетный ученый и такой выдающійся знатокъ Пушкина, какъ Л. Н. Майковъ, съ чрезвычайною строгостью и послѣдовательностью оставался въ предѣлѣ этихъ рамокъ, лишь въ немногихъ случаяхъ переступая границу своихъ полномочій, такъ какъ, превознося исполненіе, невозможно согласиться съ основаніями программы. Въ противность выставленному выше общему научному идеалу, послѣдняя именно предписывала издателю установить текстъ подлинниковъ, оставляя за ними всю отвѣтственность за подлинность текста, даже тамъ, гдѣ ихъ недостоверность очевидна. Это менѣе научно, чѣмъ академично.

Обращаясь къ частному разбору программы, начнемъ съ вопроса о правописаніи. По буквѣ программы въ академическомъ изданіи должно бы было быть соблюдено правописаніе подлинниковъ; однако, всякому извѣстно, что это—невозможное требованіе, которое и не выполнено въ дѣйствительности. Правописаніе Пушкина всегда хромало и никогда не отличалось послѣдовательностью даже въ неправильностяхъ: его особенности такъ непостоянны, что нерѣдко на протяженіи двухъ строкъ одно и то же слово написано у него троякимъ способомъ, не говоря ужъ объ опискахъ, которыя у Пушкина чрезвычайно обильны. Правописаніе его печатныхъ изданій опять-таки существенно отличалось отъ правописанія рукописей,

ибо Пушкинъ рѣдко издавалъ самъ свои произведенія, довѣряя это редакторамъ журналовъ и альманаховъ или своимъ знакомымъ— князю Вяземскому, Гнѣдичу, Плетневу. Изъ этого достаточно ясно, что самъ Пушкинъ не придавалъ особаго значенія орфографіи, хотя и интересовался нѣкоторыми ея подробностями, отнюдь не всегда будучи счастливъ въ рѣшеніи своихъ затрудненій (V, 127; V, 136; ср. VII, 87). Онъ и тутъ не былъ и не хотѣлъ быть нововводителемъ,—черта его ума, вѣрно отмѣченная Страховымъ въ самомъ творчествѣ поэта¹⁾. «Грамматика не предписываетъ законовъ языку, но изъясняетъ и утверждаетъ его обычаи» (V, 165)—это мнѣніе Пушкина вполне примѣнимо и къ правописанію, и потому, слѣдуя его собственнымъ принципамъ, должно считать пушкинскимъ правописаніемъ господствующее правописаніе его эпохи. Дѣло нѣсколько усложняется тѣмъ, что при Пушкинѣ господствующее правописаніе очень колебалось. Въ виду этого, кажется, лучшимъ способомъ было бы принять за основаніе тѣ прижизненныя изданія произведеній Пушкина, которыхъ корректуру онъ лично самъ держалъ, т.-е. главнымъ образомъ «Исторію пугачевского бунта» и отчасти то, что было имъ напечатано въ «Современникѣ», такъ какъ правописаніе этихъ изданій было во всякомъ случаѣ имъ самимъ одобрено. Пособіемъ къ выясненію его правилъ было бы сравненіе правописанія его произведеній, изданныхъ не имъ самимъ, съ ихъ перепечатками, произведенными подъ его личнымъ наблюденіемъ, такъ какъ всѣ нововведенія послѣднихъ дали бы цѣнный въ данномъ случаѣ матеріалъ. Въ остальномъ же, какъ кажется, слѣдовало бы руководствоваться правописаніемъ екатерининскаго академическаго словаря, за которымъ Пушкинъ признавалъ рѣшающій авторитетъ даже въ вопросахъ слога (III 245). Признаемся, конечно, что воспользоваться перечисленнымъ матеріаломъ въ указываемомъ здѣсь смыслѣ—составило бы предметъ необычайно сложнаго и утомительнаго труда, требующаго невѣроятнаго трудолюбія и терпѣнія; но зато ученый, который эмпирически установилъ бы начала «пушкинскаго» правописанія—мы видѣли, какой смыслъ имѣетъ это выраженіе—внесъ бы драгоцѣнный вкладъ въ исторію русской грамматики и далъ бы возможность впервые получить пушкинское начертаніе пушкинскаго текста. Такъ какъ до сихъ поръ этотъ трудъ никѣмъ не выполненъ, то и академическое изданіе не представляетъ ни малѣйшаго успѣха сравнительно съ предшествующими, поневолѣ соблюдая современное академическое правописаніе и лишь кое-гдѣ и весьма непослѣдовательно отступая отъ него ради близости къ подлинникамъ. Этой пестроты можно не ставить ему въ упрекъ, но и примириться съ нею нѣтъ никакой возможности.

¹⁾ Страховъ, Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ, 2-е изданіе, Кіевъ, 1897, стр. 37 слл.

Еще менѣе выполняема буква академической программы въ отношеніи къ разстановкѣ знаковъ препинанія. Никто рѣшительно не заботится о ней въ черновыхъ рукописяхъ, а поэты—меньше всѣхъ: это каждому извѣстно. Пушкинъ же былъ совершенно къ ней равнодушенъ даже въ чистовыхъ рукописяхъ и въ печати, кромѣ только тѣхъ случаевъ, гдѣ отъ слишкомъ явныхъ неправильностей грубо извращался смыслъ. Надо притомъ замѣтить, что и вообще разстановка знаковъ препинанія больше основывается на обычаяхъ и инстинктѣ, чѣмъ на какомъ нибудь законѣ или правилѣ, и требованіе, чтобы она не мѣшала смыслу, — кажется, дѣйствительно, единственное всеобщее и безспорное къ ней требованіе. Въдѣ разстановка знаковъ въ сущности не что иное, какъ первичный приѣмъ толкованія текста, отчасти помогающій читателю въ правильномъ пониманіи, но всего болѣе предохраняющій текстъ отъ непониманій и лжетолкованій. Между тѣмъ никакой авторъ не въ состояніи предвидѣть всѣхъ недоразумѣній своихъ будущихъ читателей и съ должною предусмотрительностью оградить отъ кривотолковъ свою мысль всѣми нужными запятыми, тире, многоточіями, скобками и т. д., — не въ состояніи отчасти именно потому, что одинъ только и понимаетъ свои мысли во всей ихъ полнотѣ и прямотѣ. Отсюда и происходитъ то извѣстное каждому явленіе, что авторы обыкновенно ограничиваются возможно мѣньшимъ, а издатели стремятся къ возможно большому числу знаковъ. Это даже психически неизбежно. Оттого-то авторская разстановка знаковъ никоимъ образомъ не можетъ быть признана обязательною для издателя, даже тогда, когда достоверно извѣстно, что авторъ придавалъ ей особенное значеніе. Всего же менѣе, какъ сказано, можетъ она быть признана обязательною для издателя Пушкина, и никакъ нельзя согласиться съ мнѣніемъ г. Якушкина, будто издателю слѣдуетъ сохранять пушкинскую разстановку знаковъ препинанія; впрочемъ оговоркою «гдѣ возможно, т.-е. въ большинствѣ случаевъ» онъ и самъ опровергаетъ свою мысль¹⁾. Единственный случай, когда подлинникъ является непререкаемымъ авторитетомъ, — это тѣ періоды, гдѣ по смыслу трудно рѣшить, къ какому главному предложенію относится то или другое придаточное, или къ какой части предложенія данныя слова или данное предложеніе составляютъ дополнительный членъ. Въ остальномъ отъ издателя можно требовать только, чтобы въ разстановкѣ знаковъ препинанія онъ безъ основательныхъ причинъ не противорѣчилъ по существу тѣмъ немногимъ печатнымъ изданіямъ, которыя вышли подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Пушкина, и притомъ былъ строго послѣдователенъ на всемъ протяже-

¹⁾ О Пушкинѣ. Статьи и замѣтки В. Е. Якушкина. Москва. 1899, стр. 128 прим. Прибавимъ, что и «возможно» то (поскольку возможно) никакъ не въ большинствѣ случаевъ.

ни изданія.—Л. Н. Майковъ, стараясь быть вѣренъ академической программѣ, все же вынужденъ былъ поступить относительно знаковъ такъ же, какъ и въ дѣлѣ правописанія: онъ ставитъ знаки препинанія по академическимъ современнымъ правиламъ, лишь по возможности, хотя и чаще, чѣмъ относительно орѳографіи, измѣняя послѣднимъ ради близости къ подлинникамъ. Однако и тутъ хотѣлось бы болѣе независимости въ поправкахъ,—въ интересахъ не только читателей, но и самага текста. Приведу два очень наглядныхъ примѣра. Въ пьесѣ «Блаженство» (А.1, 48 — 51; прим. стр. 55 сл.), сохраняя знаки подлинника, мы жестоко искажаемъ текстъ, приписывая Пушкину совершенно безграмотный оборотъ рѣчи, въ которомъ онъ вовсе неповиненъ: я имѣю въ виду стихи 16—20:

Богъ дѣсовъ, въ дугу склонившись
Надъ искривленной клюкой,
За кустами притаившись,
Слушалъ пѣсенки ночной,
Въ ладъ качая головой.

Само собой очевидно, что въ предпослѣднемъ стихѣ запятая стоитъ не на мѣстѣ, ибо глаголь слушать управляетъ винительнымъ, а не родительнымъ падежемъ: «ночную пѣсенку», а не «ночной пѣсенки». Вполнѣ ясно, что, невзирая ни на какой подлинникъ, мы должны читать:

Слушалъ, пѣсенки ночной
Въ ладъ качая головой,

т. е. «качая головою въ ладъ ночной пѣсенки». Глаголь слушать поставленъ здѣсь несомнѣнно въ переходящемъ смыслѣ.—Другой, не менѣе наглядный, примѣръ—первые четыре стиха стихотворенія «Разлука» (А.1,275):

Въ послѣдній разъ, въ сѣнь уединенья,
Моимъ стихамъ внимаешь нашъ пенать.
Лицейской жизни милый братъ,
Дѣлю съ тобой послѣднія мгновенья.

Здѣсь изъ-за пропуска запятой текстъ теряетъ всякій смыслъ: читать, разумѣется, слѣдуетъ:

Лицейской жизни, милый братъ,
Дѣлю съ тобой послѣднія мгновенья,

т. е., «милый братъ, дѣлю съ тобою послѣднія мгновенья лицейской жизни», ибо Пушкинь не могъ обратиться къ Кюхельбекеру съ нелѣпымъ восклицаніемъ «братъ лицейской жизни», не сказавъ притомъ, чего именно послѣднія мгновенья онъ съ нимъ дѣлитъ.—Въ видѣ дополненія можно привести и третій примѣръ, хотя въ немъ

поправка покажется, быть может, и не так действительно необходимою: именно, стихи изъ посланія «Къ Батюшкову» (А.1, 56—59):

Гдѣ мы навидѣлись всего,
Гдѣ «всѣ чудовища гесенны
«На жертву агнцы обреченны»,
Гдѣ нѣтъ лишь смысла одного,

по-моему должно печатать нѣсколько иначе:

Гдѣ мы навидѣлись всего,
Гдѣ всѣ чудовища гесенны,
На жертву агнцы обреченны,
Гдѣ нѣтъ лишь смысла одного,

ибо они представляютъ изъ себя несомнѣнную градацію, а не нарушающую развитіе насмѣшки цитату. Впрочемъ, этотъ вопросъ могъ бы быть рѣшенъ съ безусловною достовѣрностью, когда бы выяснено было кстати, кто такой тотъ «Клитъ», о которомъ говорится въ посланіи. На кого тутъ намекаетъ Пушкинъ? Въ примѣчаніяхъ ничего на сказано. Еще: въ ст. 72 несомнѣнно «Грифону» лишь искаженіе вмѣсто «Графону», т. е. графу Хвостову,—ср. ниже, стр. 199, прим. 23.

Наряду съ вопросомъ о правописаніи, академическая программа, стѣсняя конъектуральную критику, совершенно не предусматриваетъ неизбежнаго вопроса объ опискахъ и опечаткахъ подлинниковъ. Замѣтимъ, что, не говоря объ опечаткахъ, пропущенныхъ издателями и недосмотрѣнныхъ въ корректурѣ самимъ авторомъ, даже въ рукописяхъ возможны, а у Пушкина — очень часты, описки не только переписчиковъ, но и самого автора. Бываютъ, конечно, случаи сомнительные: тутъ, разумѣется, умѣстна и похвальна крайняя осторожность; но бываютъ случаи, гдѣ ошибка очевидна: что же должно въ этихъ случаяхъ предпочесть,—самое искаженіе или вѣроятный подлинный текстъ? Во всѣхъ научныхъ изданіяхъ конъектуральныя поправки считаются не только дозволенными, но прямо обязательными для редактора, подѣ тѣмъ лишь непремѣннымъ условіемъ, чтобы въ примѣчаніяхъ дипломатически точно были указаны всѣ отступленія отъ буквы подлинниковъ; академическая же программа не даетъ издателю права на конъектуральныя поправки не только въ текстѣ, но даже въ примѣчаніяхъ, и такимъ образомъ читателю дается безъ оговорокъ текстъ подлинника даже тогда, когда сама собою напрашивается мысль не только о наличности искаженія, но и о вѣроятномъ подлинномъ текстѣ. Укажемъ примѣры, сперва авторскаго недосмотра, затѣмъ ошибки переписчика и наконецъ — опечатки.

Извѣстно, что Пушкинъ крайне причудливо ставилъ прописныя буквы: то имена собственные онъ писалъ со строчной буквы, то отвлеченныя существительныя — отечество, поэзія, вдохновеніе, ли-

тература, авторъ—съ буквы прописной. Эта причудливость особенно сбивчива тамъ, гдѣ поэтъ прибѣгаетъ къ олицетвореніямъ, напримѣръ въ сказкѣ «Амуръ и Гиленей» (А.1, 185—186; прим. стр. 235—240). Въ ней дѣйствующихъ лицъ всего два, что ясно и изъ заглавія; однако, въ первоначальной редакціи ихъ было три—Амуръ, Гиленей и Дурачество. Позднѣе Пушкинъ изгналъ третье олицетвореніе, вычеркнувъ слова «богиня дура», и замѣнилъ слово «дурачество» словомъ «безуміе» (folie вмѣсто sottise). По ходу измѣненной такимъ образомъ мысли слова

шалуну пришла жъ охота,
Чтобъ, людямъ на смѣхъ и на зло,
Его безуміе вело,

съ очевидностью выражаютъ въ окончательной редакціи только то, что Амуръ носитъ добровольно повязку на глазахъ: сообразно съ этимъ, когда безуміе ему наскучило, онъ снимаетъ повязку—и тѣмъ самымъ разстается съ безуміемъ, тѣмъ болѣе, что, если бы дѣло шло объ олицетвореніи безумія, то вѣдь оно могло бы вести его и безъ повязки, — соображеніе, которое и объясняетъ намъ, почему Пушкинъ счелъ нужнымъ устранить совершенно излишнее первоначальное олицетвореніе. Однако, отъ прежней редакціи осталась прописная буква — и, вопреки поправкамъ автора, читатель донинѣ получаетъ впечатлѣніе олицетворенія, чѣмъ, конечно, нарушается единство и цѣльность сказки.—Зато на основаніи прямо противоположныхъ умозаключеній слѣдовало бы въ стихотвореніи «Разсудокъ и Любовь» (А.1, 108 — 109) печатать «Разсудокъ» все время съ прописной буквы, совершенно независимо отъ рукописей, хотя и тождественныхъ между собою (А.1, прим. стр. 108).

Примѣръ ошибки переписчика мы имѣемъ въ посланіи «Къ сестрѣ» (А.1, 13 — 17; прим. стр. 22—26). Л. Н. Майковъ печатаетъ его по списку О. С. Павлицевой, въ виду авторитетности списка устраняя даже изъ примѣчаній варианты другихъ списковъ, и, оставаясь вѣренъ буквѣ академической программы, сохраняетъ двѣ очевидныя орфографическія ошибки своего подлинника:

Тайкомъ взошедъ въ дивану (ст. 23)

вмѣсто «диванну», такъ какъ рѣчь идетъ о диванной комнатѣ, и

Къ волшебной Ипокренъ (ст. 77)

вмѣсто «Ипокренъ». Относительно первой ошибки не можетъ быть и сомнѣній; но едва ли можно сомнѣваться и въ томъ, что и вторая принадлежитъ переписчицѣ, а не автору. Правда, въ стихахъ

Тобою пренесенный
Къ волшебной Ипокренъ,
И въ кельѣ я блаженъ

риема пренесенный и Ипокренъ неудачна; но Пушкинъ даже въ зрѣломъ возрастѣ разсѣянно смѣшивалъ въ женскихъ окончанiяхъ звукъ *ы* и звукъ *ь*,—такъ, напримѣръ, стихъ

Точь въ точь въ Вандиковой Мадоннѣ

въ третьей главѣ «Евгенiя Онѣгина» (III, 282) въ первомъ изданiи былъ имъ напечатанъ съ грамматической ошибкою

Какъ у Вандиковой Мадоннѣ

и лишь позднѣе исправленъ по указанiю Булгарина и Б. Оедорова. Слѣдовательно, неисправность риемы здѣсь не имѣетъ значенiя, не говоритъ противъ принадлежности стиха Пушкину. Напротивъ, «Ипокренъ» вмѣсто «Ипокрена»—такого рода галлицизмъ, который никогда и нигдѣ не встрѣчается у Пушкина и, напротивъ, вполне вѣроятенъ подъ перомъ его сестры. Болѣе того, Пушкинъ даже несклоняемыя французскiя имена собственныя снабжалъ охотно русскими окончанiями и склонялъ,—ближайшiй примѣръ—стихотворенiе того же 1814-го года, чтò и посланiе «Къ сестрѣ»,—посланiе «Къ молодой актрисѣ» (А.1, 44 сл.), гдѣ въ первомъ же стихѣ

Ты не наслѣдница Клероны

французское имя Клеронъ превращено въ Клерона. Замѣтимъ, притомъ, что, если Ипокренъ риемуется съ блаженъ, то стихъ

Тобою пренесенный

остаётся холостымъ—случай, весьма рѣдкiй у Пушкина даже въ его юношескихъ стихотворенiяхъ, вопреки его собственному,—впрочемъ, подражательному (см. ниже, стр. 212)—признанiю въ посланiи «Моему Аристарху» (А.1, 153, стихи 14 сл.). Притомъ, если ужъ непремѣнно доискиваться холостыхъ риемъ, то мы въ этомъ же самомъ посланiи «Къ сестрѣ» имѣемъ несомнѣнный примѣръ, да еще при той именно обстановкѣ, которая указана въ посланiи къ Аристарху,—холостая риема, около которой

Бѣгутъ трехстопные толпой
На аю, аеть и на ой:

я именно подразумѣваю стихъ 52-й—«Пиччини иль Рамо»:

Иль звучнымъ фортепяно
Подъ бѣглою рукой
Моцарта оживляешь?
Иль тоны повторяешь
Пиччини иль Рамо?
Но вотъ ужъ я съ тобою—
И въ радости нѣмой
Твой другъ расцвѣлъ душою.

Во всякомъ случаѣ, какъ ни авторитетенъ собственноручный списокъ О. С. Павлицевой, едва ли можно признать его авторитетнымъ въ ореографическомъ отношеніи: гдѣ порука, что переписчица заботилась о дипломатической точности въ отношеніи правописанія? — Другой примѣръ искаженій переписчика мы имѣемъ въ первомъ четверостишіи стихотворенія «Она» (А.1, 246), гдѣ стихи

«Печалень ты? Признайся,—что съ тобою?»
 «Люблю, мой другъ!»—«Но кто жъ тебя плѣнилъ?»
 «Она».—«Да кто жъ,—Глицера ль, Хлоя, Лиля?»
 «О, нѣтъ!»—«Кому жъ ты жертвуешь душою?»

искаженные переписчикомъ, совершенно правильно возстановлялись въ прежнихъ изданіяхъ (I, 160) слѣдующимъ образомъ:

«Печалень ты? Признайся,—что съ тобою?»
 «Люблю, мой другъ!»—«Но кто-жъ тебя плѣнила?»
 «Она».—«Да кто жъ,—Глицера ль, Хлоя, Лиля?»
 «О, нѣтъ!»—«Кому жъ ты жертвуешь душой?»

Доказать предпочтительность второго чтенія очень легко: мы въ немъ встрѣчаемся лишь съ одною трудностью—неудачнымъ оборотомъ «кто жъ тебя плѣнила» вмѣсто «плѣнилъ». Оборотъ, безспорно, неудачный; но это не дѣлаетъ его неправдоподобнымъ, особенно въ такомъ изъ рукъ вонъ слабымъ стихотвореніи, какъ настоящее. Напротивъ, принимая текстъ рукописи, мы совершенно искажаемъ форму пьесы: въ ней оказываются двѣ холостыя рѣмы—плѣнилъ и Лиля; а, кромѣ того, стихи 4 и 5 оказываются не рѣмующими женскими строчками,—вольность, которой Пушкинъ такъ не любилъ, что для избѣжанія ея даже октавы начиналъ попарно то мужскимъ, то женскимъ стихомъ. Одинъ неловкій синтаксически оборотъ всегда правдоподобнѣе четырехъ неловкостей версификаціи на пространствѣ четырехъ строкъ у Пушкина даже въ лицейскую пору. Замѣчу, что оборотъ «кто жъ тебя плѣнила», при всей своей уродливости, имѣетъ пушкинскій характеръ: предлагаю сравнить столь же неловкій, но безспорно пушкинскій оборотъ (А.1, прим. стр. 248):

Браней забаву
 Любить... не я!

И тутъ и тамъ нарушается соподчиненіе подлежащаго и сказуемаго. —Третій примѣръ даетъ намъ французская эпиграмма, которой подражалъ Пушкинъ въ эпиграммѣ «Твой и мой» (А.1, 216; прим. стр. 281):

Le Tien-et-Mien, dit La Fontaine,
 Du monde a rompu le lien.
 Quant à moi, je n'en sais rien,
 Car que serait-ce, Clemence,
 Si tu n'étais pas la mienne,
 Si je n'étais pas le tien?

На основаніи размѣра первую строку надо читать

Tien-et-Mien, dit La Fontaine,

тѣмъ болѣе, что у Лафонтена также сказано Tien-et-Mien, а не le Tien-et-Mien, а на основаніи риѣмы четвертый стихъ—

Car que serait-ce, Climène.

По связи мыслей здѣсь же прибавлю, что изъ-за пестроты правописанія академическаго изданія трудно рѣшить, имѣемъ ли мы, въ примѣчаніи къ сказкѣ «Амуръ и Гименей» (см. выше), случай невольной опечатки издателя или сознательнаго воспроизведенія описки Пушкина въ стихѣ

Къ Дурачеству пришла охота,

который по смыслу необходимо читать

Къ Дурачеству прошла охота.

Такихъ сомнительныхъ мѣстъ, гдѣ не знаешь, новая ли тутъ опечатка, или воспроизведеніе старой, очень много въ академическомъ изданіи. Напримѣръ, въ сказкѣ «Бова» (А.1, 96 слл.) стихъ 42-й напечатанъ

Царь Додонъ со славою царствовалъ,

тогда какъ несомнѣнно должно быть

Царь Додонъ со славою царствовалъ.

Таковы же «тобою» вмѣсто «тобой» въ стихѣ 5-мъ втораго посланія къ Галичу (А.1, 148), «рукою» вмѣсто «рукой» въ стихѣ 71-мъ пьесы «На возвращеніе государя императора» (А.1, 165). Еще любопытнѣе два слѣдующихъ разногласія: въ стихѣ 31-мъ стихотворенія «Городокъ» (А.1, 67) мы читаемъ «камелькомъ», а въ стихѣ 56-мъ пьесы «Лицинію» (А.1, 115) — «комелькомъ», — между тѣмъ ни та, ни другая пьеса въ рукописи не сохранились, а напечатаны были обѣ въ 1815 году въ «Россійскомъ Музеумѣ» (А.1, прим. стр. 73—74 и 120), т. е., очевидно, согласно однимъ и тѣмъ же правиламъ правописанія. Второй случай еще курьезнѣе: въ стихѣ 15-мъ пьесы «Наполеонъ на Эльбѣ» (А.1, 104—107) мы встрѣчаемъ слово «челнъ», а въ стихѣ 35-мъ — «чолнъ». Здѣсь мы, конечно, говоримъ лишь о напрашивающихся затрудненіяхъ; тамъ же, гдѣ одно разночтеніе опирается на рукопись, а другое на печатный текстъ, положеніе нѣсколько яснѣе, хотя и то не всегда: напримѣръ, весьма сомнительно, что правильнѣе, Телемахида, какъ напечатано въ пьесѣ «Къ другу стихотворцу» (А.1, 18) съ печатнаго текста «Вѣстника Европы» (А.1, прим. стр. 26), или Тилемахида въ посланіи въ Жуковскому (А.1, 254; ср. Тилемахъ, тамъ же, стихъ 43-й), печатанномъ съ рукописи (А.1, прим. стр. 340—341). Если все это недосмотры, то бѣды больш

шой нѣтъ, ихъ нетрудно исправить, и никто въ мірѣ не поставитъ ихъ въ упрекъ издателю въ книгѣ болѣе, чѣмъ въ 40 печатныхъ листовъ; но если это плоды документальности, то не являются ли они нагляднѣйшимъ доказательствомъ, что академическая программа въ данномъ отношеніи совершенно несостоятельна?

Наконецъ, примѣръ воспроизведенія очевидной опечатки мы имѣемъ въ стихотвореніи «Измѣны» (А.1, 7 — 10; прим. стр. 19—21) въ стихахъ

Ахъ, возвратися,
Радость очей,
Хладно тронися
Грустью моей!

которые всѣми прежними издателями въ виду явной опечатки «Россійскаго Музеума» вполне резонно исправлялись по догадкѣ:

Хладна, тронися
Грустью моей!

Къ сказанному остается лишь прибавить, что академическая программа не предусматриваетъ возможности провѣрять погрѣшности позднѣйшихъ прижизненныхъ изданій рукописями, такъ какъ допускаетъ это лишь для поправокъ, достовѣрно сдѣланныхъ постороннею рукою. По всей справедливости можно было бы не стѣснять такими узкими рамками работу столь авторитетнаго и опытнаго издателя, какъ Л. Н. Майковъ, и предоставить ему вносить въ текстъ всѣ конъектуральныя поправки, какія окажутся нужными, съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы онѣ были оговорены и мотивированы въ примѣчаніяхъ съ сообщеніемъ всякій разъ буквального текста подлинника.

Въ заключеніе приведу еще одно замѣчаніе, затрудняясь рѣшить, имѣемъ ли мы тутъ дѣло съ опиской автора, переписчика, съ опечаткой или неудачнымъ исправленіемъ чужими руками. Въ посланіи къ Галичу (А.1, 150) стихи 64—69 всегда читались:

Или—мудрецъ придворный—
Съ улыбкою притворной,
Предъ лентою цвѣтной
Поникнувъ головой,
Съ вертушкою слѣпой
Знакомится желаешь.

Я вижу въ нихъ неточность. Ни по характеру или общественному положенію Галича, ни по смыслу пьесы, его никакъ нельзя было назвать «придворнымъ мудрецомъ». Не имѣемъ ли мы дѣло просто съ неправильною разстановкою словъ и не слѣдуетъ ли читать

Или—мудрецъ притворный—
Съ улыбкою придворной и проч.

При такой перестановкѣ получается вполне удовлетворительный смыслъ. «Притворный мудрецъ» очень удачное выраженіе для характеристики показной, лицемѣрной независимости, а выраженіе «придворная улыбка» вмѣсто «подобострастная» — и тоже очень удачное выраженіе — встрѣчается у Пушкина и въ другомъ лицейскомъ стихотвореніи — въ «Посланіи Лидѣ» (А.1, 190, стихъ 46-й).

IV.

Обращаемся къ важнѣйшей части возстановленія пушкинскаго текста — къ вопросу о вариантахъ. И тутъ академическая программа должна быть признана излишне-стѣснительною для издателя по ея чрезмѣрному формализму. Прежде всего, въ ней придается слишкомъ большое значеніе прижизненнымъ изданіямъ. Перепечатывая ихъ безо всякихъ отступленій, кромѣ случаевъ, когда достоверно извѣстно, что подлинный пушкинскій текстъ былъ измѣненъ рукой цензора или другого посторонняго исправителя¹⁾, академія несомнѣнно во многихъ случаяхъ подмѣняетъ намъ подлинный текстъ Пушкина текстомъ своихъ подлинниковъ. И дѣйствительно, по буквѣ программы издатель лишенъ права возстановлять первоначальный рукописный текстъ въ тѣхъ, на примѣръ, случаяхъ, когда самъ поэтъ, хотя бы вопреки своимъ ожиданіямъ, намѣреніямъ и художественнымъ требованіямъ, вынужденъ былъ переправлять его въ угоду цензурѣ. «Искаженіями», конечно, авторскія поправки назвать мудрено; но столь же трудно въ указанномъ случаѣ назвать ихъ усовершенствованіями. Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что обязанность критическаго издателя — возстановить затушеванный, хотя бы и съ авторскимъ искусствомъ, текстъ, а вынужденныя поправки отнести въ примѣчанія. Извѣстно, далѣе, что многія строфы изъ «Евгенія Онегина» были добровольно откинута Пушкинымъ въ печати, хотя и не по цензурнымъ соображеніямъ: однако, разъ ихъ мѣста отмѣчены цифрами, критическое изданіе должно возстановить ихъ текстъ, оговоривъ только всѣ пропуски въ примѣчаніяхъ, такъ какъ Пушкинъ, находя ихъ, можетъ быть, слишкомъ интимными для обнародованія при своей жизни, все же цифрами какъ бы завѣщаль въ посмертныхъ изданіяхъ вос-

¹⁾ Мы замѣтили впрочемъ одно своеобразное отступленіе отъ этого принципа: въ пьесѣ «Липцинію» (А.1, 114 сл.) пропущено подзаглавіе «съ латинскаго». Самъ Л. Н. Майковъ говоритъ (А.1, прим. стр. 120), что это подзаглавіе сохранялось въ обоихъ прижизненныхъ изданіяхъ и откинута лишь въ посмертномъ. Объясненія на стр. 123 — 124 примѣчаній ничѣмъ не объясняютъ, почему въ данномъ случаѣ посмертное изданіе предпочтено всѣмъ прижизненнымъ. Прибавимъ, что въ примѣчаніяхъ редактора мы замѣтили противорѣчіе: на стр. 120 сказано, что стихотвореніе впервые было напечатано въ 1815 году, а на стр. 123 «первое изданіе» пьесы отнесено къ 1826 году.

полнить пробѣлы въ должномъ порядкѣ. То же слѣдуетъ сказать и о случаяхъ, когда Пушкинъ замѣнялъ имена собственныя звѣздочками или начальными буквами: вѣдь не могъ же онъ желать скрыть отъ потомства тѣ самыя имена, которыя желалъ прославить своими стихами. Засимъ, нельзя же серьезно отдавать предпочтеніе печатному тексту передъ рукописнымъ, когда та или другая пьеса была опубликована при жизни Пушкина и «на его глазахъ», но безъ его дозволенія, а потому въ черновомъ, авторомъ уже откинутомъ въ рукописи, видѣ. Это—о печатныхъ подлинникахъ. Но и относительно рукописей программу нельзя признать безусловно цѣлесообразною, такъ какъ она, хотя и будучи выражена очень широко, все же исключаетъ одинъ изъ главнѣйшихъ пріемовъ научной критики—выработку сводныхъ текстовъ. Академія дозволяетъ издателю только выборъ основнаго подлинника, совершенно умалчивая о взаимной повѣркѣ рукописей ихъ сличеніемъ: едва ли цѣлесообразное умолчаніе, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что порою подлинный текстъ, искаженный (особенно пробѣлами) въ лучшихъ спискахъ, сохраняется всего лучше и полнѣе рукописями, въ остальномъ наименѣе удовлетворительными. Далѣе, въ программѣ совершенно не предусмотрено огромной важности вопросъ,—вопросъ о пьесахъ въ начатой, но не оконченной переработкѣ. Тутъ положительно необходима выборка вариантовъ и составленіе своднаго текста. Представимъ себѣ, напримѣръ, случай, когда поэтъ только потому и вносилъ нѣкоторыя поправки въ началѣ пьесы, что имѣлъ въ виду сдѣлать какое нибудь исправленіе и въ концѣ ея, но, убѣдясь за работою въ коренной неисправимости стихотворенія, бросилъ свои поправки на половинѣ: само собою разумѣется, что въ такихъ случаяхъ въ текстъ должны быть включены лишь тѣ поправки, которыя не противорѣчатъ первоначальной редакціи, прочія же, хотя и позднѣйшія по времени, слѣдуетъ отнести въ примѣчанія. Между прочимъ, именно такъ и поступилъ Л. Н. Майковъ тамъ, гдѣ могъ не стѣсняться программю,—въ примѣчаніяхъ, печатая въ первоначальномъ (безъ недоконченныхъ исправленій) видѣ откинутое позднѣе Пушкинымъ вступленіе къ пьесѣ «Уныніе» (А.1, прим. стр. 295 сл.). Нельзя, разумѣется, отрицать, что академическая программа предпочла важное преимущество новаго изданія передъ всѣми предшествующими: полный произволъ прежнихъ издателей замѣненъ въ ней опредѣленнымъ объективнымъ критеріемъ—документальностью, который даетъ почву для спора и формальное единство выбору вариантовъ, тѣмъ болѣе, что матеріалъ подлинниковъ собранъ въ примѣчаніяхъ, и такимъ образомъ читатель можетъ самъ внести нужныя, по его мнѣнію, измѣненія. Однако, чтобы не быть голословными, остановимся на нѣсколькихъ поясняющихъ наши возраженія примѣрахъ.

Наиболѣе наглядно для насъ въ данномъ случаѣ посланіе къ Дельвигу (А.1, 136 сл.; прим. стр. 157 сл.). Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что рукопись московскаго публичнаго музея № 2364, съ которой Л. Н. Майковъ печаталъ это посланіе, содержитъ въ себѣ лишь начатую, но не законченную передѣлку. Помимо мелкихъ доводовъ, тому имѣется два формальныхъ доказательства: 1) въ музейной рукописи сохранено подзаглавіе, указывающее, что пьеса составляетъ отвѣтъ на посланіе Дельвига¹⁾, а между тѣмъ изъ текста исключены всѣ стихи, соотвѣтствующіе этому подзаглавію: очевидный недосмотръ, возможный только при черновой, незаконченной передѣлкѣ; 2) еще болѣе вѣское доказательство состоитъ въ томъ, что послѣ исправленій въ посланіи оказался холостымъ стихъ 18-й, вначалѣ имѣвшій риму, хотя и неудовлетворительную: очевидно, Пушкинъ выкинулъ неудачный старый стихъ, но такъ и не замѣнилъ его новымъ,—неоспоримый признакъ незаконченной передѣлки. Къ этимъ двумъ формальнымъ доводамъ можно прибавить два соображенія по существу: 1) въ текстѣ музейной рукописи при чтеніи посланіе имѣетъ видъ перекроенныхъ, но еще не сшитыхъ, отрывковъ, тогда какъ первоначальный текстъ, несмотря на менѣе удачныя подробности, изгнанныя изъ окончательнаго, отличается отъ послѣдняго безупречною связностью цѣлаго и вполне естественными, округленными переходами; 2) нѣкоторыя—хотя и немногія—поправки музейной рукописи несомнѣнно уступаютъ первоначальному тексту: очевидно, Пушкинъ имѣлъ въ виду придѣлать пьесѣ какое нибудь окончаніе, которое оправдало бы непонятныя теперь помарки начала, но не исполнилъ своего намѣренія. Такъ, напримѣръ, первоначальная редакція первыхъ двухъ стиховъ:

Послушай, музъ невинныхъ
Лукавый духовникъ,

несомнѣнно лучше и умѣстнѣе, чѣмъ позднѣйшая

Послушай, музъ невинныхъ
Лукавый клеветникъ.

Какъ можно назвать «клеветникомъ невинныхъ музъ» товарища-поэта за полное восторженныхъ похвалъ посланіе? И грубо, и безвкусно; эпитетъ «лукавый»—какъ-то блѣденъ и невыразителенъ. Совсѣмъ другое дѣло «лукавый духовникъ»: своими похвалами Дельвигъ, дѣйствительно, съ неожиданнымъ лукавствомъ выдавалъ свѣту довѣрчивыя признанія исповѣдовавшихся ему въ своихъ «счастливыхъ грѣхахъ» (А.1, 258, стихъ 4-й) невинныхъ музъ. Въ связи

¹⁾ Кстати: документальность требовала бы сохранить это подзаглавіе,— между тѣмъ оно откинуто Л. Н. Майковымъ. Это во всякомъ случаѣ не послѣдовательно.

съ этимъ и редакцію стиха 27-го слѣдуетъ признать удовлетвори-
тельно въ болѣе раннемъ видѣ:

Предатели-друзья,

чѣмъ въ позднѣйшемъ:

Измѣнники-друзья.

Точно также и 22-й стихъ въ первоначальномъ видѣ

И мнѣ прослыть Прадономъ

гораздо точнѣе и соответственнѣе смыслу пьесы, чѣмъ въ позд-
нѣйшемъ

А мнѣ прослыть Прадономъ.

Далѣе, первоначальная разстановка стиховъ 24—27

Увы мнѣ, метроману!
Куда сокроюсь я?
Вездѣ бѣды застану:
Предатели-друзья и проч.

гораздо естественнѣе и благозвучнѣе, чѣмъ позднѣйшая

Вездѣ бѣды застану.
Увы мнѣ, метроману!
Куда сокроюсь я?
Измѣнники-друзья и проч.

Стихъ 35-й гораздо колоритнѣе, типичнѣе въ первоначальной ре-
дакціи:

Ахъ, сударь, намъ сказали,

чѣмъ въ позднѣйшемъ видѣ:

Признайтесь,—намъ сказали.

А такъ какъ никогда пушкинскія поправки не бываютъ ухуд-
шеніями, то намъ и въ данномъ случаѣ остается лишь предполо-
жить, что Пушкинъ началъ передѣлывать пьесу, желая вытравить
изъ нея характеръ отвѣта на лицейское посланіе Дельвига (чѣмъ
и объясняется пропускъ стиховъ 18—34 первоначальной редакціи)
и придать ей новый смыслъ,—напримѣръ, упрека Дельвигу въ само-
вольномъ напечатаніи какой нибудь интимнаго характера или не-
обработанной пьесы Пушкина,—но не закончилъ своихъ передѣлокъ.
При такихъ условіяхъ, разумѣется, слѣдовало положить въ основу
изданія первоначальный текстъ, дополнивъ его всѣми не противорѣ-
чащими его содержанію позднѣйшими поправками. Для ясности
мы приведемъ здѣсь цѣликомъ текстъ въ томъ видѣ, въ какомъ
ожидали бы его встрѣтить въ не стѣсненномъ академическими рам-
ками критическомъ изданіи. Въ примѣчаніяхъ буквой А отмѣчены

варианты первоначальнаго текста, буквою *B* поправки, внесенныя въ первоначальный текстъ, и буквою *B* — варианты исправленнаго текста окончательной редакціи.

КЪ ДЕЛЪВИГУ ¹⁾).

- Послушай, музъ невинныхъ
 Лукавый духовникъ ²⁾!
 Въ тиши ³⁾ полей пустынныхъ,
 Природы ученикъ ⁴⁾,
 5 Поэтовъ грѣшный ликъ
 Умножилъ я собою:
 И я главой поникъ
 Предъ милой суетою ⁵⁾!
 Мой дядюшка поэтъ
 10 На то мнѣ даль совѣтъ
 И съ музами сосваталъ;
 Сначала я игралъ ⁶⁾,
 Шутя, стихи мараль ⁷⁾,
 А тамъ переписалъ ⁸⁾,
 15 А тамъ и ⁹⁾ напечаталъ—
 И что же? Радъ, не радъ ¹⁰⁾,
 Но ¹¹⁾ вотъ уже ¹²⁾ я братъ
 Тому, сему, другому,
 Безтолкову ¹³⁾, Пустову ¹⁴⁾,
 20 Да я жъ и ¹⁵⁾ виновать,
 Да ты же мнѣ въ досаду
 (Что скажетъ бѣлый свѣтъ!)
 Стихами до насаду ¹⁶⁾
 Жужжишь Икару ¹⁷⁾ вслѣдъ:
 25 «Смотрите,—вотъ поэтъ!»
 Спасибо за посланье,—
 Но что мнѣ пользы въ немъ?
 На грѣшника потомъ
 Вѣдь стануть въ посмѣянье
 30 Указывать перстомъ!
 Когда бъ подобны были
 Моимъ твои стихи,
 То скоро бъ всѣ забыли,
 Что Пушкинъ ¹⁸⁾ за грѣхи
 35 Въ поэзію влюбился
 И ходить ¹⁹⁾ на Парнасъ,
 Покою поклонился ²⁰⁾
 И писать въ добрый часъ ²¹⁾.
 Измѣнникъ,—съ Аполлономъ
 40 Ты, видно, за одно
 И ²²⁾ мнѣ прослать Прадономъ ²³⁾
 Отнынѣ ²⁴⁾ суждено.
 Увы мнѣ ²⁵⁾, метроману:
 Куда сокроюсь ²⁶⁾ я?
 45 Вездѣ бѣды ²⁷⁾ застану!
 Предатели ²⁸⁾ друзья
 Невинное творенье ²⁹⁾
 Украдкой въ городъ шлютъ
 И плодъ уединенья ³⁰⁾

- 50 Тисненю предають—
 Бумагу убиваютъ! ³¹⁾
 Поэта окружають ³²⁾
 Съ улыбкой остряки:
 —«Ахъ, сударь ³³⁾, намъ ³⁴⁾ сказали—
- 55 Вы пишете стихи:
 Увидѣть ихъ нельзя ли?
 Вы въ нихъ изображали,
 Конечно, ручейки,
 Конечно, василечекъ,
- 60 Лѣсочекъ ³⁵⁾, вѣтерочекъ,
 Барашковъ ³⁶⁾ и ³⁷⁾ цвѣткн...»
 О, Дельвигъ, начертали
 Мнѣ музы мой удѣтъ,
 Но ты ль мои печали
- 65 Умножить захотѣлъ?
 Межъ лѣни и Морфея
 Безпечный духъ лелѣя,
 Еще хотъ годъ одинъ
 Позволь мнѣ полѣниться
- 70 И нѣгой насладиться:
 Я, право, нѣги сынъ!
 А тѣмъ, хотъ нѣтъ охоты,
 Но придутъ ужъ заботы
 Со всѣхъ ко мнѣ сторонъ:
- 75 Я буду принужденъ ³⁸⁾
 Съ журналами сражаться,
 Съ газетой торговаться,
 Съ Графовымъ ³⁹⁾ восхищаться...
 Помилуй, Аполлонъ! ⁴⁰⁾.

¹⁾ А: къ Д... ²⁾ В: клеветникъ ³⁾ А: Жилецъ ⁴⁾ В; въ А не имѣется этого стиха.
⁵⁾ А: милою мечтою ⁶⁾ А: шалилъ ⁷⁾ А: кроилъ ⁸⁾ В; въ А не имѣется этого стиха.
⁹⁾ А: ихъ ¹⁰⁾ В; въ А не имѣется этого стиха. ¹¹⁾ А: И ¹²⁾ А: теперь ¹³⁾ В; А: Приематому ¹⁴⁾ Въ В не имѣется этого стиха. ¹⁵⁾ В: Чтѣ дѣлать ¹⁶⁾ В; А: Любви моей въ награду ¹⁷⁾ А: Мнѣ свищешь оду; В¹⁾: Кричишь Икару ¹⁸⁾ А: П... ¹⁹⁾ А: лѣзаетъ ²⁰⁾ В; А: И въ рѣмы весь зарылся; В: И въ рѣмахъ ²¹⁾ Стиховъ 21—38 не имѣется въ В. ²²⁾ В: А ²³⁾ В; А: Графономъ ²⁴⁾ В; А: Судьбою ²⁵⁾ В; А: О, горе (?) ²⁶⁾ В; А: ни сунусь ²⁷⁾ В; А: враговъ ²⁸⁾ В; А и В: Измѣнники ²⁹⁾ В; А: посланье ³⁰⁾ В; А: тамъ за наказанье ³¹⁾ В; А: этого стиха не было (?) ³²⁾ В; А: На бѣднаго (?) напали В¹⁾: Лѣнивца окружають ³³⁾ В: Признайтесь ³⁴⁾ В; А: мнѣ ³⁵⁾ В; А: Иль тихій. ³⁶⁾ А и В; В: И роци ³⁷⁾ В: Фиалочку ³⁸⁾ Стихи 63—75 вырѣзаны въ А: смотри ниже прим. 40. ³⁹⁾ А и В; В: Съ ***. ⁴⁰⁾ Варианты значительно дополнены мною противъ академическаго изданія по снимку съ автографа, изданному лицеемъ — «29-го января 1887 года. Въ память пятидесятилѣтїя кончины А. С. Пушкина». Спб. 1887. Прибавлю къ стати по поводу этого снимка, что именно онъ, какъ кажется, далъ поводъ Л. Н. Майкову къ ошибочному утверженію (А. I, прим. стр. 158), будто въ лицейскомъ автографѣ, сохранившемъ намъ самую раннюю редакцію пьесы, всего пространнѣе первая, а въ позднѣйшей редакціи— вторая половина стихотворенія. Это мнѣніе невѣрно въ обѣихъ частяхъ, ибо текстъ В даетъ въ первой половинѣ нѣсколько добавокъ къ тексту АВ, то-есть пространнѣе послѣднѣго, и пропускаетъ только середину пьесы, стихи 21—38; во второй же половинѣ тексты АВ и В едва ли въ чемъ нибудь различались между собою,—во всякомъ случаѣ не числомъ стиховъ: вѣдь лицейскій автографъ де-

Нами была высказана мысль о необходимости сличенія и взаимной повѣрки рукописей, такъ какъ списки, по существу—лучшіе, могутъ порою давать невѣрно текстъ, лучше сохранившійся въ рукописяхъ менѣе достовѣрныхъ (см. выше стр. 195). И эга мысль находитъ подтвержденія въ новомъ изданіи, изъ которыхъ на одномъ мы считаемъ полезнымъ здѣсь остановиться. Въ избранной Л. Н. Майковымъ основной рукописи пьесы «Мое завѣщаніе друзьямъ» (А.1, 141—143; прим. стр. 166—171) мы находимъ холостую риему въ стихѣ 61-мъ и, вдумываясь внимательнѣе въ содержаніе стихотворенія, должны признать, что имѣемъ здѣсь дѣло съ неумышленнымъ пропускомъ переписчика, котораго самъ поэтъ лишь случайно не замѣтилъ и не восполнилъ,—а въ другой рукописи сохранилось необходимое по смыслу и по холостой риэмѣ двустишіе, сопровождаемое—несомнѣнно—первоначальнымъ вариантомъ къ стихамъ 63—64. Вставивъ эго двустишіе на мѣсто, мы получаемъ и формально, и по существу болѣе законченный текстъ:

Друзья, вамъ сердце оставляю
И память прошлыхъ красныхъ дней,
Моимъ подругамъ завѣщаю
Воспоминаніе ночей,
Окованныхъ счастливой лѣнью
На ложѣ маковъ и лилей,
Мои стихи дарю—забвенью,
Послѣдній вздохъ, о други,—сѣ!

V.

Отъ обзора текста обращаемся къ примѣчаніямъ. Тутъ программа академіи должна быть признана безупречной, а работа Л. Н. Майкова—единственною въ своемъ родѣ по богатству и въ то же время тщательному выбору матеріала, по крайней осмотрительности толкованій и полному отсутствію какъ насильственныхъ объясненій,

фектенъ; какъ гласитъ «Описаніе пушкинскаго лица императорскаго александровскаго лица», Спб., 1899 г., стр. 2, «часть второй половины листа отрѣзана, почему недостаетъ 14 стиховъ, отъ «О Дельвиго, начертали» до «Я буду принужденъ». Положимъ, «Описаніе» составлено очень нелѣпо и редактировано чрезвычайно небрежно; но въ данномъ случаѣ его показанія вполнѣ справедливы. Между тѣмъ на снимкѣ съ автографа уцѣлѣвшіе на оборотѣ второго полулиста четыре послѣдніе стиха воспроизведены такъ, что непосредственно примыкаютъ на лицевой сторонѣ полулиста къ стиху 61-му, и получается впечатлѣніе, будто самъ Пушкинъ въ списокъ выкинулъ отрѣзанные 14 стиховъ; притомъ предисловіе умалчиваетъ о дефектности рукописи, и тотъ, кто доверится снимку, не просмотрѣвъ подлинника, легко можетъ напасть на мысль, будто въ лицейскомъ автографѣ мы имѣемъ первоначальную краткую редакцію второй половины «Послания». Положимъ, и тутъ мысль о дефектѣ напрашивается очень настоятельно; но дѣло не въ предположеніяхъ, а въ фактахъ.

такъ и излишне-предпріимчиваго новаторства и другихъ погрѣшностей прежнихъ комментаторовъ, отнюдь впрочемъ не въ ущербъ привлеченію новыхъ данныхъ и соображеній. Академическое изданіе, вѣрное программѣ, даетъ и въ этомъ отношеніи полный и провѣренный итогъ всему, что было до сихъ поръ сдѣлано для изученія Пушкина. Само собою разумѣется, что исчерпать такую тему нѣтъ никакой рѣшительно возможности и никакая ученость, никакое трудолюбіе не предохраняютъ отъ пробѣловъ и недоразумѣній; но можно смѣло сказать, что въ русской литературѣ не существовало ничего даже издали приближающагося къ академическому изданію по богатству толкованій. Цитированіе или обзорѣніе всего новаго, цѣннаго, справедливаго и удачнаго въ немъ вышло бы слишкомъ объемисто, а притомъ и бесполезно, такъ какъ трудно вообразить себѣ образованнаго человѣка, который не поспѣшилъ бы пріобрѣсть академическаго Пушкина. вмѣсто компилятивныхъ обзорѣній лучшею похвалою Л. Н. Майкову будетъ напомнить ту программу, которой онъ явился исполнителемъ: «Въ примѣчаніяхъ будутъ даны, во-первыхъ, указанія на взаимныя соотношенія между различными произведеніями Пушкина и на отношенія послѣднихъ къ обстоятельствамъ его жизни и къ сочиненіямъ другихъ писателей, русскихъ и иностранныхъ; во-вторыхъ, въ примѣчаніяхъ найдутъ себѣ мѣсто объясненія тѣхъ многочисленныхъ намековъ историческихъ и бытовыхъ, которые встрѣчаются у Пушкина» (А.1, стр. IX).

Не находя, такимъ образомъ, повода къ разногласіямъ съ издателемъ по существу его работы, мы полагаемъ, что всего лучше выполнимъ передъ читателями обязанность критика, если по мѣрѣ возможности дополнимъ академическія толкованія изъ тѣхъ матеріаловъ, когорые накопились у насъ при нашихъ занятіяхъ Пушкинымъ. Конечно, мы ограничимся при этомъ лишь выборкою наиболее существеннаго и безспорнаго, воздерживаясь какъ отъ мелкихъ деталей, такъ и отъ особенно смѣлыхъ догадокъ и сближеній, чтобы по мѣрѣ силъ дать дополненіе по образцу и въ стилѣ примѣчаній Л. Н. Майкова. Лишь во главѣ этихъ дополненій выскажемъ нѣсколько общихъ пожеланій по адресу будущихъ толкователей Пушкина, которымъ всѣмъ придется опираться на академическое изданіе. Первое изъ нихъ касается мифологическихъ и вообще античныхъ именъ, образовъ, намековъ и олицетвореній. Л. Н. Майковъ по большей части оставляетъ ихъ безъ объясненій и сближеній и ограничивается лишь самыми скудными поясненіями въ немногихъ словахъ, руководясь, повидимому, тѣмъ соображеніемъ, что въ нашемъ обществѣ, благодаря классической системѣ образованія, и безъ того достаточно распространены элементарныя свѣдѣнія о классической древности. Съ этою мыслью нельзя въ общемъ не согласиться; но все же предметъ требуетъ и другого освѣщенія. Было бы до чрезвычайности важно выяснить отношеніе самого Пушкина къ

античному міру, а для того разыскать источники, изъ которыхъ онъ почерпалъ свои сужденія и свѣдѣнія о классической древности, разграничить, что могъ онъ заимствовать изъ французской словесности, что изъ предшествующей ему русской литературы, что изъ лицейскихъ уроковъ, что изъ собственнаго чтенія древнихъ въ переводахъ—и при томъ какихъ именно переводахъ, русскихъ или французскихъ. Съ этой точки зрѣнія мы считали бы въ высшей степени благодарною задачею для будущихъ толкователей—подобрать ко всякому намеку Пушкина на классическую древность подходящіе тексты и поясненія изъ источниковъ и пособій, которыми онъ пользовался, главнымъ образомъ изъ книгъ его лицейскихъ учителей, Галича и Кошанскаго. Еще болѣе было бы любопытно сопоставить слѣды политическихъ воззрѣній и гражданскихъ понятій въ лицейскихъ, да и позднѣйшихъ, сочиненіяхъ Пушкина съ подходящими мѣстами курса естественнаго права Куницына: эти сближенія и подлинныя выдержки были бы тѣмъ умѣстнѣе въ академическомъ изданіи, что названный курсъ, если гдѣ и уцѣлѣлъ, то составляетъ величайшую библиографическую рѣдкость, бывъ сожженъ въ свое время по распоряженію правительства,—а между тѣмъ вліяніе Куницына на Пушкина засвидѣтельствовано самимъ поэтомъ¹⁾. Интересно было бы также изслѣдовать изложеніе, слогъ, версификацію, вообще технику лицейскихъ стихотвореній Пушкина параллельно съ правилами и воззрѣніями знаменитой «Реторики» Кошанскаго и «Лицея» Лагарпа. Литературное вліяніе Кошанскаго на Пушкина было вначалѣ чрезвычайно сильно и не могло пройти безслѣдно, хотя и не было долговременно. Напримѣръ, симпатіи къ Кострову, впервые внушенныя, повидимому, именно Кошанскимъ (А.1, прим. стр. 31—32), Пушкинъ сохранилъ и въ зрѣломъ возрастѣ, хотя болѣе цѣня въ немъ характеръ, чѣмъ дарованіе (V, 227, 272 сл. и 355); Кошанскій же внушилъ Пушкину интересъ къ Оссіану. Огромной важности вопросомъ было бы доискаться, кому изъ своихъ наставниковъ—Галичу или Куницыну—обязанъ Пушкинъ знакомствомъ съ Радищевымъ; лично я полагаю, что—Галичу, ибо первые признаки этого знакомства («Бова») совпадаютъ съ появленіемъ Галича въ лицей. Наконецъ, необходимо слѣдовало бы подвергнуть внимательному просмотру увѣнчанное академическою премією сочиненіе Галича «Картина человѣка». Хоть оно и появилось въ 1834 году, но нельзя оставлять надежды найти въ немъ матеріалъ къ толкованію лицейскихъ стихотвореній и вообще къ выясненію вліянія Галича на своего ученика. Не менѣе полезно было бы изслѣдованіе его «Исторіи философскихъ системъ», «Опыта науки изящнаго» и «Теоріи краснорѣчія». Наконецъ не бесплодно затратилъ бы трудъ и тотъ,

¹⁾ Ср. Б. В. Никольскій. Поэтъ и читатель въ лирикѣ Пушкина. Спб. 1899, стр. 46, прим. 2.

кто не полѣнился бы прочесть въ тѣхъ же видахъ «Руководство къ изученію русской словесности» Георгіевскаго. — Второе общее замѣчаніе, которое можно сдѣлать, относится къ хронологіи пьесъ. Л. Н. Майковъ лишь изрѣдка мотивируетъ въ примѣчаніяхъ принятую имъ послѣдовательность; между тѣмъ, въ критическомъ изданіи такая мотивировка необходима для каждой пьесы въ отдѣльности.

Обращаясь отъ общихъ соображеній къ отдѣльнымъ частностямъ, мы будемъ излагать ихъ въ случайной послѣдовательности, такъ какъ нѣтъ возможности свести въ какую либо систему отрывочныя наблюденія и свѣдѣнія. Начнемъ съ пьесы «Пирующіе студенты» (А.1, 52—55), гдѣ въ 5-мъ стихѣ 6-й строфы встрѣчается, какъ извѣстно, странное выраженіе:

Съ тобой тасуюсь безъ чиновъ,

затруднявшее толкователей. Первые издатели полагали, что это лишь описка, искажившая неологизмъ Пушкина «тостуюсь», а самый неологизмъ понимали въ смыслѣ пью съ кѣмъ нибудь тостъ или обмѣниваюсь тостами. Въ изданіи литературнаго фонда (I, 33) поправка была видоизмѣнена и «тосуюсь» автографа измѣнено въ «тасуюсь». Я. К. Гротъ, допуская возможность поправки «тостуюсь», усомнился въ позволительности чтенія «тасуюсь», такъ какъ глаголь тасоваться употребляется только въ примѣненіи къ картамъ и едва ли можетъ быть употребленъ во взаимномъ смыслѣ, когда рѣчь идетъ о людяхъ¹⁾. Л. Н. Майковъ со своей стороны полагаетъ, что выраженіе «съ тобой тасуюсь безъ чиновъ» въ смыслѣ «обхожусь съ тобой безъ чиновъ», можетъ быть признано только рѣдкимъ или малоупотребительнымъ, но никакъ не неправильнымъ (А.1, прим. стр. 64). Трудно съ этимъ согласиться. Пятнадцати лѣтъ отъ роду, Пушкинъ не авторитетъ въ дѣлѣ языка, а выраженіе «тасоваться» въ смыслѣ «обходиться», ни у него, ни у кого либо другого изъ писателей не встрѣчается, кромѣ даннаго случая, не говоря ужъ о разговорномъ языкѣ, въ которомъ оно совершенно необычайно, такъ какъ ничего не имѣетъ общаго со словами «тасовать общество». Не лучше ли предположить, что это просто неудачное выраженіе въ какой нибудь изъ «плохо писанныхъ» басенъ «забавнаго поэта», Яковлева, къ которому Пушкинъ въ данной строфѣ обращается, подхваченное съ пріятельскою насмѣшливостью всего этого обращенія? Быть можетъ, даже въ уцѣлѣвшихъ рукописныхъ басняхъ Яковлева и нашлось бы гдѣ нибудь это выраженіе. — Въ заключеніе отмѣтимъ ошибку на стр. 56 примѣчаній, гдѣ сказано, что пьеса впервые

¹⁾ Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Статьи и матеріалы Я. Грота. Изданіе 2-е, Спб., 1899, стр. 268.

была напечатана съ пропускомъ двухъ первыхъ стиховъ 2-й строфы, тогда какъ рѣчь идетъ о двухъ послѣднихъ стихахъ этой строфы.

Совершенно невозможно согласиться съ послѣдними примѣчаниями къ пьесѣ «Городокъ» (А.1, 66 — 79), гдѣ Л. Н. Майковъ полагаетъ, будто стихи 216 — 232 (примѣчаніе, правда, говоритъ о ст. 225, но 1, это опечатка: надо читать 223; а 2, разъ примѣчаніе относится къ ст. 223, то, на основаніи знаковъ препинанія въ текстѣ, должно отнести его и къ тексту сосѣднихъ стиховъ) относятся къ гр. Д. И. Хвостову (А.1, прим. стр. 81). Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что весь періодъ ст. 212 — 232 относится не къ гр. Хвостову, а къ Баркову: это ясно по ходу мыслей. Л. Н. Майковъ, повидимому, введенъ былъ въ заблужденіе сатирическою кличкою «Свистовъ», всегда обозначающей у Пушкина гр. Хвостова. Но имѣются всѣ основанія полагать, что въ данномъ случаѣ кличка поставлена не самимъ Пушкинымъ, а переписчикомъ лицейской тетради гр. М. А. Корфа (А.1, прим. стр. 73 сл.), либо же самимъ Пушкинымъ была употреблена завѣдомо неумѣстно, чтобы имѣть лавейку на случай, если стихотвореніе попадетъ въ руки начальства. Дѣло въ томъ, что рѣзма «чердаковъ» и «Свистовъ» слишкомъ знаменательна, если предположить, что «Свистовъ» поставлено страха ради іудейска вмѣсто «Барковъ». Въ свою очередь, разъ допустить эту догадку, — а трудно было бы не допустить ея, — позволительно предположить, что и въ словѣ «чердаковъ» подлинный текстъ далъ бы намъ другія двѣ первыя буквы, такъ какъ для произведеній Баркова характерно быть «убранствомъ» не «чердаковъ», а совѣмъ другихъ помѣщеній. Наконецъ, грубоватая рѣзма (хотя и попадающаяся въ раннихъ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина)

Какъ ты, въ томъ клясться радъ,
Не стану я писать

даетъ въ этомъ мѣстѣ поводъ подозрѣвать, что и слова «въ томъ клясться радъ» замѣняютъ нѣчто иное, — по выраженію самого Пушкина въ другомъ мѣстѣ, «русскій титулъ» (VII, 95). Всѣ эти соображенія подтверждаются и словами Бѣлинскаго, по которому въ «Городкѣ» Пушкинъ называетъ всѣхъ своихъ любимыхъ писателей: очевидно, Бѣлинскій зналъ пьесу въ списокѣ, гдѣ всѣ были названы по именамъ, безъ подмѣна Баркова Свистовымъ.

Какъ ни много было писано о томъ пылкомъ сочувствіи, съ которыми Державинъ привѣтствовалъ Пушкина по поводу его «Воспоминаній въ Царскомъ Селѣ», однако до сихъ поръ никѣмъ, сколько знаю, не отмѣчена знаменательная и весьма существенная подробность этого трогательнаго происшествія ¹⁾. Дѣло въ томъ, что ода

¹⁾ Къ ней близокъ былъ, какъ мнѣ указали при чтеніи корректуры, г. Аверариусъ въ своей прекрасной дѣтской книгѣ «Юношескіе годы Пушкина», изд. 3-е, Спб., 1899, стр. 93; но и онъ прошелъ мимо напращивавшагося сближенія.

юнаго поэта, если не въ державинскомъ стилѣ, то въ державинскомъ духѣ воспѣвала императора Александра I, сближая поэтически событія Отечественной войны съ воспоминаніями о вѣкѣ Екатерины: такимъ образомъ она являлась какъ бы прямымъ выполненіемъ завѣта, съ которымъ за три года до того старѣющій поэтъ обращался къ младшему поколѣнію. Мы имѣемъ въ виду заключительныя строки «Гимна лиро-эпическаго на прогнаніе французовъ изъ отечества», который былъ напечатанъ еще въ 1813 году и, стало быть, не могъ быть неизвѣстенъ Пушкину, а тѣмъ болѣе Галичу, подавшему мысль о «Воспоминаніяхъ» своему ученику. Вотъ эти заключительныя строки:

Но, солнце, — мой вечерній лучъ! —
 Уже за холмы синихъ тучъ
 Спускаешься ты въ темны бездны,
 Твой тускнеть блескъ любезный
 Среди лиловыхъ мгlistыхъ зарь
 И мой ужъ гаснетъ жаръ:
 Холодна старость — духъ, у лиры — гласъ отъемлетъ,
 Екатерины муза дремлетъ...
 То, юнаго царя
 Днесъ вслѣдъ орловъ паря,
 Предшествующихъ благъ видѣнья,
 Чтò мною въ день его рожденья
 Предречено, достойно пѣть
 И не могу: младымъ пѣвцамъ гремѣть
 Мои ввѣрю ветхи струны,
 Да черплютъ съ нихъ въ свои сердца перуны
 Толь чистыхъ, ревностныхъ огней,
 Какъ пѣлъ я трехъ царей.

Изъ нихъ вполне понятенъ тотъ восторгъ, съ которымъ долженъ былъ встрѣтить

Славный старецъ нашъ, царей пѣвецъ избранный,
 Крылатымъ гениемъ и граціей вѣнчанный,

(А.1, 251) въ стихахъ Пушкина прямое выполненіе своего поэтического завѣта, и почему онъ такъ охотно привѣтствовалъ въ Пушкинѣ своего преемника.

Никѣмъ не было еще до сихъ поръ замѣчено, что заключительныя строки пьесы «Лицинію» (А.1, 116) составляютъ вольное, но несомнѣнное подражаніе знаменитому проклятію Камиллы въ «Гораци» Корнейя. Для удобства читателей мы приведемъ рядомъ и оригиналь, и подражаніе. Вотъ французскій подлинникъ:

Rome, l'unique objet de mon ressentiment!
 Rome, à qui ton bras vient d'immoler mon amant!
 Rome qui t'a vu naître et que ton cœur adore!
 Rome enfin que je hais parce qu'elle t'honore!

Puissent tous ses voisins ensemble conjurés
 Saper ses fondemens encor mal assurés
 Et, si ce n'est assez de toute l'Italie,
 Que l'Orient contre elle à l'Occident s'allie,
 Que cent peuples unis des bouts de l'univers
 Passent pour la détruire et les monts et les mers,
 Qu'elle même sur soi renverse ses murailles
 Et de ses propres mains déchire ses entrailles,
 Que le courroux du ciel allumé par mes vœux
 Fasse pleuvoir sur elle un déluge de feux!
 Puissé-je de mes yeux y voir tomber ce foudre,
 Voir ses maisons en cendre et tes lauriers en poudre,
 Voir le dernier Romain à son dernier soupir,
 Moi seule en être cause — et mourir de plaisir!

А вотъ заключительныя строки Пушкина:

О, Римъ, о, гордый край разврата, злодѣянья!
 Придетъ ужасный день—день мщенья, наказанья,
 Предвижу грознаго величія конецъ:
 Падеть, падеть во прахъ вселенныя вѣнецъ!
 Народы юные, сыны свирѣпой брани,
 Съ мечами на тебя подымутъ мощныя длави,
 И горы, и моря оставятъ за собой
 И хлынуть на тебя кипящею рѣвой.
 Исчезнетъ Римъ,—его покроетъ мракъ глубокий,—
 И путникъ, устремивъ на груды камней око,
 Воскликнетъ, въ мрачное раздумье углубленъ:
 «Свободой Римъ возросъ, а рабствомъ погубленъ».

Другое никѣмъ не отмѣченное подражаніе встрѣчается намъ въ элегіи «Любовь одна веселье жизни хладной» (А.1, 211—212). Правда, и это подражаніе, какъ предшествующее, довольно свободно и лишь издали воспроизводитъ оригиналь; но подражательность и въ немъ несомнѣнна. Мы здѣсь имѣемъ въ виду строфу

Пѣвцы любви, вы вѣдали печали
 И ваши дни по терніямъ текли.
 Вы свой конецъ съ волненьемъ призывали;
 Пришелъ конецъ—и въ сумрачной дали
 Не зрѣли вы минутную забаву;
 Но, не нашедъ блаженства вашихъ дней,
 Вы встрѣтили по крайней мѣрѣ славу
 И мукою безсмертны вы своей.

Нельзя не узнать въ ней отраженія слѣдующаго отрывка изъ «La journée champêtre» Парни:

Ainsi ces peintres enchanteurs
 Qui des Amours tiennent l'école
 De l'Amour qui fut leur idole
 N'éprouvèrent que les rigueurs.
 Mais leur voix touchante et sonore
 S'est fait entendre à l'univers:

Les Grâces ont appris leurs vers
Et Paphos les redit encore.
Leurs peines, leurs chagrins d'un jour
Laissent une longue mémoire
Et leur muse en cherchant l'amour
A du moins rencontré la gloire.

Замѣтимъ кстати, что вліяніе Парни на Пушкина еще до сихъ поръ не оцѣнено по достоинству и ждетъ обстоятельнаго изслѣдованія, чуждаго предвзятыхъ воззрѣній. Это вліяніе сказывалось необыкновенно поздно и самымъ неожиданнымъ образомъ. Такъ, напримѣръ, заключительныя строки знаменитаго стихотворенія «Я васъ люблю, хоть я бѣшусь» (I, 328—329)

Ахъ, обмануть меня не трудно:
И самъ обманываться радъ!

являются въ сущности лишь отголоскомъ двухъ строкъ 1-й элегіи 4-й книги элегіи Парни:

Qu'il est facile d'abuser
L'amant qui s'abuse lui-même!

Это не случайное совпаденіе: незадолго до этихъ стиховъ, обдумывая письмо Татьяны, Пушкинъ упоминалъ «нѣжнаго Парни» (III, 293), а вскорѣ послѣ нихъ просилъ брата о высылкѣ ему стихотвореній Парни (VII, 113). Любопытно вообще, что и у другихъ русскихъ поэтовъ отголоски Парни встрѣчались самымъ неожиданнымъ образомъ. Кто бы могъ подумать напримѣръ, что стихи

Рѣдѣла ночь; любовница Кефала,
Облокотясь на рдяныя врата
Младого дня, изъ косъ своихъ роняла
Златыя зерна перловъ и опала
На синія долины и лѣса

въ извѣстной пьесѣ «Я въ гротѣ ждалъ тебя въ урочный часъ» А. Н. Майкова почти цѣликомъ взяты изъ Парни? Между тѣмъ вотъ его стихи изъ той же поэмы:

L'ombre s'enfuit; l'amante de Céphale
De la lumière annonçait le retour
Et s'appuyant sur les portes du jour
Laisait tomber le rubis et l'opale.

Кромѣ Парни — чтобы покончить съ вопросомъ о заимствованіяхъ изъ французскихъ поэтовъ — слѣдовало бы въ нѣскольکو большей степени привлечь къ сближенію такъ называемыя «Poésies légères» Вольтера. Въ нихъ мы часто встрѣчаемъ подробности, заимствованныя или прямо воспроизведенныя Пушкинымъ. Не имѣя возможности здѣсь вновь предпринять работу сличенія, я могу лишь утверждать, что матеріалъ накопился бы очень обширный: читая

Вольтера лѣтъ 12 тому назадъ, я лично отмѣтилъ нѣсколько десятковъ параллельныхъ мѣстъ у Пушкина; но, къ сожалѣнію, мои замѣтки затерялись, а приводить на память то немногое, что въ ней сохранилось, было бы слишкомъ смѣло. Одно, впрочемъ, точное указаніе: въ сатирѣ *Le russe à Paris* мы находимъ мѣсто, гдѣ русскій говоритъ парижанину, что чувствуетъ себя

sur les bords de la Seine
Comme un Scythe curieux, voyageant en Athènes.

Въ этомъ мѣстѣ нельзя не узнать прообраза знаменитыхъ пушкинскихъ стиховъ, относящихся къ пребыванію въ Парижѣ кн. Юсупова (II, 92):

и скромно ты внималъ
За чашей медленной асю иль денсту,
Какъ любопытный скиѣ аѣнскому софисту.

Изъ лицейскихъ стихотвореній ярко вольтеровскій характеръ носитъ сравненіе въ пьесѣ «Городокъ» (A.1, 78):

Что сельскихъ іереевъ,
Какъ папа іудеевъ,
Я вовсе не люблю.

Было бы весьма желательно подыскать аналогичныя этимъ стихамъ мѣста въ «Кандидѣ», которымъ Пушкинъ тогда зачитывался.—Замѣчу кстати весьма существенный пробѣлъ въ примѣчаніи Л. Н. Майкова, когда онъ, говоря, что Пушкинъ между произведеніями Вольтера особенно цѣнилъ поэму объ Іоаннѣ д'Аркѣ, прибавляетъ, что поэтъ долго сохранялъ это предпочтеніе и даже въ половинѣ двадцатыхъ годовъ сдѣлалъ опытъ перевода изъ *Pucelle d'Orléans* (A.1, прим. стр. 103): здѣсь необходимо было упомянуть, что не только въ двадцатыхъ, но и въ 1834 году Пушкинъ произнесъ весьма знаменательное сужденіе объ этой поэмѣ. И Вольтеръ однажды, въ своей старости, говоритъ онъ, «становится истиннымъ поэтомъ, когда весь его разрушительный геній со всею свободою излился въ циничной поэмѣ, гдѣ всѣ высокія чувства, драгоцѣнныя человѣчеству, были принесены въ жертву демону смѣха и ироніи» (V, 248).—Еще относительно Вольтера: говоря о заимствованномъ изъ него Пушкинымъ стихотвореніи «Сновидѣніе» (A.1, 263), Л. Н. Майковъ въ примѣчаніи ограничивается глухою заимствованною ссылкой на то, что французскій оригиналъ пьесы считался въ свое время чрезвычайно изящнымъ стихотвореніемъ и раньше Пушкина былъ переведенъ П. Сумароковымъ, кн. Хованскимъ и Нелединскимъ-Мелецкимъ (A.1, прим. стр. 368). Слѣдовало бы привести эти переводы,—сопоставленіе было бы драгоцѣнно. Пусть, напримѣръ, читатели сравнятъ пушкинское подражаніе со слѣдующимъ переводомъ Нелединскаго-Мелецкаго, вѣроятно, лучшимъ изъ трехъ:

Нерѣдко правды видѣ самой
 Бываетъ смѣшанъ съ грубой лжею.
 Предавшись въ прошлу ночь Морфею,
 На тронъ я былъ взведенъ мечтой,
 Любилъ тебя тогда и смѣло въ томъ открылся..
 Проснувшись, не все зрѣлъ отнято судьбой:
 Престола только я лишился.

Въ примѣчаніи къ эпиграммѣ:

Бывало, прежнихъ лѣтъ герой,
 Покончивъ славу брань съ противной стороной,
 Повѣситъ мечъ войны средь отческа кущи;
 А трагикъ нашъ Бурунь, скончавъ чернильный бой,
 Повѣсилъ уши

(А.1, 157; прим. стр. 201 сл.), Л. Н. Майковъ говоритъ, что ея первая строки указываютъ на древній обычай подвѣшивать боевое оружіе на деревья въ мирное время, о которомъ упоминается въ напечатанномъ въ 1805 году стихотвореніи Мерзлякова «Мячковскій курганъ». Этотъ обычай, по словамъ самого Л. Н. Майкова, былъ неизвѣстенъ въ древней Руси, но могъ быть приписанъ нашимъ предкамъ Мерзляковымъ, который, какъ уроженецъ Пермскаго края, могъ наблюдать его у пріуральскихъ кочевыхъ инородцевъ. Нельзя не снабдить этихъ объясненій нѣсколькими оговорками. Не спрашивая даже, какимъ именно пріуральскимъ кочевымъ инородцамъ извѣстенъ такой обычай, обратимъ вниманіе на то, что свѣдѣніе о немъ Пушкинъ могъ почерпнуть изъ другого, болѣе близкаго, источника, — изъ Оссіана: въ стихотвореніи «Осгаръ» (А.1, 30 слл.; прим. стр. 38 слл.) имъ самимъ изображенъ старый бардъ, сидящій на берегу потока, причемъ его

Зубчатый мечъ висѣлъ на вѣтви старой ивы.

Притомъ замѣтите, что Оссіаномъ Пушкинъ зачитывался, восхищался, Оссіану подражалъ; ничего этого нельзя не только доказать, но даже и предполагать относительно тяжелыхъ виршей Мерзлякова. Но главное возраженіе состоитъ въ томъ, что въ приведенной эпиграммѣ нѣтъ ни слова о подвѣшиваніи доспѣховъ на деревья: рѣчь идетъ о томъ, что въ мирное время герои прежнихъ лѣтъ вѣшали оружіе «средь отческа кущи»; а этотъ обычай слишкомъ общеизвѣстенъ, чтобы нужно было привлекать къ дѣлу не только пріуральскихъ инородцевъ, но и Мерзлякова. Пушкинъ могъ прочесть о немъ и у Батюшкова въ посланіи «Мои пенаты»:

Въ углу, свидѣтель славы
 И суеты мірской,
 Виситъ полузаржавый
 Мечъ прадедовъ тупой.

Да наконецъ даже воспроизведенная на 4-мъ рисункѣ академическаго изданія Пушкина (приложеніе къ стр. 83) лицейская зала съ изображеніемъ укрѣпленнаго на стѣнѣ доспѣха могла навести его на ту же мысль.

«Посланіе Лидѣ» (А.1, 189—191; прим. стр. 242—244) Анненковъ находилъ весьма слабою пьесою по сочиненію и по стихамъ; Л. Н. Майковъ, напротивъ, говоритъ, что стихъ посланія отличается легкостью и живостью, которыми не обладало большинство нашихъ стихотворцевъ до Пушкина. По справедливости нельзя безъ оговорокъ присоединиться ни къ тому, ни къ другому изъ этихъ мнѣній. Критики упустили изъ виду, что пьеса представляетъ изъ себя необыкновенный техническій *tour de force*, будучи вся написана на одну мужскую риму, повторяющуюся 30 разъ. Само собою разумѣется, что, преодолевая такую трудность, молодой поэтъ не въ силахъ былъ сохранить полную непринужденность слога и переходовъ, и потому въ дѣломъ пьеса дѣйствительно производитъ впечатлѣніе какой-то тяжеловатой искусственности. Напротивъ, рассматривая стихи и составныя части посланія въ отдѣльности, мы не можемъ не признать ихъ довольно легкими,—преимущественно же строчки съ женскими окончаніями,—а принявъ въ соображеніе необходимость нанизать всю пьесу на одно и то же созвучіе, должны еще повысить нашу оцѣнку техники молодого поэта. Онъ даже въ стихотворномъ фокусѣ сумѣлъ остаться настолько непринужденнымъ, что критикамъ не бросилось въ глаза чисто внѣшнее требованіе, подъ которое подогнано все изложеніе пьесы. Нельзя не замѣтить, кстати, что въ «Посланіи къ В. Л. Пушкину» (А.1, 281—283) юный поэтъ устами своего дяди какъ бы признаетъ, хотя и пренебрежительнымъ тономъ, особенное достоинство за «посланіемъ къ Лидѣ». Именно, заставляя своего дядю, какъ на лучшее поприще, указывать на гражданскую службу и литературу, онъ влагаетъ въ его уста восклицаніе:

Кропай, мой другъ, посланье къ Лидѣ ¹⁾,
 Оставь военные грѣхи
 И въ сладостяхъ успокоенья
 Пиши сенатскія рѣшенья
 И пятистопные стихи.

Такимъ образомъ «Посланіе къ Лидѣ» признается здѣсь столь же соответствующимъ Пушкину дѣломъ, какъ пятистопные стихи, т.-е. наиболѣе совершенныя пьесы лицейскаго періода. Вполнѣ естественно, что формальное совершенство техники въ «посланіи» должно было нравиться В. Л. Пушкину, будучи совершенно во вкусѣ его литературной школы съ ея рондо, триолетами, буриме и пр.

Л. Н. Майковъ совершенно не дѣлаетъ сближеній между лицейскими стихотвореніями Пушкина и произведеніями И. И. Дмитриева, вѣроятно, руководствуясь тѣмъ, что въ арѣломъ возрастѣ Пушкинъ очень пренебрежительно отзывался объ этомъ «министрѣ

¹⁾ Л. Н. Майковъ, ставя ковычки только со слѣдующаго стиха, влагаетъ и слова о посланіи къ Лидѣ въ уста племянника, относя ихъ къ дядѣ; но это очевидное недоразумѣніе.

и сладостномъ пѣвцѣ». Однако, мы встрѣчаемъ слѣды его прямого вліянія. Не говоря ужъ о томъ, что Пушкинъ въ лицѣ несомнѣнно преклонялся передъ авторитетомъ Дмитріева,—напримѣръ, въ пьесѣ «Къ другу стихотворцу» (А.1, 18—21) причислялъ Дмитріева къ Державину и Ломоносову, которые, по его словамъ,

Пѣвцы безсмертные, и честь, и слава россовъ,
Питають здравый умъ и вмѣстѣ учать насъ;

въ посланіи къ Жуковскому придавалъ особенный вѣсъ одобренію Дмитріева наряду съ похвалами Державина, Карамзина и Жуковского (А.1, 251 сл.); въ «Городкѣ», обращаясь къ Лафонтену, прибавлялъ (А.1, 70), что

Дмитревъ нѣжный,
Твой вымыселъ любя,
Нашель пріютъ надежный
Съ Крыловымъ близъ тебя,

включая его, такимъ образомъ, въ число своихъ «любимыхъ творцовъ» (А.1, 73),—не говоря ужъ обо всемъ этомъ, мы встрѣчаемся и съ прямыми подражаніями даже въ очень удачныхъ пьесахъ. Такъ, напримѣръ, заключительный трехстопный стихъ въ посланіи А. А. Шишкову (А.1, 237)

Сравнивъ стихи твои съ моими, улыбнулся—
И полно мнѣ писать!

прямо заимствованъ изъ заключенія трехстопнымъ же стихомъ басни Дмитріева «Два голубя»:

Ужель прошла пора столь милыхъ обольщеній
И полно мнѣ любить?

Замѣтимъ кстати, что, цѣня Дмитріева, какъ баснописца (см. выше выписку изъ «Городка»), и никогда не считая удачными его пресловутыхъ пѣсенокъ, Пушкинъ еще и въ сравнительно позднее время цѣнилъ (V, 122) и цитировалъ (VII, 115; болѣе глухая, быть можетъ—безосознательная, цитата—VII, 366) его «Модную жену», въ лицейскій періодъ особенно восхищаясь шуткой о «модныхъ рогахъ», см. «Городокъ»:

Кого жена по модѣ
Рогами убрала

(А.1, 77) и «Посланіе къ В. Л. Пушкину» (А.1, 282), гдѣ перевозится «пѣвецъ, котораго рука нарисовала» «мужа модные рога».

Еще болѣе, чѣмъ Дмитріева, слѣдуетъ привлечь Богдановича къ поясненію лицейскихъ—да и не однихъ лицейскихъ—стихотвореній Пушкина: не говоря ужъ о «Русланѣ и Людмилѣ», гдѣ Людмила въ замкѣ Черномора многими подробностями напоминаетъ Ду-

шеньку въ чертогахъ Амура, мы даже въ «Евгенія Онѣгинѣ», особенно въ лирическихъ отступленіяхъ и тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о Татьянѣ, встрѣчаемъ отзвуки Богдановича, порою близкіе, порою дальніе. Не напоминаютъ ли, напримѣръ, какою-то внутреннею гармоніею стихи Богдановича

Тритоновъ водяной народъ
Выходитъ къ ней изъ бездны водъ

всѣмъ извѣстнаго двустишія изъ «Евгенія Онѣгина» (Ш, 318)

Мальчишекъ радостный народъ
Коньками звучно рѣжетъ ледъ?

А знаменитое четверостишіе (Ш, 248)

Я помню море предъ грозною:
Какъ я завидовалъ волнамъ,
Въгущимъ бурной чередою
Съ любовью лечь къ ея ногамъ!

ужъ несомнѣнно составляетъ прямое воспоминаніе изъ Богдановича:

Гоняся за нею, волны тамъ
Толкаютъ въ ревности другъ друга,
Чтобъ, вырвавшись скорѣй изъ круга,
Смирненно пасть къ ея ногамъ.

Въ лицейскихъ же стихотвореніяхъ, не говоря о множествѣ стилистическихъ заимствованій, мы находимъ прямые подражанія даже въ самой неожиданной обстановкѣ,—нагляднѣйшее свидѣтельство о силѣ вліянія. Такъ, напримѣръ, въ торжественной строфѣ «Воспоминаній въ Царскомъ Селѣ» (А.1, 83) мы находимъ стихи

Тамъ въ тихомъ озерѣ плескаются Наяды,

прямо заимствованный—даже со стилистическою подробностью: плескаются вмѣсто плещутся—изъ Богдановича:

Въ водахъ плескаючись, Наяды
Нетерпѣливо ждали тамъ.

Еще нагляднѣе заимствованія въ посланіи «Моему Аристарху» (А.1, 153—156), гдѣ, помимо общаго сходства въ тонѣ и мысляхъ, отдѣльные стихи, напримѣръ,

За риемой часто холостой
На зло законамъ сочетанья
Въгучь трехстопные толпой,

живо напоминаютъ Богдановича:

И риемы часто холостыя,
Безъ сочетанія законнаго въ стихахъ,
Свободно ставлю на концахъ.

Точно также замѣтно сходство въ дальнѣйшемъ: у Пушкина стихи

Одинъ, свободнымъ господиномъ,
 Поймаю прежню мысль мою
 И не для имени поэта
 Мараю два иль три куплета
 И ихъ внодголоса пою

напоминають стихи Богдановича:

Любя свободу я свою,
 Не для похвалъ себѣ пою.

Не даромъ восклицалъ Пушкинъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ» (III, 293):

Мнѣ галлицизмы будутъ милы,
 Какъ прошлой юности грѣхи,
 Какъ Богдановича стихи.

Въ заключеніе нельзя не посѣтовать, что Л. Н. Майковъ, нашъ лучшій знатокъ Батюшкова, чрезвычайно скупъ на детальныя сближенія Батюшкова съ Пушкинымъ. Какъ ни мелка и кропотлива эта работа, она бесспорно драгоцѣнна и полна огромнаго значенія. Безъ преувеличенія можно сказать, что мало было у Батюшкова удачныхъ стиховъ, періодовъ, оборотовъ рѣчи, эпитетовъ, образовъ, которые не отразились бы въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина. Не желая загромаждать настоящую статью, и безъ того обширную, мелкимъ матеріаломъ, ограничусь фактомъ: я насчиталъ болѣе 20 отмѣченныхъ у меня наглядныхъ заимствованій Пушкинымъ у Батюшкова, о которыхъ вовсе не упоминается въ академическомъ изданіи. Въдѣ примѣчанія предназначены не только для знатоковъ, но и для массы читателей, которой было бы крайне полезно получить въ нихъ собраннѣмъ весь, по возможности, матеріалъ для изученія Пушкина.

Считаемъ, наконецъ, не лишнимъ пояснить не раскрытый Л. Н. Майковымъ намекъ шутиваго стихотворенія Е. С. Огаревой (А.1, 291; прим. стр. 398). Правда, намекъ этотъ не особенно мѣтокъ, какъ и вся вообще пьеса не совсѣмъ удалась Пушкину, оставшись очень холодною шуткою; но тѣмъ не менѣе раскрыть его необходимо, такъ какъ въ немъ весь смыслъ стиховъ. Присылка фруктовъ даетъ Пушкину поводъ уличить въ двойномъ хвастовствѣ того, кто ихъ прислалъ, такъ какъ дарить плоды — дѣло бога садовъ, Пріапа, который, въ то же время, былъ и богомъ любострастія. Пользуясь этою двойственностью свойствъ Пріапа, Пушкинъ и хотѣлъ придать невинной любезности характеръ нескромнаго намека и въ этомъ смыслѣ выставить дряхлаго старика «безстыднымъ хвастуномъ».

Заканчивая эти дополненія, мы считаемъ еще необходимымъ указать на пьесу «Безвѣріе», которая до сихъ поръ совершенно не оценена по достоинству нашею критикою. Воздерживаясь отъ собствен-

наго сужденія, но и не дѣлая никакихъ возраженій, Л. Н. Майковъ приводитъ только отзывъ о ней Бѣлинскаго, относившаго ее къ числу самыхъ слабыхъ даже среди лицейскихъ произведеній Пушкина и считавшаго ее не болѣе, какъ риторическимъ распространеніемъ какой нибудь темы плохими стихами, и согласное съ Бѣлинскимъ мнѣніе Гаевского, прибавляющаго, что стихотвореніе очевидно написано на заданную тему. Однако справедливость требовала бы прежде всего прибавить къ этимъ отзывамъ сужденіе преосвященнаго Никанора въ его «Бесѣдѣ» по случаю 50-ти-лѣтія кончины Пушкина: «Глубоко постигалъ онъ и невѣріе, и вѣру, и не только постигалъ, но и чувствовалъ, вмѣщая въ себѣ и то, и другое. Читайте его «Безвѣріе»: это съ себя онъ пишетъ такую глубоко-трагическую картину. Признаемъ это высокое стихотвореніе истинно назидательнымъ». А затѣмъ справедливость требуетъ оговориться, что оба противоположныхъ мнѣнія вдаются каждое въ свою крайность, но построены на одинаковой основной ошибкѣ: съ обѣихъ сторонъ эстетическій приговоръ произносится надъ пьесою ради совершенно постороннихъ искусства симпатій и антипатій. Съ художественной же точки зрѣнія, отнесясь къ дѣлу безпристрастно, пьеса «Безвѣріе» не можетъ быть названа ни «высокимъ» (степень «назидательности» безразлична въ дѣлѣ художественной оцѣнки), ни «самымъ слабымъ» стихотвореніемъ. Просто ея тема и отвлеченная постановка самой темы не включаютъ въ себѣ ничего поэтического, да притомъ и требуютъ выполненія въ—столь несвойственномъ Пушкину—приподнятомъ тонѣ. Оттого въ цѣломъ пьеса производитъ на насъ какое-то подозрительное,—какъ-то слишкомъ благонравное для Пушкина впечатлѣніе. Но съ другой стороны—можно ли придавать какое нибудь значеніе тому, что пьеса писана на заданную тему, даже если бы предположеніе Гаевского о послѣднемъ обстоятельстве было не произвольною догадкой, а дѣйствительнымъ фактомъ? Развѣ «Воспоманія въ Царскомъ Селѣ» написаны не на чужую тему? Дѣло не въ темѣ, а въ выполненіи, въ томъ, какъ отнесся поэтъ къ своей темѣ, что выдвинулъ на первый планъ, въ чемъ увидѣлъ свою задачу. А съ этой точки зрѣнія «Безвѣріе» принадлежитъ не только не къ худшимъ, но наоборотъ, къ лучшимъ изъ лицейскихъ стихотвореній, хотя выполненіе въ немъ довольно неровное. Тема была благонравна, но Пушкинъ отнесся къ ней съ полной искренностью: въ его серьезныхъ образахъ мы узнаемъ всѣ темы лицейскихъ стихотвореній. Красоты природы, уныніе среди нихъ, измѣна въ любви и дружбѣ, мысли о смерти, какъ своей собственной, такъ и родныхъ, друзей или возлюбленной, образъ дѣвственной чистоты въ минуты грустной надгробной молитвы, тоскливая тревога въ храмѣ среди молящейся толпы,—все это образы, хорошо знакомые намъ по лицейскимъ пьесамъ, хотя и въ другомъ тонѣ. Стихи эти были написаны искренно, отъ души: это видно изъ того,

что Пушкинъ сообщилъ ихъ своему дядѣ для прочтенія въ Обществѣ любителей россійской словесности, напечаталъ ихъ въ «Трудахъ» общества за полною подписью и даже повдигъ, какъ видно изъ помѣтки на рукописи «надо», колебался, не помѣститъ ли ее въ сборникъ своихъ стихотвореній (А.1, прим. 390): отсюда слѣдуетъ, что и въ зрѣломъ возрастѣ Пушкинъ вовсе не считалъ пьесу неискренней или особенно слабой,—а строгій вкусъ и прямотушье Пушкина вѣсятъ много больше вкуса и тенденціозныхъ заподозрѣваній Бѣлинскаго. Справедливо замѣчаетъ и Я. К. Гротъ, что «Безвѣріе» даетъ понятіе о тогдашнемъ внутреннемъ мірѣ Пушкина. «Очень ошибся бы, — прибавляетъ тотъ же авторъ, — тотъ, кто бы подумалъ, что эта пьеса, какъ написанная для случая, не можетъ служить вѣрнымъ отраженіемъ дѣйствительнаго образа мыслей поэта. Пушкинъ никогда не умѣлъ притворяться, не умѣлъ, особенно въ стихахъ, говорить что нибудь для виду или для угожденія другимъ: правдивость и искренность составляли одну изъ господствующихъ сторонъ нравственнаго существа его; онъ самъ называлъ себя «врагомъ стѣснительныхъ условій и оковъ»¹⁾. Наконецъ, соглашаясь, что въ пьесѣ встрѣчаются отдѣльные стихи семинарскаго покроя, за которые, должно быть, и не пришлось ей войти въ прижизненные собранія стихотвореній Пушкина, нельзя, за этой оговоркою, не признать остальныхъ стиховъ очень точными, сильными и выразительными. Въ любой элегіи Пушкина было бы, наприимѣръ, умѣстно прекрасное двустишіе

Видали-ль вы его надъ хладною могилой,
Гдѣ Делін его таятся пепель милый?

Или чѣмъ не хороши вотъ эти важные и простые стихи:

Найдите тамъ его, гдѣ илистый ручей
Проходить медленно среди нагихъ полей,
Гдѣ сосенъ вѣковыхъ таинственныя сѣни,
Шумя, на влажный мохъ склонили вѣчны тѣни.

Или наконецъ развѣ не напоминаютъ они вмѣстѣ съ слѣдующимъ отрывкомъ:

Рыдаетъ—и межъ тѣмъ, подъ сѣнью темныхъ ивъ,
У гроба матери колѣна преклонивъ,
Тамъ дѣва юная, въ печали безмятежной,
Возводитъ къ небу взоръ болѣзненный и нѣжный.
Одна, туманною луной озарена,
Какъ ангелъ горести является она,
Вдыхаетъ медленно, могилу обнимаетъ,—

развѣ не напоминаютъ они повднѣйшихъ элегій Ленскаго (III, 268 сл.)—а припомните, какъ тепло говоритъ Пушкинъ о творчествѣ

¹⁾ Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Статьи и матеріалы Я. Грота. 2-е изданіе, Спб., 1899 г., стр. 110.

своего поэта—и въ то же время Жуковского той эпохи въ его лучшія минуты? Конечно, не эти мѣста имѣлъ въ виду преосвященный Никаноръ; но мы положительно утверждаемъ, что безъ тщательнаго изученія и анализа пьесы «Безвѣріе» невозможно понять позднѣйшихъ произведеній Пушкина въ религіозномъ духѣ. Здѣсь подробный разборъ былъ бы неумѣстенъ; но оставить безъ протеста несправедливое и легковѣсное сужденіе Бѣлинскаго значитъ не оцѣнить одного изъ важнѣйшихъ проявленій внутренней жизни Пушкина.

VI.

Ограничиваясь приведенными дополненіями и оговорками, мы прибавимъ только, что въ книгѣ имѣется еще одинъ весьма существенный пробѣлъ: она не снабжена указателемъ, кромѣ трехъ страницъ перечня прежнихъ изданій Пушкина и дѣлаемыхъ на нихъ ссылокъ. Едва ли нужно распространяться о томъ, до какой степени настоятельна потребность въ восполненіи этого недостатка въ изданіи, заключающемъ въ себѣ такую массу матеріала. Проникнутый этимъ сознаніемъ, пишущій эти строки, не останавливаясь на пожеланіяхъ и сожалѣніяхъ, уже приступилъ къ составленію подробныхъ указателей (стихотвореній, предметовъ, именъ собственныхъ, источниковъ, пособій и пр.), которые будутъ выпущены въ свѣтъ особою брошюрою въ самомъ непродолжительномъ времени. Такимъ образомъ, этотъ вопросъ можно оставить безъ дальнѣйшихъ обсужденій и обратиться къ послѣдней части настоящаго обзора.

Именно, критикъ академическаго изданія Пушкина не можетъ умалчать о другомъ, неразрывно къ нему примыкающемъ, изданіи,— о новомъ трудѣ Л. Н. Майкова, также посвященномъ Пушкину, подъ заглавіемъ «Пушкинъ. Біографическіе матеріалы и историко-литературные очерки». Съ приложеніемъ портрета Пушкина. Изданіе Л. Ф. Пантелѣва. Спб. 1899, 462 страницы 8°, столь же, если не болѣе, необходимомъ каждому любителю Пушкина, какъ были до сихъ поръ работы Анненкова и Грота. Въ ней, какъ видно уже изъ заглавія, собраны всевозможные біографическіе и историко-литературные матеріалы, по большей части впервые напечатанные Л. Н. Майковымъ или впервые напечатанные имъ безъ пропусковъ, которые, по ихъ объему или другимъ причинамъ, не могутъ цѣликомъ войти въ жизнеописаніе Пушкина, имѣющее закончить академическое изданіе его сочиненій. Всѣ эти матеріалы снабжены въ книгѣ введеніями, примѣчаніями и дополненіями ея составителя, объ огромной цѣнности которыхъ излишне распространяться. Значительное большинство содержанія книги было уже напечатано въ различныхъ журналахъ и собрано въ «Историко-литературныхъ очеркахъ» Л. Н. Майкова; но преимущество новой книги въ томъ, что въ ней впер-

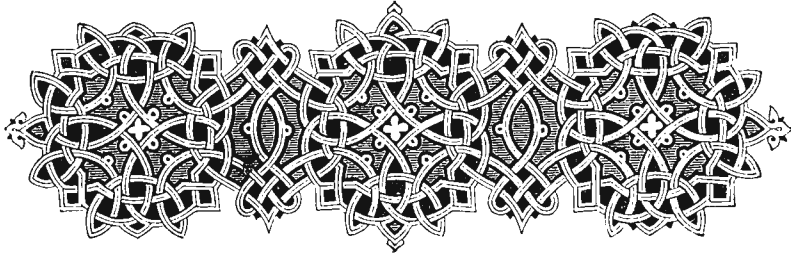
вые объединенъ съ небывалою полнотою обильный вспомогательный материалъ къ изученію Пушкина, мѣстами въ ней впервые появляющійся въ печати. Во главѣ ея помѣщена статья «Молодость Пушкина по разсказамъ его младшаго брата», въ которой впервые точно воспроизведена записка Л. С. Пушкина о жизни поэта до 1826 года и дана въ сущности обстоятельная біографія самого составителя записки съ приложеніемъ его стихотворенія «Петръ Великій» и формулярнаго списка о его службѣ. Еще болѣе цѣнны материалы слѣдующей статьи — «Записки И. И. Пущина о дружескихъ связяхъ его съ Пушкинымъ», впервые дающей исправный и полный текстъ этихъ записокъ. Къ нимъ примыкають цѣликомъ впервые именно Л. Н. Майковымъ опубликованныя «Бессарабскія воспоминанія» А. Ѳ. Вельтмана, рисующія намъ жизнь поэта на югѣ Россіи во время его первой высылки. Затѣмъ идетъ очень интересный очеркъ «Изъ сношеній Пушкина съ Н. Н. Раевскимъ», гдѣ опубликовано любопытное и содержательное письмо послѣдняго къ поэту. Далѣе слѣдуетъ въ выдержкахъ, заключающихъ, по словамъ Л. Н. Майкова, все, что въ подлинникѣ есть наиболѣе любопытнаго, дневникъ А. Н. Вульфа, дающій много чрезвычайно цѣнныхъ, хоть и отрывочныхъ, свѣдѣній къ біографіи и творчеству Пушкина, а слѣдомъ за ними перепечатаны еще болѣе интересныя, прямо драгоценныя, воспоминанія А. П. Кернъ, дополненныя Л. Н. Майковымъ изъ другихъ ея статей и воспоминаній. Послѣ нихъ мы встрѣчаемъ двѣ статьи «Князь Вяземскій и Пушкинъ объ Озеровѣ» (по «материаламъ Остафьевскаго архива») и «Пушкинъ о Батюшковѣ», дающія намъ цѣлый рядъ впервые обнаруженныхъ Л. Н. Майковымъ замѣтокъ Пушкина на поляхъ сочиненій Батюшкова и критической статьи князя Вяземскаго объ Озеровѣ. Трудно дать понятіе о томъ, до какой степени мѣтки, вѣски, оригинальны и новы эти коротенькія замѣтки, порою въ 3—4 словахъ вмѣщающія больше ума, вкуса и глубокомыслія, чѣмъ въ иной книгѣ на 3—4 листахъ печатныхъ. Засимъ, въ статьѣ «Воспоминанія Шевырева о Пушкинѣ» дается обзоръ отношеній Пушкина и Шевырева и печатаются съ рукописи замѣтокъ, составленныхъ со словъ Шевырева, воспоминанія послѣдняго съ обширными поясненіями издателя. Рядомъ помѣщена составленная на основаніи бумагъ изъ домашняго архива семейства Киселевыхъ статья «Знакомство Пушкина съ семействомъ Ушаковыхъ», полная очень интересныхъ данныхъ и сообщеній. Въ слѣдующемъ затѣмъ очеркѣ «О поѣздкѣ Пушкина на Кавказъ въ 1829 году» помѣщена интересная біографическая записка М. И. Пущина, доставленная въ свое время Анненкову черезъ посредство гр. Л. Н. Толстаго. Минуя затѣмъ біографію Натальи Кирилловны Загряжской, лишь косвенно относящуюся къ Пушкину, хотя во всякомъ случаѣ очень цѣнную для пониманія тѣхъ мѣстъ въ произведеніяхъ поэта, гдѣ онъ упоми-

наеть объ этой замѣчательной женщинѣ, мы встрѣчаемъ послѣднюю статью книги — «Даль и Пушкинъ», гдѣ помѣщенъ короткий, но цѣнный набросокъ воспоминаній Даля и сообщено прелюбопытное описаніе современницею впечатлѣнія, которое произвелъ на казаковъ и казачекъ Пушкинъ своими разспросами о Пугачевѣ во время поѣздки въ Оренбургъ.

Намъ кажется, что этотъ обзоръ содержанія книги самъ по себѣ достаточно говоритъ о ея интересѣ. Въ ней мы впервые получаемъ сводъ главнѣйшихъ біографическихъ матеріаловъ, которыми пользовался Анненковъ, но въ подлинномъ видѣ, безъ всякихъ пропусковъ и ретушевокъ издателя, а въ то же время съ обильными пояснительными дополненіями. Каждому понятно, какъ необходима эта книга для изученія Пушкина и какимъ богатѣйшимъ юбилейнымъ вкладомъ обогатилась въ ней наша литература.

Б. Никольскій.

ДИДЕРО И ЕКАТЕРИНА II ¹⁾.

ОРИСЪ Турнё принадлежитъ къ числу добро совѣстныхъ, трудолюбивыхъ и талантливыхъ изслѣдователей французской литературы. По его собственнымъ словамъ, «роль историковъ въ концѣ нашего вѣка, прозваннаго Сентъ-Бёвомъ «эрой схолиастовъ», должна заключаться въ томъ, чтобы постоянно рыться въ архивахъ безъ усталы и безъ отвращенія, поддерживая себя мыслью о сохраненіи драгоценнаго сокровища, частицу котораго ихъ трудъ спасаетъ отъ забвенія; строго придерживаясь этой программы историческихъ трудовъ, онъ издалъ съ учеными и любопытными комментаріями «Мемуары одного отца» Мармонтеля, «Исторію» Бомарше, Гедена де-ла-Бренелери и сочиненія Дидеро. Последняя работа заняла много лѣтъ, потребовала продолжительнаго пребыванія Турнё въ Петербургѣ, гдѣ, по его словамъ, рукописи Дидеро находились подъ тройнымъ замкомъ въ Эрмитажѣ, и теперь доведена до конца появленіемъ новаго труда Турнё «Дидеро и Екатерина II». Ранѣе онъ издалъ съ Жюлемъ Ассеза «Полное собраніе сочиненій Дидеро», въ двадцати томахъ, въ основу котораго вошли впервые списанныя цѣликомъ издателями въ Петербургѣ рукописи Дидро, которыя прежде были только отчасти списаны въ 1830 году Жеди-Дюгуромъ, и также сообщены въ 1856 году Жюлю Годару. Кромѣ того, Турнё одинъ издалъ еще переписку Гримма, Дидеро, Рейналя и Мейстера въ шестнадцать томахъ, а также рукописи

¹⁾ Diderot et Catherine II, par Maurice Tourneux. Paris. 1899.

Дидеро, хранящаяся въ Россіи. Настоящая книга составляетъ главнымъ образомъ изданіе съ комментаріями и добавленіями до сихъ поръ невѣдомой и чрезвычайно драгоценной рукописи Дидеро.

Дѣло ведетъ о знаменитыхъ бесѣдахъ Екатерины II съ Дидеро во время его пребыванія въ Петербургѣ; какъ извѣстно, эти бесѣды безъ свидѣтелей и въ числѣ шестидесяти составляли предметъ многихъ изслѣдованій, и В. А. Бильбасовъ отчасти возстановилъ ихъ содержаніе въ своей книгѣ «Дидро въ Петербургѣ», на основаніи печатныхъ и рукописныхъ матеріаловъ. Но до сихъ поръ неизвѣстно было, что существовалъ сборникъ отдѣльныхъ замѣтокъ, написанныхъ рукою Дидеро и въ которыхъ резюмирована вся сущность этихъ бесѣдъ на память Екатеринѣ. Онъ озаглавленъ «*Melanges philosophiques, historiques etc. à 1773 depuis le 5 octobre jusqu'a 3 decembre même année*», переплетенъ въ красный сафьянъ съ золотымъ корешкомъ и снабженъ эпитафюмъ:

Philosopho, seu puero ingenuo,
De re gravi leviter loquenti
Majestas ejus subridebat
Aliquando, benigne.

Хотя несомнѣнно, что этотъ драгоценный томъ принадлежалъ Екатеринѣ, и онъ снабженъ императорскимъ гербомъ, но она не упоминала объ его существованіи ни одному изъ лицъ, съ которыми переписывалась, даже своему излюбленному Гримму. Не извѣстно, какимъ образомъ онъ перешелъ въ собственность бывшаго министра народнаго просвѣщенія А. С. Норова, что доказывается помѣтой о принадлежности книги его библиотекѣ и собственноручной надписью на первой страницѣ: «Въ этомъ томѣ, написанномъ рукою Дидеро, заключаются всѣ записки, представленныя имъ во время его пребыванія въ Петербургѣ ея величеству императрицѣ Екатеринѣ II». Норовъ прежде своей смерти въ 1869 году поднесъ эту рукопись императору Александру II, и съ тѣхъ поръ она хранится въ придворной библиотекѣ, хранитель которой, теперь умершій А. Гриммъ, передалъ ее для прочтенія Морису Турнѣ. Благодаря ходатайству тогдашняго французскаго посланника, адмирала Жоресса, и перваго совѣтника посольства, Терно-Кампана, ему было разрѣшено списать рукопись сначала до конца, въ чемъ ему помогъ Гриммъ. Такимъ образомъ, благодаря иностранцу, обнаружено 126 лѣтъ спустя существованіе въ Россіи драгоценнаго матеріала для характеристики отношеній Екатерины II къ знаменитому французскому ученому, философу и энциклопедисту. Конечно, напечатанныя впервые французскимъ историкомъ сочиненія Дидеро, не обнаруживаютъ новыхъ чертъ въ этихъ отношеніяхъ, но въ нихъ выясняется съ полной достовѣрностью, о чемъ дѣйствительно говорилось на знаменитыхъ бесѣдахъ между, какъ выражался самъ Дидро, «пророческимъ сту-

ломъ» и «императорскимъ кресломъ». А если только изрѣдка встрѣчаются ссылки на мнѣнія, высказанныя Екатериной, то слова, сказанныя и записанныя самимъ Дидеро, краснорѣчиво доказываютъ, какъ свободны были эти бесѣды, и какъ Екатерина вызывала своего друга философа на откровенное объясненіе его смѣлыхъ, либеральныхъ взглядовъ на всевозможные вопросы.

По лично составленному Дидеро оглавленію этого сборника видно, что входящія въ его составъ 67 отдѣльныхъ записокъ, или замѣтокъ самаго различнаго объема, помѣщены безъ всякаго порядка, а потому Турнѣ очень хорошо сдѣлалъ, что сгруппировалъ ихъ въ 8-ми отдѣлахъ: законодательства, политической экономіи, внутренней и внѣшней политики, религіи и нравственности, педагогіи, воспитанія посредствомъ театра, воспитанія посредствомъ изящныхъ искусствъ и литературы. Первый отдѣлъ начинается пространнымъ разсужденіемъ подъ заглавіемъ «Историческій очеркъ полиціи», но Дидеро придаетъ этому слову, по примѣру Монтескье, Паскаля, Вольтера и другихъ французскихъ писателей стараго времени, значеніе общей политической организациі и рисуетъ картину феодальнаго и парламентскаго устройства Франціи, а также реформъ Могу въ смыслѣ деспотическомъ и по его убѣжденію вполне гибельномъ для страны. Собственно о полиціи Дидро говоритъ въ отдѣльной замѣткѣ лишь нѣсколько строкъ и въ нихъ указываетъ на всезнаніе парижской полиціи, а также разсказываетъ анекдотъ о Фридрихѣ II, который, пославъ особаго эмиссара въ Парижъ для изученія дѣятельности парижской полиціи, не захотѣлъ и слушать его доклада, когда онъ заявилъ, что эта отрасль администраціи стоитъ два милліона. «Впрочемъ,—прибавляетъ Дидро,—если ваше величество пожелаете ввести въ вашей имперіи эту громадную сѣть для ловли людей, то можно доставить вамъ всѣ необходимыя свѣдѣнія». Въ примѣчаніи къ этой замѣткѣ Мористъ Турнѣ сообщаетъ, что Пешэ во введеніи къ «Коллекціи полицейскихъ законовъ, инструкцій и правилъ», изданной въ 1817 году, упоминаетъ, что представитель Екатерины II въ Парижѣ заявилъ Сартину, тогдашнему начальнику парижской полиціи, желаніе императрицы получить подробное описаніе внутренняго строя полиціи, по примѣру записки, составленной для императрицы Маріи-Терезіи. Тотъ же Пешэ, а за нимъ и Дюпэнъ, увѣряютъ, что подобная записка была составлена и напечатана въ тысячѣ экземплярахъ и нѣсколькихъ томахъ, которые и были отправлены въ Петербургъ. Но Турнѣ считаетъ это извѣстіе очень сомнительнымъ, такъ какъ ни въ Россіи, ни въ національной библіотекѣ въ Парижѣ, онъ не нашелъ слѣдовъ, чтобы такой сборникъ когда либо существовалъ, и, кромѣ того, онъ находитъ невѣроятнымъ, чтобы для русской императрицы напечатали обширный, многотомный трудъ, тогда какъ для австрійской удовольствовались рукописной запиской. Наконецъ, въ то время, къ которому французскіе юристы относятъ этотъ стран-

ный фактъ, по расчету Турне, Сартинъ былъ уже не главою полиціи, а морскимъ министромъ.

Наибольшій интересъ остальныхъ юридическихъ трактатовъ и замѣтокъ Дидеро заключается въ томъ, что онъ говоритъ въ нѣсколькихъ изъ нихъ объ Екатерининской комиссіи для составленія новаго уложенія, хотя сама Екатерина увѣряла Гримма, что Дидеро никогда не говорилъ объ этомъ съ нею. Его же «замѣтки о наказѣ», найденныя въ его рукописяхъ послѣ смерти и доставленныя въ Петербургъ вмѣстѣ съ его библиотекой, она называла «сущимъ вздоромъ» (*ugaie babille*). Эти вызвавшія неудовольствіе Екатерины замѣтки были дѣйствительно составлены Дидеро, по возвращеніи изъ Россіи, и онъ давно извѣстенъ, а только для полноты снова напечатаны въ приложеніи къ книгѣ Турнѣ. Но болѣе чѣмъ странно, что Екатерина забыла то, что ей говорилъ на словахъ и написалъ на бумагѣ въ Петербургѣ ея другъ философъ о столь важномъ вопросѣ, какъ «Наказъ». Откровенно и вполне смѣло, какъ всегда, отзывался Дидеро объ Екатерининской комиссіи. Онъ считалъ учрежденіе ея чрезвычайно полезнымъ и совѣтовалъ сдѣлать ее постояннымъ представительствомъ страны. Но, придавая важное значеніе комиссіи въ смыслѣ народнаго представительства, Дидеро полагалъ, что ей не слѣдовало вмѣшиваться въ вопросы: войны, политики и финансовъ, а надлежало исключительно заниматься составленіемъ, измѣненіемъ и сохраненіемъ законовъ. По его словамъ, въ подобномъ представительномъ учрежденіи не было ничего опаснаго. Онъ такъ настаивалъ на приданіи законодательной комиссіи постоянного характера, что въ дальнѣйшей замѣткѣ, озаглавленной о третьемъ сословіи, онъ совѣтуетъ императрицѣ «вести конкурсъ при назначеніи на административныя должности, основать первоначальныя школы, куда родители обязаны посылать своихъ дѣтей, и гдѣ послѣднія получали бы пищу, учредить стипендіи для бѣдныхъ въ высшихъ школахъ, а главное сдѣлать комиссію постоянной». Кромѣ того, Дидеро находилъ необходимымъ, чтобы императрица твердо исполняла свои обѣщанія и сама болѣе всѣхъ уважала законъ. «Когда сводъ закона будетъ составленъ вашей комиссіей,—говорилъ онъ, между прочимъ,—то слѣдовало бы пригласить всѣхъ умныхъ людей Европы прислать свои замѣчанія. Тогда русскій могъ бы сказать: «Я повинуюсь законамъ, которые самъ себѣ составилъ и которые одобрены всѣмъ свѣтомъ».

Изъ отдѣльныхъ юридическихъ вопросовъ, разсматриваемыхъ Дидеро, заслуживаетъ вниманія разводъ, въ пользу котораго онъ пламенно высказывается, выражая желаніе, чтобы императрица нашла возможнымъ его ввести въ своей странѣ безъ вредныхъ послѣдствій. При этомъ онъ совѣтуетъ для дѣтей разведенныхъ супруговъ создать особыхъ опекуновъ, которыми, по его мнѣнію, могли бы съ успехомъ быть члены законодательной комиссіи.

Также очень интересна замѣтка, озаглавленная «Объ одномъ уголкѣ національнаго духа и объ одномъ обычаѣ въ Амстердамѣ». Хотя она отнесена Морисомъ Турнё въ отдѣлъ политики, но собственно по своему содержанію она касается юридическихъ вопросовъ, и въ ней снова упоминается законодательная коммиссія, о которой постоянно думаетъ Дидеро. «Учредите,—говорить философъ, обращаясь прямо къ императрицѣ:—среди своихъ трибуналовъ то, что существуетъ только въ Амстердамѣ, но что должно существовать вездѣ, гдѣ есть тѣнь здраваго смысла,—именно защитниковъ бѣдныхъ, т. е. судей, прокуроровъ и адвокатовъ, которые творили бы правосудіе быстро и даромъ. Создайте подобный судъ изъ членовъ вашей законодательной коммисіи, и выберите среди нихъ людей побѣднѣе, такъ какъ они станутъ болѣе заботиться о себѣ подобныхъ людяхъ, чѣмъ сильные міра сего. Предсѣдателемъ долженъ быть человекъ строгой честности, напримѣръ, для этой должности я указалъ бы вамъ на камергера Нарышкина (у котораго жилъ въ Петербургѣ Дидеро). Я, кажется, хорошо его знаю, и онъ по характеру похожъ на Катона».

Переходя въ область экономическую, Дидеро прежде всего выступаетъ противъ закона, карающаго ростовщиковъ, на томъ основаніи, что цѣль этого закона—предохранять дураковъ, а, по его мнѣнію, это все равно, что издавать законы противъ самоубійства. Затѣмъ онъ указываетъ на необходимость для поддержанія кредита, чтобъ всѣ были равны передъ закономъ, и чтобъ знатныя лица не могли уклоняться отъ платежа долговъ, даже совѣтуетъ императрицѣ заплатить изъ казны кредиторамъ знатныхъ и богатыхъ лицъ, которыя не платятъ по капризу, а потомъ взыскать съ нихъ въ пользу казны, которой легче съ ними справиться, чѣмъ частнымъ лицамъ. Странно, что, высказывая столько либеральныхъ, человѣчныхъ идей, Дидеро не критикуетъ ни однимъ словомъ крѣпостничества, а только въ одномъ мѣстѣ совѣтуетъ отдавать найденныя изъ воспитательныхъ домовъ въ обученіе тому или другому ремеслу, при чемъ, какъ воспитанникъ, такъ и ремесленникъ, берущій на воспитаніе трехъ или четырехъ дѣтей, получали бы свободу. Что касается до роскоши, то онъ высказывается лишь противъ того, чтобъ золото было кумиромъ страны, и говоритъ, что если бы онъ былъ французскимъ королемъ, то сократилъ бы всѣ расходы на дворъ, духовенство и армію, что нимало не было бы для него стыдно, такъ какъ онъ дѣлалъ бы экономію въ карманѣ не своему, а своихъ подданныхъ.

Въ педагогическомъ отдѣлѣ замѣтокъ Дидеро не помѣщенъ извѣстный трактатъ о планѣ русскаго университета, который напечатанъ въ полномъ собраніи его сочиненій, изданномъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ Морисомъ Турнё и Эмилемъ Ассеза, но въ него вошло нѣсколько отдѣльныхъ большихъ и маленькихъ этюдовъ о желательномъ общественномъ образованіи. Философъ дѣлитъ его на три степени: первую степень онъ считаетъ необходимою для всѣхъ, и

она состоитъ изъ умѣнья читать и писать, знанія ариѳметики до тройнаго правила включительно и знакомства съ основами нравственности. Вторая степень обнимаетъ основы алгебры, геометріи, механики, географіи и естественной исторіи, а также знакомство съ логикой, законовѣдѣніемъ и нравственностью. Только третья степень образованія, т. е. та, которая создаетъ ученыхъ, по словамъ Дидеро, допускаетъ изученіе грамматикъ древнихъ и новѣйшихъ языковъ, исторіи, поэзіи, краснорѣчія, права и метафизики. Изъ этого краткаго перечня ясно, что Дидеро былъ врагомъ такъ называемаго классическаго образованія, и дѣйствительно, по его словамъ, «нѣтъ ничего суше, скучнѣе и отвратительнѣе, какъ изученіе грамматикъ». Изъ программы общественныхъ школъ онъ совершенно удаляетъ богословіе и гимнастику, какъ принадлежность домашняго воспитанія, а также музыку и танцы, на томъ основаніи, что «народъ нельзя обязать плясать или пѣть». Напротивъ, онъ настаиваетъ на образовательномъ значеніи театра и изящныхъ искусствъ. Объ академіи онъ отзывается очень рѣзко и увѣряетъ, что «каждый писатель, поступающій во французскую академію, становится дуракомъ, такъ какъ онъ подчиняется педантичной рутинѣ и теряетъ всякую энергію». Не академія, по его словамъ, а «великіе гени создали французскій языкъ, который даже не совершенствуется академіей, напрасно теряющей время на составленіе плохого словаря». Собственно о педагогическихъ системахъ Дидеро говоритъ мало и только совѣтуетъ, чтобъ въ школахъ какъ можно болѣе обращалось вниманія на соревнованіе между учениками введеніемъ различныхъ отличій, которыя присуждались бы и выдавались въ публичныхъ собраніяхъ; что же касается до наказаній, то, по его мнѣнію, они должны быть назначаемы лишь по суду товарищей, а не зависѣть отъ учителей. Но всего замѣчательнѣе въ этомъ отдѣлѣ двѣ статьи, озаглавленныя: «О воспитаніи, о недостаткахъ его въ Европѣ и о конкурсѣ на всѣ должности, какъ средствъ устранить эти недостатки» и «О необходимости конкурса даже на важныя должности».

Назначеніе на всѣ государственныя должности по публичному конкурсу составляетъ излюбленный предметъ разсужденій Дидеро. Онъ часто говоритъ о немъ, а въ посвященныхъ ему статьяхъ теоретически и практически доказываетъ его необходимость. «Я не знаю другаго средства, — говоритъ онъ:— чтобъ спасти народъ отъ легкомыслія и посредственности, какъ предоставленіе всѣхъ должностей, даже канцлера, по конкурсу». Затѣмъ, переходя къ Россіи, онъ совѣтуетъ Екатеринѣ ввести это благотворное учрежденіе и сдѣлать судьями членовъ законодательной комиссіи. «Какъ только явится ваканція, пусть всѣ чувствующіе себя способными занять ее, записываются кандидатами, — говоритъ онъ, — пусть они явятся въ комиссію и вступаютъ публично въ борьбу, которая можетъ продолжаться нѣсколько дней. По окончаніи ея, побѣдитель долженъ

Императрица Екатерина II.

быть провозглашенъ предсѣдателемъ, представленъ императрицѣ, которая можетъ присутствовать при конкурсѣ, но безъ права голоса, чтобъ не породить низкопоклонства, и, получивъ отличительный знакъ своей должности, вступаетъ въ исполненіе ея. Что это не химера, а практически осуществимое учрежденіе, Дидеро доказываетъ примѣромъ конкурса на кафедры въ юридическомъ факультетѣ Парижскаго университета. При введеніи конкурса, однако, онъ совѣтуетъ поступать осторожно, постепенно и, на примѣръ, полное примѣненіе его разсрочить на пять лѣтъ. «Это единственное и вѣрное средство образовать націю,—говоритъ онъ въ заключеніе своей первой статьи:—оно дастъ воспитанію настоящую твердую основу и одушевитъ націю живительной силой, убѣдивъ ее, что существуетъ только одно неравенство на свѣтѣ, именно между невѣжествомъ и знаніемъ, трудомъ и правдою, добродѣтелью и порокомъ. Конкурсъ на всѣ должности положить конецъ протекціи, и всѣ государственныя мѣста будутъ заняты людьми честными, способными, знающими».

Въ видѣ иллюстраціи своихъ аргументовъ, Дидеро приводитъ слѣдующій разговоръ, который при введеніи рекомендуемой имъ системы будетъ часто происходить между отцами и сыновьями:

— Ты знаешь, сынъ мой, кто назначенъ предсѣдателемъ суда?

— Нѣтъ.

— Такой-то.

— Какъ, сынъ швеи, которая шьетъ платья для матери?

— Да. Если сынъ швеи достигъ этой высокой должности, то и ты можешь достигнуть того же, если будешь учиться прилежно, а не будешь прилежно учиться, то ничего не достигнешь.

Еще краснорѣчивѣе и остроумнѣе вторая статья, напоминающая по своей блестящей ироніи лучшія страницы «Neveu de Rameau». Дидеро. Мы приводимъ ее въ подстрочномъ переводѣ:

«Чтобъ окончательно убѣдить ваше величество въ необходимости ввести конкурсъ на всѣ должности, что нигдѣ не существуетъ и отсутствіе чего сводитъ къ ничтожеству все образованіе и всѣ добродѣтели, лишая національное воспитаніе твердой основы,—я приведу два разговора матери съ своими дѣтьми и учителемъ. Эти разговоры списаны съ натуры.

«Учитель, аббатъ, входитъ въ спальню свѣтской матери въ 2 часа ночи, послѣ ея возвращенія домой съ бала.

«Мать. А, вотъ и вы, аббатъ.

«Учитель. Да.

«Мать. Вы пришли спать со мною.

«Учитель. Нѣтъ, я пришелъ сказать, что завтра покидаю вашъ домъ.

«Мать. Неправда, вы не уйдете, и не для чего вамъ уходить?

«Учитель. Я не могу ничего сдѣлать изъ вашихъ сыновей.

«Мать. Но васъ, любезный аббатъ, никто и не просить что нибудь изъ нихъ сдѣлать? Вы напрасно такъ заботитесь. Относительно старшаго я прошу у васъ одного, чтобъ онъ былъ здоровъ, грамотенъ, хорошо говорилъ, былъ любезенъ, забавенъ и всѣмъ нравился, а что касается математики, физики, латыни и всѣхъ вашихъ наукъ, то пусть онъ знаетъ ихъ сколько можетъ, и ему довольно. Младшій можетъ все-таки остаться дуракомъ, несмотря на всѣ ваши хлопоты, и мы сдѣлаемъ его военнымъ, или духовнымъ сановникомъ, а въ крайности предсѣдателемъ суда послѣ его дяди. Однако довольно; если вы не намѣрены спать со мной, то уходите, уже поздно, и я не желаю болѣе говорить о пустякахъ. Ахъ, да кстати, аббатъ, приведите мнѣ завтра утромъ моихъ сыновей.

«Утромъ аббатъ приводитъ своихъ учениковъ, и у нихъ происходитъ слѣдующій разговоръ съ матерью.

«Мать. Здравствуйте, дѣти. Отчего у васъ глаза такіе усталые? Аббатъ, вы слишкомъ много ихъ учите и не даете имъ спать. Я хочу, чтобы прежде всего мои дѣти были здоровы. Ну (обращаясь къ старшему сыну), гдѣ ты былъ вчера? Хорошо ли гулялъ, хорошо ли кушалъ?

«Старшій сынъ. Мы были у аббата Нолле (профессоръ физики, читавшій публичныя лекціи).

«Второй сынъ. Мы видѣли тамъ, какъ машина убиваетъ воробьевъ.

«Мать. Какая гадость! А потомъ, гдѣ вы были?

«Старшій сынъ. У Блонделя.

«Мать. Зачѣмъ?

«Старшій сынъ. Чтобы видѣть архитектурныя модели.

«Мать. Вы просто съ ума сошли, аббатъ. Неужели вы хотите сдѣлать изъ моего сына работника? Однако, дѣти, мнѣ пора ѣхать. Забавляйтесь побольше, а вы, аббатъ, не забывайте, что я говорила вамъ вчера. Мои дѣти богаты, и я не вижу необходимости во всѣхъ этихъ знаніяхъ, которыя не увеличатъ нисколько ихъ успѣха у женщинъ. Но экипажъ поданъ, и графиня меня ждетъ. Прощайте, прощайте.

«И всего забавнѣе въ этомъ разговорѣ, что свѣтская мать права, а учитель не правъ!»

Религіозные и нравственные вопросы не занимаютъ много мѣста въ замѣткахъ Дидро. Онъ самъ откровенно сознается, что не вѣрить въ Бога, но прибавляетъ: «а, можетъ быть, передъ смертю я и буду въ него вѣрить». Оставляя въ сторонѣ Бога, какъ онъ выражается, «изъ уваженія къ ея величеству», философъ возстаетъ противъ католическихъ патеровъ, которые по своему ремеслу распространяютъ нетерпимость со всѣми ея послѣдствіями, предрассудками, ненавистью, ложью, клеветою и т. д., а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прославляетъ вѣротерпимость, какъ необходимое условіе просвѣщенія и благоденствія

на землѣ. По его словамъ, скучныя проповѣди въ церквахъ не возвышаютъ нравственности въ людяхъ, а напротивъ театръ гораздо болѣе вліяетъ въ этомъ отношеніи. Впрочемъ, онъ отдаетъ предпочтеніе хорошимъ комедіямъ и трагедіямъ, не только надъ скучными проповѣдями, но и надъ философскими сочиненіями. «Кто помнитъ хоть одну фразу изъ философскихъ трактатовъ Вольтера,—говоритъ онъ,—а тирады изъ «Заиры» «Альзиры» и «Магомета» во всѣхъ устахъ, даже среди низшихъ классовъ!» Для проповѣдей же русскихъ священниковъ Дидро, однако, находить полезнымъ предметомъ прославленіе чистоты. Онъ увѣряетъ, что для полнаго развитія Россіи недостаетъ чистоты, а священники, проповѣдуя въ церквахъ святость чистоты, могли бы принести много пользы, аллегорически «убивая насѣкомыхъ въ русскихъ мужикахъ».

Хотя политикѣ Дидеро посвящаетъ десять статей, но въ нихъ онъ говоритъ о всевозможныхъ предметахъ, только косвенно относящихся до политики, такъ онъ совѣтуетъ Екатериנѣ поручать посланникамъ въ своихъ депешахъ не писать дипломатическіе пустяки, а рисовать картину того положенія, въ какомъ находятся страны, въ которыхъ они пребываютъ, критикуетъ положеніе Петербурга, какъ столицы, въ виду его отдаленности отъ центра Россіи и осуждаетъ чрезмѣрное скученіе въ Петербургѣ казармъ, что, по его словамъ, опасно и можетъ породить военный мятежъ. Собственно говоря, только одна статья, озаглавленная «Мечты Дениса философа», имѣетъ характеръ чисто политической и составляетъ единственную попытку Дидеро въ роли дипломата. Несмотря на искренность и откровенность, отличавшія бесѣды Дидеро съ Екатериной II, которая всегда просила, чтобы онъ забывалъ въ ней императрицу, а видѣлъ только собесѣдника, философъ былъ очень остороженъ и рѣдко оправдывалъ выраженіе о немъ Екатерины, что «въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ему было сто лѣтъ, а въ другихъ—десять», къ тому же и сама Екатерина, по выраженію Гримма, постоянно помнила, что она императрица, и когда, напримѣръ, Дидеро, говоря о злыхъ людяхъ по принципу, привелъ въ примѣръ прусскаго короля, то она рѣзко его остановила и перемѣнила разговоръ. Поэтому нельзя не повѣрить англійскому повѣренному въ дѣлахъ въ Петербургѣ, сэру Роберту Гунингу ¹⁾, который писалъ въ депешѣ лорду Суфолку, что Дидеро наотрѣзъ отказался исполнить желаніе французскаго посланника Дюрана и представить императрицѣ бумагу, въ которой французскій дворъ предлагалъ свои услуги для заключенія мира между Россіей и Турціей. Но, спустя нѣсколько дней, тотъ же Гунингъ пишетъ въ своей депешѣ 22-го ноября 1773 года ²⁾: «Несмотря на пріемъ, сдѣланный императрицею, по словамъ Панина, той бу-

¹⁾ Сборникъ И. Р. И. О., томъ XIX, стр. 983.

²⁾ Тамъ же, стр. 388.

маги, которую передалъ ей Дидеро отъ имени французскаго посланника, онъ (Дидеро) все-таки теперь въ Царскомъ Селѣ, и это доказываетъ, что онъ сумѣлъ успокоить ея гнѣвъ». Между этими двумя замѣчаніями англійскаго дипломата существуетъ какъ бы рѣзкое

Дидеро.

противорѣчіе, но теперь, благодаря впервые напечатанной Морисомъ Турнѣ статьѣ «Мечты Дениса философа», ясно обнаруживается, что Дидро, отказавшись представить императрицѣ дипломатическую бумагу, передалъ ей, однако, свою собственную записку о желательности союза между Франціей и Россіей.

«Въ этомъ листкѣ, такъ начинается онъ свою записку, я болѣе всего буду правдивымъ человѣкомъ, такъ какъ необходимо прежде быть правдивымъ человѣкомъ, а потомъ добрымъ гражданиномъ и добрымъ патриотомъ». Чтобы доказать свою правдивость, онъ прямо признаетъ, что французская монархія находится въ упадкѣ, и что главный врагъ Франціи—Австрія, а Россіи—Пруссія, а потому Франція желаетъ заключить союзъ съ Россіей, и всѣ сдѣланные въ этомъ отношеніи съ ея стороны авансы будутъ вполнѣ искренны. «Вотъ въ чемъ,—прибавляетъ онъ,—нашъ представитель хотѣлъ бы увѣрить ваше величество, но онъ считаетъ, что мои уста менѣе подозрительны, чѣмъ его». А для того, чтобы Екатерина не подумала, что, какъ онъ самъ выражается, «философъ Денисъ пишетъ подъ чужую диктовку, подобно ребенку», онъ отзывается нѣсколько иронически о Дюранѣ и называетъ его болтуномъ (*persifleur*), что, однако, не мѣшаетъ посланнику «быть человѣкомъ честнымъ, благороднымъ, здравомыслящимъ и пламенно желающимъ, чтобы, благодаря вмѣшательству императрицы, установилось равновѣсіе между четырьмя великими державами, балансирующими судьбу Европы». Остальная часть этой любопытной записки наполнена самыми выспренними диэпирами въ честь Екатерины, вѣроятно, съ цѣлью скрасить смѣлость философа, неожиданно дебютировавшаго на дипломатической почвѣ. Онъ называетъ ее великимъ гениемъ, сожалеетъ, что она не находится на тронѣ Франціи, изъ которой она создала бы грозную имперію, увѣряетъ, что никогда не былъ такъ свободенъ, какъ съ тѣхъ поръ, какъ живетъ въ такъ называемой странѣ рабовъ и т. д. «Все это,—говоритъ онъ въ заключеніи своей статьи,—подтвердить находящійся здѣсь, вмѣстѣ со мною флегматикъ (Гриммъ), а я прибавлю еще, что былъ бы душевно радъ, если бы моя родина находилась въ союзѣ съ Россіей, и много русскихъ жило бы въ Парижѣ, а много парижанъ—въ Россіи. Безспорно, что ни одна страна въ Европѣ не можетъ такъ скоро офранцузиться, какъ Россія, относительно языка и обычаевъ».

Въ отдѣлѣ литературныхъ замѣтокъ Дидеро, наиболѣе интересно то, что онъ говоритъ о предполагавшемся новомъ изданіи энциклопедіи въ С.-Петербургѣ, и о томъ, какъ онъ работаетъ. Въ первомъ отношеніи онъ составилъ планъ совершенно новой энциклопедіи, такъ какъ старая, по его словамъ, имѣла при всѣхъ своихъ достоинствахъ много недостатковъ, и заявляетъ, что съ удовольствіемъ напишетъ на первой страницѣ: «французы хотѣли, чтобы этотъ трудъ былъ дурнымъ, а русская императрица сдѣлала его хорошимъ». Онъ обязывался съ помощью всѣхъ своихъ прежнихъ сотрудниковъ, не исключая д'Аламбера, довести это предпріятіе до конца въ теченіе шести лѣтъ, а печатать его предполагалось въ Петербургѣ по подпискѣ. Несмотря на всѣ усилія, Морисъ Турнѣ не могъ выяснить, почему это предпріятіе, которому сначала сочувствовала Екатерина,

не было приведено въ исполненіе. Послѣ своего отъѣзда изъ Петербурга въ Гаагу, Дидеро писалъ Бецкому и императрицѣ по этому поводу, но потомъ замолчалъ, и въ послѣднихъ его письмахъ уже не упоминается ни слова о знаменитой энциклопедіи, которая, по справедливому замѣчанію его новѣйшаго біографа, «хотя и называется многими литературной развалиной, но создала тотъ критическій духъ, которому Франція, а за ней Европа, обязаны самыми великими современными побѣдами въ области науки и человѣческой мысли».

Краткая замѣтка, озаглавленная «О моей манерѣ работать», написана по желанію императрицы, которая хотѣла знать, какъ писать ея другъ философъ. По его словамъ, прежде чѣмъ приступить къ какому нибудь литературному труду, онъ задаетъ себѣ вопросъ, «можетъ ли онъ исполнить его лучше всѣхъ другихъ, и только принимается за него, если по совѣсти дастъ себѣ удовлетворительный отвѣтъ». Тогда онъ начинаетъ обдумывать свой трудъ и думаетъ о немъ вездѣ: дома, на улицѣ, и въ обществѣ, днемъ и ночью. При этомъ онъ записываетъ входящія ему въ голову мысли безъ всякаго порядка. Когда умъ его исчерпанъ по данному предмету, то философъ даетъ ему отдохнуть, а послѣ извѣстнаго времени приводитъ въ порядокъ всѣ набросанныя на бумагѣ мысли и садится писать. По окончаніи этого труда, онъ читаетъ все, что писано другими о томъ же предметѣ, и совѣтуется съ друзьями, а также врагами. Затѣмъ наступаетъ періодъ поправокъ, передѣлокъ, а главное, литературной отдѣлки изложенія. Наконецъ, сочиненіе готово, напечатано и отдано на сѣдненіе цензурѣ, критикѣ и публикѣ. «Противъ меня, какъ литератора и человѣка, написана тысяча критикъ, прибавляетъ Дидро: но куда онѣ дѣвались, никому неизвѣстно, а литераторъ и человѣкъ занимаетъ попрежнему то мѣсто, которое подобаетъ, за исключеніемъ этой минуты, когда вашему величеству угодно удостоить меня въ тысячу разъ болѣе чести, чѣмъ я заслуживаю».

Вся рукопись Дидеро, переполненная откровенностями и совѣтами своему другу императрицѣ, оканчивается слѣдующими словами:

«Вотъ все, что я могъ примѣнить изъ моихъ философскихъ мыслей къ обстоятельствамъ, близко или отдаленно относящимся къ вашему величеству. Если вамъ что нибудь въ нихъ не понравилось, то прошу у васъ тысячу извиненій. Можетъ быть, я былъ неостороженъ и слишкомъ смѣлъ, но въ лѣвой сторонѣ моей груди есть строгій цензоръ, который увѣряетъ, что я не сказалъ ни одного лишняго или злого слова. Я философъ, какъ всѣ, т. е. личный ребенокъ, болтающій о важныхъ вопросахъ. Въ этомъ заключается оправданіе, какъ мое, такъ и всѣхъ философовъ. Мы всѣ желаемъ добра, и потому иногда говоримъ многое не кстати. Тираны, слушая насъ, насупляютъ брови, а Генрихъ IV и ваше величество улыбаются».

«Но во всякомъ случаѣ вы теперь, ваше величество, освобождены отъ болтовни приличнаго ребенка, который называется философомъ. Если случайно во всѣхъ этихъ листкахъ нашлась хорошая строка и даже если все въ нихъ никуда не годится, однако если ваше величество нашли развлеченіе отъ вашихъ важныхъ занятій въ пустыхъ усиліяхъ мыслителя, вздумавшаго въ своей маленькой головѣ устраивать дѣла большой имперіи, то я буду болѣе чѣмъ вознагражденъ за всѣ свои мечтанія. Все-таки это не помѣшаетъ мнѣ припасть къ стопамъ вашего величества и почтительно просить тысячу извиненій за мою политическую болтовню, къ которой ваше величество относитесь съ непонятнымъ снисхожденіемъ.

«Какъ бы то ни было, ваше величество можете судить по этимъ листкамъ о способности и глупости человѣка, который уже много публично писалъ, и время, которое вы потратите на ихъ чтеніе, дастъ вамъ возможность не терять времени на чтеніе другихъ сочиненій этого человѣка, которыя будутъ не хуже и не лучше этихъ листковъ. Ваше величество бросите первый политическій трактатъ, который вамъ попадется подъ руки, и скажете: «хорошо, я знаю, на что способенъ мой философъ, послѣднія строчки котораго были прекрасны». А эти послѣднія строчки, въ которыхъ я оцѣниваю себя и другихъ, совершенно справедливо составляютъ настоящую стралицу, которая одна, по моему мнѣнію, стоитъ чтонибудь».

Въ этихъ послѣднихъ строкахъ любопытной рукописи Дидеро, впервые напечатанной Морисомъ Турне, заключается, по справедливому замѣчанію французскаго историка, болѣе искренней наивности, чѣмъ лести, а потому Екатерина, несмотря на свое скептическое отношеніе къ преданности всѣхъ лицъ, съ которыми она находилась въ сношеніяхъ, питала къ своему другу философу совершенно особые чувства. Такимъ образомъ, говоря Гримму, спустя три года, о виконтѣ Лавалѣ, какъ объ одномъ французѣ, который питалъ благодарность за оказанное ему добро, она спѣшитъ прибавить: «конечно, за исключеніемъ Дидеро, который во всѣхъ отношеніяхъ былъ инымъ челсвѣкомъ, чѣмъ другіе (*un autre homme que les autres*)».

Хотя три четверти толстаго тома въ 600 страницъ, посвященнаго Морисомъ Турнѣ Дидеро и Екатеринѣ II, заняты найденной имъ и до сихъ поръ неизвѣстной рукописью его героя, но она, конечно, обставлена разсказомъ о томъ, что предшествовало приѣзду философа въ Петербургъ, и что слѣдовало затѣмъ въ отношеніяхъ между Дидеро и Екатериной. Но во всемъ, что говоритъ почтенный авторъ, нѣтъ почти ничего новаго. Давно извѣстно, что до своего появленія въ Петербургъ въ 1773 году Дидеро пользовался милостями Екатерины, которая узнавъ, что онъ продавалъ свою бібліотеку въ виду стѣсненныхъ обстоятельствъ, купила ее чрезъ Бецкаго за 16.000 ливровъ и предоставила ему пользоваться би-

бліотекой до его смерти съ титуломъ ея бібліотекаря и съ ежегодной пенсіей. Когда же оказалось, что въ платежѣ этой пенсіи произошла неаккуратность, то императрица приказала выдать ему пенсію за 50 лѣтъ впередъ. Естественно, что, благодаря этимъ обстоятельствамъ, между философомъ и сѣверной Семирамидою установились постоянныя сношенія, и хотя онъ отказался отъ перваго приглашенія Екатерины пріѣхать въ Петербургъ и кончить тамъ изданіе своей энциклопедіи, но онъ постоянно исполнялъ различныя порученія для своего августѣйшаго друга. Такъ, по ея желанію, онъ отыскалъ и отправилъ въ Петербургъ знаменитаго скульптора Фальконета, творца статуи Петра Великаго, и черезъ него производились покупки многихъ драгоцѣнныхъ пріобрѣтеній Эрмитажа. Но ему не всегда удавалось угодить своей высокой покровительницѣ, о которой онъ отзывается въ письмахъ въ самыхъ высреннихъ выраженіяхъ. Рекомендованный имъ французскій экономистъ и администраторъ, ла-Ривьеръ, оказался безобразнымъ искателемъ приключеній, о которомъ Екатерина писала Вольтеру, «что онъ считалъ русскихъ четвероногими и любезно согласился пріѣхать изъ Мартиники для того, чтобы научить ихъ ходить на заднихъ ногахъ». Также неудачно было участіе Дидеро въ покупкѣ и уничтоженіи «Анекдотовъ о революціи 1762 года» Рюльера.

Эти обстоятельства, однако, не охладили отношеній къ нему Екатерины, и Дидеро, несмотря на то, что быстро приближался къ шестому десятку, наконецъ, рѣшился лично поблагодарить въ Петербургѣ императрицу за всѣ ея милости къ нему. Хотя нѣкоторые авторы, между прочимъ, Луи-Декро въ своей книгѣ «Diderot l'homme et l'esivain», увѣряютъ, что Людовикъ XV противодѣйствовалъ путешествію Дидеро въ Россію, и приводятъ разговоръ короля съ министромъ герцогомъ Эгвильономъ по этому поводу, но Морисъ Турнѣ доказываетъ фактически, что рукопись въ Ларошельской бібліотекѣ, съ которой списанъ означенный разговоръ, поддѣльная, и все, что въ ней говорится, заимствовано изъ такихъ же поддѣльныхъ мемуаровъ графини Дюбари. Напротивъ, по словамъ Турнѣ, герцогъ Эгвильонъ поощрялъ Дидеро на это путешествіе, о чемъ свидѣтельствуемъ Гриммъ. Отправившись одинъ въ Гаагу, французскій философъ встрѣтилъ тамъ знакомаго ему русскаго вельможу, сенатора и камергера Алексѣя Васильевича Нарышкина, который сопровождалъ его въ Петербургъ и тамъ пріютилъ въ своемъ домѣ послѣ его ссоры съ Фальконетомъ.

Пять мѣсяцевъ провелъ Дидеро въ Петербургѣ въ постоянныхъ свиданіяхъ и разговорахъ съ Екатериной. Хотя положительно неизвѣстно, когда именно и при какихъ обстоятельствахъ впервые увидѣлся философъ съ Екатериной, но дальнѣйшія ихъ дружескія отношенія подтверждаются многочисленными свидѣтельствами современниковъ, и цѣлый рядъ извѣстныхъ анекдотовъ, въ которыхъ играютъ роль Екатерина и Дидеро, повторяется всѣми авторами, писав-

шими объ этомъ предметѣ. Но, конечно, нельзя вѣрить всему, что рассказываютъ о грубыхъ выходкахъ Дидеро во дворцѣ и рѣвкихъ выговорахъ Екатерины своему любимому философу, а лишь достоверно одно, что во все пребываніе Дидеро въ Петербургѣ Екатерина была чрезвычайно съ нимъ любезна, что возбуждало зависть въ придворныхъ. Собственно новаго о жизни Дидеро въ Петербургѣ Морисъ Турнѣ сообщаетъ только то, что онъ говоритъ объ его отъѣздѣ на основаніи двухъ невѣдомыхъ до сихъ поръ и списанныхъ имъ въ Упсальской бібліотекѣ депешъ шведскаго посланника въ Петербургѣ, Нолькена. Этому дипломату было поручено вдовствующей королевой Луизой-Фредерикою, сестрой Фридриха II, уговорить Дидеро захватить въ Стокгольмъ на возвратномъ пути во Францію. Вотъ что говоритъ Нолькенъ объ исполненіи этого порученія.

«Я передалъ желаніе ея величества господину Дидеро и не могъ быть очень убѣдителенъ, такъ какъ не смѣлъ говорить отъ ея имени, какъ ей угодно было приказать. Онъ нимало не расположенъ къ путешествію въ Швецію. Я имѣлъ совершенно другую идею о философахъ. Я думалъ, что всѣми ихъ дѣйствіями руководятъ самолюбіе, суетность и любовь къ популярности. Мнѣ казалось, что ихъ душѣ недоступны буржуазныя добродѣтели—любовь къ родственникамъ и дружба. Дидеро меня заставилъ перемѣнить свое мнѣніе. Онъ отличается всѣми этими предрасудками и постоянно говоритъ о желаніи увидать жену, дочь, внука и друзей. Не упоминая уже объ его необыкновенныхъ познаніяхъ и гени, онъ очень любезный старикъ. Я часто его посѣщалъ, несмотря на громадное различіе между нашими умственными способностями. Онъ нашелъ во мнѣ доброе сердце и честный характеръ, что поставилъ мнѣ въ заслугу, а я высоко цѣню его прекрасную душу и глубоко его люблю».

Во второй своей депешѣ, отъ 3-го марта 1774 года, Нолькенъ подробно рассказываетъ о предстоящемъ отъѣздѣ «любезнаго старика, возбудившаго въ немъ любовь, уваженіе и довѣріе». По его словамъ, Дидеро уже собрался уѣхать двѣ недѣли передъ тѣмъ, но его задержала болѣзнь. «Я его видѣлъ сегодня, — говоритъ Нолькенъ, — и хотя онъ очень слабъ, но мы съ нимъ простились, такъ какъ онъ непремѣнно уѣзжаетъ надняхъ. Императрица поручила его проводить греку Балласу, очень почтенному человѣку. Хотя она любитъ по добротѣ и по привычкѣ награждать людей своими милостями, но Дидеро, къ своей славѣ, положилъ предѣлъ ея щедрости. Онъ потребовалъ, чтобы она подарила ему только то, что онъ попроситъ. Его безкорыстіе и деликатность въ этомъ отношеніи дѣлаютъ ему большую честь, и подобное качество можно очень рѣдко встрѣтить въ наше время, особенно среди литераторовъ. Онъ вполне точно сосчиталъ всѣ расходы на путешествіе сюда и обратно, а шубу, которую онъ приказалъ себѣ сдѣлать на счетъ императрицы, самая простая, какову носятъ здѣсь мелкіе мѣщане. Наконецъ, онъ сказалъ импе-

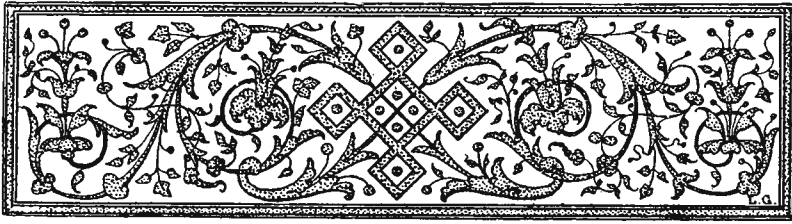
ратрицѣ: «Несмотря на все мое уваженіе и искреннюю преданность къ вамъ, я не могъ бы, возвратясь во Францію, пѣть вамъ хвалы, если бы вы осыпали меня благодѣянїями. Мои похвалы были бы подозрительны, и мнѣ пришлось бы упрекать себя». Повидимому, такое поведеніе должно было бы возбудить общее сочувствіе въ этой странѣ къ Дидеро. Но, напротивъ, во время своего пребыванія въ Петербургѣ, онъ постоянно возбуждалъ зависть и черныя клеветы. Откровенность и безкорыстіе непонятны рабамъ. Русскіе въ отчаяніи отъ того, что человекъ, обладающій этими качествами, имѣетъ доступъ къ ихъ государынѣ. Контрастъ между его добродѣтелями и ихъ пороками слишкомъ имъ не выгоденъ, поэтому Дидеро очень благоразумно дѣлаетъ, что уѣзжаетъ, а то рано или поздно онъ сдѣлался бы жертвою завистливой жестокости людей».

Дѣйствительно, поведеніе Дидеро вполне оправдываетъ лестный отзывъ шведскаго дипломата; хотя Екатерина и выдала ему на путешествіе 7.000 рублей, но онъ на эти деньги купилъ двѣ картины и медальонъ, которые поднесъ Екатеринѣ. За то она подарила ему шубу и карету, а когда онъ попросилъ взять на память о ней блюдо, на которомъ ей подавали каждое утро чашку молока, то Екатерина отвѣчала: «Нѣтъ, оно разобьется, и вамъ будетъ жаль». Въ день же его отъѣзда она послала ему свой портретъ, вырѣзанный на сердоликѣ.

Послѣ возвращенія во Францію Дидеро, отношенія его съ Екатериной остались прежнія, дружескія, но письма его къ императрицѣ, приводимыя въ книгѣ Турнѣ, давно извѣстны. Когда же онъ умеръ 30-го іюля 1784 года, то Екатерина поручила Гримму купить всѣ его рукописи и прислать вмѣстѣ съ его бібліотекою въ Петербургъ, гдѣ онѣ до сихъ поръ и хранятся.

Желая придать наибольшую полноту своей книгѣ, Турнѣ въ приложеніи къ ней помѣстилъ нѣсколько документовъ, касающихся Дидеро. Изъ нихъ однако новинкой являются только отрывки изъ неизданной рукописи Сюара о разговорахъ Дидеро на счетъ Россіи, но они заключаютъ въ себѣ всѣмъ извѣстные анекдоты и не представляютъ ничего замѣчательнаго. Поэтому, прежде чѣмъ кончить этотъ краткій очеркъ новаго труда французскаго историка, остается только сказать, что онъ читается легко и съ большимъ интересомъ. Если же иногда встрѣчаются у автора ошибки относительно Россіи, и то очень рѣдкія, какъ, напримѣръ, что въ Россіи при Екатеринѣ было 80.000.000 жителей, то за то онъ исправляетъ и ошибки русскихъ ученыхъ; такъ онъ вполне вѣрно указываетъ, что Гротъ и Бильбасовъ неправильно читаютъ въ письмѣ Дидеро къ Екатеринѣ II изъ Гааги 8-го апрѣля 1774 года, что его карета сломалась въ мѣстности *Miltenscruck*, тогда какъ въ оригиналѣ стояло *Mitaubrück*, т. е. Митавскій мостъ, у котораго дѣйствительно сломался его экипажъ.

В. Тимирязевъ.

МОНАРШЕЕ МИЛОСЕРДІЕ.

ЕСОМНѢННО, что вопросъ о монаршемъ милосердіи и въ наукѣ и въ нашей жизни долженъ имѣть громадное значеніе. По крайней мѣрѣ, нашъ народъ всегда въ высшей степени чутко относился ко всѣмъ проявленіямъ царскаго милосердія. Недостатка въ ищущихъ государева заступничества противъ неправосудія или монаршихъ внѣзаконныхъ милостей у насъ не было никогда. Необходимость удовлетворенія этихъ просителей вызвала къ жизни и цѣлый рядъ учреждений, которыя должны были «вѣдать челобитчиковы дѣла» и которыя до настоящаго времени, какъ увидимъ ниже, составляли предметъ особой заботливости правительства.

Но наша историко-юридическая литература до сихъ поръ отводила весьма скромное мѣсто вопросу о правѣ монаршаго суда и помилованія; о послѣднемъ можно было найти только нѣсколько отрывочныхъ свѣдѣній, разбросанныхъ въ учебникахъ по государственному и уголовному правамъ.

Поэтому появленіе въ печати обширнаго изслѣдованія К. О. Хартулари: «Право суда и помилованія, какъ прерогативы російской державности» (2 тома, Спб., 1899 г.), представляетъ большой интересъ и заслуживаетъ особеннаго вниманія ¹⁾.

¹⁾ Трудъ этотъ посвященъ памяти императора Александра III.

Раздѣливъ первый томъ своего изслѣдованія на двѣ части: общую и особенную, г. Хартулари въ первой изъ нихъ говоритъ объ единственной прерогативѣ западно-европейскихъ властителей — правѣ помилованія, которое и обозрѣваетъ, въ связи съ условіями зарожденія и развитія государственной идеи, начиная съ эпохи римскаго владычества и кончая позднѣйшими временами, во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ. Историческій обзоръ фактовъ убѣждаетъ автора въ томъ, что право помилованія было присуще верховной власти еще съ глубокой древности, что первый и важнѣйшій историческій памятникъ о немъ—римское законодательство—всего лучше отразило въ себѣ взглядъ античнаго міра на государя, какъ на «начало всякаго правосудія и источникъ всякой милости» (стр. 12), и что въ законодательствѣ эпохи кесарскаго владычества имѣются и строго выработанные четыре вида помилованія.

Далѣе онъ говоритъ, что въ средніе вѣка принципы римскаго законодательства были «нѣсколько спутаны», но постепенно возродились, благодаря, главнымъ образомъ, «энергичной и разумной политикѣ французскихъ королей», и наиболѣе отразились во французскомъ законодательствѣ къ концу XVII вѣка, окончательно утвердившемъ абсолютность монархической власти.

Наконецъ, онъ обозрѣваетъ и современныя условія отправленія этого политическаго института на Западѣ и въ концѣ концовъ приходитъ къ выводу, что право помилованія, одинаково свойственное и русскимъ монархамъ и западно-европейскимъ государямъ, имѣетъ, однако, вслѣдствіе историческихъ, политическихъ и другихъ условій, у насъ и на Западѣ совершенно различныя основанія, а согласно послѣднимъ и различныя учрежденія.

Особенности нашей исторіи, политическихъ и соціальныхъ условій, были причиною того, что нашимъ древнимъ князьямъ гораздо ранѣе права помилованія было присуще право суда. Уже подъ 862 годомъ лѣтопись влагаетъ въ уста искателей князя слѣдующее желаніе: «пойщемъ себѣ князя, иже бы владѣлъ и судилъ по праву». Творя судъ и расправу лично—въ мѣстахъ своего пребыванія и въ другихъ пунктахъ во время своихъ разъѣздовъ, князь въ остальные посылалъ своихъ «мужей»—тіуновъ, посадниковъ, намѣстниковъ и волостелей, но въ то же время самъ ворко слѣдилъ за ихъ дѣйствіями. Хотя онъ судилъ, какъ можно предполагать, «на основаніи обычая», но «народъ твердо сознавалъ», что безъ власти не можетъ быть въ землѣ ни порядка, ни охраненія, ни суда, ни правды, и потому въ теченіе четырехсотлѣтняго періода ни одна изъ русскихъ земель не устранила изъ состава верховной власти княжескаго элемента (стр. 13).

Такого рода «непосредственное» отправленіе князьями правосудія, бывшее, по самому поводу и главной цѣли ихъ призванія, «прямою ихъ личною обязанностью», продолжалось приблизительно до

конца XV вѣка. Съ объединеніемъ же обширнѣйшей территоріи Росіи подъ властью одного государя, съ развитіемъ обязанностей верховной власти и возникновеніемъ цѣлаго ряда государственныхъ учрежденій, «московскіе государи свой личный судъ по челобитнымъ народа сохраняютъ за собою только въ смыслѣ послѣдняго вида государевой расправы, въ качествѣ апелляціонной инстанціи по жалобамъ на рѣшеніе боярскаго суда и по дѣламъ, по которымъ судьямъ «не пригоже управити», за отсутствіемъ подходящаго закона» (стр. 75—77).

Пользуясь съ этого времени правомъ суда, обратившимся такимъ образомъ изъ обязанности въ прерогативу, «по собственному усмотрѣнію и въ точно опредѣленныхъ случаяхъ» (стр. 77), московскіе государи цѣлымъ рядомъ указовъ и административныхъ мѣръ воспрепятствуютъ народу обращаться къ нимъ съ челобитными, минуя установленные органы. Но въ теченіе XVI, XVII и XVIII вѣковъ всѣ эти мѣропріятія правительства не достигали своей цѣли; народъ попрежнему, несмотря ни на какія угрозы, шелъ искать правды противъ лиходѣевъ-судей у одного только батюшки-царя.

Петръ I лучше всѣхъ государей XVIII вѣка понималъ, что отправленіе правосудія непосредственно верховною властью можетъ содѣйствовать торжеству правды только въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, которые дойдутъ до ея свѣдѣнія, но нисколько не измѣнить картины общаго произвола и кривосудія. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему было ясно, что это непосредственное отправленіе правосудія самимъ государемъ подрываетъ авторитетъ судебныхъ органовъ и внушаетъ недовѣріе къ ихъ рѣшеніямъ.

Конечно, великій монархъ скоро убѣдился, что запретительныя мѣры прежнихъ государей мало помогали, и въ виду этого онъ радикально реформировалъ судебную организацію, поставивъ во главѣ сенатъ, въ качествѣ высшаго учрежденія, призваннаго охранять силу законовъ и начала справедливости. Установивъ такой порядокъ, онъ слѣдующимъ образомъ объяснился съ народомъ: «Понеже челобитчики непрестанно его царскому величеству докучаютъ о своихъ обидахъ вездѣ и во всякихъ мѣстѣхъ, не дая покою; и хотя съ ихъ стороны легко разсудить мощно, что всякому своя обида и несносна, но притомъ каждому разсудить же, что какое ихъ множество, а кому быть челомъ — одна персона есть, и та коликими войнами и прочими несносными трудами объята, что всѣмъ извѣстно. А хотя бѣ и такихъ трудовъ не было, возможно ль одному челоувѣку за такъ многими дѣлами усмотрѣть. Воистину сіе невозможно, не токмо челоувѣку, но и ангелу, понеже и оныя мѣстомъ описаны суть, ибо гдѣ присутствуютъ и гдѣ сего нѣтъ» (указъ 1718 года, П. С. З., № 3251).

Приглашая далѣе въ томъ же указѣ народъ вѣрить сенату, Петръ I подкрѣпилъ свои разсужденія назначеніемъ смертной казни

за подачу жалобы государю на сенатъ, а за всё другія прошенія, поданныя государю помимо установленныхъ учрежденій, знатымъ людямъ грозилъ лишеніемъ чина и имѣнія, а «другимъ, изъ нижняго чина и подлымъ» — «жестокимъ наказаніемъ».

Но провести въ жизнь этотъ государственный принципъ объ устраненіи себя отъ отправленія непосредственнаго правосудія помѣшала великому преобразователю московская приказная бюрократія. Видя, что народъ попрежнему страдаетъ отъ ея лихоимства и кривосудія, онъ, въ интересахъ челобитчиковъ, учредилъ въ 1722 г. должность рекетмейстера, переименованнаго затѣмъ въ генералъ-рекетмейстера, «для управленія дѣлъ челобитчиковыхъ» (стр. 99 и 100).

Не переставали бороться съ неправосудіемъ бюрократія и преемники Петра Великаго. К. О. Хартулари приводитъ рядъ жалобъ по адресу сената отъ имени царицъ: Анны Иоанновны, Анны Леопольдовны, Елисаветы Петровны и Екатерины II, упрекавшихъ его въ «непорядкахъ», «беззаконіяхъ», «разореніи» челобитчиковъ, лихоимствѣ и т. п.

Государственный принципъ Петра Великаго раздѣлялъ и императоръ Александръ I, но и онъ долженъ былъ, снисходя къ челобитчикамъ, узаконить ихъ право обращенія къ государю, создавъ въ 1810 г. «комиссію прошеній, на высочайшее имя приносимыхъ», куда, кромѣ всеподданнѣйшихъ прошеній, допускались и жалобы на департаменты сената. «Узаконяя это право, — говоритъ г. Хартулари, — государь вполне сознавалъ, что примѣненіе такого принципа (Петра I) немыслимо безъ общаго и радикальнаго преобразованія всего судебного строя Россіи» (стр. 114).

Такое преобразование совершилось лишь нѣсколько десятилѣтій спустя, въ царствованіе императора Александра II; вмѣстѣ съ тѣмъ наступило и время «осуществленія государственнаго принципа Петра Великаго объ отдѣленіи правосудія отъ непосредственныхъ функций верховной власти», съ сохраненіемъ однако же за дѣйствіями судовъ верховнаго надзора (стр. 119). Рѣшенія кассационнаго департамента сената изъяты изъ числа тѣхъ, на которые могутъ быть приносимы всеподданнѣйшія жалобы. «Съ предстоящимъ упраздненіемъ — таковъ заключительный выводъ г. Хартулари — «дореформенныхъ губернскихъ учрежденій, дѣйствующихъ еще пона на окраинахъ Россіи и служащихъ нынѣ единственнымъ питомникомъ для судебной дѣятельности старыхъ департаментовъ сената, слѣдуетъ ожидать скорого упраздненія и сихъ послѣднихъ, а вмѣстѣ съ ними должно прекратиться и античное право народа на личную государствену расправу по дѣламъ судебнымъ, которое отойдетъ уже въ область историческаго преданія» (стр. 121).

Что касается второй прерогативы царской власти — права помилованія, то она, какъ справедливо говоритъ нашъ изслѣдователь, болѣе поздняго происхожденія, вначалѣ имѣла крайне узкую сферу дѣятельности и не выходила за предѣлы обычнаго акта христіанскаго милосердія и состраданія къ ближнему. И дѣйствительно можно ли говорить о прерогативѣ помилованія въ домонгольскую эпоху, «когда прерогатива суда служила князю источникомъ личнаго дохода, когда преступленіе имѣло значеніе и характеръ только частнаго, а не публичнаго правонарушенія, и разсматривалось, какъ матеріальное зло, когда вся система права заключалась въ возмездіи за причиненную обиду или въ вознагражденіи за понесенную уплатою виры...» (стр. 12—13).

Чтобы достигнуть въ то время и послѣ до конца XVI вѣка княжескихъ милостей, подданные обращались къ посредничеству духовенства, изъ среды котораго вышло немало замѣчательныхъ «печальниковъ». Объ обычаѣ «печалованія» авторъ говоритъ довольно подробно и по преимуществу на основаніи первоисточниковъ. Московскіе князья и особенно Іоаннъ IV видѣли въ печалованіи нежелательное вмѣшательство духовенства въ свѣтскія дѣла, и послѣдній рѣшился прекратить этотъ обычай, обративъ право помилованія въ средство для достиженія личныхъ политическихъ цѣлей. Но, конечно, не сразу могло прекратиться вліяніе духовенства. Московскіе цари и въ особенности царицы въ теченіе XVI и XVII вѣковъ попрежнему освобождали заключенныхъ, благотворили сирымъ и убогимъ и отзывались почти рѣшительно на всѣ челобитья. «Замѣчательно», — говоритъ К. Θ. Хартулари, — «что, за весьма рѣдкими исключеніями, такія ходатайства постоянно удовлетворялись, какъ царемъ, такъ и царицею, выдачею денежнаго вспомошествованія въ размѣрѣ, начиная отъ гривны и до нѣсколькихъ рублей» (стр. 211).

Со времени «Уложенія» Алексѣя Михайловича право помилованія царей является уже «самостоятельнымъ институтомъ политическаго характера». Указы же Петра Великаго 1691 и 1722 годовъ, а главное указъ Анны Іоанновны 1730 года, «трактующіе о прерогативѣ помилованія, какъ о политическомъ институтѣ, послужили составителямъ свода законовъ уголовныхъ 1833 года, — вмѣстѣ съ нѣкоторыми позднѣйшими высочайшими указами, — единственнымъ источникомъ и единственнымъ матеріаломъ для разработки общаго ученія о правѣ помилованія» (стр. 253—254).

Установивъ это «ученіе» и обозрѣвъ всѣ послѣдовательныя измѣненія въ сводѣ законовъ, г. Хартулари переходитъ къ исторіи учрежденій, вѣдавшихъ указанныя прерогативы.

Послѣ «комиссіи» Адашева и челобитнаго приказа, окончательно упраздненнаго Петромъ I въ 1685 г., въ теченіе первой половины

XVIII вѣка дѣйствовала рекетмейстерская контора. Обязанности ея начальника заключались въ томъ, что онъ принималъ и рассматривалъ челобитныя, подлежащія разсмотрѣнію сената по спорнымъ дѣламъ, а также по дѣламъ уголовнымъ, докладывая ихъ сенату» (стр. 281).

Екатерина II, упразднивъ въ 1763 году рекетмейстерскую контору, предоставила рекетмейстеру только пріемъ челобитныхъ и распредѣленіе ихъ по департаментамъ сената.

Что же касается порядка пріема и направленія всеподданнѣйшихъ ходатайствъ о помилованіи и милостяхъ, то они собственно устанавливаются сенатскимъ указомъ 17-го августа 1725 года, предписывающимъ рекетмейстеру челобитныя, не заключающія въ себѣ ходатайствъ по дѣламъ судебнымъ, вносить въ кабинетъ. По упраздненіи кабинета, сначала верховный тайный совѣтъ, а за нимъ императорскій кабинетъ временъ императрицы Анны Іоанновны служили мѣстами производства дѣлъ по докладамъ; въ 1740 году послѣдній былъ замѣненъ новымъ самостоятельнымъ органомъ, въ лицѣ придворнаго рекетмейстера; но назначенный на этотъ постъ подполковникъ Андрей Фенинъ скоро проворовался, былъ смѣщенъ, а съ нимъ была упразднена и новая должность.

Не болѣею устойчивостью отличалась и созданная Александромъ I «комиссія прошеній». Три раза она подвергалась кореннымъ преобразованіямъ. Основанная первоначально при государственномъ совѣтѣ, она въ 1835 г. была преобразована въ самостоятельное учрежденіе, равное прочимъ высшимъ установленіямъ; въ 1884 году соединена подъ именемъ канцеляріи прошеній съ императорской главною квартирою, а въ 1895 году эти учрежденія были разъединены, и образована «канцелярія его императорскаго величества по принятію прошеній, на высочайшее имя приносимыхъ». Для предварительнаго разсмотрѣнія всеподданнѣйшихъ жалобъ существуетъ уже съ 1884 года особое присутствіе при государственномъ совѣтѣ. Сверхъ того, въ 1827, 1843, 1869, 1881 и 1890 годахъ были принимаемы отдѣльныя мѣры, во многомъ измѣнявшія порядокъ дѣйствій и даже самую компетенцію учрежденія. Но изъ всѣхъ этихъ мѣръ только одна была основана на единоличномъ началѣ—это реформа князя Голицына 1843 года, отмѣненная окончательно въ 1881 году.

Такъ какъ вопросъ о «канцеляріи» не считается окончательно установленнымъ и въ настоящее время, то небезъинтересно остановиться еще нѣсколько на заключительной (XIX) главѣ труда г. Хартурари, гдѣ онъ предлагаетъ, какъ выводъ изъ всего своего изслѣдованія, «соображенія историческаго и политическаго характера», которыя должны были бы лечь въ основу предполагаемаго преобразованія «канцеляріи».

Во-первыхъ, онъ устанавливаетъ необходимость коллегіальной и регламентированной формы учрежденія; во-вторыхъ, предлагаетъ слить канцелярію прошеній и особое присутствіе въ «одно общее коллегіальное учрежденіе»; далѣе, оставляя неизмѣнною въ главныхъ чертахъ нынѣшнюю компетенцію канцеляріи, онъ находитъ необходимымъ изъять изъ нея: 1) прошенія и жалобы судебно-правового характера, «которыя предусмотрѣны дѣйствующими законами матеріальнаго и процессуальнаго права»; 2) ходатайства по дѣламъ семейнымъ, и 3) просьбы по церковно-административнымъ вопросамъ и по дѣламъ о расколѣ и раскольникахъ, но вмѣсто этого вводитъ «прошенія, имѣющія предметомъ общіе интересы и направленныя къ достиженію общихъ цѣлей», а также прошенія о низложеніи многочисленныхъ дисциплинарныхъ наказаній и взысканій; и наконецъ, по отношенію къ дѣламъ о помилованіи или смягченіи участи лицъ, подвергшихся наказанію и взысканіямъ по судебнымъ приговорамъ, находитъ вполне возможнымъ допустить посредничество министра юстиціи между верховною властью и осужденными, но при этомъ, вѣрный своему «коллегіальному принципу», рекомендуетъ министру юстиціи, а также военному и морскому, входить въ соглашеніе съ предсѣдателемъ новаго присутствія, который въ то же время обязанъ и присутствовать при всеподданнѣйшихъ докладахъ.

Вотъ каково содержаніе въ главнѣйшихъ чертахъ перваго тома изслѣдованія К. О. Хартулари, основаннаго на строго-научномъ изученіи источниковъ и на широкомъ знакомствѣ съ пособіями, отличающагося рѣдкою послѣдовательностью изложенія и написаннаго прекраснымъ литературнымъ языкомъ.

Что же касается втораго тома «Права суда и помилованія», почему-то замалчиваемаго большинствомъ критиковъ, то и онъ, по нашему мнѣнію, долженъ имѣть важное историко-юридическое значеніе. Именуемый «Приложеніями», этотъ томъ представляетъ собою, главнымъ образомъ, собраніе челобитныхъ и всеподданнѣйшихъ прошеній о правосудіи, помилованіи и милостяхъ, которыя заимствованы изъ различныхъ историческихъ сборниковъ, журналовъ и т. п., не исключая и новѣйшихъ, въ родѣ сборника, изданнаго А. А. Титовымъ, подъ заглавіемъ: «Акты Нижегородскаго Печерскаго монастыря» (Москва, 1898 г.). Изъ числа прошеній есть и такія, которыя впервые появляются въ печати, а именно прошенія: кронштадтскаго цензора Григорія Глинки, извѣстнаго мемуариста князя Ив. М. Долгорукаго, сенатора П. Д. Мансурова, литератора Михаила Антоновскаго, князя Николая Трубецкаго, тайнаго совѣтника Ивана Селецкаго и бывшаго дрезденскаго полковника барона Местмахера.

Челобитныя и прошенія, кромѣ біографическаго матеріала, содержатъ много данныхъ для характеристики современныхъ имъ нравовъ и вообще для исторіи общественнаго быта. Наиболѣе любопытными изъ нихъ являются: челобитныя монастырей и особенно Пе-

черскаго нижегородскаго; челобитная 1646 года «торговыхъ людей разныхъ городовъ о притѣсненіяхъ иноземцевъ, живущихъ въ русскихъ городахъ по торговымъ дѣламъ»; челобитная «сибирца» Андрея Ноздреватаго, который «книжнаго ради ученія» изъ Тобольска пришелъ въ Кіевъ, а оттуда перепросился въ Москву; обширнѣйшая и особенно характерная въ бытовомъ отношеніи «челобитная» дьяка Григорія Всполюхова, извѣстная до сихъ поръ въ очень рѣдкомъ изданіи съ миниатюрами «Общества любителей древней письменности»; прошенія А. Д. Меншикова и много другихъ. Всѣ почти эти документы сопровождаются примѣчаніями характера біографическаго, историческаго и др.

Вскорѣ послѣ своего появленія, книга К. О. Хартулари была пріѣтствуема, какъ «высокоинтересное изслѣдованіе», какъ «вкладъ въ науку», какъ «выгодное исключеніе» изъ всей нашей историко-юридической литературы по своему «живому, понятному языку», по своей «прониновенности одною мыслью, по стройности и послѣдовательности», и т. п.,—въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» (1899 г., № 31), посвятившемъ ей, кромѣ бібліографической замѣтки, обстоятельный пересказъ содержанія подъ заглавіемъ: «Судъ и милости русскаго царя», въ «Вѣстникѣ Европы» (1899 г., №№ 1 и 2), «Наблюдателѣ» (1899 г., № 1), «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1899 г., № 84), «Новостяхъ» (два обширныхъ фельетона г. П—ва подъ заглавіемъ: «Законность, порядокъ и правда», 30-го января и 11-го марта 1899 г.) и «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» (1899 г., № 3, въ отдѣлѣ «Книжныя Новости»).

Рядомъ съ этими лестными отзывами появились замѣчанія и даже обвиненія по адресу г. Хартулари. Застрѣльщикомъ въ этомъ отношеніи выступилъ г. Л. Тихомировъ. Онъ, пересказывая, главнымъ образомъ, содержаніе книги въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (1898 г., 27-го и 29-го декабря, №№ 356 и 358), называетъ, между прочимъ, мысли автора по поводу проведенія въ жизнь государственнаго принципа Петра Великаго объ устраниніи верховной власти отъ непосредственнаго отправленія правосудія — «мрачными». По мнѣнію г. Тихомирова, «абсолютное устраниеніе самодержавной власти отъ отправленія правосудія—принципъ вовсе не Петра, а юридической науки, которая еще не прониклась сознаніемъ той истины, что необходимое раздѣленіе властей управительныхъ не можетъ и не должно колебать единства и универсальности компетенціи верховной власти». Далѣе, онъ говоритъ, что «химическая по существу своему мысль, будто бы съ усовершенствованіемъ судебныхъ учреждений личное проявленіе верховной власти въ судѣ становится излишнимъ, есть идея анти-монархическая»... ибо наилучшія монархическія учрежденія тѣ, «которыя допускаютъ наиболее непосредственное

дѣйствіе монарха»... ибо «злоупотребленія и неправда живутъ при всѣхъ формахъ учреждений и истребляются лишь постояннымъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ верховной власти»...

Возражая на эти замѣчанія г. Тихомирова, авторъ «внутренняго обзорѣнія» въ «Вѣстникѣ Европы» (1899 г., № 2) говоритъ: «Въ разсужденіяхъ г. Тихомирова поразительно прежде всего незнаніе или игнорированіе самыхъ бесспорныхъ фактовъ и самыхъ элементарныхъ истинъ»... Далѣе, «когда не хватаетъ аргументовъ, ихъ мѣсто часто заступаютъ страшныя слова. Такое слово пускается въ ходъ и г. Тихомировымъ: оспариваемую имъ мысль онъ называетъ идеей анти-монархической, такъ какъ доводы противъ участія монарха въ отправленіи правосудія могутъ быть примѣнены и къ области законодательной и административной. Достаточнымъ опроверженіемъ этого софизма служитъ исторія судебныхъ учреждений, какъ у насъ, такъ и въ Западной Европѣ. Противъ обращенія къ верховной власти по дѣламъ судебнымъ высказывались такіе самодержцы, какъ Петръ Великій и Фридрихъ-Вильгельмъ I, никогда и не думавшіе ограничивать свое полновластіе въ области законодательства и управленія. Сосредоточеніе судебныхъ функцій исключительно въ рукахъ особо призванныхъ къ тому учреждений началось въ эпоху наибольшей полноты монархической власти подъ вліяніемъ двухъ главныхъ причинъ: частнаго характера судебныхъ дѣлъ и технического навыка, котораго требуетъ ихъ рѣшеніе»... «никогда современный монархъ не будетъ исполнять самолично функціи судьи, во всей ихъ разносторонности и сложности»... (стр. 780—784).

Убѣжденія сотрудника «Московскихъ Вѣдомостей» и его «страшныя слова» особенно понравились г. С. Глинкѣ-Янчевскому, который написалъ по поводу книги К. Θ. Хартулари отдѣльную брошюру въ 12 печатныхъ листовъ, прямо таки подъ устрашающимъ заглавіемъ: «Пагубныя заблужденія. Критическій обзоръ юридическихъ новшествъ», и довелъ въ ней свою «удивительную критику» до геркулесовыхъ столбовъ.

Началъ онъ съ того, что на первыхъ же страницахъ и, конечно, безъ всякихъ аргументовъ—къ чему лишнія церемоніи!—объявилъ К. Θ. Хартулари «открытымъ измѣнникомъ основному государственному принципу», «фарисеемъ», «властолюбцемъ», подобнымъ боярамъ временъ Іоанна Грознаго и верховникамъ, «защитникомъ вымогательства, темныхъ силъ и вообще всякаго зла» и даже «заговорщикомъ съ партіей единомышленниковъ».

Матеріаль для своихъ обвиненій «критикъ» черпаетъ, главнымъ образомъ, въ «Предисловіи» къ общей части труда г. Хартулари и въ заключительной главѣ (XIX), и при этомъ все свое оружіе направляетъ преимущественно противъ слѣдующихъ словъ автора: «наступило и время осуществленія государственнаго принципа Петра Ве-

ликаго объ отдѣленіи правосудія отъ непосредственной функціи верховной власти», видя въ нихъ «юридическое новшество», «ядовитую ересь», «святотатственный актъ» и «измѣнительскую проповѣдь». Сколько ужасныхъ словъ и все по поводу одного исторически завѣреннаго положенія!

Точно также г. Глинка-Янчевскій вовсе не желаетъ знать и такихъ историческихъ фактовъ, что у насъ до конца XVI в. не было самодержавія, и что прерогатива помилованія была не мыслима до наступленія государственнаго періода въ нашей исторіи, и называетъ ихъ «вымысломъ» г. Хартулари, «плодомъ юридической казуистики» (стр. 7).

Несмотря на то, что г. Хартулари точно опредѣляетъ на страницахъ 313 и 314 «посредствующую и непосредственную¹⁾ дѣятельность верховной власти», руководясь, главнымъ образомъ, ст. 47 осн. зак., «критикъ» тѣмъ не менѣе приписываетъ ему «совершенное уничтоженіе права народа обращаться къ своему государю по всѣмъ судебнымъ дѣламъ (стр. 5 и 17) и видитъ въ этомъ попытку его «ограничить неограниченную власть». Таковую же попытку со стороны изслѣдователя онъ усматриваетъ и въ его стремленіи «регламентировать», «узаконить дѣйствія верховной власти», хотя послѣдній говоритъ только о регламентаціи канцеляріи прошеній.

«Регламентомъ», «закономъ», «святотатственно оскорбляющимъ народныя традиціи и народныя чувства» (стр. 8), называетъ онъ и предложеніе автора о посредничествѣ министра юстиціи между верховной властью и осужденными, забывая при этомъ высочайшее повелѣніе 1869 г., по которому всѣ ходатайства о помилованіи осужденныхъ должны докладываться не иначе, какъ чрезъ министра юстиціи, и которое приводится и въ книгѣ г. Хартулари на страницахъ 297—298, а равно игнорируя и ст. 23 высочайше утвержденныхъ правилъ 1890 г. о порядкѣ принятія всеподданнѣйшихъ прошеній и жалобъ, трактующую о томъ же самомъ.

Игнорированіе или непониманіе г. Глинкою-Янчевскимъ общеизвѣстныхъ фактовъ обнаруживается, между прочимъ, и въ томъ, что на высочайше разрѣшенный 7 апрѣля 1894 г. пересмотръ нашихъ судебныхъ уставовъ онъ смотритъ, какъ на признаніе ихъ негодности, необходимости коренной ихъ передѣлки и крайне плохого состоянія современнаго правосудія (стр. 135); между тѣмъ и разъясненіе по этому поводу г. Хартулари (на стр. 119—120) и недавнее правительственное сообщеніе объ окончаніи работъ комиссіи по этому пересмотру убѣждаютъ въ томъ, что «при самомъ образованіи комиссіи была признана необходимость не коренной

¹⁾ «Непосредственная дѣятельность», говоритъ онъ, «ограничивается лишь такими случаями, когда или отдѣльный вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ существующими законами, или же когда требуется видоизмѣненіе закона вообще».

реформы существующихъ судебныхъ порядковъ, созданныхъ однимъ изъ знаменательнѣйшихъ законодательныхъ памятниковъ славнаго царствованія императора Александра II, а только внутренняго между собою согласованія всѣхъ послѣдовавшихъ въ судебномъ строѣ измѣненій и возможно полнаго приспособленія онаго къ выясненнымъ тридцатилѣтнимъ опытомъ задачамъ русскаго суда и нуждамъ населенія» («Новое Время», 1899 г., № 8.360).

Но всѣхъ перловъ критики г. С. Глинки-Янчевскаго не перечить, ибо онъ, какъ справедливо говоритъ неизвѣстный авторъ статьи, напечатанной въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1899 г., № 149), подъ заглавиемъ: «Заблужденіе или злонамѣренность? (по поводу книги г. С. Глинки-Янчевскаго: «Пагубныя заблужденія»), «въ сущности занимается извращеніемъ содержанія извѣстной книги К. Θ. Харгулари», «искаженіемъ историческихъ истинъ»... и только для того, чтобы излить свою желчь на судебное вѣдомство, «очевидно ставшее ему поперекъ горла»; (нападки ¹⁾ на послѣднее занимаютъ съ его брошюрѣ болѣе 8 листовъ печатныхъ).

И вотъ такой-то «авторъ», лишенный самыхъ основныхъ знаній по отечественной исторіи и государственному праву, обѣщаетъ обогатить нашу юридическую литературу къ осени сего 1899 г. (см. стр. 142 въ выносѣ) «Основными началами русскаго государственнаго права». Можно себя вообразить, что за перлъ научнаго творчества представить собою этотъ новый трудъ г. С. Глинки-Янчевскаго!

Казалось бы, что подобный «критическій обзоръ» долженъ былъ вызвать въ печати одно только осужденіе, но на дѣлѣ вышло не совсѣмъ такъ. Первымъ откликнулся въ пользу «обстоятельнаго» труда «Пагубныя заблужденія» г. Владиміръ Гольмстремъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1899 г., № 132), редакція которыхъ впрочемъ оговорила, что она «отнюдь не раздѣляетъ мнѣній» ни г. Глинки-Янчевскаго, ни своего постояннаго сотрудника.

Защищая, главнымъ образомъ, организацію канцеляріи прошеній на единоличномъ началѣ, г. Владиміръ Гольмстремъ старается убѣдить читателя, что въ боярской думѣ царя Алексѣя Михайловича «было только единоличное начало», что лишь назначеніе членовъ всякой комиссіи высочайшею властью сообщаетъ ей «коллегіальность», что организація комиссіи г. Глинки-Янчевскаго «отличается полнотою, обдуманностью, систематичностью и цѣльностью», несмотря на то, что всѣ вождедвія послѣдняго сводятся лишь къ тому, чтобы доводить до свѣдѣнія государя всѣ дѣла и прошенія и при томъ «черезъ посредство генералъ-адъютантовъ или кого либо изъ свиты его величества» (стр. 9) и представлять государю «ежемѣсячные

¹⁾ О «справедливости» ихъ можно судить уже изъ того, что онъ считаетъ «неправосудіемъ» извѣстное дѣло жандармскаго полковника М. К., давшее ему, между прочимъ, главный матеріалъ для разбора судебного производства вообще. Подробнѣе объ этомъ см. указанную статью въ № 149 «Спб. Вѣд.».

списки прошеній, оставленныхъ безъ послѣдствій», для контроля. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не стѣсняется приписать г. Хартулари совѣтъ «россійской державности совершенно устранить себя отъ непосредственнаго контроля надъ правосудіемъ»¹⁾.

Другой болѣе восторженный защитникъ «Пагубныхъ заблужденій», нѣкто П. О., въ газетѣ «Россія» (1899 г., № 32) обращаетъ особенное вниманіе публики на эту книгу, рекомендуя ее, какъ «неумолимо логичное» и «первое философское изслѣдованіе нашей самодержавной власти», и не оставляя при этомъ безъ упрека судебной реформы 1864 г. въ излишнихъ заимствованіяхъ съ Запада.

Наконецъ, г. А-тъ въ «Новомъ Времени» (№ 8.354) свидѣтельствуесть, что «г. Янчевскій, не будучи присяжнымъ юристомъ, доказываетъ достаточное знакомство съ принципами современнаго намъ правосудія и побѣдоносно уличаетъ г. Хартулари въ попыткѣ, по внѣшности хорошо замаскированной, ограничить во власти неограниченнаго монарха», и что его «работа безусловно замѣчательна по остроумію и талантливости», подкрѣпляя свои слова разсужденіями о «Творцѣ неба», о «Голгоѣѣ», «великомъ откровеніи», «заповѣдяхъ Моисея», «Иудѣ Искаріотѣ», «Воскресеніи» Л. Н. Толстого и т. п. Обнаруживая же въ одномъ только мѣстѣ свои юридическія познанія, онъ говоритъ, что въ судебныхъ уставахъ 1864 г. или, по его выраженію, «въ великихъ по цѣлямъ судебныхъ хартіяхъ» императоръ Александръ II «погрѣшилъ противъ суровой реальной правды», и опирается при этомъ на только что оконченный пересмотръ ихъ, который, какъ можно убѣдиться и со страницъ «Новаго Времени» (№ 8.360 и 8.362), окончательно убѣдилъ въ жизненности и необыкновенно высокомъ значеніи этихъ уставовъ.

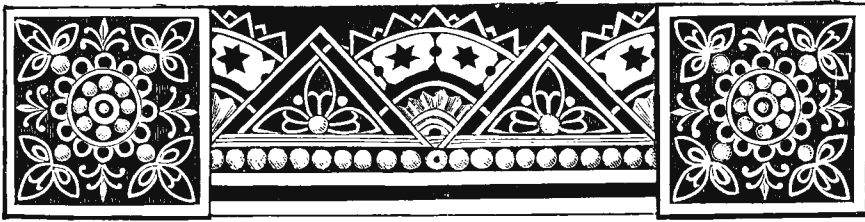
Въ заключеніе упомянемъ еще о краткой замѣткѣ г. С. Г. въ «Журналѣ Министерства Юстиціи» (1899 г., № 3), признающаго за трудомъ г. Хартулари серіозныя достоинства, и о замѣткѣ г. М. Лозина-Лозинскаго въ «Вѣстникѣ Права» (1899 г., № 4), повидимому, плохо ознакомившагося съ разбираемой книгой и не вполне усвоившаго себѣ понятіе научнаго метода, о которомъ болѣе всего и говорить²⁾.

Что же послѣ всего этого можемъ мы сказать о книгѣ К. Θ. Хартулари? Не поколебала ли ея значеніе «критика ученыхъ» въ родѣ г. Глинка-Янчевскаго и его защитниковъ, объявившихъ противъ изслѣдователя чуть ли не «слово и дѣло»? Думаемъ, что нисколько. Многолѣтній, правдивый и научный трудъ этотъ, уже оцѣненный по достоинству многими знатоками, останется таковымъ навсегда.

В. Е. Рудаковъ.

¹⁾ Съ этимъ оказалась несогласна и редакція «Спб. Вѣд.».

²⁾ Мы слышали, что самъ г. Хартулари готовитъ обстоятельный отвѣтъ на всѣ возраженія.

ШОЛКА, ПОЛЬСКИЙ ВЕРТЕПЪ.

Историко-этнографическій этюдъ.

В НАСТУПЛЕНІЕМЪ святокъ и въ послѣдующій за ними мясоѣдъ, вплоть до великаго поста, и на улицахъ мало-мальски значительныхъ польскихъ городовъ и на окраинахъ такихъ населенныхъ центровъ, какъ Варшава или Краковъ, преимущественно подъ вечеръ, попадаются группы въ 3—5 человекъ, перетаскивающихъ изъ дома въ домъ ящикъ, болѣе или менѣе значительныхъ размѣровъ, чаще всего похожій на средней величины шкафъ. Ящикъ этотъ, или шкафъ, вмѣщаетъ въ себѣ «шопку» — «вертепъ», представляющій, при помощи куколъ, событія Рождества Христова, а люди, его перетаскивающіе, — ремесленники и мастеравые средней руки (маляры, сапожники, портные). Ихъ же можно назвать до нѣкоторой степени и актерами, такъ какъ они не только передвигаютъ «театръ», но управляютъ движеніями персонажей-куколъ на сценѣ и даже говорятъ за нихъ.

Обычай хожденія по домамъ съ вертепомъ очень древній и свойственъ едва ли не всѣмъ христіанскимъ странамъ Западной Европы. Въ XVII в. онъ проникъ даже въ Малороссію изъ Польши. А изъ Малороссіи, въ свою очередь, былъ занесенъ въ Велико-россію. Но въ послѣдней какъ-то не привился, тогда какъ въ малорусскихъ губерніяхъ держится до сихъ поръ, хотя не въ такой степени и формѣ, какъ въ Подышѣ. Польша, расположенная на рубежѣ средневѣковаго Запада, могла, разумѣется, съ большимъ

удобствомъ усвоивать и блага европейской цивилизаци и западные обычаи и обряды. Общность же религіи, исповѣдуемой польскимъ народомъ, съ вѣроисповѣданіемъ громаднаго большинства населенія Западной Европы содѣйствовала укрѣпленію этихъ, пересаженныхъ на національную польскую почву, обычаевъ. Такъ случилось и съ вертепомъ.

Средневѣковая католическая церковь, торжественно празднуя день Рождества Христова, заботилась также и о томъ, чтобы сдѣлать этотъ праздникъ понятнымъ для простого народа. Съ этою цѣлью во время рождественскаго богослуженія въ храмахъ, у алтаря, выставляли большихъ размѣровъ ящикъ, вертепъ (ясли), передъ которымъ разыгрывалось нѣчто въ родѣ пантомимы, соединенной съ діалогомъ ¹⁾ Зрители видѣли горы, съ которыхъ сходили три короля или царя, сопровождаемые свитою, а въ долинѣ, посреди зарослей, спали пастухи. Небольшая часовенка представляла собою мѣсто рожденія Спасителя—хлѣвъ. Тамъ были видны Св. Семейство, а въ глубинѣ воле съ осломъ, привязанные къ яслямъ. Надо всѣмъ этимъ блистала звѣзда, указывавшая королямъ путь. Діалогъ происходилъ между четырьмя особами, изображавшими, при помощи масокъ, пѣтуха, быка, осла и ягненка.

Начиналъ пѣтухъ:

- Puer natus est nobis (родился намъ младенецъ).
- Ubi ((гдѣ)?—спрашивали быкъ и оселъ.
- Betlehem (въ Вифлеемѣ),—отвѣчалъ ягненокъ.

Послѣ этого всѣ съ крикомъ «Adeamus» (приступимъ)! подходили къ вертепу и преклоняли колѣна передъ Богомладенцемъ. Въ нѣкоторыхъ же храмахъ вертепъ ставили за алтаремъ, надъ которымъ, послѣ гимна «Te Deum» ²⁾, показывался мальчикъ, одѣтый ангеломъ съ распростертыми крыльями.

Онъ объявлялъ въ стихахъ о рожденіи Избавителя. Тогда пастухи торжественно окружали алтарь и при пѣніи «Pax in terris» (на землѣ миръ) падали ницъ передъ мѣстомъ, гдѣ былъ положенъ Христосъ. Послѣ того священникъ, обратившись къ нимъ, говорилъ:—Теперь, пастухи, идите и расскажите то, что вы видѣли. Возвѣстите міру о томъ, который пришелъ.—Пастухи отвѣчали хоромъ:—Видѣли мы Младенца и возвѣщаемъ о рожденіи Его.—Затѣмъ они отходили съ пѣніемъ: «Benedicamus» (благословимъ) или старой пѣсни «Esse completa fuit» (Вотъ исполнилось). Въ такомъ родѣ устраивались вертепы и въ Польшѣ. Здѣсь, такъ же, какъ и

¹⁾ Обычай выставлять ясли соблюдается и теперь въ нѣкоторыхъ костелахъ. Нечего говорить, что никакихъ представленій при этомъ не бываетъ.—Г. В.

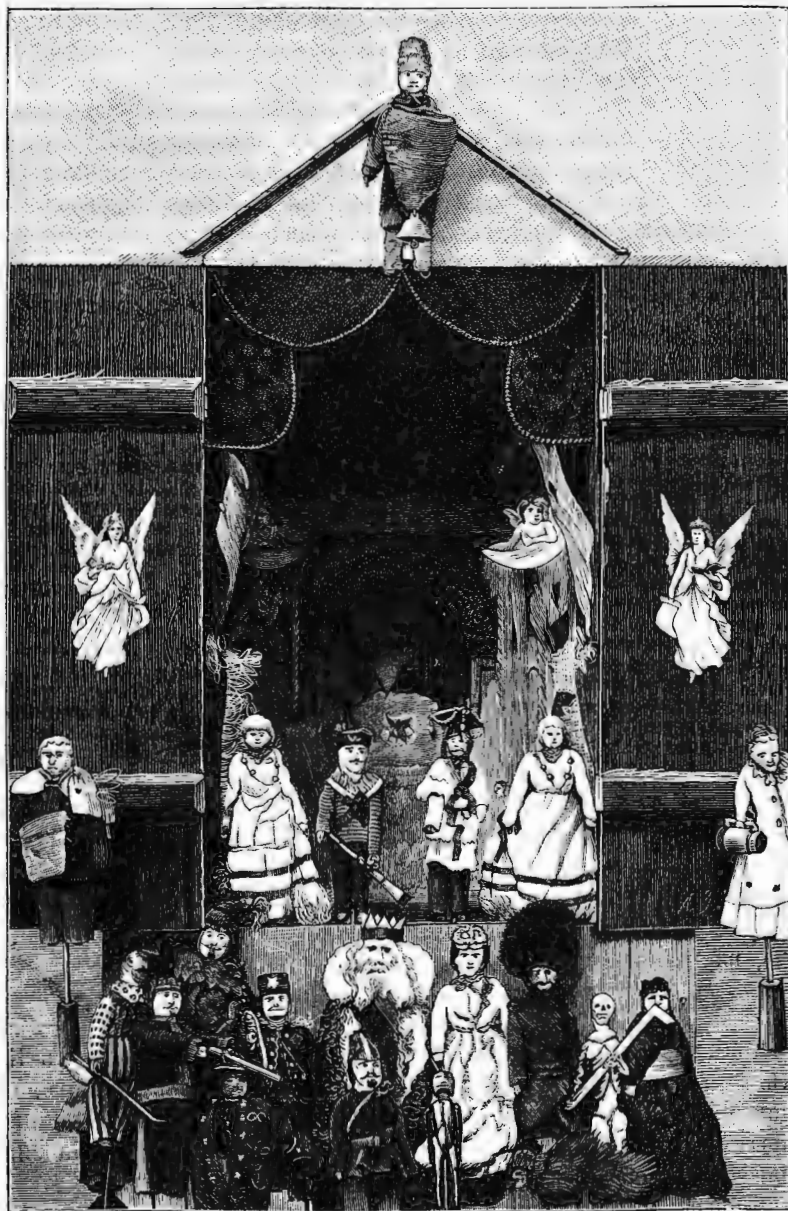
²⁾ «Te Deum laudamus» (Тебе Бога хвалимъ)—гимнъ св. Амвросія Медіоланскаго (IV в.).—Г. В.

на крайнемъ западѣ, они появились напередъ въ монастыряхъ¹⁾. Назывались то яслями ((jasełka), то прямо «вертепомъ» (szorka). Въ Варшавѣ въ XVIII ст. славилась шопка у капуциновъ, реформатовъ, бернардиновъ и францискановъ. Лучшая была у капуциновъ. Вотъ какъ описываетъ ее Китовичъ²⁾. На первомъ планѣ фигурка Господа Иисуса, съ боку Марія и Иосифъ, склонившіеся надъ колыбелью въ позѣ, выражающей высшую степень любви и удивленія. Въ верху летающіе ангелы и какъ бы воспѣвающіе: «Gloria in excelsis Deo» (слава въ вышнихъ Богу!). Сейчасъ же въ нѣкоторомъ отдаленіи одинъ отъ другаго пастухи, стоящіе на колѣнахъ передъ родившимся Младенцемъ и подносящіе ему дары: одинъ барашка, другой козленка.

Далѣе въ глубинѣ—пастушка и поселяне. Одни пасутъ стада, другіе спятъ, третьи спѣшаютъ къ вертепу, таща на плечахъ барановъ и козловъ. Тутъ можно видѣть людей разныхъ положеній и занятій: баръ въ каретахъ, шляхту и мѣщанъ пѣшкомъ, мужиковъ, везущихъ на базаръ дрова, хлѣбъ, сѣно, прогоняющихъ воловъ, папущихъ землю, продающихъ хлѣбъ, женщинъ, доящихъ коровъ, жидовъ съ товарами и т. д. «Послѣ прибавили» трехъ королей съ дарами, въ сопровожденіи многочисленной свиты придворныхъ и прислуги, персовъ, арабовъ, негровъ, скороходовъ, конюховъ, вѣдущихъ лошадей подъ богатыми пононами, слоновъ, верблюдовъ; также разнаго рода войска конныя и пѣшія, толпы негровъ и бѣлыхъ людей, палатки, пушки, полки гусарскіе, кирасирскіе, уланскіе, козацкіе, рейтарскіе, венгерскіе и разные другіе. Съ теченіемъ времени, когда простой людъ сталъ охладѣвать къ неподвижнымъ фигурамъ, послѣднія замѣнены движущимися и «при помощи, нарочно сдѣланныхъ въ подмосткахъ щелей монастырская братія или монастырская прислуга выдѣлывала ими разныя штуки». А затѣмъ, къ движущимся кукламъ присоединили комическій элементъ. «Тамъ жидъ потряхиваль мѣхомъ, другой жидъ у него его украль—отсюда ссора, кончавшаяся арестованіемъ вора. Тамъ дерутся пьяные мужики, шинкарка танцуетъ съ кавалеромъ, или смерть пляшетъ съ дьяволомъ». Все это ужасно нравилось простому народу. «Костелы бывали переполнены зрителями, встававшими на лавки и даже влѣзавшими на алтари. Когда же толпа переступала границу, изъ-подъ мостковъ, на которыхъ стояли ясли, вылѣзаль костельный служитель съ пучкомъ лозъ и, проворно стегая ими, новое чинилъ

¹⁾ Кс. Неверани («Ochłoba, Kosciół, albo Ceremonje». Lwów. 1739), а за нимъ и кс. Ржимскій («Wykł. obrzęd.» 1857, 309) считаютъ изобрѣтателемъ вертепа св. Франциска Серафидскаго († 1226), что весьма вѣроятно, такъ какъ эти представленія были особенно распространены въ монастыряхъ францисканскаго ордена.—Г. В.

²⁾ Kitowicz, X. A. «Opis obyczajow i zwyczejow za panowania Augusta III». 1883.—Г. В.

Польская шопка.
Сцена и персонажи.

зрѣлище, наиболѣе потѣшное, чѣмъ представленіе яслей». Наконецъ, когда представленія «дошли до послѣдней степени неприличія», епископъ познанскій, кн. Теодоръ Чарторыйскій, въ 1711 году, запретилъ представлять въ костелахъ движущуюся шопку. Его примѣру послѣдовали и другіе епископы.

Изгнанная изъ костеловъ шопка переносится въ частные дома. Прославилась шопка на Прагѣ¹⁾, въ домѣ Завадскаго. Въ ней участвовало болѣе тысячи фигуръ. Нѣсколько позже появились переносныя шопки. Изобрѣтателемъ послѣднихъ былъ парижскій дантистъ Jean Brosche. Находясь въ критическомъ матеріальномъ положеніи, онъ еще въ 1680 г. устроилъ переносный вертепъ и отправился съ нимъ въ путешествіе по Европѣ. Успѣхъ его предпріятія былъ огромный. По рассказамъ, фигуры были такъ искусно сдѣланы, что изъ-за нихъ изобрѣтателя обвинили въ чародѣйствѣ, посадили въ тюрьму и только когда выяснилась тайна механизма, выпустили на свободу. Шопка стала быстро утрачивать религіозный характеръ, а въ послѣднее время, когда въ нее получилъ доступъ элементъ опереточный — при томъ дурного вкуса, — и совсѣмъ его утратила. И кто поручится, что она не отойдетъ со временемъ (и, быть можетъ, скоро) въ область преданій, какъ туда уже отошли разные «діалоги»: школьные, масляничные (*dyalogi męsopustne*), иезуитскіе и доминиканскіе²⁾. А все же жалко бы было остатковъ старины! Тѣмъ болѣе жалко, что они, навѣрно, вышли первоначально изъ-подъ пера какого либо теолога, быть можетъ, даже кого нибудь изъ профессоровъ старой Ягеллонской школы, а послѣ, въ устной передачѣ, измѣнились, и людъ, придѣлывая къ нимъ сцены, далъ въ нихъ образчикъ своего безпретенціознаго драматическаго творчества. Наконецъ, костюмы и фizioноміи персонажей шопки — куколь — представляютъ много интереснаго для этнографа. Этими соображеніями мы и руководились, предлагая вниманію читателей настоящій этюдъ. А для того, чтобы дать наиболѣе полное представленіе о польскомъ вертепѣ, выбрали три типа шопки — краковскую, варшавскую и одну изъ провинціальныхъ.

Шопку въ собственномъ значеніи можно видѣть еще въ Краковѣ. Это — сооруженіе высотой и шириною болѣе 2 аршинъ, глубиною свыше 2 фут. съ двумя или тремя двухэтажными башнями, покрытыми позолоченою крышею, и оклеенное красною или синею бумагою. Въ срединѣ два яруса — верхній имѣетъ подобіе костела съ готическою крышею. Передъ костеломъ устроенъ балконъ, на

¹⁾ Предмѣстье Варшавы.—Г. В.

²⁾ К. В. Войцицкій даже склоненъ считать шопку за остатокъ (*ślad*) этихъ монологовъ («*Histor. liter. polsk.*» 1859 г., I, 265).—Г. В.

немъ помѣщается оркестръ или свита трехъ королей. Въ низу хлѣвъ съ лѣсенкою, яслями, Св. Семействомъ, пастухами, воломъ и осломъ. Надъ хлѣвомъ — Ангелъ, держащій ленту съ надписью: «Gloria in excelsis Deo». Передъ башнями пристройки съ окнами, покрытыя остроконечною кровлею, а въ нихъ—ворота, черезъ которыя вводятся на сцену фигуры.

Представленіе начинается такъ.

На сценѣ темно. На самомъ первомъ планѣ спятъ нѣсколько пастуховъ. Хоръ за сценою (шопкою) поетъ какую нибудь изъ колендъ ¹⁾, чаще «Ангелъ сказалъ пастухамъ» и «Богъ родился», и лишь только умолкнетъ хоръ, — вскакиваетъ одинъ изъ пастуховъ, по имени Бартопъ, и начинаетъ монологъ:

— Гей! ради Бога! что за тревога смущаетъ мою душу? Хотя вѣдь одѣженка на мнѣ не богата, зато всегда покойно, да и она вполне достаточна для бѣдняка, для нищаго, для каждого человѣка... Глазъ не сомкнулъ. Едва стою на этомъ караулѣ, такъ у меня перевернулось въ головѣ. Какія-то привидѣнія, страшилища, такъ мнѣ голову закрутили, что точно я шальной. Ей! ради Бога! Ужъ моя душа не выдержитъ!... Долженъ разбудить всѣхъ, а напередъ вотчима.

Но остальные пастухи не хотятъ вставать. Шимонъ называетъ Бартоша пьяницей, увѣряетъ, что ему «кажется» и совѣтуетъ:

— Сиди смирно, не то сейчасъ получишь по носу, коли самъ глупъ, не дѣлай имъ другаго.

Въ эту минуту сцену заливаютъ свѣтъ. Появляется ангелъ:

— Вставайте, милые пастухи, зачѣмъ вы уснули?—говоритъ небесный посланникъ,—когда Христосъ родился, чтобы васъ освободить.

На вопросъ пастуховъ: гдѣ имъ искать Родившагося? ангелъ отвѣчаетъ:

— Идите въ Вифлеемъ, въ славный городъ, тамъ найдете Месію, рожденного отъ Дѣвы. Вотъ почему вы его узнаете: увидите Его въ ясляхъ, положеннаго на сѣнѣ; а имя Его матери—Марія.

Ангелъ исчезаетъ. Пастухи готовятся въ путь. Но какъ идти къ Господу безъ подарка? И, вотъ, Шимонъ, малый съ головой, ибо «ходилъ поно з таблицей до фары» ²⁾, распоряжается такимъ образомъ:

— Что можете, то заберите: теленка, козла, либо барана отнесите Господу, возвѣщенному пророками и откровеніями Божьими: масла, сыра творожнаго возьмите для чистой Дѣвицы, а грушки и яблочки для старичка Осипа.—Пастухи уходятъ. Остается только одинъ. Онъ рѣшилъ объявить радостную новость жиду. Говоритъ ему напрямки, по-мужицки:

— Жидъ, жидъ, Господь Исусъ родился, такъ тебѣ слѣдуетъ Ему поклониться.

¹⁾ Kolęda—рождественская пѣсня.—Г. В.

²⁾ Ходилъ, какъ кажется, съ грифельною доскою (учиться) въ приходскій костель.—Г. В.

Израильтянинъ не прочь отъ этого:

(Ломанная рѣчь). А гдѣ его, гдѣ его? Хотѣлъ бы его видѣть. Будемъ кланяться, будемъ привѣтствовать.

Тогда пастухъ рассказываетъ, что Избавитель родился въ Виелемѣ и положенъ «въ шопѣ на сяничку» ¹⁾. Но еврей этому не вѣрить:

— Что бы дѣлалъ въ хлѣвѣ такой большой Господинъ?—спрашиваетъ онъ пастуха. Послѣдній обижается и ставитъ вопросъ ребромъ:

— Чего ты Мессіи стыдишься?

На это жидъ обстоятельно отвѣчаетъ:

— Я стараго Господа Бога знаю, какъ слѣдуетъ, но этого маленькаго еще не знаю ²⁾.

Начинается драка. Ее прекращаетъ маршальскій пахолокъ ³⁾.

Изъ дальнѣйшихъ сценъ заслуживаютъ вниманія сцены съ Твардовскимъ ⁴⁾ и царемъ Иродомъ ⁵⁾. Обѣ—стараго происхожденія. Твардовскій тоже ведетъ диспутъ съ жидомъ. Ласково съ нимъ здоровается, называетъ «наюкоханьшимъ» ⁶⁾ и требуетъ «пжеднего футра» ⁷⁾. У жида есть только:

— Для пана Твардовскаго такіе соболи, что даже плечи колютъ, но хочеть дорого—«тшы битѣ» ⁸⁾.

Твардовскій даетъ «тынгра (?) злотэго».

Жидъ соглашается. Но чародѣй, вмѣсто того, чтобы платить, вступаетъ въ споръ.

— Послушай, жидокъ, что ты—изъ знатнаго роду?

— Изъ знатной Абсалоновой фамиліи, изъ самой Сиріи,—отвѣчаетъ еврей.

Твардовскій.—А знаешь ли ты, что мы имѣемъ новаго Мессію?

Жидъ.—Какая мнѣ отъ этого корысть?

Твардовскій.—Ахъ, жидъ, варваръ! За Божье оскорбленіе ты будешь сейчасъ же наказанъ силою чертовской. За то, что ты ни на что не обращаешь вниманія, за свое невѣріе испытаешь на себѣ суровую силу проклятаго чорта.

¹⁾ Въ хлѣвѣ на снѣгѣ.—Г. В.

²⁾ Я стараго Пана Бога
Як палежы умѣм,
Але тэго маленькаго
Еще нерозумѣм.—Г. В.

³⁾ Пахъ, или казачекъ.—Г. В.

⁴⁾ Польскій Фаустъ, легенда о которомъ съ незапамятныхъ временъ живетъ въ народѣ. Ею воспользовался Мицкевичъ для одной изъ своихъ предестныхъ балладъ.

⁵⁾ Непремѣнный персонажъ всѣхъ шопокъ.

⁶⁾ Милѣйшимъ.

⁷⁾ Отборнаго мѣху.

⁸⁾ Три талера (bite?).— Г. В.

По вызову чародѣя является бѣсъ, тащить жидъ въ адъ, но хочетъ также утащить и Твардовскаго. Твардовскій отгоняетъ чорта освященною саблею, а самъ отправляется на Лысую гору.

Сцена съ Иродомъ—кульминаціонный пунктъ представленія. Составлена по всѣмъ правиламъ драматическаго искусства и представляетъ собою нѣчто цѣлое.

Приводимъ ее въ сокращеніи, по Кольбергу ¹⁾.

Иродъ (одинъ). Блистательна моя держава, тронъ оберегаютъ тысячи мечей; во мнѣ многіе видятъ защиту и ее у меня ищутъ.

Польская шопка.

Смерть жидъ.

Всѣ сосѣдніе народы называютъ меня владыкою міра, желаютъ мнѣ счастья, свободы (?) и жизни на тысячу лѣтъ. Но не знаю, что это дѣлается, что тронъ подо мною шатается?

Воинъ (входитъ). Трое могущественныхъ королей съ запада идутъ сюда къ вашему величеству.

¹⁾ Kolbeŕg, Piesni ludu polskiego. W. 1857.—Г. В.

Иродъ. Поди и проводи ихъ вѣжливо сюда, можетъ, узнаю о какойнибудь войнѣ.

Входятъ трое королей.

Касперъ. Здравствуй, король Иродъ, нашъ могущественный сосѣдъ! Слышали мы, что въ этой странѣ новость: Дѣва Марія родила Сына. Отъ Бога онъ происходитъ, изъ королевскаго рода и будетъ провозглашенъ королемъ жидовскимъ.

Иродъ. Что ты говоришь, король Касперъ? Хорошо ли ты слышалъ? Скажите мнѣ напередъ, откуда вы знаете, что родилось это царственное дитя?

Мельхіоръ. Ангель Господень намъ явился во снѣ и приказалъ идти къ этому младенцу.

Иродъ. Скажите: гдѣ же родился этотъ жидовскій король, чтобы и я могъ поклониться ему?

Бальтазаръ. О король Иродъ, мы сами не знаемъ! Идемъ только за звѣздою. Сегодня звѣзда не свѣтила и насъ сбила съ пути, но на обратномъ пути скажемъ тебѣ объ этомъ.

Короли уходятъ. Иродъ призываетъ гетмана.

Иродъ. Гей! Подите сюда, мои гетманы, князья и священники! Гей, воины мои, не бойтесь!

Гетманъ. Вижу тебя, всемилостивый государь, въ страшной печали; несу тебѣ донесеніе, которое поразитъ тебя такъ, что я и самъ долженъ буду содрогнуться.

Иродъ. Что такое? Говори смѣло, хотя бы небо помрачилось.

Гетманъ объявляетъ о рожденіи Іисуса въ Вилеємѣ. Иродъ, возмущенный тѣмъ, что «поданный унижилъ его скипетръ и корону», приказываетъ произвести избіеніе младенцевъ, велитъ позвать къ себѣ стараго раввина и спрашиваетъ его:

— Скажи мнѣ, ученый раби, какія вы имѣли знаменія и готовили угощенья, когда ожидали появленія на свѣтѣ Мессіи?

Раввинъ. Горохъ съ мыломъ, клѣцки съ вареньемъ, шука деревянная, приправленная укусомъ.

Иродъ. Ахъ, ты, нахаль, смѣешься надъ своимъ королемъ.

Раввинъ. А зачѣмъ у меня убили маленькаго Абрамка?

Иродъ. Что жъ ты пришелъ разбирать дѣйствія государя?

Раввинъ. А что мнѣ изъ того, когда его возьметъ къ себѣ Рыѣхъ (?).

Иродъ. Возьмите этого жида и закуйте его въ цѣпи: онъ испортилъ расположеніе моего духа.

Раввинъ. Меня-то возьмутъ, но придетъ такой Малкамуфесъ (испорченное евр. слово Malakamurhes — ангель смерти), что надѣлаетъ тебѣ, король Иродъ, хлопотъ!

Иродъ. Чтобы ты пропалъ, сквозъ землю провалился такъ же, какъ и тотъ, что сегодня народился!

Смерть (въ видѣ скелета съ косою) внезапно появляется.

Смерть. Король Иродъ, за твои мерзкія слова будетъ у тебя на площади отнята голова. Стою предъ тобою, могущественный монархъ. Сходи сейчасъ же со своего трона! Нуженъ намъ такой могучій богатырь въ слуги самому чорту. Для того я и пожаловала въ эти мѣста, чтобы погрузить тебя на адово дно.

Иродъ. А посмѣла ли бы ты напасть на могучаго короля, который окруженъ такимъ величіемъ, у котораго денегъ полныя бочки для своей обороны, войска какъ звѣздъ на небѣ, какъ мѣсяцъ сильнѣе звѣздъ свѣтитъ, такъ я, Иродъ, на землѣ сильнѣе смерти.

Смерть. Мѣсяцъ вмѣстѣ со звѣздами у меня подъ ногами. Хотя ты и могущественъ, но это ничего не значить: долженъ дать свою гордую голову подъ мою косу.

Иродъ (на колѣнахъ). Ахъ, остановись, дама изъ бѣлой кости, уйми свою злобу; дамъ тебѣ золота, шелковыхъ матерій, покрой свою наготу; дамъ тебѣ великіе чины, дорогую багряницу, отдамъ тебѣ мою корону, парчевыя одежды, возьми наконецъ себѣ мою жену и моего сына, но только постыдись убивать могучаго короля.

Смерть. Я стыдиться не умѣю: это не въ моемъ обычаѣ, но придетъ тутъ человѣчекъ изъ стыдливой стороны. Ну-ка, поди сюда, Купидоша, внучекъ Люцифера, возьми къ себѣ на квартиру этого героя! Ничего не поможетъ! Поди самъ, бѣдняжка. Вотъ и мѣсяцъ со звѣздами у меня подъ ногами.

Смерть отбѣкаетъ Ироду голову, а дьяволъ тащитъ тѣло тирана въ адъ, приговаривая:

— Король Иродъ, за твои мерзости иди въ адъ, ты, вѣдь, мерзкій ¹⁾.

Варшавская шопка, кстати сказать, подвергшаяся одно время гоненію усердной не по разуму мѣстной полиціи ²⁾, значительно разнится отъ описанной нами. Разница заключается и во внѣшности и въ репертуарѣ. По наружности это — двухъярусная театральная сцена. Верхній ярусъ, довольно низкій, вмѣщаетъ картину поклоненія Богомладенцу восточныхъ царей, или, какъ у насъ принято называть, волхвовъ и пастуховъ. На сценѣ картонныя фигуры Богородицы, Іосифа, Спасителя, ангеловъ, пастуховъ и трехъ царей. Кромѣ того, зрителямъ видны быкъ, осель и агнецъ Іоанна Крестителя. Фигуры эти неподвижны. Нижній ярусъ, болѣе высокій и обширный, предоставляется въ распоряженіе движущихся фигуръ. Здѣсь разыгрываются народныя сцены обыденной жизни, почти не имѣющія никакого отношенія къ событію Рождества Христова. Передъ зрителемъ являются на этихъ подмосткахъ, кромѣ традицион-

¹⁾ Крулю Хероде,
За твое негодиве збытки,
Пуйдзь до некла.
Бось бжыдки! — Г. В.

²⁾ О воспрещеніи ношенія шопокъ по городу въ «Варш. Дневн.» 1897 г., № 1.
«истор. вѣстн.», июль, 1899 г., т. LXXVII.

ныхъ Ирода, маршала (то же, что въ краковской шопкѣ гетманъ), смерти, дьявола,—варшавскій пожарный (strażak), барышня изъ Вѣны (rapina z Wiednia) и разные изъ наиболѣе популярныхъ опереточныхъ водевильныхъ типовъ, въ родѣ, напримѣръ, приказчика Юзя Гройсешыка. Само собою понимается, что монологи и діалоги этихъ дѣйствующихъ лицъ лишены религіознаго характера, и что комическій элементъ въ нихъ преобладаетъ. Такимъ образомъ варшавская шопка еще больше краковской отстываетъ отъ своего прототипа, но такъ какъ въ этомъ измѣненномъ видѣ она давно уже сдѣлалась достояніемъ провинціи, то все, что мы могли бы сказать объ ней,—скажемъ ниже, при описаніи шопки провинціальной.

Типомъ для такой шопки мы беремъ шопку плоцкую. По внѣшнему своему виду—это такой же ящикъ, какъ шопка краковская или варшавская, только снаружи не такой вычурный. За то, по убранству сцены, плоцкая шопка мало чѣмъ уступаетъ шопкамъ краковской и варшавской. Разумѣется, мы имѣемъ въ виду лучшіе экземпляры.

Занавѣсъ, говоря театральнымъ языкомъ,—еще не поднять.

Скрытый за сценою хоръ поетъ:

— Кто былъ сегодня печаленъ, пускай будетъ всегда веселъ, ибо какъ на небѣ, такъ и на землѣ—всюду миръ. Ангелы радуются, что Предвѣчный Богъ сталъ человѣкъ. Вотъ сейчасъ ангелъ съ радостною вѣстію спѣшитъ къ пастухамъ...

Занавѣсъ отдергивается. Передъ нами, освѣщенная съ боковъ огарками стеариновыхъ или восковыхъ свѣчей, сцена поклоненія родившемуся Спасителю волхвовъ и пастуховъ.

Речитативъ за сценой:

— Сказываю вамъ, что въ этой шопкѣ лежитъ Богъ и человѣкъ! Спѣшите! Привѣтствуйте явившагося Господа! Подите. Преклоните предъ Нимъ колѣна!

Послѣ непродолжительной паузы на сценѣ, на первомъ планѣ, появляются изъ-за боковой кулисы—краковякъ съ женой.

— Пришли мы къ вамъ, господа, привѣтствуемъ вашъ край! Да Будетъ похваленъ Иисусъ Христосъ! Желаемъ вамъ всего хорошаго—здоровья и денегъ и всего, что только есть наилучшаго! Тутъ малыя дѣти обладаютъ хорошими качествами: хорошо учатся, родителей слушаютъ. Словомъ, все это вамъ каждый скажетъ. А теперь прощайте, господа, будьте здоровы!

Исчезаютъ. На сцѣну имъ входятъ два кузнеца.

Первый (поетъ). Хотя я кузнецъ, кую постоянно, но ничего не могу выковать (разумѣется: въ матеріальномъ отношеніи). Помилуй Богъ, какъ дешево платятъ мастеровымъ! Кто состарѣлся—того въ четыре палки... въ четыре палки! Отецъ проситъ маленькую Зосю (Соню), чтобы она винцо пила (?!), кто не хочетъ винца пить, пускай лакаетъ помой. Обожди, братецъ, только молоточекъ нагрѣю!

Скрывается. Товарищъ слѣдуетъ потомъ за нимъ. На сцену появляются мужичекъ съ женой.

Мужичекъ. Мужичекъ я себѣ, мужичекъ! Пашу себѣ въ полѣ. Все у меня идетъ хорошо, слава Тебѣ, Боже! Есть пара лошадокъ, четыре морга (земли) подъ плугомъ, маленькая избушка безъ всякаго долга (иронія надъ помѣщиками, большинство которыхъ не можетъ похвастаться неимѣниемъ долговъ). Не боюсь я ни барина, ни управляющаго, сдѣлалъ свое и сижу себѣ дома по-барски (намекъ на эмансипацію, дарованную высочайшимъ указомъ 19-го февраля 1864 года)¹⁾.

Уходятъ. Передъ нами пожарный (strażak).

— Живо, ребята и пожарные, хваты и удалцы! Станемъ въ кружокъ и, весело притопывая, запоемъ у-ха-ха! Пускай каждый знаетъ пожарнаго! Когда смѣнимся съ караула, служба-то не шутка! Забота-то не спанье въ теплой постели! И такъ потихоньку: у-ха-ха, пускай каждый знаетъ пожарнаго! Брякнулъ звонокъ—значитъ горить! Пламень пышетъ, дымъ валитъ, со всего маху: съ рукавами, съ топорами, съ баграми, прямо въ огонь! У-ха-ха! Пускай каждый знаетъ пожарнаго!

Удаляется. Послѣ него иногда появляется хохолъ и поетъ малороссійскую пѣсню:

«На улицѣ двѣ курицы съ пѣтухомъ дерутся» или «Бѣде казакъ в Украины».

Затѣмъ выходитъ древній старикъ, несетъ на плечахъ, въ корзинѣ, бабу (жену).

Невидимый хоръ обращается къ нему съ укоризной:

— Ой, мой дѣдушка, что ты выдумываешь? Первый день что ли живешь на свѣтѣ? Ой! дынай, дынай! Умтра-ля-ля! Молодымъ надо учиться, хорошо себя вести, чтобы подъ старость, вотъ такъ, не бѣдствовать. Гей! дынай, дынай, умтра-ля-ля! Чего человекъ дождался! на этомъ еще свѣтѣ долженъ носить бабу на спинѣ!

За старикомъ слѣдуетъ «кухарочка» съ кувшиномъ въ рукѣ:

— Я себѣ кухарочка и иду за водою. Съ ведрами уже не хожу. Это не въ модѣ. Иду себѣ утромъ изъ «города», встрѣчаю молодчика, онъ беретъ изъ моей руки корзинку, и я не испытываю тяжести. Присмотритесь, барышни, что любятъ молодые люди!—скромную, учтивую барышню. Такую возьмутъ замужъ. Какъ хорошо быть скромной, милой барышней! И въ награду за это дай ей, Боже, стать замуженю женщиною²⁾.

¹⁾ Другой болѣе обширный вариантъ этого монолога, положеннаго на музыку, приведенъ Глѣгеромъ въ соч. «Pieśni ludu». Краковъ. 1892 г., стр.273—275. Г. В.

²⁾ Другой вариантъ новѣйшаго происхожденія:

Едемъ себѣ кухаречка
По воде не ходзе,
Бо су въ Плоцку водоціонги
То я мамъ выгоде,

Ее смѣняетъ охотникъ. Спѣшить:

— На охоту, на охоту! Въ лѣсъ за горами! Маршъ! Гопъ! Гопъ!
А вдругъ поймаю зайчика. Пойду, его поищу!

Скрывается. Появляется учительница.

— Кто имѣетъ намѣреніе быть учительницею, значить не хочетъ на этомъ свѣтѣ жить. Тра-ля-ля-ля-ля! Послушайте, дѣти, вамъ говорю. Маленькіе должны учиться, хорошо себя вести. Хорошія дѣти все имѣютъ, ибо ихъ, конечно, всѣ любятъ, такъ, такъ, всѣ любятъ. А нехорошихъ слѣдуетъ побить ¹⁾, шопки имъ не показывать. Пускай идутъ спать, такъ, такъ, пускай идутъ спать.

На смѣну ей является котельщикъ (drgóciarz) ²⁾.

— Семъ, добрый вечеръ, господа! Добрый вечеръ. Семъ, я былъ въ Америкѣ, въ Африкѣ, семъ, поѣхалъ на Куявы, тамъ женился ³⁾. А теперь себѣ пѣсенку запою. Тамъ далеко, за горами, за лѣсами, стоитъ бѣлая хатка, среди двухъ сестричекъ живетъ моя мать: какъ же мнѣ не печалиться, когда всѣ три опечалились, что я не ворочусь? У всѣхъ слезы показались на глазахъ. Какъ же мнѣ не печалиться? Семъ, доброй ночи, господа.

Удаляется. Входитъ Иродъ въ порфирѣ и коронѣ, со скипетромъ въ рукахъ и рекомендуется:

— Я король Иродъ, въ багряницу одѣтый, владѣю четырьмя частями свѣта (ř). На тронѣ уже столько лѣтъ. Подамъ лишь скипетромъ знакъ— пламя отъ города поднимается вверхъ. Забренчить у Ирода мечъ— прольется для начала кровь невинныхъ младенцевъ. Позвать ко мнѣ гетмана.

Гетманъ (входитъ). Къ услугамъ вашимъ, государь...

Иродъ. Спѣши какъ можно скорѣе въ Виелеемъ! Ищи младенца Иисуса. Ежели гдѣ матери окажутъ сопротивленіе— вырѣзать дѣтей всѣхъ до одинаго.

Гетманъ. Слушаю, ваше величество!

то-есть, я себѣ кухарочка, за водою не хожу, такъ какъ въ Плоцкѣ есть водопроводъ (котораго, кстати сказать, городъ дождался лишь теперь, спустя 400 лѣтъ со времени 1-го привилея, выданнаго на постройку его королемъ Яномъ Альбрехтомъ, въ 1498 году).

Г. В.

¹⁾ Очевидно, не для этой учительницы писаны законы педагогики! Г. В.

²⁾ Отъ слова drót— проволока. Типъ ремесленника— распространенный въ Польшѣ. Профессія его, главнымъ образомъ, заключается въ наложеніи проволочной сѣтки на треснувшую или слегка надколотую, каменную посуду (горшки, чашки, чайники). Онъ же продаетъ проволочныя издѣлія (мышеловки и прочее), лудитъ мѣдную посуду и т. п. По большей части это не кровный полякъ, а выходецъ откуда нибудь изъ Венгрии или Чехии, чѣмъ и объясняется его характерный акцентъ.

Г. В.

³⁾ Такъ назывались прежде Добржинская земля и два воеводства Брестъ-Куявское и Иновроцлавское. Нынѣ эти мѣста почти всѣ входятъ въ составъ губерній Варшавской и Плоцкой. Куявяки отличаются статностью и красотой.

Г. В.

Иродъ. Едва я живъ отъ злости!

Хоръ (за сценою речитативомъ):

— Перебили, вырубил, собственному сыну пощады не дали.

Жена Ирода (входитъ):

— Ахъ, дурная новость! Король, мой супругъ! Что ты надѣлалъ? Столько дѣтей вырѣзалъ, а Иисуса не нашель. Клянусь скипетромъ и твоею короной — не увидишь больше меня, жены. Прощай! Уже больше съ тобою не увижусь. (Уходитъ).

Иродъ. Я убійца! Я душегубецъ! Самъ отдамся подъ мечъ палача. Псы, пожирайте мое тѣло, или, дьяволы, бѣгите ко мнѣ на помощь!

Дьяволъ (является).

— О, бѣгу къ тебѣ, могущественный король, я, котораго ты такъ часто зовешь. Поди-ка, Куба ¹⁾, къ войту ²⁾.

Ирода смѣняетъ жидокъ.

Гыт-волт в панским
Дором вечеркем!
Я сен пшишедл
Трохе пшемодливать
Инвента те
Бархамате вискимулес
Я себѣ ходует, выживует,
Же мое Фрейдлюхне
Не пшиходуе ³⁾.

Жидовка (входитъ).

Жидъ (увидя ее).

Я, мосте, я тебѣ не видѣл
От самого рана
Як тебѣ зобачил
Аж до гуры поскочилъ —
Гебере кил! ⁴⁾.

Прыгаютъ отъ радости и танцуютъ. Потомъ жидовка уходитъ:

Абер жидки
Итт на шабас
Дисъ прійду;
Есрум, Берзюм,
Терхай, Бейхай.

¹⁾ Такъ принято называть въ Польшѣ поденщиковъ и батраковъ. Г. В.

²⁾ То-есть на судъ, ибо войтъ въ старой Польшѣ имѣлъ власть чинить судъ и расправу (jus gladii). Г. В.

³⁾ Еврей говорить, по обыкновенію, ломанымъ языкомъ, съ примѣсю словъ своего жаргона. Последнія напечатаны курсивомъ, и мы оставляемъ ихъ безъ перевода... съ господскимъ добрымъ вечеркомъ! Я пришелъ немножко помолиться... Я себѣ хожу, попѣваю, а что же моя Фрайдочка не приходитъ. Г. В.

⁴⁾ Я тебя, сударыня, не видалъ съ самаго утра. А какъ увидѣлъ, то даже къ верху подскочилъ... Г. В.

Тадрадум! Дайдуд!
 Ейбумъ, тыдрыйбум
 Татрадына дайдум! ¹⁾.

Раздается стукъ сбоку.

Жидъ. Кто тамъ стучитъ въ мою квартиру въ такую позднюю пору? Я ни по какому дѣлу не принимаю, развѣ только того, кто чеснокомъ да лукомъ торгуетъ. Пойду, посмотрю—можетъ, моя Фрай-дочка что приготовляетъ (на ужинъ).

Приближается къ кулисѣ. На встрѣчу ему смерть съ косою.

Жидъ (съ ужасомъ).

— Караулъ! Смерть идетъ за мной! Ты меня не бери. Я тебѣ дамъ рюмку водки съ халой ²⁾.

Смерть. Я твоей водки не пила, твоей халы не ѣла. Голову тебѣ отрѣжу (смерть то же говоритъ ломанымъ языкомъ, подражая жиду). Много людей наобманывалъ на этомъ свѣтѣ. Твоя голова подъ моими ногами будетъ кивать. Иди-ка, жидъ, въ адъ, тамъ тебѣ на шабашъ испечена кукелка ³⁾.

Тащитъ жида въ адъ.

Является цвѣточница и докладываетъ публикѣ о себѣ:

— Я молода и прекрасна. Цвѣты разношу, господа. Прекрасныхъ цвѣтовъ дамъ, вполне роскошны. Всѣ меня ищутъ: бѣдные и богатые одинаково хотятъ цвѣтовъ, любятъ ихъ. Толпа баръ и барчагъ меня окружаютъ. Одинъ заглядываетъ въ мою корзину, другой въ мои радостныя очи. Недолго и уже надо со слезами проститься съ весною. Подходить зима. Зима тяжелое время—цвѣтовъ уже нѣтъ.

Монологомъ-пѣсней цвѣточницы, собственно говоря, оканчивается представленіе шопки ⁴⁾.

¹⁾ Жидки на шабашъ (суббота) сегодня придутъ—(перечисляеть). Г. В.

²⁾ Длинный витой хлѣбъ изъ пшеничной муки. Г. В.

³⁾ Небольшой круглый хлѣбецъ-поскребушекъ изъ ржаной муки. Г. В.

⁴⁾ Въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ шопкахъ выводится на сцену еще нѣсколько персонажей, впрочемъ, настолько блѣдныхъ, что лишь немногіе изъ нихъ заслуживаютъ упоминанія. Вотъ, на примѣръ, типъ обжоры, бездѣльника и гуляки—Мастибжуха, который служилъ при дворѣ и тамъ:

...Въ кухнѣ бывалъ, у повара кострюли языкомъ вымывалъ. Придворные меня тоже любили за то, что я игрывалъ на лирѣ, и часто мнѣ давали облизывать тарелки.

На это ему отвѣчаетъ одинъ изъ пастуховъ—Куба:

— Не даромъ, вижу, ты корчишь гримасы, вѣрно, оттого, что много ѣлъ придворныхъ обѣдковъ, варенья, что гайдукъ изъ горницы выносилъ—всѣ носъ затыкали, а ты его просилъ.

А когда Мастибжухъ признается, что его при дворѣ не разъ били за воровство, и что онъ имѣетъ еще «дотондъ флоресы на свемъ гжешнемъ тѣлѣ» (до сихъ поръ узоры на своемъ грѣшномъ тѣлѣ), Куба резонируетъ:

«Такая-то плата за службу у вельможныхъ пановъ! Лучше, братецъ, служить у настоятелей».

Тѣмъ не менѣе онъ очень недоволенъ тѣмъ, что крестьяне воруютъ у господъ дичину, и даетъ такой совѣтъ:

На подмосткахъ является флёрекъ съ мѣшкомъ въ рукахъ и, стирая его къ публикѣ, рекомендуется:

— Я флёрекъ, складываю денежки въ мѣшокъ, каждый пускай даетъ — кто талеръ, кто полтинникъ: прошу почтенныхъ господъ. Буду я сегодня имѣть гроши. Ой! будутъ одни гроши... (съ недовѣріемъ качаетъ головою).

Г. А. Воробьевъ.

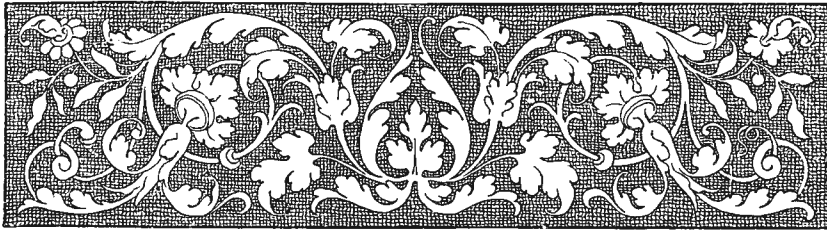

— Для мужичка хороша и сорока, хороша даже ворона. А попу надо дать гуся или кащуна, потому что мужикъ, хотя и капустой набьетъ брюшко, напившись воды, будетъ себѣ прыгать.

Недурна и дѣвчина, предпочитающая общество гусаровъ (Глѣгеръ «Piesń ludu», 57).

«За горами, за лѣсами танцовала Малюжатка (Маргарита) съ гусарами. Пришелъ отецъ, пришла мать. Иди, Малюжатка, домой. Не пойду я, идите сами. Хочу танцевать съ гусарами. Танцовала, заплакала, ой, чего я дождалась!»

Г. В.

ЮБИЛЕЙНАЯ ЛИТЕРАТУРА О ПУШКИНѢ.

I.

АКОНЧИЛОСЬ чествованіе столѣтія со дня рожденія величайшаго изъ поэтовъ русскихъ; объединивъ въ общемъ чувствѣ признательности и восторга людей самыхъ различныхъ направленій, степеней образованія и рода занятій, оно отходитъ въ область воспоминаній, становится историческимъ фактомъ. То единое, съ которымъ ученые и образовательныя учрежденія, литературныя и художественныя общества, органы печати и частныя лица сдѣлали день 26 мая торжественнымъ праздникомъ русской мысли, заслуживаетъ высокаго общественнаго признанія и, несомнѣнно, будетъ отмѣчено свѣтлой чертой въ исторіи родного просвѣщенія. Немалая заслуга будетъ признана и за текущей литературой, которая много содѣйствовала уясненію историческаго значенія переживавшагося момента и внесла значительный вкладъ въ дѣло всесторонняго изученія сочиненій нашего поэта и опредѣленія характера и стремленій его эпохи. Въ самомъ дѣлѣ, къ 26 мая появилось огромное количество новыхъ книгъ, брошюръ и журнальныхъ и газетныхъ статей, связанныхъ съ именемъ Пушкина, раскрывающихъ или его сочиненія съ небывалой прежде полнотой и точностью, или обстоятельства, при которыхъ они создавались, или наконецъ, освѣщающихъ ту или другую сторону его изумительнаго по разнообразію проявленій поэтическаго генія. Историкъ литера-

туры найдеть въ нихъ чрезвычайно цѣнныя указанія, которыя, быть можетъ, во многомъ измѣнятъ взгляды на нѣкоторыя особенности творчества поэта и на процессъ его духовнаго развитія; во всякомъ случаѣ ему придется считаться со всею наличностью новаго матеріала о Пушкинѣ, гдѣ онъ прежде всего увидитъ необходимость строгой критической оцѣнки каждаго «новаго слова» и, наряду съ цѣннымъ и существенно важнымъ, найдеть много противорѣчивыхъ, а иногда и завѣдомо невѣрныхъ свѣдѣній и поверхностныхъ сужденій, принадлежавшихъ перу случайныхъ цѣнителей, критиковъ по недоразумѣнію. Сдѣлать это въ небольшой журнальной статьѣ невозможно, да и, пожалуй, еще преждевременно, но хотя въ общихъ чертахъ разобраться въ обширномъ матеріалѣ этого рода и указать на его существенные признаки—можетъ, намъ думается, представить задачу, не лишенную извѣстнаго значенія и интереса.

На первомъ планѣ долженъ быть поставленъ вопросъ о сочиненіяхъ Пушкина. До послѣдняго времени у насъ не было научно-исполненнаго и обстоятельнаго во всѣхъ отношеніяхъ изданія его сочиненій. Отчасти такое изданіе трудно было выполнить уже по одному тому, что многія рукописи еще не были доступны для изслѣдованія; о нѣкоторыхъ фактахъ біографіи поэта, стоявшихъ въ непосредственной связи съ исторіей его творчества, нельзя было судить съ исторической точки зрѣнія, пока были живы участники событій, о которыхъ пришлось бы говорить, пока не явилась возможность вскрыть документальныя данныя, играющія столь важную роль въ дѣлѣ объективнаго изображенія эпохи. Наконецъ, за подобное изданіе, требующее обширной, кропотливой и сложной работы и представляющее въ то же время несомнѣнныя гарантіи научной обстоятельности и полноты, могло и должно было взяться высшее учебное учрежденіе въ государствѣ, которое обладало бы и достаточнымъ количествомъ научныхъ силъ и значительными денежными средствами, предназначенными не на торговый издательскій оборотъ съ крупными барышами въ результатъ, а на совершеніе великаго національнаго дѣла въ самомъ благородномъ смыслѣ этого слова. Какъ и слѣдовало ожидать, такимъ учрежденіемъ явилась императорская академія наукъ, предпринявшая критическое изданіе сочиненій Пушкина подъ редакціей своего вице-президента, Л. Н. Майкова. Первый томъ уже появился въ печати. Онъ заключаетъ въ себѣ, вмѣстѣ съ примѣчаніями, болѣе 700 страницъ текста и весь посвященъ такъ называемымъ «лицейскимъ» стихотвореніямъ поэта, написаннымъ имъ въ періодъ 1812—1817 гг. Въ основу изданія положена та безусловно справедливая мысль, что въ немъ должно найти себѣ мѣсто все, что вышло изъ-подъ пера поэта и сохранилось доннынѣ—какъ произведенія вполнѣ законченныя, такъ и отрывки и черновые наброски, оставшіеся не отдѣланными, и наконецъ случайныя замѣтки и письма. «Все это,—говорится въ предисловіи,—памятники

его дарованія и ума, все это отраженія личности гениальнаго русскаго человѣка, и потому должно быть сохранено!»

Обзоръ этого изданія посвящена въ настоящей книжкѣ «Ист. Вѣстн.» особая статья Б. В. Никольскаго, а потому мы переходимъ къ другому труду Л. Н. Майкова, о которомъ также упоминаетъ г. Никольскій въ своей статьѣ, но мы хотимъ сказать нѣсколько подробнѣе о заключающихся въ немъ матеріалахъ.

II.

Трудъ этотъ—сборникъ біографическихъ матеріаловъ и историко-литературныхъ очерковъ о Пушкинѣ, собранныхъ Л. Н. Майковымъ во время подготовительныхъ работъ по критическому изданію сочиненій нашего поэта. Занимаясь изученіемъ ихъ не только по печатнымъ изданіямъ, но и по черновымъ авторскимъ рукописямъ и собирая равнаго рода свѣдѣнія о жизни и литературной дѣятельности поэта, Л. Н. Майковъ нашелъ немало данныхъ, не бывшихъ еще въ печати и могущихъ лишь отчасти войти въ жизнеописаніе Пушкина, которымъ имѣетъ быть закончено академическое изданіе его сочиненій. Это и побудило составителя издать ихъ особой книгой, съ соответствующими объясненіями историко-литературнаго характера. Однѣ изъ статей, образующихъ сборникъ, уже были помѣщены въ періодическихъ изданіяхъ, другими хотя пользовались нѣкоторые изслѣдователи, напримѣръ, А. Н. Пыпинъ въ своихъ «Очеркахъ», но въ полномъ видѣ онѣ появляются здѣсь впервые. Не составляя полной біографіи поэта, эти статьи заключаютъ однако много свѣдѣній о разныхъ періодахъ и моментахъ его жизни, при томъ свѣдѣній, полученныхъ отъ современниковъ, болѣе или менѣе знавшихъ его близко, и въ этомъ случаѣ онѣ дѣйствительно могутъ «существеннымъ образомъ служить къ объясненію личности поэта и къ исторіи его творчества».

Мы встрѣчаемъ здѣсь разсказъ младшаго брата Пушкина о молодости гениальнаго поэта. Младшій братъ этотъ—Левъ Сергѣевичъ, знаменитый обращенной къ нему эпиграммой:

«Нашъ пріятель Пушкинъ Левъ
Не лишень разсудка,
Но съ шампанскимъ жирный пловъ
Да съ груздями утка
Намъ докажутъ лучше словъ,
Что онъ болѣе здоровъ
Силою желудка.

Онъ, какъ извѣстно, состоялъ исполнителемъ разнообразныхъ, чаще всего литературныхъ порученій своего брата, когда тотъ былъ въ изгнаніи и жилъ на югѣ и въ Михайловскомъ. Но коммиссіонеръ

былъ не изъ удачныхъ и часто вмѣсто того, чтобы передать, по наказу Александра Сергѣевича, произведенія его издателю или въ журналъ онъ читалъ ихъ своимъ пріятелямъ на ужинахъ и въ салонахъ и тѣмъ умалаялъ фактъ появленія ихъ въ печати. Важно здѣсь то, впрочемъ, обстоятельство, что Левъ Сергѣевичъ обладалъ превосходною памятью: разъ услышанное или переписанное стихотвореніе брата запечатлѣвалось въ его памяти навсегда. «Съ нимъ,— рассказывалъ послѣ его смерти Вяземскій, — можно сказать, погребены многія стихотворенія его (т. е. Александра Сергѣевича), еще не изданныя, можетъ быть, даже и не записанныя, которыя онъ одинъ зналъ наизусть... И онъ же могъ бы изобличить въ подлогѣ другія стихотворенія, которыя невѣжественными любителями соблазна несправедливо приписываются Пушкину». По свойственному натурѣ «храбраго капитана» нѣкоторому легкомыслию, Левъ Сергѣевичъ не сдѣлалъ этого, хотя умеръ гораздо позже своего брата, именно въ 1852 г. Онъ и самъ не былъ лишенъ поэтическаго дарованія, но остался поэтомъ не изданнымъ. «Если ты въ родню, писалъ ему Александръ Сергѣевичъ 27 июня 1821 г., такъ ты литераторъ: сдѣлай милость—не поэтъ». Одно стихотвореніе Льва Сергѣевича было напечатано при его жизни; это — приводимая въ Сборникѣ пьеса «Петръ Великій», написанная не безъ сильнаго, хотя, можетъ быть, и не непосредственнаго вліянія его старшаго брата. Идея его — идея «Мѣднаго всадника».

Приведемъ нѣсколько строфъ:

Чѣмъ не былъ онъ? Всеярящимъ окомъ,
Объемля знанія весь кругъ,
Во что не вникнуть онъ глубоко
Отъ ремесла и до наукъ?

Въ пылу трудовъ художникъ, плотникъ,
Матросъ, ремесленникъ, герой,
Онъ первый былъ вездѣ работникъ
Въ своей великой мастерской.

.....
Простимъ врагамъ ихъ осужденье:
Они предвидятъ, что насъ ждетъ,
Имъ страшно наше просвѣщенье,
Досаденъ имъ нашъ славный ходъ.

.....
Какъ вся о немъ прекрасна повѣсть!
Отца съ народомъ простота,
Съ врагами рыцарская совѣсть
И мыслей свѣтлыхъ красота.

Онъ не боялся близкихъ взоровъ,
Народа саномъ не пугалъ,
И съ нимъ безъ царственныхъ уборовъ
Лицомъ къ лицу онъ проваль.

Эти стихи были напечатаны въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1842 годъ и тогда же чрезвычайно понравились Бѣлинскому, особенно куплетъ:

Таковъ былъ умъ его глубокий.
 Но что чудеснѣй—умъ въ Петрѣ
 Иль гражданина духъ высокій
 Въ самовластительномъ царѣ?

Критикъ находилъ въ этомъ стихотвореніи «что-то энергическое, восторженное и гражданское, есть много смѣлаго».

Мы не находимъ впрочемъ въ этомъ очеркѣ особенно много новаго о молодости А. С. Пушкина, скорѣе рассказъ посвященъ характеристикѣ и біографіи его брата. На тему перваго очерка гораздо болѣе матеріала даетъ слѣдующій—«Записки И. И. Пущина о дружескихъ связяхъ его съ Пушкинымъ». Пущинъ родился въ 1798 г. и былъ, слѣдовательно, почти ровесникомъ Пушкина. Они сошлись при самомъ поступленіи въ лицей, были чрезвычайно дружны во все время пребыванія въ немъ и сохраняли эти дружескія отношенія до той поры, когда привлеченный по участію въ заговорѣ 14 декабря И. И. Пущинъ былъ осужденъ и сосланъ въ Сибирь. Но, полюбивъ поэта въ ранней молодости, Пущинъ не измѣнялъ уже этому чувству никогда, и рассказъ его объ отношеніяхъ къ поэту проникнутъ глубокой задушевностью, трогательною нѣжностью искренней, братской любви. Съ пропусками «Записки» Пущина были напечатаны въ «Атенѣѣ» 1859 г. (№ 8), въ полномъ видѣ онѣ появляются въ Сборникѣ впервые.

«Всѣ мы видѣли, рассказываетъ И. И. Пущинъ, что Пушкинъ насъ опередилъ, многое прочелъ, о чемъ мы и не слыхали, все, что читалъ, помнилъ; но достоинство его состояло въ томъ, что онъ отнюдь не думалъ высказываться и важничать, какъ это очень часто бываетъ въ тѣ годы (каждому изъ насъ было 12 лѣтъ) съ скороспѣлками, которые по какимъ либо особеннымъ обстоятельствамъ и раньше и легче находятъ случай чему нибудь выучиться. Обстановка Пушкина въ отцовскомъ домѣ и у дяди, въ кругу литераторовъ, помимо природныхъ его дарованій, ускорила его образованіе, но насколько не сдѣлала его заносчивымъ: признакъ доброй почвы».

Пущинъ сохранилъ намъ описаніе и перваго 19 октября—дня открытія лицея, состоявшагося въ присутствіи императора Александра I, гдѣ послѣ длинныхъ и скучныхъ чтеній Мартынова и директора Малиновскаго произнесъ свою «замѣчательную рѣчь» Куницынъ, говорившій объ обязанностяхъ гражданина и воина. Вполнѣдствіи Пушкинъ вспомнилъ о немъ въ своемъ обращеніи къ друзьямъ въ лицейскую годовщину 1825 г.:

Куницыну данъ сердца и вина!
 Онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ нашъ пламень,
 Поставленъ имъ краугольный камень,
 Имъ чистая лампада возжена.

Куницынъ рѣзко выдѣлялся своими знаніями и талантомъ изъ среды прочихъ преподавателей; по отзыву Пуцина, «онъ былъ одинъ между нашими профессорами уродъ въ этой семьѣ».

Но вотъ лицей оконченъ, и молодые люди вступили въ жизнь. Пока Пушкинъ гулялъ и отдыхалъ въ Михайловскомъ, другъ его успѣлъ поступить въ тайное общество, которое составляли тогда Муравьевы (Александръ и Михаилъ), Бурцевъ, Павелъ Колошинъ, Семеновъ и др. «Постоянные наши бесѣды о предметахъ общественныхъ, рассказываетъ Пуцинъ, о злѣ существующаго у насъ порядка и о возможности измѣненія, желаемого многими въ тайнѣ, необыкновенно сблизили меня съ этимъ мыслящимъ кружкомъ: я сдружился съ нимъ, почти жилъ въ немъ» (стр. 69). Поэтъ былъ солидаренъ въ то время со взглядами своего друга и въ этомъ смыслѣ проповѣдывалъ и устно, и письменнѣ—стихами и прозой. Много разъ собирался Пуцинъ открыться поэту и привлечь и его въ этотъ кружокъ, но каждый разъ останавливала его боязнь за тайну, не ему одному принадлежащую, которую онъ собирался ввѣрить человѣку чрезвычайно подвижнаго нрава, увлекавшемуся и не всегда осторожному, вращавшемуся при томъ въ аристократической средѣ. Такимъ образомъ, только благодаря осторожности Пуцина, поэтъ не участвовалъ въ заговорѣ декабристовъ, но онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ ко многимъ другимъ подобнымъ же кружкамъ, о чемъ самъ заявлялъ въ томъ письмѣ къ Жуковскому, въ которомъ просилъ послѣдняго ходатайствовать о разрѣшеніи покинуть Михайловское «заточеніе».

Не будемъ передавать рассказъ Пуцина о посѣщеніи имъ опальнаго поэта въ деревнѣ,—это заставило бы насъ слишкомъ удлинить наши выписки. Этотъ рассказъ замѣчателенъ по своей искренности и теплотѣ: при свиданіи друзей—«пробила слеза: она и теперь, замѣчаетъ рассказчикъ, черезъ тридцать три года, мѣшаетъ писать въ очкахъ»... И позже изъ мрачнаго заточенія Сибири друзья, насколько возможно, слѣдили за поэтомъ. «Въ своеобразной нашей тюрьмѣ, говоритъ Пуцинъ, я слѣдилъ съ любовью за постепеннымъ литературнымъ развитіемъ Пушкина; мы наслаждались всѣми его произведеніями, являвшимися въ свѣтъ, получая почти всѣ повременные журналы. Въ письмахъ родныхъ и Энгельгардта, умѣвшаго найти меня и за Байкаломъ, я не разъ имѣлъ о немъ нѣкоторыя свѣдѣнія. Бывшій нашъ директоръ прислалъ мнѣ его стихи: «19-е октября 1827 г.»:

Богъ помощь вамъ, друзья мои,
Въ заботахъ жизни, царской службы
И на пирахъ разгульной дружбы,
И въ сладкихъ танствахъ любви!

Богъ помощь вамъ, друзья мои,
И въ счастьѣ, и въ житейскомъ горѣ,
Въ странѣ чужой, въ пустынномъ морѣ,
И въ темныхъ пропастяхъ земли!

«И въ эту годовщину въ кругу товарищей-друзей Пушкинъ вспомнилъ меня и Вильгельма (Кюхельбекера), заживо погребенныхъ, которыхъ они не досчитывали на лицейской сходкѣ». Доледали до нихъ и вѣсти другого рода о поэтѣ, они жалѣли его, но не могли угадать всей трагедіи, какая разыгрывалась въ это время въ его душѣ.

«Впослѣдствіи, заканчиваятъ Пущинъ свои воспоминанія, узналъ я объ его женитьбѣ и камеръ-юнкерствѣ; и то, и другое какъ-то худо укладывалось во мнѣ: я не умѣлъ представить себѣ Пушкина семьяниномъ и паредворцемъ; жена—красавица и придворная служба пугали меня за него. Все это вмѣстѣ, по моимъ понятіямъ о немъ, не обѣщало упрочить его счастье».

Пребыванію Пушкина въ Бессарабіи посвящены воспоминанія А. Ѡ. Вельтмана ¹⁾. Этому періоду жизни поэта А. Н. Майковъ справедливо придаетъ важное значеніе въ процессѣ его внутренняго развитія; тогда-то «пробудилось у свѣтскаго юноши Пушкина то чуткое вниманіе къ народной жизни, которое уже никогда не покидало его до самой смерти». Въ этомъ именно отношеніи интересны и воспоминанія Вельтмана. Въ нихъ онъ имѣлъ въ виду выяснить то вліяніе, какое оказали на поэта и самый край, и условія жизни среди разнообразнаго состава и быта мѣстнаго населенія. «Эту таинственную связь между личностью поэта и краемъ, куда онъ попалъ, Вельтманъ угадалъ съ большой проникательностью, а потому, именно взятая въ цѣломъ, его статья представляетъ хорошій матеріалъ для исторіи жизни и творчества Пушкина въ періодъ его пребыванія въ Кишиневѣ».

«Происходя изъ арапской фамилии, своеобразно рассказываетъ Вельтманъ, въ нравѣ Пушкина отзывалось восточное происхожденіе. Въ немъ проявлялся навыкъ отцовъ его къ независимости, въ его приемахъ—воинственность и безстрашіе, въ отношеніяхъ—справедливость, въ чувствахъ—страсть благоразумная, безъ восторговъ, и чувство мести всему, что отступало отъ природы и справедливости. Эпиграмма была его кинжаломъ. Онъ не щадилъ ни враговъ правоты, ни враговъ собственныхъ, поражалъ ихъ прямо въ сердце, не щадилъ и всегда готовъ былъ отвѣчать за удары свои».

А. Н. Вульфъ въ главѣ «А. Н. Вульфъ и его дневникъ» рассказываетъ, между прочимъ, о своемъ посѣщеніи Пушкина, когда онъ, получивъ разрѣшеніе на жительство въ столицахъ и побывавъ тамъ, вернулся снова, но уже «вольнымъ» въ покинутую тюрьму, т. е. въ Михайловское. «По шаткому крыльцу взошелъ я въ ветхую хижину первенствующаго поэта русскаго. Въ молдаванской красной шапочкѣ и халатѣ увидѣлъ я его за рабочимъ его столомъ, на коемъ

¹⁾ Александръ Ѡмичъ Вельтманъ, романистъ и археологъ, родился 1800 г., ум. 1870 г.

были разбросаны всѣ принадлежности уборнаго столика поклонника моды; дружно также на немъ лежали Montesquieu съ Bibliothèque de sampragne и «Журналомъ Петра I»; виденъ былъ также Alfieri, ежемѣсячники Карамзина и изъясненіе сновъ, скрывшееся въ полдюжинѣ русскихъ альманаховъ; наконецъ, двѣ тетради въ черномъ сафьянѣ остановили мое вниманіе на себѣ: мрачная ихъ наружность заставила меня ожидать чего нибудь таинственнаго, заключеннаго въ нихъ, особливо, когда на большей изъ нихъ я замѣтилъ полу-стертый масонскій треугольникъ. Естественно, что я думалъ видѣть лѣтописи какой нибудь логи; но Пушкинъ, замѣтивъ вниманіе мое къ этой книгѣ, окончилъ всѣ мои предположенія, сказавъ мнѣ, что она была счетною книгою такого общества, а теперь пишетъ онъ въ ней стихи; въ другой же книгѣ показалъ онъ мнѣ только-что написанныя первыя двѣ главы романа въ прозѣ, гдѣ главное лицо представляетъ его прадѣдъ Ганнибалъ, сынъ абиссинскаго эмира, похищенный турками, а изъ Константинополя русскимъ посланникомъ присланный въ подарокъ Петру I, который его самъ воспитывалъ и очень любилъ. Главная завязка этого романа будетъ— какъ Пушкинъ говоритъ — невѣрность жены сего арапа, которая родила ему бѣлаго ребенка и за то была посажена въ монастырь».

Императоръ Николай Павловичъ рѣшилъ, какъ извѣстно, самолично быть цензоромъ сочиненій Пушкина. Послѣдній принялъ было это извѣстіе съ восторгомъ и видѣлъ въ этомъ «выгоду необъятную». Но ему пришлось передавать свои рукописи высокому цензору чрезъ посредство Бенкендорфа, который докладывалъ о нихъ государю, сопровождая докладъ своими замѣчаніями, такъ что въ сущности цензоромъ былъ онъ. Не обладая для этой роли ни достаточнымъ литературнымъ вкусомъ, ни образованіемъ, этотъ, какъ его называли, «сладенькій» шефъ жандармовъ относился съ худо скрываемымъ, подъ учтивой формой переписки, презрѣніемъ къ таланту поэта и настолько стѣснялъ послѣдняго въ его дѣйствіяхъ, не только какъ «поднадзорнаго» человѣка, но и какъ литератора, что Пушкинъ принужденъ былъ въ послѣдствіи просить, какъ милости, права обращаться, наравнѣ со всѣми, къ общей цензурѣ. «Борисъ Годуновъ» былъ, впрочемъ, просмотрѣнъ государемъ лично. Къ исторіи этого просмотра относятся нѣкоторыя строки «Дневника». «Мы пошли обѣдать, — продолжаетъ А. Н. Вульфъ, — запивая рейнвейномъ швейцарскій сыръ, рассказывалъ мнѣ Пушкинъ, какъ государь цензируетъ его книги; онъ хотѣлъ мнѣ показать «Годунова» съ собственноручными его величества поправками. Высокому цензору не понравились шутки стараго монаха съ харчевницею. Въ «Стенькѣ Разинѣ» не прошли стихи, гдѣ онъ говоритъ воеводѣ астраханскому, хотѣвшему у него взять соболью шубу: «возьми съ плечъ шубу, да чтобы не было шуму». Смѣшно рассказывалъ Пушкинъ, какъ въ Москвѣ цензировали его «Графа Нулина»: нашли, что не-

благопристойно его сіятельство видѣтъ въ халатѣ! На вопросъ сочинителя, какъ же одѣтъ, предложили сюртукъ. Кофта барыни показалась тоже соблазнительною: просили, чтобы онъ далъ ей хотя салопъ»...

Мы хотѣли только указать на интересное содержаніе отмѣчаемаго нами сборника, отнюдь не думая исчерпывать его обширный матеріалъ. Кромѣ указанныхъ, читатели найдутъ много новаго и любопытнаго въ главахъ: «Изъ сношеній Пушкина съ Н. Н. Раевскимъ», «Воспоминанія А. П. Марковой-Виноградской (Кернъ)», «Знакомство Пушкина съ семействомъ Ушаковыхъ», «О поѣздкѣ Пушкина на Кавказъ въ 1829 году» и пр.

III.

Мы упоминали уже о роли, которую игралъ А. Х. Бенкендорфъ по отношенію къ поэту въ теченіе болѣе чѣмъ десяти послѣднихъ лѣтъ его жизни. Онъ былъ не только фактическимъ цензоромъ и докладчикомъ государю о сочиненіяхъ Пушкина, но ему же было ввѣрено и «отеческое» наблюденіе за поэтомъ, который принужденъ былъ чуть не каждый шагъ свой сообразовать съ предписаніями и взглядами начальства. Въ майской книжкѣ «Русской Старины» находимъ новыя данныя для характеристики ихъ отношеній—ихъ переписку являющуюся важнымъ дополненіемъ къ тому, что уже было извѣстно въ печати. Первое письмо отъ 30-го сентября 1826 года заключаетъ въ себѣ официальное извѣстіе Пушкина о томъ, что государь императоръ не запрещаетъ поэту вѣзда въ столицы и самъ будетъ первымъ цѣнителемъ его произведеній и цензоромъ. «Его величество остается совершенно увѣреннымъ,—говорится въ этомъ письмѣ,—что вы употребите отличныя способности ваши на передаваніе потомству славы нашего отечества, предавъ вмѣстѣ безсмертію имя ваше. Въ сей довѣренности его императорскому величеству благоугодно, чтобы вы занялись предметами и о воспитаніи юношества... предметъ сей долженъ представлять вамъ тѣмъ обширнѣйшій кругъ, что на опытѣ видѣли совершенно всѣ пагубныя послѣдствія ложной системы воспитанія». Записка Пушкина о воспитаніи, писанная по заказу и нѣскоро, хотя и заключала въ себѣ много остроумныхъ соображеній и дѣльныхъ мыслей, не заслужила, какъ извѣстно, одобренія государя. Но въ упоминавшемся уже нами дневникѣ А. Н. Вульфа сохранилось нѣсколько словъ, сказанныхъ Пушкинымъ по этому поводу и характеризующихъ его личное отношеніе къ заданному ему трактату. «Говоря о недостаткахъ нашего частнаго и общественаго воспитанія, пишетъ Вульфъ, Пушкинъ сказалъ: «Я былъ въ затрудненіи, когда Николай спросилъ мое мнѣніе о семъ предметѣ. Мнѣ бы легко было написать то, чего хотѣли, но не на-

добно же пропускать такого случая, чтобъ сдѣлать добро. Однако я между прочимъ сказалъ, что должно подавить частное воспитаніе. Несмотря на то, мнѣ вымыли голову».

Слѣдующее письмо Бенкендорфа отъ 22-го ноября того же года написано уже въ тонѣ отеческаго внушенія по тому поводу, что Пушкинъ читалъ въ частныхъ домахъ своего «Годунова», не испросивъ на то высочайшаго разрѣшенія: «Сіе меня побуждаетъ покорнѣйше просить васъ объ увѣдомленіи меня: справедливо ли такое извѣстіе или нѣтъ? Я увѣренъ впрочемъ, что вы слишкомъ благомыслящи, чтобы не чувствовать въ полной мѣрѣ столь великодушнаго къ вамъ монаршаго снисхожденія и не стремиться учинить себя достойнымъ онаго». Пушкину приходилось отписываться, находя себѣ извиненіе въ томъ, что онъ «худо понялъ высочайшую волю», но предлоговъ для «отеческихъ внушеній» представлялось чрезвычайно много. «Государь императоръ, узнавъ по публичнымъ извѣстіямъ, что вы странствовали за Кавказомъ и посѣщали Арзерумъ, высочайше повелѣтъ мнѣ извоилъ спросить васъ: по чьему позволенію предприняли вы сіе путешествіе? Я же, съ своей стороны, покорнѣйше прошу васъ увѣдомить меня: по какимъ причинамъ не извоили вы сдержать даннаго мнѣ слова и отправились въ закавказскія страны, не предупредивъ меня о намѣреніи вашемъ сдѣлать сіе путешествіе?»... «Государь императоръ замѣтитъ извоилъ, что вы находились на балѣ у французскаго посла во фракѣ, между тѣмъ какъ всѣ прочіе, приглашенные въ сіе общество, были въ мундирахъ»... «Къ крайнему моему удивленію, услышавъ я, по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, что вы внезапно разсудили уѣхать въ Москву, не предвара меня о сей вашей поѣздкѣ. Поступокъ сей понуждаетъ меня спросить васъ о увѣдомленіи меня: какія причины могли васъ заставить измѣнить данному мнѣ слову?»

«Въ 1826 году получилъ я отъ государя императора дозволеніе жить въ Москвѣ, отвѣчалъ на это Пушкинъ 21 марта 1830 года, а на слѣдующій годъ отъ вашего высокопревосходительства дозволеніе пріѣхать въ Петербургъ. Съ тѣхъ поръ я каждую зиму проводилъ въ Москвѣ, осень въ деревнѣ, никогда не испрашивая и не получая никакого замѣчанія. Это отчасти было причиною невольнаго моего поступка—поѣздки въ Арзерумъ, за которую имѣлъ я несчастіе получить неудовольствіе начальства. Въ Москву я намѣревался пріѣхать еще въ началѣ зимы, и, встрѣтивъ васъ однажды на гуляньи, на вопросъ вашего высокопревосходительства, что намѣренъ я дѣлать, — имѣлъ я счастье о томъ васъ увѣдомить; вы даже извоили мнѣ замѣтить: *Vous êtes toujours sur les grands chemins*»... Очевидно, рѣчь шла не о сущности невиннаго самого по себѣ поступка, но о формѣ, въ которой этотъ поступокъ дол-

женъ быть представленъ Пушкинымъ благовозрѣнію начальства. Но поэтъ этого не понималъ или, вѣрнѣе, не хотѣлъ понять.

Послѣднія изъ напечатанныхъ здѣсь писемъ касаются женитьбы Пушкина. 16 апрѣля 1830 г. онъ писалъ Бенкендорфу изъ Москвы (пофранцузски): «Я женюсь на m-elle Гончаровой, которую вы, вѣроятно, видѣли въ Москвѣ; я получилъ согласіе ея и ея матери, но два возраженія были мнѣ поставлены: мое состояніе и положеніе по отношенію къ правительству. Что касается до средствъ, то я могу отвѣтить, что они достаточны, благодаря его величеству, который далъ мнѣ возможность жить честно своимъ трудомъ. Насчетъ же моего положенія я не могъ скрыть, что оно фальшиво и сомнительно... М-ме Гончарова боится отдать дочь за человѣка, который имѣлъ бы несчастье быть на дурномъ счету у государя; мое счастье зависитъ отъ одного слова Того, для котораго моя преданность и благодарность чисты и безграничны»... Теперь уже вполне выяснено, что еще года за три до написанія этого письма Пушкинъ былъ отданъ подъ надзоръ полиціи по дѣлу о стихотвореніи «А. Шенье», поставленномъ въ связь съ заговоромъ 14-го декабря. Между тѣмъ, извѣщая поэта о благосклонномъ отношеніи государя къ извѣстію о его женитьбѣ, Бенкендорфъ сообщалъ по вопросу о «фальшивомъ и сомнительномъ положеніи» (*position fausse et douteuse*) касательно правительства: «Его императорское величество, съ чисто отеческимъ благоволеніемъ къ вамъ, удостоилъ поручить мнѣ, генералу Бенкендорфу, не какъ начальнику жандармовъ, но какъ человѣку, которому онъ оказываетъ довѣріе, слѣдить за вами и руководить вами своими совѣтами; никогда никакая полиція не получала приказанія слѣдить за вами. Совѣты, которые я изрѣдка давалъ вамъ, какъ другъ, могли быть вамъ только полезны, и я надѣюсь, что вы убѣдитесь въ этомъ современемъ еще больше. Что же сомнительнаго можно найти въ вашемъ положеніи въ этомъ случаѣ? Я уполномочиваю васъ, милостивый государь, показать это письмо всѣмъ, кому вы найдете нужнымъ».

Въ той же книжкѣ «Русской Старины», наряду съ цѣнными матеріалами и статьями, помѣщена замѣтка профессора Н. Сумцова «Женская ножка въ стихотвореніяхъ Пушкина». Н. О. Сумцовъ извѣстенъ въ научной литературѣ своими многочисленными изысканіями преимущественно въ области этнографіи и фольклора. Въ этой области онъ прибѣгалъ къ особаго рода методу группировки народно-поэтическаго матеріала по темамъ, связаннымъ съ представленіемъ о какомъ либо предметѣ, названіи животныхъ, птицъ и т. д., на примѣръ, о хлѣбѣ въ народной словесности, мышь въ народной словесности, воронъ въ народной словесности и т. д. Этотъ методъ, не разъ вызвавшій скептическое отношеніе и въ специальной критикѣ, почтенный профессоръ нашелъ, къ сожалѣнію, умѣстнымъ примѣнить и къ произведеніямъ Пушкина,—и не остановился

предъ выводомъ столь же оригинальнымъ и смѣлымъ, сколь и недоказаннымъ, что «любовь у Пушкина имѣетъ чувственный характеръ, болѣе чувственный, чѣмъ любовь, напримѣръ (?), Лермонтова или Тургенева». Профессоръ-филологъ съ рѣдкимъ трудолюбіемъ взялся за несовсѣмъ свойственное его специальности анатомирование и «разъялъ» поэзію Пушкина, «какъ трупъ», по выраженію Сальери, который подобнымъ же образомъ, «звуки умертвивъ», «разъялъ» музыку и алгеброй гармонію повѣрилъ. Въ результатъ такого кромсанія и повѣрки алгеброй оказалось, что «у Пушкина женскія очи, чело, локонъ, встрѣчаются очень рѣдко, часто встрѣчается грудь и въ особенности часто женскія ножки». Не правда ли, читатель, какой поучительный выводъ? Вчитываясь въ поэта, вы навѣрно не слѣдили за эволюціей его представленій о женской ножкѣ,—это за васъ сдѣлалъ профессоръ Сумцовъ по своему исторически-алгебраическому методу. «Еще 15-тилѣтнимъ юношей, сообщаетъ онъ, Пушкинъ (ахъ, онъ шалунъ этакій!) уже высказываетъ желаніе «разсѣяться у ногъ» красавицы. Почти въ томъ же возрастѣ (въ «Вишнѣ») онъ (т.-е. Пушкинъ, конечно) замѣчаетъ, что «ножка собою прельщать создана». Въ «Бова» того же времени (?) у Зои, молодой дѣвицы, какъ констатируетъ профессоръ Сумцовъ, оказывается «нѣжная ножка». Въ «Фавнъ и Пастушка» (1816 г.)—«стройная нога» и т. д. и т. д. «Особенно ярко, читаемъ мы далѣе, женскія ножки обрисованы въ первой главѣ Евгенія Онѣгина» (1823 г.) Здѣсь поэтъ откровенно признается въ своей слабости къ этой части тѣла.

Люблю ихъ ножки—только врядъ
Найдете вы въ Россіи дѣдой
Три пары стройныхъ женскихъ ногъ.

Въ заключеніи своего краткаго, но специфически-любопытнаго труда профессоръ даетъ историко-психологическое объясненіе такого рода: «такое вниманіе къ женскимъ ножкамъ воспитано было въ Пушкинѣ господствовавшими въ началѣ нынѣшняго вѣка женскими костюмами, открывавшими ногу, отчасти вызвано той человѣческой слабостью, на которую указывалъ западно-русскій сатирикъ XVI в. (въ рѣчи Ивана Мелешка) въ замѣчаніи, что «дворянинъ въ ножку заглядываетъ, щобъ гдѣ ущипнуть солоднаго мяса». . Сознаемъ, мы поражены ученостью г. Сумцова, хотя и не можемъ не выразить опасенія, чтобы этотъ этюдъ, посвященный только женскимъ ножкамъ, не разросся въ ближайшемъ будущемъ въ цѣлую ученую диссертацию, подъ заглавіемъ «Поэзія Пушкина въ анатомическомъ отношеніи» или «Чувственность нашего вѣка. Выпускъ I. Пушкинъ». Всестороннее обслѣдованіе этой темы, конечно, восполнило бы этотъ пробѣлъ въ нашей литературѣ, уже имѣющей, благодаря г. Анучину, Пушкина въ антропологическомъ отношеніи, но, при сопоставленіи настоящей работы съ прежними трудами профессора

Сумцова, намъ думется, что онъ все же болѣе искусенъ въ изысканіяхъ, такъ сказать, по зоологической части нашей словесности, чѣмъ въ этой области, правда, благодарной, но требующей прежде всего художественнаго вкуса.

IV.

Съ вопросомъ объ установленіи текста Пушкинскихъ произведеній связана находка, сдѣланная членомъ симбирской архивной комиссіи г. Д. Сапожниковымъ. Передъ нами два экземпляра этой «находки»: одинъ съ помѣткой «изъ февральской книжки Русскаго Архива» за текущій годъ, другой — съ цензурной помѣткой отъ 4-го мая 1899 г. и съ предисловіемъ г. Анатоля Александрова, въ которомъ онъ, выражая сердечную признательность г. Сапожникову за его, «во всякомъ случаѣ», крайне интересную и цѣнную находку, спѣшитъ, по его заявленію, «подѣлиться ею съ русскою читающей публикой». Поспѣшность вещь хорошая иногда, особенно же, когда предположить, что публика, не дождавшись «изданія редакціи журнала Русское Обозрѣніе», можетъ докопаться до «Русскаго Архива» и похитить оттуда находку г. Сапожникова. Пусть и такъ, обратимся къ находкѣ. Г. Сапожниковъ посѣтилъ, оказывается, опустѣвшую усадьбу, въ Симбирской губерніи, П. В. Анненкова, біографа и издателя сочиненій нашего поэта. Здѣсь, въ сараѣ, среди полусгнившихъ книгъ, онъ нашелъ 14 листовъ рукописей Пушкина. Первые семь листовъ блѣдно-синей, толстой бумаги, въ четвертку, представляютъ собой отрывки изъ записокъ поэта во время пребыванія его въ лицей и написаны, по мнѣнію г. Сапожникова, не позднѣе 1815 года. Извѣстенъ тотъ фактъ, что въ тридцатыхъ годахъ Пушкинъ уничтожилъ свои лицейскія записки, и найденные листки имѣютъ нѣкоторое, небольшое впрочемъ, значеніе для характеристики юности поэта. Факты и стихотворенія, сообщаемые здѣсь, большею частью уже были напечатаны по другимъ источникамъ, но г. Сапожниковъ вноситъ поправки, варианты, кое-гдѣ дополненія. Важнѣе «Замѣчанія на анналы Тацита» и «Замѣтка о холерѣ», какъ представляющія больше новаго сравнительно съ тѣмъ, что было извѣстно въ печати. Тамъ же былъ найденъ и первоначальный набросокъ элегіи «Подъ небомъ голубымъ страны своей родной» — въ видѣ «Подъ небомъ сладостнымъ Италіи своей», обращенной къ Рязничъ. Напрасно только г. Сапожниковъ разбавилъ найденные отрывки своими замѣчаніями и, вмѣсто матеріала, сдѣлалъ изъ своей находки статью, недостаточно обстоятельную по содержанію и затрудняющую пользованіе его открытіемъ — по формѣ.

Нѣсколько документальныхъ данныхъ къ біографіи Пушкина предлагаетъ и г. Н. Невзоровъ въ своей брошюркѣ «Къ біографіи

А. С. Пушкина—матеріалы изъ архивовъ и другихъ малоизвѣстныхъ источниковъ». Здѣсь мы находимъ копию съ брачнаго обыска «о желающихъ вступить въ бракъ женихъ 10-го класса Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ и о невѣстѣ г-на Николая Аванасіевича Гончарова дочери его дѣвицѣ Наталіи Николаевнѣ Гончаровой», съ прекрасно исполненнымъ факсимиле цѣлаго ряда подписей. Затѣмъ слѣдуютъ: копія изъ метрической книги о смерти Пушкина, причемъ сказано, что онъ скончался «отъ раны», выдержки изъ современной періодической печати по поводу смерти А. С. Пушкина—большою частью краткія извѣщенія съ указаніемъ на потерю, какую понесла русская литература, затѣмъ копія съ дѣла по прошенію вдовы Н. Н. Пушкиной о выдачѣ ей метрическихъ свидѣтельствъ о рожденіи дѣтей. Въ общемъ немного новаго и важнаго, но среди этого матеріала находимъ довольно странную главу: «Сдержанность с.-петербургскаго митрополита Серафима въ оказаніи погребальныхъ почестей А. С. Пушкину, скончавшемуся отъ раны на дуэли. Взглядъ православной церкви на поединки вообще»,—это уже нѣчто въ родѣ самостоятельнаго изысканія г. Невзорова, гдѣ авторъ, забывъ, очевидно, о библиографическомъ значеніи своей брошюры, находитъ умѣстнымъ и своевременнымъ разсужденіе о томъ, по какимъ причинамъ «митрополитъ Серафимъ, согласно уставамъ православной церкви, осуждающей поединки, проистекающіе изъ личнаго самолюбія, воспротивлялся отдаванію при погребеніи Пушкина торжественныхъ почестей, какъ, напримѣръ, архіерейскому служенію при отпѣваніи, вынесенію тѣла Пушкина для отпѣванія въ Исаакіевскій соборъ», и приходитъ къ выводу въ томъ смыслѣ, что молъ «совершенно понятно поэтому (почему впрочемъ—изъ разсужденія несовсѣмъ ясно) нежеланіе митрополита Серафима отступить отъ существовавшаго въ православной церкви обычая оказать особыя почести Пушкину»... Ахъ, г. Невзоровъ, г. Невзорсвъ! и это вы находите возможнымъ вслѣдъ за архіепископомъ Никаноромъ говорить въ тѣ дни, когда вся Россія до послѣдняго грамотнаго человѣка торжественно празднуетъ столѣтній юбилей величайшаго изъ своихъ поэтовъ, этого «достойнѣйшаго, по выраженію архіепископа Макарія, сына земли Русской». Дѣло идетъ не о личномъ мнѣніи вашемъ, до него, пожалуй, нѣтъ никакого дѣла, а о самомъ простомъ приличіи, объ извѣстномъ тактѣ, обязательномъ для тѣхъ, кто пользуется печатнымъ словомъ. Несмотря на нѣкоторый, вѣрнѣе сказать, крохотный интересъ, заключающійся въ этой брошюркѣ, и хорошую благотворительную цѣль, для которой предназначается сборъ отъ ея продажи, она, эта брошюрка, не заслуживаетъ быть рекомендованной, особенно для распространенія между молодежью, въ которой слѣдуетъ воспитывать не страсть къ гробокопательству, а уваженіе къ поэту за тѣ добрыя чувства въ его поэзіи, которыми онъ стяжалъ не только безсмертіе и славу, но и горячую любовь русскаго народа.

Разъясненію фактическихъ данныхъ въ біографіи поэта посвящены изданія: «Дѣло о Пушкинѣ» — Пушкинской комиссіи одесскаго литературно-артистическаго общества, «Гдѣ же родился Пушкинь» — очеркъ А. Колосовскаго-Мартынова и «О мѣстѣ дуэли А. С. Пушкина» — очеркъ Д. И. Лобанова. Въ первомъ изъ нихъ излагается исторія съ заемнымъ письмомъ на 2.000 рублей, выданнымъ поэтомъ нѣкоему барону Шелингу по карточному проигрышу, и характеризуется между прочимъ участливое отношеніе къ Александру Сергѣевичу его непосредственнаго начальника генерала И. Н. Инзова, бывшаго намѣстникомъ Бессарабской области въ первые годы высылки поэта на югъ. Пушкинь сердечно любилъ его. «Старичекъ Инзовъ сажаль меня подь арестъ, — отзывается поэтъ о своемъ бывшемъ начальникѣ, — но зато добрый мистикъ приходилъ меня навѣщать и бесѣдовать со мною о гишпанской революціи». 29 декабря 1820 г. Инзовъ писалъ А. Л. Давыдову: «До сего времени я былъ въ опасеніи о г. Пушкинѣ, боясь, чтобы онъ, невзирая на жестокость бывшихъ морозовъ съ вѣтромъ и метелью, не отправился въ путь и гдѣ нибудь, при неудобствахъ степныхъ дорогъ, не получилъ несчастья. Но, получивъ почтенное письмо ваше отъ 15-го сего мѣсяца, я спокоенъ и надѣюсь, что ваше превосходительство не позволите ему предпринять путь, поколѣ не получить укрѣпленія въ силахъ». Въ очеркѣ «Гдѣ же родился А. С. Пушкинь?» напечатаны статьи гг. Молчанова и Колосовскаго, изъ которыхъ первый указывалъ мѣсто рожденія поэта въ домѣ бывшей графини Головкиной, что на Нѣмецкой улицѣ, гдѣ, по его указанію, и была прибита мраморная доска съ соотвѣтственной надписью; но г. Колосовскій, съ большей, какъ намъ кажется, убѣдительностью, доказываетъ, что поэтъ родился въ домѣ, принадлежавшемъ тогда Скворцову (нынѣ — Ананьину), который имѣлъ домъ на Нѣмецкой улицѣ почти противъ «проѣзда къ Нѣмецкому рынку» и состоялъ въ то же время домоправителемъ гр. Головкиной, что и подало поводъ къ недоразумѣнію. Въ третьей брошюрѣ г. Лобановъ съ топографической точностью опредѣляетъ мѣсто дуэли поэта, о которой было извѣстно, что она происходила за Комендантской дачей на Черной рѣчкѣ.

V.

Нельзя сказать, чтобы литература «юбилейныхъ сборниковъ», связанныхъ съ Пушкинскими днями, была особенно богата. Одни изъ нихъ, какъ, на примѣръ, «Пушкинскій сборникъ», изданный А. С. Суворинымъ, если и не заключаютъ въ себѣ статей, относящихся непосредственно къ Пушкину, за то имѣютъ къ нему отношеніе по цѣли изданія — весь чистый сборъ съ него предназначенъ на памятникъ поэту. Другіе заключаютъ въ себѣ ни болѣе —

ни менѣе «избранныя сочиненія» поэта: таковы, напримѣръ,—изданіе редакціи журнала «Дѣтское Чтеніе» и «юбилейное изданіе» книжнаго магазина «Народная Польза»; наконецъ, третьи, характернымъ образчикомъ которыхъ служить «Юбилейный сборникъ историко-литературныхъ статей о Пушкинѣ», изданный почетнымъ попечителемъ с.-петербургской 7-й гимназіи Н. Я. Романовымъ, названы такъ по недоразумѣнію.

Мы не будемъ говорить о сборникѣ, изданномъ А. С. Суворинымъ, такъ какъ по содержанію своему, какъ мы уже замѣтили, онъ выходитъ за предѣлы нашей задачи. Сборникъ, изданный редакціей «Дѣтскаго Чтенія», по внѣшности производитъ пріятное впечатлѣніе своею опрятностью и удачнымъ въ общемъ воспроизведеніемъ рисунковъ. Выборъ произведеній Пушкина сдѣланъ умѣло; кромѣ нихъ, здѣсь находимъ нѣсколько оригинальныхъ статей и стихотвореній: Б. Б. Глинскаго, В. П. Авенаріуса, А. А. Ѳedorова-Давыдова, Н. А. Соловьева-Несмѣлова, И. А. Бѣлоусова, Л. М. Медвѣдева, «Слава Пушкину» — музыка М. А. Слонова. Изъ автографовъ Пушкина здѣсь воспроизведенъ черновой набросокъ «Полтавы» въ размѣрѣ полустраницы; этотъ набросокъ поучителенъ въ томъ отношеніи, что можетъ дать понятіе юнымъ читателямъ о томъ, какимъ упорнымъ трудомъ достигалъ Пушкинъ изумительной легкости и красоты стиха. Но вслѣдъ за этимъ автографомъ помѣщено стихотвореніе «Памяти Пушкина», подписанное тоже автографомъ г-жи Т. Щепкиной-Куперникъ

Поэть средь насъ всегда безсмертенъ и великъ,
Понятенъ каждому его святой языкъ! —

говорить г-жа Куперникъ въ своемъ стихотвореніи:

Отъ царственныхъ дворцовъ, гдѣ въ тревожныхъ свѣта
Порою прозвучитъ волшебный стихъ поэта,
Внезапно озаривъ такъ ярко и свѣтло
Вседневной жизни ложь, и пустоту, и зло, —
До бѣдныхъ деревень, гдѣ въ жизни безпросвѣтной
Уныло дни идутъ стезею незамѣтной..

«Ложь вседневной жизни», «пустота», «зло» — все это и для Пушкина мало характерно и дѣтской душѣ не скажетъ ничего — и какъ все это избито и банально!

Впечатлѣніе подобной же банальности производилъ бы и юбилейный сборникъ, изданный магазиномъ «Народная Польза», если бы въ немъ не было чрезвычайно оригинальныхъ рисунковъ. Встрѣча Олега съ кудесникомъ изображена, напримѣръ, въ какомъ-то голомъ выжженномъ лѣсу, съ обрубленными сучьями; выше, на томъ же рисункѣ, представленъ моментъ укушенія князя змѣей, но тамъ, гдѣ валяется скелетъ коня, досужая фантазія художника изобразила могильные камни, одинъ даже въ формѣ небольшого обе-

лиска, а на «холмъ» и «берегъ Днѣпра» — вѣтъ и намека... Въ рисунокѣ «по дорогѣ зимней, скучной тройка борзая бѣжитъ» кучеръ изображенъ не то медвѣдемъ, не то въ костюмѣ водолаза, и сравнительно съ нимъ кибитка съ спутникомъ оказывается совсѣмъ игрушечнаго свойства; лицу мужика, который тянетъ утопленника обратно въ рѣку, придано такое страшное выраженіе — не то бульдога, не то безносаго человѣка, что вечеромъ, на сонъ грядущій, на него опасно глядѣть не только дѣтямъ, но и взрослому человѣку; стихотвореніе «Вѣсы» иллюстрировано чѣмъ-то въ родѣ «перехода евреевъ черезъ Черное море»... Предлагая за 25 к. 180 страницъ (на дрянной бумагѣ) дароваго Пушкинскаго текста, украшеннаго подобными рисунками, редація предпосылаетъ читателю мудреную загадку, которой не разрѣшить и самъ Эдипъ, если только онъ не принадлежитъ къ числу «домашнихъ», «своихъ» людей въ магазинѣ, пекущемся о пользѣ народной. «Первоначально предположено было, читаемъ мы въ этомъ «предувѣдомленіи», издать настоящей «Сборникъ» въ размѣрѣ 15 листовъ малаго формата (подумаешь, какъ это важно знать!), но по тщательномъ распредѣленіи матеріала этотъ форматъ оказался неудобнымъ, и пришлось значительно увеличить его, вслѣдствіе чего уменьшилось число листовъ и страницъ, но увеличились его объемъ и содержаніе». Удивительное, право, дѣло! Форматъ оказывается въ зависимости отъ распредѣленія матеріала, объемъ и содержаніе увеличиваются, несмотря на уменьшеніе числа листовъ и страницъ... Къ сожалѣнію, редація забыла упомянуть, въ какомъ направленіи измѣнилась цѣна «Сборника» послѣ совершенія надъ нимъ столь загадочной математической операціи.

Но сравнительно съ этимъ сборникомъ «Сборникъ историко-литературныхъ статей о Пушкинѣ», изданный г. Романовымъ, есть послѣднее слово издательской предприимчивости, рассчитанной не столько на барыши, сколько на невѣжество и легковѣріе русской публики. Самъ ли г. Романовъ повыбралъ залежавшееся старье для составленія историко-литературнаго отдѣла своего «Сборника», или ему помогали въ этомъ дѣлѣ другіе, неизвѣстно; но такъ какъ «Отъ редакціи» никакихъ заявленій не сдѣлано, то отвѣтственность за содержимое сборника невольно падаетъ на издателя. Дѣтство и отрочество Пушкина разсказаны «въ извлеченіи» по статьѣ К. П. П., помѣщенной въ «Русской Старинѣ» за 1879 г., т. е. ровно двадцать лѣтъ тому назадъ, при чемъ даже не внесена поправка въ фамилію бывшаго владѣльца того дома, гдѣ родился Пушкинъ, и владѣлецъ этотъ фигурируетъ въ «Сборникѣ» подъ именемъ «Шварцева» вм. «Скворцова». Далѣе слѣдуютъ, и все въ извлеченіяхъ, статьи Незеленова, Кирпичникова, В. В. Никольскаго, Ключевскаго, Соловьева («Судьба Пушкина»), изъ «Записокъ» Смирновой, изъ сочиненій Гоголя, Бѣлинскаго и т. д. Задавшись очевидной цѣлью создать Пушкинскую хрестоматію, составитель, въ отдѣлѣ стихо-

твореній, помѣстилъ, между прочимъ, отрывки изъ Юдиои, «Напрасно я бѣгу къ Сионскимъ высотамъ», «Клеветникамъ Россіи», «Стравникъ» и «Когда великое свершалось торжество», т. е. допустилъ сочетаніе, по меньшей мѣрѣ не ведущее къ педагогическимъ цѣлямъ. Но что такія цѣли имѣлись въ виду, явствуетъ изъ обильныхъ примѣчаній, которыми снабжены стихотворенія Пушкина. Усердіе не по разуму сказалось здѣсь въ полной мѣрѣ. Судите сами. «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ» сопровождается такого рода примѣчаніемъ, «Баллада «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ» написана въ тотъ періодъ его жизни, когда поэтъ искалъ путей для самостоятельнаго творчества... Пушкинъ, отзываясь объ историческихъ стихотвореніяхъ той эпохи, довольно строго оцѣниваетъ ихъ достоинства: Вообще всѣ слабы, изобрѣтеніемъ и изложеніемъ... Всѣ на одинъ покрой: loci topici; описаніе мѣста дѣйствія, рѣчь героя и нравоученіе. Національнаго, русскаго ничего нѣтъ въ нихъ, кромѣ именъ». Составитель подписывается, очевидно, подъ этимъ сужденіемъ поэта о самомъ себѣ и, печатая текстъ баллады, не считаетъ нужнымъ ни слова добавить къ этой характеристикѣ. Совершенно ясный для всякаго грамотнаго человѣка стихъ: «На старости я сызнова живу», поясненъ такимъ образомъ: «при чтеніи лѣтописи монахъ въ своей памяти представляетъ прошедшее живо»... «Никто изъ нашихъ поэтовъ не былъ еще такъ скупъ на слова и выраженія, какъ Пушкинъ, и такъ не смотрѣлъ осторожно за самимъ собою, чтобы не сказать неумѣреннаго и лишняго, пугаясь приторности того и другого»... «Въ стихотвореніи «Муза», написанномъ на 22-мъ году жизни Пушкина, поэтъ передаетъ, какъ онъ еще въ дѣтствѣ неопытной рукой дѣлалъ первые шаги въ творествѣ, какъ муза вдохновляла его, и что онъ считалъ для себя высшей наградой... Пушкинъ не объясняетъ, которая изъ музъ «внимала ему»...

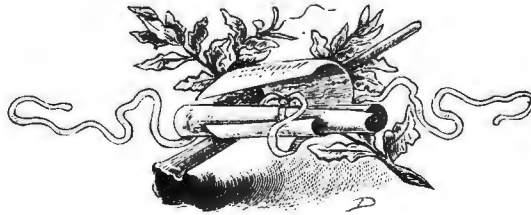
И такихъ образчиковъ соломеннаго стиля г. комментатора Пушкина, не говоря уже о поясненіяхъ отдѣльныхъ словъ, можно бы привести чрезвычайно много. Все это, надо сознаться, мало содѣйствуетъ любви къ поэзіи и родной рѣчи вообще и къ Пушкину въ частности. Но чтобы завершить опредѣленіе характера или, лучше сказать, безхарактерности «Юбилейнаго Сборника», укажемъ на курьезное противорѣчіе, наводящее читателя на весьма печальныя размышленія. Въ примѣчаніи къ «Стансамъ» находимъ «поясненіе»: «что Пушкинъ способенъ (?) былъ подниматься до возвышеннаго религіознаго настроенія, служатъ многіе факты изъ его жизни: въ глубинѣ души Пушкина съ дѣтства теплалось искреннее религіозное чувство; уклоненія его въ противоположную сторону были не болѣе, какъ мимолетныя сомнѣнія, либо юношескія шалости, въ которыхъ онъ въ повзрѣлѣе годы горько раскаивался». По поводу стихотворенія «Когда великое свершалось торжество» комментаторъ или редакторъ, не знаемъ, какъ его назвать, — приводитъ слѣдующее замѣчаніе Жуковскаго:

«Какъ Пушкинъ созрѣлъ и какъ развилось его религіозное чувство: онъ несравненно болѣе вѣрующій, чѣмъ я!» Кажется, чего бы больше для «Сборника», издаваемаго съ педагогическою цѣлью? Но загляните на стр. 83, и вы найдете тамъ извлеченіе изъ «Бесѣды преосв. Никанора», гдѣ Пушкинъ обвиняется въ «аеизмъ», гдѣ смерть его объясняется тѣмъ, что «душа поэта уже крѣпко завязла въ когти грѣха, изъ которыхъ самъ собой вырваться онъ былъ безсиленъ»...

Въ тяжелыя переходныя времена литературной мысли изданія, подобныя Романовскимъ и комп., не должны проходить безнаказанно и незамѣтно для общественнаго самосознанія, иначе недалеко и то время, когда и камни возопіютъ. Только это и заставило насъ сравнительно долго остановиться на нихъ, чтобы по возможности дать представленіе читателю о томъ, что въ сущности таится подъ заманчивымъ заглавіемъ, украшеннымъ именемъ великаго поэта. Въ слѣдующей статьѣ мы продолжимъ бѣглый обзоръ литературы о Пушкинѣ и остановимся на книгахъ и брошюрахъ историко-литературнаго и критическаго свойства.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

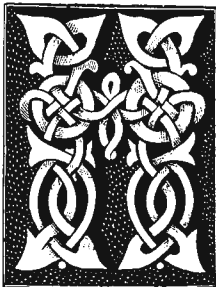
Е. Еленинъ.

БИСМАРКЪ ВЪ СВОИХЪ И ЧУЖИХЪ ВОСПОМИНАНІЯХЪ ¹⁾.

IV.

И КЪ ОДНОЙ сторонѣ политической дѣятельности Бисмарка не относятся такъ всецѣло его слова, что «нѣтъ ничего на свѣтѣ, кромѣ лицемѣрія и гаерства», какъ къ его отношеніямъ къ Россіи. Въ продолженіе всей своей государственной карьеры и даже въ послѣдніе годы насильственнаго бездѣйствія, желѣзный канцлеръ постоянно увѣрялъ, что онъ другъ Россіи, что всегда мирволилъ Россіи, и что для Германіи необходимъ союзъ съ Россіей. Во время посѣщенія имъ Петербурга съ императоромъ Вильгельмомъ I въ 1873 году, Бисмаркъ говорилъ своимъ русскимъ друзьямъ: «Если бы я могъ только допустить мысль, что стану когда нибудь враждебно относиться къ императору и къ Россіи, то я почелъ бы себя измѣнникомъ»; а за нѣсколько часовъ до своей смерти онъ оплакивалъ, что «порвана проволока дружбы между Берлиномъ и Петербургомъ». Въ своихъ мемуарахъ и въ разговорахъ съ Бушемъ онъ также распространяется о своей искренней дружбѣ къ Россіи, но въ сущности не было болѣе закятаго врага у Россіи, чѣмъ этотъ «честный маклеръ», какъ онъ себя называлъ, и никто не дѣлалъ столько вреда Россіи, какъ его политика ловкой эксплуатаціи въ интересахъ Германіи родственной привязанности Александра II къ ста-

¹⁾ Окончаніе. См. «Пет. Вѣстн.», т. LXXV. стр. 976. т. LXXVI. стр. 991.

рому дядѣ Вильгельму и слабохарактерной мягкости князя Горчакова, за которымъ Бисмаркъ, когда было нужно, всячески ухаживалъ, называя своимъ учителемъ, котораго онъ обманывалъ при каждомъ удобномъ случаѣ, отзываясь о немъ самымъ оскорбительнымъ образомъ. Въ этой двойственности своей политики относительно Россіи Бисмаркъ лично сознавался Бушу, который записалъ слѣдующія знаменательныя слова желѣзнаго канцлера отъ 5 декабря 1870 года въ Версалѣ: «Надо писать депешу русскому правительству, какъ нельзя любезнѣе и дружественнѣе; когда Россія намъ болѣе не будетъ нужна, то явится возможность снова быть грубымъ съ нею». Насколько Германія получила пользы изъ своихъ отношеній къ Россіи подъ руководствомъ Бисмарка, онъ самъ заявляетъ въ своемъ прошеніи объ отставкѣ 18 марта 1890 года: «Я извлекъ изъ нашихъ отношеній къ Россіи такіе важные результаты, которые далеко превышали всѣ ожиданія». Что же касается до грубости Бисмарка въ его отношеніяхъ къ Россіи, то она доказывается вполне его мемуарами и разговорами съ Бушемъ, которые рельефно выясняютъ эту наиболѣе интересную для насъ сторону политической дѣятельности желѣзнаго канцлера. Наконецъ, вредъ для Россіи отъ его двойственной политики и долгаго подчиненія ей со стороны русскаго правительства такъ очевиденъ, что не стоитъ даже объ этомъ распространяться, а достаточно лишь вспомнить о результатахъ берлинскаго конгресса, на которомъ «честный маклеръ» эскамотировалъ побѣды Россіи въ пользу ея враговъ.

Въ доказательство правильности этого взгляда на отношенія Бисмарка къ Россіи мы приведемъ все, что онъ говоритъ объ этомъ предметѣ, какъ въ мемуарахъ, такъ и въ бесѣдахъ съ Бушемъ, освѣтивъ ихъ, гдѣ нужно, ссылками на историческіе факты, обличающіе этого псевдо-друга Россіи.

Хотя всѣмъ извѣстно, что Бисмаркъ, находясь во Франкфуртѣ въ качествѣ представителя Пруссіи при германскомъ сеймѣ, впервые познакомился и подружился съ княземъ Горчаковымъ, но онъ не говоритъ объ этомъ ни слова въ своихъ мемуарахъ, а первыя его воспоминанія о русскихъ дипломатахъ относятся до барона Будберга и барона Мейндорфа, а также до военного агента графа Бенкендорфа. По его словамъ, первый изъ нихъ раньше всѣхъ догадался, что революціонное движеніе 1848 года, нагнавшее такой страхъ на Европу, не было опасно, и въ такомъ видѣ представилъ его въ своихъ депешахъ къ императору Николаю, которому такъ понравилось сатирическое отношеніе русскаго дипломата къ нѣмецкимъ революціонерамъ, что онъ быстро превратилъ его изъ повѣреннаго въ дѣлахъ въ посланника при берлинскомъ дворѣ. Объ этомъ баронѣ Будбергѣ Бисмаркъ рассказываетъ очень характерный анекдотъ: однажды, въ 1853 году, Бисмаркъ объяснилъ ему свои подозрѣнія на счетъ того, что одинъ чиновникъ прусскаго министерства

иностранныхъ дѣлъ передавалъ секретныя свѣдѣнія чужестраннымъ дипломатамъ, и Будбергъ спокойно замѣтилъ: «Если онъ васъ стѣсняетъ, то пошлите его на Эгейское море, тамъ мы найдемъ средство его припрятать». Бисмаркъ съ испугомъ воскликнулъ: «Я надеюсь, что вы его не потопите?» А Будбергъ отвѣчалъ со смѣхомъ: «Нѣтъ, но мы его спустимъ во внутренность Россіи, гдѣ онъ скоро сдѣлается русскимъ чиновникомъ очень довольнымъ своей судьбой». Относительно барона Мейндорфа, также бывшаго представителемъ Россіи въ Берлинѣ въ пятидесятыхъ годахъ, Бисмаркъ отзывался, какъ о человѣкѣ, который выводилъ его изъ терпѣнія своимъ покровительственнымъ тономъ, потому что онъ относился къ Пруссіи съ пренебреженіемъ и считалъ Австрію болѣе сильною державой, а главное признавалъ за Россіей право господствующаго голоса во всѣхъ спорахъ между Вѣной и Берлиномъ.

Однако уже въ тѣ раннія времена своей политической дѣятельности Бисмаркъ открыто принималъ сторону Россіи и во время крымской кампаніи возставалъ противъ присоединенія Пруссіи къ Франціи и Англіи, краснорѣчиво доказывая, что война съ Россіей для Пруссіи была бы вполнѣ не выгодна. Такимъ образомъ съ самаго начала своихъ отношеній къ Россіи онъ исключительно держался интересовъ своей родины, хотя старается въ своихъ мемуарахъ поставить себя въ заслугу относительно Россіи его сочувствіе къ ней въ мрачные дни севастопольской кампаніи и хвалится тѣмъ, что онъ не раздѣлялъ антипатіи къ Россіи прусской либеральной партіи, которую поддерживала будущая императрица Августа, хотя въ ней текла русская кровь. Онъ даже приводитъ проектъ партіи Бетмана Гильвега о раздѣлѣ Россіи, при чемъ на долю Пруссіи и Швеціи приходились Балтійскія провинціи съ Петербургомъ, а на долю возстановленной Польши—всѣ ея прежнія провинціи. Бисмаркъ ядовито замѣчаетъ, что такой знаменитый либераль, какъ Бунзенъ, прусскій посланникъ въ Лондонѣ, совѣтовалъ королю подобныя нелѣпости, тогда какъ онъ, Бисмаркъ, всегда упорно стоялъ за Россію.

Какъ бы то ни было, когда его назначили посланникомъ въ Россію въ 1859 году, то его приняли, при русскомъ дворѣ, въ качествѣ дѣйствительнаго друга Россіи, и онъ тотчасъ почувствовалъ себя, словно на родинѣ (*heimatlich*), согласно его собственному выраженію въ письмѣ къ женѣ. Пребыванію въ Петербургѣ Бисмаркъ посвящаетъ отдѣльную главу перваго тома своихъ воспоминаній, но не сообщаетъ ничего особенно новаго или интереснаго о томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ въ русской столицѣ, хотя, будучи тамъ «*persona grata*», онъ имѣлъ возможность знать обо всемъ, что дѣлалось въ придворныхъ и правительственныхъ сферахъ. Объ императорѣ Александрѣ II, который всегда выказывалъ къ нему самую любезную благосклонность и часто слишкомъ поддавался его

вліянію, онъ не говорятъ ни слова, а объ императорѣ Николаѣ, котораго онъ называетъ идеалистомъ монархической борьбы противъ революціонныхъ идей Запада, рассказываетъ очень сомнительный анекдотъ. Онъ увѣряетъ, что прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ IV передавалъ ему, что однажды Николай просилъ прислать ему двухъ прусскихъ гвардейскихъ солдатъ для того, чтобы массировать ему спину, по приказанію доктора, при чемъ будто бы сказалъ: «Я всегда справлюсь съ моими русскими, когда вижу ихъ въ лицо, но не желаю допустить ихъ до своей спины, у которой нѣтъ глазъ». Очевидно, что или прусскій король, рассказывая этотъ анекдотъ, хотѣлъ подшутить надъ Бисмаркомъ, или Бисмаркъ такого дурнаго мнѣнія о своихъ читателяхъ, что считаетъ возможнымъ гордиться имъ всякій вздоръ.

По словамъ желѣзнаго канцлера, въ его время петербургское общество состояло изъ трехъ поколѣній: Александровскаго, Николаевскаго и молодого. Къ первому принадлежали современники Александра, получившіе классическое воспитаніе, по европейскому образцу: Меньшиковъ, Воронцовъ, Блудовъ, Нессельроде и князь Горчаковъ. Николаевское поколѣніе было, по мнѣнію прусскаго дипломата, легкомысленнѣе, и представители его ограничивали свой разговоръ придворными сплетнями, театромъ и казарменными анекдотами, но среди нихъ были исключенія: Адлербергъ, Петръ Шуваловъ, Суворовъ, Чевкинъ и баронъ Мейндорфъ, которыхъ Бисмаркъ относитъ къ выдающимся русскимъ людямъ. Третье, такъ называемое молодое поколѣніе, отличалось меньшею любезностью, чѣмъ предшествовавшія поколѣнія, выражало ненависть къ нѣмцамъ, въ особенности къ пруссакамъ, и вообще въ глазахъ желѣзнаго канцлера уступало во всѣхъ отношеніяхъ своимъ предшественникамъ.

«Враждебное отношеніе этого молодого поколѣнія, рассказываетъ онъ, стало обнаруживаться на почвѣ политическихъ отношеній наиболѣе съ тѣхъ поръ, какъ мой русскій товарищъ, князь Горчаковъ, началъ обнаруживать относительно меня свое чрезмѣрное самолюбіе. Пока онъ видѣлъ во мнѣ только друга, болѣе молодого, чѣмъ онъ, и воспитанію котораго онъ любезно содѣйствовалъ, то не было границъ его любезностямъ, показываемое имъ ко мнѣ довѣріе переходило всѣ границы, допускаемыя среди дипломатовъ. Можетъ быть, онъ дѣйствовалъ такъ изъ расчета или изъ хвастовства передъ товарищемъ, который сумѣлъ увѣрить его въ своемъ уваженіи. Но наши отношенія сдѣлались невозможными, когда я въ качествѣ прусскаго министра уже не могъ болѣе поддерживать въ немъ иллюзіи въ его превосходствѣ надо мною, личномъ и политическомъ. Какъ только я съ полною независимостью выступилъ на политической аренѣ, какъ нѣмецъ, пруссакъ и соперникъ, то расположеніе ко мнѣ Горчакова замѣнилось завистью».

Во всякомъ случаѣ въ Петербургѣ Горчаковъ носилъ на рукахъ

Бисмарка и оказывалъ ему безграничное довѣріе. «Когда мнѣ приходилось по временамъ ждать его, говоритъ желѣзный канцлеръ, то онъ давалъ мнѣ читать нераспечатанныя депеши изъ Берлина. Я иногда удивлялся, какъ мой старый другъ Будбергъ, изъ-за краснаго словца и удовольствія сказать остроумную злость о Берлинѣ, дворѣ и министрахъ, приносилъ въ жертву свой долгъ поддерживать дружескія отношенія между державами. Его донесенія естественно представлялись императору безъ всякихъ коментаріевъ, а замѣтки Александра II на поляхъ депешъ доказывали, что онъ питалъ къ намъ самыя добрыя чувства и былъ недоволенъ донесеніями Будберга и Убри. По несчастію, онъ не считалъ неправильными эти донесенія, а признавалъ берлинскую политику несправедливой и неблагопріятной Россіи. Выставляя на показъ свое довѣріе ко мнѣ, Горчаковъ всегда говорилъ при передачѣ мнѣ подобныхъ писемъ: «Вы забудете то, что вамъ не слѣдуетъ читать». Конечно, я давалъ ему обѣщаніе въ этомъ и всегда держалъ свое слово во время моего пребыванія въ Петербургѣ. Я считалъ, что мнѣ не слѣдуетъ нарушать хорошихъ отношеній между двумя дворами нападками на русскаго представителя въ Берлинѣ, и я боялся, кромѣ того, чтобъ моими свѣдѣніями на этотъ счетъ не воспользовались для какихъ нибудь придворныхъ интригъ».

Въ своихъ воспоминаніяхъ петербургской жизни Бисмаркъ съ особымъ злорадствомъ указываетъ на тѣ черты двора и русской бюрократіи, которыя бросаютъ на нихъ неблагопріятный свѣтъ, такъ онъ распространяется о воровствѣ поставленныхъ гостямъ при дворѣ вианъ и указываетъ на то обстоятельство, что онъ, напримѣръ, часто обѣдалъ въ Петергофѣ въ спальнѣ больной императрицы Александры Ѳеодоровны, и ему все-таки подавали обѣдъ въ его апартаментахъ и за гофмаршалскимъ столомъ. Съ такимъ же циническимъ удовольствіемъ онъ приводитъ два нелѣпыхъ анекдота: о томъ, что при каждомъ посѣщеніи Петербурга Вильгельмомъ ему отпускали пуды сала на томъ основаніи, что въ первый свой пріѣздъ онъ какъ-то повредилъ себѣ ногу и спросилъ кусочекъ сала, и о часовомъ, который постоянно ходилъ на одной лужайкѣ въ Лѣтнемъ саду, потому что однажды Екатерина II нашла тамъ рано весной подсвѣжникъ и приказала его караулить, чтобъ кто нибудь не сорвалъ.

Вообще, ехидная нота звучитъ во всѣхъ замѣчаніяхъ Бисмарка о своемъ пребываніи въ Петербургѣ, упоминаетъ ли онъ, что русское правительство тайно читаетъ шифрованныя депеши и вскрываетъ письма, адресованныя иностраннымъ агентамъ, передаетъ ли сообщенныя ему, какъ онъ увѣряетъ, государственныя тайны высокопоставленными лицами, или рассказываетъ о томъ, что русскій докторъ, по счастью, нѣмецъ, Вальцъ, сынъ гейдельбергскаго кондитера и назначенный безъ всякаго диплома, а по одной рекомендаціи великой герцогини Баденской директоромъ дѣтскихъ больницъ

въ Петербургѣ, отравилъ его какимъ-то пластыремъ, отчего онъ едва не умеръ и спасся только ваннами въ Наугеймѣ.

Бушу еще менѣе рассказывалъ Бисмаркъ о своемъ трехлѣтнемъ пребываніи въ Петербургѣ, чѣмъ въ мемуарахъ, и то лишь жаловался на дороговизну въ Петербургѣ. «Особенно мнѣ дорого стоилъ каждый визитъ царю, говорить онъ. Отправляясь въ Царское Село, я каждый разъ издерживалъ отъ 20 до 25 руб., смотря по тому, приглашалъ ли меня императоръ, или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ мнѣ обходилось дороже, такъ какъ мнѣ надо было давать на чай кучеру и лакею, которые меня отвозили во дворецъ, а также прислугѣ, которая меня принимала во дворцѣ и провожала до царскихъ апартаментовъ. Впрочемъ тотъ лакей, который меня провожалъ по дворцу, вполне заслуживалъ получаемыхъ пяти рублей, такъ какъ ему приходилось пройти черезъ весь дворецъ. Кромѣ того, меня всегда отвозилъ изъ дворца другой кучеръ, такъ что этимъ расходы увеличивались. Если я все это говорю, то потому, что мы, пруссаки, получаемъ очень мало жалованья. Двадцати пяти тысячъ талеровъ, конечно, не хватаетъ, тѣмъ болѣе, если самъ посланникъ имѣетъ личнаго дохода 8.000 талеровъ. Все бы еще ничего, если бы у меня было помѣщеніе большое и хорошее, но въ посольскомъ домѣ мебель была старая, полинялая. На одну передѣлку квартирной обстановки потребовалось бы 9.000 талеровъ, а откуда мнѣ было ихъ взять. Вотъ я и вынужденъ былъ ничего не дѣлать». На замѣчаніе присутствовавшего при этомъ разговорѣ въ Версалѣ генерала Вердера, что въ Петербургѣ посольскіе дома отопляются на казенный счетъ, и это большая экономія, Бисмаркъ отвѣтилъ: «Не знаю, я всегда платилъ самъ за дрова и очень дорого, благодаря русскимъ чиновничьимъ привычкамъ. Напримѣръ, я помню, что однажды я увидалъ прекрасныя дрова на баркѣ и спросилъ у стоявшихъ подлѣ крестьянъ, что они стоятъ. Цѣна была назначена очень сходная, и я предложилъ купить дрова, но крестьяне спросили, покупаю ли я насчетъ казны. Я отвѣчалъ, что покупаю за счетъ королевскаго прусскаго посольства, и пошелъ домой за деньгами. Но когда я вернулся, то не только крестьянъ, но и барки уже не было. Они, вѣроятно, подумали, что прусскій посланникъ чиновникъ на русской службѣ, и сказали себѣ: «Когда придетъ минута расплаты, то онъ, вѣроятно, скажетъ, что мы своровали дрова, и посадить насъ въ тюрьму, пока мы не откажемся отъ полученія денегъ».

Но какъ рѣзко ни отзывается Бисмаркъ о Россіи и русскихъ, повидимому, ему хорошо было въ Петербургѣ, и онъ такъ желалъ въ немъ остаться, когда возбужденъ былъ вопросъ о новомъ его назначеніи, что императоръ Александръ повѣрилъ искренности его сожалѣнія покинуть Петербургъ и предложилъ перейти на русскую службу. Конечно, будущій канцлеръ отъ этого отказался и заявилъ, что если онъ желалъ остаться въ Петербургѣ, то лишь въ качествѣ

представителя Пруссіи. Однако это ему не удалось, и онъ сначала былъ переведенъ посланникомъ въ Парижъ, а затѣмъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ Берлинъ. Что касается политики, то во время его пребыванія въ Россіи Бисмаркъ всячески старался удержать Пруссію отъ участія въ войнѣ Австріи съ Франціей и Италіей, такъ какъ онъ былъ увѣренъ, что Россія, ненавидя Австрію, присоединится къ Франціи, въ случаѣ, если Пруссія окажетъ помощь ея заклѣтому врагу. Его усилія въ этомъ отношеніи вполнѣ удались, но, уѣзжая изъ Россіи, онъ уже былъ всецѣло занятъ другимъ вопросомъ, именно польскимъ. По его словамъ, въ началѣ 1862 года Александръ II и Горчаковъ склонялись въ пользу примиренія съ Польшей, но подобное настроеніе противорѣчило интересамъ Пруссіи, и Бисмаркъ энергично, хотя тайно, велъ интригу противъ восстановленія конституціи въ Польшѣ, что повлекло бы къ возбужденію польскаго вопроса въ Силезіи. Военная конвенція, заключенная въ Петербургѣ генераломъ Густавомъ Альвенслебеномъ въ 1863 году, когда уже Бисмаркъ былъ прусскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, была побѣдою надъ польскою партіей, поддерживаемой, по его словамъ, великимъ княземъ Константиномъ и княземъ Горчаковымъ. Это политико-военное соглашеніе однако не принесло никакой пользы Россіи, когда возникъ польскій мятежъ, и тотъ же Бисмаркъ отговорилъ прусскаго короля отъ содѣйствія Россіи противъ Польши, такъ какъ могла возникнуть обще-европейская война, въ которой Пруссіи пришлось бы дѣйствовать рука въ руку съ Россіею противъ Австріи, Англіи и Франціи. Хотя новому прусскому премьеру пришлось бороться въ этомъ отношеніи съ Вильгельмомъ, который открыто мирволилъ Россіи, но онъ легко одержалъ побѣду, доказавъ королю, что Россія могла во всякое время переимѣнить свой фронтъ относительно Франціи, къ которой всегда тяготѣлъ Горчаковъ, и тогда она оказалась бы сидящей на длиннѣйшемъ концѣ рычага. Въ концѣ концовъ, несмотря на всѣ его увѣренія въ дружбѣ къ Россіи, ей одной пришлось устраивать свои польскія дѣла, при явномъ недоброжелательствѣ главныхъ европейскихъ державъ и холодномъ равнодушіи Пруссіи, хотя Бисмаркъ всегда потомъ увѣрялъ, что Россія должна быть благодарной Пруссіи за ея нейтралитетъ въ эту знаменательную эпоху.

Дѣйствительно, русское правительство на слово повѣрило дружбѣ желѣзнаго канцлера и оказаннымъ имъ услугамъ, а потому, когда ему явилась надобность въ Россіи во время его знаменитой военной трилогіи, то она не на словахъ, а на дѣлѣ оказала помощь Пруссіи. Насколько эта помощь была велика, доказывается телеграммой императора Вильгельма о заключеніи мира съ Франціей на имя Александра II, въ которой прямо говорится: «никогда Пруссія не забудетъ, что она обязана вамъ тѣмъ, что война не приняла крайнихъ размѣровъ. Да благословитъ васъ за это Господь. До конца

жизни вашъ признательный другъ, Вильгельмъ». Но, когда Россія рѣшилась воспользоваться франко-прусской войной и объявила, что не считаетъ для себя болѣе обязательнымъ парижскій трактатъ относительно Чернаго моря, то Бисмаркъ, уже давно подстрекавшій Горчакова на такой смѣлый шагъ, былъ очень недоволенъ, что дѣло обошлось безъ него, и объявилъ, что русское правительство слишкомъ поторопилось, выбравъ неудобную минуту для своей деклараціи. «Въ этомъ дѣлѣ,—гнѣвно сказалъ онъ Бушу въ Версалѣ,—Горчаковъ не слѣдовалъ истинно-русской политикѣ, или такой политикѣ, по крайней мѣрѣ, которая имѣетъ цѣлью истинные интересы Россіи. Напротивъ, онъ руководствовался насильственной и агрессивной политикой. Обыкновенно считаютъ, что русская дипломатія чрезвычайно ловкая, хитрая, искусная, полная ухищреній и стратагемъ. Ну, теперь она вовсе этого не доказала. Если бы петербургскіе дипломаты были дѣйствительно сильны, какъ о нихъ думаютъ, то они никогда не написали бы подобной деклараціи, а просто спокойно, безъ всякаго шума воздвигли бы свои укрѣпленія и построили суда на Черномъ морѣ, а затѣмъ стали бы ждать. Когда наступилъ бы день, въ который бы ихъ запросили о случившемся событіи, то они отвѣчали бы, что ничего не знаютъ, что надо собрать справки, и затянули бы дѣло. Оно могло продлиться годами, и въ концѣ концовъ никто бы не сталъ ничего спрашивать у русскаго правительства, такъ какъ всѣ привыкли бы къ совершившемуся факту». Однако англійскому уполномоченному Одо-Росселю желѣзный канцлеръ отозвался иначе и упрекнулъ Россію совершенно въ противоположномъ. «Если бы русская дипломатія была не такъ откровенна, а помысленнѣе, то она совершенно разорвала бы парижскій трактатъ, и тогда ей были бы благодарны за то, что она признала бы хоть нѣкоторыя его статьи, довольствуясь восстановленіемъ своихъ державныхъ правъ на Черномъ морѣ». Чтобы сохранить за собою голосъ въ разрѣшеніи этого важнаго международнаго вопроса, онъ предложилъ созвать въ Лондонѣ конференцію уполномоченныхъ державъ, подписавшихъ парижскій трактатъ. Эта уловка ему удалась, и 20-го февраля 1871 года была подписана конвенція, измѣнившая парижскій трактатъ.

Такимъ образомъ Бисмарку снова удалось увѣрить Европу и даже русское правительство, что онъ оказалъ услугу Россіи и въ правѣ рассчитывать на ея благодарность. Однако, на Горчакова онъ не на шутку разсердился за его попытку независимости, и когда, во время свиданія трехъ императоровъ въ Берлинѣ въ 1872 году, помимо его Горчаковъ получилъ отъ Вильгельма орденъ «Чернаго орла», то, по словамъ Бюхера, желѣзный канцлеръ пришелъ въ такую ярость и наговорилъ такія непріятности министру Тилле, который скрѣпилъ рескриптъ императора, что тотъ долженъ былъ подать въ отставку. Но все-таки въ слѣдующемъ же году, посѣтивъ съ Виль-

гельмомъ Петербургъ, Бисмаркъ очаровалъ всѣхъ болѣе чѣмъ когда своимъ любезнымъ обращеніемъ, обнаружилъ къ Горчакову старыя дружескія отношенія и уѣзжая произнесъ приведенныя выше знаменательныя слова, что будетъ считать себя измѣнникомъ, если задумаетъ чтонибудь дурное относительно Россіи. Однако, въ своихъ мемуарахъ Бисмаркъ, упоминая вскользь о своемъ посѣщеніи Петербурга въ 1873 году, при чемъ онъ ошибочно говоритъ, что это происходило въ 1872 г., желѣзный канцлеръ не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи кольнуть Горчакова и рассказываетъ, что Вильгельмъ, не зная, какой подарокъ сдѣлать Горчакову, который уже имѣлъ всѣ ордена и его портретъ, остановился на табакеркѣ съ брильянтами, но Бисмаркъ возсталъ противъ этого, доказывая, что Горчаковъ былъ слишкомъ богатъ и пользовался слишкомъ высокимъ положеніемъ, чтобы не обидѣться такимъ подаркомъ. Вильгельмъ согласился съ нимъ, но Бисмаркъ для очистки совѣсти ловко завелъ разговоръ объ этомъ съ самимъ Горчаковымъ, который послѣшно сказалъ: «Устройте, чтобы мнѣ подарили хорошую табакерку съ большими брильянтами».

Въ теченіе двухъ лѣтъ все въ Европѣ обстояло благополучно, то-есть, Бисмаркъ управлялъ ею по своему благоусмотрѣнію, и русское правительство слѣпо слѣдовало за нимъ, а потому, когда въ 1875 году онъ задумалъ окончательно уничтожить Францію, и Александръ II съ княземъ Горчаковымъ оказали энергичное ему противодействие, то онъ не могъ опомниться отъ удивленія. Въ своихъ мемуарахъ онъ серьезно увѣряетъ, что никогда не намѣревался нарушить миръ и напротивъ подаль бы скорѣе въ отставку, чѣмъ согласился на новую войну съ Франціей, которая, по его мнѣнію, могла бы только повредить Германіи, возстановивъ противъ нея Австрію, Англію и Россію. По его словамъ, вся эта исторія была сочинена княземъ Горчаковымъ и ловкимъ французскимъ дипломатомъ Гонтто-Бирономъ, но, конечно, всѣ его усилія и оскорбительныя выраженія о Горчаковѣ не въ состояніи уничтожить историческаго факта. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ 1875 году Бисмаркъ долженъ былъ уступить рѣшимости, выказанной Александромъ II и княземъ Горчаковымъ, смѣло заступившимся за несчастную Францію. Наконецъ, самый гнѣвъ Бисмарка ясно доказываетъ всю горечь перенесеннаго имъ униженія. Не даромъ же онъ сказалъ тогда Горчакову: «Вы, конечно, не будете имѣть повода радоваться тому, что рисковали потерять нашу дружбу, ради пустого удовлетворенія собственнаго тщеславія. Скажу вамъ открыто, я добрый другъ моихъ друзей и врагъ моихъ враговъ». Если вѣрить его мемуарамъ, то онъ наговорилъ еще больше непріятностей своему русскому сопернику. Онъ будто бы, между прочимъ, сказалъ ему: «вы обращаетесь съ нами, не какъ съ дружественной державой, а какъ съ лакеемъ, который не является довольно скоро на звонокъ. Такъ не поступаютъ съ

друзьями, какъ вы поступили; вы набросились на насъ сзади, когда мы ничего не подозрѣвали, и все для того, чтобы устроить себѣ балаганный апофеозъ. Если уже вамъ такъ хотѣлось снискать рукоплесканія Парижа, то къ чему было подвергать опасности наши отношенія съ Россіей, а достаточно было бы сказать мнѣ два слова, и я приказалъ бы отчеканить въ Берлинѣ пятифранковыя монеты съ надписью «Горчаковъ покровительствуетъ Франціи», а также устроить въ германскомъ посольствѣ въ Парижѣ спектакль, въ которомъ вы явились бы передъ французскимъ обществомъ въ качествѣ ангела хранителя, въ бѣломъ платьѣ съ крыльями, при бенгальскомъ освѣщеніи». Бисмаркъ даже увѣряетъ, что его оскорбительная иронія заставила князя Горчакова сбавить тонъ, а русскій императоръ, которому желѣзный канцлеръ жаловался на поведеніе его министра, будто бы только смѣялся, покуривая сигару, и просилъ не придавать серьезнаго значенія старческому самолюбію. Но, прибавляетъ Бисмаркъ, онъ никогда официально не опровергъ установившейся легенды, что въ 1875 году Германія хотѣла напасть на Францію. Въ сущности этого опровергнуть нельзя, такъ какъ легендарнымъ характеромъ отличается не всѣмъ извѣстный историческій фактъ, а попытка автора «Мыслей и воспоминаній» отвергнуть его существованіе.

По случаю этого непріятнаго для него инцидента Бисмаркъ отзываясь о князѣ Горчаковѣ, съ которымъ онъ, по его же словамъ, находился тридцать лѣтъ въ дружескихъ отношеніяхъ, самымъ рѣзкимъ и враждебнымъ тономъ. Онъ прямо говоритъ, что самолюбіе и зависть брали верхъ въ Горчаковѣ надъ его патриотизмомъ, что онъ ненавидѣлъ Германію и питалъ слабость къ Франціи, что наконецъ онъ, по выраженію своихъ подчиненныхъ, «любовался, какъ въ зеркалѣ, въ своей чернильницѣ». Впрочемъ, Бисмаркъ ехидно замѣчаетъ, что главная суть въ депешахъ Горчакова была писана не имъ, а Жюмини, такъ какъ Горчаковъ диктовалъ свои депеши Жюмини и пересыпалъ ихъ различными цвѣтами риторки, а Жюмини придавалъ депешамъ болѣе основательный, дѣловой характеръ. Однако, его германскій соперникъ не можетъ не признать, что Горчаковъ говорилъ и писалъ съ одинаковымъ совершенствомъ порусски, пофранцузски и понѣмецки. «Его краснорѣчіе было такъ велико, — говоритъ Бисмаркъ, — что я часто цѣлыми часами слушалъ съ удовольствіемъ его нравоучительныя лекціи. Въ особенности онъ любилъ разглагольствовать передъ молодыми дипломатами, которые только хлопали глазами передъ нимъ. Поэтому мнѣ часто приходилось получать выраженія воли Горчакова въ формѣ знаменитаго: *Roma locuta est*. Я на это иногда жаловался ему въ частныхъ письмахъ, прося смотрѣть на меня, не какъ на дипломатическаго ученика, котораго онъ знаетъ въ Петербургѣ, а какъ на товарища, отвѣтственнаго за политику великой

имперія». Между прочими упреками, предъявляемыми Бисмаркомъ Горчакову, находится и обвиненіе въ томъ, что онъ умѣлъ вліять даже на переписку Александра II съ Вильгельмомъ. По словамъ Бисмарка, хотя русскій императоръ писалъ собственноручно длинныя письма къ своему дядѣ, котораго онъ очень любилъ и уважалъ, но въ сущности онъ только редактировалъ составленныя Горчаковымъ черновыя. Впрочемъ, желѣзный канцлеръ признается, что и отвѣты на эти письма писались также на основаніи черновыхъ Бисмарка.

Въ доказательство того, что самолюбіе Горчакова отличалось патологическимъ характеромъ, Бисмаркъ говоритъ въ своихъ мемуарахъ: «Находясь въ Берлинѣ въ маѣ 1876 года, онъ сказалъ мнѣ, что очень усталъ и хочетъ удалиться на покой. Однако,—прибавилъ онъ:— не могу же я предстать на небѣ, никогда не предсѣдательствовавъ ни на одномъ конгрессѣ». Вслѣдствіе этого я просилъ его предсѣдательствовать на происходившей тогда дипломатической конференціи, имѣвшей чисто офиціозный характеръ. Онъ съ удовольствіемъ согласился, и во время его безконечной вступительной рѣчи я, сидя рядомъ съ лордомъ Одо-Росселемъ, писалъ на листѣ бумаги: romps, rompo, romp, rom, ро. Россель взялъ эту бумагу себѣ на память. На этой же конференціи Горчаковъ мнѣ сказалъ: «Если я удалюсь съ политическаго поприща, то хочу не померкнуть, какъ лампа, гаснущая отъ недостатка масла, а закатиться, какъ лучезарное свѣтило».

Но этого поклялся не допустить Бисмаркъ и подготовилъ медленное, вѣрное мщеніе за испытанное имъ въ 1875 г. фіаско. Съ самаго начала восточныхъ событій онъ подстрекалъ русское правительство къ энергичнымъ наступательнымъ дѣйствіямъ и производилъ сочувственныя Россіи рѣчи въ рейхстагѣ, доказывая, что она преслѣдуетъ на востокѣ ту же цѣль, какъ Германія, т.-е. улучшение участи христіанъ на Балканскомъ полуостровѣ, а въ частныхъ бесѣдахъ говорилъ: «Россія пойдетъ впередъ, она должна идти; необходимо, чтобъ она открыла борьбу. Нельзя допустить, чтобъ сказали; она отступила передъ турками. Это вызоветъ внутри страны положеніе безпокойное, и я первый буду скорбѣть о томъ, потому что желаю видѣть Россію довольной и не хочу въ интересахъ Европы, чтобы страна въ сто милліоновъ жителей являлась недовольною и оскорбленною. Россія всегда была нашимъ искреннимъ другомъ. Въ продолженіе минувшихъ десяти лѣтъ дружественное расположеніе ея облегчило намъ нашу политическую роль и наши успѣхи. Германія обязана принять это въ расчетъ и облегчить нынѣ Россіи провести ея политику и требованія въ національномъ популярномъ вопросѣ». Зная о переговорахъ между Петербургомъ и Вѣною, которые кончились соглашеніемъ, по которому Австрія обязалась сохранить доброжелательный

нейтралитетъ, онъ открыто заявлялъ, что перестанетъ поддерживать габсбургскую монархію, если она не исполнитъ своихъ обязательствъ относительно Россіи и станетъ дѣйствовать враждебно. Наконецъ, въ виду того, что европейскія державы изъ личныхъ своихъ интересовъ старались примирить Турцію съ Россіей, Бисмаркъ одинъ возставалъ противъ этихъ попытокъ и прямо говорилъ, что въ случаѣ войны дѣйствія Россіи будутъ ограждены Германіей.

Но, когда Россія повѣрила всѣмъ этимъ увѣреніямъ желѣзнаго канцлера и, не надѣясь на Австрію, которая уже столько разъ доказала свое вѣроломство, спросила у Германіи, останется ли она нейтральною въ случаѣ войны между Австріей и Россіей, то Бисмаркъ долго медлил съ отвѣтомъ и наконецъ отвѣчалъ уклончиво, что если къ величайшему сожалѣнію Германіи не удастся предотвратить войны между Россіей и Австріей, то она будетъ вынуждена перенести зрѣлище побѣдъ или поражений ея друзей, но не допустить, чтобы та или другая сторона настолько пострадала, чтобы поколебалось ея положеніе, какъ независимой великой державы, имѣющей голосъ въ европейскомъ концертѣ. Рассказывая въ своихъ мемуарахъ объ этомъ эпизодѣ его двойственной политики стносительно Россіи, Бисмаркъ извращаетъ факты, увѣряетъ, что Россія по секрету отъ него заключила соглашеніе съ Австріей, и что Горчаковъ нарочно вынудилъ у него подобную декларацію, которой онъ не могъ не сдѣлать, находясь между двухъ огней, съ цѣлью доказать благоволившему къ нему Александру II, что германская дружба была платоническою. Какъ бы то ни было, Россія начала войну и послѣ тяжелыхъ перипетій окончила ее побѣдоносно у воротъ Константинополя. Но въ минуту торжества обнаружилось коварство псевдодруга въ Берлинѣ. Минута мщенія Горчакову наступила, и, перейдя на сторону враговъ Россіи, Бисмаркъ созвалъ берлинскій конгрессъ, на которомъ эскамотировалъ всѣ русскія побѣды.

Конечно, въ особой главѣ втораго тома «Мыслей и воспоминаній», озаглавленной «Берлинскій конгрессъ», Бисмаркъ старается очистить себя отъ всякихъ нареканій и пресеріозно увѣряетъ, что не только вполне добросовѣстно исполнилъ свою обязанность честнаго маклера, но, созвавъ берлинскій конгрессъ, по просьбѣ Россіи, исполнялъ на немъ всѣ ея желанія, вслѣдствіе чего берлинскій трактатъ былъ самымъ выгоднымъ изъ всѣхъ трактатовъ, заключенныхъ Россіей съ Турціей. Но что бы онъ ни говорилъ, какъ бы ни извращалъ правды, все-таки онъ сторицей отомстилъ на берлинскомъ конгрессѣ за понесенное имъ униженіе въ 1875 году. Въ особенности жалкую роль игралъ на этомъ конгрессѣ князь Горчаковъ, который хотя и былъ не вторымъ представителемъ Россіи, какъ увѣряетъ желѣзный канцлеръ, а первымъ, но въ виду своей старости, нездоровья и обстоятельствъ не принималъ дѣятельнаго участія въ совѣщаніяхъ, а только, такъ сказать, присутствовалъ

при своемъ дипломатическомъ униженіи. Всѣ свои интриги, увѣнчавшіяся полнымъ успѣхомъ, Бисмаркъ велъ чрезъ второго уполномоченнаго Россіи, своего друга, графа Шувалова, которому онъ прямо сказалъ, услыхавъ о томъ, что Горчаковъ пріѣдетъ на конгрессъ, несмотря на всѣ подведенныя мины противъ него: «Я не позволю Горчакову снова взлѣзть мнѣ на плечи и обратить меня въ свой пьедесталь». Ненависть его такъ велика къ своему бывшему учителю, что онъ даже ставитъ ему въ вину намѣренное уклоненіе Горчакова отъ участія въ томъ, чего онъ не могъ измѣнить, и приписываетъ ему цѣль выставить себя впоследствии передъ Россіей невиновнымъ въ сдѣланныхъ отъ нея имени уступкахъ. По его словамъ, Горчаковъ и тутъ обнаружилъ свое «болѣзненное самолюбіе», которому онъ принесъ въ жертву интересы своей родины. Какъ бы то ни было, берлинскій конгрессъ былъ апогеемъ величія желѣзнаго канцлера, и онъ вдвойнѣ могъ ликовать, какъ верховный распорядитель судебъ Европы, и какъ окончательный побѣдитель въ борьбѣ между двумя канцлерами.

Послѣ берлинскаго трактата Бисмаркъ уже такъ былъ увѣренъ въ своемъ всемогуществѣ, что пересталъ дорожить союзомъ трехъ императоровъ и замыслилъ превратить его въ двойственный союзъ съ Австріей, о которомъ онъ уже мечталъ послѣ побѣды подъ Садовой. Поэтому онъ сталъ дѣйствовать безъ всякой церемоніи противъ Россіи, а когда Александръ II написалъ своему дядѣ дружеское письмо, въ которомъ грустно жаловался, что германскій канцлеръ забылъ обѣщанія 1870 года, и что натянутыя отношенія между обоими государствами могутъ повести къ разрыву, то онъ воспользовался этимъ письмомъ, какъ предлогомъ къ заключенію союза съ Австріей противъ Россіи. Вильгельмъ долго сопротивлялся такой предательской политикѣ и напротивъ выяснилъ въ перепискѣ съ племянникомъ и на личномъ свиданіи съ нимъ въ Александровѣ, что въ письмѣ русскаго императора не было никакой угрозы войны, какъ доказывалъ Бисмаркъ. Но если старику удалось возстановить личныя дружескія отношенія съ Александромъ, то онъ никакъ не могъ побороть своего канцлера. «Я чрезвычайно опечаленъ, писалъ онъ Бисмарку отъ 10 сентября 1879 года, тѣмъ, что вы предлагаете сохранить для внѣшности дружбу съ Россіей и въ то же время подъ рукой заключить коалицію противъ нея не только съ Австріей, но съ Англіей и даже Франціей: вы такъ твердо вбили себѣ въ голову этотъ проектъ, что сообщили его Авдраши и даже поручили ему переговорить о немъ со своимъ императоромъ, который тотчасъ его принялъ. Послѣ этого вы просите, чтобы я послалъ вамъ инструкціи, какъ дѣйствовать. Но поставьте же себя на мое мѣсто, хоть на минуту. Я вижусь съ моимъ личнымъ другомъ, близкимъ родственникомъ и союзникомъ для того, чтобы сговориться съ нимъ насчетъ дурно понятыхъ словъ, послѣшно написаннаго

письма, и достигъ въ этомъ отношеніи удовлетворительнаго результата. Какъ же я въ это самое время подпишу трактатъ о враждебной ему коалиціи? Какъ же я за спиною у него сдѣлаю прямо противоположное тому, что говорилъ ему въ лицо?» Однако по слабости и старости въ концѣ концовъ Вильгельмъ уступилъ не псевдо-угрозѣ Александра, а дѣйствительной угрозѣ Бисмарка выйти въ отставку. Союзъ съ Австріей, который Вильгельмъ считалъ вѣроломствомъ противъ Россіи и который именно составлялъ то враждебное дѣйствіе противъ Россіи, возможность котораго Бисмаркъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ не допускалъ, какъ гнусную измѣну, былъ заключенъ въ Вѣнѣ 26-го сентября того же года.

Но трудно сказать, что недостойнѣе—совершеніе ли этого поступка, который онъ самъ называлъ измѣной, или тотъ способъ оправданія, къ которому прибѣгаетъ желѣзный канцлеръ въ своихъ мемуарахъ и разговорахъ съ Бушемъ. Конечно, снова всю вину онъ взваливаетъ на письмо русскаго императора съ псевдо-угрозами войны, на козни Горчакова, который будто бы внушилъ это письмо и подготавливалъ войну въ союзѣ съ Франціей противъ Германіи, наконецъ на ожесточенныя нападки русской печати противъ Германіи и желѣзнаго канцлера. Насколько вѣски эти аргументы, можно судить, напримѣръ, потому, что предъявляемое имъ обвиненіе противъ Горчакова основано на словахъ какой-то берлинской дамы, которая слышала въ Баденъ-Баденѣ въ щель стѣны, какъ Горчаковъ въ собесѣднемъ номерѣ говорилъ: «Я хотѣлъ бы воевать, да у Франціи другія намѣренія». И на такихъ-то доказательствахъ строитъ Бисмаркъ свою теорію, что онъ дѣйствовалъ въ 1879 году въ самозащитѣ по вызову Россіи. Невозможно себѣ представить что нибудь болѣе циничное, какъ его увѣренія, что Россія поставила его въ необходимость выбирать одно изъ двухъ: союзъ съ Австріей или съ Россіей, и онъ остановился на первомъ, какъ на лучшей гарантіи мира и преобладанія консервативныхъ идей, а такъ же, что онъ слѣдовалъ при заключеніи трактата съ Австріей только примѣру Россіи, которая будто бы по секрету отъ него заключила соглашеніе съ Австріей передъ войной съ Турціей. Одинаково нельзя подобрать выраженія, которое вполнѣ характеризовало бы его отзывъ по этому поводу объ Александрѣ II, всегда милостиво и довѣрчиво относившемся къ нему. «Я нисколько не сомнѣвался, говоритъ онъ, въ безусловномъ прямотушии императора Александра, но я зналъ, что онъ не отличался утонченностью сужденія и способностью къ труду, которыя могли бы его предохранить отъ окружавшихъ его коварныхъ вліяній; къ тому же нельзя было въ личныхъ отношеніяхъ такъ на него полагаться, какъ на моего повелителя; наконецъ искренность, которую императоръ Николай высказывалъ въ добрѣ и злѣ, неполнѣ была унаслѣдована болѣе мягкой натурой его преемника». Но все-таки въ своихъ мемуарахъ Бисмаркъ сравнительно

сдержанъ въ высказываемыхъ имъ мнѣніяхъ, а за то въ разговорахъ съ Бушемъ онъ уже выражалъ на распашку всѣ свои чувства по случаю этого инцидента.

Давая наставленіе своему наперснику, какъ написать въ Grenzboten злую статью о Горчаковѣ, Бисмаркъ сказалъ 27-го февраля 1879 г.: «Вы знаете, что газета Горчакова «Голосъ» постоянно возстаётъ противъ Германіи и лично меня. Она увѣряетъ, что мы выказали свою неблагодарность Россіи во время берлинскаго конгресса, и проповѣдуетъ соглашеніе съ Франціей. Всѣ эти нападки дѣло Горчакова и Жомини. Надо ихъ уличить въ нашей печати и представить картинку того, что Россія намъ должна, и что мы ей должны. Въ 1813 году Россія намъ помогала, но въ своихъ интересахъ. Въ 1815 году она помѣшала какому бы то ни было устройству Германіи, потому что это противорѣчило планамъ Александра, хотѣвшаго устроить Европу по-своему. Когда же мы стали просить какого нибудь вознагражденія, то намъ ничего не дали, и Россія извлекла выгодъ болѣе, чѣмъ мы, хотя мы всего болѣе рисковали и принесли наиболѣе жертвъ. Въ 1828 году мы оказали услугу Россіи по случаю ея войны съ Турціей, организовали миссію Муффлинга, которая вывела ее изъ затрудненія. Въ благодарность за это Россія хотѣла въ 1830 г. напасть на насъ въ союзѣ съ Франціей съ цѣлью предоставить послѣдней лѣвый берегъ Рейна. Только іюльская революція помѣшала успѣху этого хорошенькаго плана. Въ 1847 г. мы усмирили возстаніе въ Познани на пользу Россіи. Въ 1854 г. во время Крымской кампаніи мы остались нейтральными, тогда какъ Австрія, которой Россія постоянно оказывала помощь, присоединилась къ западнымъ державамъ. Въ 1863 г. въ эпоху польскаго возстанія, поощряемаго Австріей и западными державами, мы заступились за Россію и не дали осуществиться дипломатическому вмѣшательству Европы. Правда, въ 1866 и 1870 г. Россія не нападала на насъ, но войны, которыя мы тогда вели, были ей на руку: первая мстила за нее Австрію, а въ послѣдней она приняла нашу сторону съ цѣлью не допустить Австрію до союза съ Франціей, что могло бы кончиться помощью Польшѣ съ ихъ стороны. Къ тому же услуга, оказанная намъ Россіей въ 1870 г., была немедленно вознаграждена тѣмъ, что на Лондонской конференціи мы добились для нея отмены Парижскаго трактата, чего безъ насъ никогда не добились бы Россія отъ Франціи и Англіи».

Охарактеризовавъ совершенно ложно отношенія Пруссіи къ Россіи, такъ какъ въ дѣйствительности первая никогда не оказывала услугъ послѣдней, а, напротивъ, постоянно эксплуатировала ее въ свою пользу, желѣзный канцлеръ вылилъ всю свою злобу на петербургскаго соперника. «Горчаковъ,—продолжалъ онъ,—ведетъ политику не національную, а личную свою, и обращается съ нами, какъ съ врагами. Онъ стремится къ тому только, чтобъ заслужить похвалы

иностранныхъ газетъ, преимущественно парижскихъ. Всѣ его сочувствія сосредоточены на Франціи, и онъ постоянно беретъ на себя роль ея защитника. Союзъ трехъ императоровъ его удовлетворялъ только на время. Съ 1874 года онъ началъ дѣлать глазки Франціи, и если его авансы не привели ни къ чему, то въ этомъ виновата Франція, а не Россія. Эта политика достигла своего апогея въ 1875 и 1877 гг., когда распространился слухъ, что Горчаковъ спасъ Францію отъ новаго нападенія Германіи, и онъ началъ одну изъ своихъ циркулярныхъ депешъ знаменитой фразой: «Теперь обезпеченъ миръ!» Политика Горчакова—не политика Александра II, но онъ популяренъ въ Россіи, несмотря на свою старость, дряхлость. Напишите все это въ своей статьѣ и прибавьте, что, какъ политическій дѣятель, онъ былъ всегда дуракомъ. Въ послѣдніе четыре года всѣ его дѣйствія были внушены личными соображеніями и не представляютъ ничего блестящаго. Въ своей политикѣ относительно Австріи и Румыніи онъ также не достигъ большихъ результатовъ. Въ Бухарестѣ онъ провелъ шесть мѣсяцевъ, и что, вы думаете, онъ дѣлалъ тамъ все это время! Бѣгалъ за женщинами. Прекрасный полъ—вотъ дѣла, которыми онъ наиболѣе занимался».

Отъ Горчакова вражда Бисмарка перешла къ Россіи, и въ концѣ того же года вотъ что онъ высказалъ Бушу: «Вся наша бѣда происходитъ отъ страсти императора къ Россіи. Я также своими симпатіями русскій, но не до ослѣпленія, какъ онъ. Вильгельмъ не хочетъ ничего знать, ничего слышать; никакіе аргументы, никакія разсужденія на него не дѣйствуютъ. Онъ ѣздилъ въ Александрово (на свиданіе съ русскимъ императоромъ), несмотря на всѣ мои старанія его удержать. А въ это время въ Россіи происходили большія военныя приготовленія; она увеличила свою армію на 400.000 человекъ, и у нея теперь почти столько же солдатъ въ мирное время, какъ въ Германіи. Императоръ все это знаетъ, но не хочетъ вѣрить факту. Ему вскружили голову въ Александровѣ сентиментальными разсказами о королевѣ Луизѣ, и онъ не хочетъ видѣть опасности. А она мозолитъ глаза. Въ Петербургѣ открыто говорятъ, что надо во что бы то ни стало овладѣть Константинополемъ, и что дорога туда идетъ черезъ Берлинъ и Вѣну. Конечно, намъ пріятнѣе сохранить соглашеніе съ Россіей и Австріей, но если придется въ случаѣ необходимости выбирать между ними, то мы остановимся на Австріи, а императоръ, значительно опустившійся физически и умственно, не хочетъ этого понять». Относительно же заключенія трактата съ Австріей желѣзный канцлеръ отозвался 9 марта 1880 года слѣдующимъ образомъ: «Въ Петербургѣ думали, что мы безъ всякихъ условій примемъ на себя защиту ихъ интересовъ и слѣпо поддержимъ всѣ ихъ требованія на Берлинскомъ конгрессѣ. Но это было невозможно, тѣмъ болѣе, что половина ихъ требованій была не справедлива, а остальная опасна. Русскіе тогда

сдѣлались дерзкими, повелительными и дошли до угрозъ. Я сталъ беспокоиться, очень беспокоиться. Видя положеніе, принятое Россіей, я подумалъ, что она заключила союзъ съ Австріей, въ случаѣ чего къ нимъ примкнула бы Франція, а, можетъ быть, и Англія, которая всегда беретъ сторону сильнаго. Я былъ очень встревоженъ, но въ Гаштейнѣ Андраши меня успокоилъ, доказавъ, что между Австріей и Россіей не произошло никакого соглашенія. Мы тогда съ нимъ порѣшили насчетъ нашего трактата, и австрійскій императоръ энергично высказался за него. Но нашъ грубо воспротивился. Онъ хотѣлъ принести въ жертву спасеніе родины на алтарь русской дружбы. Онъ не признавалъ, что русскіе были чрезвычайно нахальны и коварны, хотя всѣ съ этимъ согласились, и эрцгерцогъ Альбрехтъ, бесспорно руссофилъ, сказалъ Андраши: «Я радуюсь австро-германскому союзу, потому что русскіе послѣдніе интриганы»... Наконецъ онъ уступилъ; дѣло было покончено, и я надѣюсь, что оно прочно».

Дѣйствительно, дѣло было совершено, и прежнія дружескія отношенія между Германіей и Россіей уже никогда болѣе не возобновлялись, а союзъ трехъ императоровъ замѣнился другимъ тройственнымъ союзомъ. Однако, новое вѣроломство, которое прибавилъ въ 1879 году Бисмаркъ къ длинному ряду прежнихъ подобныхъ поступковъ, не имѣло, какъ онъ полагалъ, прочнаго характера, и, спустя семь лѣтъ, онъ нашелъ нужнымъ заключить съ Россіей такъ называемый германо-русскій нейтралитетскій договоръ, который почти уничтожилъ значеніе договора съ Австріей и хранился въ тайнѣ до того времени, какъ самъ Бисмаркъ разгласилъ о немъ два года тому назадъ, въ виду чего на него посыпались укоры въ измѣнѣ Австріи. Разговаривая съ Бушемъ 29-го сентября 1888 года, Бисмаркъ упомянулъ, что одно время между Россіей и Германіей существовалъ тайный, уже потерявшій тогда силу, трактатъ нейтральности Германіи въ случаѣ войны между Россіей и Англіей, но къ какому времени относился этотъ трактатъ, остается неизвѣстнымъ. Во всякомъ случаѣ, при Александрѣ III отношенія между бывшими союзными государствами совершенно охладѣли, хотя Бисмаркъ и увѣрялъ Буша, что Александръ III имѣлъ къ нему безграничное довѣріе. Вообще Бисмаркъ сочувственно отзывался объ Александрѣ III и называлъ его «хорошимъ, простымъ, рыцарски настроеннымъ нравственнымъ чловѣкомъ и прекраснымъ отцемъ семейства». Въ «Мысляхъ и воспоминаніяхъ» онъ указываетъ на милостивыя отношенія къ нему Александра III въ Скерневицахъ, Берлинѣ и Копенгагенѣ, гдѣ ему удалось, какъ онъ увѣряетъ, уничтожить интригу, подведенную противъ него и надѣлавшую столько шума. По этому случаю русскій императоръ высказалъ замѣчательное предвидѣніе, онъ спросилъ, былъ ли канцлеръ увѣренъ въ твердости своего положенія при молодомъ императорѣ, такъ какъ тогда уже царствовалъ Вильгельмъ II,

и Бисмаркъ отвѣтилъ, что онъ вполне убѣжденъ въ довѣріи императора, а также что онъ никогда не будетъ удаленъ отъ должности помимо своей воли. «Александръ III поздравилъ меня, прибавляетъ Бисмаркъ, съ моею увѣренностью, но, казалось, не раздѣлялъ ея».

Во всякомъ случаѣ и несмотря на замѣну князя Горчакова Гирсомъ, Бисмарку послѣ берлинскаго трактата и соглашения съ Австріей уже болѣе не удавалось вести на помсчахъ русскую политику, и если онъ еще по временамъ и вступалъ съ русскимъ правительствомъ въ сдѣлки, то это только доказываетъ, что онъ всячески принималъ мѣры къ огражденію Германіи отъ франко-русскаго союза, къ которому, онъ даже опасался, могла примкнуть и Австрія. Одну изъ послѣднихъ главъ второго тома своихъ мемуаровъ, онъ называетъ «Будущая политика Россіи», и въ ней рассматриваетъ вопросъ о вѣроятности войны между Россіей и Германіей. По его мнѣнію, подобная война никогда не сдѣлается необходимою для Германіи, а Россія слишкомъ благоразумна, чтобы, окончивъ свои военныя приготовленія, начать войну съ Германіей или съ Австріей, только для того, чтобы доставить занятіе своей обширной арміи.

Такимъ образомъ изъ всего сказаннаго ясно видно, что политика Бисмарка въ отношеніи Россіи, съ самаго начала до конца, была враждебна послѣдней и только прикрывалась лицемѣрной маской дружбы.

V.

Подвести итоги политической дѣятельности Бисмарка и опредѣлить ея результаты не трудно.

Тридцать лѣтъ желѣзный канцлеръ господствовалъ въ Германіи и двадцать лѣтъ въ Европѣ; онъ превратилъ Пруссію и ея стараго, слабого, нерѣшительнаго короля въ Германскую имперію и могущественнаго императора; онъ постепенно унизилъ Данію, Австрію, Францію и отчасти Россію; внутри Германіи онъ велъ ожесточенную борьбу съ парламентомъ, клерикалами и социалистами; наконецъ, онъ обратилъ всю Германію и всю Европу въ громадный военный лагерь. Вотъ все, что онъ сдѣлалъ и тѣмъ онъ можетъ похвалиться. Но насколько эти подвиги приносятъ ему честь, можно судить, какъ по ихъ существу, такъ и по ихъ результатамъ.

Не можетъ быть сомнѣнія, что долговременное господство Бисмарка на своей родинѣ и въ Европѣ доказываетъ его громадныя, государственныя способности. Но въ сущности этимъ господствомъ только удовлетворялось его личное самолюбіе, потому что воздвигнутое имъ зданіе оказалось построеннымъ на пескѣ. Конечно, онъ, а не Вильгельмъ, который былъ послушнымъ орудіемъ въ его рукахъ, создалъ Германскую имперію, но, если мы взглянемъ на нее въ настоящее время, то принуждены признать, что она не отвѣчаетъ тѣмъ надеж-

дамъ, которыя онъ самъ возлагалъ на прочность своего дѣтища. Съ внѣшней стороны могущество Германіи далеко теперь не то, какъ прежде, и тройственный союзъ вполнѣ распатанъ, а напротивъ двойственный, русско-французскій союзъ служить постоянной угрозой Бисмарковской Германіи.

Внутри Бисмарковская имперія дала еще болѣе трещинъ. Онъ самъ признавалъ, что достигъ лишь единства Германіи, а не ея единенія. Но и это чисто-официальное единство теперь уже болѣе никого не удовлетворяетъ. На повѣрку выходитъ, что онъ даже въ узкомъ значеніи этого слова не соединилъ Германію, а только увеличилъ предѣлы Пруссіи на счетъ ея сосѣдей и насильственно ввелъ въ ея составъ остальныхъ нѣмцевъ. Существуетъ легенда, что, находясь въ Петербургѣ, онъ однажды увидаль на Васильевскомъ островѣ драку двухъ пьяныхъ нѣмцевъ и, позвавъ городского, приказалъ ихъ отправить въ участокъ; а когда они стали его упрекать за его анти-нѣмецкій поступокъ, то онъ будто бы отвѣчалъ: «Что же дѣлать, я давно пришелъ къ убѣжденію, что примирить и объединить нѣмцевъ можетъ только одинъ участокъ». Роль участка въ дѣлѣ созданія германскаго единства Бисмаркъ предоставилъ Пруссіи, но, повидимому, нѣмцамъ не нравится, что ихъ огульно свели въ участокъ и подчинили Пруссіи съ ея милитаризмомъ и бюрократизмомъ. Въ послѣдніе годы то, что Бисмаркъ называлъ проклятымъ партикуляризмомъ, и что въ сущности составляетъ благородное сознаніе мѣстной самостоятельности,—стало все болѣе и болѣе проявляться во всѣхъ углахъ Германіи, и не далеко то время, когда совершенно порвется сшитый на живую нитку «Тришкинъ кафтанъ», названный по ошибкѣ единой Германіей, а заслуживающій лишь клички Бисмарковщины.

Если, такимъ образомъ, оказывается, что созданная желѣзнымъ канцлеромъ имперія далеко не удовлетворила ни его расчетовъ, ни надеждъ его соотечественниковъ, то даже онъ обманулъ и относительно своего личнаго самолюбія, такъ какъ былъ удаленъ отъ кормила правленія той самой властью, которую онъ возвысилъ до апогея. Правда, онъ былъ прогнанъ, по его собственному выраженію, какъ собака, не своимъ «старымъ господиномъ», а его внукомъ, но все-таки этотъ внукъ былъ его ученикомъ и дѣйствовалъ на основаніи его же принципа: сила выше права. Чтобы отомстить за опалу, онъ приказалъ написать на своей гробницѣ, что теперь и сдѣлано, въ присутствіи Вильгельма II: «Вѣрный нѣмецкій слуга императора Вильгельма I», но эта надпись, долженствовавшая указывать, что онъ былъ слугою только Вильгельма I, а не Вильгельма II, краснорѣчиво характеризуетъ всю политическую дѣятельность Бисмарка. По его собственному сознанію, онъ служилъ одному человѣку, а не народу, идеѣ или человѣчеству. Мало того, въ эту надпись вкралась ошибка, которую вполнѣ разъясняютъ мемуары

Бисмарка и его бесѣды съ Бушемъ. Онъ даже не былъ вѣрнымъ слугой «своего господина», такъ какъ онъ самъ признается, что покушеніе Нобелинга на жизнь Вильгельма было счастьемъ для Германіи, потому что иначе онъ не добился бы своей цѣли на берлинскомъ конгрессѣ, а по свидѣтельству его начальника канцеляріи Видемана, узнавъ объ этомъ событіи, онъ не спросилъ, живъ ли Вильгельмъ, а самодовольно воскликнулъ: «Теперь мы распустимъ рейхстагъ». Въ виду этихъ фактовъ нельзя не прийти къ заключенію, что Бисмаркъ былъ слугою даже не Вильгельма I, а самого себя, и слѣдовательно, покончивъ жизнь далеко отъ власти и въ оскорбительномъ для него униженіи, онъ не достигъ даже удовлетворенія своего собственнаго самолюбія.

Точно также неудачны оказались результаты борьбы желѣзнаго канцлера извнѣ и внутри. Своей внѣшней политикой онъ стремился унизить Данію, Австрію, Францію и Россію, а въ концѣ концовъ Данія процвѣтаетъ и безъ отнятой у нея Шлезвиг-Гольштиніи; Австрія остается попрежнему великой державой, а Франція и, Россія значительно усилившись и заключивъ между собою союзъ, противъ чего такъ энергично ратовалъ Бисмаркъ, вполне ступали грозное вліяніе его любимаго дѣтища, тройственнаго союза. Внутри Германіи онъ велъ ожесточенную борьбу съ парламентомъ, съ клерикалами и съ социалистами; повидимому, онъ одержалъ побѣды со всѣми своими врагами. Рейхстагъ и ландтагъ раболѣпно исполняли его волю за исключеніемъ незначительной оппозиціи, которую онъ, гордо презиралъ. Клерикалы были сначала имъ совершенно уничтожены, а когда они ему понадобились, и ему пришлось пойти въ Каносу, то они вступили съ нимъ въ сдѣлку и стали его поддерживать. Соціалистовъ онъ преслѣдовалъ драконовскими законами и административными репрессивными мѣрами, отъ которыхъ, какъ казалось, нельзя было никуда спастись. Но прошли года: Бисмаркъ томился и умеръ въ опалѣ, а германскій парламентъ, гордо поднявъ голову, самъ ведетъ успѣшную борьбу съ его преемниками; клерикалы располагаютъ большинствомъ въ рейхстагѣ, а социалисты, значительно увеличивъ свою численность и вліяніе, терпѣливо ждутъ того дня, когда станутъ разыгрывать господствующую роль.

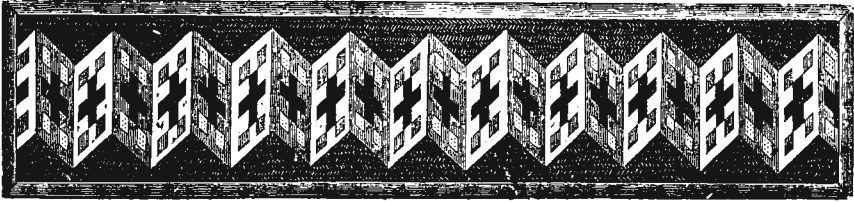
Одно совершенное Бисмаркомъ дѣло, именно превращеніе Германіи и Европы въ громадный военный лагерь, казалось до послѣдняго времени твердымъ и не поколебимымъ. Могъ ли онъ гордиться этимъ дѣломъ, вопросъ другой, и на это лучшимъ отвѣтомъ могутъ служить цифры, доказывающія, что стоилъ Европѣ Бисмаркъ. По расчету французскаго ученаго Торри его статья, помѣщенной въ «Economiste europeen», общій европейскій военный бюджетъ въ 1865 году до Садовы равнялся 2.574.200.000 франковъ, а въ 1897—1898 годахъ онъ возросъ до 4.596.000.000 франковъ. Если же со-

считать всю сумму военныхъ расходовъ за эти 33 года, то окажется, что Бисмаркъ стоилъ Европѣ 45 милліардовъ франковъ, уже не говоря о томъ, что въ это время народное богатство Европы теряло по крайней мѣрѣ по милліарду въ годъ, благодаря потерѣ рукъ, отвлеченныхъ солдатчиной. Но судьбѣ не было угодно, чтобы на челѣ желѣзнаго канцлера остались и эти мрачныя лавры. Ровно 10 мѣсяцевъ послѣ смерти этого героя милитаризма созвана въ Гаагѣ конференція для разоруженія, и какой бы ни былъ ея результатъ, но одинъ фактъ созванія ея составляетъ окончательный ударъ, низвергающій созданное Бисмаркомъ зданіе, тѣмъ болѣе, что онъ гордо заявлялъ невозможность подобной конференціи, когда ее предложилъ въ рейхстагѣ двадцать лѣтъ тому назадъ вюртембергскій депутатъ, Бюллеръ.

Единственнымъ выводомъ ихъ этого подведенія итоговъ и результатовъ блестящей по виѣшности и безплодной по существу политической дѣятельности желѣзнаго канцлера могутъ служить три слова—это былъ анахронизмъ. Дѣйствительно, онъ скорѣе походилъ на средневѣковаго мажордома, чѣмъ на современнаго политическаго дѣятеля, и Клемансо вполне справедливо характеризовалъ значеніе такой случайной отрыжки пропедшаго въ наши дни слѣдующими словами, которыми мы и кончимъ нашъ очеркъ: «Бисмаркъ болѣе ничего, какъ аэролитъ минувшихъ вѣковъ, неожиданно упавшій въ нашъ вѣкъ. И сколько бѣдствій натворило паденіе этого аэролита среди насъ. Однако, несмотря на причиненный имъ вредъ, человѣчество продолжаетъ идти неустанно своимъ путемъ. Въ мрачной чащѣ будущаго мыслители прорубили широкую просѣку, и если законъ природы допускаетъ по временамъ вторженіе на эту свѣтлую просѣку грубыхъ варваровъ, то по тому же закону въ концѣ концовъ эти варвары, обоготворяющіе силу, дѣлаются жертвами той же силы, а два великіе свѣточа человѣчества: справедливость и свобода, очищаютъ эту просѣку отъ временно застывшей ея кровавой мглы».

В. Т.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Востокъ христіанскій. Александрійская патриархія. Сборникъ матеріаловъ, изслѣдованій и записокъ, относящихся до исторіи Александрійской патриархіи. Томъ I. Составленъ епископомъ Порфиріемъ Успенскимъ. Изданіе императорской академіи наукъ подъ редакціей Хр. М. Лопарева. Спб. 1898.

НАМЕНІТЫЙ русскій ученый и путешественникъ, приснопамятный въ лѣтописяхъ науки, епископъ Порфирій Успенскій († 19-го апрѣля 1885 года), оставилъ послѣ себя богатѣйшее учено-литературное наслѣдство. Часть этого наслѣдства, и весьма значительная, уже извѣстна въ печати, другая же, не менѣе значительная половина его литературныхъ трудовъ, была по завѣщанію передана покойнымъ ученымъ въ императорскую академію наукъ съ тѣмъ, чтобы академія постепенно издавала ихъ въ свѣтъ на проценты съ капитала, пожертвованнаго на это дѣло предусмотрительнымъ авторомъ. Исполняя завѣщаніе покойнаго іерарха, академія наукъ уже напечатала нѣсколько его произведеній, поступившихъ въ ея вѣдѣніе въ рукописномъ видѣ, наиримѣръ: третью часть «Исторіи Аевинъ», «Путешествіе въ Метеорскіе и Оссоолимпійскіе монастыри», «Книгу бытія моего». Предъ нами теперь новый трудъ знаменитаго ученаго, касающійся церковно-гражданской исторіи александрійскаго патриархата въ Египтѣ. Кто знакомъ съ наличною русскою, да и иностранною, литературою по церковной исторіи Египта, тотъ не можетъ съ удовольствіемъ не привѣтствовать появленіе въ свѣтъ одного изъ капитальныхъ трудовъ касательно этой исторіи, написаннаго, правда, много лѣтъ тому назадъ, но имѣющаго въ русской наукѣ значеніе труда новаго и оригинальнаго, составленнаго авторомъ на основаніи многихъ вновь имъ открытыхъ и впервые утилизиро-

ванныхъ матеріаловъ и на основаніи весьма продуктивнаго и богатаго наблюденіями и впечатлѣніями личнаго опыта автора-путешественника и очевидца. Новый трудъ епископа Порфірія изданъ подъ редакціей не безызвѣстнаго у насъ молодого ученаго Х. М. Лопарева и при наблюденіи академиковъ: В. Г. Васильевскаго, П. В. Никитина и В. К. Ернштедта.

Книга «Александрійская патріархія» состоитъ изъ предисловія г. редактора и восьми главъ изслѣдованія. Въ предисловіи (стр. I—СХХVII) къ изслѣдованію редакторъ, сказавши нѣсколько словъ о внѣшней судьбѣ книги, помѣстилъ свой очеркъ исторіи александрійскихъ патріарховъ, гдѣ вкратцѣ изложилъ жизнь и дѣятельность каждаго изъ нихъ, пользуясь частью матеріалами епископа Порфірія, частью свѣдѣніями другихъ писателей, иностранныхъ и русскихъ. Очеркъ начинается рассказомъ о дѣятельности въ Египтѣ св. Марка, перваго александрійскаго епископа (40—62 г.), и заканчивается сообщеніемъ о современномъ александрійскомъ патріархѣ Софроніи IV (съ 1870 г.). Очеркъ, бесспорно, представляетъ немалое значеніе, какъ по своей цѣльности и компактности, такъ и по любопытному и малоразработанному у насъ содержанію. Изъ него видно, что православный александрійскій патріархатъ имѣлъ чрезвычайно сложное прошлое, испыталъ много тяжелыхъ потрясеній. Основанный въ Египтѣ, онъ, казалось, имѣлъ задачу просвѣтити свѣтомъ христіанства всю Африку. Но съ первыхъ же вѣковъ христіанство подверглось здѣсь жестокому преслѣдованію язычества, а потомъ въ самомъ сердцѣ александрійскаго православія появились различныя ереси, которыя вызвали сильнѣйшую рознь въ населеніи. Возникли двѣ туземныя церкви — яковитская и мельхитская, имѣвшія перемѣнный успѣхъ въ своей борьбѣ. Въ VII вѣкѣ Египетъ былъ завоеванъ магометанами, и положеніе здѣсь христіанскихъ партій рѣзко обрисовалось: мельхиты (греки), не порвавшіе связи съ Византіей и оказавшіе сопротивление арабскому оружію, подверглись страшному преслѣдованію, тогда какъ яковиты (копты), перешедшіе на сторону мусульманъ, получили въ Египтѣ привилегированное положеніе. Православіе около столѣтія не имѣло своихъ представителей и стояло на краю гибели; между тѣмъ яковитская церковь росла и крѣпла: она распространила свое вліяніе на Эѳіопію и подчинила ее своему духовному авторитету. Но и ея цвѣтущее состояніе продолжалось недолго. Въ VIII вѣкѣ православная церковь нѣсколько оправилась. Взаимная борьба обѣихъ партій подъ арабскимъ господствомъ также не могла содѣйствовать процвѣтанію патріархата. Съ XIII вѣка замѣчается въ Египтѣ латинское вліяніе, которому въ извѣстной степени подпадаетъ яковитская церковь, появляются латинскіе александрійскіе патріархи. Въ XVI вѣкѣ Египетъ былъ занятъ турками. Положеніе патріархата еще болѣе ухудшилось. Продажность турецкихъ чиновниковъ дала мѣсто всевозможнымъ интригамъ, и православные патріархи должны были многое переносить, какъ отъ произвола самого правительства, такъ и отъ богатыхъ латинянъ и яковитовъ. Чувствуя ненависть къ папизму и всячески противодѣйствуя латинскому вліянію, александрійскіе патріархи выступили на защиту православія путемъ литературнымъ, но при этомъ усвоили литературныя приемы лютеранъ и кальвинистовъ въ ихъ полемикѣ съ латинянами. Поэтому въ ихъ сочиненіяхъ, направленныхъ

противъ латинянъ, отразился духъ протестантства (Кирилль Лукарисъ). Но во второй половинѣ XVII вѣка александрійскіе патріархи были уже строго православными. Получая сравнительно большіе доходы отъ своихъ угровлашскихъ имѣній и щедро вспомооществуемый Россією, патріархатъ немного оправился. Но учрежденіе въ XVIII вѣкѣ «палестинскихъ штатовъ» повело къ сокращенію доходовъ изъ Россіи, бѣдственный 1821 годъ нанесъ ударъ доходамъ изъ Угровлахіи, а румынская секуляризація монастырскихъ имуществъ 1863 года въ корни подорвала матеріальныя средства александрійскаго престола. Нынѣ александрійскій патріархатъ занимаетъ самое скромное мѣсто, какъ по своему территориальному объему и численности православной паствы, такъ и по денежнымъ своимъ средствамъ. Но онъ и теперь представляетъ одинъ изъ крѣпкихъ устоевъ православія. Много вѣковъ Россія охраняла александрійскую церковь отъ опасностей внѣшнихъ и внутреннихъ, не должна она оставлять ее и теперь. Вообще дѣйствія Россіи въ Египтѣ по дѣламъ церковнымъ должны идти въ согласіи съ дѣйствіями патріархіи. Необходимо также имѣть въ виду и завѣтъ, оставленный приснопамятнымъ іерархомъ Порфиріемъ Успенскимъ и состоявшій въ признаніи совершенной необходимости продолжить переговоры о соединеніи церкви коптской (а теперь — и абиссинской) съ греко-россійской вселенской церковью. Въ этомъ — задача Россіи въ Египтѣ.

Первая глава изслѣдованія (стр. 1—13) содержитъ такъ называемый Діонисіевскій каталогъ александрійскихъ патріарховъ, гдѣ сдѣланъ перечень 113 патріарховъ съ краткими замѣчаніями объ ихъ дѣятельности. Списокъ былъ составленъ для епископа Порфирія въ 1845 году въ Каирѣ архидиакономъ патріарха Іерооея Діонисіемъ, на основаніи одного стариннаго кодекса патріархіи.

Во второй главѣ (стр. 13—15) помѣщенъ такъ называемый патріаршій каталогъ александрійскихъ патріарховъ (числомъ 19), то-есть, извлеченный изъ древняго кодекса, находящагося въ патріархіи. Списокъ сопровождается краткими замѣчаніями о дѣлахъ каждаго патріарха.

Въ третьей главѣ (стр. 15—66) содержатся выписки, относящіяся до нѣкоторыхъ александрійскихъ патріарховъ, въ періодъ времени отъ 1517 года, когда Египетъ былъ завоеванъ турками, до 1805 г. Выписки сдѣланы, какъ изъ рукописныхъ памятниковъ, найденныхъ епископомъ Порфиріемъ въ библиотекѣ Александрійской патріархіи, такъ и изъ печатныхъ изданій, болѣе или менѣе цѣнныхъ и рѣдкихъ, каковы, напримѣръ: «Церковная исторія» Мелетія, митрополита аѣинскаго, «Tugogaesia» М. Крузія, «Исторія Іерусалимскихъ патріарховъ» Досноея, «Исторія» Аѣанасія Комнина и другія. Выписки касаются десяти александрійскихъ патріарховъ и имѣютъ свое значеніе. Нѣкоторыя изъ нихъ (заимствованныя изъ рукописей) являются въ печати въ первый разъ.

Глава четвертая (стр. 66—117) заключаетъ въ себѣ изслѣдованія епископа Порфирія о первыхъ александрійскихъ патріархахъ, занимавшихъ патріаршій престолъ въ періодъ времени отъ 40-го до 311 года. Здѣсь сначала перечисляются источники, которыми авторъ пользовался при составленіи своего трактата (труды: Ренодота, Ванслеба, Іоанна Батисты Солерія, Елмачина, Ма-

кризи, Абул-Фараджа, Михаила Геддеса, Ла-Крозъ и другихъ), а затѣмъ слѣдуютъ обстоятельныя научныя сообщенія о 17-ти александрійскихъ патріархахъ указанного періода.

Въ главѣ пятой (стр. 118—288), наиболѣе для насъ любопытной, описываются сношенія александрійскихъ патріарховъ съ Россією, въ періодъ времени отъ 1533 до 1867 года, а именно патріарховъ: Иоакима, Сильвестра, Мелетія, Кирилла, Герасима I, Никифора, Иоанникія, Паисія, Парөөнія, Герасима II, Самуила, Косьмы, Матѳея, Іероѳея I и II, Каллиника, Іакова и Никанора. Здѣсь приводятся подлинныя посланія и грамоты, которыя александрійскіе патріархи присылали русскому правительству. Большая часть помѣщенныхъ здѣсь документовъ издается въ печати въ первый разъ. Значеніе ихъ — внѣ всякаго сомнѣнія. На основаніи ихъ можно составить ясное и полное представленіе о характерѣ сношеній александрійскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ въ XVI—XIX вѣкахъ. Изъ обзора документовъ видно, что цѣлью сношеній было испрошеніе у русскаго правительства матеріальной милостыни и нравственно-политической помощи. Положеніе Александрійской патріархіи, дѣйствительно, было весьма тяжелое, и поддержка со стороны единовѣрной Россіи была для нея совершенно необходима. Вотъ, для примѣра, выдержка изъ просительнаго письма къ государю императору Николаю Павловичу, написаннаго патріархомъ Іероѳеемъ II въ 1850 году: «Всемилютейшій государь! Православнымъ христіанамъ, обитающимъ въ городахъ Египта, недостаетъ многихъ общепользныхъ заведеній. Только въ Каирѣ есть у насъ одно училище и въ Александріи два, одно для мальчиковъ, а другое для дѣвочекъ, и одна больница. Эти заведенія содержатся иждивеніемъ нашей каѳедры. Но они далеко несовершенны по причинѣ скудости средствъ нашихъ. Къ тому же, храмъ въ честь Благовѣщенія, заложенный нами въ Александріи два года тому назадъ, сооруженъ только до половины. Въ прочихъ же городахъ, — Даміеттѣ, Розеттѣ и Суэзѣ, — вовсе нѣтъ никакихъ заведеній, и тамъ же чувствуется нужда въ священныя храмахъ, сосудахъ, иконахъ и церковныхъ книгахъ» (стр. 266). А вотъ возмутительный фактъ насилія, коему подвергся александрійскій патріархъ Никаноръ въ 1867 году, — ярко рисующій тяжелое положеніе александрійскихъ патріарховъ даже въ недавнее время. Одинъ архимандритъ, Евгеній Данкосъ, возымѣлъ сильное желаніе занять александрійскую патріаршую каѳедру. Склонивъ на свою сторону египетское правительство, Евгеній съ помощью золота и обѣщаній привлекъ къ себѣ и нѣкоторыхъ представителей высшей церковной власти греческаго Востока. Пріѣхавъ въ Александрію, Евгеній съ отрядомъ конницы и множествомъ вооруженныхъ «безумцевъ-головорѣзовъ» явился въ патріархію. Но патріархъ Никаноръ отвергъ его и предалъ отлученію отъ церкви. Евгеній удалился въ Благовѣщенскій храмъ, поселился здѣсь и «воздвигъ отсюда брань на церковь и престоль нашъ, пользуясь всѣми сатанинскими средствами, пренебрегая отлученіемъ отъ церкви и запрещеніемъ въ священнодѣйствіи». Между тѣмъ патріархъ Никаноръ отправился по дѣламъ въ Каиръ. Сюда явился и Евгеній, требуя признанія его въ званіи патріаршаго мѣстоблюстителя. Здѣсь сторонники Евгенія обманомъ и хитростью схватили митрополитовъ — еивандскаго

Мелетія и ливійскаго Аѳанасія, приверженцевъ Никанора, и отправили ихъ въ неизвѣстную ссылку. Въ патріархію, гдѣ пребывалъ Никаноръ, явились градоначальникъ Каира и полицеймейстеръ съ отрядомъ солдатъ до 400 человекъ и опять предложили Никанору принять Евгенія. Никаноръ, окруженный многочисленными своими сторонниками, оставался непреклоненъ, признавая дѣйствія Евгенія антиканоническими. «Тогда градоначальникъ крикнулъ потурецки — «вуруну», то-есть бейте! И солдаты, доносили патріархъ Никаноръ оберъ-прокурору святѣйшаго синода А. Н. Муравьеву, съ бѣшеною яростью напали на безоружныхъ христіанъ съ палками, дубинами и оружіемъ; и въ эту минуту, увы! патріархія и дворъ храма стали театромъ достопаечнаго побоища, жалкимъ зрѣлищемъ, трагическою и кровавою сценою, которая производила ужасъ и трепетъ во всякомъ чувствительномъ и богобоязненномъ человекѣ. Мы, нашъ митрополитъ триполійскій Теофанъ и два монаха — послушники наши, потерпѣли ужасные и нестерпимые палочные удары, постыдныя укоризны, обиды и мученія отъ фанатическихъ и бѣшенныхъ солдатъ и головорѣзовъ. Россійскій орденъ св. Анны 1-й степени, который украшалъ грудь нашу, былъ поруганъ, потоптанъ и изорванъ; оба монаха, полумертвые и истекающіе кровію, перенесены были христіанами въ горницы патріархія, гдѣ и лежали въ самомъ жалкомъ положеніи. Въ минуту палочныхъ побоевъ раздается отчаянный и заунывный вопль триполійскаго митрополита нашего, какъ вопль человека, котораго душать: во имя Бога, уважьте престарѣлаго патріарха, уважьте русскій орденъ, который онъ носитъ». Но варвары отвѣчали потурецки обычнымъ поруганіемъ: «Наплевать на вѣру гяура патріарха и на орденъ его». Наконецъ, нѣкоторые христіане, бросившись въ средину побоища, подхватили патріарха и митрополита, изнемогавшихъ отъ палочныхъ ударовъ, и отнесли ихъ въ сосѣднее училище, чѣмъ и спасли ихъ жизнь» (стр. 286). Однако, Евгенію не удалось занять патріаршую кафедру, и Никаноръ оставался патріархомъ до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1870 году.

Въ главѣ шестой разсматриваемой книги (стр. 289—304) описываются сношенія александрійскихъ патріарховъ съ Англіею въ XVII и XVIII вѣкахъ, предпринимавшіяся главнымъ образомъ по вопросамъ вѣры и съ цѣлью соединенія англиканской церкви съ восточною.

Въ главѣ седьмой (стр. 304—314) рѣчь идетъ о сношеніяхъ, по вопросамъ вѣры, коптской церкви, съ церквами антиохійскою и греческою, съ нубійцами и индійцами, въ теченіе V—IX вѣковъ.

Наконецъ, восьмая глава (стр. 314—315), имѣющая характеръ приложения, содержитъ въ себѣ сообщенія различнаго содержанія, какъ-то: о сношеніи александрійской церкви съ римскою, объ епархіяхъ александрійскаго патріархата, о состояніи его въ XVIII вѣкѣ и сношеніи съ англиканами, о положеніи христіанъ въ Египтѣ, Абиссиніи, Индіи и Месопотаміи и воссоединеніи канонъ съ православіемъ и прочее.

На послѣднихъ страницахъ книги (1—32) помѣщенъ указатель именъ, тщательно составленный г. Лопаревымъ.

Вновь изданный трудъ приснопамятнаго Порфирія Успенскаго имѣетъ зна-

ченіе у насъ труда новаго и оригинальнаго, составленнаго документально и по матеріаламъ достовѣрнымъ. Въ вѣнкѣ знаменитаго ученаго, сплетенномъ изъ богатыхъ и пышныхъ цвѣтовъ энциклопедической эрудиціи и колоссальнаго учено-литературнаго наслѣдства, прибавился новый роскошный цвѣтокъ, вполне гармонирующий съ общеевропейской славой нашего богослова-византолога.

Σ.

А. А. Сидоровъ. Русскіе и русская жизнь въ Варшавѣ (1815—1895). Историческій очеркъ. (Со снимками картинъ, портретовъ и медалей). Вып. I. Варшава. 1899.

Для будущаго историка русско-польскихъ отношеній втеченіе настоящаго вѣка предстоить задача хотя и трудная, за то весьма благодарная. Уже и теперь для характеристики этой области накопилось немало матеріала, главнымъ образомъ, въ видѣ записокъ и воспоминаній разныхъ лицъ (какъ русскихъ, такъ и поляковъ), которымъ выпало участвовать въ этомъ «спорѣ славянъ». Не нужно обладать особенно пылкимъ воображеніемъ, чтобы представить себѣ, до какихъ громаднхъ размѣровъ разросется этотъ матеріалъ, когда будутъ обнародованы дѣла правительственныхъ архивовъ, долженствующія пролить много свѣта для правильнаго пониманія событій особенно 1830—1831 и 1863 гг. Такимъ образомъ, на «скудость источниковъ» будущему изслѣдователю пожаловаться не придется; скорѣе его будутъ удручать чрезвычайное обиліе и неизбѣжная при этомъ разнорѣчивость ихъ.

Въ настоящее время, конечно, положеніе изслѣдователя указанной области не такъ благопріятно, и всякій читатель—надѣмся—вполнѣ снисходительно выслушаетъ заявленіе г. Сидорова, что его очеркъ, заглавіе котораго приведено выше, «являясь первымъ опытомъ въ этомъ родѣ, не чуждъ пробѣловъ и неточностей, избѣгнуть которыхъ вслѣдствіе многихъ причинъ было трудно». Стало быть, о «пробѣлахъ и неточностяхъ» и разговаривать нечего, коль скоро авторъ самъ дѣлаетъ о нихъ оговорку; коснемся лучше нѣкоторыхъ интересныхъ подробностей разсказа г. Сидорова о радостяхъ и печаляхъ жившей въ Варшавѣ горсти русскихъ.

Оставляя Варшаву послѣ своего коронованія въ 1829 г., императоръ Николай Павловичъ замѣтилъ императрицѣ, что они были на вулканѣ, который уже десять лѣтъ грозитъ изверженіемъ; этимъ замѣчаніемъ какъ нельзя лучше характеризуется та напряженность, которая господствовала тогда (а, можетъ быть, и доселѣ не исчезла) во взаимныхъ отношеніяхъ русскихъ и поляковъ. Почему такъ неблагопріятно сложились эти отношенія, чѣмъ вызывалась эта сначала скрытая, потомъ все болѣе возрастающая и наконецъ такъ бурно заклокотавшая непріязнь поляковъ къ русскимъ, кто былъ виновникомъ въ давномъ случаѣ,—этого г. Сидоровъ не объясняетъ, а между тѣмъ подобные вопросы сами собой напрашиваются при чтеніи очерка. И въ самомъ дѣлѣ: французы, не церемонясь, честили поляковъ «варварами», обращались грубо и заносчиво, подержка, оказанная Польшѣ Наполеономъ, вызывала иронію со стороны поля-

ковъ, остроумно выраженную въ популярномъ тогда стихотвореніи Мольскаго («да здравствуетъ возстановленная Наполеономъ Польша, но гдѣ она—знаетъ одинъ чортъ!»), тогда какъ русскіе чего-чего только не предпринимали, чтобы привлечь на свою сторону поляковъ—и все-таки въ результатѣ поляки питали преданность къ французамъ и раздраженіе противъ русскихъ. Въ частныхъ случаяхъ (особенно въ дни посѣщенія Варшавы царской фамиліей) это раздраженіе значительно смягчалось, что давало поводъ обѣимъ сторонамъ болѣе или менѣе громко говорить о примиреніи, но исчезало ли оно когда нибудь безъ остатка? Едва ли. Въ Варшавѣ постоянно чувствовалась сгущенная, грозная атмосфера, въ которой русскимъ дышалось не особенно привольно. Правда, было не мало русскихъ, вполне довольныхъ своимъ положеніемъ здѣсь, такъ какъ ихъ «располагало къ Варшавѣ то обстоятельство, что здѣсь они получали усиленные оклады, и жизнь въ то время въ Варшавѣ отличалась дешевизною»; равнымъ образомъ и «многіе русскіе офицеры нашли послѣ долгаго періода походовъ въ Варшавѣ мирное пристанище, и Варшава показала имъ, по выраженію Колзакова, какою-то счастливою Аркадіею» (с. 40), но, по справедливому замѣчанію г. Сидорова, Варшава влекла и располагала къ себѣ лишь людей «съ менѣе развитымъ политическимъ чувствомъ и чувствомъ національнаго достоинства». Чѣмъ выше былъ человекъ по своему общественному положенію, тѣмъ рѣзче бросалась ему въ глаза ненормальность существующихъ отношеній между русскими и поляками: Паскевичъ и Ермоловъ находили положеніе русскихъ въ Варшавѣ съ 1815 г. униженнымъ, а Новосильцовъ прямо-таки тяготился своимъ положеніемъ въ Варшавѣ. Вислѣдствіи то же самое начали испытывать и другіе: именно, къ концу 20-хъ годовъ, когда русско-польскія отношенія значительно обострились, и тѣ изъ русскихъ, которые раньше не чувствовали ненормальности тогдашняго положенія русскихъ въ Варшавѣ, стали испытывать на себѣ тягость этого положенія (с. 40). Какого рода была эта «тягость», лучше всего видно изъ слѣдующей фразы, содержащейся въ письмѣ кн. Адама Чарторыйскаго государю въ концѣ 1815 г.: «вся страна (царство Польское) ожидаетъ и нетерпѣливо ждетъ того дня, когда сообразно съ основаніями конституціи всѣ безъ изъятія русскіе чиновники покинутъ страну» (с. 20).

Довольно подробно говоритъ г. Сидоровъ о личности цесаревича Константина Павловича, стоявшаго во главѣ управленія краемъ, о его заботахъ, направленныхъ къ развитію дружественныхъ отношеній между русскими и поляками, и т. д.; новаго, впрочемъ, авторъ ничего не сказалъ. Въ предисловіи замѣчено, что нѣкоторыя свѣдѣнія, находящіяся въ очеркѣ, заимствованы авторомъ изъ архивныхъ документовъ, а также основаны на разсказахъ варшавскихъ русскихъ старожилловъ. Очень жаль, что г. Сидоровъ не оговорилъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, въ какихъ именно пунктахъ его очеркъ служитъ, такъ сказать, первоисточникомъ по исторіи трактующихъ событій: это весьма необходимо для будущихъ изслѣдователей, которымъ пришлось бы пользоваться очеркомъ г. Сидорова.

Настоящій первый выпускъ (всѣхъ выпусковъ предполагается три) заканчивается разсказомъ о катастрофѣ 1830 г. Рисунки довольно опрятны. Драма-

тизмъ событій, о которыхъ идетъ рѣчь въ очеркѣ, позволяетъ желать большей оживленности разсказа, который, между тѣмъ, страдаетъ нѣкоторой вялостью.

Б. Х.

Ал. Лазаревскій. Очерки, замѣтки и документы по исторіи Малороссіи. Вып. V. Кіевъ. 1899.

Настоящій выпускъ открывается довольно большою статьей: «Замѣтки о Мазепѣ», которая написана по поводу книги г. Уманца «Гетманъ Мазепа». Авторъ послѣдняго труда хотѣлъ «выдѣлать свѣтлыя точки въ политической и частной жизни Мазепы», «смыть сгущенныя общеою молвою темныя пятна на Мазепѣ». Мы уже имѣли случай говорить, насколько была неудачна попытка г. Уманца, пустившагося для своей цѣли въ область ничѣмъ не оправдываемыхъ догадокъ и предположеній. Г-нъ же Ал. Лазаревскій, благодаря своему обширному знакомству съ исторіей Малороссіей, документально и окончательно доказываетъ, что книга г. Уманца не болѣе какъ полусторическое, подубеллетристическое сочиненіе. Что у г. Уманца является положительнымъ свѣдѣніемъ, то сплошь и рядомъ на самомъ дѣлѣ далеко еще не доказано и даже не вѣрно. Догадки же его и толкованія крайне натянуты и очень часто противорѣчатъ историческимъ даннымъ. Но особенно осторожно надо относиться къ тѣмъ мѣстамъ книги г. Уманца, гдѣ онъ говоритъ о «духѣ времени», о «соціальному положеніи» крестьянства, объ «отношеніяхъ товариства къ посольству», о «грамотности» въ Малороссіи и т. п. Обо всемъ этомъ онъ трактуетъ, какъ доказываетъ г. Ал. Лазаревскій, на основаніи очень слабаго знакомства съ необходимой для этого литературой.

Въ слѣдующей статейкѣ: «Предки П. А. Кулиша», пользуясь документами, которые собрали Кулиши для доказательства своего дворянскаго происхожденія, авторъ приходитъ къ слѣдующему выводу: «первый извѣстный предокъ П. А. Кулиша былъ войсковою товарищъ Михайло Кулѣшенко (начало XVIII в.); у этого Михайла было два сына: Демьянъ и Иванъ, занимавшіе послѣдовательно уряды воронежскихъ куренныхъ атамановъ, при чемъ старшій братъ сталъ куреннымъ атаманомъ уже по смерти младшаго. У Ивана Михайловича Кулѣшка было тоже два сына: Яковъ и Андрей; первый получилъ при отставкѣ (1781 г.) чинъ сотеннаго атамана, а Андрей (дѣдъ П. А. Кулиша) не выходилъ изъ рядовыхъ казаковъ» (83 стр.).

Далѣе, г. Ал. Лазаревскій пересказываетъ съ болѣе или менѣе значительными выдержками анонимную поэму «Вогданъ Хмельницкій», появившуюся въ 1833 г. въ С.-Петербургѣ. До нея, говоритъ онъ, въ русской литературѣ существовало только два труда по исторіи Малороссіи: «Исторія Малой Россіи» Бантыша-Каменскаго да «Историческое повѣствованіе» о Хмельницкомъ Оедора Глинки, напечатанное въ 1816 г. въ его «Письмахъ къ другу».

Въ статьѣ: «Изъ семейной хроники Берловъ», авторъ на основаніи данныхъ изъ семейнаго архива Берловъ, точно устанавливаетъ происхожденіе этого рода и разсказываетъ о наиболѣе видныхъ его представителяхъ XVIII в., начиная съ переяславскаго полковаго судьи Ивана Берло. Въ приложеніи къ статьѣ помѣщено «духовное завѣщаніе» этого Ивана Берло, отъ 1717 г.

Послѣ этого помѣщенъ: «Рисункъ Ново-Петровскаго укрѣпленія Т. Гр. Шевченка» съ объясненіями и краткими воспоминаніями автора о Шевченкѣ во время его пребыванія въ Петербургѣ въ 1858 году.

Разсказывая затѣмъ о «Чепѣгѣ, Головатомъ и Котляревскомъ на Кубани», г. Ал. Лазаревскій пользуется недавно вышедшимъ четвертымъ томомъ «Сборника матеріаловъ по исторіи Кубанскаго казачьяго войска» И. И. Дмитренка.

Наконецъ, изъ послѣдней его статьи: «Замѣтки о портретахъ Мазепы», узнаемъ, что наиболѣе распространенный, со страницъ изданія «Исторія Малой Россіи» Бантыша-Каменскаго, Бекетовскій портретъ гетмана — «вовсе не портретъ Мазепы, а только слылъ за таковой», и что самымъ достовѣрнымъ изъ всѣхъ извѣстныхъ семи изображеній Мазепы должна быть признана Норбленовская гравюра, изображающая Мазепу «въ шапкѣ съ перьями, безъ усовъ и съ бороною, раздвоившеюся на два длинные клина». Снимокъ съ этой гравюры приложенъ къ настоящему выпуску «Очерковъ»... В. Р-въ.

А. В. Смирновъ. Уроженцы и дѣятели Владимірской губерніи, получившіе извѣстность на различныхъ поприщахъ общественной пользы. (Матеріалы для біо-библиографическаго словаря). Вып. 3-й. Владиміръ. 1899.

Въ своемъ отзывѣ о второмъ выпускѣ сборника г. Смирнова («Ист. Вѣстн.»-1898 г., № 10) мы указывали на то, что біографіи лицъ, имѣющихъ отношеніе до Владимірской губерніи единственно по мѣсту своего рожденія, не должны бы находиться въ книжкахъ г. Смирнова: не внося ничего новаго, онѣ только увеличиваютъ размѣры. Упомянувъ о нашемъ отзывѣ въ предисловіи къ третьему выпуску, почтенный изслѣдователь пишетъ: «сборникъ предназначается преимущественно для владимірцевъ, которымъ должно и нужно знать своихъ сородичей». Эти слова, конечно, — *ria desideria* автора, — человѣка, у котораго, какъ и у большинства провинціальныхъ изслѣдователей, въ высшей степени развито чувство областного самосознанія. Не будемъ входить въ принципиальные споры о томъ, въ какой мѣрѣ нужно поощрять развитіе этого чувства. Въ дѣйствительности же дѣло обстоитъ такъ: 99,9% владимірцевъ никогда не возымѣютъ желанія узнать своихъ сородичей и, слѣдовательно, не прочтутъ книжекъ г. Смирнова. Это — обыкновенная исторія: люди помнятъ только крупныя имена и не обременяютъ своей памяти именами рядовыхъ дѣятелей. Исторія этихъ дѣятелей будетъ ждать специалистовъ: имъ послужить она матеріаломъ для обобщеній въ области исторіи. И съ точки зрѣнія специалистовъ (а они то и будутъ читателями сборниковъ г. Смирнова) гораздо важнѣе помѣщеніе новыхъ свѣжихъ данныхъ. Провинціальный изслѣдователь съ меньшимъ трудомъ можетъ удовлетворить специалистовъ, ограничивъ свои разысканія исключительно сферой мѣстной исторіи. Эти соображенія и заставили насъ высказать то мнѣніе о сборникѣ г. Смирнова, которое онъ оспариваетъ въ предисловіи.

Наши замѣчанія о лишнемъ матеріалѣ книгъ г. Смирнова не относятся къ третьему выпуску: онъ весь посвященъ тѣмъ лицамъ, вся дѣятельность кото-

рыхъ, за небольшими исключеніями, прошла во Владимірской губерніи. Сборникъ г. Смирнова нужно поставить на одно изъ первыхъ мѣстъ среди изданій, преслѣдующихъ подобныя цѣли. Обыкновенно изслѣдованія провинціальныхъ писателей, посвященныя провинціи же, принято хвалить за ихъ тщательность. Большею частью эта похвала основывается на непровѣренномъ заключеніи: «если провинціальные писатели пишутъ о провинціи, такъ имъ и книги въ руки!» Да, кромѣ того, провинціальныя работы, вопреки обычному мнѣнію о скромности ихъ авторовъ, отличаются по временамъ очень авторитетнымъ тономъ.

Изданія г. Смирнова носятъ другой характеръ и если въ чемъ можно упрекнуть автора, такъ это въ излишней скромности. На обложкѣ вы прочтете: «собралъ и дополнилъ». Это не совсѣмъ такъ: не только собралъ и дополнилъ, но многихъ дѣятелей «открылъ». Вы найдете у г. Смирнова свѣдѣнія о такихъ лицахъ, о которыхъ ровно ничего не было извѣстно въ печати (Способинъ, Шагановъ и др.)... И свѣдѣнія, даваемые г. Смирновымъ, отличаются отъ свѣдѣній, которыя можно почерпнуть въ другихъ подобныхъ изданіяхъ. По большей части, въ нихъ даются послужные списки и перечень трудовъ... и больше ничего. Г. Смирновъ пользовался для своихъ книжекъ устными источниками и, благодаря этому, имѣлъ возможность дать въ высшей степени цѣнныя указанія объ обстановкѣ, въ которой всѣ эти лица жили.

Въ третьемъ выпускѣ даны біографическіе очерки лицъ, такъ или иначе причастныхъ литературѣ. Не нужно понимать ихъ причастности въ томъ смыслѣ, что они были литераторами; нѣтъ, вся ихъ литературная дѣятельность выражалась въ томъ, что они помѣстили большее или меньшее число статей въ «Владимірск. Губернск. Вѣдомостяхъ» въ 40—60 годахъ. Но для того времени достаточно и этихъ ничтожныхъ статей для того, чтобы обратить вниманіе на авторовъ. Они не были талантами, не были писателями, это были простые, совсѣмъ обыкновенные люди, занятые своими дѣлами (нѣкоторые служили по откупамъ, другіе были на чиновничьихъ, священническихъ мѣстахъ). Правда, нѣкоторые изъ нихъ писали въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» или даже были редакторами ех offiціо, по приказанію, но не онихъ рѣчь. Откуда же являлась у этихъ занятыхъ людей мысль писать? Какіе мотивы побуждали ихъ къ этому? Дѣло было въ первой половинѣ столѣтія, въ провинціи... И отвѣты на эти вопросы прямо важны для исторіи первыхъ лѣтъ нашей общественности. И книжка г. Смирнова, написанная не только по формуларамъ, даетъ иногда очень любопытныя свѣдѣнія о тѣхъ путяхъ, по которымъ шло развитіе любви къ литературѣ, или, лучше, къ словесности, въ самыхъ укромныхъ мѣстахъ Россіи... Вотъ, напримѣръ, страничка изъ исторіи просвѣщенія въ гор. Ковровѣ Владимірской губерніи... Въ началѣ 20-хъ годовъ нѣсколько ковровскихъ семей въ складчину выписали учителя изъ Москвы. Въ эту оригинальную школу ходилъ и купеческій сынъ Шагановъ, но ему не повезло: съ 16 лѣтъ ему пришлось сѣсть за прилавокъ съ краснымъ товаромъ, но связи со школьными товарищами онъ сохранилъ. И вотъ они, «едва достигнувъ отроческаго возраста», задумали составить тайный союзъ. Замыслы тайныхъ союзовъ тогда какъ будто носились въ воздухѣ. Дѣло «декабристовъ» шепотомъ передавалось другъ другу. Въ

союзъ ковровскихъ молодыхъ людей главную роль играла обрядовая сторона, на подобіе масонскихъ ложъ. Нашелся доносчикъ, и союзъ похѣрили. Согласитесь, что эти указанія на умственное броженіе въ Ковровѣ въ началѣ 20-хъ годахъ очень цѣнны. Жаль только, что утратились подробности. Мы привели одинъ примѣръ для характеристики сборника г. Смирнова. Нужно сказать, что г. Смирновъ во всѣхъ своихъ очеркахъ старается оживить свой матеріалъ. Мы выяснили значеніе книжекъ г. Смирнова; намъ остается упомянуть, что третій выпускъ даетъ біографическіе очерки слѣдующихъ лицъ: Протопопова, Доброхотова, Борисова, Дмитревскаго, Способина, Шаганова, Меморскаго, Дубенскаго, Иоасафа Гановова и Тиховраова. Такъ какъ всѣ эти лица такъ или иначе принимали участіе въ «Влад. Губ. Вѣд.», то нечего говорить, что для исторіи этой газеты книжка г. Смирнова имѣетъ первостепенное значеніе.

П. Е. Щ—въ.

Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ за 1898 г. Москва. 1899.

По статистическимъ даннымъ названнаго «Отчета» видно, что общій итогъ посѣтителей музеевъ равнялся за минувшій годъ 38.397 человекамъ, въ читальной залѣ записывалось для занятій 4.236 лицъ, изъ которыхъ мужчинъ 3.515 (80%) и женщинъ 721 (20%). Всѣми занимающимися было предъявлено 67.942 требованія, которыя и были удовлетворены: изъ читальнаго зала—40.840, изъ библиотеки—24.298; по 2.804 требованіямъ было отказано за неимѣніемъ требуемыхъ изданій ни въ читальномъ залѣ, ни въ библиотекѣ. Число художниковъ и любителей, занимавшихся копированіемъ картинъ галлерей, въ отчетномъ году возросло съ 279 до 327 человекъ. Въ составѣ послѣднихъ особенно многочисленны были воспитанники московской школы живописи, ваянія и зодчества, которымъ профессора обыкновенно рекомендуютъ копированіе преимущественно старыхъ мастеровъ. Услуга музеевъ въ этомъ дѣлѣ имѣетъ тѣмъ большую цѣну, что городская Третьяковская галлерей, по распоряженію ея покойнаго владѣльца, недоступна для копирования.

О новинкахъ и позднѣйшихъ пріобрѣтеніяхъ въ музеяхъ «Отчетъ» говорить слѣдующее: въ маѣ въ картинной галлерей, передъ картиной Иванова «Явленіе Христа народу» были въ особой витринѣ выставлены рисунки этого художника на библейскіе сюжеты. Между выставленными рисунками есть такіе, которые слѣдуетъ отнести къ первымъ наброскамъ знаменитой картины и которые, такимъ образомъ, облегчаютъ изученіе процесса, какимъ постепенно слагалась въ душѣ художника идея произведенія, долженствовавшая стать дѣломъ всей его жизни. До сихъ поръ рисунки сохранялись въ портфеляхъ и не были, поэтому, доступны обзорнѣю публики. Другимъ выдающимся въ жизни музеевъ событіемъ истекшаго года слѣдуетъ считать пріобрѣтеніе музеями нѣсколькихъ рукописей Пушкина, въ которыхъ заключаются записки и черновые наброски поэта, относящіяся къ лицейскому періоду его поэтической дѣятельности. Здѣсь находятся характеристика учителей и воспитателей лицея, эпиграммы на различныхъ лицъ, опытъ литературной критики въ видѣ оцѣнки комедій князя Шаховскаго, замѣтки объ Анналахъ

Тацита и т. д. Эти рукописи составляют цѣнный вкладъ въ рукописное отдѣленіе, увеличивая собою находящееся тамъ собраніе бумагъ великаго поэта.

Этнографическій отдѣлъ музеевъ получилъ въ даръ отъ бывшаго начальника Анадырскаго округа Н. Л. Гондатти значительную и драгоцѣнную коллекцію предметовъ изъ быта чукчей, коряковъ, орочонъ и русскихъ, обитающихъ на крайнемъ сѣверо-востокѣ, собранную г. Гондатти во время его службы въ этой отдаленнѣйшей изъ русскихъ окраинъ. Въ составъ коллекціи входятъ костюмы, промысловыя, хозяйственныя и военныя орудія, предметы мѣстнаго производства, музыкальные инструменты, принадлежности домашняго обихода, религіознаго культа и пр. Почти всѣ предметы, за очень малыми исключениями, вывезены Н. Л. Гондатти въ подлинныхъ экземплярахъ и лишь немногіе, болѣе громоздкіе, въ видѣ моделей, каковы, на примѣръ, жилища, вѣбитки и другія средства передвиженія по сушѣ и по водѣ, ловушки для звѣрей и т. д. Коллекція Н. Л. Гондатти, вмѣстѣ съ принесенною въ даръ тому же музею въ прошломъ году коллекціей П. П. Шимкевича изъ быта гольдовъ и орочонъ, послужитъ прекраснымъ пособіемъ для изученія образа жизни и культуры нашихъ инородцевъ сѣверо-восточной окраины, составляя въ то же время украшеніе этнографическаго отдѣленія музеевъ.

Крупнымъ вкладомъ въ рукописное отдѣленіе музеевъ явилось факсимиле славянскаго евангелія XII вѣка, извѣстнаго подъ именемъ евангелія князя Мирослава. Подлинникъ, хранившійся долгое время въ Аѳонскомъ Сербскомъ монастырѣ Хиландарѣ, былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ поднесенъ королю сербскому Александру во время посѣщенія имъ Хиландарскаго монастыря. Королемъ было предпринято факсимильное изданіе этого драгоцѣннаго памятника и, по изготовленіи его, одинъ экземпляръ былъ принесенъ имъ въ даръ музеямъ.

Вдова скончавшагося хранителя отдѣленія до-историческихъ, христіанскихъ и русскихъ древностей, Н. О. Филимонова, принесла въ даръ музеямъ часть оставшагося послѣ покойнаго мужа ея собранія древностей въ количествѣ 12 витринъ, наполненныхъ цѣнными археологическими предметами.

Отъ душеприказчиковъ графа И. Д. Деянова, согласно завѣщанію покойнаго министра, поступили 5 ящичковъ книгъ изъ бібліотеки покойнаго въ числѣ 2.454 томовъ и брошюръ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ.

Слѣдуетъ еще указать на даръ Н. М. Плавильщикова. Пожертвованіе его состоитъ изъ 536 томовъ, посвященныхъ, главнымъ образомъ, вопросамъ сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственной экономіи. Такой крупный вкладъ значительно пополняетъ соотвѣтственный отдѣлъ публичной бібліотеки музеевъ.

Множество другихъ приращеній по отдѣленіямъ музеевъ упомянуты въ томъ же «Отчетѣ» съ именами жертвователей и краткимъ описаніемъ пожертвованій.

Ан. Ф-ъ.

Вольтеръ. По Коллини, Ваньеру, Штраусу и др. Изданіе товарищества „Знаніе“. Спб. 1899.

Настоящая книга принадлежитъ Д. Штраусу, автору извѣстнаго русской публикѣ сочиненія «Ульрихъ фонъ-Гуттенъ», и составилась изъ лекцій, чи-

таннхъ имъ великой герцогинѣ гессенской Алисѣ въ 1870 г. Эта биографія давно признана иностранной печатью, какъ одна изъ блестящихъ, небольшихъ биографій «короля философовъ». Послѣ книги Морлея въ русской литературѣ это единственное сочиненіе. 29 лѣтъ книга Штрауса не была переведена на русскій языкъ, теперь она вышла въ очень опрятномъ изданіи, хорошемъ переводѣ, но редакция присоединила къ имени Штрауса еще двухъ секретарей Вольтера, и это довольно странно. Изложеніе Штрауса отличается замѣчательной живостью, ясностью и краткостью. Онъ заявляетъ, что будетъ стоять на нѣмецкой точкѣ зрѣнія, и старается изобразить Вольтера, какъ человѣка и писателя, не только какъ типично-національнаго, какъ представителя XVIII в., но и какъ писателя, оказавшаго вліяніе на всѣ цивилизованные народы. Съ такой точки зрѣнія Штраусъ даетъ мастерски написанную характеристику Вольтера, раздѣливъ его жизнь на четыре періода, выводитъ всѣхъ лицъ, съ которыми онъ имѣлъ дѣло, разбираетъ каждое изъ его главныхъ литературныхъ произведеній и представляетъ оцѣнку Вольтера, въ заключеніе. Нужно отдать полную справедливость автору-нѣмцу, сумѣвшему такъ объективно отнестись къ Вольтеру, такъ безпристрастно коснуться щекотливыхъ страницъ его жизни и такъ благородно обойти грязныя сценки о немъ. Автору не удается дать картины того «старога порядка», противъ котораго всю жизнь боролся Вольтеръ, но онъ выдвинулъ на первый планъ просвѣтительную дѣятельность Вольтера, а попутно коснулся и мрачныхъ сторонъ того времени. Нѣмецкая точка зрѣнія сказалась лишь въ отношеніи автора къ Фридриху II, которому онъ отводитъ цѣлую (III-ю) лекцію (стр. 64—95), и котораго онъ высоко цѣнитъ. Рельефно выступаетъ предъ читателемъ вся двойственность характера Вольтера, съ его чистыми и нечистыми побужденіями, которыя такъ тѣсно въ немъ переплетались. Штраусъ безпристрастенъ, но не равнодушенъ. Онъ старается реабилитировать, гдѣ можно, Вольтера. Часто упрекаютъ философа въ томъ, что онъ отпирался отъ своихъ произведеній. Штраусъ объясняетъ это тѣмъ, что Вольтеръ воевалъ съ глупостью, «а глупость — комическая особа, которую надо мистифицировать и надуть» (99 стр.). Съ особеннымъ стараніемъ авторъ выдвигаетъ тѣ черточки въ характерѣ Вольтера, которыя свѣтъ не хочетъ знать, указываетъ на добродушіе Вольтера, но сознается, въ заключеніе, что гораздо легче оцѣнить его услуги, чѣмъ его самого. На недостатки Вольтера Штраусъ смотритъ съ той точки зрѣнія, что они отчасти служили средствами для пропаганды его вліянія. Онъ «убралъ» съ шестія истины все отжившее, все гнилое, всѣ злоупотребленія и предрасудки. «Истина лучше всего распространяется путемъ легкихъ и интересныхъ книгъ; лучшимъ оружіемъ противъ всего отжившаго является смѣхъ; а кто же писалъ легче и злѣе высмѣивалъ, какъ не Вольтеръ?» (149 стр.). Къ прекрасной этой книгѣ Штрауса приложенъ очень хорошей портретъ, который въ одной строчкѣ даетъ и Штраусъ: «изъ густога парика выглядываютъ носъ, острый подбородокъ и два огненные глаза».

Ж.

Сборникъ Археологическаго Института. Книга VI. Спб. 1898.
Вѣстникъ Археологій и Исторіи, издаваемый Археологическимъ
Институтомъ. Выпускъ XI. Спб. 1899.

Разсматриваемая книга «Сборника» составлена исключительно профессоромъ Института Н. П. Лихачевымъ. Она распадается на три отдѣленія. Въ первомъ—помѣщены двѣ статьи Н. П. Лихачева, носящія, такъ сказать, полемическій характеръ; это—«Думное дворянство въ боярской думѣ XVI столѣтія», разбирающая вопросъ о происхожденіи класса думныхъ дворянъ, и—«По поводу сборника А. П. Юшкова. Акты XIII—XVII в., представленные въ Разрядный приказъ представителями служивыхъ фамилій послѣ отмѣны мѣстничества». Второе отдѣленіе содержитъ историческіе матеріалы, собранные проф. Лихачевымъ. Большую часть этихъ матеріаловъ составляютъ «счетныя дѣла» различныхъ служивыхъ людей; главное же вниманіе среди всѣхъ напечатанныхъ здѣсь актовъ долженъ привлекать къ себѣ, по нашему мнѣнію, боярскій списокъ 1611 года—документъ, весьма важный по своему значенію, хотя, къ сожалѣнію, и неполный. Опубликованіе его является крупной заслугой предъ исторіей, и, несомнѣнно, памятникъ этотъ будетъ по достоинству оцѣненъ, если уже не оцѣненъ, всѣми историками смутнаго времени Московскаго государства. Наконецъ, третье отдѣленіе (смѣсь)—мелкія замѣтки по различнымъ вопросамъ («Древнѣйшее упоминаніе дьяка «казеннаго»; «Дьяки, писанные съ «вичемъ и др.).

Переходя къ замѣчаніямъ объ XI выпускѣ «Вѣстника Археологій и Исторіи», мы должны прежде всего сказать, что по своему содержанію онъ отличается, сравнительно съ предшествующимъ, десятымъ, выпускомъ, отсутствіемъ того впечатлѣнія случайности помѣщенныхъ въ немъ статей, какое неволью оставалось послѣ прочтенія десятаго выпуска. Признакъ подбора вошедшаго сюда научнаго матеріала служить положительной стороною настоящаго выпуска; ей можетъ считаться также и наличность библиографическаго обзорѣнія новостей исторической и археологической литературы, отсутствующаго въ десятомъ выпускѣ, но необходимаго въ изданіяхъ такого рода, къ числу которыхъ принадлежитъ «Вѣстникъ».

Центральное мѣсто въ XI выпускѣ «Вѣстника» занимаетъ, безъ сомнѣнія, обширная статья профессора А. И. Соболевскаго—«Западное вліяніе на литературу Московской Руси XV—XVII вѣковъ» (стр. 8—159). Въ итогѣ изученія даннаго предмета авторъ пришелъ къ заключенію, что въ отношеніи переводной дѣятельности Московской Руси къ таковой же дѣятельности начала XVIII вѣка ничто не измѣнилось съ воцареніемъ Петра Великаго: «Въ литературной области,—говоритъ авторъ,—все осталось по-старому: тѣ же правительственные переводчики на первомъ мѣстѣ, тотъ же правительственный выборъ книгъ для перевода, то же разнообразіе въ содержаніи и достоинствѣ переведенныхъ книгъ, тѣ же качества перевода». Существенная разница, по мнѣнію А. И. Соболевскаго, заключается лишь въ томъ, что, начиная съ Петра, прекращаются переводы съ польскаго, многочисленные до того времени, что было слѣдствіемъ увеличившагося знакомства съ латинскимъ и вообще съ за-

падно-европейскими языками. Ближайшее изслѣдованіе и нѣкоторыхъ другихъ областей русской жизни также показываетъ, что реформа въ нихъ, произведенная Петромъ, не была такъ неожиданна и не подготовлена предшествовавшими временемъ, какъ это могло казаться съ перваго взгляда.

Изъ другихъ статей, вошедшихъ въ XI выпускъ, отмѣтимъ начало работы А. К. Маркова по нумизматикѣ—«О неизданныхъ Арсакидскихъ монетахъ», статью г. Касаткина—«Новооткрытый фрагментъ ткани временъ начальной исторіи Владимірскаго княжества», изслѣдованіе г. Пятницкаго по церковной археологіи—«Греческая капелла въ катакомбахъ Прискиллы въ Римѣ». Въ томъ же выпускѣ изданъ и историческій матеріалъ, въ видѣ—«Руководства къ историческому и физическому описанію областного города Устюга Великаго», сочиненнаго въ 1793 году академикомъ Фризомъ. Изъ перечисленнаго, думаемъ, достаточно видно, насколько разнообразно и интересно содержаніе XI выпуска «Вѣстника».

В. В-въ.

Иностранные университеты. Вып. I. Университеты Англій и годы студенчества ея знаменитыхъ людей. Составлено подъ редакціей Л. А. Богдановича. Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ. М. 1899.

Все болѣе и болѣе усиливающіеся въ послѣднее время политическіе успѣхи англо-саксонской расы заставляютъ другія страны обратить вниманіе на постановку образованія въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Англій. Поэтому нельзя не привѣтствовать появленія книжки г. Богдановича, имѣющей цѣлью познакомить прежде всего нашихъ студентовъ, а затѣмъ и всю вообще образованную публику съ англійскими университетами, въ которыхъ такъ много своеобразнаго и своеобразнаго. Какъ и слѣдовало ожидать, авторъ начинаетъ съ описанія двухъ старѣйшихъ и извѣстнѣйшихъ университетовъ: Оксфордскаго и Кембриджскаго, съ ихъ оригинальными колледжами, и выясняетъ основныя черты этихъ заведеній: полную независимость предъ лицомъ государственной власти, свободу преподаванія и богатство матеріальныхъ средствъ. Отъ организаціи университетовъ г. Богдановичъ переходитъ къ студенческому быту, останавливаясь особенно на различіи жизни англійскихъ студентовъ отъ жизни студентовъ континента. Само собой разумѣется, что больше всего говорится здѣсь о значительныхъ матеріальныхъ средствахъ англійской университетской молодежи и ея физическомъ воспитаніи. Въ связи съ изложеніемъ устройства Кембриджскаго и Оксфордскаго университетовъ, авторъ рассказываетъ далѣе о томъ симпатичномъ учрежденіи, которое возникло главнымъ образомъ благодаря поддержкѣ этихъ учебныхъ заведеній, именно о такъ называемыхъ народныхъ университетахъ и университетскихъ колоніяхъ. Изложеніе свое г. Богдановичъ иллюстрируетъ живыми описаніями University Extension въ одномъ изъ крупныхъ центровъ хлопчатобумажнаго производства, въ Олдгэмѣ, и университетской колоніи «Тойнби Холль». Эти главы—лучшія въ книгѣ и не могутъ не представить значительнаго интереса для русскаго читателя, такъ какъ симпатичная попытка устройства народнаго

университета была и въ Петербургѣ. Послѣ слѣдующаго далѣе самаго краткаго очерка устройства прочихъ англійскихъ университетовъ начинается вторая часть книги: рассказы про годы студенчества знаменитыхъ людей Англїи, какъ-то: Смитта, Пятта, Байрона, Карлейля и Гладстона. Справедливость требуетъ однако замѣтить, что всѣмъ этимъ лицамъ, за исключеніемъ, пожалуй, Великаго Старца, университеты дали сравнительно очень мало, и своими познаніями они обязаны были исключительно собственнымъ способностямъ и стараніямъ; не всѣ они также вспоминали про университетъ съ любовью. Таково, въ краткихъ чертахъ, содержаніе небольшой, но интересной книжки г. Богдановича. Изложеніе ея далеко не вездѣ гладкое, напримѣръ, «Гладстонъ напечаталъ очеркъ своего друга» вм. очеркъ жизни, или біографію; далѣе, неприятно поражаетъ масса опечатокъ, особенно въ англійскихъ словахъ и цитатахъ. Не особенно удачно также замѣчаніе автора въ предисловіи, что въ русской литературѣ нѣтъ общихъ обзоровъ устройства иностранныхъ университетовъ, «если не считать не многія случайныя статьи въ журналахъ, быстро исчезающія изъ обращенія и памяти». Позволю себѣ замѣтить на это, что статья статьѣ ровнѣ; находитъ же возможнымъ г. Богдановичъ привести въ списокъ пособій собственные статьи изъ «Наблюдателя» и даже перепечатать изъ нихъ (съ небольшими измѣненіями) двѣ главы. И въ нашей литературѣ есть весьма дѣльные и интересные работы по англійскому высшему образованію, которыя отнюдь не скоро исчезнутъ изъ памяти знакомыхъ съ ними, таковы, напр., «Исторія англійскихъ университетовъ» В. С. Игнатовича въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1861 годъ; «Изъ исторіи англійскихъ университетовъ» проф. Александренко въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» за 1887 г. (обѣ эти статьи представляютъ цѣнное дополненіе къ книжкѣ г. Богдановича, который почти вовсе не касается исторіи англійскихъ университетовъ); «Реформа англійскихъ университетовъ» проф. Окольскаго въ «Русской Мысли» за 1892 г., гдѣ вопросъ объ University Extension изложенъ если не съ бѣльшимъ тщаніемъ, то во всякомъ случаѣ съ гораздо бѣльшими подробностями, чѣмъ у г. Богдановича; «Лѣтній университетъ въ Англїи» П. Н. Милюкова въ «Мірѣ Божіемъ» за 1894, № 5, его же «Распространеніе университетскаго образованія въ Англїи, Америкѣ и Россіи» въ «Русскомъ Богатствѣ» за 1896, № 3. Въ заключеніе отмѣчу, что настоящая книжка издана Обществомъ распространенія полезныхъ книгъ съ самой симпатичной цѣлью, въ пользу образованія фонда для помощи недостаточнымъ студентамъ.

А. М—нѣ.

Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга XI. М. 1899.

Одиннадцатая книга «Описанія документовъ и бумагъ» заключаетъ въ себѣ описи архивныхъ отдѣловъ, носящихъ названіе столбцовъ Московскаго и Владимірскаго столовъ разряднаго приказа.

«Описаніе этихъ отдѣловъ», читаемъ въ «предисловіи», являлось крайне необходимымъ, такъ какъ до настоящаго времени разрядные столбцы не имѣли сколько нибудь удовлетворительныхъ описей. Составленныя въ 1840—1850 гг.

канцелярскими чиновниками описи нѣсколькихъ столбцовъ Московскаго стола «вовсе не соответствовали содержанию столбцовъ» и отличались «туманностью слога и крайней малограмотностью».

На это обстоятельство обратилъ вниманіе еще Н. В. Калачовъ въ послѣдніе годы своего управленія архивомъ и даже приступилъ къ описанію столбцовъ Московскаго стола. Продолжателемъ его дѣла явился Н. А. Поповъ, но въ виду обширной принятой имъ программы описаніе подвигалось очень медленно. При Н. А. Поповѣ въ теченіе 2 лѣтъ было описано только 205 столбцовъ Московскаго стола. Новый начальникъ архива проф. Самоквасовъ выработалъ другую болѣе краткую систему описанія, и благодаря этому въ настоящее время мы имѣемъ важное въ научномъ отношеніи описаніе документовъ разряднаго приказа. Программа эта съ объясненіями также напечатана въ «предисловіи». Надъ дѣломъ описанія трудились: И. И. Шимко, В. В. Шереметевскій, Н. Н. Ардашевъ, Н. П. Чулковъ, Н. І. Вѣлявскій, С. П. Соколовъ, М. В. Довнаръ-Запольскій, С. А. Шумаковъ, Н. Н. Харузинъ, Г. Н. Шмелевъ и Г. А. Ряжскій, а редакторами были: И. И. Шимко, А. А. Гоздаво-Голомбѣевскій и В. В. Шереметевскій.

Соответственно значенію разряда, столбцы Московскаго стола, въ числѣ 1174, восходящіе (въ очень рѣдкихъ случаяхъ) къ послѣднимъ годамъ XVI вѣка и оканчивающіеся первыми годами XVIII в., распадаются на три главныхъ группы. Къ первой относятся столбцы, заключающіе въ тѣсномъ смыслѣ «воинскія дѣла», касающіяся обороны границъ и веденія вѣншихъ войнъ. По старинной терминологіи они дѣлятся 1) на «полковые» (переписка разряда съ полковыми воеводами), 2) «наказные», 3) столбцы со «смотрѣнными», «послужными» и т. п. списками полковыхъ воеводъ, 4) «вѣстовые» («вѣсти» про непріятелей), 5) «донского отпуску», касающіяся посылки жалованья донскимъ казакамъ и снабженія ихъ провіантомъ и боевыми припасами, и 6) столбцы, сообщающіе объ устройствѣ и охранѣ засѣкъ.

Ко второй и самой многочисленной группѣ относятся столбцы, касающіеся служилыхъ людей «по верстанью и по прибору», вѣдавшихся въ разрядѣ «всякою службою». Группа эта подраздѣляется на 8 отдѣловъ.

Наконецъ, къ третьей группѣ относятся столбцы: 1) наказные городовые и 2) столбцы «отписокъ» (переписка разряда съ городскими воеводами, касающаяся разныхъ сторонъ городского управленія и хозяйства). Отдѣльно стоятъ столбцы, въ которыхъ говорится о внутренней организаціи разряда, его сношеніяхъ съ другими приказами и судебныхъ дѣлахъ.

Что касается столбцовъ Владимірскаго стола, то они представляютъ отдѣлъ еще болѣе, чѣмъ столбцы Московскаго стола, искусственный и смѣшанный; напр., среди нихъ не рѣдки столбцы другихъ столовъ разряда и другихъ приказовъ (челобитеннаго и др.). Ихъ также дѣлятъ на три группы. Къ первой, заключающей «воинскія дѣла», относятся: 1) столбцы, касающіеся сбора служилыхъ людей въ украинные города, и 2) засѣчные (послѣднихъ болѣе, чѣмъ въ отдѣлѣ столбцовъ Московскаго стола). Во второй группѣ столбцы, касающіеся городовыхъ служилыхъ людей, кромѣ «людей московскихъ чиновъ», и въ третьей, подобно столбцамъ Московскаго стола, съ тѣми же подраздѣленіями, — столбцы, заключающіе свѣдѣнія объ управленіи городовъ.

Число столбцовъ Владимірскаго стола простирается до 204, начиная съ 1614 г. и кончая 1701 г.

«Описаніе» представляетъ собою лишь оглавленіе документовъ, съ обозначеніемъ числа листовъ и указаніемъ кой-гдѣ внѣшняго вида ихъ и краткаго содержанія. Научное значеніе его заключается въ томъ, что теперь точно установлено содержаніе всѣхъ документовъ разряда, впрочемъ иногда лишь по группамъ, и открытъ удобный способъ пользованія ими въ архивѣ.

Къ книгѣ приложены указатели: личный, географическій и предметный къ описи столбцовъ того и другаго стола. В. Р—въ.

**Шарль Летурно. Эволюція торговли. (Экономическая библіотека).
Переводъ Ѳ. Капелюша. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1899.**

Новый томикъ «Экономической библіотеки», издаваемой О. Н. Поповой, носить на себѣ всѣ обычные достоинства и недостатки трудовъ Летурно. Масса матеріала, не всегда впрочемъ строго пробрѣннаго, и почти полное отсутствіе того, что составляетъ сущность эволюціи,—возникновеніе и измѣненіе формъ торговли подъ влияніемъ естественныхъ и социологическихъ отношеній. Въ изслѣдованіи автора опущено такимъ образомъ самое существенное, несмотря на массу имѣющагося по настоящему предмету матеріала. Къ тому же и практическая часть разработана авторомъ преимущественно въ отношеніи къ первобытной и варварской торговлѣ. Послѣ обзорѣнія торговли у первобытныхъ, стоящихъ на самой низшей степени развитія, расъ— жителей Огненной Земли, австралійцевъ, цейлонскихъ веддовъ, эскимосовъ, Летурно переходитъ къ народамъ черныхъ расъ, у которыхъ находитъ первые слѣды болѣе или менѣе организованной торговли. Весьма подробно изложено также состояніе торговли у народовъ желтой расы, Египетскаго района въ Еѳіопіи и Египтѣ, у арабовъ и евреевъ, въ Месопотаміи и Финикіи, гдѣ она достигла наибольшаго развитія. Не такъ подробно изложены ходъ торговли среди арійскихъ племенъ, особенно у римлянъ и грековъ. Средневѣковой торговлѣ, необычному развитію меркантильнаго духа въ новѣйшее время, тѣсно связанному съ колониальной политикой европейскихъ государствъ, и общему обзору («Прошедшее и будущее торговли») удѣлено чрезмѣрно мало мѣста. Заслуживаетъ, правда, вниманія, что Летурно относится критически къ т. н. «благодѣяніямъ» торговли и вездѣ старается отмѣтить хищническій характеръ древней и особенно новой колониальной торговой политики, но и тутъ онъ даетъ лишь слишкомъ краткій эскизъ вмѣсто цѣльной картины. Задачи, поставленныя авторомъ, такимъ образомъ намѣчены довольно широко, но выполненіе ихъ оставляетъ читателя, особенно незнакомаго съ литературой предмета, далеко неудовлетвореннымъ. При всемъ томъ новый трудъ Летурно заслуживаетъ вниманія, какъ произведеніе, написанное живо и талантливо, затрогивающее едва ли не важнѣйшій вопросъ нашего времени и дающее много удачно подобранныхъ фактовъ, съ указаннымъ впрочемъ вышше ограниченіемъ. Не имѣя большой научной цѣны, всѣмъ своимъ содержаніемъ свидѣтельствую, что авторъ

не обладает крупнымъ оригинальнымъ талантомъ, книжка можетъ, однако, вполне способствовать популяризаціи экономическихъ знаний.

Д. Ежовъ.

М. М. Захарченко. Историческій очеркъ Педагогическихъ классовъ С.-Петербургскаго Александровскаго института. 1848—1898 г. Спб. 1899.

Очеркъ г. Захарченка содержитъ обстоятельное изложеніе исторіи возникновенія въ Россіи педагогическихъ учебныхъ заведеній для женщинъ. Первые такія педагогическія учрежденія: пеннѣерскіе классы при Смольномъ монастырѣ и французскіе — при С.-Петербургскомъ Воспитательномъ домѣ были открыты въ началѣ настоящаго столѣтія по мысли императрицы Маріи Феодоровны, желавшей создать въ Россіи разсадникъ классовъ и домашнихъ наставницъ. Въ 1837 году французскіе классы были по высочайшему повелѣнію отдѣлены отъ Воспитательнаго дома, и стали называться Сиротскимъ институтомъ; пеннѣерскіе же классы просуществовали до 1842 г., когда они были преобразованы въ Александровское училище, предназначенное, какъ и Сиротскій институтъ, «для воспитанія дочерей штабъ и оберъ-офицеровъ военнаго и гражданскаго вѣдомства». Въ 1848 г. при Московскомъ и С.-Петербургскомъ Александровскихъ училищахъ, по проектамъ инспекторовъ этихъ училищъ: Н. Брашмана и М. Тимаева, были открыты для практической и теоретической подготовки учительницъ педагогическіе классы, предназначенные для 30-ти казеннокоптныхъ воспитанницъ вышеупомянутыхъ училищъ. Съ наступленіемъ шестидесятихъ годовъ учебная часть была значительно измѣнена: программа преподаваемыхъ предметовъ была пополнена и вновь разработана извѣстнымъ педагогомъ К. Д. Ушинскимъ, который призналъ полезнымъ «прежвій двухлѣтній курсъ замѣнить двумя однолѣтними — теоретическимъ и практическимъ, съ ежегодными приѣмами на первый изъ нихъ по 16 педагогичекъ вмѣсто прежнихъ 32, принимавшихся черезъ каждые три года». Въ восьмидесятихъ и девяностыхъ годахъ по образцу педагогическихъ классовъ Александровскаго института стали устраиваться такіе же классы при всѣхъ другихъ институтахъ Петербурга и Москвы. Изложивъ въ означенной постепенности развитіе у насъ педагогическихъ классовъ, г. Захарченко даетъ въ приложеніи подробную программу, по которой ведется въ настоящее время преподаваніе, а также списокъ руководителей, учителей и воспитанницъ педагогическихъ классовъ съ 1848—1898 г. и пр. Этотъ «Очеркъ» такъ обстоятельно знакомитъ читателей съ прошлымъ и настоящимъ педагогическихъ классовъ Александровскаго института, что можетъ служить справочной книгой для лицъ, интересующихся прошлой исторіей и настоящимъ положеніемъ одного изъ типичныхъ представителей педагогическихъ учебныхъ заведеній для женщинъ въ Россіи.

Д. Е.

Тульская старина. Изданіе Тульского историко-археологическаго товарищества, подъ редакціей старшины товарищества Н. И. Троицкаго. Вып. 1—2. Тула. 1899.

Почти годъ тому назадъ при тульскомъ епархіальномъ древлехранилищѣ возникло ученое общество, подъ именемъ «историко-археологическаго товарищества» (?), «для изученія историко-археологическихъ, преимущественно церковно-археологическихъ, памятниковъ Тульскаго края». Однако, разсматривая полную программу дѣятельности «товарищества», видимъ, что она охватываетъ гораздо большій районъ, нежели кругъ историческихъ и археологическихъ знаній: церковная археологія и исторія, исторія гражданская, литература и письменность, живопись, эпиграфика, историческая географія, этнографія, первобытная археологія, геологія и палеонтологія—такова сфера, подлежащая вѣдѣнію новаго ученаго общества. Самыя начала, на которыхъ оно организовано, нѣсколько отличны отъ обычныхъ, такъ что считаемъ необходимымъ ихъ отмѣтить: во главѣ «товарищества» стоитъ старшина, назначаемый попечителемъ его, которымъ является всегда мѣстный преосвященный; члены вносятся въ списокъ лишь по рекомендаціи старшины и утверждаются попечителемъ; такимъ образомъ отъ рекомендаціи старшины зависитъ—быть или не быть членомъ «товарищества»,—порядокъ, врядъ ли заслуживающій подражанія, какъ чисто бюрократическій и совершенно не соотвѣтствующій принципу товарищества. Наиболѣе же вызывающимъ недоумѣніе является требованіе, чтобы членами новаго «товарищества» были «лица, не только обладающія достаточною для дѣла научной подготовкой, то и твердо (курсивъ въ текстѣ) преданная интересамъ православно-русскаго просвѣщенія»: для ученаго—въ настоящемъ смыслѣ этого слова—общества достаточно, конечно, одного перваго условія, чтобы быть вполне обеспеченнымъ за успѣхъ своей дѣятельности и быть увѣреннымъ въ ея плодотворности и дѣйствительной полезности наукъ.

Дѣлать оцѣнку трудовъ «товарищества», насколько они успѣли выразиться въ вышедшихъ до сихъ поръ двухъ небольшихъ (44+37 стр.) выпускахъ «Тульской старины»,—преждевременно, по недостаточности матеріала для сужденія; однако, и здѣсь возможно указать на одинъ небольшой курьезъ. Въ рѣчи старшины «товарищества», произнесенной при открытіи древлехранилища, имѣется, между прочими перлами краснорѣчія, слѣдующее мѣсто: «Наука древлевѣдѣнія твердо знаетъ, что жезлъ всегда служилъ символомъ власти; она знаетъ цѣлый рядъ знаменательныхъ жезловъ—на пространствѣ многихъ 1000-лѣтій, начиная съ простѣйшихъ посоховъ пастырей-патріарховъ еврейскихъ до великолѣпныхъ византійскихъ жезловъ патріарховъ вселенскихъ. Но та же наука древлевѣдѣнія въ цѣломъ рядѣ жезловъ историческихъ не знаетъ равнаго дивному и глубокознаменательному жезлу Аарона» (стр. 6). Недоумѣваемъ, какую науку древлевѣдѣнія разумѣлъ г. старшина, высказывая подобное заключеніе, такъ какъ смѣемъ увѣрить его, что истинная наука древлевѣдѣнія такого положенія высказать не могла бы никогда, потому что она имѣетъ дѣло съ дѣйствительностью, хотя бы и минувшаго. В. В.—въ.

**Труды Саратовской ученой архивной комиссіи. Выпускъ XXI.
Саратовъ. 1898.**

Содержаніе настоящаго выпуска, кромѣ протоколовъ засѣданій комиссіи, составляютъ: 1) двѣ небольшихъ статьи А. Минха—«Курганы Тюриной балки» и «Ключевская каменная баба» (статья интересна потому, что о каменныхъ бабахъ Саратовской губерніи вообще свѣдѣній очень мало); 2) замѣтка Ф. Духовникова «О пещерахъ» (въ дополненіе къ перечню пещеръ Саратовской губ., помѣщенному въ «Археологическихъ извѣстіяхъ и замѣткахъ» за 1894 годъ, авторъ здѣсь называетъ еще 5 новыхъ); 3) «Историческіе матеріалы по топографіи г. Саратова и его ближайшихъ окрестностей. Изъ фамильнаго архива дворянъ Шахматовыхъ» (сюда вошли копии съ императорскихъ указовъ, купчія, владѣнные выписи и др.); 4) «Изъ дѣлъ архива Царицынской городской думы». Здѣсь г. Соловьевъ собралъ свѣдѣнія о состояніи Царицына въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка; 5) «Копіи съ бумагъ, хранящихся въ архивѣ Царицынской городской управы 1800—1808 гг.»; изъ нихъ наиболѣе интересны тѣ, которыя относятся до «распространенія и усовершенія шелководнаго производства» въ Саратовской губ., и затѣмъ «Условіе», которое заключила городская дума съ отставнымъ сержантомъ Власовымъ «относительно обученія послѣднимъ дѣтей царицынскихъ гражданъ»; 6) «Извлеченія изъ дѣлъ Саратовскаго окружнаго суда» (три дѣла о раскольникахъ); 7) «Библиографическій указатель трудовъ А. Ф. Леопольдова», составленный С. В. Дегеномъ, и 8) «Архивъ графовъ Нессельроде. I. ч. Бумаги графа Вильгельма Нессельроде. 1760—1808 гг.». Здѣсь заключаются едва ли не самыя интересныя матеріалы, а именно: копія съ формулярнаго списка чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра въ Лиссабонѣ гр. В. Нессельроде, нѣсколько промеморій изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, инструкція 1727 г. Фридриха-Вильгельма I подполковнику фонъ-Рохову относительно воспитанія Фридриха (на нѣмецк. прусск. язык.), 6 писемъ Фридриха Великаго гр. В. Нессельроде (1769—1775), копія письма Доротеи, герцогини курляндской, императрицѣ Екатеринѣ II (1790 г.) по поводу заключенія мира со шведами, письмо Фридриха-Вильгельма II гр. В. Нессельроде и копія съ письма его же великому князю Павлу Петровичу, и черновыя письма гр. Нессельроде великому князю Павлу Петровичу (1790 г.).

Въ заключеніе можно указать еще на замѣтку г. Танкова, который дѣлаетъ поправку въ опредѣленіи барона Тизенгаузена трехъ «рѣдкихъ» восточныхъ монетъ, принадлежащихъ саратовской комиссіи, утверждая, что онѣ относятся ко времени царствованія царя Тудаменту (681—682 г.), а не Токты.

В. Р—въ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

На развалинахъ Карфагена. — Кромвель, какъ воинъ. — Еще англійская біографія Дантона. — Корсиканецъ о Наполеонѣ. — Изъ воспоминаній турецкаго парламен-тера. — Генераль Драгомировъ чрезъ французскія очки. — Смерть Людвига Бюх-нера. — Вѣнскій конгрессъ. — Европейская героиня. — Боецъ за свободу печати въ Англии. — Кооперативная біографія Гладстона. — Смерть Костелара и Розы Бон-нѣръ. — Отголоски Пушкинскаго юбилея на Западѣ. — Столѣтняя годовщина дня смерти Вомарше.

А РАЗВАЛИНАХЪ КАРФАГЕНА. За послѣдніе года Карфагенъ, считавшійся уничтоженнымъ до того, что даже самыя развалины его исчезли, снова начинаетъ привле-кать къ себѣ всеобщее вниманіе. Почти не проходитъ недѣли, чтобы въ «Отчетахъ» парижской Académie des In-scriptions не появлялись сообщенія о новыхъ открытіяхъ, совершенныхъ въ некрополяхъ пунической столицы неуто-мимымъ мѣстнымъ археологомъ патеромъ Делаттромъ ¹⁾. Подъ покровительствомъ французскаго резидента и бла-годаря субсидіямъ отъ министерства и отъ академіи, директоръ тунисскаго ар-хеологическаго музея Поль Гоклеръ предпринялъ раскопки параллельно съ тѣми, которыя велись о. Делаттромъ и, немного недѣль тому назадъ, съ перваго же удара заступомъ, сдѣлалъ важную археологическую находку. Подъ грудю об-ломковъ византійскаго времени ему удалось открыть небольшое святилище римской эпохи, тщательно замурованное: здѣсь — очевидно, въ ожиданіи луч-шихъ временъ и изъ желанія скрыть отъ ревнителей новой религіи—сложены были списки жрецовъ, вотивныя таблички, предметы богослуженія, наконецъ, мраморныя статуи превосходной работы. Подъ этимъ слоемъ римскаго времени удалось обнаружить пуническія гробницы того же типа, какъ тѣ, которыя уже были изучены о. Делаттромъ, но чрезвычайно богатая, съ цѣлыми кладами въ видѣ колецъ, браслетовъ, золотыхъ ожерелій. Эта находка, какъ и многія другія,

¹⁾ «Le fouilles de Carthage», par Philippe Berger («Rev. des Deux Mondes», 1899, 1-er juin).

ранѣе уже сдѣланныя о. Делаттромъ, даетъ намъ теперь возможность съ большею опредѣленностью представить себѣ вѣншній бытъ древняго Карѳагена. Раскопки въ Карѳагенѣ обнаружили глубокое вліяніе Египта на древнюю пуническую цивилизацію. Многіе предметы, найденные въ развалинахъ Карѳагена, кажутся прямо перенесенными съ береговъ Нила. Статуэтки, находимыя въ могилахъ, имѣютъ прическу, костюмъ и позу мумій. Перстни и скарабѣи представляютъ египетскія сцены и часто снабжены египетскими легендами. На амулетахъ карѳагенскихъ мы часто видимъ священное око Озириса, странную фигуру бога Пта и т. п. Во многихъ случаяхъ ясно видна смѣсь подражательности съ попыткою дать свое, оригинальное. Карѳагенскіе художники изображаютъ, напримѣръ, фигуры женщинъ въ тѣхъ же позахъ, какъ и египтяне, но даютъ уже не тѣ стройныя и чистыя линіи, которыя мы видимъ въ изображеніяхъ египтянокъ, а фигуры болѣе массивныя и чувственныя, съ выступающимъ переносьемъ, широкими губами, выдающимся подбородкомъ. Художники, очевидно, рисовали по египетскому методу, но съ карѳагенскихъ моделей. Особенность Карѳагена представляютъ многочисленныя, находимыя въ пуническихъ гробницахъ, маски съ чертами лица, искаженными гримасою. У карѳагенянъ было чувство карикатуры. Реализмъ въ ихъ воззрѣніяхъ приводилъ ихъ къ тому, что они выдвигали все бросающееся въ глаза и преувеличивали крайности. Они любили представлять человѣческія фигуры въ позахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ греческимъ изяществомъ. Идеальныхъ фигуръ мы у нихъ не встрѣчаемъ. Зато они любили изображать обезьянъ. Отсутствие чувства мѣры, непониманіе изящества и отсутствіе вкуса болѣе всего выступаютъ въ ихъ фигурахъ божествъ, являющихся странными уродцами, съ искаженными чертами лица, съ высунутыми языками, съ чудовищною смѣсью различныхъ природъ и половъ. Замѣчательно, что предметовъ изъ драгоцѣнныхъ металловъ сохранилось сравнительно много отъ древняго Карѳагена; это обстоятельство объясняется особымъ свойствомъ почвы въ Карѳагенской области, гдѣ не только вещи изъ кедрѣа, но даже изъ серебра и бронзы мѣстами оказываются ислѣвшими отъ времени. Въ гробницахъ, впрочемъ, удалось найти остатки оружія, небольшіе топорики, наконечники копій, ножи, мѣдныя цимбалы, ковши для вина, зеркала и т. п. Но лишь золотыя вещи не пострадали отъ времени. Онѣ устояли даже противъ дѣйствія волнъ морскихъ. Берега карѳагенскаго залива представляютъ на высотѣ мыса Борджъ-Джедида прямо таки золотоносный песокъ, въ которомъ, вслѣдствіе размыва пуническихъ некрополей, встрѣчаются золотыя кольца, перстни и другія мелкія украшенія. Къ несчастью для исторіи, некрополи Карѳагена почти безыменны. Надписи въ нихъ рѣдки, а если онѣ есть, то онѣ религіознаго, а не историческаго содержанія. Рѣдкимъ исключеніемъ является одна изъ послѣднихъ надписей, въ этомъ году найденная о. Делаттромъ. Эта надпись пока еще не дешифрована вполне, но уже удалось установить, что въ ней мы имѣемъ цѣлую генеалогическую таблицу за восемь поколѣній, съ обозначеніемъ почетныхъ титуловъ каждаго изъ указанныхъ лицъ. Подобныя находки, какъ эти, заставляютъ изслѣдователей пунической древности надѣяться, что удастся еще пролить свѣтъ на темное прошлое Карѳагена.

— Кромвель, какъ воинъ. Литература кромвельскаго юбилея продол-

жаеть разростаться, и надняхъ вышла въ свѣтъ небольшая, но прекрасно составленная подполковникомъ Бальдакомъ монографія военной дѣятельности лорда протектора ¹⁾. Сынъ провинціального джентельмена не съ большими средствами, Кромвель, повидимому, не получилъ никакого военного обученія, и даже неизвѣстно, принадлежалъ ли онъ къ какому нибудь мѣстному волонтерному отряду, но когда явилась необходимость, мирный сквайеръ сдѣлался воинъ, обнаружилъ боевыя способности, научился военному ремеслу на полѣ брани, сдѣлался искуснымъ тактикомъ, организовалъ изъ милиціи настоящую армію, отвергъ рутинныя правила тогдашней стратегіи и явился, по словамъ Бальдака, первымъ великимъ выразителемъ современнаго военного искусства. Во время первыхъ стычекъ между королевской и парламентской арміями та и другая представляли сырую, неразвитую массу, неспособную одерживать рѣшительныя побѣды. Въ особенности парламентская армія была слаба кавалеріей, и Кромвель, замѣтивъ этотъ недостатокъ, просилъ разрѣшенія сформировать полкъ вполнѣдствіи знаменитыхъ «желѣзныхъ бойцовъ», суровыхъ, богобоязненныхъ, трезвыхъ, мужественныхъ героевъ, носившихъ библии въ одной кабуръѣ съ пистолетами. Въ рѣшительномъ бою подъ Марстонъ-Муромъ эти герои, подъ предводительствомъ Кромвеля, первые ударили на королевскую армію. Какъ полководецъ, Кромвель прежде всѣхъ призналъ, что старинныя методы веденія войны, которыхъ придерживались предводители континентальныхъ армій наемниковъ, не годились для гражданской войны, которую вели солдаты, вышедшіе изъ рядовъ мирныхъ гражданъ, отъ труда которыхъ зависѣло благоденствіе страны. Въ этомъ случаѣ необходимы были быстрота и натискъ. По словамъ Бальдака, можно оспаривать, съ политической точки зрѣнія, дѣятельность Кромвеля, какъ лорда протектора, но введенная имъ въ англійской арміи военная организація достойна только однихъ похвалъ. Созданная имъ армія далеко превосходила по внутреннему строю, дисциплинѣ и одушевлявшему духу всѣ войска, когда либо существовавшія въ Англіи; правда, никогда англійскія войска и не защищали болѣе святаго дѣла, какъ тогда, но во всякомъ случаѣ теперешняя англійская армія является прямою послѣдовательницею новой образцовой арміи Кромвеля, которая въ теченіе трехъ мѣсяцевъ послѣ своего сформированія разбила двѣ роялистскія арміи въ открытомъ полѣ. Битва подъ Ворстеромъ была послѣднимъ подвигомъ Кромвеля, и онъ болѣе не обнажалъ своей сабли. Его военная карьера продолжалась девять лѣтъ, и въ продолженіе этого времени Кромвель научилъ своихъ солдатъ стойкости, хладнокровному мужеству и несокрушимой отвагѣ, которыя съ тѣхъ поръ сдѣлались отличительной чертой англійской арміи и столь высоко цѣнились такимъ компетентнымъ судьей, какъ Наполеонъ I.

— Еще англійская біографія Дантона. Титанамъ французской революціи везетъ въ послѣднее время въ Англію: не успѣла выйти книга о Дантонѣ Беллока, какъ уже появляется новое сочиненіе о немъ А. Бизли ²⁾. Этотъ авторъ рисуетъ еще болѣе блестящую, хотя столь же безпристрастную и осно-

¹⁾ Cromwell as a soldier, by Lieut. Colon. J. Baldack. London. 1899.

²⁾ Life of Danton, by A. Beesly. London. 1899.

ванную на новѣйшихъ матеріалахъ, характеристику Дантона, реабилитація котораго теперь тѣмъ полнѣе, что она заставила себя долго ждать. Сколько времени, благодаря политической реакціи, колоссальная фигура героя, спасающаго Францію отъ гибели, была омрачена такими злобными клеветами, что даже его собственные сыновья, скромные представители провинціальной буржуазіи въ ихъ родномъ городѣ Арелеѣ-на-Обѣ, не хотѣли жениться съ цѣлю уничтожить самое имя Дантона, а сестра пошла въ монастырь, чтобъ искупить его псевдо-преступленія. Но прошло сто лѣтъ, и мало-по-малу воздали справедливость великому трибуну; его бронзовая статуя возвышается на площади города, въ которомъ онъ родился и который такъ любилъ, а достовѣрные историческіе документы и добросовѣстные труды Олара, Робине, Сореля, Вонфара и другихъ совершенно возстановили его доброе имя. Но, къ сожалѣнію, о частной жизни Дантона извѣстно очень мало, хотя, по свидѣтельству современниковъ, жившихъ въ концѣ прошедшаго столѣтія, въ Арелеѣ-на-Обѣ эта жизнь была чрезвычайно типична, почтенна и замѣчательна во всѣхъ отношеніяхъ. Достовѣрно только, что онъ былъ преданъ одинаково научнымъ занятіямъ и атлетическимъ упражненіямъ, а также очень любилъ Англію и англійскую литературу, что, конечно, Бизли выставляетъ особенно рельефно. Нарисовавъ въ своей книгѣ мастерскую картину французской революціи и той роли, которую Дантонъ игралъ въ ней, его новый біографъ приходитъ къ заключенію, что главная причина его паденія заключалась въ томъ, что онъ достигъ слишкомъ выдающагося значенія, а этого, по словамъ англійскаго историка, французы никогда не прощаютъ. Къ тому же онъ былъ слишкомъ добросовѣстенъ и предпочелъ смерть бѣгству. Въ числѣ непреодолимыхъ преградъ, съ которыми приходилось бороться народному трибуну, Бизли называетъ роковую и мало еще выясненную исторіей дѣятельность Маріи-Антуанетты, Шарлоты Кордэ и г-жи Роланъ. «Эти граціозные образы, замѣчаетъ англійскій историкъ, можно по всей справедливости назвать злыми гениями Франціи. Первая невозвратно отдѣлила бездной монархію отъ народа; вторая ускорила наступленіе террора, а послѣдняя помѣшала примиренію Горы съ Жирондой, что могло спасти обѣихъ и сохранить республику. А такъ какъ двоюдушное лицемеріе одной, ложное геройство второй и фальшивый патріотизмъ третьей составляли только въкоторыя изъ могучихъ силъ, съ которыми долженъ былъ бороться Дантонъ, то не удивительно, что онъ палъ подъ бременемъ этой борьбы, но его паденіе оказываетъ ему столько же чести, какъ его успѣхъ, единственный его успѣхъ — спасеніе Франціи отъ вторженія герцога Брауншвейгскаго».

— Корсиканецъ о Наполеонѣ. Несмотря на тысячи и тысячи томовъ Наполеоновской литературы, все еще появляются новые и оригинальные труды объ этомъ величайшемъ геніи истекающаго столѣтія. Но давно не выходило такого своеобразнаго и любопытнаго сочиненія о Наполеонѣ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ «Происхожденіе» Д. Маркагги ¹⁾. Во-первыхъ, оно напечатано на родинѣ Наполеона въ Аяціо на Корсикѣ, во-вторыхъ, авторъ его — молодой корсиканскій ученый, въ-третьихъ, эта книга изобилуетъ новыми невѣдомыми

¹⁾ Une Genèse, par J. B. Marcaggi. Ajaccio. 1899.

материалами о дѣтствѣ и ранней юности ея героя, а, въ-четвертыхъ, ея 370 убористо напечатанныхъ страницъ представляетъ печальную, монотонную, однообразную, но, благодаря именно этой печали, этой монотонности и этому однообразію, поразительную щемящую сердце минорную симфонію, передающую до мелочей весь ужасъ унылыхъ, грустныхъ, несчастныхъ первыхъ лѣтъ жизни будущаго всесвѣтнаго повелителя. Особую свѣжесть придаетъ этой книгѣ о предметѣ, уже набившемъ всѣмъ оскомину, и усиливаетъ производимое ею впечатлѣніе не только мѣстный, корсиканскій колоритъ ея изложенія и взглядовъ автора, но главное то обстоятельство, что онъ, повидимому, не сознаетъ созданной имъ художественной минорной симфоніи. Онъ, очевидно, хотѣлъ только собрать какъ можно болѣе новыхъ свѣдѣній о своемъ героѣ, напечатать какъ можно болѣе его неизвѣстныхъ писемъ и привести какъ можно болѣе невѣдомыхъ отзывовъ о немъ его учителей въ Отенѣ, Бриеннѣ и Парижѣ, а жгучая іереміада нравственныхъ и физическихъ страданій несчастнаго ребенка сложилась какъ бы невольно помимо его воли, безъ всякихъ его стремленій создать нѣчто художественное. Такимъ образомъ скромному корсиканскому ученому удалось написать книгу, которая займетъ видное мѣсто въ богатой наполеоновской литературѣ и пролетѣтъ новый свѣтъ на жизнь и характеръ исторической личности, которая, казалось, была уже изучена вдоль и поперекъ. Среди глубоко интересной картины дѣтства Наполеона въ Катѣ-Буонапарте, рисуемой его соотечественникомъ, рельефно выдается характеристичный отвѣтъ живого, но вмѣстѣ задумчиваго маленькаго мальчугана на вопросъ одного посѣтителя его родительскаго дома: «Откуда ты столькому научился?» — «Оттого что я все думаю». Вотъ именно эта-то склонность все думать и превратила его дѣтство, отрочество и раннюю юность въ вѣчную агонію, въ адскую каторгу. Болѣзненно впечатлительный, вѣчно думающій, гордый, всыльчивый ребенокъ переносилъ несказанныя страданія въ Отенской школѣ, гдѣ онъ былъ вдали отъ родины и въ чуждой ему обстановкѣ. Онъ плохо говорилъ пофранцузски, а писалъ гіероглифами, потому неудивительно, что служилъ предметомъ насмѣшекъ со стороны товарищей, которые услыхавъ, что онъ назвалъ себя директору училища «Набулеоне де Буонапарте», начали дразнить его Набулеоне Булеоне и наконецъ «Paille-au-nez» (соломинка въ носу), каковое прозвище и осталось за нимъ. Товарищи не довольствовались личными насмѣшками, но чтобъ еще болѣе взбѣсить миниатюрнаго корсиканца, издѣвались надъ его родиной и соотечественниками, а онъ выходилъ изъ себя, сердился, пылилъ, бранился, даже дрался. Однажды въ классной комнатѣ онъ списывалъ что-то, стараясь исправить свою ужасную каллиграфію, какъ неожиданно одинъ изъ товарищей дернулъ его за куртку, «соломинка въ носу» мгновенно вскочилъ и, схвативъ линейку, лежавшую на столѣ, ударилъ ею два раза по лицу своего мучителя. «Ты за это посидишь въ карцерѣ», грозно заявилъ учитель. — «Вы можете посадить меня куда угодно, но я никому не позволю издѣваться надо мною», — отвѣтилъ ребенокъ. Хотя учитель и обѣщался, что никто болѣе не будетъ издѣваться надъ нимъ, но еще долго продолжались преслѣдованія товарищей, и хотя въ концѣ концовъ онъ кулаками добился, что его оставили въ покоѣ, но все-таки онъ продолжалъ быть мрачнымъ, одинокимъ, задумчивымъ, усердно трудолюбивымъ

ученикомъ. Впрочемъ въ Отенѣ онъ имѣлъ еще утѣшеніе разговаривать о роднѣ и семьѣ съ братомъ Иосифомъ, который также тамъ воспитывался. Но въ Бриенѣ онъ былъ положительно одинъ и еще болѣе чужестранецъ среди богатой, блестящей, знатной молодежи. Половина кадетъ щедро платили за свои школьные успѣхи, а половина получали казенныя стипендіи, но даже стипендіаты имѣли всегда при себѣ деньги, а тѣ и другіе пользовались привилегіями своего аристократическаго происхожденія. Они съ презрительнымъ любопытствомъ смотрѣли на маленькаго корсиканца, онъ казался имъ дикаремъ, съ его желтоватымъ цвѣтомъ лица, угловатыми манерами, грубыми выходками, отрывистой, неправильной рѣчью и многочисленными странностями. А онъ, конечно, ненавидѣлъ ихъ и завидовалъ каждому изъ своихъ приличныхъ, свѣтски полированныхъ 119 товарищей. Ихъ жизнь текла спокойно, весело. Онъ молча восхищался ихъ изящными манерами и умѣньемъ говорить, тогда какъ онъ все еще путался съ трудно произносимыми французскими словами, что возбуждало ихъ насмѣшки. А ничто болѣе насмѣшекъ не сердило его, и на всякую шутку онъ гордо отвѣчалъ гнѣвнымъ оскорбленіемъ. Съ презрительной улыбкой указывали товарищи на его вѣчно пустой карманъ и громко издѣвались надъ тѣмъ, что онъ не имѣлъ знатныхъ связей. Они постоянно хвастались своими знатными родственниками, рассказывали о придворныхъ праздникахъ, на которые они даже сами иногда приглашались, и вѣчно спрашивали его: «Неужели, де-Буонапарте, вы никого не знаете при дворѣ?» Съ прирожденной дѣтямъ жестокостью они показывали ему полученные отъ родителей подарки и говорили: «Отчего вы ничего не получаете изъ дома?» Бѣдный мальчикъ хорошо зналъ, что дома въ Аяціо ежедневно грозила нищета. Переписка его съ родителями, братьями и сестрами носить на себѣ неизгладимые слѣды самой печальной нужды, но вмѣстѣ съ тѣмъ она свидѣтельствуетъ объ его твердой рѣшимости энергично трудиться для того, чтобы вывести семью изъ ея затруднительнаго положенія. Его отецъ въ предсмертной агоніи восклицалъ: «Наполеоне, Наполеоне, приди и помоги мнѣ съ твоей большой саблей». Дѣйствительно его сынъ съ большой саблей съ молодости заботился о своей семьѣ и замѣнилъ ей рано умершаго отца. Онъ не только хорошо учился съ цѣлью оказать имъ впоследствии помощь, но какъ только достигъ подходящаго возраста, онъ сталъ хлопотать о возстановленіи семейныхъ правъ, подавалъ безконечныя прошенія и велъ многочисленные процессы. Въ Парижѣ, въ военной школѣ онъ снова имѣлъ дѣло съ богатой, знатной, праздною, легкомысленною молодежью. Ихъ роскошь оскорбляла его бѣдность, и онъ съ отвращеніемъ смотрѣлъ на ихъ веселую, развратную жизнь. Даже ихъ свѣтская, часто остроумная болтовня казалась ему ненавистной. Сдѣлавшись мелкимъ артиллерійскимъ офицеромъ, онъ испыталъ тѣ же нравственныя страданія, прикрывая ихъ гордымъ, холоднымъ, рѣзкимъ обращеніемъ. Скудное жалованье едва позволяло ему не умереть съ голода, а попытки литературными трудами заработать себѣ кусокъ хлѣба были вполне неудачными, такъ какъ онъ не отличался никакимъ литературнымъ талантомъ. Все это время онъ продолжалъ, какъ глава семейства, ходатайствовать передъ правительствомъ объ удовлетвореніи различныхъ претензій Буонапартовъ, но безъ малѣйшаго успѣха. Такъ проходили

первые годы его жизни уныло, печально, онъ много переносилъ лишеній и униженій, часто голодалъ, и ни одинъ свѣтлый учъ не освѣщалъ его мрачной обстановки. Развѣ только читая какую нибудь книгу, онъ поднималъ съ ея страницъ глаза, свѣтившіеся восторгомъ, и въ герояхъ исторіи онъ признавалъ своихъ настоящихъ друзей и собратій. Въ эти рѣдкія минуты онъ съ мягкой улыбкой сожалѣнія смотрѣлъ на окружавшихъ его блестящихъ, пустыхъ товарищей. Новый біографъ Наполеона разстается съ нимъ въ Тулонѣ, гдѣ онъ былъ юнымъ бѣглецомъ, безъ куска хлѣба, тогда какъ вся его родня спасалась изъ Корсики въ тотъ или другой французскій портъ, не имѣя ни малѣйшихъ средствъ къ жизни. Однако спустя шесть лѣтъ, Наполеоне Буонапарте сдѣлался первымъ консуломъ, а спустя еще пять лѣтъ императоромъ, щедро раздававшимъ престолы своимъ братьямъ и сестрамъ.

— Изъ воспоминаній турецкаго парламентаря. Турецкій генераль Иззетъ-паша вспоминаетъ на страницахъ «Revue de Paris», какъ ему пришлось быть парламентаремъ во время русско-турецкой войны въ началѣ января 1878 года ¹⁾. Это былъ тотъ моментъ, когда русская и турецкая арміи стояли лицомъ къ лицу на берегахъ рѣки Лома. Въ это время маршаль Мегеметъ-Али велѣлъ позвать къ себѣ Иззета, въ то время молодого двадцатитрехлѣтняго офицера, и сообщилъ ему, что придется отправиться въ русскій лагерь парламентаремъ: султанъ только что рѣшилъ приступить къ женевской конвенціи и намѣревается создать учрежденіе, сходное съ «Краснымъ крестомъ», подъ названіемъ «Хиламъ-Ахмеръ». Иззетъ, конечно, не могъ, отклонить этого предложенія. На чистокровной своей лошади «Тимуръ», въ сопровожденіи капитана турецкой арміи Хаджи, онъ на слѣдующее утро отправился въ путь. Безпрепятственно прошли они черезъ деревянный мостъ, перекинутый черезъ Ломъ, и вошли въ лѣсъ, гдѣ находились русскіе аванпосты. Здѣсь Иззетъ велѣлъ находившемуся при немъ трубачу подать знакъ трубою. Тотчасъ же показалось со всѣхъ сторонъ большое количество казаковъ съ пиками на вѣсу. Приближеніе ихъ заставило Иззета поблѣднѣть, но ему удалось, съ грѣхомъ пополамъ, объяснить, что онъ желаетъ видѣть офицера. Черезъ двѣ минуты появился молодой поручикъ, который немедленно же велѣлъ принести двѣ салфетки, которыми завязаны были глаза Хаджи и Иззету. Одновременно лошади обоихъ парламентарей были взяты подъ уздцы, и ихъ повели впередъ черезъ линію русскихъ аванпостовъ. Остановка была сдѣлана у большого сторожевого поста пѣхоты, гдѣ обонхъ плѣнниковъ ввели въ большую четырехугольную палатку; здѣсь Иззетъ напился «несравненнаго русскаго чая» и имѣлъ свиданіе съ генераломъ Прохоровымъ, начальникомъ аванпостовъ. Генераль, прежде всего, потребовалъ представленія ему бумаги о пропускѣ черезъ аванпосты. Иззетъ отвѣчалъ, что всѣ бумаги находятся въ мѣшкѣ, привязанномъ къ сѣдлу. Бросились къ сѣдлу: тамъ ихъ не оказалось. Иззету и товарищу его уже грозила опасная перспектива быть сочтенными за шпионовъ или перебѣжчиковъ, какъ догадались послать всадника осмотрѣть путь, по которому приведены были парламентары. Черезъ десять минутъ бумаги были

¹⁾ Général Izzet-pacha, «Cinq jours à l'armée russe» (Revue de Paris), 1 juin 1899.

найденъ: мѣшокъ съ ними, оказалось, отвязался отъ сѣдла и упалъ на дорогу. Этими, однако, волненія Иззета не закончились. Генераль Прохоровъ заявилъ ему, что о прибытіи парламентаря будетъ доложено главнокомандующему, но что, пока не получитъ отвѣта отъ этого послѣдняго, Иззету придется остаться на аванпостахъ. Этому-то именно оба турка, какъ Иззетъ, такъ и Хаджи, не ожидали. Мегеметъ-Али, прощаясь съ парламентаремъ, сказалъ ему, чтобы онъ постарался возможно скорѣе достигнуть главной квартиры: на слѣдующій день турецкій маршалъ имѣлъ въ виду начать атаку по всей линіи. Иззетъ, съ одной стороны, боялся настаивать, чтобы его отправили дальше; эти настоянія могли бы навести русскаго генерала на мысль о близости атаки. Съ другой стороны, становилась очень вѣроятною возможность погибнуть отъ выстрѣловъ своихъ же соплеменниковъ. Пришлось, гѣмъ не менѣе, покориться. Всю ночь парламентарь не въ состояніи былъ сомкнуть глазъ. Лишь подъ утро усталость взяла свое, Иззетъ уснулъ, но лишь для того, чтобы черезъ немного минутъ проснуться отъ гула канонады. По всей линіи, отъ Рущука до Османъ-Базара, гудѣли турецкія пушки. За пушками раздалась ружейная пальба, а потомъ пошла атака на штыкахъ. Албанскіе баталіоны дивизіи Сали-Сарима надвигались какъ разъ на то мѣсто, гдѣ находились парламентары. Турецкая атака была такъ неожиданна, что объ Иззетѣ и его спутникѣ совершенно забыли. Они остались одни въ четырехугольной палаткѣ, у каждаго угла которой стояло по часовому. Нѣсколько пуль уже успѣли пробить полотно палатки, и одинъ изъ часовыхъ, раненный нѣсколькими пулями, упалъ, уничтоживъ на половину палатку и придавивъ собою Хаджи. Тутъ Иззетъ уже не выдержалъ. На своей визитной карточкѣ онъ написалъ нѣсколько словъ и знаками и словами умолилъ одного изъ часовыхъ отнести эту записку генералу Прохорову. Прошло полчаса. Раздался грохотъ повозки, прибылъ гусарскій офицеръ, взявъ Иззета за руку, усадилъ его въ повозку, завязалъ ему снова платкомъ глаза и укатилъ съ нимъ раньше, чѣмъ тотъ успѣлъ спросить, что же будетъ съ Хаджи и съ лошадей. Новый провожатый Иззета оказался ординарцемъ генерала Гана, Гашимъ-беємъ, кавказцемъ и мусульманиномъ по рожденію. Повозка остановилась у помѣщенія главной квартиры командира 16-й дивизіи. Здѣсь подъ грохотъ канонады Иззетъ за длиннымъ столомъ, вокругъ котораго сидѣло много офицеровъ, пообѣдалъ и подкрѣпился виномъ; обѣдъ этотъ такъ почему-то врѣзался ему въ память, что онъ приводитъ длинное меню его. Изъ участниковъ трапезы онъ сохранилъ въ своей памяти лишь фамиліи генерала Гана и командира кавалерійской дивизіи Мануилова. Такъ какъ главнокомандующій великій князь уже былъ извѣщенъ о прибытіи парламентаря, то пришлось слѣзти къ нему. Поѣхали въ таратайкѣ, которая однако оказалась совершенно неподходящею для болгарскихъ дорогъ: посерединѣ пути она опрокинулась, и Иззетъ до крови разбилъ себѣ голову. Пришлось пересѣсть на лошадей и поѣхать верхомъ. Такъ какъ въ мѣстахъ, черезъ которыя вель путь, не приходилось наблюдать передвиженія войсковыхъ массъ, то Иззету было позволено снять повязку съ глазъ. Парламентарь не замедлил воспользоваться этою льготою. По виду мѣстности онъ сообразилъ, гдѣ находится, и даже сумѣлъ сдѣлать заключеніе о положеніи дѣлъ Османъ-паши у Шлевны.

Все замѣченное онъ не преминулъ сообщить, по возвращеніи, своему начальству. По дорогѣ Иззету пришлось познакомиться съ русскимъ полковникомъ, фамилію котораго онъ забылъ. Оба оказались хорошими знатоками Парижа и проболтали нѣсколько часовъ о Сарѣ Бернарѣ, Жюдикѣ и т. п. Наконецъ, Иззетъ достигъ цѣли своего путешествія: онъ прибылъ къ огромной искусно устроенной палаткѣ главнокомандующаго, которая поразила его отсутствіемъ всякой роскоши и чрезвычайной простотою убранства. Аудіенція у великаго князя продолжалась лишь нѣсколько минутъ. Иззетъ сообщаетъ, что, помимо вопросовъ о специальной цѣли прибытія парламентаря, великій князь предложилъ слѣдующее: «Правда ли, что говорятъ, будто съ Османъ-пашею въ Плевнѣ находится бывший французскій маршалъ Базэнъ?» Иззетъ отвѣчалъ, что эти слухи совершенно неосновательны, хотя бы уже потому, что дѣйствія Базэна въ 1870 г. заслужили ему всеобщее презрѣніе, между тѣмъ какъ Османъ-паша возбуждаетъ лишь удивленіе. Послѣ аудіенціи парламентаръ въ сопровожденіи нѣсколькихъ русскихъ офицеровъ отправился въ обратный путь. Когда онъ подъѣзжалъ къ турецкимъ аванпостамъ, чуть не произошелъ непріятный инцидентъ. Передовой отрядъ черкесскихъ всадниковъ, не имѣвшихъ понятія о парламентарскомъ знакѣ, чуть не напалъ на русскихъ проводниковъ Иззета. Лишь при помощи хитрости турецкому офицеру удалось заманить черкесовъ въ ближайшій постъ регулярной турецкой арміи, гдѣ на время ихъ обезоружили, а нѣкоторыхъ даже связали и бросили въ разградскую тюрьму, чтобы удержать ихъ отъ погони за проводниками, которыхъ лошади имъ приглянулись. Вернувшись къ своимъ, Иззетъ узналъ, что Хаджи, котораго въ суматохѣ утренней схватки всѣ забыли, сумѣлъ удачно перебѣжать къ албанцамъ, которые шли на приступъ противъ русскихъ аванпостовъ. Лошадь свою Иззетъ успѣлъ найти еще раньше: она также уцѣлѣла во время атаки. Въ тотъ же день Иззетъ по телеграфу былъ вытребованъ въ Константинополь, гдѣ султанъ попросилъ его пересказать ему лично впечатлѣнія, вынесенныя изъ русскаго лагеря. Съ личными приказаніями султана Иззетъ вернулся къ Мегемету-Али. Какъ парламентаръ, Иззетъ проѣхалъ почти тысячу сто километровъ, изъ нихъ триста съ завязанными глазами. Какъ сообщаетъ редація «Revue de Paris», въ настоящее время Иззетъ-паша командиръ кавалеріи въ Алеппо.

— Генералъ Драгомировъ чрезъ французскія очки. Одному французскому офицеру, романисту и сотруднику «Revue des Deux Mondes», подъ псевдонимомъ Аръ-Роэ пришла въ голову мысль побрататься съ русскимъ полкомъ того же оружія и вомера, какъ тотъ, въ которомъ онъ служилъ во Франціи. Узнавъ объ этомъ намѣреніи, генералъ Драгомировъ пригласилъ француза въ Кіевъ и возилъ его съ собой на инспекторскіе смотры войскъ, расположенныхъ въ Кіевскомъ округѣ, до австрійской границы. Плодомъ этого пребыванія въ русской арміи французскаго офицера явилась книжка подъ заглавіемъ «Mon regiment russe» (мой русскій полкъ)¹⁾, въ которой авторъ рассказываетъ довольно живо и мѣстами даже картинно впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ русской военной жизни, съ которой онъ познакомился на мѣстѣ, въ

¹⁾ Mon regiment russe, par Art Roë, Paris, 1899.

обществѣ генераловъ, офицеровъ и солдатъ, какъ въ Кіевѣ и Ровнѣ, гдѣ стоялъ его полкъ, такъ и на бивакахъ и на пути слѣдованія полковъ съ мѣста на мѣсто. Кромѣ нравовъ и обычаевъ военнаго люда, онъ, конечно, говоря о Кіевѣ, рассказываетъ по Нестору, какъ крестился русскій народъ; Дубно служить ему поводомъ къ повѣствованію о Тарасѣ Бульбѣ и казакахъ; Кременецъ возбуждаетъ въ немъ память о послѣднихъ дняхъ Польши. Замѣчательно, что, несмотря на обычное легкомысліе французовъ, даже ученыхъ, когда дѣло идетъ о Россіи, этотъ французскій офицеръ, очевидно, навелъ справки о всемъ, что пишеть, и у него почти не встрѣчается ошибокъ. Наибольшій интересъ представляетъ глава, посвященная Михаилу Ивановичу Драгомирову, и въ ней дословно приводятся бесѣды француза съ извѣстнымъ генераломъ, который откровенно и подробно объяснилъ ему не только свои военныя теоріи, но и философскіе взгляды. Между прочимъ философское настроеніе Драгомирова доказывается, кромѣ высказываемыхъ имъ мнѣній, и тѣмъ фактомъ, что, по словамъ Аръ-Роэ, въ его комнатѣ, въ Кіевѣ, лежатъ на маленькомъ столикѣ рядомъ сабля, Библия и Спиноза. «Меня всего болѣе интересуетъ, говорилъ, между прочимъ, Драгомировъ молодому французу, человѣческая толпа и факты нравственной коллективной жизни. Вотъ до чего я додумался въ этомъ отношеніи. По моему убѣжденію, прогрессъ въ мысляхъ или вѣрованіяхъ человѣческой массы производится путемъ физиологическимъ, а не логическимъ. Я убѣжденъ, что въ этой аксіомѣ заключается вся премудрость. Стэндалъ ее уже отчасти высказалъ, говоря, что необходимо полтораэта лѣтъ для усвоенія народомъ какой нибудь идеи. Онъ, конечно, имѣлъ въ виду новыя политическія идеи, которыя съ такимъ трудомъ переменяютъ старый порядокъ вещей, какъ, на примѣръ, идея о республикѣ, которая болѣе ста лѣтъ волнуетъ Францію и не можетъ быть принята до сихъ поръ единогласно». Затѣмъ Драгомировъ сталъ подробно развивать свои мысли о постепенной эволюціи сознанія массы, которая вовсе не составляетъ суммы индивидуальныхъ сознаній, а является ихъ конечнымъ выводомъ и получается путемъ не сложенія, а вліянія всего, что имѣютъ общаго индивидуальныя сознанія. Переходя къ военной ассоціаціи, онъ выражаетъ то мнѣніе, что это не что иное, какъ взаимное страхованіе противъ внѣшней опасности, при чемъ взаимнѣ общей безопасности каждое изъ страхующихъ себя лицъ отдаетъ часть своей личной свободы. Дисциплина, мундиръ, ученія, усталости и наказанія, вотъ уступки, требуемыя отъ индивидуальной воли. Далѣе Драгомировъ указываетъ, что исторія постоянно колеблется между людьми мысли и людьми дѣйствія, что царство разума долго не продолжается, и въ концѣ концовъ логика слагаетъ свое оружіе передъ физиологіей. «Если судить по послѣднимъ философскимъ произведеніямъ, замѣчаетъ онъ, то Гартманъ, Шопенгауеръ и Нитше обнаруживаютъ, что скорѣ насъ ожидаютъ дни, когда воля возьметъ верхъ надъ мыслью. Шекспиръ понялъ, что вся жизнь человѣческая заключается въ страшной дилеммѣ — быть или не быть. Онъ создалъ Гамлета, существо утонченное, нервное, которое вѣчно думаетъ и рефлексуетъ, но дѣйствуетъ только случайно, скачками; а рядомъ онъ создалъ другой типъ Отелло, храбраго, страстнаго, впечатлительнаго, довѣрчиваго, который разомъ переходитъ къ дѣйствию безъ всякаго размышленія

Вокруг этих крайних полюсов группируются все характеры, как действительные, так и вымышленные». Эту борьбу между «быть или не быть», между мыслью и действием Драгомировъ видитъ особенно въ военномъ дѣлѣ, напримѣръ, въ положеніи главнокомандующаго передъ битвою. Все зависитъ отъ него. Надо вступать въ бой или нѣтъ? Онъ долженъ это рѣшить, и отъ его рѣшенія зависитъ сознательная жертва человѣческими массами. Хотя, по словамъ Драгомирова, нѣтъ правилъ, которыя могли бы регламентировать массу, но за отсутствіемъ правилъ есть форма или условія общаго дѣйствія, и хотя главнокомандующій долженъ одинъ рѣшать, какъ и когда дѣйствовать, но его инстинктивная воля подсказывается ему лишь сознаниемъ общаго дѣйствія. Такимъ образомъ Драгомировъ приходитъ къ своему главному выводу, что войска не механическія соединенія, а живые организмы, и что главнокомандующій находится со своей арміей въ живой органической связи. Драгомировъ не математикъ, какъ старинные доки военного дѣла, напримѣръ, Клаузевицъ, а физиологъ и въ качествѣ физиолога подвергаетъ анатомическому изученію все части военного организма, а затѣмъ переходитъ къ его послѣдованію физиологическому и психологическому. Въ его глазахъ военная педагогія тѣсно связана съ развитіемъ военного дѣла. Съ обычной французу любовью къ формуламъ, которую подмѣтилъ въ немъ и Драгомировъ, Аръ-Роэ сводитъ все теоріи Драгомирова къ позитивизму дѣйствія и опредѣляетъ этотъ позитивизмъ дѣйствія тѣмъ, «что, идеи порожденныя дѣйствіемъ, должны и выразиться дѣйствіемъ».

— Смерть Людвигъ Бюхнера. Очень мало замѣченною нѣсколько недѣль тому назадъ прошла смерть Людвигъ Бюхнера, въ свое время гремѣвшаго, особенно у насъ, апостола матеріализма. Родившійся въ Дармштадтѣ въ 1824 г. Людвигъ Бюхнеръ слушалъ лекціи по медицинѣ въ Гиссенѣ, въ французскомъ университетѣ въ Страсбургѣ, наконецъ въ Вѣнѣ, а потомъ былъ практикующимъ врачомъ въ родномъ своемъ городѣ. Отсюда онъ приглашенъ былъ на кафедру Тюбингенскаго университета, и въ 1855 году, въ Тюбингенѣ, написалъ свою книгу о «Силѣ и матеріи» (*Kraft und Stoff*), въ которой излагалъ свои философскія убѣжденія. Эта книга надѣлала много шума во всей Европѣ, а въ Тюбингенскомъ университетѣ подняла такой скандалъ, что Бюхнеръ принужденъ былъ оставить кафедру и вернуться въ Дармштадтъ для медицинской практики. Въ этомъ городѣ онъ и умеръ 1-го мая новаго стиля 1899 года. Кромѣ ряда спеціальныхъ физиологическихъ и патологическихъ трактатовъ, онъ написалъ большое количество популярно-научныхъ книгъ, главнымъ образомъ для пропаганды и разъясненія дарвиновской теоріи, которую онъ отчасти предугадалъ въ своемъ первомъ трудѣ. Изъ всехъ его книгъ самая извѣстная «Сила и матерія», то самое сочиненіе, которое съ такимъ усердіемъ въ «Отцахъ и Дѣтяхъ» Тургенева пропагандируетъ Базаровъ. Книга эта въ теченіе пяти лѣтъ выдержала семь изданій. вмѣстѣ съ сочиненіями Молешота она обозначала собою реакцію противъ идеалистическихъ системъ Фихте, Шеллинга и Гегеля, а вмѣстѣ съ тѣмъ возобновленіе матеріализма. Матеріализмъ Бюхнера вызванъ былъ его интересомъ къ естественнымъ наукамъ и вліяніемъ на него сенсуалистическаго ученія Фейербаха. Этимъ объясняются особенности

ученія Бюхнера сравнительно съ прежними механическими и математическими воззрѣніями на природу. Единственнымъ и общимъ принципомъ въ мірѣ Бюхнеръ ставитъ «активную матерію», которая сама въ себѣ содержитъ силу. «Нѣтъ силы безъ матеріи, и нѣтъ матеріи безъ силы»—это положеніе было основой его ученія. Въ настоящее время ученіе Бюхнера, нѣкогда являвшееся евангеліемъ матеріалистовъ, представляетъ лишь историческій интересъ. На Бюхнера можно смотрѣть, какъ на предшественника Спенсера, не столько по содержанію его ученія, сколько по методу.

— Вѣнскій конгрессъ. О вѣнскомъ конгрессѣ 1815 года писано очень много, но постоянно выходятъ новыя о немъ книги и журнальныя статьи, въ которыхъ или выражаются оригинальные взгляды на главныхъ дѣйствующихъ лицъ этого конгресса, или приводятся неизвѣстныя подробности вѣнской жизни того времени. Такимъ образомъ въ послѣдней книжкѣ «Revue historique» французскій историкъ Альберъ Пенго, авторъ многихъ сочиненій объ эмигрантахъ во время революціи и Имперіи, характеризуетъ со своей точки зрѣнія политику Талейрана на вѣнскомъ конгрессѣ, а анонимный нѣмецкій писатель напечаталъ любопытный очеркъ увеселительной стороны вѣнскаго конгресса ¹⁾. Какъ извѣстно, роль Талейрана обсуждается различно французскими историками. Одни, въ томъ числѣ Тьеръ, обвиняютъ ловкаго дипломата въ томъ, что онъ не принялъ предложенія Россіи, не поддержалъ ея интересовъ и не заключилъ союза между Франціей, Россіей и Пруссіей, а другіе одобряютъ его выборъ соглашенія съ Англіей и Австріей. Пенго присоединяется къ послѣднимъ и доказываетъ, что Талейранъ выказалъ на вѣнскомъ конгрессѣ смѣлый патріотизмъ и великія достоинства крупнаго политическаго дѣятеля. Онъ указываетъ, что франко-австро-англійская армія была могущественнѣе прусско-русской, что Франція и Англія нуждались другъ въ другѣ въ коммерческомъ отношеніи, и что наконецъ австрійскій союзъ обѣщалъ быть надежнѣе русскаго. Что касается до книги германскаго ученаго, который предпочелъ скрыть свое имя, то она представляетъ любопытную и невиданную доселѣ картину развлеченій вѣнскаго конгресса, который, по словамъ стараго принца де-Линя, «танцевалъ, но не пелъ впередъ». Въ продолженіе двадцати-мѣсячнаго существованія этого конгресса его члены, какъ государи, такъ и дипломаты, искали отдохновенія, въ свободное время, отъ политическихъ интригъ и дипломатическихъ разсужденій въ художественныхъ развлеченіяхъ. Наибольшую роль въ этихъ развлеченіяхъ игралъ театръ, и въ сценическихъ представленіяхъ принимали участіе не только актеры и актрисы, но и любители. Тогда въ Вѣнѣ были четыре главныхъ театра: два казенныхъ:—Burg-Theater, Kaerntnerthor-Theater, и два частныхъ—An der Wien и Leopold-Stadt-Theater. Но по распоряженію императора во всѣхъ этихъ театрахъ одинаково былъ предоставленъ даровой входъ, какъ государямъ и дипломатамъ, такъ и ихъ свитѣ. На казенныхъ сценахъ давались пьесы Шиллера и оперы, но державные и знатные гости

¹⁾ Le Congres de Vienne et la politique de Talleyrand, par Albert Pengaud. Revue historique. Mai-juin. 1899.

Der Wiener Congress. Culturgeschichte. Wien. 1899.

Вѣны предпочитали болѣе народный Леопольдъ-Штадтскій театръ, гдѣ тогда давались преимущественно пантомимы и балеты. Яковъ Гриммъ, бывшій въ то время въ Вѣнѣ, писалъ, между прочимъ, своему брату о популярномъ итальянскомъ мимѣ, Райнальди, составлявшемъ славу Леопольдштадтскаго театра. «Этотъ арлекинъ удивительно ловокъ и забавенъ, такъ что, смотря на него, я провелъ съ удовольствіемъ время въ театрѣ!» Однако наиболѣе блестящіе спектакли конгрессъ, такъ сказать, устраивалъ самъ для себя. Между его молодыми членами и семействами старыхъ составила замѣчательная группа любителей съ громкими именами: Эстергази, Зичи, Метернихъ, Радзивиллы, Лихтенштейнъ и т. д. Режиссерами этой аристократической труппы были балетмейстеры Дюпонъ и Омэ, а спектакли состояли изъ французской пьесы Этьена: «Le Pascha de Surenne» и живыхъ картинъ, заимствованныхъ изъ знаменитыхъ произведеній Рембрандта, Гвидо-Рени, Рубенса и Ванъ-Дика. Между любимыми развлеченіями членовъ вѣнскаго конгресса было еще оригинальное зрѣлище «огневыхъ пантомимъ», какъ называлъ австрійскій пиротехникъ, Штуверъ, устраиваемые имъ оригинальные фейерверки, которые изображали цѣлыя романическія исторіи. Наибольшій успѣхъ имѣли «Несчастія молодого Вертера, заимствованныя изъ Гётѣ». Ловкій пиротехникъ изошрился представить въ первой картинѣ своей огневой пантомимы Вертера, объясняющаго свою пламенную любовь Шарлотѣ подъ вишневымъ деревомъ въ цвѣту, а во второй картинѣ его пламенные рѣчи, поднявшись огненными языками къверху, превращали цвѣты въ красныя ягоды, которыя падали прямо въ руку влюбленной пары. По ироніи судьбы суждено было членамъ вѣнскаго конгресса покончить свое веселое существованіе въ театрѣ: 6-го марта, находясь въ Бургъ-театрѣ, государи и дипломаты неожиданно обнаружили непонятное волненіе. Императоръ Александръ пожелтѣлъ, какъ лимонъ, а Талейранъ, вѣчно невозмутимый, то блѣднѣлъ, то краснѣлъ. Представленіе продолжалось, но въ антрактахъ слышенъ былъ шепотъ: «надо его затравить, какъ бѣшеную собаку». Дѣло было въ томъ, что случилось извѣстіе о высадкѣ на французскомъ берегу Наполеона, бѣжавшаго съ острова Эльбы. Послѣ этого памятнаго вечера вѣнскій конгрессъ продолжался три еще мѣсяца, но уже никто на немъ болѣе не забавлялся.

— Европейская героиня. Такъ называлъ на Св. Еленѣ Наполеонъ графиню Лаваллетъ, которая снасла изъ тюрьмы своего мужа, одного изъ видныхъ Наполеоновскихъ сподвижниковъ, приговореннаго къ смерти во время реставраціи за его участіе въ возвращеніи Наполеона, съ острова Эльбы. Эта романтическая исторія хорошо извѣстна, но по случаю недавняго успѣха на Парижскомъ театрѣ «Vaudeville» пьесы Моррѣ «Madame de Lavallette» графъ Флери напечаталъ въ «Revue hebdomadaire» подробный рассказъ о жизни и подвигѣ «европейской героини», на основаніи невѣдомыхъ до сихъ поръ семейныхъ документовъ и личныхъ рассказовъ родственниковъ графини Лаваллетъ¹⁾. Она была племянница Жозефины, по мужу, и дочь маркиза Богарне, который развелся съ ея матерью, также по фамиліи Богарне. Жозефина помѣстила ее маленькой дѣвоч-

¹⁾ Madame de Lavallette, par le comte Fleury.—Revue hebdomadaire, 13 mai—3 juin 1899.

кой въ знаменитый пансіонъ г-жи Кампанъ, и 17 лѣтъ она была прелестнымъ нѣжнымъ, хорошо воспитаннымъ созданіемъ. Наполеонъ вмѣстѣ съ женою посѣщалъ ее въ пансіонѣ, и существуетъ легенда, что она была влюблена въ его брата Люсьена, и по этой ли причинѣ или просто по капризу Наполеонъ, всегда любившій устраивать свадьбы, выдалъ ее замужъ за своего адъютанта Лаваллетта передъ самымъ отъѣздомъ въ египетскую экспедицію. Молодая дѣвушка и молодой офицеръ безмолвно повиновались уже тогда не признававшей сопротивления волѣ Наполеона, и, спустя двѣ недѣли послѣ брака, Лаваллеттъ уѣхалъ въ Египетъ. Происходя изъ мелкой, буржуазной семьи, но отличавшійся блестящимъ умомъ и хорошимъ воспитаніемъ, онъ пользовался дружескимъ расположеніемъ Наполеона и послѣ возвращенія во Францію изъ Египта быстро высился, но не въ вѣнной, а гражданской службѣ. Сначала онъ былъ посланникомъ въ Дрезденѣ и въ Берлинѣ, а затѣмъ, получивъ графскій титулъ, главнымъ начальникомъ почты въ продолженіе 12-ти лѣтъ. Жена его Эмилиа, будущая героиня, исполняла должность придворной дамы у Жозефины, сдѣлавшейся императрицей. Примѣрная жена и мать, графиня Лаваллеттъ жила спокойно и мирно, не подозрѣвая въ себѣ никакихъ геройскихъ инстинктовъ до той минуты, какъ ея мужъ былъ отданъ подъ судъ бурбонской реставраціей послѣ ста дней, во время которыхъ онъ игралъ довольно видную роль. Хотя его главнымъ образомъ обвиняли въ томъ, что онъ содѣйствовалъ возвращенію Наполеона въ Парижъ, но ничто не доказывало этого факта, и онъ былъ вполне увѣренъ въ своей невинности, т. е. въ томъ, что онъ перешелъ на сторону Наполеона, только когда Бурбоны бѣжали изъ Парижа, и вся Франція привѣтствовала Наполеона подобно его собственнымъ судьямъ, но реакція въ то время такъ свирѣпствовала, что Лаваллетта приговорили къ смерти, и всѣ попытки, какъ его жены, такъ и старыхъ друзей: маршала Мормона и герцога Паскье, не могли уговорить Людовика XVII отмѣнить смертную казнь. Онъ такъ упорствовалъ, что даже не согласился замѣнить гильотину разстрѣляніемъ, о чемъ ходатайствовалъ самъ Лаваллеттъ, вспомнившій, что онъ когда-то былъ офицеромъ. Видя, что ей нечего было надѣяться на королевское милосердіе, графиня Лаваллеттъ наканунѣ дня, назначеннаго для казни мужа, задумала и устроила его бѣгство изъ тюрьмы Консьержри. Правда, ей помогли въ этомъ княгиня Водемонъ, старый другъ мужа Бодюсъ и Брессонъ съ женою, которая еще во времена террора поклялась когда нибудь спасти жизнь политическаго преступника въ память того, что добрые люди оказали содѣйствіе бѣгству ея мужа, бывшаго жирондиста, но главную роль въ этой романтической исторіи играла она сама. Пользуясь своей болѣзнью и тѣмъ, что ее приносили въ тюрьму въ закрытомъ паланкинѣ, она на послѣднемъ свиданіи съ мужемъ надѣла на него свой костюмъ, а сама спряталась за ширму, пока Лаваллеттъ медленно шелъ изъ тюремной келіи и во дворѣ сѣлъ въ паланкинъ, который былъ осторожно вынесенъ на улицу надежными людьми подъ руководствомъ переодѣтаго Бодюсса. Тамъ онъ пересѣлъ въ приготовленный кабриолетъ и благополучно доставленъ Бодюссомъ въ офиціальныи кабинетъ Брессона, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, гдѣ онъ служилъ директоромъ департамента. Между тѣмъ графиня Лаваллеттъ должна была вступить въ борьбу съ тюремщикомъ, который случайно заглянулъ въ

келію арестанта, приговореннаго къ смерти, и, увидѣвъ тамъ вмѣсто него женщину, поднялъ крикъ. Бѣдная женщина схватила тюремщика за одежду, чтобы его удержатъ отъ погони за мужемъ, и хотя послѣ героической борьбы должна была выпустить его изъ рукъ, но она выиграла время и дала возможность мужу спастись. Насколько эта драка была упорна, доказываетъ тѣмъ, что у графини осталась въ рукахъ часть одежды тюремщика. Во всякомъ случаѣ ея подвигъ былъ совершенъ, и хотя ее арестовали, но вскорѣ выпустили на свободу, такъ какъ даже реакціонное правительство Людовика XVIII не рѣшилось преслѣдовать судебнымъ порядкомъ жену за спасеніе мужа. Однако весь офціальный Парижъ пришелъ въ бѣшенство, узнавъ о бѣгствѣ Лаваллетта, и въ особенности негодовалъ король, который сказалъ своему любимцу Деказу: «Смотрите, еще скажутъ, что мы тайно устроили бѣгство». Эта фраза гораздо вѣроятнѣе въ устахъ Людовика XVII, чѣмъ другія приписываемыя ему слова современной легендой: «Графиня Лаваллеттъ одна исполнила свой долгъ». Выразился ли такъ или нѣтъ французскій король, но исполнившая свой долгъ женщина дорого за это поплатилась. Проведя нѣсколько дней въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, гдѣ, конечно, не думалъ никто его искать, Лаваллеттъ благополучно выбрался изъ Парижа и достигъ нидерландской границы, благодаря помощи трехъ благородныхъ англійскихъ офицеровъ, вызвавшихся содѣйствовать княгинѣ Водемонъ въ этомъ смѣломъ предпріятіи. Гучинсонъ, Брюссъ и Вильсонъ, какъ звали этихъ великодушныхъ англичанъ, были подвергнуты по суду трехмѣсячному тюремному заключенію, но всего болѣе пострадала сама графиня Лаваллеттъ, явившаяся въ процессѣ трехъ англичанъ въ качествѣ свидѣтельницы: она сошла съ ума. Когда ея мужъ былъ прощенъ Людорикомъ XVIII въ 1822 году и вернулся во Францію, то вмѣсто жены засталъ больную, никого не узнававшую и подверженную то тихому сумасшествію, то буйному бѣшенству. По словамъ графа Флери, въ семьѣ Лаваллеттъ сохранилось преданіе, что несчастная геронья сошла съ ума не отъ перенесенныхъ ею тревоженій, во время спасенія мужа, а отъ того, что она случайно нашла въ письменномъ столѣ мужа доказательство его измѣны. Какъ бы то ни было бѣдная женщина пережила мужа, который посвятилъ всю остальную свою жизнь уходу за ней и составленію своихъ мемуаровъ; она умерла 18 іюня 1855 года въ глубокой старости и все въ томъ же безсознательномъ положеніи. Впрочемъ, графъ Генри Пдевиль рассказывалъ графу Флери, что за нѣсколько времени до своей смерти графиня Лаваллеттъ, жившая у своей дочери, баронесы Фарже, подзвала его, тогда маленькаго мальчика и сказала: «Посмотри мою руку, какая она слабая, она теперь не удержитъ тюремщика». Такимъ образомъ несчастная героиня иногда помнила, хотя и смутно, о совершенномъ ею подвигѣ.

— Боецъ за свободу печати въ Англии. Мистриссъ Карлайль-Камбель напечатала любопытную біографію своего отца подъ оригинальнымъ названіемъ: «Борьба печати, какъ она выразилась въ жизни Ричарда Карлайля» ¹⁾. Этотъ совершенно забытый и болѣе чѣмъ скромный герой борьбы англійской

¹⁾ «The Battle of the Press, as told in the story of the life of Richard Carile», by his daughter, Theophila Carlile Campbell. London. 1899.

печати за свободу представляет благородный типъ возвышеннаго энтузіаста, стремящагося во что бы то ни стало въ достиженію своего идеала. Родившись въ 1790 году и происходя изъ семьи рабочихъ, Ричардъ Карлайль началъ жизнь ученикомъ въ мастерской жестяника. 26 лѣтъ онъ сталъ писать статьи въ радикальной газетѣ «None's Register», а когда въ 1817 году эта газета перестала издаваться, Каббетъ бѣжалъ въ Америку, и наступила тяжелая торійская реакція, то Карлайль, видя, что никто не рѣшается продавать на улицахъ радикальныя брошюры и листки, взялся за это ремесло, хотя прекрасно зналъ, что ему грозила тюрьма. «Я хотѣлъ лично принять участіе въ борьбѣ, говорилъ онъ впоследствии, и скорѣе желалъ попасть въ тюрьму, чѣмъ избѣгнуть ея». Два года спустя, онъ присутствовалъ при Манчестерской рѣзнѣ и, прочитавъ благодарность принца регента за сохраненіе полиціей порядка, написалъ рѣзкій и справедливый разсказъ о всѣхъ звѣрствахъ, учиненныхъ полиціей при избіеніи мирной толпы, собравшейся на исполнѣ законный митингъ. За это онъ былъ привлеченъ къ суду вмѣстѣ съ извѣстнымъ радикальнымъ дѣятелемъ, сѣромъ Франсисомъ Бурдетомъ, и каждого изъ нихъ приговорили къ штрафу въ 1500 стерлинговъ. Бурдетъ заплатилъ штрафъ, а Карлайль отказался, хотя друзья его предлагали собрать по подпискѣ необходимыя деньги. Просидѣвъ въ тюрьмѣ шесть лѣтъ, онъ продолжалъ свою борьбу за свободу печати и общественныхъ собраній. Вторично онъ попалъ въ тюрьму за продажу брошюры Томаса Пэна и за написанную имъ пародію англиканской церковной службы, хотя въ сущности онъ не былъ атеистомъ и проповѣдовалъ чистый деизмъ. Чтобы имѣть возможность произносить рѣчи на чистомъ воздухѣ, онъ даже выдавалъ себя за пастора и прописался подъ этимъ званіемъ, что его дочь называетъ военной стратагемой. Хотя власти его постоянно преслѣдовали, какъ нарушителя общественнаго спокойствія, но всѣ, кто знали его, свидѣтельствуютъ, что это былъ прекраснѣйшій человекъ, достойный уваженія и любви. Въ послѣднемъ отношеніи его жизнь представляется патетическимъ риманомъ. Элиза Шарплесъ, молодая, красивая, знатная и богатая дама, влюбилась въ скромнаго бойца идеи и пожертвовала для него семьей, положеніемъ въ свѣтѣ и добрымъ именемъ. Ихъ отношенія напоминаютъ связь Джорджи Эліотъ съ Генри Люисомъ съ тѣмъ только различіемъ, что подъ конецъ они повѣнчались. Въ 1842 году Карлайль умеръ также не замѣтно для окружающаго міра, какъ и жилъ, хотя онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ рядовыхъ въ арміи прогресса, безъ которыхъ немислимъ самый прогрессъ. Только теперь, почти полвѣка послѣ его смерти его дочь рѣшилась спасти имя отца и матери, которая всегда называла себя Изидой, отъ неизвѣстности и сохранить для будущихъ поколѣній имена этихъ благородныхъ бойцовъ за свободу.

— Кооперативная біографія Гладстона. Въ ожиданіи выхода въ свѣтъ біографіи Гладстона, которую пишетъ, по порученію его семьи, Джонъ Мирлей, Гладстоновская литература растетъ съ каждымъ днемъ. Только что вышелъ громадный томъ біографіи народнаго Вильяма, которую можно назвать кооперативною, потому что она составляетъ сборникъ статей о Гладстонѣ съ различныхъ точекъ зрѣнія и принадлежащихъ кооперативному труду цѣлаго ряда исполнѣ компетентныхъ и близко знавшихъ Гладстона писате-

лей¹⁾. Издатель этой книги сэръ Вэмисъ Ридъ, авторъ многихъ извѣстныхъ трудовъ по современной биографіи, написалъ общую оцѣнку своего героя и вмѣстѣ съ Росселемъ нарисовалъ картину «Гладстонъ въ обществѣ». Пасторъ Макколь, другъ и сподвижникъ Гладстона, представляетъ его характеристику, какъ богослова. Артуръ Бутлэръ распространяется о немъ, какъ объ ученомъ, а пасторъ Туквэль, какъ о критикѣ. Наконецъ, Люси оцѣниваетъ его, какъ оратора, Робинсъ говоритъ объ его предкахъ и дѣтствѣ, а анонимный авторъ, знающій, по словамъ Рида, до тонкости то, о чемъ онъ пишетъ, даетъ очеркъ домашней жизни Гладстона. Что касается до общаго очерка политической жизни величайшаго государственнаго человѣка нашихъ дней, то онъ принадлежитъ перу Гирета. Хотя въ этомъ обстоятельномъ и толково составленномъ очеркѣ мало новаго, но все-таки автору удалось найти нѣсколько неизвѣстныхъ чертъ въ его первоначальной политической дѣятельности.

— Смерть Кастелара и Розы Боннёръ. Въ послѣднихъ числахъ мая умерли первый ораторъ нашего времени испанецъ Кастеларъ и первая женщина живописецъ XIX вѣка, французженка Роза Боннёръ. Западная печать переполнена статьями и воспоминаніями объ этихъ двухъ знаменитыхъ покойникахъ. Донъ-Эмилио Кастеларъ-и-Ризоль, уроженецъ Андалузіи, родился въ Кадиксѣ 8-го сентября 1832 года и получилъ воспитаніе сначала въ Эльуской коллегіи, близъ Аликанте, а потомъ въ Мадридскомъ университетѣ, гдѣ, блестяще окончивъ курсъ, онъ получилъ кафедру литературы. Въ 1854 году, онъ вступилъ въ ряды революціонной партіи и сталъ распространять демократическія идеи въ газетахъ «Tribuna», «Discujion» и «Democracia», а также въ книгахъ, изъ которыхъ всего болѣе надѣлала шуму «Формула прогресса». Тогдашнее испанское правительство признало эту книгу за манифестъ республиканской партіи и уволило ея талантливаго автора отъ должности профессора. Тогда онъ перешелъ отъ пропаганды словомъ къ пропагандѣ дѣломъ и принялъ участіе въ революціонномъ движеніи 1866 года въ Мадридѣ. За борьбу на баррикадахъ противъ правительства Изабеллы II онъ и Сагаста, будущій глава столькихъ испанскихъ министерствъ, были приговорены къ смертной казни, но имъ обоимъ удалось бѣжать, и Кастеларъ жилъ въ Парижѣ до 1868 года, когда Изабелла II была низвергнута маршалами Примомъ и Серрано. Кастеларъ немедленно вернулся въ Испанію и, хотя ему не удалось уговорить временное правительство объявить республику, но краснорѣчивый трибунъ поднялъ такую энергичную агитацію въ всей странѣ, что на выборахъ въ кортессы въ слѣдующемъ году было избрано 35 республиканцевъ съ Кастеларомъ во главѣ, а въ то же время онъ былъ удостоенъ званіемъ почетнаго гражданина, пятьюстами городами и мѣстечками. Благодаря его знаменитой парламентской рѣчи, 26-го апрѣля 1869 года, въ Испаніи была введена свобода совѣсти, несмотря на энергичное противодѣйствіе клерикаловъ. Не довольствуясь одними рѣчами, Кастеларъ со своими друзьями произвелъ возстаніе въ Андалузіи и Каталоніи противъ регентства маршала Серрано, но оно не удалось, и онъ продолжалъ въ кортессахъ свою борьбу противъ реак-

¹⁾ «Life of William Ewart Gladstone», edited by Sir Wemyss Reid. London. 1899

ціонной политики регентства. При установленіи во Франціи третьей республики, онъ написалъ ей привѣтственный манифестъ отъ имени испанскихъ республиканцевъ и самъ посѣтилъ Гамбетту въ Турѣ, чтобы пожелать ему всякаго успѣха. Между тѣмъ, кортессы приняли кандидатуру въ испанскіе короли Амедея Аостскаго, брата Виктора-Эмануила, и, несмотря на противодѣйствіе Кастелара, онъ сдѣлался королемъ. Во время его двухлѣтняго царствованія, Кастеларъ сначала находился въ оппозиціи противъ министерствъ Серрано и Сагасты, но при переходѣ власти въ руки радикаловъ Пи-и-Моргало и Руиза Заррилле онъ отказался отъ всякаго противодѣйствія имъ. Когда же Амедей не пожелалъ насильно оставаться королемъ чуждаго ему народа, то Кастеларъ дождался своей вѣчной мечты. 11-го февраля 1874 года кортессы провозгласили въ Испаніи республику большинствомъ 256 голосовъ противъ 32. Первое республиканское министерство было образовано Фигуэрасомъ, который сдѣлался премьеромъ, а Кастеларъ былъ въ сущности его душою, занимая постъ министра иностранныхъ дѣлъ. Не ограничиваясь своей спеціальностью, онъ вдохновенными рѣчами проводилъ одну великую реформу за другою,—именно всеобщую подачу голосовъ, судъ присяжныхъ и освобожденіе невольниковъ на Порто-Рико. Вскорѣ министерство Фигуэрасо уступило мѣсто кабинету Пи-и-Моргало, и Кастеларъ, сдѣлавшись снова простымъ депутатомъ, поддерживалъ республиканское правительство противъ возстанія, устроеннаго непримиримыми на югѣ. Но, когда къ этому затрудненію еще присоединились безпорядки, учиненные сторонниками Изабеллы и Альфонса, то исполнительная власть перешла въ руки Сальмерона, но и послѣдній не могъ долго удержаться, въ виду появленія на сѣверѣ карлистовъ и возстанія на Кубѣ. Тогда Кастелару, избранному въ предсѣдатели кортесовъ, была предоставлена диктаторская власть. Онъ обнаружилъ удивительную энергію, призвалъ къ оружію 80.000 человекъ, ввелъ строгую дисциплину въ арміи, усмирилъ всѣ безпорядки и ловко избѣгнулъ войны съ Соединенными Штатами, которая, быть можетъ, окончилась бы для Испаніи потерей Кубы, двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Но въ рядахъ республиканцевъ проявились раздоры: Сальмеронъ снова сдѣлался предсѣдателемъ кортессовъ, и Кастеларъ вышелъ въ отставку со своимъ министерствомъ, 3-го января 1874 года. Въ тотъ же день произошелъ государственный переворотъ генерала Пави, который передалъ власть маршалу Серрано, подготовившаго возстановленіе испанской монархіи въ лицѣ сына Изабеллы Альфонса XII. Тогда Кастеларъ отказался отъ своей катедры въ Мадридскомъ университетѣ и удалился во Францію. Но, спустя два года, любовь къ родинѣ заставила его вернуться въ Мадридъ, и онъ снова появился въ кортессахъ. «Прежде всего Испанія должна жить», говорилъ онъ, и, разставшись съ республиканцами и подъ главенствомъ Заррилле, онъ старался создать союзъ между либеральной монархіей и радикальнымъ демократизмомъ. Свою новую политику онъ называлъ поссибилизмомъ, но она въ концѣ концовъ не увѣнчалась успѣхомъ, и въ 1888 году онъ совершенно удалился съ политическаго поприща, говоря, что «онъ не можетъ поддерживать демократической монархіи, такъ какъ она, все-таки, монархія, и не можетъ противодѣйствовать ей, такъ какъ она, все-таки, демократическая». Цѣлыхъ десять лѣтъ онъ оставался въ дали политической три-

буны, прославленной его краснорѣчіемъ, но при образованіи настоящаго реакціоннаго министерства Сильвеллы старый боець за свободу не выдержалъ и снова вернулся въ кортессы. Но смерть поджидала его въ минуту его политическаго пробужденія, и онъ неожиданно умеръ отъ воспаления легкихъ въ Мурціи, которая выбрала его снова своимъ депутатомъ. Послѣдними его словами было восклицаніе, произнесенное въ бреду: «Поведите меня съ республиканцами въ палату, вы увидите, какую я скажу рѣчь». Дѣйствительно, Кастеларъ всегда сознавалъ силу своего краснорѣчія, и однажды искренно сказалъ Гамбеттѣ, выслушавъ одну изъ знаменитыхъ рѣчей французскаго трибуна: «ты хорошо говоришь, но прѣзжай въ Мадридъ, выслушай меня, и ты поймешь тогда, что такое краснорѣчіе». Кромѣ политической, ораторской и профессорской дѣятельности, Кастеларъ еще былъ замѣчательнымъ писателемъ и публицистомъ. Всего онъ написалъ до сорока различныхъ сочиненій, главнымъ образомъ историческихъ, въ числѣ которыхъ наиболѣе замѣчательны: «Исторія республиканскаго движенія въ Европѣ», «Знаменитыя женщины», «Историческіе очерки среднихъ вѣковъ», «Современная Россія», «Жизнь Байрона», «Историческіе портреты» и «Воспоминанія объ Италіи». Покидая политическую арену въ 1888 году, онъ заявилъ въ кортессахъ, что остальную жизнь посвятитъ составленію «Исторіи Испаніи», но этотъ трудъ не доведенъ имъ до конца. Что же касается до его публицистическихъ статей, то онъ постоянно писалъ о политическихъ вопросахъ въ испанскихъ газетахъ, помѣщалъ корреспонденціи во французской газетѣ «Siècle» и политическія обзорѣнія во французскомъ журналѣ «Nouvelle Revue internationale». Послѣдняя его корреспонденція была напечатана за нѣсколько дней до его смерти, и въ ней онъ нарисовалъ картину современной Испаніи въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, а его послѣднее политическое обзорѣніе уже явилось послѣ его смерти, и оно посвящено Гаагской конференціи, которую онъ благословлялъ, какъ пламенный защитникъ мира, но въ благіе результаты которой онъ не вѣрилъ. «Я умираю отъ агоніи Испаніи», говорилъ онъ не задолго до своей кончины, и вся Испанія безъ различія политическихъ оттѣнковъ оплакиваетъ смерть своего великаго трибуна, какъ народное несчастіе, а когда консервативное министерство безтактно предложило взять его похороны на государственный счетъ, но отказало въ воинскихъ почестяхъ, то семья Кастелара не приняла никакихъ казенныхъ милостей, и похороны величайшаго гражданина современной Испаніи приняли характеръ чисто народный. Несмѣтныя толпы проводили Кастелара до могилы, и надо отдать справедливость, что многіе маршалы, генералы и офицеры приняли по своей личной инициативѣ участіе въ похоронахъ, которыя по своему торжеству представили никогда не виданное въ Мадридѣ зрѣлище.

Напротивъ, совершенно скромно и тѣснымъ кружкомъ друзей-художниковъ, было предано землѣ тѣло Розы Бонѣръ. Эта высокоталантливая художница тихо, смиренно жила 78 лѣтъ и также тихо, смиренно перешла въ вѣчность. Дочь учителя рисованія, она съ малолѣтства обнаруживала способности къ живописи и, конечно, отецъ не мѣшалъ ей въ этомъ, а напротивъ не дозволилъ матери отдать ее въ швей и всячески способствовалъ ея художественному развитію. Какъ извѣстно, Роза Бонѣръ была специально анималисткой, т. е. жи-

вописемъ звѣрей и домашнихъ животныхъ. Всю свою жизнь она проводила среди любимыхъ ею лошадей, коровъ, собакъ и т. д., а при ея мастерской находился цѣлый звѣринецъ. Объ ея долговременной жизни нельзя многого сказать: она питала культъ къ природѣ, рисовала животныхъ и щедро помогала бѣдному сельскому населенію, среди котораго провела послѣдніе десятки лѣтъ своего существованія въ своемъ помѣстьѣ Би, близъ Фонтенебло. По странному капризу или ради удобства, она всегда ходила въ мужскомъ костюмѣ, состоящемъ изъ темныхъ панталонъ и синей блузы. Хотя она въ молодости отличалась красотой, но она не была замужемъ, и о ней не рассказываютъ ни одной романической исторіи. Эта простая, добрая женщина была всецѣло предана искусству и любви къ природѣ. Ея наиболѣе извѣстныя картины: «Воздѣланіе земли въ Нивернѣ», «Лошадиная ярмарка», «Уборка сѣна въ Овернѣ» и «Стадо овецъ въ Нивернѣ». Безчисленныя и оплачиваемыя десятками и сотнями тысячъ франковъ ея произведенія распространены по всему свѣту, а самая большая изъ ея картинъ, дѣйствительно, громаднаго размѣра, на которой изображено десять скачущихъ лошадей, осталась не оконченною, хотя она работала надъ ней двадцать лѣтъ и запрдала ее за 400.000 франковъ. Но такова была ея художественная добросовѣстность, что она не хотѣла кое-какъ окончить эту колоссальную картину, а устарѣвшая ея кисть не могла удовлетворить ея артистическихъ требованій. Вообще, она была очень скромнаго о себѣ мнѣнія и когда за нѣсколько дней до ея смерти получила предложеніе отъ имени комитета парижскаго «Салона» нынѣшняго года выдать ей почетную медаль за небольшую картину, которую она выставила послѣ долгаго отсутствія ея произведеній на выставкахъ, Роза Бонѣръ отказалась отъ этой чести, доказывая, что ея картина слишкомъ маловажна. Хотя эта почтенная женщина и великая художница вела жизнь очень уединенную, но она рассказывала своимъ друзьямъ многія интересныя воспоминанія, и Жоржъ-Кэнъ напечаталъ въ одномъ американскомъ журналѣ интересную главу изъ ея мемуаровъ, продиктованныхъ ему самой Розой Бонѣръ. Между прочими ея рассказами заслуживаетъ вниманія исторія о двухъ пощечинахъ, которыя даны были женщинами Наполеону I... Я сама знала, говорила она, двухъ дамъ, которыя имѣли честь нанести ударъ Наполеону. Одна изъ нихъ была госпожа Раншо, креолка по происхожденію и очень вспыльчивая женщина. Однажды Наполеонъ забылся передъ ней и сказалъ что-то неприличное, она вспыхнула и ударила его по щекѣ. Конечно, эта пощечина произвела скандалъ, и ея мужъ, занимавшій видное мѣсто при дворѣ, долженъ былъ подать въ отставку и удалиться въ свой помѣстья. Вторая моя знакомая, давшая оплеуху императору, была жена генерала Фавье, героя войны за независимость Греціи. Она была испанка, и первымъ ея мужемъ былъ маршалъ Дюрокъ. Однажды на парадномъ пріемѣ въ Тюльери императоръ, сходя съ трона, остановился передъ ней и сказалъ маршалу: «однако твоя жена очень хорошенькая». При этомъ онъ взялъ ее за подбородокъ, а гордая испанка ударила его по щекѣ вѣеромъ. Наполеонъ расхохотался и прибавилъ: «поздравляю, поздравляю, твоя жеча дѣйствительно испанка». Въ мемуарахъ, продиктованныхъ Розой Бонѣръ, еще замѣчательны ея слова, касающіяся франко-прусской войны, такъ

какъ они ярко характеризуютъ ея доброе, благородное сердце. «Во время войны, страшной войны со всѣми навлеченными ею бѣдствіями на мою родину, — говорила она, — пруссаки заняли окрестности Фонтенебло и между прочимъ Би. Мой старый другъ, испанскій консуль, Гамбаръ прислалъ мнѣ свидѣтельство, подписанное принцемъ Фридрихомъ-Карломъ и которое обезпечивало безопасность мою и моего дома. вмѣстѣ съ тѣмъ я получила 20 мѣшковъ муки, которую я выписала изъ Одессы. Этой мукѣ я очень обрадовалась, такъ какъ всѣ поселяне въ Би скрылись у меня съ своими семьями и скотомъ. Что же касается до нѣмецкаго свидѣтельства, то я его разорвала, не желая пользоваться никакой привилегіей и готовая нести всѣ тягости, которымъ подвергали побѣдители моихъ соотечественниковъ».

— Отголоски Пушкинскаго юбилея на Западѣ. Европейская литература и журналистика обратили очень мало вниманія на юбилей Пушкина, который вообще знакомъ европейской публикѣ лишь переводами его повѣстей. Только знатокъ русской литературы и профессоръ французской коллегіи, Луи Леже, а также академикъ Вогюэ, составившій себѣ извѣстность, знакома французамъ съ русскими писателями, сказали свое вѣское слово по поводу этого литературнаго событія. Первый напечаталъ третій выпускъ своего сборника этюдовъ русско-славянской литературы, подъ заглавіемъ «Русскіе и славяне», въ который вошелъ обстоятельный очеркъ Пушкина ¹⁾, и написалъ критико-біографическую статью о немъ для особаго номера недѣльнаго журнала «Revue encyclopedique», изданнаго въ честь пушкинскаго юбилея ²⁾. Этотъ выпускъ, снабженный портретами, рисунками и автографами, вмѣщаетъ въ себѣ, кромѣ статьи Леже, сужденія о Пушкинѣ Мицкевича, Гоголя и Вогюэ, отрывки изъ нѣкоторыхъ его сочиненій въ переводѣ и бібліографическія свѣдѣнія о томъ, что писано во французской литературѣ о Пушкинѣ. Оказывается, что о немъ писали лишь Меримэ, Мармье, Вогюэ и Леже, да, кромѣ того, о немъ говорится въ третьемъ томѣ посмертныхъ произведеній Мицкевича въ сборникѣ, изданномъ Ларуссомъ подъ заглавіемъ «Россия», и во второмъ томѣ переведеннаго съ нѣмецкаго сочиненія «Русское общество». Что касается юбилейной статьи Леже, то онъ кратко характеризуетъ жизнь и литературную дѣятельность Пушкина, при чемъ, какъ истый французъ, не можетъ не упомянуть, что при поступленіи Пушкина въ лицей, товарищи называли его французомъ, и что среди его учителей былъ французъ Будри, родной братъ знаменитаго дѣятеля французской республики, Марата. Въ своей оцѣнкѣ Пушкина Леже расходится съ Вогюэ и полагаетъ, что послѣдній не правъ, находя въ сочиненіяхъ Пушкина отсутствіе всякаго этического національнаго характера. Напротивъ, Леже приходитъ къ заключенію, что, хотя Пушкинъ и менѣе русскій въ своихъ произведеніяхъ, чѣмъ Толстой и Достоевскій, но все-таки во многихъ изъ нихъ дышитъ искренняя національная нота. «62 года прошли со дня смерти этого преобразователя русской поэзіи, говоритъ Леже въ концѣ своей статьи, и его родина не пере-

¹⁾ Russes et slaves, par Louis Leger. 3 serie. Paris, 1899.

²⁾ Le Centenaire de Pouchkine.—Alexandre Pouchkine, par Louis Leger. Revue encyclopedique. 10 juin 1899.

ставала отдавать должную честь его памяти. Въ Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ поставлены ему памятники, его сочиненія проникли въ крестьянскія хижины и вдохновляли многих живописцевъ, скульпторовъ и музыкантовъ, а теперь его столѣтній юбилей справляется поцарски». Относительно статьи Вогюэ, напечатанной въ «Revue des études russes», можно только сказать, что авторъ развиваетъ въ ней свой прежній взглядъ на Пушкина, котораго онъ признаетъ европейскимъ романтикомъ, примѣняющимъ къ жизни своей родины общевропейскія идеи ¹⁾. Большая часть парижскихъ газетъ помѣстили болѣе или менѣе безцвѣтныя статейки о Пушкинѣ и краткія корреспонденціи изъ Петербурга о пушкинскихъ празднествахъ, только въ «Debats» напечатанъ фельетонъ Галле, въ которомъ приводятся свѣдѣнія о Пушкинѣ и отрывки изъ его сочиненій, заимствованные изъ исторіи современной русской литературы Курьера ²⁾. Но всего любопытнѣе скандалъ, поднятый газетою «Matin» ³⁾ по поводу пушкинскаго юбилея. Прежде всего въ ней появился напечатанный въ видѣ передовой статьи разсказъ Шарля Лорана, подъ заглавіемъ «Черный поцѣлуй». Въ немъ передается извѣстная легенда о томъ, какъ Пушкинъ, подозрѣвая Дантеса въ близкихъ отношеніяхъ со своей женой, погасилъ лампу въ своей гостиной, гдѣ сидѣлъ втроемъ съ женой и Дантесомъ, поцѣловалъ жену въ темнотѣ намазанными предварительно углемъ губами и вышелъ въ другую комнату за свѣчкою, но когда вернулся со свѣчкою, то увидаль, что губы Дантеса были черны. Потомъ эта легенда была подробнѣе развита въ статьѣ, подписанной псевдонимомъ «Solness», принадлежащимъ Е. Лепелетю, и названной имъ «Два зятя». Тутъ прямо говорилось, что баронъ Антуанъ Эспелетта слышалъ этотъ разсказъ отъ самого Дантеса, бывшаго потомъ французскимъ сенаторомъ во времена Декабрьской имперіи подъ именемъ барона Гекерена, и вполнѣ подтверждалъ его правдивость автору статьи. Спустя нѣсколько дней, въ Парижѣ явился теперешній баронъ Гекеренъ, сынъ убійцы Пушкина, живущій обыкновенно въ своемъ Эльзасскомъ помѣстьѣ, и потребовалъ удовлетворенія отъ обоихъ авторовъ, напечатавшихъ, по его словамъ, клевету въ газетѣ «Matin». Конечно, къ дѣлу былъ привлеченъ баронъ Эспелетта, и оно обошлось безо всякой дуэли. Оказалось, что онъ никогда не слышалъ отъ Гекерена ничего о дуэли съ Пушкинымъ, а только говорилъ сотруднику «Matin» объ исторіи «чернаго поцѣлуя», которая рассказывалась въ эпоху дуэли Пушкина, но никогда не упоминалась Гекереномъ въ разговорахъ съ нимъ. Его сынъ удовольствовался этимъ объясненіемъ, и скандалъ кончился мирно. Все-таки теперешній баронъ Гекеренъ нашель нужнымъ напечатать въ томъ же «Matin» письмо, въ которомъ заступается за память своего отца, а главнымъ образомъ теткы Натальи Николаевны Пушкиной, такъ какъ извѣстно, что его матерью была ея сестра Александра Николаевна Гончарова. По его словамъ, отецъ всегда

¹⁾ Le Centenaire de Pouchkine, par de Vogué Revue des études russes. Juin 1899.

²⁾ En l'enant. Le Centenaire de Pouchkine. André Hallays. Journal des Debats. 16 juin 1899.

³⁾ Le baiser noir, par C. Laurent—Matin, par 9 juin 1899.—Deux beaux frères, par Solness. Matin, 11 juin. — Lettres du baron Espeleta et du baron de Heckeren d'Anthès sur le duel de Pouchkine.—«Matin», 17 juin.

порицалъ исторію чернаго поцѣлѹя и какія бы то ни было близкія отношенія къ женѣ Пушкина, а потому ревность Пушкина, если ему вѣрить, не имѣла никакого основанія. «Считаю долгомъ прибавить, говоритъ въ концѣ письма баронъ Гекеренъ, что отношенія моей семьи къ семьѣ моей матери, за исключеніемъ прямыхъ потомковъ Пушкина, никогда не прекращались и всегда имѣли дружескій характеръ; какъ мы, такъ и наши русскіе родственники глубоко уважаемъ память г-жи Пушкиной, честь которой петербургское общество всегда считало выше всякаго сомнѣнія. Считаю себя хранителемъ ея чести, я никогда не доволю кому бы то ни было осквернять ее; доброе ея имя останется неомраченнымъ въ рукахъ моихъ и моихъ сыновей». Относительно отголосковъ пушкинскаго юбилея въ другихъ европейскіихъ прессахъ можно только указать на статью нѣмецкаго писателя Голланта въ журналѣ «Zeit»¹⁾. Ея авторъ, подробно характеризуя литературную дѣятельность Пушкина, указываетъ, что его сочиненія впервые обнаружили Россію, terra incognita, т. е. настоящую жизнь Русской имперіи съ ея радостями и горестями, ошибками и недочетами, а вмѣстѣ съ тѣмъ проложили дорогу Гоголю, Достоевскому, Тургеневу, Гончарову, Писемскому и Толстому.

— Столѣтняя годовщина дня смерти Бомарше. Очень скромно праздновали во Франціи юбилей автора «Свадьбы Фигаро», и все торжество ограничилось параднымъ представленіемъ этой знаменитой пьесы на театрѣ Французской комедіи, чему предшествовала лекція Линтильяка о литературномъ значеніи Бомарше. Одинаково и парижская печать почти не откликнулась на это литературное событіе, и можно только указать на двѣ интересныя статьи Андрэ Галла²⁾ въ «Journal des Debats» о походе Бомарше въ Мадридъ и Жоржа Мейера въ «Temps» объ его трехъ бракахъ³⁾. Жизнь и литературное значеніе Бомарше представляютъ поразительный контрастъ: какъ человѣкъ, онъ былъ олицетвореніемъ XVIII вѣка, нѣчто среднее между сантиментальнымъ Грандисономъ и развратнымъ Жиль-Блазомъ, ловкимъ искателемъ приключеній, то музыкантомъ, то часовщикомъ, то спекуляторомъ, то поставщикомъ оружія, то изгнанникомъ, то поклонникомъ знатныхъ дамъ, то мужемъ богатыхъ вдовъ, а какъ авторъ двухъ бессмертныхъ комедій «Свадьба Фигаро» и «Севильскій цирюльникъ», онъ былъ провозвѣстникомъ французской революціи, защитникомъ свободы и равенства противъ деспотизма и привилегій, наконецъ отцемъ современнаго реалистическаго театра. Изъ всѣхъ пестрыхъ и разнообразныхъ сторонъ его полной перипетій жизни, быть можетъ, наиболѣе любопытны и наименѣе извѣстны его походы въ Испанію и три его брака. Относительно перваго эпизода находятся богатые данныя въ рукописяхъ Бомарше, которыя куплены Эдуаромъ Фурнье въ Лондонѣ и составляютъ теперь одно изъ сокровищъ бібліотеки театра французской комедіи. Наибольшій интересъ среди этихъ бумагъ представляютъ финансовыя и коммерческія за-

¹⁾ Alexander Pouschkin, vom M. Galant.—Zeit, 3 Juni.

²⁾ En flinant: Beaumarchais et la marquise de la Croix.—«Journal des Debats». 19 mai, 1899.

³⁾ Les mariages de Beaumarchais, par George Mayer.—«Temps». 25 mai, 1899.

писки, составленные самим Бомарше в Мадридѣ, а въ особенности политическій докладъ объ испанскихъ дѣлахъ, который онъ написалъ для герцога Шуазеля, но никогда не представилъ, такъ какъ министръ отказался его лично принять по возвращеніи въ Парижъ. По странной ироніи судьбы Фурнье, открывшій этотъ драгоценный матеріалъ, очень неудачно имъ воспользовался и неизвестно почему извратилъ всѣ факты о мадридскихъ походахъ Бомарше въ біографическомъ очеркѣ, который приложенъ къ его, самому полному изданію сочиненій знаменитаго писателя. Лянтильякъ, авторъ его новѣйшей біографіи, вовсе не упоминаетъ объ этомъ эпизодѣ, такъ что до сихъ поръ одинъ только нѣмецкій критикъ Беттелхеймъ вѣрно изобразилъ мадридскую исторію «политическаго сорванца», какъ онъ называетъ Бомарше. По случаю юбилея создателя «Фигаро» Эдуардъ Галле воспроизвелъ на основаніи рукописныхъ матеріаловъ интересную повѣсть о приключеніяхъ Бомарше въ Мадридѣ. Прибывъ въ испанскую столицу въ 1764 году, онъ находился на дорогѣ къ извѣстности и богатству. Бросивъ часовую мастерскую своего отца, онъ продолжилъ себѣ дорогу, какъ часовщикъ, къ маркизу Помпадуръ, а потомъ, какъ музыкантъ къ Людовику XV, дочерей котораго онъ училъ игрѣ на арфѣ, и, какъ дѣловой человекъ, къ богатому финансисту Дювернэ, который далъ ему средства купить дворянскій патентъ. Въ Испанію онъ отправился съ тройкой цѣлью: получить долги съ кредиторовъ отца, устроить финансовыя дѣла Дювернэ и отомстить за свою сестру ея обольстителю Клавихо. Последняя исторія, послужившая сюжетомъ неудачной драмы Бомарше «Евгенія» и знаменитой пьесы Гете «Клавиво», подробно описана самимъ Бомарше въ его *Fragments des voyages en Espagne* и извѣстна всѣмъ. Но, кромѣ мести за сестру и дѣловыхъ занятій, Бомарше велъ самую дѣятельную и вмѣстѣ самую веселую жизнь въ Мадридѣ. Съ одной стороны онъ хлопочетъ объ устройствѣ французской компаніи для монопольной торговли въ Лузіанѣ, берется поставлять негровъ въ испанскія колоніи, хлопочетъ о взятіи подрядовъ на испанскую армію, а съ другой, обѣдаетъ у министровъ, ведетъ крупную игру въ домѣ русскаго посланника, ухаживаетъ за знатными испанками и ведетъ двойную интригу съ красавицей маркизой Лакруа для себя и для испанскаго короля Карла III, котораго онъ хотѣлъ пріурочить къ французской политикѣ черезъ эту французскую фаворитку. Исторія маркизы Лакруа рельефно рисуетъ личность Бомарше. Изъ его писемъ къ отцу видно, что не только онъ пламенно любилъ ее, но и она отвѣчала взаимностью, что доказывается ея припискою въ одномъ изъ этихъ писемъ: «слова вашего сына о моей благодарности вамъ за то, что вы помогли ему явиться на свѣтъ, я исполнѣ сознаю и чувствую, въ чемъ клянусь», а все-таки это не помѣшало ему съ помощью королевскаго камердинера Пини устроить ее фавориткою Карла III. Покончивъ съ этимъ блестящимъ дѣломъ, Бомарше вернулся въ Парижъ послѣ двухъ лѣтъ отсутствія съ цѣлью доказать министру Шуазелю свои великія дипломатическія способности и получить постъ испанскаго консула, но ему это не удалось, и новыя приключенія заставили его забыть объ испанскомъ эпизодѣ своей жизни, хотя онъ вывезъ оттуда сюжетъ своихъ двухъ великихъ комедій. Что касается до трехъ браковъ, то хотя онъ самъ сознавался, что страстно любилъ женщинъ и имѣлъ много

свѣтскихъ интригъ, но онъ никогда не отдавалъ имъ всецѣло своего сердца и питалъ буржуазную привязанность къ семейному очагу. Онъ былъ женатъ подобно своему отцу три раза и въ первый разъ женился 23 лѣтъ на богатой вдовѣ Маделенѣ Франке, которая была старше его на 10 лѣтъ и принесла ему громадное приданое, благодаря чему онъ прибавилъ къ своей фамиліи Каронъ еще вторую фамилію Бомарше отъ названія одного изъ помѣстій его жены. Семейное счастье этой четы продолжалось недолго, и первая жена Бомарше умерла черезъ годъ послѣ свадьбы отъ тифа. Одиннадцать лѣтъ вдовствовалъ Пьеръ Огюстенъ Каронъ-де-Бомарше, и къ этому времени относятся его испанскія приключенія, но въ 1768 году онъ женился снова на богатой вдовѣ Женевьевѣ Левекъ, которая также прожила съ нимъ недолго, и спустя два года скончалась. Эта быстрая смерть двухъ богатыхъ женъ возбудила подозрѣнія противъ Бомарше и его стали обвинять въ отравѣ не только ихъ обоихъ, но и мужа первой изъ нихъ. Конечно, Бомарше легко было опровергнуть взведенныя на него клеветы, но все-таки пришлось сослаться на докторскія свидѣтельства и на тотъ фактъ, что онъ не наследовалъ отъ нихъ ни гроша. Извѣстно выраженіе Вольтера: «Бомарше не можетъ быть отравителемъ, онъ такой забавникъ», но Лагарпъ серьезно и основательно опровергъ эти клеветы въ нѣсколькихъ краснорѣчивыхъ замѣткахъ. Послѣ славы, пріобрѣтенной имъ отъ постановки въ 1775 году «Севильскаго Цирюльника» и «Свадьбы Фигаро» въ 1774 году, Бомарше 54 лѣтъ женился въ третій разъ на прекрасной и достойной всякаго уваженія, молодой дѣвушкѣ, за которой онъ ухаживалъ 10 лѣтъ. Во время преслѣдованія, которому онъ подвергся въ эпоху революціи, она окружала его самой преданной любовью, рискуя своей собственной жизнью, такъ какъ она сама была посажена въ тюрьму и едва избѣгла гильотины. Бомарше умеръ 18 мая 1799 года на рукахъ жены и дочери, изъ которыхъ первая писала нѣсколько дней послѣ его кончины: «Онъ прощалъ всѣмъ сдѣланное ему зло и былъ добрымъ отцемъ, преданнымъ другомъ и пламеннымъ защитникомъ всѣхъ, на кого нападали за глаза; чуждый мелкой зависти, столь обычной среди литераторовъ, онъ поощрялъ всѣхъ писателей совѣтами и кошелькомъ».

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Къ дѣлу поручика Шубина.

(По поводу статьи г. Е. Альбовскаго «Честолюбіе погубило». — «Истор. Вѣстн.», мартъ, 1899 г.).

ВЪ ИНТЕРЕСНОЙ статьѣ г. Е. Альбовскаго, воскрешающей въ общественной памяти забытую было исторію одной неудачной попытки попасть «въ случай», останавливаютъ между прочимъ на себѣ вниманіе характерныя соображенія генераль-аудитора князя Салагова ¹⁾ (а не Салогова, какъ именуетъ его г. Альбовскій), въ силу которыхъ поручикъ Шубинъ «особенно заслужилъ кару» за свой, прежде всего, легкомысленный поступокъ.

Въ дѣяніи Шубина князь Салаговъ усматривалъ «изыскиванія средствъ, чтобы оклеветать неповинный народъ и показать его своему государю до такой степени мерзкимъ, что онъ будто посягаетъ и на жизнь его...», что «ежели бы удалось затѣянное имъ злоумышленіе сокрыть, какъ желалось ему, то изъ онаго совершенный вредъ могъ получить народъ оклеветанный, ибо, хотя на нѣкоторое время, долженъ былъ лишиться довѣрія государскаго...».

¹⁾ Генераль-лейтенантъ князь Семенъ Ивановичъ Салаговъ состоялъ въ должности генераль-аудитора съ 15-го іюля 1800 г. по 28-е февраля 1812 г., когда, въ виду новаго образованія военнаго министерства, назначенъ непремѣннымъ членомъ военнаго совѣта. (М. П. Розенгеймъ: Очерки ист. военно-суд. учрежд. въ Россіи до кончины Петра Великаго, Спб., 1878 г., стр. 373).

Соображенія эти заслужили, вѣроятно, одобреніе императора Александра Павловича, который 7-го октября 1802 года далъ правительствующему сенату указъ, повелѣвавшій о дѣяніи Шубина, высочайшей конфирмаціи приговора о немъ кригсрехта и о приведеніи ея въ исполненіе «дать знать во всенародное извѣстіе», имѣя въ виду этимъ средствомъ разъ навсегда положить конецъ толкамъ и пересудамъ въ народѣ о происшествіи, нарушившемъ «ложною клеветою спокойствіе не только императора и резиденціи, но и вѣрноподанныхъ всего государства», и отнять у злонамѣренныхъ людей путемъ этихъ толковъ возможность «клеветать» на народъ. Приводимъ здѣсь дословно этотъ любопытный указъ, содержащій, между прочимъ, и мотивы, руководившіе монаршимъ милосердіемъ и не позволившіе въ то же время оставить проступокъ Шубина вовсе безъ наказанія. Вотъ онъ: «Изъ произведеннаго военнымъ судомъ о поручикѣ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка Шубинѣ слѣдствія и приговора, нами конфирмованнаго, правительствующій сенатъ усмотритъ, что сей поручикъ Шубинъ былъ судимъ за выдуманную имъ исторію о заговорѣ противу насъ и за личный намъ о томъ лживый доносъ, что безъ всякихъ розысковъ и пристрастныхъ домогательствъ, толико намъ противныхъ, но легчайшими самыми средствами, сообразными съ кротостью и человѣколюбіемъ, не только открыто сіе его ухищреніе, но и то, что онъ, дабы дать оному болѣе вѣроятія, прострѣлилъ самъ себѣ руку, подъ видомъ, будто одинъ изъ участниковъ заговора, именовавшійся Григорьемъ Ивановымъ, намѣренъ былъ лишить его жизни за обнаруженіе оваго; что онъ, поручикъ Шубинъ, принесъ, наконецъ, чистосердечное раскаяніе въ коварномъ своемъ поступкѣ, признавшись на письмѣ, что покусился и дерзнулъ на оный въ чаяніи награды, ежели бы предуслѣлъ удостовѣрить въ злоумышленномъ его извѣтѣ; что военный судъ, находя его, Шубина, какъ по слѣдствію, такъ и по собственному его признанію, виновнымъ въ нарушеніи общаго спокойствія, приговорилъ его по силѣ законовъ къ смертной казни, генераль же аудиторъ къ лишенію чиновъ, дворянскаго достоинства и къ ссылкѣ на каторгу. Мы, обращая на все то тщательное вниманіе наше и слѣдуя внушеніямъ нашего сердца, умѣрили конфирмацію нашу приговоренное ему наказаніе, опредѣляя вмѣсто каторжной работы отослать его на поселеніе. Правительствующій сенатъ замѣтитъ, что мѣра сего наказанія не есть мѣра строгаго правосудія, но кротости и снисхожденія къ человѣчеству; ибо мы великодушно презираемъ все то, что до нашего оскорбленія касается, и ничто такъ не пріятно намъ, какъ забывать навѣты злобы; но съ другой стороны за необходимый поставляемъ долгъ удовлетворять сколько возможно правосудію наказаніемъ преступленій, дабы чрезъ то содержать имперію въ безопажности отъ внутреннихъ враговъ ея, а для того, въ страхъ онымъ, повелѣваемъ надъ нимъ, преступникомъ Шубинымъ, исполнить конфирмацію нашу и, отославъ его на поселеніе, дать о томъ знать во всенародное извѣстіе»¹⁾.

Въ указѣ этомъ обращаютъ на себя вниманіе тѣ строки его, въ которыхъ

¹⁾ Указъ этотъ перепечатанъ между прочимъ въ Краткомъ извлеченіи изъ законовъ для рѣшенія военно-судебныхъ дѣлъ, изданномъ въ 1818 году Штабомъ Его Императорскаго Величества.

говорится, что «ухищреніе Шубина раскрыто было безъ всякихъ розысковъ и пристрастныхъ домогательствъ, толико намъ противныхъ». Иначе говоря, государь доводитъ «во всенародное извѣстіе», что даже въ столь важномъ дѣлѣ, какъ настоящее, связанномъ съ его государевымъ именемъ, можно было раскрыть истину и обнаружить преступника безъ посредства пытокъ, «стыдъ и укоризну челоуѣчеству приносящихъ», какъ выражено было въ знаменитомъ его указѣ того же 1802 года объ отмѣнѣ пытокъ.

* * *

При чтеніи печальной исторіи Шубина, невольно напрашивается на параллель исторія другой жертвы своего честолюбія, разыгравшаяся подъ другимъ небомъ и окончившаяся еще болѣе трагично. Я говорю о Латюдѣ. Повѣсть его быстро разбитыхъ мечтаній и долготѣннихъ страданій довольно подробно рассказана Александромъ Дюма въ его сочиненіи «Людовикъ XVI и революція». Этотъ вкладъ знаменитаго романиста въ историческую литературу въ 1878 г. былъ переведенъ на русскій языкъ (вышло два тома). Напомню здѣсь вкратцѣ и эту печальную исторію разбитой молодой жизни.

Въ 1749 году Латюдъ былъ молодой 24-лѣтній челоуѣкъ, красивый, жизнерадостный, сгоравшій отъ честолюбія. Не имѣя, однако, ни вліятельныхъ друзей, ни родныхъ и покровителей въ Парижѣ, ни матеріальныхъ средствъ, чтобы покупать чины и почетныя должности, онъ рѣшилъ сдѣлать карьеру чрезъ... маркизу Помпадуръ. Стоило лишь оказать ей важную услугу — и дѣло сдѣлано: онъ попадетъ въ милость всесильной фаворитки и чрезъ нея проложитъ путь и къ знатности и къ богатству. Долго думалъ онъ, въ чемъ же должна была заключаться та «услуга», которая могла бы выдвинуть его, Латюда, изъ числа другихъ лицъ, различнымъ образомъ «услуживавшихъ» всесильной жещинѣ. Задача, заданная имъ себѣ, была не такъ проста, но, казалось, сама судьба ему покровительствовала. Прогуливаясь однажды въ Тюльери и размышляя о своей будущности, Латюдъ невольно подслушалъ разговоръ двухъ какихъ-то лицъ, горячо порицавшихъ Помпадуръ. Этотъ разговоръ, служившій отраженіемъ всеобщей ненависти народа къ куртизанкѣ, внушилъ ему мысль измыслить заговоръ, якобы имѣвшій цѣлью умертвить маркизу. Не обдумывая долго планъ своихъ дѣйствій, Латюдъ беретъ щепотку простой соли, кладетъ ее въ конвертъ, надписываетъ на послѣднемъ адресъ Помпадуръ и сдаетъ его на почту. Самъ же онъ спѣшитъ въ Версаль, поспѣваетъ туда ранѣе письма и добивается аудіенціи маркизы «по чрезвычайно важному дѣлу». Онъ сообщилъ ей, что подслушалъ разговоръ о намѣреніи умертвить ее, что съ этой цѣлью ей будетъ присланъ сильнѣйшій ядъ, одной пылинки котораго, попавшей въ ротъ, глазъ или носъ, достаточно, чтобы причинить мгновенную и мучительнѣйшую смерть. Маркиза повѣрила и горячо благодарила своего «спасителя». Горделиво отказавшись отъ кошелька съ золотомъ, какъ награды за преданность, онъ ушелъ отъ маркизы, оставивъ у нея свой адресъ и полный самыхъ сладкихъ надеждъ. Но вотъ ядъ дѣйствительно полученъ. Его сила испытана на кошкѣ, собакѣ и курицѣ, къ удивленію маркизы и ея окружающихъ, оставшихся въ добромъ здравіи. Понятно негодованіе «жертвы мисти-

фикаціи». Сличеніе почерковъ оставленнаго Латюдомъ адреса и надписи на конвертѣ быстро указало ей, кто мистификаторъ.

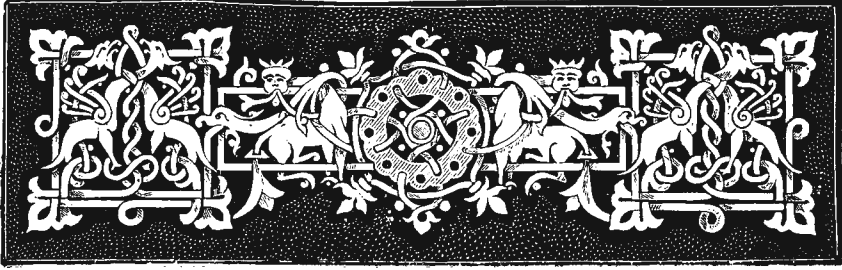
На слѣдующій уже день, 1-го мая, Латюдь, при посредствѣ *lettre de cachet* былъ уже въ Бастиліи и, спрошенный здѣсь префектомъ парижской полиціи Берье, чистосердечно во всемъ покался. Тщетно убѣждалъ затѣмъ этотъ префектъ маркизу простить легкомысленнаго молодого человѣка, маркиза не согласилась даровать ему свободу... Онъ получилъ ее лишь 22-го марта 1774 г., т.-е. послѣ 34-хъ лѣтъ самаго мученическаго заключенія, ужасы котораго янебуду здѣсь передавать, отсылая читателей къ книгѣ Дюма. Жизнь Латюда была уже прожита: разбитый физически и нравственно, безъ родныхъ, безъ средствъ, безъ способности къ труду, онъ умеръ на рукахъ бѣдной женщины, г-жи Легра, доброму сердцу которой онъ обязанъ былъ и хлопотами о своемъ освобожденіи.

Надо признать, что за стремленіе «выйти въ люди» путемъ не заслугъ, а услугъ, Латюдь былъ наказанъ судьбою гораздо тяжелѣе, чѣмъ у насъ Шубинъ. А между тѣмъ проступокъ послѣдняго, съ точки зрѣнія уголовного закона, былъ гораздо тяжелѣе, ибо объектомъ задуманной имъ мистификаціи избрана была особа самого государя, а не приближеннаго къ нему лица. И все же Шубину предоставлено было право суда надъ собой, возможность защищаться, оправдываться, ему открытъ былъ путь монаршаго милосердія; не пострадала, наконецъ, даже его жена, знавшая, надо думать со словъ г. Альбовскаго, о замыслѣ своего мужа... У Латюда все это было отнято: ручка фаворитки оказалась болѣе тяжелою, чѣмъ суровыя статьи петровскаго артикула, примѣнявшася судьями своего времени.

Сходство Латюда и Шубина—въ томъ что оба были жертвами «вѣка фаворитизма», воспитывавшаго въ обществѣ вѣру въ счастье и стремленіе «попасть въ случай».

Вл. Апушкинъ.

С М Ъ С Ъ.

ПУШКИНСКІЯ празднива и ихъ итоги. Торжественное чествованіе памяти Пушкина въ Россіи окончилось, и мы считаемъ нелишнимъ подвести въ общихъ чертахъ итогъ этихъ достопамятныхъ дней. Прежде всего, слѣдуетъ начать съ Москвы—мѣста рожденія, 26 мая 1799 года, А. С. Пушкина. Празднество въ этотъ день открыли дѣти, собравшіяся въ 8^{1/2} часовъ утра, въ городскомъ манежѣ, около трехъ тысячъ человѣкъ изъ всѣхъ учебныхъ заведеній,—во главѣ съ попечителемъ Московскаго учебнаго округа г. Некрасовымъ. Всѣ направились къ памятнику Пушкина на Страстную площадь, уже съ ранняго утра переполненную народомъ. Послѣ пѣнія кантатъ, возложенія вѣнковъ на памятникъ депутациями и рѣчей, присутствовавшіе отправились на митрополичью службу въ церковь Богоявленія, въ Елохово, находящееся въ мѣстности, гдѣ родился великій поэтъ. Въ три часа этого же дня чествованіе Пушкина открылось въ Московскомъ университетѣ рѣчью ректора, проф. Зернова. Послѣ него говорили профессора Стороженко, Киричниковъ, Муромцевъ и Ключевскій. Вечеромъ въ 6 часовъ состоялся обѣдъ въ гостиницѣ «Эрмитажъ», на которомъ говорили о Пушкинѣ и судьбахъ литературы гг. Веселовскій, Чупровъ и В. Острогорскій. Послѣдній напомнилъ, что Пушкинскія торжества въ 1880 году происходили при участіи однихъ только писателей, отмѣтилъ, что въ настоящихъ торжествахъ принимаетъ большое участіе учащаяся молодежь, и выразилъ увѣренность, что будущій Пушкинскій юбилей приметъ характеръ народнаго праздника, и тогда дѣйстви-

тельно слухъ о немъ пройдетъ по всей Руси великой. Большое впечатлѣніе произвели стихи К. Фофанова, едва ли не лучшія за все время празднествъ. Приводимъ ихъ цѣликомъ:

Въ свѣтломъ мірѣ упованія,
 Для любви и для добра
 Расцвѣли твои созданія
 И наэрѣла ихъ пора:
 Оживились, воплотились
 Въ нашу жизнь, и въ духъ, и въ кровь.
 Мы ужъ ими вдохновились,—
 Вдохновляться будемъ вновь.
 Всемогущій и торжественный,
 Вѣчно юный, звучный стихъ,—
 Нашъ великій, нашъ божественный,
 Не умолкъ—и не затихъ.
 Пѣсни дивныя, свободныя,
 Какъ сказанія народныя,
 Не промчались вы сномъ!
 Никогда вы не обманете...
 Пушкинъ, ты паришь орломъ,—
 И твоей безсмертной памяти
 Нынѣ славу воздаемъ!

* * *

Хвала тебѣ, нашъ добрый гений,
 Россіи сладостный баянъ!
 Безсмертенъ сонмъ твоихъ видѣній:
 Твоя Татьяна, твой Евгенийъ,
 Твоя Людмила, твой Русланъ!
 Хвала тебѣ, и честь, и слава!
 Ликуй, взошла твой звѣзда;
 Твой «Мѣдный всадникъ» и «Полтава»
 Запечатлѣны навсегда!

Слава великому,
 Слава прекрасному,
 Мощно создавшему
 Русскій языкъ!
 Въ міръ всеобъемлющій,
 Въ міръ вдохновенія
 Духъ нашъ съ тобою,
 О Пушкинъ, проиждь.

Память великая,
 Память безсмертная
 Нашему Пушкину
 Въ славной судьбѣ.
 Міръ всеобъемлющій,
 Міръ вдохновенія
 Намъ открывающій,
 Слава тебѣ!

Обѣдъ кончился предложеніемъ Н. Златовратскаго открыть среди присутствующихъ сборъ денегъ въ пользу голодающихъ.

На слѣдующій день, 27 мая, «Общество любителей россійской словесности» устроило торжество въ залѣ дворянскаго собранія, открывшееся рѣчью кн. Цертелева: «Взгляды Пушкина на поэзію». Затѣмъ говорили рѣчи г. Шенрокъ— о духовной связи Пушкина съ Гоголемъ и г. Якушкинъ объ «общественныхъ взглядахъ Пушкина». Затѣмъ, шли рѣчи другихъ ораторовъ и чтеніе многочисленныхъ адресовъ. Вечеромъ въ томъ же дворянскомъ собраніи состоялся литературно-музыкальный концертъ, о которомъ въ «Нов. Вр.» сказано: «Программа его поражала своей бѣдностью, исполнители, по большей части, были совсѣмъ неизвѣстны публикѣ. Вообще, какъ это ни грустно, а составъ исполнителей совсѣмъ не подходилъ къ высокаторжественнымъ днямъ. Одно искупало погрѣшности,—оркестръ, подъ управленіемъ директора консерваторіи В. И. Сафонова. Публика не скупилась на аплодисменты, но это были оваціи—въ память Пушкина, самому Пушкину, потому что «прелесть живая стиховъ» великаго поэта ласкала слухъ своей гармоніей. Публика въ слухъ говорила о томъ, почему не собранъ сюда цвѣтъ артистическихъ силъ? Почему не читаютъ ли-тераторы съ именами?» и т. д.

Торжества происходили также: въ «Обществѣ любителей естествознанія», гдѣ проф. В. Миллеръ читалъ докладъ: «Пушкинъ, поэтъ-этнографъ»; пр. Анучинъ «объ африканскомъ элементѣ въ природѣ Пушкина»; въ «лагерѣ Александровскаго военнаго училища», въ «Лазаревскомъ институтѣ» и въ «Историческомъ музеѣ», гдѣ торжество было устроено «Обществомъ содѣйствія устройству общеобразовательныхъ народныхъ развлеченій». Музей былъ переполненъ ремесленниками и фабричными. 28 мая торжества происходили при участіи почти тѣхъ же лицъ, что и ранѣе, а 29 мая открылась въ Историческомъ музеѣ «Пушкинская выставка» изъ предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ Гавнибаламъ и самому Пушкину. Практическіе результаты чествованій Пушкина въ Москвѣ выразились въ слѣдующемъ: городской голова, князь В. Голицынъ, заявилъ 26-го мая въ университетѣ, что московская городская дума постановила увѣковѣчить столѣтіе со дня рожденія А. С. Пушкина сооруженіемъ зданія народной аудиторіи съ читальней при ней, въ мѣстности, близкой къ дому, въ которомъ онъ родился. Дабы не откладывать исполненіе сего на продолжительное время, которое требуется для постройки, городское управленіе рѣшило нынѣ же открыть аудиторію съ читальней временно въ наемномъ помѣщеніи, уже присканномъ. Помимо сего предполагается открыть нѣсколько начальныхъ училищъ имени А. С. Пушкина и печеніе о нихъ вѣрить сыну и внукамъ его. Наконецъ, проектируется учрежденіе одной стипендіи его имени въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а въ случаѣ успѣшнаго окончанія стипендіатомъ курса въ нихъ, переводить и для продолженія его образованія въ высшихъ. Стипендію эту предполагено предназначать для дѣтей и потомковъ извѣстныхъ русскихъ писателей, и городское управленіе разсчитываетъ предоставить ее правнуку покойнаго Александра Сергѣевича.

Московское мѣщанское общество, постановило вносить ежегодно въ свою смѣту сумму на содержаніе одного воспитанника въ московской гимназійи и одного студента въ Московскомъ университетѣ съ наименованіемъ стипендій «Пушкинскими».

Центральная библіотека при московскомъ совѣтѣ дѣтскихъ приютовъ въ ознаменованіе 100-лѣтней годовщины А. С. Пушкина открыла при библіотекѣ особый Пушкинскій отдѣлъ. Всѣ вновь вышедшія изданія сочиненій Пушкина для означеннаго отдѣла пожертвованы въ библіотеку товарищемъ предсѣдателя И. П. Петровымъ, имъ же пожертвованы бюсты и портреты поэта, а также для раздачи всѣмъ подписчикамъ библіотеки брошюры о Пушкинѣ съ его портретомъ и съ рисункомъ памятника.

Совѣтъ Строгановскаго училища постановилъ учредить 5 стипендій имени А. С. Пушкина для живущихъ въ училищѣ воспитанниковъ.

Въ Петербургѣ было замѣтно отсутствіе въ торжествахъ литературы и ея дѣятелей, если не считать простые обѣды и ужины съ ординарными рѣчами и тостами. Одно чествованіе Пушкина редакціей польской газеты «Край» 21-го мая было наиболѣе литературнымъ и свидѣтельствовало, что поляки чтутъ и знаютъ, за что имъ слѣдуетъ чтить Пушкина. Вечеромъ 25-го мая у «Контана» состоялся банкетъ и знакомство журналистовъ, прибывшихъ изъ-за границы на празднество; но изъ русскихъ литераторовъ присутствовали очень немногіе: гг. І. І. Яснинскій, Я. Гуревичъ, В. В. Комаровъ, Н. Э. Гейнце, А. Г. Блохъ, Б. Б. Глинскій, С. Пропперъ, редакторъ газеты «Народъ», г. Стечкинъ, А. М. Лесманъ, сотрудн. «Нов. Вр.» Прокофьевъ, Я. М. Готбергъ. Торжества главнымъ образомъ происходили 26 мая. Послѣ церковныхъ почестей памяти А. С. Пушкина и панихидъ въ Казанскомъ соборѣ, въ Конюшенной церкви придворнаго вѣдомства, въ домѣ кн. Волконскаго (на Мойкѣ № 12, гдѣ скончался поэтъ), во всѣхъ почти министерствахъ и учебныхъ заведеніяхъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Царскомъ Селѣ, Петергофѣ и другихъ окрестностяхъ столицы, состоялось торжественное засѣданіе академіи наукъ, происходившее въ залѣ С.-Петербургской консерваторіи.

По прибытіи августѣйшихъ особъ, великій князь Константинъ Константиновичъ открылъ засѣданіе чтеніемъ телеграммы, присланной Государемъ Императоромъ.

«Не имѣя возможности присутствовать въ торжественномъ собраніи академіи наукъ, посвященномъ чествованію столѣтія со дня рожденія великаго Пушкина, Я сердцемъ и умомъ участвую въ празднествѣ, въ которомъ въ этотъ знаменательный день сливается вся Россія.

«НИКОЛАЙ»

Затѣмъ Великій Князь прочиталъ указъ Его Величества правительствующему сенату о празднованіи столѣтія со дня рожденія Пушкина и учрежденіи новаго отдѣленія російской словесности при академіи наукъ слѣдующаго содержанія:

«Одушевляемые горячею любовію къ родному языку и родной словесности, завѣщанною Намъ державными предками Нашими, признали Мы за благо, во вниманіе къ представленію его императорскаго высочества великаго князя президента Академіи Наукъ, ознаменовать столѣтіе со дня рожденія великаго русскаго писателя Пушкина учрежденіемъ въ Императорской Академіи Наукъ, посвященныхъ его памяти, разряда изящной словесности и особаго фонда имени Пушкина.

«Вновь учреждаемый разрядъ долженъ составить одно цѣлое съ отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, образованнымъ изъ Императорской Россійской Академіи, членомъ которой былъ Пушкинъ; на открываемыя въ семь отдѣленій новыя должности академикомъ должны быть избираемы какъ писатели-художники, такъ равно ученые изслѣдователи въ области словесности.

«Пушкинскій фондъ предназначается для изданія произведеній русскихъ писателей, а также словаря русскаго языка и другихъ трудовъ второго отдѣленія Академіи Наукъ.

«Въ сихъ видахъ Всемилостивѣйше повелѣваемъ:

«1) Въ дополненіе къ Высочайше утвержденному 1-го іюня 1893 года штату Императорской Академіи Наукъ, учредить во второмъ ея отдѣленіи русскаго языка и словесности шесть новыхъ должностей ординарныхъ академикомъ съ содержаніемъ, по означенному штату положеннымъ.

«2) На образованіе Пушкинскаго фонда отпускать ежегодно изъ государственнаго казначейства, сверхъ ассигнуемыхъ нынѣ второму отдѣленію Академіи Наукъ суммъ, 15.000 рублей.

«3) Потребную для содержанія шести ординарныхъ академикомъ и на расходы по Пушкинскому фонду сумму вносить въ смѣту по министерству народнаго просвѣщенія, начиная съ 1900 года.

«Мы твердо вѣримъ, что второе отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ, какъ высшее въ Россіи учрежденіе, въ кругъ занятій коего входятъ словесныя науки, не престанетъ ревностно трудиться для ихъ процвѣтанія, обогащая отечественную словесность новыми вкладами и призывая въ свою среду достойныхъ представителей русской науки и литературы.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ».

Въ Царскомъ Селѣ.
29-го апрѣля 1899 года.

Послѣ продолжительныхъ криковъ «ура» великій князь произнесъ рѣчь по поводу юбилейнаго торжества, въ которой, между прочимъ, сказалъ:

«Правительство приняло на себя заботу по охраненію дорогой для Россіи могилы поэта въ Святогорскомъ монастырѣ.

«Имѣніе Пушкиныхъ, село Михайловское, Опочецкаго уѣзда, Псковской губ. приобрѣтено въ казну съ предоставленіемъ псковскому дворянству устроить въ усадьбѣ поэта какое либо благотворительное учрежденіе, связанное съ именемъ А. С. Пушкина.

«Разрѣшена повсемѣстная подписка на сооружаемый въ С.-Петербургѣ памятникъ безсмертному поэту.

«Отдѣленіе русскаго языка и словесности уже 10 лѣтъ какъ приступило къ академическому изданію произведеній Пушкина подъ редакцію академика Майкова. I томъ этого изданія вышелъ въ свѣтъ».

Затѣмъ говорили академикъ А. Н. Веселовскій: «о Пушкинѣ, какъ національномъ поэтѣ», и А. Ф. Кони «о нравственныхъ и общественныхъ идеалахъ»

Пушкина». Засѣданіе закончилось кантатой со словами поэта К. Р. и музыкою А. Глазунова.

Въ 7 часовъ вечера состоялся подъ громкимъ названіемъ «обѣдъ печати и 12-ти соединенныхъ литературныхъ и художественныхъ обществъ» въ залѣ офицерскаго собранія на Литейной улицѣ; но крупныя имена литературы на немъ отсутствовали. Здѣсь говорилось много рѣчей, и читалась масса телеграммъ изъ Праги, Филиппополя, Вѣлграда, Софін и наконецъ отъ Э. Золя.

Въ этотъ же день въ петербургскихъ садахъ и скверахъ состоялись народныя гулянья. Репертуаръ представленій въ садахъ, въ большинствѣ, былъ составленъ изъ доступныхъ пониманію произведеній поэта, въ видѣ оперъ, написанныхъ на слова Пушкина русскими композиторами, особыхъ драматическихъ спектаклей, дивертисмента, живыхъ картинъ и проч. При этомъ нѣкоторые изъ увеселительныхъ садовъ, на память о юбилейныхъ празднествахъ, выдавали своимъ посѣтителямъ специально заготовленные на этотъ случай жетоны и изящныя открытыя письма-карточки, отпечатанныя въ нѣсколько красокъ. Въ общемъ, однако, на первый день пушкинскихъ празднествъ народныя гулянья далеко не вполне удались вслѣдствіе ненастной погоды. Въ свою очередь, на всероссийское торжество откликнулись многія изъ столичныхъ фабрично-заводскихъ предпріятій, владѣльцы которыхъ устроили для своихъ служащихъ популярныя чтенія и туманныя картины, придерживаясь исключительно произведеній А. С. Пушкина. Нѣкоторыя изъ коммерческихъ предпріятій — къ сожалѣнію, немногія — совершенно не оперировали въ этотъ день, предоставивъ служащимъ полный праздничный отдыхъ. Въ городскихъ скверахъ, по распоряженію управы, играли военные оркестры. Между прочимъ, чтобы увѣковѣчить достойнымъ образомъ память чествуемаго поэта, коммерсанты большого Гостинаго двора возбудили вопросъ объ учрежденіи въ Маріинской женской гимназіи и Петровскомъ училищѣ 2 стипендій для учащихся имени Пушкина, а болѣе состоятельная интеллигентная часть публики, проживающей въ Новой Деревнѣ, бесплатно раздала 26 мая бѣднымъ дѣтямъ по одному экземпляру дешевыхъ изданій произведеній Пушкина. Такія же изданія раздавались на станціи Удѣльной финляндской дороги, въ окрестныхъ деревняхъ и другихъ дачныхъ пунктахъ, ближайшихъ къ Петербургу.

27 мая въ залахъ Таврическаго дворца тѣ же представители отъ имени печати и 12 литературныхъ и художественныхъ обществъ устроили вечеръ, который не отличался ни блескомъ, ни интересною программой и почему-то почти весь былъ опернымъ. Гораздо болѣе удачнымъ вечеромъ слѣдуетъ, кажется, считать въ этотъ день домашнее торжество въ помѣщеніи рѣчнаго яхтъ-клуба, устроенное редакціей журнала «Жизнь». Среди участвующихъ находились сотрудники журналовъ; «Жизнь», «Русское Богатство», «Миръ Божій», «Начало», «Хозяинъ», нѣкоторые земцы, сотрудники провинціальныхъ изданій; всего собралось до 150 человекъ.

28 мая Императорскій Александровскій лицей чествовалъ память Пушкина, своего старѣйшаго воспитанника.

Графъ Протасовъ-Бахметевъ открылъ торжество чтеніемъ высочайшихъ повелѣній объ учрежденіи въ лицей стипендіи Пушкина для его потомковъ

объ учрежденіи Пушкинской серебряной медали для ежегодной выдачи воспитанникамъ I и II класса за лучшія годовыя сочиненія и объ учрежденіи лицейскаго Пушкинскаго общества, имѣющаго цѣлью изученіе твореній великаго поэта и распространеніе ихъ во всѣхъ слояхъ народа.

Восторженнымъ «ура» и звуками народнаго гимна было встрѣчено это сообщеніе. Затѣмъ графъ Протасовъ-Бахметевъ сообщилъ о постановленіи думы, которымъ въ лицей учреждается Пушкинская стипендія отъ города.

Министръ государственныхъ имуществъ и земледѣлія, А. С. Ермоловъ произнесъ стихи: «Три зари», въ которыхъ изображена судьба пушкинской музы, съ конечнымъ торжествомъ «правды кругомъ».

Затѣмъ, 30 мая, въ залахъ городской думы состоялся раутъ, и 31 мая въ ресторанахъ Мильбрета устроенъ былъ «Союзомъ писателей» ужинъ, не отличавшійся впрочемъ ничѣмъ особенно, кромѣ развѣ сбора денегъ въ пользу голодающихъ.

С.-Петербургская городская дума рѣшила устроить еще одну безплатную городскую читальню имени А. С. Пушкина, кромѣ двухъ уже существующихъ. Общество устройства дешевыхъ столовыхъ и чайныхъ и домовъ трудолюбія рѣшило назвать именемъ Пушкина всѣ вновь открытыя въ настоящемъ году столовыя и чайныя.

С.-петербургское купечество учредило въ память А. С. Пушкина двѣ стипендіи имени поэта при Петровскомъ коммерческомъ училищѣ с.-петербургскаго купеческаго сословія по 125 рублей и двѣ стипендіи, по 120 руб. каждая, при с.-петербургскихъ женскихъ гимназіяхъ для дочерей впавшихъ въ бѣдность бывшихъ с.-петербургскихъ купцовъ. Кромѣ этого, среди купеческаго сословія столицы открыта подписка на постройку предпринимаемаго къ сооруженію въ Псковѣ дома въ память А. С. Пушкина съ цѣлью устройства въ немъ общепользныхъ учрежденій имени поэта.

Вѣдомство святѣйшаго синода предполагаетъ назвать «Пушкинскими» устраиваемые въ настоящемъ году при с.-петербургской духовной семинаріи курсы для учителей и учительницъ церковно-приходскихъ школъ. Петербургскіе типографы собираютъ между собою пожертвованія для учрежденія Пушкинскаго фонда при недавно возникшемъ Обществѣ дѣятелей въ области печатнаго дѣла; наборщики же предполагаютъ собрать между собою средства, необходимыя для устройства въ Петербургѣ школы имени А. С. Пушкина для обученія бѣдныхъ дѣтей типографскому дѣлу.

Нѣкоторые изъ высшихъ учебныхъ заведеній обратились въ министерство народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ — разрѣшить учредить при этихъ заведеніяхъ стипендіи имени А. С. Пушкина, средства на которыя составятъ суммы, вырученныя отъ продажи составленныхъ для чтенія 26 мая профессорами этихъ учебныхъ заведеній рѣчей о поэзіи Пушкина, отъ публичныхъ лекцій въ память Пушкина и отъ добровольныхъ пожертвованій. Министерство удовлетворило эти ходатайства.

Затѣмъ необходимо упомянуть, что на памятникъ А. С. Пушкина уже собрано нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Выставка его имени при Академіи Наукъ привлекала къ себѣ множество посѣтителей.

Къ юбилею Пушкина не остались глухи и военныя сферы.

Съ высочайшаго соизволенія изданъ «Сборникъ избранныхъ произведеній А. С. Пушкина» для разсылки его во всѣ роты, эскадроны, батареи и соотвѣтствующія имъ войсковыя подраздѣленія; всего для бесплатнаго снабженія войскъ издано 12.200 экземпляровъ «Сборника», причемъ оныя распространены не только въ частяхъ собственно военнаго вѣдомства, но также во флотѣ, въ отдѣльныхъ корпусахъ пограничной стражи и жандармовъ, способствуя ознакомленію всѣхъ частей нашей вооруженной силы съ избранными твореніями славнаго русскаго поэта.

Были приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы сдѣлать этотъ «Сборникъ», изданный подъ заглавіемъ «Русскому солдату на память объ Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ», возможно болѣе полнымъ по содержанію и изящнымъ по внѣшности. Труды по составленію и изданію «Сборника» были возложены на особую комиссію при главномъ штабѣ, подъ предсѣдательствомъ генераль-лейтенанта Вильдерлинга.

Дѣти по городамъ и весямъ также помянутъ добромъ «пушкинскіе дни». Во всѣхъ школахъ с.-петербургскаго уѣзднаго земства, по случаю юбилея, происходили чтенія съ туманными картинами на сюжеты изъ жизни Пушкина и его произведеній, при чемъ учащимся раздавались портреты поэта. Въ цѣляхъ развитія среди народа большаго знакомства съ произведеніями великаго поэта, земскія школьныя бібліотеки будутъ значительно пополнены сочиненіями Пушкина. Въ начальныхъ школахъ духовнаго вѣдомства также состоялись пушкинскія чтенія, съ раздачей ученикамъ и ученицамъ сочиненій Пушкина.

Художественныя области также приняли участіе въ честь Пушкина. Въ газетахъ было упомянуто, что профессоръ В. В. Матѣ сдѣлалъ гравюру въ натуральную величину съ портрета Пушкина, писаннаго Кипренскимъ. Даровитый граверъ принялъ при этомъ въ соображеніи другіе портреты, стараясь возможно лучше воспроизвести лицо поэта. Гравюра эта, требующая еще нѣсколько работы, въ свое время поступитъ въ продажу. Портреты, явившіеся къ юбилею, въ маломъ и въ большемъ видѣ, плохи и даютъ Пушкина довольно фантастическаго. Московское общество архитекторовъ заказало гравюру съ портрета Пушкина, работы Тропинина, въ Лейпцигѣ или Берлинѣ; гравюра сдѣлана хорошо, но въ маленькомъ видѣ. Г. Матѣ первый дастъ намъ гравюру, которая будетъ изображать дѣйствительно Пушкина и въ такомъ размѣрѣ, который наиболѣе желателенъ.

Въ память столѣтія со дня рожденія Пушкина Э. К. Шубертомъ изготовлены, при содѣйствіи художника М. А. Скуднова и гравера П. Фогдта, жетоны изъ серебра, двухъ форматомъ. Изображеніе поэта заимствовано съ большой медали, выпущенной академіей наукъ по поводу 75-лѣтія со дня рожденія Пушкина. Медаль была выгравирована извѣстнымъ художникомъ монетнаго двора Важенинымъ. По проекту г. Шуберта изображена на оборотной сторонѣ большого жетона надгробная урна, обвитая илющемъ, къ которой присловена лира съ порванными струнами; подъ лирой—пальмовая вѣтвь и свертокъ съ обозначеніемъ года кончины поэта.

Спб. попечительный комитетъ о сестрахъ Краснаго Креста издалъ въ пользу

больницы и курсовъ при общинѣ св. Евгеніи открытыя письма и карточки въ память поэта. Въ это изданіе входятъ портреты Пушкина, рисунокъ съ картины— «Пушкинъ въ Михайловскомъ» Гё, снимокъ съ картины В. М. Васнецова, рисунки на сюжеты изъ произведеній Пушкина, исполненные художниками М. А. Зичи, Елиз. М. Бемъ, А. и В. Шнейдерами, Н. Н. Каразинымъ и др. Кроме того, попечительный комитетъ издалъ сказку о «Рыбакѣ и Рыбкѣ» Пушкина въ рисункахъ художника Аванасьева. Въ настоящее время появился въ печати «Альбомъ Пушкинской юбилейной выставки Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ», съ 250 фототипически исполненными снимками съ портретовъ, рисунковъ, гравюръ, рукописей и пр.

Нельзя также пропустить безъ вниманія признаніе государственными людьми Россіи высокаго званія писателя и надеждъ, что судьбы литературы могутъ современемъ быть дороги имъ наравнѣ съ другими основными сторонами нашего быта. Не менѣе драгоценны для насъ привѣты отъ европейскихъ писателей: Э. Золя, Вогюэ, Аданъ, Ф. Коппе, Ж. Верна, М. Прево, Фагаццаро и т. п. «пушкинофиловъ», какъ они называютъ себя. Англійскій ученый Тэрнеръ написалъ книгу «Translations from Poushkin», въ которой переведены бѣлыми стихами 15 лучшихъ стихотвореній Пушкина, кроме того «Цыганы», «Полтава», «Моцартъ и Сальери», «Мѣдный всадникъ», «Каменный гость» и «Борись Годуновъ».

Множество переводовъ появилось на французскомъ языкѣ, польскомъ и на славянскихъ нарѣчійхъ. Имя Пушкина, чествуемое въ прибалтійскихъ губерніяхъ, явилось проводникомъ на всей этой окраинѣ примиренія съ нами и удивленія передъ русскимъ гениемъ.

Провинція также много сдѣлала именемъ Пушкина полезнаго для себя. Въ г. Одессѣ, 25 мая, было устроено мѣстными литераторами и учеными въ Александровскомъ паркѣ общественное гулянье въ пользу устраиваемаго «Убѣжища инвалидовъ печати» имени Пушкина.

Въ г. Харьковѣ совершилась закладка большого пушкинскаго зданія для 900 учениковъ, сооружаемаго городомъ, на что ассигновано до 130.000 руб.

Въ г. Казани, по предложенію городского головы, дума постановила назначить премію въ 500 рублей за лучшее сочиненіе о Пушкинѣ и переводъ нѣкоторыхъ его сочиненій на татарскій языкъ. На городскія средства открыта пушкинская столовая на 200 человекъ нуждающагося населенія.

Въ ознаменованіе столѣтія дня рожденія Пушкина городъ Вильна рѣшилъ отпускать по 1.000 рублей въ годъ на организацію ремесленныхъ курсовъ; переименовать городской скверъ въ Пушкинскій и поставить въ немъ бюстъ поэта; устроить въ городскомъ саду народное гулянье; раздавать бесплатно сочиненія Пушкина. Купечество постановило открыть на свои средства коммерческое училище памяти Пушкина.

Въ г. Ковнѣ учреждена въ гимназіи стипендія имени поэта и открывается народная читальня.

Юхновское (Смоленской губерніи) уѣздное земство открываетъ въ текущемъ году пять новыхъ училищъ, которымъ присваивается наименованіе «Пушкинскихъ».

Въ Александріи, Херсонской губерніи, земствомъ постановлено ассигновать до 500 руб. для приобрѣтенія 750 брошюръ съ избранными стихотвореніями и сказками А. С. Пушкина для раздачи ученикамъ въ земскихъ школахъ, а также для покупки тѣневыхъ картинъ къ сочиненіямъ Пушкина для волшебныхъ фонарей.

Въ г. Владикавказѣ, по словамъ «Казбека», общество распространенія образованія и техническихъ свѣдѣній среди горцевъ Терской области постановило увѣковѣчить память Пушкина устройствомъ во Владикавказѣ общежитія для учащихся горцевъ.

Большинство земствъ чествовало Пушкина цѣлымъ рядомъ мѣръ, содѣйствующихъ ознакомленію съ нимъ темныхъ массъ.

«Сиб. Вѣд.» подводятъ слѣдующіе приблизительные итоги этихъ земскихъ постановленій:

Нѣсколько земствъ ассигновало суммы въ распоряженіе псковскаго комитета на организацію проектируемыхъ въ селѣ Михайловскомъ, родинѣ поэта, благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій. Такъ, московское губернскае земство ассигновало на этотъ предметъ 1.000 р., псковское—3.000 р., орловское—500 р., курское 1.000 р. Нѣкоторыя земства опредѣлили учредить въ память Пушкина особія школы: черниговское губернское земство 15 образцовыхъ школъ, внося на нихъ въ смѣту расходовъ по 3.000 руб. ежегодно, до суммы 15.000 р., нижегородское—5.000 руб. на устройство въ селѣ Болдинѣ, Лукояновскаго уѣзда, «Пушкинскаго двухкласснаго училища» съ интернатомъ для учениковъ и помѣщеніемъ для читальни, псковское—представило ходатайство о наименованіи двухъ земскихъ школъ «Пушкинскими», петербургское—устройствомъ въ земской учительской школѣ двухъ стипендій, по одной въ мужскомъ и женскомъ отдѣленіи школы по 180 р. каждая; тверское—учредить 2 стипендіи имени Пушкина по 300 руб. каждую, одну—въ московскомъ университетѣ, другую—на петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ, курское—300 р. на стипендію для проведенія лучшаго изъ учениковъ земскихъ школъ черезъ среднее и высшее учебныя заведенія. Нѣкоторыя земства учреждаютъ народныя библіотеки: такъ, пензенское—устраиваетъ 10 «Пушкинскихъ» народныхъ бесплатныхъ библіотекъ (по 100 р. каждая); московское—внесло въ смѣту 4.000 р. на устройство «Пушкинскихъ» народныхъ библіотекъ, по одной въ каждомъ уѣздѣ губерніи и половину расходовъ на пополненіе книгами этихъ библіотекъ на будущее время, а также ассигновало 500 р. на устройство библіотеки въ с. Захаровѣ, Звенигородскаго уѣзда, гдѣ великій поэтъ провелъ свои дѣтскіе годы. Для ознакомленія народа съ чествуемымъ поэтомъ, владимірское земство ассигновало 300 р. на народныя чтенія его произведеній съ туманными картинами, ярославское—1.300 р., нижегородское уже затратило 600 руб. на организацію народныхъ чтеній съ картинами изъ біографіи Пушкина и нѣкоторыхъ выдающихся его сочиненій. Наконецъ, нѣкоторыя земства, въ интересахъ распространенія произведеній Пушкина, сдѣлали постановленія о бесплатной раздачѣ различныхъ изданій Пушкина ученикамъ земскихъ школъ и населенію вообще. Такъ, олонецкое земство предполагаетъ одарить учениковъ въ школахъ сочиненіями Пушкина, владимірское—ассигно-

вало 900 р. на приобрѣтеніе въ подарокъ каждой изъ существующихъ въ губерніи народныхъ школъ по одному экземпляру полнаго собранія сочиненій А. С. Пушкина съ надписью на каждомъ экземплярѣ, что это—даръ губернскаго земства въ воспоминаніе такого-то событія; орловское израсходовало 600 руб. на приобрѣтеніе сочиненій и портретовъ Пушкина для раздачи; саратовское—приобрѣло 4.000 экземпляровъ дешеваго изданія избранныхъ сочиненій поэта для оканчивающихъ школы; вятское—13.000 экземпляровъ, израсходовавъ на это 6.000 рублей.

О чествованіи Пушкина на мѣстѣ его послѣдняго успокоенія, въ Святыхъ Горахъ, мы даемъ особую статью г. Фаресова въ этой книжкѣ.

Трудно перечислить всѣ практическіе итоги пушкинскихъ празднествъ и отрадныхъ явленія въ общественной жизни, которыя были связаны съ именемъ юбиляра.

«За послѣдніе мѣсяцы, говорятъ «Русскія Вѣдомости», газеты изо дня въ день сообщали объ учрежденіи въ память столѣтія рожденія Пушкина «народныхъ домовъ», общественныхъ библиотекъ, народныхъ читаленъ, школъ разныхъ типовъ, литературныхъ и научныхъ обществъ, народныхъ театровъ и пр. и пр. Сотни просвѣдительныхъ учреждений останутся памятниками Пушкинскихъ дней 1899 года. И на книжномъ рынкѣ эти дни сказались уже новымъ оживленіемъ: теперь уже началось и будетъ усиленно продолжаться обильное появленіе новыхъ изданій Пушкина и о Пушкинѣ; такія изданія будутъ считаться многими сотнями, разойдутся милліонами экземпляровъ, и есть основанія думать, что итогъ Пушкинскихъ дней 1899 года въ концѣ концовъ и на книжномъ рынкѣ будетъ выше того, что далъ 1887 годъ».

Такимъ образомъ 100-лѣтіе со дня рожденія великаго поэта ознаменовалось не только шумными празднествами, послѣ которыхъ ничего не остается, но и устройствомъ многихъ просвѣдительныхъ учреждений.

Чествованіе памяти князя Довмонта Псковскаго. I. Въ С.-Петербургѣ. 20-го мая въ одной изъ аудиторій Академіи Генеральнаго Штаба состоялось, организованное начальникомъ Академіи Г. Л. Сухотинымъ, чествованіе памяти князя Довмонта Псковскаго по случаю 600 лѣтъ со дня его кончины. Профессоръ названной Академіи А. З. Мышлаевскій представилъ собравшимся слушателямъ очеркъ дѣятельности этого князя, немало потрудившагося на защиту Русской земли отъ иноземныхъ вторженій и бывшаго прямымъ продолжателемъ дѣла Александра Невскаго. Бѣжавшій въ 1266 году изъ Литвы въ Псковъ, Довмонтъ былъ въ томъ же году избранъ псковичами въ князья, при чемъ оказался въ весьма трудномъ положеніи. Небольшая земля псковская, примѣрно равнявшаяся нынѣшнимъ ближайшимъ ко Пскову тремъ уѣздамъ, была въ то время окружена со всѣхъ сторонъ врагами. Съ юго-запада грозила иорубежная Литва, нѣсколько сѣвернѣе, у Риги, утвердились тевтонскіе рыцари, еще сѣвернѣе—датчане, которые черезъ Копорье и Варяжское море стремились подать руку шведамъ. Помощи ждать было неоткуда: въ тылу Великій Новгородъ, съ которымъ младшій Псковъ находился въ постоянной враждѣ, на востокъ—другія княжества, обезсиленные междоусобною борьбой и монгольскимъ игомъ. Между тѣмъ власть князя во Псковѣ была ничтожна. Рядомъ съ нимъ

правили дѣлами посадникъ и вѣче, отъ котораго зависѣло и самое избраніе князя. Если прибавить, что князь Довмонтъ не могъ въ началѣ своего княженія пользоваться должнымъ вліяніемъ еще и потому, что происходилъ не изъ дома Рюриковичей, то получится полная картина обстановки, при которой литовскому выходцу пришлось принять на себя званіе князя Псковскаго. А между тѣмъ задача предстояла не легкая: Псковская земля по своему положенію должна была послужить защитой для всей Руси отъ незваныхъ гостей съ Запада. Здѣсь-то умомъ и обхожденіемъ онъ привлекъ къ себѣ не только псковичей, но и сосѣднихъ новгородцевъ, которые сами устраиваютъ его женитьбу на внучкѣ Александра Невскаго, породнившей его съ родомъ Рюриковичей. Этимъ Довмонтъ приобретаетъ большее вліяніе на дѣла внутреннія, а союзъ съ новгородцами обезпечиваетъ его тылъ при дѣйствіяхъ противъ западныхъ враговъ. Дѣятельность его на ратномъ полѣ полна высокими образцами военного искусства, тѣмъ болѣе изумительными, что творились они не подъ вліяніемъ научныхъ познаній, а въ силу внутренняго чутья, всегда присущаго лишь даровитому воину. Какимъ же образомъ могло случиться, что имя этого князя, стоявшаго въ тяжелыя години на стражѣ Русской земли съ мечемъ въ рукѣ, было забыто и притомъ такъ прочно, что чествованіе его въ стѣнахъ военной академіи встрѣчено было обществомъ даже съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ? Объясненіе этого слѣдуетъ искать въ состояніи нашей исторической науки вообще, а военно-исторической въ особенности. Время до Петра было темнымъ, никто стариной не занимался. Лишь великій преобразователь понялъ значеніе прошлаго, и слѣды его историческихъ трудовъ можно найти и понынѣ. Со смертью его возрастаетъ значеніе иноземцевъ, съ Минихомъ во главѣ; имъ чуждо, конечно, все русское, и они далеки отъ мысли разрывать архивную пыль съ цѣлью воссозданія образцовъ русской древней жизни. Лишь въ первой четверти нынѣшняго столѣтія отдѣльные изслѣдователи пытались раскрыть таинственную завѣсу русскаго прошлаго. Настоячивый глазъ ихъ, несмотря ни на какія затрудненія, проникаетъ всюду, и на дневной свѣтъ выносятся сказанія о мощи и жизненности русскаго духа. Заря разсвѣта для русской военно-исторической науки началась, впрочемъ, еще позднѣе. Она лишь недавно, по выраженію лектора, «произведена въ первый офицерскій чинъ», получивъ въ свое распоряженіе отдѣльную кафедру въ академіи. Но дѣло сдѣлано, и теперь можно вѣровать, что настанетъ время, когда будетъ окончательно сброшено съ плечъ ярмо, завѣщанное намъ въ военно-исторической наукѣ иноземцами, и мы получимъ возможность изучать «славные образы прошлаго своей родины и, по слову царя Давида, учиться у нихъ, подражая ихъ вѣрѣ и любви». Послѣдними словами заканчивается брошюра, изданная Е. В. Богдановичемъ въ память князя Довмонта, раздававшаяся при входѣ въ залъ всѣмъ посѣтившимъ академію въ этотъ день.

II. Во Псковѣ. Въ преддверіи обще-русскихъ пушкинскихъ празднествъ Псковъ справлялъ и свое мѣстное духовное торжество — 600-лѣтіе кончины св. князя Довмонта, въ крещеніи Тимофея, славнаго древняго защитника древняго Пскова, а вмѣстѣ съ тѣмъ и защитника Новгорода и всей Русской земли, ея цѣлости. Древній Псковъ (Плесковъ) стоялъ на грани Руси съ Литвой и нѣмцами. Онъ вель постоянныя войны; князь Довмонтъ бѣжалъ со своею дружиною отъ на-

силія литовскаго князя Миндовга въ Псковъ, гдѣ проживала и его тетка Евфросинія, вдова псковскаго князя Ярослава. Она, вѣроятно, и способствовала послѣ смерти князя Святослава избранію псковитянами литвина—князя Довмонта, принявшаго крещеніе и имя Тимоѳея. Три кольца каменныхъ стѣнъ окружали городъ, недоступный для иноземцевъ; первая изъ этихъ стѣнъ, воздвигнутая въ срединѣ XIII вѣка, — стѣна князя Довмонта, имъ сооруженная по всѣмъ правиламъ тогдашей фортификаціи, извѣстной у ливонцевъ, откуда князь и заимствовалъ ее. Это первое сооруженіе князя Довмонта имѣло громадное значеніе для всей будущности Пскова, для способности его, какъ области Русской земли, отстаиваться отъ иноземныхъ нашествій. Высоко надъ городомъ, въ Кремль, видимый далеко еще съ поѣзда желѣзной дороги, стоитъ старый соборъ Св. Троицы, окруженный внизу цѣлымъ ожерельемъ старинныхъ псковскихъ церквей, свидѣтелей древней славы города, который люди того времени сравнивали съ Парижемъ. Въ этомъ соборѣ вокняжались избираемые псковитянами на княжескій столъ. Возлѣ собора былъ и княжескій дворъ, и городская казна, подъ стѣною церковныхъ стѣнъ собиралось вѣче, въ стѣнахъ собора хранились вѣчевыя записи. Здѣсь былъ великій плачъ, когда увозили въ Москву вѣчевой колоколъ, и когда хитрая и властная Москва отняла у Пскова вольности. Псковъ стоитъ теперь при четырехъ желѣзныхъ путяхъ: на Петербургъ, на Варшаву, Ригу, Москву и путь водою въ Юрьевъ. Псковъ теперь городъ чистый и хорошо застроенный, но, конечно, это не тѣ былия времена, когда современники удивлялись его стѣнамъ и башнямъ, его красотѣ. Много силъ отняла у него постоянная борьба, и послѣднія силы отнялъ созданный Петромъ Великимъ Петербургъ, прекратившій торговое значеніе Пскова и произведшій великое опустошеніе въ рядахъ его жителей, которыхъ Петръ Великій своею желѣзною волею переселялъ на финскія болота выращивать тамъ излюбленный имъ Петербургъ. До того оскудѣлъ Псковъ людьми и средствами, что въ этомъ богатомъ старинномъ городѣ и притомъ извѣстномъ твердою любовью псковичей къ своей старинѣ, эта старина въ прошломъ и началѣ нынѣшняго столѣтія постепенно впала въ полное заустѣніе, утрачивалась при полномъ равнодушіи властей, жителей и духовенства. Забыто было и почитаніе памяти св. Довмонта, утрачена и самая служба ему, древняя рукописная, такъ что въ 1886 г. покойный преосвященный Гермогенъ псковскій, радѣя о славѣ угодника Божія, взявъ общій по святцамъ службы, составилъ особую службу святому князю. Найденная потомъ рукопись древней службы хранится, какъ и новая, теперь въ соборѣ. Много цѣнныхъ древнихъ вещей, археологическихъ рѣдкостей Пскова, расхищено и пропало, и даже про самый мечъ Довмонта, уцѣлѣвшій и висѣвшій у его гробницы (до ремонта собора), изслѣдователь псковской старины г. Васильевъ говоритъ, что его можно приписать и князю Всеволоду-Гавриилу, ибо нѣтъ ясныхъ указаній, который изъ двухъ сохранившихся княжескихъ мечей принадлежитъ Гавриилу или Довмонту. Моги св. Довмонта, какъ видно изъ древней службы, открытыя для поклоненія неизвѣстно въ какое время, вѣроятно, при перестройкѣ собора, положены подъ спудомъ, хотя гробница его и помѣщена въ особой ракъ въ придѣлѣ св. Гавриила. Въ немалое смущеніе мѣстныхъ соборянъ поставилъ въ 1857 г. даръ великаго князя Константина

Николаевича, по случаю рожденія дочери Ольги (нынѣшней греческой королевы), золотой лампады къ кресту св. Ольги, поставленному во время ея путешествія по Псковской землѣ. Оказалось, что никто не знаетъ, гдѣ этотъ крестъ, и лишь послѣ немалыхъ трудовъ розыскали его, покрытый слоями коноти и пыли, разобрали надпись, очистили и поставили на видномъ мѣстѣ. Лѣтній соборъ св. Троицы, гдѣ покоятся мощи св. благовѣрнаго князя Довмонта, а также перенесенные теперь въ память святыхъ псковскихъ—князя Гавріила, строителя второго собора св. Троицы и св. Николая Христа ради юродиваго, извѣстнаго всѣмъ изъ исторіи Іоанна Грознаго—четвертый по счету соборъ со времени основанія на этомъ мѣстѣ перваго деревяннаго храма св. Ольгою во имя св. Троицы, когда вскорѣ Псковъ и «св. Троица» стали какъ бы синонимы. Псковичи называли свой городъ домомъ св. Троицы. Послѣ того какъ Довмонта избрали въ князья, лѣтописецъ говоритъ, что Богъ вложилъ въ князя «поборъ по св. Троицѣ и отмыть кровь христіанскую». На мѣстѣ Ольгинскаго храма сооружались новые, а затѣмъ въ 1703 г. освященъ новый каменный соборъ, построенный по указу Іоанна, Софіи и Петра Алексѣевичей. Теперь соборъ этотъ ремонтируется весь, и церковная служба пла въ одномъ открытомъ только лѣвомъ придѣлѣ—св. князя Всеволода-Гавріила. Здѣсь, предъ алтарной солеей, закрывая алтарь, утверждёнъ величественный, весь въ серебрѣ, образъ св. Троицы, и передъ нимъ, подъ парчевой сѣнью, покрытая такимъ же покровомъ, стоитъ гробница съ изображеніемъ на верхней доскѣ св. князя Довмонта, впереди ея аналой съ св. крестомъ и евангеліемъ. Сотни свѣчей богомольцевъ мелькаютъ огнями кругомъ въ громадныхъ подсвѣчникахъ. Сонмъ священниковъ въ тканыхъ золотомъ краснаго бархата ризахъ окружаетъ святыни, совершая всенощную, во главѣ съ своимъ маститымъ епископомъ. Прекрасное пѣніе архіерейскаго хора наполняетъ храмъ, переполненный народомъ, который не можетъ помѣститься въ этомъ маломъ придѣлѣ. За всенощной священникъ читаетъ жизнеописаніе св. князя Довмонта, а послѣ торжественнаго величанія совершается поклоненіе гробницѣ святого, и архіерей, помазуя елеемъ прикладывающихся, каждому вручаетъ свертокъ брошюры, выпущенныхъ ко дню торжества. Тутъ и прекрасно иллюстрированная брошюра Е. В. Богдановича—св. благовѣрный князь Довмонтъ, и біографическій очеркъ св. князя Довмонта-Тимоѣя—И. И. Васильева съ историческимъ обзоромъ жизни Пскова и еще три другихъ изданія, на которыхъ не обозначены авторы. Долго—до поздняго вечера идетъ богослуженіе. На слѣдующее утро псковичи спѣшатъ въ Кремль. Множество есть и прибывшихъ богомольцевъ. Въ воротахъ городовые охраняютъ порядокъ и входящимъ вручаютъ каждому брошюры Е. В. Богдановича съ жизнеописаніемъ св. Довмонта. Въ Благовѣщенскомъ соборѣ всѣ власти городскія, военные, масса народа. Послѣ торжественнаго архіерейскаго служенія направляется крестный ходъ. Несутъ древнія хоругви, священники несутъ всѣ чтимыя иконы, со всего Пскова собрались они и бѣлой серебряной лентой во главѣ съ маститымъ своимъ іерархомъ двигаются подъ звонъ колоколовъ всѣхъ городскихъ церквей къ древнему Троицкому собору, который теперь реставрируется и въ которомъ теперь открытъ только одинъ придѣлъ, гдѣ и стоитъ гробница св. князя Довмонта. Здѣсь торжественно отслужено мо-

лебствіе, провозглашены многолѣтія, архіерей осѣнилъ народъ крестомъ. Къ сожалѣнію, погода не благопріятствовала торжеству, крестный ходъ возвращался въ соборъ подъ дождемъ,—но цѣлый день народъ прикладывался къ гробницѣ св. Довмонта. На праздникѣ присутствовали мѣстные власти съ предводителемъ дворянства, а также начальникъ стоящей здѣсь дивизія и дѣти духовныхъ школъ.

Академическая годовщина. Въ общемъ собраніи академіи наукъ, 1-го мая, старѣйшій академикъ К. С. Веселовскій, какъ сообщаетъ «Правительственн. Вѣстн.», обратился къ августѣйшему президенту академіи его императорскому высочеству великому князю Константину Константиновичу съ рѣчью, посвященной обзору дѣятельности академіи за десятилѣтіе со времени назначенія его императорскаго высочества президентомъ академіи. Свою рѣчь К. С. Веселовскій началъ слѣдующими словами: «Десять лѣтъ пронеслось съ той поры, что академія радостно привѣтствовала вступленіе ваше президентомъ въ ея среду, какъ предзнаменованіе наступающихъ для нея счастливыхъ дней. Теперь же, когда мы уже имѣемъ передъ собою длинный рядъ неустанныхъ заботъ вашихъ о преуспѣяніи академіи, о расширеніи круга ея дѣятельности и поднятіи ея значенія, — дозвоьте намъ вспомнить, съ благодарною душою, о всемъ, чѣмъ обязаны вамъ академія и русская наука». Затѣмъ К. С. Веселовскій указалъ рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о развитіи дѣятельности академіи. Съ самаго начала истекшаго десятилѣтія задачи академіи расширены изученіемъ Византіи. Въ число академикомъ приняты русскій византистъ съ европейской извѣстностью—скончавшійся надняхъ В. Г. Васильевскій и заслуженный профессоръ Н. П. Кондаковъ, прославившійся своими учеными трудами по византійскому искусству; сталъ издаваться «Византійскій сборникъ» (выпущено уже пять томовъ); было возложено на Н. П. Кондакова порученіе обозрѣть и изслѣдовать въ археологическомъ и художественномъ отношеніяхъ остатки древностей въ разныхъ обителяхъ Аѳонской горы и, наконецъ, при живомъ содѣйствіи и участіи августѣйшаго президента учрежденъ русскій археологическій институтъ въ Константинополѣ. Стараніями великаго князя академія получила возможность вступить на путь обогащенія наукъ посредствомъ болѣе или менѣе обширныхъ экспедицій, къ которымъ академія рѣдко прибѣгала въ нынѣшнемъ столѣтіи по недостатку денежныхъ средствъ. Съ 1891 года было снаряжено 12 экспедицій, внесшихъ въ научный обиходъ много новыхъ фактовъ, наблюденій и воззрѣній, которые несомнѣнно окажутъ существенное вліяніе на дальнѣйшее развитіе русской науки. Обращая свое вниманіе на всѣ стороны академическаго быта, августѣйшій президентъ академіи особенно много сдѣлалъ для академическихъ лабораторій и музеевъ. Число ихъ увеличилось созданіемъ новыхъ учрежденій этого рода, позволившихъ раздвинуть кругъ наукъ, входящихъ въ сферу дѣятельности академіи, а прежде существовавшія приведены въ положеніе, которое не идетъ ни въ какое сравненіе съ тѣмъ, чѣмъ они были дотолѣ. Наиболѣе радикальному преобразованію подвергся самый обширный изъ академическихъ музеевъ—зоологическій. Въмѣсто зоологической академической коллекціи, запрятанной въ нѣсколькихъ комнатахъ стараго зданія, не приспособленнаго для специальныхъ

требованій музея, явилось самостоятельное, первоклассное учрежденіе, могущее помѣряться съ знаменитѣйшими однородными съ нимъ учреждениями Европы. «Для работъ по анатоміи и физиологіи растений образована въ 1891 г. особая самостоятельная лабораторія, а въ 1894 году создана особая зоологическая лабораторія для специальныхъ изслѣдованій, которыми такъ усиленно обогащаетъ науку академикъ А. О. Ковалевскій. Число особыхъ учреждений, имѣющихъ цѣлью способствовать ученымъ трудамъ, увеличено принятіемъ въ вѣдѣніе академіи биологической станціи, устроенной въ Севастополѣ обществомъ естествоиспытателей при Новороссійскомъ университетѣ. Кромѣ того, академія получила въ свое распоряженіе особый кредитъ для содержанія русскихъ стипендіатовъ при бьютенцоргскомъ ботаническомъ садѣ на островѣ Явѣ. Организованная академіею сложная система обсерваторій, простирающаяся на всѣ концы Россіи, получила въ послѣднее десятилѣтіе существенныя приращенія въ предоставленныхъ ей средствахъ къ исполненію ея задачъ. Въ главной физической обсерваторіи расширено отдѣленіе штормовыхъ предостереженій, учреждено новое отдѣленіе по изданію еженедѣльнаго и ежемѣсячнаго бюллетеней, организованы службы предостереженія желѣзныхъ дорогъ отъ метелей и предсказанія погоды по желанію частныхъ лицъ, расширено помѣщеніе обсерваторіи. Дѣятельность обсерваторіи за этотъ періодъ возросла еще въ большей степени». Въ заключеніе К. С. Веселовскій отмѣтилъ знаменательный фактъ—расширеніе круга дѣйствій академіи включеніемъ въ него дѣлъ благотворительности въ области умственного труда. Облеченная полномочіемъ раздавать учрежденныя въ 1894 г. Царскою милостію пособія и пенсіи нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ и ихъ вдовамъ и сиротамъ, академія получила, въ исполненіе этого священнаго долга челоуѣколюбія, новое средство сближенія своего съ обществомъ и распространенія своего вліянія далеко за предѣлы специально ученыхъ интересовъ. Свою рѣчь академикъ Веселовскій закончилъ слѣдующими словами: «Историки любятъ, при изображеніи событій, доискиваться и причинъ, ихъ породившихъ, а, задавшись вопросомъ о причинѣ такого внезапнаго расцвѣта и подъема академіи, они найдутъ отвѣтъ въ дѣйствіи той силы, которая есть источникъ всего великаго и добраго на землѣ—силы, которая одна обладаетъ свойствомъ творчества въ нравственномъ мірѣ — силы, которой имя—любовь. Ваше высочество возлюбили науку, а поэтому и преданныхъ ей служителей; вотъ ключъ къ уразумѣнію всего того, что совершилось въ нашей средѣ въ послѣднія 10 лѣтъ. Будущій историкъ надъ повѣствованіемъ о новѣйшемъ періодѣ существованія академіи поставитъ эпиграфомъ знаменательныя слова:

Любовь мнѣ согрѣваетъ душу,
Она мнѣ жизнь и свѣтъ».

Августѣйшій президентъ въ прочувствованныхъ словахъ выразилъ благодарность конференціи.

Актъ Археологическаго института. 9-го мая въ археологическомъ институтѣ происходилъ годовой актъ, привлекшій многочисленныхъ посѣтителей. Директоръ института Н. В. Покровскій прочелъ отчетъ о дѣятельности инсти-

туда въ 1898—1899 учебномъ году. Изъ состава почетныхъ членовъ выбыли скончавшіеся сиб. митрополитъ Палладій, А. Ѳ. Бычковъ, академикъ А. А. Кунникъ и проф. А. С. Павловъ. Избраны въ почетные члены: высокопреосвященнѣйшій Автоній, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій, и графъ С. Д. Шереметевъ. Число профессоровъ и преподавателей достигло 13-ти; открыты двѣ новыя каведры: по исторіи приказнаго строя въ Московскомъ государствѣ (Н. Н. Дебольскій) и по художественной техникѣ въ примѣненіи къ археологіи (Н. К. Рерихъ). Всѣхъ дѣйствительныхъ членовъ въ институтѣ въ настоящее время 98, сотрудниковъ—40. Слушателей числилось 195 (на младшемъ курсѣ—102 и на старшемъ—93), изъ нихъ 65 получили до поступления въ институтъ высшее образованіе. Кончили курсъ съ правами дѣйствительныхъ членовъ института 16 лицъ, съ правами членовъ-сотрудниковъ—5 лицъ. Кромѣ того, право на полученіе вполнѣдствіи званія дѣйствительныхъ членовъ института присуждено 11-ти лицамъ. Такимъ образомъ, въ нынѣшнемъ году изъ института выпущено 32 лица. Значительное увеличеніе числа слушателей свидѣтельствуеетъ о томъ, что институтъ идетъ навстрѣчу современнымъ запросамъ знанія. Приходъ института въ 1898 году равнялся вмѣстѣ съ остаткомъ отъ предыдущаго года 24.140 р. Израсходовано 15.282 р. Лѣтомъ прошлаго года была предпринята членами и слушателями института археологическая поѣздка въ Псковъ и его окрестности для ознакомленія съ памятниками старины и для раскопки кургановъ. Кромѣ лекцій, въ институтѣ происходили вечернія бесѣды (всѣхъ бесѣдъ было 11), на которыхъ было прочитано 18 рефератовъ. Въ декабрѣ и январѣ была устроена въ институтѣ русская художественно-археологическая выставка. Общее число книгъ увеличилось на 213 томовъ и превышаетъ нынѣ 11 тыс. томовъ. Музей института пополвился коллекціей мексиканскихъ древностей, пожертвованной В. А. Романовымъ, и предметами, найденными при раскопкахъ близъ Пскова. Актъ закончился рѣчью проф. института Н. П. Лихачева, посвященной выясненію одной изъ темныхъ страницъ русской исторіи—дипломатическимъ сношеніямъ Іоанна Грознаго въ послѣдніе годы его царствованія съ папою Григоріемъ XIII по поводу войны съ Польшею.

Диспутъ В. В. Сиповскаго. 9-го мая, въ С.-Петербургскомъ университетѣ В. В. Сиповскій защищалъ диссертацию: «Н. М. Карамзинъ, авторъ писемъ русскаго путешественника», представленную имъ для полученія степени магистра русской словесности. В. В. Сиповскій родился въ Кіевѣ въ 1872 г., воспитывался въ VIII-й петербургской гимназіи, кончилъ курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1894 г. съ золотой медалью за сочиненіе о Карамзинѣ же. Оставленъ былъ при университетѣ, работалъ по окончаніи курса въ «Женскомъ Обзорѣни», «Русской Старинѣ» и др.; изъ работъ его были названы «По вопросу женскаго образованія въ Германіи»; «Исторія развитія французской критики»; «Вырожденіе» Макса Нордау»; «Пушкинъ, Байронъ, Шекспиръ» и др. Въ своей вступительной рѣчи магистрантъ указалъ, что еще Бѣлинскій сказалъ, что много литературной крови пролито, много копій сломано въ борьбѣ мнѣній о Карамзинѣ, но, несмотря на это, и теперь нѣтъ опредѣленныхъ, установившихся взглядовъ на Карамзина. У него все еще есть друзья

и враги. Литература о Карамзинѣ велика — мы знаемъ труды Буслаева, Тихонова, Грота и др., но вся эта литература не даетъ полного образа личности Карамзина и полна противорѣчій. Магистрантъ задался цѣлью уяснить личность Карамзина самостоятельно, непосредственно, по матеріаламъ и знакомству съ нѣмецкой литературою XVIII в.; онъ старался по письмамъ Карамзина выдѣлить личность писателя, духовная жизнь котораго была полнымъ и вѣрнымъ отраженіемъ стремленій передоваго русскаго общества XVIII в.; останавливается на томъ, что внесено этими «Письмами» въ русскую литературу, и считаетъ, что они очень важны для дальнѣйшей ея дѣятельности и развитія; зерна, посеянные Карамзинымъ, взошли и дали пышный цвѣтъ въ нашей блестящей литературѣ XIX в. По «Письмамъ русскаго путешественника» магистрантъ опредѣляетъ политическіе и философскіе взгляды Карамзина. Официальный опонентъ проф. Ждановъ отнесся къ его труду, какъ къ труду очень интересному, внимательному и вносящему много новаго. Заслуживаютъ вниманія новыя указанія магистранта, какъ, напримѣръ, что «Письма русскаго путешественника» въ теперешнемъ своемъ видѣ не могутъ служить вполне вѣрнымъ «зеркаломъ души» Карамзина за періодъ 1780 — 1790 гг., такъ какъ они пережили цѣлый рядъ постепенныхъ измѣненій. Важны указанія также о цензурѣ того времени. Съ нѣкоторыми положеніями магистранта проф. Ждановъ не согласился, напримѣръ, съ тѣмъ, что «Письма русскаго путешественника» создались не изъ «переписки» Карамзина съ Плещевыми, а изъ его «Записной книжки»; кромѣ того, онъ считаетъ рискованными гипотезы относительно взглядовъ Карамзина на французскую революцію и англійскую республику. Другой опонентъ, проф. Соболевскій, отнесся также съ большими симпатіями къ диссертации. Послѣ защиты поставленныхъ 15-ти тезисовъ В. Сиповскій былъ признанъ достойнымъ искомой степени.

С.-Петербургское археологическое общество. 4-го мая, состоялось подъ предсѣдательствомъ его императорскаго высочества великаго князя Константина Константиновича засѣданіе общаго собранія, которому предшествовала панихида по покойномъ товарищѣ предсѣдателя, почетномъ членѣ А. Θ. Бычковѣ. Его же памяти были посвящены двѣ рѣчи, прочитанныя въ засѣданіи проф. Н. И. Веселовскимъ и Д. Θ. Кобеко. Н. И. Веселовскій въ своей рѣчи охарактеризовалъ дѣятельность А. Θ. Бычкова по археологическому обществу, членомъ котораго онъ состоялъ съ декабря 1846 года. Особенно плодотворна была дѣятельность А. Θ. въ качествѣ управляющаго славяно-русскимъ отдѣленіемъ общества и въ качествѣ товарища предсѣдателя, и смерть А. Θ., бывшаго однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ общества, является невозградимой потерей. Д. Θ. Кобеко указалъ на заслуги А. Θ. для русской науки, такъ какъ онъ съ огромной эрудиціей соединялъ всегда готовность помочь совѣтомъ и указаніемъ всѣмъ, обращающимся къ нему. По предложенію августѣйшаго предсѣдателя память А. Θ. Бычкова была почтена вставаніемъ, послѣ чего секретарь общества доложилъ текуція дѣла и, между прочимъ, прочелъ соболюбзованіе по поводу смерти А. Θ., присланное Императорскимъ Московскимъ археологическимъ обществомъ. Затѣмъ предсѣдатель ревизіонной комиссіи, проф. Н. В. Покровскій, прочелъ отчетъ комиссіи, нашедшей музей и бібліотеку общества въ

полномъ порядкѣ. Имъ же послѣ этого былъ прочтенъ отчетъ медальной комиссіи. Въ настоящемъ году комиссія эта остановилась на двухъ трудахъ А. К. Маркова: «Инвентарный каталогъ мусульманскихъ монетъ Императорскаго Эрмитажа» и «Собраніе восточныхъ монетъ Императорскаго Эрмитажа. Каталогъ джелаиридскихъ монетъ», и на сочиненіи Ѳ. В. Покровскаго: «Къ изслѣдованію кургановъ и городищъ на восточной окраинѣ современной Литвы». Разборъ трудовъ А. К. Маркова былъ порученъ бар. В. Г. Тизенгаузену, а труда Ѳ. В. Покровскаго—проф. В. З. Завитневичу. Разсмотрѣвъ представленные отзывы, комиссія нашла возможнымъ предложить общему собранію наградить А. К. Маркова большою золотою медалью, а Ѳ. В. Покровскаго—большою серебряною. Выслушавъ чтеніе отзывовъ бар. Тизенгаузена и проф. Завитневича, общее собраніе единогласно постановило наградить А. К. Маркова золотою медалью и большинствомъ голосовъ присудило серебряную медаль Ѳ. В. Покровскому. Послѣ этого секретарь общества прочелъ отчетъ о дѣятельности общества въ истекшемъ отчетномъ году и отчетъ казначея. На мѣсто покойнаго А. Ѳ. Бычкова и секретаря на мѣсто выбывающаго по уставу В. Г. Дружинина товарищемъ предсѣдателя избранъ гр. И. И. Толстой, а секретаремъ снова В. Г. Дружининъ. Затѣмъ были избраны С. В. Рождественскій, С. Л. Пташицкій и Н. П. Кондаковъ делегатами общества на кievскій археологическій съѣздъ, послѣ чего было приступлено къ выборамъ новыхъ членовъ общества. Большинствомъ голосовъ избраны: Отто Бенндорфъ въ Вѣнѣ въ почетные члены и Е. М. Придикъ, В. И. Бузескулъ и П. В. Негушилъ въ дѣйствительные члены, а Д. А. Клеменць единогласно избранъ членомъ-сотрудникомъ.

Географическое общество. I. Въ засѣданіи 30-го апрѣля, по отдѣленіямъ физической и математической географіи, С. Д. Грибоѣдовъ сдѣлалъ сообщеніе объ устройствѣ змѣвѣвъ и примѣненіи ихъ къ изученію высокихъ слоевъ атмосферы. Для болѣе точнаго опредѣленія атмосферическихъ явленій намъ необходимо имѣть поднимающіеся при этомъ устойчивые приборы, несущіе съ собою метеорологическіе инструменты. Приборы эти не должны быть чувствительны къ измѣненіямъ погоды и должны имѣть способность къ частымъ подъемамъ; приборами, отвѣчающими этимъ требованіямъ, являются змѣи, съ которыми весьма много работали американскіе ученые. Первые опыты со змѣями относятся еще къ серединѣ прошлаго столѣтія, но опыты не были особенно успѣшны до тѣхъ поръ, пока не замѣнили бичевку проволокой; пусканіе на проволоку стало практиковаться только въ 1894—1895 гг., а между тѣмъ въ то время, какъ съ бичевкой змѣи при давленіи поднимался на 1.250 метровъ, на проволоку же онъ поднимался на 3.055 метровъ. Типовъ устройства змѣвѣвъ было выработано нѣсколько—и съ плоскими, и съ кривыми поверхностями; изъ плоскихъ особенно извѣстенъ змѣи шестигранной формы, употребляемый въ воздухоплавательномъ паркѣ. Со змѣями съ плоскими поверхностями много чрезвычайно плодотворныхъ опытовъ производилъ въ послѣднее время американецъ Rotche на Blue Hill'ской обсерваторіи; въ 1896 г. онъ издалъ статью съ описаніемъ 100 полетовъ; въ 1898 г. онъ произвелъ 35 полетовъ не менѣе 500 метр. и 20 полетовъ до 3.000 метр., онъ достигъ большой устойчивости змѣя. Условіе примѣненія змѣя къ скорости вѣтра соблюдалось прежде очень

плохо, угловая высота постоянно мѣнялась сообразно со скоростью вѣтра, но Rotche замѣнилъ обычную уздечку змѣя изъ двухъ нитей, сдѣлавъ верхнюю часть ея растяжимой, поэтому произошло ослабленіе давленія вѣтра; съ растяженіемъ нитей мѣнялась высота змѣя. Кромѣ того, Rotche достигъ возможности пользоваться змѣемъ при различной погодѣ. Змѣй стали подниматься высоко и при незначительномъ вѣтрѣ. Къ змѣямъ подвѣшиваются метеорологическіе приборы — изъ нихъ одинъ очень важный термографъ необходимо предохранить отъ солнечныхъ лучей, что и сдѣлалъ Rotche посредствомъ тонкихъ деревянныхъ пластинокъ; другой же альмографъ необходимо долженъ сохранять вертикальное положеніе оси чашекъ: Ротшъ добился и этого посредствомъ системы рулей.

Приборы эти при такихъ усовершенствованіяхъ записываютъ прекрасно — получаются записи температуры и направленія вѣтровъ, а также изображеніе количества влажности на высотѣ слишкомъ на 3.000 метр. Записи термографа по провѣркамъ заслуживаютъ полнаго довѣрія. Посредствомъ этихъ записей получены совершенно новыя опредѣленія, такъ, напримѣръ, область восходящаго тока не совпадаетъ съ областью циклоновъ. Съ помощью змѣевъ установились типы влажности; опредѣлилось строеніе атмосферы — строеніе имѣетъ характеръ слоистый со смѣной холодныхъ и теплыхъ теченій. Лучшихъ приборовъ и изслѣдованій Ротша пока еще нигдѣ нѣтъ. Змѣи даютъ возможность опредѣлить параллельно измѣненіе погоды въ атмосферѣ воздушной и на землѣ. Весьма полезно было бы, если бы аппараты Ротша нашли употребленіе у насъ. Въ послѣднемъ засѣданіи по отдѣленію этнографіи, В. Р. Богоразъ сдѣлалъ очень интересное сообщеніе: «Русскіе на рѣкѣ Колымѣ». Населеніе русскихъ на рѣкѣ Колымѣ, несущей свои воды въ Сѣверный Ледовитый океанъ, немногочисленно: всего около 1.500 чел., расположившихся въ Средне- и Нижне-Колымскѣ. Въ послѣднемъ къ нимъ присоединились совершенно обрусѣвшіе (единственный примѣръ) якутскіе роды. Въ составъ населенія входятъ казаки, о которыхъ имѣются свѣдѣнія уже съ 1762 года. Населеніе Нижне-Колымска по типу своему представляетъ смѣшеніе кавказской и монгольской расы; въ типѣ уклоненіе земѣчается въ послѣднюю сторону. Къ русскимъ мѣстные инородцы относятся съ большимъ уваженіемъ и подобоострастіемъ; якуты и ламуты снимаютъ шапку передъ русскимъ издалека. Въ Нижне-Колымскѣ русское населеніе называется «большими людьми», а остальные всѣ людишки; «большіе люди» по праздникамъ ходятъ на копытахъ (сапогахъ). Колымскіе казаки получаютъ паекъ отъ казны, состоящій изъ двухъ пудовъ муки въ мѣсяцъ, но половина пайка замѣняется деньгами, такъ что на человѣка въ годъ выходитъ 12 пуд. муки и 150 р.; пайки приходятъ неакуратно, и казаки большею частью закабальются у скупщиковъ. Дѣти получаютъ до 7 лѣтъ полпайка: этотъ возрастъ выгоденъ для родителей, и матери считаютъ возрастъ по пудамъ, говоря: сынокъ у меня прожилъ всего 1 или 1½ пуда. Главное занятіе — рыболовство; изъ рыбы состоитъ и пища населенія; муки почти нѣтъ, и стоимость ея огромна. Большой недостатокъ также чая, который тамъ очень любятъ. По бумагамъ, которыя были въ рукахъ докладчика, видно, что правительствомъ пыталось улучшить культурныя условія населенія, но неудачно: въ

1882 г. приказано было вываривать морскую соль, но дѣло кончилось только прожженіемъ котловъ; затѣмъ, коиченіе сельдей дало такіе продукты, которыхъ не ѣли собаки. Въ бумагахъ есть даже слѣды о томъ, что подымался вопросъ, нельзя ли разводить тамъ шелководство (?). Нравственность среди мѣстнаго населенія невысока, отношенія между мужчинами и женщинами очень свободны; браки не имѣютъ сдерживающаго значенія: часто мужъ, жена и другъ дома живутъ очень дружно. Дѣти раздѣляются на дѣвичьихъ и вдовьихъ. Чувство ревности очень слабо; между тѣмъ любовныя пѣсни очень оригинальны, не лишены страстности и поэтичности. Но подобная свобода отношеній ведетъ къ огромному распространенію сифилиса, къ которому относятся равнодушно. Медицинская помощь тамъ плоха, за послѣднія 10 лѣтъ тамъ однажды только прозимовалъ докторъ. Теперь тамъ единственный фельдшеръ. Вторымъ бичемъ въ краѣ является оспа, повторяющаяся разъ въ 30 лѣтъ, но уносящая при этомъ почти все накопившееся за это время населеніе. Помощи нѣтъ почти никакой, прививка развита, но не помогаетъ — ее совершаютъ ученики, получающіе отъ казны по 25 р. и только заражающіе грязными инструментами. Языкъ у мѣстнаго русскаго населенія окующій, схожій съ областнымъ нарѣчіемъ Архангельской и Вологодской губ. Много словъ польскихъ и старорусскихъ; л проносятся какъ j, щ какъ 2 с., шипящія звуки переставляются, для пришельца языкъ сначала трудно понимаемъ.

Еще о Лжедмитріи. Въ № 8331 «Новаго Времени» отъ 9-го мая напечатана слѣдующая замѣтка за подписью Peregrinus и подъ заглавіемъ «Неотложное дѣло»: «Нѣсколько лѣтъ назадъ, одинъ изъ самыхъ видныхъ римскихъ князей потерпѣлъ полное крушеніе своего состоянія. Между прочими богатствами, было у него также цѣнное собраніе старыхъ семейныхъ бумагъ и историческихъ документовъ. При случаѣ и съ должными оговорками я ему намекнулъ, что его архивъ могъ бы найти достойное помѣщеніе въ Ватиканѣ. Князь понялъ мою заднюю мысль, и быстро отвѣтилъ: *Tout est perdu sauf l'honneur.* Я готовъ разстаться съ домомъ и съ помѣстьями, но моимъ архивомъ я никогда и ни за что не поступлюсь». И онъ сдержалъ свое слово. То же самое сказалъ бы князь Боргезе, такимъ же образомъ онъ бы поступилъ, если-бъ судьба это ему дозволила. Но для него обстоятельства сложились гораздо суровѣе. Неумолимый законъ требовалъ, чтобы все, рѣшительно все было продано: и отцовскій домъ, и Мондрагоне, и чудесная *Villa Taverni*, и восхитительная галлерей, и прекрасная бібліотека. Подобная участь предстояла также архиву. Спрашивалось только, кому онъ достанется. Пруссаки ужъ давно тихомолкомъ скупаютъ римскія сокровища. Архивъ князя Боргезе особенно привлекалъ ихъ вниманіе, и они усердно хлопотали о томъ, какъ бы его добыть для Берлина. Но право первенства, по волѣ и желанію самого князя, принадлежало папѣ. Только въ случаѣ отказа съ его стороны могъ представиться другой покупатель. Въ Ватиканѣ отнеслись къ этому дѣлу весьма серьезно. Были привлечены спеціалисты, спрашивались ихъ мнѣнія, кардиналъ Рамполла высказался очень рѣшительно, и вслѣдствіе представленнаго имъ окончательнаго доклада папа Левъ XIII приобрѣлъ архивъ за 300.000 лиръ. Это происходило 7-го ноября 1891 года. Архивъ Боргезе былъ сполна перенесенъ въ Ватиканъ.

скій архивъ и помѣщенъ въ одномъ изъ нижнихъ залъ, гдѣ онъ составляетъ особый отдѣлъ. Этотъ архивъ состоитъ собственно изъ двухъ семейныхъ архивовъ: Альдобрандини и Боргезе. Къ первому семейству принадлежалъ Климентъ VIII (1592 — 1605), ко второму Павелъ V (1605 — 1621). Пока они занимали папскій престолъ, ихъ архивы становились государственными — не официальнымъ путемъ, а вслѣдствіе послаоленія. Въ этомъ и заключается тайна ихъ богатства. На практикѣ обстановка была слѣдующая: въ XVI—XVII столѣтіяхъ дубликаты были непремѣннымъ условіемъ римской переписки, и папскіе нунціи постоянно соблюдали эту мѣру предосторожности. При полученіи двойныхъ экземпляровъ, одинъ изъ нихъ препровождался въ канцелярію, другою оставался въ семейномъ архивѣ папы. Тамъ же хранились важнѣйшіе документы, такъ сказать, личнаго свойства, наиримѣрь, дружеская переписка коронованныхъ особъ и донесенія повѣренныхъ лицъ. Павелъ V отличался любовью къ архивному дѣлу. Это можно подозрѣвать изъ того, что онъ позаботился оставить свою обширную переписку въ блестящемъ состояніи. Представьте себѣ огромные томы въ изящныхъ кожаныхъ переплетахъ темно-краснаго цвѣта, пергаментные листы, отличный четкій почеркъ — вотъ въ какомъ видѣ являются потомству исходящія бумаги Павла V. Онѣ расположены въ хронологическомъ порядкѣ, въ концѣ каждаго тома обширный указатель: справляться въ такой перепискѣ — это ужъ не работа, а просто наслажденіе. Для русской исторіи архивъ Боргезе имѣетъ не малую важность. И Климентъ VIII, и Павелъ V были часто въ сношеніяхъ съ Россією и съ Польшею. При Климентѣ VIII, какъ извѣстно, совершилась брестская унія. Онъ самъ посылалъ пстомъ славянина Алексавдра Комуловича въ Москву съ приглашеніемъ къ церковному единству и къ войнѣ противъ турокъ. Все это повлекло за собою дипломатическую и дѣловую переписку. Здѣсь, однако, слѣдуетъ сдѣлать двойную оговорку. Во-первыхъ, значительная часть бумагъ, составляющихъ архивъ Альдобрандини, осталась въ рукахъ этого семейства — она почему-то не перешла къ ихъ родственникамъ Боргезе и, если не ошибаюсь, до сихъ поръ еще не разобрана. Во-вторыхъ, бумаги, касающіяся уніи, будучи болѣе административнаго, чѣмъ политическаго свойства, обыкновенно поступали въ одномъ экземплярѣ и направлялись прямо въ конгрегацию пропаганды, гдѣ онѣ и обсуждались. Тамъ онѣ до сихъ поръ хранятся въ большемъ количествѣ и въ примѣрномъ порядкѣ. Гораздо полнѣе архивъ Павла V, который не подлежалъ никакому семейному дѣленію. Съ русской точки зрѣнія и эпоха его правленія несравненно важнѣе. Она охватываетъ все смутное время. Здѣсь можно найти оригиналы посланій Димитрія, обыкновенно на огромныхъ листахъ съ громадными печатями, письма Сигизмунда III, сендомирскаго воеводы Мнишка, его дочери Марины, нѣкоторыя письма іезуитовъ Чижевскаго и Лавицкаго и, наконецъ, большую часть донесеній краковскаго нунція Рангони, которыя заслуживаютъ особаго вниманія. Забѣчу мимоходомъ, что напрасно римскій нунцій въ «Русской Старинѣ» текущихъ мѣсяцевъ обзывается Ронгони. Его семейство имѣетъ своихъ представителей въ Моденѣ, принадлежитъ къ мѣстной знати, называлось нѣкогда Рангоне, потомъ по обычному измѣненію Рангони, но никогда не носило имени Ронгони. Въ Краковѣ Клавдій Рангови

былъ назначенъ нунціемъ въ 1599 г., будучи епископомъ города Реджіо въ Эмилии. Онъ имѣлъ порученіе слѣдить за московскими дѣлами. Климентъ VIII охотно вспоминалъ о перемиріи, заключенномъ въ Ямѣ Запольскомъ; онъ былъ не прочь разыграть ту же роль, которая нѣкогда выпала на долю Григорія XIII, но времена уже были не тѣ, въ Москвѣ миновала злосчастная опричина, Польша утратила Стефана Баторія: о посредничествѣ папы и помину не было. Тѣмъ не менѣе Рангони не упускалъ изъ виду даннаго ему порученія, и ему не разъ приходилось говорить о Москвѣ и заниматься ея дѣлами. Такъ, въ 1600 году онъ сносился съ великимъ канцлеромъ литовскимъ Львомъ Сапѣгою, котораго Сигизмундъ III отправлялъ посломъ къ Борису Годунову. При Сапѣгѣ были два іезуита въ качествѣ посольскихъ священниковъ и извѣстный Петръ Аркудій, который ѣхалъ отыскивать греческія рукописи въ царской библіотекѣ. Въ 1601 году Рангони выхлопоталъ свободный проѣздъ черезъ Москву для двухъ испанскихъ мисіонеровъ, отправляющихся въ Персію. Одинъ изъ нихъ былъ іезуитъ Францискъ да-Коста. Благодарные путешественники писали нунцію изъ Москвы и не могли нахвалиться милостивымъ пріемомъ со стороны Бориса Годунова и его сына Феодора. Три года спустя, кармелитскіе монахи пытались получить то же дозволеніе, но тщетно. Русская граница была недоступна, уже свирѣствовала самозванщина. Кромѣ того, Рангони бесѣдовалъ съ московскими послами, бывавшими въ Краковѣ, и подмѣчалъ характерныя черты. Однажды передъ Михаиломъ Салтыковымъ и Аванасемъ Власевымъ поляки щеголяли своею безграничною свободою и бурными сеймами. Послы вовсе не прельщались такими порядками,—они пожимали плечами и, плюнувъ въ знакъ презрѣнія, твердили только: что за свобода? что за свобода? Изъ предыдущаго видно, что донесенія Рангони не лишены нѣкотораго интереса; съ появленіемъ Дмитрія они пріобрѣтаютъ положительное важное значеніе. Правда, при всей своей ловкости, авторъ ихъ не былъ глубокомысленный политикъ, не слѣдуетъ искать у него глубокомысленныхъ соображеній. Онъ не разрѣшаетъ главнаго вопроса о происхожденіи Дмитрія, но зато онъ былъ съ нимъ въ личныхъ и короткихъ сношеніяхъ, пользовался довѣріемъ короля Сигизмунда, вращался въ высшемъ придворномъ свѣтѣ и прислушивался къ общественному мнѣнію. Донесенія его изобилуютъ фактическими данными: нигдѣ такъ подробно и наглядно не описываются королевскія аудіенціи, принятіе Дмитріемъ католичества, его заискиванія въ Краковѣ, планы, надежды, требованія, отношеніе къ нему поляковъ. Нѣкоторые магнаты объяснялись съ нунціемъ очень откровенно; такъ, Николай Жебжидовскій, сенаторъ и краковскій воевода, говорилъ ему безъ всякихъ околнностей: «Я вѣрю, что Дмитрій—истинный сынъ Ивана IV, но будь онъ самозванецъ, все-таки надо имъ воспользоваться, только не явнымъ, а скрытнымъ образомъ». Во время московскаго похода Рангони былъ въ перепискѣ съ Дмитріемъ и доставлялъ его письма въ Римъ. Послѣ коронаціи сношенія съ Павломъ V оживляются и ведутся опять черезъ краковскую нунціатуру. Даже неожиданное паденіе Дмитрія не помѣшало Рангони собирать о немъ свѣдѣнія. Все это вмѣстѣ составляетъ богатый матеріалъ, который нуждается, конечно, въ провѣркѣ и критикѣ, но можетъ потомъ расширить историческій кругозоръ и

упрочить нѣкоторые основные пункты. Во всякомъ случаѣ, для должнаго освѣщенія смутной эпохи необходимо изучать переписку Рангони. Отдѣльныя части ея уже напечатаны, но было бы желательнѣе и въ высшей степени полезно полное ея изданіе. По правдѣ сказать, это дѣло не легкое. Донесенія краковскаго нунція разбросаны по разнымъ томамъ, нѣкоторыя изъ нихъ, впрочемъ, весьма немногія попались даже, невѣдомо какими путями, въ архивъ князя Dogia-Ramillj. Кромѣ того, есть важный пробѣлъ, который надо будетъ стараться пополнить. Съ этою задачею доморощенный редакторъ не справится. Требуется и знакомство съ данной эпохою, и своего рода чутье, чтобы напасть на слѣды затерянныхъ или забытыхъ бумагъ. А между тѣмъ мѣшкать не слѣдуетъ, а то, пожалуй, будетъ слишкомъ поздно, и всѣ эти цѣнныя данныя погибнутъ безвозвратно. Дѣло въ томъ, что переписка Рангони находится въ довольно сыромъ помѣщеніи, гдѣ бумага быстро портится. Еще хуже то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ томахъ чернила совершенно бѣлѣютъ. При послѣдней поѣздкѣ въ Римъ я могъ удостовѣриться, что теперь ужъ невозможно разобрать кое-какія донесенія, которыя сперва читались легко и свободно. Пожалуй, скажутъ, что химическое воспроизведеніе будетъ всегда примѣнимо, но оно сопряжено съ лишними издержками и съ разнородными, иногда неодолимыми, препятствіями. Вотъ почему это дѣло неотложное. Оно превышаетъ силы и средства единичнаго труженика, имъ могутъ задаваться только академики, ученые общества, присяжные жрецы научнаго храма».

† **Н. Я. Гротъ.** Въ ночь на 23 мая скончался въ своемъ имѣніи Кочетокъ, Зміевскаго уѣзда, Харьковской губерніи, предсѣдатель московскаго психологическаго общества, ординарный профессоръ философіи Московскаго университета Николай Яковлевичъ Гротъ. Покойный, сынъ академика Я. К. Грота, родился въ 1852 году и получилъ образованіе въ С.-Петербургѣ—въ Ларинской гимназіи и на историко-филологическомъ факультетѣ университета, гдѣ, между прочимъ, получилъ золотую медаль за сочиненіе «Опроверженіе Платона и пифагорейцевъ по метафизикѣ Аристотеля». Всего черезъ годъ по окончаніи курса, послѣ занятій въ Берлинѣ и Страсбургѣ философій и естественными науками, покойный былъ назначенъ на кафедру философіи въ Нѣжинскій историко-филологическій институтъ кв. Безбородка. Оттуда въ 1883 году былъ приглашенъ профессоромъ философіи въ Новороссійскій университетъ, а въ 1886 году былъ назначенъ на ту же кафедру въ Москву, гдѣ и оставался до своей кончины. Несмотря на недолгую жизнь и несложную біографію, покойному удалось ознаменовать свою дѣятельность многочисленными общественными заслугами. Горячо любя свой предметъ и съ увлеченіемъ отдаваяся дѣлу преподаванія, говорить «Новое Время» (№ 8348), покойный тѣмъ не менѣе находилъ время для самой разнообразной и отзывчивой общественной дѣятельности. Его горячая, подвижная натура не удовлетворялась одной, разъ отмежеванной областью знанія, но требовала разносторонняго проявленія душевныхъ силъ и дарованій. Слѣдя за ходомъ философской мысли въ Россіи и за границею, работая надъ психологическими вопросами, изслѣдуя представителей эллинской метафизики, съ любовью и вдумчиво научая русскую и иностранную художественную литературу, серьезно и съ любовью вникая въ религіозную и политическую жизнь

русскаго общества,—покойный всюду вносилъ свою безкорыстную горячность, сердечную общительность и глубоко-симпатичное душевное благородство. Его нельзя было не любить, нельзя было ему не сочувствовать, даже тогда, когда невозможно было съ нимъ согласиться. Даромъ сближать, объединять и воодушевлять людей онъ обладалъ въ высокой степени. И можно смѣло сказать, что эти качества души и характера были даже болѣе замѣчательны въ покойномъ, нежели его научныя воззрѣнія. Какъ философъ, онъ не представлялъ изъ себя перворазряднаго свѣтила, а въ то же время былъ склоненъ разбрасываться и слишкомъ широко захватывать свои задачи. Постоянно проникнутый стремленіемъ все примирить, объединить и согласовать, во всемъ уловить единство и гармонию, онъ какъ-то неуловимо колебался на вершинахъ отвлеченія; притомъ, въ очень молодыхъ годахъ выступивъ профессоромъ и писателемъ, онъ, естественно, постепенно измѣнялъ свои воззрѣнія подъ воздѣйствіемъ опыта и изученія. Въ силу всего этого, ему не удалось создать ни законченной и стройной системы, ни школы или направленія. При всей своей талантливости, сказывавшейся въ глубокихъ и тонкихъ частныхъ мысляхъ и воззрѣніяхъ, онъ остается туманенъ въ цѣломъ и часто болѣе заинтересовываетъ читателя тѣмъ искусствомъ, съ которымъ не поддается ходячимъ идеямъ и школамъ, нежели увлекаетъ его новизной и смѣлостью примиряющихъ всѣ разногласія высшихъ концепцій. Это въ особенности можно сказать про его послѣднюю по времени работу—изслѣдованіе о психической энергіи, начатое имъ въ «Вопросахъ философіи и психологіи». И, тѣмъ не менѣе, едва ли кому нибудь удалось столько сдѣлать для философской науки въ Россіи, какъ именно покойному Гроту. Своимъ даромъ сближать людей и своей отзывчивостью на явленія дѣйствительности онъ умѣло и неутомимо пользовался для освѣщенія нашей умственной жизни философскими началами, благодаря дружной совмѣстной работѣ объединенныхъ имъ умовъ и талантовъ. Ему обязано Московское психологическое общество процвѣтаніемъ и извѣстностью, имъ созданъ и поставленъ на твердыхъ началахъ журналъ этого общества «Вопросы философіи и психологіи», т.-е. созданы два главнѣйшихъ органа нашей философской мысли. Онъ умѣлъ пробуждать и поддерживать въ обществѣ интересъ къ философскому знанію и умѣлъ сближать науку съ обществомъ и, постоянно укрѣпляя это обоюдное сближеніе, неуловимо содѣйствовать подъему общаго уровня философскаго просвѣщенія въ Россіи. Въ этомъ отношеніи заслуги покойнаго Грота—огромны, и его смерть является незамѣнимою потерей для русскаго общества, столь бѣднаго именно людьми подобнаго закала. Во всякомъ случаѣ, признавая большее значеніе за его общественно-научною, чѣмъ за его чисто-научною дѣятельностью, нельзя забывать, что и въ послѣдней онъ потрудился не даромъ и оставилъ много цѣнныхъ и замѣчательныхъ работъ. Назовемъ изъ нихъ разборъ «Философскихъ этюдовъ» проф. Коалова (первая научная работа Грота—Кіевъ, 1877), «Сновидѣнія, какъ предметъ научнаго анализа» (Кіевъ, 1878), «Психологія чувствованій въ ея исторіи и главныхъ основахъ» (Спб., 1879—1880), «Къ вопросу о реформѣ логики» (Лейпцигъ, 1882), «Джордано Бруно и пантеизмъ» (Одесса, 1885), «Задачи философіи въ связи съ ученіемъ Джордано Бруно» (Одесса, 1885), «Значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности чело-

вѣка» (М., 1889), «О душѣ въ связи съ современнымъ ученіемъ о силѣ» (Одесса, 1886), «Критика понятія свободы воли въ связи съ понятіемъ причинности» (М., 1889) и множество статей въ журналахъ, главнымъ образомъ въ «Вопросахъ философіи и психологіи», и различныхъ сборникахъ. «Новое Время» лишилось въ покойномъ цѣннаго сотрудника, нерѣдко помѣщавшаго интересныя статьи по вопросамъ образованія за подписью «Профессоръ», «Психологъ», «Профессоръ Н. Г.» и др. «Его рано прерванная жизнь прошла въ неутомимой дѣятельности на пользу науки и людей, сказано въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» подъ первымъ впечатлѣніемъ извѣстія о его кончинѣ (№ 141). Онъ былъ воплощенной энергіей и гуманностью. Всю свою душу влагалъ онъ въ свое просвѣтительное дѣло. Онъ увлекъ русское общество своей любовью къ философіи и силой своего популяризаторскаго таланта сдѣлать отвлеченную мысль достояніемъ образованныхъ читателей. Онъ основалъ первый въ Россіи философскій журналъ, объединилъ въ немъ много русскихъ ученыхъ, теоретически освѣщаль жгучіе жизненные вопросы. Онъ съ увлеченіемъ шелъ навстрѣчу чужой нуждѣ и просьбѣ, и каждый человекъ, на какой бы ступени общественной лѣстницы онъ ни стоялъ, былъ для него предметомъ уваженія и участія. Душа его всегда была молода и отзывчива, и кто зналъ его, тотъ любилъ его, его чуткое сердце и постоянно работающій умъ. Онъ унесъ съ собой, въ свою преждевременную могилу, всеобщія симпатіи, и никогда не умретъ о немъ свѣтлое и благодарное воспоминаніе». «Дѣятельность покойнаго профессора, — говоритъ проф. Алексѣй Веселовскій въ № 141 «Московскихъ Вѣдомостей», — связана съ исторіей послѣдняго двадцатилѣтія многими и разнообразными нитями. Но двѣ черты налагали на нее особенную печать, — печать своеобразной и свѣтлой личности. Первою отличительною чертой Николая Яковлевича былъ духъ философскаго прозелитизма, всегда и ярко горѣвшій въ немъ и на немъ. Онъ былъ философъ въ буквальномъ и собственномъ смыслѣ слова, то-есть горѣлъ истинною любовью къ мудрости. Огонь этой любви живо и непосредственно чувствовался въ немъ всякимъ, кто приходилъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Именно этою стороною своей личности онъ влекъ къ себѣ своихъ многочисленныхъ учениковъ и, именно благодаря этой своей особенности, онъ будилъ интересъ къ своей наукѣ во всѣхъ, предъ кѣмъ предсталъ, какъ ея служитель. Вторая черта, неотразимо привлекавшая къ Николаю Яковлевичу, это — необычайная широта его взглядовъ и терпимость къ иномыслящимъ. Благодаря этой чертѣ, онъ, — какъ, быть можетъ, очень и очень немногіе, — способенъ былъ группировать около своего завѣтнаго дѣла, дѣла служенія русскому обществу на поприщѣ философіи, людей самыхъ разнообразныхъ складовъ и направленій. Необычайно чуткій и отзывчивый къ малѣйшимъ проблескамъ дѣйствительной мысли, онъ встрѣчалъ ихъ повсюду съ живѣйшею готовностью и участіемъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ поистинѣ незамѣнимымъ предсѣдателемъ общества и редакторомъ журнала. Онъ выступилъ на поприще этого широкаго и отвѣтственнаго служенія какъ разъ въ то время, когда ощущалась потребность именно въ такомъ человекѣ». Эти столь согласные отзывы трехъ главнѣйшихъ органовъ нашей печати поражаютъ сходствомъ оцѣнки съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Нельзя не посѣтовать объ уtratѣ дѣятеля, умѣвшаго приобрѣсти

уваженіе и любовь со стороны всѣхъ направленій нашей общественной мысли. Въ заключеніе мы помѣщаемъ здѣсь отчетъ объ экстренномъ засѣданіи психологическаго общества изъ № 144 «Московскихъ Вѣдомостей» и описаніе его похоронъ. I. 25 мая состоялось, подъ предѣлательствомъ профессора Л. М. Лопатина, экстренное засѣданіе психологическаго общества по поводу кончины предѣлателя его, профессора Н. Я. Грота. Передъ началомъ засѣданія профессоромъ богословія протоіереемъ Н. А. Елеонскимъ была совершена панихида по усопшемъ. Открывая засѣданіе, Л. М. Лопатинъ сказалъ краткую, но прочувствованную рѣчь, посвященную памяти Н. Я. Грота, въ которой, упомянувъ о незамѣнимой утратѣ, понесенной обществомъ, охарактеризовалъ дѣятельность почившаго, какъ преобразователя общества и создателя перваго русскаго философскаго журнала. Присутствующіе почтили память усопшаго вставаніемъ. Затѣмъ общество постановило послать на имя супруги умершаго телеграмму слѣдующаго содержанія: «Московское психологическое общество, глубоко опечаленное безвременною кончиною своего незабвеннаго предѣлателя, въ экстренномъ засѣданіи своемъ, горячо помолившись объ упокоеніи души Николая Яковлевича, постановило: выразить вамъ горячее соболѣзнованіе по поводу тяжкой утраты, которая отозвалась болью не только въ вашемъ сердцѣ, но поразила и огорчила всѣхъ друзей русскаго просвѣщенія». Кромѣ того, совѣтъ общества командировалъ секретаря В. Н. Ивановскаго въ качествѣ депутата для возложенія двухъ вѣнковъ на гробъ усопшаго: одинъ изъ вѣнковъ съ надписью «Незабвенному предѣлателю» отъ общества, а другой отъ редакціи журнала «Вопросы философіи и психологіи» съ надписью «Создателю русскаго философскаго журнала». Въ этомъ же засѣданіи постановлено повѣсить портретъ почившаго въ редакціи созданнаго имъ журнала, который въ послѣдствіи будетъ перенесенъ въ залу засѣданій общества. Предполагается также учредить стипендію его имени для лицъ, окончившихъ университетское образованіе и желающихъ усовершенствоваться въ наукахъ, или основать премію за лучшее сочиненіе по психологіи. II. Похороны Н. Я. Грота. 26-го мая въ семь Кочеткѣ въ 2 часа дня былъ опущенъ въ землю прахъ Н. Я. Грота. Покойный давно уже страдалъ острымъ ревматизмомъ, который распространился и на сердце; окончательно же подорвала силы Н. Я. малярія, мучившая его въ теченіе послѣднихъ лѣтъ. Онъ умеръ въ 4 часа ночи съ 22 на 23 мая отъ паралича сердца. На погребеніи присутствовали семья усопшаго, братъ его, профессоръ Варшавскаго университета, К. Я. Гротъ, секретарь московскаго психологическаго общества В. Н. Ивановскій, нѣкоторые изъ друзей и почитателей покойнаго. На гробъ были возложены вѣнки отъ совѣта и историко-филологическаго факультета Московскаго университета, отъ Нѣжинскаго историко-филологическаго института князя Безбородко, гдѣ Н. Я. Гротъ съ 1876 по 1883 годъ былъ профессоромъ (вѣнокъ возложенъ преподавателемъ института А. П. Кадлубовскимъ), отъ московскаго психологическаго общества съ надписью «Незабвенному предѣлателю», отъ редакціи основаннаго покойнымъ и долгое время единолично редактированнаго имъ журнала «Вопросы философіи и психологіи» съ надписью: «Создателю русскаго философскаго органа», отъ родныхъ и друзей почившаго. Возложившіи вѣнки отъ имени психологическаго общества и назван-

наго журнала В. Н. Ивановскій у открытой могилы сказалъ приблизительно слѣдующее: «Какъ громомъ, поразила многочисленныхъ московскихъ друзей Николая Яковлевича печальная вѣсть о кончинѣ его. Психологическое общество, душою котораго онъ былъ, послало меня своимъ представителемъ на его безвременную могилу. Рано вышелъ Н. Я. на поприще научной и общественной дѣятельности, и рано надорвались его силы и погасла его жизнь. Начавъ свой просвѣтительный трудъ въ Нѣжинѣ и Одессѣ, онъ прибылъ въ Москву и, въ качествѣ замѣстителя профессора Троицкаго, сразу оживилъ психологическое общество, вдохнулъ въ него энергію и бодрость, далъ правильную организацію его ученой работѣ. Я самъ слышалъ отъ покойнаго, какъ много матеріальныхъ и нравственныхъ затрудненій пришлось ему побѣдить для того, чтобы ввести наше общество въ нормальную и плодотворную колею. Подъ руководствомъ Н. Я. оно скоро приобрѣло своими изданіями и дѣятельностью и нравственный успѣхъ, и матеріальныя средства для дальнѣйшихъ трудовъ. Терпимый къ чужимъ взглядамъ, внимательный къ каждому мнѣнію, Н. Я. сплотилъ вокругъ себя разнообразныя кружки и объединилъ ихъ въ общей, дружной и энергичной работѣ. Онъ горячо отстаивалъ свои убѣжденія, страстно спорилъ, но никогда не подавлялъ и не оспаривалъ законности иныхъ воззрѣній. Онъ основалъ философскій журналъ и гостеприимно открылъ его страницы не для одного какого нибудь философскаго толка, а для всякаго продуманнаго и честнаго мнѣнія. Онъ не щадилъ для молодаго журнала своихъ силъ, велъ огромную переписку, приглашалъ сотрудниковъ и самъ трудился, не покладая рукъ. Погребеніе Николая Яковлевича совпало съ днемъ, когда вся Россія торжественно чествуетъ свѣтлую память Пушкина. Но праздникъ Пушкина— это праздникъ всей русской культуры, и Пушкинъ— символъ ея. Въ развитіи этой культуры имѣетъ видное значеніе Н. Я. Гротъ, такъ много поработавшій для движенія мысли въ Россіи. Отъ себя лично я прибавлю, что Н. Я., какъ человекъ, выдавался одною рѣдкой и привлекательной чертой: съ нимъ можно было не соглашаться, спорить, но онъ умѣлъ отнимать у этихъ разногласій личный и раздражительный характеръ и всегда прекращалъ ихъ какимъ нибудь задушевнымъ аккордомъ и лаской примиренія. Эта незлобивость и незапамятность, это умѣніе подчинять свое самолюбіе высшей дѣли, эта дѣятельная доброта вызвали у всѣхъ горячія и искреннія симпатіи къ нему. Да будетъ же миръ его праху, да будетъ легка ему земля!» Вторую рѣчь произнесъ харьковскій преподаватель М. С. Аксеновъ, который тепло охарактеризовалъ покойнаго, какъ гуманнаго человека и мыслителя, усердно занимавшагося вопросами духа. Пушкинскія празднества лишили многихъ, желавшихъ почтить память усопшаго, возможности прибыть на его погребеніе. Вдовой покойнаго получено много телеграммъ съ выраженіемъ искренняго соболѣзнованія и глубокаго сожалѣнія о столь тяжелой и ранней утратѣ, постигшей семью покойнаго и все образованное русское общество.

† Н. К. Ренненкампфъ. 10-го мая, скончался заслуженный профессоръ университета св. Владимира, Николай Карловичъ Ренненкампфъ, одинъ изъ наиболѣе видныхъ представителей Кіевскаго университета. Профессорскую кафедру покойный занималъ болѣе сорока лѣтъ. Въ лицѣ Н. К. Ренненкампфа

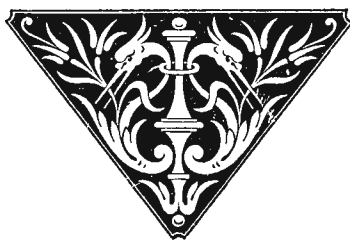
городъ Кіевъ потерялъ одного изъ лучшихъ своихъ гражданъ, немало потрудившагося на пользу города, занимавшаго въ теченіе 4 лѣтъ должность городского головы и состоявшаго много лѣтъ гласнымъ думы. Н. К. Ренненкампфъ родился 10-го сентября 1832 года въ м. Александровкѣ, Сосницкаго у., Черниговской губ. Отецъ его былъ землевладѣлецъ православнаго вѣроисповѣданія, изъ дворянъ. Среднее образованіе получилъ въ Черниговской гимназіи, которую окончилъ въ 1849 году. Ближайшимъ наставникомъ и руководителемъ Н. К. Ренненкампфа въ Черниговской гимназіи былъ извѣстный Невѣровъ, впоследствии попечитель Кавказскаго учебнаго округа. Невѣровъ въ то время былъ директоромъ гимназіи. По окончаніи гимназіи Н. К. поступилъ въ Нѣжинскій юридическій лицей, гдѣ въ то время профессоромъ былъ Н. Х. Бунге, впоследствии предсѣдатель комитета министровъ, извѣстный профессоръ Кіевского университета. Поступленіе въ лицей обусловлено было тѣмъ, что въ университетъ Святаго Владимира, по тогдашнимъ правиламъ, принимали ограниченное число студентовъ. Въ Нѣжинѣ началось первое знакомство Н. К. Ренненкампфа съ Н. Х. Бунге, которое впоследствии перешло въ тѣсную дружбу. Когда Н. Х. Бунге перешелъ профессоромъ въ Кіевскій университетъ, Н. К. Ренненкампфа перевели также въ Кіевъ. Здѣсь Н. К. думалъ было избрать своею спеціальностью науки словесныя и историческія; пробывъ однако полгода на историко-филологическомъ факультетѣ, онъ возвратился вновь къ юридическимъ наукамъ и въ 1855 г. окончилъ курсъ по юридическому факультету, получивъ золотую медаль за сочиненіе: «О правахъ и обязанностяхъ осѣдлыхъ инородцевъ и въ особенности евреевъ въ Россіи». Съ 1856 г. началась педагогическая дѣятельность покойнаго въ качествѣ преподавателя въ нѣкоторыхъ кіевскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ университетѣ св. Владимира. Въ послѣднемъ покойному Н. К. поручено было преподаваніе гражданскихъ и межевыхъ законовъ, а съ 1858 г. — также энциклопедіи законовѣдѣнія. Въ 1859 г. Н. К. былъ удостоенъ за представленную имъ диссертацию: «Исторія ученія публицистовъ о правѣ осмотра кораблей во время войны», степени магистра общенароднаго права, а въ 1868 г. — степени доктора государственнаго права за диссертацию: «Очерки юридической энциклопедіи». Нѣкоторое время покойный занималъ въ университетѣ св. Владимира также каедру важнѣйшихъ законодательствъ, но съ 1880 г. и до конца жизни онъ преподавалъ исключительно энциклопедію юридическихъ и политическихъ наукъ (по новому уставу — энциклопедію права). Изъ научныхъ сочиненій покойнаго наиболѣе извѣстны его «Очерки юридической энциклопедіи», выдержавшіе четыре изданія и рекомендуемые обыкновенно, какъ пособіе для студентовъ при изученіи энциклопедіи права. Имъ же написанъ рядъ специальныхъ статей, помѣщенныхъ въ Юридическомъ Вѣстникѣ, Кіевлянинѣ, Зарѣ и др. журналахъ. Между прочимъ, въ Русскомъ Вѣстникѣ имъ напечатаны: «О заграничной русской литературѣ», письма изъ-за границы (1869 г.), «Судебная реформа по отношенію къ преподавателямъ юридическихъ наукъ» (1870 г., кн. 1) и «Какія вредныя послѣдствія имѣютъ для насъ процентныя государственныя займы?» (1882 г., кн. 4). Независимо отъ своей преподавательской дѣятельности покойный въ теченіе нѣкотораго вре-

мени несть въ университетѣ св. Владиміра и административную службу, занимаемая съ 1883 г. по 1891 г. должность ректора. Покойный Н. К. былъ однимъ изъ видныхъ общественныхъ дѣятелей города Кіева. Избранный въ 1870 г. гласнымъ перваго состава новой кіевской думы, онъ вскорѣ затѣмъ былъ избранъ въ товарищи кіевского городского головы, а съ 1875 г. по 1880 г. занималъ должность кіевского городского головы. («Нов. Вр.», № 8337; «Русск. Вѣд.», № 133; «Моск. Вѣд.», № 130).

† П. П. Исаевичъ. 21-го мая, въ С.-Петербургѣ, скончался на 62 году жизни членъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, д. с. с. Петръ Петровичъ Исаевичъ. Покойный получилъ образованіе въ Владимірскомъ кадетскомъ корпусѣ, по окончаніи курса въ которомъ, поступилъ въ 9 резервный эскадронъ Курляндскаго его величества полка. Военную службу онъ скоро оставилъ и въ 1867 году былъ назначенъ предсѣдателемъ черниговской межовой комиссіи, затѣмъ исправляющимъ должность мирового посредника Жукетскаго участка той же губерніи. Почти всю свою служебную дѣятельность до назначенія членомъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати покойный провелъ въ провинціи. Въ 1868 году избранъ былъ предсѣдателемъ черниговской уѣздной земской управы, а въ слѣдующемъ году — предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей. Начиная съ 1878 года П. П. Исаевичъ состоялъ непремѣннымъ членомъ остерскаго уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія; въ 1883 году былъ командированъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ Одессу для сопровожденія двухъ партій переселенцевъ въ Южно-Уссурійскій край и въ томъ же году назначенъ комиссаромъ по крестьянскимъ дѣламъ Луковскаго уѣзда Сѣдлецкой губерніи, откуда вскорѣ переведенъ былъ въ Петроковскую, затѣмъ въ Сѣдлецкую губ. непремѣннымъ членомъ мѣстныхъ губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. Членомъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати П. П. былъ съ 1891 года. Покойный принималъ участіе въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ. Послѣдній литературный трудъ его помѣщенъ въ «Русской Старинѣ» — «Путешествіе императора Николая I по Черниговской губерніи». («Нов. Вр.» № 8334).

† З. М. Мсеріанцъ. 12 мая, въ Москвѣ, скончался старшій инспекторъ по дѣламъ печати дѣйствительный статскій совѣтникъ Займайръ Мсеровичъ Мсеріанцъ. Покойный происходилъ изъ духовнаго званія армяно-григоріанскаго вѣроисповѣданія, родился 16 октября 1836 года и получилъ образованіе въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ. По окончаніи полнаго курса ученія, З. М. Мсеріанцъ былъ опредѣленъ въ сентябрѣ 1855 года надзирателемъ Лазаревскаго института, въ которомъ одновременно сталъ преподавать восточную каллиграфію. Въ 1862 году покойный перешелъ на службу въ управленіе московскаго оберъ-полицеймейстера младшимъ чиновникомъ для наблюденія за типографіями и другими подобными заведеніями. Отсюда З. М. Мсеріанцъ былъ перемѣщенъ въ 1865 году въ число состоящихъ лицъ при московскомъ генераль-губернаторѣ и въ сентябрѣ того же года былъ назначенъ младшимъ инспекторомъ по дѣламъ печати. 5 августа 1880 года З. М. Мсеріанцъ былъ назначенъ старшимъ инспекторомъ по дѣламъ печати и вскорѣ получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Покойный былъ извѣ-

стенъ, какъ авторъ популярнаго сборника «Законы о печати», выдержавшаго восемь изданій. Каждое изданіе выходило въ свѣтъ вновь пересмотрѣннымъ и дополненнымъ всѣми новѣйшими законоположеніями. Сборникъ до сихъ поръ остается незамѣнимымъ справочнымъ изданіемъ и составляетъ по справедливости настольную книгу для всякаго лица, прикосновеннаго къ печатному дѣлу. Кромѣ того, покойнымъ одно время издавался армянскій иллюстрированный журналъ. («Моск. Вѣд.», № 131; «Русск. Вѣд.», № 133; «Нов. Вр.», № 8338).

— Да, это былъ, дѣйствительно, печальныйъ день свадьбы! — возразилъ Клавьеръ съ громкимъ хохотомъ, взявъ Мирабо подъ руку и намѣреваясь пройти съ нимъ еще нѣсколько шаговъ, въ надеждѣ, что ему удастся удержать Мирабо и одновременно съ нимъ появиться въ залѣ «клуба американцевъ». — Въ этотъ день прекрасная дама была сильно оскорблена министромъ финансовъ, — началъ опять свою болтовню Клавьеръ. — Скверное должно было это произвести впечатлѣніе, когда супругъ во время свадебнаго пира и когда уже карета подана, чтобы отвезти его домой съ ожидающей счастья супругой, садится еще за партію ломбра и играетъ, играетъ съ той страстью, которая овладѣваетъ нашимъ милымъ министромъ, какъ только онъ дотронется до карты. Ни смущенныя лица родителей молодой, ни сама молодая, не знающая, куда дѣться отъ гнѣва и стыда, ни друзья, дергающіе его за рукавъ, никто не въ силахъ оторвать министра отъ игры, принявшей для него какъ разъ самый интересный оборотъ. Наконецъ, мать молодой супруги требуетъ, чтобы онъ шелъ; онъ проситъ еще минуту, убѣждая ее съ дочерью садиться въ экипажъ и обѣщая тотчасъ послѣдовать за ними. Но и это имъ забыто, пока, наконецъ, всѣ родственники насильно не выгоняютъ его изъ комнаты. Его почти несутъ внизъ и вталкиваютъ въ карету, гдѣ онъ находитъ всю въ слезахъ молодую супругу ¹⁾.

— Да, это и есть именно исторія, послужившая мнѣ на пользу у госпожи Калоннъ! — сказала Мирабо, посмѣиваясь отъ удовольствія. — Но согласись, мой другъ, что здѣсь мое назначеніе при ней — святое, потому что я являюсь мстителемъ оскорбленной мужемъ жены, и эту месть, въ которой она, вѣроятно, поклялась въ ту ночь, она сама поручаетъ мнѣ. Прощай, Клавьеръ, меня призываетъ мой долгъ мстителя, но я приду еще достаточно во время, чтобы вмѣстѣ съ нашимъ обществомъ «друзей черныхъ» помогать спасать все человѣчество!

— Я не пушу тебя сегодня туда, — возразилъ Клавьеръ, удерживая его за руку. — Ты долженъ прервать эти сношенія, потому что они могутъ тебѣ сильно повредить. Если Калоннъ оскорбилъ жену въ день свадьбы, то это не даетъ тебѣ права извлекать отсюда выгоду для себя.

— Клавьеръ — въ роли моралиста! это забавно выше всякой мѣры! — воскликнулъ Мирабо, стараясь освободиться отъ своего спутника. — Ты, Этьеннъ Клавьеръ, ты, настоящій учитель ажіотажа французовъ, демонъ биржи, своими дьявольскими операціями вовлекшій Францію въ финансовый водоворотъ, ты хочешь теперь разыгрывать со мной роль рыцаря добродѣтели и честности? Оставь и не старайся вовлечь меня въ финансовый разговоръ. Сегодня я могу думать только о женѣ министра финансовъ, а повышеніе или

¹⁾ Condorcet, Mémoires, I, 230.

«истор. вѣстн.», июль 1899 г., т. LXXVI.

пониженіе меня не трогаютъ. Довольно я работалъ вамъ съ Калонномъ на пониженіе, дайте же мнѣ хоть разъ отдохнуть и поиграть на повышеніе въ моемъ собственномъ приключеніи!

Въ эту минуту мимо нихъ проѣхалъ экипажъ; Клавьеръ съ особенною любезностью поклонился сидѣвшему въ немъ господину, и Мирабо тоже приподнял шляпу.

— Господинъ министръ финансовъ!— смѣясь замѣтилъ Клавьеръ.

— Ну, теперь ступай скорѣе, другъ мой,— сказалъ Мирабо.— Твой министръ точенъ, и ты не долженъ заставлять его ждать на твою рѣчь о томъ, какъ осчастливить человѣчество. Я успѣю еще прійти во время, чтобы тоже воспользоваться словомъ.

Пріятели разошлись въ разныя стороны.

IX.

Банкетъ въ американскомъ клубѣ.

Пиршество, устроенное обществомъ «друзей черныхъ» въ союзѣ съ «клубомъ американцевъ», было очень многолюдно и, благодаря участію многихъ выдающихся гостей, въ томъ числѣ и изъ высшихъ круговъ общества, приняло весьма блестящій характеръ.

Въ особенности появленіе министра финансовъ произвело сенсацию въ средѣ присутствующихъ. Многие подходили къ нему съ привѣтствіями и добрыми пожеланіями, льстиво восхваляя успѣхъ его послѣднихъ финансовыхъ операцій. Другіе же, напротивъ, пушливо удалялись отъ него, не желая быть ему представленными.

Калоннъ, съ свойственнымъ ему тактомъ и увѣренностью, старался приблизиться именно къ этимъ послѣднимъ, которые явно съ намѣреніемъ избѣгали его. Въ этой группѣ, стоявшей въ противоположной глубинѣ залы, были Кабанисъ и Кондорсэ; къ нимъ-то, наскоро отвѣтивъ на остальные привѣтствія, быстро направился министръ.

Маркизь Кондорсэ встрѣтилъ министра довольно холодно, почти строго и дотронулся до предупредительно протянутой ему руки съ выраженіемъ подчиненія правиламъ вѣжливости. Это, однако, нимало не смутило намѣренно обратившаго сюда свою любезность министра. Съ свойственной ему ловкостью вступилъ онъ немедленно въ искрящійся умомъ и остроуміемъ разговоръ, передъ которымъ даже Кондорсэ, сдержанный и односложный сегодня болѣе, чѣмъ когда либо, долженъ былъ понемногу смягчиться.

— Какъ я радъ встрѣтить здѣсь такихъ друзей, какъ маркизь Кондорсэ!— проговорилъ министръ финансовъ, подпрыгивая съ своей придворной манерой, не лишенной, впрочемъ, привлекательности.— Скажите, пожалуйста, господинъ маркизь, можетъли бѣдный министръ финансовъ, который тѣмъ бѣднѣе, чѣмъ больше онъ долженъ дѣ-

латъ денегъ, — разсчитывать на одобреніе столь великихъ умовъ? Счастливые! въ вашемъ духовномъ царствѣ, гдѣ въ обращеніи однѣ лишь идеи, а всѣ потребности немедленно удовлетворяются на личныя идеи же, не можетъ быть дефицита! Вы, философы, счетчики Провидѣнія, можете прогонять отъ себя всякій дефицитъ и заботиться въ своей системѣ лишь о томъ, чтобы все выходило точно и разумно, не такъ, какъ министръ финансовъ во Франціи, вынужденный пользоваться довѣріемъ и накапливать долги на долги и займы на займы.

Противостоятъ столь любезному наступленію, такъ легко себя унижающему, было трудно даже для строгаго и необходимаго Кондорсэ. Широкій глубокомысленный лобъ философа прояснился, а его орлиный носъ будто приподнялся съ отгѣнкомъ болѣе мягкимъ, чѣмъ обыкновенно.

— Мы, математики и философы, — возразилъ Кондорсэ съ почти добродушною улыбкой, — не принимаемъ нашего дефицита такъ близко къ сердцу, и, если мы ошибемся въ нашихъ вычисленіяхъ, народъ не голодаетъ. Поэтому дѣло министровъ финансовъ, конечно, гораздо труднѣе нашего. Но одна великолѣпная поговорка гласитъ: «повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову разбить». Вотъ тогда-то и станетъ видно, былъ ли кувшинъ тѣмъ огромнымъ золотымъ горшкомъ, какимъ его прославили и изъ котораго каждому придворному служителю, желающему взять хоть что нибудь, сулятъ удивительнѣйшія сокровища. Быть можетъ, тогда на разбитыхъ черепкахъ будутъ видны смола и сѣра, изъ которыхъ сдѣлано искусственное золото, а изъ адской фабрики этихъ денежныхъ займовъ выскочить въ наше общество живой чортъ!

— Bravo, bravo! — воскликнулъ Калоннъ, хлопая въ ладоши. — Можемъ ли мы желать чего либо лучшаго, дорогой мой?

Его тонкое, пріятное лицо засвѣтилось самымъ игривымъ выраженіемъ, хотя и съ легкимъ жаломъ насмѣшки. Насмѣшка эта, однако, была такъ двусмысленна, что неизвѣстно было, къ чему она относилась. Во всей его личности была та привлекательная прелесть, которой каждый легко поддавался.

Въ ту пору Калонну было пятьдесятъ одинъ годъ, но его высокая, стройная фигура, доведенныя до виртуозности тонкія манеры и изящныя движенія производили впечатлѣніе гораздо болѣе молодого человѣка.

Теперь министръ быстро направился къ другой группѣ общества, обмѣнявшись еще нѣсколькими любезными словами съ Кабанисомъ, причемъ лестно отозвался о его докторской практикѣ, перенесенной имъ съ нѣкоторыхъ поръ изъ Отѣйля въ столицу.

Въ празднично освѣщенной и разукрашенной залѣ становилось все оживленнѣе. Своими умными, мечтательными глазами смотрѣлъ Кабанисъ на развѣшанныя по стѣнамъ, отъ самаго потолка, эмблемы

и знамена, символизировавшія оба соединенныя въ нынѣшній вечеръ общества.

Большой прекрасный портретъ Вашингтона, подаренный Лафайеттомъ, составлялъ, такъ сказать, центръ этихъ украшеній. Надъ нимъ развѣвалось красно-бѣлое американское знамя съ тринадцатью изображенными на немъ звѣздами, представлявшими штаты, образовавшіе сѣвероамериканскій свободный союзъ.

По обѣимъ сторонамъ портрета Вашингтона, въ цѣломъ рядѣ картинъ, были изображены негры, то въ трогательныхъ, мучительно молящихъ позахъ, то изнывающіе подъ бичами своихъ жестокихъ палачей. Каждая картина была увѣнчана американскими и французскими знаменами, развѣвавшимися рядомъ, въ многозначительномъ соединеніи.

— Стѣны эти дѣйствительно повѣствуютъ невѣроятныя исторіи!—сказалъ Кабанисъ, обращаясь къ Кондорсэ и прохаживаясь съ нимъ подъ руку по залѣ.

Въ эту минуту кто-то дружески хлопнулъ Кабаниса по плечу, и онъ, обернувшись, увидалъ вновь прибывшаго друга, барона фонъ-Гольбаха, сердечнымъ рукопожатіемъ привѣтствовавшаго своихъ друзей и товарищей.

— А-а,—сказалъ Кабанисъ съ улыбкой,—и баронъ Гольбахъ не пренебрегъ этимъ празднествомъ? Это не лишено значенія, что мы тутъ всѣ собрались вмѣстѣ; лейтенантъ полиціи почуветь въ этомъ, пожалуй, опасную тенденцію?

— Друзья мои,—началъ весело баронъ Гольбахъ,—я пришелъ, чтобы принести и свою лепту въ пользу черныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ услыхать, быть можетъ, кое-что новое. Вамъ извѣстно, что я вѣчно страдаю недостаткомъ новостей. На свѣтѣ дѣлается все скучнѣе. Не знаете ли чего новаго, любезные товарищи?

Хитрые глаза стараго философа блеснули при этомъ особымъ выраженіемъ, которое могло бы быть непріятнымъ, если бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, не отражалось въ немъ столько сердечнаго добродушія.

Во внѣшности и даже тучности барона фонъ-Гольбаха было что-то необыкновенно простое и прямое, граничащее почти съ патриархальностью. Знаменитаго же, внушающаго страхъ мыслителя выдавалъ въ немъ высокій, ясный лобъ, на которомъ отражались смѣлость и упрямство, равно какъ неумолимое хладнокровіе.

— Новое получается только тогда, когда мыслятъ или вычисляють,—отвѣчалъ маркизъ Кондорсэ на вопросъ Гольбаха,—потому что новое, происходящее подъ нашими руками, не болѣе, какъ старая ветошь. Но многочисленное собраніе не мыслить, и чѣмъ долѣе оно будетъ вмѣстѣ, тѣмъ будетъ безсмысленнѣе и пустѣе.

— Нѣчто новое узнають еще, когда ѣдятъ,—возразилъ Гольбахъ, съ комизмомъ поднося свои пальцы къ носу,—а потому мнѣ отраднo видѣть, что здѣсь уже собираются идти къ столу. Мыслить и ѣсть—

это совершенно однородныя дѣйствія человѣческой природы, съ тою лишь разницею, что отправляются они на противоположныхъ полюсахъ организма и въ двухъ различныхъ направленіяхъ представляютъ живянный процессъ машины. Кто ѣсть, тотъ познаетъ нѣчто новое и вмѣстѣ съ пищей вѣдаетъ въ себя духовныя понятія, такъ что тучность моя есть собственно пантеонъ всякихъ идей. Надо только остерегаться отъ ошибокъ пищеваренія, чтобы не впитать въ себя фальшивыхъ идей ¹⁾).

— Сегодня мы, вѣроятно, желудка себѣ не испортимъ,— замѣтилъ Кабанисъ, указывая на столъ, на который въ эту минуту стали приносить кушанья.—Вижу тутъ совершенно простыя блюда, которыя для высшаго ума, привыкшаго къ тонкимъ воскреснымъ обѣдамъ въ отелѣ Гольбаха, едва ли могутъ способствовать подъему мышленія. Какой желудокъ можетъ извлечь великія идеи изъ кислой капусты и котлетъ, запахъ которыхъ я слышу? Эти торжественныя обѣды въ Парижѣ, по подпискѣ, представляютъ собою всегда настоящее кормленіе скота, а потому люди изъ школы Гольбаха, которыхъ я здѣсь замѣчаю, будутъ хромать умственно, и процессъ ихъ мышленія сократится. Но лишь бы ужъ для этого предстоящаго намъ духовнаго голоданія наступили скорѣе начало и конецъ!

— Я слышалъ, ждуть еще Этьенна Клавьера,—возразилъ Кондорсэ.—Это тоже философъ, и онъ долженъ открыть рѣчью сегодняшнее пиршество. Вѣроятно, онъ задержался на биржѣ, состоя тайнымъ агентомъ Калонна, которому помогаетъ въ его финансовыхъ, какъ и многихъ другихъ плутняхъ. Говорятъ, что этому загадочному, не лишенному высшихъ воззрѣній, человѣку англійское министерство платитъ за ту роль, которую онъ играетъ въ Парижѣ. Онъ—главная пружина ажіотажа, утвердившагося нынѣ въ Парижѣ; но съ этимъ соединяются у него болѣе глубокіе планы; ему хочется вызвать анархію всего общества. Однако, я ему не довѣряю; онъ не французъ, а мнѣ хотѣлось бы видѣть одѣвъ лишь французскія руки при смѣшеніи нашихъ дѣлъ.

— Если онъ желаетъ анархіи, то намъ слѣдуетъ привѣтствовать его, какъ одного изъ нашихъ!—сказалъ баронъ Гольбахъ, пріятно улыбаясь.—Не забывайте, что анархія есть настоящій жизненный процессъ, воздвигнутый и проповѣдуемый мною въ моей «Системѣ природы». Одна лишь анархія удерживаетъ физическій и нравственный міръ живымъ и уравновѣшеннымъ, всѣ же законы существуютъ и дѣйствуютъ лишь потому, что противъ нихъ борются и ихъ потрясаютъ. Быть можетъ, этотъ Этьеннъ Клавьеръ тоже ученикъ вашего стараго Гольбаха? Я вѣдь не разъ уже просилъ васъ, Кабанисъ, привести его съ собой ко мнѣ обѣдать въ воскресенье.

¹⁾ Изъ сочиненій Гольбаха.

— Онъ принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, которыхъ никогда нельзя съ увѣренностью получить, — отвѣчалъ Кабанисъ. — Иначе ваши гостеприимные объѣды, тридцать лѣтъ уже дѣлающіе каждое воскресенье праздникомъ ума въ Парижѣ, привлекли бы его. Хотя онъ и непріятный господинъ, но всѣ накопившіяся въ данное время идеи ему извѣстны такъ же хорошо, какъ стоимость банковыхъ билетовъ, въ которыхъ онъ орудуешь, какъ чортъ. Такіе люди-демоны — ничьи ученики, но они требуютъ всего, какъ и ихъ можно употребить на все въ данную минуту.

— Графа Мирабо я тоже здѣсь не вижу, — замѣтилъ Гольбахъ, вкинувъ въ глазъ стеклышко и оглядывая все общество. — Между тѣмъ, онъ недавно еще разъ повторилъ мнѣ, что мы съ нимъ встрѣтимся здѣсь. Знаю, что этотъ другъ не только вашъ герой, Кабанисъ, что вы не только любите, но и изучаете его, и что ваши новыя философскія изслѣдованія, отъ которыхъ я и для себя жду большихъ успѣховъ, опираются главнымъ образомъ на подобнаго героя человѣческой природы, какимъ представляется Мирабо, физически и духовно. Этотъ Мирабо — герой духа нервовъ, а я слышалъ, что вами утверждено положеніе, что все лишь нервы и чувства, всѣ идеи исходятъ изъ чувствъ и составляютъ ихъ продуктъ, и что мысль образуется потому только въ мозгу, что мозгъ есть центръ, въ которомъ всѣ нервы находятъ свою точку отправленія и соединенія ¹⁾. Понимаю, что для подобнаго изображенія человѣческой природы такой Мирабо могъ вамъ служить образцомъ. Я тоже никогда еще не встрѣчалъ столь богато одареннаго и удивительно организованнаго человѣка, и если однажды эта загрязненная придворная Франція захочетъ узрѣть дѣянія, достойнаго мужа, то этотъ Мирабо совершитъ, безъ сомнѣнія, самое необычайное.

— Вы, конечно, не преувеличиваете цѣну Мирабо, но преувеличиваете ее относительно моихъ скромныхъ усилій, — возразилъ Кабанисъ, слегка краснѣя. — Безъ сомнѣнія, слѣдуетъ думать о столь совершенной натурѣ, какъ Мирабо, когда берешь на себя задачу объясненія человѣческаго организма. Въ этомъ человѣкѣ все — нервы, и я наблюдалъ, какъ онъ изъ своихъ нервовъ, при сильномъ взаимодействіи идей, почерпаетъ всѣ свои житейскія рѣшенія. Сознаюсь, что въ моихъ работахъ о связи физическаго и нравственнаго въ человѣкѣ я часто думалъ о Мирабо, хотя въ послѣднее время рѣдко встрѣчаюсь съ нимъ.

— Все, конечно, мозгъ и нервы, друзья мои, — началъ опять баронъ Гольбахъ. — Однако же я возвращаюсь опять къ желудку, въ которомъ признанъ настоящій корень моей «Системы природы». Если вы не признаете функцій желудка, то онъ не будетъ вамъ питать нервы и мозгъ, а они не произведутъ вамъ никакихъ идей.

¹⁾ Изъ сочиненія Кабаниса: «Rapports du physique et du moral de l'homme».

И такъ, желудокъ будетъ всегда главнымъ пунктомъ чловѣческаго духа, и ваша философія, Кабанисъ, принимаетъ лишь болѣе учтивый оборотъ, признавая всѣ идеи происходящими изъ нервовъ, а не изъ желудка. Что скажете на это нашъ великій мыслитель, такъ сильно задумавшійся маркизъ Кондорсэ?

— Вы знаете, какъ во всѣхъ важныхъ вещахъ я симпатизирую вамъ, — отвѣчалъ Кондорсэ, прервавъ свое глубокомысленное молчаніе.—Я признаю желудокъ, нервы и мозгъ главнѣйшими факторами бытія; то, что называется духомъ, состоитъ изъ желудка, нервовъ и мозга, объ этомъ, разумнымъ образомъ, спорить болѣе нельзя. Но при этомъ вы забываете объ одномъ законѣ, на который мнѣ бы хотѣлось въ особенности указать, и безъ котораго чловѣчество съ его желудкомъ, нервами и мозгомъ не сдѣлаетъ ни шагу впередъ. Это есть законъ развитія.

— Ахъ, — засмѣялся Гольбахъ, пріятно потрясая своей полнотой, — этимъ вы насъ не выбьете изъ колеи, маркизъ! То, что вы называете развитіемъ, я называю пищевареніемъ. Есть ли подъ солнцемъ что либо болѣе ясное? Всякая вещь развивается, перевариваясь. Кому нечего переваривать, тотъ не можетъ и развиваться. Не думаете ли вы приклеить машинѣ снаружи крылья и съ помощью ихъ заставить ее вознестись до облаковъ? Не эти ли восковыя крылья — законъ развитія Кондорсэ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Кондорсэ съ нѣкоторою рѣзкостью, — мой законъ развитія, теорію котораго я скоро выпущу въ свѣтъ, ведетъ совсѣмъ въ иное мѣсто, чѣмъ въ облака. Развитіе заключается въ волѣ, безъ которой ваша машина изъ кожи, костей, желудка, нервовъ и мозга будетъ лишь чучелой безъ движенія и слова. Надѣленная же волей, машина эта обрѣтаетъ свое божество и съ нимъ вмѣстѣ можетъ вознестись на солнечномъ конѣ Аполлона до высочайшихъ сферъ и достигнуть величайшихъ цѣлей. Законъ развитія въ чловѣчествѣ такъ силенъ, что, какъ только люди ясно сознаютъ его силу, то будутъ ею творить чудеса и безъ восковыхъ крыльевъ Фазтона будутъ летать черезъ моря и страны. Матеріализмъ, правильно понятый, — великая вещь. Онъ научитъ когда нибудь людей летать, въ этомъ я убѣжденъ. На тысячи миль разстоянія будутъ они переписываться между собою по воздуху и съ быстротою птичьяго полета будутъ навѣщать другъ друга, какъ бы ни было велико раздѣляющее ихъ пространство. Да, каждый, какъ только онъ постигнетъ правильно свое развитіе, будетъ въ состояніи продлить свою жизнь на сотни лѣтъ, въ этомъ я вполне увѣренъ¹⁾.

При этихъ словахъ высокая фигура мыслителя заколебалась точно въ какомъ-то глубокомъ внутреннемъ движеніи, а благородное, мыслю сверкавшее лицо его воспламенилось яркимъ румянцемъ.

¹⁾ Изъ сочиненія Кондорсэ: *Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain*, — появившагося въ печати лишь по его смерти.

— Смотрите, вотъ пришелъ Этьеннъ Клавьеръ,— замѣтилъ Кабанисъ, указывая на маленькаго, толстаго, но чрезвычайно подвижнаго человѣка, только что появившагося въ дверяхъ залы и затѣмъ быстро и безцеремонно проталкивавшагося сквозь тѣсную группу гостей.— Биржевой демонъ страшно спѣшить, — продолжалъ Кабанисъ,— однако, по его необыкновенному апломбу, видно, какъ онъ увѣренъ, что лишь съ его прибытіемъ начнется комедія. Вотъ настоящій человѣкъ силы и матеріи. Матеріализмъ породилъ не только атеизмъ, но и биржевую игру. Что скажете вы на это, баронъ Гольбахъ?

— Еслибъ я не былъ слишкомъ старъ, чтобы еще заниматься пророчествами, — сказалъ Гольбахъ, пристально всматриваясь въ Клавьера,— то сказалъ бы: этотъ Клавьеръ можетъ еще быть министромъ финансовъ, когда Франція совершитъ свою революцію ¹⁾. Однако, займемъ наши мѣста. Усядемся вмѣстѣ, чтобы всѣ атеисты были рядомъ.

Всѣ гости, числомъ нѣсколько сотъ лицъ, заняли мѣста у стола, и банкетъ начался весьма оживленно. Рѣчь же Клавьера о значеніи и цѣляхъ настоящаго собранія еще усилила это оживленіе и была громко привѣтствуема во всѣхъ концахъ залы.

Клавьеръ былъ блестящимъ ораторомъ и съ удивительною ловкостью затрогивалъ самые серіозные вопросы. Неоднократно раздавались одобрительные возгласы. Калоннъ, которому Клавьеръ ловко льстилъ въ своей рѣчи, превознося его финансовыя операціи, сіялъ отъ удовольствія. Но были и недовольные. Въ концѣ рѣчи Клавьеръ произнесъ:— для того, кто правильно и щедро умѣетъ расходовать, дефицита не существуетъ! Министерство финансовъ безъ дефицита—это картина безъ тѣней. Живопись, милостивые государи, есть собственно искусство тѣни, а управленіе финансами есть искусство дефицита.

— Теперь онъ возводитъ своего Калонна въ Рафаэля и Тиціана!— воскликнулъ Кабанисъ, потирая отъ удовольствія руки. Во многихъ мѣстахъ стола раздалось, при послѣдней выходкѣ краснорѣчія Клавьера, довольно замѣтное шиканье и послышались замѣчанія на счетъ непристойности затрогиванія всѣмъ извѣстнаго бѣдствія Франціи рукою фигляра.

Въ эту минуту въ залу вошелъ Мирабо, появленіе котораго привлекало всеобщее вниманіе и производило повсюду нѣкоторое удивленіе. Теперь это было тѣмъ сильнѣе, что Мирабо, на котораго, при его входѣ, были обращены всѣ взоры, былъ чрезвычайно серіозенъ, блѣденъ и не могъ подавить язвительной гримасы при

¹⁾ Въ мартѣ 1792 года Клавьеръ былъ дѣйствительно избранъ министромъ финансовъ партією Бриссо.

захваченныхъ имъ еще словахъ Клавьера о дефицитѣ. Онъ занялъ оставленное ему мѣсто рядомъ съ Клавьеромъ.

Послѣдній быстро закончилъ свою рѣчь нѣсколькими великолѣпными блестящими штрихами, соединившими вновь въ его пользу раздѣлившееся было настроеніе общества.

Банкетъ шелъ своимъ порядкомъ, быстро приближаясь къ концу. Мирабо на всѣ приглашенія говорить отвѣчалъ отказомъ, изъ-за чего между нимъ и его сосѣдомъ, Клавьеромъ, завязался дружескій споръ.

— Кто такъ опаздываетъ къ обѣду,—замѣтилъ Мирабо, усердно утоляя свой голодъ,—у того есть дѣло поважнѣе, чѣмъ искать счастья въ рѣчахъ. Къ тому же, ты намъ испортилъ фарватеръ, Клавьеръ, такъ какъ небесная слава, которую ты распростеръ надъ дефицитомъ, не понравилась людямъ, и многихъ, кажется, тошнитъ здѣсь отъ нея. Боюсь еще болѣе возстановить противъ насъ мнѣніе своимъ словомъ, потому что вижу здѣсь много противниковъ. Вообще у меня въ Парижѣ теперь враговъ болѣе, чѣмъ когда либо. Нажилъ я ихъ своей брошюрой противъ дисконтной кассы. Знаешь новость, Клавьеръ? Оба мои сочиненія, какъ противъ дисконтной кассы, такъ и объ испанскомъ банкѣ запрещены полиціей, и это по просьбѣ моего милѣйшаго покровителя, господина министра финансовъ Калонна.

— Кто тебѣ сказалъ это?—спросилъ съ живостью Клавьеръ.— Это должно было быть для тебя тайной еще нѣсколько дней.

— Жена господина министра сообщила мнѣ только что объ этомъ, въ знакъ своей дружбы,—возразилъ Мирабо съ улыбкой.

— Если другихъ доказательствъ дружбы ты отъ нея не получилъ, то можно тебя пожалѣть! — сказалъ Клавьеръ, насмѣшливо глядя на него.— Бѣдный искатель приключеній, плохо, должно быть, пришлось тебѣ у прекрасной дамы, если на свиданіи нужно было возбуждать рѣчь о государственныхъ дѣлахъ.

— Ну, я совсѣмъ другого мнѣнія,—возразилъ Мирабо.— Я ушелъ весьма довольнымъ съ этого свиданія. Кто хочетъ овладѣть женщиной, долженъ умѣть съ нею обращаться. Мнѣ случилось разъ съ дамой, долго жившей на востокѣ, завести споръ объ арабской грамматикѣ, и это въ ту минуту, когда я осмѣлился въ первый разъ обнять ее, такъ что, въ жару спора, она и не замѣтила, какъ это произошло. Когда же увидала, какія я уже приобрѣлъ преимущества надъ нею, то было поздно, и она должна была признать себя побѣжденной. Госпожа Калоннъ одна изъ милѣйшихъ и прелестнѣйшихъ женщинъ на свѣтѣ. Однако, я скоро замѣтилъ, что она еще болѣе тщеславится знаніемъ и сужденіемъ о государственныхъ тайнахъ, чѣмъ своей красотой и несравненной ножкой—главнымъ ея украшеніемъ. Ради шутки, я сталъ обращаться къ ней, какъ бы къ ея мужу, и, обнимая ее всю самымъ нѣжнымъ образомъ, спрашивалъ въ то же время, что новаго въ министерствѣ

финансовъ, и одобрены ли мои объ брошюры объ ажіотажѣ? Она посмотрѣла на меня сначала съ удивленіемъ, затѣмъ разразилась прелестнымъ смѣхомъ, что позволило мнѣ принять съ нею самый интимный тонъ, и, приставивъ съ важною указательный палецъ къ своему очаровательному вздернутому носику, сказала: «Ну, такъ покажу вамъ, графъ, что я тоже знаю кое-что новое. Объ ваши брошюры запрещены и конфискованы полиціей, по приказанію самого господина Калонна. Часъ тому назадъ, я случайно услышала объ этомъ разговоръ его съ парижскимъ лейтенантомъ полиціи.

— А не сообщила ли тебѣ прекрасная госпожа Калоннъ о поводахъ этой мѣры?—спросилъ Клавьеръ съ замѣтною досадою.

— До этого я не допустилъ ее,—смѣясь отвѣтилъ Мирабо.—Ты понимаешь, конечно, что хотя теперь это дѣло начинаетъ меня раздражать, оно было для меня въ ту минуту совершенно безразлично. Однако, я представился въ высшей степени испуганнымъ и огорченнымъ, а великодушная госпожа Калоннъ взяла на себя обязанность меня утѣшать и развлекать, дѣлая это съ величайшими уступками. Я все продолжалъ еще казаться огорченнымъ по поводу моихъ брошюръ, когда она дала мнѣ наилучшее утѣшеніе и не успѣла опомниться, какъ я изъ несчастнаго обратился въ ликующаго, изъ требующаго утѣшенія въ благословляющаго.

Клавьеръ не могъ удержаться отъ смѣха, но вслѣдъ за тѣмъ нѣсколько боязливо произнесъ:—Говори потише, у Калонна необыкновенно тонкій слухъ; онъ можетъ схватить кое-что изъ нашего столь близко до него касающагося разговора.

— Это мнѣ рѣшительно все равно,—возразилъ Мирабо съ забавною наивностью.—Не знаю, вино ли ваше меня опьяняетъ и затуманиваетъ мнѣ глаза, но мнѣ кажется, что на головѣ господина Калонна я вижу что-то гораздо большее, чѣмъ его уши. Мнѣ видятся еще на ней рога, почти покрывающіе своей величиной уши, такъ что едва ли господинъ Калоннъ могъ уловить что либо изъ нашего разговора. Но это ему подѣломъ за его двуличіе въ отношеніи моихъ брошюръ.

— Удивляюсь, что ты тотчасъ же не видишь причины этого запрещенія?—возразилъ Клавьеръ.—У министра тутъ двоякая цѣль, и я самъ совѣтовалъ ему это. Во-первыхъ, биржа не могла думать, что борьба противъ ажіотажа, которую ты началъ съ такою силою, ведется съ его соизволенія и даже подъ его вліяніемъ. А затѣмъ министръ думаетъ, что твои брошюры будутъ имѣть у публики еще больше успѣха, если получатъ прелесть правительственнаго запрещенія.

Въ эту минуту сборъ денегъ, шедшій за столомъ для цѣлей общества, дошелъ до Мирабо, который быстро и не безъ намѣренія бросилъ на тарелку весь свой довольно туго набитый кошелекъ, чѣмъ привлекъ на себя вниманіе сидѣвшаго напротивъ него мини-

стра финансовъ. Послѣдній, дружески, черезъ столъ, кивая ему головою, спросилъ его, какъ онъ поживаетъ, и любезно упрекалъ, что такъ давно не было видно его въ отелѣ министерства финансовъ.

Мирабо, не смущаясь, отвѣтилъ, что онъ давно уже позволилъ бы себѣ явиться, если бы зналъ раньше, что будетъ благосклонно принять въ отелѣ.

— Мнѣ слышалось,—возразилъ Калоннъ, перегибаясь поближе къ Мирабо,—что вы разговаривали съ господиномъ Клавьеромъ о вашихъ брошюрахъ противъ дисконтной кассы и объ испанскомъ банкѣ? Представьте себѣ, графъ, что полиція намѣревается запретить ихъ¹⁾. Это послѣдуетъ, вѣроятно, завтра же, и я, къ сожалѣнію, ничего не могъ противъ этого сдѣлать.

— Благодарю ваше превосходительство,—отвѣчала Мирабо.—Но это запрещеніе есть милостивая забота о моихъ маленькихъ сочиненіяхъ, такъ какъ запрещенный плодъ всегда самый вкусный.

— Вы находите? —спросилъ Калоннъ съ набѣжавшей на лобъ легкой морщинкой.

Въ эту минуту министръ, казалось, замѣтилъ у Мирабо на пальцѣ кольцо съ необыкновенно сверкавшимъ камнемъ. Онъ пристально, съ возрастающимъ вниманіемъ вглядывался въ камень и, несмотря на отдаленіе, хотѣлъ, повидимому, разобрать выгравированныя на немъ буквы. Мирабо невольно и поспѣшно скрылъ руку подъ столомъ и съ минуту съ нѣкоторымъ смущеніемъ глядѣлъ передъ собою.

Кстати, министръ былъ отвлеченъ какимъ-то замѣчаніемъ своего сосѣда, генерала Лафайетта, отъ дальнѣйшаго изслѣдованія кольца.

— Мнѣ кажется, ты былъ весьма неостороженъ,—сказалъ тихо, обращаясь къ Мирабо, Клавьеръ, своимъ проникательнымъ, спокойнымъ взглядомъ все замѣтившій.—Кольцо на твоёмъ пальцѣ привлекло, къ несчастью, вниманіе министра.

— Онъ его узналъ,—возразилъ Мирабо, усмѣхаясь.—Кольцо это принадлежитъ его женѣ, надѣвшей мнѣ его на палецъ при прощаньи.

— Все это, чтобы утѣшить тебя по поводу запрещенія твоихъ брошюръ?—спросилъ Клавьеръ.—А ты, при твоей колоссальной безцеремонности, оставляешь и тутъ кольцо на пальцѣ? Прошу же тебя серьезно, мой другъ, снять его пока и спрятать. Вотъ, возьми мое и надѣнь его поскорѣе подъ столомъ. Если потомъ министръ ближе присмотрится къ нему, то увидитъ, что онъ ошибся. Я придаю большое значеніе твоимъ хорошимъ отношеніямъ съ Калонномъ, потому что черезъ него ты долженъ, наконецъ, вступить въ подобающую тебѣ карьеру.

Мирабо сдвинулъ брови, однако же послѣдовалъ совѣту своего практическаго друга.

Со стола было уже убрано, и всѣ, стоя, привѣтствовали другъ

¹⁾ Peuchet, II, 377.

друга. Калоннѣ, поднявшись съ мѣста и проталкиваясь черезъ всю группу кланявшихся ему, поспѣшилъ на другую сторону стола, откуда Мирабо и Клавьеръ шли къ нему на встрѣчу.

Съ величайшею любезностью отвѣтивъ на ихъ привѣтствіе, министръ особенно дружески подаль руку графу Мирабо. Удерживая крѣпко, при самыхъ любезныхъ заявленіяхъ, руку графа въ своихъ рукахъ, онъ явно ощупывалъ кольцо на его пальцѣ, а затѣмъ движеніемъ быстрѣе молніи поднесъ его къ своимъ глазамъ.

Видимо пораженный и обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, онъ выпустилъ руку Мирабо и, нѣсколько минутъ спустя, исчезъ изъ залы.

— Насколько я знаю его, я не сомнѣваюсь, что онъ вполнѣ убѣдился въ истинѣ,—сказалъ Клавьеръ, слѣдя глазами за удалявшимся министромъ.—Его подозрительность поддерживается удивительнымъ инстинктомъ, не разъ уже и въ государственныхъ дѣлахъ руководившимъ имъ по самымъ сокровеннымъ слѣдамъ.

— Удивляюсь, чтобы такого рода человѣкъ предавался столь сильно чувству ревности,—возразилъ Мирабо.—Кто, какъ онъ, искатель приключеній въ полномъ смыслѣ этого слова, тотъ становится обыкновенно на общечеловѣческую точку зрѣнія и теряетъ чувство исключительной ревности. Это тѣмъ болѣе удивительно, что онъ вовсе не интересуется госпожею Калоннѣ. Если же другіе стараются переплавить его золото и отчеканить его, что можетъ однажды прельстить и его самого, то, какъ свѣтскій человѣкъ, онъ долженъ былъ бы быть этимъ весьма доволенъ!

— Въ нашихъ финансовыхъ операціяхъ ты играешь, значить, на перечеканкѣ луйдоровъ?—громко расхохотался Клавьеръ.—Видно, что ты настоящій финансовый геній, Мирабо, потому что финансовыя сравненія уже присуща тебѣ. Скажу кстати, что эдиктъ о всеобщей перечеканкѣ золотой монеты во Франціи вскорѣ появится. Я его разработалъ для министра, и все дѣло—моя идея. Перечеканная старые луйдоры по масштабу нѣкотораго повышенія цѣнности золота во Франціи, мы можемъ все-таки надѣяться на тридцать луйдоровъ выиграть двѣ или одну пятую, а наша милая публика, безъ особаго труда, примирится съ маленькой потерей въ полноценности золота, каковая потеря будетъ не что иное, какъ степень чистоты металла ¹⁾. Но подобная операція показалась бы господину Калонну для его жены опасною, такъ какъ, при твоей перечеканкѣ, прекрасная монета могла бы сильно уменьшиться въ своей полноценности, а степень чистоты металла весьма значительно пострадать въ твоихъ рукахъ.

— Отложимъ до другого раза наши плохія остроты, мой другъ Клавьеръ!—сказалъ Мирабо, попрощавшись крѣпкимъ рукопожатіемъ, чтобы направиться къ другимъ друзьямъ своимъ, между которыми Кабанисъ, Кондорсэ и Гольбахъ уже нѣсколько времени ждали его.

¹⁾ Louis Blanc, II, V.

X.

Въ Берлинъ.

Спустя нѣсколько недѣль, Мирабо, въ сообществѣ своей подруги Генриетты, — къ которой онъ послѣ всѣхъ своихъ странныхъ похаживаній возвращался всегда съ новой и искренней сердечной привязанностью, — сидѣлъ въ своей комнатѣ, которую, противъ обыкновенія, не покидалъ уже нѣсколько дней. Онъ казался не въ духѣ, и на его обыкновенно свѣтломъ и смѣломъ челѣ легли мрачныя тѣни печали и робости, что, несмотря на его измѣнчивый и поддающійся всякому влиянію темпераментъ, рѣдко замѣчалось у него въ такой степени.

Генриетта, занявшая свое любимое мѣсто на табуретѣ у его ногъ, съ какимъ-то вязаніемъ въ рукахъ для маленькаго Коко, озабоченно и боязливо поглядывала на своего друга, сидѣвшаго въ мечтательномъ оцѣпѣненіи и едва замѣчавшаго ея присутствіе.

— Мирабо, — обратилась она къ нему, пріостановивъ свою работу и слегка дотрогиваясь до его руки, — Мирабо, отчего ты такъ печаленъ и молчаливъ? Я ужасно боюсь, не случилось ли чего съ тобой. Лучше брани меня, сердись, шуми, буй твоимъ чуднымъ громовымъ голосомъ или же пройди, пойдѣ въ сафѣ, зайдѣ за однимъ изъ твоихъ пріятелей для прогулки по бульварамъ, если не хочешь меня взять съ собой. Въ министерство финансовъ ты тоже не ходишь уже нѣсколько дней. Очнись. Такому сильному человѣку, какъ ты, нехорошо сидѣть такъ неподвижно.

— Ты права, — сказала Мирабо съ рѣдкимъ у него приливомъ мягкости, — я провожу цѣлые дни въ пассивныхъ мудрствованіяхъ, ни къ чему не ведущихъ. Счастье мое, что я тебя имѣю, Генриетта. Ты мнѣ жена, дитя и мать. Пусть же милый призывъ, полный заботы обо мнѣ, ободритъ и вернетъ меня къ самому себѣ. Благодарю тебя, чувствую, что подъ дыханіемъ твоихъ чистыхъ устъ душа моя вновь начинаетъ расправлять свои крылья.

— Знаешь, Мирабо, я вѣдь очень рада, что ты не ходишь болѣе въ министерство финансовъ! — сказала Генриетта, стараясь перейти въ свою веселую болтовню. — Мнѣ кажется, твое хорошее расположеніе духа ничего тамъ не выиграло, какъ и нашъ кошелекъ. Иногда я сильно ревновала къ этому министерству, сама не зная отчего. Ты всегда казался такимъ веселымъ и счастливымъ, говоря мнѣ при уходѣ: «Генриетта, я иду въ министерство финансовъ!» А я утѣшалась при этомъ мыслью, что скоро ты станешь богатымъ человѣкомъ чрезъ твои связи съ сильнымъ финансовымъ міромъ. Но изъ всего этого ничего не оправдалось, Мирабо, и, повидимому, ты сталъ

богаче лишь неприятностями и заботами, мой милый, прекрасный, великій другъ!

— Правда,— отвѣтилъ Мирабо, сердито вскочивъ съ мѣста,— у меня теперь денегъ меньше, чѣмъ когда либо, и это благодаря этимъ злополучнымъ финансамъ, въ которые я впутался. Потерявшія цѣнность свидѣтельства дисконтной кассы, цѣлой кучей которыхъ Клавьеръ надѣлилъ меня и которыми, вмѣстѣ съ тѣмъ, должны были заплатить мнѣ за мою дѣятельность, больше не поднялись и остались у меня въ рукахъ простыми тряпками. Право же, мнѣ подчасъ кажется, что меня просто одурачили! Заставляютъ меня писать противъ спекулянтговъ кредита и противъ биржи и общаютъ золотыя горы, которыя подносятъ мнѣ къ носу, но только изъ бумаги, и именно изъ той бумаги, обезцѣненію и паденію которой я долженъ былъ способствовать. А теперь, дитя мое, мы можемъ дать сварить къ обѣду свидѣтельства дисконтной кассы и банковые билеты Сень-Шарль, иначе я, право, не знаю, чѣмъ заплатить сегодня за нашъ обѣдъ?

— Можешь быть спокоенъ на этотъ счетъ, другъ мой,— возразила Генриетта, съ грустью глядя на него и украдкой вытирая набѣжавшую слезу.— Знаешь, я вѣдь хорошая хозяйка, вотъ я и берегла изъ послѣднихъ денегъ, что ты мнѣ далъ, цѣлый луидоръ. Мнѣ хотѣлось на него сдѣлать тебѣ какой нибудь сюрпризъ, но теперь хорошо, что мой милый луидоръ выйдетъ изъ своего убѣжища и встанетъ передъ своимъ господиномъ и повелителемъ, графомъ Мирабо. Вотъ онъ, послѣдній рыцарь!

Съ этими словами она поспѣшила къ своему рабочему столу и вынула изъ его ящика золотую монету.

— Тайный другъ, которому, однако, мы должны сейчасъ же свернуть шею!— сказалъ Мирабо, быстро, съ трагикомическимъ выраженіемъ опуская луидоръ въ свой карманъ.— Все-таки сегодня счастливый день, потому что когда находишь что либо неожиданное, то обыкновенно къ этому присоединяется еще что нибудь пріятное. Видишь, бѣдность сдѣлала меня уже мелочнымъ и суевѣрнымъ. Сегодня утромъ Клавьеръ хотѣлъ прійти, чтобы сообщить мнѣ о послѣднихъ намѣреніяхъ господина Калонна на мой счетъ. Жду его съ часу на часъ съ возрастающимъ нетерпѣніемъ. Я поручилъ передать министру, что прошу его высказаться ясно, однимъ словомъ, на мой счетъ; если же онъ ничего для меня сдѣлать не хочетъ, то и я не желаю продолжать компрометировать себя для него и его финансовыхъ интригъ. Не только я при этомъ безъ гроша, но еще моими брошюрами натравливаю весь свѣтъ на себя, приобретаю тысячи враговъ въ публикѣ, а съ другой стороны,—ни одного друга въ министерствѣ, ни въ чемъ мнѣ не помогающемъ. Полемика противъ меня усиливается здѣсь въ Парижѣ, какъ песокъ морской; въ газетахъ и полемическихъ статьяхъ самымъ грубымъ образомъ во-

лочать мое имя и мою личность и, что для меня самое неприятное, вновь поднимають при этомъ удобномъ случаѣ всѣ мои старыя грѣхи, дѣлая мнѣ опять упреки въ похищеніи Софи де-Монье. Такъ, нагналъ я по своимъ пятамъ, какъ лютаго врага, этого Бомарше, автора «Свадьбы Фигаро». Ты вѣдь знаешь, что на прошлой недѣлѣ я выпустилъ въ свѣтъ маленькую брошюру, направленную противъ новаго парижскаго общества водопроводовъ. Мнѣ показалось, что господину Калонну было бы желательно сдержать публику отъ ея страшнаго стремленія къ покупкѣ акцій этого общества, начавшихъ сильно отвлекать капиталы отъ пріобрѣтенія королевскихъ ассигнацій. Эти акціи поднялись уже было съ 1.200 на 1.500 франковъ и болѣе. Тогда я съ силою направилъ свое копье, чтобы доказать, что игра съ этими акціями, которыми общество водопроводовъ хочетъ составить свой капиталъ предпріятія, принадлежитъ собственно къ воспрещенной биржевой игрѣ, что вновь подтверждено министерскимъ постановленіемъ по отношенію купли и продажи проектированныхъ цѣнностей¹⁾. И вотъ является Бомарше, этотъ ничѣмъ не брезгающій спекулянтъ, одинъ изъ директоровъ этого общества, и выпускаетъ противъ меня такое злостное, гнусное, полное ироніи возраженіе, что я не знаю, не слѣдуетъ ли мнѣ дать ему за это понохать конецъ моей шпаги. А господинъ Калоннъ? Съ тѣхъ поръ, какъ я именно для него, ни для кого болѣе, ломалъ эти копья, совсѣмъ не допускаетъ меня къ себѣ. Вотъ уже недѣля, какъ я не имѣлъ возможности поговорить съ нимъ, пока, наконецъ, не потребовалъ отъ него черезъ Клавьера рѣшительнаго отвѣта.

— Какъ?—спросила Генриетта съ выраженіемъ величайшаго удивленія, близко подходя къ нему и испытующе заглядывая ему въ глаза.—Ты уже цѣлую недѣлю не говорилъ съ министромъ? Но вѣдь еще въ началѣ этой недѣли ты не разъ ходилъ въ министерство финансовъ и потомъ рассказывалъ мнѣ, что велъ въ отелѣ длинные разговоры. Съ кѣмъ же другимъ ты могъ говорить тамъ? Развѣ и въ министерствѣ есть красивыя дамы? Я уже давно, впрочемъ, справлялась объ этомъ, и мнѣ сказали, что госпожа Калоннъ очень мила и красива.

— Ты нарушаешь данное слово, дитя мое,—возразилъ Мирабо, закрывая ей ротъ рукою, а глаза ея покрывая поцѣлуями. — Недавно еще ты клялась мнѣ всѣми богами, что не станешь болѣе ревновать, а теперь опять впадаешь въ ту же ошибку. Если я сказалъ тебѣ, что былъ въ министерствѣ финансовъ, то ты можешь исполнѣ положиться, что ни въ какомъ другомъ мѣстѣ я не былъ; если же я велъ разговоры въ министерствѣ финансовъ, то они были, конечно, весьма интересны и важны, хотя бы они велись только съ близкостоящимъ къ господину Калонну лицомъ.

¹⁾ «Sur les actions de la Compagnie des Eaux de Paris» (Londres, 1786, 36 страницъ).

Не возражая ни слова, Генриетта встала у окна и начала задумчиво и съ сомнѣніемъ глядѣть сквозь стекла на улицу. Вдругъ, увидавъ подъѣзжающій экипажъ, воскликнула:—Вотъ и господинъ Клавьеръ! Онъ пріѣхалъ навѣстить тебя, мнѣ же позволю пока удалиться, мой другъ. Ты знаешь, видѣть г. Клавьера я недостойна, потому что не признаю въ достаточной степени его высокихъ качествъ. Къ тому же у меня есть дѣло, и я выйду изъ дому.

Она взяла шляпку и, послѣ нѣсколькихъ сердечныхъ поцѣлуевъ Мирабо на прощанье, поспѣшно вышла въ другія двери, чтобъ не встрѣчаться съ входящимъ Клавьеромъ.

— Наконецъ-то, наконецъ!—бурно встрѣтилъ своего друга Мирабо.—Такъ долго заставилъ ты меня ждать, Клавьеръ, зная, однако, что я самый нетерпѣливый человѣкъ подъ солнцемъ, и что я всѣми своими фибрами жду рѣшенія.

— Потому-то я и медлилъ приходить!—возразилъ Клавьеръ, видимо смущенный и уныло опускаясь въ кресло.

— Ты не похожъ на принесшаго добрыя вѣсти, — воскликнулъ Мирабо, причемъ мрачная тѣнь досады и гнѣва легла на его челъ.—Что же, министръ ничего не желаетъ для меня сдѣлать? Такъ пусть же онъ страшится моей вражды!

— Министръ черезъ меня поручаетъ тебѣ секретную миссію въ Берлинъ,—отвѣчалъ Клавьеръ,—но пристроить тебя въ своемъ министерствѣ онъ не можетъ и вообще ничего не хочетъ для тебя сдѣлать здѣсь. Въ этомъ онъ твердъ и непоколебимъ, потому что желаетъ удалить тебя изъ Парижа.

Съ минуту Мирабо стоялъ съ скрещенными руками, молча, среди комнаты, обдумывая, казалось, заявленіе своего пріятеля. Затѣмъ проговорилъ:—Разкажи же мнѣ подробнѣе, какъ стоитъ дѣло, Клавьеръ!

— Дѣло плохо, до смѣшного плохо,—возразилъ послѣдній,—и ты, единственно ты самъ во всемъ виноватъ!

— Развѣ министру не понравилась моя брошюра объ акціяхъ общества водопроводовъ?—спросилъ Мирабо, задумываясь.

— И брошюра не совсѣмъ понравилась,—отвѣчалъ Клавьеръ,—да и мнѣ тоже, мой другъ. Хотя мы и заплатили расходы по печати, но господинъ Калоннъ считаетъ это выброшенными деньгами. Ты слишкомъ сильно и рѣзко взялся за дѣло, чѣмъ открылъ противникамъ наши многія слабыя стороны. Онъ хотѣлъ видѣть себя огражденнымъ отъ новой акціонерной горячки, но теперь ему вовсе нежелательно, чтобы сами предприниматели, а именно братья Перье, подвергались нападкамъ, какъ игроки на акціяхъ и нечестные процентчики. Константинъ Перье умѣлъ во всемъ разубѣдить министра, и теперь министерство само покупаетъ сто акцій этого общества, чтобы поддержать его. Говорятъ теперь о патриотической и національной сторонѣ предпріятія, и Калоннъ бредитъ о паровомъ на-

сосѣ, который впервые будетъ примѣненъ въ этихъ водопроводахъ, и въ которомъ господа Перье произвели значительныя улучшенія ¹⁾).

— Чортъ бы побралъ все ваше министерство финансовъ!—воскликнулъ Мирабо съ бѣшенствомъ.—Если этотъ Калоннъ думаетъ, что паровой насосъ нагонитъ ему золото въ новые парижскіе каналы, то надо было мнѣ сказать это, и я вмѣстѣ съ нимъ бредилъ бы о паровомъ насосѣ. А зачѣмъ же онъ хочетъ меня послать въ Пруссію, въ Берлинъ? Возможно ли кому бы то ни было имѣть тайное порученіе для такого мѣста, какъ Берлинъ?

— Съ нѣкоторыхъ поръ король внимательно слѣдитъ за Пруссіей,—сухо возразилъ Клавьеръ.—Тамъ ожидается скоро перемѣна престола. Великій король Фридрихъ II, придавшій блескъ и силу этому темному и жалкому государству, не долго уже останется въ живыхъ. Желаютъ знать поэтому, чего можно ожидать отъ его наслѣдника, и вообще желали бы поближе узнать эту внезапно возвысившуюся страну. Господинъ Калоннъ предложилъ тебя съ тѣмъ, чтобы ты, отправясь туда, присылалъ достовѣрныя донесенія о Пруссіи, ея дворѣ и народныхъ дѣлахъ. Пока тебѣ даютъ на одинъ мѣсяць двѣ тысячи франковъ, а тамъ выяснится остальное.

— Ъхать въ Берлинъ для меня не непріятно,—отвѣчалъ Мирабо, подумавъ.—Отъ пребыванія теперь въ Парижѣ меня тошнитъ, и мнѣ хотѣлось бы увидать новыхъ людей, новый народъ! Свѣжее дуновение воздуха на мой горячій лобъ, будь оно хотя бы изъ Бранденбурга, принесетъ мнѣ пользу. Но прежде объясни мнѣ загадку, почему Калонну такъ желательно выслать меня изъ Парижа?

— Что графъ Мирабо будетъ еще и въ роли наивнаго, этого я никакъ отъ героя будущаго не ожидалъ,—возразилъ насмѣшливо Клавьеръ.—Ты заходишь, однако, слишкомъ далеко въ твоей наивности, другъ мой, если продолжаешь не принимать въ соображеніе твоихъ отношеній къ госпожѣ Калоннъ. Я неоднократно предостерегалъ тебя и говорилъ, что Калоннъ ревнивъ и, кромѣ того, обладаетъ способностью все замѣчать, благодаря своему безпримѣрному чутью.

— Я уже нѣсколько дней не былъ у госпожи Калоннъ,—возразилъ Мирабо уклончиво.

— Потому что она тебя болѣе не принимала, мой другъ!—воскликнулъ Клавьеръ съ насмѣшкой.

— А-а!—возразилъ Мирабо,—господинъ Этьеннъ Клавьеръ знакомъ, повидимому, съ тайнами не только канцеляріи министра, но и будуара его супруги.

— Для меня совершенно непонятно твое легкомысліе во всемъ этомъ дѣлѣ,—замѣтилъ Клавьеръ.—На торжественномъ обѣдѣ ты совсѣмъ открыто носишь на пальцѣ кольцо, только что полу-

¹⁾ Peuchet, II, 388.

«истор. вѣстн.», июль, 1899 г., т. LXXVII.

ченное тобою отъ дамы, мужъ которой сидитъ напротивъ тебя, и такъ выставляешь его передъ глазами мужа, что тотъ готовъ почти разобрать шифръ на камнѣ кольца. Нашимъ послѣобѣденнымъ маневромъ обмѣна колецъ. Калоннѣ обмануть не былъ. Подозрѣніе его было возбуждено, хотя, по обыкновенію, онъ ничего не выказалъ. Мнѣ кажется, однако, что недавно между нимъ и госпожей Калоннѣ были ужасныя сцены, такъ какъ она не могла ему представить, по его требованію, кольца, полученнаго ею когда-то отъ него въ подарокъ. Госпожа Калоннѣ считаетъ себя страшно скомпрометированной тобою, и это гораздо опаснѣе для тебя гнѣва самого министра, который, по государственной мудрости, избѣгая всякаго шума, желаетъ только видѣть тебя вѣ Парижа. Мы, конечно, лишаемся чрезъ это твоего таланта, которымъ бы такъ сильно могли воспользоваться. Но эта женщина отомститъ тебѣ. Она природная итальянка, и тебѣ слѣдовало бы остерегаться ея.

— Ну, хорошо,—спокойно возразилъ Мирабо,—что самъ надѣлалъ, то и расхлебывай! По рукамъ! принимаю твои предложенія, Клавьеръ. Приведи только все въ порядокъ для меня, и я буду тебѣ благодаренъ. Ёду въ Берлинъ. Завтра, если хочешь, буду готовъ пуститься въ путь вмѣстѣ со всей своей семьей.

— Да, завтра,—сказалъ Клавьеръ,—потому что, если ты принимаешь предложеніе, то министръ требуетъ твоего немедленнаго выѣзда. Все необходимое я тебѣ устрою еще сегодня. Въ добрый часъ, Мирабо! Какъ жаль, что такимъ образомъ мы теряемъ тебя! Да, я такъ золъ на тебя за это, что готовъ былъ бы вызвать тебя на дуэль.

— Мы съ тобой сходимся сердцемъ, а не порохомъ и свинцомъ,—съ отгѣнкомъ грусти возразилъ Мирабо.—Вмѣстѣ жаждали мы чего-то великаго, и, вѣрь мнѣ, придетъ еще солнышко въ наше окошечко. Моя глупость насъ разлучаетъ, но придетъ буря и она вновь соединитъ насъ. Тогда мы сплотимся крѣпко, Клавьеръ, другъ подлѣ друга!

— Не долго уже ждать,—сказалъ Клавьеръ, болѣе сердечно, чѣмъ обыкновенно, обнимая Мирабо.—Мы будемъ пока дѣятельно работать, а когда ты вернешься, то, какъ вождь и учитель всякаго движенія, встанешь во главѣ. Уже одинъ новый финансовый планъ, составленный мною для Калонна, порадуетъ тебя, надѣюсь.

— Куда же въ вашихъ политическихъ видахъ мѣтите вы теперь?—спросилъ Мирабо, значительно глядя на него.

— Дѣло въ томъ, что мы вручимъ королю записку о составленіи новаго финансоваго плана Калонна,—началь съ горячностью Клавьеръ.—Записка эта есть не болѣе не менѣе, какъ требованіе полной реорганизациі французской монархіи. Могу себѣ представить удивленное лицо добраго Людовика XVI, когда легкомысленный до сихъ поръ кутила Калоннѣ заговоритъ строгою рѣчью Тюрго, Вобана и Нек-

кера. Вся Франція, нынѣ раздѣленная и расщепленная въ своихъ провинціальныхъ и сословныхъ правахъ и преимуществахъ, должна быть преобразована въ единое, безъ всякихъ различій, государство. Вся Франція должна имѣть своихъ народныхъ представителей, сначала хотя бы только съ совѣщательнымъ голосомъ. Поземельная подать не должна быть тягостью однихъ низшихъ сословій, а должна быть распространена безъ исключенія на всякую поземельную собственность короля, дворянъ и духовенства. По всей странѣ пошлина должна быть уменьшена, и цѣна соли понижена. Барщина отмѣняется во Франціи на вѣчныя времена. Всѣ пограничныя подати внутри страны уничтожаются. Тогда лишь появится справедливость и единство во Франціи; всѣ же привилегіи, всякія различія и перегородки падаютъ. Удовлетворяетъ ли это тебя, Мирабо?

— Снимаю шляпу передъ тобой и Калонномъ, скажи такъ и министру!—воскликнулъ Мирабо съ гордою торжественностью.—Выступаете вы, однако, еще весьма мягко, нѣжно обвивая намъ лапу ватой, такъ какъ народное представительство съ однимъ лишь совѣщательнымъ голосомъ есть не что иное, какъ такая вата. Но неправда ли, вы пойдете дальше, и тогда и лапѣ предоставите права? Прежде должно существовать бѣдствіе, Клавьеръ, потому что иначе не можетъ быть спасенія.

— Придетъ въ свое время и бѣдствіе!—возразилъ Клавьеръ.— Но не будемъ слишкомъ разнѣживаться на прощанье. Я еще приду къ тебѣ съ болѣе подробными свѣдѣніями. Будь здоровъ!

Друзья обнялись еще разъ, и Клавьеръ быстро удалился.

— Завтра мы ѣдемъ въ Берлинъ!—воскликнулъ Мирабо къ только что входившей въ дверь госпожѣ Нѣра. Давно уже голосъ его не звучалъ такъ бодро и весело, а морщины печали и смущенія на челѣ, которыя недавно Генріетта напрасно старалась разсѣять, всеѣмъ исчезли.

— Въ Берлинъ?—спросила Генріетта, съ удивленіемъ остановясь въ дверяхъ и съ счастливою улыбочкой глядя на совершившуюся съ ея другомъ перемѣну.

— Въ Берлинъ, да!—съ торжествомъ повторилъ Мирабо.—Приготовь только все. Орда моя, какъ я васъ всегда называю, опять поѣдетъ со мною. Графиню Іеттъ Ли, маленькаго Коко и миссъ Сару—забираю всехъ васъ!

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ III.

I.

Изъ Парижа въ Берлинъ.

Въ послѣднихъ числахъ декабря мѣсяца 1785 года, съ наступленіемъ ночи, дорожная почтовая карета медленно двигалась между Тулемъ и Верденомъ. Обильно падавшій снѣгъ препятствовалъ ей болѣе быстрому движенію и вызывалъ частыя остановки.

Дорога шла по берегу рѣки Маасъ, на крѣпко замерзшей ледяной поверхности которой, дрожа, отражались блѣдные лучи мѣсяца. Съ наступленіемъ полуночи, дорожный экипажъ свернулъ по дорогѣ въ лѣсъ.

Кругомъ царило полнѣйшее безмолвіе, нарушаемое лишь морознымъ трескомъ сучьевъ на деревьяхъ, да неприятнымъ карканіемъ воронъ. Сидѣвшее въ каретѣ общество было погружено въ глубокій сонъ, за исключеніемъ одной только собаки, лежавшей у ногъ своего господина; она, не находя покоя, тихо визжала, чѣмъ постоянно нарушала сонъ молодой дамы, сидѣвшей въ другомъ углу кареты. Наконецъ, дама рѣшилась, какъ видно, не спать болѣе. Заботливо оглядѣвъ своего спавшаго сосѣда, закутаннаго въ большую шубу, и, напротивъ себя, маленькаго мальчика, уснувшаго на колѣняхъ няни, она высунулась въ опущенное окно кареты. Прекрасные глаза ея глядѣли ясно и пристально въ сверкавшій бѣлизною густой лѣсъ, тянувшійся у самой дороги, при чемъ облитыя луннымъ свѣтомъ и дрожавшія инеемъ группы деревьевъ принимали очертанія всевозможныхъ фигуръ.

— Ты, право же, несносна, Сара!—шепнула она, нагибаясь къ собакѣ, опять жалобно, тихо визжавшей.—Тебѣ вѣрно страшно ночью въ замерзшемъ лѣсу? Не чувствуешь ли ты привидѣній, глупая Сара?

При этихъ словахъ, Генриетта сама начала испытывать нѣкоторую робость. Быстрымъ движеніемъ она высунула опять голову въ окно кареты, но въ ту же минуту отдернула ее назадъ, какъ бы ища помощи въ прикосновеніи руки Мирабо, случайно опустившейся на ея колѣни. Видѣ спокойно спавшаго подлѣ нея друга, казалось, вновь расфѣлять ея тревогу.

Она стала опять любоваться ночнымъ зимнимъ ландшафтомъ, окружавшимъ ее, и мысленно начала бранить себя за то, что дала

волю своему воображенію, показавшему ей какія-то видѣнія. Какъ разъ въ эту минуту опять привидѣлось ей, что какія-то темныя фигуры подкрадываются къ каретѣ, то сопровождая ее, то вновь исчезая въ лѣсу, то вдругъ опять приближаясь и заглядывая страшными глазами внутрь кареты.

— Это были древесныя сучья, вотъ какъ этотъ,—подумала Генриетта, отломавъ обледенѣлую вѣтку, всунувшуюся въ окно, и тщательно разсматривая ее съ желаніемъ убѣдиться въ пустой игрѣ своего воображенія. — Однако спать я не буду, чтобы хорошенько наблюдать за всѣмъ,—сказала она себѣ, вновь храбро вглядываясь въ темноту ночи. Она представлялась себѣ въ эту минуту ангеломъ хранителемъ своихъ спутниковъ и въ такомъ сознаніи улыбалась по временамъ Мирабо и маленькому Коко, правильное и непрерывное дыханіе которыхъ одно только нарушало царствовавшее кругомъ безмолвіе. Въ эту минуту раздался пистолетный выстрѣлъ, направленный изъ чащи лѣса въ карету, который, однако, кромѣ напугавшаго треска, не причинилъ никому вреда, такъ какъ пуля вылетѣла въ противоположное окно.

— Мой другъ, мой другъ, въ насъ стрѣляютъ!—съ страшнымъ испугомъ вскрикнула Генриетта, прижимаясь къ Мирабо и съ силою дергая его, чтобы заставить совсѣмъ проснуться. Въ эту самую минуту раздались почти одновременно еще два выстрѣла. Одна пуля попала въ карету, но, пробивъ лишь дверцы, упала на полъ. Движенія Генриетты, дергавшей теперь только вполнѣ проснувшася Мирабо, были, вѣроятно, причиной, что выстрѣлы ни въ кого не попали.

Собака принялась громко лаять, Генриетта жаловалась тихо про себя, а маленькій Коко на колѣняхъ няни разразился громкимъ крикомъ.

Опомнясь немного отъ удивленія, Мирабо принялся осматривать ребенка, чтобы убѣдиться, не раненъ ли онъ. Затѣмъ, обратясь къ своей подругѣ, сказалъ безъ малѣйшаго признака страха:

— Это были не воры и не разбойники. Эти люди не такъ неопытны въ отправленіи своего ремесла. Разбойникъ, желая насъ ограбить, не исчезъ бы послѣ трехъ выстрѣловъ, пущенныхъ въ карету. Онъ бы еще повозился съ нами, чтобы вернуть свои издержки на пули и порохъ. Но эти дилетанты, стрѣляющіе въ карету, а затѣмъ предоставляющіе все дѣло самому себѣ, это — наемные убійцы. Работа ихъ, однако, плохая, и я готовъ идти тысячею противъ одного, что они были наняты женщиной.

— Возможно ли?—съ ужасомъ воскликнула Генриетта, прижимаясь къ Мирабо. — Въ состояніи ли ты защитить и спасти насъ? Ты оставилъ, вѣроятно, въ Парижѣ большихъ и сильныхъ враговъ. Не понимаю только, почему именно дамы велѣли бы стрѣлять въ тебя? Нѣтъ, мой другъ, это твое воображеніе, что онъ еще и этимъ

способомъ тебя преслѣдуютъ. Къ несчастью, имъ вѣдь незачѣмъ прибѣгать къ такимъ средствамъ; ты вовсе не такъ немилостивъ къ нимъ, Мирабо. Вспомни, другъ мой, какъ часто я огорчалась этимъ.

Въ эту минуту, къ удивленію своему, они замѣтили, что ихъ карета повернула обратно и съ невѣроятной быстротой мчалась по тянувшейся полевъ дорогѣ, въ направленіи, казалось имъ, къ тому самому мѣсту, откуда они недавно выѣхали. Мирабо окликнулъ своего слугу, но его на мѣстѣ, на козлахъ, рядомъ съ ямщикомъ, не было.

Ямщикъ заявилъ, что онъ немедленно, ближайшимъ путемъ намѣренъ вернуться на свою почтовую станцію, считая лѣсъ не без-опаснымъ. Слуга же Мирабо, продолжалъ онъ, отъ ужаса и страха убѣжалъ.

Никакія увѣщанія, ни брань со стороны Мирабо не могли измѣнить принятаго возникою рѣшенія; онъ только все сильнѣе погонялъ лошадей, такъ что приходилось бояться, чтобы экипажъ не опрокинулся на плохой дорогѣ.

И ты вправду подозрѣваешь, что женщина могла нанять противъ тебя убійцу?—вновь спросила Генриетта, не думавшая о новой опасности, а о сказанныхъ ей словахъ Мирабо. Пока тотъ, нѣсколько смущенный, медлилъ отвѣтомъ, она тихо прибавила:— Говорятъ, госпожа Калоннъ очень красивая, но и очень злая женщина. Я слышала, что она родомъ итальянка.

— А намъ-то что до этого, дитя мое?—возразилъ Мирабо, смѣясь, но въ то же время жалѣя, что неосторожнымъ словомъ выдалъ себя.

— Я не разъ читала, какъ мстительны итальянки, и какъ онѣ бросаются съ кинжаломъ и ядомъ, если только считаютъ себя оскорбленными кѣмъ либо,—продолжала Генриетта, бояливо придвигаясь къ Мирабо.—Развѣ онѣ не могли тоже велѣть стрѣлять изъ пистолета?

— Нѣтъ, мое сокровище, этого я не думаю,—просто отвѣтилъ Мирабо на этотъ наивный вопросъ и, чтобы заставить ее замолчать, сталъ цѣловать ея уста.—Женщина, нанявшая убійцу для меня,—продолжалъ онъ,—называется случай, преслѣдующій меня во всѣхъ моихъ путешествіяхъ. Было ли хоть одно, гдѣ бы мнѣ не угрожала опасность? Вспомни нашу поѣздку въ Лондонъ, когда мы чуть не погибли почти въ самомъ портѣ?

Хотя это спокойное, полное достоинства объясненіе далеко не вполне удовлетворило Генриетту, однако, мысли ея обратились въ другую сторону, потому что въ эту минуту экипажъ подѣхалъ къ почтовой станціи, гдѣ царствовало уже большое волненіе по поводу случившагося.

Объятый страхомъ слуга Мирабо пустился бѣжать и ранѣе возвратившейся кареты прибылъ на станцію, гдѣ поднялъ всѣхъ на ноги своими страшными рассказами. Теперь стоялъ онъ у дверецъ кареты, помогая графу Мирабо выйти изъ нея.

Мирабо тотчасъ же сталъ громко звать почтмейстера, и какъ только тотъ нерѣшительно и въ страхѣ появился, то услышалъ громовое повелѣніе дать другого ямщика или же приказать этому, повернувшему обратно противъ воли путниковъ, немедленно продолжать путь.

Ямщикъ смѣло заявилъ, что онъ не поѣдетъ вновь по той же дорогѣ, потому что лѣсъ полонъ разбойниками и убійцами, и онъ не можетъ рисковать своею жизнью и своими лошадьми. Напрасно убѣждали его, что нельзя опасаться новаго нападенія, потому что разбойники должны же предположить, что тѣмъ временемъ о нихъ оповѣстили, человѣкъ стоялъ на своемъ; почтмейстеръ же заявилъ, что, во всякомъ случаѣ, продолжать путь безъ риска можно лишь черезъ нѣсколько часовъ, въ виду поврежденныхъ, при послѣдней быстрой ѣздѣ, колесъ экипажа.

Мирабо пришлось согласиться на такую задержку, хотя и съ взрывами гнѣва. Няня съ Коко была введена въ комнату почтовой станціи, гдѣ едва мѣстилось еще нѣсколько лицъ, а потому Мирабо и Генриетта предпочли оставаться на воздухѣ, несмотря на рѣзкій ночной холодъ. Темное небо было усѣяно мириадами сверкавшихъ, точно огненные искры, звѣздъ. Генриетта мечтательно глядѣла въ безконечную высь, ближе прижимаясь къ Мирабо, набросившему на плечи нѣжной подруги часть своей великолѣпной шубы. Генриетта стала сильно каплять. Утомленіе пути, предпринятаго Мирабо съ такою поспѣшностью, отзывалось на ея пошатнувшемся съ нѣкоторыхъ поръ здоровьи.

— Скажи мнѣ, Мирабо,—начала она послѣ минутнаго молчанія,—отчего ты такъ страшно слѣшишь съ этимъ путешествіемъ? Для себя я не жалуясь, потому что минута, подобная настоящей, когда я съ тобою вдвоемъ, подъ чуднымъ звѣзднымъ небомъ, вдали отъ цѣлаго міра, вознаграждаетъ меня за всѣ приключенія и весь мой страхъ. Но холодъ силенъ, и я боюсь, какъ бы маленькій Коко серьезно не пострадалъ отъ ночного путешествія.

— Онъ уже четырехлѣтній молодой человѣкъ,—возразилъ Мирабо, шутя,—и долженъ со временемъ стать дѣльнымъ мужемъ, а для этого нужно смолоду привыкать къ разнымъ невгодамъ. Впрочемъ, думаю, все обойдется благополучно; онъ хорошо закутанъ, и няня, провансальская крестьянка, не спускающая его съ рукъ, согрѣваетъ его своимъ полнымъ жизни дыханіемъ. Слѣшу же я такъ потому,—прибавилъ онъ, помолчавъ и вперяя взоръ на двигающіяся надъ его головой звѣзды,—что великіе люди ходятъ на эти небесныя свѣтила. Вотъ мы видимъ ихъ и повергаемся во прахъ передъ ихъ сіяніемъ. А въ эту же минуту онъ двигаются надъ нами во всемъ своемъ великолѣпіи, и не успѣемъ мы опомниться, какъ уже онъ исчезаютъ для нашего взора.

Генриетта вопросительно смотрѣла на него.

— Ты смотришь на меня съ удивленіемъ,—продолжалъ онъ,— не подозрѣвая, что я говорю о могущественномъ сѣверномъ королѣ, въ столицу котораго мы ѣдемъ. Этотъ король—Фридрихъ Великій, о которомъ въ Парижѣ, при нашемъ отъѣздѣ уже, думали, что онъ при смерти, и что его часы сочтены. Мы спѣшимъ, потому что для меня важно застать его еще въ живыхъ. Лицезрѣніе великихъ людей приноситъ счастье. Положеніе Европы должно измѣниться, какъ только закроются глаза Фридриха. Намъ важно знать, каково положеніе Франціи,—вотъ почему мы такъ спѣшимъ въ Берлинъ. Наше правительство не можетъ довѣриться своему тамошнему посланнику—безпомощному глупцу. Дѣло не только въ томъ, чтобы немедленно выслать въ Парижъ курьера съ извѣстіемъ о смерти Фридриха Великаго, но чтобы извѣстіе это сопровождалось вѣрными свѣдѣніями о положеніи вещей въ Пруссіи и Германіи. Вотъ почему, мое сокровище, мы летимъ въ Берлинъ точно въ сказкахъ, сквозь холодъ и опасности!

Генриетта хотѣла благоговѣнно поцѣловать его руку, но онъ нѣжно обнялъ ее.

Дорожный экипажъ былъ исправленъ и въ виду начинавшагося разсвѣта, а также щедрого обѣщанія «на водку», сомнѣнія ямщика тоже разсѣялись.

Путь лежалъ черезъ Нанси, Франкфуртъ на Майнѣ и Лейпцигъ въ Берлинъ, куда графъ Мирабо благополучно прибылъ со своей «ордой» въ одинъ прекрасный январскій день новаго 1786 года.

II.

Посѣщеніе графомъ Мирабо Фридриха Великаго.

Остановясь временно въ «Ville de Paris», одной изъ лучшихъ гостиницъ Берлина, Мирабо, не теряя ни минуты, рѣшился просить аудіенціи у Фридриха Великаго.

Подойдя къ письменному столу, онъ набросалъ на лежавшемъ на немъ листѣ почтовой бумаги слѣдующія строки:

«Государь,

«Это, конечно, слишкомъ большая дерзость осмѣливаться просить аудіенціи у вашего величества, когда не имѣешь возможности говорить о вещахъ, могущихъ представить особый интересъ. Но если вы простите французу, нашедшему со дня своего рожденія мѣръ наполненнымъ вашимъ именемъ, его желаніе узрѣть ближе, чѣмъ обыкновенно видятъ королей, величайшаго мужа настоящаго и еще

многихъ столѣтій, то благоволите оказать милость, дозволивъ мнѣ прибыть въ Потсдамъ, для выраженія вамъ моего благоговѣннiя.

«Съ глубочайшимъ почтенiемъ, государь, остаюсь вашего величества преданнѣйшимъ и всепокорнѣйшимъ слугою.

«Графъ де Мирабо» ¹⁾).

Прочтя письмо Генриеттѣ, нашедшей его легкiя по слогу и гордыя выраженiя достойными графа Мирабо, онъ запечаталъ конвертъ и, позвонивъ кельнера, приказалъ доставить ему вѣрнаго человѣка, съ которымъ бы онъ могъ послать письмо королю въ Sans-Souci.

Лицо такое нашлось тутъ же въ гостиницѣ. Письмо было отослано и принято въ Sans-Souci самымъ благосклоннымъ образомъ. На слѣдующiй день Мирабо получилъ отвѣтъ короля. Въ собственноручномъ любезномъ письмѣ король назначалъ Мирабо одинъ изъ ближайшихъ дней, въ который желалъ бы принять его въ Sans-Souci ²⁾).

Въ величайшемъ нетерпѣнiи, едва ли когда имъ испытанномъ, провелъ Мирабо время до назначеннаго ему дня. Всѣ другiе визиты въ Берлинъ были имъ отложены до возвращенiя изъ Потсдама. Одному только министру Герцбергу онъ передалъ свое рекомендательное письмо и въ тотъ же день былъ принять этимъ высокопросвѣщеннымъ государственнымъ человѣкомъ съ простою, почти патрiархальною любезностью.

Наконецъ, насталь столь пламенно желанный день, когда Мирабо долженъ былъ предстать предъ лицомъ Фридриха Великаго, слышать его голосъ, быть въ его близости.

Генриетта, всегда помогавшая ему при туалетѣ, хотѣла сегодня отнестись къ этому съ особымъ старанiемъ, но Мирабо настоялъ на самой обыкновенной и простой одеждѣ, въ которой онъ появлялся всегда и въ высшемъ парижскомъ обществѣ. Это былъ англiйскаго покроя черный фракъ, усвоенный имъ въ послѣднее время, безъ малѣйшаго украшенiя изъ золота, серебра или кружевъ, чулки и башмаки. Однако Генриеттѣ удалось убѣдить его, для пополненiя праздничнаго костюма, надѣть слегка завитой и напудренный парикъ съ висѣвшимъ позади мѣшкомъ волосъ, въ послѣднее время лишь изрѣдка и въ особыхъ случаяхъ надѣвавшiйся имъ въ Парижѣ. Прелестная плутовка доказывала, что не можетъ же онъ явиться предъ королею, какъ сорванецъ съ развѣвающейся гривой, а долженъ имѣть видъ почтеннаго и приличнаго человѣка, хотя бы онъ и не былъ имъ на самомъ дѣлѣ.

¹⁾ Слово въ слово по подлиннику. Oeuvres de Frédéric le Grand, XXV, 323.

²⁾ Oeuvres de Frédéric le Grand, XXV, 323.

Мирабо добродушно согласился на ея просьбу, замѣтивъ, однако, что именно передъ королемъ и нужно было бы ему показаться съ своей свободной гривой. Удовлетворенная его куафюрой, Генриетта повѣсила ему на шею неразлучный съ нимъ лорнетъ, которымъ, если онъ его не держалъ передъ глазами, то, при своей живости, постоянно игралъ и вертѣлъ имъ, такъ что лорнетъ составлялъ неотъемлемую часть его туалета и манеръ ¹⁾).

Почтовая карета ждала уже внизу. Генриетта проводила до нея своего друга, и онъ пустился въ путь такъ быстро, какъ только позволяла плохая дорога изъ Берлина въ Потсдамъ, и прибылъ къ замку Sals-Souci какъ разъ къ назначенному королемъ часу.

Мирабо немедленно вошелъ въ замокъ, у воротъ котораго нашелъ одного единственнаго часоваго, что произвело на него мало торжественное впечатлѣніе, какъ будто онъ пріѣхалъ не къ королю, а къ какому нибудь полковнику или капитану прусской арміи.

Спросивъ генераль-майора, графа фонъ-Герца, какъ было ему указано въ письмѣ короля, Мирабо былъ проведенъ часовымъ черезъ пустой и совершенно безмолвный коридоръ въ большую залу, гдѣ одинъ лишь прусскій офицеръ усердно грѣлся передъ пылающимъ каминомъ.

При входѣ Мирабо, офицеръ всталъ и, пристально всматриваясь въ него, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ ему на встрѣчу, по-военному отвѣчая на легкій поклонъ вошедшаго. На вопросъ Мирабо о графѣ Герцѣ, онъ съ величайшею любезностью заявилъ, что онъ и есть передъ нимъ; когда же и Мирабо отрекомендовался обычными словами привѣтствія, графъ Герцъ прибавилъ, что онъ немедленно будетъ имѣть честь доложить королю о прибытіи графа Мирабо, вслѣдъ зачѣмъ исчезъ, войдя въ самую крайнюю дверь залы. Выслушавъ, по его возвращеніи, что король не болѣе какъ черезъ четверть часа покажется тамъ, въ дверяхъ своего кабинета, Мирабо обратился къ графу Герцу съ вопросомъ, получилъ ли онъ высланный ему вчера, по почтѣ, пакетъ съ книгами, и не вручилъ ли онъ его уже его величеству.

Давъ утвердительный отвѣтъ, графъ Герцъ любезно прибавилъ, что король благосклонно поручилъ ему изъявить за это графу Мирабо свою благодарность. При этомъ король заявилъ, что ему чрезвычайно интересно знать, какой счастливый случай могъ занести въ Берлинъ такого путешественника, какъ графъ Мирабо ²⁾).

По прошествіи четверти часа, открылась дверь изъ примыкавшаго къ залѣ кабинета, и въ ней на минуту показался король. Мирабо едва замѣтилъ сдѣланный имъ легкій знакъ рукой, но графъ Герцъ

¹⁾ Рагель. Воспоминанія, II, 65. Рагель описываетъ Мирабо такимъ, какимъ она видѣла его тогда въ Берлинѣ.

²⁾ Oeuvres de Frédéric le Grand, XXV, 324

тихо объяснилъ ему, что это есть повелѣніе войти къ его величеству и, взявъ Мирабо за руку, ввелъ его въ кабинетъ.

Обычная увѣренность и нѣкоторое легкомысліе, съ которыми Мирабо повсюду являлся, почти оставили его въ ту минуту, когда онъ очутился въ непосредственной близости великаго монарха, бросившаго на него молніеносный, испытующій взглядъ, а затѣмъ отвѣтившаго на дѣйствительно полный благоговѣнія поклонъ Мирабо медленнымъ, дружелюбнымъ наклоненіемъ головы.

Маленькая, согнутая, съ трудомъ, дрожащими руками опирающаяся на палку фигура Фридриха поразила Мирабо. Смущенный въ первую минуту тѣмъ, что долженъ смотрѣть сверху внизъ на поникшую отъ старости и болѣзни голову монарха, онъ мысленно представилъ себѣ всю славу міра, почившую на этой головѣ, и казалось ему, что смотрѣть на нее онъ можетъ только снизу вверхъ.

Едва они вошли, король кивнулъ сопутствовавшему Мирабо графу Герцу, чтобы тотъ оставилъ ихъ однихъ, что, какъ Мирабо узналъ въ приемной, дѣлалось королемъ для тѣхъ, кого онъ хотѣлъ отличить. Это ободрило Мирабо, которому теперь, съ просвѣчивающей въ голубыхъ глазахъ улыбкой, король указалъ на середину комнаты, гдѣ тотчасъ же, съ легкимъ вздохомъ, опустился въ стоявшее у камина кресло, указавъ Мирабо на стоявшій напротивъ табуретъ.

— Ваше посѣщеніе, графъ, застаётъ меня въ борьбѣ съ злой болѣзью,— началъ король голосомъ, здоровый и полный звукъ котораго составлялъ разительную противоположность съ его видомъ.— Но противостоятъ привѣту изъ прекрасной Франціи не такъ-то легко, даже когда едва можешь насладиться имъ. Вы привезли мнѣ прекрасныя книги изъ Парижа, благодарю васъ. Мой другъ, маркизъ Кондорсе, прислалъ мнѣ замѣчательныя вещи, недостаетъ только его жизнеописанія Вольтера, которымъ я, понятно, сильно интересуюсь. Недавно еще писалъ онъ мнѣ, что трудъ этотъ оконченъ, а между тѣмъ не прислалъ его. Не знаете ли?... Тутъ сильный кашель прервалъ слова короля, начатыя такимъ увѣреннымъ тономъ, а закончившіяся едва внятнымъ звуками.

Мирабо пришлось, для отвѣта, переждать приступъ кашля короля, и онъ воспользовался этими минутами, чтобы осмотрѣться кругомъ себя.

Въ маленькомъ кабинетѣ, гдѣ онъ находился, все было такъ просто, безъ малѣйшей пышности, какъ еслибъ Мирабо сидѣлъ въ рабочей комнатѣ одного изъ своихъ друзей литераторовъ въ Парижѣ. Плотнo уставленные ряды книгъ по стѣнамъ замѣняли мебель. Маленькій письменный столъ былъ заваленъ бумагами и книгами; единственнымъ же украшеніемъ на мраморномъ выступѣ камина были золотыя часы, нарушавшіе тишину равномерно двигавшимся маятникомъ.

Быстро осмотрѣвъ комнату, Мирабо перевелъ было глаза на болѣе чѣмъ скромный костюмъ короля, когда почувствовалъ на себѣ

его пронизательный взглядъ, полный въ одно время доброты и злости, благосклонной мягкости и ѣдкой ироніи.

Король ждалъ теперь, повидимому, его отвѣта, и Мирабо проговорилъ, благоговѣнно склоняясь, чего не дѣлалъ еще ни передъ кѣмъ:

— Государь, я счастливъ, что вашею милостію я приравненъ къ моимъ великимъ соотечественникамъ, которые должны были бы сидѣть здѣсь, у ногъ вашего величества, и слышать вашъ голосъ, и что я, овладѣвъ ихъ правомъ, осмѣливаюсь говорить съ вами. Да, Кондорсэ кончилъ свою «Жизнь Вольтера», но книга еще печатается въ Женевѣ, гдѣ встрѣтились, къ тому же, нѣкоторые препятствія.

За этимъ послѣдовали воспоминанія о Вольтерѣ, при чемъ у Фридриха слышались любовь и ненависть, восхищеніе и злая насмѣшка.

— А какая собственно цѣль вашего пребыванія въ моихъ владѣніяхъ, господинъ графъ?—спросилъ наконецъ король, мѣняя предметъ разговора.

— Государь,—отвѣтилъ съ живостью Мирабо,—цѣль моя достигнута уже восхищеніемъ, которое возбуждается при видѣ состоянія владѣній вашего величества. Кромѣ того, я хотѣлъ встрѣтиться здѣсь съ моимъ братомъ, маркизомъ Мирабо, желавшимъ испросить разрѣшенія вашего величества для присутствованія на маневрахъ въ Берлинѣ. Во Франціи, къ тому же, я испортилъ свои личныя отношенія, несмотря на то, что оказалъ большія услуги министерству финансовъ. Нашъ министръ финансовъ, господинъ Калоннъ, возненавидѣлъ меня за то, что я не пожелалъ впутаться въ его займы и защищать его операцію перечеканки луидоровъ. Вотъ я и рѣшился покинуть Францію до тѣхъ поръ, пока я ей не понадобится, и она вновь не призоветъ меня. Быть можетъ, такое ожиданіе и безумно, но оно вытекаетъ изъ всего моего положенія. Теперь я вынужденъ опираться на мою умственную дѣятельность и мой слабый талантъ, пока мой отецъ живъ, такъ какъ только послѣ его смерти буду обладать большимъ фамиліальнымъ достояніемъ. Вотъ причины, государь, по которымъ я принялъ бы съ благодарностью подходящее положеніе въ чужихъ краяхъ. Я хотѣлъ было уже отправиться въ Россію, чтобы этой неразвитой и дикой странѣ посвятить свои свѣжія силы и услуги. Но я еще лелѣю надежду, что могу быть полезнымъ вашему величеству. Это было всегда моею любимой мечтой и предметомъ моего честолюбія; до сихъ поръ, однако, бурная молодость и горькая участь моей родины не допустили осуществиться этому чудному плану¹⁾.

¹⁾ Доводы эти о мнимой цѣли его пребыванія въ Пруссіи приведены Мирабо въ его письмѣ къ Фридриху Великому (Берлинъ, 26 января, 1786).—Oeuvres de Frédéric le Grand. XXV, 325.

Съ величайшимъ спокойствіемъ и вниманіемъ король слушалъ его и, помолчавъ еще нѣкоторое время по окончаніи рѣчи Мирабо, сказалъ, пронизывая его блескомъ своихъ глазъ:—Возможно, графъ, что въ Россіи вы имѣли бы успѣхъ, и я серьезно совѣтую вамъ туда направиться. Моя добрая и прекрасная кузина, императрица Екатерина II, безъ сомнѣнія, оцѣнитъ ваши заслуги и талантъ. Я не хочу больше лишать ее ни одного француза. Довольно она уже сердилась на меня, что Вольтеръ принадлежалъ ей не весь, а отдавалъ кое-что своему старому другу, королю прусскому. Если же она узнаетъ, что я отговорилъ еще и графа Мирабо ѣхать въ Петербургъ, то моя жизнь можетъ быть въ опасности. Во всѣхъ отношеніяхъ вы мнѣ кажетесь подходящимъ для царицы, господинъ графъ, и сдѣлаете тамъ карьеру. Придется вамъ только хорошенько запрятать вашъ образъ мыслей, не такъ ли?

Графъ Мирабо сталъ весь дрожать, какъ это случилось съ нимъ, когда онъ думалъ, что не сумѣетъ сдерживать свои страсти. Видно было, что онъ велъ сильную внутреннюю борьбу, въ которой, наконецъ, одержанная побѣда отразилась на его просіявшемъ лицѣ, и онъ, повидимому, простодушно произнесъ:

— Что такое образъ мыслей, государь? И развѣ Россія сдѣлала что либо худшее, чѣмъ другія государства? Я, напримѣръ, искренній другъ поляковъ и люблю этотъ несчастный народъ всѣмъ сердцемъ. Но я далекъ отъ того, чтобы въ раздробленіи и раздѣлѣ Польши винить одну Россію. Бываютъ событія въ исторіи, которыя являются дѣйствиемъ всѣхъ, а не кого либо въ отдѣльности...

Король, наморщивъ лобъ, серьезно и задумчиво глядѣлъ передъ собой. Грудь его стала тяжело дышать, и Мирабо почти раскаивался, что заговорилъ о Польшѣ. Но черезъ нѣсколько минутъ лицо его вновь прояснилось, и, придавая разговору шутливый тонъ, король сказалъ:—Еслибъ Польша состояла только изъ полекъ, то государство было бы прочно и сильно. Тамъ однѣ только женщины обладаютъ удивительною силою характера; въ сущности, онѣ—мужчины въ этомъ краѣ¹⁾.

Однако, утомленіе сказывалось все сильнѣе, голосъ короля слабѣлъ и, наконецъ, умолкъ. Мирабо, въ испугѣ, вскочилъ и приблизился къ креслу короля. Фридрихъ задремалъ, какъ это часто случилось съ нимъ теперь.

Мирабо тихо, съ величайшей осторожностью, чтобы не разбудить короля, выскользнулъ изъ кабинета. Притворяя за собой дверь, онъ еще разъ посмотрѣлъ на безсильную, согнутую фигуру великаго монарха и, потрясенный при мысли, что этотъ маленькій комокъ, скорченный тамъ, на креслѣ, такъ тяжело и болѣзненно ды-

¹⁾ Собственные слова Фридриха Великаго. См. Ségur. Mémoires II, 136.

шавшій, назывался Фридрихомъ Великимъ, робко, съ тяжелымъ чувствомъ вышелъ оттуда.

Въ аванзалѣ онъ быстро сообщилъ графу Герцу о происшедшемъ въ кабинетѣ короля, что, какъ заявилъ графъ, было обыкновеннымъ и, къ сожалѣнію, неблагопріятнымъ явленіемъ.

Мирабо вздохнулъ свободнѣе, лишь очутясь на улицѣ, на свѣжемъ воздухѣ, и сѣвъ въ ожидавшій его у воротъ замка экипажъ.

Погоняя кучера, онъ проѣхалъ обратно до Берлина такъ скоро, какъ только позволяла быстрота лошадей и состояніе дороги.

III.

Смерть Фридриха Великаго.

Уже нѣсколько времени, какъ графъ Мирабо устроился болѣе по-домашнему въ Берлинѣ, занявъ вмѣсто комнаты въ *Ville de Paris* большую квартиру «подъ Липами». Онъ завелъ прекрасный экипажъ и лошадей, необходимые, говорилъ онъ Генриеттѣ, при его многочисленныхъ связяхъ въ Берлинѣ, для поддержанія его положенія. Штатъ прислуги былъ увеличенъ, и два секретаря ежедневно работали для него надъ всевозможными выписками, извлеченіями и перепиской.

Самъ онъ тоже работалъ день и ночь, что причиняло немало заботъ о его здоровьи нѣжной Генриеттѣ.

Курьеры съ депешами или подробными донесеніями безпрестанно отправлялись графомъ Мирабо въ Парижъ. Онъ зорко слѣдилъ за всѣмъ происходившимъ при дворѣ и въ берлинскомъ обществѣ и возлагалъ большія надежды на то, что оказываемыя имъ теперь услуги будутъ по достоинству оцѣнены въ Парижѣ и доставятъ ему, наконецъ, подобающее положеніе.

Въ скоромъ времени нѣкоторыя политическія событія вызвали его личную поѣздку въ Парижъ, откуда, послѣ кратковременнаго пребыванія, онъ вновь вернулся въ Берлинъ къ оставленнымъ имъ Генриеттѣ и Коко. Отсюда ѣздилъ онъ ко дворамъ Брауншвейгскому и Дрезденскому, усердно слѣдя за всѣмъ, что совершалось въ напряженномъ политическомъ мірѣ въ ожиданіи приближающагося великаго событія.

Наступила уже середина лѣта 1786 года, и борьба Фридриха Великаго со смертью, борьба, къ которой прислушивались всѣ европейскіе кабинеты, продолжалась уже пять мѣсяцевъ безъ ожидаемой развязки. Въ началѣ августа стали даже распространяться слухи объ улучшеніи, и самъ король, казалось, съ болѣею надеждой цѣплялся за мысль о выздоровленіи. Такъ, лейбъ-медикъ его, докторъ Фрезе, впалъ почти въ немилость за то, что, спро-

шенный на совѣсть о свойствѣ болѣзни, осмѣлился выговорить раздосадовавшее короля страшное слово: водяная.

Съ другой же стороны, тѣмъ съ большею увѣренностью, каждый день и каждый часъ ожидалась кончина короля Фридриха. 17-го августа, ночью, какое то особенное предчувствіе заставило Мирабо велѣть осѣдлать себѣ самую лучшую и крѣпкую лошадь, чтобы отправиться въ Потсдамъ за полученіемъ вѣрныхъ извѣстій. Уже нѣсколько недѣль, какъ его верховыя лошади стояли въ конюшнѣхъ подъ сѣдломъ, чтобы, въ случаѣ чего, немедленно воспользоваться ими и у одра великаго умирающаго получить для своего правительства вѣрныя свѣдѣнія. Онъ придавалъ величайшее значеніе тому, чтобы донести объ этой кончинѣ французскому правительству такъ скоро и точно, какъ только возможно, и, во всякомъ случаѣ, быть первымъ донесшимъ объ этомъ въ Парижъ ¹⁾.

Въ ту минуту, когда Мирабо, выйдя изъ дому, хотѣлъ сѣсть на лошадь, онъ увидалъ спѣшившаго къ нему одного изъ своихъ друзей, съ которымъ въ послѣднее время въ Берлинѣ особенно близко сошелся. Это былъ Нольде, молодой курляндецъ, жившій уже нѣсколько мѣсяцевъ въ Берлинѣ и который такъ искренно и нѣжно привязался къ Мирабо, что ежедневныя дружескія отношенія между ними существовали не только въ обществѣ, но и въ домашнемъ кругу Мирабо.

Нольде, въ которомъ было нѣчто сердечное и дѣтское, сдѣлался товарищемъ игръ маленькаго Коко и предупредительнымъ другомъ госпожи Нэра, такъ что, причисленный къ тому, что графъ Мирабо съ такой дружеской симпатіей называлъ своей «ордой», онъ сдѣлался нераздѣльнымъ членомъ этой странствующей семьи, а также любезнымъ исполнителемъ выпадавшихъ на его долю порученій. Мирабо привязалъ къ себѣ Нольде еще тѣмъ, что помогать ему совѣтами въ его недоразумѣніяхъ съ семьей, принадлежавшей къ одной изъ лучшихъ фамилій Курляндіи. Семья требовала его возвращенія въ Курляндію, гдѣ готовила ему блестящее положеніе, а Нольде, ненавидя Россію и любя Францію, уклонился отъ этого, надѣясь черезъ Мирабо попасть во Францію и предложить французскому правительству свои услуги.

И теперь, желая быть полезнымъ Мирабо, онъ ежедневно доставлялъ ему, благодаря своей подвижности и обширнымъ знакомствамъ въ дипломатическомъ кругу, необходимыя свѣдѣнія изъ *Sans-Souci*. Въ эту минуту, несмотря на полночный часъ, онъ, едва переводя духъ, поспѣшилъ прійти сообщить Мирабо, что саксонскій посланникъ отправилъ только что курьера въ Дрезденъ для донесенія своему двору о почти уже послѣдовавшей кончинѣ короля.

¹⁾ Mirabeau, Histoire secrète de la cour de Berlin. 1789, I, 56.

Мирабо былъ пораженъ и задумался, положивъ руку на шею лошади, нетерпѣливо рывшей копытомъ землю.

— И мы могли бы дѣйствовать подобнымъ же образомъ,—сказалъ онъ, наконецъ.—Пока мой курьеръ прискакалъ бы въ Парижъ, борьба короля со смертью, безъ сомнѣнія, окончилась бы уже. Будь я настоящимъ французскимъ посланникомъ въ Берлинъ, я бы, конечно, такъ и сдѣлалъ. Но въ моемъ положеніи я долженъ быть особенно осторожнымъ и скромнымъ и не могу такъ легко бросать въ окно деньги на курьера. Однако, мысль объ этой смерти не дастъ мнѣ покоя ночью, и я не въ силахъ оставаться дома. Ёду въ Sals-Souci, и если вы хотите порадовать меня, баронъ Нольде, то также возьмете лошадь и поѣдете со мною.

Нольде съ радостью согласился, и оба друга, бесѣдуя, ждали на улицѣ, пока изъ конюшни Мирабо была подана барону осѣдланная лошадь.

Всадники неслись быстро, перебрасываясь лишь отрывочными, случайными замѣчаніями.

— Что король въ величайшей опасности,—сказалъ Мирабо,—это я узналъ уже сегодня утромъ отъ моихъ голубей, отлично мнѣ служащихъ. Какая счастливая мысль была у васъ, Нольде, устроить мнѣ эту голубиную почту между Берлиномъ и Потсдамомъ, потому что какъ только наступитъ катастрофа, Потсдамъ, вѣроятно, запрутъ, и дельза было бы тотчасъ же выслать оттуда гонца. Сегодня мои голуби прилетѣли съ запиской отъ нашего потсдамскаго корреспондента: «наступила сильная лихорадка и опухоль». Боюсь, однако, что мы приѣдемъ слишкомъ поздно и не будемъ пропущены въ Потсдамъ. Мнѣ говорили, что какъ только наступитъ кончина монарха, мосты потсдамскіе будутъ подняты.

Въ эту минуту, подѣхавъ къ одному селенію, они были поражены необычнымъ оживленіемъ передъ гостиницей. Стонущая, при послѣднемъ издыханіи, лошадь лежала передъ дверью, а соскочившій съ нея всадникъ, тяжело дыша, сильнымъ стукомъ въ двери и окно старался вызвать хозяина. Когда онъ успѣлъ въ этомъ, слышалось, именемъ короля, требованіе немедленно доставить ему лошадь, на которой онъ могъ бы продолжать путь въ Берлинъ.

Мирабо и Нольде встали съ коней и подошли къ этому чело-вѣку, курьеру изъ Потсдама, чтобы узнать отъ него болѣе подробныя свѣдѣнія. Тотъ сказалъ имъ, что со вчерашняго полудня король находится въ безсознательной дремотѣ, что кругомъ него царитъ смятеніе и страхъ, и что онъ посланъ въ Берлинъ еще за докторами, да вотъ лошадь пала подъ нимъ. Жители сосѣднихъ съ гостиницей домовъ тоже вышли на улицу и, слыша слова гонца, стали каждый наперерывъ предлагать свою лошадь, какъ наилучшую.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ Магазиновъ, Новаго Времени'

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ЮНѢ 1899 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 6-й.

I. Богословіе.

Архангельскій, Н. свящ. Иннокентій, архіепископъ херсонскій, какъ учитель христіанской нравственности. Казань. 1899 г. Цѣна 30 коп.

Евгеній (Аквилоновъ). О Спасителѣ и о спасеніи. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Папковъ, А. А. Подожженіе православія и русской народности въ Литвѣ до XVII вѣка. Свято-Троицкая Сергіева лавра 1899. Ц. 30 к.

Преображенскій, Василій. Святые учителя вѣры и благочестія (Душеспасительныя чтенія на каждый день года. Февраль). М. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.

Сперанскій, М. Изъ исторіи отреченныхъ книгъ. I. Гаданіе по Псалтири. II. Трепетники. Спб. 1899 г. Ц. I тома 1 р. 75 коп. II. 75 коп.

Темномѣровъ, Аполлонъ, свящ. Ученіе Священнаго Писанія о смерти, загробной жизни и воскресеніи изъ мертвыхъ. Дагматико-экзегетическое изслѣдованіе, Спб. 1899 г. Ц. 2 рубл.

Шинини, свящ. Почему я отпалъ отъ Римской церкви? Переводъ К. О. де-Скροховскаго. Спб. 1899. Ц. 35 к.

II. Философія, психологія, логика.

Андреевъ. Страхъ (По Дескюэ и др.) Спб. 1899 г. Ц. 10 к.

Астафьевъ, М. О духѣ времени. Этюдъ. Спб. 1899 г. Ц. 25 к.

Битнеръ, В. Вѣрить или не вѣрить? Экскурсія въ области таинственнаго. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гельмгольцъ, Г. Взаимодѣйствіе силъ природы. Переводъ съ нѣмецкаго. М. 1899 г. Ц. 25 к.

Леббонъ, Джонъ. Радости жизни. Перев. съ англійскаго. Изд. 3-е. Спб. 1899 г. Ц. 90 к.

Нордау, Мансъ. Искусство пользоваться успѣхомъ въ жизни. Спб. 1899 г. Ц. 40 к.

Побѣдинскій, Н. Г., свящ. Религіозно-нравственныя идеи и типы въ произведеніяхъ Ф. М. Достоевскаго, М. 1899 г. Ц. 30 к.

Спенсеръ, Гербертъ. Многомужество и многоженство. Перев. съ англійскаго. Спб. 1899. Ц. 35 к.

— Развитие половыхъ отношеній. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Тихомировъ, П. В. Вѣчный миръ въ философскомъ проектѣ Канта. Сергіевъ посадъ. 1899 г. Ц. 35 к.

III. Ботаника, зоологія, минералогія и геологія.

Бернось, П. и Ингениций И. Окунь и щука. (Практическая зоотомія. Вып. III). Спб. 1898. Ц. 40 коп.

Варлихъ, В. И. Русскія лекарственныя растенія. Атласъ и ботаническое описаніе, съ указаніями на врачебное примѣненіе, дѣйствіе, собирааніе и культуру этихъ растеній. Выпускъ 2-й. Подп. ц. на 5 вып. 9 руб.

Геннелъ, П. Натуралістъ подъ тропиками. Извлеченіе изъ Indische Reisebriefe. М. 1899 г. Ц. 60 к.

Гетчинсонъ. Вымершія чудовища. Вып. 4-й и 5-й. М. 1899 г. Ц. 40 к.

Иностранцевъ, А. А. Геологія. Общій курсъ. Томъ I. Современныя геологическія явленія, петрографія и стратиграфія. Изд. 3-е. Спб. 1899 г. Ц. 4 р. 50 к.

* Майгородовъ, Дм. Изъ зеленаго царства. Популярныя очерки изъ міра растеній. Съ хромолитографіей и многими рисунками. Изданіе 4-е, рекомендованное ученымъ комитетомъ мин. нар. просвѣщ. для всѣхъ

учебн. завед. министерства и для бесплатныхъ читателейъ. Спб. 1899 г. Ц. 2 р. 60 к.

— Кукушка. Спб. 1899 г. Ц. 5 к.

— Дерево и его жизнь. Спб. 1899. Ц. 6 к.

— *Наши зимніе пернатые гости. (Со многими рисунками). Чтеніе для народа. Спб. 1899 г. Ц. 20 к.

Лампертъ, К., проф. Жизнь прѣсныхъ водъ. Животныя и растенія прѣсныхъ водъ, ихъ жизнь, распространеніе и значеніе для человѣка. Переводъ съ нѣмецкаго Вып. III. Подп. цѣна на все сочин. въ 10 вып. 6 р.

Мушкетовъ И. В., проф. Физическая геология. Томъ I. Общія свойства и составъ земли. Тектоническіе процессы. Изд. 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 6 р.

Отдѣленіе пчеловодства. Доклады и протоколы засѣданій. Подъ редакціей Н. А. Кабулова и В. А. Иогоржельскаго. (Труды Императ. Русск. общ. Акклиматизаціи животн. и растеній. Томъ VI в. II.). М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Холодковскій, Н. А. и Силантьевъ А. А. Птицы Европы. Практическая орнитологія съ атласомъ европейскихъ птицъ. Вып. 2-й Подп. цѣна за весь 10 выпускъ 14 р.

Шмальгаузенъ, Ив., проф. Краткій учебникъ ботаники для студентовъ медицины и начинающихъ натуралистовъ. Съ 298 рисунками въ текстѣ. Изд. 2-е. Кіевъ 1899 г. Ц. 2 р.

IV. Физика, химія, математика, астрономія, и метеорологія.

Бахчисарайцевъ, Георгій. Коммерческая ариметика и вычисленіе торговыхъ операцій въ связи съ необходимыми статьями изъ теоретической ариметики. Элементарный курсъ. М. 1899 г. Ц. 70 к.

Гельмгольцъ, Г. Фарадеевская рѣчь. Современное развитіе Фарадеевыхъ возрѣній на электричество. Спб. 1899 г. Ц. 30 коп.

Корольковъ, А. Л., проф. Лекціи по электротехникѣ. Спб. 1899 г. Ц. 2 р. 50 к.

Мэррь, Р. Телеграфъ безъ проводовъ. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1899 г. Ц. 60 к.

Лунскій, Н. С. Коммерческая ариметика

для среднихъ коммерческихъ училищъ. Изд. 2-е. Одесса 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.

Столяровъ, Н. А. Преобразование ультраэллиптическихъ квадратуръ. Кіевъ 1899 г. Ц. 20 к.

Указатель дней падающихъ звѣздъ и болидовъ. Полтава. 1899 г. Ц. 10 к.

Шмулевичъ, П. (З. М.). Сборникъ задачъ, предлагавшихся на конкурсныхъ экзаменахъ въ институтахъ: Инженеровъ Путей Сообщенія, Горномъ. Технологическомъ и другихъ. Алгебра и ариметика. 1,220 задачъ съ подробными рѣшеніями. Изд. 2-е. Спб. 1900 г. Ц. 2 р. 50 к.

V. Словесность.

Андерсенъ, Гансъ Христіанъ. Импровизаторъ или молодость и мечты итальянскаго поэта. Романъ. (Вып. XVI русской класной библиотеки, издаваемой подъ редакціею А. Н. Чудинова). Спб. 1899. Ц. 75 к.

Архангельскій, А. С. Къ исторіи древне-русскаго луцидаріуса. Сличеніе славяно-русскихъ и древне-нѣмецкихъ текстовъ. Казань. 1899. Ц. 2 р. 50 к.

— Къ исторіи южно-славянской и древне-русской апокрифической литературы. Два любопытныхъ сборника Софійской народной бібліотеки въ Болгаріи. Описаніе рукописей и тексты. Спб. 1899. Ц. 75 к.

Бальзанъ (de), О. Отецъ семейства. (Père Goriot). Романъ. Переводъ съ французскаго. Изд. 2-е. (Сшевская Вибліотека № 225). Спб. 1899. Ц. 35 к., въ папкѣ 45 к., въ перепл. 50 коп.

Баранцевичъ, К. С. Лѣсъ. Съ рисунками. М. 1899. Ц. 40 к.

Басни и баснописцы. Съ жизнеописаніями и примѣчаніями А. Филонова. Спб. 1899 г. Ц. 25 к.

Беранже, П. Б. Пѣсни. Съ портретомъ. Спб. 1899 г. Ц. 8 к.

Бойейзенъ, Гальмаръ. «Фаустъ». Гете. Комментарій къ поэмѣ. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бороздинъ, А. Н. А. С. Пушкинъ и поэзія дѣйствительности. Спб. 1899 г. Ц. 40 к.

Бубновъ, Борисъ. Стихотворенія. Кіевъ. 1899 г. Ц. 1 р.

Бульверъ-Литтонъ, Эдвардъ. Колады-Ріенци. Последний римскій трибунъ. Историческій романъ. Переводъ съ англ. М. 1899. Цѣна 1 руб.

* Бѣнецкій, А. Н. На пути. Разказы и очерки. Изд. 3-е. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

— * Медвѣжи углы. I. Повѣсти и очерки. II. Подъ небомъ голубымъ. (Италянскій ветеранъ. Венеція. Миланъ). Изд. 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.

Бѣлинскій, В. Г. Сочиненія въ четырехъ томахъ. Томъ IV. 1844—1848 г. М. 1898 г. Ц. каждого тома 65 коп., всѣхъ 4 томовъ вмѣстѣ 2 р. 50 к.

— Сборникъ статей объ А. С. Пушкинѣ. М. 1899 г. Ц. 50 к.

Вальтеръ Скотъ. Айвенго. (Jvanhoe). Переводъ съ англійск. Изд. 2-е Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Вернеръ, Э. У алтаря. Германъ. Переводъ съ нѣмецкаго. М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Цвѣтокъ счастья. Вѣстники весны. Переводъ съ нѣмецкаго. М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к. Гейне, Генрихъ. Собраніе сочиненій. Томъ пятый. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 75 к.

Гейнце, Н. Э. Ополченскій крестъ. Историческій романъ въ двухъ частяхъ. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гюнтеръ, Р., д-ръ. Женская красота въ зеркалѣ вѣковъ. Очерки и наброски. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Денисовъ, Л. Серафимъ. Изъ монастырскихъ впечатлѣній. Повѣсть. М. 1899 г. Ц. 30 к.

- Джеромъ Н. Джеромъ.** Забавныя приключенія хостаяковъ. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.
- «Трое въ одной лодкѣ» (не считая собакъ). Веселое путешествіе по Темзѣ. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Разсужденія досужаго челоуѣка. Сборникъ новыхъ юмористическихъ разсказовъ. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1899 г. Ц. 75 коп.
- Драгановъ, И. Д.** Пятидесятиязычный Пушкинъ, т.-е. переводы А. С. Пушкина на 50 языковъ и нарѣчій міра. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Жизнь какъ она есть. Повѣсть въ 3-хъ частяхъ. Томъ IV. Часть III. М. 1899 г. Ц. каждаго тома 2 р. 50 к.
- Жирневичъ, А. В.** «Друзьямъ». Стихотвореній. Вторая часть. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Изъ лучшихъ авторовъ. Альф. Дола. Поль Маргериттъ, Жиль и др. М. 1899 г. Ц. 20 к.
- Юшда. Японскій романъ. Изд. 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.
- Крашевскій І. И.** Маславъ. Повѣсть IX вѣка въ двухъ частяхъ. Переводъ съ польскаго. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Крестовскій, Всевол, Владим.** Собраніе сочиненій. Томъ IV. Цѣна по подпискѣ на все сочиненіе въ 8 томахъ 10 р.
- * **Кукольникъ, Несторъ.** Два Ивана, два Степаныча, два Костыльникова. Романъ въ 4-хъ частяхъ. (Дешевая Библиотека А. С. Суворина), №№ 205—206. Спб. 1899 г. Ц. за два тома 50 к.
- Нулаковскій, Пл.** Стихотворенія А. С. Пушкина въ славянскихъ переводахъ. Юбилейный сборникъ. Варшава. 1899 г. Ц. 1 р.
- Льдовъ, Н.** Отзвуки души. Стихотворенія. Спб. 1899 г. Ц. 40 к.
- Малороссійскій сборникъ повѣстей, сценъ, разсказовъ и водевилей извѣстныхъ малороссійскихъ писателей:** Шевченко, Гоголя, Котляревскаго и др. М. 1899 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Маминъ-Сибирякъ, Д. И.** Ранніе восходы. Романъ. М. 1899 г. Ц. 1 р.
- Мамонтовъ, Сергѣй.** Смерть Пушкина. Драматическія сцены. М. 1899 г. Ц. 50 к.
- Марковинъ, Н. О** развитіи таланта А. С. Пушкина въ связи съ его біографіей. Спб. 1899 г. Ц. 10 к.
- Марко Вовчокъ.** Полное собраніе сочиненій. Томъ шестой. Повѣсти и разсказы. Томъ седьмой. Въ глуши. Саратовъ. 1899 г. Ц. каждаго тома 1 р. 25 к.
- Миссъ Флора (псевдонимъ).** Петербургскіе мужья. Нескучныя разсказы. Спб. 1899 г. Ц. 40 к.
- Муръ, Ф.** Милліонеры. Романъ. Переводъ съ англ. М. 1899 г. Ц. 1 р.
- Новѣжинъ, П.** Страховая премія. Романъ. М. 1899 г. Ц. 1 р.
- Немировичъ-Данченко, В. И.** Соловки. Воспоминанія и разсказы изъ пѣздки съ богемольцами (въ сокращеніи). М. 1899 г. Ц. 20 к.
- Нордау, Максъ.** «Докторъ Конъ». Современная гражданская трагедія. Перев. А. П. Бурдъ. Харьковъ. 1899 г. Ц. 1 р.
- Оржешио, Элиза.** Надъ Пъманомъ. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Переводъ съ польскаго. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Осетровъ, З. Б.** Одноактные пьесы, исключительно для народныхъ театровъ. Томъ III. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.
- Покровский, В.** Сокращенная историческая хрестоматія. Пособіе при изученіи русской словесности для учениковъ старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. Часть II. М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Пономаревъ, А. И., проф.** Значеніе А. С. Пушкина въ исторіи русскаго литературно-общественнаго развитія. Спб. 1899 г. Ц. 15 к.
- Прессъ, Аркадій.** Повѣсти и разсказы. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Пушкинскій сборникъ** (въ память столѣтня дня рожденія поэта). Съ офортомъ профессора В. В. Матъ. Спб. 1899 г. Ц. 3 руб., въ перепл. 4 р., на веленев. бумагѣ въ перепл. 10 руб.
- М. 1889 г. Ц. 75 к.
- Пушкинъ, А. С.** Русланъ и Людмила. Поэма. Рисунки С. В. Малютина. М. 1899 г. Ц. 9 р.
- Капитанская дочка. Повѣсть. М. 1899. Ц. 25 к.
- Eugén Onégin. Roman in Versen. Deutsch von dr. Alexis Lupus. Спб. 1899. Ц. 1 р. 50 к.
- Der eherne Reiter. Deutsch von dr. Alexis Lupus. Спб. 1898. Ц. 1 р. 50 к.
- Сочиненія въ трехъ томахъ. М. 1899 г. Ц. 6 р., на велен. бум. 15 р.
- Бахчисарайскій фонтанъ. Поэма. Иллюстраціи В. Я. Суревьянца. М. 1899 г. Ц. 6 р., въ перепл. 7 р. 50 к.
- «Евгеній Онѣгинъ». Романъ въ стихахъ. М. 1899 г. Ц. 3 р.
- Полное собраніе сочиненій въ одномъ томѣ. М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р. 25 к.
- Райскій.** Мечты и жизнь. Спб. 1899 г. Ц. 1 руб.
- Радонежскій, А.** Очеркъ исторіи русскаго литературнаго развитія. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Сборникъ статей** объ А. С. Пушкинѣ. По поводу столѣтняго юбилея, съ иллюстраціями. Кіевъ. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Свѣточи русскаго поэзіи.** Сборникъ стихотвореній. М. 1899 г. Ц. 40 к.
- Синькевичъ, В. П.** Грѣхъ. Вытовая комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Одесса. 1899. Ц. 20 к.
- Скифосовскій, Викторъ.** Стихотворенія гимназиста и нѣкоторыя данныя относительно процесса ихъ творчества. М. 1899 г. Ц. 1 р.
- Современные европейскіе беллетристы.** Выпускъ I. (Содержаніе: Арт. Шнитцлеръ. Мертвые молчатъ. Дж. Джеромъ. Призракъ Маркизы Эпльфордъ. Андре Терье. Дорина. М. Конопницкой. Яктонъ. П. и В. Маргеритъ. Мозоль Генерала). Харьковъ. 1899 года. Ц. 60 к.
- Терпигоревъ, С. И. (С. Атава).** Собраніе сочиненій. Томъ третій. Цѣна по подпискѣ за 6 томовъ 8 р.
- Топелиусъ, З.** Регина фонъ Эмерицъ. Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ со шведскаго. Орель. 1898 г. Ц. 60 к.
- Флаккъ, Гораций, Оды.** Книга вторая. Переводъ въ стихахъ И. Шорфшова. Спб. 1899. Ц. 40 к.
- Черскій, Л.** Чужія жены. Переводъ съ французскаго. Спб. 1899 г. Ц. 25 в.

Чешихинъ, Всеволодъ, Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ. Драматическій этюдъ (въ одномъ дѣйствіи). Рига, 1899 г. Ц. 40 к.

Черняевъ, Н. И. «Пророкъ» Пушкина въ связи съ его же «Подражаніями Корану» М. 1899 г. Ц. 50 к.

Шапиръ, Ольга, Старыя пѣсни. Спб. 1900. Ц. 1 р.

Шевляковъ, М. В., Пушкинъ въ анекдо-

тахъ. Черты изъ жизни поэта, какъ общественнаго дѣятеля и человѣка. Спб. 1899. Ц. 50 к.

Шевченко, Т. Г. Кобзарь (Съ портретомъ). Кіевъ. 1899 г. Ц. 35 к.

Шмикинъ, И. П. Пoesія XX вѣка. Казань. 1899 г. Ц. 20 к.

Элютъ, Джорджъ. Адамъ Видъ. 2 тома. М. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.

VI Исторія.

Анимовъ, И. И. С. П. Воткинъ. Биографическій очеркъ. Кіевъ 1899 г. Ц. 15 к.

Александровскій, Г. Памяти В. Г. Бѣлинскаго. Историко-литературн. очеркъ. Кіевъ. 1899 г. Ц. 20 к.

Богучарскій, В. Я. Маркизь Лафайетъ. (Дѣятель трехъ революцій). Историческій очеркъ. М. 1899 г. Ц. 1 р.

Будиловичъ, А. С. Къ характеристикѣ Палацкаго. Юрьевъ 1899 г. Ц. 30 к.

Веннстеръ, А. А. А. С. Пушкинъ. Биографическій очеркъ изъ „Альбома Пушкинской выставки 1880 г.“ М. 1899 г. Ц. 60 к.

Весинъ, С. Былое. Изъ русской жизни и литературы 40—60-хъ годовъ. Житомиръ. 1899 г. Ц. 1 р.

Вильчинскій, О. Начало и центры европейской культуры. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.

Воль-Нарачесній, В. В. Борьба Польши съ казачествомъ во второй половинѣ XVII и началѣ XVIII вѣка. Кіевъ 1899 г. Ц. 2 р. «Вѣстникъ археологій и исторій», издаваемый С.-Петербургскимъ Археологическимъ Институтомъ. Вып. XI. Спб. 1899. Ц. 2 р.

Грейцъ, В. М. Н. И. Пироговъ. Биографическій очеркъ. Кіевъ 1899 г. Ц. 15 к.

Ивановъ, Ив. Ив. Пушкинъ. Очеркъ М. 1899 г. Ц. 25 к.

Историческое обозрѣніе. (1898). Томъ X. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Корелинъ, М. С., проф. Кто были наши предки, гдѣ и какъ они жили. М. 1899 г. Ц. 30 к.

Картьевъ, Н. Исторія Западной Европы въ новое время. Т. III, часть I. Изд. 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Керръ, А. К. Н. И. Лобачевскій. Биографическій очеркъ. Кіевъ 1899 г. Ц. 15 к.

Кондаковъ, И. П. О научныхъ задачахъ исторіи древне-русскаго искусства. Покровский, Н. В. Некрологъ. Г. Д. Филимонова и Шереметевъ, С. Д., гр. Памяти Ѳ. И. Вуслаева и Г. Д. Филимонова. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Кульминскій, С. И. Описание коллекцій народныхъ писанокъ. Выпускъ первый. (Лубенскій музей Е. Н. Скаржинской. Этнографическій отдѣлъ). М. 1899 г. Ц. 5 р.

Майновъ, Л. Пушкинъ. Биографическіе матеріалы и историко-литературные очерки. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Молтва на дьявола. Церковно-славянскій текстъ западно-славянскаго происхожденія. Съ предисловіемъ проф. А. И. Соболевскаго. Спб. 1899 г. Ц. 5 р.

Незоровъ, И. Къ биографіи А. С. Пушкина. Матеріалы изъ архивовъ и др. малоизвѣстныхъ источниковъ. Спб. 1899 г. Ц. 40 к.

Низе, Б. Очеркъ римской исторіи и источ-

никовѣднія. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1899 г. Ц. 2. 50.

Носковъ, И. Д. И. С. Тургеневъ. Биографическій очеркъ. Кіевъ, 1899 г. Ц. 15 к.

— А. В. Кольцовъ. Очеркъ. Кіевъ. 1899 г. Ц. 15 к.

— А. С. Пушкинъ. Биографическій очеркъ. Кіевъ. 1899 г. Ц. 15 к.

Отчеты о заведеніяхъ Императорскаго общества любителей древней письменности въ 1897—1898 году. Съ приложеніями. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.

Петровъ, В. П. Памяти А. С. Пушкина. Художественный листъ, исполненный фототипією и статья: «Значеніе Пушкина, его любовь къ народу, отечеству и государямъ». Текстъ И. Н. Важенянова, рисунки Н. И. Ткаченко. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Петровъ, П. В. Памяти А. С. Пушкина. Спб. 1899 г. Ц. 20 к.

Платоновъ, С. Ѳ. Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв. (Опытъ изученія общественнаго строя и социальныхъ отношеній въ Смутное время). Спб. 1899 г. Ц. 3 р. 50 к.

Пушкинъ, А. С. Юбилейное изданіе. Съ портретомъ. Спб. 1899 г. Ц. 7 к.

Пѣтуховъ, Е. В. Два года изъ жизни А. С. Пушкина. Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ. Юрьевъ. 1899 г. Ц. 30 к.

Рогановичъ, Іованъ. П. Крижаничъ и его философія націонализма. Казань. 1899. Ц. 50 к.

Савеловъ, Л. М. Дворяне Егоровы. Родословіе. М. 1899 г. Ц. 1 р.

Сеславинъ, М. М. Сперанскій. Очеркъ. Кіевъ. 1899 г. Ц. 15 к.

Сназанія объ урочищахъ Овручевскаго уѣзда и быліны о Волгѣ Святославичѣ. Житомиръ. 1898 г. Ц. 25 к.

Сосницкіи, Арнадій, А. С. Пушкинъ (Жизнь и труды). М. 1899 г. Ц. 10 к.

Торосовъ, А. Исторія нашего столѣтія. 1815—1899 г. Т. П. 1863—1899 г. Переводъ съ датскаго. Кіевъ. 1899 г. Ц. 1 р. 75 к.

Трайль, Г. Д. Общественная жизнь Англій. Перев. съ англійскаго. Томъ VI. Съ 1815 г. до общихъ выборовъ 1885 года. М. 1899. Ц. 3 р.

Троицкій, Д., священ. Карта къ церковной исторіи въ предѣлахъ древней римской имперіи. Ц. 40 к.

Харцьевъ, В. Чтеніе объ Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ 26-го мая 1899 г. въ столѣтнюю годовщину его рожденія. Харьковъ. 1899 г. Ц. 4 к.

Щербатовъ, князь. Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность. Томъ шестой. 1848—1849 гг. Спб. 1899 г. Ц. 3 р.

VII. Географія.

Гединъ, С. Въ сердцѣ Азіи: Памиръ, Тибетъ, Восточный Туркестанъ. Вып. 4-й Ц. по подпискѣ на все сочин. въ 6 вып. 5 р. 50 к.

Грумъ-Грнимайло, Г. Е. Почему китайцы рисуютъ демоновъ рыжеволосыми? (Къ вопросу о народахъ бѣлокурой расы въ Средней Азіи). Спб. 1899 г. Ц. 60 к.

Карта Европейской Россіи съ картиннымъ изображеніемъ типовъ народа и его промысловъ. Составилъ Н. Н. Шиповъ. Херсонъ. 1899 г. Ц. 25 к.

Мечъ, Сергій. Парижъ. Публичная лекція, читанная авторомъ въ Москвѣ и въ другихъ городахъ. М 1889 г. Ц. 50 к.

По Дальнему Востоку. Путевыя замѣтки С. М. Съ иллюстраціями Н. Н. Каразина Спб. 1899 г. Ц. 2 р.

Реклю, Элиза. Земля и Люди. Всемирная географія. Переводъ съ франц. Вып. V. Британскіе острова. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.

VIII. Сельское хозяйство.

Арнольдъ, Ф. И. Русскій лѣсъ. Томъ II-й, часть 2-я. Спб. 1899 г. Ц. 4 руб.

Гоше. Руководство къ плодоводству для практиковъ (Плодоводство промышленное и любительское). Изд. 2-е. Вып. 2-й. Спб. 1899 г. Ц. по подп. на все сочин. 9 руб.

Гриммъ, О. А., д-ръ. Весѣды о прудовомъ хозяйствѣ. Изд. 4-е. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.

Елагинъ, П. И. Практическое птицеводство. Содержаніе и разведеніе птицъ въ русскихъ хозяйствахъ. Изд. 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.

Нобецкій, О. Р. Объ артезианскихъ колодцахъ г. Кіева. Кіевъ. 1897 г. Ц. 25 к.

Комнатное цвѣтоводство. Описание комнатныхъ растений, воспитаніе и уходъ за ними. Съ 45-ю рисунками. Изд. 9-е. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Ностычевъ, П. О. Борьбѣ съ засухами въ черноземной области посредствомъ обработки полей и накопленія на нихъ сѣвѣ. Изд. 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.

Описаніе отдѣльныхъ русскихъ хозяйствъ. Выпуски: I—Тульская губернія. II—Орловская губ., III—Курская губ., IV и VII—Воронежская губ., V—Рязанская губ., VI—Тамбовская губ., VII—Симбирская губ., VIII—Саратовская губ., IX—Казанская губ., X—Калужская губ., XI—Костромская губ., XII—Прибалтійская губ. и XIII—Ярославская губ. Спб. 1898 г. Ц. каждого вып. 15 к.

Рудзій, Александръ, проф. Краткій очеркъ исторіи лѣсоустройства. Изд. 2-е, дополненное. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

IX. Технологія.

Альбицій, Б. И. Коническія зубчатыя колеса, ихъ теорія, расчетъ и вычерчиваніе. Изд. 3-е. Полтава. 1899 г. Ц. 60 к.

Бейнъ, Ч. Я. Увлажненіе воздуха на бумаго-прядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ. М. 1899 г. Ц. 2 р. 25 к.

Бемъ, А. И. Руководство службы паровознаго машиниста съ приложеніемъ статей объ устройствѣ желѣзнодорожнаго пути, краткой исторіи изобрѣтенія паровоза и перечня главнѣйшихъ составныхъ его частей. Изд. 3-е. Спб. 1899 г. Ц. 2 р. 50 к., въ перепл. 3 р.

Гольдбергъ, Э. Какъ построить простой аккумуляторъ. Перев. съ нѣмецкаго. М. 1899 г. Ц. 40 к.

Ливчанъ, И. И. Самодѣйствующій приборъ для проверки правильности и исправности желѣзнодорожнаго пути и его практическое значеніе. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.

Mueller-Breslau, проф. Графическая статистика сооружений. Переводъ съ нѣмецкаго. Г. Г. Кривошенина и И. И. Казина. Выпускъ I, V и VI. Цѣна по подпискѣ за 10 вып. 12 р.

Никитинскій, Я. Я., проф. Какъ получается масло изъ сѣмянъ. Общедоступное описаніе маслобойнаго производства. М. 1897 г. Ц. 20 к.

Рыбарскій, М. Руководство для судовыхъ машинистовъ при экзаменѣ на судового механика. Переводъ съ англійскаго. Севастополь. 1899 г. Ц. 2 р. 75 к.

Торминъ, Р. Опытный маляръ и живописецъ (Haus und Stubenmaler). Подробное руководство къ исполненію всякаго рода домовыхъ и комнатныхъ малярныхъ работъ по камню, штукатуркѣ, дереву и металлу. Переводъ съ нѣмецкаго. Изд. 2-е, Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

X. Правовѣдѣніе.

Бюхеръ, Карлъ, проф. Экономическій строй первобытныхъ народовъ. Серия II. Переводъ съ нѣмецкаго. Одесса. 1899 г. Ц. 25 к.

Гобсонъ, А. Джонъ Рескинъ, какъ социальный реформаторъ. Переводъ съ англійскаго. М. 1899 г. Ц. 1 р.

Гобсонъ, Дж. Общественные идеалы Рескина. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Дергманъ, Г. С. Проступокъ и преступленіе. Спб. 1899 г. Ц. 15 к.

Евдонимовъ, Л. В. Статья 10-я устава дисциплинарнаго и ея значеніе въ отправленіи военнаго правосудія. Прерогатива военнаго начальника. М. 1899 г. Ц. 25 к.

Загорскій, П. А. Шагъ за шагомъ по пути къ выясненію экономическаго положенія крестьянъ Орловской губерніи. Орелъ. 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.

Нейнсъ, Дмонъ Невиль. Предметъ и методъ политической экономіи. Переводъ съ англійскаго. М. 1899 г. Ц. 50 к.

Налашининовъ, С. Б. Сборникъ духовныхъ и гражданскихъ законовъ по дѣламъ брачнымъ и о законности рождения. Изд. 2-е. Харьковъ. 1899 г. Ц. 1 р. 60 к.

Нипарскій, В. В. О замѣнѣ войны международнымъ судомъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1899 г. Ц. 40 к.

Ле-Бонъ, Густавъ. Психологія социализма. (Очерки). Переводъ съ французскаго. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.

Левитскій, В. Ф., проф. Сельско-хозяйственный кризисъ во Франціи (1862—1892). Харьковъ. 1899 г. Ц. 1 р. 80 к.

Мейеръ, Эдуардъ. Рабство въ древнемъ мірѣ. Переводъ съ нѣмецкаго. М. 1899 г. Ц. 30 к.

Миклашевскій, Александръ. Разсчетныя платы и ихъ организація. Спб. 1898 г. Ц. 25 к.

Новиновъ, Я. А. Борьба національностей и законы народныхъ сліяній. Одесса. 1899 г. Ц. 15 к.

Общій таможенный тарифъ по Европейской и азиатской торговлѣ. Спб. 1899 г. Ц. 2 р. **Палибинъ, Н. И.** Чего недостаетъ въ пожарныхъ командахъ. Спб. 1899 г. Ц. 20 к.

Патенно, Ф. А. Дѣло объ убійствѣ секретаря Полтавской Духовной Консисторіи. А. Я. Комарова, съ судебно-медицинской стороны. Харьковъ. 1899 г. Ц. 40 к.

Петровъ, В. В. Вопросы народнаго образованія въ Московской губерніи. Выпускъ II. Учительскія, народныя и школьныя бібліотеки и свѣдѣнія о манкировкахъ учениковъ начальн. народн. училищъ. М. 1899 г. Ц. 50 к.

Право и миръ въ международныхъ отношеніяхъ. Сборникъ статей. Вып. I. М. 1899 г. Ц. 1 р.

Резонъ (фонъ), Ф. А. К. Законъ о ростовщичествѣ (24-го мая 1893 г.). Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Рузье (де), Поль. Промышленныя монополіи (тресты) въ Соединенныхъ Штатахъ. Переводъ съ французскаго. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ по общественно-юридическимъ наукамъ. Вып. I. Подъ редакціей проф. Ю. С. Гамбарова. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.

XI. Медицина.

Андреевскій, д-ръ. Школа здоровья. Предупрежденіе и распознаваніе всѣхъ болѣзней и ихъ леченіе. Полный курсъ медицины. Изд. 6-е. М. 1899 г. Ц. 3 р.

Андреевъ, В. К., д-ръ. Гигіена половой жизни. Спб. 1899 г. Ц. 2 р. 50 к.

Бережки, Юсифъ. Электро-гомеопатія, какъ система врачеванія и ея основныя положенія и средства для борьбы съ болѣзнями. М. 1899 г. Ц. 2 р. 50 к.

Голубовъ, Н. Ф. О кумысѣ и леченіи имъ. Изд. 2-е, дополненное. М. 1899 г. Ц. 60 к. — О леченіи подкожными впрыскиваніями мышьяка. М. 1899 г. Ц. 25 к.

Кочоровскій, Л. Л., д-ръ мед. Моча новорожденныхъ и ея ядовитость. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.

Круглевскій, Н. А. Объ ампутаціяхъ. Изъ лекцій оперативной хирургіи, читанныхъ

въ Императорской Военно-Медицинской Академіи въ періодъ отъ 1896 по 1898 г. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 80 к.

М. З. Гигіена купающихся (когда, гдѣ и какъ нужно купаться. Изд. 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 20 к.

Proust и Mathieu, Гигіена и леченіе тучныхъ. Переводъ съ французскаго. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Рейбмайръ, А. д-ръ. Техника массажа и врачебная гимнастика. Переводъ съ нѣмецкаго. М. 1899 г. Ц. 2 р.

Робэнъ, А. Руководство въ частной терапіи. Вып. VII. Леченіе болѣзней дыхательнаго аппарата. Часть II. Переводъ съ французскаго. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Чуевскій, И. А. Краткій курсъ физиологіи человѣка. Изд. 3-е. М. 1899 г. Ц. 2 р.

XII. Военное и морское дѣло.

Виноградскій. Участіе гвардейскаго экипажа въ сухопутной кампаніи 1812 года. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Мюи, ц. Полевая фортификація. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.

XIII. Искусство.

Альбомъ Пушкинской Юбилейной Выставки въ Императорской Академіи Наукъ. Подъ редакціей Л. Н. Майкова и В. Л. Модзалевскаго. 250 фототипически исполненныхъ снимковъ съ портретовъ, рисунковъ, гравюръ, рукописей и пр. М. 1899 г. Ц. 6 р.

Березовскій, В. В. Современныя теченія въ искусствѣ. (Живопись, поэзія, музыка). Очеркъ. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 10 к.

Ивановъ, М. М. Пушкинъ въ музыкѣ. Историко-критическій очеркъ. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. **Кемпне, Эрнестъ.** Фотографированіе портретовъ и группъ. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

къ столѣтнему юбилею А. С. Пушкина. Фотографическій снимковъ. Ц. 2 р. и 1 р.

Лермонтовъ, М. Ю. Княжна Мери. 24 иллюстраціи М. А. Зичи. Спб. 1899 г. Ц. 3 р. 50 коп.

Лоренцъ, Н. Ф. Орнаментъ всѣхъ временъ и стилей. Вып. 10-й (последній). Цѣна за все сочиненіе 15 р.

Новицкій, А. П. Исторія русскаго искусства. Выпускъ 3-й. М. 1899 г. Ц. по подл. на 12 вып. 10 руб.

Острогорскій, В. П. Альбомъ. «Пушкинскій

уголокъ». Съ иллюстраціями В. М. Максимова. М. 1899 г. Ц. 2 р.

Ретушь и раскрашивание фотографій. Наставленіе для выработки фотографическихъ негативовъ и позитивовъ, а также для раскрашиванія ихъ акварельными и масляны-

ми красками. Составлено по Г. Грасгофу, Вешу, Копске, Клару, Пивене, Арнольду и др. Изд. 3-е. Спб. 1899 г. Ц. 85 к.

Толстой, Л. Н., гр. Что такое искусство? М. 1898 г. Ц. 25 к.

XIV. Воспитаніе и обученіе. Дѣтскія книги.

Базуновъ, Л. А. Не все то золото, что блеститъ. Повѣсть для юношества. Изд. 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.

Глинскій, Б. Б. Царскія дѣти и ихъ наставники. Историческіе очерки. Съ портретами и иллюстраціями. М. 1899 г. Ц. 1 р. 25 коп.

Гречушнинъ, С. И. Матеріалы для изложеній и сочиненій ученикамъ начальныхъ и двухклассныхъ училищъ. М. 1899 г. Ц. 10 к.

— Планы для письменныхъ изложеній и сочиненій. Пособіе ученикамъ двухклассныхъ и начальныхъ училищъ. М. 1899 г. Ц. 10 к.

Демковъ, М. И. Исторія русской педагогіи. Часть I. Древне-русская педагогія (X—XVII вв.). Изд. 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.

Ельницкій, К. Привычки, ихъ значеніе и воспитаніе (Энциклопедія семейнаго воспитанія и обученія. Вып. 10-й). Спб. 1899 г. Ц. 30 к.

Карловъ, Н. Капризы и раздражительность дѣтей. (Энциклопедія семейнаго вос-

питанія и обученія. Выпускъ 8-й). Спб. 1899 г. Ц. 30 к.

Кречетовъ, Ю. и Сысоевъ, В. Бѣлочка. — Плотичка. М. 1899 Ц. 8 к.

Муницкій, В. Н. Какъ учить родному языку? Спб. 1899. Ц. 40 к.

Лукашевичъ, Ил. Трубочистъ. Хлѣбныя зерна. Два разсказа для дѣтей. Спб. 1899 г. Ц. 40 к.

Пушкинъ, А. С. Избранныя сочиненія для дѣтей младшаго возраста. Изданіе журнала «Игрушечка». Спб. 1899 г. Ц. 60 к.

Реню, Э. (по). Земля и человекъ. Со многими рисунками. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.

Розенбахъ, П. Наслѣдственность. (Энциклопедія семейнаго воспитанія и обученія Вып. 9-й). Спб. 1899 г. Ц. 30 к.

Сысоевъ, В. Дѣль Миронъ. М. 1899 Ц. 8 коп.

У чернооныхъ динарей. Путешествія къ истокамъ Нила С. Бекера съ женой. М. 1899 г. Ц. 25 к.

XV. Справочный отдѣлъ.

Адресъ-Календарь. Общая роспись начальствующихъ и прочихъ должностныхъ лицъ по всѣмъ управленіямъ въ Россійской Имперіи на 1899 годъ. 2 части. Спб. 1899 г. Ц. 3 р.

Андреевъ, П. П. Русскій техническій словарь, съ переводомъ на французскій, нѣмецкій и англійскій языки. Спб. 1899 г. Ц. 3 р. 50 к.

Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie pour l'année 1899. Спб. 1899 г. Ц. 2 р. 20 к.

Аснашъ, С. М. и Яхонтовъ, А. Н. Описаніе Пушкинскаго музея Императорскаго Александровскаго Лицея. Подъ редакціей заведующаго музеемъ И. А. Шляпкина. Спб. 1899 г. Ц. 5 р.

Гренгагенъ, К. Б. Финляндія. Путеводитель по дачнымъ и водолѣбнымъ мѣстностямъ Финляндіи и живописнымъ районамъ Восточной части ея. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Ежегодникъ министерства иностранныхъ дѣлъ 1899 года. Спб. 1899 г. Ц. 2 р. 60 к.

Казанскій, М. В. Путеводитель по Казани (съ 12 рис. и 5 портр.). Казань. 1899 г. Ц. 50 к.

Каталогъ книжнаго магазина «Новаго Времени» А. С. Суворина, 1878—1898. Выпускъ первый. I. Богословіе. II. Философія, психологія и логика. III—IV. Естествознаніе. V. Словесность. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.

Каталогъ изданій А. С. Суворина съ приложеніемъ списка книгъ, находящихся въ складѣ, а также списка собраній сочиненій

русскихъ и иностранныхъ писателей, продающихся въ книжныхъ магазинахъ «Новаго времени». Спб. 1899. Раздается бесплатно.

Лалина, А. д-ръ. Медицинскій терминологическій французско-русскій словарь. Спб. 1899 г. Ц. 3 р.

Маврицкій, В. А. Правила и программы классическихъ гимназій и прогимназій въ домства министерства народнаго просвѣщенія. Изд. 8-е. М. 1899 г. Ц. 60 к.

Малый энциклопедическій словарь. Съ приложеніемъ краткихъ руководствъ по различнымъ отраслямъ знанія и словарей иностранныхъ языковъ. Выпускъ III (Брайентъ — Виленская губернія). Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Памятная книжка по главному управленію Государственнаго Коннозаводства на 1899 г. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Петербургъ въ карманѣ. Лѣто. 1899 г. Ц. 10 к.

Полный карманный путеводитель по Россіи. Лѣто и осень 1899 г. Спб. 1899 г. Ц. 60 к.

Путеводитель по Волгѣ, Камѣ, Вяткѣ и Бѣлой на 1899 годъ. Годъ пятый. Казань. 1899. Ц. 25 к.

Ротшильдъ, М. Коммерческая энциклопедія. Настольная справочная книга по всѣмъ отраслямъ коммерческихъ знаній. Вып. III. Цѣна по подпискѣ за два тома 10 р.

«Русскій Трудъ». журналъ № 22 Ц. 20 к.

Сандовъ, Евгений. Сила и какъ ее приобрести. Система физическаго развитія. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1899 г. Ц. въ папкѣ 1 р.

Сеславинъ, Д. Н. Самоучитель французскаго языка для взрослыхъ по методу Туссена и Лангеншейдта. Вып. 17-й. Ц. по подп. на 1-й курсъ 3 р. 50 к.

— Самоучитель нѣмецкаго языка для взрослыхъ по методу Туссена и Лангеншейдта. Вып. 5-й. Ц. по подп. 3 р. 50 к.

Симансий, В. К. Спутникъ Петербуржца, составл. по официальнымъ свѣдѣнїямъ. Жельнодородн. и пароходн. росписанїя. Лѣто 1899 г. Спб. 1899 г. Ц. 20 к.

С.-Петербургъ. Иллюстрированный путе-

водитель и адресъ-календарь. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Спутникъ спортсмена. Лѣтній сезонъ 1899 г. Спб. 1899 г. 20 к.

Урусовъ, Сергій, князь. Выдержка скаковой лошади. Практическое пособие тренирующимъ. Изд. 2-е. М. 1899 г. Ц. 1 р.

Энциклопедическій словарь. Брокгауза и Ефрона. Полут. 52-й. (Резонансъ — Роза). Цѣна въ перепл. 3 р.

Юстусъ, А. Ф. Курсъ бухгалтерїи. Двойная итальянская система. Полное практическое руководство для изучающихъ систему. Саратовъ 1899. Ц. 3 р.

*) Изданїя А. С. Суворина.

НОВАЯ БИБЛИОТЕКА А. С. СУВОРИНА.

60 коп.—каждый томъ—60 коп.

1. Дюма, Ал. Королева Марго. Ром. въ 6-ти част. Книга I-я, части I-я, 2-я и 3-я.

2. — То же. Книга II-я. Части 4-я, 5-я и 6-я.

3. — Три мушкетера. Ром. Книга I-я.

4. — То же. Книга II-я.

5. Бальзанъ, Шагреновая кожа. Романъ. 6. прево, аббатъ. Исторїя Манонъ Леско и кавалера де-Грие. Ром.

7. Крэнъ, А. Д. Эмилїя. Повѣсть изъ эпохи гоненїй на христіанъ при Деціи и Валерїи. Переводъ съ англійскаго.

8. Мингслей, Ч. Ипатїя или новые враги подъ старой личиной. Романъ. Томъ I-й.

9. — То же. Томъ II.

10. Жорнъ-Зандъ. Орасъ. Романъ.

11. Мериме, П. Жакерїя. Сцены изъ феодальныхъ временъ.

12 и 13. Диккенсъ, Ч. Лавка древностей. Ром.

14. Гете, В. Страданїя молодого Вертера. Ром.

15. Басанинъ, Марнъ. Клубъ возицаго дворянства. Романъ.

16. Фильдингъ. Исторїя Тома Джомса Найденыша. Романъ. Томъ I-й.

17. — То же. Томъ II-й.

18. — То же. Томъ III-й.

19. Ясминсий, тер. Старый другъ. Романъ.

20. Дюма, А. Двадцать лѣтъ спустя. Ром. Т. I-й.

21. — То же. Томъ II-й.

22. Золя, Эмилъ. Докторъ Паскаль. Ром.

23. Бульверъ, Эдвардъ, лордъ Литтонъ. Последніе дни Помпеи. Ром. Томъ I-й.

24. — То же. Томъ II-й.

25. Бичеръ-Стоу, Генр. Хижина дяди Тома. Съ приложенїемъ библиографїи этого произведенїя Джоржа Буллена. Томъ I-й.

26. — То же. Томъ II-й.

27. Сю, Евгений. Вѣчный жидъ. Ром. Первый, полный безъ пропусковъ переводъ съ французскаго. Томъ I-й.

28. — То же. Томъ II-й.

29. — То же. Томъ III-й.

30. — То же. Томъ IV-й.

31. — То же. Томъ V-й.

32. Бальзанъ. Женщина тридцати лѣтъ. Ром.

33 и 34. Флоберъ, Г. Госпожа Бовари. Провинціальныя нравы. Ром. Перев. съ франц.

35. царъ изъ дома Давида. Съ англ. Е. М.

36. Якушинъ, П. Великъ Богъ земли русской и другіе рассказы.

37 и 38. Грандъ, Сара. Небесные близнецы. Перев. съ нѣм. А. Гердъ.

39 и 40. Поз, Эдгаръ. Необыкновенныя рассказы. Переводъ съ англійскаго. Книга первая и вторая.

41. Невинная жертва. Габріэля д'Аннуцио. Перев. М. М. Иванова.

42. Черная рада. Хроника 1663 года. Сочиненїе П. А. Кулиша.

43. Исчезнувшія тѣни. Романъ Антонїо Фоганцаро.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческія матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель **А. С. Суворинъ**.

Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ
АВГУСТЪ, 1899

СОДЕРЖАНІЕ.

АВГУСТЪ, 1899 г.

	СТРАН.
I. Владимірскіе Мономахи. Романъ въ четырехъ частяхъ. Часть третья. IX—XVIII. Графа Е. А. Салиаса. (Продолженіе)	335
II. Записки графини В. Н. Головиной (1766—1820). XVIII—XXI. (Продолженіе)	427
III. Облава на людей. (Изъ недавняго прошлаго). Г. П. Эрастова	458
IV. Русское знамя въ Средней Азіи. XII—XV. (Окончаніе). П. М. К.	477
V. Контрабандистъ. Сцены изъ жизни на западной границѣ. М. П. Межецкаго	494
VI. Попытка закрѣпить еврея въ 1783 г. (Историческій очеркъ). И. С. Вѣляева	511
VII. Курбанъ-Байрамъ. (Изъ записокъ маленькаго администратора). М. В. Дандевила	527
VIII. Послѣ Пугачевщины на Каспій. П. Л. Юдина	546
IX. А. С. Пушкинъ въ Симбирскѣ. В. Н. Поливанова	568
Иллюстраціи: 1) Село Языково.—2) Домъ въ селѣ Языковѣ.	
X. Памятники на Кагульскомъ полѣ сраженія. Н. А. фонъ-Фохта	577
Иллюстраціи: 1) Памятникъ графу Румянцеву на полѣ Кагульской битвы.—2) Памятникъ графу Воронцову на полѣ Кагульской битвы.	
XI. Скемпе—польскій Лурдъ. Г. А. Воробьева	584
Иллюстраціи: 1) Костель въ Скемпе.—2) Внутренній видъ костела въ Скемпе.—3) Фигура Скемпской Божіей Матери.	
XII. Юбилейная литература о Пушкинѣ. V—VIII. (Окончаніе). Е. Еленына	592
XIII. Общественныя заботы о народномъ образованіи въ Сибири. С. И. Уманца	614
XIV. Памяти В. В. Тарновскаго. В. Г.—ко	628
XV. Способы погребенія у древнихъ народовъ, населявшихъ югъ Россіи. Д. И. Эварницкаго	635
XVI. Очерки американской дѣйствительности. Евгенія Правдина	646
XVII. Критика и библиографія.	666

1) А. Дмитріевскій. Архіепископъ елассонскій Арсеній и мемуары его изъ русской исторіи по рукописи трапезунтскаго Сумелійскаго монастыря. Кіевъ. 1899. г. — 2) Н. О. Осиповъ. Винная монополія. Спб. 1899. А. Фаресова.— 3) Труды Рязанской ученой архивной комиссіи. Подъ ред. С. Д. Яхонтова, Вып. 3-й XIII тома. Рязань. 1899. В. Рудакова.— 4) Památník na oslavu padesátiletného Paňoonického Jubilea lego Veliceňstva Císare a Krále Frantiska Josefa I. Vedecky a umeľesky rozvoj v narode českém 1848—1898. Vydala česká Akademie Císare Frnatiska Josefa pro Vedy, Slovesnost a Umení. V Praze. 1898. Nakladem C. Akad. 4 (quarto). (VII, 66, 33, 65, 86, 48, 40, 119, 144, 88, 96, 102, 55, 84; XXXVI стр. указателей, VII стр. Errata, III стр. содержанія, I стр. списокъ портретовъ) всего 1050 стр. и 49 портретовъ-фото-

См. слѣд. стр.

ляшій, Э. В. — 5) О. В. Благовидовъ. Оберъ-прокуроры святѣйшаго синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія. (Развитіе оберъ-прокурорской власти въ синодальномъ ведомствѣ). Опытъ историческаго изслѣдованія. Казань, 1899. Р.—6) Историческая записка Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая за XXX лѣтъ. М. 1899. В. Р—ва.—7) Альбомъ пушкинской юбилейной выставки въ Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ, май 1899 г. Составленъ подъ редакціей Л. Н. Майкова и Б. Л. Модзалевскаго. Исполненъ и изданъ художественною фототипіей К. А. Фишера. Москва, 1899. А. Фаресова.—8) А. С. Архавгельскій. Къ исторіи южно-славянской и древне-русской апокрифической литературы. Спб. 1899. В. Р—ва.

XVIII. Заграничныя историческія новости и мелочи 686

1) Новыя изслѣдованія древняго міра. — 2) Величайшая побѣда Александра Македонскаго. — 3) Средневѣковая имперія. — 4) Независимая Лотарингія.— 5) Лютеръ и Тетцель.—6) Французскіе рабочіе въ старину.—7) Герцогъ Шуазель въ Римѣ. — 8) Книги, брошюры и статьи о французской революціи. — 9) Смотры Фридриха и парады Наполеона.—10) Взглядъ французскаго историка на Суворова.—11) Раскопки Бастилии. — 12) Столѣтній юбилей англійскихъ волонтеровъ.—13) Два дѣятели борьбы за независимость Италіи.—14) Воспоминанія Маккарти. — 15) Отголоски франко-прусской войны. — 16) Смерть Шерболье.—17) Юбилей Бальзака.

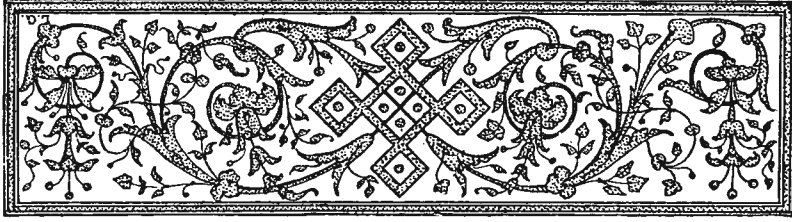
XIX. Смѣсь 720

1) Освященіе памятника Д. Д. Минаеву.—2) Реставрація Сухаревой башни.— 3) Археологическія раскопки.—4) Археологическая справка.—5) Могила И. И. Лажечникова.—6) Некрологи: К. О. Голстунскій; В. В. Тарновскій; А. П. Мальшинскій.

XX. Рѣдкіе портреты 728

XXI. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Ивана Андреевича Крылова. — 2) Графъ Мирабо. (Graf Mirabeau. Von Theodor Mundt). Историческій романъ въ четырехъ частяхъ. Т. Мундта. (Переводъ съ нѣмецкаго З. У.). Часть III, гл. IV—VI. (Продолженіе).

ВЛАДИМІРСКІЕ МОНОМАХИ¹⁾.

Романъ въ четырехъ частяхъ.

(Посвящается Сергѣю Николаевичу Шубинскому).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ІХ.

ЕЖДАННАЯ поимка Гончаго не просто удивила, а озадачила всю Высоксу.

— Зачѣмъ? Вѣдь восемь лѣтъ! Шутка ли? Да и вольный онъ. Что же съ нимъ дѣлать?— удивлялись и толковали всѣ.

Черезъ сутки послѣ того, что Анька былъ схваченъ, толки усилились, и всѣхъ охватило какое-то волненіе. Денисъ Иванычъ и Анна Фавстовна подлили масла въ огонь...

Зыглюдь заявилъ, что Аньку властямъ не выдадутъ, а распорядятся съ нимъ сами господа, вѣрнѣе барышня сама.

Угрюмова, охая и вздыхая, передала кой-кому, что барышня уже надумала, какъ примѣрно наказать Аньку... А надумала она такое, что всѣ ахнутъ. Даже намѣстничество ахнетъ. И какъ бы бѣды не было... Что съ барышней приключилось, чтобы эдакое надумать,—

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», 1899 г., т. LXXVII, стр. 5.
«истор. вѣстн.», августъ, 1899 г., т. LXXVII.

даже и уразумѣть нельзя! Барышня умная и не ехидная!.. А теперь такое измыслила, что на всю округу набать будетъ. Одна надежда, что Дмитрій Андреевичъ не поддастся и своего согласія не дастъ. И давай-то Богъ! А то бѣда бѣдовая...

Осужденіе барышни самой Угрюмовой, не хотѣвшей однако разъяснить своихъ загадочныхъ словъ, конечно, подѣйствовало сильно на всѣхъ. Вдобавокъ баринъ, узнавшій о поимкѣ Гончаго отъ оберъ-рунта Ильева, только удивлялся... Все сдѣлано было безъ его вѣдома... А Ильевъ доложилъ, что и онъ ни причемъ. Денисъ Ивановичъ все дѣло велъ, и по его приказу рунты выслѣдили и накрыли Гончаго во время иллюминаціи.

— Что прикажете?—спросилъ оберъ-рунтъ.

— Да ничего... нерѣшительно отозвался Басановъ.—Переговори съ Сусанной Юрьевной. Вѣдь она это... Она...

И Басановъ прибавилъ:

— Чудить! Да ужъ во истину—чудить.

Когда среди дня Дмитрій Андреевичъ предъ самымъ обѣдомъ спросилъ у Сусанны, она ли приказала схватить Гончаго и что намѣрена предпринять, то получилъ въ отвѣтъ.

— Понятно, я указала... А что съ нимъ дѣлать, я всѣмъ завтра скажу. Сегодня нельзя.

— Отчего же завтра?—удивился Басановъ.—Будто и не вѣсть что... Тайна какая будто...

— Не тайна... Но я еще за ночь поразмыслию, прежде чѣмъ рѣшить. Семь разъ отмѣрь и одинъ отрѣжь.

На утро Сусанна явилась къ Басанову говорить о дѣлѣ... Подобныя посѣщенія бывали крайне рѣдко и лишь при особо важныхъ обстоятельствахъ и случаяхъ.

Когда она вошла къ Басанову, онъ тотчасъ замѣтилъ, что она взволнована, а вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтилъ и нѣчто, чего не любилъ въ ней, даже отчасти какъ бы побаивался.

Сумрачный взглядъ и сильно сдвинутыя брови Сусанны предвѣщали всегда одно: неприятную стычку, вѣрнѣе нападеніе съ ея стороны, такъ какъ Дмитрій Андреевичъ никогда отъ добродушной лѣни не нападалъ, а только уступалъ.

Сусанна Юрьевна объяснила, что пришла переговорить объ Онисимѣ Гончемъ.

— Ну-съ. Что же?—спросилъ онъ.

— Я ему надумала достойное по винѣ его наказаніе, но такъ какъ все отъ васъ зависитъ, то я и пришла васъ... Вамъ объяснить...

И Сусанна объяснила прежде всего все, что слышала отъ Змглода, т.-е. невозможность сдать Гончаго властямъ, которыя присудятъ его въ Сибирь, а онъ вернется снова оттуда, чтобы отомстить сугубо и ей и ему, Басанову.

— Вѣрно... Конечно, такъ,—отозвался Басановъ.—И поэтому самое лучшее дѣло было бы ничего не затѣвать... Оставить. Бросить.

— Бросить!—разсмѣялась Сусанна раздражительно.—Видно, не васъ онъ хватилъ ножемъ. А то бы вы иначе разсуждали.

— Послушай, Санна!—заговорилъ Басановъ по-старому на «ты», что бывало теперь въ рѣдкихъ случаяхъ глазъ на глазъ и только, когда онъ бывалъ взволнованъ.—Ты умница. Разсуди сама холодно, не кипятясь. Что лучше? Бросить дѣло, забыть, что было чуть не десять лѣтъ тому, или сѣзнова начинать. И опять ему подъ ножъ попасть. Черезъ годъ, два... Когда онъ изъ Сибири бѣжитъ. Что разумнѣе и толковнѣе, осторожнѣе?... Неужели ты не можешь простить ему?.. Сама же ты сказывала мнѣ не разъ, что это онъ изъ-за большой любви къ тебѣ на злодѣйство пошелъ. Прости и брось.

— Нѣтъ! Нѣтъ, не могу! — замотала головой Сусанна.—Хоть убейте, не могу.

— Что же вы хотите дѣлать съ нимъ?—холоднѣе спросилъ Басановъ.

— Я ему надумала простое наказаніе. Самое легкое, но для него худшее, чѣмъ смерть. При его гордости, оно хуже наказанія плетью или каторгой.

— Что же такое?—тревожно спросилъ онъ.

Сусанна Юрьевна объяснила, что надумала сдѣлать нѣчто, о чемъ слышала въ молодости, будучи еще дѣвочкой. Сосѣдъ ея дяди такое надумалъ и зачастую такъ наказывалъ.

— Поставить столбъ и конурку... Вотъ здѣсь въ саду хоть предъ окнами... И посадить его на цѣпь, какъ собаку! — твердо и рѣшительно выговорила Сусанна.

Басановъ понялъ на половину и переспросилъ.

— Приковать къ цѣпи за ногу или за руку къ столбу... И пусть ходитъ кругомъ столба, какъ собака... А народъ будетъ глазѣть на него. А это ему ножъ острый. Хуже плетей и Сибири.

— Надолго ли?—коротко вымолвилъ Дмитрій Андреевичъ...

— Не знаю. Тамъ видно будетъ.

— И зима подойдет—онъ все сидѣть на цѣпи будетъ?

— Увидимъ. Зимой перевести можно въ горницу въ тотъ же рунтовой домъ.

Дмитрій Андреевичъ закачалъ головой.

— Совсѣмъ побабьи затѣяно, — выговорилъ онъ. — Да побабьи. А вмѣстѣ съ тѣмъ таково ехидно, что если онъ съ цѣпи сорвется, скажемъ, какъ собака... То уже будетъ бѣшенный пёсъ... И васъ первую отправить на тотъ свѣтъ.

— И пускай...

— Бабье, злое, но не разумное разсужденіе, а то просто младенческое разсужденіе. Сказываютъ дитяти: ушибешься! А онъ от-

вѣчаетъ озорно: «И пускай!». Вотъ мой балованный Олимпій такъ-то матери отвѣчаетъ.

— Все это къ дѣлу не идетъ!.. Я пришла вамъ объяснить, что я хочу... И просить ваше согласіе.

— Не могу... Не могу я на эдакое... заволновался Басановъ.—И не изъ сердоболія... А изъ-за срама. Стыдно. Да. Бабы затѣи исполнять. Стыдно людей. Сажать человѣка на цѣпь, какъ собаку, и потѣшаться. Всѣ осудятъ. Вся Высокса ахнетъ и осудить. Да наконецъ и противу закона. Намѣстникъ вступится и прикажетъ прекратить изувѣрскую, глупую и недостойную дворянина потѣху.

— Такъ вы этого разрѣшенія мнѣ не дадите?—выговорила Сусанна Юрьевна запальчиво и какъ бы грозяся.

— Санна! Дорогая... Ну, разсуди...

— Нечего мнѣ разсуждать. Я давно разсудила. И послѣдній разъ спрашиваю: дадите разрѣшеніе все по-моему приказать сдѣлать или нѣтъ... Если нѣтъ, то я... Я оповѣщу всю Высоксу, какъ вы стали ея владѣльцемъ...

— Я не знаю, какъ я имъ сталъ... глухо заговорилъ Басановъ и мѣняясь въ лицѣ... Я ничего худого не сдѣлалъ. Вы мнѣ послѣ содѣяннаго все пояснили. Я не виноватъ ни въ чемъ... Кто затѣялъ и кто совершилъ—не мое дѣло... Но оглашать таковое—все-таки... отчаянное безуміе!

— Такъ дайте ваше согласіе казнить Аньку, какъ я надумала. Басановъ молчалъ.

— Ну-съ. Чтѣ же? Хотите пораздумать, съ Михалисомъ посо-вѣщаться. Чтѣ-жѣ, я подожду хоть до завтра,—усмѣхнулась Сусанна насмѣшливо.

— Какъ знаете!—махнулъ рукой Басановъ.—Срамите и себя и меня. Всю Высоксу срамите. Впрочемъ, какъ въ губерніи узнаютъ, сейчасъ отрядятъ сюда приказныхъ...

— Откупимся. А Анька все-таки на цѣпи останется!..

Сусанна поднялась и спросила какъ бы официально:

— Изволите разрѣшить, Дмитрій Андреевичъ, ставить столбъ въ саду, на кругу, гдѣ качели?

— Какъ знаете. Говорю: срамите... Я всѣмъ буду сказывать, что это не я, не моя затѣя...

— Я все на себя беру.

И Сусанна Юрьевна довольная, чуть не радостная, пришла къ себѣ на верхъ... Вызвавъ Пастухова и оберъ-рунта Ильева, она приказала имъ тотчасъ же распорядиться.

И вся Высокса дѣйствительно ахнула, а равно вся безъ исключенія осудила барышню затѣйницу и барина «потакателя».

Черезъ сутки вблизи отъ дома на кругу былъ врытъ большой столбъ. На немъ былъ желѣзный обручъ съ цѣпью довольно длинной, но не тяжелой, на концѣ которой былъ наручникъ...

X.

На слѣдующій день предъ полуднемъ куча народа толпилась въ саду, въ ожиданіи привода виновнаго къ мѣсту позорища. Тутъ были и нахлѣбники, и дворня, и заводскіе... Всѣ глядѣли сурово или смущенно... Происходящее было очевидно имъ не по душѣ.

И въ самый полдень все вдругъ зашумѣло, загудѣло, задвигалось.

Двое рунтовъ вели чрезъ садъ Гончаго, связаннаго бичевой по рукамъ, держа два конца бичевы. Еще двѣ пары рунтовъ шли впереди и сзади. Гончому еще по утру было объявлено, какое его ждетъ наказаніе за содѣянное имъ когда-то преступленіе, оставшееся безъ возмездія.

— Къ цѣпному псу приравняли, — отозвался онъ глухо, но спокойно.

И затѣмъ чрезъ нѣсколько минутъ онъ прибавилъ, уже усмѣхаясь.

— Доложите-ка вы барину вашему, чтобы указалъ меня заморить на цѣпи. А коли спустятъ, или я самъ сорвусь, то многихъ перекусаю, начавъ съ него, съ перваго.

Теперь, идя съ рунтами на мѣсто позорища, Анька былъ блѣденъ и шелъ, опуствя глаза. Вся толпа при его появленіи смолкла... Уже, будучи около столба, Анька удивился царящему молчанію и быстро окинулъ глазами всѣхъ толпящихся... Никто не ухмылялся, враждебныхъ взглядовъ тоже не было. Всѣ смотрѣли на него странно и если, не прямо сочувственно, то сурово негодуя.

— Вонъ что вашъ молодой баринъ творить! — презрительно произнесъ Гончій, обращаясь ко всѣмъ.

— Это не онъ! Барышня! — крикнулъ робкій голосъ изъ заднихъ рядовъ.

— Люби кататься, люби и саночки возить, — раздался другой голосъ громкій, веселый, довольный...

Это былъ князь Давидъ, подходившій къ столбу.

— Пришелъ я тебѣ да и всѣмъ сказать, Онисимъ, — продолжалъ князь, — что эта затѣя измышлена Сусанной Юрьевной. Ей спасибо скажи. А Дмитрій Андреевичъ такового не оправдываетъ. И ты на него не злобствуй.

Рунты взяли Гончаго за правую руку и надѣли ему желѣзный наручникъ около кисти руки и замкнули...

Между тѣмъ въ верхнемъ этажѣ въ маленькой комнатѣ у окна, выходившаго въ садъ, стояла Сусанна, нѣсколько отступя, чтобы не быть видимой извнѣ. Это была спальня Угрюмовой и единственная комната, выходящая къ сторонѣ сада. Сусанна смотрѣла сурово... Народъ, толпившійся вокругъ столба въ сотнѣ сажень отъ нея, даже издали казался сильно взволнованнымъ. Не было гула и гудѣнія отъ бойкаго или веселаго говора. Когда она увидѣла иду-

щаго Гончаго — въ первый разъ послѣ восьми лѣтъ — сердце дрогнуло въ ней. Она вся обратилась въ зрѣніе...

Анька казался не старѣе, а будто моложе... Только черная борода клиномъ и курчавые усы казались гуще и чернѣе... Выступая съ руками, скрученными за спиной, онъ шелъ, выпятивъ грудь, будто важно, шагаль твердымъ и мѣрнымъ шагомъ. И даже теперь, здѣсь, среди всѣхъ другихъ онъ былъ, какъ сказывается, «отметнымъ соболемъ».

Сусанна провела рукой по лбу, по лицу, что она дѣлала уже второй день постоянно, будто отгоняя тяжелую и все ту же думу... Теперь, въ эту минуту, съ ней творилось что-то совсѣмъ уже непонятное ей...

Какое чувство всплыло въ ней вдругъ — и совершенно ясно — къ этому человѣку, котораго когда-то она любила и который ее безумно обожалъ, — она не знала, потому что упрямо не хотѣла его назвать по имени...

А между тѣмъ что-то непонятное заставляеть ее, приказываетъ ей, вопреки сердцу, даже разуму, поступать враждебно къ этому человѣку, злобно, дико... и бессмысленно.

Да, бессмысленно! Вѣдь ей не хотѣлось бы дѣлать ему никакого зла... Напротивъ, ей хотѣлось бы иное. Что же это въ ней? Колдовство?! Да!

Долго стояла у окна она. Толпа, заслонявшая столбъ и Аньку, порѣдѣла, растаяла... Народъ разошелся... Но все-таки покуда одни уходили, другіе приходили поглазѣть... И только разъ увидѣла она Гончаго у самого столба, сидящаго на травѣ, опустья голову. Цѣпь висѣла между нимъ и столбомъ...

«Приказать сейчасъ? — думала Сусанна, спрашивая самое себя... Приказать? Позвать Ильева и приказать! Сказать: довольно. Для примѣра было, молъ... Власть свою явить. А злобы пѣтъ на старое. Уходи, Богъ съ тобой, но помни... Видѣли тебя всѣ, какъ пса сторожевого на цѣпи».

И спрашивая себя въ сотый разъ, она не двигалась отъ окна и все смотрѣла, все ждала мгновенья, что кучка народа разступится, и она опять увидить его.

Голосъ Анны Фавстовны заставилъ Сусанну вздрогнуть, настолько забылась она.

- Барышня! — уже третій разъ звала ее Угрюмова.
- Ну, что вамъ? — рѣзко и гнѣвно отозвалась она.
- Барышня. Къ вамъ Ильевъ... Доложить хочетъ чтой-то...
- Ильевъ? — почти обрадовалась она. — Гдѣ онъ!..
- Ждетъ тутъ въ коридорѣ.
- Зовите. Скорѣе!

Сусанна Юрьевна вышла въ свою гостиную и волнуясь ждала, что скажетъ оберъ-рунтъ, за которымъ она сама собиралась послать.

— Ну, что, Егоръ Васильевичъ? — произнесла она быстро, когда молодой человекъ показался на порогѣ.

Ильевъ былъ видимо смущенъ и заговорилъ робко.

— Простите, барышня... Не гнѣвайтесь... Ужъ очень онъ просить... Я на себя и взялъ. Не гнѣвайтесь.

— Кто? Что? Говорите толкомъ! — вскрикнула Сусанна.

— Я не виновать... Какъ вы изволите... Просить...

— Говорите! Кто!?

— Гончій.

— Что просить? — снова вскрикнула Сусанна.

— Просить разрѣшить приковать его за лѣвую руку, а не за правую, — вымолвилъ Ильевъ, смущаясь и объясняя крикъ барышни гнѣвомъ. — Говорить: перекрестить лба нельзя... А оно собственно все одно. Можно и за ногу приковать. Дозволите?

— Такъ ступайте сейчасъ къ нему, Егоръ Васильевичъ, и скажите отъ меня... заговорила Сусанна крайне взволнованнымъ голосомъ, слегка упавшимъ отъ внутренняго смятенія... Скажите ему, что я хотѣла примѣръ на немъ показать... хотѣла только, чтобы онъ зналъ, вспомнилъ...

И она вдругъ смолкла и снова приложила руку къ горячему лбу, снова провела рукой по головѣ и по лицу...

Ильевъ ждалъ... Барышня стояла истуканомъ, глядя въ полъ, задумавшись и будто даже забывъ, что онъ передъ ней...

Прошло нѣсколько мгновеній. Она очнулась и вымолвила совершенно другимъ голосомъ, спокойнымъ и холодно строгимъ.

— Прикажите перемѣнить... Пускай за лѣвую. Все равно...

Ильевъ вышелъ, нѣсколько недоумѣвая, спустился въ нижній этажъ, вышелъ въ садъ и уже приближался къ столбу, а Сусанна все еще стояла на томъ же мѣстѣ среди своей гостиной и не двигалась, какъ окаменѣвшая.

Ее приковалъ къ мѣсту вопросъ, который она хотѣла непременно рѣшить сейчасъ, не сходя съ мѣста.

А рѣшить она не могла.

Наступили сумерки. Сусанна не спустилась къ столу, осталась у себя въ спальнѣ и сидѣла теперь безъ всякаго дѣла, приказавъ, однако, себя не беспокоить, а если кто спросить, сказать, что она прилегла, чувствуя головную боль.

Замѣтивъ вдругъ, что уже стемнѣло, она кликнула Угрюмову и приказала ей тотчасъ же справиться: когда давали ѣсть Гончему и что ему приносили? Кто? Откуда?

Анна Фавстовна вышла и явилась тотчасъ же обратно съ отвѣтомъ, что Гончему дали послѣ полудня краюху хлѣба и поставили кувшинъ съ водой.

— Прикажите сейчасъ снести ему людской обѣдъ. А если нѣтъ, не осталось ничего... прикажите сейчасъ взять всего, что можно

изъ людскаго ужина, и сварить и снести. Не ждате ихъ ужина. Поняли? Сейчасъ состряпать, что можно, и снести ему... Наблюдайте сами...

И отправивъ удивленную Угрюмову, Сусанна начала шагать по своимъ комнатамъ взадъ и впередъ, какъ бы не находя себѣ мѣста.

Когда Угрюмова вернулась и доложила, что Гончому понесли въ посудѣ похлебки, кусокъ пирога и захватили даже бутылку квасу, вдругъ вымолвила рѣзко, сумрачно:

— Анна Фавстовна, хотите мнѣ услужить?

— Господь съ вами!—удивилась женщина не словамъ, а чудному голосу своей барышни.—Приказывайте, что ни на есть,—все исполню. Хоть въ Кіевъ пѣшкомъ пойду.

— Подите къ нему, поглядите и придите мнѣ сказать.

— Куда?.. не поняла Угрюмова.

— Подите къ столбу...

— Къ Гончому?

— Да. Поглядите и скажите мнѣ, что онъ...

— Извольте... изумляясь, отвѣтила Угрюмова.

— Поглядите. Злобенъ онъ... Какъ смотреть, говорить... Или не злобенъ... Только обиженъ, пристыженъ?.. Или весель, наконецъ! Я что знаю! Съ него всего станется!.. Онъ не Дмитрій Андреевичъ или эти... всѣ... Балабаны!

И послѣднія слова она выговорила съ насмѣшливымъ презрѣніемъ. «Балабаны» всегда говорилъ покойникъ Аникита Ильичъ, и она знала только, что это почему-то насмѣшливое прозвище, презрительное.

Черезъ полчаса Угрюмова была уже снова въ комнатахъ, побывавъ у столба. Она принесла вѣсть, что Гончій «ничего». Она на него долго глядѣла, но онъ ея не видѣлъ, потому что сидитъ на землѣ, опуствя голову и глаза.

— Упорствуешь!—объяснила она... Всѣ, кто былъ глядѣть, сказываютъ, ни на кого не глянулъ ни разу. Можетъ, отъ злобы, а то и отъ совѣсти.

Сусанна, сидя въ креслѣ, понурилась.

— Перемѣнился онъ, Сусанна Юрьевна, — выговорила вдругъ Угрюмова какъ-то веселѣе.

— Что? Какъ? Какъ перемѣнился?—встрепенулась она.

— Восемь лѣтъ. Шутка ли? А только, простите мое глупое разсужденіе... Онъ и прежде все-таки былъ изъ себя казистъ. А теперь будто и того казистѣе... Ей-Богу! Такой молодець, какихъ мало. Вотъ ей-Богу же!

И только благодаря полутьмѣ въ комнатѣ, Угрюмова не замѣтила, какимъ яркимъ румянцемъ вспыхнуло и запылало лицо ея барышни.

Водворилось молчаніе. Анна Фавстовна боялась продолжать рѣчь

на тотъ же ладъ, опасаясь гнѣва барышни. Сусанна Юрьевна молчала, такъ какъ новая нежданная мысль поглотила ее...

— «Да или нѣтъ?» — спрашивала она себя. И она рѣшила вслухъ: — непременно!

— Что вы это? — спросила Угрюмова.

— Поужиналъ онъ, Анна Фавстовна?..

— Виновата... Забыла доложить... Нѣтъ-съ. Отказался наотрѣзъ. Засмѣялся... Сказалъ: псовъ де цѣпныхъ не приличествуетъ кормить ужиномъ. Съ меня довольно и хлѣба съ водой.

Сусанна не отвѣтила, подавила въ себѣ вздохъ и произнесла мысленно: «непременно!»

XI.

Наступила ночь. Было уже часовъ десять... Погода хмурилась еще съ сумерекъ, и къ ночи густыя облака нависли кругомъ изъ края въ край. На небосклонѣ вспыхивалъ отблескъ дальней грозы. Изрѣдка доносился едва слышный глухой гулъ дальнихъ раскатовъ грома.

Сусанна Юрьевна страшно волновалась, бродя въ своихъ комнатахъ, ходила изъ угла въ уголъ, вдругъ садилась и тотчасъ же поднималась и снова шагала или сновала, переходя изъ одной комнаты въ другую. Она часто подходила къ отвореннымъ окнамъ, глядѣла на небо, глядѣла на дальнія вспышки молніи и каждый разъ тяжело вздыхала, какъ если бы вокругъ нея совершалось что нибудь особой важности.

Въ десять часовъ она позвала молоденькую горничную, недавно взятую въ услуженіе, но которую она уже полюбила и отличала отъ другихъ за смышленность и особенную скромность во всемъ...

Сусанна Юрьевна позвала дѣвушку Агашу въ свою спальню и, не велѣвъ никому входить, довольно долго проговорила съ ней глазъ на глазъ. Затѣмъ, надѣвъ темное платье, накинувъ на голову большой черный платокъ, подвязанный узломъ на спинѣ, она вышла и спустилась по винтушкѣ. Агаша, одѣтая совершенно такъ же, какъ и барышня, послѣдовала за ней. Большіе черные платки, скрещенные на лицѣ, обратили ихъ въ монахинь. Только глаза блестяди между складокъ...

Черезъ минуту десять двѣ женскія фигуры вошли въ садъ и приблизились къ столбу, близъ котораго сидѣлъ на травѣ Гончій. Завидя двухъ женщинъ, онъ сначала не обратилъ на нихъ никакого вниманія, но затѣмъ вдругъ будто встрепенулся, будто что-то кольнуло его, разбудило отъ грустнаго оцѣпенѣнія, въ которомъ онъ былъ.

— Что, Онисимъ Абрамычъ, — заговорила нетвердымъ голосомъ маленькая женская фигурка. — Злобствуешь?.. Кабы могъ, сейчасъ бы за ножъ схватился и пошелъ рѣзать...

Гончій молча присмотрѣлся, внимательно, упорно, будто насилуя себя угадать что-то... Но онъ глядѣлъ не на маленькую женщину, съ нимъ заговорившую, а на другую, высокую... Затѣмъ онъ вздохнулъ глубоко и отвернулся... Чуткое сердце подсказало вѣрно, а разумъ нечуткій, слѣпой обманулъ его...

«Развѣ пойдете она такъ сюда? И зачѣмъ?!»—рѣшилъ разумъ.

И сердце смолкло, покорилось и заняло.

Но маленькая женщина снова заговорила уже крикливо, будто подбадривая себя.

— Небось для тебя барышня нынѣ хуже вѣдьмы... А сказываютъ люди, ты ее страсть какъ боготворилъ прежде...

Гончій не выдержалъ... Эти слова какой-то дворовой женщины, болтавшей зря, среди тьмы ночи, всколыхнули на душѣ цѣлую бурю.

— Знай я, что Сусаннѣ Юрьевнѣ утѣшно, что я, какъ собака, на цѣпи сижу,—заговорилъ онъ со страстью,—то я бы вѣкъ тутъ сидѣлъ, не жалуясь. Только бы приходила она сюда. Только бы видать мнѣ ее. А тамъ прикажи она меня хоть на сто частей накромять, всю кровь выпить, всѣ жилки вытянуть... И я не крикну. За рѣзать вотъ ее—я хоть сейчасъ. Но за другое... А все же таки... Господь Богъ на небеси, да она, барышня, для меня только это и есть на свѣтѣ... Да, Сусанна Юрьевна! Знала бы ты... знала бы ты!..

Гончій взялъ себя руками за голову... Цѣпь громыкнула. Женщина, молчавшая все время, отступила, будто со страху понялась, быстро двинулась отъ столба. Говорившая послѣдовала за ней. Обѣ молча и быстро вернулись къ дому и поднялись по винтушкѣ.

— Жалко его, барышня!—робко выговорила Агаша, подымаясь по винтушкѣ. Эта не отвѣтила ни слова.

Черезъ часъ Сусанна Юрьевна, уже лежа въ постели, горѣла, какъ въ огнѣ. Лице ея пылало, въ вискахъ стучало, дыханіе было неровное, тяжелое, лихорадочное.

Она позвала свою наперсницу и, смѣривъ женщину съ головы до пятъ, произнесла:

— Можно на васъ, Анна Фавстовна, положиться въ важномъ дѣлѣ или нельзя? Боюсь—нельзя. Но все равно. Слушайте! Завтра въ шесть часовъ утра вы прикажете позвать Ильева и прикажете ему, не медля ни минуты, отковать Гончаго и сказать ему: «Барышня приказала! Иди на всѣ четыре стороны. Куда вѣтеръ дуетъ»... Поняли вы? Поняли, что я сказываю?

Голосъ барышни былъ настолько суровъ и строгъ, что Угрюмова отвѣтила робко:—Поняла-съ.

И всю ночь Сусанна не смыкала глазъ, ожидая разсвѣта и утра, когда ей скажутъ, что «онъ» на свободѣ!..

Заслыша по утру за дверями спальни своей странный говоръ, восклицанья и что-то особенное, она позвала... Угрюмова вкатилась, а не вошла, и почти завывала...

— Сусанна Юрьевна! Ушелъ! Ушелъ!

— Кто? Гончій?

— Ушелъ! Ушелъ! Самъ ушелъ! Отрубилъ себѣ руку... И ушелъ...

Сусанна, задыхаясь, вскочила изъ постели... Затѣмъ она поблѣднѣла, зашаталась, упала на кровать навзничъ и тихо простонала. Она сразу поняла все, чего не знали другіе. Два слова скосили ее.

«Отрубилъ руку!»

Дѣйствительно, Гончій за ночь, отрѣзавъ себѣ кисть руки, исчезъ... Какъ, когда все приключилось—никто не зналъ.

Хоть и крѣпка была духомъ и тѣломъ Сусанна Юрьевна, а не выдержала удара...

Угрюмова въ первый разъ увидѣла свою «отчаянную» барышню горько плачущей.

Но если наверху всѣ ближніе къ барышнѣ были смущены, то внизу и во всемъ домѣ были простые толки объ Анкѣ Гончемъ. Кто дивился удали, называлъ молодцемъ человѣка, ушедшаго такимъ способомъ отъ позорища, кто глупо подшучивалъ, а кто сурово замѣчалъ:

— Погоди! Ладно! Дастъ онъ себя теперь знать!

Разумѣется, дворня, а за ней и кой-кто изъ нахлѣбниковъ тотчасъ начали ходить въ садъ къ столбу, глядѣть и ахать...

Глядѣть было бы нечего, однако, кромѣ испачканнаго кровью столба и наручника, если-бъ не было въ травѣ кой-чего, на что всѣ именно и зарились... мужчины—сурово или подшучивая... женщины—съ криками, ахами и охами... Среди сильно окровавленной и примятой травы лежало что-то для всѣхъ и простое и диковинное вмѣстѣ. Рука!

Отрѣзанная кисть руки съ пятью пальцами, которые крючкo-вато завернулись къ ладони, была бѣла какъ снѣгъ и производила почти на всѣхъ такое же впечатлѣніе, какъ если-бъ тутъ лежало цѣлое мертвое тѣло. Мнѣгихъ морозъ пробиралъ по кожѣ. Никто, конечно, руки не тронулъ.

Около девяти часовъ явился оберъ-рунтъ Ильевъ и приказалъ взять руку въ лукошко, столбъ вырыть и увезти, а землю взрыть, чтобы не было крови.

Когда доложили барину о происшествіи, Дмитрій Андреевичъ сильно взволновался.

— Жаль бѣднягу,—сказалъ онъ.—Все же молодцемъ поступилъ.

— Молодчина!—повторяли многіе въ Высокѣ.

— Да, молодчина... Только жди, братцы... Жди!

Однако Денисъ Иванычъ Змглодъ всѣхъ успокоилъ, объяснивъ, что врядъ ли Гончій останется живъ.

То же говорили и оба доктора высокскіе—русскій изъ хохловъ Максименко и нѣмецъ Шварцъ.

Денисъ Иванычъ отправился навверхъ, чтобы скорѣе успокоить

барышню, сказать ей, что не слѣдъ бояться Аньки. Сусанна Юрьевна блѣдная лежала въ постели и поэтому никого не допускала къ себѣ.

Угрюмова передала барышнѣ докладъ Змглода, чтобы барышня не опасалась ничего.

— Докладаетъ Денисъ Ивановичъ, что наши дохтуры оба сказываютъ: кровью, молъ, онъ истечетъ. И безпремѣнно помретъ...

Сусанна Юрьевна отвернулась и уткнулась лицомъ въ подушку... Черезъ мгновеніе она глухо рыдала.

ХІІ.

Прошло болѣе недѣли.

Въ домѣ были опять сборы на охоту.

Басановъ снова собирался на три-четыре дня и почти не по своей волѣ. Гости и нахлѣбники предпочитали Высоксѣ «охотный домъ». Тамъ было то же разливанное море, но больше свободы, потому что не на глазахъ барыни и барышни, косящихся на ихъ пиры.

Большой домъ между непроходимыми лѣсами съ одной стороны и озеромъ съ болотами на три версты—съ другой, былъ той же богатой усадьбой, снабженной всѣмъ на свѣтѣ.

Усадьба эта, называвшаяся «Охотнымъ» домомъ, была выстроена лѣтъ пять назадъ и по особому плану московскимъ архитекторомъ. Верхній этажъ дома былъ раздѣленъ пополамъ длиннымъ коридоромъ, и обѣ половины подѣлены на небольшія комнаты спальни. Только одна изъ нихъ въ концѣ коридора была много просторнѣе и роскошнѣе отдѣлана, чѣмъ всѣ остальные. Конечно, это была спальня самого хозяина. Въ нижнемъ этажѣ было только три комнаты: небольшая передняя, довольно большая гостиная и очень большая столовая, гдѣ можно было за столомъ «покоемъ» умѣститься хотя бы и сотнѣ человѣкъ гостей.

Вокругъ главнаго дома было два флигеля и нѣсколько домиковъ и избъ. Въ одномъ изъ флигелей помѣщались исключительно охотники изъ дворовыхъ людей, а въ другомъ гусары. Въ остальныхъ строеньяхъ размѣщались псары съ собаками, прислуга и разный случайный народъ.

Разумѣется, при главномъ домѣ были двѣ большія кухни, для господъ и для холоповъ, были кладовыя и подвалы съ винами. Домъ, кромѣ того, былъ, какъ усадьба, снабженъ всѣмъ, имѣлъ свое постельное и столовое бѣлье, свою посуду и даже свое особое серебро...

Обыкновенно все стояло загадочно пустое въ полномъ затишьи глуши. Жили тутъ постоянно только двое надсмотрщиковъ—старикъ и молодой малый, и женщина ключница, а при нихъ два дюжихъ мужика сторожа.

Но когда появлялся здѣсь баринъ съ гостями, выславъ, конечно,

наканунѣ поваровъ и прислугу, то, разумѣется, охотный домъ превращался въ гулкій муравейникъ, гдѣ всѣмъ, отъ самаго важнаго столичнаго гостя до послѣдняго мальчугана поваренка, бывало веселѣе, чѣмъ въ Высокѣ. Здѣсь всякій творилъ, что хотѣлъ... И что здѣсь ни случись, все прощалось. Только степеннымъ людямъ бывало здѣсь не по себѣ, и они, озираясь, покачивали головами.

Только изрѣдка, раза два въ годъ, пріѣзжали сюда и барыня съ барышней, но какъ бы въ гости...

Для нихъ устраивались «садки». Выпускали на лугъ саженыхъ волковъ, зайцевъ и лисицъ и травили ихъ. Но ни Сусанна, ни Дарьюшка не любили этой забавы.

Впрочемъ и Басановъ самъ не былъ собственно охотникомъ въ душѣ. Если бы не пріатели и пребываніе въ охотномъ домѣ съ кутежами, картами и попойками, то онъ бы, конечно, и ружья въ руки не бралъ. Охота была собственно предлогомъ. Но было, однако, одно, что молодой Басановъ дѣйствительно любилъ, такъ какъ оно было связано съ нѣкотораго рода волненіемъ и, пожалуй, даже опасностью. Онъ любилъ охоту на медвѣдя.

Медвѣдей, конечно, въ окружающихъ лѣсахъ было много, но странствовать въ страшной дремучинѣ и чащѣ лѣса, которая около Высокы называлась даже особымъ именемъ «стѣной», какъ бы въ подтвержденіе или опредѣленіе страшной чащи,—было мудрено и скучно.

Углубляться въ лѣсъ—«стѣну», дѣлая часа въ четыре времени не болѣе версты, чтобы увидѣть медвѣдя мелькнувшаго и исчезнувшаго, могли только заправскіе охотники. А таковыхъ было много. Они сдѣлали изъ охоты промыселъ, довольно выгодный, такъ какъ, помимо губерніи, самъ молодой баринъ платилъ по три рубля за всякую медвѣжью шкуру. Подобнаго рода обыкновенная охота для веселой компаніи прихлебателей молодого богача, конечно, была не по душѣ. Поэтому барину подготовляли охоту, выслѣживали медвѣдя не только зимой въ берлогахъ, но и лѣтомъ. И Дмитрій Андреевичъ отправлялся всегда навѣрняка, зная впередъ, что пріѣдетъ съ полемъ.

Однажды завѣдующій охотой доложилъ барину, что какъ разъ невдалекѣ отъ охотнаго дома, верстахъ въ двухъ, выслѣдили огромную медвѣдицу съ тремя медвѣжатами. Басановъ былъ очень радъ, такъ какъ прошло уже мѣсяца три, что онъ не ходилъ на медвѣдя.

Тотчасъ же начались сборы, а черезъ два дня веселая компанія была въ охотномъ домѣ.

Отчаянный картежникъ, грекъ Михалисъ, изъ боязни никогда на эти охоты не ѣздилъ, такъ какъ стрѣлялъ плохо и ухитрялся промахнуться даже въ сидячаго зайца. Басановъ, какъ бывало и прежде, началъ уговаривать наперсника тоже взять карабинъ и присоединиться къ другимъ. Михалисъ, всегда упорно отказывавшійся, на этотъ разъ согласился, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы при немъ, въ

помощь ему и охрану, былъ безотлучно одинъ изъ лучшихъ охотниковъ.

Вслѣдствіе согласія Михалиса участвовать въ охотѣ, на этотъ разъ въ охотномъ домѣ было особенно весело. Всѣ шутили на его счетъ, заранѣе описывая, какъ именно на него выйдетъ медвѣдица, которая всегда бываетъ въ десятеро злѣе медвѣдя. Какъ Михалисъ промахнется! Охотникъ, къ нему приставленный, тоже промахнется! А медвѣдица подберетъ грека подъ себя и надѣлаетъ изъ него лыка.

Приѣхавъ въ охотный домъ въ сумерки, все общество, конечно, думало больше о вечерней попойкѣ, нежели объ охотѣ. Въ числѣ прочихъ гостей былъ владимірскій помѣщикъ, бывший товарищъ Басанова по полку, Сухомлиновъ, два брата-гусары Хвостовы, накануне приѣхавшіе изъ Петербурга, молодой Бобрлицевъ и наконецъ князь Давыдъ...

Въ противоположность греку, Никаевъ не ѣздилъ на простыя охоты за лѣсной дичью или болотной, но за то никогда не пропускалъ ни одной медвѣжьей охоты. Стрѣлялъ онъ отлично, былъ особенно смѣлъ и всегда дѣлалъ то, чему обучилъ его опытный стрѣлокъ Михаилъ Ильевъ. Князь издали стрѣлялъ по медвѣдю изъ пистолетовъ, стараясь куда ни на есть ранить его, хотя бы и легко, а затѣмъ кидался къ нему ближе, кричалъ, гикалъ... Когда же испуганный, а тѣмъ паче раненный звѣрь поднимался на заднія лапы и шелъ на него, князь подпускалъ елико возможно ближе, иногда даже шага на три разстоянія и клалъ на мѣстѣ вѣрнымъ выстрѣломъ въ глазъ. Не разъ случалось, что тяжелая машина-звѣрь падалъ прямо къ нему въ ноги.

Несмотря на то, что вечеромъ былъ ужинъ, длившійся до десяти часовъ, на другой день на зарѣ все уже поднялось на ноги. Черезъ часъ охотники, человекъ десять, двинулись въ лѣсъ, но вмѣстѣ съ ними шла гурьба, человекъ до ста крестьянъ, приведенныхъ съ ближайшаго завода. Несмотря на то, что это была цѣлая толпа, тишина была полная.

Наконецъ, всѣ были на мѣстахъ, и все пошло обычнымъ порядкомъ. Охотники были разставлены въ разныхъ мѣстахъ чащи, при каждомъ было человека два съ рогатинами и ножами, чтобы въ случаѣ промаха расправиться съ звѣремъ на простой дѣдовскій ладъ. Всѣхъ крестьянъ въ полномъ молчаніи растянули въ линію съ противоположной стороны. Это длилось довольно долго, такъ какъ приходилось это дѣлать тихо, тщательно и осторожно.

Наконецъ, раздался сигналъ, пронзительный свистокъ. Всѣ охотники насторожились. Въ то же мгновеніе въ лѣсу раздавался дикій гулъ. Разставленные мужики двинулись, крича, свистя, хлопая дубинами по деревьямъ... Лѣсъ огласился какой-то дьявольской музыкой, которая могла навести страхъ не только на медвѣдицу, но и на всякаго, кто не зналъ бы, въ чемъ дѣло.

Дмитрій Андреевичъ, поставленный знатокомъ охотникомъ, разумѣется, на хорошее, если не на лучшее мѣсто, имѣлъ при себѣ двухъ самыхъ хорошихъ опытныхъ молодцовъ съ рогатинами. Цѣпь хлопальщиковъ и крикуновъ все приближалась, была уже, вѣроятно, на разстояніи не болѣе ста сажень отъ Басанова, а о медвѣдицѣ съ медвѣжатами не было и помину. Но вдругъ одинъ изъ рогатниковъ вскрикнулъ:

— Дмитрій Андреевичъ, гляди!.. Вона! Вона!

И онъ указалъ барину въ чащу направо, гдѣ мелкнуло что-то едва замѣтное, какъ будто катился по хворосту сѣрый шаръ. Это былъ медвѣжонокъ.

Басановъ выстрѣлилъ. Въ то же мгновеніе, налѣво отъ него, невдалекѣ, очевидно Михалисъ выстрѣлилъ тоже. Далѣе раздался еще выстрѣлъ. Очевидно медвѣдица растеряла своихъ медвѣжатъ, спасаясь изъ ада, въ который превратился лѣсъ. Грянуло еще два выстрѣла, гораздо ближе... одинъ направо, нѣсколько впереди, другой сзади.

Вскрикнувъ, запатавшись, Басановъ, какъ сногъ, повалился на землю. Два молодца съ рогатинами обомлѣли, превратились въ истукановъ и, ничего не понимая, не двигались.

— Что?!.. Что это?!.. вскрикнулъ Дмитрій Андреевичъ, стараясь приподняться съ земли... Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ схватился за грудь, и рука его оказалась вся въ крови.

Понявшіе, наконецъ, въ чемъ дѣло, рогатники подняли страшный вопль, зова на помощь... Но ихъ крики, конечно, заглушались неистовымъ завываньемъ приближавшейся цѣпи хлопальщиковъ.

Долго не являлась помощь. Только черезъ полчаса всѣ охотники собрались вокругъ лежащаго... Пораженные, потерявшіе разумъ отъ перепуга и ужаса, всѣ только кричали, метались и закидывали другъ друга пустыми вопросами:

— Какъ?.. Что?.. Кто?.. Когда?

И не сразу собрались всѣ дѣло дѣлать. Наконецъ, Басанова подняли четверо человекъ и, съ величайшимъ трудомъ пробираясь сквозь чащу, понесли осторожно и тихо въ охотный домъ, чуть не за цѣлую версту.

Гости и нахлѣбники шли молча сзади въ какомъ-то оцѣпенѣніи... Только князь Давыдъ повторялъ раза три внѣ себя отъ гнѣва и волненія.

— Это не спроста! Это не нечаянность!!

XIII.

— Гончіи!

— Дождались!

— И слѣдъ было такого ожидать!

— Вотъ и сажай людей, какъ псовъ на цѣпь.

— За что же такъ?—Барина, а не барышню?!

— Чтой-то будетъ?! Чтой-то будетъ?!

Такъ толковала на первыхъ порахъ съ ногъ смотавшаяся отъ волненія, пораженная и какъ бы нравственно пришибленная, Высокса.

Только одинъ человѣкъ судилъ дѣло по-своему и не подозревалъ Гончаго. Это былъ умный Змглодъ. Онъ былъ глубоко убѣжденъ и повторялъ вѣжъ, что Гонцій, по всей вѣроятности, самъ теперь уже на томъ свѣтѣ.

И понемногу дѣло представилось еще мудренѣе, еще темнѣе.

Кто же покусился на жизнь добраго, всѣми любимаго барина? Зачѣмъ? Почему? Кому понадобилась его смерть? Задалась Высокса вопросомъ. И если баринъ помретъ, то барыня, еще молодая, поплакавъ недолго, не соберется ли опять замужъ. И тогда «чтой-то будетъ»? Кто будетъ владѣльцемъ всего и всѣхъ? Вдругъ послѣ добраго и ласковаго Дмитрія Андреевича наживетъ Высокса второго Аникиту Ильича. Такого же грознаго, да къ тому же не такого же справедливаго. И привольная спокойная жизнь обратится въ мытарство, пожалуй, даже въ каторжное существованіе. Бѣдъ всякъ человѣкъ отъ девяносто-лѣтняго дѣда до младенца зависитъ отъ воли, отъ прихоти своего барина душевладѣльца.

За восемь лѣтъ никто въ Высоксѣ зря не пострадалъ, въ солдаты не сданъ, въ Сибирь не угнанъ. За восемь лѣтъ только грозился баринъ. Буяны и негодяи — и тѣ уцѣлѣли, только высланы съ заводовъ въ дальнюю и степную вотчину.

И вотъ теперь, помри баринъ Дмитрій Андреевичъ, надо будетъ Бога молить, чтобы Дарья Аникитишна оставалась вдовой... А чрезъ тринадцать лѣтъ будетъ уже Олимпій Дмитриевичъ совершеннѣйшимъ и можетъ вступить въ управленіе заводами.

Такъ толковала и разсуждала Высокса.

Басановъ лежалъ въ охотномъ домѣ... Помимо двухъ своихъ докторовъ, былъ еще третій, вызванный изъ Владиміра, человѣкъ пожилой, заслуженный, съ орденомъ на шеѣ, по происхожденію нѣмецъ, по фамилии Франкфуртеръ. Лицомъ онъ былъ непріятель—черный, крючконосый, съ огромнымъ ртомъ... Зато онъ, какъ докторъ, всѣмъ внушалъ довѣріе въ своихъ познаніяхъ.

Свои доктора тотчасъ же присудили барина къ смерти и дали ему нѣсколько дней жизни. Губернскій докторъ, явившись на третій день утромъ и осмотрѣвъ раненаго, первый заявилъ, что терять надежды не слѣдъ.

Въ Высоксѣ въ большомъ домѣ было мертво тихо и пусто, какъ никогда не бывало. Всѣ, отъ барыни съ сыновьями и барышнями до главныхъ приживальщиковъ, переѣхали въ охотный домъ среди лѣса. Разумѣется, псари, охотники, гусары—всѣ были въ Высоксѣ, а комнаты верхняго этажа охотнаго дома, равно оба флигеля и всѣ домики и избы были заняты господами и ближними людьми, никогда

еще здѣсь не бывавшими. Такимъ образомъ вся жизнь высоккаго дома перешла въ охотный домъ. Среди глуши лѣса появилась сразу настоящая усадьба... На дорогѣ между лѣсомъ и Высокой было чуть не гулянье отъ зари до зари... Ъхали взадъ и впередъ всякіе экипажи и всадники... Скакали гонцы... Шли пѣшеходы кучками, такъ какъ все заводское населеніе постоянно ходило справляться: «Что баринъ?».

Прошла недѣля...

Дмитрій Андреевичъ былъ слабъ, боленъ, но страдалъ сравнительно мало. Главная бѣда заключалась не въ характерѣ раны... Онъ былъ раненъ навывлетъ. Пуля пробила лопатку и вышла подъ ключицей, но серьезнаго смертельнаго поврежденія не причинила. Бѣда была въ томъ, что Басановъ, котораго долго несли лѣсомъ на рукахъ, едва продираясь сквозь чащу, потерялъ довольно много крови и ослабѣлъ.

Однако, когда пошла вторая недѣля, докторъ Франкфуртеръ всѣмъ къ нему обращающимся отвѣчалъ неизмѣнно:

— Если я Дмитрія Андреевича черезъ мѣсяць не поставлю на ноги, то возьмите меня и утопите вотъ въ этомъ озерѣ.

И все въ Высокѣ приободрилось...

Уже перестали толковать о томъ, кто будетъ новымъ баринномъ, новымъ — помилуй Богъ — душевладѣльцемъ... Всѣ снова толковали теперь исключительно о томъ, какъ дѣло приключилось... Кто стрѣлялъ? Кто подстрѣлилъ? Нечаянно или умышленно?

И кончила тѣмъ Высокса, что рѣшила:

— Вѣстимое дѣло—ненарокомъ!

Одинъ любимецъ барина, князь Никаевъ, продолжалъ упорно стоять на своемъ, что дѣло это темное, что такъ оставлять его нельзя. Надо расслѣдовать, кто былъ въ линіи охотниковъ, когда подняли медвѣдицу, и кто не былъ въ линіи, а впереди и позади...

— Ничего, князь Давыдъ Анатольевичъ, расслѣдовать и узнать нельзя!—повторялъ Змглюдъ.—Нечего разузнавать, кто былъ и кто не былъ въ линіи. Надо уразумѣть, нѣтъ ли человѣка въ Высокѣ который бы тайлъ въ себѣ злобу на Дмитрія Андреевича.

— Вѣрно!—отвѣчалъ князь Давыдъ.—И надо добиться, кто онъ таковой, а не сказывать, что все случилось ненарокомъ, и руки покладать. Напротивъ не покладать рукъ, покуда не окажется злодѣй. А злодѣй этотъ изъ пріятелей Гончаго.

Змглюдъ былъ не согласенъ съ этимъ мнѣніемъ. Онъ разсуждалъ, что еслибъ Анька ушелъ цѣлъ и невредимъ, то его самого можно бы было еще заподозрѣть. А онъ на томъ свѣтѣ безъ всякаго сомнѣнія... А если и живъ, то ужъ, конечно, въ тотъ день, когда на барина покушеніе было произведено, самъ валялся при смерти. Отецъ Аньки, старикъ Абрамъ, на такое дѣяніе никогда не пойдетъ. Не таковъ! У него трехъ сыновей убей, и онъ развѣ въ

монастырь соберется съ горя, а не кровь проливать. Пріятелей такихъ у Гончихъ, чтобы они пошли за него мстить, не можетъ быть. Дружба дружбой, а всякому своя шкура дорога... Стало быть, не Гончій тутъ виноватъ, а нѣкто другой... А вѣрнѣе все объясняется простой случайностью.

Сусанна Юрьевна, хворавшая послѣ исчезновенія Аньки, была уже нѣсколько спокойнѣе, когда разразился громовый ударъ надъ Высокой.

Барышня, при извѣстїи о невѣроятномъ происшествїи на охотѣ, тотчасъ отправила гонца въ городъ за губернскимъ докторомъ, а сама, приказавъ запрячь таратайку, первая изъ всѣхъ при-мчалась въ охотный домъ.

Ея появленіе оживило и прїободрило всѣхъ. Даже самъ раненый сталъ глядѣть иначе.

— Пустое!—рѣзко, твердо объявила Сусанна, какъ бы врачъ.— Если рана въ грудь, насквозь... и льетъ кровь, а дышать вы можете и живы, то, стало быть, и будете живы... Отъ такихъ ранъ, всегда я слыхала, либо люди помираютъ тотчасъ на мѣстѣ, либо живутъ.

Сама Сусанна не вѣрила своимъ словамъ и надежды почти не имѣла, до тѣхъ поръ покуда Франкфуртеръ не заявилъ, что отвѣ-чаетъ за жизнь рапенаго.

Но когда Дмитрію Андреевичу было лучше, и всѣ уже надѣялись на его выздоровленіе, Сусанна стала снова темнѣе ночи, была страшно угрюма, задумчива и молчалива.

Она часто оставалась подолгу одна въ маленькой комнаткѣ недалеко отъ комнаты больного и, схвативъ себя обѣими руками за голову, сидѣла не двигаясь, не замѣчала входившихъ къ ней и не слыхала, если кто заговаривалъ.

Сусаннѣ казалось, что она уже пережила смерть Гончаго,—смерть человѣка, который ей былъ близокъ... ближе и дороже всѣхъ. И дороже всѣхъ именно въ то мгновеніе, когда не только всѣ думали, но и самъ онъ былъ убѣжденъ, что она его ненавидитъ и прези-раетъ.

Все это случившееся было очевидно колдовствомъ. Все это—на-важденіе. Опять на нее «сатана полѣзъ», какъ когда-то часто говорила она Угрюмовой. Или онъ, Анька, любя ее и страдая, обратился къ какому либо колдуну и получилъ «приворотъ любовный» и при-воротилъ ее снова къ себѣ. И въ ней началась борьба... А затѣмъ она уступила колдованію Гончаго... Но онъ этого не зналъ. Все кончилось бы, вѣроятно, полнымъ примиреніемъ. А онъ покончилъ съ собой!

Сусанна вполне убѣдилась въ смерти Аньки особенно съ той минуты, когда увидѣла Басанова въ постели.

Оба были въ одинаковомъ положенїи. Обоимъ грозило одно и

то же, какъ послѣдствіе обильной потери крови. Изъ раны Басанова, конечно, вытекло меньше крови, нежели изъ отрѣзанной руки Аньки. Къ тому же все было къ услугамъ Дмитрія Андреевича—и врачи, и лѣкарства, и всяческій уходъ... А онъ? Анька?.. Онъ ушелъ ночью валяться, какъ собака, гдѣ нибудь въ избѣ, не только не обращаясь за помощью, а скрываясь... Понятно, что онъ истекъ кровью и тихо ушелъ на тотъ свѣтъ, самъ того не зная, что уходитъ.

Внезапное страшное извѣстіе заставило ее встрепенуться, забыть на время о бѣдномъ Анькѣ и о своемъ горѣ, но теперь, поселясь въ охотномъ домѣ и уже зная, что больной поправляется и будетъ живъ, Сусанна снова впала въ свое прежнее оцѣпенѣніе... Когда до нея доходили толки и предположенія, что покушеніе на Басанова дѣло Гончаго или его пріятелей, она молча трясла головой. «Онъ на томъ свѣтѣ, думалось ей, а пріятелей-друзей у него развѣ я одна!..»

Но помимо Сусанны Юрьевны была еще другая личность, на которую всѣ дивились: барыня Дарья Аникитишна.

Молодая женщина была неузнаваема, настолько поразило ее, казалось, происшествіе съ мужемъ... Въ началѣ оно было совершенно естественно, но теперь, когда Дмитрій Андреевичъ начиналъ поправляться, она продолжала смотрѣть, какъ пришибленная, будто не радовалась, а оставалась подъ гнетомъ... И чего?.. Перваго перепуга, отъ котораго не могла еще очнуться?.. Или чего иного?

Всѣмъ сдавалось неволью, что не самая болѣзнь мужа гнететъ молодую барыню, а будто что-то иное, затаенное...

XIV.

Прошло болѣе мѣсяца со дня роковой охоты и ужаснаго случая. Всѣ снова были въ большомъ домѣ уже недѣли съ двѣ.

Дмитрія Андреевича перевезли въ Высокку осторожно, шагомъ, на перинахъ, пристроенныхъ въ большомъ рыдванѣ. Благодаря доктору Франкфуртеру и дѣльному искусному пользованію и уходу, Басановъ быстро поправлялся и теперь уже могъ подолгу сидѣть въ постели, могъ бесѣдовать и даже шутить. Было лишь одно обстоятельство, мѣшавшее немного быстрому выздоровленію. Басанова не покидала мысль: «кто злодѣй?»

Жизнь въ Высоксѣ вошла въ обычную колею, но лучшую, прежнюю, колею первыхъ двухъ-трехъ годовъ послѣ женитьбы Басанова, когда еще не было въ домѣ разныхъ сомнительныхъ прихлебателей и гостей картежниковъ.

Болѣзнь Дмитрія Андреевича заставила поневолѣ отмѣнить ужины съ попойками и пьянствомъ... Картежная игра была разрѣшена въ правомъ флигелѣ въ комнатахъ Михалиса, но безъ главнаго игрока, барина, дѣло не ладилось... У грека было тѣсно и скучно, и, попро-

бовавъ поиграть три раза, всѣ главные картежники рѣшили ждать, когда баринъ совсѣмъ поправится.

Дарья Аникитишна была менѣе печальна, хотя задумчива и почти не отходила отъ мужа, ухаживая за нимъ и на время отдавъ двухъ сыновей на полное попеченіе своей старой няни Лукерьи Матвѣевны. Но каждый разъ — а это случалось часто — что Басановъ заговаривалъ съ женой о своихъ подозрѣніяхъ насчетъ невѣдомаго злодѣя, Дарья Аникитишна становилась сумрачно печальна.

А мысль о невѣдомомъ врагѣ не покидала Дмитрія Андреевича, угнетала, почти терзала. Ежедневно думалъ онъ объ этомъ и говорилъ со всѣми, чаще съ Змглодомъ, Сусанной Юрьевной и еще чаще со вновь назначеннымъ оберъ-рунтомъ. Нахлѣбники изъ прислуживанья и лести, чтобы угодить и поправиться, сами постоянно заводили рѣчь о невѣдомомъ злодѣѣ. Франкфуртеръ тщетно запрещалъ эти бесѣды и тщетно сердился...

Басановъ видимо, хотя медленно, но несомнѣнно шелъ къ полному выздоровленію. Вскорѣ онъ уже сталъ подниматься два раза въ день съ постели и сидѣлъ по три и четыре часа въ креслѣ. Если бы согласіе доктора, то онъ бы проводилъ и цѣлый день въ креслѣ. А вмѣстѣ съ тѣмъ настроеніе духа пациента оставалось попрежнему озабоченно-сумрачное. Басановъ былъ просто преслѣдуемъ мыслью: кто могъ пожелать убить его? И за что? Съ тѣхъ поръ, что онъ сталъ владѣльцемъ Высоксы, онъ не могъ вспомнить, чтобы сдѣлалъ кому либо что худое. Кромѣ добра, отъ него никто ничего не видалъ. Его даже упрекали въ томъ, что онъ набаловалъ и распустилъ все по заводамъ.

И вдругъ, въ то самое время, когда онъ былъ убѣжденъ, что его въ Высоксѣ всѣ любятъ, нѣкоторые даже обожаютъ, явился врагъ, злодѣй. Если онъ остался живъ, то совершенно случайно.

— Возьми пуля немного въ сторону, ниже и правѣе, — говорилъ Франкфуртеръ — то прошла бы черезъ сердце!

Сначала, когда всѣ думали на Аньку, Басановъ былъ спокойнѣе. Но затѣмъ было рѣшено, что злодѣй находился въ числѣ охотниковъ? Но кто же? Кто либо изъ гостей или кто либо изъ псарей-охотниковъ. Перечисливъ всѣхъ, обдумавъ личность каждаго, пришлось совсѣмъ бросить эти подозрѣнія. Тогда злодѣй посторонній, случайно очутившійся въ лѣсу или пришедшій нарочно? Въ такомъ случаѣ догадаться уже было окончательно невозможно.

И помимо заботы о томъ, кто могъ это быть, и какъ розыскать убійцу, Басановъ тревожился и о другомъ: вѣдь онъ теперь очутился въ положеніи Сусанны! Онъ долженъ тоже постоянно бояться вторичной мести, вторичнаго покушенія. Но она, по крайней мѣрѣ, хоть знаетъ, кто ея врагъ, и если онъ живъ, она можетъ легче уберечься. Онъ же можетъ видѣть и, пожалуй, даже часто своего врага и не знать, не вѣдать этого.

Новый оберъ-рунтъ Высоксы напрасно клялся барину, что добьется своего, откроетъ, кто злодѣй. За этимъ онъ и взялся замѣнить лѣниваго и глупаго Егора Ильева.

Но Басановъ не вѣрилъ. Онъ согласился на замѣну Ильева безъ всякой надежды на успѣхъ, да еще вдобавокъ вопреки желанію Сусанны Юрьевны.

А назначеніе этого новаго начальника всей полиціи и сыщиковъ, противъ котораго ратовала барышня, немало удивило всю Высоксу. Назначенный вновь, самъ того пожелалъ, упрасивалъ долго и упорно барина и, наконецъ, настоялъ на своемъ. Это былъ князь Давыдъ.

Никаевъ заявилъ, что онъ хочетъ во что бы то ни стало добиться: «кто злодѣй?» А это всего легче и вѣрнѣе, сдѣлавшись самому заправилой полиціи. И такъ какъ онъ твердо и самоувѣренно общалъ Басанову раскрыть темное дѣло, то и былъ назначенъ оберъ-рунтгомъ.

Однако, дѣльный Денисъ Ивановичъ, приглядѣвшись къ дѣйствіямъ князя, только покачивалъ головой и шутилъ:

— Въ мятель по грибы пошелъ нашъ князь Давыдъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ обитатели Высоксы дивились немало на барышню Сусанну Юрьевну.

Красавица барышня, несмотря на то, что все было «слава Богу», что баринъ выздоравливалъ, ходила попрежнему сумрачная и печальная. Она сильно похудѣла въ лицѣ и почти подурнѣла... Постоянно отказывалась она спускаться внизъ къ обѣду и ужину и кушала у себя въ комнатахъ подъ предлогомъ нездоровья. Вмѣстѣ съ тѣмъ—а это всѣхъ озадачило—она окончательно отдалила отъ себя молодого Бобрищева и при переѣздѣ изъ охотнаго дома въ Высоксу вдругъ совсѣмъ перестала разговаривать съ нимъ и принимать его у себя. Говорили, что она просила даже Дмитрія Андреевича приказать Бобрищеву совсѣмъ уѣхать изъ Высоксы. Когда же Басановъ отказалъ зря изгнать молодого человѣка, то она со злобы сказала:

— Можетъ быть, онъ и палилъ въ васъ!

Разумѣется, никто не зналъ и не могъ бы никогда догадаться, какая причина печали и чуть не хворости Сусанны Юрьевны. Угрюмова и та не знала. Ни съ кѣмъ не обмолвилась тоскующая отъ зари до зари женщина.

А тосковала она, даже страдала все по той же причинѣ.

«Лишилась единственнаго человѣка, — думалось ей, — котораго любила, потомъ возненавидѣла, потомъ опять полюбила чрезъ колдовство его и потеряла навсегда, сама загубивъ звѣрскимъ образомъ!»

Да, Гончіи не выходилъ у нея изъ головы. Она вѣрила теперь вполнѣ, что ея новое чувство къ нему есть колдовство, но не боролась съ собой и съ этимъ чувствомъ, а отдавалась ему съ какой-то

горькой радостью. Лучше это думанье объ немъ и горя мыканье, нежели какая утѣха, какая новая прихоть. Бобрищевъ ей сталъ ненавистенъ, а другой кто и на умъ не шель.

Думая иногда по цѣлымъ вечерамъ о томъ днѣ, когда она видѣла Гончаго у столба, и о той страшной ночи, когда онъ, изуродовавъ себя, ушелъ,—Сусанна чувствовала, что теперь согласилась бы на все на свѣтѣ, чтобы онъ, Анька, былъ живъ и былъ съ нею. Онъ одинъ любилъ ее такъ, какъ слѣдуетъ любить. Да и она, собственно, его одного любила. Остальные всѣ—пустая забава была. Теперь это совсѣмъ ясно. Теперь?! Когда его уже нѣтъ въ живыхъ! Когда она убила его!

А въ томъ, что Гончій умеръ, Сусанна не сомнѣвалась. Раза два подробно переговоривъ обо всемъ съ докторомъ Франкфуртеромъ, она поневолѣ вполнѣ убѣдилась въ этомъ. Докторъ объяснилъ ей, что Гончій, конечно, не могъ во время принять всѣ мѣры, необходимыя противъ страшной потери крови, по незнанію, что нужно дѣлать. Однако онъ рассказалъ два случая, имъ видѣнные, про одного солдата и про дровосѣка, которыхъ вылѣчили простые знахары.

Вся Высокса тоже рѣшила, что Гончій умеръ, потому что, спасаясь далеко, истекъ кровью.

Общее и единодушное мнѣніе о судьбѣ «отважнаго» молодца и какое-то новое странное почти теплое отношеніе всѣхъ обитательей къ «бѣднягѣ» дѣйствовало тоже на Сусанну. «Гласъ народа, гласъ Божій!»—рѣшила она.—И если всѣмъ его жаль, всѣ забыли его злодѣйское покушеніе, всѣ будто простили прошлое... То она-то сама?.. ей какво?»..

Просиживая цѣлые дни и вечера одна у себя на верху, Сусанна Юрьевна неизмѣнно всякій день около полудня гуляла въ саду, заходя всегда въ самую глухую часть его, гдѣ не было никогда ни души изъ гостей или нахлѣбниковъ. Здѣсь она тихо бродила, задумавшись все объ томъ же... Или садилась на скамью и сидѣла по часу недвижно, какъ окаменѣлая, иногда даже не думая ни о чемъ, а просто томясь...

Однажды, въ ясный осенній день, Сусанна Юрьевна по обыкновенію вышла на свою прогулку и пошла прямо въ излюбленную глухую сторону сада...

Она двигалась тихо, но на этотъ разъ не шла, задумавшись и глядя себѣ подъ ноги, какъ всегда, а уныло озираясь кругомъ. Дойдя до скамьи, на которой она всегда садилась, она уже собиралась сѣсть, но остановилась изъ-за непрошеннаго свидѣтеля своего одиночества.

Присматриваясь, какъ всегда, кругомъ, къ чащѣ, она замѣтила среди кустовъ въ сотнѣ шаговъ какую-то темную фигуру, стоящую недвижно. Она приглядѣлась пристальнѣе и вдругъ, тихо ахнувъ, начала блѣднѣть...

— Что я? Ума лишаюсь что ли? — вымолвила она, озлобляясь на себя самое.

Но глаза ея не отрывались отъ этой фигуры. И она побѣлѣла, какъ снѣгъ... Не одни глаза, а что-то иное, въ ней самой... Сердце что ли... ей подсказывало, что это онъ, Гончій... Онъ, умершій... Стало быть, привидѣніе...

Но фигура двинулась... И въ ея сторону... И стала виднѣе, явственнѣе.

Сусанна отчаянно вскрикнула, всплеснула руками и бросилась бѣжать, что нашлось въ ней силы.

Но онъ, Гончій, тоже побѣжалъ лугомъ наперерѣзъ, чтобы загородить ей дорогу къ дому...

И она будто поняла сразу все,—поняла, что это пробужденіе отъ долгаго сна въ видѣ любви и печали... Это? Теперь? Дѣйствительность? Теперь лютой врагъ около нея, живъ, невредимъ и явился, конечно, поквитаться...

Все мутилось въ головѣ ея, бѣгъ перешелъ въ шагъ... Ноги нѣмѣли, а въ глазахъ темнѣло.

И въ первый разъ въ жизни Сусанна Юрьевна лишилась сознанія... Она упала среди дорожки безъ чувствъ, зная, чуя, что ея послѣдній часъ насталъ.

«Зарѣжетъ... А если-бъ зналъ»... была ея послѣдняя смутная мысль.

Когда она очнулась и пришла окончательно въ себя, то увидѣла надъ собой грустное, блѣдное лицо. И она опять вскрикнула робко, замирая...

— Не опасайтесь. Я васъ не трону...

Это говорилъ онъ, Анька... Говорилъ едва слышно, но горькое чувство ясно прозвучало въ словахъ. Онъ стоялъ на колѣняхъ около нея, и въ его ярко горящихъ глазахъ блестѣли слезы.

— Анька! Аня! Аня!—дико вдругъ закричала Сусанна и, безумнымъ порывомъ обхвативъ его шею, она прижалась къ нему и вся дрожащая, трепетная, цѣловала его въ лицо.

— Что это?—услыхала она... Помилуй Богъ! Что же это?

— Ты живъ! Ты живъ!—шептала она, какъ бы не сознавая, что случилось, кто съ ней и что съ ней самой.

— Сусанна Юрьевна! Да что же это?...—дико закричалъ онъ.— Или боитесь? Лукавите?! Ради Господа Бога! Говорю, не трону васъ... Не лукавьте!..

— Аня. Люблю я тебя... Измучилась! Истерзалась! Думала— умеръ... А ты...

И страшное рыданье вдругъ огласило садъ. Оно больше словъ и поцѣлуевъ сказало всю правду.

Гончій поднялъ ее съ земли, обнялъ, довелъ до скамьи и усадивъ сѣлъ рядомъ.

— Господи! Да что же это? Помереть можно...—глухо проговорилъ онъ.

XV.

Въ тотъ же день, поздно вечеромъ, среди полной темноты отъ безлуннаго неба и нависшихъ облаковъ, случилось не только неожиданное, но совершенно невѣроятное. Если бы Высокса, вся отъ мала до велика, знала это, то оно показалось бы ей еще невѣроятнѣе, чѣмъ загадочный выстрѣлъ въ молодого барина. Даже сами виновники невѣроятнаго приключенія сами себѣ не вѣрили. Имъ самимъ казалось мгновеніями, что дѣйствительность есть собственно сновидѣніе, если не колдовство.

Около десяти часовъ Гончіи приблизился къ дому, завернулъ за уголъ и на опросъ дежурнаго рунта отвѣтилъ: «Кострома!». Затѣмъ онъ отворилъ дверь и сталъ ощупью подниматься по желѣзной лѣстницѣ. Онъ настолько былъ взволнованъ, что раза два остановился и глубоко вздохнулъ.

Винтушка, по которой онъ шель первый разъ въ жизни, но о которой, конечно, не разъ слыхалъ еще при старомъ баринѣ, показалась ему безконечно длинной. Наконецъ, наверху изъ-подъ двери мелькнулъ свѣтъ... Онъ остановился передъ дверью и простоялъ нѣсколько мгновеній. То же соображеніе или подозрѣніе, что мучило его весь день, снова явилось въ немъ. Неужели же это западня? Неужели она прикажетъ его сейчасъ злобно и предательски умертвить у себя въ комнатахъ и среди ночи скрыть гдѣ нибудь мертвое тѣло?

«Время есть еще,—думалось ему,—стоитъ только, не отворяя этой двери, снова спуститься обратно и бѣжать «отъ лиходѣйки лукавой и злой».

И снова началась въ немъ все та же нравственная борьба. Онъ снова началъ увѣрять себя, что Сусанна Юрьевна не лукавитъ, что просто въ ея душѣ случился какой-то для него непостижимый переворотъ. Не можетъ быть, чтобы жажда мести была въ ней настолько сильна, что она послѣ всего того, чему уже подвергла его, хотѣла бы теперь окончательно стереть съ лица земли.

И невольно приходило на умъ, что хотя подозрѣніе это ни на чемъ не основано, однако подобное въ такомъ непреклонномъ челоуѣкѣ, какъ Сусанна Юрьевна, дѣло возможное.

Но вдругъ онъ вспомнилъ свое существованіе за восемь лѣтъ, вспомнилъ, какъ тянуло его сюда, въ Высоксу, и къ ней, чтобы только хотя поглядѣть на нее...

И онъ вдругъ, будто озлобившись, рѣшилъ, что подобнаго существованія и жалѣть нечего.

«Ну! погибать!—чуть не вымолвилъ онъ вслухъ.—И пускай! Одинъ конецъ!»

Онъ двинулся, отворилъ дверь и вошелъ въ небольшую комнату. Въ сосѣдней тотчасъ же раздались легкіе шаги и шурпаніе женскаго платья. Сусанна появилась на порогѣ, молча подошла къ нему вплотную, взяла его за руку и провела въ свою гостиную. Усадивъ его, она тотчасъ глянула на его руку и выговорила съ чувствомъ:

— Бѣдняга! Весь день я думала объ этомъ. Если бы можно было вернуть, похѣрить это содѣянное? Чего бы я не дала теперь! Какія диковинныя дѣла творятся на бѣломъ свѣтѣ! Вотъ тамъ отъ Угрюмовой изъ окошка я смотрѣла на тебя. Было время одуматься, не злодѣйствовать!.. И опять скажу, какъ уже говорила, что тогда уже, глядя на тебя у столба, во мнѣ что-то такое творилось непонятное... Начиналось то, что теперь... Но если все мнѣ и теперь совсѣмъ непонятно, то тогда я еще пуще дивилась. Да, если бы можно было вернуть!

Гончій, теперь только повѣрившій окончательно, что она не лувкавитъ, восторженно глядѣлъ на нее.

— Нѣтъ, не надо, Сусанна Юрьевна!..—воскликнулъ онъ.—Если сто разъ еще такое должно бы приключиться, я и сто разъ пойду на это. И скажу: давай Богъ, тѣмъ лучше!..

Она удивилась и вымолвила:

— Что ты, Богъ съ тобой!

— Вѣрно. Тѣмъ лучше.

— Почему же?

— Если бы всего этого не приключилось, то я бы здѣсь тоже теперь не сидѣлъ... Безъ всего, черезъ что вы заставили меня пройти, въ васъ бы этой перемѣны не приключилось. Нѣтъ, слава тебѣ, Господи! Былъ я когда-то счастливъ на свѣтѣ, потомъ изнывалъ и помиралъ отъ горя и тоски. А теперь не знаю самъ, что я такое и что такое кругомъ меня. Сдается иной разъ, что я ума рѣшился. А то кажется, что все это сномъ обернется.

— Ну, вотъ, вотъ! — воскликнула Сусанна, улыбаясь. — И мнѣ все кажется, что это сонъ! А въ Высокѣ, когда узнается, прямо скажутъ, что это наважденіе! Скажутъ, что ты колдунъ.

— Что же, по правдѣ сказать, коли не я самъ колдунъ, — задумчиво отозвался Гончій, — то все-таки въ этомъ дѣлѣ какое-то колдовство есть. Таковое, какъ вотъ теперь между нами, врядъ когда на свѣтѣ бывало! Никогда я о такомъ не слыхалъ! Любовь — такъ любовь, а злоба — такъ ненавистничество и заклятая вражда. А мы съ вами вонъ что!.. И уразумѣть не подь силу!..

И Гончій развелъ руками. При этомъ движеніи Сусанна снова поглядѣла на его обязанную дѣвую руку и, помолчавъ нѣсколько мгновеній, выговорила:

— Вотъ мое наказаніе будетъ! Всегда буду я глядѣть на эту твою руку, и всегда будетъ мнѣ сердце щемить. Будетъ всегда наказаніемъ!

Гонцій вдругъ какъ-то встрепенулся и вымолвилъ съ чувствомъ:

— Всегда ли, Сусанна Юрьевна?..

— Что ты хочешь сказать?

— Всегда ли? Надолго ли? Вѣдь это старое наше по-новому, опять недолговѣчно... Пройдетъ полгода, ну, скажемъ, годъ, и опять вы меня оттолкнете. Но я на это такъ и иду. И во второй разъ я не буду безумствовать! Я сочту уже великимъ счастьемъ, что мнѣ можно будетъ оставаться въ Высокѣ и хотя бы всякій день видѣть васъ, глядѣть на васъ...

И взглядъ яркихъ и красивыхъ глазъ Аньки говорилъ еще больше, нежели чувство, которымъ звучало каждое слово. Сусанна смотрѣла ему въ глаза и сравнивала... Никто никогда такъ не смотрѣлъ на нее, какъ онъ, Анька.

«Да, правда,—мысленно проговорила она,—онъ одинъ настоящій человѣкъ. Всѣ остальные около него кажутся какими-то куклами».

Она начала разспрашивать Гончаго, какъ прожилъ онъ эти восемь лѣтъ, входя въ малѣйшія подробности. Потомъ она снова, хотя узнала все утромъ въ саду,—разспросила его, какъ лѣчился онъ у знахарки Ешки, и какъ баба-колдунья выходила его, поставила на ноги не хуже ученаго доктора.

И узнавъ она снова спрашивала то же... И на всѣ лады по два, по три раза рассказывалъ онъ все, что дѣлалъ, за восемь лѣтъ, за что брался, какъ мучился, бросая одно дѣло за другимъ. И какъ онъ жилъ только однимъ—надеждой побывать въ Высокѣ и видѣть ее мелькомъ, издали, хотя бы на одно мгновеніе.

Покуда онъ говорилъ, Сусанна внимательнѣе приглядывалась къ нему. Онъ, дѣйствительно, сильно измѣнился... Тогда онъ казался моложе своихъ лѣтъ, теперь казался старше. Ему можно было дать, пожалуй, и подъ сорокъ лѣтъ. Онъ похудѣлъ и поблѣднѣлъ отъ болѣзни. Глаза казались тоже другими—казались больше, а взглядъ еще тверже, еще упорнѣе, въ которомъ было еще болѣе силы и отваги, нежели прежде. Теперь уже всякій съ перваго взгляда опредѣлилъ бы, что за человѣкъ этотъ Гонцій. Ужъ, конечно, не заурядный или дюжинный. Не будь онъ полуграмотный писарь, а богатый дворянинъ, то, ничего въ немъ не измѣняя, можно бы было смѣло предсказать ему не простую судьбу на землѣ. Такіе всегда въ «люди» выходятъ.

И Сусаннѣ Юрьевнѣ вдругъ теперь пришло на умъ силою воображенія нарядить Аньку въ тотъ мундиръ, въ которомъ явился въ Высокѣ Дмитрій Андреевичъ. Она это сдѣлала, насколько могла, и почти ахнула... Это же худое блѣдное лицо со сверкающими глазами, выдѣляясь надъ золотистымъ мундиромъ, въ который мысленно нарядила она его, стало вдругъ чѣмъ-то диковиннымъ.

«Какъ же могла я тогда,—подумалось ей,—предпочесть ему Дмитрія Андреевича, глуповатаго, какого-то совсѣмъ простаго. Онъ,—

Анька,—не простой. Теперь я это вижу и чувствую больше, чѣмъ когда либо. И люблю его еще пуще, послѣ того что изуродовала.

Между тѣмъ рассказывавшій Анька смолкъ и смотрѣлъ на нее. Наступило молчаніе. Сусанна пришла въ себя, поглядѣла на него долгимъ, грустно-задумчивымъ взглядомъ и вздохнула.

— Да, Аня, наважденіе!—выговорила она.

— И такое еще наважденіе,—произнесъ онъ улыбаясь,—что я до послѣдней минуты не вѣрилъ ни вамъ, ни себѣ... Вѣдь я вотъ уже на винтушкѣ у вашей двери простоялъ долго, спрашивая: отворять ли дверь? Не лучше ли бѣжать обратно?..

— Почему?—удивилась она.

— Какъ почему? А если западня?.. Если вы приказали прійти сюда затѣмъ, чтобы здѣсь два-три холопа, по вашему приказу, меня умертвили. А тѣло среди ночи съ камнемъ на шеѣ—въ озеро.

— Неужели ты это думалъ?

— До самой послѣдней минуты, покуда вы не взяли меня за руку и не привели сюда.

— Стало быть, ты не повѣрилъ всему, что я говорила тебѣ въ саду? Не вѣрилъ въ перемѣну...

— И вѣрилъ, и не вѣрилъ!..

— Если ты словамъ моимъ не вѣрилъ, то вѣдь по лицу моему ты могъ видѣть, что я не лукавила, что я не изъ страха смерти говорила...

— Правда ваша, было что-то. Не слова ваши, а вотъ глаза ваши, либо голосъ, дали мнѣ увѣренность идти сюда. А слова что же?.. Понятное дѣло, что всякій, боясь быть зарѣзаннымъ, обѣщаетъ все на свѣтѣ! Вѣдь вы же не вѣрили, когда я вамъ говорилъ, что я васъ не трону?

— Нѣтъ, Аня, я вѣрила и не боялась! И ты тоже глазами и голосомъ меня успокоилъ, а не словами. Я сразу почувяла, что ты меня не убьешь, а отпустишь. Я, можетъ быть, тутъ только первый разъ совсѣмъ поняла, какъ много ты меня любишь! Много больше, много умнѣе, чѣмъ другой кто, всѣ они, всѣ эти... Ну, да что ихъ поминать! И молодые—да на стариковъ смахиваютъ! Право, тотъ же Дмитрій Андреевичъ больше по-стариковски и себя и все чувствуетъ, чѣмъ Аникита Ильичъ...

— А Алексѣй Аникитичъ?—произнесъ вдругъ Анька.

— И онъ, бѣдный, былъ то же, что иная красная дѣвица...

— Стало быть, выходитъ, я одинъ изъ всѣхъ?

— Да, ты одинъ!..

— Сусанна Юрьевна,—воскликнулъ Гончій,—вѣдь отъ такихъ словъ вашихъ можно совсѣмъ ума рѣшиться! Послѣ всего, черезъ что я прошелъ, да услыхать теперь такія слова, прямо надо разумъ потерять отъ счастья! Знаете, я, пожалуй, подъ утро руки на себя наложу...

— Что ты!.. И впрямь съ ума сошелъ!—ахнула Сусанна.

— Нѣтъ, право, такъ! Такъ слѣдуетъ! Это меня одинъ очень умный человекъ въ Нижнемъ надоумилъ. Онъ сказывалъ: «ты тогда, Онисимъ, послѣ того, что хотѣлъ барышню убить, долженъ былъ себя похѣрить. Коли не можешь ты безъ нея жить, а частию твоему пришелъ конецъ, то и жизни своей конецъ самъ учини». Такъ я теперь и скажу: вотъ именно нынѣ мнѣ слѣдъ покончить съ собой! Лучшаго ничего въ жизни не будетъ, а худшее, много худшее непременно будетъ. Сказываю вамъ, черезъ полгода, либо годъ, вы меня опять бросите, и я опять буду видѣть, какъ другой кто на моемъ мѣстѣ, а вы его ласкаете... И опять закрутится у меня не вѣсть что на душѣ. Опять я осатанѣю.

— Никогда этого ничего не будетъ!—воскликнула Сусанна.—Не понимаешь ты... Ничего не понимаешь. Я другая стала... Колдовство это твое! Или все это, страшное сдѣлало, что промежъ насъ двухъ было... Сама я не знаю... Но одинъ, знаю, человекъ на свѣтѣ, котораго я могу любить и должна любить... Одинъ! Ты, Аня...

И, крѣпко обнявъ его, она страстно прижалась къ нему.

Только передъ зарей спустился Гончій по винтушкѣ на улицу и скрылся никѣмъ не замѣченный.

XVI.

Три дня сподрядъ каждый вечеръ, чуть стемнѣетъ, являлся Гончій къ дверямъ винтушки и подымался въ комнаты барышни.

И многое было переговорено, многое удивительное рѣшено безповоротно. Сусанна Юрьевна оживъ, будто воскреснувъ къ новой жизни, снова похорошѣла сразу, но за то и нравомъ, духомъ стала, казалось, еще тверже.

На четвертый день она послѣ полудня отправилась къ Басанову, странно улыбаясь и найдя его бодрѣе, чѣмъ когда либо, она заявила ему, что у нея есть дѣло, и что она хочетъ переговорить съ нимъ наединѣ. Бывшіе въ спальнѣ, Михалисъ, Бобрищевъ и еще двое гостей, тотчасъ же поднялись и вышли. Дарья Аникитишна продолжала сидѣть на стулѣ около мужа и не двигалась.

— Дарьюшка, — вымолвила Сусанна Юрьевна, — я попрошу и тебя уйти! Это такое дѣло, про которое я могу сказать только одному Дмитрію Андреевичу.

Дарья Аникитишна удивилась, но, по свойству своего характера, тотчасъ же покорно вскочила со стула и быстро вымолвила:

— Я сейчасъ... Виновата! Я думала—мнѣ можно...

И она собралась уходить, но остановилась и спросила у мужа:

— Передъ обѣдомъ позволишь дѣтей привести?

— Приведи ненадолго, — отозвался Басановъ. — Но завоюетъ который изъ двухъ или подерутся, сейчасъ выгоню, — прибавилъ онъ.

Оставшись наединѣ съ Дмитріемъ Андреевичемъ, Сусанна начала съ вопроса:

— Выслушайте, что со мной дня три тому назадъ приключилось... Совсѣмъ поразительное и диковинное...

И она рассказала встрѣчу свою съ Гончимъ. Басановъ встрепетнулся и широко открылъ глаза.

— Ну, ну?! — выговорилъ онъ нетерпѣливо.

— Ну, вотъ... Встрѣтились... Сидѣли на скамьѣ рядомъ съ полчаса и бесѣдовали друзьями.

— Что ты?! — воскликнулъ Басановъ, но тотчасъ же схватился за грудь.

— Что это?.. — встревожилась Сусанна. — Можно ли этакъ вскрикивать! Больно что ли?..

— Нѣтъ, ничего... Ужъ очень удивился! Говори скорѣй!.. Какъ же такъ... Сидѣли, бесѣдовали?..

— Да!..

— Да какъ же такъ?.. И не грозился убить другой-то рукой, здоровой?..

— Нѣтъ! — улыбнулась Сусанна.

— Чудеса!..

— Да, Дмитрій Андреевичъ, истинныя чудеса!.. Но это еще не все... Дальше будетъ еще чудеснѣе...

— Что же?..

— Вчера ввечеру, передъ полуночью, онъ былъ у меня...

— Что та-ко-е?! — проговорилъ Басановъ, растягивая слова отъ крайняго изумленія.

— Да, былъ! По винтушкѣ поднялся съ моего разрѣшенія.

— Зачѣмъ?.. Что ты?

И замѣтивъ, что онъ говоритъ «ты», Басановъ прибавилъ:

— Вонъ какъ поразили, что я даже по-старому называть васъ сталъ... Такъ вы ему разрѣшили быть на верху? Стало быть, это... Что же эдакое значитъ?

— Да. Конечно, съ моего разрѣшенія! И просидѣли мы долго... А теперь я пришла къ вамъ посоветоваться, или, лучше сказать, только предупредить васъ, такъ какъ сама я это дѣло совсѣмъ порѣшила. Я хочу передъ всей Высоксой вызвать его и простить. Онъ будетъ прощенья просить, а я его прощу, а затѣмъ опять мы его по-старому опредѣлимъ сначала къ Пастухову, а потомъ въ коллегію. Онъ — малый дѣльный, умный, онъ намъ на большую пользу будетъ.

Сусанна смолкла и вопросительно глядѣла на Басанова. Онъ сразу сталъ сумрачнѣе, молчалъ, опустил глаза, и долго не отвѣчалъ ни слова.

— Что же вы? Вамъ это не по сердцу, сдается?..

— Не знаю, Сусанна. Не знаю!.. Чудно очень... Послушай ты

меня... То-бишь, вы! Послушайте... Кто мой злодѣй? Кто меня убить хотѣлъ? Скажите?

— Это же невѣдомо, Дмитрій Андреевичъ.

— То-то вотъ... Невѣдомо... А покуда еще невѣдомо, на кого мы должны думать? Теперь я уже совѣмъ вѣрю, что это Анька-то и есть.

— Какой вздоръ, Дмитрій Андреевичъ!—воскликнула она, смѣясь.

— Нѣтъ, не вздоръ! Другому быть некому!

— Онъ въ тѣ дни самъ еле живъ лежалъ у знахарки Ешки. Да и за что же станеть онъ мстить вамъ? Мнѣ — понятное дѣло. А вамъ-то за что? Тысячи разовъ объясняла я вамъ это...

— Какъ за что? Кто баринъ, кто распоряжается, кто его казнить велѣлъ жестокимъ и срамнымъ образомъ? Онъ, конечно, думалъ, что это все я. А теперь, понятно, не сознается.

— Нѣтъ, Дмитрій Андреевичъ! Всѣмъ въ Высокѣ всегда было извѣстно, что въ случаяхъ важныхъ вы безъ моего совѣта не поступаете и дѣлаете все, какъ я прошу. Да, наконецъ, онъ мнѣ самъ вчера сказалъ, что онъ знаетъ отлично, кто такую ему казнь надумалъ. Онъ даже думаетъ, что если бы не его отважный поступокъ, то онъ, по моей милости, мучительной смертью умеръ бы... Онъ мнѣ не вѣритъ, что когда онъ былъ у столба, то я уже...

И Сусанна Юрьевна запнулась, а затѣмъ начала дѣйствительно чуть не въ сотый разъ краснорѣчиво доказывать Басанову, что, безъ сомнѣнія, не Анька покушался на его жизнь. Тогда, восемь лѣтъ тому назадъ, онъ могъ убить или зарѣзать Басанова изъ ревности. Но затѣмъ, когда онъ сталъ мужемъ Дарьюшки, а ея — Сусанны — любимецъ былъ у всѣхъ на виду, то ужъ скорѣй бы ему этого любимца убивать. Теперь онъ самъ легко можетъ доказать Басанову ясно, что это подозрѣніе на него не имѣетъ не только основанія, но не имѣетъ даже никакого смысла.

Сусанна смолила. Басановъ тоже молчалъ угрюмо.

— Ну, что же,—спросила она,—разрѣшаете вы мнѣ то, что я надумала?..

— Какъ знаете, ваше дѣло...—промычалъ онъ.

— Да вы же не считаете его больше покусителемъ на себя? Доказала я вамъ? Убѣдила васъ?.. Или нѣтъ...

— Да! Теперь ужъ я опять совѣмъ не знаю, на кого думать!—отвѣтилъ Басановъ.

— Стало быть, я могу его простить? Вы опредѣлите его опять въ канцелярію или въ коллегію?

— Да... — снова нерѣшительно проговорилъ Басановъ.

— Отчего же вы такъ отвѣчаете, точно все еще сомнѣваетесь?—воскликнула она съ досадой.

— Да ужъ очень это все будетъ всѣмъ удивительно.

— Правда!.. — вдругъ усмѣхнулась она. Лицо ея оживилось, глаза блеснули. Она будто вдругъ обрадовалась чему-то...

— Вотъ что, — сразу будто рѣшаясь, выговорилъ онъ. — Отвѣчайте по совѣсти! Ужъ очень мнѣ оно любопытно! Отвѣчайте правду на то, что я спрошу.

Сусанна поглядѣла Басанову въ лицо и весело разсмѣялась.

— Я знаю впередъ, о чемъ вы спросите... Ну, да, правда, да!..

— Да что, что я спросить хотѣлъ?

— Да знаю, догадалась... Любопытствуете узнать, снова ли я къ Гончому попржнему... Ну, понятно, кажется?..

— Ну, и что же?.. Опять все къ старому вернется?

— Да, Дмитрій Андреевичъ!

— Уди-ви-тель-но!.. — протянулъ Басановъ.

— Нѣтъ, не удивительно... Въ другой разъ я вамъ загадку всю объясню, и вы поймете... Диковинное станетъ совсѣмъ простымъ... Но теперь я хочу поскорѣй Гончаго опредѣлить на службу и имѣть его поближе къ себѣ, потому что дѣла наши плохи.

— Дѣла коллегіи? Дѣла управленія?..

— Нѣтъ, я не про то! Я про васъ, про вашего злодѣя! Намъ нуженъ умный человѣкъ, а у насъ всѣ глупые и лѣнивые. Когда-то былъ одинъ заправитель — умница Змглодъ, да и тотъ теперь совсѣмъ сталъ мокрой курицей. И вотъ намъ нуженъ такой же, какъ и онъ: умный, преданный, искусный во всякомъ дѣлѣ.

— И преданный?.. — спросилъ Басановъ.

— Понятное дѣло! Какъ же вы не можете понять, что человѣкъ, столько настрадавшійся, котораго я снова приближаю къ себѣ, будетъ меня боготворить пуще прежняго, а потому долженъ любить и васъ. Враговъ у него теперь не будетъ, врагами станутъ только тѣ, кто противъ меня или противъ васъ! И онъ же займется розыскомъ того злодѣя, что стрѣлялъ въ васъ. Мы много говорили объ этомъ. Онъ съ такой увѣренностью толковалъ, что злодѣя найти можно, что я даже удивилась. Онъ говорилъ: «будь я въ домѣ отъ зари до зари, я бы сейчасъ пронюхалъ, кому выгода отъ смерти Дмитрія Андреевича»... И онъ мнѣ толково все объяснилъ. Дѣйствительно, надо къ этому дѣлу иначе приступить. Обиженныхъ вами въ Высокѣ нѣтъ ни единой души. Стало быть, человѣкъ этотъ не мстилъ за обиду. Этому человѣку нужна ваша смерть по какой либо совсѣмъ иной причинѣ. Вотъ, что толково объясняетъ Анька, или Онисимъ... Я больше не стану его звать прежней собачьей кличкой! И вотъ Онисимъ говоритъ, что дѣло это возможное, хотя время упущено. Надо было искать по свѣжимъ слѣдамъ. Но онъ и теперь берется.

— Давай Богъ! — проговорилъ Басановъ, оживясь. — Давай Богъ! Ужъ очень оно меня смущаетъ... За что? Кто такой? И какъ же такъ жить: живешь, никого не трогаешь, напротивъ, всѣхъ перебаловалъ и вдругъ этакое! За что?..

— Стало быть, Дмитрій Андреевичъ, съ вашего разрѣшенія я

объявлю Гончему, чтобы онъ завтра же являлся васъ яко бы упрашивать, просить прощенія и просить, чтобы вы его взяли обратно къ себѣ на службу. Онъ даже хочеть опять считаться вашимъ крѣпостнымъ и изорвать свою отпускную.

— Этого по закону нельзя!—улыбнулся Басановъ.

— Какъ? Онъ хочеть приписаться въ ваши заводскіе крестьяне...

— Законъ воспрещаетъ, Сусанна! Да это пустое. Пускай числится кущомъ или какъ хочеть!

— Такъ завтра вы его примете?

— Пускай приходитъ.

И, помолчавъ мгновеніе, Басановъ развелъ руками и прибавилъ:

— Да. И вправду диковинное вы мнѣ нынче объявили!

Сусанна Юрьевна поднялась довольная и быстро двинулась къ себѣ наверхъ. Когда она проходила черезъ большую залу, гдѣ стоялъ князь Никаевъ, онъ проводилъ ее ненавистнымъ взглядомъ и проворчалъ:

— Вотъ бы кого прежде другихъ похѣрить! Прежде Дмитрія Андреевича! Вотъ она, змѣя подколотная! Кто все повершилъ? Кто старика похѣрилъ? Кто вѣнчаніе приказалъ? Попадись ты мнѣ подъ руку! Да, можетъ, и попадешься!

XVII.

Князь Давыдъ тотчасъ же вышелъ въ спальню Басанова и сѣлъ около него. Дмитрій Андреевичъ, обѣщавшій Сусаннѣ Юрьевнѣ никому ничего до завтра не сказывать, рѣшилъ, однако, что любимцу Давыду можно все тотчасъ же сказать. И онъ передалъ ему новость и весь свой разговоръ съ ней.

Этотъ взволнованно выслушалъ, не говоря ни слова.

— Ты еще пуце меня удивился?—сказалъ Басановъ.

Князь молчалъ, какъ пораженный громомъ.

— Чего же ты? Будто даже тревожишься?

Давыдъ покачалъ головой и выговорилъ:

— Простите, только бабы на этакое способны! Что же это такое? Вѣдь это, стало быть, если мы розыщемъ, кто въ васъ стрѣлялъ, такъ мы его сейчасъ управляющимъ коллегіи сдѣлаемъ, а то вотъ при васъ онъ будетъ состоять: Михались, я, да онъ!.. Первымъ пріятелемъ вашимъ будетъ!.. Вѣдь такъ выходитъ!

— Да, правда твоя! Но, видишь ли, она иначе сказывается...

И Басановъ передалъ Давыду всѣ доводы, приведенные Сусанной Юрьевной.

Давыдъ всталъ со стула, началъ ходить по спальнѣ около сидящаго Басанова, сильно волнуясь. Затѣмъ вдругъ у него какъ бы вырвалось противъ воли:

— Никогда, никогда я бы этого не разрѣшилъ!..

Голосъ его, подавленный тревогой, подѣйствовалъ на Басанова. Онъ тоже вдругъ сильно смутился.

— Да скажи—почему?

— Какъ — почему? Хотѣлъ онъ когда-то зарѣзать васъ, зная, что вы у Сусанны Юрьевны сидите. вмѣсто васъ вышла на балконъ она. Тогда онъ хватилъ ее, съ тѣмъ, когда ухлопаетъ, уложить и васъ. Дѣло не выгорѣло, потому что въ домѣ всѣ поднялись отъ крика. Ему и тронуть васъ не удалось. Но вотъ онъ взялся иначе: пошелъ къ Аникитѣ Ильичу, погубить васъ еще того не хуже... Тутъ по волѣ Божіей все перевернулось. Аникита Ильичъ скончался, а вы стали бариномъ Высоксы. Но злоба его на то, что Сусанна Юрьевна изъ-за васъ отдалила его, осталась старая. И вотъ онъ опять пробовалъ убить васъ въ лѣсу.

— Онъ ли?—воскликнулъ Басановъ.

— А кто же другой! Я не хотѣлъ говорить прежде навѣрное. А теперь скажу. Онъ. Всѣ мои розыски, что я велъ и веду, прямо ему улики.

— Онъ въ тѣ дни самъ еле живъ лежалъ у Ешки знахарки.

— Лжетъ, бестія. Лжетъ. Его наканунѣ ввечеру видѣли близъ охотнаго дома. И я знаю, кто видѣлъ, и вамъ...

Никаевъ запнулся, боясь запутаться, во лжи, не подготовленной и измышленной внезапно... Но хитрый планъ вдругъ созрѣлъ въ его головѣ.

— Да вѣдь и вы, и всѣ думали прежде на Гончаго.

— Да, я думалъ, правда, но Сусанна Юрьевна меня разговорила!

— Ну, а меня она не разговорить! — злобно вскрикнулъ Давыдъ.—Я какъ прежде думалъ, что это онъ, такъ и остался при своемъ. Да еще и улики теперь имѣю...

— Такъ какъ же быть тогда? — развелъ руками Басановъ. — Какъ же его въ домъ-то брать теперь?

— А вотъ объ этомъ и подумайте!

Наступило молчаніе. Басановъ глубоко здумался и затѣмъ произнесъ тихо:

— Озадачилъ ты меня! Что же теперь дѣлать? Я ей разрѣшеніе далъ? Назадъ слова брать не хочу. Да съ ней и нельзя. Ты знаешь, она что хочетъ, то и творитъ. У нея есть на меня такое слово, что...

И Басановъ махнулъ отчаянно рукой.

— Да. И творитъ черезъ край даже! Всѣ сказываютъ, что вы яко бы младенецъ, на помочахъ у нея. Не вы баринъ — владѣлецъ Высоксы, а она — барышня — настоящая владѣлица. Хотъ разъ то бы вы уперлись.

И, помолчавъ мгновеніе, князь снова заговорилъ:

— Въ домѣ будучи, вѣдь онъ можетъ ночью прокрасться вотъ сюда и хватить васъ ножомъ среди сна. Онъ же въ этомъ дѣлѣ не новичокъ, — усмѣхнулся Давыдъ озлобленно. — Онъ знаетъ, какъ

орудовать, чтобы человѣчью кровь проливать. Только удивляться можно Сусаннѣ Юрьевнѣ! Диво дивное! Чѣмъ больше думаешь, то больше мысли путаются! И впрямь скажу опять — только бабу на этакое взять! Какъ же это?.. Вчера меня человѣкъ чуть не зарѣзалъ, а сегодня я съ нимъ спать лягу. Да что же это? Развѣ кто, только совѣмъ ума лишаешь, на этакое пойдетъ!

Басановъ, уже совершенно смущенный, хотѣлъ что-то отвѣчать, но въ эту минуту дверь открылась, и Дарья Аникитишна, ведя съ собой за руки двухъ маленькихъ мальчиковъ и въ сопровожденіи старухи Матвѣевны, вошла въ спальню.

Старшій мальчикъ—Олимпій, сурово и косо оглянулъ всю комнату и уперся глазами въ отца, твердо и упрямо. Младшій Аркадій, напротивъ, добродушно усмѣхался и губками, и большими свѣтлыми материнскими глазами.

Дмитрій Андреевичъ оглядѣлъ обоихъ сыновей и въ сотый, если не въ тысячный, разъ выговорилъ, кладя руку на стараго мальчугана и закидывая ему голову назадъ:

— Живой Аникита Ильичъ! Гляди, Давыдъ! Ну, развѣ не правда? Гляди! И глаза, и носъ, и ротъ. А пуще всего глаза! Ишь какъ смотритъ! Маленькій Аникита Ильичъ! Выростетъ, будетъ владѣльцемъ Высоксы, и тогда...

— Тогда,—перебилъ Давыдъ рѣзко,—порядки будутъ иные, чѣмъ теперь! Тогда у него никто тутъ чудить не будетъ. И пойдетъ все по-старому, какъ было при Аникитѣ Ильичѣ!

И, нагнувшись къ мальчику, онъ прибавилъ шутя, хотя голосъ его продолжалъ быть суровъ.

— Такъ, что ли, Олимпій Дмитриевичъ? Ты не дашь въ Высоксѣ разнымъ бабамъ чудить?

Олимпій удивленно, упорнымъ взглядомъ, поглядѣлъ въ глаза князя Давыда, ничего, конечно, не понимая, но что-то думая свое и какъ всегда тайное. Никакими допросами нельзя было заставить мальчугана сказать, о чемъ онъ думаетъ.

Дарья Аникитишна, понявшая по голосу Давыда, что есть что-то новое, тотчасъ сообразила, что эта новость есть, конечно, послѣдствіе разговора наединѣ между мужемъ и Сусанной Юрьевной.

— Кабы знали вы, Дарья Аникитишна,—обернулся къ ней Давыдъ,—какія въ Высоксѣ чудеса въ рѣшетѣ окажутся не нынѣ—завтра! На ночь запирайтесь. Всѣ двери запирайте, и свою тоже, и дѣтскую тоже.

Дарья Аникитишна превратилась совершенно въ прежнюю наивную Дарьюшку. Она широко раскрыла ротъ, а въ большихъ да еще вытаращенныхъ глазахъ появилась тревога... Невѣдомо о чемъ. Отъ бессмысленнаго перепуга или отчего иного, ей вѣдомаго. А князь не удивился этой тревогѣ.

Дмитрій Андреевичъ переводилъ глаза съ жены на Никаева, съ

его лица снова на лицо жены. И въ ихъ взглядахъ, которыми они обмѣнялись, показалось ему внезапно что-то особенное, чего онъ прежде никогда не замѣчалъ. Она будто уже знаетъ, о чемъ дѣло идетъ. Онъ будто своими глазами ей сказалъ все... Они будто другъ дружку понимаютъ, ничего не произнеся и не объяснивъ.

«Что же это такое?—подумалъ онъ.—Вѣдь онъ же ничего не знаетъ, я же ему сейчасъ про Сусангу и ея затѣю повѣдалъ. А онъ Дарьюшкѣ еще ничего не рассказалъ. А они смотрятъ, и въ глазахъ у нихъ будто видно, что они знали дѣло. Или будто читаютъ другъ у дружки мысли... Удивительно!..».

— Чего ты перепугалась?—спросилъ онъ жену.

Дарья Аникитишна смутилась сильнѣе отъ вопроса и снова глянула на князя Давыда съ мольбой во взглядѣ...

— Чего же на него глядѣть? Отвѣтствуй сама мнѣ, — сказалъ Басановъ. — Онъ про двери заговорилъ, чтобы запереть на ночь. А ты на смерть перепугалась.

— Про двери,—залепетала она, но запнулась. Князь выручилъ ее, заговоривъ и объясняя, что онъ шутить.

— Теперь осень, свѣжо... Надо двери отъ стужи запереть,—прибавилъ онъ.

Но Дарья Аникитишна продолжала глядѣть тревожно. Глаза ея сказали князю, что она знаетъ, что онъ лжетъ, а Басановъ подмѣтилъ этотъ взглядъ и тоже понялъ его смыслъ.

«Должно быть,—подумалъ онъ,—она всегда такъ смотритъ, что всякій можетъ у нея по глазамъ всѣ мысли читать... Да, вотъ за восемь лѣтъ не видалъ я и не знавалъ за нею такого...».

Басановъ посадилъ къ себѣ на колѣни обоихъ мальчиковъ и сталъ ихъ спрашивать про ихъ «лошадокъ», только что привезенныхъ изъ Москвы изъ лучшаго игрушечнаго магазина.

Аркадій заговорилъ громко, весело, крикливо, совсѣмъ дѣтскимъ голоскомъ... Олимпій отвѣчалъ лишь на вопросы отца, кратко, глухо и страннымъ голосомъ, будто сурово недовольнымъ. Иногда онъ отмалчивался, и старуха Матвѣвна, стоявшая около барина и дѣтей, понукала его.

— Отвѣчай же папашѣ... Что же молчишь...

Въ тѣ же минуты князь Давыдъ отошелъ къ окну и упорно, пристально глядѣлъ на Дарью Аникитишну. Когда она случайно глянула на него, онъ едва замѣтно кивнулъ головой, какъ бы подзывая. Она, тихо и видимо робѣя, двинулась къ нему.

— Глядите-ко, Дарья Аникитишна,—сказалъ онъ громко,—какой чудной дымъ повалилъ изъ доменной печи...

Они стали глядѣть въ окно, стоя спиной къ Басанову. Князь Давыдъ заговорилъ тихо...

— Онисимъ Гончій завтра прощенъ будетъ...

— Живъ?!—изумилась она.

— Завтра прощень будетъ имъ... И въ канцелярію опредѣленъ по-старому... Ждалъ я бѣды какой новой... Ну, эта горше всѣхъ жданныхъ...

— Отчего?..

— Проныра, какихъ нѣтъ.

— Что же съ того?

— Хитрѣе Змглода... Этого не испугаешь ничѣмъ. Этотъ и Аникиты Ильича гуляющаго не струситъ!..—прошепталъ Никаевъ и прибавилъ громко:—Вона! Вона! Дымъ-то еще чуднѣе повалилъ...

Онъ хотѣлъ снова заговорить, но въ то же мгновеніе одинъ изъ мальчиковъ взвылъ... Олимпій, сидя у отца на одномъ колѣнѣ, все-таки ухитрился подражаться съ братомъ, сидящимъ напротивъ...

— Ну, опять за драку!—воскликнулъ Басановъ и, спустивъ съ колѣнъ обоихъ мальчиковъ, онъ позвалъ жену. Она приблизилась.

— Не знаю, что изъ него будетъ. Не видалъ я эдакаго драчуна,—сердито сказалъ онъ.—Хоть бы ты что придумала противъ его задора.

— Что же я могу,—безпомощно отозвалась Дарья Аникитишна.

— Ужъ очень балуешь.

— Я ничего не могу. Только одну Матвѣевну онъ больше еще другихъ слушается. Таковъ нравъ.

— Аникита Ильичъ. Второй! — пошутить князь. — Охотникъ драться. Гусаромъ будетъ, какъ и вы. Тогда держи всѣ ухо остро. Да тогда, посмотрите, чего натворить.

XVIII.

Между тѣмъ Сусанна Юрьевна вернулась къ себѣ радостная, сіяющая и тотчасъ отдала такой приказъ, что чрезъ полчаса весь домъ, казалось, заколыхался на основаніи.

Всѣ лица дворни и нахлѣбниковъ были не то крайне изумлены, не то почти перепуганы.

Первая, оторопѣвшая настолько, что едва не упала на полъ, была Угрюмова, такъ какъ ей отдала приказъ барышня, чтобы передать кому либо изъ дежурной дюжины.

И Сусанна Юрьевна подѣтски восторженно радовалась впечатлѣнію, ею произведенному.

— Анна Фавстовна,—сказала она,—прикажете сейчасъ дойти къ церкви въ домъ пономаря и позвать ко мнѣ тотчасъ сюда...

И она умышленно запнулась...

— Пономаря?—спросила Угрюмова.

— Онисима Гончаго!

Разумѣется, какъ ошалѣла Анна Фавстовна при этомъ приказѣ и имени, такъ же ошалѣли и всѣ въ домѣ, гдѣ вѣсть разнеслась съ быстротою молніи.

Всѣ считали человѣка мертвымъ давно, а его барышня требуетъ на верхъ къ себѣ. Кто-то заподозрѣлъ, что барышня помѣшалась въ мысляхъ.

Однако, чрезъ часъ послѣ приказа, всѣ увидѣли сами Гончаго съ рукой, обвязанной полотномъ, похудѣлаго, блѣднаго, но красиваго. Онъ явился съ главнаго подъѣзда и по большой лѣстницѣ поднялся на верхъ... Онъ былъ однако смущенъ, шелъ, опустья глаза, и, лишь изрѣдка поднимая ихъ, кивалъ головой знакомымъ...

Сусанна Юрьевна встрѣтила его сіяющая...

— Что вы это надумали?—вымолвилъ Гончій.—Я вѣрить не хотѣлъ. Вѣдь было вчера сказано, что только чрезъ недѣлю я пойду прямо къ Дмитрію Андреевичу.

Сусанна, восторженно счастливая, усадила его около пялецъ, заперла дверь на ключъ и стала объяснять, что она уже рассказала все Басанову, и онъ знаетъ, что Гончій живъ и невредимъ и въ Высокѣ...

— Ну, стало быть, успокойся, все въ порядкѣ,—кончила она.

— Я не хотѣлъ идти. Такъ удивился.

— Я бы опять послала.

— Зачѣмъ же вдругъ, теперь, днемъ? Сюда, прямо къ вамъ?

— Теперь не тѣ времена, что при Аникитѣ Ильичѣ были,—разсмѣялась она.—Мнѣ не отъ кого и не изъ-за чего таяться. Что хочу, то и дѣлаю!.. Помни...

Гончій задумался, но повеселѣлъ. Онъ плохо вѣрилъ въ успѣхъ... А теперь все уже наладилось. Баринъ общалъ простить... И отъ радостнаго смущенія, не зная, что сказать, онъ вымолвилъ:

— Ну, что цвѣточекъ-то вчерашній? Добились? Вывели?

— Да, вотъ онъ!—весело отозвалась Сусанна.

И, оторвавъ приметанное тонкое полотно на вышитой части подушки, она показала маленькій цвѣточекъ, изображавшій незабудку.

— Да, это вотъ цвѣточекъ,—прибавила она смѣясь.—А вотъ будутъ скоро ягодки!

Гончій удивленно поглядѣлъ на нее.

— Что вы сказываете?—спросилъ онъ серьезно, зная, что подобнаго рода загадочныя выраженія въ устахъ Сусанны бывали не спроста.—Что нибудь особое?—прибавилъ онъ.

— Да. И новое, и совсѣмъ особое, Онисимъ! Новое для тебя, будетъ новое и для всѣхъ, а само по себѣ... Ухъ, какое особое! Помнишь, когда ты первый разъ шелъ ко мнѣ по винтушкѣ около полуночи въ эту комнату... Помнишь, ты опасался, что я прикажу тебя умертвить! Ну, вотъ это твое тогдашнее опасеніе мнѣ новыя мысли дало. Продумала я много объ этомъ и сказала себѣ. Да, и въ правду нуженъ мнѣ человѣкъ, который бы слушался меня такъ, чтобы по моему указу могъ и убивать... А главное, такой человѣкъ, при которомъ сама я...

Сусанна запнулась и смолкла.

— Съ тѣхъ поръ, что меня ты ножемъ хватилъ, — начала она снова, и видя, что Гончій собрался отвѣчать, она протянула руку надъ пальцами, остановила его жестомъ и прибавила совершенно другимъ голосомъ, прочувствованнымъ:

— Обожди говорить. Слушай, что я тебѣ скажу! Съ той поры всякій разъ, что до меня доходилъ слухъ о какомъ либо новомъ и худомъ приключеніи въ Высоксѣ, меня страхъ бралъ. Чувалось мнѣ, что хотя я здѣсь дѣлаю, что хочу, все равно, что настоящая барыня всѣхъ заводовъ, я все-таки въ одиночествѣ. Какъ перстъ одна или какъ круглая сирота! И я всякій разъ шибко смуцалась. Теперь, съ тѣхъ поръ, что ты здѣсь около меня, я, Аня, ничего не боюсь. Я знаю, что около меня умный человѣкъ и не только что преданный, а которому я дороже всего на свѣтѣ. И я знаю вѣрно, что со мной ничего худого приключиться не можетъ, что онъ меня какъ бы загородитъ отъ всякой бѣды, даже отъ многихъ бѣдъ. Такъ вѣдь?..

Въ голосѣ Сусанны было такъ много чувства и нѣжности, что звукъ его подѣйствовалъ на Гончаго. Выраженіе лица его измѣнилось, стало серьезнѣе, за то глаза блеснули ярче... Онъ долгимъ взглядомъ, въ которомъ ясно сказывалось страстное обожаніе, приглядѣлся къ ея лицу, затѣмъ опустилъ глаза и поникъ головой.

— Что же ты молчишь?!—удивилась она.

— Что же мнѣ на это сказать?..—отозвался Гончій шепотомъ.— Что на это скажешь?!. Вы сами сказали!..

И, вздохнувъ, онъ снова нѣжно поглядѣлъ на нее и вымолвилъ отчасти грустно:

— Да, мудрено такое придумать, такое худое, что бы могло стрястись на васъ, покуда я живъ, покуда я здѣсь въ домѣ около васъ. Слыхалъ я, такъ-то люди говорятъ: не то, что смерти не испугаюсь, а пускай, молъ, сто смертей придуть—и тѣхъ не испугаюсь! Вотъ ужъ сколько лѣтъ, что вы одинъ у меня въ головѣ и на сердцѣ—и чего, чего я не перевидѣлъ за это время! И любили вы меня, и ненавидѣли, и казнили, и опять полюбили... А во мнѣ моя любовь къ вамъ за все время только пуще разгоралась! И теперь, вмѣсто того, чтобы все было потише на душѣ—все пуще огнемъ горитъ! Самъ я, Сусанна Юрьевна, когда обо всемъ этомъ размышлялъ и теперь вотъ размышляю, то вотъ вамъ, какъ передъ Богомъ, ничего уразумѣть не могу. Что это такое? Это же самое, что во мнѣ огнемъ горитъ, заставило меня тогда желать васъ зарѣзать... А когда я безъ руки ушелъ — зачѣмъ я ушелъ? Пытки, что ли, испугался, смерти? Того, что меня замучать до смерти? Богомъ божусь, что нѣтъ. Совсѣмъ не то!.. Вы же меня злобно казнили, и я же ушелъ, упасъ себя, чтобы жить на свѣтѣ. А зачѣмъ? Нешто моя жизнь была красна, легкая, веселая? Нѣтъ! Ушелъ я только за тѣмъ, чтобы

потомъ опять тайкомъ, хоть разъ въ мѣсяцъ, бывать и укрываться около Высокоы и видѣть васъ. Хоть одинъ-то разъ въ мѣсяцъ глянуть на васъ. И всякій иной человѣкъ на моемъ мѣстѣ почелъ бы васъ заклятымъ врагомъ и злодѣемъ своимъ, а я ушелъ безъ руки, еще пуще по васъ безумствуя!.. А вотъ вы теперь сказываете, что не боитесь ничего и никого, потому что я около васъ и васъ могу охранить... Да, покуда я живъ и здѣсь, васъ не то что одинъ человѣкъ,—приведите сюда полсотни народа и прикажите мнѣ ихъ всѣхъ перерѣзать однимъ ножомъ, и я ихъ всѣхъ перерѣжу. Что мнѣ, что на томъ свѣтѣ Господь накажетъ. У меня на этомъ свѣтѣ, ужъ не знаю, какъ это словами сказать... На этомъ вотъ свѣтѣ у меня Господь есть... Вотъ онъ, сидитъ за пальцами!.. — тихо и страннымъ голосомъ выговорилъ Гончій.

Наступило молчаніе и длилось довольно долго. Лицо Сусанны оживилось, а затѣмъ она вдругъ разсмѣялась.

— Чему же вы?..—почти сумрачно произнесъ Гончій.

— Глупый ты, никакъ обидѣлся?.. Я тебѣ скажу, чему смѣюсь... Смѣюсь надъ собой, смѣюсь надъ обстоятельствами, что за эти годы были со мной. Я смѣюсь, сравнивая другихъ разныхъ съ тобою, и дивлюсь, что я всѣхъ этихъ разныхъ князевъ могла тебѣ предпочесть! За то же теперь, Аня, я знаю цѣну людямъ!

И послѣ минутнаго молчанія Сусанна Юрьевна, вдругъ оживясь, вымолвила:

— А главное-то я и не сказала еще тебѣ про ягоду.

— Что же такое? Какая ягода?

— А то, что завтра ты долженъ идти къ барину, чтобы просить прощенія.

— Завтра же?—будто смутился Гончій.

— Чего же ты, глупый!

— Да вѣрно ли, что Дмитрій Андреевичъ проститъ?

Сусанна Юрьевна разсмѣялась звонко и прибавила нѣжно:

— Вотъ ужъ глупый. Совсѣмъ глупый.

— Я вѣрю... Да ужъ очень все это диковинно.

— Что онъ проститъ—недиковинно. А вотъ послѣ прощенія что будетъ, то диковинка.

— А что?..

— А вотъ самъ подумайся.

— Совсѣмъ не могу, Сусанна Юрьевна.

— Будешь ты опять въ канцелярію...

Гончій широко раскрылъ глаза...

— Да. Но это еще не все, Аня... Дальше пойдутъ другія ягоды. Еще побольше да послаще...

— Что же такое?

— Нѣтъ. Этого я теперь тебѣ не скажу... Теперь ты уходи къ себѣ обратно, а вечеромъ приходи опять по винтушкѣ. Вечеромъ я

тебѣ скажу, что ты долженъ обѣщать Дмитрію Андреевичу, чтобы его совсѣмъ и сразу околдовать, чтобы онъ души въ тебѣ не чаялъ. А теперь уходи.

«Что на свѣтѣ только творится»,—думалъ Гончій, выходя изъ комнатъ барышни.

Когда онъ спустился по большой лѣстницѣ и поровнялся съ прихожей, гдѣ была дежурная дюжина, двое рунтовъ остановили его...

— Тебя приказано взять... сказалъ одинъ изъ нихъ.

Гончій слегка перемѣнился въ лицѣ и остановился истуканомъ, болѣе озадаченный, нежели смущенный.

— Кто приказалъ?—вымолвилъ онъ нѣсколько глухо.

— Оберъ-рунтъ... Князь... Обожди... За нимъ побѣжали. Самъ скажетъ...

— Баринъ указалъ ему?.. спросилъ Гончій.—Или самъ онъ?

— Намъ ничего невѣдомо. Сейчасъ придетъ...

Въ ту же минуту изъ анфилады парадныхъ комнатъ показался князь Давыдъ и быстро шель...

— Взять его... Запереть въ рунтовомъ домѣ!—приказалъ онъ громко еще издали...

— Баринъ указалъ?—спросилъ Гончій, сильнѣе мѣняясь въ лицѣ.

— Нѣтъ. Моя обязанность такая... отвѣтилъ князь.—Я сейчасъ доложу Дмитрію Андреевичу, что ты проявился... Да еще въ домѣ...

— Меня вызвала Сусанна Юрьевна!—совершенно другимъ голосомъ выговорилъ Гончій, смѣлѣе и почти вызывающе.

— Все это ты сказываешь... отвѣтилъ князь, не глядя ему въ лицо и сильно волнуясь... Волненіе его многое сразу объяснило Гончему.

«Мудрить!—подумалось ему.—Но что будетъ?.. Баринъ слабодушенъ... Семь пятницъ у него на недѣлѣ»...

Однако онъ обернулся къ дежурной дюжинѣ и выговорилъ:

— Братцы, кто изъ васъ желаетъ одолжить меня? Добѣги на верхъ сказать Сусаннѣ Юрьевнѣ, что меня Давыдъ Анатольевичъ подѣ стражу взялъ безъ всякаго приказа барина.

Но никто изъ дворовыхъ не двинулся... Всѣ робко потупились, какъ-то переминаясь съ ноги на ногу...

— Веди!—крикнулъ князь...

Гончій въ сопровожденіи обоихъ рунтовъ двинулся на подѣздъ, а затѣмъ по улицѣ... Прохожіе останавливались и глазѣли, дивясь и недоумѣвая... Знавшіе уже, что Гончій, проявившись, былъ даже принятъ барышней,—дивились больше тѣхъ, которые узнали теперь вдругъ, что онъ живъ.

Между тѣмъ князь былъ уже въ спальнѣ Дмитрія Андреевича и объяснялся...

— Я свою должность рунтовую справляю. Вы мнѣ по дружбѣ вашей и довѣрію сказали про Гончаго и про затѣи Сусанны Юрьевны. Но я, какъ вашъ любимецъ, а не какъ оберъ-рунтъ, знаю, что барышня затѣваетъ... И вотъ я узнавъ, что онъ проявился и даже въ домъ пролѣзъ, счель мою прямою должностью его взять... А теперь что прикажете, то и будетъ...

Басановъ смущенный, озадаченный больше, чѣмъ, быть можетъ, самъ Гончій при внезапномъ арестѣ, сидѣлъ, широко раскрывъ глаза на князя, и молчалъ.

— Время еще есть, Дмитрій Андреевичъ. Одумайтесь. Она васъ погубить... Ей онъ бывший пріятель, коего она опять по прихоти пожелала... Опять завести у себя... А вамъ-то что же онъ? Тотъ же злодѣй, что хотѣлъ васъ убить! Одумайтесь... Дѣло сдѣлано. Онъ взятъ, и сейчасъ его запрутъ... Прикажите хоть просто выпустить, но прогнать съ Высоксы и не дозволять больше являться подѣ страхомъ, что мы его сдадимъ въ намѣстничество. Говорю вамъ— только прогнать дозвольте. И того довольно будетъ... Сказываю я вамъ, что у меня улики... У меня свидѣтели есть, что видѣли его близъ охотнаго дома въ ночь передъ умысломъ на васъ... Одумайтесь!

Князь наконецъ замолчалъ и ждалъ въ крайнемъ волненіи. Басановъ молчалъ.

— Что же, Дмитрій Андреевичъ? Вы—владѣлецъ Высоксы. Ваше одно слово—что законъ.

— Тысячи разовъ говорилъ я тебѣ,—глухо произнесъ Басановъ... Тысячи разовъ.

И онъ смолкъ.

— Что?—нетерпѣливо вскрикнулъ Никаевъ.

— У нея на меня слово... Мое слово, сказываешь, законъ. Да... Но у нея есть слово на меня. И я ничего противъ нея не могу...

— Я знаю, какое это слово... И говорю, что оно пустое... Стращаетъ она васъ. Зря... И если вы хоть бы разъ одинъ...

Князь не договорилъ. Дверь съ шумомъ распахнулась, и въ спальню вошла тихо, мѣрнымъ шагомъ Сусанна Юрьевна. Она подошла къ Басанову и, не взглянувъ на князя, вымолвила спокойно:

— Прикажите оберъ-рунту Никаеву сейчасъ освободить Гончаго.

Басановъ хотѣлъ что-то вымолвить, но слова застряли, казалось, у него въ горлѣ.

— Ну... Въ такомъ случаѣ прикажите покуда оберъ-рунту выйти отсюда вонъ, чтобы намъ переговорить...

— Сусанна Юрьевна!—воскликнулъ князь.—Я ради моей преданности...

— Дмитрій Андреевичъ!—вдругъ внѣ себя, громко и даже грозно произнесла Сусанна.—Прикажите сейчасъ выйти ему вонъ... Я только этого прошу.

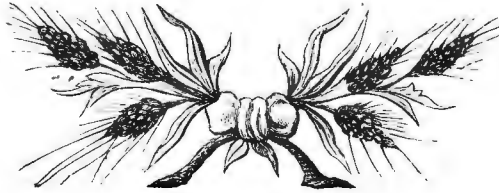
— Ступай!—едва слышно произнесъ Басановъ, искоса глянувъ на Никаева.

— Такъ ужъ прикажите прямо выпустить!—дерзко смѣясь, выговорилъ князь.

— Поди вонъ!—вдругъ вспыхнулъ Басановъ. И когда князь двинулся, онъ крикнулъ ему въ слѣдъ:—Набаловалъ я васъ всѣхъ!

Графъ Е. А. Салиасъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ ГРАФИНИ В. Н. ГОЛОВИНОЙ ¹⁾.

ХVIII.

Пріѣздъ въ Петербургъ шведскаго короля Густава IV.—Марія Антоновна Нарышкина, урожденная княжна Четвертинская.—Михайловскій замокъ.—Интриги при дворѣ графа Палена и графа Кутайсова.—Увольненіе графа Ростопчина отъ службы.—Пріѣздъ въ Петербургъ генерала Бенигсена.—Внезапная кончина императора Павла.—Скорбь императорской фамилии.—Положеніе, занятое вдовствующей императрицей Маріей Феодоровной.—Погребеніе императора Павла Петровича.

ВЪ ОКТЯБРѢ, шведскій король совершилъ свое второе путешествіе въ Петербургъ ²⁾. Онъ пріѣзжалъ заключить договоръ съ императоромъ противъ Англіи. Съ присоединеніемъ къ этому договору Даніи образовался тройственный союзъ. Государь, повидимому, позабылъ все происшедшее во время послѣдняго пребыванія короля. Оба государя вели переговоры вмѣстѣ, и политическія дѣла устроились къ лучшему, какъ вдругъ это доброе согласіе разстроилось по капризу императора. Каждый вечеръ бывали спектакли въ Эрмитажѣ во время пребыванія короля. Давали какъ-то «Le belle arsine», и угольщики, появляющіеся въ 3-мъ актѣ, были въ красныхъ колпакахъ. Король, мнѣніе котораго о французской революціи и обо всѣхъ, игравшихъ въ ней роль, было тождественно съ мнѣніемъ императора, считалъ возможнымъ пошутить на этотъ счетъ и сказалъ государю: «Мнѣ сдается, что у васъ есть якобинцы». Императоръ, бывшій, вѣроятно, въ этотъ день въ худшемъ расположеніи

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXVII, стр. 39.

²⁾ Король шведскій Густавъ IV прибылъ въ Петербургъ 29 ноября 1800 г.

духа, чѣмъ въ остальное время, принялъ эту шутку довольно дурно и очень сухо отвѣтилъ королю, что якобинцевъ при его дворѣ нѣтъ, и что онъ не потерпитъ ихъ въ своей имперіи. Съ этой минуты государь такъ дурно и невѣжливо обращался съ королемъ, что его величество счелъ за лучшее сократить пребываніе въ Петербургѣ. Императоръ далъ волю своему дурному расположенію до того, что послалъ приказъ о возвращеніи придворной кухни, которая, по обычаю, предшествовала королю до шведской границы. Король оказался настолько находчивъ, что обратилъ все въ смѣшную сторону, когда ему донесли о томъ, и забавлялся, поторапливая свое путешествіе съ цѣлю опередить на нѣсколько станцій приказъ о лишеніи его пицци, слѣдовавшій за нимъ.—«Скорѣе», говорилъ король своей свитѣ на станціяхъ, гдѣ останавливался перемѣнять лошадей: «быть можетъ, мы сегодня и пообедаемъ»¹⁾.

Масляница была очень оживлена въ этомъ году (1801-мъ). Императоръ приказалъ великому князю Александру давать у себя балы, а въ эрмитажномъ театрѣ бывали маскарады, для входа въ которые было только незначительное количество билетовъ, вслѣдствіе чего тамъ собиралось общество болѣе избранное, чѣмъ это случается обыкновенно въ подобнаго рода увеселенійхъ. На этихъ балахъ великій князь Александръ началъ обращать вниманіе на красавицу Нарышкину²⁾. У него уже завязывалась интрига, и онъ рассчитывалъ на успѣхъ, когда князь Зубовъ, выказывавшій ему большую привязанность, пошутилъ надъ великимъ княземъ относительно его ухаживаній за госпожею Нарышкиной и, выслушавъ отъ него откровенное признаніе въ подаваемой ему надеждѣ, сообщилъ ему въ свою очередь, что и онъ могъ быть доволенъ ея обращеніемъ. Взаимное признаніе произвело новаго рода условіе. Великій князь и кн. Зубовъ обѣщали давать другъ другу полный отчетъ въ успѣшномъ ходѣ своихъ дѣлъ и подтвердили честнымъ словомъ, что имѣющій менѣе успѣха уступить тому, кто представитъ доказательства большаго расположенія. Соперники соблюдали условія договора съ самой добросовѣстной точностью, пока наконецъ, нѣсколько времени спустя, князь Зубовъ показалъ великому князю записочки, которыя были ему вручены Нарышкиной во время полонеза. Великій князь, которому приходилось повѣрять только одни еще слова, удалился безъ сожа-

¹⁾ О пребываніи Густава IV въ Петербургѣ см. «Сборникъ Н. Р. И. О.», IX, 392—398. Король, по отзыву иностранцевъ, велъ себя легкомысленно и надменно, раздражая императора.

²⁾ Извѣстная Марія Антоновна, урожденная княжна Четвертинская (1779 г., † 1854 г.). Она была замужемъ за Дмитріемъ Львовичемъ Нарышкинымъ, оберъ-егермейстеромъ. Изъ дочерей ея Зинаида Дмитріевна ум. въ 1810 г. въ младенчествѣ, а Софья Дмитріевна (р. 1808 г., † 1824 г.) умерла отъ чахотки. Послѣ смерти Дмитрія Львовича Нарышкина съ 1838 г. Марья Антоновна вступила во второй бракъ съ нѣкимъ Брозинимъ.

лѣнія. Онъ даже выразился съ презрѣніемъ относительно этой женщины и обо всѣхъ, способныхъ на подобнаго рода поступки.

Построеніе Михайловскаго замка быстро подходило къ концу. Легко себѣ представить, въ какомъ положеніи былъ въ это время замокъ, если вспомнить, что первый камень этого зданія былъ положенъ въ ноябрѣ 1797 г., и что императоръ предполагалъ переселиться въ него со всѣмъ дворомъ уже въ февралѣ 1801. Императоръ какъ будто предчувствовалъ, что недолго будетъ въ немъ жить, и спѣшилъ воспользоваться нѣсколькими остающимися днями. 1-го февраля, императоръ, императрица и самыя приближенныя къ нимъ особы, переѣхали въ Михайловскій дворецъ ¹⁾. Великіе князья Александръ и Константинъ, апартаменты которыхъ не были еще готовы въ замкѣ, помѣщались вмѣстѣ въ пріемной, а супруги ихъ должны были оставаться въ Зимнемъ дворцѣ. Каждый боялся вреднаго, сырого воздуха въ замкѣ за себя или за своихъ, но всѣ далеки были отъ мысли, что дворецъ этотъ станетъ гробницей только одного, а именно того, кто одинъ былъ въ восторгѣ отъ этого жилища. Государь былъ такъ доволенъ, что превозмогъ препятствія, почти непреодолимыя, для удовлетворенія своей фантазіи, что спѣшилъ воспользоваться послѣдними днями масляницы и задать балъ въ новомъ помѣщеніи. Спектакли предшествовали и слѣдовали за нимъ въ остальные дни ²⁾. Постройка и меблировка этого дворца много содѣйствовала разстройству финансовъ, которое обнаружилось при восшествіи на престолъ императора Александра. Дворецъ былъ меблированъ съ замѣчательнымъ великолѣпіемъ. Императоръ Павелъ наслаждался пребываніемъ въ немъ всего лишь въ теченіе шести недѣль, а послѣдовавшая вслѣдъ затѣмъ его кончина сдѣлала этотъ дворецъ столь непріятнымъ для его наслѣдника, что всѣ украшенія дворца были сняты, а часть даже разрушена ³⁾.

Въ продолженіе послѣдняго года царствованія Павла I старались уничтожить фаворъ Ростопчина и навлечь на него опалу. Онъ почти уже не ходилъ съ докладомъ въ кабинетъ его величества, поручая это г. Энгелю, первому члену своей коллегіи ⁴⁾. Графъ Паленъ и г. Нарышкинъ, оберъ-гофмаршалъ ⁵⁾, употребили все свое вліяніе,

¹⁾ Какъ только всѣ апартаменты были готовы, замужнія великія княгини и дѣти императора также переѣхали жить въ Михайловскій дворецъ, и ко дню смерти государя тамъ пребывало все императорское семейство.

²⁾ 1-го февраля, въ день пріѣзда въ замокъ императорской фамиліи, въ замкѣ былъ спектакль, 2-го числа—маскарадъ, на которомъ дворянъ было 2092, а купечества—745, а 3-го февраля было уже воскресенье, кагунъ великаго поста.

³⁾ Уничтожены были рвы, окружавшіе замокъ, и подъемные черезъ нихъ мосты, измѣнились къ худшему внутреннія отдѣлка и расположеніе нѣкоторыхъ комнатъ, но самое зданіе осталось неповрежденнымъ.

⁴⁾ Энгель, Теодоръ Ивановичъ, † 1837 г. членомъ государственнаго совѣта.

⁵⁾ Александръ Львовичъ, оберъ-гофмаршалъ въ 1798 г., оберъ-камергеръ въ 1801 г., р. 1760 г., † 1826 г.

чтобы поспорить его съ Кутайсовымъ. Вице-адмиралъ Рибасъ ¹⁾ участвовалъ въ заговорѣ графа Панина. Онъ получилъ позволеніе путешествовать ²⁾. Когда онъ возвратился, то адмиралъ Кушелевъ ³⁾ заболѣлъ, и Рибасу пришлось докладывать бумаги императору. Заговорщики рѣшили, что онъ воспользуется однимъ изъ этихъ докладовъ для совершенія преступленія, но въ тотъ же день Рибасъ заболѣлъ и умеръ нѣсколько времени спустя. Въ бреду онъ говорилъ только о своихъ ужасныхъ намѣреніяхъ и объ угроженіяхъ совѣсти.

Фаворъ Кутайсова возросталъ. Онъ былъ возведенъ въ достоинство оберъ-штабмейстера, получилъ графскій титулъ и орденъ Св. Андрея Первозваннаго ⁴⁾. Съ искусствомъ предателя Паленъ подготавливалъ свое дѣло... Отчаиваясь достигнуть удаленія Ростопчина, который былъ непреодолимымъ препятствіемъ для совершенія задуманнаго имъ преступленія, онъ рѣшился однако сдѣлать послѣднюю пробу на самомъ императорѣ съ цѣлію возстановить его противъ Ростопчина. Онъ испросилъ у его величества позволеніе переговорить съ нимъ наединѣ. Получивъ разрѣшеніе, онъ сказалъ: «государь, хотя я могу и навлечь вашъ гнѣвъ на себя, рѣшаюсь говорить съ вами о человѣкѣ, который, вмѣсто того, чтобы заслуживать ваше довѣріе и милости, старается удалить отъ вашей священной особы истинно-вѣрнопоподанныхъ. Графъ Панинъ самымъ несправедливымъ образомъ очерненъ въ глазахъ вашего величества. Графъ Ростопчинъ самый жестокий врагъ его». — «Все ли сказали, милостивый государь?» — спросилъ государь. — «Все, ваше величество». — «Уходите вонъ! Вы будете арестованы по моему приказанію». Дѣйствительно приказъ объ арестѣ графа Палена въ его домѣ отданъ былъ въ ту же минуту. Императоръ послалъ за Ростопчинымъ, сообщилъ ему о случившемся, приказалъ арестовать графа Палена и отвезти въ крѣпость. Ростопчинъ умолялъ и убѣждалъ его величество измѣнить такой строгій приказъ; единственное, чего онъ могъ достичь, было позволеніе, что Паленъ будетъ только сосланъ въ свои помѣстья. Нѣсколько дней спустя, Паленъ возвратился опять ко двору. Кутайсовъ добился его освобожденія изъ ненависти къ Ростопчину; затѣмъ Паленъ, съ помощію Кутайсова, опять дѣятельно взялся

¹⁾ Рибасъ, Осипъ Михайловичъ, извѣстный своимъ хитрымъ и проницательнымъ умомъ, р. 1750, † 1800 г., 1 декабря.—Женатъ онъ былъ на побочной дочери Бецкаго и унаслѣдовалъ его состояніе.

²⁾ Рибасъ незадолго предъ тѣмъ уволенъ былъ за хищенія отъ управленія лѣснымъ департаментомъ, находившимся въ вѣдѣніи адмиралтействъ-коллегіи.

³⁾ Кушелевъ, графъ Григорій Григорьевичъ, адмиралъ, вице-президентъ адмиралтействъ-коллегіи, одинъ изъ любимцевъ императора Павла, р. 1754 г., † 1833 г.

⁴⁾ Графскій титулъ Кутайсовъ получилъ 5 мая 1799 г., званіе оберъ-штабмейстера 9 января 1800 г., а орденъ Св. Андрея Первозваннаго—17 декабря, послѣ того какъ король шведскій отказалъ ему въ орденѣ Серафимовъ.

за окончаніе своего дѣла. Онъ снова испросилъ позволеніе говорить съ императоромъ, повинился передъ нимъ относительно Ростопчина, притворился, будто раздѣляетъ мнѣніе, что Панинъ былъ подозрителенъ, и что онъ принималъ у себя иностранныхъ министровъ для тайныхъ переговоровъ¹⁾. Паленъ особенно осуждалъ виконта де-Караманъ, агента Людовика XVIII: Караманъ былъ тогда высланъ изъ Петербурга, а Людовикъ XVIII—изъ Митавы. Паленъ торжествовалъ. Для удовлетворенія его злобы необходимо было возбудить всѣ умы противъ своего государя: это былъ лишній путь для достиженія его цѣли. Графъ Ростопчинъ самъ облегчилъ свою ссылку. Въ Петербургѣ находился пьемонтецъ, котораго имѣли основаніе заподозрѣть въ дурныхъ намѣреніяхъ противъ императора. На него донесли Ростопчину, который старался выслать его за границу, но г. и г-жа Шевалье предупредили его, воспользовавшись покровительствомъ Кутайсова. Обвиненный имѣлъ неосторожность сказать, что это семейство пользовалось его полной довѣренностію. Боясь быть скомпрометированными, эти низкіе интриганы донесли на него, какъ на настоящаго преступника. Они достигли того, что его подвергли наказанію кнута, наложили на него клейма и скованнаго сослали въ Сибирь²⁾. Онъ умеръ въ дорогѣ. Этотъ ужасный случай возмутилъ Ростопчина. Онъ пошелъ къ Кутайсову, упрекнулъ его въ недостойной слабости и забвенія благодарностей своего государя и сказалъ ему, что «въ угоду своей фавориткѣ онъ помрачаетъ славу своего императора». Кутайсовъ пришелъ въ ярость и съ этой минуты съ еще большей жаждой мести помогать графу Палену въ его стараніяхъ добиться высылки Ростопчина. Наконецъ цѣль эта была ими достигнута³⁾, но, давая на то свое согласіе, императоръ страдалъ, теряя человѣка, котораго дѣйствительно любилъ. Императоръ написалъ ему объяснительную записку, которою давалъ возможность оправдаться. Ростопчинъ отвѣтилъ, какъ и слѣдовало отвѣчать невинному вѣрноподданному; но отвѣтъ его не былъ врученъ императору; напротивъ, ему донесли, будто Ростопчинъ такъ сердитъ, что и отвѣчать не хочетъ. Ростопчинъ не зналъ этого послѣдняго темнаго поступка и, судя по тому, что написалъ ему императоръ, полагалъ, что имѣетъ право проститься съ его величествомъ. Онъ велѣлъ просить оберъ-гофмейстера Нарышкина записать его въ списокъ представляющихся императору. Нарышкинъ, достойный

¹⁾ Это подозрѣніе императора Павла было вполне основательно: въ особенно дружескихъ отношеніяхъ графъ Никита Панинъ былъ съ англійскимъ посломъ Витвортомъ.

²⁾ Рѣчь идетъ, вѣроятно, о французѣ Мершѣ, который, по журналу с.-петербургскаго губернскаго правленія 14 декабря 1800 г., былъ наказанъ на Александровской площади кнута съ вырѣзаніемъ поздравительныхъ знаковъ, а затѣмъ отосланъ въ Нерчинскъ въ каторжную работу.

³⁾ Графъ Ростопчинъ уволенъ былъ «отъ всѣхъ дѣлъ» 20 февраля 1801 года.

соучастникъ графа Палена, не записалъ его. Ростопчинъ, пріѣхавшій ко двору, не могъ видѣть его величество, и полагалъ, что такова была его воля, а императоръ, обманутый уже доставленнымъ отвѣтомъ, думалъ, что Ростопчинъ дѣйствуетъ по досадѣ ¹⁾...

Прежде чѣмъ говорить о смерти императора Павла, приведу нѣкоторыя обстоятельства, касающіяся насъ. Генераль Бенигсенъ ²⁾, хорошо знакомый въ нашемъ домѣ, вслѣдствіе нѣсколькихъ походовъ съ моимъ мужемъ во время турецкой войны, часто пріѣзжалъ къ намъ. Мы интересовались его разсказами о персидскомъ походѣ въ царствованіе Екатерины II, о ея планахъ относительно завоеванія Константинополя и о многихъ другихъ подробностяхъ, свидѣтельствовавшихъ о мудрости и величіи этой государыни. 6-го марта Бенигсенъ пріѣхалъ утромъ къ моему мужу поговорить съ нимъ о важномъ, по его мнѣнію, дѣлѣ, но засталъ его въ постели настолько больнымъ, что не счелъ его въ состояніи выслушать себя. Бенигсенъ выразилъ мужу свое сожалѣніе горячо и даже съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ. Не будь этой помѣхи, можно считать болѣе чѣмъ достовернымъ, что генераль Бенигсенъ имѣлъ намѣреніе открыть весь заговоръ моему мужу, который выслушалъ бы его, какъ честный человѣкъ и вѣрный подданный. Это довѣріе имѣло бы безчисленныя послѣдствія. Вечеромъ, 11 марта, Бенигсенъ вернулся къ намъ сказать, что уѣзжаетъ въ ту же ночь, что дѣла его были окончены, и онъ спѣшитъ оставить городъ. Николай Зубовъ ³⁾ также считался уѣхавшимъ по порученію. Мы ничего не догадывались. Мужъ мой, хотя и выздоравливалъ, былъ внизу въ своихъ апартаментяхъ. Госпожа Тарантъ спала въ комнатѣ рядомъ съ моей, когда рано утромъ на другой день я услышала мужскіе шаги въ моей спальнѣ. Я отдернула занавѣски передъ моей кроватью и, увидавъ мужа, спросила: «что ему надо?» «Во-первыхъ, — сказалъ онъ, — я пойду-поговорю съ г-жей Тарантъ». Посмотрѣвъ на часы, я увидала, что было только 6 часовъ. Мною овладѣло безпокойство: я думала, что случилось какое нибудь несчастіе или данъ приказъ о ссылкѣ г-жи Тарантъ, особенно, когда услышала ея испуганный крикъ; но мужъ пришелъ сказать мнѣ, что императоръ умеръ наканунѣ отъ апоплексическаго удара, въ 11 часовъ вечера... ⁴⁾. Я поспѣшно встала. Г-жа Тарантъ одѣлась съ цѣлію ѣхать ко двору для присяги. Мужъ

¹⁾ 24-го февраля гр. Ростопчинъ пріѣзжалъ ко двору, чтобы откланяться государю, но ему приказано было уѣхать изъ дворца и въ тотъ же день выѣхать изъ Петербурга.

²⁾ Генераль, впослѣдствіи графъ, Леонтій Леонтьевичъ Бенигсенъ, р. 1745 г., † 1826 г. Оставилъ записки о своей жизни.

³⁾ Графъ Николай Зубовъ, братъ князя Платона Зубова, женатый на дочери Суворова, Наталіи Александровнѣ, оберъ-шталмейстеръ, р. 1763 г., † 1805 г.

⁴⁾ Императоръ Павелъ Петровичъ скончался въ ночь съ 11-го на 12-е марта, въ 1-мъ часу ночи.

мой, хотя еще слабый, также туда отправился. Въ то время, когда г-жа Тарантъ одѣвалась въ придворный костюмъ, пріѣхали ко мнѣ моя невѣстка, Нелединская, и г-жа Колычева, одна изъ моихъ кузинъ. Мы все терялись въ предположеніяхъ о внезапной кончинѣ государя, когда графъ Крюссоль, племянникъ г-жи Тарантъ и адъютантъ императора Павла, вошелъ въ комнату. Его лицо, блѣдное и печальное, поразило насъ до нѣкоторой степени. Императоръ всегда очень хорошо обращался съ этимъ молодымъ человѣкомъ: совершенно естественно, что онъ скорбѣлъ о Павлѣ I. Тетка его спросила о нѣкоторыхъ подробностяхъ кончины императора. Де-Крюссоль смутился, и глаза его наполнились слезами...

Мужъ мой возвратился внѣ себя и въ отчаяніи отъ всего слышаннаго.

Утромъ 11 марта, когда Кутайсовъ, во дворѣ дворца, ожидалъ императора, чтобы сопровождать его верхомъ, крестьянинъ или человѣкъ, переодѣтый въ крестьянское платье, подошелъ къ нему и горячо умолялъ принять отъ него бумагу, содержаніе которой должно было имѣть большія послѣдствія, о чемъ слѣдовало въ тотъ же день доложить императору. Кутайсовъ держалъ правой рукой лошадь его величества за узду: онъ взялъ бумагу лѣвой рукой и положилъ ее въ свой лѣвый карманъ. Послѣ прогулки онъ переодѣлся мундиръ, чтобы идти къ императору. Забывъ про бумагу крестьянина, Кутайсовъ опорожнилъ только свой правый карманъ, по обыкновенію, и вспомнилъ объ этой бумагѣ только на слѣдующій день.

Къ утру 12-го марта императрица-мать пожелала видѣть своихъ дѣтей, и въ скоромъ времени ее проводили къ нимъ. Въ сопровожденіи императрицы Елисаветы и поддерживаемая ею, ея величество возвратилась въ свои апартаменты, гдѣ высказала желаніе поговорить съ графомъ Паленомъ. Во время этого разговора она заперла императрицу Елисавету въ небольшой кабинетъ, смежный со спальней покойнаго императора. Молчаніе и смерть, царствовавшія въ этой комнатѣ, погрузили новую государыню въ размышленія, которыя никогда не дозволяютъ ей забыть эту минуту. Ея величество говорила мнѣ, что она съ неизъяснимымъ истерпѣніемъ ожидала возможности оставить свое убѣжище, но ей это удалось сдѣлать не ранѣе, какъ проводивъ императрицу-мать къ тѣлу ея супруга и поддержавъ ее въ эту тяжелую минуту.

Императрица-мать отправилась туда въ сопровожденіи всѣхъ дѣтей своихъ и, войдя въ комнату, гдѣ государь лежалъ еще на своей походной кровати, одѣтый въ свой обыкновенный мундиръ и съ шляпой на головѣ, испускала пронзительные крики. Наконецъ, между 6 и 7 часами утра, императрица Елисавета, въ сопровожденіи своей старшей камеръ-фрау, г-жи Геслеръ, оставила это мѣсто и отправилась въ Зимній дворецъ. Прибывъ въ свои апартаменты, ея

величество увидала императора Александра, лежавшаго на диванѣ, блѣднаго, разстроеннаго, подавленнаго горестью. Графъ Палень находился въ комнатѣ и, вмѣсто того, чтобы уйти, какъ предписывало ему уваженіе, только удалился въ амбразуру окна. Императоръ сказалъ императрицѣ Елисаветѣ: «Я не могу исполнять обязанности, которыя на меня возлагаютъ. Могу ли я имѣть силу царствовать? Не могу. Предоставляю мою власть тому, кто ее пожелаетъ». Императрица, хотя и была глубоко тронута состояніемъ, въ которомъ видѣла своего супруга, но представила ему, какія ужасныя послѣдствія могутъ произойти отъ подобнаго рѣшенія, и тотъ безпорядокъ, въ который онъ чрезъ то повергнетъ всю имперію. Она умоляла его быть энергичнымъ, посвятить себя всецѣло счастію своего народа и въ данную минуту смотрѣть на свою власть, какъ на искупленіе. Ей хотѣлось говорить съ нимъ несравненно болѣе, но досадливое присутствіе графа Палена сдерживало ея изліянія. Между тѣмъ, въ отсутствіе ихъ величествъ, въ большихъ залахъ собирали публику и приводили ее къ присягѣ. Императрица-мать прибыла въ Зимній дворецъ нѣсколькими часами позже своихъ дѣтей. Ея свиданіе съ императоромъ было раздирающимъ душу. Повидимому, государь гораздо болѣе отчаивался, чѣмъ его мать. Невозможно было смотрѣть на него безъ содроганія.

Восемь или десять дней спустя по смерти императора Павла, получили извѣстіе о кончинѣ эрцъ-герцогини, великой княгини Александры, умершей отъ первыхъ родовъ ¹⁾).

Столько несчастій должны были бы сразить императрицу-мать, или, по крайней мѣрѣ, заставить ее позабыть въ это время обо всемъ, не относящемся къ ея горю. Вмѣсто того, императоръ Павелъ не былъ еще погребенъ, какъ она предвидѣла уже все необходимое въ подобныхъ случаяхъ, о чемъ изъ состраданія къ ней сынъ ея избѣгалъ пока съ ней разговаривать. Императрица Марія объявила, что не желаетъ отдѣльнаго штата, и получила согласіе своего сына, что придворные чины будутъ одинаково служить ей и ему. Нѣсколько дней спустя, по своемъ восшествіи на престолъ, императоръ произвелъ во фрейлины княжну Варвару Волконскую, первую фрейлину въ царствованіе императора Александра. По обычаю она получила шифръ его супруги, и въ то же время всѣ фрейлины, числившіяся при императрицѣ Елисаветѣ, получили также тотъ же шифръ. Какъ только императрица-мать узнала объ этомъ обстоятельстве простомъ и обычномъ въ подобныхъ случаяхъ, она потребовала отъ императора, чтобы съ этого времени статсъ-дамы и фрейлины получали шифры съ изображеніемъ обѣихъ императрицъ или по два шифра заразъ. Это былъ примѣръ неслыханный, но въ то время императрица-мать могла всего достигнуть отъ своего сына,

¹⁾ Великая княгиня Александра Павловна. † 4-го марта н. ст. 1801 г.

и она дала себѣ слово не упускать случая. Едва только закончились первыя 6 недѣль, какъ она снова стала присутствовать на придворныхъ приемахъ. Императрица Марія велѣла нарисовать свой портретъ въ глубокомъ траурѣ и раздала его всѣмъ, кому только могла¹⁾. Въ маѣ она поѣхала на жительство въ Павловскъ, принадлежавшій ей лично, такъ же, какъ и Гатчина, которую императоръ Павелъ оставилъ ей по духовному завѣщанію. Въ первомъ она вела образъ жизни болѣе разсѣянный и блестящій, чѣмъ при Павлѣ I. У нея были большіе приемы; тамъ происходили прогулки верхомъ, въ которыхъ она всегда участвовала; обѣдали, завтракали, ужинали въ различныхъ уголкахъ сада. Она сажала деревья, строила, вмѣшивалась въ государственныя дѣла, насколько это ей было возможно, словомъ, казалась довольной и увлекающейся наслажденіями жизни²⁾.

Надо было упомянуть обо всѣхъ этихъ подробностяхъ, чтобы дать понять, какое положеніе заняла вдовствующая императрица немедленно по кончинѣ своего супруга. Теперь вернемся опять къ тѣлу этого несчастнаго государя.

Оно выставлено было, согласно церемоніалу, въ Михайловскомъ замкѣ. Черезъ двѣ недѣли въ крѣпости состоялось погребеніе³⁾. Павла I похоронили возлѣ его предковъ. Весь дворъ слѣдоваль пѣшкомъ за погребальнымъ шествіемъ такъ же, какъ и царская фамилія, за исключеніемъ двухъ императрицъ. Императрица Елисавета была больна⁴⁾. Регалии несли на подушкахъ. На графа Румянцева, впоследствии канцлера, а въ то время гофмейстера двора, возложена была обязанность нести скипетръ. Онъ уронилъ его и замѣтилъ это только на разстояніи двадцати шаговъ. Это приключеніе подало поводъ ко множеству суевѣрныхъ толкованій.

1) Портретъ этотъ принадлежитъ кисти Кюгельхона.

2) Въ этомъ отзывѣ гр. Головиной нельзя не видѣть доли пристрастія: въ императрицѣ Маріи она видѣла причину нѣкоторыхъ несчастій своего зятца, императрицы Елисаветы.

3) Погребеніе тѣла императора Павла происходило 23 марта, въ Страстную субботу.

4) Императрица Марія, обезсилившая отъ слезъ и горя, присутствовала на выносѣ тѣла своего супруга въ Михайловскомъ замкѣ, а затѣмъ, какъ видно изъ камеръ-фурьерскаго журнала, она «изъ комнатъ Михайловскаго замка провожала его зрѣніемъ съ наполненными горестныхъ слезъ очами».

XIX.

Вступленіе на престолъ императора Александра.—Настроеніе общества, отношенія къ Англіи.—Перемѣны въ управленіи.—Пріѣздъ въ Петербургъ герцогини Баденской.—Графиня Толстая.—Отъѣздъ за границу принцессы де-Гарантъ.—Дружескія отношенія графини Толстой.—Продажа Головинской дачи.—Прощальные аудіенціи у императора и императрицы.—Графиня Строганова.—Приготовленія Головиныхъ къ отъѣзду за границу.

Восторгъ, который внушалъ всѣмъ императоръ Александръ, былъ неописанный. Всѣ сосланные друзья его возвратились въ Петербургъ: одни—по собственному желанію, а другіе вызваны были имъ самимъ. Число жителей столицы увеличивалось, тогда какъ въ концѣ царствованія императора Павла I Петербургъ сталъ почти пустыннымъ: многіе были сосланы, другіе, боясь высылки, сами добровольно его оставили. Послѣ самаго строгаго царствованія наступила анархія, всевозможные костюмы появились опять, кареты летѣли, сломя голову. Я сама видѣла, какъ офицеръ гусарскаго полка ѣхалъ галопомъ на лошади по троттуару набережной и кричалъ: «теперь можно дѣлать, что хочешь!» Наступившая вдругъ перемѣна была поразительна, но она основывалась только на чрезмѣрномъ довѣрїи, внушаемомъ добротой новаго императора. Со всѣхъ отдаленныхъ мѣстъ имперіи слѣшили взглянуть на молодого государя, любимаго внука Екатерины II, память о которой была еще жива во всѣхъ сердцахъ. Одною этого родства достаточно было, чтобы привлечь ему любовь всѣхъ подданныхъ, но и, кромѣ того, все въ немъ содѣйствовало къ возбужденію восторга и самыхъ радужныхъ надеждъ въ обществѣ. Хвалили его добродѣтели, извиняли то, что, повидимому, не нравилось; никогда начало царствованія не было болѣе блестяще. Война съ Англіей, грозившая Россіи въ концѣ царствованія Павла I, закончилась съ той минуты, какъ императоръ Александръ вступилъ на престолъ. Извѣстіе о перемѣнѣ царствованія недостаточно быстро, однако, распространилось и не помѣшало большому морскому сраженію при входѣ въ Зундъ между англійскимъ флотомъ, подъ командой Нельсона, и датскимъ. Датчане, какъ вѣрные союзники, храбро защищали входъ въ Балтійское море. Адмиралъ Чичаговъ посланъ былъ въ Копенгагенъ для переговоровъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій, сдѣлавшемся теперь столь возможнымъ.

Беклешовъ былъ назначенъ генераль-прокуроромъ, вмѣсто Обольянинова, получившаго отставку. Князь Александръ Курякинъ оставался вице-канцлеромъ, Паленъ былъ отосланъ въ свое имѣніе¹⁾, офицеръ Скарятинъ также. Князь Зубовъ, пре-

¹⁾ Графъ Паленъ былъ уволенъ отъ дѣлъ лишь 17 іюня 1801 года.

ступный изъ низости, хотѣлъ играть роль, но, ни въ чемъ не имѣя успѣха, уѣхалъ въ свои богатыя помѣстья. Оба брата его остались при дворѣ... Кутайсовъ покинулъ дворъ и уѣхалъ въ Москву¹⁾. Его низкое поведеніе въ послѣднее время царствованія Павла заслужило ему общее презрѣніе. Военный элементъ остался въ томъ же положеніи; одни только мундиры были измѣнены, и уничтожены были букли и косы.

Въ томъ же году, весной, наслѣдная принцесса баденская, мать императрицы Елисаветы, пріѣхала въ Петербургъ съ своими двумя дочерьми: принцессой Амаліей и принцессой Маріей. Эта послѣдняя была впоследствии замужемъ за герцогомъ брауншвейгскимъ, и умерла нѣсколько лѣтъ спустя. Дворъ жилъ на Каменномъ островѣ, а я на своей дачѣ противъ дворца. Всѣ поѣхали представляться принцессѣ баденской, но я не имѣла этой чести. Я думала, что мои поступки, наименѣе подозрительные, могутъ показаться такими, и что лучше было хранить молчаніе и жить въ полномъ уединеніи. Въ это время, когда всѣ сношенія между императрицей и мной были порваны, я была въ полномъ невѣдѣніи относительно того, что до нея касалось. Свѣтской молвѣ не придавала я никакой вѣры и покорила необходимость выждать болѣе счастливой минуты, когда можно будетъ узнать о томъ, что интересовало меня болѣе моего собственнаго счастья. Съ этого времени буду говорить только о событіяхъ, которыхъ я была свидѣтельницей, до той минуты, когда, приблизившись снова къ императрицѣ, я опять почерпнула въ ея довѣрїи воспоминаніе о многихъ счастливыхъ минутахъ и забвеніе многихъ горестей. Я расскажу тогда все, что ей угодно было мнѣ сообщить о прошедшемъ въ этотъ длинный періодъ времени.

Домъ графини Строгановой сталъ тогда своимъ для графа Толстого, который былъ тогда чрезвычайно друженъ съ княземъ Чарторижскимъ и съ г. Новосильцевымъ²⁾. Ихъ называли триумвиратомъ³⁾. Императоръ былъ особенно расположенъ къ семейству Строгановыхъ и часто къ нимъ ѣздилъ. Графъ Толстой говорилъ обо мнѣ въ самыхъ обидныхъ и ядовитыхъ выраженіяхъ: это я отняла у него жену, это я стараюсь очернить репутацію императрицы Елисаветы. Всѣ слушали его: одни по легковѣрїю, другіе — изъ низости. Признаюсь, я часто теряла терпѣніе, но принцесса Тарантъ ободряла меня и смягчала мои горести, принимая въ нихъ участіе. Графъ Толстой былъ наверху блаженства, получивъ отъ

¹⁾ Онъ умеръ въ полномъ забвеніи въ Москвѣ 9 января 1834 г.

²⁾ Николай Николаевичъ Новосильцевъ, впоследствии предсѣдатель государственнаго совѣта, р. 1761 г., † 1838 года.

³⁾ Графъ Толстой не принадлежалъ къ триумвирату. Кромѣ Чарторижскаго и Новосильцева, въ составъ триумвирата входилъ третій другъ императора Александра, графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ, мужъ графини Софьи Владиміровны Строгановой (р. 1774 г., † 1817 года).

императрицы Елисаветы обѣщаніе, что она напишетъ его женѣ и предложитъ ей возвратиться къ нему. Графиня повиновалась приказаніямъ ея величества и написала мнѣ о предстоящемъ своемъ возвращеніи, прибавивъ, что оно послѣдуетъ вслѣдствіе приглашенія, и сообщала содержаніе отвѣта. Графиня пріѣхала незадолго до отъѣзда принцессы баденской, которая въ августѣ оставила Петербургъ. Я написала графинѣ Толстой, прося ее пріѣхать ко мнѣ, но не ранѣе, какъ побывавъ при дворѣ, съ той цѣлью, чтобы, въ случаѣ, если ей пришлось бы сказать обо мнѣ какое либо слово, не подумали бы, что я повліяла на нее. Она поступила по моему желанію. Съ крыльца своего дома я видѣла дворець и окна императрицы. Я знала, что графиня Толстая была тамъ, и пристально вглядывалась туда, движимая разнообразными чувствами, которыхъ не сумѣю выразить. Наконецъ графиня пріѣхала ко мнѣ. Счастье услужить ей было отравлено всѣмъ, сказаннымъ ею объ императрицѣ. Когда она испросила у нея позволенія ее оставить, чтобы поѣхать ко мнѣ, ея величество была, повидимому, удивлена подобнымъ намѣреніемъ:—«Какъ»,—сказала она,—«вы поѣдете къ г-жѣ Голосвиной?»—«Да, ваше величество, она осталась попрежнему моимъ другомъ. Никогда не забуду, что она сдѣлала и претерпѣла изъ-за меня, и признаюсь, что я удивляюсь перемѣнѣ вашего величества относительно ея».—«Какъ!»—возразила императрица,—«развѣ вы забыли исторію съ Ростовчиннымъ?» Эта исторія была для меня загадкой, которую мнѣ объяснили, только много лѣтъ спустя. Совершенно естественно не знать того, чего мы никогда не думали дѣлать. Графиня Толстая употребила всѣ усилія, какія только были въ ея власти, чтобы мужъ ея вернулся къ намъ, но не успѣла въ томъ: онъ отвѣчалъ ей, что императрица Елисавета строго ему то запретила.

Какъ-то вечеромъ, между 8 и 9 часами, я сидѣла въ своей большой гостиной, наружная дверь которой была открыта. Между колоннами балкона виднѣлась спокойная, тихая рѣчка ¹⁾. Вокругъ меня была абсолютная тишина, но сердце мое страдало, и я находила мрачный оттѣнокъ въ этомъ спокойствіи, которое слишкомъ противорѣчило съ моими чувствами. Мужъ мой и принцесса Тарантъ гуляли, дѣти мои приготовлялись ко сну: я была въ полномъ уединеніи. Вдругъ услыхала я топотъ лошадей; я вышла на подъѣздъ и увидала императрицу верхомъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ конюшихъ. Увидѣвъ меня, она пустила лошадь галопомъ и отвернулась. Сердце у меня сжалось, я облокотилась о колонну и слѣдовала глазами за ея величествомъ, пока она наконецъ не скрылась изъ виду. Я стара-

¹⁾ Домъ графини Головиной на Головинской дачѣ, у впаденія Черной рѣчки въ Большую Невку сохранился до настоящаго времени, претерпѣвъ лишь незначительныя измѣненія; фасадомъ онъ выходитъ на Большую Невку.

лась объяснить себѣ, что во мнѣ происходило: «тебя презираютъ, тебя обвиняютъ, тебя, можетъ быть, ненавидятъ», говорила я себѣ, «а ты все любишь, какъ будто бы и ты была любима». Я пристально посмотрѣла на небо, прося Бога сжалиться надо мной. Слезы облегчили мою сердечную тяжесть.

Дворъ отправился на коронацію въ Москву. Графиня Толстая послѣдовала за нимъ. Согласно съ желаніемъ своей матери, принцесса Тарантъ получила разрѣшеніе съѣздить навѣстить ее въ Парижъ. Мужъ мой въ то же время получилъ полную отставку, по его желанію. Разставшись съ г-жей де-Тарантъ, я сильнѣе почувствовала всю глубину моихъ горестей. Она оставила меня 5-го сентября, взявъ торжественное обѣщаніе съ моего мужа привезти меня во Францію. Онъ это охотно обѣщаль. Здоровье его требовало особеннаго ухода: ему необходимы были воды. Я также была нездорова: ежедневныя и безпрестанно повторяющіяся огорченія, нервные припадки моей бѣдной матери, естественно беспокоившіе меня, окончательно разстроили мое здоровье. Путешествіе было мнѣ необходимо, но мысль оставить свою мать была мнѣ слишкомъ тяжела и не позволяла мнѣ думать объ отъѣздѣ. Мужъ мой, къ которому она питала материнскія чувства, а онъ ихъ вполне заслуживаль своими заботами и преданностію, уничтожилъ всѣ препятствія, убѣдивъ ее ѣхать съ нами. Она согласилась, и рѣшено было, что въ началѣ лѣта 1802 г. мы выѣдемъ изъ Россіи. Эта увѣренность ободрила меня: мнѣ необходимо было оставить мѣсто моихъ страданій.

Я переѣхала въ городъ. Отсутствіе принцессы Тарантъ было для меня очень чувствительно. Дворъ возвратился изъ Москвы, а съ нимъ и графиня Толстая. Какъ-то вечеромъ пріѣхала она ко мнѣ неожиданно, точно съ неба упала, и я была столь же удивлена, какъ и счастлива увидать ее. Поведеніе ея мужа уничтожило наши прежнія отношенія: она уже болѣе не пріѣзжала ко мнѣ ежедневно. Графъ Толстой изъявилъ желаніе, чтобы она принимала, давала балы; онъ предложилъ ей пригласить меня, но графиня Толстая хорошо меня знала и отвѣчала, что я не приму ихъ приглашенія. Нѣкоторое время она вся отдалась свѣту. Однако долго такъ не могло продолжаться: ея чудная душа нуждалась въ другихъ занятіяхъ, болѣе достойныхъ ея. Какъ-то вечеромъ она пріѣхала ко мнѣ и сказала, что, желая говорить со мной откровенно, она хотѣла бы быть увѣренной, что насъ прерывать не будутъ. Мы уговорились, что на другой день, послѣ обѣда, дверь моя будетъ заперта для всѣхъ, кромѣ нея. Графиня пріѣхала. Мы пошли въ мой кабинетъ, и тамъ она вполне призналась мнѣ въ своей сердечной привязанности, въ своихъ прошлыхъ горестяхъ и ошибкахъ. Затѣмъ она прибавила: «Вы видѣли, что ваша нѣжная забота обо мнѣ, ваша искренняя дружба, не могли порвать чары страсти, но Господь сжалился надо мной въ ту самую минуту, когда я была на верху слѣ-

пого увлеченія: виновникъ его самъ уничтожилъ это чувство. Извѣстіе о его женитьбѣ открыло мнѣ глаза на пропасть, въ которую я готова была броситься¹⁾. Я была въ отчаяніи, но прибѣгла къ Милосердому. Онъ очистилъ мое сердце, и я ничего болѣе не испытывала, какъ только чувства любви и признательности, которыми была обязана Богу. Простите меня, что я васъ обманула. Я сказала вамъ при разставаніи, что уже выльѣчилась, тогда какъ думала только подальше бѣжать отъ васъ и слѣдовать за тѣмъ, котораго не имѣла права любить. Пусть это признаніе возвратитъ мнѣ ваше довѣріе, пусть дружба наша будетъ имѣть основаніемъ только религію: тогда она будетъ чиста и вѣчна, и Господь самъ ее благословитъ». Понятно, что я была глубоко тронута. Торжество добродѣтели даетъ возможность испытать тихое и спокойное счастье. Экзальтація и воображеніе могутъ создать только хамеры. Первая—образъ непогрѣшимой истины, вторая — мятежный сонъ, который смущаетъ нашъ покой. Побѣда надъ собой—самая лучшая изъ всѣхъ побѣдъ: она удаляетъ отъ насъ ложь, которой мы стараемся придать видъ дѣйствительнаго счастья, наполняя прошедшее опасными воспоминаніями, которыя насъ опьяняютъ и, повидимому, заглушаютъ разумъ. Мы должны были бы видѣть въ нихъ укоры самимъ себѣ, а не упиваться ими. Мы далеко не излѣчены, если воспоминаніе о нашихъ ошибкахъ не составляетъ для насъ мученія. Мысли подобны растеніямъ, посаженнымъ въ разныя времена года: постоянная забота о нихъ способствуетъ ихъ развитію, а тщательный уходъ освободитъ ихъ отъ дурныхъ травъ.

Располагая покинуть Россію на семь лѣтъ, мужъ мой просилъ предложить императору купить его дачу противъ Каменнаго острова. Его величество очень любезно согласился на эту просьбу. Дача мужа моего была продана, къ моему большому сожалѣнію²⁾. Если бы я и имѣла право голоса въ этомъ дѣлѣ, мы бы сохранили ее, но мужъ мой былъ такъ несчастенъ, такъ возмущенъ всѣмъ происшедшимъ, что въ данную минуту онъ готовъ былъ продать всѣ свои имѣнія. Я аккуратно получала извѣстія отъ принцессы Тарантъ: она писала мнѣ ежедневно, пока перемѣняли лошадей, и никогда не переставала заботиться обо мнѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ графиня Толстая сдѣлала мнѣ свои признанія, я чувствовала себя съ нею свободнѣе, и она возвратила мнѣ свою прежнюю привязанность. Я была также счастлива при мысли объ ожидаемомъ свиданіи съ моимъ лучшимъ другомъ.

Наконецъ наступилъ май мѣсяцъ. Мы должны были оставить

¹⁾ Лордъ Витвортъ женился въ Лондонѣ 7-го апрѣля п. ст. 1801 г. на вдовствующей герцогинѣ Дорсетъ. Измѣна Витворта можетъ быть объяснима перемѣной обстоятельствъ послѣ удаленія его изъ Петербурга и смерти императора Павла: извѣстіе о ней пришло въ Лондонъ 5-го апрѣля п. ст.

²⁾ Она приобрѣтена была императрицей Маріей Федоровной для Воспитательнаго дома.

Россію въ началѣ іюня. За двѣ недѣли до нашего отъѣзда состоялся балъ у г. Ниса, министра Португаліи; дворъ долженъ былъ присутствовать на немъ. Мужъ мой сказалъ г-жѣ Толстой, которая была въ числѣ приглашенныхъ, что ей представлялся удобный случай попросить у императора разрѣшенія для него проститься съ его величествомъ въ частной аудіенціи, чтобы имѣть возможность отблагодарить его въ то же время за всѣ его милости. Графиня Толстая послѣшила исполнить это порученіе. Танцунъ полонезъ съ императоромъ, она сказала ему: «государь, я должна просить васъ объ одной милости: графъ Головинъ желалъ бы имѣть у васъ частную аудіенцію, чтобы отблагодарить васъ и проститься съ вами. Угодно ли будетъ вашему величеству разрѣшить ему это?» — «Онъ можетъ прійти», отвѣчалъ императоръ съ удовольствіемъ, «онъ можетъ прійти въ мой кабинетъ завтра въ 12 часовъ дня». Графиня Толстая сообщила намъ съ радостью этотъ отвѣтъ. Мужъ мой отправился къ императору въ назначенный часъ. Между ними произошло объясненіе столь же трогательное, какъ и интересное. Мужъ мой испросилъ у его величества прощенія въ томъ, что такъ быстро покинулъ дворъ, просилъ также государя никогда не судить о немъ по словамъ, а по дѣламъ его, въ особенности же обратить вниманіе на мотивы, заставлявшіе его дѣйствовать въ различныхъ случаяхъ. Императоръ также обвинялъ себя. Наконецъ все устроилось между ними, какъ нельзя лучше. Выходя изъ кабинета императора, мужъ мой встрѣтилъ Толстаго, который ничего не зналъ о происшедшемъ, и потому удивленіе его было чрезмѣрно. Онъ спросилъ у императора, какимъ это образомъ у него былъ графъ Головинъ. Императоръ, боясь навлечь непріятность его женѣ, отвѣчалъ, что онъ встрѣтилъ мужа моего на прогулкѣ и пригласилъ его къ себѣ. Вечеромъ того же дня его величество разсказалъ про этотъ случай графинѣ Толстой, но она отвѣчала, что напрасно его величеству угодно было побережъ ее: она ничего не скрывала отъ своего мужа. Я поручила также графинѣ Толстой сообщить о моемъ желаніи имѣть прощальную аудіенцію у императрицы. Государыня пожелала, чтобы я была представлена ей на общемъ приѣмѣ, но графиня замѣтила ей, что справедливость требовала дать мнѣ частную аудіенцію. Ея величество согласилась на это лишь съ условіемъ, чтобы и графиня Толстая пріѣхала со мной.

Въ семь часовъ вечера я вошла въ кабинетъ императрицы. Я была взволнована до глубины души: ничего не можетъ быть ужаснѣе, какъ чувствовать себя напрасно обвиненною. Всѣ сѣли. Рядомъ съ императрицей сидѣла сестра ея, принцесса Амалія, которую принцесса мать оставила въ Петербургѣ. Разговоръ былъ натянутый и незначительный. Эта невыразимо тяжелая для меня сцена продолжалась около получаса. Я сказала тогда графинѣ Толстой, что довольно злоупотреблять добротой императрицы, и что мнѣ пора удалиться. Ея величество сказала мнѣ нѣсколько словъ относительно моихъ

плановъ путешествія, затѣмъ я простилась съ нею и уѣхала болѣе несчастною, чѣмъ прежде. Еслибъ она могла прочесть въ моей душѣ, то пожалѣла бы нѣсколько о своей несправедливости. Однако оставимъ эти трудныя времена, о которыхъ я должна вспоминать только съ признательностію: они научили меня познавать всю глубину моей привязанности къ императрицѣ и все, что можетъ перенести преданное сердце. Иначе и не могло быть: я слишкомъ хорошо знала императрицу, чтобы перестать любить ее, и предпочла бы страдать вдвое болѣе, чѣмъ лишиться внушаемаго ею мнѣ чувства: сердце мое находило въ томъ истинную отраду. Она была въ заблужденіи: всѣ обстоятельства, повидимому, слагались къ обвиненію меня въ самыхъ ужасныхъ проступкахъ, враги мои окружали ея величество, а мое добровольное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вынужденное молчаніе оставляло открытое поле для дѣйствій моихъ недображелателей.

Надо было поѣхать въ Павловскъ откланяться вдовствующей императрицѣ. Я пообедала тамъ, по принятому обычаю. Во время раута императрица Елисавета подошла ко мнѣ и холодно сказала: «Вы, кажется, здоровы сегодня?» Видъ ея очень оскорбилъ меня.— «Дѣйствительно», отвѣчала я, «мнѣ гораздо лучше съ тѣхъ поръ, какъ я увѣрена въ возможности удалиться отсюда». Таково было наше прощаніе.

Наканунѣ моего отъѣзда графиня Строганова пріѣхала проститься со мною. Я проводила ее по окончаніи ея визита. Мы остановились у моего окна. Улица была загромождена разнаго рода экипажами. Подъѣзжали къ театру противъ моего дома; въ то же время погребальная процессія двигалась между четырьмя рядами каретъ, которыя сгѣсншили и старались перегнать одна другую. Это была поразительная картина жизни: жажда наслажденій и неизбѣжный конецъ. Въ то время, какъ мы смотрѣли на этотъ контрастъ, до насъ доносилось издали церковное пѣніе въ домовой церкви моей матери; то былъ напутственный молебенъ, которымъ испрашивалось благословеніе ея предстоящему путешествію. Эта пестрая смѣсь впечатлѣній, заставлявшая призадуматься, расположила графиню сообщить свои размышленія и сдѣлать мнѣ тысячу увѣреній относительно ея воспоминаній и сожалѣній.

— Буду говорить съ вами,— сказала я ей,— съ правотою умирающаго: разлука очень походить на смерть. Какъ знать, увидимся ли? Вы позволили моимъ врагамъ говорить обидное на мой счетъ въ вашемъ домѣ. Вы не можете того отрицать. Но я ничего не сказала о васъ! Вы позволяли оскорблять меня, никогда не защищая меня, тогда какъ были вполне убѣждены, что я не заслуживала ихъ. Я не сердилась на васъ и не мстила вамъ за то. Визиты его величества къ вамъ дали поводъ ко многимъ толкамъ. Я защитида васъ и заставила молчать всѣхъ, кто это говорилъ мнѣ.

XX.

Отъѣздъ Головиныхъ изъ Петербурга.—Рига, Кенигсбергъ.—Пребываніе въ Берлинѣ.—Бодзѣнь дочери Головиной.—Г-жа Криднеръ.—Г-жа Круземаркъ.—Принцесса Луиза.—Пребываніе Головиной въ Лейпцигѣ.—Посѣщеніе жилища г-жи Ценбургъ.—Саксонская Швейцарія.—Франкфуртъ на Майнѣ.—Путешествіе по Франціи.

Мы оставили Петербургъ 8-го іюня 1802 г., послѣ обѣдни. Всѣ наши люди были въ слезахъ, и я дѣлала все возможное, чтобы скрыть ихъ отъ моей матери. Графиня Толстая сопровождала насъ до Ропши, загороднаго императорскаго дворца, гдѣ мы провели день и ночь. На другой день, рано утромъ, отправились мы въ путь, нѣжно поцѣловавъ графиню Толстую. Я сидѣла въ дормезѣ матери съ своей младшей шестилѣтней дочерью и сестрой ея воспитательницы, Генриеттой, которую мать моя очень любила. Въ другой каретѣ былъ мой мужъ со старшей дочерью, гувернанткой и врачомъ. Въ третьемъ экипажѣ ѣхали наши двѣ горничныя и два лакея.

Не буду говорить объ Эстляндіи и о ея дикихъ жителяхъ, которые говорятъ на непонятномъ языкѣ и, повидимому, не имѣютъ образа человѣческаго. Мы провели около 36 ч. въ Нарвѣ, чтобы дать отдохнуть моей матери. Я только о ней и думала. Я дрожала при мысли, что ея нервные припадки могутъ вернуться дорогой. Мы ѣхали иногда ночью, останавливаясь только въ большихъ городахъ. Помню, что, проѣзжая вечеромъ маленькое мѣстечко въ Лифляндіи, я услышала погребальный звонъ. Я замѣтила прежде всего готическую церковь, возвышенную, въ формѣ башни, и выдѣлявшуюся на туманномъ небѣ. Вѣтеръ сгонялъ тучи, природа будто предвѣщала смерть. Нѣсколько далѣе я увидала мрачную процессію, медленно подвигавшуюся къ кладбищу, послѣднему убѣжищу покойника. Я старалась скрыть это печальное зрѣлище отъ моей матери и успокоилась только, когда мы выѣхали на большую дорогу. Мы пробыли два дня въ Ригѣ. Погода была превосходная, и я осмотрѣла городъ съ г-жей Рольвиле, дочерью г-жи Убрино, старинной нашей знакомой. Мать моя съ удовольствіемъ увидала ее, и г-жа Рольвиле оставалась съ нею въ мое отсутствіе. Я была за обѣдней, которую служили о здоровьѣ моей матери, потомъ полюбовалась прелестнымъ видомъ съ моста, и, увидавъ католическую церковь открытою, когда мы были въ дорогѣ, возвращаясь въ гостиницу, я спросила у моей подруги, можно ли въ нее войти.—«Всегда»,—сказала она мнѣ,—«ее никогда не запираютъ». Я была очень поражена простотой и бѣдностію этой церкви. Священникъ стоялъ на колѣнахъ, погруженный въ набожныя размышленія. Невольно и я стала на колѣна, возведя взоры на большой крестъ, поставленный на алтарѣ. Ти-

шина и спокойствіе, которыя окружали меня, наполнили душу мою неземнымъ чувствомъ. Я съ сожалѣніемъ встала: пора было уходить; священникъ всталъ также. Я спросила у него, можно ли получить маленькіе образки. Онъ мнѣ принесъ ихъ; я предложила ему за нихъ денегъ, но онъ не принялъ. Тогда я опустила ихъ въ церковную кружку, и возвратились домой съ чувствомъ душевнаго спокойствія, давно мною не испытаннымъ. Никогда не забуду я этой церкви. Въ Кенигсбергѣ мы остановились въ отелѣ «Золотой Орелъ». Я увидала слугъ въ траурѣ и узнала, что г. Ниса, министръ Португалии, уѣхавшій изъ Петербурга за нѣсколько дней до насъ, заболѣлъ оспой въ этомъ отелѣ и только что умеръ. Возвращались съ его похоронъ. Мы ночевали около занимаемыхъ имъ комнатъ; къ счастью, никто изъ насъ не боялся ни привидѣній, ни оспы. Я спала съ моей младшей дочерью въ кабинетѣ около комнаты моей матери. Стѣны этого узкаго кабинета были увѣшаны одна—портретомъ Фридриха II-го, а другая—портретомъ его отца; оба изображены были стоя и во весь ростъ. Дочка моя не могла уснуть и безпрестанно повторяла мнѣ: «Мама, не могу закрыть глазъ: у обоихъ королей глаза такіе большіе, и они такъ пристально глядятъ на меня!».

Трепотка, которая замѣняетъ въ Кенигсбергѣ бой часовъ, окончательно лишила меня сна, но мать моя спала; для моего спокойствія этого было достаточно. На другой день мы уѣхали послѣ обѣда и проѣзжали по великолѣпнымъ лѣсамъ Пруссіи. Ночь была чудная. Луна освѣщала насъ восхитительно, и при такихъ обстоятельствахъ мнѣ не такъ, какъ обыкновенно, надоѣдала медлительность прусскихъ почталыоновъ и неповоротливость ихъ лошадей. Облокотившись головой о дверцу, я дышала чистымъ воздухомъ и всматривалась въ длинныя тѣни деревь и мягкій свѣтъ луны, отражавшійся на дубовыхъ пняхъ. Ямщики шли пѣшкомъ, такъ какъ дорога была тяжелая, песчаная. Изрѣдка трубили въ рогъ, и протяжное эхо повторяло его звуки вдаль. Все погружено было въ сонъ вокругъ меня: только я не спала съ моимъ сердцемъ. Какъ бы мы ни были несчастны на родинѣ, невозможно равнодушно оставить ее. Можно отъ нея оторваться, но родину не оставляютъ, и счастье всегда не полно, если имъ наслаждаются вдаль отъ родныхъ могилъ и столь дорогой сердцу отчизны.

Дня за два до пріѣзда въ Берлинъ старшая дочь моя заболѣла. Пріѣхавъ въ этотъ городъ, мы уложили ее въ постель. Сильная горячка проявлялась въ смертельной тоскѣ: по всѣмъ признакамъ болѣзнь должна была быть серьезная. Пригласили доктора Гуфеланда ¹⁾, который выказалъ опасеніе, но наши общія заботы вскорѣ облегчили ее, и она, повидимому, оправилась. Однако не было возможности оставаться въ отелѣ, гдѣ постоянный шумъ отъ табльдота,

¹⁾ Знаменитый врачъ того времени, р. 1762, ум. 1836.

отъ прѣѣзжающихъ и отъѣзжающихъ и отъ серенадъ, продолжавшихся далеко за полночь, не давалъ намъ никакого спокойствія. Мы начали искать квартиру и нашли ее въ частномъ домѣ, въ Липовой аллеѣ. Дочь мою несли на носилкахъ, и такъ какъ ей было лучше, то этотъ переѣздъ очень забавлялъ ее, но дня черезъ два, три она еще сильнѣе заболѣла. Проявилась нервная лихорадка самаго остраго характера. Безпокойство мое стало безмѣрно. Мужъ мой былъ въ отчаяніи, и я скрывала насколько возможно отъ моей матери опасность, которую видѣла такъ ясно. Умѣя опредѣлять пульсъ, я отдавала Гуфеланду полный отчетъ во всѣхъ его колебаніяхъ. Пульсъ сталъ неровнымъ. Волненіе и бредъ возвращались каждый вечеръ. Я проводила ночи у постели своей дочери; душа моя страдала болѣе моего бѣднаго тѣла: нравственная боль дѣлаетъ нечувствительною боль физическую; но что особенно утомляло меня, это прерывающееся дыханіе моей дочери. Я дышала, какъ она, не будучи въ состояніи удержаться отъ того. Я просила доктора откровенно сказать мнѣ, насколько велика опасность. Онъ согласился, что положеніе ея было очень трудно, что онъ не видѣлъ другого средства, кромѣ ванны, что если она перенесетъ ее безъ конвульсій, тогда можно имѣть надежду, но при малѣйшемъ нервномъ подергиваніи все будетъ кончено. Я скрыла эту печальную и ужасную истину отъ матери и отъ мужа. Я согласилась съ Гуфеландомъ, что нужно безотлагательно приготовить ванну. — «Теперь ѣду къ королевѣ», сказалъ онъ мнѣ, «но выходѣ отъ нея я немедленно возвращусь къ вамъ». Я предложила моей матери сдѣлать небольшую прогулку съ моей дочкой и Генриеттой. Затѣмъ сѣла за бюро у постели больной, пока гувернантка и обѣ горничныя готовили ванну. Я опустила лицо на руки, не имѣя достаточно бодрости повернуться въ сторону дочери. Взоръ мой упалъ на книгу «День христіанина», которую аббатъ Шанкло, преподаватель исторіи моихъ дѣтей, далъ мнѣ на память при моемъ отъѣздѣ. Открывъ книгу, я напала на слѣдующій текстъ: «Боже мой, хочу, чего Ты хочешь, потому что ты этого хочешь, хочу именно, какъ и сколько Ты хочешь!» Эти слова были для меня божественнымъ свѣтомъ и требованіемъ покорности. Я нѣсколько разъ повторяла эту молитву съ усиливающейся набожностью и достигла того, что выговорила мою внутреннюю жертву съ такой силой, что невольно упала на колѣна. Холодный потъ выступилъ у меня на лбу. Когда принесли ванну, я поднялась и бросилась въ другую комнату, задыхаясь отъ слезъ. Я заперла дверь, вся дрожа, и приложила глазъ къ скважинѣ замка. Я видѣла, какъ дочь мою посадили въ ванну. Къ распущенные волосы, открытый ротикъ еще болѣе увеличивали ея страшную худобу. Всѣ мои чувства какъ бы онѣмѣли. Едва только ее посадили въ ванну, какъ слышу, она говоритъ: «Боже, какъ мнѣ хорошо! Могу ли я остаться въ этой водѣ?» Слова эти произвели

на меня невыразимое дѣйствіе: я была внѣ себя и побѣжала на встрѣчу пріѣхавшему Гуфеланду. Выслушавъ меня, онъ вскрикнулъ отъ радости: «это чудо!».

Въ это тяжелое для меня время я каждый вечеръ садилась на окно подышать мягкимъ и чистымъ ночнымъ воздухомъ. Впотѣмахъ доносились до меня шаги гулявшихъ и звуки органа, аккомпанировавшаго вѣрному и пріятному голосу. Я испытала странное смѣшеніе чувствъ. Сердечное горе такъ властно, что все, не соприкасающееся съ нимъ, дѣлаетъ его еще болѣе сухимъ и раздрающимъ. Наконецъ дочь моя была на пути къ полному выздоровленію. Радость смѣнила самую ужасную тоску. Я поѣхала на чашку чая къ баронессѣ Криднеръ, женѣ нашего повѣреннаго въ дѣлахъ, кроткой и прекрасной женщины, выказавшей мнѣ трогательное участіе ¹⁾. Во второй разъ я встрѣтила у нея гостей: баронессу Лефортъ, пожилую даму, любезную и добрую, мать г-жи Серту, камеръ-фрау принцессы Луизы Радзивиллъ, графиню де-Неаль съ ея старшей дочерью; одна изъ нихъ состояла при принцессѣ Фердинандъ, другая при принцессѣ Луизѣ. Обѣ онѣ были со мною очень предупредительны и спросили позволенія навѣстить меня. Г-жа Круземаркъ, подруга княгини Барятинской, матери графини Толстой, пріѣхала также и много говорила со мной о семействѣ моей подруги, о ея исторіи съ мужемъ и о письмѣ, написанномъ ей императрицей съ приглашеніемъ возвратиться въ Россію. Она попробовала было заставить меня говорить, стараясь подмѣтить, дѣйствительно ли я участвовала въ разъединеніи супруговъ Толстыхъ, и въ полной ли я немилости у императрицы; но я не удовлетворила ея любопытству, долго слушала ее и своимъ молчаливымъ вниманіемъ доказала, что не сѣю свое довѣріе по всѣмъ городамъ, лежащимъ мнѣ на пути. Графиня Неаль пріѣхала пригласить меня погулять въ Bellevue, на дачѣ, гдѣ былъ замокъ, въ которомъ жила принцесса Фердинандъ съ дочерью и дворомъ. Я приняла это предложеніе и отправилась къ ней. Мы прошли по довольно красивому саду, въ которомъ замѣчательны были только цвѣты, обрабатываемые самой же принцессой. Когда я проходила передъ замкомъ, то увидѣла принцессу на ея балконѣ. Она сошла съ него, очень любезно пошла мнѣ на встрѣчу и убѣдила меня войти къ ней. Я познакомилась съ принцессой Луизой, прелестной женщиной, свѣтской и умной. Я видѣла также брата ея, принца Лудвига. Принцесса Фердинандъ повела меня въ апартаменты своего сына, который съигралъ намъ на клавесинѣ съ необыкновеннымъ талантомъ. Спустя нѣсколько времени, я простилась съ ея свѣтлостью. Не говорю о самомъ принцѣ Фердинандѣ, чтобы не сообщать подробностей о его глупыхъ и смѣш-

¹⁾ Баронесса Криднеръ, ур. Фитингофъ, извѣстная піетистка, имѣвшая вполнѣ дѣйствіи вліяніе на императора Александра, р. 1764 г., ум. 1824 г.

ныхъ поступкахъ. Младшій сынъ ея не дуренъ лицомъ, но онъ надутъ и вульгаренъ.

На другой день принцесса Луиза сама заѣхала ко мнѣ осведомиться о здоровьѣ моей дочери и пригласить меня къ себѣ на завтра провести вечеръ вмѣстѣ. Я застала ее одну за пальцами въ маломъ кабинетѣ. Мы вели долгую и очень пріятную бесѣду. Разговоръ, въ основаніи котораго не лежитъ ни довѣріе, ни другой какой либо особенный интересъ, для того, чтобы быть пріятнымъ, долженъ быть естественъ и не лишенъ нѣкоторой свободы. Принцесса Луиза создана какъ будто нарочно для такихъ именно бесѣдъ. Существуетъ множество милыхъ пустяковъ, о которыхъ можно говорить въ пріятномъ обществѣ; это общество, съ своей стороны, даетъ то изящество, то чувство мѣры, которыя сообщаютъ бесѣдѣ особенную прелесть. Во время моего пребыванія тамъ я замѣтила, что принцессу, повидимому, безпокоилъ какой-то изрѣдка доходившій до насъ шумъ. Потомъ я узнала, что мать ея была все насторожѣ: принцесса-мать была очень требовательна и ревновала, когда дочери ея оказывали кому либо особенное вниманіе. Принцесса Луиза опасалась, какъ бы она не пришла прервать нашъ разговоръ. Дѣти ея прелестны, въ особенности дѣвочка, Луизонъ, которой впоследствии она лишилась. Выздоровленіе моей дочери шло медленно. Мы оставались около двухъ мѣсяцевъ въ Берлинѣ. Я часто въ то время видала принцессу Луизу, а къ ея матери пошла только проститься. Я не хотѣла быть представленной къ ея двору, не желая дѣлать большой туалетъ и тѣмъ затруднять себя.

Въ виду окончившагося сезона водъ мы рѣшились ѣхать прямо въ Парижъ. Три дня провели въ Лейпцигѣ во время ярмарки. У насъ была прекрасная квартира, гдѣ моей матери было очень удобно. Силы моей дочери возвращались. Я часто прогуливалась и посѣщала магазины съ мужемъ и дочерью, оставляя себѣ на слѣдующее утро прогулку, имѣвшую особенный интересъ для меня. Однажды я встала рано, взяла мою записную книжку и пошла съ Генриеттой и наемнымъ лакеемъ отыскивать домъ, въ которомъ умерла госпожа Шёнбургъ. Наканунѣ смерти она велѣла снести себя на террасу, покрытую цвѣтами, которыхъ поручила своей матери нарвать большое количество. Я увидала эту террасу и цвѣты; они были не тѣ самые, но, быть можетъ, росли на томъ же стеблѣ: они внушили мнѣ особенный интересъ, и я не могла оторвать отъ нихъ глазъ; мнѣ казалось, что мыслью о ней проникнуто все мое существо. Смерть можетъ похитить у насъ любимое, но впечатлѣнія сердечныя угасаютъ только съ нами. Я съ трудомъ оторвалась отъ этой террасы и отправилась срисовывать видъ съ моста, перекинутаго черезъ ровъ, который окружаетъ городъ. Стѣна съ зубцами была прекрасно освѣщена. Опершись на парапетъ, я пробовала рисовать, какъ вдругъ незнакомый голосъ сказалъ мнѣ: «Madame, знакомы

ли вы съ французскимъ языкомъ?» Обернувшись, я увидела чело-
вѣка, повторившаго тотъ же вопросъ. Я отвѣчала: «да». «Позвольте
предупредить васъ, madame», возразилъ онъ, «что солдаты и часо-
вой, которыхъ вы видите тамъ, принимаютъ васъ за французскаго
шпіона и стараются узнать, какой планъ вы снимаете». Я очень
поблагодарила этого иностранца, увѣряя, что ничего не боюсь, и
спокойно продолжала свое занятіе, принявъ лишь ту предосторож-
ность, что приблизилась къ часовому, чтобы успокоить его и
доказать, что мнѣ скрывать нечего. Дѣйствительно, по моему спо-
койному виду онъ увидѣлъ, что я ничего не дѣлаю предосудитель-
наго, и меня болѣе не беспокоили.

Погода была прекрасная, когда мы проѣзжали по Верхней Са-
ксоніи. Страна эта прелестна. Послѣ цѣлой ночи ѣзды кучера наши
остановились около хорошенькаго домика, находящагося вблизи
большаго лѣса. Мы вошли въ этотъ домъ, состоявшій изъ трехъ,
четырехъ комнатъ. Онъ принадлежалъ одному крестьянину. Гости-
ная была украшена нѣсколькими портретами, такъ смѣшно подо-
бренными, что можно было положительно удивиться: каждое лицо
было только съ однимъ глазомъ. Господинъ смотрѣлъ въ бинокль,
дама держала попугая, голова котораго прикрывала ей глазъ; дру-
гая держала розу, вѣтка ея имѣла то же назначеніе; четвертая оди-
наково держала лимонъ. Это было, вѣроятно, семейство кривыхъ.
Обивка стульевъ изображала женитьбу молодого Товія. Наружная
стѣна дома была прикрыта персиковыми деревьями и лозами вино-
града. Я отправилась гулять въ лѣсъ съ мужемъ и дочкой. Желая
сдѣлать часть пути иѣшкомъ, мы отдали приказаніе прислать намъ
экипажи немедленно, какъ только ихъ заложатъ. Едва сдѣлали мы
шаговъ сто, какъ увидели громадный дубъ съ замѣчательно тол-
стымъ стволомъ. Вокругъ него была поставлена скамейка, пред-
назначенная, вѣроятно, для отдохновенія путниковъ. Древесная кора
надъ этой скамейкой была покрыта надписями на всѣхъ европей-
скихъ языкахъ. Сколько собрано было именъ, различныхъ мыслей,
съ какими различными побужденіями начертывали ихъ лица, кото-
рыя никогда не видались и, вѣроятно, никогда не увидятся! Я была
въ восхищеніи отъ этого лѣса. Изъ-за горъ увидела я восходъ
солнца, блестящіе лучи котораго покрывали ихъ всѣми цвѣтами
опала. Красоты природы имѣютъ надъ нами громадную власть.
Чтобы исполнѣ оцѣнить ихъ значеніе, слѣдуетъ быть лишеннымъ
ихъ на нѣкоторое время. Любуясь чудесами творенія, трудно по-
забыть Создателя, а все, что ведетъ къ Нему, служить первымъ
для насъ благомъ.

Тюрингія—красивая страна, хорошо обработанная. Проѣхавъ ее,
мы отправились во Франкфуртъ, куда попали лишь вечеромъ. Яр-
марка только что началась. Намъ объявили, что намъ дадутъ ло-
шадей не ранѣе, какъ дня черезъ три, въ виду наплыва публики,

наполнявшей городъ въ это время. Старый графъ Нессельроде тотчасъ прѣхалъ насъ навѣстить, многое намъ рассказывалъ, а затѣмъ предложилъ намъ свои услуги и готовность свезти меня на ярмарку ¹⁾. Мы всѣ на другой день туда отправились. Всѣ магазины были устроены въ нижнихъ этажахъ домовъ, расположенныхъ четыреугольникомъ. Входъ въ нихъ—черезъ калитки. Магазины красивы, и въ нихъ масса парижскихъ товаровъ. Я купила книги и портфель оригинальныхъ рисунковъ въ магазинѣ Артарія.

Не буду говорить подробно ни о Дармштадтѣ, ни о красивомъ по своему мѣстоположенію Гейдельбергѣ, ни о другихъ городахъ, которые осмотрѣны были внимательнѣе лишь на обратномъ пути, между прочимъ, о Раштадтѣ. Оставляя этотъ послѣдній городъ, я съ живымъ интересомъ взглянула на аллею, ведущую въ Карльсруэ, обычную резиденцію вдовствующей принцессы баденской. Я избѣгала ее изъ деликатности, опасаясь, какъ бы мое представленіе ей не подало повода къ разнаго рода догадкамъ. Я не хотѣла также, чтобы императрица Елисавета вообразила себѣ, что я желаю объясниться съ ея матерью.

Въ Страсбургѣ прѣхали мы также вечеромъ. Въѣзжая во дворъ отеля, гдѣ мы должны были остановиться, я увидала даму, поспѣшившую открыть намъ дверцу кареты. Каково было мое удивленіе, узнавъ въ ней г-жу Кошелеву, очень интересную особу, которую я нѣжно любила! Я была въ восторгѣ видѣть ее: одинъ прыжокъ, и я очутилась въ ея объятіяхъ. Мы всегда испытываемъ радостное чувство при свиданіи съ соотечественниками за границей. Четыре дня провели мы вмѣстѣ, комнаты наши отдѣлялись одна отъ другой только запертой дверью, которую мы открыли съ обоюднаго согласія. Сынъ ея былъ съ ней; въ то время онъ былъ прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, который служилъ мнѣ въ качествѣ чичероне: онъ показавъ мнѣ городъ, соборъ, памятникъ Морицу Саксонскому, и рыцаря съ своей дамой, плававшихъ въ гробахъ, наполненныхъ спиртомъ. Къ несчастію, молодой Кошелевъ очень измѣнился впоследствии: онъ ускорилъ смерть своей матери, доставляя ей безчисленныя огорченія.

По другую сторону нашихъ апартаментовъ квартировала герцогиня д'Есклиньякъ, побочная дочь принца Ксаверія и сестра шевалье де Саксъ, который былъ убитъ на дуэли княземъ Щербатовымъ. До меня доходилъ ея споръ съ горничной, напоминавшій маркизу изъ комедіи; та отвѣчала ей, какъ и слѣдовало субреткѣ:

— Барышня, вы ошибаетесь, герцогиня ошибается и т. д.

Я рассталась съ г-жей Кошелевой, въ надеждѣ скоро опять съ

¹⁾ Нессельроде, Вильгельмъ, графъ, бывшій при Екатеринѣ II русскимъ посломъ въ Португаліи и въ Пруссіи, отецъ государственнаго канцлера, графа К. В. Нессельроде.

ней свидѣться въ Парижѣ. Въ продолженіе часа мы взбирались на красивую гору Савернь, представляющую все разнообразіе природы. Роскошный видъ разстилается съ ея вершины. Какъ только въѣхала я во Францію, желаніе увидать г-жу де-Тарантъ усилилось. Мы ѣхали во Франціи гораздо скорѣе, чѣмъ въ Германіи: французская почта прекрасна, ямщики услужливы и аккуратны. Я нашла прекрасные отели, превкусные обѣды, отличное вино, проворныхъ, веселыхъ и добродушныхъ слугъ. Только въ Нанси и въ Мо замѣтила я революціонный духъ.

Отправившись гулять, въ одномъ изъ этихъ городовъ, пока мѣняли лошадей, я встрѣтила двухъ или трехъ молодыхъ людей, которые принялись кричать:

— О, го, го! теперь не носятъ болѣе шлейфовъ, потому что нѣтъ болѣе пажей ихъ поддерживать.

— Ошибаетесь, господа, — отвѣчала я: — я не французенка, а русская: мы не проливали крови нашихъ государей!

Она замолчали и поспѣшили удалиться.

XXI.

Прибытіе въ Парижъ.—Княгиня де-Тарантъ.—Общество Сень-Жерменскаго предмѣстья.—Графъ Морковъ.—Поѣздка по Парижу.—Г-жи Медави, Дюра и Шиме.—Первый консулъ.—Г. Караманъ.—Маркиза Монтессонъ.

Въ 9 часовъ вечера пріѣхали мы къ парижской заставѣ. Пока осматривали наши паспорта, я услышала прекрасную музыку: танцевали кадрили на лугу. Я спросила позволенія у моей матери сѣсть въ карету мужа, а на мое мѣсто посадить мою старшую дочь. Различныя чувства взволновали меня: сердце мое радостно билось отъ предстоящаго свиданія съ г-жей де-Тарантъ и отъ въѣзда въ этотъ большой городъ. Когда мы проѣхали ворота С. Мартенъ, тысяча мыслей начала тѣсниться въ моей головѣ. Я вспоминала все, что говорилъ мнѣ дядя¹⁾, который такъ долго прожилъ въ этомъ огромномъ городѣ. Мысль о революціи, шумъ, крики, ѣзда телѣгъ, бубенчики лошадей, походная музыка, эта масса народа, которая не идетъ, а бѣжитъ, и стремительно бросается въ разныя стороны, крики разносчиковъ, все неважное по подробностямъ, но взятое вмѣстѣ, произвело на меня самое своеобразное впечатлѣніе. Дѣйствительно, въ этомъ центрѣ встрѣчаемъ все земное величіе и всю земную суету. Мы проѣхали Pont Royal (Королевскій мостъ) и въѣхали въ С.-Жерменское предмѣстье, самый аристократическій

¹⁾ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ.

кварталь Парижа, такъ какъ въ немъ сосредоточивались жилища всѣхъ древнихъ дворянскихъ фамилій. Въѣхавъ въ улицу Бакъ, мы не знали, куда направиться. Хорошая женщина указала намъ отель Касини на Вавилонской улицѣ. Мы постучали въ большія ворота, которыя отворились, и мы замѣтили красивый четырехугольный дворъ, покрытый виноградниками. Мы увидали освѣщенную комнату. Камердинеръ и два лакея вышли намъ на встрѣчу съ факелами. Мужъ мой повелъ въ домъ мою мать и дѣтей, а я осталась во дворѣ ожидать г-жу де-Тарантъ, которая была въ двухъ шагахъ отъ насъ у г-жи де-Люксембургъ, куда ей пошли доложить. Было 3-е октября. Ночь была темная и теплая. Дверь отворилась. Г-жа де-Тарантъ прибѣжала, и мы бросились въ объятія другъ друга.

— Что вы здѣсь дѣлаете?—сказала она мнѣ.

— Жду, чтобъ вы мнѣ сами показали всѣ доказательства вашей дружбы: они мнѣ будутъ вдвое дороже.

Ужинъ былъ сервированъ чисто, элегантно. Мать моя помѣщалась въ бель-этажѣ и, повидимому, была довольна. Комнаты мои, мужа и дѣтей, всѣ очень мило обставленные, находились въ антресоляхъ. Мы считали себя счастливыми такъ многимъ быть обязанными нашему доброму другу. Она одна находила все недостаточно красивымъ.

На другой день я увидала нашъ маленькій садикъ. Затѣмъ г-жа де-Тарантъ поспѣшила познакомить меня съ своими родственниками. Герцогиня д'Юезъ (d'Uzès), сестра ея, была въ Парижѣ съ своимъ мужемъ, котораго я уже видѣла въ Петербургѣ, когда онъ сопровождалъ туда г-жу де-Тарантъ при ея пріѣздѣ изъ Лондона. Герцогиня Шатильонъ, мать ея, была въ замкѣ Бидвиль, въ 8-ми миляхъ отъ Парижа. На третій день она пріѣхала навѣстить насъ съ г-жей д'Юезъ, своей внучкой. Я поѣхала на встрѣчу въ Версаль. Она приняла меня дружески и дала букетъ цвѣтовъ.

Черезъ два дня, графъ Карманъ, старинный другъ моего дяди, также пріѣхалъ къ намъ и привезъ съ собой трехъ своихъ дочерей: виконтессу де-Суршъ, виконтессу де-Ведрѣйль, графиню Бапи и внучку ея m-ле де-ла-Форъ. Мы познакомились безъ всякихъ церемоній, и черезъ часъ между нами установились такія простыя отношенія, какъ будто мы провели вмѣстѣ всю жизнь. Г-жа де-Суршъ первая дала мнѣ это замѣтить.

— Это совершенно естественно,—отвѣчала я.—Мнѣ не доставало только полюбить лично всѣхъ васъ.

Г-жа де-Тарантъ повезла меня затѣмъ въ отель Шаро. Въ немъ жили въ то время только графиня де-Сенъ-Альдегондъ и графиня Беарнъ. Маркиза Турцель, ихъ мать, и герцогиня Шаро, сестра, были въ деревнѣ. Г-жа де-Сенъ-Альдегондъ приняла меня съ таинственностію и простотою, которыя не допускаютъ стѣсненія при первомъ знакомствѣ, но г-жа де-Беарнъ, въ продолженіе всего моего

визита, сохраняла полное хладнокровіе, которое имѣло характеръ наблюденія. Я мало видѣла лицъ, болѣе интересныхъ и подходящихъ къ соединенію всѣхъ добродѣтелей. Г-жа де-Шатильонъ и г-жа де-Тарантъ водили меня также къ г-жѣ Клермонъ, къ княгинѣ де-Тенгри, къ графинѣ де-Люксембургъ, которая квартировала въ томъ же домѣ съ графиней де-Монморанси Танкарвиль, своей сестрой. Мы посѣтили также герцогиню де-Жевръ, послѣднюю изъ фамилии Дюгескленъ, и герцогиню де-Бетюнь, тетку по отцу г-жи де-Тарантъ, у которой жила ея внучка, г-жа Евгенія де-Монморанси. Герцогиня де-Бетюнь приняла меня въ своей спальнѣ, обитой краснымъ. Она сидѣла въ большомъ креслѣ, около нея была шифоньерка, а на колѣнахъ маленькая собачка на четырехугольномъ кускѣ сѣрой тафты. Я познакомилась еще съ графиней Ипполитъ де-Шуазель и съ графиней де-Серансъ, ея сестрой. Кругъ моего знакомства расширялся ежедневно: друга m-me де-Тарантъ принимали вездѣ съ участіемъ. Г-жа де-Турсель вернулась изъ деревни съ остальными членами своего семейства. Герцогиня де-Шаро пріѣхала тотчасъ же ко мнѣ и пригласила меня самымъ любезнымъ образомъ навѣстить ее въ пятницу, пріемный день ея матери. Это интересное и почтенное семейство было въ сборѣ въ томъ же домѣ. Я была тамъ съ г-жей де-Тарантъ и видѣла множество дамъ прежнихъ временъ, между прочимъ герцогиню Дюра, княгиню Шиме, ея друга въ продолженіе 40 лѣтъ, и княгиню де-Леонъ, невѣстку г-жи Танкарвиль.

Въ это время Бонапартъ былъ консуломъ, и дворъ его находился въ Тюльери (Tuilleries). Общество, которое я видѣла, представляло поразительный контрастъ съ тѣмъ, которое я встрѣчала по другой сторонѣ мостовъ. То была квинтъ-эссенція стариннаго дворянства, неприкосновенная въ своихъ принципахъ и сдѣлавшаяся жертвой революціи. Душа и сердце находили отраду среди этого рѣдкаго единенія. Умъ могъ только наслаждаться всѣмъ представлявшимся ему: тонъ, грація, а въ особенности принципы, привлекали, восхищали и заставляли наслаждаться обществомъ, въ которомъ твердая послѣдовательность убѣжденій соединялась съ самой естественной любезностью. Въ скоромъ времени со мной стали обращаться въ отелѣ Шаро и въ отелѣ Караманъ, какъ съ сестрой; друзья того и другого семейства осыпали меня вниманіемъ. Самолюбіе мое могло бы быть польщеннымъ, еслибъ я имѣла время думать о томъ, но душа моя была слишкомъ глубоко тронута, чтобы я могла заниматься собой. Графъ Морковъ, нашъ посланникъ въ Парижѣ¹⁾, пріѣхалъ

¹⁾ Графъ Аркадій Ивановичъ Морковъ (род. 1747 г., † 1827 г.), бывшій при Екатеринѣ кавалеромъ Зубова, въ царствованіе Павла находился въ опалѣ, но, съ восшествіемъ на престолъ императора Александра, назначенъ былъ посланникомъ въ Парижъ къ первому консулу. Отъ природы дерзкій и надменный, Морковъ усвоилъ себѣ притомъ взгляды Сенъ-Жерменскаго предмѣстья на новый порядокъ вещей, установливавшійся во Франціи. Это не замедлило отозваться на

спросить меня, къ какому 16-му желала я назначить мое представленіе къ первому консулу¹⁾. — «Вы удивляете меня», — сказала я ему, — «неужели вы думаете, что я поѣду ко двору этого простонароднаго короля? Я не затѣмъ пріѣхала сюда, чтобы унижаться». — «Но если вы не представитесь, то будетъ слишкомъ замѣтно: всѣ ваши соотечественницы это сдѣлали. Англичанки, польки, нѣмки, никто этого не избѣжалъ». — «Если-бъ даже и китайки были тамъ, я все-таки не поѣхала бы». — «Вы повредите г-жѣ де-Тарантъ: подумаютъ, будто она вамъ это совѣтовала, и у васъ будетъ такъ много непріятностей, что вы будете вынуждены оставить Парижъ». — «Я оставлю его съ удовольствіемъ, если это будетъ нужно для доказательства моихъ принциповъ; что же касается г-жи де-Тарантъ, то съ ней ничего другого не можетъ случиться, какъ только предложить ей выѣхать изъ Франціи, и она это сдѣлаетъ безъ особеннаго горя». Графъ Морковъ, видя, что ничего не выигрываетъ, замолчалъ, безпокоясь, какъ бы ему не было какого либо запроса и замѣчаній изъ-за меня.

Экипажъ мой былъ готовъ: это была хорошенькая двумѣстная карета, запряженная лошадами, съ коротко обрѣзанными хвостами, поанглійски. Ливрея моя была цвѣта голубаго, краснаго и чернаго, богато украшенная галунами, шляпы — перевязанныя по французской модѣ, съ плюмажемъ цвѣта моего герба. Оказалось случайно, что ливрея моя походила на будничную ливрею французскаго короля: потому-то она и дѣлала впечатлѣніе на вѣрноподданныхъ. Кареты были тогда рѣдки, ливреи не существовали: боялись, какъ бы онѣ не произвели сенсаци на улицахъ. Но я рѣшилась всемъ бравировать: сѣла въ карету въ сопровожденіи двухъ выѣздныхъ лакеевъ и отправилась дѣлать визиты моимъ соотечественникамъ. Пріѣхавъ въ улицу Баси, я увидѣла радостныя демонстраціи народа: простыя женщины влѣзали на всевозможные предметы вдоль дома, крестились и кричали: «А, возвращаются добрыя времена!» Проѣхавъ Королевскій мостъ и площадь Людовика XV-го, я остановилась на углу Елисейскихъ полей (Champs Elisés), у воротъ г-жи Дивовой. Она увидала меня въ окно и была поражена, удивлена моей смѣлостью проѣхать въ приличномъ экипажѣ по улицамъ Парижа. — «Боже мой, неужели васъ не обидѣли?» — сказала она мнѣ. — «Напротивъ, были очень довольны меня видѣть». — «Андрюша, душа моя», — сказала

дипломатической дѣятельности Моркова. Стремленія Бонапарта заключить союзъ съ Россіей не увѣнчались успѣхомъ и побудили его сказать даже, что онъ желалъ бы имѣть въ Парижѣ такого же благосклоннаго къ французамъ русскаго посланника, какимъ для англичанъ былъ въ Лондонѣ гр. С. Р. Воронцовъ. Графиня Головина прекрасно рисуетъ ту обстановку, среди которой дѣйствовалъ Морковъ.

¹⁾ Бонапарту представлялись 16-го числа каждаго мѣсяца. Примѣчаніе графини Головиной.

она мужу:— «закажите нашу ливрею съ завтрашняго дня». Г. Морковъ также послѣдовалъ моему примѣру.

Много лицъ прїѣзжало съ визитомъ къ моей матери, къ которой относились чрезвычайно любезно и съ большимъ уваженіемъ. Квартира ей очень нравилась: ей стоило только открыть дверь, чтобы быть въ саду; терраса была обставлена розами; мать моя велѣла прибавить малую бесѣдку изъ каприфолій. Здоровье ея удивительно поправилось: нервные припадки совершенно оставили ее съ самаго начала нашего путешествія.

Почти каждое утро я отправлялась къ моимъ новымъ друзьямъ, въ особенности въ отель Шаро, съ г-жей Тарантъ. Въ этомъ кругу я вторично завтракала. Полина де-Беарнъ измѣнила, наконецъ, свои ледяныя отношенія ко мнѣ: можно было бы сказать, что сердце ея сжималось сначала для того только, чтобы потомъ болѣе стремиться къ моему. Мнѣ она нравилась болѣе своихъ сестеръ, хотя и онѣ были прелестны и очень любезны, но трогательный видъ Полины, ея кротость, чувство такта, все, случившееся съ ней въ продолженіе революціи, увеличивало ея прелесть. У нея было трое дѣтей: двѣ прелестныя дочери, изъ которыхъ старшая умерла послѣ моего отъѣзда изъ Парижа, а младшая была моя любимица. Дѣти г-жи де-Сенъ-Альдегондъ были старше по возрасту и сдѣлались подругами моихъ. Я объѣхала магазины, представляющіе богатство и разнообразіе, которыя рѣдко можно встрѣтить: стоитъ только пожелать и открыть свой кошелекъ, чтобы пріобрѣсти все, что можно только себѣ представить. Г-жа де-Шатильонъ предложила мнѣ однажды поѣхать къ г. Сакъ, у котораго всегда бывали англійскіе товары. Одновременно съ нами въ его магазинъ вошла дама высокаго роста и представительной наружности. Освѣдомившись, кто она, я узнала, что это была г-жа Медави. Услыхавъ это имя, я измѣнилась въ лицѣ и почувствовала себя взволнованной: я вспомнила, что императрица Елисавета часто говорила мнѣ о г-жѣ де-Медави, которую она видала у принцессы матери съ другими эмигрантами. Съ особенною, свойственною ей одной граціей императрица нѣсколько разъ забавлялась, представляя, какъ прїѣдала г-жа де-Медави. Совершенно естественно, что видъ ея сдѣлалъ на меня впечатлѣніе и напомнилъ прошлое. Магазины, товары, все исчезло изъ моихъ глазъ: я видѣла предъ собою только великую княгиню Елисавету. Какъ немного нужно иногда, чтобы пробудить тяжелыя воспоминанія!

Я прекрасно проводила вечера съ своими новыми знакомыми, видѣла ихъ ежедневно, и это сдѣлалось для меня потребностію. Воскресенье я исключительно посвящала самой себѣ. Утромъ отправлялась въ церковь св. Сульпиція, одну изъ лучшихъ парижскихъ церквей. Многочисленное духовенство служило тамъ обѣдню, которую пѣли прекрасные голоса, подъ аккомпаниментъ органа. Гармонія фугъ и аккордовъ предназначена, повидимому, для прославленія

Бога. Я не могла достаточно послушаться ихъ и налюбоваться набожностію окружавшихъ меня. Какъ-то разъ, будучи тамъ, по обыкновению, увидала я двухъ дамъ подъ вуалью, стоявшихъ на колѣнахъ. Талии ихъ были прелестны, лицъ не было видно, и онѣ погружены были въ молитву. Обѣ онѣ причастились, а затѣмъ опять заняли свои мѣста, но я ихъ не узнала. Такъ какъ обѣдня окончилась, я остановилась у паперти, около знакомой старушки, торговавшей старыми книгами, и сѣдого старца, продававшего распятія изъ слоновой кости. Почти каждый разъ я что нибудь пріобрѣтала изъ ихъ товара, когда къ нимъ подходила. Окончивъ покупки, я направлялась уже къ своей каретѣ, какъ вдругъ почувствовала, что кто-то меня останавливаетъ сзади. Это были двѣ дамы, видѣнныя мною въ церкви, и я, наконецъ, узнала въ нихъ г-жу Водрейль и г-жу Баши, ея сестру. Я отвезла ихъ въ своей каретѣ и поѣхала на свой воскресный завтракъ къ г-жѣ де-Люксембургъ, у которой собиралось ея собственное семейство, а также семейство Турсель. Меня представили герцогинѣ Дюра и княгинѣ Шиме. Та и другая были статсъ-дамы королевы Маріи-Антуанетты. Душа г-жи Дюра соединяетъ все, что сила и благородство характера, почерпая основанія для себя изъ религіи, могутъ представить самаго поучительнаго и почтеннаго. Видъ у нея совсѣмъ аристократическій: она высокаго роста и очень представительна. Г-жа де-Шиме кротка и покорна, какъ ангелъ: она худенькая, слабенькая. Контрастъ этихъ двухъ характеровъ укрѣпляетъ ихъ дружбу. Онѣ, какъ двѣ ивы, выросшія на одномъ и томъ же корнѣ, верхушки которыхъ возвышаются и переплетаются между собою. Онѣ особенно хорошо обращались со мною. У меня были трогательныя доказательства ихъ участія, которыхъ никогда не забуду. Г-жа де-Дюра путила насчетъ худобы своего друга: «Когда я ее цѣлую», говорила она мнѣ, «она всегда боится, чтобъ я ее не сломала». Г-жа де-Дюра—дочь маршала де-Муши, который погибъ на эшафотѣ съ своей женой и выказалъ замѣчательную твердость. Въ тотъ моментъ, когда ему надо было идти на эшафотъ, онъ замѣтилъ слезы своихъ друзей. «Не огорчайтесь,—сказалъ онъ имъ,—семнадцати лѣтъ я пошелъ на приступъ за моего короля, семидесяти восьми—иду на эшафотъ за Бога». Когда его арестовали, жена его пришла и просила подвергнуть ее заключенію вмѣстѣ съ нимъ. Г-жѣ де-Муши возразили, что о ней нѣтъ приказа.—«Я жена маршала де-Муши»,—возразила она и, постоянно твердя эти слова, достигла наконецъ того, что ее осудили.

Я ѣздила въ Большую оперу съ моими знакомыми и была поражена элегантнымъ разнообразіемъ всего собранія, а также богатствомъ спектакля и всѣмъ составомъ оркестра. Въ *Comédie Française* я была въ ложѣ г-жи Шаро и г-жи де-Люксембургъ. Ложа эта была съ рѣшеткой, противъ ложи Бонапарта. Онъ пристально лорнировалъ меня во время антрактовъ. Я сдѣлала ему ту же честь,

и, если бы глаза мои были кинжалами, міръ давно бы уже избавился отъ этого чудовища. Въ его ложѣ, въ оперѣ, у него было зеркало на рессорахъ, которое онъ поворачивалъ, по желанію, и видѣлъ все происходившее въ партерѣ. Приѣхавъ въ оперу, можно было тотчасъ узнать, долженъ ли приѣхать туда Бонапартъ: ставили взводъ солдатъ у двери, въ которую онъ долженъ былъ войти, а маленькія окна, открывающіяся изъ ложи въ коридоръ, бывали всѣ затянута. Наполеонъ боялся всего, кромѣ преступленія. Послѣ оперы я ѣдила ужинать въ отель Шаро съ семействомъ Турсель и г-жей Тарантъ. При стойкомъ характерѣ невозможно быть любезнѣе и привлекательнѣе г-жи Августины де-Турсель. У нея природный умъ, который ничего не заимствуетъ и, подобно ручью, увлекающему двѣты, представляетъ одно лишь пріятное.

Два лакея внесли круглый столъ, поставили вокругъ четыре кресла (*servantes*)¹⁾ и ушли. Небольшой прелестный ужинъ, сервированный нами самими, поддерживалъ веселость нашего общества. За нимъ царилъ самая непринужденная болтовня: у насъ не было этихъ нескромныхъ посѣтителей, которые пристально смотрятъ на васъ, будто завидуютъ каждому куску, который вы кладете себѣ въ ротъ. Когда чувствуешь себя непринужденно, то является любезность; довѣріе придаетъ ей невыразимую прелесть. Слова при встрѣчѣ не сталкиваются: это красивый аккордъ съ пріятными вариациями.

Я ѣдила также иногда ужинать съ г-жей де-Тарантъ въ отель Караманъ и очень весело проводила тамъ вечера. У г-жи де-Суршъ самый оригинальный умъ. Утонченный разговоръ г-жи де-Водрейль соединяетъ мягкость и изящество. Г-жа де-Баши думаетъ только о небѣ. Когда она попросила отца своего нарисовать ей рай въ томъ видѣ, какимъ онъ представлялъ его себѣ, отецъ ея нарисовалъ тогда веселую деревню, населенную пастушками съ ихъ посохомъ и пастухами, игравшими на свирели, овцами, ручейками, бутонами розъ и посреди г-жу де-Баши въ платьѣ со шлейфомъ, въ куафюрѣ съ перьями и въ облакахъ, игравшую на гитарѣ. Не зная основныхъ правилъ рисованія, г. де-Караманъ имѣлъ даръ выражать все, что хотѣлъ. Онъ сдѣлалъ странную, живописную коллекцію всѣхъ счастливыхъ и несчастныхъ минутъ своей жизни. Я мало видѣла пожилыхъ, болѣе веселыхъ и почтенныхъ на видъ. Онъ сохранилъ всѣ свои способности до 84 лѣтъ. Женитьба младшаго сына уложила его въ могилу: онъ не могъ утѣшиться, что жена его, г-жа Тальенъ, извѣстна своей красотой и очень дурной репутаціей.

Г-жа Кошелева, приѣхавъ въ Парижъ, наняла апартаменты въ отель Караманъ, любезнаго хозяина котораго она знала со вре-

¹⁾ Родъ маленькихъ буфетовъ, наполненныхъ приборами и тарелками. Примѣчаніе графини Головиной.

мени своего первого путешествія во Францію. Она предложила мнѣ сдѣлать визитъ г-жѣ де-Монтессонъ, которая принимала два раза въ недѣлю. Мы отправились къ ней въ среду: я прошла по анфиладѣ комнатъ, богато и элегантно меблированныхъ. Г-жа де-Монтессонъ сидѣла въ овальной гостиной, отдѣланной съ замѣчательнымъ вкусомъ и наполненной обществомъ. Она играла въ реверси¹⁾. Княгиня Долгорукая, покрытая брильянтами, сидѣла передъ ней такъ же, какъ и госпожа Замоиская, сестра князя Чарторижскаго, молоденькая и хорошенькая женщина. Эти двѣ дамы возвратились съ обѣда въ Сень-Клу²⁾. Онѣ вскорѣ вышли. Г-жа де-Монтессонъ хотѣла встать, чтобы проводить ихъ, но я остановила ее, сказавъ: «Позвольте мнѣ, мадамъ, оказать эту вѣжливость моимъ соотечественницамъ и не допустить, чтобы вы для нихъ безпокоились». Г-жа де-Монтессонъ закричала: «Княгиня, г-жа Головина не хочетъ, чтобы я васъ провожала. Имѣйте дѣло съ ней». Княгиня была сконфужена, а я кусала себѣ губы, чтобы не размѣяться. Со времени моего путешествія въ Бессарабію³⁾ княгиня не говорила и не кланялась мнѣ болѣе. Въ минуту нашего отъѣзда г-жа Клермонъ оттолкнула свой игорный столъ и побѣжала за мной. — «Не правда ли, графиня, вы не забудете мою пятницу: я особенно цѣню честь принять васъ у себя, но, Боже мой, это день бала, назначеннаго княгиней Долгорукой: вы, вѣроятно, будете на немъ?» — «Жертвую вамъ его безъ сожалѣній», отвѣчала я, «не благодарите меня за то, прошу васъ». Г-жа Клермонъ продолжала свои нескончаемыя выраженія благодарности, а я — свои протесты. Эта комическая сцена очень забавляла г-жу Кошелеву.

Графиня Головина.

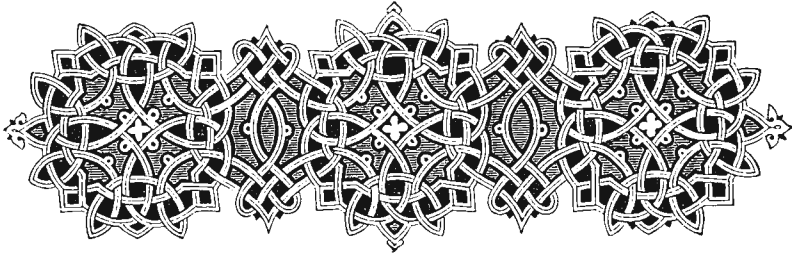
(Продолженіе съ слѣдующей книжки).

¹⁾ Карточная игра, въ которой выигрывалъ тотъ, кто менѣе всѣхъ набиралъ взятокъ.

²⁾ Т. е. съ обѣда у первого консула.

³⁾ Во время пребыванія Потемкина въ Бендерахъ.

ОБЛАВА НА ЛЮДЕЙ.

(Изъ недавняго прошлаго).

ТО БЫЛО въ іюнѣ мѣсяцѣ 18.. года.

Я съ томительною тоскою ожидалъ окончанія слѣдствія дѣла, въ которое я совершенно неожиданно былъ замѣшанъ. Среди царившаго вокругъ меня молчанія, находясь въ полномъ одиночествѣ, я съ болѣзненнымъ вниманіемъ прислушивался къ тѣмъ неяснымъ звукамъ, которые отъ поры до времени долетали до моего слуха...

Вдругъ, часу въ девятомъ вечера, ко мнѣ вошелъ старшій надзиратель Коробовъ. Это былъ высокій, сухопарый мужчина, лѣтъ за сорокъ. Лицо его было сильно помято, блѣдно; посѣдѣвшіе волосы и черная растрепанная борода, постоянно перебѣгающій взглядъ блестящихъ черныхъ глазъ, необычайная подвижность, живость — невольно бросались въ глаза и запечатлѣвались на долгое время. Коробовъ говорилъ отрывисто, словно покрикивая.

— Ну-съ, почтеннѣйшій Г. П., сегодня я хочу доставить вамъ маленькое развлеченіе! А то вы совсѣмъ того... Разумѣется, съ «дозволенія начальства»! А и весело же будетъ! Ха-ха-ха!..

Я вопросительно взглянулъ на него.

— Сегодня ночью у меня — облава!—не безъ торжественности произнесъ Коробовъ.

— Облава? Я не совсѣмъ понимаю...

— Да-съ! Настоящая облава! Съ участіемъ всей группы! Прекрасно, хотя, надо замѣтить, — облава траги-комическая. Разно бываетъ! Ну, такъ я за вами приплю. Не откажетесь, конечно?!

Онъ повернулся и такъ же быстро ушелъ, какъ и явился.

Спустя полчаса, въ мое помѣщеніе вошелъ дежурный и заявилъ, что «Иванъ Алексѣевичъ просить къ себѣ». Я надѣлъ шляпу, накинулъ плащъ-крылатку, захватилъ свою неизмѣнную спутницу — трость, и послѣдовалъ за дежурнымъ.

Мы прошли черезъ узкій, окаймленный высокими стѣнами, дворъ и направились на мерцавшій въ отдаленномъ углу двора свѣтъ.

Странная, новая для меня картина представилась моимъ взорамъ.

Большое помѣщеніе, напоминавшее собою сарай или конюшню, было слабо освѣщено.

Направо отъ входа стоялъ большой канцелярскій письменный столъ. На немъ находилась лампа подъ зеленымъ колпакомъ, чернильница, валялись листы писчей бумаги, стояло нѣсколько стакановъ и жестяной чайникъ. На кирпичной стѣнѣ, надъ столомъ, висѣла вправленная въ деревянную черную раму большая коллекція всевозможныхъ фотографическихъ карточекъ. Въ углу, за столомъ видѣлся старый комодъ съ выдвинутыми ящиками, изъ которыхъ торчали различныя принадлежности платья. Комодъ былъ заваленъ цѣлою грудюю шапокъ, картузовъ и шляпъ, а изъ-за нихъ выглядывалъ уголь блестящаго въ полумракѣ зеркала. Напротивъ стола стояла длинная деревянная скамья и нѣсколько табуретовъ. Остальная часть помѣщенія уходила во мракъ... За столомъ сидѣлъ Коробовъ и съ нахмуреннымъ лицомъ просматривалъ какія-то бумаги. Передъ нимъ живописной группой расположилось человекъ восемь агентовъ. Нѣкоторые курили папирсы, тихо переговариваясь между собою, другіе сосредоточенно и угрюмо молчали. Среди нихъ особенно выдѣлялся плотный, средняго роста мужчина, съ здоровымъ румянымъ лицомъ. Онъ оглядывался, подмигивалъ, ухмылялся и на первый взглядъ производилъ впечатлѣніе веселаго, добродушнаго чудака. Только въ карихъ глазахъ его свѣтилось что-то дикое, почти хищническое, производившее крайнее неприятое впечатлѣніе. Какъ я узналъ послѣ, это былъ Бѣловъ, одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и «бѣдовыхъ» агентовъ.

Отложивъ въ сторону бумаги, Коробовъ взглянулъ на часы и покачалъ головой.

— Время, время! Эй, вы! Разбудите-ка ктонибудь Катерину.

Кто-то изъ агентовъ отошелъ къ стѣнѣ, гдѣ на кучѣ какого-то лохмотья лежала, вытянувшись во весь ростъ, женская фигура. Лицо было закрыто руками, изъ-подъ грязной ситцевой юбки торчали большія, землястаго цвѣта, босыя ноги.

— Слышь ты! Катерина! — сталъ ее будить сыщикъ: — вставай, нечего тутъ валяться!

Катерина не шевелилась. Сыщикъ толкнулъ ее нѣсколько разъ сапогомъ. Тогда она заворочалась, поднялась на ноги и не торопясь подошла къ столу. Я уже слышалъ кое что о ней отъ Коробова. По его словамъ, Катерина лѣтъ шесть тому назадъ была поймана въ мелкой кражѣ, а затѣмъ стала бродяжничать. Почему Катерина осталась при сыскномъ отдѣленіи, какъ это случилось—объ этомъ Коробовъ не считалъ нужнымъ распространяться. Онъ только далъ мнѣ понять, что сама Катерина уже не помнитъ себя внѣ сыскаго двора, что водка отбила у нея всякую способность сообщать, и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ она незамѣнима, какъ агентъ, какъ ищейка.

При свѣтѣ лампы я могъ разсмотрѣть ее. Это была женщина высокаго роста, лѣтъ за двадцать, сложенная неуклюже, но плотно. Лицо ея, замазанное пылью и грязью, поражало своимъ тупымъ, неподвижнымъ выраженіемъ. Она, словно въ забытіи, смотрѣла мутными глазами на лампу и, казалось, не замѣчала окружающихъ.

— Ну, что? проспалась?—обратился къ ней Коробовъ.—Гдѣ ты пропадала весь день?

Катерина молчала и не отводила взгляда отъ лампы. Коробовъ начиналъ злиться.

— Да она, Иванъ Алексѣичъ, какъ ушла поутру, такъ только къ вечеру и вернулась!—замѣтилъ Бѣловъ, ехидно поглядывая на Катерину.

— Дайте водку сюда! Ничего не добьешься отъ нея!—распорядился Коробовъ.

Кто-то подаль бутылку водки. Коробовъ взялъ одинъ изъ бывшихъ на столѣ стакановъ, наполнилъ его водкой больше половины и подаль Катеринѣ. Она отрицательно качнула головой.

— Да будешь ты сегодня меня слушаться или нѣтъ?!—вспылилъ Коробовъ.—Ну, живо!

— Позвольте, я за нее съ удовольствіемъ выпью! Дура тоже!—отозвался Бѣловъ.

Коробовъ метнулъ на него сердитымъ взглядомъ. Катерина, наконецъ, взяла стаканъ, поднесла его къ губамъ, медленно выпила всю водку и утерлась рукавомъ. Глаза нѣсколько оживились, а по лицу скользнуло нѣчто, напоминавшее улыбку.

— Ну, гдѣ была, куда ходила?—началъ снова допрашивать Коробовъ.—На Мочальномъ островѣ была?

— Была...

— Видѣла?

Катерина кивнула головой.

— Двое? Старикъ и молодой?

— И молодой... словно эхо, отвѣчала Катерина и потомъ вдругъ, какъ бы про себя, произнесла: — а чернявый-то хоро—о—шіѣ!

Сыщики захохотали.

— Вишь ты! Ай да Катерина! Черняваго не прозѣвала!

— Понимать начала. Чудеса, да и все тут!

— Видно, мозги не всѣ еще высохли.

Коробовъ прикрикнулъ на сыщиковъ и снова обратился къ Катеринѣ.

— Ну, а найдешь ты опять это мѣсто? Не забыла?

— Нѣ...

— А они не уйдутъ въ ночь съ Мочальнаго?

— Завтра уйдутъ... къ вечеру... я прийти общалась поутру...

— Чернявому общала?—криво усмѣхнулся надзиратель.

— Чернявому...

— Ну, ладно, пока завтра—сейчасъ поведешь насъ въ гости къ своему чернявому.

Катерина исподлобья взглянула на Коробова и закачала головой.

— Не пойду я.

— Что-о? Ты не пойдешь? Это еще что? Ты что это выдумала, а?

— А то вотъ... Коли приведу, такъ чернявый перомъ¹⁾ грозился...

— Только-то? Ну, это мы слышали! Времени терять нечего, ночи короткія! Эй, вы всѣ! Собираться! Живо!

Сыщики засуетились. Одни подтягивали голенища сапогъ и перевязывали ихъ у колѣна ремешками, другіе переодѣвались, нѣкоторые ушли куда-то.

— А вамъ, пожалуй, свѣжо будетъ въ плащѣ,—обратился ко мнѣ Коробовъ.— Позвольте вамъ предложить мое осеннее пальто, а то къ утру, да еще у воды—совсѣмъ продрогнете. А вотъ сапогъ вашихъ мнѣ жалко: на облавѣ вездѣ дорога.

Я дѣйствительно имѣлъ на ногахъ легкіе лаковые ботфорты. Но когда Коробовъ подалъ мнѣ пару длинныхъ, порыжѣлыхъ и покрытыхъ плѣсенью сапогъ, признаюсь, я не рѣшился воспользоваться ими и сказалъ, что отправлюсь въ ботфортахъ. Самъ Коробовъ надѣлъ кожаный поясъ, прицѣпилъ къ нему тесакъ въ потертыхъ ножнахъ, поверхъ сюртука натянулъ короткое пальто, а на голову напялилъ картузь. Меня нѣсколько забавлялъ этотъ маскарадъ.

— Зачѣмъ же вы тесакъ берете съ собой?

— Какъ зачѣмъ? Э! вы еще не знаете, что такое облава на такую дичь! Вѣдь одинъ изъ этихъ двоихъ—отчаянный малый. Второй разъ его ловятъ, да не удавалось... А ужъ я не я буду, если охота не удастся! Надоѣло ждать, да и деньги нужны. Развѣ можно на тридцать пять рублей съ семьей прожить? А за такую охоту все-таки хоть наградныя какія либо дадутъ! Да и зло беретъ! Потомъ пойдетъ разговоръ: подъ носомъ прошли, молъ. Безъ водки и безъ какой либо этакой игрушки — нечего и трогаться! Тутъ у насъ на Поволжѣ особый народъ, не то, что петербургскіе реци-

¹⁾ Перо на языкѣ бѣглыхъ каторжныхъ обозначаетъ ножъ.

дивисты! Тѣ—нѣженки, дипломаты, публика образованная, а тутъ—отъ земли, народъ сырой и отпѣтый! Слава Богу, лѣтъ десять на Волгѣ работаю, успѣлъ изучить.

Между тѣмъ сыщики снарядились и собрались всѣ вмѣстѣ. Позади нихъ, у выхода, рѣзко выдѣляясь на темномъ пространствѣ глѣдѣвшей со двора ночи, стояла Катерина. Она была попрежнему босая и только на шею былъ наброшенъ платокъ.

— Всѣ тутъ? — обратился Коробовъ къ собравшимся сыщикамъ, — а ты, Бѣловъ, что же? Вѣдь ты сегодня свободенъ, ты же отпрашивался съ утра на двое сутокъ? Я думалъ, ты не пойдешь...

— Это вѣрно! Отпрашивался, — отвѣчалъ Бѣловъ, глядя прямо въ лицо надзирателю, — а теперь вотъ раздумалъ! Не извольте беспокоиться, я лишнимъ не буду. Зря не люблю мотаться, — съ усмѣшкой покачалъ онъ головой.

— Ну, такъ вотъ что! — продолжалъ Коробовъ: — вы, новички, не разговаривайте, иди тихо, гляди во всѣ, безъ толку не шумѣть, а главное не курить, спичекъ не зажигать. Не отставать, идти гуськомъ! Катерина, ты въ хвостѣ пойдешь! Слышишь? Водку и свѣчку взяли?

— У меня водка! — отозвался Бѣловъ.

— Ну, хорошо! Сперва пойдѣмъ черезъ откосъ, по пути будетъ, тамъ смотрите — не отставать и не теряться! На всякій случай, Бѣловъ, позови изъ дежурной одного полицейскаго. Ну, съ Богомъ!

Кончивъ свою напутственную рѣчь, провознесенную съ видомъ полководца, Коробовъ взялъ въ руку толстую трость и направился къ выходу, предложивъ мнѣ идти около него. За нами тронулись остальные, поспѣшно докуривая папироски. Позади всѣхъ шла Катерина и, присоединившійся къ этому своеобразному отряду, полицейскій.

Миновавъ двухъ часовыхъ, стоявшихъ у воротъ двора, мы вышли на набережную Волги.

Ночь была тихая, темная — ни луны ни звѣздъ. Казалось, что все закуталось въ непроницаемый черный покровъ и спало крѣпкимъ сномъ. Только надъ Волгой, на нѣкоторой высотѣ, тихо мерцали красными и желтыми точками сторожевые огни судовъ...

Сперва мы шли по мостовой, и наши шаги глухо раздавались среди ночного молчанія. Затѣмъ мостовая кончилась, мы перешли на утопанную почву, и гулъ шаговъ замеръ.

Мы постепенно поднимались въ гору и, спустя полчаса времени, уже находились на самой вершинѣ крутого откоса — спуска къ Волгѣ, поросшаго большими деревьями и густымъ кустарникомъ. Въ окружавшей насъ темнотѣ казалось, что мы очутились въ непроходимой чащѣ. Я нарывался на кустарникъ, который задѣвалъ мнѣ лицо и обдавалъ свѣжимъ запахомъ листьевъ и влагой. Я чувствовалъ, что не разъ ожигалъ себѣ руки, очевидно, крапивой. Ноги

путались въ какихъ-то длинныхъ и цѣпкихъ стебляхъ, иногда вязли въ сырой и рыхлой землѣ, порою наталкивались на камень или сломанный толстый сукъ дерева. Я съ трудомъ различалъ черный силуэтъ Коробова, то и дѣло исчезающій во мракѣ, и едва успѣвалъ слѣдовать за нимъ. Это шествіе черезъ влажныя, своеобразно пахучія заросли, этотъ непроглядный мракъ, причудливыя, словно тѣневныя, очертанія деревьевъ, безмолвіе ночи, среди котораго мягкими, вкрадчивыми звуками раздавался шумъ и тихій шелестъ раздвигаемаго кустарника, — все это производило какое-то странное, до того невѣдомое мнѣ, впечатлѣніе: было какъ-то хорошо, отрадно, словно въ полуснѣ, и въ то же время нѣсколько жутко...

Только благодаря судовымъ огнямъ, отъ поры до времени мелькавшимъ слѣва, я могъ заключить, что мы подвигаемся вдоль берега, по теченію Волги. Мы стали снова спускаться, и мои ноги скользили внизъ по мокрой травѣ, то и дѣло спотыкаясь.

Вдругъ Коробовъ остановился. Затихъ и шелестъ. Я видѣлъ, какъ темнѣвшая передо мной фигура надзирателя нагнулась, и затѣмъ раздался рѣзкій звукъ его палки, стучавшей по чему-то деревянному.

— Огня! — вополога произнесъ Коробовъ, выпрямившись снова.

Нѣсколько человѣкъ сыщиковъ подошли къ нему съ разныхъ сторонъ, ощупывая землю бывшими у нихъ въ рукахъ палками. Не прошло и минуты, какъ все вокругъ измѣнилось, словно въ фантастической сказкѣ: при свѣтѣ огарка, какъ будто изъ земли, выросли фигуры сыщиковъ; характерно отмѣченныя рѣзкими тѣнями и пятнами свѣта лица ихъ выглядѣли особенно картинно... Коробовъ, съ его безкровнымъ лицомъ, черной бородою, съ блестящими глазами, вооруженный палкой, выдѣлялся изъ всѣхъ остальныхъ и казался сценическимъ героемъ-бродягой. Великолѣпной декораціей насъ обступили стволы деревьевъ, нависшіе сучья и темная, блестящая влагою, зелень листвы...

Не знаю почему, но мнѣ казалось, что только въ ту минуту, при свѣтѣ того огарка, я впервые увидѣлъ и почувствовалъ всю красоту и прелесть природы... Я совершенно забылъ объ облавѣ и эгоистически наслаждался развернувшейся передо мною своеобразной картиной.

— Эй! Кто тамъ?! — громко спросилъ Коробовъ, ударя тростью по досчатому днищу лежавшаго среди кустовъ, опрокинутаго рыбацьяго челна. Я подошелъ ближе. Послышался невнятный почти шорохъ подъ челнокомъ, и снова тихо стало...

— Ну, это чорта съ два! Меня не надуешь! Самъ слышалъ, какъ хрипѣть, — проворчалъ Коробовъ и, засунувъ трость подъ борты лодки, сталъ ковырять и шарить тростью. Нѣсколько сыщиковъ послѣдовали его примѣру, другіе принялись было переворачивать челнъ... Вдругъ раздался подъ лодкой чей-то хриплый стонъ и затѣмъ голосъ:

— Охъ, охъ! Господи! Чего это? Человѣкъ тутъ, живой человѣкъ!.. Охъ, ударили!

— Ладно! человѣкъ! выльзай-ка сюда! Какой ты человѣкъ? Кто тутъ?

— Да не воръ я!.. Охти-миѣ! Въ глазъ угораздило! Эка бѣдастряслась!.. Тьфу, черти!

Край челнока приподнялся, и оттуда выползла согбенная фигура въ чемъ-то сѣромъ. Когда выльзшій человѣкъ сталъ на ноги, я увидѣлъ маленькаго старика, съ клочьями сѣдой бороды, безъ шапки, ухватившагося одной рукой за глазъ.

— Ну, руку-то прочь, нечего тутъ кобениться! — сказалъ Коробовъ, поднося къ лицу старика свѣчку. Старикъ отнял руку и открылъ красный и слезившійся глазъ. Его худое тѣло, на которомъ неуклюже повисла какая-то сѣрая одежонка, тряслось и ёжилось.

— Ты кто?

— Я-то? Прокопъ я... Прокопомъ звать. Да что это вы, люди добрые, быдто на звѣря накиннулись?.. Я только соснуть, значить, залѣзъ, соснуть... — лепеталъ старикъ, мигая слезившимся глазомъ.

— Ты откуда? чѣмъ занимаешься?

— Я-то? А я съ того... съ Василѣвскаго загону, съ плесу прибрежь... поутру прибрежь... А дѣла у меня нѣтути никакова, безъ дѣла я, потому — старъ... такъ вотъ, при рыбакахъ больше околачиваюсь... все поѣсть дадутъ... а то завсегда безъ дѣла...

— Бѣловъ! Не знакомъ онъ тебѣ? — спросилъ Коробовъ, разглядывая старика пристальнымъ взглядомъ съ ногъ до головы.

— Этого не встрѣчалъ. Память у меня на нихъ отмѣнная, да только не видывалъ этого.

— Паспортъ у тебя есть? — обратился надзиратель къ старику.

— Это бумага-то? — переспросилъ старикъ, — нѣтути бумаги у меня, никакой бумаги не имѣю, да и допрежь не имѣлъ я. Такъ я, значить, безъ всякой бумаги. Миѣ она на кой лядъ? Я не воръ, не грабитель, рыбаки меня сколько годовъ знаютъ... Прокопъ я... роду у меня нѣтъ, такъ Прокопомъ и кличутъ, — пояснялъ онъ, разводя руками и перегнувшись впередъ.

— Ну, это мы послѣ разберемъ. Обыщи его, Бѣловъ! А шапка твоя гдѣ?

— Безъ шапки я... нѣтути шапки у меня... былъ картузъ и ладный картузъ, да на баржѣ я его обмѣнилъ... поѣсть надо было... такъ и отдать...

— Гусь ты, я вижу, хорошій! А, ну, подыметь-те лодку!

Общими усилиями сыщики откинули челнъ. Подъ нимъ лежалъ кривой лозовой посохъ, грязный мѣшокъ, чѣмъ-то наполненный, и сплюснутый, смятый картузъ.

— Бери, старина! — подалъ бродягѣ всѣ эти вещи одинъ изъ сыщиковъ.

— Михайловъ! — обратился надзиратель къ полицейскому, — сейчасъ же доставить его на мѣсто! Только не зѣвай! Баранъ стриженный...

Старикъ почесался, покосился на Коробова и проворчалъ уже совсѣмъ другимъ, болѣе суровымъ, досадливымъ голосомъ: «Тѣфу! Соснуть не дали! только прійти поспѣлъ, а тутъ вона — принесло!»

Полицейскій и старикъ исчезли скоро въ темнотѣ, а мы снова отправились дальше, осторожно ступая и ощупывая ногами и палками путь.

— Иванъ Алексѣичъ, — тихо сказала Бѣловъ, подойдя къ надзирателю, — а вѣдь время даромъ уйдетъ. Эту дрянъ не переберешь, намъ бы на Мочальный скорѣй, уйдутъ они къ утру!..

— Ну, ты-го чего лѣзешь, чего суетишься? Не спрашиваютъ — молчи! — досадливо возразилъ Коробовъ, но, тѣмъ не менѣе, сталъ прямо спускаться къ рѣкѣ. Уже свѣтились огни папирозъ среди сыщиковъ, и послышался сдержанный говоръ...

Очутившись снова на набережной, мы прошли нѣсколько сажень и подошли къ перевозу.

Тутъ было темно. Слегка покачивались лодки и терлись одна объ другую бортами, да тихо поплескивала вода. На днѣ лодокъ смутно виднѣлись фигуры спавшихъ перевозчиковъ.

Былъ зажженъ огарокъ, и сычки принялись будить спавшихъ. Это имъ удалось не сразу. Перевозчики мычали съ просонокъ, отвѣчали отборной руганью, отмахивались кто ногой, кто рукой, но, наконецъ, ихъ заставили подняться со дна своихъ лодокъ.

— Двѣ лодки попросторнѣе! шевелись, ребята! — командовалъ Коробовъ, попыхая дешевой сигарой.

— Да вы што за люди будете? Ночью перевозу нѣту! Днемъ приходите! — сердито отзывались перевозчики. — Вишь оголтѣлые! ступайте своей дорогой!

— Эвона! да вѣдь то никакъ Иванъ Лексѣичъ! Онъ и есть! Ну, не взыщи, батюшка, дѣло ночное, не признали въ потьмахъ-то! На ту сторону, на Луговую?

— На Луговую, къ Мочальному! — подтвердилъ Коробовъ.

— Сейчасъ готовы будемъ! Ну-ка, Митрей, отводи свою лодку, а я Андрееву возьму. Да фонарь засвѣти кто либо!

— Не надо фонаря, не надо! — поспѣшилъ остановить завозившихся перевозчиковъ надзиратель.

Нѣсколько времени продолжалась возня и раздавались отрывистыя восклицанія. Затѣмъ весь маленькій отрядъ раздѣлился на двѣ части и сталъ размѣщаться въ двухъ лодкахъ. Я очутился рядомъ съ Коробовымъ на кормѣ, противъ насъ на носу лодки усѣлась Катерина.

— Ну, трогай! — произнесъ Коробовъ, убѣдившись, что всѣ по-

мѣстились,—помните: не разговаривать и не курить! Нашу лодку пускай впередъ...

Глухо застучали весла, опускаемая въ уключины, затѣмъ тихо всплеснули по водѣ, и мы отчалили отъ берега... Я оставилъ воротникъ пальто: на водѣ было свѣжо, и чувствовалось легкое, но холодное дуновеніе вѣтра. Судя по ухидившимъ отъ насъ сторожевымъ огнямъ, мы подвигались медленно...

— Темень-го какая, хоть глазъ выколи!—вполголоса произнесъ Коробовъ. — Ну, да это намъ на руку! У бѣглаго нюхъ собачій и глаза совиные: за версту слышать, за три версты видеть!

Снова молчаніе... Я видѣлъ передъ собою откидывавшуюся фигуру перевозчика, да на носу челна блѣднымъ пятномъ выдѣлялась изъ мрака Катерина. Равномѣрное всплескиваніе весель, тихій звукъ убѣгающей воды, легкое покачиваніе стали навѣвать дремоту, и я закрылъ глаза. Минутами казалось, что мы стоимъ на мѣстѣ безъ движенія... Не выходя изъ этого полусна, я снова слышалъ надъ моимъ ухомъ шопотъ Коробова.

— Только Катерина меня тревожитъ. Что-то не такъ держать себя стала... Бывало, ѣдетъ или идетъ на облаву,—такъ угомону на нее нѣтъ! И поетъ она, и хохочетъ, и дразнится, просто, какъ дурашливая. А вотъ сегодня не то... боюсь, какъ бы случаемъ глупости какой не вышло. И водки мало пила эти дни! Три стакана на день—обыкновенная порція! Просто не понимаю, чего это она взѣлась! А все-таки свѣжо, чортъ возьми...

Я слушалъ, и въ моей памяти рисовалась грязная, неуклюжая Катерина, съ тупымъ, задумчивымъ взглядомъ. Затѣмъ ея образъ сталъ вертѣться, блѣднѣть, и вскорѣ я снова забылся въ дремотѣ.

Сильный толчекъ чуть не опрокинулъ меня въ лодку и заставилъ очнуться.

Небо дрогнуло, приняло сѣровато-синій оттѣнокъ, освѣтлѣло. Передъ нами желтоватой узкой полосой протянулась длинная песчаная отмель. За нею смутно вырисовывался луговой берегъ Волги, чернѣвшій у края густымъ кустарникомъ...

Въ лодкахъ происходило движеніе и слышался сдерживаемый говоръ.

— Вишь ты косу какую заплела наша кормилица, — ворчалъ перевозчикъ, вытирая рукавомъ лобъ.

— Надо въ бродъ пускаться, ничего не подѣлаешь! — рѣшилъ Коробовъ и, подобравъ полы, шагнулъ изъ лодки въ воду. Я сдѣлалъ то же самое, и мои ноги, сквозь тонкую кожу ботфортъ, почувствовали холодъ студеной воды. Сыщики, подпрыгивая и поругиваясь, пробирались съ разныхъ сторонъ къ берегу. Нѣкоторые сняли сапоги, завернули шаровары повыше колѣнъ и, словно цапли, высоко вытаскивали изъ воды голыя ноги. Катерина плелась позади всѣхъ. Лодочники, согласно приказанію Коробова, остались

ждать и, не теряя времени, накинули на плечи какіе-то халаты и залегли спать въ своихъ лодкахъ.

— Что, ваше благородіе, поди, не приводилось такія прогулочки дѣлать?—съ грубоватой шутливостью обратился ко мнѣ сыщикъ, рядомъ со мною шлепавшій по водѣ.

Я ничего не отвѣтилъ. У меня зубъ на зубъ не попадалъ, и все тѣло дрожало въ ознобѣ.

Первымъ выскочилъ на берегъ Коробовъ и сталъ отряхивать ноги. Остальные тоже такъ или иначе выказывали свое непріятное ощущеніе, переминаясь съ ноги на ногу, растирая руки, подплясывая и покрякивая. Только одна Катерина оставалась попрежнему невозмутимо равнодушною къ себѣ и къ остальнымъ. Она тотчасъ же, какъ только очутилась на берегу, присѣла на влажный песокъ, облокотилась на колѣни руками, положила на нихъ голову и сидѣла не шевелясь, устремивъ взглядъ на гладкую сѣровато-мутную поверхность рѣки, дышавшей сивымъ туманомъ.

Оправившись и обувшись, сыщики сгруппировались около Коробова.

— Ну, ребята, надо обогрѣться, а потомъ и за дѣло! У кого водка? Стаканчика никто не захватилъ?—говорилъ Коробовъ, ежась всей своей высокою, тонкою фігурой.

Появилась бутылка съ водкой, нашелся у кого-то и стаканчикъ.

— Прошу покорно!—протянулъ мнѣ Коробовъ наполненный водкой стаканчикъ.—Вамъ оно также не помѣшаетъ, вы человекъ, къ такимъ передѣлкамъ не привычный.

Я не колеблясь выпилъ водку и даже удивился, не почувствовавъ ничего въ головѣ: только что-то теплое разлилось по всему тѣлу, да мелкая внутренняя дрожь частою дробью охватила съ ногъ до головы.

Послѣ меня выпилъ два стаканчика подрядъ Коробовъ, а за тѣмъ и вторая бутылка заходила по рукамъ сыщиковъ.

Коробовъ подозвалъ Катерину.

— На, это на твою долю!—отдалъ онъ ей почти половину бутылки водки, которую не безъ труда отобралъ отъ разохотившихся выпить сыщиковъ.

Катерина молча взяла бутылку и спрятала ее на груди за рубашкой.

— Ну, а теперь ступай впередъ, веди! Да смотри ты у меня!—выразительно проговорилъ надзиратель и сверкнулъ на нее глазами. Она ничего не отвѣтила, отвернувшись и стала неторопливо пробираться черезъ густой и мокрый олешникъ, росшій на далекомъ пространствѣ по всему берегу. Всѣ послѣдовали за нею, сохраняя полнѣйшее молчаніе.

Между тѣмъ небо продолжало блѣднѣть, сѣрѣть, и вокругъ становилось замѣтно свѣтлѣе. Я уже ясно различалъ теперь широкую

низкую равнину, покрытую кустами молодого олешиника и сливавшуюся вдаль съ горизонтомъ. Вся эта мѣстность производила впечатлѣніе огромнаго, заброшеннаго кладбища безъ крестовъ. Тутъ было мертвенно-тихо...

Катерина шла медленно, оглядываясь по сторонамъ и иногда на мгновеніе останавливаясь. Сыщики подвигались также осторожно, прислушиваясь, нагнувшись и иногда поглядывая другъ на друга. Коробовъ не спускалъ глазъ съ Катерины и даже вытянулся всѣмъ тѣломъ, держа на отвѣсъ свою толстую палку.

Вдругъ Катерина остановилась передъ купою болѣе высокихъ кустовъ и подняла руку. Всѣ замерли на мѣстахъ, какъ вкопанные. Катерина, уже одна, сдѣлала нѣсколько шаговъ по кустамъ, пригнулась, осталась минуту въ такомъ положеніи, затѣмъ выпрямилась, обернулась лицомъ къ Коробову и, махнувъ рукой на кусты, быстро стала отходить въ сторону. Коробовъ знаками подозвалъ къ себѣ сыщиковъ и шепотомъ распорядился:

— Я съ Бѣловымъ пойду прямо отсюда, а вы раздѣлитесь на двѣ части, тихонько зайдете съ двухъ сторонъ, подойдите шаговъ на пять, и потомъ ждите сигнала! Только чтобъ ни-ни! Какъ по воздуху! Ну, заходи!

Сыщики присѣли къ землѣ и ползкомъ стали приближаться къ чащѣ кустарника. Коробовъ и Бѣловъ сдѣлали то же самое. Я оставался на мѣстѣ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кустовъ сыщики остановились, словно застыли на своихъ мѣстахъ, протянувъ впередъ палки, и напоминали собою лягавыхъ собакъ, дѣлающихъ стойку. Помню, что въ эту минуту выжиданія, казавшуюся особенно долгою, что-то нехорошее шевельнулось во мнѣ, какое-то смутное, неизъяснимое, но непріятное чувство...

Послышался тихій протяжный свистъ.

Это былъ сигналъ Коробова. Словно спущенная свора псовъ, сорвались съ мѣста сыщики и нѣсколькими прыжками бросились въ кусты. Раздался шелестъ листьевъ, трескъ вѣтвей и нѣсколько отрывистыхъ восклицаній. Не знаю почему, но при видѣ этой сцены во мнѣ учащенно забилось сердце...

Затѣмъ на мгновеніе все стихло. Вдругъ изъ кустовъ выскочилъ Коробовъ. Онъ былъ безъ шапки, которую, вѣроятно, потерялъ въ кустахъ, рука съ палкой была откинута наотмашь въ сторону, глаза дико сверкали и бѣгали по сторонамъ.

— Гдѣ? Гдѣ она? Катерина! Подать ее сюда! Подать!—шипѣлъ онъ, тряся головой.

Одинъ за другимъ выходили изъ кустовъ сыщики и глухо ворчали. Послѣднимъ вышелъ Бѣловъ, казавшійся спокойнѣе остальныхъ.

— Катерину сюда! Гдѣ эта тварь проклятая?

— Вотъ вамъ и Катерина! Околпачились!

Но Катерины уже не было. Она незамѣтно исчезла.

Это еще болѣе взбѣсило Коробова. Онъ ковырялъ палкою землю и бросалъ вокругъ себя злобные взгляды. Сыщики съ мрачными лицами косились на надзирателя и держались нѣсколько въ сторонѣ.

— Бѣловъ!—крикнулъ вдругъ Коробовъ во весь голосъ, забывъ, очевидно, всякую предосторожность.

Тотъ, не торопясь, раскуривая папироску, подошелъ къ надзирателю. Мнѣ казалось, что лицо сыщика насмѣшливо улыбалось.

— Гдѣ Катерина? — тихо, но съ особеннымъ отгѣнкомъ спросилъ Коробовъ, глядя въ упоръ на сыщика.

— А почему я знаю?—равнодушно пожалъ плечами Бѣловъ.— Это не мое дѣло! Я не для того шелъ, чтобы играть въ горѣлки съ Катериной,—съ явной насмѣшкой прибавилъ онъ.

— Ты... смотри у меня,—шипѣлъ Коробовъ, не спуская взгляда съ Бѣлова.

— Смотрѣть-то нечего, просмотрѣли! А вы, Иванъ Алексѣевичъ, не очень-то... потому, что если я уйду теперь, такъ съ вами вотъ развѣ ихъ благородіе останутся,—кивнулъ сыщикъ въ мою сторону.

— Водки!—рѣшилъ Коробовъ, отворачиваясь.

— Это можно!—осклабился Бѣловъ и отошелъ къ остальнымъ.

Сыщики уѣли въ кружокъ на землѣ передъ Коробовымъ. Появленіе водки смягчило выраженія ихъ лицъ. Очевидно, водки было взято съ собою изрядное количество.

Бутылка переходила изъ рукъ въ руки. Всѣ сосредоточенно молчали, многіе курили.

— Не уйдетъ эта бестія,—разсуждалъ Коробовъ,—тутъ мудрено уйти! А ужъ и погрѣю я ее за этотъ фокусъ!

— Да что грѣть-то ее?—отозвался Бѣловъ,—толку не выйдетъ. А не надо было на такую дичь съ бабой ходить... Дичь, можно сказать, отборная, тутъ бабѣ нечего дѣлать!

Коробовъ только мрачно взглянулъ на говорившаго и ничего не сказалъ. Вдругъ въ тихомъ, влажномъ воздухѣ пронесся со стороны кустарниковъ неясный растянутый звукъ. Всѣ насторожились. Спустя мгновеніе, звукъ повторился болѣе отчетливо: теперь онъ уже походилъ на отрывокъ пѣсни...

Сыщики задвигались. Бѣловъ первый вскочилъ на ноги и повернулся лицомъ въ ту сторону, откуда долетѣлъ звукъ.

— Это тамъ, непременно тамъ! Да вонъ и торчатъ что-то надъ кустами! — говорилъ онъ, прибегаясь изъ предосторожности къ землѣ.

Не прошло и минуты, какъ весь отрядъ, стараясь не выдѣляться изъ олешиника, гуськомъ потянулся въ указанную сторону. Теперь впереди всѣхъ шелъ Бѣловъ, а за нимъ слѣдовалъ Коробовъ. Такъ мы прошли, не разгибаясь, сажень двадцать и остановились. Передъ нами, на близкомъ разстояніи, между двумя разросшимися кустами олешиника, торчали концы двухъ жордочекъ и виднѣлась

верхушка собраннаго изъ вѣтвей шалаша. Кусты и трава вокругъ были помяты. Еле дыша, крадучись, приблизились сыщики почти къ самому шалашу и опять остановились. Теперь уже ясно слышался голосъ въ шалашѣ, и видно было, какъ двѣ ноги, обутыя набосѣ въ опорки, пошевеливались на травѣ.

— Оттого, что дура ты, Катюха!—говорилъ чей-то сильный, нѣсколько осипшій голосъ. — Ну, на кой чортъ ты пойдешь? Какому дьяволу ты надобна? Бабъ и дѣвокъ вездѣ, какъ собакъ! Дура, вотъ оно только и есть! А мнѣ ты къ чему? Ну, добрель бы до Твери, да и бросилъ бы тебя на дорогѣ. Нашему брату несподручно съ бабой компанію разводить. Вотъ за водку хвалю! Хорошо, что Креститель-то дрыхнетъ... а то бы и понюхать не даль... Онъ водки, что чортъ ладана, боится... чудной... а, ну-ка, дохну послѣдки!

Голосъ умолкъ, а затѣмъ изъ шалаша полетѣла пустая бутылка и съ шумомъ исчезла въ кустахъ.

— Важно!—прокряхтѣлъ тотъ же голосъ.—Да чего ты ревешь? Дура, какъ есть дура!

Э-эхъ, дороженька далекая, широкая!
По тебѣ ли шель добрый молодецъ!..

Затянулъ голосъ тихую, унылую пѣсню, какъ-то особенно растягивая слова, но не кончилъ...

Съ гикомъ и хохотомъ бросилась часть сыщиковъ на шалашъ, который съ трескомъ рухнулъ и накрылъ собою находившихся въ немъ людей. Двое сыщиковъ прыгнули и настѣли на торчавшія ноги. Дикій вопль женскаго голоса, громкое проклятiе, глухое мычаніе, трескъ вѣтвей, отдѣльные возгласы сыщиковъ, возня—все это слилось въ одинъ продолжительный, хаотическій и подавляющій аккордъ.

— Веревку!—слышался голосъ Коробова.

— Вяжи ноги! Не отпускай, нажимай крѣпче!

— Погоди! Не трепыхайся!

— Вотъ она, красавица! Попалась!

Я слышалъ этотъ шумъ и возгласы, но не могъ видѣть, что происходило въ кустахъ. Вокругъ быстро свѣтлѣло и дулъ предразсвѣтный вѣтерокъ. Когда возня стихла, я подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ былъ шалашъ, и увидѣлъ слѣдующую картину.

На землѣ, со связанными ногами, сидѣло двое. Одинъ былъ высокій худощавый старикъ съ благообразнымъ лицомъ. Длинная сѣдая борода, сдвинутыя брови, довольно правильный носъ, лобъ съ ясно виднѣвшимися морщинами, растрепавшіеся длинные сѣдые волосы на головѣ придавали ему нѣкоторую патриархальность. Свѣтлые глаза смотрѣли передъ собою спокойно и безстрастно. На старикѣ былъ длинный сѣрый халатъ, бѣлая рубаха съ разстегнутымъ воротомъ, изобличившимъ темную косматую грудь, и холстинные порты. Ноги были босы, и одна изъ нихъ была перевязана грязной тряпи-

цей. Почти коричневая, съ широкими ладонями, костистыя руки лежали вдоль колѣнъ.

Рядомъ съ нимъ лежалъ, растянувшись во весь ростъ, коренастый человѣкъ въ цвѣтной рубахѣ и темныхъ шароварахъ. Его ноги были обуты въ опорки. Онъ лежалъ лицомъ къ землѣ, закинувъ обнажившіяся изъ рукавовъ рубахи крѣпкія, мускулистыя руки за голову и уцѣпившись крючковатыми пальцами за мшистую почву. Тутъ же сидѣла съ поджатыми ногами и Катерина. Одной рукой она упиралась въ землю, а другая была безпомощно откинута впередъ и, словно, застыла въ такомъ движеніи. Платка на шеѣ не было; грудь виднѣлась почти до половины; короткіе жидкіе волосы, какъ грязная темная тряпка, сползали съ головы на лицо и шею; ротъ былъ открытъ, нижняя губа отвисла, и красные, испуганные глаза застыли въ дикомъ неопредѣленномъ взглядѣ.

Эта небольшая группа, надолго врѣзавшаяся мнѣ въ память, была окружена сыщниками. Ближе ко мнѣ стоялъ, подбоченившись и раздвинувъ ноги, Бѣловъ, рядомъ съ нимъ — Коробовъ съ засунутыми въ карманы руками, нагнувшійся къ пойманному.

Эта своеобразная живая картина длилась не болѣе нѣсколькихъ секундъ.

— А! Креститель?! да это—старый пріятель!—весело воскликнулъ Коробовъ, хлопнувъ по плечу старика:—а узнаешь ты меня?

— Какъ тебя не признать, призналъ!—степенно и спокойно отвѣчалъ старикъ, шевельнувъ бровями.

— Не думалъ я тебя встрѣтить, старина!

— Да! опять Богъ привелъ свидѣться!

— А куда пугъ держалъ, а?

— Да все туда же, къ землякамъ... думалъ нонѣ дойти, да, видно, придется ворочаться...

— Представьте себѣ!—обратился ко мнѣ Коробовъ:—вотъ этотъ самый Креститель въ третій разъ уходитъ съ каторги. Прошлый разъ чуть до Твери не дошелъ! Знаменитость, въ своемъ родѣ! Ну, ладно, старина!—заговорилъ онъ снова съ Крестителемъ,—съ тобой у насъ разговоръ короткій, а вотъ ты мнѣ скажи, кто твой пріятель.

— Малый-то? А Господь его вѣдаетъ! Мнѣ што въ немъ? Прибрелъ со мной по дорогѣ, все веселѣй вдвоемъ. Извѣстное дѣло—человѣкъ, душа христіанская, прозвищемъ Червонюкъ, только и всего!

— Ну, да вѣдь ты лиса старая! А вотъ сейчасъ посмотримъ.

Коробовъ сразу перемѣнился и принялъ сурово-дѣловитый видъ.

— Эй-ты! подымайся!—толкнулъ Бѣловъ лежавшаго.

Червонюкъ порывисто поднялся съ земли. Я рѣдко встрѣчалъ такія характерныя, почти-эффектныя мужскія лица, какое было у этого бѣглеца. Оно имѣло правильный овалъ, вообще рѣдко встрѣчающійся среди преступниковъ. Нѣсколько приподнятый, съ кра-

сивой горбинкой посреди носъ, небольшая черная бородка, отгнѣная смуглое лицо, черные, необыкновенно блестящіе глаза, подвижныя губы, густые, черные курчавые волосы, представлявшіе цѣлую композицію въ арабскомъ стилѣ, все это было ярко, выразительно, жизненно и гармонировало между собою, несмотря на лежавшій на всемъ отпечатокъ дикости. Можно было подумать, что въ славянскихъ формахъ его внѣшности жилъ неугомонный, дикій и своевольный цыганскій духъ...

— Какъ тебя звать?—началь допросъ Коробовъ.

— Червонюкъ!—рѣзко и почти дерзко отвѣчалъ тотъ, сверкая глазами.

— Фамилію говори!

— Петръ Ковалевъ!

— Паспорта нѣтъ?

— Есть!

Коробовъ усмѣхнулся криво и покачалъ головой.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

Червонюкъ запнулся, но потомъ отвѣтилъ:

— Двадцать шесть!

— Откуда и куда идешь?

— Изъ Казани въ Москву.

— Чѣмъ занимаешься?

— На заводѣ служилъ, иду работы искать...

— Сколько времени въ каторгѣ пробылъ?

Червонюкъ не отвѣчалъ и упорно смотрѣлъ въ одно мѣсто.

— За что сосланъ?

Отвѣта не было.

— Раздѣть его! —скомандовалъ Коробовъ. — Каковъ гусь, а?—подмигнулъ онъ мнѣ, потирая руки.

Сыщики живо стащили съ Червонюка рубаху, спустили порты и перевернули его спиной кверху.

Коробовъ сталъ около лежавшаго на колѣни, нагнулся, поплевалъ тому на спину и сталъ растирать тѣло полою одежды. Бѣловъ засвѣтилъ огарокъ и поднесъ его къ самому тѣлу Червонюка.

Сыщики молча и съ любопытствомъ слѣдили за происходившимъ. Катерина сидѣла, повернувшись лицомъ къ рѣкѣ, и только старикъ Креститель оставался въ прежнемъ положеніи. Онъ досталъ изъ-за пазухи небольшой кусокъ хлѣба и медленно жевалъ его, не обращая вниманія на происходившее около.

Стеревъ толстый слой грязи, покрывавшей тѣло Червонюка, Коробовъ сталъ внимательно разглядывать его при свѣтѣ огарка, хотя было уже достаточно свѣтло.

— Рразъ... два... три... считалъ Коробовъ, ощупывая пальцами чуть-чуть красноватые, но ощущаемые рукою наросты.

— А знатно тебя, голубчика, отпорили! Такъ только тамъ и умѣють пороть!—замѣтилъ онъ, самодовольно качая головой.

Я замѣтилъ, что сыщики съ видимымъ удовольствіемъ слѣдили за Коробовымъ, а нѣкоторые поглядывали на меня такъ, какъ будто хотѣли сказать: «что, ваше благородіе, каковъ нашъ Коробовъ? Мастеръ дѣла!».

— Ну, что теперь скажешь, красавецъ? Надѣньте на него рубаху!

Затѣмъ Коробовъ сталъ такъ же внимательно осматривать ступни Червонюка.

— Э-ге! Да ты, оказывается, «коты»¹⁾ носилъ! Видно, ты изъ долгоногихъ!

Концы пальцевъ на ногахъ Червонюка, дѣйствительно, были приплюснуты и имѣли четырехугольную форму.

— Меня не проведешь! Я тертый калачъ! Сами же меня научили и хотять надуть. Чудаки! — шутливо толковалъ Коробовъ. — Это твой узелокъ? Дайте-ка его сюда! Посмотримъ, что въ немъ хорошаго.

Концы грязнаго платка были развязаны. Въ немъ оказалась цѣлая коллекція самыхъ разнообразныхъ предметовъ: вмѣстѣ съ кускомъ чернаго, твердаго, какъ камень, хлѣба, находились гвозди крупнаго калибра, завернутая въ бумажкѣ щепоть табаку, окончательно изношенный, со сломаннымъ замкомъ, кошелекъ, согнутая металлическая ложка, свернутая колечкомъ бичевка, клинокъ ножа безъ деревяшки, отточенная вязальная спица, два ржавыхъ большихъ ключа, нѣсколько холщевыхъ тряпиць, мѣдная пряжка отъ пояса и совершенно новая, немного помятая, но весьма приличная фуражка. Коробовъ внимательно, съ видомъ опытнаго человѣка, просматривалъ каждую вещь.

— Вотъ еще доказательство!—обратился онъ уже ко мнѣ, указывая на хлѣбъ,—этотъ хлѣбъ взять съ каторги. Многіе бѣглые вѣрятъ, что взятый съ собою «каторжный» хлѣбъ приноситъ счастье и удачу. Мнѣ уже не разъ приходилось разубѣждать такихъ чудаковъ. Впрочемъ, этой примѣты держатся больше молодые, а такіе вотъ, какъ Креститель, смѣются только! Правда, старикъ?

— Кому хлѣбъ, кому Богъ, а судьба всякому своя есть!—отвѣтилъ Креститель съ простотой и спокойствіемъ, которымъ могъ бы позавидовать любой современный философъ.

— Этотъ малый далеко пойдетъ! — заключилъ Коробовъ, качая головой,— въ своемъ родѣ человѣкъ съ блестящимъ будущимъ. И готовъ на пари, что мнѣ еще разъ придется встрѣтиться съ нимъ. Ну, баста! довольно! Я вѣдь и безъ всего этого зналъ, въ чемъ дѣло, а только вотъ ради васъ, г. Э-въ, хотѣлъ всю процедуру продѣлать.

Между тѣмъ съ Червонюкомъ произошла нѣкоторая перемѣна.

¹⁾ «Коты» — деревянные башмаки, съ плоскими четырехугольными носками. Ихъ носятъ каторжные, уличенные въ попыткѣ къ бѣгству. Авт.

Онъ сидѣлъ, склонивъ голову, и не то злобно, не то тоскливо поглядывалъ на всѣхъ.

— Ну, ребята, допивайте водку и въ обратную! Медлить нечего!— Коробовъ подошелъ къ Катеринѣ.

— Что, любезная моя, какова штука-то вышла? а!— злобно усмѣхаясь, говорилъ онъ ей, — теперь ты погоди у меня! Сегодня вечеромъ я съ тобой сведу счеты! Не забудешь своего «черняваго!»— передразнилъ онъ ее.

— И не забуду!— вдругъ настойчиво и съ внезапнымъ оживленіемъ произнесла Катерина, — вотъ и не забуду! Хотя ты и бей, а не забуду черняваго. Хорошій! онъ, чернявый-то, хорошій...

Это было такъ неожиданно, что сыщики захохотали. Но этотъ хохотъ перешелъ въ неистовство, когда Катерина вдругъ приподнялась, двумя прыжками очутилась подлѣ Червонюка, обхватила его одной рукой за шею и сѣла ему на ноги.

— Дура проклятая!— проворчалъ Червонюкъ при общемъ дикомъ хохотѣ:— чего прилипла?—но потомъ не выдержалъ самъ, встряхнулъ своей кудрявой, лохматой головой, оскалилъ зубы и крикнулъ:

— Эхъ, ваше сіятельство! У тебя праздникъ выходитъ нынче, такъ прикажи меня водкой угостить!

Коробовъ, тоже улыбавшійся, махнулъ рукой Бѣлову, и желаніе Червонюка было исполнено. Онъ прильнулъ къ горлышку бутылки и медленно тянулъ водку, а Катерина въ это время со своеобразной, грубоватой лаской перебирала рукою волосы «черняваго».

— Ну, что съ ними подѣлаешь?..— словно оправдывался передо мной Коробовъ: — вѣдь эти ироды самого чорта разсмѣшать, ей-Богу! Ну, и пусть тѣшатся, а конецъ всему одинъ!

Креститель безучастно смотрѣлъ на все происходившее и только пошевеливалъ щетинистыми своими бровями.

Черезъ нѣсколько времени мы уже возвращались къ рѣкѣ. Впереди шелъ Бѣловъ, въ срединѣ — окруженные сыщиками оба бѣглые со связанными руками. Катерина въ припадкѣ страннаго оживленія вертѣлась сбоку около Червонюка, а Коробовъ и я завершали шествіе.

Въ отдаленіи, изъ олешиника слышалось еще нечастое, но веселое чириканье пробудившихся птишекъ; поверхность рѣки освободилась отъ дымчатаго покрова, который, словно разорвавшись, прозрачными клочьями уносился вверхъ; съ востока багряная волна стала разливаться по небосклону, какъ гигантскій фонарь, бросая на выступы нагорнаго берега, на дома и куполы — отблески розоватаго свѣта и вызывая въ то же время легкія синеватыя тѣни...

Мы добрались до песчаной отмели.

Пока Бѣловъ будилъ крѣпко спавшихъ утреннимъ сномъ перевозчиковъ, пока, затѣмъ, подъ его же руководствомъ, всѣ размѣщались въ лодкахъ, Коробовъ съ довольнымъ видомъ свертывалъ папирску и говорилъ мнѣ:

— Ну, вот слава Богу, действительно, это мой праздник! Теперь вот и платье женѣ можно будетъ какое либо справить, и дѣтишкамъ сапоги новые купить, а, пожалуй, и себя принарядить немного, хотя, откровенно говоря, я предпочитаю кутнуть, какъ слѣдуетъ, такъ кутнуть, чтобы чертямъ тошно стало! Вы меня вѣрно осудите, а только я вамъ одно скажу — душа того просить, ей-Богу, душа! Вѣдь вотъ Креститель сказалъ, что Червонюкъ тоже душа христіанская. Такъ почему же ей у меня не быть?

Эти слова были сказаны просто и глубоко искренне, и въ это время Коробовъ показался нѣсколько инымъ, чѣмъ казался до того времени. Но уже совсѣмъ иначе звучали его слова, когда, бросивъ на меня веселый взглядъ слегка прищуренныхъ глазъ, онъ продолжалъ:

— А знаете ли вы, что вашъ покорнѣйшій слуга въ свое время кончилъ курсъ дворянскаго конвикта съ медалью, слушалъ лекціи права въ —скомъ университетѣ, а потомъ ѣздилъ закончить образованіе въ Парижъ? Что? Вѣроятно, не ожидали? Я вѣдь, лѣтъ десять тому назадъ, зналъ англійскій и французскій не хуже московскаго нарѣчія! Даже статью «О сословныхъ представителяхъ» напечатавъ въ одной московской газетѣ. Да-съ, почтеннѣйшій Г. П., было времечко, да улетѣло! Вотъ вы (онъ употребилъ это слово въ общемъ значеніи), вотъ вы пишете тамъ о высшихъ задачахъ просвѣщенности, объ образованіи, а вѣдь и я бы могъ написать и интересное бы могъ написать на счетъ этихъ задачъ просвѣщенности... Вы пишете только съ одной точки, а стали бы на мою точку и тогда бы взглянули...

Онъ какъ-то сокрушенно-иронически засмѣялся и затрясъ плечами и головой.

Мнѣ становилось неловко и непріятно и, чтобы сказать чтонибудь, я спросилъ, почему стараго бѣглаго зовутъ Крестителемъ.

— А! Я и забылъ пояснить вамъ! — уже безъ сокрушенности и веселѣе отвѣчалъ Коробовъ: — онъ на тридцать-пятомъ году жизни убилъ ножомъ свою матъ, причемъ разрѣзалъ ея тѣло крестомъ, то-есть, на четыре части... Среди убійць есть любители такого четвертованія, ну, ихъ и зовутъ «крестителями»... Вотъ и этотъ тоже «креститель»... Всѣ готовы — идемъ.

Мы усѣлись въ лодку и отчалили.

Впереди шла лодка съ пойманными. Въ ней также находились Бѣловъ и Катерина.

Я молчалъ, подавленный впечатлѣніями и физически разбитый, хотя и замѣчалъ, что Коробову очень хотѣлось втянуть меня въ разговоръ...

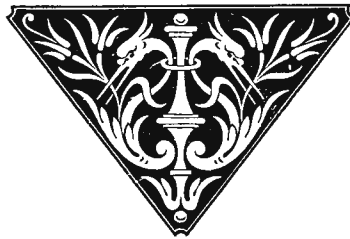
Не успѣли мы отплыть и до середины рѣки, какъ вдругъ тонкая, прозрачная завѣса, раздѣлявшая день и ночь, упала. Изъ-за синѣвшаго на нагорномъ берегу далекаго лѣса показалось солнце, и потокъ свѣта брызнулъ и разлился по всему, что доступно было

взгляду. Засверкали и загорѣлись золотистымъ пыломъ главы церкви, ожила и заблестѣла матушка Волга, ярче и свѣтлѣе выступила зелень вдоль береговъ, невидимымъ хоромъ крошечныхъ колокольчиковъ зазвенѣли въ воздухѣ птицы, не капли воды, а самоцвѣтные алмазы стали взлетать въ воздухѣ отъ ударовъ весель, и въ это время раздалась широкая, заунывная пѣсня.

И взглянулъ впередъ: въ лодкѣ стоялъ Червонюкъ, лицомъ къ солнцу и пѣлъ. Катерина, обхвативъ его за шею одною рукой и откинувъ другую, тянула что-то вмѣстѣ съ нимъ... Старикъ «Креститель» сидѣлъ, опустивъ голову на грудь.

Солнце выходило все больше и больше, свѣтъ лился и лился безконечнымъ потокомъ, широкая пѣсня продолжала дрожать надъ водою — я слушалъ ее, смотрѣлъ на чудную, развертывавшуюся предо мною картину, и трепетное чувство волновало мнѣ грудь, то чувство, какое испытываешь, ощущая дыханіе огромной міровой жизни, въ которой равны и человѣкъ со своими страстями, и недолговѣчная бабочка, и полевая былинка, одинаково составляя безконечное бытіе...

Г. Эрастовъ.

РУССКОЕ ЗНАМЯ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗИИ ¹⁾.

ХІІ.

Рекогносцировка верховьевъ Зеравшана и взятіе Шахрисяба.

ЛІЯ ознакомленія съ долиною верхняго Зеравшана и для рекогносцировки путей черезъ хребетъ Капгарь-Даванъ, двинуты были въ началѣ мая 1870 г. два отряда: одинъ изъ Самарканда, подъ начальствомъ генераль-майора Абрамова, а другой—изъ Ура-Тюбе, подъ начальствомъ подполковника Деннета. Движеніе въ передній путь исполнено было совершенно спокойно. Отряды соединились благополучно, прошли вмѣстѣ до г. Пальдорака и здѣсь разошлись для возвращенія другими дорогами въ свои штабъ-квартиры. Деннетъ двинулся черезъ Янгы-Саббакское ущелье, выславъ впередъ разъѣздъ изъ 25 казаковъ съ эсауломъ Уржумцевымъ. Разъѣздъ, идя налегкѣ, значительно опередилъ главную колонну и былъ неожиданно атакованъ, 27-го мая, скопищемъ изъ окрестныхъ горцевъ. Уржумцевъ воротился къ отряду, а Деннетъ тотчасъ двинулся съ 70 чел. стрѣлковъ къ мѣсту столкновенія, чтобы убѣдиться въ степени возможности одолѣть препятствіе. Оказалось, что узкій карнизъ, по которому лѣпи-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXVII, стр. 81.

лась тропинка, до того былъ заваленъ камнями, что не было никакой возможности двигаться далѣе. Потерявъ при рекогносцировкѣ 13 нижнихъ чиновъ (убито 4), Деннетъ рѣшилъ вернуться назадъ и пройти прежнимъ путемъ на селеніе Аучи. Прибывъ туда 5 іюня, Деннетъ отправилъ вьюки въ Ура-Тюбе, а съ остальнымъ отрядомъ быстро прошелъ отрогами хребта къ селенію Исфана и 9-го числа нагрянулъ на виновниковъ нападенія 27-го мая. 15 плѣнныхъ, 1500 головъ скота, много оружія и вещи, принадлежавшія казакамъ, изъ захваченныхъ вьюковъ были трофеями. Коканскій ханъ, во владѣніяхъ котораго кочевали разбойники (киргизы, родоу Аувагатъ и Конглы), выискалъ съ нихъ 5.000 р., которыя и розданы семействамъ убитыхъ (по 600 р.) и раненымъ (отъ 50 до 300 р.).

Абрамовъ, осмотрѣвъ ледникъ, откуда беретъ свое начало рѣка Зеравшанъ и альпійское озеро Искандеръ-куль, двинулся къ крѣпости Кштутъ (въ бекствѣ того же названія), ибо изъ Самарканда уже не разъ приходили извѣстія о волненіи умовъ въ Шахрисябзѣ, Кштутѣ и Магіянѣ. Для поддержки рекогносцировочнаго отряда выставлено было въ Пянджикентѣ 2 роты пѣхоты. Эти шѣры не подѣйствовали однако успокоительно, и въ Кштутскомъ ущельѣ горцы атаковали отрядъ и встрѣтили его выстрѣлами съ утесовъ Куликаланскихъ снѣговыхъ высотъ. Для занятія высотъ и разсѣянія непріятеля, генералъ Абрамовъ выслалъ въ горы двѣ команды стрѣлковъ, въ 40 человекъ каждая, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Шорохова и ротмистра барона Аминова. Шорохову постепенно были посланы подкрѣпленія, и почти неприступныя высоты скоро были заняты нашими молодцами, потерявшими при этомъ ранеными и убитыми 37 человекъ, т.-е. болѣе чѣмъ $\frac{1}{3}$ часть штурмующихъ. Раненъ былъ также и Шороховъ. Такъ какъ было достоверно извѣстно, что въ общемъ ополченіи на насъ принимали весьма дѣятельное участіе и шахрисябцы, то рѣшено было покончить и съ этимъ разбойничьимъ гнѣздомъ, тревожившимъ насъ съ 1868 года. Ободренные тѣмъ, что нападеніе на Самаркандскую цитадель въ іюнь 1868 г. сошло имъ безнаказанно,—беки Джура-бій и Баба-бій пользовались каждымъ случаемъ ввязаться съ нами въ дѣло. Множество разбойничьихъ шаекъ налетали то и дѣло на пограничныя кишлаки, а во время рекогносцировки верховьевъ Зеравшана сдѣлано было нападеніе на конвой изъ 7 казаковъ при чиновникѣ князѣ Урусовѣ, собиравшемъ зякегъ, при чемъ было убито 2 и ранено 3 казака.

Лучшимъ временемъ для нападенія на Шахрисябзъ считался августъ, ибо жители въ это время заняты уборкою хлѣба, а главное—воды для наводненія окрестностей крѣпости въ это время года мало. Залогомъ успѣха была при этомъ, конечно, неожиданность нападенія, а для этого требовалось соблюденіе дѣухъ условій: строгой тайны до времени и затѣмъ быстроты движеній. 6-го августа войска,

назначенныя въ экспедицію, получили приказаніе готовиться къ походу и выступили двумя колоннами: правая (полковника Михаловскаго) изъ батальона пѣхоты, двухъ сотенъ казаковъ, 10 орудій и 6 ракетныхъ станковъ двинулась 7-го числа къ Джаму; лѣвая (подполковника Соковнина) изъ 4 ротъ, $1/2$ сотни казаковъ, 2-хъ горныхъ орудій и 2-хъ ракетныхъ станковъ, выступила 9-го числа черезъ горы, каратюбинскимъ ущельемъ. 11-го августа колонна Михаловскаго дошла уже до садовъ Урусъ-кишлака въ $2\frac{1}{2}$ верстахъ отъ Шахрисябза, а нѣсколько часовъ спустя пришла туда колонна Соковнина.

Въ 9 часовъ утра, 12-го августа, Абрамовъ съ ротою пѣхоты, 20-ю казаками и 2-мя ракетными станками, офицерами генеральнаго штаба и нѣкоторыми начальниками частей выѣхалъ на рекогносцировку Китабскихъ укрѣпленій. Осмотрѣвъ ихъ съ высокаго кургана Алимбекъ (въ 350 саженьхъ отъ наружной стѣны) и предположивъ атаковать стѣну двумя штурмовыми колоннами по обѣ стороны воротъ Раватакъ, Абрамовъ указалъ мѣста для пробитія двухъ брешей. Затѣмъ предпринята была рекогносцировка для выбора мѣста брешь-батарей.

Сильный огонь изъ орудій и фальконетовъ, открытый непріателемъ по рекогносцировочному отряду, понудилъ Абрамова вызвать изъ лагеря два нарѣзныхъ орудія и обстрѣлять стѣну. Огонь этихъ двухъ орудій и движеніе ракетной команды заставили непріателя обнаружить всю свою защиту и дали возможность сосчитать всѣ его орудія, безъ потери съ нашей стороны (кромѣ нѣсколькихъ лошадей). Противъ ракетной команды, прикрывавшей лицъ, выбравшихъ мѣсто для лѣвой брешь-батареи и подошедшихъ къ стѣнѣ на 80 сажень, выѣхала конная толпа изъ садовъ, прилегавшихъ къ бугру Алимбекъ, и открыла по нимъ огонь, но была разбѣяна нѣсколькими ракетами. Осмотрѣвъ подробно мѣстность и назначивъ мѣста брешь-батарей, рекогносцировочный отрядъ вернулся въ лагерь.

Брешь-батареи предположено было заложить въ ночь; двумъ ротамъ, переведеннымъ въ Урусъ-кишлакъ, приказано было немедленно заготовить лѣстницы, туры и фашины; затѣмъ сформированы были штурмовыя колонны. Въ правую, подъ начальствомъ Михаловскаго, назначены 3 роты, 5 орудій и 3 ракетныхъ станка; въ лѣвую, подъ начальствомъ Соковнина, 3 роты, 4 орудія полевыхъ и 2 горныхъ.

Въ резервъ штурмовыхъ колоннъ, къ кургану Алимбекъ, назначены: одна рота, одно орудіе и $2\frac{1}{2}$ казачьи сотни, подъ начальствомъ есаула Принца.

Въ лагерѣ, на позиціи отряда въ садахъ Урусъ-кишлака, оставленъ обозъ и паркъ, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ при 20-ти казакахъ, подъ начальствомъ поручика Гомзина.

Вечеромъ, съ наступленіемъ темноты, пѣхота штурмовыхъ колоннъ двинулась на показанныя имъ мѣста, для постройки брешь-батарей. Проходя черезъ Урусъ-кишлакъ, войска принимали приготовленныя лѣстницы, туры, фашины и инструменты. Пользуясь темнотою ночи и соблюдая совершенную тишину, колонны приступили къ постройкѣ брешь-батарей и работали безъ выстрѣла. Батарея Михаловскаго поставлена въ 220, а батарея Соковнина въ 78 саженьяхъ отъ наружной стѣны. Инженерныя работы производились подъ руководствомъ капитана Богаевского.

Въ продолженіе ночи брешь-батареи были окончены, вооружены и съ разсвѣтомъ 13-го августа открыли огонь, частью по башнямъ наружной стѣны, занятой непріятельскими орудіями, частью по мѣстамъ, указаннымъ для брешей. Непріятель отвѣчалъ сильнымъ огнемъ изъ орудій и фальконетовъ, въ особенности противъ батареи Соковнина, куда сосредоточены были три непріятельскихъ батареи на 8 орудій.

Вся наружная стѣна между этими батареями была занята стрѣлками, которые ружейнымъ огнемъ еще усиливали дѣйствительность артиллерійскаго. Чтобъ ослабить дѣйствіе этого огня, Абрамовъ приказалъ полковнику Соковнину разсыпать стрѣлковъ впереди и влѣво отъ батареи, по небольшому оврагу. Соковнинъ принялъ лично на себя исполненіе этого приказанія и замѣтивъ, что назначенные для занятій оврага стрѣлки стали перебѣгать на лежащее впереди кладбище, весьма близкое къ городской стѣнѣ, пошелъ на это кладбище, чтобъ вернуть стрѣлковъ, но при этомъ былъ тяжело раненъ двумя пулями въ грудь и въ ногу. Храбрый кавказскій ветеранъ, носившій уже неизлѣчимую рану въ груди еще съ Кавказа, не перенесъ новыхъ увѣчій и, пристрадавъ нѣсколько мѣсяцевъ, скончался въ Самаркандѣ.

Огонь батареи Соковнина былъ направленъ по приказанію Абрамова по бреші, которая далеко еще не была удовлетворительна, и по крѣпостной башнѣ, которая въ особенности вредила брешь-батареѣ.

Замѣтивъ правѣ башни устье рва, входящаго, какъ казалось, черезъ наружную стѣну въ сады, окружающіе Китабъ, а правѣ этого устья, тотчасъ же за стѣной, большой курганъ, командовавшій всѣмъ фронтомъ непріятельской обороны, и находя занятіе этого кургана весьма выгоднымъ, Абрамовъ поручилъ капитану Гребенкину съ одной ротой спуститься къ руслу Кашка-Дарьи и, пройдя до указаннаго мѣста, осмотрѣть его, а если бы оказалось возможнымъ, то и занять курганъ за стѣною. Для поддержанія Гребенкина, въ случаѣ надобности, назначена была другая рота.

Гребенкинъ спустился въ русло рѣчки и, несмотря на сильный ружейный огонь, быстро двинулся съ ротой къ устью рва; оказалось, что ровъ этотъ не проходитъ въ городъ, а идетъ вдоль самой

стѣны, и что курганомъ, лежащимъ по ту сторону стѣны надъ высокимъ отвѣснымъ обрывомъ, положительно было невозможно овладѣть. Гребенкинъ долженъ былъ вернуться къ батареѣ, потерявъ около 40 человекъ изъ 50. Пришлось отказаться отъ штурма въ этомъ пунктѣ иначе, какъ черезъ брешь, а пробить брешь казалось затруднительнымъ, такъ какъ она подвигалась весьма медленно, несмотря на значительное количество употребленныхъ на это зарядовъ¹⁾.

Между тѣмъ, поставленное на курганѣ Алимбекъ подъ начальствомъ капитана Броневскаго нарѣзное орудіе дѣйствовало весьма успѣшно противъ башни у воротъ Раватакъ, значительно ослабивъ огонь ея и сбивъ часть орудій.

На брешь-батареѣ Михаловскаго положеніе дѣла было вполне удовлетворительно; брешь была почти готова, и доступъ къ ней былъ уже достаточно удобенъ. Артиллерійскій огонь непріятеля съ этой стороны хотя и былъ силенъ, но ружейный огонь былъ значительно слабѣе, чѣмъ противъ батареи Соковнина.

Полагая, что оборонительныя средства защитниковъ Шахрисяба, захваченныхъ почти врасплохъ, могутъ съ каждымъ часомъ усиливаться, и что откладываніе штурма, въ ожиданіи пробивки обѣихъ брешей, могло только затруднить и усложнить дѣло, Абрамовъ рѣшился, не ожидая бреши Соковнина, штурмовать наружную стѣну только правою колонною, а дѣйствіемъ лѣвой колонны въ то же время развлечь только силы и вниманіе непріятеля.

Съ наступленіемъ ночи, колонна Михаловскаго была усилена двумя ротами и горнымъ орудіемъ изъ лѣвой колонны, а штурмъ назначенъ въ 3¹/₂ часа утра; за 3³/₄ часа до штурма приказано открыть съ лѣвой брешь-батареи усиленную пальбу по городу.

Штурмовая колонна Михаловскаго была раздѣлена на двѣ части. Въ головную, подъ личнымъ его начальствомъ, назначены 3 роты и 2 ракетныхъ станка; вслѣдъ за ней, въ видѣ резерва, должна была идти одна рота и взводъ при горномъ орудіи и 2-хъ ракетныхъ станкахъ подъ начальствомъ майора Полторацкаго. По занятіи бреши, Михаловскому приказано было направиться лѣвѣе, на главную дорогу, ведущую отъ воротъ къ Китабу, и идти къ его цитадели. Направленіе колонны было поручено генеральнаго штаба капитану Аминову, знакомому, по разпросамъ, съ подступами къ стѣнѣ и съ дорогами, ведущими отъ нея въ городъ.

¹⁾ Впослѣдствіи оказалось, что стѣна здѣсь болѣе значительной толщины, и большую часть ея высоты составляла самая круча рва, по краю котораго стѣна была выведена.

На брешь-батареѣ Соковнина Абрамовъ былъ легко раненъ пулею въ животъ; большая часть нашей потери подъ Китабомъ понесена также на этой батарее; тутъ же почти одновременно съ Соковниннымъ убитъ 9-го линейнаго баталіона прапорщикъ Козловскій.

Подполковнику Раевскому, заступившему мѣсто Соковнина, приказано было, послѣ канонады, занять стѣну съ $1\frac{1}{2}$ роты и однимъ горнымъ орудіемъ только тогда, когда колонна Михаловскаго войдетъ уже въ городъ, и огонь непріятельскихъ батарей ослабѣетъ.

Одна рота, приведенная изъ лагеря, должна была расположиться у правой брешь-батареи на всякій случай.

Въ $3\frac{1}{2}$ часа утра, 14-го августа, съ открытіемъ пальбы по городу съ лѣвой брешь-батареи, головная часть колонны полковника Михаловскаго, имѣя въ первой линіи 2 роты (при каждой по двѣ лѣстницы), а во второй одну роту, съ шанцевымъ инструментомъ и ракетными станками, въ глубокой тишинѣ и совершенномъ порядкѣ, — прошла незамѣченною все разстояніе отъ брешь-батареи почти до самой стѣны. Непріятель открылъ сильный ружейный огонь только тогда, когда колонна переходила послѣдній рукавъ рѣчки, подъ самую стѣной.

Подъ градомъ пуль, съ крикомъ «ура», лѣстницы были поставлены частью къ бреши, частью къ самой стѣнѣ. Массы непріятеля успѣли занять гребень атакуемой стѣны, но тотчасъ бѣжали, какъ только показались на ней первые штыки. Большая часть штурмующей колонны направилась съ Михаловскимъ по указанному направленію влѣво, на большую дорогу въ цитадель и, встрѣтивъ группу саклей со складомъ клевера, подожгла ихъ и тѣмъ освѣтила себѣ дорогу; другая, съ майоромъ Полторацкимъ, кинулась вправо по стѣнѣ, сбросила съ башни два орудія, зажгла сакли, и вернулась къ бреши, куда въ это время уже подоспѣлъ и резервъ. Собравъ на бреши разсыпавшихся солдатъ и пристроивъ ихъ къ резерву, Полторацкій пошелъ на соединеніе съ Михаловскимъ.

Узнавъ, что колонна Михаловскаго ворвалась въ наружную ограду и двигается указаннымъ направленіемъ, Абрамовъ, находившійся на правой брешь-батареѣ, приказалъ есаулу Александру Принцу съ сотнями резерва разломать и занять ворота Раватакъ. Хотя казаки и были встрѣчены артиллерійскимъ огнемъ, но Принцъ исполнилъ порученіе быстро и вполнѣ успѣшно: въ десять минутъ ворота были разломаны и заняты казаками. Тогда Абрамовъ, видя что большая часть атакованной стѣны занята уже нами, послалъ приказаніе Раевскому прекратить пальбу съ лѣвой брешь-батареи и, если непріятель слабо занимаетъ стѣну, штурмовать ее. Черезъ $\frac{1}{4}$ часа крикъ «ура» изъ колонны Раевскаго показалъ, что стѣна занята; непріятель не оказалъ съ этой стороны почти никакого сопротивленія. Взойдя на неоконченную брешь, Раевскій немедленно направился вправо по стѣнѣ, перестрѣливаясь съ непріятелемъ, засѣвшимъ въ сосѣднихъ улицахъ и садахъ, дошелъ до воротъ Раватакъ, занятыхъ уже Принцомъ, и двинулся по большой дорогѣ въ Китабъ, на соединеніе съ Михаловскимъ, который между тѣмъ медленно подвигался по этой дорогѣ къ городской китабской стѣнѣ.

Узкія улицы между садами были наполнены бѣжавшими шахри-сябцами, которые въ совершенномъ смятеніи, впотьмахъ, наты-кались изъ боковыхъ переулковъ на колонну; поэтому въ улицахъ происходила не только перестрѣлка, но и частыя схватки холод-нымъ оружіемъ¹⁾. Дойдя до просторной площади на перекресткѣ улицъ, Михаловскій остановился, чтобъ дожидаться разсвѣта, а пока зажегъ кругомъ склады сухого клевера, чтобъ освѣтить мѣстность. Здѣсь, по сигналамъ головной колонны, нашель ее и присоединился къ ней Полторацкій, шедшій съ такими же затрудненіями другою доро-гой. Ожидая сопротивленія на городской стѣнѣ Китаба, Михаловскій послалъ Аминова съ ротой пѣхоты узнать, гдѣ находится колонна Раевского; Аминовъ встрѣтилъ на пути еще толпу конныхъ шах-рисябцевъ, которыхъ разогналъ выстрѣлами. По соединеніи всѣхъ колоннъ, войска устроились, уравнили патроны и собрали раненыхъ. Здѣсь Михаловскій получилъ приказаніе Абрамова принять команду надъ всѣми войсками, перешедшими за наружную стѣну, и занять Китабъ, а Раевского послать занять ворота Раватакъ, куда отпра-вить и раненыхъ.

Когда колонна Михаловскаго уже перешла наружную стѣну и двинулась къ городу, шахрисябцы собрались въ довольно большомъ числѣ у башни № 1 и открыли сильный огонь по правой брешь-батареѣ. Абрамовъ командировалъ съ этой батареи капитана Гребенкина съ одною ротой, приказавъ ему сбить непріятеля со стѣны и очистить башню; Гребенкинъ вошелъ на стѣну черезъ брешь и, повернувъ направо, быстро атаковалъ непріятеля съ фланга, разогналъ его, очистилъ башню, бросилъ орудія въ ровъ и вернулся на брешь-батарею.

Послѣ того, непріятель дѣлалъ еще попытки къ сопротивленію, собирався большими толпами вблизи брешь-батареи, но каждый разъ былъ разгоняемъ выстрѣлами.

Приведя свой отрядъ въ порядокъ на сборномъ пунктѣ, Миха-ловскій, съ 4-мя ротами, 3-мя горными, однимъ коннымъ орудіемъ и 4-мя ракетными станками, направился къ городской китабской стѣнѣ. У воротъ этой стѣны отрядъ былъ встрѣченъ ружейнымъ огнемъ. Обстрѣлявъ защищавшія ворота башенки и самыя ворота картечью и гранатами, Михаловскій приказалъ атаковать стѣну. Стрѣлковая рота 3-го баталіона съ крикомъ «ура» бросилась на стѣну лѣвѣе воротъ, перелѣзла черезъ нее подъ огнемъ и отворила ворота.

Войдя въ Китабъ, отрядъ уже не встрѣчалъ непріятеля и до-шелъ до брошенной цитадели безъ выстрѣла.

Есаулъ Принцъ съ казаками, въ началѣ движенія, былъ по-сланъ для сбора всѣхъ орудій на атакованной части наружной стѣны.

¹⁾ Михаловскій легко раненъ здѣсь саблею въ голову.

Казаки были встрѣчены выстрѣлами наткнувшейся на нихъ большой конной партіи шахрисябцевъ, но она была разсѣяна атакою одной сотни.

Въ 8 часовъ утра все уже было кончено. За усталостью войскъ, движеніе въ г. Шарь было отложено до слѣдующаго дня, хотя съ занятіемъ Китаба городъ этотъ прислалъ депутацію съ изъявленіемъ покорности.

По показаніямъ плѣнныхъ, мы имѣли дѣло лишь съ 8 тысячами защитниковъ, но Джура-бій и Баба-бій (по словамъ новыхъ бековъ, присланныхъ въ послѣдствіи бухарскимъ эмиромъ) могли бы выставить до 13 тысячъ вооруженныхъ, какъ дѣлали это не разъ противъ эмира, если бы движеніе нашего отряда не было такъ неожиданно, и если бы они имѣли время приготовиться.

Потерю шахрисябцевъ одними убитыми въ день штурма опредѣляютъ до 600 человекъ.

Съ нашей стороны убито: оберъ-офицеровъ 1, нижнихъ чиновъ 18; ранено: генераль 1, штабъ-офицеровъ 4, оберъ-офицеровъ 3, нижнихъ чиновъ 101. Изъ нихъ тяжело ранены 59 человекъ, легко 42; изъ офицеровъ смертельно раненъ одинъ Соковнинъ; раны генерала Абрамова и другихъ офицеровъ не были опасны.

Трофеи наши состояли изъ 4 значковъ, 29 орудій, множества фальконетовъ, холоднаго оружія и значительнаго склада артиллерійскихъ припасовъ.

15 числа, Абрамовъ посѣтилъ городъ Шарь. Жители встрѣтили его за три версты отъ города. Объявивъ имъ, что, по приказанію главнаго начальника, генерала Кауфмана, шахрисябскія владѣнія будутъ переданы законному ихъ государю, эмиру бухарскому, Абрамовъ предложилъ жителямъ возвратиться въ свои дома и ожидать прибытія новыхъ бековъ, назначенныхъ эмиромъ. Осмотрѣвъ укрѣпленіе Даякъ, находящееся также внутри общей стѣны, Абрамовъ вернулся въ Китабъ и нашелъ тамъ бековъ Черакчинскаго и Якобакскаго, назначенныхъ эмиромъ для управленія, въ первое время, Шаремъ и Китабомъ. 16-го числа, прибылъ отъ эмира Тохтамышъ-бій, съ 1.500 всадниками, назначенными въ гарнизоны городовъ. Затѣмъ прибылъ посланный отъ эмира, Якубъ Карауль-беги, съ письмомъ, коимъ эмиръ увѣдомлялъ о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ по управленію приобретеннымъ нами для него владѣніемъ.

Сдавъ городъ новымъ бекамъ, Абрамовъ послалъ Михаловскаго занять Маганъ, а самъ направился въ Фаранъ. Оба эти бекства были присоединены къ Зеравшанскому округу.

Беки Джура-бій и Баба-бій, преслѣдуемые по пятамъ двумя сотнями казаковъ штабсъ-ротмистра Скобелева, успѣли бѣжать въ Кокандъ, но тамъ были схвачены по приказанію хана и выданы русскимъ. Нельзя не обратить вниманія на быстрый сборъ войскъ, назначенныхъ въ походъ: 6-го августа дано было приказаніе о сборѣ

въ походъ, а 8-го числа войска уже были въ 65-ти верстахъ отъ Самарканда, въ Джамѣ. 3 роты изъ укр. Ключеваго и 2 роты изъ Чиназа выступили тоже на другой день по полученіи приказанія. 2-й стрѣлковый батальонъ выступилъ изъ Ташкента черезъ 15 часовъ. Занятіе столицы Шахрисябза, дотолѣ никому не покорявшася, произвело сильное впечатлѣніе на нашихъ сосѣдей. Немедленное же возвращеніе завоеванныхъ городовъ эмиру доказало всю несостоятельность укоренившагося мнѣнія, будто мы задались въ Средней Азіи исключительно цѣлію безпрерывныхъ завоеваній.

XIII.

Дѣйствія противъ Кульджинскаго султана.

Возмущеніе, охватившее въ началѣ шестидесятыхъ годовъ провинціи западнаго Китая, поставило насъ въ весьма невыгодное положеніе: успѣхи мусульманъ по сосѣдству отражались на спокойствіи умовъ нашихъ киргизовъ, а прекращеніе торговли и разореніе нашихъ факторій въ Чугучакѣ и Кульджѣ сразу уничтожило всѣ плоды долгихъ дипломатическихъ сношеній нашихъ съ манчжурскимъ правительствомъ. Китайцы и сами не были для насъ искренно-дружественными сосѣдями. Споры о границахъ послѣ двухъ бесплодныхъ съѣздовъ уполномоченныхъ въ 1862 и 1863 годахъ, если и были наконецъ покончены Чугучакскимъ договоромъ (25 сентября 1864 года), то единственно вслѣдствіе успѣховъ дунганскаго возстанія. Поэтому наше пограничное начальство (въ Западной Сибири) отнеслось весьма равнодушно къ мольбамъ китайцевъ о помощи во имя старой дружбы. Придерживаясь принципа невмѣшательства, мы приняли мѣры противъ перехода мятежниками нашей границы и сношеній ихъ съ нашими киргизами, но усмотрѣть за послѣдними было довольно трудно, и множество ихъ присоединилось къ инсургентамъ для грабежа китайцевъ.

Скоро возстаніе вступило въ новый фазисъ: инсургенты разсорились изъ-за добычи и раздѣлились на два враждебные лагеря: дунганъ и таранчей (людей «кроваваго пота» или ссыльных), изъ которыхъ послѣдніе оставили за собою Кульджу, а первые удалились въ Урумци.

Кульджинскій султанъ Абіль-Огль скоро вошелъ въ сношенія съ семирѣченскимъ губернаторомъ, подъ разными предлогами. Вторженія въ наши предѣлы кульджинскихъ киргизъ вызывали съ нашей стороны энергичныя преслѣдованія даже за предѣлами нашей территоріи, а слухи о намѣреніяхъ кашгарскаго владѣтеля Якуббека занять Кульджу заставили насъ выдвинуть передовой отрядъ къ Музартскому проходу. Все это, безъ сомнѣнія, вызывало въ султанѣ нѣкоторое противъ насъ неудовольствіе.

Нападеніе на майора Здоренко шайки киргизъ, скрывшихся въ Кульджу, послужило поводомъ послать къ султану посольство, не приведшее, однако, ни къ какимъ результатамъ. Султанъ даже потребовалъ, чтобы мы убрали свой отрядъ на р. Уртель-Музартъ, грозя распорядиться съ нимъ по-своему.

Дѣло приближалось къ развязкѣ. Въ концѣ 1870 года, Кызай сдѣлали попытку укочевать отъ насъ въ Кульджинскіе предѣлы, ограбивъ нашихъ киргизъ. Часть бѣглецовъ была возвращена посланнымъ въ погоню отрядомъ, а часть успѣла присоединиться къ таранчинскому войску. Бѣгство въ Кульджу прапорщика Тазабека (волостнаго управителя) въ апрѣлѣ 1871 г. и отказъ султана выдать измѣнника послужили окончательнымъ поводомъ къ вооруженному столкновенію.

Рекогносцировки, произведенныя въ началѣ мая Борохудзирскимъ отрядомъ къ гор. Мазару, а Тянь-Шаньскимъ къ Кетменю, повели къ первымъ выстрѣламъ. Возвращеніе нашихъ войскъ было принято таранчами за отступленіе, и они рѣшились вторгнуться въ наши предѣлы. Война началась.

Для дальнѣйшихъ дѣйствій сформировано было два отряда: главный въ Борохудзирѣ и боковой на Кетменѣ. Рядъ стычекъ на Кетменѣ и уронъ, понесенный при этомъ таранчами, а также и прерѣніе къ непріятелю совершенно успокоили командовавшаго отрядомъ полковника Михаловскаго относительно какой бы то ни было опасности для отряда, а потому, приготовляясь къ выступленію съ частію отряда на соединеніе съ главными силами, онъ раздѣлилъ свои войска (3 роты, 1½ сотни и 4 орудія) на два отряда и поставилъ ихъ въ лоцинѣ по обѣ стороны селенія Кетмень. Ночью на 31 мая таранчи заняли командующія высоты, а на разсвѣтѣ ворвались и въ селеніе. Отряды наши были отрѣзаны другъ отъ друга и вынуждены штурмовать селеніе, при чемъ понесли довольно чувствительный уронъ, именно 38 человѣкъ.

8-го іюня, къ дѣйствующему отряду въ Борохудзирѣ прибылъ генералъ-майоръ Колпаковскій и 12 числа выступилъ по Кульджинской дорогѣ. На уроч. Хунь-Жень-Су (близъ Акъ-Кента) онъ простоялъ два дня, чтобы сосредоточить всѣ силы, и 16 числа двинулся навстрѣчу таранчинскимъ войскамъ, собраннымъ подъ Алимъ-Ту. Отрядъ нашъ состоялъ изъ 6½ ротъ, 4¼ сотенъ и 10 орудій, всего 1785 человѣкъ. Таранчи были разбиты и отступили къ кр. Чинъ-ча-ходзи, потерявъ 125 плѣнными (въ числѣ которыхъ было 102 китайца и только 1 таранчинецъ), одно знамя и 23 крѣпостныхъ ружья. Наша потеря состояла только изъ 5 раненыхъ, въ числѣ которыхъ сибирскій казакъ Иванъ Дмитріевъ, рубясь всегда впереди товарищей, получилъ до 30 ранъ холоднымъ оружіемъ, отчего впослѣдствіи и умеръ. Плѣнные были распределены по ротамъ и несли на себѣ всѣ домашнія работы—съ полною готовностію.

XIV.

Дѣло при Чинъ-ча-ход-зи.

17-го іюня, послѣ обѣда, въ 3 часа по полудни, отрядъ выступилъ къ крѣпости Чинъ-ча-ход-зи, въ 16 верстахъ отъ ночлега, взявъ съ собою только самый необходимый обозъ и оставивъ вагенбургъ съ прикрытіемъ на позиціи Алимъ-ту до слѣдующаго утра, вслѣдствіе усталости лошадей и воловъ въ паркахъ. Дорога была очень удобна; по сторонамъ ея росъ рѣдкій карагачевый лѣсъ, и скоро открылась крѣпость Чинъ-ча-ход-зи, окруженная садами. Авангардъ (изъ 2-й семирѣченской сотни) подъ начальствомъ войскового старшины Гильде открылъ непріятеля, не доходя версты четыре до крѣпости. Колпаковскій выдвинулъ впередъ стрѣлковыя роты 11 и 12 батальоновъ, 4 орудія 2-й батареи и половину Семирѣченской № 6 сотни, поручивъ послѣднюю барону Каульбарсу. При приближеніи къ садамъ замѣчено было, что густыя массы непріятеля, показавшись съ боковъ крѣпости, заняли все пространство между садами; въ то же время значительная толпа непріятельской кавалеріи показалась на дорогѣ. Мѣстность передъ садами, засѣянная хлѣбомъ и овощами, была до такой степени изрыта арыками, что представила бы значительныя препятствія движенію отряда. Кромѣ того, начинало уже смеркаться, а располагаться на ночлегъ въ виду непріятеля, имѣвшаго возможность произвести изъ садовъ нечаянное нападеніе, было бы весьма неудобно, и потому рѣшено было обойти крѣпость и расположиться по западную ея сторону, гдѣ мѣстность была довольно открытая и представляла, кромѣ того, нѣкоторыя удобства для бивуака.

Выставивъ боковые авангарды, прикрывшіе фланговое движеніе отряда, Колпаковскій перевелъ войска на избранную позицію, при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ съ крѣпости, на которые наша артиллерія отвѣчала живою канонадою.

Разбитый наканунѣ Абдрахманъ-Казначи получилъ подирѣпленіе изъ Кульджи и еще ожидалъ прибытія свѣжихъ отрядовъ съ лѣваго берега Или, куда были двинуты значительныя скопища. Энергическія дѣйствія русскихъ войскъ подъ Кетменемъ ввели непріятеля въ заблужденіе, заставивъ его ожидать рѣшительнаго наступленія именно со стороны Кетменя, чрезъ Янгишеръ, на Кульджу.

Передъ разсвѣтомъ 18 числа, непріятельскіе всадники, подѣзжая къ цѣпи парныхъ часовыхъ, начали стрѣлять по лагерю, но были отогнаны огнемъ цѣпи. На разсвѣтѣ войска были выдвинуты изъ лагеря. Оставивъ для охраненія тяжестей 2-ю роту 10-го баталіона, сибирскую полусотню № 1, казаковъ сибирской № 2 сотни и 2 ору-

дія, Колпаковскій построилъ остальные войска въ двѣ линіи, противъ сѣверо-западнаго угла крѣпости Чинъ-ча-ход-зи.

На лѣвомъ флангѣ сталъ войсковою старшина Гильде со 2-ю Семирѣченскою сотнею, правѣ—стрѣлковая рота 12 баталіона, дивизионъ орудій 1-й и 2-й батарей; затѣмъ стали саперная команда и стрѣлковая рота 11-го баталіона, а на правомъ флангѣ 3-я семирѣченская сотня. Начальство надъ войсками 1-й линіи было поручено полковнику Михаловскому. Линейныя роты: 2-я 11-го и 3-я 10-го баталіоновъ и 2 орудія 2-й батареи составили вторую линію, начальникомъ коей былъ назначенъ полковникъ фонъ-Вартманъ.

Непріятель рѣшилъ дать полевое сраженіе, опираясь центромъ на крѣпость, а флангами на роци, далеко выступавшія впередъ, что давало позиціи хорошую перекрестную оборону.

Густая линія непріятеля заняла все это пространство, безъ перерывовъ; на лѣвомъ флангѣ нашемъ и въ тылу, противъ аръберггарда, охранявшаго тяжести, показались толпы непріятельской кавалеріи. Она понеслась было съ гикомъ съ двухъ сторонъ на аръберггардъ; но два полувзвода пѣхоты и сибирскіе казаки, встрѣтивъ ее огонь, принудили повернуть назадъ, послѣ чего непріятельская кавалерія до самаго конца дѣла держалась уже въ отдаленіи и наконецъ скрылась совершенно.

Непріятель, какъ только началось наступленіе первой линіи, открылъ по всему фронту неумолкаемую пальбу изъ орудій, фальконетовъ и ружей. Видя по силѣ непріятельскаго огня, что главная массы таранчей группируются въ садахъ и за ними, Колпаковскій рѣшилъ атаковать лѣвый ихъ флангъ, упирившійся въ деревню и роцъ; выдвинувъ для этого правый флангъ боевой линіи, мы начали наступленіе уступами.

Артиллерія, обстрѣлявъ непріятельскую позицію, выѣхала впередъ, за рытвину, и открыла усиленный огонь по роцѣ; стрѣлковая рота приняла вправо и вся линія начала подвигаться впередъ, въ косвенномъ направленіи. Войсковому старшинѣ Гильде съ развернутою кавалеріею было приказано прикрыть фланговое движеніе отряда.

Толпы таранчей, замѣтивъ направленіе нашей главной атаки, бросились, въ свою очередь, къ садамъ, какъ угрожаемому пункту; тогда на правый флангъ первой линіи были выдвинуты всѣ войска 2-й линіи. Артиллерійскій взводъ подѣхалъ на близкій картечный выстрѣлъ къ садамъ и открылъ огонь. Вслѣдъ затѣмъ начата атака. 3-я семирѣченская сотня обсакала сады, обѣ линейныя роты ворвались въ опушку, а вслѣдъ за ними обѣ стрѣлковыя роты заняли слѣва часть садовъ и строеній, тянувшихъ почти до крѣпостной ограды. Таранчи бросились бѣжать изъ садовъ, неотступно преслѣдуемые нашими войсками; но когда наша крайняя правофланговая рота (3 рота 10-го баталіона) вышла изъ пересѣченной и

заросшей мѣстности на равнину, то сама была атакована непріятельскою кавалеріею; выскочившею изъ-за рощи. Чтобы отвратить угрожавшую правому флангу опасность, Колпаковскій приказалъ Каульбарсу, съ подослѣвшею 3-ей семирѣченскою сотнею есаула Гринвальда и учебною казачьею командою сотника Ишервуда, взятою изъ конвоя, ударить на встрѣчу непріятельской конницѣ. Послѣ горячей схватки, въ которой Каульбарсъ получилъ ударъ пикою въ лицо и въ грудь и рану въ ногу ¹⁾, таранчи были опрокинуты и обратились въ бѣгство; тогда началось горячее преслѣдованіе, чѣмъ и окончилось дѣло нашего праваго крыла.

На лѣвомъ крылѣ боевой линіи разыгрался въ это время эпизодъ, принадлежащій къ числу интереснѣйшихъ въ дѣлѣ экспедиціи.

При обходномъ движеніи войскъ центра и лѣваго фланга, съ южнаго фаса крѣпости былъ открытъ учащенный ружейный огонь, который анфилировалъ нашъ наступающій фронтъ. Крѣпость Чинъ-ча-ход-зи, составляя правильный четырехугольникъ съ турбастіонами, имѣетъ стѣны двухсаженной толщины въ среднемъ основаніи и до 3-хъ сажень вышины. Полагаясь на мужество войскъ и на податливость азіатской природы передъ смѣлымъ натискомъ, Колпаковскій приказалъ Михаловскому остановить наступающія три роты и, завернувъ ихъ правымъ плечомъ, вести на приступъ крѣпости.

Войска двинулись тремя колоннами: первая подъ начальствомъ майора Балицкаго, изъ 2-й роты 11-го баталіона, бросилась на восточныя ворота крѣпости, вторая, съ подполковникомъ Гоейромъ изъ стрѣлковой роты 12-го баталіона, устремила на южныя ворота, а третья, подъ начальствомъ капитана Пичугина, направилась къ западнымъ воротамъ крѣпости. Всѣ три штурмовыя колонны ворвались одновременно въ крѣпость. Первая, осыпанная камнями и встрѣченная выстрѣлами, выбила двое воротъ и проникла въ городъ, вторая колонна, послѣ непродолжительной и горячей перестрѣлки, выломавъ ворота, ведущія въ самую крѣпость, штыками отбросила ея защитниковъ и овладѣла южнымъ фасомъ крѣпостной ограды; третья колонна, пройдя безъ выстрѣла вдоль западнаго фаса, до воротъ рavelина, была встрѣчена здѣсь ружейнымъ огнемъ почти въ упоръ, но также разломала двое воротъ и, ворвавшись въ крѣпость, отбила два непріятельскія орудія (изъ нихъ одно было взято лично командиромъ роты поручикомъ Эманомъ). Толпа дунганъ, защищавшая артиллерію, была отброшена и положила оружіе.

Михаловскій, вслѣдъ за пѣхотою, ввелъ въ крѣпость орудія и казаковъ и приказалъ ударить сборъ. Замѣчательно, что разсѣявшіяся по городскимъ улицамъ войска тотчасъ же собрались. Не было произведено никакихъ безпорядковъ, исключая нѣсколькихъ

¹⁾ Несмотря на рану, офицеръ этотъ остался во фронтѣ.

грабежей, сдѣланныхъ пробравшимися въ городъ китайцами, сопровождавшими отрядъ. За подобное мародерство весь отрядъ китайскихъ эмигрантовъ на слѣдующій день былъ отправленъ назадъ, въ Борохузиръ. Кромѣ похвальной дисциплины семирѣченскихъ войскъ, скорый сборъ объясняется еще и слѣдующими простыми соображеніями: крѣпость миниатюрна, всего въ половину кв. версты, улицы совершенно прямы и весьма широки, а это значительно облегчало и сборъ, и наблюденіе за порядкомъ. Ничего подобнаго не представляетъ сартовскій городъ, и потому ставить Чинъ-ча-ход-зи въ примѣръ на будущее время можно только при штурмѣ китайскихъ городовъ.

Оставивъ въ крѣпости необходимый караулъ и объявивъ перепуганному народу о пощадѣ, Колпаковскій вывелъ войска и расположилъ ихъ за крѣпостью, по Суйдунской дорогѣ. Городъ, только что взятый штурмомъ (въ 8 часовъ), уже черезъ два часа совершенно успокоился; городскія лавки были открыты, и торговцы продавали разную мелочь русскимъ, не иначе впрочемъ пропускаемымъ изъ лагеря въ запертую крѣпость, какъ по письменнымъ дозволеніямъ.

Дунгане, ожидавшіе, что имъ придется испытать участь, обыкновенно постигающую всякій, взятый силою городъ въ войнахъ азіатцевъ между собою, увидали на этотъ разъ неожиданное для нихъ снисхожденіе со стороны русскихъ. Смѣлость русскихъ войскъ и умѣренность ихъ послѣ побѣды повліяли и на крѣпость Суйдунъ, которая на другой день сдалась безъ выстрѣла. Въ доказательство того, какъ недовѣрчиво къ намъ относились сперва дунгане, можно указать, кромѣ упорной обороны, еще и на слѣдующій фактъ: лишь только войска овладѣли городомъ и въ улицы вѣхала артиллерія, загорѣлось какое-то строеніе. Солдаты наши, посланные для затупенія пожара, нашли въ домѣ 8 мужчинъ и женщинъ мертвыхъ или умирающихъ, съ распоротыми животами... Отъ умирающихъ узнали, что цѣлое дунганское семейство, не желая отдаваться въ плѣнъ, подъ вліяніемъ опиума, совершило надъ собою обычное китайское самоубійство и подожгло собственный домъ. Примѣръ подобнаго отчаянія, къ счастью, былъ единственный въ городѣ.

Въ дѣлахъ 18 іюня, при Чинъ-ча-ход-зи, разбитъ былъ вторично Абдрахманъ-казначи, имѣвшій до 5.000 войска въ полѣ, не считая гарнизона въ крѣпости. Трудно было совершенно точно опредѣлить численность этого гарнизона, потому что толпы плѣнныхъ дунганъ были отпущены къ своимъ семействамъ; но въ защитѣ крѣпости принимало участіе все мужское населеніе города, потому что между плѣнными, взятыми съ оружіемъ въ рукахъ, можно было встрѣтить и дряхлыхъ стариковъ и дѣтей.

Въ крѣпости найдено 45 заколотыхъ штыками труповъ; по всѣмъ окрестностямъ, гдѣ происходило дѣло, были разбросаны во множествѣ мертвыя тѣла, оружіе, порохъ и одежда бѣжавшихъ.

Трофеи наши состояли изъ двухъ орудій на лафетахъ (одно мѣд-

ное 6-ти-фунтовое, другое чугунное 3-хъ-фунтовое), одного лафетнаго фальконета и одного значка. Кромѣ того, на крѣпостныхъ веркахъ взято до 40 крѣпостныхъ ружей, а въ городскомъ складѣ найдено 6 чугунныхъ и мѣдныхъ орудій безъ лафетовъ, большое количество пикъ, шлемовъ, кольчугъ, луковъ, свинца, пороху, снарядовъ и т. п. Артиллерійскія орудія и свинець начальникъ отряда приказалъ взять съ собою, равно и шлемы, вслѣдствіе ихъ оригинальности, все же остальное приказано переломать и перетопить.

Съ нашей стороны, въ дѣлѣ 18-го іюня убито нижнихъ чиновъ 1; ранены 1 оберъ-офицеръ и 12 нижнихъ чиновъ; ушиблено камнями и контужено 1 оберъ-офицеръ и 5 нижнихъ чиновъ.

XV.

Дѣло подъ Суйдуномъ.

19 числа, опять налегкѣ, отрядъ выступилъ въ 2 часа по полудни, по Суйдунской дорогѣ, которая не представила никакихъ затрудненій для движенія. Впереди слѣдовалъ авангардъ изъ сотни Гильде. За авангардомъ шли главныя силы, а за ними вагенбургъ, въ прикрытіе коего были назначены 2-я рота 10-го баталіона, 2-я Семирѣченская сотня и два орудія 1-й батареи.

Пройдя такъ называемое священное дерево, т. е. группу развѣсистыхъ деревьевъ, находящихся у самой дороги, Колпаковскій замѣтилъ на высотахъ постепенно разросавшіяся кучки всадниковъ, которые тотчасъ разсѣялись, когда на нихъ двинулась сотня Гильде. Съ занятыхъ высотъ открылась вся позиція непріятеля, встрѣтившаго появленіе русскихъ на высотахъ громкими криками; затѣмъ по всей линіи началась пальба, уже не столь энергичная, какъ наканунѣ, такъ какъ много ружей перешло въ наши руки.

Пользуясь мѣстностію, командовавшею непріятельскою позиціею, Колпаковскій рѣшилъ вести дѣло преимущественно артиллерійскою атакою и приказалъ выдвинуть два орудія 1-й батареи на высоты, а два орудія 2-й батареи на дорогу, которая ведетъ вдоль высотъ къ крѣпости Суйдунъ. За артиллеріею расположились войска въ слѣдующемъ порядкѣ: на лѣвомъ флангѣ 1-я семирѣченская сотня и стрѣлковая рота 11 баталіона, на правомъ флангѣ стояла 3 семирѣченская сотня и сборная казачья команда, а лѣвѣе стрѣлковая рота 10 баталіона. Въ резервѣ, стоявшемъ по дорогѣ, за срединою боеваго порядка, остались стрѣлковая рота 12 баталіона и 4 орудія. Вагенбургъ съ прикрытіемъ далеко отсталъ на пути.

Когда мѣткій огонь нашей артиллеріи произвелъ свое дѣйствіе, и линія непріятеля замѣтно заколебалась, вся наша линія начала наступленіе. Взводъ 1-й батареи, спущенный съ высотъ, по разра-

ботанному саперами спуску, выѣхаль на позицію, затѣмъ выска-
каль на одну съ нимъ высоту и взводъ 2-й батареи.

Непріятель, думая воспользоваться малочисленностію войскъ,
успѣвшихъ спуститься съ высотъ, внезапно перешель въ наступленіе
и охватилъ наши фланги; Колпаковскій двинуль роты 2-й линіи
впередъ, чтобы остановить непріятеля съ фронта, сотни праваго
фланга пустиль на гаранчей, обходившихъ насъ съ этой стороны,
а противъ обхода киргизской конницы слѣва и въ тыль выдвинуль
взводъ артиллеріи изъ резерва. Мѣры эти увѣнчались успѣхомъ.

Толпы непріятеля начали поспѣшно отступать, направляясь гу-
стыми массами къ юго-западному углу крѣпости. Вслѣдъ за бѣгу-
щими Колпаковскій направилъ войска уступами съ праваго
фланга; роты праваго крыла заняли опушку садовъ и наружный
рядъ строеній, а лѣвое крыло подвинулось къ крѣпости.

Крѣпостная ограда покрылась массами защитниковъ, которые,
однако, не открывали огня. Колпаковскій отправилъ къ нимъ одного
изъ взятыхъ въ Чинъ-ча-ход-зи дунганъ съ предложеніемъ сдачи;
послѣ непродолжительныхъ переговоровъ комендантъ спустился со
стѣны на веревкахъ и явился въ отрядъ; затѣмъ жители начали
сбрасывать со стѣнъ оружіе, и крѣпость сдалась безъ выстрѣла.

За бѣжавшимъ непріятелемъ двинута была вся кавалерія съ
двумя орудіями.

Кавалерія успѣла изрубить только нѣсколько отсталыхъ и взяла
нѣсколько плѣнныхъ.

Высланный ночью киргизскій разъѣздъ привезъ извѣстіе, что
непріятельское скопище, бросивъ лагерь, лежавшій въ 10 верстахъ
отъ Суйдуна, потянулось къ Баяндаю.

Разбитое ополченіе, захвативъ всѣхъ, попавшихся ему по окрест-
ностямъ дунганскихъ поселянъ, перерѣзало ихъ и ушло ночью къ
Кульдѣжъ, бросая по дорогѣ своихъ раненыхъ, съѣстные припасы и т. п.

Непріятель имѣль подъ Суйдуномъ до 6.000 войска ¹⁾, но дѣй-
ствовалъ безъ энергіи, такъ что одна артиллерійская пальба и огонь
стрѣлковой цѣпи заставили его бросить крѣпкую позицію подъ Суй-
дуномъ.

Съ нашей стороны потери въ этомъ дѣлѣ не было.

На другой день утромъ (20 іюня) Колпаковскій имѣль въѣздъ
въ г. Суйдунъ и былъ встрѣченъ жителями хлѣбомъ-солью.

Въ крѣпости найдено одно мѣдное 6-ти фунтовое-орудіе, на ла-
фетѣ, и разнаго рода военная добыча, уступавшая, впрочемъ, по
количеству, захваченной въ Чинъ-ча-ход-зи.

Рядъ пораженій сломилъ, наконецъ, твердость султана Илійскаго.

¹⁾ Въ ночь на 19 число къ Абдрахманъ-казначи, отступившему отъ Чинъ-ча-
ход-зи, прибыли свѣжія подкрѣпленія изъ Кульджи и 1.500 охотниковъ, прибыв-
шихъ съ лѣваго берега р. Или.

Уронъ, понесенный его войсками въ дѣлахъ подъ Кетменемъ, Акъ-Кентомъ и Алимъ-ту, совершенный разгромъ его ополченія подъ Чинъ-ча-ход-ви и взятіе открытою силою этой важной для него крѣпости, наконецъ неудача подъ Суйдуномъ и сдача безъ выстрѣла второй значительной крѣпости произвели потрясающее дѣйствіе, какъ на султана, такъ и на его войска, которыя стали разбѣгаться.

Неосторожное проявленіе радости китайцами при извѣстіяхъ о нашихъ побѣдахъ вызвало ярость въ мусульманской части населенія Кульджи, и въ ночь на 21 число начались убійства. Нѣсколько сотъ китайцевъ, калмыковъ и дунганъ обоого пола были звѣрски умерщвлены. 21 числа войска наши только что выступили къ г. Баяндаю, какъ были встрѣчены посольствомъ, привезшимъ связаннаго по рукамъ и ногамъ Тазабека. На ночлегъ прибылъ въ лагерь и самъ Абель-огля со свитою. Условились, что на другой день русскіе займутъ Кульджу, вооруженіе которой должно было быть сдано назначенному для того офицеру. Въ крѣпости найдено 57 мѣдныхъ и чугунныхъ орудій и 359 крѣпостныхъ ружей, 13 фальконетовъ и 9 большихъ знаменъ; кромѣ того, сданы были ключи отъ воротъ цитадели, литавры, трубы и сабли разныхъ сановниковъ.

Абель-огля былъ отправленъ въ г. Вѣрный.

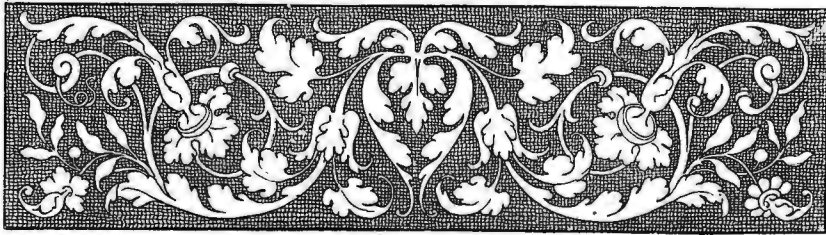
Всѣ окрестные жители спѣшили изъявить свою покорность, а 24 сентября прибыли даже депутаты отъ торгоутовъ ¹⁾ съ Юлдузскихъ горъ. Торгоуты приняты снова въ наше подданство. Къ 29 сентября до 20 сумуновъ (ауловъ) прикочевало уже въ долину р. Кунгесъ, а вскорѣ присоединились къ нимъ и остальные 34 сумуна.

Такъ кончилась предпринятая для защиты слабаго сосѣда Кульджинская экспедиція. Усмиренная Кульджа возвращена китайскому правительству. Хроника позднѣйшихъ военныхъ дѣйствій нашихъ въ Средней Азіи—Хивинскій походъ Кауфмана и Текинскія экспедиціи, завершившіяся покореніемъ Ахаль-Текинскаго оазиса Скобелевымъ, — подробно изложена въ исторіяхъ этихъ походовъ: «Описание Хивинскаго похода» Лобысевича, 1898 г., и «Война въ Туркменіи» Гродекова, 1883 г. Событія, изложенныя въ настоящей статьѣ, ждуть своего историка. Россія еще разъ доказала свое безкорыстіе.

П. К.

¹⁾ Потомки бѣжавшихъ въ 1770 г. съ Волги калмыковъ.

КОНТРАБАНДИСТЪ.

Сцены изъ жизни на западной границѣ.

В ПЯТИДЕСЯТЫХЪ годахъ я былъ произведенъ въ офицеры въ Нарвскій пѣхотный полкъ, который стоялъ въ царствѣ Польскомъ гарнизономъ въ Новогеоргіевской крѣпости.

Изъ войскъ, квартировавшихъ въ степныхъ великорусскихъ губерніяхъ, изъ области широкаго, русскаго гостепріимства, я попалъ совсѣмъ въ иную, далеко не такъ пріятную обстановку.

Новогеоргіевскъ, благодаря своему положенію, при слияніи Вислы съ Наревомъ, споконъ вѣковъ былъ крѣпостью подъ другимъ лишь именемъ «Модлинъ». Наполеонъ I, говорятъ, оцѣнилъ его стратегическое значеніе и усилилъ нѣкоторыми верками, которые еще показывали въ мое время. Въ томъ видѣ, какъ я засталъ ее, Новогеоргіевская крѣпость, воздвигнутая при Николаѣ Павловичѣ инженеромъ Деномъ, представляла собой обширное, грозное сооруженіе съ высокими, земляными валами и разными каменными верками: оборонительными стѣнками, редюитами, предмостными укрѣпленіями и проч. Рассказывали, что на вопросъ какой-то коронованной особы императору Николаю, во что обошлось это сооруженіе, государь отвѣчалъ: «это извѣстно только Богу и генералу Дену». Сказывали также, что для обороны этой крѣпости требуется сто-тысячный гарнизонъ, и что, несмотря на свой наружный грозный видъ, она далеко не соотвѣтствуетъ современнымъ требованіямъ фортификаціоннаго искусства.

Кромѣ нашего полка, чиновъ крѣпостной артиллеріи и инженеровъ, другихъ войскъ не было.

Наши офицеры, человекъ по два, по три, помѣщались въ номерахъ оборонительной казармы, выходившихъ окнами на обширный плацъ, а черезъ коридоръ отъ насъ, въ кухняхъ, находились наши денщики. Эти кухни представляли большую сводчатую комнату съ амбразурами вмѣсто оконъ и въ военное время предназначались для установки въ нихъ орудій.

Крѣпостная жизнь шла вяло, скучно, наполняясь исключительно обязанностями гарнизонной службы, и затихала рано. Въ девять часовъ, по пробитіи вечерней зори, крѣпостныя ворота запирались, и тотчасъ же начинались наводившіе тоску, заунывно-протяжные оклики часовыхъ: «Слушай»!.. Тогда еще былъ въ употребленіи этотъ приемъ, долженствовавшій свидѣтельствовать о бдительности часовыхъ.

Однимъ изъ болѣе отвѣтственныхъ, какъ требовавшей болѣе вниманія къ обязанностямъ караульной службы, считался офицерскій постъ при арестантской ротѣ гражданскаго вѣдомства. Стоитъ описать помѣщеніе этой роты. Я былъ тогда новичкомъ по службѣ, и посѣщеніе этой роты по обязанности караульнаго офицера производило на меня всегда сильное впечатлѣніе. Изъ кордегардіи тяжелая, окованная желѣзомъ дверь, запираемая желѣзнымъ болтомъ и огромнымъ всячимъ замкомъ, издававшимъ, когда его отпирали и запирали, громкій звукъ, — открывалась на каменную лѣстницу ступеней въ двадцать, спускавшуюся въ мрачное подземелье, гдѣ постоянно горѣли подвѣшенныя къ потолку лампы. Отъ лѣстницы шелъ длинный коридоръ, пересѣкаемый на равныхъ разстояніяхъ такими же дверями, какъ и описанная, съ такими же громко поющими, всячими замками, звукъ которыхъ, особенно усиливавшійся и отдававшійся подъ высокими, мрачными сводами подземелья, имѣлъ въ себѣ нѣчто потрясающее. По обѣимъ сторонамъ коридора аркадами шли глубокія ниши, пространство въ довольно порядочную, человекъ на шесть, комнату, отдѣляемая отъ коридора толстой желѣзной рѣшеткой; въ этихъ-то нишахъ, постоянно запертыхъ, за рѣшетками, на глазахъ надзирателей, дежурившихъ въ каждомъ отдѣленіи изъ нѣсколькихъ нишъ, содержались арестанты; узкія, продолговатыя отдушины, замѣняющія окна, находились подъ самымъ потолкомъ. Все это помѣщеніе сильно напоминало громадный звѣринецъ, въ которомъ—въ этихъ нишахъ съ рѣшетками, какъ звѣри въ клѣткахъ, содержались люди. Мнѣ всегда казалось, что такое звѣриное помѣщеніе накладывало особую печать на содержащихся въ немъ. Большинство отличалось мрачно-свирѣпымъ выраженіемъ; меньшинство—какимъ-то беззащитно-ухарскимъ «чортъ меня побери», рѣшительно махнувшимъ рукой на все и на вся. Въ этомъ помѣщеніи арестанты проводили все время, пока было темно, а съ дневнымъ свѣтомъ съ ранняго утра

отправлялись на работы подь сильнымъ конвоемъ отъ войскъ гарнизона. Ко времени вывода на работы неуклонно являлся капитанъ, командиръ арестантской роты, по обличію и обычаю, весьма типичная личность. Это былъ пожилой, невысокаго роста, коренастый человекъ, съ обезображеннымъ сильной оспой лицомъ, съ рѣдкой растительностью на усахъ и бакенбардахъ. Онъ каждый разъ, похаживая предъ фронтомъ арестантовъ и постукивая палкой, на которую опирался, произносилъ окружавшему арестантовъ конвою одного и того же содержания и почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ довольно длинную рѣчь. Первая часть ея заключала общія наставленія объ обязанностяхъ при конвоированіи арестантовъ, во второй указывалось, какъ обращаться съ ними при разныхъ особыхъ случаяхъ, и эта часть сплошь уснащалась затѣйливо-вычурными выраженіями по адресу арестантовъ, способныхъ, какъ сообщалъ капитанъ, на всевозможныя кавервы. Своимъ ассортиментомъ нецензурныхъ выраженій командиръ роты заслужилъ громкую извѣстность между любителями и знатоками этого рода реченій.

Подъ тѣмъ же карауломъ, который назначался къ этой ротѣ, содержались и лица привилегированныхъ сословій, состоявшія подь слѣдственнымъ арестомъ; помѣщались они, конечно, не внизу, а рядомъ съ комнатой караульнаго офицера.

Однажды, вскорѣ по вступленіи моемъ въ караулъ при арестантской ротѣ, явился плацъ-адъютантъ въ сопровожденіи офицера въ формѣ пограничной стражи.

— Вотъ примите капитана Полянскаго въ качествѣ подслѣдственнаго, — отрекомендовалъ мнѣ плацъ-адъютантъ своего спутника и затѣмъ, обмѣнявшись съ нимъ нѣсколькими любезными фразами, удалился.

Оставшійся со мной узникъ былъ высокаго роста, красивый брюнетъ, лѣтъ сорока, сильнаго, мускулистаго сложенія. Мы познакомились; капитанъ Полянскій оказался, несмотря на свое печальное положеніе арестованнаго, очень веселымъ, общительнымъ человекомъ; онъ съ перваго же раза заявилъ мнѣ, что арестъ его не болѣе, какъ недоразумѣніе, и что онъ недолго будетъ обременять караульныхъ офицеровъ охраненіемъ его особы. По его словамъ, онъ былъ подь слѣдствіемъ по доносу нѣкоторыхъ богатыхъ, вліятельныхъ евреевъ, что будто бы имъ были совершены какія-то злоупотребленія по службѣ начальника отряда пограничной стражи. На самомъ же дѣлѣ Полянскій своей энергической дѣятельностью пришелся, какъ говорится, солонъ еврейскимъ заправиламъ по контрабандной перевозкѣ товаровъ. Дѣйствительно, кажется, черезъ недѣлю тотъ же плацъ-адъютантъ объявилъ Полянскому, что онъ свободенъ и можетъ отправляться къ мѣсту своего служенія. Полянскій тогда же оставилъ Новогеоргиевскъ, болѣе съ нимъ мнѣ не пришлось встрѣтиться, и дальнѣйшая судьба его мнѣ неизвѣстна. Впослѣдствіи мнѣ

случилось столкнуться съ хорошо знавшими его лицами; изъ разговоровъ съ ними я убѣдился въ вѣрности рассказовъ Полянскаго объ его энергическихъ дѣйствіяхъ противъ контрабандистовъ, боевыхъ съ ними схваткахъ и проискахъ противъ него жидовъ.

За время его кратковременнаго ареста я былъ его ежедневнымъ посѣтителемъ. Капитанъ Полянскій, своими полными одушевленія рассказами о приключеніяхъ съ контрабандистами, своей крѣпкой мускулистой фигурой съ длинными, несоразмѣрно съ туловищемъ, ногами, производилъ впечатлѣніе лихаго, крѣпко держащагося въ сѣдлѣ кавалериста-партизана, страстно преданнаго своему дѣлу.

Изъ многихъ его рассказовъ у меня удержались въ памяти нѣкоторыя болѣе драматическія сцены, рисующія тогдашнюю жизнь на нашей прусско-литовской границѣ.

Не знаю, какъ теперь, но лѣтъ сорокъ назадъ на всемъ протяженіи нашей границы съ Пруссіей, самой бойкой по ходу контрабанды, была та мѣстность, гдѣ граница эта, перейдя за Нѣманъ, тянется къ Балтійскому морю и заканчивается близъ прусскаго города Мемеля. Вѣроятно, близость этого города, моря и значительной рѣки Нѣмана, облегчая доставку къ нашей границѣ товаровъ, обусловили и особенное развитіе контрабанды на этомъ участкѣ. Предметами контрабанды были бакалейные товары: сахаръ, кофе, ромъ, виноградныя вина; этого рода товары большею частью перетаскивались черезъ границу отдѣльными пѣшими людьми, рѣдко составлявшими значительныя партіи; болѣе дорогіе и удобные для компактной ихъ укладки товары: полотно, кружева, батисты, мелкія издѣлія для дамскаго туалета, обыкновенно перевозились зимой на саняхъ, а лѣтомъ верхомъ на лошадахъ. Въ этихъ случаяхъ собиралось нѣсколько санинъ подъ конвоемъ хорошо вооруженныхъ контрабандистовъ, всадники также рѣдко отправлялись по одиночкѣ, а чаще партіей въ нѣсколько человекъ. Эти конные контрабандисты сидѣли на хорошо выѣзженныхъ рѣзвыхъ лошадахъ; спереди и сзади сѣдла прикрѣплялись высокіе тюки съ товаромъ, защищая такимъ образомъ отъ выстрѣловъ грудь и спину контрабандиста, вооруженнаго съ головы до ногъ: нѣсколько револьверовъ за поясомъ, за плечами двустольное ружье, такое же ружье наготовѣ въ рукахъ; для управленія хорошо наѣзженною лошадыю было достаточно однѣхъ ногъ. До нашей границы и сани и всадники ѣхали обыкновенно шагомъ, а затѣмъ, вступивъ на нашу территорію, мчались, какъ бѣшеные, нѣсколько верстъ до того пункта, гдѣ слѣдовало сдать товаръ. Во главѣ этихъ операцій стояли богатые евреи, проживавшіе въ городахъ и мѣстечкахъ неподалеку отъ границы, второстепенными агентами были ихъ болѣе бѣдные единовѣрцы; непосредственно пере-

ноской и перевозкой контрабанды евреи не занимались, и случаи этого рода были рѣдкимъ исключеніемъ; чернорабочій контингентъ доставлялся пограничнымъ жмудскимъ населеніемъ.

Мѣстность, по которой тянется эта часть нашей границы, представляетъ унылую, однообразную, приморскую равнину, кое-гдѣ пересѣкаемую незначительными овражками и рѣдкой, скудной порослью. По этой линіи были расположены на порядочномъ другъ отъ друга разстояніи кордоны пограничной стражи, изъ пѣшихъ стражниковъ и конныхъ объѣздчиковъ, составлявшихъ такъ называемые отряды подъ начальствомъ офицеровъ. Громкое названіе «отрядъ», «отрядный начальникъ» не вполне соответствовало численному составу этихъ командъ, не превышавшихъ 15—20 человекъ пѣшихъ и конныхъ. Эти отряды съ своими начальниками-офицерами помѣщались на кордонахъ, представлявшихъ хорошо устроенныя и удобно обставленныя казармы съ конюшнями, и высылали отъ себя дневные и ночные посты и разъѣзды къ границѣ, къ пунктамъ, гдѣ можно было ожидать прохода контрабанды.

Въ виду особенно сильнаго развитія контрабанды, въ эту мѣстность въ помощь пограничной стражѣ командировался пѣхотный полкъ, смѣнявшійся ежегодно. Каждый годъ происходили кровавыя схватки съ вооруженными контрабандистами, въ годовомъ результатѣ когорыхъ было нѣсколько десятковъ убитыхъ и раненыхъ въ полку и пограничной стражѣ.

Стояла глубокая осень. Еще съ вечера палъ туманъ, усилившійся за ночь и окутавшій непрогляднымъ облакомъ всю пограничную мѣстность. Въ такую-то сырую, туманную ночь, вблизи пограничной черты, на краю небольшого передѣска изъ низкорослаго кустарника, протянушагося черезъ границу въ прусскіе предѣлы и носившаго названіе Волчьяго Кута, сидѣли два солдата армейскаго полка, расположеннаго на границѣ. Волчій Куть былъ излюбленнымъ пунктомъ пѣшихъ контрабандистовъ, представляя важныя удобства для того, чтобы незамѣтно проскользнуть съ товаромъ, а въ случаѣ необходимости отступить въ Пруссію. Поэтому-то здѣсь и поставленъ былъ усиленный постъ изъ двухъ часовыхъ. Одинъ изъ солдатъ, прислонившись спиной къ кусту и не выпускающая изъ рукъ винтовку, дремалъ, другой сидѣлъ и старательно вглядывался въ даль; но въ дали ничего не было видно; предъ самыми глазами спускалась, клубясь, бѣлая завѣса тумана. Жутко немного молодому солдату: нигдѣ ни звука; кругомъ тишина; только слышится иногда тихое сопѣнье, а по временамъ и всхрапыванье дремавшаго товарища.

Вдругъ онъ встрепенулса.

— Контрабандиръ ¹⁾, — произнесъ онъ тревожнымъ полушепотомъ, взводя курокъ винтовки.

Дремавшій очнулся и сталъ всматриваться по направленію, куда глядѣлъ товарищъ.

Въ туманѣ вырисовалась преувеличенныхъ размѣровъ—какъ это обыкновенно бываетъ при такомъ состояніи атмосферы—фигура чело­вѣка съ большой ношей. Фигура быстрыми шагами направлялась отъ границы въ глубь нашей территоріи.

— Стой! Кто идѣтъ?—вскричалъ первый часовой, прицѣливаясь изъ винтовки.

Отвѣта не послѣдовало, или онъ въ густомъ туманѣ не донесся до слуха часового. Раздался выстрѣлъ, не похожій на знакомый всѣмъ рѣзкій звукъ, а какой-то глухой, точно ударили въ сырую доску. На этотъ выстрѣлъ, какъ откликъ, послышался пронзительный стонъ или визгъ, и громадная фигура съ ношей повернула назадъ и еще болѣе ускоренными шагами скрылась въ туманѣ.

— Должно, здорово попало, — самодовольно сказалъ выстрѣлившій, опуская винтовку, — ишь какъ завылъ!

— А крикъ-то ровно бы бабій, — замѣтилъ его товарищъ, — больно ужъ тонко, да таково голосисто.

Часовой не ошибся; дѣйствительно крикъ былъ женскій.

Перешедшій границу чело­вѣкъ нёсъ жену свою, и пуля-дура угодила въ эту дорогую для него ношу.

Наткнувшись на пограничный постъ и встрѣченный выстрѣломъ, онъ вернулся обратно въ Пруссію, и здѣсь, уступая мольбамъ страдающей жены, остановился и сложилъ её на землю недалеко отъ границы.

Несчастная была смертельно ранена, и неудобное положеніе на рукахъ у мужа еще усиливало ея страданія.

Мужъ и его беременная жена были въ гостяхъ у одного знакомаго пограничнаго обывателя въ прусскихъ предѣлахъ и на обратномъ пути жена почувствовала боли, предшествующія родамъ. До дома было недалеко, если идти не торной дорогой, а напрямки; такъ и сдѣлали; мужъ понесъ заболѣвшую, не могшую идти жену, и эта ноша, неуказное время и дорога ввели въ туманѣ въ заблужденіе часовыхъ и вызвали выстрѣлъ, поразившій несчастную женщину.

Сознавая всю безпомощность своего положенія, въ отчаяніи ломая руки, то возсылая мольбы, то произнося ругательства, стоялъ мужъ на колѣняхъ у холодющаго тѣла нѣжно любимой жены, уже переставшей говорить и только тяжело и прерывисто дышавшей... все медленнѣе и рѣже становилось это послѣднее дыханіе, справедливо сравниваемое съ послѣдними вспышками догорающей лампы... еще одинъ продолжительный вздохъ... и агонія кончилась.

¹⁾ Такъ солдаты переняли слово «контрабандистъ».

Бѣднякъ, надъ которымъ стряслась такая бѣда, былъ небогатый шляхтичъ одной изъ пограничныхъ шляхетскихъ околицъ Ковенской губерніи, Янъ Пурвинскій. Громаднаго роста, атлетическаго сложенія, обладавшій соотвѣтствовавшей такому сложенію силой, Пурвинскій въ описываемое время имѣлъ лѣтъ тридцать. Въ своей околицѣ и сосѣднихъ мѣстностяхъ онъ слытъ за лучшаго кузнеца и слесаря, умѣвшаго въ случаѣ надобности починить лампу, исправить часы, вставить стекло въ оконной рамѣ; вообще это былъ одинъ изъ тѣхъ самоучекъ, «дотошныхъ» людей, мастеровъ на всѣ руки, которые при отсутствіи настоящихъ специалистовъ-ремесленниковъ являются просто благодѣтелями для сельскаго люда. Дѣла Пурвинскаго поэтому процвѣтали; сосѣди относились къ нему съ почтеніемъ, не иначе называя, какъ пане Яне, на домашней обстановкѣ его лежалъ отпечатокъ довольства; въ довершеніе благополучія онъ года три тому назадъ женился на дѣвушкѣ, шляхтянкѣ одной съ нимъ околицы, въ которую давно уже былъ страстно влюбленъ. Жена родила ему дочку, и готовилась подарить другимъ ребенкомъ, когда шальная пуля покончила и съ нею самой и съ тѣмъ, кто готовился появиться на свѣтъ.

Хотя, подобно большинству пограничныхъ жителей, Пурвинскій и былъ причастенъ контрабандѣ, но въ самыхъ минимальныхъ размѣрахъ; участіе это выражалось въ приѣмѣ иногда на храненіе контрабандныхъ товаровъ, иногда переносѣ чего либо изъ-за границы для себя и для своихъ пріятелей. Въ общемъ онъ былъ, по мнѣнію окружающихъ, человекъ «пожонный», какъ говорятъ поляки, т. е. порядочный, трезвый, напиваясь лишь изрѣдка, при особыхъ торжествахъ у себя или въ гостяхъ.

Трагическая смерть жены перевернула весь душевный и нравственный строй Пурвинскаго. Прежде всего онъ проникся непримиримой ненавистью къ пограничной стражѣ и вообще къ охранителямъ границы, какой бы мундиръ они ни носили; всѣ эти люди, безъ разбора, стали для него заклятыми врагами. Домъ и ремесла свои, къ великому огорченію мѣстнаго населенія, онъ совѣмъ забросилъ; началъ пьянствовать, часто отлучаться за границу, гдѣ сошелся съ заправскими, самыми дерзкими контрабандистами и скоро вступилъ въ ихъ ряды. Сироту, маленькую его дочку, приютила у себя бабушка, мать покойной его жены.

Былъ ли отъ природы одаренъ Пурвинскій инстинктами контрабандиста, или этого рода способности проявились у него подъ вліяніемъ злобы противъ пограничной стражи, какъ бы то ни было, но вскорѣ послѣ смерти его жены по линіи распространилась молва о Пурвинскомъ, какъ самомъ дерзкомъ, ловкомъ, хитромъ и свирѣпомъ контрабандистѣ; во всѣхъ болѣе важныхъ экспедиціяхъ онъ началъ появляться въ качествѣ главнаго руководителя и командира вооруженнаго конвоя. Евреи приносили его имя съ какимъ-то благо-

говѣнно-трепетнымъ почтеніемъ. Однимъ словомъ, Янъ Пурвинскій сдѣлался настоящимъ героемъ прусско-литовской границы, имя котораго часто повторялось и на кордонахъ, и въ хатѣ простаго жмудина, и въ домѣ пограничнаго шляхтича. Всѣ предпріятія подъ его руководствомъ сопровождались замѣчательнымъ успѣхомъ: или ему удавалось провезти партіи контрабанднаго товара такими мѣстами, которыя пограничная стража, полагая ихъ недоступными или неудобными, оставляла безъ наблюденія; или посредствомъ ложной диверсіи, въ видѣ нѣсколькихъ пѣшихъ контрабандистовъ съ ничтожнымъ товаромъ, или чрезъ ложныхъ шпионовъ — отвлечь вниманіе стражи отъ того пункта, гдѣ предполагалась настоящая перевозка товара. Когда же представлялась необходимость вступить въ открытый бой, то онъ такъ умѣлъ подбодрить своихъ товарищей, его колоссальная фигура наводила такой страхъ, что провожаемой имъ контрабандѣ всегда удавалось уйти отъ малочисленныхъ охранителей границы. На обратномъ пути, успѣшно кончивъ дѣло, Пурвинскій, переступивъ пограничную черту и находясь уже въ Пруссіи, доставлялъ себѣ удовольствіе охоты на стоявшихъ на своихъ постахъ стражниковъ и армейскихъ солдатъ. Зная, что они не смѣютъ стрѣлять въ него, находящагося въ предѣлахъ чужаго государства, онъ дѣлалъ въ нихъ одинъ или два выстрѣла; хорошо, что при такихъ охотахъ Пурвинскій по большей части былъ сильно выпивши, поэтому человѣческія жертвы бывали рѣдки, но все же бывали...

Несмотря на то, что ремесломъ предводителя контрабандистовъ Пурвинскій зарабатывалъ порядочныя деньги, только незначительная часть ихъ шла на содержаніе дочери, все остальное пропивалось и проматывалось въ постоянныхъ безобразныхъ кутежахъ.

Заправила контрабанды слаживали большую экспедицію. По коммерческимъ соображеніямъ надобно было какъ можно скорѣе доставить значительную партію дорогаго товара на мѣсто требованія. Разсчитывали на большіе барыши въ случаѣ благополучнаго исхода предпріятія, и потому главари были сильно озабочены тѣмъ, чтобы обставить дѣло условіями, наиболѣе обеспечивающими его успѣхъ. По мѣстнымъ, географическимъ условіямъ удобнѣе всего было направить товаръ, для большей скорости его доставки, на то именно урочище Волчій Куть, у котораго постигла смерть жену Пурвинскаго.

Отрядомъ, въ районѣ котораго находилась это урочище, командовалъ въ это время переведенный недавно въ пограничную стражу изъ одного кавалерійскаго полка капитанъ Полянскій. Наблюдательные и всезнающіе евреи скоро дознали, что «новая метла» начала мести такъ, что это можетъ очень невыгодно отозваться на ихъ незаконныхъ гешефтахъ. На первыхъ порахъ, еще не осмотрѣвшись, капитанъ Полянскій не могъ настолько развить свою дѣятельность,

чтобы въ его участкѣ не было случаевъ прохода контрабанды, но уже и первоначальныя, принимаемая имъ мѣры были таковы, что начали, какъ сказано, беспокоить еврейство. Такъ, на примѣръ, онъ выхлопоталъ переводъ въ его отрядъ нѣсколькихъ солдатъ изъ полка, въ которомъ до того служилъ, людей, хорошо ему извѣстныхъ, готовыхъ за него въ огонь и въ воду и такого же надежнаго тѣлосложенія, какъ и самъ ихъ командиръ; въ сопровожденіи этихъ людей онъ каждую ночь объѣзжалъ свой участокъ, провѣряя бдительность пѣшихъ часовыхъ и конныхъ разъѣздовъ; въ Волчьемъ Кутѣ наблюденіе было усилено; конные разъѣзды, услышавъ выстрѣлъ, должны были летѣть на него, а пѣшая стража не трогаться съ своихъ мѣстъ до особаго требованія, потому что случилось, что ложная тревога выстрѣломъ, сдѣланная контрабандистами, стягивала стражу къ одному мѣсту, а въ это время чрезъ оставленную безъ охраны границу проходила контрабанда. Евреи впрочемъ полагали, что лучше всего выждать нѣкоторое время, что по пословицѣ «перемелется, все мука будетъ», что новый отрядный навѣрное запугиваетъ своими распоряженіями, чтобы потомъ подороже взять за ослабленіе принимаемыхъ имъ мѣръ. Вѣроятно, они и оставались бы въ этомъ выжидательномъ положеніи еще нѣкоторое время, если бы не подвернулась крайняя надобность въ скорѣйшей отправкѣ большой партіи дорогаго товара. Прорваться силой у Волчьяго Кута, какъ предлагалъ отчаянный Пурвинскій, было слишкомъ рискованно, направить товаръ на другіе менѣе опасные пункты значило потерять дорогаго, въ данномъ случаѣ, время. Рѣшили попробовать дѣйствовать «подкупательно» и съ этой цѣлью отправили къ Полянскому посла.

Капитанъ Полянскій, совершивъ обычный ночной объѣздъ, только что проснулся часу въ одиннадцатомъ утра и сидѣлъ за чаемъ, выслушивая утренній рапортъ своего вахмистра, когда ему доложили о приходѣ какого-то еврея.

Въ комнату вступилъ рыжеватый, худощавый еврей, въ сдвинутой на затылокъ ермолкѣ, съ пейсами и козлиной бородой, облеченный въ длинную, что называется «по сіе время», чернаго люстрина хламиду, онъ отвѣсилъ глубокій поклонъ и остановился у дверей, засунувъ одну руку въ задній карманъ хламиды, а другую поднеся къ горлу и издавая легкое, почтительное покашливаніе.

— Что тебѣ надобно?—спросилъ Полянскій.

— Мамъ до вельможнаго пана пулковника¹⁾ вѣлькій интѣресъ и вѣлькій сѣкретъ, — началъ еврей на своемъ польско-жидовскомъ жаргонѣ.

— Ну, говори, что такое, что за секретъ?

¹⁾ Особый пріемъ лести, употребляемый поляками и евреями Западнаго края, состоящій въ завѣдомомъ преувеличеніи титула должностнаго лица.

— Я говорю вельможному пану, что секретъ вѣлькій, прошу у пана «партикулярнаго» разговору,— настаивалъ еврей.

По знаку капитана вахмистръ удалился; еврей, заглянувъ за нимъ въ дверь, поплотнѣе притворилъ ее, подошелъ ближе къ Полянскому и тихимъ голосомъ приступилъ къ переговорамъ:

— Желаетъ вельможный панъ получить пятьсотъ карбованцевъ?

— Отчего же, кому не нужны деньги? Да за что?

— А такъ, ни за что! — отвѣчалъ еврей, придавъ своему лицу и голосу выраженіе самаго простодушнаго удивленія: какъ это, молъ, за сущіе пустяки можно получить такія деньги.

— Однако за что нибудь да даешь, вѣдь не даромъ же въ самомъ дѣлѣ предлагаешь такую сумму? — потребовалъ объясненій капитанъ.

Еврей подступилъ еще ближе и, нагнувшись къ нему, спросилъ шепотомъ:

— Вельможный панъ знаетъ Айзика Мовшевича Абельзонъ?

Это былъ проживавшій въ сосѣднемъ мѣстечкѣ богатый купецъ подрядчикъ, котораго считали однимъ изъ главныхъ дѣятелей по контрабандѣ.

— Знаю, слыхалъ; ну, такъ чтожь? — спросилъ Полянский.

— Айзикъ Мовшевичъ проситъ вельможнаго пана, нехъ вельможный панъ будетъ ласковъ, дастъ ходу у Волчяго Кута, — тѣмъ ж шепотомъ объяснилъ еврейскій посолъ.

— Хорошо, а когда ждать ходъ?

— Я дамъ знать вельможному пану особо, — прошепталъ еврей.

— Ну, а какъ же пенѣнзы? — освѣдомился капитанъ.

— А пенѣнзы, пане енарале, приказано выдать заразъ; якъ панъ енераль есть чловѣкъ шляхетны, гоноровый, панъ свему слову...

И еврей вытащилъ изъ бокового кармана бумажникъ и выложилъ пять радужныхъ.

Такимъ образомъ новый начальникъ отряда оказался съ перваго же раза чловѣкомъ сговорчивымъ, и дѣло устроилось, какъ желали Айзикъ Мовшевичъ и К^о.

Довѣрчивость, съ которой уплачены были впередъ деньги за пропускъ контрабанды, объясняется свойствами характера евреевъ, которые въ виду ожидаемыхъ выгодъ никогда не отступаютъ предъ рискомъ, а въ данномъ случаѣ еще и тѣмъ соображеніемъ, что согласіе начальника отряда все-таки увеличивало вѣроятность успѣха, если же съ его стороны послѣдуетъ обманъ, то вліятельное еврейство найдетъ возможность рано или поздно чувствительно отомстить въ примѣръ другимъ.

Перевозка контрабанды была назначена въ ночь на двадцать четвертое августа, о чемъ наканунѣ увѣдомилъ Полянскаго ведшій съ нимъ переговоры посолъ.

Евреи, хотя и заручились согласіемъ начальника отряда, тѣмъ не менѣе рѣшили на всякій случай отправить товаръ съ вооруженными людьми подъ руководствомъ Пурвинскаго. Нѣкоторыя измѣненія противъ обыкновенно принятаго порядка заключались лишь въ томъ, что на верховыхъ лошадей положили поболѣе клади, предположено было, для скорости, ѣхать до границы рысью, и по переходѣ на русскую территорію не пускаться маршъ-маршемъ, а продолжать ѣхать тѣмъ же умѣреннымъ аллюромъ. Всѣхъ всадниковъ съ поклажей было пятнадцать; Пурвинскій въ качествѣ предводителя ѣхалъ безъ клади.

Ночь съ 23 на 24 августа была выбрана весьма удачно; это была настоящая контрабандистская ночь; на небѣ не просвѣчивало ни одной звѣздочки, все было черно, и вверху и внизу; въ августѣ не рѣдко выдаются такія темныя ночи.

Подойдя къ границѣ у Волчьяго Кута, Пурвинскій остановилъ контрабандистовъ и одинъ отправился впередъ на рекогносцировку. Условнымъ сигналомъ для движенія впередъ отряда былъ волчій вой, которому Пурвинскій умѣлъ въ совершенствѣ подражать. Предводитель крупной рысью объѣхалъ кругомъ урочище; все обстояло благополучно, постовъ нигдѣ не было, и Пурвинскій подалъ условный знакъ къ продолженію движенія. Какъ волки, одинъ за другимъ потянулись верховые контрабандисты. Пурвинскій продолжалъ ѣхать впереди, саженьхъ въ пятидесяти, изображая единолично авангардъ. При дальнѣйшемъ движеніи было условлено, что волчій вой, испускаемый по временамъ, будетъ означать безопасность пути, а крикъ совы — предостереженіе, по которому контрабандисты должны остановиться и ждать.

Верстахъ въ пяти отъ Волчьяго Кута начинался мелкій кустарникъ, съ кое-гдѣ высающимися, одиночными деревьями, чрезъ который лежалъ путь контрабандистовъ; узкая и днемъ едва замѣтная тропинка вилась между кустовъ, и только привычные контрабандисты могли двигаться по ней въ такую темную ночь, но все же пришлось перемѣнить рысь на шагъ. Передъ кустами, по данному Пурвинскимъ сигналу, отрядъ снова остановился; Пурвинскій проѣхалъ эту мѣстность и подалъ знакъ къ движенію. Отрядъ тронулся, втянулся въ кусты, и всадники настолько сблизились, что представляли одну непрерывную линію. Вдругъ Пурвинскій услыхалъ за собой страшный шумъ; раздавались выстрѣлы, крики: «Зрада! Ратуйте! ¹⁾ О! Іезусъ-Маріа!...». Пурвинскій поскакалъ назадъ и наскочилъ на какую-то темную массу, въ которой ничего нельзя было разобрать, кто, гдѣ и кого билъ; только все громче, отчаяннѣе слышались жалобные крики: «Іезусъ-Маріа!...». Почти тотчасъ Пурвинскій получилъ оглу-

¹⁾ Измѣна! Спасайте!

шившій его ударъ въ голову, кровь залила ему глаза, и испуганный сумятицей добрый конь понесъ его въ карьеръ къ знакомой границѣ.

Капитанъ Полянскій, пропустивъ контрабанду у Волчьяго Кута, расположился въ засадѣ въ кустахъ, по обѣимъ сторонамъ тропы, по которой должны были проѣзжать контрабандисты. Съ нимъ было девять человекъ конныхъ объѣздчиковъ изъ самыхъ надежныхъ людей его отряда; они получили приказъ по сигналу свисткомъ бросаться безъ выстрѣла и криковъ на контрабандистовъ, дѣйствуя только пашками, рубя что попало подъ руку, чтобы въ темнотѣ, быстротой и нечаянностью нападенія, нагнать на контрабандистовъ страхъ и не дать имъ опомниться. По вѣрному расчету капитана, завязать съ контрабандистами перестрѣлку значило дать имъ возможность или отступить къ границѣ, или даже и прорваться впередъ; употребленіе въ дѣйствіе одного холоднаго оружія представляло, при нечаянномъ, ночномъ нападеніи и схваткѣ въ рукопашную, еще и ту выгоду, что такого оружія не было у противниковъ, вооруженныхъ ружьями и револьверами. Соображенія капитана Полянскаго вполнѣ оправдались. На мѣстѣ осталось нѣсколько человекъ убитыхъ контрабандистовъ, захвачено нѣсколько лошадей съ тюками товара, да утромъ подобраны частью цѣльные, упавшіе на землю, тюки, частью разбившіеся при паденіи во время свалки. Словомъ предпріятіе евреевъ потерпѣло полную неудачу. Изъ объѣздчиковъ одинъ былъ убитъ и двое легко ранены.

Молва объ этомъ дѣлѣ разнеслась по всей прусско-литовской границѣ, и имя капитана Полянскаго получило грозную извѣстность между контрабандистами.

Когда Пурвинскаго, получившаго хорошую память, въ видѣ глубокаго шрама на лбу, спрашивали, какъ они такъ оплошали, онъ съ досадой отвѣчалъ: «А, идъ собѣ до дьябла!.. Цо ты вѣшь?... то были не солдатство, а якисъ черти!»¹⁾...

Хотя неудача при Волчьемъ Кутѣ поколебала престижъ Пурвинскаго, какъ искуснаго и удачливаго предводителя контрабандистовъ, но все же при болѣе значительныхъ экспедиціяхъ продолжали обращаться къ нему за совѣтами и вѣрять предпріятія его руководству. Въ районѣ Полянскаго контрабанда повзвѣла, и дѣятельность Пурвинскаго перешла въ участки другихъ отрядныхъ начальниковъ. Его ненависть къ чинамъ пограничной стражи, послѣ понесенной неудачи, еще усилилась, и онъ радъ былъ случаю удовлетворить это чувство.

Случай такой представился.

¹⁾ А, иди ты къ чорту!.. Что ты знаешь?.. Это были не солдаты, а какіе-то черти!..

На дорогѣ, пролегающей вблизи границы, стояла одинокая корчма, содержащая, какъ водится, неизбѣжнымъ евреемъ, который, конечно, принималъ живѣйшее участіе въ контрабандѣ и имѣлъ тѣсныя связи съ контрабандистами. Какъ-то зимой Пурвинскій, удачно совершивъ экспедицію, возвращался обратно въ прусскіе предѣлы на трехъ саняхъ въ компаніи человѣкъ восьми контрабандистовъ. Вся эта компанія, часовъ въ девять утра, привалила къ корчмѣ, гдѣ встрѣтилъ дорогихъ гостей съ низкими поклонами корчмарь Сруль Ицковичъ. Заказанъ былъ «щүпокъ по-жидовску»¹⁾, приготовленіемъ котораго славилась корчма Сруля, другія закуски и приличное количество необходимаго для выпивки. Послѣ безсонной, тревожно проведенной ночи, въ полномъ удовольствіи отъ удачи, Пурвинскій съ товарищами рѣшили основательно подкрѣпиться у Сруля, пользуясь уединеннымъ положеніемъ корчмы и близостью, на всякій случай, границы. Сани со спрятаннымъ въ нихъ оружіемъ и лошади были укрыты въ обширномъ сараѣ при корчмѣ, а посѣтителі засѣли въ особой комнатѣ, назначавшейся для избранной публики.

Пиръ былъ еще въ полпирѣ, но собесѣдники успѣли порядочно нагрузиться, и рѣчи ихъ становились шумнѣе и откровеннѣе. Предметомъ бесѣды, конечно, были случаи изъ жизни контрабандистовъ, рассказы о разныхъ удавшихся и неудавшихся продѣлкахъ, воспоминанія о столкновеніяхъ съ пограничной стражей, сопровождаемыя ругательствами и проклятіями этой стражѣ.

Вдругъ предъ гостями предсталъ хозяинъ Сруль, видимо встревоженный, и объявилъ, что къ корчмѣ ѣдетъ офицеръ, пожалуй, не самъ ли начальникъ мѣстнаго отряда. Пирующіе въ нѣкоторомъ смятеніи повскакали съ своихъ мѣстъ; Пурвинскій, впрочемъ, тотчасъ оправился и спросилъ корчмаря, одинъ или съ командой ѣдетъ офицеръ.

— Кажется, одинъ,—отвѣчалъ еврей.

— Такъ ты его не допускай въ корчму; встрѣть его и удержи какъ нибудь, пока мы «сховаемся»²⁾; да смотри, пся юха жидъ! Если пикнешь про насъ—только мокро будетъ,— и Пурвинскій поднесъ къ носу Сруля кулакъ величиной почти съ его, Сруля, голову. — За мной, панове-братья,—закончилъ Пурвинскій, и вся компанія довольно тихо оставила комнату и направилась къ сараю.

Дѣйствительно, къ корчмѣ подѣзжалъ въ саняхъ въ одну лошадь начальникъ отряда, капитанъ Косаржевскій; съ нимъ никого не было; до кордона, гдѣ онъ проживалъ, было версты двѣ и, вѣроятно, считая себя достаточно обезпеченнымъ такой близостью, онъ совершалъ свою одиночную поѣздку. Подѣхавъ къ корчмѣ, онъ остановился сажняхъ въ двадцати отъ выходившаго на дорогу

¹⁾ Щука.

²⁾ Спрячемся.

крыльца, на которомъ появился отвѣпивавшій низкіе поклоны Сруль. Капитанъ вылѣзъ изъ саней, оставивъ въ нихъ свое единственное оружіе, заряженное, двуствольное ружье, и подошелъ къ крыльцу. Онъ сталъ спрашивать Сруля, кто былъ у него въ корчмѣ наканунѣ и ночью, и нѣтъ ли теперь кого. Жидъ пустился въ подробныя объясненія, какъ онъ провелъ весь предшествующій день и минувшую ночь, коснулся даже того, какъ ночью просыпались его дѣти, и какъ успокоивала ихъ жена. Въ корчмѣ и вокругъ нея все было тихо...

Вдругъ во время многословнаго повѣствованія еврея изъ корчмы на крыльцо выбѣжали контрабандисты съ ружьями, имѣя во главѣ Пурвинскаго. Ихъ раскраснѣвшіяся отъ вина, свирѣпыя лица дышали безпощадною злобой.

— А, москаль проклятый, пся кровь, такъ тебѣ надо знать, кто здѣсь?! — вскричалъ Пурвинскій, и вся ватага съ поднятыми вверхъ прикладами бросилась на капитана. Стрѣлять въ него они не смѣли, боясь поднять тревогу. Косаржевскій бросился къ своимъ санямъ, около которыхъ и былъ настигнутъ разбойниками, не успѣвъ схватить свое ружье. Ударъ по головѣ прикладомъ спшибъ съ него шапку и заставилъ упасть на колѣни. Инстинктивно защищая голову, онъ закрылъ ее руками; разсвирѣпѣвшіе злодѣи продолжали бить прикладами по головѣ, раздробивъ черепъ и вколотивъ въ мозговую массу переломанныя кости пальцевъ рукъ, которыми несчастный прикрывалъ голову.

Перепуганный Сруль спрятался въ корчмѣ, а убійцы, совершивъ свое дѣло, вскочили въ сани и погнали во весь духъ къ прусской границѣ.

Пострадалъ одинъ Сруль, хотя онъ и рассказалъ, какъ было дѣло, кто были убійцы, умолчавъ только о томъ, что онъ не заявилъ капитану о присутствіи въ корчмѣ контрабандистовъ; его все-таки долго таскали по судамъ, подвергли какому-то наказанію, а корчму его, дознанный пріютъ контрабандистовъ, уничтожили.

Подвиги Пурвинскаго, скрывавшагося за границей, давно уже понудили наше пограничное начальство обратиться къ прусскимъ властямъ объ арестѣ и выдачѣ его, но добрые сосѣди не умѣли, или, вѣрнѣе, не желали утруждать себя исполненіемъ этого требованія, и Пурвинскій долго продолжалъ свою преступную дѣятельность.

Наконецъ, звѣрское, среди дня, убійство капитана Косаржевскаго заставило наше начальство обратиться снова съ настоятельными повтореніями о поимкѣ и выдачѣ Пурвинскаго.

Пишущему эти строки довелось быть свидѣтелемъ заключительнаго акта, которымъ закончилась продолжительная дѣятельность Пурвинскаго, какъ контрабандиста, и увидѣть эту во всякомъ случаѣ примѣчательную личность.

Полкъ нашъ, по дошедшей до него очереди, занималъ прусско-литовскую границу, при чемъ рота, въ которой я состоялъ субалтернъ-офицеромъ, занимала мѣстечко «Новое Мѣсто». Это было незначительное пограничное мѣстечко, населенное исключительно жидами и вслѣдствіе этого отличавшееся феноменальной грязью и вонью. Само собой разумѣется, что большинство обывателей занималось контрабандой и по дешевымъ цѣнамъ снабжало насъ заграничнымъ товаромъ: полотнами, сахаромъ, кофе, виномъ. Стоянка была не изъ веселыхъ, даже учений не происходило, потому что солдаты были разставлены по кордонамъ пограничной стражи.

Какъ-то по зимѣ мѣстечко взволновано было сенсационной новостью: прусскіе жандармы привезли арестованнаго Пурвинскаго. Мнѣ почему-то не случилось быть при передачѣ нашимъ властямъ знаменитаго контрабандиста, который изъ полиціи былъ отданъ подъ охрану военного караула отъ нашей роты. Знаю по рассказамъ другихъ, что Пурвинскій былъ привезенъ и сданъ до безчувствія пьянымъ. Вѣроятно, эта слабость стубила его и помогла прусскимъ жандармамъ овладѣть имъ.

Для помѣщенія Пурвинскаго былъ отведенъ покинутый хозяевами полуразвалившійся, вросшій по самыя окна въ землю, дрянной домишка, у оконъ и дверей котораго поставили сильный караулъ, подъ начальствомъ унтеръ-офицера.

Проснувшись поутру, Пурвинскій потребовалъ кварту водки. Должно быть, похмелье сильно его мучило, потому что, получивъ откафъ, онъ пришелъ въ страшное раздраженіе, началъ ругаться и грозилъ разнести по бревнышкамъ мѣсто своего заключенія; и дѣйствительно, какъ-то ухитрившись снять наручни, въ которыхъ привезенъ былъ изъ Пруссіи, Пурвинскій началъ разбирать печку и швырять кирпичами въ окна, двери и стѣны. Потребовали ротнаго командира; тотъ сталъ усовѣщевать, но расходившійся контрабандистъ ничему не внималъ и продолжалъ свою разрушительную работу. Капитанъ пригрозилъ, что прикажетъ стрѣлять, на это Пурвинскій отвѣчалъ, что пусть стрѣляютъ, смерти онъ не боится, а если дадутъ водки, то смирится. Нечего дѣлать, пришлось уступить его требованіямъ; получивъ водку, Пурвинскій успокоился, даже развеселился и безъ сопротивленія дозволялъ снова надѣть на него наручни, которые состояли, сколько мнѣ помнится, изъ одного желѣзнаго кольца, плотно охватывавшаго обѣ руки у кистей — оригинальный браслетъ, великодушно покинутый Пурвинскому прусскими жандармами. Къ великому удовольствію мѣстнаго военного и гражданскаго начальства, этотъ безпокойный арестантъ недолго оставался въ Новомъ Мѣстѣ. Что-то скоро пришло распоряженіе отправить его въ Юрбургъ, гдѣ было управленіе таможеннаго округа.

Насталъ день отправки Пурвинскаго, и на этотъ разъ я не упустилъ случая поглядѣть на эту мѣстную знаменитость. Было сѣрое,

печальное угро; сдѣлалась оттепель, и по улицамъ и по полямъ снѣгъ лежалъ смѣшаннымъ съ грязью. У домишка, гдѣ содержался Пурвинскій, стояло пять или шесть одноконныхъ обывательскихъ подводъ, запряженныхъ въ сани, а около нихъ человѣкъ двадцать пять конвойныхъ отъ нашего полка. Такой сильный конвой для сопровожденія одного человѣка былъ назначенъ потому, что путь лежалъ близъ границы, и можно было опасаться нападенія контрабандистовъ для освобожденія ихъ предводителя. Несмотря на присутствующее жидамъ любопытство и жадность ко всякаго рода зрѣлищамъ, на этотъ разъ было что-то мало ожидавшей выхода Пурвинскаго публики. Можетъ быть, это происходило изъ опасенія, чтобы Пурвинскій на прощанье не высказалъ какихъ либо неприятныхъ для присутствующихъ обличеній. Нѣсколько ближе къ выходной изъ домишка двери стояла съ заплаканными глазами замѣчательно красивая дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, одежда которой показывала, что она принадлежитъ къ зажиточному классу. Она видимо была напугана и этой толпой, и всѣми солдатами, и всѣми этими военными и гражданскими мундирами, и прижималась къ какой-то старухѣ, держа ее за руки.

Наконецъ, на порогѣ двери показался Пурвинскій...

По геологическимъ изслѣдованіямъ животныя тѣхъ отдаленныхъ эпохъ, которыя пережила наша планета, всѣ эти мегатеріумы, мостодонты, мамонты, пещерные медвѣди отличались необычайными размѣрами; и Пурвинскаго справедливо можно было отнести къ давно исчезнувшей породѣ какихъ либо пещерныхъ людей. Его громадная во всѣхъ частяхъ фигура поражала какою-то неуклюжестью, напомиравшею ту незаконченность и неотдѣланность, которою отличаются формы первобытныхъ животныхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ фигурѣ этой чувствовалось присутствіе страшной силы, далеко превосходящей силы нынѣ обитающаго на землѣ человѣка. На головѣ Пурвинскаго была надѣта истрепанная конфедератка; громадное, обрюзглое лицо его, съ небольшими жесткими усами и щетинистой, давно небритой бородой, было лицо отъявленнаго пьяницы; расплывшіяся черты давно утратили свое первоначальное выраженіе; кисти рукъ его оставались скованными замысловатымъ нѣмецкимъ кольцомъ; на плечи былъ накинутъ изношенный, изъ какой-то сѣрой, шерстяной матеріи, плащъ безъ рукавовъ.

Въ ту минуту, когда Пурвинскій показался изъ двери, къ нему бросилась стоявшая неподалеку съ старухой дѣвочка, съ громкимъ крикомъ:

— Тату мой, тату! Милый тату!

Караульные хотѣли оттащить ее. Пурвинскій охрипшимъ отъ простуды и пьянства голосомъ, въ которомъ слышалось волненіе, обратился къ бывшему тутъ ротному командиру:

— Пане капитане! То моя цурка ¹⁾, дозвольте же простицца...
Капитанъ махнулъ рукой, и караульные отступили.

— Не плачь, моя душкo... Не плачь, моя кохана... цурѣчка говорилъ между тѣмъ нѣжнымъ, растроганнымъ голосомъ Пурвинскій, цѣлуя дѣвочку въ голову, и вдругъ зарыдалъ какими-то никогда неслыханными мною рыданіями: что-то въ родѣ отрывистаго, жалобнаго, дикаго рычанія. Контрастъ между выраженіемъ такой скорби, вызваннои появленіемъ этого красиваго ребенка, и громаднои неуклюжей фигурой этого спившагося человѣка съ такимъ кровавымъ прошлымъ, былъ настолько поразителенъ, что между всѣми присутствующими настала глубокая тишина...

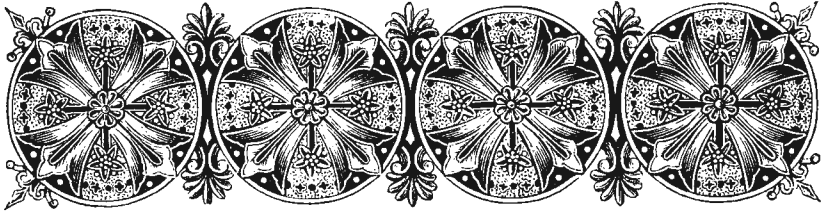
Наконецъ, Пурвинскій въ послѣдній разъ поцѣловалъ дочь, поднялъ скованныя руки къ глазамъ, чтобы стряхнуть слезы, и рѣшительными шагами направился къ санямъ. Съ нимъ сѣло человѣкъ шесть солдатъ, и поѣздъ потянулся къ выѣзду изъ мѣстечка.

Не знаю, къ какому наказанію присудили Пурвинскаго. Вѣроятно, въ далекой каторгѣ онъ искупилъ свои грѣхи, и, быть можетъ, воспоминаніе о дочери рязмягчило и освѣтило эту ожесточенную и мрачную душу.

М. Межецкій.

¹⁾ Дочка.

ПОПЫТКА ЗАКРѢПОСТИТЬ ЕВРЕЯ ВЪ 1783 ГОДУ.

(Историческій очеркъ ¹⁾).

I.

ТЪ 1769 ГОДУ, въ Польшѣ, гдѣ наши войска своимъ присутвіемъ поддерживали господство русскаго вліянія, въ мѣстечкѣ Межибожѣ, въ лѣтнее время, одинъ изъ капраловъ на улицѣ встрѣтилъ еврейскаго мальчика, который казался сильно взволнованнымъ и испуганно глядѣлъ на солдата.

— Кто ты такой?—спросилъ капраль.

— Природный жидъ, а зовутъ меня Мендель,— въ смущеніи отвѣтилъ мальчикъ.

— А зачѣмъ здѣсь, если ли у тебя родители?

— Есть—отецъ Лебинъ и мать Рахиль, живутъ они въ польскомъ городѣ Полонѣ, гдѣ я родился,—болѣе развязно началъ говорить мальчикъ:—уже давно я возымѣлъ желаніе принять христіанскую вѣру, и вотъ теперь, оставя своихъ родителей, иду куда нибудь поближе къ русскимъ, чтобы исполнить свое намѣреніе.

— Пойдемъ къ нашему командиру,—сказалъ капраль, взявши мальчика за руку.

¹⁾ Основанъ на подлинномъ дѣлѣ Харьковской гражд. палаты, хранящемся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи, въ вязкѣ 10-й, подъ № 12. Всѣ собственныя имена и географическія названія указаны здѣсь съ тѣмъ произношеніемъ, какъ въ подлинникѣ.

Поручику Бѣлозерскаго полка, Флору Багрееву, къ которому былъ приведенъ Мендель, мальчикъ очень понравился, и онъ рѣшилъ оставить его у себя. Черезъ мѣсяць, когда крѣпостной человѣкъ Флора Багрѣева, по его порученію, отправился въ Россію, поручикъ распорядился отправить вмѣстѣ съ нимъ и еврейскаго мальчика Менделя. Послѣдній былъ привезенъ въ г. Сѣвскъ, Орловской губерніи, къ родному брату поручика, того же Бѣлозерскаго полка казначею Семену Багрееву, пребывавшему въ этой мѣстности для рекрутскаго набора. Семена Багреева Мендель сопровождалъ всюду при его поѣздкахъ по набору, находился безотлучно при немъ болѣе полугода и своею расторопностію такъ расположилъ къ себѣ казначея, что когда тотъ, по окончаніи набора, пріѣхалъ къ себѣ въ вотчину, въ село Пачельми, Пензенской губерніи, то Семенъ Багреевъ, помня постоянное желаніе мальчика, первымъ дѣломъ спросилъ Менделя, желаетъ ли онъ принять православную вѣру. Мальчикъ, конечно, изъявилъ полное согласіе. Судьба его между тѣмъ возбудила вниманіе помѣщиковъ, сосѣдей Багреева, въ присутствіи которыхъ Мендель вскорѣ торжественно и былъ присоединенъ къ православію въ приходской церкви села Билшина, принадлежавшаго майоршѣ Софѣѣ Загвозкиной, при чемъ таинство крещенія отправляли трое священниковъ, а воспріемниками были: означенная Загвозкина, поручица Марья Соколова и капитанша Акилина Хлюстина, затѣмъ—майоръ Михайлъ Дядковъ, Семенъ Багреевъ и Николай Загвозкинъ. Новокрещенный былъ нареченъ Николаемъ, по первенству крестнаго отца—Михайловымъ сыномъ, а фамилію получилъ Евреинова, указывавшую на его происхожденіе.

По крещеніи Менделя, особенное участіе въ новокрещеньѣ Николаѣ Михайловѣ Евреиновѣ принялъ мужъ «второй крестной матери» (по выраженію самого Евреинова) поручикъ Соколовъ. Доброму человѣку казалось, вѣроятно, недостаточнымъ одно крещеніе еврейскаго мальчика; ему хотѣлось, чтобы Евреиновъ могъ разумно и самостоятельно относиться къ религіи. При отъѣздѣ Семена Багреева къ новому набору, Соколовъ взялъ мальчика къ себѣ въ помѣстье и «черезъ 3 года (какъ говоритъ Евреиновъ) обучилъ его русской грамотѣ читать и писать».

Вскорѣ послѣ этого вернулся изъ Польши Фроль Багреевъ, къ которому нѣкогда капраломъ былъ приведенъ Мендель. Фроль Багреевъ вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана и поселился въ своей вотчинѣ—селѣ Пачельмахъ, Пензенской губерніи. Какія у Флора Багреева были отношенія съ поручикомъ Соколовымъ, пріютившимъ и обучившимъ Евреинова, почему послѣдній не былъ оставленъ Соколовымъ у себя, дѣло не говорить. Только въ 1772 году, по возвращеніи Флора Багреева въ вотчину, онъ «взялъ» Евреинова къ себѣ. У Багреева близъ города Бѣлополя, Харьковской губерніи, были винокуренные заводы. Сюда въ 1772 г. онъ для на-

блюденія за заводами и прїѣхалъ вмѣстѣ съ Евреиновымъ. Въ это время послѣднему шелъ уже двадцатый годъ, молодое сердце искало взаимности, и вскорѣ ему очень приглянулась крѣпостная дѣвка Багреева, Василиса Ѳедотова, которой въ свою очередь очень нравился юркій новокрещенъ изъ евреевъ. Семену Багрееву стали извѣстны чувства Николая къ крѣпостной.

— По сердцу тебѣ моя Василиса?—какъ-то, какъ бы невзначай, спросилъ Багреевъ Евреинова.

Новокрещенъ покраснѣлъ отъ неожиданнаго вопроса, но скоро овладѣлъ собою и прямо отвѣтилъ:

— Да, Васса любя мнѣ.

— Въ такомъ случаѣ ты не прочь жениться?—спросилъ капитанъ.

Евреиновъ отвѣтилъ, что онъ не знаетъ, какъ благодарить Багреева за желаніе женить его на своей крѣпостной.

Въ 1773 году, Николай Михайловъ Евреиновъ женился на миловидной «Вассѣ», какъ въ сокращеніи называли Василису Ѳедотову дворовые люди, а вскорѣ Багреевъ въ г. Бѣлопольѣ выстроилъ «шинокъ для продажи горячаго вина» и приказчикомъ опредѣлилъ въ него Евреинова.

II.

Лѣтъ съ пять пробылъ въ шинкѣ Николай Евреиновъ, и, какъ видно, Багреевъ оставался доволенъ веденіемъ имъ дѣла; здѣсь Евреиновъ «прижилъ съ женою троихъ дѣтей: сына Елисаѣя и дочерей Параскеву и Анну. Возраставшее ли у Евреинова семейство и желаніе его обезпечить себя, или намѣреніе его сдѣлаться вполнѣ свободнымъ и избѣгать опеки Багреева, называвшаго его уже не разъ по его женѣ своимъ крѣпостнымъ, только въ концѣ 1777 года между Евреиновымъ и Багреевымъ стали возникать несогласія, и наконецъ первый вынужденъ былъ обратиться въ Бѣлопольское комиссарское правленіе съ просьбою о защитѣ отъ закрѣпощенія. Когда капитанъ Багреевъ узналъ объ этой просьбѣ, то, по словамъ Евреинова, прибѣжалъ къ нему въ шинокъ, «билъ его палкою по головѣ и по всему тѣлу и, схватя за волосы, повали на землю, билъ же дубиною; потомъ, заковавъ въ желѣза, опредѣлилъ его въ винокуренный свой заводъ и, приходя и принуждая его къ неумѣренной работѣ, всякій день билъ же его тѣмъ, что въ рукахъ его случалось».

Но, вѣроятно, Евреиновъ все же былъ нужный человѣкъ для Багреева, и въ шинкѣ замѣнить его было нечѣмъ, потому что едва побои Евреинова зажили, Багреевъ, заковавъ послѣдняго въ желѣза и «устрашивая, что везетъ его въ Сумскую провинціальную канцелярію для обыска», въ канцелярію не представилъ, а расковавъ привезъ въ Бѣлополье и оставилъ при прежней должности.

Въ концѣ 1778 года, «золотая свобода» вновь не стала давать покоя Евреинову, который 30-го ноября рѣшительно присталъ къ Багрееву отпустить его съ женою и дѣтьми. По показанію Евреинова, капитанъ чрезъ посланныхъ людей объявилъ Николаю, чтобъ онъ къ нему болѣе не ходилъ, а искалъ бы къ прожитію себѣ мѣста, жену же и дѣтей Евреинова и «собственное движимое имѣніе» послѣдняго люди Багреева забрали и отправили къ капитану. По словамъ же Фрола Багреева, Евреиновъ въ послѣднихъ числахъ ноября 1778 г. невѣдомо съ чего или съ чьего наущенія, забравъ съ собою воровски имѣвшихъ у него на рукахъ денегъ 30 рублей и изъ платья немалое число, оставя жену и дѣтей, тайнымъ образомъ бѣжалъ.

Уйдя отъ Багреева, Николай Евреиновъ явился въ Сумскую провинціальную канцелярію и поданнымъ 4-го декабря 1778 года доношеніемъ просилъ, за причиненными ему обидами, отъ Багреева освободить и отдать ему удержанныхъ капитаномъ жену и дѣтей, а равно пожитки и «по иностранству его» выдать ему къ свободному внутри Россіи, гдѣ прищеть мѣсто, прожитію свидѣтельство. Но, какъ видно, не на счастье себѣ явился Евреиновъ въ сумскую провинціальную канцелярію, потому что это учрежденіе, по словамъ Евреинова, въ поноровку Багрееву, утая поданное отъ него, Евреинова, доношеніе, приняло сторону капитана. Доносчика канцелярія задержала подъ карауломъ до своего рѣшенія, которое состоялось черезъ полгода, а Евреиновъ все это время былъ въ заключеніи. 23-го іюля 1779 года, сумская провинціальная канцелярія разсмотрѣла дѣло Евреинова, приняла во вниманіе, какъ одинъ изъ главныхъ доводовъ Багреева, указъ 15-го іюня 1744 года, въ которомъ говорится:

«Иноземцевъ разныхъ націй, воспріязвшихъ вѣру греческаго исповѣданія, изъ Россіи не выпускать и изъ нихъ женатымъ на крѣпостныхъ помѣщичьихъ дѣвкахъ и женкахъ и съ дѣтьми быть у помѣщиковъ вѣчно».

Поэтому провинціальная канцелярія, по силѣ 16 и 37 статей 20-й главы «Уложенія» царя Алексѣя Михайловича и указовъ: 9-го января 1723, іюля 18 дня 1744 г. и 20 января 1765 г., т. е. по силѣ такихъ выбранныхъ, хотя и устарѣлыхъ, законоположеній, которыя подходили къ вышеозначенному указу 15 іюня 1744 года, опредѣлила Николаю Евреинову написать за капитаномъ Фроломъ Багреевымъ въ подушный семигривенный окладъ и для владѣнія имъ, Евреиновымъ, дала Багрееву выпись.

Вновь очутился Евреиновъ въ полномъ распоряженіи Фрола Багреева и опять оказался нужнымъ ему человѣкомъ въ томъ же дѣлѣ, такъ какъ, по словамъ Евреинова, послѣ рѣшенія сумской провинціальной канцеляріи онъ «жительство опять сталъ имѣть по опредѣленію Багреева въ Бѣлопольѣ въ шинковомъ его домѣ, обрѣтаясь въ продажѣ выкуриваемаго Багреевымъ вина, въ отдачѣ денегъ за которое онъ имѣеть отъ Багреева расчетъ».

III.

Больше двухъ лѣтъ послѣ того въ видѣ закабаленнаго крѣпостнаго человѣка Багреева прожилъ новокрещенъ Николай Евреиновъ въ Бѣлопольскомъ шинкѣ, своею ловкостію доставляя, вѣроятно, немалый доходъ капитану, когда на счастье Евреинова состоялся 28 іюля 1781 года слѣдующій высочайшій указъ императрицы Екатерины II:

«Польскимъ плѣннымъ, воспріавшимъ вѣру греческаго исповѣданія и отданнымъ по желаніямъ ихъ въ вѣчное услуженіе помѣщикамъ съ женами ихъ, хотя бы они на крѣпостныхъ чьихъ женщинахъ или дѣвкахъ женаты были, съ дѣтьми ихъ быть свободными».

Узнавъ про этотъ указъ, Евреиновъ вновь воспрянулъ духомъ, вновь смутная надежда на волю пронеслась въ его сознаніи. 25 октября 1781 года, ссылаясь на указанный выше законъ, онъ подалъ въ Бѣлопольскій уѣздный судъ «доношеніе», которымъ просилъ «изъ-за капитана Фрола Багреева съ холопства исключить, къ свободному прожитію и избранію рода жизни, съ женою и дѣтьми, гдѣ пожелаетъ, дать свидѣтельство».

Но, очевидно, дѣло Евреинова показалось крайне сложнымъ для такого маленькаго учрежденія, какъ Бѣлопольскій уѣздный судъ, потому что послѣдній, считая написаніе сумскою провинціальною канцеляріею Николая Евреинова за Багреевымъ въ подушный окладъ «не въ сходственность» инструкціи 16 декабря 1743 года о ревизіи, гдѣ предписывалось «иноземцевъ разныхъ націй, воспріавшихъ вѣру греческаго исповѣданія, положенныхъ въ подушный окладъ, въ окладъ не писать, исключая калмыковъ, крещеніе которыхъ больше происходитъ у хозяевъ въ малолѣтствѣ»,—тѣмъ не менѣе самъ рѣшить дѣло затруднился и 4 ноября опредѣлилъ по сему дѣлу съ прописаніемъ всѣхъ обстоятельствъ испросить въ резолюцію указъ харьковскаго намѣстническаго правленія.

Между тѣмъ, капитанъ Фролъ Багреевъ, подавшій тотчасъ же въ слѣдъ за доношеніемъ Евреинова возраженіе со ссылкой на записку за нимъ новокрещена по рѣшенію сумской воеводской канцеляріи и просившій за ослушаніе Евреинова и противный поступокъ поступить по законамъ, въ свою очередь не дремалъ, пользуясь и знакомствами и положеніемъ. Евреиновъ, подавъ доношеніе, какъ видно, находился при бѣлопольскомъ уѣздномъ судѣ, и вотъ 12 ноября, какъ записано въ журналѣ суда, произошелъ слѣдующій случай: въ присутствіи суда явились означенный Багреевъ, бѣлопольскій городничій подполковникъ Силицъ и уѣздный стряпчій Одинцовъ, «незнаемо почему». Городничій тутъ же въ присутствіи принялся ругать Евреинова «азартнымъ образомъ».

— Если бы ты мой человѣкъ былъ,—сказалъ онъ со злостію въ заключеніе новокрещену,—тогда я тебя бы до смерти убилъ.

Потомъ Силинъ, не спросивъ согласія суда, предложилъ Багрееву взять Евреинова подъ караулъ и, «призвавъ солдата статской команды, какъ записано въ журналѣ, отослалъ съ нимъ новокрещена въ тюрьму». Судъ же о самоуправствѣ троихъ названныхъ лицъ донесъ въ намѣстническое правленіе.

Самоуправство въ судѣ со стороны Силина было только первую невзгодою для несчастнаго Евреинова. Не прошло и недѣли пребыванія его въ тюрьмѣ, какъ бѣдный новокрещенъ, по просьбѣ Багреева, городничимъ Силинымъ «усыльнымъ образомъ» въ ночное время былъ отведенъ въ домъ своего прежняго хозяина. Такимъ образомъ Евреиновъ вновь очутился во власти Багреева, но обстоятельства уже во многомъ измѣнились не въ пользу Фрола, и съ указомъ 25 октября 1781 года капитанъ терялъ уже подъ ногами почву. Ему теперь во что бы ни стало слѣдовало добиться согласія Евреинова остаться у него въ крѣпостномъ состояніи, но у послѣдняго, только и жившаго надеждою на волю и почувшаго поворотъ въ его сторону, такого согласія не легко было, вѣроятно, добиться. И вотъ на разсвѣтѣ того же дня, когда къ Багрееву былъ доставленъ изъ тюрьмы Евреиновъ, чтобы получить его согласіе, несчастный новокрещенъ тремя крѣпостными Багреева и солдатомъ Тимоѣемъ Моревымъ былъ мучимъ кнутѣемъ безчеловѣчно и немилосердно, такъ что «подобія человѣческаго не было, былъ битъ почти до смерти», какъ сказано въ дѣлѣ.

Были ли подобные побои повторены надъ Евреиновымъ, или же одно мученіе было до того тяжкимъ, что даже мысль о повтореніи побоевъ новокрещенъ не могъ перенести, только капитанъ Багреевъ своими мучительствами достигъ желаемаго: 23 ноября Евреиновъ подалъ въ бѣлопольскій уѣздный судъ новое доношеніе, въ которомъ заявилъ, что «хотя онъ подалъ въ судъ 25 октября просьбу объ освобожденіи его отъ Багреева, только она подана имъ по наущенію нѣкоторыхъ людей, желающихъ его привести къ повинному наказанію, а такъ какъ онъ изъ жидовъ, а не изъ польскихъ плѣнныхъ, указанныхъ въ указѣ 1781 года, и вывезенъ въ Россію по волѣ его, Евреинова, и жить за нимъ и нынѣ желаніе имѣеть, то и просилъ о неисключеніи его изъ-за названнаго Багреева и объ уничтоженіи прежде поданнаго въ судъ его доношенія». Уѣздный судъ, по этой челобитной Евреинова, черезъ два дня, 25 ноября, опредѣлилъ, за подписаніемъ судьи Титова, новокрещена изъ-за помѣщика Евреинова не исключать, а прежнее его челобитье уничтожить, при чемъ при рѣшеніи сего дѣла одному изъ членовъ суда, засѣдателю Лупекину, о которомъ капитанъ Багреевъ доносилъ, что у него съ нимъ имѣется приказная ссора, для избѣжанія пристрастія, указано не присутствовать.

Такимъ образомъ, бѣдный, искалѣченный новокрещенъ Евреинновъ, послѣ второй своей челобитной и рѣшенія бѣлопольскаго уѣзднаго суда, могъ считать свою судьбу поконченной. Но въ общемъ ходѣ событій, и великихъ и незначительныхъ, сплошь и рядомъ видимъ, что наши стремленія двинуть что либо въ ту или иную сторону бывають бесплодными, хотя для осуществленія ихъ употребляемъ всю наличность стараній и усилій, усталые въ борьбѣ, бросаемъ дѣло, а оно помимо нашихъ домогательствъ поворачиваетъ само и приводитъ къ такъ давно желаемому нами концу, точно подчинившись какому-то неизбѣжному закону, намъ неизвѣстному. Такъ было и съ дѣломъ Евреиннова. Въ то время, когда онъ уже отчаялся въ своей судьбѣ, всесильная Немезида невидимо приняла его сторону.

IV.

Еще во время рѣшенія дѣла Евреиннова бѣлопольскимъ уѣзднымъ судомъ, 25 ноября, засѣдатель суда Иванъ Гевличъ «объявилъ черезъ голосъ», что какъ объ исключеніи новокрещена отъ Багреева уже представлено намѣстническому правленію, то въ вопросѣ объ уничтоженіи прежде поданной Евреинновымъ просьбы имѣетъ онъ сомнѣніе. Другой же засѣдатель, названный выше Лупекинъ, который не присутствовалъ при разбирательствѣ дѣла Евреиннова по заявленному на него Багреевымъ пристрастію, вступился за новокрещена болѣе рѣшительно. Онъ отъ себя послалъ въ харьковское намѣстническое правленіе доношеніе, въ которомъ указывалъ, что при рѣшеніи дѣла Евреиннова бѣлопольскимъ судомъ уѣздный судья Титовъ, подписавшей опредѣленіе о неисключеніи Евреиннова изъ-за Багреева, «чинилъ капитану поворовку», указывалъ, что «новокрещенъ послѣ подачи своего перваго доношенія, оставаясь въ судѣ безъ всякаго рѣшенія, вмѣсто должнаго защищенія, яко безпомощный, повидимому, поупущеніемъ самихъ присутствующихъ взять городничимъ Силинымъ подѣ караулъ; что никакія дѣла въ дѣйствіе безъ опредѣленія или протокола не производятся, почему безъ сочиненія протокола и просителя Евреиннова брать подѣ караулъ не слѣдовало». Болѣе же всего неправильности Лупекинъ находилъ въ томъ, что судъ, получивъ второе доношеніе Евреиннова объ уничтоженіи перваго, не допросилъ новокрещена, не съ пристрастія ли какого онъ то дѣлаетъ. Городничаго Силина и стряпчаго Одишова Лупекинъ находилъ виновными въ «несоблюденіи законоположеній и неисполненіи ихъ должностей тѣмъ, что городничій вступился въ непринадлежащее до него дѣло, а стряпчій, будучи должностію своею обязанъ призирать гнетеніе и имѣя о немъ свѣдѣніе, оставилъ его безъ донесенія напрасно».

Харьковское намѣстническое правленіе, разсмотрѣвъ все дѣло Евреинова, вытребованное изъ бѣлопольскаго суда, и доношеніе его засѣдателя Лупекина, отослало это дѣло обратно на заключеніе суда, предписавъ, чтобы «проситель безъ должнаго удовлетворенія непремѣнно не оставался, и чтобы всѣ вступаемыя дѣла были производимы, конечно, на основаніи законоположеній, и чтобы бѣлопольскіе городничій и стряпчій впредь старались исполнять должности свои сходно съ предписаніями, а въ непринадлежащія до нихъ дѣла отнюдь не входили подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ строгаго по законамъ взыскація».

Почти полгода прошло послѣ подачи Евреиновымъ въ бѣлопольскій судъ втораго его доношенія, когда судъ, получивъ указъ харьковскаго намѣстническаго правленія, вновь приступилъ къ разбирательству дѣла новокрещена. 4 марта 1782 года, Николай былъ призванъ въ судъ. Теперь уже онъ могъ отвѣчать здѣсь болѣе спокойно и добросовѣстно: теперь въ самомъ присутствіи суда были у него доброжелатели, засѣдатели Гевличъ и Лупекинъ, а предупрежденіе городничаго и стряпчаго отъ намѣстническаго правленія не давало повода бояться вновь и съ этой стороны. На судѣ Евреиновъ объявилъ, что прежде поданное имъ доношеніе объ исключеніи его изъ-за холопства помѣщика Багреева представлено собственно съ его желанія, а не съ чьего либо наущенія, второе же свое челобитье объ уничтоженіи перваго учинилъ онъ изъ пристрастія и отъ нестерпимыхъ побоевъ, причиненныхъ ему людьми Багреева и солдатомъ Моревымъ, когда онъ былъ взятъ къ нему въ домъ изъ тюрьмы. Евреиновъ объяснилъ, что онъ былъ взятъ изъ суда по попущенію судьи майора Титова и по согласію его съ стряпчимъ Одинцовымъ и городничимъ Силинымъ. Въ домѣ Багреева онъ былъ битъ кнутьями до тѣхъ поръ, пока не подписалъ втораго доношенія, которое составилъ самъ Багреевъ. Послѣ такого заявленія Евреиновъ, вѣроятно, по чьему нибудь совѣту, просилъ въ судѣ, «по примѣчаемому ихъ на судью Титова посягательству, судѣ Титову въ его дѣлѣ не присутствовать», и просьба Евреинова по опредѣленію суда отъ 15 марта была уважена: Титовъ при разбирательствѣ дѣла Евреинова былъ устраненъ.

Капитанъ же Фролъ Багреевъ, желая чѣмъ нибудь потянуть дѣло на свою сторону, заявилъ суду, что Евреиновъ, будучи поставленъ въ его шинкѣ для продажи горячихъ напитковъ, задолжился ему 255 рублей 80 копеекъ, и чтобы новокрещенъ не учинилъ побѣга, а Багреевъ не понесъ потому убытка тѣхъ денегъ, просилъ судъ о задержаніи Евреинова подъ карауломъ. Судъ опредѣлилъ челобитную Багреева сообщить къ дѣлу, а отъ Багреева истребовать показаніе, «подлинно ли онъ учинилъ Евреинову побои, когда послѣдній былъ доставленъ къ нему изъ тюрьмы». Капитанъ только 6 мая письменно отвѣтилъ, что Евреиновъ во время пребыванія у него никогда нака-

зывается не былъ. Евреиновъ настаивалъ на допросѣ свидѣтелей, видѣвшихъ на немъ боевые знаки: капрала Иванова и еще 3 человекъ, но судъ рѣшилъ, что въ опредѣленіи суда записанъ уже осмотръ Евреинова, изъ котораго видно, какъ онъ былъ прибитъ немилосердно, почему судъ и призналъ показываемыхъ Евреиновымъ свидѣтелей не допрашивать.

Наконецъ, бѣлопольскій уѣздный судъ 6 сентября 1782 года рѣшилъ дѣло Евреинова: на основаніи инструкціи о ревизіи 16 декабря 1743 г. и вновь состоявшагося высочайшаго указа 28 іюля 1781 года, вызвавшаго просьбу новокрещена, «просителя Евреинова изъ-за помѣщика Багреева исключить и о свободномъ прожитіи съ женою и дѣтьми дать пашпортъ. Истцу Евреинову и отвѣтчику капитану Багрееву объявить, что если кто изъ нихъ рѣшеніемъ недоволенъ, тобъ подписали подъ дѣломъ, не продолжая больше недѣли, что будутъ бить челомъ о аппелляціи, но притомъ да внесетъ 25 рублей денегъ».

Послѣ пятилѣтней судебной волокиты и немилосердныхъ побоевъ дождался наконецъ бывшій еврей Мендель желанной свободы и тотчасъ же поступилъ въ услуженіе къ одному изъ лицъ, принявшихъ участіе въ его судьбѣ, именно къ засѣдателю суда, поручику Ивану Гевличу, который и сталъ употреблять Евреинова для поѣздокъ въ Харьковъ и вотчинныя деревни.

V.

Но и на этотъ разъ, живя уже на свободѣ, новокрещенъ не могъ быть спокоенъ. Подъ рѣшеніемъ бѣлопольскаго уѣзднаго суда, давшимъ ему волю, онъ, конечно, подписался, заявивъ свое согласіе, но Багреевъ написалъ, что рѣшеніемъ недоволенъ и что будетъ просить «въ вышнемъ мѣстѣ объ аппелляціи».

И дѣйствительно, 5 октября 1782 года, Багреевъ, не пожалѣвъ, очевидно, слѣдующихъ за переводъ дѣла 25 рублей, подалъ «аппелляціонное челобитье» въ бѣлопольскій верхній земскій судъ, во вторую инстанцію Екатерининскихъ судебныхъ учрежденій. Въ челобитѣ Багреевъ указывалъ на десятилѣтній срокъ, прожитый у него Евреиновымъ, женатымъ на его крѣпостной, возражалъ, что высочайшій указъ 28 іюля 1781 года, послужившій основаніемъ для освобожденія Евреинова, «касается единственно польскихъ конфедератовъ, взятыхъ въ плѣнъ, а Евреиновъ же происходитъ изъ жидовъ и выѣхалъ изъ Польши по его доброй волѣ», ссылаясь на указъ 24 апрѣля 1744 года, говорившій, что «ежели кто изъ крещеныхъ калмыкъ и другихъ націй безъ дозволенія помѣщиковъ своихъ будутъ просить на волю, таковыхъ за своевольство наказывать батоги и отдавать прежнимъ ихъ помѣщикамъ». Заканчи-

вая свое челобитье приведеніемъ 16 пункта 20-й главы «Уложенія», что только тѣмъ людямъ давать вновь волю, которые жили въ холопствѣ добровольно и безкабально меньше 3 мѣсяцевъ, а которые жили больше, на тѣхъ кабалы давать и поневолѣ, — Багреевъ, на основаніи этого 16 пункта, проситъ верхній судъ Евреинова, какъ прожившаго у него уже болѣе 10 лѣтъ, оставить за нимъ попрежнему въ холопствѣ вѣчно. Кромѣ того, очевидно Багрееву не нравилось, что Евреиновъ находится въ услуженіи у человѣка, ему не особенно доброжелательнаго, у засѣдателя Гевлича, потому что, заявляя, что Евреиновъ удержалъ у него прежде 250 рублей 80 копеекъ, Багреевъ проситъ, чтобы онъ въ претензіи своей не могъ остаться обиженнымъ, Евреинова задержать подъ карауломъ, такъ какъ онъ «опасается, чтобы Гевличъ, за чинимыя ему Евреиновымъ прислуги, не подалъ бы къ побѣгу послѣдняго повода».

2-го декабря 1782 года, дѣло разсматривалось въ бѣлопольскомъ верхнемъ земскомъ судѣ, «и по слушаніи онаго, какъ сказано въ журналѣ, объявили мнѣнія».

Засѣдатели:

Герасимъ Буцкій — что такъ какъ Евреиновъ желанія своего о бытіи въ холопствѣ нигдѣ не просилъ, то потому оставаться ему свободнымъ.

Иванъ Щекинъ-Кротовъ—Евреинову остаться за Багреевымъ вѣчно, а присутствующимъ бѣлопольскаго уѣзднаго суда учинить выговоръ за то, что они провинціальной канцеляріи рѣшеніе оставили.

Петръ Дехановъ—согласенъ съ мнѣніемъ засѣдателя Ивана Щеккина-Кротова.

Предсѣдатель:

Андрей Соколовъ—Евреинову, по силѣ указа 23 октября 1744 г. и по рѣшенію сумской провинціальной канцеляріи, быть въ вѣчномъ подданствѣ за капитаномъ Багреевымъ и наслѣдниками его, а за пропущеніемъ Евреиновымъ апелляціоннаго срока на рѣшеніе сумской канцеляріи, къ аппеляціи не допускать и прежде рѣшительнаго опредѣленія, дабы Евреиновъ побѣгу учинить не могъ, отдать подъ караулъ до окончательной отдачи Багрееву. Бѣлопольскаго же уѣзднаго суда присутствующихъ и секретаря за то, что сей судъ надъ провинціальною канцеляріею аппеляціи не имѣетъ и рѣшенія ея разсматривать не можетъ, какому они за сіе штрафу принадлежать, сообщить уголовному департаменту верхняго суда и правящему должность воронежскаго и харьковскаго генераль-губернатора В. А. Черткову».

Засѣданіе верхняго суда 2 декабря по дѣлу Евреинова было не окончательнымъ, на немъ предложено засѣдателю Герасиму Буцкому,

вступившемуся за новокрещена, «подать голосъ», т. е. указать мотивы его мнѣнія. 20 того же декабря, Буцкимъ указаны 3 пункта 20-й главы «Уложенія», на которыхъ онъ основывалъ свое мнѣніе, именно:

17. «Буде вольные люди, живучи у кого въ холопствѣ, безъ крѣпости отойдутъ прочь съ отказомъ или безъ отказа, и тѣ люди искать будутъ на нихъ въ сносѣ, то таковымъ суда не давать».

18. «Который человѣкъ живетъ безъ кабалы и грамотѣ умѣеть и въ письмахъ будетъ писаться холопомъ, послѣ дастъ на себя другому кабалу, а тотъ, у кого жилъ безкабально, учнетъ бить челомъ и уличать по грамоткѣ руки его, и ему отказать, потому что безкабальныхъ держать не велѣно, а что онъ въ письмахъ писался холопомъ, въ крѣпость не ставить».

38. «Кто новокрещена приметъ къ себѣ въ службу и крѣпость возьметъ, а въ приказѣ крѣпости не запишетъ, а послѣ отъ него сбѣжитъ, а онъ по той незаписной крѣпости учнетъ писать сносу, и тѣмъ крѣпостямъ не вѣрить и суда не давать».

Бѣлопольскому же уѣздному суду, вступившему въ разбирательство рѣшенія равнаго себѣ мѣста Буцкій въ своемъ голосѣ предлагалъ учинить выговоръ.

20 же декабря, присутствующіе верхняго земскаго суда, какъ записано въ журналѣ, «слушавъ голосъ засѣдателя Буцкаго, имѣли диспутъ» и объявили мнѣнія: Щекинъ-Кротовъ, Дехановъ и предсѣдатель Соколовъ — остались на прежнихъ, съ мнѣніемъ же Буцкаго согласился еще новый засѣдатель Федоръ Квѣтка, не участвовавшій въ засѣданіи 2 декабря. Квѣтка прибавилъ еще, что такъ какъ Багреевъ показываетъ, что Евреиновъ взятъ капраломъ 7 лѣтъ, то по малости его Николай Михайловъ «за желательнаго почестся не можетъ, а больше признаетъ его за полоненнаго».

«По окончаніи же диспута, какъ сказано въ журналѣ, по большинству голосовъ, приказали учинить особый протоколъ. Такъ какъ за освобожденіе Евреинова подано было два голоса, а за закрѣпощеніе три, и въ числѣ послѣднихъ былъ предсѣдатель, то верхній земскій судъ въ гражданскомъ департаментѣ, выписавъ тѣ же законы, которые были указаны Багреевымъ въ его апелляціонной жалобѣ и въ опредѣленіи сумской провинціальной канцеляріи, и, имѣя въ виду пропущеніе Евреиновымъ на рѣшеніе этой канцеляріи апелляціоннаго годового срока, постановилъ рѣшеніе бѣлопольскаго уѣзднаго суда отставить, а Евреинову съ женою и дѣтьми быть въ вѣчномъ холопствѣ у капитана Фрода Багреева и за пропущеніемъ новокрещеномъ апелляціоннаго срока къ подписанію Евреиновымъ удовольствія или неудовольствія на рѣшеніе верхняго суда не допускать».

Кромѣ того, въ обычаѣ прежнихъ учрежденій было найти какую нибудь неправильность въ рѣшеніяхъ другого, такъ сказать, «уте-

реть другъ другу ность». Поэтому и верхній судъ въ своемъ окончательномъ рѣшеніи 20 декабря цѣликомъ прописалъ мнѣніе своего предсѣдателя Соколова относительно опредѣленія бѣлопольскаго уѣзднаго суда, «вступившаго въ производство дѣла по непринадлежащей до него должности и не имѣвшаго даже права принимать отъ Евреинова челобитья въ подчиненномъ или равномъ съ провинціальной канцеляріей мѣстѣ, потому что по штатамъ въ уѣздныхъ судахъ назначены судьи 8 класса, а засѣдатели—9, въ провинціальныхъ канцеляріяхъ же были положены воеводы въ рангѣ 6 класса, воеводскій же товарищъ и прокуроръ—штабскаго ранга, и воеводѣ жалованья назначено гораздо болѣе противъ уѣзднаго судьи, слѣдовательно уѣздный судъ, не разобравъ преимуществъ, вступилъ въ противность генеральнаго регламента».

Представленные капитаномъ Багреевымъ 25 рублей опредѣлено ему возвратить. При подписаніи рѣшенія верхняго суда Герасимъ Буцкій и Федоръ Квитка сдѣлали оговорку, что они «остались на преждеподанныхъ голосахъ».

VI.

Вновь на новокрещена Николая Михайлова Евреинова надвинулась грозная туча, вновь, можетъ быть, онъ почувствовалъ приближеніе «немилосердыхъ» багреевскихъ батоговъ; теперь его положеніе казалось тѣмъ болѣе худшимъ, что рѣшеніемъ верхняго суда 20 декабря ему даже запрещалось жаловаться на это рѣшеніе, т. е. принести законную апелляцію въ слѣдующую высшую инстанцію—гражданскую палату. Но, какъ мы уже сказали выше, судьба начала улыбаться Евреинову помимо его усилій. 14 марта 1783 года былъ окончательно подписанъ въ исполненіе указъ верхняго земскаго суда по дѣлу Евреинова, а на слѣдующій день 15 марта у новокрещена явился сильный заступникъ въ лицѣ казенныхъ дѣлъ стряпчаго того же суда Сахацкаго, какъ видно, въ противность стряпчему Одинцову, хорошо помнившаго свою «обязанность призирать гнетеніе». Онъ явился 15 числа въ присутствіе верхняго суда и «объявилъ несоглашеніе прокурорское относительно отдачи новокрещена Евреинова капитану Багрееву».

По мнѣнію Сахацкаго, Евреиновъ отдалъ въ холопство Багрееву не подлежитъ по слѣдующимъ основаніямъ. Во-первыхъ, потому, что Евреиновъ, по показанію самого капитана Багреева, былъ имъ взятъ изъ польскаго мѣстечка въ малолѣтствѣ, слѣдовательно хотя онъ и не полякъ, но добровольнымъ однакожъ выходцемъ почестся не долженъ, а подходитъ точно подъ право плѣннаго. Во-вторыхъ, если бы таковымъ плѣннымъ Евреиновъ и не былъ почтенъ, то по силѣ высочайшаго рескрипта 16 ноября 1769 года «о волохахъ, грекахъ, болгарахъ, армянахъ, раскольникахъ и жидахъ, въ разсужденіи

единовѣрія, для приласканія прочихъ ихъ одноземцевъ къ здѣшней сторонѣ велѣно поступать съ ними по примѣру прошлой турецкой войны, предоставляя имъ образъ житія, какой они сами избрать пожелаютъ». А такъ какъ Евреинновъ самъ желанія быть за Фроломъ Багреевымъ никогда не объявлялъ, напротивъ еще отъ Багреева отбывался, а послѣдній чрезъ побои принуждалъ его подать желательную о холопствѣ челобитную, то и закрѣпощеніе Евреинова сдѣлано въ противность всякой справедливости.

Относительно же очень щекотливаго пункта, какъ пропущеніе Евреиновымъ апелляціоннаго срока, Сахацкій отнесся съ такимъ человѣколюбіемъ, которое, несмотря на то, что прошло болѣе ста лѣтъ, даже желательно въ наше время. «Пропущеніе имъ, Евреиновымъ, замѣчаетъ Сахацкій, апелляціоннаго срока не есть вина толикой важности, чтобъ онъ по сему одному лишился своей свободы, ибо извиняютъ его въ томъ весьма важныя обстоятельства, именно неоднократныя его въ провинціальной канцеляріи и уѣздномъ судѣ просьбы, хотя и не вездѣ воспріявшія желаемое дѣйствіе. Но чтобъ предположить срокъ апелляціонной жалобѣ челоуѣку, въ сущей неволѣ и порабощеніи бывшему, то сіе отнюдь не будетъ соответствовать намѣренію указа объ апелляціяхъ, поелику легче челоуѣку свободному оный соблюсти, нежели такому, какъ Евреинновъ, терпѣвшій и холопство, и побои Багреева, и долгое сидѣніе подъ карауломъ».

Въ заключеніе Сахацкій, дѣлая обычную для прокуроровъ приписку «вмѣсто присяги, что онъ свое объявленіе правильно вчинаетъ», предлагалъ дѣло объ Евреинновѣ внести къ разсмотрѣнію въ палату гражданскаго суда.

Волею-неволею верхнему земскому суду, вопреки своего рѣшенія, пришлось постановить, «вслѣдствіе несоглашенія прокурорскаго», передать дѣло Евреинова въ харьковскую гражданскую палату, куда оно и отправлено того же 21 марта 1783 года.

VII.

Харьковская гражданская палата, находившаяся въ г. Харьковѣ, только мѣсяца черезъ три разсмотрѣла дѣло Евреинова. Расположенная отъ Бѣлополя болѣе чѣмъ въ 200 верстахъ, она менѣе могла быть доступна вліянію разныхъ связей и знакомствъ, которыя, вѣроятно, много помогали Багрееву на его родинѣ; по высотѣ своего положенія въ ряду судебныхъ мѣстъ она также менѣе всего могла подчиниться чьему либо давленію. Поэтому рѣшеніе гражданской палаты по дѣлу Евреинова исполнѣе безпристрастно, ясно, не отличается тѣми колебаніями и неувѣренностями, которыя замѣчаются въ производствахъ судовъ верхняго земскаго и уѣзднаго. Рѣшеніе палаты дышитъ сознаніемъ власти и увѣренностію въ не-

поколебимости законовъ. Оно состоялось 3 іюля 1783 года. Палата прежде всего разсматриваетъ прохожденіе дѣла и въ провинціальной канцеляріи, и въ обоихъ судахъ, кратко отгнѣяя тѣ законы, которыми руководствовались учрежденія при рѣшеніи дѣла Евреинова въ ту и другую сторону; наконецъ палата, на основаніи высочайшаго рескрипта 16 ноября 1769 года, указаннаго въ мнѣніи Сахацкаго, постановила «рѣшеніе верхняго земскаго суда по дѣлу Евреинова, яко она въ противность вышеозначенныхъ законовъ, отставить, а рѣшеніе Бѣлопольскаго уѣзднаго суда объ освобожденіи Евреинова отъ капитана Багреева и предложеніе стряпчаго Сахацкаго утвердить въ ихъ силѣ».

Между разными мотивами палата цѣликомъ приводитъ мнѣніе Сахацкаго и соглашается, что если-бъ даже Евреинова и не считать вышедшимъ изъ Польши добровольно, но разъ онъ прежде былъ вольнымъ, чего не отрицаетъ и Багреевъ, то никакъ и никому укрѣпленнымъ быть не долженъ. Палата удивляется, поэтому, какъ сумская провинціальная канцелярія допрашивала Евреинова, «какъ преступника», и противъ его желанія дала на новокрещена Багрееву выпись. Капитанъ же Багреевъ, замѣчаетъ палата, «какъ помѣщикъ, долженъ знать, что при выдачѣ въ замужество крѣпостной дѣвки за человѣка вольнаго, по установленнымъ узаконеніямъ, укрѣпить послѣдняго тѣмъ не можетъ, такъ какъ на ихъ бракъ требуется согласіе помѣщика, послѣ котораго право теряется даже на его крѣпостную». Относительно же пропущенія Евреиновымъ апелляціоннаго срока палата вполне соглашается съ мнѣніемъ стряпчаго Сахацкаго, замѣчая, что «винить въ томъ Евреинова не только нѣтъ закона, но и безчеловѣчно».

Данную сумскую провинціальною канцеляріею выпись капитану Багрееву на Евреинова, «какъ противную узаконеніямъ», палата рѣшила уничтожить, а для свободнаго прожитія Евреинову съ женою и дѣтьми, гдѣ пожелаетъ, дать «пашпортъ». Мало того: палата, все время находившая во всѣхъ дѣяніяхъ противъ Евреинова преступленіе, постановила «взыскать въ удовольствіе обидимаго Евреинова за увѣче и безчестье, какъ показываетъ осмотръ уѣзднаго суда, съ капитана Багреева денегъ 10 рублей».

1 августа 1783 года, новокрещену Николаю Михайлову Евреинову былъ выданъ изъ харьковской гражданской палаты «пашпортъ» съ женою и дѣтьми для прожитія въ Россіи, гдѣ пожелаетъ. Послѣ долгихъ, болѣе чѣмъ шестилѣтнихъ мученій бѣдный новокрещенъ могъ окончательно считать себя свободнымъ, благословляя, быть можетъ, въ своей душѣ тѣхъ благородныхъ людей, какъ Буцкій, Гевличъ, Лупекинъ и Сахацкій, безкорыстно вступившихъ за поправныя права принявшаго крещеніе мальчика Менделя.

Но съ выдачею Евреинову паспорта дѣло его не было окончено. Въ немъ было замѣшано нѣсколько лицъ и даже учреждений,

слишкомъ пристрастно отнесшихся къ Багрееву. Правосудіе должно было довести свою задачу до конца. Такъ оно и было. Палата въ томъ же опредѣленіи 3 іюля прежде всего остановила свое вниманіе на дѣйствіяхъ бѣлопольскаго городничаго Силина, который, взявъ Евреинова изъ суда, отдалъ его, «какъ преступника, въ тюрьму безъ всякаго суда, а отсюда отправилъ для мученія въ домъ Багреева, чѣмъ не соблюлъ довлѣющаго судебному мѣсту почтенія, но и данную ему власть употребилъ во зло на мученіе безвиннаго человѣка». Стряпчаго же Одинцова палата признавала соучастникомъ Силина. О дѣйствіяхъ ихъ обоихъ сообщено было въ Харьковскую уголовную палату. Последняя, разсмотрѣвъ дѣло Евреинова, нашла, что Силинъ и Одинцовъ подлежали бы взысканію по законамъ, но такъ какъ проступокъ ихъ учиненъ до вослѣдованія высочайшаго манифеста 7 августа 1782 г. (по случаю 100-лѣтняго юбилея царствованія Петра Великаго) и, какъ видно, неумышленно, то палата согласно 9 пункта манифеста постановила Силина и Одинцова отъ взысканія освободить въ чаяніи, что они ревностію и усердіемъ своимъ къ службѣ ея величеству проступокъ сей загладятъ». Такимъ образомъ Силинъ и Одинцовъ по счастію наказанія избѣжали, но все же по рѣшенію той же уголовной палаты рѣшеніе послѣдней по ихъ дѣлу «объявлено было имъ въ самой палатѣ, при открытыхъ дверяхъ, т. е. ихъ вины были сказаны публично».

Далѣе харьковская гражданская палата признала, что и сумская провинціальная канцелярія, давши Багрееву на Евреинова выпись, также поступила въ противность узаконеніямъ, но «умышленнаго преступленія» въ дѣйствіяхъ канцеляріи палата не считала, въ виду же того, что «упущеніе въ должности провинціальною канцеляріею учинено до манифеста 7 августа 1782 года, палата постановила отъ заслуженнаго тою канцеляріею штрафа освободить».

Но тяжелѣе всего отъ гражданской палаты досталось верхнему земскому суду; рѣшеніе его по дѣлу Евреинова состоялось 20 декабря 1782 года, слѣдовательно подъ дѣйствіе упоминаемаго выше манифеста подвести его было нельзя. Гражданская палата, находя, что верхній земскій судъ «по большинству голосовъ, пропустя всѣ идущія къ дѣлу обстоятельства и толкуя превратно указъ объ апелляціяхъ, опредѣлила взыскать за то съ присутствующихъ, коими то рѣшеніе учинено, штрафъ: съ предсѣдателя Соколова, засѣдателей Деханова и Щекина-Кротова и съ подписавшаго рѣшеніе за секретаря коллежскаго регистратора Маринова, изъ получаемаго ими жалованья съ cadaго порознь за два мѣсяца». Рѣшеніе гражданской палаты состоялось, какъ сказано выше, 3 іюля, а три дня спустя 6 іюля палата уже сообщила харьковской казенной палатѣ о вычетѣ при первыхъ же выдачахъ двухмѣсячнаго жалованья у «Соколова съ компаніей, имѣвшихъ нѣкогда диспутъ по дѣлу Евреинова».

Не такъ, однако, легко достались свободному уже новокрещену Николаю Михайлову присужденные ему съ Багреева «въ удовольствіе» за увѣчье и безчестье 10 рублей. Послѣ рѣшенія гражданской палаты прошелъ почти годъ, а Евреиновъ этихъ денегъ не получалъ. Только послѣ поданнаго челобитья отъ Евреинова, кстати сказать, собственноручно имъ подписаннаго, и послѣ новаго указа гражданской палаты тому же Силину взыскать съ Багреева «безъ лѣности и нерадѣнія» означенные 10 рублей, не принимая никакихъ отговорокъ, только послѣ этихъ подтвержденій деньги наконецъ Силинымъ были взысканы, а 21 іюня 1784 года въ полученіи ихъ въ «свое удовольствіе» Николай Евреиновъ въ уѣздномъ судѣ далъ росписку.

Оканчивая настоящій очеркъ, мы должны замѣтить, что производство дѣла Евреинова во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ: высшей, средней и низшей, можетъ служить намъ до нѣкоторой степени отголосками умственного движенія русскаго общества Екатерининской эпохи въ его различныхъ ступеняхъ. Рѣшеніе гражданской палаты, какъ высшаго учрежденія, приближающагося къ правящимъ кругамъ, проникнуто тѣмъ духомъ, который былъ присущъ самой императрицѣ. Уѣздный судъ — низшее учрежденіе, а съ нимъ, вѣроятно, и немалое число однородныхъ по положенію лицъ не выработало еще, какъ видно, собственныхъ убѣжденій и безъ разсужденія старается приложить къ жизни тѣ же свободныя начала, которыя носились въ высшихъ классахъ. Производство верхняго земскаго суда, средняго учрежденія между палатою и уѣзднымъ судомъ, знакомитъ со взглядами средняго русскаго сословія, начатками послѣдующей бюрократіи, строгой къ низшимъ и колеблющейся въ отношеніи къ высшимъ инстанціямъ. Наконецъ, дѣйствія провинціальной канцеляріи напоминаютъ о той мало подвижной жизни Россіи, которая царилъ въ ней въ дореформенное время. Объединяя же всѣ взгляды въ одинъ и имѣя въ виду существованіе на лицо крѣпостнаго права и въ то же время вполне справедливое и человѣчное рѣшеніе такого запутаннаго дѣла, какъ Евреинова, мы, можетъ быть, до нѣкоторой степени поймемъ заключеніе одного изъ нашихъ замѣчательныхъ людей, Н. М. Карамзина, заставшаго описываемую эпоху, слѣдовательно ея современника, писавшаго въ своей «Запискѣ» о древней и новой Россіи, что, «сравнивая всѣ извѣстныя намъ времена Россіи, едва ли не всякій изъ насъ скажетъ, что время Екатерины было счастливѣйшимъ для гражданина російскаго».

И. С. Бѣляевъ.

КУРБАНЪ-БАЙРАМЪ.

(Изъ записокъ маленькаго администратора).

ОСПОДИНЪ капитанъ, завтра Курбанъ-Байрамъ?— какъ-то вопросительно сказалъ мнѣ переводчикъ Шихъ-Мурадъ въ одинъ изъ теплыхъ, весеннихъ вечеревъ 189* года, когда, окончивъ опросъ просителей, я собирался отпустить его домой.

Еще не было года, какъ я принялъ Атекское приставство Закаспійской области и хотя, конечно зналъ, что Курбанъ-Байрамъ самый большой изъ магометанскихъ праздниковъ, но былъ весьма удивленъ такимъ напоминаніемъ моего переводчика, а потому

спросилъ въ свою очередь.

- Ну, такъ что же? Мнѣ-то что?..
- Развѣ не пойдешь поздравлять старшинъ?
- Н—да... Поздравлять?

Въ недоумѣніи развелъ я руками, не зная итти или не итти, принято это или нѣтъ.

Станція Каахка Закаспійской желѣзной дороги, гдѣ я жилъ, представляетъ мѣстечко съ небольшимъ числомъ русскихъ и съ базаромъ приблизительно въ 80 лавокъ. Соприкасаясь съ этимъ послѣднимъ, расположенъ ауль того же имени, какъ и мѣстечко. Ауль считается самымъ большимъ въ приставствѣ и состоитъ безъ малаго изъ тысячи домовъ. На базарѣ торгуютъ армяне, татары и персидскіе евреи, такъ называемые джедиды. Всѣ они имѣютъ своихъ

старшинъ. Ауль населенъ туркменами племени Али-Эли и дѣлится на двѣ самостоятельныя, враждебныя другъ другу, половины, со всей туземной администраціей въ каждой: на отдѣленіе Онъ-Беги и на отдѣленіе Юзъ-Баши.

Слѣдовательно мнѣ предстояло сдѣлать визиты тремъ старшинамъ: на базарѣ татарскому, да двумъ въ аулѣ. Джедиды, считающіеся въ Персіи официально мусульманами, здѣсь подѣ покровительствомъ русскихъ открыто исповѣдывали іудейство, а слѣдовательно ихъ старшину считать было нечего. Кромѣ старшинъ, надо было, конечно, посѣтить, во-первыхъ, моего помощника туркмена, во-вторыхъ, всѣхъ чиновъ аульной администраціи: аульныхъ судей, мирабовъ (надсмотрщики за водой), аульныхъ кавіевъ (высшее духовно-юридическое лицо), а также и болѣе почтенныхъ стариковъ. Зная же радушіе и гостепрѣимство туркменъ, я заранѣе былъ увѣренъ, что вся эта процедура займетъ у меня цѣлый день и оторветъ отъ спѣшной работы. Послѣднее соображеніе еще больше увеличило мое колебаніе, но слѣдующія слова Шихъ-Мурада сразу ихъ разрѣшили.

— Господинъ капитанъ, всѣ пристава ходятъ поздравлять,—завилъ онъ и, усмѣхнувшись, добавилъ:—адатъ (обычай) такой!..

— Если адатъ, такъ я...

Но переводчикъ перебилъ меня и для полной убѣдительности прибавилъ:

— Вы хотѣли, господинъ капитанъ, плащъ Магомета посмотрѣть, онъ только разъ въ году, завтра, показывается...

— А! Въ такомъ случаѣ, конечно, идемъ... окончательно рѣшилъ я и, отдавъ на этотъ счетъ соотвѣтственныя приказанія, отпустилъ Шихъ-Мурада и занялся бумагами.

Давно я слышалъ и отъ всезнающаго старика переводчика, здѣшняго старожила, и отъ самихъ туркменъ, что у одного изъ жителей отдѣленія Юзъ-Баши, Джафара-Хаджа-Измаилъ-Оглы, сохраняется плащъ Магомета, служащій предметомъ поклоненія якобы для всѣхъ туркменъ области. Присутствіе такой магометанской святыни въ незначительномъ туркменскомъ аулѣ, конечно, могло показаться весьма страннымъ, но мнѣ все-таки хотѣлось посмотрѣть на нее и главное хотѣлось увидѣть самому, какимъ почтеніемъ она пользуется среди туземцевъ. Джафара-Хаджа я зналъ за одного изъ самыхъ правдивыхъ и честныхъ туркменъ; былъ увѣренъ, что онъ самъ-то нисколько не сомнѣвался въ исторической правдѣ принадлежащей ему вещи; видѣлъ такъ же, что и всѣ старики отдѣленія Юзъ-Баши относятся къ этому плащу, даже въ разговорѣ, съ полнымъ благоговѣніемъ, но мнѣ хотѣлось провѣрить, пользуется ли онъ такимъ же почтеніемъ среди другихъ туземцевъ, и вѣрять ли они въ его подлинность.

Въ свѣжее, ясное апрѣльское утро слѣдующаго дня я, въ сопро-

вожденіи Шихъ-Мурада, мирзы ¹⁾ Ата-Мурада и всѣхъ пяти джигитовъ, одѣтыхъ въ праздничные халаты, вышелъ изъ дома и пошелъ на базаръ по широкой улицѣ, окаймленной садами съ массой фруктовыхъ деревьевъ, въ полномъ цвѣту.

Первый визитъ надо было сдѣлать, конечно, моему помощнику Эвезъ-Кули-Сардару, сугуловатому, крѣпкому и здоровому для своихъ, 80 лѣтъ, старику съ длинной, крашенной бородой. Когда-то онъ былъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ сардаровъ ²⁾ Туркменіи, считался однимъ изъ главныхъ защитниковъ Геокъ-Тепе, по взятіи котораго, въ числѣ прочихъ предводителей, былъ отправленъ въ Петербургъ для принесенія вѣрноподданничества; имѣя чинъ юнкера милиціи, жалованные царскіе часы и клынчъ ³⁾, нѣсколько медалей «за усердіе» и, занимая мѣсто помощника пристава ⁴⁾, онъ теперь самый преданный и вѣрный слуга Россіи.

Всѣ эти милости Акъ-Падышаха ⁵⁾, постоянное общеніе съ русскими, жизнь между ними не сдѣлали его чище, цивилизованнѣе, и онъ, несмотря на то, что занимаетъ наивысшее мѣсто, котораго можетъ достигнуть туркменъ,—живетъ такъ же первобытно и грязно, какъ жилъ туркманчалыкъ воктында ⁶⁾, отказываясь въ своемъ упорномъ консерватизмѣ отъ какихъ бы то ни было нововведеній и улучшеній въ своемъ быту. Весьма интересенъ отвѣтъ, если спросить, какъ онъ получилъ высочайше пожалованный клынчъ:

— Когда я былъ въ Россіи, то подарилъ Акъ-Падышаху свой клынчъ, а онъ мнѣ взамѣнъ свой,—отвѣтитъ наивный дикарь, который, однако, никогда не расстаётся ни съ этой саблей, ни съ жалованными часами, которыхъ онъ никогда не заводитъ, ибо время смотрѣть по нимъ не умѣетъ.

Весь царствующій домъ знаетъ прекрасно, и когда ему показали портретъ благополучно нынѣ царствующаго государя императора, то онъ сейчасъ же узналъ и заявилъ, что видѣлъ его совсѣмъ маленькимъ мальчикомъ. (Посольство отъ туркменъ съ выраженіемъ вѣрноподданничества, если не ошибаюсь, было послано въ Петербургъ въ 1883 или 1884 годахъ). Изъ всего своего путешествія по Россіи онъ запомнилъ только двѣ вещи, которыя болѣе всего его поразили:

¹⁾ Мирза, если стоитъ передъ именемъ, означаетъ грамотнаго человѣка, писаря. Послѣ имени показываетъ происхожденіе человѣка изъ царскаго рода. При каждомъ управленіи пристава полагается туркменскій писарь, мирза.

²⁾ Сардаръ въ подлинномъ переводѣ—проводникъ. Такъ назывались раньше у туркменъ предводители шаекъ, знаменитые разбойники.

³⁾ Клынчъ кривая, турецкая сабля.

⁴⁾ По штату въ области при каждомъ приставствѣ полагается помощникъ пристава изъ «мѣстныхъ хановъ».

⁵⁾ Акъ-Падышахъ Бѣлый царь; такъ на всемъ востокѣ именуютъ государя императора.

⁶⁾ Туркманчалыкъ воктында во времена Туркменіи, т. е. до завоеванія области русскими.

«городъ на водѣ» (Кронштадтъ) и «большой домъ, гдѣ въ трубки дуютъ и дѣлаютъ бутылки (стеклянный заводъ). Давно одно обстоятельство смущаетъ и огорчаетъ старика: отчего не позволяютъ носить темно-бронзовую медаль, полученную на московской всероссійской выставкѣ за выставленные сельскіе экспонаты.

— Зачѣмъ же дадутъ медаль, если ее нельзя надѣть и нужно держать въ сундукѣ?—сокрушительно покачиваетъ онъ головой въ высокой, тяжелой барашковой папахѣ, задумчиво поглаживая длинную бороду, закрученную на концѣ въ двѣ длинныхъ стрѣлки.

Зайдя на обширный, но грязный, загаженный дворъ съ двумя кибитками и саклей (у старика было три жены, и для каждой изъ нихъ полагалось особое помѣщеніе), я засталъ своего помощника въ полномъ парадѣ, въ новомъ халатѣ, со всѣми медалями, занятаго приготовленіемъ вмѣстѣ со всѣмъ семействомъ шорвы ¹⁾. Поздравивъ старика съ праздникомъ, поболтавъ съ нимъ и отвѣдавъ изъ вѣжливости невкусной и весьма грязно приготовленной шорвы, я отправился на базаръ.

Его широкая улица съ большой площадью по срединѣ, гдѣ помѣщались вѣсы, съ грязными, длинными караванъ-сараями по сторонамъ, кишѣла народомъ и имѣла праздничный видъ. Навѣсы передъ лавками были украшены флагами; лавки, исключая армянскихъ и татарскихъ чай-хане (харчевня), были закрыты. Празднично разодѣтая толпа татаръ и туркменъ заполняла всю улицу. Красные халаты вторыхъ эффектно смѣшивались съ черными и зелеными чухами и разноцвѣтными черкесскими первыхъ. Изрѣдка въ толпѣ мелькали шелковыя, темно-красныя покрывала и серебряныя мониста туркменокъ, пробирающихся съ кувшинами на плечахъ въ аулъ или изъ аула за водой; двѣ-три бѣлыхъ чалмы муллъ виднѣлись среди цѣлаго моря черныхъ, рыжихъ и бѣлыхъ барашковыхъ папахъ. Тиха и спокойна была эта праздничная толпа; разгула, широкаго веселья, которыми отличается нашъ русскій праздникъ, здѣсь не было и въ поминѣ. Негромкій гулъ многочисленной толпы, изрѣдка взрывъ смѣха, отрывокъ пѣсни, два-три аккорда сааза ²⁾, вотъ и все, чѣмъ выражалось тутъ веселье.

Я шелъ подъ низкимъ навѣсомъ мимо запыленныхъ, грязныхъ лавокъ, среди разступающейся толпы, поздравляя ихъ съ праздникомъ; а свади, какъ эхо, слышался густой басъ Шихъ-Мурата, переводящаго мои русскія поздравленія:

— Приставъ ага Курбанъ-Байрамъ мубарекъ олсунъ (господинъ приставъ поздравляетъ съ праздникомъ).—И довольная, видимо польщенная, толпа хоромъ благодарила.

¹⁾ Шорва—бараній супъ, въ который мелко крошится баранина, хлѣбъ и лукъ. Образовавшуюся отъ этого густую тюрю ѣдятъ руками.

²⁾ Саазъ—родъ мандолины, струнный инструментъ туркменъ.

- Чакъ савалъ (очень благодаренъ).
- Савалъ! (благодарю).
- Савалъ, приставъ-ага (благодарю, господинъ приставъ).

Около широкихъ и высокихъ воротъ средняго караванъ-сарая меня встрѣтили празднично одѣтые татарскій старшина и татаринъ же старшій полицейскій.

— Чакъ савалъ, чакъ савалъ, приставъ—ага! — складывая руки подъ грудью и низко кланаясь, отвѣтили они оба на мои поздравленія, а высокий, худой старшина Али-Бекъ-Хаджи-Бековъ прибавилъ порусски своимъ мягкимъ, гортаннымъ говоромъ: «Господинъ капитанъ, зайти, пожалуйста, въ гости».

Я поблагодарилъ и по узенькой, сдѣланной въ стѣнѣ, лѣсенкѣ поднялся въ мезонинъ надъ воротами. Въ маленькой комнатѣ съ дрожащимъ поломъ, который составлялъ крышу воротъ, стояла широкая деревянная кровать, накрытая дорогимъ персидскимъ ковромъ, небольшой деревянный столъ и вѣнскій стулъ; полъ былъ покрытъ циновками, а поверхъ узорной, красивой кошкой. За мной поднялись самъ старшина, полицейскій Талибъ, нѣсколько болѣе почтенныхъ торговцевъ татаръ и, конечно, мой переводчикъ. Мирза и джигиты, какъ суниты, не зашли въ гости въ такой большой праздникъ къ татарину шииту и остались внизу. Угощеніе здѣсь ограничилось чаемъ, русскими и персидскими сладостями, да, удовлетворяя настойчивымъ просьбамъ хозяина, я долженъ былъ выпить двѣ бутылки лимонаду.

Сползши, послѣ окончанія визита, кое-какъ по крутой лѣсенкѣ, положительно висящей въ воздухѣ, я быстро прошелъ остальную часть базара и очутился въ его концѣ, среди красивыхъ, изящныхъ, медлительно-важныхъ джедидовъ. Они сидѣли отдѣльной кучкой передъ средней лавкой своего ряда хмурые и видимо недовольные вынужденнымъ прекращеніемъ торговли,— лавки ихъ всѣ были заперты,— и этимъ праздникомъ, и тихо переговаривались на картинно-красивомъ персидскомъ языкѣ.

Джедиды, персидскіе евреи, почти ничего не имѣютъ общаго ни въ наружности, ни въ характерѣ съ своими европейскими сородичами. Одѣваясь въ длинные, темныхъ цвѣтовъ халаты, маленькія барашковыя папахи и сафьяновыя туфли, они изящно-красивыми, матово-блѣдными, немного смуглыми лицами ничѣмъ не отличаются отъ чистокровныхъ персовъ, или, какъ ихъ называютъ на востокѣ и какъ они сами себя зовутъ, фарсовъ. Тѣ же медлительно-изящныя, полныя восточной важности манеры, тихій фарсидскій говоръ, лукавый, трусливый, склонный къ торговлѣ характеръ, униженное подобострастіе и льстивость передъ властью имущими, что и у фарсовъ, составляютъ принадлежность и джедидовъ. Только привычный и наметавшійся глазъ по нѣкоторымъ чертамъ лица, а въ характерѣ по особой пронырливости и изворотливости, отличить еврея отъ природнаго фарса.

Поздоровавшись, проходя мимо, съ ихъ красивымъ, высокаго роста старшиной Измаиломъ, я шутя поздравилъ его:

— Курбанъ-Байрамъ мубарекъ алсунъ, Измаилъ-ага!

Онъ тихо разсмѣялся и причмокнувъ отрицательно покачалъ головою.

— Знаю тебя,—продолжалъ я шутить:—не хочешь пристава угостить, потому и праздника у тебя нѣтъ.

— Э, хайръ! (нѣтъ)—сдѣлавшись вдругъ серьезнымъ, обидѣлся Измаилъ:—міаедъ! бефермоидъ! (войдите, прошу!)—указалъ онъ рукой на лавку, отдавая приказанія мальчику-приказчику.

Я смѣясь отмахнулся и хотѣлъ пройти мимо, но старшина догналъ меня и почтительно остановилъ за рукавъ.

— Нѣтъ, господинъ, не обижай меня! Зайди и ко мнѣ... у всѣхъ старшинъ былъ, а у меня не хочешь...

Я сталъ было отпѣкиваться, увѣряя, что у меня времени мало, что праздника же у него нѣтъ, но замѣтивъ, что Измаилъ и въ самомъ дѣлѣ готовъ обидѣться, принужденъ былъ согласиться и повернуть назадъ. Покончивши кое-какъ съ этимъ непредвидѣннымъ визитомъ, я направился прямо въ аулъ, но былъ остановленъ полицейскимъ Талибомъ, усиленно просящимъ зайти къ нему. Дѣлать было нечего! Не хотѣлось и его обидѣть, и только послѣ этого посѣщенія попалъ я въ узенькую, грязную улицу аула и пробирался со всѣмъ своимъ эскортомъ вдоль глинобитныхъ, однообразныхъ безконечныхъ заборовъ съ маленькими дверцами невидимыхъ за ними сакель. И тутъ было замѣтно праздничное оживленіе. Группы молодежи со смѣхомъ и шутками сновали вдоль улочки и скрывались въ многочисленныхъ переулкахъ, выходящихъ на нее. Среди пѣшей толпы важно разѣзжали нѣсколько человекъ верхомъ на породистыхъ, красивыхъ коняхъ, убранныхъ широкими ошейниками и уздечками съ наборнымъ серебромъ. Старики собрались у сакель, важно и степенно разговаривали, сидя на корточкахъ въ тѣни стѣны. Вслѣдъ за моимъ старшимъ джигитомъ, побѣжавшимъ впередъ предупредить старшину Онъ-Беги, я вошелъ въ широкія ворота грязнаго двора. Послѣ недлиннаго прохода, дворъ круто поворачивалъ въ сторону, и внутренность его скрывалась за высокимъ заборомъ съ дверцей по серединѣ. Изъ нея мнѣ на встрѣчу выскочилъ средняго роста, приземистый, съ рѣдкой сѣдой бородой, съ презрительно усталымъ выраженіемъ лица, самъ старшина Аба-Онъ-Беги-Дервишъ-Онъ-Беги-Оглы, порывисто накидывая на плечи золотой парчи жалованный халатъ. По его указанію я наклонившись пролѣзъ въ дверцу забора и очутился на чистомъ дворикѣ съ небольшою саклей у противоположной стѣны. Сакля эта состояла изъ двухъ комнатъ, одна изъ которыхъ, не имѣя одной стѣны, представляла родъ веранды. Такое помѣщеніе, предназначаемое для приѣма гостей, называется мехманъ-хане. На дворѣ и верандѣ были уже разо-

стланы ковры, на которыхъ помѣщались всѣ старики этого отдѣленія въ праздничныхъ, новыхъ халатахъ. Когда послѣ поздравленій и неизбѣжныхъ церемоніальныхъ вопросовъ о здоровьѣ я усѣлся на верандѣ на почетномъ мѣстѣ, а гости, строго соблюдая старшинство лѣтъ и почета, разсѣлись кругомъ,—былъ поданъ неизбѣжный чай, съ котораго у туркмена начинается каждое угощеніе. Зная, что дальше послѣдуетъ пловъ, и что за ѣдой у туркменъ разговаривать не принято, я захотѣлъ разспросить присутствующаго здѣсь же казія Мулла Джафара объ интересующемъ меня вопросѣ: о плащѣ Магомета. Здѣсь я не могу не сдѣлать небольшого отступленія и не сказать нѣсколько словъ о магометанскихъ муллахъ.

Всѣ они, за немногими исключеніями, въ наружности, въ обращеніи, въ характерѣ, имѣютъ много общаго съ отцами іезуитами. Тѣ же долу опущенные взоры, молитвенно-постныя выраженія лисьихъ фізіономій, скромныя манеры, неслышная походка, вкрадчивая доходящая до шопота, изысканно-ученая рѣчь, то же лукавство, льстивость, ханжество и та же непримиримая ненависть, доходящая до фанатизма, ко всѣмъ тѣмъ, кто... не католики, конечно, нѣтъ!.. но кто не правовѣрные мусульмане. Къ довершенію сходства и главный принципъ ихъ жизни: цѣль оправдываетъ средства,—одинаковъ съ таковымъ учениковъ и послѣдователей Игнатія Лойолы. Замѣчательная вещь: чѣмъ болѣе образованъ мулла, въ магометанскомъ смыслѣ слова, конечно, тѣмъ іезуитскія черты въ немъ сильнѣе развиты, болѣе рельефны. Такимъ типичнымъ представителемъ магометанскаго духовенства являлся сидящій по правую сторону отъ меня Мулла Джафаръ-Мулла-Султанъ-Сеидъ-Оглы, къ которому я и обратился съ вопросомъ:

— Мулла, ты слышалъ о плащѣ Магомета, который хранится у Джафаръ-Ходжа?

— Слышалъ, господинъ,—да продлить Всемилостивѣйшій Богъ твою жизнь!—почти шепотомъ отвѣтилъ казіи, тихо поглаживая бороду и потупляя глаза въ землю.

Вопросъ мой сразу привлекъ вниманіе всѣхъ присутствующихъ. Старики насторожились и придвинулись ближе.

— Ты какъ думаешь на этотъ счетъ?—продолжалъ я.

— Что это, господинъ?—якобы не понимая, прошепталъ мулла.

— Я спрашиваю, какъ ты думаешь: настоящій это плащъ или нѣтъ?

— Не знаю, господинъ!—совершенно невинно отвѣтилъ казіи.

— Однако! Какъ же не знаешь?!... Вѣдь ты казіи, учился, читалъ... Наконецъ вѣдь это рядомъ тутъ же,—какъ же ты не справился, не узналъ?..

— Откуда же мнѣ знать, господинъ?—отвиливалъ отъ прямого отвѣта хитрый мулла, но я продолжалъ настаивать на своемъ, желая добиться положительнаго отвѣта.

— Вѣдь въ книгахъ же у васъ написано объ этомъ что нибудь?.. Вѣдь самъ же Джафаръ-Ходжа не выдумалъ это...

— Зачѣмъ выдумывать?—даже какъ будто обидѣлся мой собесѣдникъ:—Джафаръ-Ходжа хорошій человѣкъ, правдивый, честный; Ходжа—онъ!.. Онъ не будетъ врать...

— Такъ, значитъ, ты думаешь, что это настоящій плащъ?

— Не знаю, милостивый господинъ!—вильнулъ опять мулла, но наконецъ видимо не выдержалъ, немного одушевившись.—Конечно, Джафаръ-Ходжа не совретъ, а только въ книгахъ у насъ ничего о плащѣ не говорится..

— Значитъ, плащъ не настоящій?

— Не знаю, господинъ!—съ сожалѣніемъ, что не можетъ удовлетворить моему любопытству, вздохнулъ мулла.

Видя, что толку отъ него не добьешься, и понявъ, что, не желая, съ одной стороны, обижать подозрѣніями вліятельнаго Джафаръ-Ходжа, а, съ другой стороны, не будучи въ состояніи признаться, въ присутствіи своихъ родственниковъ, что у ихъ враговъ хранится такая святыня, политичный мулла никогда мнѣ правды не скажетъ,—я хотѣлъ обратиться съ тѣми же вопросами къ кому либо изъ остальныхъ стариковъ, но, оглядѣвшись, замѣтилъ, что всѣ они видимо недовольны моими настойчивыми разспросами. Нѣкоторые изъ нихъ въ самомъ началѣ разговора, узнавъ, чего я добиваюсь, отвернулись и дѣлали видъ, что не слушаютъ, другіе, недовольно потупившись, сидѣли, хмуро сдвинувъ брови, третьи наконецъ весьма скептически и саркастически улыбались на мои разспросы.

«Видимо, они вполне сочувствуютъ казію: не вѣрятъ въ подлинность реликвіи, но не захотятъ прямо объявить объ этомъ—думалъ я,—впрочемъ такое недовѣріе, можетъ быть, является просто слѣдствіемъ вражды и зависти къ отдѣленію Юзъ-Баши».

Рѣшивъ разузнать обо всемъ этомъ другимъ способомъ, я перемѣнилъ разговоръ и коснулся того вопроса, который тоже меня занималъ:

— Отчего существуетъ видимо какая-то вражда между коахинцами и моимъ помощникомъ Эвезъ-Кули-Сардаромъ?

Оживившіяся было лица собесѣдниковъ опять нахмурились. Молодежь, сидящая отдѣльно, сконфуженно разсмѣялась, а старики потупились и замолчали. Я повторилъ вопросъ, и опять пасмурное молчаніе было мнѣ отвѣтомъ. Мнѣ на помощь пришелъ всезнающій Шихъ-Мурадъ. Усмѣхнувшись и поправивъ очки, онъ сказалъ по-русски.

— Онъ вѣдь ихъ ограбилъ дочиста, господинъ капитанъ!...

— Ктѣ? Эвезъ-Кули-Сардаръ?..—неволью вскрикнулъ я.

— Онъ!—кивнулъ головой переводчикъ.—Когда изъ Хивы они шли...

Когда я потуркменски спросилъ стариковъ, правда ли, что мнѣ сказалъ Шихъ-Мурадъ, то одинъ изъ нихъ—лѣсной сторожъ, первый въ приставствѣ охотникъ, Муррюкъ, старый, почтенный и умный туркмень, не слѣша разсказалъ происшествіе, которому и онъ и всѣ присутствующіе,—тогда еще молодые люди,—были очевидцами и даже участниками.

— Когда, господинъ, Ярымъ-Падышахъ¹⁾ взялъ Харезмъ (Хива, въ 1873 г.), забралъ у насъ аманатовъ и увелъ въ Ташкентъ...

— Развѣ и отъ васъ были взяты аманаты?—перебилъ я разсказчика.—Кто же именно?

— Много, капитанъ! Отецъ Ата-Мурада,—кивнулъ Муррюкъ на моего мирзу.—Изъ нашихъ Агали-Кетъ-Худа, отъ отдѣленія Юзъ-Баши...

— Ну, ладно, все равно! Разсказывай дальше...

— Такъ вотъ, какъ узнали мы тогда близко русскихъ да ихъ храбрость, такъ испугались и порѣшили старики,—мы-то тогда молодые всѣ были, разговаривать не смѣли,—чтобы уйти намъ опять сюда въ Пештакъ, гдѣ и раньше мы жили.

— Вышли мы изъ Харезма всѣмъ племенемъ; семействъ больше тысячи было. У насъ старшиной и тогда былъ Аба-Онъ-Беги, а у Юзъ-Баши Сеидъ-Назаръ, братъ Пиръ-Назара, который потомъ подъ Кушкой убитъ былъ (я слышалъ уже раньше, что старшій братъ нынѣшняго старшины отдѣленія Юзъ-Баши, будучи прапорщикомъ туземной милиціи, былъ убитъ въ этомъ бою. Это былъ единственный офицеръ, котораго мы тогда потеряли). Долго мы шли по пескамъ отъ колодца къ колодцу. Много верблюдовъ потеряли; еще больше людей, а дѣтей—не сосчитать!

— Плохо приходилось... Вода плохая, а то и совсѣмъ не бывало; жара, пески... Очень плохое дѣло было!.. Наконецъ, дошли мы до конца песковъ... Еще два, три дня ходу, и въ Пештакъ будемъ. Передовые наши давно поѣхали туда, чтобы землю и сакли посмотреть, да и съ ханомъ персидскимъ поговорить,—тогда вѣдь это все Дерагѣзу²⁾ принадлежало,—чтобы пустилъ онъ насъ на старое мѣсто, гдѣ дѣды наши еще жили. Отдохнули мы день на колодцахъ Бешъ-Кую (пять колодцевъ), набрали воды въ бурдюки и утромъ рано начали грузить верблюдовъ, какъ глядимъ изъ-за ближайшаго холма выскочило человѣка четыре конныхъ. Мултуки (старое кремневое или фитильное ружье на сошкахъ) за спинами, пики въ рукахъ... По одеждѣ наши же туркмены... Посмотрѣли, посмотрѣли на насъ и ускакали, а тамъ, глядимъ, новые показались. Черезъ нѣсколько

¹⁾ Ярымъ-Падышахъ—поль-царя. Такъ туркмены до сихъ поръ называютъ бывшаго главноначальствующаго на Кавказѣ кн. Дондукова-Корсакова и покойнаго генерала К. П. Кауфмана; здѣсь рѣчь идетъ о послѣднемъ.

²⁾ Дерагѣзу—одно изъ ханствъ Хорасанской провинціи, въ составъ котораго до прихода русскихъ былъ Атекъ, нынѣшнее приставство того же названія.

времени, смотримъ, весь аламанъ ¹⁾ выѣхалъ: человекъ 300—500 п прямо къ намъ ѣдутъ. Посмотрѣли на одежду, посмотрѣли на байдакъ ²⁾,—Эвезъ-Кули-Сардаръ съ своей шайкой. А кто же его тогда не зналъ? Отъ Уллу-дерья (Большое море, Каспійское) до Бухары, отъ Мешеда до Ургенджа, всѣ знали Эвезъ-Кули-Сардара! Почти наравнѣ съ самимъ Екремъ-Сардаромъ ³⁾ стоялъ онъ! Немного такихъ батырей насчитывалось во всей Туркменіи. Человѣка три, четыре—больше и не было!..

— Скачетъ къ намъ Сардаръ, а мы думаемъ, что же онъ намъ сдѣлаетъ? Мы люди не торговые, идемъ селиться, да къ тому же свой—туркмены, а не персы, не хивинцы... Правда, раньше онъ и насъ грабилъ и многихъ убилъ, многихъ въ плѣнъ забралъ, ну, да тогда мы въ Харезмѣ жили, хану его служили, да потомъ гдѣ ему было разбирать, чьи кибитки—наши или ханскія? Наскочить ночью, ограбить, побьетъ, народъ въ плѣнъ возьметъ и уходитъ скорѣй къ себѣ въ Ахалъ! Тутъ разбирать некогда! Теперь дѣло другое, теперь мы вольные туркмены, на своей землѣ. Не обидитъ же онъ своихъ? Такъ говорили старики, а все-таки къ нему на встрѣчу вышли и хлѣбъ-соль принесли. Обошелся онъ съ ними ласково; слѣзъ съ лошади и угощеніе принялъ, что аксакалы ⁴⁾ предложили. Сидитъ съ ними, чай пьетъ, пловъ ѣстъ и все спрашиваетъ: куда идемъ? Много ли насъ? Есть ли у насъ ружья? Сколько верблюдовъ и лошадей? Смекнули старики, въ чемъ дѣло, и приказали потихоньку собирать со всѣхъ, у кого что есть—деньги, такъ деньги; верблюда лишняго—такъ верблюда, лошадь—такъ лошадь, готовили, значить, пешкешъ (подарокъ, взятка) для него. А аламанъ его тоже слѣзъ съ лошадей съ нами чай пьетъ и закусываетъ, только поводьевъ и мултуковъ изъ рукъ не выпускаетъ, да клынчи не снимаетъ. Какъ подѣзжали текинцы, мы было и грузить перестали, а тутъ видимъ—ничего, насъ не трогаютъ, стали дальше собираться. Только какъ все готово было, старики и говорятъ сардару: «Сардаръ-Ага, у насъ все готово, мы дальше пойдемъ». Идите, говорить. А ты, что же?—старики-то спрашиваютъ. Я, говорить, съ вашими верблюдами здѣсь останусь. Какъ съ нашими верблюдами? А мы-то какъ же?

— А вы, говорить, такъ идите! Зачѣмъ вамъ верблюды?—говорить. Безъ нихъ легче! Самъ бороду поглаживаетъ и смѣется. За

¹⁾ Аламанъ—разбойничій набѣгъ, разбойничья шайка.

²⁾ Байдакъ—знамя, значекъ, у каждаго болѣе или менѣе значительнаго сардара, начальника шайки, былъ свой отличный знакъ, особаго цвѣта и формы.

³⁾ Татъ-Сардаръ или Екремъ-Сардаръ—былъ одинъ изъ главныхъ защитниковъ Геокъ-Тепе.

⁴⁾ Аксакалъ—бѣлобородый, т. е. старикъ—титულъ, даваемый почетнымъ старикамъ аула.

одно, говорить, вы ихъ и не развьючивайте, такъ съ кибитками и оставьте. Мигнулъ это своимъ, тѣ вскочили да мултуки на насъ и нацѣлили. Поняли мы тутъ, въ чемъ дѣло! Вой, крики поднялись по лагерю. Бабы и дѣти плачутъ, мужчины ругаются, а подѣлать ничего не могутъ. Просили его и старшины, и аксакалы, и бабы, чтобы смилостивился надъ нами. Счастливы вы, отвѣчаетъ, что я васъ всѣхъ не перебилъ, а бабъ въ плѣнъ не увелъ. Идите! Перебралъ всѣ вещи, что понадобилось, что получше было, забралъ себѣ; скотъ весь взял; оставилъ только по одному верблюду на пять семействъ, лошадей, да бурдюки съ водой, чтобы въ дорогѣ не сложи. Нагрузилъ верблюдовъ да и погналъ въ Ахалъ, а мы чуть не голые въ Пештакъ пришли, и что тутъ было...

И рассказчикъ, понурившись, махнулъ рукой и замолчалъ. Молчали и остальные. Я былъ въ полномъ недоумѣннн отъ этого страннаго разсказа и нетерпѣливо спросилъ Муррюка.

— Послушай, какъ же это такъ? Вѣдь, ты говоришь, что васъ было больше тысячи кибитокъ? Оружіе же у васъ было? Отчего же вы не сопротивлялись, отчего сами не помѣшали ему? Васъ же больше было, чѣмъ у него шайка? Отчего же вы не заступились?..

— Противъ кого же это? Противъ Эвезъ-Кули-Сардара-то?.. Да развѣ можно было съ нимъ тягаться?—грустно усмѣхнулся Муррюкъ, — когда его самъ Чарджуйскій Бекъ боялся, когда у Мешедскаго хана лихорадка дѣлалась, какъ только онъ услышитъ имя Сардара? У насъ было человекъ пятьдесятъ изъ молодежи и не захотѣли даромъ отдавать свое добро, за мултуки было взялись,—такъ что же? Текинцы мигомъ, какъ барановъ, ихъ прирѣзали, а бабъ и дѣтей съ собою въ Ахалъ увели. Что же лучше что ли сдѣлали? Нѣтъ, надо было все добровольно отдавать, а то онъ насъ всѣхъ бы перерѣзалъ.

Подивился я такому престижу моего помощника, хотѣлъ было спросить, но утвердительные возгласы и фразы стариковъ, подтверждающіе мнѣнія Муррюка, да поданный въ это время пловъ прекратили разговоръ.

Покончивши съ угощеніемъ и поблагодаривъ хозяина, я вышелъ на улицу и направился въ отдѣленіе Ювъ-Баши. Когда я остался одинъ со своимъ конвоемъ, то за рѣшеніемъ вопроса, какъ относятся остальные туркмены къ плащу Магомета, я обратился къ моему Мирзѣ-Ато-Мураду. Онъ хотя тоже былъ али-элинецъ, но изъ другого аула, а потому долженъ былъ относиться къ дѣлу болѣе индифферентно. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ безусловно умный, разсудительный туркмень, хорошо образованный, какъ мусульманинъ, и притомъ, долго служа около русскихъ, былъ чуждъ многихъ предразсудковъ своихъ соотечественниковъ. Въ свободное отъ занятій время онъ учился русскому языку и съ моего разрѣшенія посѣщалъ недавно открывшуюся школу, гдѣ рядомъ со своимъ 12-лѣтнимъ сыномъ и изучалъ русскую грамоту.

— Ну, Мирза!—обратился я къ нему порусски,—а ты какъ думаешь: настоящій это плащъ или нѣтъ?

Онъ засмѣялся и, махнувъ рукою, откровенно отвѣчалъ:

— Вроть, господинъ капитанъ!

— Отчего же ты такъ думаешь?

— Какъ же, господинъ капитанъ, Магометъ Пихамберъ (про-рокъ) когда жилъ? Теперь ми имѣемъ 1311 иль (годъ)... Вонъ давно!.. Какъ могъ сохраниться...

— Положимъ давно, а все-таки...

— Нѣтъ, не мозить... И никогда не вѣриль...

— Развѣ на поклоненіе не приходятъ?

— Кто? Юзъ-Баши терефи (сторона Юзъ-Баши) только?! Больше не приходиль... Спроси Байрамъ, спроси Назаръ-Ишанъ? они знай?.. Не знай...—кивнулъ онъ на джигитовъ, изъ которыхъ первый былъ текинецъ, а второй махтумецъ. На мой вопросъ оба они отвѣтили, что первый разъ и слышать-то о плащѣ Магомета, и изъ нихъ никто на поклоненіе не ходитъ. Такимъ образомъ становилось ясно, что это была чисто мѣстная святыня, принадлежащая только одному племени и неизвѣстная даже другимъ. Впрочемъ, принимая во вниманіе полную невѣжественность туркменской массы и ея индифферентность къ вопросамъ религіи, изъ полученныхъ мною свѣдѣній нельзя еще было заключить не только о подлинности, но даже и объ исторической давности этой реликвіи. Объ этомъ приходилось узнавать уже на мѣстѣ. Теперь же мое вниманіе привлекъ новый предметъ. Поверхъ плоскихъ крышъ сакель виднѣлись верхушки двухъ столбовъ, украшенныхъ русскими національными орлами. Изъ переулочка направо, по направленію этихъ столбовъ, неслись, шумъ, крики, хохоть.

— Это что такое?—спросилъ я переводчика.

— Качели, господинъ капитанъ.

— Качели?! Кто же тамъ качается?

— Дѣвки, бабы, парни... Тамъ всѣ свадьбы устраиваются,—усмѣхнувшись пояснилъ Шихъ-Мурадъ.

Надо посмотрѣть, рѣшилъ я и, быстро повернувъ за уголъ, вышелъ на площадку, посрединѣ которой стояли два столба съ перекладиной на верху и перекинутой черезъ нее веревкой. Внизу веревка была связана и образовала качели. Однако увидѣть мнѣ ничего не пришлось. Не успѣлъ я выйти изъ-за угла, какъ изъ всей многочисленной толпы дѣвушекъ и парней не осталось никого. Все это со смѣхомъ и шумомъ разсыпалось во всѣ стороны, только мелькнули въ переулкахъ, закоулкахъ да на заборахъ красные платки, рубахи, халаты да голыя пятки. Ни окрики, ни увѣщеванія джигитовъ не помогли,—молодежь исчезла съ быстротой молніи и возвращаться не хотѣла, хотя кое-гдѣ за заборомъ слышался сдержанный смѣхъ, и въ многочисленныя отвѣстія виднѣлись любопытные глаза.

— Экая досада!—вырвалось у меня, когда я уходилъ отъ качелей. Заботливый, предупредительный Шихъ-Мурадъ скоро постарался вознаграждать меня въ моей неудачѣ. Пройдя нѣсколько переулковъ, онъ тронулъ меня за рукавъ и, указывая на другіе столбы съ флагами, прошепталъ:

— Пойдемъ туда! только осторожнѣе, чтобы насъ не замѣтили.

Онъ выслалъ впередъ джигитовъ, и, спрячась за ними, я вышелъ на площадку и остановился такъ, чтобы меня не замѣтили съ нея. Прямо передо мною у забора сакли сидѣли 15—20 туркменскихъ дѣвушекъ отъ 8 до 16-17 лѣтъ. Двѣ изъ нихъ, довольно миловидныя, стоя одна противъ другой на веревкѣ, высоко взлетали на весьма непрочныхъ качеляхъ. Невдалекѣ отъ дѣвушекъ, сидя на корточкахъ, размѣстились пять или шесть молодыхъ, замужнихъ женщинъ. Ихъ сразу можно было различить по костюму отъ дѣвушекъ. Вторыя изъ нихъ одѣваются только въ темно-красныя, шелковыя, узкія рубашки, до пять рельефно выдѣляющія, по большей части, стройныя и красивыя линіи молодого тѣла, густые, черныя волосы заплетены въ длинныя косы съ серебряными бубенчиками и монетами на концахъ; головы покрыты небольшими тюбетейками съ серебрянымъ украшеніемъ на темени; лицо открыто. Костюмъ замужнихъ женщинъ нѣсколько сложнѣе; рубашки у многихъ подпоясаны широкими, нѣсколько разъ охватывающими тѣло, шерстяными кушаками съ длинными концами на лѣвомъ боку; волосы старательно спрятаны подъ красными шелковыми платками, концы которыхъ закрываютъ нижнюю часть лица до носа; поверхъ платковъ надѣты однимъ рукавомъ суконные халаты. У болѣе богатыхъ дѣвушекъ и женщинъ грудь украшена большими серебряными монетами изъ персидскихъ монетъ; на рукахъ у женщинъ надѣты массивныя серебряныя же браслеты и кольца съ сердоликами.

Если между дѣвушками были по большей части хорошенькія личики съ бойкими, черными глазками, съ румянцемъ молодости и свѣжести на смуглыхъ щечкахъ, то между женщинами не было ни одной не только красивой, но даже миловидной. Худыя, блѣдныя, изнуренныя, онѣ всѣ носили слѣды непомѣрнаго труда, мелочныхъ будничныхъ заботъ и преждевременной старости.

Частью на заборахъ, частью прямо на землѣ, расположились нѣсколько человѣкъ юношей и подростковъ. Всѣ они были одѣты въ новыя шелковыя халаты и новыя папахи. Казалось съ перваго взгляда, что между ними и женщинами ничего не было общаго. Тѣ и другіе разговаривали, смѣялись, шутили, не обращая, кажется, никакого вниманія другъ на друга. Только пристально взглянувъ, я успѣлъ уловить мимическій телеграфъ, который, будучи, конечно, всѣмъ замѣтенъ, работалъ все-таки якобы по секрету. Вотъ, видимо сговорившись, исчезла съ площадки одна парочка. Сперва, притворившись, что ему скучно, ушелъ парень, и тотчасъ же за нимъ,—ни

чтоже сумняшася,—перескочила черезъ заборъ одна изъ дѣвушекъ.

Одна изъ замуженныхъ женщинъ, лѣниво вставши, поправила халатъ, медленно повернулась и, едва-едва двигаясь, скрылась за угломъ. Я однако успѣлъ подглядѣть, какъ, выйдя съ площадки, она сразу прибавила шагу и направилась въ ту сторону, куда слѣдомъ за ней ушелъ и одинъ изъ парней. Посмотрѣвши нѣсколько минутъ на скромное, совершенно не праздничное, веселье туркменской молодежи, я повернулся и пошелъ къ Пиръ-Назару-Юзъ-Баши, куда сейчасъ же побѣжалъ одинъ изъ джигитовъ, житель этого отдѣленія. Подходя къ высокому, этажа въ два, дому старшины, я невольно удивился, что меня никто не встрѣчаетъ. Выскочившій со двора джигитъ Нуроу доложилъ, черезъ переводчика, что Пиръ-Назаръ и его гости совершаютъ полудневный намазъ,—было ровно двѣнадцать часовъ. Раздумывая, входить или нѣтъ во дворъ, я остановился передъ домою Юзъ-Баши, который по своей величинѣ, какъ я уже сказалъ, этажа въ два нашихъ, по нѣкоторымъ попыткамъ архитектора украсить его фронтонъ, казался дворцомъ передъ низкими, грязными саклями, окружающими его. Весь передній фасадъ, выходящій на чистую, большую площадь, украшали стрѣльчатые, въ величину обыкновеннаго окна, ниши съ аляповатыми орнаментами. Такія же украшенія въ мавританскомъ стилѣ тянулись по двумъ,—нижнему и верхнему,—карнизамъ. Надъ широкой, высокой, тоже стрѣльчатой дверью, съ буквыми солидными филенками, сплошь покрытыми тонкой, ажурной рѣзбой, виднѣлась плохо сдѣланная изъ глины надпись: «Висемиль'-лахи аль-рахмани'-ль рахимъ» (во имя Бога милостиваго и милосерднаго). Вообще весь домъ былъ явленіемъ среди туркменъ исключительнымъ, и постройка его могла быть доступна только такой зажиточной семьѣ, какой была фамилія Юзъ-Баши, наслѣдственныхъ старшинъ этого отдѣленія племени Али-Эли.

Не желая ждать на солнцѣ, я вошелъ черезъ небольшой коридорчикъ на широкій дворъ съ прудомъ посрединѣ, съ цѣлымъ лѣскомъ розовыхъ кустовъ, стоящихъ въ цвѣту, у одной изъ стѣнъ, съ двумя старыми, развѣсистыми ивами въ углу. Въ тѣни одной изъ нихъ, на коврѣ, снявши кауши (туфли), обратившись на юго-востокъ, по направленію къ Меккѣ, стояли на колѣняхъ всѣ старики отдѣленія со старшиной и муллою во главѣ и ритмически важно продѣлывали всѣ рака'аты намаза¹⁾. Нѣкоторые изъ нихъ, конечно, видѣли меня, но никто не обернулся, никто не прервалъ молитвы. Совершивши послѣдній рака'атъ, они молча встали, оправившись, надѣли кауши, и только тогда красивый, громаднаго роста, плечистый Пиръ-Назаръ съ привѣтливою, симпатичною улыбкой на сво-

¹⁾ Рака'атъ—тѣлодвиженіе, предписываемыя Кораномъ во время намаза—молитвы.

емъ умномъ, честномъ, энергичномъ лицѣ подошелъ ко мнѣ, поблагодарилъ за поздравленіе и посѣщеніе, посадилъ на заранѣе приготовленное мѣсто и отправился распоряжаться по хозяйству. Поздоровавшись со всѣми стариками, я прямо обратился къ рядомъ со мною сидящему Джафаръ-Ходжа съ просьбой показать мнѣ плащъ Магомета. Высокій, худой, степенный и важный, всѣми уважаемый Ходжа медленно оглянулъ спокойными, задумчивыми глазами всѣхъ стариковъ и подумавъ, послѣ небольшой паузы, отчетливо произнесъ:

— Если ты хочешь посмотреть, господинъ,—изволь, онъ только разъ въ годъ и показывается въ «Курбанъ-Байрамъ». — Не спѣша обернулся онъ и полушопотомъ отдалъ приказаніе стоящимъ сзади молодымъ парнямъ, которые быстро вышли въ ворота. Воцарилось томительное молчаніе. Присутствующіе, опустивъ глаза, приняли тотъ сосредоточенный торжественный видъ, который является у людей, готовящихся къ принятію или лицезрѣнію чего либо глубоко религіознаго и дорогого для нихъ. Эта торжественность повліяла и на мою молодежь—джигитовъ, которые молча и серьезно стояли сзади меня. Я взглянулъ на Ата-Мурада; желая угодить старикамъ, онъ сидѣлъ, потупивъ глаза, и только чуть замѣтная саркастическая улыбка кривила его тонкія губы. Послѣ довольно продолжительнаго отсутствія двое изъ ушедшихъ парней внесли длинный, русскаго издѣлія, деревянный зеленый сундукъ, обитый въ клѣтку желѣзными полосами, и опустили его передъ Джафаръ-Ходжа. Легкій вздохъ пронесся среди присутствующихъ: они оправились и съ любопытствомъ и благоговѣніемъ подвинулись къ серединѣ, гдѣ стоялъ сундукъ. Ходжа медленно вынулъ ключъ, со звономъ повернулъ его въ замкъ, но раньше, чѣмъ открыть крышку, совершилъ первый рака'атъ; его примѣру послѣдовали и всѣ старики. Съ полнымъ почтеніемъ вынулъ онъ изъ сундука четыре палки. Не желая прикосновеніемъ руки невѣрнаго осквернять ихъ святыню, я могъ только разсматривать ихъ. Длинною около двухъ аршинъ онѣ мнѣ показались сдѣланными изъ бамбука; каждая изъ нихъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ была перевита тонкой мѣдной проволокой, а на одномъ концѣ онѣ были украшены простыми мѣдными же набалдашниками. Покамѣстъ я разсматривалъ эти трости, видимо, что онѣ исполняли когда-то такое назначеніе, недоумѣвая, кому онѣ раньше могли принадлежать, Джафаръ-Ходжа вынулъ довольно объемистый мягкій узелъ, завернутый въ бѣлый, шелковый платокъ и медленно началъ его развязывать. За первымъ платкомъ оказался второй, третій и т. д. Всего я насчиталъ тридцать шесть шелковыхъ, совершенно новыхъ, очень хорошаго качества платковъ всевозможныхъ цвѣтовъ, рисунковъ и производства. Здѣсь были и персидскіе, и бухарскіе, и самаркандскіе и даже одинъ или два русскіхъ платка. Наконецъ развернуть и послѣдній изъ нихъ, и присутствующимъ показать плащъ пророка Магомета. Это былъ, какъ я могъ заключить, опять таки

на глазъ—стеганный на ватѣ, весьма и весьма древній, шелковый (матерія была весьма высокаго качества) халатъ или что-то въ родѣ него, — цвѣта кремъ. Сложенный въ нѣсколько разъ, онъ долженъ былъ быть весьма большимъ и, вѣроятно, пришелся бы впору человѣку роста выше средняго. По виду плащъ производилъ впечатлѣніе, что стоитъ къ нему прикоснуться, чтобы онъ развалился. Если это и не былъ дѣйствительно плащъ Магомета, то во всякомъ случаѣ ему должна была считаться не одна сотня лѣтъ.

Нѣсколько времени всѣ молча и сосредоточенно смотрѣли на эту святыню. Затѣмъ Джафаръ-Ходжа, прочтя про себя молитву, приложился къ нему, поднялся, вытеръ руками бороду и отошелъ въ сторону. За нимъ продѣлали то же самое и всѣ присутствующіе включительно до моихъ джигитовъ и скептика Ата-Мурада. Каждый изъ нихъ клалъ на платокъ около плаща 20, 40 коп., кто-то положилъ даже рубль. Собравши деньги, Джафаръ-Ходжа уложилъ вещи обратно въ сундукъ, заперъ его и приказалъ парнямъ унести. Всѣ какъ-то вздохнули свободнѣе и сбросили съ себя торжественное настроеніе. Вскорѣ подали чай, и я обратился къ Джафаръ-Ходжѣ съ просьбой объяснить мнѣ, какъ къ нему попалъ плащъ, и кому принадлежать трости, находящіяся вмѣстѣ съ нимъ. Медленно-важно началъ Ходжа свой рассказъ.

— Палки эти, господинъ, принадлежать: одна, самая большая, Магомету Пихамберу, а три другія—тѣмъ лицамъ, которымъ ранѣе принадлежалъ плащъ. Его Пихамберъ,— да будетъ благословенно его имя, — еще при жизни своей подарилъ родственнику Султану Веиссъ-Карома; отъ него святой плащъ перешелъ къ Зенги-Баба, а отъ этого къ Карры-Алоу, который былъ родоначальникомъ моего рода. Вотъ ихъ-то три палки и находятся вмѣстѣ съ палкой Пихамбера...

— А кто же такія были эти три лица?—перебилъ я рассказчика.

— Кто былъ Султанъ Веиссъ Карома и Зенги-Баба, я тебѣ сказать не могу, господинъ,—самъ не знаю, а Карры-Алоу былъ туркменъ рода Ходжа, жилъ въ Харезмѣ и умеръ въ 612 г. геджры (1215 г. отъ Р. Хр.); въ то время и Мервъ и вся область были подчинены Хивѣ, а мы, али-элинцы, жили въ Ургенджѣ. Ханомъ былъ тогда Магометъ-Харуншахи и Карры-Алоу былъ его родственникъ. Тогда пришли сюда калмыки (монголы?!) съ ихъ царемъ Хеллаки (Чингизъ-ханъ?!), и его полководцы Чеппи и Суббатай разрушили Мервъ и покорили Харезмъ ¹⁾...

— Какъ же ты, Ходжа, не знаешь, кто были Султанъ Веиссъ и Зенги-Баба?

— Не знаю, господинъ... Мало я ученъ, а только въ книгахъ все это написано.

¹⁾ Разрушеніе Мерва полчищами Чингизъ-хана было не въ 1215, а въ 1220 г. отъ Р. Хр.

— Въ какой же книгѣ это написано, и гдѣ же ее достать можно?
 — Книга называется «Седжра», а достать ее можно или въ Бухарѣ или въ Хивѣ...

— А изъ васъ, старики, никто объ этомъ больше не знаетъ?—
 обратился я къ остальнымъ.

Мнѣ отвѣтили отрицательно и подтвердили слова Ходжа, что объ этомъ можно узнать въ медрессѣ Бухары или Хивы. Тогда я попросилъ Джафара-Ходжа объяснить мнѣ, почему различные племена у туркменъ пользуются различной степенью уваженія.

— Отъ происхожденія это зависитъ, господинъ,—погладивши бороду, отвѣтилъ Джафаръ-Ходжа:—мы, Ходжа, Махтумы и Али-Эли, происходимъ отъ ближайшаго родственника пророка—отъ Али-Насъ,—племя Ходжа,—въ Турціи называютъ сеидами. Шихи—происходятъ отъ Абубекра; Ата—отъ Османа. Всѣ мы туркмены, господинъ...

— А остальные племена: бахши, сычмазъ и другія,—развѣ они не туркмены?

— Нѣтъ, господинъ,—улыбнулся Ходжа,—они не туркмены. Они теке (текинцы).

— А давно ли Али-Эли и вы, Ходжи, пришли въ область?—
 полюбопытствовалъ еще я.

При этомъ вопросѣ, не касающемся больше религіи, Джафара-Ходжа замѣнилъ хозяинъ, Пиръ-Назаръ-Юзъ-Баши.

— О капитанъ, мы сюда пришли такъ давно, что наши старики и не запомнятъ. Говорятъ только, что мы недолго тутъ жили сперва и ушли въ Харезмъ, гдѣ оставались до Надыръ-Шаха. Въ 1153 г. геджры (1740 г. отъ Р. Хр.) онъ насъ оттуда увелъ и 12 тысячъ нашихъ всадниковъ поселилъ въ Хивсабадѣ, а остальные жили въ Пештакѣ. Каждый изъ нашихъ принесъ тогда торбу земли изъ Хивы. Видѣлъ, капитанъ, въ Хивсабадѣ курганъ? Онъ изъ этой земли насыпанъ. Изъ воиновъ, которые жили въ немъ, никто ничего не могъ имѣть при себѣ, какъ только жену и лошадь. Дѣти ихъ жили въ Пештакѣ. Пока живъ былъ Надыръ-Шахъ, намъ хорошо жилось, а какъ онъ умеръ, бѣда пришла. Персы грабили, ахальцы грабили... Что намъ дѣлать? Бросили мы все и опять ушли въ Хиву. Тутъ мы жили, пока Ярымъ-Падышахъ не пришелъ, а тогда...

— Знаю, это когда васъ Эвезъ-Кули-Сардаръ ограбилъ? Мнѣ Муррюкъ сейчасъ рассказывалъ,—остановилъ я Пиръ-Назара и задалъ новый вопросъ:—а Пештакъ вы построили, или онъ раньше былъ?

— Раньше, капитанъ! Куда раньше!—махнулъ рукою хозяинъ, тоже видимо недовольный, какъ и остальные, напоминаніемъ о бывшемъ подвигѣ моего помощника.

— Кто же его строилъ? Магометане, гяуры?

— Построилъ его, господинъ, гяуръ Шароу-Шахъ, — вмѣшался въ разговоръ почтенный Сеидъ-Джаранъ, самый зажиточный купецъ аула: — жилъ онъ раньше Магомета Пихамбера, раньше даже Искандера-Ду-Шаха ¹⁾. Вотъ какъ поѣдешь, господинъ, въ Пештакъ, такъ по лѣвую сторону находится евлія (могила, мавзолей), тамъ камень большой есть, на немъ вся исторія Шароу-Шахъ-гяура и написана. Только такъ мудрено написано, что никто изъ нашихъ муллъ прочесть не можетъ. Развѣ бухарскій или хивинскій мулла прочтетъ. А тамъ, говорятъ, и годъ обозначенъ, когда Пештакъ построенъ. Мы когда пришли первый разъ туда, такъ уже нашли развалины.

Дальнѣйшіе мои разспросы по этому поводу не дали ничего интереснаго. Поѣвши опять плову, я распрощался со старшинами и пошелъ по другимъ визитамъ. Хотѣлось мнѣ потомъ болѣе подробно разобратъся въ исторіи пресловутаго плаща, да многочисленныя занятія, постороннія обстоятельства помѣшали моимъ намѣреніямъ. Развалины же Хивсабада и Пештака я не разъ осматривалъ и проѣзжалъ черезъ нихъ. Раньше, чѣмъ ихъ описывать, я считаю долгомъ дать хоть приблизительное понятіе, гдѣ онѣ находятся. Станція Каахка Закаспійской желѣзной дороги лежитъ въ 500 слишкомъ верстахъ отъ Узунъ-Ада, начальнаго пункта желѣзной дороги, на берегу Каспійскаго моря... Отъ Асхабада, областного города, до Каахки 120 верстъ, а отъ Мерва 160. Хивсабадъ расположенъ отъ нея на югъ въ 12-ти верстахъ, въ серединѣ ущелья горъ Капетъ-Дага, на дорогѣ, ведущей изъ области въ Мешедъ. Построенъ онъ въ 1740 г. Надыръ-Шахомъ и представляетъ въ настоящее время длинный прямоугольникъ съ высокими глинобитными стѣнами, съ выступными башнями; внутри онъ поражаетъ правильной распланировкой на улицы и кварталы. По его узенькимъ улочкамъ хорошо сохранились остатки глинобитныхъ сакель, въ каждой изъ которыхъ дѣйствительно могли помѣститься только воинъ, его жена и лошадь. Середину Хивсабада занимаютъ развалины дворца и бань, а въ одномъ изъ угловъ, ниже уровня земли, находятся какія-то развалины, которыя туркмены называютъ бывшей тюрьмой. Всѣ эти послѣднія три постройки жженого кирпича, весьма красиваго, восточнаго стиля. Съ трехъ сторонъ Хивсабадъ омывается рѣчкой Лайнъ-су. Въ сѣверо-восточномъ углу находится высокій, по всѣмъ вѣроятіямъ, искусственный холмъ.

Абивердъ, Бавардъ или Пештакъ, какъ называютъ его туркмены, и какъ онъ именуется на картахъ, лежитъ отъ Каахка на западъ верстахъ въ шести. Онъ представляетъ изъ себя рядъ развалинъ, которыя тянутся съ сѣвера на югъ верстъ на 10 или 15.

¹⁾ Искандеръ-Ду-Шахъ — Александръ Двурогій; такъ туркмены и персы называютъ Александра Македонскаго.

Самыя сѣверныя изъ нихъ, обыкновенная туркменская кала (крѣпость) съ глинобитными саклями, безусловно новѣйшей постройки. Въ срединѣ ея расположенъ холмъ съ остатками каменной стѣны и башни на верху, съ глубокимъ ровомъ внизу. Весь онъ заваленъ кирпичемъ и глазированными осколками. Недалеко отъ него находится гробница, на которой, по словамъ Сеидъ-Джафара, написана вся исторія возникновенія Абиверда. Въ 1896 г. надпись эта была прочтена профессоромъ В. А. Жуковскимъ, но, кажется, ничего подобнаго рассказамъ туркменъ въ ней не оказалось. По виду это обыкновенная восточная надпись. Къ югу отъ этихъ первыхъ развалень, — собственно и называющихся у туземцевъ Пештакомъ, — отдѣляясь отъ нихъ только полотномъ дороги, расположенъ Намазгяръ (кладбище), большой неправильной формы холмъ, по моему мнѣнію, искусственнаго происхожденія, такъ какъ вся его поверхность покрыта осколками кирпичей, глиняныхъ сосудовъ и т. п. Послѣ сильныхъ дождей на скатахъ находятъ мѣдныя и золотыя монеты. Изъ всѣхъ тѣхъ, что были принесены мнѣ туркменами, ни одна не была древняго происхожденія: большинство изъ нихъ или персидскія или бухарскія. Къ главному холму прилегаютъ съ запада нѣсколько меньшихъ, отдѣляющихся другъ отъ друга глубокими ямами и канавами. Всѣ они вмѣстѣ занимаютъ около $\frac{1}{2}$ версты въ ширину и съ версту въ длину. Къ югу отъ Намазгяра, на которомъ находится теперь туркменское кладбище, расположены двѣ текинскихъ калы, тоже новѣйшей постройки: старый и новый Бардъ.

Какъ мнѣ кажется, Намазгяръ и Пештакъ должны представлять изъ себя Абъ-и-Верда древнихъ, о которыхъ упоминаютъ многіе арабскіе писатели при своихъ описаніяхъ Мерва и Хоросана, и о которыхъ говорятъ Плиніи и Исидоръ, какъ о городѣ, стоящемъ на р. Эпардусѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, нынѣшней Лоинъ-Су, воды которой и теперь доходятъ до самаго Пештака. Во всякомъ случаѣ всѣ эти мѣста когда-то принадлежали древней Персіи, составляли ея сатрапіи, и тутъ же было могущественное Парейанское царство, такъ что преданіе туркменъ о Шароу-Шахъ-гяурѣ должно имѣть свое основаніе.

Впрочемъ, я не историкъ и не археологъ, а потому и отказываюсь дѣлать какія бы то ни было предположенія; я передалъ только то, что видѣлъ, когда служилъ въ Атекѣ и что слышалъ отъ туркменъ въ праздникъ Курбанъ-Байрама 1311 г. геджры.

М. Дандевиль.

ПОСЛѢ ПУГАЧЕВЩИНЫ НА КАСПИИ.

I.

ВЕЧАЛЬНАЯ эпоха Пугачевщины, взбаламутившая все Приуралье и большую часть Поволжья, почти до самаго Каспійскаго моря, далеко не кончилась съ гибелью самозванца. Не только послѣ его окончательнаго пораженія Михельсономъ, когда онъ, не добѣжавъ семи верстъ до Чернаго Яра, въ займищѣ Салы¹⁾ переправился черезъ Волгу и скрылся въ Новоузенскія степи, откуда потомъ былъ доставленъ въ Яицкѣ казаками, — но даже много времени спустя послѣ его казни (10 января 1775 года въ Москвѣ на Болотѣ) въ народѣ не переставали носиться тревожные слухи, и полное спокойствіе даже до 1780 года не могло возстановиться и на Уралѣ, и въ Башкиріи, въ Сибири, и въ Низовьяхъ Волги, гдѣ время отъ времени появлялись новые агитаторы, волновавшіе народъ, опять намѣреваясь возбудить возстаніе въ Поволжьѣ и на Уралѣ, — и

¹⁾ Объ этомъ бѣгствѣ Пугачева до сей поры въ печати встрѣчаются разнорѣчивыя данныя. Указывается, что онъ переправился черезъ Волгу то въ 70-ти, то въ 40, то въ 17 верстахъ. Между тѣмъ въ отысканномъ нами въ астраханск. губернс. архивѣ дѣлѣ (нач. 22 марта 1774 г. о депутатѣ Горскомъ, № нѣтъ, по описи не значится) находится рапортъ коменданта Енотаевской крѣпости полковника Петрулина (26 августа 1774 г., № 654), гдѣ онъ пишетъ: «Сейчасъ получилъ я отъ правящаго въ Черномъ Яру комендантскую должность секунд-майора Перепечина рапортъ, которымъ онъ извѣщалъ, что извѣстный злодѣй Пугачевъ клонится къ Черному Яру и уже отъ онаго отстоитъ въ семи верстахъ». Изъ по-

бушевали шайки разбойниковъ, предводительствуемыя избѣгнувшими кары правосудія Пугачевскими сообщниками, которые, разгуливая по Волгѣ и ея устьямъ, обирали проѣзжихъ, разбивали помѣщичьи усадьбы и грабили промысловыя расшивы и рыболовныя ватаги.

Правда, въ ту пору тяжелаго крѣпостничества и угнетенія власть имущими подневольнаго люда, еще далеко до появленія Пугачева разбойники на Волгѣ были не рѣдкостью. Промышляли грабежомъ многіе: «удалая вольница», крестьяне-бѣглецы, солдаты-дезертиры и, наконецъ, некончившіе курсъ семинаристы. Архивы мѣстные полны перепиской о грабителяхъ и душегубахъ. Но въ годъ Пугачевщины разныхъ «молодцовъ» появилось больше, и смѣлость ихъ дѣйствій поражала уже привыкшихъ ко всякимъ видамъ людей того времени. Въ архивныхъ документахъ рассказывается, на примѣръ, такой характерный случай.

Въ то время, когда Пугачевъ едва успѣлъ спастись отъ преслѣдованія правительственныхъ войскъ (29-го августа 1774 года), неизвѣстные злоумышленники напали на богатое село Усолье, Симбирскаго уѣзда, разграбили его, при чемъ изъ вотчинной «канцеляріи» князя Гр. Орлова, въ числѣ прочихъ вещей, захватили фамильную съ гербомъ печать, съ помощію которой потомъ стали фабриковать «надлежащіе паспорта» и снабжали ими жаждавшихъ свободы простолюдиновъ. Хотя черезъ пять мѣсяцевъ вотчинная контора надумала разослать въ правительственныя учрежденія другихъ губерній сюргучные слѣпки съ печати, «дабы, ежели у кого съ таковою печатью явятся паспорта, то считать ихъ воровскими, ибо за таковою паспортовъ въ дачѣ не было»,—однако, ни печати этой, ни людей, имѣвшихъ съ нею паспорта, отыскать не могли. Въ тѣ времена полицейскія власти не особенно заботились объ этомъ и часто за взятки и подачки прикрывали и безпаспортныхъ и даже воровъ и разбойниковъ.

Весь 1774 годъ въ Поволжьѣ и въ Приуральѣ рыскали толпы пугачевскихъ мятежниковъ и шайки «удалой вольницы». За ними гонялись разѣздныя команды, ловили изъ нихъ тѣхъ, которые по нечаянности попадали имъ въ руки, и пересылали потомъ въ Астрахань, Саратовъ, Оренбургъ и Уральскъ; но мѣстное начальство не обращало на нихъ особеннаго вниманія. Но вотъ въ фев-

казанія же крестьянск. сына Бузицына (въ томъ же дѣлѣ) видно, что Пугачевъ «съ яицкими и дубовскими казаками добѣжалъ до займища Салы». Наконецъ въ дѣлѣ астр. губ. архива за 1775 г., № 19—111 сохранилась составленная по требованію генераль-прокурора князя А. А. Вяземскаго вѣдомость, и въ ней показано, что въ Черномъ Яру на форпостѣ злодѣи сожгли соляные амбары, вина похитили на 3,305 руб., пограбили имущества у купцовъ и чиновныхъ людей слишкомъ на 17 т. р. Очевидно, не самъ Пугачевъ, но разрозненныя его шайки доходили и до Чернаго Яра, что подтверждается еще указомъ астраханск. губернатора Кречетникова отъ 16 ноября 1774 года.

ралъ 1775 года прополь слухъ, что на Волгѣ дѣйствуетъ какой-то бѣжавшій изъ толпы Пугачева «простой мужикъ, называемый Заметайловымъ»¹⁾. Слухъ этотъ «рождался отъ Саратова; Заметайло отваживался внушать непросвѣщенной черни колебаніе»²⁾.

Когда эти свѣдѣнія достигли Астрахани, мѣстная губернская канцелярія, Богъ знаетъ по какимъ даннымъ, приписала Заметайлову похищеніе княжеской печати и, объявляя объ этомъ (3-го марта) «во всенародное извѣстіе», называла его уже «бѣжавшимъ изъ-подъ караула колодникомъ», обѣщая за поимку его сто рублей³⁾. По всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, командамъ, заставамъ, рыболовнымъ ватагамъ, станамъ, на суда, соляныя озера и прочіе промыслы были разосланы строжайшія предписанія: «не давая знать подлomu народу, а чрезъ такихъ людей, кои бы сію довѣренность въ тайнѣ сохранить могли, изыскивать секретно, нѣтъ ли его (Заметайлы) и подобныхъ ему вралей у кого на жительство». Кромѣ того, штатной ротѣ и плацъ-майору Фунту было приказано: «надѣвъ на себя бурлацкое платье», ежедневно обходить всѣ базарныя сходбища и по берегамъ, гдѣ бываетъ уборка судовъ, особенно же прибывавшихъ съ верху, и «примѣчать, не окажется ли отъ кого вредныхъ обществу разглашеній или о бывшемъ самозванцѣ толкованій»⁴⁾.

Увы, несмотря на всѣ эти строгости и, казалось бы, усиленный кругомъ надзоръ, ни воинскія команды, ни полицейскія власти не могли услѣдить, какъ Заметайло съ своими товарищами свободно пробрался, мимо Астрахани, Волгой въ Каспійское море и началъ тамъ хозяйничать. Уже въ началѣ апрѣля онъ былъ въ одномъ изъ волжскихъ рукавовъ, Богатомъ Култукѣ (Красноярскаго уѣзда) и успѣлъ произвести на рыболовныхъ промыслахъ грабежъ.

«Во вторникъ на страстной недѣлѣ»⁵⁾ только-что рыбаки купца Попова хотѣли проиводить ловлю, въ Култукъ прибыла «съ работными людьми» расшива какого-то Чучина и верстахъ въ двухъ отъ

¹⁾ См. въ дѣлѣ астрах. губернска арх. за 1775 г. № 292 «предложеніе» губернатора Кречетникова 28 февраля, за № 440.

²⁾ Изъ сообщенія генераль-поручика Суворова 16 февраля, № 311. Кстати, объ этомъ мятежникѣ писалъ Д. Л. Мордовцевъ (Самозванцы и понизовая вольница, т. II, 48 — 70), на основаніи, по его словамъ, документовъ, извлеченныхъ покойнымъ Н. И. Костомаровымъ изъ стараго царицынскаго архива; но далеко не исчерпалъ о немъ всѣхъ данныхъ, очевидно, не вѣдая о тѣхъ изъ нихъ, которыя сохраняются въ астраханскомъ архивѣ, и въ заключеніе предполагаетъ, что Заметайлова (онъ же и Заметаевъ), уже умершаго, возили по взморью и мертвого наказывали. Въ отысканныхъ нами документахъ тому есть иныя свѣдѣнія.

³⁾ Припомнимъ, что за поимку Пугачева предлагалась награда въ 1.000 руб.

⁴⁾ Дѣло № 292; приказъ астрах. штатной ротѣ марта—дня 1775 года.—Между тѣмъ г. Мордовцевъ объ этомъ (на стр. 49) пишетъ такъ: «Народъ съ суевѣрнымъ страхомъ ждетъ новыхъ смуть, и толки о Заметаевѣ не умолкаютъ: имя его переходитъ изъ устъ въ уста, объ немъ говорятъ на базарахъ».

⁵⁾ Судя по православной пасхалии, вторникъ страстной недѣли въ 1775 году приходился 7-го апрѣля.

нихъ стала на якорь. Немного погода, отъ нея отдѣлилась «расши-
тая на пятеры веслы» лодка съ тринадцатью сѣдоками, воору-
женными ружьями, а двое, повидимому, атаманъ и есаулъ, имѣли еще
сабли. Всѣ они были «молоды», у нѣкоторыхъ «волосы обрѣзаны,
побурлачки, въ кружало», у другихъ головы, замѣтно, сбиты,
такъ что еще не успѣли отроссти волоса. Изъ разговоровъ ихъ по-
томъ «примѣтно было, что они бѣглецы изъ каземата». Атаманъ ихъ,
котораго разбойники величали «и Иваномъ Петровымъ, и Иваномъ
Михайловымъ, и прозваніемъ Дубровскій» (оказавшійся впослед-
ствіи Заметаевымъ), «роста средняго, лицомъ красенъ, волосы на
головѣ и бородѣ рыжіе, борода окладиста, мало взлизастъ»¹⁾,—былъ
одѣтъ въ тулупъ, остальные двѣнадцать—въ сѣрыхъ кафтанахъ.

— Есть ли тутъ лодманъ? — спросили они, входя на расшиву
Попова.

Рабочіе указали на крестьянина Рыбакова. Атаманъ велѣлъ ему
сняться съ якоря и идти за ними къ Чучиной ватагѣ.

Тамъ у разбойниковъ оставалось еще шестеро товарищей. Въ
лодкѣ при нихъ было семь чугунныхъ пушекъ: три большихъ—на
станкахъ и двѣ среднихъ и столько же малыхъ на «вертлугахъ»,
ввернутыхъ въ борты, и двѣ бочки прѣсной воды.

Мятежники соединились вмѣстѣ и въ этой лодкѣ направились
къ устьямъ Урала. Рыбаковъ указывать имъ путь.

Около Гурьева городка, изъ массы стоявшихъ лодокъ и бударъ,
они взяли себѣ «лучшую и безопасную» расшиву купца Орлова,
вмѣстѣ съ бывшими на ней людьми²⁾ и одной чугунной пушкой,
потомъ переставили на нее съ своей косной лодки пушки и бочки
и поплыли «къ Туркменскому кряжу», для мѣны съ туземцами, въ
то же время надѣясь по пути розыскать «воровскую Кулагину
партію»³⁾.

Близъ Орловыхъ острововъ атаманъ приказалъ остановиться, и,
чтобы вызвать туркменъ, изъ большой пушки данъ былъ сигналъ
выстрѣломъ и настолько сильнымъ, что пушку разорвало, «отрыв-
комъ» ея у другой «отшибло зарядъ»⁴⁾ и убило «до смерти есаула
изъ малороссіянъ». Его сейчасъ же привязали къ поврежденной
пушкѣ и съ осколками бросили въ море.

¹⁾ Мало взлизастъ—не казистъ. Г. Мордовцевъ (стр. 59) называетъ Заметаева
еще Запрометовымъ (?), а о прозвищѣ «Дубровскій» не говоритъ ничего. Кстати,
не была ли извѣстна эта фамилія Пушкину, и не послужила ли она темой для
извѣстной его повѣсти?

²⁾ Ихъ было двое: какой-то работникъ Андрей и денщикъ оберъ-штеръ-кригсъ-
комиссара Толмачева, Павелъ Игнатьевъ.

³⁾ Изъ показанія 8-го мая 1775 г. новокрещенаго изъ мордвовъ ясашнаго
крестьянина Родіона Рыбакова. Свѣдѣнія эти не были извѣстны г. Мордовцеву,
и онъ неправильно утверждаетъ (на стр. 61), что «въ числѣ первыхъ, представ-
шихъ къ партіи Заметаева, былъ разбойникъ Кулара». Какъ увидимъ ниже, это
случилось гораздо позднѣе.

⁴⁾ Очевидно, казенную часть пушки, казенникъ.

Тѣмъ временемъ сигналъ былъ услышанъ на берегу. Часа черезъ три оттуда показались три лодки. Ничего не подозрѣвая, подплыли туркмены къ разбойнической расшивѣ и охотно стали выкладывать свои халаты, армяки, ковры и кошмы¹⁾ въ обмѣнъ на привезенную муку, о которой «объявили имъ» прїѣзжіе, «именуя себя купцами», хотя, «кромѣ трехъ мѣшковъ оной и нѣсколькаго числа сухарей», у послѣднихъ ничего не было. Но лишь только туркмены перешли на расшиву совѣтъ, разбойники окружили ихъ, содрали съ нихъ всю одежду и бросили въ трюмъ. Приближавшаяся было къ расшивѣ еще одна лодка, замѣтя на ней что-то недоброе, повертила вспять. Двѣнадцать злодѣевъ на косной лодкѣ погнались за ней «съ оружейной пальбой» и черезъ «немного времени» привезли «нѣсколько туркменскаго товара». Должно быть, жестоко расправились «молодцы» и съ этими несчастными.

Погрузивъ послѣ того все награбленное добро на расшиву, разбойники вытащили изъ трюма захваченныхъ плѣнниковъ и потребовали отъ нихъ «денежный выкупъ». Но «какъ тѣ ничего дать имъ были не въ состояніи», то отпустили ихъ на свободу, оставивъ одного въ качествѣ заложника, и когда освобожденные туркмены скрылись изъ глазъ, они связали ему руки и ноги, снесли его въ лодку «и, въ ней невѣдомо для чего изрѣзавъ тѣло, бросили его въ море».

Свершивъ это злодѣйство, шайка снялась съ якоря и поплыла обратно въ Богатый Култукъ, по дорогѣ «совѣтуясь между собой собрать на ватагахъ лошадей и сухимъ путемъ, съ пограбленнымъ багажемъ, ѣхать для разбоя уже на Волгу къ Черному Яру или къ Царицыну». Но, не доѣхавъ версты семь до ватаги купца Пугина, злодѣи, должно быть, раздумали сейчасъ же исполнить задуманный планъ. Атаманъ отпустилъ Рыбакова и денщика Игнатьева²⁾ во svoяси и далъ имъ «въ оправданіе, что силою ихъ задержалъ, своей руки письмо», подаривъ при этомъ «по халату, четыре армяка, сотъ до двухъ мерлушекъ, бязи двадцать концовъ, четыре занавѣски, два конца синеныхъ (?), три кошмы, нѣсколько лебяжьихъ перьевъ, десять бараньихъ шкуръ и четыре бирюка»³⁾.

Лопманъ съ денщикомъ поѣхали въ одну сторону, а разбойники, захвативъ съ Пугинской ватаги оставленную ими тамъ большую чугунную пушку, повертели назадъ и скрылись въ открытомъ морѣ⁴⁾.

1) Войлокъ.

2) Оставивъ у себя захваченнаго съ расшивы Орлова работника Андрея.

3) Волчьи шкуръ.

4) Изъ показанія Рыбакова, которое подтвердилъ и денщикъ Игнатьевъ.

II.

Недѣли три о разбойникахъ не было ни слуху, ни духу. Можетъ быть, гдѣ либо они еще что нибудь набѣдокурили, но объ этомъ ничего не было извѣстно въ Астрахани. Должно быть, рыбаки и хозяева ватагъ боялись доносить объ ихъ дѣйствіяхъ, чтобы не навлечь на себя гнѣва «этихъ мстительныхъ людей». Только 6-го мая съ Песчаной брандвахты было получено первое донесеніе о появленіи мятежниковъ «за Синимъ морцомъ къ сторонѣ Гурьева городка»¹). Въ этотъ разъ, 29-го апрѣля, разбойники, пограбили питейный домъ при ватагѣ астраханскаго ратмана Старцева на Шестовскомъ бугрѣ. Вечеромъ, едва лишь смерклось, приблизительно около 10-ти часовъ, нагрянули они туда, въ числѣ 35 человѣкъ, одѣтые въ туркменскіе халаты и бешметы, съ ружьями и «съ повѣшенными на темлякахъ по рукамъ саблями и кинжалами». Впереди ихъ шествовалъ въ темнозеленомъ кафтанѣ атаманъ, за нимъ слѣдовалъ высокаго роста есаулъ, «лицомъ и волосомъ черенъ, калмыковатъ»²).

Народъ всполошился, увидя разбойниковъ, и, чтобы избѣжать бѣды, нѣкоторые изъ ватажныхъ рабочихъ поспѣшили къ атаману съ поклонами и «встрѣтили его съ хлѣбомъ». Такой пріемъ, видимо, приишлся по сердцу атаману.

— «Не тумашитесь», братцы! — съ сознаниемъ собственнаго достоинства успокоилъ онъ ихъ. — До васъ намъ дѣла нѣтъ... отъ меня вы обижены не будете. Пойдемте, я васъ угощу!..—И предводитель шайки направился въ кабакъ, откуда тотчасъ же послалъ есаула «съ нѣкоторымъ числомъ разбойниковъ для ограбленія бывшихъ при ватагѣ верховыхъ ловцовъ». Черезъ немного времени злодѣи воротились и принесли «нѣкоторое число мѣдныхъ денегъ въ кожаномъ мѣшкѣ» и нѣсколько «водоносныхъ» ведеръ. Атаманъ приказалъ имъ приниматься «за дѣло». Молодцы выкатили на средину кабака бочку и начали наполнять изъ нея принесенныя ведра виномъ, «и какъ сами пили, такъ и обывателей поили во всю ту ночь». Одинъ цѣловальникъ Власовъ не принималъ участія во всеобщемъ весельѣ, трепеща за участь казеннаго добра и за свою голову.

¹) Извѣстіе о первыхъ дѣйствіяхъ Заметаева въ Богатомъ Култукѣ дошло до Астрахани только 8-го мая.

²) Изъ показанія служителя питейной конторы Власова 6 мая 1775 г.—Очевидно, это былъ другой есаулъ, такъ какъ первый—малороссъ, какъ указано выше, убить. Власовъ показывалъ также, что разбойники были «молоды, бороды имѣли бритыя, волосы на головѣ пострижены, побурлацки, въ кружало». «Атаманъ — роста средняго, лицомъ красенъ, волосы на головѣ и бородѣ рыжіе, борода не велика, окладиста».

На другой день «съ разсвѣтомъ» разбойники взяли все оставшееся въ питейномъ домѣ вино, захватили выручку — «денегъ 23 рубля», и собственное платье сидѣльца: «два кафтана, два камзола, сапоги, перстень да шляпу», отдавъ ему, вмѣсто ихъ, «ветхую шапку съ чернымъ околомъ и гризетовымъ верхомъ». Сидѣлецъ ввыль, увидя полное расхищеніе всего своего имущества.

— Хоть одешонку-то мою мнѣ отдайте!—взмолился онъ атаману, «кланаясь ему до земли».

Но предводитель былъ непреклоненъ на всѣ его мольбы и прошенія.

— Ты, братъ, какъ нибудь наживешь,—въ видѣ успокоенія говорилъ онъ ему,—а намъ гдѣ взять. Вотъ за вино, какъ оно царское, и тебѣ придется отвѣчать, я оставлю росписку. Давай чернилицу!—и тутъ же, сидя за стойкой, написалъ на клочкѣ бумаги:

«1777 года, апрѣля 30-го дня, взялъ разбойникъ со своей командою у шестовскаго цѣловальника вина 40 ведеръ и собственную его одежду, впрочемъ, свидѣтели—шестокковскіе обыватели. Разбойникъ Заметаевъ».

Молодцы вытащили сорокоушу изъ кабака и, выпѣдя вино въ бывшіе при нихъ и взятые у обывателей бочки, бросили бочку на берегу.

Ихъ провожала полупьяная толпа ватажныхъ рабочихъ. Атаманъ «кликнулъ имъ кличъ»:

— Гей! Кто хочетъ ко мнѣ «охотникомъ»?

Выискался «одинъ подряднаго ловца работникъ, верховой мужикъ, молодой парень». Разбойники посадили его въ свой «шкоутъ»¹⁾, отчалили отъ ватаги и медленно, не спѣша, поплыли внизъ по ильменю, затянувъ свою разудалую «бурлацкую» пѣсню, очевидно, нисколько не думая о послѣдствіяхъ своихъ поступковъ.

Послѣ ихъ отъѣзда, сидѣлецъ Власовъ сейчасъ же отправился на Песчаную брандвахту и заявилъ тамъ обо всемъ случившемся. Оттуда не замедлили дать знать въ Астрахань.

Получивъ это извѣстіе и одновременно сообщеніе лопмана Рыбакова, губернская канцелярія распорядилась послать для поимки преступниковъ на четырехъ лодкахъ изъ мѣстныхъ батальоновъ команду въ 120 человекъ, подъ начальствомъ двухъ офицеровъ, съ 14-ю пушками. По чернымъ²⁾ морскимъ были усилены развѣзды, и всюду разсланы указы, съ описаніемъ примѣтъ атамана и его есаула. Для предупрежденія же бѣгства Заметаева внутрь области, «какъ только онъ начнетъ забирать конскія сѣдла, дабы, вышедъ

¹⁾ Шкоутъ—большая лодка. Власовъ, кромѣ того, поясняетъ, что разбойники отправились «къ товарищамъ своимъ, коихъ есть всѣхъ до осьмидесяти человекъ, но гдѣ находятся,—не знаетъ».

²⁾ Такъ называются прибрежныя морскія и рѣчныя воды.

въ способномъ мѣстѣ на нагорной сторонѣ на сухой берегъ и по-кравъ у російскихъ (людей) или калмыкъ лошадей, для вящшаго злодѣйства не могъ удалиться въ степь»,— было предписано и калмыцкимъ владѣльцамъ имѣть отъ каждаго улуса кругомъ по степи развѣзды.

III.

Прошло такимъ образомъ около мѣсяца послѣ этого. Отправленные въ поискъ команды точно въ воду канули, не подавая о себѣ никакихъ извѣстій. Ничего положительнаго не доносили развѣдывательные и наблюдательные «бекеты», форпосты, рыболовные станы и ватаги. Носились только слухи, что въ морѣ появилось уже «нѣсколько воровскихъ партій», которыя производили разбои по чернымъ водамъ даже за Сѣдлистымъ островомъ ¹⁾ къ сторонѣ Кавказа. Говорили еще, будто какой-то разбойнической шайкой «одна развѣдная команда разбита, убитъ офицеръ и нѣсколько солдатъ» ²⁾. Но свѣдѣнія эти были смутныя и требовали провѣрки и подтвержденія. По крайней мѣрѣ, посланный въ море съ командой для поимки воровъ секундъ-майоръ Арбековъ, воротившись въ началѣ іюня въ Астрахань, совсѣмъ иначе доносилъ оберъ-коменданту генераль-майору Левину.

Несмотря на тщательное развѣдываніе и «неусыпные поиски», какъ самого майора, такъ и другихъ развѣдныхъ офицеровъ «по Синему морцу къ Гурьеву городку и по разнымъ мѣстамъ отъ этого морца до острова Сѣдлистова, по Волгѣ и Кизлярскимъ черьямъ», о разбойникѣ Заметаевѣ съ его шайкой не было «никакого слуха, и неизвѣстно, куда онъ скрылся». Только «слышно было, что воръ и разбойникъ Кулагинъ съ партией въ одиннадцать человекъ около Сѣдлистаго на Волгѣ по ватагамъ былъ и грабилъ». И хотя за нимъ также были «учинены поиски», но и его нигдѣ «сыскать не могли». А между тѣмъ разбойники вертѣлись, какъ говорится, передъ самымъ носомъ развѣдныхъ командъ, спокойно разгуливали по морю и на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ искали, нисколько не думая скрываться отъ трусливыхъ развѣздовъ.

Справедливо было извѣстіе только о томъ, что на морѣ была не одна, а двѣ разбойничьи шайки ³⁾, подъ предводительствомъ Заметаева и Кулаги. Узнавъ о посылкѣ противъ нихъ воинскихъ командъ,

¹⁾ Островъ Сѣдлстый находится въ 90 верстахъ отъ Астрахани внизъ по теченію рѣки Волги. На немъ Петромъ I въ 1722 году было построено земляное квадратное укрѣпленіе о четырехъ бастіонахъ, длиною каждый 90 сажень, высота вала 3½ аршина, толщина 3 сажени, ровъ глубиною 3 сажени.

²⁾ См. въ указѣ астраханской губернской канцеляріи 11-го іюня, № 1132.

³⁾ По свидѣтельству очевидцевъ, одна изъ нихъ была численностью то въ 30, то въ 25 человекъ, другая въ 19 человекъ.

онѣ соединились вмѣстѣ и въ астраханскихъ черняхъ, противъ устьевъ Волги, напали на одну изъ нихъ, разбили ее «безъ остатка» и захватили лодку, оружіе и всѣ боевые и съѣстные припасы, при чемъ во время сраженія были ранены: легко въ лѣвыя руки атаманъ, есаулъ и четверо простыхъ разбойниковъ и двое—настолько тяжело, что не могли ходить и лежали въ расшивѣ.

Завершивъ такъ блистательно побѣду надъ высланными солдатами, мятежники подѣлили награбленное добро. Простые разбойники одѣлись въ солдатское платье, увѣшали себя солдатскими ружьями, сумками на перевязяхъ и тесаками на португеляхъ. Атаманъ надѣлъ офицерскій камзолъ и шляпу, есаулъ взялъ себѣ «офицерское ружье съ штыкомъ» и шпагу, золотой темлякъ отъ которой нашлъ на свою шапку.

Послѣ этого они снова разбились на двѣ партіи. Одна пошла въ ильмени, около волжскихъ устьевъ, а другая, 28-го мая, направилась къ Брянской косѣ, что близъ Кизлярской крѣпости.

Бывшіе въ то время на этой косѣ рыбаки ватаги цольнера кизлярской таможи Томановскаго, завидя приближеніе мятежниковъ, бросились въ камыши. Двое изъ нихъ сѣли въ «небольшую» лодку и, несмотря на то, что за ними гнались пять посланныхъ атаманомъ злодѣевъ, успѣли переплыть на кизлярскій берегъ. Тамъ приморскіе посты забили тревогу. Съ фельдшанца и морской провіантской пристани, «не медля нимало», по полученіи извѣстій о появленіи разбойниковъ, командировали на брянскую косу на двухъ лодкахъ солдатъ. Но злодѣевъ уже слѣдъ простылъ.

Пробывъ на ватагѣ одни сутки и «не причинивъ никакого вреда» рабочимъ¹⁾, они взяли у нихъ полъ-мѣшка сухарей, топоръ и четыре весла и поѣхали къ Астрахани, обѣщаясь, однако, опять посѣтить Кизлярское побережье, какъ только «отыщутъ на другой косной лодкѣ своихъ товарищей», чтобы «совокупно съ ними» напасть на морскую провіантскую пристань и на ниже ея стоящую ватагу московскаго купца Уварова²⁾.

Команда принуждена была, несолоно хлебавши, вернуться назадъ. Было рискованно пускаться въ погоню за хищниками въ открытое море на двухъ утлыхъ лодочкахъ, безъ орудій и припасовъ, особенно при извѣстіяхъ, что у разбойниковъ имѣлись «двѣ пушки съ вертлугами и третья не малая на станкѣ, и много пороха и ружей».

Кизлярскій комендантъ полковникъ Штендеръ намѣревался было переловить всѣхъ воровъ этихъ; но къ величайшему его огорченію не только въ его распоряженіи, но во всемъ Кизлярѣ и приморскихъ мѣстахъ нельзя было найти такихъ подходящихъ и удобныхъ

¹⁾ «Звали изъ работниковъ охотниковъ, но никто не согласился».

²⁾ Изъ донесенія кизлярскаго коменданта 6-го іюня 1776 года, № 776.

судовъ, на которыя можно было бы поставить пушки и посадить команду, «дабы быть въ безопасности не столько при сраженіи съ злодѣями, какъ отъ морскаго штурма затопленія и гибели людямъ». Онъ просилъ астраханскую губернскую канцелярію прислать ему для этой цѣли «хоть двѣ или три большія лодки», но та не только не сдѣлала никакого распоряженія, а даже ничего ему на это не отвѣтила.

Такимъ образомъ, благодаря болѣе чѣмъ халатному отношенію къ дѣлу мѣстныхъ властей, съ одной стороны, и отсутствію надлежащей бдительности, энергіи и распорядительности разосланныхъ по взморью разъѣздныхъ командъ, съ другой,—разбойникамъ была предоставлена полная свобода гулять на просторѣ Каспійскаго моря и безпрепятственно грабить по ширинѣ его береговъ разныя ватаги, промыслы, рыболовные станы и деревни. Народъ ихъ боялся и трепеталъ; во избѣжаніе напраснаго кровопролитія и окончательнаго разоренія, никто изъ простолюдиновъ не препятствовалъ ихъ грабежамъ; напротивъ вездѣ и почти всегда разбойниковъ встрѣчали ласково и съ почетомъ.

Дней черезъ пять послѣ вышеописаннаго случая, шайка ихъ въ числѣ 19 человекъ «на восьмивесельной косной лодкѣ» приплыла къ ватагѣ купца Камышева, «ниже Астрахани, въ Морскихъ косахъ, на Ивановскомъ караулѣ». На встрѣчу къ нимъ вышелъ самъ хозяинъ съ хлѣбомъ-солью и принялъ ихъ, какъ желанныхъ гостей. Для нихъ была зарѣзана «небольшая рогатая скотина», за которую, впрочемъ, разбойники уплатили хозяину пять рублей. Двое сутокъ пробыли они на ватагѣ и на третій день (4-го іюня), «не сдѣлавъ Камышеву никакого зла и разоренія», взяли только съ собой его клеевщика, «русскаго человѣка», да двухъ калмыковъ Тели-Эрченева рода и отправились на нагайскую ватагу «президента астраханскаго магистрата» купца Бодрова (отпустивъ оттуда клеевщика обратно).

Хозяина на ватагѣ не было. Приказчикъ его, купецъ Смирновъ, видимо, не особенно любезно принялъ непрошенныхъ гостей, и они, въ продолженіе своего двухдневнаго пребыванія, основательно здѣсь похозяйничали: «убили одного быка» и выбрали изъ табуна 16 лошадей. По приказанію атамана, работники того же Бодрова переправили лошадей черезъ ильмень, при чемъ одну лошадь утопили. Сами же разбойники ѣхали «по морю въ двухъ лодкахъ до края», гдѣ и заночевали.

На слѣдующій день, отпустивъ бодровскихъ рабочихъ (девять человекъ) и давъ имъ въ награжденіе «нѣсколько ветхой рухляди, кафтановъ бурлацкихъ черныхъ и денегъ два рубля», разбойники, въ виду того, что лошадей не хватило для всѣхъ, подѣлились на двѣ партіи: одна партія изъ пяти человекъ, подъ начальствомъ Кулаги, съ тремя чугунными пушками на взятой съ Бодровской ватаги лодкѣ осталась въ морѣ, а другая, атамана Заметаева, изъ че-

тырнадцати разбойниковъ, «нѣкоторые на осѣдланыхъ лошадяхъ, другіе безъ сѣделъ», съ двумя калмыками и табунщикомъ купца Бодрова малороссомъ Родіономъ Ничипоренко,—пустилась въ степь по Моздокской дорогѣ¹⁾).

Дней въ десять они достигли рѣки Кумы и «съ весьма малымъ роздыхомъ» направились вверхъ по ней. Атаманъ гналъ поскорѣе добраться до благодатнаго Дона, чтобы, «разбившись тамъ по два— по три человѣка, удобнѣе пробраться въ верховья мѣста». Но «нѣкоторые изъ разбойниковъ, не имѣвшіе сѣделъ, будучи отъ верховой вѣзды изнурены, порознь» выражали втихомолку свое неудовольствіе на дѣйствія атамана и раскаивались, «что столь далеко въ степь удалились», желая снова вернуться на Волгу²⁾).

Сильной помѣхой ворами были еще взяты ими калмыки. Слѣдуя за ними пѣшкомъ, они затрудняли имъ путь и при томъ свободно могли выдать ихъ своимъ присутствіемъ. Разбойники уже намѣревались покончить съ ними³⁾, но догадливые туземцы сами поторопились бѣжать отъ злодѣевъ, улучивъ благоприятную минуту, когда партія, переѣхавъ такъ называемую Томскую дорогу, проложенную отъ Царицына къ Моздоку, верстахъ въ двадцати въ лѣсу близъ рѣки Кумы, остановилась на ночлегъ. Калмыки переплыли рѣку и, скрываясь по камышамъ, вышли потомъ «на учрежденную отъ Яндыкова улуса на урочищѣ Башмагахъ заставу», откуда (21 іюня) ихъ доставили въ свой улусъ, на урочищѣ Джурука, къ приставу Горбунову, а послѣдній препроводилъ ихъ въ Астрахань...

¹⁾ По показанію калмыковъ разбойники взяли 15 лошадей. Купецъ же Бодровъ въ своемъ объявленіи (10-го іюня) показываетъ 16 лошадей. Послѣднему должно дать больше вѣроятія: на пятнадцати лошадяхъ только и могли умѣститься 14 разбойниковъ и табунщикъ пятнадцатый. То же показывалъ, какъ увидимъ ниже, и самъ Заметаевъ.

²⁾ На дорогѣ 25-го іюня въ губернской канцеляріи калмыки показывали, что разбойники боялись Заметаева: «Атаманъ у нихъ въ почтеніи и ими безпрепятственно повелѣваетъ, зовутъ они его «батюшкой». Ростомъ онъ не великъ, собою толстъ, лицомъ рыжъ, съ малыми рябинками, волосы на головѣ русые, борода и усы рыжіе, на лѣвой рукѣ близъ мизинца имѣетъ рану; отъ роду ему около 40 лѣтъ». Разбойники «стрижены побурлацки, и нѣкоторые изъ нихъ бороды бреютъ, а у двухъ молодыхъ ребятъ еще и бородъ не выросло». «Есаулъ—роста высокаго, посредственной толщины, лицомъ смугль, волосы на головѣ черные, борода и усы бритые». «И оный не вообще съ атаманомъ находится, а въ числѣ пяти человѣкъ въ лодкѣ отправился въ море».

³⁾ Калмыкъ Шарапъ потомъ говорилъ, что «одинъ изъ разбойниковъ ударилъ его по лбу обухомъ сабли, а другой хотѣлъ срубить, только зная немного порусски, онъ просьбою ихъ отъ того отвратить могъ».

IV.

Весь край Прикаспійскій снова охватило волненіе. Еще задолго до полученія мѣстными властями извѣстій о продѣлкахъ Заметаева, въ народѣ начались новыя разглашенія. Всюду только и было разговоръ, что о мятежникахъ и ихъ предводителяхъ. Стоустая молва доходила даже до предѣловъ Башкиріи и Сибири, и тамъ, какъ писалъ астраханской губернской канцеляріи (26-го мая изъ Уфы) генераль-поручикъ Суворовъ, какой-то башкирецъ Бахтирейка разсѣвалъ слухи «о приходѣ изъ-подъ Гурьева Метелки—Желѣзнаго лба»¹⁾. На Волгѣ и Каспіи было также неспокойно.

Получивъ вскорѣ послѣ того изъ Астрахани свѣдѣнія о первыхъ дѣяніяхъ «на Каспійскомъ морѣ разбойника Заметаева, именемъ сходнымъ съ разглашаемымъ», Суворовъ²⁾ предписалъ генераль-майору Мансурову послать изъ Уральска, подѣ командой майора Голуба, партію конницы и пѣхоты «занять въ Гурьевѣ постъ, дѣйствовать на морѣ и кончить сего разбойника, если бѣ онъ тамъ оказался», и того же дня (т.-е. 26 мая) рѣшился командировать изъ Саратова майора Соловьева съ ротою гренадеръ на судахъ, двумя эскадронами гусаръ и двумя—пикинеровъ съ «вожатыми казаками», строжайше приказавъ ему «безъ предлоговъ и околичностей, подѣ истязаніемъ военнаго суда и казни, если еще Заметаевъ не оконченъ, то гдѣ бѣ онъ ни былъ: на Каспійскомъ морѣ, внутри земли (!), въ близости или отдаленности онаго,—сыскать, схватить или на мѣстѣ тужъ минуту умертвить». Съ своей партіей Соловьевъ «долженъ былъ поспѣшно прибыть къ Астрахани, гдѣ губернская канцелярія благоволила ему приготовить, снарядить и вооружить потребныя суда для поисковъ за разбойниками». Наблюденіе за исполненіемъ этого порученія было возложено на бригадира Пиля, «обрѣтающагося въ Саратовѣ», коему дана была «полная дирекція» надѣ посылаемой партіей³⁾.

¹⁾ Слухи эти циркулировали въ Башкиріи и Сибири даже до 1779 года. Ожидаемый предводитель именовался то Максимъ Желѣзняковъ, или просто Желѣзо, то Метла Слудниковъ (см. нашу ст. «Къ исторіи Пугачевщины», «Русскій Архивъ», 1896 г., VI, 177), но существовалъ ли онъ въ дѣйствительности, изъ отсканыхъ нами дѣлъ не видно. Можно только догадываться, что Заметаевъ, Метелка, Желѣзо, Метла—было одно и то же лицо, лишь въ разныхъ мѣстахъ разглашались о немъ разныя свѣдѣнія.

²⁾ Очевидно, Суворовъ Метелку съ Заметаевымъ считалъ за одно лицо.

³⁾ См. отношеніе Суворова отъ 26 мая. Распоряженіе это было подтверждено 2 іюня за № 876 изъ Симбирска, вслѣдствіе предписанія графа Панина отъ 24 мая. Требовалось «сдѣлать пристойныя отряды ко умноженію войскъ астраханскаго департамента изъ ближайшихъ воинскихъ командъ, предписатьъ начальникамъ стараться всѣми возможными способами тѣ воровскія шайки истребить и въ гражданскія правительства для должнаго наказанія пойманныхъ послать, а наипаче не допустить пробраться въ верховыя селенія для разоренія жителей».

Но нашъ безсмертный полководецъ, по своей любимой привычкѣ дѣйствовать скоро, смѣло и энергично, видимо, не зналъ тогдашняго настроенія народа и нравственнаго уровня административныхъ и военныхъ правителей въ провинціи того времени. Что можно было легко сдѣлать съ врагомъ внѣшнимъ, того не всегда возможно было сдѣлать съ врагомъ внутреннимъ, когда всюду царили измѣна, произволъ и неповиновеніе, гарнизонные офицеры были неспособны къ серьезнымъ служебнымъ порученіямъ, лѣнны и трусливы; административныя власти слѣдовали только буквѣ и плодили невозможную канцелярщину.

Пока назначенная команда успѣла собраться, выступить, дойти до Астрахани,— времени прошло немало. Къ тому же, ваятыя ею два судна «сплавныхъ» и шесть лодокъ «раскосныхъ» въ Саратовѣ и двѣ раскосныхъ лодки въ Царицынѣ оказались настолько ветхи, что послѣ случившагося въ пути «штурма» (штрома) ихъ пришлось обшивать лубками, чтобы хоть защитить отъ подмочки порохъ и снаряды, и два якоря замѣнить новыми. При такихъ обстоятельствахъ Соловьевъ имѣлъ возможность дойти до Астрахани только 28 іюня, т.-е. тогда, когда Заметаева уже и слѣдъ простылъ.

Но, прибывъ наконецъ къ мѣсту своего назначенія, онъ не сейчасъ могъ приступить къ исполненію возложеннаго на него порученія. Губернская канцелярія, куда майоръ обратился съ просьбой прислать ему ради поиска за ворами бѣжавшихъ отъ Заметаева двухъ калмыковъ, «придавъ къ нимъ знающаго степь и калмыцкій языкъ одного русскаго, а для поимки оставшагося въ морѣ есаула съ шайкой дать четыре косныхъ лодки съ знающими морскія протоки гребцами»;—отвѣтила ему (14-го іюля), что «помянутыхъ калмыковъ» въ городѣ нѣтъ, они «отпущены въ дома ихъ, состоящіе кочевьемъ ниже Астрахани въ морскихъ косахъ въ дальнемъ отсюда разстояніи, откуда ихъ, какъ за таковою дальностію, такъ и за нынѣшнимъ весьма жаркимъ временемъ, а паче за безпримѣрнымъ оводомъ (!), достать и чрезъ двѣ недѣли едва будетъ можно; лодки же, хотя въ вѣдомствѣ канцеляріи были, но оныя ваяты находящимся для таковаго жъ воровъ и разбойниковъ поиска секундъ-майоромъ Арбековымъ, а такихъ людей, кои бъ знали всѣ здѣшніе протоки и ерики, совсѣмъ при канцеляріи нѣтъ».

Пришлось такимъ образомъ необходимыя лодки и нужныхъ проводниковъ искать по пристанямъ и ватагамъ; а когда ихъ нашли, то надобность въ нихъ уже миновала.

Между тѣмъ, какъ ни странно, отказывая Соловьеву въ необходимыхъ для преслѣдованія разбойниковъ средствахъ и елико возможно своими распоряженіями препятствуя его дѣйствіямъ, губернская канцелярія незадолго передъ тѣмъ (2-го іюля за № 1188) доносила Суворову, что «оному майору объявленъ указъ, дабы для поимки разбойническаго атамана непремѣнно надлежитъ изъ имѣю-

щихся при немъ гусарскихъ эскадроновъ во внутрь степи отрядить команды, да и водою присматривать»... И въ то же время предписала царицынскому коменданту выслать съ тамошней линіи въ развѣзды три партіи донскихъ казаковъ по 20-ти человекъ, чтобы «недреманымъ окомъ» наблюдать, «какъ по Томской дорогѣ, такъ и по другимъ въ степи удобнымъ мѣстамъ». Правителю дербетовскихъ калмыкъ Везелеву и владѣльцу Приволжскихъ калмыкъ полковнику князю Дондукову (находившемуся въ Сарептѣ) велѣно было также разослать по степямъ ихъ вѣдомства калмыцкія команды. Мало того, для принятія надлежащихъ мѣръ, о бѣгствѣ Заметаева дано знать на Донъ войсковою канцеляріи и командующему войсками на кавказскихъ линіяхъ генераль-поручику Демедему. Наконецъ, почти одновременно съ этимъ было получено и разослано по губерніи печатное объявленіе графа Панина, приглашавшее народъ къ покорности и тишинѣ¹⁾.

Но всѣ эти распоряженія, какъ неэнергичныя, неумѣлыя и далеко нецѣлесообразныя, можно сказать, полумѣры, не могли, конечно, принести существенной пользы дѣлу и только подрывали въ

¹⁾ Объявленіе это получено въ Астрахани 1 іюля. Такъ какъ въ исторической литературѣ оно еще не появлялось подлинникомъ, то мы приводимъ его здѣсь.

«Войскъ ея императорскаго величества отъ полнаго генерала и кавалера графа Панина объявленіе. По всемилостивѣйшему отъ ея императорскаго величества мнѣ препорученію пресѣченія минувшаго народнаго возмущенія, сдѣланнаго злодѣемъ и самозванцемъ Пугачевымъ, воспріявшимъ уже на Московской площади за свои беззаконія смертную казнь, и по высочайшему продолженію довѣренности ея величества къ моему наблюденію надъ доставленною побѣдоноснымъ ея оружіемъ государственною отъ того смятенія тишиною, по истинной моей всеподданнической къ ея императорскому величеству и къ государству вѣрности и усердію, примѣчалъ я съ великою сердечною радостію, что народъ, бывшій отъ онаго злодѣя въ возмущеніи, восчувствуя изъявленное отъ самодержицы своей милосердія пощадою, по наказанію самого того злодѣя, всѣхъ оставшихъ и самыхъ виновныхъ преступниковъ противу ея императорскаго величества и противу своего отечества, изъявилъ признаніе свое спокойнымъ во всемъ повиновеніемъ подданнической должности къ своей монархинѣ и учрежденнымъ отъ нея начальствамъ; но нынѣ съ великимъ оскорбленіемъ услышалъ я, что между народомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разглашаются и разсѣваются плевелы таковыя, яко бы какой-то разбойникъ Заметаевъ проявится и будетъ производить новое народное разореніе. Я должностію моею нахожу, по вѣрно подданнической вѣрности къ ея императорскому величеству и усердію къ сынамъ единому со мною отечества, чрезъ сіе объявить и увѣщевать, чтобъ тому разглашенію и подобнымъ оному отнюдь никому не вѣрять и не попускать народу вводить себя въ новое какое либо заблужденіе къ новой себѣ погибели и крайнему разоренію, не вѣря никому объ ономъ разглашеніи, и запрещаю имя Заметаева и всякаго другаго подобнаго тому чудовища къ народному устрашенію произносить и употреблять, или упоминать. Если же кто дерзнетъ именемъ злодѣя Заметаева, или какимъ другимъ, возвѣщать новое въ народѣ возмущеніе, съ тѣмъ, конечно, приказано будетъ поступить въ наказанія и казни съ равною законовъ государственныхъ строгостію, какъ было отъ меня поступлено съ возмутителями и сообщниками минувшаго народнаго возмущенія. Сочинено въ Москвѣ, іюня дня 1776 года, графъ Петръ Панинъ».

глазахъ народа авторитетъ лицъ начальствующихъ, увеличивая лишь вліяніе на простолюдиновъ мятежниковъ и разглашателей, и ослобляли больше разныхъ воровъ и разбойниковъ. Время ли было разводить канцелярщину и строчить указы, ограничиваясь посылкой незначительныхъ разъѣздовъ и наблюденіемъ за проѣзжими дорогами, когда нужно было дѣйствовать быстро силой и натискомъ. Народъ уже давно пересталъ вѣрить властямъ и нисколько не слушался ихъ слабыхъ увѣщаній, а разбойники ничуть не боялись объявленныхъ угрозъ. Они попрежнему, какъ будто до нихъ не касались всѣ эти распоряженія, свободно производили свои грабежи и разбои, а народъ, — купцы и простолюдины, — охотно принимали ихъ, оказывали имъ почтеніе и только въ крайнихъ случаяхъ доносили о нихъ по начальству, почему о многихъ дѣйствіяхъ мятежниковъ ничего не вѣдали мѣстныя власти и узнавали уже о нихъ потомъ, когда разбойники были, наконецъ, пойманы, изъ ихъ собственныхъ показаній.

За послѣднее время дерзость злодѣевъ дошла до того, что они не ограничивались разбоями на морѣ, но стали уже появляться близъ самой Астрахани и нападали на ея окрестности.

Послѣ бѣгства Заметаева, оставшіяся въ морскихъ черняхъ есаулъ Кулагинъ съ очевидною цѣлю замести слѣды своего атамана, воротившись на другой же день на Нагайскую ватагу и захвативъ тамъ оставленные имъ пушки, ружья и сабли, въ «наводникѣ» того же купца Бодрова, сначала скрылся съ своей шайкой въ пять человекъ не извѣстно куда, можетъ быть, набирать новыхъ людей для разбоя, а потомъ въ концѣ юня, съ толпой въ 20-ть мятежниковъ, снова показался въ волжскихъ устьяхъ.

Въ ночь съ 29 на 30-е число этого мѣсяца, партія злодѣевъ, «всѣ безъ бородъ, одѣтые въ темное китайчатое или коноватное платье и сапоги, у многихъ сабли, ружья и кинжалы, и у всѣхъ кистени и короткія дубинки», — съ пушкой на одной лодкѣ приплыла р. Черепакхой къ имѣнію сенатора Бекетова¹⁾, село Началово, въ 12-ти верстахъ отъ Астрахани. Часть ихъ напала на село, а остальные бросились на кочевавшія подъ селомъ калмыцкія кибитки. Караульщики татарскаго табуна закричали: «воры!» Разбойники открыли по кибиткамъ ружейную пальбу. Перепуганные калмыки выскочили изъ своихъ жилищъ и, не зная отъ страха, что предпринять, стали «за ними поодаль». Наконецъ, четверо изъ нихъ и одинъ татаринъ, вооружившись — одинъ «сандовью»²⁾ на шестѣ, другой — маленькимъ крокомъ³⁾, а остальные съ нагайками въ рукахъ, сѣли

¹⁾ Бывшаго астраханскаго губернатора (1763—1772), генералъ-поручика Никиты Аванасевича Бекетова.

²⁾ Родъ пшени.

³⁾ Очевидно, рыбацкій багоръ.

на коней и погнали похитителей къ селу. Произошло «сраженіе». Калмыки скололи сандовью одного злодѣя. «Сдѣблдся великій крикъ». Разсыпавшіеся по селу мятежники бросили грабить крестьянскіе дома и поспѣшили къ своимъ на помощь. Трое накинудись на калмыка, убившаго ихъ товарища, схватили лошадь подъ уздцы и потащили его съ сѣдла, четвертый разбойникъ ударилъ сѣдока по головѣ дубиной. Калмыкъ, однако, не потерялся, бросилъ имъ сандовь, прищипорилъ лошадь, конь рванулся, поваливъ державшихъ его разбойниковъ, и вынесъ своего хояина изъ толпы душегубовъ. Туземцы разсвирѣпѣли и еще сильнѣе начали насѣдать на враговъ. Видя, что дѣло плохо, злодѣи схватили своего убитаго и, «не паля изъ ружей, должно быть, по неимѣнію пороха», «ретирадою» пошли къ берегу, вскочили въ лодку и бѣжали вверхъ по Череплахѣ. Калмыки верхами по берегу гнались за ними до «самой рѣки Болды»¹⁾, но, вѣхавъ въ нее, разбойники скрылись, пользуясь темнотою ночи²⁾.

Послѣ этого они отправились на Щучинскую ватагу купца Шарыпина въ надеждѣ чѣмъ нибудь тамъ поживиться и, пользуясь тѣмъ, что на ней не было въ то время «работныхъ людей», забрали съ ватаги пожитки, «нѣсколько экипажа» и всѣ съѣстные припасы, потомъ поѣхали въ конскій того же купца табунъ за р. Болдой и, избивъ тамъ «смертельно» пастуха-калмыка съ женой, спустились той же рѣкой къ Трехъизбинской ватагѣ (Шарыпина же)³⁾.

На послѣдней также не было никого изъ рабочихъ. Хозяинъ вытребовалъ ихъ для расчета въ Астрахань. На мѣстѣ оставался одинъ приказчикъ Хлѣбниковъ, который видѣлъ, какъ на разсвѣтѣ 30-го числа какіе-то люди въ одной лодкѣ, «имѣя греблю на двое весла», «нечаяннымъ образомъ» приплыли къ ватагѣ «сверху Болды». Когда они поравнялись съ рыбнымъ плотомъ, на которомъ была оставлена поручикомъ Ивановымъ разѣздная команда, капралъ и солдаты ихъ окликали.

— Мы — добрые люди, — дали отвѣтъ разбойники и проѣхали къ ватажной кухнѣ.

Но когда солдаты замѣтили, что изъ лодки вышли вооруженные люди «въ казацкомъ одѣяніи», они открыли по нимъ ружейный огонь. Мятежники не остались въ долгу и начали «палить изъ ружей и пистолетовъ въ солдатъ». Вскорѣ съ той и съ другой стороны оказались раненные. Солдаты, видимо, чувствуя свое превос-

¹⁾ Рѣка Большая Болда впадаетъ въ Волгу выше Астрахани, теперь около самыхъ пароходныхъ пристаней на «селеніи».

²⁾ Изъ донесеній къ «астраханскимъ плацъ-майорскимъ и полицейскимъ дѣламъ» коллежскаго секретаря Тарпанова, отъ 30-го іюня и 1-го іюля.

³⁾ Шарыпинъ въ своемъ заявленіи говорилъ, что на ватагу пріѣзжалъ «іюня 29-го во 2-мъ часу по полуночи, въ одной лодкѣ, на десять веселъ, воровскій атаманъ Кулага съ товарищами десятью человекъами, съ ружьями, палашами и большими ножами». То же подтверждаетъ и приказчикъ Хлѣбниковъ.

ходство, чтобы окончательно расправиться съ мятежниками, бросились на нихъ въ рукопашную. Тѣ сначала было подались назадъ, но «напоследокъ, усилившись сандовями и дротиками, изъ рукъ у солдатъ всѣ ружья выбили», самихъ ихъ «били нещадно», а «имѣвшіяся при промыслѣ ловецкія и прочія лодки всѣ изрубили и затопили» и, разграбивъ все добро, спустились Болдою въ море по направленію къ Бибииковскому стану, гдѣ и скрылись безслѣдно.

Послѣднимъ дѣйствіемъ злодѣевъ, занесеннымъ на страницы архивныхъ дѣлъ, было разграбленіе 22 іюля ватаги купца Попова, близъ Астрахани, въ урочищѣ «Мушкаринская протока», гдѣ ихъ видѣли только въ числѣ трехъ человѣкъ на одной лодкѣ. Должно быть, число злодѣевъ съ каждымъ днемъ уменьшалось. Послѣ этого они поднялись вверхъ по р. Быстринской и точно въ воду канули. Посланная за ними черезъ три дня погоня уже нигдѣ отыскать ихъ не могла...

V.

При такомъ положеніи вещей жить на взморьѣ стало не безопасно. Большинство рабочихъ разбѣжалось съ ватагъ и рыболовныхъ становъ. Окрестныя приморскія села и деревни въ страхѣ трепетали за свою участь, сами изыскивая разные способы для защиты себя и не надѣясь уже на помощь губернскихъ властей и силы воинскихъ и разъѣздныхъ командъ.

Послѣ погрома с. Началова, въ предупрежденіе новаго разбойническаго нападенія, завѣдующій «плацмайорскими и полицейскими дѣлами» коллежскій секретарь Тарпановъ успѣшилъ вооружить крестьянъ и дворовыхъ людей села этого дротиками, а татаръ и калмыковъ ружьями и саблями. На требованіе его прислать въ Началово хоть шесть солдатъ съ капраломъ и барабанщикомъ губернская канцелярія распорядилась учредить здѣсь пикеть, чтобы имѣть наблюденіе за проѣздомъ «воровъ изъ Болды въ р. Кутумъ ¹⁾), а изъ онаго въ Болду по черепахѣ», предписавъ одновременно оберъ-коменданту Левину наистрожайше подтвердить разъѣзднымъ командамъ, чтобы онѣ, «несмотря ни на какія трудности и препятствія, какъ по Болдѣ рѣкѣ, такъ и по другимъ, лежащимъ къ морю, рѣкамъ, по морскимъ чернямъ и особенно на рыболовныхъ станахъ всѣми силами неусыпно денно и ночью сихъ разбойниковъ сыскивали и старались ихъ переловить и истребить, для чего, слѣдуя по жительствамъ и нимало не мѣшкая, гнать за ними безостановочно». Въ виду же того, что разбойники стали уже появляться «въ казацкомъ одѣяніи», астраханскому казацкому полку было при-

¹⁾ Р. Кутумъ, притокъ Волги съ лѣвой стороны, раздѣляетъ городъ Астрахань на двѣ части.

казано «осмотрѣть, всѣ ли, находящіяся при немъ, казаки состоятъ (на лицо), и ятъ ли кого въ безвѣстности пропавшихъ и раненыхъ». Но попрежнему какихъ либо рѣшительныхъ мѣръ принято не было. Майоръ Соловьевъ безъ дѣла сидѣлъ въ Астрахани и за неимѣніемъ судовъ и проводниковъ не могъ выслать свои команды ни въ степь, ни въ открытое море. Кромѣ того, получено было извѣстіе, что командированный изъ Уральска въ Гурьевъ городокъ для поимки разбойниковъ секундъ-майоръ Голубъ, которому было предписано учредить разъѣзды пѣхотой въ лодкахъ по морю, а конницей — «по сухому пути», не могъ дойти по назначенію и выполнить своей задачи, благодаря разлитію воды и усилившемуся по всей линіи конскому падежу, «отчего у него въ командѣ немало повалилось лошадей» ¹⁾. По этой причинѣ онъ принужденъ былъ оставить конницу въ крѣпости Тополинской, а пѣхоту отправить «къ послѣдному отъ моря разливу», чтобы «по дошедшимъ туда рѣкамъ, вверхъ и внизъ на лодкахъ учинить разъѣзды». Но, увы, въ Гурьевѣ, какъ и въ Астрахани, не оказалось «удобныхъ для того суденъ». Въ довершеніе всѣхъ бѣдствій и неудачъ, въ командѣ оказался сильный недостатокъ провіанта и фуража.

Богъ знаетъ, долго ли бы продолжались эти несчастія, можетъ быть, астраханская губернская канцелярія никогда бы имѣвшимися въ ея распоряженіи средствами и войсками не подавила мятежа и не истребила воровъ, если бы, какъ ни странно, этому дѣлу не помогъ простой неотесанный мужикъ, хохолъ Ничипоренко. Случилось это вотъ какимъ образомъ.

24 іюня, утрою къ Кумшпацкой станицѣ на Дону подъѣхала партія неизвѣстныхъ людей, всѣ на коняхъ, и остановилась «неподалеку». То были извѣстный Заметаевъ и его товарищи. Двоихъ изъ нихъ атаманъ послалъ въ станицу купить хлѣба и вина, остальные расположились на отдыхъ.

Пользуясь этимъ случаемъ, бывший въ шайкѣ, малороссъ Родіонъ Ничипоренко, какъ указано выше, захваченный ворами табунщикъ съ ватаги кушца Бодрова, «не хотя допустить ихъ злодѣевъ еще вдалѣ ко вреду общества», сѣлъ на лошадь и «тайнымъ образомъ» ускакалъ въ станицу, гдѣ заявилъ о прибывшихъ атаману Нагибину; послѣднимъ были собраны «во множественномъ числѣ» казаки, которые, неожиданно нагрянувъ на ничего неподозрѣвавшихъ злодѣевъ, переловили ихъ въ числѣ восьми человекъ ²⁾.

¹⁾ Изъ донесенія Голуба 7 іюля 1775 года.

²⁾ Г. Мордовцевъ въ «Самозванцахъ» (стр. 58) говоритъ, что «неизвѣстные люди подъѣхали» къ Кумшпацкой станицѣ: девять на лошадяхъ, а двое — пѣшие (sic.). Такимъ образомъ выходитъ, разбойниковъ было 11 человекъ. И утверждаетъ, что казаки, только много времени спустя, узнали, какихъ важныхъ преступниковъ они поймали. На самомъ же дѣлѣ уже изъ заявленія Ничипоренка, а потому допросовъ они должны были знать, что это за люди.

Нагибинъ сдѣлалъ имъ допросъ, на которомъ Заметаевъ сознался, какія «чинилъ злодѣйства».

«Насъ было девятнадцать человѣкъ,— между прочимъ рассказывалъ онъ. — Гуляли мы на одной косной лодкѣ по Волгѣ и около Астрахани. Потомъ въ лодкѣ осталось пять человѣкъ, а онъ, атаманъ, съ есауломъ и тринадцатью разбойниками, взявъ у астраханскаго купца Бодрова шестнадцать лошадей и пушку, пошелъ въ степь, былъ на Кумѣ рѣкѣ, пушку бросилъ на р. Саргѣ, а оставшихъ отъ него (семерыхъ) товарищей покинулъ въ степи» ¹⁾.

Мятежники были отправлены въ Черкасскъ къ войсковому атаману Сарычеву, а оттуда потомъ пересланы въ Царицынъ (куда ихъ доставили «въ ночи 2-го августа»), вмѣстѣ съ отобранными у нихъ лошадьми, ружьями, пожитками и деньгами (14 руб. 50 коп.).

Конечно, объ этой поимкѣ сейчасъ же дано было знать губернской канцеляріи въ Астрахань и генералу Кречетникову, находившемуся въ то время въ Москвѣ. Губернаторъ не замедлилъ донести о такомъ важномъ событіи въ сенатъ, гдѣ уже давно было извѣстно о дѣйствіяхъ Заметаева. 3-го сентября 1775 года, изъ 1-го департамента былъ полученъ указъ, коимъ повелѣвалось: «какъ уже они (разбойники) въ злодѣяніяхъ своихъ обличены, рѣшеніе учинить по указу 1754 года, сентября 30-го числа, въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ ими злодѣйства чинены были, и наконецъ послать въ тяжкую работу въ Нерчинскъ вѣчно», захваченнаго же силою Заметаевымъ малороссіянина, «черезъ котораго и случай поданъ къ поимкѣ сего злодѣя, тотчасъ изъ-подъ караула освободить» ²⁾.

Вслѣдствіе этого, такъ какъ разбойники производили свои злодѣйства не только около Астрахани, «но распространялись даже до Саратова», генералъ-майоръ Кречетниковъ распорядился «наказаніе кнутомъ учинить имъ повсемѣстно», сначала въ Царицынѣ, потомъ закованныхъ въ ручные и ножные «крѣпкіе» кандалы переслать въ Саратовъ, а оттуда доставить въ Астрахань и тамъ «на всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, въ коихъ отъ нихъ разбойничество происходило, бить жестоко кнутомъ: Заметайлѣ въ Царицынѣ и Саратовѣ по семидесяти и товарищамъ его по пятидесяти ударовъ, а въ Астрахани и около ея атаману по пятидесяти и прочимъ по тридцати ударовъ. Затѣмъ, поставивъ на лбу и щекахъ указные знаки, отправить въ ссылку». Малороссіянину же Ничипоренкѣ, кромѣ немедленнаго освобожденія, было «объявлено, что за тотъ объ нихъ доносъ, коимъ онъ подалъ случай къ поимкѣ злодѣя, будетъ дано изъ высочайшей милости особое награжденіе».

¹⁾ Въ рапортѣ своемъ отъ 26 іюля Нагибинъ доносилъ еще Сарычеву, что у Заметаева «два пальца на рукѣ повреждены пулей, да у молодого парня ладонь пробита, на образъ всѣ они великороссійскіе люди».

²⁾ Изъ предложенія Кречетникова губернской канцеляріи 5 сентября за № 532. Между тѣмъ г. Мордовцевъ увѣряетъ, что указъ сената о казни преступниковъ состоялся 3-го сентября.

Хохоль этотъ былъ, видимо, парень не промахъ, прошелъ, какъ говорится, и огонь, и воду, и мѣдныя трубы. Будучи освобожденъ изъ Царицынской тюрьмы, онъ 19-го сентября поймалъ еще двухъ разбойниковъ этой шайки и доставилъ ихъ на гауптвахту. Какъ человекъ надежнаго, полковникъ Циплетевъ послалъ его (28-го сентября) съ захваченными у мятежниковъ лошадьми и пожитками въ Астрахань, гдѣ губернская канцелярія наградила Ничипоренко 14 руб. 50 коп., отобранными у разбойниковъ, а впоследствии ему дано было еще 100 руб. «изъ штата конторскихъ доходовъ»¹⁾.

Между тѣмъ, по полученіи первыхъ извѣстій о захватѣ Заметаева, командированный въ Астрахань генераломъ Суворовымъ майоръ Соловьевъ, очевидно, изъ желанія выслужиться и также схватить какую нибудь награду, рапортомъ, поданнымъ 7-го августа оберъ-коменданту Левину, потребовалъ «отправить его съ командой въ Царицынъ и дать ему Заметаева съ разбойниками «для отвоза къ его главной командѣ». Желаніе майора было исполнено, но безъ вѣдома губернатора. Кречетниковъ былъ внѣ себя отъ гнѣва, когда узналъ объ этомъ, и сейчасъ же (5-го октября) предписалъ губернской канцеляріи немедленно послать въ догонку за Соловьевымъ курьера и отобрать у него преступниковъ, «хотя бы онъ ихъ доведетъ до Симбирска и представилъ Суворову».

Къ счастью, это была напрасная тревога. Царицынскій комендантъ полковникъ Циплетевъ, «учинивъ надъ ворами (16-го сентября) наказаніе», уже успѣлъ, до прибытія Соловьева, отправить ихъ въ Саратовъ, гдѣ ихъ казнили 8-го октября и препроводили обратно въ Царицынъ.

24-го октября, преступники въ числѣ десяти человекъ²⁾, «одѣтые въ пубы», на шестнадцати лошадяхъ, «за безопаснымъ конвоемъ», подъ командой прапорщика 2-го царицынскаго батальона Соколова, выѣхали изъ Царицына. На пути (25 числа) двое изъ нихъ: Трофимъ Ивановъ и Петръ Сухопаровъ, умерли и погребены на Солениковской почтѣ. Оставшіеся въ живыхъ прибыли въ Астрахань 31-го октября, и въ тотъ же день въ губернской канцеляріи Заметаеву былъ чиненъ послѣдній допросъ. Онъ указалъ всѣ мѣста, гдѣ производилъ свои разбои и грабежи: за Синимъ морцемъ на пустой ватагѣ купца Грекова, на Богатинской куп. Пуцаина, Бѣлужинской куп. Дьяконова, Камчатской куп. Бирюкова, откуда поѣхалъ

¹⁾ По ходатайству губернской канцеляріи ордеромъ Кречетникова 14-го октября.

²⁾ Вотъ имена ихъ: атаманъ Игнатъ Петровъ Заметаевъ, разбойники: Степанъ Осиповъ Чернышевъ, Иванъ Степановъ Швецовъ, Петръ Матвѣевъ Сухопаровъ, Петръ Ивановъ Мухинъ, Иванъ Даниловъ Шапошниковъ, Иванъ Григорьевъ, Степанъ Федоровъ Обвертининъ, Трофимъ Ивановъ и Семенъ Григорьевъ Важенковъ. (Донесеніе Циплетева 24 октября № 2255). Не лишнимъ будетъ замѣтить здѣсь: г. Мордовцевъ указываетъ (стр. 69), что казнь разбойниковъ въ Царицынѣ состоялась 19 сентября.

на неизвѣстную ему ватагу подъ г. Краснымъ Яромъ, потомъ былъ на Шестовской ватагѣ, Шарыпинской позади Блинова солонца, на Уваринскомъ учугѣ, на рыболовномъ стану у острова Сѣдлистаго, на ватагахъ: Юрія Грека, Рышковской—куп. Шарыпина и, наконецъ, куп. Бодрова, съ которой бѣжалъ въ степь.

3-го ноября, подъ наблюдениемъ секундъ-майора штатной роты Керова, была произведена казнь преступникамъ въ Астрахани: по 50 ударовъ дано Заметаеву въ четырехъ мѣстахъ: на лобномъ мѣстѣ, противъ тюрьмы, на татарскомъ базарѣ и на Исадахъ; товарищей его наказали только въ трехъ мѣстахъ «каждаго по восьми разъ». И того же числа «на пристойныхъ лодкахъ», за конвоемъ 30 солдатъ «самыхъ лучшихъ людей съ ружьемъ», подъ начальствомъ поручика 1-го астраханскаго батальона Чичагова, ихъ повезли для наказанія по ватагамъ.. Но злодѣи не вынесли всѣхъ предназначенныхъ имъ ударовъ. Сначала была совершена «сѣвкуція» на Уваринскомъ учугѣ, потомъ на рыболовномъ стану въ Сѣдлистовѣ, гдѣ умеръ подъ кнутомъ разбойникъ Шапошниковъ, ватѣмъ на ватагахъ: Травинской сенатора Бекетова, Блиновской куп. Шарапина и Бѣлужинской Дьяконова. На послѣдней не выдержалъ тяжкаго наказанія¹⁾ атаманъ и позорно кончилъ свою жизнь, безъ покаянія и молитвы; съ нимъ вмѣстѣ испустили послѣдній вздохъ разбойники Чернышевъ и Баженовъ. Крѣпче всѣхъ оказались Мухинъ, Шведцовъ, Григорьевъ и Обвертининъ. Они вынесли еще одно наказаніе на ватагѣ подъ Краснымъ Яромъ, но дальше слѣдовать уже не могли. На ватагѣ купца Займинцева ночью всѣ «безъ остатка померли».

По снятіи съ атамана «лисы»²⁾, а съ прочихъ ножныхъ кандаловъ, ихъ похоронили, въ ручныхъ оковахъ и въ надѣтомъ на нихъ платьѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они окончили свои дни³⁾.

¹⁾ Всего Заметаеву пришлось получить 590 ударовъ: въ Царицынѣ и Саратовѣ по 70-ти, въ Астрахани въ 4-хъ мѣстахъ 200 и на пяти ватагахъ 150.

²⁾ Особый видъ оковъ, употреблявшихся для важныхъ преступниковъ въ прошломъ столѣтіи.

³⁾ См. донесеніе Чичагова отъ 10 декабря. Между тѣмъ г. Мордовцевъ (на стр. 70) о казни Заметаева говоритъ такъ: «Опасались, чтобы его (Заметаева) не отняли на дорогѣ, а потому и большого (?) его оберегали попрежнему. Умершихъ въ дорогѣ разбойниковъ вѣрно было зарывать въ землю, а Заметаева и мертвого должны были возить (?) по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ грабилъ онъ, и наказывать (!). Неизвѣстно только, выдержалъ ли онъ всѣ тѣ наказанія, которыя ему назначались. Можетъ быть, долго еще трупъ его возили по взморью». —Откуда почерпнуты эти свѣдѣнія, трудно доискаться. Сомнительно, чтобы покойный Н. И. Костомаровъ могъ ихъ сообщить г. Мордовцеву... Въ выноскѣ на той же страницѣ авторъ пишетъ: «Народъ, забывшій Суворова, и теперь помнитъ Заметаева. Въ Поволжьѣ рассказываютъ о немъ довольно фантастическія исторіи». На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго нѣтъ въ Поволжьѣ, а память о Суворовѣ сохраняется въ народѣ свято и долго, навѣрно, не угаснетъ.

Извѣстіе о казни Заметаева съ его сообщниками разнеслось сейчасъ же по всей Каспійской линіи. Налуганные такой нечеловѣческой мѣрой наказанія, вскорѣ послѣ того прекратили свои воровскія бѣдствія по Волгѣ и на морѣ и остальные мятежники. Такимъ образомъ, мало-по-малу возстановилось въ краѣ спокойствіе, взбаламученное Пугачевщиной..

П. Юдинъ.

А. С. ПУШКИНЪ ВЪ СИМБИРСКЪ.

В 1833 г. А. С. Пушкинъ, собирая матеріалы для исторіи Пугачевского бунта, предпринялъ поѣздку въ Оренбургъ и, по пути, посѣтилъ Симбирскъ. Приѣхалъ онъ къ намъ изъ Казани, гдѣ, по его словамъ, «онъ возился со стариками, современниками своего героя, объѣзжалъ окрестности города, осматривая мѣста сраженій, разспрашивалъ, записывалъ и очень остался доволенъ, что посѣтилъ эту сторону». Симбирскъ, какъ избѣгшій общей участи городовъ средняго Цоволжья, хотя и видѣлъ у себя Пугачева дважды, но не въ ужасахъ казней и огня, а какъ схваченнаго государственнаго преступника, доставленнаго сюда для отправки въ Москву. Очевидно, что съ этой стороны для поэта-историка пребываніе у насъ не могло представлять особеннаго интереса, тѣмъ не менѣе изъ его писемъ къ женѣ мы видимъ, что въ Симбирскѣ онъ провелъ около четырехъ дней, изъ которыхъ одинъ имъ былъ посвященъ на поѣздку въ с. Языково. 12-го сентября, Пушкинъ пишетъ Натальѣ Николаевнѣ: «Пишу тебѣ изъ деревни поэта Языкова, къ которому заѣхалъ и не нашель дома. Третьяго дня прибылъ я въ Симбирскъ и отъ Загряжскаго ¹⁾ принялъ отъ тебя письмо. Оно обрадовало меня, мой ангелъ, но я все-таки побраню. У тебя нарывы, а ты пишешь мнѣ четыре страницы кругомъ. Какъ тебѣ не совѣстно! Не могла ты мнѣ сказать въ четырехъ строчкахъ о себѣ и дѣтяхъ...».

¹⁾ Губернатора.

Далѣе онъ говоритъ: «Сегодня ѣду въ Симбирскъ, отобѣдаю у губернатора, а къ вечеру отправлюсь въ Оренбургъ—последняя цѣль моего путешествія». Въ письмѣ отъ 14 сентября изъ Симбирска А. С. сообщаетъ: «Опять я въ Симбирскѣ. Третьяго дня, выѣхавъ ночью, отправился я къ Оренбургу. Только выѣхаль на большую дорогу, заяцъ перебѣжалъ мнѣ ее. Чортъ его побери! Дорого бы далъ я, чтобъ его затравить. На третьей станціи стали закладывать мнѣ лошадей—гляжу, нѣтъ ямщиковъ: одинъ слѣпъ, другой пьянъ и спрятался. Пошумѣвъ изо всей мочи, рѣшилъ я возвратиться и ѣхать другою дорогою; по этой, на станціяхъ, вездѣ по 6 лошадей, а почта ходитъ четыре раза въ недѣлю. Повезли меня обратно, я заснулъ, просыпаюсь утромъ — что же? Не отѣхаль я и пяти верстъ. Гора — лошади не взвезутъ; около меня человекъ 20 мужиковъ. Чортъ знаетъ, какъ Богъ помогъ — наконецъ взѣхали мы, и я воротился въ Симбирскъ. Дорого бы я далъ, чтобы быть борзой собакой; ужъ этого зайца я бы отыскалъ. Теперь ѣду опять другимъ трактомъ. Авось—безъ приключеній. Я все надѣялся, что получу здѣсь въ утѣшеніе хоть извѣстіе о тебѣ — анъ, нѣтъ. Что ты, моя женка? Какова ты и дѣти? Цѣлую и благословляю васъ. Пиши мнѣ часто и о всякомъ вадорѣ, до тебя касающемся. Кланяюсь теткѣ». Неудачный выѣздъ изъ Симбирска, приписанный по этому появленію на дорогѣ перебѣжавшаго зайца, находитъ себѣ основаніе въ его извѣстномъ расположеніи къ мистицизму и народнымъ примѣтамъ. Интересно въ этомъ отношеніи припомнить его посѣщеніе гадалщицы — нѣмки Киргофъ, съ такою прозорливостію предсказавшей поэту поразительныя подробности его ближайшаго будущаго. Случайный пріѣздъ А. С. въ Симбирскъ въ раннее, осеннее время прошелъ, повидимому, мало замѣченнымъ, и мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ привести здѣсь другихъ указаній, кромѣ тѣхъ, о которыхъ онъ самъ сообщаетъ въ своихъ письмахъ. Въ числѣ нашихъ согражданъ, правда, живы еще нѣкоторые, которые сохранили изъ своихъ дѣтскихъ воспоминаній симпатичный обликъ курчаваго поэта, съ ласкою относившагося къ дѣтямъ. Особенно знаменательнымъ для насъ является въ жизни Пушкина близость его отношеній къ знаменитымъ симбирскимъ уроженцамъ: Карамзину, А. И. Тургеневу, Языкову и Дмитріеву. Ихъ славныя имена какъ бы нераздѣльны съ именемъ поэта и дополняютъ ореолъ его славы и поэтического вліянія, которыми такъ богата была современная имъ эпоха. Нашъ почтенный землякъ и авторъ одной изъ лучшихъ біографій Пушкина и издатель его сочиненій говоритъ, что самъ незабвенный Н. М. Карамзинъ, принимавшій Пушкина часто въ кабинетъ своего царскосельскаго дома, прочитывалъ ему страницы своего труда, бесѣдовалъ съ нимъ объ отечественной исторіи и выслушивалъ мнѣнія юноши съ снисхожденіемъ. Такъ какъ записки Пушкина остались только въ отрывкахъ и клочкахъ, говоритъ его

біографъ, разсѣянныхъ по разнымъ тетрадямъ, то мы имѣемъ еще клочекъ о Н. М. Карамзинѣ, полный глубокаго уваженія и любви къ исторіографу. Въ немъ Пушкинъ рассказываетъ, какъ однимъ опрометчивымъ сужденіемъ привелъ онъ въ гнѣвъ всегда яснаго, всегда спокойнаго историка, и какъ въ самой благородной горячности его высказалась его прекрасная душа. Вообще В. А. Жуковский, Н. М. Карамзинъ и А. И. Тургеневъ всегда стояли къ Пушкину въ тѣхъ постоянно нѣжныхъ, дружескихъ отношеніяхъ, которыхъ не могъ измѣнить онъ самъ, а тѣмъ менѣе посторонніе люди или обстоятельства. Посвящая Бориса Годунова «драгоценной для Россіянъ памяти Н. М. Карамзина», авторъ заявляетъ съ благоговѣніемъ и благодарностью, что трудъ этотъ вдохновленъ его гениемъ.

Александръ Ивановичъ Тургеневъ родился въ Симбирскѣ и до поступленія въ Московскій университетскій пансіонъ провелъ свои молодые годы въ почтенной дворянской семьѣ своего отца Ивана Петровича. Здѣсь при природныхъ его душевныхъ свойствахъ развивалась въ немъ безграничная любовь къ родинѣ и научному просвѣщенію. Ему, интересовавшемуся особенно исторіей, близки были также и вопросы современной политической и общественной жизни. Онъ любилъ жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ и относился къ ней съ тѣмъ чуткимъ сердцемъ и тонкимъ пониманіемъ, которыя, освѣщая ихъ смыслъ, даютъ отвѣты на предъявленныя ею требованія. «Облетая Европу», по словамъ современниковъ, Тургеневъ интересовался всѣми, волновавшими его время, вопросами. Въ своихъ письмахъ онъ критически относился къ нѣкоторымъ явленіямъ русской общественной жизни и предлагалъ мѣры къ ихъ устраненію. Являясь горячимъ сторонникомъ освобожденія крестьянъ, онъ говоритъ, что «послѣ вся прочая къ сему приложатся». Частыя и продолжительныя путешествія создаютъ ему знакомства и дружескія отношенія съ корифеями западной науки, каковыми въ его время были Лагарпъ, Талейранъ, Гизо, Тьерри, Вальтеръ-Скоттъ и др. Въ салонѣ знаменитой Рекамье, которую онъ называлъ «милою», Тургеневъ былъ желаннымъ гостемъ. Современники цѣнили въ немъ его обширныя познанія, серьезный умъ и симпатичный, общительный характеръ. Всегда для всѣхъ безъ различія готовый протянуть руку помощи, Александръ Ивановичъ, по словамъ князя П. А. Вяземскаго, былъ провидѣніемъ всѣхъ сирыхъ, безпріютныхъ и беспомощныхъ. Въ литературномъ мірѣ онъ пользовался у себя на родинѣ искреннею дружбою Пушкина, Жуковскаго, Карамзина, Языкова, Крылова, Дмитріева и всѣхъ лучшихъ людей своего времени. Въ жизни поэта Тургеневу пришлось два раза принять участіе—во-первыхъ, содѣйствовать поступленію 12-лѣтняго Пушкина въ число 30—70 воспитанниковъ, изъ которыхъ по положенію состоялъ тогда Царско-сельскій лицей, и черезъ 26 лѣтъ провожать его прахъ въ Святогорскій Успенскій монастырь. Пушкинъ высоко цѣнилъ выдающіяся

Село Языково.

качества ума и сердца Александра Ивановича и въ одномъ изъ писемъ по поводу предствѣвшаго изданія «Евгенія Онѣгина» пишетъ ему: «Зная старую вашу привязанность къ шалостямъ окаянной музы, я было хотѣлъ прислать вамъ нѣсколько строфъ моего «Онѣгина», да лѣнь. Не знаю, пустятъ ли этого «Онѣгина» въ небесное царствіе печати; на всякій случай попробую. Послѣдняя перемѣна министерства обрадовала бы меня вполне, если бы вы остались на прежнемъ своемъ мѣстѣ. Это—истинная потеря для насъ, писателей».

Третій симбирецъ, близко стоявшій къ Пушкину, былъ поэтъ Николай Михайловичъ Языковъ. По замѣчанію П. В. Анненкова, три поэта составляли для него плеяду, поставленную имъ почти въ всякой возможности суда, а еще менѣе какого либо осужденія: Дельвигъ, Баратынскій и Языковъ. Желаніе свое познакомиться съ Языковымъ Пушкинъ выразилъ своему сосѣду-пріятелю Вульффу въ стихахъ изъ Михайловскаго. Въ это посланіе вложено было другое на имя Н. М., начинавшееся:

Издревле сладостный союзъ
Поэтовъ межъ собой связуетъ.
Они — жрецы единыхъ музъ,
Единый пламень ихъ волнуетъ и т. д.

Приглашеніе принято было съ восторгомъ. Въ 1826 году 23-го іюня Языковъ пишетъ изъ Тригорскаго къ своему брату слѣдующее: «Ты давно не получалъ отъ меня писемъ, почтеннѣйшій братъ Петръ, не моя вина, съ мѣсяць я не могъ писать къ тебѣ изъ Дерпта, потому что за пересылку писемъ требуется платить деньги. Не знаю, какая враждебная причина побуждаетъ и побуждала тебя такъ долго не оживлять моихъ финансовъ; дѣло въ томъ, что она чуть было не остановила моего путешествія въ Псковскую губернію и знакомство съ Пушкинымъ, да не тутъ-то было: я, что называется, перевернулся и теперь тамъ, гдѣ желалъ быть, и хвала за то Провидѣнію... Въ томъ же письмѣ идутъ жалобы на долги и просьба выслать денегъ, а въ заключеніе говорится: «Скоро ты получишь болѣе замѣчательное отъ пера моего—о знакомствѣ моемъ съ Пушкинымъ, о томъ, о семъ и прочемъ. Теперь жарко, рука едва перо держитъ». Къ сожалѣнію, этого интереснаго описанія въ имѣющейся у меня перепискѣ Н. М. съ братьями я не нашелъ, если не считать его за извѣстное стихотвореніе «Тригорское». Цѣлое лѣто 1826 года Языковъ гоститъ у Пушкина, и проведенное имъ время на всю жизнь осталось самымъ свѣтлымъ и отраднымъ воспоминаніемъ. Въ письмѣ къ своему университетскому товарищу и ихъ общему другу въ 1827 г. онъ пишетъ: «Я вопрошалъ совѣсть мою и внималъ отвѣтамъ ея—и не нахожу во всей моей жизни ничего подобнаго красотою нравственною и физическою, ничего пріятнѣйшаго и достойнѣйшаго сіять золотыми буквами на доскѣ памяти моего сердца, нежели лѣто

Домъ въ селѣ Языковѣ.

1826 года!» Пушкинъ былъ тогда въ лучшей порѣ своей литературной дѣятельности. Кромѣ множества мелкихъ стихотвореній въ Михайловскомъ, въ это время были написаны нѣкоторыя главы «Онѣгина», составленъ планъ и набросаны сцены «Бориса Годунова». Александръ Сергѣевичъ въ свою очередь высоко цѣнилъ поэтическія дарованія своего друга. Свои взгляды на талантъ Языкова онъ неоднократно высказывалъ въ письмахъ и стихахъ. За годъ еще до своего знакомства съ нимъ онъ писалъ Вульффу: «Благодарю васъ за воспоминанія, обнимаю васъ братски, также и Языкова; посланіе его и чувствительная элегія — прелесть. Въ посланіи послѣ тобой хранимаго стихъ пропущенъ. А стихъ Языкова мнѣ дорогъ». Совмѣстное пребываніе въ деревенскомъ уединеніи еще болѣе сблизило поэтовъ, и они до конца жизни сохранили самыя теплыя сердечныя отношенія. Переписка ихъ длилась десять лѣтъ, и Пушкинъ каждый разъ настойчиво требовалъ отъ своего друга сотрудничества въ «Современникѣ». «Будьте моимъ сотрудникомъ непремѣнно. Ваши стихи вода живая; наши — вода мертвая; мы ею окатимъ «Современникъ»; опрыснете его вашими кипучими котлями». Мы уже знаемъ, что въ 1833 году 12-го сентября Пушкинъ посѣтилъ Языкова. Приѣхавъ изъ Симбирска, онъ не засталъ дома поэта владѣльца и нашелъ только его старшаго брата Петра Михайловича¹⁾, съ которымъ провелъ вечеръ, встрѣтивъ въ немъ «человѣка чрезвычайно замѣчательнаго». На возвратномъ пути изъ Оренбурга А. С. вторично посѣтилъ Языково и на этотъ разъ засталъ своего друга дома. Въ письмѣ къ Н. Н. изъ Болдина по возвращеніи изъ путешествія онъ пишетъ: «проѣзжая мимо Языкова, я къ нему заѣхалъ, засталъ всѣхъ трехъ братьевъ, отобѣдалъ съ ними очень весело, ночевалъ и отправился сюда». Желаніе посѣтить Н. М. въ деревнѣ Пушкинъ выражалъ ему еще въ 1831 г., о чемъ онъ писалъ ему изъ Болдина: «Я былъ обрадованъ въ моемъ уединеніи приѣдомъ Александра Михайловича (третьяго брата поэта), который, къ сожалѣнію, пробылъ у меня нѣсколько часовъ. Блазнить онъ меня предложеніемъ ѣхать съ нимъ въ село Языково быть свидѣтелемъ его свободы, обѣщаясь употребить меня съ пользою; но мнѣ невозможно — жена и дѣти... Разговаривая о различныхъ предметахъ, мы рѣшили, что весьма не худо было бы мнѣ принятъ за альманахъ, или паче журналъ, я и не прочь, но для того долженъ быть увѣренъ въ вашемъ содѣйствіи. Какъ думаете, сударь?»

Три года тому назадъ, въ виду пятидесятилѣтія кончины Н. М. Языкова, я посѣтилъ Языковскій домъ и составилъ описаніе этого рѣдкаго по воспоминаніямъ мѣстнаго памятника, который до сихъ поръ сохраняетъ еще характеръ современной поэту эпохи²⁾. Изъ прихо-

¹⁾ Извѣстнаго геолога.

²⁾ См. «Истор. Вѣстн.», декабрь 1896 г.

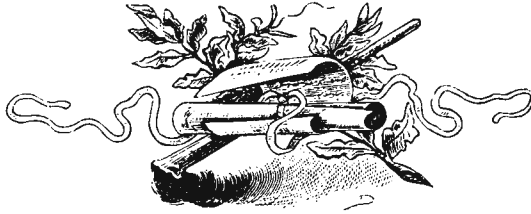
жей дома посѣтитель входитъ въ довольно обширный залъ, и направо изъ сосѣдней комнаты дверь ведетъ въ комнату, гдѣ оставивался въ свои прїѣзды Пушкинъ. Сохраняя за собой названіе «Пушкинской», комната эта средней величины, съ однимъ большимъ окномъ въ садъ, обставлена мебелью краснаго дерева домашней работы въ стилѣ empire, съ черною крашеною деревянною кроватью и въ углу типичнымъ каминомъ въ формѣ усѣченной колонны. Единственное, повидимому, измѣненіе, внесенное въ этотъ священный уголокъ—это обращеніе камина въ печь. По сохранившемуся въ семьѣ Языковыхъ разсказу извѣстно, что А. С., не заставъ въ первый разъ своего посѣщенія поэта хозяина, вырѣзалъ ему алмазнымъ перстнемъ на память на одномъ изъ стеколъ своей комнаты свое имя. Къ сожалѣнію, стекло не сохранилось, и этотъ драгоценный автографъ навсегда потерянь, какъ утрачены за побѣлкою каминна и многочисленныя надписи и эпиграммы, которыми послѣдній былъ нѣкогда покрытъ.

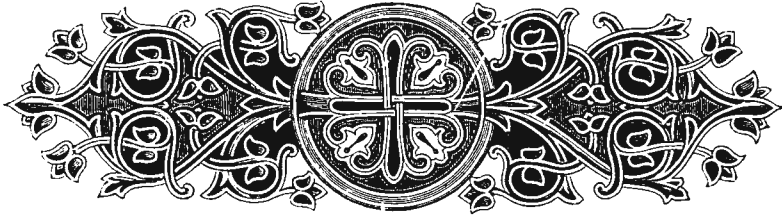
Мнѣ осталось еще сказать объ Иванѣ Ивановичѣ Дмитріевѣ, къ которому Пушкинъ питалъ, повидимому, чувства почтительнаго расположенія. Письма его къ маститому баснописцу и государственному человѣку дышатъ сердечностью и уваженіемъ; онъ особенно дорожитъ его мнѣніемъ. «Благосклонный вашъ отзывъ о «Современникѣ», пишетъ поэтъ, ободряетъ меня на поприщѣ, для меня новомъ. Постараюсь и впредь оправдать ваше доброе мнѣніе... Дай Богъ вамъ здоровья и многія лѣта! Переживите молодыхъ нашихъ словесниковъ, какъ ваши стихи переживутъ молодую нашу словесность». И. И. Дмитріевъ былъ близкій человѣкъ къ семьѣ поэта; но особенною его дружбою пользовался родной дядя А. С.—Василій Львовичъ, извѣстный своими стихами и посланіями, а болѣе любезностію и веселымъ нравомъ.

Вотъ тѣ четыре симбирца, жизнь которыхъ является тѣсно связанною съ Пушкинымъ. Всѣ эти люди были лучшими представителями своего времени и, конечно, при ихъ выдающихся дарованіяхъ и любви къ литературѣ между ними и поэтомъ установилась та взаимность уваженія и дружбы, которая легла въ основаніе ихъ отношеній. Мы уже знаемъ, какъ высоко цѣнилъ Пушкинъ заслуги нашего историографа, и какъ онъ относился къ лучшему другу Карамзина—Дмитріеву. А. И. Тургеневъ былъ своимъ человѣкомъ, а поэтъ Языковъ—этотъ «смѣлый, по выраженію кн. П. А. Вяземскаго, художникъ, мастеръ въ рѣзбѣ стиха, обильнаго красками и звуками», былъ всегда желаннымъ гостемъ и собесѣдникомъ Михайловскаго. Нашимъ землякамъ выпала завидная доля встрѣтить на своемъ жизненномъ пути такое геніальное, поэтическое дарованіе; но и имъ принадлежитъ несомнѣнно нѣкоторая доля участія и вліянія на развитіе этого геніальнаго дарованія, которое они, одни изъ первыхъ, сумѣли по достоинству оцѣнить. Среда кладетъ свой отпе-

чатокъ, а послѣдній является продуктомъ воззрѣній на окружающую природу и людей. Карамзинъ былъ тогда въ апогеѣ своей славы. Онъ и Дмитріевъ открыли широко двери русскому слову. Являясь на почвѣ исторіи проповѣдникомъ русскихъ, національныхъ идей, Карамзинъ создаетъ цѣлую школу послѣдователей по пути народнаго самопознанія. Знаменитые корифеи славянофильства, близкіе по родству и мыслямъ люди Языкову и Тургеневу, дополняютъ эту плеяду передовыхъ русскихъ людей, съ которыми нашъ незабвенный поэтъ былъ въ непрерывномъ общеніи. Въ немъ, какъ въ фокусѣ обширнаго диска, отразился весь духовный міръ народной поэзіи, и мы должны быть горды сознаниемъ, что въ этомъ дискѣ землякамъ нашимъ должно быть отведено не послѣднее мѣсто.

В. Поливановъ.

ПАМЯТНИКИ НА КАГУЛЬСКОМЪ ПОЛѢ СРАЖЕНІЯ.

Въ 1880 году, участвуя въ полевой поѣздкѣ офицеровъ генеральнаго штаба Одесскаго военнаго округа, мнѣ пришлось исполнить рядъ рекогносцировочныхъ работъ въ средней и южной частяхъ Бессарабіи. Въ одну изъ такихъ рекогносцировокъ, произведенную между городами Болградомъ и Кагуломъ, я совершенно неожиданно наткнулся на два памятника, расположенные одинъ по близости другого въ окрестностяхъ с. Волканешти. Оказалось, что я очутился на мѣстности, гдѣ происходила ровно 100 лѣтъ тому назадъ знаменитая Кагульская битва (21 іюля 1770 г.). Эта мѣстность представляетъ степь, перерѣзанную нѣсколькими балками, образуемыми гребнями возвышенностей, которыя отдѣляютъ р. Кагуль отъ р. Ялпухъ. На первой изъ этихъ рѣчекъ, текущей въ довольно широкой долинѣ съ отлогими берегами, живописно раскинулось с. Волканешти. Памятники, расположенные по сторонамъ проселочной дороги, ведущей въ это селеніе отъ станціи Траяновъ-Валь (Бендеро-Галацкой желѣзной дороги), невольно привлекли мое вниманіе. Мертвая тишина, царствовавшая кругомъ, и одинокое расположеніе памятниковъ въ пустынной мѣстности производили особое торжественно важное впечатлѣніе. При взглядѣ на нихъ, мысли невольно воспроизводили ту кровавую драму, которая, 100 лѣтъ тому назадъ, разыгралась на этихъ теперь мирно спящихъ поляхъ, обливаемыхъ теплыми лучами заходящаго солнца... Я долго не могъ оторваться отъ созерцанія памятниковъ, весьма хорошо сохранившихся. Я тутъ же набросалъ карандашемъ эскизы ихъ и списалъ сохранившіяся надписи. Эта мѣстность принадлежала къ той части территоріи южной

Бессараби, которая по парижскому трактату 1856 года была отдана Румыни, а послѣ послѣдней русско-турецкой войны 1877—1878 гг. возвращена Россіи.

Кагульскіе памятники должны быть причислены къ однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ на Руси, въ особенности, съ военной точки зрѣнія, ибо побѣда, одержанная Румянцевымъ на Кагулѣ, одна изъ самыхъ блистательнѣйшихъ въ лѣтописяхъ русскаго оружія. Въ русско-турецкую войну 1769—1774 гг., послѣ пораженія русскими соединенныхъ силъ крымскаго хана и Абды-паши у Ларги (7 іюля 1770 г.), верховный визирь Халиль-паша, стоявшій у Исакчи на правомъ берегу Дуная съ 150-ю-тысячной арміей, рѣшилъ атаковать русскихъ. 14-го іюля онъ переправилъ свои войска чрезъ Дунай и 16-го подошелъ къ устью Кагула, намѣреваясь атаковать русскихъ съ фронта, а крымскому хану, стоявшему съ 80-ю тысячами у озера Ялпуха, приказалъ ударить въ тылъ на ожидавшійся русскими со стороны Фальчи транспортъ съ продовольствіемъ. 20-го іюля армія визиря, въ составъ которой входили 10 тысячъ янычаръ, представлявшихъ отборное турецкое войско, поднялась по лѣвому берегу Кагула, остановилась у Волканешти, разбила лагерь и немедленно приступила къ возведенію передъ нимъ окоповъ, слѣды коихъ замѣтны и по настоящее время.

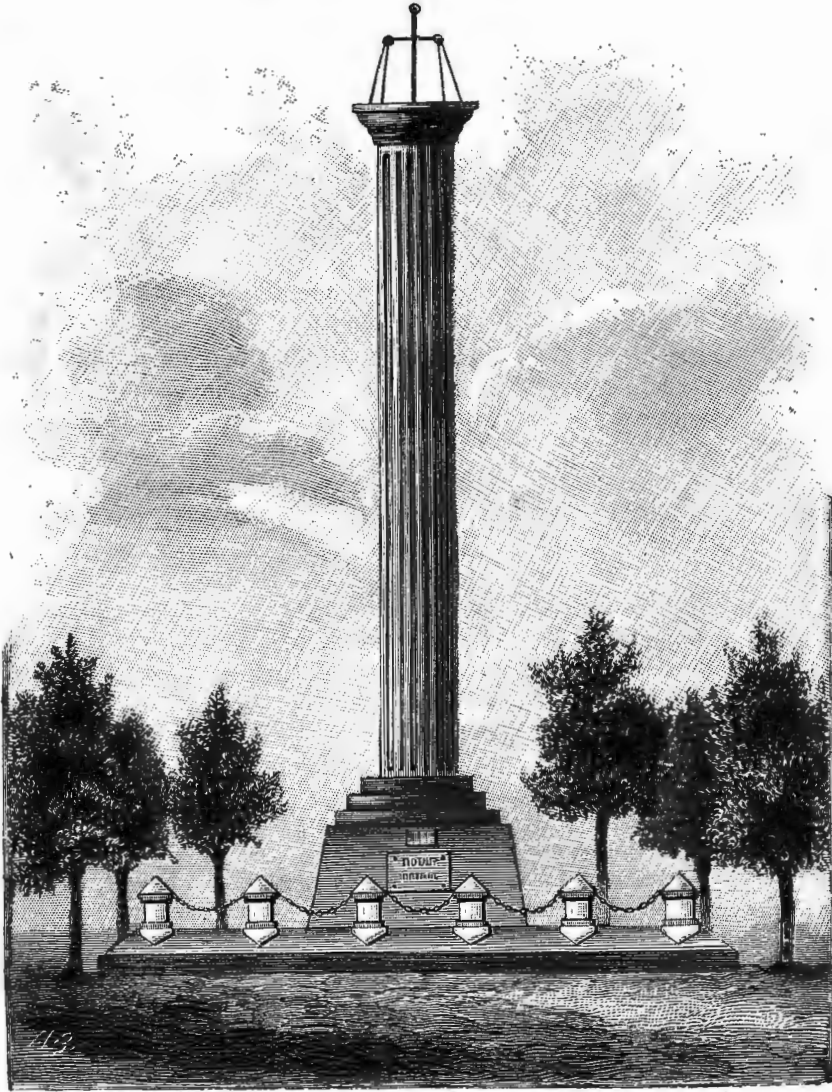
Графъ Румянцевъ, силы коего простирались только до 23.000 человекъ, то-есть, въ десять разъ уступали силамъ непріятельскимъ, рѣшилъ предупредить атаку турокъ, воспользовавшись превосходнымъ состояніемъ духа своихъ войскъ послѣ недавно одержанной побѣды у Ларги. 16-го іюля онъ двинулся къ деревнѣ Грегени, въ часъ ночи 21-го выступилъ отсюда и на разсвѣтѣ перешелъ Траяновъ валъ, весьма выгодный для обороны, но которымъ турки не воспользовались, и построилъ войска въ боевой порядокъ. Вслѣдствіе открытой мѣстности и въ виду многочисленной турецкой конницы, Румянцевъ приказалъ войскамъ образовать нѣсколько карре. Замѣта движеніе непріятеля, турки выслали изъ лагерь массы конницы, которая въ 4 часа утра стремительно и нѣсколько разъ атаковала всю нашу линію, прорываясь между карре; но послѣднія, отбивая всѣ атаки конницы огнемъ, продолжали подаваться впередъ. Въ 8 часовъ утра русскіе подошли къ турецкимъ укрѣпленіямъ, состоявшимъ изъ сильнаго вала (въ центрѣ три линіи валовъ) и тянувшимся отъ Волканешти вдоль фронта почти на 2 версты. На этомъ валу стояло до 150 орудій, которыя и открыли сильнѣйшій огонь по подходившимъ нашимъ каре. Между тѣмъ верховный визирь рѣшилъ встрѣтить атаку контръ-атакою 10 тысячъ янычаръ, которые вышли изъ-за вала и стремительно ударили въ сабли на каре Племянникова, ворвались въ него, опрокинули и, преслѣдуя русскихъ, устремились на другое каре Олица и привели часть его въ разстройство. Но остальная турецкая пѣхота (40 тысячъ) оста-

валась въ это время за валами и не поддержала янычаръ. Побѣда уже готова была склониться на сторону турокъ, когда графъ Румянцевъ, замѣтивъ поражение Племянникова, поскакалъ навстрѣчу бѣгущимъ и однимъ «ребята стой!» остановилъ ихъ; въ ту же минуту 1-й гренадерскій полкъ (изъ карре Олица) пошелъ на янычаръ и ударилъ на нихъ въ штыки съ фронта, а наша кавалерія атаковала ихъ во флангъ. Янычары обратились въ бѣгство. Этотъ успѣхъ воодушевилъ наши войска, которыя снова, построивъ карре, подъ непріятельскимъ артиллерійскимъ огнемъ, двинулись къ валамъ. Около 9 часовъ утра укрѣпленія послѣдовательно были взяты, и на нихъ захвачено до 100 орудій. Въ то же время корпусъ Репнина успѣлъ зайти въ тылъ туркамъ. Замѣтивъ это, великій визирь приказалъ отступать, но турками овладѣлъ такой панической страхъ, что они вскорѣ обратились въ поспѣшное бѣгство... Весь непріятельскій лагерь, 140 орудій, обозы, множество скота, багажа, припасовъ и проч. досталось въ руки побѣдителей, потерявшихъ въ этомъ бою до 1.000 человекъ, тогда какъ уронъ турокъ простирался до 20.000 человекъ, при чемъ янычары были почти всѣ перебиты.

За Кагульскую побѣду графъ Румянцевъ былъ возведенъ въ званіе фельдмаршала. Послѣдствіемъ этого сраженія было разбѣяніе арміи великаго визиря, остатки которой спѣшили убраться за Дунай, и быстрое отступление къ Аккерману крымскаго хана, не успѣвшаго принять участіе въ бою¹⁾.

¹⁾ Въ 1882 г. мнѣ случилось опять побывать на Дунаѣ, сопровождая бывшаго одесскаго генераль-губернатора и командующаго войсками одесскаго военного округа генераль-адъютанта (нынѣ генераль-фельдмаршала) Гурко, во время поѣздки его для обозрѣнія Бессарабіи. Пересѣвъ у г. Рени на пароходъ, любезно предложенный нашимъ бывшимъ въ Галацѣ генеральнымъ консуломъ г. Романенко, мы отошли внизъ по Дунаю, для обозрѣнія прибрежныхъ городовъ Измаила и Килии и пос. Вильново. Проходя мимо Исакчи, я замѣтилъ на правомъ берегу Дуная огромный курганъ и полюбопытствовалъ узнать отъ г. Романенко, насъ сопровождавшаго, что означаетъ этотъ курганъ, и не связаны ли съ нимъ какія либо историческія воспоминавія. Тогда г. Романенко мнѣ сообщилъ, что по мѣстнымъ преданіямъ происхожденіе кургана объясняется слѣдующимъ образомъ: когда турецкій султанъ узналъ о пораженіи своей арміи на Кагулѣ, онъ пришелъ въ такой неописанный гнѣвъ, что приказалъ великаго визиря, командовавшаго войсками въ этомъ сраженіи, одѣть въ полное боевое снаряженіе, посадить на коня и живымъ закопать въ землю, а надъ нимъ насыпать громаднѣйшій курганъ, для увѣковѣченія своего суроваго приговора.

Не могу также не вспомнить здѣсь, что во время этого нашего плаванія по Дунаю, когда мы проходили мимо того мѣста, гдѣ въ 1828 году происходила переправа русскихъ черезъ Дунай въ присутствіи императора Николая I (близъ Сатукова), у генерала Гурко зародилась мысль увѣковѣчить это знаменитое событіе постановкою памятника на берегу Дуная, именно въ томъ пунктѣ, гдѣ происходила переправа. Какъ известно, эта мысль была встрѣчена весьма сочувственно, и памятникъ нынѣ поставленъ и освященъ. Невдалекѣ на томъ мѣстѣ, откуда императоръ Николай I, окруженный свитой, наблюдалъ за ходомъ пере-

Памятникъ графу Румянцеву на полѣ Кагульской битвы.

Таковы были, вкратцѣ, ходъ Кагульской битвы и ея послѣдствія.

На рисунокѣ № 1 изображенъ памятникъ, воздвигнутый въ честь побѣды, одержанной русскими надъ могущественнымъ въ то время врагомъ. Памятникъ сооруженъ изъ дикаго сѣраго камня и пред-

правы, и куда упало непріятельское ядро, не причинивъ никому вреда, построенъ былъ небольшою Оерапонтиевъ монастырь, въ память чудеснаго спасенія государя отъ опасности.

ставляетъ колонну въ дорическомъ стилѣ, съ чугуннымъ крестомъ на верху. Высота колонны около 70 футовъ, и окружена она чугунными гумбами, соединенными цѣпями. Весь памятникъ расположенъ на возвышенной площадкѣ, окруженной ровомъ. На лицевой сторонѣ, обращенной къ дорогѣ, въ основаніе памятника вдѣлана доска изъ чернаго мрамора, на которой бронзовыми накладными буквами изображена слѣдующая надпись:

Памятникъ сей
незабвенной битвы
въ которой пали на всегда
свирѣпые янычары
нѣсколько столѣтій
устрашавшіе Европу, Азію и Африку
Поставленъ
по велѣнію
Николая Императора
Самодержца всея Россіи
при
Новороссійскомъ и Бессарабскомъ
генераль-губернаторѣ графѣ Воронцовѣ
и при
Бессарабскомъ военномъ губернаторѣ Оедоровѣ.

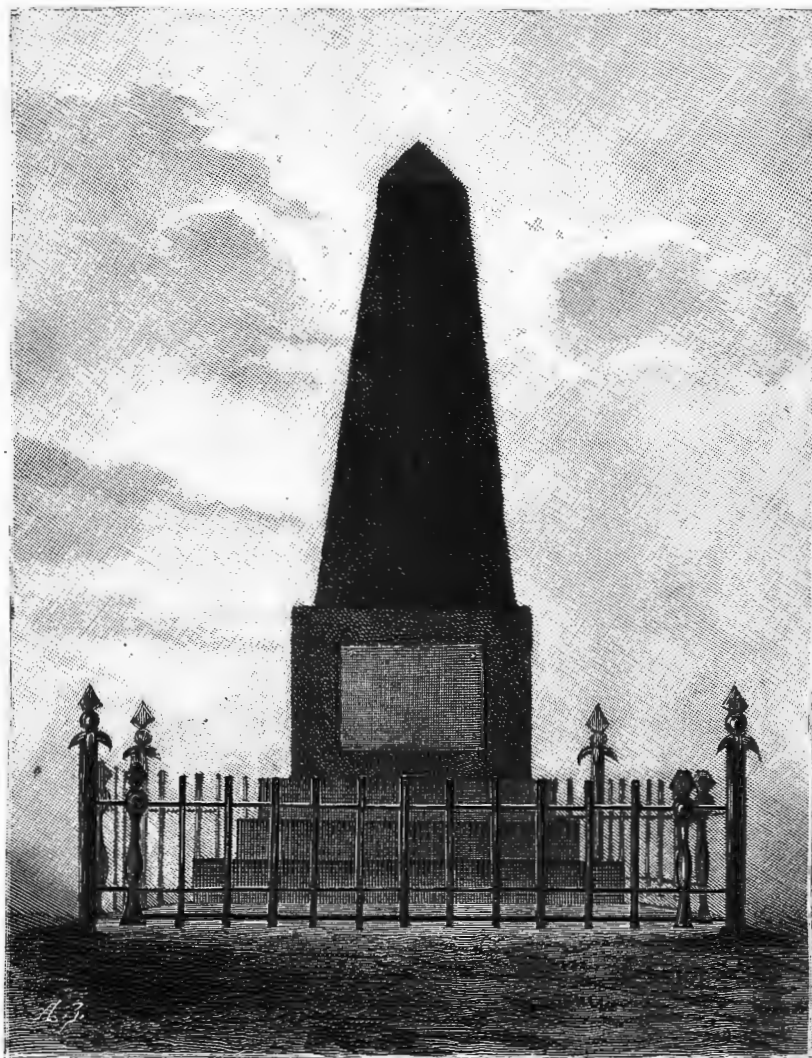
Другая надпись на этомъ памятникѣ гласитъ:

Non solum armis.

Въ числѣ славныхъ участниковъ Кагульской битвы былъ графъ Семенъ Воронцовъ, отецъ знаменитаго свѣтлѣйшаго князя и генераль-фельдмаршала Михаила Семеновича Воронцова (1782—1856). Графъ Семенъ Воронцовъ особенно отличился въ битвахъ при Ларгѣ и Кагулѣ, хотя впоследствии посвятилъ свою дѣятельность дипломатической службѣ, бывъ сначала полномочнымъ министромъ въ Венеціи (1783—1785), а потомъ посломъ въ Лондонѣ (1785—1806); онъ скончался въ 1832 году.

На рисункѣ № 2 изображенъ памятникъ, расположенный по близости описаннаго выше памятника, но по другую сторону дороги въ с. Волканешти. Онъ поставленъ въ память графа Семена Воронцова его сыномъ графомъ Михаиломъ Семеновичемъ Воронцовымъ въ бытность послѣдняго новороссійскимъ и бессарабскимъ генераль-губернаторомъ. На этомъ памятникѣ, представляющемъ пирамиду незначительной высоты, изображены слѣдующія надписи:

А) На сторонѣ, обращенной къ дорогѣ:

Памятникъ графу Воронцову на полѣ Кагульской битвы.

Вблизи сего мѣста
 21 іюля 1770 года
 въ день Кагульской битвы
 подполковникъ графъ Семенъ Воронцовъ
 вѣдя сводный гренадерскій баталіонъ
 изъ полковъ
 1 и 3 гренадерскихъ составленный
 первымъ вступилъ
 въ турецкій ретраншементъ.

Б) На правой боковой сторонѣ:

Памятникъ сей
Обожаемому Родителю
поставилъ
Благодарный сынъ
Новороссійскій и Бессарабскій
генераль-губернаторъ
Графъ Михаилъ Воронцовъ
1845.

В) Наконецъ, на третьей сторонѣ изображенъ гербъ графовъ Воронцовыхъ съ девизомъ:

Semper immota Fides.

Въ заключеніе, замѣчу, что когда я дѣлалъ наброски кагульскихъ памятниковъ (сентябрь 1880 г.), то на первомъ изъ нихъ недоставало уже нѣкоторыхъ буквъ въ надписи. Хотя при большомъ памятникѣ и была выстроена при входѣ на валъ небольшая каменная сторожка съ башенкой, но она оказалась необитаемой. Очевидно, что съ отходомъ части нашей территоріи къ Румыніи и охрана памятниковъ была снята. Быть можетъ, настоящая замѣтка побудитъ обратить вниманіе на возстановленіе надписи на большомъ памятникѣ во всей ея цѣлости, и будутъ приняты мѣры къ огражденію знаменитыхъ памятниковъ отъ какого либо разрушенія. Нѣтъ ничего драгоцѣннѣе для народа, какъ сохраненіе въ священной неприкосновенности памятниковъ его славнаго прошлаго въ назиданіе грядущимъ поколѣніямъ...

Н. А. фонъ-Фохтъ.

СКЕМПЕ — ПОЛЬСКИЙ ЛУРДЪ.

БЫТЬ въ бывшей землѣ Добржинской и не совершить путешествія въ Скемпе для набожнаго католика то же самое, что побывать въ Римѣ и не увидѣть папы. Скемпе для этой части края служитъ тѣмъ же самымъ, чѣмъ Лоретто для Италіи, *Maria del Pilar* для Испаніи, Лурдъ для южной Франціи и Ченстохово для всей Польши и сосѣднихъ съ нею католическихъ странъ. Многочисленныя толпы пилигримовъ обоего пола и всякаго возраста собираются сюда ежегодно со всего края, на отпускъ, торжественно отправляемый 8 сентября (по новому стилю) въ день Рождества Богоматери. Эти толпы привлекаетъ сюда чудотворная статуя Богородицы, извѣстная подъ именемъ Скемпской Божіей Матери, находящаяся въ монастырскомъ костелѣ въ деревнѣ Вымыслинѣ (при самомъ Скемпе).

Поэтическая легенда передаетъ потомству подробности чудеснаго явленія этой статуи и объясняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ исторію возникновенія костела.

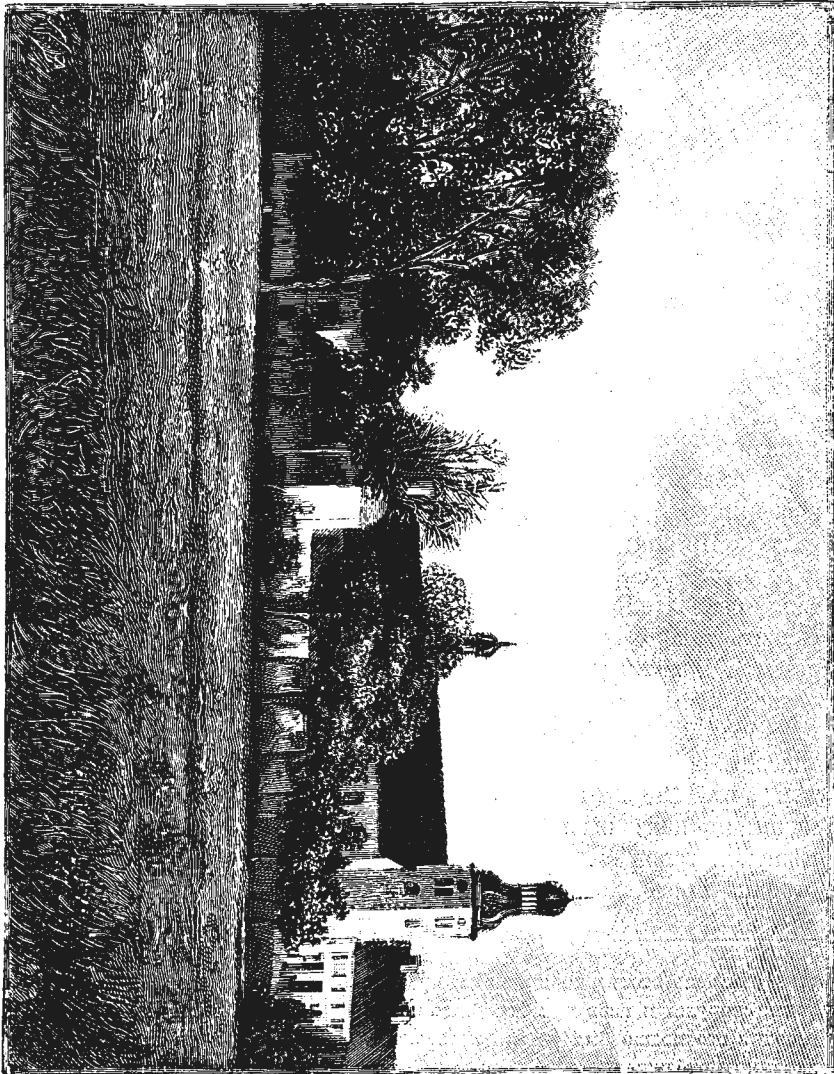
Спустя сто лѣтъ послѣ того, какъ Ясная Гора прославилась чудотворнымъ образомъ Богоматери, начали ходить слухи, что на заброшенной дорогѣ, между Скемпе и Липно, стала по временамъ являться Богородица. Ее видѣли отошедшія далеко отъ дома дѣти, робкая дѣвушка, спѣшившая подъ вечеръ домой, усталый поселенинъ, возвращавшійся съ поля. Рассказывали, что надъ громаднымъ камнемъ, лежавшимъ тамъ съ незапамятныхъ временъ, часто пока-

зывается необыкновенный свѣтъ ¹⁾). Слухи эти становились все болѣе и болѣе настойчивыми. Наконецъ, въ 1480 г., одинъ набожный прослоюдникъ сподобился увидѣть Божию Матерь лицомъ къ лицу и услышать отъ нея повелѣніе поселить на томъ мѣстѣ монаховъ, которые отправляли бы ежедневно богослуженіе. На мѣстѣ явленія Богоматери поставили деревянный крестъ, и народъ, жаждущій чудесъ, началъ собираться къ нему во множествѣ. Наконецъ, какой-то познанскій мѣщанинъ, по имени Янъ, пришедши издалека, передалъ тогдашнему владѣльцу Скемпе, каштеляну Николаю Косцѣлецкому, волю Пресвятой Дѣвы: на мѣстѣ креста выстроить костель. Въ 1495 году Косцѣлецкій приказалъ выстроить небольшой деревянный костель во имя Благовѣщенія Пресвятой Богородицы и тогда же былъ свидѣтелемъ чуда надъ своею собственною дочерью. Софья Косцѣлецкая была разбита параличемъ. Когда ее несли въ костель, она на половинѣ дороги соскочила съ носилокъ и дошла до него сама, пѣшкомъ. Желая, въ благодарность за исцѣленіе, украсить новый храмъ хорошимъ изображеніемъ Божіей Матери, Софья отправилась въ Познань, чтобы приобрести его. Долго и напрасно искала она, чего хотѣла. На послѣдокъ зашла къ одному живописцу. Тотъ отвѣтилъ, что не имѣетъ образовъ. Дѣвушка попросила позволенія осмотрѣть мастерскую и нашла деревянную, небольшую статую Пресвятой Дѣвы, къ крайнему изумленію ховяина мастерской, который не только не дѣлалъ, но даже не подозрѣвалъ существованія у себя этой фигуры. На вопросъ Софьи о цѣнѣ онъ не посмѣлъ сказать таковую, но позволилъ паннѣ Косцѣлецкой взять находку даромъ. Въ слѣдующемъ году статуя была установлена въ главномъ алтарѣ костела ²⁾). Въ то время владѣтелемъ Скемпе былъ уже другой Косцѣлецкій — прелатъ, а послѣ епископъ хелминскій. Онъ пригласилъ бернардиновъ изъ одного монастыря подъ Калишемъ, а затѣмъ, въ 1498 г., возвелъ каменное трехъ-этажное зданіе для помѣщенія въ немъ вызванныхъ монаховъ. Въ 1508 году тотъ же Косцѣлецкій заложилъ на мѣстѣ деревяннаго костела каменный. Постройка продолжалась три года, и когда была окончена, епископъ

¹⁾ Камень этотъ, по преданію, представлялъ собою удивительную игру природы: снаружи и изнутри онъ былъ исчерченъ крестиками, такъ что въ каждомъ осколкѣ его можно было найти крестъ. Ему приписывали свойство поражать болѣзнями приближавшихся къ нему грѣшниковъ, особенно пьяницъ. Куда онъ исчезъ — неизвѣстно. Думаютъ, что монахи, когда здѣсь впоследствии возникъ бернардинскій монастырь, приказали его вмазать въ фундаментъ («Encyclopedia kościelna» еписк. Михаила Новодворскаго, т. II, 223).

²⁾ Такимъ образомъ въ 1896 году исполнилось 400 лѣтъ со времени явленія Скемпской Божіей Матери. Празднованіе юбилея было приурочено къ 8 сентября (н. с.). Стеченіе богомольцевъ было громадное. По свѣдѣніямъ газеты «Kurjer Codzienny», численность ихъ доходила до 30.000 чел.

Косцѣлецкій надѣлилъ костель изъ своихъ помѣстевъ разными угодьями. Дарственные записи его впоследствии подтвердили короли Сигизмундъ-Августъ II, Сигизмундъ III и Владиславъ IV.

Костель, в. Скемпс.

Этотъ-то костель и существуетъ до настоящаго времени. За триста восемьдесятъ четыре года своего существованія немало онъ претерпѣлъ передѣлокъ. Онъ клонился главнымъ образомъ къ увеличенію храма путемъ удлиненія зданія, такъ что современный скемпскій костель представляетъ собою огромное длинное и узкое

зданіе, лишенное опредѣленнаго стиля ¹⁾). Съ фронтальной стороны къ нему примыкаетъ четырехугольная колокольня съ часами. Съ лѣвой стороны костела съ нимъ соединяется сводчатая, кирпичная, открытая галлерей, съ аркадами, покоящимися на 38 столбахъ. Стѣны ея украшены фресками изъ исторіи страданій Спасителя. По ея угламъ возвышаются башенки, высокою каждая до 4 саж. По серединѣ галлерей — каплица надъ склепомъ фамиліи Зелинскихъ. Тутъ погребенъ и даровитый авторъ Kirgiz'a — поэтъ Густавъ Зелинскій (р. 1809 г., † въ концѣ 1870 г.).

Дверь въ углу галлерей у главной башни ведетъ на паперть — съ надгробіями разныхъ, здѣсь погребенныхъ лицъ, среди которыхъ встрѣчаются довольно извѣстныя имена, а отсюда уже въ костелъ.

Костелъ производитъ на зрителя прекрасное впечатлѣніе грандіозными размѣрами, обиліемъ свѣта, изяществомъ и богатствомъ украшеній. Храмъ громаденъ и, благодаря своей слишкомъ удлиненной формѣ, внутри кажется нѣсколько низкимъ. Средняя часть его (нава) покоится на 12 кирпичныхъ општукатуренныхъ пилястрахъ, увѣнчанныхъ капителями іоническаго ордена. Изъ 22 сводчатыхъ эллиптической формы оконъ падаетъ внутрь зданія много свѣта и даетъ разсмотрѣть старую превосходную живопись сводовъ, обновленную уже въ позднѣйшія времена.

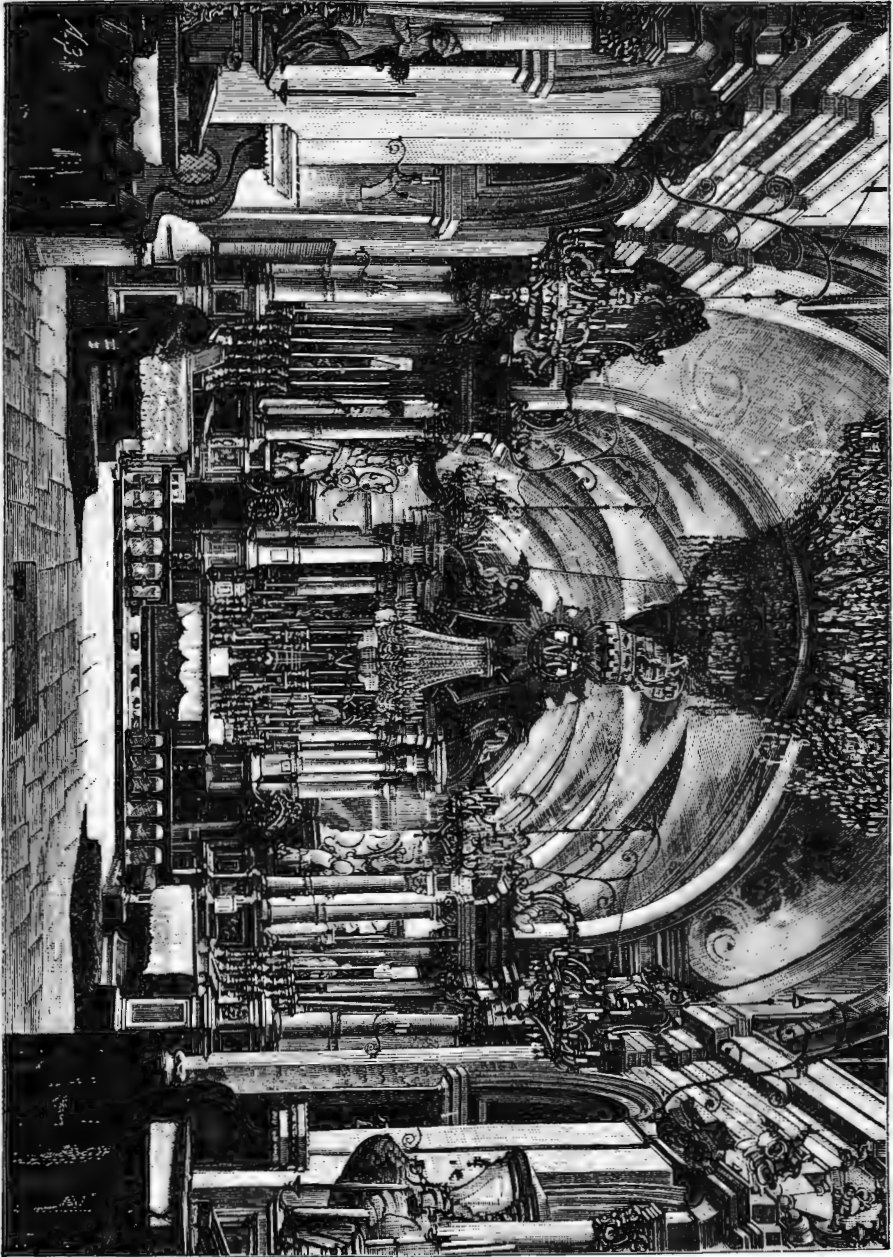
Въ костелѣ все — новое, бѣлое и золоченое, нигдѣ не встрѣтите пестроты и колеровъ, которые бы своею чрезмѣрною яркостью рѣзали глаза.

Алтари тоже все бѣлые съ позолотою.

Главный алтарь, украшенный фигурами разныхъ святыхъ, поддерживаютъ 6 колоннъ и 8 пилястръ съ коринтскими капителями.

Въ серединѣ его, надъ престоломъ, довольно высоко помѣщается статуетка Дѣвы Маріи, вывезенная изъ Познани панною Косцѣлецкою, прославившаяся своими чудесами. Статуетка, вышиною 1 аршинъ и 3 вершка, представляетъ Божию Матеръ въ дѣтскомъ возрастѣ, съ опущенными dolu очами и сложенными для молитвы руками, съ короною на головѣ, окруженною 12 звѣздочками и лучами, стоящую на полумѣсяцѣ, поддерживаемомъ двумя херувимами. Фигура — деревянная, покрыта серебряною съ позолотою ризою, ниспадающею безъ всякихъ складокъ; корона серебряная, вызолоченая, украшенная дорогими камнями (едва ли теперь это не имитация изъ стекла...), ангелы и полумѣсяцъ — серебряные. По обѣимъ сторонамъ и ниже статуи развѣшано множество золотыхъ и серебряныхъ привѣсковъ (vota), изображающихъ сердца, руки и ноги. Это — дары испѣленныхъ. Чудеса отъ фигуры Богоматери были разсмотрѣны въ прошломъ столѣтіи особою комиссіею, назначенною плоцкимъ епи-

¹⁾ Нынѣ костелъ имѣетъ длины слишкомъ 16 саж., ширины около 9 саж. и высоты до 4 саж.

Внутренній видъ костела въ Сремпе.

скопомъ Иосифомъ-Евстаѳіемъ Шембекомъ. О результатахъ занятій комиссіи было доведено до свѣдѣнія Рима, и тотъ же епископъ Шембекъ получилъ отъ папы Бенедикта XIV позволеніе короновать статую Пречистой Дѣвы. И вотъ въ Троицынъ день 1755 г. хелминскій епископъ суффраганъ (викарный) Фабіанъ Плонсковскій совершилъ обрядъ коронаціи. Статуя Скемпской Богородицы обыкновенно заслоняется писанною на полотнѣ масляными красками картиною Благовѣщенія. Деревянная точеная баллюстрада отдѣляетъ главный алтарь отъ остальныхъ частей храма.

За баллюстрадою, по лѣвой рукѣ, новая, деревянная, искусной работы съ рѣзными украшеніями епископская каеэдра.

По правой же рукѣ, въ стѣнѣ, мраморные надгробные памятники, съ медальонами-портретами на мѣди Игнатія-Антонія Збоинскаго и его жены и съ надписями.

Въ томъ же самомъ стилѣ, какъ главный алтарь, — два алтаря, по одному съ каждой его стороны и другіе два въ средней части костела. Образа въ нихъ—хорошаго письма. Въ правомъ алтарѣ средней части костела заслуживаетъ вниманія портретъ епископа на стѣнѣ, какъ кажется, строителя этой базилики—Косцѣлецкаго.

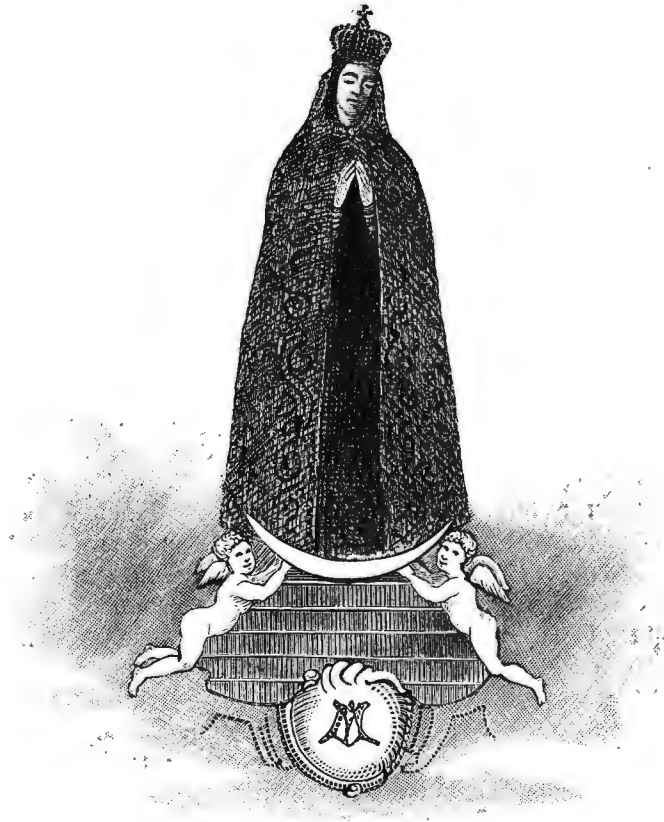
Направляясь къ выходу, встрѣчаемъ на пути каплицу съ двумя алтарями, не представляющими собою ничего выдающагося. Происхожденія она болѣе поздняя, чѣмъ самый костелъ, хотя своею архитектурою во всемъ гармонируетъ съ нимъ.

Съ правой стороны храма съ нимъ соединяются два трехъ-этажныя каменные зданія, служившія помѣщеніемъ для братіи нынѣ уже упраздненнаго (въ 1864 г.) монастыря. Теперь въ одномъ изъ этихъ зданій и въ пристройкахъ къ нему помѣщается Вымыслинская учительская семинарія. Далѣе идутъ равныя постройки, предназначавшіяся для хозяйственныхъ надобностей монаховъ, тянется обширный садъ, окруженный со стороны Липно высокою стѣною, въ которомъ когда-то былъ разводимъ виноградъ и росли смоквы¹⁾, а еще дальше запущенное кладбище со своими катакомбами.

Любопытство влечетъ обозрѣвателя на монастырское кладбище. Послѣднее, по закрытіи монастыря, пришло въ совершенное запустѣніе... Остались слѣды катакомбъ, бывшихъ въ свое время, какъ можно судить по сохранившимся кое-гдѣ надписямъ надгробныхъ таблицъ, пантеонъ бывшей земли Добржинской и Липновскаго повѣта. Староста Янъ Осняловскій, Онуфрій и Теодоръ Хелминскіе, подкоморій Карвосьцкій, Рець и многіе другіе именитые люди нашли здѣсь для себя мѣсто вѣчнаго упокоенія. Большинство могилъ

¹⁾ «Pamięt. relig.-moralny», т. XXXIII, № 10, 383. Скемпскіе бернардины вообще оставили по себѣ добрую память: помимо своихъ чисто морально-религіозныхъ обязанностей; они были хорошими хозяевами и воспитателями юношества, при монастырѣ долгое время существовала школа и духовный новиціатъ.

совершенно заросло. Царящая здѣсь чисто могильная тишина теперь нарушается только крикомъ цаплей и чаекъ, составляющихъ особенность здѣшней мѣстности. Огромныя стаи ихъ появляются здѣсь сряду по прилетѣ аистовъ. Боръ, среди котораго расположено кладбище, служить для нихъ удобнымъ жилищемъ, а лежащія по близости озера доставляютъ пернатымъ гостямъ обильное пропита-

Фигура Скемпской Божіей Матери.

ніе. Лишь позднею осенью, по отлетѣ аистовъ, цапли и чайки оставляютъ берега скемпскихъ озеръ и тамошніе лѣса.

Отсюда до Скемпе, давшаго свое имя столь почитаемой святыни католическаго міра, какъ говорится, подать рукою.

Скемпе—въ настоящее время посадъ Липновскаго уѣзда Плоцкой губерніи. Отъ уѣднаго города Липно отстоитъ въ 11 верстахъ. Расположенъ на песчаномъ перешейкѣ, образуемомъ нѣсколькими озе-

рами, отъ чего, по всей вѣроятности, и получилъ свое названіе ¹⁾. До 1870 г. Скемпе былъ заштатнымъ городомъ. Основаніе его относится къ первой половинѣ XV ст. Онъ составлялъ собственность сначала Косцѣлецкихъ, послѣ Дзялынскихъ, а съ 1620 г. находится во владѣніи Зелинскихъ. Теперь въ Скемпе свыше полутораста домовъ, находится гминное управленіе, гминный судъ и начальное училище. Постояннаго народонаселенія считается до 1500 душъ, въ томъ числѣ нѣсколько сотъ евреевъ. Было время, когда здѣсь жили одни только христіане, евреевъ совсѣмъ не было. Одинъ изъ старыхъ историковъ Скемпе, г. Александръ Славенко-Славинскій ²⁾, прослѣдилъ за ростомъ еврейскаго населенія въ этой мѣстности съ 1818 г.,—когда евреи впервые тутъ появились,—по 1857 годъ.

Въ 1818 г. въ Скемпе было христіанъ 775, евреевъ же только 15
» 1824 » » » » 889 » уже 40
» 1830 » » » » 927 » » 55
» 1857 » » » » 1003 » » 195

Нѣсколько чиновниковъ, ремесленниковъ, преимущественно же земледѣльцы — вотъ составъ скемпскаго населенія.

Сообщеніе со Скемпе удобно, особенно лѣтомъ: отъ Скемпе до Липно и далѣе отъ Липно до уѣзднаго города (Варшавской губ.) Влоцлавска хорошее шоссе, а отъ Влоцлавска до Варшавы по варшавско-бромбергской желѣзной дорогѣ, или по Вислѣ, на пароходѣ. Впрочемъ, благочестивые паломники предпочитаютъ проходить этотъ путь пѣшкомъ, распѣвая:

Pod Twoję obronę uciekamy się,
Święta Boża Rodzicielko...

Г. Воробьевъ.

¹⁾ Польское кѣра значитъ: островъ, образуемый песчаными наносами. Скемпе встрѣчается въ историческихъ актахъ и у старинныхъ писателей подъ разными именами: Skempe, Skompe, Skonpe, даже Oppidum Scharense (у франц. Гонзаго ср. «Encykl. kośc.», II, 223).

²⁾ «Pamięt. rel.-moral.», 396.

ЮБИЛЕЙНАЯ ЛИТЕРАТУРА О ПУШКИНѢ ¹⁾.

V.

РЕДИ массы книгъ и брошюръ, посвященныхъ всестороннему изученію Пупкина, останавливаетъ на себѣ вниманіе книга г. В. Каллаша, озаглавленная— «Русскіе поэты о Пушкинѣ». Это—обширный сборникъ стихотвореній, числомъ 226, которыя имѣютъ или непосредственное или болѣе или менѣе близкое отношеніе къ Пушкину. Въ немъ, въ этомъ сборникѣ, нашла себѣ мѣсто полная поэтическая оцѣнка Пушкина, которая, какъ справедливо замѣтилъ составитель, была отчасти отраженіемъ оцѣнки общественной и въ свою очередь вліяла на нее. Поэты самыхъ различныхъ направленій и степеней дарованія привѣтствовали и воспѣвали Пушкина, передъ мощью котораго всѣ направленія сливались въ одинъ согласный хоръ восторга и удивленія. Какъ свидѣтельствовалъ самъ Пушкинъ о себѣ, «старикъ Державинъ насъ замѣтилъ и, въ гробъ сходя, благословилъ». Батюшковъ дивится «сказочно-быстрому» росту его дарованія; Вяземскій отдалъ бы за одинъ стихъ его «все... движимое и недвижимое», Жуковскій даритъ гениальному юношѣ свой портретъ, какъ «ученику отъ побѣжденнаго учителя». Ему посвящаютъ свои стихи классики Катенинъ и гр. Хвостовъ, признававшійся, что струны

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXVII, стр. 264.

Пушкинской «громогласной» лиры «прочтѣ», чѣмъ пѣніе соловья, восхищаютъ его духъ. Узнавъ, что поэтъ жилъ на Фурштадтской, сѣятельный пѣгъ обращался къ самому себѣ:

Любитель музъ, съ зарею майской
Спѣши къ источникамъ ключей:
Ступай подслушать на Фурштадтской,
Поэтъ гдѣ Пушкинъ-соловей!

Сантименталистъ Шаликовъ простодушно открывался Пушкину, что его, какъ и многихъ другихъ стихотворцевъ, «неукротима зависть гложетъ, шипящая на геній твой»:

И пой, и нравься лишь харитамъ,
Тобой плѣняемымъ, поэтъ!
И будь подобенъ сибаритамъ
Во вѣки нѣгою стиховъ,
И олимпійскихъ будутъ вѣчно
Они веселіемъ пировъ!..

Народолубецъ Глинка (С. Н.) посвящаетъ «русскому Байрону» экспромтъ, въ которомъ говоритъ:

Орломъ за Байрономъ ты вьешься въ облакахъ,
Любезностью сердца плѣняешь;
Перомъ, умомъ, душой ты будешь жить въ вѣкахъ,
И русскій нашъ Парнасъ собою украшаешь!..

«Не всегда талантливо, но всегда искренно и проникновенно, говоритъ г. Каллашъ, отзывались наши поэты на всѣ главные событія жизни Пушкина, — оплакали его безвременную смерть, торжественно отпраздновали открытіе памятника, задушевнымъ словомъ помянули въ годовщину смерти. Одинъ изъ ближайшихъ друзей Пушкина — декабристъ Кюхельбекеръ, выразилъ настроеніе рѣдѣвшей «лицейской семьи» въ первую годовщину лица — 19 октября 1837 года:

Блаженъ, кто палъ, какъ юноша Ахиллъ,
Прекрасный, мощный, смѣлый, величавый,
Въ среднѣхъ поприща побѣдъ и славы,
Исполненный несокрушимыхъ силъ!
.....
И вотъ опять лица день священный,
Но Пушкина уже межъ вами нѣтъ!
Не принесетъ онъ новыхъ пѣсенъ вамъ,
Отъ нихъ не затрепещутъ груди ваши,
Не выпьетъ съ вами онъ заздравной чаши—
Онъ воспарилъ къ заоблачнымъ друзьямъ.
Онъ нынѣ съ нашимъ Дельвигомъ пируетъ,
Онъ нынѣ съ Грибоѣдовымъ моимъ:
По нимъ, по нимъ душа моя тоскуетъ,
Я жадно руки простираю къ нимъ.

Чрезвычайно интересны и разнообразны мотивы стихотвореній поэтовъ Пушкинской плеяды. Особенно характерны два четверости-
«истор. вѣсти.», августъ, 1899 г., т. lxxvii.

шія—Фета и Майкова, оба относящіяся къ памятнику Пушкина. Стихотвореніе Фета, отличавшагося, насколько можно судить по его воспоминаніямъ и письмамъ, нѣсколько запоздалыми убѣжденіями общественнаго свойства, служить отвѣтомъ на исполненный грустнаго раздумья вопросъ Пушкина, увидитъ ли онъ когда нибудь народъ неугнетенный и прекрасную зарю просвѣщенной свободы надъ отечествомъ.

Свободнаго стиха прославленный пѣвецъ!

— обращается къ нему Феть:

Услышана твоя молитва, другъ народа:
По манію царя взошла заря—свобода,
И солнце озаритъ твой бронзовый вѣнецъ!

Ап. Майковъ указываетъ ваятелю на ту главную мысль, которая должна лечь въ основу при созданіи памятника Пушкину:

Изобрази ты въ немъ—поэта,
Чтобъ—въ царствѣ мысли царь—онъ былъ
Исполненъ внутренняго свѣта,
Да имъ и насъ бы охватилъ!

Сборникъ г. Каллаша составленъ съ любовью и полнымъ знаніемъ дѣла. Если ему не удалось собрать всего матеріала, разсѣянаго во множествѣ старинныхъ журналовъ и рѣдкихъ изданій, то все же недостающаго немного сравнительно съ тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ его сборникъ, который представляетъ собой пріятное явленіе въ литературѣ и цѣнное пособие для уясненія творчества Пушкина и особенно—степени его вліянія.

Тою же цѣлью—представить поэтическую характеристику Пушкина—задались г-жа Аралова и г. Божеряновъ, но выполнили ее въ значительно меньшихъ размѣрахъ. Въ каждомъ изъ ихъ сборниковъ, озаглавленныхъ—г-жей Араловой «Русскіе поэты о Пушкинѣ» и г. Божеряновымъ «Поэту поэты», находимъ около сорока стихотвореній различныхъ авторовъ, при чемъ разница между этими сборниками та, что сборникъ г-жи Араловой составленъ безъ претензій и толково, а сборникъ г. Божерянова, какъ разъ наоборотъ,—съ большими претензіями и безтолково. Претензіи эти замѣчаются прежде всего въ «предисловіи», гдѣ составитель (онъ же и авторъ предисловія) пускаетъ въ глаза читателю такую пылъ учености и глубокомыслія, что за нею рѣшительно ничего разобрать нельзя. Осколки чужихъ мыслей разбросаны въ хаотическомъ безпорядкѣ; читатель ежеминутно спотыкается на кавычкахъ, дѣлающихъ чтеніе безсвязнаго предисловія г. Божерянова чѣмъ-то въ родѣ трудно проходимаго тернистаго пути, на который можно отважиться не иначе, какъ по обѣту за тяжкій грѣхъ. Во всякомъ другомъ случаѣ терзанія отважнаго путника будутъ безцѣльны и напрасны, ибо и все предисловіе—безцѣльный и совершенно напрасный трудъ, выполнен-

ный болѣе съ усердіемъ, чѣмъ съ благоразсужденіемъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, представляетъ собой книжечка г. Божерянова? Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ о Пушкинѣ. Что умѣстно сказать въ предисловіи къ подобному сборнику? Все, что имѣетъ къ нему то или иное отношеніе; можно сказать то, что было сказано г. Коллашемъ, или то, что говоритъ г-жа Аралова, основательно полагающая, что своимъ изданіемъ она оказываетъ «нѣкоторую услугу и будущимъ изслѣдователямъ историко-литературныхъ вопросовъ, связанныхъ съ именемъ Пушкина, избавляя ихъ отъ кропотливой работы». Что же говоритъ г. Божеряновъ? О, г. Божеряновъ говоритъ чрезвычайно много: вначалѣ о томъ, что, по мнѣнію Спинозы, дважды два четыре, а не пять, что «произведенія Пушкина страшно (?) умножили число людей, интересующихся литературою и чрезъ нее дѣлающихся способными къ воспринятію высшаго нравственнаго развитія», затѣмъ рассказываетъ о впечатлѣніи, произведенномъ смертью Пушкина, излагаетъ исторію его рукописей, а дальше... дальше говоритъ нѣчто такое, чего и передать невозможно. До Тихонравова г. Божеряновъ не зналъ, что «современемъ строгое историческое изученіе шестилѣтія изъ жизни Пушкина и Гоголя (1830—1836) разъяснить вполне и съ совершенной ясностью то вліяніе, которое Пушкинъ оказалъ на великаго продолжателя своего дѣла». А. Н. Пыпинъ самолично свидѣтельствуеетъ у г. Божерянова о томъ непреложномъ, но, къ сожалѣнію, не уясненномъ составителемъ фактѣ, что «по мѣрѣ того, какъ умножаются историческія подробности его жизни и дѣятельности, мы должны ожидать новыхъ выводовъ, и всякая добросовѣстная (и только такая, прибавимъ мы) работа укажетъ незамѣченную прежде сторону, разовьетъ рельефнѣе новую черту, и нѣтъ сомнѣнія, что изъ этого столкновения мнѣній будетъ возрасти все болѣе многостороннее пониманіе писателя». Столь же непреложныя, но очевидно новыя для г. Божерянова истины вѣщаютъ на страницахъ его предисловія Гоголь, Тургеневъ, Анненковъ, а за ними—Н. И. Карѣевъ, Аверкиевъ, Ив. Ивановъ, Вогюэ и др. Разное говорятъ всѣ эти дѣятели и въ разныя стороны смотрятъ у нашего составителя, но онъ не даетъ имъ разбѣжаться, а крѣпко привязываетъ ихъ къ г. Венгерову, котораго г. Божеряновъ, вѣроятно, помимо его воли, заставляетъ играть роль пиоиса, вѣщающей надъ разсѣлинами русской литературы. «По мнѣнію г. Венгерова,—сообщаетъ намъ г. Божеряновъ и точно указываетъ, гдѣ это мнѣніе было высказано—Вѣстн. Евр. за 1898 г., № 3,—русская литература есть центральное проявленіе русскаго духа; это фокусъ, въ которомъ сошлись лучшія качества русскаго ума и сердца». Но самый интересный фокусъ г. Божерянова, несомнѣнно, заключается въ томъ, что съ нимъ бесѣдуетъ «покойный профессоръ Ключевскій», очевидно, не тотъ В. О. Ключевскій, профессоръ Московскаго университета, который 26 мая

этого года произнесъ въ обществѣ любителей словесности на тему о Пушкинѣ же блестящую рѣчь, потому что книга г. Божерянова была написана, какъ явствуетъ изъ цензурной помѣтки отъ 17 марта 1899 г., значительно раньше. Непонятно одно только: «покойному Ключевскому» г. Божеряновъ приписываетъ цитаты, написанныя благополучно здравствующимъ В. О. Ключевскимъ, отъ котораго русская историческая наука и литература вправѣ ожидать еще многого, и которымъ справедливо гордится старѣйшій изъ нашихъ университетовъ. Разрѣшеніе этого фокуса г. Божерянова настолько простое, что мы не будемъ подыскивать для него подходящаго слова: читатель догадается и самъ.

Что касается состава сборника, то здѣсь мы находимъ стихотворенія Быкова, Вуича, Голубева и Иванова-Классика, Иваницкаго, но отсутствуютъ относящіяся къ Пушкину стихи Баратынскаго, Дельвига, В. Л. Пушкина, Н. М. Языкова, не говоря уже о стихотвореніяхъ А. Майкова («Перечитывая Пушкина») и Фета—изъ новѣйшихъ поэтовъ и второстепенныхъ писателей Пушкинской эпохи, въ родѣ Глинки, Толстого (Я. Н.), Туманскаго, Шаликова и др. Знаменитое стихотвореніе Лермонтова «На смерть Пушкина» напечатано съ неисправнаго текста, неисправности и неточности разнаго рода встрѣчаются чуть не на каждой страницѣ; авторъ пишетъ «генеалогію», «остроумныя, историческія, бытовыя характеристики»; эпиграмма Глинки ошибочно отнесена къ альманаху «Комета Бѣлы»; инициалы псевдонима Е. М. Хитровой—Н. С. Тепловъ у г. Божерянова—П. Тепловъ и т. д. Все это свидѣтельствуетъ, что изданіе г. Божерянова выполнено не только небрежно, но и крайне невѣжественно.

Не можемъ не выразить, между прочимъ, нашего крайняго удивленія. Божеряновское изданіе мы видѣли продающимся при входѣ на Пушкинскую выставку въ Академіи Наукъ. Въ глазахъ публики этотъ фактъ имѣетъ, само собой разумѣется, значеніе особой рекомендаціи, удостовѣрять которой подобныя изданія едва ли, безъ особыхъ причинъ, позволительно... Во всякомъ случаѣ это дѣлаетъ честь издательской предпримчивости г. Божерянова, сумѣвшаго обставить распространеніе своего труда столь благоприятными условіями—подъ флагомъ высшаго ученаго учрежденія въ имперіи.

VI.

Среди новыхъ книгъ о Пушкинѣ, заключающихъ въ себѣ переработку прежнихъ статей и сочиненій или являющихся въ дополненномъ видѣ, мы съ большимъ удовольствіемъ встрѣтили новое изданіе рѣчи В. В. Никольскаго «Идеалы Пушкина», произнесенной покойнымъ профессоромъ въ 1881 г. на торжественномъ актѣ С.-Петербургской духовной академіи. В. В. Никольскій былъ однимъ изъ

лучшихъ знатоковъ и цѣнителей Пушкина, и его книжечка является чрезвычайно цѣнною и до сихъ поръ при изученіи сочиненій поэта въ ихъ генетической связи съ обстоятельствами его жизни и развитіемъ его міросозерцанія. Тонкій художественный вкусъ, съ которымъ авторъ подходит къ предмету своей рѣчи, благодарная тема и простое и вмѣстѣ съ тѣмъ изящное изложеніе, отъ котораго не пахнеть столастическими приѣмами учебника, дѣлаютъ чтеніе этой книжки въ высшей степени интереснымъ. Можно не согласиться съ авторомъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ, относительно которыхъ восьмидесятыя и девяностыя годы принесли новыя разъясненія, указали возможность нѣсколько иныхъ точекъ зрѣнія, но значительное большинство его выводовъ должны быть признаны безусловно вѣрными, основанными на глубокомъ проникновеніи въ тайники творческой думы и сердца поэта. «Семья, общество, жизнь,—говоритъ Никольскій,—наложили на его свѣтлую, чистую душу «свой рисунокъ беззаконный», но силой упорнаго труда, могучей дѣятельностью своего духа онъ сбросилъ «ветхую чешую» «чуждыхъ красокъ» и блеснулъ красотою «первоначальныхъ, чистыхъ» видѣній въ созданіяхъ своего гения... Онъ вѣрилъ въ высокое историческое предназначеніе страны своей родной, онъ честно и нелицемѣрно принесть ей на служеніе свой талантъ, свои силы, свой трудъ. Онъ «призывалъ милость къ падшимъ», онъ «пробуждалъ добрыя чувства»; всегда правдивый, независимый, онъ имѣлъ право сказать о своихъ стихахъ:

И неподкупный голосъ мой
Былъ эхо русскаго народа».

Вопросу о народности Пушкина посвящены въ этомъ этюдѣ однѣ изъ наиболѣе интересныхъ страницъ. Извѣстно, что 1825 г. былъ годомъ величайшаго творческаго подъема духа поэта и вмѣстѣ съ тѣмъ годомъ окончательнаго поворота на путь служенія русской народности, національнымъ идеаламъ родной земли. «Но если мы не захотимъ повторять, говоритъ авторъ, старыя, изношенные слова, то не должны ли мы себя спросить, что же значило для Пушкина сдѣлаться народнымъ? Ужели только наслушаться сказокъ своей няни, заняться собираніемъ народныхъ пѣсенъ, прислушиваться къ народному говору и къ народной рѣчи? Мы думаемъ—нѣчто другое», отвѣчаетъ авторъ на поставленный имъ вопросъ и даетъ такое объясненіе: «По нашему мнѣнію, это значить прежде всего угадать предназначеніе своей страны родной, понять, что это предназначеніе она можетъ выполнить, только оставаясь сама собою, только слѣдуя тѣмъ путемъ, который предначертанъ ея предыдущею исторіей, развивая тѣ начала, которыя заложены въ духѣ народа и выразились въ его бытѣ, воззрѣніяхъ и убѣжденіяхъ. Къ сожалѣнію, прибавимъ отъ себя, условія, въ которыя оказалась поставленной творческая дѣятельность Пушкина въ эпоху послѣ 1825 г., не дали возможности поэту проявить съ полной опредѣ-

ленностью свои коренныя убѣжденія и идеалы на поприщѣ поэтического служенія своему народу.

Въ видѣ приложенія къ брошюрѣ помѣщены двѣ замѣтки В. В. Никольскаго: «Жобаръ и Пушкинъ» и «Дантесъ-Гекеренъ», первоначально напечатанныя въ «Русской Старинѣ» за 1880 г.

Изъ отдѣльныхъ брошюръ останавливаетъ на себѣ вниманіе брошюра А. К. Бороздина «Воспитательное значеніе поэзіи А. С. Пушкина». «Нельзя сказать, говоритъ авторъ, чтобы задача разныхъ искусствъ, и въ томъ числѣ поэзіи, состояла исключительно въ воспроизведеніи дѣйствительности, какъ это думаютъ крайніе представители натуральной школы; но въ то же время невозможно сводить поэзію на степень нравственно-публицистической проповѣди, какъ это дѣлается критиками-публицистами, или же заставлятъ ее служить одной красотѣ, независимо отъ какихъ бы то ни было общественно-нравственныхъ задачъ, о чемъ толкуютъ сторонники такъ называемой теоріи чистаго искусства. Ни въ одной изъ этихъ крайностей нельзя, конечно, найти истиннаго опредѣленія задачъ поэтической дѣятельности, и правда, какъ намъ кажется, должна быть въ сліяніи указанныхъ трехъ направленій, при чемъ получается слѣдующая формулировка: поэтъ одновременно служить истинѣ, добру и красотѣ, стремясь, при точномъ воспроизведеніи дѣйствительности, къ торжеству нравственнаго начала и къ осуществленію его въ прекрасныхъ образахъ». Авторъ отмѣчаетъ, какъ основную особенность поэзіи Пушкина, — тѣснѣйшее сочетаніе въ ней формы съ идеей, прекраснаго образа съ возвышеннымъ нравственнымъ урокомъ, и приходитъ къ тому окончательному выводу, что «проникновеніе идеалами Пушкина предохранитъ юношество отъ увлеченія односторонними стремленіями современныхъ проповѣдниковъ такъ называемаго чистаго искусства и подготовитъ намъ истинныхъ гражданъ, руководящихся завѣтомъ правды и человѣчности»... Умѣлый подборъ цитатъ, характеризующихъ источникъ «добрыхъ чувствъ» въ поэзіи Пушкина, общедоступное и отчетливое изложеніе, согрѣтое глубокимъ сочувствіемъ къ предмету своего труда, дѣлаютъ книжечку г. Бороздина симпатичнымъ явленіемъ среди подобнаго рода юбилейныхъ изданій.

Г. П. Черняевъ въ брошюркѣ, изданной въ Казани («А. С. Пушкинъ, какъ любитель античнаго міра и переводчикъ древне-классическихъ поэтовъ»), сдѣлалъ попытку разсмотрѣть отношенія Пушкина къ античному міру и оригиналамъ переведенныхъ поэтомъ классическихъ стихотвореній. Не отличаясь глубиной и оригинальностью выводовъ, попытка г. Черняева можетъ оказаться полезной въ томъ отношеніи, что здѣсь сведены тѣ отрывки сочиненій поэта, въ которыхъ находятся указанія на факты классической древности, мифологическія имена и т. д.

Изложенію біографіи Пушкина посвящено множество отдѣль-

ныхъ очерковъ, изъ которыхъ намъ пришлось видѣть изданный въ Одессѣ очеркъ П. Борзаковского («Великій поэтъ А. С. Пушкинъ»), А. Рождествина («А. С. Пушкинъ, первый русскій народный поэтъ»), Н. Марковина («О развитіи таланта А. С. Пушкина въ связи съ его біографіей») и нѣк. др. Для учащихся и дѣтей предназначили свои очерки гг. Петровъ («Памяти Пушкина»), Радонежскій («Разборъ главнѣйшихъ произведеній»), г-жа Дьякова рассказала біографію поэта «для дѣтей младшаго возраста». Среди изданій «для школъ и народа» замѣтнаѣ другихъ брошюрка о Пушкинѣ, составленная Е. и Д. Тихомировыми, и «Пушкинъ въ образахъ и музыкальныхъ мотивахъ»; «для юношества и любителей музыки» г-жа Турыгина собрала въ своей брошюркѣ («А. С. Пушкинъ въ области музыки») мысли Пушкина о музыкѣ и свѣдѣнія о жизни и дѣятельности тѣхъ композиторовъ, которые пользовались Пушкинскимъ текстомъ для своихъ произведеній.

Но для кого предназначилъ свой очеркъ о Пушкинѣ Ив. Ив. Ивановъ, этого мы не беремся рѣшить. Онъ изданъ въ качествѣ томика бібліотеки «Дѣтскаго Чтенія» и былъ рассчитанъ, надо полагать, для юной публики. Но для этой именно публики г. Ивановъ совсѣмъ не подходящій писатель, неподходящій онъ для нея не потому, чтобы въ его очеркѣ не было хорошихъ, талантливо написанныхъ страницъ, — онъ есть, хотя, правду сказать, немного, и въ общемъ статья исполнена небрежно, нѣтъ, а потому прежде всего, что г. Ивановъ не педагогъ. Это чувствуется съ первой же страницы его работы. Онъ забываетъ, какая аудиторія передъ нимъ, чего она ищетъ, чѣмъ слѣдуетъ занять и въ какую сторону направить ея вниманіе. Г. Ивановъ остается г. Ивановымъ, недовольнымъ современной русской литературой, полемизирующимъ съ какими-то незримыми врагами, скрывающимъ рельефныя очертанія предмета въ густомъ туманѣ распылчатыхъ фразъ и неясныхъ намековъ. Въмѣсто того, чтобы возбуждать сочувствіе и интересъ къ литературѣ вообще, и текущей и прошлой, г. Ивановъ считаетъ нужнымъ подчеркнуть то обстоятельство, что теперь «публикѣ некого встрѣчать съ такимъ пламеннымъ восторгомъ, какой на минувшихъ пушкинскихъ дняхъ сопровождалъ Тургенева; ничье слово не вызоветъ такого невыразимаго волненія, невольныхъ слезъ и долго несмолкавшихъ отвѣтныхъ криковъ, какими увѣнчалась рѣчь Достоевскаго». Если авторъ упоминаетъ о покойныхъ Тургеневѣ и Достоевскомъ, то изъ живыхъ можно было бы обмолвиться о Львѣ Толстомъ, который, навѣрно, знакомъ юнымъ читателямъ не менѣе Достоевскаго и Тургенева, и пока современная литература числитъ его съ гордостью въ спискахъ своихъ дѣятелей, можно бы и не говорить дѣтямъ о безотрадной бѣдности ея. Общія разсужденія г. Иванова какъ будто рассчитаны на то, чтобы поселить въ умахъ читателей «Дѣтскаго Чтенія» невообразимую путаницу понятій. Что

вынесутъ они, напимѣрь, изъ слѣдующаго, далеко не безспорнаго положенія, высказываемаго авторомъ съ присущимъ ему апломбомъ «вѣщанія». «Одно изъ достоинствъ и несчастій великихъ людей— своеобразность ихъ личности. Ихъ нельзя измѣрять мѣркой, пригодной для всѣхъ другихъ, обыкновенныхъ людей, и требовать отъ нихъ такой же сдержанности въ словахъ и поступкахъ, осмотрительности, смиренія и благоразумія»... Не нужно быть специалистомъ-педагогомъ, а лишь стать на точку зрѣнія дѣтей школьнаго возраста, и каждому станетъ ясно, что логическимъ слѣдствіемъ этого положенія явится у нихъ несомнѣнный выводъ въ томъ смыслѣ, что сдержанность, осмотрительность и благоразуміе вовсе не обязательны, и что есть, стало быть, люди, имѣющіе законное право не имѣть этихъ качествъ. Мы не упоминаемъ о смиреніи, такъ какъ развитіе этого свойства не входитъ въ число задачъ современной педагогической науки... О профессорахъ лицея г. Ивановъ отзывается, какъ объ «ученыхъ господахъ», которые требовали «скучнаго зубренья» или «морили» своихъ питомцевъ высокопарнымъ стихотворствомъ. Какъ это, подумаешь, характерно для того лицея, въ садахъ котораго Пушкинъ «безмятежно расцвѣталъ». Обстоятельно разсказана исторія ухаживанья Дантеса за Натальей Николаевной, при чемъ замѣчено, что «Пушкинъ ни на минуту не сомнѣвался въ вѣрности своей жены, но онъ не могъ допустить, чтобы его женѣ говорились пошлыя остроты»; о Дантесѣ упомянуто, какъ онъ до прихода императора Николая Павловича въ мастерскую художника нарисовалъ голову Людовика-Филиппа въ видѣ груши, но исторіи творчества Пушкина, столь явственно, столь органически связаннаго съ фактами его жизни, посвящено лишь нѣсколько фразъ, разбросанныхъ въ равныхъ мѣстахъ, безсвязныхъ и шаблонныхъ. «Ей (Марьѣ Алексѣевнѣ Ганнибалъ) было что поразсказать своему внуку. Впослѣдствіи онъ припомнитъ ея рѣчи, задумаетъ даже написать романъ и героемъ возьметъ родоначальника семьи Ганнибаловъ, «арана Петра Великаго»... Фатальное будущее время въ этихъ случаяхъ всегда выручаетъ нашего біографа: попадаетъ ему прорѣха, обойти которой нельзя, сейчасъ заплатка: одна—двѣ фразы, съ таинственно устремленнымъ взоромъ въ грядущее, и дѣло сдѣлано, и «историческая» совѣсть успокоена. «Эта исторія (седа Горохина) будетъ отчасти насмѣшкой надъ высокопарнымъ, торжественнымъ произведеніемъ Карамзина»... «Теперь онъ припомнитъ свои бесѣды съ няней, пересмотритъ все, что записалъ съ ея словъ, переложитъ записки въ сказки и приведетъ въ восторгъ своихъ друзей новыми произведеніями»... Но, повторяемъ, наряду со сплошными страницами пустыхъ, ненужныхъ или малозначащихъ фразъ, встрѣчаются страницы, которыя читаются съ истиннымъ удовольствіемъ,—это тамъ гдѣ авторъ, повидимому, вспоминалъ, что онъ призванъ въ этой,

книжкѣ не столько вѣщать и судить, хвалить одно и порицать другое, сколько рассказывать, искренно и просто, читателямъ «Дѣтскаго Чтенія» о великомъ «учителѣ» и «проповѣдникѣ» правды и добра.

VII.

Произведеніямъ Пушкина посвященъ послѣдній, седьмой томъ «Русской критической литературы» г. В. Зелинскаго. Труды г. Зелинскаго въ области свѣденія матеріала объ отдѣльныхъ писателяхъ изъ различныхъ источниковъ, преимущественно изъ старинныхъ журналовъ, уже давно получили свою оцѣнку, какъ со стороны специально историко-литературной, такъ и въ научно-педагогическомъ отношеніи. Можно, конечно, спорить съ тѣмъ методомъ, какимъ пользуется авторъ при распредѣленіи матеріала, можно желать большого участія редакціи въ смыслѣ указанія взаимныхъ отношеній между рядомъ стоящими и часто противорѣчивымъ мнѣніями критики, можно, наконецъ, находить неполноту или пропуски, но едва ли явится возможность отрицать значеніе подобныхъ сборниковъ для лицъ, уже подготовленныхъ къ самостоятельному обращенію съ разнообразными источниками, ищущихъ, при своей работѣ, чисто внѣшняго, но вмѣстѣ съ тѣмъ важнаго удобства—имѣть въ одной книгѣ, что называется — подъ рукою, весь необходимый сырой матеріалъ. Съ этой точки зрѣнія книга г. Зелинскаго далеко не бесполезна. Она заключаетъ въ себѣ «критику пятидесятихъ годовъ» въ статьяхъ и замѣткахъ Тихонравова, Шевырева, Гаевского, Чернышевскаго, Дружинина, Григорьева, Каткова, Добролюбова, Станкевича, Л. Майкова, Кохановской и др. Статьи эти относятся, главнымъ образомъ, къ сдѣланному въ 1855—1857 гг. П. В. Анненковымъ изданію сочиненій Пушкина и были помѣщены первоначально въ журналахъ того времени—«Современникѣ», «Отечественныхъ Запискахъ», «Библіотекѣ для Членія», «Москвитянинѣ» и др. Пересмотръ этихъ забытыхъ уже теперь статей можетъ оказаться весьма полезнымъ при изученіи того медленнаго и крайне разнообразнаго по своимъ проявленіямъ процесса, которымъ уяснялось литературное и общественное значеніе творчества Пушкина, въ связи съ направленіями и требованіями эпохи.

Эта эпоха—первыя десятилѣтія послѣ Пушкина—уже отходитъ въ область исторіи, и тѣ вопросы, которые связаны со стоящимъ на очереди научнымъ изученіемъ собственно Пушкинскаго періода, особенно второй его половины, невольно примыкаютъ, сливаются съ вопросами ближайшаго времени, образующими въ общей сложности фонъ умственной и общественной жизни сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ. Въ частности вопросъ о вліяніи Пушкина на современниковъ и отношеніи его къ наиболѣе виднымъ представителямъ различныхъ общественныхъ теченій, наконецъ послѣдовательное

изученіе текста его сочиненій, который выравнивался въ печати постепенно, преломляясь въ каждомъ десятилѣтїи сквозь измѣнчивыя призмы тоже своего рода «исторической» необходимости,—эти вопросы сами собой выдвигаются на первое мѣсто среди тѣхъ, которые готовятся освѣтить исторія, и безъ правильного пониманія которыхъ невозможно всесторонне полное и правильное истолкованіе духа Пушкинскихъ произведеній. Въ этомъ отношеніи цѣннымъ вкладомъ въ литературу является книга В. Е. Якушкина «О Пушкинѣ», въ которой авторъ подвергъ изслѣдованію нѣсколько интересныхъ и не разъясненныхъ прежними историками вопросовъ. Правда, статьи г. Якушкина не являются въ печати впервые,—онѣ были напечатаны, начиная съ 1887 г., въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Русской Старинѣ» и «Чтеніяхъ» московскаго общества исторіи и древностей, но повторить ихъ въ одной книгѣ не лишне и вполне своевременно. Напомнимъ вкратцѣ содержаніе интересныхъ очерковъ г. Якушкина. Въ первомъ изъ нихъ изслѣдователь выясняетъ истинное значеніе статей Пушкина о Радищевѣ, авторѣ знаменитаго «Путешествія», о которомъ поэтъ сказалъ однажды, что «Радищевъ, рабства врагъ, цензуры избѣжалъ»,—и былъ правъ въ томъ смыслѣ, что сочиненіе его и понынѣ, въ теченіе ста слишкомъ лѣтъ, считается подъ запретомъ. Отзывы о немъ Пушкина истолковывались писателями самыхъ различныхъ направленій въ слишкомъ враждебномъ для Радищева смыслѣ, при чемъ одни изъ писателей порицали за это Пушкина, другіе же, ревнители умѣренности и аккуратности, превозносили благоразуміе якобы измѣнившаго завѣтамъ юности поэта. «Такая оцѣнка статей Пушкина совершенно несправедлива, говоритъ г. Якушкинъ: онѣ далеко не заслуживаютъ ни рѣзкихъ упрековъ, ни такихъ похвалъ, подчасъ просто даже оскорбительныхъ для памяти поэта». Авторъ тщательно сличаетъ эти статьи и сопоставляетъ съ отношеніемъ Пушкина къ Радищеву, какъ оно выразилось помимо этихъ статей, дѣлаетъ затѣмъ попытку выяснить отношеніе этихъ статей къ взглядамъ и убѣжденіямъ Пушкина вообще и приходитъ къ выводу, что, въ противоположность общепринятому мнѣнію, «эти статьи Пушкина вовсе не такъ враждебны Радищеву», что въ нихъ поэтъ поневолѣ прибѣгалъ къ эзоповскому языку иносказаній. «Пушкинъ, сочувственно относясь въ своей статьѣ (о крестьянскомъ вопросѣ) вообще къ идеямъ Радищева, старался прикрыть это сочувствіе часто повторяемыми порицаніями дерзкаго и преступнаго мечтателя». И во второй статьѣ («Александръ Радищевъ») поэтъ, высказывая немало осужденій общаго свойства, «вмѣстѣ съ тѣмъ высказывалъ мысли, въ существѣ сходныя съ мыслями Путешествія, т. е. невольно соглашался съ искренними мечтаніями». Онъ называетъ Радищева преступникомъ и представителемъ полупросвѣщенія, но признаетъ въ немъ духъ необыкновенный, честность, убѣжденность политическаго фанатика, удивительное

самоотверженіе, рыцарскую совѣстливость... «Въ концѣ концовъ, при внимательномъ и безпристрастномъ разборѣ статей Пушкина невозможно не признать, что онѣ сочувственно относятся къ идеямъ Радищева, не нападаютъ на нихъ, а скорѣе ихъ проповѣдуютъ».

За подробнымъ описаніемъ трогательной кончины Пушкина идетъ статья «Исторія Пушкинскаго текста 1814—1887 гг.». Эта исторія до 1887 г., когда сочиненія Пушкина сдѣлались общественнымъ достояніемъ, распадается на два періода: первый отъ 1814 г., когда появилось первое произведеніе поэта въ печати, до его смерти въ январѣ 1837 г., и второй—со смерти поэта—обнимаетъ собой полустолѣтіе посмертной литературной собственности. Характеризуя оба періода, на которые распадается семидесятитрехлѣтная исторія печатнаго Пушкинскаго текста, г. Якушкинъ дѣлаетъ «общее замѣчаніе»: «исторія эта очень печальная, говоритъ онъ: неблагоприятныя обстоятельства постоянно тяготѣли надъ печатаніемъ сочиненій нашего поэта: съ одной стороны, благодаря разнымъ условіямъ, сочиненія Пушкина обыкновенно сильно страдали отъ опечатокъ, съ другой стороны, на нихъ сильно отражались строгія цензурныя требованія; въ концѣ концовъ Пушкинскій текстъ нерѣдко являлся искаженнымъ. Такъ было въ первый періодъ; такъ, если не хуже, было и во второй». Извѣстно, сколько терзаній испыталъ поэтъ, лишенный возможности въ теченіе большей части лѣтъ своей литературной дѣятельности наблюдать лично за печатаніемъ своихъ произведеній. Братъ Левъ Сергѣевичъ и друзья были далеко не всегда исправными комиссіонерами поэта въ этомъ отношеніи, и онъ часто пеняетъ имъ въ своихъ письмахъ. То поэтъ жалуется на то, что «Кавказскій плѣнникъ» неудачно напечатанъ, то бранитъ своего друга «Кюхлю» (В. К. Кюхельбекеръ) за ошибочное напечатаніе «Демона». «Моего «Демона»!—воскликаетъ поэтъ. Послѣ этого онъ и «Вѣрую» напечатаетъ ошибочно»... Издатели альманаховъ нерѣдко печатали стихотворенія Пушкина по невѣрнымъ спискамъ и безъ его разрѣшенія, и тогда текстъ получался ужъ совершенно въ искаженномъ видѣ. Такъ, въ «Мнемозинѣ» веселье было названо «засѣдателемъ»; въ «Евгеніи Онѣгинѣ» печатали, напримѣръ, «зимой» вм. «домой»; «важнѣй» вм. «нѣжнѣй», «зимнія» вм. «дымныя» и т. д. Но въ гораздо большей степени текстъ страдалъ отъ цензурныхъ сокращеній и измѣненій. Цензура Пушкинской эпохи была слишкомъ ужъ «своенравна»: придирки ея была въ большинствѣ случаевъ необоснованны, мелочны, иногда же она брала на себя задачу эстетической критики. Поэтъ писалъ Дельвигу еще въ 1821 г.:

Поклонникъ правды и свободы,
 Бывало, что ни напишу,
 Все для иныхъ не Русью пахнетъ,
 О чемъ цензуру ни прошу,
 Ото всего Тимковскій ахнетъ...

Въ первомъ изданіи «Кавказскаго плѣнника» цензура въ одномъ стихѣ замѣнила слово ночей словомъ дней:

Не много радостныхъ ей дней
Судьба на долю ниспослала.

По этому поводу, готовя второе изданіе поэмы, Пушкинъ писалъ Вяземскому: «Зарѣзала меня цензура! Я не властенъ сказать, я не долженъ сказать, я не смѣю сказать: ей дней въ концѣ стиха. Ночей, ночей—ради Христа, ночей судьба на долю ей послала. То ли дѣло ночей, ибо днемъ она съ нимъ не видалась,—смотри поэму. И чѣмъ же ночь неблагопристойнѣе дня? Которые изъ 24 часовъ именно противны духу нашей цензуры? Бируковъ добрый малый: уговори его, или я слягу»...

Пушкинъ добивался возможной точности текста своихъ произведеній, и, взыскательный художникъ по отношенію къ самому себѣ, онъ далеко не все отдавалъ на судъ публики. Съ его смертью задачи издателей его сочиненій значительно измѣнились: имъ необходимо было преслѣдовать не одну точность въ передачѣ текста, но и полную картину творчества Пушкина, его, по выраженію г. Якушкина, «поэтическую исторію, какъ относительно процесса развитія таланта, такъ и относительно способа созданія отдѣльныхъ произведеній». Авторъ упоминаемой нами статьи послѣдовательно останавливается на различныхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина, начиная съ перваго посмертнаго, сдѣланнаго друзьями поэта, съ Жуковскимъ во главѣ. Издатели воспользовались далеко не всѣмъ матеріаломъ рукописей и не избѣжали грубыхъ ошибокъ въ передачѣ текста. Слѣдующія изданія—Анненкова, Геннади и Ефремова—значительно превосходили первое посмертное изданіе, въ особенности Анненкова и Ефремова. По поводу изданій Геннади, допустившаго много опечатокъ, старый другъ Пушкина Соболевскій не могъ удержаться отъ эпиграммы:

Нашъ Пушкинъ жертвой палъ двухъ адовыхъ исчадій:
Дантесъ его убилъ и издавалъ Геннади!

Въ слѣдующемъ очеркѣ г. Якушкинъ рассматриваетъ различныя изданія сочиненій поэта въ 1887 г., а въ послѣднемъ приводитъ нѣкоторыя выдержки изъ бумагъ поэта, еще не бывшихъ въ печати. Среди нихъ находится интересная записка отъ 10 мая 1834 г., относящаяся къ случаю, о которомъ есть извѣстія и въ перепискѣ. «Нѣсколько дней тому назадъ,—читаемъ мы въ этой записи,—получилъ я отъ Жуковскаго записку изъ Царскаго Села; онъ увѣдомлялъ меня, что какое-то письмо мое ходитъ по городу, и что государь объ немъ ему говорилъ. Я вообразилъ, что дѣло идетъ о скверныхъ стихахъ, исполненныхъ отвратительнаго... (неприличія) и которые публика благосклонно и милостиво приписывала мнѣ. Но вышло не то. Московская почта распечатала письмо, писанное мною Н(атаэль) Н(иколаевнѣ), и, нашедъ въ немъ отчетъ о присягѣ ве-

ликаго князя, писанный, видно, слогомъ неофициальнымъ, донесла обо всемъ полиціи. Полиція, не разобравъ смысла, представила письмо государю... Къ счастью, письмо показано было Жуковскому, который и объяснилъ его. Все успокоилось. Государю не угодно было, что о своемъ камеръ-юнкерствѣ отзывался я не съ умилениемъ и благодарностью; но я могу быть поданнымъ, даже рабомъ, но холопомъ и шутомъ не буду и у Царя Небеснаго. Однако, какая глубокая безнравственность... Полиція распечатываетъ письма мужа къ женѣ... Что ни говори, мудрено»...

Не лишены интереса и прочія извѣстія, приводимыя г. Якушкинымъ изъ бумагъ поэта; они характеризуютъ свѣтлую личность Пушкина, которая только въ послѣднее время начинаетъ обнаруживаться въ полномъ блескѣ своей духовной красоты и въ то же время освобождаться отъ мутнаго слоя клеветы и неправды, болѣе чѣмъ полвѣка тяготѣвшихъ надъ памятью «достоинѣйшаго сына родной земли».

Книга г. Якушкина содержательная, и безъ нея трудно будетъ обойтись ближайшимъ изслѣдователямъ творчества Пушкина. Точку зрѣнія автора на изслѣдуемый имъ предметъ опредѣляетъ прежде всего его сочувствіе тѣмъ благороднымъ идеямъ прогресса и просвѣщенія, выразителемъ которыхъ являлся Пушкинъ. Эти идеи не въ достаточной степени оцѣнены и очищены отъ предвзятыхъ взглядовъ и сужденій тѣхъ близорукихъ историковъ и хроникеровъ общественной жизни, которые прикрывали убожество и шаткость своихъ убѣжденій авторитетомъ имени великаго поэта-гражданина.

VIII.

Къ числу книгъ, не безынтересныхъ въ фактическомъ отношеніи, относится брошюра И. И. Василева «Слѣды пребыванія Александра Сергѣевича Пушкина въ Псковской губерніи». Авторъ собралъ въ ней устные преданія о поэтѣ, которыхъ сохранилось немного, и присоединилъ къ нимъ «памятники письменные» (документальныя данныя) и «вещественные». Въ отдѣлѣ устныхъ преданій мы встрѣчаемъ здѣсь разговоръ о разговорѣ г. В—го съ 70-ти-лѣтнимъ старикомъ изъ Тригорскаго. Дѣло было въ 1880 г.—«Что, старина, помнишь ли ты Александра Сергѣевича Пушкина, Михайловскаго барина?»—Какъ не помнить, помню, даже дѣдушку его помню (?). Хорошіе были господа. — «Что же ты помнишь объ Александрѣ Сергѣевичѣ? Расскажи, пожалуйста». — Да, что, батюшка, хорошій былъ баринъ, но только немного тронувшись былъ, т. е. съ ума сошелъ... — «Отчего же ты такъ думаешь?»—Да такъ. Вотъ какъ его вижу: идетъ это онъ у насъ по Тригорскому съ желѣзной палочкой такой, надо думать, что собакъ онъ бралъ съ собой... схватить свою шляпу съ головы да и начнетъ ее бросать вверхъ или на землю. А то еще

чуднѣй: остановится такъ вдругъ ни съ того, ни съ сего, ровно столбнякъ на него найдетъ, потомъ вдругъ пойдетъ, да вслухъ такъ громко-громко разговариваетъ промежъ себя»...

Пока г. Василевъ стоитъ на почвѣ «устныхъ преданій» или «документовъ», брошюра его читается съ интересомъ, но какъ только начинаетъ говорить «отъ себя», за него становится «и больно, и смѣшно». Характеризуя пребываніе поэта въ Михайловскомъ, авторъ исчерпываетъ его настроеніе извѣстнымъ шутливымъ посланіемъ къ А. Н. Вульфу — въ письмѣ отъ 20 сентября 1824 г., оканчивающемся стихами:

Дни любви посвящены,
Ночью царствуютъ стаканы,
Мы же—то смертельно пьяны,
То мертвецы влюблены.

«Но такая восторженность не долго продолжалась, замѣчаетъ г. Василевъ. Красоты природы не стали удовлетворять потребностямъ поэта»... «Приглашенный къ нему монахъ тоже не нравился Пушкину»... Скажите, пожалуйста, какая странность: ничѣмъ не угодишь поэту,—даже «приглашенный», по приказанію начальства, для духовнаго надзора монахъ не былъ ему по сердцу... Просто удивительный народъ эти поэты! Но еще удивительнѣе тѣ, которые пишутъ о поэтахъ слогомъ канцелярскихъ отношеній какой нибудь либеральной канцеляріи, которая «понеже» и «чего-ради», какъ не соотвѣтствующія духу времени, отмѣнила, а ясность смысла и точность выраженій оставила на случай ежели чего «къ свѣдѣнію» и «по усмотрѣнію». «Кромѣ сего, въ семействѣ (Осиповой) проживала красавица племянница — Анна Петровна Кернъ, къ которой Пушкинъ былъ неравнодушенъ. Пушкинъ особенно сблизился или полюбилъ Парасковью Александровну Осипову и полюбилъ вообще все семейство»... Въ отдѣлѣ памятниковъ письменныхъ г. Василевъ, затрудняясь указать, у кого находятся письма, стихи и «разнаго рода сочиненія въ прозѣ», хотя, замѣчаетъ, что они находятся въ частныхъ рукахъ, приводитъ нѣсколько документовъ, изъ которыхъ лишь нѣкоторые имѣютъ непосредственное отношеніе къ поэту. Къ «вещественнымъ» памятникамъ г. Василевъ относитъ рукописи поэта, имѣя въ виду лишь одинъ матеріалъ письма, т. е. бумагу, чернила, почеркъ (?) и прочее, что относится къ техникѣ письма.

Среди приводимыхъ здѣсь документовъ любопытно отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ Д. Н. Блудова къ псковскому губернатору Пещурову о распространеніи сочиненій покойнаго поэта, въ судьбѣ семьи котораго принялъ такое милостивое участіе императоръ Николай Павловичъ. Министръ высылалъ губернатору 40 билетовъ на первое посмертное изданіе сочиненій Пушкина, «зная, какъ онъ выражался при этомъ, сколь много творенія хорошихъ писателей способствуютъ совершенствованію языка, образованію

вкуса и вообще возвышенію чувства изящнаго». 40 билетовъ на губернію,—кажется, не много, а между тѣмъ и этого числа «ревнителей просвѣщенія» не набралось и, несмотря на всѣ хлопоты Пещурова по распространенію билетовъ, восемнадцать изъ нихъ пришлось отправить обратно. И то подобный результатъ могъ считаться сравнительно еще благопріятнымъ: «по свѣдѣніямъ изъ Ярославской губерніи видно, замѣчаетъ г. Василевъ, что по подобному же предложенію Блудова ярославскому губернатору послѣдній успѣлъ сбыть только одиннадцать экземпляровъ».

Говоря о равнодушіи псковскаго общества къ могилѣ поэта, авторъ брошюры сѣтуетъ, что «въ теченіе шестидесяти двухъ лѣтъ со дня смерти и похоронъ поэта нельзя указать ни на одно литературное произведеніе, которое было бы посвящено сельцу Михайловскому и его окрестностямъ». И въ доказательство своей мысли указываетъ на тотъ фактъ, что «въ «Исторіи княжества Псковскаго» митрополита Евгенія помѣщено краткое описаніе Святогорскаго монастыря, но о сельцѣ Михайловскомъ и о Пушкинѣ не упомянуто. Между тѣмъ, Пушкинъ бывалъ у этого знаменитаго ученаго архіепископа»... Курьезъ этого упрека автору «Исторіи Псковскаго княжества» особенно усиливается тѣмъ, что, если вѣрить г. Василеву же, эта «Исторія» вышла въ 1831 г., т. е. за шесть лѣтъ до смерти поэта.

Выясненію мѣстныхъ преданій о поэтѣ посвящена и брошюрка М. Б. Карскаго «Пушкинъ въ Тавридѣ», ничего новаго, впрочемъ, не содержащая. Въ ней помѣщенъ рассказъ о пребываніи поэта въ Крыму, приведены относящіяся сюда произведенія и въ «приложеніи» перепечатанъ «Бахчисарайскій фонтанъ». Книжечка издана въ Симферополѣ, и только это обстоятельство побуждаетъ насъ отмѣтить это изданіе, какъ и нѣкоторыя другія, которыми сказала свое слово провинція. Насъ не должно удивлять, что это слово и слабо и бѣдно, если въ этомъ словѣ при современномъ положеніи провинціальной печати звучатъ больше фальшивыя ноты разныхъ Бобчинскихъ и Добчинскихъ нашей литературы, которые на весь міръ заявляютъ, что они тоже Петры Иванычи, и что Пушкинъ имъ совсѣмъ двоюродный братъ по Ивановской каланчѣ. Пушкинъ чаще обращался къ провинціи, ко всей Россіи, чѣмъ къ столицамъ, и провинція отвѣчаетъ ему теперь цѣлымъ рядомъ школъ, читателей и обществъ грамотности и просвѣщенія—его имени. Но въ литературѣ провинціальной чувствуется еще тяжелое напряженное молчаніе тѣхъ скромныхъ дѣятелей, которымъ и есть что сказать, да говорить нельзя... Изрѣдка изъ несравненнаго хора Бобчинскихъ-Добчинскихъ, не тѣхъ милыхъ и простодушныхъ, которые только и просили всего, чтобы о нихъ тамъ... въ Петербургѣ сказали кому слѣдуетъ, нѣтъ, совсѣмъ особой, новѣйшей формаціи, какъ увидитъ читатель,—вырывается приличное случаю, простое и искреннее слово,

въ родѣ того, какое было сказано скромнымъ авторомъ брошюрки «Панихида на могилѣ А. С. Пушкина 26 мая 1880 г.» (Изъ личныхъ воспоминаній, Витебскъ, 1899 г.). «Нѣтъ сомнѣній,—такъ заключаетъ свою статью авторъ,— что нынѣшнія чествованія поэта выйдутъ торжественнѣе... бывшихъ доселѣ, захватятъ въ своемъ разбѣгѣ и наше родное захолустье. Но нельзя не пожелать, чтобы поднимающаяся уже волна благодарности гению-поэту не прокатилась только по одной поверхности 130-милліоннаго русскаго народа, за дѣвъ одни его высшіе интеллигентные слои, а опустилась бы глубоко, глубоко, въ самую пучину народнаго моря, въ самые нижніе, малоподвижные слои его; чтобы простой русскій народъ—будь то великоруссъ, малоруссъ или бѣлоруссъ — зналъ ко дню 100-лѣтнихъ поминокъ поэта, что такое Пушкинъ у насъ, на Руси, и чтобы «Вѣчная память боярину Александру» сознательно и громко пропѣла могучая стомилліонная народная грудь въ день 26 мая 1899 г.». Затѣмъ авторъ обращается къ народнымъ учителямъ съ просьбой заблаговременно подготовить и нашу глухую деревню (брошюрка писана въ январѣ—февралѣ, судя по цензурной помѣткѣ) ко дню столѣтнихъ поминковъ народнаго поэта». Мы не знаемъ, какое распространеніе имѣла эта брошюрка, и кто такой ея авторъ, г. И. А. Вв—скій, но мы убѣждены, что тамъ, куда проникло его доброе и безыскусственное слово, оно произвело свое дѣйствіе, и нѣсколько чистыхъ сѣмянъ запало въ темную почву вмѣстѣ съ именемъ Пушкина.

Иныя побужденія руководили при составленіи своихъ брошюръ Петрами Ивановичами Лейвентманомъ, Доманскимъ и Полтавинымъ № 8. Читатель, я не шучу—на послѣдней брошюркѣ такъ и напечатано: «Мысли въ стихахъ Полтавина № 8». Я въ первый разъ вижу имя г. Полтавина № 8 и не знаю, сколько на свѣтѣ вообще г. г. Полтавиныхъ, и всѣ ли номера изъ нихъ мыслятъ въ стихахъ, и не расположены ли эти номера по качеству ихъ мыслей, и не составляетъ ли г. Полтавинъ № 8-й послѣднее звено въ цѣпи мыслителей Полтавинскаго рода. Я знаю только одно, что г. Полтавинъ № 8 и поэтъ и мыслитель нѣкотораго, если можно такъ выразиться, уродливаго рода. Принимая слово «глаголь» въ его обширномъ смыслѣ, можно выразить сущность Полтавинской № 8 поэзіи стихами самого поэта; это—

Властью мысли произвола,
Безъ одинаго глагола
Новые стихи...

Совсѣмъ новые и при томъ безсмысленные, что и составляетъ ихъ отличительный признакъ. Но г. Полтавинъ № 8 мыслить о себѣ, очевидно, нѣчто иное,—заглянемъ въ его посвященіе «памяти Пушкина»:

Памяти Пушкина, генія добраго
 Мысли въ предестныхъ стихахъ

 Памяти Пушкина, генія строгаго
 Къ черни, чья сфера лишь тьма.

 Памяти Пушкина, здѣсь посвящаетъ ей
 Мысли Полтавинъ свои.

Слова «Пушкина» и «Полтавинъ» набраны одинаковымъ жирнымъ шрифтомъ: отчего же нѣтъ? Обѣ фамиліи начинаются на *П* и оканчивается на *Ъ*,—«се, мнится, явно сходство есть»... Причисливъ Пушкина къ «строгимъ» по отношенію къ черни, «чья сфера лишь тьма», геніямъ, г. Полтавинъ № 8 озаглавилъ свою книжечку «Къ свѣту, къ свѣту!» и объявилъ, что это выпускъ первый, и, стало быть, литература вправѣ ожидать продолженіе таковыхъ же... Чтобы окончательно доказать, что съ г. Полтавинымъ № 8 не ладно, приведемъ его обращеніе къ его «другу» или «врагу» (эти понятія для него, очевидно, уже однозначаци):

Герой борьбы за жизнь
 Средь жгучихъ укоризнъ,
 Благихъ ты поляхъ стремленій,
 И даже вдохновеній
 Нечуждъ ты, но увы!
 Ихъ срокъ, что мигъ любви...
 А область откровенья,
 А высшія влеченья
 И сердца и ума,—
Лишь тьма, лишь тьма и тьма!...

Курсивъ принадлежитъ автору, но происхожденіе этой тьмы перестанетъ быть загадочнымъ, если мы откроемъ, что содержаніемъ его книжечки послужили «думы въ звѣздную ночь на ложѣ земли среди родныхъ полей Украйны». Догадываемся...

Брошюрка бѣднаго Полтавина №8 напечатана впрочемъ въ Вильнѣ, а вотъ Петръ Ивановичъ Доманскій, — такъ тотъ живетъ въ Смоленскѣ, по крайней мѣрѣ, тамъ онъ издаетъ свои «мысли». Но это мыслитель болѣе безграмотный, чѣмъ претенціозный, болѣе невѣжественный, чѣмъ самоувѣренный. Последнее свойство сочетается даже у него съ умилительной скромностью, что дѣлаетъ академическое обращеніе его «къ читателю» просто трогательнымъ: «Въ своемъ настоящемъ очеркѣ, говоритъ Петръ Ивановичъ, который я посвящаю памяти поэта (чувствуетъ ли это Александръ Сергѣевичъ?), я даю краткія біографическія свѣдѣнія о жизни его, почерпнутыя изъ нѣкоторыхъ болѣе обширныхъ и подробныхъ біографій, какъ, на примѣръ, біографія А. М. Скабичевского, а также въ немногихъ словахъ говорю о значеніи Пушкина въ русской литературѣ». Это даже уже изумительно, г. Доманскій! Разказать біографію Пушкина по

біографіи Скабичевскаго—это такой подвигъ, на который, кромѣ васъ, да развѣ еще г. Лейвентмана, ни одинъ біографъ не рѣшится! Изъ этой біографіи читатель узнаетъ, что Пушкинъ въ Царскомъ Селѣ «подъ вліяніемъ общаго положенія дѣлъ того времени, впервые выступилъ на поприще того оффиціального патріотизма, который, не избавивъ его отъ тѣни подозрѣнія, въ то же время произвелъ охлажденіе къ нему въ значительной части русскаго общества», что «главная заслуга въ преобразованіи литературнаго языка оказана не столько Пушкинымъ, сколько Карамзинымъ», что «разказы его, по большей части, вялы и безцвѣтны», но что «въ романѣ «Евгеній Онѣгинъ» очень хорошо (неужели?) обрисованы жизнь и нравы дворянскаго общества»... и такихъ перловъ, сколько угодно. Заканчивается это классическое сочиненіе столь же классической фразой развязно-скромнаго автора: «Вотъ все, что я хотѣлъ сказать о значеніи Пушкина въ русской литературѣ». Немного, но и этого можно бы не говорить.

Петръ Ивановичъ Лейвентманъ гораздо восторженнѣе г. Доманскаго. Для него и г. Скабичевскій не указъ, и законы русскаго языка и здраваго смысла не про него писаны. За 10 коп. онъ предлагаетъ читателямъ Кишинева и всей Россіи брошюрку, заглавіе которой столь любопытно, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать его цѣликомъ. Вотъ оно: «Честь Пушкину. Къ предстоящему чествованію его памяти, по случаю исполненія столѣтія со дня рожденія его». Затѣмъ два четверостишія—одно Пушкина, другое г. Лейвентмана—въ такомъ видѣ:

Мы рождены для вдохновенья,	Честь и слава Пушкину,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ;	Пѣвцу мира русскому;
Не для житейскаго волненья,	Хвала, хвала Пушкину,
Не для корысти, не для битвъ!	Филантропу русскому!
Пушкинъ.	

«Составилъ: А. Лейвентманъ». Недурно, не правда ли? Пушкинъ и Лейвентманъ—другъ противъ друга! И какой же храбрый человекъ г. Лейвентманъ! Просто прикоснуться страшно къ его книгѣ. Заглянемъ однако. «Знатокамъ восточныхъ языковъ вѣдь извѣстно, что какъ мотивы псалмовъ, такъ и вообще Библии далеко не исчерпываются бѣглымъ, поверхностнымъ пересмотромъ»... Брр... какая глубокая истина, и какъ жаль, что мы «не знатоки восточныхъ языковъ», подобно г. Лейвентману, чтобы постичь ея глубину. «На кого не брызгнуть (sic) фонтанъ поэзіи А. С. Пушкина», и кого мелодичность ея стиля не «успѣвала» (кавычки г. Лейвентмана) своими быстро струящимися потоками освѣжить, благодаря высокой культурѣ? Читайте «Бахчисарайскій фонтанъ» Пушкина и вы убѣдитесь въ только что высказанномъ». Убѣдительно, страхъ какъ убѣдительно... Читайте сочиненія Пушкина, и вы увидите, читатель, какъ брызгнетъ на васъ поэзія, но при этомъ читайте и Лейвентмана... въ назиданіе.

Но Богъ съ ними, съ Петрами Ивановичами Полтавиными всѣхъ сортовъ, Доманскими, Лейвентманами и пр. Въ темной провинціи и они, пожалуй, за писателей сойдутъ, и не одна жаждущая духовнаго хлѣба душа, прослышавъ о Пушкинѣ, отдастъ кровный пятакъ за «мысли» Полтавина или вирши Лейвентмана... Но есть другая провинція, не темная, а, пожалуй, и совсѣмъ свѣтлая, съ солидными періодическими изданіями, университетомъ и интеллигенціей. И если она скажетъ свое слово о великомъ поэтѣ, то это слово будетъ словомъ признательности, честнаго гражданскаго чувства, высокой, просвѣщенной мысли.

И такое слово было сказано «Сборникомъ Пушкину», изданнымъ Кіевскимъ педагогическимъ обществомъ. Цѣлый рядъ самостоятельныхъ статей членовъ общества и положительно художественная выѣшность, множество прекрасно выполненныхъ рисунковъ, — все дѣлаетъ это изданіе не только пріятнымъ во многихъ отношеніяхъ, но и лучшимъ изъ всего, что въ этомъ родѣ появилось въ пушкинскіе дни. Изъ статей, имѣющихъ цѣлью «дать, насколько возможно, полную и общедоступную характеристику А. С. Пушкина и его произведеній», назовемъ: А. М. Лободы — «У колыбели Пушкина», П. Кудрявцева — «А. С. Пушкинъ. Главные моменты его жизни и литературное развитіе», Н. И. Петрова — «Отношеніе поэзіи А. С. Пушкина къ украинской жизни и поэзіи», священника І. Троицкаго — «Религіозный элементъ въ произведеніяхъ А. С. Пушкина» и др. «Было время, говоритъ священникъ Троицкій, когда великаго нашего поэта А. С. Пушкина упрекали въ безбожіи, и въ поэзіи его, рассматриваемой съ религіозной точки зрѣнія, находили выраженіе только легкомыслія поэта. Странно какъ-то слышать такой сильный упрекъ тому, котораго на Руси признали, — по почину его же друга-поэта христіанина В. А. Жуковскаго, — національнымъ поэтомъ, т. е. пѣвцомъ и выразителемъ чувствъ и мыслей народа русскаго, издавна прославившагося своею преданностью православнои вѣрѣ и церкви. Вполнѣ справедливо замѣтилъ академикъ Я. К. Гротъ, что упрекать въ безбожіи Пушкина могутъ только тѣ, кто основательно не изучилъ его произведеній». Затѣмъ слѣдуетъ тщательный разборъ произведеній Пушкина, на основаніи котораго почтенный и безпристрастный авторъ пришелъ къ вышеприведенному выводу. Среди множества рисунковъ и виньетокъ мы замѣтили одну неточность: подъ рисункомъ на стр. 61, озаглавленнымъ «г. Измаилъ теперь», представленъ видъ Одессы съ моря.

«Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ» — этой благодарной темой пользовались и писатели-біографы, и историки литературы, и художники; воспользовался ею и г. Всеволодъ Чешихинъ для драматическаго этюда. Благодарная тема, несмотря на то, что въ значительной степени авторъ обработалъ ее пушкинскими же стихами, при-

няла у него видъ искусственной и блѣдной идилліи. Стихи, относящіяся къ Пушкину («Поэта домъ опальный, о Пушкинъ мой, ты первый посѣтилъ»), обращены къ Дельвигу, событія перепутаны, діалоги уморительно наивны. Дельвигъ пріѣзжаетъ къ поэту. Объятія, разспросы, Пушкинъ декламируетъ «Деревню», затѣмъ начинается разговоръ о вдохновеніи и поэтахъ. Вотъ какимъ языкомъ говоритъ Пушкинъ объ огненной надписи, видѣнной имъ когда-то въ одной изъ мелодрамъ:

Съ тѣхъ поръ я понялъ тайну ремесла.
Та огненная надпись—транспарантъ,
Поставленный разумнымъ режиссеромъ;
Закрѣтъ онъ былъ полоскою бумаги,
Которую отодвигалъ актеръ
Той палочкой; усилие небольшое,
А результатъ блестящій!.. Такъ и я
На видъ—волшебникъ, а на самомъ дѣлѣ
Концомъ пера я лишь сдвигаю пленку,
Которою покрыты письмамена,
Что начерталъ великій, мудрый рокъ,
Сей режиссеръ комедіи всемірной!

Дельвигъ.

Свое значеніе, другъ, ты умаляешь!
Коль режиссеръ великъ и мудръ, такъ, значитъ,
Орудіе достойное избралъ онъ
Для воплощенія замысловъ своихъ.
Поэтъ—орудье, да,—но не простое!
Вѣдь и пророкъ—орудье Божества!

Пушкинъ (вдохновенно).

Ты правъ! Поэтъ—пророкъ! Пророкъ и я!
(Декламируетъ).

Духовной жаждою томимъ и т. д.

Стоитъ вспомнить лишь сцену свиданія друзей, рассказанную И. И. Пуцинымъ, чтобы понять, какъ мало здѣсь характернаго для Пушкина, сердечнаго, простаго, чуждаго всякой напыщенности и фальши. Такъ же мало похожа на подлинную Арину Родіоновну «Арина Иродіоновна» г. Чешихина, заявляющая поэту, что для него она «перетрясти готова всю рухлядь старой памяти своей». Она говоритъ Пушкину:

А ты-бъ на Анну пристальнѣй взглядѣлся:
Сурьезная дѣвица, на умѣ
Не пустяки, какъ у Зизи-вертушки,
Что предъ тобой не знаетъ, какъ и сѣсть—
Уже и такъ, и этакъ фигурируетъ!

Конечно, няня выразилась бы правильно, «вглядѣться въ кого нибудь, а не на кого нибудь», и ужъ навѣрно она никогда не засоряла своего дивнаго русскаго языка, за который такъ любилъ ее

поэтъ, глаголомъ «фигурять»; этотъ живописный глаголъ можетъ быть отнесенъ, впрочемъ, къ самому г. Чепихину, фигуриющему въ своемъ драматическомъ этюдѣ нѣсколько на комическій ладъ.

Нашъ обзоръ литературы о Пушкинѣ, быть можетъ, не отличается особенной полнотой; не останавливались мы и на журнальныхъ статьяхъ, которыхъ появилось множество. Выполнить эту задачу въ скромныхъ предѣлахъ журнальной замѣтки представляется явно невозможнымъ. Но полагаемъ, что мы въ достаточной мѣрѣ исчерпали вопросъ о типахъ литературныхъ изданій, посвященныхъ поэту и вышедшихъ въ послѣднее время. Въ этомъ отношеніи нельзя не признать, что литературно-издательская предприимчивость не оказалась особенно изобрѣтательною, и на ряду съ хорошими работами и изданіями появилась масса невѣжественныхъ и недобросовѣстныхъ, преслѣдующихъ грубо-спекулятивныя цѣли. Однако начавшееся академическое изданіе Пушкина, цѣлый рядъ біографическихъ и историко-литературныхъ матеріаловъ, критическая разработка нѣкоторыхъ вопросовъ Пушкинской поэзіи,—все это, вмѣстѣ взятое, позволяетъ высказать оградную увѣренность въ томъ, что въ пережитые нами дни чествованія столѣтія со дня рожденія поэта положено прочное начало всестороннему изученію жизни и общественныхъ мотивовъ его творчества.

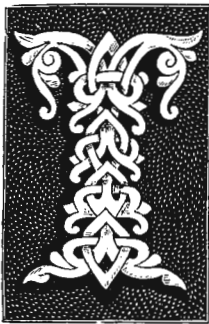
Это изученіе привлечетъ къ себѣ много научныхъ и литературныхъ силъ, которыя, надо надѣяться, выполнятъ лежащій на насъ общественный долгъ передъ памятью поэта и помогутъ проложить въ народной средѣ тотъ путь грамотности и просвѣщенія, по которому завѣты великаго учителя дойдутъ до сердца народа и сольются въ немъ съ глубочайшими основами его духовнаго быта и идеальныхъ стремленій.

Е. Еленинъ.

ОБЩЕСТВЕННЫЯ ЗАБОТЫ О НАРОДНОМЪ ОБРАЗОВАНІИ ВЪ СИБИРИ.

ОЛЬКО въ самое послѣднее время стали у насъ обращать вниманіе на далекую Сибирь, спавшую, казалось, долгіе годы непробуднымъ сномъ богатыря русской сказки... Съ открытіемъ сибирской желѣзной дороги, весьма оживившей это громадное захолустье, и введеніемъ въ Сибирь судебной реформы, эта окраина начала понемногу привлекать взоры нашего интеллигентнаго общества, такъ какъ о ней стали появляться и газетныя и журнальныя статьи. До послѣдняго времени Сибирь сравнительно мало интересовала нашу читающую публику, смотрѣвшую на нее, какъ на какую-то отдѣльную страну, на какое-то совершенно особое царство, не имѣющее ничего общаго съ остальной Россіей и живущее «гдѣ-то тамъ» далеко, очень далеко своей особой жизнью, до которой рѣшительно никому не было никакого дѣла. А между тѣмъ именно тамъ, на этой далекой окраинѣ, въ этомъ сказочномъ «темномъ царствѣ», среди непроходимыхъ лѣсовъ, мятелей, бурановъ, въ забытыхъ судьбой городкахъ, сиротливо чернѣющихъ на безконечныхъ снѣговыхъ пустыняхъ, въ крошечныхъ убогихъ поселкахъ, тонущихъ въ снѣжныхъ сугробахъ, тамъ, въ этой странѣ тайги, вѣчнаго холода, ледянаго вѣтра, непрерывной вьюги и печальнаго сѣвернаго сіянія,—далеко не все спало и еще спитъ, равнодушно сторонясь отъ окружающей жизни... И тамъ видимъ мы духовные запросы и горячую готовность работать на пользу культурно-нравственныхъ задачъ высшаго порядка. То, что знаемъ мы о дѣятельности частныхъ сибирскихъ обществъ,

посвятившихъ себя заботамъ о народномъ образованіи въ этой отдаленной окраинѣ, подтверждаетъ только-что нами сказанное. Объ этихъ симпатичныхъ просвѣтительныхъ обществахъ Сибири встрѣчаемъ мы весьма интересныя свѣдѣнія какъ въ мѣстныхъ изданіяхъ, такъ и въ отчетахъ о ихъ дѣятельности.

Съ этими-то любопытными и вмѣстѣ отрадными данными,—мало кому извѣстными,—объ общественной работѣ Сибири на пользу народнаго образованія мы и намѣрены познакомить теперь нашихъ читателей.

Весьма почтенна и симпатична дѣятельность Красноярскаго общества попеченія о начальномъ образованіи, возникшаго въ 1883 году. Благодаря энергіи маленькаго кружка лицъ, ставшихъ во главѣ этого дѣла, общество мало-по-малу разрослось и набрало, при посредствѣ сборныхъ книжекъ, необходимую сумму денегъ для первыхъ шаговъ на избранномъ имъ поприщѣ. Въ первый же годъ своего существованія общество открыло въ Красноярскѣ начальную школу, которая, спустя короткое время, уже не могла вмѣстить всѣхъ жаждавшихъ попасть въ нее. Въ 1888 году открыта была вторая такая же школа, также быстро переполнившаяся, какъ и первая. На устройство ея и содержаніе была назначена опредѣленная сумма мѣстнымъ общественнымъ управленіемъ. Потребность въ народныхъ училищахъ говорила сама за себя,—надо было продолжать идти по этому пути, но только въ 1895 году обществу удалось открыть еще третье начальное училище. За послѣднія 10 лѣтъ въ открытыхъ обществомъ начальныхъ школахъ перебивало 625 учениковъ, изъ числа которыхъ 97 человекъ окончили курсъ съ льготой по воинской повинности.

Не имѣя, къ сожалѣнію, матеріальныхъ средствъ на открытіе въ Красноярскѣ начальныхъ училищъ въ томъ количествѣ, въ какомъ это было бы желательно, общество постепенно приступило къ устройству воскресныхъ школъ, чтобы хотя этимъ путемъ пополнить указаннѣй недостатокъ.

Первая такая воскресная школа была открыта въ 1889 году,—на этотъ разъ женская,—и успѣхъ ея былъ блестящій. Въ нее шли наперерывъ, и, судя по отчетамъ школы, гдѣ обучались бѣднѣйшіе классы городского населенія отъ 10-ти до 30-ти-лѣтнаго возраста, приливъ желающихъ посѣщать ее съ каждымъ годомъ увеличивается. Не ограничиваясь одною грамотой, школа даетъ ученицамъ и возможность ознакомиться и съ лучшими народными изданіями.

Въ 1892 году открылась и мужская воскресная школа. Ученики школы принадлежатъ къ городской бѣднотѣ, причемъ взрослые составляютъ всего 4%. Обучаются въ школѣ русскому языку и ариметикѣ, причемъ особенное вниманіе обращается на выразительное и толковое чтеніе. Наиболѣе грамотнымъ и способнымъ мальчикамъ

давались изъ школьной библіотеки книги на домъ, что весьма способствовало знакомству учениковъ съ отечественной литературой и исторіей.

Въ 1896 году въ обѣихъ воскресныхъ школахъ обучалось 486 ученицъ и 106 учениковъ. Если къ этому числу прибавить и обучавшихся въ начальныхъ школахъ, открытыхъ обществомъ, то окажется, что оно дало возможность въ теченіе 10 лѣтъ учиться 1.312 человѣкамъ.

На содержаніе своихъ школъ общество въ указанный періодъ времени истратило 10.986 рублей.

Въ высшей степени разумное отношеніе проявило общество къ физическому развитію учащихся въ открытыхъ имъ школахъ, — вопросъ, на который, какъ извѣстно, часто такъ мало обращается вниманія даже и въ прекрасно поставленныхъ въ педагогическомъ смыслѣ учебныхъ заведеніяхъ.

Для этой цѣли общество испросило у мѣстной думы право пользоваться думскимъ садомъ, гдѣ были устроены: лѣтомъ—гимнастика, а зимой—катокъ. Къ сожалѣнію, въ 1895 году этотъ садъ былъ уступленъ духовному вѣдомству подъ устройство семинаріи. Надо надѣяться, что общество отыщетъ современемъ другое подходящее мѣсто для гимнастическихъ упражненій своихъ учениковъ и не откажется навсегда отъ этой симпатичной стороны своей воспитательной дѣятельности послѣ одиннадцатилѣтняго опыта въ этомъ направленіи.

Чтобы удовлетворить потребность учениковъ въ полезномъ чтеніи, общество рѣшило открыть бесплатную библіотеку и читальню и ассигновало для этой цѣли изъ своихъ сравнительно ограниченныхъ средствъ 100 рублей ежегодно. Помимо этого, оно еще собрало, путемъ частныхъ пожертвованій, 1.200 рублей. Однако, всего этого было, конечно, недостаточно, и только благодаря поддержкѣ И. М. Сибирякова библіотека была открыта при мѣстномъ музеѣ, гдѣ вотъ уже болѣе 10 лѣтъ она продолжаетъ понемногу расширяться и обогащаться полезными изданіями. На библіотеку въ теченіе 11 лѣтъ израсходовано обществомъ болѣе 2.000 рублей.

Другимъ весьма похвальнымъ учрежденіемъ является книжный складъ, открытый обществомъ въ 1893 году на деньги, собранныя для этой цѣли учащейся молодежью изъ сибиряковъ. Кромѣ того, было разными лицами пожертвовано 3.000 экземпляровъ разныхъ книгъ, которыя были распроданы и розданы на комиссію. Всего въ складѣ въ 1894 году было 8.940 книгъ для чтенія и 251 картина; изъ нихъ во время народныхъ чтеній продано 650 экземпляровъ, на пароходахъ—565, на базарѣ—329 и передано на комиссію 7.127 экземпляровъ. Такимъ образомъ въ первый же годъ почти всѣ книги въ складѣ разошлись.

Такой блестящій успѣхъ склада быстро распространилъ его дѣя-

тельность: въ 1894 году существовало уже 18 пунктовъ продажи книгъ, изъ которыхъ 8 было въ Красноярскомъ округѣ, 6—въ Минусинскомъ и 3—въ Енисейскомъ. Неравномѣрное распредѣленіе отдѣленій склада по губерніи объясняется тѣмъ, что только въ этихъ пунктахъ были, на первыхъ порахъ, люди, извѣстные обществу, которые могли быть комиссіонерами. Благодаря новизнѣ дѣла, такихъ комиссіонеровъ въ первый годъ существованія склада было очень немного, но со временемъ число ихъ возросло. Въ 1896 году было уже 73 человекъ, продавшихъ 13.500 экземпляровъ. Главнѣйшій контингентъ этихъ комиссіонеровъ составляютъ народные учителя.

Заводя комиссіонеровъ для распространенія книгъ склада, общество дѣлаетъ очень много для народнаго образованія въ губерніи, конкурируя такимъ образомъ съ мѣстными офенями, успѣшно распространяющими въ сибирскихъ деревняхъ безграмотныя произведенія разныхъ темныхъ писакъ, угощающихъ народную массу невѣроятными приключеніями Бовы Королевича и сентиментальной чепухой объ англійскомъ милордѣ Георгѣ. Однако же, общество не должно ограничиваться уже сдѣланнымъ, и ему слѣдуетъ упорно продолжать свою благотворную дѣятельность въ данномъ направленіи. Въ Енисейской губерніи насчитывается 970 населенныхъ мѣстъ съ 429 тысячами жителей. Складъ же имѣетъ своихъ агентовъ только въ $\frac{1}{10}$ части населенныхъ мѣстъ губерніи: въ остальныхъ, пока, по-прежнему, процвѣтаютъ офени, которые не по заслугамъ такъ воспыты Некрасовымъ и которые вносятъ такъ много тьмы въ дѣтски-наивное міровоззрѣніе русскаго крестьянства.

Общество старалось всѣми силами расширить дѣятельность склада. Благодаря даннымъ въ его пользу спектаклямъ, удалось открыть при немъ книжную лавку, гдѣ торговля производится подъ непосредственнымъ наблюденіемъ членовъ общества. Независимо отъ сего часть членовъ приняла на себя обязанность слѣдить за выходящими народными книжками и давать о нихъ свои отзывы, другая часть ведетъ постоянныя сношенія съ книжными фирмами. Кромѣ книгъ для народа, складъ завелъ еще торговлю учебниками и письменными принадлежностями.

Изъ кого состоитъ контингентъ покупателей въ лавкѣ склада?

Первыми покупателями являются ученики городскихъ школъ, а затѣмъ городскіе и иногородніе покупатели изъ народа.

Здѣсь небезынтересно будетъ замѣтить, что среди взрослыхъ покупателей, какъ городскихъ, такъ и деревенскихъ, особенно распространенъ спросъ на всякаго рода оракулы, сонники и разныя лубочныя изданія, которыхъ, конечно, въ лавкѣ нѣтъ, такъ какъ общество вполне логично и разумно постановило подобныхъ бесполезныхъ книгъ въ своемъ складѣ вовсе не держать и не выписывать. Часто требуются книжки по русской исторіи и сказки, и очень охотно по-

купались книги съ раскрашенными картинками; при этомъ большое вниманіе обращается на заглавіе.

Операціи склада годъ отъ году все болѣе и болѣе расширяются, и ему теперь слѣдовало бы завести своего книгоношу, который объѣзжалъ бы менѣе населенныя мѣста и продавалъ бы книги крестьянамъ. При постоянномъ возрастаніи числа грамотныхъ спросъ на книги долженъ прогрессивно возрастать, и при правильной и рациональной постановкѣ дѣла складъ могъ бы рассчитывать на хорошіе обороты. По приблизительному вычисленію, количество ежегодно продаваемыхъ изданій въ складѣ могло бы доходить до 100 тысячъ экземпляровъ, что равнялось бы, переведенное на деньги (съ присоединеніемъ къ общему счету и картинъ), восьми тысячамъ рублей въ годъ. Если же включить сюда продажу учебниковъ и письменныхъ принадлежностей, то общая сумма прибылей склада могла бы превышать 10.000 рублей.

Все это, однако же, возможно только подъ условіемъ постоянного умѣлаго распространенія изданій склада среди сельскаго населенія.

Очерченная нами выше симпатичная дѣятельность красноярскаго общества попеченія о начальномъ образованіи, конечно, привлекаетъ къ нему сочувствіе всѣхъ мѣстныхъ элементовъ. Въ 1893 году г. Переплетчиковымъ были пожертвованы обществу 25.000 рублей, и благодаря этому щедрому дару матеріальное положеніе общества стало болѣе устойчивымъ, а арена его дѣятельности болѣе широкой¹⁾.

Одновременно съ Красноярскимъ открылось Барнаульское общество попеченія о народномъ образованіи, занявшее въ скоромъ времени весьма видное мѣсто среди просвѣтительныхъ учрежденій Сибири.

¹⁾ Изъ сибирской газеты «Енисей» узнаемъ, что послѣднѣе общее собраніе красноярскаго общества попеченія о начальномъ образованіи, происходившее 7-го марта этого года, отличалось очень бурнымъ характеромъ, въ виду горячихъ преній по поводу годового отчета и дѣятельности общества. Послѣ прочтенія этого отчета и протокола ревизіонной комиссіи, одинъ изъ бывшихъ членовъ совѣта общества произнесъ рѣчь, въ которой упрекалъ совѣтъ общества въ бездѣятельности за истекшій годъ, утверждалъ, что вся главная и замѣтная работа общества проявилась лишь въ дѣятельности его комиссіи, книжнаго склада, читальни и проч., что совѣтомъ непроизводительно расходовались деньги общества, что онъ не выполнилъ своей смѣты, что книжный складъ общества сталъ поемногу обращаться въ магазинъ письменныхъ принадлежностей и т. д. Врядъ ли, однако, эта выходка противъ почтенной дѣятельности красноярскаго общества попеченія о начальномъ образованіи была полна безпристрастія и не навѣяна какими нибудь личными счетами. Газетѣ также кажутся весьма странными сказанныя рѣзкіе отзывы объ обществѣ въ 14-й годъ его существованія, и тѣмъ самымъ и его предсѣдатель, Н. А. Щенстковскій, главнымъ основателѣмъ и дѣятелѣмъ общества, на развитіе котораго онъ, по выраженію «Енисей», положилъ свою душу. Газета предполагаетъ въ этотъ инцидентъ, если не явную несправедливость въ отношеніи общества, то недоразумѣніе, возникшее изъ отчета, которое совѣтомъ общества могло бы быть разъяснено, что очень желательно.

Если принять въ соображеніе, что Барнаулъ—маленькій провинціальный городокъ, что удаленная на десятки тысячъ верстъ отъ центровъ умственной жизни Россіи полудикая Сибирь лишь въ самое послѣднее время стала болѣе или менѣе приближаться къ культурному теченію вѣка, что она и доселѣ представляетъ собой еще особую страну какого-то темнаго царства, то невольно проникаешься безграничнымъ уваженіемъ къ тѣмъ почтеннымъ труженикамъ во имя высокой идеи, которые, не теряя мужества, смиренно работаютъ на пути народнаго образованія—въ «медвѣжьихъ углахъ» нашихъ безпросвѣтныхъ захолустій.

Цифры краснорѣчивѣе всякихъ разсужденій и говорятъ сами за себя.

Въ теченіе двѣнадцатилѣтняго существованія барнаульское общество достигло слѣдующихъ результатовъ. Членамъ общества удалось собрать за это время 53.714 рублей, изъ которыхъ было израсходовано 44.262 рубля. Число членовъ ежегодно увеличивалось. Въ 1885 г. ихъ было только 295 человѣкъ, въ 1890 г.—323 чел., въ 1894 г.—457 чел., въ 1896 г.—654 человѣка. Составъ общества постепенно продолжаетъ возрастать: къ нему охотно присоединяются не только изъ разныхъ мѣстъ Сибирскаго края, но и русскіе изъ далекаго Китая присылаютъ сочувственныя заявленія о готовности помогать ему въ дѣлѣ народнаго образованія.

Къ сожалѣнію, нельзя не отмѣтить здѣсь того прискорбнаго факта, что въ самомъ Барнаулѣ сочувствующихъ прекраснымъ и гуманнымъ дѣламъ общества нашлось не такъ много, какъ бы можно было ожидать.

Въ отчетѣ общества за послѣднія десять лѣтъ встрѣчаются основательныя жалобы на отсутствіе отзывчивости къ его задачамъ мѣстной интеллигенціи. «Школьное общество, — читаемъ въ отчетѣ, — проситъ не жертвъ и самоотверженія, а лишь маленькой отзывчивости, участія къ его работѣ, возможной нравственной и матеріальной поддержки — и сотни дѣтей будутъ озарены свѣтомъ просвѣщенія! Пожелаемъ же, чтобы въ будущемъ участіе членовъ было болѣе постоянно, чтобы число ихъ возрастало, пополняясь новыми и сохраняя старыхъ. Тогда съ каждымъ годомъ въ обществѣ будетъ укрѣпляться вѣра въ его прочность и устойчивость! Легче работать, легче достигать хорошихъ результатовъ, когда является болѣе сочувствующихъ этой работѣ, и ряды ихъ не рѣдѣютъ, а постепенно умножаются».

Не смущаясь равнодушіемъ барнаульцевъ, члены общества продолжали, однако, работать, и успѣли основать нѣсколько полезныхъ просвѣтительныхъ учрежденій. Уже чрезъ годъ со дня открытія дѣятельности общества имъ была учреждена смѣшанная школа, успѣхъ которой превзошелъ всѣ ожиданія общества: въ нее сразу же пришлось принять 96 учениковъ, т. е. вдвое противъ того, на что рассчитывало правленіе общества.

Это обстоятельство сразу выдвинуло на первый планъ вопросъ о необходимости постройки школьнаго зданія, такъ какъ въ той части города, гдѣ помѣщалось училище, нельзя было найти болѣе просторнаго помѣщенія. Обращеніе совѣта общества за матеріальной поддержкой къ мѣстной думѣ, мѣщанскому обществу и частной благотворительности дало въ результатѣ 1.500 рублей деньгами и безплатно уступленный городомъ участокъ земли подъ постройку школы. Черезъ годъ училище уже помѣщалось въ собственномъ домѣ, и въ первый же мѣсяцъ по открытіи классовъ уже обучалось 150 воспитанниковъ. Число учениковъ возросло затѣмъ ежегодно: въ 1889 г. ихъ было 160 человѣкъ, въ 1890 году—176, а въ 1891 году около 200 человѣкъ.

Такимъ образомъ школа снова переполнилась, и снова пришлось думать о ея расширеніи. Поэтому, въ 1891 году открыты были въ одномъ изъ городскихъ предмѣстій параллельные классы, которые также сразу наполнились учениками. Вообще, какъ въ самой школѣ, такъ и въ ея отдѣленіи число воспитанниковъ каждый годъ непрерывно возрастаетъ. Въ 1893 году было 223 ученика, въ 1894 г.—237, во 1895 г.—240.

Въ этомъ году обществомъ была уже открыта новая школа, стоившая 7.424 рубля. Въ обѣихъ число воспитанниковъ достигло 326 человѣкъ, между тѣмъ какъ въ двухъ городскихъ училищахъ ихъ насчитывается только 174 человѣка.

Въ теченіе одиннадцати лѣтъ обществомъ израсходовано на школы 23.500 рублей, собранныхъ, главнымъ образомъ, путемъ частныхъ пожертвованій.

Заботясь о воспитаніи неимущихъ дѣтей, общество одновременно заботилось и о матеріальной помощи ученикамъ, принадлежавшимъ къ бѣднѣйшимъ городскимъ классамъ. Эта помощь выражалась въ выдачѣ одежды, учебныхъ пособій, а также въ устройствѣ завтраковъ въ школахъ.

Какъ рациональное подспорье школьному дѣлу, обществомъ была открыта народно-школьная библіотека, что было сдѣлано, какъ уже извѣстно читателямъ, и красноярскимъ обществомъ попеченія о начальномъ образованіи. И здѣсь главнымъ двигателемъ въ этомъ дѣлѣ явился уже упомянутый нами выше сибирскій купецъ Сибиряковъ, сдѣлавшій обществу щедрыя пожертвованія деньгами и книгами.

Библіотека идетъ вполнѣ успѣшно. Въ настоящее время она выписываетъ всѣ дѣтскіе журналы и постоянно пополняетъ свой составъ нужными изданіями. Спросъ на книги такъ великъ, что общество предполагаетъ основать въ Барнаулѣ вторую библіотеку-читальню.

Въ дополненіе къ организованной обществомъ народно-школьной библіотекѣ, подчиняющейся въ выборѣ книгъ особымъ ограничи-

тельными правилами, утвержденными министерством внутренних дѣлъ 15-го мая 1890 года ¹⁾, была открыта въ Барнауль, по инициативѣ того же общества, городская библиотека. Этой библиотекой завѣдует особый комитетъ, состоящій изъ совѣта общества и двухъ гласныхъ, по выбору мѣстной думы. Библиотека получаетъ субсидію отъ города и имѣетъ въ настоящее время 300 подписчиковъ, располагая 5.000 томовъ.

На какія же книги замѣчается у сибиряковъ наибольшій спросъ?

Изъ отчета общества узнаемъ, что больше всего предъявляется требованій на беллетристику (50^{0/0}), при чемъ изъ отечественныхъ авторовъ берутъ всего охотнѣе Тургенева, затѣмъ Щедрина, Пушкина, Достоевскаго, графа Л. Толстого, Гоголя, Григоровича и Глѣба Успенскаго, а изъ иностранныхъ беллетристовъ—Майнъ-Рида, Эмара, Ж. Верна, Вальтеръ-Скотта, Диккенса и Шпильгагена. Нельзя не пожалѣть, что односторонній и однообразный Щедринъ перещеголялъ у сибиряковъ Пушкина и Гоголя, а такіе изобрѣтатели разныхъ небывальщинъ, какъ Майнъ-Ридъ и Эмаръ предпочитаютъ въ Сибири тонкому психологу Ч. Диккенсу, талантливому историческому романисту Вальтеръ-Скотту и умному наблюдателю Шпильгагену...

Существующій при библиотекѣ кабинетъ для чтенія обращенъ съ 1894 года въ бесплатный. Это обстоятельство не сдѣлало его, однако же, особенно посѣщаемымъ. Въ 1897 году было 4.153 посѣтителя кабинета, изъ числа которыхъ несостоявшихся подписчиками библиотеки было всего 917; въ среднемъ—въ кабинетѣ для чтенія бываетъ ежедневно отъ 10—12 человекъ. Нельзя сказать, чтобы эта цифра изобличала въ барнаульцахъ особенную любовь къ печатному слову...

Къ числу крупныхъ предпріятій общества должно отнести устройство лѣтняго сада и народнаго театра, стоившихъ 1.633 руб. Садамъ общество пользуется уже нѣсколько лѣтъ, но до послѣдняго времени онъ не былъ приспособленъ для удобства публики. Теперь общество его значительно улучшило, устроило въ немъ открытую сцену и павильонъ для чайнаго буфета и газетъ. Съ устройствомъ театра, садъ очень оживился и сталъ привлекать на спектакли отъ 400 до 700 человекъ простонародья, охотно платящаго 10 — 20 копеекъ за мѣсто.

Общество, однако, не думаетъ ограничиться однимъ лѣтнимъ народнымъ театромъ. Въ 1896 году оно приступило къ осуществленію грандіознаго плана постройки «народнаго дома», въ которомъ предполагаются помѣщенія для библиотеки, книжнаго склада, обще-

¹⁾ Правила эти составлены на основаніи п. 3 примѣч. къ ст. 176 устава о цензурѣ и печати и высочайшихъ повелѣній 12-го іюля 1867 года, 17-го декабря 1871 года и 4-го февраля 1888 года.

образовательнаго музея и, наконецъ, обширный залъ для публичныхъ лекцій, концертовъ и спектаклей.

Уже десять лѣтъ тому назадъ совѣтъ общества поставилъ себѣ задачей осуществить, въ болѣе или менѣе ближайшемъ будущемъ, идею «народнаго дома», но до 1894 года его желаніе оставалось платоническимъ. Въ этомъ году, по высочайшему повелѣнію, обществу былъ переданъ участокъ земли въ Барнаулѣ, заключающій въ себѣ садъ съ полуразрушеннымъ каменнымъ зданіемъ бывшей городской тюрьмы. Этотъ-то остатокъ постройки и рѣшено утилизировать для вышеупомянутой цѣли общества. Уже составленъ планъ будущаго зданія и приступлено къ заготовкѣ матеріаловъ. Въ распоряженіи общества имѣется 8.000 рублей, составившихся изъ пожертвованій; сверхъ того, городская дума выразила готовность помочь обществу въ размѣрѣ единовременнаго пособия въ 4.500 рублей. Этихъ денегъ, къ сожалѣнію, недостаточно, такъ какъ для выполненія проекта общества во всѣхъ подробностяхъ потребуется 30.000 руб. Общество, однако, питаетъ надежду собрать недостающую ему сумму, въ виду всеобщаго сочувствія къ его симпатичной идеѣ устроить «народный домъ» въ Барнаулѣ, какъ среди самихъ барнаульцевъ, такъ и среди сибиряковъ вообще.

Въ 1895 году обществомъ открытъ книжный складъ, давшій въ первый же годъ 157 рублей чистой прибыли. Дѣятельность склада пойдетъ, конечно, еще успѣшнѣе, если онъ, на подобіе красноярскаго книжнаго склада, заведетъ комиссіонную продажу среди деревенскаго населенія.

Къ сожалѣнію, обществу не всегда удавалось достигать намѣченныхъ имъ цѣлей. Такъ, напримѣръ, общество до сихъ поръ еще не въ силахъ открыть воскресныхъ школъ и устроить народныхъ чтеній, хотя и хлопочетъ объ этомъ уже нѣсколько лѣтъ сряду. Общество не теряетъ, однако, надежды получить разрѣшеніе открыть воскресныя школы, столь необходимыя для успѣха его дѣятельности.

Въ печальномъ положеніи находится важный вопросъ о народныхъ чтеніяхъ, поднятый обществомъ еще 11 лѣтъ тому назадъ... Первое ходатайство общества было отклонено, потому что въ то время народные чтенія могли открываться лишь въ губернскихъ городахъ. Затѣмъ обществу было предложено открыть, вмѣсто народныхъ чтеній, — воскресные курсы по тѣмъ отраслямъ специальныхъ знаній, какія окажутся соотвѣтствующими мѣстнымъ потребностямъ. Совѣтъ общества не могъ, однако же, согласиться на это, такъ какъ эти курсы потребовали бы большихъ денежныхъ затратъ, а, кромѣ того, и лицъ съ техническимъ образованіемъ, отыскать которыхъ въ Барнаулѣ было бы весьма затруднительно. Ходатайство общества о разрѣшеніи устройства въ Барнаулѣ народныхъ чтеній, посланное въ министерство народнаго просвѣщенія, было признано неподлежащимъ удовлетворенію. Такимъ образомъ одно изъ симпатичнѣй-

шихъ, казалось бы, предприятий общества не можетъ, къ сожалѣнію, осуществиться, по крайней мѣрѣ, временно.

Что касается общества попеченія о народномъ образованіи въ Омскѣ, то оно существуетъ уже 13 лѣтъ и, по отзывамъ сибирской печати и отчету о его дѣятельности, постепенно расширяетъ свою дѣятельность. Въ настоящее время это общество содержитъ 3 начальныхъ школы, профессиональную и воскресную школы, а также хорошо организованную библіотеку. Кромѣ того, общество устроило народныя чтенія и открыло книжный складъ и дѣтскій садъ. Всѣ означенныя школы помѣщаются въ собственномъ домѣ общества, построенномъ на частныя пожертванія.

Озабочиваясь дальнѣйшимъ нравственнымъ развитіемъ своихъ учениковъ, омское общество основало сначала народную библіотеку, а вслѣдъ за тѣмъ открыло общественную съ бесплатнымъ отдѣломъ книгъ для народнаго чтенія. Библіотека стала быстро развиваться. Въ 1893 году въ библіотекѣ числилось 1.988 томовъ, въ 1894 г.— 4.710, въ 1897 г.— 5.330, при чемъ около 800 томовъ было передано во 2-е отдѣленіе народной библіотеки. Число платныхъ подписчиковъ увеличилось за 3 года на 321 человекъ, бесплатныхъ на 400 человекъ, число выдачъ народныхъ книгъ съ 15.538 томовъ въ 1892 году возросло до 16.207 въ 1896 году. Общая сумма выданныхъ книгъ также сильно возросла: въ 1893 году она равнялась 29.638 томамъ, въ 1894 г.— 47.783, а въ 1896 г.— 37.882. Слѣдуетъ при этомъ обратить вниманіе, что значительное количество выданныхъ книгъ приходится на народный отдѣлъ, подписчиками котораго главнымъ образомъ являются учащіеся въ начальныхъ школахъ. Платные подписчики (621) состоятъ изъ мѣстныхъ служащихъ въ разныхъ учрежденіяхъ и ихъ семействъ.

Библіотека выписываетъ ежегодно до 30 газетъ. Изъ газетъ и журналовъ болѣе всего требуется «Новое Время», затѣмъ слѣдуютъ «Русскія Вѣдомости», «Свѣтъ», «Сибирскій Листокъ» (Тобольскъ), «Сибирскій Вѣстникъ» (Томскъ) и другія сибирскія изданія; изъ журналовъ— «Русская Мысль», «Вѣстникъ Европы», «Историческій Вѣстникъ», «Русская Старина», «Русское Богатство».

Благодаря прекрасному веденію дѣла, библіотека, постоянно увеличивая число книгъ и привлекая подписчиковъ, не требуетъ отъ общества пособій, а обходится исключительно своими средствами.

Устраиваемыя обществомъ народныя чтенія не всегда пользовались, къ сожалѣнію, одинаковымъ успѣхомъ, что стоитъ въ прямой зависимости отъ помѣщенія, гдѣ эти чтенія происходили. Такъ, напримѣръ, устроенныя въ 1897 году въ помѣщеніи школы чтенія привлекали, въ общемъ, каждый разъ не свыше 94 человекъ, между тѣмъ какъ въ 1895 году, благодаря болѣе обширной аудиторіи, тѣ же чтенія пользовались гораздо большимъ успѣхомъ.

Кромѣ вышеупомянутыхъ образовательныхъ учрежденій, омское

общество имѣть садъ для дѣтей, гдѣ они могутъ играть и заниматься гимнастикой, устраиваетъ дешевый катокъ и вноситъ учебную плату за бѣднѣйшихъ учениковъ.

Очертивъ плодотворную дѣятельность главнѣйшихъ просвѣтительныхъ обществъ въ Сибири, упомянемъ здѣсь также и о другихъ обществахъ того же характера, развившихся на негостеприимной почвѣ нашей далекой и холодной сибирской окраины.

Минусинское общество въ послѣдніе два года заботилось главнымъ образомъ о постройкѣ дома для своей школы, но, къ величайшему сожалѣнію, не могло приступить къ осуществленію этого добраго дѣла по недостатку необходимыхъ для этого средствъ. Правленіе общества предполагало было устроить съ этой цѣлью лотерею-аллегри, но этотъ проектъ не состоялся. Мысль совѣта общества объ устройствѣ при школѣ, въ ея рекреационной залѣ церкви, которая отдѣлялась бы отъ залы сплошной перегородкой, встрѣтила совершенно непреодолимое препятствіе со стороны мѣстнаго епископа Акакія, усмотрѣвшаго въ проектированной близости церкви къ школьной залѣ неуваженіе къ святости храма, между тѣмъ какъ подобныя церкви при училищныхъ залахъ встрѣчаются повсюду, и это рѣшительно никого не возмущаетъ. Такимъ образомъ собранные для упомянутой церкви при школѣ среди жителей Самодуровки и Минусы 1.000 рублей были предназначены, по рѣшенію схода названныхъ поселковъ, на постройку церкви отдѣльно отъ школы.

Двѣ воскресныя школы общества — мужская и женская, посѣщались весьма усердно. Въ женской школѣ къ 1-му января 1898 г. было 150 ученицъ. Школьной библіотекой пользовались 83 ученицы и 60 взрослыхъ родственниковъ учащихся.

Въ мужской воскресной школѣ къ этому же сроку числилось 75 учениковъ.

Въ этой школѣ по вечерамъ устраиваются чтенія по литературѣ, отечественной исторіи и географіи и ведутся весьма полезныя бесѣды о мѣстныхъ производствахъ и о хозяйствѣ при помощи коллекцій музея.

Бѣднѣйшимъ ученикамъ общество выдаетъ пособія одеждой и учебниками, расходуя на это ежегодно по 175 рублей.

Дѣятельность Каинскаго общества попеченія о начальномъ образованіи является весьма скромною и сводится, главнымъ образомъ, къ дѣламъ благотворительности. Такъ общество раздаетъ бѣднѣйшимъ ученикамъ одежду и обувь, устроило на свои средства при мѣстномъ уѣздномъ училищѣ кабинетъ учебныхъ пособій по физикѣ и, заботясь о здоровьѣ учениковъ, открыло кредитъ при аптекѣ, откуда учащимся отпускаются лѣкарства бесплатно, на счетъ общества. Кромѣ этого, совѣтъ общества вошелъ въ сношеніе съ врачомъ, завѣдующимъ мѣстнымъ лазаретомъ, и тяжело больные ученики имѣютъ право помѣщаться въ лазаретъ и пользоваться медикаментами за весьма незначительную цѣну.

Для устройства книжнаго склада совѣтомъ была избрана особая комиссія.

Что же касается народныхъ чтеній, то проектъ устава этихъ чтеній былъ возвращенъ обществу томскимъ губернскимъ правленіемъ для дополненія и передѣлокъ.

Дѣятельность общества была бы, несомнѣнно, гораздо шире, но совѣту его пришлось потратить немало времени на упорядоченіе кассы, приведенной въ разстройство въ прежніе годы.

Свѣдѣнія о другихъ обществахъ страдаютъ, къ сожалѣнію, крайней неполнотой и относятся къ 1893—1895 годамъ.

Такъ, Нерчинское общество имѣло въ 1894 году 372 члена, при чемъ нельзя не отмѣтить того грустнаго факта, что число ихъ идетъ ежегодно ва убыль. Хотя въ отчетѣ не выяснены причины этого нежелательнаго явленія, но, по имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, его слѣдуетъ искать въ личномъ составѣ внутренней организаціи общества.

Въ 1897 году общество содержало одно приходское училище (и предполагало выстроить для него особое зданіе), помогало учащимся одеждой, обувью и учебными пособиями, приобрѣло фонарь для народныхъ чтеній и продавало книги.

Общество попеченія о начальномъ образованіи въ Николаевскомъ и Актюбинскомъ уѣздахъ Тургайской области ведется исключительно лицами духовнаго вѣдомства.

Въ 1895 году оно содержало одноклассное русское училище въ г. Николаевскѣ, помѣщавшееся въ собственномъ домѣ и имѣвшее до 40 учениковъ, изъ которыхъ половина проживала въ пріютѣ общества. Главнѣйшее обученіе воспитанниковъ въ этомъ пріютѣ состояло, судя по отчету, въ усвоеніи ими правилъ православной вѣры, причемъ по вечерамъ съ учениками велись назидательныя бесѣды, а въ праздничные дни они посѣщали церковь и религіозно-нравственныя чтенія. Какъ было поставлено дѣло съ другими предметами учебнаго курса, помимо закона Божія, въ отчетѣ не упоминается вовсе, что представляется довольно страннымъ.

Общество имѣло свой складъ учебныхъ книгъ и пособій, работавшій довольно успѣшно, и бесплатную читальню, число томовъ которой достигало 1 тысячи. Библіотека открывалась по вечерамъ и привлекала отъ 50 до 100 человекъ, по большей части, учениковъ мѣстныхъ училищъ. Читались здѣсь, главнымъ образомъ, сочиненія историческаго содержанія.

Духовно-нравственныя чтенія велись по праздникамъ и привлекали много слушателей.

Такова, въ общемъ, гуманная дѣятельность обществъ попеченія о начальномъ образованіи въ Сибири.

Приносимая этими просвѣтительными обществами польза сибирскому населенію безспорна и несомнѣнна. Исходя, однако, изъ той

справедливой точки зрѣнія, что одна простая грамотность еще далеко не все въ дѣлѣ народнаго развитія, означенныя общества прикладываютъ стараніе и объ организаціи вѣтшкольныхъ учрежденій. Но здѣсь, къ сожалѣнію, они подчасъ терпятъ неудачи, встрѣчаясь съ неожиданными и непредвидѣнными препятствіями.

Такъ, на примѣръ, изъ сибирскихъ газетъ узнаемъ, что старѣйшее школьное общество въ Сибири—Томское—приступило въ прошломъ году къ устройству музея прикладныхъ знаній, но проектъ этотъ встрѣтилъ вдругъ затрудненія со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ и мѣстнаго начальства, а между тѣмъ общество, давно зарекомендовавшее себя съ наилучшей стороны, въ 1897 году достигло особой широты. Такъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, оно содержало двѣ начальныя школы, бесплатную народную библіотеку, руководѣльную школу, рисовальныя классы, а, кромѣ того, значительно улучшило воскресныя чтенія и устраивало литературно-музыкальные вечера и спектакли.

Въ начальныя школы общества обучалось въ указанномъ году 104 ученика. Въ бесплатной народной библіотекѣ было 3.491 томъ и 1.043 подписчика, которымъ было выдано 15.586 книгъ. Подписчики главнымъ образомъ крестьяне, мѣщане и разночинцы. Въ руководѣльной школѣ училось 80 ученицъ, въ рисовальныхъ классахъ—10 учениковъ.

Общедоступныя утра и спектакли, устраиваемыя обществомъ въ позапрошломъ году, съ благою цѣлью отвлечь народъ отъ кабака, всегда давали блестящіе результаты: спросъ на билеты былъ всякій разъ громадный (билеты продавались отъ 5 коп.), такъ что очень часто приходилось отказывать въ билетахъ сотнѣ—другой желающихъ за неимѣніемъ свободныхъ мѣстъ.

Особенно удачно шли народныя чтенія и музыкальныя утра общества. Число посѣтителей ихъ въ 1897 году достигло 9.000 человекъ.

Красноярское школьное общество также испытывало немало злоключеній... Особенно много было ихъ осенью 1896 года. По обыкновенію, общество устроило 14-го сентября для учащихся гулянье, которое омрачилось совершенно неожиданнымъ инцидентомъ—неудовольствіемъ со стороны представителя мѣстной полиціи на то, что общество устроило дѣтскій праздникъ—14-го сентября,—день, когда, на основаніи циркуляра мѣстной власти, не разрѣшается устраивать гуляній съ музыкой. Началась переписка, изъ которой выяснилось, что дѣтское увеселеніе не можетъ, конечно, быть подведено подъ типъ публичныхъ гуляній, и что общество не обязано даже было спрашивать для него особаго разрѣшенія. Что дѣтскій праздникъ, устроенный съ педагогическою цѣлью, не есть народное гулянье—это красноярская полиція должна бы, казалось, понимать и сама, безъ какой бы то ни было по этому вопросу переписки.

Далѣе, какъ мы уже выше говорили, названное общество получило, въ 1893 году, разрѣшеніе на открытіе книжнаго склада народныхъ изданій, который первоначально помѣщался въ квартирѣ предсѣдателя. Затѣмъ въ 1895 году совѣтъ общества постановилъ открыть особую книжную лавку, для которой городъ далъ отдѣльное помѣщеніе. Для лавки потребовалась, разумѣется, вывѣска, повѣсить которую предсѣдателю разрѣшено было словесно, съ обязательствомъ подтвердить это письменнымъ увѣдомленіемъ. Вывѣска въ виду этого появилась надъ лавкой, но на другой же день была снята полиціей, требовавшей одновременно отъ предсѣдателя общества подписки въ томъ, что складъ будетъ закрытъ, и книги изъ него не будутъ продаваться, впредь до особаго разрѣшенія. Конечно, такой подписки предсѣдатель не далъ. Опять началась переписка, поднялись хлопоты... Наконецъ, губернаторомъ было разъяснено полиціи, что книжный складъ имѣетъ право на существованіе.

Что касается Минусинскаго, Барнаульскаго и Каинскаго обществъ, то они до сихъ поръ никакъ не могутъ добиться разрѣшенія на открытіе народныхъ чтеній. Омское общество, желавшее устроить лотерею-аллегри для усиленія своихъ средствъ, получило въ томъ отказъ отъ мѣстной администраціи.

Проектъ устава школьнаго общества въ Челябинскѣ уже три года тому назадъ какъ посланъ на утвержденіе, но, по неизвѣстнымъ причинамъ, доселѣ остается безъ всякаго движенія ¹⁾.

При такихъ условіяхъ, конечно, работать не совѣтъ легко, и можно только съ одной стороны, удивляться, какъ уже много сдѣлано и дѣлается въ Сибири поборниками просвѣщенія народа, и радоваться, съ другой, что просвѣтительныя общества Сибирскаго края неустанно продолжаютъ свою благотворную и плодотворную дѣятельность, несмотря на не всегда вполне благопріятныя условія, въ которыя они поставлены въ силу тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ.

С. Уманецъ.

¹⁾ По послѣднимъ извѣстіямъ сибирскихъ газетъ, даже въ захолудной глуши Забайкалья, на Чикоѣ, и тамъ возникла благая мысль объ учрежденіи мѣстнаго общества попеченія о начальномъ образованіи! Это извѣстіе очень отрадно и знаменательно, такъ какъ воочию показывасть, какъ культурные интересы просачиваются, слава Богу, въ общественные слои нашихъ доселѣ «медвѣжьихъ угловъ», гдѣ люди дичали когда-то въ затягивающей тинѣ утробныхъ интересовъ.

ПАМЯТИ В. В. ТАРНОВСКАГО.

КОНЧАВШИЙСЯ тринадцатаго іюня настоящаго года въ Кіевѣ, черниговскій помѣщикъ Василій Васильевичъ Тарновскій, очень популярный на югѣ и хорошо извѣстный въ ученыхъ и художественныхъ кружкахъ обѣихъ столицъ, втеченіе цѣлаго ряда лѣтъ составилъ собраніе южнорусскихъ древностей и предметовъ стариннаго малороссійскаго быта и культуры. Это собраніе, во всей цѣлости, онъ при жизни еще предназначилъ Черниговскому губернскому земству, и музей его имени открытъ будетъ въ Черниговѣ. Такая обществен-

ная заслуга имѣетъ право привлечь вниманіе къ его кончинѣ не только многочисленныхъ его знакомыхъ, но и людей постороннихъ.

На извѣстной картинѣ Рѣпина «Запорожцы», въ срединѣ группы, есть фигура лукаво улыбающагося пожилого художаваго казака въ высокой шапкѣ, въ которомъ всѣ знавшіе его признаютъ покойнаго Тарновскаго. Казака этого Рѣпинъ писалъ дѣйствительно съ него. Еще большимъ сходствомъ отличается рисунокъ того же художника, данный нѣсколько лѣтъ назадъ, въ видѣ «преміи», «Нивой». Онъ называется «Гетманъ» и изображаетъ малоросса въ парадномъ красномъ кунтушѣ, стоящаго, опершись на пушку, задумчиво опустивъ голову. В. В. Тарновскій давалъ иногда этотъ рисунокъ своимъ знакомымъ въ видѣ портрета. Типическая малороссійская наружность Тарновскаго привлекала кисть талантливаго художника и, гостя у него въ Качановкѣ (Борзенскаго уѣзда Черниговской губерніи), онъ нѣсколько разъ рисовалъ ея хозяина, а потомъ перенесъ портретъ его въ свои композиціи.

Качановка—чудный, прекрасный уголокъ! Имя ея нераздѣльно связано съ именемъ В. В. Тарновскаго, хоть онъ и разстался съ нею въ послѣдніе годы. Рѣдкій по своей обширности ея паркъ (шесть-

сотъ десятиныхъ) прекрасенъ особенно безыскусственностью, благо-родной и строгой своей простотой. Это—то, что природа тѣхъ мѣстъ можетъ дать лучшаго, когда ея не уродуютъ и не насилуютъ. Роци громадныхъ дубовъ, прелестныя старыя липы и клены (одинъ изъ нихъ, стоявшій недалеко отъ дома, образовалъ громадную, тѣнистую бесѣдку), свѣжія, зеленыя поляны, то освѣщенныя солнцемъ, то пестримыя тѣнями тучъ, выющіяся по парку далекаго дороги, отъ чащи орѣшниковъ спускающіяся въ долину, къ криницѣ, спокойныя пруды и просвѣты, въ которые мелькаетъ бѣлый домъ — дворецъ, съ его павильономъ—куполомъ и колоннами фронтоновъ. Такія усадьбы, предметъ великой роскоши, создаются десятилѣтіями, даже вѣками, всѣ онѣ наперечетъ, и въ малороссійскихъ лѣвобережныхъ губерніяхъ не было барскаго жилья прекраснѣе Качановки. Имя ей далъ какой-то едва вѣдомый основатель ея Качановскій,—полякъ временъ Вишневетчины и польскаго владычества на лѣвомъ берегу Днѣпра. Послѣ изгнанія поляковъ, Качановка попадаетъ въ руки дѣятеля временъ Петра, Саввы Рагузинскаго, а къ концу восемнадцатаго вѣка становится собственностью знаменитаго фельдмаршала Румянцева. Имъ построенъ дворецъ, въ болѣе или менѣе перестроенномъ видѣ существующій доселѣ. Послѣ смерти бездѣтнаго Румянцева Качановку и всѣ окружающія ее имѣнія (тогда болѣе двадцати тысячъ десятиныхъ), покупаетъ нѣжинскій землевладѣлецъ Почека-Тарновскій, одинъ изъ тѣхъ догадливыхъ малороссійскихъ стяжателей XVIII вѣка, что, пользуясь дешевизной земель, народной темнотой и неопредѣленностью правъ на войсковыя земли, составили себѣ большія состоянія, умноженныя неусыпнымъ хозяйничаньемъ (при помощи появившихся уже крѣпостныхъ) и скопидомствомъ. Очень извѣстною становится Качановка при «знаменитомъ» Григоріи Степановичѣ Почекѣ-Тарновскомъ, долго владѣвшемъ ею, при которомъ она стала однимъ изъ законченнѣйшихъ типовъ жилья и обстановки временъ крѣпостнаго права. Здѣсь былъ свой оркестръ, крѣпостные актеры и актрисы. Григорій Степановичъ проживалъ иногда въ Петербургѣ и, будучи не прочь помеченатствовать, приглашалъ къ себѣ артистовъ, писателей и художниковъ. У него года три жилъ живописецъ Штернбергъ, гостилъ Шевченко, всѣ мѣстные писатели: Н. Марковичъ, Забѣла и др., и проживалъ М. И. Глинка, написавшій въ Качановкѣ часть «Руслана и Людмилы», отрывки изъ котораго впервые исполнялись на качановскомъ домашнемъ театрѣ. Въ паркѣ и теперь еще стоитъ на холмѣ обширная каменная бесѣдка, называемая «бесѣдкой Глинки». Здѣсь уединялся съ роялемъ великій композиторъ и, сочиняя, оставался иногда по недѣлямъ. Но о всемъ этомъ, о той порѣ, желающіе могутъ прочесть въ «Запискахъ Глинки», въ письмахъ Штернберга и Шевченки и въ по-нѣсти послѣдняго «Музыкантъ». Почтенный Григорій Степановичъ, меценатствуя и пригрѣвая молодыхъ художниковъ, вѣроятно, думалъ,

что оказываетъ имъ Богъ вѣсть какое благодѣяніе. На самомъ дѣлѣ этими высокими и благородными созданіями оказался благодѣтельствованнымъ онъ самъ. Кто бы вспомнилъ теперь даже его имя? А оно стало и будетъ извѣстнымъ, такъ какъ не скоро забудутъ Глинку, Штернберга, Шевченка, хотя отъ изображенія своего въ повѣсти «Музыкантъ» меценатъ, конечно, былъ бы счастливъ отказаться.

За неимѣніемъ дѣтей, огромныя имѣнія Почеки перешли къ дальнимъ родственникамъ его, Тарновскимъ, изъ коихъ главную часть наслѣдовалъ отецъ скончавшагося недавно В. В. Онъ былъ товарищемъ Гоголя по гимназіи высшихъ наукъ и былъ человѣкъ въ высшей степени достойный и благородный. Одинъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей редакціонныхъ комиссій, онъ лелѣялъ мысль объ освобожденіи крестьянъ еще задолго до реформы, ее осуществившей. Вас. Вас. наслѣдовалъ Качановку и другія имѣнія послѣ отца.

Василій Васильевичъ воспитывался въ Кіевскомъ университетѣ въ шестидесятые годы. Вліянію университета и благотворному вліянію отца обязанъ онъ развитіемъ въ себѣ съ юныхъ лѣтъ уваженія къ наукѣ, искусству и той любви ко всему мѣстному, творчески-самобытному, которой онъ остался вѣренъ всю жизнь. Мы не пишемъ здѣсь біографіи покойнаго, а потому вскользь лишь коснемся его общественной и служебной дѣятельности. Онъ былъ мировымъ посредникомъ перваго призыва въ Борзенскомъ уѣздѣ. Много трехлѣтій подрядъ послѣ того В. В. былъ предводителемъ дворянства въ уѣздахъ Борзенскомъ и Нѣжинскомъ. Живя постоянно въ Качановкѣ, онъ жилъ, что называется, «открыто». Радужіе супруги Тарновскихъ было неисчерпаемо, и они представляли поистинѣ рѣдкій, теперь почти исчезнувшій типъ свѣтскихъ людей, приносящихъ себя почти всецѣло въ жертву знакомымъ и обществу. Въ это время въ Качановкѣ перебивалось множество народа. Въ числѣ гостей ея были Костомаровъ, Кулишъ, Марко Вовчокъ, братья К. и В. Маковскіе, подолгу жившіе тамъ, Рѣпинъ, Бодаревскій и другіе посѣтители и гости, именами которыхъ испещрена большая книга посѣтителей музея. Домъ всегда былъ полонъ растеньями, поставляемыми чудными теплицами. Вся мужская прислуга, по волѣ хозяина-романтика, одѣта была въ живописныя старинныя казацкіе кунтуши. А парадные залы и огромный кабинетъ годъ отъ году болѣе и болѣе наполнялись старо-малороссійскими портретами и вещами, собираяню которыхъ В. В. посвятилъ себя почти съ шестидесятихъ годовъ.

Мы коснемся теперь того, что даетъ В. В. Тарновскому право на общественное вниманіе, и въ чемъ заключается его жизненная заслуга. Плоды его стараній—на лицо. Его собраніе древностей и предметовъ быта и культуры южной Россіи, находящееся пока въ Кіевѣ, скоро сдѣлается достояніемъ общества. Въ концѣ прошлаго года въ печати вышелъ въ Кіевѣ каталогъ этого собранія съ сним-

ками нѣкоторыхъ вещей изъ его состава. По времени, къ которому они принадлежатъ, всѣ предметы собранія (кромѣ Шевченковской, особой коллекціи) относятся къ тремъ группамъ: 1) доисторической періодъ, 2) великокняжеской и 3) казацкой. Въ первомъ отдѣлѣ—четыреста номеровъ, во второмъ—тысяча семьсотъ двадцать восемь, въ третьемъ—восемьсотъ шестьдесятъ три. Несмотря на меньшее число номеровъ, третій, казацкій отдѣлъ — преобладающій въ собраніи, такъ какъ вещи его и самыя интересныя и цѣнныя, и самыя громадскія.

Собирание предметовъ доисторическихъ временъ и княжескаго періода исторіи южной Руси первоначально не входило въ планы составителя музея и вызвано было почти случайно. Въ Черкасскомъ уѣздѣ Киевской губерніи, на берегу Днѣпра, близъ Канева, есть рядъ береговыхъ холмовъ или горъ, и одно изъ этихъ возвышеній, «Княжа гора», давало долгое время мѣстнымъ крестьянамъ обильное число случайно находимыхъ древнихъ предметовъ, которые сбывались ими мелкимъ торговцамъ этими вещами въ Киевѣ, или на мѣстѣ. В. В. Тарновскій пригласилъ одного изъ специалистовъ произвести правильную, систематическую раскопку этой горы, которая, по всѣмъ даннымъ, есть мѣсто, гдѣ стоялъ упоминаемый лѣтописью городъ Родня, разрушенный варварами въ XI вѣкѣ. Раскопки дали матеріалъ самый разнообразный и богатый. Найдены предметы быта и боевыя земледѣльческія орудія того вѣка, металлическія и глиняныя, которыя, по свойству ихъ, пощадила рука времени; украшенія, монеты, указывающія на кругъ сношеній и степень культурности людей, которымъ онѣ принадлежали; добыты данныя для антропологии тѣхъ племенъ. Собраніе это пополнялось пріобрѣтеніями и находками, открываемыми въ сосѣднихъ съ Княжей горою мѣстахъ, такъ что, будучи теперь приведено въ строгій порядокъ, образуетъ отдѣльную, законченную археологическую группу, интересную именно безусловно повѣренной принадлежностью своей опредѣленному и извѣстному времени и мѣсту.

Гораздо обширнѣе, разностороннѣе и разнообразнѣе, безъ сомнѣнія, отдѣлъ болѣе близкихъ намъ временъ казацкихъ.

Былая жизнь малороссійскаго края, съ одной стороны земледѣльческая и простая, съ другой боевая, исполненная превратностей и катастрофъ, оставила не такъ много вещественныхъ памятниковъ, какъ у народовъ, жизнь которыхъ проходила въ условіяхъ, болѣе нормальныхъ.

Церковныя памятники, боевыя, преимущественно запорожскіе и предметы изъ зарождавшейся мѣстной культуры—таково въ общихъ чертахъ содержимое казацкаго отдѣла собранія Тарновскаго.

Опредѣляя точнѣе, здѣсь мы видимъ: иконостасы, аналои и различную церковную утварь, иконы малороссійскаго письма, панагіи, кресты, хоругви, облаченія, плащаницы, антиминсы и надгробныя памятники и кресты (запорожскіе, каменные).

По части оружія: старинныя луки, колчаны, стрѣлы, пики, сабли, ружья крѣпостныя и другія, пистолеты, снаряды для стрѣльбы, сѣдла, конская сбруя, военныя принадлежности, клейноты (знаки власти гетмановъ и полковниковъ: булавы, перначи, войсковыя знамена и печати). Богатъ отдѣлъ народной домашней утвари, гдѣ находятся: серебряныя кубки, чарки, ложки, котелки, подносы, старинныя предметы изъ фаянса, глины, стекла и дерева, иногда съ вензелями и гербами, указывающими на ихъ принадлежность тому или другому лицу,—и разнообразныя другія вещи домашняго обихода: замки, келены, кресала, чернильницы, печати, нюхательныя рожки, цеховыя знаки, бандуры, торбаны, деревянныя скрипки, мужскія и женскія одѣянія, пояса, украшенія: личманы (дукачи), защепки, серьги, наместо, аграфы, старинное шитье и проч.

Портреты историческихъ лицъ имѣются здѣсь въ оригиналахъ и копіяхъ. Особенно интересны и цѣнны оригинальные портреты, добытые то отъ потомковъ изображенныхъ лицъ, то изъ церковныхъ и монастырскихъ складовъ. Въ подлинникахъ стариннаго письма видимъ мы портреты полковниковъ Бороховича, Дуингъ-Борковскаго, лубенскаго полковника Максима Илляшенка (единственный извѣстный малороссійскій портретъ XVII вѣка), Иліи и Якова Новицкихъ, жены Семена Палія, роменскаго войта Андрея Полетики, Леонтія, Павла и Евфімія Полуботковыхъ, Саввы Туптала (отца св. Дмитрія Ростовскаго) и полковника гадацкаго Ивана Чарныша. Въ копіяхъ съ достовѣрныхъ семейныхъ портретовъ представлены: Галаганы, Миклашевскіе, Забѣлы, Горленко, Кочубей, Апостоль, Безбородко, Скоропадскіе, Домонтовичъ и другіе.

Въ копіяхъ съ гравюръ и рисунковъ (преимущественно изъ «Лѣтописи Величкі») изображены гетманы и еще нѣкоторыя историческія лица. Эта серія—наиболѣе эффектная, но и болѣе слабая часть собранія, хотя нѣкоторыя воспроизведенія, какъ, напримеръ, портретъ Хмельницкаго съ гравюры Гондіуса, имѣютъ характеръ полной достовѣрности. Народныя картины (извѣстный запорожець или «Казакъ Мамай» во многихъ вариантахъ), нѣсколько гравированныхъ гетманскихъ портретовъ и нѣсколько картинъ и чертежей, относящихся къ казацкому времени, дополняютъ этотъ живописный отдѣлъ. Собраніе рукописей не носитъ характера архива, а представляетъ изъ себя лишь коллекцію автографовъ историческихъ лицъ, между коими есть очень замѣчательныя, напримеръ: бумага съ подписью матери Мазепы, Маріи-Магдалины, игуменьи Кіево-Печерскаго женскаго монастыря.

Десятка четыре старопечатныхъ книгъ (южнорусскихъ типографій: Острожской, Кіевской, Черниговской, Львовской, Почаевской etc.) примыкаютъ къ собранію рукописей.

Особымъ отдѣломъ музея стоитъ Шевченковская коллекція (каталогъ которой изданъ также отдѣльно, раньше). Въ ней находится

много автографовъ произведеній Шевченка, его рукописный «Дневникъ», его портретъ, принадлежавшія ему вещи, изданія его сочиненій, иллюстраціи и музыка къ его стихамъ, а также картины, гравюры (офорты), акварели, сеіи и проч. работы Шевченка, въ очень большомъ количествѣ, и вообще все, что такъ или иначе касается поэта и относится къ его памяти.

Этой памяти особенно преданъ былъ В. В. Тарновскій, лично знавшій въ молодости своей Шевченка, посѣщавшаго и Качановку. Нѣсколько лѣтъ назадъ, на средства его, сооруженъ былъ новый огромный чугунный крестъ-памятникъ на могилѣ поэта, близъ Канева, на берегу Днѣпра.

Если надо говорить о стоимости собранія Тарновскаго, насколько стоимость можетъ быть опредѣлена для вещей единственныхъ (униковъ), то и здѣсь собраніе его говоритъ само за себя, такъ какъ стоимость эту нельзя полагать менѣе, чѣмъ въ сто пятьдесятъ тысячъ, или около того.

В. В. Тарновскій не былъ спеціально-ученымъ, эрудитомъ, — однимъ изъ тѣхъ, которые и съ небольшими средствами, собираютъ замѣчательныя коллекціи, благодаря глубокимъ познаніямъ, вкусу и настойчивости въ поискахъ. Но онъ страстно любилъ это дѣло, не жалѣлъ на него средствъ и обладалъ чутьемъ, позволявшимъ ему, иногда и при недостаточности свѣдѣній, вѣрно угадывать и чувствовать историческое значеніе и интересъ вещей. Эта любовь къ дѣлу, великодушныя, широкія траты на дѣли чисто идеальныя заставляютъ забывать о пробѣлахъ его коллекцій, недостаточной ихъ систематичности и прочихъ поправимыхъ вещахъ, когда имѣется такой фондъ, какъ это собраніе, гдѣ, безъ сомнѣнія, покойнымъ собирателемъ спасено множество вещей, которыя безъ того обречены были бы на вѣчное забвеніе и гибель.

Нечего распространяться о значеніи подобныхъ собраній, какъ пособій для науки и искусства. Археологъ и историкъ находятъ въ нихъ подлинныя документы, объясняющіе имъ истинный смыслъ и характеръ явленій прошедшаго.

Художникъ, писатель, встрѣчаютъ живое подспорье для своей дѣятельности въ этомъ быломъ творчествѣ съ его своеобразными чертами и оттѣнками. Только одно варварство сметаетъ и уничтожаетъ слѣды прошедшаго, ибо безъ преемственности явленій духа нѣтъ ни истинной образованности, ни устойчивой отвѣчающей духу народа культуры.

Не одну экскурсію совершилъ Тарновскій, добывая предметы своего собранія. Онъ посѣтилъ мѣста запорожскихъ сѣчей вмѣстѣ съ Д. И. Эварницкимъ, присутствовалъ часто при долго длившихся раскопкахъ на Княжей горѣ. Въ моей памяти и сейчасъ встаетъ такая картина: ярко-солнечный іюльскій день. На самомъ гребнѣ Княжей горы мы лежимъ маленькой группой изъ четырехъ лицъ.

Буйный вѣтеръ развѣваетъ черный плащъ Вас. Вас., застегнутый старинной пряжкой. Внизу синѣетъ Днѣпръ, и съ нашего отвѣса виднѣется панорама береговыхъ горъ, до Канева, — и синѣетъ безграничная даль, видная съ высоты. Рабочіе копаютъ землю и, время отъ времени, приносятъ черепки, заржавѣвшіе крестики, удочки, колечки, находимыя въ ней... Мы отплываемъ отъ Канева прелестнымъ лѣтнимъ вечеромъ, и Княжа гора съ ея скрытыми сокровищами остается позади... Добываніе этихъ сокровищъ продолжалось подъ рядъ, кажется, три лѣта, но за то дало и богатые результаты.

Всякое интересное и цѣнное указаніе встрѣчало всегда сочувствіе Вас. Вас. и увеличивало его собраніе. Такъ онъ приобрѣлъ сейчасъ же, осмотрѣнные мною для него, очень важные портреты и бумаги Полетикъ въ селѣ Коровинцахъ, Роменскаго уѣзда, которымъ грозила гибель. Будучи уже больнымъ, онъ ѣздилъ зимой, по холоду и бездорожью, на аукціонъ вещей Пл. Ак. Лукашевича въ Переяславскій уѣздъ Полтавской губерніи, гдѣ нашлись замѣчательныя вещи. Еще недавно я получалъ отъ него письма въ Петербургъ, въ которыхъ онъ настойчиво просилъ меня розыскать нѣкую госпожу Червякову, владѣющую гравировальными досками модныхъ картинокъ работы Шевченка. Къ сожалѣнью, данныя, имъ указанныя, были недостаточны, и владѣлицу досокъ для приобретенія ихъ отъ нея отыскать было невозможно.

В. В. Тарновскій пожертвовалъ часть своего состоянія на просвѣтительное дѣло и общую пользу. Не всякій сдѣлаетъ это. Онъ не былъ зараженъ предрасудками невѣжественной толпы, которая отождествляетъ все малороссійское съ мужицкимъ, и давалъ цѣну проявленіямъ народнаго украинскаго творчества и духа. А этотъ незнаемый невѣждами духъ возьметъ да и выдвинетъ хохлика Гоголя, маленькаго нѣжинскаго студента, освѣтившаго своимъ юморомъ всю русскую жизнь и создавшаго новую школу литературы, — высокаго творца-художника Боровиковскаго, перваго писателя изъ жизни сельскаго народа Квитку, или въ наши дни поэтически-реальную школу сценической игры, съ такими ея представителями, какъ Заньковецкая и Кропивницкій... Постижению этого творческаго духа, лучшему пониманію племени, его носившаго, послужить и собраніе В. В. Тарновскаго, и въ этомъ его право на признательность земляковъ и родного общества.

В. Г—ко.

СПОСОБЫ ПОГРЕБЕНІЯ У ДРЕВНИХЪ НАРОДОВЪ, НАСЕЛЯВШИХЪ ЮГЪ РОССІИ.

СЯКОМУ изъ русскихъ ученыхъ, взявшему на себя специальную задачу раскопокъ кургановъ, кромѣ общаго понятія о наукѣ археологіи и кромѣ практическаго навыка въ такомъ дѣлѣ, необходимо имѣть еще нѣкоторое знакомство съ обычаями тѣхъ народовъ, которые нѣкогда населяли нашу Россію и которые оставили послѣ себя могильные памятники, извѣстные у насъ подъ восточнымъ названіемъ «кургановъ». Въ особенности археологу необходимо знать тѣ приемы погребенія, которые практиковались въ различное время и разными народами. Въ этомъ случаѣ предварительное знакомство съ устройствомъ могилъ у того или другого народа можетъ, если не во многомъ, то до извѣстной степени, облегчить археологу задачу опредѣленія времени сооруженія кургана. Такого практическаго значенія знакомства со способами погребенія народовъ, населявшихъ нашу Россію и оставившихъ послѣ себя многочисленныя могилы. Между тѣмъ этотъ вопросъ до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, не былъ даже и затронутъ никѣмъ изъ русскихъ археологовъ. Правда, подобная задача нелегка, да и во всемъ объемѣ вовсе невыполнима. Дѣло въ томъ, что съ одной стороны изслѣдователь можетъ натолкнуться въ этомъ случаѣ на необозримую массу народовъ, нѣкогда населявшихъ обширную территорію нашей Руси; съ другой стороны, онъ можетъ встрѣтить большой пробѣлъ въ са-

мыхъ источникахъ, столь необходимыхъ для уясненія даннаго вопроса. И въ то время, какъ первое затрудненіе все-таки въ концѣ концовъ можетъ быть побѣждено, второе ничѣмъ и никогда не можетъ быть побѣждено и даже вовсе можетъ исключить самую постановку вопроса во всемъ его объемѣ.

Тѣмъ не менѣе мы все же, хотя и на основаніи скуднаго матеріала, сдѣлаемъ въ этомъ родѣ попытку, ограничиваясь, впрочемъ, только весьма немногими народами, и при этомъ жившими только на югѣ Россіи и оставившими послѣ себя наибольшее число могилъ или кургановъ.

Однимъ изъ самыхъ древнихъ народовъ, жившихъ въ нашихъ южно-русскихъ степяхъ уже за нѣсколько столѣтій до Р. Хр., были скиѣы. Хотя этотъ народъ не представлялъ собой цѣлой этнографической единицы, тѣмъ не менѣе его нравы и его обычаи достаточно извѣстны намъ, благодаря яркой характеристикѣ, сдѣланной еще отцомъ исторіи, Геродотомъ. Геродотъ, подробно характеризуя скиѣовъ, говоритъ и о способѣ погребенія у нихъ.

«Гробницы (скиѣскихъ) царей находятъ въ Геррахъ, до которыхъ Борисенъ (т. е. р. Днѣпръ) судоходенъ¹⁾. Послѣ смерти царя, тамъ тотчасъ выкапывалась большая четырехугольная яма; по изготовленіи ея принимаютъ за покойника и воскомъ покрываютъ его тѣло, но предварительно разрѣзываютъ ему животъ, вычищаютъ его и наполняютъ толченымъ куперомъ, ладаномъ, сѣменами сельдерея и аниса, потомъ шиваютъ и везутъ въ повозкѣ къ другому народу.

«Тотъ народъ, къ которому привозятъ покойника, дѣлаетъ то же самое, что и царственные скиѣы, именно и тамъ отрѣзываютъ себѣ часть уха, стригутъ кругомъ волосы, дѣлаютъ себѣ на рукахъ нарѣзы, расцарапываютъ лобъ и носъ, и лѣвую руку прокалываютъ стрѣлами. Отсюда перевозятъ трупъ царя къ другому подвластному народу, между тѣмъ какъ народъ, къ которому они приходили раньше, слѣдуетъ за покойникомъ. Объѣхавъ такимъ образомъ всѣ народы, царскіе скиѣы являютъ въ землю отдаленнѣйшаго подчиненнаго имъ народа—герровъ, гдѣ и находится кладбище. Здѣсь трупъ хоронятъ въ могилѣ на соломенной подстилкѣ, по обѣимъ сторонамъ трупа вбиваютъ кольца, на нихъ кладутъ брусъ и все покрываютъ рогожей. Въ остальной обширной части могилы хоронятъ одну изъ его наложницъ, предварительно задушивъ ее, а также виночерпія, повара, конюха, приближеннаго слугу, вѣстовщика, наконецъ лошадей, первенцовъ всякаго другого скота и золотыя чаши,—серебра и мѣди скиѣы совсѣмъ не употребляютъ; послѣ этого всѣ вмѣстѣ

¹⁾ Полагаютъ, что Геррами у скиѣовъ называлось возвышенное или горное плато, примыкающее къ правому берегу Днѣпра, близъ теперешняго м. Никополя, гдѣ скиѣы хоронили своихъ царей.

устраиваютъ большую земляную насыпь, прилагая особенное стараніе къ тому, чтобы она вышла какъ можно больше».

«По прошествіи года, скиѣны опять совершаютъ слѣдующее: изъ оставшихся слугъ выбираютъ 50 человѣкъ, угодныхъ царю, это — природные скиѣны, такъ какъ царю, по его приказанію, служатъ только такіе люди; купленныхъ за деньги слугъ у него не бываетъ; выбираютъ такъ же 50 наилучшихъ лошадей; тѣхъ и другихъ удавливаютъ, вынимаютъ изъ нихъ внутренности, очищаютъ животь и, наполнивъ его отрубями, зашиваютъ, потомъ укрѣпляютъ на двухъ столбахъ половину колеса такъ, чтобы ободъ его былъ обращенъ внизъ, другую половину устанавливаютъ на двухъ другихъ столбахъ; тѣмъ же способомъ сколачиваются вообще много станковъ; послѣ этого вбиваютъ въ лошадей, въ длину ихъ, толстые кольца, проходящіе до самой шеи, и въ такомъ видѣ поднимаютъ лошадей на колесные ободья, причемъ на переднихъ полукругахъ помѣщаются плечи лошадей, а на заднихъ держатся туловища у самыхъ бедеръ, такъ что обѣ пары ногъ свѣшиваются внизъ, не доставая земли; наконецъ, накидываютъ на лошадей уздечки и удила, тянутъ ихъ впередъ и укрѣпляютъ къ колышкамъ. Кромѣ того, удавливаютъ 50 юношей и по одному сажаютъ на лошадей слѣдующимъ образомъ: въ трупъ cadaго юноши загоняется вдоль спинного хребта прямой колъ, доходящій до шеи; нижній выступающій конецъ его вбивается въ пробуровленную дыру другого кола, того, что проходитъ черезъ лошадь; поставивъ такихъ всадниковъ вокругъ могилы, скиѣны расходятся. Такъ хоронятъ они царей».

«Что касается прочихъ скиѣновъ, то, въ случаѣ смерти когонибудь изъ нихъ, ближайшіе родственники кладутъ покойника на повозку и везутъ къ его друзьямъ. Каждый изъ нихъ устраиваетъ для спутниковъ покойника обильный пиръ, при чемъ отъ всѣхъ угощений удѣляется часть и покойнику. Частныхъ лицъ возятъ такимъ образомъ въ теченіе 40 дней, а потомъ хоронятъ»¹⁾.

Отъ погребальныхъ кургановъ Геродотъ отличаетъ курганы жертвенные, сооружавшіеся скиѣнами въ честь своего бога войны, Арея. Они дѣлились по околоткамъ cadaго скиѣнскаго царства и складывались изъ хвороста, длиной и шириной около трехъ стадій²⁾, высотой значительно меньше; на верху такого кургана дѣлалась четырехугольная площадка, три стороны которой были отвѣсны, а четвертая имѣла свободный доступъ. Въ виду того, что кучи хвороста такого кургана постоянно отъ непогоды осѣдали, ежегодно къ нему подвозилось полтораста возовъ новаго хвороста. На каждомъ такомъ курганѣ водружался старинный желѣзный мечъ, который и составлялъ кумиръ Арея. Этому-то мечу каждый годъ приносились въ

¹⁾ Геродотъ. Москва, 1885, 327—329.

²⁾ Одна стадія равнялась нашимъ 87¹/₂ саж.

жертву лошади и рогатый скотъ и, кромѣ того, въ честь его умерщвлялся каждый сотый мужчина изъ всего числа взятыхъ въ плѣнъ враговъ, и умерщвлялся такимъ способомъ: сдѣлавъ предварительно на головы людей возліяніе, ихъ потомъ рѣзали надъ сосудомъ, кровь относили на кучу хвороста и возливали на мечъ; съ трупами зарѣзанныхъ же поступали такъ: всѣмъ убитымъ отсѣкали правыя плечи вмѣстѣ съ руками и подбрасывали въ воздухъ; руки такъ и оставлялись тамъ, гдѣ падали, а трупы лежали отдѣльно; принеся въ жертву вмѣстѣ съ этимъ и другихъ животныхъ, скины удалялись отъ кургана ¹⁾.

Историкъ Лукіанъ, жившій во II вѣкѣ по Р. Хр., говоря объ обычаяхъ скивовъ вообще (европейскихъ и азіатскихъ), приводитъ случай, какъ два скива погибли въ борьбѣ со львомъ, и какъ они были потомъ погребены въ курганахъ. Охотились верхомъ на коняхъ, съ мечами, на льва, два друга, Белиттъ и Басоъ. Белиттъ увидалъ, какъ левъ стащилъ его друга съ коня, какъ онъ облапилъ его, какъ онъ впился зубами и началъ рвать его когтями. Не выдержавъ такого зрѣлища, Белиттъ соскочилъ съ коня, напалъ сзади на звѣря и началъ отвлекать его отъ Басоа, и отвлекать и раздражалъ до тѣхъ поръ, пока левъ, оставивъ полумертваго Басоа, не обратился на самого Белитта и, схватившись съ нимъ, умертвилъ его. Белиттъ, умирая, успѣлъ, однако, пронзить льва мечемъ въ грудь. Тогда для всѣхъ трехъ труповъ насыпаны были курганы—два рядомъ для двухъ друзей и одинъ, напротивъ двухъ, для льва, и въ тѣхъ курганахъ погребены были по одиночкѣ три трупа ²⁾.

Указаніе Лукіана важно для насъ въ томъ отношеніи, что оно объясняетъ существованіе такъ называемыхъ могилъ близницъ: въ различныхъ мѣстахъ Россіи можно встрѣтить подобныя названія могилъ, стоящихъ рядомъ, одна возлѣ другой. Могилы-близницы возникли или въ такихъ случаяхъ, какъ описалъ Лукіанъ, или тогда, когда хоронились два ближайшіе одновременно, а можетъ быть, и разновременно умершіе родственника; или же тогда, когда въ одномъ курганѣ закапывался владыка, а въ другомъ, рядомъ съ нимъ, его рабъ; или же, наконецъ, при погребеніи двухъ друзей-побратимовъ, не хотѣвшихъ разлучаться другъ съ другомъ и послѣ смерти. Всѣ такія могилы и назывались близницами, могилами двухъ братьевъ, могилами семи братьевъ и т. п.

Одновременно со скивами жили на нашемъ югѣ греки-колонисты, которые также сооружали надъ прахомъ своихъ покойниковъ могилы, называвшіяся курганами. У грековъ, собственно говоря, существовало въ одно и то же время два способа погребенія покой-

¹⁾ Геродотъ. Москва, 1885, 323.

²⁾ Русскія древности Толстого и Кондакова, Спб., 1889, II, 77.

никовъ: трупосожженіе и трупопогребеніе, но въ какихъ случаяхъ прибѣгали къ первому способу и въ какихъ случаяхъ ко второму— это намъ неизвѣстно. Можно на этотъ счетъ сказать лишь то, что трупопогребеніе болѣе древній способъ, нежели трупосожженіе, ибо этотъ способъ менѣе сложный и потому болѣе доступный каждому.

Во всякомъ случаѣ и при трупосожженіи и при трупопогребеніи у грековъ воздвигались земляные курганы, о чемъ находимъ свидѣтельства уже въ «Иліадѣ» Гомера и потомъ позже въ «Географіи» Страбона. Въ «Иліадѣ» разсказывается, что когда Ахиллесъ рѣшилъ предать погребенію тѣло своего друга, Патрокла, убитаго Гекторомъ, то онъ прежде всего выбралъ мѣсто на берегу Геллеспонта, туда велѣлъ привезти нарубленныхъ въ лѣсу дубовыхъ деревьевъ и потомъ воздвигнуть для друга великій курганъ. Послѣ того изъ привезенныхъ деревьевъ сдѣланъ былъ костеръ, въ длину и ширину «стоступенный», а на верхъ того костра поставленъ былъ одръ съ останками Патрокла. Подойдя къ костру, Ахиллесъ прежде всего обрѣзалъ у себя на головѣ кудри и самъ положилъ ихъ въ руки своему любезному другу; затѣмъ приказалъ заколотъ нѣсколько «тучныхъ» овецъ и нѣсколько «криворогихъ» воловъ; тукомъ убитыхъ животныхъ онъ покрылъ съ ногъ до головы тѣло своего друга, обнаженные туши разбросалъ вокругъ тѣла; тутъ же онъ разставилъ, прислонивъ къ одру покойника, кувшины съ медомъ и «со свѣтлымъ» елеемъ; кромѣ того, велѣлъ бросить на костеръ четырехъ коней «гордовыиныхъ»; заколотъ двухъ псовъ породистыхъ и, обезглавивъ ихъ, бросилъ на срубъ покойнику; наконецъ, убивъ 12 храбрыхъ троянскихъ юношей, бросилъ тѣла ихъ туда же. «Радуйся, храбрый Патроклъ, и въ аидовомъ радуйся домѣ! Все для тебя совершаю, что совершить обрекалъ». Черпая кубкомъ «двудоннымъ» вино изъ сосуда золотого и возливая его вокругъ костра на землю, Ахиллесъ просилъ Борея и Зефира послать сильный вѣтеръ для скорѣйшаго сожженія тѣла Патрокла. И боги послали сильнѣйшій вѣтеръ.

Погасивъ дымившійся костеръ возліаніемъ на него краснаго вина, погребатели собрали кости Патрокла въ золотую чашу, чашу эту обложили кругомъ двойнымъ тукомъ, внесли ее «подъ кущу» и покрыли толстой пеленой; кругомъ обозначили мѣсто могилы, тутъ же около сруба изъ рыхлой земли поспѣшно насыпали свѣжій курганъ и послѣ того удалились отъ кургана. Такимъ же порядкомъ было сожжено на кострѣ и тѣло Гектора, убійцы Патрокла.

Погасивъ краснымъ виномъ пылавшій костеръ, друзья и братья его съ горькими рыданіями, собравъ прахъ покойника, положили его въ ковчегъ золотой, обвили тонкимъ покрываломъ изъ свѣжаго «блистающаго» пурпура, потомъ опустили въ глубокую могилу и, заложивъ ее, сверху устлали плотно «огромными чистыми» камнями и, наконецъ, поверхъ могилы насыпали курганъ, послѣ чего

разошлись по домамъ отъ кургана ¹⁾. Съ такими же приёмами погребали греки и своихъ героевъ, погибшихъ во время мараонской битвы.

Греческій географъ Страбонъ, жившій въ III вѣкѣ по Р. Хр., также даетъ указаніе на то, что греки сооружали надъ прахомъ своихъ покойниковъ курганы: «Отъ Ахиллеона до памятника Статира считается 99 стадій,—эта могила (курганъ) насыпана на мысѣ въ память одного изъ могущественныхъ владыкъ Босфора» ²⁾.

Къ этимъ указаніямъ о сооруженіи греками могильныхъ кургановъ нужно прибавить еще то, что рядомъ съ курганомъ у нихъ обыкновенно дѣлали, такъ называемый, жженый точокъ, который служилъ мѣстомъ для тризницъ, или для поминокъ по умершихъ.

Наши предки, руссы-язычники, оставили немало такихъ погребальныхъ кургановъ въ разныхъ мѣстахъ южной Россіи. Относительно приемовъ погребенія у древнихъ руссовъ и сооруженія ими могильныхъ кургановъ имѣются указанія, какъ въ запискахъ иностранцевъ, такъ и въ русскихъ лѣтописяхъ. Изъ иностранныхъ писателей находимъ обстоятельныя указанія на этотъ счетъ у араба Ибнъ-Фадлана, пріѣзжавшаго къ намъ въ половинѣ X вѣка по Р. Хр. въ юго-западную Русь съ миссіонерскою цѣлью привести жившихъ на Волгѣ болгаръ въ мусульманскую вѣру, видѣвшаго тамъ, между прочимъ, погребеніе одного знатнаго русина и описавшаго всю процедуру этого погребенія.

«Когда умеръ знатный русень, то его прежде всего, — говоритъ Ибнъ-Фадланъ, — опустили на время въ яму, поставили туда горячій напитокъ, положили плоды и лютию и затѣмъ яму прикрыли сверху крышкой. Послѣ того, въ теченіе десяти дней, дѣлали приготовленія для погребенія покойника; дѣлили его имущество на 3 части, изъ коихъ одну отдавали на его семью, на другую пріобрѣтали погребальную одежду, на третью покупали напитки для поминокъ умершаго; вмѣстѣ съ этимъ сооружали небольшое судно и вызывали со всего стана дѣвушку, которая принадлежала умершему и которая бы добровольно пожелала быть погребенной вмѣстѣ съ своимъ владыкою. Изъявивъ свое согласіе, дѣвушка уже не могла отказаться отъ своего слова и готовилась къ смерти. Послѣ этого для умершаго сооружали судно и ставили его на четыре подпоры; подъ судно подкладывали дрова, а вокругъ судна разставляли деревянные, подобныя великанамъ, изображенія. Въ самомъ суднѣ дѣлали особую палатку ³⁾; въ палаткѣ ставили скамью, которую покрывали вышитыми коврами, румскимъ дибаджемъ и подушками изъ румскаго же дибаджа ⁴⁾. Всѣмъ этимъ распоряжалась старуха, называемая анге-

¹⁾ Илиада Гомера, перев. Гнѣдича, Спб., 1839 г., II, 305—311, 514.

²⁾ Географія Страбона, перев. Мищенко. Москва. 1879 г.

³⁾ По другому переводу, особую каюту.

⁴⁾ Византійской парчи.

ломъ смерти, на видъ черная, толстая и лютая. Приготовивъ такимъ образомъ судно, руссы вынимали изъ ямы покойника, надѣвали на него шаровары, носки, сапоги, куртку, кафтанъ изъ дибаджа съ золотыми пуговицами, на голову калансуву изъ дибаджа съ соболемъ, затѣмъ несли въ палатку, которая находилась въ суднѣ, садили на коверъ и подпирали подушками; тутъ же, возлѣ покойника, клали плоды, хлѣбъ, мясо, горячій напитокъ, благовонныя растенія, лукъ, разсѣченную на двѣ части собаку и оружіе. Потомъ приводили двухъ лошадей, гоняли ихъ, пока не вспотѣли онѣ, рубили ихъ мечами и мясо бросали въ судно; далѣе приносили пѣтуха и курицу, рѣзали ихъ и бросали туда же. Когда такимъ порядкомъ и это было приготовлено, тогда уже брались за дѣвушку, изъявившую согласіе быть погребенною вмѣстѣ съ господиномъ. Дѣвушка эта была изъ многихъ, которая принадлежала покойному при жизни, и теперь должна была ему сопутствовать на тотъ свѣтъ; за ней всячески ухаживали, назначали ей двухъ дѣвушекъ, которыя стерегли ее, вездѣ слѣдовали за ней и всячески прислуживали. Когда наступалъ день погребенія владыки, тогда дѣвушку приводили къ чему-то въ родѣ карниза, сдѣланнаго у дверей¹⁾; тамъ она ставила ноги на руки мужчинъ, поднималась на карнизъ, произносила какія-то слова и спускалась съ карниза. Послѣ перваго раза ее поднимали такимъ же порядкомъ, во второй и третій разъ на два другихъ карниза. Въ первый разъ дѣвушка объявляла, что она видитъ въ раю своего отца и мать свою; во второй разъ она говорила, что видитъ въ раю всѣхъ умершихъ родственниковъ своихъ, а въ третій разъ она увѣряла, что видитъ своего господина въ прекрасномъ земномъ раю, гдѣ находятся съ нимъ взрослые мужчины и юноши, и куда онъ зоветъ и дѣвушку къ себѣ. «Посему ведите меня къ нему!...». Затѣмъ дѣвушкѣ подавали курицу; она отрубала курицѣ головку и бросала ее прочь, курицу же брали и клали въ судно. Послѣ того дѣвушку приводили къ судну, гдѣ она снимала съ себя ножныя кольца и передавала ихъ своимъ прислужницамъ, которыхъ называли дочерьми ангела смерти; приведя къ судну, дѣвушку поднимали въ самое судно, но въ палатку пока не вводили. Тутъ приходили мужчины со щитами и палками и подавали ей кружку съ горькимъ напиткомъ. Дѣвушка сперва пѣла надъ кружкой прощальную пѣсню, обращенную къ подругамъ, а потомъ выпивала напитокъ. Послѣ первой кружки ей подавали другую, которую она такъ же выпивала послѣ долгой пѣсни. Послѣ этого старуха «ангелъ смерти» приказывала ей войти въ палатку, устроенную на суднѣ, гдѣ лежалъ ея господинъ и, такъ какъ дѣвушка была въ нерѣшительности, то старуха, взявъ ее за голову, ввела въ палатку. Въ

¹⁾ По другому переводу, въ родѣ колодезнаго сруба.

«истор. вѣстн.», августъ, 1899 г., т. LXVII.

это время мужчины стучали палками по щитамъ, чтобы заглушить тѣмъ ея крики и чтобы не наводить страха на другихъ дѣвушекъ, которыя бы пожелали умереть со своими господами. Затѣмъ въ палатку входили 6 человѣкъ мужчинъ, и каждый изъ нихъ сочетался съ дѣвушкой «въ знакъ уваженія къ покойнику». Послѣ этого клали дѣвушку о бокъ съ трупомъ господина и умерщвляли ее. Для этого двое изъ мужчинъ держали ее за ноги, двое за руки, и старуха, «ангелъ смерти», обвивала шею ея веревкою и противоположные концы веревки давала двумъ остальнымъ мужчинамъ. Мужчины тянули въ разныя стороны веревку и такимъ образомъ душили дѣвушку. Сама старуха, имѣя въ рукахъ ширококлинный кинжалъ, то вонзала его между реберъ дѣвушки, то вынимала. Послѣ всего этого выходилъ, будучи совершенно нагимъ, ближайшій родственникъ умершаго съ зажженною лучиной въ рукѣ; имѣя въ одной рукѣ лучину, а другую руку держа назади, нагой человѣкъ спиной подходилъ къ судну и зажигалъ дрова, подложенныя подъ судно. То же самое дѣлали другіе мужчины, которые подходили къ судну съ зажженными лучинами и такъ же поджигали ими дрова подъ судномъ. Тогда огонь охватывалъ дрова, судно и палатку съ женщиной, дѣвушкой и со всѣмъ находившимся на суднѣ. Не проходило и часа, какъ судно, дрова, умершій мужчина и задушенная дѣвушка превращались въ пепель. Въ заключеніе всего этого руссы на мѣстѣ, гдѣ стояло судно, когда его вытаскивали изъ воды, сооружали что-то подобное круглому холму, вставляли въ середину его большое дерево халанжъ¹⁾, писали на немъ имя умершаго человѣка и имя русскаго царя и потомъ удалялись отъ мѣста погребенія»²⁾.

Кромѣ иностранныхъ свидѣтельствъ о сооруженіи нашими предками надъ прахомъ умершихъ могилъ или кургановъ, мы имѣемъ краткія указанія о томъ и въ нашихъ русскихъ лѣтописяхъ уже съ 882 года и далѣе. Такъ, извѣстно, что уже въ 945 году великая княгиня кіевская Ольга, желая помянуть своего мужа Игоря, убитаго древлянами, приказала соорудить въ честь его большую могилу и на ней отпраздновать память замученнаго: «И повелѣ Ольга мужемъ своимъ съсуги (то-есть, ссунуть, насунуть) могилу велику, и яко соспоша, и повелѣ тризну творити»³⁾.

Кромѣ указаній о приемахъ погребенія и особенностяхъ устройства могилъ у скиновъ, грековъ и руссовъ, мы имѣемъ такъ же указаніе, хотя и не столь обстоятельное, относящееся ко времени степныхъ народовъ, половцевъ. Это указаніе принадлежитъ голландскому монаху, Вильгельму Рубруквису, ѣздившему въ 1253 году

¹⁾ Буковое дерево или березу.

²⁾ Гаркави. Сказанія мусульманскихъ писателей. Спб. 1870 г., стр. 96—101.

³⁾ Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. Спб. 1872 г., стр. 28, 38, 56.

посломъ отъ французскаго короля Людовика IX къ монгольскому царю Мангухану. Направляясь въ Великую Монголію, Вильгельмъ Рубруквисъ, на пути своего слѣдованія, былъ у половцевъ, называемыхъ иначе куманами, и тутъ видѣлъ похороны какого-то умершаго половчанина. «Куманы,—говоритъ онъ,—имѣютъ обыкновеніе насыпать землю надъ могилой умершаго и ставить статую, обращенную лицомъ къ востоку и держащую сосудъ обѣими руками у пупа-чрева. Богатымъ они или воздвигали пирамиды или маленькіе четырехугольные домики, но въ этихъ домикахъ ничего не находится. Я видѣлъ такъ же одну могилу, гдѣ они повѣсили 16 лошадиныхъ кожъ, по 4 противъ каждой изъ четырехъ сторонъ свѣта, потомъ ставили кумысъ, чтобы ѣсть и пить»¹⁾.

О способѣ погребенія у татаръ, также жившихъ на нашемъ югѣ, находимъ подробныя указанія у итальянскаго посла Плато Карпини, также ѣздившаго въ 1245 году въ Великую Монголію къ хану Хаюку по порученію папы Иннокентія IV и оставившаго послѣ себя весьма любопытныя записки. «По отходѣ души изъ тѣла,—пишетъ Плато Карпини,—если покойникъ (татаринъ) былъ простой человѣкъ, то его погребаютъ тайнымъ образомъ гдѣ нибудь въ полѣ; погребаютъ же вмѣстѣ со ставкою, посадя его посрединѣ оныя, и ставятъ передъ нимъ столъ и чашу, наполненную мясомъ, и горшокъ съ кобыльимъ молокомъ. Съ нимъ же вмѣстѣ зарываютъ кобылу съ жеребенкомъ и коня съ уздой и сѣдломъ, а другую лошадь сѣдаютъ, шкуру же ея набиваютъ соломой, развѣшиваютъ на двухъ или на четырехъ пестахъ, дабы у него на томъ свѣтѣ была ставка для житья, кобыла для молока и развода лошадей и также были бы лошади, на которыхъ ему ѣздить. Кости же той лошади, которую сѣдаютъ, сжигаютъ по душѣ его. Посему, для сожиганія костей въ память усопшихъ, сходятся женщины. Такимъ же образомъ зарываютъ съ нимъ золото и серебро. Повозку, на которой его везли, разламываютъ, и ставку его разрушаютъ.

«Знатныхъ же людей они хоронятъ слѣдующимъ образомъ: собравшись около ставки покойника, они выходятъ тайкомъ въ поле, выбираютъ тамъ какое нибудь скрытое мѣсто, сперва вычищаютъ на томъ мѣстѣ траву съ корнемъ и потомъ выкапываютъ двѣ ямы, одну большую, прямо, а другую меньше, о бокъ большой подъ землю; затѣмъ приводятъ къ ямамъ одного изъ рабовъ, на которомъ умершій владыка еще при жизни своей положилъ собственное клеймо, и этого раба три раза подкладываютъ подъ покойника, то вынимая его, когда онъ начнетъ задыхаться, то снова подкладывая, когда онъ нѣсколько отдышится; при этомъ, если рабъ останется живъ въ теченіе троекратнаго подкладыванія подъ покой-

) Путешествіе Рубруквиса. Изданіе Берженара, т. I, гл. X.

ника, то ему даютъ свободу и окружаютъ уваженіемъ навсегда, какъ между родственниками умершаго, такъ и въ цѣлой ставкѣ; если же рабъ не выдержитъ, то его кладутъ вмѣстѣ съ владыкой въ яму.

«Кладутъ же владыку и раба не въ прямую, а въ боковую яму со всѣми выше сказанными вещами (съ царями, воеводами и знатными много золота и серебра), прямую же яму зарываютъ только одной землей, безъ вещей и безъ покойниковъ, и сверху закладываютъ ее дерномъ для того, чтобы скрыть мѣсто погребенія умершаго и не дать возможности хищнымъ людямъ ограбить дорогого платя и сокровищъ, скрытыхъ при покойникѣ. Въ заключеніе друзья умершаго приводятъ къ могилѣ его лошадь, сдираютъ съ нея, съ ногъ до головы, кожу, изъ кожи вырѣзаютъ по длинѣ небольшой ремень, набиваютъ ее соломой, продѣваютъ отъ зада до шеи длинный колъ и вѣшаютъ, въ память усопшаго, на двухъ шестахъ; мясо же лошади съѣдаютъ за упокой души умершаго. По истеченіи нѣсколькихъ дней послѣ погребенія, больше или меньше 30-ти, или черезъ 30 дней, устраиваютъ особыя поминки»¹⁾.

Къ этому весьма обстоятельному описанію Плато Карпини можно добавить нѣкоторыя данныя, имѣющіяся въ запискахъ другаго итальянца Марко Поло (1250—1323), также хорошо знавшаго нравы и обычаи татаръ вообще. Марко Поло говоритъ, что умершаго хана татары непременно, гдѣ бы онъ ни скончался, хоронили на высокой горѣ, называвшейся у нихъ Алтаемъ. Кромѣ того, у татаръ былъ еще и такой обычай, что люди, провожавшіе прахъ владыки, убивали всѣхъ встрѣчныхъ на дорогѣ, говоря имъ: «Ступайте въ другой міръ и служите тамъ нашему умершему государю». Татары думали, что всѣ убитые въ самомъ дѣлѣ выполняли роль слугъ въ другой жизни. То же дѣлали они и съ лошадьми и убивали лучшихъ изъ нихъ съ царскихъ заводовъ для его употребленія на томъ свѣтѣ»²⁾.

У тѣхъ же татаръ курганы, кромѣ прямого своего значенія могилъ, имѣли еще значеніе памятниковъ въ честь выдающихся людей или же искусственныхъ холмовъ для обозначенія границы, о чемъ свидѣтельствуетъ русскій писатель половины XVIII в., князь Мышецкій: «Большіе курганы насыпались (у татаръ) для памяти знатныхъ людей, какъ прежде всегда обычай бывалъ: кто бы гдѣ ни умеръ и гдѣ бы ни былъ похороненъ, а въ степи курганъ большой по знатномъ высыпаютъ всегда, какъ и нынѣ у турковъ, татаръ, запорожскихъ казаковъ и поляковъ въ обычаѣ имѣется. А прочіе курганы высыпываны для урочищъ, по которымъ курганамъ,

¹⁾ Плато Карпини. Собраніе путешествій. Спб., 1825, 95—99.

²⁾ Путешествіе Марко Поло. Москва, 1863, 177.

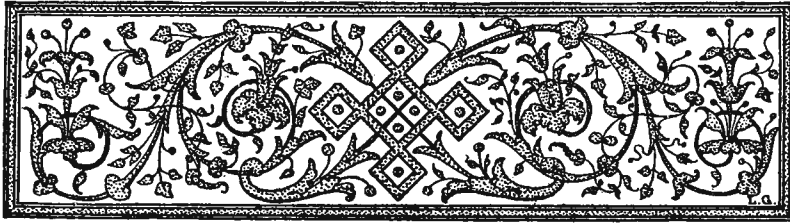
въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, прозываются урочища. Также по инымъ степямъ въ древніе годы бывало житье, то и границу курганами высыпали»¹⁾).

Такимъ образомъ уже одни эти краткія извлеченія изъ записокъ древнихъ писателей о приемахъ погребенія и способахъ устройства могилъ у разныхъ народовъ, нѣкогда обитавшихъ на русскомъ югѣ, даютъ археологу важныя указанія для распознаванія времени сооруженія кургановъ и отнесенія ихъ къ тѣмъ или другимъ народамъ.

Д. Эварницкій.

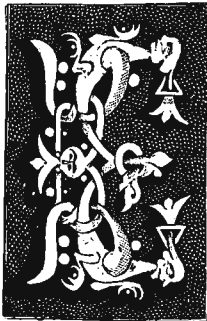

¹⁾ Исторія о казакахъ запорожскихъ. Одесса, 1852. 78.

ОЧЕРКИ АМЕРИКАНСКОЙ ДѢЙТЕЛЬНОСТИ ¹⁾.

Линчеваніе, или самосудъ толпы, въ странѣ свободы.

ЩЕ въ дѣтствѣ и отрочествѣ, зачитываясь произведеніями Майнъ-Рида и Фенимора Купера, европейскій интеллигентъ, а въ томъ числѣ и нашъ русскій образованный читатель, составляютъ себѣ представленіе, что по ту сторону океана существуетъ [какое-то особое «право линча», въ силу котораго виновный въ какомъ либо изъ тягчайшихъ преступленій, будучи пойманъ на мѣстѣ его совершенія, тутъ же подвергается немедленному суду безъ особыхъ формальностей и столь же немедленному наказанію въ видѣ повѣшенія, либо разстрѣлянія. Представленіе такое, равно какъ и всѣ почти представленія наши о такъ называемой странѣ свободы, совершенно ложно.

Дабы нашъ русскій читатель могъ составить себѣ должное понятіе, что такое американскій «линчъ» (lynch), мы изложимъ здѣсь сначала рядъ наиболѣе выдающихся линчеваній послѣдняго времени, а затѣмъ уже постараемся ихъ проанализировать, освѣтити и сдѣлать неизбѣжные изъ нихъ выводы.

Запрошлой зимой партія фермеровъ (американскій землевладелецъ, являющійся въ то же время и земледѣльцемъ) ловила рыбу въ рѣкѣ Little River въ штатѣ South Carolina. По окончаніи рыбной ловли, нѣкій Stephens, совершенно молодой человекъ, съ из-

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXV, стр. 994.

рядной пачкой кредитокъ, являвшихся результатомъ счастливаго улова, въ телѣгѣ, запряженной однимъ воломъ, отправился домой на ферму своего отца, расположенную при рѣкѣ Waccamaw River. Прошло, однако, уже цѣлыхъ десять дней, какъ ловля закончилась, и рыболовы разъѣхались по домамъ, а онъ все не возвращался. Обезпокоенный отецъ съ нѣсколькими пріятелями обнаружилъ, что нѣкій мулатъ, по имени Nathan Willis, вслѣдъ за отъѣздомъ молодого человѣка съ мыса, на которомъ происходила рыбная ловля, привнявъ ружье, отправился неизвѣстно куда. Мѣстный шерифъ (начальникъ уѣздной администраціи), составивъ полицейскій отрядъ, погнался по слѣдамъ заподозрѣннаго и нашелъ его въ деревушкѣ Town Creek: при немъ оказались волъ, телѣга, одежда и прострѣленная шляпа молодого Stephens'a. Когда чернокожій убійца полицейскимъ отрядомъ былъ доставленъ въ мѣсто совершенія преступленія, расположенное въ 40 миляхъ отъ мѣста его поимки, сбѣжавшаяся толпа разъяренныхъ фермеровъ отняла его у шерифа, отвела его въ лѣсъ и распяла его между двумя огромными соснами: въ нѣсколько минутъ куча сухихъ вѣтвей и прутьевъ достигала его колѣнъ и запылала яркимъ огнемъ. Сильный зимній вѣтеръ относилъ пламя въ сторону и замедлялъ его распространеніе по тѣлу распятаго убійцы: онъ скончался въ страшныхъ страданіяхъ.

Прошлымъ лѣтомъ, нѣкій Garfield King, молодой негръ около 18-ти лѣтъ отъ роду, въ ссорѣ и дракѣ со своимъ бывшимъ сверстникомъ Herman Kenyu выстрѣлилъ въ этого послѣдняго изъ револьвера, нанеся ему раны, отъ которыхъ тотъ черезъ нѣсколько дней скончался. Дѣло происходило въ городкѣ Salisbury штата Maryland. Убійца былъ схваченъ и содержался въ тюрьмѣ въ ожиданіи суда надъ нимъ. Однажды, около 2-хъ часовъ по полуночи, толпа изъ предмѣстья, въ которомъ проживалъ покойный со своими родителями, явилась въ городокъ и у шерифа (начальника уѣздной администраціи) Dashiell потребовала ключи отъ тюрьмы. Получивъ отказъ, она выломала тюремныя ворота, вломилась въ камеру обвиняемаго въ убійствѣ молодого негра и выволокла его на улицу. Бѣдняга отчаянно защищался и молилъ о пощадѣ, вопія во всеуслышаніе, что онъ стрѣлялъ въ состояніи самозащиты и вовсе не имѣлъ намѣренія смертельно ранить своего сверстника. Но его вопли и мольбы ничуть не тронули разъяренной толпы. Наскоро сдѣланная изъ тряпокъ веревка обвилась вокругъ его шеи, была переброшена черезъ толстый сукъ ближайшаго дерева, и злополучный Garfield King, быть можетъ, совершенно неумышленно нанесшій смертельныя раны своему сверстнику, повисъ на ней невысоко надъ землей. Слабая веревка оборвалась, и онъ грохнулся о землю, повидимому, въ совершенно безсознательномъ состояніи. Однако черезъ нѣсколько минутъ онъ вскочилъ на ноги и бросился бѣжать: толпа бросилась вслѣдъ за нимъ. Пули засвистали вокругъ

него, и нѣсколько изъ нихъ пронзили его насквозь, а когда онъ упалъ, то былъ страшно избитъ и исковерканъ, послѣ чего снова повѣшенъ на сей разъ уже повыше. Когда эта изломанная и исковерканная масса, сохранявшая образъ человѣческаго тѣла, вторично повисла въ воздухѣ, зловѣще чернѣя въ передразвѣтномъ сумракѣ, въ нее всажено было еще до шестидесяти пуль, послѣ чего толпа линчевателей разсѣялась въ разные стороны.

Проплывъ же лѣтомъ, въ городѣ Brooklyn'ѣ, нынѣ составляющемъ часть метрополіи Новаго Свѣта, города «Великаго Нью-Йорка (Greater New York), нѣкій John Mealey былъ арестованъ по обвиненію въ покушеніи на изнасилованіе дѣвицы Lillian Webster, служащей на центральной телефонной станціи означеннаго города. Когда обвиняемый, женатый человѣкъ среднихъ лѣтъ, развѣхавшійся съ женой, былъ на предметъ первоначальнаго слушанія дѣла (въ родѣ нашего предварительнаго слѣдствія) доставленъ изъ мѣстной тюрьмы въ флатбушскій полицейскій судъ (Flatbush Police Court), въ семь послѣднемъ собралась небывалая толпа народа. Представъ предъ судьей Steers, обвиняемый призналъ себя виновнымъ лишь въ томъ, что сбиль съ ногъ дѣвушку, заявляя, что послѣ этого послѣдняя уцѣпилась за его платье и держала его до тѣхъ поръ, пока не прибѣжалъ полицманъ. Дѣло происходило вечеромъ, на такъ называемомъ Windsor Terrace, расположенной въ самомъ почти центрѣ Бруклина. Услышавъ подобное заявленіе, толпа, наполнявшая присутственный залъ полицейскаго суда, сильнѣйшимъ образомъ заволновалась, и ропотъ негодованія пробѣжалъ отъ одного конца до другаго. Такъ какъ такимъ образомъ обвиняемый не призналъ себя виновнымъ во вводимомъ на него обвиненіи, то мѣстный окружный стряпчій (въ родѣ нашего прокурора) просилъ судъ объ отсрочкѣ слушанія дѣла на одну недѣлю, и требованіе было судомъ уважено. Когда вслѣдъ за симъ арестантъ былъ уведенъ изъ дома засѣданія, вся толпа, находившаяся въ состояніи немалого возбужденія, хлынула за нимъ слѣдомъ: одна группа поджидала его появленія у главнаго входа въ судебное зданіе, а другая—у боковаго входа, между тѣмъ какъ вся масса отошла на нѣкоторое разстояніе и, повидимому, ожидала сигнала къ нападенію на обвиняемаго въ покушеніи на изнасилованіе телефонистки, имѣющей немало друзей и знакомыхъ въ означенной мѣстности. Предусматривая возможность взрыва, судейскіе служители сопровождали арестанта вплоть до тюремной кареты. Посредствомъ разныхъ хитроумныхъ манипуляцій его удалось впахнуть въ тюремную карету въ числѣ прочихъ арестантовъ. Когда всѣ они были заперты въ этой послѣдней и массивными желѣзными дверями отдѣлены отъ остальнаго міра, а тюремный возница сталъ взбираться на козлы, тогда лишь вся эта огромная толпа, съ нетерпѣніемъ поджидавшая появленія John Mealey, уразумѣла, что онъ находится уже внутри кареты. Съ

дикимъ ревомъ: «линчевать его, линчевать его!» влетѣла она на дворъ судебного зданія, но пронцательный и ловкій тюремный возница ударилъ по лошадамъ и запустилъ руку въ карманъ, какъ будто бы для того, чтобы оттуда достать револьверъ: линчеватели струхнули и разбѣжались въ разныя стороны. Затѣмъ тотъ же возница окольными путями доставилъ своихъ арестантовъ въ тюрьму. Если бы не его пронцательность и ловкость, означенный John Mealey, безъ сомнѣнія, былъ бы «линчеванъ», т. е. повѣшенъ, либо просто растерзанъ. И все это происходило не гдѣ нибудь на «дикомъ» западѣ сѣверо-американскаго материка, либо въ одномъ изъ малокультурныхъ южныхъ штатовъ, а въ самой метрополи федеративной республики, въ первостепенномъ городѣ «величайшей демократіи на земномъ шарѣ», во второмъ городѣ на свѣтѣ.

Прошлымъ же лѣтомъ, на фермѣ вблизи городка Wetumpka штата Alabama, были убиты супруги Garden. Въ убійствѣ этомъ изобличались пятеро негровъ, которые и содержались въ арестантской означеннаго городка. Въ первую же ночь ихъ заключенія толпа ввалилась въ мѣсто заключенія и, схвативъ изобличаемыхъ, потащила ихъ на ферму, гдѣ произошло убійство, расположенную въ 8 миляхъ отъ означеннаго городка. Полчаса спустя по телеграммѣ мѣстныхъ властей, посланной во время штурма мѣста заключенія, прибылъ военный отрядъ города Montgomery, столицы штата, и послѣ часоваго совѣщанія погнался за толпой. Предусматривая появленіе войскъ, эта послѣдняя раздѣлилась на двѣ части, и въ то время, какъ одна ея половина добровольно подвергла себя погонѣ со стороны военнаго отряда, другая въ глубинѣ лѣса окружила и караулила пятерыхъ обвиняемыхъ, надъ которыми наряженъ былъ судъ двѣнадцати судей, ранѣ избранныхъ толпой, для производства такового. Эти послѣдніе всякими манерами и на всѣ лады допрашивали обвиняемыхъ, домогаясь отъ нихъ признанія. Въ домогательствахъ такихъ прошла ночь и раннее утро, пока наконецъ одинъ изъ испытуемыхъ, нѣкій Louis Speier, не упалъ дхомъ и не принесъ признанія, рассказавъ, какъ именно убійство супруговъ Garden произведено было ими четверьмя, и кто какое принималъ въ такомъ участіе. Вслѣдъ за нимъ такое же признаніе принесли трое другихъ изъ обвиняемыхъ негровъ, категорически отрицая, равно какъ и означенный Louis Speier, участіе въ совершеніи сего злодѣянія пятого изъ нихъ, также схваченнаго по обвиненію въ такомъ. Когда мѣсто зарытія похищенныхъ ими 1.200 долларовъ было ими обнаружено, толпа приступила къ выполненію казни. Предполагалось первоначально, по принесеніи обвиняемыми признанія, привязать ихъ цѣпями къ деревьямъ и сжечь живьемъ, но программа эта изъ опасенія приближенія войска не могла быть выполнена: они просто были повѣшены на двухъ большихъ деревьяхъ, и пока они корчились въ конвульсіяхъ, въ нихъ было всажено до 600 револь-

верныхъ пулъ. Все это происходило около 9 часовъ утра, т. е. среди бѣлаго дня. Между тѣмъ военный отрядъ, умышленно замедлявшій всѣ свои дѣйствія, дабы избѣжать столкновения съ линчевателями (lynchers), нагналъ первую половину толпы на разсвѣтѣ и убѣдившись, что схваченныхъ преступниковъ среди нея не имѣется, сталъ разыскивать другую ея половину. Лишь гулъ револьверныхъ выстрѣловъ обнаружилъ мѣстонахожденіе этой послѣдней. Когда отрядъ прибылъ туда, онъ нашелъ тамъ лишь четыре безформенныхъ массы, представлявшихъ отдаленное подобіе человѣческихъ тѣлъ и болтавшихся на веревкахъ въ лѣсной глуши. Пятый негръ, не оговоренный показаніями четырехъ сознавшихся сотоварищей, былъ отпущенъ на всѣ четыре стороны. Приведенный случай линчеванія отъ прочихъ таковыхъ же отличается тѣмъ, что въ немъ устроено было нѣкое подобіе суда, и одинъ изъ обвиняемыхъ былъ отпущенъ на свободу, между тѣмъ какъ обыкновенно обвиняемые, разъ попавшіе въ руки толпы, хотя бы они и были совершенно невинны, подвергаются повѣшенію, разстрѣлянню, либо попросту растерзанію.

Прошлымъ же лѣтомъ, въ городѣ Key West, окраинномъ пунктѣ полуострова и штата Florida, представляющемъ одну изъ важнѣйшихъ морскихъ станцій республики Соединенныхъ Штатовъ, которой суждено было играть столь важную роль въ ея войнѣ съ Испаніей, нѣкій негръ Silvanus Johnson обвинялся въ изнасилованіи нѣкоей бѣлой женщины mistress Margaret Alwell. Когда обвиняемый подѣ карауломъ шерифа и нѣкоторыхъ его помощниковъ препровождался изъ тюрьмы въ зданіе суда, среди публики, наполнявшей залъ судебного засѣданія, внезапно поднялся нѣкій С. В. Pendleton, одинъ изъ мѣстныхъ гражданъ, пользующійся широкой популярностью, и кликнулъ громкій кличъ: «достаточно ли имѣется здѣсь насъ, бѣлыхъ, чтобы повѣсить этого негра?»—«О, достаточно!» заревѣла публика и бросилась къ арестанту, который въ эту минуту показался въ дверяхъ судебного зала. Шерифъ и его помощники выхватили свои револьверы и нѣкоторое время не выпускали публику изъ зала, между тѣмъ какъ отрядъ полиціи, подоспѣвшій къ нимъ на помощь, успѣшилъ увезти арестанта обратно въ тюрьму. Тогда заволновались уже негры, находившіеся въ залѣ и коридорахъ суда въ изрядномъ количествѣ, и когда публика высыпала изъ зданія суда на улицу, одинъ изъ нихъ громко крикнулъ: «линчевать этого мерзавца Pendleton'a!». Нѣсколько группъ лицъ, состоявшихъ изъ негровъ, ринулись къ означенному «почтенному гражданину» (respectable citizen), подстрекавшему публику повѣсить обвиняемаго въ самой залѣ судебного засѣданія, но ему при помощи своихъ друзей удалось улизнуть въ экипажѣ. Однако, толпа негровъ на этомъ не успокоилась и окружала тюремное зданіе, дабы воспрепятствовать линчеванію обвиняемаго Silvanus Johnson. Здѣсь оставалась она до поздней ночи, угрожая убить всякаго бѣлаго,

который только приблизится къ этому зданію. Около полуночи большая часть ея направилась къ зданію суда, дабы убѣдиться окончательно, что бѣлыми не подготавливается нападеніе на тюремное зданіе съ цѣлью линчеванія означеннаго Johnson'a. На ступенькахъ судебного зданія, давно уже запертаго, оказался сидящимъ нѣкій бѣлый William Gardener. Негры потребовали отъ него, чтобы онъ удалился. Онъ исполнилъ это требованіе, но, отойдя отъ нихъ на нѣкоторое разстояніе, разразился бѣшеной бранью. Нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ было послано ему въ догонку, и одинъ изъ таковыхъ причинилъ ему смертельную рану, отъ которой онъ два часа спустя скончался. Бѣлые снова заволновались и порѣшили линчевать какъ означеннаго Johnson'a, такъ и предполагаемыхъ убійцъ означеннаго Gardener. Приближалось кровавое столкновеніе между бѣлой и черной частями населенія города Key-West и лишь посредствомъ невѣроятныхъ усилій значительнаго отряда регулярной арміи Соединенныхъ Штатовъ и сосредоточенія въ немъ милиціи штата удалось предотвратить подобное столкновеніе. Какъ бы то ни было, подобное воззваніе къ «линчеванію» въ самой залѣ судебного засѣданія, независимо отъ всѣхъ его послѣдствій, нами только что описанныхъ, достаточно иллюстрируетъ нравы «величайшей демократіи на земномъ шарѣ».

Совершенною противоположною этой попыткѣ линчеванія негра за изнасилованіе бѣлой женщины представляетъ линчеваніе нѣкоего William Street, также негра, обвинявшагося въ такомъ же преступленіи, происшедшее также прошлымъ лѣтомъ въ городѣ Douline штата Louisiana. Огромная толпа вломилась въ тюрьму, въ которой тотъ содержался, выгнала его на площадь и, привязавъ къ столбу, соорудила вокругъ него громадный костеръ. Все это происходило среди бѣлаго дня. Пока сооружалось это своеобразное ауто-да-фе, которое нынѣ, на рубежѣ двадцатаго вѣка, кромѣ дикарей центральной Африки, практикуется лишь народомъ, именующимъ себя «самой цивилизованной націей на землѣ», адвокаты и, официальные юристы (мировые судьи или скваэры, нотариусы и т. п.), находившіеся среди толпы, убѣждали присутствовавшихъ негровъ вступить за своего соплеменника и не допустить его сожженія, но эти послѣдніе, въ противоположность черному населенію Key-West въ вышеописанной исторіи, не рѣшились вмѣшаться въ дѣло, и означенный William Street былъ преданъ всесожженію. Онъ не произнесъ ни одного слова ни тогда, когда былъ привязанъ къ столбу, ни тогда, когда пламя взвилось надъ его головой: онъ лишь оборачивался лицомъ изъ стороны въ сторону, повидимому, для того, чтобы избѣжать страшной жары. Черезъ четверть часа онъ представлялъ обуглившуюся массу. Большая часть толпы, предавшей его сожженію, наполнила ближайшій поѣздъ желѣзной дороги, и когда этотъ послѣдній пробѣгалъ мимо сожженнаго, всадила въ эту обуглившуюся массу до 600 пуль.

Прошлой зимой, въ городѣ Amite City того же штата Louisiana, расположенномъ въ двухъ часахъ ѣзды отъ города New-Orleans, столицы штата и одной изъ метрополій федеративной республики, трое негровъ, Arch Joiner, John Johnson и Gus Williams, содержались въ мѣстной тюрьмѣ по обвиненію въ убійствахъ. Первые двое, Arch Joiner и John Johnson, изобличались въ убійствѣ цѣлой семьи Cotton, состоявшей изъ двухъ мужчинъ и трехъ женщинъ, а послѣдній, Gus Williams, обвинялся въ убійствѣ своей жены. Хотя онъ и оправдывался тѣмъ, что стрѣлялъ съ цѣлью убить крысу и совершенно нечаянно попалъ въ жену, тѣмъ не менѣе, однако, среди населенія городка сложилось убѣжденіе, что онъ предумышленно убилъ совершенно ни въ чемъ неповинную женщину. Арестованные содержались въ тюрьмѣ около трехъ мѣсяцевъ, а дѣла ихъ не назначались къ слушанію. Толпы «гражданъ» городка вступали въ безпрестанныя столкновенія съ властями, требуя, чтобы обвиняемые были судимы безотлагательно и немедленно повѣшены, а между тѣмъ, горя жаждой мщенія, порѣшили при первомъ удобномъ случаѣ расправиться съ таковыми самолично. Такой удобный случай вскорѣ представился: выпала необыкновенно бурная ночь. Дождь лилъ, какъ изъ ведра, непрерывно гремѣлъ громъ и сверкала молнія; стояла такая тьма, что въ двухъ шагахъ невозможно было различить человѣка. Толпа мужчинъ, собравшаяся въ одномъ изъ подгородныхъ кабаковъ, вскорѣ превратилась въ хорошо вооруженный отрядъ верховыхъ, численностью превышающій двѣсти всадниковъ, который около полуночи въѣхалъ въ городъ. Шерифъ и его помощники, будучи убѣждены, что массивное и прочное зданіе мѣстнаго тюремнаго замка устоитъ противъ напора толпы, и основательно опасаясь за собственную жизнь, укрылись въ разныхъ мѣстахъ города. Толпа линчевателей по распоряженію ея командира раздѣлилась на нѣсколько отрядовъ, которые и стали разыскивать по городу шерифа и его помощниковъ. Послѣ часовыхъ поисковъ, однимъ изъ этихъ отрядовъ помощникъ шерифа Wainesright, въ распоряженіи котораго находились ключи отъ тюрьмы и всѣхъ мѣстъ одиночнаго заключенія, найденъ былъ въ одномъ изъ номеровъ одного изъ мѣстныхъ отелей. Ему было просто и категорически объявлено группой линчевателей, его обрѣвшихъ, что если онъ не отворитъ тюрьмы и не выдастъ вышепомянутыхъ трехъ негровъ, то будетъ самъ убитъ наповаль. Подъ воздѣйствіемъ подобной перспективы означенный помощникъ шерифа досталъ связку ключей, спрятанную въ секретномъ мѣстѣ въ его комнатѣ, и вмѣстѣ со своими поимщиками отправился обратно въ тюрьму. Здѣсь онъ впустилъ ихъ внутрь зданія и отворилъ имъ двери тѣхъ келій, въ которыхъ содержались вышепоименованные убійцы. Johnson отнесся къ перспективѣ его линчеванія совершенно хладнокровно: онъ былъ уже въ постели, когда линчеватели ввалились въ тюремные коридоры.

доры, но, услышавъ ихъ приближеніе и сразу понявъ, въ чемъ дѣло, онъ наскоро одѣлся и въ тотъ моментъ, когда распахнулась дверь его келіи, былъ совершенно готовъ къ услугамъ своихъ мучителей. Когда затѣмъ эти послѣдніе ворвались въ келію обвиняемаго Joiner и объявили ему, что онъ долженъ немедленно отправиться вмѣстѣ съ ними, онъ сталъ вопить и рыдать, заявляя о совершенной своей невинности. Толпа хохотала и стремительно вытащила его изъ келіи. Арестантъ Williams также заявлялъ о своей невинности, объявляя снова, какъ онъ стрѣлялъ въ крысу и попалъ въ жену, но линчеватели съ хохотомъ отвѣчали ему, что убиваніе крысъ весьма плохое занятіе, и онъ будетъ за такое повѣшенъ. Всѣ трое были выведены линчевателями въ коридоръ и связаны по рукамъ.—«Намѣрены ли вы сжечь меня?»—спросилъ Johnson, когда его связали.—«Такъ точно-съ!»—отвѣтилъ одинъ изъ толпы.—«Мы привяжемъ васъ къ столбу, негодяи!»

Схваченные негры были отведены на лужайку у зданія суда и здѣсь окружены огромнымъ отрядомъ верховыхъ. Нѣкто изъ сихъ послѣднихъ произнесъ маленькую рѣчь, въ которой благодарилъ всѣхъ собравшихся за сочувствіе и содѣйствіе, и затѣмъ подалъ знакъ къ выступленію. Каждый изъ обвиняемыхъ былъ обязанъ вокругъ шеи толстой веревкой, на которой и велъ его одинъ изъ верховыхъ. Вскорѣ у церкви, носящей наименованіе Малый Сіонъ, былъ сдѣланъ первый привалъ, и здѣсь рѣшено было на развѣсистомъ деревѣ, высящемся вблизи алтарной ея части, повѣсить женоубійцу Williams'a. Когда дѣлались приготовленія къ такому повѣшенію, Johnson объявилъ во всеуслышаніе, что онъ оговорилъ арестанта Joiner въ участіи въ убійствѣ семьи Cotton совершенно ложно, и что дѣйствительный его соучастникъ въ семъ преступленіи бѣжалъ изъ предѣловъ страны, такъ что если они повѣсятъ Joiner вмѣстѣ съ нимъ, то убьютъ человѣка совершенно невиннаго. Въ отвѣтъ на это заявленіе онъ получилъ оглушительный ударъ концомъ толстой веревки по головѣ, сопровождавшійся приказаніемъ замолчать. Когда одинъ конецъ основательной веревки привязанъ былъ взобравшимся на дерево молодцомъ къ одной изъ верхнихъ вѣтвей его, а нижній глухимъ узломъ обязанъ вокругъ шеи обвиняемаго въ женоубійствѣ Williams'a, ему приказано было сѣсть верхомъ на лошадь. Онъ отказался; съ десятокъ паръ сильныхъ рукъ схватили его и посадили насильно, и лошадь получила сильный ударъ по спинѣ и бросилась впередъ; Williams повисъ на веревкѣ, раскачиваясь изъ стороны въ сторону; чрезъ тринадцать минутъ врачъ, находившійся среди линчевателей, объявилъ, что повѣшенный мертвъ. Тогда рѣшено было, что другихъ двое негровъ должны быть казнены на самомъ мѣстѣ преступленія, въ которомъ они обвинялись, вблизи дома убитаго семейства Cotton, въ двѣнадцати миляхъ отъ церкви Малый Сіонъ, находящейся еще въ предѣлахъ городка Amite

City. Среди проливнаго дождя, подъ оглушительными раскатами грома, при непрерывномъ блескѣ молніи, по колѣни утопая въ грязи, дождевыхъ лужахъ, еле разбираясь въ непроглядной тѣмѣ зимней ночи (въ южныхъ штатахъ дождевыя грозы происходятъ и къ зимніе мѣсяцы), медленно подвигалось шествіе къ фермѣ убитаго семейства Cotton, въ то время не обитаемой. По пути обвиняемые выбились изъ силъ и были посажены въ повозку, попрежнему съ веревкой вокругъ шеи, конецъ которой находился въ рукахъ одного изъ всадниковъ. По прибытіи на мѣсто, толпа запѣла гимнъ: «Я ближе, мой Богъ, къ тебѣ!», и высадила обвиняемыхъ изъ повозки. Joiner сталъ просить застрѣлить его, а не сжигать, и затѣмъ горько упрекала своего сотоварища по заключенію Johnson за то, что тотъ невинно оговорилъ его, вызывая его на бой. Подобное предложеніе весьма понравилось толпѣ, и она тотчасъ образовала кругъ, помѣстивъ въ срединѣ бойцовъ Joiner и Johnson. Завязался беспощадный кулачный бой, въ которомъ первый сталъ по истеченіи десяти минутъ настолько одолевать послѣдняго, что состязаніе было прекращено. Этотъ кулачный бой убійцы накануне мучительной смерти на потѣху своимъ мучителямъ и казнителямъ представлялъ зрѣлище крайне рѣдкое даже въ лѣтописяхъ американскаго линча. Затѣмъ отворены были настежь окна и двери въ необитаемомъ домѣ убитаго семейства Cotton, убійцы помѣщены въ разныхъ комнатахъ и подвергнуты различнымъ пыткамъ; оба они допускали свое нахожденіе на мѣстѣ совершенія преступленія въ ночь убійства, сваливая фактическое его выполнение и главную въ немъ вину другъ на друга. Кто-то изъ толпы предложилъ сжечь обоихъ негровъ, и предложеніе это было радостно подхвачено всѣми присутствующими. Тотчасъ разведено было три громадныя костра: одинъ для просушки платья и бѣлья казнителей, а два другихъ для сожженія убійць. Johnson былъ первымъ вброшенъ въ огонь, но его платье, насквозь промоченное дождемъ и покрытое слоями грязи, слабо поддавалось воздѣйствію пламени. Было очевидно, что экзекуція эта должна продлиться до безконечности, а между тѣмъ его вопли и стоны были настолько ужасны, что нѣкоторые изъ толпы стали настаивать, чтобы негры были попросту повѣшены. Johnson, покрытый ожогами и въ пригорѣвшемъ платьѣ, выведенъ былъ изъ костра, и оба были повѣшены на ближайшемъ деревѣ.

Всѣ вышеописанные случаи линчеванія нами взяты изъ лѣтописи американской общественной жизни исключительно лишь за истекшій 1897 годъ. Хотя каждый изъ нихъ представляется въ большей или меньшей степени достопримѣчательнымъ, едва ли однако не наиболѣе достопримѣчательнымъ изъ всѣхъ таковыхъ является линчеваніе, въ іюнѣ истекшаго года имѣвшее мѣсто въ городѣ Urbana штата Ohio. Нѣкій негръ Charles Mitchell былъ осужденъ за изнасилованіе бѣлой женщины и приговоренъ къ двадцатилѣт-

нему тюремному заключенію, наивысшему наказанію, какое по законамъ сего и нѣкоторыхъ сосѣднихъ штатовъ полагается за тяжчайшія преступленія, кромѣ предумышленнаго убійства, единственнаго преступленія, караемаго смертью. Вскорѣ по приведеніи судебного приговора въ исполненіе, однажды ночью, толпа «гражданъ» означеннаго города учинила внезапное нападеніе на мѣстную тюрьму, требуя выдачи приговореннаго и отбывающаго свое наказаніе. Шерифъ отказалъ ей въ исполненіи этого требованія и для защиты тюремнаго замка вызвалъ мѣстную милицію, съ которой и заперся въ семь послѣднемъ. Толпа яростно осаждала его, и одинъ изъ ея приступовъ былъ настолько серьезенъ и опасенъ, что пришлось дать ружейный залпъ: нѣсколько человѣкъ изъ осаждавшихъ было ранено, а двое изъ нихъ, нѣкіе Upton Baker и Harry Bell, убиты. При видѣ пролитой крови толпа пришла въ неописуемое остревнѣніе и бросилась на штурмъ тюремнаго замка съ такимъ бѣшенствомъ, что шерифъ Mac-Lain и капитанъ Leonard, командовавшій отрядомъ милиціи, защищавшимъ тюрьму, бѣжали изъ осаждаемаго зданія, а вслѣдъ затѣмъ даже и изъ предѣловъ самаго города. Толпа овладѣла тюрьмой, выволокла отбывающаго наказаніе негра Mitchell и его повѣсила, между тѣмъ какъ отрядъ милиціи, въ ней находившійся, будучи покинутъ своимъ начальникомъ, разбѣжался: одни изъ этого отряда также бѣжали изъ города, а другіе прятались по квартирамъ родственниковъ и друзей, не смѣя показаться на улицѣ. Цѣлое утро толпа таскала по городу трупъ повѣшеннаго, предполагая сжечь его, но въ концѣ концовъ бросила его въ одной изъ погребальныхъ конторъ: большая часть его пиджака оказалась изорванной въ клочки, всѣ пуговицы оказались оторванными и даже чулки и ботинки унесенными — все это на память о семь событіи. Еще не скоро улеглось въ городѣ Urbana волненіе, вызванное линчеваніемъ осужденнаго Charles Mitchell. Родственники двоихъ убитыхъ и нѣсколькихъ раненыхъ при осадѣ тюремнаго замка угрожали убить командовавшаго отрядомъ милиціи капитана Leonard при первой встрѣчѣ, такія же угрозы громогласно были заявляемы по адресу шерифа и отдѣльныхъ членовъ означеннаго отряда, иные, болѣе умѣренные, требовали военного суда надъ всѣмъ отрядомъ и строгого суда надъ шерифомъ. Признаніе губернаторомъ штата и подлежащимъ военнымъ начальствомъ, что шерифъ и милиція лишь выполняли свои служебныя обязанности и посему предавать ихъ суду не за что, вызвало въ городѣ Urbana общее негодованіе, не скоро улегшееся. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что штатъ Ohio, въ которомъ все сіе прошлымъ лѣтомъ происходило, является однимъ изъ самыхъ культурныхъ штатовъ федеративной республики.

Таковы факты, взятые заурядъ изъ 166 подобныхъ же фактовъ, имѣвшихъ мѣсто въ сей «величайшей демократіи на земномъ шарѣ» въ теченіе одного лишь 1897 года. Факты эти про-

исходить регулярно каждый годъ приблизительно въ томъ же количествѣ и въ томъ же почти стереотипномъ видѣ лишь съ легкими вариациями. Первое мѣсто среди 45 штатовъ и 6 территорій союза (Union) по части линчеваній занимаетъ штатъ Texas, давая среднимъ числомъ 25 таковыхъ въ годъ, за нимъ идетъ штатъ Alabama—19 линчеваній въ годъ, далѣе штатъ Mississippi—16 и Georgia—14. Изъ прочихъ южныхъ штатовъ, являющихся главной и преимущественной ареной линчеванія, въ штатахъ Maryland, North Carolina, Kentucky, Missouri, South Carolina и Virginia таковыя сравнительно не такъ многочисленны. Несмотря на постоянство ежегодной цифры линчеваній, въ таковой съ 1892 года замѣчается все-таки нѣкоторое пониженіе.

Что же, спрашивается, все сіе означаетъ, каковъ смыслъ всѣхъ этихъ фактовъ и каково общественное значеніе линчеванія? При первомъ взглядѣ линчеваніе можетъ представиться постороннему наблюдателю взрывомъ народнаго негодованія, вызываемаго тяжкими и омерзительными злодѣяніями. Но взрывъ народнаго негодованія представляется кратковременнымъ, по самому существу своему скоропреходящимъ и во всякомъ случаѣ не можетъ тянуться цѣлые мѣсяцы. Между тѣмъ въ городѣ Cartersville штата Georgia въ истекшемъ году имѣла мѣсто слѣдующая исторія. Нѣкій Will Phillips, изобличавшійся въ изнасилованіи дочери полковника Jones, скрылся. Около восьми мѣсяцевъ спустя, онъ былъ схваченъ въ штатѣ Arkansas и доставленъ обратно въ Cartersville. Едва лишь онъ былъ здѣсь опознанъ, собралась громадная толпа и стала домогаться и пытаться отбить его у властей и повѣсить. Однако, самъ отецъ потерпѣвшей, полковникъ Jones, сталъ уговаривать собравшихся линчевателей оставить свои противозаконныя домогательства и предоставить законному суду наказать виновнаго, тѣмъ болѣе, что сессія этого послѣдняго должна состояться въ непродолжительномъ времени. Хотя эти увѣщанія отца потерпѣвшей, въ лѣтописяхъ американской общественности небывалыя, единственныя и несомнѣнно безпримѣрныя, и повліяли на бушевавшихъ линчевателей, тѣмъ не менѣе, однако, когда обвиняемый былъ посаженъ въ тюрьму сосѣдняго города Lafayette, отдѣльныя угрозы линчевать его долгое время не прекращались. Взрывъ негодованія обывателей городка Cartersville противъ Will Phillips не могъ, конечно, продолжаться цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ, и не негодованіе, очевидно, собрало эту бушующую толпу линчевателей, а иныя чувства и побужденія. Если затѣмъ, какъ мы видѣли уже изъ описанія событій, прошлымъ лѣтомъ (1897) разыгравшихся въ городѣ Urbana штата Ohio, толпа линчевателей осаждаютъ и беретъ приступомъ тюремный замокъ, дабы повѣсить обвиняемаго въ изнасилованіи, уже несущаго по суду наивысшее наказаніе, законами штата назначаемое за преступленіе сего рода, то отсюда обнаруживается снова, что не

негодование или инья благородныя чувства порождаютъ и создаютъ все эти повѣшенія, растрѣлянія, побіенія камнями, растерзанія и сожженія, извѣстныя подъ общимъ наименованіемъ «линча». Одинъ изъ этихъ линчевателей города Urbala въ оправданіе ихъ дѣйствій приводилъ слѣдующій доводъ: «мы не смѣли возвратиться домой къ нашимъ женамъ, пока человѣкъ этотъ не былъ линчеванъ». Если такимъ образомъ разъяренныя субъектессы, стояція на самомъ низкомъ уровнѣ умственнаго и нравственнаго развитія, являются поджигательницами и подстрекательницами къ линчеванію, то отсюда снова обнаруживается, что не общественное негодование въ истинномъ смыслѣ этого слова является его первоисточникомъ и движущей силой. Самый родъ преступленій, влекущихъ за собой линчеваніе, служитъ достаточнымъ указаніемъ на этотъ первоисточникъ и эту движущую силу. Самое дерзкое поразительное мошенничество, самое колоссальное банковое расхищеніе, пускающее по міру тысячи семействъ, самый возмутительный публичный дебошъ, сопряженный съ оскорбленіемъ женщинъ, раздробленіемъ skulls, проломовъ череповъ и опустошеніемъ зала ресторана, самый хладнокровный и дерзкій поджогъ, подвергающій опасности сотни человѣческихъ жизней, нерѣдко изъ-за полученія сравнительно ничтожной страховой преміи и т. п. не вызываютъ линчеваній, не создаютъ разъяреннаго бѣснующагося скопища людей, въ припадкѣ озвѣренія требующаго человѣческой жизни и жаждущаго человѣческой крови. Преступленіями такими являются специально убійство и изнасилованіе въ особенности бѣлой женщины чернымъ мужчиной. Изъ всего этого обнаруживается съ полною очевидностью, что линчеваніе является лишь выраженіемъ звѣрства народныхъ массъ, проявленіемъ народной дикости, актомъ народнаго озвѣрнія, отраженіемъ народной первобытности, въ столь маловѣроятной степени еще нынѣ на рубежѣ двадцатаго вѣка присущихъ и «величайшей демократіи на земномъ шарѣ».

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что подъ «народными массами» мы отнюдь не разумѣемъ здѣсь лишь низшіе классы американскаго общества, либо такъ называемую чернь, а народонаселеніе страны свободы въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова вообще. Замѣчательно, что зачинщиками, подстрекателями и распорядителями личеваній являются обыкновенно такъ называемые «уважаемые граждане» (*respectable citizens*), эти юркіе, нахальные, плутоватые и зажиточные лавочники и дѣльцы, представляющіе во всѣхъ отношеніяхъ внѣшность цивилизованныхъ людей и мнящіе себя, въ особенности послѣ основательной выпивки, «самой цивилизованной націей на земномъ шарѣ» (*the most civilized nation in the world*). Такимъ образомъ въ линчеваніяхъ проявляется и находитъ свое высшее выраженіе дикость, звѣрство и первобытность такъ называемаго «народа Соединенныхъ Штатовъ» (*the people of the United States*),

являющагося носителемъ и средоточіемъ «государственнаго верховенства» (sovereignty). Звѣрство это представляется, собственно говоря, самодовлѣющимъ, и разыгравшееся тяжкое преступленіе вовсе не является причиной, его поражающей, а лишь поводомъ, внѣшнимъ толчкомъ, его возбуждающимъ и выводящимъ изъ обычнаго состоянія нѣкотораго усыпленія. Когда около двухъ лѣтъ тому назадъ въ штатѣ South Carolina одинъ негръ былъ задержанъ по подозрѣнію въ изнасилованіи бѣлой женщины, и эта послѣдняя не могла удостовѣрить его самоличности, то предводитель толпы воскликнулъ: «господа, графство Wagrowell опозорено, ей-Богу, кто нибудь да долженъ же поплатиться жизнью!» Этого было достаточно, и подвернувшійся подъ руку негръ, схваченный по одному лишь голому подозрѣнію, былъ повѣшенъ. Такимъ образомъ остревѣвшее сборище «гражданъ» одного изъ многочисленныхъ захолустій «страны свободы» жаждетъ и требуетъ человѣческой жизни вообще, мало заботясь о томъ, виновный или невинный подвергается сему коллективному человѣкоистребленію.

Общественныя послѣдствія линчеванія, возведеннаго въ нѣкоторую систему, гораздо многочисленнѣе и серьезнѣе, нежели это можетъ казаться съ перваго взгляда. Подрастающія поколѣнія «народа Соединенныхъ Штатовъ» (the people of the United States) приучаются къ кровавымъ зрѣлищамъ, озвѣряются и привыкаютъ ставить ни во что человѣческую жизнь. Нерѣдко люди совершенно невинные гибнутъ на кострахъ, висѣлицахъ, либо подъ градомъ пуль, оставляя осиротѣлыя семейства безъ всякихъ средствъ къ существованію. Когда затѣмъ скопища бѣлыхъ «цивилизаторовъ» въ мѣстностяхъ, пограничныхъ съ такъ называемой «Индійской территоріей» (Indian Territory), окруженной штатами Texas, Oklahoma, Kansas, Missouri и Arkansas, распнуть и разстрѣляютъ либо повѣсятъ одного или нѣсколькихъ краснокожихъ по подозрѣнію въ совершеніи какого либо тяжкаго преступленія, то подымается цѣлое племя, которому принадлежали линчеванные, наступаетъ расовая междоусобная война, и правительство Соединенныхъ Штатовъ должно пожертвовать немало средствъ и людей, пока возстаніе не будетъ усмирено и спокойствіе восстановлено. Наконецъ линчеваніе служить нерѣдко непреодолимымъ препятствіемъ къ отправленію правосудія. Недавно въ одномъ изъ графствъ (уѣздовъ) штата North Dakota было убито цѣлое семейство. Пятеро мужчинъ было арестовано по обвиненію въ этомъ преступленіи, и двое изъ нихъ сознались въ его совершеніи, оговоривъ въ соучастіи нѣсколькихъ другихъ. Дѣло дошло до высшаго суда штата (Supreme Court of the State), и этотъ послѣдній, утвердивъ смертный приговоръ въ отношеніи двухъ изъ обвиняемыхъ, въ отношеніи третьяго осужденнаго и приговореннаго къ смертной казни единственно лишь на основаніи голаго оговора двухъ первыхъ, обратилъ дѣло къ новому разсмотрѣнію. Тогда

сборище «выдающихся гражданъ» (*prominent citizens*) ворвалось въ тюрьму, выволокло всѣхъ троихъ осужденныхъ на улицу и повѣсило ихъ на ближайшей осинѣ. По учиненіи линчеванія оказалось не только, что двое изъ повѣшенныхъ необходимы суду первой степени для избличенія иныхъ участвовавшихъ въ совершеніи сего преступленія, но также и что въ распоряженіи означеннаго высшаго суда, въ отношеніи третьяго изъ осужденныхъ обратившаго дѣло къ новому разсмотрѣнію, имѣются документальныя доказательства совершенной его невинности. Такимъ образомъ согласно официалъному объявленію, сдѣланому предсѣдателемъ высшаго суда штата, не только невинный былъ повѣшенъ (этакая вещь въ «странѣ свободы» вовсе не рѣдкость), но и сверхъ сего оказалось невозможнымъ осудить истинныхъ виновниковъ злодѣянія. Въ концѣ концовъ подобная узурпація судебной власти беспорядочнымъ сборищемъ, большинство котораго составляютъ негодяи всякаго рода и закоренѣлые злодѣи, подрываетъ самыя основы общественности.

Представители государственной власти крайне рѣдко отваживаются на уголовное преслѣдованіе линчевателей. Обыкновенно спеціальныи судъ (*special jury*), или, правильнѣе говоря, слѣдственная коммиссія, собранная такъ называемымъ коронеромъ (*coroner*, спеціальныи судебныи слѣдователь для дѣлъ объ убійствахъ и случаяхъ сомнительной смерти), по производствѣ должнаго осмотра, либо вскрытія труповъ линчеванныхъ и соблюденіи нѣкоторой формальности разслѣдованія единственно для виду, даетъ заключеніе, что повѣшенные, разстрѣлянные либо сожженные или, правильнѣе говоря, изжаренные понесли смерть отъ руки «неизвѣстныхъ лицъ». Тѣмъ все дѣло и кончается. Хотя, обыкновенно, сравнительно, вовсе не трудно обнаружить зачинщиковъ и участниковъ линчеванія, но за то въ предѣлахъ графства (уѣзда) почти невозможно составить такъ называемый большой судъ присяжныхъ (*grand jury*), являющийся обвинительной камерой, который предалъ бы суду шайку линчевателей. Помимо всевозможныхъ мѣстныхъ вліяній и воздѣйствій партійнаго свойства, изъ которыхъ какъ первыя, такъ и вторыя въ странѣ свободы, въ особенности, въ предѣлахъ столь незначительной территориальной величины, каково графство, имѣютъ громадное значеніе и являются обыкновенно неопределимыми тормазами при отправленіи правосудія,—невозможно въ самомъ дѣлѣ и требовать, чтобы собраніе такъ называемыхъ «почтенныхъ гражданъ», изъ которыхъ каждый при первомъ представившемся случаѣ не преминетъ принять участіе въ линчеваніи, за это самое участіе предало суду шайку, состоящую главнѣйшимъ образомъ изъ такихъ же точно «почтенныхъ гражданъ» (*respectable citizens*). Зная все это великолѣпно, власти обыкновенно и не покушаются возбуждать законное преслѣдованіе противъ линчевателей, удовлетворяясь заключеніемъ слѣдственной коммиссіи или такъ называемаго спеціальнаго суда

(special jury), что линчеванные понесли смерть отъ руки «лицъ неизвѣстныхъ». Недавно губернаторъ штата Indiana назначилъ разслѣдованіе по поводу линчеванія пятерыхъ лицъ, учинившихъ рядъ мелкихъ грабежей. Разслѣдованіе это симъ высшимъ представителемъ государственной власти въ предѣлахъ штата поручено было такъ называемому генеральному стряпчему штата (Attorney General), являющемуся въ означенныхъ предѣлахъ чѣмъ-то въ родѣ генераль-прокурора, который и отправился на мѣсто происшествія, въ городъ Versailles. Огромныхъ усилій стоило ему обнаружить участіе въ этомъ линчеваніи пятерыхъ мелкихъ грабителей лишь одного лица, нѣкоего Hez Hughes, и противъ этого послѣдняго отъ имени губернатора штата предъявлено было обвиненіе въ такомъ участіи у подлежащаго мирового судьи или скваэра (justice of peace squire), который въ странѣ свободы соединяетъ въ себѣ компетенціи нашихъ мирового судьи и судебного слѣдователя. Однако, предъявленные противъ означеннаго Hez Hughes доказательства оказались настолько слабыми и недостаточными, что мировой судья прекратилъ дѣло. На обратномъ пути изъ г. Versailles въ г. Indianapolis, столицу штата, означенный генеральный стряпчий г. Ketcham повсюду объявлялъ, что «изъ всѣхъ данныхъ, какія только возможно было добыть, обнаруживается, что пятеро арестованныхъ по обвиненію въ учиненіи нѣсколькихъ грабежей посредствомъ взлома тюремныхъ приспособленій, бѣжали изъ тюрьмы и сами повѣсились». Въ иныхъ странахъ преступники, которымъ удалось бѣжать изъ тюрьмы, не вѣшаются въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ ограды, а стараются улепетнуть какъ можно подалше. Правда, случилось какъ-то у насъ на Руси, что нѣкая вздорная унтеръ-офицерша «сама себя высѣкла», но, во-первыхъ, это было ужъ очень давно, свыше семидесяти лѣтъ тому назадъ, а, во-вторыхъ, городничій рапортовалъ объ этомъ ревизору въ состояніи крайняго и необычайнаго замѣшательства. Здѣсь же, въ этой диковинной странѣ, по странной ироніи судьбы усвоившей себѣ наименованіе «страны свободы», еще въ преддверіи двадцатаго вѣка люди «сами себя вѣшаютъ», а мишьятурные генераль-прокуроры, какими являются, въ сущности, такъ называемые, генеральные стряпчіе штатовъ, серьезнѣйшимъ образомъ и безъ всякаго замѣшательства производя притомъ должное разслѣдованіе, о такомъ самоповѣшеніи объявляютъ во всеобщее свѣдѣніе. Можетъ ли простираться еще далѣе поблажка и косвенное потворство со стороны властей этимъ дикимъ и кровавымъ актамъ народнаго бѣсновательства, этимъ оргіямъ народнаго озвѣрѣнія, этимъ припадкамъ народной дикости и первобытности. Власти эти, снова повторяемъ, вовсе не отваживаются дѣйствительно преслѣдовать скопище линчевателей или хотя бы нѣкоторыхъ изъ участниковъ такового, а если и рѣшаются возбудить противъ нихъ уголовное преслѣдованіе, то, всеконечно, продѣлываютъ это единственно

лишь для очищенія совѣсти, для виду, заканчивая свои по сему предмету официальные дѣйствія заявленіями и объявленіями въ родѣ того, какое послѣдовало отъ генеральнаго стряпчача штата Indiana по поводу линчеванія пятерыхъ мелкихъ грабителей въ г. Versailles.

Между тѣмъ, хотя въ общемъ ежегодномъ количествѣ линчеваній, какъ мы упомянули уже выше, замѣчается незначительное пониженіе, въ качественномъ отношеніи они становятся изъ года въ годъ все болѣе и болѣе звѣрскими, необузданными и чудовищными. Вотъ самоновѣйшій, свѣжій образчикъ, разыгравшійся лишь на этихъ дняхъ. Въ городкѣ Clarendon'ѣ, штата Arkansas, вовсе не отличающагося численностью линчеваній, проживало семейство Orr, состоящее изъ мужа, жены и трехлѣтней дочери. John Orr, еще совершенно молодой человекъ, велъ видную торговлю желѣзомъ, а жена его состояла органистомъ мѣстной церкви. Вечеромъ 5-го сего августа н. с. супруги только что возвратились домой, и John Orr пилъ воду въ столовой, какъ былъ внезапно смертельно раненъ выстрѣломъ изъ револьвера черезъ окно. На слѣдующій день онъ скончался, и такъ называемый специальный судъ кронера (coroner's special jury), или, выражаясь точнѣе порусски, специальная слѣдственная комиссія подъ предсѣдательствомъ судебного слѣдователя по дѣламъ объ убійствахъ и случаяхъ сомнительной смерти, привлекла въ качествѣ обвиняемыхъ въ семь убійствъ цѣлыхъ семь лицъ: негровъ Manse Castle, Will Sanders и Dennis Ricard, еврейку miss Rachel Morris, негрятенокъ Rilla Weaver и Susie Jacobs и наконецъ жену покойнаго Mrs. John Orr. Последняя въ постановленіи слѣдственной комиссіи изобличалась въ подстрекательствѣ къ убійству мужа, негрятянка Rilla Weaver, ихъ кухарка, въ подысканіи совершителей такового за вознагражденіе въ 200 долларовъ, а прочіе въ разныхъ степеняхъ соучастія. Miss Rachell Morris и негрятянка Susie Jacobs скрылись, быть можетъ, не вслѣдствіе своей виновности, а единственно изъ опасенія попасть въ руки бушующей толпы, прочіе же пятеро были арестованы. По арестованіи Mrs Orr объявила, что оба они, какъ ея мужъ, такъ и она, отличались горячимъ темпераментомъ, и поэтому всякій разъ, какъ онъ обижалъ ее, она высказывала угрозы и намѣренія, какихъ въ действительности никогда не думала приводить въ исполненіе. Однажды, когда покойный мужъ ударилъ ее, она убѣжала въ кухню и въ состояніи крайняго возбужденія сказала своей кухаркѣ, что была бы очень рада, если бы кто либо убилъ его, и даже дала бы убійцѣ вознагражденіе въ 200 долларовъ, не имѣя, однако, въ действительности никакихъ преступныхъ замысловъ. Всѣ пятеро были посажены въ мѣстную тюрьму, причемъ въ келію Mrs Orr была водворена вмѣстѣ съ ней ея трехлѣтняя дочь. Еще 7-го августа ночью, едва стало извѣстнымъ постановленіе слѣдственной комиссіи, городокъ Clarendon

заволновался, и стало, такъ сказать, попахивать линчемъ. Цѣлыхъ два дня затѣмъ отдѣльныя группы и толпы «гражданъ» сновали вокругъ да около тюрьмы, угрожая линчевать негровъ. Угрозы эти настолько повліяли на Mrs Ogr, что та отравилась. Едва по городку разнеслась вѣсть о томъ, что она приняла большую дозу яда и находится при смерти, толпа пришла въ неописуемое бѣшенство и судьба четырехъ негровъ (трое мужчинъ и одна женщина) была рѣшена. Около часу по полуночи толпа линчевателей, превышавшая триста душъ, окружила тюрьму, отобрала ключи у помощника шерифа и выволокла обвиняемыхъ на улицу. Въ двухъ стахъ шагахъ, на берегу рѣки расположена старая мельница: на ея крыльяхъ были повѣшены злополучные негры. Въ то время какъ они высоко въ воздухъ корчились въ предсмертныхъ судорогахъ, тутъ же невдалекѣ въ тюремной келии умирала молодая вдова покойнаго, и голосъ трехлѣтней малютки, въ отчаянїи призывавшей свою мать, разносился по тюремнымъ коридорамъ и келиямъ, смѣшиваясь съ отзвуками рева толпы, глазѣвшей на повѣшенныхъ въ ихъ послѣднемъ издыханїи. Такимъ образомъ дѣйствительность и степень участія въ убійствѣ John Ogr всѣхъ пятерыхъ, арестованныхъ и погибшихъ насильственной смертью, оказались неразъяснимыми и остались неразъясненными. По всей видимости, вдова покойнаго никакого ни прямого, ни косвеннаго участія въ убійствѣ своего мужа не принимала, и вся ея вина заключалась единственно лишь въ вышеописанномъ выраженїи ею своего на него негодованія предъ кухаркой, трупъ которой вмѣстѣ съ трупами троихъ чернокожихъ мужчинъ два дня висѣлъ на мельничномъ крылѣ въ самомъ почти центрѣ городка Clarendon'a. На груди каждаго изъ четырехъ повѣшенныхъ припиленъ былъ листъ бѣлой бумаги съ надписью: «таково наказаніе за убійство». Этотъ трупъ женщины, еще даже не преданной суду такъ называемымъ большимъ судомъ присяжныхъ (grand jury), висящій на мельничномъ крылѣ среди одного изъ градовъ «страны свободы» въ преддверїи двадцатаго вѣка, является наивысшимъ выраженїемъ и апофеозомъ американскаго «линча». Какъ можно видѣть изъ всего вышеизложеннаго, «линчъ» (lynch) этотъ вовсе не является самосудомъ въ собственномъ смыслѣ слова, какой учиняють подчасъ и наши мужички, поймавъ на мѣстѣ преступленія либо съ личнымъ законенълаго прославившагося конокрада. Нерѣдко подвергаются линчеванію люди совершенно невинные, единственно потому лишь, что они подвернулись подъ руку остервенѣвшей толпѣ вблизи мѣста совершенія преступленія, либо почему либо заподозрѣны въ такомъ совершенїи. Линчеваніе является такимъ образомъ гораздо болѣе взрывомъ бѣшенства толпы американскаго народа, насыщенїемъ ея звѣрства, актомъ дикаго и безличнаго ея мщенія за содѣянное преступленіе, требующаго какихъ бы то ни было человѣческихъ жертвъ безъ различія праваго отъ виноватаго, принад-

комъ ея стихійнаго остервенѣнія, нежели самосудомъ въ собственномъ смыслѣ слова. Не существуетъ въ дѣйствительности никакого «закона линча», какъ это воображаетъ себѣ европеецъ, а лишь беззаконіе линчеванія, безправіе умерщвленія безъ всякаго суда и расправы, безсудность растерзанія. Эти стихійные взрывы животнаго остервенѣнія и потрясающаго звѣрства, систематически повторяясь изъ года въ годъ въ почти неизмѣнномъ количествѣ и ставъ такимъ образомъ постояннымъ, обычнымъ факторомъ американской общественности, являются открытой узурпаціей, случайнымъ и безпорядочнымъ сборищемъ, состоящимъ главнымъ образомъ изъ разнаго сорта негодяевъ, не только власти судебной и исполнительной, но нерѣдко даже и законодательной. Узурпаціей власти судебной и исполнительной линчеваніе представляется во всякомъ случаѣ, ибо остервенѣвшая толпа «почтенныхъ гражданъ» (*respectable citizens*) «страны свободы» (*free country*) схватываетъ даннаго субъекта или данныхъ субъектовъ по обвиненію, либо подозрѣнію, въ опредѣленномъ преступленіи, по преимуществу извергая изъ тюрьмы, и рѣшаетъ ихъ повѣсить, либо сжечь, въ качествѣ наказанія за приписываемое имъ преступленіе, которое сама же тутъ же и приводитъ въ исполненіе. Въ тѣхъ случаяхъ, когда повѣшенію, сожженію, либо растерзанію подвергаются обвиняемые, либо заподозрѣнные въ преступленіяхъ, за которыя по законамъ штата наивысшимъ наказаніемъ представляется пожизненное либо двадцатилѣтнее тюремное заключеніе, линчеваніе является узурпаціей и власти законодательной, ибо лишеніе жизни обвиняемыхъ въ такомъ даже по суду могло послѣдовать лишь въ силу либо спеціальнаго закона, либо новаго закона, которому присвоено обратное дѣйствіе.

За рѣдчайшими исключениями, власти предержанія «величайшей демократіи на земномъ шарѣ» вовсе не стараются ни предупреждать линчеванія, посредствомъ принятія надлежащихъ мѣръ предосторожности, ни пресѣкать возможность таковыхъ путемъ обращенія въ дѣйствіе отрядовъ регулярной арміи, милиціи, либо полиціи, ни наконецъ преслѣдовать таковыя по ихъ учиненію. Осуждать ихъ за подобное бездѣйствіе особенно строго невозможно: вѣдь всѣ онѣ являются лишь «избранниками народа», то-есть той самой бѣснующейся и остервенѣвшей толпы, которая предпринимаетъ и учиняетъ повѣшеніе, сожженіе, либо растерзаніе, а являясь ея избранниками и ставленниками, онѣ такъ или иначе должны «творить волю пославшаго ихъ». Американскіе выборы всецѣло находятся въ рукахъ самыхъ низменныхъ, развращенныхъ и уголовныхъ элементовъ, и сановничество и чиновничество «величайшей демократіи на земномъ шарѣ» поневолѣ должно съ этимъ считаться. Всякій изъ нихъ, кто серьезно и дѣйствительно рѣшается противодѣйствовать линчеванію либо преслѣдовать если не участниковъ, то крайности хотя бы кновопроводъ такового, не только утрачиваетъ «популярность», столь

необходимую при выборахъ, но, сверхъ сего, рискуеть не только собственными боками, но даже и собственной жизнью. Вышеописанный разгромъ тюрьмы въ г. Urbana штата Ohio, сопровождавшійся обращеніемъ въ бѣгство шерифа, начальника отряда милиціи, ее охранявшаго, и наконецъ самаго отряда, служить должной иллюстраціей «гнѣва народнаго», раздражающагося противъ должностныхъ лицъ, отваживающихся защищать законность и охранять порядокъ или хотя бы только лишь отстаивать исполненіе судебного приговора.

Такимъ образомъ, въ сей «величайшей демократіи на земномъ шарѣ» творятся такія величайшія беззаконія, учиняются такія величайшія насилія, вершатся такія величайшія изувѣрства, какія не имѣютъ мѣста въ иныхъ болѣе или менѣе цивилизованныхъ странахъ и періодически повергають цѣлыя мѣстности въ состояніе полнѣйшей анархіи. Но этого мало. На разныхъ публичныхъ митингахъ выступаютъ ораторы и въ особенности ораторши, проповѣдующіе справедливость и общественную необходимость линчеванія и окончательнo озвѣряющіе и безъ того звѣроподобную массу «народа Соединенныхъ Штатовъ» (the people of the United States). Но и этого мало. Являются писательницы, проповѣдующія эти изувѣрства и отстаивающія линчеваніе. Не такъ давно появилась повѣсть начинающей писательницы Hallie Erminie Rives подъ заглавіемъ «Smoking Flax» (Дымящійся лёнъ), въ которой отстаивается линчеваніе негровъ на югѣ республики за изнасилованіе женщины. Хотя литературное произведеніе это старается оправдать и принципиально обосновать линчеваніе лишь мужчинъ черной расы и лишь за опредѣленные преступленія, тѣмъ не менѣе однако оно является принципиальнымъ оправданіемъ линча вообще и сверхъ сего, проповѣдью изувѣрскаго насилія одной расы надъ другой. Если крестьяне европейскаго материка, доведенные до отчаянія систематическимъ разореніемъ, захвативъ «разорителя» въ лицѣ закоренѣлаго конокрада либо похитителя быковъ, такового втихомолку исколотятъ до смерти, либо убьютъ, то они вполне сознають свою виновность предъ обществомъ и государствомъ въ самовольномъ насильственномъ прекращеніи жизни. Американская толпа не только открыто сжигаетъ и замучиваетъ лицъ, обвиняемыхъ, либо лишь заподозрѣнныхъ, въ преступленіяхъ, которыя ей непосредственнаго вреда не наносятъ, но даже никогда и не задумывается о своемъ правѣ располагать челоуѣческой жизнью, а должностныхъ лицъ, которыя отваживаются отрицать подобное право путемъ противоуѣйствія ея изувѣрству, подвергаетъ суровый расправѣ. Очевидно, не одно лишь звѣрство, низменность и разнуздавность американскаго народа поражаютъ и создаютъ линчеванія: имѣется, очевидно, какой-то иной соціальный факторъ, который свихнулъ мозги этого народа и исказилъ въ немъ нормальныя основы челоуѣческой природы. Гдѣ же и въ чемъ же заключается этомъ факторъ? Присвоеніе государственнаго

верховенства (sovereignty) народу, девять десятыхъ котораго состоитъ изъ закоренѣлыхъ самодовольныхъ невѣждъ, пьяницъ, негодяевъ всевозможныхъ сортовъ и преступниковъ разныхъ градацій, не можетъ породить ничего, кромѣ анархіи. Являясь однимъ изъ наиболѣе острыхъ пароксизмовъ этой послѣдней, линчеваніе представляется наивысшимъ и неизбѣжнымъ актомъ народнаго самодержавія «величайшей демократіи на земномъ шарѣ». Къ сожалѣнію, на эту именно наисущественнѣйшую сторону дѣла до сего времени не обращено должнаго вниманія. Въ этомъ отношеніи крайне назидательнымъ представляемая то обстоятельство, что штатъ Техасъ, ежегодною численностью линчеваній занимающій въ «странѣ свободы» первое мѣсто, на этихъ дняхъ наиболѣе выдающимися органами такъ называемой демократической партіи въ партійно политическомъ отношеніи признанъ наилучшимъ изъ демократическихъ союзовъ.

Евгеній Правдинъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. Дмитріевскій. Архіепископъ елассонскій Арсеній и мемуары его изъ русской исторіи по рукописи трапезунтскаго Сумелійскаго монастыря. Кіевъ. 1899.

ПРОФЕССОРЪ Кіевской духовной академіи А. А. Дмитріевскій, во время недавняго своего ученаго путешествія по греческому востоку, нашель въ библиотекѣ Сумелійскаго, близъ Трапезунта, монастыря весьма интересную греческую рукопись, содержащую историческій разсказъ о весьма значительномъ промежуткѣ времени изъ русской исторіи, именно — отъ вступленія на царство послѣдняго изъ рюриковичей, Теодора Ивановича, сына царя Ивана Васильевича Грознаго, до восшествія на русскій престолъ перваго царя изъ династіи Романовыхъ, Михаила Теодоровича. Разсказъ принадлежитъ извѣстному въ нашей исторіи греческому архіепископу Арсенію.

Этотъ Арсеній родился въ первой половинѣ или въ самомъ началѣ второй половины XVI столѣтія въ деревнѣ Калорьяна, близъ ессалійскаго города Трикки, въ семьѣ священника Христофора; онъ первоначально учился подъ руководствомъ своего брата, епископа Стагонскаго Іоасафа; а затѣмъ въ школѣ города Трикки, гдѣ изучилъ грамматику, шитику и риторику. По окончаніи ученія, Арсеній былъ постриженъ въ монахи, подвизался въ монастырѣ во имя Христа-Спасителя близъ Фермопилъ, именуемомъ Дуснкъ, а когда Константинопольскую патріаршую кафедру занялъ (въ 1572 г.) ларисскій митрополитъ Іеремія, покровитель Арсенія, то послѣдній былъ вызванъ въ Константинополь и соборомъ епископовъ избранъ и рукоположенъ въ епископа Елассоны и Де-

моника (въ началѣ 80-хъ годовъ XVI столѣтія). Послѣ занятія константинопольскаго патриаршаго престола Теофиломъ II (1585—1586 г.), епископъ Арсеній снова былъ вызванъ въ Константинополь. Здѣсь въ это время находился апокрисиарій или посланникъ царя московскаго Феодора Ивановича, Борисъ Благово, который привезъ вселенскому патриарху богатую милостыню на поминъ души скончавшагося царя, Ивана Васильевича Грознаго. Тронутый благосклоннымъ вниманіемъ царя и щедрою его милостынею, патриархъ Теофилъ рѣшился, въ благодарность за это, снарядить особое посольство въ Москву изъ двухъ вѣрныхъ и добрыхъ своихъ сослуживниковъ: архіепископа елассонскаго Арсенія и другого епископа диррахійскаго Паисія, которые, «принеся къ нему молитву и благословеніе, о ныхъ дѣлахъ изустно извѣстятъ». Упомянутые посланники, вмѣстѣ съ царскимъ посломъ Борисомъ Благово и своей свитою, выѣхали изъ Константинополя въ Россію во второй половинѣ 1585 года, а въ началѣ слѣдующаго года прибыли на русскую границу. Воеводы, по обычаю, испросили для нихъ разрѣшеніе на проѣздъ въ Москву. Царь Феодоръ Ивановичъ принялъ патриаршее посольство весьма ласково и, одаривши его деньгами, черезъ мѣсяцъ отправилъ обратно въ Константинополь съ богатыми дарами и немалымъ количествомъ денегъ для патриарха. На обратномъ пути посольство, въ юнѣ мѣсяцѣ, заѣхало въ польскій городъ Львовъ и было весьма радушно принято мѣстными жителями, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ стали усердно просить архіепископа Арсенія остаться у нихъ для ихъ благословенія и ободренія, въ виду ихъ тяжелаго положенія среди латинянъ. Архіепископъ Арсеній охотно склонился на просьбу православныхъ львовскихъ жителей и былъ опредѣленъ въ мѣстную братскую школу преподавателемъ греческаго и церковно-славянскаго языка. Въ этомъ званіи Арсеній пробылъ два года, и плодомъ его педагогической дѣятельности во Львовѣ была «Грамматика доброглаголиваго еллинословенскаго языка». Въ 1586 году въ Россію пріѣзжалъ вселенскій патриархъ Іеремія за царскою милостынею, и Арсеній былъ его постояннымъ спутникомъ и помощникомъ, онъ принималъ участіе и въ переговорахъ между патриархомъ и Борисомъ Годуновымъ объ учрежденіи въ Россіи патриаршества, а затѣмъ — и въ посвященіи перваго московскаго патриарха Юва. Въ 1589 году патриархъ Іеремія уѣхалъ въ Константинополь, а архіепископъ Арсеній остался въ Россіи, поселившись въ Москвѣ. Въ первое время своего здѣсь пребыванія Арсеній, находясь пока не у дѣлъ, написалъ свой поэтическій трудъ «*Κόποι καὶ διατριβή...*», гдѣ рассказываетъ объ обстоятельствахъ учрежденія на Руси патриаршества. Въ 1596—1597 г. Арсеній, по повелѣнію царя Феодора Ивановича, былъ опредѣленъ къ Архангельскому московскому собору съ титуломъ «архіепископа архангельскаго», которымъ онъ пользовался весьма долго наравнѣ съ прежнимъ своимъ титуломъ «архіепископа елассонскаго». Послѣ этого Арсеній, пользуясь милостью царя и благосклонностью къ себѣ патриарха, сталъ принимать самое живое и непосредственное участіе, наравнѣ съ прочими русскими епископами, во всѣхъ важнѣйшихъ обще-церковныхъ и политическихъ событіяхъ нашего отечества. Такъ, онъ участвовалъ въ 1598 году въ избраніи на русскій престолъ Бориса Феодоровича Годунова, а въ 1605 году вмѣстѣ съ другими русскими владыками встрѣчалъ на лобномъ мѣстѣ Лжеди-

митрія, потомъ участвовалъ въ его коронаваніи и въ низложеніи патріарха Іова, перенесъ немало бѣдствій въ смутное время, встрѣчалъ въ 1613 году новобраннаго царя Михаила Ѳеодоровича и т. д. Въ томъ же 1613 году Арсеній титулярно былъ назначенъ на кафедрѣ архіепископа тверскаго и кашинскаго, а въ началѣ 1615 года былъ перемѣщенъ фактически на кафедрѣ архіепископа суздальскаго и тарусскаго. И послѣ этого назначенія Арсеній продолжалъ принимать дѣятельное участіе въ русской церковно-общественной жизни, неоднократно ѣздилъ въ Москву и былъ вообще очень виднымъ іерархомъ въ средѣ современнаго духовенства. Дѣятельность же Арсенія, какъ архіерея, выражалась главнымъ образомъ въ устройствѣ и благоукрашеніи новыхъ церквей и въ широкой благотворительности въ пользу монастырей и церквей православнаго Востока и русскіихъ. Арсеній скончался въ Суздаль въ 1625 году и погребенъ въ мѣстной соборной церкви Рождества Богородицы. Такимъ образомъ, архіепископъ Арсеній имѣлъ полную возможность хорошо ознакомиться съ современной русскою жизнью. Онъ близко стоялъ къ центру этой жизни свыше сорока лѣтъ; къ тому же онъ былъ человѣкъ, весьма образованный для своего времени, поэтъ-писатель, педагогъ-лингвистъ, художникъ-каллиграфъ, по характеру мягкій и благодушно-уступчивый, съ сердцемъ нѣжнымъ и весьма отзывчивымъ на все доброе, преданный и вѣрный до самопожертвованія своему долгу архипастырь, рѣдкій любитель благолѣпія христіанскихъ храмовъ и щедрый благотворитель. Поэтому Арсеній пользовался на Руси всеобщимъ уваженіемъ. Цари московскіе Ѳеодоръ Ивановичъ, Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ и Михаилъ Ѳеодоровичъ оказывали ему свое благоволеніе, поддержку и покровительство; патріархи московскіе имѣли его своимъ искуснѣйшимъ совѣтникомъ во всѣхъ дѣлахъ, касающихся русской церкви; сановитые московскіе бояре, напимѣръ, князья Трубецкой и Пожарскій, чтили его и оказывали ему свое особенное вниманіе; глубоко уважалъ и почиталъ его и русскій народъ, видѣвшій въ Арсеніи невиннаго страдальца въ смутную годину и усерднаго своего молитвенника, удостоившагося при жизни чудеснаго посѣщенія преп. Сергія Радонежскаго. Этому Арсенію и принадлежатъ историческіе мемуары, открытые проф. Дмитріевскимъ въ греческой рукописи Сумелійскаго монастыря. По изслѣдованію нашего ученаго, эта рукопись написана нѣсколько позже 1619 года. Но въ ней, впрочемъ, содержится не оригиналъ исторической записи, сдѣланной самимъ архіепископомъ Арсеніемъ, но лишь копія съ подлинника, переписанная двумя іерусалимскими переписчиками, архимандритомъ Христофоромъ и архидиакономъ Неофитомъ, которые пріѣзжали въ Москву въ 1619 году въ свитѣ іерусалимскаго патріарха Ѳеофана и имѣли возможность близко познакомиться съ архіепископомъ Арсеніемъ. Книга проф. А. А. Дмитріевскаго и посвящена любопытнымъ историческимъ мемуарамъ Арсенія въ той ихъ копіи, которая принадлежитъ іерусалимскимъ клирикамъ Христофору и Неофиту.

Книга состоитъ изъ предисловія (стр. 1—3), гдѣ кратко уясняется значеніе мемуаровъ архіепископа Арсенія изъ русской исторіи, трехъ главъ изслѣдованія и приложений. Въ главѣ первой (стр. 4—71) помѣщенъ очеркъ жизни и дѣятельности Арсенія, архіепископа елассонскаго, архангельскаго, тверскаго и суздальскаго, а во второй главѣ (стр. 72—178) содержится ана-

лизъ вновь открытыхъ историческихъ мемуаровъ Арсенія. Арсеній не ограничился въ своихъ мемуарахъ изложеніемъ тѣхъ только историческихъ событій въ жизни русскаго народа, которыхъ современникомъ и очевидцемъ онъ былъ, но предпослалъ имъ краткій очеркъ явленій съ самаго начала русской исторіи до царствованія Θεодора Ивановича, при которомъ онъ прибылъ въ Россію. Но этотъ предварительный очеркъ очень кратокъ. За нимъ слѣдуетъ описаніе «царствованія благочестивѣйшаго царя и великаго князя Θεодора Ивановича всея Россіи», при чемъ Арсеній сообщаетъ нѣкоторыя новыя свѣдѣнія о прѣздѣ въ Россію вселенскаго патріарха Іереміи и о поставленіи имъ у насъ въ патріархи митрополита Іова. Затѣмъ повѣствуется объ избраніи на царство Бориса Годунова, описывается семейный бытъ царя и его заботы о судьбѣ своей злополучной семьи, изображается щедрость Бориса и его любовь къ благотворительности, которую онъ проявлялъ особенно по отношенію къ восточнымъ патріархатамъ. «Но демонъ, всему завидующій, рассказываетъ потомъ Арсеній, возбудилъ противъ него (Бориса) молодого человѣчка и убогаго монаха, іеродіакона, по имени Григорія, монаха великаго монастыря архистратига Михаила внутри Москвы, и внушилъ ему желаніе царствовать. Онъ, удалившись въ Польшу и имѣя съ собою пособниками своего желанія двухъ монаховъ, назвался сыномъ царя и великаго князя великой Россіи Ивана Васильевича, по имени Димитріемъ, который, въ царствованіе царя Θεодора, былъ убитъ въ городѣ Угличѣ, гдѣ онъ находился подъ охраною, при содѣйствіи царя Бориса, какъ говорили многіе, въ бытность его бояриномъ». Появленіе самозванца въ Польшѣ, встрѣча его съ Адамомъ Вишневецкимъ и Сендомирскимъ воеводою Георгіемъ Мнишекъ, походъ въ Россію и встрѣча съ войсками Бориса Годунова, переходъ на его сторону черниговскаго воеводы и народа и внезапная смерть царя Бориса описаны Арсеніемъ весьма кратко; болѣе подробно рассказываетъ о встрѣчѣ Лжедмитрія въ Москвѣ духовенствомъ и народомъ, а затѣмъ слѣдуетъ отдѣлъ подъ заглавіемъ: «царствованіе и самодержавіе царя и великаго князя Димитрія изъ монаховъ». Здѣсь содержится много новыхъ и любопытныхъ подробностей, доселѣ совершенно не извѣстныхъ нашимъ историкамъ. Такъ, въ этой главѣ приводится текстъ рѣчи, произнесенной самозванцемъ къ народу у гробницъ царей Ивана Васильевича и Θεодора Ивановича, сообщаются новыя свѣдѣнія о личности втораго русскаго патріарха Игнатія, объ избраніи его и поставленіи въ московскіе патріархи (Игнатій былъ епископомъ Ериссо и св. Горы Аѳонской, появился въ Россію въ концѣ царствованія Θεодора Ивановича, рукоположенъ въ санъ патріарха 30 іюня 1605 года и т. д.), повѣствуется о коронованіи самозванца, торжественномъ въѣздѣ въ Москву Марины Мнишекъ, ея коронаціи и браковѣнчаніи съ Лжедмитріемъ, о позорной смерти Самозванца. Вообще въ отрывкѣ о первомъ Самозванцѣ замѣчается много данныхъ для болѣе подробной и яркой характеристики этой загадочной личности. Но весьма бѣдна новыми данными слѣдующая глава мемуаровъ Арсенія, описывающая «царствованіе благочестивѣйшаго царя и великаго князя Василія Шуйскаго храбраго». Далѣе повѣствуется о «разореніи великаго и царствующаго града Москвы» въ 1611 году, о смерти Прокопія Ляпунова и пана Сапѣги, о прибытіи въ Россію польскаго «великаго короля» съ сыномъ Влади-

славомъ и о боярскомъ правленіи великой Москвы. Въ этой главѣ мемуаровъ Арсенія русскій историкъ почерпнетъ сравнительно немного новыхъ данныхъ. Нѣкоторою новизною отличаются лишь — общая характеристика положенія дѣлъ въ Москвѣ во время народнаго въ ней мятежа въ 1611 году, свѣдѣнія о русскихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицахъ, искавшихъ себѣ пріюта въ Кремлѣ послѣ разоренія Москвы и подвергшихся вслѣдствіе этого всѣмъ ужасамъ военнаго осаднаго положенія, подробности битвы русскихъ солдатъ съ войсками Карла Хадкевича на рѣкѣ Яузѣ и особенно рассказъ о видѣніи во снѣ архіепископомъ Арсеніемъ препод. Сергія, радонежскаго чудотворца, и о предсказаніи послѣднимъ первому о скоромъ совершенномъ освобожденіи Москвы отъ поляковъ. Послѣдняя глава мемуаровъ Арсенія сообщаетъ объ «избраніи царя Михаила Феодоровича всѣмъ множествомъ народа» и о смерти Ивана Заруцкаго, Марины Мнишекъ и сына ея; въ этой, небольшой по объему, заключительной главѣ заслуживаютъ вниманія свѣдѣнія о составѣ посольства, отправленнаго изъ Москвы въ Кострому съ предложеніемъ короны царю Михаилу Феодоровичу, и нѣкоторыя подробности относительно торжественной встрѣчи новаго царя 2-го мая 1613 года, при вступленіи его въ Москву. Таково, въ общихъ и краткихъ чертахъ, содержаніе вновь открытыхъ историческихъ мемуаровъ Арсенія, изложенное проф. Дмитріевскимъ во второй главѣ его книги.

Въ третьей главѣ разсматриваемой книги (стр. 179—199) содержатся критико-библиографическія свѣдѣнія о Сумелійской рукописи, заключающей въ себѣ мемуары и жизнеописаніе Арсенія, архіепископа Елассонскаго.

Приложеніе (стр. 200—210) содержитъ въ себѣ «усупіе блаженнѣйшаго отца нашего Арсенія, архіепископа суздальскаго, прежде бывшаго елассонскаго, изъ второй Фессалійской епархіи», т. е. здѣсь предложена въ русскомъ переводѣ біографія Арсенія, составленная іерусалимскими клириками — архимандритомъ Христофоромъ и іеродіакономъ Неофитомъ и находящаяся въ концѣ Сумелійской рукописи.

Наконецъ, на послѣднихъ страницахъ (211—233) книги проф. Дмитріевскаго находятся дополненія и поправки къ первой и второй главамъ его изслѣдованія.

Профессоръ Дмитріевскій оказалъ немалую услугу русской исторической наукѣ изданіемъ вновь открытыхъ имъ мемуаровъ архіепископа елассонскаго Арсенія. Эти мемуары любопытны, прежде всего, въ томъ отношеніи, что принадлежать писателю-греку, такъ какъ на греческомъ языкѣ до сего времени у насъ не было извѣстно ни одного историческаго произведенія, относящагося къ исторіи Россіи, хотя съ греками наше отечество находилось въ постоянныхъ и разнообразныхъ сношеніяхъ, и очень многіе греки пріѣзжали въ Россію для испрашиванія матеріальной и нравственной поддержки православному Востоку и долго проживали въ центрѣ древне-русской церковно-общественной жизни въ Москвѣ. Затѣмъ, особый интересъ мемуары Арсенія пріобрѣтаютъ отъ того, что принадлежать писателю просвѣщенному и наблюдательному, который былъ непосредственнымъ участникомъ и зрителемъ всѣхъ важнѣйшихъ политическихъ и церковныхъ событій нашего отечества въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка. Его мемуары отличаются живостью и непосредственностью

ихъ изложенія и рѣдкою въ иностранцѣ осторожностью въ сужденіяхъ о Россіи. Наконецъ, мемуары Арсенія особенно цѣнны и потому, что относятся къ весьма интересной эпохѣ нашей исторической жизни, именуемой обыкновенно «смутнымъ временемъ», всякій историческій памятникъ коей, какого бы рода онъ ни былъ, всегда встрѣчается нашими учеными съ живымъ чувствомъ удовольствія и глубокаго интереса. Такимъ образомъ, вновь опубликованный историческій памятникъ греческаго происхожденія, относящійся къ «смутному времени» изъ русской исторіи, до извѣстной степени восполняетъ пробѣлъ въ сказаніяхъ современниковъ-иностранцевъ объ этой эпохѣ. Но при этомъ не нужно забывать, что проф. Дмитріевскій открылъ и опубликовалъ только копію подлинныхъ мемуаровъ Арсенія, а самый оригиналъ ихъ доселѣ остается въ неизвѣстности, о чемъ можно лишь пожалѣть, такъ какъ онъ отличается значительною полнотою и обстоятельностью содержанія, сравнительно съ Сумелійскою копіею (стр. 196). Затѣмъ, самое изданіе проф. Дмитріевскимъ мемуаровъ Арсенія не представляется безусловно удовлетворительнымъ, о чемъ отчасти свидѣтельствуютъ и его «дополненія и поправки» довольно значительнаго объема. Ученый издатель лишь въ нѣкоторыхъ, наиболѣе важныхъ мѣстахъ приводитъ греческій текстъ мемуаровъ, прилагая къ нему и русскій переводъ, а большую ихъ половину предлагаетъ въ переводѣ. Было бы лучше, если бы г. Дмитріевскій издалъ греческій текстъ мемуаровъ въ полномъ ихъ объемѣ, приложилъ къ нему русскій переводъ и снабдилъ учеными объясненіями, подобными тѣмъ, какія теперь находятся у него. Тогда его изданіе имѣло бы наибольшую научную цѣнность, такъ какъ въ этомъ случаѣ возможно было бы провѣрять переводъ г. Дмитріевскаго. Мы далеки отъ помысла заподозрѣвать авторитетъ проф. Дмитріевскаго, какъ ученаго филолога-эллиниста: его авторитетъ выше всякаго сомнѣнія, но при поспѣшной работѣ возможны и у него ошибки, какъ это видно изъ поправокъ, сдѣланныхъ имъ на стр. 232 и 233 его книги. Наконецъ, представляется нѣсколько туманной гипотеза почтеннаго ученаго о происхожденіи Сумелійской копіи мемуаровъ Арсенія, приписываемой іерусалимскимъ клирикамъ, архимандриту Христофору и архидіакону Неофиту (стр. 191—192).

Но наши замѣчанія не имѣютъ въ виду умалить высокой цѣнности новаго изданія проф. Дмитріевскаго. Его трудъ съ удовольствіемъ будетъ привѣтствованъ русскими историками. Въ немъ авторъ не только изложилъ содержаніе историческихъ мемуаровъ Арсенія, но и уяснилъ ихъ научное значеніе, а въ первой главѣ предложилъ новый и обстоятельный очеркъ жизни и дѣятельности приснопамятнаго архіепископа Арсенія.

У.

Н. О. Осиповъ. Винная монополія. Спб. 1899.

Книга г. Осипова о питейной реформѣ въ Россіи 1894 года знакомитъ съ ея основами, организаціей, результатами и весьма интересными вопросами объ алкоголизмѣ, дебатировавшимися въ началѣ текущаго года въ комисіи объ алкоголизмѣ, при Русскомъ обществѣ охраненія народнаго здравія.

Со времени введенія винной монополіи въ восточныхъ губерніяхъ: Самарской Уфимской, Пермской и Оренбургской съ 1 января 1895 года, и въ девяти южныхъ съ 1 іюля 1896 года прошло уже достаточно времени, чтобы судить о разницѣ прежняго безконтрольнаго кабацкаго режима въ рукахъ частныхъ лицъ и казенной винной торговли теперь, съ изъятіемъ ея изъ сферы вліянія частныхъ интересовъ. Авторъ горячо доказываетъ и подтверждаетъ фактами сознание правительствомъ того, что какъ въ частной жизни пьянство экономически убыточно, такъ и въ государственной жизни оно не менѣе разорительно, и что, слѣдовательно, борьба съ пьянствомъ должна принести огромные экономическіе, а вслѣдъ затѣмъ и финансовые результаты; что на этомъ коренномъ принципѣ и основана вся монополія, и въ уясненіи именно этого принципа заключается тотъ крупнѣйшій шагъ впередъ, который сдѣлала наша финансовая практика втеченіе послѣдняго 10-лѣтія. Нельзя не замѣтить, что въ признаніи вреда народнаго пьянства для государственныхъ финансовъ кроется признаніе другого болѣе общаго и еще болѣе важнаго принципа зависимости финансовъ страны отъ экономическаго благосостоянія массы населенія.

По мнѣнію автора, теперь пьютъ, сколько требуетъ вкусъ и привычка потребителя, — прежде — сколько навяжетъ кабатчикъ; теперь пьютъ только до тѣхъ поръ, пока есть деньги, — прежде до послѣдней рубашки; прежде можно было пить во всякое время дня и ночи, и чѣмъ пьянѣе былъ потребитель, тѣмъ онъ милѣе былъ кабатчику, — теперь торговля строго ограничена опредѣленнымъ временемъ, и не только пьяному, но и захмелѣвшему человѣку вовсе не отпущать; прежде крестьянинъ могъ съ утра до вечера пропадать въ кабацкѣ, теперь онъ долженъ искать мѣста для распитія вина, и такъ какъ всего естественнѣе для этого прійти домой, то здѣсь онъ встрѣчаетъ самаго лютаго врага пьянства — семью и въ особенности жену; теперь водка не требуетъ охмелѣнія, — прежде оно было необходимо; прежде было не стыдно быть пьянымъ, — теперь объ этомъ стыдъ говорить со всѣхъ сторонъ; прежде простолюдину негдѣ было развлечься, какъ только въ кабацкѣ, — теперь — во многихъ мѣстахъ устроены разумныя и трезвыя развлечения и т. д. Словомъ, вся обстановка потребления вина самымъ существеннымъ образомъ измѣнилась; теперь дѣйствительно начинается правильное потребленіе, а прежде было пьянство.

«Правильнымъ потребленіемъ» вина авторъ считаемъ потребленіе алкоголя малыми, хотя и частыми дозами, но не опьяняющими. Сторонники абсолютной трезвости, разумѣется, будутъ недовольны подобнымъ потребленіемъ вина болѣе, чѣмъ пьянствомъ, но этотъ споръ надлежитъ рѣшить болѣе отдаленному будущему, чѣмъ наше столѣтіе. «Будучи убѣждены, говоритъ г. Осиповъ, что паденіе собственно питейнаго дохода можетъ возмѣститься повышеніемъ другихъ видовъ поступлений (какъ это и оправдалось уже въ первые три года дѣйствія монополіи), инициаторы реформы 1894 г. пришли затѣмъ къ заключенію, что этотъ — теоретически совершенно точный расчетъ — на практикѣ можетъ быть осуществленъ лишь посредствомъ изъятія питейной торговли изъ рукъ частныхъ лицъ. Не требуется никакихъ доказательствъ, чтобы понять, что содержателями питейныхъ заведеній принимались всѣ мѣры къ спаиванію населенія, такъ какъ въ этомъ былъ ихъ прямой интересъ, какъ продавцевъ,

и косвенный—какъ лицъ, принимавшихъ вещи подъ залогъ вина, производившихъ разную другую торговлю или имѣвшихъ какія нибудь хозяйственныя операціи, для которыхъ имъ нужны были дешевыя рабочія руки. Съ другой стороны, было принято во вниманіе, что хотя прежнія питейныя заведенія были главнымъ образомъ мѣстами пропойства и буйства, но вмѣстѣ съ тѣмъ они были и мѣстами общенія людей, гдѣ удовлетворялась естественная потребность населенія въ обмѣнѣ мыслей и въ обсужденіи своихъ частныхъ и общественныхъ дѣлъ. Уничтожая кабакъ и вредное вліяніе его на населеніе, законодатель призналъ необходимымъ создать рядъ учреждений, въ которыхъ простолюдины могли бы удовлетворить свою законную потребность въ общеніи между собой. Въ этихъ видахъ учреждены были попечительства о народной трезвости, основная задача которыхъ состоитъ въ томъ, съ одной стороны, путемъ разумныхъ развлеченій, отлекать народъ отъ излишняго потребленія спиртныхъ напитковъ, а съ другой—устроить такія мѣста, гдѣ простолюдины могли бы сходиться и бесѣдовать между собой, не употребляя спиртныхъ напитковъ. Для достиженія первой цѣли попечительствами устраиваются разныя сценическія зрѣлища, чтенія, церковныя хоры и т. п., а для второй—учреждаются чайныя, столовыя, читальни и т. п. Для устраненія искусственныхъ и естественныхъ примѣсей къ этиловому спирту признано необходимымъ обрабатываемое въ народное потребленіе вино готовить исключительно изъ ректификованнаго спирта, а приготовленіе изъ этого спирта вина производить исключительно средствами казны».

Таковы основныя начала питейной реформы 1894 года.

На первыхъ порахъ преобразование питейнаго строя встрѣтило многочисленныя противниковъ. Распитіе вина на улицахъ многіе смѣшивали съ усиленіемъ пьянства, хотя это совсѣмъ не одно и то же. Доказывалось, что послѣ введенія монополіи населеніе начинаетъ бѣднѣть, какъ вслѣдствіе усиленія будто бы пьянства, такъ и по причинѣ потери имъ доходовъ отъ выдачи разрѣшительныхъ приговоровъ на открытіе питейныхъ заведеній. Между тѣмъ, полицейскіе протоколы объ уличномъ пьянствѣ до реформы были гораздо многочисленнѣе; число увѣченныхъ во время опьяненія и дракъ стало гораздо меньше и по амбулаторнымъ спискамъ земскихъ врачей и т. д.

Обыкновенная публика не обратила вниманія на существенную разницу между распитіемъ вина на улицахъ и появленіемъ на улицѣ пьяныхъ, а недоброжелатели реформы постарались еще болѣе затемнить эту разницу и утвердить такимъ образомъ среди несвѣдущихъ людей мысль, что будто бы съ монополіей пьянство изъ кабака было перенесено на улицу. До какой степени преувеличено рассматриваемое явленіе, можно заключить изъ того, что какъ въ селеніяхъ, такъ и въ небольшихъ городахъ, гдѣ населеніе близко по своимъ привычкамъ къ сельскому и гдѣ полицейскій надзоръ слабъ, и до монополіи распитіе вина происходило на улицахъ съ момента наступленія весны и до поздней осени, такъ какъ кабацкія помѣщенія были тѣсны, грязны и душны, и потребители естественно располагались на улицахъ при малѣйшей возможности къ этому. До монополіи на это никто не обращалъ вниманія, съ введеніемъ же казенной продажи вина ей стараются поставить на счетъ то, что

вовсе отъ нея не зависитъ и что раньше было обычнымъ явленіемъ. Очевидные результаты питейной монополіи краснорѣчиво говорятъ въ ея пользу, разумѣется, по сравненію съ прежней акцизной системой. Даже въ фискальныхъ дѣляхъ реформа дала барыши. Сравнивая цифры поступленія акциза съ вина и спирта и патентнаго сбора за трехлѣтіе передъ реформой въ восточныхъ губерніяхъ съ тѣми же цифрами въ тѣхъ же губерніяхъ за трехлѣтіе послѣ реформы, оказывается въ послѣднемъ случаѣ переборъ на 18 милліоновъ рублей.

За трехлѣтіе 1895—1897 гг. значительно усилилось поступленіе всѣхъ доходовъ, считая послѣдніе какъ вмѣстѣ съ поступленіемъ желѣзнодорожныхъ суммъ и доходовъ отъ монополіи, такъ и безъ этихъ поступленій. Особенно важнымъ представляется усиліе въ поступленіи выкупныхъ платежей, лежащихъ исключительно на крестьянскомъ населеніи и по которымъ накопились огромныя недоимки; эти послѣднія за рассматриваемое трехлѣтіе понизились въ районѣ монополіи, а въ общемъ по имперіи повысились. Въ этихъ цифрахъ заключается самое лучшее доказательство правильности первоначальныхъ предположеній, что упорядоченіе въ потребленіи вина непременно приведетъ къ усиленію платежной способности населенія, такъ какъ монополія, сокративъ пропойство, вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожила обиравіе населенія содержаниемъ питейныхъ заведеній и оставила въ его рукахъ огромныя суммы, попадавшія именно къ кабагчицамъ. Общее число мѣстъ продажи сократилось отъ $\frac{2}{3}$ до $\frac{1}{3}$ противъ прежняго; мѣста распивочной продажи однихъ только напитковъ совершенно уничтожены, распітіе вина на мѣстѣ его покупки допускается только въ заведеніяхъ, торгующихъ главнымъ образомъ пищею, причемъ они поставлены подъ строгій надзоръ попечительствъ о народной трезвости, независимо отъ еще болѣе строгаго надзора со стороны общей администраціи и акцизнаго вѣдомства.

Такъ какъ признаками народнаго благосостоянія служитъ, между прочимъ, и потребленіе народомъ чая и сахара, то по этому вопросу г. Осиповъ даетъ таблицу цифръ о двухъ трехлѣтіяхъ (1892—1894 гг. и 1895—1897 гг.), изъ которыхъ видно, что за послѣднее трехлѣтіе общій по Европейской Россіи сборъ хлѣбовъ уменьшился на 157 мил. п., и что абсолютная покупная сила во второе трехлѣтіе въ населеніи должна была ослабѣть, между тѣмъ потребленіе чая и сахара во второе трехлѣтіе значительно возрасло не только въ абсолютныхъ цифрахъ, но и въ среднихъ на душу. Приписывать ли это явленіе одной казенной продажѣ вина, дѣйствовавшей къ концу 1897 г. уже въ 20 губ., или вмѣстѣ съ тѣмъ и другимъ, пока еще не выяснившимся, причинамъ,—во всякомъ случаѣ, усиленное душевое потребленіе чая и сахара совпадало, съ одной стороны, съ уменьшеніемъ покупной силы населенія, а съ другой — съ введеніемъ и распространеніемъ казенной продажи вина. При сравненіи общаго по имперіи поступленія прямыхъ и косвенныхъ налоговъ въ среднемъ за оба трехлѣтія, видно, что всѣ государственные доходы возрасли на 26,6%, между тѣмъ какъ по 4 восточнымъ губерніямъ этотъ приростъ выразился цифрой въ 46,4%; если же исключить изъ общей суммы поступленій доходы отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ и отъ казенной продажи вина, то возрастаніе средней по имперіи за второе трехлѣтіе по сравненіи съ средней за первое 3-лѣтіе

выразится 9,0⁰/о, по четыремъ же восточнымъ губерніямъ этотъ приростъ опредѣляется цифрой въ 12,1⁰/о.

Что касается поступленія выкупныхъ платежей, то въ то время, какъ среднее поступленіе выкупныхъ платежей во второе трехлѣтіе возрасло по всей имперіи только на 6,6⁰/о, въ четырехъ восточныхъ губерніяхъ это возрастаніе простирается до 35,4⁰/о, т. е. превышаетъ общеимперскую цифру слишкомъ въ 5 разъ. Что касается народныхъ сбереженій, то изъ всѣхъ цифръ, относящихся къ сберегательнымъ кассамъ, можно сдѣлать слѣдующіе выводы: 1) кассы по имперіи притягивали къ себѣ главнымъ образомъ старыя сбереженія, кассы по 4 восточнымъ губерніямъ — преимущественно новыя. 2) Число вкладчиковъ на кассу послѣ 1895 г. въ 4 восточныхъ губерніяхъ возрастало несравненно быстрѣе, чѣмъ вообще въ имперіи. 3) Притокъ мелкихъ вкладовъ въ 4 восточныхъ губерніяхъ послѣ 1895 г. былъ несравненно значительнѣе, чѣмъ вообще въ имперіи. 4) Несмотря на притокъ мелкихъ вкладчиковъ, число ихъ послѣ 1895 г. въ 4 восточныхъ губерніяхъ увеличилось столь значительно, что общая сумма внесенныхъ ими вкладовъ въ среднемъ на кассу увеличилась въ 3 — 4 раза сравнительно съ среднимъ за то же время увеличеніемъ вкладовъ на каждую кассу вообще по имперіи. Обозрѣвая въ совокупности всѣ цифровыя данныя, г. Осиповъ дѣлаетъ все-таки весьма осторожный выводъ въ пользу питейной реформы, говоря: «Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что, несмотря на худшіе урожаи и паденіе цѣвъ на хлѣбъ съ 1895 г., установленіе казенной продажи вина совпало съ увеличеніемъ душевого потребленія чая и сахара вообще по имперіи, съ чрезвычайно усиленнымъ поступленіемъ въ 4 губерніяхъ всѣхъ казенныхъ и прямыхъ налоговъ и особенно выкупныхъ платежей, а также съ усиленіемъ денежныхъ сбереженій. Въ совпаденіи всѣхъ этихъ явленій сомнѣваться нельзя: и единственная видимая ихъ причина — это казенная продажа вина. Но если для обоснованія практическихъ мѣропріятій вышеупомянутые факты и соображенія имѣютъ весьма большую цѣну, то для полнаго научнаго доказательства истины, что именно казенная продажа вина, а не что либо другое, есть причина констатированныхъ выше явленій, нужно еще углубиться въ изслѣдованіе экономическихъ явленій. Поэтому, я ограничусь пока утверженіемъ, что тамъ, гдѣ установлена винная монополія, обнаруживается не упадокъ, а напротивъ — ростъ экономическаго благосостоянія населенія, и что нѣтъ никакихъ точно установленныхъ фактовъ, которые свидѣтельствами бы о противномъ».

А. Фаресовъ.

Труды Рязанской ученой архивной комиссіи. Подъ ред. С. Д. Яхонтова. Вып. 3-й XIII тома. Рязань. 1899.

Рязанская архивная комиссія является, по нашему мнѣнію, одною изъ выдающихся по своей плодотворной дѣятельности среди всѣхъ нынѣ дѣйствующихъ 17 архивныхъ комиссій. Ея историческія и археологическія работы уже много лѣтъ обращаютъ на себя вниманіе специалистовъ. Органъ комиссіи «Труды», которыхъ ежегодно выходитъ отъ 2 до 3 выпусковъ, каждый разъ сообщаетъ какіе либо новые и цѣнные матеріалы.

Въ настоящемъ выпускѣ на первомъ планѣ помѣщены «Мои воспоминанія» генераль-майора В. А. Докудовскаго (окончаніе). Мы уже имѣли случай говорить объ этихъ интересныхъ «Воспоминаніяхъ» на страницахъ «Историческаго Вѣстника» (см. июльскую книжку нынѣшняго года) и теперь не безъ удовольствія останавливаемся на ихъ окончаніи, которое обнимаетъ чреватые разнаго рода событіями 1859—1862 годы, тѣмъ болѣе, что въ печати они прошли почти незамѣченными.

Такъ какъ и въ это время генераль Докудовскій продолжалъ оставаться въ царствѣ, занимая должность инспектора по военной переписи и набору рекрутъ въ царствѣ Польскомъ, то естественно, его «Воспоминанія» посвящены преимущественно характеристикѣ административныхъ лицъ и описанію разныхъ событій въ Варшавѣ. Болѣе всего авторъ говоритъ о кн. Горчаковѣ, намѣстникѣ варшавскомъ, къ прежней характеристикѣ котораго прибавляетъ еще слѣдующія свѣдѣнія. Князь Горчаковъ были крайне нерѣшителенъ, «трусливъ» и «суегливъ»; «очень не благоволилъ гласности», на что, кажется, больше всего вліяли разоблаченія его «мудраго трудолюбія», печатавшіяся въ газетѣ Герцена «Колоколъ»; узнавъ о томъ, что императоръ подписалъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ, онъ восклицалъ, что «Россія гибнетъ, погибаетъ», и проч.

Немало также имѣется свѣдѣній въ «Воспоминаніяхъ» и о преемникѣ умершаго 18 мая 1861 г. кн. Горчакова—Сухозанетѣ (военномъ министрѣ), который, по словамъ Докудовскаго, не былъ «безкорыстенъ», отличался «даромъ хвастливости» и надѣлалъ во время своего короткаго управленія царствомъ Польскимъ достаточно «несообразностей». Затѣмъ любопытны также сообщенія о Мухановѣ, Тимашевѣ, Цыцуриинѣ, Паулуччи, Ламбертѣ и нѣкоторыхъ другія, дѣянные по своей правдѣ, хотя обыкновенно и весьма горькой.

Въ 1860 г. открылись «первыя знаменія» будущаго возстанія поляковъ, принявшія въ слѣдующемъ и особенно въ 1862 г. характеръ шумныхъ манифестацій и «возмущеній», усмиряемыхъ вооруженною силою. Описаніе этихъ событій занимаетъ въ «Воспоминаніяхъ» 1861—1862 гг. наибольшее мѣсто.

Далѣе, около 40 страницъ посвящено въ «Трудахъ» «памяти Якова Петровича Полонскаго», который былъ уроженцемъ г. Рязани и дѣйствительнымъ членомъ Рязанской архивной комиссіи. Тутъ помѣщены: довольно обстоятельный некрологъ поэта, принадлежащій перу г. Ст. Я.—а; неизвѣстнаго автора—«погребеніе Я. П. Полонскаго» со всѣми надгробными рѣчами; «рефератъ» г. Е. И. Воскресенскаго, характеризующаго поэзію Я. П. Полонскаго, и небольшіе «отрывки изъ воспоминаній» о поэтѣ барона Н. В. Дризена.

Если, наконецъ, мы укажемъ еще на «челобитную архіепископа рязанскаго Моисея царю Михаилу Ѳеодоровичу о сторожевой службѣ домовыхъ епископскихъ дѣтей боярскихъ (рязанцевъ) 1638 г.», сообщенную изъ документовъ Московскаго архива министерства юстиціи г. Гр. Рязскимъ и на замѣтку о «вънчальномъ вънцѣ», какъ «о статьѣ касимовской старины», то этимъ исчерпаемъ все содержаніе, конечно, кромѣ «протоколовъ» засѣданій комиссіи разсматриваемаго нами выпуска «Трудовъ».

В. Рудаковъ.

Památník na oslavu padesátiletného Panoonického Jubilea Iego Veličenstva Císaře a Krále Františka Iosefa I. Vědecký a umělecký rozvoj v národě českém 1848—1898: Vydala česká Akademie Císaře Františka Iosefa pro Vědu, Slovesnost a Umění. V Praze. 1898. Nakladem C. Akad. 4 (quarto). (VII, 66, 33, 65, 86 48, 40, 119, 144, 88, 96. 102, 55, 84; XXXVI стр. указателей, VII стр. Errata, III стр. содержания, I стр. списокъ портретовъ) всего 1050 стр. и 49 портретовъ-фототипий.

Монументальное сочинение это, подъ редакцію І. Дурдика, изданное Чешской Академію Наукъ къ пятидесятилѣтнему юбилею царствованія императора австрійскаго Франца-Іосифа І, служитъ прекраснымъ памятникомъ культурнаго роста чешской земли, развитія ея на полѣ наукъ и изящныхъ искусствъ за полстолѣтіе, изображая въ общихъ чертахъ нынѣшнее цвѣтущее состояніе чешской науки, литературы и искусства. Громадный фоліантъ in 4°, напечатанный у Алоизія Виснера въ Прагѣ на великолѣпной веленевоу бумагѣ въ два столбца, къ сожалѣнію, безъ всякихъ страничныхъ заглавій, украшенъ рядомъ превосходно исполненныхъ на маньеръ радировокъ ¹⁾. Кромѣ портрета юбиляра императора Франца-Іосифа І, мы встрѣчаемъ между прочимъ Фр. Палацкаго, Ант. Гиндели, Эразма Воцеля, Авг. Зейдлера (Seydler), Яна Пуркинѣ (Jan Ev. Purkyně), Іос. Юнгмана, Іос. Иречка, Павла Шафарика, Гендр. Нидерле, Яна Коллара, Фр. Л. Челаковскаго, К. Эрбена, Божену Нѣмцову, Б. Сметану, П. Майкснера, К. Свободу, Яр. Чермака, Ант. Дворжака и др.

Пять лѣтъ тому назадъ въ VI томѣ Энциклопедическаго Словаря І. Отто въ Прагѣ (*Ottův Slovník naučný*, 1893), въ особой статьѣ Чехи, на 572 страницѣ впервые славянскіе читатели получили подробный отчетъ чешскихъ ученыхъ объ успѣхахъ своей же чешской образованности и культурной работы. Нынѣшнее роскошное изданіе въ память пятидесятилѣтія царствованія австрійскаго императора обошлось въ 10.000 гульденовъ, и соотвѣтственно четыремъ классамъ (*trída*) Пражской Академіи Наукъ описаніе успѣховъ чешской науки литературы и изящныхъ искусствъ дѣлится на четыре главные разряда. Этими четыремъ главнымъ отдѣламъ предпосылается 1) *Uvod*, введене, составленное Іос. Дурдикомъ; 2) исторія чешской педагогики и школы (*Rozvoj č. školství*), составленная Яномъ Шафранкомъ (*Jan Safranek*).

Чешская Академія Наукъ основана, благодаря инициативѣ чешскаго богача, архитектора Іос. Главки, десять лѣтъ тому назадъ въ ознаменованіе 40-лѣтія царствованія императора Франца-Іосифа І и открыта была въ 1891 году во время національной выставки подъ официальнымъ названіемъ *Ceska Akademie Císaře Františka Iosefa pro vědu, slovesnost a umění* ²⁾. I-ый классъ обнимаетъ науки философскія, государственныя, научныя и общественныя. Соотвѣтственно этому I-а въ «*Památník*» посвященъ философіи: очеркъ ея развитія въ Чехіи написанъ д-ромъ Забою (*Zába*), извѣстнымъ сотрудникомъ русскаго пе-

¹⁾ Тяжелая книга эта вѣсомъ доходитъ до пяти кило.

²⁾ См. Журн. М-ва Нар. Пр. 1899. Іюль. Совр. Лѣтопись, 1—16; срв. отзывы чеховъ объ этомъ изданіи: напр., въ журн. «*Osvěta*», 1899, 4, стр. 382—387, Fr. V. Vykoukal'a.

ревода курса Ибервега (подъ ред. Колубовскаго). Заба писалъ понѣмецки раньше о распространеніи Гербартовскихъ теоремъ въ Чехіи еще въ 1883 г. Къ направленію позитивистовъ и философіи Конта примкнулъ проф. Теод. Масарикъ, человекъ, немало потрудившійся для нравственнаго оздоровленія своихъ земляковъ, въ рѣшеніи вопроса о подлинности Краледворской и Зеленогорской рукописей (см. его ст. «Socologische Analyse» въ Славянскомъ Архивѣ В. Ягича). Имъ же основаны были литературно-критическіе и социологическіе журналы «Ateneum» и «Naše Doba». Отдѣлъ I-в. Vědy právní a státní: возрожденію чешской юриспруденціи и нынѣшнему состоянію правовѣдѣнія посвящены статьи Кліера, Ферд. Пантуочка, Карла Кодлеца, Юр. Пражака, Хейровскаго (Heyrovsky), Іос. Тумпаха, Ц. Горачка (Hoгаček) и проф. А. Брафа. Отдѣлъ I-с. Dějepisectví. Блестящіе успѣхи чешской исторіографіи отъ 1848 до 1898 гг. охарактеризованы І. Пекаржемъ. Второй очеркъ д-ра Подлаги касается исторіи чешской археологіи и старо-чешской культуры. Третій очеркъ, украшенный портретомъ Воцеля, обнимаетъ до-историческую археологію и раскопки и археологическія работы отъ Воцеля до Л. Пича (срв. его Archeol. vyzkum ve středních Cechach 1893 и 1896 гг.). Четвертый очеркъ посвященъ нумизматикѣ и написанъ, какъ и 3-ій, Іос. Смоликомъ. Главные труды по части нумизматики принадлежатъ Э. Фіалѣ (о чешскихъ денарахъ) и самому Смолику (о чешскихъ грошахъ). Отдѣлъ II-а vědy exaktné: Исторію математики, физики, астрономіи и метеорологіи изображаютъ очерки Ф. І. Студничка; краткій обзоръ дѣятельности чеховъ по технологіи составилъ Кр. Петрликъ. Отд. II-в: Работы по зоологіи перечислены въ статьѣ Кр. Байера, по ботаникѣ Эдв. Байеромъ, по минералогіи Авг. Крейчимъ (Krejčí), по геологіи и палеонтологіи писалъ К. Бунята. II-с. Отдѣлъ медицины. Успѣхи этой науки по специальностямъ отмѣчены гг. Эд. Бабакомъ, Алонз. Великомъ, д-ромъ Форманкомъ, проф. Ходоунскимъ, Р. Кимлоу (Rudolf Kimla), доц. Пешивою (Pešina), Гашковцемъ (Haškovec), Фр. Шереромъ, О. Кукулею (Kukula), Печиркою, Яросл. Франтою, Ог. Франкенбергеромъ, Ян. Дейлемъ, Ст. Руожичкой и проф. Рейнсбергомъ. III классъ академіи—филологическій, и оттого III отд. этой книги посвященъ языкознанію, библиографіи и исторіи литературы. Отдѣлъ III-а: Bibliografie, Dějiny literatury české состоитъ изъ цѣлаго ряда статей и этюдовъ по исторіи главнѣйшихъ вопросовъ, занимавшихъ и чеховъ и славянъ вообще въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ. Изображенію научнаго литературнаго движенія этой эпохи посвящены крайне полезные рефераты гг. Іос. Трухляря (Truhlar), Іос. Гануша (Hanuš), и Франт. Бѣлаго (Bílý). Особо цѣннымъ вкладомъ является библиографическій очеркъ трудовъ по вопросу о подлинности Краледворской и Зеленогорской рукописей (стр. 16—38).—Отдѣлъ III-б. «Jazykozpyt. Literatury slovanské a cizí», открывается статьею извѣстнаго лингвиста Іос. Зубатаго (Zubatý) о языкознаніи вообще; главу о чешскомъ языковѣдѣніи писалъ В. Флаишгансъ, о діалектологіи В. І. Душекъ, о чешской лексикографіи составитель лучшаго современнаго чешскаго словаря Фр. Коттъ, о славистикѣ и о славянской литературѣ и мифологіи І. Махалъ, о грамматикѣ и народной поэзіи разныхъ славянскихъ народовъ Юр. Поливка. Германистикѣ посвященъ очеркъ Моурека, романской филологіи Яна Яр-

ника и востоковѣдѣнію Р. Дворжака. III с. Filologie klassicka. Успѣхамъ этой отрасли науки и педагогики посвящены статьи разныхъ специалистовъ подъ общей редакціей I. Квичалы и Р. Новака. Въ отдѣльности писали К. Велишекъ о греческой эпикѣ и лирикѣ, Вл. Калоусекъ о греч. трагедіи, Юст. Прошекъ о греч. историографіи, Эдв. Кастнеръ о греч. риторикѣ, Квичала и Пражакъ о работахъ по греч. философіи; о римской литературѣ—Новакъ, о греч. древностяхъ Цумфе и Высокій, о римскихъ древностяхъ Пражакъ, о греч. миеологии Высокій (Vysoký), о греч. и латинск. грамматикѣ Квичала и Пражакъ, о латинскихъ учебникахъ К. Доуха, о метрикѣ К. Велишекъ, о греколатинской лексикографіи Янъ Корець и обзоръ переводовъ на чешскій языкъ греч. авторовъ Я. Корець, римскихъ—Ант. Микенда. IV отдѣленіе академіи—литературно-художественное, и оттого этотъ отдѣлъ состоитъ изъ IV-a «Пятьдесятъ лѣтъ чешской литературы»—статья Яна Воборника, IV-b «Пятьдесятъ лѣтъ чешской музыки»—К. Стескаго и Эм. Хвалы, IV-c «Пятьдесятъ лѣтъ изящныхъ искусствъ»—В. Мадла. Подъ вѣдѣніемъ этого отдѣленія академія издала свой «Sbornik světové poesie», образцы всемірной поэзии въ чешскихъ переводахъ. На стр. 99—102 въ примѣчаніяхъ Воборникъ подробно перечисляетъ переводы и работы по литературѣ чешской у разныхъ не-чешскихъ народностей. По его мнѣнію (стр. 100, прим. 3), русскіе относительно чешскаго литературнаго движенія обладаютъ самыми полными свѣдѣніями, а о чешскомъ отдѣлѣ въ «Ист. слав. литер.». Пыпина и Спасовича (чешскій переводъ вышелъ въ 1880 г.) онъ прямо говоритъ, что это самый до сихъ поръ полный обзоръ чешской литературы, «jakeho se ani Čechové sami ne pořídili». Чешская беллетристика въ русской печати пока мало на себя обратила вниманіе. Самую широкою извѣстностью изъ чешскихъ литературныхъ произведеній до сихъ поръ пользовались внѣ Чехіи а) Краледворск. и Зеленогорск. рукописи; б) пѣсня Тыла «Kde domov můj», в) Коллара о славянской взаимности и Slavy dsega; д) «Babička» Божены Нѣмцовой и нѣкоторыя стихотворенія Пфлегера-Моравскаго, Фр. Правды, Галекъ, Святоплука Чеха, Неруды и Яросл. Врхлицкаго ¹⁾. Итакъ, богатый новый памятникъ пятидесятилѣтняго культурно-образовательнаго роста чешскаго народа, первое крупное изданіе юной чешской академіи, можетъ служить драгоценнымъ матеріаломъ для изученія чешскаго народнаго самосознанія, а другимъ славянскимъ народамъ прекраснымъ примѣромъ для подражанія. По мнѣнію редактора статьи Чехи въ «Slovníkъ vъ Naučp'omъ», эта сравнительная историографія насъ учитъ, что народный дуализмъ служитъ немаловажнымъ рычагомъ для развитія народовъ; безъ сомнѣнія, именно Чехія съ 5.843.250 жителей, изъ которыхъ къ чешскому языку причислились, по свѣдѣніямъ этого словаря, 3.645.086, а къ нѣмецкому только 2.158.872, принадлежитъ къ землямъ съ народнымъ дуализмомъ по преимуществу. Но не менѣе, чѣмъ эта конкуренція въ состязаніи двухъ народностей, помогала чехамъ ихъ принадлежность къ Австрійской монархіи,

¹⁾ По отзыву Флайшганса въ «Osvěta» 1899, 5, стр. 470: статья Воборника отличается библиографическою полнотою и генетическимъ способомъ изложенія, вообще стоитъ выше другихъ трудовъ этого рода, напр., Бачковскаго и Аустрата.

и не менѣ рельефно выступаетъ Австрійская имперія въ другомъ многотомномъ сочиненіи, изданномъ Helfert-омъ при сотрудничествѣ многихъ специалистовъ отдѣльныхъ частей имперіи подъ заглавіемъ: «Oesterreich in Bild u Wort». Свое богатство, цивилизацію и образованность чехи получали въ постоянной могучей борьбѣ между двумя народами, благодаря запасу боевыхъ силъ (děkuji za to starému zápasu jak dvou moří, tak dvou vele národů, jejich vlny se v Cechách srážejí). Какую роль играли чехи въ этотъ же періодъ внѣ чешскаго королевства, какъ въ областяхъ австрійскихъ, такъ и въ Европѣ и вообще на чужбинѣ, объ этомъ, какъ и о роли, которую играли въ чешскомъ народномъ возрожденіи другіе славяне и Россія въ особенности, мы, конечно, вслѣдствіе болѣе или менѣе официальнаго характера этихъ сочиненій и статей ничего не узнаемъ изъ нихъ. При томъ сильномъ культурномъ и умственномъ ростѣ народовъ Австріи, который именно обнаруживался въ царствованіе императора Франца-Иосифа I, эти описанія народностей суть характеристичныя явленія времени вообще для изученія австрійскаго націонализма въ особенности. Надо желать, чтобы со временемъ славяновѣдѣніе обогатилось другимъ сочиненіемъ по исторіи чешской культуры и науки, въ которомъ въ менѣе официальной формѣ излагались бы судьбы и исторія чешскаго умственнаго развитія въ связи съ общей исторіею славянства и европейской образованности.

Г. В.

Ө. В. Благовидовъ. Оберъ-прокуроры святѣйшаго синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія. (Развитіе оберъ-прокурорской власти въ синодальномъ вѣдомствѣ). Опытъ историческаго изслѣдованія. Казань. 1899.

Исторія отношеній государства и церкви въ Россіи въ два послѣднія столѣтія остается очень мало разработанною. Сравнительно очень недавно стала открываться ученымъ изслѣдователямъ возможность пользоваться богатыми архивными матеріалами и вести изслѣдованія съ нѣкоторою свободою, немнимою въ прежнія времена. Книга г. Благовидова посвящена очень важному и характерному явленію въ исторіи отношеній церкви и государства—развитію власти синодальнаго оберъ-прокурора. Авторъ ставитъ свою задачу очень просто и опредѣленно: онъ излагаетъ исторію оберъ-прокурорской власти, какъ исторію оберъ-прокуроровъ. Такую постановку темы нельзя признать удачною. Она крайне суживаетъ само изучаемое явленіе и не позволяетъ глубоко изслѣдовать его генезисъ и условія развитія. Г. Благовидовъ все сводитъ къ личностямъ оберъ-прокуроровъ, ихъ уму, энергіи, ловкости. Умный и энергичный оберъ-прокуроръ, пользующійся полнымъ довѣріемъ верховной власти, высоко поднимаетъ свою власть и заставляетъ синодъ подчиняться своимъ рѣшеніямъ, оберъ-прокуроръ слабый и неумный становится послушнымъ орудіемъ энергичныхъ іерарховъ, членовъ синода: къ такой простой схемѣ сводитъ г. Благовидовъ процессъ развитія оберъ-прокурорской власти. Но дѣятельность оберъ-прокуроровъ была внѣшнимъ выраженіемъ отношеній между церковью и государствомъ, отношеній, складывавшихся въ зависимости отъ очень

сложныхъ и глубокихъ причинъ и условій. Онѣ-то и остаются очень слабо выясненными въ книгѣ г. Благовидова. Тѣмъ не менѣе, это очень интересный трудъ, дающій сводъ фактовъ, ярко характеризующихъ послѣдовательные моменты въ развитіи оберъ-прокурорской власти. Хотя послѣ реформъ Петра Великаго серьезная оппозиція со стороны церковной власти была уже немислима, подчиненіе синодальнаго управленія оберъ-прокурорамъ совершалось не безъ борьбы и препятствій. Положеніе первыхъ оберъ-прокуроровъ было очень не завидное. «Не подавляя коллегіальныхъ началъ сильнымъ развитіемъ личной власти оберъ-прокурора, преобразователь въ то же время надѣлилъ его настолько важными и широкими правами и полномочіями, что, располагая ими, представитель государственныхъ интересовъ, при извѣстныхъ условіяхъ, имѣлъ полнѣйшую возможность удовлетворительно выполнять свою специальную миссію, но такихъ условій, благопріятныхъ для дѣйствительнаго, фактическаго служенія государству въ сферѣ церковнаго управленія, оберъ-прокуроры и не встрѣтили въ первый періодъ своего существованія». Первымъ оберъ-прокуроромъ, широко и энергично осуществлявшимъ свои права, былъ Шаховской, оставившій очень цѣнные записки о своей дѣятельности. Время его вступленія въ должность (1741 годъ) г. Благовидовъ считаетъ началомъ новаго періода въ исторіи синодальныхъ оберъ-прокуроровъ. Въ послѣдующія царствованія въ дѣятельности оберъ-прокуроровъ очень ярко отражались и общее направленіе внутренней политики и духъ времени. Вольнодумцы Екатерининской эпохи, Мелиссино и Чебышовъ, мистикъ князь А. Н. Голицынъ, бюрократъ графъ Протасовъ (съ 1836 го по 1855 годъ), своими крупными реформами въ области церковнаго управленія окончательно упрочившій преобладающее вліяніе прокуратуры на самыя разнообразныя стороны церковной жизни,—таковы виднѣйшіе изъ оберъ-прокуроровъ, типичные представители главныхъ направленій, характеризующихъ нашу внутреннюю политику до половины нынѣшняго столѣтія. Въ теченіе ста лѣтъ, отъ Петра Великаго до императора Николая I, оберъ-прокуроры фактически достигли значенія министровъ духовныхъ дѣлъ. Этотъ процессъ совершился не безъ борьбы и оппозиціи со стороны церковныхъ властей. Но принципиально рѣшеніе вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ государства и церкви подготовлено было еще въ Московской Руси, а послѣ реформъ Петра Великаго оставалось найти только тѣ формы, въ которыя долженъ былъ облечься контроль государства надъ церковнымъ управленіемъ, формы, требовавшіяся интересами государства и допускавшіяся канонами церкви. Р.

Историческая записка Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая за XXX лѣтъ. М. 1899.

«Историческая записка» составлена по предложенію нынѣшняго директора лицея Л. А. Георгіевскаго, подъ его главной редакціей и при его главнѣйшемъ участіи (ему принадлежитъ 6 главъ) въ сотрудничествѣ А. А. Гилярова («Дѣятели лицея»), С. И. Любомудрова («Учебная часть гимназическихъ классовъ лицея»), К. К. Добровольскаго («Воспитательная часть» ихъ), Н. Θ. Голубова («Больница и санитарная часть лицея»), В. В. Глазкова («Ломоносовская семи-

нарія»), И. И. Соловьева («Церковь»), Н. Н. Муравьева («Библиотеки и кабинеты»), В. А. Грингмута («Характеристики М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева») и И. С. Страхова («Литературные труды бывших воспитанников лицея и преподавателей»).

Всего въ книгѣ 14 главъ, изъ которыхъ наибольшій интересъ представляетъ первая, принадлежащая Л. А. Георгіевскому и сообщающая «матеріалы для историческаго очерка» лицея. М. Н. Катковъ и П. М. Леонтьевъ, привѣтствуя утвержденіе новаго гимназическаго устава 1865 г., въ то же время вы сказали мнѣніе о необходимости для достиженія высшихъ цѣлей просвѣщенія такого учебнаго заведенія, которое отличалось бы и отъ казенныхъ и отъ частныхъ гимназій, но соединяло бы въ себѣ выгоды тѣхъ и другихъ; которое не было бы частной собственностью, а имѣло бы характеръ общественный; которое было бы организовано такъ, чтобы управленіе его имѣло полную свободу дѣйствій... 13 января 1868 г. они и открыли подобное заведеніе, состоявшее первоначально изъ трехъ низшихъ классовъ, а 12 іюля 1869 г. былъ утвержденъ уставъ «Лицея Цесаревича Николая», съ двумя отдѣленіями: гимназическимъ и университетскимъ. Согласно желанію основателей, уставъ давалъ широкій просторъ правленію лицея и всю его организацію предоставилъ самимъ основателямъ, главнымъ образомъ, П. М. Леонтьеву, первому директору лицея. Устроенная имъ организація гимназическихъ классовъ продолжалась до 1890 г., когда былъ утвержденъ новый уставъ лицея, нѣсколько суживавшій прежнія его широкія задачи: по уставу 1869 г. цѣлью лицея было: «содѣйствовать утвержденію основательнаго образованія русскаго юношества; путемъ живаго опыта способствовать развитію въ Россіи самостоятельнаго педагогическаго дѣла и выработать на практикѣ его основанія, приемы и способы», но уставомъ 1890 г. эта цѣль сводилась къ слѣдующему: «сообщать обучающемуся въ лицей юношеству общее среднее образованіе; содѣйствовать возможно успѣшному прохожденію университетскаго курса по факультетамъ: историко-филологическому, юридическому и физико-математическому, и содѣйствовать практической подготовкѣ преподавателей для гимназій». Последняя задача на практикѣ сузилась еще болѣе: изъ всѣхъ 416 человекъ, окончившихъ гимназическіе классы, посвятило себя педагогической дѣятельности не болѣе тридцати лицъ.

Особенностью лицея является институтъ тьюторовъ, опекуновъ воспитанниковъ, заботящихся «во всѣ моменты жизни» послѣднихъ въ лицей объ ихъ нравственномъ, физическомъ и умственномъ развитіи, и важнымъ преимуществомъ университетскаго отдѣленія — трехгодичный курсъ (съ 1894 г.; 4-хъ годичный по уставу 1890 г. продержался только четыре года).

Далѣе не безынтересна глава (VII), дающая «общія свѣдѣнія о воспитанникахъ гимназическихъ классовъ» и также принадлежащая перу Л. А. Георгіевскаго. Изъ нея мы узнаемъ, что за все время существованія лицея принято было въ него 975 учениковъ, изъ которыхъ окончило полный гимназическій курсъ—416; что большинство ихъ по окончаніи служило по министерству юстиціи, внутреннѣхъ дѣлъ или по выборамъ дворянства; немало также было въ военной службѣ, придворной и даже дипломатической (4), и что изъ

всего этого состава на поприщѣ науки и литературы заявили себя двадцать два лица, среди которыхъ наибольшею извѣстностью пользуются: Ю. А. Кулаковскій, ординарный профессоръ университета святого Владиміра; Е. В. Пасекъ, профессоръ Юрьевского университета; Я. А. Денисовъ, профессоръ Харьковскаго университета (воспитанникъ Ломоносовской семинаріи, которая была основана специально для крестьянскихъ дѣтей и имѣла 6 выпусковъ, въ количествѣ тридцати одного человѣка, большею частью посвятившихъ себя, согласно цѣли семинаріи, педагогической дѣятельности); М. Меѳ. Катковъ, приватъ-доцентъ Демидовскаго юридическаго лица и ред.-издатель «Русскаго Вѣстника»; А. А. Александровъ, приватъ-доцентъ Московскаго университета и ред.-издатель «Русскаго Обзорнія» (воспитанникъ Ломоносовской семинаріи); Л. А. Георгіевскій, С. И. Уманецъ и С. И. Любомудровъ (воспитанникъ Ломоносовской семинаріи). Перечень трудовъ бывшихъ воспитанниковъ, а равно и бывшихъ дѣятелей лица помѣщенъ въ послѣдней (XIV) главѣ.

Наконецъ, останавливаютъ на себѣ вниманіе тепло написанныя В. А. Гринмутомъ «характеристики» основателей лица.

Въ общемъ «Историческая записка» представляетъ собою, по нашему мнѣнію, сырой матеріалъ, по поводу котораго достаточно привести слова самого редактора: «многое въ «Исторической запискѣ» неполно, многое не досказано, много есть неравномѣрностей въ отдѣльныхъ частяхъ, немало найдется и другихъ погрѣшностей» (стр. VII).

Въ текстѣ книги помѣщено семь прекрасно сдѣланныхъ портретовъ: августѣйшихъ покровителей лица—покойнаго государя Александра III и нынѣ благополучно царствующаго Николая II; цесаревича Николая Александровича; почетныхъ почитателей: великаго князя Сергія Александровича и князя В. А. Долгорукова, и основателей лица, и нѣсколько фототипій и плановъ внутреннихъ и вѣшнихъ частей лицейскаго зданія; а въ концѣ ея—два указателя: личныхъ именъ и предметовъ.

В. Р-въ.

Альбомъ пушкинской юбилейной выставки въ Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ, май 1899 г. Составленъ подъ редакціей Л. Н. Майкова и В. Л. Модзалевскаго. Исполненъ и изданъ художественною фототипіей К. А. Фишера. Москва. 1899.

Пушкинская выставка въ Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ состояла изъ множества подлинныхъ автографовъ поэта, снимковъ съ нихъ, журналовъ, сочиненій и изданій Пушкина, альманаховъ, альбомовъ, сборниковъ, портретовъ извѣстныхъ лицъ той эпохи, видовъ, отдѣльныхъ вещей, лично принадлежавшихъ поэту, и т. д. Всего было на выставкѣ 771 номеръ разныхъ предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ памяти А. С. Пушкина. Въ настоящее время изъ этихъ номеровъ воспроизведено фототипически г. Фишеромъ 250 снимковъ съ портретовъ, рисунковъ, гравюръ, рукописей, автографовъ и пр. Альбомъ чрезвычайно интересенъ, и въ немъ собрано изъ иконографіи самое любопытное въ историческомъ отношеніи о Пушкинѣ. Здѣсь воспроизведены пор-

третей самого поэта, писанные разными художниками; его жены, Наталіи Николаевны, Дантеса-Гекерена, лицейскихъ товарищей Пушкина, Е. Энгельгардта, Раевскихъ, кн. М. Волконской, А. О. Смирновой, гр. Воронцовой, Карамзина, Тургеневыхъ, Жуковскаго, Державина, митрополита Филарета (Дроздова), кн. Вяземскаго, Чаадаева, Батюшкова, Гоголя, Булгарина, Греча, кн. Голицына, А. Мицкевича, гр. Бенкендорфа, Дубельта и т. д., кончая снимками зданій, гдѣ жилъ поэтъ; мѣстности, гдѣ происходила дуэль, и нѣсколькихъ его автографовъ. Если художественная сторона альбома вполнѣ удовлетворительна, то редакціонная заставляетъ желать очень многого. Дѣйствительно, всѣ подобныя изданія, кромѣ историческихъ цѣлей, имѣютъ еще и дѣловую цѣль: справочную. Въ альбомѣ масса портретовъ знаменитыхъ людей, врацавшихся не только около имени Пушкина, но имѣвшихъ и свое самостоятельное значеніе. При желаніи воспроизвести какой либо изъ нихъ: напримѣръ, того же Пушкина, Жуковскаго, А. О. Смирновой, Гоголя и т. д.—хочется найти въ «Указателѣ» къ альбому нумеръ портрета, съ краткимъ его описаніемъ и указаніемъ, гдѣ и кому принадлежитъ въ настоящее время самый оригиналь портрета, и какимъ художникомъ онъ писанъ. Въ «Пушкинскомъ альбомѣ» самое главное отсутствуетъ: именно всѣ портреты не пронумерованы, и, такимъ образомъ, въ текстѣ указателя нѣтъ соотвѣтственнаго нумера, по которому бы можно было судить: къ какому же портрету относится то или другое описаніе въ текстѣ. Имѣется нѣсколько портретовъ Пушкина, Жуковскаго и т. д. Писаны они разными художниками, и въ текстѣ сказано—какими; но какой именно портретъ принадлежитъ этому художнику, а тотъ—другому, нельзя узнать необладающему научной и художественной опытностью челоуѣку. А между тѣмъ все это было очень легко исправить. Стоило лишь гг. редакторамъ проставить одни и тѣ же нумера въ текстѣ и подъ портретами, какъ это сдѣлано, напримѣръ, въ «Каталогѣ исторической выставки портретовъ лицъ XVI—XVIII вв., устроенной обществомъ поощренія художниковъ» въ 1870 году, или еще лучше въ классическомъ трудѣ Д. А. Ровинскаго: «Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ». Имѣя подобные образцовые каталоги подъ рукой, гг. редакторы «Пушкинскаго альбома» могли бы избѣгнуть перечисленныхъ мною недосмотровъ, и тогда «Пушкинскимъ альбомомъ» можно было бы не только любоваться, но и пользоваться имъ при самостоятельныхъ работахъ безъ специальныхъ справокъ. А теперь, чтобы узнать точно, какой именно портретъ исполненъ тѣмъ или другимъ художникомъ, нужно потратить массу времени и труда, и при томъ иногда безплодно, такъ какъ иные портреты вернулись въ недоступныя для публики коллекціи. Такимъ образомъ—пользоваться альбомомъ для справокъ и воспроизведенія снимковъ представляется очень затруднительнымъ безъ нумераціи портретовъ съ соотвѣтственной записью въ ихъ указателѣ. Удивительно, какъ при редактированіи альбома ни одному изъ гг. редакторовъ не пришло въ голову это простое соображеніе. Здѣсь будетъ кстати упомянуть, что Московскій публичный и Румянцевскій музей также выпустилъ «Указатель» пушкинской выставки, бывшей въ Москвѣ, но безъ всякихъ снимковъ, а только съ обозначеніемъ печатныхъ

изданій и автографовъ А. С. Пушкина. Указатель составленъ особый по каждому отдѣлу, съ отдѣльными нумераціями. Каждый номеръ автографовъ содержитъ названіе произведенія Пушкина.

А. Фаресовъ.

А. С. Архангельскій. Къ исторіи южно-славянской и древне-русской апокрифической литературы. Спб. 1899.

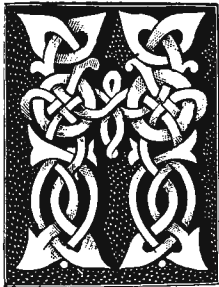
Въ названной брошюрѣ г. А. С. Архангельскій сообщаетъ краткое описаніе, съ значительными извлеченіями, двухъ сборниковъ софійской народной библіотеки, въ Болгаріи, изъ которыхъ «первый, говоритъ онъ, можетъ быть отнесенъ къ концу XVI в.», «не имѣетъ ни начала, ни конца» и содержитъ 174 листа. Второй, носящій названіе по каталогу «Малко Сборниче», «писанъ на бумагѣ почерками XVI—XVII вв.», заключаетъ въ себѣ 130 листовъ. При своемъ описаніи авторъ приводитъ сполна только наиболѣе важные тексты, которые мы и назовемъ, чтобы дать нѣкоторое понятіе о содержаніи сборниковъ. Изъ перваго сполна напечатаны: «Дѣтство Господа нашего, како расте и чудеса твори по все дны»; неизвѣстное апокрифическое сочиненіе, безъ начала и конца; «Слово о Даніилѣ Пророцѣ како Вили бога въвилонскаго съкруши и честнаго ихъ змію умрѣтви въвръжень быс въ ровъ къ львомъ спасеніе (получи)», и «Слово о Сампсонѣ»; а изъ втораго — «Слово отъ премоудра Соломона и о женѣ его»; «Сказаніе о трепетнику»; «А се коледарьвыкъ»; «Громовникъ»; «Сказаніе о животогромовнѣ»; «Молитва идущіе рибу ловити Господу помолимсе»; «Молитва отъ злаго дѣжда да се чьтеть на георгіевъ день и на възнесеніе Господне, на съшьствіе Святаго Духа, да се чьтеть на четирии странѣ села по триць», — и «Мсцословць».

В. Р-въ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ОВЫЯ изслѣдованія древняго міра. Гансъ Гельмольтъ предпринялъ изданіе всеобщей исторіи по новому и оригинальному плану. Цѣль его заключается въ достиженіи наибольшей полноты и научной истины. Его «Всеобщая Исторія»¹⁾, написанная цѣлымъ рядомъ извѣстныхъ нѣмецкихъ историковъ, обнимаетъ все человѣчество съ древнѣйшихъ временъ, и первый ея томъ преимущественно посвященъ появленію людей на землѣ и такъ называемой доисторической эпохѣ, а остальные его главы трактуютъ объ Америкѣ и берегахъ Тихаго океана. Методъ, принятый имъ самимъ и его сотрудниками-профессорами Ратцель, Ранке и Геблеръ, докторами Коллеръ и Вейле, а также графомъ Вильчекъ, — строго географическій; очевидно это сдѣлано съ тою цѣлю, чтобы не пропустить ни одной расы, ни одного народа. Благодаря подобному методу, получается возможность придать болѣшую цѣлостность и болѣшій внутренній порядокъ всей исторіи, но за то онъ представляетъ и значительный недостатокъ. Хронологія совершенно исчезаетъ, и доведя одинъ народъ отъ древней эпохи до новѣйшихъ временъ, исторія Гельмольта возвращается обратно и дѣлаетъ то же съ другимъ народомъ. Изложенная такимъ образомъ Всеобщая Исторія получаетъ болѣе чѣмъ когда характеръ сборника отдѣльныхъ монографій, но отъ этого новѣйшій историческій трудъ нѣмецкихъ ученыхъ не теряетъ своего значенія, и его первый томъ отличается ясностью изложенія, опредѣленностью взглядовъ и полнотою свѣдѣній, которыхъ нельзя нигдѣ найти въ столь общедоступной формѣ.

¹⁾ Weltgeschichte, herausgegeben von Hans Helmolt.—1) Die Vorgeschichte; der Stille Ocean, von dr. H. Helmolt, dr. J. Kohler, prof. F. Ratzel, prof. J. Ranke, prof. K. Haebler, graf Wilczek, dr. K. Weule. Leipzig. 1899.

Блестящій и художественно-написанный фельетонъ посвященъ въ «Journal des Debats» извѣстнымъ египтологомъ Масперо изслѣдованію о томъ, что писали древніе египтяне на стѣнахъ пирамидъ¹⁾. По его остроумному замѣчанію, не слѣдуетъ сердиться на современныхъ туристовъ, которые имѣютъ привычку покрывать своими автографами древніе памятники Египта, потому что, спустя нѣсколько вѣковъ, археологи будутъ разбирать эти автографы съ такимъ же восторгомъ, съ какимъ теперь разбираютъ современные ученые подобныя же бессмысленныя надписи древнихъ египетскихъ туристовъ. Одинъ нѣмецкій египтологъ Шпигельбергъ нашелъ въ Фивахъ и записалъ нѣсколько тысячъ такихъ надписей. Чѣмъ онъ болѣе открываетъ ихъ и записываетъ, тѣмъ болѣе онъ выростаетъ подъ его руками. Масперо рассказываетъ, что когда онъ посѣтилъ впервые Мейдунскую пирамиду, которая такъ долго сопротивлялась всѣмъ раскопкамъ, даже Марьета, и которую считали дѣвственной, то ему прежде всего бросился въ глаза написанный на стѣнѣ автографъ «писецъ Сокари». Изъ его дальнѣйшей надписи оказалось, что онъ жилъ во время восемнадцатой династїи, спустя двѣ тысячи лѣтъ послѣ постройки пирамиды, въ которой онъ осматривалъ гробницу царя Снофруа съ такимъ же любопытствомъ, какъ мы посѣщаемъ гробницу Карла Великаго въ Аахенѣ. Большинство авторовъ надписей на египетскихъ памятникахъ были по ремеслу простыми писцами, и рѣдкіе изъ нихъ довольствовались только подписью своего имени, а многіе означали годъ своего посѣщенія, царствование того государя, при которомъ совершилось это великое событіе, и различныя обстоятельства изъ ихъ собственной и общественной жизни. Такимъ образомъ, по вѣрному замѣчанію Масперо, «изъ этихъ, повидимому, пустыхъ надписей, доказывающихъ только гордое самолюбїе мелкихъ людшекъ древняго міра, современные ученые имѣютъ возможность возстановить полную картину народной жизни вѣками погребеннаго въ пирамидахъ, стариннаго Египта».

О Египтѣ же, по позднѣйшемъ, трактуетъ новое сочиненіе, англійскаго историка Магаффи: «Исторія Египта при династїи Птолемеевъ»²⁾. Эта книга составляетъ четвертый томъ «Общей исторїи Египта», издаваемой профессоромъ Петри, и хотя ея авторъ уже писалъ объ исторїи Птолемеевъ, но его новый трудъ представляетъ большія достоинства, чѣмъ прежній, какъ по формѣ, такъ и по содержанію. Въ первомъ отношенїи только что появившееся сочиненіе профессора Магаффи изложено интереснѣе и популярнѣе, а во второмъ оно изобилуетъ большимъ числомъ фактовъ, чѣмъ его первая книга, а главное въ немъ менѣе говорится о государяхъ, а болѣе о народѣ, объ его положенїи, обычаяхъ и т. д. Въ сущности исторія Птолемеевъ представляетъ исторію постепеннаго упадка греческой власти, установленной въ Египтѣ Александромъ Македонскимъ, и медленнаго приобрѣтенія политической силы туземцами до перехода страны въ руки римлянъ. По словамъ Магаффи, давно уже надо отказаться отъ долго преобладавшей исторической теорїи, что греки и евреи все-

¹⁾ Revue Historique: Ce que les egyptiens griffonnaient sur leurs murs par G. Maspero. Journal des Debats. 21 juin. 1899.

²⁾ A. History of Egypt under the Ptolemaic Dynasty. By J. Mahaffy. London. 1899.

цѣло владѣли Александріей, а туземцы ничего не значили. Напротивъ онъ доказываетъ, что большинство обитателей этого греческаго города были египтяне и не только евреи, но сами греки не пользовались тамъ особыми привилегіями, а туземцы стали быстро процвѣтать, благодаря вѣротерпимости грековъ. Эта вѣротерпимость доходила до того, что при греческомъ управленіи старинные египетскіе храмы были возобновлены и новые выстроены. Подобная постройка храмовъ приносила двойную пользу туземцамъ въ духовномъ и матеріальномъ отношеніяхъ. Работы происходили не барщиной, какъ при фараонахъ, а за плату, выдаваемую за счетъ Птолемеевъ, такъ что царствованія первыхъ изъ нихъ были золотымъ вѣкомъ для египетскаго пролетаріата. Поэтому очень трудно рѣшить вопросъ, отчего туземцы стали возставать съ оружіемъ въ рукахъ противъ благотѣльнаго для нихъ правительства. Религія тутъ не могла имѣть большого значенія, такъ какъ быстрое распространеніе христіанства въ Египтѣ доказало, что туземное населеніе практически забыло свою древнюю вѣру. Конечно, патриотизмъ играетъ тутъ кое-какую роль, такъ какъ возстаніе противъ Птолемея IV и всѣ послѣдующія народныя движенія находились подъ руководствомъ остатковъ древняго дворянства, но главной причиной народнаго недовольства былъ гнетъ налоговъ, принимавшій нестерпимый характеръ не столько отъ расходовъ государей, какъ они ни были велики, сколько отъ грабежа производимаго безчисленными чиновниками, усѣивавшими страну. Въ одномъ изъ папирусовъ, хранящемся въ Луврскомъ музеѣ и приводимомъ профессоромъ Магаффи, заключаются пламенные обвиненія противъ сборщиковъ податей, въ числѣ которыхъ стали занимать видное мѣсто евреи со времени Птолемея VII. Другой подобный же папирусъ, относящійся до Птолемея IX выясняетъ, что съ одной стороны налоги, а съ другой военная повинность вовлекали туземцевъ въ безконечные долги, лишая ихъ возможности самимъ обрабатывать землю. Не только частные люди, но и само государство бѣднѣло отъ этой системы, и когда Птолемей XIII вздумалъ купить помощь римскаго губернатора Сиріи, то ему пришлось занять шесть тысячъ талантовъ у ставленника Цезаря, Рабирія Постума, и назначить его начальникомъ египетской государственной казны для уплаты займа, несмотря на то, что, по словамъ Цицерона, государственные доходы Египта превышали даже тогда три миліона фунтовъ стерлинговъ. Въ концѣ любопытной книгѣ Магаффи картинно описана эпоха Цезаря, Антонія и Клеопатры.

— Величайшая побѣда Александра Македонскаго. Попрежнему обращаетъ на себя вниманіе новая біографія Александра Великаго, печатающаяся съ ноября мѣсяца прошедшаго года къ американскомъ журналѣ «The Century Magazine». Въ послѣдней ея главѣ, посвященной битвѣ при Арбеллахъ¹⁾, авторъ, профессоръ Корнельскаго университета, Вилеръ, по обыкновенію, блестяще рисуетъ картину величайшей побѣды Александра, какъ онъ называетъ сраженіе, въ которомъ македонскій герой разбилъ окончательно своего соперника, персидскаго царя Дарія. Хотя эта битва и соединена

¹⁾ Alexanders Mightiest Battle.—Alexander the Great, by B. Wheeler. The Century Magazine, June 1899.

по народнымъ преданіямъ съ именемъ Арбеллы, селенія, отстоявшаго на пятьдесятъ миль отъ той мѣстности, гдѣ она происходила, но въ сущности ее слѣдовало бы называть битвою при Гаугамелѣ, такъ какъ Дарій расположилъ свою безчисленную армію на берегу Тигра, близъ селенія этого имени. Въ сущности трудно опредѣлить составъ этой арміи, но, по словамъ осторожнаго нацифры Аріана, она имѣла въ своихъ рядахъ до милліона пѣхоты, 40.000 кавалеріи и 200 колесницъ, снабженныхъ косами, придѣланными къ осямъ колесъ. Въ македонской же арміи было всего сорокъ тысячъ пѣхоты и десять тысячъ кавалеріи. «Не мощной силой своего войска и не его многочисленностью, — говоритъ Вилеръ, — одержалъ Александръ Македонскій свою величайшую побѣду, 1-го октября 331 года до Р. Х., а распределеніемъ его и быстротой напора. Великолѣпная тактика, выказанная имъ въ этой битвѣ, была бы достаточна, чтобы прославить Александра первымъ полководцемъ въ мірѣ, если бы онъ даже никогда не одерживалъ другихъ побѣдъ. Парменіонъ и остальные сподвижники Александра совѣтовали ему напасть на персовъ наканунѣ ночью, но онъ отвѣчалъ: «Я не краду своихъ побѣдъ». Въ этомъ случаѣ Александръ оставался, какъ всегда, любителемъ, а не профессиональнымъ воиномъ. Для него битва была игрой, обставленной извѣстными правилами, и твердо вѣря въ свой военный геній, онъ препочиталъ игру, правильно разыгранную. Такою представляется битва при Гаугамелѣ. Обезпечивъ свою военную линію отъ внезапнаго нападенія непріятеля резервными колоннами, онъ повелъ свои войска боковымъ движеніемъ налѣво и своимъ соколинымъ взоромъ слѣдилъ за удобнымъ случаемъ ударить на врага. Дарій двинулъ своихъ конныхъ скиевъ и бактрійянъ на правое македонское крыло, при чемъ въ его линіи образовалось то отверстіе, которое поджидалъ Александръ. Онъ туда и направилъ свои македонскія фаланги, предшествуемыя греческой кавалеріей. Ничто не могло противостоятъ этому напору. Македоняне быстро достигли той мѣстности, гдѣ находился самъ Дарій, и персы дрогнувъ побѣжали, увлекая за собою и Дарія. Онъ спасся съ небольшимъ эскортомъ, а его армія была разсѣяна во всѣ стороны. Величайшая побѣда въ древности была окончена, и въ одинъ день рѣшилась борьба, продолжавшаяся вѣками между греческимъ міромъ и востокомъ. Мало того, открылась новая эпоха исторіи. Четыре года передъ тѣмъ Александръ покинулъ Европу, и теперь ему суждено было болѣе не возвращаться туда. Остальные семь лѣтъ своей жизни онъ провелъ, завоевывая восточную половину персидской имперіи. Быстро стали ослабѣвать узы, связывавшія его съ западомъ. Мечты его юности ступевались новымъ болѣе обширнымъ кругозоромъ. Боецъ запада противъ востока превратался во всемірнаго монарха, стоявшаго выше всѣхъ міровъ и соединявшаго ихъ въ одну всемірную имперію». Новая біографія Александра Македонскаго не только написана картинно, но и снабжена прекрасными, эффектными иллюстраціями французскаго художника Кастена, изображающими главныя сцены изъ жизни Александра, а также фотографическими видами мѣстностей, прославленныхъ его подвигами въ ихъ теперешнемъ видѣ.

— Средневѣковая имперія. Одинъ изъ талантливѣйшихъ туторовъ Оксфордскаго университета, Гербертъ Фишеръ, выпустилъ въ свѣтъ объемистую

«истор. вѣстн.», августъ, 1899 г., т. LXXVII.

20

исторію имперіи Карла Великаго до смерти Фридриха II ¹⁾. Этотъ трудъ не только обнаруживаетъ въ авторѣ основательное знаніе своего предмета и полное знакомство со всѣми матеріалами на нѣмецкомъ, французскомъ и итальянскомъ языкахъ, но и серьезные историческіе взгляды, а также онъ отличается яснымъ изложеніемъ. Если въ чемъ нибудь можно упрекнуть Фишера, то, по словамъ англійскихъ критиковъ, лишь въ излишней современности его оцѣнки описываемыхъ событій и людей, слѣдовательно въ недостаточной терпимости относительно тѣхъ идей, которыя господствовали въ средніе вѣка. Но отъ такой субъективности Фишера выигрываетъ живость и интересъ его замѣчательнаго труда. Быть можетъ, заглавіе книги «Средневѣковая имперія» не совсѣмъ ясно объясняетъ ея цѣль и содержаніе. Это не трактатъ о теоріи и системѣ имперіи, основанной Карломъ Великимъ, за исключеніемъ первой главы, но скорѣе рядъ разсужденій о политическомъ развитіи и постепенномъ конституціонномъ устройствѣ различныхъ странъ, надъ которыми царили императоры. Первый томъ открывается взглядомъ на сохраненіе имперской идеи, и затѣмъ трактуетъ о происхожденіи германской расы, о вліяніи расы на имперію, особенно въ XI и XII столѣтіяхъ, о характерѣ имперскаго законодательства въ Германіи, о распространеніи принципа дѣлимости ленновъ, несмотря на противоположныя стремленія феодализма, объ имперскихъ финансахъ и объ отношеніяхъ имперіи къ германскому дворянству. Второй томъ посвященъ распространенію Германіи на сѣверо-востокъ и юго-востокъ, то-есть усиленію Бранденбурга, Тевтонскаго ордена и Австріи, а затѣмъ германской церкви и отношеніямъ имперіи къ Италіи, къ ея законодательству и администраціи. Послѣдняя глава заключаетъ въ себѣ оцѣнку взаимодѣйствія Германіи и Италіи, обсужденіе связи между имперіей и цивилизаціей и очеркъ исторіи литературъ обѣихъ странъ. Наибольшій интересъ представляютъ тѣ главы почтеннаго труда Фишера, въ которыхъ говорится о церкви въ Германіи и объ отношеніяхъ императоровъ къ Риму. Въ этомъ отношеніи онъ считаетъ, что императоры оказывали поддержку католической церкви изъ личныхъ интересовъ. «Государство, — говоритъ онъ, — нуждалось въ культурѣ для своихъ подданныхъ и въ полномъ ихъ нравственномъ подчиненіи, а только церковь могла имъ доставить то и другое; государство нуждалось въ деньгахъ для вознагражденія своихъ слугъ, а только церковь своими громадными доходами могла создать требуемые фонды; наконецъ, государство нуждалось въ хорошемъ управленіи своими землями и въ способныхъ агентахъ, не думающихъ о своихъ наслѣдственныхъ интересахъ, а лишь церковь могла ему оказать помощь въ томъ и другомъ отношеніи. Карлъ Великій понялъ это и пользовался церковью, какъ орудіемъ управленія, а его наслѣдники слѣдовали его примѣру. Но несправедливо полагать, что въ средніе вѣка духовенство находилось подъ свѣтскимъ вліяніемъ, благодаря этой связи между церковью и государствомъ. Хотя, въ виду предразсудковъ общества и самолюбивыхъ расчетовъ государей, римская церковь приобрѣла громадную силу и привлекала въ свои ряды новобранцевъ изъ всѣхъ слоевъ общества, но въ ней было болѣе фанатиковъ, невѣждъ, корыстныхъ эгоистовъ

¹⁾ The mediaval Empire, by H. Fisher.—2 vol. London 1899.

и развратныхъ сластолюбцевъ, чѣмъ истинныхъ апостоловъ христіанства, благородныхъ адептовъ науки и распространителей культуры».

— Независимая Лотарингія. Восьмидесятилѣтнее существованіе независимаго королевства Лотарингіи составляетъ отдѣльную страницу въ исторіи среднихъ вѣковъ, и до сихъ поръ существовали о ней только труды нѣмецкихъ ученыхъ Дюллера, Гфререра, Гизебрехта, Мюльбахера, Нордена, Симсона и Вайтса, но въ настоящее время явился отставной французскій офицеръ, уроженецъ Лотарингіи, который освободилъ прошедшее своей родины отъ научнаго ига нѣмцевъ и написалъ самостоятельную, основанную на изученіи всѣхъ имѣющихся матеріаловъ, исторію Лотарингскаго королевства при Каролингахъ¹⁾. Эта книга имѣетъ любопытную исторію. Ея авторъ, Робертъ Паризо, получившій воспитаніе въ Сень-Сирской военной школѣ, былъ пѣхотнымъ офицеромъ и находился въ гарнизонѣ одного изъ восточныхъ городовъ, какъ неожиданно почувствовалъ призваніе сдѣлаться историкомъ и написать исторію своей родины, Лотарингіи. Зная, что для этого требуется серьезная подготовка, и въ качествѣ лотарингца защищая теорію децентрализаціи, онъ не сталъ заниматься исторіей въ свободное время отъ военной службы и не отправился въ Парижъ, а вышелъ въ отставку, поступилъ въ студенты словеснаго факультета въ Нанси, постепенно выдержавъ съ успѣхомъ всѣ университетскіе экзамены, и сначала получилъ степень бакалавра, а потомъ доктора. Его докторскую диссертацию и составила исторія независимой Лотарингіи, о которой онъ мечталъ, и которую французская академія увѣнчала первой преміей Гобера, признавъ ее «ученымъ и глубокомысленнымъ трудомъ по исторіи Франціи». Парижскіе критики, относясь съ теплымъ сочувствіемъ къ этому любопытному явленію въ современной Франціи, указываютъ, что оно было бы невысказано двадцать лѣтъ тому назадъ, и что одинъ фактъ офицера, сдѣлавшагося докторомъ исторіи и получившаго за свой трудъ, написанный въ провинціальномъ университетѣ, первую академическую премію, доказываетъ воочію, какіе громадныя шаги сдѣлала третья республика въ области просвѣщенія. Что касается до самой книги Паризо, то она отличается всѣми достоинствами серьезной исторической работы. «Мы считаемъ, говоритъ авторъ, что Лотарингское королевство могло вполне жить и развиваться. По нашему мнѣнію, оно было въ состояніи существовать въ продолженіе многихъ вѣковъ, если бы не случились роковыя, неблагоприятныя обстоятельства. Въ оцѣнкѣ рассказываемыхъ нами событій мы будемъ исключительно держаться лотарингской точки зрѣнія, и въ этомъ будетъ заключаться оригинальность нашего очерка». Дѣйствительно съ лотарингской точки зрѣнія, но вмѣстѣ съ тѣмъ строго, научно и съ безпристрастной критикой, Паризо рассказываетъ объ основаніи Лотарингскаго королевства Лотаромъ въ 843 году при дѣлежѣ имперіи Карла Великаго его наслѣдниками и о дальнѣйшемъ его существованіи до 923 года, когда оно окончательно исчезло. Онъ рельефно рисуетъ фигуры Лотара I, Лотара II, Людовика-Дитяти, Карла-Простоватаго и выдающихся представителей феодальнаго міра, которые окружали независимыхъ лотарингскихъ государей. Вся эта исторія

1) Le royaume de Lorraine sous les Carolingiens, par R. Parisot, Paris, 1899.

самостоятельной Лотарингии дѣйствительно доказываетъ, что могла существовать между Франціей и Германіей, этими вѣчными соперницами, посредствующая страна, которая играла между ними роль буфера. Когда въ наше время нѣкоторые германскіе публицисты заявляютъ проектъ федераціи Эльзаса съ Баденомъ, то они лишь повторяютъ, хотя въ противоположномъ смыслѣ, лотарингскую идею стараго времени. Ту же лотарингскую идею, но въ прямомъ ея смыслѣ пытался осуществить Карль-Смѣлый въ его стремленіи создать Восточное княжество, простирающееся отъ Дижона до Брюсселя, но онъ былъ герцогъ Бургундскій, и лотарингцы его убили въ битвѣ при Нанси въ 1477 году.

— Лютеръ и Тетцель. Самыя чудовищныя легенды существуютъ о смерти Лютера, и наиболѣе повторяемая даже, повидимому, серьезными историками относится до его самоубійства. Профессоръ Георгъ Лёше въ журналѣ «Die Zeit» ¹⁾ подвергаетъ подробной и основательной критикѣ эту легенду. Она возникла въ третьемъ поколѣніи послѣ смерти великаго реформатора. Её будто бы сообщилъ какой-то слуга Лютера, котораго имя осталось неизвѣстно другому неизвѣстному, а тотъ третьему, и только этотъ третій обнаруживалъ ее. По всей вѣроятности, легенду сочинилъ какой нибудь католическій фанатикъ, который полагалъ, что еретикъ и въ особенности такой еретикъ, какъ Лютеръ, не могъ умереть естественною смертію. Фабула объ его самоубійствѣ въ особенности пользуется довѣріемъ въ Италіи и во Франціи. Напротивъ Германія относится къ ней такъ скептически, что, когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ католическій патеръ Маюнке написалъ цѣлую книгу въ доказательство справедливости означенной легенды, то не только свѣтскіе католики, но даже католическія духовныя лица подняли шумъ, доказывая всю ложность его доводовъ. Но книга Маюнке имѣла большой успѣхъ въ Италіи, Франціи, Бельгіи и даже Норвегіи. Наконецъ въ прошедшемъ году одинъ вѣнскій патеръ, докторъ богословія, Деккеръ, въ свою очередь написалъ книгу въ защиту Маюнке, котораго онъ считаетъ великимъ историкомъ. Вся фанатическая католическая Австрія восторженно встрѣтила этотъ литературный скандалъ, но папа, боясь его распространенія, приказалъ конфисковать книгу, подъ тѣмъ предлогомъ, что она вышла безъ разрѣшенія духовныхъ властей. На чемъ же основана эта упорно поддерживаемая легенда, спрашиваетъ себя профессоръ Лёше и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, что за годъ до смерти Лютера былъ напечатанъ подробный рассказъ объ его кончинѣ съ обозначеніемъ дня, мѣста и свидѣтелей; но самъ Лютеръ перевелъ на нѣмецкій языкъ итальянскую брошюру, заключавшую въ себѣ этотъ курьезъ, и, конечно, прибавилъ отъ себя остроумныя комментарии. Однако въ февралѣ 1546 года онъ дѣйствительно умеръ при многочисленныхъ свидѣтеляхъ, имена которыхъ извѣстны, и которые оставили вполне согласныя между собою описанія этого событія. Лютеръ вернулся въ свой родной городъ Эйслебенъ уже больнымъ, и однажды вечеромъ послѣ длинной проповѣди, разговоровъ съ друзьями и подписи нѣсколькихъ документовъ, онъ впалъ въ забытѣ, что часто съ нимъ случалось, благодаря падучей болѣзни, которою онъ страдалъ, подобно многимъ гениальнымъ людямъ. Среди ночи у

¹⁾ Lutera Tod, von Georg Loesche.—Die Zeit, 6 Mai 1899.

него сдѣлалось удушье, и хотя къ утру онъ поправился, но не прошло нѣсколькихъ часовъ, какъ умеръ отъ удара. Едва распространилась вѣсть объ его смерти, какъ его комната наполнилась друзьями, докторами и богословами. Треть изъ этихъ лицъ было поручено саксонскимъ курфюрстомъ произвести экспертизу надъ тѣломъ Лютера и написать подробный отчетъ о его смерти и послѣднихъ дняхъ, что и было сдѣлано. Какъ въ этихъ трехъ официальныхъ докладахъ, такъ и въ многочисленныхъ письмахъ, написанныхъ въ день смерти его учениками къ друзьямъ, не упоминается ни однимъ словомъ о самоубійствѣ. Къ этому надо прибавить, что существуетъ рассказъ сосѣда Лютера, аптекаря и фанатическаго католика, который былъ призванъ къ постелѣ умирающаго, и онъ свидѣтельствуетъ, что Лютеръ умеръ спокойно, произнеся передъ тѣмъ громко молитву.

Излагая новую біографію противника Лютера, Югана Тетцеля, католикъ и докторъ богословія, Паулусъ, снабдилъ свою книгу разрѣшеніемъ католическаго духовенства въ доказательство, что онъ не высказываетъ ни малѣйшаго сочувствія къ великому реформатору и совершенному имъ дѣлу освобожденія человѣческой мысли отъ фанатическаго ига ¹⁾. Но, несмотря на это свидѣтельство и на высказываемые авторомъ узкіе католическіе взгляды, онъ въ своемъ историческомъ трудѣ отнесся вполне научно къ предмету изслѣдованія, и хотя уже много было писано о знаменитомъ продавцѣ индульгенцій, но Паулусъ нашелъ новые матеріалы, и его біографія Тетцеля представляетъ немало новыхъ, невѣдомыхъ подробностей. Конечно, большую часть своего труда Паулусъ посвятилъ разсмотрѣнію идей Тетцеля объ индульгенціяхъ, и онъ доказываетъ, что теорія Тетцеля вовсе не была новая, а вполне соответствовала преданіямъ католической церкви, а потому его роль была слишкомъ преувеличена, и онъ со своей продажей индульгенцій послужилъ только случайнымъ предлогомъ для реформаціоннаго движенія Лютера.

— Французскіе рабочіе въ старину. Исторической сторонѣ рабочаго вопроса во Франціи посвящены три недавно вышедшія книги: «Поселыне и рабочіе въ продолженіе 700 лѣтъ» — виконта Авенеля ²⁾, «Рабочіе прошедшаго времени (XV и XVI столѣтія)» — профессора Озера ³⁾ и «Крупная промышленность въ царствованіе Людовика XIV» — Мартена ⁴⁾, а также статья Франца Функъ-Брентано подъ заглавіемъ «Рабочіе прошедшаго времени» въ «Revue hebdomadaire» ⁵⁾. Первое изъ этихъ сочиненій составляетъ конецъ предпринятаго авторомъ сокращенія его собственнаго громаднaго труда въ четырехъ томахъ: «Экономическая исторія собственности, заработной платы, товаровъ и цѣнъ на всѣ предметы съ 1200 до 1800 года». Первый томъ вышелъ подъ названіемъ «Частная собственность въ продолженіе семи вѣковъ», и въ немъ представленъ

¹⁾ Johann Tetzel. Der Ablassprediger, von dr. Nicolaus Paulus. — Mainz. 1899.

²⁾ Paysans et ouvriers depuis sept cents ans, par Vicomte G. d'Avenel. Paris, 1899.

³⁾ La grande industrie sous le regne de Louis XIV, par G. Martin. — Paris. 1899.

⁴⁾ Ouvriers du temps passé (XV et XVI siècles), par H. Hauser. Paris. 1899

⁵⁾ A travers l'histoire. — Ouvriers du temps passé, par F. Funk-Brentano. — Revue hebdomadaire. — 20 mai, 1899.

былъ очеркъ постепеннаго развитія пользованія землею и деньгами во Франціи, а теперь появился второй заключительный томъ, въ которомъ ученый историкъ и экономистъ трактуетъ о положеніи поселянъ и рабочихъ въ старину сравнительно съ нашимъ временемъ. Опредѣливъ на основаніи бесспорныхъ цифръ и собранныхъ имъ мельчайшихъ свѣдѣній объ изслѣдуемомъ предметѣ, отношеніе теперешней денежной единицы къ прежнимъ, Авенель даетъ намъ возможность судить, что стоили въ различныя эпохи разсматриваемыхъ имъ семи столѣтій трудъ поселянина и рабочаго, квартира, пища, одежда, отопленіе и т. д. «Мой трудъ, говоритъ онъ въ заключеніе, ясно доказываетъ, что въ прошедшія времена причина повышенія и пониженія заработной платы зависѣла отъ закона спроса и предложенія. Развитіе населенія въ древней Франціи имѣло результатомъ уменьшеніе дохода рабочихъ и увеличеніе ихъ расхода, а когда наступали моменты сокращенія населенія, то замѣчалось противоположное явленіе, т. е. рабочіе получали болѣе, а расходовали менѣе. При этомъ, конечно, имѣло вліяніе и количество земли, подлежащее обработкѣ. Такимъ образомъ въ XVI столѣтіи землевладѣльцы быстро обогатились, а пролетаріи достигли апогея бѣдности. Даже такой политической переворотъ, какъ революція, не произвелъ мгновенно благотѣльнаго вліянія, и въ 1789 году рабочіе уже забыли, что они когда нибудь находились въ лучшемъ положеніи, и не надѣялись на улучшеніе своей судьбы въ будущемъ. Но въ концѣ первой четверти настоящаго вѣка явилась на сцену новая сила — наука. Она дала человѣку возможность производить быстрее и дешевле полезные и пріятные предметы жизни, а потому старинное равновѣсіе между населеніемъ, землею и существованіемъ людей было наконецъ нарушено, и повышеніе заработной платы перестало зависѣть отъ уменьшенія числа рабочихъ рукъ. Съ 1760 года по 1899 годъ населеніе Франціи возросло отъ 25.000,000 до 39.000,000, а заработная плата увеличилась на половину или на три четверти. Въ этомъ прогрессѣ государство не играло никакой роли, такъ какъ спеціальныи вопросъ, т. е. вопросъ объ увеличеніи благоденствія народныхъ массъ, не политическій, а строго научный, и правительство не можетъ создать народнаго богатства, хотя и въ состояніи его уничтожить».

Безплодность искусственнаго покровительства труда правительствомъ доказывается воочію почтеннымъ трудомъ Жермена Мартена о дѣятельности Кольбера съ цѣлью поднять крупную промышленность при Людовикѣ XIV. Пользуясь новыми, неизвѣстными доселѣ, матеріалами, авторъ рисуетъ блестящую картину временнаго процвѣтанія крупной промышленности во Франціи, благодаря усиліямъ великаго министра, который въ короткое время далъ возможность французскимъ фабрикантамъ вывозить за границу тѣ самыя предметы, которые до тѣхъ поръ составляли главную статью ввоза. Но, сдерживая народную промышленность въ указанныхъ имъ и строго опредѣленныхъ бороздахъ, Кольберъ оставилъ совершенно безъ вниманія мелкое, кустарное производство, благодаря чему изсякли во многихъ мѣстахъ Франціи источники домашняго труда. Мелкіе промышленники и одиночки, ткавшіе, напиримѣръ, сукно въ Нормандіи и Бургундіи, или саржу въ Севенскихъ горахъ, мало-по-малу исчезли подъ давленіемъ большихъ фабрикъ, и это явленіе, по

справедливому замѣчанію Мартена, было тѣмъ печальнѣе, что, напримѣръ, 450.000 отдѣльныхъ ткачей сукна, занимавшихся своимъ ремесломъ изъ поколѣнія въ поколѣніе въ Лангедокѣ и Провансѣ, обнаруживали большую силу труда и энергію, чѣмъ крупные фабриканты. Когда же вслѣдъ за паденіемъ мелкаго кустарнаго производства разорились крупные фабриканты, благодаря экономическому кризису, то Франція подверглась страшному экономическому упадку. Впрочемъ, Мартенъ старается доказать, что неуспѣхъ такъ называемаго кольбертизма зависѣлъ не исключительно отъ теоретической его неосновательности, а столько же отъ неспособности замѣтлившихъ великаго министра лицъ, а также отъ отміны нантскаго эдикта, вслѣдствіе чего громадныя толпы протестантскихъ рабочихъ искали спасенія въ эмиграціи. Кольбертъ, по словамъ Мартена, вполне понималъ, что его протекціонная система была полезна Франціи только временно, и онъ писалъ ліонскимъ фабрикантамъ: «Вы должны понимать, что оказываемыя вамъ милости только костыли, съ помощью которыхъ вы должны научиться сами ходить, какъ можно скорѣй, и которые потомъ правительство у васъ отниметъ». Но послѣ Кольбера эти костыли не только не были отняты, но ихъ стали раздавать еще щедрѣе, съ цѣлью не развить промышленность, а лишь для пользы фабрикантовъ и заводчиковъ, умѣвшихъ добиться придворной протекціи и пользовавшихся ими для введенія монополіи въ той, или другой отрасли промышленности.

Многіе историки и экономисты, къ которымъ принадлежитъ Функъ-Брентано, видятъ въ средневѣковыхъ ремесленныхъ корпораціяхъ условія такого благосостоянія для рабочихъ, о какомъ не могутъ мечтать современные реформаторы. Напротивъ другіе, подобно профессору Клермонъ-Ферранскаго университета, Озеру, фактически доказываютъ, что эти корпораціи своими привилегіями и узкими рамками приносили пользу только буржуазіи, а рабочихъ держали подъ нестерпимымъ игомъ. Поэтому, какъ статья Брентана, такъ и книга Озера, трактуя о рабочихъ прошедшаго времени, служатъ лишь развитіемъ этихъ двухъ противоположныхъ тезисовъ. Первый приводитъ цифры и свидѣтельства современниковъ въ подтвержденіе того, что старинныя, ремесленные корпораціи обезпечивали не только превосходство промышленныхъ произведеній, но нравственное и матеріальное благосостояніе рабочихъ, а послѣдній, рельефно характеризуя, на основаніи безспорно правдивыхъ матеріаловъ, положеніе тѣхъ четырехъ пятыхъ французскаго народа, которые при своемъ рожденіи продаютъ свою жизнь ручному труду, едва обезпечивающему ихъ существованіе, приходитъ къ заключенію, что въ доброе старое время рабочему жилось еще хуже, чѣмъ теперь. Въ особенности любопытна рисуемая имъ картина большой стачки, происшедшей среди наборщиковъ въ типографіяхъ Ліона и Парижа въ половинѣ XVII вѣка. Она продолжалась безконечно и была ознаменована самыми патетическими перипетіями. Между прочимъ, стачники представили въ парламентъ общую жалобу, въ которой не только описаны всѣ претерпѣваемыя ими несправедливости и стѣсненія отъ хозяевъ, но и приведенъ цѣлый рядъ обвиненій противъ капиталистовъ, «жирѣющихъ, по буквальному выраженію стачниковъ, отъ пота своихъ рабочихъ». «Ни въ одномъ документѣ XVII вѣка, замѣчаетъ Озеръ, нельзя встрѣтить столь ясно изложен-

ную антитезу между трудомъ и капиталомъ, какъ въ этой жалобѣ. Такимъ образомъ, въ томъ самомъ XVII вѣкѣ, въ которомъ, повидимому, твердая организація ремесленныхъ корпорацій дѣлала невозможнымъ борьбу между трудомъ и капиталомъ, мы видимъ существованіе громадной и долго продолжавшейся стачки среди одной изъ самыхъ цвѣтущихъ отраслей промышленности».

— Герцогъ Шуазель въ Римѣ. «Revue de Paris» продолжаетъ печатать отрывки изъ мемуаровъ герцога Шуазеля, найденные Этьеномъ Шараве и Жюлемъ Фламермономъ. Послѣдній изъ нихъ, подъ заглавіемъ «Мое посольство въ Римѣ»¹⁾, представляетъ рассказъ о томъ, что дѣлалъ въ Римѣ Шуазель, будучи представителемъ Франціи при дворѣ папы Бенедикта XIV. Такъ какъ сообщаемые имъ факты вполнѣ соотвѣтствуютъ тѣмъ, которые приведены въ напечатанныхъ ранѣе денешахъ Шуазеля и въ анекдотахъ о немъ, рассказываемыхъ барономъ Бюзенвалемъ въ его воспоминаніяхъ, то вопросъ о подлинности только что найденныхъ мемуаровъ Шуазеля является разрѣшеннымъ безспорно въ ихъ пользу. Будущій министръ Людовика XV былъ назначенъ посланникомъ въ Римъ въ 1754 году, но отправился къ мѣсту своего назначенія только черезъ годъ. Онъ очень рѣзко отзывался о своемъ ближайшемъ начальствѣ: министрѣ иностранныхъ дѣлъ, Рулье, и директорѣ канцеляріи, абатѣ ла-Виль, которые оба, по его словамъ, отличались тупостью и незнаніемъ дѣла, такъ что ему приходилось просвѣщать ихъ насчетъ политическихъ вопросовъ, а не повиноваться ихъ инструкціямъ. Во время его посольства не было важныхъ политическихъ вопросовъ, которые подлежали бы разрѣшенію между Парижемъ и Римомъ, а потому Шуазелю приходилось только ходатайствовать передъ папой о различныхъ духовныхъ лицахъ, которымъ покровительствовалъ король, и поддерживать его достоинство среди интригъ, царившихъ въ Ватиканѣ. Въ послѣднемъ отношеніи онъ, какъ говорится, «сѣлъ собаку» и въ особенности доказалъ свое искусство въ исторіи смерти государственнаго секретаря кардинала Валенти и назначенія его преемникомъ кардинала Арканто. Папа Бенедиктъ XIV и его первый министръ, повидимому, не любили другъ друга. Первый изъ нихъ, въ свѣтѣ Просперъ Ламбертини, началъ жизнь простымъ адвокатомъ и былъ очень умнымъ человекомъ, но не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о политикѣ, за то считалъ себя великимъ богословомъ. Не отличаясь ни самолюбіемъ, ни корыстолюбіемъ онъ былъ падокъ только къ лести, и потому Шуазель всячески льстилъ ему, что не нравилось кардиналу Валенти. Впрочемъ, хитрый французъ вскорѣ нашелъ слабую струну кардинала, именно любовь къ веселой жизни и свѣтскимъ удовольствіямъ. Онъ быстро вкрался въ его дружбу и очень ловко обходилъ папу и его министра до той минуты, какъ неожиданно у кардинала Валенти сдѣлался ударъ. Хотя онъ не умеръ, но такъ ослабѣлъ физически и умственно, что папа хотѣлъ немедленно назначить ему преемника, что противорѣчило интересамъ, какъ самого Валенти, такъ и Шуазеля. Первый надѣялся выздороветь, а послѣдній считалъ необходимымъ отсрочку назначенія новаго мини-

¹⁾ Mon ambassade à Rome, par le Duc de Choiseul, «Revue de Paris». 1 juillet 1899.

стра, чтобы имѣть время подыскать расположеннаго къ нему и къ Франціи кардинала для занятія этого важнаго поста. Шуазель немедленно посѣтилъ папу и старался увѣрить его, что кардиналь сохранилъ вполнѣ свои умственные способности и, оправившись отъ болѣзни, будетъ еще лучшимъ сотрудникомъ, чѣмъ прежде. Но Бенедиктъ XIV считалъ его уже мертвецомъ, заявилъ удовольствіе, что отъ него отдѣлался, и иронически замѣтилъ, что никогда не слыхалъ о томъ, что параличъ увеличивалъ способность министра. Они долго разсуждали, и наконецъ Шуазелю удалось убѣдить папу не только не назначать преемника больному и вести дѣла временно самому съ помощью прелата Рота, но и лично посѣтить кардинала Валенти. Это ненормальное, но очень выгодное для Шуазеля положеніе длилось полтора года. Каждый вечеръ папа посѣщалъ своего перваго министра, который такимъ образомъ, казалось, сохранилъ власть, а утромъ совѣщался съ прелатомъ Рота. Въ сущности же Шуазель управлялъ всѣмъ въ Ватиканѣ, ловко скрываясь за кулисами. Однако, всему наступаетъ конецъ, и второй ударъ унесъ въ могилу кардинала Валенти. На другой же день Шуазель отправился къ папѣ и настоятельно уговаривалъ его не торопиться съ выборомъ новаго министра. Бенедиктъ XIV обѣщалъ ничего не дѣлать безъ его совѣта, и потому, выходя изъ Ватикана, французскій посланникъ съ изумленіемъ узналъ, что папа его обманулъ, и что уже назначенъ преемникомъ умершаго кардиналь Аркинто, губернаторъ Рима, съ которымъ Шуазель находился въ непріятныхъ отношеніяхъ. Ловкій дипломатъ тотчасъ вернулся къ папѣ, и между ними произошла любопытная сцена. «Бенедиктъ XIV, рассказываетъ Шуазель, былъ однимъ изъ самыхъ вспыльчивыхъ людей, которыхъ я когда либо видѣлъ, и къ тому же онъ отличался дѣтскимъ нетерпѣніемъ при малѣйшемъ противорѣчii. Но такъ какъ онъ былъ уменъ, добръ и справедливъ, то гнѣвные вспышки скоро у него проходили. Онъ сотни разъ сердился на меня, и я былъ болѣе убѣжденъ въ успѣхъ своихъ намѣреній послѣ такой вспышки, чѣмъ безъ нея. Однако, на этотъ разъ онъ пришелъ въ такую ярость, что я просто боялся за его жизнь. Тщетно старался я успокоить папу, тщетно приводилъ одни доводы за другими противъ назначенія кардинала Аркинто, и наконецъ тщетно соглашался даже на это назначеніе, прося только отложить его на двѣ недѣли. Папа такъ раскопился, что съ нимъ не было никакого ладу. Я со своей стороны также разгорячился, и право не знаю, чѣмъ бы это кончилось, если бы по «счастью» папа не вскочилъ со своего кресла и не предложилъ мнѣ занять его, такъ какъ я непременно хотѣлъ разыграть роль папы. Я невольно разсмѣялся, и онъ также. Тогда я замѣтилъ, что намъ лучше было оставаться въ своихъ роляхъ, но исполнять ихъ болѣе сдержанно. Однако, папа все-таки настаивалъ на немедленномъ назначеніи кардинала Аркинто». Тогда Шуазель для сохраненія своего вліянія, если не на папу, то на окружающихъ его, прибѣгъ къ дѣйствительно ловкой дипломатической продѣлкѣ. Онъ попросилъ папу, чтобы тотъ немедленно написалъ кардиналу Аркинто объ его назначеніи первымъ министромъ и далъ Шуазелю эту записку, кою онъ самъ вызвался снести кардиналу. Папа съ удовольствіемъ на это согласился, и Шуазель первый объявилъ кардиналу Аркинто о его назначеніи, чѣмъ заслужилъ его благо-

дарность и поддержалъ въ Римѣ всеобщую увѣренность въ его могущественномъ влияніи на папу. Достоувѣренность этого сенсационнаго эпизода подтверждается вполнѣ барономъ Бюэнвалемъ, который говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что во время этой курьезной сцены папа вскочилъ, гнѣвно схватилъ за руки Шуазеля и, толкнувъ его на свое кресло, воскликнулъ: «*Pa il para*». На это Шуазель отвѣчалъ, со смѣхомъ: «Нѣтъ, св. отецъ, будемъ каждый исполнять свою обязанность, вы играйте роль папы, а я буду играть роль посланника».

— Книжки, брошюры и статьи о французской революціи. Литература французской революціи растетъ не по днямъ, а по часамъ. Въ послѣднее время появилось три основательныхъ, серьезныхъ документальныхъ изслѣдованія различныхъ сторонъ этой знаменательной эпохи, служащей прологомъ къ XIX-му вѣку: одна брошюра о малоизвѣстной фазѣ въ жизни Мирабо, біографія уличнаго пѣвца, Анжа Питу, и нѣсколько статей о томъ же Питу, игравшемъ роль роялистскаго агента. Несмотря на безчисленное множество историческихъ изслѣдованій политической, религіозной и общественной стороны революціи, ея социальная сторона очень мало разработана. Едва ли не одинъ Эдгаръ Кине обратилъ вниманіе на гражданское законодательство конвента, и потому «очеркъ социальной исторіи» Филиппа Саньяка подъ заглавіемъ «Гражданское законодательство во времена французской революціи отъ 1789 по 1804 года»¹⁾, заслуживаетъ полнаго вниманія. Въ предисловіи ученый авторъ разсматриваетъ тѣ принципы, которые положены въ основу преобразования французскаго гражданского права въ эту эпоху, которую онъ дѣлитъ на два періода: прогресса и реакціи. Въ исторіи каждаго изъ этихъ періодовъ, раздѣльнымъ пунктомъ которыхъ служитъ 1793 годъ, Саньякъ постепенно занимается изученіемъ вопросовъ, касающихся собственности, личности и семьи, при чемъ указываетъ на влияніе историческихъ фактовъ и характера законодателей на постепенное измѣненіе законодательства. Еще болѣе спеціальнымъ, но глубоко интереснымъ для историка предметамъ посвящены изслѣдованія Шассена и Герме «Національные волонтеры революціи»²⁾, а также аббата Жерома «Выборы въ генеральные совѣты и записки Лотарингскаго духовенства въ 1789 году»³⁾. Вышелъ только одинъ томъ перваго изъ этихъ трудовъ, и онъ посвященъ исторіи волонтеровъ отъ 1791 по 1892 гг., ихъ организаціи и необыкновеннаго національнаго движенія, которое, призвавъ къ оружію сто тысячъ добровольцевъ, спасло Францію отъ вторженія чужестранныхъ войскъ. Пользуясь драгоцѣнными документами архива національнаго и военнаго министерства, авторы не только представили картину созыва волонтеровъ и ихъ участія въ войнѣ за освобожденіе родины, но и снабдили свою книгу полнымъ спискомъ волонтеровъ, входившихъ въ составъ первыхъ восьми

¹⁾ La legislation civile de la revolution française. 1789—1804, par Ph. Sagnac. Paris. 1899.

²⁾ Les volontaires nationaux pendant la revolution, par Ch.-L. Chassin et L. Hermet. Vol. 1-er. Paris. 1899.

³⁾ Les elections et les cahiers du clergé lorrain aux Etats-Generaux de 1789, par l'abbé L. Jerome. Paris. 1899.

парижскихъ батальоновъ съ указаніемъ ихъ геройскихъ подвиговъ, оставшихся до сихъ поръ невѣдомыми. Хотя первые семь томовъ обширнаго изданія «Парламентскіе Архивы» исключительно посвящены воспроизведенію избирательныхъ записокъ (cahiers), которыя составлялись на выборахъ членовъ генеральныхъ совѣтовъ въ 1789 году, но все еще остаются пробѣлы въ изданіи этихъ важныхъ для исторіи французской революціи документовъ. Аббатъ Жеромъ дополняетъ этотъ пробѣлъ относительно записокъ, составленныхъ духовенствомъ Лотарингіи, и въ напечатанныхъ имъ матеріалахъ, найденныхъ въ библиотекѣ семинаріи въ Нанси, находится много интересныхъ фактовъ, наивно изложенныхъ сельскими патерами въ своихъ запискахъ.

Ревностный изслѣдователь Лимузенскихъ архивовъ, Плантадисъ, посвятилъ маленькую, но очень любопытную брошюру невѣдомымъ до сихъ поръ фактамъ пребыванія знаменитаго Мирабо въ замкѣ его зятя, маркиза Ластери-Дю-Сальянъ въ Нижнемъ Лимузенѣ¹⁾. Общеизвѣстно было только, что, выйдя изъ Венсенской тюрьмы, гдѣ онъ сидѣлъ за свои похождения съ маркизой Монье, будущій трибунъ поселился у своего зятя на живописныхъ берегахъ рѣки Визеры и провелъ тамъ нѣсколько времени на лонѣ природы. Но теперь оказывается, что онъ не только по примѣру Демосеена обучался краснорѣчію, стараясь перекричать шумъ рѣчныхъ волнъ, но устроилъ себѣ по ночамъ характерную забаву. Нѣсколько времени, послѣ того какъ онъ явился въ замокъ маркиза Сальяна, распространился слухъ по всей окрестной странѣ о смѣлыхъ безчинствахъ шайки разбойниковъ, которая грабила одинокихъ путешественниковъ въ ночное время. Однажды, по словамъ Плантадиса, какой-то пріятель маркиза поздно возвращался въ замокъ. Была гроза, и шелъ крупный дождь. Неожиданно изъ-за дерева выдѣлился человекъ и, прицѣлившись въ него изъ ружья, приказалъ бросить на землю кошелькъ, подъ угрозой смерти. Устрашенный путникъ исполнилъ данное ему приказаніе и былъ очень радъ, когда разбойникъ сказалъ: «ну, теперь ступайте своей дорогой». Но въ эту минуту блеснула молнія, и онъ узналъ съ изумленіемъ знакомое лицо въ разбойникѣ. Поспѣшно достигнувъ замка, онъ объявилъ маркизу, что попалъ въ руки разбойниковъ. «Только и слышишь, что объ ихъ безобразіяхъ!» — воскликнулъ маркизь, — «и никто не знаетъ, кто они такіе». Но ограбленный пріятель отвѣчалъ: «Нѣтъ, я знаю моего разбойника; при свѣтѣ молніи я хорошо замѣтилъ, что это былъ вашъ зять». Маркизь воскликнулъ: «Мирабо! Это невозможно!». Но пріятель настаивалъ на своемъ, говоря, что онъ не могъ ошибиться. Несмотря на свое твердое убѣжденіе, что его зять не могъ быть разбойникомъ, маркизь послалъ за нимъ, но оказалось, что Мирабо не было дома, а когда онъ вернулся черезъ нѣсколько времени, то велѣлъ сказать маркизу, что онъ очень усталъ и легъ спать. На слѣдующее утро маркизь самъ пошелъ къ своему зятю и сказалъ ему: «Странные слухи ходятъ о васъ. Впрочемъ нечего отрекаться, васъ узнали». Мирабо размѣялся и, отворивъ ящикъ своего письменнаго стола, вынулъ изъ него девять кошельковъ съ деньгами, снабженныхъ надписью, кому они принадлежали и сколько

¹⁾ Mirabeau, Limousin, par M. Joannès Plantidis. Paris. 1899.

было денегъ въ каждомъ изъ нихъ. «Вотъ, сказалъ онъ, полицное моего грабежа. Будьте такъ добры, возвратите эти кошельки ихъ собственникамъ и прибавьте, что я очень извиняюсь за причиненное беспокойство». Ироническій тонъ Мирабо не понравился маркизу, и онъ съ неудовольствіемъ спросилъ: «Да зачѣмъ вы занимались этимъ страннымъ дѣломъ?» Будущій трибунъ отвѣчалъ: «Конечно, не для того, чтобы спрятать ограбленные деньги въ мой письменный столъ. Я хотѣлъ на опытѣ убѣдиться, насколько надо имѣть рѣшимости, чтобы нарушить самые священные законы общества. Опытъ былъ опасный; я повторилъ его нѣсколько разъ, и вы видите, что остался побѣдителемъ. Признайтесь, что надо быть смѣлымъ человѣкомъ, чтобы нападать на людей на большой дорогѣ». Конечно, послѣ этой исторіи Мирабо долженъ былъ покинуть Лимузенъ и, научившись такимъ образомъ смѣлости для нарушенія законовъ тогдашняго общества, онъ продолжалъ ихъ нарушать на болѣе широкой сценѣ, гдѣ сталъ отнимать не кошельки у прохожихъ, а феодальныя привилегіи у своихъ собратьевъ аристократовъ и корону у короля.

Второстепенные дѣятели французской революціи представляютъ иногда не меньшій интересъ, чѣмъ главные ея герои, но для этого необходимо освѣтить ихъ малоизвѣстныя фигуры полнымъ историческимъ свѣтомъ. За это дѣло взялся и съ успѣхомъ его исполнилъ Фернанъ Анжеранъ относительно Анжа Питу героя романа Александра Дюма и оперетки Леккока. Въ его книгѣ «Анжъ Питу, роялистскій агентъ и уличный пѣвецъ, 1767—1846 г.»¹⁾ еще разъ доказывается безспорный фактъ, что исторія можетъ быть интересае романа. Поэтому не удивительно, что, пользуясь новымъ богатымъ матеріаломъ, собраннымъ ея авторомъ, французскіе публицисты посвятили этому любопытному типу рядъ статей въ журналахъ и газетахъ, среди которыхъ первое мѣсто занимаетъ блестящій очеркъ талантливаго историка и бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ Ганото въ «Journal»²⁾. Конечно, уличный пѣвецъ и роялистскій агентъ не былъ тѣмъ героемъ, которымъ онъ самъ себя представляетъ въ многочисленныхъ, написанныхъ имъ самимъ, разсказахъ объ его полной перипетіями жизни, и далеко не заслуживаетъ того апологического тона, съ которымъ отзывается о немъ его биографъ Анжеранъ, но его фигура чрезвычайно характерна. Родившись въ окрестностяхъ Шатодена и происходя изъ семьи простыхъ рабочихъ, Анжъ Питу воспитывался въ католической семинаріи Шартра, но подъ вліяніемъ революціи бросилъ ее и 21 октября 1789 года явился искать счастья въ Парижъ въ тотъ самый моментъ, когда народъ вернулъ въ столицу Людовика XVI съ семьей. Его вступленіе въ Парижъ было обставлено самымъ драматическимъ образомъ, и съ перваго шага онъ попалъ на толпу, которая вѣшала на фонарѣ какого-то булочника, обвиняемаго въ скрытіи хлѣба отъ бѣдныхъ и поставкѣ его богатымъ. Юный семинаристъ увѣряетъ, что, явившись въ Парижъ съ переполненной революціонными идеями головой, онъ вдругъ отрезвился отъ этого отвратительнаго зрѣлища и сдѣлался роялистомъ. По этой

1) Ange Pitou, agent royaliste et chanteur des rues (1767—1846), par Fernand Engerand. Paris. 1899.

2) Ange Pitou, par Gabriel Hanotaux. «Le Journal». 3 juillet. 1899.

же или по другой причинѣ, но съ этой минуты онъ принялъ участіе во всѣхъ роялистскихъ интригахъ и противореволюціонныхъ заговорахъ. Марія-Антуанетта вскорѣ вступила лично въ сношенія со своимъ пламеннымъ сторонникомъ, пригласила его во дворецъ, подарила ему свой портретъ, написала ему письмо, въ которомъ просила его продолжать свою дѣятельность въ пользу монархіи и обѣщала платить ему пенсію въ шесть тысячъ ливровъ. Сначала Питу писалъ брошюры и статьи въ газетахъ, анонимныя, но пламенно роялистскія, а затѣмъ сдѣлался уличнымъ пѣвцомъ и подъ видомъ веселыхъ пѣсенъ старался распространить въ народѣ монархическія идеи. Впрочемъ онъ не очень распылился за короля и болѣе воспѣвалъ Марію-Антуанетту, такъ что въ одной изъ своихъ статей подъ заглавіемъ «14 іюля» онъ прямо называетъ его «слабымъ королемъ, недостойнымъ августѣйшей супруги». Однако, защищая королевскій престолъ и интригуя съ цѣлью возстановленія этого престола послѣ его паденія, Питу ловко лавировалъ и среди республиканскихъ партій, былъ постояннымъ другомъ полиціи, свискивалъ себѣ ея покровительство многочисленными доносами и вообще такъ искусно велъ свои разношерстныя интриги, что, несмотря на нѣсколько арестовъ, вышелъ здоровымъ и невредимымъ изъ кровавой эпохи террора. При директоріи онъ зажилъ весело, благодаря своимъ популярнымъ пѣснямъ, но по ироніи судьбы не избѣгъ преслѣдованій въ это сравнительно мирное время и былъ сосланъ въ Каену, откуда черезъ нѣсколько лѣтъ былъ возвращенъ во Францію Бонапартомъ. Затѣмъ онъ снова принялся за роялистскія интриги, но очень осторожно, а послѣднія 30 лѣтъ своей жизни, послѣ возстановленія Бурбоновъ и Орлеановъ, онъ тщетно хлопоталъ о возвращеніи ему тѣхъ денегъ, которыя будто бы израсходовалъ на пользу монархіи. Королевская власть оказалась чрезвычайно неблагодарной къ своему энергичному слугѣ, и онъ умеръ въ нищетѣ въ 1846 году. Въ сущности трудно разобраться въ его жалобахъ, но во всякомъ случаѣ не можетъ быть сомнѣнія, что защищаемая имъ словомъ, дѣломъ и пѣніемъ монархія осталась его должницею, такъ какъ министръ Дарю, изслѣдовавъ его дѣла, признавалъ, что Бурбоны должны ему миллионъ франковъ.

— Смотры Фридриха и парады Наполеона. Подъ этимъ заглавіемъ генералъ Драгомировъ помѣстилъ въ «Revue hebdomadaire» нѣсколько страницекъ, посвященныхъ тѣмъ способамъ, къ которымъ прибѣгали Фридрихъ и Наполеонъ при производствѣ инспекторскихъ смотровъ¹⁾. Въ сущности смотры Фридриха и парады Наполеона были только разными формами военной инспекціи, столь необходимой для арміи. Фридрихъ, по словамъ Драгомирова, считалъ армію искусственнымъ и бездушнымъ организмомъ, въ который могли вдохнуть жизнь только хорошіе начальники, а потому онъ придавалъ особую важность постоянной инспекціи войскъ въ мирное время. Его смотры производили повѣрку тактическому обученію офицеровъ и солдатъ, а подъ конецъ каждаго изъ нихъ онъ громко осуждалъ все, что находилъ дурнаго, и хвалилъ все, что замѣчалъ хорошаго. Наполеонъ въ своихъ парадахъ шелъ далѣе. Во время кон-

¹⁾ Revues de Frédéric et parades de Napoléon, par le général Dragomiroff, «La Revue hebdomadaire». 3 juin, 1899.

сульства и имперіи до 1806 года они происходили через каждые десять дней, а иногда и через пять. Наканунѣ онъ назначалъ, какія части войскъ будутъ смотрѣть, и въ опредѣленное время являлся верхомъ на Карусельную площадь, гдѣ собраны были войска, при чемъ никогда не заставлялъ ихъ ждать, хотя маршалы, принцы и даже императрица ежедневно испытывали муки ожиданія его особы. Прежде всего онъ объѣзжалъ войска и принималъ рапорты начальниковъ частей, а затѣмъ соскакивалъ съ лошади и заставлялъ маневрировать роты, эскадроны и батареи. Наконецъ онъ подробно осматривалъ ранцы пѣхоты, кабуры кавалеріи и пороховые ящики артилеріи, при чемъ доходилъ до самыхъ мельчайшихъ подробностей и вмѣстѣ съ тѣмъ повѣрялъ знаніе офицеровъ и солдатъ. Такіе парады продолжались три часа, а иногда пять. Кромѣ технической пользы, они приносили и нравственную, потому что устанавливали твердую связь между Наполеономъ и не только начальниками войскъ, но и послѣдними солдатами. Въ концѣ парада во времена консульства Бонапарте раздавалъ почетныя сабли, и всякій, кто получалъ это отличіе, все равно былъ ли онъ генералъ, офицеръ или солдатъ, объѣдалъ въ этотъ день у перваго консула вмѣстѣ съ его женою, министрами и высокопоставленными лицами. Во время походовъ парады не прерывались, и на одномъ изъ нихъ, наканунѣ битвы подъ Эйлау, Наполеонъ былъ такъ доволенъ блестящей атакой кирасиръ, что передъ всѣми поцѣловалъ дивизионнаго генерала Отпуля. «Для доказательства, что я достоинъ такой чести, я долженъ умереть за ваше величество», воскликнулъ Отпуй. И дѣйствительно на другой день онъ сдержалъ свое слово и былъ убитъ въ сраженіи. Но съ годами императоръ сталъ предаваться лѣни, и парады производились рѣже. Такъ въ зиму 1811—1812 было только четыре парада, и они совершенно потеряли свой прежній характеръ. Между прочимъ послѣ парада офицеры приглашались на обѣдъ, но не къ Наполеону, а въ ресторанъ, гдѣ его представителемъ являлся флигель-адъютантъ. «Это было кормленіе, а не честь,—замѣчаетъ Драгомировъ:—и въ немъ не принимали участія солдаты. То, что чувствовали офицеры, а въ особенности солдаты, послѣ обѣда у перваго консула, не могло сравниться съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое выносили присутствовавшіе на обѣдахъ въ ресторанахъ въ 1812 году. Голосъ и эхо не имѣютъ между собою ничего общаго».

— Взглядъ французскаго историка на Суворова. Среди историческихъ лекцій, прочитанныхъ въ нынѣшнемъ году въ французской военной Сень-Сирской школѣ, обращаетъ на себя вниманіе лекція извѣстнаго французскаго историка, много писавшаго о Россіи, А. Рамбо. Предметомъ ея былъ Суворовъ, и она напечатана въ двухъ номерахъ «Revue Bleue»¹⁾. Авторъ прежде всего заявляетъ, что Суворовъ вполне заслуживаетъ занять мѣсто въ галлерей замѣчательныхъ полководцевъ, съ которыми профессора исторіи знакомили учениковъ Сень-Сирской школы, и его оригинальная фигура имѣетъ полное право являться рядомъ съ Конде, Гошемъ, Даву и Бюжо, предметами остальныхъ лекцій въ нынѣшнемъ году. По словамъ Рамбо, изученіе военной исторіи путемъ

¹⁾ Conférences à l'Ecole de Saint-Cyr: le feld-maréchal Souvoroff, par M. A. Rambo. «Revue Bleue», 8—15 juillet, 1899.

біографій чрезвычайно полезно, если герой каждой изъ этихъ біографій былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ важныхъ событіяхъ, представителемъ значительной эволюціи въ военномъ искусствѣ и выразителемъ своей націи или расы, а всѣмъ этимъ требованіямъ вполне удовлетворяетъ Суворовъ. Онъ игралъ главную роль въ такихъ событіяхъ, какъ расчлененіе Турціи, раздѣлъ Польши и уничтоженіе французскаго господства въ Италіи во времена революціи. Онъ въ высшей степени выражалъ русскій военный гений въ самой его оригинальной формѣ. Наконецъ онъ олицетворяетъ замѣчательную эволюцію въ военномъ искусствѣ въ Россіи, такъ какъ до него, напримѣръ, въ Семилѣтнюю войну, въ битвахъ при Егерсдорфѣ, Корндорфѣ и Кунерсдорфѣ, а также послѣ него въ сраженіяхъ подъ Аустерлицемъ, Бородиномъ и Малымъ Ярославцемъ, Россія была обязана своимъ успѣхамъ упорному, непоколебимому, пассивному сопротивленію, Суворовъ же представляется героемъ нападенія, натиска, атаки. Указавъ такимъ образомъ на общее значеніе Суворова для изучателей военнаго дѣла, Рамбо приводитъ главные источники для его біографіи, почти исключительно русскіе, и въ особенности придаетъ важность рассказамъ стараго суворовскаго солдата, Якова Ивановича Старкова. Свой блестящій очеркъ французскій историкъ дѣлитъ на три главы: въ первой рельефными чертами онъ рисуетъ положеніе русской арміи при Суворовѣ; во второй широкой кистью набрасываетъ портретъ самого Суворова, а третью посвящаетъ его борьбѣ съ французами въ Италіи и въ Швейцаріи, какъ самому любопытному эпизоду изъ жизни и подвиговъ Суворова для аудиторіи лектора. При Екатеринѣ и Павлѣ русская армія, по замѣчанію Рамбо, была организована почти такъ же, какъ всѣ европейскія арміи тогдашняго времени. Главную ея основу составлялъ солдатъ, бывшій рабомъ, если болѣе не помѣщика, то строгой дисциплины, поддерживаемой религіей и патриотизмомъ. Внутренній строй, тактика и образование офицеровъ отличались чужестраннымъ вліяніемъ, что не мѣшало, какъ солдатамъ, такъ и офицерамъ, ненавидѣть иностранцевъ, въ особенности французовъ, во время походовъ Суворова въ Италію и Швейцарію. «По странной ироніи судьбы, замѣчаетъ Рамбо, какъ русскіе, такъ и французы, тогда принимали на себя роль освободителей съ тѣмъ только различіемъ, что первые стремились «освободить отъ изгнанія французскихъ и итальянскихъ Бурбоновъ, лишенныхъ престола нечестивыми атеистами и вольтерьянцами, а французы дрались за свободу своей родины и всего человѣчества». Во главѣ русской арміи, рассказываетъ далѣе французскій историкъ, находился Суворовъ, который по вѣншиности былъ полнымъ олицетвореніемъ русской арміи и русской націи того времени, но, въ сущности, скрывалъ, подъ оригинальной маской чудака, ненавистника чужестранцевъ и какого-то дикаго Тамерлана, не жалѣвшаго человѣческихъ душъ для достиженія побѣды, глубокое знаніе военнаго искусства, тактики, инженерной науки, математики, исторіи, географіи и языковъ: французскаго, нѣмецкаго, польскаго, итальянскаго, новогреческаго, турецкаго и татарскаго. По природѣ оригиналь, позволявшій себѣ самыя нелѣпыя выходки, отчасти по пристрастію къ нимъ, а отчасти съ цѣлью поддержать свою популярность, Суворовъ не только во время войны заботился о своей арміи и побуждалъ, благодаря ея культу къ своему начальнику, но и въ мирное время старательно

обучалъ ее, подготавливая къ будущимъ подвигамъ, при чемъ постоянно держался наступательной тактики. При Павлѣ I онъ былъ упорнымъ врагомъ такъ называемыхъ гатчинскихъ реформъ въ арміи и своей смѣлой оппозиціей заслужилъ опалу до назначенія его, по внушенію Англіи и по просьбѣ Австріи, главнокомандующимъ русско-австрійской арміи, съ дѣлюю, по словамъ его собственной прокламаціи, «выгнать изъ Италіи безумныхъ, безбожныхъ французовъ и возстановить поколебленные престолы и христіанскую вѣру». Отдавая полную справедливость славнымъ побѣдамъ Суворова при Кассано, Требии и Нови, Рамбо все-таки, какъ французъ, не можетъ не указать, что съ одной стороны Суворовъ имѣлъ всегда болѣе многочисленную армію, чѣмъ французы, что онъ самъ и всѣ русскіе признавали блестящую храбрость въ своихъ противникахъ, и что неизвѣстно, каковъ былъ бы результатъ итальянской кампаніи, если бы Суворову пришлось имѣть дѣло съ Наполеономъ, а не съ Моро, Магдональдомъ, Жуберомъ и Массеной. Гораздо выше итальянскихъ побѣдъ Рамбо ставитъ его подвиги въ Швейцаріи, куда его завела измѣна Австріи, и гдѣ онъ спасъ честь своего имени и Россіи, только благодаря неимовѣрной смѣлости, съ которою покорилъ не только французовъ, но и природу, ставившую ему на каждомъ шагѣ непреодолимыя преграды. «Чтобы выйти побѣдителемъ изъ этой страшной борьбы», говоритъ Рамбо, «Суворовъ пожертвовалъ всѣмъ: побросалъ пушки и раненыхъ, заставилъ голодныхъ и почти обнаженныхъ солдатъ переносить сверхъестественныя усталости и самъ не жалѣлъ себя на 71-мъ году жизни, такъ что вслѣдствіе перенесенныхъ лишеній и заботъ вскорѣ умеръ, по возвращеніи въ Россію. Швейцарская кампанія Суворова останется въ военныхъ лѣтописяхъ, какъ великій и первый примѣръ горной войны, ознаменованной гигантскими подвигами среди колоссальной по своей дикости природы». Оканчивая свой очеркъ Суворова, французскій историкъ приводитъ отзывъ маршала Сульта, который видѣлъ главное достоинство русскаго полководца въ его удивительномъ талантѣ имѣть неограниченное вліяніе на свою армію. «Въ силу этой-то способности настоящаго вожака людей, прибавляетъ французскій историкъ, Суворовъ достоинъ занять почетное мѣсто среди знаменитыхъ полководцевъ всѣхъ временъ и народовъ. Онъ былъ со своими солдатами то повелителемъ, то по-братски фамилляренъ, то величественъ, то нѣженъ, то архистратигомъ, то буффономъ, а въ концѣ концовъ добивался отъ нихъ такой преданности, такой смѣлости, такой выносливости и такого самопожертвованія, какого развѣ одинъ Наполеонъ умѣлъ добиться отъ своихъ старыхъ служакъ. Отдаваясь всецѣло своимъ солдатамъ и не жалѣя своей жизни во главѣ ихъ, онъ побуждалъ ихъ совершать чудеса. По словамъ Багратіона, «когда появлялся Суворовъ въ критическую минуту, чудо совершалось само собою».

— Раскопки Бастиліи. За три мѣсяца до празднованія въ нынѣшнемъ году 14-го іюля, дня взятія Бастиліи, произведены случайныя раскопки Бастиліи и найдены остатки одной изъ ея восьми башенъ: именно башни «Свободы». Эта любопытная находка сдѣлана рабочими при проведеніи парижской подземной желѣзной дороги, подъ площадью Бастиліи. Ученые археологи тотчасъ признали въ найденномъ фундаментѣ круглой башни остатокъ знаменитой тюрьмы, и парижскій муниципальный совѣтъ рѣшилъ, чтобы означенные камни были осторожно

вынуты и перенесены на Селестинскую набережную, гдѣ снова будутъ сложены въ томъ видѣ, въ какомъ найдены. Парижская печать подняла вопросъ не о подлинности находки остатковъ башни «Свободы», которая вполнѣ безспорна, а о томъ, почему одна изъ башенъ Бастиліи называлась такимъ, не подобающимъ для страшной тюрьмы названіемъ. Одни публицисты стали доказывать, что такое названіе было, вѣроятно, дано по ироніи, а другіе считали болѣе основательнымъ предположеніе, что подобное названіе эта башня получила, благодаря счастливому бѣгству изъ нея какого нибудь узника. Но уже ранѣе почтенный изслѣдователь исторіи Бастиліи, Фернандъ Бурнонь, замѣтилъ, что башня Свободы была обращена лицомъ къ городу, а всѣ бѣгства, которыя совершались изъ Бастиліи, были произведены съ противоположной стороны, т. е. изъ башенъ, выходившихъ за городъ. Наконецъ Францъ-Функъ-Брентано на страницахъ «Revue Encyclopedique»¹⁾ выяснилъ эту историческую загадку. Близко изучивъ бастильскій архивъ, онъ легко нашелъ настоящую причину, почему эту башню называли башней Свободы. Дѣло въ томъ, что узники Бастиліи дѣлились на два класса: на заточенныхъ и пользовавшихся свободой. Первые были подвергнуты одиночному заключенію и не пользовались никакими сношеніями со вѣшнимъ міромъ, а послѣдніе напротивъ жили совмѣстно, принимали посѣтителей и имѣли право гулять, даже играть въ мячъ. Большая часть этихъ послѣднихъ узниковъ обитали въ той самой башнѣ, остатки которой теперь найдены и которая мало-по-малу стала называться башней Свободы, отъ той сравнительной свободы, которою пользовались ея обитатели.

— Столѣтній юбилей англійскихъ волонтеровъ. 8-го іюля нынѣшняго года, въ Лондонѣ, праздновалась столѣтняя годовщина съ основанія волонтеровъ въ Англій, и принцъ Уэльскій въ мундирѣ одного изъ этихъ отрядовъ произвелъ парадъ въ Гайдъ-паркѣ волонтерамъ Лондона и окрестныхъ графствъ. Въ сущности, однако, англійскіе волонтеры въ теперешнемъ ихъ видѣ существуютъ не сто, а только сорокъ лѣтъ, а вообще волонтеры существовали въ Англій и равнѣ конца прошедшаго вѣка. Первый изъ подобныхъ отрядовъ былъ организованъ лондонскими гражданами по разрѣшенію Генриха VIII въ 1537 году подъ названіемъ «Братство св. Георгія» и существуетъ донныиъ подъ названіемъ лондонскаго артиллерійскаго отряда. Общее движеніе въ пользу образованія волонтеровъ возникло прежде всего въ Ирландіи между протестантами, когда этой странѣ грозило нападеніе французовъ и испанцевъ, а затѣмъ оно распространилось и въ Англій во время войнъ съ Франціей при революціи, консульствѣ и имперіи. Парламентскими актами 1794 и 1804 годовъ организація волонтеровъ была точно опредѣлена. Такимъ образомъ, если теперь выбрали для юбилейнаго празднованія 1799 годъ, то лишь потому, что 4-го іюня того года король Георгъ III впервые сдѣлалъ парадъ въ Гайдъ-паркѣ лондонскимъ волонтерамъ, въ числѣ 8.193-хъ человекъ, хотя ихъ тогда считалось всего 15.000. По словамъ современниковъ, на этомъ парадѣ былъ выказанъ такой патріотическій энтузіазмъ, что волонтеры, за-

¹⁾ Bastille. La tour de la liberté, par F. Funck-Brentano. «Revue Encyclopedique», 8 juillet, 1899.

бывъ дисциплину, махали шапками и киверами при оглушительныхъ крикахъ «ура», а старый король прослезился отъ радости, что его подданные высказываютъ такую любовь къ нему. Естественно, что съ наступленіемъ долговременнаго мира послѣ 1815 года англійскіе волонтеры совершенно ступевались. Ихъ отряды были раскассированы, и о нихъ ничего не слышно до возникновенія во Франціи второй имперіи. Тогда снова началось патріотическое движеніе, въ пользу защиты страны свободными гражданами. Поэтъ Тэнисонъ крикнулъ кличъ въ знаменитомъ стихотвореніи, которое оканчивалось словами: «Сомните ряды, стрѣлки, за свободу и королеву». Въ 1859 году правительство разрѣшило образованіе волонтеровъ, и въ теченіе года они такъ распространились по всей странѣ, что достигли цифры 119.000 человекъ. Тогда въ волонтеры шли только люди состоятельные, такъ какъ они должны были обмундировываться и вооружаться на свой счетъ, что стоило среднимъ числомъ до восьми фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Благодаря этому, дисциплина среди волонтеровъ была очень слабая, и солдаты обращались за панибрата съ офицерами. Впрочемъ подобное явленіе было очень естественно, такъ какъ среди солдатъ были люди знатные, богатые и высокопоставленные, а офицеры были выбираемы ими же. Рассказываютъ любопытный анекдотъ, что одинъ полковникъ регулярной арміи, присланный для инспекціи какого-то провинціального отряда волонтеровъ, былъ удивленъ замѣчательной выправкой одного изъ пожилыхъ солдатъ и спросилъ его покровительственнымъ тономъ: «Вы, должно быть, служили въ регулярной арміи?».— «Точно такъ»,— отвѣчалъ волонтеръ. «А въ какомъ вы были чинѣ?»— продолжалъ спрашивать полковникъ, и былъ совершенно озадаченъ, получивъ въ отвѣтъ: «Въ чинѣ генераль-майора». Хотя первое увлеченіе службой мало-по-малу уменьшилось среди волонтеровъ, но все-таки до сихъ поръ они составляютъ оригинальное явленіе англійской жизни и въ теперешнемъ ихъ видѣ служатъ очень полезнымъ подспорьемъ регулярной арміи. Въ настоящее время ихъ болѣе, чѣмъ солдатъ регулярной арміи: именно первыхъ 232.711 человекъ, а послѣднихъ 146.864. Съ нѣкоторыхъ поръ внутренній строй волонтеровъ значительно измѣнился, дисциплина стала гораздо строже, обмундировка и вооруженіе уже выдается на казенный счетъ, и волонтеры находятся въ полномъ завѣдываніи военныхъ властей. Ежегодно пятая ихъ часть перемѣняется, и потому легко себя представить, сколько въ Англіи находится людей, обученныхъ военному дѣлу. Такимъ образомъ эта страна лавочниковъ, какъ обыкновенно ее называютъ, достигла безъ всеобщей военной повинности своей цѣли, именно защиты родины на случай надобности свободными гражданами. «Вѣроятно, не далеко то время, — говоритъ авторъ статьи объ англійскихъ волонтерахъ въ «English Illustrated Magazine»¹⁾, Д. Буллокъ, — когда вмѣсто всеобщей воинской повинности, противорѣчащей характеру нашего народа, общественное мнѣніе заставитъ всѣхъ здоровыхъ молодыхъ людей поступать въ волонтеры, чтобы быть готовыми на случай надобности защитить свободу своего отечества».

¹⁾ The story of the volunteers, by J. Bulloch, English Illustrated Magazine, 1899, July.

— Два дѣателя борьбы за независимость Италіи. Въ недавно вышедшей книгѣ итальянскаго писателя Рафаэля Барбьеры подь оригинальнымъ названіемъ «Фигуры и фигурки умирающаго вѣка» ¹⁾ представлена любопытная галлерей портретовъ великихъ и малыхъ дѣателей романической эпохи борьбы итальянцевъ за свободу и независимость. Быть можетъ, самыя интересныя изъ характеризуемыхъ авторомъ историческихъ фигуръ, трагическій образъ графа Фредерика Конфалоньери и частью комичный, частью героическій типъ Темистокла Солеры. Судьба перваго изъ нихъ была очень печальная и патетическая; съ самаго начала своей жизни и до конца ея онъ былъ жертвой клеветы. Еще молодымъ человекомъ его обвиняли въ убійствѣ Прини, министра финансовъ итальянскаго королевства при Наполеонѣ, изъ личной ненависти къ вице-королю, Евгению Богарне, и хотя онъ всегда отвергалъ справедливость этого обвиненія, но несомнѣнно, что онъ участвовалъ въ томъ возстаніи, которое стоило жизни министру Принѣ. Считаая французовъ чужестранными притѣснителями Италіи, графъ Конфалоньери содѣйствовалъ паденію итальянскаго королевства въ 1814 году и зонтикомъ разорвалъ на мелкіе куски портретъ Наполеона, висѣвшій въ Миланѣ, въ залѣ сената. Онъ полагалъ, что австрійцы возвратятъ Италіи золотой вѣкъ Маріи-Терезіи, но ошибся и дорого заплатилъ за эту ошибку. Убѣдившись, что австрійцы были еще хуже французовъ, онъ поклялся освободить отъ нихъ свою родину и въ качествѣ провозвѣстника Мадзини сталъ образовывать одинъ заговоръ карбонаріевъ за другимъ, вмѣстѣ съ Сильвіо Пеллико, Борзьеры, Марончели и другими патріотами съ цѣлью создать независимое конституціонное королевство въ Италіи, подь управленіемъ савойской династіи. Какъ извѣстно, всѣ эти заговоры имѣли самый печальный конецъ, но Конфалоньери съ аристократической гордостью не хотѣлъ искать спасенія въ бѣгствѣ, хотя начальникъ австрійскихъ войскъ, маршалъ Бубна, питавшій къ нему дружескія чувства, сказалъ ему наканунѣ ареста заговорщиковъ: «Графъ, я видѣлъ сегодня во снѣ, что вы уѣхали въ Швейцарію». Когда же онъ былъ дѣйствительно арестованъ и подвергнутъ строгому допросу, то онъ не поддавался ни угрозамъ, ни подкупамъ и не выдалъ никого, а главное Карла-Альберта, принца кариньянскаго и будущаго короля Пьемонтскаго. Меттернихъ считалъ его столь важнымъ узникомъ, что потребовалъ въ Вѣну и уговорилъ императора помиловать его, въ надеждѣ, что онъ въ благодарность откроетъ всѣ подробности заговоровъ. Но Конфалоньери остался непреклоннымъ и былъ заточенъ въ страшной тогда тюрьмѣ Шпильбергѣ. Тринадцать лѣтъ провелъ онъ тамъ и когда наконецъ вышелъ, то былъ больнымъ, измученнымъ, истощеннымъ старикомъ. Но всѣ ужасы заточенія въ Шпильбергѣ, такъ рельефно описанныя Сильвіо Пелико и французомъ Андрианомъ, сидѣвшими въ этой знаменитой тюрьмѣ въ одно время съ Конфалоньери, не измѣнили благородной души итальянскаго патріота, и когда жена доставила ему средства къ бѣгству, то онъ не хотѣлъ ими воспользоваться изъ боязни, чтобы его спасеніе не ухудшило положенія товарищей по заключенію. Не успѣлъ онъ выйти на свободу и отправиться въ

¹⁾ Figure et figurine del secole chè muore, di Raffaello Barbiera. Milano. 1899.

Парижъ, какъ узналъ, что принцесса Бельждоджозо напечатала въ Миланѣ книгу, въ которой оклеветала его, увѣряя, что онъ своимъ легкомысліемъ погубилъ себя и своихъ товарищей. Несмотря на свое болѣзненное положеніе и зимнее время, онъ немедленно отправился въ Италію черезъ Швейцарію и по дорогѣ, въ селеніи Оспенталь, въ кантонѣ Ури, 8-го декабря 1846 года умеръ на рукахъ Софіи Оферраль, посвятившей себя уходу за пламеннымъ патриотомъ, послѣ смерти его жены, которая не дожила до его освобожденія. Совершенно иной фигурой былъ Темистокль Соллера, сынъ одного изъ шпильбергскихъ мучениковъ, товарищей Конфалоньери. По приказанію австрійскаго императора, онъ былъ отданъ на воспитаніе въ клерикальную вѣнскую школу, но юный итальянецъ вскорѣ бѣжалъ отсюда и поступилъ въ странствующій циркъ, гдѣ его отыскала черезъ нѣсколько времени австрійская полиція и помѣстила снова въ школу, но не въ вѣнскую, а миланскую. Окончивъ на этотъ разъ свое воспитаніе, Темистокль Соллера, отличавшійся гигантскимъ ростомъ, геркулесовскими плечами и атлетическими мускулами, сталъ вести веселую жизнь и писать стихи. Судьба натолкнула его на молодого Верди, который тогда съ трудомъ пробивалъ себѣ дорогу, и онъ написалъ ему либретто оперы «Новуходоносоръ», которая была первымъ успѣхомъ знаменитаго композитора. Соллера получилъ за свое либретто шестьсотъ ливровъ и прокутилъ ихъ въ одинъ день. Затѣмъ онъ написалъ для Верди еще либретто двухъ оперъ «Ломбардцы» и «Аттила», но при работѣ новой пьесы «Юанна д'Аркъ» они разсорились, и Соллера попробовалъ самъ писать и либретто, и музыку для двухъ оперъ «Ildegonda» и «Contadino d'Agliate», которыя имѣли нѣкоторый успѣхъ. Неожиданно онъ снова исчезъ, и одинъ изъ его друзей нашелъ Соллера спустя нѣсколько времени въ Ливорно, гдѣ онъ исполнялъ должность водоноса. На вопросъ пріятеля, что значило такое безуміе, онъ отвѣчалъ: «Это не безуміе. Я никогда въ жизни ничего не дѣлалъ умнѣе; чтобы дать отдохнуть моимъ мозгамъ, я работаю плечами». Спустя годъ, ливорнскій водоносъ былъ капельмейстеромъ одного изъ театровъ въ Мадридѣ, гдѣ пѣла его молодая жена, Тереза Розмини. Однажды вечеромъ во время представленія, на которомъ присутствовала испанская королева, Изабелла, какой-то офицеръ, сидѣвшій въ партерѣ, неуважительно отозвался о королевѣ, и Соллера со своего капельмейстерскаго мѣста громко произнесъ: «Офицеръ, оскорбляющій королеву, — измѣнникъ, а мужчина, оскорбляющій женщину, — подлецъ». Офицеръ отвѣчалъ грубой бранью, а Соллера, быстро перескочивъ изъ оркестра въ партеръ, далъ ему оплеуху. Произошелъ большой скандалъ, и королева, узнавъ, въ чемъ дѣло, приказала арестовать офицера и пригласить Темистокла на другой день во дворецъ. Итальянскій геркулесъ сразу понравился Изабеллѣ и сталъ неограниченно пользоваться ея милостями. Нѣсколько времени онъ катался, какъ сыръ въ маслѣ, назначалъ и увольнялъ министровъ, раздавалъ ордена и награды, но въ концѣ концовъ фаворитъ Изабеллы долженъ былъ покинуть Мадридъ по ея собственной просьбѣ изъ боязни, чтобы его не убили заговорщики, которые уже однажды безуспѣшно покушались на его жизнь. Онъ вернулся въ Миланъ, сохранивъ отъ своего прежняго величія только бархатный жилетъ съ брилліантовыми пуговицами, которыя одна за другой были проданы и заложены, такъ

какъ написанное имъ либретто къ оперѣ Монтевити «Пергалезъ» не могло долго окупить его веселое существованіе. Однако Изабелла не забыла рослаго итальянца, и онъ вкорѣ получилъ телеграмму отъ какого-то генерала, который его приглашалъ вернуться. Онъ отвѣчалъ, что долги не пускаютъ его изъ Милана. Тогда генераль телеграфировалъ: «получите пять тысячъ ливровъ и прѣзжайте». Темистокль отвѣчалъ: «пять тысячъ ливровъ недостаточно для уплаты долговъ такого человѣка, какъ Соллера». Новая телеграмма отъ генерала: «Возьмите десять тысячъ, и кончимъ дѣло». Тогда Темистокль отвѣчалъ: «Этого довольно, я ѣду». Въ Мадридѣ Соллера оставался недолго и былъ назначенъ испанскимъ посланникомъ въ Португалію. Но, едва онъ достигъ Лисабона, какъ получилъ извѣстіе о народномъ движеніи въ Италіи. Въ легкомысленномъ искателѣ приключеній проснулась душа пламеннаго патріота, и онъ бросилъ все: посольство, Изабеллу, почести, богатства. Снова онъ явился въ Миланъ даже безъ брилліантовыхъ пуговицъ и принялъ участіе сначала въ тайныхъ заговорахъ, а потомъ въ открытой борьбѣ за независимость родины. Его похождения въ эту эпоху были самыя необыкновенныя и разнообразныя: онъ то появляется въ кабинетѣ Наполеона III для переговоровъ о предстоящей войнѣ Франціи съ Австріей за Италію, то исполняетъ тайныя порученія Кавура и Ламорморы, то отъ имени *«re galant huomo»* вручаетъ настоятельницамъ одного монастыря значительную сумму денегъ, какъ выкупъ за молодую дѣвушку, которою интересуется король, то, скучая отъ политическихъ проволочекъ, беретъ на себя уничтоженіе разбойничества въ южной Италіи и въ личномъ единоборствѣ убиваетъ главнаго разбойника, Серавалле, то исполняетъ должность квестора во Флоренціи, Палермо, Болоньѣ и Венеціи. Наконецъ ему надоѣла административная дѣятельность, и онъ принялъ предложеніе египетскаго хедива организовать мѣстную полицію и устроить блестящія празднества, по случаю открытія Суэзскаго канала, въ честь чего онъ сочинилъ кантату. Однако его все-таки тянуло въ Италію, и, вернувшись въ Миланъ, онъ занялся спекуляціей по продажѣ старинныхъ картинъ, но ему не повезло. Онъ снова разорился, а участіе въ неудачномъ предпріятіи всемірной выставки въ Вѣнѣ окончательно его погубило. Последніе годы своей жизни этотъ старый, забытый всѣми, баловень счастья жилъ въ нищетѣ то въ Парижѣ, то въ Лондонѣ, то въ Миланѣ, гдѣ и умеръ въ 1878 году.

— Воспоминанія Маккарти. Другъ Парнеля и послѣ его смерти вожакъ ирландской партіи въ англійскомъ парламентѣ, депутатъ, публицистъ и романистъ, Джустевъ Маккарти, напечаталъ надняхъ любопытныя воспоминанія о своей полулѣтковой политической и литературной дѣятельности¹⁾. Близко зная всѣхъ выдающихся людей Англіи и Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ онъ былъ нѣсколько разъ, авторъ «Исторіи нашего времени», многочисленныхъ романовъ и ежедневныхъ передовицъ въ «Daily-New's» въ продолженіе 25 лѣтъ переполнилъ два большихъ тома своихъ воспоминаній блестящими характеристиками этихъ историческихъ личностей и чрезвычайно интересными, большею частью новыми анекдотами о нихъ. При этомъ все, что онъ говоритъ, отли-

¹⁾ «Reminiscences», by Justin Mc-Carthy. London. 2 vol. 1899.

чается такимъ симпатичнымъ и добродушнымъ тономъ, что чтеніе его книги, картинно и легко написаной, доставляетъ вмѣстѣ и удовольствіе и возможность познакомиться съ подноготной стороною эпохи-королевы Викторіи, которая составить одинъ изъ самыхъ блестящихъ періодовъ англійской исторіи. Конечно, главными героями мемуаровъ Маккарти являются Парнелъ и Гладстонъ. Послѣдняго изъ нихъ онъ считаетъ величайшимъ государственнымъ человѣкомъ нашего времени и приводитъ многія бесѣды съ нимъ по политическимъ и общественнымъ вопросамъ. Относительно же перваго онъ отзывается съ самымъ теплымъ сочувствіемъ и свидѣтельствуетъ, что видѣлъ ирландскаго трибуна во всякіе критическіе моменты, но, несмотря на всѣ заботы, испытанія, тревоженія и даже оскорбленія, онъ всегда оставался истиннымъ джентльменомъ. «Я ненавижу, чтобы меня ненавидѣли, говаривалъ онъ не разъ, меня лихорадка бьетъ при мысли, что многіе меня не терпятъ». Но при этомъ онъ не зналъ, что такое страхъ, и всегда и вездѣ обнаруживалъ самое геройское мужество. Но, восторгаясь своимъ бывшимъ предводителемъ, Маккарти не скрываетъ, что онъ никогда не видалъ человѣка, который такъ плохо зналъ бы не только всеобщую, но даже англійскую литературу. Кромѣ парламентскихъ отчетовъ и сочиненій по прикладнымъ наукамъ, онъ никогда не читалъ ни одной книги и въ своихъ краснорѣчивыхъ рѣчахъ никогда не приводилъ поэтическихъ цитатъ, исключая двухъ неудачныхъ случаевъ, когда онъ перепуталъ одно стихотвореніе Мура, а другое приписалъ Байрону, между тѣмъ какъ оно принадлежало тому же Муру. Кобденъ и Брайтъ занимаютъ видное мѣсто въ галереѣ портретовъ, рисуемыхъ Джустиномъ Маккарти. Съ обоими изъ нихъ онъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и передаетъ о нихъ много характеристичныхъ анекдотовъ. Напримѣръ, онъ рассказываетъ, что когда Пальмерстонъ предложилъ Кобдену министерскій портфель, то послѣдній отказался, говоря, что онъ не можетъ занимать мѣсто въ кабинетѣ того человѣка, котораго онъ не разъ называлъ худшимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ Англійи. «Это ничего, — отвѣчалъ Пальмерстонъ, — Мильнеръ Джисонъ говорилъ то же, и однако онъ теперь министръ». «Да, — произнесъ чистосердечно Кобденъ, — но я и теперь остаюсь при томъ же мнѣніи». Американцу Сумнеру Кобденъ объяснилъ свое нежеланіе сдѣлаться министромъ нѣсколько иначе: «Если я буду министромъ, — сказалъ онъ со смѣхомъ, — то мнѣ нельзя будетъ ѣздить въ городскихъ дилижансахъ за два пенса». Брайтъ былъ еще искреннѣе и рѣзче на словахъ, чѣмъ Кобденъ. Однажды онъ терпѣливо выслушалъ изложеніе какимъ-то либеральнымъ министромъ своего мнѣнія по важному политическому вопросу и хладнокровно сказалъ: «Если вы дѣйствительно раздѣляете это мнѣніе, то я не советую вамъ высказывать его публично». Удивленный министръ спросилъ «отчего» и получилъ въ отвѣтъ: «Если вы выскажете это мнѣніе публично, то всѣ сочтутъ васъ за дурака». Несмотря на свою политическую вражду, Брайтъ и Дизраэли находились въ дружескихъ отношеніяхъ между собою и часто даже въ парламентѣ бесѣдовали попріятельски. Въ одну изъ такихъ бесѣдъ Дизраэли сказалъ: «Вы знаете, Брайтъ, что мы оба добиваемся одной цѣли — славы». Какъ ни старался Брайтъ увѣрить будущаго лорда Виконсфильда, что онъ стремится не къ славѣ, а къ народному благу, послѣдній не хотѣлъ

вѣрить искренности его словъ и замолчалъ съ саркастической улыбкой. Хотя Маккарти считаетъ Брайтона и Гладстона первыми современными ораторами, а Кобденъ не отличался ни плавнымъ, безконечно лившимся краснорѣчiemъ Гладстона, ни пламенной простотой Брайта, но онъ поражалъ логичностью и убѣдительностью своихъ рѣчей, такъ что, по словамъ Маккарти, скорѣе найдется второй Гладстонъ или Брайтъ, чѣмъ Кобденъ. Какъ извѣстно, Велингтонъ не былъ ораторомъ, но иногда онъ говорилъ очень характерно и ловко. Напримѣръ, Маккарти приводитъ его рѣчь, произнесенную въ отвѣтъ на длинную филиппику одного ученаго юриста, который доказывалъ въ палатѣ пэровъ, что онъ не понималъ разсматривавшійся въ то время билль. Герой Ватерлоо спокойно выслушалъ всѣ безконечные аргументы своего противника, а потомъ сказалъ: «почтенный и ученый лордъ увѣряетъ, что я не понимаю настоящаго билля. Я на это могу отвѣтить только одно: я прочелъ этотъ билль одинъ разъ, прочелъ его два раза, прочелъ его три раза и если я все-таки его не понимаю, то я, должно быть, проклятый дуракъ». Съ этими словами онъ опустился на свое мѣсто, и вся палата разразилась гомерическимъ смѣхомъ. Еще болѣе остроумный анекдотъ, въ которомъ также главную роль играетъ слово дуракъ, рассказываетъ Маккарти о знаменитомъ американскомъ проповѣдникѣ, Вардѣ Бичерѣ. Онъ имѣлъ обыкновеніе брать съ собою въ церковь по воскресеніямъ полученныя въ то утро письма и, вскрывъ ихъ, тамъ часто находилъ въ нихъ предметъ для проповѣди, которая всегда была блестящей импровизаціей. Однажды онъ получилъ письмо, въ которомъ было написано одно только слово «дуракъ». Онъ громко прочиталъ это письмо съ кафедры и хладнокровно прибавилъ: «Я часто видалъ письма, въ которыхъ корреспонденты забывали подписать свое имя, но я въ первый разъ вижу, что человѣкъ подписалъ свое имя, но забылъ написать самое письмо».

— Отголоски франко-прусской войны. Печатаемые отрывки дневника американскаго генерала Шермана въ июньской книжкѣ «Century Magazine» относятся до его посѣщенія въ 1872 г. мѣстностей, прославленныхъ битвами между французами и нѣмцами ¹⁾. Въ Берлинѣ онъ видѣлся съ Мольтке и отзывается о немъ слѣдующимъ образомъ: «Онъ очень высокаго роста, а лицо его менѣе рябое, чѣмъ можно предположить по портретамъ; онъ носитъ бѣлокурый парикъ и говоритъ хорошо по-англійски, хотя кажется, что ему трудно подыскивать необходимыя выраженія. Конечно, Мольтке теперь считается величайшимъ стратегомъ нашего времени, но я беру смѣлость утверждать, что его военныя способности являются результатомъ старательнаго изученія всѣхъ мелочей, знанія дорогъ, мѣстности и всѣхъ условій войны, а также близкаго знакомства съ каждымъ человѣкомъ и каждымъ обстоятельствомъ, съ которыми онъ имѣетъ дѣло. Въ Америкѣ его приняли бы за профессора, или доктора, но зная, что онъ Мольтке, я пристально разсмотрѣлъ его черты и съ удовольствіемъ убѣдился, что выраженіе его лица простое, не такъ натянуто, какъ у Фридриха-Карла, и очень добродушное». Достигнувъ Страсбурга чрезъ

¹⁾ Sherman on franco-prussian Battle-Fields.—Extracts from general Sherman's diary of his european tour in 1872.—«Century Magazine», June, 1899.

Вѣну и Женеу, Шерманъ нашель, что въ этомъ городѣ сохранилось много слѣдовъ нѣмецкой бомбардировки, и немало большихъ домовъ стояли еще въ развалинахъ, но его удивило, что городскія стѣны и форты не были повреждены, уже не говоря о томъ, что нигдѣ не видно бреши. «Я полагаю», замѣчаетъ онъ: «что самая слабая сторона Страсбурга заключалась въ нахожденіи въ немъ многихъ гражданъ, которые не хотѣли быть принесенными въ жертву славы Франціи. Во всякомъ случаѣ Страсбургъ теперь часть Пруссіи, на его улицахъ видны только прусскіе мундиры, и слышенъ только нѣмецкій языкъ, а спустя нѣсколько лѣтъ, народъ, нравы и языкъ здѣсь совершенно измѣнятся. Это, должно быть, тяжелая шилюля для французовъ, которые помнятъ, что вся Европа должна была соединиться, чтобъ изгнать Наполеона изъ Дрездена и Лейпцига. Впрочемъ, это результатъ честнаго боя. И я долженъ признать, насколько я могъ замѣтить до сихъ поръ, что пруссаки умнѣе и трудолюбивѣе французовъ, а ихъ войска гораздо лучше по внѣшнему виду, обмундированію, выправкѣ и организаціи». Осмотрѣвъ поле битвы при Вертѣ, американскій генералъ говоритъ: «По моему мнѣнію, географія и топографія имѣли мало вліянія на результатъ этого сраженія, а оно было рѣшено, благодаря тому, что пруссаки сумѣли концентрировать на одномъ мѣстѣ больше войскъ, чѣмъ у французовъ. При этомъ нельзя не сказать, что французы всегда могли бы найти вокругъ Вичи мѣсто, гдѣ Макъ-Магонъ съ 45.000 солдатами могъ удержать въ продолженіе нѣсколькихъ дней наступленіе 150.000 нѣмцевъ». Точно такое же впечатлѣніе Шерманъ вынесъ изъ посѣщенія Резонвиля, Вюнвиля, Марса-Латура, Гравелота, Седана и Базеля. Вездѣ, по его мнѣнію, французы могли дать болѣе мужественный отпоръ, и онъ видитъ главную причину ихъ необыкновенныхъ пораженій въ деморализаціи французской арміи, тогда какъ пруссаки дѣйствовали съ удивительной смѣлостью, быстротой и презрѣніемъ къ своимъ противникамъ. Въ Парижѣ американецъ видѣлъ Базена и Макъ-Магона. Первый находился тогда подъ судомъ, который имѣлъ, по словамъ Шермана, болѣе политическій, чѣмъ военный характеръ. Все-таки онъ полагаетъ, что Базенъ могъ пробиться послѣ Гравелота къ Шалону и тѣмъ помѣшать сдачѣ Седана, и впоследствии Меца, съ потерей для Франціи двухъ армій. «Но, прибавляетъ онъ, безспорно, что нѣмецкая армія была гораздо сильнѣе и лучше французской, а потому, можетъ быть, тотъ же результатъ былъ бы достигнутъ инымъ путемъ». Что касается до Макъ-Магона, то онъ показался Шерману очень симпатичнымъ и вполне надѣющимся на реорганизацію французской арміи, хотя, по словамъ американца, тогда еще не было замѣтно никакой серьезной перемѣны въ этомъ направленіи. Что касается до подробнаго осмотра окрестностей Парижа для ознакомленія со всѣми перипетіями осады, то онъ все-таки привелъ Шермана къ прежнему заключенію, «что пруссаки доказали свое превосходство надъ французами во всемъ, какъ въ предводительствѣ, такъ и въ бою».

Полезнымъ пособіемъ къ исторіи осады Парижа, многія стороны которой еще не вполне выяснены, можетъ служить недавно вышедшая брошюра прусскаго генерала Блума подъ заглавіемъ «Отчего замедлилась осада Парижа». Авторъ тогда служилъ въ главномъ штабѣ прусской арміи и ясно рисуетъ картину борьбы между двумя партіями, образовавшимися по вопросу о бомбардировкѣ

Парижа. Одни, съ наследнымъ принцемъ и Мольтке во главѣ, стояли за промедленіе, а другіе, которыми руководили военный министръ фонъ-Рунъ и Бисмаркъ, настаивали на немедленномъ уничтоженіи современнаго Вавилона. Въ особенности интересны подробности, сообщаемыя генераломъ Блуме о столкновеніяхъ между Бисмаркомъ и главнымъ штабомъ, о которыхъ съ неудовольствіемъ говоритъ желѣзный канцлеръ въ своихъ мемуарахъ. Мольтке съ самаго начала войны принялъ мѣры, чтобы не повторялись неприятности, происходившія во время австро-прусской войны, благодаря допущенію Бисмарка на военные совѣты. На этотъ разъ онъ не только былъ удаленъ изъ военныхъ совѣтовъ, но даже не присутствовалъ, когда императоръ принималъ военные рапорты. Это, конечно, очень сердило канцлера, и онъ постоянно надоѣдалъ королю своими жалобами на то, что все дѣлалось военными властями безъ его вѣдома. Наконецъ 8 ноября онъ вышелъ изъ терпѣнія и написалъ наследному принцу и Мольтке, указывая на необходимость немедленной бомбардировки Парижа. Съ другой стороны Блуме посвящаетъ особую главу своей брошюры великому «молчальнику», доказывая, что Мольтке былъ до Садовы очень мало извѣстенъ въ прусской арміи. Уже генераль Вартенсгебенъ-Каровъ упоминалъ въ печати объ этомъ фактѣ, но ему никто не хотѣлъ вѣрить, но теперь онъ подтверждается такимъ компетентнымъ лицомъ, какъ генераль Блуме, который рассказываетъ, что онъ самъ слышалъ, какъ въ маѣ 1866 года офицеры одного полка, относившіе знамя во дворецъ, съ удивленіемъ спрашивали другъ друга, какой генераль съ необыкновенно длинными руками стоялъ на балконѣ дворца. Только одинъ изъ нихъ задумавшись произнесъ: «Погодите, кажется, это генераль Мольтке, начальникъ главнаго штаба». Мало того, по словамъ Блуме, въ самый день битвы подъ Садовой одинъ изъ корпусныхъ командировъ прусской арміи, получивъ черезъ офицера главнаго штаба приказъ отъ Мольтке въ измѣненіе сдѣланнаго принцемъ Фридрихомъ-Карломъ распоряженія, спросилъ: «Да, кто же этотъ генераль Мольтке?» Подобное незнаніе въ германской арміи его настоящаго главы было тѣмъ удивительнѣе, что Мольтке уже руководилъ главнымъ штабомъ въ продолженіе девяти лѣтъ, т.-е. съ 1857 года.

Въ «Revue hebdomadaire» помѣщенъ отрывокъ изъ дневника баварскаго унтеръ-офицера Вейднера во время франко-прусской войны¹⁾, и хотя въ немъ встрѣчаются описанія сраженій подъ Базелемъ, Седаномъ и Орлеаномъ, но наиболѣе интересны рассказы баварца объ отношеніяхъ пруссаковъ къ своимъ нѣмецкимъ союзникамъ. Онъ отзывался даже о французахъ лучше, чѣмъ о пруссакахъ, на грубость, тупость и жестокость которыхъ онъ постоянно жалуется. Тяжело раненый въ одномъ изъ сраженій подъ Орлеаномъ, онъ долго лежалъ во французскомъ госпиталѣ въ Бру, а затѣмъ былъ посланъ въ Версаль для дальнѣйшей отправки на родину. Въ Версалѣ прусскія власти обращались съ нимъ самымъ невозможнымъ образомъ: его не кормили, ему не дѣлали перевязки и заставили ждать, стоя на желѣзнодорожной станціи, пока отправятъ всѣхъ пруссаковъ. Наконецъ, выйдя изъ терпѣнія и не столько

¹⁾ Journal d'un sous-officier bavarois (1870—1871), par Weidner. «Revue hebdomadaire» 22 avril, 28 avril, 6 mai, 13 mai, 1899.

заботясь о себѣ, сколько о своихъ товарищахъ, такихъ же раненыхъ, какъ онъ, Вейднеръ подошелъ къ прусскому майору и почтительно заявилъ, что они не могутъ болѣе стоять отъ страданій и просятъ, чтобы ихъ помѣстили въ вагонъ. «Подождете, — отвѣтилъ рѣзко майоръ, — мнѣ надо сперва отправить своихъ людей». «Тогда я забылъ, что существуетъ дисциплина, продолжаетъ баварскій унтеръ-офицеръ, и сказалъ дерзко: «Господинъ майоръ, мы ранены и хотя баварцы, но имѣемъ такое же право на ваше вниманіе, какъ пруссаки». Онъ ничего не отвѣтилъ, повернулся ко мнѣ спиной и приказалъ посадить насъ въ товарный вагонъ, тогда какъ прусскихъ солдатъ на нашихъ глазахъ сажали въ третій, второй и даже первый класъ. Дѣлать было нечего, мы помѣстились въ товарномъ вагонѣ, но я кусалъ себѣ губы и громко проклиналъ судьбу, когда поѣздъ двинулся. Умирая съ голоду и валяясь, какъ собака, на обнаженномъ полу вагона, несмотря на мои тяжелыя раны, я печально произнесъ, обращаясь къ товарищамъ: «Вотъ, какъ цѣнятъ нашу службу, наши страданія. Развѣ мы, баварцы, для того сражались, чтобы пруссаки поступали съ нами такимъ образомъ, точно мы второклассные нѣмцы». Мой сосѣдъ, старій баварецъ, потрепалъ меня по плечу и произнесъ: «Полно, не сердись, мы вскорѣ будемъ дома и тамъ посмѣемся надъ проклятыми пруссаками». Я улыбнулся, но не могъ не вспомнить о томъ, какъ великодушно ухаживали за мною во французскомъ госпиталѣ».

— Смерть Шербюлье. Хотя въ послѣднее время знаменитый французскій журналъ «Revue des Deux Mondes» потерялъ въ значительной мѣрѣ свое вліяніе и авторитетъ, которые онъ искусно поддерживалъ въ продолженіе болѣе полувѣка, но все-таки онъ продолжаетъ стоять во главѣ, если не всесвѣтной, какъ бывало, то во всякомъ случаѣ французской журналистики. На его страницахъ свято сохраняются старыя преданія и поддерживаются выработанныя этимъ журналомъ формы романовъ, критикъ и публицистическихъ статей. Въ числѣ писателей, которые съ наибольшимъ талантомъ, трудолюбіемъ и ревностью высоко держали знамя «Revue des Deux Mondes», былъ до 2-го іюля настоящаго года Викторъ Шербюлье, который воплощалъ въ себѣ одномъ тройной типъ романиста, критика и публициста «Revue des Deux Mondes». Въ этотъ день онъ неожиданно былъ пораженъ ударомъ и умеръ, окончивъ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ статью для своего излюбленнаго журнала, въ которомъ онъ непрерывно работалъ 36 лѣтъ. Конечно, подобная потеря для «Revue des Deux Mondes» чрезвычайно чувствительна, и его редакторъ Брюнетьеръ въ очень теплыхъ, хотя, быть можетъ, слишкомъ восторженныхъ фразахъ, выразилъ сначала на похоронахъ своего сотрудника, а потомъ на страницахъ своего журнала ¹⁾, чѣмъ былъ для «Revue de Deux Mondes» и для французской литературы Викторъ Шербюлье. Если, указывая на громадныя услуги, оказанныя этимъ писателемъ его журналу, какъ длиннымъ рядомъ романовъ, такъ и безконечнымъ числомъ критическихъ и публицистическихъ статей подъ псевдонимомъ Вальбера, Брюнетьеръ вполнѣ правъ, то увѣряя, что

¹⁾ Victor Cherbuliez, par Ferdinand Brunetière. Revue des Deux Mondes. 15 juillet, 1899.

Шербюлье займетъ видное мѣсто въ исторіи французской литературы, что его имя не умретъ, что ни одинъ изъ романистовъ не вдохновлялъ свои произведения столькими идеями, какъ онъ, и что нѣкоторые изъ нихъ будутъ всегда считаться въ числѣ chefs d'oeuvre французской прозы, онъ, очевидно, хватилъ черезъ край, и его устами и перомъ въ это время руководилъ не трезвый критикъ, какимъ онъ обыкновенно представляется въ своихъ статьяхъ, а редакторъ, опечаленный потерей дѣйствительно не замѣнимаго сотрудника. Дѣло въ томъ, что Шербюлье былъ въ полномъ смыслѣ слова сотрудникъ «Revue des Deux Mondes» со свѣми достоинствами и недостатками этого сотрудничества. Его романы, изъ которыхъ наибольшій успѣхъ имѣли «Графъ Костя», «Мэта Гольденисъ», «Приключенія Владислава Вольскаго» и «Самуэль Броль», отличались дидактической буржуазной сантиментальностью и гладкимъ, изящнымъ изложениемъ, но болѣе ничѣмъ; точно также критическія и публицистическія статьи обнаруживали замѣчательное умѣнье графически изложить на нѣсколькихъ страницахъ содержаніе цѣлой книги, глубокое знаніе современныхъ политическихъ и экономическихъ вопросовъ, основательное знакомство не только съ французской, но и съ иностранными литературами и добросовѣстное трудолюбіе, но болѣе ничего. Дидактическій моралистъ въ романахъ и умѣренно либеральный доктринеръ въ публицистикѣ, вотъ чѣмъ въ дѣйствительности былъ Викторъ Шербюлье, а потому какъ нельзя болѣе подходилъ къ типу писателей «Revue des Deux Mondes». Мало того, онъ былъ настоящимъ французскимъ академикомъ нашего времени, и Сень-Бёвъ говорилъ о немъ Ренану еще въ 1863 году, при появленіи его перваго романа «Графъ Костя»: «Прочтите Шербюлье, онъ нашъ». Дѣйствительно, спустя девятнадцать лѣтъ, Шербюлье занялъ академическое кресло умершаго Дюфора и удостоился завидной чести быть принятымъ въ сонмъ безсмертныхъ Ренаномъ, который произнесъ при этомъ случаѣ одну изъ самыхъ блестящихъ и остроумныхъ своихъ рѣчей. Собственно жизнь Виктора Шербюлье, какъ большинства ученыхъ и литераторовъ, не представляетъ патетическихъ перипетій, но въ ней заключается нѣсколько оригинальныхъ для французскаго писателя чертъ. Собственно говоря, онъ былъ не французъ, а швейцарецъ, и принадлежалъ къ семьѣ французскихъ эмигрантовъ, переселившихся въ Женеву, послѣ отмѣны нантскаго эдикта. Родившись въ этомъ городѣ въ 1829 году, онъ пошелъ по стопамъ своего отца, профессора греческой и латинской литературы въ Женевскомъ университетѣ, и дяди, извѣстнаго экономиста и также профессора того же университета. Получивъ воспитаніе прежде на родинѣ, а потомъ въ Парижѣ, Боннѣ и Берлинѣ, онъ тридцати двухъ лѣтъ занялъ кафедру литературы въ родномъ Женевскомъ университетѣ, и по поводу его первой лекціи Амшель записалъ въ своемъ дневникѣ: «Я только что вернулся со вступительной лекціи Виктора Шербюлье и пораженъ восторгомъ; если это компиляція, то она прекрасна, если это плодъ собственной мысли, то она удивительна, если это импровизація, то она непостижима». Затѣмъ Шербюлье сталъ писать въ «Revue des Deux Mondes», и въ этомъ писаніи заключалась вся его послѣдующая жизнь. «Литература составляетъ весь смыслъ и всю суть моей жизни», говорилъ онъ за нѣсколько дней до смерти, и дѣйствительно едва ли былъ

когданибудь болѣе преданный и добросовѣстный труженикъ пера, какъ Викторъ Шербюлье. Къ его чести надо еще прибавить, что въ тяжелую для Франціи годину войны съ Германіей Шербюлье перебрался на свою старую родину и, поселившись въ Парижѣ, добился признанія его французскимъ гражданиномъ.

— Юбилей Бальзака. Всю свою жизнь творецъ реалистическаго романа во Франціи былъ неудачникомъ, и столѣтній его юбилей оказался также неудачнымъ. Хотя заранѣе составилъ комитетъ изъ выдающихся писателей и художниковъ съ Зола во главѣ для устройства достойнаго чествованія вѣковой годовщины рожденія автора «Человѣческой комедіи», но различныя обстоятельства помѣшали осуществленію грандіозной программы, выработанной комитетомъ. Главной причиной этой неудачи было зловѣщее дѣло Дрейфуса, которое разсорило членовъ комитета, побудило Зола скрыться въ Англію и возстановило многихъ поклонниковъ Бальзака противъ юбилейныхъ торжествъ, такъ какъ они устраивались преимущественно дрейфусарами, но также значительной препоной служило и то обстоятельство, что муниципалитеты Парижа и Тура, родины Бальзака, настроенные радикально, нашли, что недостойно чествовать республиканцамъ яраго монархиста и противника демократіи. Такъ или иначе, но юбилейныя празднества, начавшіяся въ маѣ мѣсяцѣ, до сихъ поръ не окончены, и комитетъ отложилъ устраиваемыя имъ торжества до болѣе удобнаго времени, до осени нынѣшняго года, или до будущаго года, когда наступитъ пятидесятилѣтіе со дня смерти Бальзака. До сихъ же поръ юбилейное чествованіе ограничилось скромными объѣдами и представленіемъ знаменитой пьесы Бальзака «Mercadet» въ Парижѣ и Турѣ. Къ этому юбилейному спектаклю театръ Французской Комедіи еще прибавилъ постановку недавно найденнаго перваго акта невѣдомой до сихъ поръ комедіи Бальзака «Оргонъ», которая должна была по мысли автора представить конецъ Мольеровскаго Тартюфа. Вотъ и все. Даже проектъ перенесенія останковъ Бальзака съ кладбища «Père Lachaise» въ Пантеонъ не удался и отложенъ въ дальній ящикъ, такъ какъ въ палатѣ депутатовъ возбуждены по этому случаю два вопроса, оставшіяся неразрѣшенными: съ одной стороны многіе депутаты заявили, что нельзя одного Бальзака перенести въ Пантеонъ, а слѣдуетъ сдѣлать то же для Ламартина, Мишле, Киве, Ренана и длиннаго ряда знаменитыхъ дѣятелей литературы, искусства и науки, а съ другой министръ народнаго просвѣщенія, Легъ, предложилъ, что не лучше ли оставить великихъ людей покоиться въ своихъ могилахъ, а только поставить имъ статуи въ Пантеонѣ, который такимъ образомъ превратится въ парижскій Вестминстеръ. Если нынѣшнее празднованіе юбилея Бальзака оказалось неудачнымъ, то никакія политическія обстоятельства и соображенія не могли помѣшать французской литературѣ и журналистикѣ справить этотъ юбилей наплывомъ книгъ, брошюръ и статей, какъ въ журналахъ, такъ и въ газетахъ. Наибольшаго вниманія среди этой быстро разросшейся Бальзаковской литературы заслуживаютъ «Письма къ иностранцѣмъ» Бальзака, изданныя впервые безо всякихъ пропусковъ ¹⁾, и статьи Думика въ «Revue des Deux Mondes» «Умственная

¹⁾ Lettres à l'étranger, par H. de Balzac. Paris. 1899.

любовь» ¹⁾, Паскаля въ «Revue hebdomadaire» «Чтение Бальзака» ²⁾, Дебердта «Вдохновитель душ» ³⁾ и доктора Кабанеса «Родственники Бальзака» въ «Revue des Revues» ⁴⁾, Виконта Спельберкъ де-Ловенжуля ⁵⁾ «Пропадшая страница Бальзака», въ «Фигаро» и Жюля Кларти «Столѣтіе Бальзака» въ «Journal» ⁶⁾. Отголосками юбилея Бальзака въ журналистикѣ другихъ странъ Европы служатъ до сихъ поръ только любопытная статья молодого итальянскаго романиста Роберто о предметахъ любви Бальзака въ «Nuova antologia» ⁷⁾ и цѣлый номеръ новаго франко-германскаго журнала «Revue franco-allemande» (Deutsch-französische Rundschau), посвященный исключительно статьямъ о Бальзакѣ, на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ ⁸⁾. Съ помощью этого интереснаго и разнообразнаго матеріала вмѣстѣ съ существующей уже довольно обширной Бальзаковской литературой можно составить себѣ полное, ясное понятіе о жизни и литературномъ значеніи Бальзака, котораго теперь французская критика единогласно признаетъ такимъ же гениальнымъ выразителемъ Франціи, какимъ служить для Греціи—Гомеръ, для Италіи—Данте, для Англіи—Шекспиръ и для Германіи—Гете.

О литературныхъ заслугахъ творца «Человѣческой комедіи» не можетъ быть никакого спора, и что онъ создалъ современный романъ, признаютъ не только французы, но и писатели всѣхъ странъ. Такъ недавно итальянскій романистъ Верга сказалъ: «я боленъ, но поѣду во Францію по приглашенію бальзаковскаго комитета. Бальзакъ это нашъ общій учитель!» Поэтому странно, что полвѣка послѣ его смерти снова возбуждается вопросъ о томъ, что онъ былъ монархистъ, реакціонеръ, клерикаль, ненавистникъ французской революціи, а слѣдовательно не можетъ возбуждать сочувствія въ современной республиканской и демократической Франціи. Конечно, враги прогресса обрадовались этому случаю и смѣло завербовали въ свой лагерь Бальзака, извращая данный ему Полемъ Бурже эпитетъ Наполеона французской литературы и торжественно доказывая, что онъ былъ апостоломъ клерикализма, абсолютизма и всякихъ подобныхъ зловредныхъ «измовъ». Въ этомъ духѣ, напримѣръ, написана статья Фелисьена Паскаля, но онъ же опровергаетъ самъ себя, приводя слова Теофиля Готье, который, спустя восемь лѣтъ послѣ смерти Бальзака, писалъ: «Теперь, чѣмъ больше мы удаляемся отъ возведеннаго имъ зданія, тѣмъ оно выше поднимается, какъ соборъ, окруженный домами. Это зданіе не окончено, но въ его теперешнемъ видѣ оно поражаетъ своей колоссальностью,

¹⁾ Amours de tête, par A. Doumic. Revue des Deux Mondes, 15 juin.

²⁾ La lecture de Balsac, par T. Pascal, «Revue hebdomadaire», 20 mai.

³⁾ Grand exciteur d'ames, par R. Deberdt. Revue des Revues. 1 mai.

⁴⁾ Les parents de Balsac, par Cabanès, «Revue des Revues», 15 mai.

⁵⁾ Une page perdue de Balsac, par le vicomte de Spoelberch de Lovenjoul. «Figaro». 7—20 mai.

⁶⁾ La Centenaire de Balsac, par Jule Claretie. «Journal». 3 mai.

⁷⁾ Amice di Balsac, di T. Roberto. Nuova antologia. 15 junio.

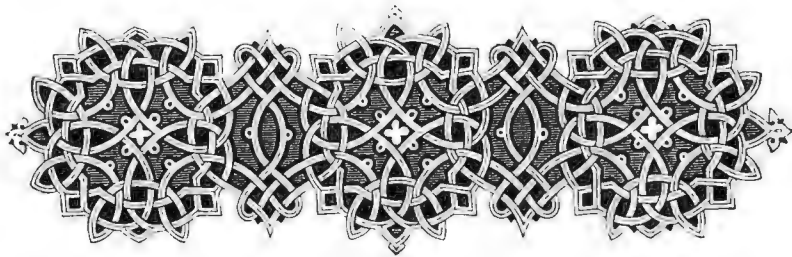
⁸⁾ Revue franco-allemande (Deutsch-französische Rundschau, 1 Jahrg., № 21.—H. Fèvre. Balsac homme de lettres.—L. de Gramont, Balsac défini par lui même.—Gedichte an Balsac etc.—Max Nordau, Einige Balsac-Aphorismen.—E. Morel, Balsac immortel.—L. Ristor, Balsac à Tours.—O. Uganne, Balsac et les femmes.

и будущія поколѣнія съ удивленіемъ будутъ спрашивать себя: «какой гигантъ взвалилъ одну на другую эти громадныя глыбы, возвелъ эту Вавилонскую башню, въ которой копошится все современное ему общество?» Этимъ изображеніемъ всего современнаго ему общества, въ томъ числѣ и демократическаго его слоя, съ одинаковой безпристрастной правдивостью Бальзакъ и заслужилъ прозвище реакціонера. Но, какъ справедливо замѣчаетъ Жюль Кларти, невозможно считать Бальзака реакціонеромъ. Правда, по воспитанію и средѣ, въ которой онъ вращался съ молодости, онъ былъ клерикальнымъ ролястомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представляется намъ самымъ революціоннымъ изъ писателей своего времени. Этотъ изслѣдователь безусловной правды, этотъ распространитель идей не только олицетворялъ на бумагѣ настоящее, но и предвидѣлъ будущее; своимъ могучимъ перомъ онъ потрясалъ современное общество въ самыхъ глубокихъ его устояхъ, и хотя онъ умеръ наканунѣ декабрьской имперіи, но пригвоздилъ къ позорному столбу ея героевъ наживы. Тотъ, кого называютъ реакціонеромъ, безжалостно срывалъ маски съ высокопоставленныхъ лицъ, съ аристократовъ, генераловъ, банкировъ и т. д. Что касается до его реализма, то насколько этотъ реализмъ былъ своеобразенъ, доказываетъ анекдотъ, рассказываемый его другомъ Эдмонъ Тексье. 24 февраля 1848 года, въ день февральской революціи Тексье встрѣтилъ Бальзака передъ Тюльери, куда онъ проникъ вмѣстѣ съ народной толпой. «Откуда вы?» — спросилъ съ удивленіемъ Тексье и получилъ въ отвѣтъ: «Оттуда, мнѣ надо было взять кусочекъ трона. У меня уже есть кусочекъ трона Карла X; я взялъ его въ 1830 году. Теперь у меня два. Я собираю коллекцію. У меня будутъ и другіе». «И этого-то человѣка, — прибавляетъ Кларти, — называютъ реакціонеромъ. Просто весь свѣтъ казался ему комедіей, и несмотря на то, что онъ прославлялъ силу, гдѣ бы ее ни встрѣчалъ среди измелъчавшаго человѣчества, онъ былъ гениальнымъ революціонеромъ, и его человѣческая комедія дышитъ духомъ свободы, соціальной реформы и любви къ человѣчеству».

Для біографіи Бальзака и для знакомства съ нимъ, какъ съ писателемъ и человѣкомъ, приносятъ драгоцѣнные вклады статьи Кабанеса, Дебердта, Думика и въ особенности письма Бальзака къ иностранкѣ. Первые двѣ статьи знакомятъ насъ съ физическими родителями великаго романиста и съ его, такъ сказать, духовнымъ отцемъ, Латушемъ, который, самъ будучи второстепеннымъ романистомъ, вдохновилъ и вывелъ на истинную дорогу двухъ колосовъ современнаго французскаго романа, Бальзака и Жоржъ-Зандъ. Что касается до родителей Бальзака, то не можетъ быть сомнѣнія, что онъ не имѣлъ аристократическаго происхожденія и самъ прибавилъ къ своей фамиліи аристократическую частіцу «де», въ дѣйствительности же онъ былъ внукомъ простаго поселянина, по фамиліи Бальза, а отецъ его, служившій въ парижской коммунахъ и впоследствии бывший подрядчикомъ на Наполеоновскую армію, прибавилъ къ этому народному прозвищу букву к. Мать же Бальзака, Лаура Саламбье, была дочерью директора одной изъ парижскихъ больницъ и отличалась очень нервной, мистической натурой, тогда какъ отецъ его напротивъ былъ здоровеннымъ сангвиникомъ и большимъ оригиналомъ. Еще не мѣшаетъ замѣтить, что Бальзакъ, наслѣдовавшій отличительныя качества своихъ

родителей, только случайно родился въ Турѣ, а собственно по отцу принадлежалъ къ южной Франціи, именно, Лангедоку, а по матери—былъ парижаниномъ. Статья Думика подводитъ лишь ловкій, мастерской итогъ къ письмамъ Бальзака къ иностранкѣ и служитъ любопытнымъ комментариемъ къ этому драгоценнѣйшему материалу для біографіи и характеристики творца «Человѣческой комедіи». Какъ извѣстно, иностранка была польская графиня Ганская, урожденная графиня Ржевуская. Живя въ своемъ помѣстьѣ «Верховнѣ», Волынской губерніи, часто посѣщая съ мужемъ Европу, она сначала завела переписку съ Бальзакомъ изъ одного любопытства, а потомъ мало-по-малу возникла между ними пламенная любовь, въ особенности съ его стороны, хотя Думикъ и доказываетъ, что Бальзакъ любилъ «только умомъ, а не сердцемъ свою русскую графиню», «вѣрнымъ мужикомъ» которой онъ себя называлъ. Девять лѣтъ поддерживали они свою переписку именно отъ 1833 по 1842 годъ, и напечатанныя теперь впервые вполнѣ письма Бальзака за эти годы, въ теченіе которыхъ они видѣлись только три раза въ Невшателѣ, Женевѣ и Вѣнѣ, рисуютъ до мельчайшихъ подробностей картину его внѣшней и внутренней жизни, главными элементами которой были литературныя работы, непріятности съ кредиторами и любовь къ иностранкѣ. Какъ въ официальныхъ письмахъ на «вы», такъ и въ секретныхъ на «ты» онъ ничего не скрывалъ отъ предмета своей любви и даже откровенно говорилъ ей о своихъ прежнихъ привязанностяхъ. Наконецъ мужъ графини умеръ въ 1842 году, и послѣднее изъ напечатанныхъ писемъ Бальзака относится къ этому событію. Естественно, что онъ потребовалъ отъ графини Ганской исполненія даннаго ею слова выйти за него замужъ, какъ только она будетъ свободна, но она стала тормозить дѣло и промучила еще своего «вѣрнаго мужика» цѣлыхъ восемь лѣтъ, ссылаясь то на семейныя дѣла, то на свадьбу своей дочери, то на свой ревматизмъ и т. д. Въ концѣ концовъ онъ вышелъ изъ терпѣнія, поѣхалъ въ Верховну и почти насильно женился на ней въ Бердичевѣ. Однако счастье не увѣнчало его семнадцатилѣтней преданной любви, и онъ умеръ въ 1850 году, четыре мѣсяца послѣ возвращенія въ Парижъ съ молодой женой, умеръ на рукахъ старой матери, тогда какъ жена вела новую переписку съ другимъ французскимъ романистомъ.

С М Ъ С Ь.

СВЯЩЕНІЕ памятника Д. Д. Минаеву. 21 іюня въ Симбирскѣ состоялось освященіе памятника, сооруженнаго, какъ сообщаетъ «Самарская Газета», по инициативѣ мѣстнаго губернатора В. Н. Акинфова, на могилѣ Дмитрія Дмитріевича Минаева, симбирскаго уроженца. Освященіе совпало съ десятилѣтнею годовщиною смерти поэта. Покойный схороненъ на Духовскомъ кладбищѣ, которое съ тѣхъ поръ у симбирцевъ слыветъ болѣе подъ названіемъ Минаевскаго. Необходимыя средства собраны были подпискою повсей губерніи, и нынѣ на могилѣ Д. Д. Минаева возвышается чугунный памятникъ, въ видѣ четырехгранной колонны съ куполомъ сверху, поставленной на каменномъ основаніи. На одной сторонѣ памятника надпись: «Дмитрій Дмитріевичъ Минаевъ. 1835—1889». Выше этой надписи изображены золоченымъ горельефомъ лира и хартия. Высота колонны полторы сажени. За чугунною рѣшеткою, рядомъ съ памятникомъ, большая каменная плита надъ прахомъ отца поэта, Дмитрія Ивановича Минаева. Памятникъ, плита и рѣшетка окрашены бѣлою масляною краскою. Могилы обоихъ поэтовъ осѣнены старымъ раскидистымъ вѣломъ.

Реставрація Сухаревой башни. Работы по реставраціи Сухаревой башни, какъ извѣстно, начатыя нѣсколько лѣтъ тому назадъ, за недостаткомъ средствъ у города подвигаются впередъ крайне медленно. Въ нынѣшнемъ году, наконецъ, удалось установить на башнѣ часы или такъ называемые куранты, заказанные осенью прошлаго года. На прошлой недѣлѣ часы были приняты городской управой и тогда же пущены въ ходъ. Въ настоящее время остается одинъ только недостатокъ въ часахъ, который, нужно надѣяться, скоро устранится. Они не

соединены еще съ электрическимъ кабелемъ, поэтому и не освѣщаются ночью. Когда приступлено было къ реставраціи башни, то имѣлось съ виду, помимо неотложнаго исправленія ветхостей, возстановить послѣднюю хотя бы приблизительно въ томъ видѣ, въ какомъ она была въ первые годы своего существованія, какъ замѣчательный историческій памятникъ, неразрывно связанный съ именемъ Петра Великаго, по волѣ и рисункамъ котораго она и была построена. Осенью прошлаго года закончены были работы по реставраціи главной, центральной башни и четырехъ боковыхъ, на половину закрытыхъ позднѣйшими передѣлками и пристройками. Желѣзная шатровая крыша на всѣхъ пяти башняхъ замѣнена черепицей, которая сдѣлана была по уцѣлѣвшимъ образцамъ. Но возстановленіе собственно башни было бы далеко не полнымъ, если бы не были сдѣланы часы, бывшіе на башнѣ съ первыхъ лѣтъ ея существованія и служившіе однимъ изъ глянвыхъ ея украшеній. Но какіе именно были на ней часы, за неимѣніемъ почти никакихъ документальныхъ подробностей о постройкѣ Сухаревой башни, оставалось и остается до сихъ поръ неизвѣстнымъ. Болѣе нежели вѣроятно, что часы для башни были выписаны Петромъ изъ Голландіи и, какъ въ то время было принято, кромѣ времени, показывали теченіе планетъ, затменій и пр. Что часы на башнѣ были, доказательствомъ служатъ находящіяся во 2-мъ ярусѣ башни, считая сверху, два круглыя отверстія діаметромъ 2 арш. 2 вер., служившія для циферблатовъ, обращенныхъ къ Срѣтенкѣ и къ 1-й Мѣщанской. Циферблатовъ, обращенныхъ на Садовую, какіе сдѣланы теперь, въ старину не было. Въ нихъ не имѣлось и надобности, такъ какъ, гдѣ теперь Садовая, тогда тянулся земляной валъ со рвами. Существовавшія круглыя отверстія или окна, закрытыя до постановки новыхъ часовъ обыкновенными рамами со стеклами, не имѣютъ никакихъ наличниковъ, которыми украшены всѣ многочисленныя окна зданія. Когда именно сняты были старинныя часы съ башни, — остается также неизвѣстнымъ. По разсказамъ, никѣмъ и ничѣмъ, впрочемъ, не удостовѣреннымъ, часы будто бы сгорѣли вмѣстѣ со всѣми деревянными частями башни въ 1812 году, какъ говорится, «во время француза». Но этому противорѣчитъ болѣе нежели достовѣрное указаніе. Въ извѣстномъ описаніи Петербурга, составленномъ Рубаномъ, которое издано было въ 1779 г. и теперь считается библиографическою рѣдкостью, при перечнѣ боевыхъ часовъ Петербурга (стр. 458), между прочими показаны «часы, которые были на прежней Троицкой колокольнѣ ординарныя, взяты были изъ Москвы съ Сухаревой башни». Къ сожалѣнію, въ этомъ краткомъ сообщеніи не приводится ни времени, когда были взяты часы, и не указано, кѣмъ именно они были взяты. Во всякомъ случаѣ не вѣрнѣ Рубану—нѣтъ никакого основанія. Поэтому трудно допустить, что часы, взятые съ башни въ Петербургѣ, замѣнены были другими и которые будто бы сгорѣли въ пожаръ двѣнадцатаго года. Такъ какъ не имѣлось никакихъ данныхъ; по которымъ возможно было бы возстановить часы стариннаго образца, то рѣшено было сдѣлать циферблаты, которые по внѣшности хотя бы приблизительно напоминали собою давно минувшую старину, то-есть часы астрономическіе. Но въ то же время имѣлось въ виду новыя циферблаты сдѣлать по возможности болѣе или менѣе прозрачными, чтобы часами пользо-

ваться не только днемъ, а также и ночью, при помощи электрическаго освѣщенія. Рисунокъ для циферблатовъ поручено было составить архитектору (нынѣ покойному) А. Л. Оберу, завѣдывавшему реставраціей башни. Заказъ же часовъ сданъ былъ петербургскому часовыхъ дѣлъ мастеру, В. Альтшвагеру, пользующемуся широкою извѣстностью и предложившему наиболѣе дешевую цѣну—5.300 р., съ пятилѣтнею отвѣтственностью за точность хода часовъ. Механизмъ новыхъ часовъ, по отзывамъ специалистовъ, принимавшихъ часы, выполненъ съ замѣчательнымъ искусствомъ и съ примѣненіемъ всѣхъ усовершенствованій новѣйшаго времени, такъ что ходъ и вѣрность часовъ нисколько не будутъ въ зависимости отъ температуры. Обыкновенно башенные часы со старымъ механизмомъ часто портятся и останавливаются въ сильные морозы, что нерѣдко повторяется съ часами на Спасской башнѣ, а также и съ часами на колокольнѣ Страстнаго монастыря. Заводятся часы на Сухаревой башнѣ разъ въ недѣлю, съ запасомъ на двое сутокъ, при чемъ механизмъ снабженъ контръ-заводомъ, препятствующимъ останавливаться часамъ во время завода. При помощи особаго механизма стрѣлки на всѣхъ четырехъ циферблатахъ передвигаются одновременно. Всѣ зубчатые колеса сдѣланы изъ фосфористой бронзы, оси зубчатыхъ колесъ, барабановъ, клавишей, боевыхъ молоточковъ—стальные. Всѣ циферблаты діаметромъ каждый около 4 аршинъ. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что укрѣпленіе и установка циферблатовъ на 20-ти-саженной высотѣ, безъ устройства лѣсовъ, были крайне затруднительны. По краямъ циферблаты металлическіе, окрашенные черною краской. Въ нихъ 12 вырѣзовъ, въ которые вставлены матовыя зеркальныя стекла, съ черными 11 верхковыми римскими цифрами, показывающими часы, а между цифрами получасовые знаки. Средина циферблата изъ зеркальнаго стекла, блѣдно-голубого цвѣта. Въ верхней половинѣ нарисованы золотомъ солнце и луна, а разсѣяныя звѣзды—серебромъ. Но небесныя свѣтила настолько миниатюрны и такъ мало выдѣляются на свѣтломъ фонѣ, что едва замѣтны, если смотрѣть на часы снизу. Стрѣлки фигурныя, очень массивныя, мѣдныя, вызолоченныя. При помощи особаго механизма часы будутъ въ извѣстное, требуемое время автоматически освѣщаться электричествомъ, и точно также автоматически электричество будетъ гаситься. Для игранія мелодій, боя часовъ, получасовъ и четвертей, въ самомъ верхнемъ ярусѣ башни на балкѣ подвѣшаны девять колоколовъ, сдѣланные по заказу города на заводѣ П. Финляндскаго. Изъ нихъ самый большой, для боя часовъ, вѣситъ 101 п., всѣ остальные вѣсятъ 37 п. 34 ф. Бой часовъ слышенъ на очень далекое разстояніе, куранты же и мелодіи, къ сожалѣнію, заглушаются уличнымъ шумомъ и хорошо слышны только въ тихую погоду и когда затихаетъ движеніе на улицахъ. Съ постановкой часовъ, реставрація Сухаревой башни остается еще далеко не законченною: потребуются еще немало труда и средствъ, чтобы привести историческій памятникъ въ желаемый и должный видъ. Огромныя сводчатые залы, нерѣдко выдавшія въ своихъ стѣнахъ Петра Великаго и славныхъ его сподвижниковъ—Лефорта, Брюсса, Апраксина, Шереметева и др., за исключеніемъ двухъ залъ, занятыхъ резервуарами съ мытищенскою водою, остаются постарому все въ томъ же заброшенномъ и жалкомъ видѣ. Масса деревянныхъ частей внутри

всего зданія, полуистлѣвшія балки и накаты и деревянныя лѣстницы въ самой башнѣ, кромѣ неудобства, крайне опасны въ пожарномъ отношеніи и требуютъ безотлагательнаго ремонта и переустройства. Цоколь и почва вокругъ всего зданія, благодаря близости рынка, по-старому все болѣе и болѣе продолжаютъ загрязняться и тоже указываютъ на неотложную необходимость обнести башню рѣшеткой. Но главнымъ образомъ обезображиваютъ зданіе и крайне стѣсняють уличное движеніе безчисленные лари и палатки торговцевъ обувью и платьемъ; они закрываютъ собою со всѣхъ сторонъ основаніе башни и своимъ близкимъ соствѣдствомъ далеко не гармонируютъ съ историческимъ памятникомъ, долженствующимъ служить украшеніемъ города. («Моск. Вѣд.», № 165).

Археологическія раскопки. Недавно бывшіе и настоящіе слушатели Археологическаго института совершили экскурсію въ окрестности ст. Вруды (по Балтійской желѣзной дорогѣ, въ 90 верстахъ отъ Петербурга) для производства здѣсь раскопокъ. Холмистая мѣстность, обратившая на себя вниманіе археологовъ, представляетъ собою группу невысокихъ кургановъ, поросшихъ кустами и деревьями, отчасти покрытыхъ камнями. Эти камни, впрочемъ, находятся здѣсь не случайно: не всегда видныя на поверхности земли, подъ нѣкоторымъ слоемъ ея, они большею частью образуютъ кругъ, характеризующій славянское погребеніе. Въ общемъ было изслѣдовано около 16—18 кургановъ. Попадались могилы и мужскія и женскія, что въ каждомъ данномъ случаѣ опредѣляется какъ шириною тазовыхъ костей, такъ и предметами, находимыми въ могилѣ. Въ числѣ скелетовъ, обнаруженныхъ раскопками, одинъ обратилъ на себя вниманіе замѣчательною сохранностью всѣхъ костей, не исключая даже пальцевъ. Подобно всѣмъ другимъ, онъ лежалъ на спинѣ, съ лицомъ, обращеннымъ на востокъ, съ руками, сложенными на груди; черепъ также сохранился очень хорошо; даже почти всѣ зубы оказались цѣлы. Въ другомъ курганѣ была найдена женская могила; трупъ почти совсѣмъ истлѣлъ. На едва сохранившейся правой рукѣ были найдены мѣдный браслетъ съ незапаянными концами, такое же кольцо, затѣмъ височныя кольца (проволаки съ лопастями), а также бусы стекляныя позолоченныя и сердоликовыя граненыя. Въ третьемъ курганѣ обнаружили смѣсь золы и угля, что явно доказало, что здѣсь имѣло мѣсто трупоожоженіе; въ подобныхъ случаяхъ вещей обыкновенно не находятъ, что подтвердилось и въ этотъ разъ. Въ одномъ курганѣ были сдѣланы весьма удачныя находки: кромѣ черепа, здѣсь оказался очень чисто сдѣланный бронзовый витой браслетъ довольно правильнаго рисунка, кусокъ желѣзнаго ножа, два куска кожи, со слѣдами швовъ и украшеній, мѣдное кольцо съ орнаментомъ. Здѣсь же былъ найденъ желѣзный топоръ. Правда, онъ сильно проржавѣлъ, что неудивительно, если принять во вниманіе, что могилу слѣдуетъ отнести къ XI—XII вѣку по Р. Х.; за то общій контуръ топора ясно виденъ, имѣетъ довольно изящную форму сѣкиры и даже носитъ слѣды орнамента. Въ другой группѣ кургановъ, расположенной верстахъ въ двухъ отъ первой, раскопки обнаружили, между прочимъ, сравнительно небольшой черепъ съ остатками женскихъ волосъ на немъ; волосы не длинныя, но сохранились настолько хорошо, что въ нихъ можно ясно видѣть остатки женской косы. Всѣ предметы, найденные въ кур-

ганахъ, будутъ болѣе подробно изслѣдованы профессорами-специалистами, а затѣмъ поступятъ въ музей археологическаго института.

Археологическая справка. Всѣмъ болѣе или менѣе извѣстенъ обрядъ «пещного дѣйства», или «воспоминанія сожженія трехъ отроковъ». Обрядъ этотъ послѣдній разъ совершался при Алексѣ Михайловичѣ. Ритуальная сторона этого обряда извѣстна довольно подробно, какъ по уставу новгородскому этого дѣйства, хранящемуся въ рукописномъ видѣ въ синодальной библіотекѣ, такъ и по потребнику Іоасафа патріарха 1639 года. Что же касается до внѣшней, сценической стороны этого обряда, — то объ этомъ извѣстно сравнительно мало. Правда, въ музей Александра III, въ Петербургѣ, находится знаменитая «Халдейская пещь» Софійскаго собора въ Новгородѣ. Пещь, въ которую ввергали отроковъ, — это чрезвычайно интересный памятникъ русской старины. Изображена эта «Халдейская пещь» въ «Древностяхъ Россійскаго государства», изданныхъ по высочайшему повелѣнію въ 1849—1853 гг. (VI, № 27—29). «Эта пещь», говорится въ текстѣ «Древностей» (VI, ст. 69), сохранившаяся при одномъ Софійскомъ соборѣ въ Новгородѣ, устроена изъ липоваго дерева, въ видѣ осьмиугольной храмины въ четыре яруса, съ дверями, безъ крыши; величиной она въ ростъ человѣческой, ярусы ея украшены рѣзбою; въ нижнемъ ярусѣ изображены неизвѣстныя фигуры старцевъ и юношей, на подобіе каріатидъ, поддерживающія руками верхніе ярусы; можетъ статься, это — халдеи. Въ остальныхъ ярусахъ остались только мѣста изгладившихся образовъ... Надъ нижнимъ ярусомъ пещи идетъ полуистертая надпись вязью». Теперь, впрочемъ, эта надпись реставрирована, и подновленныя буквы ясно гласятъ, что мы имѣемъ предъ собою «халдейскую пещь». Но такъ ли это? «Пещь ли это? Конечно, какъ при реставраціи, такъ и при составленіи Древностей Россійскаго государства имѣлись данныя, заставляющія признать этотъ памятникъ «халдейскою пещью», а ничѣмъ инымъ, но я позволю себѣ все-таки, нисколько не желая колебать чей либо авторитетъ, привести нѣкоторыя обстоятельства, возбуждающія сомнѣніе въ правильности этого опредѣленія. Прежде всего, самая форма этой пещи чрезвычайно напоминаетъ амвонъ Успенскаго собора, до насъ, впрочемъ, не дошедшій, но изображенный въ такъ называемой царственной книгѣ, хранящейся въ московской синодальной библіотекѣ (Рук. № 149, листъ 289). Сходство этого амвона съ «халдейскою пещью» разительное. Это сооруженія одного и того же типа. Въ этомъ амвонѣ, точно такъ же, какъ и въ «Халдейской пещи» Софійскаго собора, верхніе ярусы поддерживались рѣзными деревянными фигурами. Объ этихъ фигурахъ, впрочемъ, упоминаетъ и лѣтопись подъ 1493 годомъ: молнія ударила въ Успенскій соборъ «да подъ амвономъ разразило два болванца деревянныхъ» («Русскій Временникъ», ч. II, стр. 204). Предположить, что амвонъ въ Успенскомъ соборѣ былъ похожъ на «Халдейскую пещь» Софійскаго, очень трудно всякому, кто знаетъ, какъ постоянны были типы сооружений, имѣвшихъ какое либо одинаковое назначеніе въ древнерусской церковной архитектурѣ. Предположить же, что одинъ и тотъ же предметъ служилъ и пещью и амвономъ, тоже невозможно. Во всѣхъ описаніяхъ пещного дѣйства прямо говорится, что «амвонъ снимаютъ, и на томъ мѣстѣ поставляютъ пещь» (Древняя русскійская вивлюэика, ч. VI, стр. 183, 363 и

пр.). Конечно, всего вышесказаннаго было бы недостаточно, чтобы прийти къ какому либо опредѣленному выводу, если бы не имѣлось еще другаго, болѣе разительнаго лѣтописнаго извѣстія. Я говорю про описаніе амвона Софійскаго собора, находящееся въ «Софійскомъ Времяникѣ» (ч. II, стр. 374). Подъ 1533 годомъ тамъ значится: «Владыка Макарій поставилъ въ соборнѣй церкви во святѣй Софїи въ Великомъ Новгородѣ амбонъ вельми чуденъ и всякія лѣпоты исполненъ: святыхъ на немъ отъ верха въ три ряда тридесять, на поклоненіе всѣмъ православнымъ христіанамъ, а по всему амбону рѣзью и различными подзоры и златомъ листовнымъ всѣми пренязчно украшенъ и удивленія исполненъ; а отъ земля амбону устроены яко челоуѣчки деревянные дванадесять и всякими вапы украшены и въ сжедахъ и со страхомъ яко на главахъ держать сію святыню, вельми лѣпо видѣти». Стоитъ только разъ увидать такъ называемую «Халдейскую печь» въ музей Александра III, чтобъ убѣдиться, что въ лѣтописи говорится именно о ней: хотя самихъ образовъ и нѣтъ, но мѣсть, предназначенныхъ для образовъ, — тридцать, они расположены въ три ряда, и такъ же, какъ въ лѣтописи, двѣнадцать челоуѣческихъ изображеній, вырѣзанныхъ изъ дерева, находятся внизу. А разъ мы убѣдимся въ этомъ, разъ мы примемъ, что слова лѣтописи относятся къ такъ называемой «Халдейской печи», мы должны прийти къ заключенію, что это уже не «Халдейская печь», и что памятникъ, до сихъ поръ извѣстный подъ этимъ именемъ, представляетъ собою амвонъ, сдѣланный въ 1533 году митрополитомъ Макаріемъ, и сдѣланный, по всей вѣроятности, по образцу московскаго, такъ какъ о существованіи подобнаго амвона въ Успенскомъ соборѣ упоминаетъ лѣтопись уже въ 1493 году. («Моск. Вѣд.», № 159).

Могила И. И. Лажечникова. Заимствуемъ изъ «Русскихъ Вѣдомостей» слѣдующее письмо въ редакцію г. Анофріева, заслуживающее извѣстнаго вниманія.

Наступающее 26-го іюня текущаго года тридцатиплѣтіе со дня смерти «одного изъ творцовъ русскаго историческаго романа» и популярнѣйшаго въ свое время писателя, И. И. Лажечникова, не забытаго, впрочемъ, и современнымъ читающимъ людомъ, даетъ поводъ вспомнить, что могила его, находящаяся въ московскомъ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ, до сего времени остается безъ памятника. Обнаженная сверху и слегка заросшая чахлою травою по бокамъ, небольшая земляная насыпь надъ этою могилою имѣетъ въ головной части только простой, выкрашенный бѣлою краской деревянный крестъ, съ дощечкою на немъ, на которой значится надпись: «Иванъ Ивановичъ Лажечниковъ. Скончался 26-го іюня 1869 г.». Послѣ напечатанаго въ № 233-мъ Русскихъ Вѣдомостей за 1895 годъ описанія этой могилы, новое ея посѣщеніе, сдѣланное на этихъ дняхъ, убѣдило, что все осталось попрежнему, если не считать, что готовый упасть крестъ, повидимому, недавно возобновленъ и окрашенъ заново, да густые кусты сирени, скрывавшіе съ трехъ сторонъ могильную насыпь, теперь вырублены, за исключеніемъ одной — двухъ вѣтокъ, склоняющихся надъ крестомъ. Въ общемъ забытая могила выглядитъ теперь еще сиротливѣе. А между тѣмъ имя Лажечникова занимаетъ важное мѣсто въ исторіи русскои литературы. Имя это связано неразрывно и съ памятью о

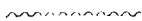
В. Г. Бѣлинскомъ, выдающіяся способности котораго Лажечниковъ сумѣлъ оцѣнить еще на школьной скамьѣ и потомъ пришелъ къ нему на помощь въ одну изъ трудныхъ минутъ жизни (при поступленіи въ Московскій университетъ). Знакомъ былъ Лажечниковъ и съ А. С. Пушкинымъ, оставившимъ такъ же, какъ и Бѣлинскій, лестные отзывы о нѣкоторыхъ произведеніяхъ нашего романиста. Широкая извѣстность Лажечникова, не угасшая и въ наше время, даетъ ему право на общественный памятникъ на его забытой могилѣ, а наступающая годовщина смерти писателя даетъ поводъ выразить пожеланіе, чтобы къ этому дню кто нибудь взялъ на себя инициативу сооруженія этого памятника. Въ виду трудности отысканія могилы, о которой идетъ рѣчь, приводимъ указанія о ея мѣстонахожденіи въ оградѣ Ново-Дѣвичьяго монастыря. Войдя въ главные ворота обители, слѣдуетъ держать путь по проѣздной дорогѣ, идущей вдоль лѣвой (восточной) ограды, и, миновавши зданіе колокольни, остановиться противъ мезонина монастырской больницы. Здѣсь, недалеко отъ дороги, справа, легко отыскать темный мраморный массивный памятникъ (въ видѣ креста) надъ могилой князя Шаховскаго. Эта могила находится во второмъ ряду могилъ, идущихъ вдоль дороги; далѣе за названнымъ памятникомъ (въ третьемъ ряду) можно замѣтить другой, въ видѣ сквознаго желѣзнаго креста (Ивана Прокоф. Чернова), а позади этого послѣдняго находится скромная насыпь съ бѣлѣющимъ крестомъ надъ могилою нашего писателя — юбиляра. Чтобы приблизиться къ ней, слѣдуетъ затѣмъ обогнуть вправо нѣсколько стоящихъ впереди сосѣднихъ памятниковъ.

† **К. Ѳ. Голстунскій.** 22-го іюня, въ Усть-Наровѣ, скончался послѣ тяжелой болѣзни заслуженный профессоръ С.-Петербургскаго университета Константинъ Ѳеодоровичъ Голстунскій. К. Ѳ. — воспитанникъ Казанскаго университета, гдѣ кончилъ курсъ наукъ въ 1853 году со степенью кандидата по разряду восточной словесности съ золотою медалью; затѣмъ, прикомандированный къ С.-Петербургскому университету, онъ былъ отправленъ въ 1856 г. въ губерніи Астраханскую и Ставропольскую для изученія калмыцкаго языка. За эту поѣздку Голстунскій собралъ богатый литературный матеріалъ по калмыцкому языку и доказалъ, что литературный языкъ калмыковъ совершенно разнится отъ ихъ языка народнаго; въ 1860 году онъ издалъ «Калмыцко-русскій словарь». Въ этомъ же году К. Ѳ. назначенъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ С.-Петербургскаго университета и сталъ читать, кромѣ калмыцкаго языка, монгольскій, параллельно съ исторіей монголовъ и языкомъ бурятовъ. Изъ ученыхъ сочиненій его болѣе или менѣе извѣстны, кромѣ названнаго словаря, пересмотръ и исправленіе священныхъ книгъ, переведенныхъ преосвященнымъ Ниломъ на монгольскій языкъ, «Монголо-орайтскіе законы 1640 г.», «Критическія замѣчанія на изданія профессора Юльга» и др. («Нов. Вр.», № 8376).

† **В. В. Тарновскій.** 13-го іюня, въ Кіевѣ, скончался извѣстный любитель малорусской старины Василій Васильевичъ Тарновскій, имя котораго тѣсно связано съ собранной имъ обширной и разнообразной коллекціей старинныхъ предметовъ, относящихся къ прошлому Малороссіи. Покойный въ теченіе болѣе сорока лѣтъ съ рѣдкой энергіей и любовью собиралъ различнаго рода пред-

меты, касающіеся историческаго прошлаго Украйны. Въ его колекціи находились портреты всѣхъ малороссійскихъ гетмановъ и полковниковъ, много различнаго рода документовъ, бунчуки, гетманскія булавы, ковши, кубки, старинное оружіе и много друг. Съ особенной любовью и, можно сказать, страстью покойный собиралъ различнаго рода предметы, относящіеся къ памяти Т. Г. Шевченка. Стоимость собранія В. В. Тарновскаго опредѣляется въ 300—400 тыс. р., оно является единственнымъ въ своемъ родѣ. Покойный еще при жизни заботился о будущей судьбѣ своего цѣннаго собранія. Онъ имѣлъ въ виду первоначально принести его въ даръ университету св. Владимира, гдѣ получилъ образованіе. Но предположеніе это не могло осуществиться. Въ послѣднее время покойный рѣшилъ подарить свои колекціи черниговскому земству, обязавъ его устроить спеціальныи музей для храненія. Черниговское земство, изъявляя согласіе на принятіе дара, предполагало помѣстить колекціи въ такъ называемомъ Мазепинскомъ домѣ въ Черниговѣ. Вопросъ о судьбѣ колекціи выяснится, когда будетъ вскрыто духовное завѣщаніе. Покойный принадлежалъ къ старой малороссійской фамиліи. Онъ получилъ по наслѣдству обширное имѣніе Качановку Борзенскаго уѣзда, Черниговской губ., и с. Антоновку Прилукскаго уѣзда, Полтавской губ. Качановское имѣніе заключало около 8 тыс. дес. земли, имѣло обширный паркъ въ 600 дес. и дворець. Въ этой резиденціи В. В. Тарновскій провелъ большую часть жизни, превративъ дворець въ роскошный музей. Вблизи дворца стояли пушки временъ казачества, а въ залахъ собраны большія колекціи казачьяго вооруженія. Вся прислуга одѣта была въ костюмы временъ гетманства. Широкая жизнь, крупныя траты на покупку рѣдкостей для музея не могли не подорвать финансоваго положенія владѣльда Качановки. Имѣніе оказалось обремененнымъ долгами и испытало участь большинства дворянскихъ имѣній. Владѣлецъ переселился въ Кіевъ, куда перевезъ свой музей. Два года назадъ Качановка продана была г. Харитоненку за 1 миліонъ рублей, и В. В. Тарновскій окончательно поселился въ Кіевѣ. Скончался онъ 63 лѣтъ отъ роду. («Нов. Вр.» № 8370).

† А. И. Мальшинскій. 24-го іюня, скончался на дачѣ въ Саблинѣ издатель газеты «Народъ», Аркадій Павловичъ Мальшинскій. Покойный окончилъ курсъ на юридическомъ факультетѣ Московскаго университета; затѣмъ занимался въ Гейдельбергѣ, изучая политическую экономію. Литературная его дѣятельность была посвящена вопросамъ политико-экономическимъ, демографическимъ и статистическимъ. Онъ велъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1887—1896 гг. отдѣлъ «Внутренняго обозрѣнія». Историческія изслѣдованія не были чужды покойному. Онъ работалъ въ архивахъ и напечаталъ нѣсколько статей въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и «Русскомъ Вѣстникѣ». А. П. сотрудничалъ въ «Порядкѣ» Стасюлевича и «Берегѣ» Цитовича. Одной изъ главныхъ его работъ было изслѣдованіе революціоннаго движенія въ Россіи. Въ 1896 г. А. П. сталъ выпускать собственную газету «Народъ» перешедшую теперь къ его дѣтямъ. Скончался онъ на 59 году. («Нов. Вр.» № 8378).

РѢДКІЕ ПОРТРЕТЫ.

Иванъ Андреевичъ Крыловъ.

Въ 1823 году, нашего знаменитаго баснописца, И. А. Крылова, во время прогулки, поразилъ ударъ. Собравъ всѣ силы, онъ кое-какъ дотащился до жившихъ вблизи друзей своихъ Олениныхъ, которые посѣщили подать ему первую помощь и удержали его у себя въ домѣ до выздоровленія. Императрица Марія Теодоровна, очень любившая Крылова, узнавъ о его болѣзни, велѣла Оленинымъ перевезти его въ Павловскъ, гдѣ она тогда жила, при чемъ сказала: «подъ моимъ наблюденіемъ онъ скорѣе поправится». И дѣйствительно, императрица окружила Крылова такими удобствами и заботами, что онъ черезъ короткое время совсѣмъ выздоровѣлъ. Въ благодарность онъ написалъ и посвятилъ императрицѣ свою извѣстную басню «Василекъ». Въ 1825 году, при жизни Крылова, было выпущено новое изданіе его басенъ съ приложеніемъ его портрета, гравированнаго Ческимъ, по рисунку художника И. Иванова, изображающаго баснописца сидящимъ на скамейкѣ, въ Павловскомъ паркѣ, вблизи дворца. Изданіе 1825 года составляетъ большую библиографическую рѣдкость, и потому мы прилагаемъ къ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника» точную копію съ приложеннаго къ этому изданію басенъ портрета Крылова.

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ КРЫЛОВЪ.

дозв. ценз. 24 июля 1890 г. спб.

Гонецъ сѣлъ на первую попавшуюся и поскакалъ дальше. Мирабо и его спутникъ поспѣшно и въ глубокомъ молчаніи продолжали свой путь въ Поттедамъ и скоро достигли воротъ, въ которые въѣхали полнымъ галопомъ.

Проѣхавъ Бранденбургскія ворота, мимо египетскаго обелиска, къ замку Sans-Souci, они увидали массу жителей, направлявшихся къ замку и движимыхъ тревожными, еще наканунѣ распространившимися слухами объ опасномъ состояніи короля.

Мирабо и Нольде остановились у воротъ, выходящихъ прямо на большую дорогу. Во всѣхъ почти окнахъ замка былъ свѣтъ, а внутри замѣчалось сильное движеніе. Стоявшая кругомъ молчаливая толпа, безпрепятственно поднимавшаяся до самыхъ верхнихъ террасъ замка, составляла мрачную и торжественную раму этой картины. Изрѣдка пробѣгаль въ толпѣ страшный, глухой шопотъ, но скоро опять воцарялась мертвая тишина, не нарушаемая, казалось, даже дыханіемъ людей.

Вставъ съ коней и отдавъ ихъ поддержать случившемуся тутъ надежному человѣку, Мирабо и Нольде направились въ самую толпу, которая, несмотря на свою печаль, почтительно разступилась передъ внушительной фигурой Мирабо и пропустила иностранцевъ впередъ. Они подошли, такимъ образомъ, къ главному входу, чрезъ который Мирабо вошелъ съ такимъ взволнованнымъ чувствомъ въ незабвенный день своего перваго посѣщенія великаго короля. Образъ Фридриха Великаго предсталъ ему тогда въ своей славѣ и вмѣстѣ въ своей поразительной брѣнности, и теперь, когда онъ мысленно видѣлъ его съ выраженіемъ предсмертной борьбы на лицѣ, потрясающій образъ короля манилъ его къ себѣ съ невѣроятной силой.

Подъѣзжало множество экипажей; изъ нихъ выходили знатныя и высокопоставленныя лица и были пропускаемы въ замокъ. Мирабо не обращалъ на нихъ вниманія, хотя между ними было много его хорошихъ знакомыхъ. Онъ былъ такъ глубоко погруженъ самъ въ себя, что даже отстранялъ всякое другое впечатлѣніе, способное его разсѣять.

— Этотъ бѣдный народъ опять трогаетъ меня,—тихо шепнулъ Мирабо своему спутнику. — Въ своей торжественно нѣмой печали онъ подобенъ высѣченымъ изъ камня изображеніямъ египетскихъ боговъ. Король умираетъ, но его настоящее величіе живетъ въ народѣ!

Въ эту минуту Мирабо почувствовалъ, что кто-то слегка дотронулся до его руки. Оглянувшись, онъ узналъ въ утреннихъ сумеркахъ фигуру принца Генриха, брата короля, который, незамѣченный толпою и сопровождаемый своимъ адъютантомъ, маркизомъ Люпе, направляясь ко входу въ замокъ, остановился въ созерцаніи удрученной горемъ толпы.

Мирабо поспѣшилъ привѣтствовать принца подобающимъ его сану образомъ, но принцъ, сдѣлавъ ему внушительный знакъ не обращать на него вниманія окружающихъ, взялъ Мирабо подъ руку и шепнулъ ему:

— Войдемъ со мною въ одну изъ боковыхъ залъ замка. Тамъ министръ Герцбергъ или графъ Герцъ скажутъ намъ, какъ идутъ послѣднія минуты незамѣнимаго монарха. Когда я былъ здѣсь въ часъ ночи, тайный совѣтникъ Зелле сказалъ мнѣ, что лицо сильно измѣнилось, глаза мутны и безжизненны. Добрый Зелле плакалъ. Помощь докторовъ, конечно, безсильна.

— Теперь двадцать минутъ третьяго,—сказалъ Мирабо, смотря на часы.—Утро наступаетъ медленно, потому что тучи на горизонтѣ. Осмѣлюсь ли съ разрѣшенія вашего высочества, войти въ замокъ вмѣстѣ съ моимъ спутникомъ?

Принцъ съ глубокимъ вздохомъ прошелъ впередъ. Въ коридорѣ онъ шепотомъ сказалъ графу Мирабо: — Когда свершится великое событіе, мой другъ, то намъ придется начать совѣмъ заново наши политическія операціи. Но что бы ни было, я остаюсь страстнымъ, вѣрно преданнымъ другомъ Франціи, въ чемъ прошу васъ, при этомъ случаѣ, увѣрить господина Калонна. Каковы бы ни были обстоятельства, я буду дѣйствовать и бороться такъ, чтобы французская политика была на будущее время путеводною звѣздою Пруссіи, потому что, только какъ членъ французской системы, Пруссія можетъ обрѣсти свое назначеніе въ Европѣ.

— А что же мы сдѣлаемъ съ министромъ Герцбергомъ?—тихо спросилъ Мирабо. — Вліяніе его останется, повидимому, значительнымъ и при наслѣдникѣ прусскаго престола. Я убѣжденъ болѣе, чѣмъ когда либо, что для проведенія въ Пруссіи французской системы, паденіе Герцберга необходимо. Своей агитаціей ему удалось поднять на ноги англійскую партію въ Пруссіи. Если Пруссія сдѣлается союзницей Англіи, то мы здѣсь напрасно жгли свое масло. Тогда на всю европейскую политику повѣтъ другой вѣтеръ, и какъ знать, что произойдетъ.

— Что касается Герцберга, то я послѣдовалъ вашему совѣту и впредь буду его помнить!—возразилъ принцъ Генрихъ едва слышнымъ шопотомъ.—Вы посовѣтовали скрыть мою къ нему ненависть и разыграть комедію примиренія для внушенія довѣрія ему и моему племяннику. Уже надняхъ я призналъ вашъ совѣтъ, графъ, весьма полезнымъ и благодарю за него ¹⁾. Это, кажется, единственный путь, чтобы склонить моего племянника, Фридриха-Вильгельма, къ принятію моихъ совѣтовъ и постепенно, незамѣтнымъ образомъ привлечь его на сторону Франціи.

¹⁾ Mirabeau. Histofre secrète de la cour de Berlin. I, 50.

Перешептываясь такимъ образомъ прошли они коридоръ и вошли въ переднюю, гдѣ находился персоналъ королевской прислуги въ большой тревогѣ и смятеніи. При входѣ принца и сопровождавшихъ его лицъ все почтительно замолкло, и только что принцъ хотѣлъ подзвать къ себѣ одного изъ слугъ для какого-то порученія, какъ открылась боковая дверь, и показался министръ Герцбергъ, страшно взволнованный и потрясенный. Узнавъ принца, онъ немедленно обратился къ нему, но голосъ, заглушаемый рыданіями, не могъ выговорить того, о чемъ, кажется, онъ хотѣлъ сообщить. Вскорѣ, однако, громкій стонъ и рыданія, разлившіеся подобно морю по всѣмъ заламъ Sans-Souci, объяснили то, чего плачущій министръ не въ силахъ былъ высказать.

Принцъ Генрихъ, убитый горемъ, провелъ рукою по глазамъ, но не могъ сдержать хлынувшего потока слезъ. Покачиваясь, оперся онъ на минуту на плечо министра Герцберга, доброе и честное лицо котораго выражало глубочайшее искреннее горе. Принцъ такъ сердечно пожалъ министру руку, что въ эту минуту едва ли кто нибудь могъ усомниться въ его искренности.

Теперь вновь раздалось отовсюду: «Король скончался! Фридриха Великаго нѣтъ болѣе!» Вышедшій изъ кабинета короля камердинеръ Стрючки, который закрылъ опочившему монарху глаза, сообщилъ окружившимъ его, что висящія надъ головою короля часы показывали двадцать минутъ третьяго, когда прекратилось дыханіе.

Печальное извѣстіе дошло до стоявшей вокругъ замка толпы. Глухіе жалобные стоны раздались въ ней и, то затихая, то вновь усиливаясь, разнеслись, подобно волнамъ морскимъ, по холмамъ и террасамъ вплоть до самаго города.

Принцъ, чувствуя себя плохо, потребовалъ свой экипажъ, чтобы вернуться въ занимаемый имъ въ послѣднее время въ Потсдамѣ дворецъ. Онъ простился съ Герцбергомъ новымъ сердечнымъ рукопожатіемъ, а съ Мирабо взглядомъ, выразившимъ какъ тайное соглашеніе, такъ и намѣренную сдержанность въ присутствіи министра.

Вслѣдъ за принцемъ послѣдно удалился и министръ Герцбергъ. При жалобныхъ вопляхъ стоявшаго вокругъ замка народа, онъ сѣлъ въ карету, чтобы отправиться въ Потсдамъ для донесенія ожидавшему его кронпринцу Фридриху-Вильгельму, новому королю Пруссіи, потрясающаго и многознаменательнаго извѣстія.

Мирабо обратился теперь съ просьбой къ своему другу, барону Нольде, немедленно сѣсть на лошадь и слѣзть въ Берлинъ, а тамъ закончить нѣсколькими, теперь ему сказанными графомъ Мирабо, словами лежащую у него на столѣ начатую депешу. Въ послѣднее время молодой Нольде выказалъ себя такимъ дѣльнымъ помощникомъ въ подобныхъ работахъ, что Мирабо могъ ему смѣло довѣрить столь важное порученіе, равно какъ и заботу по отправкѣ

нанятаго уже курьера въ Парижъ. Самому ему хотѣлось еще остаться немного въ Sans-Souci для наблюденія за послѣдующими въ замкѣ событіями.

Не прошло четверти часа, какъ Мирабо увидалъ короля Фридриха-Вильгельма II-го въ сопровожденіи министра Герцберга. Прекрасная, величественная фигура короля, выражавшаго въ эту минуту столько же достоинства, сколько и скорби, произвела на Мирабо, скрывшагося въ нишѣ пріемной, пріятное впечатлѣніе. Фридрихъ-Вильгельмъ II направился въ кабинетъ, гдѣ лежалъ прахъ только что скончавшагося великаго дяди его, желая лично сдѣлать нѣкоторыя распоряженія. Черезъ нѣсколько времени министръ Герцбергъ вышелъ оттуда одинъ. Грудь его украшена была орденомъ Чернаго Орла, пожалованнаго ему наслѣдникомъ престола въ знакъ признательности и единомыслія.

Мирабо послѣшно оставилъ замокъ. Найдя у дверей свою лошадь, вскочилъ на нее и помчался на большую берлинскую дорогу. Надъ его головой поднимались первые лучи восходящаго солнца. Зрѣлище это заставило его остановиться на минуту и дать вздохнуть лошади. Мирабо привѣтствовалъ дневное свѣтило, которое съ гордымъ сознаніемъ вѣчно новой жизни дарило его первой улыбкой послѣ смерти великаго короля.

IV.

Суконная лавка Мирабо.

Въ холодный февральскій день 1789 года, съ крайней послѣшностью и видимо взволнованный вышелъ Мирабо изъ дома, находившагося на базарной площади провансальскаго города Э (Aix), въ которомъ онъ жилъ съ начала этого года. Онъ накинулъ плащъ уже на улицѣ, когда сильный холодъ напомнилъ ему, что въ легкомъ фракѣ онъ подвергаетъ свое здоровье опасности. Но лицо его пылало, а на высокомъ челѣ отъ гнѣва выступила грозная жила.

— Какъ, милый братъ, развѣ сегодняшнее засѣданіе собранія дворянъ уже окончено? — спросила его дама, которую онъ, не замѣчая въ своей порывистой спѣшности, задѣлъ довольно сильно и которая, весело смѣясь, удержала его за плащъ.

Мирабо узналъ свою сестру, госпожу де-Сальянъ, жившую въ Э, съ которой, со времени пребыванія въ этомъ городѣ, онъ возобновилъ самыя искреннія и дружескія отношенія, привязывавшія его всегда къ этой сестрѣ.

— Засѣданіе еще не кончилось, но Мирабо конченъ навсегда для этого прекраснаго собранія провансальскихъ дворянъ, — возразилъ онъ съ трагическимъ выраженіемъ. — Знай, сестра, что сейчасъ эти знатные господа изъ дворянства и духовенства почти выгнали

меня. Можешь по мнѣ видѣть, какъ выглядить такой выброшенный за дверь, и чѣмъ болѣе онъ сумѣлъ,—какъ, надѣюсь, это удалось мнѣ,—сохранить приличіе и гордость, тѣмъ болѣе жалкимъ долженъ онъ казаться.

— Надо было ожидать, что это такъ кончится,—отвѣтила госпожа де-Сальямъ весело и не смущаясь, что всегда ободряюще дѣйствовало на Мирабо.— Я тогда же удивилась твоему мужеству, что ты пріѣхалъ сюда въ Э, для вступленія въ собраніе, состоящее изъ твоихъ противниковъ, которыхъ оскорбляла до сихъ поръ вся твоя жизнь и всѣ твои дѣянія. Однако, холодно, Габріель. Проводи меня домой и расскажи мнѣ тамъ за чашкой шоколада все, что съ тобой произошло.

— Нѣтъ, дорогая Каролина, благодарю тебя,—возразилъ Мирабо.— Выброшенный дворянствомъ и духовенствомъ за дверь не имѣетъ времени пить шоколадъ, а долженъ думать о своемъ удовлетвореніи. Для этого еще сегодня предстоитъ мнѣ много дѣла. Скажу тебѣ только, что это мой бывший тесть, маркизъ де-Мариньянъ, предложилъ исключить меня изъ собранія. Онъ всталъ и началъ доказывать, что нарушена извѣстная формальность, вслѣдствіе которой графъ Мирабо не можетъ оставаться членомъ собранія, признаннаго собраніемъ владѣльцевъ ленныхъ имѣній и лишь на такомъ основаніи желающаго продолжать свои совѣщанія. Это былъ, конечно, лишь противозаконный предлогъ избавиться отъ моей оппозиціи, но мнѣ ничего другого не оставалось, какъ взять шляпу и уйти изъ залы, отряхнувъ прахъ дворянства съ моихъ ногъ. Но для господъ дворянъ это приметъ опасный оборотъ. Коль скоро я отказываюсь выступить кандидатомъ отъ своего сословія въ собраніе государственныхъ чиновъ, то я принадлежу исключительно народу и третьему сословію, которое, конечно, съ триумфомъ понесетъ меня, какъ своего представителя, въ залъ засѣданій въ Парижѣ, великій день открытія которыхъ скоро наступить!

— Отчего же ты сразу не рѣшился на это, Габріель?—спросила госпожа де-Сальямъ.— Ты избѣжалъ бы такимъ образомъ массы неприятностей въ этомъ провинціальномъ гнѣздѣ, полномъ предрасудковъ и предубѣжденій противъ тебя. И меня избавилъ бы отъ огорченія. Ты вѣдь знаешь, что я по искренней любви къ тебѣ, а также къ Эмилиі де-Мариньянъ, твоей разведенной женѣ, не переставала трудиться надъ вашимъ примиреніемъ. Эмилиа еще любитъ тебя, вся ея жизнь — вѣчная печаль и страхъ за тебя, а съ тѣхъ поръ, какъ ты здѣсь въ Э, вблизи ея, она сидитъ въ замкѣ Мариньянъ, и съ пылающими щеками и заплаканными глазами грезитъ о своей первой любви. Сначала твой пріѣздъ сюда исполнилъ меня надеждами на осуществленіе моихъ плановъ. Но теперь все еще хуже, чѣмъ было. Твоей оппозиціей въ собраніи дворянъ Прованса ты вновь сильнѣйшимъ образомъ возбудилъ противъ себя

гнѣвъ старика Мариньяна. Онъ вѣдь былъ главной причиною твоего развода съ женой. А теперь, когда его несогласіе могло быть побѣждено, явилось опять это новое яблоко раздора изъ-за выборовъ. Боюсь, что вся моя работа для вашего счастья ни къ чему.

— Ты была всегда прелестной мечтательницей, Каролина,—возразилъ Мирабо, нѣжно поглаживая руку сестры.—Вѣдь ты знаешь, что теперь меньше, чѣмъ когда либо, я могу воспользоваться твоей добротой, желающей надѣлать меня опять Эмилией де-Мариньянъ. Настало время, когда мужчины должны дѣйствовать, терпѣть лишения, бороться и приносить себя въ жертву. Гдѣ тутъ думать о невѣстахъ, женитьбѣ, о старыхъ и новыхъ женщинахъ! Могу тебя увѣрить, Каролина, что, ѣдучи сюда въ Э, я ни одной минуты не думалъ о томъ, что замокъ Мариньянъ отсюда на полмили. Я просто явился по разосланному правительственными синдикатами приглашенію, которымъ всѣ землевладѣльцы Прованса, — а къ нимъ нашими фамильными помѣстьями принадлежу и я,—созывались на назначенное здѣсь собраніе дворянъ. Рѣчь идетъ о выборахъ въ государственные штаты, въ которыхъ Людовикъ XVI хочетъ нынѣ искать своего спасенія, послѣ того, какъ долженъ былъ отбросить слабые костыли собранія нотаблей.

— Если бы ты не расходился съ Эмилией де-Мариньянъ,—возражаетъ госпожа Сальянъ, печально вздыхая,—то былъ бы владѣльцемъ и ленныхъ земель въ Провансѣ; тогда эта въ высшей степени печальная неприятность быть исключеннымъ изъ провансальскаго дворянскаго собранія вовсе бы не могла случиться. Я увѣрена, что, узнавъ это, моя дорогая Эмилиа будетъ въ отчаяніи.

— Эти господа, мои ленные родичи, всегда противились примиренію со мною,—отвѣчалъ Мирабо.—Что же касается собранія дворянъ, то я радъ теперь, что сбросилъ его съ своихъ плечъ. Признаюсь, что одну минуту я считалъ наиболѣе подходящимъ выступить на выборахъ въ государственные чины депутатомъ отъ сословія дворянъ. Я всегда смотрѣлъ на дворянство, какъ на настоящаго предводителя народа въ борьбѣ за свободу и право. Какъ бы я ни любилъ народъ и третье сословіе, какъ бы ни считалъ отнынѣ его дѣло своимъ собственнымъ, однако все-таки кое-что въ немъ отталкиваетъ меня. Глупости этого сословія часто меня раздражали. Оно не имѣетъ ни плана, ни знаній; часто горячится изъ-за пустяковъ, въ которыхъ неправо; въ важнѣйшихъ же вещахъ, гдѣ оно право, малодушно уступаетъ. Но вотъ четверть часа, какъ мое положеніе вполне рѣшено.

Тѣмъ временемъ пошелъ сильный снѣгъ. Погода сдѣлалась неприятною, а такъ какъ экипажъ Мирабо, заказанный имъ къ закрытію засѣданія, не могъ еще прибыть, то онъ предложилъ сестрѣ войти съ нимъ напротивъ въ суконную лавку, съ владѣльцемъ которой, по своему обыкновенію, свелъ недавно знакомство.

Госпожѣ Сальянъ, находившейся одну минуту въ нѣкоторомъ сомнѣніи, тоже показалось удобнымъ переждать непогоду, пока приведутъ экипажъ.

— Знатная маркиза де-Сальянъ портится своимъ братомъ, демократическимъ графомъ Мирабо, и должна войти въ суконную лавку,— смѣясь сказалъ Мирабо, вводя сестру подъ-руку въ магазинъ.— Но ты была всегда доброю для народа душой, моя Каролина. Еще въ отцовскомъ домѣ живѣйшая симпатія соединяла меня съ твоимъ благороднымъ, яснымъ умомъ. Думаю, что ты всегда любила меня, куда бы и какъ судьба меня ни закинула. Твоимъ письмамъ, твоему совѣту обязанъ я не разъ утѣшеніемъ въ тяжелыя минуты. Не правда ли, я могу рассчитывать на тебя и на будущее время, вступая вмѣстѣ съ народомъ въ большую борьбу, исходъ которой предвидѣть нельзя?

Госпожа Сальянъ съ искренней нѣжностью пожала его руку. Они направились въ глубину магазина, потому что падавшій снѣгъ мѣшалъ стоять у входа. Владѣлецъ магазина, Ле-Телье, обѣдавшій съ семьей въ сосѣдней комнатѣ, не замѣтилъ вошедшихъ. Прохаживаясь съ братомъ взадъ и впередъ по скромному магазину, свидѣтельствовавшему о его далеко не блестящихъ дѣлахъ, госпожа де-Сальянъ вновь приступила къ своей излюбленной темѣ. Она рассказывала о глубокихъ душевныхъ страданіяхъ своей пріятельницы Эмилиі, которая, со времени развода, жизни не рада и влачитъ свое существованіе лишь мыслями и воспоминаніями о Мирабо. Часто прѣвѣщаетъ она изъ Мариньяна лишь затѣмъ, чтобы поговорить съ нею о немъ, или новую строчку въ полученномъ, быть можетъ, отъ него письмѣ прижать къ своимъ губамъ и омочить слезами. И сегодня, безъ сомнѣнія, Эмилиія пріѣдетъ, вѣроятно, между шестью и семью часами вечера.

При этомъ тихимъ и взволнованнымъ голосомъ госпожа Сальянъ стала просить Мирабо навѣстить ее сегодня въ эти часы.

— Нѣтъ, милая Каролина,—возразилъ Мирабо серьезно,—не будемъ говорить объ этомъ. Что однажды разлучено, тому не слѣдуетъ вновь соединяться. Никакой вѣдь новой и сильной органической связи нѣтъ. Чего бы я не далъ шесть лѣтъ тому назадъ, чтобы госпожа Мирабо, послѣ того, какъ *lettres de cachet* моего отца разлучили меня съ нею, протянула мнѣ сердечно руку прощенія. Мнѣ хотѣлось этого еще потому, что я былъ не совѣтъ правъ передъ нею и желалъ бы это загладить. Но господинъ маркизъ, ея отецъ, сообщая съ ленновладѣльческой родней, перевѣсили всѣ ея сердечныя рѣшенія, и Эмилиія выступила врагомъ противъ меня. Съ тѣхъ поръ, въ урнѣ моихъ воспоминаній она рисуется только, какъ рельефный камень. Кто можетъ камень вновь согрѣть для жизни? Удивительно, что теперь, на важнѣйшемъ распутьи моей жизни, образъ ея вновь предсталъ предо мною! Не желаетъ ли

она своими ленными помѣстьями отвлечь меня отъ того высокаго и великаго пути, на который судьба неотразимо влечетъ меня? Нѣтъ, эту феодальную возлюбленную я больше не поцѣлую. Пусть она плачетъ обо мнѣ, потому что теперь я для нея потерянъ. Настоящая моя жена—народъ. Съ нею я заключу священнѣйшій и торжественный союзъ, давъ себя избрать народомъ.

— Неужели дѣйствительно такія отношенія, какъ тѣ, что связываютъ тебя съ извѣстной госпожей Нэра, настолько сильны, что могутъ навсегда отворотить тебя отъ Эмили, столь прекрасной, милой, обладающей умомъ, положеніемъ и богатствомъ?—спросила госпожа Сальянъ. — Дорогой братъ, я незнакома съ твоей госпожей Нэра, никогда не видѣла ея, но предполагаю, что все хорошее, что ты мнѣ писалъ о ней, — вѣрно. Однако, эти особы, въ одинъ прекрасный моментъ, надобѣдаютъ мужчинѣ. Такимъ образомъ, подобная дѣвушка, будь она сама богиня, въ концѣ концовъ, не болѣе не менѣе, какъ гризетка. Брачный же союзъ есть союзъ однородныхъ умовъ, взаимно гарантирующихъ другъ другу счастье!

— Нѣтъ, моя ученая и умная сестрица,—съ живостью возразилъ Мирабо,—нѣтъ, ты сильно заблуждаешься. Ты много разсуждала въ твоей жизни, ты получила въ монастырѣ образованіе почти ученой, знаешь латынь¹⁾, ты всегда любила своего покойнаго мужа, но при всемъ этомъ, Каролина, тебѣ неизвѣстна глубина свободной любви. Эта госпожа Нэра, эта Генриетта, есть нераздѣльная часть меня самого. Она не только любитъ меня, но она служитъ мнѣ; не только служитъ мнѣ, но и господствуетъ надо мною. Она мнѣ другъ и братъ. Мы вмѣстѣ, какъ два рыцаря, пробиваемся въ мірѣ; она мой агентъ, исполняющій всѣ мои дѣла; она бѣгаетъ для меня повсюду съ быстротой лани и вѣрностью пуделя. Изъ Лондона она одна и почти больная пустилась моремъ въ Парижъ, чтобы снять съ меня приказъ короля, державшій меня все еще во власти отца, и это удалось ей. Когда, два года тому назадъ, я изъ Берлина вернулся въ Парижъ, я былъ вынужденъ оставить милую подругу въ прусской столицѣ, изъ-за разившейся у нея опять сильной грудной болѣзни, но я тогда же чувствовалъ, что это мнѣ не принесетъ счастья, и что безъ ея добраго генія я могу рассчитывать въ Парижѣ лишь на новыя затрудненія и неприятности. Такъ и случилось. Я чувствовалъ подъ конецъ, что моя дѣятельность въ Берлинѣ дѣлалась недостойной меня, и полагалъ, что въ Парижѣ правительство, которому я доставлялъ много полезныхъ свѣдѣній, вознаградитъ меня за такую роль. Думалъ получить мѣсто секретаря въ предстоявшемъ собраніи нотаблей. Но меня устранили, никогда не имѣя намѣренія быть ко мнѣ справедливымъ. Калоннъ теряетъ свой портфель и проваливается, потому что одновременно кредиторы его садятся ему на шею.

¹⁾ Montigny, Mémoires, I, 270.

Министромъ финансовъ дѣлается архіепископъ тулузскій, господинъ Ломени-де-Бриеннъ, почерпнувшій кое-что изъ философскихъ идей своего вѣка, но который все-таки не можетъ ни изъ этихъ идей, ни изъ полузабытыхъ церковныхъ пѣсенъ отчеканить ни одного су. Тогда я выпускаю мое смѣлое и откровенное сочиненіе объ акю-тажѣ, съ предостереженіемъ собранію нотаблей ¹⁾, что убиваетъ въ общественномъ мнѣніи новое министерство Неккера, котораго я боялся больше чорта. Написанное мною было, однако, такъ сильно, что правительство угрожаетъ моей личной безопасности, выпуская противъ меня новое *lettre de cachet*, семнадцатое въ моей жизни. Я пускаюсь въ бѣгство въ Тонгръ, гдѣ скрываюсь нѣкоторое время. Кто же является здѣсь моимъ спасителемъ и помощникомъ? Мой другъ Генриетта, по первому извѣстію отъ меня встающая больная съ постели въ Берлинѣ, заявляя, что она уже здорова, и предлагая служить мнѣ своею любовью. Немедленно отправляется изъ Тонгра въ Парижъ, свиваетъ вновь свое гнѣздо въ передней министра де-Бретейя, обращается ко всевозможнымъ лицамъ и до тѣхъ поръ неотразимою прелестью своею не оставляетъ всѣхъ въ покоѣ, пока не уничтожаетъ силы *lettre de cachet* и не освобождаетъ меня изъ моего изгнанія. Въ настоящую минуту она неутомимо занимается моими дѣлами въ Парижѣ, въ то время, какъ я здѣсь старался обратить провансальское дворянство въ демократовъ и заставить выбросить себя изъ залы собранія.

Въ эту минуту вошелъ владѣлецъ магазина, Ле-Телье, привѣтствуя графа Мирабо, голосъ котораго онъ услыхалъ. Это былъ маленькій, подвижной человекъ съ хитрыми темными глазами провансальца и выраженіемъ озабоченности на лицѣ.

— Своимъ громкимъ разговоромъ мы помѣшали вашему семейному обѣду, мэтръ Ле-Телье?—спросилъ Мирабо, дружески отвѣчая на его почтительный поклонъ. — Просимъ вашего гостепрѣимства, пока не утихнетъ метель.

— Не важно у насъ съ обѣдомъ,—печальнымъ голосомъ возразилъ Ле-Телье.—Пятеро дѣтей и никакой торговли. Можно было бы меня такъ же успѣшно назвать «господиномъ Дефицитомъ», какъ въ Парижѣ называютъ прекрасную королеву Марію-Антуанетту «госпожей Дефицитъ».

— Парижане остроумны въ своемъ бѣдствіи,—засмѣялся Мирабо.—Въ Парижѣ озабочены, однако, печеніемъ новаго хлѣба, и надняхъ предстоитъ открытіе большой хлѣбопекарни, которая будетъ работать подъ фирмой государственныхъ чиновъ. Вамъ, господамъ третьяго сословія, слѣдуетъ выбрать дѣльнаго представителя, потому что если эта работа удастся, то никто во Франціи не будетъ болѣе тревожиться о своемъ обѣдѣ, хотя бы онъ имѣлъ за своимъ столомъ дѣтей вдвое противъ моего друга Дефицита.

¹⁾ Dénonciation de l'agiotage au roi et aux notables.

— Мы здѣсь, въ Провансѣ, разсчитываемъ на графа Мирабо,— возразилъ владѣлецъ суконнаго магазина. — Было намъ жаль, конечно, что вы тамъ возитесь съ дворянствомъ и духовенствомъ, намѣреніе которыхъ несомнѣнно въ томъ, чтобы оспаривать у народа его мѣсто на выборахъ и не допустить его въ должномъ числѣ въ государственное собраніе. Сами вы, конечно, знатный господинъ, однако молва гласить, что вы съ народомъ заодно, и что ваше сердце не изъ такого жестокаго пергамента, какъ вашъ дворянскій титулъ.

— Нѣтъ, можете на это и вы и ваши друзья свято положиться,—воскликнулъ Мирабо торжественно. — Если же я присутствовалъ въ собраніи, что здѣсь напротивъ, въ сословномъ домѣ, то это было лишь для того, чтобы, въ интересахъ третьяго сословія и его неотъемлемыхъ правъ, возстать противъ рѣшеній этой шайки. Но легче проповѣдывать глухимъ ушамъ, чѣмъ злымъ сердцамъ. Я далъ имъ почувствовать бичъ своего гнѣва; они же, видя, что я имъ мѣшаю, просто-напросто указали мнѣ сегодня на дверь и вышвырнули графа Мирабо. Исключенный изъ моего собственнаго сословія, я долженъ искать чего нибудь лучшаго и, право же, завидую вамъ, имѣющему такой прекрасный магазинъ. Не хотите ли принять меня компаньономъ въ вашемъ дѣлѣ, мэтръ Ле-Телье?

— Это вамъ обойдется слишкомъ дорого, графъ, — отвѣчала Ле-Телье не безъ лукавства. — Вамъ пришлось бы вложить извѣстный капиталъ, если бы дѣло опять пошло.

— Ну, такъ съ сегодняшняго дня я вступаю въ дѣло вашимъ компаньономъ, мэтръ Ле-Телье, — сказалъ Мирабо, совершенно серьезно протягивая ему руку. — О моемъ взносѣ мы надняхъ условимся. Сейчасъ же я даю тысячу франковъ на расходы по новому устройству магазина. Нужно, чтобы и снаружи онъ лучше выгляделъ. Фирму нашу тоже нужно измѣнить, мой другъ. Но прежде возьмите деньги.

Мирабо вытаскилъ свой портфель, долго рылся въ немъ, но затѣмъ нѣсколько смутился.

Госпожа де-Сальянъ, улыбаясь, замѣтила эту паузу и, не ожидая просьбы, передала брату свой наполненный золотомъ кошелекъ.

Принявъ его совершенно просто и вручивъ смотрѣвшему на него съ сомнѣніемъ Ле-Телье означенную сумму, Мирабо сказалъ:

— Наша новая фирма должна гласить: «Графъ Мирабо и Ле-Телье». Пока, однако, мы изобразимъ это на красивой, блестящей доскѣ, приберемъ сейчасъ же временную вывѣску. Не найдется ли у васъ черной доски или чего либо подобнаго, на чемъ можно бы было вывести мѣломъ нѣсколько рѣзко бросающихся въ глаза словъ?

Ле-Телье, повидимому, сообразившій, о чемъ идетъ рѣчь, весело

кивнулъ ему головой и поспѣшно принесъ нашедшіеся въ углу магазина доску и кусокъ мѣла.

Взявъ мѣлъ, Мирабо написалъ на доскѣ крупными буквами: «Здѣсь графъ Мирабо продаетъ сукно, чтобы одѣть заново всѣ сословія».

— Мы прикрѣпимъ доску на шесть, у входа въ магазинъ,—прибавилъ онъ,—такъ, чтобы она тотчасъ бросалась каждому прохожему въ глаза.

Ле-Телье громко ликовалъ отъ удовольствія предъ этой драгоценной выдумкой,—какъ онъ выражался,—прыгая на всѣ стороны, чтобы привести ее въ исполненіе. Въ нѣсколько минутъ шесть были вбиты передъ входною дверью, и доска съ удивительною надписью прибита къ нему гвоздями.

— Это превосходно, господинъ графъ,—не переставалъ радоваться Ле-Телье.—Когда господа графы и бароны, выйдя изъ дома сословій, пройдутъ здѣсь мимо, они прочтутъ надпись и отъ ужаса покачнутся со всѣми своими родословными деревьями, а мы будемъ себѣ животы держать отъ смѣха. Они тотчасъ поймутъ, что это значитъ быть заново одѣтыми графомъ Мирабо. Вѣдь суконный кафтанъ, который графъ Мирабо имъ сошьетъ, будетъ немного узокъ и не очень-то будетъ отличаться отъ народнаго кафтана, не правда ли, господинъ графъ?

— Ты отличнѣйшій компаньонъ,—возразилъ Мирабо, добродушно хлопая его по плечу.—Ты хорошо смекнулъ, въ чемъ дѣло, и мы, конечно, будемъ дѣлать вдвоемъ великолѣпныя дѣла. Прежде всего нужно выкроить подходящий для всѣхъ сословій, изъ одного и того же матеріала, суконный кафтанъ. Первоначально онъ будетъ изъ толстаго сукна, потому что другого въ лавкѣ Мирабо и Ле-Телье не найдется. Вышимъ сословіямъ не мѣшаетъ попробовать на своемъ тѣлѣ жесткій народный кафтанъ. Если же дѣла наши пойдутъ хорошо, то мы приобрѣтемъ тонкія и дорогія ткани, чтобы народъ, въ свою очередь, почувствовалъ ихъ на своемъ столь измученномъ и пораненномъ тѣлѣ. Такъ, сдѣлавъ сначала всѣхъ людей грубыми, мы сдѣлаемъ потомъ ихъ всѣхъ утонченными. Что думаетъ мой компаньонъ объ этомъ?

Въ эту минуту маркиза де-Сальянъ, которой наскучилъ разговоръ въ магазинѣ, стала звать къ выходу, такъ какъ снѣжная метель смѣнилась почти ясною солнечной погодой. Мирабо подаль ей руку и на прощанье сказалъ Ле-Телье:

— Объявите всѣмъ вашимъ друзьямъ, которыхъ, я знаю, у васъ не мало въ кафе и пивныхъ города Э, что я сталъ вашимъ компаньономъ. Каждому изъ народа, кто къ намъ придетъ покупать, будетъ дѣлаться двадцать процентовъ уступки. Скоро, впрочемъ, народъ получитъ самъ на себя гораздо больше процентовъ. Самое выгодное дѣло—быть народомъ. Скажите еще вашимъ друзьямъ, что

ежедневно отъ 12-ти до 2-хъ часовъ я буду въ магазинѣ. Тогда я готовъ каждому, кто придетъ, держать рѣчь по всякому дѣловому вопросу, съ которымъ онъ сочтетъ нужнымъ ко мнѣ обратиться.

При выходѣ, они увидали нѣсколько человекъ, остановившихся въ изумленіи передъ новой вывѣской.

— Это мои бывшіе коллеги изъ дворянскаго собранія, засѣданіе котораго, повидимому, кончилось, — тихо сказалъ Мирабо сестрѣ. — Они стараются смѣяться и шутить, но моя вывѣска вливается ядомъ въ ихъ внутренности. Смотри, вотъ и мой почтенный тесть, маркизъ де-Мариньянъ, а за нимъ великолѣпный архіепископъ города Э, господинъ де-Буажелэнъ, вооружается очками, чтобы прочесть надпись на доскѣ.

Тутъ Мирабо увидалъ свой экипажъ, прибывшій къ концу засѣданія. Проводивъ сестру до ея кареты, онъ далъ знакъ своему кучеру подѣхать къ самому магазину. Не обращая ни малѣйшаго вниманія и не приподнимая даже шляпы передъ удивленными при видѣ его и особенно госпожи де-Сальянъ знакомыми лицами, онъ сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ ¹⁾.

V.

Хлѣбъ и мясо.

Мирабо сидѣлъ въ гостиницѣ, въ которой жилъ въ Э, за табльд'отомъ. Число посѣтителей у стола такъ необыкновенно увеличилось, благодаря присутствію Мирабо, что въ обычный обѣденный залъ нужно было открыть двери нѣсколькихъ смежныхъ съ нимъ комнатъ. У входа же въ гостиницу собиралась обыкновенно къ этому времени оживленная толпа, ждавшая единственно минуты выхода графа Мирабо, не упускавшаго случая обратиться съ какимъ нибудь возгласомъ, запросомъ и даже нерѣдко съ формальною рѣчью.

Въ Э, какъ и въ сосѣднихъ съ нимъ городахъ Прованса, въ особенности въ Марсели, куда онъ ѣздилъ отъ времени до времени, графъ Мирабо сдѣлался прославленнымъ народнымъ любимцемъ. Его вліяніе и любовь къ нему въ среднихъ и низшихъ классахъ народа росли по мѣрѣ болѣе и болѣе обнаруживавшагося разрыва его съ высшимъ кругомъ общества. Во всѣхъ своихъ дѣлахъ народъ обращался къ нему за совѣтомъ и рѣшеніемъ, ему повѣрялъ онъ свои нужды и затрудненія, и Мирабо не только принималъ участіе

¹⁾ Разсказъ этотъ о суконной лавкѣ графа Мирабо неоднократно оспаривался историками. Однако, Шатобрианъ (*Mémoires d'outre-tombe*, II, 33), *Mémoires Condorcet* (II, 318) и *Anecdotes du règne de Louis XVI* (VI, 267) даютъ даже объ этомъ подробныя свѣдѣнія, между прочимъ, что онъ ежедневно отпускалъ сукна не менѣе, какъ на 300 лундоровъ, а въ первый день продалъ на 15.000 франковъ

во всѣхъ собраніяхъ гражданъ, гдѣ обсуждались предстоящіе выборы, но и посѣщаль дома бѣдныхъ людей, которымъ, умѣя съ ними встать на равную ногу, всегда оказывалъ помощь.

Сегодня за табль-д'отомъ распространились разные слухи изъ Марсели о возникшемъ тамъ, вслѣдствіе вздорожанія необходимѣйшихъ средствъ пропитанія, народномъ волненіи. Указывали также на сильное броженіе въ извѣстной части города Э, населенной бѣднѣйшимъ и несчастнѣйшимъ классомъ народа, которое, быть можетъ, находится въ связи съ марсельскимъ возстаніемъ.

Услыхавъ это, Мирабо вышелъ на улицу и въ стоявшей кругомъ толпѣ замѣтилъ нѣсколько человекъ изъ бѣднаго квартала города, лично ему хорошо знакомыхъ. Толпа встрѣтила его ликующими безчисленными возгласами: «Да здравствуетъ графъ Мирабо!» Только что хотѣлъ онъ вступить въ разговоръ съ нѣкоторыми, давно уже казавшимися ему подозрительными рабочими, когда громкій звукъ трубы спускавшейся по улицѣ экстра-почты привлекъ, особеннымъ образомъ, полнымъ воспоминаній, его вниманіе. Быстро подѣзжая, экипажъ проложилъ себѣ сквозь толпу дорогу къ отелю, передъ которымъ, возлѣ самого Мирабо, остановился. Мирабо услышалъ свое имя, произнесенное тихимъ, но хорошо знакомымъ голосомъ и былъ крайне пораженъ, увидавъ въ каретѣ госпожу Нѣра, протягивающую къ нему руки для привѣтствія и ожидая его помощи, чтобы выйти изъ экипажа. Мирабо привѣтствовалъ ее сердечно, но и съ тревожнымъ чувствомъ, что поводомъ къ ея неожиданному, безъ малѣйшаго предупрежденія прибытію въ Э могло послужить что либо неблагопріятное. Затѣмъ повелъ ее подъ руку въ гостиницу; друзья же и почитатели его, съ выраженіемъ крайняго удивленія, продолжали стоять на улицѣ.

— Эта красивая дама, должна быть, жена его, прилетѣвшая вслѣдъ за нимъ изъ Парижа, — хитро улыбаясь, проговорилъ одинъ рабочій. — По этому случаю мы ему устроимъ сегодня вечеромъ серенаду. Не правда ли, мэтръ Ле-Телье?

— Если вы будете такъ же плохо наматывать шелкъ, какъ плохо угадываете, то скоро васъ прогонять съ фабрики, — возразилъ Ле-Телье, не пропускаяшій съ нѣкоторыхъ поръ ни одного народного скопища на улицахъ или въ извѣстныхъ домахъ и помѣщеніяхъ. — У графа Мирабо, — прибавилъ онъ съ увѣренностью, — нѣтъ жены, кромѣ разведенной съ нимъ, живущей здѣсь въ замкѣ Мариньянъ, который скоро мы будемъ имѣть удовольствіе посѣтить со всѣми нашими друзьями.

Тѣмъ временемъ, Мирабо, послѣ нѣжныхъ привѣтствій, сталъ допытываться у госпожи Нѣра о цѣли ея неожиданнаго одинокаго путешествія.

— Противъ тебя въ Парижѣ опять новыя интриги, — говорила Генриетта, едва переводя духъ. — Страхатся той роли, которую ты

началъ играть здѣсь, въ Провансѣ, о чемъ имѣются, говорятъ, самыя преувеличенныя свѣдѣнія въ министерствѣ и при дворѣ. Я слышала отъ хорошо освѣдомленныхъ лицъ, что правительство намѣрено употребить всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать твоему избранію въ депутаты національнаго собранія. Все знающій Шамфоръ увѣряетъ, что хотятъ поставить тебѣ въ вину твои тайныя сношенія съ берлинскимъ дворомъ и, такимъ образомъ, лишитъ тебя, какъ обвиненнаго, возможности быть избраннымъ здѣсь, въ Провансѣ. Я сочла нужнымъ спѣшить къ тебѣ, другъ мой, чтобы увѣдомить объ этой опасности. Если не хочешь оставить меня здѣсь, то я сегодня же поѣду обратно въ Парижъ. Я теперь необыкновенно бодра и совершенно здорова. Укажи мнѣ только, какимъ путемъ я должна тамъ дѣйствовать. Что-то должно произойти, и произойти скоро, но безъ твоего согласія я ничего не смѣла предпринимать.

Безпокойными шагами Мирабо ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ. Сильный гнѣвъ, точно огненная туча, отразился на его челѣ.

— Такъ теперь эти подлецы хотятъ нарядить надо мною слѣдствіе, — воскликнулъ онъ громовымъ голосомъ, — и это по поводу книги, вовсе не мною написанной, а которую министерство, при помощи своихъ агентовъ, состряпало и, воспользовавшись депешами моими тогда къ Верженну и Калонну, отдало въ печать безъ моего вѣдома? Болѣе того, эти интриганы мошенники извратили мои депеши, вписавъ слова противъ теперешняго прусскаго короля, никогда мною не писанныя и крайне оскорбительныя для этого монарха. Я пропустилъ это, потому что тогда оно мнѣ было совершенно безразлично. Но мнѣ сейчасъ же слѣдовало понять, что тутъ мѣтили въ меня, подставляли силки, въ которые, при удобномъ случаѣ, намѣревались поймать Мирабо. Какъ же собственно это было продѣлано? Что ты слышала?

— Государственная адвокатура официально представила книгу парижскому парламенту, — сказала Генриетта, причемъ ея прекрасныя честныя глаза пылали гнѣвомъ за своего друга. — Жалоба гласитъ о нарушеніи народнаго права и, какъ тамъ выражено, о обезпечивающемъ французское дворянство оскорбленіи высочайшихъ осббъ дружественнаго двора.

— Отлично придуманныя фразы! — воскликнулъ Мирабо, топнувъ ногою. — Такъ вотъ капканъ, который хотятъ подставить мнѣ, посланному ими же тогда въ Берлинъ, на жалованьи отъ короля! Если же они утверждаютъ, что король Фридрихъ-Вильгельмъ или принцъ Генрихъ Прусскій обратились съ жалобою на меня къ французскому двору, то это ложь! Нашъ старый другъ Нольде, прожигающій еще въ Берлинѣ, недавно, почерпая это изъ вѣрнѣйшихъ источниковъ, написалъ мнѣ, что тамъ при дворѣ отнеслись вполне равнодушно ко всему, что было оскорбительнаго для этихъ господъ въ моей «Тайной исторіи берлинскаго двора». Это, значить, чисто

французская придворная интрига, безъ сомнѣнія, возбужденная отсюда провансальскимъ дворянствомъ.

— Можетъ быть, — возразила Генриетта, — однако, я должна прибавить, дорогой другъ, что, какъ говорятъ, твоей главной противницей въ этомъ дѣлѣ оказалась королева Марія-Антуанетта. Герцогъ Лозэнъ говорилъ мнѣ, что она вмѣстѣ со всѣми твоими парижскими врагами дѣлала все, чтобы помѣшать твоему избранію въ депутаты. При версальскомъ дворѣ тебя называютъ не иначе, какъ «плебейскимъ графомъ». Это же ужасно, Мирабо! Необходимо противодействовать этому, и мы всѣ, твои преданные парижскіе друзья, требуемъ одного лишь твоего слова, чтобы знать, какъ ты относишься къ этому дѣлу, сообразно съ чѣмъ и дѣйствовать.

— Итакъ, мои господа провансальскіе рыцари сумѣли спрятаться за королеву, — сказалъ Мирабо, — потому что почетный титулъ плебейскаго графа я вполне заслужилъ прежде всего здѣсь, въ Провансѣ. Титулъ этотъ хорошъ; онъ указываетъ путь, по которому судьба ближайшаго будущаго велитъ мнѣ слѣдовать. Мои сношенія съ чернью Э и Марсели распространили, значить, свой ѣдкій запахъ вплоть до покоевъ королевы, заглушивъ бѣдной Маріи-Антуанеттѣ ароматы ея парфюмерій. Богъ мой, знакомство съ чернью не хуже вѣдь, чѣмъ съ придворными! Господа чернь — гладиаторы свободы, и если они наги и грязны, то за то свобода скоро разодѣнется и почистится. А иначе, что я сдѣлалъ королевѣ Маріи-Антуанеттѣ? Я втайнѣ восхищался ею и жалѣлъ ее — вотъ мое единственное отношеніе къ прекрасной женщинѣ. Она старается помѣшать моему избранію, между тѣмъ, я, какъ членъ національнаго собранія, могъ бы ей, быть можетъ, со временемъ, оказать величайшія услуги!

— Будетъ всего лучше, если ты сейчасъ же отправишься со мною въ Парижъ, — начала снова Генриетта, съ умоляющимъ выраженіемъ прижавъ его руку къ своему сердцу. — Вѣрь мнѣ, личнымъ своимъ появленіемъ ты разрѣшишь все наилучшимъ образомъ и все обратишь въ нашу же пользу. Вѣдь противостоятъ тебѣ, въ твоемъ присутствіи, невозможно. Ты можешь изъ всякаго, на кого только взглянешь своими чудными глазами, сдѣлать себѣ преданнаго и покорнаго.

— Нѣтъ, Иеттъ-Ли, въ политикѣ нѣтъ чудныхъ глазъ; въ ней всегда лишь злой глазъ, — съ улыбкой возразилъ Мирабо. — Поѣду съ тобою въ Парижъ, но не для того, чтобы говорить тамъ людямъ хорошія слова — на это прошло уже время, — а я порву имъ нити, которыя они прядутъ противъ меня, и брошу имъ въ лицо лоскутъя всей этой интриги. Угрозою моею будетъ, что я публично выступлю противъ нихъ и всей европейской публикѣ выдамъ мнистерство, какъ сотрудника по составленію книги о прусскомъ дворѣ, если только въ своихъ легкомысленныхъ обвиненіяхъ они

не оставлять моей личности въ покоѣ. Съ книгой же могутъ дѣлать, что хотятъ, это мнѣ все равно.

— Ну, такъ ѣдемъ сейчасъ же въ Парижъ, болѣе терять времени нельзя, — воскликнула Генриетта, быстро хватая снятую ею при входѣ въ комнату шляпку и собираясь вновь надѣть ее на свои свѣтлые локоны.

— Съ такой необыкновенной быстротой сдѣлать этого не удастся, — возразилъ Мирабо, любуясь ея прелестной горячностью. — Прекрасная графиня Леттъ-Ли, вѣроятно, очень устала и должна будетъ отдохнуть здѣсь, у меня, одну ночь. Къ тому же мнѣ надо проститься съ моими здѣшними друзьями и назначить имъ точный день моего возвращенія, чтобы они не растерялись по случаю моего внезапнаго отъѣзда, и чтобы наши избирательные маневры шли, тѣмъ временемъ, своимъ порядкомъ.

— Хотя я и устала, — отвѣтила Генриетта, опять снимая шляпку, — однако я бы такъ желала, чтобы ты рѣшился немедленно ѣхать со мною. Должна тебѣ признаться, что мнѣ вовсе не нравится твое пребываніе въ Э, и я все время грустила въ Парижѣ. Если хочешь меня порадовать, то больше ты сюда не вернешься. Вѣдь и въ Парижѣ ты можешь дать избрать себя въ депутаты. Если съ дворянствомъ ты ничего общаго имѣть болѣе не хочешь, то на народъ ты можешь разсчитывать точно такъ же въ Парижѣ, какъ и въ Э.

— Что же такъ не нравится тебѣ въ Э, моя Леттъ-Ли? — спросилъ онъ, пристально вглядываясь въ нее.

— Городъ самъ, быть можетъ, и хорошъ, но графиня Мирабо живетъ въ немъ! — чуть слышно отвѣтила Генриетта, а щеки ея ярко зардѣлись. — Въ ночь твоего отъѣзда изъ Парижа я видѣла сонъ, какъ будто въ большой толпѣ я потеряла тебя. Когда же я, несчастная, заблудившаяся, опять тебя увидѣла, ты былъ на золотомъ тронѣ рядомъ съ прекрасной, знатной, гордой дамой, и склонилъ къ ней голову на грудь. Дойти до тебя я не могла; какъ только хотѣла приблизиться, грозные взгляды этой дамы отпугивали меня и удаляли отъ тебя. — Съ этими словами Генриетта, сдерживая громкія рыданія, разразилась цѣлымъ потокомъ слезъ.

— Такъ и ты рехнулась на сказкѣ о моей женѣ? — воскликнулъ Мирабо почти неволью. — Я прибылъ въ Э, не думая ни о чемъ другомъ, какъ о выборахъ. И вотъ съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, мнѣ не перестаютъ напѣвать въ уши пѣснь о моей разведенной женѣ. О ней поетъ моя сестра, поютъ нѣкоторые старые здѣшніе друзья, и, наконецъ, пріѣзжаешь ты изъ Парижа и тоже поешь мнѣ о ней. Но все это ваше пѣнье и жужжаніе — пустое. Вотъ, что я скажу тебѣ, Леттъ-Ли. Прекрасная дама, на груди у которой ты видѣла мою голову, была свобода. Скоро взойдетъ она на свой золотой тронъ и съ собою вознесетъ меня, какъ и всѣхъ притѣсненныхъ и униженныхъ. Но изъ-за этого никогда я не забуду мою подругу,

моего дорогого возлюбленнаго товарища, Леттъ-Ли. Союзъ нашъ остается въ силѣ, и наступающее новое время скрѣпить его еще болѣе. Не прогоняй только ты меня отъ твоихъ прекрасныхъ глазъ, потому что благословеніе ихъ будетъ мнѣ нужно въ часъ волненій и раздоровъ, которые уже приближаются.

Радостная и благодарная Генриетта поднесла къ своимъ губамъ его руку. Въ эту минуту вошелъ камердинеръ Мирабо и передалъ ему письмо, только что полученное съ нарочнымъ отъ графа де-Карамана.

Поспѣшно вскрывъ и прочитавъ письмо, Мирабо подошелъ къ госпожѣ Нѣра, робко стоявшей у окна въ ожиданіи узнать заключенныя въ письмѣ извѣстія.

— На этихъ дняхъ мнѣ еще нельзя будетъ ѣхать съ тобою въ Парижъ, Генриетта, — сказалъ Мирабо. — Письмо это отъ коменданта провинціи, графа де-Карамана, находящагося въ эту минуту въ Марсели. Возникшее тамъ народное волненіе—весьма тревожнаго свойства. Народъ образовалъ вооруженные отряды, чтобы требовать пониженія цѣнъ на хлѣбъ и мясо. Настоящія насильственныя дѣйствія были совершены до сихъ поръ лишь надъ нѣкоторыми булочными и мясными лавками; однако, уже преслѣдовали на улицѣ экипажъ господина Карамана, сопровождая его всевозможными угрозами. Успокоить настроеніе толпы обращенными къ ней рѣчами ему не удалось. Мэръ города долженъ былъ бѣжать. Можно опасаться всего самаго ужаснаго. Графъ Караманъ убѣдительношимъ образомъ проситъ меня тотчасъ же пріѣхать въ Марсель не только для того, чтобы я помогъ ему совѣтомъ, но чтобы оказалъ свое доброе вліяніе на марсельскій народъ. Правда, народъ тамъ вѣритъ мнѣ, и каждый разъ, когда я появлялся въ Марсели, онъ выражалъ мнѣ свою преданность. Итакъ, прежде чѣмъ ѣхать съ тобою въ Парижъ, я поѣду въ Марсель, а ты подождешь меня здѣсь, Генриетта.

Генриетта старалась представить ему необходимость присутствія его въ Парижѣ, но Мирабо сказалъ, что еще необходимѣе ѣхать ему туда, гдѣ народъ страдаетъ, а, при невѣрномъ объясненіи его нуждъ, можетъ пострадать еще больше.

— Когда я восстановлю порядокъ въ Марсели, — прибавилъ онъ, — а это мнѣ удастся, тогда я предстану предъ министерствомъ въ Парижѣ и спрошу его, по какому праву и въ чьихъ интересахъ оно намѣрено тормозить и преслѣдовать національную дѣятельность, подобную моей. Я имъ покажу, что я сталъ народнымъ трибуномъ, но что при мнѣ и государству и обществу будетъ хорошо. Ты же, Генриетта, познакомишься, тѣмъ временемъ, съ моей сестрой, маркизой де-Сальянъ, для которой я дамъ тебѣ нѣсколько словъ. Она уже давно желала видѣть госпожу Нѣра, и вы навѣрно сердечно сойдетесь между собою.

Черезъ полчаса Мирабо былъ готовъ въ дорогу и проѣхалъ небольшое разстояніе между Э и Марселью такъ быстро, что еще за свѣтло прибылъ къ берегу Средиземнаго моря и въѣхалъ на улицы не успокоившагося еще города. Многочисленные патрули, составленные изъ гражданъ, разѣзжали и старались, казалось, съ величайшею строгостью водворять порядокъ, но встрѣчаемыя ими то здѣсь, то тамъ толпы народа съ шумомъ и пѣснями противились этому. Глядя на толпу привычнымъ глазомъ, Мирабо сообразилъ, что она замышляетъ что-то еще на сегодняшнюю ночь. Гражданскіе патрули, безъ оружія, старались дѣйствовать, при встрѣчѣ съ толпою, однимъ лишь строгимъ внушеніемъ, но толпа, дѣлая видъ повинovenія, переходила на другія улицы или площади, гдѣ собиралась еще въ болѣе грозныя скопища.

Мирабо, быстро соображавшій подобныя волненія, понять, что народныя толпы дѣйствуютъ по извѣстному плану. Своимъ тонкимъ слухомъ онъ разслышалъ распространяемое въ публикѣ извѣстіе, будто пониженныя быдò цѣны на мясо и хлѣбъ хотятъ вновь повысить. При этомъ неоднократно съ возбужденіемъ повторялись имена господина де-ла-Туръ, интенданта провинціи, и нѣкоего Ребюфе, сдѣлавшаго свое имя, какъ арендатора городскихъ пошлинъ, особенно ненавистнымъ.

Заѣхавъ въ гостинницу для нѣсколькихъ минутъ отдыха, Мирабо велѣлъ себѣ привести лошадь, желая, несмотря на поздній часъ, проѣхаться по городу и посѣтить нѣкоторые хорошо ему извѣстные кварталы, населенные матросами и рабочими. Прежде, однако, чѣмъ отправиться въ эти грозно-волнующіяся части города, онъ хотѣлъ явиться къ военному коменданту, графу де-Караману, чтобы засвидѣтельствовать, съ какою поспѣшностью имъ исполнено его требованіе.

Мирабо засталъ почтеннаго старца, съ которымъ уже встрѣчался въ обществѣ въ Э, въ самомъ уныломъ настроеніи. Обрадованный скорымъ прибытіемъ Мирабо, онъ не могъ скрыть боязни, что нынѣшней ночью событія могутъ принять самый плачевный оборотъ. Въ особенности находился въ сомнѣніи на счетъ того, слѣдуетъ ли уже теперь прибѣгнуть къ военной силѣ противъ народа, или нѣтъ. Стоящія въ Марсели войска заперты въ казармахъ и ждутъ минуты, когда будутъ вызваны въ дѣло. Объяснивъ все ясно и точно, господинъ де-Караманъ просилъ у Мирабо откровеннаго совѣта.

— Оставьте войска въ казармахъ, что бы сегодня ночью ни случилось, умоляю васъ объ этомъ!—съ живостью воскликнулъ Мирабо.— Я не буду спать эту ночь, а останусь на улицѣ, верхомъ на лошади. Мнѣ скоро удастся разыскать моихъ старыхъ марсельскихъ друзей, живущихъ въ портѣ, и чрезъ нихъ дойти до настоящаго очага возстанія. Вмѣшательство войскъ довело бы все сразу до того предѣла, до котораго я именно буду стараться не допустить. Въ народномъ

возстаніи военная сила есть самое бѣдственное орудіе, въ особенности, когда это возстаніе только еще развивается. Побѣдить его можно изслѣдованіемъ внутреннихъ причинъ и справедливымъ и откровеннымъ возвращеніемъ его къ первоначальному вопросу. Я знаю марсельскій народъ. Въ немъ есть славные, великолѣпные люди; съ нѣкоторыми изъ нихъ я прямо связанъ дружбой. Я вызову этихъ молодцовъ, часто катавшихъ меня въ портъ, и публично, на базарной площади, заведу съ ними диспутъ о цѣнахъ на съѣстные припасы. Я докажу имъ, что низкія цѣны хуже высокіхъ, и что если, при хлѣбѣ въ три съ половиною су, они не могли быть сыты, то съ хлѣбомъ въ два су они помрутъ съ голоду, потому что, когда желаешь имѣть вещь ниже ея стоимости, то кончается тѣмъ, что перестаешь ее имѣть. Я скажу моимъ друзьямъ,—и это вы должны мнѣ позволить, господинъ комендантъ,— что хлѣбъ можетъ быть дешевле, обилень и справедливо распределень лишь съ созваніемъ государственныхъ чиновъ въ Парижѣ, и что народъ долженъ предоставить свободно и самостоятельно имъ самимъ избраннымъ представителямъ привести въ порядокъ и дѣла своего желудка. Какъ вы думаете, графъ, поможетъ это?

Комендантъ пожалъ плечами и послѣ нѣкоторой паузы сказалъ:—Все нужно испробовать. На васъ мы возлагаемъ наибольшія надежды, графъ Мирабо. Въ Парижѣ узнаютъ обо всемъ, вами сдѣланномъ въ интересахъ порядка. Скажу вамъ по секрету, что изъ Парижа требуютъ, чтобы я бдительно слѣдилъ за каждымъ вашимъ шагомъ здѣсь, въ провинціи. Но я не гоюсь для такихъ порученій. Однако, если бы вы отклонили мою просьбу и не прибыли сюда въ качествѣ посредника и помощника, на что, благодаря вашимъ сношеніямъ съ народомъ, вы имѣете возможность, то это внушило бы мнѣ нѣкоторое сомнѣніе. Теперь же благодарю васъ, графъ, отъ всего сердца!

Мирабо поборолъ въ себѣ закравшееся въ немъ чувство при этомъ признаніи коменданта. Ему было непріятно, что его пожелали подвергнуть испытанію, призвавъ для успокоенія и усмиренія возбужденныхъ народныхъ массъ, но онъ счелъ болѣе для себя полезнымъ идти къ цѣли, несмотря ни на что и дѣйствуя по своему.

Онъ бросился къ выходу съ обѣщаніемъ еще ночью пріѣхать лично доложить о томъ, что произойдетъ, или же прислать довѣренное лицо.

Сѣвъ на лошадь, онъ направился кратчайшей дорогой и самымъ быстрымъ аллюромъ въ морской портъ. По извилинамъ маленькихъ, темныхъ улицъ, онъ, даже и при меньшемъ знакомствѣ съ мѣстностью, легко бы достигъ моря, направляя лишь лошадь на громовой шумъ, съ которымъ бурныя въ эту ночь волны разбивались о берегъ.

Въ портѣ, при сумрачномъ свѣтѣ маяка, онъ замѣтилъ только нѣсколько темныхъ фигуръ, безокойно сновавшихъ взадъ и впередъ и едва отличавшихся отъ черной тѣни кораблей. Скоро, однако, неумолкаемый людской попотъ, то тамъ, то здѣсь сталъ привлекать его вниманіе, при чемъ до его слуха долетѣло нѣсколько восклицаній, показавшихся ему довольно значительными. Вдругъ мѣсяцъ выступилъ изъ сгустившихся надъ моремъ грозовыхъ тучъ и побѣдоносно освѣтилъ всю мѣстность порта. Съ удивленіемъ увидалъ Мирабо себя на лошади среди большой народной толпы, свившейся со всѣхъ сторонъ, подобно клубку, по самой серединѣ котораго очутился всадникъ, все болѣе и болѣе тѣснымъ, не безъ намѣренія, быть можетъ, со стороны молчаливо прислушивавшейся толпы. Въ этомъ его убѣждали враждебныя и дерзкія лица, окружавшія его со всѣхъ сторонъ и все ближе наступавшія на него.

— Пустая, кажется, наша добыча! — воскликнулъ грубый и со смѣхомъ голосъ изъ толпы. — Этотъ не похожъ ни на конную полицію, ни на затерявагося члена почтенной гражданской стражи. Онъ похожъ скорѣе на убѣжавшаго изъ Парижа придворнаго кавалера, пріѣхавшаго сюда верхомъ съ намѣреніемъ броситься въ море, не будучи, вѣроятно, въ состояніи пережить то, что скоро все придворное хозяйство пойдетъ къ чорту.

Одобрительный ревъ толпы встрѣтилъ эти слова. Но графу Мирабо показался знакомымъ голосъ, готовившій ему здѣсь столь нелюбезный пріемъ. Онъ еще разъ посмотрѣлъ на говорившаго, а затѣмъ сильнымъ, всѣхъ покрывающимъ голосомъ воскликнулъ:

— Лоранъ! Лоранъ! приди ко мнѣ!

Позванный этимъ именемъ съ громкимъ радостнымъ крикомъ бросился со всѣхъ ногъ и, съ быстротою молніи уцѣпившись за шею лошади, чтобы ближе разглядѣть лицо Мирабо, воскликнулъ, ликуя: — Да, правда, звукъ этого голоса не обманулъ меня. Товарищи, это графъ Мирабо! Онъ другъ народа и присоединяется къ намъ, чтобы помогать и руководить нами. Ура! теперь мы торжествуемъ!

Маленькая, невзрачная фигура говорившаго быстрыми, какъ стрѣла, движеніями шмыгала между товарищами, точно ящерица, нашептывая имъ какія-то слова, которыя мгновенно разносились дальше. Все его лицо было вымазано сажей; онъ былъ разгрузчикомъ угольныхъ судовъ въ портѣ. Однако, почетъ, которымъ онъ пользовался въ этомъ собраніи, превышалъ, повидимому, положеніе и занятія Лорана, потому что слова его были встрѣчены всеобщимъ одобреніемъ, и громовое «да здравствуетъ Мирабо!» раздалось далеко въ море.

Мирабо приподнялъ шляпу и, поднявшись выше на своемъ сѣдлѣ, сказалъ звучнымъ, въ отдаленнѣйшихъ уголкахъ слышнымъ голосомъ: — Друзья мои, такъ называю васъ отъ всего сердца, видя себя привѣтствуемымъ вами! Каждый разъ, когда я пріѣзжаю въ Марсель,

меня тянетъ сюда, чтобы съ моими старыми друзьями, портовыми рабочими, обмѣняться добрымъ словомъ о положеніи общественныхъ дѣлъ. Вы, конечно, легко найдете гораздо лучшаго вождя, чѣмъ я, когда придетъ время вступить въ открытый народный бой съ вашими врагами, которые вмѣстѣ съ тѣмъ и мои. Но эта минута еще не настала. Посѣщаю васъ не для того, чтобы предводительствовать вами, но чтобы удержать васъ отъ того, что вы замышляете. Я глубоко опечаленъ, видя, какъ вы неправы во всемъ, что вы дѣлали послѣдніе дни въ Марсели и, повидимому, еще думаете дѣлать. Но часто ошибаешься самъ въ своихъ дѣлахъ. Я же, всегда серьезно думающій о вашихъ интересахъ, знаю навѣрно, что неправильнымъ взглядомъ на цѣны на хлѣбъ и мясо вы дали себя ввести въ заблужденіе. Вы неправы и хотите еще дѣлать неправое, угрожая своему городу насиліями, что сдѣлаетъ хлѣбъ и мясо дороже, чѣмъ когда бы то ни было.

Глухая злоба, начинавшая подниматься кое-гдѣ въ народѣ, была первымъ отвѣтомъ на слова Мирабо. Затѣмъ раздалось нѣсколько грозныхъ восклицаній: — Кто далъ вамъ право хулить и бранить насъ? Если вы хотите вмѣшиваться въ наши дѣла, то должны знать, каково намъ. Что можетъ знать графъ о томъ, во что бѣдному человѣку обходится хлѣбъ и мясо!

— Тише! тише!—командовалъ Лоранъ, напрягая свои легкія и вскакивая на сваю, чтобы удобнѣе держать рѣчь къ товарищамъ.— Это не изъ тѣхъ графовъ, которые не знаютъ, каково бѣднымъ людямъ! Это графъ Мирабо, который, несмотря на свой знатный родъ, ѣсть за однимъ столомъ съ народомъ и скажетъ вамъ точно, сколько должны стоить хлѣбъ и мясо. Слушайте его внимательно, потому что онъ другъ всѣхъ портовыхъ рабочихъ въ Марсели и отлично знаетъ, въ чемъ мы нуждаемся.

Мирабо только что собирался вновь возвысить голосъ, когда съ улицъ, примыкавшихъ къ порту, раздался новый, дикій шумъ катящихся сюда народныхъ массъ. Тогда и толпа, среди которой находился Мирабо верхомъ на лошади, радостно зашевелилась, обратясь въ сторону надвигавшейся массы, ликующіе и безпорядочные крики которой возвѣщали о какомъ-то только что совершенномъ въ городѣ подвигѣ.

Мирабо подозревалъ своего друга Лорана, чтобъ узнать подробности, въ чемъ дѣло. Лоранъ сообщилъ, что этотъ отрядъ былъ высланъ отсюда съ приказаніемъ ворваться и разнести нѣсколько магазиновъ на улицѣ Rive neuve и сдѣлать нападеніе на домъ арендатора пош-линъ Ребюфе. Выбраны были для этого самые удалые молодцы въ городѣ, возвратившіеся теперь съ извѣстіемъ, что все отлично удалось: у ненавистнаго Ребюфе разбиты камнями окна, мебель поломана, и весь домъ разоренъ и опустошенъ. Таковая же участь постигла и домъ интенданта де-ла-Туръ.

Мирабо съ досадою увидѣлъ, что узда, которую, казалось ему, онъ уже держалъ въ рукахъ для укрощенія дикой народной толпы, вновь выпущена имъ. Серdito прищпорилъ онъ коня, начавшаго дѣлаться неспокойнымъ при возраставшемъ шумѣ, и послѣдовалъ за направившейся внизъ, къ порту, толпой, не желая терять ее изъ виду.

Внезапно, къ величайшему удивленію, увидалъ онъ въ толпѣ множество зажженныхъ факеловъ, бросавшихъ яркій, дрожащій свѣтъ на всю окрестность. Число ихъ быстро увеличивалось. Вслѣдъ затѣмъ раздался тихій свистъ и зовъ, и Мирабо послышалось, что требовали Лорана, котораго товарищи привыкли видѣть во главѣ всѣхъ своихъ предпріятій и который оставался еще при Мирабо, ведя его лошадей подъ уздцы.

Оказанными ему когда-то благодареніями Лоранъ чувствовалъ себя прикованнымъ къ Мирабо и теперь не хотѣлъ его оставить, хотя слышалъ зовъ товарищей.

— Что-то скверное, кажется, еще впереди у васъ, отчаянныя головы?—спросилъ Мирабо своего спутника, молчаливо и задумчиво шедшаго передъ нимъ.

— Конечно, — отвѣчалъ Лоранъ, вскидывая на Мирабо своими необыкновенно блестящими глазами. — Задумано поджечь портъ, для чего и факелы появились. Милому морю нужно тоже хоть разъ выкупаться, но только въ огнѣ. Не находите ли вы, что это будетъ великолѣпно? Въ городѣ богатые люди, ничѣмъ не желающіе насъ облегчить, испугаются, когда увидятъ, что мы рѣшились на самыя крайнія мѣры. Да, господинъ графъ, это будетъ, во всякомъ случаѣ, страшная ночь. Пользуясь замѣшательствомъ, мы хотѣли еще открыть городскія тюрьмы, гдѣ томится столько славныхъ людей изъ народа.

— Что за безуміе, Лоранъ!—воскликнулъ Мирабо, пораженный слышаннымъ. — Ступай туда и постарайся удержать товарищей отъ исполненія этого плана, столь же пагубнаго, сколько и преступнаго, могущаго нанести вамъ одинъ лишь вредъ. Ты вѣдь былъ разумнымъ человѣкомъ, съ которымъ можно было обо всемъ толково говорить. Вспомни, какъ часто мы съ тобой философствовали, отправляясь въ море, когда ты сидѣлъ въ лодкѣ, а я купался подъ тобой въ морскихъ волнахъ. Ну, такъ теперь я требую, чтобы ты употребилъ все твое вліяніе и заставилъ ихъ отказаться отъ сумасброднаго намѣренія, угрожающаго жизни и имуществу столькихъ невинныхъ людей!

— Я ничего не могу, — возразилъ малодушно Лоранъ. — Но если вы еще разъ обратитесь къ нимъ съ рѣчью, то не забудьте, что мы въ самомъ дѣлѣ несчастные, и что нужно намъ хоть въ будущемъ пообщать утѣшеніе, если теперь нельзя намъ вступить въ открытую борьбу со всѣми притѣсняющими и обижающими насъ!

Мирабо сильнѣе пришпорилъ коня и стремительно вѣхалъ въ середину ревущей толпы, обсуждавшей въ подробностяхъ свои злостные планы.

— Погасите опять ваши факелы, дорогіе друзья мои!—закричалъ онъ имъ, соскакивая съ лошади и кладя узду въ руки одного изъ самыхъ свирѣпыхъ парней, который, не успѣвъ опомниться отъ удивленія, безпрекословно принялъ на себя это порученіе. Затѣмъ вошелъ Мирабо въ средину толпы, вглядываясь въ лица, чтобы вступить въ разговоръ съ болѣе податливыми, и, сердечно пожимая руки направо и налево, старался склонить этихъ людей въ пользу своего мнѣнія, а именно, что святую борьбу за права народа не такъ слѣдуетъ начинать.

— Позвольте ли вы мнѣ, дорогіе друзья мои, объяснить вамъ, почему вы не можете имѣть дешевле хлѣба и мяса?—спросилъ Мирабо, влѣзая на большой камень близъ морского берега и обозрѣвая тѣснившуюся кругомъ него толпу съ горящими факелами въ рукахъ.

Ночное море какъ разъ въ эту минуту вновь забушевало. Волны съ шумомъ ударялись о берегъ, обдавая бѣлой пѣной камень, на которомъ стоялъ Мирабо, избравъ его своей ораторской трибуной. Гонимыя вѣтромъ облака стремительно вздымались надъ горизонтомъ, подобно исполинскому черному покрывалу. Толпа кругомъ стояла въ глубокомъ молчаніи, ожидая, что ей скажетъ графъ Мирабо.

— Что касается хлѣба, мои дорогіе друзья,—началъ опять Мирабо,—то тутъ есть два главные пункта, которые прежде всего нужно принять во вниманіе. Во-первыхъ, дѣло въ томъ, чтобы вообще былъ хлѣбъ, а, во-вторыхъ, чтобы онъ стоилъ не слишкомъ дорого.

Громадный шопотъ одобренія пробѣжалъ въ толпѣ при этихъ словахъ.—Браво, браво!—кричали со всѣхъ сторонъ.—Графъ Мирабо правъ! Въ этомъ все дѣло!

Мирабо улыбнулся той сердечности, которую чувствовалъ по отношенію къ себѣ, но затѣмъ съ серіознымъ и торжественнымъ выраженіемъ лица продолжалъ:

— Не такъ ли, друзья мои? Уже въ этомъ главномъ пунктѣ, съ котораго я началъ, а именно, что вообще хлѣбъ долженъ быть, и что онъ не долженъ быть слишкомъ дорогъ, вы согласились со мною. Но надѣюсь, что вы также согласитесь, если я скажу вамъ, что нельзя ѣсть хлѣба дешевле, чѣмъ онъ стоитъ. Теперь, откровенно, какъ истинный другъ вашъ, скажу вамъ: не въ томъ только дѣло, чтобы хлѣбъ, который вы ѣдите, былъ не слишкомъ дорогъ, а еще въ томъ, чтобы зерно, изъ котораго, какъ извѣстно, дѣлается хлѣбъ, было дешево!

— Да, зерно должно быть дешево!—раздалось въ тѣснившейся все ближе къ оратору толпѣ.—Да здравствуетъ графъ Мирабо! Какое тонкое, удачное замѣчаніе! Онъ истинный другъ народа, этотъ Мирабо!

— Однако, въ настоящее время зерно не дешево, друзья мои!— опять спокойно и серьёзно началъ Мирабо.— Вы вѣдь справедливые и разумные люди; объяснимся же немного по этому вопросу. Зерно теперь дорого вездѣ; какъ же можетъ оно быть дешево въ Марсели? Повсюду кругомъ урожай былъ или плохъ, или средній, такова была Божья воля; но это вознаградится намъ излишкомъ въ другой годъ. Войны въ сосѣднихъ странахъ тоже являются причиной недостатка хлѣба. Вы знаете, почтенные друзья мои, что потребляемое вами зерно не родится все здѣсь, въ вашей области. Небольшая часть приходитъ изъ другихъ мѣстностей Франціи, главная же — изъ Америки и Африки. Но африканское зерно скупается нынѣ воюющими турками; война же Новой Англіи съ Алжиромъ — причиной тому, что и изъ этихъ странъ прибываетъ къ вамъ менѣе кораблей. Кромѣ того, въ другихъ странахъ зерно еще гораздо дороже, чѣмъ у насъ, такъ что множество купцовъ, которые въ другое время привезли бы свое зерно сюда, вовсе не появляются, предпочитая продавать его тамъ, гдѣ оно дороже. Какъ же вы хотите принудить того, кто покупаетъ дорогое зерно, чтобы онъ пекъ вамъ изъ него дешевый хлѣбъ? Скорѣе же онъ совѣмъ пересталъ бы покупать зерно, и мы умерли бы съ голоду. Что вы объ этомъ думаете, друзья мои? Вѣрно ли я передалъ вамъ ваши собственныя мысли?

Послѣдовалъ новый взрывъ еще болѣе сильнаго одобренія. Маленькій Лоранъ вскочилъ на лошадь Мирабо и, стоя на сѣдлѣ, закричалъ пронзительнымъ, далеко разносившимся голосомъ: — Зерно дорого, потому что турки набиваютъ цѣны, и мы здѣсь, въ Марсели, ничего противъ этого подѣлать не можемъ. Да здравствуетъ графъ Мирабо! еще и еще разъ, за то, что онъ такъ великолѣпно разъяснилъ намъ это!

Не успѣлъ онъ кончить этихъ внушительныхъ словъ, какъ вслѣдствіе сдѣланнаго лошадью движенія былъ сброшенъ съ сѣдла и съ крикомъ ужаса упалъ въ объятія одного изъ своихъ друзей. Это приключеніе вызвало нескончаемый смѣхъ всего собранія, доказывавшій, что всѣ страшныя рѣшенія, противъ которыхъ Мирабо боролся всѣмъ искусствомъ своего краснорѣчія, начинали ослабѣвать.

Когда опять стихло, Мирабо вновь началъ: — Каждый работникъ заслуживаетъ плату. И булочникъ долженъ ее получить за свой трудъ. Зерно вѣдь не превращается въ хлѣбъ само собой, а должно быть испечено. Всѣ вы — рабочіе, и я себя причисляю къ вамъ. Нѣтъ большей чести, какъ работать каждому по своимъ силамъ! Такъ неужели мы исключимъ пекарей изъ святаго сословія работниковъ, принуждая ихъ зарабатывать менѣе, чѣмъ они заслуживаютъ? Ктонибудь же долженъ потерпѣть убытокъ, если вы получите хлѣбъ, стдѣящій три съ половиною су, за два су? Если же община должна покрывать убытокъ, то, спрашиваю васъ, изъ кого же состоитъ община? Община — вѣдь это не сказочный драконъ, живущій въ

пещерѣ и несущій золотыя яйца. Община—вы сами. Если же кто изъ васъ еще не зачисленъ въ нее, тотъ скоро будетъ ея полноправнымъ членомъ. За это вамъ ручается Мирабо, который, лишь только соберутся въ Парижѣ государственныя чины, заговорить въ вашу пользу, въ пользу вашихъ правъ, вашего хлѣба и мяса. Нужно ли мнѣ еще вамъ объяснять это, или вы уже вѣрите мнѣ и вооружитесь терпѣніемъ, какъ мы всѣ, до тѣхъ поръ, пока не настанутъ лучшіе дни, и пока король и вся нація не переродятся для свободы. Тогда хлѣбъ и мясо будутъ такъ дешевы, какъ если бы вы ихъ вычерпывали руками изъ пѣнящагося моря. Сегодня же бросьте въ море ваши факелы и зажигательныя вѣнки. Вы вѣдь будете еще имѣть терпѣніе? такъ говорятъ мнѣ ваши славныя лица; вы будете платить прежнія цѣны, которыя муниципалитетъ долженъ возстановить для того, чтобы все не провалилось; однимъ словомъ, вы будете честны въ своей бѣдности и велики и добры въ своемъ угнетеніи!

Сказавъ это, Мирабо вырвалъ изъ рукъ одного изъ близстоявшихъ факель и съ силою бросилъ его далеко въ море, гдѣ онъ, шипя и съ трескомъ, потухъ въ волнахъ. Первымъ, послѣдовавшимъ этому примѣру, былъ Лоранъ, и скоро началось общее соревнованіе, когда съ шутками и веселіемъ каждый старался какъ можно дальше забросить и потушить въ морѣ свой факель. Не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ на морскомъ берегу воцарился полный мракъ, и Мирабо не могъ даже разглядѣть людей, съ которыми только что говорилъ.

Онъ добрался до своей лошади, давно уже съ нетерпѣніемъ, роя копытомъ землю, ожидавшей своего сѣдока. Когда онъ вскочилъ въ сѣдло, ему казалось, что кругомъ все уже пусто, и нѣтъ никого. Но лишь только онъ оттуда пустился стрѣлой, какъ опять слышалъ радостныя клики, произносившіе имя Мирабо, которое смѣшивалось съ шумомъ морскихъ волнъ.

Мирабо направился обратно въ городъ, желая прежде всего доложить обо всемъ почтенному графу де-Караману. Комендантъ спалъ. Мирабо не позволилъ будить старика, будучи теперь въ состояніи поручиться за спокойствіе города. Пришпоривъ опять коня, онъ отправился въ префектуру, чтобы узнать о количествѣ хлѣбныхъ запасовъ въ Марсели. Съ величайшимъ трудомъ нашелъ онъ нужныхъ для этого агентовъ, но благоприятный результатъ наведенныхъ справокъ, повидимому, вознаградила его за всѣ его усилія. Оказалось, что хлѣбныя запасы еще довольно значительны, и мѣсяца три и болѣе нельзя опасаться недостатка въ нихъ. Отсюда Мирабо направился въ свой отель, но не для отдыха, а для того, чтобы написать, отъ своего имени, воззваніе къ марсельскому народу. Затѣмъ, опять вскочивъ на лошадь, поѣхалъ съ листомъ въ рукѣ въ типографію дать отпечатать свою прокламацію, которая съ разсвѣ-

томъ должна была уже быть расклеена на всѣхъ углахъ улицъ Марсели. И здѣсь пришлось ему собирать необходимыхъ людей, пришлось ѣздить по разнымъ улицамъ и поднимать спавшихъ наборщиковъ и печатниковъ. Наравнѣ съ его неумоимостью служили ему его исполинскія физическія силы, такъ что, окончивъ это дѣло, онъ еще предпринялъ прогулку верхомъ въ портъ, чтобы на морскомъ берегу привѣтствовать пробуждающееся утро и отдохнуть на свѣжемъ воздухѣ. Проѣзжая по набережной взадъ и впередъ, онъ замѣчалъ, что гулявшіе нѣсколько дней портовые рабочіе спокойно и въ величайшемъ порядкѣ шли на работы. Многие изъ нихъ напоминали ему свирѣпья лица минувшей ночи; по ихъ улыбающимся и нѣсколько пристыженнымъ поклонамъ онъ видѣлъ, что не ошибся въ этомъ. Иные стояли съ выраженіемъ почти суевѣрнаго удивленія, не будучи въ состояніи понять, какъ этотъ самый всадникъ на черномъ конѣ, чудесному вліянію котораго они подпали ночью, все еще тутъ, на берегу моря, не перестаетъ наблюдать за ними своимъ орлинымъ взглядомъ. Улыбаясь, замѣтилъ Мирабо, что при видѣ его они еще поспѣшнѣе шли каждый на свою работу, какъ бы желая ему показать свои добрыя намѣренія.

Подѣхавъ къ углу ближайшей къ порту улицы, Мирабо увидалъ, что его воззваніе къ народу въ Марсели было уже наклеено. Первые лучи восходящаго солнца, упавшіе на довольно объемистый печатный листъ привлекли на него вниманіе проходившихъ мимо рабочихъ, для которыхъ онъ и былъ, главнымъ образомъ, предназначенъ¹⁾.

Когда Мирабо подѣхалъ ближе, цѣлая группа рабочихъ была уже занята чтеніемъ воззванія, дѣлая при этомъ свои, по большей части, благопріятныя замѣчанія.

Скоро присутствіе его было замѣчено. Одинъ изъ рабочихъ выступилъ впередъ и, почтительно кланяясь, сказалъ:—Это вы хорошо сдѣлали, господинъ графъ, и мы всѣ благодаримъ васъ. Теперь все это прочно, когда вы ведѣли ваши золотыя слова, сказанныя намъ этою ночью, отпечатать прекрасными большими буквами, намъ на память.

Мирабо узналъ, по голосу, своего друга Лорана.

Когда, послѣ нѣсколькихъ сердечныхъ словъ къ рабочимъ, Мирабо хотѣлъ ѣхать далѣе, Лоранъ еще разъ взялся за поводъ лошади и попросилъ маленькаго объясненія себѣ и другимъ.

— Говорите ли вы серіозно тамъ, въ этой рѣчи, наклеенной на стѣнѣ, такъ много про короля, требуя, чтобы мы не огорчали этого добраго человѣка, но, какъ сказано въ вашемъ воззваніи, «помнили о его добротѣ и любви къ намъ и при мысли о радости, доставленной ему нашимъ послушаніемъ и порядкомъ, проливали слезы».

¹⁾ Avis de Mirabeau au peuple de Marseille. Montigny, V, 411.

Ночью вы тоже упоминали намъ о королѣ, что многихъ изъ насъ весьма удивило.

— Отчего это могло удивить васъ?— произнесъ Мирабо серьезно и значительно.—Король стоитъ во главѣ націи, какъ голова вверху всѣхъ членовъ тѣла. Въ эту бурную ночь, видя васъ кругомъ себя волнующимися, съ вашими факелами, я опять сталъ нѣсколько монархистомъ. Поймите меня, дѣти мои. Мое мнѣніе, что когда король и народъ любятъ другъ друга, то это создаетъ прекрасныя и полезныя отношенія. А потому говорю вамъ, любите короля, призывайте его во всѣхъ вашихъ нуждахъ, потому что онъ долженъ любить васъ, какъ самого себя; его интересы съ вашими связаны неразрывно ¹⁾).

Слова эти были выслушаны молча. Мирабо, вѣжливо откланявшись, продолжалъ свой путь. Вслѣдъ ему раздались отдѣльныя восклицанія: «да здравствуетъ король!». Задумчиво возвратился Мирабо опять въ центръ города и подѣхалъ къ дому графа де-Карамана въ надеждѣ найти его уже вставшимъ.

Графъ вышелъ къ нему на встрѣчу съ разстроеннымъ и озабоченнымъ лицомъ, тогда какъ Мирабо ожидалъ отъ него радостныхъ изъясненій благодарности.

— Вы еще не знаете, что все благополучно у васъ въ Марсели?—спросилъ Мирабо съ нѣкоторымъ раздраженіемъ.

— Знаю все,—отвѣчалъ графъ Караманъ.—Вы отлично дѣйствовали, графъ, и мы вамъ обязаны возстановленіемъ спокойствія въ нашемъ городѣ. Къ тому же, духъ, въ которомъ вы дѣйствовали, будетъ, безъ сомнѣнія, съ удовольствіемъ и благодарностью признанъ въ Парижѣ, потому что при этомъ случаѣ вы сумѣли укрѣпить любовь народа къ нашему доброму королю. Въ Парижѣ это дорого оцѣнятъ; я сдѣлаю для этого все, что въ моей власти. Но пришли новыя тревожныя извѣстія, ужасъ на меня наводящія. Въ Э разразилась такая же катастрофа, принимающая, повидимому, тѣ же размѣры, что и въ Марсели. Одновременно пришло извѣстіе изъ Тулона, что тамъ королевскія войска были сильно избиты народными массами. Боюсь, что настаютъ несчастныя времена.

— Нѣтъ, графъ,—возразилъ живо и съ увѣренностью Мирабо,— наступающія времена не несчастны, но настоящее время бросаетъ еще свою несчастную и тяжелую тѣнь на наши головы! Въ Э, гдѣ весь народъ — мои друзья, ѣду тотчасъ же, хотя съ минуты моего выѣзда отсюда я еще не отдыхалъ и съ прибытіемъ въ Марсель буквально еще не сходилъ съ лошади. Но я возстановлю порядокъ въ Э сегодня же; можете въ этомъ смѣло на меня положиться.

— Однако, вину возстанія въ Э приписываютъ вамъ,—сказалъ комендантъ, бросая полунедовѣрчивый взглядъ на Мирабо.—Мнѣ

¹⁾ Изъ воззванія Мирабо къ марсельцамъ.

доносятъ, что поддерживаемыя вами тамъ сношенія съ народомъ весьма возбуждающаго свойства, что страсти толпы вами разжигаются и направляются къ извѣстной цѣли.

— Знаю, это донесли вамъ мѣстные ленные владѣльцы!—возразилъ Мирабо, смѣясь.—Эти ослѣпленные, близорукіе господа заставили меня облечься ролью народнаго трибуна. Но если я играю эту роль противъ нихъ, то это прежде всего въ интересахъ порядка и правды. Прощайте, господинъ комендантъ. Буду имѣть честь сегодня вечеромъ или не позже, какъ завтра утромъ, прислать вамъ успокоительное донесеніе изъ Э.

Послѣ такого прощальнаго привѣтствія, Мирабо поспѣшилъ въ свой отель, чтобы заказать почтовыхъ лошадей. Однако, желая прибыть поскорѣе, онъ предпочелъ ѣхать верхомъ и черезъ нѣсколько минутъ помчался на хорошемъ крѣпкомъ скакунѣ по большой дорогѣ изъ Марсели въ Э.

Былъ базарный день. Продажа на рынкѣ съѣстныхъ припасовъ какъ разъ должна была начаться, когда Мирабо въѣхалъ въ Э. Глядя на толпы народа, стоявшія на улицахъ, Мирабо своимъ зоркимъ глазомъ тотчасъ увидѣлъ, что здѣсь разсчитывалось, воспользовавшись базарной суматохой, открыто воспротивиться высокимъ цѣнамъ на хлѣбъ и мясо, что, какъ и въ Марсели, было главнымъ поводомъ къ неудовольствію. Встрѣтилъ онъ также на улицахъ войска, разставленные, какъ видно, въ извѣстномъ порядкѣ.

Слѣшно и прежде всего направился Мирабо къ главному начальнику стоящихъ въ Э войскъ и, силою своего неотразимаго краснорѣчія, старался убѣдить его отозвать войска съ публичныхъ мѣстъ. Указавъ на все, что такъ счастливо было имъ совершено въ Марсели, ему удалось добиться, чтобы безопасность города и рынка была поручена ему, и чтобы, взамѣнъ военной силы, была имъ образована гражданская милиція, которую онъ съ поразительной быстротой умѣлъ организовать на улицахъ.

Мирабо отправился по домамъ къ нѣкоторымъ извѣстнымъ гражданамъ, довѣріемъ которыхъ пользовался, и краснорѣчиво требовалъ ихъ помощи для образованія гражданскихъ пикетовъ.

Образовавъ маленькіе отряды и предоставивъ имъ самимъ избрать себѣ предводителей, онъ размѣстилъ ихъ частью у воротъ города, частью въ самомъ городѣ и могъ, такимъ образомъ, въ короткій промежутокъ времени, считать уже городъ Э въ своей власти. Тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ частяхъ города возникали беспорядки. Народъ мѣшалъ свободному подвозу зерна къ рынку, желая непосредственно завладѣть прибывающими подводами.

Мирабо появился пѣшкомъ и вмѣшался среди самыхъ спокойныхъ народныхъ массъ, вступая въ разговоръ съ каждымъ въ отдѣльности и требуя обѣщанія быть благоразумнымъ и справедливымъ. Потомъ сталъ обращаться съ рѣчью уже къ цѣлымъ скопи-

щамъ народа и, что въ особенности льстило имъ, требоваль отъ нихъ честнаго слова, что они не стануть даже пробовать нарушать миръ и тишину. Летая отъ одного мѣста къ другому, подбодряя и распоряжаясь, онъ устраняль всякое возникающее затрудненіе. Узнавъ, что многія окрестныя общины идутъ на помощь жителямъ Э, онъ бросился на большую дорогу, имъ на встрѣчу, и заставиль ихъ, однимъ лишь своимъ словомъ, тотчасъ вернуться во-свои. Наравнѣ съ неотразимой силой, съ которою Мирабо, неизвѣстно какъ, дѣйствовалъ на народъ, почти трогательное впечатлѣніе его личнаго самопожертвованія и воодушевленной преданности привлекало къ нему всѣ сердца и приковывало народъ къ каждому его слову и жесту. Необразимыя толпы народа окружили его, наконецъ, на базарной площади, и все было забыто: рынокъ, цѣны на хлѣбъ и мясо, возмущеніе, — одного только его, друга народа, отца своего, какъ многіе рабочіе сердечно называли его сегодня, хотѣли они видѣть и слышать. Мужчины, женщины и дѣти тѣснились къ нему, какъ только могли, обливая его руки и платье слезами, слѣдя за нимъ по пятамъ и не переставая называть его своимъ богомъ, своимъ спасителемъ, который, если бы онъ всегда былъ съ ними, помогъ бы имъ добиться своихъ правъ и защитилъ бы ихъ отъ насилія и голода¹⁾.

Въ то время, какъ это происходило на улицахъ Э, нѣсколько господъ дворянъ, запасшись оружіемъ, появились передъ гражданскими пикетами и съ шумомъ и бранью требовали себѣ въ этой гражданской гвардіи офицерскихъ мѣстъ, подобающихъ ихъ званію и положенію. Между ними былъ маркизъ де-Мариньянъ и нѣкоторые другіе господа, бывшіе главными дѣйствующими лицами при исключеніи Мирабо изъ провансальскаго дворянскаго собранія.

Мирабо отрядиль къ нимъ своего друга и компаньона суконщика Ле-Телье, съ приказаніемъ передать имъ, чтобы они вернулись туда, гдѣ провели послѣдніе двадцать четыре часа этихъ волненій и опасности, а именно спрятавшись у себя по домамъ и въ погребахъ, куда снесли и свои сокровища.

Считая, наконецъ, свое дѣло конченнымъ, Мирабо направился къ себѣ въ отель поздороваться съ Генриеттой, которую еще не видѣлъ. Съ сіяющими глазами вышла она къ нему навстрѣчу; благоговѣйно склонилась передъ нимъ и стала покрывать поцѣлуями его руки.

— Молва уже донесла мнѣ обо всемъ великомъ и прекрасномъ, совершенномъ тобою, Мирабо, — сказала она, — и я только что хотѣла отправиться на улицу, чтобы смѣшаться съ ликующей, благодарной и восхищающейся тобою толпой. Но ты здѣсь, и я готова пасть передъ тобою на колѣни!

¹⁾ Согласно описанію этой сцены, набросанному самимъ Мирабо. Montigny, V, 305.

— Нѣтъ, мое сокровище, — возразилъ онъ, обнимая ее, — теперь настаетъ лучшее время, когда ни одинъ человѣкъ не долженъ передъ другимъ становиться на колѣни, потому что всѣ дѣлаются равными силою любви и свободы. А теперь не будемъ терять съ тобою времени, Геттъ-Ли, и, кончивъ все здѣсь, ѣдемъ немедленно въ Парижъ. То, что я здѣсь сдѣлалъ, поможетъ мнѣ, я думаю, лучше устроить тамъ мои дѣла.

— Какъ, — воскликнула Генриетта, — ты думаешь о томъ, чтобы сейчасъ вновь пуститься въ путь, когда ты въ теченіе тридцати шести часовъ не отдыхалъ и, быть можетъ, не ѣлъ?

— Это правда, — сказалъ Мирабо, — я все время почти не сходилъ съ лошади, а пища моя состояла изъ случайно выпитаго стакана краснаго вина и бѣлаго хлѣбца. Но я чувствую себя попрежнему сильнымъ и предприимчивымъ, какъ юный богъ, и не понимаю, какъ можно терять время на отдыхъ и сонъ, когда враги въ Парижѣ хотятъ мнѣ преградить путь въ національное собраніе. Нѣтъ, Геттъ-Ли, теперь надо ѣхать, какъ можно скорѣе. Черезъ полчаса почтовая карета должна быть у дверей.

— Ничего изъ этого не будетъ, — возразила Генриетта твердо, повелительно, какъ иногда умѣла противостоятъ Мирабо. — Ты останешься здѣсь, мой другъ, а завтра утромъ, въ назначенный часъ, наша почтовая карета будетъ у дверей. Силы твои исчерпаны, говори, что хочешь, и если ты не побережешься, то заболѣешь и будешь лежать въ постели въ то время, какъ будутъ происходить засѣданія національнаго собранія, къ которому обращены всѣ твои помыслы. Однимъ словомъ, я тебя сегодня въ дорогу не пушу.

— Ты прелестна въ твоихъ заботахъ, какъ всегда, — отвѣтилъ Мирабо, нѣжно на нее глядя, — и только потому проведу еще эту ночь здѣсь. Но ты увидишь, что силы мои вовсе не исчерпаны. Однако, если ты это считаешь нужнымъ, поужинаемъ хорошенько прежде, чѣмъ отправиться на покой. Хлѣбъ и мясо другихъ людей доставили мнѣ въ теченіе тридцати шести часовъ довольно работы, и я имѣю право подумать о собственной пищѣ. Дай же мнѣ хлѣба и мяса, Геттъ-Ли, ты, любовь которой подкрѣпляла меня всегда болѣе всякой пищи.

Генриетта отвѣтила, краснѣя: — Право же, тебѣ нуженъ отдыхъ, другъ мой. Завтра, не слишкомъ рано, мы отправимся въ Парижъ.

VI.

Депутатъ третьяго сословія.

Мирабо провелъ въ Парижѣ лишь нѣсколько недѣль. Съ помощью нѣкоторыхъ друзей ему удалось быстро прійти къ соглашенію съ министерствомъ. Хотя книга «Тайная исторія берлинскаго двора»

подверглась приговору парижскаго парламента быть публично сожженной рукою палача, однако личность автора была оставлена внѣ преслѣдованія. Мирабо могъ, такимъ образомъ, безъ дальнѣйшихъ опасеній, вновь покинуть Парижъ и вернуться въ Провансъ, гдѣ надѣялся быть избраннымъ въ національное собраніе.

Съ грустью и безпокойствомъ разсталась Генриетта съ своимъ другомъ, оставаясь вмѣстѣ съ Коко въ Парижѣ, гдѣ, по желанію Мирабо, должна была ждать его возвращенія.

Крайне поспѣшно направился Мирабо прямо въ Э; тамъ день выборовъ былъ близокъ, и онъ считалъ нужнымъ обратиться еще разъ къ избирателямъ съ рѣчью, чтобы силою своего слова разстроить всякія интриги, возникшія, быть можетъ, въ его отсутствіе.

Приблизительно за пять станцій до Э, въ маленькомъ мѣстечкѣ, гдѣ приходилось мѣнять лошадей, Мирабо былъ задержанъ въ своемъ путешествіи внезапнымъ болѣзненнымъ припадкомъ своего камердинера Бойе. Мирабо слишкомъ любилъ его, чтобы покинуть въ безпомощномъ состояніи, тѣмъ болѣе, что опасное положеніе больного усиливалось съ каждымъ часомъ.

Въ то время, какъ на маленькой, отдаленной почтовой станціи Мирабо всѣми силами старался найти помощь для страдавшаго припадкомъ холеры и въ отчаяніи, не зная, что предпринять, стоялъ въ дверяхъ, до слуха его дошелъ изъ другой комнаты довольно громкій разговоръ между почтмейстеромъ и его женой.

— Курьеръ отправился въ Э, — сказалъ почтмейстеръ, — чтобы предупредить о прибытіи графа Мирабо къ намъ. Они задумали тамъ большія почести, съ которыми хотятъ торжественно встрѣтить и принять его. Теперь же, право, не знаю, какъ мнѣ быть, и ломаю себѣ надъ этимъ голову. Требуютъ, чтобы я подъ какимъ нибудь предлогомъ задержалъ графа, давъ выиграть время, чтобы тамъ приготовить все къ его приему. А какъ это сдѣлать, чтобы графа задержать?

— Ты всегда останешься дуракомъ, — съ нелестной для своего супруга живостью отозвалась его жена. — Не видишь ли, что болѣзнь слуги достаточна уже для задержанія графа? Чего жъ тебѣ терзать свою пустую голову какими-то мыслями?

— Но если графа задержать болѣзнь его камердинера, то вѣдь я для этого ничего не сдѣлалъ, — наивно возразилъ почтмейстеръ Луи Мартенъ, — между тѣмъ, главнымъ почтамтомъ въ Э именно мнѣ приказано задержать графа на пять-шесть часовъ. Я долженъ повиноваться своему начальству. А какъ могу я теперь, когда уже болѣзнь слуги задерживаетъ бѣднаго графа, придумывать ему еще недостатокъ лошадей. Въ Э хотятъ еще сегодня избрать его депутатомъ отъ третьяго сословія, а меня выбрали на то, чтобы я мучилъ такого человѣка!

Не дослушавъ презрительнаго по адресу мужа отвѣта госпожи

почтмейстерши, Мирабо поспѣшно вернулся въ комнату къ своему больному, въ страшныхъ мученіяхъ лежавшему слугѣ.

— Можешь теперь быть спокоенъ, Бойе — сказалъ онъ ему. — Я тебя не оставляю, пока тебѣ не будетъ оказана помощь. Мое избраніе въ Э обезпечено; я только что совершенно случайно узналъ объ этомъ.

Вѣрный слуга съ выраженіемъ радости кивнулъ головой своему господину. Тѣмъ временемъ, прибылъ изъ сосѣдняго мѣста врачъ, который хотя и принялся самымъ серіознымъ образомъ помогать больному, объявилъ, однако, заранѣе, что на выздоровленіе его нѣтъ никакой надежды, и что противъ этой страшной, загадочной болѣзни, недавно появившейся среди населенія, у него нѣтъ средствъ.

Черезъ нѣсколько часовъ Бойе въ ужаснѣйшихъ судорогахъ скончался.

— Бѣдный Бойе! — печально сказалъ Мирабо. — И что за страшная болѣзнь эта холера! Есть ли это симптомъ дошедшаго до крайнихъ предѣловъ разстройства стараго порядка, или же она возвѣщаетъ новые, надвигающіеся на насъ ужасы? Мнѣ страшно, что это загадочное привидѣніе повстрѣчалось мнѣ именно на моемъ сегодняшнемъ пути ¹⁾.

Мирабо пустился далѣе въ путь. Подъѣзжая къ городу Ламбеску, онъ былъ торжественно привѣтствованъ у городскихъ воротъ депутаціей, состоявшей изъ высшихъ членовъ магистрата и ожидавшей его для выраженія ему привѣтствія отъ имени всей общины. Его ввезли въ городъ, гдѣ собрались жители всего округа; тысячи мужчинъ и женщинъ, дѣтей, духовныхъ лицъ, солдатъ и чиновниковъ, стоя на улицахъ, съ бурнымъ восторгомъ восклицали: «да здравствуетъ графъ Мирабо! да здравствуетъ отецъ отечества!» ²⁾.

При этихъ кликахъ, которымъ вторили звонъ всѣхъ колоколовъ города и пальба изъ мортиръ, слезы выступили на глазахъ Мирабо.

— Теперь только ясно вижу, — сказалъ онъ себѣ, когда экипажъ его медленно подвигался среди волнующейся толпы, — теперь я вижу, какими совершенными рабами стали люди. Если тираніи не на что будетъ болѣе опереться, то она еще можетъ привиться у нихъ на чувствѣ благодарности.

По прибытіи его на базарную площадь въ центрѣ города, ликующая толпа, возбужденіе коей росло при видѣ его величественной фигуры, хотѣла отпрячь лошадей и везти его на себѣ.

— Друзья мои, — строго, почти съ выраженіемъ страданія сказалъ онъ, обращаясь къ задерживающей его экипажъ толпѣ, — люди не для того созданы, чтобы носить на себѣ людей. Довольно уже

¹⁾ Montigny, Mémoires de Mirabeau, V, 274.

²⁾ Montigny, V, 274. Буквально со словъ разсказа сестры Мирабо, госпожи Сальянъ.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ Магазиновъ, Новаго Времени'

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

Нижеоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ЮЛѢ 1899 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 7-й.

I. Вогословіе.

Библиографическій указатель книгъ и статей на русскомъ языкѣ по исторіи религіи. М. 1899 г. Ц. 50 к.

Гермогенъ. Очеркъ исторіи славянскихъ церквей. Изд. 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Шантепи-де-ля Соссей, Д. П. Иллюстрированная исторія религіи. Переводъ съ нѣмецкаго. Вып. 11-й (последній). М. 1899 г. Ц. за все сочиненіе 4 р.

II. Философія, психологія, логика.

Дарвинъ, Чарльзъ. Собраніе сочиненій. Томъ III (часть первая). Прирученныя животныя и воздѣланныя растенія. Съ прил. 7 таблицъ рисунк. Спб. 1899 г. Ц. по подпискѣ 6 р.

Ле-Дантенъ, Ф. Индивидуальная эволюція, наследственность и неодарвинисты, Переводъ съ французскаго. М. 1899 г. Ц. 1 р.

Миловидовъ, А. И. Конецъ міра по ученію Слова Божія и современнымъ гипотезамъ естественныхъ наукъ. М. 1899 г. Ц. 30 к.

Мильталеръ, Ю. Что такое красота? (Das Rätsel des Schönen). Введеніе въ эстетику. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1899 г. Ц. 40 коп.

Флери, Морисъ, д-ръ. Медицина любви. Вып. III. Перев. съ франц. М. 1899 г. Ц. 25 к.

Реснинъ, Дюнь. Избранныя мысли. Переводъ съ англійскаго. М. 1899 г. Ц. 20 к.

Явейнъ, Георгій. Какъ сохранить молодость. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

III. Ботаника, зоологія, минералогія и геологія.

Лашнаревъ, А. Ю. Иллюстрированная классификація луговыхъ травъ. Выпускъ 5-й. Ц. по подпискѣ 24 р.

Ротеръ, В., проф. Введеніе въ физиологію растеній, Харьковъ. 1899 г. Ц. 20 к.

Свѣтловъ, П. И. Учебникъ зоологіи. Съ

91 рисункомъ въ текстѣ. Спб. 1899 г. Ц. 175 к.

Шмидтъ, П. Ю., и Палибинъ, И. В. Естественно-историческій атласъ. Вып. I-й. Спб. 1899 г. Ц. по подд. на все изд. въ 5 вып. 5 руб.

IV. Физика, химія, математика, астрономія и метеорологія.

Краевичъ, К. Д. Учебникъ физики. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. XV-е изданіе, исправленное и дополненное А. Л. Гершуномъ. Спб. 1899 г. Ц. 2 р. 50 к.

Лунскій, И. С. Отвѣты къ сборнику задачъ по коммерческой ариметикѣ Одесса. 1898 г. Ц. 25 коп.

«Истор. вѣстн.», августъ, 1899 г., т. LXXVII.

1/2

V. Словесность.

- Вернеръ, Э. Дорогой цѣной (Um hohen Preis). Романъ. Переводъ съ нѣмецкаго. М. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Загоскинъ, М. Н. Полное собраніе сочиненій. Томъ IX. Спб. 1899. Ц. по подл. на все сочиненіе 15 р.
- Зандъ, Жоржъ. Индіана (Indiana). (Новая бібліотека А. С. Суворина № 44). Спб. 1899 г. Ц. 60 к.
- Кавказская поминка о Пушкинѣ. Тифлисъ. 1899 г. Ц. 1 р.
- Кларети, Жюль. Князь Зюда. Переводъ съ французскаго. М. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Лейкинъ, Н. А. На ловъ природы. Юмористическіе очерки подгородной деревенской дачной жизни. Изд. 3-е, дополненное. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Lupus, Alexis, d-r. Einige Worte über A. S. Puschkin, seine deutschen Uebersetzer und deutschen Kritiker. 2-te Auflage. Спб. 1899 г. Ц. 40 коп.
- Лясноронскій, В. Обь отношеніи А. С. Пушкина къ жизни. Ровно. 1899 г. Ц. 20 к.
- Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Осенніе листья. Очерки и рассказы. М. 1899 г. Ц. 1 р.
- Мятлевъ, В. П. «Скитанье». Собраніе стихотвореній. Томъ III. 1896—1898 гг. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Немировичъ-Данченко, В. И. Пустой редутъ. (Изъ военныхъ воспоминаній). М. 1899 г. Ц. 10 к.
- Въ первомъ огнѣ. (Два разсказа). I. Оленька.—II. Въ первомъ огнѣ. М. 1899 г. Ц. 20 к.
- Три славныхъ дня. (Изъ военныхъ воспоминаній). М. 1899 г. Ц. 10 к.
- Отступленіе. (Очеркъ изъ военныхъ воспоминаній). М. 1899 г. Ц. 10 к.
- Николаевскій, Н. Тюрьма и ссылка. Очерки политической и религиозной ссылки. М. 1899 г. Ц. 50 к.
- Нордау, Мансъ. Комедія чувства. Романъ. Переводъ съ нѣмецкаго. М. 1899 г. Ц. 1 р.
- Ольшамовскій, М. О значеніи Пушкина въ исторіи русской литературы. Казань. 1899 г. Ц. 12 коп.
- Полетаевъ, Ипполитъ. «Норъ-Кагакъ». Записки невольнаго двоеженца и вообще неосторожнаго человѣка. Тифлисъ. 1899 г. Ц. 1 р.
- Puschkin, A. S. Die «Erzählungen Bérkin's». Aus dem Russischen übersetzt von dr. Al. Lupus. I. Ein Schuss. II. Schneesturm. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.
- Aus Dichtungen. Deutsch von dr. Al. Lupus. 2-te vermehrte Auflage. Спб. 1899. Ц. 20 к.
- Радичъ, В. Сумерки души. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Розень, Андрей (декабристъ). Одиссея недавнихъ дней: Въ ссылку. Приложение: Самоубійство новаго рода. М. 1899 г. Ц. 1 р.
- Рункевичъ, С. Г. Религіозные мотивы въ сочиненіяхъ А. С. Пушкина. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.
- Саласъ, Е. А., графъ. Собраніе сочиненій. Томъ XXI. Изломанные люди. Французъ. Рубиконъ. М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Сарнецкій, Сигизмундъ, Гордцы (Harde dusze). Драма въ 5 д. (6 карт.). Перев. съ польскаго. Ломжа. 1899 г. Ц. 50 к.
- Сахно, Софія. Разсказы, очерки, картины. Выпускъ I. Вильна. 1899 г. Ц. 60 к.
- Сборникъ пьесъ для домашнихъ и любительскихъ спектаклей: Д. В. Аверкіева, К. С. Баранцевича, В. В. Вилибина, П. П. Гибдича, И. А. Гриневской, В. А. Крылова, Н. В. Корецкаго, В. И. Немировича-Данченко, О. К. Иотовича, К. В. Назаревой, А. А. Потѣхина, И. Н. Потапенко, А. А. Плещеева, С. А. Сафонова, Ф. Н. Фальковского, Ан. П. Чехова, О. Н. Чюминой, Г. Л. Щепкиной-Куперникъ, И. Л. Щеголова и В. Р. Щигрова. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.
- Троицкій, I., свящ. Религіозный элементъ въ произведеніяхъ А. С. Пушкина. Кіевъ. 1899 г. Ц. 25 к.
- Тэръе, Андръ. Полевая лилія. Повѣсть. М. 1899 г. Ц. 1 р.
- Черный, М. Н., д-ръ. Философія декадентства. Критическій очеркъ. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.
- * Чеховъ, Антонъ. Каптанка. Разсказъ. Съ рисунками въ текстѣ. Изд. 7-е. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.
- * Пестрые разсказы. Изд. 14-е. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- * Разсказы. (Счастье.—Тифъ.—Ванька.—Свирель.—Перекаши-поле.—Задача.—Степь.—Тина.—Тайный совѣтникъ.—Письмо.—Почълуй). Изд. 13-е. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Шараловъ С. Ф. Сочиненія. Книга третья. Публичныя рѣчи. Открытыя письма и отвѣты. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Юноша, Клеменъ. Въ глуши (Lagzzebani). Повѣсть. Перев. съ польск. М. 1899 г. Ц. 1 р.
- Юшнова, О. Не для нея придетъ весна... Повѣсть. Казань. 1899 г. Ц. 1 р.

VI. Исторія.

- Заюнчковскій. Оборона Севастополя. Подвиги защитниковъ. Краткій историческій очеркъ съ иллюстраціями. Спб. 1899 г. Ц. 25 к.
- Поповъ, Н. М., д-ръ. Эпидемія въ исторіи Европы XIX столѣтія. Казань. 1899 г. Ц. 25 к.
- Попруженно, М. Г. Синодикъ царя Бориса. Одесса, 1899 г. Ц. 3 р.
- Рогановичъ, Юванъ П. Черногорскій теократизмъ. 1496—1851 гг. Казань. 1899 г. Ц. 1 р.
- Рождественна, А. А. С. Пушкинъ—первый русскій народный поэтъ. Казань. 1899 г. Ц. 20 к.
- Терновскій, С. Канцлеръ князь Безбородко. Очеркъ. Кіевъ. 1899 г. Ц. 15 к.
- Труды Черниговской губернской архив-

ной комисси. Вып. 2-й. Черниговъ. 1899 г. Ц. 1 р. 20 к.

Университеты Германіи и годы студенчества ея знаменитыхъ людей. (Иностранные университеты, вып. II). М. 1899 г. Ц. въ пер. 1 руб.

Цоманювъ, А. И. А. С. Пушкинъ. Биографическій очеркъ. Одесса. 1899 г. Ц. 10 к.

Шахъ-Паронянцъ, Л. М. Критикъ-самоубитникъ Аполловъ Александровичъ Григорьевъ. (Къ XXXV-тилѣтію со дня его смерти). Биографическій очеркъ. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

VII. Географія.

Бернштейнъ, А. Очерки по міровѣдѣнію. Спб. 1899 г. Ц. 10 к.

Владиміровъ, В. В. Кронштадтъ. Очеркъ. Кіевъ. 1899 г. Ц. 15 к.

Генни, Р. В. Желѣзнодорожск. Очеркъ. Кіевъ. 1899 г. Ц. 15 к.

Сергіевскій. Пятигорскъ. Очеркъ. Кіевъ. 1899 г. Ц. 15 к.

Соболевскій, А. И., проф. Великорусскія народныя пѣсни. Томъ V. Спб. 1899 г. Ц. 3 р.

VIII. Сельское хозяйство.

Вагнеръ, Пауль, проф. Рациональное удобрение сельско-хозяйственныхъ растений азотомъ и въ особенности чилийской селитрой. Съ 12 фототипіями въ текстѣ. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1899 г. Ц. 40 к.

Иверсенъ, В. Э. Полная сельско-хозяйственная зоологія. Томъ I. Позвоночныя. Съ 186 рис. Спб. 1899 г. Ц. 3 р.

Клингенъ, И. Среди патріарховъ земледѣлія народовъ ближняго и дальняго Востока. (Египеть, Индія, Цейлонъ, Китай и Японія). Часть II. Индія, Цейлонъ. Часть III. Китай. Спб. 1899 г. Ц. II ч. 2 р.; III ч. 1 р.

Мышенковъ, Н. М. Руководство по хмелеводству. Со многими рисунками и чертежами. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.

Овсинскій, И. Новая система земледѣлія. Переводъ съ польскаго. Вильна. 1899 г. Ц. 50 к.

Руновъ, Н. В., д-ръ. Руководство къ культурѣ розана. Спб. 1899 г. Ц. 80 к.

Тарасова, А. Руководство для самостоятельнаго изготовленія шляпъ дамскихъ и дѣтскихъ. М. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.

Ячевскій, А. А. Грибныя паразитныя болѣзни виноградной лозы. Съ 5 раскраш. табл. и 18 рисунк. въ текстѣ. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

— Таблицы главнѣйшихъ грибныхъ паразитныхъ болѣзней винограда. Спб. 1899 г. Ц. 20 к.

IX. Технологія.

Жаринцовъ, Д. Общія понятія о портовыхъ и морскихъ сооруженіяхъ. Часть I. Съ 140 рисунками въ текстѣ. Спб. 1899 г. Ц. 2 р. 50 к.

Житковъ, С. М. Правила составленія смѣтъ, производства работъ и технической отчетности по вѣдомству путей сообщенія. Спб. 1899 г. Ц. 1 руб.

Мельниковъ, Н. П., и Фаерманъ, Л. А. Писчебумажное производство. Композиція бумажъ. Съ образцами тряпья, суррогатовъ и бумагъ. Изд. 2-е. М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Минитинскій, Я. Производство крахмала картофельнаго, ишеничнаго, маисоваго и рисоваго. М. 1899 г. Цѣна съ атласомъ 3 р.

Ревенскій, инженер. Альбомъ приборовъ и печей для нефтяного отопленія безъ посредства пара и пудверизаціи при естественной тягѣ съ описаніемъ. М. 1899 г. Ц. 5 р.

Рыбарскій, М. Судовое электрическое освѣщеніе. Управление, поврежденія и исправленія. Переводъ съ англійскаго. Изд. 2-е. Севастополь. 1899 г. Ц. 60 к.

X. Правовѣдѣніе.

Аничковъ, И. В. Присяга киргизъ передъ русскимъ судомъ. Ташкентъ. 1899 г. Ц. 30 к.

Варбъ, Е. Наемныя сельско-хозяйственныя рабочіе въ жизни и законодательствѣ. Общественно-юридическіе очерки. М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Вѣстникъ Права — журналъ. № 6. Июнь 1899 г. Ц. 2 р.

Гиббинсъ, Г. Б. Очеркъ исторіи англійской торговли и колоній. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Гулишамбаровъ, Ст. Международная торговля птицей и птичьими продуктами. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Карповъ, Е. П., и Онуловъ, Н. Н. Организация народнаго театра и полезныхъ развлеченій для народа. Спб. 1899 г. Ц. 25 к.

Кривенко, В. С. Общія и военныя школы. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.

Михневичъ, А. Ф., и Товстольскъ, Н. Н. Практическое руководство къ составленію и совершенію договоровъ. Вильна. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Организация Русскаго Отдѣла соціальной экономіи на всемірной выставкѣ 1900 года въ Парижѣ. М. 1899 г. Ц. 20 к.

Осиповъ, Н. О. Винная монополія, ея основныя начала, организація и нѣкоторыя послѣдствія. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 20 к.

Паренный, А. Практическое руководство для волостныхъ судовъ, преобразованныхъ по закону 12-го іюля 1889 года. Изд. 2-е, дополн. и исправл. М. 1899 г. Ц. 1 р. 75 к.

Первый и послѣдній отвѣтъ г. Бойко —

Езерскому отъ Совѣта Общества для распространянія коммерческихъ знаній. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Положеніе о государственномъ промысловомъ налогѣ, съ изложеніемъ разсужденій, на коихъ оно основано. Спб. 1899 года. Ц. 2 р.

Романовскій, А. П. Систематическое руководство для полицейскихъ урядниковъ. Теоретическое и практическое пособие въ трехъ частяхъ. Кишиневъ. 1895 г. Ц. 2 р.

Русское экономическое обозрѣніе — журналъ. Июнь. № 6. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Таблица общаго и конвенціоннаго таможеннаго тарифа. Спб. 1899 г. Цѣна на папкѣ 1 р., на колѣнкорѣ 2 р.

Таганцевъ, Н. С. Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1885 года.

Изд. 10-е, дополненное. Спб. 1899 г. Ц. 4 р. 50 к.

Труды комиссіи по вопросу объ алкоголизмѣ, мѣрахъ борьбы съ нимъ и для выработки нормальнаго устава заведеній для алкоголиковъ. Вып. III. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.

Фесенко, Ив. Ос. Какъ устроить сельскую пожарную дружину. Совѣты, указанія и руководство къ учрежденію сельскихъ пожарныхъ дружинъ. Спб. 1899 г. Ц. 15 к.

Шмановъ, А. С. Минскій процессъ. Дѣло о сопротивленіи еврейскихъ скопищъ военнымъ патрулимъ. М. 1899 г. Ц. 50 к.

Шрамченко, М. Уставъ о промышленности (фабричной, заводской и ремесленной и уставъ пробирный). Изд. 2-е, дополн. и исправленное. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.

XI. Медицина.

Abeles, Gustav, dr. Аденоидныя разроженія носоглоточнаго пространства и гиперплазія глоточной миндалины. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Боткинъ, С. П., проф. Клиническія лекціи, читанныя въ Императорской Военно-Медицинской Академіи въ 1883 — 1888 годахъ. Изд. 2-е, томъ II. Спб. 1899 г. Ц. за оба тома 4 р.

Hoffa, Albert, prof. Карманный медицинскій атласъ. Томъ XIV. Атласъ и краткія основныя ученія о повязкахъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1899 г. Ц. въ пер. 2 р. 50 к.

— Техника массажа. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.

Kisch, E. Heinrich, prof. Климатотерапія. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Прохоровъ, П. Н., д-ръ мед. Биологическія основныя медицинныя. Вып. III. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 60 коп.

Urbantschitsch, V., prof. Упражнения слуха при глухотѣ и при глухотѣ, наступившей въ болѣе зрѣломъ возрастѣ. Переводъ съ нѣмецк. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Fournier, Edmond, d-r. Уклоненія въ развитіи при наследственномъ сифилисѣ. Переводъ съ франц. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.

— Alfred, prof. Руководство къ патологич. и терапіи сифилиса. Вып. 2-й. Переводъ съ франц. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.

XII. Военное и морское дѣло.

Бондаренно, Остапъ. Литераторы лѣваго фланга. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.

Евдокимовъ, Л. В. Заготовленія и постройки ко военному вѣдомству. Хозяйственныя операціи: подряды, поставки, покупки, за-

казы, перевозки, постройки. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Уставъ пѣнаго строя для полевыхъ батальоновъ. Изд. 2-е, исправл. Спб. 1899 г. Ц. 25 к.

XIII. Искусство.

Міръ искусства—журналъ. № 15. Ц. 60 к.
Ольхинъ, П. М. Фотографія для начинающихъ и любителей. Съ 37 рисунками въ текстѣ. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Соболевъ, А. Живопись В. М. Васнецова въ кievскомъ соборѣ. М. 1898 г. Ц. 20 к.

Шлезингеръ, Ст. Этюды по фортепьянной методологич. Вып. 1-й. Спб. 1899 г. Ц. 60 к.

XIV. Воспитаніе и обученіе. Дѣтскія книги.

Елисеѣвъ, М. По родной землѣ. Книга для чтенія по географіи Россіи въ семьѣ и школѣ. М. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.

*Найгородовъ, Дм. «Лестки». Разсказы, очерки и картинки, съ иллюстраціями М. Михайлова. Изданіе 2-е. Спб. 1899 г. Ц. въ изищ. папкѣ 1 р. 30 к.

Кальмовъ, В. Разсказы, стихотворенія и сказки для дѣтей школьнаго возраста. М. 1899 г. Ц. 25 к.

Переселенцевъ, Н. Семейное воспитаніе въ Финляндіи. (Энциклопедія семейнаго воспитанія и обученія. Вып. XII). Спб. 1899 г. Ц. 30 к.

Петяевъ, М. М. О веденіи уроковъ ариметики въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Казань. 1899 г. Ц. 15 к.

Покровскій, Н. Родныя отзвуки. Сборникъ разсказовъ и стихотвореній русскихъ поэтовъ для дѣтей школьнаго возраста. М. 1899 г. Ц. 30 к., въ папкѣ 40 к.

Проскуряиновъ, Т. В. Роль семьи и школы въ дѣлѣ воспитанія дѣтей по ученію знаменитыхъ педагоговъ. Педагогическая бесѣда. Кіевъ. 1899 г. Ц. 20 к.

Штейнъ-Нуронъ, Л. Ф. Правила для безопытнаго выговора при чтеніи вслухъ и слуховомъ диктантѣ французскаго языка. Спб. 1899 г. Ц. 25 к.

XV. Справочный отдѣлъ.

- Вся Казань. Адресная и справочная книга съ приложеніемъ плана города. Казань. 1899 г. Ц. 1 р.
- Дворянскій адресъ-календарь на 1899 г. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Каталогъ учебныхъ руководствъ и пособій, рекомендованныхъ, одобренныхъ и допущенныхъ для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства Министерства Народн. Просвѣщ. Спб. 1899 г. Ц. 40 к.
- Московскій, Ал. Образцовый самоучитель французскаго языка. Съ указаніемъ способовъ усвоенія чистаго французскаго языка. Изд. 4-е. Спб. 1899 г. Ц. 3 р. 40 к.
- Московскіе чемпионы-силачи. М. 1899 г. Ц. 25 к.
- Научно-энциклопедическій словарь подъ ред. д-ра филос. М. М. Филиппова. Вып. VIII. Спб. 1899 г. Ц. 30 к. Подп. ц. за все изданіе (18 вып.) 4 руб., съ перес. 5 р.
- «Обзоръ». Театры, сады, спортъ Петербурга. Справочныя свѣдѣнія, желѣзнодорожныя и пароходныя сообщенія. Спб. 1899 г. Ц. 20 к.
- Путеводитель по Уралу. Екатеринбургъ. 1899 г. Ц. въ пер. 3 р.
- Сеславинъ, Д. Н. Самоучитель нѣмецкаго языка для взрослыхъ по методу Туссена и Лангеншейдта. Вып. 6-й. Ц. по подпискѣ 3 р. 50 к.
- Нѣмецко-русскій словарь. Спб. 1900 г. Ц. 85 к.
- Энциклопедическій словарь изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1899 г. Ц. въ пер. 3 р.

*) Изданія А. С. Суворина.

НОВАЯ БИБЛИОТЕКА А. С. СУВОРИНА.

60 коп.—каждый томъ—60 коп.

<p>1. Дюма, Ал. Королева Марго. Ром. въ 6-ти част. Книга I-я, части 1-я, 2-я и 3-я.
 2. — То же. Книга II-я. Части 4-я, 5-я и 6-я.
 3. — Три мушкетера. Ром. Книга I-я.
 4. — То же. Книга II-я.
 5. Бальзанъ. Шагреновая кожа. Романъ.
 6. Прево, аббатъ. Исторія Манонъ Леско и кавалера де-Грие. Ром.
 7. Крэнъ, А. Д. Эмилій. Повѣсть изъ эпохи гоненій на христіанъ при Деціи и Валеріи. Переводъ съ англійскаго.
 8. Мингслей, Ч. Ипатія или новые враги подъ старой личиной. Романъ. Томъ I-й.
 9. — То же. Томъ II.
 10. Жоржъ-Зандъ. Орастъ. Романъ.
 11. Мериме, П. Жаверія. Сцены изъ феодальныхъ временъ.
 12 и 13. Диньенъ, Ч. Лавка древностей. Ром.
 14. Гете, В. Страданія молодого Вертера. Ром.
 15. Басанинъ, Маркъ. Клубъ козичаго дворянства. Романъ.
 16. Фильдингъ. Исторія Тома Джонса Найденшл. Романъ. Томъ I-й.
 17. — То же. Томъ II-й.
 18. — То же. Томъ III-й.
 19. Ясинскій, Іер. Старый другъ. Романъ.
 20. Дюма, А. Двадцать лѣтъ спустя. Ром. Т. I-й.
 21. — То же. Томъ II-й.
 22. Золя, Эмиль. Докторъ Паскаль. Ром.
 23. Бульверъ, Эдвардъ, лордъ Литтонъ. Последние дни Помпеи. Ром. Томъ I-й.</p> | <p>24. — То же. Томъ II-й.
 25. Бичеръ-Стоу, Генр. Жизнь дяди Тома. Съ приложеніемъ библиографіи этого произведенія Джоржа Булдена. Томъ I-й.
 26. — То же. Томъ II-й.
 27. Сю, Евгений. Вѣчный жиждъ. Ром. Первый, полный безъ пропусковъ переводъ съ французскаго. Томъ I-й.
 28. — То же. Томъ II-й.
 29. — То же. Томъ III-й.
 30. — То же. Томъ IV-й.
 31. — То же. Томъ V-й.
 32. Бальзанъ. Женщина тридцати лѣтъ. Ром.
 33 и 34. Флоберъ, Г. Госпожа Бовари. Провинціальныя нравы. Ром. Перев. съ франц.
 35. Царь изъ дома Давида. Съ англ. Е. М.
 36. Ямушкинъ, П. Великъ Богъ земли Русской! и другіе рассказы.
 37 и 38. Грандъ, Сара. Небесныя близнецы. Перев. съ нѣм. А. Гердъ.
 39 и 40. Поз, Эдгаръ. Необыкновенныя рассказы. Переводъ съ англійскаго. Книга первая и вторая.
 41. Невинная жертва. Габріэли д'Аннунціо. Перев. М. М. Иванова.
 42. Черная рада. Хроника 1663 года. Сочиненіе П. А. Кулиша.
 43. Исчезнувшія тѣни. Романъ Антоніо Фоггачаро.
 44. Индіана. Романъ Жоржъ Занда.</p> |
|---|--|

Томики „Дешевой Библиотеки“ А. С. Суворина,

внесенные въ «Опытъ каталога ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Вѣдомства Народн. Просвѣщенія, изд. 2-е 1896 г., и въ первое къ нему дополненіе 1897 г.»

45 и 46. Карамзинъ, Н. М. Письма русскаго путешественника. Со статьею Ф. И. Вуслаява, съ портретомъ автора и рисунками. 2 т. Изд. 3-е. Ц. 1 р., на велен. бум. 2 руб.

16. — Великій князь Димитрій Иоанновичъ, прозваніемъ Донской. Изд. 2-е. Цѣна 10 к., въ пап. 18 к., въ пер. 25 к., на вел. бум. 20 к.

17. — Царствованіе Феодора Иоанновича.—Правленіе Бориса Годунова.— Убіеніе царевича Димитрія. — Состояніе Россіи въ концѣ XVI в. Изд. 3-е. Ц. въ папкѣ 23 к., въ пер. 30 к.

20. — Царствованія Бориса Феодоровича и Лжедмитрія. Изд. 2-е. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 35 к.

24. — Царствованіе Василія Иоанновича Шуйскаго и междуцарствіе. Изд. 2-е. Цѣна 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.

72а. — Исторія государства Россійскаго. Т. I. Ц. 20 к., въ пап. 28 к., въ пер. 40 к.

72б. — То же. Т. II. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.

77а. — То же. Т. III. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

77б. — То же. Т. IV. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

89. — То же. Т. V. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

91. — То же. Т. VI. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

92. — То же. Т. VII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

94. — То же. Т. VIII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

95. — То же. Т. IX. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

96. — То же. Т. X. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

97. — То же. Т. XI. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

98. — То же. Т. XII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

70а и 70б. Нѣтъ-Основьяненко, Гр. Ф. Панъ Халаявскій. Изд. 2-е. Ц. за двѣ части 50 к., въ папкѣ 58 к., въ переплетѣ 75 к.

79. Мозловъ, И. Три поэмы: Чернецъ. — Княгиня Наталія Борисовна Долгорукая. — Безумная. Съ біографіей и портрет. автора.

Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 30 к.

239. Нольцовъ, А. В. Стихотвор. Съ біографіей, портретомъ и рисункомъ памятникъ. Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ изящномъ переплетѣ 25 к.

— То же. Изящное изданіе. (Напечатано для любителей). 100 экз. на слоновои бумагѣ. Ц. 1 р., въ переплетѣ 1 р. 75 к. и 300 экз. на веленовой бумагѣ. Ц. 50 к., въ пер. 90 к.

149. Корнель, П. Гораций. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ М. Чайковскаго. Спб. 1894 г. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ переплетѣ 27 к.

222. — Сидъ. Трагедія. Перев. съ франц. въ стихахъ. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ пер. 32 к.

28. Мохановская. Кирилла Петровъ и Настасья Дмитрова. Повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к.

29. — Послѣ обѣда въ гостяхъ. Повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

30. — Старина. Семейная память. Повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 28 к.

318. Крыловъ, Васи. Полное собраніе. Съ біографіей и примѣч. Два портрета, виды памятника и могилы Крылова. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ пер. 30 к.

7. Мавье-де-Местръ. Параша-Сибирячка. Рассказъ. Изд. 4-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 25 к.

9. Нукольнинъ, Н. В. Историческія повѣсти. Кн. I-я (Авдотья Лихончиха. — Купецъ Капустинъ. — Прокуроръ). Съ портретомъ Петра Великаго. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 30 к., на веленев. бум. 30 к.

10. — То же. Кн. 2-я (Сказаніе о синемъ и зеленомъ сукаѣ. — П. Часовой). Съ портретомъ князя И. Ф. Долгорукова. Изданіе 2-е. Цѣна 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 30 к.

11. — То же. Кн. 3-я (Позументы. — Новый годъ). Съ гравюрой: солдаты Петровскаго времени. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., на вел. бум. 30 к.

14. — То же. Кн. 4-я (Чернышевскій мнръ. — Остапъ и Ульяна. — Старый хламъ). Изданіе 2-е. Цѣна 15 к., въ папкѣ 23 к.,

въ переплетѣ 30 к., на веленовой бумагѣ 30 коп.

18. — То же. Кн. 5-я (Запорожцы. Историческая быль времени Екатерины Великой). Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 25 к.

33. — То же. Кн. 6-я (Сержантъ Ивановъ или всѣ заодно. — Вольный гетманъ панъ Савва. — Староста Меланья). Изданіе 3-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.

100. Ламартинъ, А. Иоанна д'Аркъ (Орлеанская дѣва). Съ рисунками. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ пер. 32 к.

6. Ломоносовъ, М. В. Избранныя сочиненія въ прозѣ. Съ портр. и биограф. М. В. Ломоносова. Изд. 4-е. Ц. 40 к., въ папкѣ 48 к., въ пер. 60 к.

183. Маркъ Аврелій Антонинъ. Къ самому себѣ. Размышленія. Перев. съ греческ. Пл. Краснова. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ переплетѣ 40 к.

19. Марлинскій, А. (А. А. Бестужевъ). Ама-латъ-бекъ. Кавказская быль. Съ портрет. автора. Изд. 3-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 40 к.

21. — Страшное гаданье. — Два вечера на

бивуакѣ. — Вечеръ на Кавказскихъ водахъ въ 1824 г. Изд. 3-е. Ц. 5 2к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 40 к.

22. — Мулла-Нуръ. Быль. Изд. 3-е. Цѣна 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 40 к.

23. — Разсказъ офицера, бывшаго въ плѣну у горцевъ. — Красное покрывало. — Ночь на кораблѣ. — Осада. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 30 к.

25. — Фрегатъ Надежда. Изд. 3-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 40 к.

26. — Мореходъ Никитинъ. — Романъ и Ольга. — Замокъ Эйзенъ. — Шахъ Гуссейнъ. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ переплетѣ 40 к.

32. — Наѣзды. Повѣсть 1613 г. — Измѣнникъ. Изд. 3-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 40 к.

74. — Лейтенантъ Бѣлзоръ. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

75. — Латникъ. Разск. партизанскаго офицера. Изд. 2-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 30 к.

4. Мерзляковъ и Цыгановъ. Русскія пѣсни. Съ очеркомъ жизни обоихъ поэтовъ. Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 25 к., на вел. бум. 20 к.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять рублей** съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40 Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ**, **Харьковѣ**, **Одессѣ** и **Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редація отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «**Историческаго Вѣстника**» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ВРГЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

Библиотека "Руниверс"

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ
СЕНТЯБРЬ, 1899

СОДЕРЖАНІЕ.

СЕНТЯВРЬ, 1899 г.

	СТРАН.
I. Владимірскіе Мономахи. Романъ въ четырехъ частяхъ. Часть третья. XIX—XXIX. Графа Е. А. Салиаса. (Продолженіе)	729
II. Записки графини В. Н. Головиной (1766—1820). XXII—XXV. (Продолженіе)	766
III. Любовь и сила воли. X. Р—вой	796
IV. Воспоминаніе объ Е. П. Гребенкѣ. А. С—аго	815
V. Отрывки изъ воспоминаній. Е. П. Раевской, рожденной Бибиковой	832
VI. Воспоминанія о Н. Я. Гротѣ. В. П. Шенрока	853
иллюстрація: Николай Яковлевичъ Гротъ.	
VII. Николай Витсенъ изъ Амстердама у патриарха Никона. (Изъ неизданной голландской рукописи XVII вѣка). А. М. Ловягина .	874
VIII. Въ Мордовскомъ краѣ. (Изъ замѣтокъ туриста). Н. Н. Оглоблина .	880
IX. Степанъ - Аннибалъ Зановичъ, авантюристъ XVIII столѣтія. П. А. Ровническаго	902
X. Городъ Вязники и его уѣздъ. Н. П. Соловьева	943
иллюстраціи: 1) Большая Московская улица.—2) Благовѣщенская улица.—3) Ярополь.—4) Кладбище.	
XI. Сиринъ и алконость. А. С. Шерстобитова	961
иллюстраціи: 1) Птица алконость.—2) Птица сирань.	
XII. Изъ сарапульской хроники. Д. К. Зеленина	966
XIII. Марія Валевская. Историческій очеркъ	973
XIV. Критика и библиографія.	993

1) Энциклопедическій словарь издателя Ф. Павленкова. Съ 2224 политипажамы, въ томъ числѣ 813 портретовъ и 37 географическихъ картъ, гравированныхъ въ Парижѣ, Спб. 1899. Пещ.—2) Н. М. Павловъ. Русская исторія отъ древнѣйшихъ временъ. Первыхъ пять вѣковъ родной старины (862—1862). Т. II. М. 1899. В. Руданова.—3) Царскія дѣти и ихъ наставники. Историческіе очерки Б. Б. Глинскаго. М. 1899. А. Б.—4) Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ. Изслѣдованіе П. А. Сырку. Томъ I. Выпускъ I. Время и жизнь патриарха Евиміа Терновскаго. Спб. 1899. г.—5) Walerj Przyborowski. Z prserzności Warszawy. Szkice historyczne. Warszawa. 1899. к. х.—6) Памятники древней письменности и искусства. СХХХIII. Отчетъ о засѣданіи 5-го марта 1899 г. съ прилож.: I. А. И. Соболевскій: «Логика жидовствующихъ» и «Тайная тайныхъ». С. О. Долговъ: «Вѣдомость о Китайской землѣ и о глубокой Индѣи». Спб. 1899. А. л—но.—7) Смирновъ Сергій. Древне-русскій духовникъ. Очеркъ. Сергіевъ Посадъ. 1899. щ.—8) Чтенія и бесѣды въ союзѣ ревнителей русскаго слова. Вып. I. Ревнителе русскаго слова прежняго времени. Рѣчь Ф. А. Витберга. Вып. II. Я. П. Полонскій. Рѣчь Ф. А. Витберга. Спб. 1899. Пещ.—9) Записки старой смолянки. В. П. Б—вой. 1833—1878 г. Часть первая. Примѣчанія и изданіе свящ. К. Зи—скаго. Спб. 1899. А. Б—ина.—10) Г. П. Рогоновичъ. Черногорскій теократизмъ, 1496—1851. Казань. 1899. Z.—11) Статистическія свѣдѣнія по начальному образованію въ Россійской имперіи за 1896 годъ. Спб. 1899. А. л—но.—12) А. И. Яцимирскій. Изъ славянскихъ рукописей. Тексты и замѣтки. М. 1899. щ.—13) Историческое обозрѣніе. Собраніе

См. слѣд. стр.

исторического общества при С.-Петербургскомъ университетѣ, издаваемый под редакціей Н. И. Карѣева. Томъ X. Спб. 1899. в. Р—ва. — 14) С. С. Орлицкій (Окрейцъ). Далекіе годы. Автобиографическая хроника. Спб. 1899. д. Е.—15) Архивъ князя Ѳ. А. Куракина. Книга 8-я, изданная кн. Ѳ. А. Куракинѣмъ подъ ред. В. Н. Смольянинова. Саратовъ. 1899. щ.—16) П. К. Симои. Русскій языкъ въ его нарѣчяхъ и говорахъ. Опытъ библиографическаго указателя трудовъ, касающихся русской диалектологии и исторіи языка. Выпускъ I, ч. 1. Велико-русское нарѣчіе. Спб. 1899. А. л—нно. — 17) Извѣстія историко-филологическаго института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ. Т. XVII. Нѣжинъ. 1899. в. Р—ва.—18) Рись-Дэвидсъ. Буддизмъ. Переводъ подъ редакціей проф. С. Ѳ. Ольденбурга. Изд. О. Н. Поповой («Образоват. библиот.»). Серия 2-я (1898), № 8. Спб. 1899. п. щ.—19) Черниговскіе старцы. Псалки и кратоглоссовъ. Черниговъ. 1899. А. л—нно.

XV. Заграничныя историческія новости и мелочи 1022

1) Современные труды по исторіи.—2) Тысячелѣтній юбилей Альфреда Великаго.—3) Соціальное положеніе Франціи во время крестовыхъ походовъ.—4) Савонарола.—5) Полярная экспедиція въ XVI столѣтіи.—6) Шведская королева Христина и кардиналъ Аццолино.—7) Отголоски юбилея Кромвеля.—8) Французы на берегахъ Англіи въ 1690 г.—9) Настоящій Робинзонъ.—10) Голыя ли утки маркиза Ментеновъ?—11) Генералъ Моро.—12) Наполеоновскій историческій конгрессъ въ Италіи.—13) Полуторастолѣтній юбилей Гете.—14) Подувѣковая годовщина смерти Петефи.—15) Смерть Ричарда Конгрэва.

XVI. Изъ прошлаго 1048

Къ біографіи Н. П. Костомарова. Сообщилъ В. Борисовъ.

XVII. Смѣсь 1050

1) Памятникъ на могилѣ Ю. Н. Говорухи-Огрока.—2) Некрологи: Александръ, епископъ полоцкій и витебскій; баронъ А. П. Николай; А. Д. Мейнъ; П. А. Устиновичъ; П. К. Мартыановъ. С. Н. Кулибинъ; Н. И. Свѣшниковъ.

XVIII. Замятки и поправки 1056

По поводу «Халдейской пещи». Михаила Артлебена.

XIX. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Степана-Аннибала Зановича.—2) Графъ Мирабо. (Graf Mirabeau. Von Theodor Mundt). Историческій романъ въ четырехъ частяхъ. Т. Мундта. (Переводъ съ нѣмецкаго З. У.). Часть III, гл. VII; Часть IV, гл. I—III. (Продолженіе).

СОДЕРЖАНІЕ СЕМЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОГО ТОМА.

(ІЮЛЬ, АВГУСТЪ и СЕНТЯБРЬ 1899 года).

	стр.
Владимірскіе Мономахи. Романъ въ четырехъ частяхъ. Часть третья. Графа Е. А. Салиаса . (Продолженіе).	5, 385, 729
Записки графини В. Н. Головиной (1766—1820). XV—XXV. (Продолженіе)	39, 427, 766
Карты. (Эпизодъ изъ польскаго возстанія 1863 года). Н. М. Васильева .	71
Русское знамя въ Средней Азій. X—XV. (Окончаніе). П. М. Н. . . .	81, 477
Архіерейская ревизія. (Изъ моихъ воспоминаній). М. И. Саццрждотова . .	100
Фридрихъ-Сиверсъ. (Изъ исторіи крестьянской реформы въ Лифляндіи). М. Н. С.	127
Въ Святыхъ Горахъ и Псковѣ 26 — 29 мая. А. И. Фаресова	147
иллюстраціи: 1) Святая Гора.—2) Наружная сторона флигеля, гдѣ жилъ Пушкинъ въ с. Михайловскомъ.—3) Вокзалъ сторона флигеля, въ которомъ жилъ Пушкинъ въ с. Михайловскомъ.	
Академическій Пушкинъ. Б. В. Никольскаго	178
Дидеро и Екатерина II. В. А. Тимирязева	219
иллюстраціи: 1) Императрица Екатерина II.—2) Дидеро.	
Монаршее милосердіе. В. Е. Руданова	236
Шопка, польскій вертепъ. (Историко-этнографическій этюдъ). Г. А. Воробьева	248
иллюстраціи: 1) Польская шопка. Сцена и персонажи.—2) Польская шопка Смерть жида.	
Юбилейная литература о Пушкинѣ. Е. Еленина	264, 592
Бисмаркъ въ своихъ и чужихъ воспоминаніяхъ. IV — V. (Окончаніе). В. Т.	283
Облава на людей. (Изъ недавняго прошлаго). Г. П. Эрстова	458
Контрабандистъ. Сцены изъ жизни на западной границѣ. М. П. Мемецкаго	494
Попытка закрѣпостить еврея въ 1783 г. (Историческій очеркъ). И. С. Бѣльева	511

	стр.
Курбанъ-Байрамъ. (Изъ записокъ маленькаго администратора). М. В. Дандевилля	527
Послѣ Пугачевщины на Каспи. П. Л. Юдина	546
А. С. Пушкинъ въ Симбирскѣ. В. Н. Поливанова	568
иллюстраціи: 1) Село Языково.—2) Домъ въ селѣ Языковѣ.	
Памятникъ на Кагульскомъ полѣ сраженія. Н. А. фонъ-Фохта	577
иллюстраціи: 1) Памятникъ графу Румянцеву на полѣ Кагульской битвы. — 2) Памятникъ графу Воронцову на полѣ Кагульской битвы.	
Скемпе — польскій Лурдъ. Г. А. Воробьева	584
иллюстраціи: 1) Костель въ Скемпе. — 2) Внутренній видъ костела въ Скемпе.—3) Фигура Скемпской Божіей Матери.	
Общественныя заботы о народномъ образованіи въ Сибири. С. И. Уманца	614
Памяти В. В. Тарновскаго. В. Г — но	628
Способы погребенія у древнихъ народовъ, населявшихъ югъ Россіи. Д. И. Эварницкаго	635
Очерки американской дѣйствительности. Евгенія Правдина	646
Любовь и сила воли. X. Р—вой	796
Воспоминаніе объ Е. П. Гребенкѣ. А. С—аго	815
Отрывки изъ воспоминаній. Е. И. Раевской, рожденной Бибиной	832
Воспоминанія о Н. Я. Гротѣ. В. И. Шенрона	853
иллюстрація: Николай Яковлевичъ Гротъ.	
Николай Витсенъ изъ Амстердама у патриарха Никона. (Изъ неизданной голландской рукописи XVII вѣка). А. М. Ловягина	874
Въ Мордовскомъ краѣ. (Изъ замѣтокъ туриста). Н. Н. Оглоблина	880
Степанъ-Аннибалъ Зановичъ, авантюристъ XVIII столѣтія. П. А. Ровинскаго	902
Городъ Вязники и его уѣздъ. Н. И. Соловьева	943
иллюстраціи: 1) Большая Московская улица.— 2) Г. Вязники. Благовѣщенская улица.—3) Г. Вязники. Ярополь.—4) Г. Вязники. Кладбище.	
Сиринь и алконостъ. А. С. Шерстобитова	961
иллюстраціи: 1) Птица алконостъ.—2) Птица сирень.	
Изъ сарапульской хроникъ. Д. К. Зеленина	966
Марія Валевская. Историческій очеркъ.	973
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ	304, 666, 993

1) Востокъ христіанскій. Александрійская патриархія. Сборникъ матеріаловъ, изслѣдованій и записокъ, относящихся до исторіи Александрійской патриархіи. Томъ I. Составленъ епископомъ Порфиріемъ Успенскимъ. Изданіе императорской академіи наукъ подъ редакціей Хр. М. Лопарева. Спб. 1898. 2.—2) А. А. Сидоровъ. Русскіе и русская жизнь въ Варшавѣ (1815—1895 г.). Историческій очеркъ. (Со снимками картинъ, портретовъ и медалей). Вып. I. Варшава. 1889. н. х.—3) Ал. Лазаревскій. Очерки, замѣтки и документы по исторіи Малороссіи. Вып. V. Кіевъ. 1899. в. Р—ва.—

- 4) А. В. Смирновъ. Уроженцы и дѣтели Владимірской губерніи, получившіе извѣстность на различныхъ поприщахъ общественной пользы. (Материалы для био-библиографическаго словаря). Вып. 3-я. Владимір. 1899. П. Е. щ—ва.—5) Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румяновскаго музеевъ за 1898. Москва. 1899. Ан. Ф.—а.—6) Вольтеръ. По Коллини, Ваньеру, Штраусу и др. Изданіе товарищества «Знаніе». Спб. 1899. н.—7) Сборникъ Археологическаго института. Книга VI. 1898. Вѣстникъ Археологіи и Исторіи, издаваемый Археологическимъ Институтомъ. Выпускъ XI. Спб. 1899. В. Б.—ва.—8) Иностранные университеты. В. I. Университеты Англійи и годы студенчества ея знаменитыхъ людей. Составлено подъ редакціей Л. А. Богдановича. Изданіе Общества распространения полезныхъ книгъ. М. 1899. А. М.—на.—9) Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга XI. М. 1899. В. Р.—ва.—10) Шарль Летурно. Эволюція торговли. (Экономическая бібліотека). Переводъ Ѳ. Капелюша. Изд. О. Н. Пошовой. Спб. 1899. д. Емова.—11) М. М. Захарченко. Историческій очеркъ педагогическихъ классовъ С.-Петербургскаго Александровскаго института. 1848—1894. Спб. 1899. д. Е.—12) Тульская старина. Изданіе Тульскаго историко-археологическаго товарищества, подъ редакціей старшины товарищества Н. Н. Троицкаго. Вып. 1—2. Тула. 1899. в. Б.—ва.—13) Труды Саратовской ученой архивной комисіи. Выпускъ XXI. Саратов. 1898. в. Р.—ва.—14) А. Дмитриевскій. Архіепископъ еласовскій Арсеній и мемуары его изъ русской исторіи по рукописи трапезунтскаго Сумелійскаго монастыря. Кіевъ. 1899. з.—15) Н. О. Осиповъ. Винная монополія. Спб. 1889. А. Фаресова.—16) Труды Рязанской ученой архивной комисіи. Подъ редакціей С. Д. Яхонтова. Выпускъ 3-й XIII тома. Рязань. 1899. в. Руданова.—17) Památník na oslavu padesátiletého Panoonického Jubilea Iego Velicenstva Cisare a Krále Frantiska Josefa I. Vedecky a umelesky rozvoj v narode českém 1848—1898. Vybdala česká Akademie Cisare Frnatiska Josefa pro Vedy, Glovesnost a Umeni. V Praze. 1898. Nakladem C. Akad. 4 (quarto). (VII. 66, 33, 65, 86, 48, 40, 119, 144, 88, 96, 102, 55, 84; XXXVI стр. указателей. VII стр. Errata. III стр. содержанія, I стр. списокъ портретовъ всего 1050 стр. и 49 портретовъ-фотографій. Э. в.—18) Ѳ. В. Благовидовъ. Оберъ-прокуроры святѣйшаго синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія. (Развитіе оберъ-прокурорской власти въ синодальномъ вѣдомствѣ). Опытъ историческаго изслѣдованія. Казань. 1899. Р. 19) Историческая записка Императорскаго лиція въ память Цесаревича Николая за XXX лѣтъ. М. 1899. в. Р.—ва.—20) Альбомъ пушкинской юбилейной выставки въ Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ, май 1899 г. Составленъ подъ редакціей Л. Н. Майкова и Б. Л. Модзалевскаго. Исполненъ и изданъ художественною фототипіей К. А. Фишера. Москва. 1899. А. Фаресова.—21) А. С. Архангельскій. Къ исторіи южно-славянской и древне-русской апокрифической литературы. Спб. 1899. в. Р.—ва.—22) Энциклопедическій словарь издателя Ф. Павленкова. Съ 2324 политипажамы, въ томъ числѣ 813 портретовъ и 37 географическихъ картъ, гравированныхъ въ Парижѣ. Спб. 1899. пещ.—23) Н. М. Павловъ. Русская исторія отъ древнѣйшихъ временъ. Первые пять вѣковъ родной старины (862—1362). Т. II. М. 1899. в. Руданова.—24) Царскія дѣти и ихъ наставники. Историческіе очерки В. В. Глинскаго. М. 1899. А. Б.—25) Къ исторіи исправленій книгъ въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ. Изслѣдованіе П. А. Сырку. Томъ I. Выпускъ I. Время и жизнь патріарха Евиміи Терновскаго. Спб. 1899. з.—26) Walery Przyborski. Z przeszlosci Warszawy. Szkice historyczne. Warszawa. 1899. н. х.—27) Памятники древней письменности и искусства. СXXXIII. Отчетъ о засѣданіи 6-го марта 1899 г. съ прилож.: I. А. И. Соболевскій: «Логика жидовствующихъ» и «Тайная тайныхъ». С. О. Долговъ: «Вѣдомость о Китайской землѣ и о губокой Индіи». Спб. 1899. А. Л—но.—28) Смирновъ Сергій. Древне-русскій доховникъ. Очеркъ. Сергіевъ Посадъ. 1899. щ.—29) Чтенія и бесѣды въ союзѣ ревнителей русскаго слова. Вып. I. Ревнители русскаго слова прежняго времени. Рѣчь Ф. А. Витберга. Вып. II. Я. П. Полонскій. Рѣчь Ф. А. Висберга. Спб. 1899. пещ.—30) Записки старой смолянки. В. П. В-вой. 1833—1878 г. Часть первая. Примѣчанія и изданіе сляц. К. Зи—скаго. Спб. 1899. А. Б—ина.—31) Г. П. Рогановичъ. Черногорскій теократизмъ, 1496—1851. Казань. 1899. з.—32) Статистическія свѣдѣнія по началному образованію въ Россійской имперіи за 1896 годъ. Спб. 1899. А. Л—но.—33) А. И. Яцимирскій. Изъ славянскихъ рукописей. Тексты и замѣтки. М. 1899. щ.—34) Историческое обозрѣніе. Сборникъ историческаго общества при С.-Петербургскомъ университетѣ, издаваемый подъ редакціей Н. И. Карѣева. Томъ X. Спб. 1899. в. Р.—ва.—35) С. С. Орлицкій (Окревицъ). Далекіе годы. Автобіографическая хроника. Спб. 1899. д. Е.—36) Архивъ князя Ѳ. А. Куракина. Книга 8-я, издаванія кн. Ѳ. А. Куракиннмъ подъ ред.

В. Н. Смольянинова. Саратовъ. 1899. ш.—37) П. К. Симоны. Русскій языкъ въ его нарѣчьяхъ и говорахъ. Опытъ библиографическаго указателя трудовъ, касающихся русской диалектологии и истории языка. Выпускъ I, ч. 1. Великорусское нарѣчье. Спб. 1899. А. л.—мно.—38) Извѣстія историко-филологическаго института кн. Везбородко въ Нѣжинѣ. Т. XVII. Нѣжинъ 1899. В. Р.—ва.—39) Рись-Дэвидсъ. Буддизмъ. Переводъ подъ редакціей проф. С. Ѳ. Ольденбурга. Изд. О. Н. Поповой («Образоват. библіот.». Серія 2-я (1898) № 8. Спб. 1899. п. щ.—40) Черниговскіе старцы. Псалки и криптоглоссонъ. Черниговъ. 1899. А. л.—мно.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ . . . 325, 686, 1022

1) На развалинахъ Кароагена.—2) Кромвель, какъ воинъ.—3) Еще англійская біографія Дантона.—4) Корсиканецъ о Наполеонѣ.—5) Изъ воспоминаній турецкаго парламантера.—6) Генераль Драгомировъ чрезъ французскія очки.—7) Смерть Бюдвига Бюхнера.—8) Вѣнскій конгрессъ.—9) Европейская Героиня.—10) Боецъ за свободу печати въ Англии.—11) Кооперативная біографія Гладстона.—12) Смерть Кастелара и Розы Боннеръ.—13) Отголоски Пушкинскаго юбилея на Западѣ.—14) Столѣтняя годовщина дня смерти Воюарше.—15) Новыя изслѣдованія древняго міра.—16) Величайшая побѣда Александра Македонскаго.—17) Средневѣковая имперія.—18) Независимая Лотарингія.—19) Лютеръ и Тетцель.—20) Французскіе рабочіе въ старину.—21) Герцогъ Шуазель въ Римѣ.—22) Книги, брошюры и статьи о французской революціи.—23) Смотры Фридриха и парады Наполеона.—24) Взглядъ французскаго историка на Суворова.—25) Раскопки Бастиліи.—26) Столѣтній юбилей англійскихъ волонтеровъ.—27) Два дѣтла борьбы за независимость Италіи.—28) Воспоминанія Маккарти.—29) Отголоски франко-прусской войны.—30) Смерть Шербюле.—31) Юбилей Вальзака.—32) Современные труды по исторіи.—33) Тысячелѣтній обилей Альфреда Великаго.—34) Соціальное вложенье Франціи во время крестовыхъ походовъ.—35) Савонарола.—36) Полярная экспедиція въ XVI столѣтіи.—37) Шведская Королева Христина и кардиналъ Алцоліно.—38) Отголоски юбилея Кромвеля.—39) Французы на берегахъ Англии въ 1690 г.—40) Настоящій Робинсонъ.—41) Гояля ли уголъ маркиза Ментенонъ?—42) Генераль Моро.—43) Наполеоновскій историческій конгрессъ въ Италіи.—44) Полуторастолѣтній юбилей Гете.—45) Полулѣтняя годовщина смерти Петефи.—46) Смерть Ричарда Конгрена.

ИЗЪ ПРОШЛАГО 350, 1048

1) Къ дѣлу поручика Шубина. Вл. Апушнина.—2) Къ біографіи Н. И. Костомарова. Сообщилъ В. Борисовъ.

СМѢСЬ 354, 720, 1050

1) Пушкинскія празднества и ихъ итоги.—2) Чествованіе памяти князя Довжонта Псковскаго.—3) Академическая годовщина.—4) Актъ Археологическаго института.—5) Диспутъ В. В. Сиповскаго.—6) С.-Петербургское археологическое общество.—7) Географическое общество.—8) Еще о Лжедмитрии.—9) Освященіе памятника Д. Д. Минаеву.—10) Реставрація Сухаревой башни.—11) Археологическія раскопки.—12) Археологическая справка.—13) Могила И. И. Лажечникова.—14) Памятникъ на могилѣ Ю. Н. Говорухи-Отрока.—15) Некрологи: Н. Я. Гротъ; Н. К. Ренненкампфъ; П. П. Исаевичъ; З. М. Мееріанцъ; К. Ѳ. Голстунскій; В. В. Тарновскій; А. П. Мальшинскій; Александръ, епископъ полоцкій и витебскій; П. К. Мартыновъ; С. Н. Кулибинъ; Н. И. Свѣшневъ.

РѢДКІЕ ПОРТРЕТЫ 728

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ 1056

По поводу «Холудейской печи». Михаила Артлебена.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портреты: Архіепископа Варлаама, П. А. Крылова и Степани-Аннибала Зановича.—2) Графъ Мирабо (Graf Mirabeau. Von Theodor Mundt). Историческій романъ въ четырехъ частяхъ Т. Мундта. (Переводъ съ нѣмецкаго З. У.). Часть II, гл. X. Часть III, и часть IV, гл. I—III. (Продолженіе).

ВЛАДИМІРСКІЕ МОНОМАХИ¹⁾.

Романъ въ четырехъ частяхъ.

(Посвящается Сергѣю Николаевичу Шубинскому).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

XIX.

АЗАЛОСЬ, что всѣмъ обитателямъ Высоксы давно пора уже было привыкнуть ко всякимъ удивительнымъ событіямъ. А между тѣмъ то, что случилось, было каждый разъ, дѣйствительно, диковиной, и молва о случающемся въ одинъ день обѣгала всѣ заводы.

Въ домѣ появился и былъ принятъ самимъ баринномъ, а потомъ барыней, и принятъ особенно милостиво, тотъ самый человекъ, который когда-то едва не убилъ барышню, а затѣмъ донесъ на нее и на молодого барина не вѣсть что старому барину... Затѣмъ онъ же недавно подвергся срамной казни. Затѣмъ онъ же былъ подозрѣваемъ въ покушеніи на охотѣ... И вдругъ теперь съ подвязанной еще рукой онъ явился, строго поглядывая на всѣхъ, какъ если бы, кромѣ благихъ дѣлъ, ничего никогда на Высоксѣ и не творилъ! Какъ ни старались всѣ объяснить, почему барышня и баринъ простили своего злодѣя, никто, конечно, не могъ найти ключа къ такой загадкѣ.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», 1899 г., т. LXXVII, стр. 385.
«Истор. вѣстн.», сентябрь, 1899 г., т. LXXVII.

А въ день пріема Гончаго бариномъ, вечеромъ, распространился еще болѣе удивительный слухъ. Злодѣй, убійца, бѣглый, позорно казненный, не только совсѣмъ прощенъ бариномъ, но яко бы снова будетъ опредѣленъ въ канцелярію.

И дѣйствительно, на третій день, Дмитрій Андреевичъ объявилъ Пастухову, что Гончій, какъ способный и знающій человекъ, долженъ быть зачисленъ снова къ нему подъ начальство.

И Гончій появился въ той же канцеляріи, гдѣ не бывалъ уже восемь лѣтъ, и сразу сталъ «совать носъ» во все. Прошла только недѣля, и канцелярія ахнула. Бесѣдуя съ Пастуховымъ, Гончій при всѣхъ служащихъ и писаряхъ объяснилъ своему начальнику, что, повидимому, у него полный беспорядокъ въ дѣлахъ. И, конечно, такъ дѣло идти не можетъ... Нуженъ совершенно иной порядокъ! Онъ, Гончій, именно объ этомъ завтра же доложитъ барину.

Это заявленіе обѣжало Высоксу еще быстрѣе, чѣмъ вѣсть о появленіи «безрукаго» въ домѣ. Въ поведеніи Гончаго сразу всѣ почувяли что-то... И не ошиблись... Простой канцеляристъ съ того же дня сталъ бывать у барина съ своимъ собственнымъ отдѣльнымъ докладомъ. Иногда онъ былъ вызываемъ для совѣта, какъ къ барину, такъ и къ барышнямъ. Еще черезъ недѣлю Пастуховъ былъ внезапно уволенъ, а Гончій изъ простыхъ писарей во времена Аниты Ильича сталъ сразу начальникомъ канцеляріи.

Дмитрій Андреевичъ, немало смущенный сначала просьбой Су-санны насчетъ прощенія Гончаго, смущенный еще болѣе мнѣніемъ объ немъ князя Никаева, теперь сразу и круто пришелъ къ искреннему и совершенно противоположному убѣжденію. Онъ относился къ Гончему не только милостиво, но дружелюбно, а вмѣстѣ съ тѣмъ самъ сталъ замѣтно бодрѣе и веселѣе. О причинѣ этой перемѣны духа онъ, однако, никому не проронилъ ни единого слова. Даже Никаеву и Михалису на ихъ настойчивые разспросы отказался что либо объяснить.

— Лучше себя чувствую. Вотъ и все... — загадочно усмѣхаясь, говорилъ онъ.

Причина, однако, была простая. Гончій, котораго князь Никаевъ яко бы продолжалъ подозрѣвать въ покушеніи на жизнь Дмитрія Андреевича въ лѣсу, доказалъ барину, при помощи вызванной знахарки и старика крестьянина, что онъ въ день покушенія лежалъ у Ешки въ избѣ почти безъ движенія отъ слабости. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Гончій взялся открыть злодѣя непременно, во что бы то ни стало, если у него будетъ власть. И онъ былъ назначенъ завѣдующимъ канцеляріей, уже при новыхъ условіяхъ, при которыхъ его значеніе и власть были уже не тѣ, что при Пастуховѣ. Канцелярія была прямо подчинена полиціи. Возмущенный князь Никаевъ немедленно отказался отъ своей должности, и снова назначенный оберъ-рунтомъ Ильевъ сталъ подъ полную команду Гончаго.

— Дѣла всякія покуда по боку!—заявилъ онъ всѣмъ.—Первое и главное дѣло теперь—розыскать, кто покуситель...

Вся Высокса, недоумѣвая, разводила руками. Понемножку выяснилось, что вслѣдствіе разныхъ перемѣнъ главною личностью въ Высокѣ сталъ вдругъ тотъ самый человѣкъ, который еще недавно сидѣлъ у столба.

— Безрукій—баринъ теперь у насъ!—говорили всѣ.

Новое прозвище всѣмъ нравилось изъ зависти.

Прошло недѣли три. Гончій, бывавшій, конечно, всякій день съ докладомъ у барина, явился однажды, какъ всегда, по утру прежде другихъ лицъ, но затѣмъ попросилъ разрѣшенія у Дмитрія Андреевича явиться вновь вторично по особо важному дѣлу послѣ того, какъ баринъ приметъ разныхъ просителей.

Басановъ поправился настолько, что уже одѣвался, выходилъ въ сосѣдную съ спальней комнату и тамъ принималъ самыхъ важныхъ посѣтителей Высоксы. Принявъ поспѣшно нѣсколькихъ просителей и гостей по дѣламъ заводскимъ, онъ самъ послалъ тотчасъ за Гончимъ.

Этого, явившись вторично, поглядывалъ какъ-то особенно весело, будто радовался чему-то.

— Ну, какое дѣло?—спросилъ Дмитрій Андреевичъ, чуя что-то особенное.

— Дѣло самое важное... Я если еще не разыскалъ вашего злодѣя, то прослѣдилъ... Напалъ на слѣдъ.

— Что ты?!—воскликнулъ Басановъ и чуть не привскочилъ въ своемъ креслѣ.

— Совсѣмъ, говорю, не разыскалъ, представить его вамъ сейчасъ не могу, но полагаю, что если онъ не у меня въ рукахъ, то на сихъ же дняхъ я его накрою.

— Кто же такой?..

— Нѣтъ, Дмитрій Андреевичъ, увольте! Не скажу!—рѣшительно отвѣтилъ Гончій.

— Какъ не скажешь?..

— Не могу...

— Это отчего?

— Это значитъ—все дѣло испортить.

— Пустое! Говори...

— Не скажу ни за что, хоть вотъ сейчасъ меня опять къ столбу приковытайте!—объявилъ Гончій рѣвко.—Покуда я его не накрою совсѣмъ, до тѣхъ поръ не назову! Да и зачѣмъ называть? Если будетъ ошибка какая, я только себя погублю. Нѣтъ. Дозвольте тогда его назвать, когда я его ужъ якобы въ рукахъ держать буду. Буду имѣть всѣ доказательства. Я рѣшилъ только доложить вамъ затѣмъ, чтобы вы были совершенно спокойны, что онъ найденъ. Но первымъ дѣломъ, Дмитрій Андреевичъ, нужно, чтобы вы совсѣмъ спра-

вились, были совсѣмъ здоровы и благополучны... А до тѣхъ поръ я ничего вамъ вновь не доложу и злодѣя не назову и не приведу.

— Это почему?

— Нужно, чтобы вы прежде совсѣмъ справились, выздоровѣли, окрѣпли.

— Не пойму я этого!..—изумился Басановъ.—На что вишь нужно тутъ мое здоровье, чтобы злодѣя словить?..

— Словить его я могу и безъ васъ. Но чтобы объяснить вамъ, кто онъ такой, нужно, чтобы вы были совсѣмъ здоровы.

— Ничего я не пойму!—вымолвилъ Басановъ.

— И трудно, Дмитрій Андреевичъ, понять не зная! Если угодно, я скажу. Все это дѣло такое страшнѣющее, что вамъ нужно совсѣмъ справиться, прежде чѣмъ услышать отъ меня то, что я узналъ, и что я вамъ доложу. Скажи я теперь, васъ это страшнѣющее дѣло опять уложить въ постель.

— Да никакъ ты ума рѣшился!—воскликнулъ Басановъ.—Нешто можетъ быть такое дѣло, услыхавши о которомъ, я заболѣть даже могу? Посуди, коли умный ты малый, что твой языкъ болтаетъ!

— Нѣтъ, Дмитрій Андреевичъ,—холодно произнесъ Гончій,—что я сказалъ, то и опять повторю: покуда вы не будете совсѣмъ справившись, до тѣхъ поръ я ничего не прибавлю! Поправляйтесь, и тогда я приду съ моимъ докладомъ...

Побывавши у барина съ загадочнымъ объясненіемъ, Гончій отправился прямо наверхъ. Здѣсь онъ вошелъ къ барышнѣ безъ всякаго доклада.

Сусанна Юрьевна сидѣла, какъ всегда, за пяльцами, но теперь она вышивала гладью, шелками и золотомъ что-то новое съ замысловатымъ узоромъ. Это была подушка, которая предназначалась ею тому же Гончему. Подушка должна была имѣть особенное значеніе. Предполагалось, что когда она будетъ готова, то появится въ квартирѣ Гончаго на самомъ видномъ мѣстѣ, и всякому къ нему входящему будетъ извѣстно, что эта работа самой барышни.

Сама Сусанна это надумала.

Гончій сѣлъ, какъ всегда, около пялецъ и выговорилъ, вздохнувъ:

— Усталъ я...

Сусанна Юрьевна удивленно глянула на него.

— Вы думаете, я пѣшкомъ далече ходилъ. Нѣтъ, усталъ инако. Дѣла много себѣ забралъ. Во все носъ совать сталъ, какъ въ Высоксѣ сказываютъ теперь. А это, Сусанна Юрьевна, помудренѣе, чѣмъ ходить отсюда въ Москву и обратно...

— Сказываютъ тоже,—улыбнулась Сусанна:—что ты и дурачества всякія затѣваешь... Зачѣмъ-то на прошлой недѣлѣ съ двумя рунтами и съ дюжиной крестьянъ куда-то пропадалъ сутки... Да еще строжайше имъ приказалъ никому не сказывать, гдѣ вы всѣ были и что дѣлали.

— На турку ходили!—разсмѣялся Гончій.—И у него пушки и знамена отбили. Слушайте-ка... Пушекъ я не отбилъ... А вотъ это у непріятеля врага отбилъ... Смотрите-ко. Что это такое по-вашему?

Гончій вынулъ что-то изъ кармана маленькое въ бумажкѣ и, развернувъ, показалъ... Это была пуля, нѣсколько сплюснутая... Сусанна Юрьевна глядѣла недоумѣвая.

— Это, дорогая моя барышня, пуля... Нашель я ее въ лѣсу, въ стволѣ дерева... А теперь буду искать ружье, изъ коего она вылетѣла... И это будетъ много легче. Найти ружье, карабинъ зовется, легче будетъ, чѣмъ найти въ лѣсу пулю. Карабиновъ въ Высокскѣ только три, и всѣ три бариновы... Только бываетъ часто, что онъ ихъ ссужаетъ своимъ друзьямъ пріятелямъ... Вотъ и вся сказка.

— Ничего я, Аня, не поняла. Что ты? Ты будто...

— Свихнулся? Такъ, что ли?.. Ну, вотъ увидите скоро, что на Высокскѣ стрясется!— рѣшительно произнесъ Гончій, снова кладя пулю въ карманъ.

— Поясни. Я совсѣмъ таки ничего разобрать не могу.

— Покуда нечего и разбирать... Придетъ на это свое время. А покуда я вамъ свѣжую новость скажу. Хотите?

— Какую новость? Говори.

— Эта новость — золотая вѣсточка!.. Я попалъ на слѣдъ злодѣя. Да-съ.

— Какого злодѣя? — удивилась Сусанна.

— Какъ можно этакое спрашивать, Сусанна Юрьевна! Одинъ у насъ теперь злодѣй. Прежде было два!— усмѣхнулся Гончій.— Я да еще одинъ, невѣдомый... А теперь онъ одинъ остался.

— Что ты?!—вдругъ понявъ, встрепенулась Сусанна Юрьевна.— Говори! Кто же? Чужой кто?.. Или изъ нашихъ?

— Это какъ понимать. Кто чужой, а кто нашъ?..

— Здѣшній? Высокскій?!

— Высокскій.

— Дворовый?

— Нѣтъ.

— Мужикъ? Заводскій рабочій?

— Нѣтъ, Сусанна Юрьевна,— ухмыляясь отвѣтилъ Гончій.

— Кто же такой? Говори скорѣе.

— Нѣтъ. Сказать не могу.

— Какъ не можешь?

— Нельзя... Покуда не буду его держать въ рукахъ! Какъ я докладывалъ барину, такъ и вамъ доложу. Покуда я не накрылъ совсѣмъ, до тѣхъ поръ не назову. А накрою я его скоро.

— И онъ здѣсь въ домѣ?— тревожно спросила Сусанна.

— У насъ въ домѣ.

— Дворянинъ, стало быть? Изъ приживальщиковъ или изъ гостей?

— Больше ничего я вамъ, Сусанна Юрьевна, не скажу. Хоть убейте! Ни единого словечка.

— Да что же ты меня за дуру какую считаешь, что я пойду да разболтаю!—разсердилась вдругъ Сусанна.

— Не гнѣвайтесь. Я знаю, что вы во сто кратъ и умнѣ меня, и осторожнѣ. Но не могу я! Я дошелъ размышленіемъ до того, что самъ себѣ назвалъ по имени этого злодѣя, а другому кому его назвать было бы совсѣмъ малоумно. Дайте прежде мнѣ самому себѣ не въ мечтаніяхъ, а въявѣ доказать, что я не ошибся, и тогда, конечно, вамъ первой приду я сказать. И если ошибки нѣтъ, то мы подождемъ до тѣхъ поръ, покуда Дмитрій Андреевичъ не справится совсѣмъ и не начнетъ выѣзжать. Тогда мы ему и скажемъ.

— Зачѣмъ же ему справляться?—задала Сусанна почти тотъ же вопросъ, что и самъ Басановъ.

— А затѣмъ справляться, что его мой докладъ какъ обухомъ хватить по головѣ, какъ изъ пушки выпалить по немъ. Если ему сейчасъ пойти это доложить, такъ его опять въ постель свернетъ. А вотъ что, Сусанна Юрьевна, — вдругъ разсмѣялся Гончія весело, но загадочно.— Скажите мнѣ, думалось ли вамъ когда о томъ, какія перемѣны могутъ въ Высоксѣ быть, если бы баринъ Дмитрій Андреевичъ Басановъ вдругъ бы очутился на столѣ да на томъ свѣтѣ? Что тогда можетъ приключиться въ Высоксѣ? Размышляли ли вы объ этомъ?

— Нѣтъ!..—протянула Сусанна, нерѣшительно и вопросительно глядя въ умное, энергическое лицо Гончаго.— И чудно даже, Аня! Никогда я не думала. Сейчасъ первый разъ на умъ пришло отъ твоихъ словъ.

— Вотъ то-то же! Умная вы! Ужь какая умная! А простыхъ дѣловъ не можете рѣшать! Простое вотъ дѣло вамъ на умъ не пришло! Вы всѣ тутъ порѣшили, что якобы кто-то по злобѣ или изъ мести покушался на Дмитрія Андреевича. На меня указывали! А вотъ я-то именно инако дѣло разсудилъ и инако розыски повелъ. Да и на слѣдъ напалъ... Ну-съ, довольно объ этомъ на нынѣшній день. Хоть убейте, больше ни слова не скажу.

— Погоди!—вдругъ воскликнула Сусанна.— Ахъ, я дура пѣтая! Вотъ дура... А ты еще говоришь — умная. Глупѣ меня не выискать. Вѣдь я только теперь разобралась въ мысляхъ. Пуля-то эта, пуля! Вѣдь это та самая, которой Дмитрій Андреевичъ раненъ былъ... Ты въ лѣсъ ѣздилъ, шарилъ... Такъ вѣдь?.

Гончія молчалъ и улыбался.

— И теперь выходитъ, что... Пуля карабинная, большущая... А карабинъ могъ быть въ рукахъ только развѣ у Михалиса... или у какого гостя столичнаго...

— Сусанна Юрьевна! Любите вы меня? Ну, такъ докажите! —

воскликнулъ Гонцій.—Замолчимъ про все это!.. Скажу все я вамъ, самъ скажу. А теперь, если вы хоть словечко прибавите, я уйду...

Сусанна замолчала и, склоняясь надъ пальцами, глубоко и тревожно задумалась.

XX.

Прошло около недѣли...

Въ домѣ разнеслась вѣсть самая простая, а между тѣмъ всѣхъ взволновала. Прежде, бывало, при этой вѣсти, все той же, повторявшейся чуть не разъ въ недѣлю, всѣ становились веселѣе, начиналась радостная суетня въ домѣ и во многихъ сосѣднихъ зданіяхъ.

Теперь та же простая вѣсть была принята всѣми угрюмо, чуть не тревожно.

«Баринъ на охоту ѣдетъ!» прошло по дому и побѣжало по Высокѣ и по всѣмъ заводамъ.

И всякому невольно вспоминалась послѣдняя охота. Всякій, конечно, понималъ, что не каждый же разъ, что выѣдетъ баринъ въ охотный домъ, непременно должно быть покушеніе на его жизнь. Надо надѣяться, что подобнаго никогда больше не приключится... Однако, злодѣй остался не разысканъ. И далеко ли до грѣха? Помилуй Богъ!

Впрочемъ, вскорѣ всѣ успокоились, узнавъ, что охота будетъ на болотную дичь... Всѣ, да и баринъ, будутъ на виду, на открытомъ мѣстѣ, а то и въ челнокахъ на озерѣ, охотиться на однѣхъ утокъ...

Тѣмъ не менѣе всѣ единодушно отговаривали Дмитрія Андреевича ѣхать охотиться. Онъ былъ достаточно здоровъ и бодръ, чтобы двигаться по саду, выѣзжать на прогулку по заводамъ, но никакъ не оправившись настолько, чтобы «трепаться» въ охотный домъ, а затѣмъ по болотамъ... Даже и отдыхая въ челнокѣ на озеркахъ и запрудахъ, онъ могъ утомиться или простудиться.

Сусанна Юрьевна, конечно, болѣе всѣхъ отговаривала Басанова и вмѣстѣ сердилась на Гончаго, который увѣрялъ всѣхъ, что такая поѣздка и прогулка принесетъ только пользу...

— Если почувствуетъ, что усталъ,— говорилъ Гонцій,— то и не пойдетъ въ болото, останется въ охотномъ домѣ... А поѣздка такая ему все-таки дѣло хорошее.

Князь Давыдъ, несмотря на крайне враждебныя отношенія съ Гончимъ, былъ на этотъ разъ того же мнѣнія. Дарья Аникитишна по обыкновенію молчала...

Послѣ многихъ споровъ, пререкательствъ между разными гостями и нахлѣбниками, въ виду упорства Басанова, было рѣшено ѣхать, хотя бы только на одинъ день. Выѣхать въ сумерки въ охотный домъ ночевать, а по утру, отдохнувъ, покататься барину

въ челнокѣ и пострѣлять на пролетную дичь, которую своей стрѣльбой подымутъ въ болотахъ другіе охотники...

Когда въ сумерки снова въ залѣ и у подъѣзда всѣ и все было въ сборѣ, кромѣ псарей и собакъ, Басановъ предъ тѣмъ, какъ выходить и ѣхать, обернулся къ Сусаннѣ Юрьевнѣ, пришедшей его провожать, и заговорилъ съ ней тихо, чтобы Дарья Аникитишна не слыхала.

— Колдунъ вашъ Онисимъ.

— Что такое?—удивилась она.

— Ничего у него не разберешь. Не вѣрь я въ его преданность, ни за что бы слушаться его не сталъ... Очень ужъ загадки любить загадывать да колдовать... Но я вѣрю, что онъ, васъ крѣпко любя, и меня тоже любить... Ну, вотъ и слушаюсь его, какъ бы своего наставника питомецъ какой... Вотъ теперь и ѣду въ охотный.

— Не пойму я васъ,—отозвалась Сусанна Юрьевна, недоумѣвая.

— Говорю вамъ... Привязался Онисимъ: поѣзжай, да поѣзжай. Вотъ и ѣду.

— Какъ?..—изумилась она.—Аня?..Онисимъ? Онъ васъ надоумилъ.

— Съ ножомъ къ горлу присталъ,—разсмѣялся Басановъ.—А почему еще сказываю я, что онъ колдуетъ,—потому что про этакій простой совѣтъ всячески просилъ никому да и вамъ вотъ не сказывать.

— Что не сказывать-то?

— Да что онъ именно науськиваетъ. Что не самъ я пожелалъ. Нешто не загадка это?..

Басановъ, усмѣхаясь, двинулся въ залъ...

Сусанна послѣдовала за нимъ вмѣстѣ съ Дарьей Аникитишной и говорила про себя:

«Да. Конечно, загадки загадываетъ мой Аня».

Едва только поѣздъ барина съ гостями и прихлебателями отѣхалъ шибкой рысью отъ подъѣзда, какъ въ домѣ, будто по волшебству, воцарилась полная тишина.

Оно было и не мудрено... Дарья Аникитишна прошла къ себѣ... Сусанна Юрьевна поднялась наверхъ... Во всемъ домѣ не было никого. Во всѣхъ комнатахъ двухъ крыльевъ дома было тоже пусто. Только въ нижнихъ этажахъ оставались старики нахлѣбники и дѣти, такъ какъ молодежь тоже всегда уважала, если не пострѣлять, то широко покутить въ охотномъ домѣ. Только дежурная дюжина въ передней весело болтала и, доставъ изъ ларя карты, принялась играть въ «носки», выставивъ караульнаго на случай, если явится неожиданно оберъ-рунтъ съ обходомъ.

Когда стемнѣло совсѣмъ, весь домъ, не освѣщаемый въ отсутствіе барина, погрузился во тьму. Только передняя да большой залъ были, какъ всегда, освѣщены, а равно въ аппаратахъ самой барыни, смежныхъ съ заломъ, виднѣлся огонь.

Въ правомъ крылѣ дома тоже засвѣтились два окна... Князь Давыдъ Никаевъ, ѣздившій только на медвѣжьей охоты, и одинъ столичный гость, Хвостовъ, захворавшій наканунѣ, были у себя и сойдясь принялись отъ тоски за игру въ бирюльки по рублю за партію.

Гончій былъ уже наверху у Сусанны Юрьевны.

Она не сидѣла за пальцами и, гнѣвно встрѣтивъ любимца, стала его попрекать за его «чуждачества» съ Басановымъ.

Онъ молчалъ, не оправдывался, но украдкой усмѣхался.

— Ну, хоть признайся, — приставала она къ нему, — хоть признайся, что ты науськалъ Дмитрія Андреевича ѣхать. Я же это вѣрно знаю.

— Онъ вамъ это самъ сказалъ? — спросилъ Гончій.

— Ну, хоть бы и самъ.

— Не могъ воздержаться! — разсмѣялся онъ. — Есть же такіе люди на свѣтѣ. Хоть зарѣжь ихъ, не могутъ сдержать языка за зубами. А еще хотятъ, чтобы имъ важныя дѣла повѣряли, рассказывали все, что надо въ тайнѣ умѣть держать.

— Это же не важное... И если ты не хочешь сознаться самъ, то, стало быть, оно...

— Важное, — перебилъ Гончій...

— Какъ?

— Такъ. Если я скрываюсь, что надоумилъ Дмитрія Андреевича ѣхать на охоту, даже привязался къ нему, упрасивалъ его... И просилъ тоже никому про меня не сказывать, то, стало быть, пустое дѣло — важное дѣло.

— Просто загадки загадываешь, — сердито произнесла Сусанна Юрьевна.

— Да...

— Балуеться...

— Нѣтъ... Загадки не всегда баловство, ради одной потѣхи.

— Такъ поясни...

— Придетъ время, поясню.

Наступило молчаніе. Сусанна сидѣла угрюмая, такъ какъ чуяла, что Гончій что-то затѣваетъ или затѣялъ... И это затѣянное имъ должно теперь совершиться тамъ въ охотномъ домѣ за эту ночь или завтра днемъ. Помимо женскаго любопытства, ее мучило «темное» затѣйничество ея любимца.

Не прошло получаса, какъ Гончій пришелъ къ ней наверхъ, онъ вдругъ поднялся уходить.

— Что ты? — окончательно изумилась она.

— Мнѣ надо къ себѣ, Сусанна Юрьевна.

— Зачѣмъ?

— Дѣла много... Вотъ на домнѣ завтра начнутъ лить по-новому чугуны, я и хотѣлъ...

— Полно лгать! — перебила его Сусанна. — Я по голосу твоему..

да по всему наконецъ вижу, что ты что-то строишь... Поужинай со мной, благо, я сегодня здѣсь буду ужинать... Поужинай и уходи!

— Не могу, золотая моя. Ей-Богу, не могу. Не гнѣвайтесь. Дѣло такое важное, какихъ въ Высокѣ и не бывало никогда...

— И все объ злодѣѣ, что яко бы разыскалъ...

— Понятное дѣло.

— И ты сейчасъ махнешь ночью, тайкомъ, въ охотный домъ?..

Гончій удивленно глянулъ въ лице Сусанны.

— Догадалась? А?.. Не дура?

Онъ молчалъ...

— Что же, ступай... уже сердито прибавила она. — Я здѣсь не проболтаюсь за ночь. Да и не съ кѣмъ... Развѣ съ Анной Фавстовной одной. Ступай. Скачи.

Гончій стоялъ не двигаясь, будто колебался... Онъ не могъ выносить гнѣва обожаемой имъ женщины. Каждый разъ, когда Сусанна сердилась на него, въ немъ какъ будто сердце ныло.

— Сусанна Юрьевна... выговорилъ онъ наконецъ. — Я послѣ полуночи... А то и предъ разсвѣтомъ по винтушкѣ опять приду.

— Слетавъ въ охотный домъ!—раздражительно произнесла она.

— Ну, хоть бы и такъ... Дозвольте прійти. Можетъ быть, я... Ну... можетъ статься, я въ эту ночь вамъ кой-что доложу... Правду страшную скажу... Позвольте прійти. Хоть предъ зарей.

Послѣ минутнаго молчанія Сусанна выговорила мягче:

— Приходи.

XXI.

Быль уже одиннадцатый часъ...

Въ домѣ стало совсѣмъ тихо... Дежурные, бросивъ карты, подремывали въ передней... Нѣкоторые храпѣли, крѣпко заснувъ. Опасаться было некого, такъ какъ оберъ-рунтъ рѣдко приходилъ ночью въ домъ... И, конечно, ни барыня ни барышня въ такой поздней часъ не могли пройти черезъ переднюю, давно собравшись спать или уже заснувъ...

Среди темноты высокая мужская фигура поднялась изъ сада на террасу праваго крыла дома и осторожно вошла въ домъ и въ тускло освѣщенный залъ.

Это былъ Гончій.

Онъ былъ сильно взволнованъ, овирался такими глазами, какъ если-бъ явился съ преступнымъ умысломъ; шепталъ что-то себѣ самому, даже бормоталъ вслухъ.

Осмотрѣвшись, прислушавшись къ комнатамъ праваго крыла и къ храпу дежурныхъ, который довольно явственно доносился въ залъ чрезъ анфиладу гостиныхъ, Гончій быстро приблизился къ портрету императора Петра Алексѣевича.

Портретъ великаго императора огромный, чуть не упирившійся въ потолокъ, достигалъ, однако, уровня подоконниковъ... Картина въ

широкой золотой рамѣ такъ висѣла между двухъ оконъ, что заслоняла собой тоже цѣлое окно, стекла котораго были задѣланы простымъ деревяннымъ щиткомъ... Сзади на пыльномъ подоконникѣ стояли испорченные и давно заброшенные голландскіе часы.

Гончій прошелъ въ буфетъ, взялъ простой стулъ и вернулся. Подставивъ около портрета стулъ, онъ влѣзъ на него, а затѣмъ, съ трудомъ протискавшись между стѣной и рамой, пролѣзъ на подоконникъ... Затѣмъ онъ прибралъ къ себѣ и стулъ, высоко поднявъ надъ головой и пропустивъ тамъ, гдѣ уклонъ картинъ отъ стѣны оставялъ болѣе свободнаго пространства.

— Всякая хитрая бестія,—проворчалъ онъ,—сейчасъ увидить: стоитъ стулъ тамъ, гдѣ ихъ никогда не видывано было...

Поставивъ стулъ около себя, Гончій усѣлся на корточкахъ. Изъ за картины залъ былъ не видимъ ему, но онъ могъ видѣть хорошо входныя двери изъ праваго крыла и равно съ другой стороны другія двери въ апартаменты барыни...

Прошло окола получаса полной тишины въ домѣ, помимо дальняго храпа дежурныхъ. Гончій волновался... Изрѣдка онъ закрывалъ лице руками и говорилъ мысленно.

— Неужто же и впрямь обмахнулся ты, Онисимъ?.. Возмечталъ объ себѣ?.. Умъ за разумъ у тебя зашелъ?.. Сновидѣнья свои за дѣла людскія сталъ принимать, какъ всѣ умалишенные дѣлаютъ... Готовъ былъ поклясться, хоть руку другую отдать, а то и голову отдать... А вотъ, смотри, ничего не будетъ... Какъ есть ничего...

Но вдругъ сердце Гончаго ёкнуло и застучало шибко... Даже въ вискахъ застучала вдругъ хлынувшая въ голову кровь...

Онъ чрезъ силу сперъ въ себѣ тревожное дыханіе, а рука сама двинулась... Онъ перекрестился, самъ того не замѣтивъ отъ крайняго волненія. Было одно мгновеніе трепетнаго страха отъ сомнѣнія въ своемъ разумѣ. Но разумъ ясный и сильный взялъ верхъ надъ суевѣрнымъ испугомъ... Что же смутило его?

Изъ дверей праваго крыла дома показалась фигура сѣдого старика въ длинномъ кафтанѣ, бархатныхъ сапожкахъ и съ костьюлемъ въ рукѣ... Старикъ тихо и беззвучно двинулся чрезъ залъ и, заслоненный на время съ глазъ Гончаго картиной, снова сталъ видимъ предъ дверями комнатъ барыни, въ которыя и скрылся. Сомнѣваться хотя бы мгновеніе въ томъ, что это самъ Аникита Ильичъ,—было немыслимо...

Гончій перевелъ тяжело дыханіе... Онъ задыхался, какъ если бы кто схватилъ и держалъ его за горло. Кровь продолжала стучать въ вискахъ...

Понемногу онъ успокоился и тихо, осторожно, съ крайней медленностью въ движеняхъ, выставилъ стулъ на прежнее мѣсто, а затѣмъ снова съ трудомъ протискался на него съ подоконника.

Быстро перенесъ онъ стулъ за дверку буфета, вернулся въ залъ и сталъ...

Онъ будто не зналъ, что дѣлать теперь, будто колебался въ своемъ рѣшеніи... Затѣмъ онъ двинулся, подошелъ къ дверямъ комнатъ барыни и крайне медленно, тихонько повернулъ ручку замка. Дверь отворилась... Онъ нацыпочкахъ перешелъ комнату, слегка освѣщенную изъ зала чрезъ дверь, и, приближаясь къ слѣдующей двери, прислушался. Все было тихо... Чудились ему голоса, говорившіе шопотомъ, но онъ рѣшилъ, что это его воображеніе...

Онъ такъ же тихо двинулся назадъ, но вдругъ ахнулъ и остановился, какъ вкопанный... Лучъ свѣта падалъ на большой диванъ и на что-то лежавшее на краю дивана... Онъ приблизился и разглядѣлъ лежащее кучей: кафтанъ, сапожки, костыль и сѣдой парикъ...

— «Ну, не хитерь ты!.. мысленно воскликнулъ Гончій.— Или смѣлости у тебя хоть отбавляй... Двери чуть не настезь... Случиса что въ домъ?.. Сумятица... Бросятся люди къ барынѣ, все отперто, и машкарадъ на диванѣ»...

И, постоявъ мгновеніе, онъ подумалъ, внутренно смѣясь: «Охъ, унесъ бы я все это... Да. Кабы глупъ былъ, то унесъ бы... Попужать. Но я не дуракъ... Я пугну не такъ. Такъ пугну, что все намѣстничество испугается»...

Онъ тихонько двинулся изъ комнаты, осторожно притворилъ снова дверь и, очутясь въ залѣ, зашагалъ уже смѣлымъ шагомъ, какъ правый...

XXII.

На другой день около обѣда баринъ и гости уже вернулись назадъ, поохотясь только одно утро отъ зари до полудня. Въ Высокѣ удивились. Оказалось, что Дмитрій Андреевичъ съ вечера запретилъ карты, а попойки тоже не было за ужиномъ, и время прошло не обычно тихо, пожалуй, даже скучно.

Басановъ хотя и пріѣхалъ бодрый, но къ вечеру сталъ задумчивъ, а когда его опрашивали о здоровьѣ, онъ отвѣчалъ, что чувствуетъ себя изрядно, но что ему, яко бы изъ столицы, загадали загадку, и онъ нѣтъ, нѣтъ да принимается ее разгадывать.

Тотчасъ же по пріѣздѣ, онъ позвалъ Гончаго и встрѣтилъ его словами.

— Ну, что? Радъ ты, доволенъ, что спровадилъ меня въ охотный домъ?

— Вѣстимо доволенъ, Дмитрій Андреевичъ,—отозвался этотъ.

— Ну, а толкъ какой былъ изъ-за того?..

— Былъ-съ... Не Богъ вѣсть что... А все-таки польза малая есть... Чрезъ денька два-три я васъ попрошу опять поѣхать.

— Опять?!—воскликнулъ Басановъ.—Это что же?!

— Дозвольте, баринъ, ничего не сказывать. А завтра я вамъ весь мой докладъ сдѣлаю...

Басановъ хотѣлъ что-то сказать, но при видѣ жены, входящей съ дѣтьми, смолчалъ...

Гончій вышелъ.

Въ тотъ же вечеръ, явясъ по винтушкѣ къ Сусаннѣ Юрьевнѣ, Гончій былъ въ странномъ состояніи духа, то будто радовался, смѣялся, то, вдругъ насупившись, глядѣлъ тревожно...

На этотъ разъ Сусанна Юрьевна особенно разсердилась на упорный отказъ его объяснить свое настроеніе духа.

— Вѣдь я знаю, что это все творится съ тобой изъ-за этого злодѣя, что разыскалъ ты... Такъ скажи хоть слово...

— Извольте!—выговорилъ вдругъ Гончій.—Называть я никого не стану... Слушайте и сами добирайтесь до правды-истины. Злодѣи не мститель. Пожелать убить барина Дмитрія Андреевича такой человѣкъ, которому отъ этого была бы выгода, ужъ, конечно, не мужикъ заводскій, да и не дворовый и не приживальщикъ. А вы вотъ скажите мнѣ теперь: умри баринъ Басманъ-Басановъ, что тогда можетъ быть?

— Ну, говори,—вымолвила Сусанна.

— Совсѣмъ вамъ и на умъ не приходитъ?

— Совсѣмъ не приходитъ!.. Что же можетъ быть?

— Что въ такомъ случаѣ пожелаетъ себѣ вдова Басманъ-Басанова? Дарья Аникитишна вдова еще молодая...

Сусанна, пристально смотрѣвшая въ лицо Гончаго, вдругъ тихо ахнула.

— Ты думаешь, она, овдовѣвъ, сейчасъ замужъ соберется?..

— Соберется, Сусанна Юрьевна!..

— Откуда ты это взяла?!

— Вѣрно сами сказываете: сейчасъ же соберется.

— За кого?!—вскрикнула Сусанна, отодвигая отъ себя пальцы.

— За того, кто...—началъ Гончій и запнулся.—За того, который подъ видомъ...

И онъ вдругъ встряхнулъ головой.

— Вотъ и я, какъ малый ребенокъ, провратъся хотѣлъ.

Сусанна тихо закрыла себѣ лицо руками.

— Нечего тебѣ провираться, Аня... вдругъ выговорила она шопотомъ и будто оробѣвъ.—Я знаю сама. Все поняла... Я прежде, давно сама такъ судила... Потомъ бросила... И думать забыла. А теперь все вспомнила и сразу все поняла... Желаетъ, я тебѣ даже назову убивицу по имени.

— Нѣтъ, Сусанна Юрьевна, не надо. Мнѣ придется тогда отвѣчать, правда ли или ошиблись вы. А я отвѣчать не хочу.

— Но что же теперь надумать? Что ты хочешь дѣлать?

— Или мы съ нимъ сами распорядимся, ни слова не говоря Дмитрію Андреевичу, или если позволите вы мнѣ по-моему поступить, то я чрезъ барина все дѣло поведу. Но такъ особо поведу, что вотъ стоялъ свѣтъ и будетъ стоять, и на немъ умные люди много дѣлъ умно вершали... А этакъ, какъ я надумалъ... этакъ,

Сусанна Юрьевна, мало какія дѣла верпались! Не даромъ я все это время плохо сплю, все думаю да думаю... Даже бываетъ, среди ночи и вскакиваю, бываетъ, вздыхаю, а, бываетъ, смѣюсь, точно ума рѣшившійся! А покуда одно только, Богомъ прошу васъ, не скажите ничего Дмитрію Андреевичу о томъ, что мы съ вами толкуемъ.

— Хо-ро-шо!.. протянула Сусанна.

Она глубоко задумалась и послѣ паузы заговорила снова полупшопотомъ:

— Ну, удивилъ ты меня, Онисимъ! Сказалъ мнѣ совсѣмъ страшнѣющее... А чѣмъ больше я думаю, тѣмъ больше вижу... Вижу, что ты умница, вижу, что ты додумался до истинной правды. И какое же ослѣпленіе на меня нашло! Какъ же я-то не догадалась? Да, правда твоя, тотъ, кто стрѣлялъ, тому нужно было.. какъ бы это сказать?..

— Нужно было,—разсмѣялся Гончій,—Дарью Аникитишну вдовой сдѣлать.

— Да, истинно такъ!

— И не думайте, что вы опять, какъ въ тотъ разъ, выдали бы ее замужъ, за кого пожелали! Хоть и мало она измѣнилась съ тѣхъ поръ, все та же тихая... Ну, а все-таки... Второй разъ она бы не далась.

— Знаю, знаю... Тогда она все-таки исполняла не мое приказаніе, а якобы желаніе своего покойнаго родителя, а теперь...

— Да-съ; теперь было бы не такъ! Вновь явленный нареченный живо забралъ бы ее въ руки и заставилъ дѣйствовать такъ, какъ ему угодно. Повѣрьте слову, что черезъ мѣсяца два послѣ убійства Дмитрія Андреевича на Высокѣ уже были бы другіе порядки. Доклады бы дѣлались барынѣ Дарьѣ Аникитишнѣ, а за ея спиной другой бы всѣмъ распоряджалъ и приказывалъ. И такъ думаю, что онъ приказалъ бы прежде всего барышнѣ Сусаннѣ Юрьевнѣ собирать свои пожитки и уѣзжать съ Высоксы.

— Да...—глухо произнесла Сусанна.—Вѣрно!..

Снова наступило молчаніе. Сусанна была поражена открытіемъ. Наконецъ, она вымолвила шопотомъ какъ бы себѣ самой:

— Да, Онисимъ, умница ты! Ужъ подлинно умница! До чего дорылся!..

Гончій разсмѣялся...

— Чему ты?

— До того ли я еще дорылся, дорогая моя... Это все, какъ вы рассказываете, цвѣточки... А ягоды, даже скажу къ примѣру, цѣлые арбузы большущіе впереди... Такое будетъ въ Высокѣ, что, инъ бываетъ, мнѣ самому страшно становится... Бросился, видите, я переплывать рѣчку, доплылъ вотъ до середки и страхъ беретъ: доберусь ли до того берега... Лучше бы назадъ!.. А глядь—назадъ тоже не меньше, а то и больше... И вотъ волей-неволей и надо лѣзть

впередъ на тотъ берегъ... А съ того берега ужъ назадъ возврата не будетъ. Нельзя.

И, походивъ въ волненіи по комнатѣ, Гончій сѣлъ и произнесъ:

— Ну, а теперь вотъ что вы мнѣ поясните, моя золотая... Вспомните, вы мнѣ какъ-то рассказывали, что баринъ не таковъ, какъ я его сужу... Вы сказывали мнѣ, что онъ, хоть и овечкой глядитъ, а иногда бываетъ съ нимъ, что можетъ онъ звѣремъ стать... И вы такое разъ видѣли? Правда?

— И не разъ, Онисимъ. За эти восемь лѣтъ, раза три, четыре... И даже истинно, какъ ты приравнялъ сейчасъ... Именно звѣремъ я видѣла его... Загорѣлся гнѣвомъ, какъ никогда дядюшка Аникита Ильичъ не загорался и не пылилъ.

— И отъ гнѣва не помнилъ, что творилъ...

— Сказывала я тебѣ, что одного важнаго гостя московскаго чуть не хватилъ за столomъ графиномъ по головѣ. Изувѣчить могъ. Я ухватила за его руки, а то бы онъ...

— Знаю. Помню... За какое-то слово этого гостя.

— Да...

— Про васъ или про Дарью Аникитишну...

— Да. Тотъ спяну бухнулъ ради шутки... Но что за слово, никто не слыхалъ, кромѣ Дмитрія Андреевича. И оно такъ и осталось...

— И онъ съ Высоксы прогналъ его тотчасъ?—перебилъ Гончій.

— Изъ-за стола же и выгналъ... А черезъ полчаса того уже въ Высоксѣ не было... А мы отпаивали водой Дмитрія Андреевича. Хорошо это помню... Было это года три-четыре назадъ, а я помню, какъ если бы то вчера съ приключилось... Помню, сидитъ на диванѣ, трясется, лицомъ зеленый, еле дышитъ... Помню, грекъ нашъ, да и многіе, потому все дивились, какъ можетъ такой добрякъ да тихоня, ласковый и сердечный, а этакъ остервенѣть...

— Рѣдко да мѣтко!—весело произнесъ Гончій.

— Ужъ именно такъ!..—отвѣтила Сусанна.—Да этакъ-то часто гнѣваться и нельзя, Аня. Это бы и здоровье унесло... Послѣ каждаго раза у меня лихманна была дня два...

И послѣ паузы Сусанна, видя, что Гончій вдругъ задумался, спросила:

— А зачѣмъ ты заговорилъ объ этомъ... Опасаешься такого гнѣва...

— Опасаюсь,—произнесъ онъ тихо и вдругъ разсмѣялся.

— Чудишь ты!—удивилась она.—Все загадки загадываешь... То охаешь, да вздыхаешь, да тревожишься, то вдругъ козломъ прыгаешь, хохочешь, какъ дурашный...

— Не гнѣвайтесь... Скоро всему конецъ будетъ. Всѣмъ загадкамъ конецъ.

— Надо его съ Высоксы сбить. Вотъ и конецъ. Его? Того, что называть не хочешь...

— Да. Мы его сбудемъ!.. далече сбудемъ!—вдругъ снова началъ смѣяться Гончій.

Сусанна Юрьевна опять разсердилась странному и безпричинному смѣху своего любимца...

— Я знаю, вижу... Ты затѣваешь что-то, а сказать ничего не хочешь. Совѣта моего не желаешь. Помни, Онисимъ, одна голова хороша, а двѣ того лучше. Если ты затѣялъ раскрыть Дмитрію Андреевичу, кто въ него палилъ, то прежде улики собери... Мало твоей пули... Твоя пуля въ деревѣ найдена, а не въ его тѣлѣ. Ты думаешь, я этого не сообразила теперь.

Гончій ничего не отвѣтилъ. Сусанна Юрьевна задала ему еще два, три вопроса... Онъ задумчиво и угрюмо молчалъ.

— Ты не хочешь, стало быть, добраго совѣта?—сердито произнесла она.—Все самъ на свой разумъ хочешь свертѣть?.. Ну, смотри, Онисимъ. На свою голову не сверти всего... Дмитрій Андреевичъ твоей пули не повѣритъ... И желанію того человѣка сдѣлать Дарьюшку вдовой совѣтъ не повѣритъ... Тебя же съ Высоксы и прогонятъ. Не даромъ самъ опасаясь внезапнаго гнѣва остревнѣлаго человѣка... Помни мое слово. Не начуди такъ, что и мнѣ будетъ не въ моготу тебя защищать...

И Сусанна Юрьевна смолкла, не добившись никакого отвѣта. Долго спустя, Гончій вымолвилъ:

— Я хочу это все повершить подъявольски!

XXIII.

Басановъ, добрякъ и «кисляй», какъ давно прозвала его Сусанна, былъ человѣкъ безпечный и малодушный, но крайне впечатлительный. Кромѣ того, въ немъ была особая гордость, особая строгость въ сужденіяхъ объ извѣстныхъ вещахъ...

— Дворянская честь! — изрѣдка говорилъ онъ по поводу чего либо и, говоря это, становился суровъ.

За послѣднее время, послѣ покушенія на его жизнь, онъ сталъ угрюмъ и озабоченъ, не имѣя никакой возможности догадаться и уразумѣть, какой врагъ завелся у него. За что?

Заявленіе Гончаго, что онъ найдетъ злодѣя, затѣмъ увѣреніе, что онъ уже напелъ его, — совершенно смутило Басанова, и онъ жилъ какъ бы подъ гнетомъ ожиданія...

Послѣ своей поѣздки на охоту, изъ-за словъ Гончаго, что дѣло розыска и раскрытіе всего близится къ концу, онъ сталъ еще болѣе удрученъ и сталъ раздражительно и гнѣвно требовать отъ новаго любимца, чтобы тотъ долѣе не тянулъ...

Дня чрезъ три Гончій явился къ барину вечеромъ, пробылъ часа два, бесѣдуя глазъ на глазъ, и когда вышелъ отъ него, то Басановъ былъ не только сумраченъ и раздраженъ болѣе, чѣмъ когда либо, но въ въ крайнемъ возбужденіи... Онъ измѣнился въ

лицѣ, руки слегка подергивало... Мгновеніями его будто невидимая рука хватала за горло.

А главная причина была все-таки странная. Онъ все-таки ничего не зналъ... Гончій только загадку загадалъ, но уже страшную.

Между бариномъ и новымъ наперсникомъ состоялся тайный договоръ, всего на сутки... Басановъ обѣщался въ точности исполнить съ своей стороны все, что потребовалъ Гончій.

— Желаете раскрыть злодѣя?—сказалъ онъ:—узнать, кто и зачѣмъ хотѣлъ васъ убить?.. То дѣлайте, что я прошу. Оно же и не мудрено.

На утро послѣ этой бесѣды, Басановъ, рано проснувшись, вдругъ заявилъ, что ѣдетъ опять на охоту ради хандры, и приказалъ живо всѣмъ собираться.

— На этотъ разъ,—угрюмо заявилъ онъ,—мы дня три веселиться будемъ постарому. Тоска тутъ въ Высокѣ. Только въ охотномъ домѣ и вздохнешь...

Разумѣется, гости, прихлебатели и охотники изъ дворовыхъ отъ Михалиса до послѣдняго юноши возликовали.

Одна Сусанна Юрьевна насупилась. Только одинъ Денисъ Ивановичъ Змглодъ ворчалъ.

— Опять за старое... И опять, гляди, темное что приключится. Стрѣлокъ-то на волѣ. Не разысканъ ни княземъ, ни Гончимъ. Только хвалились. Ну, вотъ и можетъ опять пальнуть...

Предъ сумерками всѣ собрались, и поѣздъ двинулся.

И снова опустѣлъ домъ. Снова все стихло кругомъ... Даже въ передней было тихо... Оберъ-рунтъ Ильевъ въ виду кануна праздника и по прихоти барина распустилъ дежурную дюжину по домамъ, оставивъ двухъ человѣкъ.

— Чего они безъ меня пустое мѣсто стерегутъ,—сказалъ Басановъ.—Теперь будетъ иначе. Какъ я на охоту, дюжина по домамъ. И одного бы дежурнаго довольно на ночь.

И около полуночи въ большомъ домѣ, а ради кануна праздника и повсюду кругомъ дома въ коллегіи и на заводахъ, гдѣ остановили работу,—все притихло, крѣпко уснуло, собираясь съ разсвѣтомъ къ заутрени...

Почти въ самую полночь среди темноты таратайка въ одну лошадь въѣхала въ улицы Высокы и шибко катилась къ дому... Въ ней сидѣло двое... Кучеръ молодой парень и охотникъ съ ружьемъ за плечами. Но на базарной площади таратайка остановилась, и охотникъ вышелъ изъ нея.

Тотчасъ же изъ-подъ навѣса какого-то сарайчика базарнаго появилась высокая фигура и подошла...

— Ну, вотъ,—тихо вымолвилъ охотникъ... Ты чудишь, а я слушаюсь... Но смотри, берегись. Если все это баловство и ни къ чему

не приведетъ, — я не прощу. Такъ не балуются. Мыканье свое не прощу. Думанье, заботы и тревоги... Говори, что теперъ дѣлать?

— Теперъ иди тихохонько въ домъ.

— И только-то?

— Только.

— И я увижу злодѣя своего?

— Увидите.

— И узнаю, что онъ палилъ по мнѣ...

— Узнаете. Больше того узнаете... Не сказанное узнаете... Пожалуйте... Господи благослови... На удачу всяческую...

Говорившіе тихо среди базарной площади были Басановъ и Гончій.

Оба молча двинулись къ дому и, приблизясь, тихо поднялись на ступени подъѣзда, затѣмъ еще тише по большой лѣстницѣ.

Двое дежурныхъ въ передней изъ-за своего одиночества или изъ-за новой льготы спали крѣпчайшимъ сномъ, растянувшись на нарахъ.

Еще много тише и осторожнѣе прошли оба парадныя гостиныя и вошли въ залъ...

— Обождите минуту...—выговорилъ Гончій взволнованно... Мнѣ надо вамъ сказать... Все-таки надо предупредить... Вы идите одни теперъ... Идите теперъ въ опочивальню барыни. И тамъ вы найдете... Его найдете...

Басановъ поблѣднѣлъ и пошатнулся...

— Наберитесь силы, баринъ... Не малодушествуйте...

— Въ опочивальнѣ?.. Теперъ?! Съ женой?— проговорилъ Басановъ едва внятно, коснѣющимъ языкомъ.

— Да. Онъ барынинъ полюб... Ну, да идите!..

Басановъ вдругъ выпрямился и такъ шагнулъ, какъ бы сорвался съ мѣста. Гончій двинулся за нимъ, но когда тотъ прошелъ первыя двери, онъ остался около нихъ...

Онъ схватился за сердце...

— Неужто же не выгоритъ?.. Смалодушествуетъ кисляй...

Послышался дикій женскій вопль и сразу замеръ, какъ бы оборвался...

Грянулъ гулко выстрѣлъ... Весь домъ дрогнулъ среди тьмы и тишины ночи.

— Проклятый! Проклять будь! — хрипя простоналъ мужской голосъ.

И черезъ нѣсколько мгновеній въ дверяхъ зала снова показался Басановъ, безсознательно волоча за собой по полу ружье и пошатываясь. Блѣдный, задыхающійся... онъ едва двигался.

Гончій бросился къ нему, подхватилъ его подъ руки и довелъ до сидѣнья... Взглядъ Аньки ярко сіялъ, будто искрился...

Дмитрій Андреевичъ опустился грузно, почти упалъ на диван-

чикъ. Затѣмъ онъ вдругъ закрылъ лицо руками и горько зарыдалъ на весь большой залъ...

— Не жалѣйте. Нечего жалѣть! — воскликнулъ Гончій.—Онъ васъ чуть не убилъ. И если вы убили, то поквитались только...

Въ спальнѣ въ эту минуту, валяясь на полу около кровати, хрипѣлъ и дергался въ предсмертныхъ судорогахъ въ лужѣ крови князь Давыдъ... Въ постели лежала Дарья Аникитишна, но безъ сознанія... За дверью изъ спальни слышался дѣтскій плачь, а Матвѣевна стучалась въ эту запертую дверь и звала барыню отчаяннымъ голосомъ.

XXIV.

Отъ гулкаго выстрѣла все живое поднялось на ноги. Сумятица началась и не прекращалась...

Обративъ ночь въ день, весь домъ, а затѣмъ и вся Высокса были на ногахъ. На разсвѣтѣ все, что находилось въ охотномъ домѣ, тоже прискакало и сновало въ домѣ.

Дмитрій Андреевичъ, давно уйдя въ свою холостую спальню, заперся въ ней и никого не пускалъ. Да никто и не смѣлъ навѣдаться къ нему. Только Сусанна Юрьевна одинъ разъ подходила, окликнула его, долго стучалась, но онъ ей кликнулъ глухо:

— Оставьте.. Постѣ...

Дарья Аникитишна, прійдя въ чувство, была какъ пришибленная и какъ помѣшанная, и, сидя въ дѣтской, глядѣла на сыновей почти безумными глазами, будто не узнавая ихъ или не понимая, что это ея два сына.

Тѣло убитаго давно перенесли въ его комнаты... Три женщины мыли полъ въ пустой опочивальнѣ барыни и выносили въ шайкахъ окровавленную воду... А нахлѣбники и дворня, чередуясь въ дверяхъ, глазѣли на мытье молча и тупо...

Вообще въ домѣ все сновало изъ угла въ уголь, не разговаривая, а странно поглядывая..

Иврѣдка слышались только вопросы:

— Да когда?.. Вѣдь онъ же былъ въ охотномъ...

Никто еще не зналъ, что Гончій привелъ барина и толкнулъ на искушеніе... на преступленіе.

Одна Сусанна Юрьевна знала это и негодовала. Но Гончій не устыдился и смотрѣлъ радостно. Для него будто былъ правдникъ.

— Обождите, — спокойно сказалъ онъ ей. — Когда все разъяснится, то поймете дѣло и вы, какъ слѣдуетъ.

— Что теперь будетъ, деревянная голова: — воскликнула она внѣ себя отъ негодованія:—однѣ бѣды!

— И чѣмъ больше бѣдъ, тѣмъ вамъ лучше!..—отвѣтилъ онъ.

Между тѣмъ противъ Дарьи Аникитишны не поднялся ни одинъ

голосъ. Князь Давыдъ, полураздѣтый, застрѣленный въ спальнѣ барыни, былъ ясною уликой, но приживальщики будто не хотѣли вѣрить очевидности.

— Дарья Аникитишна? И этакое?.. Свѣту преставленіе! — говорили всѣ, недоумѣвая.

— Онъ, стало быть, — колдунъ! — объясняли нѣкоторые.

Длиннополый кафтанъ, бархатные сапожки, костьюль и сѣдой парикъ, найденные на диванѣ, остались загадкой...

Когда совѣмъ разсвѣло, и пробѣжала во всѣ края страшная вѣсть, — на заводахъ и въ слободахъ началась та же сумятица, что и въ домѣ.

Разумѣется, если бы съ неба вдругъ среди Высоксы пошелъ огненный дождь, то все населеніе менѣе бы затрепетало и оробѣло. Всѣ отъ мала до велика безъ исключенія и въ силу одного и того же соображенія или опасенія были поражены ужасомъ. Каждый глядѣлъ такъ, какъ если бы самъ былъ главнымъ виновникомъ приключившагося.

Всѣ разговоры, толки и пересуды, робко, будто объ тайнѣ, можно было выразить двумя словами, вопросомъ: «баринъ да убійца?».

Это событіе, казалось, никакъ не укладывалось въ головы обитателей Высоксы. Давно привыкшіе къ подспуднымъ преступленіямъ и къ убійствамъ, всѣ обыватели были взяты врасплохъ явнымъ убійствомъ. И никто не могъ будто сообразить: какъ это дѣло разсудить?

Всѣ соглашались, что баринъ Дмитрій Андреевичъ вполне правъ. Не то, что онъ, а и простой дворовый человѣкъ въ его положеніи сдѣлалъ бы то же самое въ порывѣ гнѣва, а то и холодно, просто въ отместку за поруганіе своей чести.

Но главное смутившее всѣхъ было нѣчто иное...

Признавая барина правымъ, всѣ чуяли нѣчто страшнѣющее, что теперь должно явиться, надвинуться на Высоксу, какъ грозная туча съ бурей.

Это нѣчто — страшный звѣрь, вѣками существующій на Руси, — звѣрь, котораго равно всѣ боялись не только пуще начальства, самаго строгаго и крутого, но много пуще царя. Царь все можетъ, но царь — человѣкъ, царь всегда добръ и справедливъ, потому что онъ долженъ во всемъ Богу отвѣтъ давать. Если когда онъ и поступитъ несправедливо, то не виноватъ: совѣтники обманули его, и они отвѣтственны въ этой жизни предъ людьми, а предъ Богомъ, послѣ, за гробомъ.

Это же чудище много вѣковъ на Руси пожираетъ невинныхъ, поступаетъ съ людьми хуже, чѣмъ Иродъ съ младенцами, которыхъ избилъ при Рождествѣ Христовѣ. Этого чудища всѣ равно всегда на Руси боялись, и никто съ нимъ никогда совладать не могъ. Сами цари и царицы никогда справиться съ нимъ не могли, хотя и знали, что оно пьетъ неповинную русскую кровь.

И вотъ это чудище теперь надвигается на Высоксу.

Судъ, волокита, подъячіе и приказные... И, разумѣется, всё отъ мала до велика трепетали теперь въ Высоксѣ не изъ-за того, что есть убитый въ домѣ, убитый бариномъ явно и даже по праву, а трепетали передъ волокитой, которая завтра нагрянетъ. Явится горсть людей по виду такихъ же, какъ и всё человѣки, но они—судьи. Они пріѣдутъ, будутъ допросъ чинить, пытать всѣхъ и каждаго и будутъ бумагу писать. И будутъ такъ опрашивать и писать безъ конца!.. И это писаніе станетъ паутиной огромной, плотной, тяжелой, которая ляжетъ на всю Высоксу. И въ этой дьявольской сѣти запутается туча народу. Убилъ одинъ баринъ, а виноваты будутъ всѣ... каждый, котораго намѣтитъ судья...

И всякій изъ обитателей зналъ, что какъ бы онъ ни былъ далеко отъ совершеннаго преступленія, какъ бы ни былъ онъ правъ, выполнѣ и безусловно непричастенъ къ преступленію, тѣмъ не менѣе онъ не можетъ ручаться, что выйдетъ чистъ изъ-подъ розыска.

Дѣло это простое: призоветъ судья, учинитъ опросъ, напишетъ приказный бумагу—и конецъ... Что въ ней прописано, до того тебѣ дѣла нѣтъ! Сказано въ ней — виновать, приказано засадить въ острогъ, а тамъ будетъ приказано гнать на канатѣ въ Сибирь. И все дѣло будетъ чисто, гладко и по закону.

И Высокса притихла и притихала все болѣе, настолько, что становилось жутко. Если бы появилась чума и ежедневно выхватывала по десяткамъ обывателей и укладывала въ гробъ, то все населеніе было бы менѣе перепугано.

Впрочемъ, всякому простому человѣку, добродушному и простоватому, конечно, и Богъ велѣлъ бояться за себя, когда умный, во сто кратъ всѣхъ умнѣе, Денисъ Ивановичъ Змглодь, и тотъ былъ угрюмъ. Пожалуй, угрюмѣе, чѣмъ когда либо. На всѣ вопросы людей, бросавшихся къ нему за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній: чего ждать, что будетъ?—Змглодь вѣдыхалъ и отвѣчалъ:

— Плохо дѣло! И баринъ виновать будетъ, да и другіе виноватые найдутся. Не потому, что они виноваты, а потому что волокитѣ нужны таковыя. Она безвинными жива. Одними виноватыми ей сытой не быть... А пуще всего великая бѣда, что баринъ Басановъ богатъ. Будь онъ бѣденъ—такъ бы сошло...

Кто-то спросилъ:

— Денисъ Ивановичъ, и ты за себя, небось, опасаясь?

— Глупыя твои рѣчи!—сердито отовзвался Змглодь. — Какъ же не опасаться? Царя не побоюсь я, если правъ, врага человѣческаго не побоюсь, если я безгрѣшный. На царя — правда! На сатану — крестъ и молитва. А на судейскій крючекъ, на ябеду—ничего нѣтъ. На все судъ есть, Божій ли, царевъ ли, человѣчій ли... Какъ же это: судей — да судить. Этакъ бы десятокъ карасей, собравшись, щуку бы съѣли... Бываетъ этакое на свѣтѣ, но бунтомъ зовется... А за бунтъ опять къ тѣмъ же судьямъ на крюкъ...

Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ равно безпокоились о томъ, что баринъ заперся и сидитъ одинъ.

— Какъ бы руки на себя не наложилъ,—рѣшилъ Михались.— Отъ боязни волокиты можно на свою жизнь покуситься.

И всѣ стали повторять эти слова грека.

Между тѣмъ Басановъ мучился только отъ стыда, отъ чувства, что его дворянская честь замарана... Не убійствомъ мерзавца, не грозящимъ судомъ... Она замарана невѣрностью законной супруги, оглашенной имъ же самимъ... на всю Высокую, на все намѣстничество, на всю Россію.

Вотъ что гнетомъ придавило Басанова...

А кто во всемъ виновать?!

И Басановъ съ глубокой ненавистью думалъ объ этомъ виновникѣ его позора. Узнай онъ о преступленіи Давыда и о томъ, что Давыдъ «любовный» Дарьи, какъ нибудь иначе, не съ маху... Онъ и поступилъ бы иначе. Не только бы не было никакой огласки и страшнаго срама, но все осталось бы шито и крыто... Давыда онъ приказалъ бы хитро похѣрить, какъ дѣлывалось при Аникитѣ Ильичѣ... Дарью онъ могъ бы просто отдалить отъ себя и держать въ черномъ тѣлѣ ради наказанія за невѣрность. Одной угрозой огласить онъ бы измучилъ ее.

А теперь все дѣло простое... стало дѣломъ страшнѣющимъ. Дворянская и супружеская честь поругана, да и судъ нагрянеть...

А все онъ натворилъ... Этотъ проклятый, окаянный, бѣснующійся!— онъ о себѣ возмечтавшій и всѣхъ въ бѣду втянувшій своимъ поступленьемъ... И все имъ было подведено будто нарочно, не по глупости, а будто предательски...

— Да. Будь ты Гончій проклять!— отчаянно восклицалъ Басановъ каждую минуту.

Заснувъ поутру, онъ проснулся послѣ полудня, приказалъ подать себѣ обѣдать, но никого не пускать попрежнему. Когда лакей доложилъ о Гончемъ, Дмитрій Андреевичъ измѣнился въ лицѣ отъ гнѣва...

— Скажи, поди, что его я къ себѣ на глаза не пуцу ни нынѣ, ни во вѣки вѣковъ. Онъ—мой погубитель.

Затѣмъ въ комнату барина явилась обманомъ и почти силкомъ старуха Матвѣевна и повалилась барину въ ноги.

— Дозволь все пояснить!— завопила она.— Я все знаю... Онъ, злодѣй, барыню страстями взялъ... Батюшкой, ея родителемъ, приходилъ... Платье—улика...

Но старухѣ не дали договорить... Двое людей силой вывели ее вонъ по одному молчаливому движенію барина.

Въ сумерки сама барыня Дарья Аникитишна, какая-то страшная, будто умалишенная, пришла къ дверямъ комнаты мужа, но, найдя ихъ запертыми, не стала стучаться и такъ же тихо пошла

на верхъ къ Сусаннѣ Юрьевнѣ... Войдя, она стала среди комнаты, тупо глядя, и проговорила просто, какъ бы говоря о пустякахъ.

— Скажите Дмитрію Андреевичу—я въ монастырь хочу...

Сусанна не отвѣтила ни слова и, взявъ ее за плечи, тихо вывела отъ себя и, проводивъ, довела ее до ея комнаты, какъ малаго ребенка.

Въ этотъ же вечеръ въ маленькой квартирѣ князя Никаева было свѣтлѣе, чѣмъ въ остальныхъ комнатахъ большого дома. Тѣло его лежало уже на столѣ, церковные шандалы стояли кругомъ, а священникъ съ причтомъ служилъ первую панихиду. Это было приказаніе самого барина. Но никто изъ обитателей дома и Высоксы не пришелъ помолиться за упокой души убиеннаго, ни одинъ человекъ даже ни разу не навѣдался за весь день въ эту квартиру. Не изъ прислуживанья къ барину. Погибшій былъ теперь все-таки для всѣхъ злодѣемъ. Онъ въ бѣду бѣдовую, невылазную втянулъ барина, какъ бы заставилъ себя убить своимъ злодѣйскимъ поведеніемъ и подвелъ подъ судъ всю Высоксу.

Басановъ до ночи попрежнему оставался въ своей холостой спальнѣ, запершись, и сидѣлъ съ однимъ любимцемъ Михалисомъ, но молчалъ. Онъ позвалъ грека только потому, что боялся остаться одинъ въ комнатѣ.

Около полуночи Дмитрій Андреевичъ будто очнулся отъ оцѣпенѣнія, въ которомъ былъ. Онъ приказалъ тотчасъ же, несмотря на полуночь, позвать оберъ-рунта. Ильевъ явился тотчасъ и получилъ приказъ: отправиться лично и разбудить и позвать на совѣтъ къ барину Змглода.

Басановъ, переставъ волноваться мыслию о совершенномъ убійствѣ, сталъ думать о послѣдствіяхъ его.

Онъ захотѣлъ рѣшить окончательно и скорѣй: оставить ли слухъ о событіи въ Высоксѣ добѣжать до губерніи и намѣстничества, или же тотчасъ же послать отъ себя нарочнаго гонца къ самому намѣстнику съ личнымъ заявленіемъ о всемъ приключившемся.

Явившись тотчасъ, Змглодъ, конечно, объяснилъ барину, а затѣмъ и настоялъ, что нужно немедленно написать намѣстнику заявленіе и просить разсудить все дѣло. Затѣмъ тотчасъ же Змглодъ написалъ донесеніе, а Басановъ переписалъ его и подписался. Но, уже собираясь передать бумагу Ильеву для посылки самаго надежнаго рунта въ городъ, Дмитрій Андреевичъ вдругъ ахнулъ и самъ не понималъ, какъ могъ онъ такъ странно поступить. Вѣроятно, страшное смущеніе, овладѣвшее имъ послѣ убійства, заставило его лишиться памяти и соображенія. Теперь въ самомъ важномъ дѣлѣ всей его жизни онъ, совѣтовавшійся всегда въ малѣйшихъ мелочахъ съ Сусанной Юрьевной, въ эту минуту забылъ о ней. Онъ даже какъ бы испугался своей опрометчивости.

— Что же это мы! — вдругъ воскликнулъ онъ.— Денисъ Ивановичъ, и ты хорошъ!.. Вѣдь Сусанна Юрьевна ничего не знаетъ.

— Я полагаю, вы уже съ барышней перетолковали! — отвѣтилъ Змглодь.

— И не видалъ. А безъ Сусанны Юрьевны я ничего не предприму! Какъ она посудитъ и порѣшитъ.

— Вѣстимое дѣло. Такъ оставимъ до утра, — рѣшилъ Змглодь.

XXV.

На другой день, рано утромъ, Сусанна Юрьевна, которую отъ имени барина Ильевъ попросилъ внизъ, нашла у Басанова Змглода, Михалиса и даже коллежскаго правителя Барабанова. Она выслушивала дѣло, что было наканунѣ порѣшено. Выслушавъ все внимательно, она задумалась, и наступило молчаніе. Но затѣмъ она сурово подняла глаза на Басанова и выговорила твердо и холодно:

— Дмитрій Андреевичъ, я ничего не могу сказать. Я такого важнаго дѣла совсѣмъ порѣшить не могу и не хочу. Я на себя ничего такого не возьму. По-моему, ничего не давать знать въ намѣстничество — нехорошо, а писать такое письмо о себѣ тоже...

Она запнулась и прибавила:

— Не знаю... Какъ-то... Тоже кажется мнѣ неподходящимъ, младенческимъ поступкомъ.

— Какъ младенческимъ? — сказалъ Басановъ.

— Зачѣмъ слѣдуетъ говорить: я де убилъ! пріѣзжайте меня судить.

— Что же дѣлать тогда?.. — воскликнулъ онъ смущеннымъ голосомъ. — Что дѣлать? Совсѣмъ уже тогда невѣдомо, что намъ дѣлать.

— Вотъ и я тоже сказываю! — радостно заговорилъ Михалисъ. — Не надо писать! Пускай они сами узнаютъ и пріѣзжаютъ расслѣдовать. Зачѣмъ звѣрю въ пасть лѣзть? Можетъ, по слухамъ пришлютъ только какого приказнаго. Ему Дмитрій Андреевичъ отвалитъ тысячу — другую... И конецъ. А тутъ онъ въ письмѣ хочетъ расписывать, какъ его сатана попуталъ, и какъ грѣхъ вышелъ. А что написано да подписано, того ужъ извѣстно топоромъ не вырубить.

— Ну, а ты, Денисъ Ивановичъ?.. — обернулась Сусанна къ Змглоду, сумрачно молчавшему.

— Я это письмо еще вчера самъ же и писалъ, Сусанна Юрьевна! По-моему, сидѣть и молчать — бѣда. Виноватые молчатъ или прячутся. А правые говорятъ и сами первые вѣявъ дѣйствуютъ.

Снова наступило молчаніе.

— Не знаю... Совсѣмъ не знаю!.. — выговорила наконецъ Сусанна. — Хоть бы до завтра что ли обождать. Поразсудить. Хотя бы что другое надумать.

— Что?!.. — спросилъ Басановъ.

— Другое! Иначе какъ поступить. Не молчать и не отписываться.
— Какъ же такъ?!..— воскликнули заразъ и Басановъ, и Змглодь, и Михались.

— Не знаю, а такъ мнѣ сдается... Не молчать, отписаться, извѣстить. Да только не такъ... Не расписывать: я, молъ, то и то сдѣлалъ и по такимъ-то причинамъ. Зачѣмъ это?...

И вдругъ Сусанна прибавила рѣзче:

— Дмитрій Андреевичъ, въ такую бѣдовую пору, какъ у насъ теперь... Знаете. Вотъ кто, топясь, на дно идетъ, всегда за соломинку хватается. Въ такую пору... Поступите, какъ я вамъ скажу! Согласитесь на одно, что я вамъ предложу?

— Что такое? Съ охотой!— отозвался Басановъ волнуясь.

— Позовите сію минуту сюда Гончаго...

Басановъ сразу сурово насунился и быстро оглянулъ всѣхъ. Всѣ они одинаково насупились, всѣ будто оскорбились. У всякаго на лицѣ было написано: «Гончій? Анька? Безрукій? Придетъ совѣтовать? Довольно начудилъ уже?!»

И среди наступившей тишины и безмолвія Басановъ выговорилъ страннымъ голосомъ:

— Сусанна Юрьевна, что же намъ Гончій скажетъ? Онъ не дуракъ. Но бываетъ онъ хуже глупаго.

— Воистину такъ,—подтвердилъ Змглодь.

— Я не прочь звать, кого хотите,—продолжалъ Басановъ.—Тайны же тутъ никакой нѣтъ. Но зачѣмъ? Что онъ намъ скажетъ? Ужъ если мы сами ничего не придумали, пять человѣкъ и не глупыхъ, то что же Анька придумаетъ?

— Какъ знаете!..— глухо, но гордо отозвалась Сусанна, какъ если бы услышала что либо для себя обидное.

— Сусанна Юрьевна! Я же, право, ничего противъ того не имѣю!—быстро заговорилъ Басановъ.—Если вамъ угодно, я его сейчасъ же велю позвать. Что же!— обернулся онъ ко всѣмъ.— Онъ поступилъ малоумно, подведя меня на гнѣвъ. Но умысла худого у него не было... Онъ умный! Можетъ, и вправду онъ надумаетъ что либо, кое намъ на умъ не идетъ. Барабановъ, прикажи скорѣй послать къ нему, чтобы былъ у меня тотчасъ!

Коллежскій правитель двинулся, но Сусанна Юрьевна остано-
вила его.

— Дойди самъ. Посылать незначѣмъ. Онъ у меня наверху ждетъ.

И Сусанна произнесла это съ вызывающимъ отгѣнкомъ въ голосѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ комнатѣ появился Гончій и войдя, тихо, степенно, почти гордо, поклонился одному барину, какъ бы не видя остальныхъ.

Басановъ опустилъ глаза, будто смущаясь.

— Что прикажете?—холодно произнесъ Гончій.

Этотъ въ нѣсколькихъ словахъ объяснилъ, въ чемъ дѣло, и прибавилъ:

— Скажи ты намъ свое слово, какъ тутъ быть? По тому, какъ Михалисъ сказываетъ, или по тому, какъ Денисъ Ивановичъ сказываетъ? А Сусанна Юрьевна сама прямо на тебя все свалила, что ты скажешь, то по ея и будетъ настоящее.

Въ эту минуту Сусанна взволновалась почти настолько же, сколько въ ночь, когда услышала въ домѣ бѣготню и отчаянные крики послѣ совершившагося событія... Снова теперь всей душой, всѣмъ сердцемъ и помышленіемъ смутилась она... Изъ-за чего? Изъ-за пустого! Что скажетъ Анька? Надумаетъ ли онъ чтонибудь? Удивитъ ли онъ сейчасъ всѣхъ своимъ рѣшеніемъ дѣла? Докажетъ ли онъ сейчасъ имъ всѣмъ, что онъ первый человекъ въ Высоксѣ разумомъ своимъ, умнѣе барина и умнѣе умнаго Змглода? Докажетъ ли онъ, что не даромъ она его послѣ позорища снова простила, снова приблизила, а теперь души отъ него не чааетъ, да и не скрывается въ этомъ?

Послѣ объясненія Басанова, Гончій стоялъ неподвижно, сдвинувъ брови, и глядѣлъ куда-то на стѣну. Но онъ глядѣлъ своимъ ястребинымъ взоромъ, упорнымъ, непреклоннымъ, неспособнымъ, казалось, оробѣть ни передъ чѣмъ. И, присмотрѣвшись къ лицу Гончаго, Сусанна вдругъ встрепенулась внутренно, даже сердце слегка колыхнулось въ ней радостно... Она поняла, почувяла, что «мой Анька» сейчасъ скажетъ свое слово вѣское, которое сразу все дѣло порѣшитъ.

— Вотъ что, Дмитрій Андреевичъ,—заговорилъ Гончій,—ужъ коли вы изволили меня позвать и изволите приказывать мнѣ свое рѣшеніе обстоятельствъ придумать, то я по совѣсти своей и по разуму своему доложу вамъ, что писать сейчасъ куда либо не надо. Обождемъ еще сутки! Завтра, хотя бы раненько, можно будетъ послать гонца къ намѣстнику. А сегодня, весь день деньской, ввечеру, да и за ночь, да и завтра утромъ займемся дѣломъ. Надо важное дѣло дѣлать и спѣшить! Время не терпитъ.

— Какое дѣло?.. Что?—откликнулись всѣ сразу, и въ каждомъ голосѣ отдѣльно звучало полное изумленіе.

— Что дѣлать?.. —выговорилъ Анька.—Готовить отвѣтъ суду! Судъ будетъ здѣсь въ скорости. Будете ли вы судъ звать или со-всѣмъ не станете, все одно—судъ нагрянетъ. Цѣлая шайка злодѣйская, именуемая крючкотворами, нагрянетъ сюда и начнетъ допросъ. Начнетъ съ васъ—барина, а тамъ и всѣхъ допроситъ. Не только что насъ: барышню, барыню, Дениса Ивановича, ихъ вотъ, меня, всѣхъ приживателей. Судъ потянетъ къ допросу всѣхъ дворовыхъ, чуть не всѣхъ заводскихъ. И вотъ всѣ мы... Скажу такъ: вся Высокса, всѣ заводы господина барина Басманъ-Басанова, всѣ должны этому суду отвѣтъ приготовить. Согласный отвѣтъ! отвѣтъ въ пояс-

неніе, какъ дѣло было. Всѣ мы, отъ васъ, нашего барина, до послѣдней дѣвченки, всѣ должны отвѣтствовать суду одно... Одинъ отвѣтъ долженъ быть у всѣхъ.

Гончій замолчалъ, украдкой глянулъ въ лицо Сусанны и едва замѣтно улыбнулся горделиво и самодовольно.

— Что?.. Какой отвѣтъ?..—вымолвилъ Дмитрій Андреевичъ едва слышно отъ внутренняго волненія, такъ какъ вдругъ ему почему-то показалось, что Гончій вывернулъ все дѣло, всѣхъ тревожившее, на изнанку. Все событіе будто освѣтилось вдругъ иначе, а поэтому какъ-то иначе представляется разуму.

— Говори же, Онисимъ! Отвѣтъ-то надумалъ ты или такъ зря...

— Нѣтъ, — рѣзко перебилъ Гончій, — я не зря болтаю! Отвѣтъ готовъ понятный... Отвѣтъ нашъ долженъ быть: знать не знаю и вѣдать не вѣдаю!

И Гончій, оглянувъ удивленныя лица всѣхъ, прибавилъ, какъ если бы ему кто противорѣчилъ:

— Да, такъ: знать не знаю и вѣдать не вѣдаю! Всѣ мы любимъ барина, всѣ ему преданы, всѣ должны за него горой стоять. А ужъ коли въ такомъ дѣлѣ не стоимъ, такъ когда же въ насъ нужда будетъ? На святкахъ, чтобы рядиться да отплясывать, на Пасхѣ красныя яички катать? Нѣтъ, теперь-то въ насъ и нужда, и теперь-то мы всѣ должны, какъ одинъ человѣкъ, не страшась судейской волокиты, такъ отвѣчать: князь Никаевъ, дѣйствительно, убитъ, застрѣленъ, въ гробу лежитъ. Но гдѣ былъ убитъ, какъ убитъ, кто его убилъ, когда и почему? — Знать не знаю и вѣдать не вѣдаю!

И въ комнатѣ наступило, дѣйствительно, гробовое молчаніе. Слышно было только частое дыханіе Сусанны, которая едва владѣла собой отъ восторженной радости. Ей казалось, что она должна сдерживать себя, чтобы тотчасъ же при всѣхъ не броситься на шею этого человѣка, котораго сама судьба заставляла ее всякій день любить все больше и больше, всякій день изумляться ему.

— Какъ же такъ?—тихо и смущенно произнесъ Басановъ.

— Такъ-съ!—рѣзко отозвался Гончій.

— Это не худо... робко замѣтилъ Барабановъ.

— Вѣрно, — раздался вдругъ угрюмый голосъ Змглода. — Вѣрно! Правда твоя! Онисимъ Абрамычъ! Умница ты! Тебѣ и книги въ руки! А сказываю я это по совѣсти. Не думай, что я лукавить стану. Нѣтъ! Умница ты, дѣло сказалъ! А я около тебя, какъ младенецъ, хотѣлъ все дѣло наладить. И хорошо сдѣлала Сусанна Юрьевна, что пожелала за тобой послать! Все, что ты сказалъ, я сразу понялъ. Такъ я понялъ, что тебѣ же разъяснять и пояснять все стану. Да, истинно такъ!—обернулся Змглодъ къ Басанову. — Вся Высокса должна сказывать, что Никаевъ убитъ, а кѣмъ и когда убитъ — невѣдомо! И поди же ты самъ, судъ судейскій, разворачивай, распутывай и кашу расклебывай. Самъ ищи виноватаго!

— А если предатель найдется, да тайкомъ на допросѣ покажетъ, что я убилъ Никаева?—волнуясь сказалъ Басановъ.

— А мы всё заоремъ,—воскликнулъ Змглодь:—лжетъ предатель! Видано ли это, слыхано ли это?... Баринъ на охоту уѣхалъ, на это свидѣтели есть. А когда онъ вернулся, то мы... Ну, вотъ мы же, здѣсь стоящіе, уже видѣли Никаева въ крови на полу. Приѣхалъ баринъ, мы ему и доложили: вотъ дѣло какое за ваше отсутствіе приключилось въ Высокѣ, а чьихъ рукъ — невѣдомо.

— Ну, вотъ!—добродушно выговорилъ Анька.—Вонъ какъ! Я надумалъ, а ты, Денисъ Ивановичъ, разукрасилъ. Умъ хорошо, а два—лучше! И коли я не глупо надумалъ, то ты сейчасъ того умѣе повернулъ. Именно такъ: баринъ на охотѣ былъ, а мы тутъ сбѣжались и видѣли убитаго Никаева.

— Ну, я приѣхалъ, а вы доложили,—замѣтилъ Басановъ... Кто же однако убилъ?

— А самъ вотъ судъ и разрѣши!—отвѣтилъ Змглодь.—Ищи виноватаго! Правда, много изъ-за того будетъ безвинныхъ заподозрѣно и притянуто. Да что же дѣлать!

И по совѣту Гончаго цѣлыя сутки ушли на подготовленіе всѣхъ обывателей къ отвѣту. Всѣ отъ мала до велика, дворяне, дворовые и крестьяне обѣщали одинъ отвѣтъ держать: «знать не знаю, вѣдать не вѣдаю!»

Заявленіе помѣщика Басманъ-Басанова о совершенномъ въ его домѣ невѣдомо кѣмъ убійствѣ нахлѣбника князя было съ вечера тоже составлено... По настоянію Гончаго оно было краткое, въ нѣсколько строкъ, и безъ единой подробности.

— Не надо себѣ руки связывать... Не надо тоже языки высокдамъ связывать... Пускай всякій болтаетъ, что хочеть, коли его учнутъ пытаться,—сталъ объяснять Гончій.

Затѣмъ по его же совѣту баринъ кончалъ заявленіе убѣдительною просьбой не медлить присылкой въ Высокеу чиновника для «сыска» по свѣжимъ слѣдамъ, дабы вѣрнѣе накрыть убійцу.

Подписывая вечеромъ бумагу, Басановъ качалъ головой и на вопросъ Сусанны объяснить это отвѣтилъ.

— Дивлюся Онисиму, — отозвался онъ.—Сказывается: мѣдный лобъ... Вотъ у него воистину этакій...

— Нешто худо это...—улыбнулась Сусанна.—Для васъ же...

— Знаю... Да все-таки дивлюсь. Я же, да прошу поскорѣе сыскъ зачинать, чтобы вѣрнѣе злодѣя накрыть... Увидимъ... Что-то еще выйдетъ?

Утромъ рано гонецъ къ намѣстнику и не простой, а самъ оберъ-рунтъ Ильевъ, былъ уже въ пути. Ему было указано ничего отъ себя не добавлять, если его захватятъ для опросовъ. А буде возможно, то, передавъ пакетъ, тотчасъ выѣзжать обратно...

XXVI.

Черезъ сутки по отъѣздѣ гонца тѣло убитаго было похоронено съ соблюденіемъ всѣхъ обрядовъ церковныхъ, приличествующихъ его званію дворянина и князя.

Но, кромѣ сестры и маленькаго братишки, никого, ни единого человека на отпѣваніи и похоронахъ не присутствовало... Всѣ въ Высокѣ отреклись отъ «осрамителя» барыни и барина...

Одновременно Дарья Аникитишна снова пришла наверхъ къ Сусаннѣ Юрьевнѣ съ той же просьбой, переговорить съ ея мужемъ о томъ, чтобы онъ тотчасъ отпустилъ ее, хотя бы просто на жительство въ монастырь, если не для полнаго постриженія. Сусанна сидѣла за пяльцами. Дарья стала среди комнаты и, опустивъ голову, говорила глухо.

— Тяжко мнѣ тутъ...—кончила она глухимъ шопотомъ.—Тяжко, Сусанна Юрьевна... Тяжко...

— Скажи мнѣ, Дарьюшка,—рѣшилась эта заговорить.—Какъ все это могло приключиться?... Какъ тебя страхъ и стыдъ не взяли? Стало, ты попрежнему любила князя пуще мужа?...

— Нѣтъ...—затрясла головой Дарья.

— Какъ нѣтъ?...

— Онъ мнѣ сначала, что братъ былъ... А потомъ, подбившись, сталъ противень... Боялась я, что всего меня лишитъ онъ. Вотъ и лишилъ... Дѣтей лишилъ.

Она закрыла лицо руками, но стояла недвижно и спокойно.

— Зачѣмъ же ты пошла на этакое?...

— Пошла, не знаючи того... Онъ меня перепугомъ и силою взялъ.

— Какъ силою? Не лги, Дарья. Когда мы, бабы, такъ сказываемъ, то это только, чтобы себя огородить.

— Вотъ Господь!—нѣсколько громче произнесла Дарья Аникитишна, принявъ руки отъ лица и указывая правой рукой на образъ, висѣвшій въ углу комнаты.

— Да какъ? Не вѣрю я! Какъ—силою?—допрашивала Сусанна и, глядя на эту маленькую и простоватую женщину съ глупо кроткимъ лицомъ, она вѣрила ей и сама отвѣчала себѣ мысленно: «Лѣнивый этакую не возьметъ!».

Помолчавъ мгновеніе, Дарья выговорила:

— Онъ батюшкой родителемъ вырядился и среди ночи пришелъ и разбудилъ... Я испугалась, чувства всѣ потеряла... Замертво хлопнулась на подушки... А когда очнулась, онъ былъ... Со мной былъ и молилъ, ласкалъ... Молилъ не сказывать Дмитрію Андреевичу... Говорить, что мало ль какое бываетъ... Что, можетъ, я овдовѣю въ скорости и его женой стану... А куда, говоритъ, никто не узнаетъ...

Я всёхъ изъ залы распугаю моимъ ряженьемъ. Никто не будетъ отваживаться ходить тамъ по ночамъ... А кто и придетъ да увидитъ, то не меня...

— И ты знала, что онъ стрѣлялъ въ Дмитрія Андреевича?

— Нѣтъ. И думается мнѣ, не онъ это...

— Онъ тебѣ не сознался...

— Нѣтъ. Сказывалъ тоже: надо бы разыскать злодѣя. И я, молъ, разыщу...

— Онъ и тебя обманывалъ, не признавался...

— Думается, не онъ то былъ...

Наступило молчаніе...

Сусанна попрежнему сидѣла предъ пальцами и задумавшись глядѣла въ окно... Дарья попрежнему стояла среди комнаты въ двухъ шагахъ отъ плетца, какъ бы подсудимая на допросѣ, понурившись, опустивъ голову и глядя въ полъ...

— Не мнѣ осуждать! — вдругъ вслухъ проговорила Сусанна Юрьевна будто невольно и спохватившись прибавила. — Не мое это дѣло!

«Не мнѣ осуждать! — продолжала она мысленно. — Будь я за мужемъ и со мной то же таковое могло приключиться... Такъ же иной мужъ распорядился бы... Она одинъ разъ виновата оказалась, да и то не по своей волѣ. А я что дѣлала всю жизнь?»

И вдругъ мысли ея приняли совершенно другой оборотъ. Все происшедшее не есть ли наказаніе Дмитрія Андреевича за то, какъ онъ женился на богатой приданницѣ послѣ насильственной смерти ея отца... Но вѣдь не онъ зачинщикъ?... Змглюдъ зачинщикъ и главный преступникъ... А за нимъ — она сама... А ни Змглюдъ, ни она не наказаны Богомъ! Стало, это не Божья воля. Или же и ей и Змгладу тоже надо ждать возмездія... И болѣе страшнаго еще... Что Дмитрію Андреевичу?! Одинъ лишь срамъ... Жену онъ никогда не любилъ. Отъ суда, конечно, отбоярится... Ее въ монастырь отпустить, а самъ будетъ по-старому жить, поживать съ виномъ да картами... А вотъ, если судьба захочетъ ее покарать, то казнить много тяжелѣе... Вѣдь не промолчи она тогда, то и Денисъ Иванычъ не пошелъ бы на этакое... То дѣло было пострашнѣе да погрѣшнѣе, чѣмъ убійство Давыда. Тутъ месть супружеская... А тамъ было простое злодѣяніе, убійство невиннаго, да еще старика благодѣтеля... Змглюдъ тоже мстилъ, но не за жену, а за любимую дѣвушку... А я за что? Ждать, стало, мнѣ — сугубой кары Господней?...

Сусанна Юрьевна была какъ бы разбужена отъ своей тяжелой думы голосомъ Дарьи, которая ужъ третій разъ окликала ее тихо, кротко, упавшимъ и хриплымъ голосомъ.

— Сусанна Юрьевна, помогите...

— Да что? Что?! — отозвалась эта.

— Попросите Дмитрія Андреевича.

— Въ монастырь отпустить?
 — Да.
 — Подумай, Дарья... Ты сама не знаешь еще, на что идешь.
 — Знаю, знаю...
 — Обожди. Пускай онъ самъ заведетъ рѣчь...
 — Тяжко мнѣ здѣсь... Отъ стыда тяжело.
 — А сыновья? Какъ же безъ нихъ?...
 — Разъ въ недѣлку... Ну, разъ въ мѣсяць Матвѣевна будетъ ихъ привозить ко мнѣ.

— Богъ съ тобой... удивилась Сусанна.— Это тебѣ такъ все зря кажется... Гдѣ же этакое вытерпѣть?..

— Не вытерплю—помру...
 — И помрешь безпремѣнно... Измучившись...
 — И того лучше...

И послѣ новой паузы Сусанна Юрьевна поднялась и обѣщала тотчасъ же идти и объясниться съ Басановымъ.

— Не отпустить... я руки на себя наложу, — заявила Дарья.— Такъ ему и скажите.

— Ладно. Ладно... Ступай къ себѣ. Успокойся... Я къ тебѣ приду... Не нынче, то въ другой разъ перетолкую съ Дмитріемъ Андреевичемъ.

Сусанна Юрьевна спустилась внизъ и, дойдя до дверей комнатъ Басанова, нашла передъ ними рунда. Она хотѣла войти.

— Простите, барышня, — остановилъ ее рунтъ. — Приказано какъ есть никого не пропускать.

— Съ ума ты спятилъ!—воскликнула она.

— Барышня. Не гнѣвайтесь... Сейчасъ Онисимъ Абрамычъ опять сказывалъ: «Никого, говорить, не пускай».

— Онисимъ Абрамычъ?.. Ушелъ онъ или тутъ?..

— У барина.

— Вызови его...

Рундъ колебался.

— Войди. Скажи, я зову...

Рундъ вошелъ въ двери. Сусанна осталась предъ ними и невольно улыбнулась при мысли, что Гончій у Басанова, а ее не пускаетъ простой рундъ по его приказу.

Черезъ мгновеніе вышелъ Гончій и тоже улыбался, глядя ей въ лице.

— Вонъ какъ у насъ повелось, — сказала она, уже смѣясь.

— То ли будетъ, — отвѣтилъ онъ тихо и тоже смѣясь. — Обождите мало... Будетъ Дмитрій Андреевичъ къ вамъ проситься, а вы не допустите. И онъ меня будетъ молить, чтобы васъ уломать и его допустить къ себѣ.

— Это почему же? Когда же этакое будетъ?—невольно выговорила Сусанна удивленная.

— А вотъ... Сказать вѣрно — когда? Не могу. Черезъ полгода, что ли?

— Что ты? Съ просонья болтаешь?

— Нѣтъ, дорогая моя!—вдругъ сурово вымолвилъ Гончій.—Мнѣ не до сна... Говорю, рѣчку переплываю, а до того берега еще далече... А назадъ и совѣтъ уже нельзя. Убитый Давидъ не пускаетъ...

— Ничего я не разберу...

— Обождите... Разберетесь и начнете смекать не нынѣ, завтра... Что вамъ—то теперь нужно отъ него? Зачѣмъ вы?

— Дарья Аникитишна все молить... Опять просила сейчасъ перетолковать, чтобы скорѣе онъ ее отпустилъ отсюда.

— Въ монастырь? Успѣется... Бросьте. Да ему и не до нея... Мы бесѣдуемъ о дѣлѣ важнѣющемъ, чѣмъ Дарья Аникитишна. Что она ему? Тутъ важнѣе.

— Что же важнѣе-то?

— Какъ отъ волокиты отвергѣться ему. Надо на первыхъ же порахъ пугать начать, чтобы судъ съ толку сбить.

— Не выгорить это, Онисимъ. Чуетъ мое сердце, что не выгорить!—вдругъ рѣшительно произнесла Сусанна.

— Тѣмъ лучше... шепнулъ Гончій, улыбаясь.

Она съ удивленіемъ взглянула ему въ лице, но, ничего не сказавъ, пошла обратно на верхъ, не зайдя къ Дарьѣ.

XXVII.

На другой день въ сумерки одинъ изъ дежурныхъ людей, пробѣжавъ всѣ гостиныя и залъ, вбѣжалъ въ комнаты Дмитрія Андреевича и, забывъ всякій страхъ барина, почти крикнулъ, докладывая испуганно:

— Пріѣхали...

Басановъ слегка смутился, всталъ съ мѣста, подвигался по комнатамъ, будто собираясь выйти, и опять сѣлъ...

Лакей стоялъ, глядя на барина...

— Ступай. Чего торчишь...

Лакей опомнился и быстро вышелъ...

На верху Анна Фавстовна также вбѣжала къ своей барышнѣ со словами...

— Видѣли? Куча! Съ дюжину... Видѣли?

— Видѣла,—отвѣтила Сусанна Юрьевна суровымъ голосомъ.

Въ то же мгновеніе Гончій вошелъ въ комнату, собираясь что-то сказать, но, глянувъ на нее, только улыбнулся лукаво.

— Чему?—холодно и сердито спросила Сусанна.

— А тому, что и вы испугались,—отвѣтилъ онъ.—Всѣ въ домѣ

мечутся, какъ угорѣлые. И вы тоже, не хуже прочихъ робѣете. А вамъ бы радоваться, а не пугаться.

— Радоваться?—изумилась она и пристально поглядѣла ему въ лицо, чтобы убѣдиться, что онъ не шутитъ.—Радоваться?—повторила она.

— Прыгать да плясать, какъ ребята малые дѣлаютъ отъ радости!—выговорилъ Гончій серьезно.—А вы тоже оробѣли. Будто подумаешь, вы изъ своихъ рукъ застрѣлили Давыдку. Ей-Богу! Будто вы, а не онъ...

— Что ты чудишь, Онисимъ... — вымолвила она видя себя отъ какого-то необъяснимаго чувства удивленія и усалости вмѣстѣ.— Съ тобой, ей-Богу, съ ума сойдешь...

Гончій не отвѣтилъ и, стоя среди комнаты, улыбался самодовольно, но не добродушно, будто замышляя что, худое... Сусанна замѣтила и поняла вѣрно его усмѣшку.

— Ты скоро и меня тоже... подведешь...—вымолвила она.

— Богъ съ вами!.. Что вы говорите! Грѣхъ вамъ такъ сказывать!—укоризненно, но и нѣжно воскликнулъ онъ.—Да. Вѣрно. Я васъ и теперь подвожу... Но на хорошее, а не на худое... Добра вамъ желая, изъ кожи лѣзу. А вы этакое говорите. Богъ съ вами!

Онъ махнулъ рукой и быстро вышелъ.

Между тѣмъ въ домѣ была сумятица...

— Приѣхали! Страсть! Орава! Господи! Чтой-то будетъ! Самъ намѣстникъ! Ври больше!.. Въ телѣжкѣ, сказываютъ, мѣшки съ клещами... Пытать ими будутъ... Два воза плетей идетъ, къ вечеру придутъ. Кто? Плети! Охъ, народъ! Чего не измыслить! Только накаркаетъ!

И этотъ говоръ расходился по дому, а изъ дому шелъ по Высоксѣ.

Между тѣмъ въ гостиныхъ уже были важные степенные, но какіе-то диковинные гости. На видъ они были дрянъ суцая... Какіе-то худоліцые, поджарые, будто корчаціе изъ себя важныхъ людей, но знающіе сами, что они дрянъ. Всѣ кругомъ въ домѣ признавали, да и они тоже признавали, что они важны не сами по себѣ, а важны только тѣмъ, что въ этомъ домѣ совершено смертоубійство.

По приказанію «главнаго» съ крестомъ на шеѣ было доложено вновь уже официально барину Дмитрію Андреевичу.

— Отдѣленіе верхняго земскаго суда. Статскій совѣтникъ и кавалеръ Колокольцевъ съ двумя засѣдателями.

Басановъ, уже успокоившійся и готовый къ приему слѣдственной комиссіи изъ намѣстничества, слегка смутился, услыхавъ фамилію: «Колокольцевъ». Онъ старался что-то вспомнить и не могъ... Но эта фамилія ему сказала что-то особенное.

Приѣзжее отдѣленіе суда какъ-то само собой распалось на три части. Трое чиновниковъ вошли, прошли въ гостиную и сѣли...

Главный съ крестомъ на шеѣ досталъ табакерку, нюхнулъ и сталъ странными глазами оглядывать мебель, англійскіе часы на мраморной тумбѣ, картины, бронзу... Его глаза будто говорили:

— Ничего! Вещи хорошія... Пригодятся...

Онъ будто сіюда пріѣхалъ все это купить, но зато дешево...

Двое его спутниковъ были важны, но къ нему относились подобострастно вѣжливо.

Въ сосѣдней комнатѣ, полуприхожей, остались, сами себя въ ней задержавъ, пять человѣкъ, въ длиннополыхъ кафтанахъ съ ястребиными лицами...

Наконецъ, въ передней усѣлись и мирно бесѣдовали съ дежурными еще съ полдюжины не то приказныхъ и подъячихъ, не то простыхъ писцевъ, по имени: «земскіе ярыги».

XXVIII.

Со слѣдующаго дня въ Высокѣ былъ уже будто новый хозяинъ. Жизнь пошла на новый ладъ.

Гостиная барыни больше всего понравилась «отдѣленію верхняго суда». И свѣтлѣе, и покойнѣе, и ближе отъ всего...

Въ этой комнатѣ все и устроили. Мебель вынесли вонъ, поставили три стола, одинъ большой и два поменьше и прибавили большое кресло для статскаго совѣтника Колокольцева, два кресла поменьше для его двухъ помощниковъ, простые стулья для подъячихъ и писарей.

Отдѣленіе сказало, что оно кушать привыкло не позднѣе полудня, любить черный квасъ и сбитень, въ концѣ обѣда, пожалуй, и вино заморское «ромарей» и венгерское. Ужинъ не позднѣе восьми часовъ.

Въ вечеру отдѣленіе выходило погулять въ садъ... Спрашивало, работаютъ ли на заводахъ дѣвки слободскія, а если работаютъ, то гуляютъ ли ввечеру въ саду... Имъ бы слѣдовало таковое дозволить ради отдыха отъ работы.

Высокса притихла... Всякій ходилъ, какъ пришибленный... «Нынче ты ничего, а завтра злодѣй, а послѣзавтра и острожный».

На допросѣ, у стола, гдѣ сидѣлъ статскій совѣтникъ Ельпидифоръ Алексѣевичъ Колокольцевъ, перебивало съ девяти часовъ утра много народу. Первымъ пришелъ баринъ самъ и сказалъ, какъ дѣло было...

— Пріѣхалъ съ охоты, и мнѣ доложили...

Все, что шло потомъ, говорило:

— Знать не знаю и вѣдать не вѣдаю. Убили. Въ ночь. Князя Никаева! Не то ножомъ, не то полѣномъ. Можетъ, и изъ ружья. Кто? Богъ его знаетъ! Мы не видали. Пріѣхалъ баринъ, мы доложили.

Дарья Аникитишна молчала и глядѣла, глядѣла и молчала...

— Скажите, сударыня, хоть чтонибудь!— строго заявилъ Колокольцевъ.

Но Дарья Аникитишна только потрясла молча головой.

Сусанна Юрьевна сама первая заговорила.

— Нечего меня спрашивать! На то вы и судьи, чтобы учинить розыскъ, все разобрать и виновнаго найти... А меня прошу не тревожить. Я сама никого убивала. Кто убилъ, никому не вѣдомо. Какъ же это мнѣ знать? Но если бы я и знала, то не сказала бы.

И она произнесла все это сурово и важно.

Вмѣстѣ съ тѣмъ она позвала Ельпидифора Алексѣевича любовно и кокетливо къ себѣ вечеркомъ на чашку чаю съ калужскимъ тѣстомъ, кстати тоже отвѣдать издѣлія всякаго изъ страпни собственнаго крѣпостнаго кондитера.

Колокольцевъ, ухмыляясь, поблагодарилъ за честь и обѣщаль непремѣнно быть, понимая, что «суть» дѣла можно обдѣлать только съ красавицей.

Онисимъ Гончій на допросѣ заявилъ холодно.

— Смекаю я, кто въ смертоубійствѣ виновенъ, но сказать не могу. Ввечеру у Сусанны Юрьевны, бесѣдуя, кой-что могу вамъ пояснить... Не для записи... А такъ по дружеству...

Колокольцевъ тоже согласился улыбаясь...

И ввечеру они втроемъ дѣйствительно всю суть дѣла выяснили и порѣшили.

Уже поздно, вернувшись съ верху къ себѣ, начальникъ «отдѣленія» былъ въ восхищеніи отъ красавицы барышни, а равно и отъ ума Онисима Абрамовича.

— А онъ изъ простыхъ писарей, какъ и я...—заявилъ онъ своему первому помощнику.

На слѣдующій день первымъ къ допросу былъ вызванъ снова самъ баринъ.

Судья передалъ ему свои подозрѣнья, «какъ дѣло было», убѣждая сознаться во всемъ и положиться на монаршую милость.

Басановъ упорно отрицалъ «взведенный врагами поклѣпъ».

Въ послѣдующіе дни началось что-то такое непонятное, мудреное, темное, диковинное, что Высокса ахнула... И длилось это болѣе недѣли...

Съ проволочнаго завода привезли знахарку, колдунью Ешку, маленькую калмычку, уже старушенцію, но лукавую и умную...

Она оказалась главнымъ свидѣтелемъ, освѣтившимъ все дѣло, и направила «сыскъ», куда слѣдуетъ. Двое заводскихъ крестьянъ и одинъ дворовый были взяты подъ стражу съ тѣмъ, чтобы быть отпращенными подъ конвоемъ въ намѣстничество...

Отдѣленіе собиралось уѣзжать...

Наканунѣ отъѣзда, вечеромъ, Колокольцевъ, наединѣ, заперевъ

свою дверь на ключъ, считалъ толстыя пачки ассигнацій.. Всего было двадцать пять тысячъ... Главный судья сіялъ...

— Ай, голова! Ай, какая голова!—шепталъ онъ.—Не видывалъ такихъ. Вотъ бы его изъ этой канцеляріи заводской, да въ нашу бы взять. Про насъ сказываютъ люди: крючки де судейскіе! Нѣтъ, голубчики, у васъ вотъ тугъ молодець—истый крючекъ. Всю имперію зацѣпить, прицѣпить и поволочъ сможетъ... Не даромъ и прозывается особо... Кличка по шерсти. Истинно гончая собака, слѣдъ звѣря носомъ находящая...

На утро всѣ вздохнули свободно и радовались. «Отдѣленіе» выѣхало восвояси, захвата и главныхъ преступниковъ...

— Умница ты, Гончій! Умница!—восторженно повторялъ Басановъ.

Гончій благодарилъ и радостно ухмылялся.. но какъ-то загадочно... Однако этого, кромѣ Сусанны Юрьевны, никто не замѣчалъ. Сама же она была нѣсколько озабочена и не умѣла скрыть какой-то тревоги...—«Охъ, перехигрить, пересолить»,—думалось ей.

Прошло три недѣли... Высокса вся отъ мала до велика снова встрепенулась, а затѣмъ будто тотчасъ замерла отъ перепуга.

Новое «отдѣленіе» явилось изъ намѣстничества распутать напутанное первымъ.

— Ну, вотъ она... Началась!—воскликнулъ Денисъ Иванычъ.

— Кто—она?..—спросила его жена.

— Волокита!..

Вторые судьи, пробывъ недѣлю съ опросомъ, все распутали по своему, и уже никто не могъ ничего понять...

Прошелъ слухъ, что судьи раскрыли истиннаго убійцу князя Никаева и, не зная, какъ имъ поступить въ особо важномъ обстоятельстве, послали донесеніе намѣстнику и ждутъ его разрѣшенія арестовать... кого-то въ домѣ... Кого?

Тѣ, что говорили со словъ другихъ, сами робѣли отъ изумленія и страха.

— Виновата въ смертоубійствѣ и будетъ осуждена сама барыня Дарья Аникитишна!.. А барину тоже не избѣжать бѣды... Онъ помогаль супругѣ...

Однако второе «отдѣленіе» кончило въ одну недѣлю свой сыскъ и уѣхало, не арестовавъ ни барина, ни барыни. Оно опредѣлило оставить ихъ въ Высоксѣ подъ подозрѣніемъ и указало родственницѣ ихъ наблюсти за ними, чтобы они «безотсутственно» пребывали въ вотчинѣ.

Начальникъ второго земскаго отдѣленія, уѣзжая, былъ тоже очень доволенъ и очень вѣжливъ съ красавицей барышней и очень радушенъ съ новымъ «завѣдующимъ коллежскимъ правленіемъ». Дѣла были временно поручены Гончему по просьбѣ и совѣту барышни, но невѣдомо кѣмъ. Самъ же баринъ съ женою были временно устра-

нены отъ всѣхъ дѣлъ управленія заводами подѣ предложомъ, что угрозами и деньгами не допускаютъ своихъ холоповъ чистосердечно показывать правду по дѣлу объ убійствѣ.

XXIX.

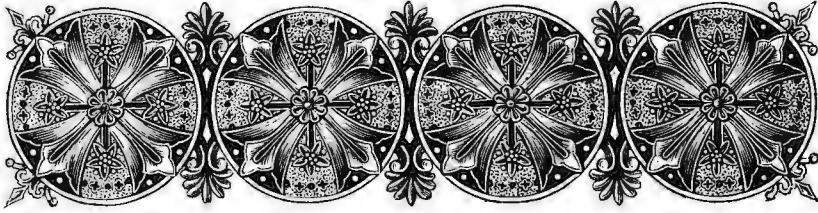
Прошло полгода со дня совершеннаго преступленія, и дѣло стало принимать иной оборотъ.

Басановъ, уже увезенный изъ вотчины, жилъ безвыѣздно подѣ надзоромъ въ губернскомъ городѣ... Въ судѣ шло дѣло о немъ, какъ о главномъ заподозрѣнномъ въ смертоубійствѣ. Предполагаемая пособница его, Дарья Аникитишна, была по распоряженію намѣстника впредь до окончанія сыска и суда оставлена на жительствѣ въ Высокѣ при дѣтяхъ, но не при дѣлахъ управленія.

Предписаніе правительственное между прочимъ гласило:

«Препоручивъ оной дворянкѣ, Дарьѣ, Аникитовой дочери, Басманъ-Басановой, яко родной матери, печися и старатися объ чадахъ, двухъ сынахъ ея, Олимпіѣ и Аркадіѣ, изъять изъ вѣдѣнія ея и присутствія всякія заводскія, и вотчинныя, и прочія дѣла, а управленіе и распоряженіе оными возложить на дѣвицу изъ дворянокъ Сусанну Юрьеву (Егорову тожъ) дочь Касаткину, съ строжайшимъ препорученіемъ ей опекать и блюсти все, до Высокскихъ Басманъ-Басановскихъ заводовъ и вотчинъ и степныхъ деревень и инаго прочаго имущества касаемое, сущее и присное. Опрочь сего, Нижегородскому бывшему купцу, а нынѣ Высокскимъ коллежскимъ правителемъ назначенну, Онисиму Абрамову сыну Гончему, яко отвѣтственну, не токмо предѣ опекуншей дворянкой Касаткиной, всего управленія блюстительницей, но такожде и сугубо отвѣтственну предѣ самымъ намѣстническимъ правленіемъ,—имѣть все въ полномъ его, Гончачо, распоряженіи и подѣ наивящимъ его наблюденіемъ всѣхъ дѣлъ происхожденія. И отнюдь не ссылатися ему—Гончему—на помѣшателства и помѣшателей, а на свой страхъ и совѣсть приемя предѣ закономъ все оное, до заводскихъ и вотчинныхъ дѣлъ касаемое и слѣдующее, строжайше и неукоснительно вѣдать и въ намѣстническое правленіе доносить... И тако всему оному вышеписанному впредь до приснаго намѣстническаго указу быти».

Графъ Е. А. Салиасъ.

ЗАПИСКИ ГРАФИНИ В. Н. ГОЛОВИНОЙ ¹⁾.

XXII.

Г-жа де-Монтессонъ. — Панихида на кладбищѣ. — Г-жа де-Монтаю. — Общество гр. Головиной. — Вертъе и г-жа де-Висконти. — Парижскіе бѣдняки. — Графъ Сегюръ. — Г-нъ Талейранъ. — Г-жа Режекуръ. — Принцесса Елисавета.

ЖА ДЕ-МОНТЕССОНЪ была тайно обвѣнчана, безъ согласія короля, съ герцогомъ Орлеанскимъ, отцомъ Филиппа Эгалите, она была богата, такъ какъ получила большое наслѣдство отъ герцога. Бонапартъ просилъ ее открыть свой домъ и пригласить старое и новое дворянство; но она долго не могла достигнуть этого единенія. Она умерла послѣ моего отбѣзда.

Однажды, утромъ, я была у г-жи де-Суршъ; отъ нея я узнала, что она только что посѣтила г-жу Монтаю; послѣдняя была занята приготовленіями къ панихидѣ, которая должна была быть отслужена на кладбищѣ Пикпусъ ²⁾, гдѣ были по-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXVII, стр. 427.

²⁾ На кладбищѣ Пикпусъ похоронены 1.200 жертвъ, служившихъ охраною трона. Когда время террора кончилось, принцесса Сальмъ, потерявъ своего брата, хотѣла купить мѣсто кладбища и сдѣлала на это сборъ между тѣми, кто былъ заинтересованъ, какъ она, сохранить бранные останки нѣкоторыхъ своихъ родственниковъ. Церковь, которая была поругана, была освящена, и въ продолженіе слѣдующихъ лѣтъ тамъ возносились торжественныя молитвы за погребенныхъ. Каждый жертвовалъ для поддержки этого благочестиваго учрежденія. Примѣчаніе графини В. Н. Головиной.

гребены многие изъ ея родственниковъ. Я спросила у г-жи Суршъ, не будетъ ли это съ моей стороны неделикатно, если я попрошу, чтобы меня тоже допустили на эту панихиду. Она согласилась хлопотать за меня, и на слѣдующій же день я получила отъ г-жи Монтагю очень трогательное и любезное приглашеніе.

Я отправилась съ молодой г-жей Турсель и де-Жевръ, первая хотѣла помолиться за отца, вторая — за мужа. Мы проѣхали весь Парижъ и остановились у дверей ограды кладбища. Лицо г-жи Турсель носило отпечатокъ горя. При входѣ въ церковь я была охвачена такимъ чувствомъ, съ которымъ, казалось, силы мои не въ состояніи были совладѣть: мои обыкновенныя мысли, казалось, уничтожились, и я ничего не видѣла, кромѣ смерти и утѣшенія въ религіи. Я съ любовью осматривала всѣ лица, выражая самую нѣжную покорность. Панихида началась, всѣ опустили на колѣни. Передо мной стояла герцогиня де-Дюрâ; она потеряла своего отца, мать, невѣстку и племянницу. Печальное пѣніе прерывалось по временамъ рыданіями. Посрединѣ церкви стоялъ катафалкъ. Въ концѣ церемоніи г-жа Монтагю пошла съ кружкою для сбора. Она была блѣдна и трогательна, слезы орошали ея лицо, не мѣняя его ангельскаго выраженія; ея живые черные глаза, казалось, поблекли. Одинъ изъ ея двоюродныхъ братьевъ подалъ ей руку. Когда она приблизилась ко мнѣ, я встала съ колѣней. Я въ смущеніи, съ дрожью, опустила деньги въ кружку. Какъ могущественно созерцаніе добродѣтели, и какъ я жалѣю тѣхъ, кто не можетъ сочувствовать горю другихъ! Это единственное счастье добродѣтели: можно ли радоваться или оставаться равнодушнымъ, видя горе другихъ?

На слѣдующій день г-жа Монтагю пріѣхала ко мнѣ, чтобы поблагодарить меня; это обстоятельство сблизило насъ. Я попросила г-жу Суршъ свести меня къ ней, и мы отправились въ предмѣстье Сентъ-Оноре, на площадь Бово. Г-жа Монтагю приказала сказать мнѣ, что она окружена дѣловыми людьми, и не смѣя заставлять меня подниматься, сейчасъ спустится къ моей каретѣ, чтобы видѣться со мной. Она мнѣ сказала, что находится въ большомъ затрудненіи, такъ какъ не хватаетъ 3 тысячъ франковъ, чтобы пополнить уплату за мѣсто кладбища Пикпусъ, а она не видитъ никакой возможности достать эту сумму, и что люди, заинтересованные въ этомъ дѣлѣ, дѣлали уже все, что только отъ нихъ зависѣло. Я ей сказала: «завтра одна особа изъ нашего посольства ѣдетъ въ Петербургъ; не хотите ли, съ ней я напишу одной изъ своихъ подругъ, чтобы она хлопотала объ этой суммѣ. Можно заинтересовать императрицу Елисавету, доброта которой чрезмѣрна. Вы помолитесь за нее, и сердце мое будетъ наполнено радостью». Г-жа Монтагю бросилась мнѣ на шею и заплакала. — «Какъ только я васъ увидѣла, — сказала она, — я почувствовала, что вы будете нашимъ ангеломъ утѣшителемъ». Я ее попросила написать Толстой

и приложить къ ея письму письмо г-на Салли-Толлендаля о Пикпусѣ. Все было исполнено въ точности, срокъ платежа кончался въ октябрѣ, а это было въ маѣ, такъ что времени еще было достаточно. Г-жа Толстая взялась за это дѣло съ усердіемъ, и отъ императрицы сумма была получена въ назначенный срокъ. Мѣсто было куплено, и сердце г-жи Монтагю было преисполнено радостью; установили молитвы за государыню. Это время было одно изъ самыхъ пріятныхъ въ моей жизни: я благословляла Господа, что находилась въ это время въ Парижѣ. Если бы не помощь, которую я имѣла счастье доставить имъ, то эта земля осталась бы у правительства, церковь была бы заброшена, и кладбище разорено. Теперь оно орошается слезами благочестивой любви, и самыя трогательныя и теплыя молитвы возносятся тамъ къ престолу Всевышняго: Молитвы эти одинаково возносятся и за жертвы, и за гонителей. Какое торжество религіи, какое спокойствіе водворяется въ душѣ, когда стоишь у подножія креста и когда исчезаетъ всякое злобное чувство!

Съ этого времени г-жа Монтагю посѣщала меня два раза въ недѣлю и проводила вечера съ г-жей Тарантъ и со мной. Въ эти дни двери моего дома были закрыты для всѣхъ.

Вотъ случай, который она мнѣ рассказала по поводу кладбища Пикпусъ. Между погребенными на этомъ кладбищѣ былъ одинъ человѣкъ, называвшійся Парисъ; онъ служилъ у герцога де-Кастри; послѣ своей смерти онъ оставилъ въ нуждѣ жену и дочь. Съ того времени, какъ заботы и религіозныя воспоминанія заставили освятить эту долину слезъ, посвящая ее религіи, m-lle Парисъ приходила аккуратно два раза въ недѣлю на кладбище Пикпусъ, несмотря на то, что это мѣсто, обогренное кровью, которое она орошала своими слезами, находилось въ двухъ миляхъ отъ нея. Ея трогательный и несчастный видъ поразилъ сторожа; послѣдній сказалъ объ этомъ г-жѣ Монтагю, которая стала ее искать, и только послѣ многихъ безуспешныхъ попытокъ она ее нашла вмѣстѣ съ ея матерью въ шестомъ этажѣ, гдѣ онѣ работали, а именно, штопали старыя кружева и этимъ доставляли себѣ средства къ существованію. M-lle Парисъ старалась ограничивать свои расходы въ удовлетвореніи самыхъ насущныхъ потребностей, чтобы быть въ состояніи предложить пятьдесятъ франковъ въ пользу сбора на Пикпусъ. Послѣ разговора съ ней г-жа Монтагю еще болѣе заинтересовалась ею.

Я обѣдала всегда дома въ покояхъ моей матери, куда обыкновенно собирались гости. Наши знакомые, которыхъ мы принимали, были: г. Монморанси, Турсель — тотъ, который женился на Августинѣ, де-Беаръ, мужъ Полины, Оливье де-Веракъ, де-Куфланъ и де-Кра. Кавалеръ де-Монморанси, младшій изъ трехъ братьевъ, имѣлъ особенный талантъ къ музыкѣ. Родители г-жи Тарантъ, герцогиня де-Дюра и де-Жевръ, принцесса де-Шиме и де-Тенгрисъ обѣдали также у насъ. Эта послѣдняя приходится свекровью г-жѣ де-

Люксембургъ. Я уходила изъ дома утромъ на нѣсколько часовъ и поздно вечеромъ; остальное время я посвящала своей матери и своимъ занятіямъ. Въ мое отсутствіе оставался съ ней докторъ, который жилъ у насъ специально для нея. Мои дѣти время отдыха проводили у нея, и г-жа Мерей, ея компаньонка, никогда ея не покидала. Я ничѣмъ не могла наслаждаться, не будучи увѣрена, что она хорошо себя чувствуетъ.

Однажды г-жа Дивова пріѣхала ко мнѣ, чтобы пригласить меня обѣдать вмѣстѣ съ г-жей Кошелевой; она увѣряла, что мы будемъ тамъ почти однѣ, и что никого изъ представителей новой Франціи не будетъ. Я не могла устоять противъ приглашенія г-жи Кошелевой, и мы отправились туда вмѣстѣ. Первымъ сюрпризомъ было то, что мы встрѣтили тамъ герцогиню де-Санта-Круцъ, римлянку, старуху, кокетку 60-ти лѣтъ, съ рыжимъ парикомъ, устроеннымъ по-старинному; она меня поразила своимъ забавнымъ видомъ. Г-жа Дивова меня затащила, чтобы познакомить съ ней; она меня представила ей, какъ племянницу г-на Шувалова, котораго она знала, будучи въ Римѣ. При этихъ словахъ эта страшная фигура бросилась ко мнѣ на шею съ радостными и дикими восклицаніями, повторяя: «О, какъ я была счастлива съ нимъ!» Во всю свою жизнь я не встрѣчала подобной сцены. Я вырвалась изъ ея рукъ и прибѣгла къ помощи Кошелевой, которая не знала, какъ ей поступить. Мы обѣ ужасно смѣялись, но наше удивленіе еще болѣе увеличилось, когда вошла г-жа Висконти, объявленная возлюбленная де-Бертье¹⁾, замѣчательная красавица, лицо которой, несмотря на 60 лѣтъ, не поблекло и не имѣло морщинъ. Дама, римлянка, встрѣтила ее съ распростертыми объятіями, и эта послѣдняя бросилась къ ней въ свою очередь съ изліяніями самой нѣжной любви. Моя подруга и я сѣли въ уголь, чтобы наслаждаться зрѣлищемъ; онѣ помѣстились въ противоположномъ углу, шептались и жестикулировали. Г-жа Висконти имѣла то трогательный видъ, то веселый. Все общало развязку, отвѣчавшую этой сентиментальной подготовкѣ. Г. Бертье вошелъ, и г-жа Висконти приняла трогательное выраженіе жертвы: хозяйка дома и герцогиня говорили ей съ неподражаемымъ жаромъ, та и другая на ухо. Бертье незамѣтно приблизился къ нимъ. Его возлюбленная смотрѣла на него томнымъ взоромъ; мы были въ первой ложѣ, чтобы видѣть это отвратительное зрѣлище: дѣло шло о примиреніи, на которое, повидимому, легко можно было надѣяться. Мы съ нетерпѣніемъ ждали обѣда въ надеждѣ, что онъ доставитъ намъ нѣкоторое отдохъ отъ этихъ любовныхъ продѣлокъ. Но мы были обречены видѣть эту сцену до конца. За обѣдомъ мы сѣли вмѣстѣ, Кошелева и я, а наши мужья противъ насъ. Влюбленная парочка,

¹⁾ Генераль Бертье, впоследствии начальникъ главнаго штаба Наполеона, бывший правой его рукою въ управленіи войсками.

г-нъ Бертье и г-жа Висконти, сидѣли рядомъ и пожирали другъ друга глазами. Мы приходили въ смущеніе отъ этого молчаливаго краснорѣчія: они жали другъ другу руки такъ, что дама не могла удержаться, чтобы время отъ времени не сдѣлать гримасы. Герцогиня и г-жа Дивова были страшно рады, что имъ удалось видѣть это трогательное примиреніе. Послѣ обѣда подали кофе на маленькій столикъ. Бертье хотѣлъ оказать честь и выпить кофе. Я не хотѣла пить и незамѣтно проскользнула къ двери. Г-жа Кошелева послѣдовала за мной, и мы сѣли вмѣстѣ въ карету. «Отправимтесь», сказала она, «къ вамъ или ко мнѣ, я задыхаюсь; откуда мы вышли?» «Изъ зачумленнаго мѣста», возразила я, «нужно будетъ подушиться по прїѣздѣ». Мы дали слово никогда не принимать предложенія на эти тонкіе обѣды.

Я нигдѣ не видала такихъ бѣдняковъ, какъ въ Парижѣ: ничто не можетъ быть сравнено съ ихъ нищетой. Однажды m-me де-Баши, обѣдая у меня, предложила мнѣ отправиться послѣ обѣда посѣтить одну больную женщину, жившую недалеко отъ меня въ 6-мъ этажѣ. Я съ удовольствіемъ согласилась; мы поднялись очень высоко и когда въ концѣ длиннаго коридора открыли дверь, то увидѣли бѣдную m-me Легранъ, когда-то знаменитую бѣлошвейку, теперь же высохшую, 60-ти-лѣтнюю старуху, со страшно распухшей ногой и рукой. Она сидѣла передъ огромнымъ незатопленнымъ каминомъ, смотря на пустой горшокъ и взывая къ Богу. Мы остановились, чтобы послушать ее: она насъ не видѣла и продолжала: «Боже, долго ли еще Ты лишишь меня помощи!? Боже, это невозможно: моя нищета и моя покорность Тебѣ извѣстны, Ты не дашь мнѣ погибнуть, Ты меня спасешь отъ голода и жажды, отъ которыхъ я погибаю». Я приблизилась къ ней и положила нѣсколько лундоровъ ей на колѣни. «Вотъ», сказала я, «награда за твое довѣріе и покорность». Она молча посмотрѣла на меня, ея потухшіе глаза наполнились слезами; она сжала мою руку, насколько у нея хватило ея слабыхъ силъ. Видъ несчастія это—пробужденіе для души: она учится узнавать дѣйствительное горе липеній. Испытывая какую нибудь кратковременную печаль или какое нибудь недомоганіе, я думаю о г-жѣ Легранъ и о многихъ другихъ, для которыхъ крышей служитъ небо, а жилищемъ какія нибудь развалины. Я никогда не забуду этихъ женщинъ, прикрытыхъ лохмотьями, держащихъ на рукахъ полумертвыхъ дѣтей; ихъ устремленные взгляды, казалось, боялись потерять послѣдній лучъ надежды. Я часто останавливалась на улицѣ, чтобы имъ оказать какую нибудь помощь. У меня было два мотива: облегчить ихъ страданія и попросить помолиться за Елисавету. Я считала необходимымъ присоединять эту послѣднюю мысль ко всему, что я испытывала самаго чистаго и самаго сердечно молитвеннаго. Это—единственная месть, которую можетъ позволить себѣ преданное сердце. Однажды я отправилась за г-жей де-Тарантъ, которая была у

г-жи де-Бомонъ и должна была ее ждать у подъзда въ каретѣ. Одна женщина, носившая отпечатокъ самой страшной нищеты, подошла ко мнѣ и сказала мнѣ умирающимъ голосомъ: «подайте милостыню, милая дама, во имя Господа и Пресвятой Богородицы»,—и показала, мнѣ свои искалѣченныя руки; я вынула изъ кошелька шесть франковъ и дала ей—она вскрикнула и упала въ обморокъ. Мои люди дали ей воды и привели ее въ чувство; тогда я ее спросила, что могло такъ подѣйствовать на нее. «Уже нѣсколько лѣтъ», возразила она, «какъ я не видала такихъ денегъ; два дня я не ѣла, и теперь побѣгу къ моей матери, которая умираетъ отъ голода».

Однажды послѣ обѣда мнѣ возвѣстили о приѣздѣ г-на де-Сегюръ, о которомъ я упоминала уже выше; я приняла его очень холодно, онъ нисколько не смутился и началъ мнѣ рассказывать о своемъ пребываніи въ Петербургѣ, какъ о самомъ счастливомъ времени въ его жизни. «Много ужасныхъ происшествій произошло съ тѣхъ поръ», сказалъ онъ, «какъ я васъ не видалъ, но и вы вѣдь тоже живете во времена ужасовъ».—«О какомъ времени ужасовъ вы мнѣ говорите?» спросила я.—«О царствованіи Павла».—«Ваше сравненіе не имѣетъ никакого основанія, и совершенно непонятно, какъ вы можете сравнивать государя справедливаго, благороднаго и великодушнаго съ Робеспьеромъ, преступнымъ деспотомъ, главой разбойниковъ?»—«Но, сравнивая его царствованіе со славнымъ и полнымъ счастья царствованіемъ Екатерины II, вы переживали тяжелое время».—«Я не имѣю нужды оправдывать свои чувства признательности и удивленія къ покойной императрицѣ. Но я должна отдать справедливость достоинствамъ ея сына и не сравнивать его со злодѣями, которымъ подчинялись многіе французы. Но я все-таки восхищена слышать отъ васъ, что вы воздаете должную похвалу памяти императрицы; вы были бы болѣе, чѣмъ неблагодарны, если бы забыли всѣ благодѣянія, которыя она вамъ дѣлала». Г-нъ Сегюръ измѣнился въ лицѣ. Онъ былъ посланъ въ Вѣну директоріей и въ это время написалъ письмо, содержаніе котораго было направлено противъ императрицы. Онъ долженъ былъ предположить, что я знала объ этомъ сочиненіи, по крайней мѣрѣ, по наслышкѣ. Такимъ образомъ послѣднія мои слова оборвали его визитъ, и онъ долгое время и не пытался вновь навѣстить меня; онъ боялся также встрѣчаться съ г-жей де-Тарантъ, какъ преступленіе боится угрызений совѣсти. Я видѣла этому доказательство: я провожала однажды утромъ г-жу де-Тарантъ къ одной знакомой англичанкѣ; она просила меня подождать ее въ каретѣ; г. Сегюръ, проходя мимо, узналъ меня и, начавъ со мной разговаривать, спросилъ, кого я жду; «сейчасъ придетъ сюда г-жа де-Тарантъ»,—отвѣчала я.—«Вашъ покорнѣйшій слуга, графиня»,—сказалъ онъ и исчезъ.

Г-жа де-Тарантъ познакомила меня съ герцогиней де-Люинъ, домъ которой былъ очень уважаемъ, благодаря собиравшемуся тамъ об-

ществу, хотя мужъ ея занималъ мѣсто сенатора и по своей службѣ былъ связанъ съ новымъ правительствомъ. Ихъ прекрасный салонъ былъ наполненъ только лишь представителями древней знати, безъ малѣйшей примѣси новаго дворянства. Лишь г. Талейранъ являлся туда, онъ начиналъ играть въ рулетку съ банкирами. Я занималась тѣмъ, что разсматривала его фигуру, и мы долго смотрѣли другъ на друга, какъ фарфоровыя собачки. Его хитрый и подозрительный взглядъ имѣлъ выраженіе вывѣдывающего мошенника, его красныя и дрожащія руки производили отталкивающее впечатлѣніе; онъ имѣлъ преступный видъ съ головы до ногъ.

Я помню, какъ ему отлично отвѣтила г-жа Режекуръ, это мнѣ рассказывала г-жа де-Русъ въ отелѣ Караманъ. Г-жа Режекуръ находилась при особѣ принцессы Елисаветы¹⁾; находясь при ней, она устроила свою судьбу и приобрѣла положеніе. Одно необходимое дѣло заставило ее обратиться къ г-ну Талейрану и попросить у него аудіенцію; онъ назначилъ день и часъ. Она немного опоздала. «Я недоволенъ тѣмъ, что вы опоздали, я не могу долго оставаться съ вами; но гдѣ же вы были?» — «У обѣдни». — «У обѣдни, сегодня?» (это былъ обыкновенный день). Г-жа де-Режекуръ отвѣтила ему съ почтительнымъ видомъ, дѣлая реверансъ: «Да, ваше преосвященство». Не надо забывать, что Талейранъ былъ епископомъ. Онъ понялъ всю тонкость этого отвѣта г-жи Режекуръ и поспѣшилъ покончить съ ея дѣломъ, боясь еще проглотить нѣсколько подобныхъ пилюль. Г-жа де-Режекуръ была находчива въ высшей степени: принцесса Елисавета подарила ей кольцо изъ своихъ волосъ съ тремя начальными буквами своего имени Н. Р. Е. «Вы знаете, что это значитъ?» — спросила она ее. — «Да, счастлива черезъ нее» («heureuse par elle»). Принцесса Елисавета обладала съ самой ранней молодости характеромъ, который предвѣщалъ всѣ добродѣтели. У нея соединялась съ трогательною красотой масса энергіи, которая со временемъ еще болѣе укрѣпилась въ ней. Король, ея братъ, дѣлалъ ей каждый годъ подарки въ видѣ всякаго рода драгоценностей. Она уполномочила г-жу Полиньякъ попросить за нее у его величества, чтобы ей замѣнили эти подарки деньгами; сама она не могла рѣшиться просить этой милости, находя этотъ вопросъ слишкомъ щекотливымъ. Король согласился на ея просьбу; принцесса собрала довольно значительную сумму, которую она употребила на то, чтобы упрочить состояніе г-жи Режекуръ. Въ другомъ случаѣ принцесса Елисавета, всегда робкая, когда дѣло касалось лично ея, пошла сама къ королю просить позволенія продолжать видѣть г-жу Омаль, которая находилась при принцессѣ Елисаветѣ и, впадши въ немилость, была удалена отъ двора; она говорила, что она ничего не знаетъ о ея винѣ, и что, несмотря на уваженіе, которое она должна

¹⁾ Несчастная сестра несчастнаго Людовика XVI.

питать къ приказаніямъ его величества, она не находить справедливымъ отказывать въ своей добротѣ и довѣрїи лицу, со стороны котораго она ничего не видала, кромѣ доказательствъ преданности. Король нашель ея доводы справедливыми и разрѣшилъ ей поступать такъ, какъ она находить нужнымъ. Принцессѣ Елисаветѣ было тогда только 15 лѣтъ. Чистое тѣло этой ангельской принцессы было погребено въ саду де-Монсо, который принадлежалъ во время моего пребыванія въ Парижѣ Камбасересу.

XXIII.

Баль у графа Кобенцеля. — Г-жа де-Николь. — Г-жа Лукезини. — Старое и новое дворянство. — Болѣзнь графини Головиной. — Сочетаніе стараго порядка съ новымъ. — Художникъ Собертъ. — Весна въ Парижѣ. — Г-жа Шатильонъ. — Г-жа Дамъ. — Сомнамбулизмъ г-жи де-ла-Коть. — Процессія.

Я встрѣтила однажды вечеромъ графа де-Кобенцель, австрійскаго посланника, въ отелѣ де-Шаро. Онъ просилъ дамъ, въ томъ числѣ и меня, къ себѣ на большой баль и предупреждалъ насъ, что мы тамъ встрѣтимъ общество, состоящее изъ стараго и новаго дворянства. Мы приняли сначала приглашеніе. Но когда онъ уѣхалъ, мы высчитали, что день бала приходится какъ разъ наканунѣ 20 января, дня смерти Людовика XVI. Это соображеніе пришло въ голову всѣмъ обитателямъ предмѣстья Сень-Жерменъ, и посланникъ получилъ массу извинительныхъ записокъ, въ которыхъ объяснялась причина отказа. Графъ Кобенцель былъ такъ тронутъ этимъ единодушнымъ выраженіемъ одного и того же чувства, что отложилъ баль на четыре дня, несмотря на то, что онъ пригласилъ уже всѣхъ представителей новаго дворянства. Этотъ поступокъ съ его стороны побудилъ насъ быть у него на балу.

Я отправилась на баль съ своими подругами; при выходѣ изъ кареты насъ встрѣтило все австрійское посольство. Каждый изъ кавалеровъ предложилъ руку дамѣ, и мы отправились цѣлой процессіей въ салонъ посланника; тамъ кавалеры наши насъ оставили, сдѣлавъ намъ глубокой поклонъ, на что мы отвѣтили тѣмъ же; послѣ этого нами завладѣлъ самъ посланникъ и провелъ насъ въ танцевальный залъ. По серединѣ зала было сдѣлано возвышеніе въ видѣ четырехугольника, такимъ образомъ, что кругомъ оставался свободный проходъ. Пространство посерединѣ было достаточно обширно для танцевъ, и музыка была помѣщена амфитеатромъ противъ одной изъ стѣнъ зала. Негръ Жюльенъ, знаменитый скрипачъ, управлялъ оркестромъ, барабанъ и флейта вторили ему. Одинъ господинъ, находившійся на извѣстномъ разстояніи, выбивалъ тактъ палочкой и дирижировалъ танцами. Мы сѣли на возвышеніи, и баль

начался. Г-жа Моро, красивая, стройная и граціозная, была царницей бала; ея мужъ, одѣтый простымъ гражданиномъ, пожиралъ ее глазами¹⁾. Танцы доведены въ Парижѣ до смѣшной виртуозности. Это арѣлице меня очень занимало, тѣмъ болѣе, что я была окружена всѣми моими друзьями. Разговаривая съ Августиной де-Турсель, я почувствовала вдругъ, что оперлась на что-то очень мягкое. Я повернулась и увидѣла женщину пожилыхъ лѣтъ, причесанную и одѣтую по послѣдней модѣ, у нея было черное, бархатное платье и множество чудныхъ брильянтовъ. Она меня толкала своимъ животомъ, какъ стулъ, и кричала: «А, вотъ жена президента! А жена сенатора вонъ тамъ, въ углу! Какъ она красива! Вчера я была у нея, какая она благородная особа! Но посмотрите, какъ она на меня пріятно смотритъ». И она посылала всѣмъ поклоны, складывая губки сердечкомъ и закатывая глаза. Я спросила у одного господина, который зналъ всѣхъ этихъ дамъ, каждую по имени, кто была эта странная особа. «Это г-жа Николь,—отвѣтилъ онъ,—два года тому назадъ она содержала гостиницу, а мужъ ея теперь президентомъ. А эта дама, которая довольно мило танцуетъ, г-жа Мишель. Ея мужъ былъ извѣстнымъ убійцей во время террора; онъ теперь сенаторъ по протекціи Камбасереса». Между необыкновенными фигурами, фигура г-жи Люкезини, жены прусскаго министра, выдѣлялась необыкновеннымъ образомъ. Она была высокаго роста, шатенка, съ грубыми чертами лица, простого и грубаго сложенія. Брови ея были подчеркнуты, на лицѣ виднѣлись синія жилы отъ старости, щеки были багровыя, и лицо наштукатурено, какъ у статуи. Г-жа Люкезини, несмотря на свой видъ, танцевала безъ памяти. По мѣрѣ того, какъ она разгорячалась, оттѣнки ея лица смѣшивались, подъ конецъ она имѣла видъ испачканной палитры; восхищаясь постоянно семьей Бонапарта, она выжимала слезы изъ глазъ, глядя на эту семью, и, благодаря этому, черный цвѣтъ ея рѣсницъ исчезалъ, и взглядъ принималъ испуганный видъ, а ея обширныя брови отъ жары придавали зловѣщее выраженіе ея лицу. У меня было достаточно времени, чтобы налюбоваться ею вдоволь; послѣ ужина она пошла танцевать польку съ г. Ланскимъ, съ однимъ изъ моихъ соотечественниковъ, который забавлялся тѣмъ, что ужасно трясъ ее. Она дышала, какъ лошадь послѣ тяжелаго бѣга, и удерживала свое дыханіе только изъ непонятнаго уваженія къ г-жѣ Мюратъ, сестрѣ перваго консула. Ея чреамѣрная вѣжливость позволяла ей сѣсть только на край стула, и общая принужденность во всемъ ея существѣ придавала ей видъ фигуры карнавала или опереточной принцессы. Эта странная маска еще болѣе бросалась въ глаза рядомъ со свѣжей и бодрой фигурой г-жи Мюратъ. Чтобы

¹⁾ Знаменитый генералъ, котораго роялисты въ это время пробовали сдѣлать соперникомъ Наполеону.

возвѣстить объ ужинѣ, дворецкіе въ ливреяхъ, обшитыхъ золотомъ, прошли по всѣмъ заламъ, неся каждый въ рукахъ длинную палку, на концѣ которой находился транспарантъ съ номерами. Транспарантовъ было по числу накрытыхъ столовъ. Мы были приглашены къ столу № 1, который былъ предназначенъ для стараго французскаго дворянства. Залъ былъ просторный, нашъ столъ, поставленный посерединѣ, былъ окруженъ всѣми другими столами, и мы, казалось, царили надъ всѣми остальными. Генералы, сенаторы и всѣ власти прогуливались вокругъ насъ. Я осталась на балу до 7 часовъ утра. Я не могла налюбоваться этимъ удивительнымъ разграниченіемъ между старымъ и новымъ дворянствомъ. Съ какимъ стараніемъ женщины новаго направленія подражали женщинамъ, принадлежавшимъ къ старому дворянству, несмотря на то, что послѣднія, казалось, не замѣчали ихъ существованія!

Вскорѣ послѣ бала я очень сильно захворала; болѣзнь, которая сорѣвала у меня въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, разразилась вдругъ, благодаря переменѣ климата. Семейство Турсель и Караманъ меня не покидали. Они раздѣлились и одни ухаживали за мной утромъ, а другіе вечеромъ. Г-жа Турсель, мать, заставила меня послать за докторомъ Порталемъ, чтобы онъ оцупалъ мой правый бокъ. Онъ нашелъ завалы въ печени и засореніе желѣзъ. У меня сильно болѣла голова, пульсъ былъ неправильный и дыханіе стѣсненное; мнѣ прописали искусственныя воды Виши и назначили мнѣ докторомъ очень любезнаго и знающаго свое дѣло господина Галлея. Впродолженіе нѣсколькихъ дней я себя чувствовала очень плохо. Моя первая мысль была о Богѣ, вторая объ императрицѣ Елисаветѣ; я написала ей письмо и спрятала его, предполагая передать его г-жѣ Тарантъ, чтобы она его передала послѣ моей смерти императрицѣ. Но лѣкарства произвели свое дѣйствіе, и черезъ мѣсяцъ я почувствовала облегченіе и скорѣ вступила въ колею обыденной жизни.

Изъ религіозныхъ церемоній, которыя мнѣ пришлось видѣть въ Парижѣ, меня поразило поклоненіе кресту въ пятницу на страстной недѣлѣ. Г-жа де-Тарантъ меня провела въ полночь въ нѣсколько церквей. Молитва совершается въ подземныхъ капеллахъ. Одинъ только крестъ освѣщенъ, священникъ служитъ тихимъ голосомъ. Всѣ присутствующіе, которыхъ я видѣла, казалось, были погружены въ самыя глубокія размышленія. Эта религіозная тишина дѣйствуетъ проникающимъ образомъ въ душу. Этотъ таинственный крестъ, единственный предметъ поклоненія, — страхъ для однихъ и утѣшеніе для другихъ. Это есть знамя спасенія и надежды, которыя облагораживаютъ горе среди униженій, которыя разрушаютъ идоловъ сердца и разсѣкаютъ мракъ; оно есть сокровищница истины, которая насъ заставляетъ чувствовать пустоту жизни. Я люблю все, что возвышаетъ и пробуждаетъ душу. Да, въ Парижѣ есть чѣмъ удовлетворить свой вкусъ и дать пищу мысли. Достаточно пробѣжать улицы, чтобы по-

лучить полное наставленіе въ нравственности. Церкви превращены въ театры, старыя гостиницы въ модные магазины; уважаемыхъ потомковъ самыхъ знаменитыхъ фамилій вы видите идущими пѣшкомъ по грязи. Сочетаніе самыхъ странныхъ противоположностей поражаетъ васъ безъ конца. Неожиданность за неожиданностью, и мысль отказывается слѣдовать за всѣмъ тѣмъ, что она встрѣчаетъ.

Г-жа де-Матиньонъ, дочь барона де-Бретейль, бывшаго посланникомъ въ Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II, шла однажды пѣшкомъ. Это была ея прихоть, такъ какъ у нея была своя карета. На углу улицы Бакъ и Планшъ стояли продавецъ овощей и продавецъ табаку; когда г-жа Матиньонъ находилась около нихъ, вдругъ полилъ страшный дождь; случилось такъ, что въ это время проѣзжалъ мимо въ каретѣ герцогъ де-Праленъ. Онъ увидаль г-жу Матиньонъ и, остановивъ карету, предложилъ ей сѣсть рядомъ съ нимъ, но у него не хватило настолько вѣжливости, чтобы снять шапку, когда онъ говорилъ съ ней. Торговецъ овощами возмущился этимъ и закричалъ своему сосѣду: «Посмотри, товарищъ, вотъ этотъ изъ новаго дворянства, какъ онъ важничаетъ; посмотри, можно подумать, что у него шапка пригвождена къ головѣ! Это не изъ нашихъ старыхъ дворянъ, вѣжливыхъ и галантныхъ съ дамами». Эта сцена доказываетъ, насколько народъ былъ возмущенъ новыми обычаями. Герцогъ Праленъ очень плохо себя велъ во время революціи и усвоилъ себѣ вульгарность. Я встрѣгила однажды г-жу Турсель, мать, идущую пѣшкомъ въ ужасную погоду. Она шла тихо съ зонтикомъ въ рукахъ; мнѣ было неловко путешествовать такъ удобно и, проѣзжая мимо, забрызгать ее грязью. Я остановила экипажъ и попросила ее сѣсть въ карету. «Я принимаю ваше любезное приглашеніе», сказала она, «только длятого чтобы доставить себѣ удовольствіе побыть съ вами. Вы думаете, что мнѣ трудно идти по грязи, увѣряю васъ, что нѣтъ: я могла бы вполне избавиться отъ этого, но я сознаюсь, что я испытываю особаго рода удовольствіе въ лишеніи, когда я думаю, что мой бѣдный государь живетъ милостыней себѣ равныхъ». Я ее довезла до дома; я сблизилась съ этой семьей, которую я стала видѣть каждый день еще съ бѣльшимъ удовольствіемъ. Я много занималась живописью.

Легкость достать себѣ все, что касалось искусства, возбуждала и поощряла вкусъ. Робертъ обѣдалъ у меня по четвергамъ и оставлялъ мнѣ почти всегда по эскизу, начатому въ 2 часа, а въ 4 часа уже повѣшенному на стѣну моего салона. Тѣмъ, что я знаю, обязана Роберту; что можетъ быть поучительнѣе, какъ видѣть, какъ работаетъ великій артистъ. Онъ мнѣ рассказывалъ о своемъ приключеніи въ катакомбахъ, такъ хорошо описанномъ аббатомъ Делилемъ въ его поэмѣ. Какъ интересно слушать рассказъ изъ устъ самого героя! У cadaго свой особый способъ воспринимать впечатлѣнія и судить о нихъ сообразно со своимъ характеромъ и своими наклонностями.

Что можетъ быть прекраснѣе весны въ Парижѣ послѣ февраля, когда можно начать уже наслаждаться ея прелестями! Воздухъ наполненъ ароматомъ, кусты покрыты цвѣтами. Мой домъ былъ окруженъ четырьмя садами, а именно, садомъ иностраннаго посольства, де-Веракъ, де-Монако и садомъ г-жи де-Шатильонъ. Первые три окружали мой садъ и были отдѣлены отъ него только каменной стѣной, а чтобы попасть въ четвертый нужно было только пройти мой дворъ и очень узкую Вавилонскую улицу. Я была окружена сиренью, лиліями, жимолостью; я любовалась цвѣтниками изъ розъ и лилій. За этимъ прекраснымъ садомъ я видѣла домъ, гдѣ жила г-жа Тарантъ со своей матерью. Я любила присутствовать при одѣваніи г-жи де-Шатильонъ, кабинетъ которой носилъ характеръ хорошей меблировки во вкусѣ старой Франціи. Онъ былъ наполненъ маленькими картинками и всевозможными сувенирами; я рассматривала всѣ эти предметы, достойные восхищенія въ то время, какъ Леонора, ея камеристка, причесывала ее. Все было чисто и элегантно, во всемъ чувствовалась гармонія; даже въ маленькихъ шкапчикахъ я видѣла отпечатокъ вкуса и характера той, кому они принадлежали.

Вечера во Франціи почти всегда теплѣе дня. Я часто оставалась очень поздно въ саду моей матери при лунномъ освѣщеніи или въ страшную темноту; я прислушивалась къ самымъ разнообразнымъ звукамъ этого необъятнаго міра; ничто такъ не располагаетъ къ мечтаніямъ, какъ отдаленный шумъ, который то увеличивается, то ослабѣваетъ, и ухо невольно слѣдитъ за нимъ. Однажды я замѣтила въ темнотѣ двухъ женщинъ, которыя, открывъ дверь, ведущую изъ сада де-Веракъ въ мой садъ, направлялись ко мнѣ. Я протираала глаза, чтобы узнать ихъ, но мои труды были напрасны. Между тѣмъ черезъ нѣсколько времени я различила голосъ г-жи де-ла-Котъ, и я моментально была передъ ней. «Вотъ г-жа Дамъ, я ее веду къ вамъ,—сказала она,—она давно уже желаетъ быть представлена вамъ». Мы по обычаю привѣтствовали другъ друга, и я ихъ провела къ скамьѣ, гдѣ я только что сидѣла. Г-жа Дамъ выразила мнѣ самымъ любезнымъ образомъ, что она меня знала уже, благодаря участію, которое я принимала въ ея сынѣ. Ея голосъ и манера говорить были очень пріятны. Я думала: «вотъ пріятная дама», но не знала, какъ она выглядѣла. Такая манера знакомиться мнѣ казалась довольно пикантною, и я не торопилась ввести г-жу Дамъ въ домъ. Но наконецъ надо было отправиться домой, и при входѣ въ мой салонъ, освѣщенный лампами, мы взглянули другъ на друга съ поспѣшностью, которая заставила насъ обѣихъ засмѣяться. Г-жа Дамъ мнѣ показалась очень красивой; г-жа де-ла-Котъ была настолько безобразна, насколько умна и несчастна. У нея была необыкновенная болѣзнь: она впадала иногда въ летаргію, которая продолжалась болѣе десяти дней. Ее укладывали

въ постель, и она лежала безъ движенія, безъ пищи и питья; ее можно было бы принять за мертвую, если бы у нея не бился пульсъ. Ея братъ, Оливье де-Веракъ, мнѣ рассказывалъ, что однажды ея летаргія продолжалась долѣе обыкновеннаго; онъ бросился на колѣни и вскричалъ: «Господи, неужели это состояніе долго еще продолжится?» Вдругъ она, не открывая глазъ, сдѣлала ему знакъ, чтобы онъ приблизился къ ней, и движеніемъ руки показала, что она хочетъ написать. Онъ ей далъ бумаги и карандашъ; она, не шевелясь и не открывая глазъ, взяла и написала: «будьте спокойны, это не продолжится долго. Пришлите мнѣ завтра (особу, имя которой она написала), и чтобы никто другой не приходилъ». Ея желаніе исполнили. Но г-жа де-Конфланъ, очень преданная ей, пожелала остаться въ ея комнатѣ въ сторонѣ во время таинственнаго признанія. На слѣдующій день ея братъ пришелъ къ ней; она опять показала, что она хочетъ написать, и спросила: почему г-жа Конфланъ была введена наканунѣ въ ея комнату, несмотря на ея запрещеніе. На третій день она встала, не зная ничего о томъ, что произошло. Принцесса Тальмонъ, невѣстка г-жи Тарантъ, видѣла ее во время ея припадковъ; она мнѣ говорила, что ея ясновидѣніе не можетъ быть ничѣмъ объяснено, и что ни одинъ докторъ не можетъ ее понять. Можетъ быть, ея неслыханныя несчастія были причиною этого. Ея мужъ былъ ярый революціонеръ; онъ отнялъ у нея ея единственнаго сына и воспиталъ его, какъ дикаря, стараясь уничтожить въ немъ всѣ религіозныя принципы и всякое чувство къ матери. Онъ женился на одной дамѣ, отъ которой у него было шесть дѣтей; г-жа же де-ла-Котъ осталась бы совсѣмъ безъ средствъ къ существованію, если бы не ея братъ Оливье, который ее окружалъ самыми нѣжными заботами.

Площадка моего сада возвышалась надъ садомъ иностраннаго посольства, и съ нея была видна процессія таинства причастія. Въ разныхъ частяхъ сада были устроены алтари. Многочисленное духовенство, богато одѣтое, слѣдовало за Св. Дарами, которые несъ подъ балдахиномъ священникъ; діаконы шли впереди съ длинными кадилами; дѣти, одѣтыя въ бѣлое съ голубыми кушаками, несли корзины съ цвѣтами и рассыпали ихъ по дорогѣ. Время отъ времени процессія останавливалась, чтобы поклониться Св. Дарамъ, и тогда раздавались звуки духового инструмента, которые сопровождались пѣніемъ. Весь народъ опускался на колѣни, и этому торжественному зрѣлищу придавала еще болѣе красоты прекрасная погода. Молитвы на воздухѣ, казалось, носили характеръ еще болѣе религіозный и величественный. Благочестіе не можетъ найти себѣ достаточно полной формы для своего выраженія.

XXIV.

Г-жа X.—Ея сочувствіе къ участи королевы Маріи-Антуанетты.—Бѣдственное положеніе королевы въ тюрьмѣ.—Сближеніе съ ней г-жи X.—Разказы королевы Маріи-Антуанетты.—Смерть г-жи Эстурмель.

Я отправилась съ г-жей де-Тарантъ однажды утромъ къ княгинѣ де-Шиме. Послѣдняя попросила прійти къ ней еще на слѣдующій день, такъ какъ она имѣла ей что-то сообщить довольно интересное. На слѣдующій день поздно вечеромъ пришла ко мнѣ г-жа де-Тарантъ; я замѣтила, что она была блѣдна и смущена, и испугалась. Когда мы остались однѣ, я спросила ее: «Скажите, что съ вами, вы меня беспокоите». Г-жа де-Тарантъ мнѣ отвѣтила: «При васъ мнѣ вчера назначила г-жа Шиме свиданіе. Я у нея была. Она мнѣ сказала, что она знаетъ лицо, благодаря состраданію и милости котораго были открыты двери всѣхъ темницъ, гдѣ страдали жертвы, которыя Робеспьеръ приговорилъ къ эшафоту, когда этотъ тигръ, не зная предѣла своимъ злодѣйствамъ, извлекъ королеву изъ Тампля, чтобы заточить ее въ тюрьму. Эта тюрьма—предметъ попеченія г-жи X. Она имѣла ловкость, смѣлость и силу проникнуть въ эту страшную темницу, которая заключала въ себѣ королеву Франціи; она пренебрегла всѣми опасностями, которыя могли быть неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого дѣла. Она такъ трогательна: для нея она не была королева, къ которой она стремилась; она была для нея просто страдающее существо, которое ея сердце хотѣло облегчить. Нужно, продолжала княгиня Шиме, чтобы вы видѣли г-жу X., она знаетъ про ваше существованіе, но боится знакомиться и потому лишаетъ себя возможности васъ видѣть; но такъ какъ вы можете видѣть Madame (сестру французскаго короля) въ Митавѣ, то не возьмете ли вы на себя трудъ передать нѣкоторыя порученія ей отъ королевы. Я ей сказала, что я приведу къ ней одну особу, мою подругу, которая увидитъ дочь государыни; она согласилась на это. Хотите вы пойти со мною?» сказала она. Разговоръ г-жи Тарантъ меня очень тронулъ, и у меня явилось страшное желаніе видѣть и услышать существо, которое представляетъ изъ себя верхъ гуманности и которое живетъ, чтобы облегчать горе и несчаствіе другихъ. Мы поднялись въ 3-й этажъ по очень узкой лѣстницѣ и достигли убѣжища добродѣтели. Я увидѣла тамъ маленькую, старую, полную женщину, съ ногами толстыми, какъ и весь ея корпусъ, съ трудомъ двигавшуюся за тѣмъ, что было необходимо лично для нея: она была дѣятельна и проворна для блага другихъ. Г-жа Шиме сказала ей, представляя меня: «вотъ я вамъ привела моего друга». Она меня учтиво приняла за принцессу, которая хотѣла съ ней поговорить по поводу того, чѣмъ было такъ полно мое сердце, и

она отъ этого отказалась: «Вы знаете, сказала она, я не могу говорить о королевѣ»... и ея глаза наполнились слезами. «Вы этого хотите, принцесса, — когда я говорю о королевѣ, я больна, я не могу ни ѣсть, ни спать. Человѣкъ, къ которому я питаю большое довѣріе, запретилъ мнѣ это окончательно»¹⁾. Побужденная еще принцессой Шиме, продолжала разсказъ свой г-жа де-Тарантъ, г-жа Х. сообщила намъ о нѣкоторыхъ ужасныхъ подробностяхъ печальнаго положенія, въ которомъ она нашла королеву, и о ея неслыханныхъ страданіяхъ и еще болѣе удивительномъ терпѣніи. Королева была лишена всякой помощи и находилась въ такомъ состояніи, которое требовало самыхъ большихъ заботъ. Ея одежда была изъ толстаго холста, у нея не было бѣлья, чулки всѣ въ дыркахъ. Она спала на очень плохой кровати, ея пища была до того тверда и скверна, что въ нее трудно было воткнуть вилку. Тюрьма была сырая. Двое людей, такъ называемая стража, находились при королевѣ неотлучно день и ночь, они были отдѣлены отъ нея только тряпичными ширмами. Нѣкоторые изъ нихъ, менѣе жестокіе, чѣмъ другіе, оказывали ей нѣкоторое сочувствіе и, казалось, жалѣли, что они обязаны своимъ присутствіемъ стѣснять ее и тѣмъ еще болѣе увеличивать ея страданія. Г-жа Х. проникла въ эту ужасную тюрьму. Королева долго ее отталкивала, не допуская мысли, что въ этомъ ужасномъ мѣстѣ можно встрѣтить состраданіе чувствительнаго сердца, и принимала ее за этихъ ужасныхъ созданій, которыя выдаютъ себя за друзей заключенныхъ для того, чтобы потомъ предать ихъ. Но это не обезкураживало г-жу Х.: она настойчиво старалась войти въ ея положеніе и достигла того, что внушила къ себѣ довѣріе и приносила ей утѣшеніе. Она сдѣлалась поддержкой той, которая, будучи на тронѣ, сдѣлала столько благодѣяній, за которыя ей заплатили такую неблагодарностью. Впродолженіе нѣсколькихъ недѣль королева была предметомъ ея попеченій. Въ деньгахъ у нея не было недостатка, онѣ помогли ей проникнуть въ тюрьму, и Богъ вознаграждаетъ тѣхъ, кто имѣлъ счастье доставлять ихъ ей. Г-жѣ Х. удалось нѣсколько разъ провести къ ней священника, переодѣтаго въ мундиръ національной гвардіи. Королева со слезами исповѣдывалась въ четырехъ шагахъ отъ нея, въ этомъ мѣстѣ совершалась даже обѣдня съ подобающей торжественностью. Г-жа Х. говорила мнѣ еще: «Королева часто вспоминаетъ объ одной особѣ, которая пользовалась ея особеннымъ

¹⁾ Этотъ человѣкъ былъ святой отецъ, который достигъ того, что поставилъ себя внѣ розыска и преслѣдованія: онъ жилъ свободно въ Парижѣ во времена террора. Онъ напутствовалъ бы самъ королеву въ тюрьму, если бы онъ не былъ при смерти въ это время. Но онъ сказалъ г-жѣ Тарантъ, что онъ имѣлъ счастье оказать услугу м-ше Елисаветѣ въ теченіе 24 часовъ, которые она провела въ тюрьмѣ; онъ помогъ ей пожертвовать существованіемъ, которое въ теченіе короткаго времени было посвящено любви къ Богу. Этотъ св. отецъ именовался г-номъ Шарлемъ. Примѣчаніе графини В. Н. Головиной.

расположеніемъ и судьба которой ее очень безпокоила. Она часто вспоминала о ней, говоря, что она ее очень любила и была любима ею, и что она должна быть очень несчастлива. «Г-жа Х. не могла сначала вспомнить ея имени, которое королева называла нѣсколько разъ; оно начиналось со слога Та, и дальше не помнила. Но я догадывалась; я была тронута до глубины души, мое сердце предчувствовало, что это трогательное воспоминаніе, сохранившееся даже среди самыхъ ужасныхъ несчастій, относилось ко мнѣ. Недолго думая, я бросилась обнимать г-жу Х., и мои слезы смѣшались съ ея рыданіями. Благодаря этому неожиданному порыву, г-жа Х. поняла, что королева говорила обо мнѣ. «Навѣрное королева говорила о васъ! — вскрикнула она: — я угадала, вы г-жа де-Та...». Я ей сказала свое имя, которое она потомъ вспомнила, выражая при этомъ сожалѣніе, что она не могла тотчасъ исполнить желаніе г-жи Монтаю, которая нѣсколько разъ желала привести меня къ ней. Г-жа де-Тарантъ рассказывала мнѣ съ чувствительностью, которую она всегда испытывала, вспоминая королеву, такъ нѣжно любимую ею и къ которой она сохранила глубокую привязанность. Она видѣлась нѣсколько разъ съ г-жей Х. и видѣла ее одну. Благодаря нѣсколькимъ вопросамъ, сдѣланнымъ ей съ цѣлью узнать степень довѣрія къ ней королевы и правдивости тѣхъ необычайныхъ отношеній, которыя она имѣла къ этой несчастной королевѣ, г-жа Х. рассказала ей обо всѣхъ придворныхъ особахъ, которыхъ королева удостоивала своими особыми милостями; она знала всѣ обстоятельства, все наконецъ... «Королева въ темницѣ дала обѣтъ пожертвовать 25 ливровъ», сказала г-жа Х.: «ни она не могла исполнить этого обѣта, ни я; Богъ посылаетъ вамъ утѣшеніе; пусть этотъ долгъ исполнитъ герцогиня Ангулемская, ея дочь, руками г-жи Тарантъ». Г-жа Х. рассказывала также, что, такъ какъ королева не имѣла своей чашки, она принесла ей ту, которой пользовался король до послѣдней минуты, что она просила ее передать своей дочери, если когда нибудь это будетъ возможно. Г-жа де-Тарантъ взяла на себя исполнить это порученіе, проѣзжая черезъ Митаву. Madame подтвердила о полученіи ея въ запискѣ. Г-жа Х. подарила г-жѣ де-Тарантъ рисунокъ, который она сдѣлала по просьбѣ королевы; онъ изображалъ Анютины-глазки; посерединѣ находилась голова мертвеца; на 4-хъ листкахъ были изображены портреты короля, дофина, m-me Елисаветы и дочери короля, герцогини Ангулемской; стебель былъ воткнутъ въ сердце; внизу слова: *Pensée de la mort*. Г-жа Х. готова была дать все, что у нея было, для г-жи де-Тарантъ, чувства которой такъ соответствовали ея душевному настроенію.

Г-жа де-Тарантъ повела меня однажды съ собой къ г-жѣ Х., и тогда я собственными глазами увидѣла рѣдкій примѣръ благочестія и милосердія, о которомъ она мнѣ рассказывала. Мы совершили это путешествіе пѣшкомъ во время сильнаго дождя. Я была рада,

что страдала, отправляясь въ эту школу терпѣнія, покорности и самозабвенія. Г-жа Х. приняла меня съ участіемъ, которымъ я обязана посредству г-жи де-Монтаю. Я предложила ей нѣсколько луидоровъ для ея бѣдныхъ; она попросила передать ихъ г-ну Шарль. Я осталась съ достойнымъ отцомъ, чтобы дать возможность г-жѣ Х. говорить свободно съ г-жей де-Тарантъ. Лицо г-на Шарль вполне соответствовало тому, что онъ говорилъ. Я была тронута до глубины души тѣмъ, что онъ говорилъ мнѣ; я сохранила объ этомъ воспоминаніе, которое часто возстаетъ въ моей памяти. Многие возражали г-жѣ де-Тарантъ относительно возможности нѣкоторыхъ фактовъ, рассказанныхъ г-жею Х. Такъ, на примѣръ, говорили о невозможности обѣдни въ темницѣ. Но какъ же не вѣрить словамъ добродѣтельнаго человѣка, который не ищетъ одобренія толпы, который презираетъ богатства и почести и думаетъ только о благѣ ближняго и о религіи, и который скрываетъ свои благодѣянія съ полнымъ смиреніемъ? Священникъ подтвердилъ всѣ рассказанныя г-жей Х. обстоятельства г-жѣ де-Тарантъ въ то время, какъ онъ шелъ въ алтарь. Развѣ можетъ произнести въ такой моментъ подобную клятву лицо, способное только облегчать и утѣшать въ несчастіи? Мы знаемъ на вѣрное, что королева причастилась Св. Тайнъ, и что стража ея послѣдовала ея примѣру.

Наканунѣ своего отъѣзда, г-жа де-Тарантъ, простоявъ обѣдню въ своей молельнѣ, которая была отслужена г-номъ Шарлемъ, простилась съ г-жей Х. Она сохранила самое утѣшительное воспоминаніе о пяти или шести визитахъ, которые она сдѣлала въ этомъ священномъ мѣстѣ. Г-жа Х. была знакома съ Робеспьеромъ и говорила съ нимъ очень свободно; онъ зналъ, о чемъ она постоянно хлопочетъ, и не стѣснялся съ ней нисколько.

Мнѣ рассказывали объ одной трогательной смерти, которая случилась какъ разъ наканунѣ моего приѣзда въ Парижъ. Она слишкомъ замѣчательна, чтобы не найти себѣ мѣста въ моихъ воспоминаніяхъ. Герцогиня Дудовиль, настолько же прекрасная, какъ и добродѣтельная, имѣла сына и дочь, которыхъ она боготворила. Дочь она выдала замужъ за г-на Растиньякъ. Эта молодая дама была счастлива и съ увлеченіемъ предалась всѣмъ развлеченіемъ и честнымъ удовольствіямъ, которыя могъ доставить ей свѣтъ. Съ дѣтства она страшно привязалась къ г-жѣ Эстурмель, которая вскорѣ умерла, благодаря ужасному случаю. Она была беременна вторымъ ребенкомъ и однажды утромъ, лежа въ постелѣ, она позвала своего двухлѣтняго сына, чтобы онъ поигралъ около нея. Онъ потянулся къ звонку, который находился за кроватью, упалъ на животъ матери и надавилъ на него. Несчастная молодая женщина вскрикнула, впала въ безсознательное состояніе и вскорѣ умерла. Это несчастіе произвело сильное впечатлѣніе на ребенка, который былъ невинной его причиной, и онъ скоро послѣдовалъ за матерью въ могилу. Г-жа

Растиньякъ была страшно тронута потерей своей подруги; она отправилась къ скульптору и попросила его, чтобы онъ снялъ маску съ лица умершей. Она пристально посмотрѣла на художника и сказала ему уходя: «скоро вы придете снимать и съ меня маску». Немного времени спустя, ея здоровье стало портиться, болѣзнь быстро развилась. Ея отецъ, мать и всѣ родственники были убиты безпокойствомъ. Ея любовь къ матери становилась еще болѣе страстною по мѣрѣ того, какъ ея физическія силы ослабѣвали; она просила не оставлять ее ни на минуту, но, какъ только она ея не видѣла, она говорила: «пусть позовутъ моего ангела, мнѣ она нужна, я учусь у нея покорности». Сдѣлали консультацію изъ лучшихъ докторовъ. Въ это время г-жа Дудовиль не покидала дочери, и мужъ ея долженъ былъ узнать отъ докторовъ, на что можно было надѣяться.

Г-жа Дудовиль ждала его возвращенія съ чрезвычайнымъ нетерпѣніемъ; не дождавшись его, она отправилась въ часовню, находившуюся въ смежной комнатѣ, молить о помощи у Всевышняго. Первый предметъ, который она увидѣла тамъ, былъ г. Дудовиль, сидящій у порога алтаря съ закрытыми руками лицомъ. Эта поза и молчаніе открыли ей жестокую истину. Она сѣла возлѣ него, и оба погрузились въ мучительную думу; затѣмъ они молча вышли изъ часовни. Мать испытала мучительную душевную боль, увидя свою дочь, но она скрыла тоску, которая мучила ее. На другой день m-me de Растиньякъ потребовала духовника, аббата де-Леви, почтеннаго священника, котораго я хорошо знала. Она исповѣдывалась долго. Аббатъ Леви ушелъ отъ нея со слезами на глазахъ, обѣщая ей возвратиться послѣ обѣдни, которую онъ хотѣлъ отслужить за нее. Онъ дѣйствительно вернулся и сказалъ ей: «Господь повелѣлъ мнѣ сказать вамъ, что онъ васъ ждетъ». Молодая женщина скрестила руки и отвѣчала: «я думаю, что я готова, причастите меня». Онъ причастилъ ее Св. Таинъ, и такъ какъ она была слишкомъ слаба, чтобы принять вполне приготовленные дары, священникъ причастилъ остальными—отца и мать. Это трогательное единеніе совершилось съ высокимъ благочестіемъ. Г-жа де Растиньякъ попросила къ себѣ аббата, преподавателя брата; она продиктовала ему свои послѣднія воспоминанія и послѣднюю свою волю. Его волненіе было такъ сильно, что онъ едва могъ записать ея слова. Аббатъ Леви былъ снова призванъ къ г-жѣ де-Растиньякъ; у нея началась тихая агонія. Ея мать бросилась на колѣни предъ постелью умирающей, и, устремивъ глаза на дочь, съ жадностью слѣдила за ея послѣдними минутами. Смерть приняла свою жертву. Священникъ вложилъ крестъ въ руки г-жи Растиньякъ, а г-жа де-Дудовиль все въ томъ же положеніи затаила дыханіе. Видя, что слезы у нея не могутъ прорваться наружу, и желая смягчить ея страданія, аббатъ Леви взялъ крестъ изъ рукъ покойницы, положилъ его въ руки ея матери и сказалъ ей: «именемъ Бога, уходите отсюда, горю здѣсь не

должно быть мѣста, Онъ повелѣваетъ вамъ это сдѣлать». Она встала и вышла съ покорностью, которая съ тѣхъ поръ не покидала ея. Аббатъ Леви, который писалъ подѣ диктовку г-жи Растиньякъ, сдѣлалъ описаніе ея болѣзни и ея смерти, въ которомъ ясно рисуется образъ г-жи Дудовиль и ея дочери. Г-жа Монтагю испросила для меня разрѣшеніе прочитать эту трогательную рукопись, изъ которой я помѣщаю здѣсь выдержки: «провидѣніе приготовило ей корону, дабы освободить ее отъ борьбы». «У нея было желаніе нравиться, то желаніе, которое всѣхъ очаровываетъ, если оно не есть слѣдствіе порока и тщеславія». «Она всегда имѣла видъ, будто разгадывала или вспоминала что нибудь, чѣмъ изучала. Казалось, будто она не замѣчала сама то добро, которое она сдѣлала, можетъ быть, оттого, что она знала, что не можетъ ни поступать иначе, ни остаться равнодушной». «Какъ описать то довѣріе, которое дѣлало ея мать хранилищемъ всѣхъ ея мыслей, ея чувствъ. Мало того, что она открывала ей всегда свое сердце, но казалось, будто она его отдала ей навсегда съ той самой минуты, какъ она стала признавать себя». «Ея счастье не было счастьемъ равнодушнаго человѣка, ни счастьемъ, которое дается религіей, но то было счастье въ покорности». «Видишь покорность въ принесеніи жертвы, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуешь силу подчиняться, и наслаждаешься заранѣе сладостью побѣды». Послѣднія слова г-жи де-Растиньякъ были слѣдующія: «Господи, отдаю въ Твои руки мою душу и мою жизнь, я предаю Тебѣ безъ сожалѣнія всѣ свои радости, дѣлай со мной, что хочешь, Ты мой Богъ и мой Отецъ; я соединяю свои страданія и свою смерть со страданіями и смертью Иисуса Христа, въ Котораго Одного я вѣрю». «Конечно, само небо привѣтствуетъ это героическое мужество, которое предаетъ съ любовью всѣ свои земныя связи Богу, которое и разрушаетъ ихъ, и это нѣжное благочестіе, которое склоняется у подножія Креста».

XXV.

Разрывъ Бонапарта съ Англіей.—Пасси и другія окрестности Парижа.—Дачная жизнь гр. Головиной и княгини де-Тарантъ.—Посѣщеніе Версаля.—Поѣздка въ замокъ Ронси.—Жизнь обитателей замка.—Жалобы перваго консула на Россію.—Графъ Морковъ.—Новости изъ Россіи.—Пробываніе гр. Головиной въ Парижѣ.—Католическіе патеры.—Роялисты.—Могилы Людовика XVI и королевы Маріи-Антуанетты.

Въ это время Бонапартъ вступилъ въ борьбу съ Англіей. Чтобы успокоить народъ, недовольный войной, онъ старался дать ему развлеченіе и забавлялъ его зрѣлищемъ приготовленій къ высадкѣ. Онъ велѣлъ строить понтонныя суда, называемыя «*repiches*». Онъ посѣщалъ одну верфь за другой, чтобы лично руководить работами;

зѣваки бѣгали за нимъ, но никто не былъ обмануть, и стѣны покрывались кокардами. Мае, якобинецъ; преданный Бонапарту, живя уже нѣсколько лѣтъ въ Лондонѣ, нашель средства проникнуть въ собраніе вѣрныхъ подданныхъ Людовика XVIII. Онъ увѣрялъ ихъ, что недовольство французовъ достигло крайнихъ предѣловъ, и что скоро наступитъ моментъ для торжества праваго дѣла. Въ то же время онъ увѣдомлялъ перваго консула о всѣхъ замыслахъ эмигрантовъ, а этотъ, съ своей стороны, старался добиться осуществленія своихъ коварныхъ замысловъ, послѣдствія которыхъ мы узнаемъ дальше.

Чтобы придать видъ законности своимъ планамъ о возвышеніи, Бонапартъ предложилъ Людовику XVIII отказаться отъ короны своихъ предковъ. Всѣмъ извѣстенъ отвѣтъ короля Франціи на это дерзкое предложеніе. Бонапартъ былъ взбѣшенъ и запретилъ подъ страхомъ смерти распространеніе отвѣтнаго письма. Опасались, чтобы народъ не употреблялъ какихъ либо насилій; боялись даже за иностранцевъ. Я же никогда не раздѣляла этихъ опасеній, и мое убѣжденіе подтвердилось нѣкоторыми лицами изъ низшаго класса, которые говорили, мнѣ, что они прежде всего поспѣшили бы всѣ въ дома, занимаемые русскими вельможами, чтобы спасти ихъ, и что они слишкомъ многимъ обязаны русскимъ, чтобы не предохранять ихъ отъ угрожающей имъ опасности. Англичане же были задержаны, подверглись насиліямъ и были препровождены въ Вердюнь. Эти событія произошли весной 1801 года.

Лѣто этого года мы провели въ деревнѣ Пасси, въ 15-ти миляхъ отъ Парижа. Мѣстонахожденіе этой деревни очаровательно. Садъ состоитъ изъ террасъ, которыя тянутся до самой Сены; террасы соединяются каменной лѣстницею съ желѣзной рѣшеткой, обвитой виноградомъ. Входная тѣнистая терраса служила намъ гостиною, другія террасы были покрыты фруктовыми деревьями. Моя мать занимала бель-этажъ, мои же комнаты были наверху, откудаhalb виднѣлся Парижъ, какъ на ладони, направо Гренельская долина. Дальше возвышались замки, дачи, между прочимъ Мендонъ, который принадлежалъ теткамъ Людовика XVI.

Моя мать часто долго за полночь засиживалась на террасѣ, любуясь фейерверками, пускавшимися въ разныхъ мѣстахъ въ деревушкѣ Шантильи, въ Елисейскихъ поляхъ, въ Трасками, Тиволи и др. Я скоро, почти противъ воли, уходила, и цѣлыми часами оставалась одна. Наша дача находилась на нижней улицѣ, верхняя вела прямо въ Булонскій лѣсъ. Я часто отправлялась туда съ моими друзьями, Караманами. Мы тамъ гуляли, ѣли мороженое на открытомъ воздухѣ, заходилъ въ павильонъ, смотрѣли на танцы. Тамъ было много народа, много красивыхъ костюмовъ, много изящныхъ дамъ. Праздникъ безъ церемоній и соблюденія этикета придаетъ больше свободы удовольствію, публика не подчинена никакимъ стѣсненіямъ: уходятъ, приходятъ, когда хотятъ, никому не обязаны оказывать

особаго вниманія. Я совершила одну прогулку съ г-жей де-Тарантъ, позабавившую меня настолько, что я забыть ее не могу. Мы возвращались около 11 часовъ изъ Парижа и проѣзжали Елисейскія поля. Я увидѣла направо ярко иллюминированный садъ; г-жа де-Тарантъ сказала мнѣ, что—это праздникъ, который устраивался два раза въ въ недѣлю въ деревнѣ Шантильи, что плата за входъ 30 су. Она предложила мнѣ отправиться туда, я охотно согласилась. Мы заплатили сколько слѣдуетъ при входѣ, намъ дали наши билеты, и мы вошли. Деревня Шантильи принадлежала принцу Конде. Я увидѣла прелестный садъ, красиво иллюминированный бенгальскимъ огнемъ, и во дворцѣ оживленный балъ. Въ разныхъ частяхъ сада происходили игры. За 30 су намъ еще подали на соломѣ маленькую чашку съ мороженымъ; мы были въ простыхъ костюмахъ, но никто не обращалъ на насъ вниманія, мы могли свободно наслаждаться удовольствіемъ этого вечера и возвратились въ Пасси въ восторгѣ отъ этого вечера.

Въ Пасси у меня было три сосѣда довольно замѣчательныхъ: г-жа Жанлисъ, которую я никогда не желала ни видѣть ни встрѣчать и которую я люблю больше читать, чѣмъ слушать: аббатъ Жираръ, авторъ трехъ почтенныхъ работъ: «Les leçons de l'histoire», «La theorie du bonheur» и «Le Comte de Valmont»; г-жа д'Арблей, урожденная миссъ Борней, извѣстная своими прекрасными романами. Иногда случаются странныя сближенія, которыя оставляютъ за собой воспоминанія по самымъ незначительнымъ вещамъ. Прогуливаясь однажды вечеромъ, я увидѣла прелестную собачку, которая подошла ко мнѣ поласкаться и показывала движеніемъ, что хочетъ войти въ домъ, предъ которымъ я находилась. Я открыла ей дверь, она бросилась въ домъ; я спросила, кому принадлежитъ эта собачка. Мнѣ отвѣтили, что это была собачка г-жи д'Арблей, урожденной Борней. Я никогда не думала, читая ея произведенія, что я когда нибудь буду впускать въ домъ ея собаку и ласкать ее. Гуляя поздно вечеромъ съ Генриеттой по верхней улицѣ, я увидѣла у двери одного дома старую мѣщанку въ чепцѣ и рядомъ съ нею ея мужа въ бумажномъ колпакѣ; ихъ окружали молодыя дѣвушки и парни. Старуха оживленно говорила, жестикулируя руками; кружокъ молодежи слушалъ съ большимъ вниманіемъ. Я остановилась, чтобы послушать, она замѣтила и сказала: «Вы тоже хотите послушать, моя добрая дама?» «Охотно», — отвѣтила я; одна изъ молодыхъ дѣвушекъ предложила мнѣ скамейку, но я предпочла стоять. Добродушная женщина продолжала свой рассказъ, въ которомъ привидѣнія и бряцаніе цѣпей были на первомъ планѣ. Молодые дѣвушки прижимались другъ къ другу: ужасъ, казалось, охватилъ ихъ. Въ это самое время я слышу въ большомъ домѣ, какъ разъ напротивъ, концертъ Моцарта, исполняемый на скрипкѣ съ очень большимъ вкусомъ. Я стояла, какъ вкопанная, я уже не видѣла передъ собой

деревенской картины: сердце наполнилось воспоминаниями, я углубилась сама въ себя. Мои мысли остановились на предметахъ не имѣющихъ ничего общаго съ деревенской обстановкой. Неожиданное и невольное размышленіе пришло мнѣ на умъ: «я нахожусь на одной изъ улицъ Пасси, говорила я себѣ, теперь 10 часовъ вечера, все, что около меня, уже навѣрное я больше никогда не увижу. Музыка, которую я слышу, возвращаетъ меня къ прошлому, чувство заставляетъ меня видѣть то, чего я не вижу. Что же такое сердце? Какъ велико могущество его!» Я вернулась домой въ молчаніи: я была занята слишкомъ мыслями, чтобы быть въ состояніи говорить. Г-жа де-Тарантъ раздѣляла время между своей матерью и мной. Я пользовалась ея пребываніемъ въ Пасси, чтобы совершать съ ней прогулки пѣшкомъ. Приятно гулять или съ другомъ или совершенно одной. Мы не терпимъ равнодушія по отношенію къ себѣ, отравляющаго всякую радость; лишь въ обществѣ мы можемъ чувствовать и наслаждаться. Однажды вечеромъ мы сдѣлали прогулку въ Отейль. Погода была прекрасная, способная заставить не замѣчать времени. Мы шли все впередъ, пока сумерки не напомнили намъ, что пора возвращаться домой. Чтобы сократить дорогу, мы рѣшили пересѣчь поля, которыя примыкаютъ къ Бульи, но потеряли дорогу, и ночь застала насъ бродящими въ лѣсу, который былъ не безопасенъ. Мое безусловное довѣріе къ г-жѣ де-Тарантъ очень успокаивало меня. Часто забываешь опасность около лица, которому привыкъ довѣряться, и увѣренность сердца разсѣиваетъ безпокойство. Между тѣмъ мракъ усиливался; мы съ трудомъ шли по скошеннымъ нивамъ, солома колола намъ ноги, наше положеніе казалось неприятнымъ. Наконецъ, я замѣтила въ темнотѣ фигуру женщины, идущей недалеко отъ насъ. Мы прибавили шагу, и намъ удалось догнать ее: это была старуха, она несла на своей спинѣ вязанку, которая замедляла ея движеніе. «Милая старушка, проводи насъ въ Пасси», — сказала я ей. — «Съ удовольствіемъ, сударыня, идите за мной. Мы пройдемъ сначала стѣну, окаймляющую верхнюю улицу». Дѣйствительно мы скоро недалеко были отъ дома. Я хотѣла поблагодарить нашу провожатую и заплатить ей за услугу, которую она намъ оказала. Мнѣ стоило многихъ трудовъ заставить ее взять монету въ шесть франковъ. Французскій народъ безкорыстно-служливый, — я имѣла тысячу случаевъ убѣдиться въ этомъ.

Г-жа де-Тарантъ предложила мнѣ осмотрѣть Версаль болѣе подробно; я видѣла его только мимоходомъ, когда ходила встрѣчать г-жу де Шатильонъ. Въ этомъ интересномъ мѣстѣ все носитъ отпечатокъ величія. Кажется, будто предъ вами снова возстаетъ благородный и прекрасный вѣкъ, воспоминаніе о которомъ заставляетъ всегда любить Францію. Жестокая буря революціи пронеслась надъ Версальскимъ замкомъ, барельефы изъ лилій были сорваны, но видны нѣкоторые остатки, которые утѣшаютъ вѣрные сердца. Я

посѣтила большой Трианонъ, обѣжала залы Людовика XIV. Сидя на ступенькахъ колонады, соединяющей два флигеля, я отъ времени до времени оглядывалась на мраморный паркетъ, по которому шествовалъ великій король и столь избранное общество, которымъ онъ былъ окруженъ и въ которомъ природа собрала столько достоинствъ, казалось, только для того, чтобы возбуждать въ потомствѣ сожалѣніе и дать ему доказательство своего ничтожества. Я не была въ состояніи дать себѣ отчетъ во всѣхъ воспринятыхъ впечатлѣніяхъ: всегда вдвойнѣ бываешь подавленъ при видѣ мѣстъ, которыя столько разъ подвергались описанію.

Мой мужъ отправился съ г-жей де-Тарантъ на два дня въ замокъ де Ранси къ герцогинѣ де Шаро. Я ждала его съ матерью и моими дѣтьми до его возвращенія. Затѣмъ я совершила ту же поѣздку съ г-жею Тарантъ и графиней Люксембургъ, которыхъ я пригласила съ собой, чтобы устроить пріятный сюрпризъ герцогинѣ, съ которою онѣ были въ тѣсной дружбѣ. Мы отправились за ней въ Парижъ и оттуда по дорогѣ въ Реймсъ около полуночи, чтобы на другое утро быть у цѣли нашего путешествія. Мы проѣзжали Вилліе Котре, извѣстную деревню, принадлежавшую герцогу Орлеанскому. Лѣсъ, окружающій замокъ, безмѣренъ и отличается своей красотой; его пересѣкаетъ почтовая дорога. Отъ времени до времени на неизвѣстномъ разстояніи виднѣются охотничьи домики, къ нимъ прилегаютъ кленовыя аллеи. Я вспоминала въ этомъ лѣсу множество особенныхъ подробностей, которыя мнѣ рассказывали, и съ удивленіемъ любовалась его чудесною растительностью. Мы пріѣхали въ Ранси около полудня. Замокъ, украшенный четырьмя башенками, расположенъ на возвышеніи. Мы вошли въ красивый вымощенный дворъ. Г-жа Шаро, г-жа де Беарнъ, г. и г-жа де Турсель и всѣ дѣти выбѣжали къ намъ на встрѣчу, и ихъ радость увеличилась при видѣ г-жи Люксембургъ. Въ ихъ гостиной мы нашли г-жу Турсель—мать, она встрѣтила насъ съ распростертыми объятіями. Эта гостиная очень просторная и расположена квадратомъ: съ каждой стороны широкое окно, у двухъ оконъ находился письменный столъ, а въ сторонѣ—клавесинъ. Каминъ покрытъ былъ журналами и брошюрами, вокругъ удобная мебель. Посреди гостиной—большой рабочій столъ; тутъ же находился другой—для всякой мелочи. Одинъ уголъ гостиной отданъ былъ въ распоряженіе дѣтей. Всѣ домашніе вставали въ 8 часовъ и послѣ утренняго туалета посѣщали другъ друга. Я шла поздравиться съ Полиной, которая жила подлѣ меня и съ которою я особенно любила проводить время. Всѣ собирались къ завтраку, который проходилъ очень весело, потомъ всѣ отирались на сборъ винограда; это очень пріятное удовольствіе. У каждого были свои ножницы, своя корзина; мы срѣзаемъ съ удовольствіемъ красивые грозди; народъ поетъ, дѣти были въ восторгѣ. Побывъ у себя нѣ-

которое время, за своими занятіями и туалетомъ, мы всё возвращались въ гостиную, гдѣ каждый занимался, чѣмъ хотѣлъ. Пріятная непринужденность царствовала между нами. Спокойный, пріятный разговоръ прерывалъ иногда наши занятія. Ничего не было заранее приготовлено, все шло само собой, проистекая изъ желанія быть пріятнымъ и удовольствія быть въ обществѣ. Обѣдъ былъ отличный; послѣ мы снова шли гулять, и вечеръ завершалъ наше дружеское препровожденіе времени. Г-жа де-Турсель-мать, искренно привязанная къ г-жѣ де-Тарантъ и по сердечнымъ чувствамъ, и по убѣжденіямъ, часто разговаривала съ нею отдѣльно. Г-жа де-Турсель была очень разсѣяна. Какъ-то г-жа де-Турсель сидѣла на табуретѣ у ея ногъ, вдругъ она сказала: «важгите, пожалуйста, свѣчу и посвѣтите; мнѣ нужно сходить въ мою комнату». Г-жа де-Тарантъ поспѣшила исполнить ея просьбу. Когда она возвратилась, г-жа де-Шаро и г-жа де-Беарнъ бросились на колѣни передъ ней, говоря: «Вы испортите прислугу, а наша мать злоупотребляетъ вами!» Г-жа де-Турсель вошла въ комнату во время этой сцены и была чрезвычайно удивлена, узнавъ о своей разсѣянности. Г-жа Августина Турсель чрезвычайно удачно умѣла соединять пріятное съ полезнымъ. Однажды я зашла къ ней завтракать. Ея маленькая полутороговая Леони сидѣла у нея на колѣняхъ, старшая дѣвочка, лѣтъ 4-хъ или 5, сидя рядомъ съ нею, учила катехизисъ; отъ времени до времени г-жа де-Турсель объясняла ей, а въ промежутки она учила роль маркизы, которую должна была играть въ замкѣ Оствилль. «Вы меня удивляете, сказала я ей, какъ вы одновременно можете заниматься различными предметами». «Дорогая», отвѣтила она, «доброе желаніе составляетъ все. Я думаю объ одномъ и замѣчаю другое». Мое пребываніе въ Ронси дало мнѣ настоящее понятіе о жизни въ замкахъ, и я нашла эту жизнь пріятнѣе, чѣмъ все, что я когда либо видѣла или читала. Я оставила моихъ друзей чрезъ 3 дня, чтобы вернуться къ моей матери и къ моимъ дѣтямъ. Я снова проѣзжала чрезъ лѣсъ Вилліе-Котренъ, но въ этотъ разъ при совершенно другой обстановкѣ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ горѣли большіе костры, зажженные рабочими, фигуры которыхъ вырисовывались черными силуетами; деревья, освѣщенные огнемъ и луной, казались мрачными и величественными. Я вспомнила призывъ герцога Орлеанскаго въ этомъ лѣсу и ту власть, которую онъ хотѣлъ пріобрѣсти надъ умами, доказательство которой онъ показалъ при дворѣ. Я предалась своему воображенію и представляла себѣ волшебныя картины. Я не замѣчала ничего кругомъ себя и видѣла только богатство природныхъ силъ и сожалѣла объ этомъ несчастномъ принцѣ, который не сумѣлъ воспользоваться ими.

Въ концѣ октября мѣсяца я вернулась въ Парижъ и съ удовольствіемъ увидѣла своихъ хорошихъ знакомыхъ. Въ это время возвратился графъ Морковъ. Бонапартъ пригласилъ его къ себѣ на обѣдъ и

забросалъ его вопросами объ одномъ французскомъ эмигрантѣ, который былъ ему подоврителенъ и которому Россія дала убѣжище. Эта обидчивость, однако, прикрывала собой только желаніе завязать съ нами ссору; война была необходима для его плановъ. Графъ Морковъ отвѣтилъ ему съ благороднымъ достоинствомъ на его попытку къ ссорѣ. Онъ послалъ отчетъ въ своемъ поведеніи къ нашему государю, который, вмѣсто отвѣта, послалъ ему орденъ св. Андрея. Недовольный первымъ консуломъ, онъ старался сблизиться со старымъ дворянствомъ. Онъ одобрилъ мое поведеніе въ Парижѣ. Я думала съ сожалѣніемъ о томъ, что мнѣ придется покинуть Францію раньше, чѣмъ я рассчитывала: мнѣ было тяжело отказаться отъ счастливой жизни, совершенно соответствующей моимъ взглядамъ. Мои радости были искренни и не имѣли призрачнаго. Спокойствіе, которое я нашла здѣсь, было для меня еще дороже послѣ поразившихъ мое сердце страданій. Я часто получала извѣстія отъ графини Толстой, сообщавшей мнѣ иногда свѣдѣнія объ императрицѣ Елисаветѣ. Когда человѣкъ живетъ вдали отъ отечества, любовь къ нему дѣлается живѣе; я всегда жаждала знать, что дѣлалось у насъ дома. Я узнала, что обязанности генераль-прокурора, который завѣдывалъ многими отраслями гражданскаго управленія, были распредѣлены по разнымъ департаментамъ, подобно тому, какъ это было во Франціи; во главѣ каждаго департамента былъ министръ. Графъ Александръ Воронцовъ былъ назначенъ канцлеромъ; князь Адамъ Чарторижскій — первымъ членомъ иностранной коллегіи. Эти нововведенія огорчили истинно русскихъ людей, такъ какъ они были опасны: необходимо оставлять нетронутымъ характеръ управленія, если онъ установленъ опытомъ. Въ мое отсутствіе у графини Толстой родился сынъ, и здоровье ея пошатнулось.

Вторая зима, проведенная мной въ Парижѣ, была еще пріятнѣе первой. Мое знакомство съ положеніемъ дѣлъ сдѣлалось болѣе прочнымъ. Мои мнѣнія и образъ поведенія пріобрѣли мнѣ довѣріе тѣхъ, кого я больше всѣхъ уважала. Я могу совершенно искренно сказать, что я была разстроена въ Парижѣ только двумя бурями, которыя сорвали нѣсколько крышъ и причинили много несчастій. На другой день послѣ одного изъ этихъ урагановъ ко мнѣ пришла г-жа де-Люксембургъ и три сестры Караманъ со своимъ старшимъ братомъ. Кто-то сказалъ, что ураганы эти знаменуютъ гнѣвъ Божій, что эта буря была предвѣстницей конца свѣта. Г-жа де-Люксембургъ воскликнула съ живостью: «надѣюсь, что нѣтъ, и я мои вещи еще не уложила». Караманъ отвѣтила на это: «наши вещи не трудно уложить, потому что наша семья легка на подъемъ». Это признаніе размѣшило всѣхъ, ураганы были забыты, и вечеръ прошелъ очень весело. Я ѣздила въ церковь св. Роха, чтобы послушать проповѣдь аббата де-Булонь. Онъ говорилъ объ истинѣ; мнѣ казалось, что я услышала въ немъ энерги-

ческое краснорѣчіе Боссюэ. Ораторское искусство аббата де-Булонь доведено до высокой степени совершенства. Онъ умѣлъ внушать ужасъ и вмѣстѣ съ тѣмъ трогать до глубины души. Его голосъ прекрасенъ—чистый и звучный; интонація вѣрная, а лицо дышитъ благородствомъ. Всѣ слушали его съ напряженнымъ вниманіемъ, и церковь была полна народа. Нѣсколько щеголей, дерзновенно вошедшихъ въ церковь, сидѣли во время проповѣди неподвижно на своихъ мѣстахъ и по окончаніи ея ушли со смущенными лицами. Выходя изъ церкви, я увидѣла трехъ изъ нихъ, которые стояли, взявшись за руки. «Нужно сознаться, — замѣтилъ одинъ, — урокъ сильный, но прекрасный, нужно прійти послушать еще разъ». Я также слышала два похвальныхъ слова св. Августина, произнесенныя тоже аббатомъ Булонь, отличавшіяся величественной красотой, и еще болѣе тронувшее меня слово св. Винценту Полю наставника сестеръ милосердія. Я отправилась послушать его въ аббатство вмѣстѣ съ семьей Турсель. Мы помѣстились на возвышеніи, откуда ораторъ былъ хорошо виденъ. Сестры сидѣли всѣ противъ каеэдры; ихъ скромный, углубленный видъ усиливалъ впечатлѣніе минутъ. Однообразная ихъ одежда — черное платье, косынки и капюшоны изъ бѣлаго полотна выдѣляли ихъ отъ собравшихся. Головы всѣхъ были наклонены внизъ, и слезы благодарности и умиленія виднѣлись на ихъ глазахъ. Вся аудиторія была глубоко тронута. Нельзя противиться очевидности: эти почтенныя особы, посвятившія себя человѣчеству съ полнымъ отреченіемъ, представляли собой примѣръ того дѣйствія, какое производитъ на людей краснорѣчивая и правдивая рѣчь. Это зрѣлище должно было разсѣять сомнѣнія самыхъ недовѣрчивыхъ людей. Какъ прекрасно это учрежденіе! Революція могла только на время разсѣять его членовъ; ко времени моего отъѣзда изъ Парижа въ немъ снова собралось до 10.000 сестеръ милосердія. Лишь вѣрѣ чудеса обязаны своимъ существованіемъ; достаточно вѣрить истинѣ, чтобы чувствовать себя выше самого себя.

Второй сынъ г-жи де-Караманъ устроилъ на свои деньги школу для бѣдныхъ дѣтей; онъ предложилъ посѣтить ее. Заведеніе помѣщалось въ четырехъ комнатахъ; въ одной мальчики обучались чтенію, письму и катехизису; пожилая сестра милосердія руководила занятіями; въ другой—были дѣвочки, занимавшіяся тѣмъ же; ихъ обучала молодая 18-ти-лѣтняя сестра милосердія, прекрасная, какъ ангель. Ея лицо и молодость поразили г-жу де-Тарантъ и меня. «Какъ вы, такая молодая, могли посвятить себя этому дѣлу съ такимъ мужествомъ,—сказала я ей;—можетъ быть, какое нибудь несчастье или неожиданныя обстоятельства принудили васъ къ такой жертвѣ?»—«Простите меня,—отвѣчала она,—это моя добрая воля, я принадлежу къ богатой семьѣ въ Лангедокѣ. Я всегда стремилась посвятить себя на пользу человѣчества; насъ четыре сестры, моя мать не нуждается въ моихъ заботахъ, она согласилась на мою

просьбу, и я этому безпредѣльно рада». Она говорила это съ трогательнымъ видомъ, и ея чудные глаза приняли еще болѣе трогательное выраженіе, когда она замѣтила, съ какимъ интересомъ мы ее слушали. Ея прекрасные волосы были покрыты бѣлой косынкой, бѣлизна которой не портила впечатлѣнія ея чуднаго цвѣта лица. Щеки у нея разгорались по мѣрѣ того, какъ она говорила, и, казалось, душевная ея красота удваивала красоту ея лица. Время уничтожаетъ свѣжесть первой молодости, но отпечатокъ душевной чистоты на лицѣ, оживляя его, дѣлаетъ его пріятнѣе, чѣмъ самая красота.

Съ наступленіемъ весны мои прогулки возобновились. Однажды я поѣхала съ семьей Турсель въ Сенъ-Жерменъ. Г-жа де-Бернаръ взяла на себя приготовленіе обѣда, который былъ поданъ на прекрасной лужайкѣ. Между тѣмъ мы проѣзжали знаменитый лѣсъ. Мы увидѣли замокъ и террасу, которая возвышается надъ Парижемъ. Я вспомнила о Людовикѣ XIII, столь слабымъ и вмѣстѣ прекрасномъ королѣ, о его знаменитомъ министрѣ. Идя по лѣсу, я съ удивленіемъ прочтала на нѣсколькихъ деревьяхъ слова: «да здравствуетъ король». Это доказательство преданности вѣрныхъ слугъ короля, написанное большими буквами, насъ живо заинтересовало. Бури пощадилъ эти простые памятники, болѣе достойные вниманія, чѣмъ памятники, воздвигаемые пустымъ тщеславіемъ. Эти слова были вырѣзаны очень высоко, и, чтобы достигнуть этой высоты, нужно было подвергаться большому риску. Когда человѣкъ охватываетъ глубокое сердечное чувство, у него является сверхъестественная сила, онъ забываетъ всякую опасность; у человѣка является потребность высказаться, какъ необходимость дышать. Мы остались въ Сенъ-Жерменѣ до вечера и возвратились прелестной дорогой въ Сенъ-Клу. Я предпочитаю лѣса всѣмъ садамъ и паркамъ на свѣтѣ. Въ ихъ дикости я люблю печать природы, гдѣ не видна работа человѣческихъ рукъ: лѣсная тишина есть прекрасное убѣжище для мысли: свободнѣе мечтать подъ его густой тѣнью и на тропинкахъ, пробитыхъ только необходимостью и напоминающихъ собой тернистый жизненный путь. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Парижа мы заѣхали выпить сидру. Мы возвратились въ столицу чрезъ Елисейскія поля. Я всегда приближаюсь къ этому огромному городу съ особеннымъ волненіемъ. Достаточно покинуть его на нѣкоторое время, чтобы вновь, какъ въ первый разъ, поразиться его шумомъ и движеніемъ.

Графиня Протасова пріѣхала въ Парижъ въ надеждѣ поразить всѣхъ и доказать парижанамъ, что она была важная особа у себя на родинѣ. Я сдѣлала ей визитъ, она приняла меня отлично, и ея благоволеніе ко мнѣ удвоилось, когда она узнала мой образъ жизни и общество, въ которомъ я вращаюсь. Она пришла къ намъ и встрѣтила нѣсколькихъ знакомыхъ мнѣ дамъ, между

прочимъ г-жу Августину де-Турсель, которая поразила ее своей вѣжностью и любезностью. На другой день я ѣздила съ г-жей Шаро въ нѣкоторые магазины за покупками. Выходя отъ Версви, торговца матеріями на улицѣ Ришелье, мы увидѣли на нѣкоторомъ разстояніи графиню Протасову, остановившуюся въ экипажѣ. Г-жа Шаро попросила меня подѣхать къ ней, чтобы посмотреть на нее, въ то время, когда я буду говорить съ ней. Я такъ и сдѣлала; г-жа Протасова замѣтила, что около меня сидитъ кто-то. Она спросила порусски, кто это. Я выставила голову за дверцы и сказала тихо: герцогиня Шаро. «Представьте ее мнѣ»,—сказала графиня. Я повернулась къ своей сосѣдкѣ и сказала какъ можно болѣе серьезно: «герцогиня де-Волье, позвольте представить вамъ графиню Протасову, камеръ-фрейлину ихъ величествъ». Графиня Протасова рааспалась въ любезностяхъ. Г-жа де-Шаро отвѣчала самымъ обязательнымъ образомъ и сдѣлала ей нѣсколько вопросовъ о ея пребываніи въ Парижѣ, отъ котораго графиня Протасова пришла въ восторгъ; затѣмъ послѣдовалъ цѣлый потокъ любезностей и словъ, которыя продолжались бы долго, если бы я не остановила ихъ, попросивъ позволенія уѣхать. «Надо признаться,—сказала мнѣ потомъ г-жа де-Шаро,—что это очень интересно быть представленной придворной дамѣ среди улицы».

Г-жа де-Беарнъ предложила мнѣ посѣтить гору Кальверъ. Я отправилась туда съ ея мужемъ и г-жей де-Шаро. Это мѣсто было особенно почитаемо до революціи: благочестивые люди дѣлали паломничества въ монастырь, который находится на вершинѣ горы. По дорогѣ къ нему встрѣчаются большіе кресты и разныя усыпальницы, напоминающія Страсти Иисуса Христа. Все было уничтожено каннибалами. Монахи подверглись преслѣдованію, а не успѣвшіе спастись были замучены, но пять изъ нихъ, переодѣтые крестьянами, сумѣли, благодаря мужеству и почти сверхъестественной настойчивости, утвердиться снова въ своемъ уединеніи. Когда время террора прошло, одинъ изъ предводителей кровопійцевъ купилъ это мѣсто, и эти 5 отшельниковъ получили отъ него разрѣшеніе разводить огородъ на склонѣ горы, обѣщая платить по 600 франковъ ежегодно. Только жадность заставила его снисходительно относиться къ благочестивымъ монахамъ, которые, благодаря терпѣнію и стараніямъ, были въ состояніи платить ему эту сумму; они посвящали себя такимъ образомъ своему призванію, сохраняя надежду умереть въ этомъ мѣстѣ, которое они поклялись никогда не покидать. Дворъ монастыря былъ окруженъ красивымъ лѣсомъ, прорѣзаннымъ тропинками, которыя ведутъ въ часовню. Отецъ Гіацинтъ повелъ меня въ внутренній переходъ; мы прошли длинный коридоръ, стѣны котораго были сплошь покрыты фресками, изображавшими страданія Спасителя. Слабый свѣтъ освѣщаль насъ черезъ окно, находившееся въ концѣ коридора. Монотонные звуки шаговъ монаха раздавались

въ сводахъ, нарушая тишину этого мѣста. Я увидѣла направо внутри зданія квадратный дворъ, стѣны котораго были покрыты надписями.

— Это могила нашихъ братьевъ,—сказалъ мнѣ отецъ Гіацинтъ,—камень въ серединѣ покрываетъ останки святаго отца, основателя нашего монастыря.

Онъ рассказалъ мнѣ затѣмъ съ глубокимъ умиленіемъ жизнь этого основателя и далъ мнѣ его гравированный портретъ. Я видѣла церковь, отличавшуюся простой архитектурой, но содержимую весьма чисто. Монахи раздѣляли свое время между молитвой и работой въ огородѣ. Погода становилась жаркая, туманная и безвѣтренная; я съ любопытствомъ слѣдила за разнообразными видами, разстилавшимися подо мной. Тишина въ монастырѣ, спокойствіе его обитателей, заставили меня задуматься о земномъ ничтожествѣ и о пустыхъ земныхъ заботахъ и волненіяхъ. Горы дѣйствуютъ на человѣка возвышающимъ образомъ, исторія древности доказываетъ намъ это: тамъ люди предавались соверщанію, тамъ они искали поэтическихъ вдохновеній; на горахъ же святые предавались молитвеннымъ упражненіямъ; на горахъ же совершилось чудо искупленія. Человѣку необходимо иногда подниматься надъ землей; этотъ подъемъ чуждъ гордыни, которая волнуетъ міръ; онъ облагораживаетъ душу, которая такъ часто рвется въ насъ на просторъ. Между тѣмъ собрались тучи, грянулъ громъ, теплый дождь полился ливнемъ; невзирая на это, мы спустились медленно съ горы; воздухъ былъ такъ чистъ и пропитанъ ароматомъ молодыхъ деревьевъ, которыя насъ окружали, что не хотѣлось прекращать прогулки. Я нѣсколько разъ оборачивалась на гору, которая, казалось, становилась все выше по мѣрѣ того, какъ я спускалась съ нея; во время самаго сильнаго дождя мы зашли въ одну хижину, и затѣмъ отправились къ нашимъ экипажамъ, которые ждали насъ у подошвы горы.

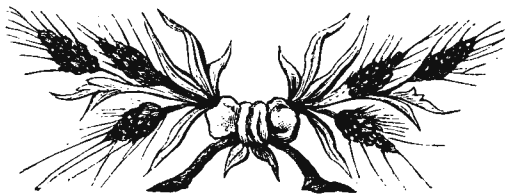
Робертъ сообщилъ мнѣ о кладбищѣ Madeleine, въ которомъ было погребено сначала тѣло короля Людовика XVI, а 9 мѣсяцевъ спустя—тѣло королевы. Одинъ добрый гражданинъ, который жилъ въ домѣ, возвышавшемся надъ стѣной кладбища, видѣлъ, какъ клали ихъ тѣла въ землю и засыпали ихъ известью. Когда время террора прошло, онъ купилъ это мѣсто и заперъ входъ, впуская на кладбище лишь тѣхъ лицъ, убѣжденія которыхъ были ему хорошо извѣстны. Чтобы довершить свое злодѣяніе, кровопійцы положили головы мучениковъ между ихъ ногами. Въ противоположномъ дворѣ, куда выбрасывали навозъ, похоронено тѣло герцога Орлеанскаго.

Робертъ былъ знакомъ съ владѣльцемъ этого мѣста; онъ предложилъ мнѣ спросить у него разрѣшенія посѣтить его. Владѣлецъ выразилъ свое согласіе, и мы отправились: г-жа де-Тарантъ, г-жа де-Беарнъ и я. Мы вошли въ маленькій дворъ; къ намъ вышла дочь этого вѣрнаго слуги Людовика XVI, ея отца не было дома. Она по-

вела насъ къ оградѣ и отворила дверь ключемъ, который она принесла съ собой; большую половину занималъ огородъ, въ серединѣ находился фруктовый садъ. Въ одномъ изъ угловъ, очень чисто содержимыхъ, видѣлся газонъ, довольно длинный, устроенный въ видѣ гроба, окруженный плакучими ивами, кипарисами, лиліями и розами, здѣсь и покоятся останки короля и королевы. Г-жа де-Тарантъ и г-жа де-Беарнъ прижались одна къ другой; ихъ блѣдность и выраженіе ихъ лицъ выказывали больше, чѣмъ страданіе. Я опустилась на колѣни передъ этимъ святымъ газономъ и сорвала нѣсколько цвѣтковъ, выросшихъ на немъ; казалось, будто они хотѣли говорить. Я рвала ихъ медленно, мой взглядъ какъ будто пронизывалъ землю, колѣни мои вrostали въ землю. Есть неизъяснимыя чувства, внушаемая обстоятельствами; обстоятельства, возбуждшія эти чувства въ то время, способны были волновать мою душу теперь. Я видѣла королеву, полную красоты и добродѣтелей, оклеветанную, подвергнутую преслѣдованію, измученную. Моя мысль собрала въ одной точкѣ всю ея жизнь: воображеніе разсматривало ее и представляло ее душѣ; душа волнуется и проникается глубокимъ чувствомъ. Утѣшеніемъ мнѣ служило только то, что страдальцы вполнѣ заслужили мученическій вѣнецъ. Я наполнила свой платокъ анютиными глазками и иммортельками; мои спутницы все стояли, какъ прикованныя къ землѣ; но было уже время уходить. Я купила три маленькихъ медальона, въ которые вложила сорванные на могилѣ цвѣты, и дала одинъ медальонъ г-жѣ де-Тарантъ, другой г-жѣ де-Беарнъ, а третій съ обыкновенной травой оставила себѣ.

Графиня В. Головина.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЛЮБОВЬ И СИЛА ВОЛИ.

СЕМЕЙНЫЯ преданія, живущія въ памяти людей прежнихъ поколѣній и передаваемыя ими младшимъ членамъ своихъ семействъ, представляютъ безспорно цѣнный матеріалъ для бытовой исторіи Россіи. Многіе словоохотливыя дѣдушки и бабушки, въ длинные зимніе вечера, любятъ рассказывать о семейныхъ дѣлахъ и объ общихъ событіяхъ, въ которыхъ они сами были дѣйствующими лицами, или о которыхъ слышали отъ своихъ отцовъ и дѣдовъ, но далеко не всѣ внуки и дѣти охотно слушаютъ эти семейныя былины, не придавая имъ серьезнаго значенія, а еще менѣе такихъ, которые ихъ записываютъ. Между тѣмъ, какой интересъ представляли бы теперь для насъ рассказы современниковъ изъ разныхъ слоевъ русскаго общества XVII и XVIII в.в., и сколько поучительнаго почерпнули бы мы изъ этихъ рассказовъ.

Въ послѣднее время русскіе люди стали внимательнѣе относиться къ семейнымъ преданіямъ и безхитростнымъ рассказамъ старшихъ родственниковъ про былое, и въ печати появляется много разныхъ воспоминаній и очерковъ изъ «давно-минувшаго», изъ «семейной хроники» и т. д.

Ф. А. Скуратова, рожденная Пушкина, часто рассказывала дѣтямъ о судьбѣ приемной матери своего отца, княжны Прасковьи Владиміровны Долгоруковой; одна изъ дочерей Ф. А. Скуратовой передала мнѣ эту трогательную повѣсть и затѣмъ, по моей просьбѣ, изложила ее письменно. Въ повѣсти рѣчь идетъ о нѣкоторыхъ ли-

цахъ изъ семейства князя Владиміра Петровича Долгорукаго, о Пушкиныхъ и объ Ив. Ив. Мелиссино; чтобы предварительно повнакомить читателя съ этими лицами, чтобы ввести его, такъ сказать, въ кругъ разсказа, считаю не лишнимъ сообщить нѣкоторыя о нихъ подробности. Начну съ кн. Долгорукихъ.

Родители княжны Прасковьи Владиміровны Долгорукой были: кн. Владиміръ Петровичъ и кн. Елена Васильевна, рожденная княжна Хилкова. Такъ какъ въ разсказѣ Ф. А. Скуратовой на первомъ планѣ находится личность княжны Прасковьи Владиміровны, и только вскользь упоминается объ одномъ изъ ея братьевъ, то слѣдуетъ добавить, что семья кн. Владиміра Петровича Долгорукаго состояла изъ четырехъ дочерей и двухъ сыновей. Извѣстны года рожденія только младшей дочери и сыновей; принимая въ соображеніе эти хронологическія показанія и разницу въ годахъ между княжной Прасковьей Владиміровной Долгорукой и Ив. Ив. Мелиссино, я лишь приблизительно выставляю года рожденія трехъ старшихъ княженъ Долгорукихъ.

Князь Владиміръ Петровичъ Долгорукій, служившій губернаторомъ въ Ригѣ, является однимъ изъ типическихъ представителей дѣхъ «самоуправцевъ», которыми изобиловала русская знать второй половины XVIII в. Надменность, гордость, безсердечіе князя Владиміра Петровича, кромѣ среды и условій той эпохи, въ которую онъ жилъ, опредѣляются его личными качествами, унаслѣдованными имъ отъ его предковъ: онъ былъ роднымъ правнукомъ князя Юрія Алексѣевича Долгорукаго, усмирителя Разинскаго повстанья и извѣстнаго начальника стрѣлецкаго приказа при царяхъ Алексѣѣ Михайловичѣ и Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, отличавшагося крутостью нрава и жестокостью. Князь Юрій Алексѣевичъ и его сынъ князь Михайлъ Юрьевичъ сдѣлались жертвами стрѣлцкой мести въ первый стрѣлцкій мятежъ 15 мая 1682 года: они оба были убиты стрѣльцами.

Въ «Сказаніяхъ о родѣ князей Долгорукихъ» напечатаны отрывки изъ «Записокъ» меньшого сына князя Владиміра Петровича—князя Юрія Владиміровича. Тамъ сказано между прочимъ, что хотя отецъ его князь Владиміръ Петровичъ въ 1755 г. изъ рижскихъ губернаторовъ былъ назначенъ генералъ-лейтенантомъ въ армію, но продолжалъ занимать свой прежній постъ и умеръ въ 1761 г. въ Ригѣ, гдѣ и погребенъ. Жена пережила его на два года († 12 мая 1763 г.) и погребена въ Москвѣ въ Богоявленскомъ монастырѣ.

Несмотря на свое видное служебное положеніе и на богатство, князь Владиміръ Петровичъ не обращалъ, повидимому, особеннаго вниманія на образованіе дѣтей, по крайней мѣрѣ, сынъ его, князь Юрій Владиміровичъ, дожившій до глубокой старости (онъ умеръ 90 лѣтъ отъ роду), нерѣдко говаривалъ молодымъ людямъ: «Учи-

тесъ, друзья, учитесь! Счастливы вы, что у васъ такъ много учителей. Въ наше время было не то. Брата да меня итальянецъ Замбони училъ всему за сто рублей въ годъ!».

Дѣти князя Владиміра Петровича и княгини Елены Васильевны Долгорукихъ шли въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Княжна Екатерина Владиміровна, род. 1733 г. За адмираломъ Ив. Яковл. Баршемъ. 2) Княжна Прасковья Владиміровна, род. 1735 г. † 1824 г. За тайнымъ совѣтникомъ Ив. Ив. Мелиссино. 3) Княжна Александра Владиміровна, род. 1736 г. За бригадиромъ княземъ Як. Алексѣев. Ковловскимъ. 4) Княжна Наталья Владиміровна, род. 1737 г. † 7 сентября 1812 г., погребена въ селѣ Черкутинѣ, Владимірской губерніи. За генераль-фельдмаршаломъ княземъ Ник. Ив. Салтыковымъ. 5) Князь Василій Владиміровичъ, генераль-поручикъ, род. 28 января 1738 г. † 26 сентября 1782 г. Жена графиня Варвара Александровна Бутурлина. 6) Князь Юрій Владиміровичъ, генераль отъ инфантеріи и всѣхъ россійскихъ орденовъ кавалеръ, род. 2 ноября 1740 г. † 8 ноября 1830 г. Жена графиня Екатерина Александровна Бутурлина († въ декабрѣ 1811 г.), родная сестра графини Варвары Александровны, жены князя Василя Владиміровича. Князь Юрій Владиміровичъ всю жизнь провелъ въ военной службѣ, связавъ свое имя со многими замѣчательными событіями и дѣятелями трехъ царствованій: Екатерины II, Павла I и Александра I. Будучи близокъ къ графамъ Орловымъ, князь Юрій Владиміровичъ особенно извѣстенъ своими удачными мѣропріятіями противъ одного изъ лже-Петровъ III, появившихся вслѣдъ за вступленіемъ на престолъ Екатерины II, Степана Малаго, взволновавшаго всю Черногорію, и участіемъ въ такъ называемой Морейской экспедиціи.

Съ семействомъ князя В. П. Долгорукаго повнакомился И. И. Мелиссино, и это-то знакомство является главною темой разсказа «Любовь и сила воли». Принимая во вниманіе нѣкоторыя подробности этого разсказа и приведенныя выше хронологическія справки о годахъ рожденія дочерей и сыновей князя В. П. Долгорукаго, можно заключить, что знакомство съ его семействомъ Ив. Ив. Мелиссино произошло въ 1753 г. въ Ригѣ, но неизвѣстно, какое служебное положеніе занималъ тогда Мелиссино. Годъ спустя, т.-е. въ 1754 г., Мелиссино женился въ первый разъ; въ 1757 г. онъ былъ назначенъ директоромъ Московскаго университета; въ 1759 г. умерла его первая жена, а годъ спустя, въ 1760 г. вышла за него замужъ княжна Прасковья Владиміровна Долгорукая. Такъ какъ въ разсказѣ говорится, что мать посѣщала еѣ иногда, то надо полагать, что княгиня Елена Васильевна наѣзжала въ Москву до переселенія туда послѣ смерти мужа въ Ригѣ.

Имя Ивана Ивановича Мелиссино (род. 1718 г. † 23 марта 1795 г.), неразрывно связанное съ Московскимъ университетомъ,

пользуется вполне заслуженной и почетной известностью. Воспитание онъ получилъ въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ и всей душой привязался къ своему второму отечеству¹⁾. Неизвестно, гдѣ онъ служилъ до 1757 г., а въ этомъ году онъ былъ назначенъ директоромъ Московскаго университета и явился достойнымъ помощникомъ куратора этого университета Ив. Ив. Шувалова. Мелиссино прежде всего обратилъ вниманіе на религиозное воспитаніе и физическое здоровье учащагося юношества; затѣмъ онъ принялся за упорядоченіе ученія въ университетѣ и состоящей при немъ гимназій, а во второе полугодіе 1757 г. преподаваніе въ обоихъ учебныхъ заведеніяхъ стало уже значительно полнѣе. Между Шуваловымъ и Мелиссино возникла дѣятельная переписка по вопросамъ ученымъ и педагогическимъ, и оба они усиленно боролись съ разными препятствіями, которыя возникали при достиженіи ими широко поставленныхъ ими задачъ. Въ 1763 г. Мелиссино былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода, а въ 1771 г., будучи уже въ чинѣ тайнаго совѣтника, изъ почетныхъ опекуновъ воспитательнаго дома вновь призванъ къ управленію Московскимъ университетомъ, но уже на высшій постъ тогдашней его учено-педагогической администраціи: онъ явился преемникомъ Вас. Евдоким. Ададунова по должности куратора Московскаго университета. Университетъ почелъ это назначеніе для себя «счастливымъ» и съ радостью принялъ знакомаго ему начальника, а Мелиссино въ публичномъ засѣданіи конференціи произнесъ одушевленную рѣчь на латинскомъ языкѣ и выразилъ сочувствіе той радости, съ которою былъ встрѣченъ профессорами и всѣми служащими въ университетѣ. Затѣмъ онъ перешелъ къ исполненію мысли императрицы Екатерины II относительно преуспѣянія наукъ и образованія. «У насъ,—говорилъ онъ,—среди войны ни законы, ни музы не безмолвствуютъ. Война на сушѣ и на морѣ противъ враговъ упорныхъ не помѣшала важнымъ заботамъ монархини о процвѣтаніи наукъ и художествъ». Выражая надежду на помощь и руководство со стороны императрицы, Мелиссино такъ призывалъ профессоровъ университета соединить съ нимъ свои силы въ заботахъ о просвѣщеніи: «Во всѣхъ дѣлахъ человеческихъ и малое растетъ согласіемъ, несогласіемъ же и большое разрушается. Лѣтописи всѣхъ вѣковъ свидѣтели, что въ мѣрѣ наукъ и слова такъ всегда бывало. Истребите же всякую частную ненависть, погасите малѣйшую искру раздора, огрните всякое притворство, къ собственной выгодѣ направленное, удалите нерадѣніе и малодушіе, вредныя успѣху наукъ, украсьте ваше званіе ученіемъ и нравами; предходите учащимся примѣромъ, ищите высшей награды

¹⁾ Отецъ его, Иванъ Леонасьевичъ, уроженецъ острова Кефалоніи, прибылъ въ Россію при Петрѣ Великомъ, въ качествѣ медика, а впоследствии, при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, былъ вице-президентомъ коммерцъ-коллегіи.

за весь вашъ трудъ въ разумномъ сознаніи совѣсти, устраните всякую недобвѣрчивость: ибо въ общинѣ наукъ тотъ рѣдко вкушаетъ плодъ отъ своего званія, кто ступаетъ по горячимъ угольямъ, прикрытымъ коварнымъ пелломъ. Помогите мнѣ вашею доброю волею, вашими совѣтами, вашею любовью къ наукамъ и благу отечества. Мы не можемъ сослужить отечеству важнѣйшей и полезнѣйшей службы, какъ двинувъ всѣми силами впередъ правильное воспитаніе и ученіе юношества. Сей трудъ, хотя часто безпокойный и неблагодарный, принесетъ пользу не только въ настоящемъ времени, но и потомкамъ, которые нѣкогда, послѣ нашего отбытія изъ міра, будутъ судить наши заслуги. Эта слава, когда мы все оставимъ, останется нашею и за нами послѣдуетъ».

Вскорѣ по вступленіи въ должность куратора, Мелиссино издалъ «Способъ ученія, приготовляющаго къ университету», на русскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. Въ 1771 г., при дѣятельномъ содѣйствіи исторіографа Г. Ф. Миллера, въ то время директора главнаго московскаго архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ, Мелиссино открылъ Вольное россійское собраніе, мысль объ учрежденіи котораго возникла у него еще въ 1757 г., когда онъ только что былъ опредѣленъ въ директоры университета. Цѣлью этого ученаго общества, секретаремъ котораго избранъ профессоръ Барсовъ, ученикъ Ломоносова, было изученіе русскаго языка и русской исторіи, и въ «Трудахъ» этого общества за четырнадцатилѣтнее его существованіе помѣщено немало весьма цѣнныхъ матеріаловъ и изслѣдованій. Засѣданія общества бывали очень торжественны, ихъ посѣщали многія знатныя особы, и нерѣдко являлся и самъ Потемкинъ. Онъ сиживалъ за столомъ спиною къ Мелиссино, котораго не любилъ, и лицомъ къ безсмѣнному секретарю общества Барсову, самому любимому наставнику его въ бытность его студентомъ Московскаго университета. Мелиссино содѣйствовалъ изданію при Московскомъ университетѣ «Московскихъ Вѣдомостей», въ которыхъ и самъ участвовалъ, а съ 1790 г. сталъ издавать переводъ выходившаго въ Гамбургѣ «Политическаго Журнала». Въ 1775 году кураторомъ Московскаго университета былъ назначенъ М. М. Херасковъ, а Мелиссино получилъ разрѣшеніе поѣхать за границу, вернувшись откуда въ началѣ 1782 г. вновь вступилъ въ управленіе университетомъ и занималъ это мѣсто до самой кончины.

Теперь остается сказать нѣсколько словъ о Пушкиныхъ.

Эта древняя дворянская фамилія, ведущая свое начало отъ новгородскаго земскаго боярина Радши, жившаго въ XIII в., распадается на двѣ вѣтви. Къ старой вѣтви принадлежатъ Пушкины, о которыхъ идетъ рѣчь въ настоящемъ разсказѣ; отъ младшей происходятъ знаменитый русскій поэтъ Ал. Серг. Пушкинъ.

Ф. А. Скуратова или не знала, или не хотѣла рассказывать объ

обстоятельствахъ, вслѣдствіе которыхъ очутился въ Сибири ея родной дѣдъ, Мих. Алексѣев. Пушкинъ. Мы же знаемъ объ этомъ изъ біографіи извѣстнаго А. Н. Радищева, написанной его сыномъ («Русск. Вѣстн.» 1858 г., кн. 24, стр. 410—411). А. Н. Радищевъ, сосланный въ Илимскій острогъ Иркутской губерніи за свою книгу «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», въ зиму 1790—1791 г.г. проѣзжалъ черезъ Tobольскъ и засталъ тамъ М. А. Пушкина, его меньшого брата и еще одного товарища (повидимому, Панкратія Петровича Сумарокова). Всѣ они, гвардейскіе офицеры, были вѣдрены въ Tobольскъ по дѣлу объ изготовленіи фальшивыхъ ассигнацій; Мих. Ал. Пушкинъ и П. П. Сумароковъ лично не участвовали въ этомъ дѣлѣ, но были обвинены въ укрывательствѣ виновника — меньшого брата Мих. Ал. Пушкина. Вотъ какъ Радищевъ-сынъ рассказываетъ объ этомъ: «Пушкинъ меньшей ѣздилъ за границу дѣлать формы для отпечатанія русскихъ ассигнацій и когда съ ними возвращался въ Россію, на границѣ таможенный чиновникъ, осматривая его вещи, увидѣлъ одну изъ такихъ формъ; долго разсматривалъ ее и не могъ понять, на что она можетъ годиться. Пушкинъ меньшей, видя, что дѣло плохо, думалъ поправиться, далъ ему 25-ти-рублевую ассигнацію. Чиновникъ взялъ ее, но формы не отдалъ и понесъ ее домой. Въ это время его жена пекла пироги. Онъ приложилъ форму къ тѣсту, и 25-ти-рублевая ассигнація выпечаталась. Пушкина задержали. Михаилъ Алексѣевичъ былъ челоуѣкъ остроумный, свѣтскій и съ познаніями».

У Михаила Алексѣевича Пушкина, женатаго на княжнѣ Натальѣ Абрамовнѣ Волконской, кремъ сына Алексѣя Михайловича (род. 1770 г., † 25 мая 1825 г.), было двѣ дочери: Екатерина Мих. и Варвара Мих. († 1854 г.), вторая изъ нихъ была замужемъ за д. т. сов. княземъ Серг. Ив. Гагаринымъ.

Алексѣй Мих. Пушкинъ былъ женатъ на Еленѣ Григорьевнѣ Воейковой (род. 1778 г., † 1833 г.), по первому браку Нѣмцовой. Елена Григорьевна, въ дѣтствѣ лишившись матери, вынуждена была рано начать самостоятельную жизнь. Она дѣятельно помогала отцу по хозяйству и 15-ти лѣтъ уже была свѣтской дѣвушкой. На одномъ балѣ въ Москвѣ подруги, указывая ей на Нѣмцова, извѣстнаго въ то время московскаго великосвѣтскаго «покорителя сердецъ», сказали «voilà l'irresistible Nemtsoff». Онъ не понравился Еленѣ Григорьевнѣ, и она выразила: «je ne le trouve pas du tout irresistible». Когда Нѣмцову передали отзывъ о немъ молодой Воейковой, онъ рѣшилъ во что бы то ни стало доказать, что и она, подобно многимъ другимъ, будетъ отъ него въ восторгѣ, началъ искать встрѣчъ съ нею и разъ какъ-то, заставъ ее одну дома, просилъ ея руки. Елена Григорьевна отказала, но тотчасъ же была вынуждена дать свое согласіе, потому что Нѣмцовъ, вынувъ изъ кармана пистолетъ, объявилъ, что онъ застрѣлится у ея ногъ, если

она будетъ упорствовать въ отказѣ. Счастья отъ этого брака не было: Нѣмцовъ женился, чтобы отомстить за то, что дѣвочка по-смѣла имъ не восхищаться, а Елена Григорьевна чувствовала къ нему только страхъ и отвращеніе. Годъ спустя, у нихъ родился сынъ, но ладу не прибавилось, и молодая женщина рѣшила уѣхать къ своей теткѣ, оставивъ мальчика у свекра и свѣкрови, вслѣдствіе ихъ неотступной просьбы. Нѣсколько времени спустя, былъ выхлопотанъ разводъ, и Елена Григорьевна вышла замужъ за Алексѣя Михайловича Пупкина. У нихъ было двѣнадцать человѣкъ дѣтей, изъ коихъ семь умерло въ младенчествѣ. Сынъ ихъ Иванъ Алексѣевичъ въ первомъ бракѣ былъ женатъ на Татьянѣ Ефимовнѣ Ренкевичъ, а во второмъ бракѣ на графинѣ Софѣ Владиміровнѣ Васильевой. — Ольга Алексѣевна (род. 1799 г., † 1861 г.) за греческимъ полковникомъ Герасимомъ Дмитр. Орфано. — Прасковья Алексѣевна дѣвица. — Наталья Алексѣевна (род. 1806 г., † 1870 г.) за медынскимъ помѣщикомъ Алдр. Алдр. Челищевымъ (род. 1797 г., † 1871 г.), въ 1812 г. вступившимъ въ службу изъ пажей высочайшаго двора. — Фаина Алексѣевна (род. 1 апр. 1807 г., † 16 февр. 1883 г.) за Дмитр. Петр. Скуратовымъ (род. 18 мая 1802 г., † 14 мая 1885 года).

В. К—ва.

Княжна Прасковья Владиміровна Долгорукая была дочерью знатныхъ и богатыхъ родителей.

Отецъ ея былъ человѣкъ умный, но гордый, суровый, властолюбивый, подчасъ жестокий и всегда и во всемъ непреклонный: крѣпостные трепетали передъ его взглядомъ, а жена его, любящая и кроткая женщина, ни во что не вступалась и во всемъ была ему покорна. Домъ ихъ былъ полной чашей и отличался не только богатствомъ, но и изысканной опрятностью и образцовымъ порядкомъ. Все шло по однажды установленной колѣѣ; малѣйшее нарушеніе строго взыскивалось. Вотъ въ какой обстановкѣ росла Прасковья Владиміровна, съ самаго ранняго дѣтства привыкая къ роскоши. Учили ее мало, за то одѣвали богато по современной, очень мучительной для ребенка, модѣ: затянуть въ длинный узкій лифъ и припечатать шнуровку, чтобъ дѣвочка не могла ее распусть; аппетитъ былъ у нея прекрасный, и ей поневодѣ приходилось держать себя въ проголодь. Родители въ ней души не чаяли, баловали ее и давали полный просторъ ея природнымъ свойствамъ.

Характеромъ и умомъ она была въ отца — развиваться было чему, только не было руководителей, поэтому хотя съ доброй душой, но, видя кругомъ себя жестокое обращеніе съ дворовыми, она и сама привыкла обращаться съ ними не мягко, пуская въ дѣло такіе приемы, которые кажутся просто невѣроятными не только современной молодежи, не выдавшей крѣпостного права, но даже и моему поколѣнію, переступившему за полстолѣтіе. Чуть платье выглажено

не совѣтъ хорошо, барышня не вспылить, не разбранить, а прикажет выгладить нерадивой горничной спину горячимъ утюгомъ. Увидить паутину на потолкѣ на своей половинѣ, зоветъ горничныхъ и опять не ворчить, не тратитъ лишнихъ словъ, а отдаетъ короткое приказаніе: «слизни». Принесутъ лѣстницу, влѣзетъ на нее горничная, изловчится и безпрекословно слизнетъ языкомъ, въ присутствіи барышни, тонкую и долгую работу паука, и затѣмъ ужъ вѣкъ не забудетъ, что, подметая полъ и стирая пыль, слѣдуетъ: и стѣны съ потолкомъ держать въ чистотѣ. И что замѣчательно: барышня и горничная продолжаютъ послѣ того относиться другъ къ другу вполне благодушно. Барышня считала своей обязанностью наблюдать за чистотой и учить лѣнивую холопку, а слуга подчинялась безропотно наказанію, зная за собой провинность и вполне признавая господскую волю карать и миловать. Съ другими крѣпостными, ткавшими ковры и полотна и вышивавшими разныя тонкія работы, обращались не мягче. Задавая урокъ, стращали, что въ случаѣ невыполненія его повѣсятъ на шею кирпичъ, чтобъ отучить глазѣть по сторонамъ, а провинился—не прогнѣвайся, тотчасъ повѣсятъ обѣщанное украшеніе, и изволь-ка работать съ такой ношей на шеѣ, да и не снимутъ его, пока провинившійся не взмолится и не пообѣщаетъ не плошать на будущее время.

При такой взыскательности и суровомъ обращеніи нельзя, однако, не упомянуть, что на содержаніе дворовыхъ старшій князь не скупился: продовольствія, помѣщенія, равно какъ и одежды, было вдоволь, и дворовые княжескіе хвалили свою жизнь по сравненію съ жизнью крѣпостныхъ мелкопомѣстныхъ дворянъ и даже величались пирами, которые князь задавалъ на весь міръ. Гости дѣйствительно не переводились, и княжна съ ранняго дѣтства привыкла къ шумной свѣтской жизни. При большомъ числѣ родственниковъ и знакомыхъ, въ посѣтителяхъ было мало разнообразія: взгляды, убѣжденія, приемы у всѣхъ были одни и тѣ же, и молодая княжна веселилась и не задумывалась надъ тѣмъ, не упрекнетъ ли ее въ чемънибудь совѣсть.

Отецъ съ дочерью понимали и очень любили другъ друга и жили въ ладахъ, мать же любила ихъ обоихъ до полного самозабвенія. Такъ жизнь катилась ровно, ничто не нарушало семейной тишины и долго, а, можетъ быть, и никогда, не пробудилась бы страстная и пылкая къ добру душа княжны, еслибъ въ кругъ ихъ знакомыхъ не вступилъ Мелиссино, человѣкъ ужъ не молодой, лѣтъ подъ сорокъ, незнатнаго происхожденія и не русскій, хотя и православный, но умный, образованный, добившійся выдающагося положенія, благодаря своимъ дарованіямъ, притомъ не зазнавшійся и сохранившій свой прежній гуманный взглядъ на людей.

Старому князю понравился новый знакомый, онъ цѣнилъ въ немъ интереснаго собесѣдника, много читавшаго и издавашаго на

своемъ вѣку, и принималъ его очень охотно. Княжна же, которой минуло тогда 18 лѣтъ, сразу увидала, что новый знакомый не похожъ на остальныхъ ихъ посѣтителей, что у него взгляды и понятія совсѣмъ другіе, что въ немъ замѣтно что-то особенное, чего она ни въ комъ не замѣчала, и что эту черту она даже сама не можетъ себѣ объяснить. Въ разговорахъ съ княземъ, при всемъ уваженіи, которое Мелисзино оказывалъ годамъ, сану и знатности вельможи, онъ твердо, хотя мягко, отстаивалъ свои убѣжденія, не молчалъ предъ нимъ и держалъ себя съ необыкновеннымъ достоинствомъ. Сначала княжну подкупила мягкость и доброта Мелисзино; отъ него впервые она услышала, что крѣпостные—ея братья во Христвъ, что, конечно, она должна исправлять своихъ слугъ, требовать отъ нихъ исполненія ихъ обязанностей, что у каждаго на землѣ свой долгъ, свой крестъ, который слѣдуетъ нести добросовѣстно и покорно, на какой бы ступени ни стоялъ человѣкъ. Зачѣмъ же истязать? Помѣщики не должны забывать, что крѣпостные—люди темные, что они не получили никакого воспитанія, никто не указывалъ имъ, что хорошо, что худо, никто не развивалъ въ нихъ чувства долга и добросовѣстнаго исполненія своихъ обязанностей, жили они подъ постояннымъ страхомъ наказанія—недаромъ сложилась поговорка: «перевернешься—бьютъ, и не довернешься—бьютъ»; даже религиозное настроеніе въ нихъ чаще инстинктивное, а не сознательное чувство. «Исправляйте ихъ, будите ихъ спящую душу, даже наказывать можно, но не подымайте на нихъ руки, такъ какъ въ запальчивости рука можетъ причинить непоправимое зло, которое падетъ тяжелымъ камнемъ на душу и будетъ давить всю жизнь. Побой вѣдь одинаково унижаютъ какъ битаго, такъ и бьющаго. Господь и крѣпостныхъ нѣтъ предъ лицомъ вѣчнаго Судьи, и Онъ воздастъ каждому по дѣламъ его». Старый князь, конечно, возражалъ противъ такихъ взглядовъ, считалъ ихъ вздорными, нелѣпыми, а потому и не мѣшалъ новому знакомому высказывать ихъ при дочери: «пускай барышня послушаетъ краснорѣчивое слово и выучится говорить съ образованными людьми». Отецъ считалъ дочь ребенкомъ (вѣчная ошибка родителей), онъ думалъ, что, слушая изящныя рѣчи, она прельстится лишь блестящей формой, отшлифуетъ свой умъ, выучится занимать серьезныхъ гостей умнымъ разговоромъ. Онъ не замѣчалъ, что она всей душой, всѣмъ сердцемъ воспринимала новые взгляды, что она не пропускала ни одного посѣщенія Мелисзино. Онъ не догадывался, что не одну ночь она страстно вдумывалась въ каждое слово, что каждое слово было для нея откровеніемъ, что весь ея душевный строй измѣнился, что она какъ будто проснулась отъ долгой спячки и прозрѣла. И вотъ некрасивый человѣкъ, почти на 20 лѣтъ старше ея годами, сдѣлался для нея олицетвореніемъ человѣческаго совершенства, онъ будилъ въ ней лучшія стороны ея энергичной, откровенной и искренней натуры,

каждое его слово сдѣлалось для нея закономъ, и такъ пролетѣлъ цѣлый годъ, въ теченіе котораго она все больше и больше ввѣрялась ему и полюбила со всею страстью, на какую была способна дочь непреклоннаго, суроваго отца.

Чувствомъ своимъ она дѣлилась лишь съ одной подругой, которой восторженно рассказывала, съ какимъ чуднымъ человѣкомъ столкнула ее судьба, какая у него возвышенная душа, и передавала ей взгляды его и убѣжденія. Мелиссино, конечно, не могъ не замѣтить, что онъ заронилъ искру въ душу молодой, красивой и умной дѣвушки, что она сдѣлалась его послушной ученицей, и также былъ увлеченъ ею, стараясь вызвать наружу всѣ дремавшія въ ней добрыя стремленія и направить ее на путь истины, съ которою, онъ вѣрилъ, она съ ея энергіей, добросовѣстностью и искренностью ужъ не собьется во вѣкъ. Считаая ее сначала прекраснымъ ребенкомъ, на котораго онъ можетъ любоваться лишь издалека, онъ слѣдилъ съ интересомъ за ея постепеннымъ превращеніемъ въ дѣвушку съ пробудившимся сознаниемъ человѣческихъ обязанностей къ Богу и людямъ, и въ свою очередь полюбилъ ее отъ всей души. Ихъ взаимная тайна, конечно, скоро обнаружилась, и онъ ей высказалъ, какъ незамѣтно она сдѣлалась для него всѣмъ въ жизни, какъ онъ свято вѣритъ, что они твердо пойдутъ по одному пути, и что они будутъ счастливы. Она дала слово быть его женой, и въ мечтахъ они наслаждались безмятежнымъ счастьемъ. Но тутъ громъ грянулъ.

Немолодой женихъ такъ былъ поглощенъ своимъ чувствомъ, что совсѣмъ забылъ, какая бездна раздѣляла его отъ семьи гордаго вельможи: частыя приглашенія и любезное обхожденіе стараго князя ввели его въ заблужденіе, и при первомъ представившемся случаѣ онъ просилъ у князя руки его дочери. Куда дѣвалась изысканная вѣжливость и снисходительная любезность стараго барина, въ немъ проснулся крѣпостникъ, и онъ пришелъ въ дикую ярость отъ одной мысли, что за его дочь, родовитую княжну, посмѣлъ посвататься выскочка; когда же этотъ выскочка, задѣтый за живое, обмолвился, по неосторожности, что Прасковья Владиміровна раздѣляетъ его чувство и дала ему слово, тогда бѣшенство князя ужъ не знало предѣловъ. Онъ чуть не поднялъ руки на Мелиссино и кричалъ въ совершенномъ изступленіи: «люди, люди, гоните его въ шею!».

Какъ только ненавистный человѣкъ скрылся изъ глазъ, князь послалъ за дочерью, и не успѣла она войти въ комнату, какъ онъ излилъ на нее свой гнѣвъ. Онъ укорялъ ее, что она срамитъ его сѣдую голову, и сказалъ, что если она забыла, какой она крови, то онъ твердо про это помнить и не допустить топтать въ грязь кость отъ его костей. «Заставлю тебя выкинуть блажь изъ головы, никогда не позволю тебѣ выйти за этого хама, а тайно обвѣнчаешься—

не прогнѣвайся, лишу наслѣдства и прокляну», — такими словами завершилась рѣчь отца. Въ смущеніи стояла глубоко потрясенная дѣвушка передъ нѣжно любимымъ ею отцемъ; всѣ мечты ея разлетѣлись въ прахъ, но ни единого слова не выговорила она, точно столбнякъ нашель на нее, все спуталось въ ея головѣ. Князь взглянулъ на нее мелькомъ, точно ожидая, что она скажетъ что нибудь въ свое оправданіе, и затѣмъ отдалъ приказъ: «Княжну Прасковью Владиміровну запереть въ ея комнату на замокъ и ключъ принести ко мнѣ».

Точно въ забытіи вышла княжна и направилась къ себѣ. Начались тяжкіе дни для всего дома. Отецъ заперся, и никто не смѣлъ переступить его порога, кромѣ бѣдной жены, которая, какъ всѣ любящія жены и матери, страдала и за мужа и за дочь. Она плакала, не осушая глазъ, и наконецъ получила разрѣшеніе навѣститъ несчастную узницу. Мать и дочь обнялись и долго плакали безмолвно. Наконецъ, дочь высказала матери, что она всѣ эти длинные одинокіе дни думала и передумывала, какъ ей поступить. Зная непреклонный характеръ отца, она, конечно, не могла надѣяться, что онъ уступитъ. Съ болью въ сердцѣ княжна видѣла, какъ мать измѣнилась за эти дни, какъ она истаяла, и поняла, что она должна прекратить терзанія своихъ родителей, хотя бы цѣною собственнаго счастья. «Матушка, — начала она, — подите къ батюшкѣ, скажите, что заочно его дочери, княжнѣ знатнаго рода, сидѣть подъ замкомъ на хлѣбъ и на водѣ. Я не преступница, ничего дурного я не сдѣлала, и совѣсть у меня чиста передъ Богомъ и людьми. А что полюбила я неугоднаго батюшкѣ человѣка, — въ томъ каюсъ, да кто же воленъ въ сердцѣ своемъ? Противъ родительской власти я не пойду, какъ бы тяжело мнѣ ни приходилось. Пусть батюшка прикажетъ выпустить меня, я не собираюсь бѣжать и тайно замужъ выходить; пусть онъ повѣритъ мнѣ въ томъ, а чтобъ ему не думалось и жилось покойно, я положу непреодолимую преграду между мною и Мелиссино — я уговорю его жениться. Вы оба знаете, что слово мое крѣпко, и повѣрите мнѣ. Вѣдь я и васъ истомила, да и сама истомилась».

Жаль было княгинѣ смотрѣть, какъ дочь напрягаетъ всѣ силы чтобъ не выдать своего горя, и вмѣстѣ съ тѣмъ отраднo стало на душѣ, что пришелъ конецъ ихъ мученіямъ, что они заживутъ по-прежнему дружной семьей, молодость возьметъ свое, недаромъ говорить пословица: «съ глазъ долой, изъ сердца вонъ». Дочь полюбить вновь, а ужъ они не допустятъ ее сближаться съ человѣкомъ не ихъ круга. «Спасибо, что насъ, стариковъ, пожалѣла», — съ такими словами княгиня пошла къ князю передать предложеніе дочери. Ни минуты не усомнился отецъ въ дочери, и тотчасъ же велѣлъ выпустить ее на свободу и вернуть ей прежнюю свою горячую любовь.

Усердно молилась Прасковья Владиміровна передъ стариннымъ

образомъ Успенія Божьей Матери ¹⁾ о томъ, чтобъ Богъ послалъ ей силы испить чашу до дна, не отступать передъ горькою необходимостью нанести тяжкій ударъ любимому человѣку и уговорить его принести обѣщанную отцу жертву и тѣмъ успокоить его старость. Выплакавъ свое горе и укрѣпившись духомъ, она рѣшилась свидѣться съ Мелиссино и призналась ему, какое обѣщаніе дала отцу, чтобъ прекратить разладъ въ семьѣ. Сгоряча онъ возмутился и говорилъ, что она не имѣетъ права распоряжаться ихъ судьбою, жертвовать ихъ счастьемъ, просилъ отложить рѣшеніе ихъ участи въ надеждѣ, что князь, видя ихъ постоянство, смягчится и отмѣнитъ свое первоначальное рѣшеніе. Княжна не сдалась, стояла на своемъ и наконецъ сумѣла убѣдить и его въ неизбѣжности такой развязки. Сознавъ, что, только положивъ непреодолимую преграду между ними, онъ можетъ возвратитъ миръ ея наболѣвшей душѣ и возстановитъ прежнія отношенія между отцемъ и дочерью, онъ сдался и предоставилъ ей выборъ невѣсты, говоря, что для него все равно, что счастье могло быть только съ нею, а онъ, какъ насмѣхъ, можетъ облегчить ея положеніе, лишь отрекаясь отъ нея. Она съ покорностью приняла на себя эту тяжкую задачу и намѣтила ту подругу, которая знала о ея привязанности и сама прониклась благоговѣніемъ къ ея избраннику. Она указала на нее, какъ на достойную свою замѣстительницу. Мелиссино сдѣлалъ формальное предложеніе, которое было принято. Общая дружба къ княжнѣ сблизила жениха съ невѣстой, и въ короткій срокъ свадьба была отпразднована.

Молодые пріѣхали въ домъ къ старому князю и были приняты съ отмѣнной вѣжливостью и даже съ большой любезностью. Довѣряя безгранично дочери, онъ не стѣснялъ ее и отпускалъ часто къ подругѣ. Молодые жили согласно. Жена обожала мужа и вполне подчинилась его вліянію, а мужъ былъ тронутъ горячей привязанностью молодой женщины.

Прасковья же Владиміровна продолжала вести свѣтскую жизнь; молодость брала свое, она искала развлеченія, а красивая наружность, веселость и врожденная привѣтливость, при извѣстномъ положеніи и богатствѣ, также всѣмъ извѣстномъ, стараго князя, привлекали къ ней многихъ; но кто ни сватался—всѣмъ былъ отказъ къ великому огорченію княгини, тщетно уговаривавшей дочь свить свое гнѣздо, не откладывая—«свѣтъ не клиномъ, молъ, сошелся—стерпится, слюбится, а то молодость пройдетъ и какъ бы послѣ времени не пришлось пожалѣть, что во время не обзавелась семьей». На всѣ уговоры княгини ея маленькая, стройная дочь, съ красивыми правильными чертами, отвѣчала все то же, ласково глядя

¹⁾ Этимъ образомъ впоследствии они благословили мою мать, дочь Алексѣя Михайловича Пушкина, и онъ и до сихъ поръ находится у меня.

своими черными, какъ смоль, глазами: «я покорилась волѣ батюшки и, видите, не ропщу и веселюсь, такъ вы ужъ не невольте меня выходить замужъ за постылаго. Никого и ничего мнѣ не нужно—мнѣ и такъ хорошо».

День за днемъ проходилъ, не внося никакой перемѣны въ жизнь княжны, только женихи перестали свататься, и родители оставили ее въ покоѣ, не желая мучить ее понапрасну. На шестой годъ жена Мелиссино умерла въ родахъ; религіозно-настроенная княжна увидала перстъ Божій въ ея кончинѣ. Она готова была считать свою борьбу грѣхомъ, жертва ея являлась ей какъ бы непослушаніемъ волѣ Божьей. Передъ матерью она излила всѣ свои сомнѣнія и терзанія. «Противъ Бога не пойдешь, матушка. Я ли не боролась, я ли не уходила отъ искушенія, и что же?—къ тому же пришло. Видно, суженаго конемъ не объѣдешь. Вы знаете, чего мнѣ стоило покориться волѣ батюшки, я скрѣпилась, крестъ свой несла безропотно и благодарила Бога, что послалъ Онъ мнѣ испытаніе по силамъ и помогъ перенести жгучее горе. Бога беру во свидѣтели, что сдержала данное батюшкѣ слово—положила непреодолимую преграду между Мелиссино и мною и схоронила всякую надежду на счастье. Теперь же, по волѣ Божьей преграды нѣтъ — благословите же вы меня, матушка, на счастье, я не хочу, не могу скрыть отъ васъ, что бѣгу, а тамъ—будь, что будетъ».

Мать пожалѣла дочь и, взявъ изъ кіота икону, благословила ее: «помни, что я тебя никогда не оставляю, что бы тамъ ни было»,—говорила она со слезами, и припавшая къ ней дочь долго не могла оторваться передъ продолжительной, а, можетъ быть, и вѣчной разлукой.

Минулъ годъ со смерти жены Мелиссино, княжна Прасковья Владиміровна бѣжала изъ родительскаго дома и обвѣнчалась съ Мелиссино. При первомъ извѣстіи о ея бракѣ отецъ лишилъ ее наслѣдства и проклялъ. Къ потерѣ состоянія Прасковья Владиміровна отнеслась равнодушно, она была богата счастьемъ, такъ долго не дававшимся ей, но проклятіе отца мучило ее всю жизнь. Уже старухой она говаривала своимъ внучкамъ (не роднымъ—дѣтей у нея не было): «Счастлива была такъ, какъ всякому могу пожелать. Мужа я полюбила еще болѣе, если только это было возможно, когда ближе узнала его. Многіе удивлялись, какъ это ему уже за 40 лѣтъ, а мнѣ всего 25 лѣтъ, и мнѣ, кромѣ него, никого и ничего не надо. Какъ это послѣ родительскаго дома — полной чаши, я не тягочусь лишеніями, а того не понимали, что жили мы душа въ душу, и горя я отъ него не видала. Разъ въ жизни онъ меня огорчилъ, дѣти, когда пришелъ его послѣдній часъ. И не знаю, что бы со мною было безъ него, еслибъ Богъ не послалъ мнѣ ангела-утѣшителя—вашего отца. Да, дѣти, счастлива я была тѣмъ, что не ошиблась въ избранникѣ моего сердца, онъ былъ достоинъ всякаго уваженія, только

проклятіе отца тяготило меня всю жизнь, видно и впрямь народъ правду говоритъ, что нѣтъ полнаго счастья на землѣ».

Съ отцомъ она такъ и не выдалась; онъ не только не хотѣлъ пустить дочь на глаза, но на просьбы жены простить дочь—отвѣчалъ, что дочери у него нѣтъ; затѣмъ ужъ никто не смѣлъ даже имени Прасковьи Владиміровны упоминать въ его присутствіи. Мать украдкой видѣлась съ ней, о чемъ старшій князь, вѣроятно, зналъ, какъ онъ зналъ обо всемъ, что дѣлалось въ его домѣ, но онъ и виду не показывалъ и ни разу не пожелалъ узнать, какъ живетъ когда-то столь горячо имъ любимая родная дочь. Прасковья Владиміровна жила между тѣмъ довольно скудно, считая каждую копейку. Мать помогала, насколько могла, да денегъ у нея бывало немного въ рукахъ.

Послѣ кончины стараго князя молодой князь вспомнилъ опальную сестру и далъ ей имѣніе, которое обезпечило ее въ старости, а дожила она до девяноста лѣтъ († 1825 г.).

Оставшись вдовою, она сильно горевала и находила отраду лишь въ попеченіяхъ о младенцѣ, который попалъ къ ней слѣдующимъ образомъ.

Одна изъ ея подругъ, княжна Наталья Абрамовна Волконская, вышла по любви за Михаила Алексѣевича Пушкина, человѣка ея круга, но не богатаго. Она же была очень богата, знатна, умна и характера такого же страстнаго и энергичнаго, какъ и Прасковья Владиміровна. Любила она мужа безъ памяти; если онъ уѣзжалъ по службѣ, она ходила по дому, какъ потерянная, нигдѣ не находила покоя и оживала только съ его возвращеніемъ; но если она умѣла любить, то умѣла и ненавидѣть.

Михаилъ Алексѣевичъ Пушкинъ представлялъ совершенную противоположность жены; добрый, мягкій, онъ ко всѣмъ относился благодушно, очень любилъ жену, но вмѣстѣ съ тѣмъ горячо былъ преданъ службѣ и несъ ее совѣстливо. И вотъ надъ нимъ повисла черная туча. Онъ былъ замѣшанъ по оговору въ темную исторію, гдѣ главнымъ лицомъ былъ его родной братъ. По семейнымъ преданіямъ, онъ былъ виноватъ лишь въ томъ, что не донесъ на брата, зная о его неблаговидныхъ дѣлахъ, но самъ не принималъ въ нихъ никакого участія. Предъ сильными міра сего онъ былъ оклеветанъ и представленъ какъ бы укрывателемъ дурныхъ дѣлъ брата, когда послѣдній скрылся, зная за собой вину и страпась наказанія. Михаилъ Алексѣевичъ попалъ подъ судъ, на требованіе выдать брата, указавъ, гдѣ онъ находится, онъ или не могъ, или не хотѣлъ дать отвѣта и былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ Сибирь.

Императрица Екатерина II узнавъ, что Пушкина находится въ ожиданіи прибавленія семейства, замедлила утверженіе приговора до рожденія ребенка, въ память прежнихъ заслугъ отца, говоря, что младенецъ во всякомъ случаѣ неповиненъ, зачѣмъ же его карать, мо-

жетъ быть, Наталья Абрамовна не послѣдуетъ за мужемъ, тогда состояніе можетъ сохраниться ребенку. Пушкинъ, по семейнымъ преданіямъ, былъ тронутъ до глубины души заботой императрицы о его еще не родившемся ребенкѣ и благословлялъ ее всѣмъ сердцемъ; Наталья же Абрамовна совсѣмъ иначе отнеслась къ милости, оказанной ожидаемому ею дитяти. Она возненавидѣла его до рожденія именно за то, что онъ, можетъ быть, будетъ пользоваться всѣми благами жизни на волѣ, благодаря ея состоянію, между тѣмъ какъ безвинно пострадавшій ея мужъ будетъ изнывать въ ссылкѣ. Михайлъ Алексѣевичъ уговаривалъ жену принести жертву ихъ будущему ребенку—не слѣдовать за нимъ въ Сибирь, надѣясь на скорое прощеніе, такъ какъ не зналъ за собой вины, но она и слышать не хотѣла ни о чемъ подобномъ и, готовясь слѣдовать за мужемъ, все болѣе и болѣе предавалась чувствамъ ненависти и негодованія. Когда у нея родился сынъ, она, не взглянувъ даже на младенца, приказала отпавить его немедленно къ Прасковѣ Владиміровнѣ Мелиссино, которая приняла съ благоговѣніемъ на свои руки сироту, какъ она его называла, и какимъ онъ былъ въ дѣйствительности при живыхъ родителяхъ. Прасковья Владиміровна такъ полюбила своего Алешу съ той самой минуты, какъ его впервые увидѣла, что скорбѣла отъ души о томъ, что родная мать отрелася отъ него еще до рожденія, и старалась лишь о томъ, чтобы вознаграить бѣдное дитя за его сиротство. Она окружила его самой нѣжной заботливостью, внушила ему чувства любви и уваженія къ родителямъ, дала хорошее воспитаніе и вселила такую безграничную любовь къ себѣ, что онъ всю жизнь до ея кончины звалъ ее «ма-тушкой», всегда жилъ вмѣстѣ съ нею, даже будучи женатымъ человекомъ и отцемъ многочисленнаго семейства.

Юношей лѣтъ 18-ти Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ ѣздилъ въ Сибирь знакомиться съ родителями; онъ былъ въ то время живой, остроумный молодой человекъ съ огненными глазами. Онъ вполне очаровалъ отца, который отъ всей души полюбилъ его и долго не отпускалъ отъ себя, а послѣ его отъѣзда очень грустилъ о немъ. Мать же признавалась, что сынъ очень уменъ и образованъ, что съ нимъ вѣкъ не соскучишься, но враждебное чувство ея къ нему не прошло съ годами.

Послѣ прощенія Михаила Алексѣевича, которымъ онъ не могъ воспользоваться, такъ какъ оно застало его уже на смертномъ одрѣ, Наталья Абрамовна вернулась въ Россію съ дочерью, родившейся въ Сибири. Эту дѣвочку она любила безъ памяти, къ Алексѣю же Михайловичу продолжала относиться холодно. Названная же мать, видя, что Алексѣй Михайловичъ любитъ свѣтскую жизнь и любимъ всѣмъ обществомъ за его отзывчивость, неистощимую веселость и остроуміе, не старалась удерживать его съ женою при себѣ: «пусть молодые люди веселятся и ѣздятъ по гостямъ», думала она, а сама,

окруживъ себя его дѣтьми, была вполнѣ довольна. Приѣдетъ кто изъ ея знакомыхъ старушекъ или стариковъ провѣдать ее,—она велитъ отказать въ приемѣ: «больна молъ, едва хожу, извиняюсь за свою немощь, только бы до постели добраться».

Внучки вскочатъ, соберутся уходить, чтобы милой бабушкѣ дать покой, а она ихъ не пускаетъ.

— Что вы, матки, куда вздумали бѣжать?

— Да вѣдь вамъ въ постель пора, вамъ нехорошо?

— Да что вы? мнѣ совсѣмъ хорошо и спать совсѣмъ не хочется.

— Что же вы не приняли знакомыхъ-то?

— А на что они мнѣ? Мнѣ его надо (т. е. Алексѣя Михайловича), а не чужихъ, а ему нельзя сидѣть со мною—некогда, онъ вѣдь всѣмъ нуженъ, ну, такъ вы сидите со мною, вы—его и милы мнѣ по немъ.

И опять одна изъ внучекъ раскладываетъ грань-пасьянсъ: у бабушки пальцы уже плохо гнутся, а другія, съ бабушкой во главѣ, зорко слѣдятъ, чтобъ раскладывающая не пропустила какой карты.

Подчасъ внучкамъ и скучновато наверху у бабушки, особенно когда у матери съ отцемъ соберутся гости, и до нихъ долетаетъ говоръ и веселые взрывы хохота, но онѣ и подумать не смѣютъ уклониться отъ исполненія этой обязанности и обыкновенно попарно дежурятъ черезъ день. Самъ Алексѣй Михайловичъ спрашивалъ каждый день за обѣдомъ: «Чей чередъ идти сегодня на верхъ?» И двѣ изъ его четырехъ дочерей немедленно отвѣчали: «мой». А бабушка стала глуховата, но не любить, чтобы разговоръ шелъ мимо нея, внучки болтаютъ, шутятъ, хохочутъ, а ей надо знать, о чемъ и надъ чѣмъ. Молодежь не любитъ повторять своихъ шутокъ, ей это скучно и подъ часъ кажется, что бабушка прикидывается и хочетъ помудрить надъ ними, а прежняя красавица, проходя мимо зеркала, въ туфляхъ на высокихъ каблукахъ и безъ задковъ, говоритъ, укавывая на спину: «и откуда горбъ взялся? Дѣти, вѣдь вы врядъ ли повѣрить можете, что я была пряма, какъ стрѣла».

Дѣти же давно рѣшили тихонько между собой, что горбъ явился оттого, что бабушка спала не иначе, какъ на цѣлой горѣ подушекъ, счетомъ чуть ли не до двадцати, почти сидя, не понимая, что ей ужъ невозможно было лечь, отъ долгой отвычки она бы не сумѣла заснуть лежа. Слѣдуя модѣ, бывшей въ полномъ разгарѣ во времена ея молодости, она пудрила волосы, и на прическу уходило по нѣскольку часовъ сряду. На головѣ воздвигалось цѣлое высокое зданіе посредствомъ ваточныхъ подушекъ, подкладываемыхъ подъ волосы, которые сперва смазывались жирной помадой, затѣмъ слегка клеемъ и ужъ затѣмъ засыпались пудрой. Чтобъ не подвергать себя продолжительнымъ мученіямъ каждый день, прическа служила дней на пять, а чтобъ не смять ее какъ нибудь и не растрепаться, женщины приучили себя спать, почти сидя, со всѣхъ сторонъ под-

пирая себя горами подушекъ. Видно, такое самоистязаніе закаливало здоровье, бабушка до глубокой старости не знала никакихъ болѣзней и, глядя на внучекъ, часто хворавшихъ, говорила, что народъ сталъ нонѣ слабъ, извѣжилъ себя въ конецъ, на фду сталъ разборчивъ, поэтому и хворь явилась. Сама она чуть ли не до 90 лѣтъ спала всегда отлично, ѣла какъ въ пору молодой здоровой женщинѣ. Заболить у нея подъ ложечкой, пошлетъ за докторомъ и, на вопросъ его, не скушала ли чего лишняго, бывало скажетъ:

— Да что же я такое съѣла необыкновенное, сударь? Вчера все заурядное было.

— Однако припомните-ка.

— Ну, что же, я съѣла за ужиномъ кусочекъ кулебяки съ рыбой да грибокъ въ сметанѣ.

Докторъ не смѣетъ спорить со старушкой, хотя знаетъ, что кусочекъ бабушкѣ рѣжутъ во всю ширину кулебяки, а грибокъ значить, что бабушкѣ подали цѣлую сковородку, которую она и очистила до послѣдняго грибка. Онъ съ улыбкой пишетъ молча рецептъ, бабушка аккуратно спросить, какъ принять, и когда все исполнить, какъ сказано, и на другой день хворь какъ рукой сниметъ, и бабушка опять здорова, весела и привѣтлива.

Приближеніе къ смерти сказалось въ ней слабостью безъ всякой болѣзни. Она перестала спать, ѣсть, и начала сильно бояться смерти. Чуть упомянуть о трудно больномъ или покойникѣ, она мѣняется въ лицѣ, крестится торопливо и шепчетъ: «Страшно, страшно». Такое состояніе продолжалось болѣе недѣли; отъ нея не отходила вся семья и многочисленная прислуга. Ночи безотлучно сидѣлъ надъ ней Алексѣй Михайловичъ или жена его, Елена Григорьевна.

Прасковья Владиміровна томилась, и вся семья томилась не мѣнѣе ея, наконецъ она пожелала исповѣдаться и причаститься. Пришелъ священникъ, обратился къ ней съ ободряющимъ словомъ и затѣмъ просилъ всѣхъ выйти изъ комнаты больной. Но Прасковья Владиміровна воспротивилась:

— Зачѣмъ гонишь, отецъ мой, пусть слышать всѣ мою исповѣдь. Скрывать ничего не буду и при нихъ. Каяться должна въ двухъ великихъ грѣхахъ: жестокомъ обращеніи съ крѣпостными и ослушаніи родительской власти. Чаю, что первый грѣхъ Богъ мнѣ простилъ, не вѣдала я, что творила, видѣла, какъ всѣ кругомъ поступали, и я также дѣлала до тѣхъ поръ, пока мужъ мой,—царство ему небесное! не оговорилъ меня.

Тутъ старушка съ благоговѣніемъ взглянула на прелестную мишатюру покойнаго ея мужа, вдѣланную въ золотую чудной работы табакерку, съ которой никогда въ жизни не разставалась и которая всегда стояла на столѣ передъ нею, и продолжала:

— А послѣ того, беру всѣхъ здѣсь стоящихъ въ свидѣтели,—кого приказывала наказать, кого пальцемъ тронула, кому худое слово

сказала? А вотъ, что пошла я противъ отцовской воли,— въ томъ какую. Одинъ разъ ушла я отъ искушенія, да, видно, отъ судьбы своей не уйдешь. Проклятіе отца не давало мнѣ покоя, только одно и утѣшало, что матушка моя благословила меня на бракъ съ любимымъ человѣкомъ. Только ужъ въ старости взбрело мнѣ на умъ, что, можетъ быть, бабушка, видя мою счастливую долю и чистую, святую жизнь мужа, простилъ меня съ небесъ и снялъ съ меня проклятіе. Зла я никому не желала и не дѣлала, а если передъ кѣмъ виновата—прошу у всѣхъ прощенія.

Бабушка всѣмъ поклонилась, а присутствующіе въ одинъ голосъ со слезами на глазахъ отвѣчали:

— Богъ тебя прости, матушка, никого ты не обидѣла, всѣмъ была родной матерью.

Затѣмъ Прасковья Владиміровна стала припоминать еще грѣхи:— Въ непоказные дни ѣла рыбу, ворчала на дѣтей, а, можетъ быть, и это грѣхъ, что слишкомъ любила мужа и названнаго сына, Алексѣя Михайловича, который и до сихъ поръ дороже мнѣ всего на свѣтѣ.

Послѣ причастія бабушка приняла отъ всѣхъ поздравленія и затѣмъ выразила желаніе: пусть всѣ идутъ на отдыхъ, а ее просила оставить одну—она устала и хочетъ отдохнуть.

Весь домъ, конечно, какъ бы замеръ, боясь потревожить ея покой. Алексѣй Михайловичъ остался въ смежной комнатѣ караулить всякое ея движеніе. Спустя нѣсколько часовъ, послышался ея колокольчикъ; Алексѣй Михайловичъ вошелъ къ ней и увидальъ, что все лицо ея залито слезами.

— Вы плачете, матушка, страдаете, горюете...

— Нѣтъ, другъ мой, то радостныя слезы—мнѣ совсѣмъ хорошо. Сонъ я видѣла, скорѣе бы Богъ смерть послалъ. Ахъ, какъ тамъ хорошо, какъ хорошо! скорѣй туда, скорѣй!

— Какой же сонъ, матушка?

Но Прасковья Владиміровна не отвѣтила на его вопросъ, только улыбалась сквозь радостныя слезы, гладила руку Алексѣя Михайловича и смотрѣла куда-то вдаль черезъ его голову, точно видя что-то передъ собой. По временамъ она впадала въ забытье, или сонъ отъ слабости, но все время была въ памяти. Болѣе недѣли она вовсе ничего не ѣла, говорила со всѣми близкими, дорогими, благодарила ихъ, что они такъ хорошо за ней ходятъ, утверждала, что пора, пора...

— Но что же смерть неидетъ, тамъ такъ хорошо, такъ хорошо!—воскликала бабушка.

На десятый день она велѣла всѣхъ позвать къ себѣ, каждого благословила, съ каждымъ простилась. Затѣмъ обвела всѣхъ глазами, поманила къ себѣ Алексѣя Михайловича, взяла его за руку, пристально стала всматриваться въ его лицо, какъ будто хотѣла запомнить его черты, и со словами:

— Ну, теперь, кажется, все...—вдохнула и отошла безъ всякой агоніи.

Такая кончина произвела на всѣхъ окружающихъ глубокое впечатлѣніе, а ужъ внучки были до такой степени поражены, или, правильнѣе сказать, подавлены величіемъ духа покойницы, что не захотѣли оставаться въ міру, а рѣшили идти въ монастырь. Онѣ только тутъ поняли, какая смиренная христіанская дупа отошла, какъ покойница много вынесла на своемъ вѣку, какъ сознавала себя грѣшной и однако не побоялась исповѣдаться при всѣхъ, а онѣ-то при жизни ея тяготились ею подѣ часть, подмѣчали ея старческія немощи, посмѣивались надъ ней.

— Вотъ грѣхъ-то взяли на душу, цѣлой жизни не хватитъ чтобъ отмолить его,—говорили онѣ.

Всѣ четыре сестры подѣ свѣжимъ впечатлѣніемъ пошли къ матери, Еленѣ Григорьевнѣ, проситься въ монастырь. Отлично понимая ихъ душевное настроеніе, мать не прекословила, а только посоветовала повременить исполненіемъ своего рѣшенія, испытать себя, прежде чѣмъ рѣшиться на такой безповоротный шагъ. Онѣ, конечно, стали увѣрять мать, что онѣ все обдумали и все взвѣсили, но видя, что она не противится ихъ желанію, рѣшили исполнить ея советъ отложить на время свое поступленіе въ монастырь.

Прошелъ годъ строгаго траура, вся семья нигдѣ не бывала, видалась только съ близкими друзьями, но эти друзья старались развлекать молодежь, мирить ее съ жизненными невзгодами, да и наконецъ молодость вступала въ свои права, барышни забыли и думать о монастырѣ, и мать не поминала о ихъ рѣшеніи, принятомъ сгоряча, подѣ влияніемъ перваго ихъ горя. Но память о себѣ бабушка оставила въ ихъ душевномъ строѣ; изъ нихъ вышли хорошія, добросовѣстныя, безкорыстныя женщины, свято исполнившія свой долгъ жены и матери. И на Алексѣѣ Михайловичѣ Прасковья Владиміровна оставила свой отпечатокъ, и онъ остался безкорыстнымъ челоуѣкомъ до конца жизни.

Еще послѣдняя подробность: любя безгранично своего названнаго сына, Прасковья Владиміровна пожелала, чтобъ имѣніе, полученное отъ брата, перешло къ Алексѣю Михайловичу и его дѣтямъ, и закрѣпила его за нимъ (какимъ путемъ—моя мать не рассказывала, да, конечно, и не интересовалась такими сухими дѣлами). Онъ не противился ея волѣ, боясь ее огорчить, но послѣ ея кончины онъ не счелъ себя въ правѣ оставить за собой родовое имѣніе своей названной матери и возвратилъ его ея брату, князю Юрію Владиміровичу Долгорукому.

Х. Р—ва.

ВОСПОМИНАНИЕ ОБЪ Е. П. ГРЕБЕНКЪ.

ЕДАВНО я увидѣлъ въ иллюстрированномъ прибаленіи къ «Новому Времени» портретъ извѣстнаго писателя Евгенія Павловича Гребенки. Этотъ портретъ напомнилъ мнѣ то время, когда Гребенка былъ учителемъ во Второмъ кадетскомъ корпусѣ и пользовался искренней любовью кадетъ. Такъ какъ преподавательская дѣятельность Гребенки совсѣмъ не извѣстна, я сообщу здѣсь то, что могу о ней вспомнить.

Е. П. Гребенка преподавалъ русскую словесность въ среднихъ классахъ корпуса, въ концѣ 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ; въ послѣдній разъ я видѣлъ его въ 1844 году.

Въ коротенькой статьѣ «Новаго Времени» г. Вересай такъ описываетъ Гребенку: «Худой и нескладно сложенный, чахоточной комплекціи, съ нерѣшительной улыбкой на губахъ и во взорѣ, съ узкимъ, но красивымъ лбомъ» и т. д. Вѣроятно, это описаніе относится къ послѣднему году, можетъ быть, къ послѣднимъ, болѣзненнымъ днямъ его жизни. Кстати скажу, что на приложенномъ портретѣ онъ вовсе не похожъ на это описаніе.

Мы знали Гребенку въ пору его полной жизненной силы—30—32-лѣтняго, здороваго, веселаго, крайне подвижнаго. Гребенка былъ болѣе чѣмъ средняго роста, пропорціонально сложенъ, не полный, но и не худой, держался прямо; никто и никогда, кажется, не видалъ Гребенку серіознымъ; лицо его привѣтливое, открытое, здоровое, безъ одной морщинки; губы подвижныя, вѣчно шевелящіяся, какъ будто онъ собирается сказать что нибудь и непременно весе-

лое, острое, съ своеобразнымъ, крайне добродушнымъ малороссійскимъ юморомъ. Гребенка всегда былъ щеголевато одѣтъ; густые волосы его были заброшены назадъ, безъ хохла, бывшаго тогда въ большой модѣ. Отъ пробора, часто небрежнаго, волосы прямо спускались на вискахъ и не заворачивались ко лбу, что тоже составляло тогдашнюю моду, особенно между военными; мы, кадеты, всегда любовались на блестящіе сапоги Гребенки, узко обтягивающіе его ноги; массивная дѣпочка отъ часовъ низко лежала по жилету; руки его—бѣлыя, холенныя, какъ у барышни, съ прозрачными ногтями и маленькимъ бирюзовымъ колечкомъ на правомъ мизинцѣ, невольно бросались въ глаза. Живо помню Гребенку, торопливо входящаго въ классъ: одна рука въ карманѣ, на лицѣ привѣтливая улыбка; онъ, кивая головой, говоритъ: «здравствуйте, здравствуйте», обходитъ весь классъ и, не садясь за кафедру, тотчасъ же начинаетъ рассказывать что нибудь интересное или изъ городскихъ новостей, или очень умно и ядовито подсмѣется надъ встрѣченными имъ въ классномъ коридорѣ дежурными офицерами, которымъ всегда очень удачно придумаетъ какое нибудь мѣткое прозвище, остающееся за ними навсегда, или же сообщаетъ, что говорилось въ классной канцеляріи, гдѣ постоянно собираются учителя пердѣлѣмъ, какъ выходить въ классы.

Гребенка былъ истый малороссъ, горячо любилъ Малороссію, и эта любовь къ ней рѣзко отражалась во всѣхъ лучшихъ его сочиненіяхъ. Онъ считалъ себя казакомъ, часто упоминалъ объ этомъ и даже гордился своимъ казачьимъ званіемъ. Помню, съ какимъ восторгомъ и видимою гордостью Гребенка намъ прочелъ посвященные ему Бенедиктовымъ стихи подъ заглавіемъ «Казакъ поэтъ»; А. Бенедиктовъ тогда былъ въ большой славѣ, нѣкоторые ставили его даже наравнѣ, если не выше Пушкина.

Дни промчались... много сгбло!
Тяжелѣе съ каждымъ днемъ...
Горе буйную зашибло,
И тоска на ретивомъ.

Извели пѣвца невзгоды,
Извели и пѣсень даръ...
Эхъ, когда бы прежни годы,
Да разгуль, да юный жарь!

Оживленъ пріязнью братской,
Можетъ быть, умѣлъ бы я
Пѣснью съ удалью казацкой
Попривѣтствовать тебя.

Много зналъ я звуковъ дивныхъ,
Бойкихъ, звонкихъ, разливныхъ,
Молодецки—заунывныхъ,
Богатырски удалыхъ.

Я изъ нихъ сковаль бы слово,
Пуще грому и огня,
Про наѣздника лихова
Да про бурнаго коня,

Да про Днѣпръ, что сыплеть воды
Валь за валомъ въ переваль,
Да про свѣтлый садъ природы,
Гдѣ недавно ты гулялъ,

Гдѣ кругомъ зернистымъ хлѣбомъ
Раззолочены поля,
Гдѣ пируетъ съ яснымъ небомъ
Обрученная земля,

Гдѣ сильнѣе солнце грѣеть,
Гдѣ Маруся иногда
Въ часъ условный пышно рдѣть
Краской нѣги и стыда.

И, любя тотъ край родимый,
Ты пріялъ вѣнецъ двойной:
Ты—и сынъ его любимый
И пѣвецъ его родной.

Что-жь? Теперь, когда судьбою
Суждено мнѣ пѣть тайкомъ,
Мнѣ-ль бурлитъ передъ тобою,
Предъ залетнымъ казакомъ?

Сколько помнится, Кукольникъ тоже посвятилъ стихи Гребенкѣ; а также посвятилъ ему стихи и Чужбинскій,— послѣдній на малороссійскомъ языкѣ.

Гребенка въ классѣ былъ замѣтно ласковѣе и разговорчивѣе съ тѣми кадетами, которые изъ Малороссіи. У насъ въ классѣ малороссіяне были Магденко и братья Потоцкіе. Гребенка иногда заговаривалъ съ ними помалороссійски, много острилъ и смѣшилъ всѣхъ насъ. Надъ младшимъ Потоцкимъ онъ подсмѣивался, вспоминая одно изъ выраженій его сочиненія (о чемъ скажу ниже); а къ старшему, подходя, развязно и съ улыбкой, говорилъ: «А ну, земляче,—тютюну—вывертай кипеню»... при чемъ Потоцкій, озираясь на стеклянную дверь въ коридоръ, гдѣ нерѣдко выглядывала фізіономія дежурнаго офицера, осторожно вынималъ свою тавлинку и радостно потчевалъ Гребенку извѣстнымъ тогда Бобковымъ нюхательнымъ табакомъ; при этомъ у Гребенки тоже не обходилось безъ остраго словца, вызывавшаго общую улыбку¹⁾.

¹⁾ Тогда всѣ почти кадеты старшихъ классовъ нюхали и курили, несмотря на строгое запрещеніе, несмотря даже на то, что провинившихся иногда исключали изъ корпуса. Мнѣ кажется, всѣ курили и нюхали только потому, что это строго запрещалось. Не могу не признаться, что я тоже курилъ и нюхалъ, но,

Не могу не признаться, что всѣ ученики Гребенки чрезвычайно плохо знали русскую грамматику, потому что Гребенка почти со-всѣмъ не обращалъ на это вниманія, — никогда ничего не требо-валъ, и только изрѣдка, просматривая наши сочиненія, онъ попра-влялъ ошибки и дѣлалъ разборъ. Кромѣ разговора, рассказовъ, очень рѣдкихъ чтеній, — любимымъ занятіемъ Евгенія Павловича было задавать всему классу сочиненія, для чего темы избира-лись самыя разнообразныя. Однажды, раздумывая, что бы намъ задать, онъ, въ подвернувшейся книгѣ, прочелъ намъ трескучую и очень туманную оду Державина: «На смерть князя Мещерскаго», и прочтя сказалъ: «Ну, вотъ, напишите на эту тему:

Гдѣ стоить былъ яствъ, тамъ гробъ стоить».

Всему классу роздана была бумага, все затихло, заскрипѣли перья... Гребенка спокойно, въ выжиданіи, задумчиво прохаживался по классу. Всѣ написавшіе отдавали свои сочиненія Гребенкѣ; и съ этими, раньше написавшими, онъ вступалъ въ разговоръ, часто мѣшая и торопя тѣхъ, которые запаздывали. Собравъ всѣ сочине-нія, онъ аккуратно завертывалъ, завязывалъ ихъ и уносилъ съ со-бой; а въ слѣдующій урокъ, со своими помѣтками, читалъ наши сочиненія. Но, должно быть, на этотъ разъ, мы плохо поняли звон-кій, вычурный слогъ Державинскаго стихотворенія и написали такую бессмыслицу, что Гребенка отказался читать наши сочиненія, съ улыбкою сказавъ: «Вы, господа, не вникли въ смыслъ вчерашней оды, хотя я, кажется, и объяснялъ; вышли какія-то очень туман-ныя разсужденія, слишкомъ далекія отъ заданной темы. Чтобы по-править эту неудачу, — сказалъ онъ, — сегодня напишите мнѣ ваши собственныя впечатлѣнія, которыя каждый изъ васъ вынесъ, въ продолженіе этихъ трехъ дней, что я у васъ не былъ».

Въ слѣдующій урокъ Гребенка, съ поправками ошибокъ и сво-ими мелкими замѣчаніями, приступилъ къ чтенію нашихъ сочине-ній. Это чтеніе всѣхъ насъ занимало, но чуть ли не больше насъ оно занимало самого Евгенія Павловича — онъ съ улыбкою оста-навливался на каждомъ вычурномъ выраженіи, много смѣялся, острилъ, вообще былъ неутомимъ въ мелкихъ, добродушныхъ при-диркахъ къ каждому слову, надъ которымъ можно было позаба-виться. Помню, читая сочиненія Потоцкаго 2-го, онъ набрелъ на такую фразу: описывалось наше гулянье на берегу рѣчки Жда-новки. Потоцкій писалъ: «невозмутимая тишина царствовала всюду, вѣтерокъ слегка обдувалъ наши довольныя лица, даже Кадацкій ¹⁾

выйдя изъ корпуса и достигнувъ теперь уже преклонныхъ лѣтъ, я на свободѣ никогда не курилъ и никогда не нюхалъ. Невольно вспомнишь Пушкина: «За-претный плодъ намъ подавай, а безъ того намъ рай не въ рай?»

¹⁾ Крайне грубый, недалекий и не любимый офицеръ.

притихъ, оберегая свое горло къ предобѣденному крику, и только корова, грустно задумавшись, жевала у забора сѣно»... Вотъ это выраженіе «корова грустно задумалась» и поднято было Гребенкой на смѣхъ... «Грустно задумалась, грустно задумалась»,— повторялъ онъ,— «значить, умная корова, она, какъ человѣкъ, и грустила и думала». «Ну, а скажите мнѣ, господинъ Потоцкій, почему она задумалась, да еще грустно?»— спрашивалъ Гребенка.

— Вотъ и не знаетъ! Да потому она грустно задумалась,— повторялъ онъ,— что, вѣроятно, или сѣна было мало, или сѣно было дурное.

Общій хохотъ вторилъ этимъ словамъ, самъ Гребенка былъ очень доволенъ и добродушно улыбался. Вотъ подобнаго рода замѣчанія всегда дѣлалъ Гребенка при разборѣ нашихъ сочиненій.

Гребенка былъ умный, веселый и чрезвычайно добродушный; его обращеніе съ кадетами было всегда какое-то простое, пріятельское; кадеты знали, что онъ писатель поэтъ; его сочиненія печатались во всѣхъ тогдашнихъ изданіяхъ и охотно читались всѣми,— это еще больше, сердечнѣе привязывало всѣхъ насъ къ нему. Сочувствуя намъ, онъ такъ же, какъ и мы, не любилъ выдающихся грубостію и жестокостію нашихъ корпусныхъ офицеровъ и, при случаѣ, всегда очень удачно подсмѣивался надъ ними. Гребенку не только мы, но всѣ учителя очень любили; онъ вездѣ былъ, какъ бы свой, и если гдѣ соберутся 3—4 учителя и слышится громкій говоръ и смѣхъ, ну, значить, Евгенийъ Павловичъ непременно тамъ; его всѣ какъ-то старались встрѣтить, разговориться и послушать его всегда милую и занимательную болтовню. Изъ нашихъ учителей Гребенка былъ друженъ съ Комаровымъ, также уважаемымъ и любимымъ всѣми кадетами. Комаровъ преподавалъ русскую литературу въ высшихъ специальныхъ классахъ корпуса; его, какъ умнаго, дѣльнаго, высоко цѣнило наше высшее начальство. Всегда серьезный, вдумчивый, онъ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ; его мнѣніемъ дорожили; литографированныя записки его о русской литературѣ живо интересовали и не однихъ только его учениковъ. Комаровъ обстоятельно познакомилъ насъ съ Пушкинымъ и Лермонтовымъ, а Лермонтовскаго «Демона» прочелъ намъ еще въ рукописи; онъ чрезвычайно хорошо читалъ, еще лучше говорилъ, въ немъ много была такта, увлекательной общительности и ума. Кромѣ Комарова, Гребенка былъ друженъ съ Василиемъ Яковлевичемъ Прокоповичемъ, пріятелемъ Гоголя; Прокоповичъ тоже преподавалъ у насъ русскую словесность; съ Добровольскимъ, Горючковымъ — учителями исторіи; Аванасьевымъ — учителемъ естественной исторіи, а также и съ Корневымъ, преподававшимъ русскій языкъ въ самыхъ младшихъ классахъ. Корневъ, или Кореневъ, добродушный, нѣсколько застѣнчивый, очень хорошо умѣлъ преподавать и разговаривать съ маленькими кадетами, они его понимали

и любили. За всю свою, впрочемъ, недолгую жизнь онъ написалъ одно только стихотвореніе, съ которымъ насъ познакомилъ Гребенка; стихи эти очень оригинальны, а потому я считаю не лишнимъ привести ихъ здѣсь.

Ты ль это, Машенька? Тебя ли вижу я,
Ты ль это, милое воздушное творенье,
Которымъ такъ полна душа моя?
О Боже, что за превращенье?
Гдѣ-жъ эта свѣтлая эмаль твоихъ очей?
Гдѣ стройный, гибкій станъ Психеи?
Гдѣ музыкальная плѣнительность рѣчей?
Гдѣ всѣ поэзіи затѣи?
Гдѣ эта милая, былая простота,
Что такъ плѣняла насъ заманчивой уловкой?
Гдѣ Маша прежняя съ кудрявою головкой?
Ахъ, Марья Павловна! Какой волшебникъ злой
Провелъ вамъ на челѣ угрюмыя морщины,
Какъ скоро стали вы помѣщицей простой,
Убѣдной барыней изъ миленкой Ундины!
Ахъ, Марья Павловна, не вѣрится все мнѣ,
Представить не могу—да, полно, это вы ли?
Бывало, вы цвѣты любили на окнѣ,
А нынѣ тамъ съ наливками бутылки.

Евгеній Павловичъ былъ также хорошъ съ нашими французскими учителями, особенно съ Бонне, который имѣлъ маленькое сходство съ великимъ Наполеономъ и необычайно гордился этимъ, что давало поводъ Гребенкѣ иногда посмѣяться, а иногда попечататься съ нимъ надъ пережѣннымъ счастьемъ великаго полководца. Позволяю себѣ сдѣлать маленькое отступленіе, чтобы сказать нѣсколько словъ о нашихъ тогдашнихъ французскихъ учителяхъ. Изъ нихъ памяты мнѣ: Бонне, Вадаръ, Кунъ, Мальяръ и Гуро; всѣ они когда-то служили въ арміи великаго Наполеона, всѣ они герои 1812 года, отставшіе отъ великой арміи, во время несчастнаго отступленія ея изъ Москвы. Какъ говорили, Бонне былъ флейтистъ, Кунъ служилъ въ драгунахъ, Мальяръ, кажется, барабанщикъ и Гуро сержантъ.

Всѣ они не могли безъ благоговѣнія и какого-то бѣшеннаго восторга произносить имя великаго Наполеона; при упоминаніи о немъ, какая-то электрическая искра пробѣгала по ихъ жиламъ, всё мгновенно прерывалось: уже начавшаяся лекція прекращалась, прекращалась репетиція заданныхъ уроковъ—все стихало... Этимъ, къ сожалѣнію, кадеты съ большою беззаастѣнчивостью пользовались. Пламеннѣе всѣхъ увлекался Гуро. «Мосье Гуро,—отзывается кто либо изъ бойкихъ кадетъ,—а вѣдь Наполеонъ подъ Маренго (вначалѣ) былъ разбитъ Меласомъ; австрійцы въ городѣ даже въ колокола звонили побѣду».

— Да,—быстро возразить Гуро, глаза его горять, онъ нервно рукой ерошитъ свои волосы,—да, повторяетъ онъ, но какъ быстро Наполеонъ воспользовался приходомъ Дезе и бѣшенными атаками Латуръ-Мобура,—минутный успѣхъ австрійцевъ обратился въ полнѣйшее поражение; и одной этой побѣдой окончилась кампанія и заключенъ блестящій миръ.—Гуро наэлектризованъ!.. увлекаясь онъ все говоритъ и говоритъ, съ презрѣніемъ упомянувъ о несчастномъ Цахѣ¹⁾, онъ даже не замѣчаетъ, что урокъ его прошелъ, и барабанъ уже прогремѣлъ окончаніе классныхъ занятій... Случалось иногда, что въ одно время съ урокомъ Гуро въ сосѣднемъ классѣ былъ урокъ Куна, дверь сосѣдняго класса растворялась; они сходились вмѣстѣ въ нашъ классъ, и тогда воспоминанія ихъ о эпохѣ великаго Наполеона лились безъ конца. Надо замѣтить, что Гуро участвовалъ въ знаменитой битвѣ Наполеона подъ Іеной, и когда онъ говорилъ объ этой битвѣ, глаза его наполнялись слезами, онъ весь таялъ отъ восторга и умиленія. Однажды, въ бѣшенномъ разгарѣ своей рѣчи, онъ грозно вскочилъ со стула и, стукнувъ ногой о кафедру, громко съ чувствомъ произнесъ: «Юлій Цезарь съ торжествующимъ лаконизмомъ доноситъ римскому сенату: пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ,—разбивъ азіатскую сволочь, которую и до него всѣ разбивали,—съ какою же гордостью великій Наполеонъ могъ бы повторить эти знаменитыя слова, разбивъ лучшія европейскія арміи и уничтоживъ цѣлыя государства!» Не отставалъ и Кунъ: онъ былъ съ Наполеономъ подъ Ваграмомъ, и съ восхищеніемъ рассказывалъ, какъ въ этомъ сраженіи Наполеонъ, въ образовавшееся пустое мѣсто своей позиціи, чрезъ которое непріятель могъ прорваться, ловко поставилъ 100-орудійную батарею, которая просто разбросала непріятели, доставивъ Наполеону блестящую побѣду. Горячо увлеченный всѣмъ касающимся великаго Наполеона—Гуро, да и всѣ наши французы, прекрасно декламировали «Послѣднее новоселье» Лермонтова, тогда только что переведенное на французскій языкъ:

«Межъ тѣмъ какъ Франція среди рукоплесканій».

Гуро съ одинаковымъ увлеченіемъ декламировалъ эти стихи на французскомъ и русскомъ языкѣ; онъ съ особеннымъ чувствомъ произносилъ намъ:

Среди послѣднихъ битвъ, отчаянныхъ усилій,
Въ испугѣ не понявъ позора своего,
Какъ женщины, ему вы измѣнили
И, какъ рабы, вы предали Его!

Увлекаясь далѣе, онъ съ тѣмъ же чувствомъ продолжалъ:

Героя увезли отъ плачущихъ дружинъ—
И на чужой скалѣ, за синими морями,
Забитый онъ угасъ одинъ.

¹⁾ Цахъ, преслѣдовавшій французовъ, начальникъ штаба австрійскихъ войскъ.

Къ концу голосъ Гуро дрожалъ, неудержимая слеза катилась по его морщинистому лицу, краснорѣчиво говоря про его восторженное чувство; онъ уже негромко, прерывисто, какъ бы дорожа каждымъ словомъ, заканчивалъ:

Какъ будетъ онъ жалѣть, печалію томимый,
 О знойномъ островѣ, подъ небомъ дальнихъ странъ,
 Гдѣ сторожить его, какъ онъ, не побѣдимый,
 Какъ онъ, великій океанъ.

При частыхъ и такихъ восторженныхъ разсказахъ о Наполеонѣ мы сами горячо увлекались, очень хорошо знали походы Наполеона, а тѣ сраженія, въ которыхъ участвовали наши французскіе учителя, мы знали до мельчайшихъ подробностей. Мы были уже накануне выпуска въ офицеры. Эта восторженная любовь нашихъ французскихъ учителей къ великому Наполеону, любовь уже въ почтенныхъ лѣтахъ, когда среди остывшихъ чувствъ, среди сѣдины, морщинъ, дорогое для нихъ прошедшее уже отодвинулось почти на 30 лѣтъ, — это обожаніе Наполеона насъ просто изумляло. И для насъ Наполеонъ, умѣвшій внушать такую безграничную преданность и восторгъ въ своихъ подчиненныхъ, становился на высокій пьедесталъ, — мы сами невольно полюбили его, преклонялись предъ его славою. Я помню, въ какой восторгъ пришелъ товарищъ нашъ А-мовъ, когда Гуро, за прекрасный отвѣтъ на публичномъ экзаменѣ, подарилъ ему маленькую итальянскую монету съ отчетливымъ, выпуклымъ изображеніемъ Наполеона, сказавъ: «Я не имѣю ничего, болѣе драгоценнаго для меня, подарить вамъ».

Гребенка зналъ объ этомъ увлеченіи нашихъ французскихъ учителей и, смотря по расположенію или капризу, встрѣчаясь съ ними, иногда приводилъ ихъ въ восторгъ, вспоминая о побѣдахъ, а иногда наводилъ на нихъ грустныя думы, вспоминая о горькихъ неудачахъ, и особенно вспоминая Груши, который такъ жестоко обманулъ ожиданія Наполеона въ послѣдней битвѣ подъ Ватерлоо.

Особенно интересенъ и неподражаемъ былъ Евгеній Павловичъ въ классной канцеляріи: его прихода всѣ ждали съ нетерпѣньемъ; и съ приходомъ его все шевелилось, двигалось, нетерпѣливо ожидая чего нибудь новенькаго. Гребенка чаще другихъ любилъ пошутить и приставалъ къ нашему корпусному священнику отцу Іоанну Протопопову. Батюшка нашъ былъ недалекъ, любилъ дѣлать намъ назиданія, но дѣлалъ ихъ грубо, топорно, безъ всякой убѣдительности, любилъ говорить проповѣди, говорилъ громко съ интонаціей, но проповѣди были безсодержательны, скучны и слишкомъ уже растянуты. Отецъ Іоаннъ былъ высокаго роста, плечистъ, стройно сложенъ, имѣлъ открытое, красивое лицо, густые волосы и прекрасный баритонъ. Эти-то внѣшнія достоинства въ то приснопамятное Николаевское время и были, вѣроятно, главною причиною назначенія его наставникомъ подрастающаго юношества. Отецъ Іоаннъ

любилъ посмѣяться, всегда съ удовольствіемъ и улыбкою встрѣчалъ Гребенку и никогда не сердился на его выходки. Объ немъ въ то время было много анекдотовъ, которые учителя охотно сообщали по приходѣ въ классы, о которыхъ иногда рассказывалъ и самъ Гребенка. Хорошо помню два анекдота. Однажды въ классной канцеляріи, когда собрались учителя, Гребенка подходитъ къ отцу Іоанну и спрашиваетъ:

— Батюшка, видали вы вотъ этакого пѣтуха?—при чемъ поднимаетъ руку до своего подбородка.

— Нѣтъ, не видалъ,—отвѣчаетъ батюшка, серьезно покачивая головой.

— И я не видалъ,—коротко отвѣчаетъ Гребенка, озадачивая батюшку и невольно вызывая общій хохотъ.

Придя однажды въ классъ, Прокоповичъ сообщилъ намъ о Гребенкѣ слѣдующій анекдотъ: Собрались мы всѣ въ классную канцелярію, пришелъ Гребенка и съ видимою серіозностью подходитъ къ отцу Іоанну:

— Вотъ вы, батюшка, по своему званію, вѣроятно, хорошо знаете священное писаніе, особенно Евангеліе?—говоритъ Гребенка.

— Еще бы,—отвѣчаетъ съ полуулыбкой отецъ Іоаннъ:—я почти всѣ Евангелія знаю наизусть,—добавляетъ онъ.

— Хорошо-съ, а вотъ скажите мнѣ, батюшка,—спрашиваетъ Гребенка:—почему до Иисуса Христа всегда рожали мужчины, и только послѣ Христа начали рожать женщины?

Всѣ смотрятъ на батюшку—онъ изумленъ и не знаетъ, смѣяться ли ему или сердиться.

— Экую ты гиль выдумалъ,—говоритъ онъ, нѣсколько оправившись.

Батюшка иногда позволялъ себѣ говорить «ты».

— Да какъ же,—возразилъ Гребенка,—въ самомъ Евангеліи, которое вы же знаете наизусть, обстоятельно сказано: Авраамъ родилъ Исаака, Исаакъ родилъ Іакова, Іаковъ родилъ Іуду и братьевъ его, потомъ Фаресъ родилъ Эсрама, и такъ все мужчины родятъ 14 поколѣній до Давида и 28 до Христа.

Всѣ давно уже хохотали; очень усердно смѣялся и самъ батюшка, закрывая глаза, и съ расплывшейся улыбкой приговаривалъ:

— Ему въ аду мало будетъ мѣста, ну, ужъ язычекъ!

Гребенка также былъ близокъ съ нашимъ учителемъ пѣнія — Ламакинымъ, на урокахъ котораго два раза въ недѣлю собирался нашъ кадетскій хоръ; Гребенка очень нерѣдко присутствовалъ на нашемъ пѣніи. На этихъ урокахъ прежде всего начинали съ церковнаго пѣнія, и уже конецъ урока посвящался нашимъ военнымъ пѣснямъ, которыя мы всегда пѣли во время похода въ петергофскій лагерь, или же возвращаясь съ нашихъ отрядныхъ учений, производившихся на плацу Перваго кадетскаго корпуса.

Помню, на походѣ въ петергофскій лагерь, когда императоръ Николай, пропустивъ насъ мимо себя, потомъ верхомъ объѣзжалъ корпуса, мы при его объѣздѣ всегда пѣли:

«Не указъ ты намъ, чужеземный край,
Русскими изстари заповѣдано» и т. д.

Пѣсня эта государю очень нравилась. Также во время обѣдни нашей, въ присутствіи государя, мы всегда пѣли херувимскую Бортнянскаго № 7, зная, что Николай Павловичъ любилъ эту херувимскую.

По окончаніи нашего класса пѣнія, по общей просьбѣ, Ламакинъ садился за піанино и пѣлъ какую нибудь изъ пѣсенъ, имъ самимъ переложенныхъ на ноты, чаще «Сяду-ль я за столъ да подумаю», или «Ты не вейся, пташечка». Голосъ Ламакина уже съ лѣтами замѣтно ослабѣлъ, но онъ прекрасно владѣлъ имъ и пѣлъ съ большимъ чувствомъ.

Кромѣ нашихъ военныхъ пѣсенъ, грубыхъ, солдатскихъ, которыя пѣлись исключительно въ присутствіи начальства, мы, въ своемъ товарищескомъ кругу, собираясь вечеромъ, послѣ занятій, пѣли уже другія пѣсни, между которыми первенствовалъ Денисъ Давыдовъ, съ его гусарскою удалью и увлекательною лихостію; мы пѣли «Гдѣ друзья минувшихъ лѣтъ», «Бурцевъ, ёра забіяка, глазъ скосивъ на усъ кудрявый», и т. д. Изъ Пушкина мы пѣли только «Делибашъ» и «Подъ вечеръ осенью ненастной»; были у насъ, и даже въ большомъ изобиліи, пѣсни нецензурнаго содержанія.

Евгеній Павловичъ постоянно возмущался содержаніемъ нашихъ казенныхъ, военныхъ пѣсенъ, ихъ солдатскою наивностію, топорностію риѣмъ, грубостію, иногда даже отсутствіемъ смысла. Однажды, онъ просилъ насъ принести наши пѣсенники и охотно разбору ихъ посвятилъ цѣлый свой урокъ; онъ много смѣялся и злобно критиковалъ, указывая на пѣсни, особенно выдающіяся.—Ну, полюбуйтеся, господа, напимѣрь, на эту пѣсню,—говорилъ улыбаясь Гребенка,—

За Дунай, за Балканъ мы ходили
Воевать супостатъ,
Магометову мощъ разгромили,
Потрясли Цареградъ!

— Или эта,—продолжалъ Гребенка:

Громъ побѣды раздавайся,
Веселися храбрый россъ,
Звонкой славой украшайся,
Магомета ты потрясь.

— Изящнѣе же всѣхъ слѣдующая:

О Кутузовъ! Истребитель
Человѣческихъ враговъ,
Ты отечества спаситель,
Богатырь ты всѣхъ вѣковъ¹⁾.

¹⁾ Здѣсь надо имѣть въ виду, что 1-я и 3-я пѣсни, хотя и помѣщались въ пѣсенникѣ, но ихъ мы совсѣмъ не пѣли, да и «Громъ побѣды раздавайся» пѣли только въ угоду нашему директору Бибикову.

— Господа, это ужасно, это возмутительно, — восклицалъ Гребенка, — можно ли ваши молодыя и такія воспріимчивыя головы наполнять такимъ выдающимся вздоромъ; да подобныхъ пѣсенъ, — говорилъ онъ, — вѣроятно, и пьяные солдаты не поютъ.

Но Гребенка еще горячѣе возставалъ противъ такъ называемой «Наполеоновской пѣсни», которую пѣла преимущественно не-ранжированная рота, во время похода въ парголовскій лагерь (эта малолѣтняя рота въ петергофскій лагерь не ходила). Въ этой пѣснѣ, среди обиднаго издѣвательства надъ французами, былъ такой куплетъ:

Бонапарту не до пляски,
Растерялъ свои подвязки,
Хоть кричать: пардонъ.

— Господа, господа, — говорилъ горячась Гребенка, — можно ли нынѣ обращать хоть какое нибудь вниманіе на эту балаганную пѣсню, когда ваши французскіе учителя, служившіе въ великой арміи, съ такимъ восторгомъ, обожаніемъ, слезами, всегда произносятъ имя великаго Наполеона, и когда почти всѣ наши поэты восторженно воспѣли Наполеона и прежде всѣхъ Пушкинъ такъ мило воскликнулъ:

Хвала, онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщаль!

Мы хотя и увѣрили Евгенія Павловича, что подобныя пѣсни поемъ только на угѣшеніе начальства, но онъ упорно совѣтовалъ совсѣмъ уничтожить ихъ и перейти къ чисторусскимъ пѣснямъ: «въ нихъ есть содержаніе, — говорилъ онъ, — русскія чувства, русская удаля; посмотрите, на примѣръ, какъ хороши, какъ гармоничны всѣ пѣсни Варламова, ну, а вчерашняя, Ламакинская «Сяду-ль я за столъ!» Наконецъ, если нужны бравурныя, застольныя, — добавилъ онъ, — чего лучше — Денисъ Давыдовъ».

Вліяніе Гребенки въ этомъ случаѣ было вполне благотѣльно, и осмѣяныя имъ пѣсни навсегда исчезли изъ нашихъ пѣсенниковъ.

Гребенка не любилъ читать своихъ сочиненій; сколько разъ случилось, что на усиленные наши просьбы онъ пообѣщается принести и все-таки обманетъ и не принесетъ, такъ что за все свое долгое преподаваніе онъ прочелъ намъ только «Разказы Пирятинца». Но за то однажды, въ минуту веселаго расположенія, онъ съ видимымъ удовольствіемъ прочелъ свои стихи, какъ будто нѣсколько относящіеся къ нему самому.

КАЗАКЪ НА ЧУЖБИНѢ.

Далеко поѣхалъ казакъ на чужбину
На вѣрномъ конѣ ворономъ,
Свою онъ Украину покинулъ на вѣки—

Ему не вернуться въ отеческій домъ.
 И долго казачка его молодая
 И утро и вечеръ на сѣверь глядитъ,
 Все ждетъ-поджидаетъ, съ полуночнаго края
 Къ ней милый когда прилетитъ.
 Тамъ, гдѣ страшно бушуютъ метели,
 Гдѣ сильно морозы трещать,
 Гдѣ сдвинулись дружно и сосны и ели,—
 Казацкія кости лежатъ.
 Казакъ и просилъ и молилъ умирая
 Насыпать курганъ въ головахъ,
 Пускай надъ курганомъ калина родная
 Красуется въ яркихъ плодахъ,
 Пусть вольныя птицы, садясь на калину,
 Порой прощобечутъ и мнѣ,
 Мнѣ бѣдному вѣсть на холодной чужбинѣ
 О милой родной сторонѣ.

Не помню—кто, но, вѣроятно, Ламакинъ, положилъ эти слова на голось, и потомъ мы часто пѣли эту пѣсню общимъ хоромъ; даже, бывши уже офицерами, при случаѣ, во время лагернаго сбора, собирались бывало въ свой маленькій кадетскій кружокъ и дружно затянемъ эту пѣсню, живо вспоминая всегда веселаго, добродушнаго, на все отзывчиваго, Евгенія Павловича.

При своемъ выдающемся добродушіи и незлобности, Гребенка, однако же, не любилъ Полеваго и Сеньковского; перваго онъ больше не любилъ за компанію съ другими, такъ какъ въ то время всѣ за что-то нападали на Полеваго; Сеньковского же онъ не любилъ за неблагопріятную для него критику въ «Библіотекѣ для Чтенія», редактируемой тогда Сеньковскимъ. Смутно помню, кажется, говорилъ Комаровъ, что Гребенка въ одной изъ своихъ повѣстей неудачно подсмѣялся надъ какимъ-то господиномъ, сравнивъ его съ черешневымъ чубукомъ,—это сравненіе и послужило предлогомъ къ злой критикѣ Сеньковского, писавшаго подъ псевдонимомъ Барона Брамбеуса.

Въ корпусѣ нашемъ очень нерѣдко устраивались домашніе спектакли; охотниковъ играть всегда было очень много; ихъ особенно интересовали репетиціи, на которыя они собирались всегда запросто, съ отсутствіемъ непосредственнаго начальства и съ обильнымъ угощеніемъ чаемъ и сухарями; тутъ они были на совершенной свободѣ. Помню, однажды на репетицію, по нашей усиленной просьбѣ, пріѣхалъ Гребенка, — напумѣлъ, расшевелилъ и развеселилъ всѣхъ рѣшительно, сдѣлалъ наскоро нѣсколько замѣчаній объ игрѣ—торопливо исчезъ, не досидѣвъ до конца.

Мы въ то время играли: «Сентябрьскую ночь», «Булочникъ нѣмецкій», «Школьный учитель», «Ломоносовъ», «Стряпчій подъ столомъ», кажется, «Парашу Сибирячку»; играли впрочемъ и другія пьесы. На нашихъ представленіяхъ, кромѣ корпуснаго начальства, учителей, кромѣ родителей и всевозможныхъ кадетскихъ родственни-

ковъ, бывали: Каратыгинъ 2-й, Сосницкій, Самойлова, Кукольникъ; чаще другихъ бывалъ Гречъ. Надо замѣтить, что Гречъ пользовался особеннымъ расположеніемъ всеильнаго тогда Якова Ивановича Ростовцева и рѣшительно во все мѣшался; на нашемъ выпускномъ экзаменѣ (бывшемъ въ залѣ Дворянскаго полка) онъ задавалъ темы сочиненій, выслушивалъ ихъ, дѣлалъ замѣчанія и потомъ клалъ ихъ въ свой портфель; и, къ удивленію, безцеремонно дѣлалъ все это не только въ присутствіи Ростовцева, но даже въ присутствіи такихъ знаменитостей, какъ бывшихъ тутъ же на экзаменѣ — Ивана Андреевича Крылова и извѣстнаго нашего военного писателя Михайловскаго-Данилевскаго. На нашихъ спектакляхъ я только разъ видѣлъ Полеваго и даже Булгарина — послѣдній въ первомъ же фельетонѣ своей «Сѣверной Пчелы» расхвалилъ нашъ спектакль. Насъ, кадетъ, сильно удивило, когда мы во время антракта увидѣли Евгенія Павловича очень дружелюбно разговаривающимъ съ Полевымъ; зная его нелюбовь къ Полевому, мы въ кадетской наивности и чистосердечіи готовы были обвинить Гребенку въ двуличности; но потомъ свѣтская жизнь научила насъ опытности, научила смотрѣть на жизнь совсѣмъ иначе. Наши кадетскіе спектакли шли чрезвычайно успѣшно, заслуживая намъ общія похвалы; особенно восхищался ими Каратыгинъ 2-й. Лучшими артистами были: Пузыревскій, Глазенацъ; женскія роли особенно хорошо играли Бородинъ и Максимовъ: Бородинъ былъ красавецъ собой, и въ женской роли имъ всѣ любовались; Максимовъ же прекрасно пѣлъ, онъ былъ любимецъ Ламакина, который бралъ его къ себѣ въ отпускъ, возилъ къ знакомымъ и пѣлъ съ нимъ дуэты.

У Гребенки чуть ли не каждую недѣлю устраивались маленькіе, полудилитературные вечера. Онъ былъ очень хорошъ съ извѣстными тогда писателями: Бенедиктовымъ, Далемъ, Кукольникомъ, Панаевымъ, Ершовымъ, которые нерѣдко посѣщали его вечера и широко пользовались его радушнымъ малороссійскимъ гостепріимствомъ; изъ нашихъ учителей бывали уже упомянутые мною пріатели Гребенки, бывалъ также и Макинъ, преподаватель исторіи въ старшихъ классахъ. На этихъ вечерахъ практиковалось чисто малороссійское угощеніе: сало, полотки, малороссійскія наливки, варенья, запеканка, варенецъ; здѣсь почти всегда что нибудь читали, но чаще спорили спокойно, безъ малѣйшаго озлобленія, и занимательно и весело рассказывались всевозможные анекдоты и приключенія. На эти вечера также приглашались два-три кадета старшихъ классовъ, бывшихъ учениковъ Гребенки.

Помню, какъ-то разъ, зная большое увлеченіе Евгенія Павловича сочиненіями, которыя онъ старательно поощрялъ, — я въ концѣ урока подаль ему написанные мною первые мои стихи. Гребенка, просматривая, улыбнулся, замѣтилъ, что рѣзны хромаютъ, и все-таки снисходительно похвалилъ мои стихи; вѣроятно, теперь,

вспомнивъ о моемъ стихотворномъ упражненіи, онъ и меня пригласилъ на свой вечеръ. Помню, на этомъ вечерѣ, кромѣ насъ двухъ кадетъ, были всѣ уже упомянутые мною учителя—пріятели Евгенія Павловича, да еще былъ какой-то штатскій, говорили, писатель, но насъ ему не представляли, а я, къ сожалѣнію, не поинтересовался узнать, кто онъ. Пили чай; Гребенка былъ необыкновенно оживленъ, всѣхъ угощалъ и каждому умѣлъ сказать ласковое слово, улыбался, смѣшилъ, рассказывалъ забавные анекдоты. Помню, переходя отъ одного къ другому, онъ быстро подошелъ къ сидѣвшему со мною кадету и полусеріозно задалъ ему такой вопросъ:

Въ рву пыль,
Иль гниль,
Иль грязь —
Ась?

И тотъ съ большою находчивостью ему тотчасъ же отвѣтилъ:

Самъ чортъ смекаетъ,
Что тамъ живетъ!

Гребенка былъ въ восторгѣ, и, обращаясь ко всѣмъ, радостно воскликнулъ: «А каковы мои ученики?» Въ тотъ же вечеръ зашелъ довольно оживленный споръ о Бенедиктовѣ. Я уже сказалъ, что Бенедиктовъ былъ тогда въ большой славѣ; были шутники, которые ставили его даже выше Пушкина; и, что странно, такіе почтенные наши писатели, какъ Жуковскій, Вяземскій, горячо восхищались Бенедиктовымъ. Гребенка тоже былъ его усерднымъ поклонникомъ; но зато Комаровъ, Макинъ и, кажется, Прокоповичъ рѣшительно оспаривали значеніе его поэзіи. Комаровъ говорилъ, что стихи Бенедиктова—наборъ словъ, трескотня: это шумиха, говорилъ онъ, которая живо прошумитъ, ничего не оставивъ послѣ себя,—ну, эти, на примѣръ, стихи:

Кудри дѣвы чародѣйки,
Кудри блескъ и аромать,
Кудри кольца, кудри змѣйки,
Кудри шелковой каскадъ!
Кто владѣлецъ будетъ полный
Этой росыши влатой,
Кто-то будетъ эти волны
Черпать смѣлою рукой?

— Ну, скажите, развѣ не трескотня, развѣ не шумиха?— говорилъ Комаровъ.

Гребенка оспаривалъ:—Ну, а спросите-ка у этой молодежи,—говорилъ Гребенка, указывая на насъ.

— Ну, ихъ можно и не спрашивать,—возразилъ Комаровъ,—у нихъ не только чувства, у нихъ и сны въ настоящее время кудрявые: Бенедиктовъ—ихъ поэтъ.

Мы улыбались и вполнѣ присоединились къ мнѣнію Евгенія Павловича.

— Но вы нарочно выбрали самую кудрявую изъ стихотвореній Бенедиктова,—говорилъ Гребенка,—въ нихъ дѣйствительно много фейерверочности, а возьмите, напримѣръ, какъ мило онъ говоритъ о Россіи:

Широка она родная,
Ростомъ міру по плечо,
Вся одежда ледяная,
Только сердце горячо.

— Да, это дѣйствительно мило,—согласился Комаровъ,—но и здѣсь Бенедиктовъ не утерпѣлъ и далѣе вплелъ какіе-то «семи-мѣрные или семимильные шаги».

Вышеупомянутый мною штатскій господинъ, который говорилъ съ достоинствомъ, и котораго мнѣнія замѣтно уважались, усердно поддерживалъ сторону Евгенія Павловича и также высказался противъ Комарова. Но впрочемъ общій споръ часто прерывался и весело и оживленно переходилъ отъ одного предмета къ другому. Намъ надо было въ 12 часовъ явиться въ корпусъ, и потому мы раньше другихъ простились съ Евгеніемъ Павловичемъ, обильно надѣленные всевозможными фруктами и лакомствами.

Оканчиваю мои воспоминанія объ Евгеніи Павловичѣ достопамятнымъ, лучшимъ днемъ моей жизни, когда всѣ мы, выпускные кадеты, въ новомъ обмундированіи, гордые сознаниемъ нашего офицерскаго званія, въ послѣдній разъ собрались на молебствіе въ нашей корпусной церкви. Блестящіе, новенькіе мундиры, безъ одной морщинки, ловко обхватывающіе наши молодя формы; эполеты, лядунки, шарфъ, каски съ султаномъ (намъ впервые данныя по случаю перемѣны формы), сабли, шпоры...¹⁾—сколько развлеченія, сколько увлеченія!... Все корпусное начальство, учителя и многочисленные родители и родственники смотрятъ на насъ, объ насъ говорятъ, нами любятъ... а мы, размѣстившись уже не пошеренно, какъ прежде, а стоя въ свободномъ безпорядкѣ, оглядываемся, охорашиваемся, не зная, куда смотрѣть, куда дѣть руки, и какую бы позѣфектнѣе принять позу; нѣкоторые изъ насъ какъ бы нечаянно, слегка побрякивали саблями и шпорами, другіе важно пощипывали верхнюю губу, на которой съ большимъ трудомъ могли захватить появившійся пушекъ. Неизъяснимое блаженство видѣлось всюду, чувствовалось всюду!.. Всѣмъ намъ такъ хотѣлось бы высказаться, подѣлиться нашимъ блаженствомъ, приласкаться... и радостная, теплая молитва, переполняя душу, вмѣстѣ съ дыханіемъ свѣчь предъ образами и ладаномъ кадила, тихо возносила къ Всемогущему Богу—источнику всякаго блаженства.

¹⁾ Нѣкоторые, попровориѣ, уже успѣли вмѣсто желѣзнаго колечка въ шпорахъ вставить двугривенный или польскій двузлотникъ, чтобы звучнѣе гремѣли они при ходбѣ и ударѣ шпоры о шпору.

Сквозь высокія окна церкви длинныя, яркіе лучи августовскаго солнца врывались внутрь церкви и, блестяще отражаясь на эполетахъ, сабляхъ, каскахъ, ласкаясь, обхватывали всѣхъ насъ своимъ блескомъ, теплотою и какъ бы благословляли на предстоящую новую жизнь.

Къ общему нашему нетерпѣнію и досадѣ, отецъ Іоаннъ, по старой привычкѣ, угостилъ насъ нескончаемою проповѣдью, съ тою же громкой интонаціею и тѣмъ же однообразіемъ и безсодержательностію. Кончилась служба; мы начали подходить къ кресту; батюшка каждаго отдѣльно благословлялъ, успѣвая сказать два-три слова напутствія. Проходя отъ креста, мы почтительно кланялись нашему угрюмому директору, который все время молчалъ и съ начальническою гордостію никому изъ насъ не подалъ руки ¹⁾. Потомъ мы съ сознаніемъ уже собственнаго достоинства прошли мимо Курселя и Германа, особенно нелюбимыхъ всѣми нами нашихъ корпусныхъ офицеровъ, при чемъ нѣкоторые проходя отдѣльвались полупоклономъ, а другіе, побойчѣе, совсѣмъ не кланялись; всѣ торопились къ нетерпѣливо ожидающимъ ихъ родителямъ и родственникамъ. Мы же, одинокіе, не имѣющіе никого изъ родныхъ, учащая шагъ, съ радостною улыбкой, подходили къ любимымъ нашимъ учителямъ, которые ласково протягивали намъ руки; здѣсь были: Комаровъ, Гребенка, Макинъ, Прокоповичъ, Аванасьевъ, Добровольскій, былъ и Бонне—они видимо сочувствовали нашему счастью и, перебивая другъ друга, спѣшили насъ поздравить и высказать свои добрыя, сердечныя пожеланія.

Нѣкоторые изъ выпускныхъ окружили нашего достойнаго, всѣми уважаемаго инспектора полковника Ортенберга, который, кромѣ постоянного вниманія и привѣтливости ко всѣмъ намъ, очистилъ корпусъ отъ старыхъ, неспособныхъ учителей, замѣнилъ ихъ новыми извѣстными профессорами, выхлопотавъ имъ хорошее содержаніе, а главное Ортенбергъ укротилъ свирѣпость Курселя, Германа и другихъ, замѣтно уменьшивъ, широко практиковавшееся въ то время, наказаніе розгами, при чемъ такіе артисты, какъ Курсель, доходили до 200 ударовъ.

У церковной колонны, прислонившись къ ней, стоялъ маленькій, кругленькій, съ широкимъ гладкимъ лицомъ и коротенькими руками, сложенными на выдающемся брюшкѣ, нашъ корпусный экономъ—Иванъ Кузьмичъ Шевелевъ; хотя онъ и очень добросовѣстно кормилъ насъ, далеко лучше и сытнѣе, чѣмъ въ сосѣднемъ съ нами Дворянскомъ полку, но кадеты все-таки часто были недовольны имъ

¹⁾ Этотъ Бибииковъ былъ не изъ тѣхъ Бибииковыхъ, которые съ такимъ достоинствомъ служили, занимая высшія мѣста въ имперіи, нашъ знаменитъ былъ тѣмъ, что, самыми жестокими мѣрами усмирилъ какой-то расхатавшійся пѣхотный полкъ.

и даже открыто выражали свое неудовольствіе. Два-три кадета подошли къ нему и ласково разговаривали. Этотъ безсребренникъ, въ то время, когда сосѣдній, Дворянскаго полка, эконоомъ нажилъ десятки тысячъ и жилъ въ своемъ собственномъ домѣ, несчастный Шевелевъ, прослуживъ 30 лѣтъ эконоомомъ, не нажилъ ровно ничего, оставилъ семью свою въ совершенной бѣдности и даже былъ похороненъ на казенный счетъ.

Послѣ нѣкоторыхъ еще обычныхъ церемоній мы, не имѣющіе въ Петербургѣ никого изъ родныхъ, проводили дорогихъ нашихъ учителей до параднаго подъѣзда и здѣсь со слезами простились съ ними, горячо высказавъ наши искреннія пожеланія; можетъ быть, эти пожеланія высказаны были сбивчиво, нескладно, но въ нихъ было чистое, еще не тронутое обыденною жизнію, наше молодое чувство. Гребенка и Аѳанасьевъ, сойдя съ крыльца, поджидали своего извозчика, а потому мы снова подошли къ нимъ.

— Прощайте, прощайте,—сочувственно говорилъ Гребенка, приговарывая садиться,—жизнь новая предстоитъ вамъ, господа, пройдите ее съ достоинствомъ, пройдите весело, не задумываясь.

— И съ хорошимъ всегда аппетитомъ,—добавилъ улыбаясь любившій покушать Аѳанасьевъ.

Къ крайнему сожалѣнію, за всю мою долгую жизнь, служа въ глубокой арміи, я не только не встрѣчался ни съ кѣмъ изъ нашихъ учителей, но мнѣ не удавалось даже слышать о нихъ. Въ 1848 году, въ «Современникѣ» подъ передовою повѣстію «Сила Кондратьевъ» я радостно встрѣтилъ подпись Гребенки, а въ декабрѣ того же года всѣ мы съ глубокою грустію прочли въ газетахъ о рановременной кончинѣ достойнаго нашего Евгенія Павловича, умершаго въ самомъ разгарѣ жизни—на 36-мъ году.

Миръ тебѣ, нашъ дорогой, нашъ незабвенный! Пусть земля легкимъ пухомъ лежитъ надъ твоей рановременной могилой!

Евгеній Павловичъ умеръ въ Петербургѣ, но тѣло его было перевезено на родину, въ Полтавскую губернію, въ имѣніе его «Убѣжище». Какъ бы искренно хотѣлось, чтобы оставшіеся родные или близкіе Евгенія Павловича описали состояніе его могилы въ настоящее время; мы, уже немногіе изъ оставшихся учениковъ его, охотно приняли бы участіе въ поддержкѣ, украшеніи и приведеніи въ надлежащій порядокъ этой всегда дорогой для насъ могилы.

А. С—ій.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

I.

Дядя Иванъ Ивановичъ Раевскій.

ОДОНАЧАЛЬНИКОМЪ того дома Раевскихъ, къ которому принадлежалъ мужъ мой, Иванъ Артемьевичъ¹⁾, былъ датчанинъ, пришедшій ко двору царя Иоанна IV Грознаго. Потомки его всегда занимали должностныя мѣста при царяхъ нашихъ. Николай Николаевичъ Раевскій, извѣстный генералъ 1812-го года, былъ двоюроднымъ братомъ моего свекра, Артемія Ивановича, который послѣ смерти брата Николая Николаевича Раевского былъ опекуномъ его двухъ дочерей²⁾. Свекра моего Раевского я не знавала, онъ скончался въ 1821-мъ году. Слышала о немъ отъ своего отца, что онъ былъ добрый, красивый, честный, благородный человекъ, хорошій полковой командиръ. При воцареніи императора Павла Петровича онъ вышелъ въ отставку и жилъ въ Москвѣ, въ немилости. Когда же вступилъ на престолъ Александръ I, Артемій

¹⁾ Есть Раевскіе, которые намъ не родня.

²⁾ Одна изъ нихъ была за княземъ Волконскимъ, декабристомъ, и послѣдовала за нимъ въ Сибирь; они возвращены при вступленіи на престолъ императора Александра II. Тутъ я познакомилась съ этимъ прелестнымъ семействомъ. Князь Волконскій былъ другомъ моего отца, Ивана Петровича Библикова; онъ прослезился, увидавъ у меня весьма схожій портретъ его, тогда уже покойника. Вторая дочь была замужемъ за Михаиломъ Осодоровичемъ Орловымъ, замѣчательнымъ въ свое время умомъ и красивою наружностью. Общество ихъ было для меня самое пріятное.

Ивановичъ Раевскій опять опредѣлился на службу генераль-майоромъ, командоваль гвардейскимъ полкомъ и былъ любимъ государемъ.

У Артемія Ивановича Раевского было два брата: Михаилъ и Иванъ. Михаила Ивановича я никогда не видала; онъ подъ конецъ жизни сдѣлался нелюдимымъ и безвыѣздно жилъ у себя въ деревнѣ, гдѣ скончался въ 1832-мъ году. Мужъ мой говорилъ мнѣ, что дядя его Михаилъ Ивановичъ былъ крутого, но прямого характера, благороденъ, безкорыстенъ и замѣчательно храбръ. При императрицѣ Екатеринѣ II онъ служилъ офицеромъ въ арміи Суворова, былъ при взятіи штурмомъ Измаила, за что и украшенъ георгіевскимъ крестомъ. Въ рескриптѣ, собственноручно подписанномъ государыней, значилось, что награжденъ онъ георгіевскимъ крестомъ за то, что первый взощелъ на стѣну осажденнаго города. Михаилъ Ивановичъ вычеркнулъ на рескриптѣ слово первый и написалъ: второй.

— Первый,—сказалъ онъ,—былъ убитъ.

Меньшій изъ братьевъ, Иванъ Ивановичъ Раевскій, поступилъ на службу гвардейскимъ офицеромъ еще при императрицѣ Екатеринѣ II.

— Меня,—говорилъ намъ дядя,—представили государынѣ въ то время, какъ она вечеромъ играла въ карты. Я былъ такъ малъ ростомъ, что она не удостоила меня даже взглядомъ.

Однако, несмотря на малый ростъ, онъ былъ недуренъ собой, ловокъ, отличный танцоръ, за что и прозванъ при дворѣ зефиромъ. Умный, хитрый и остроумный, онъ любилъ смѣшить фрейлинъ и забавлять ихъ съ небольшою дозою шутовства. Особенно жаловала его извѣстная тогда и пользовавшаяся большимъ вліяніемъ на императора Павла фрейлина Нелидова; но жаловала его лишь за то, что онъ умѣлъ ее забавлять, не болѣе.

Съ дядей Иваномъ Ивановичемъ Раевскимъ я познакомилась, когда вышла замужъ въ 1835 году; онъ былъ тогда старикомъ, холостымъ, богомольнымъ съ примѣсю немного ханжества. Зимой живалъ онъ въ Москвѣ, въ своемъ домѣ, въ Леонтьевскомъ переулкѣ; комната его была отъ пола до потолка по всѣмъ стѣнамъ обставлена образами въ позолоченныхъ, украшенныхъ жемчугомъ и драгоценными камнями ризахъ. Въ одномъ углу стоялъ узенькій, небольшой грязный диванчикъ, съ грязными подушками и такимъ же одѣяломъ. Тутъ дядя спалъ ночью и тутъ же до обѣда сидѣлъ, поджавъ ноги и въ весьма неопрятномъ костюмѣ. Сюда же приносили ему весьма незатѣливый завтракъ. При мнѣ подали ему блины, а къ нимъ топленое коровье масло въ старой помадной баночкѣ,—и это помѣщику двухъ тысячъ душъ, съ огромнымъ количествомъ земли!

Все утро проводилъ дядя всегда въ чтеніи опредѣленнаго въ день числа молитвъ и каюзмъ: это чтеніе сопровождалось слезами и воздыханіями такими громкими и визгливыми, что, услыхавъ ихъ въ первый разъ изъ сосѣдней комнаты, я испугалась и хотѣла бѣ-

жать къ нему, полагая, что онъ занемогъ; но меня остановили и объяснили, въ чемъ дѣло.

Обѣдать онъ въ Москвѣ всегда ѣздилъ по приглашенію къ роднымъ и знакомымъ, а вечера просиживалъ въ гостяхъ за картами. Его всюду звали, потому что любили за остроуміе и уважали за богатство. Всюду приглашали его въ посаженные и крестные отцы; а когда съ нимъ въ одномъ домѣ жилъ мой красавецъ-деверь, Владиміръ Артемьевичъ Раевскій, прозванный въ Москвѣ *le beau Raewsky*, то мы часто, смѣясь, говорили имъ, что слѣдуетъ у нихъ на воротахъ выставить вывѣску:

«Здѣсь получаютъ посаженные отцы и крестные отцы, тутъ же и шаферà».

Лѣтомъ ѣздилъ Иванъ Ивановичъ по своимъ деревнямъ Каширскаго и Лебедянскаго уѣзда, гдѣ село его Троекурово¹⁾, раскинутое на три версты по теченію Красивой Мечи, извѣстно было во всемъ околоткѣ по своему богатству и по двумъ огромнымъ каменнымъ церквямъ, изъ которыхъ одна, въ пять придѣловъ, выстроена была еще предками Раевскими и обнесена каменной, съ башенками, монастырской оградой. Въ оградѣ настроены были кельи, гдѣ жили отшельники-монашенки²⁾.

Въ 1835 году, когда я въ первый разъ была въ селѣ Троекуровѣ, въ той же церковной оградѣ стоялъ хорошенькій, чистый домикъ, а въ немъ уже лѣтъ тридцать спасался отшельникъ, отецъ Иларіонъ; какого онъ былъ рода и племени, тогда никто не зналъ. Онъ былъ слѣпой старецъ святой жизни; къ нему со всѣхъ сторонъ стекались толпы вѣрующихъ, кто за совѣтомъ, кто за излѣченіемъ³⁾.

¹⁾ Послѣ дяди наслѣдовала его мой деверь Владиміръ Артемьевичъ Раевскій, а отъ него перешло къ Алек. Алексѣевичу Писаревой, теперь графинѣ Бобринской, которая продала его за 260.000 рублей сер.

²⁾ По завѣщанію дяди И. И. Раевского, эта церковь съ землей, ей принадлежащей, преобразована въ женскій монастырь, какимъ и есть въ настоящее время (1898 г.). Село Троекурово лежитъ на большой дорогѣ, въ девяти верстахъ отъ города Лебедяни, Тамбовской губерніи.

³⁾ Излѣченныхъ имъ я сама видѣла; приведу одинъ примѣръ. У насъ, въ селѣ Никитскомъ, за 70 верстъ отъ села Троекурова, служила на людской въ кухаркахъ женщина среднихъ лѣтъ, хорошаго поведенія, усердная работница, здороваго, сильнаго сложенія. Вдругъ, безъ всякой причины, сдѣлалась съ ней необъяснимая болѣзнь, которой—я свидѣтельница. Когда на нее «находили» (какъ выражаются крестьяне), сна по три, по четыре дня запиралась въ чуланъ, не пила, не ѣла, не спала и все время то кричала пѣтухомъ, то лаяла псобачьи, то ржала жеребенкомъ. Услыхавъ эти крики въ первый разъ, я ужасно испугалась. Послѣ этихъ трехъ-четырехъ дней она выходила изъ добровольнаго заключенія блѣдная, исхудалая, точно послѣ продолжительной болѣзни. Эти схватки бывали у нея не періодическія, но черезъ двѣ, три или нѣсколько недѣль, и совершенно иссушили до того полную, сильную, здоровую женщину. Кто-то ей посоветовалъ сходить къ отцу Иларіону, въ село Троекурово, и онъ молитвами совершенно ее излѣчилъ. Она вернулась къ намъ совершенно здоровая и продолжала у насъ свою службу. Болѣзнь болѣе не возвращалась. Ек. Раевская.

Бзжали къ нему изъ дальнихъ сторонъ и богомольныя помѣщцы; вообще его уважали и вѣровали въ его святость.

Выходилъ отецъ Иларіонъ только на церковныя службы, гдѣ стоялъ скрытый въ лѣвой сторонѣ алтаря. По скоромнымъ днямъ онъ питался однимъ молокомъ, по постнымъ ѣлъ только одну просфору, полученную имъ во время литургіи отъ священника. Ради его слѣпоты, къ нему приставленъ былъ, въ монашеской одеждѣ, служка, который содержалъ его келью въ замѣчательной чистотѣ и порядкѣ. У отца Иларіона своего имущества не было никакого, но въ голодный 1840 годъ онъ прокормилъ все населеніе села Троекурова, болѣе 2.000 душъ, тѣми добровольными пожертвованіями, которыя приносили ему его почитатели. Это я слышала отъ самого дяди Раевского, который сознавался, что онъ, съ своей стороны, ни одного пуда муки не далъ своимъ крестьянамъ Троекуровскимъ; то же подтвердили и сами сельскіе жители.

Желая принять благословеніе почтеннаго старца, я съ мужемъ посѣтила его въ его кельѣ. Когда мы вошли къ нему, то застали его стоящимъ на молитвѣ. Погода немного, онъ обернулся къ намъ съ благословеніемъ. Меня поразили его красивыя, старческія, исхудалыя черты, его длинныя, бѣлыя волосы, длинная, но рѣдкая бѣлая борода, его худоба и величественная, но вмѣстѣ кроткая осанка; онъ былъ выше средняго роста и держался совершенно прямо. Его глаза, лишенные зрѣнія, придавали неподвижную строгость красивымъ чертамъ лица. Онъ былъ одѣтъ въ шерстяную рясу въ родѣ монашеской, но безукоризненной бѣлизны. Волосы и борода были расчесаны, лицо и исхудалыя руки съ длинными пальцами были безупречной чистоты такъ же, какъ и вся обстановка его жилища. Въ углу былъ образъ съ горящей лампадой: передъ нимъ и стоялъ онъ на молитвѣ.

Мебель была изъ простаго, некрашеннаго дерева, ничѣмъ не обитая, но все было убрано и чисто. Какъ самъ отшельникъ, такъ и все окружающее было просто, скромно; нигдѣ ни тѣни ханжества, ни притворства; ничто не било на эффектъ. Я поняла всеобщее уваженіе, скажу даже—благоговѣніе къ нему.

Отецъ Иларіонъ благословилъ моего мужа образомъ Св. Троицы, который и теперь находится въ селѣ Никитскомъ, Епифанскаго уѣзда, Тульской губерніи ¹⁾.

Большая церковь села Троекурова (о пяти придѣлахъ) извѣстна находящимся въ ней явленнымъ образомъ Пресвятой Богородицы. По преданію, этотъ образъ явился у колодезя-источника въ долинѣ,

¹⁾ Это село послѣ кончины моего мужа перешло къ младшему сыну моему Дмитрію, а послѣ него перешло теперь (въ 1898 г.) къ старшему внуку моему Ивану Ивановичу Раевскому.

на землѣ при селѣ Троекуровѣ, 21-го мая, въ праздникъ преподобныхъ царя Константина и царицы Елены. Въ этотъ день ежегодно въ Троекуровѣ былъ крестный ходъ: несли явленный образъ изъ церкви на святой колодезь, надъ которымъ воздвигнута часовня. На этотъ крестный ходъ собиралась толпа богомольцевъ до пяти тысячъ человекъ всякаго званія. Мы съ мужемъ всегда въ этотъ день бывали у дяди Раевского, и я любовалась не разъ красивымъ зрѣлищемъ пестрой толпы крестьянъ и крестьянокъ въ праздничныхъ нарядахъ, послѣ молебствія разсыпавшихся живописными группами по зеленой долинѣ между растущими по ней молодыми деревьями. Кто сидѣлъ, кто лежалъ на цвѣтущей травѣ, кто погружался въ ручей, текущій изъ святого источника, кто черпалъ изъ него воду въ глиняные кувшины, кто отдыхалъ, кто закусывалъ, принесенною съ собой провизіей.

Послѣ обѣдни и молебствія, къ дядѣ въ домъ собирались сосѣди, чиновники изъ города Лебедяни съ ихъ женами и дѣтьми, иногда и дальніе гости; тутъ былъ всякій людъ, и намъ и хозяину незнакомый; для всѣхъ въ залѣ накрыты были столы и наготовлено всякаго кушанья и питія ¹⁾. Угощать и занимать гостей во время обѣда поручено было дядей мужу моему, деверю Владиміру Артемьевичу и мнѣ. Самъ же дядя, откланявшись со всѣми, уходилъ на отдыхъ къ себѣ въ спальню.

Круглое лѣто строилъ дядя Иванъ Ивановичъ Раевскій церкви и придѣлы къ выстроеннымъ уже церквамъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи; круглый годъ жилъ у него иконописецъ, писавшій иконостасы для этихъ церквей и придѣловъ. Тутъ работалъ и серебряникъ оклады на образа. На это уходили всѣ доходы съ богатыхъ его имѣній, исключая впрочемъ того, что безъ стыда крали у него управляющіе изъ крѣпостныхъ людей. Была у него семья изъ семи братьевъ А...ей, которые его обирали безъ милосердія и, большею частью, тутъ же пропивали все украденное. Они даже насъ, племянниковъ, нисколько не стѣснялись, зная, что мы будемъ молчать, щадя привязанность дяди къ этимъ семи братьямъ. Меньшой изъ этой семьи, Никита А...ичъ, составлялъ исключеніе изъ прочихъ. Онъ былъ умный, честный и трезвый, женился на отличной, образованной дѣвушкѣ и дѣтямъ далъ хорошее воспитаніе. Мнѣ пришлось познакомиться съ его старшимъ сыномъ, кончившимъ курсъ въ высшемъ учебномъ заведеніи: это былъ стройный, красивый молодой человекъ, образованный со всѣмъ лоскомъ хорошаго общества ²⁾.

¹⁾ Покупкой провизіи и проч. занимались лакеи дяди, поэтому встрѣчались тутъ курьезы, какъ, напримѣръ, вино бѣлое подъ этикеткой—«Дамскія слезки». Этого вина никто изъ насъ не рѣшился испробовать.

²⁾ Послѣ смерти дяди, по его желанію, мы выплатили семьѣ его любимцевъ 12 тысячъ рублей серебромъ, кромѣ домовъ и земли, данныхъ имъ дядей. Племян-

Дядя Раевскій никогда не хвасталъ тѣмъ, что дѣлалъ «для Бога», и никогда не хотѣлъ говорить, сколько церквей и придѣловъ онъ выстроилъ и освятилъ. Но, во время одного его посѣщенія, мы нашли въ той комнатѣ, которую онъ у насъ занималъ, листъ бумаги, его рукой исписанный, гдѣ онъ для памяти означилъ всѣ освященные имъ храмы: мы насчитали ихъ 56, а онъ съ того дня прожилъ еще около десяти лѣтъ, въ которыя неусыпно продолжалъ свой богоугодный трудъ: сколько же онъ еще прибавилъ номеровъ къ прежнему реестру?...

Каждое лѣто ѣздилъ дядя Иванъ Ивановичъ на богомолье: одно лѣто—въ Воронежъ на поклоненіе св. Митрофанію; слѣдующее за тѣмъ—въ Кіевъ. Ѣздилъ онъ всегда на своихъ лошадяхъ¹⁾, обыкновенно на четверкѣ сносныхъ, рыжихъ, заводскихъ коней, запряженныхъ въ просторный тарантасъ. Въ этомъ тарантасѣ постлана была поверхъ багажа перина; на перинѣ постлана постель, на которую дядя ложился и такъ ѣхалъ всю дорогу. На козлахъ и около него помѣщались его люди.

Проѣздомъ изъ Москвы въ Троекурово дядя всегда заѣзжалъ къ намъ, въ село Никитское, и гостилъ у насъ нѣсколько дней. Всѣ посты, среды и пятницы онъ постился, но я, грѣшный человѣкъ, за неимѣніемъ иногда рыбы, прикажу бывало повару приготовить ему на бульонѣ супъ, пустивъ въ него для духа немного постнаго масла, а изъ курицы помельче изрубить будто рыбное тельное²⁾. Дядя кушаетъ и похваливаетъ искусство нашего повара.

— Ужъ какъ онъ вкусно постное готовить!

У дяди была одна особенность. Въ старости, неряшливый въ одеждѣ и въ уборкѣ комнатъ въ своемъ домѣ, онъ одного не терпѣлъ—мухъ. Если, избави Богъ, хоть одна муха попадетъ въ суповую чашку или въ блюдо съ кушаньемъ, ни за чтѣ ѣсть не станетъ ни этого супа, ни кушанья изъ этого блюда. Поэтому, когда онъ у насъ лѣтомъ обѣдалъ, мы ставили за его стуломъ и около суповой чашки людей съ длинными вѣтками, чтобъ отгонять мухъ.

Я уже говорила, что дядя былъ очень остроуменъ и веселый собесѣдникъ. Дождемся бывало, когда онъ утромъ кончитъ слезное чтеніе своихъ каѳизмъ (въ это время его никогда не беспокоили), и придемъ къ нему. Сидитъ онъ на постели или на диванѣ, поджавъ подъ себя переломленную и плохо вправленную деревенской бабкой ногу; слезъ ужъ и слѣда нѣтъ. Онъ вновь перерождается въ веселаго, свѣтскаго человѣка, рассказываетъ умно, съ выраженіемъ

ницѣ своей, дочери сестры его, княгинѣ Горчаковой, дядя завѣщалъ 40 тысячъ серебромъ. Не имѣя, конечно, такихъ суммъ, мы заложили Троекурово, чтобъ выплатить все завѣщанное дядей Иваномъ Ивановичемъ Раевскимъ.

¹⁾ У всѣхъ трехъ братьевъ Раевскихъ были конные заводы отличныхъ лошадей, и всѣ трое были большими до нихъ охотниками.

²⁾ Тельное—въ родѣ котлетъ съ лукомъ.

и съ особенными ужимками, придававшими какою-то рельефность и живописность разсказу.

— Дядюшка, разскажите что нибудь про вашу петербургскую жизнь! Какъ вы за Екатериной Ивановной Нелидовой ухаживали?

— Какое тутъ ухаживанье? Я къ ней приставаль, чтобъ она выпросила мнѣ камеръ-юнкерство, да ничего отъ нея не добился, а голову чуть не сложилъ.

— Какъ же это?

— Иду я къ ней вечеромъ, крадучись пѣшкомъ по улицѣ, да оглядываюсь, не ѣдетъ ли царь¹⁾, а онъ какъ тутъ катитъ! Я — въ уголъ у воротъ и забился, — понимаете? — стою задомъ къ царю, будто его не вижу. На мое счастье какой-то верховой по улицѣ проскакалъ. Павелъ обернулся въ его сторону, вспыхнулъ:

— Кто скачетъ? держи его! — кричить.

А я въ въ ворота шмыгъ, да былъ таковъ.

— Да какъ же, дядюшка, развѣ по улицамъ запрещено было скакать?

— Вотъ какъ. Если кто царя встрѣтитъ, тотъ тотчасъ долженъ былъ остановиться. Если мужчина, то долженъ былъ, въ дрожкахъ ли, въ саняхъ ли, снять шляпу, шинель или шубу спустить съ праваго плеча и стоять неподвижно, пока царь не проѣдетъ, а дама должна была изъ кареты выйти, со ступенекъ сойти... А кареты, знаете, прежде были высокія, ступень пять выкинетъ. И стоять дама должна была на мостовой, въ какую бы погоду ни было, снѣгъ ли, дождь ли, грязь ли, становись на мостовую, да и только жди, пока царь не проѣдетъ. Иначе — въ Сибирь! А лакеи-то, кучера бывали зѣваки! Какъ разъ господъ въ Сибирь упекутъ! Мой каналья кучеръ чуть меня не погубилъ! Спасибо, парикъ спасъ.

— Какъ парикъ?

— Да такъ. Тогда была мода на рыжіе парики, а у меня, знаете, волоса — то черные. Вотъ я ихъ и подобралъ всѣ въ пучекъ на маковкѣ, à la chinoise²⁾, да розовой ленточкой перевязалъ, а поверхъ надѣлъ рыжіи парикъ, а сверхъ парика шляпу. Велѣлъ въ сани запрячь рысака своего завода; только изъ деревни кучеръ его привелъ. А каналья этотъ кучеръ-то прямо изъ села, ни царя, ни царскаго экипажа съ гайдуками никогда не видалъ, не знаетъ. А рысакъ — строгій, престрогий, всѣ руки оттянетъ. Вотъ ѣду я съ этимъ канальей-кучеромъ по Невскому. И угораздило по Невскому ѣхать! Хотѣлъ рысакомъ пофрантить. Вдругъ вижу — царь ѣдетъ! кричу кучеру: «стой». А онъ, каналья, не слышитъ, несется во всю рысь! «Стой, разбойникъ!» Не тутъ-то было. Рысакъ мой пуце обѣжитъ. Вижу царя — глаза грозные, лицо покраснѣло... Я вскочилъ

¹⁾ Императоръ Павелъ Петровичъ I.

²⁾ На китайскій манеръ.

въ саняхъ, стою этакъ ни живъ, ни мертвъ, шуба съ плечъ свалилась, шляпу скинулъ... Кланяюсь. А со шляпой вмѣстѣ и парикъ соскочилъ! Стою, какъ болонка, волоса пучкомъ на маковкѣ перевязаны розовымъ бантикомъ. Какъ Павелъ увидалъ эту мою фигуру, такъ смѣхомъ и закатился. А я на рысакѣ тутъ же изъ вида скрылся.

— Дядюшка, расскажите про Нелидову.

— Да, тутъ смѣхомъ не кончилось, попался, какъ куръ во щи. Разъ, вечеромъ (она мнѣ впередъ дала знать, что царь къ ней въ этотъ день не будетъ), я и пришелъ. А у нея гости, смѣхъ, веселье, танцы подъ фортепьяно. Я развалился на диванъ, а она меня за руку тащить.

— Зефиръ! пойдѣмъ со мной танцовать!

А я-то ломаюсь на диванѣ.

— Не пойду. Тогда пойду, когда вы мнѣ выхлопчете камеръ-юнкерство.

А она хохочетъ и тащить все за руку... Вдругъ гляжу, а напротивъ меня стойтъ царь, да черезъ ширмы глядитъ на насъ. Я на мѣстѣ такъ и обмеръ... Языкъ отнялся. А она все тащить меня за руку.

— Идите со мной танцовать!

Я только могъ глазами ей на дверь показать... Ну, тутъ и она струхнула. Павелъ входитъ, да грозно такъ на меня указываетъ:

— Берите его! тащите его!

Схватили меня гайдуки, какъ я былъ, въ шелковыхъ чулкахъ, башмакахъ, въ бархатной собольей шубѣ, да и поволокли. Не дали разбойники даже домой заѣхать, переодѣться, что нибудъ съ собой захватить. Бросили меня въ сани, да съ фельдъегеремъ ночью помчали—куда?—не знаю. Такъ и думалъ—въ Сибирь!

Проскакавъ всю ночь, спрашиваю тихонько у фельдъегеря, даю ему два золотыхъ:

— Куда везете меня?

Куда тебѣ!—молчить, только бѣлками ворочаетъ. Примчали меня въ Москву, да прямо подъ Ивана Великаго на гауптвахту, да на хлѣбъ, на воду.

Между тѣмъ петербургскій мой камердинеръ, спасибо ему, узнавъ черезъ Нелидовскихъ людей о моемъ несчастіи, собралъ мои вещи, деньги, да за мной вслѣдъ прискакалъ въ Москву, да прямо къ матушкѣ: такъ и такъ. А матушка жила въ Москвѣ. Всплеснула она руками, воетъ. Вѣдь знаютъ, Павелъ шутить не любить.

Бросилась мать моя меня разыскивать: отыскала, задарила кого слѣдуетъ; кого слѣдуетъ—умолила. Стала она потихоньку мнѣ съѣстного переправлять подъ Ивана Великаго. Лежу, бывало, на жесткой постели, обернусь лицомъ къ стѣнѣ, голову накрою, при-

кинуть, что сплю, да жаренные рябчики матушкины и подѣдаю, а дежурный офицеръ и не видигъ! Дѣтъ недѣли такъ продержали, потомъ, спасибо, выпустили. Родные за меня царя умолили.

— Что-жь, дядюшна, вы послѣ этого въ Петербургъ не поѣхали?

— Запрещенъ мнѣ былъ въѣздъ въ Петербургъ, да я и самъ бы туда не вернулся. Съ меня довольно и того было.

— А Нелидову послѣ не видали?

— Видѣлъ уже послѣ кончины императора Павла Петровича. Она мнѣ говоритъ:

— Vous êtes un ingrat. Vous ne voulez plus me voir.

— Il y a bien de quoi être gras? — отвѣтилъ я. — Grâce à vous j'ai manqué mourir de faim¹⁾.

Дядя Иванъ Ивановичъ Раевскій былъ большимъ любителемъ садовъ, и въ тѣхъ имѣнiяхъ, гдѣ ихъ не было, онъ самъ разводилъ англійскіе и фруктовые сады²⁾. Въ Каширскихъ его имѣнiяхъ (Тульской губерніи) вездѣ у него были большія оранжереи съ персиками, абрикосами, сливами и проч. Садовники у него были крѣпостные, получавшіе небольшое жалованье; какъ и всѣ крѣпостные люди, они вознаграждали себя, извлекая изъ ввѣреннаго имъ имущества всю возможную для себя пользу.

— Замѣчаю,—разсказывалъ намъ дядя,—что мои персики, абрикосы и сливы исчезаютъ безслѣдно. Приду, бывало, въ оранжерею, замѣчу какой нибудь румяненкій персичекъ и думаю: завтра имъ полакомлюсь! Не тутъ-то было. На другой день прихожу. Слюнки текутъ заранѣе — анъ, персичка моего румяненкаго ужъ нѣтъ! да и сосѣди его также исчезли... Досадно. Кто-жь такъ лакомятъ мои фрукты? Вѣдь и косточекъ отъ нихъ нигдѣ не валяется. Рѣшился подкараулить вора.

Всталъ я пораньше утромъ, пошелъ обходить садъ задами. Вижу, за угломъ стоитъ коляска четверней; словно прячется. Ба! ба! ужъ не это ли мой персиковый воръ? Пробираюсь къ оранжереѣ незамѣченнымъ. Вхожу. Что жъ я вижу? — Сосѣдшукъ моя, старая княгиня Г....., съ садовникомъ моимъ прохаживается по оранжереѣ, и преспокойно оба рвутъ мои персики и абрикосы. У мошенницы княгини въ платочкѣ цѣлый узелъ ихъ ужъ набранъ. Какова?

Садовникъ, увидя меня, точно сквозь землю провалился—пропалъ. Княгинѣ же скрыться было некуда; силится улыбнуться, здороваается.

¹⁾ Не переводимая игра словъ: «Вы неблагодарный [ingrat]; не хотите меня болѣе видѣть». — «Съ чего мнѣ быть [gras] жирнымъ? По вашей милости я чуть съ голода не умеръ».

²⁾ Онъ и меня ободрилъ въ разведеніи садовъ въ селѣ нашемъ Никитскомъ, подарилъ мнѣ кусты розовой сирени и полосатыхъ розановъ, которые до сихъ поръ у насъ цвѣтутъ на хуторѣ и восхищаютъ всѣхъ своей оригинальностью.

— Ахъ, княгиня! — говорю я прелюбезно, а самого зло такъ и разбираетъ. — Какъ я радъ, что мои персики вамъ нравятся! Да какъ вы мало взяли!

А самъ лѣвой рукой ощупываю ея платокъ, набитый персиками и мну его изъ всей силы.

— Гдѣ жъ мой каналья—садовникъ? — продолжаю. — Я его выругаю. Что это онъ такъ мало вамъ нарвалъ?

А самъ все мну платокъ такъ, что сокъ потѣкъ на ея шелковое платье.

— Ахъ, онъ бездѣльникъ! какъ мало вамъ далъ!

А подъ моими пальцами сокъ такъ и течетъ.

— Покорно благодарю, — промычала княгиня и тащить къ себѣ платокъ.

— Не стоить благодарности, помилуйте!

А самъ не выпускаю платка и все мну, мну, пока всѣ персики не измятъ до одинаго и всего платья ей не испортилъ.

Она бѣжитъ изъ оранжереи, а я за ней, платка изъ руки не выпуская, все мну. Такъ проводилъ ее до коляски, посадилъ ее туда блѣдную отъ злости и говорю:

— Да что жъ это, княгиня, вашъ экипажъ за угломъ стоитъ? Вы бы прямо ко мнѣ пожаловали.

Укатила. И полно ко мнѣ жаловать за персиками! Какъ рукой сняло!

Когда дядя это рассказывалъ, представляя въ лицахъ, какъ онъ любезно правой рукой раскланивался, а лѣвой персики мять, нельзя было не смѣяться до слѣзъ.

Городъ Лебедянь, Тамбовской губерніи, выстроенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Красивая Мечь¹⁾ впадаетъ въ Донъ. Донская вода отъ илистаго грунта желтовата и мутна; вода же Красивой Мечи прозрачна, какъ кристаллъ, и течетъ по камнямъ и песку (несмотря на то, что почва по берегамъ ея чистый чернозѣмъ); когда же обѣ воды сливаются, то первое время текутъ рядомъ, не смѣшиваясь, такъ что замѣтны двѣ струи разнаго цвѣта, одна бѣлая, другая желтая.

Въ 20-хъ и 30-хъ годахъ нашего столѣтія Лебедянь былъ богатымъ торговымъ городомъ; онъ славился своей Троицкой и Покровской ярмарками. На нихъ съѣзжались отовсюду купцы и торговцы со всевозможными товарами. Ярмарка длилась по цѣлому мѣсяцу. Степные помѣщики съ семьями пріѣзжали туда запасаться на цѣлый годъ необходимой провизіей, нарядами и проч.

¹⁾ «Мечъ» происходитъ отъ слова «метать»: говорятъ, что въ верховьи своемъ эта рѣка бьетъ фонтаномъ, водой свѣтлой, какъ кристаллъ, отъ чего и произошло ея названіе: красиво мечетъ воду.

«Истор. вѣстн.», сентябрь, 1899 г., т. LXXVII.

Особенно славилась конная ярмарка. Приводили въ Лебедянь лошадей изъ всѣхъ тульскихъ, тамбовскихъ, воронежскихъ и другихъ конныхъ заводовъ. Не говоря уже о случайныхъ покупателяхъ, сюда съѣзжались ремонтеры изъ всей Россіи для покупки своихъ полковыхъ ремонтовъ.

Въ Лебедяни же, во время Троицкой майской ярмарки, были единственныя тогда скачки, бѣга, состязанія для возки тяжестей. Скачки особенно привлекали много любителей этого спорта, не считая владѣльцевъ скаковыхъ лошадей. Тамъ я видѣла цвѣтъ заводчиковъ обѣихъ столицъ. Тутъ, то краснѣя, то блѣднѣя, волновалась знаменитая писательница, графиня Евдокія Ростопчина, рожденная Сушкова, когда на ристалищѣ состязались ея красивые скакуны.

Графиня сидѣла въ павильонѣ въ первомъ ряду, рядомъ со мной, возлѣ баллюстрады, такъ что я невольно читала на выразительномъ ея лицѣ всѣ клокодавшія въ ней бури.

Графиня была небольшого роста, но отлично сложена: черты лица ея были неправильны, но красивы и выразительны. Глаза ея большіе съ длинными черными рѣсницами горѣли огнемъ, метали искры: подобныхъ глазъ я никогда послѣ не видала. По окончаніи скачекъ ее окружала толпа поклонниковъ, но она на нихъ не обращала никакого вниманія.

Теперь¹⁾ уже не то. Когда перевели скачки въ Петербургъ, Москву и Тулу, Лебедянь потеряла все свое значеніе, торговля упала, городъ обѣднѣлъ. Желѣзныя дороги довершили ударъ, его сгубившій. Но въ 30-хъ годахъ онъ былъ еще въ цвѣтущемъ положеніи.

Село Троекурово—въ девяти верстахъ отъ Лебедяни, на большой дорогѣ, у дяди же былъ свой домъ въ самомъ городѣ; въ немъ живаль онъ во все продолженіе конной ярмарки. Мой мужъ также былъ большой охотникъ до лошадей, да и къ дядѣ слѣдовало съѣздить: мы и предпочитали для посѣщенія время ярмарки. Хотя я никогда не понимала толка въ лошадахъ, но кто жъ смолоду не любить покататься? Наше имѣніе было въ семидесяти верстахъ. Мы съ мужемъ ѣздили къ дядѣ въ Лебедянь и время тамъ проводили очень весело. Во все время ярмарки тамъ бывали спектакли, конечно, очень плохіе, но и тутъ каждый молодой человекъ находилъ причину посмѣяться.

Главнымъ же удовольствіемъ были скачки. Для нихъ отведенъ былъ ипподромъ въ красивой мѣстности, близъ рѣки, у подошвы крутого берега, почти горы, по которой раскинулся Лебедянь. Въ дамскомъ павильонѣ и около него на скамьяхъ, выстроенныхъ амфитеатромъ, тѣснилось большое общество зрителей, кругомъ—толпа всадниковъ и пѣшихъ. Прелестная панорама, возбужденіе скачекъ, дивная погода, видъ чудныхъ скакуновъ, трепещущихъ отъ волненія вла-

¹⁾ 1885 годъ.

дѣльцевъ ихъ, пари, громъ рукоплесканій при побѣдѣ излюбленнаго скакуна—чего же болѣе, когда самой не сочтешь еще полныхъ двухъ десятковъ лѣтъ?

Дядюшка Иванъ Ивановичъ Раевскій, какъ любитель лошадей, всегда съ нами ѣздилъ на скачки. Сидимъ мы съ нимъ рядомъ въ въ дамскомъ павильонѣ, биткомъ набитомъ публикой. Кругомъ толпится народъ; скакуновъ проваживаютъ въ попонахъ; ждемъ начала скачки.

Подходить къ намъ З...скій, франтикъ средней руки, котораго дядя, по справедливости, терпѣть не могъ. Этотъ франтикъ былъ молодъ, но отъ разгульной жизни растерялъ всѣ зубы, носилъ фальшивые, которые при малѣйшемъ его словѣ ходили у него во рту, какъ клавиши. Чтобъ порисоваться передъ дамами, онъ захотѣлъ подтрунить надъ старикомъ.

— Что это вы, Иванъ Ивановичъ, — обратился онъ къ дядѣ Раевскому, — въ ваши лѣта ѣздите на скачки? Предоставьте это удовольствие намъ, молодымъ.

— Голубчикъ, — отвѣчаетъ ему пресерьезно дядя, — ты забываешь, что мы въ Лебедяни, и что здѣсь по зубамъ узнають лѣта всякой скотинѣ. А если намъ съ тобой въ зубы посмотрѣтъ, то, пожалуй, я окажусь моложе тебя.

Франтикъ сконфузился—пропалъ.

Упомянувъ о блестящихъ майскихъ лебедянскихъ скачкахъ 1835-го года и о веселомъ препровожденіи тамъ времени, не могу скрыть и темныхъ сторонъ ихъ. А темную сторону представляли ежедневные скандалы, въ которыхъ главную роль играли кутившіе ремонтёры. Вечеромъ женщинѣ безъ надёжнаго провожатаго невозможно было пройти по улицѣ. Офицеры-ремонтёры ¹⁾ гвардейскіе и армейскіе безъ перерыва днемъ и ночью кутили въ ресторанѣ, откуда во всѣ сутки раздавались пьяные возгласы и крики раскутившихся гулякъ.

Нельзя себѣ представить, какими куріозами и скандалами занимались тамъ офицеры самыхъ лучшихъ аристократическихъ семействъ, и все имъ съ рукъ сходило. Всего не опишешь; расскажу только два случая, бывшихъ въ то короткое время, какъ гостили мы у дяди Раевского.

Въ одинъ вовсе непрекрасный вечеръ подпившая въ ресторанѣ компанія устроила носидки (сломавъ крышку стола), положила на нихъ мертво-пьянаго товарища, укутавъ его въ грязную скатерть. Часть компаніи надѣла на себя какія-то рубища и, навязавъ на шнурки какую-то посуду, раскачивала ее въ родѣ кадильницъ; другіе же, взявъ въ руки зажженные свѣчи, шли впереди, а за ними

¹⁾ Ремонтёрами называются тѣ офицеры, которымъ поручена покупка лошадей для полка.

несли носилки съ живымъ мертвецомъ; всѣ же вмѣстѣ распѣвали во все горло то похоронныя, то скабрѣзныя пѣсни. Эта процессія обошла Лебедянскія улицы. Полиція не въ силахъ была ее остановить.

Второй выходкѣ была и я свидѣтельницей.

Сидимъ мы въ крытой галлерей на скачкахъ: дядя Иванъ Ивановичъ Раевскій, я и нѣсколько дамъ. Тутъ же стоятъ мужъ мой, Иванъ Артемьевичъ Раевскій, братъ его Владиміръ и другіе мужчины, все приличные люди. Вдругъ слышимъ крики, гиканье, целканье бичей, звонъ колокольчиковъ и бубенчиковъ. Летитъ вскачь какой-то большой экипажъ... Мы всѣ обернулись въ ту сторону, откуда шелъ необычный при скачкахъ шумъ.

Что же мы видимъ? Летитъ во всю прыть четырехмѣстная карета. На козлахъ, вмѣсто кучера, сидитъ князь Б...ій, гвардейскій офицеръ, а на уносной парѣ, вмѣсто форрейтора, верхомъ другой гвардеецъ; на запяткахъ стоитъ другой такой же, и всѣ трое въ полной формѣ своего полка!!! Карета же биткомъ набита цыганками!!! Оскаливъ бѣлые зубы, онѣ со смѣхомъ высовываются изъ спущенныхъ оконъ и вызываютъ на насъ глядятъ.

Б...кій имѣлъ наглость, сойдя съ козелъ, прійти къ намъ въ галлерей. Но, Боже мой, никогда не забуду его опухшее лицо съ воспаленными, пьяными глазами! И все это, конечно, имъ съ рукъ сошло.

Но какъ не разбили они вдребезги кареты, спускаясь вскачь съ крутой горы, ведущей изъ города на ипподромъ,—то одному Богу извѣстно.

«P u a un Dieu pour les ivrognes»¹⁾), гласитъ французская поговорка.

Дядя Иванъ Ивановичъ Раевскій скончался въ глубокой старости въ селѣ своемъ Троекуровѣ, въ іюлѣ 1851 года. Болѣзнь его была продолжительна и ужасна. По словамъ врачей, его лѣчившихъ, болѣзнь эта очень рѣдкая и присуща только преклоннымъ лѣтамъ. Его организмъ не въ силахъ былъ уже питать всего тѣла; одна нога его какъ будто умерла еще при жизни его; она разложилась и издавала невыносимый смрадъ. Несмотря на то, мужъ мой за дядей ходилъ до самой его смерти.

Слѣдуетъ отдать долгъ справедливости крѣпостнымъ людямъ больного: они съ полнымъ самоотверженіемъ за нимъ ухаживали и не покидали его ни минуты, хотя воздухъ былъ зараженъ не только въ домѣ, но и кругомъ дома, въ саду. Послѣ же смерти дядя лежалъ въ гробу такимъ красивымъ, какъ, вѣроятно, былъ только въ молодыхъ годахъ. Мы всѣ были на похоронахъ его. Онъ погребенъ въ той каменной церкви, которую самъ выстроилъ въ селѣ Троекуровѣ.

¹⁾ «Пьяныхъ Богъ спасаетъ».

II.

Холера 1830 и 1831 годовъ.

Въ памяти сельскихъ жителей Тульской и Рязанской губерніи до сихъ поръ сохранилось преданіе о 1840 годѣ, извѣстномъ подъ именемъ голоднаго года, но про голодъ 1830—1831 годовъ мало кто помнитъ, а если и помнятъ эти бѣдственные года, то подъ именемъ первой холеры.

Мнѣ было тогда тринадцать лѣтъ. Отецъ мой, Иванъ Петровичъ Бибиковъ, по болѣзни, вышелъ въ отставку, и всю эту зиму мы прожили въ селѣ нашемъ Сергіевскомъ, Рязанской губерніи. Въ 1830 году не родилось ни ржи, ни овса; мы, какъ и всѣ помѣшники, жившіе продажей хлѣбовъ, принуждены были сократить свои расходы, то-есть, оставаться въ деревнѣ и не проводить, какъ всегда, зимніе мѣсяцы въ Москвѣ. Родные мои не скучали деревенской жизнию, а мы, дѣти, и подавно. Утромъ занимали насъ уроки, а послѣ обѣда (мы обѣдали въ половинѣ перваго часа)—быстрая ѣзда въ саняхъ на лихой тройкѣ или гусемъ¹⁾, катанье съ ледяныхъ горъ въ санкахъ или на огромномъ лубкѣ, прозванномъ дилижансѣ, потому что на немъ помѣщались человекъ шесть; наконецъ, по вечерамъ—игры и танцы съ дѣтьми нашихъ сосѣдей; чего же болѣе желать?

Крестьяне наши не страдали отъ неурожая. У отца всегда оставался хлѣбъ годъ за годъ; онъ открылъ свои житницы²⁾ для своихъ крѣпостныхъ. Каждое первое число мѣсяца я видѣла, какъ всѣ домохозяева длинной вереницей проѣзжали изъ села мимо оконъ нашихъ и, весело съ нами раскланиваясь, направлялись къ нашимъ амбарамъ, гдѣ отпускали каждому изъ нихъ, по размѣру численности его семейства, мукъ и крупу на мѣсячное продовольствіе. Но, вѣроятно, не всѣ помѣшники раздѣляли гуманность моихъ родителей, и въ окрестности народъ сильно голодалъ.

Бѣда влечетъ за собой бѣду. Вдругъ прошелъ слухъ, родившій всеобщую панику: тутъ и неробкіе призадумались... Холера!—этотъ дотошъ не слыханный бичъ грозитъ всей Россіи. Вышелъ указъ о карантинахъ и проч. Страхъ объялъ всѣ сердца. Выѣстъ съ извѣстіемъ о холерѣ распространялись и самые нелѣпые слухи: говорили, будто кто-то, но кто — неизвѣстно, отравляетъ всѣ колодцы и т. д. Отецъ мой, понявъ, до чего эти нелѣпости могутъ довести грубой

¹⁾ Запряжкой гусемъ называется та, когда, по случаю глубокаго снѣга на поляхъ, дорога проѣзжая очень узка, и запрягаютъ въ оглобли одну коренную лошадь, а двухъ впереди ея, одну за другой, на длинныхъ постромкахъ; а кучеръ править ими съ помощью длиннаго кнута.

²⁾ Мѣстное названіе амбара.

народъ, сталъ открыто опровергать ихъ, и ему удалось успокоить своихъ поселянъ.

Холера, по газетамъ, была еще за тысячу верстъ отъ насъ, все же начали запасаться всякимъ снадобьемъ, противодѣйствующимъ, по мнѣнію врачей, этой страшной болѣзни; ставили по угламъ комнатъ въ тарелкахъ хлорную воду, отъ которой было мало пользы, а больше зловонія. Помню, какъ пріѣхалъ кто-то изъ города и объявилъ, какъ новѣйшее открытіе, что чай—главное зло, и что, для предупрежденія холерной заразы, отнюдь не слѣдуетъ пить чай, а вмѣсто него употреблять сбитень.

Сбитень въ то время былъ въ большомъ ходу въ простомъ народѣ въ городахъ и подмосковныхъ сѣлахъ: его носили по улицамъ въ кувшинахъ и въ какихъ-то, особенной формы, самоварахъ. Это было какое-то теплое питье, сваренное изъ мѣда съ примѣсью пряностей. Я видала, какъ въ Москвѣ на улицѣ его съ наслажденіемъ пили извозчики, но сама его никогда не пробовала. Вдругъ рѣшили у насъ покончить съ чаемъ и пить вмѣсто него сбитень. Кстати, поваръ нашъ умѣлъ его варить. И вотъ на слѣдующее утро намъ приносятъ этотъ отвратительный напитокъ, который я не могла принудить себя проглотить. Мать и отецъ были любители чая и знали въ немъ толкъ; у насъ всегда подавался цвѣточный; новая діета была, вѣроятно, имъ не по сердцу, но они, чтобъ подать примѣръ намъ, дѣтямъ, за здоровье которыхъ они дрожали, рѣшились на самопожертваніе.

Мы всегда обѣдали рано, въ первомъ часу, но въ этотъ день мы ждали обѣда съ нетерпѣніемъ, такъ мы были голодны. Часъ вечерняго чаепитія пришелъ, но, увы, опять былъ поданъ сбитень, до котораго никто изъ насъ, дѣтей, не дотронулся; съѣли хлѣбъ въ сухомъятку. Такъ дотянули до десяти часовъ вечера. Но, видя наши жалкія лица, отецъ вдругъ громко сказалъ:

— Провались эта холера со всѣми предосторожностями! Мы до холеры дѣтей поморимъ! Эй! малый, самоваръ!

Мы всѣ отъ радости запрыгали. Изгнанный самоваръ съ триумфомъ былъ водворенъ обратно на столъ. Всѣ съ сіяющими лицами усѣлись кругомъ и, весело болтая, съ наслажденіемъ смаковали излюбленный напитокъ.

Надо быть русскимъ, чтобъ понять это чувство. Отецъ и мать были веселы не менѣе насъ, точно свѣтлый праздникъ насталъ.

— Какъ глупо, — сказалъ отецъ, — изъ опасенія напасти, которая, Богъ дастъ, до насъ и не дойдетъ, морить дѣтей и себя голодомъ, отравлять жизнь нелѣпымъ страхомъ и ненужными лишеніями!

Мы всѣ были того же мнѣнія. Про холеру совѣмъ забыли и думать. Хлорная вода исчезла изъ угловъ, сбитень пропалъ съ нашего стола и болѣе не возвращался; онъ, кажется, и въ народѣ совѣмъ вышелъ изъ употребленія; чай его вытѣснилъ отовсюду.

Пришла масленица съ жирными блинами, катаньемъ и всякимъ весельемъ. У насъ собралось много гостей, какъ вдругъ приходитъ приказчикъ, блѣдный, вызываетъ матушку и объявляетъ ей, что у Михея скотника—холера.

Странное дѣло: это слово, наводившее ужасъ, когда эпидемія была за нѣсколько тысячъ верстъ, тутъ, въ нашей усадьбѣ, за нѣсколько шаговъ отъ насъ, не произвело никакого удручающаго впечатлѣнія. Матушка тотчасъ распорядилась о томъ, какія средства дать больному, сама пошла удостовѣриться, исполнены ли ея приказанія; все это дѣлала спокойно, толково, безъ малѣйшаго страха той прилипчивости, о которой твердили тогда врачи. Заболѣвшій скотникъ выздоровѣлъ; тѣмъ и кончилась у насъ въ селѣ эпидемія.

Но не вездѣ было такъ! Приведу здѣсь достовѣрный рассказъ очевидца, моего покойнаго мужа, Ивана Артемьевича Раевского.

«Въ 1831 году,—разсказывалъ онъ,—я, пятнадцатилѣтній мальчикъ, жилъ лѣтомъ съ матерью на дачѣ возлѣ Петербурга. Въ самой столицѣ эпидемія холеры была сильнѣйшая, люди мерли, какъ мухи. Правительствомъ устроенъ былъ на одной изъ площадей временный госпиталь; приняты были все мѣры противъ заразы. Между тѣмъ нелѣпнѣйшіе слухи объ отравленіи здоровыхъ и больныхъ распространились повсюду. Чернь забушевала. Услыша о волненіи въ городѣ, я отпросился у матери посмотрѣть на то, что тамъ творится. Два лакея-гайдука вызвались мнѣ сопутствовать. Пошли. Улицы предмѣстья были пусты, но по мѣрѣ того, какъ мы приближались къ центру города, насъ стали перегонять бѣгущіе люди. Такимъ образомъ, дошли мы до моста, въ концѣ котораго была Сѣнная площадь, гдѣ устроили временный лазаретъ. На этой площади стояла большая толпа народа, и ежеминутно прибывало его со всехъ сторонъ. Мы остановились на мосту и стали смотрѣть: что будетъ дальше?

«Съ нами рядомъ остановился какой-то невзрачный господинъ, по фizioноміи нѣмецъ: онъ такъ же, какъ и мы, любопытствовалъ посмотрѣть. Вдругъ нѣсколько человекъ фабричныхъ, бѣжавшихъ по мосту по направленію къ площади, остановились и пристали къ невзрачному господину съ разспросами.

— «Кто ты такой?

— «Я!.. я—ушитель!—отвѣчалъ нѣмецъ.

— «Врешь, нѣмчурà! а покажи-ка, чтò у тебя въ карманахъ.

— «Я... нишево!—пролепеталъ съ испугомъ учитель.

— «Врешь! ничего! ну-ка, братцы, обыщите его!

«Схватили несчастнаго, выворотили его карманы и нашли въ нихъ двѣ скляночки, одну съ черными, другую съ красными чернилами.

— «Ага! поганый басурманъ! ты отраву носишь въ карманѣ! отравлять насъ собираешься!

— «Эго—черниль!—бормоталь растерявшись бѣдняга.

— «Какія тамъ чернила! отрава! ядъ! — разсвирѣпѣли фабричные.—Ну-ка, братцы, хватайте его! черезъ перила прямо швыряйте въ рѣку!

«Напрасно барахтался несчастный, сильныя руки его схватили и потащили къ периламъ. Гибель его была неизбѣжна. Но тутъ встрепенулись мои гайдуки. Мы всѣ трое бросились на помощь невинному страдальцу, вырвали его изъ рукъ мучителей, усадили на попавшагося, къ счастью, тутъ извозчика, на которомъ онъ и ускакалъ блѣдный, какъ полотно, безъ шапки, съ растрепанными волосами и въ изодранномъ платьѣ.

«Удивительно, что фабричные не обратили на насъ неудовлетворенной ярости. Вѣроятно, по силѣ кулаковъ и по крѣпкой русской брани, они признали насъ за соотечественниковъ и, оставя насъ спокойно на мосту, устремились къ площади.

«Больницу окружила толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ; изъ нея неслись неистовые крики, требовали, чтобъ имъ отворили двери; но онѣ изнутри были крѣпко-накрѣпко заперты, и въ зданіи все безмолствовало. У бѣснующейся черни не было никакого орудія для проломки этихъ крѣпкихъ дубовыхъ дверей: видя, что не поддаются на ея требованія, толпа налегла на двери плечами, натискомъ человѣческихъ мускуловъ... Не прошло пяти минутъ, какъ всѣ затворы разлетѣлись. Народъ съ ревомъ ринулся вверхъ по лѣстницѣ. Мгновенно изъ разбитаго окна верхняго этажа больницы вылетѣлъ врачъ, вышвырнутый сильными руками осаждающихъ, за нимъ вылетѣли фельдшера: они до смерти разбились о мостовую. За ними летѣли кровати, стулья, столы, матрацы, подушки, склянки, все, что попадалось въ руки... На опустѣвшемъ на нѣсколько мгновений пространствѣ передъ больницей показались испуганные больные въ больничныхъ плафирокахъ и бѣлыхъ колпакахъ: народъ дозволилъ имъ безпрепятственно спуститься съ лѣстницы.

«Опустошивъ больницу, разъяренная чернь обратно сбѣжала на площадь и стала подвигаться по направленію къ другому госпиталю. Но тутъ произошло нѣчто, долженствующее занять видное мѣсто въ исторіи русскаго народа...

«Съ противоположной стороны, изъ боковой улицы выѣхала на Сѣнную площадь рысью двухмѣстная парная коляска: кучеръ осадилъ лошадей въ упоръ бѣгущей, разъяренной толпѣ. Въ коляскѣ сидѣлъ императоръ Николай I, съ какимъ-то генераломъ. Свиты за нимъ не было никакой.

«Когда лошади остановились, онъ всталъ во весь ростъ и началъ говорить народу. До меня донеслись только слѣдующія слова:

— «Шапки долой! на колѣна!»

«Мощный звукъ его голоса покрылъ гудъ тысячной толпы.

«Какъ одинъ человѣкъ, вся она пала ницъ и смолкла... А надъ

простертой въ прахъ толпой возвышался грозный, какъ судьба, сіяющій мужествомъ и силой, красивый обликъ юнаго царя.

— «Что вы бунтуете? развѣ вы поляки?»—громилъ онъ.—Прочь по мѣстамъ! Всѣ прочь!

«Всѣ молча встали и, съ поникшей головой, стали расходиться по разнымъ сторонамъ. Площадь опустѣла. Коляска шагомъ направилась по Садовой и Невскому.

«Мы безпрепятственно вернулись пѣшкомъ на свою дачу. Въ гостиной у матери я засталъ—пятерыхъ врачей! Въ этотъ знаменательный день въ самомъ Петербургѣ, какъ увѣряли, не оставалось ни единаго врача: всѣ бѣжали, куда кто могъ скрыться.

«Спокойствіе водворилось въ городѣ, и на другой день всѣ больницы вновь были открыты».

III.

Глазные врачи въ городѣ Епифани, Тульской губерніи.

По инициативѣ попечительства о слѣпыхъ императрицы Маріи были командированы въ разныя губерніи, въ 1894 году, медики-окулисты для дарового пользованія крестьянъ, страдающихъ глазами болѣзнями. Въ томъ числѣ были выписаны земствомъ въ іюль 1895 года въ уѣздный г. Епифань, Тульской губерніи, врачъ г. Долгановъ, ординаторъ петербургскаго профессора Беллярмина, и помощникъ его, окончившій курсъ студентъ. Приѣздъ ихъ былъ свѣтлой эпохой въ глухомъ нашемъ городкѣ. Лишь только о немъ узнали, какъ стали со всѣхъ сторонъ стекаться больные, слѣпые, кривые, мужчины, женщины и дѣти, не только изъ Епифанскаго, но и изъ окрестныхъ уѣздовъ. Они шли сотнями и толпами осаждали временной амбулаторный пунктъ.

До тѣхъ поръ самое пылкое воображеніе не могло представить себѣ, насколько русскіе крестьяне подвержены главнымъ болѣзнями. Медики объясняли причину этого почти общаго заболѣванія курными¹⁾, дымными избами, плохой пищей и молотью, при которой отъ хлѣба отдѣляются пыль и мякина, губельно дѣйствующія на зрѣніе.

Въ Епифани, стараніями гласнаго, помѣщика Рафаила Алексѣевича Писарева, было выстроено пять бараконъ съ нарами для больныхъ и, кромѣ того, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, купленъ домъ съ садомъ, гдѣ помѣщены были пять сестеръ милосердія: ихъ прикомандировали помощницами къ приѣзжимъ глазнымъ докторамъ.

¹⁾ Курной избой называется та, гдѣ въ печи нѣтъ трубы, и дымъ стелется по избѣ и потомъ выходитъ изъ отворенной наружной двери. Эти избы встрѣчались въ такъ называемыхъ степныхъ губерніяхъ.

Долгановъ пришелъ въ ужасъ, увидя толпу, тѣснившуюся около его крыльца, въ ужасъ отъ того, что понялъ невозможность малыми средствами удовлетворить требованію такого множества болящихъ. День и ночь, подъ открытымъ небомъ, стояли, сидѣли, лежали сотни несчастныхъ, ожидавшихъ своей очереди.

— Что намъ дѣлать?—съ отчаяніемъ повторяли врачи.

Они работали неустанно, черезъ силу, а толпа больныхъ все прибывала съ каждымъ часомъ...

Узнавъ объ этомъ, мой внукъ П. И. Р., перешедшій на пятый курсъ медицинскаго факультета Московскаго университета, немедленно отправился съ товарищемъ своимъ, Алексѣемъ Митрофановичемъ Новиковымъ, въ Епифань. Съ восторгомъ встрѣтили эту неожиданную помощь пріѣзжіе медики, изнемогавшіе подъ наплывомъ стекающихся со всѣхъ сторонъ больныхъ.

«Вставали мы, — рассказывалъ мнѣ внукъ, — въ семь часовъ утра; напившись чая, начинали въ восемь часовъ пріемъ больныхъ и операции; кончали въ двѣнадцать часовъ. Наскоро обѣдали и опять принимались за операции до восьми часовъ вечера. Мы чередовались. Когда Долгановъ принималъ больныхъ, то не онъ, а одинъ изъ насъ, съ помощью ассистента, дѣлалъ операцію, а третій писалъ рецепты и вносилъ въ книгу скорбный листъ больного ¹⁾).

«Вечеромъ же, съ осьми до двѣнадцати, дѣлали перевязки больнымъ. Потомъ ложились спать, а на слѣдующій день вставали совершенно бодрыми. Пріѣздъ нашъ съ Новиковымъ не облегчилъ труда медиковъ, но прибавилъ число принятыхъ и оперированныхъ субъектовъ. У насъ въ баракахъ лежали за разъ до двухъ сотъ больныхъ. Пять сестеръ не успѣвали за ними ходить. Былъ у насъ и премилый мальчикъ лѣтъ четырнадцати съ больными глазами, но на ногахъ. Онъ по собственной охотѣ ходилъ за больными, носилъ имъ поѣсть, подавалъ пить и водилъ тѣхъ, у которыхъ оба глаза были завязаны. Онъ осторожно ихъ поддерживалъ и ласково говорилъ:

— «Сюда, сюда, дѣдушка, иди! не бойсь!

«Двѣсти больныхъ, оперированныхъ, лежали въ баракахъ, а сколько родано было лѣкарствъ на домъ, — продолжалъ внукъ мой,—тому я счетъ потерялъ. А вокругъ дѣла толпа больныхъ все прибывала и прибывала...

«Одно лишь производило удручающее впечатлѣніе и на насъ и на приходившихъ больныхъ, ожидавшихъ у крыльца своей очереди. Но, къ сожалѣнію, мы не могли, по недостатку мѣста, отъ этого избавиться. Пять барачковъ съ нарами еле вмѣщали въ себѣ тѣхъ двухъ сотъ больныхъ, которые у насъ лежали и нуждались

¹⁾ Скорбнымъ листомъ называется описаніе болѣзни лѣчившагося субъекта и способа его лѣченія.

въ перевязкахъ. Оперированныхъ клали на носилки. Лежащихъ на спинѣ, забинтованныхъ и неподвижныхъ, ихъ переносили изъ операціонной комнаты въ общіе бараки и проходили мимо толпившихся на дворѣ приходящихъ больныхъ. Это шествіе походило на похоронное: тогда даже прошелъ слухъ, что тутъ рѣжутъ больныхъ на смерть. Но, по недостатку средствъ, поправить горя мы не были въ силахъ.

«Были у насъ и трогательные и смѣшные эпизоды. Напримѣръ, оперированнымъ приказано было лежать смирно на спинѣ и не поворачиваться съ бока на бокъ. Сестра милосердія и говорить старику:

— «Не шевелись, не приказано шевелиться!

— «Экъ!—отвѣчаетъ старикъ.—Вѣдь я слѣпъ, а не глухъ; самъ слышалъ, что дохтуръ сказалъ, что мой глазъ ни къ чорту не годится!

«Послѣ операціи обыкновенно медикъ показываетъ свои пальцы больному, чтобъ убѣдиться, удачно ли она сошла.

— «Видишь мои пальцы?»—говоритъ врачъ.—Сколько ихъ?

«Одному мужику Долгановъ такимъ образомъ показаль пальцы.

— «Видишь?»—спрашиваетъ.

— «Нѣтъ, батюшка, твоихъ пальцевъ не вижу!

«Потомъ поднялъ свою руку и, разгибая пальцы, указаль:

— «Вотъ свои пальцы вижу! Вотъ одинъ, вотъ два, вотъ три!

А твоихъ, батюшка, не вижу!

«Тутъ же старый николаевскій солдатъ лежалъ съ завязанными глазами послѣ удачной операціи и все время весело разговариваль съ мужикомъ, лежавшимъ на сосѣднихъ нарахъ.

— Вишь,—говоритъ,—какой этотъ докторъ хорошій человекъ! Какой добрый! И днемъ, и ночью заходитъ меня провѣдать, и такъ милостиво обо всемъ спрашиваетъ. Ужь, думаю, не изъ царской ли онъ фамиліи?

«Съ бабами труднѣе было сговориться. Онѣ вѣрили только колдунамъ и заговорамъ старухъ. Напримѣръ, у молодой бабы глазъ совсѣмъ пропаль.

— «Не хочешь ли,—спрашиваетъ ее врачъ,—я тебѣ глазъ выну и вставлю стеклянный? Не будетъ замѣтно.

— «Ой, ой! — завыла баба.—Не хочу стекляннаго! На что онъ мнѣ? Вѣдь я имъ все равно ничего не увижу!

— «Ну, если не хочешь, то я тебѣ бѣльмо закрашу, и его не будетъ замѣтно. Оба глаза будутъ одинаково черные.

— «Ну, хорошо, покрась.

Долгановъ покрасилъ ей бѣльмо очень искусно.

«Приходитъ свекровь бабы, посмотрѣла на невѣстку и завыла на всю комнату.

— «Ахъ! батюшки родные! Они тебѣ стеклянный глазъ всталили!

«Тутъ молодая баба сама завыла еще громче свекрови:

— «Ой, ой, ой! онъ мнѣ стеклянный глазъ вставиль!

— «Что ты? — говоримъ. — Развѣ ты сама не чувствовала? что глаза у тебя не вынимали и никакого не вставляли?»

«Напрасный трудъ. Баба выла безъ конца. Насилу ее успокоили.

«Были и трогательные эпизоды. Напримѣръ, шестидесятилѣтній старикъ въ продолженіе восьми лѣтъ былъ совершенно слѣпъ.

— «Охъ! ужъ скучно мнѣ,—говорилъ онъ:—работникъ былъ я хорошій: и топоромъ былъ мастеръ, и сапоги тачалъ, и семью кормилъ, а теперь—сизу себѣ, ни на что не годенъ, никому не нуженъ, всѣмъ одно беремъ!

«И слеза скатилась изъ его потухшихъ глазъ.

«Ему благополучно сняли оба катаракта.

«Никогда не забуду его восторженнаго возгласа:

— «Вижу, вижу!

«Тутъ было все: воскресенье къ жизни, къ любимому труду, къ къ уваженію ближнихъ, благодарность Богу, благодарность намъ. Лучшей награды мы не желали.

«Была и дѣвочка лѣтъ пятнадцати. Она ослѣпла въ младенествѣ и ничего не помнила, кромѣ непроницаемой тьмы, ее окружающей. Какое было ея удивленіе, когда она прозрѣла! Какъ дивенъ и прекрасенъ ей показался Божій міръ!

«Въ двѣ недѣли,—заклучилъ внукъ мой П. И. Р-й,—мы сдѣлали двѣсти операцій, и эти двѣ недѣли были для меня практикой въ наукѣ въ сто разъ полезнѣйшей, чѣмъ цѣлый годъ посѣщенія клиникъ».

Екатерина Раевская, рожденная Бибикова.

ВОСПОМИНАНІЯ О Н. Я. ГРОТѢ.

В НОЧЬ съ 22 на 23 мая, нынѣшняго года, въ Харьковской губерніи, близъ города Чугуева, въ своемъ имѣніи Кочетокъ, скоропостижно скончался профессоръ Московскаго университета, предсѣдатель Московскаго Психологическаго общества и основатель перваго въ Россіи философскаго журнала, Николай Яковлевичъ Гротъ. Какъ человѣкъ, связанный съ покойнымъ почти тридцатилѣтними дружескими отношеніями, какъ бывшій его университетскій товарищъ, полюбившій его почти съ первыхъ дней нашего незабвеннаго студенчества въ стѣнахъ Петербургскаго университета, я считаю своимъ долгомъ подѣлиться съ читателями моими воспоминаніями объ этой исключительно симпатичной личности.

I.

Мои первыя воспоминанія о знакомствѣ съ Н. Я. Гротомъ, какъ уже сказано, почти совпадаютъ съ нашимъ поступленіемъ въ Петербургскій университетъ осенью 1871 года. Только что приѣхавъ изъ подмосковнаго губернскаго города въ первый разъ въ нашу сѣверную столицу и едва успѣвъ наскоро въ ней осмотрѣться, я долженъ былъ явиться въ университетъ на такъ называемый colloquium, или небольшое повѣрочное вступительное испытаніе, которому подвергались тогда для допущенія въ храмъ науки молодые

люди, окончившіе курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Уже тутъ на переключкѣ курьезная случайность заставила меня обратить вниманіе сначала только на фамилію моего будущаго близкаго пріятеля: каждый разъ субъ-инспекторы громогласно и отрывисто выкрикивали одну за другой двѣ почти совершенно одинаковыя фамиліи: г. Гротъ и г. Гротъ-де-Гротъ. Куда дѣвался послѣдній и даже поступилъ ли онъ въ университетъ, или же срѣзлся на colloquium'ѣ, мнѣ неизвѣстно, но съ Гротомъ я скоро познакомился и коротко сошелся.

Сдѣлавшись студентомъ, Гротъ необыкновенно скоро, можно сказать, тотчасъ же, обратилъ на себя общее вниманіе всего курса замѣчательной жизнерадостностію, соединенной съ чрезвычайной общительностію и привѣтливостію ко всѣмъ товарищамъ; онъ скорѣе другихъ знакомился съ однокурсниками и, неотразимо привлекая къ себѣ всѣхъ своимъ веселымъ и живымъ характеромъ, значительно способствовалъ на первыхъ порахъ общему взаимному ознакомленію. На первыхъ же порахъ обнаружилъ онъ и весьма замѣтную любовь къ наукѣ, проявившуюся и въ слушаніи необязательныхъ курсовъ, напримѣръ, санскритскаго языка (между прочимъ вмѣстѣ съ нынѣшнимъ профессоромъ Московскаго университета Р. Ѳ. Брандтомъ и другими) и даже самыхъ разнообразныхъ лекцій, случайно имъ посѣщаемыхъ въ свободные часы на своемъ и другихъ факультетахъ, — но особенно въ какомъ-то чувствѣ счастья быть студентомъ, которымъ онъ тогда былъ весь преисполненъ. Оживленной, быстрой походкой, съ постоянно ликующимъ видомъ, не столько озабоченный своими постоянными хлопотами, сколько счастливо настроенный и полный бодрого возбужденія, онъ вихремъ носился въ промежутки между лекціями по длинному университетскому коридору, вѣчно въ суетѣ и движеніи. Въ массѣ товарищей, большею частью съѣхавшихся изъ дальнихъ городовъ, удрученныхъ нуждой и насущными житейскими заботами, группировавшихся въ небольшіе и тѣсные кружки, какъ-то сильно выдѣлялся этотъ привѣтливый, молодежавый юноша, съ виду совсѣмъ почти мальчикъ, отъ души наслаждавшійся и новой для него университетской обстановкой, и профессорскими лекціями, и общеніемъ съ товарищами, и всѣми впечатлѣніями жизни, такъ радостно имъ воспринимаемыми. Онъ одинъ чувствовалъ себя вполне привольно, какъ рыба въ водѣ, никого не сторонился и не хотѣлъ замкнуться ни въ какомъ уединенномъ кружкѣ, но совершенно просто и естественно сближался со всѣми. Не помню нашей первой встрѣчи, но живо представляю себѣ, какъ, возвращаясь съ лекцій въ одинъ изъ первыхъ дней нашего студенчества по Кадетской линіи Васильевскаго острова, Гротъ былъ пораженъ и изумленъ моимъ наивнымъ вопросомъ, не сынъ ли онъ извѣстнаго поэта, котораго превосходныя стихотворенія печатаются въ хрестоматіяхъ. «Вотъ!—вскрикнулъ съ жи-

востью Гротъ,—находятся еще теперь люди, которые знают моего отца, не какъ ученаго, а какъ поэта! да еще студенты-филологи! знаютъ его стихотворенія, а не слышали объ его ученыхъ трудахъ!» Тутъ же онъ пригласилъ меня къ себѣ и попросилъ позволенія разсказать объ этомъ курьезѣ своему отцу, объяснивъ мнѣ при этомъ, что отецъ его не имѣетъ ни малѣйшаго притязанія на поэтическую славу и считаетъ свои, столь нравящіяся мнѣ, стихотворенія не болѣе, какъ прискорбнымъ недоразумѣніемъ и ошибкой молодости. Черезъ нѣсколько дней я дѣйствительно былъ представленъ почтенному Якову Карловичу, удивившему меня своимъ простымъ и привѣтливымъ обхожденіемъ, показавшимся мнѣ тогда почти невѣроятнымъ со стороны всеми уважаемаго академика, а также, по недавнему моему представленію, выдающагося поэта. Теперь вспомнилъ я и о началомъ имъ тогда академическомъ изданіи сочиненій Державина, которыми, признаюсь, въ тотъ юный возрастъ я не слишкомъ интересовался. Съ Н. Я. Гротомъ и П. О. Морозовымъ, извѣстнымъ впослѣдствіи издателемъ сочиненій Пушкина, мы стали часто собираться для совмѣстнаго чтенія Тита Ливія, которымъ рѣшили заняться—Гротъ ради изученія древней исторіи, а мы съ Морозовымъ для лучшаго ознакомленія съ самимъ римскимъ писателемъ. Изъ всехъ университетскихъ предметовъ Гротъ особенно увлекался сначала исторіей, которую полюбилъ, еще будучи воспитанникомъ Ларинской гимназіи. Вскорѣ замѣтивъ затрудненія большинства товарищей, чувствовавшихъ нужду въ картѣ древняго Рима при слушаніи лекцій по древней исторіи, онъ весь предался со свойственнымъ ему рвеніемъ дѣлу изданія ея примѣнительно къ лекціямъ профессора, дѣляя недѣли проводя за черченіемъ, всевозможными справками и хлопотами по литографированію и безъ всякихъ матеріальныхъ расчетовъ, единственно по побужденіямъ товарищескаго чувства. Въ слѣдующемъ году онъ составилъ такую же карту древней Греціи.

Совмѣстнымъ нашимъ занятіямъ Титомъ Ливіемъ, начатымъ съ великимъ увлеченіемъ, не суждено было долго продолжаться: виновникомъ нарушенія нашего тріо оказался П. О. Морозовъ, быстро и рѣзко перешедшій отъ восторженнаго преклоненія передъ классической древностью къ полнѣйшему къ ней охлажденію и всецѣло посвятившій себя изученію русской и новыхъ иностранныхъ литературъ. Онъ же сталъ энергично агитировать на нашемъ курсѣ въ пользу болѣе живыхъ и увлекательныхъ предметовъ университетскаго преподаванія, показывая соблазнительный примѣръ посѣщенія, вмѣсто нѣкоторыхъ скучныхъ лекцій нашего курса, аудиторій профессоровъ Сухомлинова, Миллера и Веселовскаго. Имѣвшія тогда огромный успѣхъ лекціи О. Э. Миллера по литературѣ XIX вѣка вскорѣ устремили многихъ нашихъ товарищей, занимавшихся классической древностью, на путь изученія словесности, исторіи и фило-

софіи. Гротъ же въ годы студенчества, не увлекаясь древними языками, не былъ и ихъ противникомъ; его отношеніе къ этой области знанія съ самаго начала оставалось равнымъ и нейтральнымъ. Къ концу перваго года Гротъ сталъ уже, кромѣ исторіи, интересоваться и философіей. Онъ занимался въ университетѣ порывами и съ большимъ увлеченіемъ, но отнюдь не принадлежалъ къ числу тѣхъ студентовъ, которые благоразумно и равномерно изучаютъ всѣ предметы ради экзамена и диплома. Послѣдняго побужденія у Грота, кажется, не было вовсе, потому что онъ имѣлъ способность передъ экзаменомъ, такъ сказать, брать приступомъ тѣ курсы, въ знаніи которыхъ долженъ былъ отдавать отчетъ, съ живымъ интересомъ слушая, впрочемъ, вообще всѣ предметы, кромѣ специально-филологическихъ, напримѣръ, славянскихъ нарѣчій; но и въ этихъ предметахъ онъ успѣвалъ въ короткіе передъэкзаменныя сроки стать наравнѣ съ лучшими знатоками курса. Мы съ нимъ готовились большею частью вдвоемъ, и я живо помню свое изумленіе, когда передъ экзаменомъ по древней исторіи со втораго курса на третій Гротъ съ непостижимой быстротой впитывалъ въ себя имена, факты и генеалогическія таблицы, съ тѣмъ, конечно, чтобы немедленно послѣ экзамена пустить ихъ изъ головы на всѣ четыре стороны. Напряженіе его памяти доходило до виртуозности; понятно, что виной такого бесполезнаго и неестественнаго насилванія памяти былъ нелѣпный курсъ профессора, о лекціяхъ котораго позднѣйшій студентъ, г. Мережковскій, сказалъ въ своей поэмѣ «Вѣра»:

«Познѣ безъ образовъ, безъ лицъ,
Ряды хронологическихъ таблицы!»

Еще больше изумило меня, когда Гротъ, отчаянно запустившій занятія по славянскимъ нарѣчіямъ, послѣ непродолжительной подготовки далъ на экзаменѣ одинъ изъ самыхъ удачныхъ и блестящихъ отвѣтовъ у профессоровъ Срезневскаго и Ламанскаго.

Читалъ Гротъ, уже будучи студентомъ, очень много, особенно по двумъ наиболѣе любимымъ своимъ предметамъ—философіи и исторіи. Увлеченію его послѣдней особенно способствовалъ многихъ занимавшій въ свое время и, безъ сомнѣнія, чрезвычайно интересный ученый турниръ между двумя свѣтилами первой величины—Сѣченовымъ и Кавелинымъ. Съ пользой слушая систематично составленныя и обработанныя лекціи профессора Владиславлёва, Гротъ былъ, однако, больше всего захваченъ и увлеченъ названной полемикой, ареной которой былъ «Вѣстникъ Европы». Съ малыхъ лѣтъ хорошо зная Кавелина, какъ близкаго друга своего дяди, покойнаго статсъ-секретаря Константина Карловича, Гротъ юношей-студентомъ обратилъ на себя сочувственное вниманіе Кавелина, предоставившаго въ его распоряженіе свою бібліотеку и, несмотря на разницу возрастовъ, а особенно на цѣлую пропасть въ отношеніи научныхъ познаній, которая отдѣляла одного изъ замѣчательнѣйшихъ профес-

соровъ своего времени отъ юноши — новобранца науки, Кавелинъ находилъ явное удовольствіе въ бесѣдахъ съ молоденькимъ студентомъ, нерѣдко принимавшимъ сторону его противника, Сѣченова. Насколько помню, обычнымъ мѣстомъ ихъ перипатетическихъ бесѣдъ былъ Румянцевскій скверъ близъ академіи художествъ, гдѣ любилъ прогуливаться Кавелинъ. Очень симпатичнымъ, скажу мимо-

Николай Яковлевичъ Гротъ.

ходомъ, припоминается мнѣ лицо Кавелина, съ любовью и оживленно слушавшаго своего собесѣдника, а часто также воодушевленно что-то ему говорившаго. Къ сожалѣнію, мнѣ никогда не приходилось впослѣдствіи напоминать объ этомъ Гроту, и я очень жалѣю, что мнѣ осталось неизвѣстнымъ, какое значеніе онъ, сдѣлавшись самъ виднымъ ученымъ, придавалъ толчку, данному его научному развитію Кавелинымъ. Но несомнѣнно, что живой интересъ, возбужденный

въ Гротѣ споромъ Кавелина и Сѣченова, не только имѣлъ рѣшительное вліяніе на развитіе въ немъ вкуса къ философіи, но онъ же привелъ его къ мысли заняться для изученія психологіи естественными науками, которыя онъ принялся усердно штудировать по курсамъ и книгамъ своихъ знакомыхъ студентовъ-естественниковъ. Этимъ занятіямъ Гротъ отдавался съ тѣмъ большей горячностью, что считалъ вмѣстѣ со многимъ существеннымъ недочетомъ въ знаніяхъ тогдашнихъ специалистовъ-психологовъ ихъ недостаточную освѣдомленность въ области естествознанія. Грота особенно воодушевляла мысль, что онъ пойдетъ по болѣе широкому и болѣе соотвѣтствующему требованіямъ времени пути. Кстати здѣсь напомнить, что то была пора сильнаго и весьма распространеннаго, по истинѣ трогательнаго, увлеченія естественными науками. Имена Менделѣева, Сѣченова и другихъ свѣтилъ естествознанія внушали молодежи какой-то священный трепетъ; на университетскомъ актѣ, 8-го февраля, провозглашеніе именъ студентовъ, получившихъ не только медали, но даже похвальные отзывы, сопровождалось такими шумными и восторженными оваціями, что, казалось, стѣны тряслись, и происходило нѣчто, напоминавшее землетрясеніе. Воодушевленіе молодежи имѣло въ себѣ какую-то волшебную, увлекающую силу, и едва ли кто изъ старыхъ студентовъ этого не помнитъ. Если бы Гроту кто нибудь сказалъ тогда, что онъ не всегда останется позитивистомъ, сомнѣваюсь, чтобы онъ просто могъ даже представить себѣ самую возможность этого.

Въ ту пору мы переживали чудные годы молодости, когда, по выраженію Шпильгагена, жизнь бываетъ озарена блестящимъ отблескомъ солнечнаго свѣта, когда вся предстоящая жизнь представляется сплошнымъ счастьемъ, когда намъ ярче свѣтитъ солнце, для насъ нѣжныѣ благоухаютъ цвѣты и птицы поютъ намъ волшебныя пѣсни, когда мы еще не испытали незамѣнимыхъ утратъ и горькихъ разочарованій. И невольно кажется, что не мы только чувствовали себя тогда лучше и счастливѣе; самое общественное настроеніе было тогда гораздо свѣтлѣе и жизнерадостнѣе... Въ средѣ студенчества преобладало сильное демократическое направленіе; молодежь была проникнута необыкновеннымъ энтузіазмомъ; горячія головы мечтали о жертвахъ, о посвященіи всей жизни благу «меньшей братіи», скорбѣли о неоплатномъ долгѣ передъ нею и даже рисовали въ своемъ воображеніи картину переустройства всей личной и общественной жизни на началахъ альтруизма и разумнаго, безкорыстнаго труда, опирающагося на изученіе реальныхъ наукъ. Студенты одѣвались тогда плохо и носили длинные волосы, но горѣли желаніемъ отдать свои силы и молодость любимой идеѣ служенія народу. Бывали примѣры, что блистательно окончившіе курсъ кандидаты бросали все и шли въ учителя въ народную школу; нѣкоторые же бредили гражданской свободой, и были даже случаи

ради осуществленія этой мечты бѣгства въ Америку... Воодушевленіе было такъ велико, что, казалось, нашему поколѣнію свѣтила заря еще небывалой, разумной и честной, прекрасной будущности. Прошли десятки лѣтъ, и мечты не оправдались... «И нынѣ все дико и пусто кругомъ!»... Теперь даже крайности того далекаго времени имѣютъ въ воспоминаніи какую-то особую прелесть, какой-то трогательный отпечатокъ. Даже тогдашнія «стриженныя» нигилистки, возбуждавшія такую бурю негодованія въ благонамѣренныхъ старцахъ и обвиняемая чуть ли не въ развратѣ и безбожіи, отнюдь не заслуживали столь тяжкихъ упрековъ при всѣхъ странностяхъ своего наружнаго поведенія...

Общій духъ тогдашняго студенчества отразился въ Гротѣ рѣшеніемъ посвятить свою жизнь правильной постановкѣ философскихъ знаній въ Россіи на плодотворной и разумной почвѣ опытнаго изслѣдованія, опирающагося на результаты, добытые естествознаніемъ. Будущій биографъ его, безъ сомнѣнія, отмѣтитъ связь между этими юношескими плаваниями и позднѣйшими реформаторскими стремленіями Грота по отношенію къ логикѣ и психологіи. Въ московскомъ профессорѣ Троицкомъ онъ отчасти находилъ отголосокъ своему направленію. Съ другой стороны извѣстная диссертация В. С. Соловьева (впослѣдствіи друга Грота), озаглавленная «Кризисъ западной философіи», съ полемическимъ подзаглавіемъ: «противъ позитивистовъ», сильно волновала Грота, но оппонировать онъ не рѣшился или не приготовился. Относительно уже въ студенческіе годы ясно обнаружившихся свойствъ личнаго характера Грота укажу необыкновенную ясность и бодрость духа. Все, что ему приходилось переносить горькаго или тяжелаго, онъ всегда умѣлъ какъ-то незамѣтно для другихъ переработывать въ себѣ; по крайней мѣрѣ, насколько помню, мнѣ не приходилось видѣть, чтобы онъ падалъ духомъ или впадалъ въ минорныя ноты, или же это было мимолетно. Студентомъ онъ бывало всегда ободрялъ другихъ, если кто нибудь изъ его сотоварищей накануне какого нибудь экзамена смущался духомъ, устрашаясь кары за пробѣлы въ знаніяхъ. Случалось, что Гротъ, также подобно другимъ, сознавалъ за собой кое-какіе недочеты въ передъэкзаменный день, но я отлично помню, какъ онъ все-таки охотно отдавалъ крохи остававшагося свободнаго времени на ободреніе товарищей и непременно самъ провожалъ ихъ изъ своей комнаты въ верхнемъ этажѣ ¹⁾ до самаго выхода изъ квартиры. Во время прогулокъ по окрестностямъ Петербурга (въ Царское Село, Павловскъ, Ораніенбаумъ и т. п.) весной, въ пору экзаменовъ, иногда даже накануне или за день, Николай Яковле-

¹⁾ Его родители занимали тогда обширную квартиру въ два этажа въ первой линіи Васильевского острова, напротивъ лютеранской, кажется, Екатерининской церкви.

вечь весь отдавался столь свойственной ему, особенно въ первой молодости, живости и веселью и воодушевлялъ все общество товарищей-спутниковъ. Грота отъ души любили товарищи, за исключеніемъ очень немногихъ, фанатически радикальнаго образа мыслей студентовъ, смотрѣвшихъ на него косо и замѣтно избѣгавшихъ сближенія съ нимъ, единственно потому, что, какъ сынъ академика, слѣдовательно лица, занимавшаго высокое общественное положеніе, онъ являлся въ ихъ глазахъ какимъ-то отверженнымъ аристократомъ, хотя симпатіи его были скорѣе демократическія. Но здѣсь уже мы встрѣчаемся съ давно пережитой чертой времени, теперь, можетъ быть, не всѣмъ даже понятной. Во всякомъ случаѣ здѣсь уже дѣйствовало явное предубѣжденіе, о которомъ, въ виду его слишкомъ очевидной несправедливости, Гротъ несособенно заботился. Въ семьѣ же своей ему приходилось наоборотъ выступать иногда защитникомъ взглядовъ, казавшихся тогда слишкомъ смѣлыми, и защищать новыя теченія, а также болѣе позднихъ представителей русской литературы, напримѣръ, Писемскаго, Достоевскаго, Щедрина. Укажу еще въ заключеніе рѣчи о студенчествѣ Грота на одинъ примѣръ, въ которомъ особенно выразилась теплая отзывчивость къ нуждамъ и интересамъ товарищей. Онъ сумѣлъ такъ заинтересовать свою семью, а затѣмъ и профессоровъ, судьбой одного бѣднаго и одинокаго студента-пермяка, который, какъ говорили, послѣ смерти своей жены и дѣтей, уже послѣ того какъ онъ служилъ чѣмъ-то на родинѣ, пришелъ пѣшкомъ изъ Перми въ Петербургъ, чтобы поступить въ университетъ. Это былъ уже человѣкъ лѣтъ двадцати семи. Гротъ быстро распространилъ въ сущности преувеличенное представленіе объ этомъ «второмъ Ломоносовѣ», такъ какъ студентъ этотъ отличался преимущественно честностью и трудолюбіемъ, но и только,—тогда какъ многіе съ легкой руки Грота изъ него сдѣлали въ своемъ воображеніи какое-то чудо, и онъ даже худо кончилъ послѣ того, какъ его сразу со студенческой скамьи (всего лишь по прошествіи неполнаго года) сдѣлали профессоромъ Варшавскаго университета. Но это была уже ошибка другихъ лицъ, и ошибка хотя прискорбная, но проистекшая изъ самыхъ добрыхъ и благородныхъ намѣреній. Во всякомъ случаѣ и здѣсь Гротъ является человѣкомъ рѣдкой доброты и рѣдкаго въ такой мѣрѣ стремленія быть полезнымъ ближнему.

II.

Въ маѣ 1875 года, мы по обыкновенію готовились вмѣстѣ съ Гротомъ къ выпускнымъ экзаменамъ. Въ это время я уже близко познакомился со всей его семьей и пользовался расположеніемъ Якова Карловича, подарившаго мнѣ тогда вышедшіе томы своего

изданія сочиненій Державина. Вся семья произвела на меня весьма импонирующее и пріятное впечатлѣніе своей любовью къ порядку и привлекательными нравственными качествами. Здѣсь было царство честнаго труда и полнѣйшей корректности во всемъ. Всѣ члены семьи относились другъ къ другу съ любовью и полнымъ уваженіемъ. Проводить часы въ такой семьѣ казалось мнѣ счастливой находкой. Самъ старикъ Гротъ, бодрый и дѣятельный, былъ образцомъ трудовой жизни и разумнаго употребленія временн: у него были строго опредѣленные часы для занятій и отдыха и для прогулокъ, и ни одна минута не пропадала даромъ; онъ держался во всемъ методическаго режима, основаннаго на строго обдуманнхъ гигиеническихъ и иныхъ соображеніяхъ, такъ что оставалось только удивляться строго проводимой имъ послѣдовательности и системѣ въ его планѣ жизни. Аккуратность его въ особенности при исполненіи общественныхъ дѣлъ простиралась до того, что при отправленіи какой нибудь официальной телеграммы или письма у него всегда заранѣе были приняты запасныя мѣры въ предупрежденіе возможныхъ неисправностей на почтѣ или телеграфѣ. Много помогала въ такомъ устройствѣ жизни Якова Карловича его почтенная супруга, Наталья Петровна, искусно отстранявшая отъ него непроизводительную трату времени, неизбѣжную при обширныхъ знакомствахъ; она обладала даромъ искусно привлечь вниманіе своихъ гостей въ то время, когда Якову Карловичу надо было слѣзть къ прерваннымъ занятіямъ, что было мной замѣчено, благодаря частому появленію и доступу въ верхній этажъ, гдѣ Яковъ Карловичъ помѣщался съ своими сыновьями, Николаемъ Яковлевичемъ и Константиномъ Яковлевичемъ, нынѣ профессоромъ Варшавскаго университета.

Однажды, сидя на верху съ Николаемъ Яковлевичемъ, я былъ удивленъ тѣмъ, что, несмотря на явный недостатокъ времени, онъ, противъ обыкновенія, видимо отдалялъ время возобновленія занятій. Вдругъ, послѣ нѣкотораго размышленія, онъ предложилъ мнѣ начать хлопотать о совмѣстномъ занятіи открывающейся катедры русскаго языка въ русской филологической семинаріи въ Лейпцигѣ, основанной для приготовленія учителей древнихъ языковъ. При этомъ онъ такъ увлекательно сталъ мнѣ рисовать картину предстоящей намъ совмѣстной жизни въ Лейпцигѣ и перспективу путешествій по Германіи, что планъ его совершенно очаровалъ меня. Оказалось, что планъ этотъ былъ уже извѣстенъ Якову Карловичу и имъ одобренъ. Теперь надо было приводить его въ исполненіе, но тутъ встрѣтилось курьезное препятствіе — у меня не было фрака для представленія властямъ; но добрѣйшій Яковъ Карловичъ предложилъ мнѣ свой фракъ и былъ очень радъ, что онъ, несмотря на нашу разницу возрастовъ, пришелся мнѣ впору. Сначала дѣло почти уладилось, но потомъ одновременно Н. Я. Гротъ получилъ предложеніе занять катедру въ вновь открывавшемся тогда Нѣжинскомъ

историко-филологическомъ институтѣ, а я, по рекомендаціи профессора О. Θ. Миллера, приглашеніе отъ князя Александра Иларионовича Васильчикова ѣхать на зиму въ Италію въ качествѣ гувернера его сына. Послѣднее предположеніе, впрочемъ, не состоялось вслѣдствіе затрудненій со стороны воинской повинности. Такъ разошлись наши пути какъ разъ въ то время, когда, казалось, они должны были надолго соединиться. Впослѣдствіи Гротъ напоминалъ мнѣ въ одномъ письмѣ «доброе, старое, университетское время, когда мы вели долгія философскія разсужденія въ университетскихъ коридорахъ или же провожали другъ друга несчетное число разъ по Среднему проспекту отъ первой линіи до шестой».

Мысль о Лейпцигѣ, однако, не была оставлена Гротомъ, но онъ собирався туда теперь уже только въ качествѣ слушателя университетскихъ лекцій для подготовки къ будущей каедрѣ, а свой лѣтній досугъ по окончаніи курса посвятилъ усовершенствованію въ англійскомъ языкѣ и чтенію любимыхъ своихъ романистовъ, Диккенса и Коллинза, поджидая между тѣмъ болѣе опредѣленныхъ кондицій отъ директора Нѣжинскаго института. «Сегодня, утромъ я наконецъ получилъ давно желанное письмо отъ Лавровскаго», — писалъ онъ мнѣ въ половинѣ іюня 1875 г., — «въ которомъ онъ подтверждаетъ всѣ свои прежнія условія, но вдобавокъ еще старается меня склонить сейчасъ же, т. е. въ августѣ, ѣхать въ Нѣжинъ, а не ждать годъ за границей. Я, однако же, отказался: надо еще поготовиться». Между тѣмъ Гротъ занимался штудированіемъ «Логики» Владиславлева, «Психологіи» Чистовича и набрасывалъ собственныя замѣтки «по вопросамъ философскаго круга», а также читалъ разныя вновь выходящія книги¹⁾.

Въ эту пору счастливые планы и предположенія роились одинъ за другимъ въ воображеніи Грота: онъ мечталъ о германской наукѣ, о путешествіяхъ, о будущемъ своемъ устройствѣ и объ ожидавшей его дѣятельности въ Нѣжинѣ. Живо помню его лучезарное настроеніе, когда я гостилъ въ деревнѣ его родителей Красной Слободкѣ (Рязскаго уѣзда, Рязанской губерніи). При своемъ живомъ характерѣ онъ не могъ, однако, совершенно потонуть въ книгахъ и чередовать напряженную умственную работу съ практическими дѣлами (напримѣръ, поѣздкой въ имѣніе, находившееся въ другой губерніи), съ посѣщеніями родственниковъ и разными развлеченіями, даже охо-

¹⁾ Между прочимъ многихъ интересовавшую тогда книгу Погодина: «Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ», о которой онъ отзывался такъ: «Много у Михаила Петровича чепухи. Иные отрывки просто ни къ селу, ни городу. Нѣкоторые примѣры, которыми онъ старается доказать существованіе друго міра, просто похожи на рассказы старыхъ нянекъ о домовыхъ и на суевѣрія въ родѣ боязни сидѣть при трехъ свѣчахъ, обѣдать въ числѣ 13 человекъ и т. д. Я весьма мало жажду подобный вздоръ, но читается книга легко, потому что написана завлекательно и живо».

той. Наконецъ пришла пора отъѣзда за границу, но первоначальный планъ Грота нѣсколько измѣнился, и Лейпцигъ былъ замѣненъ Берлиномъ.

Въ самомъ ликующемъ настроеніи пролетѣлъ Гротъ всю дорогу, набираясь новыхъ впечатлѣній въ Кіевѣ, Нѣжинѣ, Львовѣ, Краковѣ, при чемъ осмотрѣлъ знаменитыя соляныя копи Велички, въ Бреславлѣ, и даже смотрѣлъ маневры въ Лигницѣ. Онъ уже много разъ бывалъ до этого съ родителями за границей (такъ, напримѣръ, все лѣто 1872 г. они провели въ Швеціи), но отъ впечатлѣній подростка, конечно, сильно отличались впечатлѣнія зрѣлаго и преисполненнаго свѣтлыхъ надеждъ юноши, дѣлающаго столь заманчивые первые самостоятельные шаги въ жизни. Кромѣ того, большимъ украшеніемъ его тогдашнихъ путешествій являлись частью заранѣе условленные, частью же совершенно неожиданныя и случайныя, встрѣчи съ родными. Въ первомъ же письмѣ изъ-за границы онъ сообщалъ мнѣ: «Обстоятельства заставили меня измѣнить планъ путешествія ради свиданія съ дядей Константиномъ Карловичемъ. Онъ долженъ былъ пребыть до 6—18 въ Баденъ-Баденѣ, и вотъ я махнулъ изъ Берлина прямо въ Баденъ-Баденъ. Въ Карлсруэ мы разстались съ дядей на два дня: онъ поѣхалъ въ Хейльбруннъ и Штутгартъ осматривать тюрьмы (онъ занимается теперь тюремнымъ вопросомъ, какъ членъ государственнаго совѣта, гдѣ это дѣло будетъ скоро разсматривать)» и проч.

Отъ сентября до половины апрѣля продолжалась жизнь Грота въ Берлинѣ, откуда весной онъ перебрался въ Страсбургъ. Впечатлѣнія отъ берлинскаго и страсбургскаго университетскаго преподаванія были у Грота далеко не одинаковыя: въ берлинскихъ профессорахъ-философахъ онъ скоро разочаровался, тогда какъ страсбургская академическая жизнь имѣла на него самое отрадное и возбуждающее вліяніе. Единственное грустное и проникнутое уныніемъ письмо получилъ я отъ него именно изъ Берлина, гдѣ онъ писалъ: «Вы, вѣрно, вдали представляете себѣ мою жизнь въ розовыхъ краскахъ. Но я принужденъ васъ разочаровать». Затѣмъ слѣдуютъ не совсѣмъ сочувственные отзывы о профессорахъ, изъ которыхъ одинъ отличается односторонностью направленія и эклектизмомъ, другой краснорѣчивымъ многословіемъ и большинство — переставшіе работать старики. Но свѣтила въ Берлинѣ, — прибавляетъ Гротъ, — историки и физики. Совсѣмъ не то было въ Страсбургѣ, гдѣ къ Гроту тотчасъ же вернулось снова его обычное, свѣтлое и жизнерадостное настроеніе. «Занятія мои, — писалъ Гротъ, — идутъ успѣшно, въ десять разъ успѣшнѣе, чѣмъ въ Берлинѣ. Дѣло въ томъ, что тутъ отличные, молодые профессора, не чета нашимъ петербургскимъ, да и выше берлинскихъ, ибо въ Берлинѣ читаютъ все старики, тайные совѣтники, которымъ пора бы на покой... Недаромъ Страсбургъ славится теперь лучшимъ германскимъ универ-

ситетомъ: тутъ всё учатся, занимаются, интересуются живыми вопросами науки. По субботамъ, утромъ, въ философской семинаріи (7—9 часовъ утра) мы ведемъ подъ руководствомъ Либмана оживленныя пренія о философскихъ вопросахъ; одинъ готовитъ рефератъ о какой нибудь психологической проблемѣ, остальные критикуютъ и спорятъ. Въ одну изъ первыхъ субботъ и я держалъ такой рефератъ о метафизическихъ направленіяхъ въ наукѣ о душѣ, и очень удачно; съ этого дня Либманъ все ко мнѣ обращается съ вопросами во время лекціи. Живо и весело идетъ дѣло».

III.

Съ начала сентября 1876 г. Гротъ становится экстраординарнымъ профессоромъ Нѣжинскаго института. Онъ встрѣтилъ самый радужный пріемъ со стороны директора и товарищей, которые тотчасъ же удостоили его полного довѣрія и отвели ему не только видное, но даже и почетное мѣсто въ своей корпораціи. Въ первомъ же письмѣ Гротъ сообщалъ: «Начну съ того, что я вполне счастливъ и доволенъ своимъ положеніемъ. Судьба меня балуетъ незаслуженно. Я только два мѣсяца въ Нѣжинѣ, а между тѣмъ по тому положенію, которое я занимаю въ здѣшнемъ кружкѣ, можно подумать, что я жилъ здѣсь годы. Лекціи мои съ самой первой пошли удачно, удачнѣе, чѣмъ я желалъ и надѣялся». Гротъ тотчасъ же былъ избранъ ревизоромъ институтской бібліотеки, редакторомъ «Извѣстій Нѣжинскаго института», старостой хозяйственныхъ профессорскихъ артелей, и ему же наконецъ было поручено произнесеніе академической рѣчи на торжественномъ актѣ слѣдующаго года. «Я счастливъ общеою любовью и выказываемымъ мнѣ уваженіемъ»,—скромно прибавлялъ Гротъ,—«которое трудно носить на плечахъ, зная, что ничѣмъ его не заслужилъ». За это довѣріе и почетъ Гротъ желалъ отдарить блестящимъ оправданіемъ всѣхъ возложенныхъ на него надеждъ. Въ то же время онъ выбралъ было темой для диссертациі «Объ отношеніяхъ силлогизма къ индукціи и дедукціи» и уже началъ заготовлять для нея матеріалы, которые были потомъ имъ употреблены въ дѣло не въ магистерской, а въ докторской диссертациі. Вскорѣ ему суждено было дебютировать и въ качествѣ оппонента въ Киевскомъ университетѣ на диспутѣ Козлова, гдѣ онъ возражалъ очень удачно, но волновался и потомъ жалѣлъ, что говорилъ болѣе рѣзко, чѣмъ хотѣлъ.

Нѣжинская жизнь дала Гроту большой просторъ для научныхъ занятій: обстановка, въ которой онъ находился, была очень благоприятна именно для начала учено-литературной дѣятельности. Къ услугамъ юнаго профессора, безъ всякой конкуренціи, былъ весь

отдѣлъ фундаментальной бібліотеки по части философіи, пополнявшійся по его указаніямъ. Единственная и для иныхъ существенная помѣха со стороны мелочныхъ требованій провинціального обществія была скоро устранена нашимъ молодымъ ученымъ, рѣшившимъ во что бы то ни стало съ самаго начала отстоять свою самостоятельность въ этомъ отношеніи, руководясь при этомъ примѣромъ своего отца, умѣвшаго не дѣлать уступокъ толчеѣ праздной жизни. Юный профессоръ вращался главнымъ образомъ въ кругу своихъ коллегъ, изъ которыхъ особенно полюбилъ старика преподавателя исторіи, П. А. Люперольскаго, и почтеннаго директора института, Н. А. Лавровскаго, на дочери котораго Наталья Николаевна онъ вскорѣ женился.

Посвящая почти все время упорной работѣ, Николай Яковлевичъ, однако, не могъ сразу остановить свой выборъ на опредѣленной темѣ для диссертации: онъ напечаталъ сперва свое возраженіе проф. Козлову, затѣмъ актовую рѣчь «О сновидѣніяхъ, какъ предметъ научнаго анализа» и затѣмъ приготовилъ къ печати статью «О классификаціи чувствованій», вскорѣ напечатанную имъ во французскомъ журналѣ «Revue philosophique». Отъ послѣдней статьи былъ уже естественный переходъ къ его магистерской диссертаци «Психологія чувствованій». Несмотря на быстрые успѣхи научной дѣятельности, скоро обратившей на себя вниманіе ученаго міра, Гротъ писалъ однако: «всего этого мало; хочется больше; мечтаешь о томъхъ, а пишешь страницы» ¹⁾.

¹⁾ Относительно тогдашнихъ философскихъ взглядовъ Грота любопытны слѣдующія строки одного изъ его писемъ: «Вы меня спрашиваете о моемъ мнѣніи насчетъ будущаго направленія русской литературы и умственной жизни. Въ первомъ отношеніи я не компетентенъ, ибо довольно плохо слѣжу за развитіемъ журналистики и вообще литературы. Во второмъ отношеніи я, какъ философъ, конечно, долженъ имѣть свое мнѣніе и имѣю его въ дѣйствительности. Несомнѣнно, что позитивизмъ à la Comte уже палъ и едва ли возродится. Позитивизмъ Конта былъ временнымъ компромиссомъ. Чтобы имѣть успѣхъ, Контъ облекъ свои новыя мысли въ старыя формы. Отрицая философію въ сущности, онъ все-таки призналъ ее въ извѣстномъ смыслѣ и назвалъ «Cours de philosophie positive». Это было противорѣчіемъ, можетъ быть, и неизбежнымъ, но заключавшимъ въ себѣ во всякомъ случаѣ сѣмя паденія системы. Но система пала; настроеніе же, ее вызвавшее и ею потенцированное, не можетъ пасть. Позитивизмъ практической въ наукѣ водворился на вѣки, по моему мнѣнію, и настоящіе позитивисты не прямые послѣдователи Конта, а тѣ представители позитивнаго настроенія, которые теперь владѣютъ ключемъ къ наукѣ, какъ объективнаго, такъ и субъективнаго міра. Эти позитивисты въ большинствѣ случаевъ и не сознаютъ своего духовнаго тождества съ Контомъ и ему подобными, но въ ихъ руки безсознательно попало знамя, брошенное настоящими представителями школы, фанатиками «имени». Сила нашего брата не въ томъ только, чтобы сидѣть, ходить, дышать и вѣть на «фактахъ», «фактами» и по причинѣ «фактовъ»—это устарѣло, а въ томъ, чтобы, облекшись въ хламиду фактовъ, какъ въ предохранительную фуфайку, смѣло идти впередъ, пробиваясь среди непроходимыхъ дебрей отвлеченнаго мышленія. Мы мыслимъ абстрактами, и отрицать это глупо,—надо только, чтобы абстракты наши постоянно

Вскорѣ разностороннія занятія Грота осложнились еще болѣе вслѣдствіе избранія его ученымъ секретаремъ конференціи института и секретаремъ комиссіи по разработкѣ печатнаго каталога. Въ это время онъ работалъ усиленно и непрерывно, не зная праздниковъ и часто засиживаясь часовъ до трехъ ночи, но широкія надежды и постоянный успѣхъ поддерживали его энергію и воодушевляли его: «Я все болѣе и болѣе укрѣпляюсь въ надеждѣ кое-что сдѣлать по своему предмету: силы не ослабѣваютъ и энергія воли тоже. Только бѣсится медленность всѣхъ дѣлъ человѣческихъ. Какъ я ни скоро работаю, а вотъ уже болѣе года сижу надъ диссертацией. Сколько труда, времени и терпѣнія потрачено, а все недоволенъ! Моя работа, главнымъ образомъ, будетъ имѣть историко-психологическій характеръ, и тутъ я долженъ былъ изучить бездну премудрости древней, средневѣковой и новой». Между тѣмъ слухи объ успѣшной дѣятельности Грота достигли Москвы, гдѣ уже тогда возникло предположеніе пригласить Грота на кафедру, осуществившееся впрочемъ лишь семь лѣтъ спустя ¹⁾.

Наконецъ диссертация была окончена и напечатана, и оставался магистерскій экзамень, по поводу котораго Гротъ обратился съ запросами въ Москву и Кіевъ. «Изъ обоихъ мѣстъ пришли отвѣты благопріятные. Троицкій написалъ, что онъ находитъ диссертацию достойной и другой степени (докторской). Изъ Кіева тоже пишутъ, что достоинство диссертации всѣми безъ спору признано, что Козловъ считаетъ ее единственнымъ полнымъ историческимъ изложеніемъ вопроса, какое только существуетъ, что экзамень будетъ только формальностью etc.». Гротъ защищалъ диссертацию, однако, не въ Москвѣ, а въ Кіевѣ, потому что, благодаря близости разстоянія, ему удобнѣе было пріѣзжать туда отдѣльно на каждый экзамень и тотчасъ же снова возвращаться къ семьѣ.

всасывали въ себя свѣжіе соки «конкретнаго». Этотъ синтезъ — вотъ основной догматъ прогрессирующей науки, догматъ, составляющій достояніе общее, не ищущій ополчать себя громкимъ именемъ, громкимъ девизомъ, а между тѣмъ сильный, славный, передовой. Удачный выборъ предметовъ — вотъ залогъ успѣха настоящей науки. Вся ошибка прежнихъ временъ состояла въ орудованіи надъ фиктивными содержаніями, подобно тому какъ искусство въ прежнее время брало своими сюжетами воображаемые апофеозы святыхъ, невозможныя идилліи и т. д., а теперь замѣнило ихъ бытовыми сценами, живыми, яркими, всѣмъ доступными. Это направленіе, взявшее перевѣсъ и къ наукѣ и въ искусствѣ, есть не столько позитивизмъ, сколько реализмъ, настоящій, правильный, а не Платоновскій, какъ разъ обратный». Здѣсь уже мы видимъ первую поворотную точку въ міросозерцаніи Грота.

¹⁾ О своихъ успѣхахъ, какъ профессора, Гротъ не разъ писалъ мнѣ; между прочимъ дважды онъ говорилъ: «экзамены сошли отлично. Какъ точно описывались части мозга, перечислялись нервы, излагались психо-физическіе законы и историческій ходъ развитія психологическихъ теорій!»

IV.

Сдѣлавшись магистромъ послѣ блистательной защиты диссертациі, Гротъ, кажется, имѣлъ больше основаній рассчитывать на приглашенія со стороны столичныхъ университетовъ, но вышло иначе. «Съ Троицкимъ мы уговорились отложить мой переходъ лишь на время»,—сообщалъ Гротъ,—«но я, признаться, плохо вѣрю въ возможность улаженія дѣла черезъ годъ. Теперь я уже доцентомъ не пойду, а профессорскихъ ваканцій у нихъ нѣтъ». При такихъ обстоятельствахъ Гротъ рѣшилъ дѣйствовать инымъ путемъ: испросивъ себѣ заграничную командировку, онъ почти безъ отдыха послѣ усиленнаго напряженія многихъ лѣтъ снова погружается съ головой въ работу надъ докторской диссертацией, темой для которой послужили вопросы, занимавшіе его въ началѣ профессорства, когда онъ ставилъ ихъ на очередь для своей магистерской диссертациі. Теперь онъ снова намѣтилъ мѣстомъ своего ученаго подвижничества Лейпцигъ, куда его особенно привлекала перспектива занятій подъ руководствомъ знаменитаго Вундта, но потомъ выборъ его остановился на Тюбингенѣ.

Выѣхавъ за границу, Гротъ, какъ всегда, не вытерпѣлъ, чтобы не совершить небольшого путешествія со всей семьей по слѣдующему маршруту: Вѣна, Триестъ, Венеція, Флоренція, Генуя, Миланъ, Мюнхенъ, Штутгартъ.

Тюбингеномъ Гротъ остался въ высшей степени доволенъ, даже еще больше, нежели когда-то Страсбургомъ: «Вы не можете себѣ представить, какъ здѣсь легко и удобно живетъ. Вездѣ честность, аккуратность, взаимное довѣріе, на все таксы и правила и, благодаря такой строгой регламентациі, остается только выговорить слово—и все, какъ изъ земли, растетъ и готовое лѣзетъ въ ротъ. Уже черезъ десять дней по приѣздѣ въ этотъ незнакомый городъ и край вся жизнь потекла такимъ ровнымъ, правильнымъ и пріятнымъ теченіемъ, точно нѣсколько лѣтъ прошло, какъ мы здѣсь поселились. Но вы спросите, почему я выбралъ Тюбингенъ. Во-первыхъ, это одинъ изъ лучшихъ университетскихъ городовъ по климату, воздуху и живописному положенію. Во-вторыхъ, тутъ богатѣйшая философская бібліотека. Въ-третьихъ, тутъ извѣстный своими сочиненіями по логикѣ профессоръ Зигвартъ, наконецъ отсюда рукой подать въ лучшія мѣста Германіи и вообще средней Европы, въ Шварцвальдъ, на Рейнъ и въ Швейцарію, куда я надѣюсь пробраться лѣтомъ. Я вполне доволенъ своимъ выборомъ: городокъ тихій и скромный, но жизнь удобна и дешева. Климатъ прекрасный, мѣстность поэтическая—мы окружены горами, съ вершины которыхъ восхитительные виды на долину Неккара. Люди все хорошіе и очень любезные. Я

познакомился съ нѣсколькими профессорами, и связи быстро расширяются. Вообще вся обстановка благоприятствуетъ успѣшному труду». Особенно доволенъ былъ Гротъ профессоромъ Зигвартомъ, который, въ свою очередь, съ большимъ сочувствіемъ относился къ нему. Между прочимъ Зигварту понадобились для изданія сочиненій Джордано Бруно два списка сочиненій итальянскаго философа, пожертвованные Московскому Румянцовскому музею бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія А. С. Норовымъ. Положивъ въ основу своего изданія подлинныя рукописи Бруно, хранящіяся въ Штутгартской королевской библіотекѣ, профессоръ Зигвартъ желалъ выписать на время и списки Румянцовскаго музея. По просьбѣ Грота, мнѣ удалось, благодаря любезному содѣйствію покойнаго хранителя рукописей, А. Е. Викторова, выслать каталогъ Норовской библіотеки и фотографическій снимокъ съ одной страницы подлинной рукописи Бруно, но выслать самый оригиналъ было невозможно по уставу музея. Зигвартъ остался очень благодаренъ музею и съ своей стороны далъ слово прислать въ подарокъ экземпляръ будущаго своего изданія.

Н. Я. Гротъ былъ въ полномъ восторгѣ и вообще отъ всей тюбингенской профессорской корпораціи и не уставалъ хвалить также самый Тюбингенъ. «Жизнь здѣсь пріятная,—писалъ онъ,—есть и развлечения въ умѣренномъ количествѣ, но вообще тихо, и работать ничто не мѣшаетъ. У меня здѣсь знакомствъ, какъ всегда, уже множество. Всѣхъ профессоровъ знаю лично и со многими очень сошелся. Всѣ они очень любезны ко мнѣ и ввели меня въ свой кругъ, какъ своего, роднаго. Я бываю по вторникамъ на ихъ собраніяхъ, гдѣ читаются по очереди рефераты ученые по всѣмъ наукамъ. Прекрасный обычай! Онъ поддерживаетъ энергію въ работѣ, и самолюбіе заставляетъ cadaго слѣдить за своей наукой. Нравы профессоровъ очень просты: они и танцуютъ, и на конькахъ катаются, и дѣлаютъ большія прогулки, вообще ведутъ себя, какъ всѣ смертныя, хотя составляютъ здѣсь аристократію и богаче и лучше всѣхъ живутъ. Недавно былъ маскарадъ въ клубѣ, устроенный профессорскимъ обществомъ, и на немъ самыя почтенныя ученые, европейскія знаменности, были въ костюмахъ и дурацкихъ колпакахъ заодно со своими студентами и слушателями. Вообще я убѣждаюсь, что истинная наука не драпирована въ тогу ученой серьезности и глубокомыслія. Эта драпировка нужна только пустоголовымъ, которые боятся, чтобы ихъ не смѣшали съ толпой. Здѣсь, несмотря на отсутствіе всякой внѣшней выставки, студенты глубоко уважаютъ своихъ профессоровъ, и никакіе скандалы немыслимы, ибо внутреннее содержаніе не подлежитъ сомнѣнію и внушаетъ къ себѣ почтеніе».

О своей диссертациі, которая успѣшно подвигалась впередъ при такой благоприятной обстановкѣ, Гротъ писалъ: «Много оригиналь-

наго и новаго найдете въ моей теперешней работѣ. Теорія сужденій и выводовъ поставлена въ зависимость отъ теоріи ассоціаціи и диссоціаціи, интеграціи и дифференціаціи, о которой я говорю въ Психологіи чувствованій».

По окончаніи диссертациі, снова съ большимъ успѣхомъ защищенной въ Кіевѣ, послѣ чего въ знакъ почета студенты вынесли Грота изъ зала на рукахъ, послѣдній еще сильнѣе сталъ стремиться въ Москву, тѣмъ болѣе, что его другъ и тестъ Н. А. Лавровскій оставилъ институтъ, и что жизнь въ Нѣжинѣ стала особенно томительна послѣ наслажденій благами культурной жизни въ Тюбингенѣ. Если прежде можно было мириться съ Нѣжиномъ, какъ своего рода мѣстомъ временнаго заточенія, имѣвшимъ свои удобства для исключительнаго погруженія въ работу надъ диссертациями, то теперь это значеніе было утрачено и ничѣмъ не могло быть вознаграждено. Дѣло о переходѣ въ Москву, однако, почему-то затянулось, и это особенно жаль потому, что именно въ злосчастномъ 1883 году Н. Я. Гротъ заполучилъ въ Нѣжинѣ жесточайшій ревматизмъ, послужившій началомъ недуговъ, распатавшихъ его крѣпкій прежде организмъ. Между тѣмъ Гротъ имѣлъ приглашеніе и отъ Одесскаго (Новороссійскаго) университета, которое и было имъ принято, какъ единственный выходъ изъ нѣжинскаго заточенія, тѣмъ болѣе тяжелаго, что недостатокъ людей въ уѣздной глуши какъ бы обязывалъ Грота не отказываться отъ исполненія разныхъ мелкихъ общественныхъ обязанностей, какъ по институту, такъ и въ городѣ; такъ въ клубѣ его избрали однимъ изъ старшинъ, а, какъ членъ правленія института, онъ долженъ былъ взять на себя ревизію казеннаго имущества и проч.

V.

Осенью 1883 года, Гротъ уже переселился въ Одессу, куда, по своему обычаю, слишкомъ поспѣшилъ переѣхать,—еще до полученія офиціальнаго утвержденія, и хотя въ послѣднемъ трудно было сомнѣваться, но его сильно разстраивала канцелярская проволочка, погрузившая его на время въ столь несвойственную ему апатію. Наконецъ утвержденіе пришло, а съ нимъ вернулась и энергія Грота. Съ первой же лекціи онъ сдѣбался, какъ прежде на диспутѣ въ Кіевѣ, предметомъ самыхъ горячихъ и восторженныхъ овацій. Однако вмѣстѣ съ розами вскорѣ обозначились и шипы: популярность, особенно усилившаяся послѣ ряда публичныхъ чтеній, дорого обошлась Гроту, втянувъ его во множество знакомствъ, отвлекавшихъ его отъ работы и скоро ему наскучившихъ. Своими публичными и университетскими лекціями Гротъ вызвалъ два противоположныхъ теченія, изъ которыхъ одно было за Грота, а другое—противъ него. У Грота оказались ярые поклонники и враги. Даже

студенты стали выступать въ мѣстныхъ газетахъ противъ него и въ его защиту; стали издаваться направленные противъ него полемическія брошюры, появленіе которыхъ почти совпало съ враждебной Гроту статьей въ «Дѣлѣ» «Обыкновеннаго читателя» (В. В. Лесевича), на которую Гротъ отвѣчалъ въ слѣдующемъ же № журнала, съ полемикой съ г. Карѣевымъ и профессоромъ Козловымъ, выступившимъ въ «Русскомъ Богатствѣ» (редакція г. Оболенскаго) съ рѣзкой критикой докторской диссертации Грота «Къ реформѣ логики». Все это показываетъ, до какой степени Гроту удалось заинтересовать своими трудами людей, интересующихся философскими вопросами. вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ своего рода искусъ, быть можетъ, полезный для подготовки къ предстоявшей ему вскорѣ широкой дѣятельности въ Москвѣ, гдѣ, какъ извѣстно, онъ явился уже во всеоружіи зрѣлаго философскаго развитія.

VI.

Гротъ получилъ наконецъ кафедру въ Москвѣ осенью 1886 года, и съ этихъ поръ началась лучшая пора его жизни и ученой дѣятельности. Теперь онъ могъ себя чувствовать твердо ставшимъ на ноги ученымъ и руководить другими, тогда какъ прежде его отвлекали то полемика, то разные обязательные искусства, черезъ которые слѣдовало пройти по установленнымъ правиламъ. Теперь онъ могъ дѣйствовать безъ всякой сковывающей по рукамъ и ногамъ внѣшней регламентаціи.

Вступительная лекція прошла опять блистательно, хотя и не удостоилась такихъ необычайныхъ овацій, какъ диспуты въ Кіевѣ и вступительная лекція въ Одессѣ. Во всякомъ случаѣ его привѣтствовали громкими, долго не смолкавшими рукоплесканіями; новые коллеги поздравляли его съ успѣхомъ; редакторъ «Русской Мысли» тутъ же вызвался напечатать его лекцію въ своемъ журналѣ, а Н. С. Тихонравовъ, бывшій тогда предсѣдатель общества любителей россійской словесности, предложилъ баллотировать его въ это общество, дѣйствительнымъ членомъ котораго Гротъ съ тѣхъ поръ и сдѣлался. Въ то же время онъ былъ избранъ предсѣдателемъ Психологическаго общества, которое, какъ мы знаемъ, съ тѣхъ поръ оживилось и приобрѣло довѣріе и уваженіе публики. Со времени предсѣдательства Грота Психологическое общество, благодаря энергіи своего главы и соединенію въ Москвѣ многихъ, большею частью молодыхъ, но уже весьма почтенныхъ и много общавшихъ силъ, начало функционировать съ неслыханнымъ у насъ оживленіемъ; закипѣла работа дружная и бодрая. Общество стало часто собираться, и засѣданія его стали настолько интересоваться московскую интеллигенцію, что актовъ залъ университета въ годичныя

торжественныя засѣданія (24 января) и юбилейныя, напримѣръ, посвященное памяти Шопенгауера, бывалъ переполненъ публикой, и на нѣкоторыя — билеты было весьма трудно достать. Рефераты печатались большею частью въ «Трудахъ Психологическаго общества», но скоро обиліе ихъ стало уже наводить на мысль о созданіи особаго философскаго журнала, результатомъ чего являются «Вопросы философіи и психологіи».

Предпримчивость и бодрый, свѣтлый взглядъ Грота на будущее и здѣсь оказалъ большую пользу. Силъ философскихъ въ Москвѣ было достаточно, но важно было ихъ объединить и дать рѣшимость бороться съ равнодушіемъ и недоувѣріемъ публики къ успѣху новаго дѣла, казавшагося многимъ лишь рискованной затѣей. Особенно страшила предпринимателей непривычка нашего общества къ философскому чтенію. Теперь, когда вопросъ разрѣшился удачно, можетъ казаться, что никакой особенной заслуги здѣсь не было, а была только счастливая инициатива «въ добрый часъ». Но надо припомнить, что даже въ печати нашей мысль о философскомъ журналѣ встрѣтила далеко не единодушное сочувствіе, а нѣкоторые органы прямо предсказывали неуспѣхъ и насмѣшливо кивали головой, конечно, имѣя основаніе для своихъ сомнѣній. Особенно, какъ припоминаю, «Сѣверный Вѣстникъ» (редакціи г-жи Евреиновой) прямо говорилъ, что интересно будетъ посмотреть, что изъ этой затѣи выйдетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не одобрялъ заявленія редакціи вновь возникавшаго философскаго журнала о томъ, что въ немъ будутъ помѣщаться статьи одинаково всѣхъ философскихъ направленій. Казалось, что философскій журналъ, не преслѣдующій никакихъ публицистическихъ цѣлей и ставящій единственной своей задачей познаніе отвлеченныхъ философскихъ истинъ, и долженъ былъ дать мѣсту всестороннему и безпристрастному обсужденію философскихъ проблемъ, чѣмъ естественно философскій журналъ долженъ отличаться отъ политическихъ и литературныхъ журналовъ, но новость дѣла мѣшала въ то время многимъ отрѣшиться отъ привычной точки зрѣнія.

Но вотъ изданіе журнала началось съ успѣхомъ, превзошедшимъ ожиданія самихъ основателей; за то вскорѣ возникли другія заботы и волненія. Борьба съ препятствіями попрежнему давала пищу дѣятельному темпераменту Грота, но едва ли было полезно для него такое сплошное чрезмѣрное напряженіе; какъ мы видѣли, до сихъ поръ у него еще совсѣмъ не было полосы спокойной и нормальной дѣятельности, а это не могло рано или поздно не отозваться на его организмѣ. Если съ одной стороны на Грота имѣло отрадное и воодушевляющее дѣйствіе его сближеніе съ графомъ Л. Н. Толстымъ, а также сочувствіе его дѣятельности со стороны университетской корпораціи и лучшей части московской интеллигенціи, то съ другой, ни Гроту, ни вообще Психологическому обществу нельзя

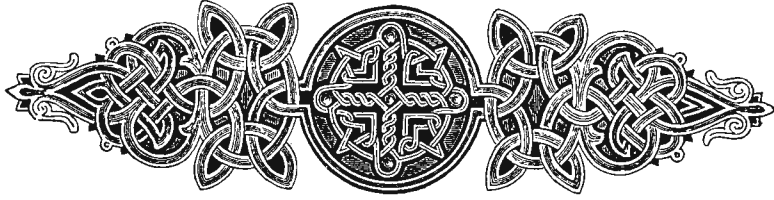
было избѣжать яростнаго ожесточенія «Московскихъ Вѣдомостей», не покупившихся на оскорбленія предсѣдателя и его членовъ. Поводомъ къ походу «Московскихъ Вѣдомостей» на этотъ разъ послужилъ рефератъ В. С. Соловьева. Любопытно, что главную роль въ этихъ нападеніяхъ игралъ весьма усердствовавшій тогда въ газетѣ Говоруха-Отрокъ, отрекомендованный незадолго передъ тѣмъ редакціи «Московскихъ Вѣдомостей» Гротомъ же, какъ человѣкъ способный и нуждавшійся въ работѣ. «Искренно васъ благодарю, — писалъ мнѣ Гротъ въ ноябрѣ 1891 года, — за сочувствіе по поводу травли «Московскихъ Вѣдомостей». Потому ли, что я обтерпѣлся ужъ очень, или потому, что по темпераменту оптимистъ, но я изъ этой травли предвижу только хорошіе результаты и для общества, и для журнала, и для себя лично». Слова эти вскорѣ вполне подтвердились.

Но судьбѣ было угодно не оставлять моего покойнаго друга безъ испытаній, и сравнительно ничтожныя волненія должны были уступить мѣсто очень тяжкимъ ударамъ и серьезному разстройству здоровья. Когда-то Гротъ въ письмѣ въ редакцію «Вѣстника Европы» (1880, XII) проводилъ нѣсколько рискованную на мой взглядъ теорію объ ошибочности распространеннаго взгляда на неравномѣрность распредѣленія счастья. По теоріи Грота, самое устройство организма человѣка, самая природа его, неизбѣжно обуславливаетъ уравновѣшеніе наслажденій и страданій, и въ концѣ концовъ сумма всѣхъ наслажденій и страданій у всѣхъ людей одинакова, такъ что люди, счастливые прежде, должны послѣ испытать много горя и проч. Теорія эта, по поводу которой мы съ нимъ обмѣнялись нѣсколькими обширными письмами съ взаимными возраженіями, жестоко сбылась надъ самимъ ея авторомъ: его постоянные успѣхи, бодрое, ликующее прохожденіе имъ жизненнаго поприща, какъ бы должны были быть искуплены болѣзнями собственными, семьи и смертью близкихъ людей. Въ маѣ 1893 года скоропостижно умеръ его всѣми высокоуважаемый отецъ, почтенный Яковъ Карловичъ, о похоронахъ котораго Николай Яковлевичъ сообщалъ мнѣ изъ Петербурга: «все было торжественно и хорошо, но грустно было провожать въ могилу такого хорошаго и всѣми любимаго отца». Черезъ нѣсколько лѣтъ Николаю Яковлевичу пришлось похоронитъ также тестя и дядю и перенести много тяжелыхъ испытаній; здоровье его также слабѣло, но запасъ неистощимой внутренней душевной энергіи мѣшалъ ему самому, а также окружающимъ и близкимъ людямъ, понять настоящее положеніе дѣла. Въ послѣднія двѣ зимы здоровье Николая Яковлевича сильно пошатнулось, и дошло до того, что доктора запрещали ему серьезное умственное напряженіе, вслѣдствіе чего ему приходилось, особенно благодаря сильно мучившимъ его лихорадкамъ, ревматизму и ларингиту, часто пропускать лекціи. Но усиленная переписка съ заграничными учеными

и необходимость работать, кромѣ исполненія профессорскихъ обязанностей, въ архивѣ московскаго дворянства для нуждъ своей обширной семьи, неумолимо подтачивали его силы. Предстоявшая ему будущей зимой новая заграничная командировка, открывавшая возможность работать безъ обремененія и на привольѣ, необычайно подняла въ немъ энергію: въ послѣдніе мѣсяцы въ Гротѣ явилось жизнерадостное настроеніе его юности и жажда возрожденія къ новой жизни и новой дѣятельности и планы, множество плановъ... Лѣто, однако, онъ рѣшилъ посвятить безусловному отдыху, отчасти подѣ влияніемъ требованій докторовъ, отчасти подѣ свѣжимъ впечатлѣніемъ трагическаго конца его товарища, профессора Корелина, сдѣлавшагося жертвой переутомленія. Послѣднія слова, слышанныя мною отъ него, были: «Вы не смотрите на то, что я бодръ и веселъ; у меня всѣ органы поражены, и я нуждаюсь въ основательномъ отдыхѣ, чтобы меня не постигла участь Корелина. Все лѣто буду лежать на травѣ, подѣ деревомъ и только отдыхать, отдыхать...». Видно было, однако, что онъ считалъ опасность прошедшею мимо и говорилъ о свиданіи при проѣздѣ осенью черезъ Москву. Другую уступку рѣшилъ Гротъ сдѣлать своему утомленію: онъ покидалъ Москву и хотѣлъ устроиться въ Харьковѣ, гдѣ ему можно было больше беречь свои силы, которымъ въ Москвѣ, благодаря его условіямъ жизни, хлопотамъ по журналу и Обществу, во всякомъ случаѣ многое угрожало. Къ этому присоединялись и практическія соображенія: близость его имѣнія къ Харькову, возможность болѣе дешеваго устройства тамъ и проч. Послѣднія недѣли Гроту приходилось много хлопотать съ переѣздомъ, и онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ возможности выѣхать изъ Москвы къ раньше его переселившейся въ деревню семьѣ. Но, по пріѣздѣ туда, онъ вдругъ почувствовалъ себя нехорошо—и черезъ день его не стало. «Какъ громомъ, поразило всѣхъ это грустное извѣстіе!» сказали о смерти Грота на похоронахъ депутатъ отъ Психологическаго Общества, и едва ли мы ошибемся, если прибавимъ къ этомъ словамъ, что исчезновеніе съ жизненной сцены такой свѣтлой личности, такого хорошаго человѣка, внушавшаго всѣмъ, встрѣчавшимся съ нимъ на жизненной дорогѣ, бодрость духа и любовь къ честному труду, оставить надолго въ сердцахъ людей, его знавшихъ, глубокой, трудно изгладимый рубецъ.

В. Шенрокъ.

НИКОЛАЙ ВИТСЕНЪ ИЗЪ АМСТЕРДАМА У ПАТРИАРХА НИКОНА.

(Изъ неизданной голландской рукописи XVII вѣка).

ТО НИКОЛАЙ ВИТСЕНЪ, извѣстный бургомистръ амстердамскій и географъ, пользовавшійся поддержкою и покровительствомъ Петра Великаго, еще въ молодыхъ годахъ посѣтилъ Россію, вмѣстѣ съ посломъ Бореелемъ, было извѣстно уже давно. Небезызвѣстно также было, что онъ оставилъ записки о своемъ путешествіи. Но самыя записки эти долгу считались потерянными¹⁾.

Честь открытія этой цѣнной рукописи и оповѣщенія людей науки о содержаніи принадлежитъ лейденскому ученому, члену королевской академіи наукъ, г. А. Клейверу (A. Kluuver), отыскавшему путешествіе Витсена среди голландскихъ рукописей Парижской національной бібліотеки, снявшему съ него копию и помѣстившему краткій отчетъ о его содержаніи подъ заглавіемъ: «Over het verblijf van Nicolaas Witsen te Moskou», въ бюллетенѣ королевской академіи²⁾.

Лѣтомъ сего 1899 года нижеподписавшійся, командированный министерствомъ народнаго просвѣщенія для занятій въ заграничныхъ бібліотекахъ и архивахъ, имѣлъ возможность, благодаря любезности г. А. Клейвера, ознакомиться съ содержаніемъ означенной

¹⁾ Ср. В. Кордтъ, «Отчетъ о занятіяхъ въ голландскихъ архивахъ» (Спб., 1895), стр. 115: «Витсенъ... говоритъ, что онъ написалъ подробное описаніе своего путешествія въ Россію. Что стало съ этой рукописью—вполнѣ неизвѣстно; видимо, она пропала безслѣдно».

²⁾ «Verslagen en Mededeelingen der Koninklijke Akademie van Wetenschappen», III серия, ч. XI. Отдѣльный оттискъ: Амстердамъ, 1894.

рукописи. Слѣдуетъ замѣтить, что подлинникъ ея, хотя и снабженный собственноручными поправками Н. Витсена, сохранился въ очень плохомъ видѣ: въ немъ много описокъ, пробѣловъ, почеркъ крайне неразборчивый; А. Клейверу принадлежитъ заслуга возстановленія, во многихъ случаяхъ, текста, сильно испорченнаго неумѣлымъ переписчикомъ. Вся рукопись въ настоящее время готовится къ печати, чтобы появиться въ числѣ изданій Утрехтскаго историческаго общества (*Historisch Genootschap gevestigd te Utrecht*); она составитъ, въ напечатанномъ видѣ, вѣроятно, не менѣе пятнадцати печатныхъ листовъ.

На нижеслѣдующихъ страницахъ мы ограничиваемся пока передачею одного эпизода изъ путешествія Витсена—бесѣды молодого голландца съ опальнымъ въ это время патріархомъ Никономъ.

Разсказъ объ этой бесѣдѣ помѣщенъ въ рукописи подъ особымъ заглавіемъ: «Записка о небольшой поѣздкѣ, совершенной мною, во время нашего пребыванія въ Москвѣ, въ Новый Іерусалимъ, гдѣ живетъ его святѣйшество патріархъ россійскій». Эта записка занимаетъ восемь съ половиною листовъ въ рукописи. Приводить ее здѣсь всю цѣликомъ было бы излишне, такъ какъ не все то, что интересовало иностранца въ XVII в., интересно и для насъ теперь: Витсенъ, напримѣръ, очень подробно описываетъ внутреннее убранство церквей и видѣнное имъ патріаршее богослуженіе. Къ сожалѣнію, Витсенъ не называетъ точнаго числа и мѣсяца своей поѣздки; мы знаемъ лишь, что она была въ 1665 году.

Поѣздка совершена была тайкомъ и инкогнито, такъ какъ польскихъ дворянъ, какъ и самого посла, въ Москвѣ въ это время считали необходимымъ держать взаперти. Витсенъ заранѣе испросилъ позволеніе у патріарха и отправился къ нему вдвоемъ съ другимъ голландцемъ, оба подъ видомъ купцовъ изъ Голландіи.

«Выславъ впередъ свой багажъ, оружіе и прочее,—разсказываетъ Витсенъ ¹⁾, — мы, озаботившись, чтобы не вызвать подозрѣній, выѣхали въ послѣобѣденное время. Двѣ даровыя подводы, кормъ и помѣщеніе получили мы по дорогѣ отъ патріаршихъ монаховъ. Вечеромъ, когда уже стемнѣло, мы подѣхали къ большому монастырскому зданію, гдѣ мы поѣли, накормили лошадей и перемѣнили подводы. Отсюда пріѣхали мы въ монастырское село, гдѣ соснули часъ или два, а затѣмъ снова отправились въ путь и утромъ въ семь часовъ оказались у Новаго Іерусалима. Мѣстность здѣсь кругомъ хорошо обработана и густо населена. Монастырь отстоитъ отъ Москвы на 10 миль. Ночью, по дорогѣ, мы слышали, какъ много волковъ выли совѣмъ близко отъ насъ, а при разсвѣтѣ видѣли много лисицъ и разнообразныхъ птицъ.

¹⁾ Мы въ общемъ придерживаемся буквального смысла рукописи, дѣлая однако нѣкоторыя сокращенія и опуская все несущественное.

«Монастырь, называющійся Іерусалимомъ, издали совершенно похожъ на русскую крѣпость; у него 10 или 12 башенъ... У воротъ стоитъ высокая деревянная башня съ красивыми, рѣзными, въ русскомъ стилѣ, украшеніями. Пять или шесть металлическихъ пушекъ стояли внизу, и тутъ же находились десять сторожевыхъ стрѣльцовъ изъ тридцати, присланныхъ царемъ: остальныхъ патріархъ отослалъ обратно. У монастыря большой дворъ. Прежде чѣмъ подойти къ воротамъ съ башнею, приходится пройти мимо дома, въ которомъ его святѣйшество принимаетъ посѣтителей или вообще приходящихъ къ нему лицъ немонашескаго званія. Здѣсь же рядомъ находятся кузницы, литейныя для колоколовъ, кирпичные заводы, конюшни, лавки съ образами, каменоломни и пр., какъ и помѣщенія для рабочихъ. Когда мы вошли во дворъ, насъ привѣтствовали дворянинъ и секретарь патріарха, Діонисій Ивановичъ, который родомъ изъ Риги, но былъ взятъ въ плѣнъ въ Польшѣ и теперь перекрещенъ. Насъ повели въ домъ для гостей, гдѣ тотчасъ покрыли коврами столъ, скамьи» и т. д.

Голландцы, тѣмъ временемъ, приготовились встрѣтить патріарха. Прежде всего, они выставили на видъ привезенные гостинцы: пудъ масла, пять хлѣбовъ, сахаръ, пряности, корзину сѣмянъ и цѣлый большой ящикъ съ различной рассадою, луковицами, цвѣтами и ягодными кустами. Потомъ они выстроились въ рядъ, вмѣстѣ съ секретаремъ, принимавшимъ ихъ, чтобы «бить челомъ» патріарху.

«Когда онъ подошелъ,—говоритъ Витсенъ,—мы всѣ трое очень почтительно ударились головами объ землю, и затѣмъ, поднявшись, предложили ему свои подарки, которые онъ съ удовольствіемъ принялъ, выразивъ намъ свою признательность.

«На крыльцѣ лежалъ большой бѣлый камень. Патріархъ сѣлъ на него и сталъ съ нами бесѣдовать. Мы въ это время стояли передъ нимъ подъ открытымъ небомъ, съ обнаженными головами.

«Онъ разспрашивалъ насъ объ очень многомъ. Между прочимъ, говорилъ о нашей войнѣ и задалъ вопросъ, какъ отпускаютъ посланника.

«Когда мы отвѣчали: плохо! ¹⁾, онъ сказалъ:

— «Вотъ видите, таковы дѣла съ тѣхъ поръ, какъ меня тамъ уже нѣтъ, и какъ уже не спрашиваютъ моего благословія. Теперь они со всѣми спорятся... Когда я еще находился въ Москвѣ, тогда меня винили во всякой неудачѣ! А каково теперь?!

«Послѣ этого онъ сталъ разспрашивать насъ о положеніи всѣхъ государствъ въ мірѣ».

¹⁾ Бореевъ вовсе не былъ отпущенъ «плохо»; самъ онъ былъ вполне доволенъ достигнутымъ, какъ видно изъ отчета, представленнаго имъ генеральнымъ штабомъ. Витсенъ, однако, смотрѣлъ весьма пессимистически на все, видѣнное и испытанное имъ въ Россіи.

Къ сожалѣнію, Витсенъ подробностей объ этой бесѣдѣ не передаетъ.

«Поговоривъ съ нами здѣсь,—читаемъ мы далѣе у Витсена,—патріархъ прошелъ на верхъ и снялъ свою одежду: шапку съ жемчужнымъ крестомъ на ней, дорогой посохъ и парчевую полосатую ризу, и одѣлся въ томъ же родѣ, но попроще... Когда онъ шелъ изъ церкви, за нимъ слѣдовало много священниковъ и монаховъ. Всѣ они были въ клобукахъ, подобно ему, но одѣты совершенно въ черное. Каждый, проходя мимо, отвѣшивалъ земной поклонъ. Многіе подавали челобитья или прошенія. Нѣкоторые изъ нихъ онъ принялъ, другимъ отказалъ и, придя къ намъ, снова сталъ бесѣдовать съ нами.

«Онъ объявилъ, что дѣлаетъ намъ подарокъ: пять ведеръ живой рыбы, большею частью неизвѣстныхъ мнѣ породъ. Онъ обѣщаль послать къ намъ своего повара, чтобы тотъ приготовилъ рыбу по нашему способу.

— «Этотъ новичекъ,—сказалъ онъ, указывая на меня,—вѣроятно, къ нашей пищѣ еще не привыкъ.

«Я отвѣчалъ поклономъ и сказалъ, что все, что его святѣйшеству угодно будетъ сдѣлать, будетъ мнѣ пріятно.

«Послѣ этого онъ попросилъ насъ, чтобы мы теперь же посадили привезенные нами сѣмена и ростки. Мы изъявили свою готовность. Я также принялъ участіе въ этой работѣ, которая происходила въ его присутствіи, при чемъ онъ выражалъ намъ свое одобреніе и даже самъ занялся садовничьею работою»...

Какъ садъ патріарха, такъ и садовые рабочіе его очень не понравились Витсену. «Глупость и неумѣлость ихъ много заставляли насъ смѣяться», говоритъ онъ и, въ видѣ примѣра, указываетъ на то, что рѣдька и петрушка получили лучшія мѣста въ саду патріарха.

Послѣ этой работы, гостей патріарха посадили за столъ въ монастырской «гостиницѣ», какъ выражается нашъ авторъ. Кушанья подавались на серебряныхъ блюдахъ, для питья стояло нѣсколько алебастровыхъ кувшиновъ. Кушаній было десять или одиннадцать, но все рыбныя блюда. Молочнаго ничего не было подано, такъ какъ день былъ постный — среда. Зато было въ волю хорошаго пива, которое пили за здоровье патріарха.

Послѣ обѣда Витсенъ пошелъ осматривать строенія Новаго Іерусалима. Внѣшній видъ монастыря, по словамъ Витсена, красивѣйшаго въ Россіи, равно какъ и внутреннее устройство, скопированное съ церкви Гроба Господня, очень понравились голландцамъ. Они нашли однако, что постройка могла бы подвигаться гораздо скорѣе, при большемъ порядкѣ и присмотрѣ и лучшемъ умѣніи. Мастера и надсмотрщики были, большею частью, поляки и нѣмцы, но, тѣмъ не менѣе, работа велась безпорядочно: кирпичъ былъ до

того плохъ, что при постройкѣ иногда обрушивались цѣлыя стѣны, зимою все недостроенное оставалось подъ снѣгомъ и тамъ портилось такъ, что приходилось весною часть уже сложеннаго разбирать вновь. «Коротко говоря, замѣчаетъ Витсенъ, русскіе гораздо лучше умѣютъ строить деревянныя, чѣмъ каменныя зданія».

Монастырь окруженъ былъ деревянной стѣною съ нѣсколькими деревянными бастіонами. Въ стѣнахъ, однако, не было отверстій для пушекъ и ружей, «чтобы монахи черезъ эти отверстія не таскали водки въ монастырь». Вообще Никонъ очень строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы монахи не напивались.

Послѣ обѣда голландцы пошли запросто гулять съ патріархомъ. Никонъ разспрашивалъ Витсена объ очень многомъ и, между прочимъ, задалъ ему вопросъ; такъ ли красива природа и въ Нидерландахъ, какъ въ Россіи? Онъ велѣлъ позвонить въ большой монастырскій колоколъ и спросилъ Витсена: «Есть ли и въ Амстердамѣ такіе колокола?» Затѣмъ онъ повелъ своихъ гостей въ свой пчельникъ и здѣсь обратился къ нимъ съ такими словами:

— «Говорятъ, нѣмцы хорошо знаютъ счетъ: сосчитайте-ка, сколько у меня тутъ пчель въ моихъ ульяхъ».

Молодому голландскому доктору (Витсенъ незадолго до поѣздки въ 1664 г. получилъ ученую степень въ Лейденѣ) эти вопросы показались очень курьезными.

Вообще, несмотря на любезный пріемъ въ Новомъ Іерусалимѣ, Витсенъ отзывался о патріархѣ неособенно почтительно.

«Это человѣкъ безъ хорошихъ манеръ, пишетъ онъ, очень неуклюжій... Выраженіе лица у него сердитое, онъ крѣпкаго тѣлосложенія, довольно высокаго роста, краснолицый и угреватый. Ему отъ роду шестьдесятъ четыре года. Онъ очень любитъ испанскія вина. У него любимая поговорка, которую онъ всегда кстати или некстати приводитъ: «наши добрыя дѣла». Онъ рѣдко бываетъ боленъ, только передъ непогодю или дождемъ жалуется на ломоту, но, по наступленіи дождя или бури, ему снова становится лучше. Съ тѣхъ поръ какъ онъ выѣхалъ изъ Москвы, теперь уже 7 или 8 лѣтъ, головы его не касалась гребенка»...

Никонъ повелъ своихъ гостей и въ свою бібліотеку или кабинетъ (*studeerkamer*), какъ выражается Витсенъ. Здѣсь оказались однѣ лишь русскія или славянскія книги. Въ другихъ языкахъ патріархъ оказался несвѣдущимъ. Изъ Іерусалима ему прислали письмо, гдѣ приведены были разныя надписи въ мѣстныхъ церквахъ, каковыя Никонъ предполагалъ воспроизвести по-русски въ своемъ монастырѣ. Одна изъ этихъ надписей оказалась латинскою, и патріархъ, «не имѣя никого при себѣ, кто бы зналъ латинскій языкъ», обратился къ Витсену, который и представилъ переводъ надписи.

На другой день патріархъ пригласилъ Витсена и его товарища

послушать церковное пѣніе. Сейчасъ же послѣ того, какъ они встали, они поспѣшили въ монастырь и подождали здѣсь появленія патріарха. Когда онъ пришелъ, они отвѣсили ему земной поклонъ, послѣ чего онъ велѣлъ ихъ повести въ притворъ церкви, откуда они сквозь открытыя двери могли видѣть все. Описаніе видѣнныхъ церемоній занимаетъ въ рукописи Витсена много мѣста. Само собою разумѣется, что для насъ это описаніе мало интересно. Наблюдательный Витсенъ обратилъ вниманіе на недостаточное благоговѣніе монаховъ: «я слышалъ, рассказываетъ онъ, какъ, во время перенесенія Св. Даровъ, одинъ монахъ сказалъ другому: «посторонись, с... сынъ!»

Послѣ продолжительной обѣдни, прослушанной ими, отслужена была еще панихида по нѣкоему бояринѣ, незадолго передъ тѣмъ умершемъ въ Москвѣ. По окончаніи богослуженія, Витсену снова пришлось на крыльцѣ ударить челомъ патріарху.

Послѣ этого голландцы вновь отправились въ монастырскую «гостиницу», гдѣ снова на серебряныхъ блюдахъ имъ было подано десять или одиннадцать разныхъ кушаній, на этотъ разъ скромныхъ, такъ какъ не было поста. Во время обѣда патріархъ, въ знакъ особой милости, прислалъ со своего стола шесть или семь блюдъ рыбы и молочныхъ кушаній, «очень хорошо приготовленныхъ», какъ сообщаетъ Витсенъ, отмѣчающій, что рыба была жарена въ мукѣ и яйцахъ. На прощанье Никонъ еще подарилъ большой хлѣбъ, «локтя въ полтора въ діаметрѣ».

На монастырской подводѣ Витсенъ и его товарищъ отправились обратно и прибыли въ Москву, не бывъ никѣмъ замѣчены.

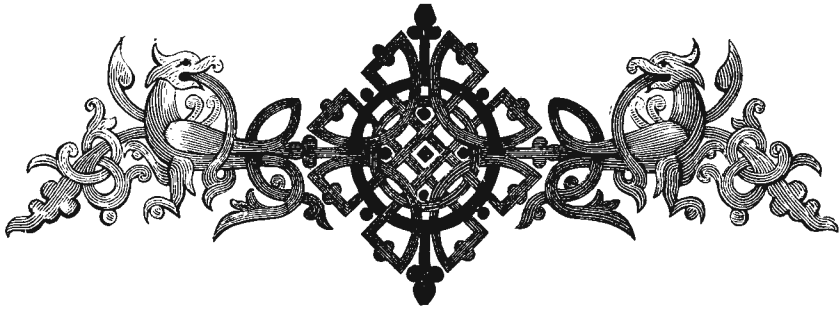
Изъ разговоровъ съ патріархомъ Витсенъ припоминаетъ еще, въ концѣ своего разсказа о поѣздкѣ, нѣкоторыя жалобы Никона.

Патріархъ жаловался на то, что противъ него возводятъ ложныя обвиненія, будто, напримѣръ, онъ не молится за царя. Онъ не могъ рѣшиться повѣсить у себя въ монастырѣ свой портретъ, такъ какъ боялся, что его обвинять въ желаніи при жизни быть сочтеннымъ святымъ. Особенно примирительнаго настроенія онъ, однако, не выказывалъ. Онъ неоднократно говорилъ Витсену:

— «Царю теперь приходится плохо, потому что ему не достаетъ моего благословенія».

Таковъ вкратцѣ разсказъ объ этомъ странномъ «интервью», которое мы находимъ въ рукописи Витсена о его путешествіи въ Москву. Въ виду того, что въ этой рукописи встрѣчается немало еще иныхъ интересныхъ частности, было бы, конечно, весьма желательно скорѣйшее появленіе ея въ печати въ цѣломъ видѣ.

А. М. Ловягинъ.

ВЪ МОРДОВСКОМЪ КРАѢ.

(Изъ замѣтокъ туриста).

АСТЬ лѣтнихъ мѣсяцевъ въ послѣдніе годы мнѣ пришлось провести въ любопытной мѣстности Пензенской губерніи, гдѣ уже около трехъ вѣковъ совмѣстно живутъ двѣ народности—русская и мордовская, по волѣ судьбы помѣнявшись ролями хозяевъ и гостей... Зная отчасти прошлое мордвы, я крайне интересовался результатами трехвѣковаго невольнаго сожителства съ русскими симпатичнаго и даровитаго мордовскаго племени, конечно, результатами не окончательными, до которыхъ еще очень далеко, но, такъ сказать, сегодняшними, текущими. Три вѣка—это не маленькій періодъ въ жизни народа, и онъ долженъ сказаться такъ или иначе.

Дѣлая посильныя наблюденія по интересовавшему меня главному вопросу, я попутно изучалъ вообще жизнь мордвы, не претендуя здѣсь на роль этнографа, вооруженнаго всѣми данными своей науки, но оставаясь въ скромномъ званіи «туриста», конечно, не застрахованнаго отъ ошибокъ. Однако, я старался провѣрять и дополнять свои наблюденія показаніями мѣстныхъ свѣдущихъ людей, долго жившихъ въ томъ краѣ и хорошо знакомыхъ съ настоящимъ положеніемъ мордовскаго племени.

I.

По нѣкоторымъ соображеніямъ я не могу точно обозначить тотъ уголокъ Пензенской губерніи, гдѣ мнѣ пришлось наблюдать жизнь мордвы. Для моей цѣли вполне достаточно, если я скажу, что мои наблюденія произведены среди мордовскаго племени «мокша» и именно на рубежѣ между этимъ и другимъ мордовскимъ племенемъ «ерзя» (ерзя). Мнѣ приходилось встрѣчаться съ представителями и мордвы-ерзя, но жилъ я и сдѣлалъ наибольшее количество наблюденій среди мордвы-мокши. Впрочемъ, существенная разница между этими племенами заключается только въ языкѣ: рѣдкія слова мордвы-ерзя совпадаютъ или близки къ однозначацимъ словамъ на языкѣ мордвы-мокши.

Послѣдняя получила свое имя отъ рѣки Мокши, по берегамъ которой тянутся главныя поселенія этой мордвы. Рѣка эта довольно значительныхъ размѣровъ и протяженія, но является сплавною и отчасти судоходною только въ нижнемъ своемъ теченіи, недалеко отъ впаденія въ рѣку Оку (въ предѣлахъ Нижегородской губ.). Въ среднемъ же и верхнемъ теченіи рѣка Мокша играетъ другую и болѣе крупную роль въ жизни прирѣчнаго населенія: она течетъ въ широкой долинѣ (отъ 3 до 5 верстъ ширины и больше), которая весною заливается ея водами и образуетъ отличные луга. Именно эти луга издавна привлекали сюда населеніе, густо осѣвшее по рѣчной долинѣ и сравнительно очень разрѣженное въ сторонѣ отъ нея.

Описываемая мною мѣстность до недавняго времени представляла одинъ изъ «медвѣжьихъ угловъ» богатой ими Пензенской губерніи, откуда нужно 2—3 сутокъ скакать на перекладныхъ до ближайшаго культурнаго уголка—станціи желѣзной дороги. Но лѣтъ 5—6 назадъ здѣсь прошла своя линія желѣзной дороги, начинающая «оборудовать» край. Правда, это всего только пресловутая казанская дорога—очень неважный представитель культуры на желѣзнодорожной подкладкѣ... Но все же и она нѣсколько оживила этотъ мордовскій медвѣжий уголокъ, внесла въ него кое-что новое, а въ будущемъ ея вліяніе скажется еще замѣтнѣе. Пока же мордва все еще какъ бы сторонится чугунки и съ большимъ недоумѣніемъ относится къ ней. Не забуду, какъ на одномъ переѣздѣ, при обычномъ черепашьемъ ходѣ поѣзда, пассажиры могли хорошо рассмотреть на откосѣ полотноя фигуры двухъ миловидныхъ мордовочекъ, которыя съ искаженными отъ испуга, блѣдными лицами крестились, глядя на нашъ поѣздъ...

Мѣстность, о которой я говорю, довольно густо населенная. Здѣсь на близкомъ другъ отъ друга разстояніи сгруппировалось 5—6 уѣздныхъ и заштатныхъ городовъ Пензенской и Тамбовской губерніи.

Правда, всѣ они въ сущности совѣмъ не города, а скорѣе большія села, частію торговыя. Тотъ жалкій городокъ, въ уѣздѣ котораго я жилъ, на половину населенъ русскими крестьянами, занимающимися землею, какъ въ любомъ селѣ. Торговля въ городишкѣ ничтожная, нѣсколько оживляющаяся въ базарные дни, когда съѣзжается сосѣднее крестьянство съ своими продуктами. Въ теченіе года бываетъ нѣсколько ярмарокъ съ ничтожными оборотами. Населенія въ городѣ всего около 3 тысячъ.

Но все же и этотъ городокъ, и остальные городки округи играютъ роль хотя бы и зачаточныхъ центриковъ кое-какой культуры, да и вообще довольно замѣтны уже однѣми цифрами своего населенія. Села и деревни, мордовскія и русскія, не даютъ цифръ: крайне рѣдки селенія въ 1.000 душъ, а большинство даетъ далеко ниже этой цифры. Мордовскія селенія вообще не многолюдны, а съ недавняго времени, когда начались переселенія, стали еще малолюднѣе.

Поселенія мордвы сидятъ вообще отдѣльно отъ русскихъ селеній и подальше отъ нихъ. Но встрѣчаются исключенія, когда припельцы - русскіе облюбовали близкіе къ мордовскимъ селеніямъ пункты, или самыя мѣста этихъ селеній, и тамъ осѣлись, изгнавши мордву или отгѣснивши ее въ сторону. Происходило это очень давно, въ моменты заселенія края русскими (въ XVII вѣкѣ), когда съ мордвою не церемонились и устраивали на ея землѣ русскія поселенія, не добиваясь согласія хозяевъ земли... Сомнительно, въ виду всегда враждебныхъ въ прошломъ отношеній мордвы къ русскимъ, чтобы русская колонизація края прибѣгала тогда къ добровольнымъ сдѣлкамъ съ мордвою относительно земли. Мордовскія земли русскіе занимали насильно и селились, гдѣ хотѣли. Оттого-то и существуютъ русскія селенія не только вблизи мордовскихъ, но и совершенно рядомъ съ ними, бокъ-о-бокъ.

Напримѣръ, то село, гдѣ я жилъ, состоитъ изъ 4 поселковъ, примыкающихъ другъ къ другу: 3 поселка русскихъ (два бывшихъ государственныхъ и одинъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ) и одинъ мордовскій поселокъ. Послѣдній, несомнѣнно, сидитъ здѣсь съ незапамятныхъ временъ и владѣлъ нѣкогда всѣми тѣми землями, которыя теперь принадлежатъ русскимъ крестьянамъ и барской усадьбѣ села. Затѣмъ, сначала здѣсь осѣлся одинъ русскій поселокъ (который носитъ то же названіе, что и мордовскій), потомъ другой (называется почему-то «Ясакомъ»), оба бывшихъ казенныхъ крестьянъ. А позже появился здѣсь помѣщикъ, построилъ усадьбу, церковь и около нея новый поселокъ для своихъ крестьянъ, откуда-то перенесенныхъ.

Любопытно, что этотъ помѣщикъ носилъ фамилію (извѣстную дворянскую) того воеводы, который въ XVII вѣкѣ отличился особенно энергичнымъ усмиреніемъ мордовскаго бунта въ той же мѣстности, во время Разинскаго возстанія. Не знаю, самъ ли этотъ вое-

вода, пролившій тогда потоки мордовской крови, облюбовалъ этотъ мордовскій уголокъ и получилъ его въ награду за свои «подвиги», или же здѣсь поселилось уже его потомство. Во всякомъ случаѣ этой столбовой и богатой фамиліи принадлежало нѣсколько сель и деревень въ округѣ вплоть до уничтоженія крѣпостнаго права. А теперь всѣ владѣнія этой фамиліи перешли къ новымъ землевладѣльцамъ, и память о грозномъ усмирителѣ мордовскаго возстанія совершенно замираетъ... Остались только на сельскомъ погостѣ надгробные памятники представителей этой фамиліи, да въ сосѣднемъ русскомъ селѣ, гдѣ была ея главная резиденція, сохранилась фамильная усыпальница, но—по ироніи судьбы!—въ самомъ жалкомъ, полуразрушенномъ видѣ: своды полуобвалились и на видяющіеся гробы съ останками именитой фамиліи свободно льются потоки дождя и весеннихъ водъ, словно кто-то хочетъ смыть съ фамиліи грѣхи ея предка—воеводы, или оплакать его кровавые подвиги...

Нѣкоторую особенность среди русскаго населенія края представляютъ «калугеры», какъ здѣсь называютъ старообрядцевъ. Встрѣчаются деревни, сплошь населенныя старообрядцами, или въ перемежку съ православными дворами. Старообрядчество здѣсь никогда не было сильно и крѣпко, а теперь видимо еще болѣе ослабѣваетъ, мѣстами же совершенно замираетъ. Цѣлыя деревни собираются переходить въ единовѣріе и православіе. И раньше мѣстное старообрядчество не имѣло, а теперь и подавно не можетъ имѣть никакого вліянія на мордву. Старообрядчество жило и прозябаетъ только среди русскаго населенія. Къ «вѣрѣ» калугеровъ мордва относится съ приличною терпимостью.

II.

Въ характерѣ мѣстной мордвы неволью наблюдается какое-то горделивое спокойствіе, порядочность и сдержанность, полная сознанія своего достоинства и чуждая всякаго рода выходокъ, рѣзкостей, крайностей. Посмотрите, съ какимъ достоинствомъ и какъ свободно мордвинъ съ вами говоритъ, какъ непринужденно раскланивается, какъ легко протягиваетъ вамъ руку, если вы достаточно съ нимъ знакомы, не обращая вниманія на разницу въ общественномъ положеніи между имъ и вами. Все это неволью бросается въ глаза, особенно при сравненіи съ мѣстнымъ русскимъ крестьянствомъ, на которомъ и доселѣ еще не успѣли изгладиться слѣды недавняго рабства, съ его приниженностью, холопствомъ, заискиваніемъ предъ высшими и т. п. несимпатичными чертами.

Въ пользу мордвы говоритъ даже ихъ внѣшность: все это по большей части народъ крупный, высокаго роста, видимо хорошо питающійся, здоровый, съ открытымъ и чистымъ лицомъ, смѣлымъ взглядомъ, съ свободными, непринужденными движеніями. Стат-

ностью фигуры особенно отличаются женщины, вообще миловидныя, а нерѣдко и положительныя красавицы. Особенную прелесть имъ придаетъ ихъ праздничный, оригинальный мордовскій костюмъ, нѣсколько напоминающій малороссійскій женскій нарядъ и особенно идущій къ молодымъ лицамъ и фигурамъ. Конечно, этотъ національный мордовскій нарядъ лишь въ слабой степени походитъ на то, что величаютъ «мордовскимъ костюмомъ» русскія барыни. Особенно оригиналенъ головной уборъ мордовокъ, съ его металлическими подвѣсками (изъ монетъ и проч.), которыя довольно гармонично звенятъ при всякомъ движеніи мордовокъ.

Не знаю, былъ ли раньше и у мужчинъ мордвы свой національный костюмъ, но теперь его нѣтъ, и по костюму вы не отличите мордвина отъ русскаго крестьянина. Впрочемъ, нѣкоторая особенность и здѣсь встрѣчается, именно—преобладаніе у мордвы костюмовъ (верхнихъ и нижнихъ) бѣлаго цвѣта, тогда какъ синій, красный и др. цвѣта не въ ходу. Кромѣ того, невольно бросается въ глаза приверженность къ старому покрою крестьянскаго платья и нелюбовь къ «моднымъ» среди русскихъ крестьянъ пиджакамъ, жилетамъ и т. п. Думаю, однако, что этнографы сумѣютъ найти немалую разницу въ самомъ покроѣ, въ украшеніяхъ и разныхъ мелочахъ мордовскаго и русскаго мужскаго костюма.

Но существенная разница между мордовою и русскими заключается, конечно, не въ костюмахъ, а въ главномъ народномъ богатствѣ—въ языкѣ. Среди мордвы въ полномъ и нисколько не замирающемъ ходу находится именно мордовскій, а не русскій языкъ. Мордва знакома и съ послѣднимъ, но какъ съ языкомъ государственнымъ, необходимымъ для сношеній съ русскими властями и сосѣднимъ русскимъ населеніемъ. Но у себя дома—въ семьѣ, на сходкахъ сельскаго міра (въ чисто мордовскихъ селеніяхъ), на работахъ, бѣсѣдахъ, гульбищахъ, словомъ вездѣ, гдѣ собирается одна мордва, или гдѣ она только преобладаетъ,—всегда тутъ въ ходу одинъ мордовскій языкъ. Русскій языкъ лучше знаютъ мужчины, чѣмъ женщины, такъ какъ первые чаще соприкасаются съ русскими, какъ на мѣстѣ, такъ особенно въ отхожихъ промыслахъ, главнымъ образомъ на Волгѣ и въ Поволжѣ. Распространенію среди мордвы-мужчинъ русскаго языка особенно сильно содѣйствовала русская школа, съ ея обязательнымъ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ.

Но женскихъ школъ мало въ мордовскихъ селеніяхъ, и мордва не такъ охотно отпускаетъ въ школы дѣвочекъ, какъ мальчиковъ. Притомъ, женщины-мордовки менѣе подвижны, чѣмъ мужчины, менѣе сходятся съ окрестнымъ русскимъ населеніемъ и только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ бросаютъ свою родину и отправляются въ отхожіе промыслы. Оттого только немногія мордовки говорятъ порусски, да и то очень плохо, или даже еле-еле понимаютъ русскую рѣчь, а большинство мордовокъ (особенно старухи и дѣти) со-

вершенно не знаютъ и не понимаютъ русскаго языка. Часто приходится встрѣчаться здѣсь съ такими, напримѣръ, сценами, когда во время говѣнья мордвокъ священникъ сбиваетъ ихъ въ кучу и всей этой, ничего не понимающей порусски, толпѣ задаетъ общіе вопросы о «грѣхахъ», а толпа мордвокъ что-то бормочетъ по-своему, или молча отвѣшиваетъ батюшкѣ поклоны на каждый его вопросъ... Мордовки такъ привыкли къ этой формалистикѣ, что когда въ одномъ селѣ появился молодой священникъ, знающій мордовскій языкъ, при первой же исповѣди въ великомъ посту мордовки, по обычаю, сунулись толпою къ священнику и немало были поражены, когда тотъ сталъ исповѣдывать каждую отдѣльно и помордовски.

Только что упомянутый священникъ изучилъ мордовскій языкъ по необходимости еще раньше, когда священствовалъ въ глухома мордовскомъ селеніи сосѣдняго уѣзда, гдѣ не только женское, но и мужское населеніе безусловно не знали и не понимали русскаго языка. На первыхъ порахъ священнику приходилось обращаться къ помощи переводчика, пока онъ самъ достаточно не освоился съ мордовскою рѣчью. А такихъ глухихъ селъ и деревень, гдѣ вся мордва поголовно знаетъ только свой языкъ, еще очень достаточно.

Если же мордва сумѣла до сихъ поръ, несмотря на трехвѣковое сожительство съ русскими, сохранить цѣликомъ свой родной языкъ и не подумала о замѣнѣ его русскимъ, значить въ мордвѣ и доселѣ крѣпко сидитъ сознаніе своей народности и ея отличія какъ отъ русской, такъ и отъ другихъ народностей — татарской, чувашской и проч. Мордвинъ сознаетъ себя именно и только мордвиномъ, но отнюдь не русскимъ. Свою государственную связь съ сосѣднимъ русскимъ, татарскимъ и другимъ населеніемъ мордва отлично понимаетъ, но это нисколько не мѣшаетъ ей въ то же время чувствовать свою принадлежность къ особой народности, отличной отъ другихъ.

Это народное самосознаніе сказывается у мордвы постоянно, на каждомъ шагу, и особенно рѣзко подчеркивается оно въ сношеніяхъ съ русскими... Первая и главная здѣсь черта, рѣзко бросающаяся въ глаза при сношеніяхъ мордвы съ русскими, — это необыкновенная сдержанность первой и видимое нежеланіе войти въ интимныя отношенія, когда душа бываетъ, что называется, нараспашку... Какъ бы вы, русскій, ни сошлись близко съ мордвиномъ, даже до степени несомнѣнной дружбы, онъ никогда не откроетъ вамъ вполнѣ своей души и не позволитъ войти въ ея интимную жизнь и интересы. Онъ будетъ откровенничать съ вами на счетъ своихъ личныхъ дѣлъ — въ хозяйствѣ, семьѣ и проч., охотно заговорить съ вами даже о дѣлахъ общественныхъ — своего «міра», волости, уѣзда, не станетъ молчать, когда вы заведете рѣчь о земствѣ, школахъ, духовенствѣ и пр. и пр. Но только что и самымъ осторожнымъ образомъ вы коснетесь его отношеній къ русскимъ и вообще

его мордовскаго самосознанія, — онъ сейчасъ же замолчить, съежится, заберется въ свою скорлупу, словно вы задѣли самое больное для него мѣсто и бередите какія-то старыя, еще не зажившія раны...

Мнѣ, какъ случайному и пришлому человѣку въ описываемой мѣстности и, притомъ, поставленному въ такія условія (я жилъ въ «барской усадьбѣ»), которыя даже въ глазахъ русскаго крестьянина являются большою помѣхою для искренняго сближенія, мнѣ нельзя было и рассчитывать на сближеніе съ мордвою, хотя бы на пріятельской ногѣ. Однако, судьба неожиданно послала мнѣ такого «пріятели» въ лицѣ одного пришлаго мордвина изъ «ерзи». Это былъ караульщикъ фруктоваго сада въ усадьбѣ, снятаго въ аренду его односельчаниномъ — тоже мордвиномъ. Въ теченіе почти мѣсяца я настолько сблизился съ своимъ мордовскимъ «пріятелемъ» Василиемъ, что онъ наконецъ сталъ удостоивать меня рукопожатія.

Это былъ очень бывалый человѣкъ, искрестившій вдоль и поперекъ и свою Тамбовскую губернію, и сосѣднія губерніи, и чуть ли не все Поволжье. Дѣлалось это имъ не ради наклонности къ бродяжничеству, а въ силу крайней необходимости прокормить свою семью, сидѣвшую на нищенскомъ надѣлѣ — что-то около 10 квадратныхъ сажень... Гдѣ только онъ не работалъ и чѣмъ только не служилъ на своемъ еще не долгомъ вѣку (около 35 лѣтъ): на заводахъ, фабрикахъ, въ землевладѣльческихъ хозяйствахъ, въ садахъ, на пароходахъ, былъ разъ половымъ въ деревенскомъ трактирѣ и проч. и проч. За время этихъ странствованій онъ выучился отлично говорить порусски, умѣлъ и любилъ рассказывать. Скучная должность караульщика заставляла его отыскивать собесѣдниковъ, и онъ видимо былъ радъ, когда нашелъ во мнѣ такого собесѣдника.

Цѣлые часы приходилось съ нимъ бесѣдовать, выслушать всю длинную эпопею его походовъ въ поискахъ работы, познакомиться заочно съ его семьею, сельскимъ міромъ, его горестями и надеждами. Василій становился все откровеннѣе и относился ко мнѣ съ довѣріемъ. Скоро мы перешли въ нашихъ бесѣдахъ на болѣе интересную для меня тему — о жизни мордвы, о ея прошломъ и настоящемъ, и тутъ Василій сначала былъ очень словоохотливъ, пока мои разспросы вертѣлись на внѣшней сторонѣ мордовской жизни. Напримѣръ, какъ-то онъ чуть не цѣлую лекцію прочиталъ по вопросу о разницѣ между языками мордвы — ерзи и мокши. Самъ онъ былъ изъ ерзи, но отлично зналъ и языкъ мокши. Очень умѣло онъ подбиралъ мнѣ такія слова на томъ и другомъ языкахъ, между которыми ни въ одномъ звукѣ не было и тѣни сходства, подобія.

Но когда я, считая наши отношенія достаточно установившимися и пріятельскими, началъ дѣлать попытки, чтобы проникнуть въ тайники мордовскаго самосознанія собесѣдника, мой Василій рѣшительно тому воспротивился... Какъ-то спрашиваю его:

— Отчего вы, мордва, не женитесь на русскихъ дѣвушкахъ!

— Зачѣмъ своихъ обижать! Мы станемъ жениться на русскихъ, а наши будутъ сидѣть въ дѣвкахъ?!... Нѣтъ, мордвы не передупишь!.. мордвы много!..

— Что ты, Василий! Кто это васъ собирается «душить»? откуда ты это взялъ?..

— Нѣтъ, это я такъ... Эге!.. да никакъ что-то зашуршало у забора, дай-ка, побѣгу...

И спокойно растянувшійся на травѣ Василий мигомъ вскочилъ на ноги и удралъ куда-то въ садъ, гдѣ не было слышно никакого шуршанья (бесѣда шла днемъ)... Тѣмъ и кончилась моя первая попытка развязать языкъ Василія на болѣе глубокия темы...

Во всякомъ случаѣ, невольна вырвавшаяся у Василія и ничѣмъ съ моей стороны не вызванная фраза, что «мордвы не передупишь»,— очень знаменательна въ устахъ мордвина... Это—невольный, сорвавшійся съ языка отвѣтъ на какую-то тайную думу мордовской души, опасавшейся какого-то истребленія, исчезновенія мордовскаго племени... Если даже допустить, что въ моемъ вопросѣ о женитьбѣ мордвы на русскихъ дѣвушкахъ Василий увидѣлъ намекъ на возможность превращенія такимъ путемъ мордвы въ русскихъ, это тѣмъ болѣе говоритъ о большой чуткости его души и ея ревнивой отзывчивости даже на тѣнь малѣйшаго покушенія противъ мордовской народности...

Все-таки я допускалъ, что Василий еще не можетъ быть со мною вполне откровененъ, и сталъ выжидать, пока мы еще болѣе сблизимся. Прошло такъ еще нѣсколько времени, наши ежедневныя и продолжительныя бесѣды шли своимъ чередомъ, вращаясь около разнообразныхъ предметовъ, но ни разу не возвращаясь къ тому вопросу, который меня всего болѣе интересовалъ, о чемъ зналъ уже и Василий, но видимо нарочно избѣгалъ этого вопроса... Наконецъ, я не выдержалъ и сталъ рассказывать ему, что еще недавно въ томъ селѣ, гдѣ мы находились, у мордвы были въ ходу фигурки своихъ «мордовскихъ боговъ», а подъ селомъ указываютъ мѣсто мордовскаго мольбища, подъ названіемъ «Мокрый кустъ»... Только что я кончилъ это и собирался задать Василю вопросъ: были ли и въ его селѣ «боги» и мольбище?—какъ Василий, не дождавшись моего вопроса и предугадывая его, живо замѣтилъ мнѣ, словно позаученному:

— Никакихъ боговъ и мольбищъ у насъ нѣтъ! мы крещеные, давно крещеные... Дѣды и прадѣды не помнятъ, когда мордва была некрещеною...

И какъ бы въ подтвержденіе онъ указалъ на тѣльной крестъ, который всегда у него былъ виденъ поверхъ рубахи. Пришлось прекратить и эту бесѣду, такъ какъ Василий казался даже обиженнымъ, будто я заподозрѣвалъ его въ тайномъ язычествѣ...

Была у меня еще одна попытка завести съ нимъ разговоръ о прошлой исторіи мордовскаго племени, но также окончилась неудачею... Спрашиваю его какъ-то, не слыхалъ ли онъ чего отъ отцовъ и дѣдовъ о томъ времени, когда въ ихъ краѣ не было русскихъ, и жила одна мордва...

— А развѣ это было?—спрашиваетъ Василій.

— Да, было, но очень давно...

— Ничего не слышалъ...

И однако онъ не поинтересовался узнать отъ меня, когда это было, и когда пришли сюда русскіе... А человѣкъ онъ былъ въ высшей степени любознательный, хорошо освѣдомленный въ жизни современной мордвы и безусловно преданный ея интересамъ. Если бы для него, дѣйствительно, было новинкою то, о чемъ я съ нимъ заговорилъ, то онъ, какъ въ тысячѣ другихъ аналогичныхъ случаевъ, постарался бы непременно узнать отъ меня все то, что я знаю... Здѣсь же онъ поступилъ совершенно обратно: онъ замолчалъ, услышавъ отъ меня якобы новинку для него... Очевидно, прошлое своего народа онъ знаетъ лучше меня, но считаетъ не то излишнимъ, не то небезопаснымъ знакомить меня съ этимъ прошлымъ...

На такую сдержанность и недовѣріе мордвы приходится наталкиваться, вѣроятно, всѣмъ русскимъ, желающимъ войти въ болѣе близкія отношенія съ этимъ народомъ. Для меня оказанное пріятелемъ-мордвиномъ недовѣріе было тѣмъ удивительнѣе, что я былъ для него совершенно частнымъ человѣкомъ, не имѣвшимъ къ нему никакихъ обязательныхъ отношеній. Даже онъ знаетъ, что я по своей профессіи никогда не принадлежалъ и не состою въ сомнѣіи какихъ бы то ни было «властей»... И тѣмъ не менѣе для мордвина слишкомъ было достаточно и много сказано въ одномъ словѣ, что я «русскій»: предъ русскимъ, даже предъ пріятелемъ, всякій мордвинъ обязательно надѣваетъ маску и, при всей корректности и порядочности отношеній, становится непроницаемымъ и сдержаннымъ...

Не станемъ винить за это мордву: достаточно вспомнить отношенія къ ней русскихъ въ прошломъ, чтобы видѣть, что здѣсь мы собираемъ лишь плоды того, что тогда посѣяли...

III.

Я не знаю другого инородческаго племени Европейской Россіи (не говорю объ инородцахъ Кавказа и Сибири), въ прошлыхъ судьбахъ котораго было бы столько трагическаго элемента, какъ у мордвы. Долго живя самостоятельной жизнью, разбившись на нѣсколько отдѣльныхъ княжествъ, управляемыхъ своими мордовскими князьями, мордва столкнулась съ русскими очень рано, на самыхъ первыхъ

порахъ зарожденія русской государственности. И съ тѣхъ поръ и, такъ сказать до вчерашняго дня (до нынѣшняго столѣтія) вся жизнь мордвы, какъ народа, прошла въ упорной и неустанной борьбѣ съ русскими за свою независимость и самостоятельность... Конечно, побѣда осталась за болѣе сильнымъ племенемъ, но мордвѣ есть чѣмъ помянуть свое прошлое, есть чѣмъ гордиться въ немъ, какъ есть основаніе не питать особыхъ симпатій къ своимъ побѣдителямъ, покорившимъ мордву больше мечемъ да огнемъ...

Долго и упорно отстаивали мордовскіе князья свою независимость сначала отъ русскихъ сосѣднихъ удѣльныхъ князей (Нижегородскихъ, Владимірскихъ, Рязанскихъ и др.), которыхъ не разъ мордва разбивала, затѣмъ отъ Московскаго государства. Временами мордва мирилась съ русскими, даже въ союзѣ съ ними воевала противъ татаръ и также несла на себѣ татарское иго. Часть мордвы въ первый разъ присягнула Москвѣ еще при царѣ Иванѣ IV. Но въ общемъ борьба съ Москвою шла неустанно, несмотря на эти временные союзы и частичныя присяги на вѣрнопопданничество.

Тяжелыя для Москвы обстоятельства Смутнаго времени подняли на ноги всю мордву въ предѣлахъ нынѣшнихъ Нижегородской, Тамбовской, Пензенской и др. губерній. Особенно энергично было возстаніе нижегородской мордвы, которая два раза (въ 1606 и 1609 гг.) доходила до Нижняго и держала городъ въ осадѣ... Замиреніе мордвы обошлось тогда русскимъ недешево и стоило немалыхъ усилій.

Въ 1662 г. пермская мордва принимала очень дѣятельное участіе во всеобщемъ заговорѣ сибирскихъ инородцевъ противъ русскихъ и въ открытомъ бунтѣ, когда пермскими инородцами былъ осажденъ и взятъ городъ Кунгуръ, и проч.

Въ Разинскій бунтъ снова поголовно поднялась вся мордва — Нижегородская, Тамбовская, Пензенская, Симбирская и проч. Главный очагъ возстанія находился именно въ описываемой мною сѣверо-западной части Пензенской губерніи. Въ 1670 г. «воровскіе казаки» Степана Разина появились въ этой мѣстности и, при помощи немедленно возставшихъ и примкнувшихъ къ нимъ мордвы и татаръ, овладѣли русскими городами Саранскомъ, Инсаромъ, Краснослободскомъ, Наровчатомъ, Нижнимъ и Верхнимъ Ломовыми и друг. Долго здѣсь хозяйничали разинцы, вмѣстѣ съ мордвою и татарами, пока не появились русскія войска, принявшіяся изгонять разинскихъ казаковъ и усмирять инородцевъ. Едва къ концу слѣдующаго 1671 г. русскимъ воеводамъ удалось сломить мятежъ, заливши весь край потоками инородческой крови и разоривши его основательно... Недаромъ обошлось и русскимъ это усмиреніе взволнованнаго разинцами края, но мордва, несомнѣнно, пострадала значительно и надолго сохранила въ своей памяти кровавыя дѣянія усмирителей...

То же самое происходило вездѣ при усмирении возставшей съ разинцами мордвы — въ Нижегородской и др. губерніяхъ. Однако, это не мѣшало мордвѣ по мѣстамъ подниматься противъ русскихъ и позже, въ XVIII вѣкѣ. Извѣстны, напримѣръ, довольно серьезные волненія среди нижегородской мордвы въ 1743—1745 гг. и проч.

Довольно всеобщимъ можно назвать участіе мордвы и въ бунтѣ Емельяна Пугачова, при усмирении котораго мордва опять и очень чувствительно пострадала. Двухъ этихъ уроковъ русской власти—въ Разинскій и Пугачовскій бунты, было чрезчуръ достаточно для мордвы, чтобы отказаться въ будущемъ отъ всякихъ посползовеній на всеобщіе заговоры и бунты. Но мѣстныя возстанія и волненія среди мордвы идутъ нескончаемой лентой и въ истекающемъ столѣтіи... Достаточно вспомнить, напримѣръ, извѣстныя волненія въ первой половинѣ нашего вѣка среди нижегородской мордвы, когда появился тамъ и нѣсколько лѣтъ дѣйствовалъ «Кузька—мордовскій богъ», съ замашками и тенденціями не столько «бога», сколько народнаго диктатора...

Въ ближайшемъ прошломъ нѣкоторую долю вліянія на примиреніе мордвы съ русскою дѣйствительностію оказало то обстоятельство, что всѣ мордовскія селенія (за крайне рѣдкими и непонятными исключеніями) были причислены къ разряду поселеній «государственныхъ крестьянъ». Такимъ образомъ, мордва избѣжала помѣщичьяго крѣпостнаго права, со всѣми прелестями котораго она могла воочию познакомиться на примѣрѣ своихъ сосѣдей-русскихъ, помѣщичьихъ крестьянъ... Врядъ ли эта мѣра была принята въ свое время русскими властями именно въ видахъ примиренія мордвы съ русскою государственностію. Во всякомъ случаѣ, она сыграла свою роль, хотя съ другой стороны—роль обоюдоострую... Справедливо находя большую разницу между своимъ довольно свободнымъ положеніемъ государственныхъ крестьянъ и полнымъ рабствомъ русскихъ помѣщичьихъ крестьянъ, мордва естественно отличала себя отъ русскихъ и смотрѣла на послѣднихъ, какъ на низшую, по рукамъ и ногамъ закрѣпощенную народность...

Въ настоящее время нѣтъ уже такой существенной разницы въ социальномъ положеніи мордвы и русскихъ крестьянъ — всѣхъ сравняла великая реформа 1861 года. Но, тѣмъ не менѣе, мордва продолжаетъ отличать себя отъ русскихъ и смотрѣть на послѣднихъ не то какъ бы свысока, не то какъ-то снисходительно, какъ высшая раса относится къ низшей... Конечно, здѣсь сказывается не столько переживание традицій временъ крѣпостничества, сколько неумирающая въ мордвѣ преданность своей народности, глубокая вѣра въ свое народное самосознаніе, да воспоминанія о прошлыхъ судьбахъ своего народа, самостоятельно владѣвшаго роднымъ краемъ задолго до нашествія русскихъ... Трехвѣковое сожителство съ

русскими не убило этого національнаго самосознанія мордвы и не заставило ихъ превратиться въ русскихъ.

Знаеть ли мордва той мѣстности, которую я описываю, прошлую исторію своего края,—для меня это несомнѣнно, хотя наглядно въ томъ убѣдиться я не могъ, вслѣдствіе выше указанной сдержанности мордвы при всякихъ, даже очень близкихъ отношеніяхъ къ русскимъ.

Описываемый край принадлежитъ къ кореннымъ мѣстамъ обитанія мордвы. Недаромъ главная артерія края — р. Мокша — дала имя одному изъ сильнѣйшихъ мордовскихъ племенъ. Имена сель, деревень, рѣкъ, озеръ, урочищъ — все это мордовскія имена. Любопытно, что даже русскія поселенія, за рѣдкими исключеніями, носятъ мордовскія имена или сосѣднихъ мордовскихъ селеній, или тѣхъ старыхъ, уже не существующихъ мордовскихъ поселковъ, на мѣстѣ которыхъ усѣлись русскіе.

Городокъ, въ уѣздѣ котораго я жилъ, въ русскихъ официальныхъ документахъ XVIII в. называется не городомъ, а «городищемъ», что ясно свидѣтельствуетъ о глубокой древности этого поселенія. И дѣйствительно, среди мѣстной мордвы доселѣ живеть преданіе, что этотъ нынѣ русскій городъ когда-то былъ столицею одного изъ мордовскихъ ихъ княжествъ. Говорятъ, что городъ получилъ свое имя отъ одной княжны, или княгини, княжившей въ немъ.

Кромѣ этого города, имѣющаго въ своей топографіи всѣ характерныя признаки древняго «городища», никакихъ другихъ городищъ не указываютъ въ окрестностяхъ, а могильные курганы встрѣчаются очень рѣдко.

IV.

Мнѣ кажется, изъ предыдущихъ замѣтокъ уже достаточно выяснился характеръ нынѣшнихъ отношеній мордвы къ русскимъ: это именно отношенія побѣжденныхъ къ побѣдителю, въ силу необходимости приличныя и корректныя снаружи, но въ тайникахъ мордовской души рѣшительно и очень далекія, не допускающія и тѣни возможности въ близкомъ будущемъ полнаго объединенія ихъ съ русскими, окончательнаго претворенія мордвы въ русскихъ... Такой характеръ мордовско-русскихъ отношеній проявляется всюду, на каждомъ шагу. Съ внѣшней стороны здѣсь все обстоитъ благополучно: мордва, особенно мужчины, не чуждаются своихъ русскихъ сосѣдей и постоянно съ ними сходятся—вмѣстѣ работаютъ, вмѣстѣ обсуждаютъ свси общественныя дѣла на мірскихъ и другихъ сходкахъ, вмѣстѣ иногда и веселятся, бываютъ другъ у друга въ гостяхъ, молятся въ одномъ храмѣ, учатся въ одной школѣ, пьютъ въ одномъ кабакѣ... И при всемъ томъ мордвинъ никогда не забываетъ, что онъ именно и только мордвинъ и всегда отличаетъ

себя отъ русскаго. Сказывается это въ тысячахъ мелочей, подчасъ неуловимыхъ—въ какомъ нибудь косомъ взглядѣ, въ иронической улыбкѣ, въ тонѣ рѣчи, манерахъ обращенія и т. п. Долгая практика выработала въ мордвинѣ искуснаго дипломата, ловко скрывающаго свои истинныя чувства подъ маскою то любезнаго, то индифферентнаго отношенія къ русскимъ...

Мой пріятель-мордвинъ мѣтко выразился, что мордва съ русскими только «такъ сходится», т. е. только по нуждѣ—для работы и проч., да по пустякамъ—для игръ, бесѣдъ и т. п. Но серьезныхъ и прочныхъ связей между ними не зарождается, и въ интимныя отношенія они не входятъ. Достаточно сказать, что самая крѣпкая основа для полнаго объединенія двухъ народностей — браки также рѣдки между мордвою и русскими, какъ между русскими и татарами, русскими и евреями и т. п. Если и бываютъ эти рѣдкія исключенія—мордовско-русскіе браки, то всегда на общечеловѣческой романической подкладкѣ, дозволяющей всякое игнорированіе народности, вѣры, социальнаго положенія и проч. Такіе исключительные романческіе браки между мордвою и русскими еще болѣе подтверждаютъ общее убѣжденіе мордвы, что у ней съ русскими не должно быть брачныхъ отношеній, чтобы «не обижать своихъ мордвоковъ»... Нельзя также не замѣтить, что такое отрицательное отношеніе къ смѣшаннымъ бракамъ замѣчается всего болѣе именно у мордвы и всего менѣе у русскихъ: послѣдніе весьма не прочь родниться съ мордвою, болѣе богатою въ физическомъ и матеріальномъ отношеніяхъ, если бы не встрѣчали постояннаго и упорнаго противодѣйствія въ томъ со стороны мордвы. Мордва ревниво бережетъ своихъ дѣвушекъ для себя и добровольно не отдаетъ ихъ за русскихъ. Послѣднимъ, въ случаѣ завязавшагося романа съ мордвою, приходится дѣлать неимоверныя усилія, чтобы увѣнчать свою связь бракомъ, для чего почти всегда приходится прибѣгать къ тайному увозу полюбившейся дѣвушки. Легче, конечно, устраиваются обратные браки — между мордвиномъ и русскою, но и они, какъ романческіе, также крайне рѣдки.

Единственная почва, на которой мордва сходится съ русскими не во имя практическихъ интересовъ и житейскихъ удобствъ, а во имя высшихъ запросовъ жизни—это христіанство, сдѣлавшее среди мордвы громадныя успѣхи и въ недалекомъ будущемъ несомнѣнно способное окончательно подавить послѣдніе остатки и переживанія мордовскаго язычества. Но это—почва общечеловѣческая, а не какая либо специфически русская и вообще не связанная съ требованіями націонализма. Правда, христіанство внесено въ мордовскій край именно русскими, которые справедливо могутъ гордиться этою единственною культурною побѣдою надъ мордвою. Но еще болѣе, мнѣ кажется, должна гордиться и мордва, доказавшая здѣсь свою способность къ воспріятію именно и только культурныхъ началъ, какъ

христіанство, а не началъ силы, кулака, власти... Несомнѣнно, что также благодарно воспріимчива окажется мордва и ко всякому иному культурному началу, какое понесетъ въ мордву русскій народъ, и опять таки при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы эти культурныя начала не затрогивали мордовской народности, какъ нисколько не могло ее затронуть христіанство.

Успѣхи послѣдняго среди мордвы настолько значительны, что стоитъ подробнѣе остановиться надъ этимъ доказательствомъ культурности и живучести мордовскаго племени. Если сравнить серьезные и глубокіе успѣхи христіанства у мордвы съ чисто поверхностнымъ и формальнымъ воспріятіемъ христіанской религіи среди такихъ вымирающихъ инородческихъ племенъ, какъ самоѣды, остяки, вогулы и т. п., то всѣ шансы на долгую живучесть будутъ именно у мордвы. Способность послѣдней къ воспріятію культурныхъ началъ, внесенныхъ болѣе могучимъ народнымъ организмомъ, служить лучшимъ ручательствомъ того, что мордву минуетъ неизбежный въ другихъ случаяхъ историческій законъ поѣданія слабѣйшаго племени сильнѣйшимъ. Маленькое сравнительно мордовское племя блистательно доказало за время своего многовѣковаго сожителства съ огромнымъ русскимъ племенемъ и свою историческую живучесть, и свою способность къ культурному развитію. А разъ это такъ, значитъ мордва доказала свое историческое право на самобытную жизнь среди и рядомъ съ русскимъ народомъ...

Вотъ почему вопросъ о христіанствѣ мордвы имѣетъ такое существенное значеніе. Это отличный урокъ нашей исторіи, глубоко поучительный для составленія программы... культурныхъ отношеній русскаго государства къ своимъ инородцамъ, волею судебъ отданнымъ подъ опеку русскаго народа...

V.

Полная побѣда христіанства надъ мордовскимъ язычествомъ тѣмъ поразительнѣе, что начало водворенія здѣсь христіанства далеко не было мирнымъ и спокойнымъ: русскія власти не могли и тутъ обойтись безъ употребленія «меча и огня», проще говоря, безъ кулака и кнута... Тѣмъ болѣе чести для мордвы, что такая насильственная на первыхъ порахъ пропаганда христіанства не заставила мордву отвернуться отъ новаго ученія и не помѣшала ей понять превосходство его надъ своимъ язычествомъ.

Къ такому крупному и сознательно усвоенному результату мордва дошла послѣ длиннаго ряда очень тяжелыхъ испытаній, выпавшихъ на долю народной совѣсти и чести...

Христіанство среди мордвы начинается съ половины XVII вѣка, но особенно усиливается около середины XVIII вѣка,

когда духовныя власти въ союзѣ съ свѣтскими принимаютъ рядъ усиленныхъ, преимущественно полицейскаго характера, мѣръ для подавленія мордовскаго язычества. Помимо постройки новыхъ церквей и открытія приходовъ въ мордовскихъ селеніяхъ, правительство даетъ различныя льготы «новокрещенамъ» и всячески стѣсняетъ жизнь языческой мордвы. До чего туго приходилось послѣдней,— это можно видѣть на исторіи волненій нижегородской мордвы въ 1743—1745 гг., о которой стоитъ рассказать¹⁾.

Объѣзжая свою епархію, нижегородскій епископъ Димитрій Сѣченовъ въ одномъ мордовскомъ селѣ Терешевской волости, считавшемся уже давно обращеннымъ въ христіанство и имѣвшемъ церковь, «велѣлъ разрушить мордовское языческое кладбище, находившееся подлѣ церкви». Къ своему старому кладбищу новокрещены продолжали относиться съ прежнимъ благоговѣніемъ и, вѣроятно, продолжали отправлять тамъ кое-какіе языческіе обряды. Мордва страшно возмутилась епископскимъ распоряженіемъ, собралась толпою и такъ энергично приступила къ архіерею, съ требованіемъ отмѣны его приказа, что тому пришлось удирать отъ толпы и спастись бѣгствомъ... въ погребъ на усадьбѣ священника того села. Архіерей «едва отсидѣлся въ погребѣ у священника, пока подоспѣли христіане изъ окрестныхъ деревень»...

Вернувшись въ Нижній, Димитрій поднялъ на ноги мѣстныхъ властей, а въ Петербургъ полетѣли донесенія о мордовскомъ «бунтѣ». Изъ Нижняго послали цѣлый отрядъ войскъ, противъ котораго собралась тысячная толпа вооруженной дрекольями мордвы Терешевской волости. Произошелъ формальный бой, съ убитыми и ранеными съ обѣихъ сторонъ, но больше, конечно, съ мордовской, гдѣ однихъ убитыхъ было до 35 человѣкъ да почти столько же раненыхъ и больше ста человѣкъ «взятыхъ въ плѣнъ». Понятно, послѣ такого внушительнаго «смиренія» мордва «смирилась» и могла бы окончательно усмириться, если бы мѣстныя власти снова не подлили масла въ огонь...

Несмотря на то, что къ епископу Димитрію «синодъ долженъ былъ послать указъ, чтобъ неволею никого не крестилъ и не озлоблялъ» мордву, архіерей, очевидно, не могъ переварить своего сидѣнья на погребѣ въ мордовскомъ селѣ и «все не ладилъ съ мордовою»... Въ 1745 г. епископъ доносилъ синоду, что мордва все той же Терешевской волости имѣла «многочисленное собраніе», на которомъ «била смертно» попа Алексѣя Мокѣева, присланнаго «для крещенія желающихъ». Именно въ погребѣ этого попа архіерей «отсидивался» отъ мордвы въ 1743 г., и понятно, что мордва просто сводила тутъ свои старые счеты съ попомъ...

Архіерей доносилъ также, что мордва ведетъ вооруженную борьбу

¹⁾ См. «Исторію Россіи» Соловьева, V, 209, 210, 328, 329.

съ воинскими командами, посланными для сбора недоимокъ. Дѣйствительно, мордва потрепала двѣ маленькія воинскія команды, но дѣло тутъ было вовсе не въ «недоимкахъ», а въ чемъ-то другомъ... По крайней мѣрѣ, когда появилась новая и сильная команда въ 75 драгуновъ подъ начальствомъ капитана Ивана Аксакова, эффектъ получился блистательный: «вся мордва приняла крещеніе»,— доносили сенату мѣстные власти, почему-то умолчавшія теперь въ своемъ донесеніи о «сборѣ недоимокъ»... Сенатъ былъ такъ доволенъ мисіонерскимъ подвигомъ драгунскаго капитана, что мѣстнымъ властямъ было предписано—предать забвенію дѣло объ избіеніи мордвою попа Алексѣя Мокѣева...

Однако, сенаторы врядъ ли почувствовали себя ловко, когда вскорѣ послѣ того на ихъ «разсужденіе» была передана полученная императрицею слезная «челобитная» Терешевской мордвы на возмутительныя дѣйствія епископа Димитрія и его агентовъ... Чего только здѣсь не было!... Мордва жалуется, что Димитрій «насильно принуждалъ ее къ принятію христіанства», что онъ разорилъ ихъ «кладбища», сжигалъ ихъ «моленные амбары» и проч. Протестовавшую противъ этихъ насилій мордву схватываютъ, держатъ въ кандалахъ и бьютъ тамъ «мучительно, смертно»... «Доимочныя деньги» въ количествѣ 7 тысячъ рублей «правятъ» съ мордвыязычниковъ «за принявшихъ православную вѣру» мордву и проч. и проч.

Сенатъ предложилъ синоду «разсмотрѣть» мордовскую челобитную и распорядиться, «чтобы отнюдь принужденія къ вѣрѣ не было»... Конечно, синодъ и «разсматривалъ», и «распоряжался» въ духѣ сенатскаго внушенія... Но мордвѣ оттого легче не было, и на мѣстѣ все шло постарому, пока не подуло и въ провинціи болѣе свѣжимъ вѣтромъ, и пока не появились тамъ болѣе культурные дѣятели, смѣнившіе такихъ не по разуму усердныхъ «ревнителей православія», какъ недоброй памяти Димитрій Сѣменовъ съ компаніей...

Вотъ какимъ тернистымъ путемъ должна была пройти мордва, чтобы добраться до сознательнаго и продуктивнаго воспріятія началъ христіанства, чтобы замѣнить ими отжившія свой вѣкъ начала язычества. И если мѣстами, въ наиболѣе глухихъ захолустьяхъ Мордовскаго края, еще наблюдаются кое-какіе остатки язычества, а у всей вообще мордвы сохранились многія переживанія своей древней вѣры и обрядности, то вѣдь первое явленіе временное, преходящее, а со вторымъ мы встрѣчаемся у народовъ, принявшихъ христіанство и много раньше мордвы, на примѣръ, у русскаго народа и до сихъ поръ мы находимъ еще массу переживаній язычества, нисколько не мѣшающихъ считать русскіхъ христіанскимъ народомъ. Но, помимо этого общечеловѣческаго явленія, мордва положительно крѣпка христіанству и быстро совершенствуется въ сознательномъ усвоеніи его началъ.

Знаменательно, что это поступательное движеніе мордвы въ религіозномъ отношеніи особенно усилилось въ послѣднее время, и начало такого усиленія какъ разъ совпадаетъ съ годами великихъ реформъ Александра II... Словно народъ, окончательно порѣшившій самую трудную задачу жизни—сбросившій свое рабство, нашель теперь время отдаться другимъ высшимъ запросамъ жизни и постепенно прійти къ посильному разрѣшенію ихъ...

VI.

Быстрое усвоеніе мордвою началъ христіанства растеть, можно сказать, по днямъ, хотя еще недавно мордва была полна если не язычества, то открытыхъ переживаній его. Священникъ знакомаго мнѣ села переведенъ сюда около 8 лѣтъ назадъ, когда онъ засталъ здѣсь среди давно уже окрещенной (мѣстная церковь построена болѣе 150 лѣтъ назадъ) мордвы весьма значительныя проявленія язычества. Въ каждомъ мордовскомъ домѣ обязательно находились и въ большомъ почетѣ фигурки идоловъ, предъ которыми отправлялись разные обряды и совершались моленія, хотя рядомъ съ идолами и помѣщались православныя иконы... Кромѣ того, прежніе священники не отказывались, по просьбѣ мордвы, совершать въ опредѣленные дни крестные ходы и служить молебны на мѣстѣ древняго языческаго «мольбища», носившаго названіе «Мокрый кустъ».

Мордва потребовала того же и отъ новаго священника, но онъ рѣшительно отказался, предлагая совершить крестный ходъ куда угодно, но только не къ «Мокрому кусту». Мордва настаивала, наивно ссылаясь на то, что «мы де новокрещены...», т.-е. что намъ де можно многое дозволить, чего нельзя дѣлать строго православнымъ... Но священникъ настоялъ на своемъ отказѣ, зная, что этимъ «новокрещенамъ» скоро минеть уже два вѣка пребыванія въ христіанствѣ. Такъ и прекратились эти спеціальныя крестные ходы, и теперь мордва даже не вспоминаеть о нихъ, совсѣмъ не думая о своемъ «Мокромъ кустѣ».

Гораздо труднѣе было священнику заставить мордву разстаться съ своими семейными божками, однако и этого онъ достигъ, гдѣ путемъ убѣжденія, а гдѣ и не безъ насилія: одни добровольно сдали священнику своихъ идоловъ, у другихъ онъ самъ ихъ отобралъ. Сначала мордва видимо «дулась» на батюшку, и онъ одно время даже опасался, какъ бы болѣе пьяные не «разнесли» его дома... Но затѣмъ мордва совершенно успокоилась и примирилась со священникомъ, а своихъ божковъ не только забыла, но начинаетъ уже подсмѣиваться надъ ними.

И такая поразительная пережѣна произошла въ теченіе какихъ

нибудь 5—6 лѣтъ. Конечно, нельзя поручиться, чтобы ктонибудь изъ стариковъ и старухъ-мордвы не плакалъ или хотя не вздыхалъ объ отобранныхъ божкахъ, или даже не завелъ бы ихъ вновь, благо сработать ихъ можно и простымъ ножомъ, не то достать у сосѣдей... Все это возможно и теперь, какъ возможны среди мордвы и многія другія переживанія язычества, особенно въ разныхъ семейныхъ и другихъ обрядностяхъ. Напримѣръ, 24 іюня, на Ивана-Купалу, мордва почти отсутствовала на обѣднѣ, а въ это время около одной мордовской деревни толпа празднично разодѣтыхъ мордочекъ, выстроившись въ открытомъ полѣ въ одинъ рядъ, клала поясные поклоны въ землю и при этомъ что-то продѣлывала руками на землѣ. Очевидно, это было не то моленіе, не то обрядъ, вѣроятно, глубокой древности.

Но все это исключенія и мелочи, не мѣшающія христіанству мордвы. Притомъ, все это дѣлается не такъ открыто и вызывающе, какъ прежде. И развѣ въ самыхъ глухихъ мордовскихъ захолустьяхъ можно еще встрѣтить грубыя и открытыя проявленія язычества, какія сплошь и рядомъ встрѣчаются, напримѣръ, у такихъ примитивныхъ христіанъ, какъ чуваша. Извѣстенъ разсказъ, какъ чуваша на масленицу угощаютъ блинами своихъ боговъ... Чувашскіе идолы сдѣланы съ отверстиями, соответствующими рту и проходящими насквозь, до затылка. И вотъ чувашенинъ, свернувши блинъ въ трубку и обмакнувши въ масло, суетъ его въ ротъ своему богу, т.-е. просовываетъ блинъ сквозь все отверстіе въ головѣ идола, а затѣмъ посылаетъ блинъ въ собственный ротъ...

Насколько въ настоящее время мордва предана христіанству, достаточно указать хотя бы на фактъ существованія мордовскихъ монастырей, т.-е. такихъ православныхъ монастырей, гдѣ мордмонахи преобладаютъ надъ русскими. Таковъ, напримѣръ, Сканскій мужской монастырь, въ окрестностяхъ уѣзднаго города (Пензенской губерніи) Наровчата, вблизи р. Мокши. Его справедливо считаютъ чисто мордовскимъ, такъ какъ русскихъ монаховъ тамъ очень мало. Монастырь не изъ богатыхъ, но и не бѣденъ — владѣетъ землями, лѣсами и проч.

На половину мордовскимъ можетъ быть названъ женскій Пейгармовскій монастырь, лежащій вблизи станціи Рузаевки, Казанской желѣзной дороги. Съ поѣзда хорошо виденъ монастырь, живописно расположенный на возвышенности, среди лѣса. Въ монастырѣ около 400 сестеръ, значить средства его болѣе чѣмъ хороши. Обширнымъ хозяйствомъ управляются сами сестры, съ помощью рабочихъ. Любопытно, что послѣдніе почти исключительно набираются изъ татаръ сосѣднихъ селъ и не крещеныхъ, а мусульманъ...¹⁾

¹⁾ Не мѣшаетъ еще отмѣтить о Пейгармовскомъ монастырѣ, что онъ въ округѣ славится очень богатымъ желѣзистымъ источникомъ, полезнымъ во многихъ бо-

Много мордовокъ находится и среди монахинь известной женской Дивѣевской обители, какъ и въ другихъ монастыряхъ Нижегородской, Тамбовской и Пензенской губерній.

VII.

Перехожу къ нѣкоторымъ наблюденіямъ надъ внѣшнею стороною жизни современной мордвы той мѣстности, которую я изучалъ. Мордва живетъ вообще много богаче сосѣднихъ русскихъ крестьянъ. Причины ея состоятельности лежатъ отчасти въ прошломъ. Въ періодъ русской колонизаціи края мордва занимала лучшія земли, на которыхъ сидѣла испоконъ вѣка. Частью этихъ земель завладѣли русскіе, безцеремонно сгоня мордву съ насиженныхъ гнѣздъ. Но значительную часть своихъ лучшихъ земель мордва всякими правдами—неправдами удержала въ своихъ рукахъ и крѣпко держитъ до сихъ поръ.

Для подъема благосостоянія мордвы очень много значило и то уже отмѣченное мною обстоятельство, что мордва не знала помѣщичьяго ига и, состоя въ разрядѣ государственныхъ крестьянъ, получила въ свое время хорошіе надѣлы, т.-е. «хорошіе» сравнительно съ помѣщичьими крестьянами. Правда, съ приростомъ населенія надѣлы теперь значительно измельчали, при всемъ томъ мордва и сейчасъ живетъ лучше русскихъ крестьянъ.

Вѣрнѣйшій показатель народнаго благосостоянія — ѣда народа. А мордва питается и сытно, и вкусно, вдоволь употребляя мясо. У мордвы нѣтъ нужды, какъ у русскихъ, тащить на базаръ, на станцію, въ городъ — всякую курицу, гуся, поросенка, каждый десятокъ яицъ, фунтъ масла, кувшинъ молока и т. п. Все это мордва держитъ для себя и потребляетъ дома. Кушанья изготавливаются очень чисто и подаются въ чистой посудѣ. Самый процессъ ѣды у мордвы чистоплотнѣе, чѣмъ у русскихъ. Въ праздничное время нерѣдко найти въ мордовскомъ домѣ бутылку порядочнаго вина въ 1 р., 1½ рубля. Когда въ сосѣднемъ селѣ освящали построенную церковь, обѣдъ по этому случаю происходилъ въ домѣ церковнаго старосты—мордвина, который между прочимъ любезно угощалъ гостей «водочкою въ два рубля», какъ онъ называлъ коньякъ.

О томъ же сравнительномъ достаткѣ мордвы свидѣтельствуютъ ихъ одежда, особенно женская праздничная, сдѣланная изъ хорошаго матеріала, красивая и удобная. О томъ же говорятъ и свадеб-

лѣзняхъ. Анализы вполне подтвердили богатое присутствіе желѣза въ этой водѣ. Къ сожалѣнію, источникъ очутился въ самомъ центрѣ монастыря, и это обстоятельство много мѣшаетъ устройству здѣсь настоящей лѣчебницы. Впрочемъ, монастырь и теперь не препятствуетъ желающимъ пользоваться водою.

ные пиры мордвы, устраиваемые много богаче, чѣмъ у русскихъ, и продолжающіеся по нѣсколько дней. А между тѣмъ, помимо расходовъ на угощеніе, свадьбы обходятся мордвѣ очень недешево, такъ какъ женихъ обязанъ дать тестю «выкупъ» за невѣсту, что нерѣдко доходитъ до 100 рублей и больше. Но «выкупъ» обязателенъ только за дѣвушекъ, а на вдовахъ женятся безъ «выкупа». И самые свадебные пиры въ первомъ случаѣ бываютъ роскошнѣе, чѣмъ во второмъ.

Въ прежнее время свадьбы обязательно предшествовали тайный увозъ невѣсты женихомъ, конечно, съ ея согласія и съ молчаливаго благословенія родителей, а иногда и безъ послѣдняго. Теперь же эти случаи рѣдки и, если иногда продѣлывается якобы тайный увозъ невѣсты, то не болѣе какъ формальная обрядность и какъ переживаніе стародавняго, когда-то обязательнаго обычая.

Одною изъ главныхъ причинъ благосостоянія мордвы слѣдуетъ признать то обстоятельство, что мордовскія семьи не любятъ дѣлиться, и большія семейныя артели здѣсь не рѣдкость. Въ мордовскомъ поселкѣ знакомаго мнѣ села есть одна семейка въ 40 душъ. Это уже цѣлый семейный «міръ», дружно работающій надъ своимъ благосостояніемъ. Здѣсь и земли изобильно, и скота достаточно, и рабочихъ рукъ съ избыткомъ. Глава этой семьи—старикъ—отецъ—далеко не артельный староста, но все же артельные начала волею-неволею проникаютъ сюда, начиная брать верхъ надъ семейными принципами. Правда, старикъ — абсолютная глава семьи, но уже значительно ограниченная совѣщательнымъ элементомъ семьи, каковой представляютъ жена старика, старшіе сыновья и даже отчасти ихъ жены. Во всякомъ случаѣ, въ этомъ первообразѣ артели работа идетъ дружно, и семья нужды не знаетъ. Вся она живетъ въ одной усадьбѣ и, повидимому, безъ ссоръ и недоразумѣній. Одинъ очевидецъ говорилъ: «любо посмотрѣть, какъ вся семья усядется за столъ и начинается опустошать десятки огромныхъ горшковъ и мисокъ съ кушаньями»...

Благодаря всѣмъ этимъ счастливымъ условіямъ, среди мордвы нерѣдки крестьяне-собственники, владѣющіе по 100, 150 и болѣе десятинъ земли. Хозяйство у нихъ идетъ отлично и быстро развивается. Рассказывали, напримѣръ, про одного такого собственника, какъ онъ на свои 150 десятинъ купилъ у сосѣднихъ русскихъ крестьянъ двѣ тысячи возовъ навоза и сразу вдвое поднялъ урожайность своихъ полей. Про него же говорятъ, что онъ самъ дошелъ до ряда значительныхъ улучшеній въ нѣкоторыхъ сельскохозяйственныхъ орудіяхъ.

Одинъ изъ мѣстныхъ земцевъ передавалъ такое любопытное наблюденіе надъ подобными крестьянами-собственниками, безразлично изъ мордвы и русскихъ: дѣло идетъ у нихъ отлично, пока они остаются въ предѣлахъ небольшого хозяйства въ 100 — 200 деся-

тинъ. Но какъ только аппетитъ къ землѣ у такого собственника подымется, и онъ довалитъ до 500 десятинъ,— картина сразу мѣняется, хозяйство рушится... Съ 100—200 десятинъ крестьянинъ управляется силами своей семьи да 2—3 работниковъ, а при 500 десятинахъ нужна уже цѣлая партія рабочихъ, за которыми одинъ хозяйскій глазъ всего не доглядитъ. Притомъ, у крестьянина, затратившаго весь свой капиталъ на приобретене значительнаго количества земли, не остается никакого оборотнаго капитала, а кредита у него нѣтъ, или онъ не знаетъ, гдѣ его найти. Въ довершеніе всего у семьи такого крупнаго собственника являются разныя «барскія замашки», вызывающія бесполезную трату денегъ. Словомъ, конецъ такихъ зарвавшихся крестьянъ-собственниковъ бываетъ не блестящій...

Значительное улучшеніе въ положеніи мѣстной мордвы произошло въ послѣдніе годы, благодаря недавно возникшему здѣсь переселенческому движенію въ Сибирь. Какъ ни глубоко предана мордва своей родинѣ, но переселенческая волна коснулась и этого народа и смысла немало мордовскихъ семей съ ихъ исконныхъ пепелищъ. Въ другихъ мѣстностяхъ Мордовскаго края, на примѣръ, въ Тамбовской губерніи, переселенія были вызваны крайнею нуждою въ землѣ, надѣлы коей мѣстами дошли почти до нуля—до 10 кв. сажень. Въ описываемой мѣстности Пензенской губерніи такой крайности въ землѣ не было у мордвы, но переселенческое движеніе среди нея все-таки возникло, именно по инициативѣ одного мѣстнаго кулака (изъ русскихъ), желавшаго вольготнѣе уѣхать на освободившихся земляхъ переселенцевъ...

Часть мордвы и русскихъ поддалась вліянію этого кулака и переселилась въ Сибирь на очень плохіе участки (выбранные тѣмъ же кулакомъ), гдѣ многіе переселенцы (особенно женщины) погибли отъ тоски по родинѣ и отъ дурныхъ условій жизни, многіе разорились окончательно, а иные вернулись на родину совсѣмъ нищими, проклиная вожака...

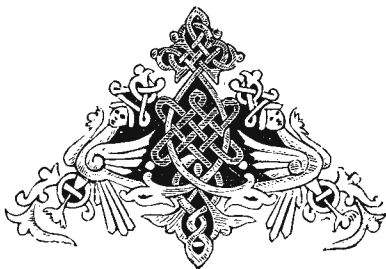
Но оставшимся на родинѣ стало легче: надѣлы увеличились, населеніе уменьшилось, цѣны на рабочія руки поднялись. На послѣднее обстоятельство плачутся мѣстные крупные землевладѣльцы, хотя и сейчасъ цѣны въ сущности очень дешевыя: прежде работникъ стоилъ 15—20 коп. въ день, теперь 25—30 коп., а работница прежде шла за 10—15 коп., теперь за 15—20 коп.

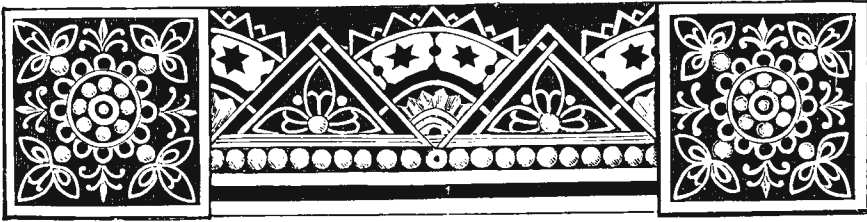
Въ виду такой нужды въ рабочихъ рукахъ на мѣстѣ, пензенская мордва рѣдко уходитъ въ отхожіе промыслы, находя заработокъ и дома. Но тамбовская мордва, хуже обставленная относительно надѣловъ и мѣстныхъ заработковъ, далеко расходится въ неустанныхъ поискахъ работы.

Какъ-то на волжскомъ пароходѣ мнѣ пришлось столкнуться съ тамбовскимъ мордвиномъ, который держитъ постоянный дворъ въ

Перми, да, кромѣ того, зимою занимается извозомъ по Волгѣ и Камѣ. На такую предприимчивость его натолкнулъ именно «голодный годъ» (1891), когда его семья едва не погибла съ голода... И вотъ онъ задался цѣлью обезпечить семью отъ будущихъ голодовокъ, чего и достигъ постепенно. Но связи съ родиною и землею онъ не прерываетъ: семья его живетъ на родинѣ и занимается быстро развивающимся хозяйствомъ, на что энергичный мордвинъ отдаетъ весь свой чистый доходъ отъ постоялаго двора и извоза. Съ видимымъ восторгомъ онъ говорилъ о ростѣ своего хозяйства, которому теперь уже не страшны голодныя години. Словомъ, это былъ очень симпатичный типъ влюбленнаго въ свою землю крестьянина, работающаго въ городѣ и вездѣ только на землю-кормилицу, никогда не разрывающаго связей съ землею и оттого нисколько не испорченнаго, даже нимало не затронутаго «городскою цивилизаціей»...

Н. Н. Оглоблинъ.

СТЕПАНЪ-АННИБАЛЪ ЗАНОВИЧЪ, АВАНТЮРИСТЪ XVIII СТОЛѢТІЯ¹⁾.

I.

О Зановичахъ вообще и въ особенности о двоихъ, дѣйствовавшихъ въ Россіи (1781—1789 г.).

ВАНТЮРИСТЫ во время своей жизни нерѣдко тревожатъ свѣтъ своими продѣлками, всегда нарушающими общественное спокойствіе и чужіе интересы и нерѣдко для нѣкоторыхъ даже гибельными. Они морочатъ людей, занимающихъ высокое положеніе въ сферахъ государственной и общественной, людей науки и литературы, пользуются ими для своихъ продѣлокъ, скандализируютъ ихъ и тѣмъ связываютъ съ собою, дѣлая ихъ до нѣкоторой степени своими участниками. Особенно попадаютъ имъ на удочку женщины, болѣе, чѣмъ мужчины, чувствительныя и снисходительныя, болѣе довѣрчивыя и склонныя къ героизму и приключеніямъ романическаго характера. Попавъ же по смерти въ исторію, они ставятъ въ затрудненіе изслѣдователей, и передъ исторіей заботливо маскируя свою жизнь, дѣятельность и самое происхожденіе.

¹⁾ Новѣйшее соч. о немъ: M. Eduard Van-Biema: Un Aventurier au XVIII siècle d'après des documents inédits des archives d'Amsterdam (La «Nouvelle Revue», 1898, oct. 1-er et 15, nov. 1-er).

Восемнадцатое столѣтіе особенно богато авантюристами: баронъ Тренкъ мутитъ въ Германіи, Теодоръ де-Нейгофъ является королемъ Корсики, Калиостро, Казанова, графъ де-Сенжерменъ и др. Пользуются меньшею извѣстностью, но не менѣе талантливы и предприимчивы были братья Зановичи. Все искусство ихъ было направлено главнымъ образомъ на пріобрѣтеніе денегъ, которыя давали имъ средства жить и играть роль; но въ то же время ихъ продѣлки отражались на политическихъ и общественныхъ отношеніяхъ. Объ нихъ говорится въ мемуарахъ искателя приключеній Я. Казановы (*Memoires de Jacques de Casanova. Bruxelles. 1863*). О Зановичахъ, дѣйствовавшихъ въ Россіи, упоминается въ «Запискахъ Льва Николаевича Энгельгардта» (Москва, 1860). Объ нихъ же есть статья А. П. Барсукова «Шкловскіе авантюристы (1778 — 1783 г.)» (въ сочиненіи «Разказы изъ русской исторіи XVIII в. по архивнымъ документамъ», Спб., 1885 г.). Въ прошломъ году объ одномъ изъ нихъ, дѣйствовавшемъ въ Западной Европѣ, вышло сочиненіе М. Э. Ванъ-Біемы. Это сочиненіе, какъ говоритъ авторъ, написано на основаніи документовъ, впервые извлеченныхъ имъ изъ архивовъ Амстердама, и представляетъ собою довольно полную и весьма интересно составленную монографію.

Взятое отдѣльно, сочиненіе это не даетъ, однако, вполне яснаго понятія о Степанѣ Зановичѣ и его дѣятельности, совершенно упуская изъ виду его братьевъ, дѣйствовавшихъ въ Россіи, но находившихся съ нимъ въ связи и сношеніяхъ; а одинъ изъ нихъ даже работалъ съ нимъ заодно въ Западной Европѣ. Эта неясность и вызвала наполовину справедливую замѣтку въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (декабрь 1898 г., отдѣлъ новостей и мелочей), авторъ которой ставитъ г. Ванъ-Біемѣ упрекъ въ томъ, что у него «очень мало свѣдѣній объ отношеніяхъ Зановича къ Россіи», и что онъ смѣшалъ его съ Степаномъ Малымъ, разыгрывавшимъ роль русскаго императора Петра III въ Черногоріи (стр. 1208). Первый упрекъ несправедливъ, потому что тотъ Зановичъ былъ третій братъ, который не дѣйствовалъ въ Россіи, а второй упрекъ сдѣлаемъ ему и мы.

Занимаясь исторіей Черногоріи и дойдя до Степана Малаго, а потомъ и до Зановича, который появлялся въ Черногоріи, мы впади въ ту же ошибку, какъ и авторъ замѣтки. Полагая, что на Западѣ дѣйствовалъ одинъ изъ Зановичей, бывшихъ въ Россіи, мы не повѣрили свидѣтельству Казановы, что онъ умеръ въ амстердамской тюрьмѣ, и вмѣсто этого поставили предположеніе, что онъ бѣжалъ изъ тюрьмы и явился въ Россію. И только теперь видимъ истину, сопоставивъ документальныя свидѣтельства двухъ сочиненій: А. Барсукова и Ванъ-Біемы. Отъ перваго мы съ точностью знаемъ, что два брата Зановичи явились въ Россію въ 1781 г.; въ 1783 году они были посажены въ Нейшлотскую крѣпость, изъ которой въ 1788 г. выпущены; а отъ Ванъ-Біемы узнаемъ, что Зановичъ Сте-

пань въ 1786 г. уже умеръ. Ясно, что мы вмѣсто двоихъ имѣемъ троихъ Зановичей, и тогда дѣло становится совершенно понятнымъ.

Путаницу, однако, и теперь представляютъ ихъ имена. Аннибалъ дѣйствуетъ въ Россіи, а въ то же время и другой братъ носитъ то же имя, съ прибавкою «Степанъ». Стефанъ и Примиславъ, или Предиславъ, упоминаются у Казановы и Ванъ-Біемы; упоминается также отдѣльно и имя Аннибала, но имени Марка не встрѣчается ни у того, ни у другого, а только въ русскихъ документахъ.

Это впрочемъ составляетъ одинъ изъ обычныхъ пріемовъ у обманщиковъ: смѣшивать имена, чтобы ихъ принимали одного за другого, или брать имена чужія. Очень возможно, что одинъ изъ нихъ въ Россіи носилъ имя Марка, а являлся на Западѣ подъ именемъ Примислава, или Предислава, какъ то увидимъ далѣе.

Между всѣми ими, несомнѣнно, была связь; отъ времени до времени они сносились другъ съ другомъ и помогали одинъ другому; но въ то же время они маскировали эти сношенія. Степанъ-Аннибалъ, принявъ на себя роль албанскаго князя, отрекся отъ своего прежняго имени и отъ всякаго родства съ тѣми Зановичами. Поэтому, чтобы сколько нибудь правильнѣе понять ихъ дѣянія, необходимо имѣть сводъ свѣдѣній относительно дѣйствовавшихъ въ Россіи и въ Западной Европѣ, иначе дѣло не можетъ быть представлено въ истинномъ свѣтѣ. Такъ г. А. Барсуковъ (стр. 25) ошибочно приписываетъ Марку Зановичу то самое, что г. Ванъ-Біема говоритъ о Степанѣ-Аннибалѣ.

Все это мы постараемся выяснитъ, когда будемъ излагать жизнь и дѣянія послѣдняго; о дѣйствіяхъ же Зановичей въ Россіи достаточно ясно видно изъ статьи г. А. Барсукова. Мы остановимся только на главномъ фактѣ изъ этой дѣятельности, на фабрикаціи ассигнацій и на постигшей ихъ затѣмъ участи.

Проживая въ Шкловѣ, имѣнни отставнаго фаворита Екатерины II, генерала Зорича, они замѣчены были въ сбываніи фальшивыхъ ассигнацій, чтò и вызвало слѣдствіе и обыскъ. «На первый разъ,— говоритъ г. А. Барсуковъ, — въ квартирѣ Зановича ничего подозрительнаго не оказалось. Найдено было только около 2.000 рублей золотомъ, нѣсколько сотенъ фальшивыхъ ассигнацій и 6 писемъ изъ Брюсселя» (стр. 269). Но потомъ «при графѣ Зановичѣ (Аннибалѣ) найдено слишкомъ 700.000 фальшивыхъ ассигнацій, все сто-рублевыхъ, фальшивыя карты и собственноручное письмо его на имя императрицы» (стр. 270—271). Въ письмѣ этомъ онъ говоритъ, что ассигнаціи эти, принятыя имъ отъ одного еврея за дѣйствительныя, везетъ онъ въ Петербургъ, чтобы удостовѣриться въ ихъ дѣйствительности, и, если онѣ окажутся фальшивыми, то онъ тутъ же ихъ уничтожитъ», а велѣдъ за тѣмъ «въ квартирѣ Зановичей отысканы подъ поломъ инструменты для дѣланія ассигнацій» (стр. 278). Нужно принять во вниманіе, что часть этихъ ассигнацій они успѣли уже

сбыть. И при всемъ томъ, по рѣшенію сената, утвержденному царскимъ «быть посему», гр. Аннибалъ Зановичъ обвинялся только въ привозѣ изъ-за границы завѣдомо фальшивыхъ ассигнацій, а графъ Маркъ Зановичъ въ сокрытіи преступленія брата. Кромѣ того, оба графа были заподозрѣны въ самомъ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій, и зато предписывалось: «Зановичей заключить въ Нейшлотскую крѣпость на безысходное пребываніе на пять лѣтъ, по истеченіи же сего времени намъ доложить» (стр. 282). Это было въ 1783 г., а въ 1788 г. истекъ срокъ ихъ заключенія, и они, сверхъ того, оказали услугу своими совѣтами для лучшей обороны крѣпости отъ непріятели, и потому объ нихъ было доложено императрицѣ, отъ которой и вышелъ слѣдующій указъ: «Извѣстныхъ Зановичей, по истеченіи срока заключенія, имъ опредѣленнаго, повелѣваемъ препроводить къ городу Архангельскому, давъ знать правящему должность тамошняго генераль-губернатора, генераль-поручику Тутолмину, чтобы онъ выслалъ на случающемся кораблѣ внѣ имперіи нашей, подтвердивъ имъ, подѣ жесточайшимъ наказаніемъ, впредь не возвращаться въ границы наши, но буде уже по настоящему позднему времени корабли купеческіе въ море не отправляются, то удержать ихъ, Зановичей, подѣ присмотромъ, предписавъ оберъ-коменданту и городничему наблюдать за ихъ поведеніемъ» (стр. 283). Всѣ остальные подсудимые были оправданы и освобождены изъ-подъ караула, съ обязательствомъ «не дѣлать ни малѣйшаго разглашенія объ извѣстномъ дѣлѣ» (стр. 282).

Во всемъ этомъ нельзя не замѣтить слишкомъ легкое, сравнительно, наказаніе, присужденное за такое преступленіе, за которое, въ гораздо меньшемъ размѣрѣ, ссылали въ Сибирь, подвергнувъ предварительно плетямъ и клейменію; причиною такой снисходительности отчасти былъ, конечно, Зоричъ, участіе котораго въ этомъ дѣлѣ было несомнѣнно извѣстно самой Екатеринѣ, на что указываютъ слѣдующія слова ея о Зоричѣ, сказанныя ею статсъ-секретарю Храповицкому въ 1793 г.: «можно сказать, что двѣ души имѣлъ: любилъ доброе, но дѣлалъ дурное; былъ храбръ въ дѣлѣ съ непріятеlemъ, но лично трусь. И виноватъ по дѣлу графовъ Зановичей о фальшивыхъ ассигнаціяхъ» (стр. 284). Дѣйствительно, во время производства дѣла Зоричу удалось уѣхать въ Петербургъ и выхлопотать себѣ у императрицы помилованіе; а оказавъ милость ему, нельзя было не оказать, по крайней мѣрѣ, нѣкотораго снисхожденія и Зановичамъ.

Но было тутъ и еще одно обстоятельство, которое до нѣкоторой степени должно было повліять на императрицу.

Въ то время, какъ Зановичи въ Россіи попались въ мошенничествѣ и подверглись заслуженному наказанію, братъ ихъ въ Западной Европѣ былъ въ зенитѣ своей славы.

Человѣкъ онъ былъ съ блестящимъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, научнымъ образованіемъ, прекрасный писатель, философъ и политикъ, въ то же время съ большими странностями, доводившими его иногда до приключеній, не соответствующихъ его положенію. Вся его дѣятельность окружена ореоломъ таинственности, изъ-подъ которой, однако, понемногу выясняется, что подъ маской простого смертнаго скрывается албанскій принцъ, потомокъ славнаго Скандербегъ, затѣвающій что-то для освобожденія изъ-подъ турецкаго ига своего отечества Албаніи, и потому принужденный маскировать свою личность и свои дѣйствія. Въ однихъ онъ возбуждаетъ участіе, въ другихъ благоговѣніе. Все это открываетъ ему въ Западной Европѣ доступъ къ лицамъ, стоящимъ очень высоко, и въ то же время онъ не пропускалъ случая знакомиться и съ резидентами и представителями русскаго двора, на обязанности которыхъ лежало сообщать своему правительству все, что было въ Западной Европѣ любопытнаго, а таковымъ былъ и Зановичъ. Кромѣ того, императрицу Екатерину въ то время посѣщали связанные дружбою съ Зановичемъ князь де-Линь и графиня Кингстонъ, которые также могли говорить ей о немъ. Наконецъ, онъ, вращаясь при разныхъ дворахъ, а также въ польскихъ политическихъ кругахъ, разузнавалъ кое-какія тайны и сообщалъ ихъ представителямъ Россіи, хотя, безъ всякаго сомнѣнія, больше всего глгалъ, потому что важную государственную тайну врядъ ли могъ ему довѣрить кто бы то ни было изъ государственныхъ людей.

Императрица, безъ сомнѣнія, знала, хотя не вполне, что онъ обманщикъ, но онъ такой интересный, такъ мило пишетъ и такъ хвалитъ ее въ своихъ сочиненіяхъ! Вотъ, напримѣръ, какъ онъ отзывался о ней въ рассказѣ о томъ, какъ онъ, отказавшись отъ роли Степана Малаго въ Черногоріи, рѣшилъ «отправиться ко двору императрицы Екатерины II, благополучно царствующей, прекраснѣйшей, просвѣщеннѣйшей, мудрѣйшей (*la plus philosophe*) и могущественнѣйшей, какая когда либо была на цѣломъ сѣверѣ отъ сотворенія міра» (*Le fameux Pierre III ou Stiepan Mali, 1784*).

Все это могло подѣйствовать на Екатерину въ пользу снисхожденія къ братьямъ того, кто распространялъ о ней добрую славу, а въ противномъ случаѣ могъ повернуть и въ другую сторону.

И то еще нужно сказать: оба они были слишкомъ ловкими, чтобы не сумѣть вывернуться изъ неумѣлыхъ рукъ русскихъ слѣдователей. Одинъ изъ нихъ, «какъ бы стакнувшись съ братомъ, заперался во всемъ и ловко уклонялся отъ прямого и опредѣленнаго отвѣта на предлагаемые вопросы, но за то безконечно долго рассказывалъ о своихъ похожденияхъ въ Европѣ», а въ заключеніе, какъ бы оскорбленный до глубины души, онъ запальчиво вскрикнулъ: «Здѣсь я больше ничего не скажу. Я все расскажу самой императрицѣ!.. Ржевскій и многіе другіе господа знаютъ, что я—

добрый человекъ». Это былъ младшій, Анибалъ Зановичъ, а о старшемъ, Маркѣ, могилевскій генераль-губернаторъ, Пассекъ, писалъ Потемкину между прочимъ слѣдующее: «Что же принадлежитъ до находящагося здѣсь старшаго брата Зановича, то, видно, сему молодцу уже не первина быть въ допросахъ, что усмотрѣть изволите изъ его объясненія»...

Къ сожалѣнію, это, какъ и нѣкоторые другіе документы, остались неизвѣстны г. А. Барсукову, и вообще статья его составлена по извлеченію изъ дѣла, а не по самымъ документамъ, и потому многое остается незаконченнымъ и неяснымъ, а главное, мы остаемся въ полнѣйшей неизвѣстности относительно того, куда дѣвались Зановичи и были ли отправлены изъ Архангельска.

Попавъ снова въ Западную Европу, они не могли не проявить своей дѣятельности опять, чтобы объ нихъ не заговорили; а если этого нѣтъ, то можно только гадать объ ихъ дальнѣйшей судьбѣ: по донесенію нейшлотскаго коменданта, они были слабы здоровьемъ, и потому могли на дорогѣ или въ Архангельскѣ окончательно расхвораться, а потомъ и умереть, или же просто остаться въ Архангельскѣ, гдѣ и нужно бы поискать объ нихъ свѣдѣній. Обратимся теперь къ третьему брату.

II.

Происхожденіе Зановичей.—Ихъ родители.—Воспитаніе.—Первые опыты.—Фантастическіе рассказы Ванъ-Біемы о Степанѣ Зановичѣ и смѣшеніе его со Степаномъ Малымъ.—Степанъ Зановичъ сочиняетъ о самомъ себѣ.—Его описаніе Черногоріи.—Пополненіе пробѣла въ біографіи Степана Зановича съ 1769—1774 гг.—Знакомство его съ барскими конфедератами.—Онъ въ Польшѣ, въ Берлинѣ, Дрезденѣ и Вѣнѣ; изгнаніе отовсюду за мошенничества.—Въ Страсбургѣ и Римѣ.—Встрѣча съ графиней Кингстонъ и изгнаніе изъ Рима.—Въ Нидерландахъ; арестъ и освобожденіе.—Въ Бельгіи; знакомство съ принцемъ де-Линемъ.—Шестимѣсячный отдыхъ въ Геннегау.—Во Франкфуртѣ.—Уединеніе въ Аббахѣ (въ Баваріи) и чѣмъ оно было прервано.

Главнымъ образомъ мы будемъ держаться статьи Ванъ-Біемы. Къ сожалѣнію, авторъ этотъ не имѣетъ обыкновенія цитировать документы и вообще не указываетъ, откуда беретъ свои свѣдѣнія; многое онъ, очевидно, почерпнулъ изъ сочиненій самого Зановича, которыя переполнены всякою ложью и писаны имъ именно съ цѣлью морочить свѣтъ. Кромѣ того, автору не извѣстны ни та среда, откуда вышелъ Зановичъ (Адриатическое приморье), ни исторія, изъ которой онъ приводитъ факты; поэтому онъ впадаетъ иногда въ грубыя ошибки, какъ, напримѣръ, отождествленіе Зановича съ Степаномъ Малымъ, исторія котораго, достаточно извѣстная по доку-

ментамъ и современнымъ свидѣтельствамъ, не допускаетъ никакой возможности такого смѣшенія. Говоря о Паштровичахъ, откуда произошли Зановичи, авторъ дѣлаетъ такое объясненіе: «*Pastrovicio* въ настоящее время австрійская деревня въ Далмаціи на Адриатическомъ морѣ, Которскаго округа» (VI, 101), и дальше этого не идетъ, ничего не возражая на то, что Зановичъ это названіе передѣлываетъ въ *Pastrovicchio*, толкуя его «*les vieux bergers d'Albanie*», и, ставъ на эту точку отправленія, продолжаетъ сочинять исторію своего рода. Толкованіе остроумное, но нужно знать, что итальянскія названія тѣхъ мѣстностей позднѣйшаго происхожденія¹⁾. *Ragusa veschia* прежде называлась Цавтатъ; *Durazzo* вышло изъ *Duglachium*, *Dulcigno* изъ *Olkinion*, *Ulcin* и отсюда по-итальянски *Porto d'Ulcino*; тамъ же есть итальянское названіе *Val-di-Nose*, гдѣ нѣтъ ни одного орѣховаго дерева, какъ бы слѣдовало по названію, а изстари оливковыя рощи. Такъ и названіе Паштровичей существовало прежде, чѣмъ тамъ утвердились венеціанцы. Не можемъ сказать, откуда происходитъ названіе, но окончаніе отнюдь не *vicchio* или *veschio*, а *вичъ*, славянское окончаніе патронимическихъ именъ и означаетъ обитающее здѣсь племя, въ числѣ приблизительно 3.000 душъ въ 20 деревняхъ, съ главнымъ мѣстечкомъ Святой Стефанъ на скалѣ у самаго моря и съ тремя монастырями. Впослѣдствіи итальянцы претворили племя въ общину и стали называть *comunità*, а отдѣльныя части его кнежины (отъ кнезь—старшина общины), которыя совершенно произвольно и неправильно перевели словомъ *contea* отъ *conte*—графъ или князь, откуда и произошло множество князей и графовъ во всѣхъ краяхъ, гдѣ господствовали венеціанцы и торговали этими титулами.

Паштровичи всегда представляли собою сильное племя, которое, принадлежа Зетской державѣ, часто дѣйствовало независимо отъ своихъ господарей, опираясь при этомъ на содѣйствіе Венеціи, которой они впослѣдствіи и подчинились окончательно. Благодаря такому характеру, они, несмотря на господство венеціанское и потомъ австрійское, сохранили до нѣкоторой степени свою внутреннюю автономію и правовые обычаи, свою національность и православную вѣру; а въ отдѣльныхъ личностяхъ рѣзко выдаются своею строптивостью и нѣкоторой кичливостью въ сношеніяхъ съ людьми изъ другого племени. Сильно у нихъ развито стремленіе производить своихъ предковъ отъ какого либо знатнаго рода, и есть таковыя, какъ Медины, Зановичи и др.

Кромѣ земледѣлія и скотоводства, они занимались судоходствомъ, которое, однако, упало еще въ прежнее время, вслѣдствіе усиленія

¹⁾ Такъ какъ статьи г. Ванъ-Біемы, помѣщенные въ трехъ номерахъ журнала, имѣютъ различную нумерацію, то мы римскими цифрами будемъ означать каждую статью, а арабскими страницы.

венеціанскаго флота, и потому часто искали заработка на сторонѣ. Въ настоящее время они отправляются въ Цареградъ, Грецію, Египеть и вообще на Востокъ, многіе же и совѣмъ переселяются въ Америку; а въ то время такимъ мѣстомъ заработка была Венеція, что облегчалось для нихъ предварительнымъ знакомствомъ съ итальянскимъ языкомъ отчасти у себя дома, въ городахъ съ венеціанскимъ управленіемъ, а частью во время мореплаванія. Здѣсь-то и находились родители Зановича, отецъ Антоній и мать Франка, урожденная Марковичъ. Отецъ держалъ муловъ и занимался перевозкою товаровъ, продавалъ такъ же сельскимъ дѣтямъ различныя сласти, а, по показанію Казановы, онъ былъ башмачникъ. Въ такомъ положеніи онъ, конечно, не могъ быть княземъ, даже въ смыслѣ сельскаго старшины.

Находясь въ такомъ незавидномъ положеніи, онъ отправляется въ 1760 г. въ Венецію искать счастья и беретъ съ собою двоихъ сыновей—Примислава и Степана. Тамъ онъ открылъ какую-то лавчонку, но сидѣлъ въ ней мало, а больше проводилъ время въ кабачкахъ, гдѣ занимался картежною игрою, посредствомъ которой и пріобрѣталъ хорошія деньги. Но полиція, замѣтивъ его нечестный образъ жизни и промыселъ, приказала ему оставить территорію республики. Вернувшись домой, Антонъ купилъ землю и зажилъ, какъ богатый человѣкъ. Тогда же онъ отправилъ Примислава и Степана учиться въ Падуу въ академію. Перваго отецъ предназначалъ къ военной службѣ, а второго—духовному званію. Есть нѣкоторыя указанія о послѣднемъ, что онъ былъ у іезуитовъ, орденъ которыхъ, однако, вскорѣ былъ уничтоженъ (1773).

Старшій, Примиславъ, окончивъ ученье, возвратился въ Венецію и пошелъ по стопамъ своего отца, т. е. сталъ заниматься картежною игрою и также былъ выгнанъ, а потомъ пустился въ различныя похождения и продѣлки въ мѣстахъ, гдѣ онъ еще не былъ извѣстенъ.

Степанъ 17 лѣтъ сдѣлался монахомъ. Это было въ 1768 г., такъ какъ онъ родился, по его показанію, въ 1751 г. Здѣсь онъ, однако, не ужился и предался совершенно другой карьерѣ; а чтобы имѣть средства, онъ при содѣйствіи своего брата укралъ у одного торговца 15.000 флориновъ и еще 2.000 флориновъ выманилъ у одного изъ своихъ земляковъ. Съ этими ресурсами онъ и отправился обманывать свѣтъ (I, 499). Отсюда у Ванъ-Біемы начинается разсказъ о дѣлахъ невозможныхъ.

Зановичъ бѣжитъ въ Далмацію, гдѣ набираетъ шайку гайдуковъ (brigands) и съ ними разбойничаетъ, а потомъ является въ Черногорію; провозгласивъ себя русскимъ царемъ Петромъ III, поднимаетъ часть турецкой Албаніи, нѣсколько селъ и городовъ, подвластныхъ Венеціи, и все княжество (duché) Черногорію. Онъ сражается съ русскимъ маршаломъ Романцовымъ и разбиваетъ венеціанское войско,

подъ командою графа Вирцбурга, который отъ стыда умираетъ, и т. д. рассказываются вещи самыя нелѣпыя.

Въ 1769 г. онъ бѣжитъ въ Вѣну, гдѣ распространяетъ слухъ о своей смерти; а въ то же время находящихся тамъ православныхъ священниковъ угощеніемъ и подарками склоняетъ признать его, Кастріота, одиннадцатаго потомка Скандербега, законнымъ патриархомъ церкви и главнымъ вождемъ черногорцевъ (I, 500).

Черногорцы его уже забыли, какъ онъ опять является къ нимъ въ 1774 г. подъ именемъ Степана-Аннибала. Митрополигъ Савва и народъ черногорскій принимаютъ его очень сочувственно; ему даютъ денегъ, паспорта и даже титулъ посланника при русскомъ дворѣ. «Не находя черногорцевъ расположенными подняться въ его пользу, онъ принялъ званіе посланника». Но дѣло это было очень смѣлое, потому что въ Россіи его могли схватить, какъ человѣка, игравшаго роль Петра III. Тогда онъ ловко удираетъ пѣшкомъ и безъ всего, неизвѣстно куда, но попадаетъ сначала въ Страсбургъ, потомъ въ Франкфуртъ, а оттуда въ Польшу, гдѣ принялъ имя Warta. Здѣсь онъ вошелъ въ довѣріе графа Михаила Казимира Огинскаго, котораго и начинаетъ эксплуатировать по части денегъ (I, 500—501). Г. Ванъ-Біема не говоритъ, откуда онъ беретъ эти свѣдѣнія, но часть ихъ мы находимъ въ сочиненіи Стефана Зановича о Степанѣ Маломъ, (Stiepan Mali, 1784), на которомъ поэтому нѣсколько и остановимся.

Въ этомъ сочиненіи онъ не отождествляетъ себя со Степаномъ Малымъ (стр. 30), но тамъ же говоритъ объ одномъ генералѣ, который стоялъ во главѣ черногорскаго войска, во время битвы съ турками, и при этомъ въ сноскѣ дѣлаетъ такую замѣтку: «Нынѣ (1784 г.) этотъ генералъ очень извѣстенъ въ Европѣ, какъ по этому, такъ и по множеству (осѣан) политическихъ проектовъ, произведеній поэтическихъ, историческихъ и въ особенности философскихъ etc., etc., etc.» (тамъ же, стр. 30). Въ этомъ очень ясно видны указанія его на самого себя.

Разсказавъ о смерти Степана Малаго, авторъ говоритъ, что черногорцы не вѣрили тому и ждали его; но онъ не являлся; а съ 1774 г. явился нѣкто другой, именно Степанъ-Аннибаль, и при этомъ разсказываетъ о происхожденіи его рода отъ древнѣйшаго племени, между 12-ю племенами, по имени Mitrowik, которое извѣстно между «древними пастухами Албаніи» еще со временъ Діоклетіана (тамъ же, 50). Когда онъ явился 5 мая 1774 г. въ Черногорію, патриархъ Савва и народъ стали просить его возстановить порядокъ, который такъ разстроилъ Степанъ Малый. Онъ и остался, но скоро «его безпокойный духъ и жажда образованія, самолюбивое желаніе развить свою энергію на болѣе обширномъ поприщѣ, увлекли въ другую сторону: онъ отправился ко двору императрицы Екатерины» (стр. 54). Не имѣя въ то время еще 23-хъ лѣтъ, онъ вопреки словамъ Цезаря, что лучше быть первымъ въ селѣ, чѣмъ послѣднимъ

въ городѣ, предпочелъ этой первой роли знакомство съ націей, болѣе просвѣщенной, чѣмъ черногорцы. На кораблѣ «древнихъ пастуховъ» (т. е. паштровичскомъ суднѣ) онъ отправился въ сопровожденіи архимандрита Петра Петровича, Николая Давидовича, Прото-Рара (протопопа?) и нѣсколькихъ другихъ черногорцевъ. Прибываютъ они въ Фіумэ, откуда отправляются въ Вѣну; здѣсь онъ бросаетъ своихъ товарищей и отправляется въ Берлинъ, а оттуда въ Польшу и Литву къ барскимъ конфедератамъ (стр. 56—57). Послѣдняя часть этого разсказа совершенно вѣрна. Въ Черногоріи извѣстно, что тотчасъ по смерти Степана Малаго явился было Зановичъ, но ему сказали: «Убирайся, пока живъ!»,—и онъ убрался и черезъ Берлинъ отправился къ польскимъ конфедератамъ, которымъ такой человекъ былъ кстати. Но чистѣйшая нелѣпость, чтобы онъ могъ сдѣлаться гайдукомъ. Не такая натура его, чтобы онъ могъ вынести суровость гайдуцкой жизни; и что могъ онъ, кравшій уже десятки тысячъ, приобрести разбоемъ? По той же причинѣ не могъ онъ остаться и въ Черногоріи. Убравшись оттуда подобру-поздорову, онъ, по его словамъ, чувствовалъ себя гораздо счастливѣе, чѣмъ если бы остался въ ней. Онъ могъ сдѣлаться княземъ, кралемъ и царемъ великаго княжества Черногоріи; патріархъ, монахи, весь народъ просили его принять это важное высшее достоинство, но онъ не могъ бы жить между народомъ, котораго вся мораль состоитъ въ томъ, чтобы грабить и воровать, вся религія въ постахъ и убиваніи турокъ, венеціанъ, рагузинцевъ безъ всякой причины и часто въ уничтоженіи другъ друга. Его слава и репутація, которую онъ приобрѣталъ своими дѣлами и сочиненіями, въ тысячу разъ болѣе чисты и болѣе дороги его добродѣтельному сердцу. Его предки были государи и суверены своей страны, какъ Улиссъ въ Итакѣ, Адметъ въ Фессалии, какъ Ахиллъ, Агамемнонъ, Геркулесъ, Тезей и другіе герои, полубоги, о которыхъ говоритъ Гомеръ, или какъ Авраамъ и всѣ патріархи св. писанія, которые были равны царямъ (стр. 63). Онъ хотя и родился въ Паштровичахъ, но не имѣлъ понятія ни о своемъ родномъ краѣ Приморьѣ, ни о сосѣдней Черногоріи и т. п. Верхъ нелѣпости представляетъ въ той же книгѣ описаніе Черногоріи и характеристика ея населенія. Въ странѣ этой, — говоритъ онъ, — въ изобиліи находятся желѣзо, свинецъ, сѣра, кварцъ, мраморъ высокаго качества, золото, серебро, гранаты (это справедливо), очень блестящіе камни, которые черногорцы швыряютъ изъ-подъ ногъ, какъ народъ дикій, къ которому примѣняется изреченіе: «не мечите бисера» (приложеніе, стр. 2). Она богата лѣсами, которые черногорцы зажигаютъ, чтобы освѣщать путь во время ночныхъ походовъ (стр. 9). У черногорцевъ множество древнихъ книгъ, которыя они врутъ, чтобы дѣлать летучихъ змѣевъ (стр. 4).

Полигамія у нихъ не допускается, но легко отдѣлаться отъ жены, чтобы взять другую: стоитъ только дать три червонца патріарху,

какуюнибудь корову, барана или медвѣжью кожу; но первая жена всегда остается въ домѣ, гдѣ она держится, comme la matron du sérail, такъ какъ въ немъ часто находятся 5—6 женъ, принадлежащихъ одному человѣку (стр. 11). Далѣе рассказываетъ онъ, какъ одинъ изъ генераловъ Степана Малаго, черногорець, имѣлъ 8 женъ, но, за неимѣніемъ червонцевъ, давалъ только по коровѣ, такъ что каждая его жена обходилась ему въ одну корову (остроумная насмѣшка). Увѣренный, что въ Европѣ никто ничего не знаетъ о Черногоріи и вообще о тѣхъ краяхъ, онъ смѣло лжетъ, иногда сочиняя, потому что самъ ничего не знаетъ, а иногда просто глумляясь надъ всеобщимъ незнаніемъ.

Самъ онъ имѣлъ нѣкоторое понятіе о тѣхъ краяхъ, но весьма смутное, потому что отецъ его былъ въ Задрѣ; а другіе родственники, конечно, его презирали, какъ человѣка нечестнаго, и пріѣзжать ему въ тѣ края было не къ кому. Но хотя на короткое время онъ тамъ бывалъ и успѣлъ пріобрѣсть сообщниковъ, какъ то увидимъ дальше, и тамъ же онъ могъ собрать свѣдѣнія о Степанѣ Маломъ, о которомъ въ то время много говорилось и писалось вообще въ Европѣ. Одно изъ посѣщеній имъ своего края было въ 1774 г., тотчасъ послѣ смерти Степана Малаго.

Но мы не знаемъ, откуда онъ явился: не вертѣлся ли онъ въ тѣхъ краяхъ, выжидая случая, чтобы попасть къ Степану Малому? или же явился изъ другого мѣста тотчасъ же, какъ только услышалъ о его смерти. На это мы не имѣемъ никакихъ указаній у Ванъ-Віемы, и вообще оказывается для насъ пробѣлъ въ исторіи его съ 1769 г. до 1774 г. И тутъ мы можемъ предложить только нѣкоторыя догадки и предположенія. Сочиненіе его о Степанѣ Маломъ, какъ значитъ въ немъ, вышло въ 1784 г., при томъ не въ Европѣ, а въ «Mangalor Forteresse du Nabob Hyder-Haly sur les Côtes du Malabar», и пятымъ изданіемъ. Очевидно, что это чистѣйшая выдумка и насмѣшка надъ публикой, потому что никакой типографіи у набоба Хайдеръ-Али на Малабарскомъ берегу въ то время быть не могло, и въ Индіи онъ никогда не бывалъ, такъ какъ сообщеніе съ нею было нелегкое и требовало много времени, на чтѣ у него не было ни охоты, ни досуга; а весь 1784 г., какъ то увидимъ далѣе, онъ провелъ въ Европѣ. Но при этомъ сочиненіи приложенъ портретъ Степана Малаго, на которомъ, кромѣ различныхъ надписей, въ самомъ низу помѣчено «Paris, 1774»: значитъ, онъ и былъ сдѣланъ въ томъ году въ Парижѣ, хотя и приложенъ къ книгѣ, вышедшей позже; значитъ, портретъ этотъ сдѣланъ тогда, когда только Степанъ Малый умеръ, и когда Зановичъ намѣревался принять его ликъ и продолжать его дѣло въ Черногоріи. Съ этою цѣлью онъ представляетъ Степана Малаго очень молодымъ, чтобы приблизить къ своему собственному возрасту, и такимъ же молодымъ онъ нарисованъ на портретѣ: безъ усовъ и бороды, совершенно, какъ

женщина. Но прогнанный въ то время изъ Черногоріи, онъ удержалъ этотъ портретъ при себѣ, найдя ему мѣсто потомъ при своемъ сочиненіи. Поэтому можно полагать, что онъ явился въ Черногорію изъ Парижа или изъ Италіи, такъ какъ въ 1772 г. онъ съ старшимъ братомъ своимъ Примиславомъ черезъ Парижъ и Неаполь затѣялъ уже торговое, само собою разумѣется, дутое дѣло съ Амстердамомъ, о чемъ также будемъ говорить послѣ.

Проживая въ Парижѣ, Стефанъ Зановичъ могъ познакомиться съ барскими конфедератами, такъ какъ они, будучи въ Польшѣ разбиты русскимъ генераломъ Репнинымъ, тогда обратились къ Франціи, которая и рѣшилась помогать имъ противъ Россіи, для чего и послала имъ своихъ офицеровъ, чтобы дать имъ лучшую военную организацію. Одинъ изъ этихъ офицеровъ Дюмурье описываетъ конфедератовъ самыми дурными красками: тутъ между истинными патриотами было много сброду, которому нужны были только дебошъ и веселая жизнь на чужой счетъ,—среда, самая благоприятная для авантюристовъ такого рода, какими были Зановичи.

Послѣ этого мы вполнѣ вѣримъ словамъ самого Стефана Зановича, что въ 1774 г., потерпѣвъ неудачу въ Черногоріи, онъ отправился къ конфедератамъ, съ которыми уже ранѣе познакомился въ Парижѣ.

Послѣдуемъ теперь опять за г. Ванъ-Віемой. Въ Польшѣ, кромѣ гр. Огинскаго, Зановичъ успѣлъ приобрѣсти себѣ расположеніе графини Бжостовской (Brzostowska), полоцкой комендантши, которая рекомендовала его своему преданному человѣку, извѣстному въ то время медику Баиліусу въ Берлинѣ. Она рекомендовала его, какъ человѣка, заслуживающаго полнѣйшаго довѣрія, и Баиліусъ, по первому же требованію его, далъ ему 1114 лудировъ подъ 5 векселей. Но тутъ онъ повелъ такую жизнь, что король велѣлъ дать ему *consilium abeundi*; а то же самое прежде постигло его и въ Саксоніи.

Это было уже въ 1786 г., когда онъ прогнанъ былъ изъ Дрездена и съ братомъ Примиславомъ затѣялъ уже дѣло съ одною амстердамской фирмой, которая его преслѣдовала, и потому онъ скрывался подъ именемъ Боненскаго.

Онъ носилъ въ разныхъ мѣстахъ различныя имена: *Père Sarra Talblados Babylone, Bellini, Cernowich, Babindon, Bonenski, Warta, Pater d'Amérique* и др., и являлся то бѣднякомъ и несчастнымъ, то богачемъ и всегда эксцентричнымъ.

Потерявъ возможность плутовать въ Берлинѣ и Дрезденѣ, онъ въ 1778 г. перебрался въ Вѣну; но здѣсь его полиція арестовала за продѣлки, совершенныя прежде, и только по приказанію императора Іосифа II онъ былъ отпущенъ; между тѣмъ, чтобы избавиться отъ преслѣдованій за долги, онъ въ Вормской газетѣ 14 марта 1779 г. напечаталъ извѣстіе о своей смерти на дорогѣ въ Баденъ,

и что онъ погребенъ подъ деревомъ у подножія одной горы (I, 503). Послѣ этого онъ явился въ Страсбургъ подъ именемъ поляка-конфедерата и получилъ помѣщеніе въ нѣсколькихъ лье отъ города въ замкѣ, который французскій король предоставилъ въ распоряженіе эмигрантовъ изъ Бара. Здѣсь онъ у банкира Франка выманилъ 40 тысячъ дукатовъ, а, немного спустя, мы видимъ его поклонникомъ въ Римѣ въ священническомъ одѣяніи, подъ именемъ Wargta. Здѣсь онъ встрѣчается съ графинею Кингстонъ, которая влюбляется въ него, будучи въ то время уже 59-ти лѣтъ, слѣдовательно на 31 годъ старше его. Онъ ухаживалъ за нею, писалъ ей страстныя письма и окончательно вскружилъ ей голову разсказомъ о своихъ приключеніяхъ, конечно, съ прикрасами. Она навѣрное вышла бы за него замужъ, если бы полиція не прогнала его изъ Италіи (I, 504). Въ 1780 г. мы его встрѣчаемъ въ Гронингенѣ (въ Нидерландахъ), гдѣ въ архивѣ находится слѣдующее извѣстіе о немъ: «Явилось ихъ двое: одинъ назвался *le chevalier de Clairmorgant*, а другой *Sarra Talblados*, и остановились въ гостиницѣ Гренмана. Первый уѣхалъ въ Гагу подъ предлогомъ посѣтить тамъ своего родственника, французскаго посланника, обѣщавъ скоро возвратиться и заплатить долгъ, а второй остался и также не платилъ. Тогда его, по требованію хозяина гостиницы, посадили въ какую-то башню. Вскорѣ, однако, по просьбѣ того же хозяина, онъ былъ освобожденъ, такъ какъ за него внесъ должную сумму совѣтникъ магистрата Фоккенсъ, который сжалился надъ нимъ, какъ надъ преслѣдуемымъ принцемъ. Отсюда онъ отправился въ Амстердамъ, потомъ въ Бельгію, въ Антверпенъ, вездѣ обманывая и выманивая деньги. Въ Бельгіи онъ сблизился съ принцемъ де-Линемъ, который написалъ ему очень лестное стихотвореніе. Здѣсь онъ сочинилъ проектъ поставить Черногорію подъ протекцію императора Іосифа II, обѣщая горы золота и предлагая тотчасъ привести отрядъ черногорцевъ въ 10.000 человекъ. Но проектъ этотъ не былъ принятъ. Наконецъ, онъ попадаетъ въ городокъ Ath въ Геннегау, гдѣ и оставался 6 мѣсяцевъ, лежа въ постели, не будучи боленъ и предаваясь чтенію и размышленіямъ (I, 504—505). Точно такъ и во Франціи, послѣ періода самой разгульной жизни, онъ уединился въ замкѣ *de Bel-Oeil*, принадлежащемъ принцу де-Линю, и 6 мѣсяцевъ безвыходно оставался въ библиотекѣ. Съ 19 марта по 12 іюня 1784 г. онъ находился во Франкфуртѣ на Майнѣ, гдѣ изъ одного банкирскаго дома взялъ 5.764 голландскихъ флорина подъ вексель на своего нѣжнаго друга, графиню Кингстонъ (I, 506). Уединяясь въ какіе нибудь укромныя уголки, Стефанъ Зановичъ преслѣдовалъ двѣ цѣли: скрывался отъ преслѣдованія за долги и мошенничества и въ то же время обдумывалъ планы для будущихъ продѣлокъ. Но и здѣсь онъ дѣлалъ свое дѣло: выдавалъ себя подѣ строгимъ инкогнито за преслѣдуемаго принца, стараясь обратить на себя всеобщее внима-

ніе эксцентричностью своего поведенія и щедростью, и заводилъ знакомства съ богатыми торговцами, намѣчая въ нихъ жертвы своихъ будущихъ мошенничествъ. Есть въ Баваріи близъ Траубинга на Дунаѣ прекрасное мѣстечко Аббахъ, при которомъ находилось пустынножителство Фрауенбрюнъ, состоявшее подъ управленіемъ отца Эмерамуса. 11 августа 1784 г. въ скромномъ экипажѣ подѣхалъ къ дому молодой человѣкъ и представился домохозяину, какъ принцъ, который долженъ скрывать свое настоящее имя отъ преслѣдующихъ его враговъ, и потому просить у него гостепріимства, объявляя при этомъ, что уединеніе онъ предпочитаетъ свѣтскому шуму и ничего не ищетъ, какъ только покоя, чтобы предаваться чтенію и размышленію.

Пустынникъ, очень тронутый тѣмъ, что ему выпала честь принять такого знаменитаго человѣка, старается водворить его, какъ можно лучше. Это былъ Стефанъ Зановичъ. Онъ показывалъ себя все время очень набожнымъ и щедрымъ, раздавалъ богатую милостыню нищимъ и при этомъ продѣлывалъ разныя штуки. Иногда онъ цѣлый день лежалъ и не только читалъ, но и писалъ въ постели, получалъ и отправлялъ множество писемъ. Говорили, что за все время своего пребыванія тамъ онъ роздалъ въ видѣ милостыни до 200.000 червонцевъ; этой лжи, конечно, онъ самъ помогалъ.

Отъ времени до времени онъ посѣщалъ Аугсбургъ, Регенсбургъ и Мюнхенъ, при чемъ входилъ въ знакомство съ богатыми торговыми домами и старался въ самомъ заманчивомъ видѣ представить имъ выгоды отъ участія въ торговыхъ дѣлахъ Голландіи, въ которыхъ онъ былъ главнымъ факторомъ.

Въ это время произошло столкновеніе между Нидерландскою республикой и Австрійскою имперіей изъ-за плаванія по р. Шельдѣ, угрожавшее войной. У Степана Зановича тотчасъ же составился планъ на этотъ счетъ, и онъ выходитъ изъ своего уединенія (II, 693—694).

До сихъ поръ мы говорили только о мелкихъ дѣлахъ великаго плута; но есть у него двѣ крупныя аферы, которыя мы изложимъ отдѣльно.

III.

Дѣло съ фирмой Шомель и Йорданъ въ Амстердамѣ, едва не вызвавшее войну между Венеціей и Нидерландскою республикой. — Дѣло съ нидерландскимъ правительствомъ.

Въ декабрѣ 1772 г. прибылъ изъ Франціи въ Амстердамъ Примиславъ Зановичъ и явился къ богатому тамошнему торговому дому Chomet et Jordan съ широкими рекомендаціями отъ лионскаго дома

Greiner, Arl et Co. «Эта рекомендація и прекрасныя манеры и краснорѣчіе рекомендованнаго такъ ослѣпили амстердамскихъ негоціантовъ, что они нашли возможнымъ открыть ему неограниченный кредитъ». По первому же требованію они даютъ ему 27.000 флориновъ, часть деньгами, а часть алмазами, которые послали въ Геную своему корреспонденту для врученія находящемуся тамъ компаньону Зановича. Въ обезпеченіе этой суммы онъ вручаетъ фирмѣ вексель въ 3.500 цекиновъ, выданный лордомъ Линкольномъ на одного банкира въ Лондонѣ. Вексель этотъ былъ фальшивый. Сверхъ того, онъ далъ вексель въ 9.000 піастровъ на Геную, заявивъ въ то же время, что онъ ожидаетъ корабль изъ Texel, нагруженный виномъ, продажа котораго и должна покрыть всѣ полученные имъ авансы. Само собой разумѣется, что вексель на Геную и корабль оказались выдумкой. Не останавливаясь на этомъ, онъ представилъ имъ громадныя выгоды отъ торговли произведеніями Венеціи, которыя онъ можетъ имъ доставить; а между тѣмъ собирается въ Геную для улаженія какихъ-то затрудненій. Шомель и Иорданъ такъ были увлечены имъ и его предложеніями, что не только не задержали его, но еще дали ему рекомендація къ своимъ корреспондентамъ. Онъ отправился, однако, не въ Геную, а въ Неаполь, который рѣшилъ сдѣлать центромъ своихъ операцій; а чтобы увѣрить своихъ амстердамскихъ довѣрителей въ своемъ пребываніи въ Генуѣ, оттуда его сообщники писали отъ его имени письма въ Амстердамъ.

Между тѣмъ въ Неаполѣ онъ сумѣлъ пріобрѣсти расположеніе венеціанскаго резидента Симона Кавалли и представилъ ему своего младшаго брата Стефана подъ именемъ Николая Пеовича, состоявшаго будто бы въ компаніи съ однимъ богатымъ домомъ въ Далмаціи, который предлагалъ важныя коммерческія дѣла въ Голландіи, могущія сдѣлаться очень выгодными и для Венеціанской республики. Для этого онъ добивается министерской протекціи, чтобы войти въ сношенія съ какимъ либо солиднымъ домомъ въ Амстердамѣ, и таковымъ указываетъ домъ Шомеля и Иордана. Кавалли соглашается на это (собственно вступаетъ съ Стефаномъ въ сдѣлку) и въ 1774 г. увѣдомляетъ поименованную фирму, что, въ качествѣ венеціанскаго министра, онъ считаетъ полезнымъ рекомендовать ей, какъ заслуживающаго неограниченнаго довѣрія, Николая Пеовича, венеціанскаго подданнаго, происходящаго отъ знатной далматинской фамиліи, стоящаго во главѣ большой торговли произведеніями того края. За этимъ отъ того же Кавалли слѣдуетъ другое письмо, въ которомъ онъ повторяетъ свои прежнія увѣренія, добавивъ, что лично знаетъ этого Пеовича и его семейство. Съ своей стороны Зановичъ увѣдомляетъ Шомеля и Иордана о вступленіи своемъ въ товарищество съ Николаемъ Пеовичемъ, который охотно соглашается уплатить то, что долженъ его новый компаніонъ (т.-е. Зановичъ), и

при этомъ восхваляетъ большое богатство и положеніе дѣла Пеовича. Шомель и Иорданъ на этомъ основаніи вступаютъ въ сношенія съ этимъ неаполитанскимъ торговымъ домомъ и немедленно поручаютъ своему банкиру въ Генуѣ выдать Зановичу прежде посланные алмазы, а также вексель лорда Линкольна и открыть новый кредитъ на 6.000 флор. для новой покупки алмазовъ. Всѣ эти суммы должны были покрыться грузомъ корабля «Минерва» подъ командою капитана Alexandro Patrico, нагруженнаго оливковымъ масломъ и другими товарами, который уже отправился въ Голландію. Для большаго увѣренія Пеовичъ отправляетъ Шомелю и Иордану и консаментъ корабля, съ просьбою, чтобы они уплатили страховку этого груза, что могутъ сдѣлать частью на биржѣ Амстердама, а частью въ Лондонѣ.

Въ довершеніе комедіи, С. Кавалли, въ то время переимѣстившійся въ легачію въ Миланъ, сообщаетъ обстоятельныя подробности относительно груза и отправленія корабля, договариваясь впередъ, чтобы они послали Пеовичу, по крайней мѣрѣ, половину заказанныхъ алмазовъ, и добавляетъ ко всему этому слѣдующее: «Я знакомъ съ ходомъ этого дѣла во всѣхъ его обстоятельствахъ, и если бы я увидѣлъ необходимость въ какихъ либо предосторожностяхъ, которыя въ настоящее время совершенно излишни, я немедленно вамъ сообщу» (I, 508).

Вполнѣ увѣренные, такимъ образомъ, Шомель и Иорданъ безъ всякихъ затрудненій принимаютъ и учитываютъ векселя Пеовича, какъ вдругъ получаютъ отъ него извѣщеніе о гибели корабля, съ требованіемъ уплаты страховой премии; а въ удостовѣреніе о крушеніи онъ представляетъ свидѣтельство въ томъ отъ подеста Будвы Іоанна Контарени и письмо Кавалли. Объявленіе это, какъ оказалось послѣ, сдѣлано было Кавалли, а засвидѣтельствованіе его начальникомъ г. Будвы, венеціанскимъ нобилемъ І. Контарени, было сдѣлано его секретаремъ Бузинелли, безъ его вѣдома, при чемъ была поддѣлана и его подпись.

Послѣ нѣкоторыхъ разысканій Шомель и Иорданъ убѣдились, что имѣли дѣло съ мошенниками. Изъ Венеціи они получили точное свѣдѣніе, что какъ корабль Минерва, такъ и торговый домъ Пеовича, не что иное, какъ выдумка, въ которой главными инициаторами были братья Зановичи; но что съ ними дѣлать и гдѣ ихъ найти?

Куда дѣвался Примиславъ Зановичъ,—не извѣстно; а Стефанъ, въ іюлѣ 1776 г., оказался въ Берлинѣ, гдѣ разыгрывалъ роль албанскаго принца Кастріота, скрывавшагося подъ именемъ графа Боненскаго (Bonenski). Когда въ немъ узнавали брата Примиславова, то онъ сознавался, что они носятъ общее прозвище Зановичей, не будучи однако братьями, такъ какъ по-албански Заппо значитъ Иванъ, слѣдовательно они оба Ивановичи, но онъ, сверхъ того, носитъ имя Babindon Czernowich. Это имя одинъ агентъ амстер-

дамскихъ купцовъ снялъ съ письма ему отъ прусскаго короля, само собою разумѣется, тоже фальшиваго.

Истцы обратились къ венеціанскому суду, такъ какъ главнымъ помощникомъ ихъ, безъ котораго они не могли бы имѣть такого успѣха, былъ венеціанскій чиновникъ Кавалли. Послѣ многихъ хлопотъ и при посредничествѣ императора Иосифа II дѣло было передано экстраординарному суду въ Венеціи. Но судъ этотъ въ Кавалли не нашелъ виновности, какъ отправителя государственной миссіи, не отнимая у Шомеля и Иордана права иска гражданскаго; а Примислава и Стефана Зановичей и Бузинелли присудилъ къ изгнанію изъ предѣловъ венеціанской территоріи: перваго навсегда, тѣхъ же двухъ на 10 лѣтъ. Существованіе корабля Минервы и груза на немъ, а также торговаго дома Пеовича, на судѣ признано вымысленнымъ, и въ возмѣщеніе убытковъ, понесенныхъ отъ того голландскими купцами, рѣшено конфисковать имѣніе Зановичей.

Въ этомъ рѣшеніи была горькая насмѣшка, потому что суду не могло быть неизвѣстно, что у этихъ бродягъ не было никакого имѣнія: ни торговли, ни земли, ни дома... Голландское правительство поручаетъ своему представителю передъ венеціанскимъ сенатомъ потребовать пересмотра всего дѣла и дѣйствительнаго, а не фантастическаго вознагражденія за понесенные ея торговцами убытки, угрожая въ противномъ случаѣ прервать сношенія и искать своего права вооруженною рукою.

Сенатъ тогда понизилъ свой высокій тонъ и, боясь, чтобы голландцы не привели въ исполненіе свою угрозу, обратились съ просьбою къ германскому императору быть ихъ судьей, и онъ согласился, съ условіемъ, чтобы обѣ стороны безапелляціонно подчинились его рѣшенію. Голландское правительство на этомъ не успокоилось, и его посланникъ представилъ императору мемуаръ съ документами, между которыми находился одинъ секретный, обнаруживавшій, что въ Венеціи Кавалли все время руководилъ сенатомъ въ этомъ дѣлѣ, вмѣшавшись въ которое онъ показалъ такъ мало честности.

Императоръ отказался отъ посредничества; тогда обратились къ французскому королю; отказался и онъ.

Наконецъ, Нидерландскіе штаты, утомленные проволочками, въ январѣ 1784 г. наложили амбарго на всѣ венеціанскіе корабли, находящіеся въ ихъ портахъ. Въ то же время они обратились къ принцу Оранскому, чтобы онъ, въ качествѣ генераль-адмирала, далъ приказъ эскадрѣ въ Средиземномъ морѣ охранять голландскіе корабли противъ репрессалій со стороны венеціанцевъ. Тогда венеціанскій сенатъ, черезъ своего посланника при вѣнскомъ дворѣ, протестовалъ противъ этихъ мѣръ и выразилъ желаніе возобновить переговоры. Однако столкновеніе съ германскимъ императоромъ на Шельдѣ отвлекло вниманіе голландскаго правительства въ другую сторону, и дѣло Шомеля и Иордана было забыто.

Потомъ оно опять воскресло, но вести его становилось все труднѣе, потому что исчезали съ лица земли и участники въ немъ, и «дотянулось оно до 1795 г., чтобы быть окончательно погребеннымъ въ 1797 г., когда волны французской революціи нахлынули на Адриатическій полуостровъ и положили конецъ политическому существованію древней республики св. Марка» (I, 513).

Стефанъ Зановичъ все это время слѣдилъ за ходомъ дѣла, представлялъ сначала противный искъ, требуя страховой суммы за погибшій корабль; а когда доказана была мнѣищность этого корабля и какого бы то ни было торговаго дѣла, онъ посылалъ разныя письма то въ Амстердамъ, то въ Берлинъ, гдѣ находился Іорданъ, то угрожая, то выражая свое желаніе явиться и сдѣлать какія-то важныя для Шомеля сообщенія. Но ремесла своего онъ не оставлялъ и продолжалъ работать. Столкновение на Шельдѣ дало матеріалъ для новой аферы Степана Зановича.

Петерпѣвъ неудачу въ своемъ проектѣ подчинить Черногорію Іосифу II, онъ теперь обратился къ Голландской республикѣ съ предложеніемъ привести ей на помощь противъ императора отъ 10 до 20 тыс. черногорцевъ. Чтобы застрашать республику и больше убѣдить ее къ принятію его проекта, онъ представляетъ дѣло въ такомъ видѣ.

Императоръ призвалъ уже подъ свои знамена 6.000—10.000 черногорцевъ, а если понадобится, то можетъ имѣть ихъ и 30.000 и сверхъ того 4.000—6.000 арнаутъ-христіанъ. Это войско ужасное: оно истребитъ все; недавно 5.000 черногорцевъ разбили 36.000 турокъ. Во главѣ австрійскаго войска, кромѣ императора, стоитъ принцъ де-Линь, большой пріятель Зановича, который и приглашаетъ его принять команду надъ 20.000 черногорцевъ. Но онъ на это не соглашается и нарочно остается въ Регенсбургѣ, чтобы скорѣе получать свѣдѣнія, которыя ему сообщаютъ изъ Черногоріи. Онъ знаетъ теперь, что православный епископъ Петръ Петровичъ и другіе черногорцы ведутъ дѣло съ императоромъ, но говоритъ онъ: «у меня есть письма изъ моей страны, по которымъ я увѣренъ, что черногорцы и другіе жители Албанскаго приморья не отдадутся никому другому, какъ тому, кому я захочу» (II, 696). Его слово можетъ всѣхъ черногорцевъ отвратить отъ императора и обратить на службу республики.

Все это онъ съ большими подробностями, которыя мы пропускаемъ, излагаетъ въ письмѣ къ совѣтнику въ управленіи республики Фоккенсу, тому самому, который выручилъ его изъ тюрьмы въ Гронингенѣ и съ тѣхъ поръ постоянно ему покровительствовалъ. Письмо это онъ проситъ Фоккенса сообщить своему правительству, требуя на него категорическаго отвѣта.

По этому поводу было особое совѣщаніе, на которомъ г. van Naefen и другіе депутаты по военнымъ дѣламъ приняли извѣстное рѣшеніе и поручили г. Фоккенсу сообщить его Албанскому принцу.

Въ этомъ отвѣтѣ говорится, что штаты Голландіи покуда не могутъ рѣшиться принять черногорцевъ на службу, особенно такой большой корпусъ отъ 10 до 20.000 чел.; но что впоследствии они склонятся къ тому, чтобы вступить въ переговоры относительно небольшого числа войска; а до тѣхъ поръ они желали бы предварительно узнать, на какихъ условіяхъ могла бы быть уступлена имъ нѣкоторая часть войска; и въ ожиданіи этого они съ чувствомъ относятся къ благосклонности Албанскаго принца къ этому государству (Голландіи), и что предварительно было бы пріятно, если-бъ принцъ Албаніи своимъ вліяніемъ на черногорцевъ могъ подѣйствовать такъ, чтобы они не обязывались никакою службою императору, во время недоумѣній съ республикой, и что они не преминутъ считать этотъ шагъ пріятною услугой, и что, когда она будетъ оказана, и они почувствуютъ ея дѣйствіе, они отнесутся къ нему съ признаніемъ и вознаградятъ (*recompaîtront et remercieront*) сообразно съ важностью дѣла (II, 697—698). Подписано D. I. Van Neskegen. Дѣло, однако, обошлось безъ войны и безъ призыва черногорцевъ; но Албанскій принцъ дѣла не оставялъ; а, пользуясь письмомъ Фоккенса съ упомянутымъ рѣшеніемъ военнаго совѣта Голландіи, онъ накинута на нѣмецкихъ торговцевъ и, выставляя имъ на видъ якобы обѣщанное вознагражденіе и свои связи въ политическомъ мірѣ, какъ совѣтникъ Ганцъ въ прусской легаціи Регенсбурга и русскій резидентъ, баронъ Ассенбургъ, началъ дѣятельно очищать ихъ карманы; а чтобы поставить дѣло на торговую ногу, онъ придумалъ Бритмана, англо-американскаго торговца въ Кайенѣ, съ которымъ они завели три корабля: «Албанскій принцъ», «гр. Огинскій» и «Прусскій принцъ». Гр. Огинскій, какъ мы уже упоминали, вложилъ свою долю въ это предпріятіе, а затѣмъ пошли на удочку Зановича купцы и банкиры. Онъ бралъ у банкировъ авансы на дѣла Голландіи, покупалъ драгоценныя вещи, не платя за нихъ, которыя раздаивалъ, чтобы приобрести друзей, а большую часть закладывалъ въ ломбардахъ или банкахъ. Обратился онъ съ какимъ-то порученіемъ и къ скутарійскому епископу *Georgio Angeli Padovani*, какъ то видно изъ письма епископа, въ которомъ онъ, выражая принцу свое почтеніе, проситъ не затѣвать ничего, такъ какъ для предпріятія его въ Албаніи мало шансовъ, и въ заключеніе проситъ оставить его въ покоѣ отъ корреспонденціи, такъ какъ изъ-за этого могутъ пострадать онъ и все духовенство отъ турецкаго папы; а также совѣтуетъ не предпринимать ничего ни противъ Австріи, ни противъ Венеціи. Это не помѣшало, однако, Зановичу увѣрить всѣхъ, что его вліяніе было въ состояніи поднять Албанію, если-бъ онъ послалъ туда 4.000 дукатовъ, безъ чего албанцы не соглашались поднять оружіе (II, 699—700). Но онъ все-таки послалъ епископамъ черезъ Анкону подарки, состоящіе изъ фальшивыхъ рубиновъ. Онъ окружилъ себя

дѣлымъ штатомъ прислужниковъ, а для обширной корреспонденціи взялъ секретаря, котораго скоро, однако, смѣнилъ другой; но и этотъ ушелъ, потому что ихъ онъ держалъ въ черномъ тѣлѣ и въ нуждѣ; наконецъ нашелъ онъ по себѣ такого же плута, Карловица, который былъ настолько нещекотливъ, что сквозь пальцы смотрѣлъ на связь принца съ его женою. Не забываетъ, однако, принцъ напоминать о себѣ и высшимъ міра сего: въ мартѣ 1785 г. онъ посылаетъ прусскому принцу оду и при этомъ въ подарокъ *théâtrique* и мараскинъ изъ Задра; подарки, однако, были возвращены съ выраженіемъ благодарности (II, 699).

Заказываетъ онъ множество портретовъ своихъ въ самыхъ фантастичныхъ видахъ и разсылаетъ ихъ всюду, даже вымышленному Бритману, но живописцамъ платитъ плохо.

Забирая большія суммы у капиталистовъ и тратя ихъ по своему вкусу и своимъ расчетамъ, онъ въ началѣ декабря 1785 г. изъ Гренингена посылаетъ правительству Нидерландъ письмо, въ которомъ, на основаніи рѣшенія 28 декабря 1785 г., требуетъ вознагражденія и уплаты издержекъ, сдѣланныхъ имъ, чтобы отвлечь черногорцевъ отъ поступленія на службу къ императору противъ Нидерландъ.

На это 11 января 1786 г. послѣдовала такая резолюція: «принцъ не можетъ рассчитывать на уплату авансовъ, на которые онъ не былъ уполномоченъ. Съ перемѣною обстоятельствъ его услуги оказались излишними; но они (члены собранія Штатовъ) не могутъ не выразить принцу ихъ чувства признательности за участіе, съ какимъ онъ относился къ этому государству, и что они сохраняютъ о немъ навсегда воспоминаніе, пріятное и полное благодарности» (III, 89).

При этомъ рѣшеніи Штаты остались до конца, несмотря на статьи, которыя писалъ противъ нихъ Зановичъ, и на угрозы, которыя онъ имъ дѣлалъ, какъ будто имѣя за собою какого-то сильнаго заступника. Въ одномъ письмѣ онъ требуетъ справедливости и уплаты ему милліона, угрожая, что ихъ взыщеть силою арміи, передавши свою претензію одному могущественному лицу (III, 90).

Имѣлъ онъ аудіенцію у Стодгудера и у принца Оранскаго, которымъ представлялъ свои требованія; обращался къ принцу прусскому, къ императору, а главное, старался подѣйствовать черезъ прессу. Ничто не помогало. Тогда онъ убѣдилъ своихъ кредиторовъ предъявить иски на него со счетами, которые онъ и подносилъ голландскому правительству. Вотъ какой счетъ представилъ онъ самъ лично: онъ выдалъ 495 луидоровъ, которые были посланы графу Раду Марковичу, Angeli de-Radovanni и Бранку di Moridita, воеводѣ *des Hautes Montagnes de Comeno-Litari* (всѣ имена, конечно, выдуманныя) и еще 1.000 дукатовъ, посланные черезъ Анкону. Чтобы привлечь черногорцевъ на сторону республики, онъ

сдѣлалъ слѣдующіе крупныя долги: итальянскому купцу Matteo Carcano 4.700 ф., банкиру въ Аугсбургѣ Untersteiner'у 38.000 ф., капитану гвардіи de Souha—18.000 фр. и аугсбургскому негодяицу de Zabuesing—20.000 ф. подъ вексель Бритмана (III, 91). Кредиторы хотѣли было напасть на Фоккенса, покровителя принца, прибѣгнувъ къ суду; но двое изъ нихъ, Суха и Забюсингъ, не посмѣли, потому что тогда открывались ихъ дѣйствія противъ императора.

Близился, однако, и конецъ продѣлкамъ Зановича.

IV.

Тюрьма, допросъ, судъ и самоубійство.—Мысли по поводу рокового финала: голландское правительство неправо и само виновато; общее легковѣріе и духъ вѣка.

Въ началѣ 1786 г. Зановичъ оказывается въ Амстердамѣ, гдѣ живетъ на квартирѣ у портного и, повидимому, въ крайней бѣдности. Онъ былъ занятъ печатаніемъ одной брошюры противъ голландскаго правительства съ обращеніемъ къ наслѣдному принцу Пруссіи Фридриху-Вильгельму.

Брошюра эта означена 1-мъ апрѣля 1786 г., а нѣсколько дней спустя, по требованію одного изъ его кредиторовъ, торговца сукнами, 4 апрѣля, вечеромъ, при выходѣ изъ французскаго театра, онъ былъ арестованъ и по тогдашнему обычаю посаженъ въ отелѣ «au Lion d'Or», гдѣ его и продержали подъ стражей одну ночь. При обыскѣ у него нашли кинжалъ, золотой образокъ и нѣсколько драгоценныхъ вещей. Отъ этой первой претензіи онъ отдѣлался, внеся требуемую сумму; но тотчасъ послѣдовалъ вторично арестъ по иску троихъ новыхъ кредиторовъ. При этомъ онъ жаловался на своего секретаря, барона Карловица, который воровски убѣждалъ, захвативъ его деньги и драгоценности, что теперь поставило его въ невозможность расплатиться съ кредиторами.

Боясь, чтобы Степанъ не совершилъ покушенія на свою жизнь посредствомъ какого либо яда, у него отобрали всѣ его вещи, даже до бандажя и рубашки, и одѣли его въ новое платье. Пропускаемъ все, что Ванъ-Виема сообщаетъ о письмахъ, будто писанныхъ ему другими, а въ дѣйствительности, очевидно, сочиненныхъ имъ самимъ, чтобы оправдать себя, а другихъ ввести въ заблужденіе, а также о письмахъ, которыя онъ писалъ изъ тюрьмы къ разнымъ лицамъ, такъ какъ все это не уясняетъ дѣла и не прибавляетъ ничего новаго для уясненія его личности и характера; остановимся только на томъ фактѣ, что 16 мая, по рѣшенію магистрата, онъ былъ переведенъ въ криминальную тюрьму, и на другой день ему сдѣлали допросъ, который и приводимъ здѣсь вполнѣ:

«Приводится въ судъ личность, называющая себя Степанъ-Аннибалъ, принцъ Албаніи ¹⁾).

Имя выше означенное; рожденъ въ Бабиндонѣ ²⁾, въ странѣ Черногорской, 18 февраля 1751 года, тамъ же крещенъ съ означеннымъ выше именемъ.

В. Исповѣдывались ли вы, гдѣ, когда и въ какой религіи?

О. Въ католической религіи до 13 лѣтъ въ Бабиндонѣ; между 1772 и 1773 г.г. я перемѣнилъ ее на православную (gresque) и былъ избранъ въ патриархи Черногоріи.

В. Гдѣ вы получили воспитаніе?

О. Въ различныхъ мѣстахъ Горней Албаніи. Мой отецъ называется князь Антонъ d'Albanie, а моя мать Франка Марковичъ.

В. Живы ли еще ваши родители?

О. Я не знаю, не получая отъ нихъ извѣстій съ 1774 г., что я объясняю гнѣвомъ моего отца за мое участіе въ дѣлѣ черногорцевъ, которые меня избрали генераль-капитаномъ и патриархомъ.

В. Есть ли у васъ братья, сестры и какъ ихъ зовутъ?

О. Нѣтъ.

В. Гдѣ жили ваши родители, когда вы родились?

О. Въ Pastro-Veschio, между Албаніей и Черногоріей.

В. Живши сначала въ Пастровекію, гдѣ они поселились потомъ?

О. Они жили тамъ до того времени, когда я соединился съ черногорцами, а остального не знаю.

В. Откуда вашъ отецъ получалъ и получаетъ ли теперь свои средства существованія?

О. Онъ получалъ доходы отъ своихъ имѣній.

В. Учились ли вы и гдѣ?

О. Нѣтъ.

В. Какія ваши средства существованія?

О. Отъ времени до времени даютъ мнѣ денегъ друзья.

В. Откуда вы прибыли?

О. Изъ Гренингена, гдѣ я три мѣсяца жилъ у совѣтника Фокенса, и по дорогѣ видѣлся съ Стодгудеромъ, чтобы высказать мою претензію.

В. Кому вы были рекомендованы въ этомъ городѣ?

О. Никому; я намѣревался отправиться въ Гагу къ М. Lohmann, гренингенскому депутату въ генеральныхъ штатахъ.

В. Были ли вы здѣсь много разъ и въ какое время?

¹⁾ Вопросы мы не будемъ ставить тамъ, гдѣ они видны въ отвѣтѣ.

²⁾ Собственно Бабиндолъ, при чемъ по духу сербскаго языка л на концѣ не выговаривается, который во флексіи восстанавливается; поэтому слѣдовало бы сказать въ Бабиндолѣ, а не въ Бабиндонѣ. Окончаніе означаетъ долину, какъ Дуги-до, Криви-до, Вучи-до и т. п. При томъ въ Паштровичахъ всѣ православные; поэтому семейство Зановичей составляло исключеніе, или же Зановичъ съ какою-то заднею цѣлью не говорить истину.

О. Четыре раза: въ 1780, 1781, 1783 и теперь въ 1786 г.

В. Не были ли вы въ 1780 г. въ другомъ мѣстѣ?

О. Я припоминаю, что былъ здѣсь еще одинъ разъ съ графомъ Примиславомъ Зановичемъ: мы жили въ гостиницѣ du Bible de Liesvelt на Warmoes Straat; Примиславъ выдавалъ меня за своего брата, и я назвался Стефаномъ Зановичемъ.

В. Что вы здѣсь дѣлали, и какая была причина вашего пребыванія?

О. У меня не было никакого дѣла, такъ какъ я прибылъ просто компаньономъ Примислава въ путешествіи и для развлеченія; я написалъ нѣсколько сочиненій, которыя далъ тамошнему типографщику Changuion.

В. Кому вы были рекомендованы?

О. Никому; но Примиславъ имѣлъ рекомендаціи ко многимъ домамъ, между которыми были Шомель и Иорданъ.

Второй допросъ 23 мая 1786 г.

В. Какимъ образомъ вы сдѣланы патриархомъ?

О. По обычаю, черезъ епископовъ.

В. Кѣмъ вы были наименованы въ генераль-капитаны Черногоріи?

О. Воеводами, или палатинами, и сирдарами, или капитанами округовъ. Патриархомъ я былъ наименованъ между 1774 и 1775 гг., а генераль-капитаномъ нѣсколько мѣсяцевъ раньше.

В. Какое содержаніе (apanages) соединено съ этими званіями, и какимъ способомъ вы ими пользовались?

О. Никакія; напротивъ, я долженъ былъ тамъ положить деньги.

В. Отъ кого зависитъ Пастровеккіо?

О. На нихъ претендуютъ венеціанцы и турки; но въ дѣйствительности это независимый округъ.

В. Какимъ образомъ вы родились въ Бабиндонѣ, когда ваши родители жили въ Пастровеккіо?

О. Бабиндонъ есть деревушка въ Пастровеккіо.

В. Въ чьей зависимости состоитъ страна Черногорія?

О. Это страна свободная.

В. По какому праву вы носите титулъ принца Албаніи?

О. По праву рожденія я претендую на княжество Албанію, которая отнята у моего дома и уже 344 года находится подъ господствомъ турокъ. Въ качествѣ генераль-капитана я носился съ планомъ освободить мою страну посредствомъ возстанія.

В. Не носили ли вы нѣсколько разъ титулъ графа?

О. Въ Берлинѣ я назывался графомъ Зановичемъ Церновичемъ и въ равныхъ мѣстахъ принималъ различныя имена безъ послѣдовательности.

В. Почему вы это дѣлали?

О. Потому что венеціанцы обвиняли меня, будто я участвовалъ въ смутѣ подъ именемъ Петра III, и чтобы избавиться отъ преслѣ-

дованій со стороны Россіи; но скоро я надѣюсь доказать мою невиновность.

В. Есть у васъ доказательства, чтобы оправдать ваши титулы принца, патріарха и генераль-капитана?

О. Что касается албанскаго княжества, я могъ бы доказать посредствомъ приговора (moritorium) моихъ соотечественниковъ, которые признали меня за такового. Этотъ документъ находится въ рукахъ герцогини Кингстонъ. Наименованія патріархомъ и генераль-капитаномъ зависятъ отъ свободнаго выбора черногорцевъ.

В. Сдѣлайте описаніе вашей Албаніи и объясните ея положеніе?

О. Она расположена по морскому берегу между Эгейскимъ и Адриатическимъ морями и со стороны материка между Румеліей и Босніей.

В. Въ какой странѣ и подъ чьимъ господствомъ находятся имѣнья, съ которыхъ отецъ вашъ получаетъ доходы?

О. Въ территоріи Пастро-Веккіо.

В. Ваши друзья давали вамъ деньги въ видѣ дара или займа?

О. Такъ и такъ.

В. Отъ кого и на какихъ условіяхъ вы ихъ получали?

О. Отъ многихъ лицъ: отъ гр. Огинскаго, герц. Кингстонъ и принца де-Линъ, подъ условіемъ, что я ихъ возвращу, какъ только буду въ состояніи.

В. Подъ какимъ предлогомъ вы получали эти суммы?

О. Я обращался къ своимъ знакомымъ, когда имѣлъ нужду въ деньгахъ.

В. Откуда вы въ началѣ 1785 г. прибыли въ Гренингенъ?

О. Изъ Регенсбурга.

В. Есть ли у васъ гдѣ нибудь постоянное жительство?

О. Нѣтъ.

В. Съ какого времени вы отсутствуете изъ Черногоріи, и кто въ ваше отсутствіе исполняетъ должности патріарха и генераль-капитана?

О. Съ 1775 или 1774 г., Петръ Петровичъ исполняетъ должность патріарха, а Ясога Danits—генераль-капитана.

В. Въ какомъ году, прежде 1780 г., вы встрѣчались здѣсь съ гр. Примиславомъ, и чѣмъ вы съ нимъ связаны?

О. Это былъ истинный гр. Примиславъ Зановичъ, уроженецъ Далмаціи, гдѣ я съ нимъ познакомился.

В. Зачѣмъ вы взяли на себя имя Стефана Зановича, тогда какъ прежде назывались Стефаномъ-Аннибаломъ?

О. Чтобы избѣгнуть преслѣдованія со стороны русскихъ.

В. Зачѣмъ Примиславъ выдавалъ васъ за своего брата?

О. По той же причинѣ, какъ и гр. Огинскій называлъ меня своимъ кузеномъ.

В. Не обращались ли вы въ то время вмѣстѣ съ Примиславомъ къ разнымъ негодіантамъ?

О. Нѣтъ.

В. На какое званіе вы заявляли права?

О. Ни на какое; насъ считали за графовъ Зановичей.

В. Куда вы отправились, оставивъ Амстердамъ?

О. Въ Триестъ, откуда Примиславъ отправился въ Неаполь, а я въ Черногорію.

В. Гдѣ вы находились въ продолженіе 1773 г.?

О. Въ Черногоріи.

В. Въ качествѣ кого былъ вашъ отецъ, когда вы его оставили въ послѣдній разъ?

О. Въ званіи князя Антона.

В. Почему вы такъ мало заботитесь о своихъ родителяхъ, что не знаете, живы они или умерли?

О. Я еще забочусь о нихъ, но они по извѣстнымъ причинамъ не думаютъ больше обо мнѣ.

В. Есть ли у васъ братья и сестры?

О. Нѣтъ; но, если меня хотятъ сдѣлать братомъ гр. Зановича, то я имѣлъ бы троихъ братьевъ и одну сестру: первый Примиславъ, второй Аннибалъ, не знаю имени третьяго.

В. Не писали вы писемъ, кромѣ этихъ?

О. Нѣтъ (III, 101—105).

Есть два письма, писанныя Зановичемъ изъ тюрьмы, въ которыхъ онъ, жалуясь на несправедливость къ нему, дѣлаетъ указаніе на свою рѣшимость прибѣгнуть къ самоубійству, и наконецъ исполнилъ свое намѣреніе, осколкомъ стекла перерѣзавъ себѣ вены. Извѣстіе объ этомъ находится въ «Амстердамской газетѣ» отъ 24 мая, № 63. Смертью преступника, однако, не покончилось его наказаніе: по обычаю того времени, тѣло его было перенесено въ Hôtel de Ville, гдѣ надъ нимъ прочитана была слѣдующая сентенція:

«Въ виду того, что Степанъ-Аннибалъ и т. д., арестованный вслѣдствіе подозрѣнія, что онъ былъ самозванецъ, *ex conscientia sceleris* (сознавая преступленіе) избавился отъ справедливаго наказанія, открывши себѣ жилу *vena basilica*, магистраты опредѣлили, чтобы тѣло упомянутаго Аннибала было на носилкахъ стащено къ подножію висѣлицы и тамъ брошено въ яму. Издержки суда должны быть покрыты продажей вещей осужденнаго».

Сентенція эта была исполнена утромъ 1-го іюня въ присутствіи большого стеченія любопытныхъ (III, 105—107).

Относительно допроса Ванъ-Біема справедливо замѣчаетъ, что изъ него не видно, за что Зановичъ былъ арестованъ и преданъ суду. Въ приведенной сентенціи, прочитанной надъ трупомъ, видно, что онъ былъ только подозрѣваемъ въ томъ, что былъ *imposteur*. Слово это означаетъ самозванца и просто обманщика; мы взяли первое, какъ болѣе соответствующее тяжкому осужденію. Но мы не знаемъ даже, къ чему онъ былъ присужденъ. Судя по тому, что

мертвое тѣло его принесено было къ висѣлицѣ, можно думать, что ему угрожало повѣшеніе, и мы склоняемся къ этому убѣжденію тѣмъ болѣе, что Зановичъ, такъ любившій жизнь и такой избрѣтательный, не могъ страшиться одного тюремнаго заключенія, изъ котораго всегда могъ надѣяться освободиться, и только перспектива неминуемой позорной смертной казни могла побудить его къ самоубійству. Не входя въ разборъ вопроса, насколько преступникъ заслуживалъ такой казни, и допуская даже, что онъ былъ осужденъ только на тюремное заключеніе, мы не можемъ не замѣтить, что судъ былъ слишкомъ спѣшный: 4 апрѣля его арестовали, а 16 мая, слѣдовательно менѣе, чѣмъ черезъ полтора мѣсяца, уже присудили. А 11 января того же года правительство, отклоняя требованіе имъ вознагражденія, увѣряетъ его въ своей признательности за его радѣніе объ интересахъ этого государства и въ томъ, «что навсегда сохранить о немъ воспоминаніе пріятное и полное благодарности». Хороша же благодарность! И навсегда ограничилось слишкомъ короткимъ срокомъ! А годъ съ небольшимъ назадъ (28 дек. 1784 г.) они же обращались къ нему, какъ къ принцу Албаніи, съ прямою просьбою («имъ было бы пріятно»), чтобы онъ своимъ вліяніемъ удержалъ черногорцевъ отъ поступленія на службу къ императору Іосифу II, и что они на такой его поступокъ (*démarche*) будутъ смотрѣть, какъ на пріятную услугу, которую, когда онъ окажетъ и они почувствуютъ то на дѣлѣ, они вознаграждать его сообразно съ важностью дѣла.

Сколько ни видно здѣсь очень тонкой діалектики, но при всемъ томъ очевидна основная мысль, что они его просятъ, а потому въ послѣдующемъ отвѣтѣ они не въ правѣ были сказать, что они его не уполномочивали дѣлать авансы, какъ будто возможно, что бы то ни было, дѣлать безъ денегъ.

Но у нихъ не хватило мудрости понять, какъ нелѣпо имъ, представителямъ славной республики, обращаться съ просьбою къ какой-то темной личности, которая всѣмъ своимъ поведеніемъ не внушаетъ довѣрія: его прогнали изъ Вѣны и изъ Берлина, Іосифъ II и прусскій наслѣдныи принцъ давно уже лишили его своего покровительства. Удивительно, какъ имъ не было извѣстно дѣло его съ Шомелемъ и Иорданомъ; между тѣмъ изъ этого выходитъ слѣдующее: относясь къ Зановичу, какъ къ принцу, и вступивъ съ нимъ въ сношенія по государственному дѣлу, они вводятъ въ заблужденіе своихъ купцовъ, которые на основаніи ихъ письма съ полнымъ основаніемъ даютъ ему деньги и считаютъ себя особенно счастливыми, что имѣютъ дѣло съ такимъ великимъ человѣкомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ оказываютъ услугу своему отечеству. А въ концѣ концовъ, оставивъ безнаказаннымъ дѣло его съ Шомелемъ и Иорданомъ, которое стоило больше сотни тысячъ, надѣлало имъ массу хлопотъ и чуть не довело ихъ до войны съ Венеціанской республикой, арестуютъ

и немилостиво наказываютъ его за какіе-то 5000 ф., вымещая на на немъ свои собственные промахи, собственную вину передъ своимъ народомъ.

Нельзя не удивляться тому, съ какою легкостью люди вѣрятъ всему, что бы ни сказалъ, что бы ни предпринялъ Зановичъ. Онъ албанскій принцъ, онъ же и торговецъ; въ то же время распространяется слухъ, что онъ игралъ роль Петра III или Степана Малаго въ Черногоріи, за чтò и преслѣдуютъ его Россія и Венеція. Положимъ, амстердамскіе судьи впервые отъ Зановича слышали объ Албаніи и Черногоріи, и на допросахъ ему старались восполнить недостатокъ своихъ свѣдѣній объ этихъ странахъ; но правительства Венеціанской республики и Австріи отлично знали не только эти страны, но и что въ нихъ происходило; то же самое можно сказать и о Пруссіи. И нидерландское правительство имѣло возможность убѣдиться въ томъ, кто таковъ былъ албанскій принцъ, когда имѣло хлопоты по дѣлу Шомеля и Иордана. А что за простота наша на купцовъ, когда они видятъ, какъ онъ сбываетъ леденцы за алмазы, стекла за рубины, безъ денегъ покупаетъ различныя драгоценности и тутъ же закладываетъ тамошнимъ же ломбардамъ и банкирамъ, и вѣрятъ ему?

Тѣмъ же вопросомъ задается Степанъ Зановичъ по отношенію къ Степану Малому, а, можетъ, быть и прямо къ себѣ, и отвѣчаетъ на это такъ: «чѣмъ больше вещь несообразна и невѣроятна, тѣмъ съ большимъ уваженіемъ отнесутся къ ней, и тѣмъ больше она дѣйствуетъ на умы. Говорятъ, что одна половина свѣта обманываетъ другую; скажу больше: въ каждомъ вѣкѣ рождаются 3 или 4 гениальныхъ человѣка, чтобы обманывать остальное человѣчество, тѣмъ болѣе, что человѣкъ по природѣ склоненъ къ заблужденію и ищетъ, такъ сказать, чтобы ктонибудь его обольщалъ, доставляя ему удовольствія и подавая надежды и т. д. Человѣкъ рожденъ для заблужденія, и это понялъ Степанъ Малый». (Стеф. М., стр. 24).

Въ этихъ словахъ совершенно искренно рисуется самъ Степанъ Зановичъ; онъ это понялъ, на основаніи этого дѣйствовалъ, а успѣхъ доказалъ справедливость его философіи. Есть тутъ еще и другая сторона: это среда и духъ вѣка.

На духъ вѣка указываетъ и Ванъ-Віема въ своей заключительной характеристикѣ Зановича: одаренный несомнѣнными талантами, онъ употреблялъ ихъ только на зло и, умѣя прикрывать свои дурныя инстинкты приличною наружностью и маской философа, онъ показалъ себя достойнымъ представителемъ своего вѣка на его исходѣ (III, 106).

Его породилъ вѣкъ, въ которомъ подъ наружнымъ блескомъ скрывалась мишура, а подъ маскою добродѣтели достигались самыя низменныя личныя цѣли; когда философія, поэзія и искусство служили для забавы дворовъ и предавались лести и угожденію вкусамъ

знати, а торговля и промышленность служили средствомъ роскоши и разврату. Зановичи и подобные имъ были именно порожденіемъ этого вѣка и дѣтьми-баловнями того общества, въ которомъ жили и дѣйствовали.

Поэтому обратимся къ тѣмъ знакомствамъ, связямъ и отношеніямъ, которыя онъ заводилъ въ этомъ обществѣ и которыми онъ такъ искусно умѣлъ пользоваться для достиженія своихъ цѣлей.

V.

Знакомства и связи С. Зановича: гр. Огинскій, гр. Вжостовская, д-ръ Баиліусъ, герцогиня Кингстонъ.—Отношенія къ нему австрійскаго императора Юсифа II и прусскаго наслѣднаго принца Фридриха-Вильгельма.—Частныя лица.—Отношеніе его къ женщинамъ.—Черты изъ домашней жизни Зановича.—Неизбѣжность рокового конца.

Попавъ впервые въ Парижъ, Зановичъ сразу очутился въ средѣ поляковъ, гдѣ открывалось широкое поле для всевозможныхъ авантюръ, благодаря смутному положенію Польши, открытой для интригъ трехъ великихъ государствъ и въ добавокъ имѣвшей во главѣ королевства тоже авантюриста, Станислава Понятовскаго; это была среда, какъ бы созданная для Зановичей. Здѣсь Степанъ Зановичъ находилъ гр. Огинскаго, горячаго польскаго патріота, пожертвовавшего для отечества всѣмъ своимъ состояніемъ (всѣ его громады имѣнья были конфискованы русскимъ правительствомъ), ставившаго на карту судьбу своего отечества и свою голову, и въ то же время большого любителя искусства, поэзіи и веселой компаніи.

Степанъ Зановичъ совершенно подошелъ къ той средѣ и къ тѣмъ обстоятельствамъ, понравился гр. Огинскому, очаровалъ его своею богатою фантазіей, изобрѣтательностью въ составленіи различныхъ плановъ и выудилъ отъ него съ 1776 по 1783 г. 75.345 дукатовъ, да сверхъ того еще 16.000 дукатовъ на какое-то фальшивое торговое предпріятіе. Въ 1786 г. онъ еще разъ забралъ какую-то сумму у одного банкира на имя гр. Огинскаго; но графъ отказался платить, сказавъ, что «если бы онъ платилъ всѣмъ, кого направить на него принцъ (Зановичъ), онъ самъ сдѣлался бы нищимъ» (I, 502). Это дѣйствительно была прорва, которой никогда не наполнишь.

Тамъ же увлеклась его красивою и интересною личностью графиня Вжостовская и своею рекомендаціей д-ру Баиліусу открыла ему путь къ мошенничеству въ Берлинѣ, откуда онъ заручился и для другихъ мѣстъ Германіи.

Но Баиліусъ не простилъ ему этого и потомъ былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ его окончательнаго ареста; не извѣстно только, отомстилъ ли онъ графинѣ, которая была его соучастницей: по-

всѣмъ вѣроятіямъ, нѣтъ; а виновата была она. Экспентричная или полусумасшедшая герцогиня Кингстонъ, наслѣдовавшая, послѣ разныхъ жизненныхъ перипетій, большія богатства, сама не чуждая авантюръ, почти шестидесятилѣтнею старухой связывается съ молодымъ, красивымъ проходимцемъ и чуть не выходитъ за него замужъ; а потомъ выручаетъ его всякій разъ, какъ только ему предстоитъ преслѣдованіе за долги и мошенничества. Она не оставляла его и помогала ему до конца; только, когда онъ былъ арестованъ, а ея собственныя дѣла были запутаны, она не могла ему ничѣмъ помочь, но продолжала писать ему письма, въ которыхъ видно было ея искреннее участіе.

Это дѣлаетъ честь ея постоянству и доброму сердцу; но она вводила въ заблужденіе другихъ, которые давали ему деньги на ея кредитъ, и такихъ суммъ осталось много неуплаченныхъ.

Исторія герцогини Кингстонъ и отношеній ея къ Степану Зановичу занимаетъ у Ванъ-Біема около 5-ти страницъ (II, 688—692), но намъ, для оцѣнки ея характера и отношеній къ Зановичу, нѣтъ надобности въ большихъ подробностяхъ. Оказалъ ему однажды благоволеніе и императоръ Іосифъ II, когда его въ 1778 г. въ Вѣнѣ арестовала полиція, не за какое либо преступленіе, совершенное имъ въ предѣлахъ Австріи, а вслѣдствіе дурной славы, которую онъ себѣ приобрѣлъ въ другихъ мѣстахъ Германіи. По приказанію императора, онъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы, и это было для него великою милостію, потому что австрійскія тюрьмы не уступали венеціанскимъ, и тамъ онъ могъ покончить свои дни.

Но Австрія и не была удобнымъ поприщемъ для Зановича; онъ не могъ тамъ дебютировать ни въ роли Степана Малаго, ни патріарха Черногоріи, ни албанскаго принца, потому что Австрія черезъ Триестъ была въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ со всѣмъ восточнымъ побережьемъ Адриатики, а, ведя войны съ Турціей, знала отлично Албанію и Черногорію; съ послѣдней же у нея въ 1778 г. былъ заключенъ формальный трактатъ. Іосифъ II относился къ Зановичу снисходительно и даже милостиво, зная, что для австрійцевъ онъ не опасенъ; а продѣлки его въ другихъ странахъ для него могли быть только забавны. При томъ уловить его и уличить нигдѣ не могли такъ, какъ въ Австріи. Этимъ отчасти можно объяснить благоговѣйное отношеніе Зановича къ императору.

Свое сочиненіе о Степанѣ Маломъ онъ заканчиваетъ тѣмъ, что ему никто не можетъ ничего сдѣлать:

«Nec iudicis ira, nec ignis,

«Nec poterit ferrum, nec edax abolere vetustas.

«Если только его благосклонно выслушаетъ могущественный принцъ (это сочиненіе было посвящено Іосифу II), цѣнитель заслугъ и цѣнитель справедливый настолько, насколько то возможно для

человѣка послѣ божества, и который судить людей и дѣла по собственному взгляду, а не по вѣшинности только и по молвѣ о нихъ» (стр. 72). Ему же онъ хотѣлъ подчинить и Черногорію. Странно, что то же самое затѣвалъ и такъ называемый губернаторъ въ Черногоріи, Іоко Родоничъ. Онъ ѣздилъ въ Вѣну и въ этомъ смыслѣ заключилъ упомянутый выше трактатъ 1778 г., который, однако, не былъ признанъ ни митрополитомъ черногорскимъ, ни народомъ, и потому остался безъ всякихъ послѣдствій. Не зналъ ли объ этомъ Зановичъ, и потому хотѣлъ съ этимъ дѣломъ связать какимъ нибудь образомъ и свое участіе? Въ сочиненіи же о Степанѣ Маломъ есть отдѣльная статейка подъ названіемъ «Aprologue», въ которой въ отвѣтъ на ихъ (черногорцевъ) проектъ, искать союза и протекціи одного очень могущественнаго принца Европы и т. д., рассказана такая исторія великана и карлика.

Вмѣстѣ они отправились въ путешествіе, во время котораго неоднократно подвергались нападеніямъ, при чемъ карликъ храбро кидался на враговъ, но всегда, конечно, терпѣлъ поражение; великанъ въ то время его спасалъ, а карликъ страдалъ, всякій разъ теряя то руку, то ногу, то глазъ. Наконецъ, великанъ, не получившій ни одной раны, говоритъ карлику тономъ дружбы и покровительства: «Вотъ, мой маленькій герой, что называется, хорошо работали! Еще одна такая побѣда, и мы приобрѣтемъ безсмертную славу и большое богатство!» Но карликъ отказался, потому что великану доставалась вся слава и вся выгода, а ему всѣ удары» (стр. 15).

Изъ этого видно, что Зановичъ на подчиненіе Черногоріи австрійскому императору смотрѣлъ двойственно: предлагалъ его и въ то же время сознавалъ, что оно выгодно только для сильнѣйшей стороны, т. е. для Австріи. Могъ онъ обратить на себя вниманіе Іосифа II и тѣмъ еще, что находился въ сношеніяхъ съ польскими конфедератами, черезъ которыхъ вмѣстѣ съ другими и Австрія интриговала противъ Россіи. Характеромъ интимности отличаются отношенія Зановича къ Фридриху-Вильгельму, прусскому наслѣдному принцу.

Въ доказательство, что эти отношенія существовали въ дѣйствительности, Ванъ-Біема приводитъ слѣдующее письмо принца къ Зановичу, не означая, къ сожалѣнію, ни откуда оно взято, ни когда написано. Въ виду важности этого письма представляемъ его здѣсь цѣликомъ въ переводѣ:

«Никто не можетъ повредить вамъ въ моемъ мнѣніи, и, имѣя основаніе быть всегда довольнымъ вами и считая себя обязаннымъ вамъ, я, господинъ принцъ, не могу не думать постоянно о вашемъ благополучіи. Я поздравилъ бы васъ съ тѣмъ, что вы—принцъ, если бы зналъ, что титулы могутъ что нибудь прибавить къ счастью философа, какъ вы, господинъ принцъ. Будьте увѣрены во всемъ, что зависитъ отъ моей дружбы и особеннаго уваженія, которое я

имѣю къ вамъ и вашимъ талантамъ, и во всякое время и вездѣ я есть и буду всегда за васъ, господинъ принцъ, вашъ очень любящій и вполне искренній другъ Ф. В., принцъ прусскій» (I, 502).

Сохранилось еще одно письмо Зановича къ его отцу на итальянскомъ языкѣ, которое до сихъ поръ нигдѣ не было опубликовано, а между тѣмъ заключаетъ въ себѣ ясныя указанія на отношенія его къ прусскому наслѣдному принцу и разоблачаетъ его планы, которые онъ надѣялся осуществить съ помощью принца. Въ то же время изъ него видно, что и принцъ черезъ Зановича въ польскомъ вопросѣ интриговалъ противъ Россіи. Много въ этомъ письмѣ фантазій и лжи, но есть факты, въ которыхъ можно не сомнѣваться, а главное ни въ одномъ документѣ не обрисовываются съ такою ясностью его семейныя дѣла: изъ него мы съ положительностью узнаемъ, что онъ былъ не албанскій принцъ, а просто Паштровичъ, который, однако, хотѣлъ возвести себя въ принцы; что у него были братья и сестра, отчего онъ отказывался и на допросѣ; что прусскій принцъ имѣлъ сношенія съ нимъ тайно отъ своего отца короля, которому Зановичъ не смѣлъ на глаза показаться, и потому, заѣхавъ въ Потсдамъ для свиданія съ принцемъ, не могъ тамъ оставаться больше часа, а прожилъ десять дней въ Берлинѣ, гдѣ легче было скрываться; что ему благоволила сестра принца, и это благоволеніе открыло ему путь въ Голландію; что онъ былъ въ Варшавѣ, гдѣ узналъ о проѣздѣ въ Петербургъ какихъ-то албанскихъ князей, о которыхъ и допрашивалъ своего брата Примислава, находившагося въ то время въ Паштровичахъ или гдѣ нибудь въ Далмаціи, откуда легче всего и можно было получить это свѣдѣніе.

Суть же письма или причина, вызвавшая его, заключается въ томъ, что ему нужно было получить изъ дома бумаги, въ которыхъ выставилась бы древность и знатность рода Зановичей. Такой документъ ему посланъ былъ, но его не удовлетворялъ, и потому онъ проситъ послать ему какіе-то оригиналы, которые онъ сумѣетъ передѣлать по-своему. Вообще это письмо обширно и преисполнено болтовни, но въ этой болтовнѣ много мелочей, которыя очень характерны и въ то же время обрисовываютъ еще ярче различныя отношенія Зановича.

Загадочнымъ является то, что принцъ прусскій сносился съ человѣкомъ, который былъ совершенно изобличенъ въ самозванствѣ и въ другихъ дурныхъ продѣлкахъ. Въ 1774 году ему въ Берлинѣ даютъ *consilium abeundi*; въ 1776 г. его за мошенничество гонятъ изъ Дрездена; въ 1778 г. онъ прогнанъ отовсюду изъ Германіи и изъ Вѣны; въ 1779 г., доведенный до крайности, онъ печатаетъ извѣщеніе о своей смерти, а затѣмъ воскресаетъ и продолжаетъ свою мошенническую дѣятельность. Благоволеніе же этого принца къ Зановичу не подлежитъ никакому сомнѣнію. Кромѣ письма принца безъ даты, приводимаго у г. Ванъ-Віемы, есть еще его письмо отъ

26 сентября 1776 г., напечатанное въ сочиненіи Зановича, чего онъ не посмѣлъ бы сдѣлать, такъ какъ очень дорожилъ этими отношеніями, а такой поступокъ могъ ихъ попортить. Зановичъ съ своей стороны все это время не перестаетъ посвящать ему стихотворенія и уже въ 1785 г., написалъ оду «des vœux du Prince d'Albanie au destin pour le Prince de Prusse», въ которой говоритъ, что когда бы слѣпая судьба надѣлила его безсмертіемъ, онъ отказался бы отъ него, если бы она не сдѣлала, какъ его, безсмертнымъ Вильгельма. При этомъ былъ посланъ подарокъ, который, однако, ему былъ возвращенъ съ выраженіемъ благодарности (II, 699).

Даже въ 1786 г., наканунѣ своего арестованія, Зановичъ посвящаетъ принцу свою брошюру, написанную противъ Нидерландскаго правительства (III, 90).

Очевидно, что принцъ не имѣлъ духа и рѣшимости отдѣлаться отъ навязчиваго авантюриста, потому что его стѣсняли частью воспоминанія о той истинной привязанности къ нему, когда принцъ видѣлъ въ немъ только блестящій талантъ и возвышенныя цѣли, а частью дѣла, которыя они заодно предпринимали тайно отъ короля отца. Однимъ словомъ, Зановичъ успѣлъ увлечь на свой путь авантюръ и спутать принца, у котораго не доставало откровенности, чтобы сознаться въ своихъ ошибкахъ или не было силы воли, чтобы сразу порвать всякія сношенія съ нимъ, хотя охлажденіе, безъ сомнѣнія, было уже давно. Это замѣчалъ и самъ Зановичъ, что опять находимъ въ его сочиненіи «Степанъ Малый» 1784 г.

«Меня,—говоритъ онъ,—постоянно всѣ поздравляютъ съ дружбою принца Фридриха-Вильгельма, и я, можетъ быть, единственный человѣкъ, который въ ней сомнѣвается», и затѣмъ продолжаетъ: «Милости и дружба королей и принцевъ сувереновъ похожи на дерево въ лѣсу, которое часто даетъ тѣнь и рѣдко плоды», «принцъ—подобенъ свѣту луны, который кажется свѣтомъ живымъ, сильнымъ и всюду одинаковымъ; но кто посмотритъ на нее въ телескопъ, тотъ увидитъ, что это не что иное, какъ кругъ, неровный, покрытый полосами свѣта и пятнами мрачными и темными, которыя ее обезображиваютъ» (стр. 58—59). Поэтому онъ, хотя и цѣнитъ дружбу принца, но всѣ надежды и благополучіе полагаетъ въ добродѣтели и смерти (стр. 60). Подъ вліяніемъ такого мрачнаго настроенія, по его словамъ, онъ ищетъ уединенія и способенъ 8—9 мѣсяцевъ лежать въ постели, не видѣтъ людей, которые, какъ дѣти, вслѣдствіе недостатка образованія, часто бываютъ злыми и опасными (стр. 64).

Еще больше онъ долженъ былъ это почувствовать въ 1786 г., когда другъ его, принцъ Вильгельмъ, сдѣлался королемъ; а онъ несчастный не только не сдѣлался королемъ Польши и великаго герцогства Литвы, а еще былъ засаженъ въ тюрьму, гдѣ и покончилъ свою безпутную жизнь.

Кромѣ особѣ, стоящихъ очень высоко, благоволили къ нему и другія личности, съ какою-то страшною слѣпотою не видѣвшія въ немъ обманщика и плута. Таковъ былъ совѣтникъ Фоккенсъ; а при самомъ концѣ явился особеннымъ его почитателемъ секретарь регенбургской думы, М. de Jaegerн, который вполне отдавался ему и поддерживалъ его проекты (III, 91). Можно, конечно, не вѣрить, что Зановичъ былъ знакомъ и сносился съ Глюкомъ, Метастазіо, Вольтеромъ, такъ какъ объ этомъ мы знаемъ только отъ него самого; но можно не сомнѣваться въ томъ, что были большіе почитатели его литературнаго таланта и литературныхъ произведеній, о чемъ будемъ говорить при оцѣнкѣ его, какъ литератора. А покуда скажемъ еще объ отношеніяхъ его къ женщинамъ, которыя также играли важную роль въ его похожденіяхъ. Г. Ванъ-Біема посвящаетъ этому особую главу (II, 683—693).

Женщинъ съ именами, которыя играли роль въ его жизни, мы уже знаемъ; а здѣсь укажемъ только, какъ онъ вообще относился къ нимъ и какъ смотрѣлъ на нихъ. Въ одномъ мѣстѣ, въ исторіи Степана Малаго, которую мы уже цитировали, онъ описываетъ самого себя такъ: «фигура импозантная, внушающая довѣріе и желаніе любить его и видѣть счастливымъ; темпераментъ горячій, живой, но очень выдержанный, особенно по отношенію къ женщинамъ, на которыхъ смотреть, какъ на непреодолимое препятствіе для тѣхъ, кто ищетъ славы на политическомъ и литературномъ поприщѣ» (стр. 50) и т. д.

Такъ въ дѣйствительности онъ и смотрѣлъ на нихъ, никогда не давая имъ увлекать себя; а самъ ихъ увлекалъ и пользовался ихъ увлеченіемъ для достиженія своихъ практическихъ цѣлей. Ванъ-Біема характеризуетъ его въ этомъ отношеніи такъ. Пріятной наружности, блестящій болтуна, онъ оказывалъ предпочтеніе женщинамъ богатымъ, въ полномъ расцвѣтѣ и чаще всего пренебрегалъ *les boutons de rose*, что, однако, не мѣшало ему ловить простыхъ дѣвушекъ, дочерей поселянъ, пастушекъ, мѣщанокъ, не стоившихъ ему даже большихъ хлопотъ и издержекъ; а рядомъ съ этимъ увлекался и мальчиками (II, 684). Больше намъ и не надо знать объ этой сторонѣ его жизни.

Упомянувъ о сношеніяхъ его съ другими авантюристами, какъ Калиостро, Ванъ-Біема останавливается на вопросѣ, принадлежалъ ли онъ, какъ всѣ почти авантюристы того времени, разнымъ тайнымъ обществамъ, которыхъ тогда было такое множество во Франціи и Германіи, но не находитъ никакихъ указаній на то. Мы же на этотъ вопросъ а priori отвѣтили бы отрицательно. Всѣ эти общества были большею частью съ характеромъ политическимъ, социальнымъ, религіознымъ или національнымъ, до чего Зановичу не было никакого дѣла; развѣ только онъ могъ войти, какъ шпионъ, чтобы за то получить вознагражденіе. Съ этою цѣлью и не напра-

сно, какъ мы видѣли, онъ терся между поляками. Были у него также сообщники по картамъ. Въ другихъ же обществахъ онъ не нуждался.

Очень мало указаній на его внутреннюю, домашнюю жизнь. Ванъ-Біема говоритъ, что, какъ всѣ авантюристы, онъ былъ очень тщеславный и любилъ щеголять богатыми одеждами, роскошно расшитыми, и драгоценностями; все это онъ безъ всякаго стѣсненія заказывалъ лучшимъ мастерамъ, забиралъ въ лучшихъ магазинахъ, нисколько не заботясь объ уплатѣ. Очень любилъ онъ дѣлать свои портреты и разсылать своимъ друзьямъ, почитателямъ и знатымъ личностямъ съ собственноручными надписями, посвященіями и стихами, относящимися къ его личности.

На портретахъ онъ представляетъ фигуру молодого человѣка, красиваго и съ пріятнымъ выраженіемъ, въ самой простой обстановкѣ; но зато вокругъ портрета изображались орлы съ коронами, кресты, мечи и другія аллегорическія эмблемы. Еслибъ онъ имѣлъ обыкновеніе платить,—заключаетъ Ванъ-Біема,—многіе живописцы могли бы обогатиться; такъ много онъ заказывалъ портретовъ, но, къ сожалѣнію, не имѣлъ обычая платить.

Предлагаемъ переводъ одной изъ подобныхъ надписей во французскихъ, очень гладкихъ стихахъ: «одаренный великими талантами, глубокими знаніями, напрасно вы, князь, стараетесь въ глуши пустынь скрыть отъ глазъ слабаго человѣчества вашъ всеобъемлющій геній: сіянье его свѣта охватываетъ вселенную»: Или: «И небо, чтобы сдѣлать его судьбу болѣе тяжелою для него, надѣлило его несчастнымъ (fatal) даромъ: слишкомъ чувствительнымъ сердцемъ» (II, 700).

Уединяясь отъ свѣта, онъ велъ жизнь самую скромную и умеренную во всемъ, чѣмъ и обращалъ на себя всеобщее вниманіе, вмѣстѣ со щедрою милостыней бѣднымъ.

Но, принявъ во вниманіе громадныя суммы, которыя подъ разными предлогами онъ выманивалъ у банкировъ и богатыхъ купцовъ, при всемъ томъ часто оставаясь безъ гроша, удивляешься, куда же все это дѣвалось. Женщины ему не стоили дорого, потому что онъ ихъ же эксплуатировалъ, а тѣ, которыхъ онъ содержалъ на свой счетъ, часто оказывались въ такомъ печальномъ положеніи, что должны были закладывать или продавать свои украшенія и даже платья. Нигдѣ не видимъ указаній, чтобы онъ пилъ; секретарей и весь свой штатъ онъ тоже не баловалъ. Остается предположить, что все это шло на карты, которыми онъ зарабатывалъ и на которыя потомъ спускалъ весь выигрышъ, такъ что въ концѣ концовъ оставался хуже, чѣмъ бѣднякомъ. За ничтожный сравнительно долгъ онъ попадаетъ въ тюрьму, гдѣ и покончилъ съ собой самоубійствомъ. Суровый законъ того времени предалъ поруганію его тѣло; а люди, которыхъ онъ морочилъ и которымъ остался

долженъ, не платя по займамъ или за ихъ труды и услуги, проклятіями и ругательствами напутствовали его память.

Откуда же все это произошло? Талантъ, образованіе, отсутствіе всякой нужды на первыхъ же шагахъ по пути жизни, и такой конецъ! Развѣ не могъ онъ жить и окончить свою жизнь иначе? Вѣдь всѣ были къ нему такъ снисходительны, а иные питали къ нему особенную дружбу и остались ей вѣрны до конца; когда онъ падалъ, ему всегда была готовая помощь; сколько возможно, за него всегда являлись ходатаи, которые неоднократно и спасали его. И все было напрасно. Онъ долженъ былъ покончить тюремой или какимъ либо другимъ видомъ справедливаго наказанія, и оказываемая ему въ этихъ случаяхъ снисходительность еще больше толкала его впередъ по избранному имъ пути приключеній; вопросъ былъ только о времени, когда настанетъ окончательная развязка. Разобравъ всѣ его связи и отношенія, мы должны признать, что въ значительной степени соучастникомъ его является само общество: съ одной стороны въ людяхъ, съ которыми онъ сносился, недостаточно было развито нравственное чутье, которымъ человѣкъ безъ прямыхъ и осязательныхъ уликъ отличаетъ ложь отъ истины, дурное отъ хорошаго, и отсутствовало чутье брезгливости ко всему дурному; другіе же люди оказывали ему снисходительность, преслѣдуя свои личныя, эгоистическія и не совсѣмъ чистыя тенденціи.

VI.

Литературная дѣятельность Зановича.

Литература для Степана Зановича представляла не что нибудь случайное и постороннее, а такую же сферу дѣятельности, какъ общество, въ которомъ онъ вращался, и служила орудіемъ для уловленія этого общества, какимъ были его самозванство и разныя выдумки небывалыхъ торговыхъ дѣлъ и фирмъ и т. п. Литература служила ему средствомъ, чтобы подъ ея обаяніемъ, производимымъ на читателей, легче проводить свои планы и совершать всевозможныя продѣлки. Посредствомъ ея онъ пріобрѣталъ высокія знакомства и связи; поэтому съ нею онъ не разставался до конца своей жизни, какъ съ самымъ вѣрнымъ и неизмѣннымъ своимъ товарищемъ.

Намъ знакомы только два его произведенія, на которыхъ мы и остановимся; но Ванъ-Біема собралъ значительное количество этихъ произведеній и даетъ о каждомъ изъ нихъ нѣкоторое понятіе, указавъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ то или другое сочиненіе было принято въ обществѣ.

Первыя его произведенія являются на итальянскомъ языкѣ: *Opere diverse, Milano e Parigi, 1773 г., 3 тома, мал. 8^о*, и *Opere postume, Dresda, 1775 г.*¹⁾. Последнимъ онъ хотѣлъ достигнуть, чтобы публика считала его умершимъ, и это ему удалось вполне. Въ *Giornale enciclopedico* въ Вѣнѣ 1774 г. появилась статья, наполненная пышными похвалами автору, умершему въ Кельнѣ, «котораго оплакиваютъ и сожальютъ ученые, оцѣнившіе его рѣдкій талантъ». Очень возможно, что это написано самимъ авторомъ, но похвала эта потомъ вошла въ историческій словарь *Bassano*. Въ этомъ томикѣ содержатся сонеты, мелкія статьи (*capitoli*), мадригалы, письма къ Екатеринѣ II, Ж. Ж. Руссо и проч. Самая обширная статья—письмо Абрахама Леви, раввина константинопольской синагоги, содержащая 12-ть правилъ жизни, между которыми одно такое: «Если вы сдѣлали глупость играть (въ карты), не дѣлайте другой—платить, потому что тогда въ аду вы будете посмѣшищемъ для скупыхъ и расточителей». Вотъ, какъ онъ въ этомъ якобы посмертномъ сочиненіи изображаетъ самого себя: «Мнѣ 24 года; я скорѣе дурной, чѣмъ красивый; я много путешествовалъ, но, сказать по правдѣ, вынесъ изъ того очень мало. Я—философъ только по наружности, такъ какъ въ сердцѣ моемъ коренится честолюбіе. Мнѣ остается разувѣрить васъ въ томъ, будто я Степанъ, князь черногорскій». Въ этихъ словахъ суцая правда и искренность.

Les lettres turques, Leipzig, 1777 г., 2 vol. in 8^о, заключаютъ въ себѣ любовныя шансонетки восточнаго человѣка, рожденнаго въ 1751 г. 18 февр., и посвящены Фридриху-Вильгельму Прусскому и Гертрудѣ изъ Польши, съ приложеніемъ посмертныхъ сочиненій Паши изъ Караманіи и одного анонима.

Dans la pyramide de Ptolomée d'Egypte, 1779, in 8^о, украшено портретомъ автора въ медальонѣ съ надписью вокругъ: «le Prince Castriotto d'Albanie II, petit-fils du grand Scanderbeg». Въ этомъ сочиненіи находится его разговоръ съ Глюкомъ о музыкѣ и письмо *Метастазіо*, въ которомъ послѣдній благодаритъ автора за посылку ему турецкихъ писемъ и др. соч.

L'horoscor politique de la Pologne, de la Prusse, de l'Angleterre etc. Porto-Vecchio (la Haye), 1779, in 12^о.

Le grand Castriotto d'Albanie, histoire. Francfort, 1779, in 8^о, 112 р., съ посвященіемъ императору Юсифу II, которое не находится во всѣхъ экземплярахъ.

La poésie et la philosophie d'un Turc à huit qu'èues, à trois plumes de héron, à deux aigrettes et à un collier d'e-

¹⁾ Къ сожалѣнію, Ванъ-Биема не означаетъ, сколько страницъ въ сочиненіи, и тѣмъ отнимаетъ возможность судить объ его объемѣ. И заглавія у него выписаны неполнѣ, а иногда не точны, и здѣсь годъ, вѣроятно, 1773.

merauds, Albanopolis, 1779, in 8°. Печатано на счетъ автора, и вся прибыль отъ продажи назначается въ пользу бѣдныхъ.

По отзыву Барбье, въ этомъ сборникѣ есть философскіе отрывки очень смѣлые, въ которыхъ виденъ «мыслитель, увлекающійся блестящимъ воображеніемъ». Сочиненіе это посвящено гр. Огинскому, и въ немъ находится характеристика автора, написанная Вольтеромъ. Последнее, конечно, выдумка.

Fragment d'un nouveau chapitre du Diable boiteux, envoyé de l'autre monde par le Sage, 1782 г. Тутъ находится разговоръ между графомъ Руппенномъ, гр. Сѣвернымъ (Павель I), гр. изъ Слонима (Огинскій) и Варгой (авторъ).

L'alcôve des princes, destinés au trône. Petersbourg, 1782 г., in 12°.

Le fameux Pierre III, empereur de Russie ou Stiepan Mali, qui parut dans le duché de Monténégro etc., 1784.

Pensée de Stiepan Annibale, vieux berger d'Albanie etc., съ эпилогомъ Фридриху-Вильгельму, принцу прусскому, мудрому, прекрасному и т. д.

Oeuvres choisies — съ портретомъ автора.

Ему же приписывается соч.: «Le partage des Pays-Bas, d'après la nouvelle alliance de quatre puissances». Munster, 1785 г., in 8°, 72 стр. Онъ, однако, отъ этого сочиненія отрекается, по всѣмъ вѣроятіямъ, чтобы не возбудить противъ себя голландское правительство, съ которымъ тогда имѣлъ дѣло. Но это не помѣшало ему въ томъ же году написать сонетъ императору Юсифу II, въ которомъ просить его объявить войну его врагу, Нидерландскимъ штатамъ. Въ заключеніе Ванъ-Біема говорить, что онъ правильно писалъ по-нѣмецки, по-французски и по-итальянски, обладалъ большою эрудиціей, а глубокое познаніе античнаго міра доказывается множествомъ цитатъ изъ классиковъ (I, 516), и затѣмъ приводитъ нѣсколько лестныхъ отзывовъ объ немъ, замѣтивъ однако: «не было недостатка въ панегиристахъ, особенно, если онъ имъ платилъ», а это онъ и дѣлалъ обыкновенно. Но часто онъ дѣлалъ отзывы о себѣ и писалъ похвалы самъ; поэтому трудно судить, какъ въ то время относились къ его сочиненіямъ. Можно, однако, предполагать, что читатели у него были, чему помогала легкая форма, игривость, съ долею остроумія, важность затрогиваемыхъ вопросовъ, разрѣшаемыхъ легко и просто, глубокая философія, смѣшанная съ легкомысліемъ, имена знаменитыхъ людей изъ міра политическаго и литературнаго, съ которыми авторъ обращается, какъ со своими людьми,—иногда критика на современные порядки, все это, сопровождаемое громкою рекламой, должно было возбуждать интересъ къ лицу автора и его произведеніямъ, хотя люди серьезные и въ то время понимали всю ихъ мишурность и шарлатанство.

И дѣйствительно, въ однихъ названіяхъ его сочиненій видно шутовство и глумленіе, а по содержанію они не что иное, какъ пангирики автору; нѣтъ ни одной темы, въ которую онъ не вплелъ бы свою личность, окруживъ ее, конечно, ореоломъ поддѣльной славы. Въ литературѣ онъ былъ то же самое, что и въ общественной жизни, т. е. шарлатанъ и самозванецъ, и посредствомъ ея достигалъ тѣхъ же цѣлей, какъ выдумкой небывалыхъ торговыхъ дѣлъ и его политической роли. Изъ всѣхъ сочиненій его, перечисленныхъ у Ванъ-Біемы, мы, лично, знаемъ только два—о Степанѣ Маломъ и Скандербегѣ; по нимъ и постараемся познакомиться съ его литературными приемами и преслѣдуемыми имъ цѣлями.

Мы замѣтили уже о Степанѣ Зановичѣ, что онъ не способенъ былъ любить кого бы то ни было, кромѣ себя, и не въ состояніи былъ никому и ничему всецѣло предаться; для него весь свѣтъ заключался въ его узкомъ я. Послѣ этого не могло быть другого отношенія и къ литературѣ. Трудно сказать, занимался ли онъ когданибудь, бывши еще въ школѣ, наукой и литературой съ интересомъ, чистымъ отъ всякихъ заднихъ цѣлей. Напротивъ, можно предполагать, что на школу и занятія въ ней разными предметами онъ смотрѣлъ, какъ на путь и средство сдѣлать свою карьеру; да и со стороны отца не могло быть внушеній другого рода.

Такъ до конца своей жизни онъ и относился къ литературѣ.

Изъ перечисленныхъ сочиненій нѣтъ ни одного, написаннаго безъ задней мысли; скажемъ больше: задняя мысль составляетъ главное, а остальное служитъ для того только, чтобы провести эту мысль. Онъ и темы выбираетъ такія, къ которымъ могъ бы приплести свое имя, но приплетаетъ часто и не кстати. Такъ въ сочиненіи о Степанѣ Маломъ онъ съ 50-й стр. (всего 72) начинаетъ говорить о себѣ и тѣмъ его завершаетъ. Тутъ и его родословная и его появленіе въ Черногоріи и скорое удаленіе оттуда, а главнымъ образомъ его характеристика въ родѣ исповѣди на тему, какой онъ хорошій человекъ. Вотъ эти черты: онъ гордъ, особенно съ людьми высоко стоящими; въ немъ добродѣтели и пороки необыкновеннаго человека; онъ отличный поэтъ и обладаетъ талантами великаго политика; онъ ищетъ несчастій, чтобы показать свое пренебреженіе къ нимъ (*pour les braver*), и т. д.

Въ концѣ прибавлено 16 страницъ, заключающихъ «Описаніе Черногоріи», въ которомъ онъ, какъ мы уже замѣчали, просто глумится надъ всеобщимъ незнаніемъ, и тамъ же ни къ чему не идущая нравоучительная басня и двѣ эпитафіи самому себѣ, изъ которыхъ одна содержитъ резюме всѣхъ прежнихъ похвалъ, а другая не лишена остроумія и правдивости. Вотъ это игривое трехстишіе:

Avec les ciseaux outrageant
La mort, en coupant cette vie,
Coupe la bourse à bien des gens.

По отсутствію опредѣленности содержанія и всякаго порядка, смѣси всего, что придетъ въ голову, по той безцеремонности, съ какою авторъ обращается съ правдой и публикой, сочиненіе о Степанѣ Маломъ похоже на салонную болтовню, при томъ весьма невысокаго тона, но отнюдь не литературное произведеніе. Въ томъ же родѣ и исторія Скандербега. Начнемъ съ «замѣчательнаго», по словамъ Ванъ-Біемы предисловія, которое находится не во всѣхъ экземплярахъ ¹⁾ и носить такое отдѣльное заглавіе: *Epître de l'historien de Scanderbeg à la Majesté Impériale Joseph II, empereur d'Allemagne et Roi de Rome antique etc. etc. etc.* Это — исторія тирскаго богача Меандра и бѣдняка Клеарха изъ Митилены, приносявшихъ дары Аполлону въ Дельфахъ: первый принесъ 100 быковъ, рога которыхъ были украшены драгоценными камнями, а второй корзину фруктовъ изъ собственнаго сада; и жертва бѣдняка, по словамъ Плиніи, была предпочтена. За этимъ авторъ продолжаетъ: «О, достойный наслѣдникъ титуловъ Цезаря и его добродѣтелей! Вспомни только, что ты Аполлонъ, протекторъ нашего вѣка, что я Клеархъ, который предлагаетъ тебѣ плоды своихъ талантовъ безъ всякой претензіи, желая только воздать кесарево кесарю, поднося тебѣ въ жертву доблести Скандербега, и я удовлетворенъ и доволенъ, находясь въ скорби и въ печаляхъ».

Основаніемъ всѣхъ сказаній о Скандербергѣ послужила книга Марина Барлеція на латинскомъ языкѣ «*De vita, moribus ac rebus praecipue adversus Turcas gestis Georgii Castrioti clarissimi Epirotarum principis, qui propter celeberrime facinora Scanderbegus, hoc est Alexander Magnus, cognominatus fuit, libri tredecim*» и т. д. Argentorati, anno MDXXXVII; in 4°. Составлено это сочиненіе католическимъ священникомъ Скодраниномъ (Scodrense), какъ онъ самъ себя называетъ, приблизительно лѣтъ черезъ 50 послѣ смерти Скандербега, на основаніи живого еще въ то время преданія, а отчасти, можетъ быть, по рассказамъ современниковъ. Какъ ни близко это сказаніе къ герою его, оно носить на себѣ характеръ легендарный съ долею авторской работы самого повѣствователя, вслѣдствіе чего сказаніе это представляетъ собою не сухую исторію, а нѣчто въ родѣ романа или рыцарской повѣсти. Его тотчасъ же стали переводить на живые, европейскіе языки и читать съ такимъ же интересомъ, какъ повѣсть объ Александрѣ Великомъ. Въ этихъ перево-

¹⁾ Мы имѣемъ полный экземпляръ отъ К. А. Губастова, нашего министра-резидента въ Черногоріи, а такъ какъ у Ванъ-Біемы заглавіе того сочиненія не полно, то мы считаемъ не лишнимъ представить его вполнѣ: *Le grand Castriote d'Albanie. Histoire. A Francfort chez J. J. Kesler, 1779 г., мал. 8°, IV+112, съ портретомъ Скандербега и съ эпиграфомъ, относящимся къ автору:*

Fils de tant de rois, reste d'un sang fameux,
Illustre, mais hélas! encore plus malheureux!

дахъ, а, можетъ быть, и въ латинскомъ оригиналѣ, Зановичъ могъ познакомиться съ названнымъ произведеніемъ и на основаніи его составить свое, конечно, и переработавъ его по-своему¹⁾.

Какъ во всѣхъ литературныхъ произведеніяхъ Зановича, тема служитъ ему только средствомъ или поводомъ провести свою личную тенденцію, при чемъ онъ является отнюдь не переводчикомъ или пересказчикомъ произведенія другого, а оригинальнымъ авторомъ, и въ доказательство достовѣрности онъ вводитъ новые эпизоды, оживляетъ деталями, почерпнутыми, какъ будто, изъ сказаній современниковъ и непосредственныхъ участниковъ въ событіи.

Такъ, въ несчастной битвѣ подъ Бѣлградомъ (Бератъ), въ которой албанцы потеряли до 5.000 чел., Скандербегъ показалъ храбрость, какой нѣтъ примѣра въ исторіи, и тогда «его развѣвающееся платье было изорвано, перья на шлемѣ упали, руки были въ крови, сабля сломана, силы истощены и голосъ пропалъ и, только благодаря темнотѣ, онъ спасся съ остаткомъ своихъ войскъ» (стр. 41). У Барлеція въ этомъ мѣстѣ есть другая подробность: какъ турки съ мертвыхъ тѣлъ снимали все и, по обычаю своему, отсѣкали головы, которыя посылали султану въ доказательство своей побѣды, а христіане, узнавши объ этомъ, предались плачу и наложили на себя трауръ.

У Барлеція рассказывается, что, когда Скандербегъ, по письму венгерскаго короля Владислава, пошелъ къ нему на соединеніе, его встрѣтилъ и не пропустилъ черезъ Сербію тогдашній ея правитель, деспотъ Юрій Бранковичъ; а Зановичъ, вмѣсто него, деспотомъ называетъ Степана Ант. Зановича-Висковича (стр. 16), желая тѣмъ показать, что его родъ владѣлъ и Сербіей. Вкратцѣ упоминаемое у Барлеція путешествіе Скандербега въ Римъ, чтобы испросить у папы помощь противъ турокъ, у Зановича сопровождается такими небывалыми подробностями: «Онъ снимаетъ съ себя королевскую корону, надѣваетъ подъ рубашку цѣпь, съ орденомъ св. Константина, оставляетъ всѣ другія принадлежности верховной власти и переодѣвается пастухомъ. У подножія статуи своего отца онъ повѣсилъ свою саблю и изъ множества знаменъ своего величія сохранилъ при себѣ только кинжалъ» (стр. 62). Во время путешествія онъ предается размышленіямъ о ничтожествѣ челоуѣка. При томъ авторъ въ сноскѣ замѣчаетъ: «Въ архивѣ его наслѣдниковъ донинѣ хранится журналъ его войнъ съ турками и путешествій въ Италіи» (стр. 64).

Упомянувъ въ другомъ мѣстѣ о папской буллѣ Скандербегу, онъ также говоритъ, что она хранится «въ домѣ Кастріото» (стр. 56), тоже указывая на себя. Есть еще и письмо Скандербега султану

¹⁾ Около 1770 г. вышло сочиненіе о Скандербегѣ нѣкоего Біемы, на итальянскомъ языкѣ (полное заглавіе у насъ утратилось).

Магомету II на арнаутскомъ языкѣ, которое находится «въ архивѣ дома Черноевичъ-Кастриота въ Черногоріи, положенное въ каедральной церкви св. Богородицы» (стр. 52).

Епископомъ въ Дураццо при Скандербергѣ является Jean Mitrowick Juanis, сынъ Пьера, сердаря въ Pastor-Vecchio» (стр. 54), опять значить изъ рода Зановича.

Или онъ дѣлаетъ такую вставку: «Въ Неаполѣ есть одинъ доминиканецъ, по имени Танузій, одинъ изъ потомковъ Кастриота, который въ знакъ почтенія къ великому своему предку «портретъ его помѣстилъ между дѣвой Маріей и Иисусомъ. Milord Keit въ Потдамѣ сдѣлалъ еще лучше, помѣстивъ его между Цезаремъ римскимъ и Фридрихомъ прусскимъ» (стр. 63).

Все сочиненіе испещрено подобнаго рода выдуманнми описаніями, поддѣлками и ничего не прибавляющими къ полнотѣ исторіи вставками, нужными только для личныхъ цѣлей автора. Но верхъ всего составляетъ поученіе Скандербега на смертномъ одрѣ девятилѣтнему сыну Іоанну. У Барлеція оно является, конечно, тоже сочиненнымъ и состоитъ изъ совѣтовъ въ общехристіанскомъ духѣ, чтобы онъ всему на свѣтѣ предпочиталъ «bonitatem et virtutem solam», чтобы судилъ справедливо одинаково бѣдныхъ и богатыхъ, былъ бы во всемъ скромень и умѣренъ, чтобы держался друзей, которые для него важнѣе сокровищъ и войска и т. д. (стр. 377—379).

У Зановича онъ еще обширнѣе (стр. 71—89) и заключаетъ въ себѣ далеко не общехристіанскія мысли и чувства, а мысли государственнаго человѣка, въ дѣйствительности политическую исповѣдь самого автора.

Едва ли въ какомъ либо другомъ произведеніи своемъ онъ такъ ясно и полно высказываетъ свои мысли и чувства, приобрѣтенныя имъ въ концѣ XVIII вѣка, влагая ихъ въ душу и уста героя войны за 600 лѣтъ назадъ.

П. Ровинскій.

ГОРОДЪ ВЯЗНИКИ И ЕГО УѢЗДЪ.

I.

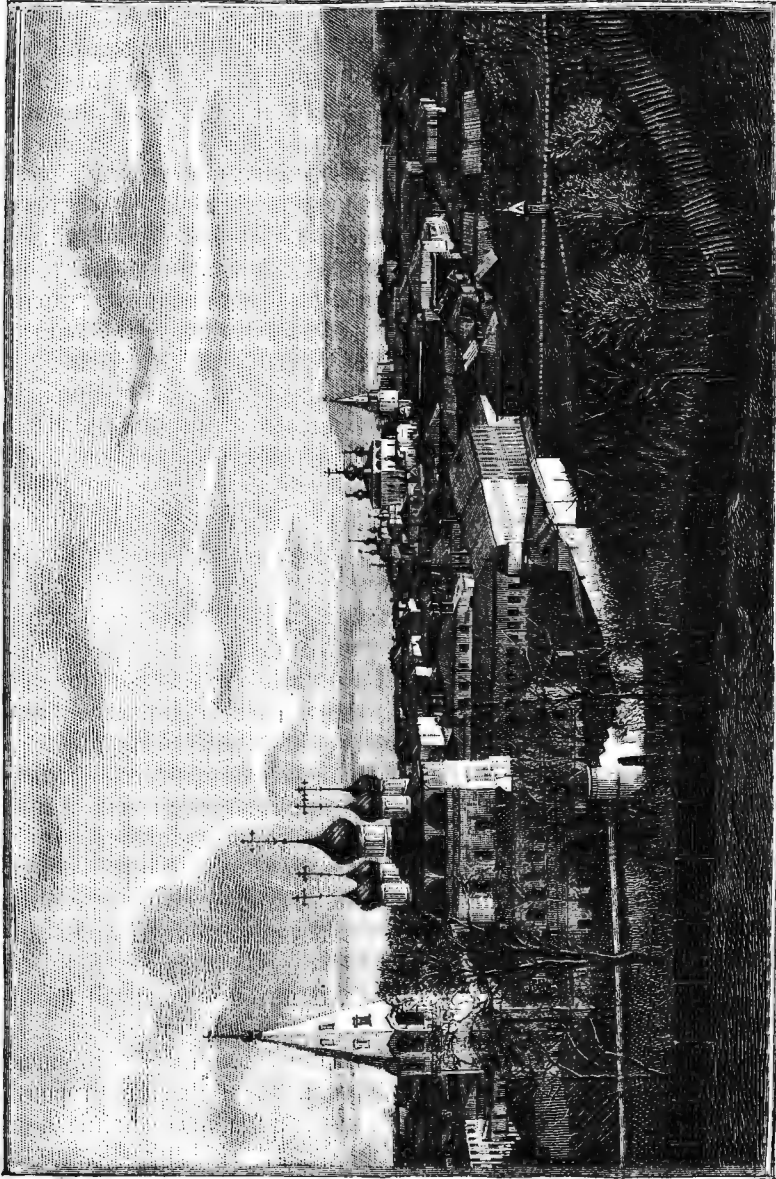
МЕЖДУ другими городами фабрично-заводской Владимирской губернии, почти въ равномъ разстояніи отъ Владимира и Нижняго, расположенъ очень древній уѣздный городокъ Вязники, лежащій на той самой «володиміркѣ», по которой въ дни тяжелыхъ испытаній русской государственной жизни «гнали» въ ссылку въ Сибирь—и близкихъ по родству вѣнценосцамъ людей, въ родѣ Морозовыхъ, Матвѣевыхъ, и лицъ государственныхъ, стоявшихъ у трона царскаго, а въ болѣе позднѣйшія времена этимъ же путемъ дорогой и чрезъ эти же Вязники везли въ Сибирь въ закрытыхъ рогожныхъ кибиткахъ, подѣ бдительною охраною жандармовъ, государственныхъ преступниковъ, извѣстныхъ подѣ короткимъ названіемъ «декабристовъ».

Городъ Вязники лежитъ подѣ $56^{\circ} 9'$ сѣверной широты и $59^{\circ} 51'$ долготы. Уѣздъ обнимаетъ собою около 4 тысячъ квадратныхъ верстѣ. Происхожденіе Вязниковъ относится къ очень древнему времени. Такъ легенда о самомъ происхожденіи названія «Вязники» повѣствуетъ о томъ, что въ мѣстности, соединившейся впоследствии въ одинъ нераздѣльный населенный пунктъ, существовало два жилыхъ центра, одинъ на горѣ, другой подѣ горой. На горѣ мѣстность именовалась Яропольчъ, повдѣ Ярополь, а подгорная часть получила названіе «Вязники» по слѣдующему, будто бы, комиче-

скому случаю. Въ Яропольчѣ на горѣ и въ мѣстности подь горой проживали два князька. Оба они были враги непримиримые. Одинъ изъ нихъ назывался Кій. Вотъ этотъ князекъ Кій, въ весеннюю распутицу, проѣзжая своими владѣніями, завязъ въ болотистой мѣстности, нынѣ составляющей самый центръ города, и, засасываемый болотистой тиною, громко взывалъ о помощи. Услыхавъ этотъ крикъ Яропольческій князекъ, вышелъ на вершину своихъ владѣній и безсердечно кричалъ погибающему Кію: «вязни, Кій!». И Кій погибъ въ тинѣ болотной; а Яропольческій князекъ воспользовался симъ случаемъ и приобщилъ владѣнія погибшаго Кія къ своимъ владѣніямъ, при чемъ прибрѣтенная часть получила названіе Вязниковской слободки въ память погибшаго врага; а нагорная часть сохранила свое названіе Яропольческой слободы. Если придавать нѣкоторое значеніе этой мелодраматической легендѣ, то нужно признать, что Вязники, какъ населенная мѣстность, существовали до введенія и распространенія христіанства въ Россіи, что явствуетъ изъ самаго названія погибшаго въ болотѣ князя — «Кій». Во всякомъ случаѣ, «Вязники», какъ населенная мѣстность, во времена удѣльной системы существовали.

Въ позднѣйшія времена, когда великое княжество Московское, приобщивъ къ своему владѣнію всѣ малыя княжества, обратилось въ царство Московское, правительственная власть, въ лицѣ царей московскихъ, заботилась объ устройствѣ Вязниковъ. Такъ, отъ временъ царя Алексѣя Михайловича остался важный для исторіи города Вязниковъ указъ, который ясно опредѣляетъ, что во время его царствованія населенная Вязниковская мѣстность именовалась Вязниковской слободкой, принадлежала къ Владимірскому уѣзду и состояла въ вѣдѣніи дворцовой Яропольческой волости, хотя это обстоятельство нисколько не убѣждаетъ въ истинности и исторической справедливости легенды о погибшемъ князѣ Кіѣ, давшемъ своею гибелью въ болотистой тинѣ названіе городу. По нашему мнѣнію, другая версія, производящая названіе Вязниковъ отъ многочисленности растущихъ здѣсь вязовъ, болѣе справедлива. Но вязниковцы, какъ и всѣ русскіе люди, любящіе все загадочное и эффектное, не лишены драматизма, отдаютъ предпочтеніе въ объясненіи исторіи наименованія города Вязники преданію объ увязшемъ въ болотѣ князѣ Кіѣ.

Вязниковская слободка преобразована въ уѣздный городъ въ 1778 году. Въ это время собственно городъ и получилъ свое настоящее названіе «Вязники», произведенное отъ слободки того же имени. Вязниковская слободка первоначально находилась въ Казанскомъ округѣ, позднѣе—въ Московскомъ; а при образованіи губерній и раздѣленіи Россіи на оныя, Вязники, какъ уѣздный городъ, вошли въ составъ Владимірской губерніи, въ предѣлахъ которой и доселѣ состоятъ, находясь отъ губернскаго города въ 122 верстахъ.

Большая Московская улица.

Мѣстность, окружающая городъ Вязники, своею растительностію и природою чрезвычайно сходствуетъ съ владимірскою: та же рѣка Клязьма съ луговой поймою съ одной стороны и тѣ же громадной высоты курганы съ другой. Во Владимірѣ мелководная Лыбедь течетъ среди города, въ Вязникахъ такая же рѣчка, именуемая Волшникъ, раздѣляетъ городъ на двѣ равныя части. Тѣ же тѣнистые вязы въ низменныхъ мѣстностяхъ гор. Вязниковъ и тѣ же вишневые сады на возвышеніяхъ, что и во Владимірѣ.

До проведенія близъ Вязниковъ желѣзной дороги этотъ городъ служилъ мѣстомъ отдохновенія и разгула русскихъ людей, ѣздившихъ по московско-нижегородскому шоссе на макарьевскую нижегородскую ярмарку. Разказы о разгулахъ не только купецкихъ, но и лицъ, въ тѣ времена владѣвшихъ душами, очень пикантны, характерны для своей эпохи и сохранились до дней нашихъ. Обозы съ товарами и лихія тройки съ сѣдоками тянулись и катили чрезъ Вязники въ теченіе всего года, оживляя, конечно, жизнь и торговлю въ городѣ. Объ этихъ навсегда минувшихъ, съ проведеніемъ рельсоваго пути, временахъ, старожилы Вязниковскіе вспоминаютъ, какъ о золотомъ вѣкѣ.

Вязниковскіе жители, при проведеніи Московско-Нижегородской желѣзной дороги, предвидѣли въ этомъ новомъ пути сообщенія не оживленіе для своего города, а омертвеніе, и не только не хлопотали о проведеніи чрезъ городъ дороги, но и высказали свое нежеланіе слушать свистъ и пыхтѣніе паровозовъ, вслѣдствіе чего желѣзнодорожная линія прошла въ шестиверстномъ разстояніи отъ города. Правда, свистъ локомотивовъ, стукъ колесъ, пыхтѣніе паровозовъ не беспокоятъ дѣловыхъ людей города Вязниковъ; но за то они сами пыхтятъ и кричатъ, испытывая все неудобство отдаленности желѣзнодорожной станціи отъ города, вспоминая недобримъ словомъ своихъ родителей и дѣдовъ. Попытки и хлопоты создать «вѣтку» до станціи почему-то не удовлетворяются; а между тѣмъ значительное развитіе фабричной промышленности въ самомъ городѣ заставляеть испытывать дѣйствительныя неудобства отдаленія станціи отъ города.

По даннымъ по времени послѣдней, а по счету первой всеобщей російской переписи, въ городѣ Вязникахъ насчитано жителей: мужскаго пола—3.500, женскаго—3.769 (всего 7.269 ч.). Въ это число вошли лица, проживающія на фабрикахъ, находящихся въ городѣ, а также немногочисленные воинскіе чины и лица, находившіеся во время переписи въ мѣстахъ заключенія.

Кромѣ обычнаго для уѣзднаго городка количества служилыхъ лицъ, въ Вязникахъ, какъ и всюду, въ уѣздныхъ городахъ, преобладаетъ мѣщанское сословіе.

Кушцовъ въ городѣ незначительное количество, равное числу чиновниковъ, душъ около 50-ти. Торговля въ городѣ ведется довольно

оживленная для маленькаго уѣднаго городка, хотя купечество, вздыхая, вспоминаетъ былыя времена. Главная категория жителей г. Вязниковъ—фабричныя рабочіе, такъ какъ въ этомъ маленькомъ городкѣ существуетъ пять фабрикъ: три полотняныхъ, одна бумаго-оберточная и одна джутопрядильная. Самое большое производство въ фабрикѣ товарищества Демидова, а затѣмъ Сенькова. Въ первой фабрикѣ вырабатываются извѣстныя Демидовскія полотна, а у Сенькова вырабатывается полотно для мѣшковъ, которые шьются жителями города и уѣзда.

Скупка льна для пряжи производится, какъ въ предѣлахъ Вязниковскаго уѣзда, такъ и въ сосѣднихъ: Гороховецкомъ, Судогодскомъ и отчасти Ковровскомъ, но главнымъ образомъ въ низовыхъ губерніяхъ. Эту скупку производятъ лица, уполномоченныя фабрикантами на это хлопотливое дѣло, являясь типами особаго рода. Они по преимуществу происходятъ изъ мѣстныхъ крестьянъ и подготавливаются къ своей профессіи, частію служа сортировщиками льна на фабрикахъ, частію не служа здѣсь, а практикуясь около родителей, занимающихся скупкою льна, и преименно получая по наслѣдству отъ нихъ этотъ родъ занятій. Скупка льна производится главнымъ образомъ въ базарные дни, исключительно зимой, въ тѣхъ торговыхъ селахъ, въ которыхъ установлены еженедѣльные базары.

На базары вывозится ленъ совершенно выдѣланный; но есть мелкіе скупщики, которые скупаютъ ленъ на мѣстѣ не мятый; они мнутъ и раздѣлываютъ его сами. Просушка, мятье и трепанье обыкновенно производятся въ баняхъ въ теченіе всей зимы. Родъ этого промысла весьма нелегкій и хлопотливый. Ленъ обыкновенно покупается на вѣсъ. Въ урожайные годы стоимость его не превышаетъ трехъ рублей за пудъ, а въ малоурожайные достигаетъ до пяти рублей и выше. Скупщики льна, уполномоченные на это дѣло фабриками, получаютъ или опредѣленное отъ хозяевъ содержаніе или извѣстную плату съ пуда; а лица, ведущія это дѣло на свой рискъ, перепродаютъ купленный ленъ фабрикантамъ. Скромные скупщики льна—это будущіе фабриканты и фабрикантики, трудомъ и «привѣсомъ» наживающіе значительныя деньги.

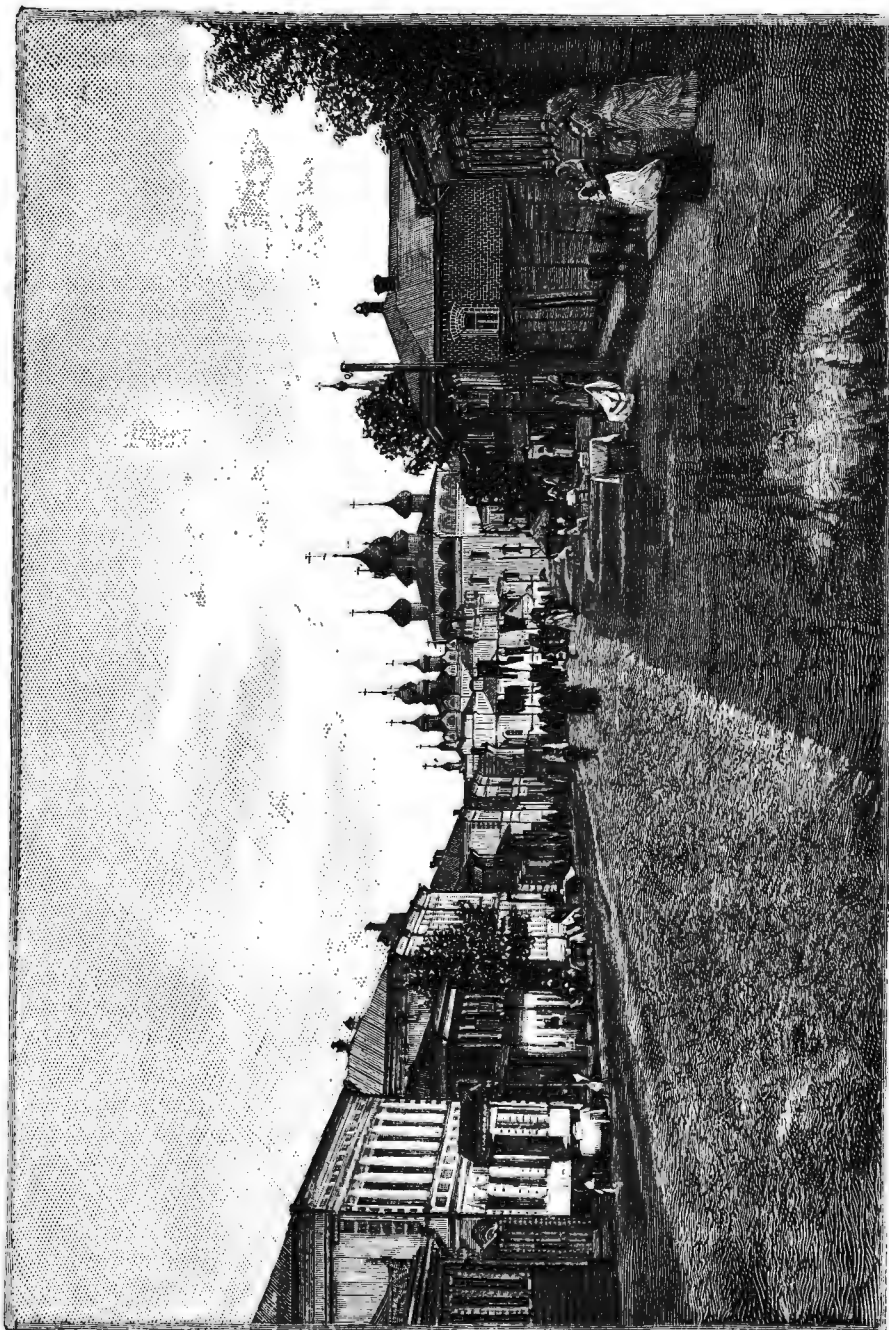
Сущестующія въ Вязникахъ фабрики, давая заработокъ бѣдному населенію города и окружающимъ городъ деревнямъ, значительно оживляютъ небольшой городокъ. Въ сущестующихъ здѣсь фабрикахъ ночныхъ работъ не производится. Работы кончаются обыкновенно въ восемь часовъ вечера, и работающая молодежь обоюго пола, очистивъ себя отъ фабричной пыли, франтовато разодѣтая, разгуливаетъ до глубокой ночи въ зимнее время по центральнымъ улицамъ города, а лѣтомъ въ общественномъ саду. Этотъ трудящійся людъ отличается легкостью нравовъ, столь извѣстной въ фабричной средѣ. Но особенное оживленіе въ городѣ начинается съ

весны, когда на Клязьмѣ открывается пароходство, въ огородахъ рытье грядъ, въ садахъ уборка плодовыхъ деревьевъ. Съ наступленіемъ весны, городъ наполняется пришлымъ людомъ особенно женскаго пола. Прибывшіе искатели заработка находятъ примѣненіе своего труда въ кладкѣ на пристани дровъ, въ распилкѣ лѣсного матеріала, въ нагрузкѣ и выгрузкѣ баржъ, въ рытьѣ грядъ, въ убorkѣ садовъ и проч.

Городъ бываетъ особенно привлекателенъ во время расцвѣта вишенъ. Бѣлый цвѣтъ вишневыхъ садовъ, расположенныхъ на горахъ, и зеленый коверъ луговъ по берегамъ Клязьмы, давая удивительный контрастъ, ярко оттѣняютъ и ту и другую, нагорную и подгорную часть города. Но прелесть вишневыхъ садовъ создаетъ и безпокойства своего рода для мирныхъ обывателей города. Когда цвѣтъ съ деревьевъ спадетъ, когда образуется ягода и начнетъ нѣсколько наливаться, являются въ сады многочисленные любители ягодъ въ лицѣ чирикающихъ воробьевъ и каркающихъ галокъ. Вотъ противъ этихъ пернатыхъ особъ и устроиваются каланчи вышиною отъ шести до десяти аршинъ. Отъ каланчи по всему саду проводятся веревки, соединяющіяся между собою и прикрѣпленныя къ доскамъ съ трещетками¹⁾. На верху каланчи возсѣдаетъ сторожъ, бдительно наблюдая за появленіемъ въ саду и птицъ съ крыльями и любителей ягоды съ руками. Въ первомъ случаѣ сторожъ держитъ веревку, и трещетки издають стукъ и грохотъ, отъ котораго и смѣлый воробей и простоватая галка улетаютъ безъ оглядки. Во второмъ случаѣ — сторожъ озлобленно кричитъ на любителей вишенъ: «держи ихъ», и любители, хотя неохотно, но поспѣшно удаляются восвояси. Сторожевой стукъ особенно наскучиваетъ въ раннее утро, когда птицы, пользуясь городской тишиной, усиливають свой налетъ въ сады часу въ третьемъ утра, вызывая своимъ появленіемъ въ садахъ усиленную работу сторожей, въ формѣ подергиванія за веревку. Въ это раннее время, просто, не знаешь, куда и дѣваться: со стороны улицы усердствуетъ ночной сторожъ, стуча своей громкой колотушкой, а со стороны сада садовый сторожъ не даетъ заснуть, воюя съ нападающими на садъ пернатыми.

Когда настаетъ время уборки вишенъ, обыкновенно съ половины іюля, тогда толпы женщинъ и дѣтей, съ солнечнымъ восходомъ и до заката солнца, обрываютъ вишни въ садахъ, оглашая всю Вязниковскую окрестность пѣснями. Эта веселая работа продолжается недѣли три. Щипаніе вишенъ оплачивается для взрослыхъ 30 коп. въ день, для малолѣтнихъ наполовину, при чемъ выдается на каждого щипальщика по двухкопеечному калачу. Щипальщики безвозбранно могутъ улагодворять себя вишнями, но только въ саду, а съ собою брать въ дома нащипанную вишню возбраняется. Щи-

¹⁾ Мѣстное названіе балберки.

Г. Вязники. Благовѣщенская улица.

пальщицы въ первые дни сильно налегаютъ на ягоду, по словамъ знатоковъ, съѣдая фунтовъ по десяти въ день на человѣка, но затѣмъ вишня имъ противѣетъ. Владѣльцы большихъ садовъ обыкновенно сдаютъ ихъ скупщикамъ мѣстнымъ и пріѣзжимъ. Мелкіе владѣльцы сами стерегутъ и обрываютъ вишни и продаютъ ихъ на базарѣ. Въ Вязниковскихъ садахъ два сорта вишенъ: лучшія вишни извѣстны подъ именемъ «родительскихъ», носящихъ это названіе, вѣроятно, отъ того, что онѣ поспѣваютъ къ родительской субботѣ предъ Казанской Божіей Матери, празднуемой 8-го іюля. Родительскія вишни и вкусны, и сладки, и крупны; онѣ совершенно черныя. Впрочемъ, при неблагопріятномъ наливѣ, холодной и дождливой веснѣ, и этотъ сортъ вишенъ бываетъ кисловатъ.

Второй сортъ вишенъ называется «алухой»; это мелкія, кислыя, алаго цвѣта ягоды, отчего и именуются «алухой», обыкновенно, идутъ въ наливку. Цѣны на вишни опредѣляются урожаемъ ихъ. Въ урожайный годъ лучшіе сорта продаются на мѣстѣ по 2 руб. за пудъ, въ малоурожайные вдвое дороже. Подборъ, т.-е. осыпавшіяся и подбираемыя съ земли вишни, продается по 80 коп. за пудъ. По большей части вишни отправляются въ Москву; перевозятъ ихъ или въ рѣшетахъ, или въ прутьяныхъ корзинахъ. Ягоды сохраняются безъ порчи около недѣли, если хорошо уложены и упакованы. Денежные обороты по продажѣ вишенъ въ урожайный годъ въ гор. Вязникахъ съ ближайшими къ городу деревнями, въ которыхъ также разведено вишневодство, достигаетъ до 50 тыс. рублей въ лѣто.

Изъ Вязниковъ бываетъ требованіе и на вишневые деревья изъ разныхъ мѣстностей Россіи. Но, къ сожалѣнію, и этотъ прекрасный родъ промысла отъ земли, съ каждымъ годомъ упадаетъ, вытѣсняясь фабричнымъ станкомъ.

Главныхъ улицъ въ городѣ Вязникахъ—двѣ: Благовѣщенская и Шоссейная, или Московская, по которой проходитъ Московско-Нижегородское шоссе. «Мининская гора», о которой упоминается въ приведенномъ выше указѣ царя Алексѣя Михайловича, прорѣзана шоссеюной дорогой и возвышается надъ городской низменностью при самомъ вѣздѣ въ городъ отъ Нижняго. Гора эта названа «Мининской» потому, что здѣсь, по преданію, Мининъ въ тяжкую годину жизни государственной останавливался и собиралъ приношенія при проѣздѣ изъ Нижняго въ Москву въ 1612 году. Съ вершины этой горы прекрасный видъ на Клязьму и на весь городъ.

На берегу рѣчки Волшника, среди базарной площади, устроень городской соборъ, обнесенный оградой. Онъ своей внѣшней архитектурой и внутреннимъ устройствомъ вполне сходствуетъ съ владимірскимъ извѣстнымъ Успенскимъ соборомъ. На другомъ концѣ города, между Благовѣщенской и Шоссейной улицъ, выходя на обѣ эти улицы и имѣя входы съ нихъ, расположенъ небольшой мужской Благовѣщенскій монастырь.

Собственно городъ Вязники, по своему расположенію въ низменной мѣстности, не имѣетъ никакого вида; городъ какъ будто скрылся въ ущельѣ горъ. Въ самомъ городѣ, вслѣдствіе сырости почвы, многіе сгораютъ лихорадкой и зубными болями, особенно лица не туземныя, а прїѣзжающія сюда жить изъ другихъ мѣстностей.

Но есть и въ Вязникахъ мѣста не только прекрасныя, но и восхитительныя. Такимъ мѣстомъ безспорно слѣдуетъ признать общественный садъ, возвышающійся надъ всѣмъ городомъ. Садъ этотъ расположенъ на горѣ противъ Благовѣщенскаго монастыря, откуда открывается видъ и на весь городъ и на многія версты за городъ чрезъ рѣку Клязьму.

Въ саду этомъ бывають ежедневныя гулянья. Здѣсь и лѣтній театръ, и музыка, и качели, и прочія житейскія удовольствія; а рядомъ съ самымъ садомъ, какъ бы для напоминанія гуляющимъ, чтобы гуляли, да не загуливались, расположено городское кладбище съ многочисленными памятниками на могилахъ лицъ, здѣсь почитающихся въ объятіяхъ вѣчнаго сна смерти, и съ прекрасной церковью.

По климатическимъ условіямъ, лучшая часть города—это древній Яропольчъ, окруженный садами, но въ настоящемъ своемъ видѣ напоминающій небольшую деревню. Только въ самое послѣднее время здѣсь, въ самой серединѣ Яропольча, воздвигнуто грандіозное трехъэтажное каменное зданіе, для школы глухонѣмыхъ, принадлежащей духовному вѣдомству. Это зданіе, какъ и школа глухонѣмыхъ, устроены тщаніемъ мѣстнаго протоіерея о. Константина Веселовскаго, главнымъ образомъ на щедроты московскаго капиталиста В. Н. Дедухина. Въ Яропольчѣ находится одна весьма древняя Троицкая церковь. Бывшая Яропольческая слобода, нынѣ вошедшая въ составъ города, окружена глубокими рвами, вѣроятно, въ бывшее время составлявшими укрѣпленіе Яропольча. Изъ города въ Яропольчъ путь лежитъ чрезъ крутую гору, именуемую «барской». Въ старыя годы на этой горѣ расположены были дома служилаго класса, почему гора и получила названіе «барской».

Всѣхъ церквей въ Вязникахъ семь, изъ нихъ четыре неприходныя.

Учебныхъ заведеній — десять, въ томъ числѣ четыре церковно-приходскихъ школы. Лучшими училищами считаются мужское городское училище, помѣщающееся въ прекрасно устроенномъ собственномъ зданіи, и женская четырехклассная прогимназія, имѣющая свое довольно обширное зданіе. Въ послѣднее время открыто въ городѣ низшее ремесленное училище.

Для призрѣваемыхъ въ городѣ имѣется двѣ богадѣльни. Одна устроена на пожертвованія купчихи Щеголевой и находится въ вѣдѣніи городского управленія, а другая духовнаго вѣдомства, устроена на пожертвованія вязниковскаго уроженца, члена святѣйшаго синода, очень

извѣстнаго въ царствованіе государя императора Александра II, протоіерея Іоанна Васильевича Рождественскаго.

Больница одна на весь городъ, носящая названіе Александровской земской больницы.

Всѣхъ домовъ въ городѣ: каменныхъ 55, а деревянныхъ 710.

Здѣсь интересно отмѣтить ростъ города за 50 лѣтъ. По статистическимъ даннымъ, въ городѣ Вязникахъ, въ 1855 году значилось: соборъ, монастырь, 4 приходскія церкви, деревянный гостиный дворъ, 11 фабрикъ, 14 каменныхъ домовъ и 475 деревянныхъ; жителей обоого пола 3.176 душъ.

Такимъ образомъ, за полвѣка число жителей въ городѣ Вязникахъ удвоилось, число фабрикъ въ три раза уменьшилось, число каменныхъ домовъ въ три раза увеличилось, деревянныхъ увеличилось на 235. Здѣсь необходимо, впрочемъ замѣтить, что при послѣдней переписи въ число городскихъ жителей включено 2.354 человекъ обоого пола, работающихъ на фабрикахъ, половинное число которыхъ нельзя относить къ городскому населенію.

Самыя лучшія зданія въ городѣ: городская дума и земская управа. Оба зданія устроены одно противъ другаго и какъ бы конкурируютъ въ первенствѣ. У думы прекрасный подъездъ, а въ домѣ земства превосходный залъ.

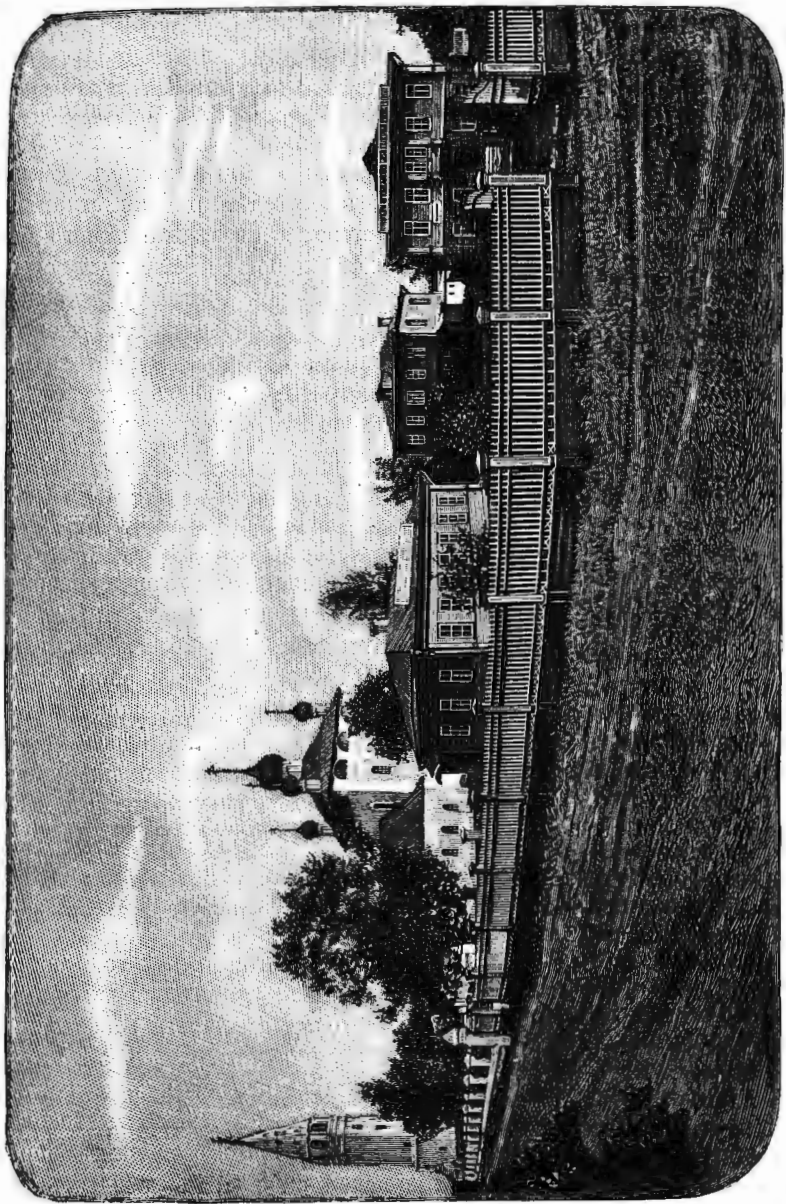
II.

Если городъ Вязники не представляетъ собою какихъ либо особо выдающихся чертъ предъ уѣздными городами вообще, то этого никакъ нельзя сказать о Вязниковскомъ уѣздѣ, который имѣетъ массу своеобразныхъ особенностей: и по характеру жителей, и по роду ихъ занятій дома, и по роду ихъ промысловъ на сторонѣ.

Какихъ только родныхъ типовъ не даетъ намъ Вязниковскій уѣздъ! Здѣсь мы встрѣчаемъ: и самыхъ трудолюбивыхъ хлѣбопашцевъ, не расстающихся съ лаптями, и франтоватыхъ, утомленныхъ иконописцевъ, и продувныхъ и юркихъ офеней, и тяжеловѣсныхъ коноваловъ, и угрюмыхъ пастуховъ, и хожалыхъ портныхъ, и дома занимающихся работой сапожниковъ, наконецъ, домашнихъ ткачей и горшечниковъ.

Число населенныхъ мѣстностей Вязниковскаго уѣзда очень значительно. Всѣхъ селъ и деревень насчитывается въ предѣлахъ уѣзда 345. Число жителей обоого пола 91.320 человекъ. Муж. пола 42.419 и женск. 48.901. Въ томъ числѣ крестьянъ: мужск. пола 36.575 и жен. 39.935, другихъ сословій муж. пол. 4.380, жен. 5.362.

По сословіямъ жители города и уѣзда раздѣляются такъ: потомственныхъ дворянъ обоого пола 60 душъ. Здѣсь слѣдуетъ сказать, что въ уѣздѣ дворянъ совершенно нѣтъ,—два, три небольшихъ се-

Г. Вязники. Ярополь.

мейства. На должность земскихъ начальниковъ, какъ извѣстно, назначаемыхъ изъ мѣстныхъ дворянъ, своихъ кандидатовъ нѣтъ, и въ эту должность назначаются лица сосѣднихъ уѣздовъ. Разночинцевъ 200 чел. обоего пола. Духовнаго сословія 880, купцовъ 160, мѣщанъ 6.982.

Крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ 43 тыс. обоего пола. Удѣльнаго вѣдомства 26.369, остальные крестьяне—государственные.

Запасныхъ воинскихъ чиновъ въ уѣздѣ и городѣ около 2.500, ратниковъ государственнаго ополченія около 500 человекъ. Самая значительная населенная мѣстность въ уѣздѣ, равная многимъ уѣзднымъ городкамъ,—это слобода Мстера, принадлежавшая въ былое время графу Панину. Жители этой слободы землевладѣнія не имѣютъ и земледѣліемъ не занимаются. Здѣсь обитаютъ ремесленники разнаго рода и торговцы. Всѣ жители, около двухъ тысячъ, имѣютъ свой особый отпечатокъ—бойкіе, бывалые, франтоватые, заносчивые. Если про кого, то про мстерскихъ обывателей смѣло сказать можно русской поговоркой: «хоть въ брюхѣ щелкъ, да на брюхѣ шелкъ». Дѣйствительно, всѣ свои заработки мстерцы употребляютъ на одежду. Все стараніе мстерцевъ направлено къ тому, какъ бы не походить на мужиковъ. Въ Мстерѣ всѣ безусловно грамотны.

Главное занятіе мстерцевъ—это иконописаніе, которое развито еще въ двухъ значительныхъ селахъ уѣзда, въ Палехѣ и Холуѣ, такъ что всѣхъ иконописцевъ въ этихъ трехъ селеніяхъ насчитывается до 2 тыс. человекъ. Въ Мстерѣ есть школа иконописанія, но она никакого успѣха не имѣетъ, и иконописаніе производится примитивнымъ способомъ, составляя собою ремесло, передаваемое изъ рода въ родъ. Этимъ ремесломъ занимаются оба пола. Фабрикуются иконы, по преимуществу, въ смыслѣ работы—не высокаго качества; но встрѣчается работа довольно изящная. Здѣсь все зависитъ отъ цѣны, которая и опредѣляетъ искусство работы. Можно купить ликъ святаго, изображеннаго на иконѣ одной и той же величины, и за 15 коп., и за 15 рублей.

Кромѣ иконописцевъ и торговцевъ, въ Мстерѣ имѣется значительное количество сапожниковъ, которыхъ насчитывается болѣе 200 человекъ. Затѣмъ здѣсь развита столярная работа, собственно издѣліе кіотъ для иконъ, а также кузнечное ремесло. Кромѣ того, есть двѣ фольговыхъ фабрики, работающія украшенія для иконъ.

Иконописаніе, какъ промыселъ, упадаетъ съ каждымъ годомъ, съ развитіемъ его въ Троице-Сергіевой лаврѣ и въ прочихъ монастыряхъ. Спросъ на иконы вязниковской работы съ каждымъ годомъ уменьшается, и цѣны понижаются.

Жители слободы Мстеры имѣютъ значительный арендный доходъ отъ торговой площади, отъ отдачи трактировъ, лавокъ и проч. Доходъ этотъ превышаетъ 15 тыс. руб. въ годъ и, при хорошихъ

распоряженіяхъ имъ, можетъ покрывать всѣ общественные расходы, не исключая и казенныхъ повинностей.

Хвастливость характера мстерскихъ обывателей, помимо уже ихъ внѣшней стороны, высказывается въ послыжкѣ иконъ разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ. Это дѣлается для того, чтобы на своемъ торговомъ бланкѣ имѣть возможность напечатать послѣ словъ: Иконописное заведеніе такого-то, получившаго отъ его высоко . . . благодарность за поднесеніе иконы тогда-то.

Характеръ народа одинаковъ со мстерцами, какъ и родъ занятій, и въ большихъ селахъ: Палехѣ и Холуѣ. Весь людъ этихъ селеній, какъ вѣтка, вѣтромъ колеблемая,—что выручилъ, то и прожилъ. Живутъ по пословицѣ: «Богъ дастъ день, Богъ дастъ и пищу».

Слобода Мстера, села Холуй и Палехъ своимъ занятіемъ создали многочисленный классъ промышленниковъ, не только въ своихъ, но и въ сосѣднихъ волостяхъ. Промышленники эти, также уклонившіеся въ большинствѣ случаевъ отъ земли, занимаются торговлею въ разныхъ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ своей родины, и извѣстны во всемъ государствѣ подъ названіемъ офеней, имѣющихъ свою исторію.

Офенскій промыселъ, дававшій офенямъ громаднѣйшіе барыши, выводя нѣкоторыхъ изъ этихъ предприимчивыхъ людей въ миллионеры, въ дни наши едва влачитъ свое существованіе. При развитіи повсемѣстной торговли въ Россіи, при быстротѣ сношеній окраинъ съ центромъ, офенскіе товары уже не составляютъ ни диковины, ни прелести для жителей удаленныхъ отъ центральныхъ городовъ. Москва, какъ центръ русской торговли, все забрала въ свои мощныя руки. Кто во дни оны только слухомъ слыхалъ про Москву и помышлялъ о ней, какъ въ волшебной сказкѣ, находящейся за тридевять земель, нынѣ садится въ вагонъ желѣзной дороги и безъ особыхъ страховъ отправляется въ древнюю столицу, дѣлая около тысячи верстъ въ сутки, при чемъ это скорое и относительно удобное сношеніе съ Москвой устраняетъ всякую необходимость въ услугахъ офеней, изъ которыхъ болѣе энергичные, не находя примѣненія своей торговлѣ на родинѣ, въ послѣднее пятилѣтіе начали предпринимать свою «ходьбу» за границу—въ предѣлы княжества Болгарскаго.

Собственно, офенству, какъ промыслу, какъ занятію, въ свое отдаленное отъ дней нашихъ время русскихъ людей и научили болгары, имѣвшіе торговые сношенія съ русскими со временъ глубокой древности. Еще въ X вѣкѣ волжскіе болгары привозили къ намъ свой хлѣбъ и промѣнивали его на мѣха бобровые, собольи и бѣличьи. Изъ историческихъ актовъ усматривается, что и русскіе ѣздили въ Болгарію для торговли. Такъ, въ 1024 году, когда былъ страшный голодъ въ Суздальской области, «всѣ люди идоша по

Волзѣ въ Болгары и привезоша жито и тако ожиша». Эти торговныя сношенія постепенно расширялись въ землѣ Суздальской и распространились на область Шуйскую и Вязниковскую, создали цѣлый классъ бродячихъ торговцевъ, именуемыхъ офенями.

Въ объясненіе происхожденія этого слова имѣется нѣсколько толкованій. Одни производятъ это слово отъ приходившихъ къ намъ торговать венгровъ изъ гор. Офена. Другіе производятъ это названіе отъ грековъ, приходившихъ къ намъ торговать изъ Аеинъ и называемыхъ «аеинянами».

Несомнѣнно извѣстно, что въ началѣ XVI столѣтія русское офенство имѣло уже значительную степень развитія. Тогда шуяне, посадскіе люди, вели торговлю разными мелочными товарами и табакомъ, ходя по Украинѣ.

Офени, составлявшіе собою особый классъ промысловыхъ людей, имѣли свой особый языкъ, употреблявшійся ими между собою въ торговыхъ дѣлахъ. Офенская рѣчь нынѣ уже утратилась. Она никогда и не была богата ни количествомъ словъ, ни формами оборотовъ рѣчи. Рѣчь офенская по преимуществу и самими офенями употреблялась только при торговлѣ, въ интересахъ коммерческихъ цѣлей, попросту сказать, для выраженія согласія на надувательство покупателя.

Въ половинѣ настоящаго столѣтія, извѣстнымъ владимірскимъ статистикомъ К. Л. Тихонравовымъ на мѣстѣ родины офеней собрано было 329 словъ офенскаго языка, употребляемаго ими. Приведемъ нѣсколько словъ этой доморощенной офенской рѣчи. Москва—Бутуса. Шуба—бурьяна. Глаза—вербухи. Писать—витерить. Водка—громзыря. Смѣяться—громиться. Лавка—дудорга. Девять—девера. Десять—деканъ. Жениться—елтониться. Медь—емеля. Зажечь—задулить. Рожь—зеха. Барышъ—калымъ. Хорошо—клево. Золото—кузлото. Полтина—ламаха. Масло—ласо. Гривенникъ—марошникъ. Кошка—матасъ. Работникъ—наертушникъ. Цѣловать—масловать. Еврей—нефедъ. Лошадь—острякъ. Умереть—отемнѣть. Бумага—пельмига. Поясъ—подбиталъ. Приговорить—приздить. Разбойникъ—роскощикъ. Изба—ряха. Мышь—савасьюха. Сидѣть—сѣдамать. Холодно—сивонно. Много—скень. Ноги—стухи. Хлѣбъ—сумаръ. Базаръ—торшенье. Ъсть—троить. Копейка—трофиль. Солдать—трупъ. Село—турло. Уступить—устычить. Уши—ухляки. Сѣно—фери. Блины—филосы. Руки—хирки. Отець—хрутень. Мать—хрутка. Квасъ—чкунъ. Кланяться—чунаться. Гусь—шатиъ. Воръ—шуръ. Родня—щадня. Овесъ—щуплякъ. Брюхо—яжжухи. Деньги—сары. Борода—тряфа. Хомуть—таритунъ. Дуга—таритунница. Стряпать—скоробить. Обриться—обсафиться. Нюхать—шохать. Медвѣдъ—миндрокъ. Солома—мозоха. Платки шелковые—лепни кенармы. Мѣхъ—меломка.

Какъ мы уже замѣтили выше, офенскій промыселъ, процвѣтавшій и выведшій многихъ счастливицевъ въ миллионеры, въ наше время совершенно отжилъ, или отживаетъ свой вѣкъ. Когда-то ловкихъ и энергичныхъ офеней въ дни наши скорѣе можно на-

Г. Вязники. Кладбище.

звать шатунами, бродягами, а не коммерческими предпринимателями. Крупные, разжившіеся офени давно оставили свою родину. Они, выписавшись въ купцы, давно ведутъ осѣдлую жизнь въ различныхъ городахъ имперіи, производя торговлю разными предметами,

начиная съ иконъ, церковныхъ сосудовъ и облаченій и кончая предметами обыденной и первой потребности. Въ былое время офени хозяева имѣли по ста и болѣе человѣкъ работниковъ, которые ходили съ хозяйскимъ товаромъ въ самыхъ отдаленныхъ отъ торговыхъ центровъ мѣстностяхъ, проникая въ глубь Сибири и въ центръ Украйны; они, соблюдая хозяйскіе интересы, возвращались къ хозяину въ условленное время, отдавали отчетъ, и получившіе отъ хозяина пять талантовъ приносили ему другіе пять талантовъ, оставляя у себя въ карманѣ болѣе двадцати, и, такимъ образомъ, не теряя довѣрія хозяйскаго, обогащались и сами дѣлались хозяевами.

Не то въ дни наши. Офенскій промыселъ не только видоизмѣнился въ смыслѣ громаднаго сокращенія торговли, но и самое названіе «офенствовать» замѣнено совершенно русскимъ словомъ: «ходить въ дорогу». Это «хождение въ дорогу» начинается обыкновенно со второй половины августа мѣсяца и продолжается до слѣдующаго лѣта, всего около десяти мѣсяцевъ въ годъ. Крестьяне, имѣющіе рублей пятьдесятъ, сто, набираютъ работниковъ, по преимуществу подростковъ отъ 12 до 18 лѣтъ, и, закупивъ товара, по большей части въ кредитъ, иконъ, книгъ, разнаго галантерейнаго мелкаго хлама, наполнивъ телѣгу этимъ товаромъ, отправляются въ свои излюбленныя мѣста. Вдали отъ родины, отъ семейныхъ привязанностей, забывая и семью, и нужды домашнія, эти ходебщики на чужой дальней сторонѣ, проживаютъ не только барыши, но нерѣдко и лошаденку, и повозку, и короба, возвращаясь домой по этапу. Конечно, есть и счастливыя исключенія, но въ общемъ офенскій промыселъ въ настоящемъ своемъ состояніи является положительнымъ разореніемъ для домовъ ходебщиковъ. При значительномъ развитіи фабричнаго промысла на родинѣ, всегда нашлось бы примѣненіе труда здѣсь у домашняго очага, съ большей выгодой, но отъ него-то и убѣгаютъ любители хождения въ дорогу, при чемъ работники нерѣдко растрачиваютъ товаръ своихъ довѣрителей, что влечетъ за собою иски, хождение по судамъ и прочіе производительныя хлопоты. А на родинѣ одинокая жена съ охапкой малолѣтокъ дѣтей и паши, и коси, и жни, и молоти, и корми дѣтей, и подати плати—отчаянное, убійственное положеніе, влекущее за собою полное разореніе крестьянскаго обзаведенія. Между тѣмъ, изъ Вязниковскаго уѣзда ходятъ въ дорогу ежегодно около двухъ тысячъ душъ.

Такой же малоприбыльный промыселъ, существующій въ нѣкоторыхъ деревняхъ Вязниковскаго уѣзда, извѣстный подъ именемъ «коновальства». Есть цѣлыя деревни, изъ которыхъ крестьяне отправляются на нѣсколько мѣсяцевъ на этотъ оригинальный промыселъ. Коновалы на «свои работы» обыкновенно уходятъ предъ масляницей и возвращаются домой къ покосу. Все это народъ нрав-

ственно испорченный. Земледѣлемъ они занимаются неохотно и плохо, и что, по роду своей специальности промыслять, заработаютъ, то пропиваютъ, возвращаясь домой безъ гроша.

Гораздо надежнѣе промышленники-овчинники и пастухи. Правда, они посѣрѣе, не франты и не бахари, ходятъ въ лаштахъ и не всѣ имѣютъ даже самовары; но что промыслять, то несутъ въ дома. Пастухи въ отхожій промыселъ уходятъ на лѣто, а овчинники на зиму. Первые зарабатываютъ рублей по 50 въ лѣто на человѣка; а вторые рублей по 30 въ зиму. Портные, уходящіе въ свой промыселъ на зиму, зарабатываютъ рублей по 40 на человѣка и въ отношеніи нравственности хотя не безупречны, но неизмѣримо выше и офеней и коноваловъ. Всѣхъ вообще лицъ, уходящихъ изъ уѣзда въ различное время года въ различные отхожіе промыслы, около 10 тысячъ человѣкъ.

За симъ, около половины этого числа занимаются работами на фабрикахъ, въ уѣздѣ существующихъ. Но если въ отхожій промыселъ уходятъ исключительно крестьяне мужескаго пола, то фабричному труду и жизни отдаетъ себя по преимуществу женскій полъ. Фабричная жизнь хорошо извѣстна и въ обществѣ и литературѣ; она и у насъ въ Вязниковскомъ уѣздѣ такова же, какъ и въ другихъ мѣстахъ—не хуже, не лучше.

Значительныхъ фабрикъ, кромѣ города, въ уѣздѣ—двѣ: товарищества Балиныхъ мануфактурная и пряжепрядильная Лѣниновыхъ. За симъ фабрикъ до 15 въ уѣздѣ незначительныхъ по количеству рабочихъ, а также существуютъ просто раздаточныя конторы, которыя раздають въ размотку пряжу и шитье мѣшковъ мѣстному населенію на дома. Это очень выгодная и безотвѣтственная, и безконтрольная операція. Не только женщины, но нѣкоторые даже мужчины, зимой при свѣтѣ лампъ ночниковъ въ домахъ, а весною, при свѣтѣ благодатнаго солнца, у своихъ домовъ сидятъ съ иглами въ рукахъ и грубымъ полотномъ, сшивая мѣшки, получая копеекъ по 30 за сотню мѣшковъ. Работой этой занимаются цѣлыя семьи, не исключая и дѣтей. Поэтому она, несмотря на свою дешевизну, какъ дѣло домашнее, считается прибыльной и служить хорошимъ подспорьемъ для покрытія крестьянскихъ расходовъ.

Размотка пряжи въ домахъ производится обыкновенно въ подвалахъ, составляющихъ какъ бы нижній этажъ дома. Этой работой занимаются также цѣлыя семьи, и она, какъ домашняя, небезвыгодна. Вообще сказать нужно, что всѣ домашнія работы, такъ называемый кустарный промыселъ, и удобнѣе и выгоднѣе всякаго отхожаго промысла. Не отрывая членовъ семьи отъ ихъ семействъ, оставляя ихъ подъ извѣстнымъ контролемъ старшаго члена семьи, промыселъ этого рода тѣмъ дорогъ, что всѣ заработанныя семьею деньги составляютъ достояніе семьи, а не тратятся на расходы и предметы, для крестьянскаго быта не подходящіе.

Но при всемъ этомъ сказать слѣдуетъ, что самыя исправныя селенія и волости суть тѣ, въ которыхъ населеніе крѣпко держится за землю и въ ней ищетъ себѣ обезпеченіе. Волости эти самыя богатыя. Ихъ двѣ въ уѣздѣ: Рыловская и Олтушевская, и частію Никологорская.

Народное образованіе во всемъ Вязниковскомъ уѣздѣ поставлено прекрасно. Здѣсь нѣтъ ни одного прихода, въ которомъ бы не было церковной или земской школы. Нѣкоторые приходы имѣютъ по двѣ и по три школы.

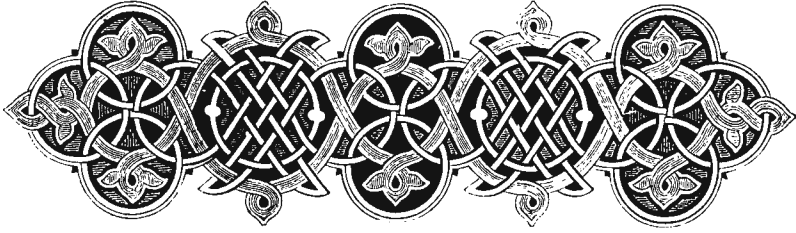
Пути сообщенія безусловно хороши. По всему уѣзду пролегаютъ: желѣзная дорога, шоссе, паромство по Клязьмѣ и земскіе тракты всюду исправны, за исключеніемъ дорогъ, лежащихъ чрезъ луга, затопляемые во время весеннихъ разливовъ рѣки Клязьмы.

Въ пяти селеніяхъ уѣзда устроены почтово-телеграфныя отдѣленія, кромѣ шести желѣзнодорожныхъ станцій, принимающихъ телеграммы и простую корреспонденцію.

Въ предѣлахъ уѣзда издревле укоренился расколъ. Число раскольниковъ разныхъ сектъ и толковъ достигаетъ почти тысячи человекъ обоого пола, давшихъ такого бойкаго начетчика, какъ Швецовъ, очень извѣстный у старообрядцевъ, происходящій изъ крестьянъ Вязниковскаго уѣзда, Олтушевской волости, деревни Перовой, постоянно проживающій въ Москвѣ, въ интересахъ своего вѣроученія.

Н. И. Соловьевъ.

СИРИНЪ И АЛКОНОСТЬ¹⁾

РИ ПРОСМОТРЪ столичныхъ газетъ и журналовъ за первые мѣсяцы текущаго года мнѣ не разъ приходилось встрѣчать извѣстія о томъ, съ какимъ интересомъ отнеслась петербургская публика къ выставкѣ картинъ одного изъ первоклассныхъ нашихъ художниковъ В. М. Васнецова. Вниманіе посѣтителей выставки останавливали на себѣ между прочимъ двѣ картины талантливаго художника, представляющія изъ себя значительный интересъ какъ по своему исполненію, такъ и по оригинальному сюжету, взятому изъ области миеологическихъ представленій. Эти картины—«Сиринъ—птица радости» и «Алконость—птица печали».

Вотъ что пишетъ между прочимъ объ этихъ картинахъ одинъ изъ журнальныхъ рецензентовъ, г. С. Маковскій, въ мартовской

¹⁾ Любопытныя данныя относительно алконоста и сирина находятся въ изслѣдованіи г. Карнѣева «Физиологъ»: сиринъ, по описанію древняго «Физиолога», есть сирена, «до чреслъ» имѣетъ образъ человѣческой, подобенъ музѣ, а хвостъ гусиный, отличается «благоглаголаніемъ и благословесіемъ», «возжигаетъ сердца беззлыхъ». Сказаніе объ алкіонѣ-алконоствѣ-галціонѣ является прежде всего у Аристотеля, отъ него заимствовано для «Шестоднева» св. Василиемъ Великимъ, а изъ «Шестоднева» перешло въ «Физиологъ»: эта птица ростомъ превосходитъ страуса, живетъ на морѣ и тамъ выводитъ своихъ птенцовъ. Что касается лубочныхъ картинъ, описываемыхъ А. С. Шерстобитовымъ, то о нихъ имѣются свѣдѣнія въ извѣстномъ трудѣ Д. А. Ровинскаго «Русскія народныя картинки», т. I, стр. 484—487, при чемъ у Ровинскаго указаны и другія картинки, изображающія алконоста и сириня.

Примѣчаніе Редакціи.

книжкѣ «Міра Божьяго». «Особенно хороша птица печали по мощи производимаго впечатлѣнія, по символичности образа. У нея женская темнокудрая голова, покрытая кокошникомъ, на птичьемъ туловищѣ; вмѣсто рукъ—черныя косматыя крылья съ зеленоватымъ отливомъ и лапы съ когтями. Ея мертвенно-блѣдное, заплаканное лицо и манитъ насъ и отталкиваетъ своею болѣзненною красотою, и какимъ чудеснымъ дополненіемъ къ нему кажутся эти мрачныя крылья и когтистыя лапы! Да, предъ нами «пѣсня печали», неутѣшная, страстная, жестокая пѣсня! Миѳическій образъ птицы радости менѣе удаченъ. Выраженіе ея лица-неестественное и въ сущности далеко не веселое. Въ ея улыбкѣ тоже что-то напряженное, больное. Не сдѣлалъ ли такъ художникъ намѣренно? Вѣдь и въ самыхъ веселыхъ звукахъ нашей народной пѣсни всегда таятся грусть». Таковы эти картины и таково впечатлѣніе, производимое ими на посѣтителей выставки, по словамъ журнальнаго рецензента.

Мнѣ также хочется сказать нѣсколько словъ въ настоящей замѣткѣ по поводу этихъ «райскихъ птицъ» — сирина и алконоста. Хотя эти мои слова будутъ довольно таки запоздалыми, но мнѣ, какъ провинціалу, запоздалость эта до нѣкоторой степени извинительна.

Въ домѣ одного старообрядца, безпоповца-поморца, въ Барнаульскомъ уѣздѣ Томской губерніи, мнѣ однажды удалось встрѣтить двѣ старыя, лубочнаго издѣлія, картины. Закоптѣлыя, загаженныя мухами, съ пятнами отъ деревяннаго масла, онѣ, однако, по своему интересному сюжету сразу завладѣли моимъ вниманіемъ. Я тогда же испросилъ у владѣльца ихъ позволеніе воспроизвести ихъ при помощи фотографической репродукціонной съемки. Эти картины изображали именно тѣхъ двухъ «райскихъ птицъ» алконоста и сирина, которыми, по общимъ отзывамъ, такъ талантливо и такъ оригинально воспользовался г. Васнецовъ въ осуществленіи своего намѣренія—выразить красками на полотнѣ два основныхъ настроенія человѣческой психики—радость и печаль. Пользуясь правомъ авторской фантазіи, г. Васнецовъ придавъ символическій характеръ этимъ «райскимъ птицамъ», наименовавъ алконоста «птицею печали», а сирина—«птицею радости». Но такая символическая спеціализація представляется не совсѣмъ согласной съ миѳологическимъ народнымъ понятіемъ объ этихъ птицахъ; по крайней мѣрѣ находящіяся въ моемъ распоряженіи данныя даютъ основаніе заключать, что такого символическаго значенія въ народномъ представленіи онѣ не имѣли и не имѣютъ. Основаніе это мы, между прочимъ, можемъ видѣть въ надписяхъ на упомянутыхъ мною картинахъ, сдѣланныхъ въ видѣ извлеченія изъ стариннаго сборника повѣствовательно-описательнаго характера подъ названіемъ «Хронографъ» или «Гранографъ», какъ онъ назывался еще въ старину и какъ называется теперь у раскольниковъ. Я привожу цѣликомъ эти риѳмованныя извлеченія:

АЛКОНОСТЪ.

Птица райская алконостъ; близъ рая пребываетъ,
 Нѣкогда и на Ефратѣ рѣцѣ бываетъ.
 Егда же въ пѣніи гласъ испущаетъ,
 Тогда и сама себе не ощущаетъ.
 А кто по близости ея будетъ,
 Той все въ мірѣ семъ позабудетъ.
 Тогда умъ отъ него отходитъ,
 И душа его изъ тѣла исходитъ.
 Таковыми пѣснями святыхъ утѣшаетъ
 И будущую имъ радость возвѣщаетъ.
 И многая благая тѣмъ сказуетъ,
 То и явѣ перстомъ указываетъ.

Птица алконостъ

Птица сиринъ.

СИРИНЪ.

Птица райская, зовомая сиринъ,
 Гласъ ея въ пѣніи зѣло силенъ.
 На востоцѣ, въ едемскомъ раю пребываетъ,
 Непрестанно пѣніе красно воспѣваетъ.
 Праведнымъ будущую радость возвѣщаетъ,
 Которую Господь святымъ своимъ общаетъ.
 Временемъ влетаетъ на землю къ намъ,
 Подобно сладкопѣсенно поеть, якоже и тамъ.
 Всякъ бо человекъ, во плоти живя,
 Не можетъ слышати гласа ея.
 Аще кому слышати случится,
 Таковой отъ житія сего отлучится,
 Но не якоже тамо онъ пребываетъ,
 А во слѣдъ ея теча, падъ умираетъ.

Подъ обоими извлеченіями поставлено: «книга граногр. гл. 4 и 98»; цифры славянскія.

Приведенныя надписи, какъ видитъ читатель, не даютъ никакого основанія къ заключенію о специальномъ символическомъ значеніи каждой изъ этихъ двухъ птицъ. Какъ та, такъ и другая, «возвѣщаютъ радость», да и можетъ ли что иное возвѣщать «птица рая», «идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная». Надписи лишь свидѣтельствуютъ за то, что въ народной мѣологіи алконость и сиринъ представляли изъ себя просто произведенія религіозной фантазіи, пытавшейся поднять завѣсу «того» міра и составившей свое особое понятіе о раѣ.

Что означаетъ и откуда взято названіе птицы «сиринъ», я не имѣю никакихъ опредѣленныхъ данныхъ судить объ этомъ. Созвучіе словъ «сиринъ» и «сирена» наталкиваетъ на вопросъ, не имѣютъ ли между собою эти два мѣологическихъ образа какого либо родства, тѣмъ болѣе, что происхожденіе сиринъ, какъ и многого другого въ мѣологіи, несомнѣнно греческое, византійское. Къ такому заключенію даетъ основаніе и самое изображеніе «райскихъ птицъ». Сиринъ, на примѣръ, изображается въ видѣ существа съ птичьимъ туловищемъ и человѣческой головой, а алконость—даже съ грудью и руками. Это изображеніе очень аналогично тому мѣоу о сиренѣ, какъ о существѣ съ рыбьимъ туловищемъ и человѣческой головой и грудью.

Что же касается слова «алконость», то, по словамъ А. Н. Пыпина, оно «обязано своимъ существованіемъ древней орографической ошибкѣ, которую можно прослѣдить еще съ Іоанна экзарха. У него она (т. е. птица алконость) называется правильно: «алкуонъ» (галльціона), но въ первой фразѣ, гдѣ упомянута эта птица, читается: «алкуонестъ морская птица», т. е. испорчено изъ «алкуонъ есть»; послѣдующіе превратили описку въ «алконость» (въ такомъ видѣ она является уже въ Палей, на примѣръ, Тихонравовской, стр. 41 и еще раньше въ Александроневской Палей), и въ этомъ видѣ птица стала знаменита у нашихъ книжниковъ»¹⁾.

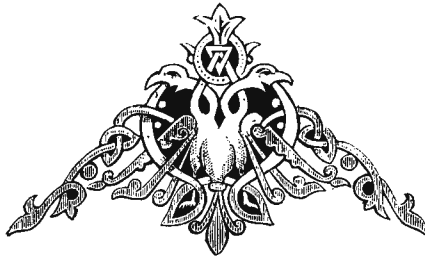
На видѣнныхъ мною картинахъ сиринъ и алконость изображены такъ. Туловище сиринъ сплошь птичье, съ крыльями, лапами и распущеннымъ хвостомъ съ яркими перьями; на туловищѣ надѣтъ поясъ съ пряжкой, имѣющей какое-то изображеніе въ видѣ креста; голова покрыта черными, курчавыми волосами; сидитъ онъ на какомъ-то одиноко «прозябшемъ» въ долинѣ, удивительномъ, надо полагать, тоже «райскомъ» растеніи, похожемъ на луковичное; въ дали долины видны какія-то зданія. Алконость снабженъ такимъ же птичьимъ туловищемъ, но только по поясъ, выше пояса, туловище человѣчье съ руками; голова покрыта короной; одѣтъ

¹⁾ А. Н. Пыпинъ, «Исторія русск. литерат.», т. I, стр. 256; 1-е примѣч.

онъ сверху въ клѣтчатый парчевый хитонъ съ широкими рукавами, украшенными кистями; изъ-подъ этихъ рукавовъ видны другіе, болѣе узкіе; въ одной, лѣвой рукѣ держитъ какую-то вѣтвь, а «перстомъ» другой «многая благая явѣ указываетъ»; ландшафтъ почти такой же, за исключеніемъ зданій; внизу картины изображена рѣка, о существованіи которой можно догадываться только по подписи «Ефратъ». Головы обѣихъ птицъ окружены ореоломъ. Въ общемъ алконость изображенъ много пригляднѣе и пышнѣе сирина.

Гдѣ и когда эти картины напечатаны, объ этомъ на нихъ никакихъ указаній не имѣется. По словамъ владѣльца ихъ — старообрядца, эти картины достались ему отъ отца, и когда и у кого онѣ приобрѣтены, онъ не знаетъ и не помнитъ.

А. Шерстобитовъ.

ИЗЪ САРАПУЛЬСКОЙ ХРОНИКИ.

I.

ТО ИЗЪ старыхъ людей не любятъ кстати и некстати упоминать о «добромъ старомъ времени», и кто изъ нихъ не видитъ въ этомъ старомъ времени совокупности всевозможныхъ достоинствъ, равно какъ въ теперешнемъ—всевозможные недостатки?

Чѣмъ объяснить это обстоятельство? Вѣдь, не лучше же были на самомъ дѣлѣ старыя времена нынѣшнихъ? а если лучше, то чѣмъ?!

Наши, на примѣръ, старинные «батюшки» и вообще лица духовнаго сословія ужасно какъ восхищаются прежнимъ житьемъ-бытьемъ. А между тѣмъ, казалось бы, чѣмъ имъ и восхищаться-то? Въ бурсѣ ихъ морили голодомъ и чуть не до смерти засѣкали «березовой кашей». На службѣ ихъ за малѣйшіе проступки заставляли класть публично въ церкви по 200—300 поклоновъ заразъ, а то и «обстригали имъ волосы въ скобку». Богаче нынѣшняго прежніе батюшки также не жили: еще въ 1878 году, на примѣръ, вятскому преосвященному пришлось издать особый указъ, гдѣ онъ подъ угрозою наказанія объявилъ, чтобы и попы и діаконы въ крестьянскомъ или другомъ, духовному чину неприличномъ, одѣяніи не бродили ¹⁾, а во многихъ сельскихъ церквахъ того времени были

¹⁾ Указъ изъ Вятск. дух. конс. отъ 6 марта 1878 г. за № 916.

даже «холщевыя набойныя завѣсы и крапешинныя на престольныя одежды» ¹⁾...

Почему же старики все-таки влюблены въ старое время и чуть не бредятъ имъ?

Конечно, правду замѣтилъ гениальный поэтъ, когда сказалъ: «все прошлое намъ будетъ мило». Но откуда же то всеобщее убѣжденіе, которое лаконически выражено въ словахъ пѣсни:

«Въ старину живали дѣды
Веселѣй своихъ внучать?»

Мнѣ часто приходитъ на умъ, что счастливѣе жили люди въ прежнее время потому, что были наивнѣе и добродушнѣе, потому что въ жизни тогда было меньше той сухой и мертвой казенщины и официальности, какія царятъ въ наше время. Даже въ официальныхъ бумагахъ прежняго времени нерѣдко проглядываютъ чисто отеческія и добродушнѣйшія отношенія между начальниками и подчиненными, и послѣдніе не стѣсняются въ этихъ бумагахъ наивничать и откровенничать даже въ вещахъ довольно интимнаго свойства.

Вотъ нѣсколько образчиковъ подобной наивности въ официальныхъ сношеніяхъ между начальствующими и подчиненными. Образчики эти попались мнѣ подъ руку среди архивныхъ бумагъ одного изъ нашихъ провинціальныхъ духовныхъ училищъ.

Въ 1836 году, учитель духовнаго училища, Григорій Кибардинъ, пишетъ своему начальству прошеніе, гдѣ испрашиваетъ позволенія жениться. При этомъ онъ указываетъ слѣдующіе мотивы: «Скудное мое состояніе заставляетъ меня искать средствъ къ поправленію его; а къ сему я не нахожу другихъ средствъ, кромѣ вступленія въ бракъ, который обѣщаетъ мнѣ достаточное для двоихъ со стороны будущаго тестя пособіе. Посему и прошу» и т. д. ²⁾. Не правда ли, — довольно откровенно и наивно!

Еще откровеннѣе объясняется въ точно такомъ же прошеніи другой учитель того же училища, Стефанъ Лупповъ. Онъ пишетъ въ 1840 году: «Ранѣе, не имѣвъ намѣренія вступить въ должность учителя, я засваталъ невѣсту С—ой округи, въ селѣ Г—ѣ у діакона П. М. дочь-дѣвицу. Скудость въ получаемомъ мною жалованьи и дороговизна, въ настоящее время, въ содержаніи, повидимому, совершенно запрещаютъ мнѣ жениться; но, не желая сдѣлать разрыва въ начатомъ дѣлѣ и чтобы не навлечь на себя неудовольствій,—я рѣшился прибѣгнуть къ вамъ съ просьбою. Взявъ во вниманіе пособіе, которое обязуется помянутый діаконъ съ выдачею своей дочери доставлять мнѣ въ теченіе того времени, пока

¹⁾ Указъ изъ Вятск. дух. конс. отъ 3 іюня 1791 г. за № 1146.

²⁾ 1836 г., декабря 26, № 165. Подлинное въ архивѣ сарепульскаго духовн. училища.

я буду находиться въ должности учителя, — покорнѣйше прошу» и т. д. ¹⁾).

Если такъ наивно-безцеремонно обращались въ прежнее время подчиненные къ своему начальству, то отношенія послѣдняго къ подчиненнымъ были еще безцеремоннѣе. Такъ, въ 1832 году, на прошеніи одного учителя о дозволеніи ему жениться послѣдовала такая резолюція преосвященнаго: «Дозволить. Но рекомендовалъ бы я училищнымъ учителямъ не спѣшить женитьбою, во-первыхъ, потому, что лѣта ихъ вообще у всѣхъ не велики, во-вторыхъ, потому, что получаемое за должность жалованье не достаточно къ тому, дабы можно было содержать цѣлое семейство; а, въ-третьихъ, потому, что состояніе женатаго можетъ немало охлаждать ревность къ школьнымъ занятіямъ, отвлекая изобрѣтеніемъ способовъ къ выгоднѣйшей для себя жизни, или обезпокоивая нуждами, неразлучными съ бытомъ супружескимъ. О чемъ и дать знать семинарскому правленію для объявленія о семъ училищнымъ начальствамъ».

Эта пространно-добродушная резолюція напоминаетъ мнѣ почему-то другой подобный случай изъ жизни того же самаго преосвященнаго, только нѣсколько уже анекдотическаго характера. Священникъ пишетъ прошеніе о своемъ перемѣщеніи въ такомъ родѣ: «Я слышалъ, что въ г. N. есть вакантное мѣсто священника-миссіонера; слышалъ я также, что на это мѣсто нуженъ человѣкъ опытный въ дѣлѣ пастырства, наипаче же въ дѣлахъ раскольническихъ; слышалъ я, наконецъ, отъ добрыхъ людей, что меня сами раскольники почитаютъ зѣло умудреннымъ въ вѣрѣ древлеправославной. Посему честь имѣю просить васъ, ваше преосвященство, перемѣстить меня etc.». «Не всякому слуху вѣрь», былъ краткій и ясный отвѣтъ преосвященнаго...

Однако, продолжу начатое. Въ приведенномъ нами случаѣ начальство все-таки дозволило просителю жениться, хотя и съ оговорками. А вотъ другой случай, гдѣ сдѣлать это было прямо запрещено «для пользы службы». Въ 1838 году, на прошеніе учителя Ивана Вершинина о женитьбѣ послѣдовалъ такой отвѣтъ: «Семинарское правленіе симъ предписываетъ вамъ (смотрителю училища) объявить учителю Вершинину, что семинарское правленіе для пользы службы не совѣтуетъ ему входить въ постороннія обязанности, прежде нежели онъ приспособитъ себя къ учительской должности, еще недавно имъ принятой на себя, и приобрѣтетъ достаточныя познанія и нѣкоторую опытность, необходимую для того, чтобы проходить оную должность исправно, съ пользою для учащихся и частію для себя самого» ²⁾. Вотъ уже подлинно поотечески!

¹⁾ Подлинное въ архивѣ Сарапульскаго духовнаго училища.

²⁾ Предп. отъ 14 дек. 1838 г. № 928, изъ правл. Вятской дух. сем. Не лишне кстати замѣтить, что приведенный отвѣтъ послѣдовалъ на такого рода прошеніе

Или еще образчикъ. Какимъ добродушіемъ вѣтъ отъ слѣдующаго «предписанія» 1837 года: «Государь императоръ, сверхъ доходящихъ до его величества изъ разныхъ мѣстъ свѣдѣній, самъ изволилъ замѣтить, что многіе гражданскіе чиновники, въ особенности внѣ столицы, дозволяютъ себѣ носить усы и не брить бороды по образцу жидовъ или подражая французскимъ людямъ. Его императорское величество изволилъ находить сіе совершенно неприличнымъ и, вслѣдствіе сего, высочайше повелѣваемъ всѣмъ начальникамъ гражданского вѣдомства строго смотрѣть, чтобы ихъ подчиненные ни бороды, ни усы не носили, ибо сіи послѣдніе принадлежатъ одному военному мундиру»¹⁾.

Какъ много, очевидно, было у нашихъ предковъ и притомъ, кстати замѣтимъ, не очень-то отдаленныхъ, наивности и добродушія, если ими проникнуты даже официальные бумаги. Несомнѣнно, что въ частной и общественной жизни этихъ драгоцѣнныхъ качествъ было, «хоть отбавляй».

А кому не извѣстно, что гдѣ добродушіе и наивность, тамъ и счастье.

II.

Въ началѣ текущаго столѣтія, жилъ въ Сарапулѣ «протопопъ Петръ», какъ подписывался онъ на официальныхъ бумагахъ, рѣдко прибавляя къ имени свою фамилію «Онисимовъ». Родиною Петра Онисимова былъ (кстати замѣчу) городъ Вятка; въ Сарапулѣ же онъ посланъ былъ уже на склонѣ лѣтъ, въ санѣ протоіерея, — «для исправленія (какъ говорится въ его послужномъ спискѣ) мѣстнаго клира». Отъ какихъ недостатковъ и пороковъ нужно было исправить сарапульское духовенство, — прямого отвѣта на этотъ вопросъ въ официальныхъ бумагахъ того времени не находятся. Но объ этомъ можно догадываться по документальнымъ даннымъ нѣсколько позднѣйшаго времени. Такъ, въ 1808 году, по поводу «крайне невоздержной жизни сарапульскаго діакона, М. Юшика, предающагося пьянству до бѣлой горячки», — Онисимову было подтверждено, чтобы онъ (Онисимовъ) «не поблажнялъ неисправныхъ»²⁾. Въ этомъ же указѣ было замѣчено, что «поелику сарапульскіе благочинные и присутствующіе правленскіе симъ недугомъ (т. е. пьян-

Вершинина: «... Къ раннему вступленію въ бракъ побуждаетъ меня бѣдность собственная моя и моей матери, нуждающейся въ моемъ пособіи; женившись на означенной дѣвицѣ, я могу и самъ жить безбѣдно и доставлять матери своей нужное вспомошествованіе, ибо священникъ Ф. Д. обѣщаетъ мнѣ безденежную квартиру и содержаніе въ продолженіе 4-хъ лѣтъ моей службы при училищѣ».

¹⁾ Предп. отъ 5 іюля 1837 г., № 366.

²⁾ Указъ Вятск. дух. конс. въ сар. дух. правл. отъ 7 дек. 1808 года, № 6121. Хранится въ архивѣ бывшаго сар. дух. правл.

ствомъ) не меньше заражены, то и имъ объявить, что ежели они не перестанутъ укрывать неисправныхъ, то непременно всѣ выведены будутъ изъ Сарапула и перемѣнены другими.

Впрочемъ, пьянство «до бѣлой горячки» было не единственнымъ недостаткомъ въ нравственной жизни сарапульскаго духовенства разсматриваемаго нами времени. Въ 1810-мъ году, престарѣлый священникъ села Нѣчкина, Симеонъ Ремянниковъ, вытребованъ былъ «по причинѣ малограмотности, къ сарапульскому протопопу, дабы онъ усовершенствовалъ его во всемъ нужномъ для священства»¹⁾. Невѣжество, очевидно, процвѣтало не менѣе пьянства.

Старожилы передаютъ, что «Акундинычъ» (подъ такимъ именемъ извѣстенъ былъ у всѣхъ «Петръ, Акиндиновъ сынъ, Онисимовъ») дѣйствительно искоренялъ въ духовенствѣ указанные пороки и былъ грозю для зараженныхъ ими. Рассказываютъ, что даже духовенство, сопутствующее такъ называемымъ вятскимъ иконамъ (приносимымъ въ каждые два года одинъ разъ въ Сарапулъ изъ Вятскаго монастыря) и, значить, нимало не зависящее отъ Онисимова, — и то еще за 40—50 верстъ до Сарапула начинало протрезвляться, говоря: «ну, теперь Акундинычъ скоро: держи, небось, ухо остро!».

Жилъ этотъ «Акундинычъ» спокойно и мирно; каралъ и милдовалъ подчиненный ему клиръ и немилосердно наказывалъ розгами учениковъ духовнаго училища, гдѣ былъ смотрителемъ²⁾; при помощи этихъ же учениковъ, а также высылаемыхъ къ нему на послушаніе и исправленіе провинившихся въ чемъ либо клириковъ³⁾ и вмѣстѣ съ тѣмъ при помощи высланныхъ въ Сарапулъ плѣнныхъ французовъ 1812 года, — онъ устроилъ вокругъ своего дома богатѣйшій садъ, гдѣ чинно расхаживали павлины, стаями наполняли воздухъ разнообразнѣйшихъ породъ голуби, и лебеди скользили по глади водъ искусственнаго пруда... Но свои служебныя обязанности Онисимовъ выполнялъ замѣчательно ревностно, такъ что эта самая его ревность, слишкомъ прямолинейная — нужно замѣтить — едва даже не погубила его.

Жилъ въ это же самое время въ Сарапулѣ городничій, Василій Андреевичъ Дуровъ⁴⁾. Жили они съ «Акундинычемъ» довольно

¹⁾ Указъ Вятск. дух. консист. отъ 31 авг. 1810 г. № 5196.

²⁾ Инспекторъ этого училища, Грессеровъ, доносилъ въ 1829 г. на Онисимова, что послѣдній «наказалъ непомѣрно розгами 20 учениковъ». Каково было это непомѣрное наказаніе, судить легко: оно возмутило даже человѣка того же стараго времени, когда бурсаизмъ былъ у всѣхъ какъ бы въ крови.

³⁾ Мѣстные старожилы рассказываютъ, что они нерѣдко выдали этихъ дьячковъ, дьяконовъ, а иногда даже и поповъ — поливающими цвѣты или чистящими дорожки въ саду «Акундиныча».

⁴⁾ Этотъ В. А. Дуровъ извѣстенъ, какъ родной братъ «кавалериста—дѣвницы» и писательницы Н. А. Дуровой (1773—1866 г.), въ замужествѣ — Черновою. Н. А. Дурова своимъ ходатайствомъ предъ сильными міра сего не однажды спасала отъ

дружно. Но вотъ въ одно прекрасное время между ними произошла размолвка. Случилась она по самому ничтожному поводу.

Въ 1823 году, въ высокаторжественный день 22 сентября, по окончаніи царскаго молебна, городничій по обыкновенію первый подошелъ приложиться ко кресту. Но протопопъ Онисимовъ въ это время замѣтилъ, что В. А. Дуровъ... въ перчаткахъ. Воспылавъ ревностію о святынѣ креста, Онисимовъ громко приказываетъ городничему снять перчатки и дѣлаетъ ему гнѣвный выговоръ, говоря, что даже «Христосъ страдалъ съ обнаженною плотію»... Дуровъ смиренно повиновался, но въ скоромъ времени подалъ на Онисимова доносъ, обвиняя его въ томъ, что тотъ «публично запятналъ честь мундира». Назначено было формальное слѣдствіе, которое продолжалось болѣе года. Тяжущіеся все болѣе и болѣе раздували виновность обѣихъ сторонъ, такъ что и тому и другому изъ нихъ грозила бѣда. Наконецъ, какимъ-то образомъ дѣло вдругъ замогло: говорятъ, что будто кому-то удалось помирить ссорящихся¹⁾.

Нѣсколько позднѣе, въ 1829 году, тотъ же самый «Акундинычъ» подобнымъ же образомъ не дозволилъ причаститься двумъ, пользовавшимся въ Сарапулѣ извѣстностію дамамъ—Барановымъ, только за то, что онѣ исповѣдывались не у него, въ приходѣ коего числились, а у другого священника. По жалобѣ обиженныхъ наряжено было слѣдствіе, причемъ обнаружившій излишнюю ревность протопопъ получилъ крупный выговоръ отъ начальства.

Но читатели, быть можетъ, скажутъ, что Онисимовъ былъ исключительно личностію и притомъ въ исключительномъ положеніи. Дѣйствительно, Онисимовъ представлялъ собою въ Сарапулѣ²⁾ довольно большую силу, но все же его поведеніе нельзя объяснить самодурствомъ властнаго человѣка. А главное, подобные приведеннымъ нами факты совсѣмъ не были единичными въ «доброе старое время».

Очень близкій къ описанному случай произошелъ, на примѣръ, нѣсколько позднѣе въ одномъ изъ захолустныхъ сель того же Сарапульскаго уѣзда, Люкѣ. Жена здѣшняго священника, Е. И. Устюгова, въ сознаніи высоты своего положенія имѣла обыкновеніе прикладываться по окончаніи молебновъ къ кресту первому. Въ этомъ же

увольненія со службы извѣстнаго своими странностями и эксцентрическими выходками брата, В. А. Дурова. Объ удивительныхъ странностяхъ этого послѣдняго писалъ, между прочимъ, А. С. Пушкинъ въ 1833 г., познакомившійся съ нимъ на Кавказѣ. (См. Собр. соч. А. С. Пушк., изд. 1887 г., Общ. дѣл. пом. нужд. лит., т. V, стр. 198—199).

¹⁾ Нѣкоторыя изъ бумагъ по этому слѣдственному дѣлу хранятся въ архивѣ бывшаго сарапульскаго духовнаго правленія; т. 1724 г., № 3905; 14 л. по описи.

²⁾ И даже во всемъ уѣздѣ. Такъ, въ большіе праздники онъ вызывалъ въ городъ для большей торжественности службы обладающихъ хорошимъ голосомъ дяконовъ и дячковъ изъ сель, отстоящихъ иногда за десятки верстъ отъ города, и они повиновались ему безпрекословно.

селѣ жила тогда дальняя родственница «матушки» (попадѣи), жена волостнаго писаря, извѣстная среди народа подѣ характернымъ прозвищемъ «Тарабѣиха». Одинъ разѣ эта послѣдняя, въ сознаниі ли собственного достоинства или же вслѣдствіе никогда не прекращающихся у нихъ съ Устюговой контръ, — предупредила Устюгову и подошла ко кресту прежде. Растерявшійся отъ неожиданности священникъ (мужъ Е. И. Устюговой) допустилъ ее. Но не успѣла еще «Тарабѣиха» отойти отъ священника, — какъ въ церкви послышался рѣзкій крикъ разгнѣванной неслыханнымъ униженіемъ «мачки» — «мерзавка! какъ ты смѣла?!»...

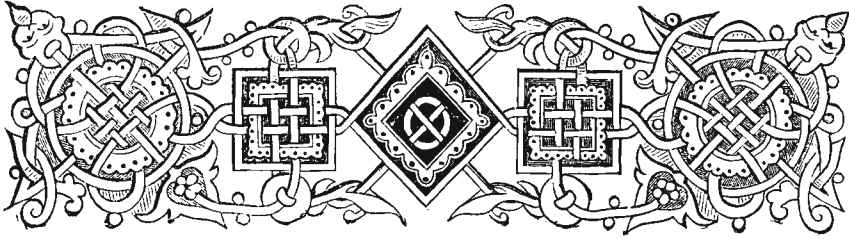
На другой же день обѣ оскорбленныя дамы начали искъ другъ противъ друга. Дѣло разбиралось въ сарапульскомъ окружномъ судѣ, при чемъ Устюговой какимъ-то образомъ удалось поплатиться однимъ штрафомъ ¹⁾.

Подобныхъ фактовъ, развѣ только менѣе характерныхъ и выразительныхъ, можно было бы найти и еще немало даже въ лѣтописяхъ только одного уѣзда. При всей своей мелочности и заурядности, факты эти, мнѣ кажется, очень краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о той удивительной неуступчивости и настойчивости, какими обладали наши добродушные дѣды и бабушки.

Д. Зеленинъ.

¹⁾ Случай передастся со словъ очевидцевъ, многіе изъ которыхъ живы и по сіе время.

МАРІЯ ВАЛЕВСКАЯ.

Историческій очеркъ ¹⁾).

ИМПЕРАТОРЪ Наполеонъ по дорогѣ изъ Пултуска въ Варшаву остановился, 1-го января 1807 г., на минуту для перемѣны лошадей въ Бронахъ. Шумная, восторженная толпа ожидала того, кого Польша считала своимъ освободителемъ, а какъ только остановился экипажъ императора, то онъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Изъ кареты выскочилъ маршалъ Дюрокъ, который сталъ пробивать себѣ дорогу сквозь толпу, къ почтовому дому. Онъ уже достигъ до двери, какъ услышалъ отчаянный крикъ и увидѣлъ двѣ женскія руки, поднятыя къ нему съ мольбой.

— Спасите насъ, генераль, — жалобно произносила женскій голосъ: — и дайте мнѣ возможность посмотрѣть на него хоть на минуту.

Дюрокъ остановился. Двѣ свѣтскія дамы тщетно пытались выбиться изъ окружавшей ихъ толпы поселянъ и рабочихъ. Одна изъ

¹⁾ Настоящій очеркъ заимствованъ изъ книги Фредерика Массона «Napoléon et les femmes: l'amour», которая имѣла большой успѣхъ во Франціи и вышла въ продолженіе двухъ лѣтъ въ 22-хъ изданіяхъ, что для историческаго труда рѣдкость. Авторъ ея извѣстенъ, какъ знатокъ Наполеоновской эпохи, и уже посвятилъ ей много интересныхъ сочиненій, изъ которыхъ послѣднее только что вышло въ двухъ томахъ подъ заглавіемъ: «La general de Bonaparte Josephine impératrice et reine». Что касается до очерка, посвященнаго Маріи Валевской, то Массонъ придаѣлъ совершенно вѣрнымъ историческимъ даннымъ романическій интересъ не

нихъ, именно та, которая обратилась съ жалобной просьбой къ Дюроку, казалась совершеннымъ ребенкомъ. Бѣлокурая, съ большими голубыми глазами, она поражала въ одно и то же время наивной нѣжностью своихъ взглядовъ и пламеннымъ ихъ блескомъ. Ея свѣтло розовый цвѣтъ лица принялъ пурпурный оттѣнокъ отъ овладѣвшаго ея чувства застѣнчивой стыдливости. Маленькаго роста, но удивительно сложенная, гибкая и эластичная, она представлялась олицетвореніемъ граціи; одѣта она была очень просто, а ея темненькая шляпка скрывалась подъ большимъ чернымъ вуалемъ.

Дюрокъ бросилъ на нее одинъ только взглядъ, но этого было довольно; онъ освободилъ изъ толпы обѣихъ женщинъ и, предложивъ руку блондинкѣ, подвелъ ее къ дверцамъ кареты.

— Ваше величество, — сказалъ онъ, — эта дама не побоялась толпы, чтобы только увидѣть васъ.

Наполеонъ, снявъ шляпу и высунувшись изъ окна, началъ говорить, но блондинка перебила его и воскликнула съ пламеннымъ воодушевленіемъ:

— Вся страна тысячу разъ привѣтствуетъ ваше величество. Мы не можемъ достаточно горячо выразить нашихъ чувствъ къ вамъ и ту радость, которую ощущаемъ при видѣ васъ въ нашемъ отечествѣ, ожидающемъ, что вы возстановите его величіе.

Пока она говорила взволнованнымъ, почти вдохновеннымъ голосомъ, императоръ пристально смотрѣлъ на нее. Потомъ онъ взялъ букетъ, находившійся въ каретѣ, и подалъ ей со словами:

— Сохраните эти цвѣты, какъ залогъ моихъ добрыхъ намѣреній. Я надѣюсь, что мы увидимся въ Варшавѣ, и тамъ я потребую благодарности изъ вашихъ прелестныхъ устъ.

Дюрокъ сѣлъ рядомъ съ императоромъ, и экипажъ быстро поехалъ; еще нѣсколько минутъ Наполеонъ махалъ шляпой въ открытое окно. Молодая женщина долго смотрѣла вслѣдъ удалявшейся кареты.

Это была Марія Валевская. По рожденію она принадлежала къ старинной, но бѣдной семьѣ Лащинскихъ. Отецъ ея умеръ, когда она была еще ребенкомъ, и мать должна была воспитывать шесте-

изобрѣтеніемъ какихъ либо патетическихъ эпизодовъ, а живымъ, картиннымъ изложеніемъ тѣхъ отношеній, которыя неожиданно сложились въ 1807 году между пламенной польской патриоткой и Наполеономъ, потомъ долго продолжались въ Варшавѣ, Парижѣ, даже на островѣ Эльбѣ, и прекратились лишь въ виду отплытія Наполеона на островъ св. Елены. До сихъ не существовало полной характеристики этой любопытной женщины, и если въ мемуарахъ графини Потоцкой говорится много о ней, то, по справедливому замѣчанію Массона, въ рѣзкихъ отзывахъ аристократической полячки объ ея соотечественницѣ слышится пристрастная нота, а, можетъ быть, и завистливая, какъ увѣряетъ Массонъ. Во всякомъ случаѣ, сообщаемыя ею свѣдѣнія только подтверждаютъ фактическую сторону историческаго очерка Массона, основаннаго преимущественно на отрывкахъ изъ автобіографіи самой Маріи Валевской.

рыхъ дѣтей на скудные доходы съ маленькаго помѣстья. Пятнадцати лѣтъ Марія вернулась домой изъ пансіона, гдѣ ее учили французскому и нѣмецкому языкамъ, музыкѣ и танцамъ. Не отличаясь глубокими знаніями, она была очень нравственной и религіозной молодой дѣвушкой, для которой ничего не существовало на свѣтѣ, кромѣ Бога и родины. Не успѣла она еще привыкнуть къ скромной домашней жизни, какъ неожиданно ей представились двѣ блестящія партіи, и мать прямо объявила ей, что она должна выбрать одного изъ жениховъ. Конечно, ей понравился молодой, красивый, богатый, знатный сынъ русскаго генерала, командовавшаго войсками въ Польшѣ, но онъ былъ русскій, и ея патриотизмъ не позволялъ ей выйти за него замужъ.

Другой былъ старикъ, Анастасій Колонна-Валевичъ-Валевскій. Ему уже минуло 70 лѣтъ; онъ недавно овдовѣлъ вторично, и его старшей внучкѣ было на девять лѣтъ болѣе, чѣмъ Маріи. Но онъ славился своимъ богатствомъ, служилъ камергеромъ у послѣдняго польскаго короля, носилъ по праздникамъ ленту Бѣлаго Орла и владѣлъ самымъ большимъ замкомъ въ той мѣстности, гдѣ жила Марія, наконецъ онъ былъ главою одного изъ знаменитѣйшихъ польскихъ родовъ, находившагося въ свойствѣ съ римскими Колоннами. Конечно, госпожа Лащинская не могла упустить такого зятя, и Марія даже не сопротивлялась, но ей такъ претилъ этотъ бракъ, что она невѣсткою заболѣла и четыре мѣсяца была близка къ смерти. Но въ концѣ концовъ она оправилась, и ее обвѣнчали со старымъ магнатомъ.

Прошло три года, и все это время молодая женщина провела въ уединенномъ Валевичскомъ замкѣ, находя утѣшеніе только въ религіи. Наконецъ она родила сына, и въ этомъ сынѣ она ожила. Если ей не пришлось быть счастливой, то она утѣшала себя мыслью, что ея сынъ будетъ счастливъ, но для этого ему необходимо было, чтобы Польша освободилась, и ему открылся широкій путь къ славѣ и почестямъ.

Между тѣмъ, Наполеонъ, побѣдивъ Австрію, пошелъ противъ Пруссіи и послѣ цѣлаго ряда побѣдъ вступилъ въ Берлинъ, затѣмъ онъ приблизился къ границамъ Польши, которая видѣла въ немъ своего освободителя. Всѣ поляки и польки, въ томъ числѣ Марія Валевская, ожидали его съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Но Валевичи находились въ захолустѣ, и мужъ Маріи, также горячій патриотъ и видѣвшій въ Парижѣ Наполеона первымъ консуломъ, предложилъ женѣ перебраться въ Варшаву, гдѣ всѣ извѣстія получались гораздо раньше. Устроивъ себѣ приличный домъ на одной изъ лучшихъ улицъ Варшавы, графъ Валевскій сталъ требовать, чтобы его жена выѣзжала въ свѣтъ, но она, скромная, застѣнчивая, боялась свѣта и въ особенности, именно дома князя Юсіфа Понятовскаго, служившаго центромъ высшаго общества. Поэтому она, чтобы

не разгнѣвать мужа, поддерживала свѣтскія связи, насколько это было необходимо, но преимущественно сидѣла дома и почти никто въ Варшавѣ не зналъ ея, несмотря на ея красоту.

Наконецъ, Наполеонъ находится уже близко, и всѣ патріоты Варшавы стараются устроить болѣе блестящій приѣмъ, чѣмъ въ Познани, отчего, по ихъ мнѣнію, зависѣла судьба родины. Пламенная и легко увлекающаяся Марія Валевская рѣшилась первая его привѣтствовать и, взявъ съ собою одну изъ двоюродныхъ сестеръ, отправилась быстрѣе молніи къ Бронамъ.

Тамъ произошла описанная сцена. Долго молодая женщина не могла прійти въ себя, такъ какъ она была потрясена встрѣчей съ императоромъ, и только поздно ночью она вернулась домой, держа въ рукахъ тщательно завернутый въ батистовый платокъ букетъ, данный ей Наполеономъ.

Она твердо рѣшила никому не говорить о своей смѣлой поѣздкѣ въ Броны, не представляться императору и не принимать участія ни въ одномъ изъ блестящихъ праздниковъ въ Варшавѣ; но двоюродная сестра разболтала о происшествіи, въ которомъ она играла роль, хотя и пассивную. Однажды, передъ обѣдомъ, заѣхалъ къ Маріи князь Юсифъ Понятовскій и пригласилъ ее на балъ, который онъ давалъ Наполеону. При этомъ онъ такъ значительно улыбался и подмигивалъ, что молодая женщина невольно покраснѣла, но не подала вида, что понимаетъ намеки старика. Онъ тогда прямо объяснилъ, что на одномъ обѣдѣ Наполеонъ обратилъ особое вниманіе на княгиню Любомирскую, и Дюрокъ сказалъ, что она понравилась императору только потому, что походила на прелестную незнакомку, которую онъ видѣлъ передъ почтовымъ домомъ въ Бронахъ. Какъ подробно Дюрокъ ни описывалъ этой незнакомки, никто не могъ отгадать, кто она, пока двоюродная сестра Маріи не открыла тайны. Вотъ почему Понятовскій зашелъ къ ней.

— Кто знаетъ?—прибавилъ онъ:—можетъ быть, небо избрало васъ для возстановленія Польши.

Она не хочетъ и слышать объ этомъ. Понятовскій гнѣвно удаляется. Но едва онъ уѣхалъ, какъ являются одинъ за другимъ знатнѣйшіе поляки, пользующіеся общимъ уваженіемъ. Каждый изъ нихъ знаетъ, въ чемъ дѣло, и распространяется въ одинаковыхъ комплиментахъ и намекахъ. Мало всего этого, возвращается домой мужъ и, не зная ничего о сценѣ въ Бронахъ, принимаетъ за чистую монету любезности магнатовъ. Онъ видитъ въ этомъ общемъ наставаніи, чтобъ его жена ѣхала на балъ къ князю Понятовскому, только знакъ естественнаго уваженія къ нему и явное одобреніе его выбора третьей жены. Онъ присоединяется къ общимъ просьбамъ, и когда ничто не помогаетъ, то онъ выходитъ изъ себя, грубо приказываетъ женѣ исполнить общее желаніе. Дѣлать нечего, она уступаетъ, но ставитъ одно условіе, чтобъ ея не представляли на

балѣ императору, такъ какъ въ виду представленія уже всѣхъ остальныхъ польскихъ дамъ ей пришлось бы представляться одной, а этого она рѣшительно боялась при ея застѣнчивости.

Наступилъ знаменательный день: мужъ торопитъ ее поскорѣе одѣваться, боясь опоздать и приѣхать на балъ послѣ Наполеона. Онъ критикуетъ ея туалетъ и сожалеетъ, что она выбрала себѣ не богатый, блестящій костюмъ, а гладкое, бѣлое, атласное платье, съ газовой тюникой. Наконецъ, она готова, и они отправляются. При ея появленіи въ бальномъ залѣ слышится одобрителный шопотъ. Ее усаживаютъ между двумя незнакомыми ей дамами, и князь Понятовскій тотчасъ подбѣгаетъ къ ней.

— Васъ ожидали съ нетерпѣніемъ,—говоритъ онъ:—васъ увидѣли съ удовольствіемъ. Ваше имя повторяли безъ конца. На вашего мужа посмотрѣли презрительно и, покачавъ головой, сказали:—«Бѣдная жертва». А теперь мнѣ приказали танцовать съ вами.

— Я не танцую,—отвѣчала графиня:—я не желаю танцовать.

Понятовскій замѣчаетъ, что онъ обязанъ исполнить приказаніе императора, тѣмъ болѣе, что послѣдній наблюдаетъ за нимъ, и если онъ не будетъ танцовать съ ней, то успѣхъ бала компрометированъ. Она упорствуетъ въ своемъ отказѣ, и Понятовскому остается только рассказать о своей неудачѣ Дюроку, который немедленно передаетъ объ этомъ Наполеону.

Между тѣмъ, вокругъ прелестной незнакомки тѣснится блестящій рой молодыхъ французскихъ офицеровъ, которые не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что извѣстно всѣмъ полякамъ. Они на перебой ухаживаютъ за красавицей-полькой, а Наполеонъ издали слѣдитъ за ихъ игрой и принимаетъ немедленно мѣры, чтобъ отдѣлаться отъ своихъ бессознательныхъ соперниковъ. Болѣе всего любезничаетъ съ Маріей Валевской Луи-де-Перигоръ, и императоръ, подозвавъ Бертье, приказываетъ отправить этого адъютанта въ 6-й корпусъ, находящійся на Пасаргѣ. Затѣмъ его вниманіе обращаетъ на себя Бертранъ; снова подзываетъ онъ Бертье и велитъ послать Бертрана въ главную квартиру принца Іеронима въ Бреславль.

Но вотъ танцы прерываются, и Наполеонъ проходитъ по заламъ и разговариваетъ съ дамами. Но желая сказать что нибудь пріятное, онъ постоянно попадаетъ впросакъ. Такъ молодую дѣвушку онъ спрашиваетъ, сколько у нея дѣтей, у старой дѣвы—ревнуетъ ли ее мужъ, у толстой старухи—любитъ ли она танцовать. Очевидно онъ занятъ одной какой-то мыслью и не видитъ, не слышитъ, не понимаетъ ничего. Дѣйствительно, на этомъ балу для него существуетъ только одна женщина.

Наконецъ, онъ подходитъ къ ней. Сосѣдки толкаютъ ее, чтобъ сна встала; она встаетъ и блѣдная ждетъ, что будетъ.

— Бѣлое не идетъ къ бѣлому,—произноситъ императоръ и прибавляетъ тихо:—я ждалъ не такого приѣма послѣ...

Она ничего не отвѣчаетъ.

Въ продолженіе минуты онъ пристально смотритъ на нее, а потомъ молча удаляется.

Спустя нѣсколько минутъ, Наполеонъ уѣзжаетъ съ бала. Всѣ приглашенные образуютъ группы, и вездѣ слышится одно:

— Что онъ сказалъ ей шепотомъ?

Она поспѣшно исчезаетъ, но въ каретѣ мужъ пристаётъ къ ней съ тѣмъ же вопросомъ. Когда же она ничего ему не отвѣчаетъ, то онъ объясняетъ, что принялъ приглашеніе на обѣдъ, на которомъ будетъ императоръ, и что она должна одѣться коизящнѣе. Вернувшись домой, онъ провожаетъ ее до спальни и быстро уходитъ въ ту самую минуту, какъ она уже готова сознаться во всемъ.

Не успѣлъ онъ, однако, удалиться, какъ горничная подаетъ ей записку, которую она разбираетъ съ трудомъ.

«Я видѣлъ только васъ, я любовался только вами, я желаю только васъ. Дайте скорѣе отвѣтъ, чтобъ успокоить пламенное ожиданье. Н.»

Она комкаетъ съ отвращеніемъ записку, тонъ которой ее смущаетъ. Но на улицѣ ждетъ отвѣта и не кто другой, какъ князь Іосифъ Понятовскій.

— Отвѣта не будетъ,—говоритъ она и посылаетъ горничную объявить объ этомъ князю.

Но онъ этимъ не довольствуется, слѣдуетъ за горничной, и если не проникаетъ въ спальную, то лишь потому, что Марія успѣла запереть дверь. Онъ умоляетъ ее, грозитъ ей и, не боясь скандала, проводитъ болѣе полчаса у запертой двери ея спальни. Она упорно повторяетъ.

— Не буду писать, какъ не танцовала.

Наконецъ, Понятовскій уходитъ, внѣ себя отъ гнѣва.

На слѣдующее утро, не успѣла Марія проснуться, какъ горничная подаетъ ей вторую записку. Она не открываетъ ея и, приложивъ къ ней первую записку, отсылаетъ ихъ къ посланцу императора.

Цѣлый день ея гостиная переполнена посѣтителеми: членами правительства и знатнѣйшими представителями польской аристократіи. Она отказывается выйти изъ своей спальни подъ предлогомъ мигрени. Но мужъ приходитъ въ ярость и, желая доказать, что онъ не ревнивецъ, насильно проводитъ въ спальную жены Понятовскаго и другихъ магнатовъ. При всѣхъ онъ требуетъ, чтобы она поѣхала на обѣдъ, на которомъ будетъ императоръ; поляки поддерживаютъ его, а одинъ, самый старый и уважаемый магнатъ, произносить страннымъ тономъ, не спуская съ нея глазъ:

— Все должно преклоняться передъ обстоятельствами, отъ которыхъ зависитъ судьба націи. Надѣюсь, что ваше нездоровье пройдетъ до обѣда, и вы примете въ немъ участіе, такъ какъ иначе вы докажете, что вы дурная полька.

Дѣлать нечего, ей пришлось встать и по приказанію мужа отправиться къ госпожѣ Вобанъ, любовницѣ князя Іосифа Понятовскаго, которая могла ей дать хорошіе совѣты относительно туалета и придворнаго этикета. Этотъ шагъ былъ очень ловкій, такъ какъ госпожа Вобанъ была искусная интриганка и могла легко обойти скромную, наивную, молодую женщину. Къ тому же госпожа Вобанъ не видѣла въ этомъ ничего дурного. Урожденная Пюже Барбантанъ, она въ юности жила въ Версали, а, поселившись въ Варшавѣ послѣ эмиграціи, открыто жила со своимъ старымъ любовникомъ, котораго она еще знала въ Парижѣ. Въ ея глазахъ доставить красавицу государю, кто бы онъ ни былъ—Людовикъ XV или Наполеонъ, было обязанностью и очень лестной каждою царедворца. Что же касается до совѣсти, женскаго стыда, супружескаго долга и вѣрности мужу, то она считала все это предрассудками, которые не могли удержать свѣтскую женщину отъ того, что обѣщаетъ ей большія выгоды. Но въ этомъ случаѣ житейскими выгодами нельзя было взять ничего; поборотъ наивную добродѣтель Маріи Валевской можно было только сильными, невѣдомыми ей средствами, а потому, осыпавъ ее любезными комплиментами, она передала молодую женщину на руки своей компаньонки. Эта хорошенькая, живая, остроумная, легкомысленная полька развелась съ мужемъ и, не имѣя средствъ къ жизни, исполняла разныя сомнительныя порученія. Почти одинаковыхъ лѣтъ съ Маріей и отличаясь искреннимъ или искусственнымъ патріотизмомъ, она легко вкралась въ ея дружбу, тѣмъ болѣе, что Марія никогда не имѣла друга, и эта ловкая женщина постоянно повторяла:

— Я отдамъ все, все для святого дѣла Польши¹⁾!

Она не покидала ни на минуту Марію, вкралась въ дружбу съ ея мужемъ, и когда почувствовала, что поколебала сердце бѣдной жертвы своими хитрыми совѣтами, она прочитала письмо, адресованное ей и подписанное членами временнаго правительства.

«Графиня, отъ мелкихъ обстоятельствъ зависятъ иногда великія дѣла. Во всѣ времена женщины имѣли большое вліяніе на политику, и это подтверждаетъ исторія, какъ древняя, такъ и новѣйшая. Пока люди повинуются своимъ страстямъ, женщины будутъ пользоваться своей силой. Если бы вы были мужчиною, то вы отдали бы свою

¹⁾ Массонъ въ примѣчаніи къ своему очерку говоритъ, что ему не удалось найти въ документахъ, имѣвшихся въ его распоряженіи, прямаго указанія на имя этой польки, но по разнымъ соображеніямъ онъ думаетъ, что это была госпожа Абрамовичъ, которая во время пребыванія Наполеона въ Вильнѣ въ 1812 году представляла ему свѣтскихъ дамъ. Извѣстно, что въ 1807 году въ Варшавѣ г-жа Абрамовичъ находилась въ дружескихъ отношеніяхъ съ Маріей Валевской, и рассказываютъ, что она диктовала Валевской ея письмо къ Наполеону, что побудило его однажды сказать ей: «Пишите мнѣ, какъ хотите, но я не хочу, чтобы между нами было третье лицо».

жизнь святому дѣлу родины, но вы женщина, и природа мѣшаетъ вамъ сражаться за отечество, но вы можете принести другую жертву, и вы должны это сдѣлать, еслибъ исполненіе вашего патриотическаго долга и было вамъ очень тяжело. Неужели вы думаете, что Эсфирь отдалась Агасферу по чувству любви? Нѣтъ, онъ ей былъ такъ противенъ, что она упала въ обморокъ при видѣ его, но она все-таки принесла себя въ жертву, чтобы спасти свой народъ, и дѣйствительно она заслужила славу его спасительницы. Мы надѣмся, что исторія то же скажетъ про васъ для вашей славы и для нашего счастья. Вы—дочь, мать, сестра преданныхъ польскихъ патриотовъ, которые вмѣстѣ съ нами составляютъ всю силу націи. Но количество и даже качество защитниковъ страны недостаточно, и знаменитый, набожный, святой мужъ Фенелонъ сказалъ: «мужчины при всей ихъ авторитетности не могутъ оказать странѣ благо, если женщины имъ не помогутъ». Повинуйтесь этому почтенному голосу, который присоединяется къ нашимъ голосамъ, и доставьте счастье двадцати милліонамъ людей!»

Такимъ образомъ семья, родина, религія побуждали къ паденію эту простую, наивную 18-лѣтнюю женщину, которая не имѣла поддержки ни въ мужѣ, ни въ родственникахъ, ни въ друзьяхъ. Всѣ участвовали въ заговорѣ противъ нея, и въ концѣ концовъ ей прочитали записку Наполеона, ту самую, которую она возвратила не распечатывая.

«Или я вамъ не понравился? Однако я имѣлъ право думать иначе. Развѣ я ошибся? Вашъ пылъ угасъ, а мой только разгорается. Вы отняли у меня покой. Дайте хоть минуту радости, хоть минуту счастья бѣдному сердцу, готовому васъ обожать, неужели такъ трудно написать отвѣтъ? Вы должны мнѣ ихъ два. Н.»

Въ ту самую минуту, какъ ловкая полька окончила чтеніе этой записки, вошелъ мужъ. Ничего не понимая, ничего не подозрѣвая, потому что онъ честный человѣкъ и сознательно не сталъ бы играть низкой роли, онъ началъ снова приставать къ женѣ, чтобы она отправилась на обѣдъ. Она понимаетъ, что это рѣшительный шагъ, но всѣ этого желаютъ, и она поддается общей волѣ. Цѣлый вечеръ ее осаждаютъ посѣтители, которые на нее бросаютъ безмолвные, одобрительные взгляды, а чтобы она не перемѣнила своего рѣшенія ночью, у нея остается въ видѣ часоваго господжа Вобанъ.

На слѣдующій день, отправляясь на роковой обѣдъ, Марія утѣшала себя мыслью, что, такъ какъ она не любитъ Наполеона, то ей нечего и бояться его. Всѣ приглашенные на обѣдъ въ ожиданіи Наполеона окружили ее, и многіе такъ открыто просили ея покровительства, что ей еще болѣе опротивѣла мысль о побѣдѣ, которую другіе уже заранѣе эксплуатировали, а потому она рѣшила быть холодной и непреклонной съ императоромъ. Наконецъ, онъ явился, и болѣе сдержанный, чѣмъ во время бала, сталъ любезно разговаривать со всѣми, а, проходя мимо Маріи, просто замѣтилъ:

— Я думалъ, что графиня больна; развѣ она совсѣмъ поправилась?

Эта банальная фраза, рассчитанная на то, чтобы уничтожить всѣ подозрѣнія, показалась ей очень деликатной со стороны императора.

За столомъ ее посадили рядомъ съ Дюрокомъ и противъ императора, который съ самаго начала обѣда сталъ задавать, по своему обычаю, лаконическіе вопросы своему сосѣду на счетъ польской исторіи. Онъ, казалось, внимательно слушалъ получаемые отвѣты и потомъ громко обсуждалъ ихъ, но говорилъ ли онъ или молчалъ, а глаза его были устремлены на Валевскую. Только по временамъ онъ взглядывалъ на Дюрока, съ которымъ у него происходилъ какой-то безмолвный разговоръ. Можно было предположить, что Дюрокъ говорилъ своей сосѣдкѣ только то, что ему предписывали взгляды и жесты императора, который спокойно продолжалъ разсуждать о серьезныхъ политическихъ вопросахъ.

Вотъ онъ какъ бы нечаянно взялся рукою за лѣвый бортъ своего мундира. Дюрокъ колеблется, пристально смотритъ на своего повелителя и вдругъ, какъ бы понявъ, въ чемъ дѣло, спрашиваетъ у Валевской, гдѣ находится букетъ, данный ей императоромъ въ Бронахъ.

Она отвѣчаетъ, что религіозно сохраняетъ для сына цвѣты, полученные отъ императора.

— Позвольте, графиня, поднести вамъ что нибудь, болѣе достойное васъ.

Эти слова оскорбляютъ гордую польку, и она громко говоритъ, покраснѣвъ отъ гнѣва:

— Я люблю только цвѣты!

— Въ такомъ случаѣ,—произноситъ Дюрокъ послѣ минутнаго молчанія:—мы сорвемъ лавры на вашей родинѣ, чтобы вамъ ихъ поднести.

На этотъ разъ онъ ловко попалъ въ точку, и она снова вспыхнула, но уже не отъ гнѣва, а отъ волненія.

Послѣ обѣда Наполеонъ подошелъ къ ней и, устремивъ на нее свой повелительный взглядъ, котораго никто не могъ выдержать, сказалъ очень тихо:

— Нѣтъ, нѣтъ, съ такими мягкими, нѣжными глазами, съ такимъ добрымъ выраженіемъ лица нельзя быть непреклонной, нельзя мучить человѣка: или вы самая ужасная кокетка и самая злая женщина.

И онъ быстро удаляется, а ее друзья увлекаютъ въ небольшую гостиную и начинаютъ говорить хоромъ:

— Онъ только смотрѣлъ на васъ. Онъ пожиралъ васъ глазами. Вы одиѣ можете заставить его возстановить Польшу.

Потомъ, какъ бы сговорившись, они всѣ расходятся, и она остается одна съ компаньонкой госпожи Вобанъ. Тогда въ комнату входитъ Дюрокъ и садится подлѣ нея.

— Неужели вы можете отказывать тому, кто никогда не получалъ отказа?—сказалъ онъ нѣжнымъ голосомъ, взявъ ее за руку и положивъ ей на колѣни письмо.— Несмотря на свою славу, онъ очень несчастливъ, и вы однѣ можете доставить ему нѣсколько радостныхъ минутъ.

Онъ говоритъ долго, убѣдительно, а Марія ничего не отвѣчаетъ и, закрывъ лицо руками, плачетъ, какъ ребенокъ. Но свидѣтельница этой сцены говоритъ за нее и общается, что она придетъ на свиданіе. А когда Валевская гнѣвно протестуетъ, то она укоряетъ ее въ недостаткѣ патриотизма, такъ какъ только измѣнница Польшѣ можетъ въ чемъ нибудь отказать Наполеону.

— Идите,—говоритъ она, провожая Дюрока до двери:—и будьте увѣрены, что она исполнитъ свой долгъ истинной польки.

Затѣмъ она возвращается къ Маріи и читаетъ ей оставленное письмо.

«Бываютъ минуты, когда величіе тяготитъ, и я именно теперь это чувствую. Мое сердце, покоренное вами, стремится къ вашимъ ножкамъ, но его держитъ этикетъ. Только вы можете уничтожить тѣ преграды, которыя разлучаютъ насъ. Мой другъ Дюрокъ все устроитъ. Приходите, приходите. Всѣ ваши желанія будутъ исполнены. Ваша родина будетъ мнѣ дороже съ той минуты, какъ вы сжалитесь надъ моимъ бѣднымъ сердцемъ. Н.»

И такъ рѣшительно судьба Польши находится въ ея рукахъ, самъ Наполеонъ повторяетъ то же, что ей говорили всѣ другіе. Она не можетъ болѣе сопротивляться и говорить тихо:

— Дѣлайте со мной, что хотите.

Она отказывается только писать, у нея на это не хватитъ физической силы. Хитрая полька, добившись своей цѣли, запираетъ бѣдную жертву на ключъ, чтобы она не спаслась бѣгствомъ, и отправляется на совѣщаніе съ другими заговорщиками.

Оставшись одна, Марія начинаетъ разсуждать сама съ собою, или скорѣе мечтать. Не можетъ ли она пойти на свиданье и, не уступая страсти императора, возбудить въ немъ дружескія чувства, добиться довѣрія и понудить его спасти ея родину. Вѣдь онъ не станетъ же прибѣгать къ насилію, она его не любитъ, но питаетъ къ нему восторженный энтузіазмъ и вѣчно будетъ ему благодарна, если онъ дѣйствительно сдѣлается освободителемъ Польши. И эта 18-ти-лѣтняя наивная женщина, не имѣвшая понятія ни о какомъ развратѣ, стала рисовать въ своемъ пламенномъ воображеніи употребительныя платоническія отношенія между двумя сочувствующими сердцами.

Наконецъ, компаньонка вернулась. Все устроено: Маріи не надо ничего ни писать, ни говорить, но только она не двинется съ мѣста до вечера, когда явится за ней посланный.

Часы идутъ медленно, и бѣдная женщина съ ужасомъ смотритъ то на часы, то на запертую дверь, откуда явится ея палачъ.

Въ 10 часовъ слышится легкій стукъ, на нее надѣваютъ шляпку съ большимъ вуалемъ и длинный плащъ. Ее выводятъ на улицу, и она машинально садится въ карету, гдѣ рядомъ съ нею помѣщается какой-то невѣдомый человѣкъ. Они оба молчатъ. Экипажъ быстро катится и наконецъ останавливается у потаеннаго входа въ большой дворецъ. Ей помогаютъ выйти изъ кареты и подняться по лѣстницѣ. Ее проводятъ черезъ нѣсколько комнатъ до двери, которую кто-то открываетъ извнутри съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ.

Она опускается въ кресло. Наполеонъ передъ нею, но она его не видитъ и, закрывъ лицо руками, плачетъ. Онъ опускается къ ея ногамъ и начинаетъ говорить мягко, нѣжно; но неожиданно онъ произноситъ: «твой старый мужъ»; она дико вскрикиваетъ и бросается къ двери, неожиданно понявъ всю низость своего поступка. Онъ стоитъ смущенный, удивленный, онъ ничего не понимаетъ. Въ первый разъ ему пришлось очутиться въ подобномъ положеніи. Эта женщина, правда, заставила себя ждать, но не очень, и все-таки пришла на ночное свиданіе, а теперь она отчаивается, истерически рыдаетъ и хочетъ убѣжать. Что же она такое? Ловкая кокетка, какой онъ никогда не видывалъ, или безпримѣрное наивное созданіе? Не комедію ли она съ нимъ разыгрываетъ, чтобы подороже продать себя? Но, нѣтъ, что-то искреннее было въ этомъ отчаяніи, въ этихъ слезахъ.

Онъ тихо отрываетъ ее отъ двери, за которую она крѣпко держалась, и приводитъ ее назадъ, а потомъ самымъ ласкающимъ, чарующимъ голосомъ разспрашиваетъ ее о прошедшей ея жизни и мало-по-малу ловко выпытываетъ отъ нея, что она вышла за нелюбимаго человѣка изъ боязни матери.

— И ты еще боишься укоровъ совѣсти!—воскликаетъ онъ.

Но Марія видитъ спасеніе лишь въ религіи и едва слышно шепчетъ:

— Узы, связывающія два существа на землѣ, не могутъ быть расторгнуты иначе, какъ на небѣ.

Онъ громко смѣется, а она все болѣе и болѣе рыдаетъ.

Наполеонъ никакъ не могъ понять, откуда взялось такое странное существо, которое, находясь наединѣ съ нимъ ночью и въ полной его власти, говорило о вѣрности къ мужу и о долгѣ къ Богу. Ему хотѣлось знать, какая почва, какія обстоятельства, какое воспитаніе породило такое существо, и онъ, сдержавъ свою страсть, сталъ вновь разспрашивать ее о дѣтствѣ и юности, о матери и семьѣ, о томъ обществѣ, въ которомъ она росла, о тѣхъ наставницахъ, которыя ее развивали. Онъ хотѣлъ знать все, и однимъ изъ первыхъ его вопросовъ было, какъ ее звали. Она отвѣтила «Марія», и съ этой минуты онъ ее никогда иначе не звалъ.

Въ два часа кто-то постучалъ въ дверь.

— Что? Уже?—произнесъ онъ.—Ну, милая, бѣдная голубка, пере-

стань плакать, поѣзжай домой. Не бойся орла, онъ теряетъ всѣ силы передъ тобой, потому что онъ тебя любитъ и хочетъ прежде всего твоей любви и твоего сердца. Ты кончишь тѣмъ, что его полюбишь, потому что онъ будетъ всѣмъ для тебя, слышишь—всѣмъ, всѣмъ.

Онъ надѣваетъ ей плащъ и провожаетъ до дверей, но не отпираетъ замка, прежде чѣмъ она клянется, что придетъ на другой день.

Она возвращается домой почти успокоенная; ей кажется, что ея мечта осуществилась. Онъ былъ добрѣ, нѣженъ и не прибѣгъ ни къ какому насилію. Онъ ее пожалѣлъ сегодня, отчего же ему не пожалѣть ея и завтра?

На слѣдующее утро въ девять часовъ Марія увидала у своей кровати хитрую компаньонку. Она держала въ рукахъ большой свертокъ, изъ котораго вынула роскошные цвѣты, лавровыя вѣтки, нѣсколько красныхъ сафьяновыхъ футляровъ и запечатанное письмо. Но не успѣла она открыть одинъ изъ футляровъ и вынуть изъ него брилльянтовую діадему, какъ Марія вырвала футляръ изъ ея рукъ и бросила на полъ.

— Отошлите назадъ,—воскликнула она гнѣвно, — неужели онъ думаетъ, что меня можно купить!

Но компаньонка нимало не смутилась, распечатала письмо и громко прочтала его.

«Марія, моя голубка Марія, первая моя мысль о тебѣ и первое мое желаніе тебя увидать. Ты придешь, не правда ли, ты придешь? Ты мнѣ обѣщала. Если нѣтъ, то твой орелъ полетитъ къ тебѣ. Я увижу тебя сегодня за обѣдомъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ мой другъ. Прими этотъ букетъ, и пусть онъ будетъ таинственными узами между нами среди окружающей насъ толпы. Хотя всѣ глаза будутъ обращены на насъ, но мы будемъ понимать другъ друга. Я положу руку на свое сердце, и ты поймешь, что оно бьется только для тебя, и ты въ отвѣтъ прижмешь къ твоему сердцу твой букетъ. Люби меня милая, дорогая Марія, и не спускай твоей руки съ букета. Н.»

Какъ сладко ни распѣвалъ Наполеонъ, но онъ не могъ заставить Марію принять брилльянты, цвѣты и даже лавры. У нея былъ прекрасный предлогъ относительно цвѣтовъ; букетъ прикалывали къ платью только на балахъ, а она ѣхала на обѣдъ. Но отдѣлаться отъ этого обѣда не было никакой возможности. Всѣ вокругъ нея потеряли головы отъ патріотическихъ и самолюбивыхъ ожиданій, а болѣе всѣхъ ея мужъ, который не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о той игрѣ, которая велась на его глазахъ.

Въ назначенный часъ она отправляется на обѣдъ; всѣ тѣснятся вокругъ нея, всѣ смотрятъ на нее съ любопытствомъ, и ей кажется, что всѣмъ извѣстно ея вчерашнее посѣщеніе дворца. Императоръ уже тамъ. Онъ, повидимому, чѣмъ-то очень недоволенъ. Онъ насу-

пливаетъ брови и бросаетъ на обѣдную женщину грозный, мрачный взглядъ.

Еще минута, и онъ быстро приближается къ ней; она боится, чтобы онъ не сдѣлалъ какого нибудь скандала, и, вспомнивъ его письмо, тихо прижимаетъ свою руку къ тому мѣсту платья, на которомъ долженъ былъ красоваться букетъ.

Неожиданно выраженіе лица Наполеона смягчилось, глаза его перестали метать молніи, и онъ отвѣчалъ такимъ же движеніемъ руки. Но прежде чѣмъ сѣсть за столъ, онъ подозвалъ Дюрока и сказалъ ему что-то на ухо.

Какъ только Дюрокъ помѣстился за обѣдомъ рядомъ съ Маріей, то немедленно началъ осыпать ее упреками за то, что она явилась безъ букета. Она на это отвѣчала болѣе тяжелымъ укоромъ за присылку брильянтовъ. Она никогда не приметъ ни одного подарка, и къ тому же какъ могла она, замужняя женщина, надѣть брильянты, не подаренные мужемъ? Возбудить ея восторгъ и преданность могла только надежда на возрожденіе ея родины.

— Но развѣ императоръ не далъ вамъ этой надежды?—воскликнулъ Дюрокъ, и онъ сталъ напоминать цѣлый рядъ дѣйствій, которыя были краснорѣчивѣе обѣщаній:—что же касается до его любви къ вамъ,—продолжалъ маршалъ:—то въ этомъ нельзя сомнѣваться. Посмотрите, онъ только смотритъ на васъ и, разговаривая съ другими, онъ не отнимаетъ руки отъ своего сердца. Передъ обѣдомъ онъ поручилъ мнѣ напомнить вамъ о вашемъ обѣщаніи прийти къ нему сегодня. Подумайте только, какъ жаждетъ императоръ найти сердце, которое понимало бы его среди всей окружающей его пытки величія. Подумайте, какая слава для женщины быть утѣшительницей такого человѣка.

Согласившись на одно свиданіе, она не могла найти уважительной причины, чтобы не идти на другое. Ее отвезли во дворецъ съ тѣми же предосторожностями. Наполеонъ встрѣтилъ ее мрачный, задумчивый.

— Наконецъ-то, я уже не надѣялся васъ видѣть!

Онъ снимаетъ съ нея плащъ и, вставъ передъ нею, строго приказываетъ ей объяснить свои странные поступки. Зачѣмъ она поѣхала въ Броны? Зачѣмъ она старалась возбудить въ немъ чувство, котораго она не раздѣляла? Зачѣмъ она не приняла цвѣтовъ, даже лавръ? Что она съ ними сдѣлала? Онъ ждалъ столько интересныхъ ощущеній во время обѣда, и она лишила его всего. Его рука не покидала сердца, а ея рука только однажды отвѣчала ему условленнымъ знакомъ.

— Вы настоящая полька,—воскликнулъ онъ, гнѣвно ударяя себя рукою по лбу:—вы только подтверждаете мое мнѣніе о вашей націи.

Взволнованная такимъ пріемомъ и его рѣзкими словами, она тихо промолвила:

— Ваше величество, ради Бога, скажите мнѣ, что вы думаете о Польшѣ.

— Всѣ поляки увлекающіеся и легкомысленные люди, — отвѣчалъ онъ: — они руководятся одной фантазіей, и ни въ чемъ у нихъ нѣтъ системы. Ихъ энтузіазмъ пламенный, бурный, непредѣльный но они не умѣютъ его направлять куда слѣдуетъ и постоянно сохранять. Этотъ портретъ поляковъ точь въ точь вашъ портретъ. Вы, какъ безумная, явились мнѣ на встрѣчу и покорили мое сердце вашими нѣжными взглядами, вашей пламенной рѣчью, потомъ вы исчезли, и какъ я васъ ни искалъ, не могъ найти. Наконецъ, когда вы явились, вы были холодны, какъ ледъ. Но знайте: мнѣ то и дорого, что трудно достижимо. Ничто меня не удержитъ отъ осуществленія того, чего я хочу. Я не признаю ничего для себя невозможнаго, и я такъ привыкъ къ общему повиновенію, что добьюсь своего и въ отношеніи васъ. Я хочу, — продолжалъ онъ все съ большимъ и большимъ пыломъ, — я хочу, чтобы ты меня любила, и я заставлю тебя. Я воскресилъ твою родину, я сдѣлалъ для нея все. Но смотри, какъ я сломаю эти часы на твоихъ глазахъ, такъ я уничтожу Польшу, уничтожу самое имя твоей страны, если ты отвергнешь мое сердце и не дашь мнѣ своего.

И онъ бросилъ на полъ часы, которые разлетѣлись на мелкіе куски.

Угрозы Наполеона, его гнѣвъ и разбитые часы такъ подѣйствовали на бѣдную женщину, что она упала въ обморокъ... Когда она очнулась, то уже не принадлежала себѣ. Онъ стоялъ передъ нею на колѣняхъ и отиралъ слезы, падавшія изъ ея глазъ.

Съ этой минуты у нихъ установилась постоянная связь, если можно такъ назвать привычку Маріи являться каждый вечеръ во дворецъ и покорно выносить всѣ его ласки въ надеждѣ получить вполнѣ обѣщанную плату. Вѣдь не отдалась же она или скорѣе не дозволила ему овладѣть ею за тѣ уступки, которыя онъ сдѣлалъ Польшѣ — образованіе временнаго правительства, созданіе ядра національной арміи и сформированіе нѣсколькихъ польскихъ эскадроновъ въ императорской гвардіи. Она могла почестъ себя удовлетворенной за принесенную жертву только возстановленіемъ Польши, какъ націи и государства. Не умѣя прикинуться влюбленной или страстной, когда она не чувствовала ни того ни другого, она даже не скрывала тѣхъ мотивовъ, которые руководили ею, и каждый вечеръ наводила разговоръ на одинъ предметъ, которымъ было полно ея сердце. А онъ расточалъ передъ нею утѣшенія, надежды, обѣщанія, но все откладывалъ ихъ осуществленіе на будущее время, которое, однако, представлялось ей безконечной пыткой.

Впрочемъ ея мученія не зависѣли отъ общаго презрѣнія польскаго общества, напротивъ, кромѣ ея мужа, съ которымъ она должна была разстаться, всѣ окружали ее уваженіемъ и обращались съ нею,

не какъ съ фавориткой, а какъ съ жертвой, достойной сожалѣнія. Даже сестры мужа, княгиня Яблоновская и графиня Брежинская, приняли ее подъ свое покровительство. Отъ нея зависѣло разыгрывать въ Варшавѣ роль царицы. Но она этого не хотѣла и скрывалась отъ всѣхъ въ тайномъ убѣжищѣ. Поэтому никто не относился къ ней враждебно, но всѣ ее почитаютъ и сожальютъ. Къ тому же легкомысленные поляки не находили ничего дурного въ связи и напротивъ только удивлялись, что Наполеонъ довольствовался только одной Маріей, тогда какъ всѣ польки готовы были отдаться ему съ удовольствіемъ. Они находили совѣмъ естественнымъ, что съ своей стороны содѣйствовали насколько возможно заключенію этой связи, отъ которой они ожидали столь многого для своей родины. Они вполне рассчитывали, что добрая, простая, скромная, честная патриотка будетъ для Наполеона не временной любовницей, а второй женой, польской женой, вѣчной представительницей своей родины. Однимъ своимъ безмолвнымъ присутствіемъ она должна была напоминать ему объ его обѣщаніяхъ и о томъ, что онъ еще не вполне заплатилъ за свое счастье.

Дѣйствительно, они были правы; каждый вечеръ Наполеонъ говорилъ съ любимой женщиной о Польшѣ. Онъ прямо высказывалъ ей, что она любить не его, но родину, и она откровенно въ этомъ сознавалась. Онъ такъ привыкъ къ обману и лжи со стороны женщинъ, что ея искренность приводила его въ восторгъ. Онъ вполне сознавалъ, что она далека отъ обычнаго женскаго самолюбія, и чтобы оправдать себя въ отсрочкѣ платежа долга, который она имѣла право требовать, Наполеонъ открывалъ ей всѣ государственныя тайны.

— Ты можешь быть совершенно увѣрена, что я исполню данное тебѣ обѣщаніе. Я уже заставилъ Россію отдать часть своего захвата, а остальное придетъ со временемъ. Теперь нельзя рисковать слишкомъ многимъ, а необходимо потерпѣть. Политика то же, что тетива самострѣла, она можетъ лопнуть, если ее слишкомъ натянуть. А куда ваши политическіе дѣятели сформируются. У васъ теперь ихъ очень мало, вы богаты патриотами, храбрецами, смѣльчаками, но этого мало, вамъ необходимы государственные люди и единство, а у васъ этого еще нѣтъ.

Достойно удивленія, какъ этотъ человѣкъ, никогда не позволявшій женщинамъ разсуждать о политикѣ, постоянно говорилъ съ Валевской о тѣхъ мѣрахъ, какія надо принять, чтобы улучшить положеніе польскаго народа и распространить благоденствіе во всей странѣ даже противъ личныхъ интересовъ аристократіи.

— Ты знаешь,—говорилъ онъ,—что я люблю твою націю, что я твердо намѣренъ, и это въ моихъ интересахъ, возстановить ее. Я согласенъ содѣйствовать всѣмъ ея усиліямъ и поддерживать всѣ ея права, но подумай только, какое пространство отдѣляетъ меня

отъ васъ. То, что я сегодня устрою, можетъ быть уничтожено завтра. Наконецъ, мой первый долгъ служить Франціи, и я не могу проливать французскую кровь и вести французскую армію въ Польшу всякій разъ, какъ въ этомъ будетъ надобность.

Естественно, что, постоянно разговаривая съ Маріей о Польшѣ, онъ не упускалъ случая выпытывать отъ нея все, что ему надо было знать о внутреннемъ положеніи страны, объ отношеніяхъ магнатовъ между собою, объ ихъ частной жизни, взаимныхъ ссорахъ и т. д. Она чистосердечно ему все рассказывала, а когда наконецъ поняла съ отчаяніемъ изъ его нелестныхъ сужденій о томъ или другомъ польскомъ дѣятелѣ, что она выдала ему соотечественниковъ и снабдила его оружіемъ противъ себя, то онъ только потрепалъ ее по щекѣ и сказалъ:

— Добрая Марія, ты достойна быть спартанкой и имѣть свободной родину.

Иногда онъ занимался ея туалетами, такъ какъ вообще считалъ себя знатокомъ женскаго туалета и былъ руководителемъ модъ при своемъ дворѣ. Всего болѣе онъ ненавидѣлъ темныя платья, а Валевская постоянно носила черныя, сѣрыя или, въ крайности, бѣлыя платья. На всѣ его доводы и просьбы надѣть что либо цвѣтное она отвѣчала одно:

— Я только и должна носить трауръ по своей родинѣ. Возстановите Польшу, и вы не увидите меня иначе, какъ въ розовомъ платьѣ.

Такимъ образомъ все сводилось между ними на польскій вопросъ, но это его не сердило и не уменьшало его любви. Напротивъ, онъ никогда не чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ въ это время, что доказывается его словами въ письмѣ къ брату Юсифу:

«Я никогда не пользовался такимъ хорошимъ здоровьемъ, какъ теперь, и потому сталъ гораздо любезнѣе, чѣмъ прежде».

Онъ не довольствуется ежедневнымъ посѣщеніемъ любимой женщины по вечерамъ, а непременно требуетъ, чтобы она присутствовала на всѣхъ обѣдахъ и празднествахъ, которые даются въ его честь въ Варшавѣ. Находясь въ обществѣ, онъ постоянно переговаривается съ нею таинственнымъ языкомъ знаковъ. Она теперь понимаетъ лучше Дюрока этотъ языкъ и зорко слѣдитъ за всѣми движеніями руки императора, который безмолвно говоритъ ей о своей любви въ то самое время, когда его уста произносятъ торжественныя рѣчи.

— Это удивляетъ тебя,—говорилъ онъ ей не разъ,—но знай, что я долженъ поддерживать свое достоинство. Я имѣю честь находиться во главѣ нѣсколькихъ націй. Я уже не жолудь, какъ въ юности, а цѣлый дубъ. Я возвышаюсь надъ всѣми, и на меня всѣ смотрятъ издали и вблизи. Я долженъ играть роль, которая, быть можетъ, мнѣ тяжела и не по сердцу. Но, представляясь дубомъ для

всѣхъ, я остаюсь жолудемъ для тебя. Но какъ мнѣ сказать тебѣ среди окружающей насъ толпы «Марія я тебя люблю», вотъ я и долженъ прибѣгать къ знакамъ, чтобы не нарушить этикета.

Переводя свою главную квартиру въ Финкенштейнъ, Наполеонъ потребовалъ, чтобы Валевская послѣдовала за нимъ. Она повиновалась, но тамъ ея жизнь отличалась одиночествомъ и печальнымъ характеромъ, такъ какъ ей приходилось оставаться одной цѣлыми днями и видѣть императора только за обѣдомъ и вечеромъ. Но она читала и вышивала; вообще ей болѣе нравилось это скромное существованіе безъ малѣйшаго блеска и удовольствія, чѣмъ свѣтскій водоворотъ Варшавы.

Что касается до Наполеона, то онъ былъ вполне доволенъ, что наконецъ отыскалъ типъ женщины, который думалъ когда-то найти въ Жозефинѣ, именно женщину добрую, нѣжную, внимательную, востычивую, которая ничего не желаетъ для себя, живетъ всецѣло для него и если ожидаетъ отъ него великой милости, то эта милость такъ велика, такъ колоссальна, что человекъ, могущій ее даровать, почти равняется божеству. Все это до такой степени его подчиняетъ Маріи, что, покидая Польшу, онъ умоляетъ ее послѣдовать за нимъ въ Парижъ, а когда она отказывается и говоритъ, что будетъ ждать въ какой нибудь отдаленной польской деревушкѣ того свѣтлаго дня, когда онъ наконецъ исполнитъ данное ей слово и возстановитъ Польшу,—онъ восклицаетъ:

— Я знаю, что ты можешь жить безъ меня; я знаю, что твое сердце не принадлежитъ мнѣ. Но ты добрая, ты нѣжная; твое сердце чистое, благородное. Не лишай меня тѣхъ немногихъ минутъ счастья, которыя я провожу каждый день съ тобой. Меня считаютъ счастливейшимъ человекомъ на свѣтѣ, но ты только можешь доставить мнѣ истинное счастье.

И онъ говоритъ эти слова такъ печально и съ такой горькой улыбкой, что Валевской стало жаль повелителя міра, и она обѣщала пріѣхать въ Парижъ.

Въ началѣ 1808 года она исполнила свое обѣщаніе, и съ тѣхъ поръ не прекращалась до отплытія на св. Елену ихъ таинственная связь, конечно, съ временными перерывами. Хотя Наполеонъ нѣсколько разъ измѣнялъ ей, но это была единственная, искренняя его привязанность въ жизни послѣ Жозефины. Однако они вели дѣло такъ ловко и сохраняли свою тайну такъ упорно, что большинство современниковъ не вѣдали ничего объ ихъ отношеніяхъ.

Во время похода 1809 года Валевская сопровождала императора въ Вѣну, гдѣ ей былъ приготовленъ небольшой, красивый домъ близъ Шенбрунскаго дворца. Тамъ она забеременила и послѣ вѣнскаго мира отправилась въ Валевичскій замокъ, гдѣ и родила 4-го мая 1810 года сына, Александра-Флоріана-Іосифа-Калонну-Валевскаго. Осень того же года она провела на водахъ въ Спа, а зимой вернулась въ Парижъ со своей золовкой, княгиней Яблоновской, и со

своимъ маленькимъ сыномъ. Каждое утро императоръ посылалъ узнавать объ ея распоряженіяхъ на день, и ей былъ предоставленъ свободный доступъ во всѣ музеи и театры. Придворный докторъ Корвизаръ заботился объ ея здоровьи, а Дюроку было поручено исполнять всѣ ея малѣйшія желанія. Что же касается самого императора, то онъ навѣщалъ ее, какъ только могъ, и приглашалъ ее къ себѣ съ сыномъ, которому онъ далъ титулъ графа французской имперіи. Никто во французскомъ обществѣ, кромѣ поляковъ, не подозрѣвалъ ея близости къ императору. Она очень мало выѣзжала, принимала только соотечественниковъ, держала себя скромно, и никто не могъ сказать о ней чего либо дурного. Лѣто она проводила у своей золовки въ замкѣ Бретиньи, а осенью ѣздила въ Сиа съ той же родственницей мужа.

Въ началѣ 1812 года, отношенія съ Россіей, обострились и въ Варшавѣ распространился слухъ, что Наполеонъ положительно обязался возстановить Польшу въ ея старинныхъ предѣлахъ. Насколько въ этомъ была виновна Валевская, трудно сказать, но свои заботы о ней онъ доказалъ необычайныхъ официальныхъ актомъ, который напоминаетъ то, что дѣлалъ Людовикъ XIV для своихъ незаконныхъ дѣтей. Онъ создалъ для графа Александра Валевскаго майоратъ, состоявшій изъ 69 фермъ и участковъ земли въ Неаполитанскомъ королевствѣ, а пользованіе имъ предоставилъ немедленно графинѣ Валевской ¹⁾.

Съ этого времени она, повидимому, стала болѣе посѣщать свѣтъ. Она не только посѣщала тогда императрицу Жозефину въ Мальмезонѣ, но, судя по счетамъ ея модистокъ, у нея завелись придворныя платья, что доказываетъ ея появленіе при дворѣ. Впрочемъ Наполеонъ не нуждался въ томъ, чтобы не забывать ея, и это доказываетъ письмомъ, которое онъ писалъ изъ Ножана 8-го февраля 1814 года, во время всѣхъ бѣдствій чужеземнаго нашествія. Боясь, чтобы Мюратъ не конфисковалъ майората юнаго Валевскаго, онъ поручаетъ генераль-казначею Ла-Бульери создать новый майоратъ въ 50.000 ливровъ годового дохода для графа Александра Валевскаго съ переходомъ къ матери въ случаѣ его смерти. По этому поводу онъ и писалъ изъ Ножана Ла-Бульери:

«Я получилъ ваше письмо относительно молодого Валевскаго. Я предоставляю вамъ полную свободу дѣйствій. Поступайте, какъ знаете, но постарайтесь, чтобы было все прилично. Меня интересуетъ больше всего ребенокъ, а потомъ мать. Н.».

Марія Валевская ничего не знала объ этихъ финансовыхъ заботахъ Наполеона, такъ какъ не было на свѣтѣ никого безкорыстнѣе ея. Какъ только ей стало извѣстно о паденіи императора, она

¹⁾ Здѣсь Массонъ приводитъ подлинный текстъ декрета Наполеона о созданіи въ Неаполѣ майората съ титуломъ графа для сына Маріи Валевской, Александра, но мы его не приводимъ, такъ какъ всѣ его мелкія юридическія подробности не интересны для русскаго читателя.

немедленно послѣшила въ Фонтенебло, гдѣ онъ былъ одинъ, покинутый всѣми. Она пріѣхала вечеромъ и провела всю ночь въ передней, тщетно ожидая, что онъ ее позоветъ, но онъ былъ такъ углубленъ въ свои мрачныя мысли и такъ физически истощенъ, что вспомнилъ о ней, только часъ спустя, какъ она уѣхала.

— Бѣдная женщина,—сказалъ онъ, узнавъ объ ея отъѣздѣ,—она думаетъ, что я ее забылъ.

Когда же Валевская написала ему письмо, то онъ тотчасъ ей отвѣчалъ собственноручно.

«Марія, я получилъ ваше письмо отъ 15. Выраженныя вами чувства глубоко меня тронули. Они дѣлаютъ честь вашей прекрасной душѣ и вашему доброму сердцу. Когда вы окончите свои дѣла, то по дорогѣ на воды въ Луку или Питу заѣзжайте ко мнѣ, я увижу съ большой радостью какъ васъ, такъ и вашего сына, къ которому питаю прежнюю привязанность. Будьте здоровы, не горюйте, вспоминайте обо мнѣ съ удовольствіемъ и никогда не сомнѣвайтесь во мнѣ. Н.».

16 апрѣля.

Но Валевская не хотѣла откладывать своего посѣщенія острова Эльбы и по дорогѣ въ Неаполь заѣхала въ Порто-Ферайо и просила позволенія видѣться съ императоромъ. Онъ тогда жилъ въ маленькомъ домикѣ въ Эрмитажѣ Марчіана и не только согласился на ея визитъ, но поскакалъ къ ней на встрѣчу. Она ѣхала въ каретѣ съ сыномъ и сестрой, а подлѣ гарцовалъ ея братъ, польскій полковникъ Лацинскій. Увидавъ императора, она выходитъ изъ экипажа, сама садится на лошадь, и они вдвоемъ отправляются къ скромному жилищу Наполеона. Тамъ онъ соскочилъ съ лошади и, снявъ шляпу, сказалъ:

— Графиня, вотъ мой дворецъ.

Онъ предоставилъ дамамъ свои маленькія четыре комнаты, а самъ ушелъ въ палатку, раскинутую для его свиты. Всю ночь онъ не спалъ, и рано утромъ ему доложили, что пріѣхалъ изъ Порто-Ферайо докторъ Фуру, который думалъ, что таинственная посѣтельница была Марія-Луиза, а ея ребенокъ—римскій король.

Наполеонъ выходитъ въ садъ и, увидѣвъ маленькаго Валевскаго, который собиралъ цвѣты, подозвалъ его, посадилъ къ себѣ на колѣни, а потомъ послалъ за докторомъ Фуру.

— Ну, какъ ты его находишь?—спросилъ онъ.

— Ваше величество, я нахожу, что король очень выросъ.

Наполеонъ разсмѣялся, потому что Валевскій былъ годомъ старше римскаго короля, но дѣйствительно походилъ на него или скорѣе на его портретъ работы Изабэ.

Отпустивъ доктора, Наполеонъ дождался, пока вышла въ садъ Валевская, и пригласилъ ее на завтракъ, который былъ сервированъ подъ тѣнью каштановыхъ деревьевъ.

Весь день прошелъ въ прогулкахъ и разговорахъ. Хотя Валуевская пополнила за послѣднее время, но ея граціозная фигура нисколько отъ этого не пострадала, и лицо ея сохранило свою прежнюю красоту. Наполеонъ былъ очень любезенъ съ нею и много игралъ съ ея сыномъ, который подъ конецъ сталъ такъ шумѣть и бунтовать, что Наполеонъ сказалъ ему:

— Ты, значить, не боишься розги, а я тебѣ совѣтую бояться. Меня только разъ въ жизни сѣкли, но я никогда этого не забылъ.

И онъ разсказалъ, какъ однажды въ дѣтствѣ онъ и сестра его Паулина стали смѣяться надъ бабушкой, за что мать крѣпко ихъ высѣкла.

— Но я не смѣюсь надъ мамой, — сказалъ ребенокъ, надувъ губки.

— Прекрасный отвѣтъ, — произнесъ императоръ и нѣжно поцѣловалъ мальчика.

Въ 9 часовъ вечера императоръ проводилъ своихъ гостей до берега и долго цѣловалъ своего сына, повторяя:

— Прощай, дитя моего сердца.

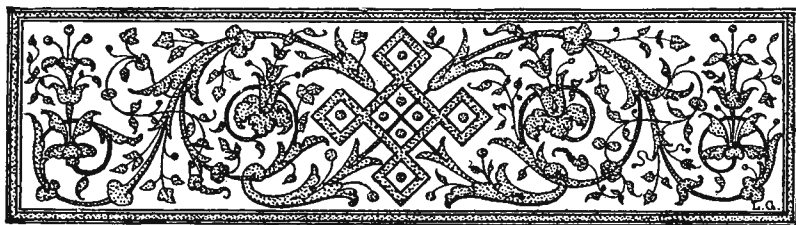
Получивъ отъ Наполеона на дорогу 6.000 франковъ, Валуевская продолжала свой путь въ Неаполь, гдѣ она оставалась до 1815 г. Ей удалось устроить свои дѣла и спасти майоратъ сына отъ конфискаціи. Но какъ только распространился слухъ о возвращеніи Наполеона въ Парижъ, она полетѣла къ нему и заняла первое мѣсто среди немногихъ женщинъ, оставшихся вѣрными ему до конца.

Однако, когда судьбѣ было угодно заточить его на островъ св. Елены, Валуевская сочла себя свободной и, будучи вдовою съ 1814 года, вышла замужъ въ 1816 году въ Литихѣ за двоюродного брата императора, генерала графа Орнано.

Этотъ бракъ очень огорчилъ Наполеона, который, по словамъ одного изъ его товарищей по ссылкѣ, всегда сохранялъ нѣжную привязанность къ Валуевской и вообще по природѣ не допускалъ мысли, чтобъ существо, любимое имъ, могло любить другого ¹⁾.

Однако бѣдной женщинѣ не пришлось долго пользоваться своимъ счастьемъ, и она умерла въ Парижѣ 15 декабря 1817 года. Что касается до сына Маріи Валуевской и Наполеона, то онъ, какъ извѣстно, сдѣлался однимъ изъ видныхъ дѣятелей декабрьской имперіи.

¹⁾ По словамъ только что вышедшаго дневника генерала барона Гурго, находившагося при Наполеонѣ на островѣ св. Елены, императоръ отзывался о Валуевской довольно безцеремонно и рѣзко. Такъ онъ однажды сказалъ: «Галейранъ доставилъ мнѣ Валуевскую, и она нисколько не сопротивлялась». А въ другой разъ, упрекая генерала Гурго въ ссорѣ съ генераломъ Монталаномъ, онъ произнесъ: «Прибывъ на св. Елену, я далъ бы вамъ мою сестру или Валуевскую, а теперь нѣтъ, вы слишкомъ подозрительны и вспыльчивы». — Général, baron Gourgaud. Sainte-Hélène: journal inedit de 1815—1818. Paris. 1899.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Энциклопедическій словарь издателя Ф. Павленкова. Съ 2224 политипажами, въ томъ числѣ 813 портретовъ и 37 географическихъ картъ, гравированныхъ въ Парижѣ. Спб. 1899.

ИЗЪ всѣхъ выходившихъ въ Россіи энциклопедическихъ словарей наиболѣе удовлетворяетъ требованіямъ словарь Брокгауза и Ефрона. Онъ очень широко задуманъ и по своему окончанію явится весьма солиднымъ и полезнымъ изданіемъ, но онъ имѣетъ два недостатка: во-первыхъ, въ очень многихъ своихъ статьяхъ словарь Брокгауза и Ефрона доступенъ только специалистамъ и, во-вторыхъ, онъ очень дорогъ. Издатель Ф. Павленковъ рѣшилъ въ своемъ словарѣ избѣгнуть этихъ недостатковъ. «При подборѣ словъ, пишетъ онъ, я, конечно, не гнался за его полнотой, а напротивъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ практическія требованія обыденной жизни и вносилъ въ издаваемый мною словарь только то, что считалъ необходимымъ для средняго интеллигентнаго читателя, поэтому въ немъ общее всегда предпочиталось специальному, а изъ спеціальнаго брались только такія частности, которыя болѣе или менѣе поступили уже, такъ сказать, въ обиходъ общей печати». Мы не можемъ сказать, чтобы предпріятіе г. Павленкова не было цѣлесообразнымъ, но думаемъ, что издать маленькую энциклопедію гораздо труднѣе, нежели большую. Этотъ трудъ требуетъ чрезвычайно тщательной редакціи и крайней обдуманности въ выборѣ матеріала. Программу изданія г. Павленковъ излагаетъ слѣдующимъ образомъ: «Какъ всякій краткій словарь, издаваемая мною энциклопедія по

необходимости должна носить на себѣ до известной степени субъективный характеръ, но въ данномъ случаѣ эта субъективность касается только лексического состава словаря или подбора входящихъ въ него словъ; что же касается ихъ объясненія, то здѣсь едва ли можно будетъ упрекнуть мое изданіе въ субъективности, такъ какъ при толкованіи словъ (по біографич. отд.) главное вниманіе обращалось на фактическія данныя, при чемъ выводы изъ нихъ предоставляется дѣлать самому читателю». Конечно, субъективный характеръ присутствуетъ въ большей или меньшей степени во всякой работѣ, но въ энциклопедическихъ словаряхъ онъ долженъ быть низведенъ до *minimum*'а. Между тѣмъ въ словарь г. Павленкова слишкомъ замѣтна субъективная окраска не только въ выборѣ лексического матеріала, но и въ объясненіяхъ. Печальнѣе всего то, что субъективизмъ въ словарь г. Павленкова вовсе не является результатомъ невозможности для автора скрыть свою личность.

То, что называетъ г. Павленковъ субъективизмомъ, есть просто-напросто отсутствіе тщательной редакціи и строго обдуманнаго плана. Въ такихъ изданіяхъ, гдѣ каждая лишняя строчка является бременемъ, главный редакторъ долженъ разработать до мелочей планъ, дать сотрудникамъ детальнѣйшія инструкціи и бюлети за тѣмъ, чтобы никто изъ нихъ не выходилъ за предѣлы указаннаго. Возьмемъ хоть біографическій отдѣлъ и посмотримъ, какъ нужно было разработать, и какъ разработалъ г. Павленковъ планъ этого отдѣла. Редакторъ долженъ имѣть ясное представленіе о томъ, какими достоинствами должны обладать лица, которыхъ онъ заноситъ въ словарь, чтобы во всякое время быть готовымъ отвѣчать на вопросъ, почему онъ занесъ одного и пропустилъ другого. Составивъ для словаря списокъ лицъ, редакторъ долженъ указать, какія свѣдѣнія нужно сообщать о нихъ: ограничиваться ли при фамиліяхъ обозначеніемъ специальности, сообщать ли біографическія данныя, давать ли резюме ихъ дѣятельности, перечислять ли всѣ ихъ произведенія или не всѣ, и т. д.? Сотрудники получаютъ отъ редактора точнѣйшія указанія на этотъ счетъ и обязуются дѣйствовать въ предѣлахъ плана, одного для всѣхъ. Только при соблюденіи этихъ условій можно въ столь сжатой формѣ дать дѣйствительно полезныя, систематизированныя свѣдѣнія. Обращаясь къ біографическому отдѣлу словаря г. Павленкова, мы, къ сожалѣнію, должны признать отсутствіе тщательной редакціи и опредѣленнаго плана. Мы подтверждаемъ свою мысль первыми на удачу взятыми примѣрами. Въ словарь г. Павленкова мы встрѣчаемъ проф. Платонова и не находимъ прив.-доц. Лаппо-Данилевскаго: неужели издатель «Словаря» измѣряетъ заслуги ученыхъ ихъ официальнымъ положеніемъ? Благодаря благосклонному вниманію гг. сотрудниковъ и «субъективизму» редактора, въ словарь попали гг. экономисты Исаевъ и Созоновъ и отсутствуютъ гг. Туганъ-Барановскій и Ильинъ. Почему, на примѣръ, г. Павленковъ воздержался отъ внесенія въ словарь именъ очень солидныхъ ученыхъ Дьяконова и Владимірскаго-Буданова, хотя въ «словарѣ» есть другіе работники въ области исторіи русскаго права, какъ-то: гг. Сергѣевичъ, Латкинъ, Мрочекъ-Дроздовскій, Самоквасовъ и др.? Помѣченъ въ словарь проф. А. И. Введенскій и пропущенъ проф. Челпановъ, помѣченъ Билярскій и нѣтъ гг. Соболевскаго, Флоринскаго. Почему? Въ словарь нѣтъ упоминаній объ очень

многихъ крупныхъ историческихъ дѣятеляхъ. Назовемъ Данила Заточника, Данила Паломника, Дивьеровъ, кн. Куракиныхъ, художника Боровиковскаго, проф. Всев. Миллера, проф. Лебедева, ориенталистовъ Жуковскаго, Ковалевскаго и т. д. Этотъ списокъ при желаніи можно увеличить до очень почтенныхъ размѣровъ. Отъ «субъективизма» въ выборѣ фамиліи переходимъ къ «субъективизму» въ выборѣ матеріала. Здѣсь уже нѣтъ никакой системы: каждый изъ сотрудниковъ сообщалъ подъ фамиліей то, что хотѣлъ, а редакторъ не вытравлялъ прихотей своихъ помощниковъ. Получилась порядочная каша. При однихъ фамиліяхъ есть біографическія данныя, при другихъ нѣтъ; одинъ разъ дается резюмѣ дѣятельности, другой разъ—нѣтъ; въ одномъ случаѣ перечисляются сочиненія, въ другомъ—нѣтъ. Въ результатѣ самаго существеннаго, эссенціи въ очень многихъ замѣткахъ «Словаря» вы не найдете. Относительно Декарта вы узнаете изъ словаря г. Павленкова, что онъ—«знаменитый французскій философъ; сначала находился въ военной службѣ, послѣ посвятилъ себя исключительно изученію философіи, поселясь въ Голландіи. Впослѣдствіи, по приглашенію королевы Христины, уѣхалъ въ Швецію. Д.—основатель новой философіи; положилъ начало современной теоріи познанія». О сущности философіи Декарта ни слова: спрашивается, какая польза среднему читателю вычитать изъ словаря, что Декартъ былъ въ военной службѣ и т. д. О Гегелѣ говорится, что «онъ, нѣмецкій мыслитель, жилъ въ Іенѣ, Нюрнбергѣ, Гейдельбергѣ и съ 1818 г. въ Берлинѣ. Метафизическая система Г. пользовалась въ свое время огромнымъ успѣхомъ, приобрѣла много послѣдователей—гегельянцевъ—между прочимъ, и въ Россіи». Ни слова о философіи Гегеля: ну, зачѣмъ, кому нужно знать, что Гегель жилъ въ Іенѣ, Нюрнбергѣ, Гейдельбергѣ и Берлинѣ? Мы взяли двухъ наиболѣе крупныхъ философовъ и ничего сколько нибудь полезнаго для насъ не узнали. А не угодно ли прочесть въ томъ же словарѣ замѣтку о Лавальеръ? «Лавальеръ-Франсуаза, герцогиня, мечтательная и сантиментальная любовница Людовика XIV, отъ котораго втеченіе 10 лѣтъ она имѣла 4-хъ дѣтей; когда расположеніемъ короля овладѣла Монтеспанъ, она съ дочерью удалилась въ монастырь, гдѣ 36 лѣтъ вела строгую аскетическую жизнь до самой смерти». Какъ видите, Лавальеръ удѣлено гораздо больше мѣста, чѣмъ Декарту и Гегелю, и среднему читателю, вѣроятно, будетъ весьма полезно узнать, что Лавальеръ втеченіе 10 лѣтъ имѣла отъ Людовика XIV четырехъ дѣтей! Если хотите провѣрить оцѣнку систематичности въ «Словарѣ» г. Павленкова, посмотрите еще замѣтки о Кантѣ, Ментенонѣ и Монтеспанѣ. Вообще, мысли нѣкоторыхъ сотрудниковъ отличаются большой игривостью. Одинъ пишетъ о дѣятельности итальянскаго писателя Верга: «его пьеса «Сельская честь» послужила сюжетомъ для оперы Маскани, обошедшей весь міръ»; другой, характеризуя направленіе Верди, сообщаетъ, что Верди много путешествовалъ по Европѣ; наконецъ, третій, по всей вѣроятности—очень желчный господинъ, не утерпѣлъ, чтобы не уязвить «нѣмецкаго экономиста и социалиста Энгельса». Разказавъ въ 11 строкахъ о жизни и дѣятельности Энгельса, этотъ господинъ прибавилъ еще три интересныхъ строчки: «изъ своего громаднаго состоянія, послѣ смерти, ничего не завѣщалъ на поддержку пропагандированнаго имъ дѣла». Приведенныхъ при-

мѣровъ, по нашему мнѣнію, достаточно для иллюстраціи нашей мысли объ отсутствіи плана. Эти примѣры—наиболѣе характерны; мы не говоримъ уже о многочисленныхъ тавтологіяхъ, въ родѣ: «такой-то, писатель, род..., ум..., писалъ въ журналахъ», или «такой-то, математикъ,... много работалъ по математикѣ» и т. д.

Кого винить въ недостаткахъ словаря, указываетъ самъ г. Павленковъ. «Во всякомъ случаѣ, пишетъ онъ, за составъ словаря, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, я считаю долгомъ принять на себя всецѣло нравственную отвѣтственность передъ читателями и извиниться передъ ними за тѣ недостатки, какіе будутъ мнѣ указаны періодической печатью». Перейдемъ теперь къ недостаткамъ, которые всецѣло зависятъ отъ сотрудниковъ. Многіе изъ нихъ стоятъ не на высотѣ своихъ задачъ или, проще сказать, не обладаютъ надлежащими знаніями. Примѣры беру на удачу. Вотъ—возмутительное объясненіе термина «думы» — государственный совѣтъ, собиравшійся въ Россіи до Петра. Коротко, ясно и невѣжественно! А вотъ столь же краткое, столь же невѣжественное толкованіе термина «апокрифы» — религіозныя книги сомнительнаго происхожденія, невольнѣ признаваемые церковью, которая различаетъ ихъ отъ каноническихъ книгъ. Здѣсь, что ни слово, то ошибка. Апокрифы—вовсе не «религіозныя» книги (примѣръ: гадательныя книги тоже въ числѣ апокрифовъ), церковью вовсе не признаваемы; потому, что значить «сомнительнаго происхожденія»? О Болховитиновѣ можно прочесть, что онъ былъ учителемъ и префектомъ воронежской и петербургской духовныхъ академій: въ первый разъ слышу, что въ Воронежѣ была духовная академія! Сотруднику «Словаря», писавшему объ акад. Веселовскомъ, непростительно не знать того, что А. Н. Веселовскій читаетъ исторію западныхъ литературъ, а не всеобщую исторію, при перечисленіи его сочиненій можно было бы упомянуть о капитальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ о Боккачіо, по исторіи романа и повѣсти и др. У проф. Карѣева нѣтъ работы подъ заглавіемъ «Исторія XVIII в.»; у него есть «Исторія Западной Европы въ новое время». Г. сотрудникъ, къ сожалѣнію, забылъ объ этомъ. Проф. Минаевъ былъ плохой знатокъ сравнительнаго языкознанія и очень видный специалистъ по буддизму. Сотруднику «Словаря» это неизвѣстно: онъ пишетъ о Минаевѣ, что онъ знатокъ сравнительнаго языкознанія, и въ числѣ трудовъ не указываетъ очень важнаго, европейски извѣстнаго труда его по буддизму. Относительно многихъ замѣтокъ «Словаря» можно сказать, что авторы ихъ совершенно не задумывались надъ ними, а писали первое, что придетъ въ голову. Писалъ человекъ о Милоковѣ, и ему какъ-то не пришло въ голову, что Милоковъ, кромѣ «Государственнаго хозяйства Россіи въ первой четверти XVIII ст.», написалъ еще «Очерки по исторіи русской культуры». Точно также не пришло въ голову, что проф. Иконниковъ выпустилъ въ свѣтъ «Опытъ русской исторіографіи», что г. Суворинъ издалъ «Всю Россію» и т. д.

Все сказанное до сихъ поръ относится къ историческому отдѣлу; нельзя сказать, чтобы всѣ остальные отдѣлы были вполнѣ хороши. Я просмотрѣлъ нѣсколько описаній естественно-историческихъ и долженъ сказать, что въ описаніяхъ растеній и животныхъ—тоже отсутствіе системы. Въ однихъ случаяхъ

указано, къ какому семейству и роду принадлежитъ растеніе или животное; въ другихъ безъ всякаго повода не сдѣлано того же. На ст. 1771 дано ботаническое описаніе подорожника и притомъ для подобнаго словаря очень полное, а семейству, къ которому принадлежитъ подорожникъ, не указано. Между тѣмъ на той же страницѣ подсаѣжникъ описанъ иначе: указано семейство, зато ботаническое описаніе слабѣе. Еще проще поступили съ описаніемъ граба: не названо семейство и не дано ботаническаго описанія, за то указано, что грабъ идетъ на токарныя издѣлія и на дрова. Смотрю «дубъ». Тамъ какъ разъ наоборотъ указано семейство и не указано, что дубъ идетъ на столярныя издѣлія и на дрова. Смотрю «гранатное дерево» — есть указаніе семейства и описаніе дерева. Итакъ въ немногихъ взятыхъ мной наудачу примѣрахъ мы видимъ три приѣма описанія: очевидно, составитель ботаническаго отдѣла не имѣлъ при составленіи руководящаго принципа, а при сжатомъ изложеніи, къ которому невольно приходится прибѣгать въ подобномъ словарѣ, это—большой грѣхъ. Въ описаніи животныхъ тотъ же недостатокъ; указывая семейство въ однихъ случаяхъ, авторъ избѣгаетъ этихъ указаній въ другихъ, напримѣръ: кроликъ, касатка имѣютъ указаніе, къ какому семейству они принадлежатъ, гадюка и очковая змѣя не имѣютъ.

Итакъ мы видимъ, что отсутствіе плана, системы, небрежность редакціи—общій недостатокъ всего словаря. И этотъ недостатокъ не позволяетъ намъ смотрѣть на словарь г. Павленкова, какъ на маленькую энциклопедію. Имъ нельзя пользоваться при справкахъ, нѣтъ никакихъ, хотя бы самыхъ маленькихъ указаній на литературу. Отдѣлъ философскихъ толкованій слабъ до чрезвычайности (см. объясненіе скептицизма, раціонализма, энтелехія и т. д.) и никакой помощи среднему читателю не окажетъ. При подобномъ основномъ недостаткѣ читатель, не имѣя возможности впередъ знать, что онъ найдетъ въ словарѣ и чего не найдетъ, поставленъ въ большое затрудненіе.

Не признавая за словаремъ г. Павленкова значенія маленькой энциклопедіи, мы съ удовольствіемъ готовы признать, что, какъ словотолкователь, книга г. Павленкова, конечно, лучше всѣхъ изданій подобнаго рода, всякихъ «150 тысячъ словъ» и т. д. Какъ словотолкователь, мы и рѣшаемся рекомендовать книгу г. Павленкова нашимъ читателямъ. Пещ.

Н. М. Павловъ. Русская исторія отъ древнѣйшихъ временъ. Первые пять вѣковъ родной старины (862—1362). Т. II. М. 1899.

Названная книга Н. М. Павлова, безъизвѣстнаго писателя въ русской исторической литературѣ и публицистикѣ (онъ же Бицынъ), представляетъ въ нѣкоторомъ отношеніи оригинальное и заслуживающее вниманія явленіе. Авторъ задумалъ въ общедоступномъ, но подробномъ изложеніи, строго придерживаясь источниковъ, ознакомить читателей съ древнѣйшею русскою исторіею и особенно удѣльно-вѣчевымъ ея періодомъ, который дѣйствительно, за отсутствіемъ подобныхъ трудовъ, для громаднаго большинства является чѣмъ-то неизвѣстнымъ и очень темнымъ, непонятнымъ. Въ рассматриваемомъ томѣ, въ 14-ти главахъ, г. Павловъ обозрѣлъ событія отъ смерти Андрея Боголюбскаго до

конца княженія великаго князя Ярослава Всеволодовича. Читая его, мы дѣйствительно убѣдились, что нѣкоторыя мѣста вполне могутъ заинтересовать читателей, они живо и отчетливо рисуютъ важнѣйшія событія (напримѣръ, Липецкую битву, Калкское пораженіе, татарскій погромъ), многое освѣщаютъ во взаимной борьбѣ князей и выукло представляютъ дѣятельность и характеры нѣкоторыхъ великихъ князей; но въ то же время думаемъ, что эта книга, будучи такимъ образомъ научно-популярнымъ трудомъ, обнаруживающимъ въ ея составителѣ большое знакомство съ лѣтописями и широкую начитанность въ исторической литературѣ, выиграла бы еще болѣе, если бы была свободна отъ нѣкоторыхъ ошибокъ и вовсе ненужныхъ для дѣла «оригинальностей».

Во-первыхъ, гесмотря на то, что г. Павловъ передавалъ всюду лишь лѣтописный разсказъ, во всѣхъ его подробностяхъ, онъ, тѣмъ не менѣе, допустилъ рядъ фактическихъ ошибокъ и неточностей, изъ которыхъ укажемъ хоть на слѣдующія.

Стр. 4.— По занятіи Кіева въ 1174 г. Ярославомъ Изяславичемъ, «обойденный вторично», говоритъ г. Павловъ, «теперь Святославъ Всеволодовичъ и вступился за свои нарушенныя права. Вирочемъ, онъ объявилъ войну не Роману, а только его братьямъ: Рюрику и Давиду Ростиславичамъ». Изъ лѣтописи же узнаемъ, что Святославъ сталъ просить у занявшаго Кіевъ Ярослава, согласно прежнему условію, новыхъ земель и, получивъ отказъ, неожиданно напалъ на Кіевъ, плѣнилъ дружину и семью Ярослава и занялъ городъ, который, вирочемъ, скоро уступилъ Ярославу (П. С. Л., II, 110—111). Отсюда ясно, что Святославъ вовсе не боролся «за свои нарушенныя права» на великокняжескій столъ и тѣмъ болѣе съ Ростиславичами; съ послѣдними онъ дѣйствительно вступилъ въ борьбу, но только въ 1177 г., когда уже сидѣлъ на великокняжескомъ столѣ (П. С. Л., II, 118—119). На стр. 5 читаемъ: «Романъ затворился въ Бѣлгородѣ, и Святославу Всеволодовичу не трудно было оставленную столицу захватить изгономъ, но онъ и на этотъ разъ не думалъ въ ней утвердиться»; въ лѣтописи же прямо говорится, что онъ сейчасъ же занялъ Кіевъ и послалъ на Романа свою рать (*ibid.*).

Стр. 6. «И получивъ Кіевъ на старости лѣтъ (въ 1177 г.), Святославъ Всеволодовичъ владѣлъ имъ уже до самой кончины: безпримѣрная рѣдкость въ тѣ дни. Чтобы князь, сидѣвшій въ Кіевѣ, владѣлъ имъ безсмѣнно; чтобы соперники ни разу не выгнали его оттуда и могъ бы онъ даже умереть на Кіевскомъ княженіи, этого за весь дальнѣйшій промежутокъ времени болѣе не повторялось». На самомъ же дѣлѣ въ 1180 г. въ Кіевѣ сидѣлъ Рюрикъ Ростиславичъ (П. С. Л., II, 123 и слѣд.), ведшій съ Святославомъ борьбу, о чемъ разсказываетъ на стр. 49—51 и самъ г. Павловъ.

На стр. 68: «Тѣмъ не менѣе однако миръ (между Всеволодомъ Юрьевичемъ владимѣрскимъ и рязанскими князьями Глѣбовичами) былъ возстановленъ», между тѣмъ въ лѣтописи прямо говорится, что миръ не состоялся ни въ 1185, ни въ 1186, ни въ 1187 гг., о которыхъ и разсказываетъ авторъ (П. С. Л., I, 170; VII, 100, 101).

Калкскую битву г. Павловъ, по примѣру многихъ историковъ, относитъ къ 1204 г. вмѣсто 1203 г., очевидно также не желая признавать доказа-

тельствъ въ пользу этого года, изложенныхъ акад. Н. В. Куникомъ еще въ 1854 г. («Ученныя записки Имп. Академіи Наукъ», т. II). При этомъ онъ замѣняетъ древнее названіе «Калка» нынѣшнимъ «Калець», по которому и именуется самое пораженіе «Калецкимъ».

Стр. 260: «Послѣдній русскій князь, сидѣвшій въ Кіевѣ до грозы татарской, былъ князь Ярославъ Всеволодовичъ. Подъ кѣмъ онъ взялъ Кіевъ, объ этомъ не записано въ точности, потому, что захватилъ онъ Кіевъ безъ всякаго боя... безъ сопротивленія»... Между тѣмъ въ П. С. Л. (I, 221; II, 338; III, 50; IV, 30; VII, 138 и 236) подъ 6744 г. записано, что Ярославъ занялъ кіевскій велико-княжескій престолъ, изгнавъ оттуда Ізяслава Мстиславича, котораго г. Павловъ называетъ «вовсе малоизвѣстнымъ княземъ, даже не отмѣчаемымъ по отчеству» (стр. 260). Невѣрно также называетъ онъ Ярослава послѣднимъ кіевскимъ княземъ, сидѣвшимъ въ Кіевѣ до татарской грозы и убѣжавшимъ оттуда въ 1237 г. «по слухамъ» объ этой грозѣ. Его еще въ 1235 г. изгналъ изъ Кіева Владиміръ Рюриковичъ (П. С. Л., II, 175), а въ 1237—1239 г. сидѣлъ въ Кіевѣ Михайлъ Всеволодовичъ, о чемъ говорить на той же страницѣ и самъ авторъ.

Въ примѣч. на стр. 145 читаемъ: «Неосновательно было бы утверждать съ нѣкоторыми историками, что Романъ Мстиславичъ «велѣлъ своей дружинѣ схватить Рюрика (Ростиславича), силою везти его въ монастырь съ его дочерью и женою и тамъ силою же настаивать на ихъ постриженіи»: на такое преувеличенное описаніе этого событія лѣтопись не даетъ права... Въ лѣтописи сказано о Рюрикѣ просто, что онъ «пріялъ монашескій чинъ боязни ради Романовой». Провѣряя эти слова по П. С. Л., мы нашли тамъ слѣдующее: Лаврент. л. (I, 179)— (Романъ) «емъ Рюрика и постриже въ черницы»; Ипатская (II, 328)— «пойма Рюрика и повелѣлъ нуждою пострици въ иночество»; Новгородск. I и IV (III, 26, и IV, 19)— «постриже Рюрика въ чернецы»; Воскресенская (VII, 108 и 234)— «пойма и постриже въ черницы»... Относительно же «боязни ради Романовой» можно, пожалуй, сказать развѣ только то, что эта боязнь мѣшала Рюрику ранѣе смерти Романа «отметнуть чинъ монашескій».

Неправильнымъ и неудачнымъ считаемъ мы также желаніе г. Павлова называть торковъ, берендеевъ и другихъ степняковъ общимъ малопонятнымъ именованиемъ «черкасовъ», а бояръ XII в.—дворянами (стр. 23).

Что касается изложенія, то оно страдаетъ, во-первыхъ, излишнею многорѣчивостью, нерѣдко въ ущербъ существеннаго содержанія. Такъ, г. Павловъ, давая характеристику Святослава Всеволодовича, кіевского князя, приводитъ малосодержательныя слова пѣвца извѣстнаго Игоря похода, игнорируя все то, что говоритъ лѣтописецъ о его мудрости, нравственности, нищелюбіи и заботливости о духовенствѣ (подъ 6702 г.). Далѣе совершенно излишни описанія: на стр. 13 мѣстечка Свина, Тѣшилова, «Кучкова селеньица» и др., приведенныя по поводу встрѣчи посольствъ князей; на стр. 45—негодованія Святослава Всеволодовича; на стр. 107—начало §—«послѣдніе дни»...; слишкомъ длинны описанія: на стр. 64—66—войны съ Рязанью, на стр. 77—78—дѣйствій Владиміра Ярославича, на стр. 79—80—бѣгства Игоря (гдѣ сообщаются подробности чуть не романческаго характера) и др. При этомъ, конечно, нашъ авторъ не чуждъ и повтореній, тавтологій и т. п.

Но что всего болѣе обращаетъ на себя вниманіе читателя и, такъ сказать, мозолить глаза,—это языкъ, который избралъ г. Павловъ для изложенія исторіи «отъ древнѣйшихъ временъ», языкъ, пересыпанный выдержками изъ лѣтописей, разнаго рода архаизмами, провинциализмами и другими «вычурными словечками». Въ примѣненіи ихъ онъ прямо таки не знаетъ мѣры и тѣмъ только затрудняетъ чтеніе своей книги. Примѣровъ этого имѣется чуть ли не на каждой страницѣ по нѣсколькx; вотъ нѣкоторые изъ нихъ, попавшіеся подъ руку: «древлезомая, здѣшняя земля» (на стр. 27), «доброденственный семьянинъ» (стр. 29), «множайшія поколѣнія» (стр. 30), «молодые князья охотились ворваться» (стр. 53), «притокъ свѣжихъ силъ со всей Руси не только не унимался..., а все прибывалъ» (стр. 70); (половцы) «кинулись на нихъ споперѣка и ввертѣлись въ ихъ ряды» (стр. 75); «вся источная (?) сила законовъ» (стр. 92); «Всеволодъ Чермный съ братіей своей заподымался походомъ» (стр. 147); «промчался слухъ» (стр. 173), «а онъ, сидя въ Торжкѣ, посмѣвался надъ мятежными новгородцами» (стр. 202) и мн. др.

Страсть къ оригинальному способу выраженія заставила г. Павлова прибѣгнуть почти всюду къ замѣнѣ обычныхъ выраженій иными, признанными имъ, очевидно, за болѣе удачныя, какъ, напримѣръ, тогда—«тотъ разъ», наконецъ—«напоследокъ», домой—«восвояся», сначала—«изначала», едва—«мало», соединились—«совокупились», начиналось—«зачиналось», пособникъ—«способникъ» (стр. 173) и др.; къ неумѣстному употребленію выраженія «прямо сказать» и слишкомъ частому—союза «и» и наконецъ къ извращенію грамматики. Такъ онъ пишетъ «въ Рязанѣ», «на Ситѣ» (стр. 331), «на Волянѣ» (стр. 159), «для нее» (стр. 40) и проч.

Намъ кажется, что книга г. Павлова безъ этихъ внѣшнихъ «прикрасъ» или скорѣе уродливостей (къ которымъ можно, пожалуй, отнести и весьма неудачныя сочетанія словъ въ предложеніяхъ и самихъ предложеній на стр. 45, 51, 65, 66, 70, 71, 87, 114 или др.) имѣла бы гораздо больше успѣха и не возбуждала бы опасенія за порчу языка у учащагося юношества, для котораго она преимущественно и назначается.

В. Рудаковъ.

Царскія дѣти и ихъ наставники. Историческіе очерки В. В. Глинскаго. М. 1899.

Настоящая книга, принадлежащая перу автора, хорошо знакомаго читателямъ «Историческаго Вѣстника», составила изъ ряда статей, которыя были первоначально напечатаны въ журналѣ «Дѣтское Чтеніе» за 1897—1899 гг., при чемъ въ отдѣльномъ изданіи нѣкоторыя изъ этихъ статей подверглись переработкѣ, и одна, посвященная юности императора Николая I, появляется впервые. Уже по самой своей задачѣ очерки В. В. Глинскаго представляютъ немалый интересъ: они весьма полезны и для юныхъ читателей, для которыхъ предназначается «Дѣтское Чтеніе», и для педагоговъ; въ провинціальной глуши, при отсутствіи библиотекъ, рѣдкій учитель, а въ особенности учительница, имѣетъ возможность познакомиться съ тѣмъ длиннымъ рядомъ пособій,

который указанъ въ концѣ книги г. Глинскаго, а между тѣмъ въ среднемъ и низшемъ преподаваніи ознакомленіе учащихся съ дѣтствомъ и воспитаніемъ историческихъ дѣятелей вноситъ значительное оживленіе въ тотъ большею частью отгалькивающій наборъ именъ, quasi поучительныхъ анекдотовъ и хронологическихъ датъ, который преподносится подъ названіемъ исторіи въ учебникахъ г. Иловайскаго и имъ подобныхъ педагогическихъ фабрикатахъ. Очерки, подобные книгѣ г. Глинскаго, при умѣломъ исполненіи, могутъ быть рекомендованы и для чтенія самихъ учащихся, и какъ пособіе для преподавателей, которые могутъ въ нихъ черпать матеріалъ для нравственнаго воздѣйствія на своихъ учениковъ, что является наиболѣе существенною стороною элементарнаго курса исторіи. Поэтому обратимся къ вопросу о томъ, какъ выполнена г. Глинскимъ его задача. Въ книгѣ заключается семь отдѣльныхъ очерковъ: «Петръ I и жители Нѣмецкой слободы», «Преимники Петра Великаго», «Законные наслѣдники Петра Великаго», «Екатерина II и ея сынъ», «Александръ I и Лагарпъ», «Николай I и генераль Ламсдорфъ», «Александръ II и В. А. Жуковскій». Каждый изъ очерковъ представляетъ собою вполне законченное цѣлое, но вмѣстѣ съ тѣмъ они очень искусно между собою связаны, такъ что книга не производитъ впечатлѣнія механическаго подбора статей. По величинѣ превосходитъ остальные очеркъ, посвященный Петру Великому: на него отведено 53 страницы, тогда какъ на другіе приходится отъ 30 до 40 страницъ. Положимъ, дѣтскіе годы нашего великаго преобразователя представляются особенно интересными по той оригинальной обстановкѣ, въ которой ему пришлось воспитываться, и это очень хорошо выяснено авторомъ, но въ то же время нельзя не сказать, что авторъ могъ бы болѣе удѣлить мѣста тѣмъ очеркамъ, въ которыхъ онъ разсматриваетъ дѣтство императоровъ Александра I и Александра II, тѣмъ болѣе, что для этого онъ могъ бы найти хорошій матеріалъ въ запискахъ Чарторыйскаго и въ «Сборникѣ Имп. Ист. Общества» (Годы ученія имп. Александра II). Характеристика царскихъ дѣтей дается весьма обстоятельная и живая, тогда какъ вторая часть темы, характеристика наставниковъ, далеко не всегда оказывается исчерпанною; не всегда также намъ представлены товарищи дѣтства будущихъ правителей, а вѣдь ихъ вліяніе на характеръ царскихъ дѣтей врядъ ли можетъ подлежать сомнѣнію. Прекрасно изображено авторомъ постепенное развитіе Екатерины II, хотя и здѣсь можно было бы пожелать характеристики Вольтера и вообще всего просвѣтительнаго движенія XVIII вѣка. При изложеніи педагогическихъ взглядовъ Екатерины II было бы совсѣмъ не излишнимъ разъяснить воспитательныя теоріи Локка и Руссо. Характеристика Лагарпа очень хороша, хотя и слишкомъ мало затронута его литературная дѣятельность, представляющая далеко не заурядный интересъ, благодаря отношеніямъ его къ представителямъ просвѣтительной философіи. Наконецъ, однимъ изъ существенныхъ пробѣловъ въ характеристикѣ Жуковскаго слѣдуетъ признать отсутствіе хотя бы общаго очерка его поэзіи, въ которой наиболѣе ярко выразился его идеализмъ, такъ сильно сказавшійся въ воспитаніи Александра II. Однако при всѣхъ этихъ пробѣлахъ книга представляетъ положительно выдающіяся достоинства: фактическій матеріалъ въ ней изобилуетъ, личности очерчены всегда живо, историческая об-

становка рельефно выдвигается, а поэтому «Очерковъ» Б. Б. Глинскаго нельзя не привѣтствовать, и мы надѣемся, что во второмъ изданіи, котораго мы отъ души желаемъ этой книгѣ, авторъ пополнитъ указанные нами пробѣлы, а также устранить нѣкоторыя шероховатости стили и встрѣчающуюся порой официальную торжественность, которая нарушаетъ общій задушевный характеръ его «Очерковъ».

А. В.

Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ. Изслѣдованіе П. А. Сырку. Томъ I. Выпускъ 1. Время и жизнь патріарха Евѣимія Терновскаго. Спб. 1899.

Г. Сырку, поставивъ задачею своихъ ученыхъ изысканій изслѣдованіе исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ, намѣренъ посвятить этому интересному предмету два тома. Въ настоящее время онъ уже издалъ два выпуска перваго тома, въ одномъ изъ коихъ помѣщены литургическія произведенія центральной личности изучаемой авторомъ эпохи, патріарха Евѣимія Терновскаго, а въ другомъ описаны время и жизнь этого патріарха. Последняя книга представляетъ докторскую диссертацию ученаго автора, вышла въ свѣтъ послѣ второго выпуска. Въ ней авторъ выясняетъ время, когда жилъ патріархъ Евѣимій Терновскій, а именно церковно-политическое и культурное состояніе Болгаріи въ XIV вѣкѣ, причѣмъ главное вниманіе обращено на церковно-политическія партіи и литературное движеніе въ тогдашней Болгаріи. Цѣль автора направлена преимущественно на то, чтобы освѣтить научно-историческимъ свѣтомъ личность Евѣимія, насколько это возможно при современномъ состояніи научныхъ о немъ свѣдѣній. Сочиненіе г. Сырку состоитъ изъ предисловія, введенія и пяти главъ изслѣдованія. Въ предисловіи (стр. I—XXXII) авторъ опредѣляетъ задачу своего труда и рассматриваетъ литературу предмета, какъ въ видѣ пособій, такъ и въ видѣ источниковъ. Во введеніи (стр. 1—24) предложенъ историческій, политическій, географическій и экономическій очеркъ Болгаріи въ XIV вѣкѣ. Положеніе Болгаріи въ означенное время было, по сообщенію автора, крайне неспокойно и тревожно, исполнено многочисленныхъ внутреннихъ смуть и неурядковъ разнаго рода, которые и подготовляли постепенно паденіе Болгаріи, завершившееся сравнительно легкимъ покореніемъ ея турками. Въ первой главѣ изслѣдованія (стр. 34—141) рѣчь идетъ о знаменитомъ подвижникѣ XIV вѣка, препод. Григоріи Синаитѣ, который имѣлъ большое значеніе въ исторіи византійскаго и болгарскаго монашества и много содѣйствовалъ развитію особаго аскетическаго ученія, такъ называемаго исихастическаго, имѣлъ многочисленныхъ учениковъ и послѣдователей, которые въ свою очередь оказывали сильное вліяніе на современный церковно-общественный строй въ Византіи и Болгаріи. Во второй главѣ (стр. 141—255) излагается дѣятельность Θεодосія Терновскаго, который былъ однимъ изъ выдающихся учениковъ Григорія Синаита и распространилъ исихастическое ученіе своего учителя въ Болгаріи; ученикомъ этого Θεодосія былъ и Евѣимій, впоследствии патріархъ Терновскій. Въ третьей главѣ (стр. 255—414) рассматривается церковно-общественная дѣятельность въ Болгаріи Θεодосія и его сподвижниковъ, при чемъ описывается общественное и

духовно-нравственное состояніе Болгаріи и главнымъ образомъ болгарской церкви. Здѣсь авторъ, между прочимъ, говоритъ о существованіи въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ двухъ партій—ортодоксальной, или греческой, и національной. Къ первой партіи принадлежали представители болгарской исихастическо-созерцательной школы, нѣкоторые боярскіе роды и вообще истинно-образованные люди того времени (Теодосій и Евѣимій Терновскіе, ученикъ перваго Романъ и другіе). Ихъ тенденціею было единеніе въ духѣ и вѣрѣ болгаръ съ греками и другими православными народами на почвѣ не только строго догматической, но и строго канонической; кромѣ того, они были непримиримыми противниками и безопадными обличителями всякаго рода еретиковъ, во множествѣ появлявшихся въ Болгаріи, пуристами въ вопросахъ церковной практики и стремились посредствомъ усовершенствованія каждой отдѣльной личности общества достигнуть исправленія всего болгарскаго народа и уничтожить все то, что препятствовало правильному теченію жизни въ области какъ церковной, такъ и политической. Вторая партія—національная, состояла изъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ и своею главною цѣлью имѣла совершенное освобожденіе болгаръ отъ вліянія византійцевъ на ихъ внутреннія и внѣшнія дѣла и достиженіе полной независимости Болгаріи отъ Византіи. Въ главѣ четвертой (стр. 411—451) обозрѣвается болгарская литература времени царя Іоанна-Александра (до 1370 г.), такъ какъ приблизительно около этого времени начинается церковно-литературная реформа Евѣимія Терновскаго, когда тексты принимаютъ болѣе или менѣе однообразный характеръ. Наконецъ, въ пятой главѣ книги г. Сырку (стр. 451—599) сообщаются свѣдѣнія о жизни Евѣимія въ Византіи и Болгаріи послѣ смерти его учителя Теодосія Терновскаго, причеиъ особенное вниманіе обращается на труды Евѣимія, въ званіи патріарха Терновскаго, по исправленію книгъ; въ заключеніи главы разсказывается по народнымъ преданіямъ о покореніи Болгаріи турками и прекращеніи независимости болгарской церкви въ 1394 году.

Сочиненіе г. Сырку отличается детальнымъ обслѣдованіемъ предмета и обстоятельною характеристикою времени и жизни Евѣимія Терновскаго. Личность этого послѣдняго представляется читателю въ надлежащемъ историческомъ освѣщеніи, а окружающая среда изображена въ должной связи съ центральнымъ дѣятелемъ эпохи. Недурно изложено у автора исихастическое ученіе византійскихъ и болгарскихъ монаховъ XIV вѣка, а рѣчь о церковно-политическихъ партіяхъ въ Болгаріи представляется новою и довольно любопытною. Обзоръ болгарской литературы при Іоаннѣ-Александрѣ также исполненъ очень удачно. Но при всемъ томъ въ изслѣдованіи г. Сырку имѣются и недочеты. Такъ напрасно авторъ, при обзорѣ литературныхъ источниковъ своего предмета, уклонился отъ разсмотрѣнія всѣхъ ихъ, а ограничился лишь весьма немногими, отославъ читателей къ прежнимъ работамъ, или же высказавъ обѣщаніе изслѣдовать ихъ послѣ въ другихъ выпускахъ своего труда: это вредитъ цѣльности и единству настоящаго сочиненія. Затѣмъ, изложеніе исихастическаго ученія византійскихъ и болгарскихъ монаховъ, особенно въ отношеніи его генезиса, можно было бы дополнить нѣкоторыми новыми чертами, если бы авторъ привлекъ къ дѣлу житія византійскихъ святыхъ соотвѣтствующей эпохи

и воспользовался изысканіями по этому вопросу приснопамятнаго русскаго византолога епископа Порфірія Успенскаго въ его «Исторіи Аѳона». Наконецъ, кромѣ противорѣчій, которыя представлялись и самому автору (стр. II), и нѣкоторой небрежности, которую отмѣтили и официальные рецензенты г. Сырку на его докгорскомъ диспутѣ, въ разсматриваемомъ сочиненіи рѣзко бросается въ глаза крайнее сомнѣніе автора, выражающееся въ постоянномъ упоминаніи своего «я» и приписываніи этому «я» чего-то яко-бы необыкновеннаго, изъ ряда вонъ выходящаго... Σ.

Walery Przyborowski. Z przeszłości Warszawy. Szkice historyczne. Warszawa. 1899.

Города царства Польскаго до самаго послѣдняго времени сохранили своеобразную средневѣковую фязіономію, весьма мало затемненную наслоеніями позднѣйшаго времени. Нерѣдко въ самомъ захудаломъ городишкѣ вы встрѣтите великолѣпный костель — памятникъ отдаленнаго прошлаго, построенный въ строгомъ готическомъ стилѣ; вокругъ него рядъ зданій — теперь большею частью необитаемыхъ, почернѣвшихъ и осыпавшихся — которыя въ былое время служили помѣщеніемъ для воспитательныхъ и благотворительныхъ учрежденій, существовавшихъ при католическихъ монастыряхъ. Посерединѣ города высится магистратская башня, на шпигель которой прикрѣпленъ гербъ владѣльца города или мѣстечка. Въ предмѣстьѣ останавливаютъ вниманіе какіе нибудь валы, несомнѣнно историческіе, остатки каменной стѣны и т. п. Кромѣ этихъ общихъ особенностей, придающихъ этимъ городамъ весьма характерный колоритъ, очень часто можно встрѣтить какую нибудь историческую руину — полуразвалившуюся часовенку, католическую статую или что нибудь въ этомъ родѣ — относительно которой непременно услышите мрачную, таинственную легенду въ средневѣковомъ стилѣ. Такъ, напримѣръ, въ г. Серпцѣ (Плоцкой губ.) въ усадьбѣ одного обывателя стоитъ каменный столбъ, вызывающій у туриста вполне естественный вопросъ: для какой цѣли этотъ столбъ могъ быть сооруженъ? Вамъ съ полною готовностью разскажутъ слѣдующую легенду. Когда-то въ мѣстномъ костелѣ была похищена цѣнная церковная утварь — чаша, монстрація и т. п. Оказалось, что эти вещи похитилъ какой-то еврей. Разслѣдовавши дѣло, магистратъ постановилъ замуровать еврея вора живьемъ въ каменный столбъ. Для вѣчнаго же напоминанія о такомъ позорномъ преступленіи на столбѣ нарисовать портретъ этого еврея, а наверху столба поставить изображеніе тѣхъ церковныхъ вещей, которыя были имъ похищены. Сооруженіе сдѣлать на счетъ еврейскаго кагала и съ него же производить особый сборъ на ремонтъ и поновленіе этого памятника. Подобнаго рода легенды можно было бы собрать немало.

Въ Варшавѣ самую, такъ сказать, историческою частью города является Старое Мѣсто: узкія, тѣсныя улицы, высокіе зубчатые дома, множество костеловъ — таково первое впечатлѣніе. Тутъ на каждомъ шагу дремлетъ сѣдая старина, окаменѣлая, тихая, покрытая плѣсенью столѣтій. Почти каждый домъ

имѣть какую нибудь характерную особенность: лицевую часть украшаютъ статуи съ крестомъ и безъ креста, какія нибудь фигуры, гербы, надъ окнами во всю ширину дома идетъ какая нибудь простодушно-нравоучительная надпись. Дома имѣютъ видъ маленькихъ крѣпостей; они строены въ тѣ времена, когда каждый долженъ былъ самолично заботиться о своей оборонѣ, не слишкомъ разсчитывая на могущество власти и на устойчивость гражданскаго порядка. Отсюда эти фундаментальныя, крѣпкія стѣны, маленькія окна и двери. Внутри — длинныя, узкіе, темныя коридоры и лѣстницы, маленькія и мрачныя комнаты-кеleyки. Однимъ словомъ, здѣсь въ достаточной свѣжести сохранилась внѣшняя обстановка былыхъ временъ, которая для историка служитъ самой сподручной канвой для обрисовки прошлаго быта со всѣми его особенностями, людей прежняго времени со всѣми ихъ капризами и причудами.

Очерки г. Пржиборовскаго не имѣютъ ни системы, ни опредѣленнаго плана, что, конечно, не лишаетъ ихъ цѣнности и интереса. Авторъ заявляетъ въ предисловіи, что онъ не имѣлъ въ виду излагать въ цѣльномъ видѣ исторію Варшавы, а взялъ только нѣкоторые интересные моменты общественной жизни города. Въ книжкѣ шесть главъ, посвященныхъ совершенно разнороднымъ темамъ. Въ первой главѣ разсказано нѣсколько эпизодовъ, имѣющихъ отношеніе къ исторіи городского управленія; во второй сгруппировано нѣсколько фактовъ изъ жизни варшавскихъ католическихъ монастырей, въ частности — указаны препирательства монастырей съ городскимъ управленіемъ и борьба монаховъ разныхъ орденовъ между собою; третья посвящена описанію разныхъ несчастій, постигавшихъ Варшаву (эпидемія, пожары и т. п.); въ четвертой разсказана исторія шведскаго нашествія въ 1655 и 1702 гг.; въ пятой изложены любопытныя эпизоды пребыванія въ Варшавѣ пѣвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ авантюристовъ — Казановы, Каліостро и др.; наконецъ послѣдняя глава посвящена описанію наплыва въ Варшаву евреевъ и ихъ утвержденія и процвѣтанія въ этомъ городѣ.

Наиболѣе интересно представляется пятая глава, трактующая объ иностранцахъ-авантюристахъ въ Варшавѣ, нахлынувшихъ сюда особенно въ XVIII вѣкѣ въ надеждѣ легкой и быстрой наживы (въ чемъ они большею частью не обманывались). Король Станиславъ-Августъ былъ вообще очень щедръ — далеко не въ мѣру своихъ средствъ — и любилъ оказывать покровительство иностранцамъ, надѣясь при ихъ помощи европеизировать Варшаву. Множество простыхъ ремесленниковъ-нѣмцевъ, пришедшихъ въ Варшаву съ котомкой за плечами, благодаря случайной встрѣчѣ съ королемъ и оказанной имъ помощи, быстро становились на ноги и въ послѣдствіи возвышались на степень крупныхъ негоціантовъ. Случалось впрочемъ и такъ, что королю приходилось горько раскаиваться въ своей послѣдней довѣрчивости. Нѣкій французскій выходецъ, по фамиліи Лефортъ, представилъ королю проектъ — избавить Варшаву отъ нищихъ. Для этой цѣли онъ предлагалъ выстроить фабрику, въ которой дать болѣе легкую (по ихъ силамъ) работу всѣмъ нищимъ. Король согласился и даже сдѣлалъ какое-то пожертвованіе на устройство фабрики, примѣру короля не замедлить послѣдовать варшавскіе богачи. Было издано распоряженіе — хватать на улицѣ нищихъ и доставлять ихъ Лефорту на фабрику. Лефортъ

приказывалъ одѣвать ихъ въ одежду одного образца, а лохмотья уносить въ свое помѣщеніе. Тамъ онъ на досугъ распарывалъ снятую съ нищихъ одежду, такъ какъ ему былъ извѣстенъ обычай варшавскихъ нищихъ—зашивать собранныя деньги въ одежду, и извлекалъ болѣе или менѣе богатую милостыню. Дѣло внослѣдствіи раскрылось, возникъ скандалъ, но предусмотрительный филантропъ успѣлъ уже исчезнуть изъ Варшавы.

Вообще при дворѣ польскомъ всегда бывало много иностранцевъ (особенно при короляхъ-чужеземцахъ), такъ что, по справедливому замѣчанію г. Пржиборовскаго, дворъ польскій часто бывалъ похожъ на вавилонскую башню послѣ смѣшенія языковъ.

Незатѣйливый рассказъ г. Пржиборовскаго о прошломъ Варшавы, кое-гдѣ приправленный легкой солью безобиднаго юмора, читается съ интересомъ.

К. Х.

Памятники древней письменности и искусства. СХХХІІІ. Отчетъ о засѣданіи 5-го марта 1899 г. съ прилож.: І. А. И. Соболевскій: „Логика жидовствующихъ“ и „Тайная тайныхъ“. С. О. Долговъ: „Вѣдомость о Китайской землѣ и о глубокой Индѣи“. Спб. 1899.

Помѣщенный въ настоящемъ выпускѣ «Памятниковъ древней письменности» рефератъ профессора А. И. Соболевскаго представляетъ значительный интересъ. Въ немъ разсмотрѣна небольшая рукопись XVI вѣка, принадлежащая московской синодальной библиотекѣ и доселѣ не обращавшая на себя вниманія ученыхъ. Послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что въ текстѣ ея встрѣчаются совсѣмъ необычныя слова и выраженія (самость, душевенство, всячество, гдѣчество и т. д.). Лишь послѣ внимательнаго чтенія можно догадаться, что первая часть текста интересной рукописи—не что иное, какъ краткая логика, и что слово «держитель» значить субъектъ, «одержанный»—объектъ, «осудъ»—сужденіе и т. д., хотя многое все-таки остается неяснымъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи эта часть не разъ называется «логикой». Вторая часть рукописи, еще менѣе понятная, чѣмъ первая, заслуживаетъ названія метафизики. На еврейское происхожденіе оригинала этихъ двухъ частей указываетъ прежде всего находящееся въ ней увѣреніе, что Аристотель учился мудрости у Зоравеля и Эздры. Объ этомъ же можно догадываться уже изъ первыхъ строкъ рукописи: «Начало во имя Бога превѣчнаго, не осѣнимаго въ премѣненіи. Слово 1. Слова, иже зовуть ихъ по еврейски «несе», а по словенски держитель; а по еврейски—«насу», а по словенски одержанный...». Въ заглавіи рукописи названъ и авторъ ея Моисей Египтянинъ, то-есть Моисей, сынъ Маймона, родомъ изъ Испаніи, проведеній въ Египтъ большую часть жизни въ качествѣ придворнаго врача, гдѣ онъ и умеръ въ 1205 году. Для проверки славянскаго текста съ оригиналомъ профессоръ Соболевскій пользовался вѣнскимъ изданіемъ Логики Моисея 1822 года, при посредствѣ гебраиста А. Я. Гаркави. Свѣрены были только нѣкоторыя части, напримѣръ, начало, и совпаденіе между рукописью и изданіемъ оказалось полное. Что переводъ сдѣланъ прямо съ еврейскаго, свидѣтельствуетъ уже самое начало рукописи;

кромѣ того, оставленіе безъ перевода нѣкоторыхъ еврейскихъ словъ («гіюль» — ἡ ἕλη — матерія, получено еврейскимъ и арабскимъ изъ греческаго), неправоильности въ согласованіи, объясняемая изъ еврейскаго и т. п. Слово «гіюльнѣй», стоящее очевидно въ связи съ еврейскимъ «гіюль», находится и въ переводномъ сочиненіи «Тайная тайныхъ», появившемся на русскомъ языкѣ до половины XVI вѣка. Оригиналомъ его могло быть то же еврейское сочиненіе, какъ о томъ свидѣтельствуетъ порядочное количество встрѣчающихся въ немъ еврейскихъ словъ. Оба текста — и «Логика» и «Тайная тайныхъ» — довольно сходны по языку. Онѣ — западно-русскій съ полонизмами и славянизмами. Переводъ, по всей вѣроятности, сдѣланъ въ XV вѣкѣ.

Во второй части разсматриваемой книжки напечатана «Вѣдомость о Китайской землѣ и о глубокой Индѣи», съ предисловіемъ С. О. Долгова. Вѣдомость эта составлена въ 1669 году въ Tobольскѣ «изысканіемъ» стольника и воеводы Петра Ивановича Годунова съ товарищи. А. Л.—нко.

Смирновъ Сергѣй. Древне-русскій духовникъ. Очеркъ. Сергіевъ Посадъ. 1899.

Г. Смирновъ въ своихъ статьяхъ, печатавшихся раньше въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» и нынѣ вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ, разсмотрѣлъ институтъ духовничества въ древней Руси. Духовники играли немаловажную роль въ то время. Поставляемые епископами изъ священниковъ или большею частью изъ иноковъ, они вмѣстѣ съ своими духовными дѣтьми составляли оригинальную «покаяльную» семью. Жизнь этой семьи протекала подъ вліяніемъ двухъ факторовъ: монашескій строй жизни оказывалъ вліяніе на отношенія духовника къ своимъ чадамъ, строго дисциплинированнымъ, а «древне-русскій юридическій обычай далъ покаяльной семьѣ превосходную аналогію въ семьѣ естественной и по этой аналогіи создалъ ея бытовую строй». Г. Смирновъ сообщаетъ очень подробныя и любопытныя данныя о покаяльной семьѣ. Пользуясь изданными произведеніями древней письменности и въ очень многихъ случаяхъ рукописнымъ матеріаломъ, г. Смирновъ сгруппировалъ всѣ отрывочныя данныя. Въ первой главѣ своего очерка онъ даетъ общія свѣдѣнія о классѣ духовниковъ, о бытовомъ и житейскомъ положеніи древне-русскаго духовника, о вліяніи его на жизнь духовныхъ дѣтей. Вторая глава разсматриваетъ учительныя обязанности духовника и письменныя произведенія древне-русскихъ духовниковъ — поученія и посланія къ духовнымъ дѣтямъ: нѣкоторыя изъ нихъ г. Смирновъ извлекаетъ впервые изъ рукописей. Третья глава посвящена любопытному разбору памятника XII вѣка — Вопрошанія Кирика. Этотъ памятникъ заключаетъ всестороннее изображеніе древне-русскаго духовника въ его отношеніяхъ къ епископской власти, въ нравственномъ міросозерцаніи и въ историческомъ его значеніи.

Работа г. Смирнова интересна въ томъ отношеніи, что она является первымъ цѣльнымъ опытомъ изученія характернаго древне-русскаго института духовника. Мы, къ сожалѣнію, не можемъ принять заключительныхъ выводовъ г. Смирнова: «литературная дѣятельность духовника, какъ свидѣтель

ство объ его учительности, оставила слѣдъ въ нашей древней письменности, и, наконецъ, его міровоззрѣніе проходитъ черезъ всю нашу исторію и живетъ до сихъ поръ въ народѣ. Историкъ вѣрующей русской массы и русскаго народнаго быта нельзя не считаться съ этимъ скрытымъ историческимъ дѣятелемъ, съ ихъ «духовнымъ отцомъ». Это слишкомъ сильно сказано. Г. Смирновъ забываетъ то, что по извлеченнымъ имъ изъ произведеній словесности даннымъ никакъ нельзя дѣлать выводовъ о реальномъ значеніи духовниковъ въ древне-русской жизни. Всѣ эти положенія о духовникахъ, находящіяся въ памятникахъ, не констатируютъ факта: они, такъ сказать, нормативнаго характера. Трудно судить, насколько реализовались эти нормы въ жизни. Ошибка г. Смирнова въ выводахъ — общая ошибка при сужденіяхъ о древне-русской жизни, древне-русскомъ просвѣщеніи. А если принять во вниманіе уже установленный въ наукѣ характеръ древне-русскаго христіанства съ его двоевѣріемъ, придется сильно усомниться въ истинности положенія г. Смирнова о значеніи духовника въ жизни покаяльной семьи. Ну, а послѣднее заключеніе о томъ, что міровоззрѣніе духовника проходитъ черезъ всю нашу исторію и живетъ до сего дня въ народѣ, какъ не подтвержденное ровно никакими данными, можно оставить въ сторонѣ: оно является результатомъ традиціоннаго міровоззрѣнія.

Во всякомъ случаѣ трудъ г. Смирнова, представляющій дѣльный сводъ данныхъ по вопросу о духовникахъ, будетъ надежнымъ пособіемъ при спеціальныхъ изысканіяхъ.

Щ.

Чтенія и бесѣды въ союзѣ ревнителей русскаго слова. Вып. I. Ревнители русскаго слова прежняго времени. Рѣчь Ф. А. Витберга. Вып. II. Я. П. Полонскій. Рѣчь Ф. А. Витберга. Спб. 1899.

«Союзъ ревнителей русскаго слова» ставитъ себѣ цѣлью пробужденіе въ русскомъ обществѣ уваженія къ самобытности и кореннымъ свойствамъ русской рѣчи, поддерживать и развивать любовь къ ней, способствовать сближенію книжнаго языка съ народнымъ и тѣмъ содѣйствовать выработкѣ общепонятнаго русскаго языка, какъ главнѣйшаго орудія просвѣщенія во всѣхъ слояхъ русскаго народа. Ближайшая задача Союза состоитъ въ изысканіи мѣръ къ освобожденію нашего современнаго языка отъ излишнихъ иностранныхъ словъ и оборотовъ рѣчи, въ усиленной разработкѣ богатствъ русскаго народнаго языка и въ усиленіи этимъ путемъ его образовательнаго значенія въ семьѣ и школѣ. Для исполненія этой задачи Союзъ заботится о выясненіи, въ какомъ именно значеніи употребляются иностранныя слова въ нашей книжной рѣчи; о замѣнѣ ихъ равнозначными русскими, о составленіи соответствующихъ цѣлямъ Союза словарей; а также оказываетъ содѣйствіе къ соблюденію чистоты русскаго языка въ народныхъ книгахъ и учебникахъ.

Предыдущія строки взяты изъ первыхъ параграфовъ устава Союза. Всякій непредубѣжденный читатель, прочтя ихъ, можетъ только рукой махнуть на это архаическое общество. Историкъ культуры увидитъ въ возникновеніи Союза только переживаніе: въ самомъ дѣлѣ, попытка современныхъ этимологовъ-блю-

стителѣй литературной невинности удивительно схожа съ попытками Ломоносова ввести три штѣля, съ Бесѣдой любителей русскаго слова. Когда берешь въ руки эти чтенія въ Союзѣ ревнителѣй, какъ-то невольно вспоминаются пыльные полки архивовъ, связки, съѣденныя крысами, и тому подобныя вещи. Неужели мы еще не дожили до той мысли, что искусственными мѣрами нельзя измѣнить языкъ народа? Понятно, Ломоносовъ могъ еще рассчитывать на то, что онъ заставитъ писать тремя штѣлями. Да, вѣдь больше полутора ста лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ; за это время появилась и развилась сравнительная грамматика, возникло и выросло общее языковѣдѣніе. Представленіе о языкѣ, какъ организмѣ, развитіе котораго совершается по естественнымъ законамъ, стало общимъ достояніемъ. И вотъ въ концѣ XIX в. нѣсколько человекъ, выставивъ вывѣску «Союзъ ревнителѣй», думаютъ сломить законы природы, думаютъ вывести всю измѣну изъ русскаго языка.

Вполнѣ правдивы жалобы на современный литературный языкъ. Если отъ чтенія какой нибудь лѣтописи, какого нибудь стариннаго произведенія перейти къ современному газетному фельетону, къ научной статьѣ, вы сразу увидите, что въ нашемъ стилѣ не осталось даже тѣни прежней живописности. Удивительно блѣдный и тусклый стиль. Въ немъ нѣтъ колоритныхъ метафоръ—существеннѣйшаго украшенія старой рѣчи. Современные слова—абстрактныя схемы, символы: внутреннее значеніе забыто. Наука и газета уничтожили старый языкъ и создали новый: дифференціація научныхъ понятій, возрастающая сложность жизненныхъ отправленій, наложили свою руку на прежнюю живописность. Уничтожьте научную книгу и газету, и вы вернетесь къ старой простотѣ, къ слянію книжнаго языка съ народнымъ, къ истинно русскимъ реченіямъ. Единственный путь къ этимъ старымъ прелестямъ—это уничтоженіе современной культуры. Судя по уставу Союза ревнителѣй русскаго слова, можно полагать, что его члены не собираются покончить съ культурой. Они думаютъ составлять словари, оказывать содѣйствіе къ соблюденію чистоты русскаго языка въ народныхъ книгахъ и учебникахъ. Что жъ? Чѣмъ бы дитя ни тѣшилось... Пользы, конечно, никакой не будетъ, да и вреда особаго не предвидится. Жаль только времени.

Пока что... а теперь Союзъ выпустилъ всего на всего за два года два выпуска чтеній, лежащихъ передъ нами. И мы никакъ не можемъ понять, какимъ образомъ Союзъ думаетъ достичь своихъ цѣлей путемъ изданія такихъ книжекъ или даже путемъ подобныхъ чтеній? Можетъ быть, гг. члены будутъ являть образцы русской рѣчи? Пока этого не видно. Въ рѣчахъ г. Витберга нѣтъ, правда, иностранныхъ словъ, но написаны онѣ темно и вяло, тускло и блѣдно. Развѣ человекъ, желающій сблизить книжный языкъ съ народнымъ, станетъ говорить такія фразы: «раздававшіяся со всѣхъ сторонъ жалобы показываютъ только, что поэтическое чутье даровитыхъ людей влекло ихъ въ ту сторону, куда и нужно было, но немедленно удовлетворить сознаванную уже потребность въ простотѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ образности поэтической рѣчи было нечѣмъ, ибо въ тогдашнемъ литературномъ языкѣ нашемъ почти вполнѣ отсутствовали тѣ привычныя поэтическіе обороты рѣчи, которые во вполнѣ развитомъ языкѣ такъ облегчаютъ дѣло даже для писателей мало даровитыхъ». Замѣчательно

близкій къ народной рѣчи языкѣ! Мы забыли объ одномъ способѣ повліять на языкъ народа: это — сдѣлаться Толстымъ, Тургеневымъ. Къ сожалѣнію, блюстителямъ литературной невинности никакъ невозможно превратиться въ Тургенева или Толстого.

Что сказать о рѣчахъ г. Витберга по существу? Рѣчь о Полонскомъ, имѣющая цѣлью охарактеризовать его музу, вполне невинна по своему содержанію и въ общемъ такова, что о ней и говорить-то не стоитъ. Если бы не было указано, что она произнесена въ Союзѣ ревнителѣй, мы, право, подумали бы, что г. Витбергъ прочелъ свою рѣчь на актѣ въ какой нибудь гимназіи. Рѣчь о ревнителѣхъ русскаго слова прежняго времени не въ примѣръ содержательнѣе характеристики поэта. Г. Витбергъ даетъ довольно стройный очеркъ попытокъ реформировать нашъ языкъ въ XVIII в.; особенно много мѣста удѣляетъ авторъ Вольному Россійскому Собранію. Статья г. Витберга особенно любопытна въ томъ отношеніи, что она какъ нельзя лучше доказываетъ всю безплодность попытокъ искусственнаго измѣненія языка.

Пещ.

Записки старой смолянки. В. П. В—вой. 1833—1878 г. Часть первая. Примѣчанія и изданіе свящ. К. Зн—скаго. Спб. 1899.

Бываетъ немало такихъ книгъ, появленіе которыхъ въ свѣтъ трудно объяснить какими либо уважительными основаніями, и къ числу подобныхъ произведеній слѣдуетъ отнести «Записки» В. П. Быковой (фамилія которой почему-то скрыта въ заглавіи, хотя съ первыхъ же страницъ становится извѣстной такъ же, какъ и фамилія издателя, священника Знаменскаго). Очень почтенная, судя по краткому *curriculum vitae*, приложенному къ книгѣ, дѣятельница на поприщѣ воспитательномъ и благотворительномъ, В. П. Быкова начала вести свой дневникъ съ 13-лѣтняго возраста, воспитываясь въ Смольномъ институтѣ, и продолжала его до самой своей смерти. Конечно, за время пребыванія въ институтѣ въ качествѣ воспитанницы, Быкова въ своихъ замѣткахъ не можетъ дать ничего сколько нибудь интереснаго въ историческомъ отношеніи; здѣсь мы видимъ только лепетъ наивной дѣвицы, обожающей разныхъ преподавателей, и въ особенности учителя словесности, отличающагося необыкновеннымъ краснорѣчіемъ, но, къ сожалѣнію, не умѣющаго развить въ своихъ ученицахъ вкуса и пониманія истинной поэзіи: по крайней мѣрѣ, такъ можно заключать по тому, что впоследствии, уже ставши классной дамой, Быкова приходитъ въ восторгъ отъ Бенедиктовской поэзіи. Для нея Бенедиктовъ, пожалуй, не хуже Гоголя и Пушкина, котораго нужно признавать великимъ поэтомъ по традиціи. Конечно, о пониманіи Пушкина толковать нечего, хотя мы и встрѣчаемся съ вѣжнымъ восклицаніемъ: «Милый Пушкинъ! Чудный Пушкинъ! Мало жилъ ты», и даже нашъ поэтъ является Быковой въ сновидѣніяхъ. «Два раза видѣла его во снѣ,— рассказываетъ она,—въ первый разъ слыхала, какъ онъ читалъ съ воодушевленіемъ какую-то чудную поэму; во второй—видѣла его оживленное лицо, блестящіе умные глаза съ восторженнымъ выраженіемъ. Я выговаривала ему, что онъ стыдится являться въ обществѣ подъ именемъ поэта; я говорила ему, что мы гордимся имъ, что онъ

самъ долженъ гордиться своею славою и не предпочитать пустое званіе свѣтскаго человѣка имени великаго поэта, являться обличителемъ общества и пр. Пушкинъ не говорилъ ни слова, но лицо его сіяло: въ этомъ выраженіи было счастливое сознаніе своего великаго призванія и вмѣстѣ съ тѣмъ благодущіе, любовь, смиреніе». Нельзя сказать, чтобы «Записки», будучи лишены значенія историческаго, представляли какой нибудь психологическій или литературный интересъ. Психологія и языкъ институтокъ давно уже извѣстны: навивные восторги по поводу всякихъ пустяковъ, обожаніе учителей, постоянные эпитеты «милой», «ангелъ», «прелестный», «противный», «безсовѣстный», при чемъ эти эпитеты прилагаются даже къ политическимъ дѣятелямъ, а противными называются англичане и французы въ Крымскую войну, отсутствіе какихъ бы то ни было серьезныхъ интересовъ... Все это простительно малолѣтней институткѣ, но, право, за нее становится грустно, если она не измѣняется, не прогрессируетъ, обратившись въ классную даму, а нѣчто подобное мы видимъ и съ авторомъ «Записокъ». Разница между Быковой — воспитанницей и Быковой — классной дамой заключается только въ томъ, что послѣдняя — старая дѣва, огорченная своимъ положеніемъ, отсутствіемъ семьи, замѣчающая постепенное увяданіе своихъ красотъ и потому все болѣе и болѣе отдающаяся пѣтизму. Но въдъ и это не представляетъ чего либо новаго въ психологическомъ отношеніи. Таковы эти «Записки», и мы повторяемъ свое мнѣніе: незачѣмъ было ихъ издавать, да притомъ еще снабжать такими примѣчаніями, какъ это сдѣлалъ почтенный издатель; въ этихъ примѣчаніяхъ объясняется, кто были Жуковскій, Вецкій, Нахимовъ, Нецирь, когда взята Казань и т. п. Право, и это никому не нужно!

А. В.—инъ.

**Г. П. Рогановичъ. Черногорскій теократизмъ, 1496—1851.
Казань. 1899.**

У всѣхъ почти историковъ Черногоріи, не только у домашнихъ, но и иностранныхъ, установился взглядъ на неѣ, какъ на страну искони свободную, которая изъ всѣхъ земель Балканскаго полуострова одна не покорялась туркамъ. Такъ смотрѣлъ и смотритъ на Черногорію, можно сказать, цѣлый свѣтъ, знающій о существованіи этой маленькой страны, впоследствии сдѣлавшейся княжествомъ, очень ничтожной по величинѣ, но славной геройствомъ черногорскаго народа.

При этомъ извѣстно было, что въ продолженіе трехъ съ половиной столѣтій въ Черногоріи не было никакого свѣтскаго владѣтеля, а стояли во главѣ ея только митрополиты, избиравшіеся изъ своей среды самимъ народомъ и получавшіе посвященіе отъ сербскаго же патріарха въ Печи. Они назывались владыками и во весь этотъ періодъ (съ начала XVI до половины XIX ст.) были правителями страны и народа, вслѣдствіе чего это правленіе и названо было теократическимъ или іерархическимъ.

Высказывалось, однако, нѣкоторыми мнѣніе, что полною независимостью Черногорія не пользовалась, хотя не полное было и подчиненіе ея туркамъ, и правленіе ея въ то время нельзя называть теократическимъ.

Въ прошломъ же году вышло сочиненіе сербскаго архимандрита Иларіона Руварца, извѣстнаго изслѣдователя сербской исторіи по первоисточникамъ, библиографа и критика, подъ заглавіемъ «Montenegrina — прилошци историји Црне—Горе» (Срем. Карловци, 1898, мал. 8 °, 272), въ которомъ этотъ послѣдній взглядъ авторъ старается доказать, не дѣлая никакихъ ограниченій. Онъ рѣшительно утверждаетъ, что до конца XVII вѣка Черногорія была турецкою провинціей, и потому не можетъ быть и рѣчи о какомъ либо управленіи владыкъ, которые вѣдали только дѣла церкви; а съ этого времени она съ помощью Венеціи освобождается отъ турокъ, но становится въ зависимость отъ освободившей её Венеціи.

Сочиненіе г. Рогановича является опроверженіемъ главнымъ образомъ о Руварца, а затѣмъ и другихъ сторонниковъ его взгляда, и при этомъ объясняетъ, что представляло собою теократическое правленіе въ Черногоріи. Сочиненіе это хорошо знакомитъ съ положеніемъ вопроса и приводитъ достаточное количество фактовъ противъ массы фактовъ, приводимыхъ о Руварцемъ. Но, по нашему мнѣнію, оппонируя своему противнику, онъ увлекается его примѣромъ и вводитъ много ненужнаго матеріала, какъ, на примѣръ, большая выписка изъ полемики Руварца съ профессоромъ А. Александровымъ (стр. 20 и 21), слишкомъ пространное повтореніе цитатъ самого Руварца (стр. 36, 59—67) и др. Рядомъ съ несомнѣнными фактами и сильными доказательствами приводятся такіе, которые сами еще нуждаются въ оправданіи: свидѣтельство владыкъ о самихъ себѣ (Василія Петровича стр. 89, Петра I стр. 91); или же совсѣмъ не доказательства, на примѣръ, выраженіе изъ оды Лукіана Мушицкаго (стр. 26). Вообще встрѣчается недостаточно критическое отношеніе къ приводимымъ фактомъ, какъ доказательствамъ, чѣмъ въ значительной степени страдает и представитель противнаго мнѣнія, все сочиненіе котораго представляетъ вслѣдствіе этого тенденціозный подборъ фактовъ, изобличающій большую начитанность автора, но не раскрывающій чистой истины.

Въ общемъ, однако, сочиненіе г. Рогановича даетъ намъ полное освѣщеніе вопроса и правильный взглядъ, какъ на смыслъ и значеніе теократическаго правленія въ Черногоріи, такъ и на всю ея исторію. Z.

Статистическія свѣдѣнія по начальному образованію въ Россійской имперіи за 1896 годъ. Спб. 1899.

Нельзя сказать, чтобы мы имѣли въ настоящее время полныя свѣдѣнія о начальныхъ школахъ разныхъ вѣдомствъ за послѣдніе годы, свѣдѣнія, разработанныя съ полною обстоятельностью и по одному плану. Краткія данныя находимъ пока въ трудахъ А. Θ. Острогорскаго въ «Производительныхъ силахъ Россіи», Θ. Θ. Ольденбурга въ «Русскомъ Начальномъ Учителѣ» за 1896 г. (и отдѣльно), въ статьѣ о народномъ образованіи г. Фальборка и В. Чарнолуускаго въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза-Ефрона. Правда, ожидается появленіе въ свѣтъ большаго труда г. Фальборка и В. Чарнолуускаго, разработавшихъ матеріалы, собранные по программамъ бывшаго С.-Петербургскаго комитета грамотности. Пока же есть только рядъ отдѣльныхъ работъ,

посвященныхъ нѣкоторымъ районамъ и школамъ одного вѣдомства и нѣсколько сводныхъ (по губерніямъ) статей въ специальныхъ педагогическихъ журналахъ. Появленіе поэтому болѣе новыхъ свѣдѣній о нашихъ начальныхъ школахъ, въ особенности для всей имперіи, способствуетъ выясненію прогресса въ народномъ образованіи. Вотъ почему имѣеть общій интересъ и книга, заглавіе которой нами выписано. Свѣдѣнія въ ней даны за 1896 годъ. Составитель предисловія сообщаетъ, что этотъ изданный министерствомъ народного просвѣщенія сборникъ «представляетъ собою первую попытку собрать свѣдѣнія, относящіяся не только къ начальнымъ училищамъ всѣхъ вѣдомствъ и разнаго рода категорій, но и къ прочимъ народнообразовательнымъ учрежденіямъ», то-есть публичнымъ библиотекамъ, народнымъ читальнямъ, пунктамъ народныхъ чтеній и т. п. Впрочемъ, свѣдѣнія эти разработаны съ достаточной полнотой (по губерніямъ, по районамъ и сводныя) только министерствомъ народного просвѣщенія. Данныя же, доставленныя другими вѣдомствами, даютъ большею частью только общія цифры, не позволяющія представить картины народнаго образованія извѣстной губерніи. Въ приложеніи помѣщены интересныя свѣдѣнія о новобранцахъ, принятыхъ въ 1876, 1886 и 1896 годахъ, съ указаніемъ числа пользующихся изъ нихъ правами на сокращенный срокъ и не пользующихся этимъ правомъ (то-есть неграмотныхъ). Свѣдѣнія даны по губерніямъ. Приводимъ общія цифры: въ 1876 году пользовались льготнымъ срокомъ службы 2.471 (изъ 192.539), то-есть 1,3⁰/о; въ 1886 году—11.435 (изъ 234.085), то-есть 4,9⁰/о; въ 1896 году—25.952 (изъ 277.050), то-есть 9,3⁰/о.

Текстъ книги—на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

А. Л.—ико.

А. И. Яцимирскій. Изъ славянскихъ рукописей. Тексты и замѣтки. М. 1899.

Книга г. Яцимирскаго даетъ нѣсколько извлеченій изъ славянскихъ рукописей, находившихся въ монастыряхъ Румыніи. Нѣкоторые изъ текстовъ изданы г. Яцимирскимъ въ первый разъ: къ нимъ принадлежатъ житіе преподобнаго Варвара-разбойника Охридскаго, извѣстное до сихъ поръ въ краткой редакціи, и славяно-молдавская рукопись 1359—1512 года. Остальныя рукописныя извлеченія представляютъ новые списки извѣстныхъ уже произведеній: таковы слово преп. Θεодосія о вѣрѣ варяжской и апокрифическое евангеліе ап. Θомы. Всѣ эти тексты имѣютъ, конечно, интересъ только для специалистовъ. Интересъ состоитъ, напримѣръ, въ томъ, что и слово Θεодосія и евангеліе Θомы даны въ средне-болгарскихъ спискахъ, представляющихъ довольно любопытныя уклоненія отъ изданныхъ.

Замѣтки къ текстамъ—библиографическаго характера. Описывается рукопись, сравниваются редакціи. Историко-литературнаго матеріала почти нѣтъ. Въ специальной литературѣ книга г. Яцимирскаго имѣеть извѣстное значеніе. Самые тексты изданы вполне научно.

Щ.

Историческое обозрѣніе. Сборникъ историческаго общества при С.-Петербургскомъ университетѣ, издаваемый подъ редакціей Н. И. Карѣева. Томъ X. Спб. 1899.

Десятый томъ названнаго «Сборника» начинается «проектомъ уложенія государственныхъ законовъ» знаменитаго М. М. Сперанскаго, напечатаннымъ подъ наблюденіемъ В. И. Семевского, съ черновой рукописи, хранящейся въ Императорской Публичной библиотекѣ. До сихъ поръ обширный планъ государственнаго устройства, составленный М. М. Сперанскимъ въ 1809 г., цѣликомъ не былъ напечатанъ; ученые обыкновенно довольствовались извлеченіемъ изъ него и изложеніемъ его содержания, сдѣланными въ переводѣ на французскій языкъ въ извѣстной книгѣ Н. И. Тургенева «La Russie et les Russes» (т. III, стр. 292—328), гдѣ, впрочемъ, встрѣчаются мѣста, заимствованныя, вѣроятно, и изъ болѣе поздней рукописи. «Г. Шильдеръ, — говоритъ В. И. Семевскій, — въ своемъ трудѣ «Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе», — изложилъ «Введеніе къ уложенію государственныхъ законовъ» (заглавіе черновой рукописи Публ. библ.), но, къ сожалѣнію, съ опущеніемъ весьма важныхъ мѣстъ и при томъ не по подлинной рукописи, а по весьма неисправному списку съ искажающими смыслъ ошибками».

Слѣдующею статью является обширная біографія Шарля Фурье, написанная г. Н. В. Водовозовымъ съ очевидною цѣлію подвять этого «утописта» до пьедестала важнѣйшаго ученаго и мыслителя начала нынѣшняго вѣка. «Ни въ обществѣ, ни въ литературѣ», такъ начинается свою статью г. Водовозовъ, писавшій о Фурье еще въ 1892 г. («Русская Мысль», № 9), «нѣтъ вполнѣ установившагося взгляда на Фурье. Одни видятъ въ немъ только безумнаго мечтателя, другіе выдающагося мыслителя. Одни обвиняютъ его въ безнравственности, другіе называютъ проповѣдникомъ новой, болѣе чистой и совершенной нравственности. Историки-экономисты относятся къ Фурье въ большинствѣ случаевъ крайне неблагоклонно; они ему отказываютъ въ званіи ученаго и помѣщаютъ въ рубрику «утопистовъ». Но вмѣстѣ съ тѣмъ такіе авторы-писатели, какъ Лоренцъ Штейнъ и Милль, даютъ довольно благоклонныя характеристики ученія Фурье». Прослѣдивъ довольно подробно всѣ жизненныя перипетіи приказчика самоучки Фурье, авторъ излагаетъ его «ученіе», основываясь преимущественно на его «Новомъ Мірѣ», «Теоріи четырехъ движеній» и «Всеобщей гармоніи и фаланстерѣ» и въ заключеніе приходитъ къ такому выводу: «вліяніе, оказанное Фурье на современниковъ и потомковъ, было двоякаго сорта: съ одной стороны нѣкоторые изъ ученыхъ экономистовъ позднѣйшаго времени не только ознакомились съ его «соціальною системою», но даже отчасти отдѣльными мыслями позаимствовались изъ нея, съ другой — непосвященная, средняя читающая публика нашла въ сочиненіяхъ Фурье обширный матеріалъ для размышленія надъ многими соціальными вопросами. Вторая роль Фурье важнѣе первой. Онъ является связующимъ звеномъ между отвлеченной наукой и «обыденнымъ мышленіемъ»; своимъ своеобразнымъ страстнымъ краснорѣчіемъ онъ увлекаетъ за собой массу послѣдователей, направляетъ фантазію людей въ извѣстную сторону и настойчиво выдвигаетъ впередъ рабочій вопросъ».

Далѣе находимъ статью, подъ заглавіемъ: «Къ вопросу о сословіи *μὲταξες* въ древней Спартѣ», написанную неизвѣстнымъ авторомъ, выдающимъ въ *μὲταξες* «сыновей гелотовъ, которые воспитывались вмѣстѣ съ сыновьями спартиатовъ на средства богатыхъ спартиатовъ, получали свободу и служили въ войскѣ».

Вслѣдъ за нею въ видѣ приложения помѣщены: «Крестьянская реформа въ Новгородской губерніи. Записки С. И. Носовича. 1861—1863 г.» (первая половина). Скончавшійся 1 января 1897 г. ген.-лейт. С. И. Носовичъ, новгородскій помѣщикъ, началъ свою службу, кажется, въ 1861 г. членомъ отъ правительства по введенію Положенія 19 февраля 1861 года; затѣмъ долго служилъ въ Туркестанскомъ краѣ при ген.-губ. Кауфманѣ и наконецъ въ 1882—1886 гг. былъ губернаторомъ въ Иркутскѣ. Оставленные имъ «Записки» послужатъ ему, какъ справедливо говоритъ издатель ихъ В. Семейскій, «лучшимъ памятникомъ» по высоко-культурному и трезвому взгляду ихъ автора на реформу, по гуманному въ высшей степени отношенію его къ крестьянамъ и по обилію данныхъ для характеристики новгородскихъ помѣщиковъ и первыхъ мѣстныхъ дѣятелей въ проведеніи реформы. В. Р.—въ.

С. С. Орлицкій (Окрейцъ). Далекіе годы. Автобіографическая хроника. Спб. 1899.

Въ живомъ разсказѣ г. Орлицкій (Окрейцъ) даетъ нѣсколько яркихъ картинъ изъ петербургской и провинціальной жизни. Въ предисловіи авторъ называетъ свою книгу «колоритнымъ памятникомъ далекихъ годовъ» и высказываетъ желаніе «воскресить, хотя бы отчасти, особенности и характерныя черты далекаго, уже вымершаго и въ забытыхъ могилахъ погребеннаго міра»... Повѣствуя о своихъ дѣтскихъ, отроческихъ и юношескихъ годахъ, онъ попутно разсказываетъ о событіяхъ, которыхъ ему пришлось быть свидѣтелемъ, такъ, напримѣръ, о холерѣ 1848—1849 г., о самодурствѣ помѣщиковъ, о волненіяхъ шляхты наканунѣ 1863 года.

Петербургъ 40-хъ годовъ былъ мало похожъ на нынѣшній. Первое впечатлѣніе, произведенное Петербургомъ на автора, привезеннаго въ столицу родителями изъ глуши Олонецкой губерніи, было весьма неблагопріятно: «сѣрмя, желтыя, мокрыя зданія были совсѣмъ неказисты, надо всѣмъ висѣли буроватыя облака дыма; слышался грохотъ экипажей, какіе-то крики; тянулись непрерывающагося вереницей возы съ живностью, дровами; порожнія сани, съ лежащими въ нихъ, брюхомъ внизъ, мужиками и бранившимися бабами. У шлагбаума, грозно пугая насъ амуницией и ружьемъ, шагаль солдатъ. Повсюду лежала грязь, по которой двигались, надрывая лошадей, наши повозки. Проѣзжіе и прохожіе казались также сердитыми, наши ямчики ругались и кого-то проклинали»... На Троицкомъ проспектѣ въ Измайловскомъ полку было «счетомъ всего два каменныхъ дома и тѣ въ два этажа, какіе-то облупленные, убогіе, старые инвалиды съ трещинами на стѣнахъ, съ потемнѣвшими стеклами въ окнахъ».

Насталъ страшный 1848—1849 г. «Холера надвинулась на насъ, мирныхъ обывателей тогдашняго Петербурга, почти внезапно. Съ одной стороны газетъ

ныя сообщенія о ходѣ болѣзни отсутствовали, съ другой—такой ужъ господствовалъ въ тѣ дни глухой режимъ: говорить много не дозволялось; разговорчивыхъ приглашали кой-куда и тамъ, въ лучшемъ случаѣ, чувствительно внушали, что заботиться о томъ, что будетъ, если холера проявится,— дѣло начальства». Старались не думать, не вспоминать объ азіатской гостѣ и утѣшались фразой: «Въ столицу холеру не пустятъ. Дворъ здѣсь, войска. Какъ возможно, чтобы пустили!» Объ очисткѣ Петербурга никто и не думалъ. Воду шли изъ Фонтанки и каналовъ. Дворы, выгребныя ямы представляли «невообразимую для нашихъ дней» грязь. Встрѣтивъ благопріятную почву въ антисанитарныхъ условіяхъ тогдашняго Петербурга, холера сдѣлала быстрые успѣхи: заболѣвающихъ и мертвыхъ возили и вывозили возами изъ Обуховской больницы; другихъ больницъ не заводили до самаго разгара холеры, чтобы «не пугать населенія».

Отроческіе годы автора прошли въ имѣніи близъ г. Витебска. Интересны нѣкоторые типы помѣщиковъ, выводимые г. Окрејцемъ. Вотъ, напримѣръ, помѣщикъ-юноша, которому нѣтъ еще 20 лѣтъ, предпочитаетъ собственноручно наказывать нагайкой своихъ провинившихся крестьянъ на томъ основаніи, что «старосту можно подкупить, а онъ знаетъ, кому и сколько дать, а главное—кого и какъ ударить».

Помѣщикъ З—цкій не церемонится выселять надобѣвшихъ ему евреевъ, не имѣя къ тому ни малѣйшаго полномочія. «Выселеніе тогда производилось очень просто: господскіе люди, подъ предводительствомъ эконома, шли къ еврейскому дому, выводили изъ него осужденную на изгнанье семью; хозяинъ обыкновенно на это время скрывался и потомъ подавалъ жалобу о пропажѣ значительныхъ суммъ денегъ во время насильственнаго выдворенія его семьи въ его отсутствіе. Затѣмъ несчастныхъ евреекъ, дѣтей и стариковъ, со всѣмъ ихъ скарбомъ вытаскивали на большую дорогу и оставляли въ полѣ, а домъ запирали на замокъ». Благоразумныхъ евреевъ, сознававшихъ, что плетью обуха не перешибить, З—цкій вознаграждалъ послѣ выселенія 25—50 р., а непокорныхъ онъ посылалъ искать правды въ тогдашнихъ судахъ. Третій помѣщикъ И—скій взнуздываетъ рабочихъ, чтобы лишить ихъ возможности съѣдать его ягоды и фрукты во время работы въ фруктовомъ саду: «въ ротъ вкладывалась палка, къ концамъ палки прикрѣплялись тонкія веревки и завязывались сзади хитрымъ узломъ» и т. д.

Повторяемъ, книга г. Окрејца содержитъ немало интереснаго и прочтется съ удовольствіемъ тѣмъ болѣе, что изложеніе отличается чрезвычайной живостью.

Д. Е.

Архивъ князя Ѳ. А. Куракина. Книга 8-я, изданная кн. Ѳ. А. Куракинымъ подъ ред. В. Н. Смольянинова. Саратовъ. 1899.

Кн. Ѳ. А. Куракинъ неутомимо продолжаетъ опубликовывать сокровища своего архива. Каждый новый томъ приноситъ данныя, полезныя историкъ и для датированія событій и для освѣщенія предмета. Въ восьмомъ томѣ продолжается изданіе бумагъ кн. Б. И. Куракина и кн. Алдр. Бор. Куракина. Бумаги

знаменитаго дипломата петровскаго времени, уже занявшія немало мѣста въ первыхъ 7 томахъ, въ 8 томѣ относятся къ 1713 году и содержатъ дипломатическія замѣтки и переписку. Въ нихъ нѣтъ существенно новыхъ матеріаловъ, но онѣ представляютъ далеко не лишнюю иллюстрацію положенія политики Петра и его дипломатовъ. Въ общемъ же, опубликованіе всѣхъ бумагъ кн. Б. И. Куракина, обильныхъ содержаніемъ, является очень важнымъ дѣломъ.

Бумаги кн. Алдр. Бор. Куракина обвинаютъ время съ 14 іюля 1775 г. по конецъ декабря 1776 года. Эти документы группируются вокругъ университетской жизни въ Лейденѣ кн. Алексѣя Куракина и С. С. Апраксина, путешествія цесаревича Павла Петровича въ Берлинъ въ 1776 г. и, наконецъ, первой дипломатической миссіи кн. Алдр. Куракина къ шведскому королю Густаву III, результатомъ которой былъ въ 1777 году пріѣздъ короля въ С.-Петербургъ, несмотря на сильное его недоброжелательство къ Россіи. Этотъ кругъ событій, около которыхъ группируются письма, и опредѣляетъ степень ихъ важности. Корреспондентовъ у кн. Куракина было много, по своему положенію они принадлежали къ самымъ различнымъ слоямъ общества. Три документа приобрѣтаютъ особый интересъ, такъ какъ имѣютъ отношеніе къ массонской дѣятельности князя Алдр. Бор.

Наконецъ, въ концѣ тома помѣщенъ очень любопытный памятникъ жизни XVIII вѣка—39 писемъ графини Софіи Ферзенъ. Съ Ферзенъ кн. Куракинъ познакомился въ бытность свою въ Стокгольмѣ и увлекся ею. Она отвѣчала взаимностью, но свадьба не состоялась по неизвѣстнымъ причинамъ, и Ферзенъ вышла замужъ противъ своей воли за графа Пипера. Письма Ферзенъ крайне любопытны, какъ исторія тѣхъ формъ, въ которыя выливалось чувство въ XVIII вѣкѣ. А изученіе этихъ формъ, по нашему мнѣнію, очень важно въ историко-литературномъ отношеніи. Чѣмъ больше такихъ подлинныхъ выражений чувства, тѣмъ вѣрнѣе мы будемъ судить о сущности и значеніи литературныхъ изображеній человѣческой страсти, являющихся въ серединѣ XVIII вѣка центральнымъ мѣстомъ въ произведеніяхъ современной литературы.

Щ.

П. К. Симионъ. Русскій языкъ въ его нарѣчіяхъ и говорахъ. Опытъ библиографическаго указателя трудовъ, касающихся русской діалектологіи и исторіи языка. Выпускъ I, ч. 1. Велико-русское нарѣчіе. Спб. 1899.

Въ послѣднее время значительно усилился интересъ къ изученію особенностей русскихъ говоровъ, главнымъ образомъ послѣ появленія въ началѣ девяностыхъ годовъ трудовъ А. И. Соболевскаго, А. А. Шахматова и другихъ наблюдателей и изслѣдователей въ «Живой Старинѣ», «Извѣстіяхъ русскаго отдѣла Академіи наукъ» и другихъ изданіяхъ. Своевременной является и работа П. К. Симионъ, представляющая собою обзоръ того, что сдѣлано было по изученію русскаго языка, начиная съ прошлаго вѣка, то-есть съ трудовъ Тредьяковскаго, Ломоносова, Россійской академіи и до послѣдняго времени.

«Истор. вѣстн.», сентябрь, 1899 г., т. LXXVII.

19

При указаніи трудовъ ученыхъ и наблюдателей прошлаго вѣка г. Симони часто приводитъ главнѣйшія ихъ положенія и выводы; относительно новѣйшихъ трудовъ ограничивается приведеніемъ подробнаго оглавленія ихъ, равно какъ вызванныхъ ими рецензій и дополненій. Библиографическая точность указаній безукоризненна: всѣ статьи и книги описаны de visu, умѣлою рукою, съ подробнымъ оглавленіемъ. Первый выпускъ посвященъ «общей части» великорусскаго нарѣчія, то-есть трудамъ по діалектологіи, словарямъ, программамъ и библиографіи. Что касается полноты обзора, то нужно думать, что въ немъ указаны всѣ главные труды по русскому языку и большая часть второстепенныхъ трудовъ и журнальныхъ статей. Кажется только, что авторъ опустилъ (быть можетъ, намѣренно) нѣкоторыя статьи, помѣщенные въ журналахъ прошлаго вѣка. Такъ, напримѣръ, въ «Свободныхъ Часахъ» 1763 г. есть статья «О московскомъ нарѣчіи», гдѣ рядомъ съ небезъинтересными замѣчаніями находимъ странное разсужденіе, что А, «начальная буква нашей азбуки и счѣта», преобладаетъ въ московскомъ нарѣчіи потому, что «такое почтеніе имѣетъ народъ нашъ къ начальникамъ своимъ...». Но въ старыхъ журналахъ есть работы и безусловно цѣнныя. Такъ, въ «Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» 1787 г. (ч. XI) есть цѣнный словарь словъ, употребляемыхъ въ Двинской странѣ, составленный архангельскимъ купцомъ А. Фоминнымъ; словарь этотъ непременно нужно было бы упомянуть. Интересенъ не упомянутый также г. Симони словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ въ XVIII вѣкѣ (въ журналѣ «И то и сію» 1769 г.). Быть можетъ, указанія на подобныя работы войдутъ въ слѣдующіе выпуски цѣнной работы г. Симони.

А. Л.—нко.

Извѣстія историко-филологическаго института кн. Вяземскаго въ Пѣжинѣ. Т. XVII. Пѣжинъ. 1899.

Кромѣ обычнаго годового отчета о состояніи института за 1897/8 акад. г., въ настоящемъ томѣ мы находимъ статьи: проф. Е. Н. Щенкина—«Душевное настроеніе Фридриха Великаго во время Семилѣтней войны» (наиболѣе интересная); проф. А. А. Брока—«О шестой пѣснѣ Энеиды Вергилія», гдѣ авторъ пытается приподнять значеніе римскаго поэта-подражателя Гомера, и проф. И. Г. Турцевича—«Культъ Весты въ древнемъ Римѣ» (продолженіе) и обширное «Критическое изслѣдованіе источниковъ» по «исторіи Сербіи съ половины XIV в. до конца XV в.» проф. В. В. Качановскаго.

«Исторія», говоритъ проф. Качановскій, «постепеннаго покоренія турками южныхъ славянъ не можетъ не представлять интереса общаго и научнаго въ частности. Постепенному увяданію политическаго организма южно-славянскихъ государствъ предшествовалъ расцвѣтъ ихъ политическаго могущества, которое не представляло прочности, необходимой для продолжительной, здоровой жизни». Рѣшенію этого вопроса посвященъ настоящій трудъ, первый томъ котораго представляетъ критическую оцѣнку источниковъ, какъ туземныхъ, такъ и иноземныхъ, примѣненіе которой будетъ видно во второмъ томѣ этого труда.

Древнѣйшая исторія сербскаго народа, какъ извѣстно, покрыта «непронп-цаемымъ мракомъ»; первые сербскіе писатели сообщаютъ свѣдѣнія лишь со времени Стефана Немани. Во главѣ источниковъ проф. Качановскій ставитъ сербскія житія и похвальные слова и подробнѣе останавливается на этого рода первыхъ произведеніяхъ архіепископа Давида II († 1336) и многочисленныхъ «похвалахъ» и «житіяхъ» князя Лазаря. По своему панегирическому характеру «житія» и «похвалы» вполне одинаковы, а по отношенію къ событіямъ и бытовой сторонѣ древняго сербскаго общества содержатъ лишь незначительныя крупяцы.

Въ слѣдующей главѣ авторъ подробно изслѣдуетъ сербскія лѣтописи, при этомъ рѣшаетъ немало неизвѣстныхъ доселѣ вопросовъ и дѣлаетъ рядъ поправокъ и дополненій къ изслѣдованіямъ своихъ предшественниковъ, какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ (И. И. Срезневскаго, В. И. Григоровича, Н. Попова и др.). «Сербскія лѣтописи», говоритъ онъ, «дѣлятся на собственно лѣтописи (лѣтописи, сказанія, повѣсти и родословія) и хронографы. Первые въ свою очередь могутъ быть подраздѣлены на лѣтописи, представляющія лишь родословныя росписи сербскихъ государей, и на лѣтописи, повѣствующія о событіяхъ, касающихся всего народа» (стр. 86). Древнѣйшая сербская лѣтопись, дошедшая до насъ въ спискѣ 1453 г., — Копривницкая или Крушедальская, писанная дьякономъ Демьяномъ, по повелѣнію зетскаго епископа Юсіфа, и обнимающая періодъ времени отъ великаго жупана Стефана Немани до смерти короля Вукашина (1371 г.). Эта лѣтопись вмѣстѣ съ Карловицкою, дошедшею въ спискѣ 1503 г., является и «самымъ вѣрнымъ источникомъ для исторіи собственно сербскихъ государей» (стр. 87).

Въ третьей главѣ говорится о «боснійско-хорватскихъ источникахъ» или собственно объ однѣхъ хорватскихъ лѣтописяхъ, такъ какъ боснійскихъ не сохранилось; въ четвертой — о болгарскихъ — «житіи святого Теодосія Терновскаго» († 1362 г.), «житіи Іоанна Рыльскаго», произведеніяхъ Григорія Цамвлака, «житіи Іоакима Сарвапорскаго» и о болгарской Терновской лѣтописи, напечатанной впервые въ 1891 г.; въ пятой — о «молдо-влахійскихъ лѣтописяхъ» и русскихъ (за послѣдними авторъ признаетъ ничтожное значеніе для исторіи Сербіи); въ шестой — о византійскихъ источникахъ (довольно подробно); въ седьмой — объ албанскихъ и итальянскихъ, въ восьмой — о венгерскихъ и, наконецъ, въ десятой — объ «описаніяхъ путешествій по Балканскому полуострову». Въ числѣ послѣднихъ проф. Качановскій говоритъ и о «Хожденіи» русскаго митрополита Пимена въ Царьградъ, впрочемъ, подробнѣе коснулся его въ IV главѣ.

Въ приложеніи помѣщены: «Похвальное слово св. кн. Лазарю» (XVI в.) и Index rerum et nominum» (указатель предметовъ и именъ).

В. Р.—въ.

Рисъ-Дэвидсъ. Буддизмъ. Переводъ подъ редакціей проф. С. Ѳ. Ольденбурга. Изд. О. Н. Поповой („Образоват. библиот.“. Серія 2-я (1898), № 8). Спб. 1899.

Литература по исторіи религіи, а въ частности по буддизму, на русскомъ языкѣ обогатилась переводомъ одного изъ лучшихъ и доступнѣйшихъ сочиненій. Въ одной изъ своихъ рецензій въ «Ист. Вѣстникѣ» мы указывали на трудъ проф. Рисъ-Дэвидса, какъ на такой, переводъ котораго въ высшей степени желателенъ... Проф. Рисъ-Дэвидсъ является въ настоящее время однимъ изъ лучшихъ знатоковъ буддизма и авторомъ многихъ книгъ, посвященныхъ буддизму. Въ то же время онъ не является въ своихъ произведеніяхъ только специалистомъ, который за деревьями не видитъ лѣса. Рисъ-Дэвидсъ, основательно знакомый съ исторіей западной культуры и философіи, нерѣдко проводитъ параллели, иногда очень остроумныя, между явленіями двухъ столь несхожихъ культуръ. Эти параллели, эти обращенія къ предмету, знакомому для читателя, конечно, лучшимъ образомъ уясняютъ и освѣщаютъ буддійское вѣроученіе и увеличиваютъ интересъ къ нему. Въ 1894—1895 гг. «Американскій комитетъ чтеній по исторіи религіи», устривающій лекціи по различнымъ городамъ Америки, счелъ нужнымъ обратиться именно къ Рисъ-Дэвидсу. Шесть его лекцій и составили ту книжку, переводъ которой представляется вниманію русскаго читателя. Въ шести лекціяхъ Рисъ-Дэвидсъ, оставаясь на строго научной почвѣ, знакомитъ съ религіознымъ состояніемъ до появленія Будды, съ источниками нашихъ свѣдѣній о немъ, съ жизнью Будды и, наконецъ, тайной буддизма. Достоинство всѣхъ лекцій—въ ихъ необыкновенной сжатости. Изъ 119 страничекъ въ 16-ю долю листа читатель, совершенно незнакомый съ буддизмомъ, выноситъ очень ясное о немъ представленіе. Книга проф. Рисъ-Дэвидса должна быть первымъ чтеніемъ по исторіи буддійскаго вѣроученія; и мы думаемъ, что она не будетъ первымъ и послѣднимъ вмѣстѣ: она принадлежитъ къ такимъ сочиненіямъ, которыя возбуждаютъ нашу пытливость и желаніе дальнѣйшаго знакомства съ предметомъ.

Русскій переводъ выполненъ безукоризненно: такихъ переводовъ у насъ очень мало, особенно въ области специальныхъ изслѣдованій. Необыкновенная точность перевода, изящество стиля, выдержанная транскрипція и, наконецъ, прекрасная передача восточныхъ текстовъ, переведенныхъ не съ англійскаго, а съ подлинника—достоинства, очень рѣдкія для русскихъ переводовъ.

П. Щ.

Черниговскіе старцы. Псалки и криптоглоссонъ. Черниговъ. 1899.

Въ книгѣ «Черниговскіе старцы», составленной П. Н. Тихановымъ, наиболѣе интересный матеріалъ заключается въ семи словарикахъ тайныхъ языковъ, изъ которыхъ три принадлежатъ черниговскимъ и гомельскимъ ницямъ, остальные—почепскимъ лирникамъ, брянскимъ ницямъ, жиздринскимъ странствующимъ портнымъ и шерстобитамъ. Въ концѣ приложенъ русскій словоуказатель, по которому можно прослѣдить общность нѣкоторыхъ выраженій

этихъ тайныхъ языковъ или «криптоглоссаріевъ», какъ ихъ называетъ г. Тихановъ. Издатель присоединилъ къ собраннымъ имъ матеріаламъ небольшое изслѣдованіе о разнаго рода тайныхъ языкахъ, составляющихъ принадлежность особыхъ кружковъ или классовъ общества. Такіе языки извѣстны, конечно, не въ одной Россіи. Что касается лексическаго матеріала извѣстныхъ русскихъ тайныхъ языковъ, то въ нихъ замѣтенъ довольно сильный греческій элементъ; есть также слова изъ языковъ вѣмецкаго, польскаго, еврейскаго; наконецъ, исковерканныя русскія и просто сочиненныя, иногда, быть можетъ, подъ вліяніемъ школьныхъ бурсацкихъ и семинарскихъ жаргоновъ. Изъ словъ греческихъ довольно указать: гальма — молоко, микрость — малый, декунъ — десять, кресо — мясо, ерой — старикъ, кимать — спать. На эту сторону тайныхъ языковъ указывалось и раньше (напримѣръ, профессоромъ Н. Ѳ. Сумцовымъ въ его разборѣ этнографическихъ трудовъ Е. Романова, Спб., 1894, стр. 99 и сл.). «Болѣе чѣмъ вѣроятно, что тайный языкъ долженъ былъ впервые появиться среди паломниковъ, нуждавшихся для своего обихода на Востокѣ въ греческомъ языкѣ, который затѣмъ въ видѣ тайнаго или непонятнаго дома для окружающихъ понемногу насаждался ими по возвращеніи на родину и постепенно передавался другимъ» («Черниговскіе старцы», стр. 67). Эта гипотеза имѣетъ за себя много основаній. Въ самомъ дѣлѣ, наслѣдниками нашихъ каликъ переходящихъ, заносившихъ духовныя сказанія съ Востока, являются слѣпые лирники и нищіе. Репертуаръ ихъ одинъ и тотъ же — духовные стихи. Нѣсколько духовныхъ стиховъ и псалокъ (псалмовъ) изданы и въ настоящей книгѣ, которая представляетъ цѣнный матеріалъ для этнографіи мѣстнаго населенія.

А. Л.—нко.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ОВРЕМЕННЫЕ труды по исторіи. Англійскій критическій журналъ «Athenaeum» ежегодно помѣщаетъ въ первомъ іюльскомъ своемъ номерѣ обзоръ всѣхъ европейскихкихъ литературъ за истекшій годъ¹⁾. Хотя трудно объяснить, почему эти обзоры дѣлаются не 1-го января, а 1-го іюля, но они представляютъ драгоцѣнный сводъ всего, что появилось замѣчательнаго въ европейскихкихъ литературахъ отъ 1-го іюля прошедшаго года до 1-го іюля текущаго. Настоящій обзоръ отличается обычнымъ интересомъ, только неизвѣстно почему обзорщиками французской и русской литературъ являются не выдающіеся писатели этихъ странъ, какъ обыкновенно, а невѣдомый критикъ Жюль Правѣ и декадентскій поэтъ Бальмонтъ. Въ особенности странно встрѣтить подъ обзорніемъ русской литературы имя такого куріознаго критика, послѣ того, какъ въ прежніе годы оно писалось Милюковымъ и Михайловскимъ. Во всякомъ случаѣ съ помощью этихъ обзоровъ, хотя въкоторыя изъ нихъ не отличаются полнотою, мы можемъ подвести итоги замѣчательнымъ историческимъ трудамъ, появившимся въ послѣдніе двѣнадцать мѣсяцевъ во всей Европѣ, но въ самой краткой формѣ, потому что главнѣйшіе изъ нихъ составили предметъ отдѣльныхъ статей «Историческаго Вѣстника» или замѣтокъ въ настоящемъ отдѣлѣ. Изъ этого бѣглаго обзора исключена только бельгійская историческая литература, на томъ основаніи, что ей будетъ посвящена отдѣльная замѣтка, такъ какъ матеріаломъ о ней могутъ служить нѣкоторыя другія статьи, появившіяся въ европейской журналистикѣ за послѣднее время.

Присутая къ своему отчету о новыхъ историческихъ трудахъ во Франціи, Жюль Правѣ замѣчаетъ, что съ нѣкоторыхъ поръ царить безгранично

¹⁾ Continental Literature. July, 1898, to July 1899. The Athenaeum. July, 1899.

документальная исторія, и читатели требуютъ отъ историка только фактовъ, фактовъ и фактовъ, основанныхъ на архивныхъ изысканіяхъ, а не, какъ бывало, философскихъ, или психологическихъ разсужденій и общихъ взглядовъ. Этой документальностью и яснымъ, живымъ изложеніемъ отличаются недавно вышедшія сочиненія Массона о Жозефинѣ Богарне, къ которой авторъ относится очень строго, тогда какъ Наполеона возносить до небесъ, и Генри Гуссэ — «Ватерлоо». Тѣ же качества имѣетъ первый томъ «Герцогини Бургундской» Оссонвиля (*La duchesse de Bourgogne, par d'Haussonville*), который рисуетъ не только жизнь ввучки Людовика XIV отъ ея рожденія до двадцатилѣтняго возраста, но и блестящую картину послѣднихъ дней царствованія этого короля; «Политическое воспитаніе Людовика XIV» — Лакура-Гайэ (*L'éducation politique de Louis XIV, par Lacour-Gayét*), представляющее новыя свѣдѣнія о воспитаніи великаго короля, и «Дидеро и Екатерина II» Мориса Турнэ. Еще Правье упоминаетъ о слѣдующихъ книгахъ: «Наполеонъ III» — Сильвенна Бло (*Napoleon III, par Sylven Blot*) и «Маршалъ Кавроберъ» — Жермона Бабста (*Marschal Canrobért, par Germon Babst*), а по исторіи философіи и литературы онъ указываетъ на научныя изслѣдованія Генри Лихтенбергера «Философія Ницше» (*La philosophie de Nitsche, par Henri Lichtenberger*) и Пьера Лафита «Фаустъ Гете» (*Le Faust de Goethe, par P. Lafite*), въ которомъ художественная теорія Конта примѣнена къ Фаусту.

Объ историческихъ нѣмецкихъ книгахъ критикъ англійскаго журнала, Эрнестъ Гейльборнъ, говоритъ очень мало и то лишь о мемуарахъ Бисмарка и воспоминаніяхъ Буша, при чемъ приводитъ любопытное и малознаемое выраженіе Вильгельма I: «Не легко быть императоромъ при такомъ канцлерѣ». Кромѣ того, мимоходомъ онъ упоминаетъ сочувственно о книгѣ Мальвиды фонъ Мейзенбургъ (*Lebensabend einer Idealisten; von Malvida von Meysenbug*), въ которой приводятся интересныя воспоминанія о Вагнерѣ, Ницше, Мадзини и Листѣ. Еще кратче отзывъ Ванъ-Викворта-Краммелина о трудахъ голландскихъ историковъ, изъ которыхъ онъ упоминаетъ только объ одномъ профессорѣ Мюллерѣ, который только-что окончилъ свою подробную въ трехъ томахъ «Исторію возникновенія, развитія и начала паденія Голландіи» (*Onze Gouden Eeuw*). Въ Даніи, если вѣрить Альфреду Ибсену, не вышло ни одного замѣчательнаго историческаго сочиненія, такъ какъ онъ указываетъ въ этомъ отдѣлѣ только на мемуары генерала Банга и на два произведенія Георга Брандеса, первое изъ которыхъ посвящено біографіи датскаго художественнаго критика, профессора Юлія Ланге, а второе пламенному протесту противъ нѣмецкихъ преслѣдованій датчанъ въ Шлезвигѣ (*Dans heden i Sonderjylland*), при чемъ знаменитый критикъ отдаетъ преимущество датской культурѣ передъ германской. Еще Ибсенъ заявляетъ о выходѣ перваго тома крупнаго труда Вильгельма Андерсена объ отцѣ романтической школы въ Даніи, Адамѣ Оленшлегерѣ, но откладываетъ отзывъ о немъ до появленія въ будущемъ году втораго и послѣдняго тома. Швеція въ обзорѣни нынѣшняго года вовсе пропущена редакціей «*Athenaeum*» безъ объясненія даже причины, а въ статьѣ о Норвегіи Христіана Бринкмана не приводится ни одной книги строго исторической, а упоминаются лишь сочиненія, имѣющія до исторіи косвенное отно-

шеніе, такъ указаны «Бергенъ въ прошедшемъ и настоящемъ» — Гренвальда, «Сокращенная исторія норвежскаго законодательства» — профессора Тарангера и изслѣдованіе пастора Лэ «О потопѣ» съ богословской точки зрѣнія.

Въ своемъ обзорѣ италянскій литературы, извѣстный библіофилъ и библіографъ, Гвидо Біаджи, отводитъ главное мѣсто сочиненіямъ, порожденнымъ юбилеями Америго Веспуччи, Тосканнелли, Савонароллы, Леопарди и Бернини. Изъ этихъ юбилейныхъ книгъ наиболѣе обращаютъ на себя вниманіе «Жизнь Америго Веспуччи», составленная первоначально флорентійскимъ библіотекаремъ Бандини и пересмотрѣнная профессоромъ Уціелли, который снабдилъ ее примѣчаніями и добавленіями; собраніе избранныхъ сочиненій Савонароллы съ комментаріями профессора Виллари, и два любопытныхъ изслѣдованія о Леопарди, вышедшія изъ-подъ пера поэта Кардуччи и публициста Роберто. Большое значеніе для исторіи итальянской культуры имѣетъ изданіе подъ общимъ заглавіемъ «La vita italiana» публичныхъ лекцій, читанныхъ въ послѣдніе годы во Флоренціи извѣстными итальянскими писателями о различныхъ фазахъ итальянской жизни, начиная отъ среднихъ вѣковъ до нашихъ дней. Одни имена лекторовъ уже указываютъ на интересъ этихъ историческихъ и соціальныхъ очерковъ, такъ между ними находятся: Кардуччи, Бонгги-Криспи, Фоггацаро, Виллари и Джіакоза. Вообще въ Италіи очень распространены публичныя чтенія, которыя потомъ печатаются отдѣльными книгами. Въ особенности замѣчательна въ этомъ отношеніи дѣятельность Дантовскихъ обществъ въ Миланѣ и Флоренціи. Первое изъ нихъ издало «Con Dante e per Dante», сборникъ лекцій о различныхъ предметахъ, касающихся Данте, а послѣднее возобновило публичное чтеніе съ комментаріями «Божественной комедіи», которое было основано знаменитымъ Боккачіо въ 1373 году и продолжалось вплоть до смерти извѣстнаго Дантовскаго критика, Джуліани, пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Теперь каждую среду отъ ноября до іюня одинъ изъ ученыхъ изслѣдователей Данте читаетъ одну изъ пѣсней великой поэмы Данте и потомъ ее комментируетъ. Въ числѣ лекторовъ находятся Кардуччи, Дель-Лунго, Казини и Маццони. Чтобы придать особый блескъ возстановленію этого вѣковаго учрежденія Флоренціи, семидесяти-лѣтній маститый актеръ Томазо Сальвини прочелъ первую пѣснь «Божественной комедіи». Конечно, комментаріи лекторовъ собираются въ сборники, которые и выходятъ въ свѣтъ отъ времени до времени. Дантовская литература обогатилась недавно двумя замѣчательными трудами одного изъ лучшихъ знатоковъ Данте, профессора Дель-Лунго, о Данте и его вѣкѣ, подъ заглавіемъ «Dal secole e del Poema di Dante» и «Da Bonifazio VIII ad Arrigo VII». Изъ другихъ историческихъ сочиненій, вышедшихъ въ Италіи, Біаджи еще упоминаетъ о второмъ томѣ автобіографіи генерала Делла-Рокка (Autobiografia d'un Veterano) и объ окончаніи обширнаго труда по исторіи Флоренціи А. Герарди (Consulte della Repubblica Fiorentina).

По словамъ Рафаэля Альтамиры, обзорѣвателя испанской литературы, главное мѣсто въ ней за послѣдніе двѣнадцать мѣсяцевъ занимала исторія, и онъ указываетъ на нѣсколько новыхъ, важныхъ историческихъ трудовъ. Профессоръ Барселонскаго университета Баллари издалъ интересную монографію объ историческомъ происхожденіи Каталоніи (Origenes Historicos de Cataluna),

которая заключаетъ въ себѣ безчисленныя свѣдѣнія, почерпнутыя изъ оригинальныхъ документовъ объ исторіи, культурѣ, географіи, филологіи, флорѣ и фаунѣ Каталоніи отъ VIII вѣка до XII. Еще важнѣе въ историческомъ и социальномъ отношеніи «Аграрный коллективизмъ въ Испаніи», Косты, который выпустилъ въ свѣтъ еще только два тома своей полной исторіи коллективистскихъ теорій и учреждений въ Испаніи съ XVI столѣтія до нашего времени. Для историковъ Испаніи имѣетъ громадное значеніе напечатанный Дономъ Рамономъ Менендэзомъ Пидалемъ каталогъ испанскихъ рукописныхъ хроникъ, хранящихся въ королевской библиотекѣ, съ подробными комментаріями и примѣчаніями. Печатаніе историческихъ документовъ составляетъ характеристическую черту испанской литературы, и Альтамира называетъ цѣлый рядъ подобныхъ полезныхъ изданій, изъ которыхъ можно указать на сборники документовъ по исторіи Кастиліи, Каталоніи, Перу и Филиппинскихъ острововъ. Также богата мѣстная и колоніальная историческая литература монографіями, изъ которыхъ съ особымъ сочувствіемъ Альтамира указываетъ на исторіи Севильи, Дона-Иокима-Гихота, провинціи Цудатъ-Реаль, Блазкеза, и Мида-нао, Гонзалезо Парардо. Еще отмѣтимъ въ числѣ многочисленныхъ историческихъ трудовъ, вышедшихъ за годъ въ Испаніи: «Война за присоединеніе Португаліи при Филиппѣ II», Суареза Инклано; четвертый томъ «Исторіи испанскаго флота», Фернандезо Дуро, «Критическая исторія юридической литературы Испаніи», Урана, и «Участіе Саламанкскаго университета въ составленіи Грегорианскаго календаря», Вустоза.

Если новые историческіе труды въ Венгріи не отличаются количествомъ, то ихъ качество, какъ увѣряетъ Леопольдъ Качнеръ, авторъ статьи о Венгріи въ «Athenaeum», очень значительно. Вышелъ шестой томъ посмертныхъ сочиненій Кошута, въ составъ котораго вошли его историческіе очерки и политическая переписка съ Викторомъ-Эммануиломъ, принцемъ Наполеономъ и другими выдающимися общественными дѣятелями. Появился четвертый томъ «Исторіи демократіи» профессора Шварца, который въ этомъ томѣ говоритъ о римской республикѣ до 275 года до Р. X. и выражаетъ оригинальные взгляды, противорѣчащія Момзену и другимъ историкамъ Рима. Исторія мадьярской націи, предпринятая недавно умершимъ Челаги, окончена выпускомъ X тома, который посвященъ исторіи послѣднихъ пятидесяти лѣтъ и написанъ двумя авторами, Марки и Бексичемъ. Наконецъ напечатаны два тома «Большой иллюстрированной исторіи всего свѣта» подъ редакціей перваго историка Венгріи, Марчали.

Говоря о польской литературѣ, Адамъ Бѣльчковский указываетъ, какъ на самые выдающіеся новые историческіе труды: «Величіе и паденіе Яна Собѣскаго», — Корзона, второй томъ «Исторія польской націи» — Грабинскаго, «Лже-Димитрій» — Гирцберга, «Бурбоны въ Митавѣ и Варшавѣ», — Краушара, и на опытъ исторической психологіи Охоровича: «Безсознательныя традиціи человѣчества». По поводу юбилея Мицкевича вышло три замѣчательныхъ монографій: поэтессы Конопнички, Бѣльчковского и Хмѣловскаго.

Не лишне упомянуть, что въ своемъ обзорѣ русской литературы декадентскій поэтъ, Бальмонтъ, назвавъ неизвѣстно почему новый романъ Толстаго разбитой, а потомъ склеенной вазой, достойной только занять мѣсто въ музѣѣ

рѣдкостей, и вознеся до небесъ также неизвѣстно почему Случевского, ставить вопль справедливо на первое мѣсто среди русскихъ историческихъ трудовъ послѣдняго времени «Императора Александра I»—Шиллера. Затѣмъ онъ указываетъ съ похвалою на сочиненія Тихонравова, изданныя въ Москвѣ, и на книги Котляревскаго—«Міровая скорбь въ концѣ прошлаго и началъ нынѣшняго вѣка», Шляпкина,—«Наталья Алексѣевна и театр ея времени», Бороздина—«Протопопъ Аввакумъ» и т. д.

— Тысячелѣтній юбилей Альфреда Великаго. Въ 1901 году Англія будетъ праздновать тысячелѣтнюю годовщину смерти своего національнаго героя, короля Альфреда, и, конечно, центромъ торжествъ будетъ городъ Винчестеръ, который былъ столицей его государства. Поэтому неудивительно, что мэръ этого города, Бокеръ, уже издалъ сборникъ историческихъ этюдовъ выдающихся писателей ¹⁾ объ этой популярной исторической личности. Какъ это ни странно, но до сихъ поръ лучшая біографія героя-короля Вессекса, настоящаго основателя англійской націи, была на нѣмецкомъ языкѣ и принадлежала нѣмецкому историку Лаппенбергу. Но теперь въ этомъ юбилейномъ сборникѣ, Альфредъ Великій изученъ и представленъ со всѣхъ сторонъ, со всѣхъ точекъ зрѣнія. Въ предисловіи извѣстный историкъ и романистъ, сэръ Вальтеръ Безантъ, представляетъ общую характеристику Альфреда, который, по его словамъ, «настолько былъ основателемъ Англіи, что каждый англійскій корабль могъ бы носить его имя, каждая школа — имѣть его бюстъ и каждая ратуша—его статую». Всего болѣе онъ настаиваетъ на его національномъ значеніи и фактически доказываетъ, что совершенное имъ великое дѣло отличалось потому прочностью, что было пропитано національнымъ характеромъ, а составленный имъ кодексъ потому быстро привился къ странѣ, что его основа была чисто національная. На этомъ основаніи Безантъ называетъ Альфреда «типическимъ представителемъ англійской расы». Самый блестящій очеркъ въ сборникѣ принадлежитъ талантливому публицисту и главѣ современныхъ позитивистовъ въ Англіи, Фредеріку Гарисону, который разсматриваетъ Альфреда, какъ короля. Извѣстно, что онъ былъ сыномъ короля Эгельвульфа, родился въ 849 г., вступилъ на престолъ двадцати двухъ лѣтъ, освободилъ свою родину отъ датчанъ, основалъ школы, издалъ законы, писалъ различныя сочиненія, поощрялъ торговлю и умеръ въ 901 году. Представивъ мастерскую общую характеристику королевской дѣятельности Альфреда, авторъ приходитъ къ заключенію, что она имѣетъ болѣе разнообразія, единства, органической связи и нравственнаго величія, чѣмъ дѣятельность любого правителя въ исторіи человѣчества, а потому называетъ его «образцемъ человѣка дѣйствія». Остальные сотрудники сборника характеризуютъ Альфреда Великаго, какъ религіознаго человѣка, воспитателя своего народа, военачальника, географа, писателя, законодателя и покровителя искусствъ. Хотя новыхъ фактовъ изъ жизни или дѣятельности Альфреда всѣ эти монографіи не представляютъ, но за то онѣ безжалостно уничтожаютъ многочи-

¹⁾ Alfred the Great. Containing Chapters on his Life and Times, by B. Harrison, the lord Bishop of Bristol etc. London. 1899.

сленные легенды о народномъ героѣ, между прочимъ, извѣстные рассказы, какъ Альфредъ ѣкъ пироги у поселянки, которая скрыла его во время бѣгства отъ побѣдившихъ его датчанъ, и какъ онъ переодѣтый народнымъ пѣвцомъ пробрался въ датскій лагерь, а вмѣстѣ съ тѣмъ заключаютъ въ себѣ полный сводъ всего, что извѣстно объ этомъ чисто англійскомъ дѣятелѣ тысячу лѣтъ тому назадъ. Между прочимъ епископъ Бристольскій, давшій характеристику Альфреда, какъ религіознаго человѣка, и сэръ Клементъ Маркгамъ, говорящій о немъ, какъ о географѣ, сообщаютъ малоизвѣстные, но любопытные факты, что Альфредъ въ дѣтствѣ былъ въ Римѣ, что онъ въ религіозныхъ вопросахъ держался очень широкой, либеральной точки зрѣнія, и что онъ снаряжалъ экспедиціи Отера и Вульфстона для географическихъ изслѣдованій сѣвера.

— Соціальное положеніе Франціи во время крестовыхъ походовъ. Авторъ любопытной книги подъ этимъ заглавіемъ Луи Гарро, воспользовался не только многочисленными печатными матеріалами, но и архивными источниками для составленія полной, основательной и рельефной картины организаціи всѣхъ слоевъ французскаго общества въ теченіе трехъ вѣковъ, ознаменованныхъ крестовыми походами ¹⁾. Въ этомъ первомъ томѣ своего обширнаго труда онъ исключительно рисуетъ соціальное положеніе Франціи, а наукѣ, искусству и литературѣ будетъ посвященъ особый второй томъ. Гарро правильно избралъ эру крестовыхъ походовъ, какъ самую характеристическую эпоху среднихъ вѣковъ. Дѣйствительно, съ XI до XIII вѣка въ соціальному положеніи Западной Европы, начавшемъ измѣняться съ переселенія варваровъ въ предѣлы Римской имперіи, произошла полная амальгама латинскихъ и германскихъ элементовъ. Расчлененный этимъ наплывомъ варварскихъ племенъ, западный міръ видоизмѣнился, и среди развалинъ прошлаго возникло новое общество, которое достигло своего органическаго апогея въ XII столѣтіи, а въ слѣдующемъ вѣкѣ, хотя оно еще вполнѣ процвѣтало, стали замѣтны проблески новой исторической эволюціи. Самой характерной чертой тогдашняго французскаго общества было существованіе двухъ слоевъ, отличныхъ другъ отъ друга, хотя одинаковыхъ по религіи и языку: одинъ изъ нихъ былъ господствующій — военный, а другой подчиненный и работающій на него — сельскій и промышленный. Подобное явленіе, напоминающее организмъ первобытныхъ обществъ, составляло естественный результатъ уничтоженія стараго политическаго и общественнаго строя. Естественно при крушеніи древняго міра сохранилось только право сильнаго, и слабыя существа должны были работать на сильныхъ. Въ сущности и древнія общества не имѣли другой основы, но оригинальность средневѣкового общественнаго устройства заключалась въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя существовали между господствующимъ и подчиненнымъ элементами. Центральной власти вовсе не существовало, а свободные собственники земли пользовались полною независимостью и самостоятельностью. Они не имѣли достаточно силы, чтобы предохранить свои владѣнія отъ враговъ, дѣлали, что хотѣли, у себя

¹⁾ L'Etat social de la France au temps des Croisades, par L. Garreau. Paris. 1899.

и не признавали никакой власти надъ собою. Однако между феодальными владѣльцами естественно возникла своего рода іерархія: менѣ сильные по необходимости тянули къ болѣе сильнымъ и заключали съ ними союзы, изъ которыхъ возникла военная повинность, судебныя учрежденія и гарантія гражданскихъ правъ. Но такъ какъ эти феодальныя узы были условныя и добровольныя, то установленная ими іерархія была непрочна, и власть крупныхъ феодаловъ отличалась надежностью. Внизу общественнаго зданія находилась масса бѣдныхъ тружениковъ безъ всякихъ политическихъ правъ и съ неполными гражданскими правами. Сельское населеніе состояло изъ двухъ классовъ: изъ потомковъ рабовъ, которые находились въ полной зависимости отъ своихъ господъ, и арендаторовъ, хотя свободныхъ, но безпомощныхъ по своей бѣдности и закрѣпленныхъ къ землѣ, а отчасти къ феодаламъ, благодаря различнымъ повинностямъ. Городское населеніе пользовалось правами свободного труда и собственности, но платило подати и отбывало военную повинность и находилось, несмотря на свои права и состоятельность, доходившую иногда до богатства, въ подчиненномъ положеніи. Всѣ горожане, арендаторы и поселяне болѣе или менѣе зависѣли отъ феодаловъ и относительно ихъ были виленами, т. е. дрянными людьми. Рядомъ съ этими двумя строго опредѣленными и несмѣшивавшимися общественными слоями находился еще третій совершенно независимый классъ, именно католическая церковь. Законъ о безбрачїи, восстановленный въ XI вѣкѣ, помѣшалъ католической церкви сдѣлаться закрытою кастой. Входя своими поземельными владѣніями въ составъ феодальной іерархїи, она рисковала подчиниться крупнымъ феодаламъ, но сумѣла сохранить свою независимость, и при общей политической анархїи она является единственной хранительницей идеи о государствѣ. За отсутствіемъ свѣтской общественной власти, католическая церковь пытается сдѣлать изъ своихъ соборовъ законодательныя собранія для всего христіанскаго міра и выработать на нихъ общіе законы, но она не имѣла достаточной силы, чтобы придать этимъ законамъ обязательность, такъ какъ единственное ея орудіе, отлученіе отъ церкви, было недостаточнымъ. Чувствуя свою безпомощность для борьбы съ феодальными злоупотребленіями, церковь объединила феодаловъ вѣрой и направила на востокъ ихъ кипучую дѣятельность. Въ этомъ отношеніи крестовые походы служили полезной отдушиной для западнаго міра. Точно также католическая церковь имѣла полезное вліяніе на общественный строй, ослабляя гнетъ феодаловъ, соединяя религіозными стремленіями всѣ классы и проповѣдуя, голосомъ своихъ монаховъ, христіанское смиреніе. Вотъ въ чемъ заключались главные соціальныя элементы въ эпоху крестовыхъ походовъ, а изъ взаимодѣйствія этихъ элементовъ, какъ ясно указываетъ въ своей книгѣ Гарро, возникла новая историческая эволюція. Въ XIII вѣкѣ первобытныя отношенія этихъ элементовъ измѣняются, и среди феодальнаго міра восстанавливается сначала на феодальныхъ устояхъ центральная власть, которая потомъ стремится подчинить своему игу не только низшіе классы, но и самихъ феодаловъ. Съ другой стороны низшіе классы мало-по-малу достигли до ограниченія своей зависимости: арендаторы и освобожденные рабы начинаютъ пользоваться гражданскими правами, а горожане, составивъ общины, за-

воевыаютъ себѣ даже политическія права. Этотъ нарождающійся средній классъ становится поддержкой королевской власти, и по словамъ Гарро «онъ содѣйствовалъ главнымъ образомъ уничтоженію во Франціи господствующей роли феодаловъ, впоследствии довелъ ихъ до положенія безпомощной касты и въ концѣ концовъ похоронилъ феодализмъ и католическую церковь, вмѣстѣ со старинной монархіей».

— Савонарола. Рѣдкіе изъ знаменитыхъ людей такъ ставили вту-пикъ современниковъ и потомство, какъ Джироламо Савонарола, уроженецъ Феррары и апостоль Флоренціи. О немъ писали безконечныя книги, въ которыхъ его выставляли то героемъ, то обманщикомъ, то мученикомъ, то апостоломъ, то святымъ, то исчадьемъ ада. Его портреты украшали покои многихъ папъ, и его статуя стоитъ въ Вормсѣ, рядомъ съ статуей Лютера. Анти-клерикалы Италіи считаютъ его однимъ изъ своихъ великихъ бойцовъ, а клерикалы жаждутъ до сихъ поръ причисленія его къ лику святыхъ. Флорентинцы его обожали и ненавидѣли, убили его и до сихъ поръ поклоняются ему. Маккиавелли видѣлъ въ немъ только политическаго интригана, а св. Филиппъ изъ Нери считалъ его пламеннымъ слугою Бога. По стопамъ этого святого идетъ современный англійскій іезуитъ, патерь Гербертъ Лукасъ¹⁾, и въ красиво написанной біографіи Савонаролы по поводу его прошлаго юбилея чрезвычайно безпристрастно отзывается о великомъ итальянскомъ реформаторѣ. Отдавая полную справедливость его возвышеннымъ нравственнымъ качествамъ, Лукасъ приводитъ не только современные ему документы, но и отзывы о немъ всѣхъ лучшихъ писателей за пятьсотъ лѣтъ, протекшихъ съ его казни. Эта казнь составляетъ, по словамъ одного англійскаго критика, одинъ изъ самыхъ глупыхъ фактовъ исторіи. Католическая церковь еще недавно, желая снять съ себя пятно, налагаемое на нее сожженіемъ Савонаролы, торжественно заявила, что въ его сочиненіяхъ и проповѣдяхъ не было ничего предосудительнаго, а его злѣйшіе враги никогда не приводили противъ него болѣе тяжелаго обвиненія, какъ ослушаніе папы. Но, если принять въ соображеніе, что этотъ папа былъ не кто иной, какъ Александръ Борджіа, ознаменовавшій себя самыми гнусными преступленіями, то неудивительно, что подобное ослушаніе не ставится ему въ вину даже іезуитами, представитель которыхъ является авторомъ настоящей книги. «Савонарола, — говоритъ англійскій историкъ Морлей въ своей недавней характеристикѣ Маккиавелли, — предпочелъ скорѣе погибнуть на кострѣ во Флоренціи, чѣмъ прекратить свою проповѣдь о томъ, что Флоренція можетъ спастись отъ Божьяго гнѣва только коренной реформой своихъ нравовъ. «Знаменитая англійская романистка, Джорджъ Эллиотъ, въ своемъ романѣ «Римона», гдѣ выведена съ поразительнымъ блескомъ фигура великаго доминиканскаго монаха, говоритъ: «Свѣтскія и духовныя власти возстали противъ Савонаролы не потому, что онъ былъ слишкомъ грѣшенъ или пользовался слишкомъ большимъ вліяніемъ на народъ, не потому, что онъ обманывалъ свѣтъ, а потому, что хотѣлъ сдѣлать свѣтъ благороднѣе и возвышеннѣе». Дѣйствительно, вся жизнь этого смиреннаго монаха, родившагося въ 1452 году, была посвящена

¹⁾ «Fra Girolamo Savonarola». By Herbert Lucas. London. 1899.

обличенію безнравственности всѣхъ слоевъ общества, начиная отъ правителей и духовныхъ лицъ — до послѣдняго бѣдняка. Его пламенные проповѣди въ церквахъ и на площадяхъ Флоренціи въ самый разгаръ разврата и лицемерія во всей Италіи такъ вліяли на толпы, внимавшія его вдохновенному слову, что флорентинцы провозгласили своимъ королемъ Иисуса Христа и предалися аскетическому образу жизни. Тамъ, гдѣ роскошествовалъ Лоренцо Медичи, утвердился простой монахъ, стремившійся создать теократическо-демократическую республику. Но, несмотря на искреннюю любовь народа къ Савонаролѣ, его торжество продолжалось недолго. Высшіе классы и духовенство поднялись противъ него, и въ 1498 году онъ былъ сожженъ на кострѣ, какъ еретикъ. Хотя во время пытки онъ отказался отъ своей реформаторской дѣятельности, но на кострѣ онъ снова выказалъ себя вдохновеннымъ апостоломъ и въ отвѣтъ на провозглашеніе папскимъ легатомъ, что воинственная и торжествующая церковь Христова отвергаетъ его, онъ громко воскликнулъ: «Нѣтъ, торжествующая церковь Христова меня не отвергаетъ». Затѣмъ уже среди объявшаго его пламени онъ произнесъ: «Христосъ еще болѣе пострадалъ за меня!» и, простирая правую руку, благословилъ Флоренцію, всю Италію, все человѣчество. Такъ кончилась одна изъ самыхъ поразительныхъ трагедій въ исторіи, и врядъ ли она когда нибудь прежде была такъ рельефно, подробно и безпристрастно рассказана, какъ въ книгѣ Люкаса.

— Полярная экспедиція въ XVI столѣтіи. Во второй іюльской книжкѣ «Revue Nouvelle» помѣщена статья голландскаго писателя Эдуарда Ванъ-Біэмы о мало извѣстной экспедиціи его соотечественниковъ въ 1596 году въ полярныя страны ¹⁾. Со времени посѣщенія англійскими моряками: сэромъ Гюгомъ Вильюби — Новой Земли и Ричардомъ Чанселоромъ — Вѣлаго моря, голландцы нѣсколько разъ старались пойти по ихъ слѣдамъ и открыть сѣверный путь въ Азію, но экспедиціи Корнелія Наи, Брандта, Тедгальса и Вилема Барентса въ 1594 году не увѣнчались успѣхомъ. Достигнувъ Югорскаго Шара, они должны были вернуться обратно въ виду массы встрѣченнаго льда. Несмотря на этотъ неудовлетворительный результатъ, Нидерландскіе Штаты, съ тою же цѣлью открытія сѣвернаго прохода, а также для продажи накопившагося у голландскихъ торговцевъ товара, снарядили семь судовъ, изъ которыхъ два были военныя, но они не проникли далѣе 72¹/₂° и возвратились безъ всякаго результата, даже не сбывъ своего товара. Но Нидерландскіе Штаты не унывали, и, чтобы подобныя экспедиціи не прекращались, назначили премію въ 25.000 флориновъ за открытіе сѣвернаго прохода. Не лишне упомянуть, что Норденшельдъ, осуществившій эту задачу 200 лѣтъ спустя, предъявилъ требованіе на эту премію, но голандское правительство отказало ему подъ тѣмъ предлогомъ, что резолюція Нидерландскихъ Штатовъ давно потеряла силу. Въ свое время эта премія показалаь столь заманчивой амстердамскому муниципалитету, что въ 1596 году онъ снарядилъ новую экспедицію, состоявшую изъ двухъ судовъ подъ начальствомъ Якова Ванъ-Геемскерка и Яна Кор-

¹⁾ Une expedition polaire au XVI siècle, par Eduard Van-Biéma. «Nouvelle Revue», 15 juillet 1899.

нелса Рипа, при участіи уже ранѣе бывшаго на Ледовитомъ океанѣ Барентса. 10-го мая они вышли изъ Амстердама и 10-го іюня открыли подъ 74° Медвѣжій островъ, названный такъ потому, что голландцы впервые увидѣли у его берега на ледяной глыбѣ бѣлаго медвѣдя, котораго съ трудомъ убили. На этомъ островѣ въ началѣ XIX столѣтія норвежцы основали рыболовную станцію, затѣмъ ихъ примѣру послѣдовали русскіе, а въ нынѣшнемъ году снарядили туда экспедицію нѣмцы, съ цѣлью захватить островъ, богатый каменно-угольными залежами. Покинувъ вновь открытый островъ, голландцы, спустя нѣсколько дней, сдѣлали новое еще болѣе важное открытіе острова Шпицбергена. Но тутъ начальники судовъ перессорились, и Рипъ, зайдя въ Колу, вернулся въ Голландію къ 1 ноября, а Геемскеркъ съ Барентсомъ продолжалъ свое путешествіе на сѣверъ. Въ концѣ августа онъ достигъ береговъ Новой Земли, но тамъ льды такъ затерли его судно, что ему пришлось зимовать въ этой пустынной мѣстности. Зима продолжалась цѣлыхъ десять мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ голландцы перенесли всевозможныя лишенія и выдержали борьбу не только съ голодомъ и холодомъ, но и съ бѣлыми медвѣдями, постоянно нападавшими на ихъ шалаши, причемъ они взбирались даже на крышу и пытались спускаться внизъ по трубѣ. Наконецъ, въ началѣ іюня голландцы, за исключеніемъ нѣсколькихъ умершихъ бѣдняковъ товарищей, въ томъ числѣ Барентса, собрались въ обратный путь, но судно было уже ни къ чему не годно, и пришлось отправиться въ двухъ лодкахъ. Среди всевозможныхъ приключеній и опасностей, они три мѣсяца странствовали по Ледовитому океану, встрѣчая по временамъ русскія суда, которыя оказывали имъ помощь и продавали имъ пищу. Наконецъ, проплывъ въ этихъ лодкахъ 400 миль, они благополучно достигли 2-го сентября Колы. Тамъ они отдохнули, и, оставивъ свои лодки городскому управленію въ память своего опаснаго путешествія, Геемскеркъ съ товарищами вернулся въ Голландію на корабль того самаго Рипа, съ которымъ онъ разстался у Шпицбергена и который, уже побывавъ на родинѣ, предпринялъ вторую экспедицію. 1-го ноября Амстердамъ сдѣлалъ торжественную встрѣчу смѣлымъ полярнымъ путешественникамъ, которыхъ считали давно погибшими.

— Шведская королева Христина и кардиналъ Аццолино. Одну изъ любопытныхъ историческихъ загадокъ составляетъ жизнь шведской королевы Христины, о которой писано много не только историческихъ трудовъ, но поэмъ и романовъ, представляющихъ ее съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія, то въ видѣ, популярной королевы, то великой женщины, то комедіантки, то убійцы, то сумасшедшей. Наболѣе связана съ ея именемъ драматическая исторія убійства по ея приказанію состоявшаго при ней Мональдески другимъ ея придворнымъ Сантинелли. Согласно принятой всѣми историками легендѣ, Мональдески былъ любовникомъ Христины, а убитъ онъ другимъ ея любовникомъ Сантинелли, благодаря двойной ревности самого Сантинелли и Христины, которой Мональдески измѣнилъ. Въ настоящее время, подобно всѣмъ другимъ историческимъ легендамъ, и трагедія, происшедшая въ Галлерей Оленей въ Фонтенебло, теряетъ свой романтический характеръ. Шведскій посланникъ въ Римѣ, баронъ Вильдтъ, нашелъ переписку Христины съ кардиналомъ Аццолино и напечаталъ ее на француз-

скомъ языкѣ съ примѣчаніями и любопытнымъ предисловіемъ ¹⁾). По поводу этой книги явился цѣлый рядъ статей во французскихъ, англійскихъ, нѣмецкихъ и итальянскихъ журналахъ, изъ которыхъ наиболѣе интересны статьи Давіэlsa въ «Preussische Jahrbücher» и Эрнеста Мазі въ «Nuova Antologia» ²⁾). Всѣ авторы этихъ статей, слѣдуя за Бильдтомъ, который нашель обнаруженныя имъ письма Христіны частью въ бумагахъ маркиза Аццоліно, потомка кардинала, а частью въ библиотекѣ медицинскаго факультета въ Монпелье, единогласно признають, что знаменитая Христіна была эгоистичной невропаткой. Дочь шведскаго героя Густава-Адольфа и матери полусихопатки, полусумасшедшей, съ которой ее пришлось разлучить въ дѣтствѣ, Христіна получила чисто мужское воспитаніе, при чемъ она была слишкомъ рано напичкана званіями. Она отличалась большимъ умомъ, силой воли и замѣчательнымъ трудолюбіемъ, но больная, нервная, патологически самолюбивая, она естественно сдѣлалась существомъ капризнымъ, ненормальнымъ, холоднымъ, безжалостнымъ и въ виду соединенія въ ней многихъ контрастовъ загадочнымъ. Родившись въ 1626 году и вступивъ на престолъ шестилѣтнимъ ребенкомъ, она долго была игрушкой придворныхъ интригъ, а когда, наконецъ, стала въ 1644 году самостоятельно управлять государствомъ, то сначала окружила себя способными государственными людьми и пользовалась народной любовью. Но, по мѣткому выраженію Бильдта, «она въ теченіе своей пятилѣтней, образцовой дѣятельности въ качествѣ королевы, слишкомъ переутомила свою натуру, такъ какъ не давала ни минуты покоя своему уму и нервамъ, занимаясь съ одинаковой жадной энергіей дѣлами, изученіемъ наукъ и удовольствіями». Въ послѣдніе годы своего десятилѣтняго царствованія, она подпала подъ вліяніе политическихъ интригановъ, приводила втушикъ даже своихъ ярыхъ приверженцевъ невозможными эксцентричностями и удивила весь міръ неожиданнымъ отреченіемъ отъ престола и переходомъ изъ протестантской религіи въ католическую. Не успѣла она добровольно снять съ себя корону, какъ уже начинаетъ мечтать сдѣлаться королевой неаполитанской, или польской, собирается вести войну съ турками и хочетъ купить великое герцогство Бременское. Много лѣтъ странствовала она по Европѣ и то жила въ Римѣ, то въ Парижѣ, то въ Германіи. Наконецъ, она хотѣла вернуться въ Швецію, но ее туда не пустили, и на шестьдесятъ четвертомъ году своей бурной, полной приключеній, жизни, она умерла въ Римѣ. Что касается до романической стороны жизни Христіны, то, благодаря книгѣ Бильдта, оказывается, что всѣ обвиненія въ безнравственности и развратѣ, сыпавшіяся на нее со всѣхъ сторонъ, вполнѣ неосновательны. Мональдеки и Сантивелли вовсе не были ея любовниками, а если дѣйствительно она приказала послѣднему убить перваго, то вовсе не изъ ревности, а считая себя въ правѣ, какъ королева, наказать своего придворнаго за измѣну, политическія интриги противъ

¹⁾ Christine de Suede et le cardinal Azzolino: lettres inedites (1666—1668), avec une introduction, par le baron de Bildt. Paris. 1899.

²⁾ Cristina de Svezia e il cardinale Azzolino di Ernesto Masi. Nuova Antologia 16 giugno. 1899.

нея и выдачу Испаніи ея плана овладѣть неаполитанской короной. Если же дѣйствительно въ ея жизни былъ одинъ романъ, то онъ нисколько не доказываетъ ея безнравственности. Она тридцать лѣтъ любила красиваго, блестящаго кардинала Аццолино, и эта тайна ея жизни теперь совершенно ясно обнаруживается письмами Христины къ кардиналу во время путешествія по Европѣ въ теченіе двухъ лѣтъ отъ 1666 г. до 1668 г. Эти письма составляютъ драгоценный историческій матеріалъ, такъ какъ они не только бросаютъ яркій свѣтъ на собственную личность Христины, но рисуютъ картину тогдашняго положенія политическихъ дѣлъ въ Европѣ, придворной жизни во Франціи, высшаго общества въ Римѣ и т. д. Написаны эти письма очень живо, картинно и изобилуютъ интересными описаніями, саркастическими характеристиками выдающихся личностей и остроумными замѣчаніями, а главное въ каждой ихъ фразѣ просвѣчиваетъ умная, нервная женщина, презиравшая свѣтскую рутину и общественные предрассудки. Горячая же, преданная, постоянная любовь ея къ кардиналу Аццолино придаетъ мягкій, человѣчный оттѣнокъ этой рѣшительной, суровой, эгоистичной невронаткѣ.

— Отголоски юбилея Кромвеля. Сочиненія по поводу недавняго трехсотлѣтняго юбилея Кромвеля продолжаютъ выходить въ Англіи, и надняхъ появилось ихъ еще три. Гальденъ Пайкъ составилъ краткую компіляцію по извѣстнымъ матеріаламъ и преимущественно по Карлайлю подъ заглавіемъ: «Оливеръ Кромвель и его время» ¹⁾. Въ ней нѣтъ ничего новаго и авторъ возноситъ до небесъ своего героя, проходя молчаніемъ всѣ спорныя стороны его дѣятельности и характера. Сэръ Ричардъ Танджи напечаталъ небольшой очеркъ дѣятельности обоихъ протекторовъ, Оливера Кромвеля и его сына Ричарда ²⁾, но въ ней встрѣчаются новинки, именно письма Оливера, которые обнаруживаютъ, какъ онъ заботился о больныхъ или раненыхъ солдатахъ, отрывки изъ находящихся въ коллекціи Кромвелевскихъ предметовъ, составленной авторомъ, двухъ сотъ документовъ, касающихся осады Понтефрактскаго замка и копии съ протоколовъ Кромвелевской палаты лордовъ, которые были уничтожены передъ возстановленіемъ монархіи. Но наиболѣе замѣчательна изъ всей юбилейной литературы новая книга извѣстнаго историка Гардинера, который уже много писалъ въ своей «Исторіи Англіи» о Кромвелѣ и его эпохѣ ³⁾. Эта блестящая и вполнѣ безпристрастная характеристика величайшаго государственнаго дѣятеля Англіи снабжена длиннымъ рядомъ великолѣпно воспроизведенныхъ, старинныхъ портретовъ и рисунковъ. Какъ извѣстно, Гардинеръ уже давно высказалъ свой взглядъ на Кромвеля и его соперника Карла I; послѣдняго онъ считаетъ человѣкомъ слабохарактернымъ, легкомысленнымъ и безнравственнымъ въ широкомъ значеніи этого слова, а перваго признаетъ «типическимъ представителемъ англійской расы». Въ военныхъ способностяхъ лорда-протектора теперь никто не сомнѣвается, но относительно его политической

¹⁾ Oliver Cromwell and his Times, by H. Pike. London. 1899.

²⁾ The two protectors: Oliver and Richard Cromwell, by sir Richard Tangye. London, 1899.

³⁾ Oliver Cromwell, by Samuel Rawson Gardiner. London. 1899.

дѣятельности мнѣнія расходятся, и до сихъ поръ одни историки считаютъ, что онъ руководился во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ только самолюбіемъ, а другіе, и въ томъ числѣ Гардинеръ, признаютъ, что онъ управлялъ страной диктаторски, исполнѣ убѣжденный въ своемъ призваніи свыше вести англійскій народъ къ золотому вѣку мира и спокойствія. При этомъ обстоятельства не позволяли ему въ политикѣ такой же свободы дѣйствія, какъ на полѣ брани, и Гардинеръ исполнѣ справедливо замѣчаетъ: «Кромвель менѣе всѣхъ людей былъ склоненъ къ военному управленію и исполнѣ искренно стремился къ учрежденію гражданской власти въ странѣ, безъ всякаго вышательства военного элемента, но ему было необходимо прежде всего поддержать порядокъ, и онъ не могъ противостоять влиянію военныхъ дѣятелей, считавшихъ необходимымъ сохранить гарантіи установленнаго строя». Несомнѣнно, что со времени раслученія Долгаго парламента и до своей смерти онъ распоряжался такъ же деспотически, какъ Карлъ I, но между ними было коренное различіе. Карлъ былъ деспотомъ не только по теоріи, но и всѣми фибрами своего существа, а Кромвель вѣрилъ въ свободу и энергично старался, хотя неудачно, что и придавало его положенію трагической характеръ, идти по пути законности. Даже если онъ желалъ сдѣлаться королемъ, что до сихъ поръ не доказано, то не изъ жажды власти, которою онъ пользовался всецѣло и безъ того, не изъ желанія придворнаго блеска, что противорѣчило его натурѣ, но лишь съ цѣлю придать законный характеръ порядку вещей, въ сущности основанному на правѣ меча. Все это очень ясно указано Гардинеромъ, а также замѣчательная для того времени вѣротерпимость Кромвеля, благодаря которой только одинъ католическій папѣръ былъ преданъ смерти во все время его протекторства.

— Французы на берегахъ Англій въ 1690 г. Всѣмъ извѣстны неудачные планы французовъ о завоеваніи Англій во времена революціи, консульства и имперіи, но едва ли многіе знаютъ, что при Людовикѣ XIV адмиралъ Турвиль разбилъ англо-голландскій флотъ у самаго устья Темзы, навелъ страхъ на Лондонъ, высадился на англійскій берегъ, взялъ городъ Тенмутъ близъ Торбѣ, сжегъ тамъ девять англійскихъ фрегатовъ и вернулся побѣдителемъ во Францію. Въ честь этого подвига была выбита медаль съ надписью: «Impregium mare asseritum», но это была послѣдняя морская побѣда Франціи. Два года спустя, англичане нанесли французамъ пораженіе при Гугѣ и начали цѣлый рядъ побѣдъ, которыя завершились Трафальгаромъ и совершенно уничтожили французскую морскую силу. Тѣмъ болѣе французы могутъ гордиться подвигомъ Турвиля, и Альбертъ Делакуръ посвятилъ ему нѣсколько страницъ въ «Revue Hebdomadaire»¹⁾. Во время войны Людовика XIV съ Вильгельмомъ Оранскимъ, восшедшимъ на престолъ Англій съ своей женой Маріей, Турвиль командовалъ тулонской эскадрой и, неожиданно явившись въ іюль 1690 г. къ Бресту, гдѣ были залерты англо-голландскимъ флотомъ сорокъ французскихъ судовъ, заставилъ непріятеля удалиться. Усиливъ свою эскадру этими судами, онъ во главѣ 60 линейныхъ кораблей, 10 брандеровъ, пяти фрегатовъ и пятнадцати галеръ пошелъ къ берегамъ Англій.

¹⁾ Tourville sur les cotes d'Angleterre (1690), par A. Delacour. Revue Hebdomadaire. 22 juillet. 1899.

Онъ настолько приблизился къ Темзѣ, что Лондонъ перепугался, и англичане пришли въ негодованіе отъ такой дерзости французовъ. Между тѣмъ къ англо-голландскому флоту передъ Брестомъ подъ начальствомъ лорда Герберта присоединились еще двѣ голландскія эскадры и всѣ вмѣстѣ, въ числѣ сто двѣнадцати судовъ, изъ которыхъ пятьдесятъ девять линейныхъ кораблей, они быстро послѣдовали за французами. По приказанію королевы Маріи, они немедленно вступили въ бой съ непріятелями при мысѣ Бичи-Гэдъ 10 іюля. Счастье улыбнулось Турвиллю; онъ отрѣзалъ голландцевъ отъ англичанъ, потопилъ четыре ихъ судна, взорвалъ адмиральскій корабль и перебилъ мачты на остальныхъ, потомъ онъ обратился на англичанъ, сжегъ тринадцать судовъ и заставилъ ихъ ретироваться. Но англійскій адмиралъ не потерялъ головы, отступилъ въ порядкѣ и приказалъ немедленно погасить всѣ береговые огни и снять всѣ баканы, всѣ вѣхи, которые могли указать французамъ путь въ Темзу. Такимъ образомъ онъ спасъ Лондонъ, гдѣ уже царилъ паника, при видѣ ночью зарева отъ горѣвшихъ на морѣ судовъ. Не имѣя возможности среди тумана и непогоды пробраться въ Темзу, Турвилль все-таки не хотѣлъ удалиться безъ того, чтобы побывать на англійскомъ берегу. Онъ выбралъ для этого маленькій городокъ Тенмутъ, близъ Торбѣ, гдѣ Вильгельмъ Оранскій высадился, явившись въ Англію, чтобы отнять престолъ у Іакова II. Тамъ стояли на якорѣ двѣнадцать англійскихъ судовъ, но Турвилль сдѣлалъ фальшивую атаку на Торбѣ, и когда туда послѣшли англичане, онъ высадилъ 1000 солдатъ въ Тенмутъ подъ командой д'Естрэ. Въ первый разъ послѣ смѣлыхъ подвиговъ корсаровъ Филиппа Красиваго и Филиппа Валуа французы вступили побѣдителями на англійскую почву и въ послѣдній, чего не подозрѣвалъ Турвилль. Они взяли приступомъ городъ, сожгли оставшіеся въ портѣ девять фрегатовъ и удалились, не потерявъ ни одного человѣка. По словамъ одного изъ англійскихъ историковъ, этотъ смѣлый набѣгъ «потрясъ англійское королевство въ его основахъ».

— Настоящій Робинсонъ. Въ іюльской книжкѣ *Century Magazine* напечатанъ Кутбертомъ Гадденомъ очеркъ жизни и приключеній Александра Селькирка, который былъ прототипомъ знаменитаго Робинсона Крузо ¹⁾. Уже давно извѣстно, что Дефо взялъ изъ жизни героя своего популярнаго произведенія, и что настоящаго Робинсона звали Селькиркомъ, но свѣдѣнія о немъ были очень скудны. Теперь Гадденъ восстановилъ по подлиннымъ документамъ исторію какъ самого Селькирка, такъ и его семьи. Селькиркъ, или, правильнѣе, Селерэгъ, родился въ 1676 г. въ селеніи Ларго, въ Шотландіи. Его отецъ былъ башмачникомъ и имѣлъ обширную семью; какая-то ворожея предсказала, что маленькій Александръ достигнетъ славы на морѣ, и его мать такъ баловала своего Веніамина, что онъ сдѣлался прежде шалуномъ, а потомъ празднымъ буйномъ. Девятнадцати лѣтъ онъ произвелъ неприличное буйство въ протестантской церкви; но когда приходскій совѣтъ призвалъ его къ отвѣтственности, то онъ оказался въ бѣгахъ. Шесть лѣтъ онъ странствовалъ по морямъ въ качествѣ матроса, но, не достигнувъ славы, вернулся домой. Конечно, на его родинѣ всѣ забыли объ учиненномъ имъ скандалѣ, но, спустя мѣсяць,

¹⁾ The making of Robinson Crusoe, by C. Hadden. *Century Magazine*. July, 1899.

онъ совершилъ новый, едва не застрѣливъ изъ пистолета своего брата. На этотъ разъ онъ самъ явился въ приходскій совѣтъ и принесъ покаяніе, но послѣ этого ему жизнь стала невыносимой въ Ларго, и онъ снова ушелъ въ море. Онъ поступилъ въ 1707 г. на судно Вильяма Дампира, который поддерживалъ волонтеромъ каперскую войну Англіи съ Испаніей, но поссорился со шкиперомъ, который высадилъ его на островѣ Жуанъ Фернандезъ въ Тихомъ океанѣ и тамъ бросилъ на произволъ судьбы. На этомъ пустынномъ островѣ уже бѣдствовали ранѣе Селькирка одинъ индѣецъ, имя котораго даже неизвѣстно, потому что не нашлось Дефо, который обезсмертилъ бы его. Спустя пять лѣтъ, Дампиръ, продолжавшій свои каперскіе, или просто корсарскіе подвиги, снова снарядилъ экспедицію въ Тихій океанъ, и шкиперъ одного изъ его судовъ, Вудсъ Роджерсъ, велъ дневникъ своего путешествія, который послужилъ матеріаломъ для статьи Гаддена. Этотъ Роджерсъ записалъ въ своемъ дневникѣ, что онъ бросилъ якорь въ виду острова Жуана Фернандеса и послалъ на берегъ за прѣсной водой матросовъ, которые привезли «человѣка, одѣтаго въ козью шкуру и казавшагося болѣе дикимъ, чѣмъ то животное, которому принадлежала эта шкура». «Вотъ что разсказалъ намъ незнакомецъ, — продолжаетъ Роджерсъ: — когда его бросили на островѣ ровно четыре года и четыре мѣсяца тому назадъ, онъ имѣлъ при себѣ только одежду, матрацъ, немного пороха и пуль, табакъ, огниво, ножъ, топоръ, чугуны и библию. Онъ старался устроить свою жизнь какъ можно лучше и энергично боролся съ мрачной меланхоліей, которая въ первые восемь мѣсяцевъ ужасно его тяготила. Онъ выстроилъ два шалаша изъ прутьевъ, извнѣ покрылъ стѣны длинной травой, а внутри козьими шкурами. Въ меньшемъ изъ нихъ онъ стряпалъ пищу, а въ большемъ онъ спалъ по ночамъ, а днемъ пѣлъ гимны и молился, такъ что во всей своей жизни онъ никогда не былъ и, по всей вѣроятности, не будетъ такимъ ревностнымъ христіаниномъ, какимъ онъ былъ на своемъ островѣ». Далѣе Роджерсъ сообщаетъ, что Селькиркъ показалъ матросамъ, какъ онъ охотится за козами, и удивилъ всѣхъ ловкостью, съ которой онъ догонялъ, схватывалъ козу и перерѣзывалъ ей горло. Его ноги такъ огрубѣли отъ странствій по лѣсамъ и горамъ, что онъ долго не могъ носить сапогъ. Его волосы и борода поражали своей длиной, а говорилъ онъ односложными словами. Посвидѣтельству Роджерса, Пятница никогда не существовала, и Селькиркъ окончательно доказалъ свою отсталость отъ европейской цивилизаціи тѣмъ, что съ ужасомъ бросилъ стаканъ съ водкой, какъ только прикоснулся къ нему губами. Узнавъ, что Дампиръ — командиръ экспедиціи, Селькиркъ пришелъ въ ужасъ, но, если вѣрить Роджерсу, не выразилъ желанія остаться на своемъ островѣ, какъ говорится въ другихъ матеріалахъ о жизни Селькирка. Какъ бы то ни было, онъ на этотъ разъ поладилъ со своимъ начальникомъ и принялъ участіе въ его дальнѣйшихъ каперскихъ подвигахъ. Въ 1711 году онъ вернулся на родину и получилъ въ Лондонѣ на свою долю изъ призовыхъ денегъ за захваченные испанскіе корабли 800 фунтовъ стерлинговъ. Хотя эти деньги составляли значительное богатство для сына башмачника, но всѣ сторонились отъ него въ Ларго, такъ какъ, благодаря своему мрачному настроенію, разсѣянности и молчаливости, онъ казался поселянамъ невѣжественнымъ чело-

вѣкомъ, одержимымъ бѣсами. Послѣ многочисленныхъ ссоръ со своими соотечественниками, Селькиркъ поселился въ одинокой хижинѣ далеко отъ селенія, гдѣ любезно принималъ только лондонцевъ, которые иногда изъ любопытства посѣщали его. Между этими посѣтителеми находился журналистъ Стилъ, который помѣстилъ въ «*Englishman*» рассказъ о своемъ свиданіи съ Селькирккомъ. Однако прототипъ Робинзона недолго велъ спокойную жизнь. Однажды утромъ его не нашли въ своей хижинѣ, и въ то же время пропала одна изъ красавицъ селенія Софія Брюсъ. Въ 1717 году эта подруга эксцентричнаго моряка жила въ Лондонѣ, но уже одна, а Селькиркъ снова ушелъ въ море, завѣщавъ ей свой домъ въ Ларго. О дальнѣйшей жизни Селькирка имѣются очень скудныя свѣдѣнія. Въ 1720 году онъ женился на вдовѣ Франсисѣ Кадисъ и составилъ новое завѣщаніе въ пользу ея. Это завѣщаніе найдено Гадденомъ, и оно подписано Александромъ Селькирккомъ, лейтенантомъ корабля его величества «Веймутъ». Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, онъ умеръ въ морѣ. Послѣ него не осталось дѣтей, но существуютъ до сихъ поръ потомки его братьевъ и сестеръ. Одинъ изъ нихъ поставилъ въ Ларго памятникъ своему прадѣду, который изображенъ съ извѣстными атрибутами, сообщенными ему Дефо. На островѣ Жуанъ-Фернандезъ, на скалѣ, называемой Селькирккомъ своей обсерваторіей, прибыта адмираломъ Повэлемъ въ 1868 году бронзовая доска, на которой начертаны главныя событія его жизни. Многіе полагали, что Даніэль Дефо просто переписалъ и передѣлалъ съ поэтическимъ отгѣнкомъ рукопись, которую ему поручилъ Селькиркъ, но Гадденъ доказываетъ, что авторъ «Робинзона Крузо» никогда не видалъ своего героя, а прочелъ объ его приключеніяхъ въ дневникѣ Роджерса и въ описаніи путешествія Кука, которые были напечатаны въ 1712 году.

— Гоняла ли утокъ маркиза Ментенонъ? Этотъ странный вопросъ сосредоточивалъ на себѣ вниманіе многихъ французскихъ хроникеровъ и историковъ, даже новѣйшихъ, а теперь ему посвящены интересная брошюра Генри Желена¹⁾ и основательная статья въ «*Temps*» Гастона Дешана, подъ заглавіемъ «Утки г-жи де Ментенонъ»²⁾. Оказывается, что современники всеильной фаворитки Людовика XIV съ удовольствіемъ болтали, что она въ дѣтствѣ гоняла утокъ. Въ особенности аристократы въ родѣ Рогановъ и Монтемаровъ съ презрѣніемъ рассказывали гордымъ герцогинямъ, что маркиза Ментенонъ была когда-то простой скотницей или птичницей. Нѣкоторые изъ тогдашнихъ хроникеровъ называли ее прямо «*dindonnière*», т. е. уточницей. Знаменитый герцогъ Сенъ-Симонъ въ своихъ мемуарахъ пошелъ далѣе и произвелъ фаворитку короля изъ уточницъ въ конюха. Онъ увѣрялъ, что тетка ея, г-жа Нельянь, не хотѣла даромъ кормить своей племянницы и заставляла ее отпускать сѣно и овесъ лошадямъ, а также наблюдать за тѣмъ, какъ ихъ кормили. Ла Бомель въ своей біографіи маркизы Ментенонъ воспользовался исторіей объ ея уткахъ для того, чтобы нарисовать буколическую картину ея молодости, проведенной на лонѣ природы. Онъ увѣрялъ, что утки не только понимали всѣ жесты

¹⁾ *Francoise d'Aubigné, par Henri Gelin. Niert. 1899.*

²⁾ *Les dindons de m-me de Maintenon, par Gaston Deschamps. Temps. 10 juillet.*

Франсуазы д'Обиньэ, но покровительствовали ея роману съ однимъ юнымъ поселяниномъ и, предугадывая ея будущее могущество, подготавливали ее къ управленію людьми. По его словамъ, маркиза Ментенонъ говорила: «Я повелѣвала на скотномъ дворѣ, и съ управленія имъ началось мое царствованіе». Произносила ли она эти слова, или нѣтъ, неизвѣстно, но достовѣрно, что она однажды сказала своимъ аристократическимъ ученицамъ въ созданной ею Сен-Сирской школѣ, какъ свидѣтельствуегъ «Сборникъ совѣтовъ и инструкцій Сен-Сирскимъ дѣвицамъ»: «Я въ дѣтствѣ находилась у одной тетки, довольно богатой, чтобъ имѣть экипажъ и паланкинъ. Но, несмотря на это, я носила дома деревянные башмаки, и только при гостяхъ мнѣ давали приличную обувь. Я еще помню, что я съ своей двоюродной сестрой гоняла утокъ тетки. Намъ надѣвали маски изъ боязни, чтобы мы не загорѣли, и давали въ руки корзиночку съ провизіей, книгу стиховъ Пиброка, вѣсколько страницъ которыхъ мы должны были заучивать наизусть, и большую палку, чтобъ гонять утокъ». Такимъ образомъ исторія объ уткахъ Ментенонъ принимала характеръ достовѣрности, но мѣстный ученый Ніора, родины знаменитой фаворитки и ея утокъ, предпринялъ недавно изслѣдованіе этого историческаго вопроса съ цѣлью насколько возможно провѣрить всѣ факты дѣтства и юности Франсуазы д'Обиньэ. Прежде всего онъ нашель записъ объ ея крещеніи въ католической церкви Божіей Матери въ Ніорѣ отъ 28 ноября 1635 г., но день ея рожденія остается неизвѣстнымъ. Хотя, по словамъ легендъ и даже біографій Ментенонъ, она родилась въ тюрьмѣ, гдѣ сидѣлъ ея отецъ, тогда какъ ея мать была дочерью начальника тюрьмы, Геленъ полагаетъ, что Франсуа д'Обиньэ находился дѣйствительно узникомъ въ Ніорѣ, когда родилась Франсуаза но проводилъ свое заточеніе не въ тюрьмѣ, а въ домѣ губернатора, его двоюроднаго брата, Шарля Бодеана-Парабѣра, гдѣ, вѣроятно, и родилась будущая фаворитка. Но во всякомъ случаѣ она вскорѣ послѣ рожденія была отдана сестрѣ отца, Луизѣ, бывшей замужемъ за маркизомъ Виллетъ. Въ ея замкѣ Мурзэ, близъ Ніора, Франсуаза провела первые свои годы, въ продолженіе которыхъ ея родители наполняли весь околотокъ своими скандальными процессами. Въ концѣ концовъ бѣдная мать пошла въ монастырь, а кутила отецъ уѣхалъ губернаторомъ на Антильскіе острова, куда взялъ свою дочь. Она такъ страдала на пути отъ морской болѣзни и такъ ее пугали карайбы, что дѣвочка вернулась съ удовольствіемъ въ Мурзэ. Ея дядя и тетка были протестанты, и Франсуаза до того привыкла уважать ихъ религію, что когда мать повела ее въ католическую церковь, то она повернулась спиной къ алтарю, за что получила оплеуху отъ матери. «Я очень счастлива, что претерпѣла муки за свою вѣру», отвѣчала дѣвочка, въ которой проснулась кровь ея дѣда, мужественнаго протестанта и талантливаго поэта, Агриппы д'Обиньэ. Въ этомъ-то замкѣ Мурзэ, по словамъ Гелэна, гоняла утокъ маркиза Ментенонъ, если дѣйствительно она играла роль на скотномъ дворѣ своей доброй тетки, хотя фактическихъ доказательствъ этого онъ не нашель въ архивѣ замка, гдѣ сохранились самые мелочные документы, наиримѣръ, счетъ ніорскаго аптекаря за 72 фунта мази для излѣченія Франсуазы отъ чесотки. Дальнѣйшая судьба «уточницы» хорошо извѣстна: выйдя замужъ семнадцати лѣтъ за несчастнаго урода—поэта Скарона, она послѣ его смерти сдѣлалась воспитательницей

дѣтей Людовика XIV отъ Монтеспанъ, затѣмъ замѣнила эту фаворитку и наконецъ тайно обвѣнчалась со старымъ королемъ. Забывъ о своей прежней преданности протестантской религіи, маркиза Ментенонъ преслѣдовала протестантовъ, заставила Людовика XIV отмѣнить Нантскій эдиктъ и своимъ ханжествомъ навела мрачную скуку на блестящій версальскій дворъ. Послѣ смерти короля она удалилась въ Сен-Сиръ, гдѣ успѣшно занималась педагогіей и умерла въ 1719 году.

— Генераль Моро. Хотя генераль Моро былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ полководцевъ французской революціи и уступалъ первенство только Наполеону и Гошу, но о немъ писано очень мало во французской литературѣ, по той простой причинѣ, что изъ ненависти къ своему счастливому сопернику, Наполеону, онъ замѣнилъ Францію въ 1813 году, вступилъ въ ряды союзной арміи и былъ смертельно раненъ французскимъ ядромъ въ битвѣ подъ Дрезденомъ. Существуетъ только одна его полная біографія, составленная Шатонёфомъ въ 1814 году съ узкой роялистской точки зрѣнія, дающей возможность автору прославлять его именно за то, что въ немъ ненавистно всей французской націи. Но за послѣднее время появилось столько мемуаровъ самыхъ разнообразныхъ дѣятелей революціи, консульства и имперіи, въ которыхъ встрѣчаются интересныя данныя о Моро, что профессоръ исторіи въ Лионскомъ лицейѣ, Донтенвиль, воплѣ правъ, составилъ обстоятельную монографію о военной и политической дѣятельности Моро, на основаніи воспоминаній о немъ Барра, Міо де Мелито, Гувіона Сень-Сира, Фоше-Бореля, Малье-дю-Пана, Монгильяре Гойя, и т. д., а также архивныхъ документовъ. Къ сожалѣнію, онъ не могъ воспользоваться вышедшими послѣ того, какъ написана его монографія, мемуарами барона Гурго, въ которыхъ приведены любопытныя отзывы Наполеона о Моро и его рассказъ объ участіи послѣдняго въ заговорѣ Пишегерю и Жоржа Кадудала, а также книгой графа Ремакля, напечатаннаго донесенія тайныхъ агентовъ Людовика XVIII въ Парижѣ во время консульства, гдѣ говорится немало любопытнаго о Моро. Во всякомъ случаѣ и въ теперешнемъ его видѣ сочиненіе Донтанвиля¹⁾ представляетъ краткую, но обстоятельную характеристику Моро, которая является тѣмъ болѣе кстати, что въ будущемъ году наступитъ столѣтняя годовщина его славной побѣды подъ Гогенлинденомъ. Въ предисловіи Донтанвиль высказываетъ свой взглядъ на Моро, и нельзя не признать, что онъ воплѣ правильный и безпристрастный. «Эго былъ человекъ спокойный и хладнокровный, говоритъ онъ, медлительный, не отличающійся смѣлостью, но у него былъ умъ солидный, основательный. Часто нерѣшительный, онъ, обыкновенно, прекращалъ всѣ свои колебанія передъ врагомъ и въ критическую минуту дѣйствовалъ твердо, благоразумно. Его хвалили не безъ основанія за хладнокровіе въ опасныя минуты, за глубокое знаніе военнаго дѣла, за блестящее мужество и простоту обращенія съ подчиненными. Но, какъ главнокомандующій, онъ не умѣлъ поддержать не обходимой дисциплины въ порученныхъ ему арміяхъ и, отличаясь слабостью характера, не имѣлъ того вліянія на своихъ подчиненныхъ, которое необходимо для полководца. Эгого осторожный, разсудительный гене-

¹⁾ Le général Moreau (1763—1813), par J. Dontenville. Paris. 1899.

раль былъ первостепеннымъ тактикомъ, но плохимъ стратегомъ. Его долго называли полководцемъ отступлений, пока онъ не доказалъ въ битвѣ подъ Гогенлинденомъ, что можетъ одерживать блестящія побѣды. Что касается до его политической дѣятельности, то Моро вдали поля брани былъ коварнымъ, двоядушнымъ интриганомъ. Самолюбивый, эгоистичный, завистливый, человекъ, безъ всякихъ нравственныхъ правилъ и гражданскаго мужества, онъ доходилъ до самыхъ гнусныхъ поступковъ, въ томъ числѣ — измѣны отечеству. Чрезмѣрное самолюбие и жажда мести погубили его столько же, сколько слабость характера и нерѣшительность». Весь послѣдующій рассказъ Донтанвила о военной и политической дѣятельности Моро вполне подтверждаетъ эту рельефную характеристику человека, о которомъ Наполеонъ говорилъ: «Это движимый вѣтромъ, песокъ». Жанъ-Викторъ Моро родился въ 1763 году въ Бретани, и по слѣдамъ отца, адвоката въ городѣ Морле, онъ, выйдя изъ юридической школы въ Реннѣ, посвятилъ себя адвокатской дѣятельности, но революція заставила его поступить волонтеромъ въ армію. Въ два года онъ дошелъ до чина дивизионнаго генерала и принялъ дѣятельное участіе сначала подъ командою Пишегрю, а потомъ во главѣ сѣверной арміи въ поражениі коалиціонныхъ европейскихъ силъ, наступавшихъ на Францію, а также въ завоеваніи Бельгіи и Голландіи. Въ 1796 году онъ командовалъ рейнской арміей и въ виду съ одной стороны напора многочисленнаго непріятельскаго войска, подъ командой эрцъ-герцога Карла, а съ другой неоканія ему помощи генераломъ Журданомъ, командовавшимъ другой французской арміей, — онъ долженъ былъ совершить свое знаменитое отступление, за что заслужилъ названіе «Новаго Ксенофонта» отъ современныхъ французовъ, которые были въ восторгѣ отъ того, что Моро привелъ на родную свою армію въ полномъ порядкѣ, хотя ей грозили громадныя опасности. Затѣмъ онъ въ продолженіе двухъ лѣтъ находился во главѣ рейнской арміи, но совершая никакого блестящаго подвига, то посѣщалъ Парижъ съ цѣлью вести политическія интриги. Онъ принадлежалъ къ реакціонному клубу Клиша и велъ переговоры съ роялистами, но, когда Пишегрю былъ арестованъ, какъ заговорщикъ противъ республики, Моро первый его выдалъ и отрёкся отъ дружбы съ нимъ. Но, несмотря на это, Барра и другіе директора послѣ Фруктидорскаго переворота уволили его отъ службы. Однако, когда вторая коалиція грозила погубить Францію, и Суворовъ явился въ Италію во главѣ русско-австрійской арміи, то Моро приставили въ качествѣ совѣтника къ главнокомандующему французской арміей, старому, больному Шерреру. Тутъ снова Моро прославилъ себя отступленіемъ послѣ побѣды Суворова при Кассано, и ему былъ довѣренъ постъ главнокомандующаго, но когда онъ во время не оказалъ помощи Магдональду, и тѣмъ далъ возможность Суворову вторично разбить французовъ при Требии, то былъ замѣненъ Жуберомъ. Въ третьей побѣдоносной битвѣ Суворова при Нови Моро сначала не командовалъ французами, а только принялъ начальство послѣ геройской смерти Жубера и то, когда битва была проиграна. Еще разъ Моро совершилъ осторожное и благоразумное отступление. Между тѣмъ дни директоріи были сочтены, и Моро, отказавшись по слабости характера самъ совершить государственный переворотъ, оказалъ содѣйствіе Наполеону 18 брюмера, хотя онъ за нѣсколько дней до этого клялся

Барра, что уничтожить египетскаго дезертира. Въ день государственнаго переворота онъ исполнялъ унижительную полицейскую обязанность арестовать Гойэ и Мулена, единственныхъ директоровъ, оставшихся вѣрными республикѣ. Но по своей обычной двуличности онъ вечеромъ 18 Брюмера уже предлагалъ Бернадоту помѣшать Наполеону довершить начатое дѣло и, какъ всегда, когда Бернадотъ предоставилъ ему сдѣлать первый шагъ, то онъ уклонился и продолжалъ поддерживать Наполеона. Сначала они были друзьями, и первый консулъ, отправившись самъ въ Италію, гдѣ одержалъ побѣду при Маренго, поставилъ Моро во главѣ арміи, дѣйствовавшей въ Германіи. Въ эту кампанію Моро одержалъ свою знаменитую побѣду при Гогенлинденѣ. Наполеонъ осыпалъ счастливаго побѣдителя самыми лестными похвалами и предложилъ правительству поднести Моро пистолеты, украшенные брилліантами. Но Моро все болѣе и болѣе сталъ разыгрывать роль Помпея относительно новаго Цезаря, а послѣ того какъ Наполеонъ сдѣлался пожизненнымъ консуломъ, не потерялъ надежды занять его мѣсто, и, возбуждаемый женой и ея матерью, завидовавшими Жозефинѣ, принялъ участіе въ заговорѣ Жоржа Кадудаля. По обыкновенію онъ подбивалъ Жоржа и Пишегрю къ возстанію увѣряя, что вся армія, а затѣмъ Франція, выскажется за него, но не соглашался самъ двинуть пальцемъ, пока Наполеонъ будетъ низверженъ, и при этомъ открыто соглашался дѣйствовать въ пользу возвращенія Бурбоновъ, а скрытно стремился къ установленію своей собственной власти. Заговоръ былъ открытъ, и Моро, несмотря на всѣ его увертки, былъ преданъ суду. Какъ на войнѣ въ критическую минуту, такъ и на судѣ, онъ разыгралъ роль героя и не захотѣлъ смириться передъ своимъ счастливымъ соперникомъ, который, по его собственнымъ словамъ, съ удовольствіемъ помирился бы съ Моро, если бы онъ явился къ нему съ повинной головой. Настолько Наполеонъ не имѣлъ злобы противъ безпомощнаго соперника, что, несмотря на приговоръ суда, который подвергъ Моро двухлѣтнему тюремному заключенію, онъ дозволилъ ему уѣхать въ Америку и купилъ его парижскій домъ за 800.000 франковъ, сумму гораздо большую, чѣмъ домъ стоилъ, съ цѣлью доставить ему средства устроиться на новой родинѣ. Едва выбравшись изъ Франціи, Моро составилъ планъ новаго заговора противъ Наполеона и хотѣлъ съ помощью англичанъ и французскихъ плѣнныхъ въ Англіи произвести возстаніе въ Бретани, но по обыкновенію онъ медлилъ и колебался, а узнавъ, что его капиталы конфискованы и будутъ возвращены ему только по достиженіи имъ Соединенныхъ Штатовъ, онъ бросилъ всѣ свои планы и отправился въ Нью-Йоркъ. Девять лѣтъ провелъ Моро въ Америкѣ, занимаясь преимущественно охотой и рыбной ловлей, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не переставалъ поддерживать сношенія съ бурбонскими агентами. Въ 1805 году одинъ изъ нихъ, Фоше-Борель, предложилъ Александру I составить новую коалицію противъ императора Наполеона и поставить во главѣ коалиціонной арміи Моро. Но русскій государь отказался отъ этого и предложилъ принять Моро на русскую службу съ чиномъ генерала, но въ свою очередь Моро не согласился на это. Подобныя же попытки Фоше-Бореля въ Пруссіи и Англіи были одинаково неуспѣшны. Несмотря на это, Моро оставался предметомъ надежды для всѣхъ недовольныхъ

существовавшимъ порядкомъ во Франціи, и во время псевдо-республиканскаго заговора генерала Малэ въ 1812 году роль главы временнаго правительства предоставлялась ему. Наконецъ, въ 1813 году Моро вернулся въ Европу по приглашенію Александра I, который написалъ къ нему собственноручное письмо и послалъ за нимъ Свиньина, описавшаго послѣдніе дни Моро въ самомъ восторженномъ тонѣ. Онъ былъ принятъ очень любезно союзниками, но, желая разыграть роль примирителя Франціи съ Европой и Бурбонами, Моро не хотѣлъ принять никакого военнаго поста, чтобы не скомпрометтировать себя, а просто состоялъ при Александрѣ, который ему сказалъ: «Хорошо, вы будете моимъ другомъ и совѣтникомъ». Въ Дрезденскомъ сраженіи французское ядро оторвало ему обѣ ноги, и онъ умеръ, оплакиваемый союзниками. Марбо увѣряетъ, что передъ смертью онъ восклицалъ съ отчаяніемъ: «Какъ мнѣ, мнѣ, Моро, умереть среди враговъ Франціи и отъ французскаго ядра!» Но Донтанвилъ считаетъ это восклицаніе невѣроятнымъ, такъ какъ, по свидѣтельству Свиньина, Моро вовсе не думалъ о Франціи передъ своей смертью. Напротивъ онъ радовался униженію французскаго маршала Вандама, взятаго въ плѣнъ союзниками послѣ Кульмской битвы, и послѣднія слова его были выраженіемъ преданности къ императору Александру. Какъ Александръ I, такъ и Людовикъ XVIII, оказали мертвому Моро всевозможныя почести, а его вдовѣ щедрую помощь. Первый, по словамъ Донтанвила, приказалъ похоронить Моро въ Петербургѣ въ католической церкви съ такими же почестями, какъ недавно передъ тѣмъ похоронили фельдмаршала Кутузова, и назначилъ г-жѣ Моро пенсію въ 30.000 рублей. Съ своей стороны Людовикъ XVIII велѣлъ положить маршальскій жезлъ на могилу Моро, поставить ему статую и признать за его женой права жены маршала. «Всѣ враги Наполеона и друзья реставраціи распространялись въ восторженныхъ похвалахъ покойнику, — говоритъ въ концѣ своей книги Донтанвилъ, — но «Франція всегда отказывалась и отказывается до сихъ поръ ратификовать эти почести и похвалы».

— Наполеоновскій историческій конгрессъ въ Италіи. Наполеоновская литература такъ разрослась въ послѣднее время, и столь увеличилось число историковъ, посвящающихъ свои труды изслѣдованію Наполеоновской эпохи, что явилась потребность въ созваніи Наполеоновскаго историческаго конгресса. Первую мысль объ этомъ подалъ итальянскій библіографъ, Альберто Лумброзо, составляющій обширную библіографію о Наполеоновской литературѣ, и по его предложенію составленъ международный комитетъ для подготовительныхъ работъ по созванію подобнаго конгресса въ итальянскомъ городѣ Александріи, близъ Маренго, гдѣ Наполеонъ одержалъ свою знаменитую побѣду 14 іюня 1800 года. Этотъ конгрессъ приуроченъ къ столѣтней годовщинѣ Маренгской битвы, и Лумброзо помѣстилъ во второй іюньской книжкѣ «Nuova Antologia»¹⁾ подробныя свѣдѣнія объ интересномъ предпріятіи итальянскихъ историковъ, старающихся придать ему международный характеръ. Почетнымъ

¹⁾ Il congresso storico Napoleonico di Alessandria, per il centenario di Marengo (14 giugno 1900) di Alberto Lumbroso. Nuova Antologia, 15 giugno 1899.

предсѣдателемъ конгресса избранъ французскій публицистъ и художественный критикъ, Густавъ Ларумэ, а товарищами предсѣдателя—почетнымъ синдикъ Александрии, профессоръ и адвокатъ Фортуното, а дѣйствительнымъ—каноникъ Франческо Госпаролла, редакторъ историческаго журнала, издающагося въ Александрии «*Rivista storica di Alessandria*». Членами подготовительнаго комитета состоятъ не только итальянскіе, но и чужестранные историки и любители историческихъ изслѣдованій. Этотъ комитетъ подготавливаетъ юбилейное изданіе въ двухъ томахъ подъ заглавіемъ «*Miscellanees Marengo*», въ которое войдутъ новые неизвѣстные документы не только о Маренго, но и обо всей Наполеоновской эпохѣ отъ 1796 по 1815 годъ съ историческими комментаріями. Во время конгресса и до конца августа, или до начала сентября, будетъ открыта въ Александрии Наполеоновская выставка автографовъ, медалей и всевозможныхъ Наполеоновскихъ предметовъ. Предсѣдателемъ особой выставочной комиссіи состоятъ знатокъ Наполеоновской литературы и одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ ея распространителей, Массонъ. Наконецъ комитетъ конгресса приступилъ къ изданію спеціальнаго листка «*Bollettino*», первый номеръ котораго вышелъ 14 іюня настоящаго года, въ день Маренгской годовщины. Онъ состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: въ первомъ помѣщены официальные акты и распоряженія по поводу конгресса и выставки; второй посвященъ различнымъ свѣдѣніямъ о томъ и другомъ, а въ третьемъ напечатаны библиографическія замѣтки о подготовляющихся историческихъ работахъ. Празднованіе Маренгскаго юбилея въ Италіи Наполеоновскимъ конгрессомъ и Наполеоновской выставки, конечно, возбудило всего болѣе интереса во Франціи, и «*Figaro illustré*» уже выпустилъ за годъ впередъ особый юбилейный номеръ¹⁾ съ великолѣпными иллюстраціями и разнообразными статьями по поводу знаменитой битвы. Между этими статьями представляетъ наибольшій интересъ очеркъ Массона подъ заглавіемъ «Двѣ Жозефины». Одна изъ нихъ, конечно, жена Наполеона, а другая пѣвица Грассини, за которой, по словамъ самого Наполеона, онъ послалъ Бертю послѣ Маренго и которая никакъ не могла понять, почему онъ пренебрегъ ею во время перваго своего итальянскаго похода, когда ей было 16 лѣтъ. «Но,—прибавилъ Наполеонъ, рассказывая объ этомъ генералу Гурго на св. Еленѣ,—я тогда гонялся за другими зайцами. Что случилось бы съ 25-лѣтнимъ главнокомандующимъ, если бы онъ гонялся за прекраснымъ поломъ?».

— Полуторастолѣтній юбилей Гёте. 28 августа, вся Германія праздновала 150-лѣтнюю годовщину рожденія своего величайшаго писателя Гёте, въ особенности отличались Франкфуртъ и Дюссельдорфъ. Въ нѣмецкихъ журналахъ уже заранѣе появился цѣлый рядъ статей о Гёте, и наиболѣе интересныя изъ нихъ помѣщены въ августовской книжкѣ «*Deutsche Rundschau*» и въ іюльской—«*Preussische Jahrbücher*». Первый журналъ помѣстилъ три статьи, и въ первой изъ нихъ, подъ заглавіемъ «Гёте въ свободной атмосферѣ», Германъ Гримъ²⁾ характеризуетъ свободное развитіе интеллектуальной дѣятельности творца «Фауста» и постепенную эволюцію его генія. Идеальные образы, созданные

¹⁾ Le centenaire de Marengo. Figaro illustré. Juin 1899.

²⁾ Goethe in freier Luft, von Herman Grimm. Deutsche Rundschau. Juli 1899.

его поэтической фантазіей, могли зародиться только на почвѣ свободы, къ которой всегда стремилась его душа, но эти стремленія осуществлялись лишь постепенно. Въ началѣ своей литературной дѣятельности ему приходилось бороться съ многочисленными преградами. Онъ долженъ былъ напечатать своего «Гецъ фонъ Берлихенгена» на собственный счетъ, и вообще издатели долго отказывались покупать его рукописи. Первое общее изданіе его сочиненій не имѣло большаго успѣха и только въ началѣ XIX столѣтія, когда онъ уже достигъ шестидесяти-лѣтняго возраста, публика и критика стали обращать на него вниманіе. Но національной славы онъ достигъ только въ Германіи, тридцать лѣтъ послѣ своей смерти, т. е. въ 1862 году, когда право на изданіе его произведеній сдѣлалось общимъ достояніемъ. Въ то время впервые явилась возможность для массы читателей обнять всѣ разнообразныя стороны его творческой силы и вполне оцѣнить его громадное влияние на нѣмецкій языкъ и на нѣмецкую цивилизацію. Дѣйствительно Гёте, подобно Лютеру, былъ въ одно и то же время реформаторомъ нѣмецкаго общества и нѣмецкаго языка. Поэтому Гриммъ доказываетъ необходимость составленія гётевскаго словаря, который былъ бы съ одной стороны сборникомъ всѣхъ словъ, употребляемыхъ Гёте, а съ другой — каталогомъ идей, выраженныхъ въ его сочиненіяхъ. По словамъ Гримма, онъ уже приступилъ къ этому тяжелому труду и приглашаетъ всѣхъ поклонниковъ Гёте оказать ему посильное содѣйствіе. Вторая статья о Гёте въ «Deutsche Rundschau» принадлежитъ Фридриху Паульзену и составляетъ глубокомысленное изслѣдованіе Мефистофеля, воплощающаго въ драмѣ Гёте пессимизмъ въ борьбѣ съ лучезарною истиной¹⁾. Третья статья представляетъ пересказъ Елены Майеръ воспоминаній англичанина Генри Робинсона о Гёте²⁾. На англійскомъ языкѣ мемуары Робинсона появились тридцать лѣтъ тому назадъ, но въ нихъ были пропущены нѣкоторыя записи въ его дневникѣ, касавшіяся Гёте, и Елена Майеръ удалось пополнить ихъ по рукописи, такъ что нѣмецкій переводъ является болѣе полнымъ, чѣмъ англійскій печатный оригиналъ. Этотъ Робинсонъ былъ англійскій адвокатъ, который предпочелъ веденію судебныхъ дѣлъ сдѣлаться корреспондентомъ газеты «Times», и въ этомъ качествѣ посѣтилъ Германію, гдѣ познакомился съ Гёте, который любезно принималъ его въ своемъ домѣ, разговаривалъ съ нимъ о различныхъ, преимущественно литературныхъ предметахъ и называлъ его «миссіонеромъ англійской литературы въ Германіи». Робинсонъ отзывался съ самымъ пламеннымъ восторгомъ о великомъ поэтѣ и мыслителѣ, котораго считалъ онъ своимъ интеллектуальнымъ отцемъ и самымъ глубокомысленнымъ умомъ его времени. Въ первое посѣщеніе Гёте въ 1801 году Робинсонъ недостаточно зналъ нѣмецкій языкъ, чтобы разговаривать съ Гёте, а только слушалъ, какъ другіе бесѣдовали съ нимъ. «Ему тогда было 52 года, — говоритъ Робинсонъ, — онъ отличался могучей красотой, и въ немъ замѣтна была наклонность къ толщину. Его упрекали за чрезмѣрную гордость, но по-моему онъ былъ вполне правъ, что бралъ на себя холодный, гордый видъ, такъ какъ иначе къ нему слишкомъ приста-

1) «Mephistopheles, von Paulsen». — Deutsche Rundschau, Juli. 1899.

2) Begegnungen eines Engländers mit Goethe, von E. Mager, тамъ же.

вали бы праздные люди изъ одного любопытства, отнимая у него драгоценное, не только для Гете, но и для всего человѣчества, время». Второй разъ Робинсонъ видѣлъ Гёте при новомъ посѣщеніи Германіи, спустя три года, въ театрѣ, гдѣ онъ сидѣлъ за кресломъ Веймарскаго мудреца, котораго сопровождалъ Бенжамень Констанъ. Послѣдній поздоровался съ Робинсономъ и, обращаясь къ Гёте, шепотомъ называлъ англичанина по имени. Тогда Гёте обернула и съ улыбкою сказала: «Вы меня обидѣли, г. Робинсонъ». Англичанинъ спросилъ: «чѣмъ?» и получилъ въ отвѣтъ: «Вы были у всѣхъ въ Веймарѣ, кромѣ меня, а я всегда радъ видѣть васъ». Послѣ этого Робинсонъ часто видался съ Гёте и познакомился съ его женой и сыномъ. Однажды ему пришлось обѣдать въ семьѣ Гёте со Шлегелемъ, и онъ хорошо запомнилъ характеристическія слова Гёте по поводу перевода «Саконталы» братомъ Шлегеля: «Мнѣ будетъ очень интересно познакомиться съ этой поэмой въ настоящемъ ея видѣ, а не въ нравственно-англійской передѣлкѣ. Въ сущности я ненавижу все восточное, и большое счастье, что я питаю къ чему нибудь ненависть, такъ какъ иначе я считалъ бы все прекраснымъ, а это было бы неправильно». Въ этихъ словахъ Робинсонъ видитъ подтвержденіе извѣстной фразы изъ письма Гёте къ Лафатеру, въ которой говорится: «Меня нельзя назвать ни антихристіаниномъ, ни дурнымъ христіаниномъ, а я просто не христіанинъ». Прошло еще тридцать лѣтъ, и снова Робинсонъ появился въ Веймарѣ. Старикъ Гёте мало измѣнился, а только еще болѣе поражалъ своимъ величественнымъ достоинствомъ и блескомъ глазъ. Онъ встрѣтилъ очень любезно англичанина и сказалъ ему: «Наконецъ-то вы вернулись, мы ожидали васъ много лѣтъ». Въ разговорахъ съ Робинсономъ творецъ «Фауста» въ особенности восторгался Байрономъ, котораго считалъ лучшимъ англійскимъ поэтомъ, и нѣсколько разъ указывалъ на замѣчательную вѣрность Байроновскихъ описаній природы, въ которыхъ онъ нашелъ только двѣ или три ошибки. Однажды разговоръ у нихъ зашелъ о религіи и церкви. Гёте держалъ въ рукахъ какой-то цвѣтокъ, а по комнатѣ летала бабочка. На замѣчаніе Робинсона, что всякая правда происходила отъ Бога, а церковь дѣлаетъ ее понятной, Гете сказалъ спокойно, хладнокровно: «Конечно, всякая правда идетъ отъ Бога, но церковь ее не дѣлаетъ понятной, а только уродуетъ. Богъ говоритъ намъ: вотъ черезъ этотъ цвѣтокъ, вотъ черезъ эту бабочку, а каналы пастеры и пасторы не понимаютъ этого божьяго языка». Прощаясь послѣдній разъ съ англичаниномъ, Гете обнялъ его и просилъ писать ему хоть черезъ два или три мѣсяца обо всемъ, что онъ найдетъ поваго и интереснаго. «Хотя, говоритъ Робинсонъ, я не исполнилъ его желанія, но считаю для себя величайшей честью, что Гете выразилъ его». Въ «Preussische Jahrbücher» Вильгельмъ Боде влагаетъ въ уста Гете дѣлую рѣчь, озаглавленную «Мое политическое «profession de foi». Конечно, эта рѣчь не плодъ фантазіи нѣмецкаго автора, а остроумно связанныя между собою фразы, написанныя самимъ Гете въ его письмахъ или сказанныя имъ въ разговорахъ съ Эккерманомъ. Такимъ образомъ составилъ краткій сводъ идей Гете: о патриотизмѣ, войнѣ, революціи, свободѣ печати и т. д.

— Полулѣтняя годовщина смерти Петефи. 31 іюля, минуло пятьдесятъ лѣтъ битвѣ подъ Шеэбургомъ, въ которой пропалъ безъ вѣсти знаме-

нитый венгерскій поэтъ Александръ Петефи, и венгерцы устроили торжественныя поминки своему народному герою. Передъ его тремя статуями въ Буда-Пештѣ, на полѣ Шезбургской битвы и въ его родномъ городѣ, Кересѣ, произведены восторженные народныя демонстраціи и произнесены безконечныя краснорѣчивыя рѣчи. Конечно, вся западная печать откликнулась на это національное торжество, и между прочимъ А. де-Берте¹⁾ помѣстилъ въ «Journal des Debats» блестящую характеристику Петефи. По происхожденію сербъ, Александръ Петефи родился въ 1823 году и былъ сыномъ бѣднаго кабатчика. Отличаясь пламенной натурой, онъ постепенно былъ студентомъ, солдатомъ и актеромъ, но не достигъ никакого успѣха ни въ наукѣ, ни въ арміи, ни въ театрѣ. Наконецъ онъ попалъ на свое призваніе и сдѣлался поэтомъ. По счастью его талантъ былъ оцѣненъ тогдашнимъ первымъ поэтомъ Венгріи Вересмартомъ, который взялъ молодого человѣка подъ свое покровительство и нашелъ издателя для перваго сборника его стихотвореній. Однако Петефи не раздѣлялъ умѣренно либеральныхъ взглядовъ своего покровителя и вскорѣ сдѣлался вмѣстѣ со своимъ другомъ, знаменитымъ романистомъ Юкаемъ, сторонникомъ Кошута. Въ своихъ поэмахъ, стихотвореніяхъ и народныхъ пѣсняхъ онъ не только былъ великимъ лирическимъ поэтомъ, но проповѣдникомъ политической и социальной революціи. Съ вдохновеннымъ жаромъ онъ клеймилъ венгерскую аристократію, пользовавшуюся трудомъ своихъ несчастныхъ рабовъ, восторженно защищалъ униженныхъ и оскорбленныхъ, поэтично рисовалъ идеалы народной свободы и національной независимости. Его патріотическій гимнъ «Впередъ, мадьяры» сдѣлался марсельезой венгерской революціи въ 1848 году. Принявъ участіе въ борьбѣ за освобожденіе своей родины, не только какъ поэтъ, но какъ и воинъ, Петефи погибъ въ Шезбургскомъ сраженіи. Какъ извѣстно, русская армія, подъ начальствомъ генерала Лидерса, разбила 31 іюля 1849 года небольшой отрядъ венгерцовъ съ генераломъ Бэмомъ во главѣ, и на полѣ брани осталось болѣе тысячи венгерцевъ. Въ числѣ ихъ долженъ былъ находиться и двадцатипятилѣтній поэтъ. По всей вѣроятности, его похоронили въ общей могилѣ на полѣ брани, но такъ какъ нѣтъ прямыхъ доказательствъ его смерти, а онъ только пропалъ безъ вѣсти во время сраженія, то сложились двѣ народныя легенды. По словамъ одной, онъ былъ взятъ русскими въ плѣнъ и сосланъ въ Сибирь; а если вѣрить другой, то онъ похороненъ живымъ, хотя умирающимъ. Во всякомъ случаѣ венгерскій Байронъ палъ, защищая свободу своей родины въ самую критическую минуту ея современной исторіи, и Венгрія свято хранитъ его память. По ироніи судьбы краснорѣчивѣйшую рѣчь на полуѣвѣковыхъ поминкахъ Петефи произнесъ его другъ Мавръ Юкай, членъ верхней палаты венгерскаго парламента по назначенію того самаго императора Франца-Іосифа, противъ котораго сражался Петефи. Но, конечно, пѣвецъ революціи 1848 г. не упрекнулъ бы въ этомъ своего друга, такъ какъ Венгрія достигла, хотя инымъ путемъ, свободы и независимости, къ чему такъ пламенно стремился ея вдохновенный бардъ.

¹⁾ Alexandre Petuefi, par de-Bertha. Journal des Debats, 1 août, 1899.

— Смерть Ричарда Конгрэва. 5-го іюля, настоящаго года, умеръ въ Лондонѣ скромный, но выдающійся соціологъ и публицистъ Ричардъ Конгрэвъ. Онъ родился въ городѣ Лимингтонѣ въ 1818 году и воспитывался прежде въ Ругбійской школѣ, у знаменитаго педагога, Томаса Арнольда, а потомъ въ Оксфордскомъ университетѣ, гдѣ впоследствии былъ титоромъ. Въ началѣ сороковыхъ годовъ онъ сдѣлался пламеннымъ ученикомъ Огюста Конта и вступилъ въ личныя отношенія съ отцемъ позитивизма, который въ своемъ завѣщаніи назначилъ его однимъ изъ тринадцати своихъ душеприказчиковъ. Въ 1870 году Конгрэвъ, долго бывшій единственнымъ вожакомъ англійскихъ позитивистовъ, основалъ въ Лондонѣ первую позитивистскую церковь, имѣвшую потомъ отдѣленія въ Ливерпулѣ, Ньюкастлѣ, Лейстерѣ и другихъ англійскихъ городахъ. Отличаясь очень широкими и независимыми мнѣніями по философскимъ, социальнымъ и политическимъ вопросамъ, Конгрэвъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ Джорджемъ Эллиотомъ, Джономъ Морлеемъ и нѣкоторыми радикальными дѣятелями. Смѣло высказывая свои взгляды, онъ не боялся идти противъ общественнаго мнѣнія и отстаивалъ независимость Индіи, самоуправленіе Ирландіи и самостоятельность Трансваальской республики. Во время осады Парижа нѣмецкой арміей, онъ обратился къ лондонскому населенію съ краснорѣчивымъ воззваніемъ, въ которомъ требовалъ, чтобы англійское правительство признало французскую республику и протестовало противъ бомбардировки Парижа. Кромѣ этого, онъ написалъ адресъ министерству, въ которомъ возставалъ отъ имени человѣчества противъ позорнаго поведенія этого министерства и высшихъ слоевъ Англіи, которые не хотѣли заступиться за слабую французскую республику, попираемую сильнымъ врагомъ. Конечно, обѣ эти попытки не имѣли никакого успѣха. Вскорѣ послѣ того позитивисты въ Англіи разбились на двѣ вѣтви, и отщепенцы съ Фредерикомъ Гарисономъ во главѣ составили отдѣльную позитивистскую школу. До конца своей жизни Конгрэвъ придерживался идей своего учителя и боролся съ модными теперь шовинистскими стремленіями такъ называемой импералистской политики. Онъ писалъ статьи во многихъ журналахъ и напечаталъ нѣсколько отдѣльных трудовъ, между прочимъ, переводъ сочиненій Огюста Конта, «Западно-римская имперія», «Индія и ея развитіе», «Ирландія», «Рабочій вопросъ», «Новая религія въ отношеніи старой» и проч.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Къ біографіи Н. И. Костомарова.

ПЕЧАТАЕМОЕ здѣсь собственноручное письмо нашего покойнаго историка относится къ тому періоду его жизни, когда только что кончилось его долготѣнее подневольное пребываніе въ Саратовѣ, и онъ, получивъ, съ восшествіемъ на престолъ императора Александра II, облегченіе своей участи, готовился начать профессорскую дѣятельность, оказавшуюся столь блестящей и навсегда памятной въ лѣтописяхъ Петербургскаго университета. Въ обстоятельномъ некрологѣ Николая Ивановича, помѣщенномъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», указанный періодъ жизни Николая Ивановича излагается такимъ образомъ, что онъ оставилъ Саратовъ, будучи приглашенъ Петербургскимъ университетомъ занять кафедру русской исторіи послѣ профессора Устрялова, что и послѣдовало въ ноябрѣ 1859 года ¹⁾. Между тѣмъ изъ публикуемаго письма видно, что еще раньше Петербургскаго университета у Костомарова завязались сношенія съ Казанскимъ университетомъ, но они не привели къ желаемымъ обѣими сторонами результатамъ. Объ этихъ сношеніяхъ умалчиваетъ и профессоръ Д. А. Корсаковъ въ своей статьѣ «Памяти Н. И. Костомарова», сообщая лишь о приглашеніяхъ Костомарова на кафедру Казанскимъ университетомъ въ 1862 и 1864 годахъ ²⁾. Почему Николай Ивановичъ не сдѣлался профессоромъ Казанскаго университета, — не знаемъ, видимъ лишь

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ», 1885 г., май, стр. 6.

²⁾ «Историческій Вѣстникъ», 1885 г., іюль, стр. 78—79.

изъ письма, что онъ сильно желалъ этого. Письмо написано къ Ѳ. Ѳ. Веселаго, управлявшему въ 1857—1858 годахъ Казанскимъ учебнымъ округомъ, и принадлежащее теперь обществу археологій, исторіи и этнографіи при Казанскомъ университетѣ, куда оно, въ числѣ другихъ бумагъ Ѳ. Ѳ. Веселаго, поступило отъ барона В. Р. Розена ¹⁾).

«Милостивый Государь,

«Ѳеодосій Ѳедоровичъ.

«Прибывъ въ Санктпетербургъ съ цѣлію заранѣе сдѣлать запасъ извлеченій изъ рукописей и рѣдкихъ книгъ, необходимый для моихъ занятій русскими древностями, я узналъ, что представленіе обо мнѣ и опредѣленіе въ должность профессора останавливается по причинѣ странныхъ писаній г. саратовскаго губернатора. Но г. министръ народнаго просвѣщенія лично сказалъ мнѣ, что если г. губернаторъ поставляетъ на видъ старыя событія изъ моей біографіи, то онъ не откажетъ и приметъ на себя трудъ испросить Высочайшее соизволеніе на опредѣленіе меня въ должность профессора въ Казанскомъ университетѣ. Евграфъ Петровичъ поручилъ мнѣ просить начальство Казанскаго университета о скорѣйшемъ представленіи обо мнѣ. Поэтому я обращаюсь къ вамъ, милостивый государь, Ѳеодосій Ѳедоровичъ, съ покорнѣйшею просьбою: не откажите въ вашемъ содѣйствіи къ скорѣйшему представленію обо мнѣ и разрѣшенію вопроса: быть или не быть въ Казанскомъ университетѣ. Во всякомъ случаѣ я высоко цѣню честь, оказанную мнѣ почтенными членами университета, и почитаю себя навсегда обязаннымъ вамъ за то вниманіе и покровительство, которыя вы изволили оказать мнѣ. Душевно желаю поскорѣе имѣть возможность трудиться съ цѣлію сдѣлаться достойнымъ этого призванія, сколько достанетъ силъ, способностей и здоровья. Примите увѣреніе въ искренности чувствъ глубочайшаго моего къ вамъ уваженія и совершенной преданности, съ которыми честь имѣю пребыть вашимъ,

«милостивый государь,

«покорнѣйшимъ слугою

«Н. Костомаровъ».

Юля 26

1858 г.

Санктпетербургъ.

Сообщилъ В. Борисовъ.

¹⁾ См. «Извѣстія Общ. Арх., Ист. и Этн. при Импер. Казанскомъ унив.», т. XV, вып. 4, стр. 471—472. Бумаги Ѳ. Ѳ. Веселаго представляютъ собою большую часть переписки его съ различными лицами и окажутся, вѣроятно, полезными при составленіи исторіи университета за данное время.

«истор. вѣстн.», сентябрь, 1899 г., т. LXXVII.

С М Ъ С Ь.

ПАМЯТНИКЪ на могилѣ Ю. Н. Говорухи-Отрока. Въ настоящее время, по словамъ «Московскихъ Вѣдомостей» (№ 205), на могилѣ Ю. Н. Говорухи-Отрока, на кладбищѣ Скорбященскаго монастыря въ Москвѣ, сооруженъ памятникъ по проекту знаменитаго художника В. М. Васнецова.

На небольшомъ постаментѣ лежитъ слегка приподнятая къ зрителю плита чернаго мрамора съ вызолоченною надписью, сдѣланною своеобразнымъ славянскимъ шрифтомъ: «Ю. Н. Говоруха-Отрокъ 1854—1896 († 26 юля 1896)». Надъ плитою возвышается простой, небольшихъ размѣровъ погостный крестъ, сдѣланный изъ бѣлаго мрамора съ орнаментомъ чисто-русскаго стиля, сохраняющимъ общій контуръ креста. Въ углу при пересѣченіи перекладинъ изваяно молящееся личико ангела-хранителя. Въ крестѣ вѣдлана небольшая, написанная масляными красками, икона Христа. Надписи удивительны по красотѣ: это орнаментъ, составленный изъ славянскаго шрифта. На лицевой сторонѣ написано: «Вѣровахъ тѣмъ же возлаголахъ». «Живыми и мертвыми обладаю яко Богъ, упокой и раба Твоего въ селеніяхъ праведныхъ». «Аще бо и согрѣшихъ есть Спасе и неотступлю отъ Тебе». И на оборотной сторонѣ креста: «Аще праведникъ едва спасется, азъ гдѣ явлюся грѣшный, тяготы и зноя дневнаго не понесохъ, но съ наемниками единодесятаго часа сопритчи мя, Боже, и спаси мя».

Судьба Лаврскаго клада. Въ настоящее время всѣхъ кievскихъ нумизматовъ и любителей древностей интересуетъ, какое назначеніе получитъ замѣчательный кладъ, найденный 26 ноября 1898 г. въ одномъ изъ тайниковъ великой лаврской церкви. Духовный соборъ лавры принялъ всѣ зависящія отъ

него мѣры, чтобы выяснитъ дѣйствительную стоимость этой находки. Съ этой цѣлью, подъ руководствомъ свѣдущихъ лицъ изъ числа мѣстныхъ нумизматовъ, составлена была подробная опись клада. Опись эта напечатана въ видѣ каталога съ русскимъ и нѣмецкимъ текстомъ и разослана многимъ нумизматамъ Западной Европы и Россіи. Изъ этого каталога видно, что всего въ 4 сосудахъ, въ которыхъ хранился кладъ, находилось 6.184 золотыхъ монетъ и медалей, вѣсомъ 1 пудъ 26 фунтовъ, и 9.895 серебряныхъ монетъ, медалей и жетоновъ вѣсомъ 16 пудовъ 28 фунтовъ. Находка клада возбудила всеобщее вниманіе, и въ Кіевъ пріѣзжалъ для его осмотра представитель Британскаго музея, а также представители различныхъ торговцевъ древними монетами изъ Мюнхена, Парижа, Голландіи, Вѣны и другихъ мѣстъ. Все они имѣли случай убѣдиться, что въ числѣ монетъ лаврскаго клада есть такія, которыя до послѣдняго времени были неизвѣстны нумизматамъ. Къ числу такихъ уникамовъ принадлежитъ большая золотая медаль съ изображеніемъ императоровъ Констанція и Константина, ѣдущихъ на квадригѣ. Медаль эта IV вѣка, оцѣнивается въ 5—6 тыс. рублей; также представляетъ уникамъ золотая медаль Константина Острожскаго XVII вѣка. Ее оцѣниваютъ заграничные нумизматы въ 4.000 рублей. Также единственными экземплярами являются нѣкоторыя монеты Стефана Баторія, оцѣненные въ 1.500 рублей и 800 рублей. Уникамъ также монета въ 10 червонцевъ Петра Великаго 1702 года. Ее оцѣниваютъ въ 3.000 рублей. Есть также много другихъ рѣдкихъ и цѣнныхъ монетъ. Императорскій Эрмитажъ командировалъ въ Кіевъ хранителя нумизматическаго отдѣленія Эрмитажа А. К. Маркова для изученія клада на мѣстѣ. Г. Марковъ находится въ настоящее время въ Кіевѣ и посвятитъ три мѣсяца для изученія клада. По его оцѣнкѣ, стоимость клада составляетъ 65 тыс. рублей. Номинальная стоимость по вѣсу всего 38 тыс. рублей. Г. Марковъ признаетъ возможнымъ приобрести для Эрмитажа только болѣе рѣдкія монеты и медали. Но духовный соборъ желалъ бы продать весь кладъ полностью. Представители заграничныхъ нумизматовъ предлагаютъ за кладъ отъ 200 до 250 тыс. рублей. Въ виду такого разногласія и рѣшенія будущей судьбы клада соборъ лавры обратился за указаніемъ въ святѣйшій синодъ. Было бы весьма желательно, чтобы если не весь кладъ, то болѣе рѣдкіе замѣчательные экземпляры этой рѣдкой находки попали въ русскія собранія, а не за границу.

† Александръ, епископъ полоцкій и витебскій. Скончавшійся 27 іюля епископъ полоцкій и витебскій Александръ являлся замѣчательною личностью на поприщѣ служенія православной церкви. Сынъ крестьянина Лифляндской губерніи, мызы Пуйкель, въ мѣрѣ Андрей Георгіевичъ Заккисъ, онъ, по высочайшему повелѣнію, въ 1851 году былъ принятъ въ духовное званіе и поступилъ для образованія въ Рижскую семинарію. По окончаніи семинарскаго курса въ 1859 году, покойный священствовалъ при Убберномской и Гроссъ-Юнферсгофской церквахъ до сентября 1860 года, когда овдовѣлъ и для довершенія образованія черезъ годъ поступилъ въ Кіевскую духовную академію, гдѣ также принялъ и монашество. Выпущенный изъ академіи въ 1865 году со степенью магистра богословія, будущій архипастырь въ теченіе восемнадцати лѣтъ посвящалъ себя духовно-училищной службѣ: сначала онъ служилъ

въ Рижской семинаріи преподавателемъ русскаго, эстонскаго и латышскаго языковъ (1865—1866 гг.), помощникомъ инспектора (1866—1868 гг.) и инспекторомъ-профессоромъ богословія, гомилетики и исторіи (1868—1871 гг.), а по возведеніи въ санъ архимандрита — съ 1871 года состоялъ ректоромъ Могилевской семинаріи и настоятелемъ Братскаго монастыря въ Могилевѣ. Эта долгая педагогическая и духовно-административная дѣятельность обратила на себя вниманіе со стороны святѣйшаго синода и открыла предъ почившимъ новое поприще служенія. 21 ноября 1883 года, покойный былъ хиротонисанъ въ санъ епископа Острожскаго и назначенъ викаріемъ Волынской епархіи, а затѣмъ, съ 3 іюня 1890 года, переведенъ на самостоятельную архіерейскую кафедру въ Архангельскъ. Здѣсь онъ пробылъ около трехъ лѣтъ и по слабости здоровья, зависѣвшей отъ холоднаго сѣвернаго климата, 16 апрѣля 1893 года отпросился на покой въ Московскій Симоновъ монастырь, но уже 3 сентября того же года былъ назначенъ епископомъ Полоцкимъ и Витебскимъ, — въ одну изъ обширнѣйшихъ епархій Западнаго края, гдѣ ему и пришлось потрудиться въ послѣднія шесть лѣтъ. Покойному епископу Александру принадлежало дѣятельное участіе въ изданіи рижскаго журнала «Училище Благочестія»; кромѣ того, онъ часто печаталъ свои назидательныя поученія, изъ которыхъ одно, произнесенное при вступленіи въ управленіе Симоновымъ монастыремъ, помѣщено въ «Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ» (1893 г., № 27). («Моск. Вѣд.» № 206).

† **Баронъ А. П. Николаи.** Въ ночь на 3 іюля, въ своемъ имѣніи на Кавказѣ, скончался членъ государственнаго совѣта, дѣйствительный тайный совѣтникъ баронъ Александръ Павловичъ Николаи. Покойный родился въ 1821 году и по своему происхожденію принадлежалъ къ шведскому дворянскому роду Nicolai, представитель котораго Людвигъ-Генрихъ былъ вызванъ въ Россію императрицей Екатериной Второю въ 1769 году, назначенъ бібліотекаремъ и секретаремъ великаго князя Павла Петровича и сталъ именоваться Андреемъ Львовичемъ Николаи, а его сынъ Павелъ Андреевичъ получилъ баронское достоинство. Благодаря своему дворянскому происхожденію, баронъ А. П. Николаи получилъ воспитаніе въ Императорскомъ Царскосельскомъ лицей, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1839 году съ серебряною медалью. По выпускѣ изъ лица, покойный началъ свою службу въ канцеляріи новороссійскаго и бессарабскаго генераль-губернатора, но съ 1845 года перешелъ чиновникомъ особыхъ порученій къ кавказскому намѣстнику кн. М. С. Воронцову и въ теченіе болѣе пятнадцати лѣтъ провелъ на Кавказѣ, занимая мѣсто директора походной канцеляріи намѣстника, члена по ревизіи отчетности Закавказскаго дѣвичьяго института и члена совѣта главнаго управленія краемъ, а съ 1852 года состоялъ попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа. Большая часть дѣятельности покойнаго на Кавказѣ прошла еще не въ умиротворенной русской окраинѣ, среди частыхъ тревогъ и стычекъ съ туземцами. Такъ ему пришлось даже выказать «личную храбрость и самоотверженіе» во время военной экспедиціи въ Дарго и Дагестанъ, при взятіи укрѣпленнаго аула Салты. Съ 1861 года баронъ А. П. Николаи былъ переведенъ въ попечители Кіевскаго учебнаго округа и вскорѣ затѣмъ — въ товарищи министра народнаго просвѣщенія, но

уже съ 1863 года, пожалованный въ сенаторы и статсъ-секретари, снова былъ призванъ къ служебной дѣятельности на Кавказѣ, въ званіи начальника главнаго управленія намѣстника кавказскаго. Ему пришлось устраивать бытъ тамошнихъ крестьянъ, вводить въ дѣйствіе судебныя уставы и примѣнять другія реформы, выработанныя для этой важной окраины. Назначенный членомъ государственнаго совѣта (1875 года) и затѣмъ почетнымъ опекуномъ-управляющимъ Петербургскимъ воспитательнымъ домомъ (1878 г.), покойный баронъ Николаи былъ призванъ съ 24 марта 1881 года на постъ министра народнаго просвѣщенія, но лишь одинъ годъ занималъ это высокое мѣсто, сосредоточивъ потомъ свою служебную дѣятельность, главнымъ образомъ, въ государственномъ совѣтѣ, гдѣ въ теченіе десяти лѣтъ (1884 — 1894 гг.) состоялъ предѣвателемъ департамента законовъ. Барону А. П. Николаи принадлежало нѣсколько печатныхъ трудовъ по вопросу о русскомъ просвѣщеніи, какъ, напримѣръ: «О вліяніи историческаго развитія государствъ на систему народнаго воспитанія» (Кавказъ, 1859 г., № 12 — 13), «О назначеніи гимназій въ системѣ народнаго образованія и объ учебномъ ихъ курсѣ» (Морской Сборникъ, 1860 г., т. XLVI, №3), «Мысли при чтеніи проекта преобразованія морскихъ учебныхъ заведеній» (1861 г., т. LI, № 2). Въ послѣднее же время покойный преимущественно былъ занятъ воспоминаніями о прошломъ и напечаталъ слѣдующіе отрывки изъ своихъ мемуаровъ: «Къ исторіи покоренія восточнаго Кавказа» (Русскій Архивъ, 1889 г., кн. 8), «Даргинскій походъ» (1890 г., кн. 6), «Салтинскій походъ» (1891 г., кн. 6), «Крестьянская реформа въ Закавказскомъ краѣ» (1892 г., кн. 5, 6 и 8) и «Pia desideria» (Тифлисъ, 1894 г., 39 стр.). («Моск. Вѣд.» № 183).

† А. Д. Мейнъ. 27 июля, предано землѣ на Ваганьковскомъ кладбищѣ тѣло скончавшагося 24 числа члена высочайше утвержденнаго комитета по устройству музея изящныхъ искусствъ имени императора Александра III при Московскомъ университетѣ, Александра Даниловича Мейна. Покойный родился въ 1847 году и воспитаніе получилъ въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ и въ 1854 году началъ свою службу въ гренадерскомъ императора Австрійскаго полку, затѣмъ былъ прикомандированъ ко 2-му Московскому кадетскому корпусу, гдѣ исправлялъ должность репетитора по предмету исторіи, но вскорѣ, еще въ 1863 году, перешелъ на гражданскую службу, поступивъ въ штатъ канцелярскихъ чиновниковъ канцеляріи Московскаго губернатора. Съ этихъ поръ дѣятельность А. Д. принадлежала всецѣло Москвѣ, гдѣ онъ послѣдовательно занималъ должности члена отъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ Бронницкомъ, а затѣмъ въ Коломенскомъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтахъ, совѣтника Московскаго губернскаго правленія, чиновника особыхъ порученій при московскомъ генераль-губернаторѣ, въ каковомъ званіи неоднократно исполнялъ различныя отвѣтственныя порученія, директора Московскаго тюремнаго комитета, члена московскаго комитета для разбора и призраженія просящихъ милостыню, члена попечительнаго совѣта заведеній общественнаго призренія въ Москвѣ и, наконецъ, съ 1882 года, управляющаго канцеляріей московскаго генераль-губернатора, въ каковой должности оставался вплоть до выхода своего въ отставку по болѣзни, послѣдовавшаго въ 1887 году. Покойный имѣлъ рус-

скіе ордена до ордена св. Станислава 2-й степени съ императорскою короною и св. Станислава 1-й степени включительно, а также и иностранные: персидскій — Льва и Солнца 1-й степени, черногорскій — князя Данила 2-й степени и болгарскій — св. Александра 2-й степени. Послѣдніе годы своей жизни А. Д. Мейнъ состоялъ членомъ совѣта московскаго международнаго банка, членомъ правленія московскаго земельнаго банка и директоромъ коммерческаго страховаго общества. Покойный не былъ чуждъ литературѣ. Такъ въ 60-хъ годахъ онъ принималъ постоянное участіе въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ, между прочимъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», на первыхъ порахъ изданія газеты, а затѣмъ завѣдывалъ московскимъ отдѣленіемъ въ «Голосѣ», гдѣ онъ, кромѣ того, редактировалъ отдѣлъ московскихъ и провинціальныхъ извѣстій. Съ 1866 года по 1872 годъ онъ завѣдывалъ неофициальною частью «Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», кромѣ того, сотрудничалъ въ нѣкоторыхъ газетахъ, а также перевелъ на французскій языкъ тотъ томъ «Исторіи Петра Великаго» Устрялова, въ которомъ изложено дѣло царевича Алексѣя Петровича. А. Д. Мейну всегда были дороги научные интересы и процвѣтаніе ученыхъ учрежденій родной Москвы, и онъ былъ въ числѣ постоянныхъ членовъ комитета по устройству Московскаго музея прикладныхъ знаній, а въ теченіе послѣднихъ лѣтъ своей жизни былъ и однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ-учредителей высочайше утвержденнаго комитета по устройству музея изящныхъ искусствъ имени императора Александра III при Московскомъ университетѣ, въ созиданіи устава и развитіи дѣятельности котораго онъ принималъ непосредственное и горячее участіе, при чемъ принесъ въ даръ музею огромную коллекцію гипсовыхъ копій съ античныхъ бюстовъ, которая явится однимъ изъ лучшихъ украшеній музея. («Моск. Вѣд.» № 206; «Русск. Вѣд.» № 206; «Нов. Вр.» № 813).

† П. А. Устимовичъ. Въ первыхъ числахъ іюля, за границею, скончался членъ виленской судебной палаты Прокофій Адриановичъ Устимовичъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ издававшій и редактировавшій журналъ «Братская помощь». Покойный основалъ этотъ журналъ съ цѣлью проповѣди христіанской любви и общепользныхъ знаній. Журналъ издавался въ Саратовѣ, гдѣ служилъ покойный въ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ. П. А. легко давалась стихотворная форма, и онъ пользовался ею съ тою же цѣлью поученія и проповѣди добра и труда. Свои стихотворенія покойный подписывалъ псевдонимомъ «Полтавинъ». П. А., какъ человекъ, отличался замѣчательною добротою; онъ никому не отказывалъ въ своей помощи, и множество недостаточной молодежи обязано ему своимъ образованіемъ, такъ какъ покойный не щадилъ своихъ средствъ, чтобы дать возможность юношѣ кончить гимназическій или университетскій курсъ. Неоднократно приходилось П. А. занимать и боевую позицію, но онъ воевалъ всегда только съ неправдою и лицемеріемъ. Тщеславіе и зависть были чужды покойному. Его перу принадлежитъ нѣсколько рассказовъ. Проживая въ Вильнѣ, онъ сотрудничалъ, между прочимъ, въ «Виленскомъ Вѣстникѣ». («Нов. Вр.» № 8393).

† П. К. Мартыановъ. 19-го іюля, въ С.-Петербургѣ, скончался Петръ Кузьмичъ Мартыановъ, извѣстный своими стихотвореніями, писавшимися имъ на

злобу дня и на сюжеты солдатской походной жизни, начиная съ 60-хъ годовъ. Его многочисленныя стихотворенія были собраны имъ и изданы въ нѣсколькихъ книжкахъ подъ разными заголовками. Большинство произведеній покойнаго охотно печатались въ юмористическихъ журналахъ и подписывались имъ псевдонимомъ «Поэтъ-солдатъ». Перу П. К. принадлежитъ также рядъ серьезныхъ статей, напечатанныхъ въ разное время въ «Военномъ Сборникѣ», гдѣ онъ выступилъ, между прочимъ, съ дѣльной статьей, посвященной офицерскимъ библіотекамъ, затѣмъ въ журналахъ «Историческомъ Вѣстникѣ» (его воспоминанія), въ «Древней и Новой Россіи» и въ другихъ изданіяхъ. Покойный въ теченіе своей литературной дѣятельности сталкивался со многими извѣстными общественными дѣятелями и въ одномъ изъ своихъ изданій каждому изъ нихъ посвятилъ по нѣсколько строкъ въ стихотворной формѣ. Получивъ военное воспитаніе, онъ началъ свою службу на военномъ поприщѣ. Въ 70-хъ годахъ вышелъ въ отставку и съ тѣхъ поръ жилъ почти исключительно литературнымъ трудомъ. («Нов. Вр.», № 8404).

† С. Н. Кулибинъ. 7-го іюля, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ похороненъ начальникъ отдѣленія соляныхъ и нефтяныхъ промысловъ горнаго департамента горный инженеръ, Сергій Николаевичъ Кулибинъ, скоропостижно скончавшійся на 38 году жизни. С. Н., сынъ Н. А. Кулибина, занимающаго нынѣ постъ предсѣдателя горнаго ученаго комитета, родился въ 1862 году. Получивъ среднее образованіе подъ непосредственнымъ наблюденіемъ своего отца, бывшаго въ 70-хъ годахъ профессоромъ Горнаго института, С. Н., какъ выдающійся по своимъ способностямъ, былъ оставленъ при институтѣ для усовершенствованія въ горнозаводскихъ наукахъ. Вскорѣ для той же цѣли онъ отправленъ на казенный счетъ за границу. Возвратившись въ Россію и пробывъ нѣкоторое время при Горномъ институтѣ, С. Н. перешелъ въ 1886 году въ министерство государственныхъ имуществъ чиновникомъ особыхъ порученій, затѣмъ былъ назначенъ секретаремъ горнаго ученаго комитета. Должность начальника отдѣленія С. Н. занималъ съ 1893 года. Служа въ министерствѣ, С. Н. принималъ дѣятельное участіе въ устройствѣ русскаго отдѣла на Копенгагенской всемірной выставкѣ, состоялъ членомъ особой комисіи по переустройству кавказскихъ минеральныхъ водъ (въ 1897 г.) и участвовалъ въ разработкѣ тарифовъ на горнозаводскіе продукты. Кроме того, С. Н. разновременно предпринималъ поѣздки по Россіи и западно-европейскимъ государствамъ для изученія состоянія солянаго и нефтянаго промысловъ и почти ежегодно выполнялъ различныя порученія, иногда даже мало отвѣчающія прямымъ обязанностямъ его службы. Покойный былъ однимъ изъ рѣдкихъ знатоковъ исторіи горнаго дѣла и специально горнозаводской библіографіи. Его перу принадлежатъ: очеркъ «Исторія кавказскихъ минеральныхъ водъ», «Горнозаводская промышленность Россіи», «Обзоръ соляной промышленности Россіи», цѣлый рядъ біографій въ «Словарѣ русскихъ дѣятелей» (изд. Половцева) и различныя статьи въ «Военномъ Журналѣ» и другихъ повременныхъ изданіяхъ. Послѣдніе годы С. Н. занимался собираніемъ матеріаловъ для задуманнаго имъ біографическаго словаря русскихъ горныхъ дѣятелей. («Нов. Вр.», № 8391).

† Н. И. Свѣшниковъ. Въ концѣ іюля, въ одной изъ петербургскихъ больницъ послѣ тяжелой болѣзни скончался Николай Ивановичъ Свѣшниковъ, если

не послѣдній, то «одинъ изъ послѣднихъ могиаканъ», представитель тѣхъ настоящихъ букинистовъ, которые любили книгу и знали книжное дѣло, какъ рѣдко кто знаетъ его изъ книгопродавцевъ. Эти букинисты-библіографы были незамѣнимыми помощниками писателей и ученыхъ въ розыскиваніи нужныхъ и часто рѣдкихъ книгъ. Множество литераторовъ и ученыхъ пользовались услугами Н. И. Графъ Д. А. Толстой, занимаясь исторіей Екатерины II, постоянно обращался къ Н. И. то за той, то за другой книгой. Точно также покойный академикъ Куникъ былъ постояннымъ его клиентомъ и мн. друг. Н. И. былъ не чуждъ и литературѣ, какъ писатель. Его очеркъ о «Лишенныхъ столицы» административныхъ ссыльныхъ, исправленный Н. С. Лѣсковымъ, былъ помѣщенъ этимъ послѣднимъ подъ названіемъ «Спиридоны-повороты» въ «Русской Мысли» и обратилъ на себя общее вниманіе. Въ «Нов. Вр.» было напечатано имъ описаніе жизни и нравовъ въ Вяземскомъ домѣ. Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1896 г. была помѣщена интересная по своей искренности автобіографія покойнаго подъ названіемъ «Воспоминанія пропадающаго человѣка»; кромѣ того, въ этомъ же журналѣ были помѣщены матеріалы къ исторіи книгопродавческаго дѣла въ Петербургѣ. Н. И. былъ родомъ изъ Углича Ярославской губерніи, родился въ 1839 году. («Нов. Вр.», № 8413).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

По поводу «Халдейской печи».

Въ августовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» въ «Смѣси» помѣщена заимствованная изъ № 159 «Московскихъ Вѣдомостей» замѣтка подъ заглавіемъ «Археологическая справка». Считаю своимъ долгомъ сдѣлать къ означенной замѣткѣ слѣдующую поправку.

Мой покойный отецъ, извѣстный въ свое время архитекторъ-археологъ Николай Андреевичъ Артлебенъ (род. 1827—ск. 1882 г.) еще въ концѣ 60-хъ годовъ въ «Трудахъ Моск. Археол. Общества» помѣстилъ статью подъ заглавіемъ «Амвонъ» (матеріалы для археолог. словаря), въ которой обстоятельно доказалъ неправильность существовавшаго взгляда на «Халдейскую печь» Софійскаго собора въ Новгородѣ, признавая ее несомнѣнно за амвонъ. Не имѣя подъ руками означеннаго изданія, по причинѣ временнаго до конца октября пребыванія въ Нижнемъ Новгородѣ, я не имѣю возможности точно указать № «Трудовъ», гдѣ помѣщена эта статья. Справедливость мнѣнія отца была подтверждена и проф. Веселовскимъ въ его книгѣ «Старинный театръ въ Европѣ» изд. 1872 г. въ Москвѣ и, насколько я помню, никѣмъ не оспаривалась. Судя по замѣткѣ, мнѣніе это забыто, какъ забывается у насъ многое, почему я и позволилъ себѣ обратиться въ редакцію «Историческаго Вѣстника» съ настоящимъ письмомъ.

Михаилъ Артлебенъ.

и безъ этого несете вы на себѣ. Я же прибылъ за тѣмъ, чтобы помочь вамъ облегчить вашу тяжесть.

Онъ выѣхалъ вновь на большую дорогу и на разстояніи одной мили отъ Ламбеска, въ селѣ Сень-Канна, долженъ былъ мѣнять лошадей. Здѣсь собралась со всѣхъ окрестностей несмѣтная толпа народа, привѣтствовавшая его нескончаемыми кликами. Къ возгласамъ: «да здравствуетъ графъ Мирабо!» присоединился, однако, одинъ громкій возгласъ: «да здравствуетъ король!» что привело Мирабо, всю дорогу уже погруженнаго въ невеселыя думы, въ еще болѣе серіозное настроеніе.

Въ ту минуту, однако, когда онъ собирался выѣзжать изъ Сень-Канна, онъ увидалъ въ быстро подѣхавшей дорожной каретѣ свою любимую сестру, маркизу де-Сальянъ, къ его радостному удивленію, выѣхавшую ему на встрѣчу. Пересѣвъ въ ея экипажъ, чтобы вмѣстѣ съ нею доѣхать до Э, онъ велѣлъ своему экипажу, съ прислугой и вещами, слѣдовать за собой.

— Ты не веселъ, братъ мой, — сказала послѣ сердечнаго привѣтствія, обращаясь къ нему и пристально всматриваясь въ него, Каролина, — а я воображала, что, на верху всѣхъ твоихъ желаній, привѣтствуемаго народомъ, какъ любимата избранника, увижу тебя по крайней мѣрѣ, хоть съ улыбкой счастья на лицѣ.

— Не могу забыть моего любимата слугу, внезапно умершаго въ дорогѣ, — печально возразилъ Мирабо. — Но теперь я уже испытываю радость, что ты выѣхала мнѣ на встрѣчу, Каролина. Долженъ тебѣ сознаться, что эта радостно ликующая, уже нѣсколько часовъ тѣснящаяся кругомъ меня толпа втайнѣ внушаетъ мнѣ сильный страхъ. Съ той минуты, какъ я парю на этихъ пурпуровыхъ облакахъ народной любви и чувствую себя вознесеннымъ ею, я начинаю почти раскаяваться, что зашелъ такъ далеко. Я люблю народъ, какъ любятъ несчастнаго. Но когда связываешь себя съ его судьбою, тогда чувствуешь всю тяжесть такого союза. Я почти желалъ бы не приходиться къ соглашенію съ министерствомъ, желалъ бы, чтобы господинъ Неккеръ, вмѣсто примиренія со мною, настоялъ на своемъ намѣреніи, путемъ уголовнаго преслѣдованія, исключить меня изъ выборовъ или сдѣлать всякое мое избраніе недѣйствительнымъ.

— Но собственно результатами твоего пребыванія въ Парижѣ ты доволенъ? — спросила госпожа де-Сальянъ, подсмѣиваясь надъ его меланхоліей. — Въ Э ты уже избранъ депутатомъ третьяго сословія единогласно всѣмъ избирательнымъ составомъ. Какъ только мы подѣдемъ къ Э, народъ самъ, въ торжественной процессіи, объявитъ тебѣ это. Но, зная, какъ ты всѣмъ сердцемъ отдался этой новой дѣятельности, мнѣ хотѣлось первой сообщить тебѣ это

извѣстіе, чтобы насладиться твоею радостью, которая вмѣстѣ съ тѣмъ и моя.

— Ты правъ,—возразилъ Мирабо, сердечно пожимая ей руку,— въ сущности, я тоже радуюсь, потому что приближается великое рѣшеніе, котораго я давно уже жаждалъ.

Въ эту минуту они увидали, приблизительно въ разстояніи двухъ миль отъ Э, длинное шествіе мужчинъ, въ торжественномъ порядкѣ двигавшееся имъ на встрѣчу; по высоко развѣвавшимся въ воздухѣ знаменамъ Мирабо узналъ, что это городскіе цехи идутъ его привѣтствовать. Какъ только, при громовыхъ радостныхъ кликахъ, они приблизились, принесенные ими цвѣты и вѣнки полетѣли въ экипажъ, само же шествіе выстроилось на улицѣ такъ, что экипажъ оказался окруженнымъ со всѣхъ сторонъ какъ бы сопровождавшимъ его торжественнымъ кортежемъ.

Дорога шла въ гору. При вѣздѣ на самое возвышенное мѣсто; путники вдругъ увидѣли впереди несмѣтную толпу народа, устремившуюся изъ близъ лежащаго уже теперь города Э и остановившуюся, въ ожиданіи ихъ, для привѣтствія. Какъ только толпа увидѣла Мирабо, прогремѣли тысячи возгласовъ и привѣтственныхъ кликовъ. Пожеланія счастья, изъявленія благодарности, благословенія потрясали воздухъ вмѣстѣ съ безконечнымъ стономъ виватовъ. Экипажъ былъ задержанъ, окруженъ со всѣхъ сторонъ; всѣмъ хотѣлось видѣть Мирабо, слышать звукъ его голоса, дотронуться до его руки или одежды.

Мирабо обратился къ народу съ рѣчью, выражая ему благодарность за то, что онъ избралъ его своимъ представителемъ, представителемъ третьяго сословія, и хочетъ послать его, съ своими полномочіями, въ національное собраніе.

— Передаю вамъ также поклоны отъ вашихъ парижскихъ друзей,— прибавилъ онъ, посылая имъ воздушный поцѣлуй.— Много славныхъ, прекрасныхъ поклоновъ! Тамъ, въ посѣщенныхъ мною клубахъ, мои единомышленники спрашивали меня о васъ, и я, положивъ руку на сердце, отвѣчалъ имъ, что живой и прекрасный народъ, чувства и рѣшенія котораго созрѣли подъ болѣе горячимъ солнцемъ Прованса, будетъ сильной опорой національной свободы во Франціи. Вотъ они и присылаютъ вамъ черезъ меня привѣтъ свободнаго братства, который скоро пронесется по всей странѣ. Долженъ вамъ сказать, однако, друзья мои, что, за исключеніемъ этого, воздухъ въ Парижѣ не хорошъ, и я благодарю Бога, что я опять съ вами, въ прекрасныхъ долинахъ Прованса, гдѣ весна болѣе ранняя, и гдѣ уже мартовскія фіалки улыбаются мнѣ. Знаете, еще чтó въ Парижѣ никуда не годится и не можетъ и вами быть долѣе терпимо? Это — министерство, новое министерство, которому мы хотя и обязаны созваніемъ государственныхъ чиновъ, но ко-

торое, разсмотрѣнное при свѣтѣ, одного пороховаго выстрѣла не стоять. Многіе благонамѣренные люди считаютъ хорошимъ признакомъ, что тамъ вверху генеральнымъ контролеромъ нашихъ финансовъ опять появился этотъ министръ Неккеръ. Другіе же, не менѣе благонамѣренные, смотрятъ на Неккера, какъ на вспорхнувшую чайку, предвѣщающую бурю. Хотя Богъ создалъ міръ изъ ничего, но я утверждаю, что изъ бумаги Онъ бы не могъ создать его. Неккеръ же хочетъ создать счастье и кредитъ Франціи изъ бумажныхъ денегъ, а его бумажныя деньги еще менѣе, чѣмъ ничего, потому что онѣ лишь обманчивый призракъ, который долженъ разсѣяться отъ перваго дневнаго луча. Друзья мои, берегитесь этихъ бумажныхъ денегъ! въ нихъ сидитъ истинный дьяволъ тираніи, давящей насъ. Бумажныя деньги—очагъ всякихъ химеръ и всякой лжи, исходящихъ изъ насилія; бумажныя деньги—это настоящая оргія, празднуемая бѣшеною властью надъ нашими головами¹⁾. Тѣ же бумажныя деньги, которыми насъ наводняетъ Неккеръ, это еще и фокусничество, какое вамъ не разъ приходилось видѣть на ярмаркахъ. Вы помните, конечно, штуку съ кубкомъ у этихъ фокусниковъ, вся магія которыхъ состоитъ въ быстротѣ движенія? Изъ такого кубка вдругъ выскакиваетъ нѣчто совсѣмъ неожиданное. Такъ и бумажныя деньги примутъ скоро совсѣмъ иной видъ, и вы увидите, какъ онѣ, въ рукахъ фокусника, внезапно превратятся въ новый заемъ. Всѣ свободные народы питаютъ отвращеніе къ бумажнымъ деньгамъ, и это отвращеніе есть жизненное дыханіе самой свободы ихъ. Великодушные американцы вынесли всѣ ужасы войны, чтобы прогнать своихъ тирановъ, перенесли всевозможныя бѣдствія, не могли только перенести бумажныхъ денегъ. Но Франція дѣйствительно нуждается въ новомъ кредитѣ, но не въ министерскомъ, который есть одна лишь бумажная плутня. Должно создать національный кредитъ, и вотъ для этого вашъ добрый король,—ибо добрымъ онъ всегда былъ и будетъ для васъ,—созываетъ общее собраніе всѣхъ сословій. Но мы воспользуемся этимъ и покажемъ, что представителей своихъ мы посылаемъ не для того, чтобы утвердить тамъ подати и займы, окруживъ ихъ будто бы ореоломъ народной воли, но что мы обуславливаемъ это новой конституціей для Франціи. Франція должна имѣть конституцію, друзья мои, въ которой свобода и права народа были бы ей выплачены наличною монетою, и эта плата сдѣлаетъ излишними въ странѣ всякія бумажныя плутни. Посылаемый вами и для васъ въ національное собраніе Франціи, я чувствую въ себѣ мужество желать и достигнуть тамъ наибольшаго. Да здравствуетъ король и свобода!²⁾

¹⁾ См. Correspondance entre M. C. (Cerutti) et le comte de Mirabeau (1789), 39.

²⁾ Correspondance entre Cerutti et Mirabeau, p. 33.

Тысячью голосами возгласъ этотъ былъ подхваченъ и, смѣшиваясь съ нескончаемыми кликами въ честь Мирабо, прокатился вдаль, по доламъ и горамъ. Мирабо теперь велѣлъ подогнать лошадей, чтобы поскорѣе добраться до городскихъ воротъ. Но и вся народная масса задвигалась и рядомъ съ экипажемъ, перегоняя одни другихъ, пустилась бѣжать въ городъ, гдѣ Мирабо долженъ былъ прежде всего остановиться въ домѣ маркизы де-Сальянъ.

Домъ этотъ находился на *place des pêcheurs*, близъ прекраснаго бульвара, прорѣзывающаго городъ Э. Скоро вся площадь покрылась воянующимися массами народа, начавшими, при неумолкаемыхъ радостныхъ кликахъ, палить изъ находившихся здѣсь въ большомъ количествѣ маленькихъ мортиръ.

Мирабо долженъ былъ подчиниться требованію ликующей толпы и сойти къ ней, чтобы отдать себя въ объятія народа. Приготовленные носилки разукрасили вѣнками и цвѣтами, и Мирабо, не въ силахъ сопротивляться, увидаль себя несомымъ на плечахъ своихъ поклонниковъ. При звукахъ радостнаго пѣнія, пронесли его такъ по всему бульвару: музыканты, играя на всевозможныхъ инструментахъ, шли впереди, а по обѣимъ сторонамъ носилокъ тѣснилась толпа, ловя каждый его взглядъ и каждое слово.

Когда его понесли обратно по бульвару, Мирабо увидѣлъ, что съ противоположной стороны, на встрѣчу ему, двигалась другая, не менѣе возбужденная толпа, окружая какой-то экипажъ и сопровождаая его странными восклицаніями. Въ открытой коляскѣ сидѣла дама, которую Мирабо, къ величайшему смущенію, тотчасъ узналъ. Не было ничего болѣе нежелательнаго для него, какъ встрѣтить ее въ настоящую минуту, и онъ обратился къ людямъ, на плечахъ которыхъ находился, съ просьбой свернуть съ этой улицы. Но не громко выраженная просьба его была или не разслышана, или же люди эти намѣренно быстрыми шагами поднесли его къ коляскѣ, въ которой сидѣла разведенная съ нимъ жена его, графиня Эмилія де-Мирабо. Съ пронзительнымъ крикомъ протянула она къ нему руки, но тутъ же съ смертельной блѣдностью на лицѣ, безъ чувствъ, опустилась на сидѣніи.

До крайности возбужденному въ своихъ чувствахъ народу пришла мысль устроить эту встрѣчу разведенныхъ супруговъ. Собралась кучка рѣшительныхъ людей, которые, предшествуемые депутаціей, направились часъ тому назадъ въ замокъ Мариньянъ и потребовали, чтобы графиня Мирабо отправилась вмѣстѣ съ ними въ городъ и протянула руку своему мужу въ знакъ примиренія и возобновленія союза, такъ какъ въ Провансѣ у графа Мирабо не должно быть болѣе ни одного врага ¹⁾.

¹⁾ Montigny, III, 425.

Эмилія была почти одна въ замкѣ. Отецъ ея, маркизъ де-Мариньянъ, какъ и все вообще дворянство города Э, предпочелъ въ этотъ день, назначенный для пріема графа Мирабо, удалиться по сосѣдству, чтобы не быть свидѣтелемъ, а, быть можетъ, и невольнымъ, подъ угрозой, участникомъ ненавистнаго для него зрѣлища.

Колѣблющаяся и оробѣвшая Эмилія не въ силахъ была противиться настаиваніямъ толпы. Быть можетъ, впрочемъ, втайнѣ и ея собственныя сердечныя желанія мѣшали отвѣтить народу рѣшительнымъ отказомъ, что было, однако, свойственно ея характеру. А потому, подчиняясь безъ сопротивленія, она сѣла въ запряженный уже экипажъ и, сопровождаемая послѣдовавшей за нею толпой, прибыла сюда для этой необыкновенной встрѣчи съ любимымъ все еще ею человѣкомъ.

Страшно пораженный этимъ зрѣлищемъ, Мирабо соскочилъ съ несомыхъ надъ головами народа носилокъ. Почти невольно первые шаги его устремились къ экипажу, въ которомъ полулежала потерявшая сознаніе Эмилія. Ея блѣдное лицо, сохранившее слѣды прежней замѣчательной красоты, съ необыкновенною силою напомнило ему о его бурной и безпорядочной молодости.

Онъ хотѣлъ войти въ коляску, чтобы обнять ее и помочь ей придти въ себя, какъ вдругъ замѣтилъ на козлахъ своего друга и компаньона Ле-Телье, съ лукавой усмѣшкой смотрявшаго на него и, кивая головой, показывавшаго ему, что вся эта экспедиція въ замокъ Мариньянъ — его дѣло. Это сразу охладило и отрезвило Мирабо. Онъ заподозрѣлъ, что госпожа де-Сальянъ, неотступно преслѣдуя свою цѣль, обратилась къ содѣйствію на все готоваго Ле-Телье для устройства этой встрѣчи, на которую она возлагала большія надежды.

Вызванное великодушными изъявленіями народныхъ чувствъ волненіе его сразу пропало. Знакомъ велѣлъ онъ Ле-Телье сойти съ козелъ и перейти черезъ улицу къ маркизѣ де-Сальянъ, прося ее придти на помощь въ случившемся. Но маркиза, увидавъ все изъ своего окна, сама явилась въ эту минуту и поспѣшно направилась къ своей пріятельницѣ, находившейся все еще въ глубокомъ обморокѣ. Стали хлопотать, чтобы перенести ее въ домъ госпожи Сальянъ, и для этого воспользовались разукрашеннымъ вѣнками торжественнымъ сѣдалищемъ Мирабо, на которомъ и понесли ее.

Толпа слѣдила за этой сценой съ величайшимъ интересомъ. Ея радостныя возгласы въ честь Мирабо на минуту замолкли, и, одни изъ любопытства, другіе изъ участія, всѣ стали заниматься страданіемъ прекрасной знатной дамы, которую уносили, покрываемую поцѣлуями и слезами своей невѣстки.

Мирабо думалъ воспользоваться этой минутой, чтобы, во избѣжаніе дальнѣйшихъ овацій со стороны своихъ друзей и избирате-

лей, незамѣтно свернуть въ другую улицу, гдѣ въ домѣ его прія-теля, адвоката Жобера, ждали его къ обѣду. Приглашеніе это, ко дню его прибытія, было ему послано еще въ Парижъ, и онъ тѣмъ болѣе хотѣлъ имъ воспользоваться, что тамъ должны были собраться вожаки народной партіи.

— Бѣдная Эмилія, мы разлучены и должны остаться разлученными,— говорилъ себѣ Мирабо, проходя по боковымъ улицамъ къ дому своего пріятели. — Твои прелестныя качества я признавала всегда, хотя мы одарили одинъ другаго суровыми, несчастными днями. Прекрасная, любящая, нѣжная, кроткая и милая, ты не могла, однако, поселить миръ въ нашихъ сердцахъ. Да, когда ты лежала теперь передо мною блѣдная, безъ чувствъ, я вспомнилъ, что разъ даже, когда мы оба были въ раздраженіи, я тебя ударилъ, обвиняя въ какомъ-то проступкѣ, но никогда въ невѣрности. Какъ отвратительно, какъ позорно было это съ моей стороны! И вотъ сегодня я имѣлъ возможность вновь все загладить. Но, подобно тебѣ, не имѣвшей тогда силы противостоять отцовской и высокородной ненависти противъ Мирабо, подобно тебѣ, выставившей на показъ всей Франціи нашъ разводъ, и у меня теперь безсердечіе взяло верхъ надъ всѣмъ, и я долженъ былъ тебѣ показать это передъ цѣлымъ народомъ, передъ всѣми моими избирателями. Я не желалъ этого, но иначе поступить не могъ. Да, на свѣтѣ есть больше возмездія, чѣмъ нужно людямъ!

Съ такими мыслями подошелъ Мирабо къ дому своего друга Жобера. Въ ту минуту, когда онъ уже хотѣлъ войти, онъ увидаль стремительно гнавшего и пришпоривавшаго своего коня всадника, который, при видѣ Мирабо, сразу остановилъ измученное животное и обратился къ графу.

— Письмо отъ комиссаровъ по выборамъ третьяго сословія города Марсели къ господину графу Мирабо!—сказаль курьеръ, передавая пакетъ.

Мирабо быстро распечаталъ посланіе, которымъ въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ сообщалось, что выборы третьяго сословія города Марсели склонились въ его пользу, и что онъ назначенъ депутатомъ этого сословія въ собраніи государственныхъ чиновъ.

— Славно скакали вы, добрый человѣкъ,—съ улыбкой отвѣтилъ Мирабо, — но все-таки опоздали. Я уже имѣю право гордиться избраніемъ мужей города Э; теперь же гордость моя будетъ еще увѣнчана живѣйшей благодарностью съ моей стороны господамъ марсельцамъ. Я люблю Марсель точно такъ, какъ люблю этотъ Э, и хотѣлъ бы, для своего полного благополучія, быть гражданиномъ обояхъ городовъ. Однако Э раньше взялъ меня къ себѣ на службу, и я долженъ ему остаться вѣренъ. Передайте пока словесно этотъ

отвѣтъ выборнымъ комиссарамъ. Но я и самъ явлюсь въ Марсель герольдомъ моею глубочайшею благодарности!

Отпустивъ гонца, Мирабо поспѣшилъ войти къ своимъ друзьямъ, ожидавшимъ его у праздничнаго стола.

VII.

Торжественное шествіе трехъ сословій.

Въ ясное, солнечное весеннее утро, 4-го мая 1789 года, сидѣлъ Шамфоръ передъ одной изъ кофейныхъ въ Версали за партіей въ шахматы съ однимъ изъ своихъ пріятелей, аббатомъ Черутти, съ которымъ надняхъ прибылъ сюда изъ Парижа.

Серьозно углубились оба друга въ свою игру, хотя мѣсто, гдѣ они находились, далеко не представляло требуемаго для того спокойствія; напротивъ того, масса собравшихся и все прибывавшихъ сюда людей болѣе и болѣе тѣснила забывшихъ все кругомъ себя игроковъ. Они продолжали, однако, держаться за своимъ маленькимъ столомъ, переставивъ его, для болѣе свободнаго прохода, въ уголъ рѣшетки передъ кофейней, и невозмутимо передвигали свои фигуры. Такъ какъ ожидаемое сегодня въ Версали зрѣлище еще не наступило, то скоро вокругъ играющихъ составилъ кружокъ наблюдавшихъ за ихъ борьбой. По временамъ, поднимая глаза отъ доски, Шамфоръ дружески кивалъ головой тому или другому изъ близстоявшихъ, хотя зналъ ихъ только въ лицо, встрѣчая въ Парижѣ, въ Палатѣ Ройялѣ, за такимъ же шахматнымъ столомъ.

Толпы народа, начавшія сегодня наводнять обыкновенно торжественно молчаливыя улицы и площади Версаля, принадлежали, по большей части, къ парижскому населенію, прибывшему для присутствія на торжественной церемоніи и шествіи, предстоявшихъ по случаю назначеннаго на пятое мая открытія собранія государственныхъ чиновъ. Необыкновенное возбужденіе, вызванное этимъ событіемъ въ столицѣ Франціи, привело за послѣдніе дни эти массы народа въ Версаль. Среди нихъ замѣчались уже страшныя, суровыя лица, внезапно, со дня выборовъ, появившіяся въ Парижѣ и появленіе которыхъ такъ поразило всѣхъ, точно вышли они изъ сокровеннѣйшихъ пещеръ и трущобъ, гдѣ до сей поры пребывали цѣлыми столѣтіями.

Такой характеръ столицы, принявшей съ нѣкоторыхъ поръ неспокойное и даже угрожающее направленіе, началъ распространяться и на обыкновенно столь приличныя, отражающія придворный этикетъ улицы и площади Версаля. Все здѣсь напоминало о тѣхъ шумныхъ скопищахъ народа, которыя нѣсколько дней тому назадъ, буй-

ствами и безчинствами, нагнали ужасъ на весь Парижъ, заставивъ уже коменданта Безенваля вызвать для усмиренія два гвардейскихъ полка.

Съ другой стороны, версальскія улицы имѣли сегодня такой радостно оживленный видъ, какой едва ли замѣчался до сихъ поръ въ старомъ чопорномъ городѣ французскихъ королей. По улицамъ были развѣшаны драгоцѣнные ковры, балконы домовъ разукрашены дорогими матеріями, а въ окнахъ тѣснилась уже масса зрителей, между которыми пестрѣли изящнѣйшіе туалеты красивыхъ дамъ. На всѣхъ лицахъ замѣчалось выраженіе радостнаго ожиданія. Сіяющіе счастьемъ взоры направлялись неизмѣнно въ ту сторону, откуда должно было показаться торжественное шествіе депутатовъ трехъ сословій.

Полки французской и швейцарской гвардіи выступили уже, чтобы отъ церкви Богоматери до церкви св. Людовика, на пространствѣ, занимающемъ бѣльшую часть города, вытянуться въ одну линію и образовать собою крѣпкую стѣну для процессіи. Цѣлью этого торжественнаго шествія было ознаменованіе кануна дня открытія національнаго собранія религіознымъ всенароднымъ правднствомъ, какъ достойнымъ духовнымъ подготовленіемъ къ начинающемуся завтра великому дѣлу. Депутаты собрались въ приходской церкви Богоматери, и весь городъ прислушивался къ удару колокола, который долженъ былъ возвѣстить минуту выхода торжественнаго шествія трехъ сословій изъ этой церкви въ церковь св. Людовика.

— Въ ту самую минуту, какъ они подойдутъ, королю вашему будетъ мать, — сказалъ Шамфоръ аббату Черутти, внезапно, удивительнымъ ходомъ дѣлая шагъ.

— Этотъ шагъ королю, конечно, весьма грозенъ, — возразилъ аббатъ съ тонкой улыбкой. — Но ставятъ впереди королеву, и получается новое пикантное положеніе, которое надѣлаетъ вамъ хлопотъ, дорогой мой.

— Это худшее, что можетъ случиться, когда королева становится передъ королемъ, — возразилъ Шамфоръ съ забавной миной. — Такое положеніе почти уже сгубило прекрасную Францію, а ваша игра, думаете вы, можетъ на немъ держаться? Королева, другъ мой, не должна никогда становиться передъ королемъ, потому что тогда, думая, что она совмѣстно управляетъ государствомъ, она вмѣшивается въ дѣла, а это ужъ совсѣмъ скверное женское рукодѣлье. Насколько прекраснѣе будетъ все вокругъ короля, если королева, отбросивъ тщеславіе и гордое воображеніе, что всякая политика всего лучше обрѣтается въ ея рукахъ, будетъ всегда оставаться между трономъ и народомъ. Смотрите, вотъ выступаетъ, наконецъ, защищаемая двумя пѣшками башня. Эти фигуры представляютъ

для меня всегда народную партію во всей своей природной силѣ и энергіи. Вотъ эта народная группа ставится противъ королевы и многозначительнымъ «шахъ королевѣ» угрожаетъ ея величеству.

Громкое браво раздалось кругомъ при этихъ словахъ Шамфора, что доставило ему, повидимому, большое удовольствіе.

— Дѣло не такъ плохо, какъ кажется, — возразилъ аббатъ, съ величайшимъ спокойствіемъ выдвигая новую фигуру.— Вотъ слонъ; имъ уничтожается всякая опасность для короля и королевы со стороны простыхъ фигуръ.

— Слоны не могутъ уже спасти монарховъ, — отвѣчалъ Шамфоръ значительно.— Они, вѣдь, паредворцы и двигаются всегда лишь въ косомъ направленіи. Погибаютъ же при появленіи перваго попадагося коня.

— Этотъ вашъ конь, подобно философу-маркизу настоящей эпохи, — возразилъ Черутти съ нѣкоторой досадой, — является со-всѣмъ не кстати. Но выступаю противъ него пѣшкой, чтобы вы не думали, господинъ Шамфоръ, что королевская власть совсѣмъ ужъ покинута народомъ.

— Это меня нимало не тревожить, беру за это конемъ вашего слона, — съ живостью возразилъ Шамфоръ.— Конь становится передъ вашей королевой. Если же она захочетъ взять его, то попадаетъ неминуемо въ пасть находящейся подъ нею башни.

— Вижу, что вы опасный партнеръ, — замѣтилъ аббатъ.— Приходится мнѣ, кажется, сдать. Но побѣдить ли и на самомъ дѣлѣ народная партія, кто знаетъ! — прибавилъ онъ, смѣшивая фигуры.

Въ эту минуту загудѣлъ колоколъ церкви Богоматери, возвѣщая о выходѣ процессіи. Эти торжественные удары были такъ внезапны и могучи, что Шамфоръ почти вздрогнулъ отъ испуга. Составивъ шахматную доску на полъ, онъ вспрыгнулъ на столъ, чтобы лучше видѣть поверхъ заполнившей улицу толпы. Высокій аббатъ, вставъ на стулъ, увѣрялъ, что онъ уже видитъ вдали начало шествія.

— Вотъ дошедшіе до нашихъ ушей удары колокола 1789 года! — сказалъ Шамфоръ аббату.— Колоколъ этотъ прозвучитъ во всѣхъ странахъ и надъ всѣми народами. Торжественный, многозначительный звонъ этотъ говоритъ уже вамъ, Черутти, что народная партія побѣдила или хочетъ побѣдить, а это одно и то же. Воля народа вмѣстѣ съ тѣмъ всегда и дѣйствіе его. Колоколъ этотъ звучитъ не только для всѣхъ народовъ, но и для всѣхъ временъ, потому что имъ огласятся будущія времена.

Тутъ раздались торжественныя, прекрасныя мелодіи музыкальныхъ хоровъ, разставленныхъ въ извѣстныхъ разстояніяхъ одинъ отъ другого. Звуки военныхъ маршей, дробь барабановъ, громкія трубы—все это смѣшивалось съ величественнымъ, стройнымъ церковнымъ пѣніемъ.

Шествіе приближалось. Начинало его легкими и быстрыми шагами версальское духовенство, имѣя посрединѣ королевскую капеллу. За нимъ шли депутаты третьяго сословія или общинъ, какъ называли ихъ болѣе осторожные. Всѣ они были въ черномъ одѣяніи съ накинутой поверхъ шелковой черной пелериной и бѣлымъ батистовымъ галстукомъ. Одно уже число ихъ, доходящее до шестисотъ человѣкъ, представляло въ процессіи ея главную составную часть, а ихъ однообразное черное одѣяніе производило необычайно строгое, почти страшное впечатлѣніе. Шествовали же эти люди такою твердою поступью, съ такимъ спокойствіемъ и энергіей, что вполне оправдывали придаваемое имъ въ этотъ день значеніе, какъ ядру сословія гражданъ.

При появленіи третьяго сословія вся собравшаяся на улицѣ масса народа разразилась невѣроятными радостными восклицаніями. Хлопали въ ладоши, бросали вверхъ шляпы, выражая свою радость всевозможными возгласами. Изъ оконъ и съ балконовъ дамы махали бѣлыми платками; на всѣхъ лицахъ отражалась гордость и ликование, и у многихъ на глазахъ блестѣли слезы восторга.

— Вотъ третье сословіе! — сказалъ Шамфоръ, въ радостномъ возбужденіи обвивъ рукою шею аббата. — Съ каждымъ его шагомъ сердце мое бьется такъ, какъ оно бьется только у жениха при видѣ своей невѣсты. Это третье сословіе не есть сословіе, но вся нація. Изъ оставшейся отверстой расщелины земли оно вышло сразу на свѣтъ божій, какъ дитя свободы и любимецъ солнца, и теперь никто счастливъ быть не можетъ, пока оно имъ не будетъ!

— Упадете съ вашего шахматнаго стола, Шамфоръ, если будете такъ волноваться! — воскликнулъ аббатъ Черутти, поддерживая своего друга. — А-а, наконецъ-то я вижу и нашего друга Мирабо, красиво и твердо выступающаго среди членовъ третьяго сословія. Но почему онъ не въ одинаковомъ съ ними костюмѣ? Почему нашъ гениальный другъ остался въ своемъ дворянскомъ одѣяніи среди черныхъ пелеринъ, съ которыми онъ имѣетъ честь представлять третье сословіе?

— Черное платье предписано лишь для мѣщанъ третьяго сословія, — возразилъ Шамфоръ. — Мирабо къ тому же не любитъ мѣнять костюма. Но за то шествуетъ онъ подъ руку съ Жераромъ, этимъ геркулесомъ, крестьяниномъ-бретонцемъ, сдѣлавшимся апостоломъ свободы своего края. Сегодня празднуетъ Мирабо одновременно торжество всѣхъ своихъ страданій. Смотрите, какъ народъ со всѣхъ сторонъ тѣснится, чтобъ видѣть его, и только его. Еще издали его искали и высматривали. Народъ пальцами указываетъ на него, а устами шепчетъ его имя. Bravo, Мирабо! наконецъ-то ты достигъ солнечной высоты, на которой давно мы хотѣли тебя видѣть. Чего только не пришлось тебѣ вынести! но во всѣхъ твоихъ страда-

ніяхъ ты былъ вмѣстѣ съ тѣмъ товарищемъ по страданію народа, и теперь онъ дѣлаетъ изъ своего товарища по несчастію своего героя. Будь счастливъ, Мирабо!

— Несомнѣнно, что его имя сдѣлалось самымъ популярнымъ во Франціи, — сказалъ аббатъ, слѣдя глазами за проходившимъ Мирабо.—О всѣхъ его приключеніяхъ молодости, о борьбѣ съ тираномъ отцомъ, о его заточеніяхъ и тюремныхъ мукахъ, о его любовныхъ похиженіяхъ въ народѣ разсказываются замѣчательныя исторіи, подобныя тѣмъ, что приписываются сказочнымъ героямъ и рыцарямъ. Мирабо неизвѣстно какъ сталъ національною фигурой, и, конечно, величайшія дѣянія этого столѣтія будутъ связаны съ его именемъ.

— Многое на свѣтѣ зависитъ отъ имени,—возразилъ Шамфоръ задумчиво.—Имя Мирабо стало любимымъ и ненавидимымъ. И то и другое поможетъ ему попасть въ исторію. Еще третьяго дня онъ опять далъ аристократамъ поводъ себя возненавидѣть. Когда, согласно предписанію, три сословія должны были представляться королю въ замкѣ, Мирабо былъ первымъ, выразившимъ неудовольствіе третьяго сословія, по поводу сдѣланной крайне оскорбительнымъ для народа образомъ разницы между сословіями. Въ то время, какъ дворянство и духовенство были приняты въ кабинетѣ короля, а депутаты общинъ,—послѣ долгаго ожиданія въ темномъ и узкомъ коридорѣ,—въ особой залѣ, Мирабо тотчасъ же, съ крайнею горячностью, предложилъ повергнуть къ подножію трона протестъ противъ такого обиднаго различія. Когда же король вошелъ въ залу и, обращаясь къ депутатамъ съ рѣчью, покрылъ голову, Мирабо первый также надѣлъ шляпу, и этимъ подалъ всѣмъ многозначительный сигналъ о наступленіи новаго времени общей свободы, такъ какъ до сихъ поръ покрывать голову въ присутствіи короля было преимуществомъ лишь двухъ первыхъ сословій¹⁾.

— Я слышалъ объ этомъ,—отвѣтилъ Черутти.—Согласно полученнымъ отъ избирателей инструкціямъ, третье сословіе не должно было допускать никакого преимущества двухъ первыхъ сословій ни во время церемоній, ни по этикету. Но мужество положить въ этомъ случаѣ начало требовало, конечно, такого Мирабо. Смотрите, вотъ уже сверкаетъ, приближаясь къ намъ, дворянство! Это настоящая демаркаціонная линія, протянувшаяся между благоразумнымъ чернымъ третьимъ сословіемъ и золотомъ распитымъ, покрытымъ кружевами и съ перьями на шляпахъ, дворянствомъ.

Сто пятьдесятъ депутатовъ дворянства проходили теперь въ своихъ пышныхъ рыцарскихъ костюмахъ, но громкіе клики толпы:

¹⁾ Toulangeon, Histoire de France depuis la révolution de 1789, I, 22.

«да здравствуетъ третье сословіе!» все еще не умолкали. Когда же вполнѣ развернулось шествіе дворянъ, то водворились полныя, почти грозныя тишина и молчаніе, сопровождаая прохожденіе разодѣтыхъ господъ.

— Здѣсь кипятъ маркизами, графами, виконтами, баронами, маршалами, генералами и президентами!—сказалъ Шамфоръ, съ улыбкой глядя на сіяющіе ряды этого сословія.—И кто же идетъ во главѣ ихъ во всемъ великолѣпіи, какъ не Людовикъ-Филиппъ-Іосифъ Бурбонскій, герцогъ Орлеанскій, депутатъ округа Креси въ Валуа, первый англоманъ королевства, изучавшій въ Лондонѣ свободу и клубы и сдѣлавшійся своимъ послѣднимъ путешествіемъ въ Англію столь подозрительнымъ для двора.

Слова Шамфора были заглушены громовыми восклицаніями толпы при видѣ герцога Орлеанскаго. «Да здравствуетъ герцогъ Орлеанскій! да здравствуютъ Орлеаны!»—раздавалось со всѣхъ сторонъ и вызвало улыбку удовольствія на лицѣ герцога.

— Этотъ герцогъ оргія гальванизируетъ себя теперь свободой Франціи, а народъ ликуетъ при видѣ этого новаго фокуса съ его стороны. Дѣло въ томъ, что онъ возненавидѣлъ королеву и въ этомъ подалъ руку Неккеру—другому злѣйшему врагу прекрасной Маріи-Антуанетты. Да, если во Франціи будетъ революція, то ею нашъ добрый король Людовикъ XVI будетъ обязанъ врагамъ королевы.

— А если бы вы, Шамфоръ, захотѣли обрѣсти заслугу передъ всей націей, то вы сблизили бы Мирабо съ Орлеаномъ и Неккеромъ. Они бы приняли его съ распростертыми объятіями, въ этомъ я вамъ ручаюсь.

— Мнѣ кажется, я васъ понялъ, — возразилъ Шамфоръ,—но знайте, мой другъ, что я сватовствомъ не занимаюсь. Глядите, вотъ идетъ теперь ваше сословіе, духовенство, во всемъ своемъ священническомъ блескѣ.

Члены духовенства двигались торжественно, со Св. Дарами во главѣ, сверкавшими въ рукахъ архіепископа, который, сопутствуемый королемъ и королевой, несъ ихъ подъ великолѣпнымъ балдахиномъ, шнуры котораго держали съ одной стороны графъ Прованскій и графъ д'Артуа, а съ другой герцоги Ангулѣмскій и Беррійскій.

При видѣ короля, серьезнаго и блѣднаго, но шествовавшаго непринужденно и спокойно, народныя массы разразились оживленными и радостными восклицаніями, производившими, повидимому, пріятное впечатлѣніе на монарха. Однако, при многочисленныхъ возгласахъ «да здравствуетъ король!» не слышалось ни одного возгласа въ честь королевы.

Ни одинъ привѣтъ, ни одинъ звукъ любви и восхищенія, какіе ранѣе такъ часто слышались при появленіи предъ публикой Маріи-Антуанетты, не встрѣтили ее сегодня.

Видно было, что Марія-Антуанетта испытывала всю тягость настоящей минуты самымъ глубокимъ образомъ. Это страшное молчаніе, которымъ встрѣчалъ ее народъ и въ которомъ, неизвѣстно почему, чувствовалось такое враждебное настроеніе, понималось ею какъ относящееся лично къ ея особѣ. Королева старалась и теперь, какъ не разъ уже раньше, скрыть свою боль и свое волненіе въ презрительныхъ насмѣшливыхъ взглядахъ, бросаемыхъ ею на народъ. Но вдругъ она покачнулася, лицо покрылось блѣдностью, и казалось, что она сейчасъ упадетъ безъ чувствъ. Герцогиня Ламбаль, шедшая всѣхъ ближе къ королевѣ, поспѣшила поддержать ее. Одну минуту думали, что вся процессія должна будетъ быть прервана. Однако Марія-Антуанетта скоро вновь нашла въ себѣ силы продолжать путь.

Новое потрясеніе королевы было вызвано нѣсколькими женщинами изъ народа, которыя съ страшными, полными ненависти лицами старались дать себя замѣтить королевѣ, крича: «да здравствуетъ герцогъ Орлеанскій! Орлеаны навсегда!» Глаза герцогини Орлеанской, съ которыми встрѣтились взоры королевы въ эту минуту, засвѣтились торжествующей улыбкой, заставившей Марію-Антуанетту еще сильнѣе почувствовать свою рану. Шествіе замыкалось кортежемъ остальныхъ придворныхъ, кавалеровъ и дамъ, въ драгоценныхъ костюмахъ, какъ бы сверкающимъ золотомъ и брилліантами хвостомъ.

Шамфоръ соскочилъ съ своего шахматнаго стола и сказалъ, обращаясь къ аббату Черутти:

— Теперь, мой другъ, бѣжимъ скорѣе, чтобы заблаговременно поспѣть къ церкви св. Людовика и занять мѣста, имѣющіяся у насъ по вашей милости. Если мы нашими быстрыми ногами направимся по боковымъ улочкамъ, то дойдемъ до воротъ церкви ранѣе короля и государственныхъ чиновъ.

Друзья съ трудомъ стали пробираться сквозь толпу. Въ одномъ мѣстѣ они были плотно прижаты къ угловому дому, гдѣ на балконѣ сидѣли красивыя, богато разодѣтыя дамы.

— Вотъ такъ удача! — сказалъ Шамфоръ, ближе разглядывая дамъ. — Одна изъ нихъ не дочь ли Неккера, прекрасная, умная госпожа Сталь-Гольштейнъ; въ другой же узнаю, кажется, прелестную госпожу де-Монморэнъ? Теперь, если мы станемъ подслушивать у стѣны, то каждое слово ихъ оживленной бесѣды дойдетъ до насъ.

— Ни разу во всю мою жизнь я не испытывала такой радости, какъ сегодня,—произнесла дочь Неккера оживленно, съ горящими глазами.—Это великое, прекрасное зрѣлище, полное самыхъ возвышенныхъ мыслей! Нація и король, соединясь, идутъ вмѣстѣ молиться о томъ, чтобы союзъ ихъ сталъ возрожденіемъ отечества,—не есть ли это зрѣлище, способное вызвать слезы восторга?

— Она выражается всегда нѣсколько экзальтированно, эта дочь Неккера,—шепнулъ Шамфоръ своему другу.—Говорятъ, что отецъ подъ башмакомъ своей умной дочери?

— Послушаемъ, что говорить красивая госпожа де-Монморанъ,—возразилъ Черутти.— Она, кажется, упрекаетъ госпожу Сталь въ томъ, что та слишкомъ сильно предается радости.

— Какъ можешь ты, — слышались теперь на балконѣ слова госпожи де-Монморанъ,—возлагать на сегодняшний день столь радостныя надежды? Нѣтъ, ты неправа, величайшее бѣдствіе для Франціи и для насъ будетъ слѣдствіемъ того, что мы сегодня видимъ ¹⁾.

Госпожа Сталь поблѣднѣла и задрожала при этихъ словахъ. Она схватила руки госпожи де-Монморанъ и съ выступившими на глазахъ слезами поднесла къ своимъ губамъ. Тутъ народная волна согнала обоихъ пріятелей съ ихъ мѣста. Хоры музыки и пѣніе духовенства приближались, и Шамфоръ и Черутти, отбѣсненные въ боковую улицу, стремительно направились къ церкви.

По прибытіи въ церковь св. Людовика, чины трехъ сословій расположились на скамьяхъ среди церкви. Король же и королева, окруженные свитой, заняли мѣсто подъ балдахиномъ изъ лиловаго бархата, усѣянаго золотыми лиліями. Королева была блѣдна и разстроена, а король, державшійся просто и непринужденно, казалось, былъ только озабоченъ состояніемъ своей супруги, на которую и были обращены его взоры и вниманіе.

Шамфоръ и Черутти заняли мѣста на одной изъ трибунъ для публики, получившей заранѣе билеты.—Здѣсь мы отлично все увидимъ,—сказалъ Шамфоръ,—а это для меня очень важно, потому что я обѣщаль Мирабо составить ему сообщеніе обо всемъ для газеты, которую онъ началъ издавать о засѣданіяхъ государственныхъ чиновъ. Здѣсь я могу хорошо видѣть королеву и изучить черты тайной печали на прекрасномъ лицѣ, печали, ставшей достояніемъ всемірной исторіи.

— Дѣйствительно, королева имѣетъ страдальческій видъ, — отвѣтилъ аббатъ Черутти.—Она давно уже боялась этого дня и противилась его наступленію. Ея дурныя отношенія къ націи рѣзко выразились сегодня, и я боюсь за нее. Если бы ея мнѣніе прошло въ государственномъ совѣтѣ, то созваніе государственныхъ чиновъ состоялось бы на разстояніи сорока или шестидесяти миль отъ столицы, и Марія-Антуанетта была бы покойницею. Но министръ Неккеръ настоялъ на Версали, желая показать, что онъ не боится близости Парижа и вліянія народа на собраніе народныхъ представи-

¹⁾ Госпожа Монморанъ, увлеченная событіями революціи, погибла на эшафотѣ. Madame de Staël, *Considérations sur la Révolution française*, p. 187.

телей. Это довѣріе къ народу должно быть зачтено господину Неккеру въ большую заслугу.

— Однако, нельзя отказать королевѣ въ вѣрности ея инстинкта, — возразилъ Шамфоръ. — Предстоятъ сильныя бури, которыя неминуемо приведутъ въ безпорядокъ ея прекрасные, свѣтлые локоны.

Послѣ мелодичнаго гимна, пропѣтаго хоромъ, появился на кафедрѣ епископъ города Нанси, господинъ де-ла-Фарръ, для произнесенія многими нетерпѣливо ожидавшейся проповѣди. Придворные едва вѣрили своимъ ушамъ, когда благочестивый епископъ, въ чрезвычайно возвышенной рѣчи, сталъ проповѣдывать о роскоши и деспотизмѣ двора, объ обязанностяхъ князей и о правахъ народа. Увлеченіе собранія было такъ велико, что со всѣхъ сторонъ внезапно раздались громкія, бурныя рукоплесканія. Это было столь противно этикету, что на мѣстахъ, гдѣ находился дворъ, все безпокойно зашевелилось. До сихъ поръ даже въ театрѣ, въ присутствіи монарха, рукоплесканія не допускались ¹⁾.

Но и при этомъ король оставался спокойнымъ. Взоры его попрежнему были прикованы къ лицу королевы, смертельная блѣдность котораго вдругъ смѣнилась багровымъ румянцемъ. Едва закончилась проповѣдь, а за ней религіозная церемонія, дворъ удался, и собраніе, обратясь въ сторону балдахина, увидало однѣ пустыя мѣста.

Въ церкви сразу все оживилось. Депутаты поднялись съ своихъ мѣстъ и, переходя изъ одного сословія въ другое, привѣтствовали другъ друга. Только члены дворянства, за малыми исключеніями, удалились немедленно по уходѣ двора. Шамфоръ и Черутти также подошли къ кружку, въ которомъ находился Мирабо. Онъ дружески привѣтствовалъ ихъ, но тотчасъ же оставилъ, чтобы подойти къ стоявшему вблизи, недавно назначенному, молодому епископу Отэнскому, Талейрану-Перигоръ, съ которымъ находился въ близкихъ отношеніяхъ. Послѣ дружескихъ взаимныхъ привѣтствій, разговоръ ихъ коснулся рѣчи епископа Нансійскаго, а затѣмъ печальнаго вида королевы.

— Признаюсь, что видъ королевы возбудилъ во мнѣ сегодня живѣйшее сочувствіе, — сказалъ Мирабо. — Глядя на страдальческія черты ея лица, я спрашивалъ себя, не есть ли дѣйствительно самая красивая женщина Франціи и самая несчастная? Быть можетъ, въ это время покорялъ меня образъ дивной красоты королевы, который еще никогда не являлся мнѣ столь чистымъ и совершеннымъ. Вы вѣдь знаете, у меня демократическій умъ, но монархическое сердце. У васъ, Талейранъ, было всегда наоборотъ: демократъ въ сердцѣ, умомъ своимъ вы всегда были готовы пасть

¹⁾ Mirabeau, Journal des Etats Généraux, № 1.

ницъ передъ земными владыками. Оттого-то наши политическіе дебаты имѣли для меня всегда такую прелесть. Въ одной вещи только мы вполне сходились, а именно въ симпатіи, которую оба умѣли внушить своимъ кредиторамъ.

— При генеральныхъ штатахъ, съ Божіею волею, мы всё начнемъ новую жизнь, — отвѣчалъ епископъ Отэнскій, благочестиво складывая руки. — Но вотъ еще другіе милые друзья, которымъ хотѣлось бы пожать руку.

Говоря это, онъ указалъ на близстоявшую группу, въ которой Шамфоръ и Черутти стояли съ третьимъ лицомъ, въ одеждѣ духовнаго; крайне заинтересованный Мирабо узналъ въ немъ аббата Сіэса.

Сіэсъ былъ маленькая, скорченная фигура, въ каждомъ мускулѣ которой, однако, выражалась энергія и сила воли. Въ немъ было что-то замкнутое и мрачное, но его замѣчательная, задумчиво склоненная на грудь голова и скрытые длинными рѣсницами, лишь изрѣдка молніей сверкавшіе глаза вызывали любопытство при каждомъ его словѣ.

Мирабо, сердечно привѣтствуя его, сказалъ:

— Слава парижскимъ выборамъ, пославшимъ намъ графа Сіэса! Вы единственное духовное лицо, явившееся представителемъ третьяго сословія, и это намъ принесетъ, должно принести счастье. Обнищемся по этому случаю!

Сіэсъ отвѣтилъ на это привѣтствіе дружески, но сдержанно, и сказалъ:

— Развѣ духовное лицо не самый естественный представитель третьяго сословія? Если священникъ въ то же время не человѣкъ народа, то онъ только лицемѣръ. Безъ народа не можетъ быть церкви, какъ не можетъ быть государства.

— Нашъ Сіэсъ и есть настоящій оракулъ третьяго сословія, — воскликнулъ аббатъ Черутти, хлопая Сіэса по плечу. — Его сочиненіе «Что есть третье сословіе» указало народу путь къ отысканію себя самого, и ему собственно обязана Франція сегодняшнимъ національнымъ движеніемъ.

Торжественный до сихъ поръ звонъ колоколовъ церкви св. Людовика превратился теперь въ глухой, замирающій звукъ. Это напомнило депутатамъ, остававшимся еще въ церковныхъ проходахъ, о времени выхода. Всѣ стали расходиться, или же направлялись группами къ ожидавшимъ у церковныхъ вратъ экипажамъ.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ IV.

I.

Пятое мая.

Утромъ 5-го мая 1789 года, въ версальскомъ замкѣ, должно было состояться торжественное открытіе засѣданій генеральныхъ штатовъ Франціи.

Мирабо, нанявшій на время засѣданій небольшое и, противъ обыкновенія, весьма скромное помѣщеніе у одного версальскаго обывателя, стоялъ съ своимъ хозяиномъ, крайнихъ политическихъ мнѣній красильщикомъ, рано утромъ, въ маленькомъ садикѣ, гдѣ только что окончилъ свой завтракъ. Неохотно отвѣчая на вопросы любопытнаго буржуа, старавшагося вовлечь своего знаменитаго гостя въ политическій разговоръ, Мирабо часто посматривалъ на часы, не наступило ли уже время, призывающее его въ замокъ. Было шесть часовъ, а Мирабо заказалъ себѣ экипажъ къ половинѣ седьмого. Въ нетерпѣливомъ ожиданіи, вымѣряя большими шагами свой садикъ, Мирабо выслалъ, наконецъ, слугу, съ приказаніемъ поторопить прибытіе экипажа.

— Когда мнѣ случается терять терпѣніе въ какомъ либо дѣлѣ,— говорилъ онъ себѣ,— оно всегда готовитъ мнѣ непріятность. Надо было мнѣ взять сюда съ собой Генриетту и маленькаго Коко. Это лица, всегда мирно меня настраивающія; въ хорошемъ же, спокойномъ расположеніи духа все лучше удается. Великій день сегодня! Что-то онъ принесетъ намъ?..

Экипажъ, наконецъ, подѣхалъ.

Столь ранній часъ прибытія чиновъ въ Версаль былъ назначенъ въ виду желанія министерства въ точности исполнить всѣ церемоніальныя формальности, а также, чтобы имѣть случай подвергнуть чувствительному униженію третье сословіе.

На большой аллеѣ, ведущей къ версальскому замку, была найдена и устроена просторная, великолѣпная зала, гдѣ могли помѣститься двѣнадцать тысячъ депутатовъ Франціи и, сверхъ того, многочисленная аудиторія. Самъ Людовикъ XVI, охотно интересовавшійся постройками и составленіемъ плановъ, усердно занимался устройствомъ и украшеніемъ этой залы.

Подѣхавъ, Мирабо, къ величайшему своему удивленію, увидалъ, что онъ не могъ войти въ залъ тѣмъ самымъ путемъ, которыми входили одновременно съ нимъ прибывшіе господа предста-

вители дворянства и духовенства. Въ то время, какъ для этихъ двухъ сословій былъ открытъ входъ въ главную дверь залы, депутаты общинъ были пропущены сперва черезъ находившуюся позади, въ сараѣ, дверь въ темный, узкій коридоръ, гдѣ, толкая и тѣсня другъ друга, должны были ожидать времени быть впущенными въ залу.

— Весьма достойная приѣмная для депутатовъ націи!—сказалъ Мирабо своему сосѣду, аббату Сіэсу, котораго узналъ, лишь сильно столкнувшись съ нимъ въ темнотѣ.—Правительство желаетъ, чтобы мы хорошенько разбили себѣ головы или вышибли зубы, прежде чѣмъ выступимъ противъ него. На вопросъ: что такое третье сословіе? нашъ Сіэсъ, въ своемъ великолѣпномъ сочиненіи, отвѣтилъ: «все». Министерство же говоритъ намъ сегодня: «третье сословіе есть нѣчто, впускаемое черезъ заднюю дверь въ каретный сараѣ», гдѣ поистинѣ египетская тьма и вѣчный мракъ напоминаютъ ему о его существованіи, и гдѣ оно своей собственной массой такъ себя отдѣлываетъ и изводитъ, что потомъ, при свѣтѣ, ничего не останется отъ него. Но нѣтъ, господа, мы будемъ держать голову твердо, и, выступивъ въ достойномъ и гордомъ боевомъ порядкѣ, посраимъ нашихъ противниковъ!

— А, можетъ быть, съ нами поступаютъ, какъ съ малыми дѣтьми,—сказалъ аббатъ Сіэсъ,—которыхъ сперва запираютъ въ темной комнатѣ, пока не срѣжутъ имъ приготовленные подарки. Отсюда слѣдуетъ, что лучше не допускать никакихъ подарковъ, потому что подаренная свобода—вѣдь это тоже лишь задняя дверь, чрезъ которую впускаютъ въ темную яму. И такъ, я предлагаю, господа, чтобы мы въ залѣ, куда, надѣюсь, насъ все-таки скоро впустятъ, не позволяли ничего срѣзать для насъ, а брали все, что найдемъ для себя подходящимъ. Всякое право должно быть вмѣстѣ съ тѣмъ явной побѣдой надъ безправіемъ, иначе его нѣтъ, и пользоваться имъ нельзя.

— Или же, быть можетъ, милостивые государи, правительство хочетъ играть въ прятки съ третьимъ сословіемъ!—раздался веселый, провозительный голосъ, принадлежавшій молодому адвокату изъ Арраса, по имени Максимиліану Робеспьеру. — Оно думаетъ найти насъ въ жалкомъ углу, куда само насъ запрягало, но это вѣдь не игра, господа. Министерство думаетъ, что оно спрягало мышъ, а когда откроются двери, оно найдетъ вмѣсто мыши льва, или даже, какъ я думаю, тигра съ хорошо отточенными зубами.

— Но оно никакъ не должно найти въ насъ купцовъ, съ которыми можно торговаться и маклерствовать на счетъ народныхъ правъ,—сказалъ Мирабо.—По-моему, здѣсь всего болѣе похоже на вестибюль биржи, гдѣ тѣсняются, ожидая начала дѣлъ ¹⁾. Нынѣ, когда все лишь ажіотажъ и игра на проценты, министерство хочетъ, быть

¹⁾ Mirabeau, Journal des états généraux, № 2.

можетъ, извлечь изъ насъ выгодный заемъ. Однако, каждый новый франкъ, господа, долженъ дорого обойтись правительству. Впередъ должно быть такъ: сколько франковъ въ ихъ кошель, столько правъ въ пользу народа.

Въ такихъ и подобныхъ разговорахъ коротали депутаты время. Прошло, однако, почти два часа, пока они изъ этого мрачнаго, неудобнаго заключенія, по знаку церемоніймейстера, маркиза де-Брезе, были освобождены и впущены въ залу.

Въ первую минуту Мирабо былъ пораженъ блескомъ помѣщенія. Устроенная для приема государственныхъ чиновъ Salle des Menus представляла два ряда іоническихъ колоннъ, придававшихъ большой залъ необыкновенное достоинство и величіе. Свѣтъ въ залу проникалъ сверху черезъ овальный стеклянный потолокъ, затянутый бѣлой тафтой для смягченія солнечныхъ лучей. Этотъ мягкій полусвѣтъ распространялся повсюду одинаково и освѣщаль равно ясно каждый отдѣльный пунктъ обширнаго покоя. Въ глубинѣ залы была великолѣпно разукрашенная эстрада, а на ней, подъ балдахиномъ съ золотой бахромой, тронъ, кресло для королевы и табуреты для принцессы, а также стулья, предназначенные для остальной части королевской фамиліи. Внизу эстрады — скамья для министровъ и статсъ-секретарей. По правую сторону трона находились скамьи для духовенства, по лѣвую—для дворянства, а напротивъ трона возвышались шестьсотъ мѣстъ для депутатовъ третьяго сословія.

Маркизь де-Брезе, съ помощью двухъ церемоніймейстеровъ, указывалъ депутатамъ ихъ мѣста въ порядкѣ выборныхъ округовъ. Когда, среди остальныхъ депутатовъ отъ Креспи, выступилъ герцогъ Орлеанскій, то изъ расположенныхъ амфитеатромъ трибунъ для зрителей раздались оживленные рукоплесканія, поддержанныя и многими депутатами въ ту минуту, когда герцогъ, замѣтивъ шедшаго позади него депутата того же округа изъ духовнаго сана, заставлялъ его пройти впередъ, не уступая, пока шарообразный патеръ дѣйствительно не прошелъ прежде него. Тѣмъ временемъ, стала заполняться и скамья министровъ. Министры появились въ богатыхъ, золотомъ расшитыхъ мундирахъ, и только одинъ изъ нихъ былъ въ простомъ гражданскомъ платьѣ и держался такъ просто, какъ будто здѣсь предстояло какое нибудь правительственное дѣло или салонная беседа, но никакъ не чрезвычайное торжество. Какъ только его узнали, со всѣхъ сторонъ, и среди самого собранія, и на трибунахъ, поднялось радостное движеніе, разразившееся, наконецъ, всеобщими рукоплесканіями. Многозначая улыбка, скользнувшая по серьезному лицу Неккера, дала понять, что онъ зналъ, кому преподносился въ эту минуту вѣнецъ столь большой популярности.

Теперь вошла депутація Прованса, посреди которой возвышался своей прямой, гордой осанкой графъ Мирабо, направляясь къ назначенному для него мѣсту. Нѣсколько рукъ тихо шевельнулось въ

глубинѣ залы, чтобы знаками одобренія привѣтствовать и его, дѣлавшагося уже извѣстнымъ во Франціи и заставлявшаго говорить о себѣ самое необычайное. Мирабо поднялъ было голову радостнѣе и увѣреннѣе. Ему казалось, что всѣ мечты его юности собираются привѣтствовать его. Но, начавъ прислушиваться къ этимъ усиливающимся голосамъ, онъ, молча, содрогнулся, ибо то были не возгласы одобренія, къ нему обращенные, а недоброжелательный шопотъ, поднявшійся сперва съ цѣлью удержать рукоплесканія, но угрожавшій затѣмъ разразиться страшной грозовой тучей надъ головой Мирабо.

Теперь только созналъ Мирабо свою силу. Съ скрещенными руками, съ могуче поднятой головой бросилъ онъ одинъ единственный взглядъ въ ту сторону, откуда, казалось ему, сильнѣе выражалась неприязнь. При внезапно наступившей затѣмъ глубокой тишинѣ, онъ съ властнымъ, почти грознымъ достоинствомъ сѣлъ на предназначенное для него мѣсто ¹⁾.

Вслѣдъ за этимъ, появился король, имѣя за собою королеву, принцевъ и принцессъ. При его появленіи, все собраніе встало и разразилось громкими, восторженными кликами одобренія и радости. И третье сословіе, по сигналу, данному Мирабо, быстро, съ искреннимъ благоговѣніемъ поднялось, однако же продолжало стоять, не преклоняя колѣнъ, какъ это было еще въ послѣдній разъ, при созваніи государственныхъ чиновъ Франціи, его непремѣнною обязанностью. Сдѣлалось это сегодня безъ всякихъ предварительныхъ переговоровъ; все положеніе было таково, что, если бы въ эту минуту третье сословіе упало на колѣни передъ королемъ, это возбудило бы смѣхъ.

Людовикъ XVI явился въ большой королевской горностаевой мантии, на головѣ имѣлъ шляпу изъ перьевъ, съ бантомъ, сверкавшимъ большими брилльантами, застежкой которому служилъ Питтъ ²⁾, съ своимъ далеко сіявшимъ блескомъ. Сначала король былъ тронутъ и обрадованъ сдѣланнымъ ему приемомъ. Улыбка пробѣжала по его взволнованному лицу. Но когда все кругомъ умолкло, стало неподвижно, и король увидаль прямо передъ собой серьезныя, почти строгія лица депутатовъ общинъ, онъ смѣшался и, казалось, даже дрожалъ.

Мирабо замѣтилъ это и, указывая на столь великолѣпно сіявшаго въ коронныхъ брилльантахъ короля, сказалъ голосомъ, едва слышаннымъ даже его сосѣдомъ: «вотъ жертва»! ³⁾.

Сосѣдомъ его былъ Барнавъ, молодой землевладѣлецъ, посланный въ собраніе отъ Дофинэ; въ его манерахъ замѣчалась крайняя

¹⁾ M-me de-Staël, *Considération sur la révolution française*, I, 172. Montigny, VI, 35.

²⁾ Коронный алмазь.

³⁾ «Voilà la victime!». Веберъ (*Mémoires*, I, 335), присутствовавшій на засѣданіи, сообщаетъ объ этомъ выраженіи Мирабо, какъ очевидецъ.

рѣзкость; въ особенности, съ появленіемъ двора, возбужденіе его выразилось въ враждебномъ блескѣ глазъ.

Барнавъ возразилъ:—До сихъ поръ жертвой былъ народъ, но онъ не могъ при этомъ такъ великолѣпно разодѣваться. Жертва въ горностаѣ будетъ, конечно, угоднѣ Богу, чѣмъ жертва въ рабочемъ кафтанѣ! Тѣмъ проще за то одѣта королева. Едва ли когда видѣли ее въ такомъ скромномъ, безъ всякаго украшенія нарядѣ. Но и она должна будетъ украситься, графъ Мирабо, когда наступитъ день коронованной жертвы. Смотрите, Марія-Антуанетта блѣдна, какъ смерть, она дрожитъ!

— Въ этомъ скромномъ, простомъ нарядѣ она прекраснѣе, чѣмъ когда либо! — сказалъ ему тихо Мирабо, погружаясь въ созерцаніе королевы, сидѣвшей на креслѣ рядомъ съ трономъ, и оттого ниже короля.

Король, снявъ шляпу съ перьями, началъ свою твердо заученную, для открытія собранія государственныхъ чиновъ, рѣчь. Голосъ его звучалъ громче и чище, чѣмъ обыкновенно, когда онъ бывалъ взволнованъ. Простая безыскусственная манера короля, и теперь его не покинувшая, должна была бы склонить всякаго непредубѣжденнаго слушателя въ свою пользу. Однако же собраніе казалось скорѣе раздраженнымъ, чѣмъ успокоеннымъ, когда главнымъ пунктомъ своей рѣчи король тотчасъ же сдѣлалъ государственный долгъ и финансовый вопросъ и, казалось, ни на что иное, какъ на заживленіе этихъ открытыхъ финансовыхъ ранъ государства не требовалъ содѣйствія народныхъ представителей. При этомъ онъ назвалъ себя первымъ другомъ своего народа и говорилъ о своей великой любви къ Франціи.

Окончивъ рѣчь, вслѣдъ которой раздались продолжительныя непрерывавшіяся рукоплесканія, король вновь покрылъ голову и опустился на тронъ. Въ ту же минуту и всѣ находившіеся въ собраніи господа дворяне надѣли шляпы. Немедленно и Мирабо надѣлъ свою. Примѣру его послѣдовали нѣкоторые изъ его сосѣдей; съ другой же стороны противились этому. Вскорѣ поднялся шумъ и споръ; крики «надѣньте шляпы! снимите шляпы!» пронеслись въ рядахъ третьяго сословія. Едва чуткое ухо короля уловило эти враждебно перебрасывающіяся восклицанія, какъ онъ немедленно самъ снялъ шляпу, и тогда примѣру его послѣдовало все собраніе ¹⁾.

— Эта рѣчь короля, — сказалъ Мирабо, обращаясь къ своему сосѣду съ правой стороны, аббату Сіэсу, — ласкала мой слухъ, какъ любовное стихотвореніе элегическаго поэта. Несомнѣнно, что король любитъ народъ, какъ только женихъ любитъ свою невѣсту. Сильно вредить, однако, любовному стихотворенію, когда влюбленный тутъ же рассказываетъ своему предмету, что у него больше долговъ,

¹⁾ Buzeh, Histoire de l'Assemblée constituante, p. 262.

чѣмъ волосъ на головѣ, и что, въ сущности, онъ только спекулируетъ женитьбой на деньги своей возлюбленной. Онъ могъ бы намъ оставить хоть иллюзію, что рѣчь идетъ о свободѣ націи, а не объ однихъ ея карманахъ.

— На то и государственные чины, чтобы дать основу любви короля къ націи,—отвѣтилъ Сіэсъ своимъ серьезнымъ тономъ.—Но вотъ хранитель печати, господинъ де-Барантѣнъ, и господинъ Неккеръ сейчасъ переложатъ намъ любовное стихотвореніе въ сухія цифры.

Послѣ неясно, едва слышнымъ голосомъ произнесенной рѣчи хранителя печати, гдѣ финансы, пошрины и налоги искусно переплетались съ политическими національными реформами и желаніемъ короля основать счастье народа на всеобщей свободѣ, — поднялся Неккеръ для разъясненія положенія финансовъ. Все превратилось въ слухъ при воцарившейся глубочайшей тишинѣ.

Надѣялись услышать провозглашеніе возрожденія Франціи въ общихъ чертахъ и въ точно опредѣленныхъ подробностяхъ. Неккеръ и началъ съ достоинствомъ и выравительностью. Но какъ же удивило всѣхъ, когда, вмѣсто ожидаемыхъ смѣлыхъ и обширныхъ идей, защелкали сухія, видимо искусственно освѣщаемыя цифры и вычисления. Весь дефицитъ Франціи былъ низведенъ министромъ до ничтожной цифры. Понадобится лишь незначительная помощь, чтобы въ короткое время привести финансы Франціи къ равновѣсію. При этомъ Неккеръ намекалъ, почти говорилъ, что необходимости въ созваніи государственныхъ чиновъ не было; произошло же оно лишь по доброй волѣ монарха. Онъ надѣялся, что хотя выборы и состоялись по сословіямъ, но что, конечно, сословія соединятся для совмѣстнаго обсужденія вопросовъ, и въ этомъ онъ полагался на тактъ и даже великодушіе двухъ высшихъ сословій. О конституціи, о правахъ народа—ни слова!

Послѣ двухчасовой рѣчи Неккера собраніе стало расходиться. Всѣ были возбуждены и недовольны. Мирабо, внезапно охваченный грустью, избѣгая встрѣчи съ знакомыми, спѣшилъ къ выходу и къ своему экипажу. Тотчасъ, однако, былъ окруженъ нѣсколькими друзьями, которыхъ давно не видѣлъ и которые, казалось, ожидали его появленія.

— Здравствуй, Этьеннъ Клавьеръ! — сказалъ Мирабо. — Здравствуйте, Дюмонъ и Дюровере! Я уже примѣтилъ въ залѣ засѣданій трехъ неразлучныхъ друзей женевцевъ. Скажите, однако, чего вы всѣ смѣетесь, глядя на меня? Я ли смѣшонъ, или это открытіе нашего собранія вызываетъ вашъ смѣхъ? Быть можетъ, вамъ забавно, что, при моемъ появленіи, я чуть не былъ вновь выброшенъ изъ залы? Вы вѣдь замѣтили, что вначалѣ меня освистали?

— Это тоже, конечно, прибавило комизма этому жалкому собранію,—сказалъ Клавьеръ, не переставая смѣяться.— Однако, скажи,

Мирабо, чѣмъ пахнетъ для тебя монархія теперь, когда ты сталъ государственнымъ чиномъ его наихристіаннѣйшаго величества короля Франціи?

— Ты знаешь, Клавьеръ, — отвѣчалъ Мирабо совершенно спокойно, — что со времени начавшагося во Франціи движенія дороги наши нѣсколько разошлись! Ты направляешь твой страшный корабль на встрѣчу республикѣ и хочешь вызвать бурную ночь, я же поклоняюсь звѣздѣ свободной монархіи. Твоя туча и моя звѣзда не могутъ и не должны никогда соприкасаться. Тѣмъ не менѣе я люблю тебя и остальныхъ женецевъ и желалъ бы никогда не утратить дружбы вашей. Вотъ и съ Шамфоромъ у меня то же самое. Онъ хотя и не женевецъ, однако нѣсколько недѣль уже такъ страшно возбужденъ, что прихлебываетъ одно лишь огненное сатанинское вино республики; мой же монархическій принципъ, рядомъ съ этимъ, все равно, что невинная сыворотка. Дѣти мои, мнѣ такъ бы хотѣлось, подобно гладиатору, сразиться съ вами, чтобы измѣнить ваши мнѣнія.

Друзья предложили Мирабо предпринять прогулку въ Трианонъ, такъ какъ время обѣда еще не наступило. Тамъ, въ уединенномъ прекрасномъ паркѣ, можно будетъ откровенно побесѣдовать.

Прелестный майскій день, свѣжій и ясный, поддержалъ это приглашеніе, и Мирабо отослалъ свой экипажъ въ отель Шаро, гдѣ жили женеццы, и гдѣ онъ хотѣлъ потомъ вмѣстѣ съ ними обѣдать.

II.

Прогулка въ Трианонъ.

Дорога въ Трианонъ шла черезъ тѣнистый, почти темный, версальскій паркъ, аллеи котораго были сегодня оживлены многочисленными гуляющими.

Друзья наши быстро дошли до конца версальскаго парка и увидѣли въ нѣкоторомъ разстояніи передъ собой прекрасный замокъ, Большой Трианонъ, съ колоннадой изъ зеленого и краснаго мрамора, построенный когда-то Людовикомъ XIV для госпожи де-Ментенонъ.

Всѣ замѣтили, что Мирабо печаленъ и серьезенъ, что рѣдко бывало съ нимъ.

— Ждемъ вашихъ признаній, графъ Мирабо, — сказалъ Дюмонъ, дружески положивъ ему руку на плечо. — Мнѣ кажется, что вы вполне нашего мнѣнія, что въ собраніи нѣтъ хорошихъ элементовъ, такъ что даже вашему могучему гению трудно будетъ въ такомъ обществѣ пустить корни.

— Вы такъ думаете, потому что, при моемъ появленіи, они осматривали меня? — спросилъ Мирабо съ выраженіемъ гнѣва и страданія

на лицѣ.—Но вѣдь это могло исходить лишь отъ нѣсколькихъ негодяевъ, боящихся моей силы, а потому старающихся теперь же расшатать почву у меня подъ ногами. Но я не боюсь. При первомъ словѣ, съ которымъ я выступлю, я заставлю ихъ идти по моимъ слѣдамъ. Въ собраніи, однако, господствуетъ зависть и ревность ко всему, что способно отличиться и выдвинуться, вотъ что печалитъ и смущаетъ меня. Остракизмъ противъ таланта шикалъ мнѣ сегодня. Враги мои находятъ предосудительнымъ мое прошлое. Мою борьбу съ отцомъ за честь и свободу, похищеніе нѣсколькихъ женщинъ, многочисленные долги, заключеніе во всевозможныхъ тюрьмахъ Франціи, кое-гдѣ скандалы, какіе случается имѣть въ жизни,—вотъ чѣмъ они оправдываютъ свою ко мнѣ ненависть. Но развѣ они сами нравственнѣе меня? Они хотѣли бы удалить меня изъ собранія, въ которое сами вступили противъ воли и которому ни своимъ именемъ, ни своими нравами чести сдѣлать не могутъ. Моя же честь связана съ народною честью. Имъ хотѣлось бы даже напасть на мои выборы въ Э и въ Марсели, представивъ ихъ недѣйствительными, потому что я будто бы позволилъ себѣ искусственное давленіе на тамошнихъ жителей. О глупцы, они такъ зачерствѣли въ своемъ старомъ, привилегированномъ эгоизмѣ, что не могутъ понять, что можно быть преданнымъ народу ради народа!

Слова эти были имъ произнесены глубоко взволнованнымъ и печальнымъ голосомъ. Когда съ искреннимъ участіемъ друзья окружили его, то замѣтили слезы у него въ глазахъ ¹⁾.

— Не понимаю, какъ можетъ васъ это поражать и трогать, Мирабо, — началъ Дюмонъ простымъ, сердечнымъ тономъ. — Кто, подобно вамъ, невзирая ни на что, выступилъ гениемъ свободы, и, гдѣ только считалъ это нужнымъ или удобнымъ, оскорблялъ весь міръ, какъ можетъ тотъ разсчитывать на предупредительность со стороны своихъ явныхъ враговъ? Не думаете ли вы, что «Газета государственныхъ чиновъ», издаваемая теперь вами и гдѣ вы такъ рѣзко критикуете настоящее собраніе и всѣхъ его членовъ, способна привлечь къ вамъ сердца господъ дворянъ? Нѣтъ, Мирабо, будьте злы и горды, но не слабы и раздражительны. Имѣйте терпѣніе! Всѣ эти полу-таланты и полу-нравственности, возстающіе теперь еще противъ васъ въ этомъ пестромъ собраніи, будутъ въ тѣни и во прахѣ ползать передъ вами, какъ только, подобно исполлинскимъ крыльямъ допотопной птицы, вы распространите надъ собраніемъ всю силу вашего таланта. Но помните, что возвыситься и принять свой надлежащій полетъ вы можете только черезъ это самое собраніе. Мирабо стоитъ теперь на величайшей мировой сценѣ, въ его уста вложено слово, которое сдѣлаетъ его господиномъ положенія, но нужно, чтобы онъ всталъ на должное мѣсто и былъ

¹⁾ Dumont, Souvenirs sur Mirabeau, p. 48.

видимъ въ настоящемъ свѣтѣ. Прежде всего, не слѣшите выступать съ рѣчью въ собраніи, а подождите особаго, важнаго случая, гдѣ только вы сумѣете сказать и увлечь всѣхъ своимъ талантомъ и рѣшительнымъ словомъ. Смягчите также тонъ вашей газеты о собраніи и о депутатахъ. Это совѣтуютъ вамъ женевскіе республиканцы. Поступая такъ, вы будете работать для всѣхъ насъ, Мирабо, и да наградитъ Господь вашу бессмертную голову¹⁾!

— Превосходно, превосходно! — воскликнулъ Клавьеръ въ то время, когда Мирабо и Дюмонъ бросились въ объятія другъ друга, сердечно закрѣпляя свое соглашеніе.

Повеселѣвшій и успокоенный Мирабо освободился изъ объятій Дюмона и сказалъ: — Быть можетъ, я обладаю весьма немногими добродѣтелями, но въ томъ, что я имѣю сердце, созданное для дружбы, никто мнѣ не откажетъ. Ваши слова, Дюмонъ, проникли въ меня, какъ живительная утренняя роса, и вы можете быть увѣрены, что сѣмя взойдетъ, какъ вы того желаете. Я люблю васъ и потому слушаю васъ.

— Куда мы направимся, въ Большой Трианонъ или въ Малый Трианонъ? — спросилъ Клавьеръ, когда они остановились на мѣстѣ, откуда были видны оба знаменитые замка, въ недалекомъ разстояніи одинъ отъ другого.

— Кажется, цѣлью нашей прогулки былъ Малый Трианонъ, — сказалъ Мирабо, быстро направляя свои шаги къ очаровательному павильону, куда товарищи послѣдовали за нимъ.

— Ахъ, — сказалъ Клавьеръ съ усмѣшкой, — нашъ другъ желаетъ затеряться въ идилическомъ мѣстопробываніи прелестной королевы. Да, Мирабо, мы замѣтили, какъ сегодня во время засѣданія глаза ваши были обращены только на королеву, сидѣвшую какъ разъ передъ вами, точно блѣдная Магдалина, подъ золотымъ балдахиномъ. Что выйдетъ изъ этого, другъ мой? Если вы серьезно влюбитесь въ королеву, то революція можетъ просвистать вамъ во слѣдъ, потому что тогда Мирабо окажется Ринальдо въ очарованномъ саду Армиды.

— Очарованный садъ Армиды, — сказалъ Мирабо, съ улыбкой указывая на Малый Трианонъ, — есть прекрасный англійскій садъ, разбитый по собственному плану Маріи-Антуанетты, не имѣющей въ себѣ ничего романтическаго. Я уже замѣтилъ, что вы, женевцы, сильно предубѣждены противъ Маріи-Антуанетты и стараетесь дѣйствовать всюду противъ нея. Не можетъ быть, чтобы вашимъ политическимъ лозунгомъ было произвести первое нападеніе на прекраснѣйшую въ мірѣ женщину²⁾.

— Мирабо, Мирабо, — возразилъ Клавьеръ, грозя ему пальцемъ, —

1) Dumont, Souvenirs, p. 49.

2) Soulvie, VI, 17.

видно, что очарованный арמידинъ садъ, хотя и въ англійскомъ стилѣ, оболстилъ тебя! Ты вдругъ удивляешься сегодня, почему мы стараемся возбуждать умы преимущественно противъ королевы? Красивая женщина есть собственно самое уязвимое мѣсто монархіи. Нападать же на крѣпость нужно всегда тамъ, гдѣ ее легче взять. Марія-Антуанетта, вставъ передъ трономъ Франціи, дразнить народъ. Все, что въ нее попадетъ, пошатнетъ и престолъ; не можетъ быть иначе. Неужели дѣйствительно королева кажется тебѣ столь прекрасной? Прекрасенъ у нея лишь цвѣтъ лица, но равнѣ можно влюбиться въ цвѣтъ лица?

— Ты, по обыкновенію, злой насмѣшникъ, Клавьеръ, — возразилъ Мирабо съ видимымъ неудовольствіемъ. — Вашимъ республиканизмомъ вы хотѣли бы увѣрить меня, что не можете признавать красоты тамъ, гдѣ она есть. Оставьте! если вы позволяете англійскому правительству платить вамъ жалованье за то, чтобы выступать въ походъ противъ женской красоты, то пути наши могутъ легко разойтись ¹⁾!

— Мирабо и вправду сердить! — засмѣялся Клавьеръ, обращаясь къ Дюмону и Дюроверэ, а тѣ, обнимая Мирабо, старались дружескими шутками вновь его задобрить.

Они направились теперь къ замку. Мирабо предложилъ войти въ садъ, входъ въ который, по случаю обѣда королевы въ Версали, былъ сегодня открытъ для публики.

Въ аллеяхъ сада Мирабо встрѣтилъ многихъ депутатовъ, въ томъ числѣ представителей третьяго сословія, виноторговца изъ Бордо, Бернара Валентена, и земледѣльца Шуази изъ Шалона на Марнѣ, пришедшихъ сюда подъ впечатлѣніемъ самыхъ невѣроятныхъ исторій о дворѣ, королевской семьѣ и тайнахъ версальскаго и трианонскаго замковъ, рассказанныхъ имъ хозяевами помѣщениій, гдѣ они остановились въ Версали.

— Гдѣ тутъ могутъ быть, графъ Мирабо, эти скандальныя *re-tits appartements*, — спрашивалъ Бернаръ Валентенъ, — гдѣ, говорятъ, сохранились до сихъ поръ слѣды оргій Людовика XV?

— А королева Марія-Антуанетта дѣйствительно ли продѣлываетъ здѣсь, въ Трианонѣ, такія ужасныя вещи, графъ Мирабо? — допытывался земледѣлецъ Шуази. — Говорятъ, что она спитъ на кровати Дюбарри, любовницы Людовика XV, а ужъ это для королевы совсѣмъ неприлично ²⁾.

— А правда ли, — началъ опять Бернаръ Валентенъ, — что въ то время, какъ король идетъ спать въ 11 часовъ, она остается здѣсь

¹⁾ Весьма распространеннымъ мнѣніемъ было то, что Клавьеръ, Дюмонъ и Дюроверэ, въ качествѣ англійскихъ агентовъ, оплачивались крупными суммами съ тѣмъ, чтобы они помогали низверженію трона Франціи и такимъ образомъ отомстили ей за принятое въ американской войнѣ участіе.

²⁾ М-ше Сампан, I, 110.

на террасѣ и возится со всякими людьми, въ послѣднее время съ какимъ-то приказчикомъ изъ магазина. Правда ли это, графъ Мирабо?

— Правда ли, графъ Мирабо, — спрашивалъ опять другой, — что королева ведетъ страшно расточительную жизнь, и что даже при ночныхъ рубашкахъ у нея брильянтова запонка, цѣны не имѣющія? Удивительно ли послѣ этого, что съ финансами Франціи такъ плохо?

— Правда ли, графъ Мирабо, — говорилъ бордоскій виноторговецъ, — что Трианонъ называется теперь также малой Вѣной или малымъ Шенбруномъ, и что въ одномъ изъ погребовъ замка устроена тайная австрійская канцелярія, гдѣ работаютъ на то, чтобы въ одинъ прекрасный день продать Францію цѣликомъ Габсбургскому дому?

Клавьеръ и его оба друга потирали себѣ руки отъ удовольствія, а Мирабо серьезно и неодобрительно качалъ головой, затѣмъ, обращаясь къ обоимъ господамъ, сказалъ:

— Любезные коллеги! То, что версальскіе квартирные хозяева рассказываютъ, слѣдуетъ остерегаться переносить въ политику. Мой хозяинъ, напримѣръ, весьма почтенный красильщикъ въ Версали, увѣрялъ меня, что нашъ добрый король пьяница и потребляетъ ежедневно невѣроятное количество вина¹⁾. А между тѣмъ всѣмъ извѣстно, что король самый воздержный человекъ во всей монархіи. Если бы вы только такого рода свѣдѣнія имѣли въ вашей торговлѣ въ Бордо, Бернаръ Валентенъ, то пришлось бы вамъ закрыть лавочку. Столь же справедливы и всѣ подозрѣнія противъ королевы. Развѣ этотъ прекрасный, невинный Трианонъ, съ тѣхъ поръ какъ Марія-Антуанетта обитаетъ въ немъ, похожъ на мѣсто египетскихъ тайнъ и вакханалій? Этотъ очаровательный англійскій садъ, открытый и прозрачный, какъ прекрасная душа, устроенъ по ея вкусу. Здѣсь гуляетъ она совсѣмъ просто, сіяя одною лишь красотою своей материнской любви, когда водить за руку дѣтей, или съ работой въ рукахъ, какъ ваши жены, сидитъ на дерновой скамьѣ. Здѣсь, удаляясь отъ шумной и разсѣянной версальской жизни, живетъ королева, вмѣстѣ съ королемъ, тихо и скромно, распространяя кругомъ помощь и милосердіе. Да, Марія-Антуанетта — настоящая, прекрасная женщина, и когда мы исправимъ тронъ Франціи, въ чемъ, главнымъ образомъ, состоитъ задача нашего собранія, тогда и королеву мы увидимъ на тронѣ въ ея истинномъ блескѣ!

Оба депутата, удовлетворенные, пожали руку графу Мирабо, поблагодаривъ его за свѣдѣнія, и продолжали свою прогулку.

Мирабо, замѣтивъ еще новую группу депутатовъ третьяго сословія, предложилъ своимъ друзьямъ повернуть назадъ, полагая, что и время обѣда въ отелѣ Шаро уже настало.

— Ты отлично спровадилъ твоихъ коллегъ изъ національнаго

¹⁾ М-ме Сампан, II, 4.

собранія, Мирабо,—сказалъ Клавьеръ, когда они повернули въ ближайшую по направленію къ Версали аллею.—Но что станетъ съ Людовикомъ XVI, когда, современемъ, ты вдохнешь свою восторженную любовь къ королевѣ всѣмъ депутатамъ третьяго сословія? Что, если, мучимый ревностью, онъ пожалѣетъ о созваніи депутатовъ этого сословія въ двойномъ числѣ и, вмѣсто того, чтобы добровольно дать конституцію или доскутъ англійской хартіи, какъ вамъ самимъ, влюбленнымъ, хотѣлось бы, пошлетъ васъ всѣхъ къ чорту!

— Слушай, Клавьеръ! — съ серьезнымъ видомъ произнесъ Мирабо.—Я никогда не забуду тѣхъ великихъ заслугъ, которыя ты и друзья твои приобрѣли при возникновеніи настоящаго движенія во Франціи. Колыбелью его всегда должно будетъ признать твое помѣстье въ Сюренинѣ, гдѣ мы прожили столь знаменательные часы. Двойное представительство третьяго сословія, выборы, голосованіе по членамъ собранія, а не по сословіямъ, уничтоженіе привилегій, все это на твоей виллѣ, въ Сюренинѣ, было обсуждено и оттуда брошено въ народъ и въ правящіе круги ¹⁾). Комитеты, собиравшіеся у Клавьера и благороднаго герцога Ларошфуко, въ тиши и тайнѣ, сдѣлали такъ много, что неблагодарною будетъ исторія, если она однажды не занесетъ этого на свои скрижали. Незабвенными будутъ наши собранія у тебя еще и потому, что тамъ я въ послѣдній разъ, передъ его смертью, видѣлъ нашего незабвеннаго же Гольбаха ²⁾). И неужели, въ концѣ концовъ, я отстранюсь отъ тебя, Клавьеръ? Условимся лучше теперь же, что мы останемся друзьями, хотя пришлось бы намъ однажды привѣтствовать другъ друга изъ различныхъ странъ свѣта. Похоже на то, Клавьеръ! Я долженъ остаться вѣренъ своей собственной задачѣ, самостоятельно и неизмѣнно себѣ начертанной. Я хочу имѣть демократію, но въ предѣлахъ монархіи! Боюсь, милые женевцы, что это скоро разлучитъ насъ. Я тоже буду свирѣпъ, вѣрьте мнѣ, и когда осѣдлаю національное собраніе, какъ послушную лошадь, то поѣду на немъ, какъ на крылатомъ конѣ революціи. Но я уже знаю, куда поѣду и куда долженъ приѣхать. Вы же не знаете этого. Вотъ въ чемъ различіе между нами. Но подадимъ себѣ руки, несмотря на это различіе.

Друзья тѣснѣе окружили его, шутя и смѣясь.

— Вотъ это человѣкъ! — сказалъ Клавьеръ.—По одному его сложенію судьба уже сдѣлала его геркулесомъ революціи. Каждое его дыханіе—пламя, которое можетъ зажечь весь міръ. На своихъ широкихъ плечахъ можетъ онъ снести цѣлое государство, лишь бы только взвалилъ его на нихъ. Мирабо, безъ тебя мы не ступимъ ни шагу впередъ, но прицѣпимся къ твоимъ несокрушимымъ пятамъ, и будь, что будетъ!

¹⁾ Dumont, Souvenirs p. 32.

²⁾ Гольбахъ умеръ 21-го января 1789 г.

Такъ разговаривая, друзья скоро достигли Версаля. Подойдя къ отелю Шаро, Мирабо увидѣлъ стоявшій у крыльца дорожный экипажъ, изъ котораго, въ ту же минуту, вышла высокая, стройная дама и, сопровождаемая камеристкой и лакеемъ, направилась къ дому.

Мирабо тотчасъ же, съ изумленіемъ и испугомъ, не видя даже лица, а лишь по фигурѣ и походкѣ, узналъ свою жену.

Послѣ минутнаго колебанія, онъ, видимо, принялъ рѣшеніе. Онъ вспомнилъ, что сестра его, госпожа де-Сальянъ, письменно надняхъ предупредила его о пріѣздѣ графини Мирабо въ Версаль съ тѣмъ, чтобы, несмотря ни на что, броситься въ его объятія. Если бы, однако, примиреніе не могло состояться, то она хотѣла слѣдить и восхищаться той великой ролью, которую Мирабо готовился играть на открывшейся нынѣ сценѣ.

Подъ предлогомъ, что онъ чуть было не забылъ о данномъ своему хозяину словѣ обѣдать сегодня у него, и что послѣдній зарѣзалъ, кажется, цѣлаго быка, чтобы достойно угостить его и нѣсколько другихъ провинціальныхъ депутатовъ, Мирабо простился съ своими друзьями, пожелавъ имъ хорошаго аппетита въ отелѣ Шаро, и съ поспѣшностью, похожею на бѣгство, удалился.

III.

Маркизь Викторъ Рикетти де-Мирабо.

Въ нѣсколькихъ миляхъ разстоянія отъ Парижа лежитъ прелестный Аржантейль съ своими очаровательными виллами, составляющими лѣтомъ излюбленное мѣстопребываніе парижанъ и даже знатныхъ иностранцевъ.

Въ одной изъ этихъ виллъ поселился недавно, теперь уже престарѣлый, маркизь де-Мирабо, вызванный послѣдними событіями дня изъ уединенія своихъ помѣстій, гдѣ, съ давнихъ поръ, пребывалъ почти исключительно. Удрученный старостью и болѣзнями, онъ не рѣшился поселиться въ самой столицѣ, гдѣ, съ открытіемъ собранія государственныхъ чиновъ, грозныя волненія усиливались съ каждымъ днемъ.

Въ мирной же аржантейльской виллѣ, расположенной на холмѣ, близъ большой дороги въ Парижъ, онъ могъ безъ замедленія, непосредственно получать изъ столицы извѣстія и газеты и, вмѣстѣ съ тѣмъ, среди спокойной тихой жизни беречь свое сильно расшатанное здоровье.

Маркизь сидѣлъ у открытаго окна, глядя вдаль по парижской дорогѣ, что было его любимымъ времяпрепровожденіемъ. Часто устремлялся при этомъ взоръ его по направленію къ Парижу съ безпокойствомъ и какъ бы страстнымъ желаніемъ. То не было только

ожиданіе разносчика газетъ и летучихъ листовъ изъ полной событіями, волнующей столицы, потому что, и по прочтеніи ему прекрасною внучкой, маркизой д'Арагонъ, всѣхъ новостей, маркизъ продолжалъ высматривать изъ окна, какъ бы ожидая увидѣть на большой дорогѣ кого-то, имени котораго, однако, никогда не называлъ.

Молодая Елена д'Арагонъ, старшая дочь маркизы де-Сальянъ, была издавна любимицей стараго маркиза Мирабо, убѣдившаго ее, послѣ преждевременной смерти мужа, маркиза д'Арагонъ, съ которымъ она была обвѣнчана шестнадцати лѣтъ, поселиться у него хозяйкой дома. Сдѣлалось это вопреки желанію госпожи Пальи, царствовавшей въ домѣ со времени враждебной разлуки маркиза съ своей супругой, чему бывшая красота и сильная страсть госпожи Пальи были единственной причиной. Однако, дѣтская кротость и прелесть маркизы д'Арагонъ побѣдили ревность старѣющей дамы, и обѣ женщины раздѣлили между собою заботы и попеченія о маркизѣ Мирабо.

На долю госпожи Пальи выпало ухаживаніе за его болѣзнями, въ чемъ онъ такъ сильно нуждался. Семидесяти двухъ лѣтъ, жестоко страдая подагрой, а съ нѣкоторыхъ поръ и катарромъ легкихъ, маркизъ Мирабо утратилъ свою гордую, величественную когда-то осанку, превращаясь все болѣе въ дряхлаго старика. Но его блѣдное, строгое лицо, выразительныя черты котораго обнаруживали неутомимаго мыслителя и писателя, сохранили еще слѣды красоты, отличавшей маркиза въ его зрѣломъ возрастѣ.

Прелестная же, веселая Елена должна была раздѣлять умственные занятія дѣда. Обмѣниваясь съ нимъ мыслями и взглядами о событіяхъ дня, она, сидя возлѣ его кресла на маленькомъ табуретѣ, прочитывала ему газеты и дѣлала часто здравыя, удачныя замѣчанія, обращая его вниманіе на особенно выдающіяся мѣста.

Повѣряя своей внучкѣ все, что у него было на сердцѣ, онъ, однако, упорно молчалъ о той особѣ, которую надѣялся увидѣть на дорогѣ изъ Парижа въ Аржантейль, куда съ нѣкоторыхъ поръ, какъ замѣтила проницательная Елена, постоянно направлялъ свой взоръ.

— Все нѣтъ еще его, дѣдушка? — спросила сегодня Елена по прочтеніи важнѣйшихъ статей въ парижскихъ газетахъ, которыя бросила на стоявшій среди комнаты столъ.

— Кого же мы ожидаемъ, дитя мое? — спросилъ графъ испуганно, переставъ смотрѣть въ окно, въ которое высунулся было болѣе обыкновеннаго.

— Я думаю о той минутѣ, когда наступитъ, наконецъ, развязка между двумя партіями въ Парижѣ, — отвѣчала Елена. — Мы оба такъ заинтересованы національнымъ собраніемъ. У васъ тамъ засѣдаютъ двое сыновей, а у меня, значить, двое дядей. Женщины понимаютъ вѣдь все лично, а потому и для меня аристократическая партія не что иное, какъ дядя Бонифасъ, а національная партія, какъ

приходится теперь называть ее,—дядя Габріель. Конечно, все ваше сердце на сторонѣ партіи Бонифаса, и ожидаете вы виконта Мирабо, каждый день надѣясь увидѣть его ѣдущимъ верхомъ по большой дорогѣ. Много недѣль уже прошло, какъ не было его здѣсь, добраго виконта!

— Нѣтъ, виконта я не жду, — возразилъ съ внезапною горячностью маркизъ Мирабо. — Ты вѣдь знаешь, надняхъ онъ прислалъ мнѣ рѣчь, которую намѣревался произнести въ національномъ собраніи. Я отослалъ ему ее, сдѣлавъ на ней помѣтку, которая, вѣроятно, раздосадовала пустого малаго, потому что съ тѣхъ поръ его не было видно въ Аржантейлѣ. Въ этой рѣчи—онъ хотѣлъ говорить противъ соединенія трехъ сословій въ одномъ собраніи — заключались большія глупости, въ наши дни не подобающія болѣе мыслящему аристократу.

— Да, я помню, помѣтка ваша, дѣдушка, была не слишкомъ милостива!—воскликнула Елена, весело смѣясь. — Вы написали: «Когда кто имѣетъ между государственными чинами такого брата, какъ ты, а самъ то, что ты, то онъ даетъ говорить брату, самъ же молчитъ»¹⁾.

— Неужели я такъ написалъ, Елена?—спрашивалъ маркизъ съ выраженіемъ нѣкоторой досады на лицѣ. — Ты повторяешь мнѣ эти слова съ особымъ удареніемъ, какъ будто бы я вдругъ возымѣлъ пристрастіе къ моему старшему сыну, графу Габріелю Мирабо. Но это вовсе не такъ, хотя я, конечно, всегда отдаю ему должное. Да и всегда я былъ справедливъ къ нему, хотя въ прежнее время приходилось мнѣ жестокою рукою проводить эту справедливость.

— О, нѣтъ, дѣдушка, — возразила Елена съ смѣлою увѣренностью, что ей все позволено. — По всему, что говорилось у насъ въ семьѣ и во всей Франціи, ты былъ всегда въ высшей степени несправедливъ къ твоему сыну Габріелю. Мнѣ, къ сожалѣнію, было только шесть лѣтъ, когда ты впервые заключилъ его въ замокъ Ифъ, иначе, я тогда же научила бы тебя, какъ слѣдуетъ обращаться съ такимъ необыкновеннымъ сыномъ, такимъ блестящимъ и великимъ гениемъ, если только не хочешь прослыть жестокосердымъ отцомъ или настоящимъ семейнымъ Аттилой.

Маркизъ содрогнулся при этихъ словахъ, но не гнѣвъ отразился на лицѣ его, а мягкое, полное грусти выраженіе. Нѣсколько минутъ просидѣлъ онъ напротивъ своей внучки молча, въ глубокой задумчивости, но затѣмъ взоръ его вновь обратился на большую дорогу, оживляясь радостнымъ ожиданіемъ при видѣ подымавшейся отъ приближающагося всадника пыли.

— Это не онъ! — воскликнула Елена полусмущая, полупечально, также высовываясь въ окно.

— Кто же это опять долженъ быть? — спросилъ маркизъ, волнуясь.

¹⁾ Montigny, VIII, 85.

— Не знаю, дѣдушка,—съ притворнымъ равнодушіемъ отвѣчала Елена, стоя за его кресломъ и положивъ ему руки на плечи.—Но если я осмѣлилась назвать маркиза Мирабо жестокосердымъ отцомъ, то это касалось лишь прошлаго времени. Теперь же весь міръ разрываетъ съ прошлымъ, какъ мы ежедневно читаемъ въ газетахъ и какъ раздается каждый день на трибунахъ. Вотъ и на твоемъ челѣ воссіялъ новый лучъ для того, кого, казалось, ты никогда не любишь, но кто такъ этого заслуживалъ. Повволь же мнѣ облобызать это новое сіяніе на челѣ твоемъ!—И, съ этими словами, она нагнулась къ старцу съ долгимъ сердечнымъ поцѣлуемъ, видимо, съ радостью принятымъ имъ.

— Да, ты долженъ любить его, и ты его любишь!—торжествуя продолжала Елена.—Ты не можешь уже отрицать того, что мнѣ давно хотѣлось слышать отъ тебя, а потому скажу тебѣ ясно, кого ты ждешь, сидя съ такимъ страстнымъ ожиданіемъ у своего окна. Графа Оморэ-Габріеля Рикетти де-Мирабо, вотъ кого ежедневно надѣешься ты увидѣть, потому что ты увѣренъ, что онъ долженъ прійти, наконецъ, и припасть къ твоему сердцу. Ты его такъ сильно любишь теперь, что не можешь понять, почему онъ не хочетъ прійти къ тебѣ.

— А почему же онъ не хочетъ?—печальнымъ голосомъ спросилъ маркизъ.—Пипеть мнѣ иногда, но избѣгаетъ видѣться со мною.

— Онъ придетъ!—воскликнула Елена, улыбаясь и съ увѣренностью. Подойдя вновь къ окну, она смотрѣла долго вдаль, по большой дорогѣ. Затѣмъ вдругъ, обратясь къ маркизу, сказала:

— Тамъ, внизу, по дорогѣ поднялась пыль, какъ бы отъ скачущаго всадника. Неужели это графъ Мирабо?

Скоро сталъ слышаться все ближе спѣшный стукъ лошадиныхъ копытъ.—Онъ это!—воскликнула Елена, всплеснувъ руками. Старый маркизъ захлопнулъ окно, какъ бы желая еще минуту отсрочки, чтобы приготовиться къ этой встрѣчѣ съ сыномъ, съ которымъ такъ долго не стоялъ лицомъ къ лицу.

Всадникъ же прискакалъ во дворъ и черезъ нѣсколько минутъ былъ уже наверху. Елена, вся радостная, выбѣжала ему на встрѣчу и взяла его за руку, чтобы вести къ оставшемуся въ своемъ креслѣ, пораженному и дрожащему отъ волненія маркизу.

— Ты вѣдь не очень боленъ, отецъ мой?—воскликнулъ Мирабо, сильно взволнованный и бросааясь съ объятіями къ отцу.

Маркизъ быстро поднялся съ мѣста и смотрѣлъ на сына неизъяснимымъ взглядомъ, вызвавшимъ слезы на глазахъ послѣдняго. Самыя необыкновенныя чувства волновали Мирабо при видѣ передъ собой высокой, все еще прекрасной, внушающей благоговѣніе фигуры отца. Бросившись въ его объятія, онъ, въ ту же минуту, почувствовалъ, однако, былую робость и страхъ юныхъ лѣтъ передъ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять рублей** съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40 Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ**, **Харьковѣ**, **Одессѣ** и **Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редація отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ВРГЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

Библиотека "Руниверс"